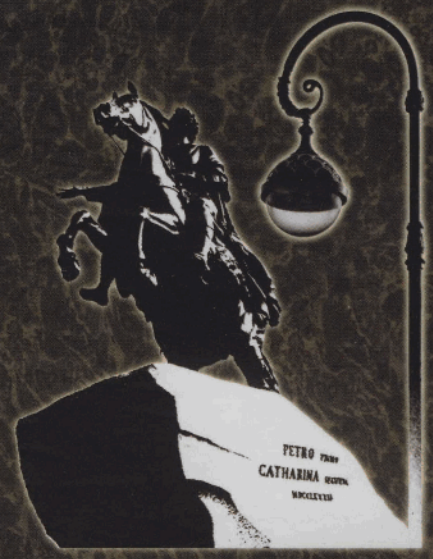
ЛИТЕРАТУРНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ XX век

Том II



ЛИТЕРАТУРНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ XX век

Том II

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

XX век

Энциклопедический словарь

В 3 томах

Том 2

Е–О

Санкт-Петербург
2015

УДК 812.161.1.0
ББК 83.3(2Рус=Рус)
Л64

Л64 **Литературный** Санкт-Петербург. XX век : энциклопедический словарь : в 3 т. — СПб., 2015. — Т. 2. — 2-е изд., испр. и доп. — 768 с.
ISBN 978-5-8465-1388-4
ISBN 978-5-8465-1390-7

УДК 82(092)
ББК 83.3(2Рус=Рус)6я2

Главный редактор и составитель —
О. В. Богданова

Коллектив авторов и редакционная коллегия —
сотрудники
литературных и исторических архивов, издательств, творческих союзов,
литературно-художественных и общественно-политических журналов,
литературных и театральных музеев, научных институтов, государственных библиотек,
высших учебных заведений Санкт-Петербурга и других городов России

ISBN 978-5-8465-1388-4
ISBN 978-5-8465-1390-7

© О. В. Богданова, составление, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Е

ЕВГЕ́НЬЕВ-МАКСИ́МОВ (наст. фамилия Максимов) Владислав Евгеньевич [6(18).9.1883, д. Демидовка Курской губ. — 1.1.1955, Л-д, похоронен на Волковом кладб.] — литературовед.

Вышел из семьи провинциального учителя-семидесятника, сельского учителя-народника, кот. сознательно уехал в деревню преподавать. Семья жила в СПб. с 1892. Закончил одну из лучших частных гимназий СПб., после окончания кот. поступил в СПб. ун-т и окончил курс по историко-филологич. фак-ту. Перв. науч. работа — д-д о Некрасове — была выполнена в студенч. годы (1902). В работе (сохр. ее рукописные тезисы) молодой ученый подчеркивал общ. значение издаваемых Некрасовым ж., рассматривал его роль как «талантливого редактора». Позднее, в **«Записках некрасововеда»**, Е.-М. сформулировал свою позицию еще определеннее: «Всестороннее прояснение облика Некрасова-человека и Некрасова-поэта представлялось мне совершенно невозможным без прояснения облика Некрасова-журналиста» («Записки» частично опубл. под назв. **«Из прошлых лет»** — Звезда. 1941. № 4). Одна из кн., напис. исследователем позднее, назв. — **«Некрасов как человек, журналист и поэт»** (1928). Темой дипломной работы стали **«Лит. дебюты Некрасова»** (1906) — исследование поэтич. деятельности Некрасова, его раннего стих. тв-ва. Работа получила диплом I степ. С интересными замечаниями о работе на заседании студентов-выпускников выступил сокурсник Е.-М. Александр Блок, кот. особенно заинтересовался романтич. мотивами в ранних стихах Некрасова. В дополненном виде дипломная работа Е.-М. под назв. **«Лит. дебюты Н. А. Некрасова»** вышла в свет в 1908. Критика того времени отмечала, что работа Е.-М. «заложила почин объективному научному историко-литературному изучению творчества Некрасова» (А. Фомин. Лит. дебюты поэта народного горя // Известия книжных магазинов тов-ва М. О. Вольф. 1908. № 2), ибо, как показывала работа, Е.-М. делал выводы и приходил к опр. суждениям только после кропотливой работы в архивах и биб-ках, после возможно полного учета матлов и их оценки. Вся последующая науч. деятельность Е.-М. была связана с Некрасовым, изучением его лит.-публ. наследия, ж. «Современник» и «Отеч. записки». Со студенч. лет, чтобы отличаться от др. Максимовых, подобно своему отцу, использовал псевд. — «Евгеньев-Максимов», в традиции образования фамилий от отчества.

После окончания ун-та с авг. 1906 по авг. 1908 преподавал русский яз. в царскосельском реальном училище, вел уроки лит-ры в царскосельской школе Левицкой, был лектором петербургского Народного ун-та. Для своих учеников Е.-М. был не только учителем, но, как писал позднее один из его учеников, человеком «с другого берега», учителем-пропагандистом, кот. пришел напомнить, что «в России были Белинский и Герцен, Некрасов и Салтыков, что шестидесятники недаром мечтали о свободе и первомартовцы погибли не напрасно», «от него веяло конспирацией, нелегальщиной» (Э. Голлербах. Город муз. Л., 1927). С 1908 пользовался репутацией «политически неблагонадежного»: был уволен за организацию лит. вечера, на кот. ученики читали знаменитое некрасовское стих. «Железная дорога» и др. вольнолюбивые стих. поэта. К преподавательской деятельности вернулся только после революции.

В эти годы печатался в ж. «Жизнь для всех», «Русское богатство», «Заветы», «Вестник Европы» и особенно «Голос минувшего»; позже «На лит. посту», «Русская лит-ра» и др. Проявил исключительную настойчивость в поисках и систематизации мат-лов, связанных с изд. «Современника» и «Отеч. записок». Познакомился со мн. людьми, родственники кот. имели отношение к некрасовским ж., в т. ч. с внуком П. А. Плетнева, с сыном б. управляющего конторой «Современника» И. А. Панаевым, с родственником ближайшего сотрудника Некрасова по «Отеч. запискам» Г. З. Елисеевым. Добился разрешения работать в цензурных, писательских и редакц. архивах. Предварительные результаты своей изыскательской работы по «Современнику» обобщил в серии ст., опубл. в различных периодич. изд.: **«Некрасов в роли редактора-издателя „Современника“»** (1913), **«Добрый гений „Современника“»** (1914), **«Дело Каракозова и редакция „Современника“»** (1914), **«Редакция „Современника“ в 1866 году. По воспоминаниям Г. З. и Е. П. Елисеевых»** (1915), **«Практичность Некрасова в освещении цифровых и документальных данных»** (1915), **«Черты редакторской деятельности Н. А. Некрасова в связи с историей его журнала»** (1915), **«Из истории некрасовского „Современника“»** (1916). **«Агония „Современника“»** (1922) и др. На богатейшем фактическом документированном мат-ле показал мн. стороны деятельности Некрасова как руководителя самого «читаемого и почитаемого» русского ж. XIX ст. Опубл. ранее неизвестные документы, в т. ч. текст некрасовского договора с Плетневым о передаче «Современника» и др.

В 1915–21 опубл. ряд ст. по «Отеч. запискам» Некрасова: **«Н. А. Некрасов и Н. К. Михайловский»**, **«Памяти Г. З. Елисеева (к 25-летию его смерти)»**, **«Г. З. Елисеев (из его редакторской деятельности и лит. отношений)»**, **«Н. А. Некрасов и Г. З. Елисеев в деле воссоздания „Отеч. записок“ Краевского (по неизд. воспоминаниям Г. З. и Е. П. Елисеевых)»**, **«Из истории „Отеч. записок“ (по неизд. данным)»**, **«Из цензурной истории „Отеч. записок“ 1858–71 г.»**, **«Из истории одного цензурного auto da fe (о вновь открытой статье Н. К. Михайловского)»** и др. Как видно, значительное внимание Е.-М. уделил ближайшему, после Салтыкова-Щедрина, сотруднику Некрасова по «Отеч. запискам» Г. Елисееву, написал его краткую биографию. Статьи оснащены богатейшим фактич. мат-лом, разысканиями в архивах Гл. управления по делам печати, в бумагах «Лит. фонда» («Общества вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым»), в личном фонде Некрасова, в частных архивах сотрудников «Отеч. записок».

В перв. послерев. годы опубл. две работы, кот. не были связаны с некрасовскими ж., но имели отношение к истории русской журналистики. В одной из них — **«Д. И. Писарев и охранители»** (1919) — шла речь о втором после «Современника» демократическом ж. 1860-х «Русское слово», в другой рассматривал историю ж. «Русское богатство» (статья напис. в связи с 25-летием его изд.). В последней много внимания уделено В. Короленко как редактору и осн. руководителю этого ж.

Работа по истории русской журналистики сочеталась у Е.-М. с изысканиями в обл. русской лит-ры XIX в., особенно по Некрасову. За перв. исследованием о лит. дебютах поэта-демократа последовала серия ст. о его жизни и тв-ве, объединенных впоследствии в кн. **«Николай Алексеевич Некрасов: Сб. статей и мат-лов»** (1914). Писал ст. о Салтыкове-Щедрине, Чернышевском, Герцене, Достоевском, Г. Успенском, Гончарове, В. Слепцове, И. Омулевском. В 1918 совм. с Н. Пиксановым выпустил **«Некрасовский сборник»**.

После 1917 активно сотрудничал в Политпросвете, выступал с лекциями. В 1919–20 заведовал детской колонией в Любани. В 1920-х сотрудник ИЛЯЗВ (Ин-т сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока) при Пг. ун-те. С окт. 1929 по 1932 работал в ИРЛИ в должности ученого хранителя, зав. музейным отд., член исследовательского сектора. После перерыва сотрудник ИРЛИ с сент. 1936 по март 1937, ст. ученый специалист Отдела новой лит-ры.

С 1924 преподаватель, с 1934 — проф. ЛГУ. В ун-те читал лекции о Некрасове, вел курс по истории русской журналистики, спецкурс по рев.-демократич. критике и публицистике, общие курсы по истории русской лит-ры XIX в., руководил некрасовским спец. семинаром, семинаром по истории русской журналистики. Деятельно участвовал в перестройке высшей школы, в советизации университетской науки. С 1937 докт. филол. наук.

С 1922 по 1933 одновременно с работой в Пг. (Лен.) ун-те был директором общеобразовательной школы № 221 на Васильевском о-ве. Под его рук. школа вскоре стала крупнейшим методич. центром города, получила имя Н. Некрасова. Подготовил неск. учебных пособий для учителей. Еще до революции в соавт. с С. Золотаревым напис. учебник по русской литре (1913). Особенно много для средней школы писал в послерев. годы. Среди составленных им пособий **«Некрасовские дни в школе»** (1927), **«Некрасов в школе»** (1938, 1946), альбом **«Н. А. Некрасов в портретах и иллюстрациях»** (1938, 1950 и 1955). **«Рабочая книга по лит-ре»** в кон. 1920-х — нач. 1930-х была принята в качестве школьного учебника. Лично знакомый с ним нарком просвещения А. Луначарский высоко ценил его деятельность учителя-просветителя. С 1925 по 1955 Е.-М. жил на 9-й линии В. О. (в здании школы).

Особое место в литературоведческом наследии ученого занимает кн. **«Очерк истории новейшей русской лит-ры»** (издавалась четырежды в 1925–27), а также серия статей о Д. Бедном, Л. Леонове, Н. Ляшко, Л. Сейфуллиной (1928), кот. по существу были первыми исследованиями по сов. лит-ре.

В 1921 стал инициатором и активнейшим участником при проведении первого в СССР общегосударственного лит. юбилея — столетия со дня рождения Некрасова. Совм. с М. Беляевым и Б. Модзалевским собирал мат-лы о Некрасове, на основе кот. была вначале подготовлена выставка в ИРЛИ, затем музей Некрасова (в 1930 экспонаты музея были переданы на хранение в ИРЛИ). В плане подготовки к юбилею Некрасова выступал с лекциями, составлял программы лит. вечеров, публиковал десятки ст. За год до юбилея совм. с К. Чуковским подготовил к печ. первое сов. издание соч. Некрасова (в одном томе), где произведения Некрасова изд. с подробным комм., с содержательной вст. ст. Е.-М.

В 1926, когда в стране широко отмечалось 100-летие со дня рождения Салтыкова-Щедрина, вышла кн. Е.-М. **«В тисках реакции»**, посвящ. общ. и лит. деятельности Салтыкова-Щедрина. Тогда же вышли работы: **«Из журнальной деятельности Салтыкова-Щедрина»**, **«В. К. Плеве и М. Е. Салтыков-Щедрин»**, **«М. Е. Салтыков в „Свистке“»**, **«М. Е. Салтыков и агония „Отеч. записок“»**, **«М. Е. Салтыков-Щедрин и самодержавие»**. Неск. позднее — **«Салтыков-Щедрин и цензура»** (1929), **«Салтыков-Щедрин и А. М. Унковский»** (1929). Салтыкову-Щедрину посвящ значительная часть кн. **«Из прошлого русской журналистики»** (1930), напис. совм. с Д. Максимовым. В «Лит. наследстве» опубл. значительные по объему и важности **«Новые мат-лы о сотрудничестве М. Е. Салтыкова-Щедрина в „Современнике“»** (1934).

К 100-летию со дня рождения Н. Добролюбова (1936) вышел ряд работ Е.-М. о лит. критике, рев. демократе: **«Добролюбов в „Современнике“»**, **«Добролюбов на журналистском поприще»**, **«Цензурные мытарства Н. А. Добролюбова»**, **«Добролюбов и Некрасов»**. Е.-М. составил книжку-памятку о Добролюбове, изд. к юбилею многотысячным тиражом. Им впервые опубл. некрасовские письма к Добролюбову.

Чернышевскому — соратнику Некрасова, критику и публицисту — посвящ. работы **«Н. Г. Чернышевский и Н. А. Некрасов»** (1928), **«Н. Г. Чернышевский в „Современнике“»** (1939), **«Цензурные мытарства Н. Г. Чернышевского»** (1939), **«Жизненный и творч. путь Н. Г. Чернышевского»** (1940), **«Роман „Что**

делать?" в „Современнике"» (1941). Под ред. Е.-М. вышли кн. «Н. Г. Чернышевский. 1889–1939. Сб. статей и мат-лов» (1940) и «Н. Г. Чернышевский. 1889–1939. Труды научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти» (1941).

Е.-М. написал ст. к «Воспоминаниям» М. Антоновича (1933), собрал и переизд. (1938), а также прокомм. вместе с Д. Максимовым и Г. Тизенгаузеном лит. и публицистич. статьи критика, сотрудничавшего в некрасовском «Современнике» после Чернышевского и Добролюбова.

В кн. Е.-М. 1930-х — **«Некрасов и его современники»** (1930) и **«Некрасов в кругу современников»** (1938) — раскрыты особенности взаимоотношений Некрасова с Белинским, Тургеневым, Елисеевым, Михайловским, Гончаровым, Л. Толстым, Герценом, Г. Успенским и некот. др. лит. и ист. деятелями, в ней шла речь о том, что приводило к разногласиям, а иногда и к разрыву отношений Некрасова (напр. с Тургеневым).

Работая в ЛГУ, продолжил исследования по истории русской журналистики, в т. ч. о перв. марксистских ж. «Новое слово» (1894–97) и «Начало» (1899). В 1927 вышли из печати **«Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX в.»**, кот. стали первой обобщающей работой ученого по истории русской периодики и одновременно важным этапом в становлении метод. основ истории русской журналистики как науки.

В 1930-х увидела свет осн. работа Е.-М. по истории русской журналистики — трехтомная монография о «Современнике», подготовленная всеми предыдущими работами ученого о некрасовском ж. и его новыми разысканиями и иссл. Если прежде Е.-М. занимали по преимуществу вопросы организац. порядка, то теперь осн. внимание было обращено на содержание книжек ж. Трилогия открывалась кн. **«„Современник" в 40–50 гг. От Белинского до Чернышевского»** (1934). Она представляла собой первую в науке попытку дать последовательную историю «Современника» с 1847-го, когда ж. перешел от Плетнева к Некрасову и Панаеву, до 1854, когда роль осн. идейного руководителя «Современника» определенно начинала переходить к Чернышевскому. К осн. тексту кн. был приложен краткий очерк Д. Максимова о пушкинском «Современнике» 1836–37. Наиболее подробно Е.-М. рассмотрел содержание книжек ж. за 1847–48, когда ведущее место в «Современнике» занимал Белинский. Такой подход к вопросу был принципиально важным в метод. отношении. Ученый детально рассматривал программные ст. Белинского, г. о. его «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Кроме общего анализа уделил внимание атрибуции некот. неподписанных текстов, доказал их принадлежность Некрасову, В. Майкову, И. Панаеву и др. сотрудникам «Современника». Проанализировал лит.-критич. выступления Тургенева, В. Майкова, С. Дудышкина, Некрасова.

Во втор. кн. трилогии — **«„Современник" при Чернышевском и Добролюбове»** (1936) — на большом фактическом мат-ле так же тщательно, как и в первой кн., рассматривалась история «Современника» с 1854 до 1862, когда ж., ратуя за коренную ломку крепостнич. отношений, вдохновлялся идеями «мужицкого демократизма». Во втор. кн. трилогии особое внимание уделено позиции «Современника» по крестьянскому вопросу в период его обсуждения перед реформой и в пору проведения самой реформы.

Наконец, дальнейшая судьба «Современника» рассмотрена в заключительной части трилогии — **«Последние годы „Современника". 1863–66»** (1939; в соавт. с Г. Тизенгаузеном). Кн. о посл. годах «Современника» заканчивается изложением и анализом обстоятельств, связанных с закрытием ж. в 1866, и краткой характеристикой деятельности Некрасова уже на посту редактора обновленных «Отеч. записок». Разумеется, было бы неоправданным ожидать, что в 1930-е Е.-М. мог дать решение всех вопросов, связанных с судьбой ж. и журналистской деятельностью Некрасова. Но в целом, в своих осн. положениях, трилогия о «Современнике» явилась существенным вкладом в разработку науч. методологии истории русской журналистики.

В 1930, совм. с К. Чуковским, Е.-М. подготовил к печати первое пятитомное собр. соч. Некрасова, куда вошли, кроме стихотв. произведений поэта, его проза и письма. В последующие годы вышло неск. десятков ст. Е.-М. о Некрасове, в т. ч. работа **«Ленин о Некрасове»** (1938). В те же годы продолжали выходить его статьи о Пушкине, Гончарове, Салтыкове-Щедрине, Писареве, Фете, Т. Шевченко.

Работы о поэтич. произведениях Некрасова, биографич. изыскания, статьи и кн. о некрасовских ж., работы о писателях, кот. в какой-то мере были связаны с Некрасовым и его ж., свидетельствовали о том, что ученый тщательно готовился к созданию фундаментальной монографии о жизни и деятельности Некрасова, поэта и журналиста. Незадолго до войны общий план монографии (в четырех томах) был намечен. Макет первого тома был представлен на заседании кафедры истории русской лит-ры филфака ЛГУ, но прочитан уже в условиях осажденного Л-да.

Зимой 1941/42 Е.-М. оставался в блокированном городе, продолжал работу в ЛГУ, писал главы монографии, читал лекции о русской лит-ре в воинских частях, госпиталях, в бомбоубежищах. Весной 1942 вместе с ун-том был эвакуирован в Саратов, где продолжил, как он говорил, его «литературно-оборонную работу». В 1942–44 прочитал свыше восьмисот лекций, был зачислен «почетным красноармейцем» в одну из воинских частей, отправлявшихся из Саратова на фронт. В 1943 в связи с 60-летием был награжден орденом Трудового Красного знамени, к кот. прилагался адрес со словами: «Не одна тысяча бойцов получила от Вас зарядку и вдохновение перед боем, унося в памяти светлые образы великих патриотов, о кот. услышала от Вас. В этом отношении и Вы вложили свою часть в общее дело борьбы нашего народа за свое освобождение и в те победы, кот. дарит нам сейчас наша доблестная Красная Армия». Продолжал преподавательскую и науч. деятельность. В Ярославском изд-ве вышли его книжки о патриотич. и героич. мотивах в поэзии Некрасова (1942), в Саратове — брошюра **«Чернышевский — великий патриот земли русской»** (1942), в соавт. с Г. Гуковским написал кн. **«Любовь к родине в русской классической лит-ре»** (1943).

После возвращения в 1944 в Л-д Е.-М. вместе с группой сотрудников ИРЛИ АН СССР выезжал в освобожденный от немцев Пушкинский заповедник (Святые Горы под Псковом). С авг. 1946 по окт. 1953 вновь зачислен в ИРЛИ по совместительству на должность ст. науч. сотрудника с обязанностями ученого хранителя музея-квартиры Некрасова. Член Ученого совета ИРЛИ до 30 окт. 1953. Освобожден от штатной работы в ПД по состоянию здоровья. Продолжал печ. статьи, брошюры, кн. Осн. темами по-прежнему оставались Некрасов и история русской журналистики. Совм. с В. Березиной выпустил кн. о русском журналисте 1820–30-х, издателе и ред. «Моск. телеграфа» Н. Полевом (два изд. — 1946, 1947). В «Лит. наследстве» (1946, 1949) поместил большую итоговую ст. о журналистской деятельности Некрасова. В «Ученых записках» филфака (1949) напеч. работу о деятельности Салтыкова-Щедрина в некрасовском «Современнике». В «Лит. наследстве» (1949), совм. с др. исследователями и самостоятельно, публ. новые мат-лы из истории некрасовских «Отеч. записок» (договоры Некрасова с Краевским, с Салтыковым-Щедриным, с Елисеевым, гонорарные ведомости конторы ж. и др.).

Принял активное участие в проведении 125-летия со дня рождения Некрасова (1946): выступал с лекциями и д-дами, напеч. серию статей научно-популярного и исследовательского характера, в т. ч. статью **«Н. А. Некрасов и Петербургский–Ленинградский ун-т»** (1946). Отредактировал «Научный бюллетень ЛГУ», целиком посвящ. поэту (1947). Благодаря инициативе и усилиям Е.-М. открылись два мемориальных музея Некрасова: в Л-де (Литейный пр., д. № 36), где Некрасов прожил свыше 20 лет и где помещались редакции его ж., и в Карабихе, близ Ярославля, куда с 1862 поэт выезжал в летние месяцы. Вместе с А. Еголиным и К. Чуковским завершил начатую в предвоен. годы подготовку к изд. и редактирование 12-томного ПСС и писем Некрасова (1948–53). Тогда же опубл. работы **«Некрасов и Петербург»**, **«Некрасов и театр»**, **«Творческий путь Некрасова»**, **«Семинарий по Некрасову»** и др. Часть из них написана совм. с учениками-аспирантами и студентами.

В послевоен. годы в ЛГУ открылось отд. по подготовке будущих журналистов. Е.-М. возглавил кафедру истории русской журналистики и руководил ею в теч. ряда лет. Подготовил создание фак-та журналистики и основу его преподавательских кадров.

В посл. годы жизни продолжал работать над монографией о Некрасове. Три перв. тома задуманной тетралогии вышли в свет в 1947–52. Закончить четвертый том не успел. Неск. глав из этого тома были опубл. в «Ученых записках ЛГУ» в 1957 (посмертно).

Автор свыше 400 работ по истории русской лит-ры и журналистики, в т. ч. более 20 монографий. За многолетнюю и плодотворную работу неоднократно отмечался правительственными наградами, в т. ч. орденом Ленина; медалями «За оборону Л-да», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.».

Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища рядом с могилами Белинского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Гл. Успенского.

Архив: ИРЛИ. Ф. 719. 600 ед. хр. 1886–1973; Музей-квартира Н. А. Некрасова (СПб.), личный арх. В. Е. Евгеньева-Максимова.

Соч.: И. А. Гончаров. Л., 1925; В тисках реакции: К столетию М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1926; Очерки по истории соц. журналистики в России XIX в. М.; Л., 1927; Очерки новейшей русской лит-ры. Изд. 4-е. М.; Л., 1927; Некрасов как человек, журналист и поэт. М.; Л., 1928; Из прошлого русской журналистики: Статьи и мат-лы. Л., 1930; «Современник» в 40–50-х гг. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934; «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936; Н. А. Добролюбов. Сто лет со дня рождения (1836–1936). Памятка. Л., 1936; Некрасов в кругу современников, Л., 1938; Посл. годы «Современника». 1863–66. Л., 1939 (в соавт. с Г. Тизенгаузеном); Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. Т. 1–3. Л., 1947–52; Творч. путь Н. А. Некрасова. Гл. 4, 8, 17. М.; Л., 1953; Н. А. Некрасов // История русской литры. Т. VIII, ч. 2. Гл. 3, 10, 12, 14. М.; Л., 1956.

Лит.: Берков П. [Некролог] // Некрасовский сб. Вып. II. 1956 (То же // Ученые записки ЛГУ. 1957. Вып. 29); Тин М. Хронологич. список науч. работ В. Е. Евгеньева-Максимова // Ученые записки ЛГУ. 1957. Вып. 30; Маслов В. Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов (1883–1955). [Л.], 1968; БСЭ: В 30 т. 3-е изд. М., 1969–78. Т. 8; Прокопенко З. Е. Д. Максимов-Слобожанин и В. Е. Евгеньев-Максимов: Из истории российской науки. Белгород, 2002; Кафедра истории журналистики: летопись жизни и деятельности. К 60-летию кафедры истории журналистики факультета журналистики Лен.-СПб. ун-та. СПб., 2006.

В. Маслов

ЕВДОКИ́МОВ Ростислав Борисович (псевд. Вогак) [29.11.1950, Л-д–13.12.2011, Коста Рика, похоронен в СПб.] — поэт, прозаик, публицист.

Из семьи служащих. После окончания средней школы обучался на физическом фак-те ЛГУ (1968). В 1969 ушел с физфака и поступил на исторический фак-т ЛГУ, где специализировался по кафедре античной истории. Был впервые арестован осенью 1971 в связи с очередным (четвертым) арестом по политич. статье его отца, изв. публициста и деятеля Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС). Вскоре отчислен из ун-та с формулировкой «академическая неуспеваемость», хотя все пять экзаменов последней сессии сданы на «отлично». Поработав некот. время охранником в Военно-морском музее и в Эрмитаже, Е. заканчивает курсы взрывников при Горном ин-те и отправляется в свою перв. геолого-геофизич. экспедицию (на север Кольского полуострова у норвежской границы — территория Петсамо, или Печенга), оттуда — в удаленный район Армении (Зангезур, у иранской границы). Следующие 10 лет проводит в экспедициях по Закавказью, Крайнему Северу (санно-тракторный поезд зимой 1977–78), Ср. Азии.

После смерти отца в 1979 Е. все свободное время делит между лит-рой и правозащитной деятельностью, редактирует Информационный Бюллетень Свободного межпрофессионального объединения трудящихся — первого независимого профсоюза в СССР — и передает некот. публицистич. мат-лы в ж. «Посев» (Франкфурт-на-Майне). В 1982 снова арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде».

Приговор — 5 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки.

Срок отбывал на 36-й пермской политзоне. Был «лидером зоны», т. е. вел подпольную кассу взаимопомощи и подпольную же летопись зоны (часть ее опубл. в ж. «Грани» № 167 за 1993, Франкфурт-на-Майне). Освобожден в 1987, реабилитирован. Однако в 1989 против него и еще четырех человек возбуждается последнее в СССР дело по ст. 70. Е. вынужден в полном смысле слова бежать из-под ареста и около 9 мес. проводит на нелегальном положении. Тем не менее возобновляет учёбу и в 1992 получает диплом об окончании истфака. Создает и возглавляет петерб. отд. НТС и петерб. отд. Международного об-ва прав человека, становится членом Совета и Исполнительного Бюро НТС (до 1996). В 1995 оформляет свое членство в Русском ПЕН-клубе. Работает ред. и независимым публицистом. Позднее — в руководстве неск. небольших предприятий.

Со школьных лет увлекался поэзией. Одновременно закончил муз. школу по классу скрипки. Перв. выступление в печ. в СССР было сугубо научным (**Должностные лица в идеальном государстве Платоновых «Законов»** // Платон и его эпоха: Сб. ст. М.: Наука, 1979). Одновременно состоялся поэтич. дебют на Западе (Вогак Р. **Время странствий. Двойной венок сонетов** // Грани. 1979. № 113). На выбор писательского пути повлияли в осн. семейные традиции, муз. школа, интерес к античности, жизненные невзгоды. Одним из определяющих моментов стал арест отца в 1971 и собств. задержание в то же время с помещением в следственный изолятор КГБ.

Как поэт Е. не склонен к формальным поискам и отвлечённому словотворчеству: «Четырёхстопный ямб! Тобою / Хвалим поэтов русских род, / Как перстень тонкою резьбою. / Теперь настал и мой черёд...». Однако Е. свободно использует любые формы и размеры, поскольку видит в них выражение общей творч. интенции, а не объект для формалистических поисков. Стихи Е. подчинены правилу, обозначенному им самим: они не являются продуктом произвольного языкотворчества, а направлены на выражение внутренних структур сознания и языка, которые имплицитно скрыты в национальных и языковых архетипах.

После 2000 Е. всё больше переходит к прозе — публицистика, эссеистика, мемуарная проза, рассказы «о жизни», частично сатира; в драматургии — сатира. Проза Е. насыщена автобиогр. мат-лом, отчасти беллетризована. Одно из осн. произведений, частично опубликованное, но над кот. автор продолжал работать, — это переосмысленная в сатирич. и иронич. ключе автобиография **«Записки лжесвидетеля»**. В этом произведении писатель ставит перед собой ключевой вопрос: с точки зрения офиц. идеологии и морали не является ли вся его жизнь сплошным «лжесвидетельством» на некоем космическим судилище? Окончательный ответ пока не найден.

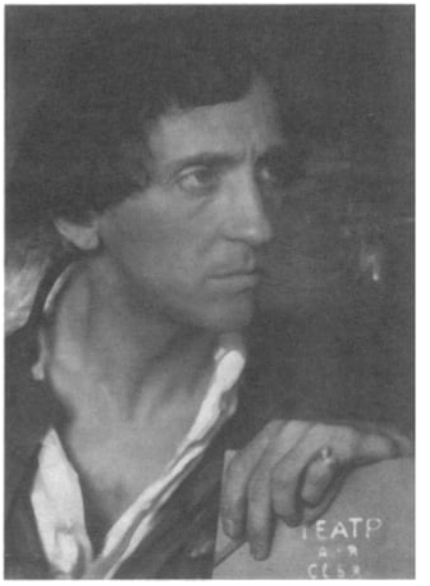
Произведения Е. переведены на английский, грузинский, языки народов Прибалтики. Некот. стихотворения положены на музыку.

В 1986 заочно принят в Швейцарский и во Французский ПЕН-клубы. Участвовал в юбилейных торжествах ПЕН-центра Финляндии (2003). Отмечен гос. стипендией РФ (по линии ПЕН-центра) за 1998, 2000, 2001, 2003, 2006 и 2009.

Соч.: Время странствий // Грани. 1979. № 113; Стихи. Н.-Й., 1986; Вне строя // Мансарда (альм.). 1996. № 1; После молчания: Кн. поэзии. СПб., 2000; Мутное пятно: Драм. картины в 3 д. с апофеозом // Мансарда. 2000. № 2–3; Записки лжесвидетеля // Там же; По делам их судите их... Эссе // Знамя. 2002. № 12; Там, за Индией, — Цейлон: Рассказы // Знамя. 2003. № 7; Лань и Чародей // Зеленая ветка. 2006. Вып. 3; Третье дыхание: Тетрадь стих. // Там же; Послушай, послушай!: Стих. // На холмах Грузии (альм.). Тбилиси, 2009. № 10.

Лит.: <Рец. И. Бродского, Т. Венцловы, Ю. Кублановского> // Евдокимов Р. Стихи. Н.-Й., 1986; Белов С. Поэт от Бога // Евдокимов Р. После молчания. СПб., 2000.

Г. Муриков



ЕВРЕ́ИНОВ Николай Николаевич [13(25).2.1879, М. — 7.9.1953, Париж] — драматург, режиссер, историк и теоретик театра.

Отец — служащий Министерства путей сообщения. Артистизмом и рано проявившейся любовью к театру Е. обязан матери, по происхождению француженке. В 1892–1901 Е. учится в СПб. училище правоведения, где активно участвует в театр. кружке: здесь постав его пьесы **«Репетиция»** и **«Сила чар»** (не сохр.), напис. драма **«Болваны, кумирские боги»** — своеобразное размышление о природе соц. маски. Училище Е. оканчивает с серебряной медалью; выпускное соч. его, **«История телесных наказаний в России»** (1913), не столько юридич. исследование, сколько худож.-философское эссе на интересовавшую его и позже тему (см., напр.: **«Театр и эшафот»**).

В 1901 Е. служит в Министерстве юстиции, в 1901–14 — в Министерстве путей сообщения; одновременно изучает философию в СПб. ун-те, является вольнослушателем СПб. консерватории. 22 дек. 1905 в Александринском театре впервые идет его пьеса **«Степик и Манюрочка»**; как и всегда у Е., главное в ней не изображение действительности (жизнь престарелой супружеской четы), а мысль о необходимости ее преодоления, театрализации. В этот же период пьесы Е. ставятся и в Новом театре Л. Яворской, и в петерб. Малом театре А. Суворина. В 1908 опубл. 1-й т. **«Драматических сочинений»**, в кот. вошли пьесы (как определил их сам Е.) «лит.-драматические»: кроме вышеуказанных, это драма **«Война»**, комедия **«Фундамент счастья»** и **«Красивый деспот»**. О последней следует сказать особо: это перв. попытка проиллюстриро-

вать идею «театра для себя», т. е. театра в жизни. Герой пьесы мысленно переместился во времени на сто лет назад, превратив игру в высшую реальность: здравомыслящий гость вынужден признать его правоту. Ощутимо влияние на Е. философии О. Уайльда с его апологией лжи и презрением к действительности.

Важным этапом в творч. биографии Е. стал Старинный театр, созданный им вместе с Н. Дризеном в 1907. Теоретич. обоснование осн. идеи Старинного театра — худож. реконструкции — дано Е. в статье **«Старинный театр»** (Театр и искусство. 1907. № 50). Е. был и худруком театра, и реж., и драматургом. Театр работал 2 сезона, или «цикла»: 1907–08 («средневековый цикл») и 1911–12 («испанский цикл эпохи Возрождения»). Написанные для иллюстрации худож.-реконструктивного метода, **«Три волхва»** и **«Ярмарка на индикт св. Дениса»** определили доминанту всего 2-го тома «Драматических соч.». Подчеркивая экспериментальный характер составивших его пьес, Е. определил их как «театрально-лит.». Во 2-й т. вошли, помимо упомянутых выше, **«Веселая смерть»**, **«Такая женщина»**, **«Бабушка»** и **«Неизменная измена»**.

Сезон 1908–09 работал у В. Комиссаржевской в театре на Офицерской, сменив на этом посту Вс. Мейерхольда; здесь Е. ставит «Франческу да Римини» Г. Д'Аннунцио, пьесу Ф. Сологуба «Ванька-Ключник и паж Жеан» и «Саломею» О. Уайльда, запрещенную св. Синодом к постановке уже после генеральной репетиции. Еще одна пьеса Сологуба, «Ночные пляски», поставлена в 1909 в Литейном театре. К этому периоду относятся и перв. важные теоретич. выступления Е.: в1908 опубл. ст. **«Сценическая ценность наготы»** (Театр и искусство. 1908. № 27); **«Апология театральности»** (Утро. 1908. 8 сент. № 15); реферат **«Введение в монодраму»** (СПб., 1909). Теория монодрамы — драматич. представления, моделирующего мир в соответствии с тем, как он воспринимается действующим лицом,— практически проиллюстрирована пьесой **«Представление любви»** (в кн.: «Студия импрессионистов». Кн. 1. СПб., 1910). В то же время Е. активно работает как режиссер — 31 марта 1909 пьесой Е. «Веселая смерть» открывается созданный им совм. с Ф. Комиссаржевским «Веселый театр для пожилых детей», а в сент. 1910 он приглашен на должность гл. реж. в созданный А. Кугелем и З. Холмской театр «Кривое зеркало». До самого отъезда из Сов. России Е. активно работает в этом театре как худож. руководитель, реж., драматург, композитор и художник. Пародийно-гротесковая грань творч. индивидуальности Е. становится определяющей для его «кривозеркальной» драматургии. Позднее пьесы из репертуара «Кривого зеркала» были собраны им в 3-м т. «Драматических соч.» (Пг., 1923): «режиссерская буффонада» **«Ревизор»**, монодрама **«В кулисах души»**, буффонада **«Четвертая стена»**, пародии **«Школа этуалей»** и **«Кухня смеха (Мировой конкурс остроумия)»**. Все эти пьесы стали чрезвычайно популярны и выдержали огромное кол-во представлений: понятие «четвертая стена» стало общепринятым в борьбе со сценич. натурализмом, «Ревизора» актеры «Кривого зеркала» даже играли по специальному заказу для Николая II и императорской фамилии, а «В кулисах души» мн. совр. исследователи рассматривают как прообраз театра абсурда.

Деятельность Е. в 1910-е весьма многогранна, он участвует в работе студии импрессионистов, но близок и к футуристам; входит в правление Об-ва интимного театра; он один из основателей знаменитой «Бродячей собаки» (1912). С 1910 по 1925 появляются и важнейшие теоретич. работы Е.: **«Театр как таковой»** (СПб., 1912), **«Pro scena sua»** ([Пг.], [1915]), **«Театр для себя»** (в 3 ч. Пг., [1915]–17), **«Происхождение драмы»** (Пг., 1921), **«Театральные инвенции»** (М., 1922), **«Театральные новации»** (Пг., 1922), **«Театр у животных»** (Л.; М., 1924), **«Тайна Распутина»** (Л., 1924), **«Азазел и Дионис»** (Л., 1924).

Может показаться спорным мнение Б. Казанского, считавшего, что к теоретич. работам и тв-ву Е. «восходит вся идеология нового театра» (Казанский Б. Метод театра. Л., 1925), но нельзя не признать, что парадоксальные построения Е. прочно вошли в совр. мысль о театре. Само возникновение театроведения нередко связывается с трудами Е. Идеи его оказались важны и для строительства междисциплинарного культурного контекста, без которого невозможно понять совр. гуманитарную науку в целом. Мир, согласно Евреинову, интересен постольку, поскольку театрален или может быть театрализован. Реальное проявление господства «театральности» в частной и общественной жизни человека — «театрализация». Движущая сила театрализации — неразложимый на составляющие и необъяснимый рационально «инстинкт преображения/театрализации» — не менее древний, чем инстинкт самосохранения или продолжения рода и, по мнению Е., более сильный. Непосредственно наиболее тесным образом с понятием театрализации связано понятие «театра в жизни». Практически любой значительный социокультурный феномен Е. склонен был рассматривать как театр. Для обозначения всепроникающей власти театра Е. вводит термин «театрократия». Под театрократией предполагается и вскрытие театрального смысла всего происходящего, театрократическое осознание жизни, и ее театрократическое упорядочение. По Е., «мания театрализации» — существеннейшая черта именно русской жизни.

Осенью 1917 Е. покидает Пг. и более двух лет путешествует по югу России (Одесса, Киев, Сухум, Тифлис и др.) с лекциями и концертами; вернувшись в 1920, он, возглавив группу из 10 режиссеров, ставит массовое театрализованное действо **«Взятие Зимнего дворца»** к третьей годовщине Октябрьской революции. В нояб. вместе с реж. К. Марджановым и Н. Петровым Е. создает театр «Вольная комедия», где в том же 1921 состоялась премьера самой знаменитой его пьесы — **«Самое главное»** (1921; поставлена более чем в 20-ти странах мира, в т. ч. в Риме — Л. Пиранделло; переведена практически на все европейские яз.). Сюжет пьесы иллюстрирует идею Е. о театротерапии (Театротерапия: Quasi-paradox Н. Евреинова // Жизнь искусства. 1920. № 578–579), наиболее наглядном варианте театрократического улучшения действительности. А. Эткинд отмечает: «Формулируя и увлеченно доказывая свои концепции, Евреинов намного опередил целые

направления западной социальной психологии и психотерапии...» (Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993). «Самое главное» — первая часть трилогии **«Двойной театр»**, в кот. вошли пьесы **«Корабль праведных»** (Пг., 1924) и **«Театр вечной войны»** (Париж, 1928).

Перв. пол. 1920-х — важнейший период в жизни Е.: с постановки «Самого главного» начинается его мировая известность; в России же в течение 1921–25 выходит 17 его книг. В 1921 он женится на актрисе А. Кашиной (автор монографии о Е.). В это время Е. уповает на сотрудничество с советской властью в деле театрализации жизни. Для этого у Е. есть основания: сам Л. Троцкий высказывается схожим образом и обещает этим идеям, почти впрямую, гос. поддержку (см., напр.: Троцкий Л. Лит-ра и революция. М., 1991). Ярким выражением гос. поддержки евреиновских идей стала книга Я. Бруксона «Проблема театральности» (Пг., 1923), содержащая подлинную апологию его театрал. теории. Идеи Е. широко используются в петроградской режиссуре 1920-х. Однако сам Е. оказывается в этот период практически не у дел. В 1925 Е. навсегда покидает Россию.

В 1926 совершает длительную поездку в США, где гастролирует с лекциями, ставит «Самое главное». С 1927 живет почти постоянно в Париже, работает в «Летучей мыши» Н. Балиева, ставит ряд спектаклей в парижской Русской опере и в театре Копо «Вье коломбье», в 1930-е — в Пражском нац. театре. Е. активно пытается объединить силы русской творч. эмиграции: в 1934 он создает театр «Бродячие комедианты», в 1935 организует «Объединение русских артистов». Как теоретик в теч. 1930–40-х работает над философск. трактатом **«Откровение искусства»** (РГАЛИ). Из пьес этого периода наиболее интересна «драматическая хроника партийной жизни в СССР» **«Шаги Немезиды»** (Париж, 1956).

Пьеса напис. по свежим следам только что закончившегося процесса по делу «троцкистско-зиновьевского блока» и населена подлинными ист. лицами. Е. усматривал и в политич. строе СССР, и в повседневной жизни рядовых членов об-ва феномен, кот. он изучал много лет,— «театр для себя», перенесение театра в жизнь. Более того, вся полит. история Сов. России осознается Е. именно как тотальная театрализация жизни. Осуществление теоретич. построений, изложенных в «Театре для себя» и в «Театре как таковом», на практике и притом в таких масштабах приковывало внимание теоретика театральности к СССР.

В 1940-е Е. напис. драма из жизни русской эмиграции **«Граждане второго сорта»**, сатир. пьеса **«Партбилет коммуниста»** (обе в РГАЛИ), др. пьесы и киносценарии; наиболее интересна пьеса **«Чему нет имени: (Бедной девочке снилось)»** (Париж, 1965). В 1941–43 Е. в оккупированном Париже; голод, лишения, опасности этой эпохи нашли отражение в кн. мемуаров **«Памятник мимолетному»** (Париж, 1953). После войны Е. работает над циклом передач для французского радио о русской культуре (1945), пишет либретто для балетов и книгу воспоминаний **«В школе остроумия»** (М., 1998), последняя его крупная теоретич. работа — **«История русского театра: С древнейших времен до 1917 года»** (Нью-Йорк, 1955).

В 1978 на стене дома Е. по улице Буало в Париже установлена мемориальная доска с надписью «Человек театра»; в 1979 торжественное собрание в Сорбонне посвящ. 100-летию Е.

Соч.: Драматические соч. СПб., 1908. Т. 1; СПб., 1914. Т. 2; Пг., 1923. Т. 3; Pro scena sua. [Пг.], [1915]; Театр для себя: В 3 ч. Пг., [1915]–17; Самое главное. Ревель, [1921]; Театральные новации. Пг., 1922; Театр как таковой. М., 1923; Театр у животных. Л.; М., 1924; Крепостные актеры. Л., 1925; История русского театра. Н.-Й., 1955; Ревизор, Четвертая стена // Русская театр. пародия XIX — нач. XX в. М., 1976; Тайна Распутина. М., 1990; Шаги Немезиды // Совр. драматургия. 1990. № 6; Суррогат бессмертия. Дважды убитый // Киноведч. записки. М., 1994. № 23; Театр и эшафот // Мнемозина: документы и факты из истории русского театра XX в. М., 1996; В школе остроумия. М., 1998.

Лит.: Стирк Э. Старинный театр. СПб., 1911; Каменский В. Книга о Евреинове. Пг., 1917; Зноско-Боровский Е. Русский театр нач. XX в. Прага, 1925; Крыжицкий Г. Режиссерские портреты. М.; Л., 1928; Кашина-Евреинова А. Н. Н. Евреинов в мировом театре XX в. Париж, 1964 (библ.); Дейч А. Голос памяти: Театральные впечатления и встречи. М., 1966; Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1980; Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий: В 2 т. М., 1991; Бабенко В. Арлекин и Пьеро: Николай Евреинов, Александр Вертинский. Екатеринбург, 1992; Тихвинская Л. Кабаре и театры миниатюр в России 1908–17. М., 1995; Абенсур Ж. Николай Евреинов // История русской лит-ры XX в.: Серебряный век. М., 1995; Спиридонова Л. Бессмертие смеха: Комическое в лит-ре русского зарубежья. М., 1999; Чжиен Ан. Заметки о ранней драматургии Н. Н. Евреинова // Русская лит-ра. 2000. № 1; Семкин А. Н. Н. Евреинов и Ф. Сологуб. К истории постановки пьесы «Ванька-Ключник и паж Жеан» // Русская лит-ра. 2000. № 2; Вислова А. В. «Серебряный век» как театр: Феномен театральности в культуре рубежа XIX–XX вв. М., 2000; Маковский С. На Парнасе Серебряного века. М., 2000; Утехин И. Театральность как инстинкт: семиотика поведения в трудах Евреинова // Театр. 2001. № 2; Чубаров И. Театрализация жизни как стратегия политизации искусства: Повторное взятие Зимнего дворца под рук. Н. Н. Евреинова // Сов. власть и медиа: Сб. ст. СПб., 2006; Иванов В. «Самое главное» в постановке Шарля Дюллена в контексте биографии Н. Н. Евреинова // От текста — к сцене: Российско-французские театральные взаимодействия XIX–XX вв. М., 2006; Джурова Т. Театральность и реконструкция. Два сезона Старинного театра // Театрон. 2008. № 1; Биневич Евг. Два сезона Старинного театра // Биневич Евг. Карикатуристы идут в театр. СПб., 2011.

А. Семкин

ЕВСЕ́ЕВА (Иванова) Елена Евсеевна [28.2.1963, Л-д] — детский писатель, поэт.

Окончила ЛГПИ им. А. Герцена, фак-т коррекционной педагогики, отд. тифлопедагогики. Работала в школе № 1 для слепых и слабовидящих детей, в лаборатории проблемной психологии при РГПУ.

Перв. публ. — сб. стих. **«Я звёздам играю»** (СПб.: Рекламно-издательское агентство «Русколань», 1998).

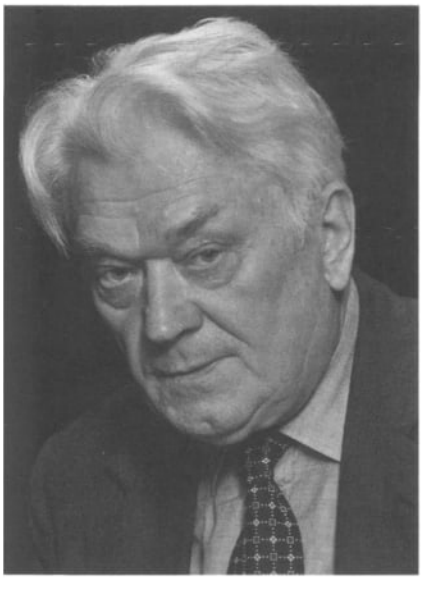
Член СП России с 2009.

Соч.: У меня в кармане ёж!: Стихи для детей. СПб., 2007; Море волнуется — раз! СПб., 2008; Мамин день рождения: Стихи для детей. СПб., 2008; У меня сегодня

драма: Стихи для детей. СПб., 2009; Ручная тень: Стихи. СПб., 2009.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

ЕГО́РОВ Борис Федорович [29.5.1926, г. Балашов Саратовской обл.] — литературовед, мемуарист, историк, культуролог.



Отец — Федор Иванович Е. — выпускник Пензенского худож. училища (1907, ученик К. Савицкого) — художник, преподаватель рисования и черчения в вузах и школах. Мать — Анастасия Яковлевна (урожд. Волкова) — воспитательница в дошкольных учреждениях, затем домохозяйка. Сведения о предках см. в кн. Е. **«Воспоминания»** (СПб., 2004).

В юности увлекался математикой и химией, не был комсомольцем, разбрасывал антисоветские листовки.

В 1943–47 учился в ЛИАП (находился в Ташкенте до 1945), с 1945 — заочник филологич. фак-та ЛГУ (окончил в 1948). В 1948/49 преподавал в средней школе, в 1949–51 — аспирант Лен. пед. ин-та им. М. Покровского, в 1952 защитил там же канд. дис. «Н. А. Добролюбов и проблемы фольклористики» (на ее основе опубл. перв. кн.: **«Н. А. Добролюбов — собиратель и исследователь народного тв-ва Нижегородской губернии»**. Горький, 1956). Перв. печ. работа — статья **«Вникая в цитаты»** (Звезда. 1951. № 7).

В 1951 жена — С. А. Николаева — окончив аспирантуру химфака ЛГУ, получила назначение в Тартуский ун-т. С 1951 Е. — преподаватель Тартусского ун-та, в 1954–60 — доцент, зав. кафедрой русской лит-ры. Ему удалось создать отличный учебно-научный коллектив кафедры в т. ч., благодаря приглашению Ю. Лотмана и З. Минц (до этого они преподавали в Тартуском учительском ин-те).

С 1958 при поддержке ректора под ред. Е. стали ежегодно выходить ученые записки кафедры «Труды по русской и славянской филологии», где благодаря слабой на тот момент эстонской цензуре удавалось излагать идеи и публиковать мат-лы, совершенно не проходимые в столичной печ. Труды кафедры вскоре приобрели не только общероссийскую и общесоюзную, но и международную известность. Сотрудникам кафедры тогда было относительно легко публ. науч. кн. (в т. ч. была опубл. брошюра Е. **«Роман 1860-х — нач. 1870-х годов о „новых людях“»**. Тарту, 1963).

На волне хрущевской «оттепели» в 1957 Е. вступил в КПСС, утопически мечтая сделать ее партией «с человеческим лицом». Вышел из нее на заре перестройки (1990).

В 1960 Е. передал заведование кафедрой Ю. Лотману, в 1962 возвратился в Л-д (семья вернулась раньше). В 1962–68 — доц. кафедры русской лит-ры ЛГУ, на кот. был принят с большими административными трудностями из-за негативного отношения деканата и партийного руководства к «тартускому» облику Е. (помог приему поход шести профессоров кафедры к ректору). Был утвержден в должности на административном Совете благодаря одному голосу (16 — за, 15 — против). Но потом благодаря поддержке коллег и студентов относительно укрепился. В 1967 защитил докт. дис. «Русская лит. критика 1848–61 гг.». Науч. работа в связи с дис. получила отражение в кн. Е. **«Очерки по истории русской лит. критики сер. XIX в.»** (Л., 1973); **«О мастерстве лит. критики: Жанры. Композиция. Стиль»** (Л., 1980); **«Борьба эстетич. идей в России сер. XIX в.»** (Л., 1982); **«Борьба эстетич. идей в России 1860-х гг.»** (Л., 1991); две посл. книги переизд. вместе: **«Избранное. Эстетич. идеи в России XIX в.»** (СПб., 2009).

Е. стремился восстановить память о замечательных литераторах и критиках — противниках рев. демократов. С трудом, но ему удалось изд. многое из их наследия (изд. продолжились и в послесов. время): Ап. Григорьев — Лит. критика (М., 1967); Стихотворения и поэмы (М., 1978); Воспоминания (Л., 1980); Письма (М., 1999); Стихотворения. Поэмы. Драмы (СПб., 2001); В. Боткин — Письма об Испании (Л., 1976); Лит. критика. Публицистика (М., 1984); А. Дружинин — Повести. Дневник (М., 1986). Попутно Е. публ. кн. о литераторах и критиках средней трети XIX в. и их эпохе: **«Литературно-критич. деятельность В. Г. Белинского»** (М., 1982); **«Н. А. Добролюбов»** (М., 1986); **«Ап. Григорьев»** (М., 2000; ЖЗЛ); **«Боткины»** (СПб., 2004).

Основательно занимался тв-вом русских славянофилов, особенно А. Хомякова, научно изд.: А. Хомяков — Стихотворения и драмы (Л., 1969); О старом и новом. Статьи и очерки (М., 1988).

В кон. 1962 Е. был приглашен по совм. стать зам. гл. редактора серии книг «Биб-ка поэта». В 1968 разразился скандал, организованный обкомом партии: в уже напеч. двухтомнике «Мастера русского стихотворного перевода» (сост. Е. Эткинд) были обнаружены стихи Н. Гумиле-

ва и В. Ходасевича, цензурно запретных, во вст. статье найдены антисов. намеки, весь тираж (25 тысяч экз.) был уничтожен. Е. сняли с поста зама (но оставили в редколл.). В 1970 Е. временно назначен и.о. гл. ред. Но после назначения Ф. Приймы подал заявление о выходе из редколл.

В 1968 приглашен заведовать кафедрой русской лит-ры ЛГПИ, в нояб. 1969 утвержден в звании проф.

С 1978 Е., по приглашению Д. Лихачева, — зам. председателя редколлегии академ. серии «Лит. памятники» (в 1991–2002 — предс. редколлегии) и сотрудник (ныне — гл. науч. сотрудник) СПб. ин-та истории РАН (в 1993–97 был гл. науч. сотрудником СПб. отд. Ин-та социологии РАН). Общение с историками способствовало работе Е. над историч. и культурологич. проблематикой и созданию кн. **«Петрашевцы»** (Л., 1988); **«Из истории русской культуры. Том V (XIX век)»** (М., 1996); **«Российские утопии. Ист. путеводитель»** (СПб., 2007); **«Обман в русской культуре»** (СПб., 2012).

С 1982 — член СП СССР (ныне — СП СПб.), с 2003 — член Международного ПЕН-клуба.

В 1993 избран действ. членом Независимой академии эстетики и свободных искусств (М.). Решением Ученого совета Саратовского ун-та (2001) ему присвоено звание почетного проф. ун-та.

Правительство СПб. и СПб. науч. центр РАН в 2005 наградили Е. премией им. акад. С. Ольденбурга в обл. гуманитарных и обществ. наук.

В 2007 стал лауреатом премии им. Д. Лихачева; в 2008 присуждена лит. премия им. А. Беляева в номинации «За лучшую оригинальную научно-худож. книгу года».

С 2011 — гл. ред. биографич. словаря «Русские писатели. 1800–1917» (М., «Большая российская энц.»).

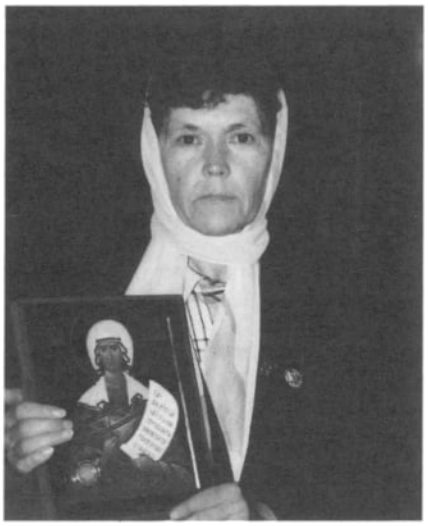
В посл. годы много занимается изучением истории русской филологии в Тартуском ун-те в перв. годы после Великой Отеч. войны. Помимо ряда статей опубл. книгу **«Жизнь и тв-во Ю. М. Лотмана»** (М., НЛО, 1999) и научное изд. (при участии Т. Кузовкиной и Н. Поселягина) **«Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка 1954–1965»** (Таллинн, 2012).

Соч.: Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. Томск, 2001; От Хомякова до Лотмана. М., 2003.

Лит.: Егоров Б. Ф. // КЛЭ. Т. 9. М., 1978; Егоров Б. Ф. // БРЭ. Т. 9. М., 2007; Борис Федорович Егоров (к 85-летию со дня рождения). Биобиблиогр. указатель 2006–11. СПб., 2011.

А. Дмитриев

ЕГО́РОВА Татьяна Петровна [9.7. 1948, г. Светогорск Лен. обл.] — поэт.



Родилась в рабочей семье. Отец умер вскоре после войны, дети, Татьяна и Людмила, воспитывались матерью и тётей. В семье сохранилась традиция чтения вслух классич. литры, любовь к поэзии проявилась у Татьяны с детства. Стихи начала пис. с шести-семи лет.

После окончания школы переехала в Л-д. В 1971 закончила фак-т дефектологии ЛГПИ им. А. Герцена. Работала в школе, в детском саду, на различных предприятиях города.

Решающим поворотом в жизни Е. было обретение веры и приход в православную церковь. Перв. публикация в газ. «Православный СПб.» (1995). Перв. сб. стихов — **«Воцерковление»**: «Только б светили мне Божьи лучи / Даже до до смертного часа. / Только б сияли, как звёзды в ночи, / Лики иконостаса». Посещала лит. мастерскую при СП (рук. Ю. Шестаков, ред. двух посл. кн. Е.).

Гл. темы в тв-ве Е. — христианская вера, любовь к родной земле и природе, к русскому слову. Язык воспринимается поэтом как святыня, как бесценное наследие предков: «Мы приняли это наследство: / Разящее остро, как меч, / Духовное, мощное средство — / Родимую русскую речь... / Живут в нашем русском народе / Бессмертные эти слова, / Как живы Кирилл и Мефодий, / Как вера и слава жива!» Пребывание в храмах и монастырях нашло своё отражение в стих. кн. **«Праздничный ряд»**: «Церкви русские как часовые — / На границе меж светом и тьмой. / Я в обители эти святые / Возвращаюсь, как будто домой» (**«В Оптиной пустыни»**); «Если на сердце грустью повеяло, / Ты в обитель сию поспеши. / Есть в России селенье Дивеево — / Утешенье для русской души» (**«Дивеево»**). Е. включает в свои стих. мотивы, связанные с мыслями Печорах, Валааме, Александро-Свирском монастыре, о богодичных иконах и др. Написан цикл стихов о двунадесятых праздниках Православной церкви (**«Праздничный ряд»**).

Образы родины, сев. русской природы являются одн. из ведущих в тв-ве Е.: «Родной земли широкие просторы / Я полюбила с детства навсегда. / Бегут навстречу пашни и озёра, / Погосты, храмы, села, города» (**«Дивеево»**); «Не здесь ли где-то, много лет назад, / Сложили финны руны „Калевалы"? / Густые мхи и каменные скалы / Доныне твой седой покой хранят» (**«Малая родина»**); «Возле речек, озёр, вдоль обочин, / Словно капли живой синевы, / Словно маленьких ангелов очи, / Незабудки глядят из травы» (**«Незабудки»**). Не чужды автору и темы гражданской лирики: «Здесь похоронить пытались память. / Но забыть вовеки не смогу: / Мучеников лица. Крест и камень. / Ранний сумрак. Свечи на снегу» (**«Левашовская пустошь»**). Есть стих., посвящ. памяти ушедших поэтов: Н. Рубцова, Н. Поляковой, Ю. Шестакова и др.

На протяжении мн. лет Е. сотрудничает с композиторами как автор песенных текстов. На ее стихи М. Малевичем созданы песни **«Город святого Петра»**, **«Невский ангел»**, **«Рождество»**, **«Ангел Благое Молчание»** и др., записан CD **«Чудесная страна»**. Е. является членом жюри Александро-Невского фестиваля православно-патриотич. песни.

Поэтич. голос Е. негромок, но задушевен и лиричен: «Я не умею жечь

сердца глаголом. / Чей дар важней — не нам с тобой решать. / Тебе, мой друг, оставлю я свой голос, / В котором будет жить моя душа» (**«Мне песня, словно хлеб, необходима»**).

Член СП России с 1999. Награждена диплом и почётным знаком межвузовского творч. конкурса, посвящ. Дню св. мч. Татианы (2005), Всерос. православной премией св. блгв. кн. Александра Невского (2009).

Соч.: Воцерковление. СПб., 1996; Вниду в Дом Твой. Краснодар, 1997; Догорает Господнее лето. СПб., 1998; Праздничный ряд. СПб., 2004; Диаконисса: Поэма. СПб., 2007; Предчувствие неба. СПб., 2008; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ЕГУНО́В Андрей Николаевич (псевд. Андрей Николев) [14(26). 9.1895, Ашхабад — 3.10.1968, Л-д, похоронен на Северном кладб.] — поэт, прозаик, переводчик, литературовед.

Родился в семье кадрового военного, род отца происходил из небогатых служилых дворян Ярославля. С 1903 отец служил в Кронштадте, в 1904 семья переехала в СПб., кот. и стал родным городом: «...Лучше всякого Парижа город, город мне родной», — писал Е. в поэме **«Беспредметная юность»**.

Учась в Тенишевском училище, Е. в соавт. с товарищем по классу написал шутливую поэму **«Филомела»**, пародирующую поэзию А. Сумарокова. По окончании Тенишевского училища в 1913 поступил на классическое отд. историко-филологического фак-та СПб. ун-та. Закончив в 1918 классическое отд., учился на славяно-русском отд., слушал курсы на романо-германском отд. В 1919 окончил ун-т, работал в Академии истории материальной культуры науч. сотрудником, был одним из организаторов рабфака при Горном ин-те, преподавал русский и иностранные яз. в учебных заведениях Пг.-Л-да, в Лен. ун-те работал старшим преподавателем по кафедре классической филологии. В 1931 преподавал в Военно-морском инженерном училище им. Ф. Дзержинского, руководил там и английским чтением курсантов, особенно во время учебного плавания летом 1932 в Швецию.

Входил в переводческий кружок филологов-классиков АБДЕМ (А. Болдырев, А. Доватур, А. Михайков и Э. Визель), участвовал в колл. переводах «Законов» Платона и античных романов — «Эфиопики» Гелидора и «Левкиппы и Клитофонта» Ахилла Татия.

Поэзия и проза Е., публиковавшиеся под псевд. Андрей Николев, по большей части не сохр.

Перв. публ. — в 1923: вст. статьи, прим., переводы в двух томах в «Полном собр. творений» Платона. Е. соединял в себе эрудицию ученого, мастерство переводчика, дарование поэта и прозаика. В 1929–32 напис. первые стих., вошедшие в сб. **«Елисейские радости»**, закончены перв. ред. поэмы **«Беспредметная юность»**, несохранившийся роман **«Василий остров»** и роман **«По ту сторону Тулы»**.

В 1932 изд. роман Гелиодора «Эфиопика», Е. перевел в нем 3-ю и 9-ю книги, написал вст. статью **«Греческий роман и Гелиодор»**, редактировал текст и подготовил прим. Перевел 3-ю и 6-ю книги в романе Ахилла Татия Александрийского «Левкиппа и Клитофонт».

Античностью пронизана и оригинальная проза Е. Название романа «По ту сторону Тулы» перекликается с романом Антония Диогена «Необыкновенные приключения по ту сторону Фуле». В самом тексте романа постоянны лит.-историч. ассоциации, на перв. странице возникают собаки Фингал и Оссиан, затем герой думает о Муции Сцеволе, в речах героев возникают и Нерон, и обед в Древнем Риме, и гнев Ахиллеса. Сюжет не слишком напряжен, зато повествование наполнено абзацами, а порой и целыми страницами ист. реминисценций, здесь и Л. Толстой, и архитектор Штакеншнейдер, и Николай I.

Жанр романа сам автор определил как «советскую пастораль». Перед нами по существу своеобразный эпатаж, выполненный в ракурсе лит. игры, включающей намеки на потаенный смысл реальной действительности, критику того быта, который принижает достоинство личности. Среди персонажей романа — и кооператор, и выпускник политехнического ин-та, и сельские учительницы, и юные девушки, и пенсионеры. Строки прозы образно насыщены, подобно стихотворному тексту, психологически аналогичны, не без оттенка иронии: «Струны напевают вальс „На сопках Маньчжурии“ и своим рыданием, как гипнозом, забирают пылкую, отзывчивую молодежь под свое влияние» («По ту сторону Тулы»). Звучат и песни: «Где мы с миленьким стояли, / Снег протаял до земли, / Где мы с милым целовались, / Там цветочки расцвели» (Там же). Многократны конкретные среднерусские пейзажи: «Кругом в самом деле была зеленая даль под просторным небом. На пустых полях паслись медлительные стада. Телега тряслась ровно». Но и на этом фоне возникают античные образы, напр., в раздумье героя о тексте его будущей повести: «В римском Колизее у Федора разыгрывается роман с Аннунциатой. Она — сплошь пламень, сплошь исступление» (Там же).

Роман был напис. в сент. 1929 — марте 1930. О романе «По ту сторону Тулы» отзыв в печ. появился отрицательный (см.: Книга строителям социализма. 1931. № 12–13). Существуют сведения, что тираж романа был конфискован.

«По ту сторону Тулы» позднее переиздан в вып. А ж. «Русская проза» (СПб., 2011). «Роман Н. „По ту сторону Тулы“, вместе с романами Константина Вагинова (близкого Н. наряду с Михаилом Кузминым и лично, и литературно) — яснейший пример этой общей петербургской тенденции. Жанровый подзаголовок романа,

рукой автора вписанный в один из книжных экземпляров, — „советская пастораль"; внешний сюжет — трехдневный визит петергофского (это важно — не из Ленинграда, а из еще не переименованного ленинградского пригорода, пограничья, как бы из еще Ленинграда, но уже не Петербурга, или наоборот) молодого человека, стихотворца и специалиста по древнеисландской литературе, а в миру „пишбарышни", в тульскую деревню неподалеку от Ясной Поляны, где инженерствует, ища какую-то руду, некий друг Федор, с кот. героя связывает дурашливо-чувственное, с античным оттенком товарищество. Попытка пасторали, попытка счастья, попытка игры и дурачества в неизведанной, вновь населяемой стране (ведь Тула это не только славный самоварами и пряниками губернский город, но и баснословное королевство северных саг — королевство на самом краю земли, за кот. уже нет ничего — лишь мрак необитаемого, неодушевленного мира). Роман необыкновенно тонко и хорошо написан, прослоен остроумно примененными цитатами и отсылками, прямыми и скрытыми, населен доброкачественными в своей ненавязчивой анекдотичности персонажами, будучи беззлобной и точной пародией на повествовательные модели XIX века, оснащен до сих пор вполне современными конструктивными приемами и вообще сулит всяческие радости читателю, способному получать удовольствие от текста как такового. Единственное, чего роману несколько не хватает, так это если не взрывов, то хотя бы каких-то сгущений за его ровной и связной тканью. Пусть за дурачествами, анекдотами и полусерьезными отступлениями и слышится постоянным вторым планом примиренное с собою отчаяние, но у этого отчаяния почти нет структуры — ни подъемов, ни падений, ни конфликтов, ни разрешений. В этом смысле романы Вагинова <...> превосходят николевскую „пастораль" постоянным, хоть тоже не слишком интенсивным движением затекстовых волн. „По ту сторону Тулы" остается памятником несовершённому последнему усилию, хорошей книгой с гениальным заголовком, что, видит Бог, совсем немало и встречается нечасто...» (О. Юрьев).

Др. прозаические работы Н., в т. ч. роман «Василий остров» и сб. рассказов, о кот. поощрительно отзывался в дневнике благосклонный к Н. Михаил Кузмин, до нас не дошли.

Был дружен с К. Вагиновым, М. Кузминым, Ю. Юркуном. 20 янв. 1933 был арестован по делу Р. Иванова-Разумника и выслан из Л-да в дер. Подгорная Томской обл. Был приговорен к трехлетней ссылке, оставил в Л-де мать и жену. В 1934–38 преподавал в Томском ун-те. В 1935 в Томской обл. переработал поэму **«Беспредметная юность»**.

В 1938 переезжает в Новгород (прописки в Л-де был лишен). Преподавал иностр. яз. в новгородской веч. школе, затем — латынь и древнегреческий в Лен. ун-те, регулярно приезжая в Л-д на занятия. Оказавшись на временно оккупированной территории, в 1942 был принудительно вывезен вместе с матерью и братом в г. Нейштадт близ Гамбурга, где работал на фабрике. После освобождения работал преподавателем немецкого яз. при 12-й армии на курсах по подготовке в академию. Осенью 1946 был арестован и осужден на 10 лет ИТЛ, срок отбывал на Сев. Урале и в Казахстане. Весной 1956, за несколько дней до истечения срока, был освобожден со снятием судимости Комиссией Президиума Верховного Совета СССР. Вернулся в Л-д, работал в Ин-те истории естествознания и техники и при Ломоносовском музее АН СССР по переводу с латыни, английского и немецкого яз. науч. статей XVII–XVIII вв., затем стал науч. сотрудником ИРЛИ.

Тонкий знаток и ценитель античного мира, филолог-энциклопедист, превосходно владевший древними и новоевропейскими яз., Е. приобрел авторитет как знаток классич. древности, его науч. труды читаются с захватывающим интересом. В Пушкинском Доме опубл. статьи Е. **«Методы атрибуции в классической филологии»**, **«Греческий роман в русских переводах XVIII в.»** и др. Самый значительный труд Е.— книга **«Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв.»**. Переводчики предстают здесь живыми, яркими индивидуальностями, деятельными участниками лит.-обществ. жизни своего времени. Автор рассматривает худож. перевод классич. лит-ры как принадлежащий нац. культуре переводчика и отдает должное русской «Одиссее» в переводах В. Жуковского и Н. Гнедича как памятнику русской литры и одной из вершин русской поэзии XIX в.

Поэтич. талант Е. сказался и в его переводах: переводы из Гелиодора и Ахилла Татия были смелым и даже дерзким воссозданием стиля оригинала. Был обновлен и Платон, переводчик по существу впервые по-русски раскрыл его изящный и своеобразный стиль в знаменитых диалогах. В 1960-е Е. дал переводы из Филостратов, Марка Аврелия и др., много сделал как редактор «Избранных диалогов» Платона и др. В 1965 вышло новое изд. «Эфиопики» Гелиодора — редакция перевода, вступ. статья и комм, принадлежат Е. Он изучал и русскую лит-ру; ему принадлежат статьи **«Н. Г. Чернышевский и античные эстетические теории»**, **«Письменные ответы И. С. Тургенева на магистерском экзамене»**, **«Тургенев и „Энеида" Вергилия»** и др. Е. выступил также редактором переводов с латыни «Поэтики» и «Риторики» Ф. Прокоповича.

В 1960-е в доме Е. в Гавани (Весельная ул., д. 10) собирались филологи, переводчики, близкие друзья: А. Гаврилов, Г. Шмаков, Л. Чертков, В. Сомсиков (последнему Е. завещал свой архив).

«Все, что делал А. Н. Егунов в своей жизни, отмечено было присущей ему увлеченностью своими занятиями и особой культурой труда» (Русская лит-ра. 1969. № 1). Это относится и к его поэзии. Из русских поэтов Е. особенно ценил Г. Державина, А. Фета, близки были современники М. Кузмин, К. Вагинов. Свои стихи напечатанными увидел лишь один раз — в сб. «Сов. потаенная муза» (Мюнхен, 1961). Затем они публиковались в ж. «Искусство Л-да» (1990. № 6), «Континент» (1990. № 64) и др. Поэтич. наследие Е. еще не изучено, но можно сказать, что в стихах и поэмах он ставит общественно-психологич. проблемы, при этом уделяя внимание и лирическим картинам природы: «При звуках вороньего грая, под небесной дугой...», «в небе самоцветный мост вдруг засверкает блеском алым...» (РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 7. Ед. хр. 5). Г. Морев свидетельствует: «Именно Кузмин, Вагинов и Николев (наряду с Ахматовой

и Мандельштамом) разрабатывали в своем творчестве некоторые важнейшие элементы русской семантической поэтики», что оказало «определяющее воздействие на новейшую русскую поэзию».

К тв-ву Е. обращаются и зарубежные исследователи; так, югославский литературовед Б. Косанович в кн. на сербскохорватском яз. «История русского авангарда» (1995) опубл. специальные статьи о «Беспредметной юности» и романе «По ту сторону Тулы». С теч. времени все более ясно вырисовывается значение Е. как поэта; по мнению Г. Морева и В. Сомсикова, «с обращением в самые последние годы исследователей к „периферийным“ явлениям русской поэзии, к младшей, боковой ее линии в XX в., с постепенным выяснением той роли, которую эти явления сыграли в последующем развитии новейшей русской поэзии, творчество Николева, преодолевая обусловленную жестокой эпохой маргинальность, становится в ряд с крупнейшими поэтическими явлениями...».

Соч.: По ту сторону Тулы. Л., 1931; Ломоносов — переводчик Гомера. Лит. тв-во М. В. Ломоносова: Иссл. и мат-лы. М.; Л., 1962; Трагедия Еврипида «Елена» // Древний мир: Сб. ст. М.; Л., 1962; Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М.; Л., 1964; Стихотворения // Незамеченная земля. М.; СПб., 1991; Собр. произведений. Вена, 1993; Атрибуция и атетеза в классич. филологии 81 // Древний мир и мы. 1997. № 1; Елисейские радости. М., 2001; Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. 2-е изд. М., 2001.

Лит.: Алексеев М., Левин Ю., Полякова С. Памяти А. Н. Егунова // Русская лит-ра. 1969. № 1; Казанский Н. О «Беспредметной юности» А. Н. Егунова // Моск. наблюдатель. 1991. № 12; Морев Г. Андрей Николев. Стихотворения // Незамеченная земля. М.; СПб., 1991; Полякова С. А. Н. Егунов как переводчик древних авторов // Николев А. Собр. произведений. Вена, 1993; Морев Г., Сомсиков В. Андрей Николаевич Егунов: Очерк жизни и тв-ва // Там же; Косанович Б. Тв-во Андрея Николева — белое пятно в изучении русского авангарда // Вестник МГУ. 1995. № 2 (Сер. 9. Филология); Никольская Т. Из воспоминаний об А. Н. Егунове // Звезда. 1997. № 7; Шошин В. Одиссея XX в. // Распятые. Вып. 5. СПб., 2000; Косанович Б. Текст, подтекст и интертекст «Беспредметной юности» Андрея Николева // Поэзия и живопись. М., 2000; Шубинский В. Просто призрак // Новый мир. 2002. № 1; Завьялов С. Гомер в качестве государственного обвинителя на процессе по делу русской поэзии // НЛО. 2003. № 60.

В. Шошин

ЕЛА́ГИНА Елена Васильевна [наст. фам. Зузенко; 5.12. 1947, Л-д] — поэт, лит. и арт-критик, журналист.

Закончила ЛИТМО по специальности «ЭВМ и программирование», позже трехгодичный курс по истории искусства в ГЭ. Работала программистом, референтом в СП СПб. С 1993 — теле- и радиожурналист.

Член СП СПб. и Союза российских писателей (с 1992), член Союза журналистов СПб. (с 1993), член Международной ассоциации искусствоведов (с 1998).

Автор поэтич. книг **«Между Питером и Ленинградом»** (1995, short-list премии «Сев. Пальмира»), **«Нарушение симметрии»** (1999, short-list премии «Сев. Пальмира»), **«Гелиофобия»** (2004, премия им. А. Ахматовой — 2005), **«Как есть»** (2006), **«Островитяне»** (избранное из четырех книг, 2007), **«В поле зрения»** (2009), **«Из воздуха и вещего пера»** (2012).

Лауреат ж. «Звезда» (1998, номинация «поэзия»), лауреат ж. «Нева» (2003, номинация «лит. критика»), дипломант премии лит. критиков «Книжный червь» СПб. Книжного салона (2007). Дипломант премии «Люди нашего города» (выбор горожан) за телепрограмму о совр. искусстве «Петербург. XXI век» (2000), персональный лауреат обществ. смотра-конкурса «Экосвет» — «За профессионализм и объективность в освещении соц. тем» (2005), Президентский стипендиат (программа поддержки лит-ры, 2005).

Как поэт и лит. критик Е. публ. в ж. «Арион», «Введенская сторона», «Волга. XXI век», «Дальний Восток», «День и ночь», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Звезда», «Знамя», «Интерпоэзия», «Ковчег», «Континент», «Крещатик», «Лит. учеба», «Нева», «Новый мир», «Новая Юность», «Север», «Сибирские огни», «Студия» (Берлин-М.), «Таллинн» (Эстония), «У книжной полки», «Юность», альм. «Век» (Германия»), «Тебе, Петербург» (Всемирного клуба петербуржцев), «Рубеж», «Сихотэ-Алинь». Участница антологии совр. русской поэзии «Там звезды одне» (билингва), Kirsten Gutke Verlag Koln (2002), факсимильного сб. стихов четырех петерб. поэтов «Автограф» (Вып. 9. СПб.: Знак, 2003). Отд. стихи перев. на английский, немецкий, итальянский, румынский, чешский яз.

Как лит. и арт-критик, публицист и журналист публикуется в периодич. изданиях СПб., М., стран СНГ и за рубежом.

С 2004 ведет в прямом эфире на «Радио России — СПб.» еженедельную пятидесятиминутную публицист. дискуссионную программу «Радиоклуб на Карповке»

Е. — одна из последовательных и убеждённых представительниц петерб. поэтич. школы. Её можно было бы отнести к т. н. задержанному поколению, если бы не тот факт, что «серьёзные» стихи (в отличие от «датских» и «капустнических») она начала писать в весьма зрелом возрасте, а в изв. лен. ЛИТО «Нарвская застава» пришла, уже переступив порог сорокалетия. Тем не менее, своими учителями считает в первую очередь А. Кушнера и И. Бродского.

Е., добровольно помещая себя в заведомо неразрешимую ситуацию, поэтически переживает жизнь как катастрофу. Её волнуют и настора-

живающие трансформации, происходящие в сегодняшней культуре, и место слова в совр. мире. Осн. темами её лирики — особенно в посл. годы — являются отношения со временем и с высшими силами. «Время в поэзии Елагиной, в отличие от безчеловечной и сверх-человеческой природы времени в творчестве Бродского, предельно очеловечено, можно даже сказать — биологично» — пишет о ней Е. Иванова.

Заметная тема в стихах Е. — Петербург, кот. воспринимается Е. как живое существо и является сквозным экзистенциальным мотивом её лирики. Вместе с тем, от её взгляда не ускользает и человек: один из тех прохожих, у кот. в этом городе — детство, отрочество, юность. А ещё вера, надежда, любовь, будни, праздники, падения и взлёты. «Но вот что замечательно: в отличие от романтического сознания, сосредоточенного главным образом на себе, лирический субъект стихов Елагиной мучительно вглядывается в судьбу своих современников, его скорбь — не от личных неурядиц. Просто на глазах происходит обессмысливание или даже омертвление самой жизненной ткани. Не разлад „высокой души“ с миром наблюдаем мы в этих стихах, а разлад мира с самим собой, некий паралич, угрожающие признаки некроза» (А. Машевский).

Мироощущение Е. стихийно-буддистское, несмотря на весь античнохристианский антураж лирики. Бог в её стихах — не христианская каноническая Троица, и даже не библейский Саваоф, а скорее обобщённые Силы Небесные. Они стоят выше человека и равнодушно управляют им, не слыша молений, не отзываясь на упования. Но в силу того, что тексты Е. пребывают в рамках европейской культуры с соответствующей ей символикой, то подчас и воспринимаются критиками как лежащие в пределах христианской проблематики. Поэтому Е. Иванова замечает: «Пространство лирики Елагиной — это *пространство выбора при полной невозможности его совершить*, так как сами антиномии, кот. наполняют ее творчество, такого выбора ни в коем случае не предполагают. Ее мир — это мир между Ветхим и Новым Заветом; „там“ и „тогда“, когда одного Ветхого — уже мало, а к принятию Благой Вести душа еще не готова». Это существенное наблюдение. Позиция Е. — наступательно-вопрошающая. Её вопросы всегда из разряда «последних», бунтарских. Тем не менее «немотивированность случайного ощущения полноты бытия Елагиной не единожды отмечает в своей книге. Не разум, не чувство, даже не вера, а какая-то странная лирическая интуиция оказывается мудрее нас, открывая иной план все той же самой неутешительной реальности» (А. Машевский). При этом реальность, предстающая в совершенной форме стиха, является и утешением, и оправданием.

Дар Е. это не дар поэта-сладкопевца, поэтическое бельканто не её стезя. Как отмечали многие критики, у Е. жесткое, не женское письмо. Его ткань шершава, с обилием сталкивающихся лбами согласных. Но «следить за звуком», выправлять эти погрешности ей словно бы некогда — она спешит за смыслом. Логика у неё практически всегда выше звука. Письмо Е. суховато и предельно логично. Форма обычно достаточно чиста и дисциплинирована. Всё в выбранной ею поэтич. системе представляет собой стремление к точности: «Тело — / для роста боли, / душа — / для роста страданья, / лишь дух — / просто для роста». Однако отнести тв-во Е. к чисто интеллектуальной поэтич. ветви, наверное, было бы не верно. Е. в своих стихах вполне простодушна (чувства человека живы, не позорны, как уверяют апологеты актуального искусства, а посему должны быть интересны и автору и читателю) и как бы старомодна — постмодернистские «игры в бисер» не её конёк, хотя культурных реалий в стихах Е. довольно, а порой и с избытком.

Е. свободно держится и в традиционном силлабо-тоническом стихосложении, и в белом стихе, и в акцентном, и в верлибре, считая последний самой сложной формой для стихотворца, требующей не только внешней изобретательности, но и особой внутренней фокусирующей энергетики. Свои верлибры она называет текстами, поскольку полагает, что это не вполне верлибр в классич. понимании. Прозаич. начало, столь сильно свойственное стихам Е., в конечном счете, привело её к форме т. н. коротких записей, кот. не стоит путать с афоризмами, поскольку это не завершение мысли, как в афоризме, а её развитие. В этом жанре для Е. любимыми являются образцы Э. Чорана и Б. Останина.

Поэзия, по мнению Е., литература: «Действительность претерпевает в лирике, даже любовной, пожалуй, самую существенную художественную трансформацию. Стихи — не репортаж с места событий, и не страницы из личного дневника, а любовная жизнь слов, их сопряжения и отталкивания» (**«Записки на эскалаторе»**). В отличие от весьма распространённого ныне мнения о небывалом взлёте совр. российской поэзии, Е. полагает, что поэзия находится в глубоком кризисе, продолжая считать, что большим поэтом может быть только создатель собственной — революционной — поэтич. системы. «Писать по-старому — и традиционным стихом, и всеми остальными известными стихотворцам способами, включая классический верлибр — уже почти невозможно, жилы оскудели, энергетика их выработана. Попытки же длить их из развития трансформировались в вырождение, кот. всегда — эпигонство и стилизация. А полнокровный и развитый новый язык еще не появился. Недаром изначально самодостаточному слову на территории „актуальности“ стали требоваться подпорки: музыка (возрождение мелодекламации в различных изводах), театрализация (как в случае с Борисом Рыжим), визуальный ряд в видеопоэзии и прочих „экспериментах“, кот. уже сто лет как минимум. Что дальше — неизвестно» (из «Записок на эскалаторе»).

Соч.: Между Питером и Ленинградом. Л., 1995; Нарушение симметрии. СПб., 1999; Гелиофобия. СПб., 2004; Как есть. СПб., 2006; Островитяне. СПб., 2007; В поле зрения. СПб., 2009; Из воздуха и вещего пера. СПб., 2012; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012; Новая лит. карта России // http://www.litkarta.ru/russia/spb/persons/elagina-e/view_print/

Лит.: Машевский А. Елена Елагина. Нарушение симметрии // Новый мир. 2000. № 2; Равинский Д. Ночная пряжа // Дружба народов. 2000. № 2; Кудрявцева Т. «Вот гармонии отменной урок...» // Нева. 2005. № 3; Богачевская О. Одолевая све-

тобоязнь // Новый мир. 2005. № 12; Травин Д. Господь отключился // Дело. 2006. 16 окт.; Василькова И. Что может быть уютней бездны отчаяния... // Новый мир. 2007. № 4; Курбатов В. Ожить к утру // Лит. учеба. 2007. № 6; Скульская Е. Елена Елагина: Не вышло про любовь...» // Postimees (Эстония). 2008. 1 июл.; Шпаков В. Елена Елагина. Островитяне // Знамя. 2008. № 10; Письменный М. Русский рай // Дружба народов. 2008. № 11; Машевский А. «Кто знает путь зерна и провиденья...» // Новый мир. 2008. № 11; Берязев В. «И весна зацветёт, как улыбка Господня...» // Сибирские огни. 2008. № 11; Иванова Е. Между эллином и иудеем // Вопросы лит-ры. 2010. № 4; Иваницкая Е. Наследство без наследников? // Первое сентября. 2012. 2 апр.

Т. К.

ЕЛЁНИН (наст. фамилия Чехановец) Марк Соломонович [8.6.1924, М. — 3.1.1994, Иерусалим] — прозаик, критик, кинодраматург.

Детство провёл в Л-де, где окончил среднюю школу. Пережил перв. блокадную зиму 1941. С 1942 по 1945 сражался на фронтах, был дважды ранен, инвалид войны.

Перв. рассказ опубл. во фронтовой газ. «Артиллерийский залп» в 1943. К 1945 был в звании мл. сержанта. После демобилизации учился на отд. журналистики ЛГУ (1951), по окончании учебы направлен по распределению в Узбекистан. Работал отв. секретарем ж. «Звезда Востока» (1921–59).

Член СП СССР (1957). Член Союза кинематографистов СССР с 1958.

Тв-во Е. по тематике распределяется условно на три части: первая — кн. о жизни и строительстве в Ср. Азии, вторая — кн. о Великой Отеч. войне, блокаде и современниках, третья — произведения о белой армии и эмиграции. Хронологических рамок периодизации в данном случае не выделить, т. к. автор работал в разных направлениях одновременно. Переводил произведения узбекских авторов.

Перв. книги и киносценарии посвящ. Ср. Азии: **«Последний экзамен»** (1956), **«Три шага в пустыне»** (1963), **«Тысяча отчаянных километров»** (1965). Осн. проблематика произведений — это освоение целинных земель в Азии, отражение азиатских традиций и обычаев с позиций европейского человека. «Тысяча отчаянных километров» повествует о Памире.

Трилогия **«Дни доброй надежды»** (1974), **«Добрый деловой человек»** (1977) **«Возвращение в Кызылкум»** (1979) представляет историю жизни одного героя. В произведениях показано, как две стихии объединяются в судьбе Глеба Базанова — это Л-д и азиатская пустыня. В Л-де персонаж родился и окончил школу, отсюда ушел на фронт. Воспоминания и любовь заставляют его неоднократно возвращаться в родной город. В то время как Кызылкум — это не только жаркие пески, но и поиски легендарного золота, открытие богатейших месторождений, строительство нового города и огромного комбината — дело жизни героя, который по профессии геолог и строитель. Кн. напис. в рамках соцреалистических традиций и пронизана идеологич. мотивами: гл. персонаж является ответственным партийным работником. Герой идеализируется — это мечтатель и творец, и в то же время он замечательный и перспективный деловой человек. Жизнь героя представлена как путь среди многочисленных дорог. Но куда бы ни приводили его обстоятельства, рядом с ним показаны обязательно добрые люди, кот. становятся его друзьями. В кн. идеализированно показана судьба целого поколения сов. людей, к кот. принадлежит и сам автор. Это поколение выросло и повзрослело в годы Отеч. войны, а затем занималось восстановлением и строительством новой страны.

С 1960 жил и работал в Л-де. Писатель создал ряд книг воен. тематики: **«Марш-бросок»** (1988), **«Люди и годы»** (1955) и о блокаде Л-да — **«День длиною в жизнь»** (1967) и **«Ленинградская баллада»** (1982). В кн. используются архивные ист. мат-лы, автобиогр. данные, воспоминания. В жанровом отношении эти рассказы и повести тяготеют к форме очерка, документальность в них взаимодействует с худож. элементами. В кн. «Ленинградская баллада» входит и цикл рассказов о современниках Е.

Писатель является и автором 15 киносценариев худож. и докум. фильмов. По его сценариям созданы кинофильмы **«Во имя счастья»** (в соавт. с Г. Марьяновским, 1956), **«Пятеро друзей»** (в соавт. с Г. Марьяновским, 1959), **«Мощный пласт»** (в соавт. с Г. Марьяновским, 1960), **«12 часов жизни»** (в соавт. с Г. Марьяновским, 1963), **«Солдаты Октября»** (совм. сов.-югославский фильм). В архивах хранятся пьесы Е.: **«За двумя зайцами»**, **«Куда девался чижик»**, **«Воскресенье после черной субботы»** (1951–91).

Е. напеч. ряд критич. ст.: **«Война и дипломатия (Валентин Пикуль. Пером и шпагой. Три романа и миниатюры)»** (Звезда. 1973. № 4), **«Г. Марьяновский. Книга судеб»** (Звезда. 1977. № 7). Писатель создал докум. очерк истории лен. з-да им. И. Котлякова **«От подковы до эскалатора»** (1972).

Осн. направлением заключительного этапа тв-ва Е. стало отражение темы истории белой эмиграции. Писатель посвятил мн. годы скрупулезной архивной работе, чтению мемуаров и воспоминаний русских эмигрантов, личным встречам с участниками событий. Одним из первых в российской лит-ре Е. представил широкое худож.-историч. изображение гражданской войны и жизни русской эмиграции, вне негативных идеологич. оценок. Результатом работы стал четырехтомный ист. роман-хроника **«Семь смертных грехов»** (1981–94). Сюжет в этом произведении ограничен чёткими ист. рамками событий, связанных с движением Белой армии в Крыму с весны по осень 1920. Центральные герои романа не являются реальными ист. персонажами — это князья Белопольские, на примере кот. представлена

история гражданской войны и эмиграции, судьбы белой армии в Турции и на Балканах. Помимо этого действующими лицами в кн. являются генералы, бароны, князья, статские советники, гвардейские офицеры, денщики, врачи, солдаты и т. п. Среди героев романа есть реальные личности — А. Деникин и П. Врангель, их окружение. В романе переплетается вымышленное и историческое, совмещается художественное и документальное. Творч. манера автора сочетает стилизацию русской прозы 1920–30-х и соцреалистические тенденции. Детективные сюжетные элементы, связанные с мотивами финансовых авантюр, и жёсткие натуралистические описания сражений и гибели людей придают тексту худож. выразительность. Непредвзято Е. показывает тяжёлые судьбы простых людей, вовлеченных в кровавые сражения гражданской войны, повествует о страшной участи чекистов, внедренных в эмигрантские круги. Некоторые отрывки романа изложены в соответствии с воспоминаниями генералов белой гвардии Деникина, Врангеля, А. Туркула и др. и представляют собой жанровую форму дневниковых записей, включённых в текст хроники. Е. использовал воспоминания Александра Вертинского, хотя последний в романе не изображён. Особое внимание уделяется перв. шагам дипломатии сов. страны, событиям на Генуэзской конференции.

Роман был встречен критикой неоднозначно: в печати есть как отрицательные (С. Семанов), так и положительные рецензии (М. Купченко). И. Минц в послесл. ко второму изд. отмечает: «Интересный сюжет романа М. Еленина местами — острый политический детектив, сочетается с углубленной психологической разработкой характеров и положений». В. Чичерюкин-Мейнгардт в кн. «Дроздовцы после Галлиполи» даёт положительный отзыв о романе Е., считая, что писатель-историк не должен идеализировать или очернять ту или иную противоборствующую сторону.

Кн. Е. **«Соль чужбины»** (1989) является продолжением романа-хроники «Семь смертных грехов». Действие в произведении развертывается на территории стран Европы, г. о. во Франции, кот. представлена как центр белой эмиграции. Автор художественным образом раскрывает на основе ист данных борьбу великих князей Кирилла Владимировича и Николая Николаевича за русский престол, попытки вождей эмиграции представлять несуществующую царскую Россию, мифич. планы победы над большевиками и т. п. В текст включены авантюрные и детективные элементы, мат-лы из мемуаров эмигрантов.

Писатель умер в Иерусалиме от болезни сердца. В посл. десятилетия XX в. кн. Е. были весьма популярны, переводились на разные яз., издавались во Франции и в Болгарии.

Соч.: Последний экзамен. Ташкент, 1955. Люди и годы: Рассказы и очерки. Ташкент, 1955; Три шага в пустыне: Повесть. Л. 1963; Тысяча отчаянных километров: Повесть. Л., 1965; День длинною в жизнь: Повесть. Л., 1967; Солнечные города: Очерки. Ташкент, 1968; От подковы до эскалатора (История Лен. завода им. И. Е. Котлякова). Л., 1972; Дни доброй надежды: Роман. Л., 1974; Добрый деловой человек: Роман. Л., 1977; Возвращение в Кызылкум: Роман. Л., 1979; Ленинградская баллада: Повести и рассказы. Л., 1982; Семь смертных грехов: Роман. М., 1986. Марш-бросок: Повести и рассказы. Л., 1988; Соль чужбины: Роман-хроника. Л., 1989.

Лит.: Семанов С. История и сплетня // Наш современник. 1981. № 11; Купченко М. Обреченные историей (М. Еленин. Семь смертных грехов) // Звезда. 1982. № 7; Минц И. Послесл. // Еленин М. Семь смертных грехов. Л., 1987; Чичерюкин-Мейнгардт В. Дроздовцы после Галлиполи. М., 2002.

С. Петрова

ЕЛЕНСКИЙ Николай Октавиевич (псевд. Доэлен, Н. и С.) [6.12.1868, Борисоглебск Тамбовской губ. — 1939] — драматург, прозаик-беллетрист.

Имел польские дворянские корни. Учился в Царицынской гимназии и Моск. ун-те. Служил в эксп. заг. гос. бум.

За один только 1929 в Л-де отд. изданиями вышли его пьесы **«Без благословения»**, **«В двухнедельный срок»**, **«Вредная болезнь»**, **«Встряска»**, **«Испытание»**, **«Очень просто»** (в соавт. с В. Трахтенбергом).

Архив хранится в РНБ.

Лит.: Масанов И. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и обществ. деятелей: В 4 т. Т. 1. М., 1956.

ЕЛЕО́НСКАЯ Елена Николаевна [23.6(5.7).1873, Сергиев Посад — 3.10.1951, М.] — фольклорист, этнограф.

Отец — проф. богословия Моск. ун-та. Широко изв. его статьи по истории религии, печ. в ж. «Душеполезное чтение». В семье поддерживались стремления дочери к углубленному образованию: Е. свободно владела неск. иностранными яз. Закончила Моск. Елизаветинский ин-т. Поступив на Высшие женские курсы, с 1906 стала вести на них практич. занятия по курсу фольклора и этнографии. Была ученицей Вс. Миллера, главы «исторической школы», помогала ему в подготовке сб. «Былины новой и недавней записи» (1908), участвовала в изд. его посмертного труда «Исторические песни русского народа» (1915).

Е. актив. занималась вопросами фольклористики, этнографии и литературоведения. Науч. деятельность Е. связана с двумя городами: М. и СПб.

Собств. науч. путь Е. начала с изучения волшебной сказки. В 1905–15 опубл. ее ст. **«Отголоски древних верований в сказке»**, **«О пережитках первобытной культуры в сказках»**, **«Представление того света в сказочной традиции»** и др. Е. интерпретировала фольклорный текст в рамках методологии «исторической школы». Гл. задача исследования — выявление исчезнувших форм первобытного мышления и соц. жизни. На основе сохранившихся в тексте древних элементов «верований и воззрений», помещенных в жизненную рамку, Е. восстанавливает картину мира первобытного человека. Представления об исцеляющем свойстве воды, чудодейственной силе слова и др. сохраняются в измененном виде в сказочном тексте, несмотря на постепенное наслаивание бытовых подробностей. Е. сравнивает сказку в ее неск. вариантах, что позволяет отделить привнесенное от первичного и понять эволюцию сказки. Напр., в «Безручке» отсеченные руки снова появляются, когда героиня окунает их в воду, в др. варианте этой сказки — руки дарит Богоматерь. Первоначальное единство двух сказок объясняется тем, что ядром их структуры является древняя вера в живительную и очистительную силу воды,

в образе Богородицы заключено представление о чистоте Девы Марии. Исчезновение древних верований, как замечает Е., правильно называть переосмыслением: сначала сказка первобытного периода была отголоском действительности, потом изменялась и становилась все более сюжетной, «литературной» историей. Однако архаич. элементы сохранились и стали играть сюжетообразующую и формообразующую функцию.

Ст. Е. **«Заговорная формула в сказке»** и **«Роль загадок в сказке»** посвящ. проблемам взаимоотношения элементов разных жанров. Заговор в кач-ве элемента сказки характеризуется как «необходимая подробность», выполняющая исключительно служебную роль. Е. предложила их классификацию: приказание-обращение, приказание и пожелание. Она рассматривала вопросы, связ. со сказочной стилистикой. В работе **«Из иностранной лит-ры. К вопросу о возникновении и сложении сказки»** описывается традиц. стилистика жанра: сжатость изложения, условность времени и пространства, внешности и характеристики персонажей. Е. обращалась и к проблемам взаимоотношения фольклорного и авторского текста: ст. **«Жуковский — переводчик сказок»** посвящ. лит. обработке сказочных сюжетов.

Вела актив. науч. деятельность: участвовала в ж. «Этнографич. обозрение», «Русский архив», «Русский филологич. вестник», написала более ста ст. и рец. по вопросам фольклора и этнографии. В 1910 вместе с Вс. Миллером и В. Богдановым организовала Комиссию по собиранию, изучению и изданию произведений народной словесности и созд. «Программу» (опубл. в 1912), представляющ. собой подробное руководство, как вести записи в фольклорной экспедиции. Комиссия под рук. Е. вела работу по составлению **«Библиографических указателей лит-ры по народной словесности на русском яз.»** (1913–15).

Е. была в тесных науч. контактах со мн. изв. петерб. фольклористами, литературоведами и этнографами. Она вела совм. работу с А. Шахматовым, Н. Онучковым, Д. Зелениным и др. Являлась членом Русского географич. об-ва (СПб).

Мн. работы Е. посвящ. совр. бытованию обрядов и фольклорных текстов. В ст. **«Обряд крещения и похорон кукушки в Калужской и Тульской губерниях»** (1910) Е. впервые обратилась к теме частушек. В 1914 ею был составлен «Сб. великорусских частушек», кот. положил начало изучению этого жанра.

В 1917 выпустила кн. **«К изучению заговора и колдовства в России»**, мат-лом кот. являлись судебные дела о колдовстве и знахарстве в XVII в. Заговоры были распространены в любом сословии и передавались не только из поколения в поколение, но и просто могли быть записаны от случайного прохожего. В заговоре, как и в сказке, Е. интересовали архаич. элементы. Они прикреплены к опр. типу заговора и сохраняются формульно. Напр., в заговорах от крови часто употребляется словесная формула, в кот. упоминается нитка и иголка: так происходит отсылка к древнему образу «зашивания». Е. дала классификацию заговоров на Руси в XVII в. (три группы в зависимости от темы: болезнь, хозяйство и отношения между людьми). Была составлена развернутая программа **«Как записывать заговоры»** (1911).

Е. намеревалась продолжать иссл. по народной магии, но рев. события надолго приостановили ее науч. и препод. деятельность. С 1922 она работала в Гос. Центр. музее народоведения. Музей интересовался преимущественно крестьянской матер. культурой, и Е. стала изучать женский головной убор, по своей инициативе собирала сведения об обрядах. К 1929 было подгот. иссл. **«Сельскохозяйственная магия»** (не вышло в печ.).

Следующим периодом науч. деятельности Е. стала разработка темы традиц. детской игрушки. Она созд. программу для их научного описания. Планировался большой сб., посвящ. игрушкам, кот. можно было найти в странах СССР, однако и он остался не опубл. Большинство матлов осталось в черновиках.

В СПб. был высоко признан авторитет Е. Сохранились письма А. Шахматова и Д. Зеленина к ней. Последний в одном из писем назвал Е. «лучшим специалистом в России по сказкам», он высоко оценивал вклад Е. в изучение частушки и считал ее труд «драгоценным» для науки. Ее работы по сказке, заговору, частушке остаются интересными и образцовыми для современных ученых, несмотря на давность написания и во многом изменившиеся взгляды и ведущие методологии в науке.

В 1930–40-х исследования Е. практически не печ.: она не смогла вписаться «в отряд активных деятелей советской фольклористики» (Елеонская Е. Сказка, заговор и колдовство в России / Предисл. Л. Виноградовой. М., 1994) и по-прежнему продолжала заниматься непопулярными и фактически запрещенными в то время темами заговоров и народной магии.

В 1994 вышел сб., включающий в себя как уже утвердившие место Е. в науке статьи, так и мн. ненапеч. работы.

Соч.: К изучению заговора и колдовства в России. М., 1917; Некот. замечания по поводу сложения сказок. Заговорная формула в сказке // Этнографич. обозрение. 1912. № 1–2; Некот. замечания о роли загадок в сказке // Там же. 1907. № 4; Из иностранной лит-ры. К вопросу о возникновении и сложении сказки // Там же. 1907. № 1–2; Некот. замечания о пережитках первобытной культуры в рус. нар. сказках // Там же. 1906. № 1–2; Сказка о Василисе Премудрой и группа однородных с нею сказок // Там же. 1906. № 3–4; Великорус. сказки Пермской губ. // Там же. 1915. № 1–2; Мат-л для занятий в семинарии по нар. словесности. М., 1912; Сб. великорус. частушек. М., 1914; Сказка, заговор и колдовство в России: Сб. трудов. М., 1994.

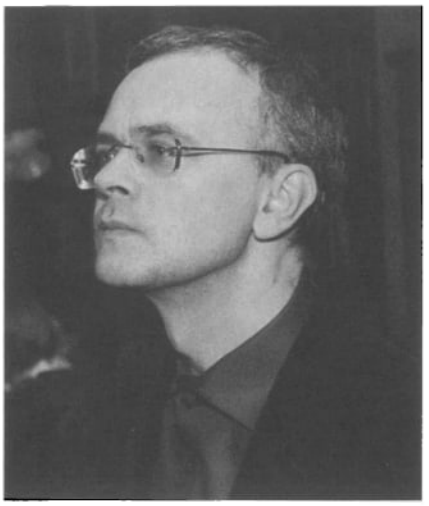
Лит.: Бинкевич Е. Е. Н. Елеонская: К 70-летию со дня рождения // Сов. этнография: Сб. VI–VII. М.; Л., 1947.

П. Павликова

ЕЛИСЕ́ЕВ Никита Львович [6.8. 1959, Л-д] — лит. критик, писатель, телеведущий.

Родился в семье актеров. В 1981 окончил историч. фак-т ЛГПИ (ныне РГПУ) им. А. Герцена. Работает библиографом в РНБ им. М. Салтыкова-Щедрина.

В кон. 1980-х посещал семинар Б. Стругацкого. Напис. фантастич. произведения: рассказ **«Мардук»**, роман **«Судьба драконов в послевоенной галактике»** и рассказ **«Отстрел гномов»** (последние два опубл. только в интернете).



Писать критич. статьи начал рано, но не публ. их. В нач. 1990-х жена Е. собрала все его эссе и отправила в ж. «Знамя». Их не опубл., но предложили автору написать рассуждение о совр. российских философах. Перв. журн. публикация Е. — эссе **«Мыслящие вслух»** (Знамя. 1993. № 2). Впоследствии Е. стал пост. автором это ж-ла.

В 1994 в ж. «Новый мир» (№ 11) опубл. ст. **«Человеческий голос»** о трехтомнике С. Довлатова. В 1995 написал о long-list премии «Русский Букер».

С 2000 стал обозревателем культуры в ж-ле «Эксперт Северо-Запад», где, в частности, опубл. ст. **«Петербуржец в первом поколении. Памяти Владимира Уфлянда»** (2007. № 17), **«Писатель-издатель. Инт. с Александром Житинским»** (2007. № 34) и др.

В том же году стал актив. сотрудничать с ж. «Сеанс»: **«Россия в иностранных документальных описаниях. Хрестоматия»** (2007. № 31), **«Неудавшийся эксперимент»** (2009. № 37–38), **«Презумпция вины»** (2011. № 47–48, номера посвящ. «Фаусту»). Написал неск. статей для выпущенного этим ж-лом изд. «Новейшая история отеч. кино. 1986–2000. Кино и контекст» (СПб., 2002).

В 2002 в изд-ве «Лимбус Пресс» вышла книга Е. **«Предостережение пишущим»**: сб., в кот. вошли как уже напечатанные ранее, так и никогда не публ. эссе. В 2009 — кн. **«По теченью и против теченья... Борис Слуцкий: жизнь и тв-во»** (в соавт. с П. Гореликом).

Отмечен премией ж. «Новый мир» (1998) за напечатанные там статьи: **«Олеша и наследник»** (1998. № 8), **«Гамбургский счет и партийная литра»** (1998. № 1), **«Памяти одного стукача — статья тайн»** (1998. № 3), **«Московский пленник и другие»** (1998. № 5), **«Что не дозволено ученому. Просто напоминание»** (1998. № 7), **«Последняя черта»** (1998. № 9), **«Наивный читатель и образованный автор»** (1998. № 11).

Публ. в ж. «Звезда» (**«Борис Слуцкий и Иосиф Бродский»** — 2009. № 7; и др.), «Нева» (**«Борис Слуцкий и война»** — 2010, № 5), «Постскриптум», «Октябрь» (ст. **«Толстовец со шпагой: „Война и мир“ Максима Кантора»** — 2010. № 10), «Критическая масса» (**«Андрей Синявский. 127 писем о любви»** — 2004. № 4; и др.), «Ступени», «Новая русская книга» (**«Юрий Мамлеев. Блуждающее время»** — 2001. № 2; и др.), «Вопросы лит-ры» (**«Клерк-соловей»** — 2000. № 5), «Вестник Европы» (**«Я и Томас Манн»** — 2008. № 24), «Арион» (**«Бормотание времени: О стихах Сергея Стратановского»** — 2010. № 3), «Питербook», «Собака.ru», «Век XX и мир», газ. «Первое сентября», сетевых изданиях «Русский ж.», «Опушка» и др.

Выступая на круглом столе «Лит. критика: независимая и обслуживающая», организованном ж. «Прочтение» 25 нояб. 2007 (prochtenie.ru/seminars/23291), сам Е. обратил внимание на то, что критика играет, в сущности, «обслуживающую» роль: и при этом «правильное обслуживание — это обслуживание читателя и писателя», а «неправильное» обслуживание — «это обслуживание тех или иных структур, кот. в силу каких-то причин указывают тебе, кого нужно похвалить, кого нужно поругать или кого ругать вообще не следует». Цель критика Е. видит в том, чтобы помогать читателю ориентироваться в лит. пространстве (**Критика: последний призыв** // Знамя. 1999. № 12).

А. Касымов полагает, что для Е. как для выпускника историч. фак-та в лит-ре интересна возможность связи, переклички времен, почему его следует признать критиком «именующим, а не классифицирующим»: «каждое имя под его пером становится часом, днем, месяцем, годом, веком», причем отношения Е. с любым персонажем его заметок «напоминают отношения сочинителя со своим любимым — неважно, положительным или отрицательным — героем». Называя Е. мастером не только критической, но и психологич. прозы, Касымов подчеркивает ту роль, кот. играет в статьях Е. собственно слово («мыслит сей автор... вербально»), в результате чего «читающего не оставляет ощущение, что он читает не столько критику, сколько критическую прозу, во всяком случае — повествования, написанные критиком».

Подобным же образом характеризует тв-во Е. и Е. Иваницкая: «Критическое кредо автора сомнений не вызывает: „главное умение писателя — умение ставить слово подле слова“, „язык, стиль — вот идеология писателя. Вот его патриотизм, религиозность или революционность“». Иваницкая отмечает, что «постоянный, сильнейший аналитический прием автора — сравнительно-сопоставительный, „компаративистский“. Е. великолепно умеет видеть доказательное сходство, включать текст в литературную панораму, находить разительные параллели».

С. Беляков, напротив, считает, что слабость Е.-критика состоит не только в отсутствии претензии на отражение лит. процесса, но порой и в недостаточной глубине анализа того или иного лит. произведения: «Е. — критик-коллекционер, он обращает внимание лишь на те книги, статьи, эссе, что позволяют ему проявить свой дар — дар насмешника, сатирика. Обратите внимание на его обзоры: каждая „Книжная полка“ — своеобразный паноптикум, кунсткамера. Как правило, книги, поставленные на его „полку“, объединяет одно — Е. нашел в них что обыграть. В одном ряду могут оказаться, скажем, Акунин, Сальвадор Дали, Дмитрий Бортников и Хольм ван Зайчик. <...> Если книга... одиозна — то из-под пера Е. выйдет небольшая, изящная, ядовитая статья, кот. доставит наслаждение читателю, не лишенному чувства юмора».

Впрочем, М. Эдельштейн решительно возражает против такой оценки Е.: «Он критик-диагност, он умеет так определить писателя, что тот будет трепыхаться, как пришпилен-

ная бабочка, ...но с булавки ему уже не слезть и надпись на этикетке не поменять». Самым ярким образчиком тв-ва Е. Эдельштейн считает статью **«Заметки краем»**, посвящ. книге А. Немзера «Замечательное десятилетие русской лит-ры», кот. называет «не рецензией даже, а непонятной жанровой природы сочинением в манере „бормочущей розановской записки", агоном, стилевым состязанием, в кот. рациональной центростремительности насквозь логичного Немзера противопоставляется дионисийский хаос, распад, шушукание по углам: „Я здесь краем, краем"».

Тем не менее «имидж анфан-террибля современной российской критики» (определение М. Эдельштейна), отчасти наследующего розановским традициям, и откровенная язвительность многих лит.-критич. заметок Е., одними читателями воспринимается как «интеллектуальная веселость» (Е. Иваницкая), другими оценивается как бездоказательность, хотя и достаточно остроумная. Так, по мнению А. Кобринского, Е. — «критик, журналист, пытающийся разговаривать, как филолог. Его излюбленный жанр — эссе — ныне оттеснен почти что на задворки современного литературного процесса. И в самом деле, как определить то, что проделывает критик с „Моцартом и Сальери" или с „Ревизором"? Пожалуй, как очень талантливое, искрометное, даже блестящее (можно добавить и другие эпитеты)... школьное сочинение. Главными его признаками становятся безграничная, абсолютная бездоказательность».

В 2010 принял участие в создании учебника по русской лит-ре, написанном писателями о писателях «Лит. матрица» (В 2 т.), с разделом **«Об авторах этой книги»**.

С 2012 на ТК «100 ТВ» Е. ведет еженедельную передачу «Словораздел». Передача строится по принципу клуба, где писатели, поэты, литературоведы, режиссеры и художники обсуждают вопросы, связанные с литрой и искусством.

В 2002 получил первую премию конкурса русской сетевой лит-ры «Тенета» в номинации «Лит.-критич. статьи» (за ст. **«Колбаса и „Офелия"»**). Член СП СПб., Академии русской совр. словесности. Член жюри ряда лит. премий: премия им. Аполлона Григорьева (1997), «АБС-фантастика» (1999–2003), Большое жюри премии «Нац. бестселлер» (2002), «Русский Букер» (2004).

Соч.: Мардук: Рассказ // Октябрь. 1997. № 12; Судьба драконов в послевоенной галактике: Фантастич. роман // http://lib.ru/RUFANT/ELISEEV/drakon.txt; Отстрел гномов: Рассказ // http://books.rusf.ru/unzip/xussr_gk/elisen02.htm?1/1; Колбаса и «Офелия» (или Рассуждения о «Зависти» Юрия Карловича Олеши) // Опушка. 2002. 7 июн. (www.opushka.spb.ru/text/eliseev_txt.shtml); Предостережение пишущим. СПб., 2002; Заметки краем // Русский ж. 2003. 4 июл. (http://old.russ.ru/krug/kniga/20030704_ne.html); По теченью и против теченья... Борис Слуцкий: Жизнь и тв-во (в соавт. с П. Гореликом). М., 2009; Разорванный мир: Эссе // Корнилов Б. «Я буду жить до старости, до славы...» СПб., 2012.

Лит.: Касымов А. Номинатор, или Повествование Н. Е. // Знамя. 2001. № 4; Семанов С. Лит. критика либерального общепита // Завтра. 2001. № 7 (58); Чупринин С. Новая Россия: Мир лит-ры. М.; СПб., 2002–03. Т. 1; Беляков С. Критика и библиография // Урал. 2003. № 3; Эдельштейн М. [Постскриптум к инт. с Н. Елисеевым] // Русский ж. 2003. Вып. 2003. 26 дек. (http://old.russ.ru/krug/20031226_krit.html); Иваницкая Е. Никита Елисеев. Предостережение пишущим // Знамя. 2003. № 12; Кобринский А. Филология и журналистика. О некот. особенностях публицистич. извинений (Полемические заметки) // Дружба народов. 2004. № 2; Огрызко В. Русские писатели. Совр. эпоха. Лексикон: Эскиз будущей энц. М., 2004.

Е. Гречкина,
С. Друговейко-Должанская

ЕМЕЛЬЯ́НОВ Леонард Иванович [2.2.1929, ст. Курья Алтайского края — 14.9.1996, СПб.] — литературовед, фольклорист, лит. критик, прозаик.

Окончил в 1953 русское отд. филологич. фак-та ЛГУ, написав дипломную работу под рук. проф. В. Я. Проппа. Уже со студенч. лет заявил свою активную жизненную и научно-общ. позицию (по его собств. воспоминаниям): «...февраль 1953-го. В Малом конференц-зале Пушкинского Дома шло обсуждение большого коллективного труда... Вопрос был по тем временам наиострейший — о современном состоянии народного твор-

чества, — и обсуждение, затянувшееся до позднего вечера, оказалось на редкость бурным. Решился и я выступить. Выступление у меня, надо сказать, получилось довольно резкое, а если учесть, что был я в ту пору всего лишь студентом-пятикурсником, то, пожалуй, даже и слишком резкое. Не помню в точности, что говорили выступившие следом. Помню только, что досталось мне довольно основательно».

Учился в аспирантуре ИРЛИ с 1953 по 1956 (науч. рук. В. Г. Базанов). Зачислен в ИРЛИ (ПД) АН СССР в 1955. С 1956 — науч. сотрудник Сектора фольклора ИРЛИ. [Член КПСС с 1970.] С 1977 — науч. сотрудник Сектора теории лит-ры. С 1968 по 1973 —зам. гл. ред. ж. «Звезда». С 1973 — науч. сотрудник Сектора фольклора ИРЛИ, с 1986 — вед. науч. сотрудник Сектора теории лит-ры. Уволен из ИРЛИ 28 февр. 1993.

Сферу науч. интересов Е. составляли фольклористика, история и теория лит-ры XVII–XX вв., лит. критика.

Печ. начал с 1954. В 1958 защитил канд. дис. **«Отражение исторической действительности в фольклоре (Русские исторические песни XIV–XVI вв.)»**.

Е. — автор более 200 науч. статей по теории, историографии и истории фольклора. В составе фольклорных науч. экспедиций (с 1957 по 1963) ученый обследовал совр. бытование

фольклора в основном северо-западного региона (Костромская, Архангельская, Калининская и Пермская обл.). Одним из результатов полевого изучения фольклора стала научно-популярная ст. **«Путь в творчество»** (1961) и академ. отчет об экспедициях посл. лет в Макарьевский р-он Костромской обл., неожиданно положившие начало острой дискуссии о судьбах «русского сов. народного тв-ва». В своей статье Е. установил, что в среде старшего поколения сельского населения доминируют религиозные формы фольклора, кот., между тем, находятся уже на «низком уровне»; однако новые формы народного тв-ва (официально поддерживаемые «органами культуры») не имеют сколько-нибудь существенного распространения. Объективная науч. фактология работы Е. объективно пошла вразрез с установочными тезисами власти и вызвала неприятие у идеологич. ревнителей. Начало критики эмпирич. фактов и теоретич. выводов исследователя было положено статьей Ф. Лаврова (Против нигилистич. отношения к совр. поэтич. творчеству // Русский фольклор. Т. VII. М.; Л., 1962) и продолжилось инспирированным «коллективным письмом» «Поют ли частушки в Нежитине? По поводу одной „ученой" статьи» (1964). По воспоминанию А. Горелова, «щекотливость испытали дирекция и заместитель директора (ИРЛИ) В. Г. Базанов, курировавший деятельность Сектора народнопоэтического тв-ва. Щекотливо было положение Б. Н. Путилова как заведующего Сектором, кот. полагалось сочинить ответ в высокую газету, по возможности соблюдая честь фольклориста (он понимал: Л. И. Емельянов написал в отчете о Нежитине то, что увидел) и вместе с тем не давая поводов к „оргвыводам" ни против своего научного подразделения, ни лично против себя... <...> Старшие коллеги достаточно увещающе и устыжающе покритиковали оплошавшего кандидата наук, кот., вместо покаяния, с упорством „правдоискателя" отстаивал фактическую достоверность того, о чем рассказал в „Русском фольклоре". Он отверг методику выискивания „ростков нового" там, где мировоззрение сограждан определяли пристрастия к религиозному фольклору и пережитки-поверья, „низшая мифология"». Остро полемич. науч. выступления Е. (**«Чем должна быть фольклористика?»**, 1960; **«Понятие „фольклор" в сов. фольклористике»**, 1961; и др.), опиравшиеся на факты фольклорных экспедиций, вызывавшие полемику в провинциальной и столичной печати, способствовали выработке методологии изучения совр. народной поэзии и позволили Е. к концу 1960-х стать не только наиболее авторитетным специалистом по методологии русского фольклора, но и приобрести устойчивую репутацию бескомпромиссного и правдивого ученого. В ст. **«Совр. художественная самодеятельность и проблемы фольклористики»** (1968) он убедительно доказывал свой тезис о том, что в живую ткань народного тв-ва нельзя насильственно вплетать чуждые идеологич. и эстетич. элементы; всякое «руководство» и «направление» совр. фольклором является только имитацией, подделкой. В этой и др. работах Е. вышел в своих размышлениях далеко за рамки академ. науки, затронув сложные и актуальные проблемы русской общественной и культурной действительности. Итоговая кн. по осн. аспектам его науч. интересов — монография **«Методология изучения фольклора»** (1978), ставшая заметным событием в науке о народном тв-ве. В 1979 защитил докторскую дис. **«Методологические вопросы фольклористики»**.

Одним из центр. вопросов метод. трудов Е. является изучение форм осуществления влияния фольклора на лит-ру (условия, кот. определяется мера и степень обращения писателей к народным традициям). Ученый установил, что отношение литры к фольклору является закономерным выражением отношения писателя к действительности. Он утверждал: «...отношение писателя к фольклору должно быть не предметом фольклористической экспертизы, в результате кот. все писатели выглядят на одно лицо, не евангелием, на кот. обычно стремятся привести писателей к присяге на верность народности, а внутренним делом писателя, лучше кот. все равно никто не решит, какая из сфер национального художественного опыта более всего может дать ему как художнику. Для нас важны результаты творчества писателя, важно, например, чтобы форма выражения была у него глубоко национальной, но для нас совершенно неважно, с какой степенью буквальности он удостоверит источники, кот. помогли ему выработать в себе это качество».

Е. предложил при определении взаимосвязи фольклора и лит-ры использовать историко-лит. принцип, при кот. изучение форм и принципов взаимоотношений приобретает исключительно конкретный характер. Иными словами, распространенное в науч. лит-ре выявление фольклорных «параллелей» в лит. произведении должно уступить место исследованию исторически детерминированных форм обращения писателей к худож. опыту устного народного тв-ва.

На протяжении всей своей научной деятельности ученый неоднократно вступал в научно-методологические, общественные, публицистич. дискуссии, что являлось неотъемлемой и знаковой чертой его творч. темперамента. Так, напр., известна его многолетняя полемика (по основной для него проблеме соотношения и взаимодействия фольклора и литры) с позицией д.ф.н. П. Выходцева. Е. полагал, что «вопрос о влиянии фольклора на литературу может стоять лишь как вопрос теоретический» и что автоматическое смешение понятий «народность» и «фольклоризм» недопустимо. Такие построения Е. критиковались его оппонентом, отмечавшим: «Боясь „фетишизации" фольклора среди „любого из фактов культуры", критик пытается доказать, что фольклор „всего лишь источник эстетического образования". <...> Но в таком случае, проблема фольклоризма размывается среди других проблем и сводится, по существу, к нулю».

Е. — автор науч. статей, опубл. в ж. «Русская лит-ра». Участвовал в колл. трудах ИРЛИ: «Русский фольклор». Т. 6, 7, 9 (М.; Л., 1961, 1962, 1964); «Исторические песни XVII века» (Л., 1966). В ст., написанной для первого тома «Истории русской поэзии» (1968), Е. удалось с исчерпывающей точностью определить значение фольклора для русской худож. культуры: «В развитии русского национального художественного сознания устная народная

поэзия сыграла роль совершенно исключительную. В сфере устной поэзии родилось искусство поэтического слова вообще, впервые оформилось и развилось поэтическое мироощущение как таковое, возникла и сложилась та характерность художественного выражения, кот. впоследствии будет названа национальностью восприятия и тайну кот. будут стремиться постигнуть величайшие гении русской литературы».

Занимался проблемами изучения совр. русской лит-ры, написал ряд статей о совр. прозаиках: **«Сергей Воронин: Очерк тв-ва»** (Л.: ЛО «Сов. писатель», 1975), **«Василий Шукшин: Очерк тв-ва»** (Л.: ЛО «Худож. лит-ра», 1983), статьи о произв. К. Симонова, В. Белова (**Разрушение тишины** [Перв. рец. на роман В. Белова «Кануны» в ж. «Север» (1972. № 4, 5)] // Звезда. 1972. № 11), Вас. Лебедева (о романе «Искупление» и повестях «Высокое поле» и др.) и пр. Писал предисл. к сб. совр. прозы, в т. ч. «Рассказы лен. писателей» (Л., 1981) и др.

Строгая и лаконичная кн. Е. о его земляке «Василий Шукшин» стала одной из лучших в шукшиноведении, без обращения к кот. до сих пор не обходится практически ни одно науч. исследование о прозе писателя. Е. своим серьёзным авторитетом учёного-гуманитария, академичного, по сути, сделал в этой книге помимо сущностных, содержательных открытий, ещё одно немаловажное дело: закрепил в интеллектуальном сознании место Шукшина как *«большого* художника современности», переведя разговор из «критической сиюминутности» в сферу «классической традиции». Учёный выразил внешне бесстрастным и местами суховатым аналитич. стилем своё и читательское отношение к прозе Шукшина, употребив в итоге своего труда слово *счастье*.

Е. — сост., автор предисл. и комм. к ряду изданий классиков русской лит-ры: А. К. Толстой. Полное собр. стих.: В 2 т. (Л.: Сов. писатель, 1984; Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.); И. Бунин. Повести и рассказы (Л.: Лениздат, 1985); Д. Давыдов. Соч. Н. Дурова.Записки кавалерист-девицы (М.: Правда, 1987).

В посл. годы трудился над подготовкой и рецензированием трудов, кот. появились уже после кончины ученого: «Великорусские сказки Пермской губернии. Сб. Д. К. Зеленина» (СПб., 1997); «Былины Печоры» (Свод русского фольклора. СПб.; М., 2001. Т. 1–2; совм. с Д. Балашовым и Т. Новичковой).

Автор ряда оригинальных прозаич. произведений, в т. ч. рассказов **«Четвертая седмица»**, **«Веление тьмы»** и др., кот. печ. в ж. «Звезда».

Член СП СССР.

Науч. наработки фольклориста не утратили в основном своей ценности, а соединение эстетич. чуткости, публицистич. заостренности и четкой этич. позиции делает личность Е. притягательной и памятной.

Соч.: Некот. вопросы генезиса историч. песни // Историко-лит. сб. М.; Л., 1957; По поводу статьи Ф. И. Лаврова // Русский фольклор. Т. VII. М.; Л., 1962; Нерешенные проблемы в изучении совр. народного тв-ва // Русский фольклор. Т. IX. М.; Л., 1964; Изучение отношений лит-ры к фольклору // Вопросы методологии литературоведения. Л., 1966; Труды и дни Ивана Африкановича // Звезда. 1966. № 8 (совм. с И. Кудровой); Четвертая седмица: Рассказ // Звезда. 1968. № 6; Ведение // Русская лит-ра и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970; Историч. песни XVIII в. (совм. с О. Алексеевой). Л., 1971; Веление темы: Рассказ // Звезда. 1972. № 4; Разрушение тишины [Рец. на роман В. Белова «Кануны»] // Звезда. 1972. № 11; Единица измерения: Заметки о прозе Василия Шукшина // Наш современник. 1973. № 10; Единство историч. и эстетич. принципов в литературоведческом анализе // Анализ лит. произведения. Л., 1976; Уроки жанра: Рассказ в тв-ве С. Воронина // Портреты и проблемы. Л., 1977; Методологич. вопросы фольклористики. Л., 1978; Вспоминая В. Г. Базанова // Базанов В. Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л., 1982; Сергей Воронин: Очерк тв-ва. Л., 1983; Василий Шукшин: Очерк тв-ва. Л., 1983; Русская историч. песня. Л., 1987 (БП. БС.); Термин «советский фольклор» в 1930-е гг. // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4–5.

Лит.: Лавров Ф. Против нигилистич. отношения к совр. поэтич. тв-ву // Русский фольклор. Т. VII. М.; Л., 1962; Гусев В. Тв-во коллектива // Лит-ра и жизнь. 1962. № 13; Суровцев Ю. О нац. самобытности и «фантастически вычурной любви» к ней // Лит. обозрение. 1973. № 2: Горелов А. Емельянов Л. И. // КЛЭ. М., 1978. Т. 9; Новичкова Т. Актуальные проблемы фольклористики: Обзор исследований по фольклору за 1980–83 гг. // Русская лит-ра. 1985. № 2; Памяти Леонарда Емельянова // Звезда. 1996. № 12; Глушаков П. Из истории шукшиноведения: Леонард Иванович Емельянов // Шукшинский вестник / Под ред. О. Левашовой, Л. Чудновой. Барнаул, 2011; Емельянов Л. И. // Пушкинский Дом: Мат-лы к истории. 1905–2005. СПб., 2005.

П. Глушаков

ЁНТИН Леонид Григорьевич [5.12.1938, Днепропетровск] — поэт.

Учился на фак-те русского яз. и лит-ры ЛГПИ им. А. Герцена. Был пост. посетителем Малой Садовой, общался с А. Хвостенко, А. Волохонским, Ю. Галецким, Вл. Эрлем, К. Кузьминским и др. неофиц. литераторами. В 1965–70 примыкал к лит. группе «Хеленукты». «Футурист жизни». Писал стихи, прозаич. миниатюры и пьесы. Вместе с А. Хвостенко напис. абсурдистскую пьесу **«Ботва»** (1966). Печ. в сб., издаваемых Эрлем под маркой изд-ва «Польза». Поддерживал связи с Ю. Галансковым и А. Гинзбургом. В связи с этим в 1977 по сфабрикованному уголовному делу был арестован и приговорен к 1 году лагеря.

В 1978 эмигрировал во Францию (живет в Париже).

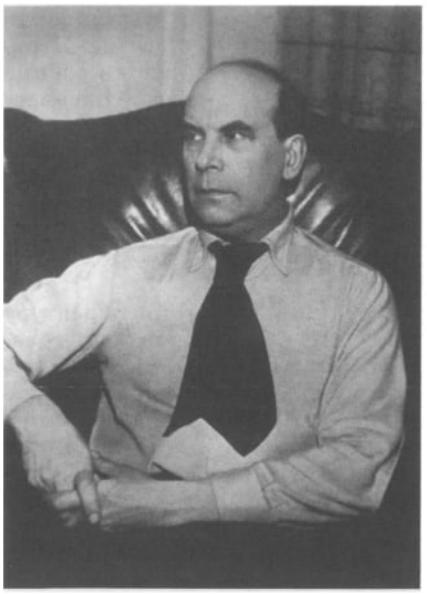
Печ. в ж. «Эхо». Неск. стих. Е. вошли в антологию лен. неофиц. поэзии «Острова» (1982).

Я. Гордин в ст. «Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского», вспоминая вечер 2 дек. 1958, рассказывает: «один из гостей Лены Валихан, Леонид Ентин <...> восхищенно глядя на Иосифа, сказал: „Пока в России есть такие вот рыжие, все будет кипеть!“».

Соч.: Стихи // Эхо. 1978. № 2; Без музыки (Послесл. к «Собранию песен А. Волохонского и А. Хвостенко») // Эхо. 1979. № 4; Стихи // Острова: Антол. Л., 1982; Стихи // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 2А; Эрль Вл. Хеленуктизм: Стихи, драмагедии, полемика. СПб., 1993.

Лит.: Stefanovic B. Wertsman V. Free Voices in Russian Literanure. NY, 1987; Савицкий С. Хеленукты в театре повседневности: Ленинград. Вторая половина 60-х гг. // НЛО. 1998. № 30; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ЕПИФА́НОВ Геннадий Дмитриевич [3 или 4.8.(21.7).1900, Ростов Великий — 4.9.1985, Л-д] — художник-график, гравер, мастер книжной иллюстрации.



Родился в семье потомственного типографского рабочего — переплетчика, позолотчика и мариориста (мастера изготовления форзацев), с детства занимался переплетением книг и нот, постигал искусство создания книги и знакомился со средневековой книжной культурой Ростова Великого. Рано проявил способности к рисованию и музыке. Окончив Ростовский муз. техникум по классу скрипки, с 1919 по 1922 работал в оркестре и был сотрудником Ростовского музея древностей (с 1922), поступив в Ярославский худож.-пед. техникум (1924). В 1925 был принят на живописный фак-т лен. Вхутеина (Академия художеств), где тогда преподавали К. Петров-Водкин, А. Савинов, А. Карев; вскоре перешел на графич. фак-т, окончив его по отд. книжной графики у Д. Митрохина, В. Конашевича и В. Замирайло и избрав своей специальностью гравюру.

Еще до завершения учебы начал профессиональную творч. деятельность, сделав в 1930 иллюстрации к роману Э. Синклера «Юг и Север» по заказу Ф. Нотгафта, работавшего тогда в ЛО Гослитиздата. После окончания ин-та, в 1930-е, руководил типографией изд-ва «Молодая гвардия» и оформил для него целый ряд изд. в акцидентном наборе (шрифтовые обложки, титулы, заставки и концовки с применением цвета и фотоиллюстраций) политич. и массовой лит-ры, подняв своим мастерством эти дешевые книжки до высокого худож. уровня, несмотря на недостаточное разнообразие шрифтовых гарнитур тех лет («Лицо Ленинского комсомола в цифрах», 1930; «От Берлина до Москвы» А. Курелла, 1931; «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре», 1931). Пробовал свои силы в жанре экслибриса, сохранившего привлекательность для художника и в последующие годы.

В 1934 выполнил заказ изд-ва «Academia», переживавшего в это время краткий период своего расцвета, — иллюстрации и оформление двухтомного изд. «Назидательных новелл» М. Сервантеса. Переплет, суперобложка, титул, фронтиспис и буквица к каждой новелле, илл. в тексте решены в технике цветной гравюры на дереве и воссоздают дух и общую атмосферу Испании эпохи позднего Возрождения, тщательно изученной художником. Цвет в этих гравюрах при всей условности разнообразен по насыщенности и использованию — то сплошным тоном, то отд. пятнами, и становится главным средством выразительности, что сделало «сервантесовский цикл» смелым и индивидуально-своеобразным опытом применения цвета, истоки кот. можно найти в увлечении японской гравюрой, изучаемой и коллекционируемой художником.

В довоен. годы Е. был оформлен ряд книг (Л., Гослитиздат), среди кот. «Тень друга» Н. Тихонова (1936), «Повести Белкина» и «Драмы» А. Пушкина (1936), «Сказки Красноярского края» (1937), «Лит.-критич. статьи и письма» И. Гончарова (1938). Оформление и иллюстрирование романов Ч. Диккенса «Большие надежды» и В. Гюго «Отверженные», начатые перед самой войной и обещавшие стать интереснейшим явлением в кн. графике, так и не были закончены и изд.

Годы войны и блокады, прожитые в Л-де, прервали творч. планы художника и привели его к работе в «Боевом карандаше», где он участвовал в создании серии плакатов и нашел новый метод их тиражирования с применением акцидентного набора. Для атласа ВМА делал зарисовки операций, для Управления по делам искусств Ленгорсовета разработал диплом за работу художников в годы войны, кот. был награжден и сам. Не оставлял и кн. — в 1942 оформил «Альбом боевых действий кораблей эскадры Краснознаменного Балтийского Флота в дни Великой Отеч. войны» (М., Воениздат), представляющий военно-морские зарисовки художников, а в 1943 — патриотич. сб. «Русские поэты о Родине» (Л., Гослитиздат).

В 1940-е продолжает работу над оформлением науч. и научно-популярных изд. («М. Ломоносов. Сб. статей и мат-лов»; «И. И. Ползунов. Труды и жизнь перв. русского теплотехника» В. Данилевского; оба — М.; Л., изд. АН СССР, 1940; «Сокровища Эрмитажа», то же изд., 1948; и др.), создавая для них обложки, переплеты и титульные листы, в осн. шрифтовые, ставшие классикой оформительской графики. Параллельно работает над оформлением и иллюстрированием худож. лит-ры — переплеты, обложки и титулы в живописно-романтической манере (Слово о полку Игореве. Л.: Сов. писатель, 1945; Ж. Верн. Дети капитана Гранта. Л.: Лениздат, 1951) и изысканно-графической (О. Форш. Михайловский замок. Л.; М.: Сов. писатель, 1946; А. С. Пушкин. Поэзия. М.; Л.: Гослитиздат, 1949). Из множества кн., оформленных им в 1950–60-е, особенно интересны след. изд. — «Комедии» Г. Фильдинга (М.: Искусство, 1954), «Драмы» В. Гюго (то же изд., 1955), «Соч. А. С. Пушкина»: В 3 т. (М.: Гослитиздат, 1957), «Былины»: В 2 т. (то же изд., 1958), «Ирландские саги» (то же изд., 1960), «Польские народные легенды и сказки» (то же изд., 1964).

Из проиллюстрированных Е. в послевоен. годы книг целый ряд следует отнести к замечательным достижениям отеч. книжной графики. Иллюстрации к повести Н. Карамзина «Бедная Лиза» (Л.: ЛО Худфонда СССР, 1947) — 14 пейзажных, сюжетных и портретных гравюр, выполненных сложными приемами сочетания линий, точек и пятен, представляют глубоко драматич. историю гибели простой девушки, полемизируя с изысканной элегант-

ностью иллюстраций М. Добужинского (1921). Большая работа, связанная с романом А. Дюма «Королева Марго» (М.; Л.: Гослитиздат, 1953) и включающая весь комплекс оформления — обложка, переплет, титул и сюжетные шмутцтитулы к главам, полустраничные заставки и страничные иллюстрации-портреты, к сожалению, завершилась неудовлетворительным воспроизведением в печати как в названном, так и в последующем азербайджанском изд. Драматичные по настроению и с ювелирной тонкостью и динамизмом выполненные гравюры возможно по достоинству оценить лишь в авторских оттисках, хотя художник видел гл. смысл работы именно в кн., в ее тиражированном поступлении к читателю и глубоко связывая ее с лит. текстом. Более 7 лет он работал над иллюстрированием и оформлением гомеровской «Одиссеи» (М.: Гослитиздат, оформл., 1953; то же изд., оформл., илл., 1958), в грандиозном замысле создавая архитектонич. единство всех элементов кн. Совершенное владение языком гравюры позволило мастеру в страничных илл., опираясь на текст Гомера и свое знание истории, явить реальные картины древней жизни и пейзажи Греции, сияющие светом, психологически убедительные образы героев поэмы.

Наиболее полным и цельным примером конструирования кн. и композиционного единства худож. замысла стала многолетняя работа Е. над повестью Пушкина «Пиковая дама» (Л.: Гослитиздат, 1966). Экспрессия пейзажных и портретных илл. и заставок, усиленная цветом, совершенная разработка шрифтовых решений сделали это изд. выдающимся явлением сов. книжной графики.

Наряду с книгой Е. работал в станковой графике — натурные интерьеры, пейзажи Ростова и Усть-Нарвы, выполненные кистью, пером и карандашом и слегка подцвеченные акварелью и сепией (кон. 1930–60-е). Виды Ростова, его архитектурные памятники и его жители стали мотивами серии живописных по манере цветных ксилографий «Ростов Великий» (1940-е). Черно-белые гравюры, посв. Л-ду и решенные в классически строгом стиле, вышли отд. альбомом в суперобложке, переплете, с титулом и шмуцтитулами (Ленинград. Виды города. М.: ИЗОГИЗ, 1953).

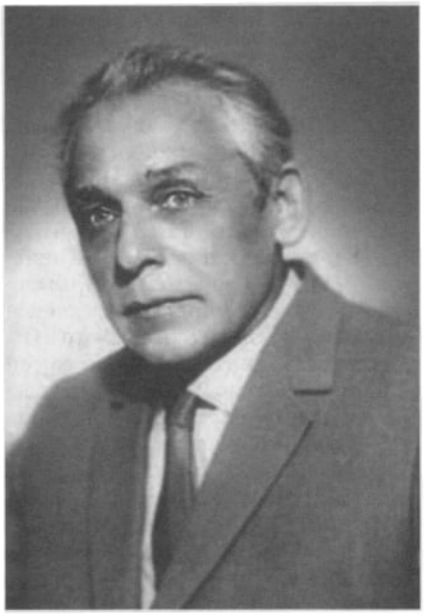
За период с 1932 по 1967 участвовал в 47 отеч. и 17 зарубеж. выставках (Франция, Англия, Греция, Дания, Норвегия, Финляндия, Германия, Чехословакия, Америка).

Творч. успехи мастера отмеч. рядом высоких наград (диплом 1 ст. за участие в Моск. юбилейной выставке к 40-летию ВОСР, 1957; серебряная медаль за участие в Международной выставке кн. в Лейпциге, 1959; диплом 1 ст. МК РСФСР за участие в конкурсе по лучшему оформлению 25 книг и 50 книг; 1960; бронзовая медаль Международной выставки кн. в Лейпциге, 1971; диплом и премия V Международной выставки прикладной графики в Брно, 1972). Засл. деятель искусств РСФСР, член-корр. АХ СССР.

Замечательный гравер, уникальный художник-шрифтовик и мастер высокой культуры оформления кн., Е. был строгим, взыскательным и требовательным педагогом. Много лет являясь проф. Полиграфич. ин-та и графич. фак-та ЛИНЖАСа им. Репина, он учил мастерству неск. поколений лен. графиков.

О. Родосская

ЕРЁМИН Игорь Петрович [18(5).4.1904, Ревель (Таллинн) — 17.9.1963, Л-д, похоронен на Северном кладб.] — литературовед.



В 1919 вступил добровольцем в Красную Армию, служил в политотделе 51-й дивизии 5-й армии.

В 1924 окончил ЛГУ по отд. языка и лит-ры фак-та обществ. наук. Науч. работу начал во вр. учёбы на фак-те, посещая «Семинарий русской филологии» акад. В. Н. Перетца. Перв. печ. работа — **«Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности»** — вышла в 1924.

С 1923 совмещал науч. деятельность с педагогической в ряде учеб. заведений Л-да, в т. ч. на Высших курсах искусствоведения ГИИСа, где в 1927–31 читал курс русского фольклора.

В 1934 был принят в аспирантуру ИРЛИ АН СССР и в том же году защитил канд. дис. **«Исследование новгородской „Повести о посаднике Щиле“»**. В 1937 защитил докт. дис. **«Иван Вишенский и его публицистическая деятельность»**. С 15 мая 1937 — ст. науч. сотрудник Отдела древнерусской лит-ры ИРЛИ.

Работу в ИРЛИ совмещал с преподаванием. С 1938 — проф. ЛГУ. В ЛГУ читал курс истории русской лит-ры XI–XVIII вв., вел спецкурсы и спецсеминары по истории древнерусской и украинской лит-р. В 1958–60 был деканом филологич. фак-та. С 1951 до своей кончины возглавлял кафедру истории русской лит-ры.

Во время Великой Отеч. войны был эвакуирован в составе коллектива ЛГУ в Саратов. Преподавал в Саратовском гос. ун-те.

В науч. занятиях Е. большое место занимает исследование общих тенденций, но главное — отдельных памятников древнерусской публицистики и учительной лит-ры. В русле этой проблемы стоит изучение тв-ва и изд. соч. Кирилла Туровского. Ряд работ Е. посвящ. вопросам худож. специфики древнерусской лит-ры, ее жанровых особенностей, анализу приемов и особенностей летописного стиля, их стилистич. строя и худож. метода. С самого начала науч. деятельности Е. в сферу его занятий входит и история украинской лит-ры и, в частности, украинская публицистика XVI–XVII вв., история украинского народного театра, особое место здесь занимает тв-во Ивана Вишенского. Интересовали Е. и лит. явления рубежа XVII–XVIII вв. Его перу принадлежит неск. статей, по-

свящ. анализу поэтич. тв-ва Симеона Полоцкого и Феофана Прокоповича, им осуществлено изд. соч. этих писателей. Е. написал ряд разделов для первых трех томов академич. истории русской лит-ры (1941–48) и для первого тома **«Истории русской лит-ры»** (В 3 т. 1958). Курс лекций по истории древнерусской лит-ры был дважды издан посмертно (1968 и 1987, переизд. до наст. вр.).

Особенного упоминания заслуживают работы Е., посвящ. «Слову о полку Игореве», разработка главенствующих положений кот. была начата в лекционных курсах Е. В кон. 1950-х — нач. 60-х Е. читал в ЛГУ спецкурс по «Слову...». Перв. печ. работой Е., специально посвящ. С., стала ст. **«„Слово о полку Игореве“ (К вопросу о его жанровой природе)»** (1944). Основой послужил д-д Е. на данную тему, прочитанный им в 1943 в Саратове на заседании Ассоциации филологов ЛГУ, Саратовского гос. ун-та и Саратовского пед. ин-та. Продолжением и развитием проблематики этой статьи явилась ст. **«„Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия Киевской Руси»** (1950). Кратким дополнением к этим двум работам служит ст. **«К вопросу о жанровой природе „Слова о полку Игореве“»** (1956). Рассматривая «Слово» в единстве всех элементов его худож. структуры и анализируя его в ряду произведений худож. и полит. красноречия, Е. показывает, что одновременное наличие всех худож. особенностей, всех формальных признаков, определяющих жанр худож. красноречия, присуще памятнику. «Слово», по определению Е., — произведение ораторского искусства, памятник светского эпидейктич. красноречия Киевской Руси. Е., отвечая оппонентам, писал.: «Почему я считаю указанные мною художественные особенности „Слова о полку Игореве“ признаками его ораторской природы? Только потому, что в такой комбинации, в таком сочетании, в аналогичном идейно-художественном контексте они действительно встречаются только в памятниках старинного художественного красноречия, древнерусского в частности, и нигде больше не встречаются». Е. подчеркивал, что «Слово» «никогда и никем не было произнесено в порядке устной импровизации, и в этом его коренное отличие от тех речей, кот. в свое время обменивались князья и их дружинники и кот., надо полагать, относительно точно воспроизводились летописцами. Речь такого литературного совершенства, как „Слово о полку Игореве“, могла быть только написана». Принципиально важно в этом отношении такое наблюдение Е. Похвальное «Слово» игумена Выдубицкого монастыря Моисея (входит в состав Ипат. лет. под 1200), «относительно кот. нам достоверно известно, что оно было произнесено публично, в присутствии князя Рюрика и его семьи», имеет такую фразу (в обращении к Рюрику): «...нашея грубости писание приими, акы дар словесен». «Таким „писанием“, т. е. произведением, составленным в письменной форме, — заключает Е., — несомненно было „Слово о полку Игореве“ — величайший известный нам памятник политического красноречия в Киевской Руси и всей древнерусской литературы в целом». Гипотеза Е. о «Слове» как памятнике ораторского искусства не возобладала в науке, однако после работ Е. даже те исследователи, кот. не разделяют его точки зрения, признают бесспорное наличие в худож. структуре «Слова» яркое выражение ораторского начала.

В ст. **«„Слово о полку Игореве“ в русской, украинской и белорусской поэзии»** Е. представляет обзор истории «Слова» в поэзии России, Украины и Белоруссии с 1800 по 1946. Е. анализирует все наиболее изв. поэтич. переводы и переложения «Слова», дает объективную характеристику их поэтич. значения, анализ их соотношения с поэтикой, идейным и худож. смыслом памятника. С позиций совр. понимания и восприятия текста Е. подвергает резкой критике ряд переводов, в свое вр. пользовавшихся большой популярностью у читателей и благосклонным отношением критиков (в частн., переводы Д. Минаева, Н. Гербеля, Л. Мея и др.). Е. показывает несостоятельность и резкое несоответствие оригиналу переводов, сделанных в стихотв. манере изв. русских поэтов XIX в. или же имитирующих дух народной поэзии. При анализе украинских переводов Е. останавливается на переводах М. Максимовича, Ст. Руданского, Панаса Мирного, В. Кендзерского, Н. Чернявского, В. Щурата, М. Рыльского, дает характеристику переводу отрывков из «Слова» Тараса Шевченко. Из белорусских выделяет перевод Янки Купалы.

Д-д Е. на юбилейной сессии ИРЛИ АН СССР 15 окт. 1947 (к 30-летию окт. революции) явился основой для статьи Е. **«„Слово о полку Игореве“ в сов. литературоведении»**. Ученый охарактеризовал исследования «Слова» с 1917 по 1947 и наметил осн. задачи его дальнейшего изучения. Е. подчеркивал необходимость бережного отношения к тексту: «...ближе к тексту первого издания! — вот лозунг, кот. должны, как мне кажется, руководствоваться и издатели „Слова“, и его переводчики».

В собств. переводе «Слова» Е. стремился не изменять ничего там, где текст XII в. понятен и восприятие лексики оригинала, в контексте фразы в целом, не таит в себе произвольн. или искажен. понимания исходного смысла. Вместе с тем Е. стремился не оставлять неизвестных совр. читателю слов. Напр., такие слова, как «шереширы», «бремены», «насады» он соответственно передает словами — «копья», «клади», «челны». В краткой заметке к своему переводу Е. писал: «В редких случаях в перевод внесены слова, в оригинале отсутствующие, — для прояснения тех мест текста, кот. в дословном переводе остались бы для читателя не вполне понятными» (**«Художеств. проза Киевской Руси XI–XII в.»**). Изменение порядка слов по сравнению с оригиналом, дополнит. слова в переводе определяются у Е. не только стилистически-смысловыми соображениями, но и стремлением подчеркнуть ритмичность текста. В. Стеллецкий в статье о худож. переводах и переложениях «Слова» счел нужным отметить, что, хотя перевод Е. напечатан без разделения на ритмич. отрезки, он тем не менее ритмичен. Е. утверждал, что «Слово» написано не стихами, а ритмич. прозой: «Характерная для „Слова“ временная инерция ритма еще отнюдь не доказывает и не может доказать стихотворной его природы <...> перед нами — особая ритмическая проза, прихотливый неровный узор кот. отражает движение поэтической мысли автора».

Е. одним из первых высказал соображения относительно датировки «Слова». По предположению Е., оно было создано вскоре после похода Игоря. Определяющее значение, считает Е., имеет смысл разговора Гзака с Кончаком, преследующих бежавшего из плена князя. В этом разговоре, бесспорно, имеется в виду женитьба Владимира Игоревича на Кончаковне и их уход на Русь. Следовательно, «Слово», по мысли Е., не могло быть написано ранее этого события, а оно датируется кон. 1187. Т. о., по утверждению Е., «Слово» было написано в кон. 1187 или в самом нач. 1188. Попытки определить имя автора «Слова», по мнению Е., бесцельны, т. к. наука не располагает никакими данными для решения этой проблемы.

Е. и в работах о жанре «Слова», и в лекциях останавливался на вопросах композиции произведения, особенностях изображения в нем героев, на проблеме соотношения текста с устн. народным тв-вом, на стилистич. строе произведения, на проблеме соотношения образа автора с текстом памятника. Задача автора «Слова», считал Е., заключалась не в ист. освещении событий, а в том, чтобы напомнить своим читателям и слушателям об обстоятельствах похода Игоря и в связи с ними обратить внимание на те ассоциации с событиями настоящего, кот. возникали у него самого и должны были заинтересовать читателя. Е. обращает внимание на публицистичность и злободневность «Слова», что обусловило и присущее тексту выявление образа автора. Автор, по определению Е., «заполняет собою все произведение от начала до конца. Голос его отчетливо слышен везде: в каждом эпизоде, едва ли не в каждой фразе. Именно он, „автор“, вносит в „Слово“ и ту лирическую стихию, и тот горячий общественно-политический пафос, кот. так характерны для этого произведения».

Наряду с изданием «Слова о полку Игореве» Е. подготовил критически комментированные изд-я древнерусских писателей Симеона Полоцкого (1953), Феофана Прокоповича (1961), украинского писателя Ивана Вишенского (1955) и др.

Награжден медалями «За оборону Л-да» и «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.».

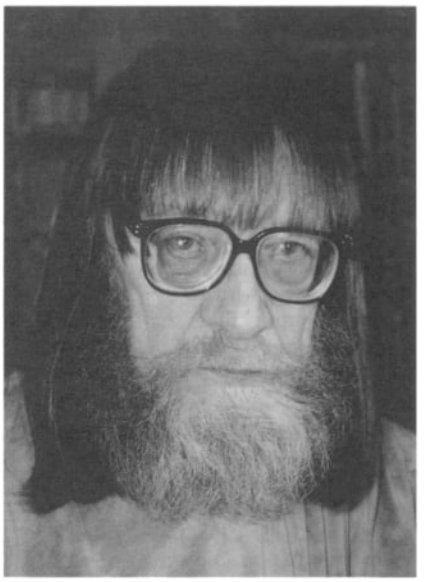
Архив: РНБ, ф. 1111.

Соч.: Слово о полку Игореве: К вопросу о его жанровой природе // Учен. зап. ЛГУ. № 72. Л., 1944 (на обложке — 1945); «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии // Учен. зап. ЛГУ. № 90. Л., 1948; «Слово о полку Игореве» в сов. литературоведении // ТОДРЛ. 1948. Т. 6; «Слово о полку Игореве» как памятник политич. красноречия Киевской Руси // Слово. Сб. Л., 1950 (то же в кн.: Еремин И. Лекции и статьи по истории древней русской лит-ры. Л., 1987); К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1956. Т. 12; Слово о полку Игореве // Худ. проза Киевской Руси XI–XIII вв. / Сост., перев. и прим. И. Еремина и Д. Лихачева. М., 1957; [Прим. к перев. В. Жуковского «Слова о полку Игореве»] // Слово о полку Игореве / Пер. В. Жуковского. М.; Л., 1963; Жанровая природа «Слова о полку Игореве» // Еремин И. Лит-ра Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966; [Ред. текста и прозаич. перев. «Слова о полку Игореве». Из кн.: Худож. проза Киевской Руси XI–XIII вв. М., 1957] // Слово о полку Игореве / Поэтич. пер. В. Жуковского; Вст. ст. Д. Лихачева. М., 1964 (М., 1967, 1968; Л., 1976); «Слово о полку Игореве» // Еремин И. Лекции по древней русской лит-ре. Л., 1968; Лекции и статьи по истории древней русской лит-ры. Л., 1987; и мн. др.

Лит.: Назаревский А. А. 1) О жанровой природе «Слова о полку Игореве» // Наук. зап. Київськ. держ. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. Київ, 1955. Т. 14, вин. 1 (Філол. збірник. № 7); 2) Еще о жанровой природе «Слова о полку Игореве» // Вісник Київськ. держ. ун-ту. 1958. № 1. Сер. філології та журналістики. Вип. 2. Літературознавство; Вольман Славомир. К вопросу о риторич. характере «Слова о полку Игореве» // Slavia. Praha, 1956. Roč. 25. Seš. 3; Дылевский Н. Худож. проза Киевской Руси // Език и лит-ра. (София, 1959. № 4; Стеллецкий В. «Слово о полку Игореве» в худож. переводах и переложениях // Слово — 1961; Дмитриев Л. И. П. Еремин: Некролог // ТОДРЛ. 1964. Т. 20; Демкова Н. Хронол. список науч. трудов И. П. Еремина (1904–63) // Там же; Махновець Л. Пам'яті І. П. Ерьоміна // Рад. літ. 1964. № 1; Лихачев Д. Об Игоре Петровиче Еремине // Еремин И. Лит-ра Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966; Лихачев Д. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985; Филологич. фак-т СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. СПб., 2000; Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005.

Л. Дмитриев

ЕРЁМИН Михаил Фёдорович [1.5.1936, окрестности Теберды, Карачаевская авт. обл.] — поэт, переводчик, драматург.



Петербуржец в третьем поколении. Мать — Ирина Михайловна Е. (урожд. Торопова, род. 1913), отец — Федор Никитич Е. (род. 1910).

Учился на филологич. фак-те ЛГУ (до четвертого курса). Окончил ЛГПИ им. А. Герцена.

Е. — участник одной из перв. неформальных лит. групп Л-да кон. 1950-х, впоследствии получившей название «филологическая школа» Л. Виноградова (Л. Лосев (Л. Лифшиц), В. Уфлянд, С. Кулле, В. Герасимов, Е., А. Кондратов, М. Красильников, Ю. Михайлов), или «Круг Михаила Красильникова» (по имени старшего участника). С Виноградовым и Уфляндом учился в школе, с Лосевым и Кулле – на одном курсе в ЛГУ. По словам поэта, «филологическая школа», — «это не литературное объединение, не школа в привычном смысле слова, а просто содружество людей, объединенных общей эстетикой и взглядами на искусство» («Лица петербургской поэзии: 1950–90-е»). Авторов «филологической школы» сближает «пристальное внимание к семантическим нюансам, поливалентность смысла» (В. Кулле), установка на эпатажность (Л. Лившиц). Среди лит. приоритетов участников — поэзия футуризма (В. Маяковский, В. Каменский, Н. Асеев),

акмеизма (О. Мандельштам, А. Ахматова), позднее тв-во обэриутов: «от Маяковского шли к Хлебникову и Кручёных, а затем назад уже через Заболоцкого и обэриутов, т. е. приобщаясь к наивысшей иронии и философичности, какая только существовала в русской культуре» (Л. Лившиц. Тулупы мы // У Голубой лагуны. Т. 1).

В дек. 2004 в СПбГУ состоялась науч. конференция, посвящ. 50-летию «филологической школы». В 2006 В. Куллэ и Уфляндом была подгот. антология «Филологическая школа», в кот. представлены избр. тексты участников группы, в т. ч. более ста стих. Е., воспоминания и библиография.

Е. датирует первым стих. **«Боковитые зёрна премудрости...»** (1957). В числе других оно было прочитано Е. на VI обл. конференции молодых писателей в 1958. Газ. «Смена», незадолго до этого выступившая с жесткой критикой стихов молодых поэтов, напечатанных в студенческих изд. «Голубой бутон», «Свежие голоса» и «Литфронт литфака», обрушилась на автора фельетоном (В. Кузнецов. «Боковитые зёрна премудрости» // Смена. 1958. 27 мая). Стих. «Боковитые зёрна премудрости...» и **«Роскошно скошен луг...»**, в нем процитированные, оставались вплоть до нач. 1990-х единственными офиц. опубл. текстами автора.

В 1960 стих. Е. **«Так горсть земли искали иудеи...»**, «Боковитые зерна премудрости...», **«Сохатый крест рогов, как идола...»**, **«Полночно светтение бухты Барахты...»**, **«Мальчиком заплечных дел времен французской революции...»** напеч. в третьем номере самиздатского ж. «Синтаксис» (120 экз.), представлявшем десять лен. поэтов (Д. Бобышева, И. Бродского, Г. Горбовского, В. Голявкина, Е., С. Кулле, А. Кушнера, Е. Рейна, Н. Слепакову, В. Уфлянда). Публикация воспроизведена в ж. «Грани» (1965. № 58). Подготовленный четвертый номер «Синтаксиса» был полностью посвящ. тв-ву Е., однако его выход не состоялся в связи с арестом ред.-сост. А. Гинзбурга. В 1964 стихи Е. опубл. К. Кузьминским и Б. Тайгиным в «Антологии сов. патологии» (100 экз.), — сб. независимой поэзии М. и Л-да. Два стих. Е. без указания автора были вкл. в антологию «Modern Russian poetry» (под ред. В. Маркова и М. Спаркса. Лондон, 1966) с параллельными текстами на английском яз.

С 1955 Е. занимается лит. переводом (с английского, пушту, фарси, киргизского, таджикского, грузинского, армянского, азербайджанского, коми, латышского, литовского, македонского, чешского, словацкого и др.). Одним из первых открыл для русского читателя американского «акмеиста» Х. Крейна. Переводчик и литературовед В. Муравьев подчеркнул поэтич. самостоятельность Е., использовавшего «английское многозвучие смысла затем, чтобы воспроизвести его по-русски» (Иностранная литература. 1989. № 9). М. Диксон во вст. заметке к циклу Крейна «Странствия» (Звезда. 2008. № 1) отмечал высокий уровень перевода Е., способного передать «увлечение автора самим языком».

В 1960 — сер. 1970-х Е. сотрудничает с ж. «Костёр». Изд. ряд книг для детей, в т. ч. **«Слон и Оська»** (в соавт. с Л. Виноградовым и В. Уфляндом; М., 1963), **«Веселый троллейбус»** (в соавт. с Л. Виноградовым; М., 1964), **«Мчится поезд»** (в соавт. с Л. Виноградовым; М., 1967). В 1963, получив рекомендацию И. Пырьева и А. Галича, Е. поступает на Высшие курсы сценаристов (М.). Пишет пьесы для драматич., муз. и кукольных театров: «Винни-Пух и его друзья» (в соавт. с Б. Заходером и Л. Виноградовым; Моск. ТЮЗ, 1969), «Слово о полку Игореве» (в соавт. с Л. Виноградовым и К. Мешковым: Моск. обл. ТЮЗ, 1970), «Защитник Ульянов» (в соавт. с Л. Виноградовым; БДТ им. М. Горького, 1970), «Медвезайцы» (в соавт. с Л. Виноградовым и Л. Лосевым, имя последнего в связи с эмиграцией не было указано на афише; Лен. гос. театр марионеток им. Е. Деммени, 1976) и др.

В 1977 Е., Уфляндом, Виноградовым, Кулле по случаю 40-летия Уфлянда выпущ. самиздат. антология «40» (цифровое значение было обозначено старославянской буквой «мыслите»), включавшая по 40 стих. каждого участника (приведена в кн. «Филологическая школа». М., 2006). В историю самиздата сб. вошел под назв. «УВЕК», по начальным буквам фамилий авторов, стоявшим на обложке. К 20-летию выхода антологии был издан спец. выпуск ж. «Лит. обозрение» (1997. № 5), посвящ. «филологической школе».

На рубеже 1970–80-х Е. публ. за рубежом в ж. «Эхо» (Париж), «Континент» (Париж), «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Значительная подборка стихов Е. 1957–70-х включена Кузьминским в антологию «У Голубой лагуны» (Newtonwille, 1980–86. Т. 1). Девять стих. Е. (**«Человек, не нашедший номера в гостинице»** (1957), «Боковитые зёрна премудрости...» (1957), **«Терлось тельце телка...»** (1958), **«Говорящее лицо ладони...»** (1957), **«Дождь»** (1957), **«Был день расстегнут...»** (1957), «Роскошно скошен луг...» (1957), **«По-за кряквой ходит селезень...»** (1958), **«Яблоки, отображающие действительность»** (1959) вошли в самиздатскую антологию лен. неофициальной поэзии «Острова» (Л., 1982).

Перв. кн. Е. **«Стихотворения»** увидела свет в 1986 в Нью-Джерси (США) в изд-ве «Эрмитаж» (с предуведомлением о том, что «сборник составлен и издан без ведома автора»). Он включал в себя 122 стих. и организован по хронологич. принципу: стих. 1957–58, 1959–72, 1972–86. Большинство текстов имеют единую строфич. организацию — это восьмистишие, представляющее единое высказывание, целостность кот. подчеркнута синтаксически: граница строфы совпадает с концом предложения. Основу композиции составляет ступенчатое, «веерное» развитие образа, представляющего своеобразную онтологическую модель. Образ у Е. полифоничен — его чувственная сторона, подчеркнутая мáстерской визуальной и звуковой прорисовкой, дополняется насыщенной интеллектуальной составляющей (авторские комментарии, уточнения; реминисценции; расширение поэтич. словаря научными терминами, условными символами естественных наук; письменными знаками др. языков). Движение лирич. сюжета часто строится на метаморфозах знаковой стороны образа (переключение языкового кода). Созерцаемое, мимолетное порождает образ, кот. становится поводом для философской, историч. или художественной аналогии, для детализации кот. автор прибегает к новому сравнению, иной раз в форме метафорического экфрасиса, комментарию. Результатом сопоставле-

ния может стать как скрытая сентенция, так и каламбур. Стих. может строиться по алеаторич. принципу, тогда основой аналогии становится звуковое подобие. Совмещение в лирическом «я» разных типов худож. сознания (медитирующего и анализириующего) выражается в структуре стих. в соединении лирич. начала и повествовательного. С этим связаны особенности интонационно-синтаксич. плана стиха: наличие вставных конструкций в скобках с переносом на др. строку, анжамбеманов, внутренних rejets, и т. д. Отметим полигенетич. характер образов у Е., адресующих не только к опыту русского футуризма или англо-американского имажизма и вортицизма (Р. Олдингтон, Э. Паунд), но и к античной традиции (развернутым метафорам Гомера), китайской пейзажной живописи, метафизич. поэзии Гёте, натурфилософским стихам Н. Заболоцкого, языковым экспериментам Т. Элиота и Дж. Джойса.

В послесл. к кн. Е. «Стихотворения» Л. Лосев называет определяющей для поэтики Е. эйдологическую природу образа, в традиции поэзии А. Блока и Б. Пастернака. Лейтмотив тв-ва Е. — идея единосущности мира, что сближает его с мировидением Пастернака, поэтич. концепцией приятия жизни во всех ее проявлениях. Тема «жизненности» является своего рода «иероглифом» поэзии Е.: «Михаил Ерёмин пишет о жизни. Глагол *жить* у Ерёмина уже почти не синонимичен глаголам *быть* или *существовать*, как мы к тому привыкли, а наполнен куда более активным и самоценным содержанием.» (Лосев Л. Жизнь как метафора // Ерёмин М. Стихотворения. Tenafly, 1986). Идея органич. единства мира воплощается у Е. в особенности структуры метафоры («Трисмегистом метафоры» называет его Уфлянд), сопрягающей разные обл. знаний, предметное и абстрактное. Лосев, отмечая соположение в метафорах «лингвистических и биологических реалий», видит в этом ответ поэта «на главный из "проклятых вопросов", о "двойном бытии" человека». Поэзия Е. продолжает линию русской философской лирики, традицию А. Фета, «но там, где Фет видел лист, ветку, траву, небо и слышал слово, Ерёмин видит ген, клетку, молекулу, атом, слышит индоевропейский корень» (Л. Лосев).

В СССР перв. сб. Е. («**Стихотворения**») вышел в 1991, его составили стих. с 1957 по 1991. Говоря о тв-ве Е., Г. Сапгир отмечает, что автор всю жизнь пишет одну кн., составленную из восьмистиший: «При чтении этих восьмистиший мне порой кажется, что я смотрю изнутри зеленого стебля травы, бесконечно увеличенного. И латынь, и греческие слова, и египетские иероглифы слагаются на странице в универсальную надпись, портрет самой природы...» (Г. Сапгир. Самиздат века).

В 1990-е стихи Е. начинают публ. в России и в журн. периодике («Аврора», «Лит. обозрение», «Митин ж.», «Новый ж.», «Черновик» и др.); входят в состав антологий и сб. («Самиздат века», «Genius loci», «Поэзия и живопись»). Е. участник поэтич. чтений, проводимых в Б-ке иностранных языков, в т. ч. фестиваля «Ленинград — Москва» (1992).

Отметим одну из первых значительных подборок, представляющих 29 стих. (1957–91), в ж. «Аврора» (1992. № 11–12). Во вст. ст. говоря о «необычайной плотности мышления поэта», А. Шарымов называет избранную Е. форму восьмистиший «квантом высказываемой мысли», демонстрирующим «дискретность самого хода сознания»: «Ерёмин не упускает случая поставить перед читателем ряд вопросов, касающихся пределов наших знаний» (А. Шарымов. Октогены Михаила Ерёмина // Аврора. 1992. № 11–12). Для М. Айзенберга тв-во Е. — это своего рода естественно-научное исследование, отдельно взятое стих. сравнимо с «кристаллом информации»: «Мысль здесь имеет свою логику созревания и свою замкнутую кристаллическую форму» (М. Айзенберг. Поэт Михаил Ерёмин // Моск. наблюдатель. 1992. № 5–6).

Вторая на родине поэтич. кн. Е. («**Стихотворения**») выпущ. в 1996 в М. (изд-во «АРГО-Риск»). В слове о Е. на его авторском вечере в Б-ке им. Чехова (М., апрель 1996) А. Найман обратил внимание на особую природу текстов Е., их контекстуальное взаимопроникновение, метатекстовый характер: «каждое восьмистишие одновременно кажется фрагментом, вычлененным из какого-то эпоса, и является самостоятельным лирическим эпизодом. <...> Это эпос в том смысле, в каком сам мир — материальный и культурный, живой и неживой — описывал бы наблюдаемое им, этим миром» (А. Найман О Михаиле Ерёмине // Лит. обозрение. 1997. № 5).

С 1998 сб. Е. «**Стихотворения**» выходят в изд-ве «Пушкинский фонд» под ред. Г. Комарова (1998, 2002, 2005, 2009, 2013).

В 2000-е Е. публ. в ж. «Звезда», «НЛО», «Критич. масса», «Зинзивер», «Дети Ра», «Новый ж.» (Нью-Йорк). Стихи вошли в антологии петербургской поэзии: «Стихи в Петербурге. 21 век», «Петербургская поэтич. формация», «Актуальная поэзия на Пушкинской–10», «Собр. соч. Т. 1. Стихотворения 2009 года» (СПб., 2010) и др.

Лауреат премии А. Белого (1998). Член Российского союза профессиональных литераторов (1964) и русского Пен-клуба (2005).

Соч.: [Стихи] // Синтаксис. 1960. № 3; Слон и Оська: Пьеса в 2 д. (совм. с Л. Виноградовым и В. Уфляндом) // Выступайте с нами: Сб. / Сост. А. Розанова. М., 1963; Веселый троллейбус. М., 1964 (совм. с Л. Виноградовым); [Стихи] // Грани. 1965. № 58; Мчится поезд. М., 1967 (совм. с Л. Виноградовым); Слово о полку Игореве: Пьеса. М., 1972 (совм. с Л. Виноградовым и К. Мешковым); Аэлита. Фант. трагикомедия в 2-х д. по мотивам повести А. Толстого. М., 1976 (совм. с Л. Виноградовым); Защитник Ульянов: Пьеса в 2-х актах. М., 1978 (совм. с Л. Виноградовым); Стихи разных лет // Континент. Париж, 1979. № 21; Из старых и новых стихов // Эхо. Париж, 1979. № 2/3; Медвезайцы: Пьеса в 2-х д. для театров кукол. М., 1981 (совм. с Л. Виноградовым и Л. Лосевым); [Стихи] // У Голубой лагуны: В 5 т. 9 кн. / Сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. Newtonwille, 1980–86. Т. 1; [Стихи] // Острова: Антология лен. неоф. поэзии / Сост. А. Антипов, Ю. Колкер, С. Нестерова, Э. Шнейдерман. Л., 1982; [Стихи] // NLR. 1981–82. № 4–5; Стихотворения. Tenafly, NY., 1986; [Стихи] // Континент. Париж, 1987. № 54; Новые стихотворения // Митин ж. 1987. № 18; [Стихи] // Континент. Париж, 1989. № 61; Стихотворения // Черновик. 1990. № 3; Стихотворения. М., 1991; Стихотворения // Аврора. 1992. № 11–12; [Стихи] // Новый ж. СПб., 1993. № 1; [Стихи] // Русская мысль. Париж, 1993. 19–25 март. № 3971; Из новых стихов // Аврора. 1993. № 5; [Стихи] // Рус-

ская мысль. Париж, 1995. 25–31 мая. № 4079; Стихотворения. М., 1996; Стихотворения разных лет // Митин ж. 1997. № 54; Стихотворения разных лет // Лит. обозрение. 1997. № 5; [Стихи] // Самиздат века / Сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, В. Бахтин, Н. Ордынский. М.; Минск, 1997; Стихотворения. СПб., 1998; Стихотворения // Поэзия и живопись: Сб. М., 2000; [Стихи] // Kates J. In the Grip of Strange Thoughts: Russian Poetry in a New Era. Boston, 1999; Стихотворения. Кн. 2. Пушкинский фонд, 2002; [Стихи] // Звезда. 2002. № 7; [Стихи] // Новый ж. Н.-Й., 2002. № 227; «Считать ли происками заастральных сил...» // НЛО. 2003. № 62; [Стихи] // Новый ж. Н.-Й., 2003. № 231; «Со временем отмеренную славу поглощает» // Критич. масса. 2004. № 2; Стихотворения. Кн. 3. СПб., 2005; [Стихи] // Стихи в Петербурге. 21 в. Поэтич. антология. СПб., 2005; [Стихи] // «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография. М., 2006; [Стихи] // Петербургская поэтич. формация: Сб. СПб., 2008; Стихи разных лет // Зинзивер. 2008. № 1; Крейн Харт. Стихи / Пер. с англ. Е. // Звезда. 2008. № 1; Стихотворения. Кн. 4. СПб., 2009; [Стихи] // Дети Ра. 2009. № 3 (53); Актуальная поэзия на Пушкинской-10: Антол. К., 2009; [Стихи] // Собр. соч. Т. 1. Стихотворения 2009 года: Антология совр. поэзии СПб. / Сост. Д. Григорьев, В. Земских, А. Мирзаев, С. Чубукин. СПб., 2010; [Стихи] // Звезда. 2010. № 4; [Стихи] // Звезда. 2011. № 6; [Автобиография; Стихи] // Лица петербургской поэзии: 1950–90-е. Автобиографии. Авторское чтение/ Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011; Стихотворения. Кн. 5. СПб., 2013.

Лит.: Лосев Л. О Михаиле Ерёмине // Эхо. Париж, 1979. № 2/3; Наумов А. Восемь веков и пятнадцать сезонов // Театр. 1985. № 6; Уфлянд В. Могучая питерская хворь. Трисмегист метафоры // Звезда. 1990. № 1; Носов С. Поэзия изящной тишины // Новый ж. СПб., 1993. № 1; Айзенберг М. Несколько слов о Михаиле Ерёмине // НЛО. 1995. № 14; Кукулин И. [Рец.] // Медведь. М., 1997. № 3; Найман А. О Михаиле Ерёмине // Лит. обозрение. 1997. № 5; MacFadyen D. Where to find the Russian language: The poetry of Mikhail Yeryomin // World literature today. 1998. Vol. 72. № 1; Еремин М., Уфлянд В., Кукулин И. О Леониде Виноградове и его друзьях // НЛО. 2005. № 71; «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография. М., 2006; Житенев А. Худож. реальность и худож. интенция в поэзии М. Ерёмина // Классич. и неклассич. модели мира в отеч. и зарубежной лит-рах. Волгоград, 2006; Суховей Д. Седьмая книга восьмых стихов [Рец.] // НЛО. 2011. № 108; Житенев А. Михаил Ерёмин: поэтика словаря // НЛО. 2012. № 113; Валиева Ю. «Что видится прекрасным? Звёздный свод?..» // НЛО. 2013. № 124; Кукулин И. Подрывной эпос: Э. Паунд и М. Еремин // Иностр. лит-ра. 2013. № 12; Юрьев О. Ерёмин, или Неуклонность // Новый мир. 2014. № 7; Корчагин К. В поисках предсказанного времени // Там же. Сайт премии А. Белого <belyprize.ru>

Ю. Валиева

ЕРМАКО́В Василий Николаевич [12.1.1940, д. Коштуги Вологодской обл.] — кинодраматург, прозаик.

После окончания школы работал слесарем лесозавода. Закончил ВГИК по специальности «кинорежиссер». В 1965–97 работал на киностудии «Леннаучфильм». Как реж.-постановщик снял более 60 фильмов, в т. ч. полнометражные «Похищение будущего», «Замысел». Лауреат ряда Всесоюзных фестивалей неигрового кино. Член Союза кинематографистов СССР (ЛО).

В прозе дебютировал в 1981. Член СП России с 1994.

В 2012 в изд-ве «Алгоритм» в серии «Русское кино» выпустил кн. **«Павел Луспекаев. Белое солнце пустыни»**.

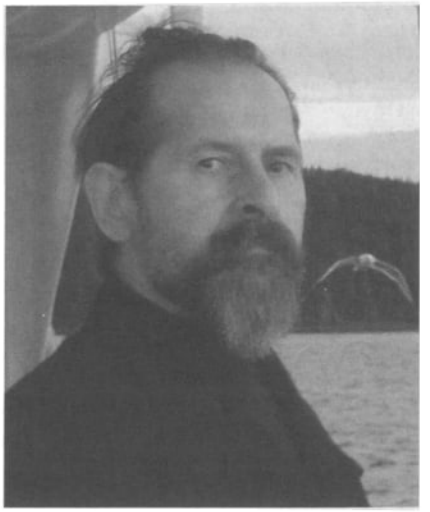
Лауреат лит. премии им. Н. Островского (1988).

Адрес в СПб. — ул. Кораблестроителей, 39.

Соч.: Простенькое дельце: Повесть и рассказы. М., 1986; Мотив: Повесть и рассказы. М., 1988.

Лит.: Справочник Союза кинематографистов СССР 1981 года / Сост. Г. Мирнова. М., 1982; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ЕРШО́В Владимир Иванович [21.5.1952, г. Ломоносов] — прозаик.



Отец, Е. Иван Викторович, родился в 1908 в г. Невеле. Закончил Лен. Финансово-экономический ин-т. Работал гл. бухгалтером КРГЭС. Участник Великой Отеч. войны, награждён орденом и медалями. Воевал в Кронштадте. Мать, Радкевич Мария Егоровна, рассказывала, что дедушка, бабушка и она — семья поляков, преследовалась НКВД. После смерти мужа работала на Петродворцовом часовом з-де.

Среднюю школу закончил в г. Петродворце. Служил в СА (Воронеж; Будапешт).

В 1972 поступил на физико-химич. фак-т Лен. технологич. ин-та (в 1975 ушел в академ. отпуск). В 1977–79 работал в геофизич. партии в Якутской тайге. Трудовую деятельность Е. можно разделить на два периода: 10 лет — служба на железной дороге, 20 лет — служба в коммерческой организации.

Проза Е. проста, но дуалистична. С одн. стороны, в произведениях **«От-**

крытая калитка», **«Абитуриент»** герои выступают в роли исследователей пространства и времени. Автор как бы испытывает себя, пытаясь убедиться, что его слово легло на твёрдую, реальную почву. С другой — Е. обращен к эстетич. стороне тв-ва: **«Дневник погоды»**, **«Бабье лето»**, **«Осень»**, **«Мартовский ручей»**, **«Дорога на Пушкин»**.

Проза соц. реализма привела Е. к разочарованию. Отд. имена сохранили уважение: К. Паустовский, Ю. Казаков. Проза Е. Носова, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева, А. Скалона, А. Вампилова открыла Е. глаза на другой мир. Так появились его рассказы **«Невероятно большое»**, **«Как я научился читать»**, **«Старая усадьба»**, **«Опустевший переулок»**, **«Покров»**.

Е. не помышлял о профессиональном занятии лит-рой. Но перв. рассказы в 1970-х были показаны консультанту ж. «Звезда» И. Сергеевой и одобрены. В 1980-х, когда страна рушилась, Е. продолжал пис. рассказы (**«Аргентинское танго»**, **«Пост «Дмитрий»**), раскрывавшие его взгляд на жизнь, но был вынужден на время прекратить лит. работу (перенёс неск. инфарктов). Позже вернулся к тв-ву.

В 1998 вышла кн. **«Опустевший переулок»**. В 1999 участвовал в 23-й конференции молодых писателей Северо-Запада, где был рекомендован в СП России. Рук. семинара И. Виноградов сказал, характеризуя Е.: «Есть стиль — есть писатель».

Осмыслению тв-ва Е. посвящ. ст. А. Ильина: «Главное, на чём заостряется внимание читателя прозы Ершова — его стиль. Своеобразное построение фразы, определённая её ритмика, точный выбор эпитета, даже аллитерация. Нередко позволяет он себе и неологизмы. Собственно, разговору о стиле Ершова можно было бы посвятить отдельное исследование».

Вступление в СП стало для Е. шансом вновь вернуться к занятиям литрой. Это отразилось в новых произведениях: **«Первый семестр»**, **«„Грустная песня" Вейсберга»**, **«Медаль»**, **«Борзая Серёжа»**, **«На Свири»**, **«Пачка „Примы"»**, **«Прет-а-порте»**, **«Последний домовой»**. В 2000 изд. кн. рассказов **«Абитуриент»**, в 2003 — **«Борзая Серёжа»**. В 2009 Е. редактирует некот. свои рассказы, добавляет новые и изд. кн. **«Старая усадьба»**. В это время рассказы Е. печ. в «ЛГ», «Царскосельском альм.», в альм. «Сев. цветы», в сб. лучшей русской прозы города «Вера. Надежда. Любовь». Расширила рамки интересов Е. работа над кн. по культурологии **«Европейский мужской костюм X –XX вв.»**. Подходя к юбилейному году жизни, Е. собрал то, что считал лучшим из напис., и изд. в 2012 кн., повторяя название 2000, **«Абитуриент»**. Приветствуя выход кн. в 2012, И. Сергеева пишет: «Ориентируясь на это понятие — „абитуриент" — читатель ожидает повествования о злоключениях юноши при поступлении в высшее учебное заведение. Это хорошо помнят закончившие школу в 60–70-х годы. Но речь идёт о передаче состояния души человека, ищущего свой путь в жизни, абитуриента не высшей школы, а школы Жизни. Собственно, это и есть — Высшая школа. Названия отдельных рассказов раскрывают их суть. Вот **„Невероятно большое"**, а в тексте фраза: „В детстве мир видится невероятно большим". Вот **„Открытая калитка"** — и на негласный вопрос — философский, концентрированный ответ... „Здесь, в снежной пустыне... он, наконец, ощутил могучий зов родного дома, понял, что ни одни цветы не будут ему более дорогими, чем сентябрьские, на жёстком стебле... жёлтые цветы детства". И мы понимаем, что речь идёт о входе, вступлении в жизнь, а потом — осмыслении своего пути и его начала. Многогранность — отличительная черта Ершова. Взять хотя бы **„Дневник погоды"**. Там при всём, уже известном нам, умении Е. живописать природу появляется особая интонация — туманно-матовая, меланхоличная. И мы узнаём петербургскую атмосферу, с удовольствием дышим ею, и говорим себе: да, это наше, родное, неповторимое!» В ст. А. Ильина о тв-ве Е. сказано: «Контрастные впечатления жизни дали благоприятную почву для создания интересных произведений, разнообразных по тематике, по типу героев, сюжетам».

Награждён медалью «Жертвователю средств» за пожертвования на строительство памятника генералу А. П. Ермолову в г. Минеральные воды, Грамотой МВД России за авторские кн., отправленные на Сев. Кавказ с петерб. ОМОН.

Соч.: Опустевший переулок. СПб., 1998; Абитуриент. СПб., 2000; Борзая Серёжа. СПб., 2003; Старая усадьба. СПб., 2009; Абитуриент. СПб., 2012.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Ильин А. Отображение главного // Рог Борея. 2012. № 46; Сергеева И. Новый «Абитуриент» // Сфинкс. 2012. № 34.

ЕРШО́В Леонид Федорович [11.6.1924, дер. Выставка Лихославльского р-на Калининской обл. — 23.10.1988, Л-д] — литературовед, критик.

Родился в крестьянской семье. Вскоре семья переехала в Лихославль, в 1930 — в Л-д. В 1941 окончил 9-й класс общеобразовательной школы. 5 июля 1941 добровольцем вступил в армию народного ополчения, спустя месяц был отчислен по возрасту (не хватило года). Работа токарем на з-де им. Энгельса закончилась в момент призыва в армию. На фронте с июля 1942 по июнь 1944. Был дважды ранен. Первый раз в боях по прорыву блокады Л-да на Невской Дубровке. Будучи уже сержантом, командиром орудия батальона связи, получил второе тяжелейшее ранение в авг. 1943 под Синявином. Около года, до мая 1944, находился в госпитале в г. Прокопьевске Кемеровской обл., где и закончил 10-й класс. В этом же году вернулся в Л-д.

С 1944 по 1949 — студент ЛГУ, закончил с отличием. В 1949–52 — аспирант ИРЛИ (ПД) АН СССР. В 1952–57 — мл. науч. сотрудник, в 1957–74 — старший науч. сотрудник ИРЛИ. В 1969 утвержден в должности проф. по кафедре истории сов. лит-ры ЛГУ им. А. Жданова. В 1974–88 — зав. кафедрой. В 1982 принят в члены СП СССР, в 1986 присвоено почетное звание «Засл. деятель науки РСФСР».

Говоря о Е., как исследователе в обл. русской сов. лит-ры, необходимо назв. две темы, кот. оказались альфой и омегой его работы на протяжении всей жизни. Это (1) русская стихотв. сатирич. поэзия и русская сов. сатирич. лит-ра в целом и (2) русский сов. роман и тв-во М. Шолохова и Л. Леонова.

Необходимо упомянуть и о деятельности Е. по межславянским связям, особенно русско-польским отношениям и состоянии польской русистики 1960–80-х. В 1970 стажируется в Варшаве и Кракове, в 1973 участвует в работе VII Междунар. конгресса славистов в Варшаве, выступает на III Конгрессе МАПРЯЛ. Сотрудничает с польским Об-вом русистов и Международным Союзом преподавателей русского языка и лит-ры. В 1977–78 приглашен в кач. проф. в Варшавский ун-т, где читает курсы лекций. Налаживает контакты с ин-том Славяноведения ПАН, выступает с лекциями для преподавателей-русистов Лодзи, Кракова, Люблина, Гданьска и др. Публикует многочисленные статьи в ж. «Kierunki», «Przeglad Humanistyczny», «Slavia Orientalis» и др. Тесно сотрудничает с ун-том им. Я. Пуркине в Брно, с ун-том Праги.

Тему науч. работы «Русская сатирич. лит-ра» выбрал еще студентом. Позднее он напишет: «Сатира подобна запальной свече, воспламеняющей горючую смесь народного негодования. Этот вид творчества особенно тесно связан с социально-политическими и духовно-нравственными противоречиями людей и развитием общественных конфликтов». По окончании ЛГУ под рук. проф. Б. Бурсова подготовил и защитил канд. дис. **«Проблемы сатиры в литературно-эстетических взглядах М. Е. Салтыкова-Щедрина»** (1952). Собранный мат-л по тв-ву писателя был позднее использован в изд. «М. Е. Салтыков-Щедрин о языке» (подг. текстов и прим.). В нач. 1950-х появляются перв. работы Е.: **«Сатира Щедрина и наша современность»**, **«Сатирич. рассказ в „Крокодиле“»**, **«Удобная сатира»**, брошюра **«Сов. сатирич. лит-ра»** (1955), затем статья **«Заметки о сатирич. прозе 20-х гг.»** и, наконец в 1960-м кн. **«Сов. сатирич. проза 20-х гг.»**, в кот. история, проблематика, тематика и структура сатирич. новеллистики 1920-х анализируется на примере тв-ва Маяковского, Зощенко, Шишкова, Лебедева-Кумача, Катаева и др. За монографией последовал ряд книг и статей, посвящ. тв-ву писателей-сатириков 1930-40-х и далее вплоть до 1980-х. Опираясь на русскую и западную классические лит-ры, Е. последовательно прослеживает влияние русских сатириков XVIII–XIX вв. на формирование и становление сатиры в XX в. Автору важно показать, как традиции прошлого (темы, сюжеты, герои, худож. средства и пр.) будут проявляться в тв-ве сов. сатириков, что нового они внесут в сатиру сов. времени. Е. исследует сатирич. жанры от эпиграммы до романа и анализирует своеобразие тв-ва разных писателей, начиная с Горького и Маяковского вплоть до Шукшина.

«Сов. сатирич. проза 20-х гг.» начинается с истории появления и развития сатирич. ж. «Красный дьявол», «Красная колокольня», «Гильотина», повествует о др. появляющихся изданиях пролетарской сатиры, разных жанрах, темах, худож. приемах. Анализируется разносторонняя работа ведущего ж. «Крокодил» (с 1922). Говоря о прозаиках и поэтах сатириках (Бедный, Маяковский, Лебедев-Кумач, Архангельский, Кольцов, Асеев, Зорич, Ильф и Петров, Катаев и др.), Е. стремится показать индивидуальность пишущего, манеру его письма. Автором исследуются пути развития фельетона как жанра преимущественно сатирического с использованием иронии, гиперболич. заострений, с ассоциативным развитием комич. темы. Интересно прослеживается появление «маленького фельетона» в период Гражданской войны, роль эстетики монтажа в становлении «большого сов. фельетона». Анализируются осн. сатирич. жанры: рассказ, повесть, роман, пути и направления их развития в первое десятилетие после гражданской войны. Отдавая должное таланту Зощенко, своеобразию его сатиры и юмора, Е. говорит о противоречиях в его мировоззрении. Интересен обзор мат-ла о становлении сатирич. очерка в сов. лит-ре. Анализируется разнообразие форм повестей и романов: повести-хроники, сатирич. повести и романы с авантюрно-приключ., фантастич. и утопич. сюжетами. Исследуется их жанровое своеобразие, принципы типизации, средства и приемы создания комического у разных сатириков, традиции отеч. лит-ры, прежде всего Гоголя и Щедрина. Особенности развития сатиры на протяжении более шестидесяти лет, различные направления и дискуссии по проблемам сатиры, «малые» и «большие» жанры (сатира, басня, сказ, эпиграмма, эпитафия, каламбур, афоризм, баллада, пародия, фельетон, пословица, сатира-хроника, рассказ, повесть, роман) Е. исследует и в др. кн.: **«Сов. сатирич. проза»** (1966), **«Сатирич. жанры русской сов. лит-ры»** (1977), **«Из истории сов. сатиры. М. Зощенко»** (1973), **«Сатира и современность»** (1978).

Обращался к проблемам теории сатиры. Среди ранних ст. **«Смелее разрабатывать теорию сатиры»** (совм. с П. Выходцевым), **«Проблема типичности и развитие сов. сатиры»**, позднее — **«Некоторые вопросы теории сов. сатиры»**. Свое видение особенностей сатиры Е. изложил в ст. **«Проблемы комического и сатиры в новых работах»** (1958), **«Сатирич. роман 20-х гг.»** (1961), **«Идеал, героическое и сатира»** (1963), **«Сатира и общество»** (1966) и др.

Составитель трехтомной антол. «Муза пламенной сатиры» (1988–89), кот. посвящ. разным этапам становления и развития русской стихотв. сатиры (подбор текстов и вступ. ст.). В антол. вкл. лучшие образцы сатирич. произведений 117 русских поэтов-сатириков (с XVIII в. до 1917-го). В приложении даются краткие биографии и справочный мат-л.

Помимо исследований в обл. сатиры Е. работал над проблемами гуманизма, народности, традиций и новаторства в контексте формирования и развития сов. лит-ры. В разное

время опубл. статьи, посвящ. этим вопросам: **«Классич. традиции в русском сов. романе»**, **«Типология сов. романа»**, **«Эпос Шолохова и традиции эпич. искусства»**, **«Национальный и народный характер эпоса Шолохова»**, **«Искусство реалистического эпоса. М. Шолохов и Л. Толстой»**, **«Леонов и западно-европейский философский роман XX в.»**, **«Леонов и Томас Манн»**, **«Этапы развития сов. философского романа»** и др. Завершением этих работ стала докт. дис. Е. — **«Русский сов. роман. Национальные традиции и новаторство»** (1967). В центре исследования оказались не отд. произведения или творч. путь конкретного писателя, но синтетич. анализ истории развития осн. форм русского сов. романа: социально-психологического, философского, романа-эпопеи и публицистического.

Во время работы в Варшавском ун-те напис. учебное пособие по истории русской сов. лит-ры для польских студентов (Варшава, 1979). Результатом стало создание книги **«Русская сов. лит-ра. 1917–77»** (1979). Позднее в Праге (совм. с проф. М. Микулашеком) вышел ее вариант (в 2 ч.), предназначенный для студентов-русистов Чехословакии (Прага, 1982; 1985). В 1986 в Пекине вышел перевод «Истории русской сов. лит-ры» на китайский яз.

По предложению изд-ва «Высшая школа» напис. учебное пособие (фактически — учебник) для студентов филологич. специальностей **«История русской сов. лит-ры»** (1982). Впервые учебник, на страницах кот. освещается история отеч. словесности с 1917 до нач. 1980-х (2-е изд. 1988 продолжило учебное пособие почти на десятилетие), был создан не авторским коллективом, но одним автором. В «Истории...» Е. удалось достаточно емко осветить главное и характерное в лит. процессе за неск. десятилетий. Этому способствовали принятые автором осн. постулаты: единая концепция подачи мат-ла; жанрово-типологический принцип описания; строгий отбор имен, явлений, фактов, отражающих становые линии историко-лит. процесса. Е. создает укрупненную периодизацию, выделяя две осн. эпохи: 1917–40 и 1941 — нач. 1980-х: и два периода — Октябрьская революция и Гражданская война, и Великая Отеч. война; и «под-этапы» по десятилетиям. Традиционные виды разделов — обзорные и монографические — дополнены третьим типом — «медальонами», введенными в обзорные главы. Согласно принятым канонам Е. исследует сов. лит-ру, деля ее на роды — прозу, поэзию и драматургию, подчиняя анализ жанрово-типологическому принципу, что позволяет избежать описательности и перечисления в сравнительно сжатом изложении (32 п.л.). Важная проблема, кот. на протяжении всей кн. прослеживается Е., — это идеи традиции и новаторства, связь минувших поколений русской (нередко и европейской) классики с развитием русской послерев. лит-ры.

Наиболее интересным разделом «Истории...», по мнению большинства рецензентов, является история лит-ры периода 1960-х — нач. 80-х. Эти годы, как пишет Е., явились переломными как в прозе, так и в поэзии и драматургии. Происходит дальнейшее расширение и обогащение жанров сов. лит-ры, худож. стилей. В этот период роман и повесть занимают главенствующее положение. Е. подробно останавливается на своеобразии воплощения темы войны К. Симоновым («Живые и мертвые»), А. Чаковским («Блокада»), Ю. Бондаревым («Горячий снег»), жизни крестьянства — С. Залыгин («На Иртыше»), В. Белов («Привычное дело») и мн. др. Рабочая тема («производственная тема») как большой пласт народной жизни представлена произведениями М. Колесникова, Б. Бондаренко, В. Липатова, О. Куваева и др. Е. отмечает тенденции, кот. характеризуют лит-ру этого периода: историзм в трактовке важнейших тем современности (Великая Отеч. война, произведения о рабочем классе, о жизни деревни), стремление к психологизму и углублению человеч. характеров, тяготение к эпичности. Такой вывод он делает на основе анализа произведений С. Залыгина, Ф. Абрамова, М. Алексеева, В. Распутина, В. Астафьева, П. Проскурина, В. Белова и др. Как отмечается в «Истории...», те же тенденции были характерными и для поэзии (А. Твардовский, Я. Смеляков, Н. Рубцов, В. Федоров, Л. Мартынов и др.). Исследуя тв-во совр. писателей, Е. старается максимально раскрыть творч. индивидуальность каждого, обрисовать, каким образом и какими худож. приемами писатель достигает нужного эффекта.

Рецензенты отмечали, что стиль кн. Е. сочетает строгую научность и лапидарность с эмоционально-образной манерой повествования, что помогает донести живое дыхание предмета, о кот. идет речь. Л. Леонов так характеризовал данную монографию: «Мне представляется, что безупречный по всем своим показателям (метод исследования, стиль, логика и положение) и познавательной ценности учебник профессора Л. Ершова „История русской советской литературы“ вполне заслуживает университетской премии».

Соч.: Образы героической сов. молодежи в лит-ре. Л., 1951; Сатира Щедрина и наша современность. Л., 1953; Сов. сатирич. лит-ра. Л., 1955; Тема рабочего класса в сов. лит-ре. Л., 1958; Сов. сатирич. проза 20-х гг. Л., 1960; Сов. сатирич. проза. Л., 1966; Русский сов. роман: Национальные традиции и новаторство. Л., 1967; Листья и корни (совм. с А. Хватовым). М., 1971; Из истории сов. сатиры. М. Зощенко и сатирич. проза 20-х — 40-х гг. Л., 1973; Сатирич. жанры сов. лит-ры. Л., 1977; Сатира и современность. М., 1978; Русская сов. лит-ра 30-х гг. (совм. с Е. Никулиной и Г. Филипповым). М., 1978; История русской сов. лит-ры. М., 1982; Память и время. М., 1984; Русская сов. лит. критика (1956–83) (совм. с В. Муромским). М., 1984; Волшебный кристалл: Соц. реализм сегодня и завтра (совм. с И. Кузьмичевым). М., 1987; Муза пламенной сатиры: Русская стихотв. сатира: В 3 т. / Вст. ст. и сост. Л. Ершова. М., 1988–90; История русской сов. литры. Изд. 2-е. М., 1988.

Лит.: Литвин Э. Пути сов. сатиры // Нева. 1961. № 4; Кантор В. Кого читать? // Новый мир. 1967. № 12; Хватов А. Истоки зрелости // Молодая гвардия. 1967. № 10; Barbz G. L. F. Ershov // Studii de literature universal. Bucuresti, 1968. № 12; Скрунда В. В кругу проблем польских русистов-литературоведов // Ceskoslovenska rusistika. Praha, 1973. roc 18. cis. 4; Старков А. Творч. путь М. Зощенко // Вопросы лит-ры. 1974. № 5; Филатова А. Лит-ра и время // Лен. правда. 1983. 23 март.; Ветрова Г. По пути итогов и обобщений // Лит-ра в школе. 1983. № 5; Муриков Г. История и современность // Наш современник. 1983. № 8; Бирюков Ф. Полнота и ответственность // Молодая гвардия. 1984. № 7; Bialokozo-

wicz B. Leonid Jerszow jako teoretyk, historyk i krytyk rosyjskiej literatury radzieckiej // Slavia Orientalis. R. XXXIII. Warszawa. 1984. № 2; Романова Н. Диалектика лит. развития // Лит-ра в школе. 1985. № 1; Юдин В. Опираясь на плечи предков // Звезда. 1985. № 10; Цветов Г. К 60-летию со дня рождения // Вестник Лен. ун-та. 1985. № 2; Пантелеев А. Слово о Ершове // Русский альбом. Иркутск, 2010.

А. Ершов

ЕСЕ́НИН Сергей Александрович [21.9 (3.10).1895, с. Константиново Кузьминской вол. Рязанского у. Рязанской губ.— 28.12.1925, Л-д; похоронен в М. на Ваганьковском кладб.] — поэт.

Из крестьян. Рос и воспитывался в семье деда по матери, редко общаясь с жившими врозь родителями. Ранние духовные впечатления оформляются в атмосфере глубокого народного поэтич. православия: «Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о женихе, светлом госте из града неведомого. <...> Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю» (**«Автобиография»**. 1924). В то же время воспитывала поэта и улица, давая выход озорству, неуравновешенности его характера: «Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах» (**«О себе»**. 1925). Позднее Е. высказывался о противоречивости уже своих детских чувств и настроений: «В детстве у меня были очень резкие переходы: то полоса молитвенная, то необычайного озорства, вплоть до желания кощунствовать и богохульничать» (Розанов И. Есенин о себе и других. М., 1926).

Учится в Константиновском земском 4-годичном училище (1904–09), затем в Спас-Клепиковской закрытой церковно-учительской школе (1909–12) и на историко-философском отд. Моск. городского Народного ун-та им. А. Шанявского (1913–14, не окончил).

Перв. поэтич. опыты пробуждаются рано и прежде всего под влиянием народной и религиозно-духовной поэзии: «Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад» («Автобиография»); «Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки» (Там же). Некоторое время в юности он сочинял, по собственному признанию, «только духовные стихи» и лишь по просьбе школьных товарищей решил «попробовать себя в стихах другого рода». Подготовленный летом 1912 сб. юношеских стихов **«Больные думы»** остался при жизни поэта неопубликованным.

С авг. 1912 живет в М., работая сначала в лавке у купца (где и отец — приказчиком), а затем в типографии И. Сытина. Здесь в кон. 1913 сближается с Суриковским лит.-муз. кружком и, став вскоре его членом, избирается в ред. комиссию. С 1914 публикует стихи в детских ж. «Мирок», «Проталинка», «Доброе утро». Неудовлетворенный своим «московским» вхождением в лит-ру, приезжает 9 марта 1915 в Пг. Здесь почти сразу же получает высокую оценку со стороны поэтов столичной элиты: А. Блока («Стихи свежие, чистые, голосистые» // Записные книжки. М., 1965); З. Гиппиус, обнаружившей в его стихах «какую-то „сказанность“ слов, слитость звука и значения» (Голос жизни. 1915. № 17); С. Городецкого, высказывавшегося позже, что «факт появления Есенина был осуществлением долгожданного чуда», что с первых же строк Е. стало ясно, «какая радость пришла в русскую поэзию» (О Сергее Есенине // Новый мир. 1926. № 2). Е. становится сенсационным открытием — как «дитя народа», как живой голос Руси. В столичных лит. салонах и меценатских гостиных Е. называют «рязанским Лелем», «рязанским Дафнисом». «Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает земляника в январе» (Горький М. Письмо к Р. Роллану 24 марта 1926 // Сергей Есенин. Письма. Документы. М., 1995). Его стихи появляются во множестве столичных ж., осенью 1915 он входит в лит. группу «Краса» и лит.-худож. общество «Страда», кот. становятся перв. символическим объединением поэтов, по определению Е., «крестьянской купницы» (новокрестьянских).

В перв. пол. 1916 Е. призывается в армию, но благодаря хлопотам друзей получает назначение («с высочайшего соизволения») санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, что позволяет ему беспрепятственно посещать лит. салоны, бывать на приемах у меценатов, выступать на концертах. На одном из концертов в лазарете, к кот. он был прикомандирован (здесь же несли службу сестер милосердия императрица и царевны), происходит его встреча с царской семьей: «По просьбе Ломана (штаб-офицер для особых поручений при дворцовом коменданте. — *А. М.*) однажды читал стихи императрице. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылался на бедность, климат и проч.» («Автобиография»). Тогда же вместе с Клюевым выступают, одетые в древнерусские костюмы, сшитые по эскизам худож. В. Васнецова, на вечерах «Об-ва возрождения художественной Руси» при Феодоровском городке в Царском Селе, а также приглашаются в М. к великой княгине Елизавете Федоровне (будущей преподобномученице), от кот. в день своих именин Е. получает в дар и благословение икону своего небесного покровителя Сергия Радонежского.

В нач. 1916 выходит перв. кн. Е. **«Радуница»**. Еще до выхода стихи ее получают в частном высказывании С. Городецкого определение «медовых»; именно этот природно-благоуханный эпитет отзывается во всех рецензиях на нее. Глубоко органическую, нерасторжимую связь поэта с родным краем, запечатленную уже в этой первой его книге, выразила позже в исчерпывающем афоризме А. Ахматова: «Его не вырвешь из полей и рощ» (Ломан А. Встречи и расставания: Запись беседы с А. Ахматовой) (РО ИРЛИ).

Не менее определенно проявлялось в поэзии Е. и духовное начало. С. Парнок отмечала: «Через „Радуницу" из глубины России послан нам напоенный сердцем взгляд» (Северные записки. 1916. Июнь). П. Сакулин эту духовную доминанту определил как страстную устремленность поэта «к небесному, вечному» («Народный златоцвет» // Вестник Европы. 1916. Кн. 5).

В 1918 в Пг. выходит втор. кн. стихов Е. **«Голубень»**, подтвердившая талант Е. как самобытного поэта патриархально-крестьянской святой Руси. Впоследствии эта характеристика обернется жесточайшей оценкой, поэзия Е. будет заклеймена как «деревенски-идиллическая, окрашенная церковностью» (Воронский А. Об отошедшем // Есенин С. Собр. стихотворений. М.; Л., 1926. Т. 1). Е. и сам в свое время сделает попытку отречься от патриархальной святой Руси. В ранней поэзии Е. явственно проступал и ее язычески-пантеистический облик. Восстанавливая истоки миропонимания поэта, В. Ходасевич позже доискивался и до глубинных, еще дохристианских корней есенинской Руси: «Выйдет, что миссия крестьянина божественна, ибо крестьянин как бы причастен творчеству Божью. Бог — Отец, Земля — Мать, Сын — Урожай. От этих истоков до христианства еще ряд этапов. Пройдены ли они у Есенина? Вряд ли. Начинающий Есенин — полуязычник. Это отнюдь не мешает его вере быть одетою в традиционные образы христианского мифа. <...> Правда земная — воплощение небесной. Земное так же свято, как небесное...» (Русское зарубежье о Есенине. М., 1993. Т. 1).

И все же любое выяснение религиозных, философских мотивов тв-ва Е. не может заслонить той истины, что в «земной» сущности есенинской поэзии с самого начала выявляется прежде всего облик деревенской России с ее природой и крестьянским бытом. Живая, реалистическая непосредственность образной ткани поэзии Е. воплощает красоту мира в ее многообразном (зрительном, звуковом, осязательном) проявлении. Е. был присущ феноменальный дар тонко воспринимать едва ощутимые состояния и неуловимо ускользающие мгновения бытия природы. Поэт слышал и «звон надломленной осоки», и то, как «нежно охает ячменная солома, / Свисая с губ кивающих коров» (**«О красном вечере задумалась дорога...»**, 1916). Внешний облик самого поэта был словно сродни самым выразительным чертам русской природы. Об этом говорят мемуары современников, в них Е. предстает как бы феноменом худож. творения природы. Таково, напр., сияние «небесных» (И. Эренбург) глаз поэта. В лирике Е. они выражают полноту душевной жизни: «...глаза синее дня» (**«Алый мрак в небесной черни...»**, 1915), «Как васильки во ржи цветут в лице глаза» (**«Исповедь хулигана»**, 1920). Мемуаристы именно такими и видели глаза Е.: «И еще издали рассиневались чудесные глаза на белом лице» (Евдокимов И. Сергей Александрович Есенин. М.; Л., 1926). Та же картина предстает и в отношении удивительных, как чудо природы, волос Е. В своей лирике поэт о них высказывается: «Эти волосы взял я у ржи» (**«Шаганэ ты моя, Шаганэ!»**, 1924), «В волосах есть золото и медь» (**«В Хороссане есть такие двери...»**, 1925). Не иначе как именно такими же их видели и в реальности: «Волосы цвета спелой ржи» (Коненков С. Певец Руси // Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1965); «От его золотой головы шли как бы солнечные лучи» (Табидзе Н. Золотая монета // О Есенине. М., 1990); «Волосы светлые и пушистые, будто хорошо расчесанный лен» (Кириллов В. Встречи с Есениным // Там же). Иногда подобные определения приобретают характер некоего эстетического исследования, как, например, в воспоминаниях известного худож. Ю. Анненкова: «Лицо Есенина (ему было тогда едва ли двадцать лет) действительно удивляло „девической красотой", но волосы не были ни цвета „золотого льна", ни цвета „спелой ржи", как любят выражаться другие: они были русые, это приближается к пригашенной бесцветности березовой стружки» (Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 1).

Образами природы у Е. в исключительной степени пронизана и любовная лирика, в которую его вклад среди лучших мировых певцов эроса велик. Женские образы в его поэзии кажутся прямым порождением мира идеального и мечты и тем не менее обладают чертами соблазнительной земной, полнокровной жизни. Таково, напр., стих. **«Не бродить, не мять в кустах багряных...»** (1916); неземная красота его героини созвучна лучшим образцам классической любовной лирики. На утонченный и хрупкий образ возникающей в памяти поэта умершей любимой, чье даже «имя тонкое растаяло как звук», падает здесь явный отсвет блоковских «нездешних» героинь, а также сияние возлюбленных из лирики Петрарки и Данте. В увековечивании образа своей героини Е. следует великим лирикам прошлого. Однако при всей неземной сущности женской красоты даже самые ее идеальные черты поэт роднит с крестьянской природой: «Со снопом волос твоих овсяных / Отоснилась ты мне навсегда»; «Зерна глаз твоих осыпались, завяли...» и т. д.

Как бы сложно ни преломлялись в поэзии Е. христианские и языческие мотивы, восприятие им природы в ее крестьянской ипостаси столь одухотворялось, наделялось таким глубоким поэтич. чувством, выливалось в такие шедевры, что всякая постановка вопроса о противостоянии этих двух начал национальной духовности и культуры относительно его тв-ва теряет, по сути дела, смысл.

Начиная с 1917 путь Е. становится все более противоречивым, исполненным драматич. коллизий. Во вневременный, гармонически цельный мир есенинской Руси вторгается теперь история. Об этом говорят уже сами заглавия новых книг поэта: **«Преображение»** (1918), **«Пугачев»** (1922), **«Песнь о великом походе»** (1925), **«Русь советская»** (1925).

Даже творч. постижение глубинных, «космических» основ национального самосознания ставит он теперь в прямую связь с приятием историч. «вихря, который сейчас бреет бороду старому миру» (в трактате **«Ключи Марии»**, 1918, изд. 1920). И лирика, и образ лирич. героя, и сам облик поэта резко меняются, от таких прежних «автоэпитетов», как «захожий богомолец», «ласковый послушник», «отрок светлый», поэт переходит к совершенно иным маскам лирического героя, вызывающе начертанным на обложках его книг: «Исповедь хулигана» (1920), **«Стихи скандалиста»** (1923), вполне определяющего его как «падшего ангела»; приходит поэзия «бунта».

Е. принимает участие в двух сб. «Скифы» (1917, второй помечен 1918), выпущенных ориентирующейся на левых эсеров одноименной лит. группой, вдохновляемой идеологом мистического, мессианского социализма Р. Ивановым-Разумником. Е. и Клюев превозносятся им как поэты-пророки «России будущего» (Две России // Скифы. Сб. 2. СПб., 1918). В стихах Е. появляется мотив вызова старой патриархальной России (поэма **«Инония»**, 1918). Выступая в качестве нового пророка и витийствуя о новой вере, Е. отказывается от Христа, проклинает Китеж и Радонеж — как символы святой Руси — и грозится «выщипать» Богу бороду и «вылизать» на иконах «лики мучеников и святых».

В 1919 Е.— один из создателей (вместе с А. Мариенгофом, В. Шершеневичем и Р. Ивневым) русского имажинизма, целью которого для него было не только «проведение в жизнь силы образа» («Автобиография»), но и решительное отдаление от патриархальной России, от клюевского «избяного космоса» и сближение с урбанистическим миром, с полной морально-нравственной раскрепощенностью «цивилизованного» человека. Прельщала в имажинизме Е. и возможность заявить о своем «европеизме», освободиться от сковывающего его амплуа «пастушеского» поэта. Теперь Е. вступает в полосу своего продолжавшегося до последних дней богемного существования. Женившись в 1922 на знаменитой американской танцовщице Айседоре Дункан, он затем более года проводит с нею в турне по Европе и Америке и возвращается оттуда «с ясной тягой к новому» (Маяковский В. Как делать стихи. М., 1927), с негодованием, в частности, по отношению к русской религиозности, существовавшей-де в ущерб бытовой благоустроенности человека: «Убирайтесь к чертовой матери с Вашим Богом и Вашими церквями. Постройте лучше из них сортиры, чтоб мужик не ходил „до ветру“ в чужой огород» (Железный Миргород, 1923 // С. А. Есенин. Мат-лы к биографии. М., 1992).

Посл. годы жизни Е. были отмечены трагич. противоречиями. Высвобождение из-под власти патриархальной Руси и сближение с цивилизованным миром не только не обогатило, но нанесло немало жесточайших ран самочувствию поэта. Глядя на пореволюционную Россию, Е. в числе немногих самых первых художников почувствовал надвигающуюся национальную катастрофу. Ему не удается заглушить душевные муки при виде гибнущей своей родины. Он терял самообладание и с безотчетной, казалось, бесшабашностью губил свою жизнь. Но и в это время Е. оставался величайшим поэтом. В 1924–25 он создает такие шедевры, как книга стихов **«Москва кабацкая»** (1924), поэма **«Черный человек»** (1925), лирика последнего года, потрясающая как «подлинный документ, строки которого налились и сочатся кровью, напоены смертной тоской и томлением, крестной мукой, одиночеством и предчувствием гибели»; через них вполне «чувствуешь, как гробовая дрожь сотрясает тело поэта» (Воронский А. Об отошедшем). Немало сохранилось свидетельств о появлении на лице Е. в последний период его жизни и прямых мистических знаков его трагической судьбы: «Есенин заметно увядал. Лицо его, прежде светлое и жизнерадостное, подернулось мглистыми, печальными тенями... Он стал производить впечатление человека, опаленного каким-то губительным внутренним огнем» (В. Кириллов). Работавший над портретом Е. в 1923 изв. художник Б. Григорьев позже писал, что заметил тогда в нем «прожигающую слегка улыбку падшего ангела, что сгибала веки его голубых, васильковых глаз» (Русское зарубежье о Есенине. Т. 1). И все же в борьбе власти против «старой», исконной России с ее прежде всего «пахотной идеологией» Е. решительно встал на сторону последней. В его поэзии присутствует сочувствие разгромленному повстанческому крестьянскому движению, с одной стороны, и скрытое сопротивление, страх перед бездуховностью, перед большевистским насилием — с другой: **«Сорокоуст»**, **«Мир таинственный, мир мой древний...»** (1921); то же самое в драматических поэмах «Пугачев» и **«Страна негодяев»** (1922–23), в письмах к Е. Лившиц (1920) и А. Кусикову (1923), в незавершенной статье **«Россияне»** (1923) и др. Но протест против губительной для России власти носит в стихах Е. чаще всего немотивированно-лирич. характер. С каким-то упоением горечи применяет здесь поэт прежде всего к себе такие романтические маски, как «разбойник», «степной конокрад», «похабник», «скандалист». И только часто звучащее тут же признание в своей одинокой любви к обреченной крестьянской России («Русь моя, деревянная Русь / Я один твой певец и глашатай...» — **«Хулиган»**, 1921; **«Я последний поэт деревни...»**, 1920) свидетельствовало о всей глубине его тоски, о попытке скрыть свою боль за романтич. фрондой.

Однако и такой протест не остается незамеченным. Так, в книге партийного публициста Г. Устинова «Лит-ра наших дней» (М., 1923) Е. и поэтам его круга (новокрестьянским) уделено два знаменательно озаглавленных раздела: «Психобандитизм» и «Осуждены на гибель». Определив здесь Е. «неисправимым психобандитом», автор называет его поэму «Пугачев» лебединой песнью есенинской хаотической Руси, на короткое время восставшей из гроба после уже пропетого ей Сорокоуста». В обоих разделах он усиленно соотносит поэзию Е. с кулачеством, бандитизмом, крестьянским бунтом, Антоновым-Тамбовским. Немало сказавший позже о Е. и его творчестве глубоких и добрых слов А. Воронский в своем очерке «Сергей Есенин» (1924) также вменял в то время поэту в вину «художественную реакционность» его произведений, высказывался о том, что он «творит сплошь и рядом вещи прямо вредные», предупреждал об

«опасности» его стихов (Красная новь. 1924. № 1).

Похоронив в душе образ крестьянской патриархальной России, святой Руси и перенеся в посл. годы жизни свою любовь на Россию, какова она есть в своей простой, непритязательной красоте — как «страна березового ситца» (**«Не жалею, не зову, не плачу...»**, 1921), отчизна, принакрытая «сереньким ситцем / Этих северных бедных небес» (**«Низкий дом с голубыми ставнями...»**, 1924), какою она была и осталась с ее «обпечалившими» «русскую ширь» буераками, пеньками и косогорами, Е. отнюдь не ступает на путь певца «новой», «преобразованной» в духе большевизма крестьянской России, хотя иногда и пытается ее декларировать. Попытка поэта приглядеться к «новизне» послереволюционной деревни утешительных результатов не приносит (**«Возвращение на родину»**, 1924). На родине он только и видит что взметнувшуюся «колокольню без креста», в избе выброшенные с божничной полки сестрами-комсомолками иконы, вместо которых «на стенке календарный Ленин». «Здесь жизнь сестер. / Сестер, а не моя...» — с горечью и грустью обобщает поэт.

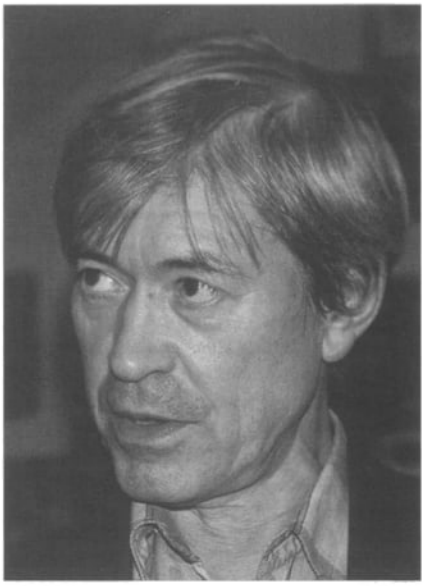
В посл. период жизни Е. сознательно отдаляется от деревни — как от чуждой ему советской «нови». Он так и уходит из жизни с поэтич. взором, более обращенным в свой внутренний мир (лирика любви, природы, прощания с молодостью, размышлений о жизни и смерти), нежели во внешнюю действительность с происходящей в ней ломкой России: «Чтоб не видеть в лицо роковое...» (**«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»**, 1922). Все настойчивее звучит в его поэзии тема приближающейся смерти.

Жизнь Е. трагически оборвалась в Пг. в гостинице «Англетер» при невыясненных обстоятельствах.

Соч.: Собр. стихотворений: Стихи и проза. М., 1926-27. Т. 1–4. Репринтно переизд. Т. 1–3. 1995; СС: В 6 т. М., 1977–80; Сергей Есенин в стихах и жизни: В 4 кн. М., 1995; ПСС: В 7 т. М., 1995–2001.

Лит.: Кириллов В. Встречи с Есениным // Сергей Александрович Есенин: Воспоминания. М.; Л., 1926; Наумов Е. Сергей Есенин: Личность. Тв-во. Эпоха. Л., 1969; Юшин Л. Сергей Есенин: Идейно-творч. эволюция. М., 1969; Белоусов В. Сергей Есенин: Лит. хроника: В 2 ч. М., 1969–70; Марченко А. Поэтич. мир Есенина. М., 1972; Прокушев Ю. Сергей Есенин: Образ. Стих. Эпоха. М., 1986; Жизнь Есенина: Рассказывают современники. М., 1988; С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992; Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. М., 1993; Панфилов А. Есенин без тайны. М., 1994; Юсов Н. Прижизненные издания С. А. Есенина. М., 1994; Михайлов А. Сергей Есенин: Судьба и вера // Сергей Есенин. Шел Господь пытать людей в любови... СПб., 1995; Смерть Сергея Есенина: Документы. Факты. Версии. М., 1996; Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум: Есенинский сб. Вып. 3. М., 1997; Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. М., 1998; Шубникова-Гусева Н. Поэмы Есенина. М., 2001; Пушкин и Есенин: Есенинский сб. Вып. 5. М., 2001; Гусляров В., Карпухин О. Есенин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников: В 2 т. Калининград, 2000; Куняевы С. и С. Жизнь Есенина. М., 2001; Кузнецова Л. Мифологема женского начала в лирике С. А. Есенина // Опыты. Великий Новгород. 2002. Вып. 3; Есаулов И. «Черный человек» С. Есенина: Между «другом» и «скверным гостем» // Вестник Российского гуманит. науч. фонда. 2003. № 1; Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин в 1916 г. // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4/1. М., 2007; Никольский Е. Худож. христология Сергея Есенина в контексте святоотеческого богословия // Богослов. 2008. № 3, март.; Криминалистические эксперименты и дело о смерти поэта Сергея Есенина: G. Ojcewicz, R. Włodarczyk, D. Zajdel. Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie). Szczytno, 2009; Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: Биография. М., 2011; Марченко А. Есенин: Путь и беспутье. М., 2012; Юсов Н. Известный и неизвестный Есенин. М., 2012.

А. Михайлов



ЕТО́ЕВ Александр Васильевич [9.1.1953, Л-д] — прозаик, редактор.

Е. — выпускник Лен. механического ин-та по специальности «инженер-механик» (1976). Работать по распределению не стал: чтобы у ин-та не возникло претензий, устроился в проектный ин-т недалеко от Троицкого собора. Запойно собирал и читал кн., пробовал писать что-то свое. Поскольку интерес к словам в те годы зачастую вел к самиздату, через два года Е. уволили «за недоверие» (была такая статья в сов. трудовом кодексе).

С подачи приятеля Е. нашел приют в Гос. Эрмитаже. В тамошней хозчасти было немало людей, плохо уживавшихся с сов. властью по причине наличия худож. убеждений. Там, под лестницей, Е. поставил себе пишущую машинку: было очевидно, что переквалификация в «инженера человеческих душ» неизбежна.

В 1991 опытный читатель с многолетним стажем и скромный молодой писатель Е. закономерно оказался на должности ред. в петерб. изд-ве «Terra Fantastica». Оно не один год служило центром притяжения для мн. литераторов — от сибиряков Ю. Буркина, М. Успенского и А. Лазарчука (в те годы еще красноярца) до прибалтов Д. Трускиновской и С. Иванова. Мало кто из них задумывался над тем, что за образование получил Е., но авторитетом во всем, что касается слов и их употребления, он был для всех — от мэтров до начинающих.

В качестве отв. ред. Е. выпустил множество кн. И множество ляпов, допущенных неизв. переводчиками, благодаря Е. никогда не увидели свет. Курировал СС Р. Хайнлайна.

Член СП СПб. (1998).

С июля 2000 Е. стал выпускающим ред. отдела совр. лит-ры перв. крупного российского интернет-магазина «оЗон», специализировавшегося на кн. и кинофильмах. На том этапе своего существования «оЗон» был не только и не столько магазином,

сколько информационным интернет-порталом, посвящ. кн., фильмам и людям, их создающим.

В 2001 вернулся в обычное книжное изд-во, сначала работал в «Олма-Пресс—Нева», а затем в «Домино».

Перв. публикацией Е. стал двухтомник, состоящий из 2 ч. — **«Эксперт по вдохам и выдохам»** и **«Бегство в Египет»**, напис. (или придуманный) в основном под лестницей в Эрмитаже; обе кн. изданы А. Житинским в 1998. В 1999 повесть Е. «Бегство в Египет» получила сразу три лит. премии: «Интерпресскон» (за лучший дебют), «Странник» (в номинации «Повести и рассказы») и «Малый Золотой Остап» (за самое смешное произведение средней формы 1998-го).

В лен. (не петербургские) декорации Е. вписан забавный приключ. сюжет. Коммунальная квартира: «Сизый дым сковородок, застоявшееся в тазах белье, храп инвалида Ртова, от кот. дрожат стены и мигает лампочка в коридоре, утренняя очередь в туалет...». Город: «на фасаде кариатида, похожая на гипсовых физкультурниц из ЦПКО; когда-то кариатид было две, но напарницу ее в прошлом марте убила ледяная сосулька, когда скалывали с крыш лед». Трамвай: «Он дремал, трамвай ему не мешал; вагон был пустой и сонный; на остановках, когда хлюпала резина дверей, люди тихо входили и выходили: без песен, без мордобоя, что бывают в дни больших праздников и в веселые часы пик». Е. — это совмещение контурной графики и акварели. Они существуют отдельно друг от друга, но на одном пространстве, создавая вместе нечто третье, уникальное.

Повесть Е. **«Человек из паутины»** (2004), многими причисляемая по формальным критериям к магическому реализму, интересна не только сама по себе, но и зарисовками из издательской жизни СПб. В 2005 литераторы достойно оценили «Человека из паутины», вручив его автору премию им. Н. Гоголя.

В 2006 получил признание как детский писатель. Этот поворот был неожидан даже для него самого, эксперта по вдохам и выдохам, многими причисляемого к фантастам. В повести «Бегство в Египет» фантастической является только способность автора одним глазом видеть прозу жизни во всех ее мелких и четких подробностях, а другим — примечать каскад поэтич. образов, теней и отражений, отбрасываемых действительностью, — и совмещать оба поля зрения в едином тексте. Но вот детской эту повесть назвать вполне естественно, потому что она как раз про детей. Цикл про Улю Ляпину, супердевочку с нашего двора, начатый в 2003 с легкой руки издателя В. Назарова (изд-во «Амфора»), целенаправленно создавался для детской аудитории. Как обычно говорит сам автор: «...я сторонник говорить с детьми на таком же литературном языке, на каком разговариваешь с взрослыми. Исключая ненормативную лексику. И еще я не приемлю политкорректности ни во взрослой литературе, ни в детской».

Вторая повесть Е. из этого цикла получила премию «Алиса», врученную на Росконе-2006. И автор не слишком удивился, когда за повесть **«Правило левой ноги»**, вышедшую в 2007, получил премию им. С. Маршака.

Есть еще один облик Е. — поэтический. Маленькая книжечка о лирич. героях Саше и Маше, проиллюстрированная Ю. Беломлинской (рисовавшей и супердевочку тоже), изданная у митьков, почуявших в Е. родственную душу, в изд-ве «Красный матрос», успех имела тихий — соответственно лиризму и простодушию героев.

Шумный успех выпал на долю произведений non-fiction. Пристрелочный вариант кн. **«Душегубство и живодерство в детской лит-ре»** вышел в 2001, в том же «Красном матросе». В 2007 был изд. объемный труд **«Книгоедство. Выбранные места из книжной истории всех времен, планет и народов»**, в интернете моментально получивший статус культового. Профессиональная оценка также высока — АБС-премия. Вторая часть **«Экстремальное книгоедство»** (со значащим подзаголовком «книга-мишень») была удостоена Беляевской премии.

Книг у Е. не то чтобы много, но примерно столько же, сколько и лит. премий. За эти годы образ жизни его практически не претерпел изменений, стиль работы тоже. Большую часть времени он проводит за рабочим столом с карандашиком или с клавиатурой. Пожалуй, это и есть единственное существенное изменение — появление компьютера. Е. попрежнему собирает кн. и складирует их у родителей, потому что в собственной квартире уже ничего не помещается. И внешне он почти не изменился: все тот же высокий стройный и седой, с мальчишеским взглядом. И окружающую действительность Е. воспринимает чисто и непосредственно — как мальчишка. Е. провел в Коломне самые важные для себя годы — детство, оттуда он и произошел.

Б. Стругацкий: «Ясность и точность слога. Изящество выдумки. Безграничная доброта героев... Повести и рассказы Александра Етоева способны удовлетворить самый взыскательный литературный вкус».

М. Успенский: «Проза Александра Етоева — питерская в лучшем смысле этого слова: чёткая, ироничная и в то же время неистребимо романтическая. И уж подавно стоит времени, затраченного на её прочтение».

В. Курицын: «Истории из Истории, пусть даже и выдуманной, сложнейший жанр. Трудно обойтись без эскалации экзотики и доморощенной геополитики. Александр Етоев сочиняет такие истории удивительно легко...».

А. Лазарчук: «Клянусь, никогда ещё я не встречал такого чистого и детски-непосредственного восприятия мира, как у Александра Етоева...».

В 2010 вошел в число авторов «Лит. матрицы» (Учебник, написанный писателями) со ст. по тв-ву М. Зощенко **«Великий учитель смеха»**.

В 2012 получил премию Интерпресскон (критика, публицистика) за **«Книгу о Прашкевиче, или От Изысканного жирафа до Белого мамонта»** (совм. с В. Ларионовым).

Соч.: Бегство в Египет. СПб., 1998; Эксперт по вдохам и выдохам. СПб., 1998; Душегубство и живодерство в детской лит-ре. СПб., 2001; Кому лебедь, кому выпь. Книжка для Николая Романецкого, сочиненная Александром Етоевым, нарисованная Юлией Беломлинской, изданная Александром Житинским и издательством «Геликон Плюс». СПб., 2003; Человек из паутины. М., 2004; Планета лысого брюнета. СПб., 2004; Полосатая зебра в клеточку. СПб., 2005; Правило

левой ноги. СПб., 2007; Книгоедство: Выбранные места из книжной истории всех времен, планет и народов. Новосибирск, 2007; Простодушные стихи. СПб., 2007; Уля Ляпина против Ляли Хлюпиной. СПб., 2008; Экстремальное книгоедство. Книга-мишень. М., 2009; Великий учитель смеха // Лит. матрица: В 2 т. СПб.; М., 2010. Т. 2; Книга о Прашкевиче, или От Изысканного жирафа до Белого мамонта (в соавт. с В. Ларионовым). СПб., 2011.

Лит.: Елисеев Н. Об авторах этой книги // Лит. матрица: В 2 т. СПб.; М., 2010. Т. 2.

И. Андронати

ЕФИМЕ́НКО Татьяна Петровна [1890 — 18.12(по др. данным — 28.12).1918, хутор Любочка Харьковской губ.] — поэт, детский прозаик.

Дочь писательницы-этнографа и историка Александры Яковлевны Е.

Получила домашнее образование, слушала лекции в Париже и в СПб. ун-те.

С нач. 1910-х жила в СПб., писала стихи, отмеченные влиянием символизма. Печ. в «Вестнике Европы», «Русском богатстве». Принимала участие в конкурсе лирич. стих. им. С. Надсона, по итогам конкурса получила втор. премию. В поэзии придерживалась «неоклассической» ориентации (стилизации под античность). Из поэтов Серебряного века наиболее близка поэзии М. Кузмина. Была знакома с С. Есениным. Известна частушка Есенина: «Заливается в углу / Таракан, как пеночка, / Не подумай, что растёшь, / Таня Ефименочка».

Единственный стих. сб. Е. — **«Жадное сердце»** (Пг., 1916). Сб. привлек внимание читателей редкими для лит-ры нач. XX в. темами — воспеванием домашнего тепла, крестьянского уклада жизни, простой и кроткой любви. Пафос патриархально-пасторальной поэзии Е. критика определила как стремление «спутать прошлое с настоящим в поисках вечного». По мнению М. Гаспарова, Е. «писала стихи (конечно, под влиянием А. Ахматовой) как лирический дневник, а для печати отбирала лишь легкие игровые стилизации под античность».

В посл. годы жизни увлеклась египтологией. Напис. неск. рассказов для детей о Древнем Египте (некот. опубл.).

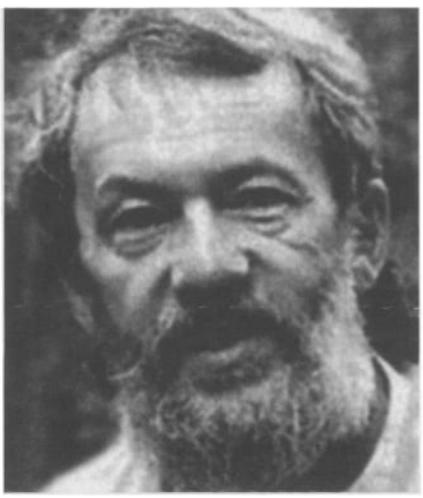
В окт. 1917 вместе с матерью уехала на Украину, в имение родственников под Харьковом, там в дек. 1918 обе были убиты ворвавшимися в дом бандитами.

Архив хранится в ЦГАЛИ. В составе архива — экземпляр кн. «Жадное сердце», любительские фотографии, деловые письма и семь тетрадей со стих., относящимися к 1907–17. Сохранившиеся произведения Е. позволяют сделать вывод, что «легкие» стих. намеренно выбирались ею для печати, но круг тем ее поэтич. тв-ва намного шире.

Соч.: Жадное сердце: Сб. стих. Пг., 1916.

Лит.: Гаспаров М. Русские стихи 1890-х — 1925 гг. в комментариях. М., 1993.

ЕФИ́МОВ Игорь Маркович [8.8.1937, М.] — писатель, философ, историк, публицист.



Сын дипломата, расстрелянного в кон. 1930-х. В годы войны был в эвакуации, затем поселился с матерью в Л-де. Окончил Лен. Политехнический ин-т (1960). В 1963–64 читал лекции по термо- и аэродинамике в Северо-Западном заочном политехническом ин-те. В 1973 окончил Высшие лит. курсы в М. С 1965 — член СП СССР.

С 1962 публ. рассказы, повести и пьесы. Выпустил 11 кн., в т. ч. сб. прозы **«Высоко на крыше»** (для детей и юношества; 1969), **«Лаборантка»** (1975), **«Таврический сад»** (1978), ист. роман об английской революции **«Свергнуть всякое иго»** (1977), ряд пьес для Театра юных зрителей. Печ. в ж. «Звезда».

В 1964 вместе с Б. Вахтиным, В. Марамзиным и В. Губиным вошел в группу «Горожане», кот. декларировала обновление лит. языка и эстетич. свободу писателя. Выступал на лит. чтениях группы в ДК Пищевой промышленности, в кафе «Молекула», в биб-ках, участвовал в подготовленном к печ. (но не изд.) сб. «Горожане». В 1967 напис. психологич. роман **«Зрелища»**, кот., несмотря на положительные внутренние рец., был отвергнут офиц. изд-вами и распространялся в самиздате.

В 1971 завершил философский труд **«Практическая метафизика»**, в кот. выразилось его увлечение наследием Канта и Шопенгауэра, в 1976 — философско-ист. кн. **«Метаполитика»**, в кот. сделал попытку создать науч. модель политич. истории человечества, в 1977 — кн. **«Бедность народов»**, где выразил взгляд на проблему обнищания народов СССР как на неизбежное следствие соц. системы, подавляющей не только духовную жизнь, но и любые проявления человеч. одаренности. Кн. «Практическая метафизика» и «Метаполитика» распространялись в самиздате под псевд. Андрей Московит, «Бедность народов» — Адам Кузнецов. После встречи с руководителями изд-ва «Ардис» Э. и К. Профферами состоял под наблюдением КГБ и вызывался для «профилактической беседы».

В 1978 эмигрировал. Через Австрию попал в США и поселился в Анн Арборе, штат Мичиган. В эмиграции сначала работал в изд-ве «Ардис». В 1981 вместе с женой (прозаик Марина Рачко) и дочерью основал в Анн Арборе русское изд-во «Эрмитаж», позже перевел его в город Энглвуд, близ Тенафлая, штат Нью-Джерси. Является его владельцем и гл. ред. В изд-ве «Эрмитаж» вышло неск. десятков кн. прозы, поэзии, философии, лит. и полит. мемуаров, в т. ч. «Дневники и письма» Л. Троцкого, проза С. Довлатова, В. Аксенова, стихи Л. Лосева, М. Ерёмина, И. Ратушинской, сб. «Поэтика Бродского», воспоминания К. Косцинского «В тени Большого дома» и др.

В 1978 кн. Е. «Метаполитика» изд. в США (в 1985 — на англ.). В 1979 в изд-ве «Посев» под назв. **«Без бур-**

жуев» вышла кн. «Бедность народов». В дальнейшем Е. выпустил в США романы **«Как одна плоть»** (1981), **«Архивы Страшного суда»** (1982), ист. исследование об убийстве президента Кеннеди (1987), **«Седьмая жена»** (1990), сб. афористич. сентенций **«Светляки»** (1993) и **«Четыре горы»** (1997) и др. кн.

В прозе Е. часто соединяются черты психологич. драмы, ист. хроники, авантюрного романа, полит. детектива и научно-фантастич. утопии. Большинство произведений Е. переведено на английский яз. Лит. эссе и рецензии Е. печ. в ж. «Время и мы», «Страна и мир», «Континент», «Синтаксис», «Грани»; часть из них вошла в сб. **«Бремя добра»** (1993).

После 1991 почти все кн. Е. были перепечатаны в России. Три его романа — **«Не мир, но меч»** (1996), **«Суд да дело»** (2001) и **«Новгородский толмач»** (2003) были первоначально опубл. в ж. «Звезда». Там же напеч. его **«Стыдная тайна неравенства»** (отд. книгой вышел в М. в 2006).

В 2005 вышли воспоминания Е. **«Нобелевский тунеядец»** об И. Бродском, а в 2006 — роман **«Неверная»**. Пять книг Е. изданы в Америке в перев. на английский, его книга об убийстве президента Кеннеди в 2006 была переведена и опубл. во Франции.

Все критики, писавшие о тв-ве Е., отмечают философский характер его прозы. Я. Гордин в предисл. к российскому изд. романа «Архивы Страшного суда» отмечает такую особенность: «Подлинным героем прозы Ефимова всегда была — страсть. Иными словами — возбуждённая воля».

Соч.: Высоко на крыше. Л., 1964 (1969); Смотрите, кто пришёл! М.; Л., 1965; Таврический сад. Л., 1966 (1978); Плюс, минус и Тимоша. Л., 1971; Лаборантка. Л., 1975; Свергнуть всякое иго. М., 1977; Без буржуев. Франкфурт-на-Майне, 1979; Практическая метафизика: Философская система, развивающая принципы Канта и Шопенгауэра. Анн Арбор, 1980; Как одна плоть. Анн Арбор, 1981; Архивы Страшного суда. Анн Арбор, 1982; Our Choice And History. NY, 1985; Кеннеди, Освальд, Кастро, Хрущев: Документально-ист. исследование. Тенафлай, 1987; «Свободы сеятель пустынный...» (Пушкин как историк) // Синтаксис. 1987. № 20; Вера и неверие Льва Толстого // Синтаксис. 1988. № 23; Андрей Московит. Метаполитика. Анн Арбор; 1978 (переизд. Л., 1991); Светляки: Иронич. метафизика. Тенафлай, 1991; Седьмая жена. Тенафлай, 1990 (Л., 1991); Жемчужина страдания // Звезда. 1991. № 12; Кто убил президента Кеннеди? М., 1991; Бремя добра: Русский писатель как властитель дум: Сб. Тенафлай, 1993; «Юноша» Хлебников и «взрослый» Платонов // Звезда. 1993. № 12; The Seventh Wife. Dallas, 1994; Ефимизмы // Звезда. 1994. № 7; Зощенко и Клио // Новый ж. 1996. № 202; Не мир, но меч (Хроника времен заката) // Звезда. 1996. № 9, 10; Четыре горы: Сб. Тенафлай, 1997; Зрелища // Звезда. 1997. № 7; Did Castro Kill Kennedy? Miami, 1997; Пелагей Британец. М., 1998; The Judgment Day Archives. San Francisco, 1988; Кто более равен? // Звезда. 1998. № 7; «Город Солнца» и «Левиафан» // Звезда. 1998. № 9; Исторические корни... неравенства // Звезда. 1998. № 11; Стыдная тайна неравенства: Философско-политич. исследование. Тенафлай, 1999; Хозяева знаний и хозяева вещей // Звезда. 1999. № 2; Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым / Послесл. Я. Гордина. М., 2001; Двойные портреты. Тенафлай, 2003; Новгородский толмач. СПб., 2004; Five Talents or One? The Shocking Secret of Inequality. Tenafly, 2004; Нобелевский тунеядец (Об Иосифе Бродском). М., 2005; Comment Castro a tué Kennedy. Editions du Rocher, France, 2006; Неверная. СПб., 2006; Стыдная тайна неравенства: Историко-философское исследование. М., 2006; Убийство Кеннеди. Долгое эхо // Звезда. 2008. № 12.

Лит.: Stefanovic B., Wertsman V. Free Voices in Russian Literature. NY, 1987; Russian Emigre Literature. F Bibliography of Titles Held by University of California. Compliled by A. Urbanic. Oakland, 1993; Русские писатели. XX в.: Биобиблиогр. словарь / Под ред. Н. Скатова. Ч. 1, 2. М., 1998; Веслер И. Неравенство — стыдно или страшно? // <http://igor-efimov.com/critique/vesler.html>; Пульсон К. О романе «Новгородский толмач» / Новый очевидец. 2004. 4 окт.; Перец П. Суд да дело // Gaudeamus; <http://igor-efimov.com/critique/peretz.html>; Иткин В. И сущим во гробех живот даровала // <http://igor-efimov.com/critique/itkin.htm.>

Е. Биберган

ЕФИМО́ВСКАЯ Валентина Валентиновна [24.5.1957, Л-д] — поэт, критик.

Родители — коренные петербуржцы, пережившие в детстве блокаду. Отец — с 12 лет во флоте, офицер,

капитан I ранга, ученый, мать — работник культуры. Раннее детство Е. прошло в Севастополе, окончила школу в Л-де. В школьные годы дважды была лауреатом городского лит. конкурса, публиковала заметки в газ. «Смена». В 1977 окончила Лен. ин-т киноинженеров, принимала участие в создании неск. худож. фильмов. Работала в научно-исследовательском ин-те, занималась акустикой. Была внештатным сотрудником на лен. радио, где ею созданы циклы авторских передач, лит.-поэтич. композиций, посвящ. истории культуры города и пригородов, творч. портреты современников. Неск. передач в 1991–94 было сделано на ТВ для программы «Храм». Впервые, вместе с режиссером Т. Богдановой, Е. сделала передачу о жизни и духовном подвиге преп. Серафима Вырицкого. В сер. 1990-х работала экскурсоводом в Исаакиевском соборе.

Наиболее значительное влияние на ее мировоззрение и тв-во оказала русская классич. лит-ра, с кот. знакома с раннего детства и русская духовная философия. В своей поэтич. школе Е. отмечает помощь и влияние известных петербургск. поэтов С. Давыдова, Ю. Шестакова, А. Реброва. Серьезно занялась поэзией после благословения прот. Алексия (Коровина), настоятеля церкви Божией Матери Казанской в Вырице. Стала пост. членом петерб. Православного об-ва писателей. Член комиссии по

восстановлению храма Спас-на-водах. Член Собора православной интеллигенции.

По убеждению Е., «творчество имеет божественную природу, оно не предполагает лишь ряд профессиональных манипуляций, которые сами по себе бесплодны. Творчество — это напряженный духовный процесс во имя создания нового качества, над которым не властно время».

Православной вере и тв-ву верующей души посвящ. мн. стихи Е. Поэзия Е. есть попытка молитвенно-поэтического прикосновения к Источнику всех смыслов; это одновременно предстояние и тв-во. Собственно, сам образ «третьего пути» (название одноименного сб. Е.) прочитывается как диагональ между землей и небом — своего рода подвижная радуга между ними: «Горизонтальный путь привычен нам. Едва ль / Желанна под иным углом дорога / Страшит, непостижима вертикаль / Святого восхождения до Бога. / Есть третий путь — воздвиженье креста — / Известный живописцу и поэту... / О, как трудна диагональ холста: / Путь из трясины тьмы на берег света». Как писатель Е. твердо держится спасительной путеводной звезды православия: «Смерть, где твоя победа?» — невольно вспоминаются слова Пасхального канона при чтении стих., посвященных героическим подвигам соотечественников «за други своя». Эти стихи приводят читателя к осознанию утверждения жизни через погибель: «И да святы будут души / Моряков России, / Кто по морю, как по суше — / Следом за Мессией».

Еще одно качество поэзии Е. — благородство. В ее стихах чувствуется дух мн. поколений красивых русских предков. Поэзия Е. аристократична — именно в плане духовно-родового избранничества. «Демократия в аду, а на небесах Царство» — одна из ее сквозных стихотв. тем. Е. не сочиняет сладких сказок о своей стране — она любит ее в упрямом метафизическом Божьем замысле: «Но Петропавловки игла / Сшивала землю с небом где-то: / Сияли ангела крыла, / Стоящего на страже света».

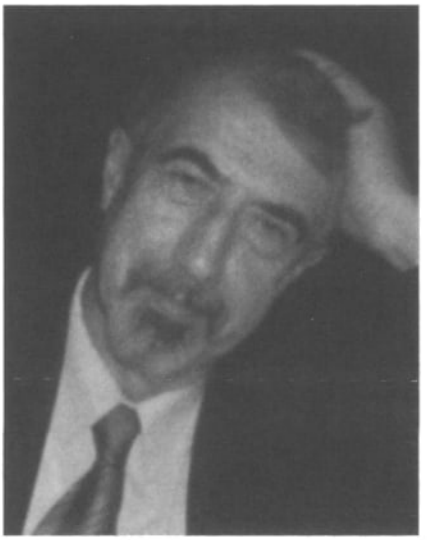
Член СП России с 1999. Награждена медалью к 300-летию СПб., медалью «За вклад в русскую культуру». За цикл критич. ст. о совр. поэтах награждена грамотой СП России. Публиковалась в ж. «Молодая гвардия», «Дон», «Родная Кубань», «Воин России». «Огни Кузбасса», «Аврора», «Вертикаль» и мн. др. Стихи Е. переводились на китайский и азербайджанский яз. На стихи Е. написаны песни.

Соч.: Долгий свет. СПб., 1998; Приют для души. СПб., 1999; Третий путь. СПб., 2002; Золотой запас. СПб., 2010.

Лит.: Ребров А. Зацветшие корни // Ефимовская В. Долгий свет. СПб., 1998; Казин А. «Третий путь» Валентины Ефимовской // Морская газ. 2002. № 67 (6); Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Казин

ЕФИМО́ВСКИЙ (Берлин) Ефим Семёнович [13.12.1946, Л-д] — поэт, прозаик, детский писатель.



В 1961–65 учился в ЛТАПиА. В 1966–68 служил в рядах сов. армии. В 1968–77 работал техником (потом инженером) в науч. лаборатории одного из лен. КБ. В 1974 закончил заочное отд. Лен. ин-та киноинженеров. С 1977 по 1982 был рук. Клуба сатиры и юмора при ДК Пищевиков. С1974 по1990 работал в сатирич. объединении Лен. художников и поэтов «Боевой карандаш». В 2008 стал автором сценария докум. фильма «Боевой карандаш» (екатеринбургская студия ВИТ). В 1981–91 в кач-ве автора-исполнителя выступал на сцене лен. театра «Эксперимент», был участником спектакля «Урок смеха».

Перв. публ. состоялась в газ. «Электросила» в 1970. Автор более 40 кн. для детей и взрослых, среди них **«Ракета и травинка»**, **«След колесницы»**, **«Путешествие в Санкть-Петербургъ»**, **«Русский язык в заколдованной школе»**, **«Мифы в рифмах»**, **«Петербург в загадках»**, **«Латинарики»**, **«Хитрая MOUSE»** и др. «— Ребята, я всегда спешу, / Особенно, *когда пишу*. / Пишу не „ротозей", а „рот". / Пишу не „мотылёк", а „мот". / „Кап" значит „капитально". / Пишу не „волосы", а „вол". / Пишу не „голова", а „гол". / И мне учитель ставит „кол", / Что значит „колоссально"!» (**«Как Сережа сокращал слова»**).

Член Союза журналистов, член СП России с 2006.

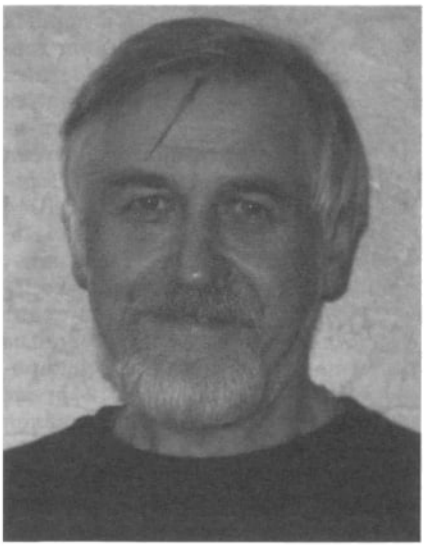
Награжден медалью «В память 300-летия СПб.».

Соч.: Ракета и травинка. Л., 1984; След колесницы. Л., 1988; Карусель изобретений. СПб., 1994; Похождения грамотея. СПб., 1994; Путешествие в Санкть-Петербургъ. СПб., 1996; Русский язык в заколдованной школе. СПб., 2005; Мифы в рифмах. СПб., 2006; И смех и грех. СПб., 2006; Не затупится наш «Боевой карандаш». СПб., 2008; Спасенный Петербург. СПб., 2010; Петербург в загадках. СПб., 2010.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

ЕФРЕ́МОВ Андрей Петрович (в некот. изд. указано отчество Платонович) [18.7.1947, Л-д — 18.4.2008, СПб., Красненькое кладб.] — прозаик, публицист, детский писатель.

Родился в семье воен. летчика. В 1964 окончил школу, в 1972 — Лен. гос. ин-т связи им. Бонч-Бруевича. В том же году был призван в армию. Служил рядовым в Германии (г. Лейпциг), с 1974 работал инженером. С 1982 Е. начал принимать участие в работе ЛИТО «Дружба» при изд-ве «Детская лит-ра», а в 1986 занял должность ред. дошкольного отдела в этом же изд-ве, где и работал в теч. 6 лет. Сам Е. тепло отзывался об этих годах: «Больше, как видно, у меня такой работы не будет никогда. Блестящее сотрудничество писателей, художников, редакторов оборвалось около 1992 года...» (Мир петерб. детской книги). Затем после-



довали годы работы в различных петерб. изд-вах — «Северо-Запад», «Питер», «Азбука» и пр.

С 1992 — член СП (СПб.).

В кон. 1980-х — нач. 90-х руководил поэтич. секцией в лит. клубе «Дерзание» при Дворце творчества юных (б. Дворец пионеров). В 1996 Е. приглашен на кафедру детской лит-ры СПб. ун-та культуры и искусств, где продолжал сотрудничать до конца жизни. Скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Интерес к чтению и лит. тв-ву возник у Е. еще с ранних лет, но под влиянием отца будущий писатель выбрал техническую специальность. После армии Е. пробует силы в поэзии и приходит со своими стих. опытами в ЛИТО «Дружба», где знакомится с писателем В. Воскобойниковым, руководившим ЛИТО в те годы. Воскобойников, сотрудничавший в ж. «Костер», оказал большое влияние на раннее тв-во Е. и вовлек начинающего писателя в сферу детской лит-ры.

Перв. публикацией Е. стала юмористич. сказка-миниатюра **«Как воробьи на юг летали»**, напеч. в 1982 в провинциальной газ. Затем последовали рассказы в ж. «Костер» — **«Медаль»** (1984, № 11), **«За дверью»** (1985, № 2), **«Самолет»** (1985, № 6), **«Час пик»** (1987, № 9) и др. Гл. герои этих рассказов — мальчишки лет десяти-двенадцати, осн. тематика — переосмысление воен. темы в героико-романтич. ключе. В 1987 (№ 3–6) в ж. «Костер» была напечатана перв. повесть Е. **«Я успею, ребята!»**, а в 1991 вышла в свет повесть **«Сквозняки»**. Эти произведения, по жанру относящиеся к школьной повести, подводят своеобразную черту под ранним периодом тв-ва Е., когда он писал, г. о. про «жизнь мальчишескую». Повесть «Я успею, ребята!», основанная на детективном сюжете, является своего рода творч. экспериментом — здесь Е. реализует стилистику лексического минимализма, избегая сложных синтаксических конструкций (напр., деепричастных оборотов), пытаясь, таким образом, с максимальным эффектом воплотить дискурсивный ряд и мироощущение своих героев-шестиклассников. И в той, и в другой повести нашла отражение тема «борьбы с вещизмом», активно обсуждавшаяся в восьмидесятые годы.

В 1995 в ж. «Костер» (1995, № 10) печ. повесть Е. **«Пирожки для секретного рядового»**, кот. сам автор характеризует как «грустную повесть о любви», добавляя, что, по его мнению, «все повести о любви должны быть душераздирающими. И для взрослых, и для детей» (Мир петерб. детской книги). Гл. героиня этого произведения, девочка-подросток по имени Ветка, открывает череду «странных» героинь прозы Е., что впоследствии становится одной из центр. тем его тв-ва.

В 1990-е Е. участвует в ряде лит.-издательских проектов популяризаторского характера — петерб. писатели обрабатывают и пересказывают для детей легенды и мифы разных народов, средневековый эпос, жития святых и пр. Перу Е. принадлежат повести о христианских святых: **«Брат мой, князь мой»** (1993) — о святых Борисе и Глебе, **«Крепче смерти»** (1999) — об апостоле Петре, **«Пострадай за имя мое»** (1999) — об апостоле Павле и пересказ романа Т. Мэлори о короле Артуре **«Благородный король Артур и его доблестные рыцари»** (1996), выполненный в манере эпической стилизации. Эту работу сам Е. особо ценил.

В 1996 в альтернативном лит.-худож. ж. «Ё» была опубл. пьеса Е. **«Тесей и Паллантиды»**, где в гротескно-иронической манере переосмыслен мифологический сюжет о Тесее и пятидесяти его двоюродных братьях — Паллантидах. Установка на игру с читателем, использование приемов бурлеска и стилистики пастиша свидетельствует об обозначившихся постмодернистских тенденциях в тве Е.

Повесть **«Любовь и доблесть Иоахима Тишбейна»**, напеч. в 2002 в ж. «Октябрь» (2002. № 12), развивает эти тенденции и отличается новой манерой письма. Осн. сюжет повести — роковая любовь немецкого офицера Тишбейна к петерб. красавице Агнии — развивается в полуфантастическом пространстве СПб. грядущих дней. Рассказ о сокрушительной страсти, фантазия на тему параллельной истории, классический мотив обольстительной и губительной магии города облечены в форму исповеди, пронизаны ощущением фантасмагории и описаны с психологической убедительностью, что позволило критикам (Топоров В. Петербургская Манон) отметить влияние Гофмана, Гоголя, Достоевского и рассматривать повесть как часть «петербургского текста».

«Любовь и доблесть Иоахима Тишбейна» вместе еще с двумя повестями **«История о трех пистолетах»** и **«Искусство уводить чужих жен»**, вышедшими в 2007, составили своеобразную трилогию, осн. тема которой — бесконечно меняющийся и ускользающий образ роковой женщины — своего рода Вечной Женственности, — но не благодатной, а разрушающей: от демонической героини «Любви и доблести...» до водевильной Сони-Сонетки из трагифарсового «Искусства уводить чужих жен».

Роман **«Бедный, бедный Барабанов»**, опубл. в 2009 (посмертно), весьма разнопланов по своей жанровой природе: авантюрно-детективное повествование включает в себя любовно-лирич. коллизии, элементы антиутопии и насыщено автобиогр. мотивами. Критик В. Топоров, отозвавшийся на выход романа, оценил его как творч. неудачу, подчеркнув, что, по его мнению, подлинного мастерства и воплощения своего «камерного» таланта Е. достигает в повестях, а книгу «Искусство уводить чужих жен» Топоров называет «лучшим авторским сборником в этом жанре за долгие годы» (Топоров В. Почти эпитафия). Однако окончательная оценка тв-ва Е. пока вряд ли возможна, т. к. часть его лит. наследия еще не опубл.

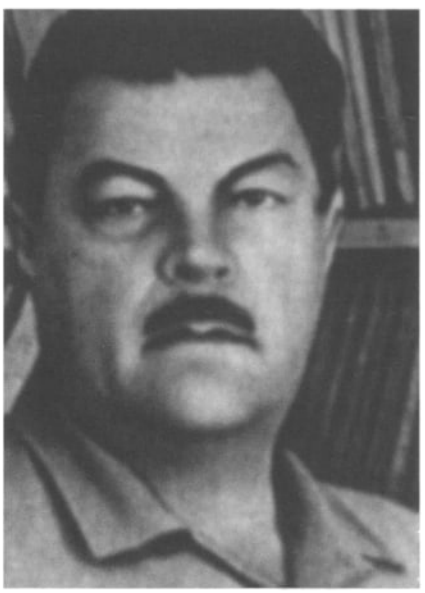
Автор ряда литературоведч. статей, посвящ. проблемам детской и юношеской лит-ры, среди кот. наиболее значительными являются работы **«Герои Алексина: Болезнь и смерть как доблесть и добродетель»** (2003); **«Евангельский сюжет в повести А. П. Гайдара „Школа“»** (2003) и **«Эволюция представлений о грехе в детской лит-ре»** (2005).

Соч.: Я успею, ребята!: Повесть, рассказы. Л., 1989; Брат мой, князь мой: Повесть о Борисе и Глебе. СПб., 1993; Благородный король Артур и его доблестные рыцари: Легенды в переск. для детей. М., 1996; Искусство уводить чужих жен: Повести. М.; СПб., 2007; Бедный, бедный Барабанов: Роман. СПб., 2009.

Лит.: Андрей Петрович Ефремов: Автобиография // Мир петерб. детской книги. Авторы. Переводчики. Художники: Творч. биографии. СПб., 2000; Топоров В. У вас, батенька, Гоголи как грибы растут // Взгляд. 2006. Авг.; Топоров В. Петербургская Манон. // Город. 2007. № 3.; Топоров В. Почти эпитафия // Частный корреспондент [интернет-издание]. 2009. Сент.; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

И. Сергиенко

ЕФРЕ́МОВ Иван Антонович [9(22). 6.1907, пос. Вырица под СПб. — 5.10.1972, М.; похоронен на Комаровском кладб.] — прозаик, публицист, критик, философ-футуролог.



Отец Е. — солдат лейб-гвардеец из заволжских крестьян, ставший крупным лесоторговцем, имел прекрасную биб-ку. Рано научившийся читать, Е. с 6 лет увлекся романами Ж. Верна, кн. о путешествиях. Из-за болезни младшего брата Е. семья переехала в г. Бердянск; вскоре родители разошлись. В годы революции Е. становится воспитанником красноармейской автороты, проходит с ней по дорогам Гражданской войны до Перекопа. После этого возвращается в Пг., работает (чернорабочим, подручным шофера и др.) и учится в 6-й единой трудовой школе. Уже в это время Е. знакомится с рядом ученых, получает возможность пользоваться крупными науч. библиотеками. Особую роль в его судьбе сыграл знаменитый зоолог и палеонтолог — акад. П. Сушкин, распорядившийся поставить стол для юного энтузиаста науки в своем рабочем кабинете. Но в геологическом музее, кот. он заведовал, не нашлось лишнего «пайка», и Е., сдав экзамены за Мореходные классы, уезжает служить на Тихий океан, а затем перебирается на Каспийское море. Через некоторое время Сушкину все-таки удается выхлопотать ставку для любимого ученика. Е. работает препаратором в музее, посещает лекции в ун-те и ездит в многочисленные палеонтологич. экспедиции — на север России, Урал, в Закавказье, Ср. Азию, Казахстан, Киргизию.

В 20 лет Е. публикует свою перв. науч. работу, через неск. лет их насчитываются уже десятки. С 1929 Е. принимает самое активное участие и в геологич. исследованиях, совершает ряд открытий. Расширяется «география» его экспедиций — Сибирь, Якутия, Монголия, пустыня Гоби... В 1935 Е. оканчивает (экстерном, как и школу) геолого-разведочный фак-т Горного ин-та. В 1940 получает степень доктора биологических наук. Имя Е.-ученого приобретает все большую известность.

После тяжелой болезни с 1942 Е. оказывается надолго прикованным к постели. Человек неукротимой энергии, он находит ей выход в создании цикла своих перв. приключ. и науч.-фантастич. новелл, кот. объединяет названием **«Рассказы о необыкновенном»**. Это были **«Эллинский секрет»**, **«Олгой-Хорхой»**, **«Озеро Горных Духов»** (в первых изд.— **«Дены-Дерь»** или **«Тайна горного озера»**) и др. До кон. 1944 к ним прибавились **«Бухта Радужных Струй»**, **«Обсерватория Нур-и-Дешт»**, **«Тень минувшего»**, **«Атолл Факаофо»** (перв. название — **«Телевизор капитана Ганешина»**). С 1944 эти рассказы начинают публ. в «Новом мире», «Технике — молодежи», а также в воен. ж. «Красноармеец» и «Краснофлотец». Вскоре выходят отд. сб., названные по одноименным рассказам: **«Встреча над Тускаророй»** (1944), **«Белый Рог»** (1945; сам рассказ в первой публ. назывался **«Ак-Мюнгуз»**), **«Алмазная труба»** (1946), а также озаглавленные по числу вошедших в них произведений **«Пять румбов»** (1944) и **«Семь румбов»** (1945).

Одним из перв. высоко оценил лит. дебют Е. уже тяжелобольной А. Толстой — за «правдоподобие необычайного» и необыкновенно «изящный и холодный стиль» (под «холодностью» имелись в виду краткость и науч. точность изображаемого). Эта точка соприкосновения не случайна. В дальнейшем Е. будет продолжать традиции именно толстовского детектива и науч. фантастики: мастерски построенный увлекательный сюжет, основанный на разработке новых науч. идей, актуальная социально-философская проблематика, положенная в его основу, язык, сочетающий науч. четкость и изобразительное мастерство, наконец, яркие и своеобразные характеры, как реалистические — современников, так и построенные по принципу экстраполяции образы героев из будущего или прошлого. Доброжелательное отношение читателей и критики к перв. публикациям Е. было всеобщим; особенно привлекало сочетание ошеломляющих науч. гипотез с увлекательными, часто драматически напряженными сюжетами. К нач. 1950-х рассказы Е. были переведены на английский, французский, немецкий, польский, румынский, чешский, венгерский, болгарский яз., а также на мн. яз. народов СССР. Не только науч. труды, но и худож. произведения Е. стремительно приобретали мировую известность.

Вскоре к 13 рассказам, опубл. в 1944–45, прибавляется написанная в эти же годы, но опубл. позднее ист.

дилогия **«Великая Дуга»** (повести **«На краю Ойкумены»**, 1949, и **«Путешествие Баурджеда»**, 1953, посвященные временам Древнего Египта и античной Греции), перв. «космические повести» (**«Звездные корабли»**, 1947, **«Cor Serpentis»**, 1959, в последующих публ.— **«Сердце Змеи»**), а также увлекательный путевой дневник **«Дорога Ветров»** (1956). Е. не оставляет и жанр рассказа — **«Адское пламя»** (написан в 1948, опубл. в 1954), **«Юрта Ворона»** и **«Афанеор, дочь Ахархеллена»** (оба — 1960).

Самый большой успех выпал на долю первого науч.-фантаст. романа Е. о человечестве XXX в.— коммунистической утопии **«Туманность Андромеды»**. Его появление (1957) совпало с запуском перв. сов. спутника Земли. Произведение стало известно во всем мире, вызвало огромное количество откликов — от науч. статей и дис. до многочисленных читательских писем.

Человек воистину энциклопедич. знаний (не только по геологии и палеонтологии, но и философии, которой Е. очень серьезно занимался с 1920-х, а также по истории, медицине, ботанике, зоологии, астрономии, космонавтике), он не был в литре только представителем «социологической науч. фантастики», как утверждается в ряде работ. В одном из посл. интервью, опубликованном уже после смерти писателя (Лит. обозрение. 1977. № 4), Е. говорил о высшем типе разума, охватывающем всечеловеческий фонд знаний. Проникновение в глубинные закономерности развития природы и об-ва дает носителям такого разума феномен предчувствия и предвидения. К этому следует добавить и дар футуролога. Е. говорил не о себе, но именно этими качествами обладал он сам. Общеизвестно, что геологи нашли в Якутии богатое месторождение алмазов именно там, где происходило действие рассказа «Алмазная труба». На Алтае было открыто ртутное месторождение, предсказанное в «Озере Горных Духов». Ефремовская фантастика стала реальностью, когда на Урале, в Башкирии нашли Капову пещеру с древними рисунками африканских животных. Изобретатель голографии Ю. Денисюк подчеркивал, что идею своего открытия он почерпнул в рассказе Е. «Тень минувшего». Возможности ефремовского моделирования будущего еще не постигнуты не только в сфере науки и техники, но и в областях социологии, экономики, психологии, биологии, эстетики.

Посл. период жизни и тв-ва Е. оказался для него очень нелегким — огромной работы потребовали три романа, катастрофически ухудшалось здоровье. Вдобавок, чем больше росла популярность Е.-писателя, тем чаще подвергалась критике худож. сторона его произведений. К последним начали предъявлять требования с позиций жизнеподобного реализма и его социально-психологич. жанров, не учитывая различных модификаций романтических форм в совр. искусстве, а также собственно ефремовских приемов условности.

В кон. 1962 Е. завершил роман **«Лезвие бритвы»** (1963). В увлекательном приключенческом сюжете с элементами детектива раскрываются представления о нереализованных возможностях, заложенных природой в человеке, нераскрытых могучих силах, пробуждение которых (путем соответствующего воспитания и тренировки) может изменить лицо мира. Особое место в романе занимает концепция красоты как высшей целесообразности природы и размышления о задачах подлинного искусства.

В это же время Е. работает над новым космическим сюжетом. По первоначальному замыслу это должна быть повесть «Долгая заря» — о путешествии землян на отдаленную планету в созвездии Рыси, где социальное развитие — при сравнительно высоком уровне техники — привело к олигархии фашистского типа. В окончательном виде этот замысел воплотился в роман-предупреждение, антиутопию **«Час Быка»**, который явился продолжением «Туманности Андромеды» как по сюжету, проблематике, так и по поэтической образности. Если в первом космическом романе Е. воплотил свои представления о высшем типе гуманистической цивилизации, то «Час Быка» (отнюдь не отменяя написанного ранее) показал, как зло, запрограммированное в прошлом, во многом деформирует будущее. Роман писался в годы, когда была «заморожена» недолгая «оттепель», сменившись годами стагнации, а мир все больше сотрясали предчувствия ядерного и экологического апокалипсиса. Е. предупреждал о недопустимости бездумного уничтожении природы планеты.

В романе шла речь о бесчеловечном устройстве об-ва, в кот. ни во что не ставилась человеческая жизнь, где правили ложь и бездарные властители. Ситуация оказалась узнаваемой. Как и следовало ожидать, законченный в 1968 и успевший прорваться в печать (1968 — «Техника — молодежи», 1969 — «Молодая гвардия», 1970 — отд. изд. в сокращ.), роман был подвергнут негласному запрету: исчез из библиотек, библ. справочников, из работ о науч. фантастике, не вошел в первое СС писателя. Лишь в официальном некрологе «Час Быка» был мельком упомянут в перечислении. Впрочем, и смерть не спасла Е.— не прошло и месяца, по непонятным до сих пор причинам был произведен обыск (Измайлов А. Туманность // Нева. 1990. № 5). По др. данным Е. умер на другой день после обыска — не выдержало сердце (Баша В. Странник из Туманности Андромеды // Мир новостей. 1997. № 47; 24 часа. 1997. № 52). Была прекращена подписка на уже объявленное 5-томное СС; имя Е. убирали даже из науч. докладов, не имеющих отношения к лит-ре. Вокруг Е. создавали вакуум. В этих условиях появился его последний роман **«Таис Афинская»** (журнальная публикация, начавшаяся в посл. месяцы его жизни — «Молодая гвардия», 1972; отд. изд.— 1973, уже посмертно). Роман предстал как своего рода мост от прекрасного в прошлом к прекрасному будущему. Е. писал о неизведанных и неизмеренных возможностях человека не только в труде, мыслях и поступках, но и в любви.

«Залповый выброс» изданий романа «Час Быка» начался на рубеже 1980–90-х — 5 изд. только в М., а также в Ашхабаде, Воронеже, Горьком, Омске, Петрозаводске, Свердловске, Челябинске и др. городах. Но этого Е. уже не увидел.

Мн. интересные замыслы Е. остались незавершенными. Была давно задумана и уже «выношена» повесть о Руси XIII в. **«Дети Росы»**. О картинах отравления ноосферы и путях ее очищения должен был повествовать

роман **«Чаша отравы»**. Маленькая повесть ободном из ключевых эпизодов русско-японской войны — о бое броненосца «Ретвизан» с японской эскадрой — отразила бы размышления Е., вызванные пребыванием на Тихом океане. Название автобиографич. повести **«Последние зубцы»** воплотило дважды трагич. образ — цепи далеких гор на горизонте, кот. уже не суждено было увидеть, и посл. зубцы на кардиограмме...

Соч.: На пути к роману «Туманность Андромеды» // Вопросы лит-ры. 1961. № 4; Наклонный горизонт: Заметки о будущем лит-ры // Вопросы лит-ры. 1968. № 8; Как создавался «Час Быка» // Молодая гвардия. 1969. № 5; Космос и палеонтология // Науч. фантастика. М., 1972. Вып. 12; Хорошего в человеке много: Инт. // Фантастика-77. Л., 1977; Не опускать крылья! // На суше и на море. М., 1982; СС: В 5 т. М., 1986; Наука и науч. фантастика // Румбы фантастики-89. М., 1990; СС: В 6 т. М., 1992.

Лит.: Брандис Е., Дмитревский В. Через горы времени: Очерк тв-ва И. А. Ефремова. Л., 1963; Званцева Е. Науч.-фантастич. худож. проза И. Ефремова. Автореферат канд. дис. Л., 1968; Мат-лы к творч. биографии И. Ефремова // Вопросы лит-ры. 1978. № 2; Багаев А. Мат-лы к библиографии И. Ефремова // Поиск-80. Свердловск, 1980; Бритиков А. Целесообразность красоты в эстетике И. Ефремова // Творч. взгляды сов. писателей. Л., 1981; Шалимов А. Дар Ветер среди нас: К лит. портрету И. А. Ефремова // О детской лит-ре. Л., 1985. Вып. 20; Чудинов П. И. А. Ефремов. 1907–72 // Науч.-биографич. серия. М., 1987; Писатель-фантаст И. Ефремов: К 80-летию со дня рождения. М., 1987; Гангули С. Науч.-худож. фантастика И. Ефремова: Автореферат канд. дис. М., 1988; Шехтман М. Стругацкие contra Ефремов // Критика в худож. тексте. Душанбе, 1990; Севастьянов В. Школа Ефремова: В 24 т. Т. 8. Кн. 1. М., 1993 (Б-ка фантастики).

К. Бикбулатова

Ж

ЖАБИНКО́ВСКАЯ Елена Михайловна (наст. фамилия Ковальчук) [8.12.1960, с. Соколово Жабинковского р-на Брестской обл.] — поэт.

Родители белорусы, отец — механизатор, мать — учительница. Параллельно с образованием в средней школе получила муз. образование. С 1979 живет в Л-де, закончила фак-т журналистики ЛГУ (1981–86), работала корр. в многотиражной газ. «На трудовой вахте», лит. редактором в ж. «Судостроение», затем в изд-ве худож. лит-ры «Васильевский остров». В наст. время лит. редактор в изд-вах «Азбука», «Культура», «Петрополь» и др. Писать стихи начала с детства, мысль о серьезных занятиях лит. тв-вом пришла позднее, в студенческие годы. Перв. публикация — в сб. «Молодой Л-д» (1989), участница XIX, XXII конференций молодых литераторов Северо-Запада при СП России, затем следуют публикации в газ., ж., отд. сб. С 1993 Ж. выступает как книжный художник-график (иллюстрации к более чем 30 кн.).

Стихи, а также отд. прозаич. публикации Ж. были отмечены в литре, в частности поэтом Г. Григорьевым., увидевшим в тв-ве Ж. тонкий лиризм и психологич. углубленность. Однако эти качества проявились в ее произведениях не сразу. Поэтич. зрелость пришла к ней вместе с эстетическим самоопределением, ведущим автора по линии самоуглубления, эмоциональной и интеллектуальной наполненности, а это, в свою очередь, связано с формированием собственного поэтич. языка. Однако речь не идет об увлечении тем или иным техническим приемом или группой образов и тем. Подлинное поэтич. содержание — это выработка неповторимого мировосприятия и экзистенциального выражения накопленного опыта. Так это понимает и Ж.: «В словах люблю оттенок тайный: / Есть запрещающее „да“ — / Есть скрытый смысл, и случайным / Он не бывает никогда». Для поэтессы не существует ориентации на специфику слова и образа как объекта худож. манипулирования, ее лирич. стиль выглядит весьма традиционным, но внутреннее содержание необычно и глубоко, хотя и лишено всякой идеологич. нагрузки, а тем более декларативности и риторики, поскольку каждое слово и образ наполнены емким скрытым смыслом: «Нужно с чем-то близким распрощаться, / Чтоб увидеть, как вокруг все ново, / Чтобы ощутить возможность счастья / С остротой прозревшего слепого».

Обществ. перемены, элементы соц. динамики практически не сказались в тв-ве Ж., напротив, оно приобрело еще большую внутреннюю цельность, будучи сосредоточенным на гл. для автора теме — постижении образа человека, нашего современника, образа, взятого в его различных аспектах. Этот образ складывается у поэтессы не в русле поэтич. переосмысления деталей повседневности или пейзажных зарисовок, а, напротив, при отталкивании от моментов «внешней» для автора действительности.

Даже традиционная в лирике любовная тема предстает у Ж. в неожиданном «отрицательном» плане: «Не буду, тебя вспоминая, / Смеяться и плакать навзрыд, / А просто отмечу: жива я, / Пока моя рана болит». Во имя достижения максимальной точности — вплоть до жесткости — поэтического самоотчета, являющегося одновременно и покаянием, поэтесса становится поистине беспощадной к себе: «Радость вдохновения? Муки творчества? / Ничего мне этого не хочется./ А мои стихи — они не в счет. / Это никакая не поэзия. / Это просто душу я порезала, / и теперь из раны кровь течет».

Тем не менее следует отметить и существенную для Ж. компоненту иронии. Чаще всего — это самоирония, и ни в коем случае не социальная сатира: «Сломался в сердце маленький насос / Веселья, он фырчит, но не фурычит. / Поэтому и в первый день весны, / И в праздник, и в погожий день воскресный / Мои стихи так искренне грустны, / И неуклюжи, и тяжеловесны».

Критик А. Пикач наз. стихи Ж. «лирическим дневником», особо отмечая его «внутреннюю динамику», «цельность и многомерность, кот. можно явить или даже взорвать в любой точке». Духовная емкость зрелых стихов Ж. естественно выводит ее к философскому пониманию своего места в мире, однако даже обращаясь к религиозным, понятиям, и обра-

зам, она далека от традиционного: их изображения и представления. Рамки каноничности не свойственны ее дарованию. Для Ж. понимание божественного присутствия в мире нерасторжимо связано с его присутствием в собственной душе. Вот почему она с легкостью может сказать: «Перемелются страданьем / Годы счастья и тоски, / А из них на небе ангел / Лепит Богу пирожки» — и это не будет выглядеть ни насмешкой, ни вульгарностью.

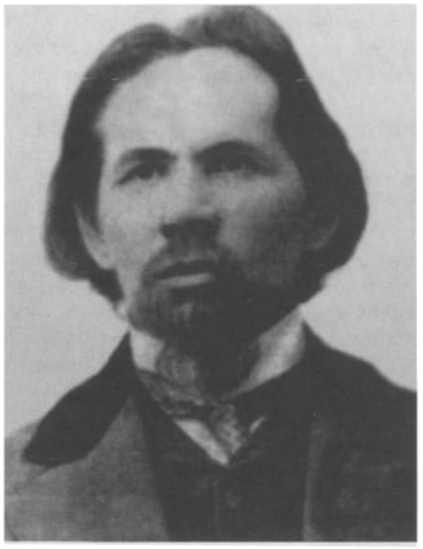
Член СП России с 2000. Лауреат Царскосельской премии (2006).

Соч.: Улитка-слеза. СПб., 1993:, Сердечная юдоль. СПб., 1998; Свет мой, зеркало. СПб., 2005.

Лит.: Пикач А. Какой устав в моем монастыре? // Жабинковская Е. Свет мой, зеркало. СПб., 2005; Муриков Г. Монолог // Там же; Григорьев Г. Зеркало светлых озер // Гончарный круг. 2006. № 1, апр.; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

Г. Муриков

ЖÁКОВ Каллистрат Фалалеевич [18(30).9.1866, д. Давпон Усть-Сысольского у. Вологодской губ. — 20.1.1926, Рига] — прозаик, поэт, ученый.



Отец — зырянский крестьянин, резчик по дереву, изготовитель иконостасов. О матери впоследствии Ж. писал как о человеке, отмеченном лит. и худож. даром. Писатель с раннего детства обнаружил склонность к учебе, к постижению разных наук, кот. неустанно реализовывал на протяжении мн. лет. После окончания Усть-Сысольского уездного училища в 1879 и Тотемской учительской семинарии в 1884 недолго проработал чернорабочим на з-де в Вятской губ., будучи лишенным (за «вольнодумство») права заниматься преподавательской деятельностью. В 1884 опять пошел учиться, поступил в Вологодское реальное училище, но не закончив курса, решил поехать в СПб., что и осуществил в 1890. Здесь поступил в 1891 в Лесной ин-т, где проучился год, но не выдержав испытания городом, ушел в Заозерский монастырь около Вологды, кот. также вынужден был оставить через пять месяцев. Продолжал жить в Вологде, занимался самообразованием. В результате превосходно сдал экстерном экзамены за гимназич. курс и поступил в 1897 в Киевский ун-т на физико-математич. фак-т, через год перевелся на историко-филологич. фак-т, а еще через год, в 1899 вернулся в СПб., переведясь на историко-филологич. фак-т СПб. ун-та, кот. успешно, с наградами за науч. студенч. работу, окончил в 1901. Получив диплом 1 степени и написав кандидатское сочинение **«Народная словесность зырян и русские сказки»**, остался на кафедре готовиться к профессорскому званию, успел съездить на стажировку в Финляндию, освоил финский яз., но в том же году, лишившись науч. руководителя, вынужден был покинуть ун-т. Начался период интенсивной преподавательской работы в гимназиях, на курсах и в др. учебных заведениях СПб. Диапазон преподаваемых предметов удивляет своей широтой: философия, грамматика, история, логика, математика, этика, психология. При этом не уставал самообразовываться — под рук. И. Бодуэна де Куртене сдал магист. экзамены по санскриту, сравнительному языкознанию, ист. грамматике, латинскому и древнегреческому яз. и в 1902 защитил магист. дис. **«О грамматическом строе зырянского языка»**.

В 1904 читал лекции на Черняевских курсах и наконец в 1908 получил штатную должность преподавателя, а в 1911 проф. Психоневрологического ин-та, руководимого проф. В. Бехтеревым, в кот. самоотверженно прослужил до 1917. Помимо преподавательской работы постоянно вел различные кружки: всемирной сказки, шахматный, историко-философский, теории познания. Его кружки в разное время посещали В. Шкловский, А. Грин, А. Чапыгин, П. Сорокин, Я. Купала, Л. Рейснер. Помимо прочего Ж. читал платные лекции «в пользу студентов» и на свои средства пополнял институтскую биб-ку. В петерб. период Ж. активно занимается науч. деятельностью, избирается членом различных научных обществ: член Иркутского археологического об-ва, Моск. и Петерб. психологических об-в, Петерб. философского, Парижского астрономического об-в, пишет науч. работы в различных обл. знаний.

Чрезвычайно разносторонними были интересы Ж. в обл. философии и логики. С 1901 по 1912 им опубл. **«Материя с точки зрения теории познания»** (1901), **«Гносеология в ряду других наук»** (1904), **«К вопросу о происхождении познания и интеллекта»** (1904), **«Попытка критической оценки позитивизма»** (1906), **«Кризис западной философии и мистическое направление в России»** (1907), **«Логика»** (1908, 1910), **«Платон и его значение в истории философии»** (1909), **«Логика с эволюционной точки зрения»** (1912) и др.

Ж. был автором оригинального философского учения — лимитизма (теории предела и переменного). Идея единства наук, философий и религий получила отражение в работах **«Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания»** (1904), **«Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали»** (1906), **«Основы эволюционной теории познания (Лимитизм)»** (1912), **«Гипотеза, ее природа и роль в науке и философии»** (1915). Концепция «единства мира» находит отражение и в лит.-критич. работах Ж. о Ф. Достоевском, А. Чехове, Л. Андрееве и К. Гамсуне.

Ж. ежегодно с 1901 по 1911 выезжал в этнографические экспедиции, изучая жизнь и культуру финно-угорских народов Российской империи. Науч. изучение фактов, формирующих психич. склад коми-зырян, пермяков, удмуртов, карелов и эстов, представлено в очерках и ст. **«Этнологический очерк зырян»** (1901), **«Вотяки»** (1902), **«Некот. черты из**

исторической и психологической жизни вотяков» (1903), **«По Иньве и Косе (У пермяков). Этнографический очерк»** (1903), **«Судьбы угрофинских племен в историческое и доисторическое время»** (1911) и др. Произведения объединены общей идеей: сохранение культуры малых народов России возможно только при изменении политики государства в отношении к инородцам.

Перв. сб. рассказов Ж. **«На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом»** вышел в СПб. в 1905. Сб. открывает поэтич. раздел стилизованных под фольклор песен Пама Бур-Морта, волхва, хранителя традиций языческой Малой Перми. В рассказах представлена жизнь коми крестьян, охотников, ремесленников, отходников-дроворубов одиннадцати деревень Коми края. В сб. рассказов **«Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере»** (1906), **«Из жизни и фантазии»** (1907), **«В хвойных лесах»** (1908), **«Под шум северного ветра»** (1913) представлена «художественная проекция этнической историософии писателя» (Созина Е.), дана модель взаимодействия культур.

В 1912–14 Ж. создает автобиогр. повесть **«Сквозь строй жизни»**. Произведение воплотило в себе важнейшие особенности реалистической лит-ры рубежа XIX–XX вв. Первая, связанная с высвобождением активных начал человека из-под гнетущих социальных обстоятельств, помогла по-новому осветить «структуру» самой личности. Вторая отразила интерес к философской проблематике. Это повлекло за собой «активизацию всего образного мышления», что в свою очередь повлияло на соотношение в произведении Ж. сюжетных и аналитических повествовательных начал, отражающих авторские тактики самоидентификации (поиски синтеза «лесного человека» и «человека культуры»), вопрос о праве быть писателем (писательство сродни сумасшествию), размышления о миссии поэта (сохранить предания, песни и сказки «старых богов»). В 1916 Ж. пишет поэму **«Биармия»** (споры о местонахождении легендарной страны ведутся до сих пор), отразив в посл. кн. свои утопические представления об идеальном месте, в котором мир предстает как гармоничное целое, как единство всего сущего.

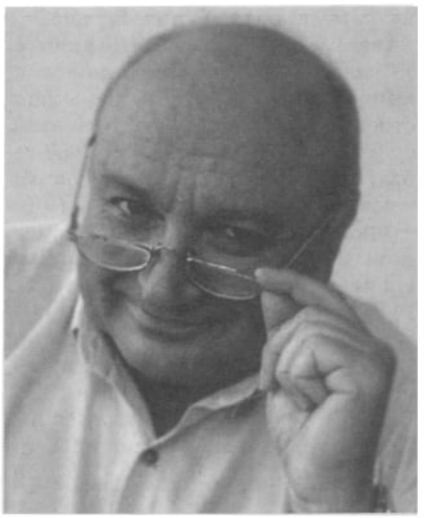
В 1917 заканчивается петерб. период жизни Ж. Посл. годы он живет за границей. В 1919–20 исполняет должность проф. философии Тартуского ун-та, в 1921 переезжает в Ригу, где организовывает общество лимитивной философии, продолжает читать лекции. Сохранилось 350 записей лекций, прочитанных в посл. три года. Похоронен в Риге, в 1990 прах Ж. перезахоронен в Сыктывкаре.

Соч.: Теория переменного и предела в гносеологии и теории познания. СПб., 1904; На Север в поисках за Памом Бур-Мортом. СПб., 1905; Понятие предела в математике (с точки зрения логики). СПб., 1905; Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере. СПб., 1906; Из жизни и фантазии. СПб., 1907; В хвойных лесах: Рассказы коми Морта. СПб., 1908; Ниенганелла: Сказание о зле. СПб., 1908; Логика. СПб., 1910; Основы эволюционной теории познания (лимитизм). СПб., 1912; Под шум сев. ветра. СПб., 1913; Сквозь строй жизни. СПб., 1912. Ч. 1/2; 1914. Ч. 3/4; Гипотеза, ее природа и роль в науке и философии. Пг., 1915; Под шум сев. ветра: Рассказы. Очерки. Сказки и предания. Сыктывкар, 1990; Биармия: Коми лит. эпос. Сыктывкар, 1993; Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1996.

Лит.: Сорокин П. Грезы Севера // Известия Архангельского об-ва... 1910. № 17; Огронович В. Тв-во К. Жакова // Архангельские губ. ведомости. 1911. 10 февр.; Брусянин И. [Рец.] // Совр. мир. 1913. № 10; Скиф Е. Душа лесного человека // Живое слово. 1913. № 24; Поведская А. [Рец.] // Известия Архангельского об-ва... 1914. № 18; Топорова М. Жаков как личность // Известия Архангельского об-ва... 1914. № 1; Лыткин В. Палалей Кальо (К. Ф. Жаков) // Коми гижысьяс (Коми писатели) / Сост. В. Лыткин. М., 1926; Ванеев А., Лыткин В., Мартынов В. К. Ф. Жаков // История коми лит-ры: В 3 т. Сыктывкар, 1979–81. Т. 2; Мартынов В. Становление коми лит-ры: Идейно-эстетич. аспект. М., 1988; Туркин А. Каллистрат Фалалеевич Жаков // Жаков К. Под шум сев. ветра. Сыктывкар, 1990; Белоконь С. Жаков К. Ф. // Русские писатели. 1800–1917. Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2; Микушев А. О Каллистрате Жакове (1866–1926) // Жаков К. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1996; Демин В. История и типология жанров коми поэзии. Екатеринбург, 1997; Лыткина Л. Жанры коми-зырянской прозы перв. трети XX в. Сыктывкар, 1997; Лыткина Л. Очерковая проза Европейского Севера России. СПб., 2009; Созина Е. Комиэтичность К. Ф. Жакова в контексте русской культуры // Известия Уральского гос. ун-та. 2007. № 53.

Л. Григорьева, Л. Лыткина

ЖВАНЕ́ЦКИЙ Михаил Михайлович (наст. отчество Маневич) [6.3. 1934, Одесса] — писатель-сатирик, драматург, эстрадный исполнитель.



Родился в семье врачей. Отец — Жванецкий Эммануил Моисеевич, мать — Раиса Яковлевна. В 1956 окончил Одесский ин-т инженеров морского флота (фак-т механизации портов), специальность — «инженер-механик подъемно-транспортного оборудования портов». С 1956 по 1960 работал сначала в Одесском морском торговом порту механиком, потом — в Центр. проектно-конструкторском бюро.

Ж. начал творч. деятельность в студ. годы (1951–56), будучи комсоргом и участвуя в самодеятельности (студенческие капустники): писал монологи, миниатюры, кот. сам исполнял. В 1954 в ин-те познакомился с Вик. Ильченко, вместе с кот. организовал студ. театр эстрадных миниатюр «Парнас-2». В 1958 состоялись перв. выступления Ж. с Ильченко. В 1960 на одну из репетиций театра пришел Роман Карцев (Кац). Так образовался творч. дуэт эстрадных артистов Карцев — Ильченко, а Ж. стал их пост. автором.

Начало творч. популярности Ж. связано в значительной мере с Л-дом. В нач. 1960-х в Одессе проходили гастроли Лен. театра миниатюр. Его

худ. рук. А. Райкин был приглашен на представление театра «Парнас-2» (спектакль **«Я иду по улице»**). В результате Карцев и Ильченко вошли в труппу лен. театра миниатюр, а Ж. в 1964 был назначен на должность зав. лит. частью театра Райкина. В 1967 началась подготовка программы **«Светофор»**, в кот. вошли одни из самых изв. миниатюр Ж. — **«Авас»**, **«Век техники»**, **«Дефицит»**. Ж. написал более 300 монологов, юморесок, миниатюр (преимущественно для Карцева и Ильченко), среди кот. **«Слова. Слова...»**, **«Личный опыт»**, **«Города»**, **«День полный жизни»**, **«Звание — человек»** (**«Дедушка с внуком Юзиком»**), **«Участковый врач»** и др. Миниатюра **«В греческом зале»** в исполнении А. Райкина вошла в золотой фонд сов. эстрады. В эти годы произведения Ж. исполнял и С. Юрский, тогда живший в Л-де и игравший на сцене БДТ. Вместе с Лен. театром миниатюр Ж., Карцев и Ильченко гастролировали в Румынии и Болгарии.

Спустя некот. время Ж., Карцев и Ильченко ушли из театра Райкина (организовав свой — Одесский театр миниатюр). Райкин вспоминал, что расставались они конфликтно, но «бытовая, житейская линия... взаимоотношений с течением времени вновь выровнялась». Уход Ж. Райкин объяснял переходом тв-ва писателя-юмориста на новый уровень, когда автор начинает общаться с публикой напрямую, а не через артистов, когда складывается его собств., неповторимый стиль. Сказывалась, как писал Райкин, «диалектика жизни» (Райкин А. Воспоминания. М., 1998). Карцев пояснял, что их уход — «это путь к самостоятельному пути в поисках жанра, в поисках своей формы и содержания» (Карцев Р. Я лечу в самолете один: Памяти Виктора Ильченко // Магазин Жванецкого. Сб.: В 2 т. Кн. первая. № 01 — № 25. М., 2006). По словам последнего, Ж. был уволен из театра Райкина «за чтение своих произведений».

Для Одесского театра миниатюр Ж. подготовил 3 программы: **«Как пройти на Дерибасовскую»**, **«Встретились и разбежались»**, **«Искренне ваш»**. Спектакль «Встретились и разбежались» имеет сложную жанровую структуру: здесь есть и фарс, и трагикомедия, и лирич. миниатюры. Спектакль «Искренне ваш» — это представление, составленное из миниатюр Ж. В этой программе появляется особый лирич. герой, кот. нетрадиционен для произведений сатирического жанра. Это человек средних лет, кот. знал и радости, и тревоги, но не остался равнодушным к хорошему. Однако он ощущает собств. слабость и боится потерять в повседневной суете, став равнодушным к окружающему миру. Создатель спектакля предлагает зрителю увидеть в герое самого себя. Представление не сопровождается столь громким смехом публики: зритель, как и герой, чувствует растерянность перед жизнью. Спектакль носит экспериментальный характер не только ввиду появления нового героя, но и потому, что здесь реализуются новые принципы работы — «на перепутье между драматическим искусством и искусством художественного чтения» («Старт в микроспринте» / Беседа с Карцевым и Ильченко) // Театр. 1987. № 6).

Исполнители произведений Ж. Карцев и Ильченко, как отмечают театр. критики, смогли передать все особенности драматургии Ж. Один из приемов, характерный для тв-ва Ж., кот. подчеркивают актеры при исполнении, — это прием гротеска, являющийся способом глубокого раскрытия темы. Это особый гротеск, кот. позволяет актерам обосновать психологически самые невероятные поступки героев. Мн. сценки, написанные Ж., могут быть названы «психологическими парадоксами». Напр., в сценке **«Везучий и невезучий»** встречаются старые приятели: удачливый и неудачник. Парадокс заключается в том, что пожалеть стоит удачливого, т. к. его жизнь, кот. кажется успешной, на самом деле неинтересна. Поэтому сценка оказывается не просто смешной: она исполняется с внутренним драматизмом. Жанровые особенности и тематика сценок, интермедий разнообразны. «Здесь и остросатирическая сценка **„Ставь птицу“**, где осмеиваются работники, привыкшие решать дела за бутылкой. И шуточный номер **„Студенты на экзаменах“**, играемый умопомрачительно смешно». Есть и моноспектакль с завязкой, развитием действия, развязкой (монолог Карцева с воображаемым человеком — старикам, приставшим к нему). «Героям Карцева свойственна экспансивность, неуемность, и в то же время они внутренне податливы, подчас лиричны. А герои Ильченко более сдержанны, категоричны, жестки» (Захаров Е. Веселые одесситы // СЭЦ. 1973. № 9). Сами артисты отмечали, что их герой — это «жизненная ситуация»: «...Нет у нас, оказывается, ни положительных, ни отрицательных героев... Есть жизненные ситуации, в кот. мы со своими героями попадаем...» («Старт в микроспринте»).

Реж. А. Белинский в книге мемуаров рассматривает особенности творч. манеры Ж. В произведениях Ж. встречаются только парадоксальные ситуации, кот. «найдены с точным чувством времени». «Если пьяница рассказывает, где он провел выходной день, то ни в коем случае не в кабаке или вытрезвителе, а в Эрмитаже, греческом зале». В сатирич. героях Ж. обязательно гиперболизирована какая-то определенная черта: напр., плохой школьник — «это не просто плохой ученик, а десятилетний циник, вымогающий три рубля под предлогом смерти любимой учительницы». Диалоги в произведениях построены точно, лаконично, просто. Одна из наиболее важных особенностей тв-ва Ж. заключается в том, что автор смешит публику ситуациями, сюжетами, характерами, «глубоко драматичными по существу»: «искусство смешить только тогда становится высоким искусством, когда „сквозь видимый миру смех просвечивают незримые миру слезы“» (Белинский А. Записки старого сплетника. М., 2002).

О творч. манере Ж., его популярности размышляют как театр. критики, так и писатели. Одной из важнейших характеристик юмора Ж. считается то, что он «возвращает юмору его главное (и просто решающее) качество, давно утраченное и забытое... Он возвращает юмору трагедийность. Потому что подлинный юмор всегда трагичен по своей природе, он исходит из трагедии жизни и всегда в нее возвращается» (Карабчиевский Ю. Новая лит-ра — это литра отсутствия // Время и мы. М.; Нью-Йорк, 1994. № 124).

Произведения Ж. подвергались критике по «идеологическим соображениям». Его обвиняли в «нездо-

ровой тенденциозности», его выступления называли «безответственными», в миниатюрах обнаруживали тенденциозную, злобную критику сов. жизни (Документы свидетельствуют: Из фондов Центра хранения совр. документации (ЦХСД) / Публ. З. Водопьяновой, Т. Домрачевой, Г.-Ж. Муллека // Вопросы лит-ры. М., 1994. Вып. 5).

В 1972 Ж. пригласили в Моск. театр миниатюр (с 1987 театр «Эрмитаж») на должность помощника гл. режиссера. Это был один из самых посещаемых театров, в кот. было сложно достать билеты. И. Сафонов, директор театра, объяснял такую популярность спектаклей и представлений приходом Ж., Карцева и Ильченко: «Сатирическая драматургия М. Жванецкого необычна по форме, незаурядна по обаянию, глубока по мысли <...>. Литература Михаила Жванецкого заставляет думать, решать, искать и артистов, и режиссеров, и зрителей» (Альбинин В. Браво, сатира! // СЭЦ. 1985. № 10). Перв. спектакль Ж., который был показан на сцене Моск. театра миниатюр, — «Избранное» (исполнители — Карцев, Ильченко). Затем был поставлен спектакль «Когда мы отдыхали», в котором были задействованы и актеры театра. Моноспектакль Карцева «Искренне ваш» был восстановлен и с успехом шел на сцене театра.

С 1972 по 1974 Ж. был реж.-постановщиком Гос. концертно-гастрольного объединения «Росконцерт».

В 1978 был принят в СП.

В 1980 вышла перв. книга Ж. **«Встречи на улицах»**.

В 1981 Ж. был назначен лит. сотрудником в изд-ве «Молодая гвардия», где работал до 1983.

В 1984 состоялась премьера спектакля **«Браво, сатира!»** (реж. Р. Виктюк), в кот. вместе с Карцевым и Ильченко играет актриса театра на Малой Бронной В. Раецкая. В спектакль вошли миниатюры **«Танк»**, **«Раки»**, **«На складе»**, **«Обед»** и др. Сам Ж. отмечал, что спектакль противоречив, «потому что он написан как эстрадный, а поставлен как театральный», поэтому он получился не очень удачным (Сборная «звезд» / Беседа с М. Жванецким // Эстрада: что? где? зачем? М., 1988).

В 1987 состоялась постановка спектакля **«Птичий полет»** (реж. М. Розовский).

В 1987–89 опубл. роман Ж. в фельетонах, монологах и диалогах **«Жизнь моя, побудь со мной!»** в лен. ж. «Аврора».

В 1988 Ж. организовал свой Моск. театр миниатюр.

Ж. с теч. времени все чаще стал писать «грустные, интимные вещи» (Райкин А. Воспоминания. М., 1998). Такую эволюцию своего тв-ва (по сути, от смешного к грустному) Ж. объяснял, во-первых, тем, что «сказывается возраст», во-вторых, тем, что «все становится или трагичным, или истеричным»: «Смеха стало меньше, и, чтобы набрать свой успех, мне нужно время. А я не могу уйти без успеха» (Сборная «звезд»).

В 1989 поставлен спектакль **«Политическое кабаре»**. Идея спектакля связана с первым съездом народных депутатов. Осн. цель автора — высказать собств. мнение по различным спорным вопросам, обозначить свою позицию. Но «это еще и уяснение места человека-творца, человека-художника и его отношения к жизни во все времена». Образы, найденные автором и воплощенные актерами ранее, присутствуют и в этом спектакле, однако здесь происходит творческий поиск, реализуется творческий эксперимент. Герои-антиподы являются загадкой для зрителя. Это «символы полярных восприятий любых событий, происходящих на сцене и в жизни»: оптимизма и пессимизма, уверенности в себе и растерянности, сомнения. Но это люди, которые привыкли жить и действовать по чьей-либо указке и менять маски веселости и грусти «в зависимости от полученной установки „О мерах по дальнейшему развитию...“ или предписаний инструкции „О порядке проведения...“» (Тихомиров В. Политическое кабаре // СЭЦ. 1990. № 2). Это был посл. спектакль, в кот. играл Ильченко (умер в 1992).

В 1989 вышел сб. произведений Ж. **«Год за два»**. В предисл. к сб. А. Битов определяет феномен Ж.: «Жванецкий — это уже не человек, и не текст, и даже не сама наша действительность. Жванецкий — это наиболее естественное отношение к этой действительности». Эффект Ж., по Битову, заключается в том, что «мы не его слышим. Мы слышим себя. Свой внутренний монолог...» (Битов А. Под куполом гласности // Жванецкий М. Год за два. М., 1989).

С 1991 издавался иронический ж. Ж. «Магазин», кот. получил премию «Золотой Остап» как лучший ж. в жанре сатиры и юмора. Первоначально ж. назывался «Magazine». Гл. ред. был С. Лившин (работал в отделе фельетонов «Известий»). В 1993 гл. ред. стал И. Иртеньев. В ж. публиковались как неизв. авторы, так и именитые писатели (Л. Петрушевская). Последний, 50-й выпуск ж., вышел в 2003.

В 1993 состоялась премьера спектакля **«Моя Одесса»** (посвящен памяти Ильченко) в Моск. театре «Эрмитаж». В том же 1993 вышел сб. произведений Ж. **«Моя Одесса»**.

В 1994 состоялся юбилейный вечер Ж. в Нью-Йорке, в концертном зале «Карнеги-холл».

С 1994 Ж. — почетный гражданин Одессы. Был награжден орденом «Дружбы народов». Стал лауреатом независимой премии «Триумф».

В 1999 был поставлен спектакль **«Престарелый сорванец»** (к 60-летию Карцева). В том же 1999 Ж. стал народным артистом Украины.

В 2001 вышло **«Собр. произведений»** Ж. в 4-х т. (I т. — 1960-е, II —1970-е, III — 1980-е, IV — 1990-е), а в 2006 был выпущен V том под назв. «XXI век».

В 2001 Ж. стал Засл. деятелем искусств РФ и лауреатом премии Президента РФ в обл. лит-ры и искусства, в 2002 — Засл. деятелем искусств Автономной Республики Крым.

С 2002 выходит ежемесячная передача **«Дежурный по стране»** на канале «Россия», в кот. Ж. рассказывает о своем отношении к происходящим в России и мире событиям. Ведущие — Ж. и А. Максимов. В 2006 передача получила премию «ТЭФИ» в номинации «Развлекательная программа: юмор».

В 2009 по случаю 75-летия со дня рождения Ж. бульвар Искусств г. Одессы был переименован в честь писателя-сатирика (бульвар Михаила Жванецкого). В том же году получил орден «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени.

В 2009 писатель, драматург Е. Гришковец в своем «Живом ж.» (Интернет-дневник) поделился своим

восприятием тв-ва Ж и определил героя его произведений: «Он создал целый язык и предъявил миру нового героя <...>. Герой Жванецкого — это не герой фельетонов, не критикуемый сатирой сквалыга, бюрократ или другой остро социальный персонаж <...>. Герой Жванецкого совершенно не отделим от самого Михаила Михайловича <...>. Огромное количество текстов складываются в роман жизни этого героя. А главная тема, главный вопрос, главное переживание этого героя — это: что за страна, в которой он живет, что за время мы все переживаем и почему он так все это сильно любит, что жить без этого не может?..» (http://e-grishkovets.livejournal.com/64030.html#cutid1).

Театр. критики, журналисты и творч. деятели, размышляя о развитии творч. манеры Ж., отказываются определять обл. его деятельности, признавая его феноменальность: «Жванецкому позволено все. Потому что он давно уже не писатель, не артист, не сатирик: он символ» (Езерская Б. Михаил Михайлович Жванецкий как он есть // Vestnik, vol. 10.1. № 13 (194). June 23. 1998). Его тв-ву не дают и однозначного жанрового определения, называя этот сложный жанр просто — Жванецкий.

В 2010 учрежден лит. конкурс имени М. Жванецкого на лучшее сатирич. произведение.

Ж. — президент Всемирного клуба одесситов, член Русского ПЕН-центра, член президиума Российского еврейского конгресса.

В нояб. 2012 в театре им. Вахтангова был дан бал «Хрустальной Турандот» в честь Ж. В мероприятии приняли участие В. Гафт, И. Чурикова, М. Аронова, А. Макаревич и др.

В 2012 опубл. новую кн. **«Женщины»**, в кот. «собрал своих любимых женщин под одной обложкой» (Знакомые незнакомки // Огонек. № 25 / 5234). В этой кн. «Михаил Михайлович перенес на бумагу свою манеру речи — насыщенную паузами и неожиданными риторическими фигурами, безжалостно перекореженную знаками препинания, внешне иррациональную, но беспощадно точную в донесении единственно задумываемой мысли <...>» (Е. Мельников). Кн. «Женщины», по мнению критиков, «получилась „вне возрастов“: со стремительностью автомата, подающего теннисные мячики, писатель выбрасывает сценки, посвященные женскому темпераменту — мать, неверная жена, верная (но в глубине своей — все равно неверная) жена, юная кокетка, знающая себе цену дама, которая отлично умеет по глазам мужчин догадываться, сколько денег осталось у них в кошельке <...>» (Там же). Ее рекомендуют не для чтения, а для прочтения вслух, напр., в обществе друзей или женщин, у кот. хорошее чувство юмора.

В 2012 получил звание народного артиста РФ.

Соч.: Встречи на улицах. М., 1980; Год за два. М., 1989; Моя Одесса. М., 1993; Не все потеряно! Сб. Иркутск, 1993; Собр. произведений: В 4 т. М., 2001; Одесские дачи. Одесса, 2004; Мой портфель. Киев, 2004; Собр. произведений: В 5 т.: Т. 5: Двадцать первый век. М., 2006; Магазин Жванецкого. Сб.: В 2 т. М., 2006; Тщательней... М., 2008; Шлягеры (аудиокн. на 2-х CD). М., 2008; Избр. М., 2008; Не продолжай короткое: Высказывания. М., 2010.; Жаркое лето. М., 2011; Женщины. М., 2012.

Лит.: Захаров Е. Веселые одесситы // СЭЦ. 1973. № 9; Альбинин В. Браво, сатира! // СЭЦ. 1985. № 10; Альбинин В. Соло для двоих // СЭЦ. 1987. № 4; «Старт в микроспринте» / Беседа с Карцевым и Ильченко // Театр. 1987. № 6; Райкин А. Воспоминания. М., 1998; Казинцев А. Очищение или злословие? // Наш современник. 1988. № 2; Сборная «звезд» / Беседа с М. Жванецким // Эстрада: что? где? зачем? М., 1988; Битов А. Под куполом гласности // Жванецкий М. Год за два. М., 1989; Двинский И. Признание // Огонек. 1989. № 28; Тихомиров В. Полит. кабаре // СЭЦ. 1990. № 2; Карабчиевский Ю. Новая лит-ра — это лит-ра отсутствия // Время и мы. М.; Н.-Й., 1994. № 124; Литвинов В. Жванецкий как парадигма: Попытка сформулировать // ЛГ. 1997. № 17; Документы свидетельствуют: Из фондов Центра хранения соврем. документации (ЦХСД) / Публ. З. Водопьяновой, Т. Домрачевой, Г.-Ж. Муллека // Вопросы лит-ры. М., 1994. Вып. 5; Езерская Б. Михаил Михайлович Жванецкий как он есть // Vestnik, vol. 10. 1. № 13 (194). June 23. 1998; Белинский А. Записки старого сплетника. М., 2002; Иртеньев И. Предисл. От завмага // Магазин Жванецкого. Сб.: В 2 т. Кн. 1-я. № 1–25. М., 2006; Знакомые незнакомки // Огонек. № 25 (5234); Мельников Е. <http://www.newslab.ru/review/456715>.

О. Слюсаренко

ЖЁСТЕВ Михаил Ильич (наст. фам. Левинсон Марк Ильич) [1902 — 1983] — прозаик, очеркист.

Окончил фак-т хозяйства и права Саратовского ун-та. Работал в газ.

Автор кн. очерков **«День великих работ»** (1929), **«Годы и люди»** (1932), **«Новеллы о чувствах»** (1933). Писал для детей (сб. рассказов **«На земле колхозной»**, **«Открытие»**, оба — 1951; повести «Оленька», 1954, **«Приключения маленького тракториста»**, 1957, и др.). В 1962 опубл. роман **«Татьяна Тарханова»** о судьбе крестьянской семьи.

Соч.: см. ж. «Звезда»: 2056, 4944, 5198, 5216, 5489, 5985, 6117, 6288, 7065, 7097, 7312, 7392, 7963, 8044, 8070, 8102, 8487, 8792, 9158, 10106; 1855, 6244, 7000.

ЖИРМУ́НСКИЙ Виктор Максимович [2.8(21.7).1891, СПб. — 31.1. 1971, Л-д, похоронен на Комаровском кладб.] — лингвист, литературовед.

Родился в семье врача-отоларинголога Моисея Савельевича Ж. (впоследствии Максима Савельевича, 1849–1937, уроженца Вильны), сотрудника Императорского клинич. ин-та вел. кн. Елены Павловны, автора первого в России учебника по заболеваниям уха, горла и носа (1892), науч. трудов по лечению среди прочего озены, отита среднего уха и тугоухости, пионера использования

пилокарпина при заболеваниях уха. М. С. Жирмунский был сыном купца первой гильдии Шеваха Менделевича Ж., выпускником мед. фак-та Берлинского ун-та и Медико-хирургич. академии в СПб. Мать — Александра Яковлевна Ж. (урожд. Малкиель), из семьи изв. фабрикантов и строительных подрядчиков из Двинска. Её братья Мендель (Матвей) Янкелевич Малкиель и Лев Янкелевич Малкиель учредили в 1902 в СПб. товарищество «Электро-динамиковые русско-американские электромеханические з-ды».

Окончил Тенишевское училище. Частным домашним учителем Ж. в школьные годы был историк Г. Я. Красный-Адмони. Учился на романо-германском отд. историко-филологич. фак-та СПб. ун-та (закончил в 1912) и был оставлен при ун-те для подготовки к проф. званию. В 1912–13 командирован в Германию для специализации в обл. нем. и англ. филологии.

В 1915–71 (с перерывами) преподавал на историко-филол. фак-те ун-та. В 1919–60 (с перерывами) — зав. каф. романо-герм. филологии (1920–33), истории западноевропейских лит-р (1933–40, 1945–49), немецкой филологии (1958–60) того же фак-та. Проф. кафедры немецкой филологии ЛГУ (с 1956).

В 1917–19 — проф., зав. каф. романо-герм. филологии историко-филологич. фак-та Саратовского ун-та.

В 1920–30 — предс. Отдела истории словесных искусств ГИИИ.

В 1921 в Пг. ун-те защитил магистерскую дис. по своей кн. **«Религиозное отречение в истории романтизма. Мат-лы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков»** (М., 1919).

В 1921–36 — действ член и зав. Западным отд. (до 1931) ИЛЯЗВа, преобразованного в 1931 в ИРК, затем — в Гос. ин-т языкознания. В 1924 там же защитил докт. дис. по своей кн. **«Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы»** (Л., 1924). В дек. 1934 Президиумом АН СССР утвержден в степени докт. филол. наук.

В 1923–31 — работал в ЛГПИ, проф., зав. каф. западноевроп. яз.

В 1932–34 — действ. член ГАИС.

С нояб. 1934 по янв. 1935 (по договору) и с окт. 1935 по нояб. 1950 работал в ИРЛИ АН СССР — зав. вновь созданного Отдела западноевропейских лит-р, гл. ред. многотомной «Истории западноевропейских лит-р» (назначен в 1939 Президиумом АН СССР). Под его рук. в ИРЛИ разработаны и осуществлены изд.: «План истории западных лит-р. Франция, Германия. Испания» (Т. 1–3. М.; Л., 1938); «План истории западных лит-р. Итальянская лит-ра» (М.; Л., 1940). Был организатором и ред. колл. трудов: «Западный сборник» (М.; Л., 1937); «История французской лит-ры» (Т. 1. М.; Л., 1946); возобновил изд. собр. соч. А. Н. Веселовского (Т. 16. М.; Л., 1938), позже — «Теория стиха» (Л., 1968; чл. редколл.).

Одновременно (1934–47?) — ст. науч. сотрудник ИЯМ им. Марра АН СССР.

Трижды подвергался арестам (1933, 1935, 1941). В ходе кампании по борьбе с космополитизмом в 1949 обвинён в еврейском буржуазном национализме и уволен из ЛГУ.

В 1942–44 был в эвакуации, работал в Среднеазиатском гос. ун-те и Ташкентском гос. пед. ин-те (проф.; 1943–44). В те же годы возглавлял Научно-иссл. историко-филол. ин-т при ун-те. В 1944 заведовал Отделом фольклора АН УзбССР.

Осенью 1944 вернулся в Л-д и продолжил работу в ИРЛИ в должности зав. Западным отд. Одновременно работал в ЛГУ и в ИЯМ АН СССР.

1 марта 1950 отчислен из ИРЛИ в связи с ликвидацией Западного отд. С 1 апр. 1950 распоряжением Президиума АН СССР зачислен в ИРЛИ ст. науч. сотр., 1 дек. 1950 переведен в той же должности в ЛО ИЯ АН СССР. С 1957 до послед. дней — зав. Сектором индоевроп. яз. того же ин-та.

Обл. науч. интересов Ж.: теория лит-ры, история западноевропейских лит-р и яз. XVIII–XIX вв., русская лит-ра нач. XX в., сравнительное литературоведение и языкознание, диалектология, фольклористика, стиховедение.

Как лингвист Ж. является одним из наиболее значительных представителей лен. грамматической школы, большое внимание уделявший (преимущественно на мат-ле германских яз.) проблемам историч. изменений грамматич. строя, грамматич. вариативности, аналитизма и синтетизма и др. В его работах высказан ряд идей, предвосхитивших осн. положения «теории грамматикализации» К. Лемана и Б. Хайне, кот. получила широкое распространение в посл. десятилетия XX в. Ему принадлежат фундаментальные исследования по немецкой диалектологии (интересные и в плане социолингвистических наблюдений); в особенности значителен его вклад в изучение немецких диалектов на территории России («языковых островов»). В кон. 1930-х опубл. исследования диалектов идиша на территории СССР.

В обл. литературоведения Ж. занимался исследованиями немецкого и тюркского фольклора и эпоса, тв-вом Гёте, Байрона и др. классиков немецкой и английской лит-р, а также историей германско-русских лит. связей. Так, ему принадлежит классич. исследование о русской байронической поэме, с привлечением большого кол-ва малоизв. произведений пушкинской эпохи. Существен его вклад в теорию русского стиха — проблематика, кот. он начал заниматься ещё в 1920-е, сблизившись с исследователями «формального направления» круга ОПОЯЗа. До появления работ М. Гаспарова ранние исследования Ж. оставались самыми значительными в этой обл. Проницательный исследователь тв-ва Ахматовой, он ввёл в употребление применительно к старшим акмеистам изв. формулу «преодолевшие символизм».

Одним из посл. направлений исследований Ж. стало изучение эпич. цикла тюркских народов «Сорок богатырей», герои кот. имели реальных прототипов в лице знати Ногайской орды. Эти исследования были большим вкладом не только в филологию, но и в историю Ногайской орды.

Ж. был успешным организатором науки. По его инициативе в 1950–60-х был проведён ряд конф., изд. сборники статей по проблемам теории грамматики, морфологич. типологии, аналитизма и др. Среди его учеников крупные петерб. лингвисты младших поколений, у Ж. училась Н. Я. Мандельштам.

Член-корреспондент (1939), действительный член (1966) АН СССР. Засл. деятель науки УзбССР (1944). Член-корр. АН ГДР, Датской Королевской Академии (Копенгаген),

Британской (Лондон) и Баварской (ФРГ) Академий. Почетный д-р Оксфордского ун-та (1966), Берлинского унта им. Гумбольдта, Краковского ун-та. Почетный чл. Саксонской Академии наук (ГДР), Пражского ун-та, Американского лингвист. об-ва, Миланского лингвист. об-ва. С 1934 — член СП СССР.

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.».

Вторая жена (с 1946) — литературовед и переводчик Нина Александровна Ж. (урожд. Сигал; 1919–91). Дочь — филолог и литературовед Вера Викторовна Аствацатурова (р. 1947), жена культуролога А. Г. Аствацатурова; их сын — филолог и писатель Андрей Аствацатуров. Троюродный брат (по материнской линии) — писатель Юрий Николаевич Тынянов.

В Л-де жил на Загородном пр.

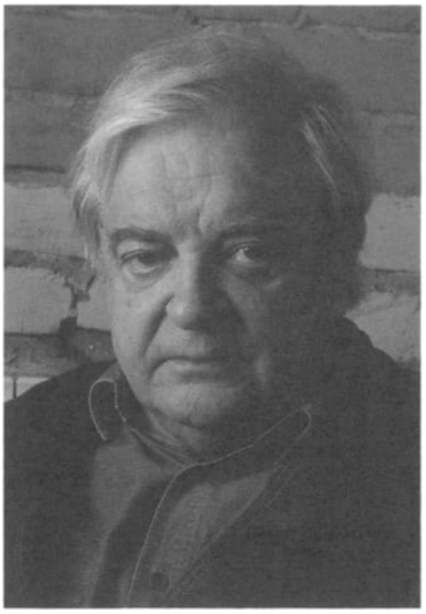
Архив: ПФА РАН, ф. 1001

Соч.: Очерки по истории классич. немецкой лит-ры. Л., 1972; Тв-во Анны Ахматовой. Л., 1973; Тюркский героич. эпос: Избр. труды. Л., 1974; Теория стиха. Л., 1975; Общее и германское языкознание: Избр. труды. Л., 1976; Теория литры. Поэтика. Стилистика: Избр. труды. Л., 1977; Байрон и Пушкин. Пушкин и западные лит-ры: Избр. труды. Л., 1978; Сравнительное литературоведение: Восток и Запад: Избр. труды. Л., 1979; Гёте в русской лит-ре: Избр. труды. Л., 1981; Из истории западноевропейских лит-р: Избр. труды. Л., 1981; Введение в литературоведение: Курс лекций. СПб., 1996 (М., 2004); Поэтика русской поэзии. СПб., 2001; и мн. др.

Лит.: Булахов М. Восточнославянские языковеды: Библиогр. словарь. Мн., 1977; В. М. Жирмунский (1891–1971): Библиогр. указ. / Сост. Л. Генин, В. Житников, Р. Кузьменко, К. Прохоров. СПб., 1991; Филологич. фак-т СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. СПб., 2000; Академик Виктор Максимович Жирмунский: Биобиблиогр. очерк / Сост. Л. Генин и др.; вст. ст. П. Беркова, Ю. Левина. СПб., 2001; Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005.

ЖИТИ́НСКИЙ Александр Николаевич [20.3.1941, Симферополь — 25.1.2012, Финляндия, похоронен на Комаровском кладб.] — поэт, прозаик.

Родился в семье воен. летчика, много ездил с семьей по стране. Пошел



в школу в М., закончил 10-й класс во Владивостоке. В 1965 окончил Лен. политехнический ин-т, получив диплом инженера-электрофизика, работал науч. сотрудником в НИИ в Л-де. Писать начал в студенч. годы. С 1970 его стихи появляются в сб. «День поэзии» (1970, 1971, 1972, 1988), в молодежных ж. «Аврора», «Юность», сб. «Новые голоса» (1973). В 1970-е стали появляться в печ. его рассказы. В 1976 вышел первый сб. стих. Ж. **«Утренний снег»**. Рецензенты отмечали зоркость поэтич. видения молодого автора, умение создать емкий психологич. портрет героя, тонкость и глубину размышлений. Стихи были посвящ. Л-ду, героям фронтового поколения, современникам. Однако в них была заметна юношеская противоречивость, неудачные строки как «дань мимолетному и неосмысленному настроению» (В. Воронцов). В 1998 писатель публикует свои лучшие стихи в сб. **«Снежная почта»**.

Перв. сб. прозы Ж. **«Голоса»** вышел в 1977. Повесть **«Голоса»** (1975), давшая назв. книге, уже содержала те особые черты поэтики Ж., кот. с наибольшей убедительностью проявились в его самых изв. вещах. Герой повести, кот. летом жил в деревне с семьей, неожиданно для себя и окружающих слышит какие-то неясные и странные голоса, кот. заставляют его по-особому взглянуть на мир и на свою науч. работу. Элемент фантастики, содержащийся в повести, придавал ей необычность, философскую окраску, заставляя читателя по-новому ощущать себя в привычных и знакомых обстоятельствах. В этом же сб. была помещена повесть **«Вчера, сегодня, позавчера...»** (1975), посвященная трагедии первой любви, кот. не отпускала героя на протяжении мн. лет. В этой повести проявился дар Ж.-лирика, умеющего художнически оформить тонкую ткань любовного повествования, в кот. переплетались разные линии текста: рассказ от имени жены героя и исповедь самого персонажа. Где-то на периферии сюжета возникал неясный, призрачный образ «великого города» (Л-да), кот. являлся не только красивой декорацией, но и участником тайных встреч людей, находившихся «в двух непересекающихся пространствах».

Наиболее изв. произведениями Ж. являются повести **«Лестница»** (1972, опубл. в 1980) и **«Снюсь»** (1981), в кот. слились воедино три стилевые составляющие, кот. А. Пикач определил как триаду — комическое, фантастическое и лирическое. Герой повести «Лестница» Владимир Пирошников — молодой интеллектуал, не нашедший своего места в жизни, неожиданно попадает в чужую квартиру, из кот. не может выбраться. Лестница самым фантастич. образом то загоняет его опять в квартиру, то пугает зеркальными отражениями и разъединяет с проводниками, то превращает «черный ход» в «морскую раковину с винтом, сходящим на нет», то выкидывает его на крышу, где, поскользнувшись, он замирает, стремясь последним усилием воли удержаться на краю пропасти. Сам герой называет свое состояние кошмарным сном, но автор его поправляет: «Сном можно было назвать его прошлую жизнь... лестница же была жестока, но реальна. Во всяком случае реальней его прекраснодушного предназначения». Несмотря на то что в повести много героев, написанных ярко, в гротесковой манере, много бытовых деталей и смешных подробностей, повесть воспринимается как притча. Притча о том, как душевный хаос, соединяясь с воображением, может заковать человека в рамки судьбы, из кот. нет выхода. Эта повесть переведена на английский, не-

мецкий, итальянский, чешский, венгерский, болгарский, эстонский яз. По сценарию Ж. в 1990 реж. А. Сахаров снял фильм «Лестница» с О. Меньшиковым в гл. роли.

Сюжет повести «Снюсь» построен тоже на фантастич. элементе. У обыкновенного сотрудника НИИ обнаружился необыкновенный дар — создавать свои собств. сны и передавать их любым знакомым и незнакомым людям. Сны эти носят то смешной и трогательный характер, то псевдоромантический, то лирический и грустный, а иногда они связаны с социально-патриотической темой. Не зная, как распорядиться своим талантом, наивный герой (его стали называть Снюсь) идет работать на эстраду, где комиссия утверждает для развлечения сов. публики сон о пиратских ограблениях. С фельетонным блеском автор рассказывает о гастролях Снюся, о том шоу-пространстве, кот. его окружает. Но герою становится грустно и стыдно, и он вместо утвержденного сна показывает публике печальные сны о своей брошенной дочке, о какой-то бедной старушке и т. д. Его увольняют, и у него есть теперь время подумать о себе, своем таланте, кот. превратился в фарс. Сам писатель утверждает, что его рассказы фантастичны потому, «что реальный быт никогда не исчерпывает человеческого существования, в кот. воображение играет гл. роль и, собственно, формирует судьбу. Меня всегда занимали не только отношения между людьми, но и их отношения со временем и пространством...».

Стиль Ж. выглядит сегодня простоватым, облегченным. Неслучайно критики еще в 1980 высказывали претензии писателю: «язык, обкатанный, гладкий, легкий до невесомости, зато утерявший черты индивидуальной принадлежности, с его часто непозволительными „допусками“» (И. Янская). Однако эти «допуски»: техническая лексика, философемы, «пижонские» выражения того времени, юмористически оформленные сов. призывы и лозунги — и составляют своеобразие стиля писателя.

В сб. **«Седьмое измерение»** (1990), **«Дитя эпохи»** (1994), **«Лестница»** (2000), **«Снюсь»** (2000) собраны старые рассказы и повести, либо прежде не опубликовавшиеся по цензурным соображениям, либо редко переиздаваемые, и новые произведения. Ж. остался верен своей выбранной стилистике, манере, философским проблемам. У него, как и прежде, два типа героев: интеллектуал с технич. образованием, мечтающий о красивой теории, кот. можно было бы испробовать на практике, и самородок, у кот. все получается само собой. Так, в рассказе **«Эффект Брумма»** (1973) житель д. Верхние Петушки Василий Фомич, нагревая свечкой обыкновенную подкову, получал электрический ток. Свой опыт он смог продемонстрировать и в лен. НИИ, пока вокруг него не собрались толпы журналистов, репортеров с телевидения и радио. Объясняя своему науч. другу причину посл. неудачи, герой говорил: «Что нам с тобой главное? Не то, чтобы людей удивить. И денег нам с тобой не надо. Главное, это когда всей душой устремишься и вдруг сделаешь что-нибудь. И оно только душою и держится. Вынь душу — пропадет все». Этот принцип являлся основополагающим для всех стойких героев Ж. Как заметил В. Акимов, «выход для его героев — в преодолении замкнутости, в отказе от гибельной сосредоточенности на себе. В сущности, вся его проза — это поиски ценностей за пределами только личной, только отдельной жизни индивидуума. Замкнутость — это тупик, это путь на «лестницу». Проза Ж. 1980-х с его непредсказуемыми героями, стремящимися к прояснению таинственной и прекрасной сущности Вселенной, в какой-то мере противостояла официозу, как, к примеру, и «чудики» В. Шукшина, разрушавшие каноны общепринятого и узаконенного. Позднее эта проза стала казаться немного затянутой, излишне расцвеченной всякими шутками и курьезами, у нее «старый» ритм, более спокойный и размеренный, но в ней есть особая прелесть «ретро», кот. делает ее необходимой в совр. жизни.

В 1987 выходит в свет роман Ж. **«Потерянный дом, или Разговор с милордом»**. Автор стремился разобраться в социалистич. иллюзиях, представив социализм в виде архитектурного сооружения: «Мерещится мне наше государство в виде многоквартирного дома, в котором царят чистота и порядок. Странна его архитектура: торчат островерхие башенки, где живут поэты... В многоэтажных колоннах, подпирающих крышу, я вижу ряды освещенных окон — там живут рабочие и колхозники... С покатой крыши, где устроились министры, академики и депутаты Верховного Совета, то и дело стартуют в космос ракеты... Соты интеллигенции выполняют роль фриза, а на карнизе сидят ангелы и болтают в воздухе босыми пятками. Под крышей крепкой власти, подпираемой могучими колоннами трудящихся, лежит наша страна... Далекий, затерянный где-то в просторах, монумент Коммунизма манит нас. Мы еще верим в него, олухи царя небесного, в то время как практичные люди давно освободились от иллюзий...». В этом романе фантастическое соединилось с социальным и политическим, а выход из идейного тупика, предложенный автором, воплотился в «новое понимание человека», кот. «состоит в том, что человечество должно осознать себя неотъемлемой и равноправной с другими частью природы». В 1998 напечатал роман-буфф **«Фигня»**, где манера Ж. приобретает более гротесковый характер; выходит в свет книга **«Путешествие рок-дилетантов»** (1990) и фантастич. книга для детей **«Братцы по разуму»** (2001).

В разные годы с 1983 по 1995 на неск. киностудиях страны выпущ. 7 полнометражных худож. фильмов по сценариям Ж.

Ж. занимался издательской деятельностью, являясь директором и гл. редактором изд-ва «Геликон Плюс» (основно в 1997, до этого с 1990 — «Новый Геликон»), осуществлял проекты в Интернете, в частности, первый в русскоязычном сегменте Интернета лит.-худож. альм. «Арт-Петербург» (1996) и первое лит. объединение «ЛИТО им. Лоренса Стерна» (1998–2001), объединившее более 60 молодых литераторов, живущих во мн. странах мира и пишущих на русском яз. Участниками этого ЛИТО были изв. впоследствии литераторы Дм. Быков, Дм. Горчев, Л. Горалик, Дм. Коваленин, Мих. Бару, Макс Немцов, О. Родионова, В. Смоленский и др. Среди литераторов, «открытых» изд-вом Ж., издавшим перв. кн. этих авторов, можно назвать Дм. Горчева, Линор

Горалик, Ксению Букшу, Еву Пунш, Веру Полозкову, Алю Кудряшеву, Александру Романову и мн. др.

В первое десятилетие нового века Ж. издал роман **«Государь всея Сети»**, отмеченный АБС-премией в 2008, основанный на новых реалиях Интернет-эпохи, в частности, Живом журнале (www.livejournal.com, где Ж. вёл блог с 2001 под ником maccolit), большую биографию Виктора Цоя «Цой forever», вторую часть «Путешествия рок-дилетантов» — **«Альманах рок-дилетанта»** и небольшую фантастич. повесть **«Спросите ваши души»** на тему переселения душ, в кот. продолжены осн. направления прозы Ж. — фантастика, лирика и сатира. В 2010 Ж. закончил небольшой роман **«Плывун»**, являющийся сиквелом повести «Лестница», где действует тот же герой, что в повести, но постаревший на 40 лет. В 2011 опубл. рассказы **«Прах»** и **«Японский бог!»**.

В июле 2007 стал директором Центра совр. лит-ры и книги в СПб.

Соч.: Утренний снег: Сб. стих. Л., 1976; Арсик: Повесть // Созвездие: Сб. рассказов и повестей. М., 1978; Голоса: Повести и рассказы. Л., 1977; От первого лица: Повести / Вст. ст. В. Акимова. М., 1982; Потерянный дом, или Разговор с милордом: Роман. Л., 1989; Хранитель планеты: Фантастич. повести для школьного возраста. Л., 1990; Седьмое измерение: Рассказы, новеллы, миниатюры. Л., 1990; Дитя эпохи: Повествование в 7 ч. СПб., 1994; Лестница: Повести и рассказы, библиография. СПб., 2000; Снюсь: Повести и рассказы. СПб., 2000; Снежная почта: Избр. стих. СПб., 2000; Фигня: Роман-буфф. СПб., 2002; Спросите ваши души: Повесть. СПб., 2005; Альманах рок-дилетанта: Сб. СПб., 2006.; Параллельный мальчик: Детские повести и рассказы. СПб., 2006; Государь всея Сети: Роман. М., 2007; Цой forever: Докум. роман. СПб., 2009; Виртуальное чтиво: Сб. СПб., 2010; Сказки времён Империи: Избр. проза. М.; СПб., 2010; Плывун: Роман // Полдень XXI век. М., 2011.

Лит.: Воронцов В. [Рец. на сб. стих.] // Звезда. 1978. № 6; Янская И. Что кому снится // ЛГ. 1981. 2 дек.; Абель И. [Рец.] // Новый мир. 1983. № 7; Урбан А. Весело о серьезном // Лен. правда. 1983. 13 сент.; Пикач А. Характер дарования: Заметки о прозе А. Житинского // Нева. 1983. № 12; Ефремова Э. [Рец.] // Новый мир. 1988. № 2; Васильев В. Письмо к милорду // Нева. 1989. № 11; Быков Дм. Послесл. // Житинский А. Сказки времен Империи. СПб., М., 2010; Быков Д. Памяти Александра Житинского // Сеанс. 2012. 31 янв.

Т. Вахитова

ЖИТКО́В Борис Степанович [30.8 (11.9).1882, Новгород — 19.10.1938, М.] — прозаик.

Отец был учителем математики, мать — пианисткой, детство в осн. прошло в Одессе. Учился в Одесской 2-й прогимназии в одном классе с К. Чуковским, но вновь они встретятся только через четверть века, когда их объединит лит-ра. До этой встречи осенью 1923 Ж. совершит кругосветное плавание, из юнги превратится в капитана, станет инженером-кораблестроителем, всю жизнь будет учиться. Эту жадность к учению отмечает и его школьный приятель: «Я принадлежал к той ватаге мальчишек, которая бурлила на задних скамейках и называлась „Камчаткой“. Он же сидел далеко впереди, молчаливый, очень прямой, неподвижный, словно стеной отгороженный от всех остальных. Нам он казался надменным. Но мне в нем нравилось все, даже эта надменность» (К. Чуковский). Самостоятельность, рассудительность выделяли его в среде сверстников; еще будучи гимназистом, он занимался рев. деятельностью, и весьма серьезно.

В 1906 Ж. окончил естественное отд. Новороссийского ун-та, а позже (в 1916) — кораблестроительное отд. Пг. политехнического ин-та. Получив чин мичмана, был командирован в Англию — принимать моторы для самолетов. Все же осн. школой для него стало море, это и понятно: вырос он в порту, все дяди его были адмиралами, с юности осваивал он морские профессии.

Только в 1923 Ж. приедет в Пг. в поисках работы и неожиданно для самого себя начнет писать. Лит-ра и усилия К. Чуковского пересилили стремление стать художником, заставили отложить в сторону любимую скрипку. Здесь пригодились и самые разные знания, и огромный жизненный опыт, и неиссякаемое науч. любопытство. Перв. рассказ **«Шквал»** (позднее печатался под назв. **«На воде»**) был опубл. в ж. «Воробей» в 1924. Ж. становится редактором науч.-популярных книг в Госиздате. Это время выработки самостоятельной худож. позиции. «Мне страшно интересно выдержать, не сорваться, ни на йоту не отступить от реальности, чтоб все было с детской точки зрения, ни порошинки сентиментализма или романтики и ни на одну секунду не прерывающийся интерес к фабуле», — отмечает Ж. в одном из писем (Памятные книжные даты. 1982. М., 1982). Вскоре выходит его перв. сб. **«Злое море»** (1924), почти сразу за ним — второй, **«Морские истории»** (1926). Ж. продолжает искать новые формы тв-ва для детей, активно сотрудничает с Н. Олейниковым, Д. Хармсом, Е. Шварцем, художниками А. Пахомовым и П. Соколовым.

Ж. подчеркивал, что ребенок «рвется в мир взрослых» и задача лит-ры — помочь ему в этом. Рассказы его не просто, а жестоко реалистичны (это подчеркнуто и названием перв. сб.). Сила, воля, храбрость — определяющие понятия в той системе воспитания, кот. отстаивал Ж. В статье **«Храбрость»** он замечает: «Я не столько боялся самой опасности, сколько самого страха, из-за которого столько подлостей на свете делается... Я знал, что по-французски „трус“ и „подлец“ — одно слово: „ляш“. И верно, думал я: трусость приводит к подлости». Такая позиция определяет отношение Ж. и к героям его рассказов, прежде всего — на морскую тематику («Ме-

ханик Салерно», **«Под водой»**, **«Погибель»** и др.). Характеры героев раскрываются в момент наивысшего напряжения сил и воли: в борьбе с пожаром, наводнением, когда пароход сел на мель или затерт льдами. Нравств. маяком всегда оказывается человек мужественный, готовый прийти на помощь, смелый не из тщеславия, а от любви к людям. Рассказы Ж. о животных также ценны не только с научно-познавательной стороны, но и с воспитательной, в отношении к животным проявляется степень человечности (**«Рассказы о животных»**, 1935). Науч.-производств. рассказы и повести Ж. представляют особый интерес. Сначала он ведет специальные разделы в ж. «Воробей» («Новый Робинзон»): «Как люди работают», «Бродячий фотограф», «Мастеровой»; позже появляются книги **«Паровоз»**, **«Пароход»**, **«Река в упряжке»**, **«Гривенник»**, **«Про эту книгу»** и др., в кот. популярно рассказано об изобретении и создании окружающих человека вещей: как печатают монеты, варят сталь, как работает электростанция и что такое азбука Морзе.

«Именно перипетии научной мысли, провалы и удачи гениальных исследователей — вот что должно драматизировать „производственную книгу“»,— пишет он в ст. 1936 **«О „производственной“ книге»**. Ж. стремится к выразительности и наглядности («Про эту книгу»), вводит элементы игры (**«Одень меня»**, 1928), пишет рассказы-инструкции (**«Буер-самоделка»**).

Ж. мечтал стать не только детским, но и «взрослым» писателем. Уже в 1926 он начинает писать роман **«Виктор Вавич»** (1-я кн. 1929; 2-я кн. 1931, опубл. 1934; кн. 1–3 опубл. 1941). В романе много действующих лиц, но на перв. план выведены два героя: Виктор Вавич, пошедший служить в полицию (действие происходит в уездном городе в 1904) и завербованный в секретные сотрудники Башкин. В сущности, роман — это история нравств. падения околоточного Вавича, но мысль писателя была обращена к проблемам общего характера и гораздо более совр.: «Книжка-то очень современная, но изображено (внешне) старое. Кажется, будто это анахронично, только поверхностным критикам. Разумеется, что в чеховские времена я так бы не писал».

Однако от детской лит-ры Ж. не уходит, напротив, накопив лит. опыт, определив педагогич. позицию, он обращается к самому маленькому и самому взыскательному читателю. Таковы изданные уже после смерти писателя сб. **«Что бывало»** и **«Помощь идет»**, а также знаменитая энциклопедия для малышей **«Что я видел»** (1938). К этой своей посл. кн. Ж. отнесся с огромным вниманием, справедливо понимая, что в жизни каждого человека есть очень короткий период, когда он вправе получить ответ на любой вопрос. К такому серьезному разговору с «почемучками» 4–6 лет и приступает Ж., ориентируясь на педагогические взгляды, в частности, Л. Толстого и К. Ушинского. Чтобы ввести ребенка в многосложный взрослый мир, предстающий на страницах книги, автору потребовался помощник — герой, мальчик Алеша, его детский характер, его взгляды, поступки и, конечно, вопросы. 4-летний Алеша отправлен автором в путешествие по стране, на его пути возникает множество неожиданных — и драматических, и комических ситуаций — он сталкивается со многими, очень разными людьми, непосредственно, эмоционально реагируя на то новое, что открылось ему в эти дни.

Кн. Ж. не устаревает прежде всего благодаря своей энциклопедичности, все новые и новые поколения читателей с волнением готовы сопереживать герою, а автор каждому из этих поколений становится другом, собеседником, радостно и удивленно открывающим вместе с читателем и для самого себя огромный мир Земли.

Соч.: Злое море. М., 1924; Морские истории: Рассказы для детей. М.; Л., 1926; Виктор Вавич: Роман: В 3 кн. М., 1941 (М., 1999); Храбрость // Детская лит-ра. 1939. № 9; Морские истории. М., 1972; Семь огней: Очерки, рассказы, повести, пьесы. Л., 1982; Рассказы о животных. М., 1989; Рассказы для детей. М., 1998.

Лит.: Жизнь и тв-во Бориса Житкова: Сб. М., 1955; Чуковская Л. Борис Житков. М., 1955; Шкловский В. Писатель Борис Житков и традиции русской лит-ры // Шкловский В. Старое и новое. М., 1966; Ивич А. Борис Житков // Ивич А. Воспитание поколений. 4-е изд. М., 1969; Чуковский К. Борис Житков // Чуковский К. СС. М., 1965. Т. 2; Черненко Г. Вечный Колумб: Биогр. очерк (О Б. С. Житкове). Л., 1982; Казак В. Лексикон русской литры XX в. М., 1996.

А. Павловский

ЖМÁЕВ Ален Михайлович [30.7. 1934, Хабаровск — 30.8.1987, дер. Полищи Новгородской обл.] — прозаик.

Мать — учитель биологии; отец — корр. газ. «Лесная промышленность», в 1937 был расстрелян.

По окончании средней школы Ж. приехал в Л-д. В 1955 окончил фак-т русского яз. и лит-ры ЛГПИ им. А. Герцена. С 1955 по распределению работал в школе в Комсомольске-на-Амуре. В 1967 вернулся в Л-д, преподавал зарубежную лит-ру в ЛГПИ, окончил аспирантуру, защитил канд. дис. (1968). В 1971 был уволен и исключен из КПСС по обвинению в аполитичности, нарушении правил пользования спецхраном, сборе и хранении антисоветской лит-ры. Работал учителем рисования в Харькове, затем более десяти лет преподавал зарубежную лит-ру в Ошском пед. ин-те (Киргизия), откуда был уволен «за сокрытие факта исключения из КПСС». С 1984 — учитель русского яз. и лит-ры в д. Полищи Новгородской обл.

Автор мн. статей по вопросам образования и воспитания, рец. на театр. постановки, выставки изобразительного искусства, кинофильмы. Печ. в ж. «Вопросы языкознания», «Вопросы философии», «Вопросы лит-ры» и в газ.

Напис. повести **«Случайный мальчик»** (1957), **«Благополучная биография»** (1959). Гл. произведение Ж. — автобиогр. проза **«Туда и обратно: Ретроспективный дневник»** (изд-во «АДИА-М+ ДЕАН»), герой кот., молодой провинциал «с умом и талантом», устраивается на работу в престижном лен. вузе. В кн. Ж. нарисована картина нравов лен. интеллигенции в кон. «оттепели», даны разнообразные портреты преподавателей и студентов — от прислужников начальству и сотрудников КГБ до скрытых диссидентов. Ее отрывки с раскрытием подлинных имен некоторых персонажей были опубл. посмертно в трех номерах ж. «Часы». В 1995 кн. Ж. с некот. сокращениями выпущена отд. изд. на средства вдовы. Значительная часть лит. насле-

дия Ж., в т. ч. автобиографич. проза **«Дальний Восток — Средняя Азия»** (1975), не опубл.

Умер в с. Полищи, где и был похоронен на местном кладб. Прах перезахоронен в 1991 на Кузьмоловском кладб. Автор проекта надгробия — сын писателя Е. А. Жмаев.

Соч.: Туда и обратно: Отрывки // Часы. 1988. № 73, 74; 1989. № 77; Туда и обратно: Ретроспективный дневник. СПб., 1995.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ЖУ́КОВА Мария Вадимовна [6.1. 1965, Л-д] — переводчик, прозаик.

Родилась в семье служащих. С 1982 по 1988 училась на веч. отд. «английский яз. и лит-ра» филологич. фак-та ЛГУ (филолог-германист). С авг. 1988 работала методистом в Ин-те повышения квалификации руководящих работников и специалистов Мин-ва энергетики и электрификации. С 1990 машинистка в высшей коммерч. школе Госкоминтуриста. С 1992 переводчик в МП «Экскурс». С 1994 референт-переводчик в ТОО «Коммерческая фирма „Селена“». С 1996 воспитатель в центре восстановительного лечения «Детская психиатрия».

Перв. худож. перевод опубл. в 1993 (Л'Амур Луис. Дэн Родело. В сб.: Убей или умри. СПб.: Лениздат, 1993). К наст. вр. выпустила около 50 переводов худож. литры, в т. ч. около 20 переводов Эрла Стенли Гарднера в изд-ве «Азбука», «Лениздат», «Северо-Запад», «Амфора», «Интерспект», «Эридан» (Минск) и др.; в ж. «Нева», газ. «Лит. Петербург» и др. Переводила произведения Р. Говарда, Д. Дрейка, К. Керр, К. Курц, Дж. Кристофера, Б. Ламли, Дж. Лорда, Э. Флинта, С. Фридман. Среди них романы, новеллы, рассказы, эссе.

Опубл. около 30 оригинальных произведений в жанре детектива и фэнтези под псевд. Мария Гладкова и Мария Жукова-Гладкова. В 2012 выпустила сб.

Член СП России с 2000.

Соч.: Виски со сливками: Роман. М., 1998; А я верну тебе свободу: Роман. СПб., 2003; По обе стороны забора: Роман. СПб., 2003; Трудно быть богатой: Роман. СПб., 2004; «Шахидки» с Карельского перешейка: Роман. СПб., 2005.

Перев. (с англ.): Кристофер Джон. Маленькие человечки Театр доктора Страха. СПб., 1994; Гарднер Эрл Стенли. Одинокая наследница. Тень стройной женщины. Дневник загорающей. Требуется привлекательная брюнетка. Мрачная девушка. Отложенное убийство. Встревоженная официантка. Счастливый неудачник. Норка, побитая молью. Дважды неразведенный. Поющая девушка. Двойник дочери. Белокурая удача. Любящая сестра. Неосторожный котенок. Смертельная игрушка. Озорная наследница. Очаровательный призрак. Предсмертный поцелуй. Пальцы Фонга. Долина маленьких страхов. Кривая молния. На расстоянии вытянутой руки // Гарднер Э. С. Собр. соч.: Т. 2, 4, 7–9, 11, 13–14, 16–17, 20–26. Мн., 1995–96; Перри С. Лабиринт // Перри С., Бишоф Д. Планета охотников. СПб., 1997; Лорд Дж. Край вечных снов // Хроники Ричарда Блейда. Т. 7. СПб., 1998; Лорд Дж. Храмы Айокана // Хроники Ричарда Блейда. Т. 9. СПб., 1998; Говард Роберт. Затерянная долина Искандера // Говард Роберт. Знак огня. СПб., 1998; Маккаллерс Карсон. Ночь — предвестник свободы // Лит. Петербург. 2000. № 6; Паркер Дороти. Подвязка // Нева. 2000. № 8.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ЖУР Пётр Владимирович [26.10. 1914, с. Гарбузин Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл. — 17.9.2002, Киев] — литературовед, переводчик.

Ж. закончил Киевский торфяной техникум, работал нач. участка на торфоразработках.

В 1941 учился в Лен. ин-те философии, лит-ры и искусства, но со 2-го курса был призван в армию. Участник Великой Отеч. войны, был зам. начальника воен. контрразведки 14 воздушной армии. Награжден тремя орденами Отеч. войны и медалями.

С 1946-го занимался журналистикой, работал в газ. «Лен. правда», затем в ж. «Звезда». Закончил экстерном филологич. фак-т ЛГУ (1950). С 1957 по 1987 был 1-м зам. гл. ред. ж. «Звезда».

Член СП России с 1968. Засл. работник культуры РСФСР с 1974.

Плодотворно работал как переводчик произведений украинских, белорусских, финских и эстонских поэтов. Внес серьезный вклад в разработку проблем, связанных с тв-вом Т. Шевченко, неслучайно его называли «патриархом шевченковедения». Фундаментальная работа Ж. **«Труды и дни Кобзаря»**, по мнению исследователей, наиболее полная на сегодняшний день летопись жизни и тв-ва украинского классика. Ученый создал тщательную хронику его жизни, используя не только изв. архивы, но и новые уточнения из биографии поэта, выверенные по первоисточникам. Эта книга Ж. — едва ли не полный хронометр каждого дня жизни и тв-ва писателя, от рождения до ухода.

А. Образцова: «Значимость работы Петра Владимировича Жура „Труды и дни Кобзаря“, безусловно, трудно переоценить. Прежде всего потому, что это наиболее полная на сегодняшний день летопись жизни и творчества Т. Г. Шевченко, обогатившая шевченковедение новыми, до сих пор неизвестными фактами и материалами. Прослеживая шаг за шагом весь жизненный и творческий путь великого поэта, автор книги создает многоцветную мозаику духовного поиска и борьбы Кобзаря. Из простых, порой весьма скупых сведений, каждое из которых тем не менее тщательно задокументировано, складывается полный самобытности образ поэта, художника, человека. В этом фундаментальном исследовании, базирующемся на конкретных источниках, существенное место занимают материалы,

являющиеся архивными находками Петра Владимировича Жура. Публикация „Трудов и дней Кобзаря“ позволит ввести в научный обиход немало фактических данных, которые ранее не были известны, в том числе и авторам опубликованных книг о Т. Г. Шевченко (Дмитро Косарик „Життя і діяльність Т. Г. Шевченка“, 1955 г.; М. М. Ткаченко „Літопис життя і творчості Т. Шевченка“, 1961 г.; В. Анісов, Є. Середа „Літопис життя і творчості Т. Шевченка“, 1959 г., 1976 г.). Впрочем, и материалы, и факты, которые были известны и использованы в изданных работах, во многих случаях были уточнены и сверены с первоисточником, что позволяет говорить об этом труде как поистине академическом. Существенно обогащены новыми данными главы книги, посвященные раннему периоду жизни поэта, в особенности касающиеся его освобождения от крепостной зависимости, учебы в Академии художеств, участия в деятельности Кирилле-Мефодиевского братства и политических кружках. Наверняка интересны читателю будут исторические сведения о предках Шевченко и его родных краях, которыми открывается книга „Земля и корни рода (XI — нач. XIX в.)“. Вообще же „Труды и дни Кобзаря“, несмотря на научную выверенность и богатый справочный материал, предназначены не только специалистам-литературоведам, критикам, но и всем, кто дорожит духовными ценностями своего народа. Увеличению круга читателей, безусловно, будет способствовать и то, что книга написана увлекательно, ярко».

В. Перчук: «Серьезная работа... А **„Шевченковский Петербург“**, **„Третья встреча“**, **„Лето первое“**, **„Дума про огонь“**... В каждой из этих книг писатель сказал *свое* слово о Великом Кобзаре. Слово правдивое, яркое, потребовавшее не просто многих лет кропотливого исследовательского усердия, но и предельной добросовестности, честности, эрудиции, таланта. Сколько часов, если бы кто подсчитал, проведено в архивах, библиотеках. Сколько документов, материалов перелопачено. Наконец, сколько „белых пятен“ обнаружено в шевченковедении!».

Ж. явился одним из инициаторов и автором около сотни статей в Шевченковской энц. За колоссальный вклад в шевченковедение Ж. удостоен Гос. премии Украины им. Т. Шевченко.

Соч.: Шевченковский Петербург. Л., 1964; Третья встреча. Л., 1973; Дума про огонь: Из хроники жизни и тв-ва Тараса Шевченко. Киев, 1985 (Л., 1989); Труды и дни Кобзаря. Л., 1996.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ЖУРАВЛЁВА Зоя Евгеньевна [20.8.1935, Л-д — 26.3.2011, СПб.] — прозаик.

Окончила отд. журналистики филологич. фак-та ЛГУ, работала в газ. на Севере — в Никеле и Мурманске, много ездила по стране с биологами, искусствоведами, археологами.

В 1966 ж. «Звезда» опубл. перв. повесть **«У меня есть голова»**. В том же году в Карельском изд-ве вышла очерковая повесть **«Не споткнись о Полярный круг»** (в соавт. со Ст. Панкратовым). В 1967 Карельское изд-во выпустило кн. Ж. для детей **«Путька»**, вскоре переизданную «Детгизом». Тогда же в изд-ве «Молодая гвардия» вышел сб. повестей Ж. **«Ключ от Вселенной»**, премированный на конкурсе им. Н. Островского. Кн. стала результатом длительных поездок Ж. по Ср. Азии и Северу страны, участия в ботанич. экспедиции.

Повесть **«Ожидание»** (1976) рассказывает о семилетнем герое, кот. счастлив, кот. окружен близкими людьми — бабушкой и дедушкой, любимым котом Ардальоном, но кот. вдруг вскакивает ночью с криком, заслышав шорох шин случайной машины. Вдруг замолкает в разговоре и смотрит куда-то мимо невидящими глазами. Вдруг задает вопрос, в кот. недетское смятение души... В счастье ежедневного познания мира Ж. видит будущую печаль и как будто прозрение сложностей взрослой жизни.

В повестях **«Островитяне»** и **«Кувырок через голову»** (1983) автор решает серьёзные вопросы — о духовности, о трудовом воспитании, об умении дружить с людьми и животными.

Повесть **«Сними панцирь!»** (1987), напис. с улыбкой и обращенная к детям, рассказывает о жизни коллектива биологов в пустыне, где в составе небольшой экспедиции оказываются не только взрослые, но и дети. Описанные автором симпатичные тушканчики, суслики, ящерицы, черепахи и др. обитатели песков становятся для юных читателей добрыми знакомыми, даже если речь идёт о кобре или удаве.

Гл. герой романа **«Роман с героем»** (или **«Роман с героем — конгруэнтно роман с собой»**) — школьный учитель, чистота нравств. критериев и духовная высота кот., по мысли автора, определяют настоящее и будущее об-ва. Ведущая проблема романа — становление и воспитание души, ее сохранность в осмысленном творч. труде, позволяющем человеку оставаться человеком в самых сложных жизненных обстоятельствах.

Произведения Ж. для взрослых носят более камерный характер, с акцентом на темы бытовые и морально-этические. В повести **«Требуется героиня»** рассказано об актерах нестоличного театра, повести **«В двенадцать, где всегда»** — о молодых слюдяницах.

Член СП СПб. Автор более 20 кн., ряда статей и эссе (в т. ч. **«Искусство как феномен жизни»**, **«Время, я, Шагал и другие»**, **«Иосиф Бродский и время»**). Ред.-сост. книг о кн. Потемкине и С. Курдюмове.

Один из организаторов ассоциации «Женщины в науке и образовании», член правления МОО ЖНО. Сопредседатель и председатель оргкомитета Международных междисциплинар-

ных конференций «Языки науки — языки искусства» (Суздаль — 1996, 1998, 2002). Ведущая ежегодного Круглого стола «Культурное пространство России» на конференциях «Математика. Компьютер. Образование». Выступала с д-дами о культуре, о языке, о поэзии. Гл. редактор газ. «Госпожи Удача», газ. ассоциации «Женщины в науке и образовании».

Повести и ст. Ж. представлены на сайте www.spkurdyumov.narod.ru.

Соч.: Путька. Петрозаводск, 1967; Требуется героиня. Л., 1969; Ожидание. Л., 1976; Кувырок через голову. Л., 1983; Островитяне. Кувырок через голову. Л., 1983 (1986); Сними панцирь! Л., 1987; Роман с героем. Л., 1988.

Лит.: Грачева И. Вст. ст. // Журавлева З. Островитяне. Кувырок через голову. Л., 1986.

ЖУРА́ВСКАЯ Зинаида Николаевна (урожд. Лашкевич, во втором браке Португалова) [5(17).1.1867, с. Остроглядово Черниговской губ. — 15.1.1937, Русский дом в Сент-Женевьев-де-Буа] — переводчик, лит. критик.

Родилась в обедневшей дворянской семье польского происхождения; первоначальное образование — домашнее. С 1878 воспитывалась в орловском Александровском ин-те благородных девиц, где продолжала изучение европейских языков. Окончила ин-т в 1883 с Большой золотой медалью (Орловский вестник. 1883. 3 июн.). Под влиянием одного из педагогов, переводчика и ред. «Орловского вестника» А. Н. Чудинова, обратилась к переводу произведений западно-европейских писателей. Сразу по окончании ин-та был опубл. первый перевод Ж. — повесть французского писателя Л. Галеви «Новые владельцы» (Орловский вестник. 1883. 2 февр. — 16 марта).

В 1884–86 служила преподавательницей французского яз. в Орловской женской гимназии; в 1886 вышла замуж, однако в 1893 брак распался, после чего Ж. переехала в СПб., где в теч. последующего года «перепробовала все виды труда»: переписывала ноты, шила для магазинов, давала уроки музыки, была чтицей (ЦГАЛИ. Ф. 1624. Оп. 1. № 67). Наконец, книгоиздательской фирмой М. Ледерле были изд. ее переводы «Избр. новелл» Дж. Бокаччо и «Векфилдского священника» О. Голдсмита (обе — 1893), после чего Ж. сделалась ведущей переводчицей фирмы. В последующие годы вышли в свет выполненные ею переводы с английского, немецкого, французского, итальянского, польского яз.: «Сказка о Щелкунчике и Мышином короле» Э. Т. Гофмана (1894), «Рассказы» Ф. Коппе (1894), «Исландский рыбак» П. Лоти (1895), «Декамерон для детей» Дж. Боккаччо (1911) и мн. др. Переводы вызвали благоприятные отзывы критики и были рекомендованы «Комитету грамотности» для распространения (Каталог книг склада М. Ледерле. СПб., 1894. № 59, 85–87, 116–117; 1895. № 121).

Кроме того, переводы Ж. выходили в изд-вах Ф. Павленкова, О. Поповой, М. Пирожкова; печатались в многочисленных петерб. периодич. изданиях («Русском богатстве», «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Мире Божием», «Солнце России» и др.). В 1897–1914 Ж. перевела произведения Дж. Байрона, О. Бальзака, Г. Бичер-Стоу, Г. Гауптмана, И. В. Гете, Д. Дефо, Ч. Диккенса, Э. Золя, Дж. Локка, Б. Келлермана, Э. Ожешко, У. Синклера, М. Твена, К. Фаррера и мн. др. В 1906 в ее переводе вышли сказка Мультатули «О происхождении власти» и кн. Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» (первый том в 1912 запрещен по приговору суда, второй том остался неопубл.). В 1911–12 издан выполненный при ее участии перевод переписки И. Тургенева с П. Виардо 1860-х (СМ. 1911. № 12; 1912. № 1). По воспоминаниям А. Даманской, «о даровитости, добросовестности и работоспособности Журавской рассказывали легенды» в редакциях петерб. журналов и газ., называя ее «королевой русского перевода» (Даманская А. Союз русских переводчиков // Сегодня. Рига, 1935. 24 окт.).

Свое переводческое кредо Ж. выразила следующим образом: «Все, что в вас есть талантливого, свежего, оригинального, вы тратите на то, чтобы перевоплотиться в другого человека, как можно ярче и верней передать его мысли и слова» (РНБ. Ф. Максимовых. Ч. 3. Л. 44).

В 1907–09 публ. в ж. «Союз женщин» статьи о европейских писательницах и о суфражизме в европейских странах (Англии, Италии, Норвегии, Финляндии и др.).

Большевистского переворота Ж. не приняла и в 1918, после недолгого сотрудничества с изд-вом «Всемирная лит-ра», вместе со вторым мужем, полит. деятелем и публицистом В. Португаловым, уехала из Пг. в Киев, а оттуда, пережив одиннадцать правительств, через Ростов и Одессу в 1920 эмигрировала в Сербию (Панчево под Белградом). Служила аккомпаниаторшей в сербских ресторанах.

В дек. 1920 Португалов получил предложение возглавить варшавскую эмигрантскую газ. «За Свободу!», и супруги перебрались в Польшу, где прожили последующие девять лет, сотрудничая в газ. В 1924 Португалов вынужден был покинуть пост гл. редактора, хотя до февр. 1926 оставался в редколлегии, после чего резко разорвал отношения с газ. Ж., чье положение в газ. «За Свободу!» существенно осложнилось после внутриредакц. скандала, тем не менее, продолжала выполнять в газ. обязанности зав. несколькими отделами (иностранным, литературным, смеси и пр.), заполняя в ней «чуть не целую полосу» (письмо к А. Даманской от 14 октября 1926 г. // Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский). Собр.

А. Даманской). Писала небольшие фельетоны, лит. рец., делала компиляции мат-лов парижских и др. эмигрантских изд. Переводной работы у нее в эти годы почти не было, хотя многие сов. и эмигрантские изд. перепечатывали ее старые переводы.

В 1926 изд-во «Мысль» переизд. роман английского писателя У. Дж. Локка «Веселые приключения Аристида Пюжоля» в переводе Ж. (1916). В том же году харьковский «Космос» выпустил в свет роман Гв. Да Верона «Жизнь начинается завтра» в ее переводе (1915). В 1927 и 1928 перевод был вновь переизд. В 1927 в Харькове и в Киеве был дважды переизд. выполненный Ж. в 1916 перевод романа того же автора «Женщина, кот. изобрела любовь». Гонорары за переиздания Ж. получила не скоро и не полностью.

Ж. приходилось переводить разного рода спец. тексты («Перевела уже три книги о коврах», — писала она Даманской 14 окт. 1926), давать уроки русского и европейских яз., по вечерам аккомпанировать ученицам в муз. школе и играть в кинотеатрах между сеансами. Безуспешно пыталась наладить сотрудничество с эмигрантскими и сов. изд-вами. Выполненный за два месяца по заказу харьковского «Космоса» перевод нового романа да Верона «Любовь возвращается» напеч. не был, рижский «Хронос» не поддержал предложения Ж. о сотрудничестве. «Прямо обидно — изданий беллетристики все прибавляется, а я не могу найти переводов, не говоря уже о том, что ко мне никто не обращается. Вот что значит сидеть в глухом углу и растерять связи», — с горечью отмечала она (письмо к А. Даманской весной 1926).

В 1929 Португалов уехал в Париж, куда вскоре за ним последовала Ж. После смерти мужа в нач. дек. 1930 до конца дней жила в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа.

Деятельница женского движения; масон.

Архив: ИРЛИ. Ф. 377; Ф. 155; ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 827; The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University/ Ms Damanskaya.

Лит.: Белодубровский Е. Журавская З. Н. // Русские писатели. 1800–1917. Биогр. словарь. Т. 2. М., 1992; Демидова О. «Тоска в этой Варшаве...» (К биографии З. Н. Журавской) // Женский вопрос в контексте нац. культуры. Из истории женского движения в России. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1999; Письма З. Н. Журавской к А. Ф. Даманской / Публ. О. Демидовой // Там же.

О. Демидова

З

ЗАБОЛО́ЦКИЙ Николай Алексеевич (первонач. фамилия писалась и произносилась: Заболотский) [24.4.(7.5).1903, ферма близ Казани — 14.10.1958, М., похоронен на Новодевичьем кладб.] — поэт.

Отец З., корни крестьянского рода кот. уходят ко времени освоения сев. края России новгородскими ушкуйниками, в 1903 служил агрономом. Мать происходила из духовного сословия, работала помощницей сельской учительницы. Когда З. исполнилось 7 лет, семья переехала на родину предков, в Вятскую губ., и обосновалась в с. Сернур. Окончивший там 3 класса начальной школы З. в 1913 был принят в Уржумское реальное училище. О благодатных впечатлениях этих лет (внимание к гуманитарным дисциплинам в училище, постоянное общение с миром природы) З. расскажет впоследствии в воспоминаниях **«Ранние годы»** (1955, впервые: Тарусские страницы. Калуга, 1961). После Октябрьской революции З. покидает провинцию, отправляется в М., поступает на мед. отделение ун-та, но бросает его и переезжает в Пг. Там он становится студентом Педагогического ин-та им. А. Герцена (отделение яз. и лит-ры общественно-экономического ф-та). В 1922 в издаваемом студентами машинописном ж. «Мысль» впервые печатает свои стихи и статью **«О сущности символизма»**. По окончании ин-та — служба в армии, а по завершении ее (1927) — работа в детской секции ГИЗа (публикует стихи и рассказы для детей, иногда под псевд. Я. Миллер), участие в создании группы ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), куда наряду с ним входят Д. Хармс, А. Введенский, К. Вагинов, Д. Левин, И. Бахтерев и др.

Перв. книга «взрослых» стихов З. **«Столбцы»** (1929) (стихотворная книжка для малышей **«Хорошие сапоги»** вышла в 1928) вызвала бурную дискуссию в прессе. Перед молодым поэтом открывалась широкая перспектива. Но опубликованная в 1933 поэма **«Торжество земледелия»** была оценена в печати как пасквиль на коллективизацию. Уже набранный к тому времени новый сб. З. со стихами и поэмой не увидел света (по сохранившейся корректуре вместе с др. стихами З. он впервые был издан сыном поэта Н. Н. Заболоцким в книге под назв. **«Вешних дней лаборатория»**. М., 1987). После репрессии З. создает лучшие произведения для детей: прозаич. переложения знаменитых романов Ф. Рабле, Д. Свифта, Ш. де Костера, на кот. будет воспитываться не одно поколение юных читателей. Но лишь появление **«Второй книги»** (1937), куда наряду с шедеврами натурфилософской лирики 1930-х вошли **«Прощание»**, посвящ. памяти С. Кирова, и **«Горийская симфония»** о Сталине, позволило критикам заговорить о «втором рождении» поэта, избавляющегося от «прежних ошибок». Однако 19 марта 1938 З. был арестован и затем осужден по сфабрикованному делу за антисоветскую пропаганду. От смертной казни его спасло то, что, несмотря на тяжелейшие физические испытания на допросах, он не признал обвинения в создании контрреволюционной организации, куда якобы должны были входить Н. Тихонов, Б. Корнилов и др. Об этих событиях З. потом поведал в **«Истории моего заключения»** (Даугава. 1988. № 3). Срок отбывал с февр. 1939 до мая 1943 в системе Востлага НКВД в р-не Комсомольска-на-Амуре; затем в системе Алтайлага в Кулундинских степях; с марта 1944 — в Караганде, уже освобожденным из-под стражи. Частичное представление о его лагерной жизни дает подготовленная им подборка **«Сто писем 1938–1944 годов»** — выдержки из писем к жене и детям (Знамя. 1989. № 1). В таких условиях З. совершил творч. подвиг: закончил переложение **«Слова о полку Игореве»** (начал в 1937), ставшее лучшим в ряду опытов мн. русских поэтов. Это помогло ему добиться освобождения и в 1946 переехать в М. В послевоен. десятилетие печ. редко. Сб. **«Стихотворения»** (1948) не привлек широкого внимания: социально-полит. обстановка тогда не располагала, а подчас и мешала восприятию высокой философской поэзии. В те годы поэт занимался в осн. переводами, преимущественно грузинских классиков и современников (наивысшие достижения — переводы поэм В. Пшавелы и **«Витязя в тигровой шкуре»**). Только последняя прижизненная книга З., вышедшая в пору т. н. «оттепели» (**Стихотворения**. М., 1957), открыла его поэзию заново. Но «большим русским поэтом» пу-

блично его впервые назвали в некрологе.

Гл. тема, мучившая З., «нерв» его творч. поисков — трагедия разума. От раннего стих. **«Меркнут знаки Зодиака»** (1929) до предсмертного **«На закате»** (1958) пролегает путь напряженнейшего вживания индивидуального сознания в загадочный мир бытия, кот. неизмеримо шире и богаче созданных людьми рассудочных конструкций. На этом пути поэт-философ претерпевает существенную эволюцию, в ходе кот. можно выделить 3 стадии: 1926–33; 1932–45 и 1946–58.

Уже в перв. дошедшей до нас статье З. **«О сущности символизма»** он сводит счеты с самым влиятельным направлением русской поэзии нач. века. Отдавая дань уважения стремлениям символистов «реализовать» сущность мира средствами искусства, он решительно не принимает их творческий метод: «Таинственный мир, являющийся символистам, был далеко не объективным, наоборот, он носил в себе отпечаток индивидуальности автора <...> вдохновенные откровения миров были не гласом природы, но видением индивида...». Достижение подлинного единства искусства с реальностью и было провозглашено в тех частях манифеста ОБЭРИУ, кот. написал З.,— **«Общественное лицо ОБЭРИУ»** и **«Поэзия обэриутов»** (Афиши Дома печати. 1928. № 2). Ставя целью возродить в поэзии мир «во всей чистоте своих конкретных мужественных форм», очистить его от тины «переживаний» и «эмоций», З. совпадал с футуристами, акмеистами, имажинистами, даже с конструктивистами. В отличие от них автор проявил явную интеллектуально-аналитическую направленность: обэриуты должны не только «организовать вещи смыслом», но и выработать органически новое мироощущение, новый способ познания или, применяя терминологию близкого к ним художника П. Филонова, «новый интеллектуальный вид». Свойства такого метода и проявляются в «Столбцах». Может показаться, что перед нами остросатирическое изображение мещанского быта периода нэпа. Это в книге есть. Маклаки на толкучке Обводного канала, завсегдатаи Народного дома, бродячие музыканты, механистичные «Ивановы», едущие на работу «в своих штанах и башмаках», преуспевающие герои «нового быта» на свадебном пире... Но этот мирок «Ивановых» все-таки летит «в пространство бытия» (**«Свадьба»**). К тому же цикл дополнялся стихами сугубо натурфилософского характера, в книгу тогда не включенными (в дальнейшем «городские столбцы» перв. книги З. продолжит «столбцами смешанными» и поэмами «Торжество земледелия», **«Безумный волк»** и **«Деревья»** — произведениями 1926–33). В них речь шла не только о конкретно-социальной сущности человека, но и о родовой сущности человека как диктатора по отношению к природе — «Саваофа», «императора коровьего мяса» (**«Искусство»**). З. начал с развенчания человека, с превращения его из «владыки Вселенной» в «клопика» (**«Птицы»**). Даже осн. закон мышления — причинно-следственные связи — объявил «выдуманными знаками» (**«Поэма дождя»**, 1-я ред.). Зато при отказе от них и возник особый пейзажный мир, где «Каждый маленький цветочек / Машет маленькой рукой», где каждая деталь одушевлена и живет независимой жизнью. В крупных произведениях З. всегда возникали два антипода, и каждый был по-своему прав. В «Поэме дождя» Змея видит правду в самом процессе движения, а Волк склонен к конечным определениям. В «Торжестве земледелия» предки отдают предпочтение среднему, близкому к природе уровню развития, а Солдат немедленно принимается за претворение утопии. Такому новому наукообразному мышлению были конкр. основания. Широкую популярность в 1920-е обрела теория относительности А. Эйнштейна. Получила известность «Философия общего дела» Н. Федорова. Работы К. Тимирязева о растениях, В. Вернадского о ноосфере, Ю. Филипченко об эволюционной идее в биологии издавались тогда неоднократно и были известны З. Но нравственно-эстетич. оценка людского сообщества оставалась у него на перв. плане. Причем абстрактным выразителем добра становился «поэт», подчиняющий слова естественному дыханию, творящий с детской непосредственностью и потому способный найти общий язык с природой («Искусство», **«Испытание воли»**, «Безумный волк»). Тем самым З. возвращался к нравственному максимализму любимого им Гр. Сковороды и перекликался с В. Хлебниковым. Правда, нравственное выступало у З. в этот период как проблема рассудочная, а понимание неизбежности зла уживалось с его внутренним неприятием: даже приготовление пищи, которое «так приятно»,— «кровавое искусство жить» (**«Обед»**). Его герои тех лет — натуры идеальные, условные, они начисто отрешены от всего бытового. А оно мстит. Исковерканным трупом Безумного «запечатано кладбище старого леса» («Безумный волк»), гибнет кот-отшельник, вышедший на битву с миром обывателей (**«На лестницах»**), а героич. пафос «Торжества земледелия» разъедает авторская ирония: идеальное не сходится с повседневным. Растущая тревога о роковой противопоставленности миров — человеческого и природного — требовала утоления, духовного преодоления разлада. С упоением вчитывался автор столбцов (столбцы — жанровое определение их создателя, обусловленное особой, кадровой формой изобразительности) в философские брошюры К. Циолковского, даровавшие надежду на братское единение человека с космосом, но с грустью признавал: «...одно дело знать, а другое — чувствовать. Консервативное чувство, воспитанное в нас веками, цепляется за наше сознание и мешает ему двигаться вперед» (из письма К. Циолковскому от 18 янв. 1932).

И все-таки создать подлинно гармоничный мир З. помогло как раз «консервативное чувство». Именно сердцем ощутил герой его Лодейников неправедность безжалостной борьбы за существование, царящей в природе, именно мечта об усовершенствовании природы «усильем светлого ума» и нравств. чистотой привела к созданию особой образной системы. В столбцах противоречия двух миров разрешались попыткой соединить материально-стихийное с рациональным, «безумие» с «умом» (стих. **«Предостережение»**), и все-таки примирения не получалось. Велась борьба с музыкальностью стиха, ибо, по З., музыка являлась проявлением человеческого субъективизма, с кот. следует бороться.

С 1932 начинает вырабатываться формула поэтич. тв-ва МОМ (мысль — образ — музыка). Музыка здесь — не выражение душевных тайн индивидуума, а затаенная гармония всеобщей жизни, которая воплощена материально и родственна гармонии душевной. Ее-то человек и постигает, очищаясь от суетности частного сознания и от «кровавого искусства жить». Трагичен облик замерзающей реки, которая «затвердевает в каменном гробу». Но перед нами и прообраз человека, где «уходящий трепет размышленья», «глухое томленье», и бьется река о берег «головой». Так, по принципу контрапункта предметное переходит в духовное и наоборот («**Начало зимы**»). С мучением пытается живой цветок понять свое отражение на схеме в науч. книге — и мертвое подобие оживает, шевельнувшись ему навстречу («**Все, что было в душе...**»). Жизнь и смерть, предметно-детальное и отвлеченно-разумное находят общее в едином ритме бытия. И покорители природы выступают уже не алчными потребителями, как в столбцах, а как существа, равноценные ей, но несущие разумное преобразующее начало («**Север**», «**Седов**», «**Голубиная книга**»). Лирическое «я» поэта раскрепостилось, но оно постоянно переходит в коллективное «мы». Так З. 1930-х удалось художественно осуществить вековую мечту европейских романтиков: преодолеть дуализм мировосприятия и создать художественно-философскую систему, родственную античному мировосприятию, где «индивидуум равен роду» (Ф. Шеллинг). Поэт искренне уверовал в ее истинность, хотя подспудно в таких стихах — и в «Начале зимы», и в «**Засухе**», и в стих. «**Вчера, о смерти размышляя...**» — ощущалась тревога, как бы предвещающая, что достигнутая гармония преждевременна.

Изменения в сознании З. по возвращении из заключения обнаружились не сразу. В ключе 1930-х он написал ряд превосходных произведений: «**Утро**», «**Гроза**», «**Бетховен**»... Закончил «**Лодейникова**», завершив его патетич. описанием города, кот., как мудрый дирижер, правит голосами природы. Однако уже в «**Творцах дорог**» (1947) прозвучали щемящие строки, свидетельствующие о том, что в сознании З. человек вновь начал отдаляться от природы: о «хоре цветов, не уловимом ухом», о созвучье тех мелодий, «о которых / Так редко вспоминает человек». И сам поэт уподобил себя слепцу, отрешенному от цветового многообразия мира, сохраняющему связь с мироздaнием лишь в своем сердце («**Слепой**»). Он даже отвергает «дух, полный разума и воли», если дух этот — «лишенный сердца и души» («**Противостояние Марса**»), и потому утверждает «черту, присущую народу»,— способность мыслить не только разумом, а «всей своей душевною природой» («**Ходоки**»). Поэт уже не удовлетворяется абстрактным понятием «добро» и заменяет его конкретным «доброта». Холодный сосуд разумной гармонии ощутил необходимость огня — «огня сочувствия», сострадания. Не разум, а чувство утверждает теперь З. основой красоты и тв-ва («**Некрасивая девочка**», «**Старая актриса**»). Под холодными созвездиями Магадана, в пекле среднеазиатских степей испытывалось его сердце. И все умозрительные теории отступили перед чувством признательности и покаяния за свое нравственное несовершенство при воспоминании о седой крестьянке, протянувшей на кладбище ему, случайному прохожему, две поминальные лепешки («**Это было давно**»). К концу жизни З. впервые написал стихи о любви, причем не о любви вообще (были «Лодейников», «**Соловей**»), но о своей, личной — цикл «**Последняя любовь**». Самоценность личности, непреходящую ценность каждого мгновения жизни — вот что стал поэтизировать он и в этом находить родство с другими. Все больше влечет З. к ист. истокам отеч. устойчивости перед стихийными силами разрушения и всемирно-историч. драмы взаимного непонимания отд. людей и народов. Написав в 1958 поэму «**Рубрук в Монголии**» на традиционную для русской лит-ры тему о противостоянии Востока и Запада, коллективистского и индивидуалистического сознания, он решил осуществить давно вызревавший замысел — поэтич. трилогию «**Поклонение волхвов**», «**Смерть Сократа**», «**Сталин**». Не успел.

Творч. эволюция З. наглядно выражается в трех универсальных метафорах, соответствующих его миропониманию разных лет. Для столбцов и поэм 1926–33 это «природа — тюрьма» — «таинственный и неподвижный мир», отрешенный от человеческого сознания («**Прогулка**», «**Змеи**», «**Осень**», 1932). В натурфилософской лирике 1932–39, включая переложение «**Слова о полку Игореве**» (1945),— «природа — орган», где властвует двуединый образ, выражающий равноправие духовного и материального («**Метаморфозы**»). В послевоен. поэзии на первый план выходит природа — «безумная, но любящая мать» — образ, в кот. основу составляет не натурфилософское содержание, а сложное психологич. состояние («**Я не ищу гармонии в природе...**»). И смена творч. ориентиров ощущается отчетливо: сначала В. Хлебников, основатель «аналитического искусства» художник П. Филонов; в 1930-е — Е. Боратынский и Ф. Тютчев; после — сближение с поэтикой А. Блока и позднего Б. Пастернака. В целом же трудно найти значительное имя в мировом искусстве, кот. не называли бы в связи с тв-вом З.: Ломоносов и Державин, Гоголь и Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Гете и Рабле, Брюсов и Маяковский, Боттичелли и Рокотов, Шагал и Пикассо... Архитектура, балет, кинематограф... И каждое из уподоблений имело основания. «Не человек, а череп века»,— сказал о З. поэт Арс. Тарковский (стих. «Могила поэта», 1959). Обладая неповторимым синтетич. характером худож. мышления при его наглядной аналитич. остроте, ориентируясь на лучшие образцы мировой классики, З. никогда не рассчитывал на массовый успех. А строки его произведений ныне знают повсеместно. «**Не позволяй душе лениться...**», «**Любите живопись, поэты...**», «**Два мира есть у человека...**» и мн. др. стали афоризмами. Они вобрали в себя энергию личности, движимой одним стремлением: к истине и доброте.

Адреса в Л-де: 1921–25 — жилой кооперативный дом Третьего Петроградского товарищества собственников квартир (ул. Красных Зорь, 73); 1927–30 — доходный дом (ул. Конная, 15, кв. 33); 1930 — 19.3.1938 — дом Придворного конюшенного ведомства (наб. канала Грибоедова, 9).

Соч.: Грузинская классич. поэзия в переводах Н. Заболоцкого. Тбилиси, 1958. Т. 1–2; Стих. и поэмы. М.; Л., 1965. (БП. БС); Избр. произв.: В 2 т. М., 1972; Змеиное яблоко: Стихи, рассказы, сказки: По мат-лам ж. «Чиж» и «Еж» 1920–30-х гг. Л., 1973; СС: В 3 т. М., 1983–84; Столбцы: Стих. Поэмы. Л., 1990; История моего заключения. М., 1991; Огонь, мерцающий в сосуде...: Стих. и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ тв-ва. М., 1995; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Турков А. Николай Заболоцкий. М., 1966; Македонов А. Николай Заболоцкий: Жизнь. Тв-во. Метаморфозы. Л., 1968. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1987; Воспоминания о Заболоцком. М., 1977. 2-е изд., доп. М., 1984; Турков А. Николай Заболоцкий: Жизнь и тв-во. М., 1981; Ростовцева И. Николай Заболоцкий: Опыт худож. познания. М., 1984; Филиппов Г. Философско-эстетич. искания Н. Заболоцкого // Филиппов Г. Русская сов. философская поэзия: Человек и природа. Л., 1984; Павловский А. Поэтич. «натурфилософия» Николая Заболоцкого // Павловский А. Сов. философская поэзия: Очерки. Л., 1984; Эткинд Е. Там, внутри. О русской поэзии XX в.: Очерки. СПб., 1997; Лощилов И. Феномен Николая Заболоцкого. Helvink, 1997; Pratt S. Nikolai Zabolosky: Enigma and cultural paradigm. Evonston, 2000; Заболоцкий Никита. Жизнь Н. А. Заболоцкого. СПб., 2003; Николай Заболоцкий и его лит. окружение: Сб. статей. СПб., 2003; «И ты причастен был к сознанью моему...»: Проблемы тв-ва Н. Заболоцкого. М., 2005; Альфонсов В. Заболоцкий и живопись // Альфонсов В. Слова и краски. СПб., 2006; Кекова С. Мироощущение Н. Заболоцкого: Опыт реконструкции и интерпретации. Саратов, 2007; Гусельникова М., Калинин М. Державин и Заболоцкий. Самара, 2008.

Г. Филиппов

ЗАБОЛО́ЦКИЙ Николай Викторович [24.11.1924, Тверская обл.] — поэт, детский писатель.

Образование среднетехническое. Перв. публ. состоялась в 1947. Автор 8 кн. для детей. Член Лит. клуба «Зубрёнок».

Как православный поэт, прихожанин храма прп. Серафима Саровского выпустил сб. **«Духовные стихи»**.

Соч.: Ласточка. СПб., 2000; Иду лесной тропиночкой. СПб., 2004; Времена года. СПб., 2006; Гроза. СПб., 2010.

Лит.: Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник. СПб., 2013.

ЗАБО́РОВ Петр Романович [14.5.1931, Л-д] — литературовед.

Окончил в 1954 филологич. фак-т ЛГУ (отд. романской филологии, французский яз. и лит-ра) и в 1957 аспирантуру по кафедре истории зарубежных лит-р того же фак-та (науч. рук. — проф. Б. Г. Реизов). В 1960 защитил канд. дис. **«Драма В. Гюго „Кромвель“ и общественно-лит. движение 1820-х гг.»**, в 1975 — докт. дис. **«Русская лит-ра и Вольтер. XVIII — первая треть XIX в.»**. С 1958 — сотрудник Отдела взаимосвязей русской и зарубежных лит-р ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН (в наст. вр. — гл. науч. сотрудник). В 1987–94 — зав. сектором; в 1992–95 — приглашенный проф. Ун-та им. Поля Валери (Монпелье, Франция).

Обл. науч. интересов: русско-французские лит. и культурные связи XVIII — XX вв. Автор около 300 науч. публикаций. Принимал участие в колл. трудах: «Пушкин в письмах Карамзиных 1836–37 гг.» (М.; Л., 1960), «Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX вв. из лен. рукописных собраний» (М.; Л., 1960), «Проблемы междунар. лит. связей» (Л., 1962), «Междунар. связи русской лит-ры» (М.; Л., 1963), «Шекспир в мировой лит-ре» (М.; Л., 1964), «Шекспир и русская культура» (М.; Л., 1965), «Восприятие русской культуры на Западе» (Л., 1975), «Многоязычие и лит. творчество» (Л., 1981), «Русская лит-ра и зарубежное искусство» (Л., 1986), «Великая Французская революция и русская лит-ра» (Л., 1990), «История русской переводной худож. литературы» (Т. 2. СПб., 1996), «Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока» (СПб., 1998), «Дипломаты-писатели и писатели-дипломаты» (СПб., 2001), «Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни» (СПб., 2003), «Образ Петербурга в мировой культуре» (СПб., 2003), «Максимилиан Волошин. Из лит. наследия» (СПб., 1991, 1999, 2003), «К истории идей на Западе: „Русская идея“» (СПб., 2010), «Русская судьба крылатых слов» (СПб., 2010), в 1–10 вып. серии «Из истории междунар. связей русской лит-ры» (1967–2013) и др. Участвовал в подготовке ПСС и писем И. Тургенева (1-е и 2-е изд.), Собр. соч. М. Волошина, «Словаря русских писателей XVIII в.» (1998–2010), избр. трудов М. Алексеева (1985) и Б. Реизова (1986, 2011), книг в серии «Лит. памятники»: Мерсье Л.-С. Год две тысячи четыреста сороковой (Л., 1977), Аиссе. Письма к госпоже Каландрини (Л., 1985) и Ростан Э. Сирано де Бержерак (СПб., 1997), а также в серии «Les Archives de l'Est» совм. с А. Гроссом и Ж. Прустом, «Писем из Франции» Д. Фонвизина (Denis Fonvizine. Lettres de France (1777–78) (Paris-Oxford, 1995).

Отв. ред. книг «Наследие Александра Веселовского» (СПб., 1992), «Александр Веселовский: Избр. труды и письма» (СПб., 1999), «Александр Веселовский: Актуал. аспекты наследия» (СПб., 2011, совм. с А. Лавровым), член редколл. сб. «Век Просвещения» и др. Публ. в ж. «Русская лит-ра», «Cahiers du Monde russe» (Париж) и др. отеч. и зарубежных периодич. изд. и сб.

Член Российского и Междунар. об-в по изучению XVIII в., Вольтеровских об-в в Париже и Фернее. Участвовал в междунар. конгрессах (Париж, 1989; Бристоль, 1991; Дублин, 1999) и коллоквиумах (Россия, Франция, Германия, Швейцария, Испания, Италия). Член Ученого дис. совета при филол. фак-те СПбГУ (2000–12) и Ученого совета ИРЛИ РАН.

Соч.: Русская лит-ра и Вольтер. XVIII — перв. треть XIX в. Л., 1978; Россия и Франция: Лит. и культурные связи. Л., 2011; Voltaire dans la culture russe. Ferney-Voltaire, 2011.

Лит.: Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005; Западный сборник в честь 80-летия П. Р. Заборова. СПб., 2011.

ЗАВЬЯ́ЛОВ Сергей Александрович [18.5.1958, г. Пушкин Лен. обл. (ныне Пушкинский р-н СПб.)] — поэт, эссеист, переводчик.

Отец — из мордовской семьи, мигрировавшей в 1920-е в Л-д, выпускник Худож.-промышленного училища им. Штиглица. Мать — дочь старого большевика, И. П. Руды, уроженца г. Динабурга, впоследствии директора лен. з-да «Большевик», кот. погиб в ходе Большого террора. В 1985 З. закончил классическое отд. филологич. фак-та ЛГУ. В 1985–88 преподавал русский яз. и лит-ру в средней школе, в 1988–2004 — древнегреческий и латинский яз. на различных курсах и в частных вузах.

Перв. публикации стих. З. появились в лен. самиздате (ж. «Предлог» — 1985, № 5; 1986, № 9; 1987, № 12; ж. «Обводный канал» — 1986, № 9; 1988, № 13; ж. «Часы» — 1986, № 64; «Митин ж.» — 1986, № 9/10). В 1986–88 был членом «Клуба-81», альтернативного советскому СП. В типографском виде стихи этих лет опубл. в нач. 1990-х, сначала в периодике, а затем — отд. кн. **«Оды и эподы»** (1994).

Характеризуя поэзию З. этих лет А. Скидан писал: «„Предлог“ был на тот момент самым прозападным, ориентированным на литературный и поэтический авангард независимым ленинградским журналом (вскоре эту пальму первенства подхватит у него „Митин журнал“). Свободные от рифмы и регулярного метра, с непривычной „распыленной“ строфикой и большими, дробящими строку на рваные короткие сегменты пробелами, поэтические опыты З. смотрелись вполне органично рядом с переводами... Контекст же „Обводного канала“ ...был иным, куда более умеренным и не столь интернациональным, а главное — не столь светским; в таком контексте радикализм начинающего поэта не мог не порождать ощущение диссонанса, разрыва с (локальной) традицией. Вместе с тем, их скорбные каденции, настроение, тематика, которые в общих чертах можно охарактеризовать как эсхатологические, проникнутые сознанием крушения, отпадения от истоков (высшей, божественной реальности) в „советскую ночь“, как нельзя лучше соответствовали духу журнала». Анализируя стих З. 1980-х Ю. Орлицкий характеризует его как особый тип верлибра, «как своего рода нерегулярные логаэды, или квазилогаэды».

В сер. 1990-х начинается новый этап тв-ва З. Он участвует в ряде совм. акций с группой петерб. писателей, снискавших репутацию «постмодернистов» (А. Драгомощенко, В. Кучерявкин, А. Ильянен, В. Кондратьев, А. Скидан, Д. Голынко), организует серию поэтич. вечеров и (вместе с моск. критиком Т. Михайловской) большой петербургско-моск. фестиваль «Genius loci» (сент. 1998). Стихи З. появляются в ж. «НЛО» (1997. № 27), «Арион» (1999. № 3), «Комментарии» (1998. № 14), а также в ж. «Звезда» (2000. № 12) и «Дружба народов» (2001. № 6). З. входит в жюри премии Андрея Белого, в редколлегию сетевого ж. «TextOnly». Выпускает втор. кн. стихов З. **«Мелика»** (1998).

В стихах этого времени, помимо уже упомянутых особенностей, появляются внешние приемы, позволяющие формально организовывать текст. Это и встраивание иноязычного текста, и манифестирование (с помощью схемы) сложной метрики, и следование композиции и строфике пиндаровской оды, и имитация реконструкции древнего папируса, и ломаный русский язык (глаголы не спрягаются, существительные не склоняются) вперемешку с цитатами из подлинных фольклорных памятников на мордовском яз. В критике этих лет отмечалось, что поэт нашел «баланс между двумя полюсами, представленными Бродским и Айги» (В. Кривулин), что «его отношение к традиции — как к предельно отчужденной и одновременно живой и растущей — является принципиальным для поэзии 90-х в целом» (И. Кукулин). Скидан характеризовал стих. текст З. как «текст-руину».

На рубеже 1990-х и 2000-х в поэзии З. намечается усиление концептуальных тенденций и постеп. переход от ориентации на высокий модерн к ориентации на минимализм: **«Диалоги в царстве теней»** (2000–01) состоят из обрывков эмоционально взвинченных фраз, **«Буколические мимы»** (2000–01) представляет собой концептуальный триптих для двух голосов, в кот. трикстер дезавуирует поэтич. высказывание героя, в цикле **«Переводы с русского»** (2001–02) хрестоматийная русская поэтич. классика изложена совр. поэтич. средствами, а в цикле **«Из невыполненных переводов»** (2002–03) минималистские лирич. высказывания приписаны анонимным литовским, польским, финским и итальянским поэтам.

В итоговую кн. стих. З. **«Мелика»** (2003) вошли обе предыдущие кн. и 8 новых циклов. В предислов. к ней Скидан писал о «контрастном столкновении авангардистского импульса и „архаики", „разомкнутой" секуляризированной формы и сакрального материала, столкновении, призванном „остранить" и тем самым реактуализировать *норму* в лице забытых, подвергшихся порче и вытеснению „вечных смыслов"» у З. и констатировал, что никто ранее «не заходил так далеко по пути радикализации этого столкновения, перерастающего в драму поэтического высказывания как такового, бесконечно проблематизирующую возможность в постисторическом мире воскресить трансцендентное».

В кон. 1990-х — нач. 2000-х появляются перв. опыты З. в жанре стих. перевода — оды Горация, выполненные в традиции М. Гаспарова свободным стихом (цикл «Declamationes Horatianae. Carmina versibus liberis expressa» в составе «Мелики») а также перевод кн. во многом близкого З. по манере литовского поэта Э. Алишанки (р. 1960) **«Божья кость»** (2002). Тогда же З. обращается к жанру эссе: **«Натюрморт с атрибутами петербургской поэзии»** (НЛО. 1998. № 32), **«Русская поэзия нач. XXI в.»** (Дружба народов. 2000. № 8), **«Оправдание поэзии»** (Новый мир. 2001. № 5), посвящ. отстаиванию «европейской» позиции во взглядах на пути развития совр. поэзии. Др. важная тема — «открытие» сов. лит-ры, в кот. поэта интересуют оговорки-свидетельства (**«Перипетия и трагическая ирония в сов. поэзии»** и **«Концепт „современности" и категория времени в „советской" и „несоветской" поэзии»**; обе — НЛО. 2003. № 59, 62). Большой темой, кот. касается в эти годы З., является стих. перевод в связи с рецепцией античной культуры. Здесь поэт встал на позиции требования радикальной смены самого подхода к этому искусству и создания нового корпуса переводной поэзии на русском яз. (**«Гомер в качестве государственного обвинителя на процессе по делу русской поэзии»** — НЛО. 2003. № 60 и **«Воздвижение песенного столпа: Пиндар в переводе М. Л. Гаспарова и Бронзовый век русской поэзии»** — НЛО. 2006. № 77).

В сент. 2004 едет в Финляндию, сначала по полугодовой стипендии Хельсинкского ун-та, затем остается там еще на три года по стипендии финского ПЕН-центра, а в 2008 вместе с женой, медиевисткой О. Тимофеевой, принимает решение остаться жить в этой стране.

Во втор. пол. 2000-х в поэзии З. происходит переход от лирики к эпике и от верлибра — к стих. в прозе. В цикле **«Schemata rhetorica / Риторические фигуры»** (2005) поэт показывает возможности использования приемов античной ораторской прозы для лирич. высказывания, в поэме **«Пороги на Ванте»** (2005) пытается с помощью минимализма нащупать ту грань, за которой разница между «поэзией» и «прозой» неразличима. Принципиально новым стало обращение З. к актуальным темам современности: терроризму и геноциду в перв. двух частях поэмы **«Сквозь зубы»** (2006–07); третья часть поэмы — деконструкция античности как одного из гл. стержней новоевропейского мифа.

Еще дальше от поэзии в традиционном понимании этого слова — поэма З. **«Четыре хороших новости»** (2008), основанная на деконструкции гл. новоевропейского стержня: христианства, трагическое пародирование евангельского и кораничесого текстов. Наконец, **«Рождественский пост»** (2009) — нечто вроде мистерии, разворачивающейся в блокадном Л-де зимой 1941–42 годов. Последовательно сменяющие друг друга информационный, науч., пропагандистский, поэтич. и религиозный дискурсы с вкраплением бытовых реплик выявляют свою несостоятельность на фоне массовой гибели людей. Произведения финского периода составляют книгу **«Речи»** (2010), в самом названии кот. присутствует полемика с «языковой школой» и всем комплексом представлений, авторитетных во втор. пол. XX века, кот. рассматривали поэта как инструмент языка. Характеризуя «Речи», О. Дарк писал, наследуя образ у Скидана: «Тексты Завьялова не столько руины (термин статический), сколько тексты-катастрофы».

В посл. годы больше, чем раньше, З. уделяет внимания поэтич. переводу. Это, в основном, финские поэты одного с ним поколения: Ю. Киискинен, Й. Инкала, Я. Тонтти и др. (ж. «Иностранная лит-ра». 2009. № 9; сетевой ж. «Nordic Poetry Center», 2006, ж. «Воздух». 2007. № 3). В Финляндии поэт все больше работает в жанре эссеистики. Тема «европейского выбора» русской поэзии в эссе **«„Поэзия — всегда не то, всегда — другое": переводы модернистской поэзии в СССР в 1950–80-е гг.»** (НЛО. 2008. № 92) и в эссе-некрологе **«Поэзия Айги: разговор с русским читателем»** (НЛО. 2006. № 79) закономерно перетекает в анализ наиболее болезненных проблем таковой ситуации в статье **«Est modus in rebus / Есть мера в вещах»** (ж. «Воздух». 2006. № 2). На проблематике, связанной с реконструкцией и деконструкцией нац. (мордовской) идентичности, З. сфокусирован в ст. **«Сквозь мох беззвучия: поэзия восточнофинского этнофутуризма»** (2007) и **«Локализм как высшая стадия империализма»** (2010).

Поэзия и эссеистика З. выходила отд. кн. в переводах на финский и шведский яз., в антологиях — на английском, французском, итальянском и китайском, в периодике — на эстонском, латышском, литовском, польском, сербском, венгерском, испанском яз.

Член русского и финского ПЕН-центров с 2005.

Соч.: Оды и эподы. СПб., 1994; Мелика. М., 1998 (М., 2003); Речи. М., 2010; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Кривулин В. Возрождение оды как преодоление постмодернистской паузы. // НЛО. 1997. № 27; Кукулин И. Как использовать шаровую молнию в психоанализе // НЛО. 2001. № 52; Скидан А. Обратная перспектива // НЛО. 2003. № 75; Орлицкий Ю. Три кита Сергея Завьялова // НЛО. 2008. № 94; Дарк О. Камни из пращи // Завьялов С. Речи. М., 2010; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Матлы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

С. Николаев

ЗАДУНА́ЙСКАЯ Зоя Моисеевна [20.11.1903, Краснодар — 11.6.1983, СПб.] — литератор, переводчик.

В 1924 поступила в Ин-т истории искусств (т. н. Зубовский ин-т) в Л-де, кот. окончила в 1930 по специаль-

ности «литературовед/переводчик». Лит. деятельность начала еще в студенч. годы — именно тогда совм. с Т. Габбе она задумала и написала книжку **«Повар на весь город»**, в занимательной форме рассказывавшую о фабриках-кухнях.

С 1930 работала ред. в Гос. изд-ве детской лит-ры (Детгиз) под рук. С. Маршака. С тех пор вся деятельность З. посвящ. детской лит-ре. В 1932 вышла втор. кн. З. — пересказ повести Т. Олдрича «Воспоминания американского школьника». Она блестяще осваивает принятую в маршаковской ред. систему творч. обработки текстов для детей. Ее пост. соавторами становятся Тамара Габбе, Александра Любарская, позже Наталья Гессе.

З. в эти годы трудится рядом со своим мужем — детским писателем Василием Валовым (повести для детей «Чернушка», «Шишкари», «Отесовцы» и др.), погибшим в 1942 в лен. блокаду в госпитале в Доме писателей, после возвращения из окружения, куда он попал во время боев под Лугой вместе с товарищами из писательского взвода народного ополчения.

В 1937 начинается разгром маршаковской ред., в ходе кот. Т. Габбе и А. Любарскую арестовывают, а З. увольняют. Вместе с тем именно в это время З. завершает работу над кн., принесшей ей широкую известность — это свободный пересказ двухтомной книги Сельмы Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» (1940). В русскую детскую лит-ру вошло классич. произведение, кот. будит воображение все новых и новых поколений ребят. До войны кн. выдержала еще одно изд. (1941). В 1959 она была переработана, значительно дополнена и в таком виде изд. в «Детгизе» и др. изд-вах неоднократно (1959, 1960, 1969, 1971, 1973, 1985 и т. д.). Именно на основе этого текста «Нильса» созданы музыкально-лит. композиции, записи на пластинках, поставлены два мультипликационных фильма. Характерно, что сценаристы, ссылающиеся в титрах на С. Лагерлеф, по существу создавали фильмы по сюжетной канве, предложенной З. и с ее текстом.

После 1937 З. работает в Гос. архиве и в Ин-те истории материальной культуры. В годы войны становится воспитательницей детского интерната для эвакуированных детей лен. писателей, затем трудится в кач-ве рабочей на восстановлении Л-да. В 1945–46 снова работает редактором «Детгиза», потом редактором в изд. отделе Ин-та археологии АН СССР. С 1958 полностью посвящает себя лит. работе.

Благодаря З. в сокровищницу русской лит-ры вошли жемчужины мирового фольклора, и в подавляющем большинстве случаев З. явилась первооткрывательницей целого пласта лит. шедевров. Так, в ее пересказе вышли китайские сказки, объединенные в сб. **«Сказки старого Сюня»** (1957), сказки народов Китая **«Травинка-невидимка»** (1961) и **«Золотые черепашки»** (1962), **«Сказки народов Прибалтики»** (1946), много раз переизд. популярный сб. итальянских сказок **«Три апельсина»** (1960), книга сказок и поговорок народов Эфиопии и Судана **«Приходи, сказка!»** (1958), сказки и сказания северных народов СССР **«Журавлиное перо»** (1968), книга сказок славянских народов СССР **«Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко»** (1976), включающая сказки 17 народов и этнических групп. Посл. две книги изд. также в ГДР на немецком языке (1975 и 1982). К названному можно добавить многочисленные публикации разных лет в детских ж. «Костер» и др.

Не всем замыслам З. суждено было осуществиться; неск. повестей хранятся в архиве семьи, в частности — приключ. история о путешествии четверых школьников автостопом.

Избр. перев.: Олдрич Т. Воспоминания американского школьника. Л., 1932 (в соавт. с Т. Габбе); Лагерлёф С. Путешествие Нильса с дикими гусями. М., 1940 (в соавт. с А. Любарской); Сказки народов Прибалтики. Л., 1946; Охотник Харибу. Л., 1950 (в соавт. с А. Бриндаровым); Ненецкие сказки. М., 1954; Маленький охотник. Архангельск, 1955 (в соавт. с Н. Гессе); Сказки старого Сюня. Л., 1957; Приходи, сказка! Сказки и поговорки народов Эфиопии и Судана. Л., 1958; Три апельсина: Итальянские сказки. Л., 1960 (в соавт. с Н. Гессе); Травинка-невидимка. Л., 1961 (в соавт. с Н. Гессе); Золотые черепашки. М., 1962 (в соавт. с Н. Гессе); Сказки из одной связки. Л., 1962 (в соавт. с Н. Гессе и А. Любарской); Журавлиное перо. Л., 1968 (в соавт. с Н. Гессе); Синьора Сосиска. Л., 1973; Охотник Харибу // Истребитель колючек. М., 1974; Die Kranichfeder. Берлин, 1975 (в соавт. с Н. Гессе); Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Л., 1976; Das Luchsfellchen. Märchen slawischer Völker. Берлин, 1982 (в соавт. с Н. Гессе).

Лит.: Бахтин В., Лурье А. Писатели Л-да: Биобиблиогр. справочник. Л., 1982; Чуковская Л. Прочерк. Повесть. М., 2009.

И. Алексеева

ЗА́ЙЦЕВ Александр Николаевич [3.2.1935, пос. Кызыл-кия, Киргизия] — поэт, переводчик.

Переехали в Краснодарский край в 1940. Отец и мать погибли во время Великой Отеч. войны. Воспитанием детей занимались дед и бабушка. Уже в школе обнаружил перв. попытки приобщения к поэтич. слову.

В 1949 семья переехала в Ворошиловград (Луганск), где З. поступил

в ремесленное училище, окончив кот. попал на з-д, где в многотиражной газ. «Стахановец» было опубл. перв. стих. В 1954 призван на службу в армию на Дальний Восток в г. Сов. гавань. В газ. «Тихоокеанская звезда» опубл. басню и стих. После службы приехал во Фрунзе, где и поступил на з-д сельскохозяйственного машиностроения. Активно сотрудничал с многотиражной газ. «Сельмашевец». В 1970 поступил на заочное отд. Лит. ин-та в М. В 1977 в изд-ве «Кыргызстан» с вст. В. Цыбина вышел перв. сб. стих. **«Работа»**. В 1981 — сб. стих. **«Сплав»**. Печ. в периодич. печати республиканских газ. «Комсомолец Киргизии», «Сов. Киргизия», ж. «Лит. Киргизстан», в газ. «Пионерская правда», в приложении к «Известиям».

В 1982 принят в СП СССР.

В последующие годы выходят стих. кн.: **«Рождение огня»** (1986), **«Побег»** (1990) **«Огненные комья»** (1987), **«Эхо на веревочке»**, **«Как смеется крокодил?»** (1991).

После распада СССР переехал с семьей в СПб. Печ. в альм. «Медвежьи песни», «День поэзии», газ. «Лит. Россия», «ЛГ» и др.

Соч.: Коровьи бега. СПб., 1997; Поздние поезда. СПб., 2000; Ваши пятки не храпят. СПб., 2001; Удивительный потоп. СПб., 2003; Впервые я живу. СПб., 2005; Кто повалит баобаб. СПб., 2006; Лыком шитый воробей. СПб., 2007; Сестрорецкое ассорти. Сестрорецк, 2008; Сестрорецкая сказка. СПб., 2008; Осеннего рассвета миг. СПб., 2009; Крутой Буратино. СПб., 2009; Окрошка. СПб., 2010; Перешейка карельского золото. СПб., 2010; Слон летел на дельтаплане. СПб., 2011; Добрый кукиш. СПб., 2011; Волшебным полетом маня. Сестрорецк, 2012.

К. Козлов

ЗА́ЙЦЕВ Сергей Иванович [22.9.1950, дер. Ожогино Волосовского р-на Лен. обл.] — поэт.

В 1972 оканчил Балашовское высшее воен. авиац. училище лётчиков. Более 10 лет прослужил в Прикарпатском военном округе (г. Черновцы), в 1983 переведён в Лен. ВО (г. Пушкин). После окончания спец. курсов в 1985 ему присвоена квалификация «Военный летчик-испытатель». За время службы, выполняя спец. задания, облетал почти всю страну, бывал за рубежом. 20 лет командовал отд. воинской частью, уволился из вооруженных сил в звании подполковника в 2006. Засл. воен. летчик России. Ветеран боевых действий в Афганистане. Награжден орденом «За военные заслуги».

Перв. публикации стих. — в 1972 в газ. Приволжского ВО «За Родину» (Куйбышев) и в ж. «Сов. воин». Был участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей (1975) в семинаре Н. Старшинова, а также Г. Эмина, Р. Казаковой, В. Кострова, В. Кузнецова. Активно печ. в газ., альм. и ж. М., Львова, Ужгорода, Черновцов, а затем и Л-да (СПб.). Был рук. ЛИТО, а также лит. консультантом при газ. Лен. ВО «На страже Родины». Автор 8 поэтич. кн. Лауреат лит. премий им. В. Пикуля и А. Суворова. Живет в Пушкине.

Поэт З. в перв. очередь тонкий лирик-импрессионист, сказавший о себе: «Я с детства одержим мечтой / Писать живые акварели». Кн. **«Созвездье взлётной полосы»** (Избр. лирика. СПб., 2009) начинается этими строками, и они ведут читателя в его небесную страну, в «даль сквозную», где «клеверный дух над равниной», где «клён одинокий / рвётся с пригорка взлететь», где «весёлым ряженым приник / мороз к оконному стеклу», где «синева пробьётся понемногу / и проснётся птица на кусте», где есть обычай — перед дальней дорогой кланяться утренней звезде. М. Токажевская пишет: «Поле или, лучше сказать, небо его стиха — постоянно меняющаяся светлая палитра оттенков пронзительности, нежности, трепетности и открытости настроений, чувствований и предчувствований. И в то же время небо — место, где проверяется сила, скорость, переключаемость интеллекта, устойчивость равновесия начала, середины и конца полёта, время которого — стихотворение. Читая его стихи, нельзя не взлететь, доверившись воздушному потоку, уносящему душу в глубины небесной свободы и защищённости от всего тёмного... Защищённости, которую может дать только близость к небу. Медленно, боясь спугнуть ту, проснувшуюся в нас птицу, идём мы с ним рядом, знакомимся с его друзьями, радуемся тому, что у нас в России есть свой Экзюпери, поэт и пилот, так же беспредельно преданный небу, друзьям, Родине. Невозможно вместе с ним не переживать об экипаже и ребятах, которых надо живыми вынести из огня, вынести на крыльях верного товарища-самолёта Стихотворений, в которых выражено отношение к самолёту, как к живому и в то же время надмирному существу, в книге множество».

Стих. **«Познал я миг, познал я вечность...»**, **«Мне помнятся чёрные трещины грунта...»**, **«Провожаем в Союз экипаж...»**, **«Чёрный тюльпан»** можно назвать одними из лучших в его воен. лирике. В них есть и пронзающие душу детали, подмеченные острым взглядом очевидца, и поэтически смелые образы, и философские обобщения. Птица с сильными стальными крыльями — самолёт, для него друг, кот. он знает и любит, железный, но живой. В стих. З., посвящ. Ризе Халиду **«Всходят звёзды гроздьями без шума...»**, есть такие строки: «Вновь зовёт меня турбинный ветер, / И в душе светло, как от зари, / Потому что жив на белом свете / Антуан де Сент-Экзюпери». Здесь точное и верное слово говорит о двух пилотах, чьи сердца не раз «в сумерках кабины» сжимали «нежность и тоска», в чьи строчки «превращались ненароком самые коварные из трасс». В стих. **«Нейтральное небо»** поэтич. символом становится слово «домой», заслуженное риском, неотделимым от судьбы воен. лётчика, от судьбы человека, служащего своему

Отечеству. Жизнь людей, чьим девизом всегда было «Debes ergo potes» («Должен, значит, можешь»), явственно предстаёт в стих. З. **«Вертолётчики»**, **«Ночной полёт»**, **«Молний яркие клинки»**, **«После задания»**, **«Списали»**, **«Командир экипажа»**, **«Над перевалом небо грозовое»**, **«Комбату тридцать лет»**. Вчитываясь в пахнущие небом и дымом тексты З., читатель начинает понимать, что жизни серьезней, чем жизнь на войне, где смерть вглядывается в человека остро, словно прицеливаясь, не бывает.

В поэзии З. обращает на себя внимание пластика описания человеч. характеров. Это задиристая Федора Крайняя, извещающая всю улицу о приезде Зайцева Серёжи, кот. она заранее обвиняет в ещё несовершённых проступках и с кот. он незлобно спорит. Это искренняя бабушка Серафима с внучком Олежкой, кот. она «то приголубит, то отлупит». Это деревенская счастливая чета «баба Катя и дед Пётр», живущие больше полувека в «доме золотистого цвета» в любви и согласии. Бабушка Галя, потерявшая мужа и сыновей на войне и мн. др. (**«В Ожогино»**). В кн. избр. лирики З. россыпь характеров деревенских, армейских. Образ лирич. героя просматривается в каждом стих. — жизнелюбивый, яркий.

Особое место в тв-ве З. занимают стихи о любви. Они то светло-лирические, то на грани печали, то чистые и прозрачные, то полны самых трагич. строк. Но любовь он умеет передать тонко и изысканно. В стих. **«В разные стороны мрачно глядели...»** рефрен «ласточки прилетели» лёгок и графичен, почти «дар-набоковский». В нем ощущение того, «как дрогнула жизнь на лету» и как высоки и пронзительны душа и чувство. Стих. **«От тебя не уйти, не укрыться...»** отличается тонким психологизмом и верной психологической концовкой.

Поэзии З. свойственны интуитивность, чувство гармонии звука, в его стихах — энергия жизни, острое чувствования всех ее оттенков. Немалую часть поэзии З. составляют короткие стихи — от одной до шести строк, кот. сам поэт называет «искрами». Он пишет их по разным поводам. Они афористичны, юмористичны. Каждое слово в них — точно и на своём месте. Теми же свойствами отличаются и миниатюры, напис. в прозе. Они не опубл. целиком, но некот. из них можно найти в сб. «Душа на рифму не глядит» (СПб., 2012).

Член СП России с 1990.

Соч.: Навсегда моё. М., 1986; Земле улыбаясь. Ужгород, 1986; Восхождение. Л., 1991; В зеркале неба. СПб., 1993; Свет клином. СПб., 1995; Встреча накоротке. СПб., 1997; Автопортрет. СПб., 2005; Созвездье взлётной полосы: Избр. лирика. СПб., 2009.

Лит.: Костенец А. Три грани — три мечты // Лит. Россия. 1986. 18 июл. № 29 (1225); Шевелёв А. Навсегда моё // На страже Родины. 1986. 27 авг. № 199 (22561); Пинчук А. Когда душа на взлёт идёт // Лит. Петербург. 2000. № 10 (28); Пинчук А. А молодость красивою была // Ищу героя. СПб., 2006; Токажевская М. Синекрылое поле // Невский альм. 2010. № 5 (54); Иванен А. Слово о земляке-поэте: Предисл. // Зайцев С. Созвездье взлётной полосы. СПб., 2009.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

М. Амфилохиева

ЗАКРУ́ТКИН Виталий Александрович [14(27).3.1908, Феодосия — 10.10.1984, похоронен в станице Кочетовской на Дону во дворе собств. дома, в наст. вр. музея] — прозаик, литературовед.

Родился в семье учителей, вырос в деревне, с детства знаком с крестьянским трудом. В 1920-е семья оказалась на Дальнем Востоке.

В 1932 экстерном окончил Благовещенский пед. ин-т им. М. Калинина. Работал преподавателем лит-ры рабфака Тихоокеанского ин-та Дальневосточного края и подгот. курсов. Лит. деятельностью занимался с 1933.

Отец будущего писателя к тому вр. был переведен в Новгород завучем средней школы. З. в 1933 переехал туда же, поступил на работу в Новгородский учительский ин-т им. М. Покровского в качестве ассистента кафедры лит-ры. Сдал экзамены в аспирантуру при ЛГПИ им. А. Герцена в Л-де, кот. закончил в 1936. Защитил канд. дис. по романтическим поэмам А. Пушкина и получил назначение на должность зав. кафедрой русской лит-ры в Ростовском гос. пед. ин-те, где работал до 1941. В 1937 З. были организованы Дни памяти Пушкина, выпущен сб. его исследовательских статей **«Пушкин и Лермонтов»**. Одной из необычных страниц разносторонней деятельности З. стала публикация в 1940 песен калмыцкого эпоса «Джангар». Незадолго до войны вышла в свет повесть **«Академик Плющов»** (1940). Основной же для него по-прежнему оставалась преподавательская работа — З. готовился к защите докт. дис. по тв-ву Л. Толстого.

Участник Великой Отеч. войны 1941–45. Во время войны служил в РККА. Отказался в военкомате от уведомления о брони для науч. работников и отправился на фронт в качестве воен. корр., майор. Произведения воен. поры вошли в кн. **«Коричневая чума»** (1941), **«Сила»** (1942). По живым впечатлениям от боев напис. кн. фронтовых рассказов и очерков **«На переднем плане»** (Пятигорск, 1942). Сотрудничая с армейскими газ., снабжал их репортажами и очерками с окопных передовых. Войну завершил в Берлине.

По возвращении с фронта вернулся на прежнюю работу (1946–50 — доцент РГУ им. В. Молотова и РГПИ). но груз воен. впечатлений заставляет обратиться к фронтовому дневнику, по мат-лам кот. создана повесть-хроника **«Кавказские записки»** (1946). В 1947 переезжает из Ростова в глухую станицу Кочетковскую, где в 1948 напис. рассказ **«Млечный путь»** и повесть **«За высоким плет-**

нем». Его рассказы и повести регулярно выходят в Ростове, в столичных изд-вах.

Трудовым будням колхозников-рыбаков посвящ. роман **«Плавучая станица»** (1950), тема умелого хозяйствования на земле. Опубл. роман-эпопею **«Сотворение мира»** (кн. 1 — 1955–56; кн. 2 — 1967–68; кн. 3 — 1970) — большое эпическое полотно о гибели буржуазного мира и о становлении нового мира, возникновении мировой державы — СССР (с 1921 до 1945), как о едином соц. процессе, начавшемся после 1917 и затронувшем все страны и народы. В творч. манере и языке ощутимо влияние шолоховской традиции. Автор рассказа **«Подсолнух»**, повести **«Матерь человеческая»**. Последняя напис. на основе реальной истории, услышанной писателем во время войны, истории русской женщины, потерявшей на войне всё, но сохранившей свою человечность, своё женское начало, сумевшей среди пепла построить новую жизнь для себя, своего ребенка и тех детей, кот. тоже потеряли всё. «Образ Марии, матери человеческой, прекрасной мадонны русской, познавшей все страдания земные в лихие военные годы, прошедшей через все круги ада и сохранившей в душе огонек любви, жалости и милосердия, вырастает в характер национальный и общечеловеческий, в символ бессмертной матери, рождающей среди жестокого мира веру в жизнь, образ вырастает в символ хранительницы незатухающего очага надежды — ведь без нее, этой надежды, невозможно перешагнуть провалы и ямы, смертельно разделяющее людей; в XX в. Художник, сумевший создать глобальный и очень земной образ русской женщины, многострадальной и вечной матери, вызывает к себе уважение не только потому, что отдал сдержанную, разрывающую душу нежность простой трудолюбивой женщине, на чьих плечах держится мир, но и потому, что уловил в трагич. конфликтах истории, железным колесом прошедших в сороковых годах по нашей земле, таинство неиссякаемой народной нравственности, где праведный судья и исцелитель была женщина» (Ю. Бондарев).

«С щемящим сердцем я перечитывала повесть, поражаясь этому данному свыше таланту писать так, что читатель словно сам оказывается на сожженном хуторе, смотрит в голубые глаза мальчишки-немца, замечает первые почки на опаленной яблоне. Вместе с Марией ему страшно и тоскливо, вместе с ней он ощущает биение новой жизни, пока еще робкой, не знающей ни горя, ни потерь, ни тяжкого труда. <...> В. Закруткин принадлежал к категории людей, которым посчастливилось вырасти в период, когда идейное стояло выше материального, а благо человечества — выше собственных интересов. Для В. Закруткина эти слова были не пустым звуком. В каждой строке его произведений — восхищение Человеком, сумевшим победить себя, свободным, честным, готовым на самопожертвование ради ближнего, готовым на руинах и пепле голыми руками творить новый мир. Именно Человека ставил Закруткин в центр нового, сотворенного им мира, простого, обычного человека с его слабостью и величием, Человека-разрушителя и творца. Ему довелось писать о великой революции, великой войне, перестройке сельского хозяйства. А творцом всех грандиозных событий писатель считал человека — земного и грешного, великого в своей слабости, способного на невероятные жертвы и трудовые подвиги ради будущего» (А. Тищенко).

Н. Дик: «Повесть В. А. Закруткина „Матерь человеческая“ — это книга для всех. Она учит состраданию, умению сопереживать, проявляя лучшие человеческие качества. Уверен, что повесть — это гимн матери! И уже именно поэтому значение этого произведения, как и всего творчества В. А. Закруткина, непреходяще».

Был близко знаком с А. Серафимовичем, М. Шолоховым, А. Прокофьевым, С. Сергеевым-Ценским и др. писателями-современниками. В 1963 опубл. повествование о М. Шолохове — **«Цвет лазоревый»**. До конца своих дней работал над повестью **«На Золотых Песках»**, кот. осталась незавершенной.

Ю. Бондарев: «Когда я думаю о Виталии Закруткине, то вызывает он у меня представление о человеке крепкого и тонкого душевного склада, неторопливого, с той серьезной требовательностью к стилю своих вещей, какую следует ценить, как одно из важнейших качеств современного писателя. З. невозможно соблазнить ни обещанием скорого напечатания, ни суетливым восторгом всегда изменчивой хвалы. Он слишком серьезен для того, чтобы спешить, забыв о главном — о достоинстве мастера. Книги Виталия Закруткина обладают притягательной силой потому, что они умно скроены и крепко сшиты, фраза, нагруженная смыслом, окрашенная разноцветно, порой звучит сдержанной тревогой, порой (вонзается болезненным острием в вашу душу, порой мягка, ласкова, как летняя вода, порой мелодична, пропитана лирическим чувством, и ее как бы можно проверить на слух. Поэтому у него нет спокойных, уравновешенных, безмятежных книг, осиянных благостью, умилением растроганного стороннего наблюдателя, они все, книги его, от „Плавучей станицы“, „Кавказских записок“ до эпического романа „Сотворение мира“ и пронзительной повести „Матерь человеческая“, — все эти книги продуты сквозняками времени, прожжены солнцем, охолонуты снежными вьюгами революции, простреляны пулеметными очередями Великой Отечественной войны, овеяны и скорбью, и добротой, и человечностью. Кажется мне, что художническая страстность Закруткина заложена в природе его таланта, постоянно направленного на крупные исторические или современные конфликты, выявляющие сущность людских характеров до конца. Может быть, Виталий Закруткин — один из немногих наших писателей, кто отличается особым качеством беспощадного реалиста, не умеющего смягчать трагические противоречия в дни великих испытаний народа, кто показал человека на войне не в заданной, так сказать, точке координат, а во всей обнаженной сложности и безмерном мужестве, в непреходящих страданиях и ясной доброте».

Роман «Сотворение мира» и повесть «Матерь человеческая» переведены на множество языков мира.

В 1937-м был арестован, освобожден благодаря участию и помощи М. Шолохова. В КПСС не состоял. В 1977 напис. **«Страницы о себе. От земли к земле»** — подробную био-

графию, факты жизни пропущенные через душу и сердце, однако эти обстоятельства собств. жизни оставил без внимания. «Я рад и счастлив тем, что после всего доброго и злого, что мне довелось видеть в мире, после долгих раздумий и размышлений, после печальных ошибок и мучительных поисков истины и определения цели жизни, моей жизни, данной только мне и никому другому, я нашел и познал свет звезды, которая вела и продолжает вести меня: стремление к благу и счастью, к любви и дружбе всех людей на земле...».

Премии: Сталинская премия третьей степени (1951) — за роман «Пловучая станица» (1950); Гос. премия РСФСР им. М. Горького (1971) — за повесть «Матерь человеческая» (1969); Гос. премия СССР (1982) — за роман «Сотворение мира» (1951–79)

Награды: орден Ленина (1978), орден Красного Знамени (1945), три ордена Трудового Красного Знамени (1958, 1967, 1971), орден Красной Звезды (1943), медаль «За оборону Кавказа», медаль «За взятие Берлина», медаль «За победу над Германией в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.» и др.

Соч.: Повести и рассказы. М., 1965; Цвет лазоревый. Ростов н/Д., 1963; Сотворение мира. Кн. 1–2. М., 1968; Матерь человеческая. М., 1969; Мать сыра земля. М., 1970.

Лит.: Писатели сов. Дона: Биобиблиогр. справочник. Вып. 1 и 2 / Сост. Д. Руманова, Д. Жак и др. Ростов н/Д., 1948; Руманова Д. Писатели сов. Дона: Биобиблиогр. справочник / Под ред. Л. Громова. Ростов н/Д., 1958; Русские сов. писатели-прозаики. Биобиблиогр. Указатель. Т. 2. Л., 1964; Гегузин И. Путь писателя. О жизни и книгах В. Закруткина. 2 изд. Ростов н/Д., 1968; Петелин В. Виталий Закруткин: Лит. портрет. М., 1969; Алексеев М. Вст. ст. // Закруткин В. Мать сыра земля. М., 1970; Писатели Дона: Биобиблиогр. сб. / Сост. Г. Тягленко. Ростов н/Д., 1976; Писатели Дона: Биобиблиогр. указ / Сост. О. Кузина и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д., 1986; Котовсков В. Закруткин Виталий Александрович // Культура Дона в лицах: Эксклюзивное досье / Редколл. Ф. Баев и др. Ростов н/Д., 1997; Тищенко А. Сотворение мира Виталия Закруткина // Ориентир: Научно-популвестник. 2008.

Е. Аверьянова

ЗАКС Дмитрий Михайлович [1.9.1961, Л-д] — поэт, переводчик.

Окончил Электротехнический ин-т, учился в Лит. ин-те им. М. Горького (семинар Е. Винокурова) в М. В нач. 1980-х посещал ЛИТО Гл. Семенова и В. Сосноры, испытал влияние поэзии В. Кривулина.

В 1983–84 вместе с О. Юрьевым и О. Мартыновой основал лит. группу, позже получившую назв. «Камера хранения», участвовал в ее публичных выступлениях в Ин-те физкультуры и спорта и в Доме актера, был инициатором выпуска самиздатского (1985) и типографского (1989) сб. «Камера хранения» (во второй из них вошла его поэтич. кн. **«Деревьев прекрасных союз»**, в конволюте со стихами О. Юрьева, О. Мартыновой, В. Шубинского).

Стихи З. отличаются строгостью формы и метафизичностью, обращены к «вечным темам», в них почти демонстративно отсутствуют конкретная изобразительность и «приметы эпохи».

С 1990 З. живет в Германии (Франкфурт-на-Майне). Печ. в российских и зарубежных изд. (ж. «Континент», газ. «Русская мысль», «Веч. Петербург»). Сотрудничал с РС «Свобода». Переводит английскую поэзию (Р. Киплинг, Т. Ганн, Дилан Томас, Д. Хопкинс). В 1994 выпустил итоговую кн. **«Ario d'aquario и др. стихотворения»**. Опубл. образцы прозы non-fiction.

«Вслед за русским поэтом и американским писателем Владимиром Набоковым русский поэт Дмитрий Закс получает визу в потусторонность, дающую право на изображение прозрачных вещей — transparent things, хотя расстановка фигур на шахматной доске, не нарушающей гармонии черно-золотого мироздания, иная. Предметы и природа не подчинены человеку, а существуют с ним на равных, погружаясь в собственное бытие. Человек сбрасывает королевскую мантию, чтобы забраться в кротовую нору, чтобы слушать музыку, рождающуюся из смычково-скрипичных объятий, возводя ее движение к траектории пчелы, попавшей в благоуханный плен: „Строенье воздуха — пчела, / Строенье музыки — орбита / Пчелы, неслышного челна, / Ее невидимая битва / В зеркалной яме лепестков, / В цветке, где сковано движенье / Прозрачных крыльев и витков, / И звук венчает пораженье“» (О. Шеина).

Стихи З. включены в антол. «Освобожденный Улисс» (М.: НЛО, 2004), переведены на итальянский и немецкий яз.

Тексты З. опубл. на сайте: http://www.newkamera.de.

Соч.: Стихи // Континент. 1990. № 65; Стихи // Незамеченная земля: Лит.-худож. альм. СПб., 1991; Стихи // Камера хранения. 1991. № 2, 1994. № 3; Стихи // Slavia. Рим, 1992. № 2; К вопросу о фантиках // Камера хранения. 1995. № 4; Первое, второе и третье // Камера хранения. 1997. № 6; Деревьев прекрасных союз // Камера хранения. М., 1989; Ario d'aquario и др. стихотворения. СПб.–Франкфурт-на-Майне, 1994; Первое второе третье // Камера хранения. Вып. 6. СПб., 1997; Стихи // Освобожденный Улисс. М., 2004.

Лит.: Жажоян М. Закон немоты // Русская мысль. 1994. 23–29 июн.; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ЗАМЯ́ТИН Евгений Иванович [20.1 (1.2).1884, г. Лебедянь Тамбовской губ.— 10.3.1937, Париж; похоронен в пригороде Парижа — кладб. Тие] — прозаик, драматург, публицист.

Отец — священник церкви Покрова Богородицы в Лебедяни, мать — дочь священника, одаренная пианистка. Семья З. была дружной и патриархальной; в доме часто гостили странники, богомолки, совершались

паломничества к близлежащим святым местам. З. рано полюбил музыку, с 4 лет пристрастился к чтению, его любимым писателем с детства стал Гоголь. Учился сначала в Лебедянской прогимназии (1893–96), затем в Воронежской гимназии, кот. окончил с золотой медалью в 1902. В гимназии «специальностью» З. были сочинения по русскому яз., но для дальнейшего обучения из «упрямства» он «выбрал самое что ни на есть математическое» (**Автобиография.** 1922 // Лит. учеба. 1988. № 5) — кораблестроительный ф-т СПб. политехнического ин-та, на кот. поступил в 1902. Во время летней практики 1904 много путешествовал по России в «прибаутливых, веселых третьеклассных вагонах» (Автобиография), плавал по Волге, Каме, Черному морю; летом 1905 путешествовал на пароходе «Россия» от Одессы до Александрии. Возвращение из плавания совпало с восстанием на броненосце «Потемкин» (см. рассказ **«Три дня»**, 1913). З. с энтузиазмом уходит в рев. деятельность, становится членом РСДРП(б) и боевой дружины Выборгского р-на: «В те годы быть большевиком — значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я был тогда большевиком» (Автобиография). Осенью 1905 З. был арестован, провел «несколько месяцев в одиночке на Шпалерной» (Автобиография) и выслан затем в Лебедянь под особый надзор полиции. В авг. 1906 надзор был отменен, но с запрещением жить в СПб.; несмотря на это, З. вернулся в столицу. В 1908 З. окончил ин-т со званием морского инженера и был оставлен при кафедре корабельной архитектуры.

Лит. дебют З. состоялся в 1908 — рассказ **«Один»**, напис. «одним духом» в перерыве между работой над дипломными проектами; этюд в манере Л. Андреева об одиночестве и несчастной любви с трагич. финалом. В этом же духе и мелодраматич. рассказ **«Девушка»** (1910). Время профессионального худож. тв-ва наступило в 1911, когда З. был выслан из СПб. (обнаружилось его нелегальное проживание). Короткое время З. жил в Сестрорецке, затем два года в Лахте, где медленно рождалась «в снегу, одиночестве, тишине» (Автобиография) повесть **«Уездное»** (1913). «В литературу Замятин вошел сильно и уверенно — как ледокол, ломая перед собой лед. Редко кто сразу так хорошо начинает» (В. Шкловский). Мн. современники (М. Горький, А. Ремизов, Б. Пильняк и др.) считали «Уездное» самым значительным произведением З. Повесть по тематике традиционно: колоритное изображение темного и косного провинциального быта, восходящее к произведениям Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, созвучное «окуровскому» циклу Горького, гротескно-символическому «Мелкому бесу» Ф. Сологуба (это произведение З. высоко ценил) и в некоторой степени — «Пруду» Ремизова.

В 1913 после общей амнистии по случаю 300-летия дома Романовых З. возвращается в СПб. и знакомится с А. Ремизовым, М. Пришвиным, объединившимися вокруг ж. «Заветы» и его ведущего критика Р. Иванова-Разумника. Болезнь (грудная жаба) вынуждает тогда же З. по рекомендации врачей выехать в Николаев. Там он занимался строительством землечерпалок, написал неск. рассказов и повесть **«На куличках»** (1914), кот. цензура расценила как клевету на русскую армию; номер ж. был конфискован, редакция и автор привлечены к суду. Острое и гротескное произведение З. традиционно сопоставляют с «Поединком» А. Куприна. В то же время это и смелый худож. эксперимент; сгущенный до гротеска и фарса «фантастический» быт не «обличается», он органически слит с раздумьями З. о трагич. парадоксах русского ист. развития, оттененными своеобразным лиризмом, кот. А. Воронский назвал «подлинным, высоким и трогательным».

Г. о. о провинциальной, уездной России и рев. событиях 1905–06 и рассказы З. того времени: **«Непутевый»** (1914), **«Чрево»** (1915), **«Апрель»** (1915), **«Старшина»** (1915), **«Письменно»** (1916). Повесть **«Алатырь»** (1915), тематически и стилистически близкая к ним и «Уездному»,— трагифарс, в ее родословной — «провинциальные» повести Ф. Достоевского «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково». Здесь особенности худож. манеры З. проступают наиболее отчетливо: «словопоклонничество, мастерство, наблюдательность со стороны, ухмылочка и усмешка, анекдотичность... заостренность, резкость и ударность приема, подбор тщательный слов и фраз, большая сила изобразительности, неожиданность сравнений, выделение одной-двух черт, скупость» (А. Воронский).

Ссылка в Кемь в 1915 за «антивоенную» повесть оказалась весьма плодотворной для З., дав мат-л для северной лирико-драматической трилогии — **«Африка»** (1916), **«Север»** (1918) и **«Ёла»** (1928) — с рельефно обрисованными народными характерами, сдержанной и одновременно символической живописью, с типичными для З. импрессионистич. и звуковыми лейтмотивами, ключевыми интегральными образами, парадоксальными психологическими ситуациями, переходящими в «Еле» в аскетическую «неореалистическую» простоту. Пробует З. свои силы и в жанре лит. сказки (**«Бог»**, **«Дьячок»**), типологически более всего близкой к злободневным сатирич. иносказательным притчам Сологуба и «тенденциозным» (и эротическим) сказкам Ремизова, И. Соколова-Микитова. К этому жанру З. с успехом обращался и после революции (цикл сказок о Фите, **«Церковь Божия»**, **«Арапы»** и др.); политич. острота, ироничность обусловили резкость оценок со стороны критики, прямолинейно называвшей их «белыми агитками». Выступал З. и как лит. критик в «Ежемесячном ж.» (1914), рецензируя, в частности, «Петербург» А. Белого, стилистику кот. он не принял и остроумно высмеял (Шкловский, отнесший в статье 1927 З. к «эпигонам Белого», безусловно, ошибся).

В 1916 выходит перв. сб. З. **«Уездное. Повести и рассказы»** (1916), вызвавший большое количество откликов. Критики писали о рождении «нового Гоголя». Особенности мировидения З. и двойственное отношение писателя к «уездной, темной, провинциальной России» отмечал В. Полонский: с одной стороны, «симпатия к человеку грязному, пришибленному, даже одичалому», с другой — «добродушная ласковость», смягчающая «острую непривлекательность его персонажей» (Летопись. 1916. № 3). Уже ранние произведения обнаружили в творчестве З. особое «художественное знание, которое позволяет ему из маленького сюжета сделать

вещь довольно значительную» (Б. Эйхенбаум // Русская молва. 1913. 17 июл.); у З. «не просто лица, а генеалогии», «живые носители наследственных передач... атавистические изваяния», «быт, вывернутый корнями вверх» (П. Пильский // Аргус. 1916. № 9). Л. Рейснер назвала З. «прозаиком-акмеистом», «ювелиром, знатоком и любителем слова» (Рудин. 1916. № 8), перекликаясь с мнением Иванова-Разумника, полагавшего, что З. продемонстрировал, как реализм может пользоваться мн. техническими завоеваниями модернизма (Заветы. 1914. № 1).

В марте 1916 З. командировали в Англию для наблюдения за строительством судов по русским заказам на з-дах в Ньюкасле, Глазго, Сандерленде. Работал З. в Англии одержимо, сочетая инженерно-строительные занятия (участвовал в создании 5 ледоколов, в т. ч. «Св. Александр Невский» и «Святогор»; после революции переименованы — «Ленин» и «Красин») с литературными. В это время создана повесть (или небольшой роман — З. колебался в определении жанра) **«Островитяне»** (1918). Отколовшийся от произведения «первый вариант развязки» «позже стал жить самостоятельно» как рассказ **«Ловец человеков»** (1921). Повесть и рассказ составили «английскую» дилогию З., ознаменовавшуюся поисками нового убыстренного стиля, он должен был отвечать ритмам новой эпохи, когда «сдвинутыми, фантастическими, незнакомо-знакомыми» стали «самые привычные формулы и вещи». Эти произведения предваряют содержание и поэтику романа **«Мы»** и др. послереволюционных произведений З.

Весть о Февральской революции 1917 З. воспринял с энтузиазмом, но по условиям воен. времени смог вернуться в Россию лишь в сент. 1917. По возвращении он публикует статьи, рассказы и сказки в «Деле народа», «Новой жизни», «Мысли», «Ежемесячном ж.», полемизирует со «скифами»: Ивановым-Разумником, Блоком (**Скифы ли?** // Дело народа. 1918. № 3; **Домашние и дикие** // Дело народа. 1918. № 35; обе, как и др. статьи, за подписью Мих. Платонов) и футуристами (**Презентисты** // Дело народа. 1918. 2 июня); высмеивает теоретич. установки пролеткультовцев (**О равномерном распределении** // Новая жизнь. 1918. № 106). Отношение З. к Октябрьской революции было во многом созвучно «Несвоевременным мыслям» Горького (осенью 1917 состоялось их знакомство) и «насквозь пропитанному любовью и скорбью» (в статье «Скифы ли?») «Слову о погибели Русской земли» А. Ремизова. Репутация З. как бунтаря, еретика, «внутреннего эмигранта», врага установилась очень рано, и он сделал все, чтобы ее упрочить. «Я... не хочу изображать из себя оскорбленную невинность... Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой»,— писал он И. Сталину (1931), настаивая на законности и правомерности своей позиции отрицательного отношения к «литературному раболепству, прислуживанию и перекрашиванию». Эта позиция остро и непримиримо была заявлена в знаменитом лит. манифесте **«Я боюсь»** (Дом искусств. 1921. № 1), статьях **«Рай»** (Дом искусств. 1921. № 2), **«Новая русская проза»** (Русское искусство. 1923. № 2–3), **«О синтетизме»** (в кн.: Анненков Ю. Портреты. Пг., 1922), **«О сегодняшнем и о современном»** (Русский современник. 1924. № 2) и романе «Мы».

Необыкновенно разнообразной была деятельность З. в перв. послереволюционные годы — чтение курса новейшей русской лит-ры в педагогическом ин-те (1920–21), работа в редколл. «Всемирной лит-ры», в правлении Всероссийского союза писателей, в секции ист. картин Театр отдела Наркомпроса (ТЕО), в издвах Гржебина, «Алконост», «Петрополис», «Мысль», редактирование ж. «Дом искусств», «Совр. Запад», «Русский современник». В лекциях на студии Дома искусств (Лит. учеба. 1988. № 5; публ. А. Стрижева) о технике худож. прозы и психологии твва З. излагал свои эстетич. взгляды. Наряду с лит. статьями и автобиографиями З., они служат ценным комм. к таким произведениям, как «Мы», **«Мамай»** (1921), **«Пещера»** (1922), **«Рассказ о самом главном»** (1924), **«Наводнение»** (1929).

Самое значительное произведение — роман «Мы» (1920) З. тщетно пытался опубл. в СССР. Впервые роман опубл. в английском переводе (1924), а затем — при посредничестве Р. Якобсона — на чешском (1927) и — по инициативе И. Эренбурга — французском яз. (1929).. На русском яз. роман был впервые опубл. в сокращенном виде пражским ж. «Воля России» (1927), полностью — издвом им. Чехова в Нью-Йорке в 1952 (на родине: Знамя. 1988. № 4–5 / Предисл. В. Лакшина). Широкое распространение рукописи сделало возможным появление на него в печати критич. откликов, преимущественно отрицательного характера, позднее, в 1929, деградировавших до крайне упрощенных оценок романа как злобного и пасквильного, клеветнического и антисоциалистического произведения.

«Мы» знаменовало окончательное формирование нового лит. жанра — романа-антиутопии. Сам писатель предпочитал такие жанровые определения, как «городская сказка», «механическая, химическая сказка», «городской миф». В романе «Мы» пересеклись различные линии развития русской (от Гоголя до Белого) и европейских (от Свифта до А. Франса, Г. Уэллса, К. Чапека) лит-р; особенно значительно отражение худож.-философской мысли Достоевского. Экзистенциальный бунт Парадоксалиста («Записки из подполья»), Терентьева («Идиот»), теория Шигалева («Бесы»), философия Великого инквизитора («Братья Карамазовы») органично осмыслены и переведены на международный язык. Математическая стерильность и холодный рационализм этого языка резко контрастируют со сказово-орнаментальной, стилистически изысканной «почвенной» прозой З. Поэтика «Мы» отчасти ориентирована на модернистскую живопись, архитектуру, музыку, стилистику науч. работ, но это и фантастико-авантюрный роман, вобравший в себя историко-философский и футурологический трактаты и лит. памфлет.

Иронией З., переходящей в сарказм, пронизаны восторженные суждения гл. героя (он же повествователь) о совершенной структуре Единого Государства (пророческая модель тоталитарного об-ва). Стилистическая взвинченность повествования, стремительное развитие сюжета — приметы прозы, призван-

ной передать «огромный фантастический размах духа нашей эпохи, разрушившей быт, чтобы поставить вопросы бытия». Дж. Оруэлл, автор романа-антиутопии «1984», считал, что «интуитивное раскрытие иррациональной стороны тоталитаризма — жертвенности жестокости как самоцели, обожания Вождя, наделенного божественными чертами,— ставит книгу Замятина выше книги „Прекрасный новый мир“ Хаксли» (Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989). А. Солженицын, отмечая влияние «Мы» на «1984» Дж. Оруэлла, подчеркивал «искрометность» романа З.: «блестящая, сверкающая талантом вещь; среди фантастической литературы редкость тем, что люди — живые и судьба их очень волнует» (Письмо к А. Н. Стрижеву от 15 июня 1967 г. // Лит. учеба. 1994. Май-июнь).

Судьба З. на родине после Октябрьской революции складывалась с самого начала драматично. Еще в февр. 1919 он вместе с Ивановым-Разумником, Блоком и др. был арестован по «делу левых эсеров», но вскоре выпущен. В авг. 1922 З. вновь арестован: в составе большой группы философов и историков его должны были выслать «бессрочно» из России, но благодаря непрошенному вмешательству друзей он остался в стране. С закрытием в мае 1924 ж. «Русский современник» (З. руководил им совм. с К. Чуковским) З. надолго отходит от редакционной и публицистич. работы. С 1925 деятельность З. связана в основном с театром.

В 1925–26 изд. и поставлены пьеса **«Блоха»** (по «Левше» Н. Лескова. Л., 1926; два изд.) — интересный опыт создания «народного театра» — и трагикомедия **«Общество почетных звонарей»** (по мотивам повести «Островитяне»). В 1928 З. закончил работу над ист. трагедией **«Атилла»** (впервые опубл.: Новый ж. 1950. № 24), добиться постановки, несмотря на усилия Горького, не смог.

«Пьеса „Блоха“, шедшая с большим успехом и в Петербурге, и в Москве, была снята с репертуара; пьеса „Атилла“, уже дошедшая до генеральной репетиции на сцене Большого драматического театра в Петербурге, была запрещена к представлению. Рассказы и повести не допускались к печати... задушили и вынудили бежать из советского рая»,— вспоминает Иванов-Разумник (Писательские судьбы // Возвращение: Сб. М., 1991). После 1929 его перестают печ. В окт. 1931 благодаря посредничеству Горького З. выезжает за границу.

С февр. 1932 живет в Париже, периодически продлевая сов. паспорт; «не соскользнув ни в красную, ни в белую реакцию, он продолжал идти своим путем, преодолевая препятствия, где бы их ни встречал» (Таманин Т., Манухина Т. Замятин Е. И. // Совр. записки. 1939. № 16). Осторожная и независимая позиция З. раздражала многих в эмиграции (в т. ч. З. Гиппиус). Пытался З. оказывать посильную материальную помощь оставшимся в СССР друзьям (особенно А. Ахматовой и М. Булгакову).

Во Франции писал киносценарии (по мотивам пьесы Горького «На дне»; реж. Ж. Ренуар, 1936), рассказы, очерки-воспоминания, статьи и рец. (выявлены частично). Посмертно опубл. 1-я часть ист. романа о вожде гуннов Атилле **«Бич божий»** (Париж, 1938; предисл. М. Слонима). Усилиями вдовы писателя, Людмилы Николаевны (умерла в 1965), была составлена и изд. книга его критич. статей и воспоминаний об Андрееве, Белом, Блоке, Горьком, Кустодиеве, Сологубе — **«Лица»** (Нью-Йорк, 1955), вызвавшая ряд доброжелательных рец. в эмигрантской прессе, в т. ч. Г. Адамовича (Опыты. Нью-Йорк. 1956. № 6).

Соч.: СС. М., 1929. Т. 1–4; Соч. / Вст. ст. М. Чудаковой; комм. Е. Барабанова. М., 1988; Замятин Е. Избр. / Сост. и подг. текста О. Михайлова. М., 1989; Письма к жене. 1918–23 / Публ. М. Любимовой // Искусство Л-да. 1990. № 10–11; Мы: Текст и мат-лы к творч. Истории романа / Сост., подг. текста, публ. комм., ст. М. Любимовой и Дж. Куртис. СПб., 2011.

Лит.: Анненков Ю. Дневник моих встреч. Л., 1991; Воронский А. Е. Замятин // Искусство видеть мир. М., 1987; Гальлева Р., Роднянская И. Помеха-человек: Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. 1988. № 12; Павлова-Сильванская М. Это сладкое «мы», это коварное «мы» // Дружба народов. 1988. № 11; Чуковский К. Дневник. 1901–29. М., 1991; Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Евгений Замятин и культура XX в. СПб., 2002; Чураков Д. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Сов. России (1917–30-е гг.). М., 2007; Внучатая племянница писателя-земляка готовит к изданию книгу «Род Замятиных и липецкий край» // Новости Липецка. 2009. 17 март; Евгений Замятин: Pro et contra / Гл. ред. и сост. О. Богданова. СПб., 2014.

В. Туниманов

ЗАПАДА́ЛОВ Игорь Борисович [28.3.1927, Л-д — 21.12.2003, СПб.] — журналист, литератор, поэт.

Дед — настоятель церкви Смоленской Божьей матери, из дворянского сословия, был гоним властями и впоследствии, отбыв наказание в Свирьлаге, расстрелян (этому способствовало и то обстоятельство, что до революции дед был некот. время секретарем канцелярии церкви Его Императорского Величества). Отец З. на момент рождения сына, имея два высших университетских образования, был депутатом Ленсовета от безработных биржи труда, т. к. не мог найти работу и состоял на учете по безработице. Мать маленького Игоря, видя такое безрадостное и опасное положение в семье мужа, развелась с ним и вернулась к родителям в дом на Фонтанке. Семья, где предстояло жить и воспитывать ребенка, была патриархальной, верующей и простой. Глава семьи — Силин Иван Петрович, отец матери, — благосклонно принимал у себя знакомых литераторов и поэтов — друзей дочери и зятя. Среди них был и крестный отец мальчика — поэт Н. Клюев. В доме было много хороших книг (дореволюционного времени и но-

вых), кот. сыграли свою роль в воспитании ребенка, так же, как и отец, кот. направлял чтение сына в нужное русло с помощью писем, т. к. регулярно общаться с ним не мог вследствие особенностей своей личной жизни. В своих письмах отец раскрыл мальчику мир великих представителей русской лит-ры, в т. ч. и запрещенных в те годы. Это явилось толчком к пробуждению у ребенка интереса и трепетного отношения к литре, особенно поэзии, к русскому яз.

В 1940 З. вступил в секцию детского тв-ва лен. Дворца пионеров и начал писать стихи. С нач. войны, фактически оказавшись во фронтовых условиях и защищая город от зажигалок и бомб, отражал в стихах воен. тематику: борьба с врагом, ненависть к фашизму, горе и страдания народа, несокрушимая вера в святую победу над врагом, любовь к отечеству. В 1946 он — победитель олимпиады детского тв-ва в Л-де, его стих. напеч. ж. «Звезда». Получил памятный подарок, и в этом же году одним из первых награжден медалью «За оборону Л-да». Примером его дарования может служить стих., напис. за 2–3 дня до полного снятия блокады, — **«В тот январский день»**. По его содержанию можно судить о том, что пережили ленинградцы в период блокады, как они боролись, сколько понесли утрат во имя Победы, как верили в нее. Об этом времени впоследствии им напис. стихи, вошедшие в сб. **«Дом окнами в блокаду»** (1995).

Ненависть к фашизму, горечь утрат (в блокаду от голода умерли отец, бабушка и близкие родственники) не позволяли З. только учиться, писать стихи и ожидать победы: не окончив 9-й класс средней школы, в возрасте 17 лет в 1944 он добровольцем вступил в армию, мечтая быстрее попасть на фронт. Этому времени посвящ. стих. **«Так вот она, как выглядит чужбина»**. День Победы встретил в Прибалтике, где их часть обезвреживала банды зеленых. После победы демобилизации не произошло и служба продолжалась до 1951-го. Его юность — время утверждения, движения вперед, учебы, любви, романтики — была отдана служению Отчизне. И он принял это как должное, всей жизнью искренне отвечая на вызов времени. После демобилизации ему пришлось догонять свое время. С 4 курса филологич. фак-та (1955) он перешел на заочное обучение, уехал работать журналистом в районную газ. в пос. Плисецк Архангельской обл., чтобы освоить профессию, близкую его сердцу. Там же начал печатать в газ. стихи на сатирич. и юмористич. темы. Три года работы в газ. «Строитель коммунизма» дали ему достаточный опыт, и по возвращении в Л-д он стал успешным журналистом. В газ. «Веч. Л-д» заведовал отд. партийной жизни, печ. статьи на темы жизни города, кот. вызывали ответную реакцию читателей. Ощущая недостаток знаний в обл. искусства, культуры древнего мира, философии, З. самостоятельно изучал в эти годы соответствующую лит-ру, пополнял свою библиотечку, посещал музеи, следил за тв-вом молодых поэтов, что помогало ему в формировании себя как личности, в работе журналиста и в его творч. деятельности. В 1960–70-х его стихи печ. в сб. «День поэзии» рядом с Т. Гнедич, В. Рождественским, В. Шефнером.

При газ. «Вперед» (г. Пушкин), где он был гл. ред., З. организовал «Лит. страничку» и ЛИТО, куда входили мн. молодые литераторы и поэты. Сам в эти годы активно писал новые стихи, дорабатывал прежние (времен блокады и службы в армии).

Перв. сб. З. — **«Камеронова галерея»** — вышел в 1993 как оригинальный путеводитель в стихах и имел большой успех у читателей. В этом же году З. вступил в лит. клюевское объединение «Песнослов». В последующие годы (с 1993 по 2002) выпустил сб. **«Каменный ковчег»**, **«Весна на Кронверке»**, **«Дом окнами в блокаду»**, **«Остров любви»**, **«Наедине с музой»**, **«Карнавал на Енисаари»**, **«Кто в тереме живет»**, **«Шаги»**, **«Сын стихий»**.

В 1998 совм. с литературоведом А. Михайловым создал ЛИТО «Соратники», кот. вып. (под ред. З.) ж. «Рог Борея» (при жизни З. вышел 21 вып. ж.), в кот. он помещал в т. ч. и свои стихи.

Соч.: Камеронова галерея. СПб., 1993; Остров любви. СПб., 1994; Весна на Кронверке. СПб., 1994; Каменный ковчег. СПб., 1994; Дом окнами в блокаду. СПб., 1995; Шаги. СПб., 1996; Карнавал на Енисаари. СПб., 1997; Кто в тереме живет. СПб., 2002; Сын стихий. СПб., 2002.

О. Юрков

ЗА́ПАДОВ Александр Васильевич [23.1(5.3).1907, Кронштадт — 23.10.1998, М., похоронен на Миусском кладб.] — литературовед, прозаик.

Родился в семье русских интеллигентов. После окончания ср. школы некот. вр. служил телефонистом, с 1925 работал лит. сотрудником в редакции газ. «Красный Кронштадт». Начал печ. в 1925. Представляют интерес его ранние журналистские публикации, стихи. Они положили основание тем глубоким исследованиям по истории русской лит-ры и журналистики и по некот. др. направлениям историко-филологической, книговедческой науки, кот. появились позже.

С 1928 по 1933 учился на лит. отд. Лен. историко-лингвистического ин-та (ныне филологич. фак-т СПбГУ). С 1935 преподавал в Лен. пед. ин-те им. М. Покровского, одновременно обучаясь в аспирантуре Ин-та искусствознания АН СССР. С 1938 по 1941 работал в Курском пед. ин-те. В 1940 защитил канд. дис., посвящ. комической опере XVIII в., получил звание доц.

С 23 июня 1941 на фронте. В 1942 вступил в ВКП(б). Прошел всю войну как боевой офицер — от командира артиллерийского взвода до начальника штаба артиллерии. Воевал на Западном, Северо-Западном, Калининском, Лен., Волховском, Карельском, 1-м Дальневосточном фронтах. Был дважды ранен (второе ранение — тяжелое, в голову). Демобилизован после победы над Японией. Вышел в отставку в чине майора (был представлен к званию подполковника, но не успел его получить). Награжден пятью боевыми орденами (два ордена Красной Звезды и три ордена Отеч. войны I и II степ.), медалями «За оборону Москвы», «За оборону Л-да», «За оборону Сов. Заполярья», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др.

В 1947–54 преподавал в ЛГУ. С 1947 — доц., с 1949 — зав. кафедрой истории русской журналистики филфака ЛГУ. Эту работу совмещал с редакторской, занимая должность гл. ред. ЛО изд-ва «Молодая гвардия». В 1953–54 — декан филол. фак-та ЛГУ.

В 1954 приглашен на работу в МГУ на должность зав. кафедрой редакци-

онно-издательского дела. Затем некот. вр. заведовал кафе. истории русской лит-ры и журналистики. В 1959 защитил докт. дис. на тему **«Поэзия Г. Р. Державина»**, с 1961 — проф. Весной 1963 возглавил обновленную каф. книговедения и редакционно-издат. дела МГУ. Читал курсы лекций по теории лит-ры, по истории древнерусской лит-ры и лит-ры XVIII в., лекции по истории журналистики, основам редактирования и лит. редактированию. Уникальным был его курс лекций о редакторском мастерстве русских писателей-классиков, где были представлены А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой, А. Чехов. В науч. работах З. рассматривал проблемы взаимодействия литературоведения и книговедения, выделялись комплексные методы исследования произведений и книжных форм их существования, одним из первых обратил внимание на необходимость рассмотрения с науч. позиции логических основ редактирования, научно-справочного аппарата книги и мн. др. Особое внимание уделялось рассмотрению сущности чтения как важнейшего социокультурного феномена (**«В глубине строки: О мастерстве читателя»**. М., 1972, 1975).

З. можно считать основоположником академ. преподавания истории русской журналистики: под его рук. была разработана перв. программа университетского курса истории журналистики и выпущен один из лучших учебников по истории русской журналистики XVIII–XIX вв., выдержавший три изд. (М., 1963, 1966, 1973). Под его ред. вышла «Хрестоматия по истории русской журналистики XIX в.» (М., 1965). Неоценим вклад З. в исследование актуальных проблем книговедения.

Один из лучших знатоков лит-ры и журналистики XVIII в. Широко изв. его исследования, посвящ. тв-ву А. Кантемира, М. Ломоносова, А. Сумарокова, М. Хераскова, В. Майкова, Н. Новикова, Г. Державина. Монография З. **«Мысль и слово»** в 1971 удостоена Ломоносовской премии.

Автор изв. ист. повестей и романов. Его перу принадлежат повести **«Забытая слава»** и **«Опасный дневник»** из времен Павла I, роман **«Подвиг Антиоха Кантемира»** и вышедшие в серии «ЖЗЛ» книги о Н. Новикове и Г. Державине.

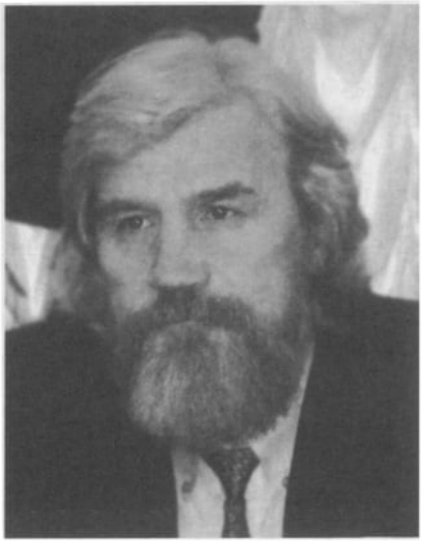
Посл. годы жизни З., несмотря на болезнь, были творчески полноценными и плодотворными. Он оставался работать на фак-те журналистики в кач-ве профессора-консультанта. Сочинял, печ. на пишущей машинке **«Стихотворения в прозе»**, диктовал мемуары о детстве, о встречах с интересными людьми.

Член СП СССР (1960). Засл. деятель науки РСФСР (1980). Засл. проф. МГУ (1996).

Соч.: Иван Андреевич Крылов, 1769–1844. Л.; М., 1951; Державин. М., 1958 (ЖЗЛ); Отец русской поэзии. М. В. Ломоносов и журналистика. М., 1961; Русская журналистика XVIII в. М., 1964; Забытая слава: Историческая повесть (Александр Сумароков). М., 1968; Новиков. М., 1968 (ЖЗЛ); История русской журналистики XVIII–XIX вв. М., 1973; Опасный дневник: Повесть о Семёне Андреевиче Порошине. М., 1974; В глубине строки: Сб. М., 1975; Забытая слава. Опасный дневник: Ист. повести (Александр Сумароков, Семён Андреевич Порошин). М., 1976; Недочитанные строки: Книговедческие статьи и очерки. М., 1979 (в соавт.); Поэты XVIII в.: М. Ломоносов, Г. Державин. М., 1979; От рукописи к печатной странице: О мастерстве редактора. М., 1982; Поэты XVIII в.: А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков: Лит. очерки. М., 1984; М. В. Ломоносов и журналистика. М., 2011.

Лит.: Сикорский Н. Западов, Александр Васильевич // КЛЭ. М., 1964. Т. 2.

Е. Скударь



ЗАПЕВА́ЛОВ Владимир Николаевич [10.4.1956, д. Ченцово Некоузского р-на Ярославской обл. — 13.10.2008, СПб.] — литературовед, критик.

Из крестьянской семьи. В 1982 окончил фак-т русского яз. и лит-ры ЛГПИ им. А. Герцена, в 1987 — аспирантуру ИРЛИ. В апр. 1988 принят в штат ИРЛИ. В 1991 защитил канд. дис. **«„Донские рассказы“ М. А. Шолохова. Генезис. Проблематика. Поэтика»** (науч. рук. В. А. Ковалёв). Ст. науч. сотр. Отдела новейшей лит-ры.

Обл. науч. интересов — русская лит-ра XX в. (тв-во М. Шолохова, М. Зощенко, казачьих литераторов П. Краснова, Ф. Крюкова, Р. Кумова, Н. Туроверова и др.); лит-ра русского зарубежья; лексикография. Публикатор наследия писателей зарубежья — книги И. Родионова «Тихий Дон» (очерки истории донского казачества) (СПб., 1994), произведений А. Куприна, Р. Кумова, М. Волковой в «Новом ж.» (СПб., 1997–2003).

Участник колл. трудов ИРЛИ: «Шолохов на изломе времени» (М., 1995); «Русская лит-ра XX в.: Пособие для старшеклассников, абитуриентов и студентов» (СПб., 1998); «Лит-ра и история» (Вып. 3. СПб., 2001); «Михаил Зощенко: Мат-лы к творч. биографии» (Вып. 1–3. СПб., 1997–2002) и др.

Гл. направление исследований — шолоховедение. Автор статей, заметок, рец., связанных с жизнью и твом Шолохова, архивных публикаций, посвящ. его творч. биографии; выступал в защиту его авторства «Тихого Дона». Принимал участие в подготовке ПСС М. Шолохова (ИМЛИ). Отв. редактор кн. «Михаил Шолохов: Летопись жизни и тв-ва: Мат-лы к биографии» (М., 2005).

Вел актив. лексикографич. работу. Один из составителей и ред. биобиблиогр. словарей ИРЛИ: «Русские писатели. XX в.» (М., 1998), «Русская лит-ра XX в. Прозаики, поэты, драматурги» (М., 2005). Автор неск. десятков статей в этих словарях, а также в изд. «Русские писатели XIX в.» (М., 1989), «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1999. Т. 4).

Один из организаторов конф. «Писатели русской традиционной школы в контексте современности» (ИРЛИ, 14–15 нояб. 2007). Автор рец. на труды шолоховедов и словари русских писателей XX в. Регулярно печ. в ж. «Русская лит-ра», в центр. и петерб. периодич. изд. Выступал на

петерб. радио в передачах о русских литераторах. Член СП России.

Соч.: Шолохов М. Автобиография [публ. текста] // Русская лит-ра. 1986. № 4; Поэзия Владимира Соколова // Лит-ра в школе. 1989. № 1; Лит. судьба Ивана Родионова и его книга «Тихий Дон» // Родионов И. Тихий Дон. СПб., 1994; Рукописи «Тихого Дона» в Пушкинском Доме // Из творч. наследия русских писателей XX в. СПб., 1995; Документальные мат-лы М. Зощенко в Пушкинском Доме // Михаил Зощенко: Мат-лы к творч. биографии. Кн. 1. СПб., 1997; Ф. Д. Крюков — рецензент «Русского Богатства» // Русский лит. портрет и рецензия: Концепции и поэтика. СПб., 2000; А. Платонов и М. Шолохов: «Возвращение» и «Судьба человека» // Тв-во Андрея Платонова: Иссл. и мат-лы. Кн. 2. СПб., 2000; «История моего заключения» Николая Заболоцкого в лит. контексте 1970–90-х гг. // Николай Заболоцкий и его лит. окружение. СПб., 2003; Памяти ученого [Ю. В. Стенник] // Москва. 2005. № 9; Поэзия Глеба Горбовского // Лит-ра в школе. 2007. № 11; Повесть В. И. Белова «Привычное дело» (к проблеме истолкования) // Писатели русской традиц. школы втор. пол. XX в. в контексте современности. Сургут, 2009; Человек с увеличительным стеклом // Памяти Бориса Владимировича Мельгунова. СПб., 2010.

Лит.: Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005; Владимир Николаевич Запевалов // Писатели русской традиционной школы вт. пол. XX в. в контексте современности. Сургут, 2009; Кречетов В. Книга снов. СПб., 2014.

А. Любомудров

ЗАПЕСО́ЦКАЯ Римма Григорьевна [7.7.1949, Л-д] — поэт.

В 1972 окончила психологический фак-т ЛГУ. Работала по специальности, затем — дворником, лаборантом, машинисткой, стрелком ВОХР, рабочим археологических экспедиций, библиографом, редактором, корректором, оператором газовой котельной.

Публиковала стихи в ж. «Континент» и «Вестник РХД», на родине — в самиздатских альм. «Топка» и «ЛЕА» (в 1984–89 входила в состав ред. «ЛЕА»), в газ. «Аничков мост». В 1980-е участвовала в еврейском национально-культурном движении.

Выпустила кн. стихов **«Постижение»** (1994).

О. Бешенковская пишет о стихах З.: «Негромкий, искренний, чистый

голос самыми простыми поэтическими средствами подымает наши души в голубизну *обитаемой* высоты. Автор, взрастивший в себе подлинное, не замутненное фарисейством христианское сознание, тонко чувствует границу меж душой и Духом <...> Запесоцкая пишет даже не для узкого круга, тем паче — не для печати, а, именно только для себя... Как шепчут молитву на ночь в пустом доме — и вдруг оказывается, что ее стихи нужны мне. И еще кому-то...».

В посл. годы, оказавшись между СПб. и Лейпцигом, З. много публ. в ж. «Крещатик» и в дек. 2010 принимала участие в «Венских вечерах» — презентации юбилейного вып. международного лит.-худож. ж. (№ 50), посвящ. лит-ре СПб.

Соч.: Стихи // ЛЕА. 1984. № 4, 1986. № 6; Стихи // Континент. 1986. № 50; Стихи // Вестник РХД. 1987. № 151; Стихи // Топка. 1990. № 3; Постижение / Послесл. О. Бешенковской. СПб., 1994; Стихи // Топка: Дайджест / Под ред. А. Давыденкова. СПб., 1997.

Лит.: Бешенковская О. Предисл. // Запесоцкая Р. Постижение. СПб., 1994; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ЗАРА́ЙСКИЙ Михаил Александрович [1942, Бологое Калининской обл. — 1991, СПб.] — поэт.

Принадлежал к поэтам «Сайгона». Публиковался в самиздате, в т. ч. в ж. «Петербург». В 1991 В. Безродным был подготовлен самиздатский машинописный сб. «Поэты кафе „Сайгон". 1960–80-х гг.» (тираж 20 экз.; др. назв. «Петербургская лирика»), куда наряду с Г. Абельмасом, В. Безродным, М. Бестужевым, В. Добровлянским, В. Кривулиным, В. Филатовым и др. были вкл. и стихи З.

Позже кн. стихов З. изд. Т. Горичевой в Париже. Она же рассказывает о трагич. гибели З.: «Михаил Зарайский — большой интеллектуал, мистик, эпатажник абсолютный, которого никто не мог из нормальных людей выносить. Он сидел нищий, в состоянии крайнего опьянения или жажды такового, печатал свои стихи, а тут кто-то позвонил в дверь. Он и подумал, что скорая помощь приехала отвезти его в психушку, свернул простыни и стал спускаться с шестого этажа по простыням — и сорвался».

Лит.: Сумерки «Сайгона» / Сост. и общ. ред. Ю. Валиевой. СПб., 2009.

ЗАРУ́БИН Михаил Константинович [9.4.1946, Иркутская обл.] — прозаик, публицист.

Отец и мать занимались землепашеством, зимой отец охотился в тайге несмотря на тяжелые ранения, полученные во время Великой Отеч. войны. Оба родителя окончили церковно-приходскую школу, любили книги.

З. получил технич. образование. Окончил Иркутский строительный техникум транспортного строитель-

ства (1961–65) по спец. «изыскание и строительство железных дорог», Иркутский Политехнический ин-т (1966–72) по спец. «промышленное и гражданское строительство», Манчестерский ун-т менеджмента (1993) по спец. «менеджмент». Начал трудовую деятельность рабочим (1966) и прошел путь до ген. директора. Засл. строитель РФ. Член неск. междунар. академий. Человек года в номинации «Строитель». Награжден орденами и медалями РФ.

Стихи начал соч. в детстве, читал в школе на праздничных вечерах, в ДК райцентра Нижнеилимск, затем во время учебы в техникуме в Иркутске. С 15 лет посещал ЛИТО при Иркутском отд. СП, где впервые познакомился с Ф. Тауриным, М. Сергеевым, А. Вампиловым. В те годы стал публ. в иркутской газ. «Сов. молодежь», готовил мат-лы на иркутском ТВ.

Осн. профессия, строительство, занимала мн. времени, и публикации редко появлялись в печ. В 2005 вышла перв. кн. З. **«Я родом с Илима»** с предисл. народного артиста СССР К. Лаврова, в кот. он писал: кн. З. — это «открытие нового и в авторе, и в событиях», это «поучительное и содержательное знакомство не с придуманной биографий <...> с настоящей жизнью нашего современника». Жанр произведения — исповедальная кн. воспоминаний, виденное, испытанное, пережитое более чем за полвека.

В 2008 опубл. кн. **«Мы — погодаевские»** в соавт. с земляком Г. Замаратским, в кот. звучит боль утраты — плач о земле детства, оставшейся на дне Усть-Илимского моря.

Две кн. З. посвящ. артистам лен. театров. **«Времени тонкая нить: Кирилл Лавров»** (2009) — докум. повесть о дружбе и совм. работе с выдающимся актером К. Лавровым, «кот. обладал способностью одним своим появлением изменять мир людей, окружающих его. Легендарный артист, театральный деятель, дни кот. были расписаны поминутно на месяцы вперед, всегда был готов к общению и умел найти подход к каждому. Ему это удавалось по одной причине — ничего в своей жизни он не делал формально».

«Несколько иной вышла книга об Андрее Толубееве, — пишет Я. Драгич. — Этот образ интересен на фоне города, хотя об игре на сцене, о творческих раздумьях артиста З. тоже немало рассказал. **„Прогулки с Андреем Толубеевым. Записки театрального дилетанта“** (2010) — это и публицистическая, истинно гражданственного звучания книга». В ней идёт речь не только об искусстве, но и о городе в целом. И. Сергеева пишет: «...познавая всё глубже его историю, З., исследователь, умеет увлечь ею читателя. Писатель находит новые для него — и для нас! — исторические факты, поэтические уголки и соответствующие этим рассказам слова...».

В кн. З. **«Илимская Атлантида. Разговор с внуком»** (2010) и в написанной совм. с С. Плющенковым **«К родному берегу»** (2012) трудно обозначить жанр: это и лирич. воспоминания, и яростная публицистика — до трибунных обличений зла. А. Ильин пишет: «...язык в зависимости от предмета описания меняется. Он может быть очень нежным, поэтичным при изображении природы <...> Но [он] становится резким, в разговоре о проблемах...».

Несмотря на то что в кн. **«Долгая дорога к маме»** нет любовных историй, она о любви. З. впервые обратился к жанру рассказа. Удивительный эффект возникает при чтении первого рассказа, давшего назв. кн.: полумистич. происшествия не требуют немедленного объяснения с точки зрения логики или физики — они укладываются в рамки простой житейской мудрости: любовь может творить чудеса.

Член СП России с 2010. Лауреат премий СП России им. Н. Тихонова и им. А. К. Толстого.

Соч.: Я родом с Илима. СПб., 2005; Мы — погодаевские. СПб., 2008; Времени тонкая нить. Кирилл Лавров. СПб., 2010; Илимская Атлантида. СПб., 2010; Прогулки с Андреем Толубеевым. СПб., 2010; Через годы, через расстояния. СПб., 2011; К родному берегу. СПб., 2011; Долгая дорога к маме. СПб., 2012.

Лит.: Лавров К. Предисловие друга // Зарубин М. Мы — погодаевские. СПб., 2008; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Сергеева И. Разгадать личность автора // Невская перспектива. СПб., 2012; Драгич Я. Прогулки писателя Михаила Зарубина по Петербургу //Сфинкс. 2012. Вып. 36; Ильин А. Где пребывает душа // Рог Борея. 2012. Вып.48.

И. Сергеева

ЗАХА́РОВ Леонид Николаевич [9.8.1950, Л-д] — детский поэт.

Родился в семье конструктора-корабела. В школе отлично успевал по всем предметам, но участвовал в олимпиадах только по лит-ре и химии. Химия в то время казалась привлекательнее, потому поступил в Лен. технологический ин-т, кот. окончил с отличием. Во время обучения был корр. институтской многотиражки, вместе с дипломом химика получил в качестве обществ. профессии диплом журналиста. После окончания вуза работу в научно-исследовательских ин-тах совм. с работой по договорам в изд-ве «Химия» (ЛО), где переводил с английского яз. книги по осн. специальности. Были переведены (в соавт.) и вышли в свет V и VI тома труда «Химия синтетических красителей», а также «Аналитическая химия синтетических красителей». Получил от изд-ва предложение не только переводить кн., но писать самостоятельно: **«Начала техники лабораторных работ»** (Л., 1981); **«Техника безопасности в химических лабораториях»**, (Л., 1985; переизд. в 1992) и др. В 1990 перешёл в штат изд-ва «Химия» на должность зав. ред., затем ведущего науч. редактора, с 1997 — директора и гл.

ред. Писал книжки и брошюры на разные темы, не всегда имеющие отношения к химии, в т. ч. по домоводству и кулинарии. Редактировал, писал предисл. и послесл. к десяткам кн., среди авторов — Киплинг, Маршак, Заходер и др. детские писатели и поэты. В результате осознал необходимость «обновления» отеч. детской лит-ры и начал писать стих. сказки для детей.

З. поставил перед собой амбициозную задачу: не перечёркивая достоинств фольклорных сказок и их адаптаций (Афанасьев, Ушинский), создать на основе изв. сюжетов их совр. стих. версии. Причём важным для З. было творчески переосмыслить саму идеологию сказочного сюжета, учитывая психологию и уровень развития совр. детей.

В 2001 вышел сб. **«Колобок и др. сказки про зверей и людей для больших и детей»**. В сказках З. отходит от исходных сюжетов. В сказке о Колобке, напр., гл. герой остроумно и изобретательно избегает смертельных опасностей, выходя победителем из поединка с лисой. По возвращении домой Колобок обретает верную подругу Ватрушку, после чего его приключения продолжаются. В 2009 сказки сб. в авторском исполнении вошли в аудиокнигу **«Старые сказки на новый лад»**, выпущенную в изд-ве Н. Самухиной. Один из осн. и руководящих принципов, кот. руководствуется З. при создании сказок, он так изложил в аннотации к одной из кн.: «Сказка — ложь? Неправда это! Светом внутренним согрето, в ней фантазии зерно в почве доброй взращено. Сказка — выдумка, и всё ж хоть не правда, но не ложь: лжи всегда потребна маска, но лица не прячет сказка. Сказку детям расскажи — в мире будет меньше лжи».

В 2002 вышел сб. стих. сказок З. **«Кот Васька и др. сказки про котов и про мышей для больших и малышей»**. Ещё одна из плодотворных идей З. — создание продолжающихся сказок, своеобразных «сериалов», с постоянными гл. героями. Таков кот Васька (**«Васькин огород»**, **«Васька и крокодил»**) или героиня более полутора десятков стих. сказок Ворона Варвара.

Кроме развёрнутых сказочных сюжетов З. интересовала форма притч, басен. В 2003 вышел сб. З. **«Малый атлас беспозвоночных»**, большинство персонажей кот. — насекомые, а преимущественная жанровая принадлежность — притчи. Полностью из басен и притч составлен вышедший в 2004 сб. **«Притчи»**. Автор по-прежнему ориентируется на совр. детей, кот. по кругу интересов, уровню развития заметно отличаются от детей сов. времени. То, что З. пишет для взрослых, оказывается актуальным для подрастающего поколения, а откровенно детские стихи с удовольствием читают родители.

Будучи не только писателем, но и издателем, З. считает, что книга для детей — это не просто иллюстрированный текст. Она должна вынашиваться как цельный организм, в создании кот. поэт и художник участвуют на равных. Потому он предпочитает работать с постоянным иллюстратором — художницей О. Граблевской, её он считает полноценным соавтором своих кн. И вполне закономерно, что имя художницы вынесено на обложку большого сб. стихов **«Про знакомых незнакомых»**.

Член СП России с 2011.

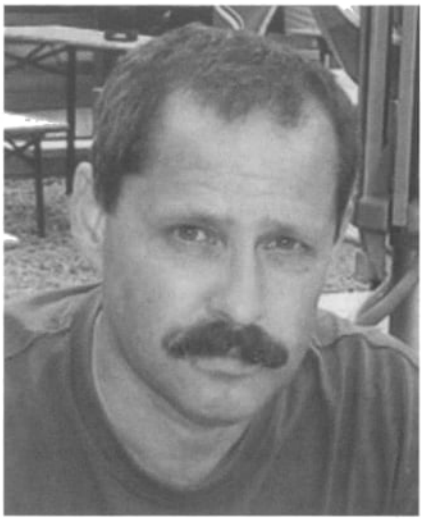
Соч.: Колобок и др. сказки про зверей и людей для больших и детей: Стихи. СПб., 2001; Малый атлас беспозвоночных: Сб. стихов. СПб., 2003; Притчи: Сб. стихов. СПб., 2004; Колобок: Стихи. СПб.. 2004; Старые сказки на новый лад [аудиокнига]. СПб., 2009; Про знакомых незнакомых: Стихи. СПб., 2009; Про знакомых, незнакомых, про зверей и насекомых... СПб., 2010 (в соавт. с О. Граблевской).

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

Н. Бутенко

ЗВЁРЛИН Юрий Викторович [1.1.1955, Л-д] — прозаик, поэт, художник-график, дизайнер.

Перв. лит. опыты З. начал в возрасте 8 лет, когда старший брат Олег (изв. петерб. живописец, график и писатель) приобрел печ. машинку «Ундервуд». Тогда и был напис. перв. рассказ З. в характерном для его творч. манеры стиле **«ЧК в годы НЭПа»** (неопубл.). Первый из напеч. рассказов — сказка **«Снежинка»**, вошедшая в сб. «Новые русские сказки» (СПб.: Анима, 2003) — напис. З.



в 1967 на уроке лит-ры в пятом классе. Тогда же учитель лит-ры высказала предположение, что автор в дальнейшем может стать писателем и была удивлена, когда после окончания 8 класса З. поступил для подготовки к поступлению в ЛВХПУ им. В. Мухиной в спец. школу № 190 (ныне худож. лицей при Худож.-промышленной академии им. Штиглица). После окончания школы служил в ГСВГ в подразделениях «Спецназ ГРУ», где приобрел богатый жизненный опыт, пригодившийся ему при написании кн. «Игра в солдатики» (1999), частично опубл. в 2000 в альм. «Х-файлы. Секретные мат-лы».

С 1976 по 1981 учился в ЛВХПУ им. В. Мухиной. Активно занимался графикой. По совету однокурсников в 1978 был на приеме у худож. редактора «Лениздата» с целью получить заказ на работу по оформлению какой-нибудь кн. По мысли редактора, З. мог бы проиллюстрировать Д. Хармса, но время тогда еще не настало. И посоветовал ему заняться лит-рой и попутно иллюстрировать самого себя. З. этим советом воспользовался.

С1981 по 1987 работал дизайнером в ин-те радиовещательного приема и акустики им. А. Попова. В 1982 после смерти Л. Брежнева в составе дизайн-группы принимал участие в разработке и изготовлении пульта правительственной связи для Ю. Андропова. Рассказ **«Главная кнопка страны»** опубл. в разделе «Анекдот» альм. «Х-файлы. Секретные мат-лы» (2000. № 16/35).

Перв. публикация З. состоялась в лит. приложении к газ. «Веч. Петербург» в дек. 1994-го. Повесть **«История моей жизни»** впоследствии была опубл. в сб. «Про бобра».

В 1996 совм. с Б. Стругацким разработал дизайн «АБС-премии» (семигранная гайка) — лит. премии в обл. фантастич. лит-ры им. бр. Стругацких, кот. ежегодно изготавливается в 2 экз.

В 2000-м вышел перв. сб. рассказов — **«Про бобра»** (СПб.: Скрипториум, 2000), куда вошли произведения, напис. в 1970–90-х: миниатюры, философские притчи и рассказы (в т. ч. рассказы про Пушкина, Пестеля, Толстого, Горького и др.; в т. ч. и повесть **«Пушкин и Гоголь»**, кот. рассказывает об удачном эксперименте АН России, цель кот. заключается в клонировании великих русских писателей по заданию правительства России). **«Повесть о капитане Жихареве»** в ироничной форме излагает судьбу капитана милиции, ставшего «роботом-милицейским». В кн. вошли так же сказки, в дальнейшем составившие основу сб. **«Новые русские сказки»** — **«Лиса и жопа»** и **«Маша и медведь»**.

С сер. 1990-х сотрудничал с представителями худож. течения «Некрореализм». Принимал участие как актер и художник в съемках фильмов «Серебряные головы», «Убитые молнией», «Прямохождение» реж. Евг. Юфита.

По заказу режиссера и писателя К. Селиверстова делал анимацию для фильмов «Неустрашимые истребители террористок» (2005) и «Прекрасная эпоха» (2011) — Гран-при кинофестиваля «Светлые грезы» (СПб., 2011).

В 2003 вступает в СП СПб.; изд-во «Анима» выпускает сб. «Новые русские сказки», где З. выступает как автор текста и художник-иллюстратор. С это времени по сей день продолжается сотрудничество в обл. оформления книг.

Признанный мастер короткого рассказа. Его творч. манеру писатель А. Кивинов условно сравнивает с произведениями Хармса или француза Б. Виана — это своеобразная разработка вечных сказочно-фольклорных тем, приобретающих неожиданно актуальное звучание в контексте совр. реальности, порой весьма жесткой и абсурдной.

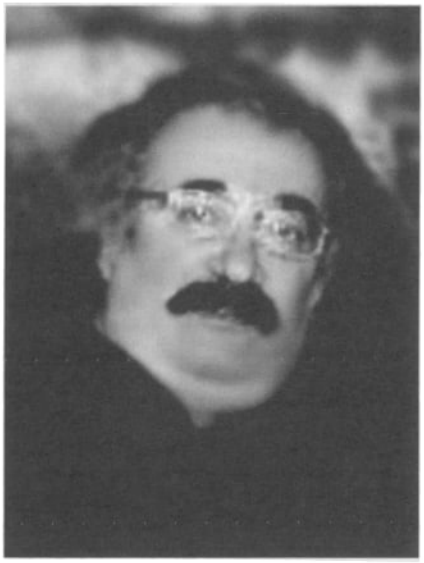
Неоднократно выступал с чтением своих произведений: Центр совр. литры и книги на Васильевском о-ве, театр «Комедианты››, Дом писателя на Звенигородской, Российский центр науки и культуры в Хельсинки (Финляндия).

Член союза дизайнеров России с 1988. Член СПб. союза художников (секция графики) с 2012.

Соч.: История моей жизни // Веч. Петербург. 1994. Дек. № 309; Железная дорога // Сельская жизнь. 1998. № 1; Жизнь среди демонов (фрагмент повести) // Х-файлы. Секретные мат-лы. 2000. № 12 (31); Про бобра. СПб., 2000; Новые русские сказки. СПб., 2003.

А. Измайлов

ЗВЯ́ГИН Евгений Аронович [30.5. 1944, с. Слудка Вятско-Полянского р-на Кировской обл.] — прозаик, эссеист.



Из семьи служащих. Отец — воен. инженер. Родился в эвакуации, в 1949 семья вернулась в Л-д. Окончил Техникум целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, полгода работал по спец. В 1963 поступил на русское (веч.) отд. филфака ЛГУ. После окончания учебы работал экскурсоводом во Всесоюзном музее А. Пушкина, затем сотрудником заводской многотиражки. С 1976 перешел на «простые» работы: механик по лифтам, оператор газовой котельной. Часто ездил рабочим в археологич. экспедиции. География этих поездок разнообразна: Псковская обл., Крым, Хакасия, Туркмения, Таджикистан. Член СП СПб. с 1993.

Начинал как поэт. Его перв. стих. опыты опубл. в самиздатском альм. поэтов Малой Садовой «Fioretti» (1965), в некот. районных газ. Лен. обл.

Как прозаик и эссеист дебютировал в самиздате. Его повесть **«Записки сумасброда, или Корабль дураков»** опубл. в 1977 в № 6 ж. «Часы» (ред. Б. Иванов). В тех же «Часах» появились его рассказы (1978. № 11) и повесть **«Сентиментальное путешествие вдоль реки Мойки, или Напиться на Халяву»** (1981. № 31).

Активно сотрудничал с самиздатским ж. «Обводный канал» (ред. К. Бутырин и С. Стратановский). В первом его номере он поместил повесть **«Звягин в Петербурге»**, напис. от лица некой женщины Лидии Гедиминченко и снабженной предисл. якобы американца Реджинальда Гопкинса. В «Обводном канале» напеч. еще две его повести: **«Командировка»** (1982. № 3) и **«Небесные бомжи»** (1989. № 15) и три эссе: **«Труды Константина из Петрополиса»** [О прозе К. Вагинова] (1982. № 3); **«Неск. слов об Александре Миронове»** (1983. № 4); **«Психосветовое воздействие эрмитажных дворов»** (этюд-воспоминание; 1985. № 5). Участвовал в др. неофиц. изд.: в ж. «Гастрономическая суббота», «Третья модернизация», в альм. «Топка» др.

В 1980-е вступает в объединение неофиц. литераторов «Клуб-81» и в колл. сб. клуба «Круг» помещает повесть **«Корабль дураков, или Записки сумасброда»**. Эта публикация стала его дебютом в офиц. печати. Затем были публ. в «Континенте», проза З. была высоко оценена его гл. ред. В. Максимовым.

В 1991 выходит перв. книга З. **«Кладоискатель»** — сб. повестей и рассказов. В 1990-е его печ. петербургские ж. «Звезда», «Нева», «Аврора». Был составителем и ред. лит. альм. «Ключ» (1995). Некот. его произведения переведены на английский, итальянский и украинский яз.

Для тв-ва З. характерны две противоположные тенденции: с одн. стороны — стремление к «реализму» и автобиографичности, а с другой —

к фантастике и условности. Вторая тенденция наиболее полно проявилась в «Корабле дураков» и в «Командировке», недаром носящей подзаголовок: подражание Э. Т. А. Гофману. З. сам подчеркивал связь своей прозы с тв-вом этого немецкого романтика, у кот. он научился соединению реального и фантастического в повествовании. У З. часто в реальности, в обыденности, приоткрывается нечто нереальное и зловещее. В «Сентиментальном путешествии» герой, путешествуя вдоль Мойки, оказывается в компании не то маньяков-убийц, не то вурдалаков. А в рассказе **«Здесь, на Синопской набережной»** в директоре продуктового магазина проглядывает гетевский Мефистофель или же сам Сатана.

Герой прозы З. обычно автобиографичен и в то же время условен. Это, с точки зрения обывателя, маргинал, живущий на обочине жизни, человек с университетским дипломом, но отказавшийся от «социализации», от возможной карьеры. В чем-то он близок к герою рассказов Довлатова, но в отличие от последнего, даже и не пытается изменить что-либо в своей жизни.

Действие большинства повестей и рассказов З. развертывается в Л-де СПб., и это не просто декорация, кот. можно сменить без ущерба для сюжета — это, если употребить его собств. выражение, — «ломтики тающего пространства». Читая З., ясно видишь места действия его прозы: Малую Посадскую, где прошло его детство, «собачий садик» у Зимнего стадиона, загадочные уголки островов или же вроде бы всем привычного Михайловского сада. Проза З. органично входит в пространство, кот. литературоведы наз. «петербургским текстом» русской лит-ры. У него есть и прямые переклички с этим «текстом». Так, в повести «Кладоискатель» чувствуется проекция на пушкинскую «Пиковую даму».

Один из лучших совр. стилистов. «Проза Звягина, — писал в рец. на книгу «Письмо лучшему другу» П. Крусанов, — похожа на гравировку на льду — кажется, стоит неловко вздохнуть над ней, и она оплывет причудливо изменив очертания» (Смена. 1995. 7 сент.).

Виртуоз русского яз., З. часто одним точно найденным словом позволяет читателю «видеть» происходящее. Вместе с тем он очень чувствителен к «языку улицы», к молодежному сленгу, к совр. словам и словечкам. Это проявляется, прежде всего, в диалогах, по выразительности «речевых актов» напоминающих бой на рапирах. Особенно много таких «выпадов на рапире» в его единственном романе **«Очевидец»**.

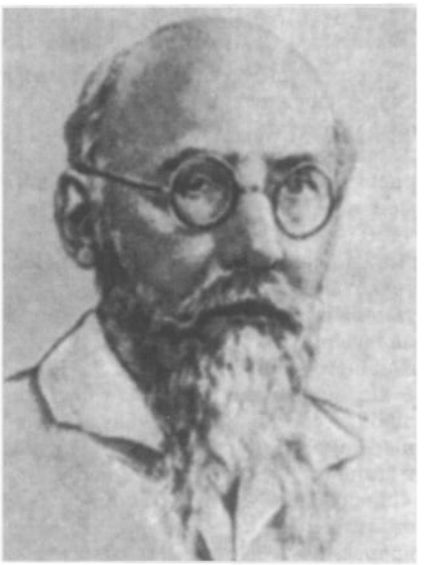
З. — литератор широкого профиля, не только прозаик, но и эссеист и критик. Книга его эссе **«Письмо лучшему другу»** может сильно удивить читателя прихотливым выбором тем и персонажей. З. пишет о прочно забытом романе К. Леонтьева «Одиссей Полихрониадес» и о столь же прочно забытой прозе Коллонтай, о К. Вагинове и любимом когда-то в детстве Л. Соловьеве — авторе романов о Ходже Насреддине, о совр. петерб. поэте Александре Миронове. У З. нет четких границ между жанрами, и его эссеистика, как и рецензии — органическое продолжение его худож. прозы.

Соч.: Записки Сумасброда, или Корабль дураков // Часы [Самиздат. Машинопись]. 1977. № 6; То же [С измененным назв.] // Круг. Л., 1985; Бестолковые похороны [Рассказ] // Часы. 1977. №: 6; Без названия [Рассказ] // Часы. 1978. № 11; Сентиментальное путешествие вдоль реки Мойки, или Напиться на халяву // Там же. 1981. № 31; То же // Континент. Париж, 1987. № 54; Звягин в Петербурге [Под псевд. Лидия Гедиминченко] // Обводный канал [Самиздат. Машинопись] 1981. № 1; Командировка: Подражание Э. Т. Гофману // Там же. 1982. № 3; Труды Константина из Петрополиса [Под псевд. Е. Гофман] (О прозе К. Вагинова) // Обводный канал. 1982. № 3; Психосветовое воздействие эрмитажных дворов (этюд-воспоминание) // Обводный канал. 1984. № 5; Кладоискатель // Обводный канал. 1985. № 7; Небесные бомжи // Обводный канал. 1989. № 15; Что такое «богемные христиане» // Континент. Париж, 1990. № 62; Дебют в совр. духе [Рец. на кн. О. Охапкина «Пылающая купина»] // Звезда. 1990. № 9; Блуждающие огни: Цикл рассказов // Родник. Рига, 1991. № 6–7; Кладоискатель: Повести и рассказы. Л., 1991; Письмо лучшему другу. СПб., 1995; Татуированный граф: Докум. повесть. СПб., 2000; Очевидец: Роман: СПб., 2000; Фиоритуры. СПб., 2010; Утешительные итоги. СПб., 2011; Небесные бомжи. СПб., 2012.

Лит.: Моторин А. Исход века и молодая проза // Нева. 1989. № 2; Костырко С. [Рец. на кн. «Кладоискатель»] // Новый мир. 1994. № 1; Крусанов П. Евгений Звягин: гравировка на льду // Смена. 1995. 27 сент.; Самиздат Л-да: 1950-е –80-е. Лит. энц. М., 2003.

С. Стратановский

ЗЕЛЁНИН Дмитрий Константинович [21.10(2.11).1878, с. Люк Сарапульского у. Вятской губ. — 31.8.1954, Л-д] — фольклорист, этнограф.



Окончил Вятскую духовную семинарию и в 1904 историко-филологич. фак-т Юрьевского ун-та. Впервые напеч. во вр. учебы в ун-те.

Осн. труды о русской народной поэзии и говорах опубл. в 1900–15. Большинство работ связано с родным краем, куда ученый приезжал в экспедиции, поддерживал тесные отношения с земляками, активно участвуя в работе Вятской учёной архивной комиссии. С 1916 возглавлял каф. русского яз. и словесности в Харьковском ун-те. В 1925 стал проф. каф. этнографии ЛГУ. Членкорр. АН СССР.

Этнографич. работы З. посвящ. г. о. материальной культуре и верованиям восточ. славян. В развитии восточнославянской фольклористики заметную роль сыграли сб. сказок, составленные З. и его мысли о значении русских частушек, об эстетич. возможностях этого фольклорного жанра.

Работы З. признаны во всём мире. Иностр. член Болгарской АН (1946).

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

Соч.: Новые веяния в народной поэзии. М., 1901; Песни деревенской молодежи. Вятка, 1903; Великорусские говоры.... СПб., 1913; Великорусские сказки Пермской губ. Пг., 1914; Великорусские сказки Вятской губ. Пг., 1915; Библиографический указатель русской этнографич. лит-ры о внешнем быте народов России. 1700–1910 гг. СПб., 1913; Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916; Russische (Ostslavische) Volkskunde. Lpz., 1927; Восточнославянская этнография. М., 1991. (перев. с нем.); Избр. труды. М., 1994.

ЗЕЛЕНО́Й Кирилл Владимирович [18.2.1935, Старая Русса — 14.10.2004, Минск] — поэт, прозаик, журналист, искусствовед, педагог.

Из старинного рода дворян Зеленых, известных с XVI в., в т. ч. подписанием грамоты об избрании на царство государя М. Романова, участием в войне 1812 (их имена — на стенах Храма Христа Спасителя), в обороне Севастополя в 1854. Один из Зеленых упомянут в книге И. Гончарова «Фрегат Паллада». Александр Сергеевич З. основал одну из первых в России школу для крестьянских детей, сотрудничал в «Современнике» Некрасова. «Опыт книги для грамотного простонародья» (СПб., 1860) был высоко оценен Н. Чернышевским (Современник. 1860. № 9). Опубл. «Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым» (М., 1925). Лит. интересы прочно жили в семье, хотя мн. годы Зеленые отдали флоту (капитан крейсера «Азов» П. А. Зеленой спас терпевшую бедствие императорскую яхту «Штандарт» с семьей Николая II). В сов. время судьбы Зеленых сложились драматично: были расстреляны в 1921 моряк-дед К. В. Зеленой (за мнимую причастность к «Кронштадтскому мятежу»), в 1937 — второй дед, юрист («дело биологов») (посмертно реабилитированы). Отец за участие в самодеятельном студенч. философском кружке Петерб. ун-та был сослан на Соловки, затем на Дальний Восток. Освобождение принесло разрешение жить в г. Старая Русса, где родился и был крещен З.

Великую Отеч. войну (отец в чине сержанта был мобилизован 23 июня 1941) З. провел с матерью (бухгалтер) в Оренбуржье. Лит. вкусы З. формировали стихи матери и её уникальная памятливость на русскую поэзию XX в. В «военный год» был «материнским словом явлен клад»: «В кромешном мраке нам звучало „Слово“ / И мудрые поэмы Гумилева». Так рождался «тайный путь» З.-писателя. Сохранившиеся ранние письма З. на фронт к отцу отмечены незаурядной непосредственностью. Окончив среднюю школу в Л-де (пос. Ольгино), З. учился на филологическом фак-те (отд. журналистики) ЛГУ (1952–59), участвовал в студенч. чтениях стихов и прозы, параллельно увлеченно изучал мировое изобразительное искусство. Перв. заметный его опыт в прозе — **«Прогулки по Эрмитажу»** (1955, неопубл., РО ИРЛИ). Непринуждённо-изысканное и вместе сдобренное автоиронией повествование о картинах великого музея, судьбах художников разных эпох отмечено эрудицией и свободой лит. самовыражения. В 1956 З. с риском для карьеры участвует в знаменитой дискуссии ЛГУ по кн. В. Дудинцева «Не хлебом единым», страстно защищая роман.

В 1959–69 З. — корреспондент обл. комсомольской газ. «Молодой ленинец» (Курган), лектор народного ун-та искусства, организатор выставок местных художников. Заочно оканчивает фак-т теории и истории искусств ин-та им. И. Репина (1961–66), знакомится с К. Чуковским, переписывается с С. Маршаком. В аспирантуре Академии художеств пишет дис. о М. Врубеле (рук. А. Савинов), но защита не состоялась: взгляды З. были расценены как идеализм. С 1969 по 2004 З. — в Белоруссии (Театрально-худож. ин-т, преподавание истории искусств в худож. школе, зав. секцией начального худож. образования Белорусского ин-та проблем культуры, создание программ истории изобразительного искусства для худож. школ). З. пишет сценарии, готовит телепередачи о культуре, поддерживает художников Белоруссии. В 1975–90 с оркестром камерной музыки Б. Моткина переходит к «опытам практической эстетики», осуществляя эксперимент по воссоединению и раскрытию худож. аналогий между лит. словом, музыкой, живописью. Об этом — кн. **«Концерты при свечах»** (Минск, 2000) — свод очерков о взаимопроникновении эстетич. слагаемых разных видов искусства. Зависимость гениев от давления обществ. отношений вызывает гневные характеристики: «каждый... должен был приветствовать кормление Пегасов в стойлах князей» (**«Пленник Лесного царя»**). У прозы «Концертов при свечах» легко устанавливается родство с **«Музейной тишиной»** (Минск, 1997), **«Записками о белорусских художниках»** (Минск, 2000), с искусствоведческой по сюжету, разомкнутой в худож. повествование о портретируемых людях монографией **«Лица и судьбы»** (Минск, 2002). Творч. натура З. проявляла себя в искусствознании, педагогике, журналистике, но более всего в лирически-исповедальном слове, известном по серии прозаич. публикаций в альм. «Монолог», по стиховому разделу в «Записках о белорусских художниках», по кн. стихов **«В очах души моей»** (Минск, 2002).

Стихи З. — поэтич. осмысление общечеловеческого бытия, судьбы рода и личной судьбы в меняющемся времени, утверждение благородства и мужества как нормы и критерия поведения, достойного Человека. Оглядка назад не позволяет поэту забывать, что «слезами предков, кровью, а не солью / Пучина ледяная солона» (**«Соловки»**), и исполняться силой от общения с уходящими поколениями (**«Кладбище в Вишнево»**).

Стих. З. возникали как сложное следование традициям — от античной лирики до Шекспира, и от «Слова о полку Игореве» до поэзии П. Радимова. Последняя ассоциация возникает у читателя поэмы о Ст. Руссе **«Ушедший город»** (1973–77), где белым стихом поведано о новой и прошлой истории провинциального русского городка, совместившего сияние «Богоматери Старорусской» и «тысячу официально зарегистрированных алкоголиков», «кот. знать не знают о чудотворной иконе», городка, где соседствуют дома Достоевского и Грушеньки Меньшовой, «великомученица»-церковь великомученика Мины и «политмонументы» скульптора Томского.

Сближенность собств. судьбы и судьбы Отчизны проходит красной нитью через автобиогр. прозу З., пока не собранную в единую кн., но уже

давшую отд. публикации в минско-норвежском альм. «Монолог». Доминанта прозы З. — освещение прошлого светом нравств. взыскательности человека, повествующего о своем поколении, кот. вышло на обществ. арену на рубеже 1950–60-х. Исток автобиогр. канвы — рассказ о преданном служении родине фамильных предков («**Мы, Зеленые**»). Развивает тему обращение к периоду Великой Отеч. войны («**Год далекий, 41-й**», «**Письма на войну**»), когда сформировались патриотич. сознание и характеры младшей поросли рода З. О студенч. годах — глава «**Очей очарованье**», опирающаяся на дневники 1956–57. Публицистику З. представляет хранящийся в архиве Курганской обл. «**Курганский дневник**» (1959–69). Дневники рисуют столкновение поколения «шестидесятников» с циничной плеядой университетских менторов, менявших взгляды при каждом дуновении политич. поветрий. Этим зарисовкам противостоит проза З., представленная публикацией «**Встречая своих повзрослевших учеников, я спокойно смотрю им в глаза**».

Соч.: Музейная тишина. Мн., 1997; История изобразительных искусств. Программа-конспект. Мн., 1997; Горела свеча на пюпитре // Мишпоха. 1999. № 6; Записки о белорусских художниках. Мн., 2000; Концерты при свечах: Опыты практической эстетики. Мн., 2000; Лица и судьбы. Мн., 2002 (в соавт. с Н. Марченко); Неподвластные времени: О портретах и портретистах. Мн., 2006 (в соавт. с Н. Марченко); Времен связующая нить. Мн., 2008 (в соавт.); Год далекий, 41-й // Лен. рабочий. 1991. 7 июн., № 23; Встречая своих повзрослевших учеников, я спокойно смотрю им в глаза // Монолог. 1999. Вып. 3; В очах души моей. Мн., 2003; Прошедших дней очарованье // Монолог. 2003. Вып. 7; Письма на войну // Монолог. 2008. Вып. 8; Мы, Зеленые // Монолог. 2009. Вып. 9.

Лит.: Руммель В., Голубцов В. Родословный сб. русских дворянских фамилий. СПб., 1886; Род Зеленых. СПб., 1902; Пикулик Е. На полотне и в жизни // Крыніца. 2003. № 3; Шахава Л., Богданов П., Герасимович Л. и др. Человек, который воспитывал культурой // Культура. Мн., 2004. № 45. 6–12 нояб.; Зеленая М. Жизнь быстротечна, как сонет // Культура. Мн., 2007. № 18. 5–11 мая; Зеленая Н. Кирилл Зеленой — журналист, поэт, художник (страницы жизни и тв-ва) // Мужчина и женщина: Параллельные миры? Философия: Иссл. междунар. отношений и журналистика. СПб., 2007; Портнягин В. Кто создал университет искусств? // Новый мир. Курган, 2009. № 205. 20 окт.; Он же. Эффект просветителя // Новый мир. Курган, 2010. № 32–33. 20 февр.; Зеленая Н. Память сердца // Siences and humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук. Мосты памяти. Вып. 11. СПб., 2010.

А. Горелов

ЗЕ́ЛЬЦЕР (Зельцерман) Иоганн Моисеевич [12(25).11.1905, Одесса — 23.9.1941, Кронштадт] — журналист, драматург.

Был шестым ребенком в семье и единственным мальчиком, младшим, любимым. Жили на Молдаванке, снимали кв. в доме знаменитой Любки Шерман. Отец был мастером на все руки. Мать подрабатывала шитьем, умело вела хозяйство. Жили как все. Дети были опрятно и чисто одеты.

Школу не закончил. Уже в 1918 стал работать курьером в Губвоензаге. Потом на мельнице, слесарил на сахарном з-де в Волынской губ., куда перебрался во времена НЭПа. Весной 1924 вернулся в Одессу. Поступил на местный сахарный з-д им. Благоева, где начинал рабочим-вестонщиком, а завершал замом зав. материальными складами.

В 1927 из Одессы призван на воен. службу. Балтийский флот стал его ун-тами. Здесь он начал писать. «С 1927 по весну 1928 г., — писал З. в автобиографии, — я проучился в Машинной школе Балтфлота, окончил ее со званием машиниста-турбиниста и был списан на крейсер „Профинтерн“ в качестве ученика турбиниста. Проплавав кампанию 1928 г. на крейсере, я был списан в Машинную школу для учения на старшину. Но весной 1929 г. меня перевели в редакцию газеты „КБФ“, где я прослужил в качестве военного журналиста вплоть до демобилизации, т. е. до осени 1931 г.» (Лит. наследие. Т. 72. Кн. 2. М., 1966). С тех пор З. связал судьбу с флотом и лит-рой.

Демобилизовавшись, поселился в знаменитом «писательском» доме на ул. Рубинштейна, прозванном «слеза социализма» и описанном мн. литераторами.

В 1932 в сб. «Сказ об Октябре» напеч. рассказ «**Лешка Чеботарь**», в сб. «Колхозная новь» — пьеса «**Зычный гул**», в филиале Акад. драмы поставлена пьеса «**Шлях**». В 1934 вышел сб. эстрадных рассказов З., а изд-во ЦЕДРАМ отд. изданиями выпустило его пьесы «**Единственная история**» и «**Партизаны**». Причем, последняя за три года переизд. 4 раза. Правда, его драматургия не особо заинтересовала театры. Для молодого литератора было большой удачей то, что его пьесу приняли в Академ. театре, но славы она ему не принесла, приняли постановку холодно. Один из критиков назвал свою рец. в «Красной газ.» — «Пьеса скользит по поверхности». Другие, отмечая недостатки, находили в ней лишь отд. достоинства. «Пьеса Зельцера, написанная приподнятым взволнованным языком, значительно ниже авторского замысла. Многое в ней опрощено, многое решено крайне упрощенно, и театру следовало бы в этом смысле проделать над пьесой большую работу. Театр с этим не справился» (Рабочий и театр. 1932. № 32–33). Возможно, сказалась спешка: театр торопился отметиться этой премьерой 15-ю годовщину революции.

Однако неудача не сломила драматурга. В 1935 на экраны страны вышел фильм, снятый по сценарию З., «**Совершеннолетие**». В нем писатель задался целью показать на мат-ле времен немецкой интервенции Белоруссии восемнадцатого года возмужание, «совершеннолетие» белорусской молодежи (снят на студии «Белгоскино», кот. в ту пору находилась в Л-де). В картине дебютировали Ю. Толубеев (матрос Андрей) и П. Кадочников (Михась). Фильм, благо-

склонно встреченный зрителями и рец., укрепил союз драматурга с киностудией.

Следующим З. предложил сценарий **«Искатели счастья»**. Интересна история его создания. Первоначальный замысел не походил на тот фильм, кот. потом увидели зрители. Сценарий рассказывал о небольшой геологич. экспедиции, направлявшейся на поиски золота в дальневосточную тайгу. Счастье состояло в нахождении золота и, конечно, в завоевании любви кореянки Чухнэ. Но реальная жизнь внесла коррективы. В это время З. в «Звезде» прочел сообщение ОЗЕТ (об-ва переселения евреев в Биробиджан) и посчитал, что искателей счастья он найдет среди тех, кто едет туда. Предложение З. одобрили.

На роль матери семейства, едущего в Биробиджан из Америки, была приглашена выдающаяся артистка театра и кино М. Блюменталь-Тамарина, на роль «короля подтяжек» Пини Копмана — гениальный В. Зускин. Консультантом фильма по работе с артистами стал худ. рук. ГОСЕТа С. Михоэлс. Музыку напис. И. Дунаевский. Фильм имел колоссальный успех. Первым поздравил З. его старый друг Вс. Вишневский. «Дорогой Всеволод! — отвечал ему З. — Только сейчас получил твое письмо и сразу тебе отвечаю. Спасибо за твое поздравление. Картина действительно получилась неплохая, и „Правда“ ее оценила соответствующим образом» (РГАЛИ. Ф. 1038.). В архиве писателя сохранились переводы вырезок американских газ., где картина демонстрировалась уже в янв. 1937-го. Американских рецензентов не интересовала идеология Советов, они оценивали худож. качества фильма и оценивали заметно выше сов. критиков. «Несмотря на скупые английские субтитры, — писал критик «Нью-Йорк пост», — зрителям вполне понятен и по душе юмор и коллизии многих кадров, зритель от души смеется под влиянием удачного сочетания тонко подмеченных характерных черт человеч. характера и логики данной ситуации. Достаточно было бы одного мастерского образа Пини Копмана, созданного Зускиным, чтобы зачислить фильм в категорию выдающихся. Но и остальные актеры ему не уступают». «Дейли Ньюс» был более афористичен, назвав фильм «выдающимся».

Удача фильма — вершина жизни З. Такого успеха на его долю больше не выпадет. Вскоре Х. Эйнатов, кот. писал музыку еще к «Шляху» З., предложил сделать по сценарию фильма либретто для оперы. Драматург согласился, ему было жаль расставаться со своими героями.

Право перв. постановки оперы авторы предоставили Одесскому театру оперы и балета. В постановке Э. Лойтера премьера состоялась 19 июл. 1940. И, несмотря на упрощенный сюжет, имела успех. Ее приняли к постановке Моск. театр им. В. Немировича-Данченко и лен. Малый оперный театр.

Незаметной прошла картина **«Дочь Родины»** (1937), снятая по сценарию З. Славы она ему не добавила, но тема предстоящей войны, нашествия фашизма на Европу, стала осн. темой драматурга. К теме будущей войны З. (в соавт. с С. Абрамовичем-Блэком) обратился в сценарии о моряках «Курс на Запад», кот. в окончательном варианте получил назв. **«Моряки»** (был принят к постановке Одесской киностудией). В нем в худож. форме демонстрировалась готовность к будущим морским операциям.

С перв. дней войны с «белофиннами» З. — корреспондент газ. «Красный Балтийский флот». Особая дружба связывала его с командой флагмана Балтийского флота, крейсера «Марат», с подводниками, с кот. он ходил на боевые операции. За проявленное мужество в одной из них З. был награжден боевым орденом Красной Звезды (единственный из литераторов, участвовавших в этой кампании). Здесь зрел замысел его посл. сценария «Подводники», кот. автор предложил Одесской киностудии, но получил отказ. Тогда он привлек к работе А. Штейна. Их совм. сценарий, получивший назв. **«Подводная лодка Т-9»**, принимает «Ленфильм» (реж. А. Иванов). Но началась Великая Отеч. война: фильм вышел на экраны только в 1943.

22 июня З. вернулся из Прибалтики, куда ездил с группой лен. писателей. Пошел в СП, откуда был направлен во флотский экипаж на площ. Труда, 2, к кот. был приписан на случай войны, получил флотскую форму старшего политрука.

28 авг. 1941 З. писал жене в эвакуацию из Л-да: «...Настроение у всех здесь боевое, и наш родной город мы не отдадим на поругание фашистским убийцам. <...> Ты пишешь: „сохрани свою жизнь“. Не те слова, дорогая Кларочка, не так сказаны. *Специально* сохранять свою жизнь может только трус, а честный человек, воин, должен быть готов *пожертвовать* ею, если это необходимо. Это не пустая фраза, а твердо принятое решение. <...> Родная моя! Как будет со всеми, так будет и со мной. Каждый на своем посту должен исполнить свой долг и сейчас больше, чем когда-либо». Поначалу был послан в Таллинн, в ред. «Красного Балтийского флота», но в кон. июля был на «Марате» в кач. редактора газ. «Маратовец», а по боевому расчету — зам. командира зенитной автоматической батареи. К этому вр. З. с Ю. Германом и А. Штейном напис. сценарий **«Один из немногих»** для «Боевого киносборника № 2» (1941), кот. вышел на экраны 11 авг.

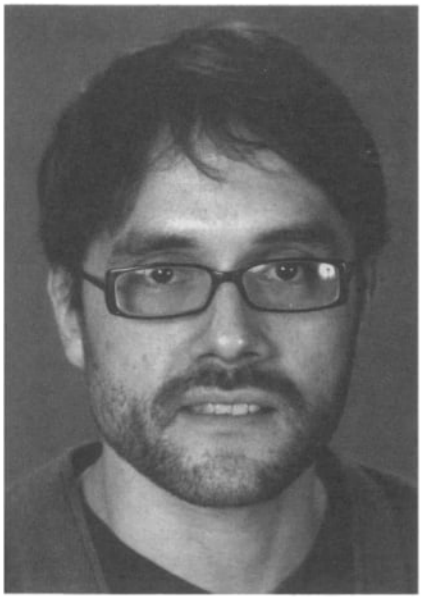
23 сент.1941-го на корабли, стоящие у Кронштадта, вышло 170 фашистских самолетов. От попадания бомбы взорвался боезапас линкора. Погибло более 300 чел. При поднятии с грунта носовой части корабля, тело З. обнаружили в железной кабине лифта, в кот. он поднимался на боевой мостик. Опознали по членскому билету СП, выданному в 1934.

Соч.: Зычный гул // Колхозная новь. М.; Л., 1932; Лёша Чеботарь // Сказ об Октябре. Л.; М., 1932; С новосельем. Л., 1933; Простая история. Л., 1934; Эстрадные рассказы. Л., 1934; Естественная история. Л.; М., 1934; Партизаны (Естественная история). Л.; М., 1934; Два друга, два братана. М., 1935; Партизаны (Естественная история): Трагикомедия. М.; Л., 1935 (1936); Подводная лодка Т–9 (в соавт. с А. Штейном). М., 1945.

Лит.: Зиновьев А. Славный путь // За сов. родину. Л., 1949; Штейн А. Повесть о том, как рождаются сюжеты. М., 1965; Азаров В. В. В. Вишневский. Л., 1966; Биневич Евг. Иоганн Зельцер — моряк и писатель // До последней минуты... Л., 1983; Биневич Евг. «Как будет со всеми, так будет и со мной...» // Народ мой. 1992. 30 июл. (№ 14); Козак А. Искатели счастья, или Воспоминания очевидца // Лехаим. М., 2001. № 9.

Евг. Биневич

ЗЕ́ЛЬЧЕНКО Всеволод Владимирович [25.9.1972, Л-д] — филолог, поэт, переводчик, педагог.



В 1989 окончил школу № 318 с углубленным изучением итальянского и французского яз. Стихи начал пис. рано. Одна из перв. публ. — стихи, напис. в школьные годы (Аврора. 1988. № 3. Вст. ст. М. Яснова), а также 3 ранних стих. в сб. молодых поэтов «Молодой Л-д» (Л.: Сов. писатель, 1989).

В 1989–94 учился на отд. классической филологии филологич. фак-та СПбГУ. В 1994–97 — в аспирантуре при той же каф. С 1994 по наст. время преподает латынь и древнегреческий на кафедре классич. филологии СПбГУ (доц.), а также ведет латинский и древнегреческий яз. в высших и ср. учеб. заведениях города. Преподавал в Российском христианском гуманитарном ин-те, СПб. ин-те иудаики. В 1999–2008 — методист коллегии древних языков СПб. классич. гимназии № 610, с 2008 — зам. директора по науч. работе гимназии.

В 2003 защитил канд. дис. **«Тв-во Эринны в контексте античной литры»**. Обл. науч. интересов — эллинистическая и римская поэзия. Занимается переводами древних поэтов (Сафо, Филет, Ксенофан и др.).

С 1995 сотрудник СПб. античного кабинета (Bibliotheca classica Petropolitana), координатор Российской ассоциации школьных преподавателей древних яз.

З. — один из поздних представителей петерб. поэтич. традиции, своими корнями восходящей к лирике И. Анненского и стремящейся к формальной отточенности и выражению стоического миросозерцания. Среди особенностей поэтики З. — обилие интертекстуальных связей с античной поэзией и русской классикой пушкинской эпохи, интерес к балладному жанру.

Печ. стихи и рец. в газ. «Гуманитарный фонд», в ж. «Вавилон», «Знамя», «НЛО» и др. Автор поэтич. книг **«Коллаж»** (изд-во «Нотабене», 1991), **«Из Африки»** (моск. изд-во «АРГОРИСК», 1994), **«Войско»** (изд-во Пушкинского фонда, 1997).

Несколько особняком стоит цикл иронич. эпитафий З. **«Русский Спун-Ривер»**, созданный по аналогии с изв. книгой вымышленных эпитафий Эдгара Ли Мастерса, но значительно смещенный по интонации за счет использования элегич. дистиха с его античной аурой.

Член редакции альм. «Древний мир и мы (Классическое наследие в Европе и России)» и ежегодника «Абарис (Журнал друзей СПб. классической гимназии)».

В 2004 проходил стажировку в Fondation Hardt pour l'etude de l'antiquite classique (Женева).

Лауреат стипендии фонда В. Потанина для молодых преподавателей высшей школы (2004). Получил премию конкурса лучших учителей 2006 (совм. с коллегией учителей древних языков СПб. классич. гимназии).

Соч.: Коллаж. СПб., 1991; Когда для смертного умолкнет си-бемоль... // Гуманитарный фонд. 1992. № 19 (122); Из Африки: Стихи. М., 1994; Стихи // Вавилон. 1995. № 3 (19); Войско: Стихотворения. СПб., 1997; Изгои: Стихи // Знамя. 1997. № 6; Шуба: Драма в трех сценах // Присутствие. 2000. № 4 (14), дек; Стихи // Совр. лит-ра народов России / Сост. Л. Костюков. Т. 1. Поэзия. Кн. 1. М., 2003; Русский Спун-ривер // TextOnly. 2004. 12 дек.; Стихи // Стихи в Петербурге. 21 век. Поэтическая антология /Сост. Л. Зубова, В. Курицын. СПб., 2005; Подкидыш // Русские стихи 1950–2000 г. Антол.: В 2 т. М., 2010. Т. 2.

Лит.: Бек Т. Сев на Пегаса задом наперед, или Здравствуй, архаист-новатор! // Дружба народов. 1997 № 11; Вязмитинова Л. От элегии до барачной поэзии // НГ Ex Libris. 2005. 23 июн.

ЗЕМСКИ́Х Валерий Васильевич [29.10.1947, г. Волхов Лен. обл.] — поэт.

Отец и мать — инженеры. З. закончил физический фак-т ЛГУ (1966–72). Работал программистом (1972–74), инженером-наладчиком на атомных станциях (1974–88), оператором теплоцентра (1988–99), выпускающим редактором, зам. зав. редакцией в изд-ве «Питер» (1999–2009). Член СП СПб. и Международной федерации русских писателей, отец-основатель и президент ВАЛИ (Всемирной ассоциации любящих «Изабеллу»). С 1966 живет в СПб.

Стихи начал пис. в 14 лет, но долгое время никому не показывал. Учась в Л-де, не посещал ЛИТО и не был никаким образом связан с лит. средой. Редкие попытки посылать стихи в ж. заканчивались безрезультатно, т. к. к тому времени у него уже стал складываться стиль, не вписывающийся в практически безраздельно царствовавшую силлаботонику.

Перв. публ. в офиц. печати — перевод стих. Ф. Марруса (газ. «Наш путь», 1979, № 1). Только через десять лет опубликуют оригинальные стихи З. (газ. «Красный треугольник», 1989, № 76). В 1980-х З. знакомится с литераторами, близкими к андеграунду, печ. в самиздатских ж. «Синтагма» (Крым), «Сумерки», «Топка», «Наст».

В 1991 выходит перв. кн. З. **«Неверный угол»**. В. Пешков в рец. на

кн. писал о З. как о сложном медитативном поэте-лирике — «полифоничный, неблагозвучный, играющий звуками, как жонглер факелами над пороховой бочкой». «Партнером по молчанию и печали» назвал его С. Носов. «Трагические стихи лучшие в книге, в них чувствуется сила и боль. Но трагическое начало не мешает иронии и самоиронии: „Выплакался, словно выплатил долги“».

С 1993 по 2000 у З. выходит четыре небольшие поэтич. кн., в т. ч. **«Безмолвное пение каракатиц»**. Он широко печ. в газ., ж., сб., антологиях, участвует в поэтич. фестивалях. Исследователь свободного стиха Ю. Орлицкий пытался вписать З. в школу петерб. верлибра, идущую от Г. Алексеева, что не оказалось очень убедительным, т. к. поэтика З. строится не столько на парадоксальных ситуациях, как у Алексеева, сколько на ассоциативных связях, на внутреннем монологе, у З. большую роль играет сложный ритм. Резкие переходы, разрывающие течение стиха, смены интонаций, недосказанность, многозначность, переходящая в герметизм — наиболее характерные черты стихов З. Вместе с тем у него нередки краткие, ясные, афористичные тексты: «Вышел на улицу / а там улица / пошел в поле / а там поле / лег на траву / а там трава».

В 2001 публикует большую кн. стихов **«КнигА (9/6)»**, в кот. входят стихи, написанные в посл. десятилетие XX в. Продолжает печ. стихи в авторитетных изд. — «Нева», «Октябрь», «Воздух», «Крещатик» (Германия), «Черновик» (США), «Дети РА», «Зинзивер», «Футурум Арт», «Акт» и др. В 2006 в М. выходит кн. **«Хвост змеи»**, в 2009 — **«Кажется не равно»**. «В этой книге, — писал П. Казарновский, — обнаруживается отказ от утверждения, от догматики — до такой степени, что с самого начала высказывание обнаруживает свою двойственность или его конец опровергает начало: Чёрные лапки / Чёрные / Не совсем чёрные / Даже скорее совсем не чёрные / Серые / Не то чтобы чересчур серые / Самую малость / Почти не видно что серые / Можно сказать что слегка белые / Ослепительно белые / Лапки». «Для Земских характерно осмысление посредством текста подчас любого, кажущегося незначительным фрагмента бытия» (К. Корчагин). «Обилие мелких бытовых подробностей и финальный перевод взгляда создают ту неопределенность, которая, кажется, досконально описана наукой XX века, но не получила достойного воплощения как развернутая философская категория в поэзии». (Д. Суховей). «С одной стороны, Валерия Земских интересует та черта, где речь вдруг становится поэзией, — это, кстати сближает его с Всеволодом Некрасовым. С другой — автор пристально вглядывается в горизонт, за которым кончается земное существование человека. Есть ли что там? Стихи Земских недвусмысленно это самое что-то нащупывают, но оно настолько специфично, что поневоле задумаешься, а может не надо?..» (Костюков Л.). По словам А. Кузнецовой, «Валерий Земских точно улавливает и передает тихий ужас того, что стоит за размеренной обыденной жизнью и зияет в ее щелях и зазорах, причем наиболее сильно — когда не прибегает к абсурду: „А ведь надо пойти и пожить / Доесть горбушку / Выпить чаю / Оставить на завтра пару дел / Заглянуть в себя / Вымыть руки / Разобрать постель / Погасить свет / Да уже ночь».

Дипломант Волошинского конкурса (2007) и лауреат премии им. Н. Заболоцкого (2009). Стихи З. переводились на английский, итальянский, чешский яз.

Соч.: Неверный угол: Стих. СПб., 1991; Страстная неделя: Стих. СПб., 1993; Послекнижие: Стих. СПб., 1996; Безмолвное пение каракатиц: Стих. СПб., 1999; Слегка чуть-чуть и кое-где: Стих. СПб., 2000; КнигА: Стих. СПб., 2001: Хвост змеи: Стих. М., 2006; Кажется не равно: Стих. М., 2009; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012.

Лит.: Пешков В. Из «Неверного угла» // С.-Петербургский ун-т. 1992. № 9 (3313); Носов С. Партнер по молчанию и печали // Сегодня. 1992. № 60; Орлицкий Ю. Геннадий Алексеев и петербургский верлибр // НЛО. 1995. № 14; Суховей Д. Книжная хроника (Валерий Земских. Кажется не равно) // Воздух. 2009. № 1–2; Костюков Л. Книжная хроника // Там же; Голубкова А. Книжная хроника // Там же; Корчагин К. Книжная хроника // Там же; Казарновский П. Валерий Земских. Кажется не равно // Зинзивер. 2009. № 3–4 (15–16); Кузнецова А. Валерий Земских. Кажется не равно. Книга стихотворений // Знамя. 2010. № 1; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

О. Григорьев

ЗЕНКЕ́ВИЧ Михаил Александрович [9.(21)5.1886, Николаевский Городок (Саратов) — 14.9.1973, М.] — поэт, прозаик, переводчик.

Отец — преподаватель земледельческого училища, мать — учитель гимназии. Детство провел в Саратове. С отроческих лет был захвачен «левыми» рев. идеями. В 1904 окончил гимназию, далее — получил фрагментарное европейское (философское) образование в Берлине и Иене, где вращался в социал-демократических эмигрантских кругах (был дружен с философом Г. Федотовым). Поэтич. дебютом З. стали «гражданские» стих. (не очень удачные), посвящ. событиям перв. русской революции; в 1908–09, после знакомства с будущими лидерами акмеизма, З. избирает путь профессионального литератора, во многом пересмотрев ранние юношеские политич. и поэтич. установки.

Началом перв. (и глав.) периода лит. деятельности З. явились его петерб. «акмеистические» годы (1907–17). Молодые поэты и писатели (большей частью студенты ун-та; сам З. в 1915 окончил курс юридического ф-та), главою кот. был Н. Гумилев, стремились организоваться в единый «Цех», не зависимый как от косности

изжившей себя реалистической литры, так и от радикализма модернистских лит. группировок. Современники отмечали огромное влияние на З. «акмеистической проповеди» Гумилева. Г. Иванов, говоря о Гумилеве — «учителе поэзии», вспоминал, как «М. Зенкевич... пришел весной в „Аполлон“ с тетрадкою удручающе банальных стихов. После нескольких встреч с Гумилевым он привез с каникул свою великолепную **„Дикую порфиру“**» (Иванов Г. Соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3). «Нарбут и Зенкевич находились под полным обаянием Гумилева»,— писала Н. Мандельштам, уточняя, однако, что хотя «все теории и мысли Гумилева были для них каноном», их понимание акмеизма было неск. односторонним: «Они присоединились к акмеизму, потому что поняли его как бунт земного против зова ввысь, как утверждение плоти и отказ от духовности. Оба они принадлежали к породе людей, кот. выше всего ставит юность, акмеизм же для них был молодостью и цветением» (Антология акмеизма. М., 1997).

Упомянутая выше книга стих. «Дикая порфира», изд. «Цехом поэтов» в марте 1912, стала одной из сенсаций «предакмеистического» лит. сезона (акмеистические манифесты появятся в янв. следующего года). Молодой поэт, увлекавшийся тогда, по его собств. признанию, «геологией и естествознанием» (Лекманов О. «Цех поэтов» и символизм // Гумилевские чтения. СПб., 1996), выступил со стихами, прославлявшими «темное, утробное родство» человеческого духа с «дико-сумрачной и косной» материей мироздания (см. программные для книги стих. **«Темное родство»** и **«Гимны к материи»**). Весьма показательны названия стих. З., вынесенных в начало «Дикой порфиры»: **«Земля»**, **«Воды»**, **«Камни»**, **«Металлы»**, **«Ящеры»**, **«Человек»**, **«В зоологическом музее»**, **«Радостный мир»**. Тексты З. насыщены «антиэстетическими» образами и картинами, выполненными (не без влияния «Падали» Ш. Бодлера) с исключительным изобразительным мастерством: «Вы горечью соли и йодом / Насыщали просторы земли, / Чтобы ящеры страшным приплодом / От мелких существ возросли <...> И долго прибитые к суше, / В пене остывших паров, / Распухшие, черные туши / Заражали дыханье ветров» («Воды»). С др. стороны, лексикон этих стих. вполне в духе тезиса будущих манифестов акмеизма о конкретике словесного содержания, изобилует терминологией, традиционно далекой от поэтич. инвентаря: «Корнями двух клыков и челюстей громадных / Оттиснув жидкий мозг вглубь плоской головы, / О махайродусы, владели сушей вы / В третичные века гигантских травоядных» (**«Махайродусы»**).

«Дикая порфира» вызвала обильный поток рецензий, принадлежавших перу мн. тогдашних поэтич. «мэтров», причем лишь одна — В. Ходасевича, считавшего книгу З. «невыносимо скучной» (Альциона. Кн. 1. М., 1914), — может быть воспринята в кач-ве «отрицательной». Все остальные рецензенты (Г. Чулков, И. Ясинский, Б. Садовский) вполне в духе эпохи «преодоления символизма» сочувственно воспринимали стремление дебютанта «учиться темному прозренью» «у последней склизкой твари» (стих. **«Человек»**). Разумеется, идеологи новорожденного акмеизма (Гумилев и Городецкий) не преминули указать на закономерность появления в русской поэзии поэта, увидевшего «скрытое единство / Живой души, тупого вещества». Первый указывал на то, что любовь З. ко всему «отверженному» предшествующей поэзией — «слизи, грязи и копоти мира» — есть реакция художника, «возненавидевшего не только бессодержательные красивые слова, но и все красивые слова, не только шаблонное изящество, но и все изящество вообще» (Гумилев Н. ПСС. Т. 7. М., 2006). Второй же прямо определил место З. в общей диспозиции акмеистической «атаки»: «Сняв наслоения тысячелетних культур, он понял себя, как „зверя, лишенного когтей и шерсти“» (Акмеизм. М., 1995).

Самыми проницательными из всего изобилия рецензий (более 30) на перв. книгу З. следует признать отклики В. Брюсова и Вяч. Иванова. Брюсов, приветствуя сам прецедент обращения русского поэта к «научной поэзии», считал, что подлинная эстетизация «вопросов, кот. считаются исключительно достоянием исследований рассудочных», не под силу З., поскольку он не имеет опыта исследовательской науч. работы с ее азартом и пафосом (см.: Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты, статьи, рец. М., 1990). Вяч. Иванов констатировал успех молодого поэта, воспевшего в «самостоятельных» и «звучных» стихах мировую «Материю», но предостерегал З. от излишнего увлечения «внешними» эффектами, ведущими к плоскому, хотя и эпатирующему «антиэстетизму»: «Со страхом я смотрю на будущее Зенкевича: если он остановится, то его удел ничтожество; если не успокоится — найдет ли путь?» (Труды и дни. 1912. № 4–5).

Дальнейшая судьба З.-поэта вполне оправдала прогнозы Брюсова и Иванова. «Космологическая» метафизика «Дикой порфиры», сообщающая ее стихам особый пафос и просветляющая натуралистич. описательно-стилистические резкости, в последующих стих. (**«Посаженный на кол»**, **«Смерть лося»**) вытесняется нарочитым стремлением поэта любой ценой «ужаснуть» читателя, играя на контрасте физиологич. грубости содержания и совершенной поэтич. красоты формы. Впоследствии эти натуралистич. мотивы, решенные в ключе исключительно красочной акмеистич. стилистики, сделали тв-во З. популярным в кругах имажинистов, но для самого поэта такой путь оказался действительно тупиковым. Осознание этого стало одной из гл. причин утраты интереса З. к стихотворчеству во втор. пол. 1910-х и отход его от круга Гумилева (другой причиной, о кот. достаточно туманно говорится в «беллетристических мемуарах» З., стал личный конфликт с «мэтром» сугубо романтич. характера).

В годы Мировой войны и революции З. пробует найти себя в гражданской поэзии (сб. **«Четырнадцать стихотворений»**, 1918) и публицистике. В 1918–19 в ж. «Худож. известия Саратовского отдела искусств» он выступает с рядом лит.-критич. ст., отстаивающих идеи «левого» искусства; в 1922 возглавлял Саратовский отдел РОСТа. В 1921 в Саратове выходит его новая кн. **«Пашня танков»**, в стихах кот. можно при желании угадать поворот к «пролетарской поэзии». Однако, по общему мнению критиков и исследователей, «главной книгой» З. оставалась «Дикая порфира».

«Советский» период тв-ва З. долгое время воспринимался современниками в духе воспоминаний Н. Мандельштам: «Михаил Александрович Зенкевич рано впал в гипнотический сон или летаргию. Это не мешало ему служить, зарабатывать деньги, растить детей. Может, этот сон даже помог ему сохранить жизнь и выглядеть вполне нормальным и здоровым... Зенкевич жил сознанием, что все, что некогда составляло весь смысл его существования, необратимо, кончено, осталось по ту сторону стекла. Это чувство могло бы превратиться в стихи, но шестой акмеист пришел к твердому выводу, что стихов тоже не будет, раз нет Цеха поэтов и тех разговоров, что обольстили его в ранней юности. Он бродил по развалинам своего Рима, убеждая себя и других, что необходимо скорее сдаваться не только в физический, но и в интеллектуальный плен... Это относилось к вопросам поэзии, чести и этики, к очередному политическому сюрпризу или насилию — к процессам, арестам и раскулачиванию... Все оправдывалось, потому что „теперь все иначе“... <...> Сейчас эта жизнь кажется мне трогательной и, несмотря на отсутствие катастроф — в тюрьме он не сидел и голодом его не морили,— почти трагической. Хрупкий от природы, Зенкевич раньше других подвергся психологической чуме, но она приняла у него не острую... а затяжную хроническую форму, от кот. никто не выздоравливает» (Мандельштам Н. Воспоминания. Кн. 1. Париж, 1982).

Этот взгляд на «позднего» З. требует существенной корректировки после публикации в 1991 «беллетристических мемуаров» З. — романа **«Мужицкий сфинкс»**. Роман создавался в те самые «летаргические» годы (1921–27), а затем, ввиду его, мягко говоря, «нонконформистского» по отношению к «эпохе» характера, 60 лет пролежал «в столе» автора (З. давал читать рукопись лишь особо доверенным лицам, в частности Ахматовой, кот. играла важную роль в повествовании).

Сам З. писал о «Мужицком сфинксе» как о своеобразном путеводителе по «горячей пустыне сыпнотифозного бреда», синтезе «записок душевнобольного» и «фантастического романа». Тема болезни героя, оказавшегося зимой 1921–22 в вымороченном, голодном Пг., заразившегося там тифом и утратившего способность различать реальность и «бред», действительно оказывается у З. (как у Гоголя и Достоевского) «внешним» мотивационным основанием при создании сложнейшей композиции, позволяющей реалии ист. петерб. катастрофы 1916–21 спроецировать во «вневременной», «космический» план, превратить реальных ист. персонажей в фигуры русской мифологии XX в., одним из носителей кот. является сам автор. Открываясь собственно «мемуарными» фрагментами (описанием действительных встреч З. в эту трагич. зиму с Лозинским, Сологубом, Ахматовой), повествование переходит затем в «фантастическую» плоскость: уже не во времени, а в «вечности» автор сталкивается с покойными участниками событий только что минувшей эпохи «невиданных перемен и неслыханных мятежей». Каждый из этих героев навсегда оказывается исполнителем некоей ист. «роли», обессмертившей его в анналах русской истории. Здесь доктор Кульбин вечно спешит на футуристич. диспут, а участники поэтич. ночных собраний в «Бродячей собаке» вечно обречены переживать муки «странной» и «неразделенной» декадентской «куртуазной» влюбленности. Гумилев и его друзья по Петроградской боевой организации — поэты, ученые, офицеры — вечно строят здесь благородные и неосуществимые планы по спасению России, а герой-одиночка Леонид Каннегиссер — повторяет и повторяет свое покушение на М. Урицкого и неудачный побег на велосипеде через проходные дворы. Пуришкевич и доктор Лазоверт становятся «вечными убийцами Распутина», а сам Распутин (один из гл. героев романа) все пытается растолковать «ученым людям» свою «чалдонскую», «мужицкую» правду о «хлебце», «мучке», «войне» и «революции» — и спасти тем самым императорскую чету и всю страну: «Я один ее, революцию-то, наскрозь вижу. Нешто дал бы я Миколаю с Ерманией воевать, кабы меня сумасшедша баба ножиком не пырнула. А кабы они не кинули меня с мосту в пролубь, нешто допустил бы я революцию?»

Роман «Мужицкий сфинкс», появившийся в читательском обиходе сравнительно недавно, еще ждет своих исследователей.

З.— переводчик европейской и американской поэтич. классики. Начиная с 1920-х уделял большое внимание именно этой работе. Мастерство его как переводчика — общепризнанный лит. факт.

Соч.: Сказочная эра: Стих. Повесть. Беллетристич. мемуары. М., 1994.

Лит.: Тименчик Р. Зенкевич М. А. // Русские писатели. 1800–1917. Биогр. словарь. Т. 2. М., 1992; Лекманов О. «Цех поэтов» и символизм // Гумилевские чтения. СПб., 1996; З[енкевич]. Странная книга... // Зенкевич М. Эльга. Беллетристич. мемуары. М., 1991.

Ю. Зобнин

ЗЕРНО́ВА Елена Сергеевна [28.1.1951, Л-д] — филолог-романист, переводчик.

В 1968 окончила школу № 1 с углубленным изучением английского яз. и поступила на испанское отд. филологич. фак-та ЛГУ, по окончании кот. была принята в аспирантуру кафедры романской филологии. В 1976 защитила канд. дис. по истории испанского яз. и была зачислена в штат кафедры романской филологии, где работает по наст. время, первоначально в должности ассистента, с 1984 — в качестве доцента.

В 1977–78 проходила науч. стажировку в Нац. автономном ун-те Мехико, в дальнейшем многократно приглашалась для чтения лекций в ун-ты Барселоны, Сантьяго де Компостела, Гранады, Виго и др. городов Испании. Является членом ред. советов неск. науч. ж. Испании и Италии.

Науч. интересы З. лежат в обл. истории испанского яз., нац. вариантов испанского яз. в Латинской Америке, миноритарных яз. Испании (галисийского и каталанского), теории перевода. Науч. библиография З. включает более 60 работ, опубл. в России и Испании. Среди них: **Языковая дифференциация лит. стилей в эпоху Сервантеса** // Сервантесовские чтения. Л., 1985; **«Селестина» как памятник раннего Возрождения** // Сервантесовские чтения. Л., 1988; **Muletillas en el habla de la ciudad de México** // XX Congres International de Linguistique et

Philologie Romanes. Comunications. Université de Zurich, 1992; **Francisco López de Gómara y su crónica** // XXIX Congreso Instituto Internacional de Literatura Iberoamericana: «Iberoamérica y España: Literaturas en contacto». Barcelona, 1992; **O adxectivo como factor diferenciador dos estilos funcionáis no galego** // «A lingua galega: historia e actualidade». Santiago de Compostela, 1996; **Poesía galega en traduccións rusas** // Boletín galego de literatura. Universidad Santiago de Compostela, 1997; **Paralelos fraseológicos gallego-rusos en los textos literarios** // Actas del I Congreso internacional de lingüística contrastiva. Universidad de Santiago de Compostela, 21–24 mayo 1998. Santiago de Compostela, 1999; **Качественная характеристика как элемент средневековой ментальности: имя прилагательное в испанских текстах раннего периода** // Содержание единиц языка и текста. СПб., 2003; **И надо каждый день стихи писать...** Предисловие к двуязычной поэтич. антол. // Ширинакс О. Сады над морем. СПб., 2003; **Сантьяго Русиньол — душа каталонского модернизма**: Предисл. // Сантьяго Русиньола Повесть о сеньоре Эстеве. СПб., 2009; **Literatura gallega en Rusia: traducción, lectura, estudios** // Materiales del IX Congreso Internacional de AIEG. Vigo, 2010; Poesía catalana en ruso // Poetari. Barcelona, 2012.

В 1993 при участии З. был создан Центр галисийских исследований СПбГУ, проводящий многостороннюю деятельность по изучению и распространению иберо-романской культуры, кот. она возглавила. С 1995 Центр совм. с изд-вом СПбГУ изд. первую в России двуязычную антологию галисийской лит-ры (к наст. моменту выпущено 17 т.), сост. и отв. ред. кот. является З. С 2000 Центр приступил к изд. антологии каталонской лит-ры (10 т. на наст. момент), в кот. З. выступает в качестве отв. ред. и сост.

Переводч. деятельностью З. занимается с 1970-х, когда начала вести в ЛГУ семинарские занятия по анализу текста и худож. переводу для студентов-испанистов. В 1995 в ж. «Дорна» (Испания) опубл. подборка стихов петерб. поэтов в ее переводе на галисийский яз. В 1998 изд-во СПбГУ выпустило роман изв. испанского писателя А. Конде «Грифон» в перев. З., кот. позднее (2002) был переизд. изд-вом «Азбука». К наст. времени список книг в переводах З. с испанского, галисийского и каталанского яз. насчитывает более 30 наименований, среди кот. следует выделить неск. романов и повестей классика каталонской лит-ры Сантьяго Русиньола, роман изв. баскского писателя Бернардо Ачаги «Сын аккордеониста», неск. кн. Альфредо Конде.

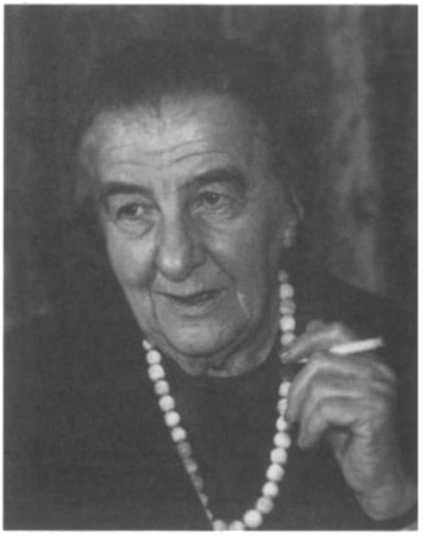
С 2006 член СП СПб. и Союза Российских писателей.

Перев.: Альфредо Конде. Грифон. СПб., 1998 (2002); Альфредо Конде. Ноа и ее память. СПб., 2000 (2004); Альфредо Конде. Священная музыка: Сб. рассказов. СПб., 2001; Альфредо Конде. Дом Адары: Сб. рассказов. СПб., 2002; Альфредо Конде. Помни о живых: Сб. рассказов. СПб., 2002; Альфредо Конде. Синий кобальт. СПб., 2003; Альфредо Конде. Человек-волк. История Мануэля Бланко Ромасанты, убийцы из Альяриса, рассказанная им самим. СПб., 2003; Мануэль Ривас. Язык бабочек // Антология галисийской лит-ры. Т. 7. СПб., 2003; Альфонсо Альварес Каккамо. Лит. контора // Там же; Бернардо Ачага. Сын аккордеониста. СПб., 2006; Новые баскские рассказы: Сб. СПб., 2006; Аранча Урретабискайа. Красная тетрадь. СПб., 2008; Лурдес Оньедерра. И сказала змея женщине... СПб., 2008; Сантьяго Русиньол. Повесть о сеньор Эстеве. СПб., 2009; Альфредо Конде. Лукуми. СПб., 2009; Шуршо Боррасас. Быть или нет. СПб., 2009; Сантьяго Русиньол. Серенький городок. СПб., 2010; Виньет Паньелья. Сантьяго Русиньол, земной странник. СПб., 2011; Альфредо Конде. Тайна апостола Иакова. СПб., 2011; Рафаэль Эскуредо. Леонор, mon amour. СПб., 2012.

А. Родосский

ЗЕРНО́ВА Руфь Александровна (наст. фамилия — Зевина) [1919, Одесса — 2004, Иерусалим] — прозаик, публицист, переводчик.

Родилась в еврейской семье. По окончании школы в Одессе приехала в Л-д, поступила на французское отд. филологич. фак-та ЛГУ. Добровольцем принимала участие в Гражданской войне в Испании: со студенч. скамьи по собств. желанию выехала воен. переводчиком при сов. дипломатическом представительстве (для этого дополнительно закончила курсы испанского яз.), была ранена. По



возвращении работала в наркомате Морского Флота.

В годы блокады Л-да была вывезена в Ташкент, работала в ТАСС. В 1943 в Ташкенте вышла замуж за литературоведа, историка лит-ры И. Сермана. После войны, вернувшись в Л-д, закончила обучение на филологич. фак-те ЛГУ (1947).

В 1949 вместе с мужем была арестована по обвинению в «распространении антисоветских клеветнических измышлений» (см. рассказ **«Суд»**), освобождена в 1954. Арест и заключение сыграли в судьбе З. судьбоносную роль, заставив искать ответ на вопрос «Кто же мы такие?». В очерке **«Наши дороги домой»** (1990) З. пишет: «...стало нападать — толчками, перебежками, захватывая в душе пядь за пядью — национальное самосознание». Годы, проведенные в заключении, не считала потерянными: «Они здорово отмыли мне душу и научили некоему смирению и умению слушать» (**«Израиль и окрестности»**).

С 1955 печ. в ж. «Новый мир», «Юность», «Звезда», «Огонек» и др. Выпустила неск. сб. рассказов и повестей — **«Скорпионовы ягоды»** (1961), **«Свет и тени»** (1963), **«Бакалао»** (1963), **«Длинное-длинное лето»** (1967), **«Солнечная сторона»** (1968), **«Рассказы про Антона»** (1968), **«Немые звонки»** (1974). Автор воспоминаний о Гражданской войне в Испании. Хозяйка «почти лит. салона»: «Я познакомился с ними в начале 1960-х. Они любили собирать в своей квартире молодых

литераторов. Бывали у них Александр Кушнер, Евгений Рейн, Валерий Попов, Александр Городницкий и множество других поэтов и прозаиков, пробовавших тогда свой голос под ветерком хрущевской оттепели. Как Руфь Александровна умела радоваться друзьям! И как люди тянулись к ней, летели на этот вспыхивающий им навстречу огонек. В ее повести „Немые звонки" героиня говорит: „Я больше всего люблю эти первые приближения, первое ожидание радости, когда на все смотришь как доверчивый гость. И хоть ты и знаешь, старея, что тут и обман, и мишура, и показуха, но и в этом ведь есть своя правда, в радости этой, в надежде, в ожидании, в самой даже показухе. В праздниках — правда, и в буднях — правда, и, в общем, как же все-таки хорошо, что я не отучилась радоваться! Я могла бы сказать о себе: радуюсь — значит, живу!"» (И. Ефимов). «Руфь была потрясающей. Умной, быстрой на реакцию, остро формулирующей мысль. И еще — внимательно изучающей собеседника своими огромными, круглыми, горячими глазами. Она тонко улавливала юмор и смеялась всем лицом — глазами, морщинками и большим ртом с крупными негритянскими зубами. Она задавала неожиданные вопросы, ответы на которые раскрывали душу и человеческую сущность собеседника. При этом она и сама была открытой и доверчивой в разговоре, ни следа надменности, ни капли высокомерия. Но и сентиментальной доброты в ней тоже не было. Она была умна, строга, безапелляционна...» (Н. Королева).

В 1976 уехала с мужем в Израиль (вслед за семьей дочери). Активно выступала как публицист (статьи о литре) и переводчик (с итальянского, испанского, французского, английского яз.). Переводила кн. Э. Визеля и воспоминания Голды Меир «Моя жизнь» (Иерусалим: изд-во «Библиотека-Алия», 1984). Опубл. сб. **«Женские рассказы»** (1981), **«Это было при нас»** (1988), **«Израиль и окрестности»** (1990), кн. мемуарной прозы **«Длинные тени»** (1996), **«На море и обратно»** (1998). Ее произведения переведены на польский, чешский, словацкий, итальянский и английский яз.

С перв. рассказов определился круг тем и особенности тв-ва З.: мастерство рассказа и композиции, точное и живое слово. Ее отличал интерес к будничному течению жизни, по видимости тривиальным явлениям и обыкновенным людям, в кот. она умела разглядеть яркие личности (**«Помидора»**, **«Сильва»**, **«Скорпионовы ягоды»**, **«Бронзовый бык»** и др.). З. писала о женских судьбах, в кот. за бытом и рутинностью будней часто скрыта драма (**«Городской романс»**, **«Люськина судьба»**). Ее камерные рассказы повествовали о глубоких чувствах (**«Тонечка»**, **«Письмо»**, **«Немые звонки»**). Некот. рассказы были основаны на испанских впечатлениях (**«Бакалао»**, **«Два дня в Восточных Пиренеях»**, **«Скользкая тропа»**). В произведениях З. занимательный сюжет сочетался с психологизмом. Это относится и к рассказам о реальных людях (кн. «Это было при нас», «Длинные тени»). З. размышляла о драматизме еврейской судьбы («Наши дороги домой», **«Попутчики»** и др.), рассказывала о жизни израильтян (**«На улицах Рамота»**, **«Лаборантка Орна»**). Кн. мемуарной прозы «Длинные тени» достоверно передает атмосферу 1930–40-х в СССР, изображает судьбы интеллигенции в этот период. Американская славистка Б. Хелдт в ж. «Wold Literature Today» (1983), рецензируя сб. З. «Женские рассказы», писала: «Зернова сумела сплести свою личную судьбу с судьбой страны... Простота ее рассказов обманчива... Руфь Зернова, Надежда Мандельштам, Евгения Гинзбург — из их книг перед нами вырастает совершенно новая картина российской жизни, русской истории».

В 2011 вышли две кн., посвящ. З.: **Руфь Зернова — четыре жизни**: Сб. воспоминаний (М.: Изд-во «НЛО»); **Книга Руфи:** Проза Руфи Зерновой. Писательские блокноты (Иерусалим: Изд-во «Филобиблон»). Кн., дополняя друг друга, дают яркое представление о писательнице, кот. наз. «национальным достоянием русскоговорящего Израиля».

Соч.: Голда Меир. Моя жизнь / Перевод Р. Зерновой. Иерусалим, 1984; Израиль и окрестности. Иерусалим, 1990; Голда Меир. Моя жизнь / Перевод Р. Зерновой // Иностр. лит-ра. 1994. № 2; На море и обратно. Иерусалим, 1998; Незабываемый // НЛО. 2002. № 55; Дачный сосед // Нева. 2005. № 10; Руфь Зернова — четыре жизни. М., 2011; Книга Руфи. Иерусалим, 2011.

Лит.: Ефимов И. Вст. ст. к повести «Дачные соседи» // Нева. 2005. № 10; Королева Н. Руфь Александровна, Руня Зернова // Звезда. 2005. № 11.

ЗИЛЬБЕРШТЕ́ЙН Илья Самойлович [28.3.1905, Одесса — 22.5.1988, М., похоронен на Кунцевском кладб.] — лит. критик, литературовед, искусствовед.

Отец служил бухгалтером на фабрике Абрикосовых, у матери не было даже начального образования. С ранних лет увлёкся русской лит-рой и искусством, проводил мн. времени в лавках одесских букинистов. Учился в Новороссийском ун-те.

В 1923 переехал в Пг. В 1926 окончил ЛГУ. Тогда же начал публ. свои перв. статьи и кн., посвящ. жизни и тву А. Пушкина, А. Грибоедова, Ф. Достоевского, И. Тургенева. Благодаря знакомству с историком П. Щёголевым вошел в круг петерб. интеллигенции, приобрёл множество контактов.

Один из основателей сб. «Лит. наследство», ред. 98 т. (1931–88).

В 1966–67 побывал в Париже, где встретился с изв. людьми русской истории. Вёл переписку с эмигрантами — «русскими парижанами» — искусствоведами и литературоведами. Более двадцати тысяч ист. доктов по истории русской культуры были возвращены З. из-за границы и частн. собраний в гос. фонды и архивы СССР.

Коллекционер. Основатель Музея личных коллекций в М. (открыт в янв. 1994).

Член СП СССР (1968). Докт. искусствоведения.

Лауреат Гос. премии СССР (1979). Награждён орденом «Знак Почёта», медалями.

Соч.: Из бумаг Пушкина: Новые матлы. М., 1926; История одной вражды. Л., 1928; Репин и Горький. М., 1944; Репин и Тургенев. М., 1945; Арест пропагандиста: Картина И. Е. Репина. М., 1951; Николай Бестужев и его живописное наследие: История создания портретной галереи декабристов. М., 1956; Разыскания о Тургеневе. М., 1970; Художник-декабрист Николай Бестужев (1791–1855). М., 1977.

Лит.: Леонидов В. К 100-летию со дня рождения И. С. Зильберштейна // Культура. 2005. № 11 (7470). 24–30 март.; Клигман Л. Родился в Одессе в одна тысяча девятьсот пятом... // Мигдаль Times. 2005. № 65, нояб-дек.; Искатель неведомого // Эхо. 2008. 28 март.

ЗИМИ́Н Валерий Дмитриевич [8.3. 1931, ст. Некоуз Ярославской обл.] — драматург, прозаик-сказочник, детский писатель.

Окончил худож. училище, работал реставратором в ГЭ, затем мн. годы актёром и режиссёром в различных театрах страны. «Театр — это моя жизнь», — говорит З.

Перв. пьеса-сказка **«Деревянный король»** напис. в 1960, опубл. в 1961. Затем последовали **«Веселая карета»**, **«Жила-была Сыроежка»**, **«„Брысь!", или История кота Филофея»** и мн. др. Всего им написано около 30 пьес-сказок для театра, все они увидели свет рампы. Спектакли по пьесам З. идут во мн. театрах нашей страны.

Член СП с 1985 (СП России с 1999).

Соч.: Брысь!, или История кота Филофея: Сказки для театра. СПб., 1996; Волшебные пилюли: Сказка. СПб., 1997; Жил-был Кот: Сказки. СПб., 1998; По сказочным дорогам: Воспоминания. СПб., 2005; Принцесса и Горбун: Сказочная повесть. СПб., 2008; Огонёк добра: Изб. пьесы-сказки. СПб., 2010.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

ЗИНО́ВЬЕВА Елена Павловна [21.2.1950, Л-д] — журналист, лит. критик.

Отец, З. Павел Александрович, происходил из крепкой многодетной крестьянской семьи Лен. обл. В годы коллективизации семья перебралась в Л-д, опасаясь раскулачивания. Работал в системе Ленэнерго, строил ТЭЦ на северо-западе СССР. Мать, Лидия Васильевна, из псковских свободных земледельцев. В Л-д семья переехала в 1920-е. Медсестра, учитель. Оба участники Великой Отеч. войны.

Вся жизнь З. связана с Л-дом-СПб. Здесь прошло ее детство. По окончании средней школы в 1967 поступила в Лен. ин-т культуры им. Н. Крупской на библиотечно-библиогр. фак-т, в 1971 получила диплом и была распределена в районную биб-ку Л-да. Осн. увлечение с детства — лит-ра, чтение.

С 1975 работала в системе Гостелерадио, в Лен. комитете по ТВ и радиовещанию. Пребывание в творч. среде послужило импульсом для собств. самореализации, чему способствовал и широкий доступ к информационным источникам, кот. давала служба в биб-ке Дома радио. В 1989 началось сотрудничество с заслуж. работником культуры М. Петровой. Опытный радиожурналист, она была заинтересованным, доброжелательным

и требовательным наставником. З. стала пост. автором ее воскресной передачи, впоследствии готовила мат-лы для лит.-худож. ред., для информационных программ, на протяжении десяти лет была лит. обозревателем программы «Встречи на Итальянской», выходила в прямой эфир. Круг тем: лит-ра, история, книги — забытые, возвращенные, новые.

После реформирования Лен. радио стала свободным журналистом, сотрудничала с радио, печ. в петерб. прессе. С июля 2002 ее лит.-критич. статьи, рец. публ. в ж. «Нева». С 2008 автор пост. рубрики ж. «Дом Зингера», кот. знакомит читателей с новинками худож. и научно-популярной лит-ры, в первую очередь с кн., выпущенными петерб. изд-вами. В 2010 за цикл мат-лов о Б. Корнилове присуждена Независимая лит. премия «Навстречу дня» им. Б. Корнилова.

Является автором кн. **«История России: Взгляд из XXI в.»** (СПб.: Изд-во ж. «Нева», 2001). В кн. представлен совр. взгляд на историю становления и развития российской государственности, ее будущности. Рассматриваются работы по отеч. истории, изд. в посл. годы и вызвавшие полемику в прессе и науч. кругах. Авторы этих текстов — исследователи отеч., зарубежные, в т. ч. из ближнего зарубежья — поднимают проблемные вопросы отеч. истории с древнейших времен до наших дней, дают неоднозначные оценки событий минувших времен и конкретных ист.

персонажей, выдвигают нетрадиционные версии хода мировой истории. Так, споры вызывают и история происхождения украинского и белорусского народов, и строительство общерусского государства, сов. период истории, Великая Отеч. война. На основе анализа обширного мат-ла автор обозначает наиболее важные тренды ист. исследований, болевые точки российской истории и дает обобщенную картину состояния совр. ист. самосознания. В. Коркунов: «Поднимая проблему самого существования русского этноса в исторической мысли, Елена Зиновьева обозначает „курс“ своего труда — актуализация исторических проблем, повышенное внимание к белым пятнам и ключевые, острые моменты нашего (порой совсем недавнего) прошлого. Как разобраться в этом многообразии? В первую очередь автор даёт возможность услышать современников, авторов, пишущих в наше больное историей время, когда не отболело советское прошлое, когда не стало предметом истории, а побуждает на новые — правдивые или конъюнктурные — толкования; когда увлечённые идеей вставить своё слово (или словцо) писатели обращаются к временам Киевской Руси или к времени царствования династии Романовых. В этой возможности увидеть и сравнить без навязывания своей позиции и кроется главное достоинство книги Е. Зиновьевой».

Соч.: История России: Взгляд из XXI в. СПб., 2001.

Лит.: Чайковская И. «Невский десант» // Чайка. 2012. № 9; Грушко В. Ист. дайджест // Слово. 2012. № 5–6; Коркунов В. Поле битвы — история // ЛГ. 2012. № 38.

Н. Гранцева

ЗИНО́ВЬЕВА-АННИБА́Л (наст. фамилия Зиновьева; по перв. браку — Шварсалон, по втор. — Ива́нова) Лидия Дмитриевна [17.2(1.3).1866; по др. сведениям — 6(18).10.1865 — 17 (30).10.1907, Загорье Могилевской губ., похоронена в Александро-Невской лавре СПб.] — прозаик, драматург, лит. критик, эссеист.

Родилась и выросла в дворянской семье. По мужской линии связана с сербской аристократией, по женской — с шведской: мать — баронесса Веймарн. По линии матери род был также связан с предком А. Пушкина — Абрамом Ганнибалом. Аннибал — лит. псевд., о кот. сообщается в письме Вяч. Иванова В. Брюсову от 25 дек. 1903 (ЛН. Т. 85). Отец — Дмитрий Васильевич Зиновьев — был надворным советником, после размолвки с женой — Софьей Александровной — жил в Швейцарии, в Женеве. Старший брат З.-А. — Александр Дмитриевич Зиновьев (1854–1931) — был впоследствии Петерб. гражданским губернатором. Начатое домашнее образование было неудачно. Как вспоминала она сама, «к 14-ти годам я была уже настолько невыносимо капризна <...>, что родные решили позвать докторов и с их совета отправить меня на несколько лет за границу в немецкую школу» (Богомолов Н. Сопряжение далековатых). В 1886 сдала экстерном экзамены за гимназический курс, некот. вр. училась на Высших женских (Бестужевских) курсах, в 1888/89-м занималась в Бернском ун-те. В 1884 пережила серьезное увлечение с попыткой бегства из дому и брака, что было расстроено матерью и родными. В нояб. 1886 обвенчалась с подающим надежды историком Константином Семеновичем Шварсалоном (1857–?), кот. давал ей домашние уроки. От этого брака у нее было трое детей: Сергей (1887–1941, расстрелян), Вера (см.) и Константин (1892–1918?).

Перв. опубл. рассказ З.-А. — **«Неизбежное зло»** (Сев. вестник. 1889. № 8) был подписан именем Л. Шварсалон. Он отразил увлечение З.-А. народническими идеями и отличается от всего последующего тв-ва. Летом 1893 брак Шварсалонов распался и З.-А. начала хлопоты о получении отд. вида на жительство. Летом 1894, путешествуя в компании И. Гревса по Италии, в Риме познакомилась с Вяч. И. Ивановым. Эта встреча стала поворотным событием в духовном развитии З.-А. и обусловила ее становление как писательницы и его осознание себя лирич. поэтом (Шор О. Введение // Иванов Вяч. СС: В 4 т. Брюссель, 1971. Т. 1). Расставшись с Ивановым, З.-А., забрала из России детей и осенью 1894 приехала в Италию. Поводом было обучение пению, кот. она увлеклась незадолго до того. Прожив недолгое вр. в Пезаро, она перебралась во Флоренцию, где возобновила общение с Ивановым и ее семьей. В нач. 1895 З.-А. и Вяч. Иванов соединили свои судьбы. В 1896 развод (с запрещением вступать в новый брак) получил Иванов, дело З.-А. тянулось до 1899. Они были вынуждены скрывать свои отношения (в 1896 родилась их дочь Лидия) и жили во Франции, Швейцарии, Италии, лишь изредка и по отдельности наезжая в Россию (летом 1898 З.-А. была в Киеве, что произвело на нее сильное впечатление). В это время З.-А. продолжала занятия лит-рой и пением (в т. ч. с П. Виардо, кот. в конце концов объяснила ей невозможность стать профессиональной певицей). В 1899 им после неудачных попыток удалось обвенчаться в греческой церкви в Ливорно и крестить дочь. С осени 1899 по весну 1900 супруги жили в Англии, где родилась и через 10 недель умерла дочь Елена. Лето они провели в СПб., где Иванов виделся с Вл. Соловьевым, а вместе они побывали в Киеве. В кон. 1900 — нач. 1901, устроив семью (трое младших детей) с другом и домоправительницей М. Замятниной на villa Java в Женеве, Ивановы уезжают в Афины (откуда совершают паломничество на Св. Землю, попутно побывав в Египте), и окончательно обосновываются в Женеве в 1902. Религиозность З.-А. принимала иногда болезненные формы: от бунта против Церкви — до строительства Церкви вселенской как единства любящих сердец. «Для христианского, — писала она к А. Минцловой

(недатированное письмо), — у меня нет видящей любви, осязающей, — к Христу воплотившемуся: меня может проникнуть в восторге и тишине лишь Дух» (Богомолов Н. Русская лит-ра нач. XX века и оккультизм. М., 2000). Брак с Ивановым, продолжавшийся 12 лет, стал творч. союзом двух сильных и ярких личностей. Супруги считали себя единым целым, вместе с тем, если Вяч. Иванову с самого начала сопутствовал лит. успех, то публикации произведений З.-А. сопровождались неприятием критики и скандальными рец. на ее произведения в связи с необычной трактовкой темы любви и смерти, семьи и брака, а также введением темы лесбийской любви. Одним из печально известных ее произведений в нач. 1900-х стал роман **«Пламенники»**, предложенный к печ. в России в отд. главах в янв. 1903 (через посредничество М. Замятниной) и вызвавший негативную реакцию не только редакции ж. «Мир Божий» (Ф. Батюшкова и А. Куприна), но и издававших «Новый путь» Д. Мережковского и З. Гиппиус. Батюшков упрекал З-А. в неоправданном словотворчестве, а Мережковский в искусственной форме. Вяч. Иванов писал В. Брюсову в письме от 23 июня 1903 о необходимости издания романа в М., в изд-ве «Скорпион», договорившись с худ. Одилоном Редоном сделать литографию для обложки (ЛН. Т. 85). Брюсов же после прочтения романа стал всячески препятствовать его публикации (Богомолов Н. Вяч. Иванов в 1803–1907 гг.: Докум. хроники. М., 2009). Вяч. Иванов пытался объединить отд. главы романа «Пламенники» под одной обложкой со своими произведениями («Тантал») и исследованиями («Эллинская религия страдающего бога»), что могло бы позволить, по его мнению, высказать «наше миросозерцание эстетическое и философское, не подходящее ни под одну из существующих категорий» (Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн / Подг. текста М. Вахтеля и О. Кузнецовой // Studia slavica. Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1996. T. 41). Роман «Пламенники» не был закончен и не был напеч., но опыт сотворчества с Вяч. Ивановым был очень важен для З.-А. Роман отражает увлечение Вяч. Иванова дионисийскими культами, отразившееся в его знаменитых парижских лекциях 1903. З.-А. в качестве основы для сюжета берет трагический миф об Агаве, кот. была поражена безумием за неверие в Диониса и в исступлении растерзала собств. сына. В последующем тв-ве З.-А. воплощаются подчас отрицающие друг друга идеи: дионисизма и христианской соборности, женской эмансипации и соц. справедливости. Она сочетает вполне реалистич. манеру бытописания с принципами модернистской орнаментальной импрессионистич. прозы, тяготеющей к символизации.

Четырехмесячное пребывание Вяч. Иванова и З.-А. в М. и СПб. в марте-июле 1904 знаменательно сближением с писателями символистского круга: В. Брюсовым, К. Бальмонтом, А. Белым, Ю. Балтрушайтисом и др. Здесь в 1904 изд. драма З.-А. **«Кольца»**. В 1905 были опубл. в альм. «Сев. цветы» 18 «стихотворений в прозе» З.-А., известных под назв. **«Тени сна»** и отличающихся философской проблематикой и лирико-импрессионистической манерой. Драма «Кольца» стала первым изв. произведением писательницы и ее лит. дебютом, но вызвала и недоброжелательные отклики критики в связи с непониманием замысла автора (см.: Миртов О. // Образование. 1905. № 8; Тарский К. // Моск. ведомости. 1904. 21 нояб.; Пантюхов М. // Искусство. 1905. № 1 и др.) или попытки ее интерпретации в духе идей Вяч. Иванова (Чулков Г. // Вопросы жизни. 1905. № 6). В предисл., предпосланном драме, Вяч. Иванов пишет о философской идее «Колец», кот. заключается в «расширении» «нашего страдательного „я“ до его мировой беспредельности через углубление личного страдания» (М., 1904). Это, по его мнению, возвращает драму к мистерии и «к ее первоисточнику — литургическому *служению* у алтаря Страдающего Бога». Традиционный любовный треугольник в пьесе понимается не как основа сюжетной интриги, а как проблема выбора между обычной и вселенской любовью.

Тема освобождения любви от греха индивидуализма «посредством Диониса» станет центральной в тв-ве З.-А. после переезда супругов в СПб. (весна 1905; адрес — Таврическая, д. 25). О петерб. квартире Вяч. Иванов писал В. Брюсову в письме от 29 авг. 1905: «Живем (вдвоем с Лидией Дмитриевной) на верху круглой башни над Таврическим парком и его лебединым озером. За парком, за Невой, фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте» (ЛН. Т. 85). Здесь, на Башне, собирался весь цвет лит.-худож. элиты СПб. и М. Ритуал и темы собраний, или знаменитых «сред» (точнее — они проходили в ночь со среды на четверг) разрабатывались по типу знаменитых платоновских симпосионов. В русле «башенных» диалогов родилась идея создания семьи как «союза трех», в кот. принимали участие М. Сабашникова и С. Городецкий. Эта идея оказалась утопичной: с одн. стороны, распался брак М. Сабашниковой с М. Волошиным, с другой — С. Городецкий, отверг «союз трех». З.-А. называли Диотимой, Сивиллой, Мэнадой, Психеей «Башни», т. к. вместе с Вяч. Ивановым она, по словам современников, сумела стать в самом центре всей духовной жизни Серебряного века. В это время у З.-А. возник замысел собрать и объединить все написанные ею рассказы, основанные на воспоминаниях детства, в отд. кн. — **«Трагический зверинец»**. Кн. была вскоре издана (СПб., 1907). Ее основу составили рассказы **«Медвежата»**, **«Жура»**, **«Волки»**, **«Глухая Даша»** и др., объединяющиеся темой жестокости и бесчеловечности. С 1904 З.-А. выступает и как лит. критик, публикуя ст. и рец. в ж. «Весы» и др. изд. Ее произведения начинают появляться на страницах лит. альм. и сб., напр., рассказы **«Нет»** (Факелы. Кн. 1. СПб., 1906) и **«Отрывок из письма о неблагополучии мироздания»** (Адская почта. 1906. № 1) и привлекают внимание читателей к проблемам индивидуального террора, политич. убийств, несоответствия зла в реальном мире и божественности человеч. природы. Проблемы человеч. отношений, возникшие как отражение «башенного» быта, явлены в ряде рассказов, напр. **«Голова Медузы»** (вошел в сб. «Нет!»). Здесь даны шаржированные зарисовки посетителей ивановских «сред», как и в пьесе **«Певучий осел»** (опубл. частично: Цветник Ор. Кошница первая. СПб.,

1907; полный текст опубл. посмертно). В пьесе, представляющей собой свободные вариации на темы комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь», были сделаны стих. вставки, написанные Вяч. Ивановым. З.-А. мечтала о постановке своих пьес на сцене, что было возможно, как считал В. Мейерхольд (Мейерхольд В. Переписка. 1896–1939. М., 1976). Самым изв. произведением З.-А. в эти годы стала повесть **«Тридцать три урода»**, вышедшая в изд-ве «Оры» (СПб., 1907) и посвящ. Вяч. Иванову. Написанная в форме дневниковых записей, датированных от декабря одного года до февраля следующего, она была посвящ. запретной лесбийской любви и была основана на идее свободного выбора. Отказываясь от традиционного брака, про́клятая воспитавшей ее бабушкой, героиня проходит испытание любовью, красотой и поклонением любящей ее женщины по имени Вера. Заказывая портрет героини тридцати трем живописцам, Вера хочет спасти ее красоту, но получает «тридцать три урода» — правдивое реалистич. изображение телесности. Искусство не в силах воспроизвести идеальную красоту, т. к. оно воспроизводит «впечатление» художника. Свободная любовь не является вечной, т. к. основана на идее телесной красоты, а тело стареет и увядает. Повесть была запрещена цензурой в связи с введением необычного сюжета и проблем плоти и пола, волновавших как представителей русской религиозной философии, так и писателей-символистов. Даже писатели и критики из ближайшего символистского круга назвали повесть модернистской, безнравственной и непонятной (А. Белый // Перевал. 1907. № 5; З. Гиппиус // Весы. 1907. № 7), а критики определили ее как тип порнографической лит-ры.

Наибольшее признание критики снискал посмертно изданный Вяч. Ивановым сб. З.-А. **«Нет!»** (Пг., 1918). Если «Трагический зверинец» отразил драматич. коллизии отношений человека и природного мира, то сб. «Нет!» дал панораму социальных и политич. идей, поставил проблему насилия как явления противоестественного и чреватого разрушением души человека. Оба сб. объединяет реалистич. образность, эмоциональная манера повествования, стремление найти разгадку таинственной природе человеч. инстинкта.

После первого сезона «сред» они были возобновлены с гораздо меньшим энтузиазмом, а после тяжелой болезни З.-А. в нач. 1907 и вообще почти прекратились. Попытка возобновления в 1908 была лишь эпизодом. Смерть З.-А. во время затянувшегося летнего отдыха от скарлатины была неожиданной. Некрологи были напис. С. Ауслендером (Золотое Руно. 1907. № 10), А. Белым (Правда живая. 1907. 26 окт.) и др. После смерти З.-А. на «Башне» возникло много семейных проблем, разрешить кот. Вяч. Иванов попытался в браке с дочерью З.-А. от первого мужа — В. Шварсалон (от этого союза в 1912 родился сын Вяч. Иванова — Дм. Вяч. Иванов).

Архив: Два берега // РГБ. Ф. 109; Римский Архив Иванова.

Соч.: Кольца. М., 1904; В раю отчаяния (Андре Жид): Лит. портрет // Весы. 1904. № 10; Тень вечерняя // Вопросы жизни. 1905. № 12; Помогите вы! Пасха. // Факелы. СПб., 1906. № 1; Кошка. Отрывок из письма о неблагополучии мироздания // Адская почта. 1906. № 1; Певучий осел // Цветник Ор. Кошница первая. СПб., 1907; Белая ночь: Петерб. альм. СПб., 1907; Тридцать три урода. СПб., 1907; Трагический зверинец. СПб., 1907; Нет! Рассказы / Под ред. Вяч. Иванова. Пг., 1918; Певучий осел / Публ. Н. Богомолова // Театр. 1993. № 5; Тридцать три урода / Вст. ст. и комм. М. Михайловой). М., 1999.

Лит.: Шор О. Введение // Иванов Вяч. СС. Т. I. Брюссель, 1971; Иванов Вяч. Дневник // Тем же. 1974. Т. II. Иванов Вяч. СС: В 4 т. Брюссель, 1974. Т. 2; Переписка В. Брюсова с Вяч. Ивановым / Предисл. и публ. С. Гречишкина, Н. Котрелева, А. Лаврова // ЛН. Т. 85. М., 1976; Иванова Л. Вяч. Воспоминания: Кн. об отце. М., 1992; Михайлова М. Лидия Зиновьева-Аннибал и Вяч. Иванов: Сотворчество жизни // Вячеслав Иванов: Мат-лы и иссл. М., 1996; Никольская Т. 1) Творч. путь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал // Блоковский сб. VIII. Тарту, 1998; 2) Творч. наследие Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и некот. тенденции женской прозы нач. XX в. // Вячеслав Иванов и его время. Мат. VII Международного симпозиума / Под ред. С. Аверинцева и др. Вена, 1998; Баркер Е. Тв-во Лидии Зиновьевой-Аннибал. СПб., 2003; Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006; Зиновьева-Аннибал Л. Из дневника 1904 и 1906 гг. / Публ. А. Шишкина // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М.; СПб., 2009; Вячеслав Иванов, Зиновьева-Аннибал Л. Переписка: 1894–1903 / Подг. текста Д. Солодкой, Н. Богомолова, М. Вахтеля. М., 2009. Т. 1–2.; Богомолов Н. 1) Русская лит-ра нач. XX века и оккультизм. М., 2000; 2) Вячеслав Иванов в 1903–07 гг.: Докум. хроники. М., 2009; 3) Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2010; 4) Михаил Кузмин: Статьи и матлы. М., 1995 (глава «Петербургские гафизиты»).

С. Титаренко

ЗИНЧУ́К Андрей Михайлович [9.9.1951, Л-д] — драматург, прозаик.

Родился в семье военнослужащего. Отец — украинец по национальности, закончил Военное инженерно-техническое училище (ВИТУ) в чине лейтенанта по спец. инженер-электромеханик. Мать — русская, инженер-конструктор. Долгое время семья жила в воен. частях Лен. военного округа, расположенных по берегам Финского залива: поселок Горвалдай, форт Серая лошадь, железнодорожная батарея Черной Лахты, форт Красная горка, потом переехала в Кронштадт и в 1962-м в Л-д.

Закончил лен. среднюю общеобразовательную школу № 489. Сменил неск. профессий: работал разнорабочим, репортером «Посл. известий»

лен. радио, техником, инженером, редактором. Театр. драматургией увлекся в нач. 1970-х, когда познакомился с Лен. театром-клубом «Суббота» под рук. Ю. Смирнова-Несвицкого. Там состоялась в 1975-м перв. премьера — спектакль **«Старая Верона»** в постановке С. Спивака. Увлекался поэзией, прозой, фантастикой. Сильнейший толчок к дальнейшим занятиям лит-рой получил на семинаре фантастов при СП под рук. Б. Стругацкого, у кот. неск. лет работал лит. секретарем. Хотя перв. «литературным» учителем считает Марию Федоровну Берггольц, актрису, завлита неск. театров, сестру О. Берггольц.

В 1980 поступил на сценарный фак-т ВГИКа, по окончании стажировался на киностудии «Ленфильм» в качестве сценариста. Параллельно с обучением был членом Драматургической мастерской при ЛО Союза театр. деятелей России под рук. И. Дворецкого, откуда вышли такие драматурги, как А. Соколова, Л. Разумовская, А. Галин, С. Коковкин и др. В мастерской же была поставлена одноактная пьеса **«Перед началом сеанса»** (реж. И. Стручкова), получившая высокую оценку В. Розова. С коллегами учредил сначала изд-во, а позже и «Галерею „Борей“» (Литейный пр., д. 58).

С 1998 — член СП СПб., с 2003 — Союза театр. деятелей России, с 2008 — СП российских писателей. Один из создателей Независимого объединения петерб. авторов Домик драматургов, рук. издательской программы «Ландскрона» и на протяжении многих лет бессменный модератор «Петербургских театр. страниц» и сайта newdrama.spb.ru, один из учредителей альм. «Балтийские сезоны» и проекта «Совр. петербургская драматургия». Один из организаторов фестиваля театрализованных читок совр. петерб. драматургии в неск. городских театрах в 1998-м.

Написал множество пьес, большинство из кот. шли и идут в профессиональных и любительских театрах России, стран ближнего и дальнего зарубежья: **«Вперед, Котенок!»** (перв. постановка в театре-клубе «Суббота», реж. Г. Романовская), **«Безымянный проспект»** (перв. постановка в Университетском театре под рук. В. Голикова, реж. М. Фролов), **«Игра в DOOM»**, **«Грибабушка, или Немножко колдовства»** (издана и на CD в виде аудиоспектакля с участием актеров петерб. театров), **«Малыш»** (под назв. «Мир — мгновенье» поставлен в Бишкеке и показан в 1995 в Японии на фестивале «Азия встречает Азию»), **«С волшебным удовольствием!»**, **«История маленькой любви»**, **«Дощечка через лужу. Сказка про Четверг для детей и взрослых»**, **«31 декабря, сказка для повзрослевших детей»**, **«Однажды»**, **«Мартышка»** и др. Публиковался в ж. «Колобок», «Постскриптум», «Театр. жизнь», «Совр. драматургия», «Страстной бульвар», «Полдень. XXII век», «Урал», альм. «Киносценарии» и «Балтийские сезоны», в изд-вах «Сов. писатель», «Лицей», «Сов. Россия», в газ. Сотрудничал с ленинградским-петербургским радио и телевидением, радиостанциями «Гардарика» и «Россия», с христианской радиостанцией «Мария» (некот. время был ведущим передачи «Совр. драматургия: между добром и злом»). Пьеса-сказка «Грибабушка, или Немножко колдовства» стала лауреатом конкурса «Мы дети твои, Россия», Федерального агентства по культуре, Правительства М. и ж. «Совр. драматургия» за 2005-й. Пьесы-сказки «Вперед, Котенок!» и «Малыш» вошли в список обязательной лит-ры для изучения при поступлении на фак-т театра кукол СПб. Академии театр. искусства.

Неоднократно участвовал в театр. фестивалях. Член жюри фестивалей: 7-го Международного театр. фестиваля «TALVILS 2007» («Театры мира в городе Валка», 2007), фестиваля детских любительских театров в г. Сочи («Волшебство театра», 2007), фестиваля «Сибирская рампа — 2011» на о. Ольхон.

Один из инициаторов создания Лаборатории театра кукол при СПб. Гос. Академии театр. искусства и гильдии драматургов СПб., один из учредителей клуба любителей мобильных устройств (http://enlight.ru/pilot), пост. участник фестиваля компьютерного искусства «CHAOS CONSTRUCTIONS» (http://cc7.org.ru). В 1999 получил грант фонда Сороса («Открытое общество») на разработку и оформление сайта «Петербургские театральные страницы» — www.theatre.spb.ru.

Выпустил мн. книг, среди кот. ежеквартальник русской филологии «Russian Studies», сб. «Петерб. авторы конца тысячелетия», «Пьесы для небогатых театров», «Новая петерб. драматургия», «Семь пьес с необычной судьбой», «Комедии», «Играем для детей!», «Крупным планом», «Мастерская драматургов», «Шесть пьес», «Мат-лы Лаборатории театра кукол: Сб. пьес для детей», «На невском сквозняке».

Выпустил два авторских сб. пьес для детского театра: **«„Вперед, Котенок!“ и др. сказки для театра»** и **«„Дощечка через лужу“ и др. сказки для театра»**. Вывел на сцену очаровательного Котенка, Грибабушку, ярких сказочных «злодеев» — Алибабу Викторовна Яицких и Воркиса и мн. др. Текст сказок З. «не отпускает»: «Видимо, секрет — в пронизанности пьес разного рода ассоциациями, отчего не покидает ощущение, будто сталкиваешься с чем-то давно знакомым, отсылающим в детство, хранимом в светлых тайниках памяти. За простыми и тщательно отобранными историями (к слову сказать, практически всегда самостоятельными) скрывается «большой» смысл. А авторская установка на текст с подтекстом проявляется в выборе тем и коллизий, в обрисовке персонажей, в языке, в соединении конкретности и недосказанности, в сопряжении реального и сказочно-фантастического. Древнейшее убеждение справедливо — без сказки жить нельзя, она преображает человека своей бесхитростной простотой и чистотой. Но справедлива и другая, сегодняшняя мысль — сказка, если хочет выжить, должна меняться, не отгораживаться от современного человека, а вступать с ним в культурный диалог».

Сказки З. неоднозначны и в простоте своей загадочны. Написаны как бы двойным языком — одновременно адресованным молодому поколению и старшему. Это лит-ра или театр для семейного чтения, ибо рассчитаны на диалог — прошлого с настоящим, детей с отцами и дедами, лит-ры с театром. Это игра с сегодняшними реалиями и понятиями, имеющими хождение в детско-подростковой среде, столкновение их с необычной действительностью, др. миром вещей и ценностей. И как всякая сказка эти

произведения направлены на преобразование нынешнего жестокого, бескомпромиссного, предельно векторного мира.

В пьесах для взрослых (большинство из кот. комедии) практически нет бытовых историй — они парадоксальны, неожиданны и, как правило, с непредсказуемым и в то же время хорошо мотивированным финалом. Написаны З. и городские сказки в прозе, выпущ. в сб. под общим назв. **«Очень: Петербургские сказки»** (2003).

Поставлены кинофильмы по сценариям З. — «Бойтесь рыжих с усами» (1 часть, 1987, реж. Е. Аксенов); «Твое свободное время» (1 часть, 1988, студия «Леннаучфильм»).

Соч.: «...быть хорошо одетым и не иметь долгов»: Киносценарий // Киносценарии: Альм. Л., 1987; Молчун: Киносценарий // Начало: Сб. Л., 1987; Не хочу быть двоечником!: Повесть // День свершений / Под ред. Б. Стругацкого. Л., 1988; Тундра дремучая: Маленькая повесть // Часы с вариантами: Сб. Л., 1992; 31 декабря // Ландскрона: Альм. 1996; С волшебным удовольствием! // Ландскрона: Альм. 1997; Безымянный проспект // Ландскрона: Альм. 1997; Игра в DOOM // Постскриптум. Л., 1997; Третья рука человечества // Театр. жизнь. 1998. № 5–6; Гадкий У. Мужчина с гвоздиком. Как разлюбить женщину? // На невском сквозняке: Сб. СПб., 1998; Игра в DOOM // Ландскрона: Альм. 1998; История маленькой любви // Ландскрона: Альм. 2000; Грибабушка, или Немножко колдовства // Ландскрона: Альм. 2000; Жизнь.exe // Балтийские сезоны: Альм. СПб., 2000; «Вперед, Котенок! и др. сказки для театра: Сб. СПб., 2001; Мартышка // Ландскрона: Альм. 2002; Свет одиночества // Ландскрона: Альм. 2002; Возвращение Надежды // Ландскрона: Альм. 2003; Очень: Петерб. сказки: Сб. СПб., 2003; Общий район: Повесть // Полдень. XXI век. СПб., 2004; Однажды // Ландскрона: Альм. 2005; «Дощечка через лужу» и др. сказки для театра: Сб. СПб., 2005; Штучка: Повесть // Урал. 2007. № 10.

Лит.: Некрылова А. «Тихим зимним вечерком» // Час пик (СПб.). 2005. № 36. 7–13 сент.

А. Некрылова

ЗНÁМЕНСКАЯ Ирина Владимировна [14.3.1951, Л-д] — поэт, критик.

Родилась в семье науч. работников. Закончила худож. училище. Училась

в ЛГПИ им. А. Герцена (не оконч.). Работала художником-оформителем, лит. редактором.

Перв. публикация — стихи в ж. «Аврора» (1971, № 1). Перв. книжка — **«Долгий свет»** (Л., 1982). «Отмеченные поэтической культурой, той призрачной метой петербургско-ленинградской „школы“, — писал о стихах З. в предисл. известный поэт Г. Горбовский, — они подкупали тем, что на своих изящных ладонях несли царапины от соприкосновений с жизнью». И, приводя далее строки: «Любовь глупа, но так неодолима, как эта жизнь, постигшая меня», — комментировал: «Только бесцеремонная молодость может сказать о любви, что она — глупа, и все же в этом двустишье присутствует музыка мысли». Музыка мысли — очень точная формула поэзии З. Речь идет не о той музыке стиха, которая создается аллитерациями и ассонансами, ритмическими играми — в этом смысле стихи З. скорее аскетичны, выдержаны в духе строгой классики с почти обязательной перекрестной рифмовкой. Речь идет о музыке внутренней, о том, что поэтич. мысль в стихах З. развивается не по законам формальной логики, а скорее как муз. тема. Впрочем, старший товарищ по цеху отмечал в стихах молодой поэтессы и «неточные, даже неряшливые рифмы», которые, однако, «не могут изуродовать лица этих стихов».

Ценители поэзии не могли не отметить в стихах З. яркие, запоминающиеся строки, причем это были не только наблюдения цепкого глаза: нередко за свежей метафорой, житейской подробностью угадывалась драматич. достоверность. Вот **«Были гости»** (именно так называется стих.): «Поговорили — болтливые вина попались. / Плачет хозяйка, и ей утешенья не надо... / Ветер в двери прищемил указательный палец, / Дерево мчится на помощь из темного сада». «Я жду трамвая там, где рельсов нет. / (Быть может, их когда-нибудь проложат)» — говорится в стихотворении о незадавшейся, неприкаянной любви. И вот еще — о ней же, о сегодняшних молодых Монтекки и Капулетти, разделенных неодолимыми обстоятельствами жизни: «Чашку яда в дверях выпивая, / Ты катил на работу в трамвае... / Мне в груди рукоятка кинжала / По утрам одеваться мешала...». И даже совершенно невероятная, парадоксальная строка «Мой тополь хлопнул дверцею коня» естественна и абсолютно понятна в одном из стих. З., где по ходу «сюжета» сливались воедино три образа — тополя за окном, реального совр. возлюбленного с его автомобилем и вымечтанного романтич. рыцаря.

З. много пишет о любви. И о «святом ремесле поэта», о том, как трудно совместиться ему «с эпохою скороговорки». Темы эти звучат во втором сб. З. — **«Обращаюсь на „ты“»** (Л., 1989), успевшем еще выйти вполне «советским», хотя и странным тиражом в 8300 экз. В нем узнается характерный почерк З., острота ее поэтич. зрения («усатый свет грузовика», «свекольный стыд и срам румянца», «похож на полуостров Кольский рукав одной из гончих туч»). Но семь лет не прошли впустую, окрепло мастерство, стих стал выверенней и жестче, пришла подлинная зрелость, а с ней — и неизбежные тревоги за судьбу страны, планеты, людей с их вечными заботами «повырастить своих сопливых, повылечить своих больных». Двадцатый век на своем излете не больно-то балует современников радужными надеждами, отсюда и назв. третьего сб. стихов З. — **«Глаз вопиющего»** (СПб., 1997). Именно «глаз», а не слишком уже привычный «глас»: фонетич. игра слов освежает старую идиому.

«За последние годы превратилась из просто поэтессы в поэта», — констатировал Е. Евтушенко, предваряя публ. стихов З. в антол. «Строфы века» (1997). В дальнейшем в стихи З. приходит некое элегич. успокоение: этот мир все равно не исправишь, остается лишь слиться с миром природы, живых существ и растений, вместе с кот. «и мы на паутинке веры летим неведомо куда».

Член СП СПб. и СРП. Публ. в ж. «Аврора», «Нева», «Звезда», «Новый мир», «Октябрь», «Юность» и др.

Член жюри «Арт-ЛИТО — 2000».

Соч.: Долгий свет. Л., 1982; Обращаюсь на «ты». Л., 1989; Глаз вопиющего. СПб., 1997; Вне любви: о кн. А. Столярова «Наступает мезозой» // Октябрь. 2001. № 5; «Я штопаю дыру в миропорядке» // Дружба народов. 2001. № 7; Стихи // Вестник Европы. 2002. № 7–8; Портрет куста // Раздел в сб. «Автограф». Вып. 15. СПб., 2007; Стихи // Нева. 2010. № 9.

Лит.: Фоняков И. Река подо льдом // Нева. 1989. № 3.

И. Фоняков

ЗОБНИ́Н Юрий Владимирович [25.6.1966, Л-д] — историк лит-ры, педагог, прозаик.

Родился в семье доц. ЛТИ В. В. Зобнина. Интерес к отеч. истории и словесности З. проявлял уже во вр. обучения в ср. школе № 386 в 1973–83: неоднократно участвовал и побеждал в городских филологич. конкурсах и олимпиадах. В университетские годы (1983–88), занимаясь в семинаре Л. Иезуитовой, увлёкся изучением тв-ва Н. Гумилёва, подготовил одну из первых в СССР публ. его стихов и поэм в газ. «Лен. ун-т». Окончив филологич. фак-т ЛГУ, поступил в аспирантуру ИРЛИ (ПД) и в 1992 защитил первую отеч. дис. о Гумилёве. В том же году начал читать лекции о русской лит-ре кон. XIX — нач. XX вв. на филфаке и журфаке СПбГУ.

З. стал одним из инициаторов подготовки в ИРЛИ в 1997–2008 ПСС Н. Гумилёва и отв. ред. 1–8 т., участвовал в процессе передачи в ПД архива биографа Гумилёва и А. Ахматовой П. Н. Лукницкого. Под общ. ред. З. в ИРЛИ изд. гл. кн. Лукницкого «Труды и дни Н. С. Гумилёва» (2010).

З. — автор многочисленных статей и монографий, посвящ. тв-ву русских писателей XX в., в т. ч. перв. российской биографии Д. Мережковского в серии «ЖЗЛ» (2008) и фундаментального ист.-лит. очерка **«Поэзия белой эмиграции»** (2010). Помимо науч. трудов З. в 2000–10 работал над публицистикой и эссе, сотрудничая с «ЛГ», ж. «Нева», «Вестник Европы», «Вопросы лит-ры», «Москва», «Очень UM», «Адреса Петербурга».

В 1993 по рекоменд. Д. Лихачёва З. возглавил в СПб. гуманитарном ун-те профсоюзов кафедру лит-ры. В СПбГУП З. провёл две междунар. конф. «Гумилёвские чтения» (1996, 2006), осуществлял многочисл. новаторские образовательные и науч. проекты. В 2006 получил звание «Почётный работник высшего профессионального образования РФ». В 2011 в знак несогласия с ликвидацией в вузе общегуманитарных кафедр покинул СПбГУП.

Докт. филол. наук (2001), проф. (2009). В наст. вр. сотрудничает в исслед. проекте РНБ «Чтение в биб-ках России». Проф. кафедры журналистики СПб. гос. экономич. ун-та. Читает лекции и проводит экскурсии на темы, касающиеся лит. истории города, для слушателей курса петербурговедения в «Ун-те Петербурга» (учебное учреждение при РОО «Ин-т Петербурга»).

Соч.: Николай Гумилев — поэт Православия. СПб., 2000; Николай Гумилев — учитель поэзии // Н. Гумилев, А. Ахматова: По мат-лам ист.-лит. коллекции П. Н. Лукницкого / ИРЛИ (ПД) РАН; отв. ред. А. Павловский. СПб., 2005; Лихачев Д. Избр. труды по русской и мировой культуре / Сост., ред. Ю. Зобнин. СПб., 2006; «Радиообращения» Мережковского не было (о генезисе одного ист.-лит. мифа) // Русская история и культура: Статьи. Воспоминания. Эссе. СПб., 2007; Вознесенский А. Рубанок носорога: Избр. произведения о совр. культуре / Науч. ред. Ю. Зобнин. СПб., 2008; Скатов Н. О культуре / Науч. ред. Ю. Зобнин. СПб., 2010; Казнь Николая Гумилева: Разгадка трагедии. М., 2010; Поэзия «младшего поколения» // Лит-ра русского зарубежья (1920–40): Учебник для вузов РФ. СПб., 2011.

Е. Ляшенко

ЗО́ГРАФ Георгий Александрович [15.4.1928, Л-д — 25.4.1993, СПб., похоронен на Волковском православном кладб.] — лингвист, переводчик.

Родился в семье потомственных ученых. Отец, Александр Николаевич З. (1889–1942), выдающийся историк античности, много лет работал в Гос. Эрмитаже, заведовал (с 1935) отделом нумизматики. Мать, Ольга Григорьевна, дочь изв. архитектора кон. XIX — нач. XX в. акад. Г. И. Котова. Сама обстановка, в кот. прошло детство З., способствовала органичному восприятию им лучших духовных и этич. традиций русской науч. интеллигенции.

В блокаду умер от голода отец, З.-подростку пришлось возложить на себя заботу о близких, освоить рабочие специальности: от столяра до слесаря-сантехника. Тогда развились в нем отличавшие его впоследствии огромная работоспособность и предельная добросовестность по отношению к делу, обострилось заложенное с детства чувство моральной ответственности. Из испытаний воен. времени он вынес, как и мн. его сверстники, стремление к знаниям и вскоре после войны обратил его на науки, кот. преподавались тогда на кафедре индо-тибетской (с 1951 — индийской) филологии восточного фак-та ЛГУ.

В ун-те, обратившись к изучению классич. основ индийской культуры, З. сочетал занятия новоиндийскими яз. и лит-рами с глубоким интересом к традиционному культурному фону, классич. древности и средневековью. Уже в первые годы обучения в ЛГУ проявил интерес к проблемам общего и индийского языкознания. В 1968–71 вместе со своим педагогом В. М. Бескровным, а также А. Бархударовым и В. Липеровским актив-

но участвовал в составлении Большого хинди-русского словаря (Хинди-русский словарь: В 2 т. Около 75000 слов / Под ред. В. Бескровного. М.: Сов. энциклопедия, 1972). После смерти Бескровного совм. с Липеровским подготовил к печ. посл. работу учителя — монографию «Очерки функциональных стилей хинди» (М., 1984).

С отличием завершив университетский курс, в 1951 З. стал аспирантом Ин-та востоковедения АН СССР. С 1954 — сотрудник Сектора восточных рукописей (единственного востоковедного научно-исследовательского учреждения, оставшегося в Л-де после перевода Ин-та востоковедения в М. в 1949). После создания на базе Сектора в 1955 ЛО ИВ АН СССР получил должность науч. сотрудника (с этим учреждением связана вся его послед. науч. жизнь). Параллельно на протяжении мн. лет вел занятия со студентами на кафедре индийской филологии ЛГУ.

Гл. тема, под знаком кот. развивалась науч. деятельность З., — исследование филологич. методами традиционной индийской культуры. Круг вопросов, входивших в сферу его науч. интересов: становление лит. языков хинди и урду, пути формирования различных функциональных стилей этих яз., перспективы развития «хиндустани» («смешанной формы» урду и хинди), типология совр. индоарийских яз., проблемы взаимодействия и взаимовлияния языков Южной Азии.

Проблеме формирования лит. языков хинди и урду была посвящ. канд. дис. З. **«Осн. черты прозаического урду XIX в.»** (1954) и ряд последующих ст.: **«Хинди, урду, хиндустани»** (1956), **«Вопросы формирования урду»** (1958), **«Калькуттский хиндустани в освещении Г. С. Лебедева»** (1963), а также монография **«Хиндустани на рубеже XVIII и XIX вв.»** (1961). Скрупулезному анализу были подвергнуты грамматич. особенности и лексич. состав целой группы синхронных, однородных по содержанию текстов, принадлежащих перв. прозаикам хинди и урду нач. XIX в. (Мир Амман, Садасукх Лал, Лаллу джи Лал и др.). Параллельно с тех же позиций З. анализировал созданные в кон. XVIII в. перв. грамматики хиндустани, фиксирующие живой разговорный яз. той эпохи (в т. ч. грамматику перв. русского индианиста Г. Лебедева). В результате З. пришел к важному для истории хинди и урду выводу о том, что «хиндустани, как межобластной разговорный язык Северной Индии <...> был очевидной реальностью еще в XVIII в.», а характерной чертой создававшихся в перв. десятилетии XIX в. прозаич. произведений на урду «является близость их языка к разговорной речи». Особо следует отметить ст. З. «Хинди, урду, хиндустани», в кот. ему удалось на основе строго выверенного фактич. мат-ла дать четкое науч. определение этих понятий, положив т.о. конец многолетней терминологич. неразберихе. Предложенные им определения являются ныне общепринятыми в отеч. и мировой индологии.

З. одним из первых в мире обратился к исследованию структурной типологии новых индоарийских (НИА) яз. Этой темой объединено большинство работ З. на протяжении почти 40 лет его творч. деятельности. Приступив к разработке данной темы, З. сосредоточил осн. внимание на изучении НИА морфологии, избрав в качестве метода исследования сопоставительный анализ, а в качестве «операционного элемента» — существующие в НИА языках грамматич. категории. Именно изучение грамматич. категорий, их инвентаря, позволяло, по мнению З., составить наиболее адекватное представление об осн. типологич. характеристиках языковой семьи или группы. Эти метод. принципы, окончательно сформулированные З. к кон. 1960 — нач. 1970х, вынашивались им много лет. Начатки сопоставительно-типологич. подхода можно обнаружить в его ранней ст. **«Отрицание при глаголе хиндустани»** (1956), где категориальная сущность отрицания в хинди выявляется на основе сопоставления с маратхи. В дальнейшем З. разрабатывает проблемы структурной типологии НИА языков в целой серии ст. и д-дов — **«О грамматич. категории одушевленности в НИА яз.»** (1965), **«Качественные и количественные характеристики гласных в НИА яз.»** (1966), **«Analytic comparison of grammatical structure of NIA languages. A tentative approach»** (1967/1970), **«Формальная репрезентация видо-временной системы глагола хинди»** (1970), **«Переходность глагола как морфологич. категория в НИА яз.»** (1973), **«Вторичная глагольная флексия в НИА яз.»** (1975), **«Роль типологич. параметров в описании родственных языков»** (1976) и др. Итогом исследовательской работы, занявшей около 20 лет, явилась опубл. в 1976 монография **«Морфологич. строй новых индоарийских языков»**. В 1977 данная работа защищена З. как докт. дис.

В монографии З. НИА языки обрели «собственное» типологич. бытие. Новоиндийская морфология была впервые опис. как цельное явление, как строгая система с особым, специфически присущим ей инвентарем грамматич. категорий и формообразующих структур. Новое решение получили здесь такие существенно важные для определения типологич. статуса языков проблемы, как соотношение флексии и агглютинации, синтетических и аналитических форм. Данные о типологич. сходстве и различии отд. НИА языков, собранные и проанализированные в монографии, позволили З. разработать принципиально новую схему классификации входящих в эту группу яз. и диалектов. Предложенная впервые в заключительных разделах монографии 1976-го, эта классификация более детально разработана в его последующих трудах (**«Индоарийские языки»** — в сб. **«Языки Азии и Африки»**, 1978; **«К классификации индоарийских языков»** — в колл. монографии «Теоретич. основы классификации языков мира», 1982; **«A typological classification of the NIA languages»**, 1982).

Проблема взаимодействия и взаимовлияния генетически различных языков Южной Азии (т. н. «проблема субстрата») привлекла внимание З. еще в студенч. и аспирантские годы. В то время он начал собирать мат-лы, так или иначе связанные с процессом языковой и культурной интерференции в Индостане. В кон. 1950-х для серии «Языки зарубежного Востока и Африки» З. подготовил обзорный очерк, характеризующий все языки Южной Азии. В короткий срок написал изданную в 1960 кн. **«Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала»** — небольшой, но информативный справочник, содержавший самые совр. сведения не только о гео-

графич. распределении, числе носителей и культурном статусе распространенных на территории субконтинента языков, но и об осн. чертах их фонологич. систем и грамматич. строя. Подобных справочников не существовало в то время ни в западной индологич. лит-ре, ни в самой Индии. Не случайно по прошествии 20 лет лондонское изд-во «Routledge and Kegan Paul» обратилось к З. с просьбой перевести эту книгу на английский яз. Для английского издания З. подверг кн. кардинальной переработке, увеличив ее объем более чем вдвое, г. о. за счет описания не-индоарийских яз. Кн. **«Languages of South Asia. A Guide»** вышла в Лондоне в 1982. Позднее, при подготовке ее русского варианта (**«Языки Южной Азии»**, 1990) автор увеличил ее объем еще в полтора раза, список рассматриваемых языков пополнился за счет мало известных даже профессионально подготовленному читателю языков-изолятов (таких как андаманские яз. и бурушаски).

С нач. 1980-х одна за другой появляются работы З., относящиеся к конкр. вопросам изучения Южноазиатского ареала: **«Морфологич. сопоставление родственных языков в его отношении к ареальным исследованиям»** (1983), **«Лингвистич. география Южной Азии (достижения и перспективы)»** (1984), **«Морфологич. типология языков Южной Азии (К проблеме лингвистич. ареала»** (1987), **«Языки Южной Азии (опыт ареально-типологич. классификации)»** (1990), **«Ареальное языкознание: предмет и метод (на мат-ле языков Южной Азии)»** (1992; в соавт. с Н. Гуровым). З. удалось внести достойный вклад в разработку концепции ареала и методики изучения ареальных явлений.

Лингвистич. занятия естественным образом сочетались у З. с переводч. деятельностью. На раннем этапе своей работы он использовал как источник по истории языка хиндустани образцы классич. прозы на урду. «Побочным продуктом» при этом явились переводы двух выдающихся произведений: «Сад и весна» Мир Аммана (1957) и «Танцовщица» Мирзы Русвы (1960; обе книги впоследствии переизд.). Переводы З. безупречны в стилистич. отношении и обнаруживают глубочайшее знание переводчиком традиционной индомусульманской культуры. Перу З. принадлежат и неск. ст. о лит-ре урду. Предметом его особого увлечения стал индийский фольклор: З. были подгот. два сб. «Сказок народов Индии» (1964 и 1976), сб. «Сказки Центр. Индии» (1971). В каждом из них З. выступал как сост., один из переводчиков, а также автор вст. статей и комм. (им, в частности, была проделана кропотливая работа по классификации публикуемых сказок в соответствии с указателем Аарне-Томпсона). Особую живость и достоверность придает «Сказкам...» детальное знание переводчиком традиционного быта индийской деревни: мн. годы он увлеченно собирал и классифицировал индийские пословицы; в сотрудничестве с А. Бархударовым подготовил сб. пословиц (пока не опубл.).

В 1968 возглавил Индийский кабинет (ставший затем Сектором Южной и Юго-Восточной Азии) ЛО ИВ АН СССР (в посл. годы — СПбФ ИВ РАН). Несмотря на то что собств. интересы З. лежали г. о. в обл. истории языков и культуры нового времени, в Кабинете (Секторе) развивались преимущественно исследования письменных памятников древности и средневековья в связи с традиционной духовной культурой, т. к., по мнению З., возрождение классич. индологии в России без этого невозможно.

Под ред. З., с его предисл. и прим. вышел перевод кн. С. К. Чаттерджи «Indo-Aryan and Hindi» (Введение в индоарийское языкознание. М., 1977). Под его редакцией опубл. перевод В. Воробьева-Десятовского драмы Шудраки «Глиняная повозка» (М., 1956). По его инициативе изд. сб. ст. «Проблемы истории языков и культуры народов Индии» (М., 1974), посвящ. Воробьеву-Десятовскому, в кот. З. не только отв. ред., но и автор биографич. очерка. Стараниями З. в 1974–78 увидели свет оставшиеся в рукописи ст. трагически погибшего С. Рудина; и мн. др.

Эрудиция в обл. традиционной индийской культуры позволила З. встать во главе науч. чтений по общей теме «Проблемы интерпретации традиционного индийского текста» и быть научным ред. сб. «Лит-ра и культура древней и средневековой Индии» (1979 и 1987).

Соч.: Хинди-русский словарь: В 2 т. / Под ред. В. Бескровного. Колл. авторов — А. Бархударов, В. Бескровный, Г. Зограф, В. Липеровский. М., 1972; Морфологич. строй новых индоарийских языков. М., 1976; Языки Южной Азии. М., 1990.

Я. Васильков, Н. Гуров

ЗОЛОТО́ВСКИЙ Константин Дмитриевич [20.12.1903(2.1.1904), с. Андре-Ивановское, о. Сахалин — **1994**, СПб.] — прозаик, очеркист.

Род. в семье ссыльнопоселенцев. В 1923 поступил на службу в Балтийский флот. Окончил Военно-морскую водолазную школу в Кронштадте, 11 лет работал водолазом на Балтийском море и в Л-де. В годы Великой Отеч. войны участвовал в обороне о. Ханко. Награжден медалями.

Один из «бывалых людей», привлеченных С. Маршаком в детскую лит-ру. Редакцию заинтересовал большой опыт его работы по подъему затонувших судов. Перв. рассказы З. из его будущей кн. **«Подводные мастера»** напис. при значительной помощи редакции, в частности Т. Габбе. Вначале они были опубл. в альм. «Костер первый» (1932), в 1933 и последующих годах выходили отд. изд. О рассказах З. Маршак писал: «В этой книге водолазы выведены не подводными бродягами и кладоискателя-

ми, а подводными мастерами. Книга заставила читателя в конце концов забыть пристрастие к лжеромантическим водолазам, увлекла его какой-то новой романтикой» (Правда. 1934. 10 июл.). По мотивам рассказа «**Капитан Лаце**» (1937) снят фильм «Гибель „Орла“» (1940, реж. В. Журавлев). Автор сб. рассказов для детей «**Бешеная акула**» (1940) и «**Подводные солдаты**» (1949).

Соч.: Подводные мастера. Л., 1933 (переизд. в 1934–36, 1938, 1950, 1952, 1954, 1958, 1966); Капитан Лаце. М.; Л., 1937 (переизд. в 1939, 1946, 1963, 1983); Бешеная акула. М.; Л., 1940; Подводные солдаты. М.; Л., 1949.

Лит.: Константину Дмитриевичу Золотовскому — 80 // Детская лит-ра. 1984. № 1.

Е. Щеглова

ЗОЛОТОНО́СОВ Михаил Нафталиевич [19.1.1954, Л-д] — критик, литературовед, публицист.

Окончил фак-т автоматизации управления Лен. политехнического ин-та по специальности «инженер-механик» (1977), в теч. 10 лет (1977–87) работал программистом. В 1989 защитил канд. дис. «**Концепция личности в совр. драм. театре 1920-х годов**» в Лен. гос. ин-те театра, музыки и кинематографии им. Н. Черкасова под рук. проф. А. Альтшуллера, кот. З. до сих пор называет своим учителем: «Я его каждый день вспоминаю. Он научил меня принципам поведения, привычке ставить во главу угла чувство собственного достоинства, не суетиться, не отвечать на каждый чих, знать себе цену, вообще уйме всяких практических вещей, начиная от умения держать тему в статье и кончая цитированием: кого прилично цитировать, а кого нет. Я где-то процитировал В. Хализева. Реакция Альтшуллера была мгновенной — он одновременно поморщился и улыбнулся и сказал: «Этот недоучившийся аспирант...». Про цитирование я всё понял однажды и навсегда» ([Биография] // Сайт СПб. Союза журналистов. 2011. 5 мая (http://spbsj.ru/new/materialy/162-professiya/1884-mixail-zolotonosov.html).

Перв. большая работа З. была театроведческой и посвящ. тв-ву Сергея Юрского — ст. «**Нити Ариадны**», кот. так и не была опубл. (из-за отриц. отношения тогдашних городских властей к личности актера), хотя понравилась как ж-лу «Театр», в кот. должна была быть напеч., так и самому С. Юрскому.

Первая публ. «**Дар понимания детства**» — рец. на книги эстонского сказочника Эно Рауда — состоялась в 1979 в ж. «Юность» (№ 7). Газетной журналистикой З. начал заниматься в отделе культуры редакции газ. «Смена», где работал с 1987 по 1989. «Год — 1987 — очень важен, уже началась перестройка, и одной из первых моих публикаций была рецензия на роман А. Рыбакова „Дети Арбата“, называлась она „**Когда я вижу сломанные крылья...**“. И надежды мои были связаны с тем, что теперь-то я уж смогу практически на законных основаниях выразить свою ненависть к советской власти и более широко — к тоталитарному режиму вообще. Осознанно я ненавижу советскую власть с 12-летнего возраста, с 1966 г., т. е. с дела Синявского и Даниэля. Я тогда и начал следить за феноменами общественной жизни» (Там же).

Был зав. отделом публицистики ж. «Искусство Л-да» (1987–90), лит. обозревателем еженед. газ. «Час пик» (1990–91), где вышли следующие его статьи: **Мочалкин-Блюз, или Вокруг Палей** // Час пик. 1991. № 48 (о трех публикациях Марины Палей), **Глагол, которому названия нет. Заметки читателя** // Час пик. 1991. № 13. Затем зав. отд. политики «Часа пик» (1991–92), обозреватель газ. «Невское время» (1992–94), в кот. писал как о политике (**Чище руки — крепче сон! Заметки о борьбе с коррупцией** // Невское время. 1993. № 170, **Размышление об институте чиновничества. Закон «О зубах»** // Невское время. 1993. № 136), так и о лит-ре (**Правила всемогущества. О книге «Предприниматель» как антикоммунистическом манифесте** // Невское время. 1993. № 242, **Сильные идут дальше. Лит. заметки** // Невское время. 1993. № 18 — о первом номере ж. «НЛО» и о назначении Вяч. Пьецуха гл. редактором ж. «Дружба народов»). Публиковал статьи на темы политики, скульптуры, лит-ры и театра в еженед. газ. «Моск. новости» (1991–2004): **Исповедь «полтинника», или Записки одного Каценеленбогена** // Моск. новости. 1993. № 47 (о рукописи А. Мелихова «Во имя четыреста первого, или Исповедь еврея»), **Букеров ковчег. Заморская премия на русский литературный «тощак»** // Моск. новости. 1993. № 50, **Одиннадцать домиков в Коломне** // Моск. новости. 2003. № 23 (о выставке проектов второй сцены Мариинского театра), **Дрова издательской топки. Телешоу с финалистами Букера** // Моск. новости. 2002. № 47; и др.

Публ. в ж. «Вопросы лит-ры», «Дружба народов» «Звезда», «Лит. обозрение», «Нева», «НЛО», «Новый мир», «Октябрь», «Петербургские чтения», «Синтаксис» (Париж), «Согласие», «Урал», «Юность». С 2002 активно публ. в еженедельном ж. «Город–812» (до 2008 выходил под назв. «Город»), где выступает как архитектурный и телекритик. К авг. 2012 опубл. в периодической печ. более 2 тыс. статей.

Статьи З. всегда добавляют остроты в печ. издание: он автор, от кот. привычно ожидают скандала и развенчания, кот. не боится касаться запретных тем. Так, по одной из версий, газ. «Дело», в кот. некот. вр. работал З., была закрыта в связи с выходом в двух номерах его статьи «**Реквием на развалинах**» (Дело. 2008. № 513–514), посвящ. строительству второго здания Мариинского театра. Как критик З. довольно прямолинеен и резок, что особенно заметно в его инт. «Русскому журналу» (Русский ж. 2004. № 22), где критик прямо заявляет, что «талантливых писателей нет. Исписались даже те, кто начал интересно», и в статье «**В мире гник**» (OpenSpace.ru. 2008., http://

os.colta.ru/literature/events/details/9030/?attempt=2), по словам И. Пруссаковой, «З. столь же категоричен, сколь непримирим: его тезис состоит в том, что литературы больше нет, а есть лишь макулатура». Сам же З. объясняет, что стратегию своего поведения критик обязан строить, основываясь лишь на репрезентативных образцах, а «если взять за точку отсчета, например, Достоевского и дальше двинуться в современную литературу», то окажется, что в ней «в большинстве случаев нечего интерпретировать», хотя критика и должна быть именно «искусством интерпретации и оценки...— а не неким словоизлиянием, из кот. ничего не следует, кроме самого факта выхода книги» (выступление на круглом столе «Лит. критика: независимая и обслуживающая» // Прочтение. 2007. 2 февр.).

З. называют и «виртуозом желчности» (В. Курицын), и «блестящим и нелицеприятным критиком, трудолюбивым и усердным (хоть несколько моноидейным и увлекающимся) исследователем в самых разных областях нашей культуры» (Г. Морев).

Нельзя не обратить внимания на то, что статьи З. всегда велики по объему. «Поскольку я графоман, то удовольствие мне доставляет сам процесс письма. Трудностей в работе у меня нет» ([Биография]).

В сферу интересов З. входит не только журналистика. Он автор 12 кн., в т. ч. **«„Мастер и Маргарита“ как путеводитель по субкультуре русского антисемитизма»**; **«M/Z, или Катаморан: Рассказ Поля Морана „Я жгу Москву“ с комментариями»**; **«Обыкновенный садизм: Статьи о российской армии. 1993–97»**; **«Глуптократоz (Глиптократия): Исследование немого дискурса: Аннотированный каталог садово-парковой скульптуры сталинского времени»**; **«Слово и тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX вв.»**; **«З/К, или Вивисекция: Кн. протоколов»**; **«Братья Мережковские: Роман для специалистов. Кн. 1: Отщеpenis Серебряного века»**; **«Другой Чехов: По ту сторону принципа женофобии»**; **«Логомахия: Поэма Тимура Кибирова „Послание Л. С. Рубинштейну“ как лит. памятник»**; **«Бронзовый век: Иллюстрированный каталог памятников, памятных знаков и декоративной скульптуры Ленинграда–Петербурга 1985–2007 гг.»**.

Оценка лит.-публиц. деятельности З. в критике противоречива. Одни высоко оценивают его заслуги перед лит-рой: «Пожалуй, на сегодняшний день З. — лучший в России литературовед (не будем сторониться этого старинного слова). Каждая его книга — праздник для тех самых „специалистов“ (филологов, историков), кот. и адресовано исследование о братьях Мережковских» (Ф. Гримберг), «Это большая и серьезная книга, плод многих лет сосредоточенной работы. От главы к главе З. демонстрирует владение источниками, редкую энергию и свежесть взгляда» (А. Эткинд), «З. с присущей ему персональной яркостью доводит до предела комментаторскую стратегию 1970-х — 80-х годов. Пожалуй, единственный, кто продолжает, спустя десятилетия после того акме, кот. переживало комментаторское искусство в русской науке о литературе, самоотверженно на этой ниве трудиться, доводя эти комментаторские стратегии до предела, за кот. уже наступает даже не наука, а искусство, переступая грань между наукой и искусством. Автор оказывается уже на территории искусства. Эти труды З. — а это не первая его книга тщательнейших комментариев в широком смысле к русской культурной ситуации недавнего прошлого — должны были рано или поздно быть замечены» (Г. Морев). Другие, наряду с достоинствами, отмечают ограниченность точки зрения публициста: «... вполне ясно, что перед нами в точном смысле слова патологический сочинитель (а таковые, как правило, приписывают собственную патологию всем остальным), и читать его опусы имеет смысл только психиатрам» (В. Кожинов), «От предшественников З. отличают подмена любых аргументов беспардонной бранью и абсолютное незнание предмета, о кот. он решил высказаться» (А. Урицкий). Но как бы то ни было, З. занимает особое место в лит. пространстве СПб.

Член СП СССР (1989), СП СПб., Союза российских писателей, член Союза журналистов СПб. и Лен. обл. (1990). Обладатель премии Лен. комсомола за литературно-критич. статьи в газ. «Смена» (1988), премии «Золотой гвоздь» (2006), дважды лауреат премии «Золотое перо» (2007, 2011).

Соч.: Концепция личности в сов. драматическом театре 1920-х гг. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения. Л., 1989; «Мастер и Маргарита» как путеводитель по субкультуре русского антисемитизма. СПб., 1995; M/Z, или Катаморан: Рассказ Поля Морана «Я жгу Москву» с комментариями. СПб., 1996; Обыкновенный садизм: Статьи о российской армии. 1993–97. СПб., 1997; Глиптократия: Исследование немого дискурса: Аннотированный каталог садово-парковой скульптуры сталинского времени. СПб., 1999; Слово и тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX вв. М., 1999; З/К, или Вивисекция. СПб., 2002; Братья Мережковские: Роман для специалистов. М., 2003; Другой Чехов: По ту сторону принципа женофобии. М., 2007; Логомахия: Поэма Тимура Кибирова «Послание Л. С. Рубинштейну» как лит. памятник. М., 2010; Бронзовый век: Иллюстрированный каталог памятников, памятных знаков и декоративной скульптуры Ленинграда–Петербурга 1985–2007 гг. СПб., 2010; 80: Кн. стихов, 1980–91 // Н. Кононов; комм. М. Золотоносова при участии Н. Кононова. СПб., 2011.

Лит.: Пруссакова И. Критики нет? Критика есть! // Вопросы лит-ры. 1998. № 4; Урицкий А. Самиздат века // Знамя. 1998. № 8; Курицын В. Конфликт Левинтон-Золотоносов // Совр. русская лит-ра с Вячеславом Курицыным. 2000 (www.guelman.ru/slava/nrk/konflikt.html); Кожинов В. Патология. О сочинителе по фамилии Золотоносов // Завтра. 2000. 1 апр.; [Б/п] Лучший роман-исследование // Афиша. 2003. № 9. 10 июл.; Гримберг Ф. Тайные пороки профессора // Кн. обозрение. 2003. № 37. 8 сент.; Роднянская И. [Рец. на кн. «З/К, или Вивисекция. Книга протоколов»] // Новый мир. 2003. № 7; Shumeyko L., Höxtermann E. Konstantin Sergeevich Merezkovskij (1855–1921). Das unstete Leben eines heimatlosen Biologen // Evolution durch Kooperation und Integration: Zur Entstehung der Endosymbiosetheorie in der Zellbiologies. Marburg an der Lahn, 2007; Эткинд А. [Рец. на кн. «Слово и тело»] // Эткинд А. Книга отзывов. М., 2007; Мирошкин А. Тайная болезнь доктора // Кн. обозрение. 2007. № 27/28. 9 июл.; Широков В. Русские плоды Захер-Мазоха // НГ Ex libris. 2007. № 26. 26 июл.; Решетников К. (Шиш Брянский) // Газета. 2007. 9 авг.; Твар-

довская О. М. Золотоносов против «Нового мира» // Вопросы лит-ры. 2007. № 1; Бакунцев А. Казуистика античеховизма // Чеховский вестник. 2008. № 23; Гримберг. Ф. Моя рецензия на кн. М. Золотоносова «Братья Мережковские» // 2008. 24 июн. http://jaschil-14hane.livejournal.com/118142.html; Морев Г. Авторы и хозяева // OpenSpace.ru. 2009. 8 июл. (http://os.colta.ru/literature/projects/176/details/11210/?attempt=1); Пять книг недели // НГ Ex libris. 2010. 1 апр.; Шаповал С. «Послание» в формате 3D // Культура (М.). 2010. № 13. 8–14 апр.; Давыдов Д. [Рец. на кн. «Логомахия»] // Новый мир. 2010. № 9; История русской лит. критики. М., 2011; Морев Г. [О премии Андрея Белого и Букере десятилетия] // Радио «Свобода». 2011.(www.svoboda.org/content/article/24378534.html); и мн. др.

Т. Кайль

ЗОРГЕНФРЕ́Й Вильгельм Александрович [30.8(11.9).1882, г. Аккерман Бессарабской губ.— 21.9.1938, Л-д] — поэт, переводчик.

Сын воен. врача, по происхождению лифляндского немца; мать — армянка. После смерти отца жил у родственников во Пскове, где в 1900 окончил гимназию. В 1900–01 учился на математическом отд. физико-математического фак-та СПб. ун-та, в 1901 перешел в СПб. технологический ин-т (окончил в 1908). В 1908–09 преподавал арифметику в Торговой школе им. имп. Николая II. В 1909–17 служил в Министерстве торговли и промышленности (с мая 1917 начальник отд. Учетного отдела). После Октября — инженер-технолог.

Дебют в печ. — сатирич. стих. **«Пробуждение потока»** в газ. «Наша жизнь» (1904. 25 дек.; подпись ZZ) об антинародном характере русско-японской войны 1904–05. На события революции 1905 откликнулся циклом статей либерального содержания в газ. «Неделя» (1905. Март-апр.) и сатирич. стихами в ж. «Молот», «Прометей», «Зритель», «Маски» под псевд. ZZ и Гильом ZZ. Как лирич. поэт выступил в символистском ж. «Вопросы жизни» со стих. **«Вечерняя песня»** (1905. № 6). Творч. путь З. связан с судьбами символистской лит. школы, хотя он никогда не примыкал к ее эстетич. и идеологич. декларациям. Немногочисленные лирич. стих. З., выдержанные в традициях символистской поэтики («растянуты, вялы и бледны» — поздний отзыв К. Чуковского: «Чукоккала»), печ. в ж. «Золотое руно», «Перевал», «Русская мысль» и др.; позднее были собраны в кн. **«Страстная суббота»** (1922) с посвящением «благословенной памяти Александра Александровича Блока». Стихи, отмеченные искренностью поэтич. переживания, носили явный отпечаток тв-ва Блока, «тончайшей магией» кот. З. «пленился» еще в 1903–04 (**Автобиография**. ИРЛИ).

Личное знакомство с Блоком, перешедшее позже в глубокую дружбу, состоялось весной 1906. В предреволюционные годы З.— пост. собеседник Блока, его спутник в прогулках по петерб. окраинам (в 1916 Блок посвятил З. стих. «Шаги Командора», тогда же назвал его в числе четырех своих «действительных друзей» (Блок А. Записные книжки. 1901–20). Образная система «Шагов Командора» отразилась в одном из лучших стих. З. **«Горестней сердца прибой и бессильные мысли короче...»** (1916), опубл. по инициативе Блока в «Русской мысли». 1917. № 7–8). Авторитет Блока оказал большое воздействие на позицию З. во время Февральской и Октябрьской революций 1917, он — один из немногих в окружении Блока, кто принял и поддержал «Двенадцать», развивал в стихах настроения, родственные блоковским (стих. **«Земля»** с эпиграфом из «Скифов» Блока). В дек. 1918 Блок поручил З. перевод «Путевых картин» Г. Гейне для изд-ва «Всемирная лит-ра», что послужило первотолчком для последующих, сохраняющих поныне свое значение переводов З. (из И. В. Гете, И. Г. Гердера, Г. Клейста, Ф. Грильпарцера, Г. Гейне, Ф. Хеббеля и др.). После смерти Блока З. написал о нем две статьи: **«Блок»** (Записки мечтателей. 1922. № 5) и **«А. А. Блок (По памяти за 15 лет. 1906–21 гг.)»** (Записки мечтателей. 1922. № 6). Воспоминания З., воссоздающие синтетич. образ поэта, отражающие глубокое понимание его личности, принадлежат к числу лучших мемуарных свидетельств о Блоке. «Чище, глубже Вас никто еще не писал о Саше... Весь облик встает перед глазами. Трогательно до глубины»,— писала З. мать Блока, А. Кублицкая-Пиоттух 18 дек. 1921 (ЛН. Т. 92). После 1917 наряду с переводч. деятельностью редактировал сочинения западноевропейских классиков. В 1937 был репрессирован, реабилитирован посмертно.

Соч.: Стихотв. сатира первой русской революции (1905–07). Л., 1969; Русская стихотв. сатира 1908–17 гг. Л., 1974; [Стих.] // Петербург в русской поэзии. Л., 1988.

Лит.: Гусман Б. Сто поэтов. Тверь, 1923; Чертков Л. Зоргенфрей — спутник Блока // Русская филология: Сб. студ. науч. работ: В 2 т. Тарту, 1967; Блок А. Письма к Зоргенфрею / Публ. С. Гречишкина, А. Лаврова // Русская лит-ра. 1979. № 4; Из архива Зоргенфрея / Сообщ. И. Васильевой // ЛН. Т. 92. Кн. 4.

С. Гречишкин

ЗО́ЩЕНКО Михаил Михайлович [28.7(9.8).1894, СПб. — 22.7.1968, Л-д; похоронен на Сестрорецком кладб. под СПб.] — прозаик, драматург, переводчик.

Родился в многодетной дворянской семье изв. художника. Сам З. считал, что искусство в его семье — профессия наследственная. В 1913 по окончании гимназии поступил на юридический фак-т СПб. ун-та, но черев два года, закончив ускоренные воен. курсы, ушел прапорщиком на фронт. Был ранен, отравлен газами, имел чин штабс-капитана и четыре боевых ордена. После Октябрьской революции служил в войсках пограничной охраны (Стрельна, Кронштадт). С 1918 — в действующей Красной Армии (см. рассказ **«Как я пошел**

сражаться за советскую власть», 1957). В 1919, демобилизовавшись по болезни, перепробовал немало профессий (телефонист, милиционер, конторщик, следователь уголовного розыска), что дало будущему писателю богатый запас жизненных впечатлений.

Лит. деятельность З. начал с критич. опытов в студии К. Чуковского при изд-ве «Всемирная лит-ра». Работая над задуманной им книгой **«На переломе»** (1919–20), он обозрел критич. взглядом осн. направления совр. русской лит-ры в лице видных ее представителей и пришел к выводу, что «жизнь окончательно ушла из литературы» (Зощенко В. Так начинал Зощенко // Вспоминая Михаила Зощенко. Л., 1990). При всей категоричности этого вывода он послужил мощным стимулом к рождению З.-прозаика и поиску им своего пути в лит-ре. Посещение им тогда же занятий петроградской Вольной философской ассоциации так же не могло пройти бесследно. Интерес З. к философским проблемам бытия, наиболее наглядно проявившийся в его трилогии 1930–40-х, вполне возможно, имеет определенную внутреннюю связь с его былым участием в Вольфиле. Членами ее, наряду с З., были Л. Лунц, И. Груздев, Е. Полонская, будущие участники лит. группы «Серапионовы братья» (1921), куда вошли и молодые К. Федин, Н. Тихонов, Вс. Иванов, В. Каверин, М. Слонимский, Н. Никитин. Группа по сути являлась профес. студией, где заинтересованно и требовательно обсуждались произведения литераторов «собратьев», уже тогда выделявшихся разнообразием и свежестью своих талантов.

Некот. ранние рассказы З. (**«Рыбья самка»**, 1920; **«Старуха Врангель»**, 1921) понравились М. Горькому. Поддерживая серапионов, Горький неизменно выделял оригинального и перспективного З., ставил перед молодым писателем, с учетом природы его дарования, нелегкие, но увлекательные творч. задачи. Часть из них была им потом успешно реализована. «Горькому я добром обязан», — говорил впоследствии З.

Уже в перв. кн. З. — **«Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова»** (1922), **«Разнотык»** (1923), **«Аристократка»**, **«Веселая жизнь»** (обе — 1924), **«Уважаемые граждане»** (1926) и др. — отчетливо обнаружилась его ориентация на традиции Гоголя и Чехова. В качестве гл. средства изображения человека переломной эпохи З. избрал его язык, подслушанный в самой жизни и слегка утрированный писателем. Сатирич. маска, найденная им, отличалась завидным постоянством и закрепила в памяти читателей образ легко узнаваемого «зощенковского персонажа». Его глав. отличительный признак — «идиотизация речи» (Вольпе Ц. Искусство непохожести. М., 1991), создающая особый комич. эффект. Зощенковский герой вполне мог бы сказать о себе: «язык мой — враг мой», ибо он саморазоблачает своего носителя. Изобретательность З. в «комизме слова» (Шкловский В. Гамбургский счет. Статьи, воспоминания, эссе (1914–33). М., 1990) воспринималась современниками как верный признак самобытности и неповторимости его таланта. Эту особенность писателя выделяла и позднейшая критика: «Слово у Зощенко идет впереди сюжета и управляет сюжетом, который затем реализует это слово» (Синявский А. Мифы Михаила Зощенко // Вопросы лит-ры. 1989. № 2).

На страницах зощенковских рассказов 1920-х оживала физиономия обывателя в ее мещанской (как тогда было принято говорить) разновидности, способной к мимикрии, но в основе своей прочной и незыблемой даже в условиях экстремальных истор. обстоятельств. И это наполняло произведения писателя особым качеством, которое один из его читателей-современников определил так: «От образов Зощенко неудержимо смешно, и тревожно, и даже страшно» (РО ИРЛИ, ф. 501, оп. 2, № 80 — архив М. М. Зощенко). Имея в виду эту своеобразно звучащую трагикомич. ноту тв-ва З., Г. Адамович сопоставлял его одновременно и с Чаплиным, и с Кафкой (Адамович Г. Зощенко // Лицо и маска Михаила Зощенко. М., 1994). Живя в эпоху бурных рев. преобразований, З. верил, а порой и заставлял себя верить в их благотворные последствия. Но вместе с тем, по природе своего таланта, он не мог не видеть противоречий между желаемым и сущим, между провозглашенными идеалами и средствами их достижения, между расхожими лозунгами эпохи и реальным положением вещей. Противоречия эти подпитывали его иронию и нередко усиливали ее до такой степени, что она воспринималась офиц. критикой как издевка над действительностью. А между тем своими юмористич. и сатирич. рассказами, сделавшими его самым популярным писателем тех лет, З. отчетливо давал понять устроителям новой жизни, с какими людьми им придется иметь дело и каких невероятных усилий потребует их перевоспитание в новом духе.

Кроме рассказов и фельетонов З. пишет в 1920-е цикл «сентиментальных повестей»: **«Коза»** (1922), **«Аполлон и Тамара»** (1923), **«Мудрость»**, **«Люди»**, **«Страшная ночь»** (все — 1924), **«О чем пел соловей»** (1925), **«Веселое приключение»** (1926). Позднее этот цикл пополнился повестью **«Сирень цветет»** (1930), а также примыкающими к нему по типу героя **«Воспоминаниями о Мишеле Синягине»** (1930). В целом этот цикл представляет собой пародийное отталкивание от изв. произведений Гоголя и Достоевского о «маленьком человеке». Здесь особенно ощутима характерная для З. тема «беспомощности, бессилия и растерянности человека в грозных теперешних жизненных условиях, — еще более грозных, по предчувствию, в недалеком будущем» (Г. Адамович). При этом

сущность «маленького человека» под пером З. становится не трагической, как у предшественников, а скорее фарсовой. В «Сентиментальных повестях» впервые проявилась еще одна примечательная особенность З.: он, пожалуй, как никто другой из писателей сов. эпохи, прибегал к своего рода автоинтерпретации, к попутным объяснениям и оговоркам по поводу им же написанного. Мн. свои произведения З. сопровождал размышлениями (чаще всего ироническими) о том, как они могут быть восприняты критикой. И тем самым давал читателю понять, как в действительности их следует воспринимать. К этому его во многом побуждало все более нараставшее со временем несовпадение собств. худож. тв-ва и его интерпретации в критике.

Отсюда родилась и его потребность в живом, творчески наполненном диалоге с читателем. Уникальная книга З. **«Письма к писателю»** (1929) возникла не только из желания ответить на неослабевающий поток читательских писем к нему, но и из свойственного его творч. личности стремления к самопознанию. Эта книга явилась предвестником знаменательного поворота в тв-ве З. 1930-х. От коротких и смешных рассказов писатель перешел к созданию больших и «серьезных» книг: **«Возвращенная молодость»** (1933), **«Голубая книга»** (1935). В них автора волнуют проблемы счастья, долголетия, физич. и психич. здоровья человека, нравы из истории культуры разных времен и народов. Позитивный интерес к «Возвращенной молодости» проявили акад. Н. Державин, А. Иоффе, И. Павлов. «Нового» З. с пониманием и одобрением встретили Горький, коллеги-серапионы. Но мн. читатели, привыкшие видеть в нем только юмориста, были откровенно разочарованы подобной метаморфозой. Однако сам З. не переставал ощущать себя сатириком. На одном из читательских диспутов (1934) о «Возвращенной молодости» он заявил, что в этой кн. «сатирически представил возможность возвращения молодости» и даже «в несколько гротесковом плане» показал, что «не может быть такого возвращения молодости» (Звезда. 1994. № 8). В условиях официальных гонений на сатиру и свертывания сатирич. изданий в стране невольно обострился и вопрос о судьбе таланта З. Одним из первых это почувствовал К. Федин, записав в своем дневнике: «Его (Зощенко. — *В. М.*) стараются представить зубоскалом... мещанским „рупором“, а он — безжалостный сатирик и, может быть, единственный в наши дни писатель с гражданским мужеством и человеческим голосом, без фистулы подобострастия» (Федин К. СС: В 12 т. М., 1986. Т. 12).

На лит. пути З. не избежал внутренних противоречий, той «энергии заблуждения», кот. была свойственна мн. сов. писателям. Если поворот к созданию крупных научно-худож. повестей в итоге обогатил его тв-во, то увлечение во втор. пол. 1930-х идеей т. н. «положительной» сатиры (вместе с З. ее разделяли И. Ильф, П. Романов) таило в себе опасность насилия над собств. талантом во имя неких утопич. целей. По сути это вело к отказу от сатиры на мат-ле сов. действительности. Неслучайно именно в эти годы З. обратился к написанию ист. повестей (**«Черный принц»**, 1936; **«Возмездие»**, 1937; **«Бесславный конец»**, 1938; **«Тарас Шевченко»**, 1939), не прибавивших ему писательской славы. Более успешным оказался его опыт в жанре детского рассказа, особенно цикл **«Леля и Минька»** (1939), кот. С. Маршак оценил как «нечто своеобразное и новое» (Маршак С. Заметки о детской лит-ре // Красная новь. 1940. № 5–6).

Творч. поиски З. 1930-х распространялись и на область драматургии: комедии **«Уважаемый товарищ»** (1929), **«Опасные связи»** (1939), **«Парусиновый портфель»** (1939, переработана в 1945), одноактные пьесы **«Свадьба»**, **«Преступление и наказание»**, **«Культурное наследие»** (все — 1933), **«Неудачный день»**, **«Путешествие по эфиру»** (обе — 1934), **«Корни капитализма»** (1940). В те годы театры охотно брались за постановку зощенковских пьес, но сценич. их судьба складывалась не очень удачно в осн. из-за цензурных препятствий.

В годы Великой Отеч. войны, наряду с созданием пьесы-памфлета **«Под липами Берлина»** (совм. с Е. Шварцем, 1941), ряда антифашистских рассказов и фельетонов, З. работал над повестью **«Перед восходом солнца»**, начатой еще до войны. «Это будет лучшая моя книга», — говорил он Чуковскому (Чуковский К. СС: В 6 т. М., 1965. Т. 2). Вместе с предшествующими повестями «Возвращенная молодость» и «Голубая книга» она образовала единую по авторскому замыслу трилогию (Зощенко М. О моей трилогии // Лит. Л-д. 1935. № 49). В повести «Перед восходом солнца» писатель пытался художественно осмыслить свою биографию и при этом найти пути к объяснению и преодолению собственной ипохондрии, опираясь на учение И. Павлова и критически осмысляя метод психоанализа З. Фрейда. Сквозная идея повести заключалась в утверждении контроля разума над низшими силами. Автор исходил из того, что его беспощадный самоанализ будет общеинтересен и общеполезен. Перв. часть повести, опубл. в ж. «Октябрь» (1943. № 6–9), подверглась резкому осуждению в партийной печати и была признана не только далекой от современности, но и крайне неуместной, даже оскорбительной для воюющего народа. Публикация книги в ж. была остановлена. Втор. ее половина увидела свет лишь в 1972 под назв. **«Повесть о разуме»**. Отд. изд. в полном объеме книга вышла в составе 3-х томного СС писателя (1987).

Послевоен. период был самым трудным для З. Партийное постановление «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (1946) низвело его на положение изгоя, официально заклейменного и лишенного лит. заработка. С тех пор имя З. стало своеобразным символом обруганной и гонимой литры. Тем не менее творч. работа писателя продолжалась. Он пишет цикл рассказов о партизанах (часть из них была напеч. в ж. «Новый мир» в 1947), занимается переводч. деятельностью, но более всего — драматургией. Его перу принадлежат комедии **«Очень приятно»** (1945), **«Пусть неудачник плачет»** (1946), **«За бархатным занавесом»** (1947), **«Дело о разводе»** (1951). Совм. с И. Груздевым он создает пьесу **«Первые шаги, или О том, как Горький стал писателем»** (1954). Названные пьесы, за исключением первой, несмотря на все усилия и хлопоты автора, не получили выхода в печ. и на сцену. Некот. из них опубл. лишь

недавно. В посл. годы жизни З. не покидала надежда на признание постановления 1946-го ошибкой и восстановление справедливости в оценке его лит. работы. Однако официально, на уровне высшего партийного органа, эта акция — решение Политбюро ЦК КПСС об отмене постановления «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» — состоялась лишь в 1988.

Ныне З. — общепризнанный классик сатирич. жанра. Для совр. читателя, знакомого с осн. произведениями писателя, он уже «не только обличитель и больше, чем сатирик» (Новиков Вл. О месте Зощенко в русской лит-ре // Лит. обозрение. 1995. № 1). «Смешное» и «серьезное» в его тв-ве переплелось в уникальном сочетании и взаимодействии. Время подтвердило актуальность и востребованность произведений З., поскольку их злободневная тематика, как верно заметил один из исследователей, «поставлена на фундаментальную основу вечных проблем человеческого состояния...» (Жолковский А. Михаил Зощенко. Поэтика недоверия. М., 2007).

Адреса в Л-де: 1934 — ул. Чайковского, д. 75, кв. 5; 1935 — 22.7.1958 — наб. кан. Грибоедова, д. 9, кв. 119 (в наст. вр. здесь располагается Лит. музей М. М. Зощенко).

Соч.: СС: В 3 т. Л., 1986–87; Уважаемые граждане: Пародии, рассказы, фельетоны, сатирич. заметки, письма к писателю, одноактные комедии / Изд. подг. М. Долинским. М., 1991; СС: В 5 т. / Предисл. и послесл. Ю. Томашевского. М., 1993–94; Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. и публ. Ю. Томашевского. М., 1994; Избр. М., 1998; СС: В 7 т. / Сост., вст. ст. и прим. И. Сухих. М., 2008.

Лит.: Ершов Л. Из истории сов. сатиры: М. Зощенко и сатирич. проза 20–40-х гг. Л., 1973; Старков А. Юмор Зощенко. М., 1974; Молдавский Дм. Михаил Зощенко: Очерк тв-ва. Л., 1977; Чудакова М. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979; Старков А. Михаил Зощенко: Судьба художника. М., 1990; Сарнов Б. Путешествие капитана Лебядкина (Случай Зощенко). М., 1993; Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995; Томашевский Ю. «Литература — производство опасное...»: М. Зощенко: жизнь, тв-во, судьба. М., 2004; Рубен Б. Зощенко. М., 2006 (ЖЗЛ); Михаил Зощенко: Мат-лы к творч. биографии. Кн. 1–3. СПб., 1997–2002; Фрезинский Б. Судьбы Серапионов: Портреты и сюжеты. СПб., 2003; Зощенко посвящается // Сестрорецкие берега. 2008. № 31 (161). 16–22 авг.; Малышев В. Драма «короля смеха» // Петербургский дневник. 2012. № 22 (388). 7 июн.

В. Муромский

ЗУ́БОВА Людмила Владимировна [12.9.1946, ст. Суворовская Ставропольского кр.] — филолог, поэт.

Родилась в эвакуации, с 1947 живет в Л-де.

В 1961–64 занималась в лит. клубе «Дерзание» Лен. Дворца пионеров, в кружках И. Фридлянда и Н. Грудининой, где познакомилась со мн. будущими изв. поэтами (М. Ясновым, В. Кривулиным, Е. Шварц, С. Стратановским, Е. Игнатовой и др.).

Закончила филологич. фак-т ЛГУ (1969), дипл. работа по истории рус. языка.

Как сообщается в автобиографии (Лица петербургской поэзии: 1950–90-е. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. СПб., 2011), первое стих. написала во 2-м классе для школьной стенгазеты, «а что-то сказать стихами стало потребностью лет в 14», причем самым главным в поэзии казалось «найти точные слова, сказать как можно яснее», и еще — «как это звучит».

Первая публ. появилась в 1994 в америк. «Новом журнале» (NY, № 195). Стихи опубл. также в ж. «Toronto Slavic Annual» (2003. № 1), «LiteraruS. Литературное слово» (Helsinki, 2005. № 8), сб. «Время и Слово» (СПб., 2005), альм. «Автограф» (2008, вып. 12), ж. «Изящная словесность» (2009. № 4/17), антол. «Русские стихи 1950–2000» (М., 2010). Переводились на английский яз. Д. Вейсбортом («Russian Women Poets. Modern Poetry in Translation» (London, 2002. № 20).

Изредка выступает с поэтич. чтениями. По отзыву одного из слушателей, «когда знакомишься со стихами филолога, всегда возникает опасение, что увидишь великолепно сделанные ...тексты, в кот. при всем желании не найти „безумия“», делающего их фактом поэзии, однако в случае З. эти опасения не подтверждаются: «Иногда кажется, что нельзя же так рвать сердце, так приближаться к границе между собственным „я“ и лит. двойником. Приближаться, балансировать, но никогда не переступать — иначе стихи становятся всего лишь фактом собственной биографии. И З. блестяще удается соблюсти меру там, где, казалось бы, отменены всякие меры. Выучка филолога? Нет. Просто — талант. Об этих стихах один из питерских поэтов ...сказал: „Может быть, это и есть женская лирика XXI века?“. Может быть» (http://www.litcenter.spb.su/news1106.html).

В 2003 была членом жюри конкурса «ПОЭТому», проводимого в СПбГУ, на кот. впервые прозвучали имена С. Бодруновой и А. Горбуновой. Составила (совм. с В. Курицыным) поэтич. антологию «Стихи в Петербурге. 21 век» (СПб., 2005), в предисл. к кот. отмечается, что список из 70 имен поэтов стал результатом компромисса между существенно различающимися взглядами составителей (поскольку оба сначала составили собств. списки, затем установили тех авторов, кот. оба хотели бы включить в антологию, потом каждый представлял своих кандидатов, а второй имел право их отклонить, и наконец, по заранее оговоренному правилу, каждый из составителей предлагал список из семи авторов по своему выбору, включение кот. не обсуждалось): «Мы понимали, что результат выбора создаст впечатление некот. хаоса, но полагали, что, может быть, именно в этом хаосе окажется возможной хотя бы приблизи-

тельная объективность взгляда на совр. поэзию Петербурга», поскольку в намерения создателей сб. входило представить стихи сколь возможно разнообразных жанров, стилей, направлений и поколений. Критика отмечала, что в антол. отразился «взгляд на питерскую поэзию двух совершенно разных людей» — «взгляд, разумеется, субъективный» (Е. Степанов). По словам З., в кн. по разным причинам не вошли стихи мн. поэтов — в первоначальном списке обоих составителей значилось около 400 имен [**Интервью-1** // Радио «Свобода». 2005. 14 апр.].

Автор предисловий к сб. стих. В. Кучерявкина, С. Бодруновой, А. Левина, М. Башакова, антологии «Аничков мост: совр. поэты о Петербурге» (СПб., 2010).

Гл. критерий оценки стихов для З. — «всё-таки талант, явленный в тексте, а не установка на традицию или эксперимент, не степень знаменитости автора, не странности его характера, не экстравагантность поведения, не судьба»: «Талант загадочен, его ничем не измерить. Почувствовать его можно только по действию стихов на сознание. По радости и боли, кот. даёт текст, по тому, что какие-то строчки хочется повторять себе, читать друзьям, ускорять шаг или впадать в оцепенение, смеяться или плакать. По тому, что они заманивают в то пространство, в кот. появляются собственные стихи. Стихи — это то, что никак нельзя сказать иначе, поэт — тот, кому не все равно, как сказать, а чувствует стихи тот, кому не все равно, как сказано» (Беседы о поэзии с П. Брандтом // http://nattch.narod.ru/poesia2.html).

Занимается филологич. исследованием языка поэзии. Защитила докт. дис. и издала две книги о поэтич. языке Цветаевой (**«Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистич. аспект»** и **«Язык поэзии Марины Цветаевой. Фонетика, словообразование, фразеология»**). Подготовила к изд. и опубл. письма С. Эфрона к Е. Недзельскому с обширными комм. (написаны в соавт. с биографами М. Цветаевой). Опубликовала ок. 200 статей и две монографии о языке совр. поэзии (**«Совр. русская поэзия в контексте истории языка»** и **«Языки совр. поэзии»**).

И. Роднянская в рец. на монографию «Совр. русская поэзия в контексте истории языка» назвала книгу З. «захватывающей», «с энтузиазмом откликающейся на малейшие вибрации стихотворного слова, сопереживая ему, а не только накалывая на научную булавку». По словам А. Уланова, исследование З. показывает, что «язык все-таки действительно жив поэзией, и в ней его прошлое и будущее». Как замечает О. Кушлина, благодаря широте охвата мат-ла в книге З. совр. поэзия стала «предметом лингвистич. анализа, а не бездоказательных поверхностных оценок журналистской критики»: «эта книга не о поэтах, и даже не о поэзии, она — о языке; точнее — о тех свойствах языка, кот. существуют в нем безотносительно к поэтам, но выявляются благодаря поэтам», ибо «для того и существуют поэты, чтобы язык помнил о своем прошлом, чтобы понимал сам себя в настоящем, чтобы сохранился живым и для будущего».

В монографии «Языки совр. поэзии» З. анализирует индивидуальн. поэтич. системы — особенности языка Л. Лосева, В. Сосноры, В. Кривулина, Д. Пригова, Т. Кибирова и др. поэтов, кот. «максимально используют языковой потенциал», у кот. «очень сильна потребность находить в языке то, что помогает им выразить себя, почувствовать и понять мир» [**Интервью-2** // СПб. ведомости. 2010. 7 сент.]. Ю. Орлицкий пишет в рец. на это издание: «Со многими частностями в этой книге можно и нужно спорить. Бесспорно в ней то, что поэзия существует, что ее разнообразие сегодня очень велико и что именно благодаря ему мы можем говорить о наступлении новой великой эры русской поэзии, внутри кот. мы, не всегда замечая это, уже не первое десятилетие».

По словам З., «с филологич. занятиями стихи обычно были разделены временем: когда писались статьи, не писались стихи, а когда шла полоса стихов, возникала пауза в филологич. занятиях»: филология стихам явно мешала, а стихи филологич. занятиям и преподаванию помогали. Однако в процессе исследований языка совр. поэзии «соединились две линии жизни, кот. до этого существовали в ...сознании раздельно» (Предисл. к публикации стихов в «Toronto Slavic Annual»).

В 1987 З. получила премию ЛГУ за кн. «Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистич. аспект», в 2000 — премию СПбГУ за кн. «Совр. русская поэзия в контексте истории языка», в 2010 стала лауреатом премии Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования».

В 2012 опубл. кн. **«Платье»** (изд-во «Геликон +»), в кот. собраны стихи с 1966. Тексты сознательно не датированы, чтобы, как сообщает автор в предваряющей сб. «Объяснительной записке», «никто ничего не вычислял». В той же записке З. кратко формулирует отношение к собств. поэтич. тв-ву: «...Нет у меня самосознания (т. е. смелости) поэта. <...> Я от своих стихов всегда хотела ясности. И чтобы в стихах говорилось то, что нельзя сказать иначе. Зачем публикую, зная, что именно ясность и откровенность уязвимы? Глупость о том, что прямое лирическое высказывание недопустимо в современной поэзии, знаю, не сомневайтесь. И снобистская позиция неприятия того, что всем понятно, мне знакома и глубоко чужда. <...> Знаю, что сейчас эти стихи люди из литературного мира неизбежно будут сравнивать с моими филологическими книжками и статьями о языке поэзии — и не в пользу стихов. Про такие, как у меня, я бы не писала. Зачем же все-таки публикую? Наверное, не зачем (потому что незачем), а почему. Вероятнее всего, из-за ощущения несделанного в жизни дела и в надежде, что это кому-то нужно <...> И еще, наверное, почему-то».

Член СП СПб. (секция критики).

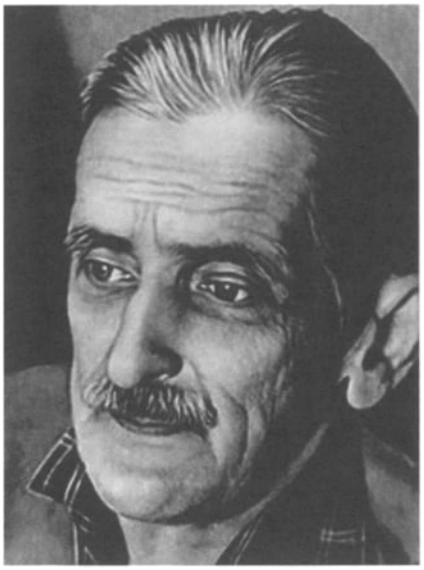
Соч.: Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистич. аспект. Л., 1989; Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому / Публ. Л. Зубовой. Прим. Е. Лубянниковой, Л. Зубовой, Е. Коркиной, Г. Ванечковой. Turku, 1994; Язык поэзии Марины Цветаевой. Фонетика, словообразование, фразеология. СПб., 1999; Совр. русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000; Языки совр. поэзии. М., 2010; Платье: Стихи. СПб., 2012.

Лит.: Роднянская И. Книжная полка // Новый мир. 2001. № 6; Уланов А. Арбузы речи // Знамя. 2001. № 10; Кушлина О. [Рец. на: Совр. рус. поэзия в контексте истории языка] // Новая русская книга. 2002. № 2; Яклина М. В необозримом пространстве языка // Питербook. 2001. № 9; Норман Б. [Рец. на: Языки совр. поэзии] // Slavia Orientalis, 2001. Т. 50. № 3;

Степанов Е. [Рец. на: Стихи в Петербурге. 21 век: Поэтич. антология] // Зинзивер. 2005. № 3; Орлицкий Ю. Книжная полка // Новый мир. 2010. № 8.

С. Друговейко-Должанская

ЗУ́ЕВ-ОРДЫНЕЦ Михаил Ефимович [19.5.1900, М. — 23.12.1967, Караганда] — прозаик, публицист.



Родился в семье еврея-кустаря, ремесленника-обувщика, имевшего сапожную мастерскую. Учился в Высшем нач. городском училище. До 1918 работал мелким конторским служащим на моск. з-дах и фабриках: на красильной фабрике Хишина, на литейном з-де Ф. Гаккенталя, на военно-промышленном з-де Второва. В авг. 1918 вступил добровольцем в Красную Армию. Был послан на 1-е Моск. артиллерийские курсы командного состава. По окончании, с 1919 по 1921, воевал на фронтах Гражданской войны. Командовал взводом, батареей, артразведкой дивизии. В 1923/24 демобилизовался, по месту демобилизации в Вышнем Волочке работал начальником уездной милиции, одновременно сотрудничал с местной газ. «Наш край», публ. корреспонденции и заметки в газ. «Тверская правда» (1923–26).

В 1925 его первые рассказы и очерки напеч. ж. «Резец». В 1927 стал зав. отделом прозы этого ж., вошел в группу «Кузница». Сотрудничал с ж. «Вокруг света» и «Костер». Тогда взял себе псевд. Ордынец.

В 1927 переехал в Л-д для лит. работы. В 1930 окончил Лен. ин-т истории искусств. Был принят сначала в кандидаты, затем в члены ЛО СП СССР (1934).

Стал одним из зачинателей сов. приключ. лит-ры. Много путешествовал по стране, что нашло отражение в его кн. Опубл. в 1928 в Л-де сб. рассказов **«Желтый тайфун»**, а два года спустя — повесть **«Сказание о граде Ново-Китеже»**. Неск. повестей были историческими: **«Возмутители»** (1928; др. назв. — **«Девятьсот пятый»**) — о революции 1905-го, **«Гул пустыни»** (1930) — о завоевании Россией Ср. Азии, **«Хлопушин поиск»** (1937; др. назв. — **«На слом!»**) — повесть о пугачевском движении на Урале. В 1930-е руководил лит. кружком при газ. «Кронштадтский рабочий».

Будучи сов. писателем, не был согласен с «генеральной линией» партии. Свои тайные мысли поверял дневнику. О лит-ре: «Никогда литература не была подлее, услужливее, развращеннее, чем сейчас. Советский режим растлил, запугал, закупил ее и сделал своим подголоском. Не литература, а дрозд насвистанный. Отдаю должное, дрозд поет неплохие умные песни, но односторонние, он поет только „за“, а попробовал бы он петь „против“. Отсюда очень плохая особенность. Появилась масса дроздов фальшивящих, масса писателей, кот. ценят свой талант, как проститутка свое тело». В февр. 1937 в М. потерял портфель с дневником. В ночь с 8 на 9 апр. 1937 был арестован в своей квартире в Л-де и помещен в дом предварительного заключения УНКВД на ул. Воинова (ныне ул. Шпалерной), д. 25. Оказался в общей камере следственной тюрьмы НКВД («Шпалерки») вместе с изв. литературоведом А. Пиотровским. В нояб. 1937 в пересыльной тюрьме встретился с Б. Корниловым. Обвинялся в проведении систематич. контррев. агитации среди писателей и распространении клеветнических измышлений, оскорбляющих вождей партии и Сов. власти (без обжалования). После тяжелых ночных допросов и избиений «виновным себя признал полностью». Получил 10 лет заключения в ИТЛ. Провёл 10 лет в различных лагерях Карлага, в теч. этого времени ему запрещалось писать. Работая на лесоповалах, от недоедания и холода заболел туберкулезом. Освобожден 21 июн. 1950. Путь в центр. Россию был закрыт, жил в пос. Актас под гласным надзором. В 1962 благодаря хлопотам жены переехал в Караганду. 14 окт. 1954 направил в Гл. воен. прокуратуру заявление о снятии судимости. 2 июля 1956 постановление Особой тройки УНКВД от 25 окт. 1937 в отношении З. (и С. Колбасьева, проходившего с ним по одному делу) было отменено, дело прекращено за отсутствием состава преступления. 19 лет не имел права писать и печ. Об этом времени рассказал в автобиогр. повести **«Дело № 179888»**.

Напис. 19 кн., большое кол-во рассказов, повестей. Его произведения опубл. в ж. и альм. «Сибирские огни», «Сов. Казахстан», «Наш современник», «Уральский следопыт». Автор историч., приключ., научно-фантастич. произведений **«Властелин звуков»** (1926), **«Каменный пояс»** (1928), **«Клад Чёрной Пустыни»** (1933), **«Крушение экзотики»** (1933), **«Хлопушин поиск»** (1937), **«Вторая весна»** (1959), **«Последний год»** (1961; др. назв. — **«Злая земля»**), **«Вызывайте 5... 5... 5...»** (1961), **«Осадочная порода»** (1963), **«Остров Потопленных Кораблей»** (1963), **«Царский куриоз»** (1966), **«Бессмертие»** (1967) и др.

Осн. произведение — фантастико-приключ. роман «Сказание о граде Ново-Китеже» (1930; испр. 1967), своего рода «историческая фантастика» о сохранившемся в таежной глухомани (со времен средневековой Руси) древнем городе, оставшемся в неприкосновенности от совр. цивилизации, на кот. случайно натыкается группа сов. людей. Известны и научно-фантастич. рассказы «Властелин звуков», **«Безумная рота»** (1929) и **«Панургово стадо»** (1929).

Писал стихи (**«Их с лишком двести»**, 1924; **«Об сэсэсэровском рубле, об его ответе английской монете»**, 1924; **«О глупом Степане, о поповском обмане и сельскохозяйственном кружке»**, 1925), пьесы (**«По диким степям»**, 1958), лит. очерки и критич. ст., рец. на сценич. постановки. В 1960-е работал над воспоминаниями **«О себе»**.

После смерти опубл. кн. **«Бунт на борту»** (1968), **«Свинцовый залп»**

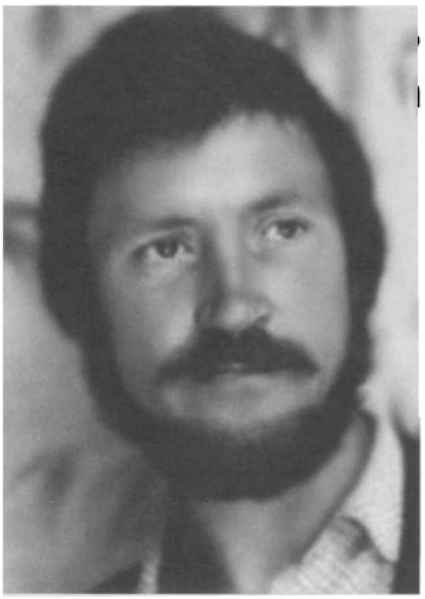
(1969), в 1981 — «Сказание о граде Ново-Китеже», в 1995 переизд. роман «Последний год».

Соч.: Жёлтый тайфун: Сб. Л., 1928; Каменный пояс. Л., 1928; Гул пустыни. М., 1930; Сказание о граде Ново-Китеже. Л., 1930 (испр. 1967); Клад Чёрной Пустыни. М., 1933; Крушение экзотики: Сб. очерков. Л., 1933; Хлопушин поиск. Челябинск, 1937; Вторая весна. М., 1959; Последний год. Калининград, 1961; Вызывайте 5... 5... 5...: Сб. М., 1961; Осадочная порода. Новосибирск, 1963; Остров Потопленных Кораблей: Сб. Алма-Ата, 1963; Бунт на борту: Рассказы разных лет. Пермь, 1968; Свинцовый залп. Пермь, 1969; Дело № 179888 // «Дело №...» Летопись горького времени: Повести, рассказы, очерки и стихи. Алма-Ата, 1989.

Лит.: Яновский Н., Богуславский М. Зуев-Ордынец Михаил Ефимович // КЛЭ. М., 1964. Т. 2; Михаил Ефимович Зуев-Ордынец // Распятые: Писатели — жертвы политич. репрессий. Вып. 2 / Авт.-сост. З. Дичаров. СПб., 1994; Халымбаджа И. Зуев-Ордынец Михаил Ефимович // Энц. фантастики: Кто есть кто / Под ред. В. Гакова. Минск, 1995; Смирнов В. «Дело писателей» // СПб. ведомости. 2012. № 13 (1195).

И

ЙВАНЕН Анатолий Вильямович [17.4.1950, Якутия — 31.12.2013, Пушкин] — поэт.



Как сказано в стихах И., родился он «на льдине», при впадении Лены в море Лаптевых, в семье рыбака. Родители были вывезены по «Дороге жизни» из блокадного Л-да 25.3.1942. Вырос под Л-дом в д. Хиттолово, куда семья вернулась, когда будущему поэту было 9 лет. Для поэта, родившегося «на льдине», всю жизнь важен был поиск своих истоков и корней. «Я долго не мог понять значение своей фамилии, — признается он. — По происхождению она не финская, хотя и с финским окончанием. Правильно, по отцу, пишется Ивонен: через „о“, ударение на первый слог; „а“ появилось по ошибке писаря. Очевидно, он был украинец. А по-украински как слышится, так и пишется, — известная фамилия Иваненко» (**«Автобиография»**). Корень своей фамилии поэт нашел в Новгородской писцовой кн. Бежецкой пятины — «в Петровском погосте в Тихвинском». Там она одна из самых распространенных: «Да за Третьяком же Яковлевского поместья Ивонина деревня...». Ивоня — имя собственное, встречается в писцовых книгах с такими именами, как Суни и Матар. «Суни, — сообщает И., — фамилия моей бабушки, а Матар превратился в Матарайнена. Из других источников известно, что около Тихвина жила псковская чудь. Запись в писцовой книге относится к концу XV в. Не исключено, что после „Столбовского мира“ шведы оттеснили коренное население Тихвина в глубь Карельского перешейка, подальше от пограничного района. И до недавних пор Суни, Матарайнены, Ивонены были чуть ли не соседями в одной деревне, недалеко от Кавголово-Токсово. Мои предки — летописная „чудь белоглазая“, изначально вошедшая в состав Великого Новгорода» («Автобиография»).

Вот как рассказывает И. о своем детстве в предисл. ко втор. кн. стихов **«Венцы»**. «В юности я вел дневник. О смешном и веселом легко писалось от первого лица, но как только речь заходила о чем-то серьезном, сокровенном — начинал повествовать о себе в третьем лице. Стих сам по себе спасает от такого перехода, он терпит любое откровение. <...> С детства по рассказам матери и отца я понял: великое должно быть простым, будь то люди или дела их».

В 17 лет начал публ. в газ. «Невская заря», посещал в теч. неск. лет ЛИТО «Ладога» (при газ. «Невская заря»). ЛИТО руководил журналист и писатель Н. Солохин. Там бывали поэты С. Николаев, В. Брюховецкий, И. Юрьев, В. Кречетов, талантливый, но рано ушедший поэт С. Пронин. В ЛИТО еще была жива память о Н. Рубцове, печатавшемся в 1959–60 на страницах всеволожской газ. «Трудовая слава».

В 1970-х существовала Лен. организация самодеятельных литераторов обл. Возглавляли ее изв. книголюб из пос. Токсово Е. Тимошенко и Т. Гнедич, переводчица Байрона и поэтесса. Они проводили в г. Пушкине смотры и конкурсы пишущей молодежи. Жюри, в состав кот. входили изв. мастера пера, определяло победителей и давало им рекомендации в редакции газ. и ж., выдвигало на республиканские и всесоюзные совещания молодых. Как сообщает Солохин, от Всеволожска в таких совещаниях принимали участие И., С. Николаев, С. Пронин.

С 1975 И. занимался в ЛИТО филфака в ЛГУ у изв. критика и литературоведа Г. Филиппова. Стихи И. стали появляться на страницах альм. «Молодой Л-д», в ж. «Аврора», «Звезда», «Огонек», в газ. «Лит. Россия», в молодогвардейском сб. «Вдохновение». И. был участником 4-х конф. молодых писателей Северо-Запада, Всесоюзного фестиваля в Кызыле (1980). Его стихи получили высокую оценку на VII Всесоюзном совещании молодых писателей.

И. окончил филфак ЛГУ. Неск. лет жил в Финляндии. С 2005 постоянно живет в г. Пушкине (б. Царское Село). Впервые появился в Пушкине в 1969. После ухода из жизни Гнедич в 1976 И. руководил ЛИТО «Лира». С нач. 1980-х до 1989 был лит. консультантом при газ. «Вперед» (г. Пушкин). С 1992 — член СП России. Лауреат лит. премии им. Б. Корнилова за 2008 (СПб.).

Уже в перв. кн. **«Родство»** виден автор, умеющий мыслить исторически. Его интересует история формирования Русского государства и со-

отношение вклада славянских и финно-угорских племен. «Ингрия и Водская пятина, / Гардарика, а где она была? / Года идут и памяти плотина / В пучине лет ничто не сберегла! // Пусть обмелела светлая Ижора / И Чуди нет на озере Чудском, / И Ладога на Волхове не город — / Былинные останки под песком! // Пусть время применило свое вето, / Но верю я, что эта синева / В моих глазах, прищуренных от света — / Ничто иное как сама Нева // Мелеют реки, но милеют лица... / И вряд ли знает, даже сам Господь, / Где там была иль не была граница, / Где чудь и ямь, где ингрики и водь. // Пусть племена, сродненные Невою, / Давно свои не помнят имена — / Не разорвать извечное родство их, / Доколе Русь стоит — / На всех одна!».

В предисл. ко втор. кн. И. **«Ветер с Ладоги»** Г. Филиппов писал: «Главное ее достоинство — своеобразие поэтической интонации, чувство родства человека и природы, любовь к отчему краю и земле, которая помнит о минувших испытаниях, сыновняя привязанность и верность Отчизне. Они пронизывают лучшие стихи Анатолия Иванена и, что особенно ценно, соотнесены с нашим сегодняшним днем, с историей родной земли» (Филиппов Г. Об авторе // И. Ветер с Ладоги. М., 1985). История и современность сливаются в стихах И. Их невозможно разорвать, а порой и отличить, что делает поэзию И. особенно ценной и притягательной.

В предисл. к третьей кн. И. **«Мост»** (1986) И. Лысцов отмечал «нестандартность жизненного мат-ла, богатство чувств и пронзительность интонаций, основательность, образный, сочный язык, народный язык...». Но если пронзительность интонаций, образность и народный язык могут быть достоянием разных поэтов, то «нестандартность жизненного материала» — качество, свойственное именно И. Его нестандартность проистекает из его корней, которые он не может в себе преодолеть, хотя порой, кажется, он и готов отказаться от них в пользу чисто русской традиции и принадлежности. Но И. поэт, принадлежащий к ингерманландской культуре, без кот. он не мыслим, хотя при этом он остается русским поэтом. Вот эта культурная двойственность, или культурная раздвоенность и определяет его подлинное своеобразие и тем самым его особую ценность в общекультурном плане. В И. живет и память предков, и живое восприятие сегодняшнего дня. Он бывает не только глубоко историчен, но и ярко гражданственен. В этом отношении показательно болевое стих. **«Плацдарм»**, где поэт выражает свою политическую позицию. «От воинского ремесла / К одной я истине прикован: / Пока пехота не прошла, / Плацдарм еще не завоеван. / Я вспоминаю со стыдом, / Что враг был мною не опознан, / Когда громили Белый дом, / Вооружался срочно Грозный. / И мы предстанем пред судом / Своей истории великой. / Слепцы! Бомбили отчий дом / С такою ненавистью дикой. / Шел брат на брата, на отца / Восстал сыночек стоеросов, / И нет ни званья, ни лица / У тех, что предали бойца: / — Стрелять, и никаких вопросов! / Пусть празднует победу трус / И поклоняется мамоне, / И развалившие Союз / Пока покоятся на троне. / Пусть нас и травят, и костят, / И римский клаб стоит у гроба, / На наших гибельных костях / Санкт-Петербург и вся Европа».

Городские — ленинградские/петербургские — мотивы проходят через все книги И., а пятая кн. — своего рода избранное — **«Трагический тенор»** (СПб., 1999) органично и не случайно корреспондирует с поэзией А. Блока уже самим названием.

Соч.: Родство: Стихи. Л., 1982; Ветер с Ладоги: Стихи / Предисл. Г. Филиппов. М., 1985; Мост: Стихи / Предисл. И. Лысцов. М., 1986; Венцы: Стихи. Л., 1987; Трагический тенор: Стихи / Прекдисл. С. Смирнов. СПб., 1999; «А родина не так и велика...»: Стихи // Карелия. 2005. № 33. 31 март.; Когда Нева не знала берегов. Семилистники: Стихи. СПб., 2008; Стихи // Петербургские строфы / Сост. М. Аникин. СПб., 2009.

Лит.: Солохин Н. Родство // Невская заря. 1983. 15 окт.; Малярова И. <Приложение> // Иванен А. Трагический тенор. СПб., 1999; Николаев С. Неводы деревень. Лирика Анатолия Иванена // Там же; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Кречетов

ИВА́НОВ Александр Павлович [23.10.1876, СПб. — 1940 (по др. данным (ГРМ) — в 1933), Л-д] — искусствовед, прозаик.

Родился в семье личного дворянина Павла Александровича И. (позднее — члена Совета Волжско-Камского банка). Мать — Мария Петровна (в девич. Шалыгина; приводимая в некот. изд. фамилия Угрюмова ошибочна) — происходила из моск. старообрядческой купеческой семьи.

Окончил 1-ю спб. мужскую гимназию (1895) и математич. отд. физико-математич. фак-та СПб. ун-та (1900). С 1902 служил помощником столоначальника (счетоводом) в департаменте железнодорожных дел Министерства финансов и имел чин коллежского секретаря (10-й класс табели о рангах). Истинным увлечением И. стали «изящные искусства» и литра. В 1904 опубл. перв. ст. **«Логэ и Зигфрид»** — об операх Р. Вагнера (Мир искусства. № 6), в кот. трактовал искусство как «подвиг освобождения уникальной или заколдованной красоты». Вместе с женой (художницей) путешествовал по Германии и Италии для знакомства с искусством. Входил в круг худож. сообщества «Мир искусства».

Осн. работы И. — кн. и ст. о знаменитых русских художниках: М. Врубеле, Н. Рерихе, И. Репине. В кн. о Репине (1925) любопытны рассуждения И. о пропорции отражения художником животного и духовного в человеке.

Наиболее известна его кн. о Врубеле. Над монографией о Врубеле (перв. изд. — 1911) И. работал много лет

в контакте с женой и сестрой художника (**«М. А. Врубель. Опыт биографии»** — СПб., 1911; Киев, 1913; Пг., 1916). По отзыву А. Блока, так «писалось о старых великих мастерах», «по-старинному благородно и просто». Впоследствии организовывал выставки, опубл. письма Врубеля.

Семья И. была близко знакома с А. Блоком. Брат Александра — писатель Евгений И. — входил в круг ближайших друзей поэта, сестре Марии Блок посвятил стих. «На железной дороге». Об Александре Блок писал: «А. П. Иванов, действительно, человек совершенно исключительный, как вся семья Ивановых. Оттого только, что живут на свете такие люди, жить легче; в них — опора».

После Октябрьской революции некот. время продолжал работать в Министерстве финансов (Наркомфине). С 1920 — науч. сотрудник Гос. Академии истории материальной культуры по разряду нового искусства, вскоре стал помощником хранителя отдела нового искусства в ГРМ. С 1927 — хранитель отдела, с 1930 — науч. сотр. 1-го разряда. В 1931 покинул Русский музей по состоянию здоровья.

Монография о Рерихе **«Н. Рерих»** опубл. в Л. в 1926. По одним сведениям, кн. о Рерихе погибла при погроме типографии в мае 1915 (в архиве ГРМ сохранились лишь некот. черновики, частично опубл. в ж. «Дельфис», 1998, № 3/16). По др. сведениям, 5 февр. 1912 И. Грабарь предложил И. напис. кн. о Рерихе, тот начал работу весной и продолжал ее как минимум до осени 1916. 7 сент. 1916 он сообщал о завершении шести глав монографии и начале работы над седьмой. В 1917 пытался изд. ее у Гринберга. И. и Рерих были представлены друг другу. Из письма Рериха от 5 марта 1912: «И. оказался премилым и серьезным человеком — Яремич был прав, рекомендуя его». В процессе работы над кн. Рерих подарил И. картины «Идолы» и «Камни». Сохранилась их переписка.

Был доцентом ЛГУ, читал лекции и вел практич. занятия по русской живописи в Высшем художественно-технич. ин-те (ВХУТЕИН).

Единственное опубл. при жизни худож. произведение И. — фантастич. рассказ (иногда наз. повестью) **«Стереоскоп»**, с подзаголовком «Сумеречный рассказ», сочетающий в себе черты науч. фантастики и «готики». Герой рассказа ради забавы приобретает недорогой оптический прибор и с помощью него вечером у себя в квартире случайно, разглядывая через прибор фотографию, проникает в прошлое: «проваливается» внутрь изображения на фото, в Египетский зал Эрмитажа тридцатилетней давности. Он попадает в 21 апреля 1877-го и путешествует по замершему миру Эрмитажа и СПб. XIX в. Все люди в этом мире замерли в самых разнообразных позах, лишь одна ужасная старуха, будто воплощение злого духа, в финале повествования преследует героя, кот. чудом удается возвратиться обратно в свою комнату. Герой в страхе разбивает стереоскоп, тем самым прерывая связь с этим замершим миром прошлого. «Я разломал свой стереоскоп. В нем были не простые оптические стекла; в нем были как бы двери в некий мир, недоступный для нас; и вот я наглухо завалил таинственный вход. Он был чьим-то великим изобретением, но чьим, я не знаю и никогда не буду знать. Мне отворены были двери в те области, куда человеку недозволено проникать, куда он может лишь заглядывать; для меня исчезла непереступаемая грань между тем миром и нашим. Но в ту памятную ночь в порыве ужаса я разбил молотком линзы стереоскопа, чтобы положить вновь меж собой и его страшным миром прежнюю грань» (И.).

«Стереоскоп», написанный в 1905 и опубл. отдельным изд. (изд-во «Сиріусъ») четыре года спустя, удостоился похвального отзыва В. Брюсова («...написан рассказ г. Иванова очень хорошо, у автора есть свой слог, сдержанный, простой, но выработанный. Нам кажется, что у г. Иванова есть все данные, чтобы стать хорошим и интересным писателем») и был отмечен Блоком (в письме к И.: «Хочу тебе сказать, что всё больше ценю „Стереоскоп“... Ещё больше понял его через рецензию Брюсова и через чтение Уэльса... Думаю, что это, вместе с Брюсовской прозой, принадлежит к первым в русской литературе „научным“ опытам искусства, и глубоко приветствую это»). Хвалебную рец. (кот. не была опубл., но предназначалась для ж. «Аполлон») напис. на «Стереоскоп» М. Волошин. Он отмечал, что повесть — «несомненно, производит сильное впечатление ужаса. Но странно: этот ужас затаён не столько в событиях его, сколько в мастерских описаниях, дающих полную иллюзию фотографического мира. Эта повесть — безусловно новая и замечательная страница в области петербургской фантастики, начинающейся с „Пиковой дамы“ и „Медного всадника“». «Стереоскоп» по праву относят к числу наиболее интересных произведений в русской фантастике нач. XX в. В 1918 («Русское самоиздательство») рассказ был переизд. (известна положительная рец. поэта и критика И. Оксенова на второе изд.), а затем незаслуженно забыт на неск. десятилетий. Рассказ много раз перепеч. в 1990-е — 2000-е: вошел в антол. «Дисплей фантастики» (1990), «Стереоскоп» (1992), «Храм снов» (1993), «Мистика, ужасы: Лучшие произведения» (2009) и др.; многократно переизд. отд. изд.

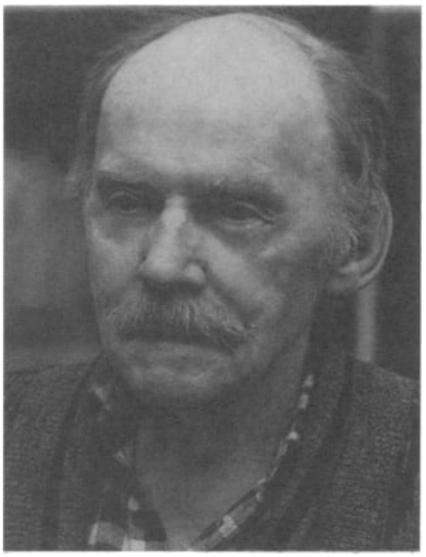
К фантастике имеет отношение и опубл. лишь в 1993 по черновикам автора рассказ **«Городище»**, герой кот. видит сцены из своей прошлой жизни, проходившей во времена древних русичей, а затем находит подтверждение своим видениям в реальности. На написание этого рассказа И. вдохновила ст. Н. Рериха «На кургане».

Соч.: Стереоскоп: Сумеречный рассказ. Пг., 1909 (Пг., 1918); Н. Рерих. Л., 1926; И. Е. Репин. Л., 1925; М. А. Врубель. Л., 1928; Стереоскоп: Сумеречный рассказ // Наука и техника. Рига, 1988. № 9–12; 1989. № 1; То же // Простор. Алма-Ата, 1992. № 11–12; Стереоскоп: Антология Петерб. фантастики / Сост.: Е. Белодубровский, Д. Равинский. СПб., 1992; Стереоскоп: Рассказ. СПб., 2003; Стереоскоп: Рассказ // Darker. 2011. № 8 (дек.).

Лит.: Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке / Публ. Э. Гомберг и Д. Максимова // Блоковский сб. <Сб. 1>. Тарту, 1964; Алымов Х. [И. Г. Халымбаджа]. Сумеречный рассказ: [О рассказе А. Иванова «Стереоскоп»] // Молодая гвардия. Пермь, 1981. 18 дек.; То же // Молодой ленинец. Ставрополь, 1982. 23 июн.; Ильюнина Л. Иванов Александр Павлович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. М., 1992; Купченко В. Ещё один Александр Иванов // Лица: Библиогр. альм. Т. 3. СПб., 1993; Фо-

кин С. Молчаливый Петр Павлович Иванов (1878–1942) // С.-Петербургский ун-т. 2003. № 24–25 (3648–49), 1 нояб.; Рериховская энц. Новосибирск, 2004.

ИВАНО́В Борис Иванович [25.2. 1928, Л-д] — прозаик, поэт, критик, публицист.



Отец — рабочий, погиб на фронте; мать — официантка, повар, продавец. После перв. блокадной зимы был эвакуирован; окончил ремесленное училище в Ташкенте. В 1944 вернулся в Л-д. Работал токарем и учился в веч. школе. В 1947–48 работал буровым мастером на Кольском п-ве. В 1948–53 служил в армии, окончил сержантские и офицерские курсы, завершил школьное образование, вступил в КПСС. В 1953–58 учился на отд. журналистики филологич. фак-та ЛГУ. Затем служил сотрудником газ. «Псковская правда», зам. ред. районной газ. Опочецкого р-на Псковской обл., работал в заводских и вузовских многотиражках Л-да. В 1968 — автор одного из колл. писем против осуждения А. Гинзбурга и Ю. Галанскова, за что был исключен из партии и уволен с работы. Далее работал шкипером на шаланде, электромехаником по лифтам, сторожем, кочегаром. Был активным деятелем и организатором «второй культуры» Л-да. В нач. 1975 вошел в группу составителей поэтич. сб. «Лепта». В июне 1976 начал выпускать самиздатский альм. (в дальнейшем — ж.) «Часы» и до 1990 оставался его ред. В 1978 стал одним из учредителей негосударственной Лит. премии А. Белого, остается поныне членом ее жюри. В 1979 вместе с Б. Останиным был инициатором 1-ой и 2-ой Конференций неофиц. культурного движения, выступал на них с д-дами. В 1981 при поддержке И. Адамацкого и Ю. Новикова организовал первое в СССР легализованное объединение независимых литераторов «Клуб-81». Входил в правление клуба, с 1984 — стал его председателем. Был автором большинства писем, обращений и документов, адресованных Клубом в различные офиц. инстанции, и составителем сб. авторов-членов клуба «Круг» (Л., 1985). В 1986–89 выпускал самиздатский сатирич. ж. «Красный щедринец». В 1988 вместе с Е. Пазухиным выступил инициатором создания Об-ва христианского просвещения. 25 июня того же года провел перв. массовую демонстрацию в поддержку Перестройки. С 1988 издавал самиздатский ж. «Демократия и мы». Вошел в правление организации «За народный фронт», издавал одноименный информац. бюллетень. В 1990–2000-е участвовал в подготовке и проведении конференций и семинаров, посвящ. полит. оппозиции и культурному движению в Л-де в 1950–80-е. Составитель и автор колл. сб. «История лен. неподцензурной лит-ры: 1950–80-е гг.» (СПб., 2000). Инициатор и участник проекта издания лит. энц. «Самиздат Л-да: 1950-е — 80-е гг.» (М., 2003; дипломант Анциферовской премии — 2003; Лауреат премии «Серебряная литера» — 2004), инициатор трехтомного изд. «Коллекция: петерб. проза (Лен. период)», охватывающий 1950–80-е, и принимал участие в их составлении. С 2009 — один из ведущих семинара по новейшей лит-ре при ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Член международного ПЕН-центра с 2008. Лауреат Лит. премии А. Белого в номинации «Критика» (1983), отмечен премиями ж. «Знамя» и «Новый мир».

Писал с нач. 1960-х. В 1960 был принят в ЛИТО при изд-ве «Сов. писатель». Познакомился с кругом молодых лен. прозаиков: М. Данини, О. Базуновым, А. Битовым, С. Вольфом; близко подружился с однокурсником Р. Грачевым. В 1964 опубл. рассказ **«Четвертое измерение»** в альм. «Молодой Л-д». В 1965 вышла кн. рассказов **«Дверь остается открытой»** (М.; Л., 1965). Со втор. пол. 1960-х до кон. 1980-х печ. только в самиздате и за границей. Как прозаик, поэт, критик, философ и публицист сотрудничает в осн. с ж. «Звезда», «Знамя», «НЛО».

Еще в школьные годы лит-ра стала оказывать на восприятие жизни и поступки И. нравств. влияние. Это не только помогло ему выжить в суровые воен. годы (голод, бродяжничество), но и сделало из него писателя. В отрочестве и юности он часто думал, что когда-нибудь обязательно о виденном и пережитом напишет. Начало писательства И. связано с журналистикой. Работая в Псковской обл., он записал десятки рассказов участников и очевидцев событий Великой Отеч. войны. Работа в многотиражке Металлического з-да позволила заглянуть за идеологич. ширму, скрывающую подлинную жизнь рабочего класса (об этом рассказ **«Черный день Корнея Патрикеева»**). Три года редактировал газ. ЛГПИ им. Герцена. По его инициативе, был учрежден День СНО (студенческих науч. обществ). В воспоминаниях И. опишет конфликт ректора ин-та с «макаренцами», исповедующими систему воспитания, подавляющую личность воспитуемого. Умение слушать собеседника, внимание к плоти жизни, к детали, а главное — отзывчивость на острые проблемы обществ. самосознании современников, выделили его среди сверстников. Его дебют в нач. 1960-х был удачен. Но в скором времени тво И. перестало укладываться в шаблоны конвенционального сов. письма. Уровень философского обобщения в прозе И. не мог не привести к принципиальным расхождениям с системой. Уже в перв. пол. 1960-х, когда И. имел перспективы состояться как сов. писатель, были напис. **«Похороны во вторник»**, **«Убит на переправе»** и ряд блокадных рассказов, не предназначавшиеся для офиц. печати. Гражданская активность автора, со временем все более обострявшая его конфликт с культурной политикой руководства страны, поставила его в положение неофиц. писателя. В нач. 1970-х в ст. **«Две ориентации. Общество»** И. уже сфор-

мулировал задачу независимого культурного движения: достичь солидарности и легализации своего тв-ва. К концу десятилетия — неподцензурные лит. ж., выставки в гос. залах, и, наконец, создание «Клуба-81» и Рок-клуба в 1981 — эти цели были достигнуты.

Об эволюции тв-ва И. говорить трудно. Как прозаик он начал с воен. темы и возвращается к ней всю жизнь (цикл рассказов **«Белый город»** о жизни мальчика в блокадном Л-де пишется с нач. 1960-х по нынешнее время, хотя и вышел как законченное произведение в самом на наст. момент полном собр. прозы автора. Др. произведения И. о войне, написанные в разные годы — **«Убит на переправе»** (1965), **«До свидания, товарищи!»** (1966), **«Бедный Кнок»** (1978), **«Матвей и Отто»** (1996), **«Ich liebe dich»**, **«Верните аисту перья»** (1975). Помимо блокадного цикла самым значительным произведением И. о войне следует признать **«До свидания, товарищи!»**, повесть о воен. летчике, «умеющем воевать», продирающемся сквозь хаос перв. года войны, посылаемом на заведомо гибельное задание, но сумевшем внести в свои действия экзистенциальный смысл и придать гибели своей и своих товарищей нравственное, мужественное значение. Основанная на реальных событиях, повесть в определенном смысле оппонирует «Военному летчику» А. де Сент-Экзюпери, и отчасти предвосхищает такие значительные явления в воен. лит-ре, как роман «Генерал и его армия» Г. Владимова.

С появлением новых историч. и антропологич. реалий в ответ на них появлялись и новые повести и рассказы И., вошедшие во втор. том его собрания прозы **«Невский зимой»**. Самое знаменитое произведение И. — повесть **«Подонок»**, написанная на рубеже 1960–70-х («37». 1976. № 7/8; Коллекция: петерб. проза (лен. период). 1960-е. СПб., 2002), осмысляющая трагич. опыт 1960-х. В гл. герое — обаятельном и разрушительном Шведове — соединены черты самых ярких современников автора. Глухие 1970-е нашли символич. отражение в рассказе **«Ночь длинна и тиха, пастырь режет овец»** — о художнике, прототипом кот. послужил один из художников Арефьевского круга. Горький отклик на эмиграцию друзей в 1970–80-е — **«На отъезд любимого брата»** и **«Могильщик из Хайфы»**. В повести **«Медная лошадь и экскурсовод»** И. сквозь призму фантомных страхов людей «второй культуры» пытается определить миссию новой интеллигенции в судьбе России и ее народа. Несбыточность и наивность надежд, веселую сутолоку, анекдотичность предперестроечной поры И. изображает в гротескно-фантастич. повести **«Корабль без дураков»**.

Автор неск. десятков философских, публицистич. и критич. ст. (опубл. в самиздатских «Часах», затем в ж. «Звезда» и «НЛО»), мемуаров о неофиц. культурном движении (последние вслед за журн. публикациями помещены в сочинениях).

Нельзя забывать и об оригинальной поэзии И., созданной в основном в 1960-е, и о тогда же написанной его **«Алмазной сказке»** для детей (была предложена лен. Театру юного зрителя им. Брянцева как основа для постановки, но отклонена по цензурным соображениям).

В критике тв-во И. почти не обсуждалось, т. к. на перв. плане всегда выделялась его роль организатора культурной жизни андеграунда, критика, философа, позднее — обществ. деятеля, публициста и историка лит-ры.

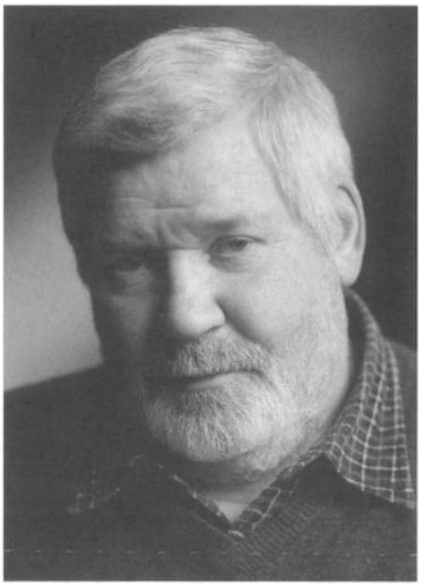
В 2012 по инициативе И. и Б. Останина учрежден «СПб. культурный центр им. Андрея Белого».

Соч.: Четвертое измерение // Молодой Л-д. Л., 1964; Верните аисту перья // Часы. 1976. № 2; Подонок // «37». 1976. № 7/8; Ночь длинна и тиха, пастырь режет овец. На отъезд любимого брата // Часы. 1979. № 20; Часы культуры: Цикл статей // Часы. 1976. № 6, 1977. № 8, 1978. № 12; Реализм и личность: Цикл статей //Часы. 1981–82. № 32, 33, 35, 36, 38; Стихи // Часы. 1980. № 28, 1984. № 47; Стихи // Звезда. 1997. № 7; Бедный Кнок // Часы. 1982. № 36; На невском сквозняке. Совр. петерб. рассказ. СПб., 1998; Высоко под облаками. Похороны во вторник // Часы. 1985. № 57; Могильщик из Хайфы. // Звезда. 2000. № 8; Корабль без дураков // Нева. 2001. № 6; Коллекция: петерб. проза (лен. период). 1960-е. СПб., 2002; Матвей и Отто // Крещатик. 2002. Вып. 15; До свидания, товарищи! // Знамя. 2003. № 1; Медная лошадь и экскурсовод // Знамя. 2005. № 8; Убит на переправе // Знамя. 2006. № 8; Соч.: В 2 т. М., 2009; Петерб. поэзия в лицах. М., 2011; За стенами города. Дезертир Ведерников // Знамя. 2012. № 12.

Лит.: Крейд В. Экзистенциальный философ // У Голубой лагуны. Т. 5Б. Ньютонвилль, 1980–86; Елисеев Н. Человек трагедии // Эксперт Северо-Запад. 2009. 13 апр.; Рейн Карасти. Борис Иванов. Соч.: В 2 т. // Зинзивер. 2009. № 2 (14). Сайт премии А. Белого <belyprize.ru>

Б. Рогинский

ИВАНО́В Виктор Андреевич [4.11. 1945, д. Сидорково Ярославской обл.] — поэт.



Отец — русский, 18 лет проработал на Кировском з-де, мать — финка. Две тетки отца были монахинями. В нач. Великой Отеч. войны пятеро детей Ивановых погибли во время артобстрела в Лигово (пригород Л-да). Родители с единственным уцелевшим четырехлетним сыном оказались в оккупации и попали в концлагерь в Эстонии, затем были перемещены в Финляндию (на вольное поселение), т. к. мать была финкой. С окончанием войны семью репатриировали в СССР и сразу этапировали на спецпоселение в д. Сидорково, где и родился И. Через год отцу разрешили переехать на свою родину — д. Большая Званица Удомльского р-на Калининской обл., где прошло детство. В 1959, получив паспорта, Ивановы получили возможность вернуться Лен. обл. (пос. Коммунар), где И. жил на протяжении сорока лет.

Все члены семьи реабилитированы в 2000-е.

Стихи И. начал писать, находясь в армии. После службы поступил в 1968 на философский фак-т ЛГУ, кот. окончил по кафедре эстетики в 1974. Работал социологом в Лен. сельскохозяйственном ин-те. В 1977 зачислен в аспирантуру при Музее истории религии и атеизма. Здесь заинтересовался восточной культурой — Япония, Китай — и особенно классич. поэзией этих стран. Прикоснувшись к основам православия, оставил аспирантуру в 1979. Работал электросварщиком, плотником, кочегаром; свободное время уделял самообразованию и поискам поэтич. самовыражения. В это время отходит в своем тв-ве от большой формы и обращается к жанру трехстишия.

Перв. публ. — в газ. «Красногвардеец» (1984, 11 авг., № 29). Затем трехстишия И. публ. в альм. «Истоки» (М., 1986), ж. «Аврора», «Подъем», «Русский собор», альм. «Молодой Л-д», «День русской поэзии», «Петерб. строфы» и др. В 1997 принят в члены СП России.

Трёхстишие — малая форма силлабо-тонического стиха — стала для И. поэтич. каноном. Подобная миниатюра простыми средствами, без декоративного узорочья, создавала полноту образа, кратко выражала глубину мысли. Три строки — это асимметрия, «неправильное», «неустойчивое» стих., выражение самого движения. В основе лежит стихстрока, ритмич. единица, кот. выговаривается на одном свободном дыхании, вдохе-выдохе, что соответствует четырёхстопному двусложному (ямб, хорей), трёхстопному трёхсложному (дактиль, амфибрахий, анапест) стиху. Обычно в строке насчитывается 7–9 слогов. Предпочтение отдаётся двухсложному стиху: он несёт больше информации и позволяет шире использовать аллитерацию и ассонансы, сродни и звукозаписи и благозвучию русской природной речи. Применяется не грамматически правильная рифма, а разговорная, несколько шероховатая, но более глубокая, корневая, чему пример — русские пословицы и поговорки. Начало первой и окончание второй строки скреплены «диагональной» рифмой. Первая строка традиционно рифмуется с третьей, через краесогласие. «Ноша — небеса в очах. / Славно по Руси пешком / Стёжкой предков странничать...». Характерная для русской речи инверсия позволяет И. работать с минимальным использованием поэтич. тропов: «Стал я слушать иволгу / От восхода до заката... / На кордоне дом рублю». Трёхстишие И. концентрирует всю свою энергию на какой-то существенной детали, описывает не внешний вид, а нечто невидимое, сам дух предмета: «Не только позвала брусника. / Ступаю вдоль тебя паломником. / Лесная речка Монастырка».

В зрелую пору тв-ва, обратившись к православной аскетике, к святоотеческой традиции, поэт заметил в каноне трёхстишия и в Иисусовой молитве знакомый, проверенной своей практикой один и тот же дыхательный навык. Это открытие раздвинуло рамки духовного наполнения привычной формы, интенция кот. приобрела у И. «христоцентричность»: «Трёхстишия твою канон. / С тобой, Иисусова молитва, / Сверяю Русский дух его». Форма трёхстишия позволяет И. приблизиться к созерцанию Божьего промысла. Трёхстрочное изложение Иисусовой молитвы насыщает мысль и дух благодатной энергией, что помогает и дальше развиваться творч. судьбе И.-поэта: «Слагать вольны про то да сё, / На свой манер... Но ты одна, / В глаголе Истина-Христос!».

На это редкое явление в русской поэзии обратили внимание А. Панченко, А. Урбан, Г. Горышин и др. По мнению Урбана, поэзия И. привлекает неожиданностью худож. исполнения, несёт печать явного таланта, где «каждое трёхстишие — законченное произведение, оставленный перед взором читателя миг. Одной линией схвачено очертание пейзажа, уходящего за горизонт или приближенного к глазу на столько, что мы видим мельчайшие подробности. Это может быть воспоминание, отправная точка важной мысли, наблюдение, сопоставление явление обыденных и необычных, близких и далёких, но такое, что само их соседство заставляет взглянуть на мир иначе, остановиться, задуматься». Анализируя тв-во поэта, критик находит «и открытые социальные мотивы, и великолепно, эмоционально, драматически развитое чувство Родины, России, миниатюры о любви, семье <...> Размышляя о поэте и поэзии, о природе и творчестве, об образе жизни как поведении, моральном состоянье, очищенье, дающим силы не только быть человеком среди людей, но среди природы...». Урбан отмечает «просветлённое, нравственное начало, глубоко человечное, порой хрупкое, как многое в природе, но неизменно направленное в сторону добра, добра, духовного совершенства» (Личный архив писателя). А. Панченко указал на уникальную неповторимость трехстиший И.: «В XX веке было много поэтических поисков, но Виктору Иванову удалось создать нечто принципиально новое в каноническом жанре поэзии».

Соч.: Талая земля. Л., 1990; Трёхстишия. СПб., 2010.

Лит.: Горышин Г. Откуда нынче приходят стихи // Лен. правда. 1991. № 152; Панченко А. [Рец.: Талая земля] // Лен. панорама. 1991. № 4; Лукин Е. Немолчная флейта. О поэзии Виктора Иванова // Иванов В. Трехстишия. СПб., 2010; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

Н. Шумских

ИВА́НОВ Всеволод Вячеславович [12(24).2.1895, пос. Лебяжье Павлодарского у. Семипалатинской губ. — 15.8.1963, М.] — прозаик, драматург.

Родился в семье сельского учителя. Окончив начальную школу, поступил в сельскохозяйственное училище, но вскоре бросил занятия, оставил отчий

дом и отправился странствовать по Сибири, Зауралью и далее — за Семипалатинск, к Дальнему Востоку и Монголии. В поисках средств к существованию переменил мн. профессий. Был типографским наборщиком, грузчиком, матросом, шарманщиком, актерствовал в ярмарочных балаганах, выступал в цирке факиром, даже борцом. Рано почувствовал интерес к обществ. жизни, хотя политич. убеждения юноши не отличались большой самостоятельностью. Еще накануне Февральской революции, находясь в Кургане, он записался сразу в две партии — эсеров и эсдеков, но позже, переехав в Омск, под влиянием «работников печатного дела Западной Сибири» примкнул к большевикам. Октябрьскую революцию встретил с восторгом, «глубоко и торжественно» поверив в то, что отныне «справедливость восторжествовала навсегда» (И.). С началом Гражданской войны вступил в Красную гвардию, воевал против Колчака, партизанил.

К лит. тв-ву обратился еще в период скитаний по городам и весям. С 1914 стал печатать в сибирской периодике рассказы, один из кот. — **«По Иртышу»** (газ. «Степная речь») — был замечен М. Горьким и взят в редактируемый им «Сб. пролетарских писателей» (1916). И. пытается создать в Омске сибирскую лит. газ. «Согры», печатает ст. на злободневные темы (**«В зареве пожара»**, **«Книга свободы»**), пишет небольшие пьесы для местного драм. театра (**«Черный занавес»**, **«Шаман Апо»**). Из рассказов 1914–18 отбирает 8 лучших (**«Рогульки»**, **«Купоросный Федот»**, **«Джут»**, **«Три копейки»**, **«Шантрапа»**, **«Клуа-Лао»**, **«Духмяные степи»**) для своей кн. **«Рогульки»** (1919), кот. в неск. десятках экземпляров печ. в походной типографии омской газ. «Вперед». Со временем И. разочаруется как в этих, так и в некот. др. ранних своих писаниях, не станет включать их в новые сб., в СС. При всех худож. несовершенствах «Рогульки» были значительны уже тем, что по-своему предвосхищали будущие особенности ивановского тв-ва. Фактически с них начинали свой путь по страницам произведений писателя герои особого типа — правдоискатели и романтики. Там же проступали и характерные черты формирующейся манеры автора. По воспоминаниям К. Федина (кот. был едва ли не первым читателем книжки), рассказы удивили и восхитили тем, что «изображали словно впервые открытую далекую и как будто фантастическую страну, хотя описываемые люди и детали были чрезвычайно реальны». И в этом удивительном сочетании «фантастики» с «реальностью» он проницательно заметил особенность, которая затем «ошеломляюще пышно» проявилась у писателя в его «повестях и рассказах, получивших известность» (К. Федин). В 1921 И. отправляется в Пг., чтобы «серьезно заняться самообразованием»; он близко сходится с М. Горьким, становится чл. объединения «Серапионовы братья». Наступает пора интенсивной лит. работы. Печатается в «Петроградской правде», в центр. ж. «Грядущее», «Красная новь». Одна за другой выходят его кн. В рассказах сб. **«Седьмой берег»** (1922) действие, как и ранее, разворачивается на далеких окраинах России, в Уссурийской тайге, в приалтайских степях, вблизи гор Кореи, у Японского моря, среди персонажей — не только русские, но и киргизы, корейцы, монголы. Это — все те же «дети природы», землепашцы, охотники, рыбаки, в жизнь кот. вдруг вошла революция, нарушив ее обычное течение и смутив сердца «земляных людей» неизъяснимой мечтой о справедливости и доброте. Но появляется в рассказах и нечто новое. И. раньше др. сов. прозаиков начинает изображать внутренний мир участников революции, стараясь найти объяснение как величия, так и трагизма грандиозного историч. переворота. Заметным лит. событием становится рассказ **«Дитё»** (1921), сразу завоевавший громкую известность и у себя в стране, и за рубежом. Это своеобразная притча о человеке и революции, иносказательный смысл кот. и актуален, и значителен. Здесь над беспомощным младенцем, кот. партизаны нашли возле убитых ими «беляков», угрожающе нависла, кажется, вся громада проблем Гражданской войны. И. показывает жестокосердие людей, кот. из-за войны стали «злобны, как волки весной».

Вопреки жестокости обстоятельств крохотное человеческое существо у И. не погибает. Его спасает высокое чувство милосердия и справедливости, кот. прорастает в душах партизан сквозь ненависть и злобу. «Дите ни при чем»,— решают они, сделав почти невозможное: они преодолевают классовую беспощадность. Но, спасая «свое» дитя, партизаны заставляют монгольскую женщину кормить его грудью, тем самым губят «чужое», монгольское дитя, кот. лишается материнского молока. Поведанная история говорила о бесконечной сложности человеческой личности рев. времени, об опасной зависимости добра и зла от социальных, классовых, нац. предрассудков, их переменчивости и текучести. Наряду с рассказами пишет И. и перв. повести о партизанском движении среди сибирских крестьян: **«Партизаны»** (1921), **«Цветные ветра»**, **«Бронепоезд 14-69»** (обе — 1922). Позже этот «триптих» составит отд. книгу **«Сопки: Партизанские повести»** (1923). Публикация повестей превращает вчера еще мало кому известного лит. «дебютанта» в одного из самых видных писателей современности. Авторитетная критика относит его к числу «первых свежих и крепких ростков послеоктябрьской советской культуры в области художественного слова» (А. Воронский. Лит. силуэты: Иванов). В «партизанских повестях» автора волнует прежде всего конкретно-чувственная сторона бытия, живую плоть кот. он рисует без устали и упоенно. Худож. мир повестей романтически возвышен над прозой быта. В нем все светозарно, ярко, необычайно. Стиль произведений словно бы настоян на выразительных символах народного тв-ва, на певучих интонациях разговорного яз., в пафосных местах этот яз. поэтичен, близок стихотворному. Природные краски, запахи, звуки широко используются для метафорич. изображения персонажей, а природа, в свою очередь, насквозь антропоморфична, одухотворена. Приемы «орнаментальной прозы», «сказа» по-своему усиливают впечатление достоверной жизненности содержания, а частые лирические отступления сообщают ему почти метафизич. смысл. И. смотрел на Октябрьскую революцию как на естественный жизненный процесс, связанный с исторически обусловленным и оправдан-

ным порывом обездоленных людей к лучшей, достойной жизни. Им, в большинстве жителям сибирской глухомани, трудно постичь отвлеченную суть рев. сражений: «Мозги, не привыкшие к сторонней, не связанной с хозяйством мысли, слушались плохо, и каждая мысль вытаскивалась наружу с болью, с мясом изнутри, как вытаскивают крючок из глотки попавшейся рыбы». Однако «земляным», крестьянским «нутром» они ощущают нетерпимость бесправного существования и «бунтуются» в надежде жить «вровень со всеми», «хорошо», «посправедливому». Отстаивая высшую правду естественного порядка и хода бытия, И. продолжает развивать затронутую еще в **«Седьмом береге»** тему мучительных альтернатив рев. времени: «рассудок — чувство», «ненависть — любовь», «жестокость — милосердие», «насилие — человечность». Он активно включается в острую дискуссию о человеке и революции, начатую сов. лит-рой 1920-х. Его Никитин из **«Цветных ветров»**, в прошлом «питерский большак», а в годы Гражданской войны партизанский главарь, аскетичен, строг к себе и людям и считает классовую ненависть непреложным законом Гражданской войны: «Воевать надо! Буржуев бить надо!» Но И. не поэтизирует такого героя, рисует своего Никитина и как «гильотину» революции, и как ее несчастную «жертву» (А. Воронский). Человек, обделенный радостью полнокровного ощущения мира, выглядит не только ущербным, но и одиноким среди людей. Антипод Никитина — доморощенный деревенский философ Калистрат, убежденный в том, что человеческое счастье невозможно построить на иссушающей душу ненависти: «Любовь надо для люду. Без любви не проживут... Без любви вечно воевать будут. Нельзя так». Повесть «Цветные ветра» приносит И. оглушительный успех, ее считают «лучшей и у автора, и среди всей современной беллетристики вещью» (Н. Асеев. [Рец.: «Цветные ветра», «Лога»] // Печать и революция. 1922. № 7). Худож. новации «партизанских повестей», их самобытность приветствуют мн. видные писатели (М. Горький, К. Федин, Л. Сейфуллина, Д. Фурманов, В. Зазубрин). Но находятся у И. и принципиальные противники, кот. предъявляют писателю далеко не безопасный по тем временам упрек в отсутствии «политической почвы» под ногами партизан (Яковенко К. Партизанское движение и худож. лит-ра // Известия. 1924. 3 авг.; и др.). В защиту выступает Л. Рейснер со статьей «Против лит. бандитизма» (1926). Во многом было необычно для автора «экзотических рассказов» и повестей о партизанском движении его новое произведение **«Похищение Будды»** (1923). Здесь действие перемещается из Сибири в послерев. Пг. Меняется и общий характер повествовательной ткани, в кот. острая детективность фабулы соединяется с элементами психологич. анализа. Новым для И. становится и обращение к жанру романа. Его **«Голубые пески»** (1923) получают высокую оценку Горького, считающего, что кн. эта «дает очень яркую и широкую картину Гражданской войны в Сибири и проникнута объективизмом художника» (М. Горький и сов. писатели: Неизданная переписка // ЛН. М., 1963. Т. 70). Автор романа существенно корректирует свои прежние представления об активных революционерах, командирах Гражданской войны. Теперь с такими персонажами, как Никитин из «Цветных ветров», он связывает только разрушительные задачи революции, тогда как ее творческие, созидательные устремления возглавляют у него такие, как «красный командир» Василий Запус — человек неординарный, наделенный и ясным умом, и крутой волей к победе, и горячим сердцем. Запус нарисован как «свой» в окружении беззлобных лесных тварей, среди пахучих луговых трав.

В 1924 переезжает в М., где сближается со столичной худож. интеллигенцией, испытывая «пьянящее чувство счастья» от встречи «почти со всей молодой, но уже великой советской литературой» (И.). В его тве наступает новый период, отмеченный почти полным разрывом с «пышными» изобразительными средствами. Он дерзко испытывает себя и в новых темах, и в новых стилевых направлениях. Как и раньше, много внимания уделяется жанру повести, хотя и здесь происходят изменения. В полуфантастич. повести **«Чудесные похождения портного Фокина»** (1924) с неожиданно ироничной интонацией развивается излюбленный мотив «странничества», «правдоискательства». Повестью **«Хабу»** (1925) открывается новая для писателя тема мирного послерев. строительства, борьбы с мещанством, что послужит началом череды произведений того же содержания (**«Особняк»**, 1928; **«Кожевенный заводчик М. Д. Лобанов»**, 1929, и др.).

В повести **«Бегствующий остров»** (1926) подвергается переосмыслению и даже снижению образ легендарного Василия Запуса из «Голубых песков». Но гл. заботой И. становится новеллистика. В сер. 1920-х выходит серия его сб. с рассказами разных лет (**«Экзотические рассказы»**, 1925; **«Гафир и Мариам»** и **«Пустыня Туубкоя»**, 1926; **«Дыхание пустыни»** и **«Тайное тайных»**, 1927). Посл. сб. сразу привлекает к себе внимание лит. общественности. Критики, одобрительно встретившие его, находят, что «автор переживает полосу глубокого творческого перелома» (Смирнов Н. [Рец.: Вс. Иванов. «Тайное тайных»] // Новый мир. 1927. № 8). Свою авторскую программу И. представит так: «Надо видеть человека и уметь разрушать тайны сердца, делая из тайного явное». Этот обострившийся в писателе-романтике, жанристе интерес к сокровенному миру вчерашних участников революции предопределяет не только содержание, но и форму рассказов, кот. утрачивают радужность красок, живописную «орнаментальность» описаний, становятся лаконичней, строже по стилю, психологичней. Рассказы «Тайного тайных» близки к классической новелле; они привлекают прежде всего страстным утверждением могущества человеческих эмоций. Предметом худож. исследования является в них человеческое подсознание, сфера трудно объяснимых инстинктов, смутных предчувствий, безотчетных побуждений. Демонстративный «биопсихологизм» вызывал раздражение у некоторых «неистовых ревнителей» лит. стандарта, послужил поводом для обвинения автора в «ненужном» следовании Фрейду, Бергсону, в «иррациональном подходе к человеку» (Фадеев А. Столбовая дорога пролетарской лит-ры. М., 1929).

1930-е оборачиваются для И. едва ли не самым тяжелым этапом творч. пути. Вместе с др. писателями своего поколения он энергично ищет контакта с современностью, ездит по стране, посещает знаменитые стройки Туркестана. Однако написанные под впечатлением этих поездок произведения (**«Путешествие в страну, которой еще нет»**, **«Повесть бригадира М. Н. Синицына, рассказанная им в дни первой пятилетки»**, 1930) малооригинальны, в них больше патетики, чем глубины. По-другому складывается судьба большого автобиогр. романа **«Похождения факира»**; здесь художник погружается в хорошо знакомое ему прошлое — «жизнь юноши века с его страданиями, радостями и надеждами в обстановке провинциального быта Сибири и Казахстана» (И.). Талант И. словно бы оживает, вновь загораются яркие краски пейзажей, человеческие характеры раскрываются в загадочной непредсказуемости. Но роман не стал все же большой удачей писателя, оказался перегружен мат-лом, многословен. Автор оставляет работу над ним практически на середине, напечатав лишь три из задуманных первоначально пяти частей. Примечательно, что более поздняя, уже в 1950-е попытка доработать его оказывается безуспешной, разрушалась атмосфера «прекрасной, глубокой искренности», кот. восхитила Горького в раннем варианте. Создается впечатление, что крупная эпич. форма вообще чужда таланту И. Написанный им совм. с В. Шкловским роман **«Иприт»** (1925) вызывает у него самого чувство стыда, такова же участь и романа **«Северосталь»** (1925). Однако трудности с написанием романов объясняются не только особенностями авторского дарования. Неблагоприятную роль играет лит. ситуация в стране, год от года увеличивающая недоверие к инакомыслию, кот. в романной форме становится по-особому заметным и уязвимым. На рубеже 1920–30-х И. создает два многоплановых сатирико-философских романа: **«Кремль»** (1930) и **«У»** (1935), в кот. касается таких актуальных проблем, как жизнь отд. человека в об-ве в целом, отношение к нац. истории и вере, борьба между «новым» и «старым» в быту, в сознании людей.

Роман «Кремль» воссоздает захолустный городок, где есть старинный кремль, за стенами его — храм, монастырь, где течет по своим законам церковная жизнь. Но кремль окружен рабочим поселком, в кот. тоже своя жизнь. Между этими двумя чуждыми друг другу мирами разгорается ожесточенная ссора. И. рисовал грустную драму человеческих отношений. Тексты «Кремля» и «У» содержат много намеков на глубокий драматизм противоречий сов. действительности. Они пронизаны мыслью о нерушимости духовных ценностей народа как основы его благополучия. Действие романа «У» разворачивается на фоне картины разрушения в М. храма Христа Спасителя, и торжествующее безверие трактуется как синоним крайнего цинизма и аморальности существующего общ. строя. Крамольность содержания поддерживается своеобразным, «вольным», «игровым» стилем повествования, по-своему восстающим против унифицированного конформизма в искусстве. Уже в неожиданном названии романа писатель передавал игру смыслов, значение: «У» (начертание буквы) предстает одновременно как «звук, и буква, и знак, и междометие, и математический символ». Герои романов «живут по законам карнавала, спектакля, игры, в кот. человек получает полную свободу от официальных догм и столь необходимую власть над реальностью» (Черняк М. Романы В. С. Иванова «Кремль» и «У» в творч. эволюции писателя. СПб., 1994). Неудивительно, что автору удается опубликовать лишь небольшие отрывки из романа «У», кот. смог увидеть свет в полном составе лишь полвека спустя, в кон. 1980-х — нач. 1990-х. Стремясь обрести доступ к читателю, И. пишет вполне благонамеренный роман **«Пархоменко»** (1939), где демонстрирует и неподдельный интерес к личности легендарного комдива, и необходимое владение ист. документами. Критика приветствует это произведение как победу писателя над самим собой, над своими «ошибками». Однако худож. сторона романа слаба, иллюстративна, лишена неповторимости авторского письма.

Во время Великой Отеч. войны и в последующие годы И. по-прежнему отдает много сил лит., публиц. деятельности, хотя результаты ее далеко не равноценны. Писатель проявляет искренний интерес к душевному состоянию сражающегося народа, в особенности к переживаниям тех, кому довелось испытать горечь первых поражений (**«К своим»**, 1941). Однако непосредственно воен. тема не становится для И. успешной. И роман **«Проспект Ильича»** (1941–42), и повесть **«На Бородинском поле»** (1943) страдают иллюстративностью. Ложный пафос, «культовые» настроения вредят роману **«При взятии Берлина»** (1945–46). Успех ожидает писателя на др. направлении творч. поисков. И. с головой погружается в работу над «фантастическим циклом», куда помимо рассказов входит роман **«Эдесская святыня»** (1944). Примыкающий к «фантастическому циклу» незаконченный авантюрно-сатирич. роман **«Сокровища Александра Македонского»** тоже обещал стать значительным лит. явлением. Увлечение «фантастикой» не мешает И. писать путевые очерки разных лет (**«В чудесной Ферганской долине»**, 1949; **«По родным местам»**, 1952). Об интересных опытах с реализмом говорит и одно из посл. произведений писателя под назв. **«Хмель, или Навстречу осенним птицам»** (1962), поэтично восславляющее «блистающий и заздравный хмель жизни». В 1962 завершает работу над автобиогр. романом **«Художник»**, задуманным еще в 1949 (первонач. назв. — **«Поэт»**), роман опубл. посмертно — в 1966. Примыкают к роману «Художник» и лит. мемуары И. **«История моих книг»** (1958–62).

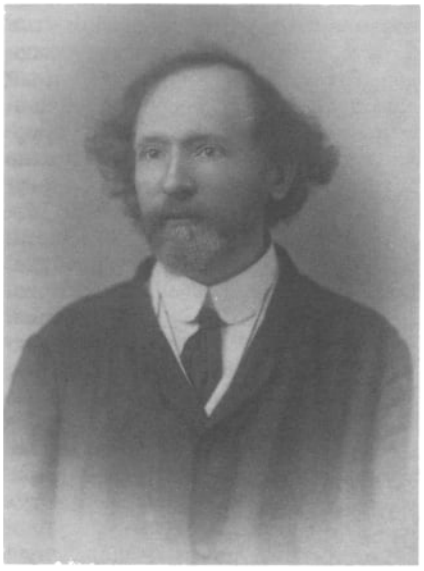
И. уходит из жизни, не успев до конца реализовать высокий творч. потенциал своего беспокойного таланта. Остаются недописанными начатые кн., невоплощенными замыслы новых. Драматизм судьбы литератора усугубляется еще и тем, что некот. его произведениям удается увидеть свет лишь после кончины автора, а варианты других доси пор остаются достоянием архивистов.

Соч.: СС: В 8 т. / Подгот. текста, комм. Е. Краснощековой; вст. ст. Л. Гладковской. М., 1979; Изб. произв.: В 2 т. / Подгот. текста Т. Ивановой; вст. ст. В. Шкловского. М., 1985; Пьесы / Вст. ст. П. Маркова; комм. Е. Цейтлина. М., 1979; Кремль. У: Романы. М., 1990.

Лит.: Зайцев Н. Драматургия Всеволода Иванова. М., 1963; Всеволод Иванов — писатель и человек: Воспоминания современников: Сб. 2-е изд., доп. М., 1975; Краснощекова Е. Худож. мир Всеволода Иванова. М., 1980; Иванов А. Всеволод Иванов: Лит. портрет. М., 1982; Минокин М.. Всеволод Иванов и сов. лит-ра 20-х гг. М., 1987; Воронский А. Искусство видеть мир: Портреты, статьи. М., 1987; Иванова Г. Мои современники, какими я их знала: Очерки. М., 1987; Гладковская Л. Жизнелюбивый талант: Творч. путь Вс. Иванова. Л., 1988; Фрезинский Б. Судьбы Серапионов: Портреты и сюжеты. СПб., 2003.

В. Бузник

ИВА́НОВ Вячеслав Иванович [16 (28).2.1866, М. — 16.7.1949, Рим; похоронен на протестантском кладб.] — поэт, драматург, теоретик символизма, филолог, переводчик.



Отец, Иван Тихонович,— землемер, позднее — мелкий служащий Контрольной палаты, скончался в 1871. Мать, Александра Дмитриевна (урожд. Преображенская) — дочь сенатского чиновника и внучка сельского священника. Она с детства привила сыну патриархальную веру в Бога и любовь к поэзии. С 7 лет мальчика стали обучать иностр. яз. и российск. словесности, а по утрам вместе с матерью он с удовольствием читал акафисты и тексты Евангелия. В 1-й моск. гимназии (1875–84), кот. И. закончил с золотой медалью, продолжали формироваться его характер и гуманитарные склонности. 12-летним гимназистом он по собств. инициативе начинает заниматься древнегреческим яз. Впоследствии он свободно будет владеть мн. европейскими яз., в т. ч. немецким, французским и итальянским. Через 2 года он внезапно осознал себя «крайним атеистом». «То мое вольнодумство,— вспоминал позднее И.,— обошлось мне самому недешево: его последствиями были тяготевшее надо мною в течение нескольких лет пессимистическое уныние, страстное вожделение смерти, воспеваемой мною и в тогдашних стихах, и, наконец, детская попытка отравления доставшимися мне от отца ядовитыми красками в семнадцатилетнем возрасте. Примечательно, что моя любовь ко Христу и мечты о Нем не угасли, а даже разгорелись в пору моего безбожия. <...> Страсть к Достоевскому питала это мистическое влечение, которое я искал примирить с философским отрицанием религии» (Автобиографическое письмо В. Иванова С. А. Венгрову // Иванова Л. Воспоминания). В 1884 И. поступает на историко-филологич. фак-т Московского ун-та. 2 года он учится под рук. историка П. Виноградова. Затем по его рекомендации для продолжения образования И. вместе с молодой женой, сестрой своего друга Дарьей Михайловной Дмитриевской, уезжает в Берлин (1886). Переезд за границу (до 1905 И. приезжал в Россию только на короткое время) совпал у него с новым мировоззренч. кризисом. С одн. стороны, его влекло к активной подпольной работе, с другой — он перестает видеть в ней какой-либо этический и содержательный смысл. В Берлине в теч. последующих 5 лет он занимается экономико-юридическими аспектами римской истории под рук. знаменитого историка античности Т. Моммзена. После окончания курса (1891) И. начинает готовить дис. о римских откупах. В это время он живет в Париже, а затем в Лондоне. С 1892 с женой и дочерью Александрой поселяется в Риме, затем во Флоренции, где изучает памятники антич. культуры. Годы пребывания за границей пробудили обостренный интерес к России. «Как только я очутился за рубежом,— вспоминал И.,— забродили во мне искания мистические, и пробудились потребности осознать Россию в ее идее. Я принялся изучать Вл. Соловьева и Хомякова». С нач. 1890-х И. увлекается изучением Ницше, кот., по его словам, становится «властителем наших дум и ковачом грядущего» (Иванов Вяч. По звездам. СПб., 1909). Ницше открыл для И. феномен Диониса как вневременное начало духа, как силу, «разрешающую от уз индивидуаций». По справедливым словам С. Аверинцева, И. «прочел Ницше глазами русского интеллигента. Сверхчеловеческое — уже не индивидуальное, но по необходимости вселенское и даже религиозное» (Аверинцев С. Вячеслав Иванов // Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л., 1978). Однако увлечение немецким философом вскоре превращается у него во внутренний спор, в кот. культу ницшеанского антихристианства и волюнтаризма И. противопоставляет вечные христианские ценности. В статье **«Ницше и Дионис»** (Весы. 1904. № 5) трагич. силу Ницше он усматривает в том, что философ «не уверовал в бога, кот. сам открыл миру. Он понял дионисийское начало как эстетическое и жизнь — как „эстетический феномен“. Но то начало,— подчеркивает И.,— прежде всего, начало религиозное...».

Летом 1893 в Риме он знакомится с Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал, происходящей из аристократической сербско-русской семьи (ее брат А. Зиновьев в 1903–11 был губернатором СПб.), что приводит его в 1895 к окончательному разрыву с дочерью и женой. Вспоминая об этом знакомстве, И. писал: «Друг через друга нашли мы — каждый себя и более, чем только себя: я бы сказал, мы обрели Бога» (Автобиографическое письмо В. Иванова С. А. Венгерову). В 1896 официально разводится с первой женой, но бракоразводный процесс Зиновьевой-Аннибал из-за требований супруга оставить ему всех трех детей (будущих пасынков и падчерицы И.) затянулся до 1899. В ожидании юридич. расторжения брака Зиновьева-Аннибал и И., скрывая свою связь, вынуждены скитаться по Италии, Франции, Англии и Швейцарии. В нач. 1899 они обвенчаны в греческой православной церкви в Ливорно. В апр. 1896, находясь в Париже,

И. узнает о кончине матери. На следующее утро в православной церкви Парижа он заказывает обедню и панихиду. «В ту пору,— пишет О. Дешарт,— он уже вернулся не только к вере, но и к вере в личного Бога, но от церкви он был еще весьма далек». Вскоре у Зиновьевой-Аннибал от него рождается дочь Лидия («Лидия маленькая», 26.4.1896 — 9.7.1985), а затем появляется и втор. дочь — Елена, скончавшаяся через полтора месяца. Летом 1900 И. вместе с Зиновьевой-Аннибал посещает в СПб. философа В. Соловьева (первое знакомство при содействии Д. Дмитриевской состоялось 9 окт. 1895), благодарным учеником кот. И. оставался всю свою жизнь. После встречи с философом, скончавшимся 31 июля этого же года, И. и Зиновьева-Аннибал совершают паломничество в Киево-Печерскую лавру, где и причащаются впервые за мн. годы. Это событие знаменовало для И. окончательный отход от «языческого гуманизма» и начало подлинного воцерковления. За полтора месяца до своей смерти В. Соловьев одобрил и название перв. кн. стихов И. **«Кормчие звезды»**. В 1895 И. заканчивает работу над дис., написанной на латинском яз. **«Об обществах откупщиков в Риме»** (СПб., 1910). В дальнейшем все его жизненные интересы сосредоточиваются на религиозно-исторической и эстетической проблематике, на понимании истории мировой культуры и движения истории как религиозно-мифологич. феномена. Он работает в Афинах, посещает Египет и Палестину. В нач. XX в. И. вместе с женой обосновывается в Женеве, где изучает санскрит. Ранние стихотв. публикации И. в русских ж. (Космополис. 1898. № 11; Вестник Европы. 1898. № 9; 1899. № 6) остались практически незамеченными.

Первый сб. стих. «Кормчие звезды» вышел за счет средств автора в СПб. в 1903. Критика устанавливает за И. репутацию «Тредиаковского наших дней». Одновременно И. продолжает разрабатывать свои философско-религиозные исследования, связанные с античностью. Весной 1903 в Русской высшей школе обществ. наук в Париже И. читает курс лекций об античном дионисийстве (**Эллинская религия страдающего бога** // Новый путь. 1904. № 1–3, 5, 8–9; **Религия Диониса** // Вопросы жизни. 1905. № 6–7). Здесь же на курсах И. знакомится с В. Брюсовым, с кот. надолго завязываются дружеские отношения (см. их переписку 1903–23: ЛН. Т. 85). Летом 1904 И. с женой гостят в кругу моск. символистов, где И. быстро приобретает заслуженный авторитет. В М. он знакомится с А. Белым, К. Бальмонтом, Ю. Балтрушайтисом, а в СПб. с Д. Мережковским, З. Гиппиус и А. Блоком. Одновременно начинает сотрудничать в ведущем ж. русских символистов «Весы», надеясь сделать это издание рупором нового религиозного теургического искусства. Однако его расчеты не оправдались, что, видимо, и побудило его по возвращении в Россию выбрать местом жительства не М., а СПб., в кот. активно разворачивалась лит.-обществ. деятельность четы Мережковских.

В 1904 напис. трагедию **«Тантал»**, тогда же в М. выходит втор. книга лирики И.— **«Прозрачность»**, с воодушевлением встреченная символистами. Блок в рец. на книгу (Новый путь. 1904. № 6) писал: «Поэзия Вяч. Иванова может быть названа „ученой“ и „философской“ поэзией. По крайней мере — за исключением немногих чисто лирических и прозрачных, как горный хрусталь, стихотворений (например, **„Лилия“**) — больше всего останавливают внимание те, на которых лежит печать глубокого проникновения в стиль античной Греции. <...> Почти все стихи сделаны с тонким вкусом, с приемами, еще не примененными в нашей литературе». Характеризуя втор. кн. стихов И., Аверинцев отмечает: «Иногда Иванов достигает новой, недоступной ему прежде тонкости; иногда он приходит к досадной красивости. И все же он остается прежде всего самим собой — „каменным“ поэтом. Он включает в сборник целый цикл стихотворений о драгоценных камнях — алмазе, рубине, аметисте и т. д. Он снова сравнивает живую трепетную зелень с застывшим смарагдом <...>. Он с еще большей неумолимостью чеканит поантичному сжатые афоризмы для выражения „вечных“ истин...». В 1904 напис. статьи **«Поэт и чернь»**, **«Ницше и Дионис»**, **«Копье Афины»**, **«Новые маски»**.

В июле 1905 Ивановы окончательно переезжают в Россию, сняв в СПб. квартиру на Таврической ул., на посл. этаже в башне углового дома. С нач. осени «башенные» среды И. становятся одним из наиболее изв. лит. салонов российской столицы. В «становище» (так называли Мережковские квартиру Ивановых) шла, по словам Белого, «яркая, но сумасшедшая жизнь». Практически в ней перебывал весь цвет лит.-богемного, артистически-худож. и интеллектуального СПб. Ночная жизнь ивановских «сред» привлекала к себе как убеленных сединами старцев, так и разнообразную молодежь. На «симпозионе» И., по воспоминаниям бессменного председателя «сред» Н. Бердяева, «происходили самые утонченные беседы на темы литературные, философские, мистические, оккультные, религиозные <...> В. Иванов был незаменимым учителем поэзии <...> виртуозом в овладении душами людей. Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщин, действовал неотразимо» (Бердяев Н. Самопознание). Здесь можно было встретить А. Блока, Ф. Сологуба, В. Розанова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, К. Сомова, Л. Бакста, М. Добужинского, Вс. Мейерхольда, В. Комиссаржевскую, М. Горького, А. Луначарского, В. Эрна, С. Франка, Л. Шестова, Г. Чулкова, С. Городецкого, Н. Гумилева, М. Волошина, В. Хлебникова, О. Мандельштама, М. Цветаеву, А. Ахматову и др. На «башне» 19 апр. 1910 состоялась в постановке Мейерхольда премьера драмы Кальдерона «Поклонение кресту» в пер. Бальмонта. Особая культурно-герменевтическая атмосфера двусмысленности и утонченного эротизма «башни» и внешнего мира разительно между собой расходились. «Когда я вспоминаю „среды“,— писал Бердяев,— меня поражает контраст. На „башне“ велись утонченные разговоры самой одаренной элиты, а внизу бушевала революция. Это были два разобщенных мира. <...> Однажды, когда „среда“ была особенно переполнена, был произведен обыск, произведший сенсацию <...> Но в общем культурная элита на „башне“ была изолирована. „Мистический анархизм“, существовавший короткое время, нисколько не приближал к социальному движению того времени»

(Там же). Собрания на «башне» были прекращены осенью 1909, когда заседания «Поэтич. академии», преобразованной в «Об-во ревнителей худож. слова», были перенесены в ред. «Аполлона».

В 1907 выходит третий поэтич. сб. И. **«Эрос»**. Откликаясь на него, Брюсов писал: «В 34 стихотворениях, образующих „Эрос", Вяч. Иванов вновь предстает перед нами поэтом, не знающим запрета в своем искусстве, властно, как маг, повелевающим всеми тайнами русского стиха и русского слова. <...> Вяч. Иванов принадлежит к числу художников, достигших всех вершин искусства <...> Поэзия Вяч. Иванова — новый этап в истории русской литературы, открывающий пути в далекое будущее...» (Весы. 1907. № 2).

17 окт. 1907 в Загорье, в дальнем поместье Могилевской губ., от скарлатины скоропостижно умирает на руках И. его жена, его «Диотима», любить кот. поэт продолжал всю свою жизнь. Внезапная смерть близкой женщины потрясла И. и вместе с тем явилась поворотным моментом в его тв-ве и духовных исканиях. Последующий, через два с половиной года, брак с падчерицей В. Шварсалон, очень похожей на мать, смягчил, но не заслонил живой памяти о Зиновьевой-Аннибал. Своеобразным итогом жизни на «башне» явились два тома стихов **«Cor ardens»** (*лат.* **«Пламенеющее сердце»**), последовательно появившихся в 1911 и 1912, а также примыкающая к ним кн. стихов **«Нежная тайна»** (СПб., 1912) — дань любви у «милой могилы» Лидии к ее дочери Вере. Книги «Cor ardens» получили высокую оценку у критиков. Брюсов, внимательно следивший за тв-вом И., писал: «Если „Кормчие звезды" были крепким фундаментом, рассчитанным на величественное здание, если „Прозрачность" была перистилем, а „Эрос" — великолепной аркой, поставленной перед будущим храмом, то „Cor ardens" являет нам уже часть этого храма <...> Христианская мистика проникает все восприятие Вяч. Иванова, и, нигде не выставляя ее напоказ, он действительно создает религиозную поэзию, в лучшем смысле этого слова...» (Русская мысль. 1911. № 7).

В предрев. годы И. с особой сосредоточенностью размышляет о религиозно-мистической судьбе человечества, России и человеке. В своей лирико-философской поэме **«Человек»** (1915–19; Париж, 1939), названной писателем «мелопеей», он вновь возвращается к вечным темам своего тв-ва. Поэма, непростая для понимания, но цельная по своему замыслу и исполнению, явилась новым духовно-худож. достижением И. Священник П. Флоренский даже собирался сделать к ней свой комм., но задуманное так и не осуществил. Гл. суть мелопеи И. выразил в следующих пронизанных языковой архаикой приподнятых строчках: «„Аз есмь" Премудрость в нас творила, / „Еси" — Любовь. Над бездной тьмы / Град Божий Вера озарила. / Надежда шепчет: „Аз — есмы"». В поэме **«Младенчество»** (1913–18; Пг., 1918), напис. не без полемики с блоковским «Возмездием», поэт через житейскую мудрость вновь возвращается к блаженным годам своего детства, овеянного романтическим чувством «первобытного рая». До своего окончательного отъезда за границу (1924) И. еще раз возвращается к поэзии и драматургии. Стихотв. цикл **«Песни смутного времени»** (1918) отразил неприятие И. внерелигиозного характера русской революции. В 1919 он издает трагедию **«Прометей»**, а в 1923 заканчивает муз. трагикомедию **«Любовь — мираж?»**.

В перв. десятилетие нового века принимает активное участие в работе СПб. религиозно-философского об-ва, сотрудничает в ж. «Весы», «Золотое руно», «Труды и дни», «Русская мысль» и др. В 1910–12 преподает историю древнегреческой литры на Высших женских историко-лит. курсах Н. Раева, сменив на этом месте ушедшего из жизни И. Анненского. Весной 1912 Ивановы уезжают во Францию и поселяются на берегу Женевского озера в городке Невсель около Эвиана, где летом этого года появляется на свет сын И.— Димитрий. В кон. осени Ивановы переезжают в Рим. В посл. числах авг. 1913 они возвращаются с годовалым сыном в Россию и поселяются в М. Здесь И. сближается с кругом лиц, группировавшихся вокруг изд-ва «Путь»: В. Эрном, П. Флоренским, С. Булгаковым, М. Гершензоном, завязывает отношения с композиторами А. Скрябиным и А. Гречаниновым; близко общается с Г. Рачинским, Е. Трубецким, Н. Бердяевым, Э. Метнером, Ф. Степуном и др. В это же время он много работает над переводами Алкея, Сафо (1914), Петрарки (1915). Касаясь переводч. деятельности И., С. Маковский писал: «Из поэтов после Эсхила, которого он всего перевел, он ставил на недосягаемую высоту, конечно, Гете. <...> Но и тут, может быть, самое примечательное в нем — это то, что ни эллинизм, ни гетеанство не затмевают его русскости <...> Сопряжение <...> книжных „руссицизмов" с мифологическим содержанием кажется Вячеславу Иванову вполне естественным, он убежден (как и заявляет в предисловии к „Нежной тайне"), что „античное предание насущно нужно России и славянству, ибо стихийно им родственно"» (Маковский С. Вячеслав Иванов в России).

Едва ли не большую славу И. не как поэту, а как одному из гл. теоретиков русского религиозного символизма, принесли сб. его разнообразных статей по вопросам религии, философии, эстетики и культуры: **«По звездам»** (1909), **«Борозды и межи»** (1916), **«Родное и вселенское»** (1917); сюда же примыкает и **«Переписка из двух углов»** (1921). Философские и эстетич. размышления И. определялись, с одной стороны, христианством, а с другой — великой эллинской мудростью. Уже в 1905 И. определяет духовный кризис европейской культуры как «кризис индивидуализма», которому должна противостоять религиозная, «органическая эпоха» будущего, возрожденная прежде всего в лице России. Функцию религиозного обновления человечества, по представлению И., берет на себя христианство. Если в работах 1903–07 дионисийские и христианские символы переплетаются равноправно, то с 1907 в связи с отказом от каких-либо «палингенетических» проектов дионисийская сфера теряет у него всякую самостоятельную роль. Гл. философско-теоретич. заслугой И., по мнению Ф. Степуна, являлось утверждение концепции религиозно-реалистического символизма, кот. мыслитель противопоставил концепции символизма идеалистического, являющегося лишь «утонченнейшей формой

художественного натурализма». Кратко определяя различие двух символизмов, философ писал: «Религиозный символизм — это обретение истины и преображение ее светом мира и жизни, идеалистический — изобретение истины <...> Религиозный символизм — это утверждение и раскрытие предвечного бытия, идеалистический — защита неосуществимого идеала. Религиозный символизм — устремленность к объективной истине, идеалистический — к субъективной свободе».

После Февральской революции 1917 И. становится одним из членов-учредителей «Лиги русской культуры», читает курсы лекций по лит-ре, театру, поэтике. Весной 1918 совм. с С. Булгаковым, П. Флоренским, А. Лосевым и др. задумывает издание серии кн. «Духовная Русь». Однако в связи с появлением цензуры и Постановлением СНК от 18 марта 1918 «О закрытии московской буржуазной печати» задуманное претворить в жизнь не удается. Осенью 1918 вышел из печ. (так и не поступивший в продажу) сб. «De profundis» («Из глубины»), в кот. И. вместе с др. авторами пытается уяснить историч. и религиозный смысл «той катастрофы, кот.,— по словам П. Струве,— именуется <...> русской революцией». В статье сб. **«Наш язык»** И. возвращается к теме борьбы с оскудением русского яз., поднятой им еще в 1905. Он вновь обращает внимание читателей на то, как «кощунственно оскверняют богомерзким бесивом» богатый, свободный, не обмирщенный русский яз. «Оскудение языка — оскудение души народа»,— утверждает И. (Вопросы жизни. 1905. № 9). В связи с внерелигиозным характером Октябрьской революции 1917 и победой большевиков И., по словам очевидца, «со всем своим эсхатологизмом — имел вид человека, совершенно растерявшегося, сошедшего с рельс» (Сабанеев Л. Мои встречи. «Декаденты» // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993). Тем не менее первое время он пытается сотрудничать с новой властью. В 1918–20 является председателем историко-театр. секции ТЕО Наркомпроса, читает лекции, ведет занятия в секциях Пролеткульта. В это же время он принимает участие в деятельности изд-ва «Алконост» и ж. «Записки мечтателей», пишет **«Зимние сонеты»** (в кн.: Поэзия рев. Москвы. 1922). После смерти от туберкулеза жены, последовавшей в М. 8 авг. 1920, и неудачной попытки получить разрешение на выезд за границу в нач. осени И. с дочерью и сыном отправляется в один из санаториев Кисловодска, а через месяц, в связи с началом воен. действий в районе города, семья срочно переезжает в Баку, где И. приглашают на работу в Бакинский ун-т. 19 нояб. 1920 его единогласно избирают ординарным проф. по кафедре классич. филологии. В 1921 он защищает здесь докт. дис., кот. вошла в его книгу **«Дионис и прадионисийство»** (Баку, 1923). Более трех с половиной лет И. ведет активную преподавательскую работу: руководит семинариями, читает курсы по древней и новой лит-ре, истории религии и европейской философии, преподает древние и новые яз., выступает с публичными лекциями. В мае 1924 И. неожиданно приглашают приехать в М., чтобы принять участие в первых Всесоюзных Пушкинских торжествах по случаю 125-летия со дня рождения поэта. Вместе с А. Луначарским и П. Сакулиным 6 июня он выступает в Большом театре, где произносит юбилейную речь **«Пушкин в 1824 году»**. В своей речи «он говорил о „Цыганах“ и о необходимости для России вновь обрести свой религиозный лик». Значительными событиями для поэта в этот посл. приезд в Россию явились его встречи с В. Маяковским, П. Флоренским и В. Брюсовым. После трехмесячного пребывания в М. (с конца мая по 28 авг.) И. вместе с семьей разрешают на 6 недель отправиться в командировку в Венецию, однако в Россию поэт больше не возвратился. В Венеции семья пребывает несколько дней, а затем переезжает в Рим. Дети поступают учиться, а И. в теч. года, получая скудное советское пособие, подумывает о необходимости заработка. Не принимая политики воинствующего атеизма и оставаясь верным себе, И., по примеру В. Соловьева, 4 (17) марта 1926, в день св. Вячеслава в России, в присутствии о. Владимира Абрикосова и дочери Лидии присоединяется к католичеству, не отрекаясь (по специальному, с трудом добытому разрешению Сант Уффичо) от православия. По словам сына поэта, «становясь католиком, Иванов не только не покидал истинную Церковь Православную и дорогой ему восточный обряд, но, присоединяясь к Церкви Кафолической, впервые чувствовал себя православным в полном смысле этого слова» (Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999). Через полтора года жизни в Риме И. получает приглашение стать преподавателем в Павии — небольшом университетском городке под Миланом. С осени 1926 по лето 1934 он занимает там место проф. новых яз. и лит-р в частном учебном заведении — университетском Колледжио Борромео — и одновременно читает лекции по русскому яз. и литре в Павийском ун-те. Годы, проведенные в Павии, И. вспоминал с благодарностью, а учебные вакации позволяли ему приезжать в Рим на целых четыре месяца. В этот период его посещают друзья и знакомые — Ф. Зелинский, Н. Оттокар, М. Бодмер и Г. Штейнер (издатель и соредактор ж. «Согопа», в кот. в 1931–37 печатаются на иностр. яз. работы И.), французский переводчик и критик, ред. ж. «Vigile» Ш. Дю Бос, издавший в 1930 на французском яз., а затем и отд. кн. «Переписку из двух углов» И. и М. О. Гершензона, христианский философ-экзистенциалист Г. Марсель и др. «Сильное впечатление», по словам И., произвел и приезд к нему в 1927 философа и редактора ж. «Die Kreatur» М. Бубера. Соглашаясь с гл. идеей философа, И. писал: «Не нужно говорить о Божестве как предмете веры, это разделяет и надмевает; нужно Европе оздоровиться сердечною верою в Создателя». В этом же году состоялось и очное знакомство с О. Шор (псевд. О. Дешарт), будущим биографом поэта, соредактором и комментатором его соч., близким другом семьи Ивановых в последующие годы, где ее прозвали «Фламинго». В предвоенное время поэт общается с И. Голенищевым-Кутузовым, Е. Аничковым, И. Буниным, Д. Мережковским. В 1934 И. окончательно переезжает в Рим, где живет до конца своих дней. До 1935 он сохраняет советское гражданство, не печатается в эмигрантских ж., стоит в стороне от общественно-политической жизни. В Риме в 1934–43 преподает

церковнославянский яз. и русскую лит-ру в Руссикуме, а затем и в находящемся рядом Папском Восточном ин-те. В посл. десятилетия наблюдается относительный спад его тв-ва. В 1924 он создает **«Римские сонеты»**, а в 1944 — цикл из 118 стих. **«Римский дневник»**, вошедший в подготовленное им, но изданное посмертно итоговое собр. ст. **«Свет вечерний»** (Оксфорд, 1962). После смерти И. осталась незаконченной начатая еще 28 сент. 1928 прозаич. «поэма» **«Повесть о Светомире царевиче»**, над которой писатель работал до посл. дня своей жизни. В 1930–40-е И. продолжает публиковать в иностр. изданиях свои отдельные статьи и работы. В 1932 он издает на немецком яз. монографию **«Достоевский. Трагедия — миф — мистика»**. В 1936 для энциклопедич. словаря Трекани на итальянском яз. пишет ст. **«Символизм»**. Затем для других итальянских изд.: **«Форма зиждущая и форма созижденная»** (1947) и **«Лермонтов»** (1948; опубл. в 1958). В посл. двух статьях он возвращается к размышлениям о Софии в контексте мировой и русской культуры. И. много работает над комм. Евангелия, Деяний и Посланий св. апостолов, Откровения св. Иоанна (посл. 3 книги с введениями и прим. И. изданы в Риме в 1946). С 1948 по заказу Ватикана работает над прим. к Псалтири (вышла в Риме на церковнославянском и русском яз. в 1950). Ведя довольно уединенный образ жизни на протяжении посл. лет, он с наслаждением читает «О граде Божием» Блаженного Августина, встречается с Ж. Маритеном, Т. Сухотиной-Толстой, Б. Зайцевым.

Уже в эмиграции, мучительно размышляя о провиденциальной роли России и судьбе человечества, И. путем прозрений и внутренних символов приходит к мысли о том, что мечущаяся между светом и тьмой раздвоенная русская душа «стала иной». Она больше не является жертвой своей судьбы, но, мистически испепеляя себя, преподает урок человечеству, становясь его искупительной жертвой. Своей «чудовищной жертвой» (хотя и здесь ничего предопределенного в визионерстве И. не было) Россия, по мысли писателя, призвана в свете грядущего христианского возрождения либо «спасти мир», либо «безусловным кощунством увлечь его за собой ко вселенскому отступничеству, в беспощадную войну против Агнца Господня» (Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999). Однако, несмотря на умножение путей, «ведущих к погибели», до конца своих дней он продолжал верить в христианскую миссию России, в духовно-религиозное спасение человечества.

Наряду с П. Флоренским и В. Розановым И. явился одним из наиболее ярких и талантливых «оформителей» и выразителем русской нац. идеи перв. пол. XX в. Причем выразителем не столько церковно-традиционного и народного, сколько мистико-логостного и одновременно мистико-эстетич. крыла русского православного самосознания (если под последним понимать стремление выразить через «метафизику всеединства» законы и принципы онтологического устройства бытия и внутренний строй народной души). Хотя и не все религиозные идеи И. оказались реалистичными и выдержали проверку временем, тем не менее мирочувствование и мироощущение поэта всегда оставалось глубоким и верным. Борясь с разлагающим принципом декадентского индивидуализма, он привносил в лит-ру и жизнь живую веру в христианско-гуманистический, соборный, философско-религиозный смысл. Одним из первых он со всей остротой поставил перед человечеством труднейшую проблему диологизма. «Вечное» символическое искусство он, как никто другой, обогатил опытом национальной и мировой духовной культуры. Высочайшую оценку И. как мыслителю и поэту давали практически все, в т. ч. Степун, Зайцев, Флоренский. Эрн говорил о нем как о мыслителе «огромной, пленительной глубины», как об «ослепительном» мастере слова. Весьма примечательна оценка и А. Лосева, который, вспоминая о своих встречах с прославленным «мэтром», писал: «Я целую жизнь являюсь сторонником Вячеслава Иванова, являюсь его учеником <...> Для меня это авторитет в смысле мировоззрения. В смысле единства искусства, бытия, космологии и познания человека <...>. Это не прихоть художественная, а широкая объективная картина <...> это — наивысший реализм, а не субъективизм, хотя тут на каждом шагу — тайна. Родное и вселенское» (Лосев А. Из последних воспоминаний о Вячеславе Иванове).

Адреса в СПб. — Пг.: авг. 1905–12 — доходный дом И. И. Дернова (Таврическая ул., 35/1); 1920–21 — ДИСК (пр. 25-го Октября, 15).

Соч.: Незаконченная трагедия Иванова «Ниобея» / Публ. Ю. Герасимова // Ежегодник РО ПД. 1980. Л., 1984; СС. Т. 1–4 / Подг. текста Д. Иванова, О. Дешарт. Брюссель, 1971–87; Переписка из двух углов / Совм. с М. Гершензоном // Наше наследие. 1989. № 3; Предчувствия и предвестия: Сб. М., 1991; Родное и вселенское / Вст. ст. В. Толмачева. 1994; Вяч. Иванов. Мат-лы и публикации / Сост. Н. Котрелев // НЛО. 1994. № 10; Лик и личины России: Эстетика и лит. теория / Вст. ст., прим. С. Аверинцева. М., 1995; Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 кн. / Вст. ст. А. Барзаха, прим. Р. Помирчего. СПб., 1995; Вяч. Иванов: Мат-лы и иссл. М., 1996; Вяч. Иванов: Архивные мат-лы и иссл. М., 1999; Дионис и прадионисийство. СПб., 2000; Русско-итальянский архив III: Вяч. Иванов. Новые мат-лы / Сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Салерно, 2001; Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. СПб., 2002; История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов и комм. Г. Бонгард-Левина. М., 2006; Человек. Приложение: Ст. и мат-лы. М., 2006; По звездам. Борозды и межи / Вст. ст. и прим. В. Сапова. М., 2007; Вяч. Иванов: Несобранное и неизданное // Символ. № 53–54. Париж; М., 2008; Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л. Переписка: В 2 т. М., 2009; Богомолов Н. Вяч. Иванов в 1903–07 гг.: Докум. хроники. М., 2009.

Лит.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Пг., 1923 (М., 1990); Белый А. Начало века. М.; Л., 1933 (М., 1990); Брюсов В. СС. М., 1975. Т. 6; Лосев А. Проблема символа и реалистич. искусство. М., 1976; Анненский И. Книги отражений. М., 1979; Минц З. Блок и Иванов // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1982. Вып. 604; Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992; Егоров Б. Вяч. Иванов и русские славянофилы // Русский текст. СПб.-США, 1993. № 1; Зайцев Б. Вячеслав Иванов. Воспоминания о Серебряном веке / Сост., автор предисл. и комм. В. Крейд. М., 1993; Альтман М. Разговоры с Вяч. Ивановым / Сост. В. Дымшиц, статья и комм. К. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995.; Франк С. Артистическое народничество (Вяч. Иванов. «По звездам») // Франк С. Русское мировоззрение. СПб., 1996; Стру-

ве Г. Русская лит-ра в изгнании. М., 1996; Пяст Вл. Встречи. М., 1997; Ильин В. Эссе о русской культуре. СПб., 1997; Пургин С. Философия в круге слова: Вяч. Иванов. Екатеринбург, 1997; Берт Р. Вяч. Иванов за рубежом // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Тарту, 1997; Степун Ф. Встречи. М., 1998; Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999; Богомолов Н. Русская лит-ра нач. XX в. и оккультизм. М., 1999; Обатнин Г. Иванов-мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вяч. Иванова (1907–19). М., 2000; Борисова Л. Трагедия Вяч. Иванова в отношение к символистской теории жизнетворчества // Русская лит-ра. 2000. № 1; Маковский С. Портреты современников. М., 2000; Аверинцев С. «Скворешниц вольных гражданин...» Вяч. Иванов: Путь поэта между мирами. СПб., 2001. Корецкая И. Лит-ра в кругу искусств. М., 2001; Вячеслав Иванов — тв-во и судьба: К 135-летию со дня рождения / Сост. Е. Тахо-Годи. М., 2002; Русско-итальянский архив II / Сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Салерно, 2002; Вяч. Иванов — Петербург — мировая культура: Мат-лы междунар. науч. конф. 9–11 сент. 2002 г. Томск; М., 2003; Цимборска-Лебода М. Эрос в тв-ве Вяч. Иванова. На пути к философии любви. Томск; М., 2004; Вяч. Иванов: Между Св. Писанием и поэзией / Под ред. А. Шишкина. Salerno; Roma, [2004]; Башня Вяч. Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006; Арефьева Н. Древнерусские мифопоэтич. традиции в лит-ре русского модерна (Вл. Соловьев, Вяч. Иванов). Астрахань, 2007; Богомолов Н. Вяч. Иванов об университетском образовании // Филологич. науки. 2007. № 3; Котрелев Н. Вяч. Иванов и Вл. Соловьев // На рубеже столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009; Бёрд Р. Символ и печать у Вяч. Иванова // Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой / Сост. и ред. К. Кумпан, Е. Обатнина. СПб., 2009; Вяч. Иванов. Иссл. и мат-лы. Вып. 1 / Отв. ред. К. Лаппо-Данилевский, А. Шишкин. СПб., 2010.

В. Федоров

ИВАНО́В Геннадий Владимирович [4.5.1931, Л-д — 18.11.2002, СПб.] — историк литературы.

Родился в семье изв. воен. врача. В 1954 с отличием окончил филологич. фак-т ЛГУ. В 1964 защитил канд. дис. **«„История одного города“ М. Е. Салтыкова-Щедрина»** (науч. рук. проф. М. О. Скрипаль). С 1957 до конца жизни преподавал на кафедре истории русской лит-ры в должности ассистента и доцента (с 1968).

Гл. предметом науч. интересов И. было творчество М. Салтыкова-Щедрина. Помимо науч. диссертации, его тв-ву И. посвятил неск. десятков статей и образцовые комментарии к «Истории одного города» и «Пошехонским рассказам» в наиболее полном и авторитетном СС в 20 т.

Писал о Н. Гоголе, И. Тургеневе, Л. Толстом, С. Степняке-Кравчинском, А. Чехове.

Работы И. можно отнести к области «конкретного литературоведения» (Д. С. Лихачев). В них уточняются важные детали, выявляются писательские «узаконенные описки», тщательно анализируются приемы эзоповой речи и подтекста.

И. был одним из самых уважаемых преподавателей филологич. фак-та. Читал лекции по истории русской лит-ры втор. пол. XIX в. и спецкурсы. В теч. мн. лет вел студенч. науч. кружок (СНО) и аспирантский семинар (сменив проф. И. Г. Ямпольского). Под руководством И. защищено около 10 канд. дис.

В посл. годы жизни И. стал хранителем предания, сохраняя и транслируя для нового поколения ученых память о золотом веке кафедры истории русской лит-ры, о Б. М. Эйхенбауме, В. Я. Проппе, А. С. Долинине и др.

Лауреат премии ЛГУ «За высокое педагогическое мастерство», награжден медалью «Ветеран труда».

Соч.: Салтыков-Щедрин М. Е. СС: В 20 т. Т. 8: История одного города / Статья и прим. Г. Иванова. М., 1969; Роман С. М. Степняка-Кравчинского и рев. народничество 1870-х гг. // Ученые записки ЛГУ. 1971. № 349. Вып. 47; Салтыков-Щедрин М. Е. СС: В 20 т. Т. 15: Пошехонские рассказы / Статья и прим. Г. Иванова. М., 1973; «Пошехонские рассказы» и современная им действительность // Салтыков-Щедрин. 1826–76. М., 1976; Заметки о Чехове // Русская лит-ра. 1977. № 1; «На железной дороге» А. А. Блока // Анализ одного стихотворения: Сб. Л., 1985; Салтыков-Щедрин М. Е. СС: В 10 т. Т. 9: Мелочи жизни / Статья и прим. Г. Иванова. М., 1988.

Лит.: Доцент Геннадий Владимирович Иванов: Памяти филолога. СПб., 2004; Филологический факультет СПбГУ: Мат-лы к истории факультета. СПб., 2008.

И. Сухих

ИВА́НОВ Георгий Владимирович [29.10.(10.11.).1894, Пуке Тельшевского у. Ковенской губ. — 26.8.1958, Йер, департамент Вар, Франция; 23.11.1963 перезахоронен на русском кладб. Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем] — поэт, мемуарист, прозаик, критик.

Предки И. по отцовской и материнской линии — военные, и сам он сначала воспитывался в Ярославском кадетском корпусе (с авг. 1905), а затем (с янв. 1907) во 2-м кадетском корпусе СПб. Но не закончил его, дважды оставаясь на 2-й год и уйдя из 5-го класса в окт. 1911. В это вр. И. уже всецело посвятил себя поэзии, знаком с М. Кузминым, А. Блоком, в дневнике кот. 18.11.1911 запис.: «...днем пришел Георгий Иванов (бросил корпус, дружит со Скалдиным, готовится к экзамену на аттестат зрелости, чтобы поступить в университет), я уже мог сказать ему <...> о Платоне, о стихотворении Тютчева, о надежде (так, что он ушел другой, чем пришел)» (А. Блок. Т. 7). Блок на всю лит. жизнь И. остался его поэтическим «сверх-я», хотя школу он прошел акмеистическую и его мэтром в молодые годы был Н. Гумилев.

Печ. И. начал рано, в 1910–11, в студенч. ж. «Кадет-михайловец», «Gaudeamus» и др. Перв. книга И. **«Отплытье на о. Цитеру»** «...целиком написана за школьной партой „роты его Величества“ <...>. Вышла осенью 1911 года в 200 экз. <...> Через месяц после посылки этой книжки в „Апол-

лон“ — получил звание члена „Цеха поэтов“, заочно мне присужденное. Вскоре появились очень лестные отзывы Гумилева в „Аполлоне“ и Брюсова в „Русской мысли“. И я легко и без усилий нырнул в самую гущу литературы, хотя был до черта снобичен и глуп» (письмо Маркову от 7 мая 1957). Помимо «лестности», проявилось в оценках обоих поэтов и нечто более существенное: И. «...находится под явным влиянием своих предшественников (особенно М. Кузмина)» (Брюсов В. // Русская мысль. 1912. № 7); «...в отношении тем Георгий Иванов всецело под влиянием М. Кузмина» (Гумилев Н. // Аполлон. 1912. № 5). Правда, и «лестные» части обеих рец. схожи: более сдержанная у Брюсова («Он умеет выдержать стиль») и «очень лестная» у Гумилева («Первое, что обращает на себя внимание в книге Георгия Иванова, — это стих. Редко у начинающих поэтов он бывает таким утонченным, то стремительным и быстрым, чаще только замедленным, всегда в соответствии с темой»).

В лит. кругах, близких к Гумилеву, И. получает известность как «арбитр вкуса». Естествен уход И. из группы эгофутуристов (Северянин, Олимпов, Грааль Арельский), в изд-ве кот. «Ego» был выпущ. его первый сб.

Второй сб. **«Горница»** выходит в акмеистическом «Гиперборее» (1914). Он пронизан смутной тревогой молодого человека, попавшего на «пир богов», но не уяснившего вполне, каким обр. и зачем он там оказался. Третий сб. **«Памятник Славы»** (1915) вышел в изд-ве суворинского ж. «Лукоморье». Пройдя суровую школу версификаторства в первом «Цехе поэтов» (в него входили 24–26 поэтов, в т. ч. все акмеисты), в 1914–15 И. принялся за сочинения в «русском стиле». Тягой к лубочной народности в годы Первой мировой войны отмечены были, конечно, не только стихи И. «Русский стиль» у поэтов «серебряного века» в большей степени носил черты экзальтированной самовозбужденности, чем откровения. Характерно, что И., «словчив», избежал фронта, вместо армейского полка был прикомандирован к министерской канцелярии.

С декадентским произволом связана и стилизация всей жизни И. как художника. То, что может показаться и выдается за «биографический элемент» в ранних текстах И., всегда носит несколько романич. характер. Кристаллизовалась эта тенденция в поздней «мемуарной прозе» — **«Китайских тенях»** и **«Петербургских зимах»**, но заметна с первых лит. шагов. Биография автора сознательно размывается, дабы живописнее глядело «лицо поэта». В ранних стихах И. оно выступает как бы из живописной рамы: из шотландских туманов, из кружев Ватто, из «галантного» XVII в. Ради того чтобы «быть поэтом», И. готов пренебречь всем, в т. ч. и ун-том, ради кот. вроде бы ушел из корпуса. «Когда же я стану поэтом / Настолько, чтоб все презирать?..» — этот вопрос не казался праздным И. довольно долго. Обоснование этого «презрения» виделось в том, что роль поэта — «высшая в мире». Активно сотрудничая в акмеистических ж. «Аполлон» и «Гиперборей», И. правоверным акмеистом все же не был. Напр., в 1914 участвовал в собраниях «Об-ва поэтов» Н. Недоброво — Е. Лисенкова, противостоящего «Цеху» и акмеистам. Это не мешает ему в 1916–17 возглавить вместе с Г. Адамовичем 2-й «Цех поэтов», объединивший «постакмеистическую молодежь», а в «Аполлоне» получить должность «заместителя Гумилева», ушедшего на войну.

В 1916 появляется сб. И. **«Вереск»**, на титуле кот. значится: «Вторая книга стихов». Вкус диктует автору две из трех вышедших кн. («Горница» и «Памятник Славы») считать «не имевшими места». На «Вереск» В. Ходасевич напис. провидческую рец., завершающуюся словами: «... поэтом он станет вряд ли. Разве только если случится с ним какая-нибудь большая житейская катастрофа, добрая встряска, вроде большого и настоящего горя, несчастья. Собственно только этого и надо ему пожелать» (Ходасевич В. Утро России. М., 1916, 7 мая). «Добрая встряска» вскоре последовала (Октябрьский переворот 1917) не для одного И. — для всей русской культуры, в особенности же для культуры «серебряного века», кот. к 1922 практически оказалась развеянной, погребенной. И все-таки в «Вереске» воображение автора уже свободно и стихотв. узор чеканен, хотя само по себе лирическое «я» поэта все еще укрыто от хаоса и абсурда жизни, надежно защищено отменным вкусом и иронией: «Мы скучали зимой, влюблялись весною. / Играли в теннис мы жарким летом... / Теперь летим под медной луною. / И осень правит кабриолетом».

Отстраненность от действительности ради поэзии, ставка на долговечность поэтич. слова некот. время после большевистского переворота помогали И. сохранить эстетич. корректность. В этом отношении первый вышедший в сов. время сб. И. **«Сады»** (1921) — изящная книжечка, оформленная М. Добужинским, — своего рода шедевр лирич. герметизма, рекордная для русской поэзии демонстрация отключенности от презренной реальности: «Сходила ночь, блаженна и легка. / И сумрак розовый сгущался в синий, / И мне казалось, надпись по-латыни / Сейчас украсит эти облака».

Блок напис. о поэзии И., что, слушая такие стихи, «...можно вдруг заплакать — не о стихах, не об авторе их, а о нашем бессилии, о том, что есть такие страшные стихи ни о чем, не обделенные ничем — ни талантом, ни умом, ни вкусом, и вместе с тем — как будто нет этих стихов, они обделены всем...» (А. Блок. Т. 6). В этой проникновенной реплике не учтено одно: и «обделенность» может стать формой существования, и даже больше того — «обделенность всем» есть одно из экзистенциальных русских переживаний. Как доказал опыт позднего И., из «обделенности» извлекается пронзительная лирич. нота. Когда становится ясно, что ничего, кроме писания стихов, в жизни нет, что высокая беспомощность составляет все ее содержание, у И. наступает момент просветленного отчаяния, происходит «вочеловечивание» его лирич. «я». С изданием в Париже сб. **«Розы»** (1931) он превращается в «королевича» русских поэтов — по отзывам эмигрантских ценителей. «Вспомним „Розы“, — пишет Ю. Терапиано, — лучшую книгу во всей вообще русской поэзии тридцатых годов».

После смерти А. Блока и гибели Н. Гумилева всякая лит. деятельность в Пг. потеряла для И. смысл. И хотя его положение в послерев. годы было сравнительно не самым плохим (он продолжал печ., зарабатывал пере-

водами, являлся одним из организаторов 3-го «Цеха поэтов», секретарем Союза поэтов), И. ищет пути на Запад — сначала собираясь «оптировать» литовское гражданство. Наконец, отдав посл. долг «серебряному веку» изданием «Посмертных стихов» Н. Гумилева (1922), поэт получает «командировку» в Берлин «для составления репертуара гос. театров» (параллельно через Латвию уезжает в Европу его вторая — с сент. 1921 — жена, поэтесса И. Одоевцева). Счастливое бегство оборачивается горестной темой его лирики: «Что-то сбудется, что-то не сбудется. / Перемелется все, позабудется... / Но останется эта вот, рыжая, / У заборной калитки трава. // Если плещется где-то Нева, / Если к ней долетают слова — / Это вам говорю из Парижа я / То, что сам понимаю едва» (1949).

И. приводила в трепет великая иллюзия, квинтэссенция петерб. мифа — видение парадиза над бездной. Вопрос о ценностях петерб. культуры возник для него едва ли не раньше вопроса о ценности собств. существования.

Поэт родился на берегах Немана, но о нем смело можно написать: «... родился на брегах Невы». Если иметь в виду рождение *поэта*, утверждение нисколько не ложное. Ему даже казалось: только «петербургская» поэзия в России и существует. Все остальное — так, «кустарный промысел». А сам он — «последний петербургский поэт»: «Да, как это ни грустно и ни странно — я последний из петербургских поэтов, еще продолжающий гулять по этой становящейся все более и более неуютной и негостеприимной земле» (**«Закат над Петербургом»**, 1953).

Сказано это еще при жизни Ахматовой. По ее слову, уезжая в эмиграцию, каждый уносит с собой свой посл. день пребывания на родине. И. превратил этот день в неисчерпаемый поэтич. источник: «Творю из пустоты ненужные шедевры». Вокруг него в эмигрантской жизни все казалось ему «не тем»: «Читателей у нас нет, — писал он, — Родины нет, влиять мы ни на что не можем...». Лишь оставленный осенью 1922 за кормой немецкого корабля Пг. годами насылал из тумана живительные образы. «В то же время, — продолжал И., — самый простодушный из нас „блажен", „заживо пьет бессмертие" и не только вправе, — обязан глядеть на мир со „страшной высоты", как дух на смертных... Ключи страдания и величия России даны эмигрантской литературе...».

Ранние стихи И. тронуты не любовным чувством, но преизбытком любований и легких пристрастий. Поэт блуждал среди «эстетических объектов», заметно пренебрегая очевидностью. Это пренебрежение вообще характерно для людей «серебряного века». Отвыкание от «живой жизни», незамечание ее — залог обжигающе резких (и поздних) откровений о мимолетных прелестях бытия. Этот романтически горький опыт неизмеримо укрупняет в зрелых стихах И. роль любого задержавшего взгляд пустяка: ветки, муравья, брошенной на тротуар розы... Хороша в мире не стабильность, а как раз эфемерность, ускользающее мгновение: «А что такое вдохновенье? / — Так... Неожиданно, слегка / Сияющее дуновенье / Божественного ветерка».

Осн. примеры собственно любовной лирики И. относятся к годам эмиграции и являют собой изумительные образцы элегич. тонкости, «косвенности» в выражении чувства к женщине — и что еще более замечательно — к жене, Ирине Одоевцевой: «Ты не расслышала, а я не повторил. / Был Петербург, апрель, закатный час. / Сиянье, волны, каменные львы... / И ветерок с Невы / Договорил за нас». Встреча с И. Одоевцевой едва ли не единственное потрясение в жизни И., оказавшееся светлым и прямо отразившееся в стихах.

Адамовичем высказывалась мысль о том, что эмигрантская лит-ра сделала свое дело, оставшись лит-рой христианской. Это несомненно так. Тем более важна здесь оговорка, касающаяся И.: его христианская тема — это не тема грядущего спасения, а тема грядущей весьма близкой гибели. Не тема рая, но — ада. И сама лит-ра стала для него местом, где, «говоря о рае, дышат адом». Невиннейшее из созданий Божиих — птичка — для поэта вестник загробного ужаса: «Может, и совсем не птичка, а из ада голосок?».

Л. Миллер напис. об «энергии отчаяния» И., выделяя в слове «отчаяние» его положительный, корневой смысл — «чаяние». Противопоставив «отчаяние» «унынию», она увидела в первом страдание, усиливающее поэтич. чувствительность. «Отчаяние», по мнению Миллер, «звездный час» И., растянувшийся на годы пребывания вне России, вне СПб. Подобно Л. Толстому, находившему решающий толчок к тв-ву в «энергии заблуждения», И. черпал его в «энергии отчаяния»: «За столько лет такого маянья / По городам чужой земли / Есть от чего прийти в отчаянье, И мы в отчаянье пришли. // — В отчаянье, в приют последний, / Как будто мы пришли зимой / С вечерни в церковке соседней, / По снегу русскому, домой».

В **«Распаде атома»** (1938), книге, любимой самим И., его «поэмой в прозе», автор пишет о неизбежной границе, кот. XX в. отделил совр. искусство от традиции прошедших веков: художник теперь не вправе утешать зрителя вымышленной красотой и заставлять его проливать слезы над вымышленными судьбами. Совр. поэт тот, кто, говоря словами Г. Адамовича, ощутил «невозможность поэзии». «Парижская нота», объявленная во Франции Адамовичем новой мерой русских стихов и извлекавшаяся из ивановской лирики par excellence, предполагала возврат к первоосновам бытия, что для стихотворцев оказалось задачей хоть и достойной, но неск. метафизической.

В довоенном Париже лит. положение И. было вполне прочным (он — неизменный председатель элитарных лит. собраний «Зеленая лампа», публ. в ведущих эмигрантских изд. «Посл. новости», «Совр. записки» и др.). Тем не менее, после «Распада атома» И. не только ничего не печ., но и ничего не писал 6–7 лет. Лишь в конце Второй мировой войны, лишившись всех средств к нормальному существованию, заподозренный одной частью эмигрантской писательской братии в «коллаборантстве», другой, напротив, в «большевизантстве», И. единственный возможный для себя способ достойного противостояния «ужасу жизни» находит в поэзии. И хотя после войны ему удается изд. всего один стихотв. сб. **«Портрет без сходства»** (1950), его стихи посл. пятнадцати лет жизни — высшее достижение его лиризма.

Затушеванную, неудобную для лирики правду И. возвращает поэзии, сообщая ей «новый трепет». Ю. Терапиано считает, что поэт утверждал его, «несмотря на отрыв от родины». Это неверно: «новый трепет» обозначался *благодаря* отрыву от родины, хотя и был во многом обусловлен, по слову Н. Бердяева, от века данным «брезгливым отношением к действительной жизни», характеризовавшим мироощущение людей «серебряного века» в целом, но И. выделявшим даже в их представительном ряду.

Выдвинуть само «брезгливое отношение к действительной жизни» как новую лирич. величину оказалось возможным только осознав: ничто — в Париже в том числе — помочь поэту не в силах, как тому «несчастному дураку» из ивановского стих. **«Просил, но никто не помог...»**, кот. и в предсмертный миг ничего не мерещится лучшего, чем «на дверце два русских ноля». Вопрос о возможности перехода «границы, назначенной поэзии» (Бодлер), — традиционный, но всякий раз поднимаемый заново вопрос.

«Новый трепет», «frisson nouveau», связан с откочевыванием лирики в непоэтич. области существования, с понижением канонизированного данной эпохой уровня поэтичности. Обнадеживающий смысл прорыва И. в неведомые области лирич. свободы состоит в том, что ему удалось создать «новый трепет», не отступая от культивируемых им норм вкуса и меры, не трансформируя саму по себе поэтику, не покушаясь на перевороты в обл. стихотв. просодии.

Ивановский «новый трепет» можно назвать «последним петербургским трепетом». После всяческих изысков «серебряного века» жизнь в лирике И. эмигрантского периода предстает обескураживающе понятной. Он — первый крупный поэт этой эпохи, играющий на понижение, поэт, кот. не страшно дезавуировать саму поэзию, тем более «поэтов выспреннюю болтовню», их «рабское старанье». Поздняя лирика И. воистину не страшится быть «глуповатой» — настолько ее создатель свободен и умен. На самом деле она ничуть не «глуповата», а пленительно, горестно проста.

Из пепла, из ничто рождается шелково нежная, как только что затянувшаяся рана, ткань ивановских стихов. Напоминая о боли и скрывая ее, эта лирика оправдывает нашу грешную жизнь и грешную плоть. Именно грешную, а не просто жизнь и не просто плоть. Оправдывает не из гордыни и не по слабости, но ради того, чтобы дать почувствовать: всякой личности предначертано хоть когда-нибудь, хоть на мгновение ощутить скрытую от глаз и слуха, всегда лишь брезжущую гармонию: «В награду за мои грехи, / Позор и торжество, / Вдруг появляются стихи — / Вот так... Из ничего». Из этого «ничего» И. создал в лирике «все». Г. Адамович писал в год смерти И.: «...постараемся забыть отдельные стихи Георгия Иванова, отдельные его строки, — что остается от них в памяти? Не колеблясь я скажу — свет... — ...тихое, таинственное, немеркнущее сияние, будто оттуда, сверху, дается <...> человеческому крушению смысл, которого человек сам не в силах был найти...».

Три с половиной предсмертных года «последний петербургский поэт» провел вместе с Ириной Одоевцевой на Лазурном берегу неподалеку от Ниццы в небольшом городке Йер. Здесь в 1950 под эгидой ООН был открыт международный пансионат «Beauséjour» — для испытывающих мат. трудности полит. беженцев преклонного возраста, оказавшихся во Франции и не имеющих французского гражданства. При всей хандре, одиночестве и мучительной, так и не опознанной до конца болезни, сведшей поэта в могилу «у самой двери рая», три с половиной года его пребывания в пансионате «Beauséjour» (поэт всегда писал это название через дефис — «Beau-Séjour», иронически подчеркивая этимологию слова: «Прекрасное пребывание», «Чудный отдых») раскрыли его лирич. дар с интенсивностью, прежде невиданной. Написанные в Йере стих-я **«Дневника»**, превратившегося в **«Посмертный дневник»**, составили большую часть его посл. книги **«1943–1958 Стихи»**, вышедшей через две недели после его смерти и включающей такие лирич. шедевры, как **«Что-то сбудется, что-то не сбудется...»**, **«Эмалевый крестик в петлице...»**, **«Закат в полнеба занесен...»**, **«Мне весна ничего не сказала...»**, **«Ветер с Невы. Леденеющий март...»**, **«Я люблю безнадежный покой...»**, **«Полутона рябины и малины...»**, **«На юге Франции прекрасны...»**, **«Ты не расслышала, а я не повторил...»**. Выделим из них хотя бы одно, повествующее об одиноком, страдающем «всемирной отзывчивостью» путнике на столбовой дороге русской романтич. культуры. Это и есть тот И., что загадал «вернуться в Россию — стихами»: «Четверть века прошло за границей, / И надеяться стало смешным. / Лучезарное небо над Ниццей / Навсегда стало небом родным. // Тишина благодатного юга, / Шорох волн, золотое вино... // Но поет петербургская вьюга / В занесенное снегом окно, / Что пророчество мертвого друга / Обязательно сбыться должно». Пророчество это нам хорошо известно: «В Петербурге мы сойдемся снова...»

Соч.: Лампада: Собр. стихотворений. Кн. 1. Пг., 1922.; Сады. 2-е изд. Берлин, 1922; Вереск. 2-е изд. Берлин-П.-М., 1923; Петербургские зимы. Париж, 1928 (1952, Н.-Й., 2-е изд.); Отплытие на остров Цитеру: Избр. стихи 1916–36. Берлин, 1937; Портрет без сходства. Париж, 1950; 1943–58 Стихи / Предисл. Р. Гуля. Н.-Й., 1958; Собр. стихотворений / Под ред. Вс. Сечкарева и М. Далтон. Würzburg, 1975; Несобранное / Под ред. и с комм. В. Крейда. Orange, 1987;Третий Рим / Под ред., с предисл., комм. и библ. В. Крейда. Tenafly, 1987; Стихотворения. Третий Рим. Петерб. зимы. Китайские тени / Сост., послесл., комм. Н. Богомолова. М., 1989; Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–58 / Mit Einleitung herausgegeben von Hans Rothe. Köln; Weimar, Wien, 1994; СС: В 3 т. / Сост., подг. текста, вст. ст. Е. Витковского, комм. В. Крейда, Г. Мосешвили. М., 1994; Стихотворения (НБП) / Вст. ст., сост., подг. текста и прим. А. Арьева. СПб., 2005 (2010, 2-изд.); Шестнадцать писем к Юрию Иваску / Вст. ст., публ. и комм. А. Арьева // Вопросы лит-ры. 2008. № 6; Георгий Иванов. Ирина Одоевцева. Роман Гуль. Тройственный союз (Переписка 1953–58 гг.) / Публ., сост., комм. А. Арьева, С. Гуаньели. СПб., 2010.

Лит.: Блок А. СС: В 8 т. М.; Л., 1960–63; Жирмунский В. Вереск // Русская воля. 1917. 16 янв.; Радлова А. Сады Георгия Иванова // Жизнь искусства. 1921. 1 нояб.; Адамович Г. Георгий Иванов. Сады. Третья книга стихов // Цех поэтов. Кн. третья. Пг. 1922; Северянин И. Успехи Жоржа // За свободу (Варшава). Лит. приложение. 1925. 8 нояб.;

Алданов М. Георгий Иванов. Петерб. зимы // Совр. записки. Париж, 1928. Кн. 37; Крайний А. (З. Гиппиус). Лит. размышления. О розах и о другом // Числа. Париж, 1931. Кн. 4; Бицилли П. Отплытие на остров Цитеру // Совр. записки. 1937. Кн. 64; Гиппиус З. Черты любви // Круг. Париж, 1938. Кн. 3; Берберова Н. Портрет без сходства // Русская мысль. 1950. 7 июл.; Гуль Р. Георгий Иванов // Новый ж. Н.-Й., 1955. № 42; Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Опыты. Н.-Й., 1957. № 8; Адамович Г. Наши поэты (Георгий Иванов) // Новый ж. Н.-Й., 1958. Кн. LII; Вейдле В. Георгий Иванов // Континент. 1977. № 11; Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988; Она же. На берегах Сены. М., 1989; Парнис А., Тименчик Р. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1985; Померанцев К. Георгий Иванов и его поэзия // Континент. 1986. № 49; Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа. Париж-Н.-Й., 1987; Гуль Р. Я унес Россию. Н.-Й., 1989. Т. 3; Крейд В. Петерб. период Георгия Иванова. Tenafly, 1989; Тименчик Р. Г. В. Иванов // Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т. 2; Берберова Н. Курсив мой. М., 1996; Арьев А. «К несуществующим, но золотым полям...» // Эткиндовские чтения I. СПб., 2003; Тарасова И. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003; Арьев А. Виссон // Звезда. 2006. № 2; Крейд В. Георгий Иванов (ЖЗЛ). М., 2007; Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / Сост. И. Тарасова. Саратов, 2008; Болычев И. Георгий Иванов // Русская лит-ра 1920–30-х гг. Портреты поэтов. Т. 2. М., 2008; Арьев А. Жизнь Георгия Иванова. СПб., 2009; Миллер Л. Упоение заразительно. М., 2010; Арьев А. Античные маски Георгия Иванова // Античность и культура Серебряного века. М., 2010; Арьев А. Взаимно искажая отраженья. Ирина Одоевцева и «Посмертный дневник» Георгия Иванова // Россия и Запад. Сб. ст. в честь 70-летия К. М. Азадовского. М., 2011; Георгий Владимирович Иванов. Иссл. и мат-лы. М., 2011.

А. Арьев

ИВА́НОВ Евгений Павлович [7(19). 12.1879, СПб. — 4.1.1942, Л-д] — публицист, эссеист, детский писатель, мемуарист.

Младший ребенок в семье Павла Александровича И., незаконнорожденного сына писателя А. К. Жуковского (Е. Бернета), и Марии Петровны, урожд. Шалыгиной (не Пановой и не Угрюмовой, как ошибочно сообщалось в ряде источников), происходившей из старообрядческой, феодосиевского согласия, купеческой фамилии. В семье, кроме И., было четверо детей — Клеопатра (дочь М. П. от первого брата с М. Косцовым), Мария (ей позднее А. Блок посв. стих. «На железной дороге»), Александр (искусствовед, автор рассказа «Стереоскоп», 1909), Петр (изв. эмбриолог). Младшие дети были заядлыми вагнерианцами, не пропускавшими новых постановок Мариинского театра. Через брата Александра И. приобщился к тв-ву художников «Мира искусства».

В 1899 окончил в СПб. 1-ю мужскую гимназию, а в 1905 юридич. фак-т СПб. ун-та, но выпускные экзамены не сдавал. С 1907 служил счетоводом в правлении Китайско-Восточной железной дороги, где позднее встретил свою будущую жену, А. Горбову.

Еще в гимназич. годы, одновременно с рыцарским поклонением В. Комиссаржевской, у И. пробуждается мистически окрашенное религиозное сознание, поддерживаемое позднее чтением В. Розанова и Д. Мережковского. В марте 1902 И. решается написать Розанову и получает приглашение на его «воскресенья» на Шпалерной, где знакомится с Мережковскими, В. Тернавцевым, П. Перцовым и кругом Религиозно-философских собраний (позднее он будет одним из активных членов Религиозно-философского об-ва и Вольной философской ассоциации). Дружбу с семьей Розановых И. пронес через всю жизнь. В 1903 И. приглашен к сотрудничеству в ж. «Новый путь». Здесь помещены его перв. опыты: **«К спящим от печали»**, **«О смрадном и святом»** (1903. № 10), **«„Эдип в Колоне“ в Александринском театре»** (1904. № 2), **«Юность мира»** (1904. № 3). В ж. «Мир искусства» напеч. рец. на кн. Г. Чулкова «Кремнистый путь» (1904. № 4), в «Вопросах жизни» — ст. **«Университет»** (1905. № 4–5).

На ред. вечере в «Новом пути» 6 марта 1903 И. познакомился с А. Блоком и вскоре стал одним из ближайших его друзей и адресатом неск. стих. посвящений (см.: Письма А. Блока к Е. П. Иванову. М.; Л., 1936). В 1916 Блок был шафером на свадьбе И., а в 1917 стал крестным отцом его дочери. «Во взаимно-напряженном диалоге с Блоком <...> развивались основные мистические интуиции Иванова» (Л. Ильюнина). В период семейной драмы Блоков И. — конфидент всех участников «любовного треугольника».

И. — один из заметных персонажей лит. СПб. Серебряного века. Андрей Белый, с кот. И. познакомился в 1905, позднее определил его как одного из тех, кто формировал «атмосферу, слагавшую символизм» (А. Белый. О Блоке. М., 1995), а Э. Голлербах — как одного «из тех попутчиков литературы, кот. суждено незаметно влиять на самые сокровенные ее ростки» (Э. Голлербах. Город муз. Царское Село в поэзии. СПб., 1993). Он бывал и на «башне» своего знаменитого однофамильца, и в салоне Ф. Сологуба, дружил с сестрами Гиппиус и был верным паладином М. Добролюбовой.

В 1906 И. сотрудничал в газ. «Страна», в 1910 — в баптистской газ. «Утренняя звезда» (**«Се оставляется вам дом ваш пуст»**; 1910. 13 авг.), посылал ст. в газ. «Русское слово» (публ. не выявлены). Познакомившись со священником К. Аггеевым, поместил статью в издаваемом им ж. «Приходский пастырь» (1911).

Наиболее изв. произведение И. — этюд **«Всадник. Нечто о городе Петербурге»** (альм. «Белые ночи». СПб., 1907), над кот. он работал с 1904. А. Белый негативно отозвался об этом очерке: «Смесь дикой истерики, ужимок, почти фиглярничества с чем-то действительно глубо-

ким; но и юродивые говорят правду. Я не люблю юродства» (Весы. 1907. № 7). В то же время он включил «рассуждение Евгения Иванова» в тот ряд произведений, кот. «могут заинтересовать „Белые ночи“». Без всякого дружеского пристрастия оценил этюд Блок в ст. «Лит. итоги 1907 года» (Золотое руно. 1907. № 11–12): «...самая искренняя и самая нелитературная статья, какую только можно себе представить. Это не статья, а только „нечто о городе Петербурге“, туманное, расплывчатое, но тревожное: какой-то раскольничий дух, лишенный воздуха и ветра, роится в „родимом хаосе“» (Блок А. ПСС и писем: В 20 т. М., 2003. Т. 7).

Тв-во И. как детского писателя нач. с появлением его перв. рассказов (**«Лес»**, **«Таракан»**, **«Волхвы с Востока»**, **«Косатка»** и др.) в ж. П. Соловьевой «Тропинка» (с 1906). Лучшие из них собр. в кн. **«В лесу и дома»** (1915), изд. этим ж. Неск. сб. рассказов И. для детей изд. в 1920-е: **«Рассказы»** (Л., 1926), **«Гришка-Грохотун»** (М.; Л., 1927), **«Два шага»** (М.; Л., 1927), **«Козел и дед»** (М.; Л., 1928), **«Кот-Колоброд и крысы»** (М.; Л., 1928).

В сов. время служил счетоводом. В 1928 арестован по делу А. Мейера, после 9 месяцев заключения в 1929 сослан в Великий Устюг. В 1932 вернулся в Л-д, работал счетоводом, табельщиком, кассиром в муз. школе при консерватории. Помогал Иванову-Разумнику в подгот. к печати писем Блока. Вместе с ним и поэтессой Н. Павлович пытался предотвратить перенос останков Блока на Литераторские мостки, кот. был намечен на кон. июня 1941, но кот. все же состоялся после войны.

В 1920-е напис. ряд очерков о Блоке, ст. о глоссолалии А. Белого (хранится в ГМИ СПб.). Гл. произведениями И. можно назвать его многолетний дневник, раскрывающий его как незаурядного религиозного мыслителя, здесь же и незавершенные толкования Евангелия (1900–30-е). Они еще не опубл. (дневники постепенно издаются фрагментарно), как и неоконченные воспоминания И. о его детстве и о встречах с современниками-писателями.

Скончался в блокадном Л-де; точная дата смерти И. установлена по записи, сделанной его женой на принадлежавшем ему «Служебнике».

Архив хранится: ИРЛИ, ф. 662, 840 (коллекция М. С. Лесмана); РГАЛИ, ф. 55; ГЛМ, ф. 104; Гос. музей истории СПб.

Соч.: Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке / Публ. Э. Гомберг и Д. Максимова // Блоковский сб. <Сб. 1>. Тарту, 1964; В. В. Розанов в дневнике и незавершенных воспоминаниях Е. П. Иванова. Письма Розанова к Е. П. Иванову / Публ. О. Фетисенко // Ежегодник РО ПД на 2003–04 гг. СПб., 2007; А. Блок в дневнике Е. П. Иванова (1903–41) / Вст. ст., подг. текста и прим. О. Фетисенко // Александр Блок: Иссл. и мат-лы. <Т. 4>. СПб., 2011.

Лит.: Максимов Д. Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сб. <Сб. 1>. Тарту, 1964; Осповат А., Тименчик Р. «Печальну повесть сохранить...». Изд. 2-е. М., 1987; Ильюнина Л. Иванов Евгений Павлович // Русские писатели, 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2; Фетисенко О. Л. 1) Проповедник Нагорной радости: («Петерб. мистик» Евгений Иванов) // Христианство и русская лит-ра. Сб. 5. СПб., 2006; 2) Из дневника «петербургского мистика»: Эсхатологич. воззрения Е. П. Иванова // Эсхатологич. сб. СПб., 2006; 3) Дневник Евгения Иванова — неизв. источник для изучения Серебряного века // Dzienniki, notatniki, listy pisarzy rosyjskich / Red. nauk. A. Wołodzko-Butkiewicz, L. Lucewich. Warszawa, 2007; 4) Евгений Иванов — читатель и «герой» Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альм. № 23. СПб., 2007.

О. Фетисенко

ИВАНО́В Константин Константинович [13.9.1942, станция Казахстан Сталинградской обл.] — поэт.

Отец — воен. инженер, мать — преподаватель математики, брат — художник и искусствовед М. Иванов.

По окончании школы И. год проучился в Военно-механич. ин-те, откуда в 1959 был отчислен за ношение бороды. Служил в армии, затем окончил философский фак-т ЛГУ и аспирантуру; недолго преподавал в ЛГУ. Работал шкипером на шаланде, смотрителем на турбазе под Псковом, механиком на з-дах, кочегаром.

В кон. 1960-х самостоятельно изучал религиозную и экзистенциалистскую философию — Ф. Ницше, А. Бергсона, С. Киркегора, Н. Бердяева, С. Франка, о. П. Флоренского и др. Вместе с братом М. Ивановым превратил свою квартиру (ул. Правды, д. 12, кв. 66) в место встреч художников, литераторов, философов, богословов. Здесь проводились худож. выставки, дискуссии, выпускались самиздатские газ. «Zusammen» («Вместе»), ж. «Вегетарианская правда», детская газ. «Ивановец». Для них писал шутливые и ироничеcкие стихи, участвовал в их выпуске. В квартире И. постоянно бывали Б. Иванов, В. Крейденков, в свободных дискуссиях участвовали Т. Горичева, Б. Гройс, Я. Слинин, поэты Д. Бобышев, С. Вовина, В. Кривулин, В. Козичев и др. Здесь устраивались домашние выставки картин А. Басина, В. Гаврильчика, Е. Горюнова, М. Губницкого, И. Иванова, М. Иванова, Т. Кернер, О. Сидлина, В. Стерлигова. Дружил с В. Гаврильчиком, написал предисл. к его самиздатскому сб. стихов; организовал вместе с ним кружок под девизом «Никакого содружества с властями!».

В 1970 пришел к христианству, в 1971 принял православное крещение. Познакомился с учеником и последователем философа Л. Карсавина А. Ванеевым и с о. Сергием Желудковым, входил в религиозно-философский кружок, собиравшийся на квартирах. Участвовал в организованной кружком анонимной переписке по проблемам религии и атеизма вместе со священниками, правозащитниками и литераторами о. Сергием Желудковым, о. Александром Менем, о. Павлом Адельгеймом, о. Владимиром Поповым, Л. Друскиным, К. Любарским и др. Переписка распространялась в самиздате, в 1981 была издана в Швейцарии, затем переведена на немецкий и английский яз. (И. выступает в ней под инициалом «Б.»). В 1984–87 вместе с Б. Бусаковым издавал самиздатский религиозно-философский ж. «Аминь».

В 1988 стал одним из учредителей об-ва «Открытое христианство» и ректором созданного при нем Христианского ин-та; до 1999 преподавал в нем курсы «Введение в христианство», «Новый Завет», «История философии». С 1997 — декан теологич. фак-та ун-та им. Дитриха Бонхоффера. Пишет философско-богословские статьи, занимается изучением духовных аспектов атеизма

и веры. Подготовил кн. **«Курс русской религиозной философии»**.

Соч.: Христианство и атеизм: Личная переписка. Т. 1, 2. Цоликон (Швейцария), 1982; Памяти А. А. Ванеева; Л. П. Карсавин и А. А. Ванеев // Ванеев А. Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине. Брюссель; Париж, 1990; Вопросы и размышления // Ян Коменский сегодня. СПб., 1990; Отец Сергий (Желудков) и А. А. Ванеев // Звезда. 1998. № 8.

Лит.: Инт. с К. Ивановым // ВНЛ. 1990. № 1; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ИВАНО́В Михаил Константинович [9.12.1944, Л-д] — художник, поэт.

Отец — воен. инженер, мать — преподаватель математики, брат — акт. деятель лен. андеграунда Константин Иванов.

И. занимался живописью в изостудии Дворца пионеров у С. Левина, учился в Средней худож. школе (СХШ). Окончил искусствоведческий фак-т Ин-та им. И. Репина (Академия художеств). Работал на баржах Северо-Западного речного пароходства (вместе с Б. Ивановым, В. Гаврильчиком и художницей Т. Кернер), был оператором газовой котельной, преподавал в худож. кружке, писал иконы и расписывал храмы. Занимался живописью и худож. критикой. Сочинял стихи.

В 1963 состоялась перв. выставка И. в редакции ж. «Звезда», в 1968 — выставка в Доме архитектора (совм. с В. Гаврильчиком и Т. Кернер). Во втор. пол. 1960-х подолгу жил в М. в кругу художников моск. неофиц. искусства. С 1975 участвовал в движении лен. неофиц. художников, во мн. выставках художников-нонконформистов, писал заметки о совр. искусстве и аннотации к неофиц. выставкам, кот. распространялись в самиздате (под различными псевд. и анонимно).

В кон. 1960-х вместе с братом К. Ивановым организовал на своей квартире салон, в кот. регулярно устраивались философские дискуссии, лит. чтения и худож. выставки. В 1969 участвовал в самиздатских сб. «Маразмарт» и газ. «Вегетарианская правда». В 1971 издал два номера газ. «Zusammen» («Вместе»), в кот. публиковались его ст., проза Б. Иванова, стихи В. Гаврильчика, ст. К. Иванова. Выпустил машинописный сб. стихов.

В 1980–90-е профессионально работал как иконописец, позднее вернулся исключительно к живописи и графике. Публиковал статьи о совр. живописи, теоретич. ст. по искусству.

В годы «перестройки» участвовал в учреждении СПб. ин-та богословия и философии, вел в нем спецкурс по символике мирового искусства, опубл. ряд ст. по этой теме в ж. «Начало». С 1991 работал в школе при Ин-те богословия и философии. И. вспоминает: «Пригласили знакомые, ее организовавшие. Школа тогда размещалась в подростковом клубе при ЖЭКе в тесных комнатках (может быть, бывших раздевалках) и двух спортивных залах с зеркалами и шведскими стенками <...> Гремела „перестройка“, многие пробовали себя в новых ролях. Увлекала возможность своего дела, общение с живыми увлеченными людьми. Внове была работа в коллективе, ситуация побуждала к интеллектуальной активности <...> Некоторое время в узком кругу делались доклады на свободные темы. Я выступил с докладом „Инобытие православной традиции в русской секулярной живописи“». Во время работы в школе участвовал в издании школьных ж. Как рассказывает сам И., «общее творческое кипение вылилось в издание школьного журнала „Фонарь“ (название выбрано детьми). При журнале я исполнял роль редактора <...> Журнал просуществовал 3 года, было издано 13 номеров <...> В журнале на равных принимали участие преподаватели и школьники. Абсолютным приоритетом, естественно, пользовались юмористические рубрики типа поэтических турниров на заданные темы, рубрики „Изречения наставников“, собиравшей записанные на уроках словесные раритеты и т. п. Рядом с этим несколько публикаций, вполне серьезных, и по прошествии времени представляют интерес». После нескольких лет эстафету «Фонаря» перенял ж. «Сапог» (вышло 4 номера). И. рассказывает: «„Сапог“ от названия до начинки и оформления делался самими школьниками. Моя роль здесь была урезана до вступительного текста и первичной редактуры части материалов». По мнению И., «по-настоящему учится только тот, кто растет как личность...».

Пишет для газ. заметки о текущей худож. жизни. Участвует в худож. выставках. Член Товарищества экспериментального изобразительного искусства (ТЭИИ), член Союза художников России, СПб. Творческого Союза художников (IFA), Гуманитарного фонда «Свободная культура».

Соч.: Г. Г. Прошедшие выставки (май 1977) // Газаневщина. СПб., 2004; К. К. Новая выставка группы лен. художников-евреев // Там же; Выставка группы «Алеф» // Там же.

Лит.: Иванов Б. Михаил Иванов: Этич. абстракционизм (Опыт понимания современника) // Часы. 1976. № 2; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Гуревич Л. Художники лен. андеграунда: Биогр. словарь. СПб., 2007.

ИВАНО́В Сергей Иванович [3.10.1949, д. Карабинец Новгородской обл.] — врач, детский писатель.

Среднюю школу закончил в Л-де. Учился в Лен. Педиатрическом мед. ин-те. По окончании три года работал по распределению на Западном Урале в маленькой участковой больнице. Одновременно был внештатным корр. ряда районных и обл. газ. Вернувшись из уральской тайги, был зав. детским отд., гл. врачом санатория, преподавателем Мед. ин-та, сотрудником Гл. Управления здравоохранения, врачом детского дома, фитотерапевтом.

Сотрудничал с мн. газ. и ж. Л-да. Был неоднократно признан лучшим внештатным корр. Был штатным сотрудником неск. газет Лен. обл. Автор публикаций в различ. СМИ, а также книг, посвящ. работе детского врача, новому подходу к лечению травами. Автор фантастич. романов, повестей и сказок.

Получил неск. дипломов на разных лит. конкурсах, в т. ч. диплом лауреата Всесоюзного лит. конкурса им. Н. Островского, диплом лауреата Всероссийского радиоконкурса рассказов о природе и др. По «врачебным» книгам ставились радиокомпозиции, радиоспектакли, отрывки из кн. И. неоднократно звучали в эфире. В год 55-летия Моск. писательской организации (2009) удостоен диплома «За верное служение отеч. лит-ре» и награжден медалью.

В 2003 учредил лит. ж. «Тв-во юных» и стал его первым гл. ред.

Член СП России с 2010. В наст. вр. член Правления СП России (СПб. организация), зам. гл. ред. ж. «Тв-во юных».

Соч.: Я лечу детей. М., 1981; Азбука природы: Очерки о лекарственных растениях. М., 1983 (2-е изд. 1989); Не только пациенты...: Рассказы детского врача. Л., 1985; Записки детского врача / Предисл. А. Онегова. М., 1987; Где ваш дом, дети?: Повести. Л., 1990; Рецепты природы: В 2 т. Л., 1990 (СПб., 1992; Харьков, 1994); Одинокие дети: Повесть. М., 1991; Рецепты красоты и здоровья: Очерки. Л., 1992; Ваша домашняя аптека: Очерки. СПб., 1992; Ботанические сказки: Фантастич. сказки. СПб., 2009; Космические сказки: Фантастич. рассказы и повести. СПб., 2009; Правила игры: Фантастич. повести. СПб., 2009; Лишенные родины: Фантастич. роман. СПб., 2009; Малое посольство: Фантастич. повесть. СПб., 2011; Детская война: Фантастич. повести. СПб., 2011; Где ты, царевна?: Фантастич. повесть. СПб., 2011; Сутки: Стихотворения и поэмы. СПб., 2011; Не от мира сего: Роман. СПб., 2012; Жалость: Фантастич. повести. СПб., 2012; Ботанические сказки — 2: Фантастич. сказки. СПб., 2012.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

ИВАНО́В Сергей Николаевич [11.4.1922, Пг. — 5.4.1999, СПб., похоронен на Старoохтинском кладб.] — филолог-тюрколог, поэт, переводчик.

Отец, И. Николай Иванович, был военнослужащим, мать, И. (Архангельская) Кира Сергеевна, — служащей. После окончания ср. школы в 1940 прошел ускоренные курсы Лен. артиллерийско-технич. училища. С 1941 по 1945 находился в действующей армии в должности артиллерийского техника. Награжден боевыми медалями. В 1946 после демобилизации поступил на восточный фак-т ЛГУ (кафедра тюркской филологии), по окончании кот. преподавал в Бухарском пед. ин-те. С 1953 работал на восточном фак-те ЛГУ, где защитил канд. (1958) и докт. (1969) дис., проф. Важный вклад в историю тюркологии внесла монография И. о видном путешественнике и востоковеде Н. Катанове. Новый подход к истолкованию особенностей тюркских яз., глубокий анализ общих проблем тюркского языкознания выдвинули И. в число ведущих тюркологов-лингвистов своего вр. В теч. десяти лет И. был предс. Лен. тюркологического семинара (1975–85). С 1972 по 1988 — зав. кафедрой тюркской филологии, читал курсы **«Научная (теоретическая) грамматика турецкого яз.»**, **«Староузбекский яз.»**, **«Поэтика классич. тюркоязычной лит-ры»** и др. Специфика преподавательской манеры И. заключалась в стремлении пробудить у молодых исследователей вкус к строго научному и самостоятельному взгляду на природу изучаемого явления. Забота о воспитании будущей смены была значительной частью науч. жизни И. Выступал на радио, читал публич. лекции, где старался донести свое понимание значительности и мудрости тюркской культуры, ее вклада в общечеловеч. цивилизацию.

Стремление передать средствами русского яз. красоту восточной литры, ее форму и содержание побудило И. обратиться сначала к классическим, а затем и к совр. тюркоязычным текстам. И. известен как переводчик с персидского, турецкого, татарского, таджикского, узбекского, туркменского, азербайджанского яз. В лит. работе И. сумел избежать как крайностей т. н. творч. перевода, так и переводч. буквализма. Рассуждая о переводах газелей, И. писал, что, по его убеждению, переводчик «не должен пытаться переключить специфические образы газели в образы, свойственные современной русской поэзии. Своеобразный идеал перевода газели - поэтически и технически безупречное воссоздание содержания каждого образа, что и должно создавать необходимый эффект поэтичности. Читатель же перевода, если последний приближается к такому идеалу, должен быть готов к тому, чтобы почувствовать и оценить необычную для него природу поэтических образов, точность, а иногда и неожиданность рифмы... своеобразную игру рифмой и любование техникой стиха» (**Пять веков узбекской поэзии**: В красе нетленной предстает. М., 1977). Обоснованное И. в теоретич. статьях по переводу понятие сопоставительной поэтики позволило ему в практич. работе переводчика с большой силой и точностью передать поэтич. особенности и содержа-

ние оригинала. Оставаясь верным духу оригинала, он сумел сохранить самобытность произведений переводимых им авторов. Мн. знатоки восточной поэзии, в т. ч. ученые считали переводы И. образцовыми. Высокое кач-во переводов И. в значительной степени объяснялось и тем, что в отличие от большинства коллег-переводчиков ему не нужно было обращаться к подстрочникам. Знавшие И. отмечали его исключительную трудоспособность. Примером тому может служить почти двадцатилетняя работа над поэмой «Благодатное знание» Юсуфа Баласагунского. Первому полному переводу этого выдающегося лит. произведения тюркоязычной лит-ры XI в., вышедшего в серии «Лит. памятники», предшествовала огромная подготовительная работа. Мат-лы к переводу «Благодатного знания» составляли десятки папок с комм., предметным указателем к тексту поэмы и др. Много сил отдал И. переводам произведений узбекской лит-ры. Им переведены произведения Хафиза, Надиры, Машраба, Хорезми и др. Как член редколл., ред. и переводчик И. участвовал в подготовке и изд. на русском яз. десятитомного собр. соч. Алишера Навои. Дважды в серии «Лит. памятники» выходил выполненный И. перевод сложнейшей философской поэмы Навои «Язык птиц». За актив. научную и переводч. деятельность И. были присвоены почетные звания «Засл. работник культуры УзССР» (1968) и «Засл. деятель науки УзССР» (1981). Автор 26 кн., сотен науч. статей. Труды И. дважды были удостоены науч. премии ЛГУ (1971, 1979). С высокой самоотдачей руководил И. с 1983 по 1992 творч. объединением — секцией худож. перевода ЛО СП, членом кот. он являлся. Сегодняшние переводчики не пройдут мимо науч. творч. наследия И., особенно таких его высоких образцов, как переводы классич. тюркоязычной поэзии.

Соч.: Родословное древо тюрок Абу-Л-Гази-Хана: Грам. очерк. Ташкент, 1969; Курс турецкой грамматики. Ч. 1. Л., 1975. Ч. 2. Л., 1977; Навои. Стихотворения и поэмы / Сост., предисл., прим. М.; Л., 1965 (БП. МС); Подлинно и вольно: Заметки о переводах лирики Навои // Звезда востока. 1967. № 7; Хамса Хаким-Заде Ниязи. Избр. / Сост., вст. ст., прим. Л., 1970 (БП. БС); О переводах произведений Пушкина на узбекский яз.: Заметки по сопоставительной поэтике // Русская лит-ра. 1973. № 3; Поэма Алишера Навои «Язык птиц»: Опыт переводч. истолкования // Мастерство перевода. Сб. 10. М., 1974; «Евгений Онегин» на языках народов Ср. Азии // Мастерство перевода. Сб. 11. М., 1977; Кровное слово. Переводы из узбекской поэзии. Ташкент, 1981; Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Перев., ст., прим. М., 1983; Кул Гали. Сказание о Иусуфе / Перев. Казань, 1985; Свиток столетий: Тюркская классич. поэзия XIII–XX вв. / Сост., перев., вст. ст. Л., 1991; Алишер Навои. Язык птиц / Перев., прилож., прим. СПб., 1993; Алишер Навои. Избр. в переводах Сергея Иванова. СПб., 1996.

Лит.: Кузнецов П. О грам. категориях в турецком яз. // Сов. тюркология. 1977. № 5; Векилов А., Гузев В. Чествование профессора С. Н. Иванова // Сов. тюркология. 1972. № 3; Молдавский Дм. Хамза, звучащий по-русски. Л., 1970; Нигматов Х., Умаров Э. Мастер перевода // Комсомолец Узбекистана. 1972. 16 апр.; Милибанд С. Биобиблиогр. словарь сов. востоковедов. М., 1975; Клименко А. Газели Алишера Навои в русских переводах // Мастерство перевода. Сб. 11. М., 1977; Каюмов Л. Нетленная красота поэзии. Л., 1978; Мат-лы к биобиблиографии ученых СССР. Сергей Николаевич Иванов. Самарканд, 1982; Гузев В., Фомкин М. С. Н. Иванов — тюрколог, лингвист и переводчик тюркоязычной поэзии // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 4. № 26. СПб., 2000; Теляшов Р. Энциклопедия тюркско-исламской жизни // Нур Петербург. 2009. № 3.

А. Петров

ИВА́НОВ-РАЗУ́МНИК Разумник Васильевич (неправ. ИВАНО́В-РАЗУ́МНИК, наст. фамилия Ива́нов; псевдонимы Р. Новосельский, В. Холмский, Скиф, Тугарин, Ипполит Удушьев, Р. Корсаков) [12(25). 12.1878, Тифлис — 9.7.1946, Мюнхен] — историк-социолог, лит. критик, литературовед, мемуарист.

Родился в небогатой дворянской семье. Учился в 1-й СПб. гимназии, затем на математическом отд. физико-математич. фак-та СПб. ун-та (1897–1902), с 1900 посещал лекции на историко-филологич. фак-те, занимался в семинаре у проф. А. С. Лаппо-Данилевского. За участие в студенч. демонстрации в 1901 арестован, в 1902 вновь арестован, исключен из ун-та, выслан на 2 года в Симферополь.

В печ. выступил вперв. в 1904 в ж. «Русская мысль» со ст. о Н. Михайловском. Затем сотрудничал в радикальных и либеральных общ.-политич. газ. — «Трудовая Россия», «Знамя труда», «Дело народа», «Земля и воля», в ж. «Русская мысль», «Русское богатство», «Заветы», «Наш путь», в «Русских ведомостях» и др. Идеолог «неонародничества». Гл. постулаты его «философии смыслотворчества»: антимещанство, этический индивидуализм и социализм, трактуемые не в марксистском, а в народническом духе. Свою мировоззренч. систему, центр. место в кот. отводилось ценностям свободной личности и благу народа, называл «имманентным субъективизмом». Ист. процесс в России представлял в виде дихотомии оппозиционных «общественных групп»: интеллигенции и мещанства. Выдвинул концепцию основополагающей роли интеллигенции в жизни русского об-ва.

Перв. кн. **«История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской лит-ре и жизни XIX в.»** (В 2 т.; напис. 1906; опубл. СПб., 1907) пользовалась большой популярностью. Здесь он раскрывает свое философское кредо и свой критич. метод. В борьбе с «мещанством» («с всесветным Хамом») И.-Р. видел историч. миссию интеллигенции, кот. противостоит «пошлой», обыденной психологии, отстаивая верховенство разума, значение нравств. и эстетич. идеалов. Под углом зрения имманентного субъективизма он рассматривает историю

русской обществ. мысли. В 1820–30-х, по его мнению, доминирует мистическая теория прогресса, в 1840-х — позитивная теория прогресса, в 1850-х — имманентный субъективизм (Герцен), в 1860-х — вульгаризация имманентного субъективизма, утилитаризм и вырождение в нигилизме, в 1870-х — наблюдается возврат к имманентному субъективизму (Лавров и Михайловский), затем — возрождение позитивной теории прогресса, достигающей апогея в русском марксизме 1890-х, в 1900-х — мистич. теория прогресса — и в следующие годы XX в. — новый возврат к имманентному субъективизму. Цель жизни, по И.-Р., — в настоящем, в осуществлении полноты бытия, в большем включении в свою жизнь таких ценностей, как правдаощущение, правда-красота, правда-справедливость и правда-истина. Из желания полноты бытия должно вытекать активное отношение к жизни.

Свои философские и социологич. воззрения И.-Р. переносит на историю русской лит-ры и критики. История русской общественной мысли есть история интеллигенции. «Философия истории русской интеллигенции есть в то же время отчасти и философия русской литературы». Содержанием философии русской литры является борьба интеллигенции с мещанством. «Определяя возможно широко сущность этического мещанства, мы скажем, что мещанство — это узость, плоскость и безличность, узость формы, плоскость содержания и безличность духа; иначе говоря, не имея определенного содержания, мещанство характеризуется своим вполне определенным отношением к какому бы то ни было содержанию: самое глубокое оно делает самым плоским, самое широкое — самым узким, резко-индивидуальное и яркое — безличным и тусклым... Мещанство — это трафаретность, символ веры мещанства и его заветнейшее стремление — это „быть, как все“; мещанство как группа есть поэтому та „сплоченная посредственность“, кот. всюду и всегда составляла толпу, доминирующую в жизни...» («История русской общественной мысли»). Мещанство — это сила, противоположная интеллигенции, это та среда, в борьбе с кот. проходил процесс развития русской интеллигенции. «Интеллигенция есть этически — антимещанская, социологически — внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризуемая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности» (Там же). Борьба этих внесословных и внеклассовых групп во имя этического индивидуализма, отличающегося и от ультраиндивидуализма и от антииндивидуализма, составляет содержание русской общественной мысли, русской интеллигенции, в конечном итоге — русской лит-ры. В своей философской позиции И.-Р. считал себя продолжателем общественно-политич. идей А. Герцена, Н. Михайловского, П. Лаврова.

Во втор. кн. **«О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов»** (СПб., 1908) И.-Р. обосновывает свой критич. метод и свою систему мировоззрения — «имманентный субъективизм» или «философски-исторический индивидуализм». По И.-Р., ни жизнь человечества, ни жизнь человека не имеют объективной цели в будущем, но такой целью является каждый данный момент, «цель в настоящем». В критике он отводит второстепенное место критике «эстетической, психологической и социологической» и ставит на первое место «критику философскую», единственная цель кот. — раскрытие того, что составляет «душу живу» каждого произведения и «пафос» тв-ва автора.

Регулярно публикуемые газ. статьи И.-Р. составили сб. **«Литература и общественность»** (СПб., 1910), **«Творчество и критика»** (СПб., 1912).

С сент. 1912 по авг. 1914 являлся ведущим критиком и рук. лит. отдела ж. народнич. ориентации «Заветы», где ему удалось объединить лучшие писательские силы того времени, сблизился с публицистами С. Мстиславским, В. Черновым и с др. С окт. 1912 — один из организаторов (наряду с А. Ремизовым и А. Блоком) символистского изд-ва «Сирин» (СПб.).

Во время Первой мировой войны выступал с позиций «интернационалиста».

С 1916 вокруг И.-Р. начала образовываться неформальная лит. группа «Скифы» (по назв. одноимённого сб., вышедшего в 1917), в кот. входили А. Белый, А. Блок, С. Есенин, Н. Клюев, Е. Лундберг, О. Форш и др. Основатель и лидер этой лит. группы (1917–18), идеи кот. повлияли на становление идеологии евразийства, И.-Р. в духовном максимализме, катастрофизме и динамизме «скифства» видел возможность преодоления кризиса гуманизма западной культуры. Он стал идеологом «скифства» — идеи духовной мировой революции, идущей из России и сметающей рубежи старой западной, т. е. «мещанской», буржуазной культуры. Скифство в его понимании — не теоретич. программа, а поэзия в едином духовном порыве кот. сошлись как глубины, так и вершины русской поэзии, русского народа. И.-Р. был гл. инициатором и одним из ред. (вместе с Блоком и Мстиславским) двух альм. «Скифы» (1917–18), куда помещал и свои соч. В них воздавал восторженную хвалу «первым подлинно народным поэтам нашим — Есенину, Орешину и особенно Клюеву, равно избегшим опасностей военного шовинизма и революционного азарта». По мнению И.-Р., только их голос громко прозвучал в «грохоте громов» великой революции, кот. так усердно старались сделать малой все «мещане от обывательщины и от социализма».

По своим полит. убеждениям был близок к эсерам: в 1910–20-х примыкал к партии эсеров (с 1917 — к левым эсерам), заявляя о том, что он всегда находился в оппозиции, но оппозиции слева. На 1-м Всероссийском съезде Советов КД (май 1917) кандидатура И.-Р. выдвигалась в состав исполкома, но поддержки не получила. Весной заведовал лит. отделом и редактировал газ. «Дело народа», орган Пг. комитета ПСР, входил в редколл. газ. «Земля и воля», органа Сев. обл. комитета ПСР, с лета 1917 возглавил лит. отдел нового органа Пг. комитета ПСР — газ. «Знамя труда». Опубл. цикл ст. **«Из дневника революции»**, идеологич. направление кот. определил как «неустанную, с марта по октябрь, борьбу против двух врагов: либерализма и мещанского социализма». В ст. **«Вольга и Микула»** (27 марта) писал: «Дело не во Временном правительстве и не в Совете Депутатов, а в тех идеях,

кот. они представляют... Вопрос идёт о будущих судьбах революции в России, вопрос идёт о будущем самой России». Выступал в поддержку левых течений, подвергшихся бойкоту в печ. после июльских событий (ст. **«Бунт и мятеж»**). В ст. **«Ещё правительство»** (25 июля) о завершении июльского кризиса писал: «...образовано новое Временное правительство: всё те же, всё то же. Говорить о них нечего. Но судьба их — неизбежно всё та же. Или они окончательно утопят революцию в болоте, или революция стряхнёт их». Отрицательно отнёсся к Гос. и Демократ. совещаниям: «Говорили, говорили, говорили... Безнадёжное впечатление от всех этих тусклых речей, жевачных мыслей, беспомощного топтания на месте...» (**«Говорильня»**, **«Демократическое совещание»**). В ж. «Наш путь» опубл. ст. **«Социализм и революция»**, **«Третий Рим»** и др., написал ряд лит. обзоров, в т. ч. **«Журналы в год революции»**. Эти и др. ст. включ. в сб. **«Год революции. Статьи 1917 г.»** (Пг., 1918).

Октябрьскую революцию принял с воодушевлением как первый этап на пути к духовной революции, обновлению культуры и настоящему освобождению человечества, кот. не удалось христианству. Как он сообщал А. Белому, с 26 по 28 окт. был «безвыходно в Смольном» (см.: Лавров А. Иванов-Разумник. Возвращение. Вып. 1. М., 1991). После революции оставался субъективным идеалистом, приверженцем теории внеклассовой и внесословной роли русской интеллигенции (**«Русская литература»**. Берлин, 1923). Сотрудничество с левыми эсерами прекратил, но остался солидарен с ними по мн. вопросам.

В 1919–24 ведущий деятель и один из руководителей (товарищ председателя) «Вольной философской ассоциации» («Вольфила»), созданной в целях «исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного тв-ва», где возглавлял культурно-философский и лит. отделы. В эти годы выпустил кн. **«Вершины. А. Блок, А. Белый»** (Пг., 1923), **«Перед грозой. 1916–17»** (Пг., 1923) и др.

С кон. 1920-х отстранен от активной лит. и обществ. жизни. С 1919 неоднократно арестовывался как «идейный вдохновитель народничества», ссылался. Жил в бедности, не имея пост. заработка. В 1932 арестован по ложному полит. обвинению, сослан. В посл. раз арестован в сент. 1937. Отверг все предъявленные обвинения и после почти двухгодичного пребывания под следствием освобождён «за прекращением дела». В 1938 получил возможность жить вблизи М. и Л-да.

И.-Р. напис. ряд ст. и книг по истории русской лит-ры, в т. ч. о Герцене, Белинском, Л. Толстом, Пушкине (о композиции «Евгения Онегина»), Куприне (**«Калиф на час»**), Белом, Блоке и др. Редактор СС Блока (1932–36). В критич. работах И.-Р. гл. задача — в определении «пафоса» философии художника (чаще всего бессознательной). С его точки зрения, «имманентного субъективиста», критика неотделима от того произведения, кот. посвящена, и должна быть созвучна с ним. В этом смысле объективный метод науч. критики в его работах намеренно ослаблен.

Под ред. и с комм. И.-Р. вышли: СС Белинского (В 3 т. СПб., 1909–11; изд. 2-е, 1913; изд. 3-е, 1918–19); СС Салтыкова-Щедрина (М., 1926–28), «Неизданный Щедрин» (Л., 1931); отд. произв. И. Панаева (Л., 1928), Н. Греча (М., 1930), А. Григорьева (1930), серия небольших книжечек отд. произведений русской классики «Историко-лит. биб-ка» (Державин, Жуковский, Пушкин и др.); и др. Автор кн. о Белинском **«Великие искания»** (СПб., 1912) и Льве Толстом (СПб., 1913). Автор работ, посвящ. тв-ву Н. Клюева: **«Природы радостный причастник: Поэзия Н. Клюева»** (1914), **«Поэты и революция»** (1917), **«Три богатыря»** (1922).

Во время Великой Отеч. войны жил в Детском Селе, тогда пригороде Л-да (с 1907 по 1929 по адр. Колпинская (ныне Пушкинская) ул., д. 20; с 1929 — Октябрьский бульвар, д. 32). Оказался в зоне оккупации и в окт. 1941 был отправлен в Германию, где до лета 1943 вместе с женой находился в лагере для перемещенных лиц (Кониц, Восточная Пруссия). Летом 1943 был освобожден и временно поселился в Литве. Весной 1944 вернулся в Кониц, где поселился на частной квартире, у друга. Зимой 1944 начались скитания по Германии, кот. привели его в г. Рендсбурге. Когда в марте 1946 скончалась жена И.-Р., верный друг и спутник всей его жизни, он переехал к родственникам в Мюнхен с уже сильно пошатнувшимся здоровьем.

Посмертно в кн. **«Писательские судьбы»** (Нью-Йорк, 1951) собраны его очерки, посвящ. Ф. Сологубу, Н. Клюеву и гонениям на русскую лит-ру в сов. 1920–30-е, а также воспоминания **«Тюрьмы и ссылки»** (Нью-Йорк, 1953). Г. Янковский: «В настоящее время в печати уже появилось немало свидетельских показаний, повествующих об истинном положении вещей в СССР. Однако книга „Тюрьмы и ссылки“ является не только повествованием и человеческим документом огромной важности. Она с необычайной силой вскрывает самую суть явлений. <...> В „Тюрьмах и ссылках“ страшны не только личные судьбы людей, истязания, зверские расправы, — страшна возникающая с неотразимой убедительностью общая картина полного и систематического уничтожения человеческой личности. Это тот „воздух“ советской действительности, в кот. человек задыхается и за пределами тюрьмы». Повествуя о судьбах писателей в сов. России тех лет И.-Р. делит их на три группы: погибших (физически), приспособившихся («лакеи») и «задушенных» (к последним причисляет и себя).

В. Чернов писал: «С Ивановым-Разумником можно было соглашаться или не соглашаться. Пишущему эти строки часто приходилось спорить с ним и даже бороться, в 1917 г., против некоторых его крайних увлечений. Но я не встречал человека, знавшего его и следившего за его работой, кто не признавал бы его светлого ума, его литературной одарённости и, главное, его глубокой безответной преданности тем идеалам свободы и человечности, защите которых он посвятил свою жизнь» (Чернов В. Р. В. Иванов-Разумник // Соц. вестник. 1949. № 8).

Как критик текущей лит-ры И.-Р. относился очень оптимистично к ее новейшему периоду. Он считал, что деятельность таких талантливых писателей, как Андреев, Горький, Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Блок, Ремизов, Зайцев, Пришвин, Клюев, должна считаться эпохой наст. лит. расцвета.

Архив: ИРЛИ РАН. Ф. 79; 841 ед. хр.; 1850–1941.

Соч.: А. И. Герцен и Н. К. Михайловский // Вопросы жизни. 1905. № 8; История русской общ. мысли: В 2 т. СПб., 1907 (Пг., 1918 (изд. не законч.); Берлин, 1923); О смысле жизни: Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов. СПб., 1908 (изд. 2-е, 1910); Что такое махаевщин»? К вопросу об интеллигенции. СПб., 1908 (изд. 2-е, «Об интеллигенции». СПб., 1910); Великие искания. СПб., 1911; Лит-ра и общественность. СПб., 1910 (изд. 2-е, 1911; 1912); Тв-во и критика. СПб., 1912 (Пг., 1922); Лев Толстой. СПб., 1912 (1913); Пушкин и Белинский. Пг., 1916; Год революции: Статьи 1917–18. Пг., 1918 (Пг., 1920); Александр Блок. Андрей Белый: Сб. ст. Пг., 1919; А. И. Герцен: Сб. ст. Пг., 1920; Русская лит-ра XX в. Пг., 1920; Что такое интеллигенция. Берлин, 1920; Заветное: Статьи о культурной традиции. Пг., 1922; Скифское: Статьи о духовном максимализме. Пг., 1922; Перед грозой: Статьи 1916–17. Пг., 1923; Книга о Белинском. Пг., 1923; Русская литература от семидесятых годов до наших дней. Берлин, 1923; Салтыков-Щедрин. М., 1930; Писательские судьбы: Сб. Н.-Й., 1951; Тюрьмы и ссылки. Н.-Й., 1953; Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000 (серия «Россия в мемуарах»).

Лит.: Волжский. Новая книга о русской интеллигенции // Русская мысль. 1907. Вып. 6; Луначарский А. Мещанство и индивидуализм // Очерки философии коллективизма: Сб. СПб., 1909; Исаков Е. Новое мировоззрение // Русская мысль. 1909. Вып. 6; Ефимов Н. Своеобразие русской лит-ры. Одесса, 1919; Троцкий Л. Освобождение слова // Лит-ра и революция: Сб. М., 1923 (изд. 2-е — М., 1924); Владиславлев И. Русские писатели. Изд. 4-е. Л., 1924; Плеханов Г. Идеология мещанина нашего времени // Плеханов Г. СС. Т. 14. М., 1925; Лит. энц.: В 11 т. [М.], 1929–39; Белоус В. Реконструкция «Антроподицеи», или Самооправдание Иванова-Разумника // Русская мысль. 1995. № 4102–4103; Белоус В. Иванов-Разумник. Личность, тв-во, роль в культуре. СПб., 1998; «Дорогая моя и любимая Варя...» Письма Иванова-Разумника В. Н. Ивановой из саратовской ссылки / Публ. В. Белоуса // Минувшее: Ист. альм. СПб., 1998. [Вып.] 23; Парамонов Б. Русский европеец Иванов-Разумник // Радио Свобода. 2007. 21 сент.; Семенова Г. Царское Село: знакомое и незнакомое. М., 2009; Сидоренко К. Годы юности в городе Пушкине. СПб., 2010.

ИВАНО́ВСКИЙ Игнатий Михайлович [1.4.1932, Л-д] — поэт, переводчик.

Отец — профессор экономич. географии в Лесотехнической академии (умер в блокаду), мать — врач. Окончил переводческий фак-т 1-го Ленгос. ин-та ин. яз. (1955). Работал в редакции ж. «Костер». В 1962 уехал «за литературным материалом» («**Автобиография**») на Север, в Архангельскую обл, где проработал восемь лет в школах и местных газ. По возвращении в Л-д вновь работал в ж. «Костер», в ЛО издательств «Детская лит-ра» и «Худож. лит-ра». С 1976 — на лит. работе.

Перв. публ. — новогоднее стих. в газ. «Ленинские искры» (1948), перв. книжка — Р. Л. Стивенсон. Путешествие: Стихи. Л., 1959. Всего И. издал 14 книг стихотв. переводов. Переводил английские и шотландские, шведские и датские народные баллады, сонеты Шекспира. Переводы входили в школьную хрестоматию по зарубежной лит-ре (М., 1962), учебник истории для 6 класса (1974), в т. 50 «Биб-ки мировой лит-ры для детей» (1986), в антологию совр. переводов сонетов Шекспира (СПб., 2004, 44 сонета в переводе И.) и др. изд.

Значительной вехой в тв-ве И. стал перевод произведений шведского классика Карла Микаэля Бельмана (1740–95) «Песни Фредмана. Послания Фредмана» (Л., 1982 и др. изд.). По существу, И. открыл для русского читателя этого поэта, чьи песни и поныне широко поются на его родине. И до, и после этой работы И. многократно переводил поэтич. тексты, связанные с музыкой: в изд-ве «Музыка» публиковались вместе с нотами «Еврейские народные песни», тексты к вокальным сочинениям Г. Генделя, И. Брамса, Р. Франца (стихи Г. Гейне). В переводах Бельмана И. сумел передать не только содержание и образную систему, но и своеобразную мелодику песен Бельмана, приблизить их к восприятию совр. читателя, сохранив, вместе с тем, аромат старины. Переводчик сам неоднократно представлял песни шведского поэта публике в сопровождении ансамбля старинной музыки. Особенным успехом у слушателей пользовалась лирическая весенняя песня о стокгольмском парке Хага: «Мотылек летит над Хагой / Между стужей и теплом. / Он со страхом и отвагой / На листке построил дом. / Все, что тихо копошится / И в болоте, и в земле, / Вновь торжественно кружится / У Зефира на крыле».

В капитальной книге-билингве «**Поэты Швеции в переводах Игн. Ивановского**» (СПб., 2003) представлены произведения 16 поэтов этой скандинавской страны, начиная от Л. Люсидора (1638–1674) и К. М. Бельмана до наших современников Т. Транстрёмера и Й. Сонневи, народные баллады и песни (с нотами). Трогательно звучат в русском переводе строки рано умершего Э. Стагнелиуса (1793–1823): «Дремлет тучка золотая, / Эльфы кружатся, играя, / Водяной под ивой гибкой / Тихо вынырнул со скрипкой...». Картина кажется идиллической, но увы: сладкой музыке природы не дано утолить человеческих страданий. Эта драматич. коллизия мастерски воспроизведена переводчиком, так же как и романтические ритмы строки классика мировой лит-ры А. Стриндберга: «Держись за шкот покрепче, / Порывистым ветер стал, / Он шалью твоей играет / И волосы разметал...». За выдающиеся достижения в искусстве худож. перевода, в особенности за переводы Карла Микаэля Бельма-

на, был удостоен премии Шведской академии (2000).

Помимо переводов И. занимался поэтич. пересказом народных сказок и былин, выступал в весьма специфич. жанре своеобразных «реплик» на классические произведения поэзии. Его **«История государства Российского от Гостомысла до Ельцина»** (Нева. 1999. № 9) и **«Новый Теркин»**, опубл. лишь частично (глава **«Яма»** — в ЛГ. 2000. № 6), — не пародии и не парафраз изв. произведений А. К. Толстого и А. Твардовского. Это скорее попытка взглянуть глазами классиков и их героев на позднейшие явления и события: «На потрепанной „восьмерке“, / Бездорожьем вдоволь сыт, / День за днем Василий Теркин / По проселкам колесит. / Нет, не тот герой поэмы, / Свойский парень, общий друг, / Чью сноровку помним все мы. / То был дед. А это — внук. / Кочевой знаток-механик, / На ходу ремонт любой. / Автослесарь и жестяник, / И шофер, само собой». Это тоже своего рода «перевод» — воспроизведение языка и образного строя «оригинала», но не в иной языковой стихии, а в ином истор. контексте: среди глав «Нового Теркина» есть не только, скажем, **«Концерт»** и **«О любви»** (такая глава есть и у Твардовского), но и **«Дедовщина»**, и **«Бандит»**. Соответственно своей «сказовой» природе, поэма оптимистична: «Общей правды вместе ищем. Как отыщем — победим»,— убежден автор вместе со своим героем. В текст «Нового Теркина» органично вошли подлинные народные частушки, запис. И. в пору работы на севере.

«В довоенном детстве был глубоко религиозным мальчиком,— пишет И. в «Автобиографии». — Блокада разрушила семью, и религиозное влияние прекратилось. Через полвека, когда для этого пришло время, Бог вернул мне веру и указал работу моей жизни — **„Духовные пути. Шесть мировых традиций в стихотворениях Игнатия Ивановского“**. Традиции эти — Тора (Ветхий Завет), Евангелие (Новый Завет), Ислам (Коран. Опыт передачи смыслов), Буддизм, Индуизм, Конфуцианство (с примыкающим к нему Даосизмом), всего 16 000 стихотворных строк. Еще одна работа — **„Священное предание в стихотворениях Игнатия Ивановского“** (8300 строк)». На момент написания данной статьи опубл. лишь некот. фрагменты огромной работы И. над священными текстами. Акад. А. Панченко в предисл. к вышедшему отд. изд. переложения Псалтири назв. труд поэта «грандиозным», а самого его — «трудником слова».

Значительный интерес представляют мемуарные публикации И. о Евг. Шварце (Нева. 1983. № 9), А. Ахматовой (в кн. «Воспоминания об Анне Ахматовой». М., 1991), М. Лозинском (Нева. 2005. № 7), заметки об искусстве перевода (фрагменты из кн. **«Почтовая лошадь»** в русскоязычном ж. «Зарубежные записки» — Дортмунд, ФРГ, 2005. Кн. 4).

Член СП СПб.

Соч.: Прятки: Стихи для детей / Пер. с англ. Л., 1958; Г. Лонгфелло. Микельанджело: Поэма // Лонгфелло Г. Избр. М., 1958; Баллады о Робин Гуде. Л., 1959; Дерево свободы: Английские и шотландские народные баллады. Л., 1962; Три лесных стрелка. Л., 1972; Стиг-знаменосец: Шведские и датские народные баллады. Л., 1982; Забавные сказки народов СССР. Л., 1986; Микула и Святогор. Поездка Алеши Поповича / Предисл. Н. Толстого // Аврора. 1987. № 1; Воды Клайда: Английские и шотландские народные баллады и песни. Л., 1987; Псалмы Ветхого Завета. СПб., 1994; Где жало, смерть, твое? Ад, Где твоя победа? (Св. Иоанн Златоуст, Преподобный Ефрем Сирин, Св. Григорий Богослов и др.) // Час пик. 1997. 30 апр.; Новый Завет и Священное предание: Фрагменты // Звезда. 1998. № 12; Шекспир В. Сонеты / Пер. И. Ивановского. СПб., 2001; Фрагменты // Зарубежные записки. 2006. № 8; Святые, подвижники и молитвы в стих. И. Ивановского. СПб., 2010; Второе мая: Стихи // Звезда. 2011. № 1; Эпос Средневековья. Данте / Пер. И. Ивановского (в соавт.). СПб., 2011; Р. Л. Стивенсон. Детский цветник стихов / Пер. И. Ивановского (в соавт.). СПб., 2011.

Лит.: Эткинд Е. Поэзия и перевод. М., 1963; Веселовская Н. Три лесных стрелка // Детская лит-ра. 1973. № 5; Жирмунская Т. Робин Гуд и все, все, все // Аврора. 1974. № 3; Александрова А. Карл Микаэль Бельман. Песни Фредмана. Послания Фредмана / Пер. со шведского И. Ивановского // Лит. обозрение. 1988. № 7; Алигер М. Встреча с трубадуром // Новый мир. 1983. № 10; Севандер С. Песни шведского трубадура // Север. 1983. № 12; Кукурян И. Нужны ли нам новые переводы сонетов Шекспира? (к 70-летнему юбилею И. М. Ивановского) // Вестник МГУ. Сер. 19. 2002, март; Огнев В. Раздвижение пространства (Портреты Игнатия Ивановского и Николая Чуковского) // Дружба народов. 2005. № 11.

И. Фоняков

ИВАНО́ВСКИЙ Николай Николаевич [9.9.1928, г. Белозерск Вологодской обл. — 11.10.2007, СПб.] — поэт, прозаик.

До войны жил в Кронштадте, окончил пять классов школы. В 13 лет без матери эвакуирован из блокадного Л-да в интернат в Кировской обл. В 1943, после прорыва блокады, вернулся в Л-д, жил в интернате, учился в ФЗО. Из-за голода начал воровать, попал в детскую колонию, затем — в лагерь. Об этом времени строки: «Ты бьешь „бока“, портфели, / Ты мастер в этом деле. / Бьешь, пока не попадешь...». Несколько раз убегал. За посл. побег получил 8 лет лагерного срока («А луна блуждала за бараками, / Беглецов из лагеря искала...»). Освободился в 25 лет по амнистии 1953-го («Амнистия! Амнистия! / Нет нар и пайки хлеба!»). Больше преступной деятельностью не занимался. Про себя говорил: «Я матерый волк, клыкастый. Но внутри нежный». Родная сестра И. (Тамара) вспоминает об этом периоде в инт. «Комсомольской правде»: «...Начинал с кражи голубей в довоенном Ленинграде, а потом пацана воровать заставили война и голод. За детской колонией — взрослая. Пять раз бегал с зоны. За последний побег дали восемь лет. А всего по тюрьмам перекидывали одиннадцать лет. Вышел из-за решетки в двадцать пять лет и никогда назад не вернулся». Е. Зимородок в своей ст. об И. пишет: «Николай Ивановский, в отличие от многих, совершенно не стыдясь вспоминал годы, проведенные за решеткой. А было, что вспомнить. Он рассказывал, что жилось на зоне временами даже очень неплохо: спирт нередко пивал. Был он, как сказали бы сейчас современные урки, „смотрящим“ за бараком (все его тело с тех пор украшено „авторитетными“ наколками). В 1953 году на Таймыре он поучаствовал в жуткой резне между „правильными ворами“ и „суками“. С тех пор у него остался на память шрам на животе от ножевого ранения. „Эй, стукачи! / Вы — палачи! / Вы — тля!“».

После освобождения работал электролитчиком на з-де (1953–55), затем на «Ленфильме» (1955–89) — осветителем, бригадиром, нач. цеха светотехники, здесь и проработал 35 лет до выхода на пенсию. Дружил с кинооператорами и актерами, в т. ч. с М. Кононовым, О. Далем. Снялся в эпизодич. роли в фильме «Досье на самого себя». Артистичный по природе, азартный по натуре, играл в карты и шахматы; обладал красивым баритоном, пел, пробовал декламировать с самодеятельной сцены, был душой дружеских застолий. Благодаря многочисленным киноэкспедициям объездил всю страну.

Еще в лагере начал соч. блатные песни, одна из кот. — **«Постой, паровоз, не стучите, колеса...»** — широко известна без имени автора. Е. Зимородок пишет: «Песню „Постой, паровоз..." Ивановский сочинил в 1946 году, „чалясь" в Карелии. Уже в ней (а тогда поэту было лишь восемнадцать) есть сожаление, что жизнь пошла криво. „Хорошего сына" уже нет. Но в то же время еще „есть время взглянуть судьбе в глаза". И призыв кондуктора „нажать на тормоза" был призывом к самому себе. Ивановский так и поступил — „ударил по тормозам" своей криминальной жизни». Песня стала популярна в т. ч. и благодаря исполнению ее Ю. Никулиным в комедии «Операция Ы и др. приключения Шурика».

В нач. 1960-х пришел в ЛИТО «Нарвская застава» (рук. И. Михайлов), где познакомился с Г. Горбовским, А. Моревым, Н. Рубцовым и др. поэтами. Часто и успешно выступал со стихами на поэтич. вечерах в кафе, институтах, общежитиях. Единственная официальная публикация стихов И. состоялась в колл. сб. «Половодье» (1968). Стихи и новелла **«Поэт»** были опубл. в самиздатских сб. «Венок другу», посвященных А. Мореву (Вып. 1 и 2. Л., 1981, 1988).

В нач. 1970-х под влиянием книг Ю. Трифонова и В. Астафьева стал писать прозу. В 1973 рассказ **«На ней красивый шелк...»** опубл. на эстонском яз. в таллиннском ж. «Noorus» («Молодость»), № 6. В России кн. под назв. **«На ней красивый шелк...»** вышла только в 2009 в изд-ве «Деан» уже после смерти автора. Как отмечает И. Адамацкий, гл. ред. изд-ва, «это лагерная проза, жесткая, но добрая, это истории простых людей, по разным обстоятельствам попавших за решетку... („Приуныли голуби, / Голуби блокадные. / Замерзали голуби / И на землю падали. / Почему вы, мальчики, / Хлеб им не бросали? / Потому что мальчики / Умирали сами")».

В 1979 после конференции молодых писателей Северо-Запада выпустил перв. сб. рассказов **«Не скосить нас саблей острой»**. В 1983 как прозаик был принят в СП. «При этом выглядел очень колоритно: борода клином, множество „авторитетных» татуировок"», — отмечает Евг. Колесников, корр. газ. «Аргументы и факты». В 1990 повесть **«Дальше солнца не угонят»** опубл. в ж. «Нева». Подготовил вторую кн. прозы и два сб. стихов.

Автор песен **«Не губите молодость, ребятушки...»**, **«Свободу вы любите, свободой дорожите...»**, **«С малых лет...»** и др.

Соч.: Стихи // Половодье: Сб. Л., 1968; На ней красивый шелк... // Noorus. Таллинн, 1973. № 6; Стихи. Поэт // Венок другу: Стихи Саше Мореву. Л., 1981. Вып. 1. (Л., 1988. Вып. 2); Не скосить нас саблей острой: Рассказы. Л., 1979; Дальше солнца не угонят: Повесть // Нева. 1990. № 12; На ней красивый шелк...: Рассказы. СПб., 2009.

Лит.: Максимова Т. Николай Ивановский: «Песня народная. Слова и музыка — мои» // Комсомольская правда. 1996. 23 февр.; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Зимородок Е. «Паровоз»: шестьдесят лет в пути // За решеткой. 2006. № 9; Колесников Е. «Опасная трясина» Ник. Ивановского // АиФ. 2008. № 41.

ЙВНЕВ Рюрик (наст. фамилия Ковалёв Михаил Александрович) [11(23).2.1891, Тифлис — 19.2.1981, М., похоронен на Ваганьковском кладб.] — поэт, прозаик, драматург, мемуарист, переводчик.

Родился в прогрессивно настроенной дворянской семье. Отец — штабс-капитан 39-й арт. бригады А. С. Ковалёв, мать — А. П. Принц — в дальнейшем педагог, оба православного вероисповедания. После смерти отца в мать отдаёт сына в Тифлисский кадетский корпус, где он учился с 1900 по 1908. В 1908 приехал в СПб. и поступил на юридический фак-т Императорского ун-та (затем перешел в Московский ун-т, кот. окончил в 1914). Перв. публикация в 1909 — стихи в «Студенческом сб.», изд. в Вышнем Волочке, затем в большевистской газ. «Звезда», обличающие буржуазно-монархич. строй.

С СПб. И. связывает многое; здесь рождались его ранние произведения — стихи: (**«Летний сад»**, **«Петербург»** 1909), рассказы (**«Неизбежное»**, 1912), повести, дневники, в кот. он описывает предрев. и рев. Пг. Здесь в студенч. годы он напис. роман **«Юность»** (не опубл.) — перв. в русской лит-ре роман о геях. В этом произведении писатель сумел показать изнутри психологию молодых людей, страдающих от своей нетрадиционной ориентации. Второй роман, **«Несчастный Ангел»** (Пг., 1917), повествует о любви 27-летней учительницы к 13-летнему мальчику; позже И. признавался: «За этот роман пресса того времени меня как автора разнесла на части». Рецензент ж. «Совр. мир», укоряя писателя за чрезмерное увлечение лит. эквилибристикой, «этой разновидностью жёлтой кофты футуриста», подчёркивал несомненное мастерство начинающего прозаика и отмечал, «что с его способностью наблюдать кусочки жизни и с тонкими нюансами его палитры, можно дать кое-что и в области настоящей художественной беллетристики». Действия этих романов происходит в СПб.-Пг.

Выходят перв. кн. стихов И. — **«Самосожжение»** (1913–16), **«Пламя пышет»** (1913), **«Золото смерти»** (1916), брошюра **«Как победить Германию?»** (1915). В эти годы в городе на Неве он знакомится со мн. видными литераторами — А. Блоком, С. Есениным, О. Мандельштамом, А. Луначарским, М. Кузминым, В. Хлебниковым, Н. Клюевым, Вс. Мейерхольдом, С. Судейкиным и др. и оставляет о них интересные воспоминания.

Революцию встретил восторженно. В Октябре 1917 пишет в стих. **«Смольный»**: «Весь твой я, клокочущий Смольный, с другими — постыдно мне быть». Становится секретарём наркома просвещения А. Луначарского, публикует острые политич. ст. в сов. периодике, входит в Коллегию по организации РККА. В 1918 И. вместе с Сов. правительством переезжает в М. в качестве секретаря-корр. наркома просвещения.

В 1919 в составе агитпоезда им. Луначарского едет на Украину, в Крым, оказывается в меньшевистской Грузии, где выступает с лекциями о Ленине. Позднее об этом периоде своей жизни он расскажет в автобиогр. романе **«У подножия Мтацминды»** (1969, 1981). Возвратившись в М., становится председателем Всероссийского Союза поэтов, входит в известную в те годы поэтич. группу имажинистов (С. Есенин, А. Мариенгоф, В. Шершеневич, А. Кусиков и.др.). Об этом периоде своей жизни И. рассказал в автобиогр. романе **«Богема»**.

В 1920-е в качестве журналиста посещает Германию, Японию, Дальний Восток, пишет роман **«Остров отчаяния и надежд»**. В кон. 1920-х выходит его трилогия **«Двадцатые годы»**, объединяющий романы: **«Любовь без любви»** (1925), **«Открытый дом»** (1927) и **«Герой романа»** (1928), в центре кот. судьба русской интеллигентки, стремящейся найти своё место в новой жизни. В предисл. к перв. роману трилогии А. Сакулин писал: «Рюрик Ивнев в своём романе показывает революционную Россию в её будничной повседневности, в процессе её становления. Читатель чувствует, что за нарисованными картинами есть глубокий фон, что есть ещё большая сцена, где совершаются исторические события, где действуют подлинные герои революции». Отмечая худож. стороны романа, П. Сакулин подчёркивал: «Рисунок в романе — скупой, но твёрдый, предметы выступают с такой же твёрдостью линий, как осенью в солнечный день. Язык — лёгкий и вместе с тем красочный, богатый оригинальными образами... В роли беллетриста поэт остался верен себе, лучшим свойствам своего дарования. И теперь мы с полным правом можем поставить эту трилогию в один ряд с эпопеей Алексея Толстого „Хождение по мукам“».

В мае 1930 переезжает на жительство в Л-д к матери, кот. жила с сестрой на Каменноостровском пр., и вскоре получает отдельную комнату на Плехановской ул., кот. обменивает на комнату в Чернышевском пер., где проживает до 1934, а затем переезжает в Тифлис.

В нач. 1930-х в составе писательской бригады (Л. Остроумов, Н. Вагнер, А. Бондаревский) едет на торфяные разработки в Лен. обл. и пишет производственный роман **«Кровь земли»** (не опубл.). Вернувшись в Тифлис, переводит поэтов Грузии, Армении, Азербайджана, Осетии, Абхазии; в т. ч. «Семь красавиц» Низами и эпос осетинского народа «Нарты».

Член с СП 1934.

В годы войны — штатный сотрудник газ. «Боец РККА». В стих. **«Письмо на фронт»** писал: «Борюсь пером, как танками танкист, / Как пушками боец-артиллерист, / Как волею страны Советской житель. / Я был в Берлине как простой турист, / Ты будешь в нём как воин-победитель».

Хорошо знающий заграницу, И. создаёт **«Смятение»** — политич. приключ. роман о борьбе демократич. сил Запада за свободу, мир, прогрессивные преобразования. Один из гл. героев кн. проф. Роун — побывавший в нашей стране и вернувшись домой, большой друг Сов. Союза, выступая на лекции перед соотечественниками, говорит: «...история человечества наряду с мрачными страницами имеет и блестящие, но таких ослепительных страниц, которые вписала в историю Россия, ещё не было, и это, по-моему, произошло потому, что впервые был поставлен вопрос о человеке так, как он поставлен в России».

После войны работает над мемуарами, выпускает кн. стихов и прозы, пишет драматургич. проведения **«Сергей Есенин»**, **«Пугачёв»**, **«Трагедия царя Бориса»**. И всё же СПб.-Л. тянет его. Много стих. посвятил он сев. столице. В год смерти напис. **«Ленинград»**: «Опять дышу твоим волненьем, / Твоею жизнью я живу, / Опять гляжу я с упоеньем / На светло-синюю Неву. / Повеет с островов прохладой, / В Фонтанке зарябит вода... / Нет, не забыл я Ленинграда / И не забуду никогда».

И. умер за письменным столом, написав своё посл. стих.: «Из-под ног уплывает земля, — / Это плохо и хорошо. / Это значит, что мысленно я / От неё далеко отошёл. / Это значит, что сердцу в груди / Стало тесно, как в тёмном углу. / Это значит, что всё впереди, / Но уже на другом берегу».

Соч.: Солнце во гробе. Б.м., 1921; Четыре выстрела. Б.м., 1921; Моя страна. Тбилиси, 1943; Избр. стих. Тбилиси, 1945; Стихи. Тбилиси, 1948; Избр. стихи. М., 1965; Память и время. М., 1969; Избр. стих. М., 1974; Тёплые листья. М., 1978; Часы и голоса. М., 1978; Стихотворения. М., 1982; Избр. М., 1985; Избр. М., 1988; Образ временем сожжённый. М., 1991; Мерцающие звёзды. М., 1991; Богема. М., 2005; Жар прожитых лет. Воспоминания, дневники, письма / Подг. текста Н. Леонтьева. СПб., 2007.

Лит.: Марков А. Если я не скажу. М., 1979; Цветаева А. «...Где ждёт меня спасенье» // Знамя. 1989. № 4; Пастухов В. Страна воспоминаний // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993, Мариенгоф А. Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990; Леонтьев Н. О книге Рюрика Ивнева // Ивнев Р. Жар прожитых лет. СПб., 2007; Мандельштам О. [Рец.] // Там же.

Н. Леонтьев

ИГНА́ТОВА Елена Алексеевна [10.6.1947, Л-д] — поэт, прозаик, киносценарист, мемуарист.

Мать — врач, отец — железнодорожник. До 1954 семья жила на Троицком поле, рабочей окраине Л-да, затем переехала на Московский пр. Стихи И. начала писать рано, с шестого класса стала членом лит. клуба Дворца пионеров, позднее получившего название «Дерзание». В то вр. там занимались М. Гурвич (Яснов), В. Топоров, М. Мазья, Н. Беляк, С. Стратановский, Ел. Шварц,

Т. Царькова, М. Эльзон. В мемуарной кн. **«Обернувшись»** И. вспоминала: «В 1960-х годах клуб „Дерзание“ оставался одним из немногих оазисов в конце „оттепели“, здесь не чувствовалось приближение заморозков, и безбоязненная свобода была, возможно, самым важным, что мы усвоили на будущее; неслучайно многие воспитанники клуба впоследствии вошли в ленинградскую „вторую литературную действительность“ в противовес официальной. Секцию поэзии вела Наталья Иосифовна Грудинина, защищавшая Иосифа Бродского на суде, в клубе выступали Булат Окуджава, Наум Коржавин и другие замечательные поэты, и мы неутомимо переписывали в тетрадки стихи запретных Мандельштама, Гумилева, Ходасевича. Думаю, чувство свободы воспитывало и само пространство Аничкова дворца...». И. не была комсомолкой — по тем вр. большая редкость — что не помешало ей поступить на русское отд. филологич. фак-та ЛГУ, кот. она окончила в 1970. Работала год в школе, была лит. секретарем Н. Грудининой и одновременно экскурсоводом в Петропавловской крепости, преподавала на ПО филфака ЛГУ, писала сценарии для «Ленфильма» и «Леннаучфильма». Фильмы, созданные с реж. И. Авербахом, С. Арановичем, Л. Волковым: «На берегах пленительных Невы», «Бородино», «Личное дело Анны Ахматовой», «„Петербург“ Андрея Белого» признавались лучшими фильмами года и завоевывали призы на международных фестивалях докум. кино.

Перв. подборки стихов И. опубл. в 1970-х в газ. «Бакинский рабочий», а также в сб. «Окно» (1972, Баку). С 1975 публ. в изданиях русского зарубежья. В 1976 в Париже изд. перв. кн. И. **«Стихи о причастности»** с предисл. В. Бетаки, в кот он писал: «Из всех известных мне нынешних русских поэтов И. кажется мне самым глубоким по внутреннему религиозному звучанию и по певческой ясности образов». В перв. пол. 1980-х распространялись две ее самиздатские кн. **«Здесь, где живу»** и **«Стихотворения»**. Первая офиц. изданная в России кн. стих. **«Теплая земля»** вышла в 1989, незадолго до этого, в 1988, И. была принята в СП, одновременно с В. Кривулиным и Ел. Шварц.

По времени, убеждениям и творч. связям принадлежа «второй», неофиц. культуре, И., между тем, занимает в ней особое место. Как никого из того поэтич. поколения, с юности ее волновала и притягивала отеч. история, и знакомство с класcич. ист. трудами было основательным. Второй раздел кн. «Теплая земля» преимущественно посвящ. этой теме (циклы **«Песни бедности»**, **«Родственники»**, **«И русского стиха...»** и др. стихи). «Там, где Владимир-город жил, / Там пахари легли, / И силы из раскрытых жил / На травы истекли, / И стали велики поля, / А реки глубоки... / Ты не вмещаешься, земля, /в монгольские зрачки».

В кон. 1970-х И. с семьей предпринимает попытку эмиграции из СССР, причины на то — психологические и творческие. О том, чего это стоило и как тяжело отразилось эмиграция на ее судьбе и судьбах близких, И. рассказала в кн. «Обернувшись», подытожив: «...после года мытарств, отказов с формулировкой „ваш отъезд противоречит интересам государства“ и даже „вы являетесь национальным достоянием“ я отступила, и нам пришлось выстраивать жизнь заново». С 1990 И. живет в Израиле, но ежегодно приезжает в Россию, здесь издает свои кн., печ. в альм. и ж-лах, выступает на лит. вечерах.

Не выпадая из лит. процесса России, И. вошла в лит. жизнь Израиля. Она работала ред. в изд-ве «Библиотека-Алия», в редакции «Краткой еврейской энциклопедии», является членом редкол. «Иерусалимского ж.», в Иерусалиме вышли кн. ее стихов **«Небесное зарево»** (1992), **«Стихотворения разных лет»** (2005), **«Ранний снег»** (2011). Кроме того, И. была внештатным корр. русской ред. ВВС, а также американских изданий на русском яз. В 2006 в США опубл. ее стихотв. кн. **«The Diving Bell»** (**«Воздушный колокол»**) (с параллельными текстами на русском и английском яз.).

Побудительные к тв-ву причины И. определяет просто и точно: «Пишу то, что мне интересно, то, что я сама хотела бы прочесть». Так родилась кн. **«Записки о Петербурге»** (СПб., 1997 (ч. 1); 2003 (ч. 1–2) — многолетний труд о 250-летней истории города, основанный на свидетельствах современников, дневниках, письмах, мемуарах, посвящ. разным аспектам жизни города — от бытовой до культурной и обществ.-политической.

В изд-ве «Геликон плюс» вышла во многом итоговая для И. кн. — **«Обернувшись»**. В нее вошли мемуарные рассказы об уже ушедших друзьях-писателях: Вен. Ерофееве и С. Довлатове, печатавшиеся ранее в периодике, новеллы о лит. жизни М. и СПб. 1970–80-х. Повесть «Обернувшись» (назв. восходит к раннему стих. И. **«Жена Лота»**) — проникновенное лирич. и в то же вр. иронич. повествование о детстве, юности, вхождении в лит-ру. В 2009 удостоена премии им. Гоголя в номинации «Невский проспект» как лучшее соч. о СПб. О себе И. спокойно, беспафосно говорит: «Я пишу о России и для России».

Стихи и проза И. печ. в ж. «Континент», «Синтаксис», «Студия», «Стрелец», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Грани», «Нева», «Израиль 2000», «Обитаемый о-в», «Звезда», «Огонек», «Ной», «Алеф», «Новый мир», «Знамя», «Иерусалимский ж.», «Сибирские огни», «Artes», «Дом», «22», «Время и мы», и др.; в альм. «День поэзии», «Круг», «Дом», «Бронзовый век», «Иерусалимский поэтич. альм.», «Перекресток — Цомет», «Петерб. мосты» и др.; в антол. «Скорпус-2», «Строфы века», «Антология поэзии о Соловках и событиях вокруг Соловков», «Свет

двуединый», «Освобожденный Улис», «Крым в русской поэзии», «Русские стихи 1950–2000», «Russian Women Poets» , «In the Grip of Strange Thoughts. Russian Poetry a New Era», «Dictionary of Russian Woman Writers» и др., переведены на немецкий, шведский, английский, французский, польский, сербский яз., иврит.

Соч.: Стихи о причастности. Париж, 1976; Здесь, где живу. Л., 1983; Стих. Л., 1985; Теплая земля. Л., 1989; Небесное зарево. Иерусалим, 1992; Записки о Петербурге: Очерк истории города. СПб., 1997 (2003); Оглянувшись. СПб., 2009. Стихи // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010; Ранний снег: Стихи разных лет. Иерусалим, 2011.

Лит.: Јелена Игнатова. Желим да говорим // Књижевна реч. Белград, 1984. 25 март.; Per-Arne Bodin Om Jelena Ignatova // Artes. 1984. № 3; Бетаки В. Русская поэзия за тридцать лет, 1956–86 // Orange CT, 1987; Мазья М. Первое впечатление // Звезда. 1989. № 9; Galut mechorerim // Ediot Achoronot. Jerusalem, 1990. 3 март.; Kasack V. Elena Ignatova // Lexicon. 1991; Klimowicz T. Krajobraz po Brodskim (Elena Ignatova I leningradzki Klub-81). Studia Rossica Posnaniensia, 1993, vol. XXIII; Мазья М. Книга в подарок // Нева. 1993. № 9; Топоров В. Серая сотня // Смена. 1990. 18 апр.; Мазья М. Ничего не проси у страны // Смена, 1993. 22 апр.; Ignatova, Elena Alekseevna. Dictionary of Russian Woman Writers. USA, 1994; Кривулин В. «Чудище обло» над Петербургом // Коммерсант. 1997; Хейфец М. Записки о Петербурге // Иерусалим. 1997. 21 июл.; Копелиович М. Гранитный Петербург, Иерусалим хрустальный // Звезда. 1999. № 7; Дубшан Л. Этот город прими, заповедник сов. России // Час пик. 2003. 24 сент.; Sibelan Forrester. Вст. статья к кн. «The Diving Bell», Broorline, 2005; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

Т. Царькова

ИЕЗУ́ИТОВ Андрей Николаевич [10.4.1931, г. Ядрин Чувашской АССР] — литературовед.

Окончил филолгич. фак-т ЛГУ в 1954. В 1954–57 — аспирант ЛГУ. В 1958–59 — ст. ред. сценарного отд. киностудии «Ленфильм».

С нояб. 1959 работал в ИРЛИ АН СССР — мл. науч. сотрудник Сектора сов. литературы, с 17 февр. 1969 — Сектора теоретич. исследований. В мае 1960 защитил в ЛГУ канд. дис. **«Вопросы реализма в эстетике К. Маркса и Ф. Энгельса»**; в 1973 в ИМЛИ — докт. дис. **«В. И. Ленин и вопросы реализма»**. С 26 февр. 1973 — ст. науч. сотрудник Сектора теоретич. исследований. С 22 мая 1978 — зам. директора ИРЛИ по науке, одновременно (15 янв. 1981–87) — зав. Сектором теоретич. исследований. С 1978, в течение неск. лет, — зам. председателя Ученого совета ИРЛИ, зам. председателя Специализир. ученого совета, председатель комиссии по междунар. науч. связям. С 1 июля 1983 по 1 февр. 1987 — директор ИРЛИ. С февр. 1987 — гл. науч. сотрудник Отдела новой русской лит-ры. С 20 янв. 1992 — гл. науч. сотр.-консультант, с 1 дек. 1992 — вед. науч. сотр.-консультант этого Отдела. В ИРЛИ до 1996.

Обл. науч. интересов: эстетика, теория и история сов. лит-ры, методология сов. литературоведения. Участвовал в колл. трудах ИРЛИ: «Проблема характера в сов. лит-ре» (М.; Л., 1962); «Сов. лит-ра и новый человек» (Л., 1967); «Пушкин: Исследования и материалы» (Т. 15. Л., 1995) и др.

Автор ок. 200 работ, в т. ч. пяти монографий, посвящ. проблемам марксистско-ленинской эстетики, разработке теории соц. реализма: **«Живое оружие (Принципы партийности лит-ры в трудах В. И. Ленина)»** (Л., 1973); **«Социалистический реализм в теоретическом освещении»** (Л., 1975); **«В. И. Ленин и русская лит-ра»** (М., 1985) и др.

Соч.: Философия взаимодействия. Объяснение необъяснимого. СПб., 1995; Информатика и философия взаимодействия. СПб., 1997.

Лит.: Зорьянов З. Марксистская концепция реализма // Вопросы лит-ры. 1964. № 11; Шеломенцева М. Вечно живое слово // Нева. 1974. № 8; Бахаева Л., Сенчина Л. Системный анализ социалистич. Реализма // Вопросы лит-ры. 1977. № 2; Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005.

ИЕЗУ́ИТОВА Раиса Владимировна [12.1.1935, г. Опочка Псковской обл.] — историк лит-ры, музейный работник.

Окончила филологич. фак-т ЛГУ в 1957. В 1957–61 преподавала русский яз. и лит-ру в школе. В 1959 поступила в аспирантуру ЛГПИ им. А. Герцена, в 1961 перешла в аспирантуру Сектора новой русской литры ИРЛИ РАН, кот. окончила в 1964.

С 1 апр. 1964 — мл. науч. сотрудник Группы пушкиноведения, в 1968–69 — учен. секр. Группы. В июле 1966 в ИРЛИ защитила канд. дис. **«Из истории русской баллады 1790-х — перв. пол. 1820-х гг.: Жуковский и Пушкин»**. С 19 февр. 1980 — ст. науч. сотрудник Группы пушкиноведения. В дек. 1990 защитила докт. дис. по кн. **«Жуковский и его время»** (Л., 1989). С 1 апр. 1992 — вед. науч. сотр. Группы пушкиноведения. С 15 сент. 1997 рабо-

тала в ИРЛИ по совместительству в той же должности.

Осн. место работы — зам. директора Всесоюзного музея А. Пушкина.

Участник многих колл. трудов ИРЛИ и Группы пушкиноведения: «История русской поэзии» (Т. 1. Л., 1968); «История русской лит-ры» (Т. 2. Л., 1981); «Лермонтовская энц.» (М., 1981); «Письма Пушкина последних лет. 1834–37» (Л., 1969); «Стихотворения А. С. Пушкина 1820–30-х гг.» (Л., 1974); «Библиография произведений А. С. Пушкина и лит-ры о нем. 1918–36» (Л., 1973; в соавт. с Я. Левкович и В. Сандомирской); факсимильное изд. «Рабочие тетради А. С. Пушкина» (Т. 1. СПб.; Лондон, 1995); сер. изд. «Временник Пушкинской Комиссии» (на 1965, 1975, 1977, 1980 и др.); «Пушкин: Иссл. и мат-лы» (Т. 5, 6, 8,11, 13, 16–17. Л., 1967–69, 1978, 1983, 1989; СПб., 2003) и др. Чл. редколл. последнего изд., отв. ред. т. 9 (Л., 1979) и т. 13 (Л., 1989). Участвовала в разработке текстол. и комм. принципов акад. изд. ПСС и писем А. Пушкина, подгот. т. 3 (ред.) и т. 8.

Значительное число исследований посвятила тв-ву В. Жуковского, являлась одним из организаторов Всесоюзной конф. к 200-летию со дня рождения поэта, отв. ред. юбилейного сб. «Жуковский и русская культура» (Л., 1987).

Автор более 100 науч. работ, в т. ч. трех монографий: **«Жуковский в Петербурге»** (Л., 1976); **«Жуковский и его время»** (Л., 1989); **«Пушкин и Петербург. Страницы жизни поэта»** (Л., 1999; в соавт.).

Обл. науч. интересов: история русской поэзии нач. XIX в., история романтизма, пушкиноведение, тв-во В. Жуковского.

ИЗМА́ЙЛОВ Александр Алексеевич [26.8(7.9).1873, СПб. — 16.3.1921] — прозаик, критик, поэт, редактор.

Сын дьякона смоленской кладбищенской церкви. Род по отцу коренной духовный, по матери — купеческий. В семилетнем возрасте был принят в городскую школу, через три года поступил в петерб. духовное училище. Семинарские годы сменились годами обучения в Петерб. духовной академии, куда И. в 1893, будучи первым студентом курсового списка, был сначала «представлен»,

после — выдержал экзамен и был принят стипендиатом. В 1897 он окончил курс, и после защиты выпускного соч. о нравах Антиохии и Константинополя в IV-м в., в эпоху Златоуста, был удостоен степени кандидата-магистра богословия. Начиная с сер. 1890-х активно сотрудничал в петерб. журналах. В это время появляются его ранние беллетристич. опыты, подпис. псевд. Смоленский. Дебютным выступлением стал рассказ **«Детство Кузьки. (Первые страницы из жизни Кузьмы Популяндова)»**. И., будучи еще студентом второго курса, получил предложение от А. Шеллера к сотрудничеству в редактируемых им изд. Именно Шеллером были одобрены и напеч. рассказы И. из духовного быта **«Ионино счастье»**, **«Вольтерьянская мысль»**, **«Славельщики»**, **«Непредвиденный пункт»**, **«Златые уста»**, повесть **«На пороге жизни»**. С перв. беллетристич. выступлениями началось активное участие И. в изд. «Сын Отечества», «Новости», «Русское Слово», «Север», «Звезда», «Театр и искусство», «Наука и жизнь» и др.

В 1898–1916 И. — сотрудник газ. «Биржевые ведомости», бессменный руководитель рубрики лит.-критич. отдела «Лит. обозрение», активный сотрудник в прилож. к «Биржевым ведомостям», таких как «Огонек», «Новая иллюстрация», «Новое слово»; в 1905–06 — соредактор (совм. с В. Рышковым ж. «Родная нива»), в 1916–18 — ред. газ. «Петроградский листок».

Беллетристика И. представлена небольшими рассказами и повестями, кот. начиная с 1901 оформлялись им в сб. и выходили отд. изд.: **«Черный ворон»** (1901; второе изд. — 1903), **«Рыбье слово»** (1903), **«В бурсе»** (1903), **«Осени мертвой цветы запоздалые»** (1905). В своих перв. рассказах И. обращается к сфере, ему известной, — жизни духовного сословия. Персонажи его рассказов — представители сельского притча, плутоватые дьячки, батюшки, взволнованные приездом губернатора, послушники, странствующие весь век по монастырям. Большинство рассказов, небольших по объему, рисуют задушевные картины жизни духовенства с ее заботами и волнениями, радостями и скорбями, и даже ее недостатки изображены автором с любовным снисхождением.

Перв. опыты начинающего беллетриста были отмечены критикой. Много рец. появилось в 1903–05 в связи с переизд. перв. кн. рассказов «Черный ворон» и выходом сб. «В бурсе», «Рыбье слово», «Осени мертвой цветы запоздалые». Большинство откликов были в целом доброжелательны. Рецензенты оценили И. как продолжателя тематич. линии Лескова, Помяловского и Потапенко, в отдельных рец. отмечалась связь с Чеховым в стилистике и выборе героев — «средних людей». Тип героя измайловских рассказов — это простой труженик, обычный человек, своим трудом зарабатывающий на хлеб насущный, нередко это маргинальный персонаж, отодвинутый на периферию жизни. Есть рассказы, где выведен новый социальный тип — газетчик, хроникер, гоняющийся за «горячими» новостями; есть рассказы о любви, построенные как воспоминания героя, — стилистически они связаны с чеховской манерой письма, усиленной характерными для эпохи импрессионистическими приемами.

Место действия рассказов И., как правило, — провинция или маргинальные городские топосы (напр., кладбище и примыкающие к нему городские окраины). В рассказе **«Светлое явление»** автор рисует тяжесть жизни в провинциальной глуши на захудалой железнодорожной станции «Поганый Омут», где спиваются и становятся «скотоподобными» местные служащие. В рассказе **«Вольтерианская книга»** изображен

типичный охранитель провинциального благомыслия невежественный исправник Дмитрусенко, призванный оберегать обывательские души от вредного влияния современных писателей и усмотревшего опасность в романе Шпильгагена «Вперед».

Значительным достижением И.-прозаика является его повесть «В бурсе», в кот. автор ратует за преобразование духовной школы, приближение ее к типу светских средних учебных заведений, отмечая, что современная бурса «допевает свою лебединую песню». Повесть И. наполнена многочисленными бытовыми подробностями из жизни современной ему семинарии, является во многом автобиографичной.

В 1905 отд. кн. вышли стих. И. («**Стихотворения**»). Сб. разнообразен по содержанию и представленным в нем жанрам. Наряду с лирикой в него вошли баллады, сатиры, «древнерусские сказы». Осн. часть сб. составляют стих. о любви, причем любви не «экстатической», а «без мук и страданий», что позволило критикам назвать И. «поэтом спокойной любви». В эпоху утверждавшегося в правах модернизма данное определение отнюдь не являлось комплиментом. По замечанию С. Тяпкова, лирич. произведения И. «ничем не выделялись из потока подражательной — в духе С. Я. Надсона, К. К. Случевского, К. М. Фофанова — поэзии с типичными для нее квазифилософскими пейзажно-элегическими медитациями, с непременными „темными аллеями", „пением соловья", „журчанием ручья", „светлыми грезами" и т. д.».

В 1909 вышел в свет роман И. о несчастной любви — «**Ураган**», не принесший автору желаемого успеха. С 1912 вышли отд. изд. несколько сб. рассказов (некот. из них — как приложения к тому или иному ж.). В 1912 «дешевой библиотекой» «Синего журнала» отдельно изд. рассказы «**Феникс**», «**Хиромант**», «**Призор очес**» с подзаголовком «мистические рассказы»; в 1913 как бесплатное приложение к ж. «Пробуждение» — «**Избр. рассказы**», в 1914 отд. брошюрой вышли три рассказа: «**Мираж на болоте**», «**Теперь, когда ее нет**», «**Барышня из старого дома**».

И., литератор-универсалист, выступил и в амплуа драматурга. В 1907 он опубл. пьесу «**Обреченные**», тогда же она поставлена в Театре Лит.-худож. общества. В 1916 напис. пьесу «**Мертвые властвуют (Тени)**», однако большого успеха оба произведения не имели.

Наибольших успехов в лит-ре И. достиг как лит. и театр. критик. Большой популярностью у современников пользовались его лит.-критич. сб. «**Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе**» (1910), «**Лит. Олимп**» (1911), «**Пестрые знамена. Лит. портреты безвременья**» (1913). Самые высокие оценки современников получили ст. И. о писателях-реалистах, близких к натурализму. А. Амфитеатров, К. Баранцевич, И. Потапенко, А. Будищев, Е. Чириков, А. Тихонов (Луговой), М. Альбов, П. Гнедич — произведения этих и мн. др. представителей текущего лит. процесса стали предметом рецензий, отзывов или развернутых критич. выступлений И. Гл. чертой статей о писателях-реалистах стало рассмотрение их тв-ва сквозь призму русской классич. литры — традиций Чехова, Толстого, Достоевского, Тургенева, Лескова. В своих критич. ст. о писателях-современниках И. выявил важные особенности: кризис романных форм и активное развитие жанра короткого рассказа; выявление худож. тенденций, близких к импрессионизму; углубление психологич. анализа, в т. ч. и за счет описания т. н. «настроения»; отказ от пространных описаний в пользу яркой детали, приобретающей символич. значение.

Важнейшим направление лит.-критич. деятельности И. были статьи о писателях-модернистах. В сложнейшем потоке модернистской литры И. выделил три направления модернизма, кот. определил следующим образом: «импрессионистическая лирика», «неоархаизм», а также произведения, наполненные натуралистич. сценами. К представителям направления «импрессионистическая лирика» критик относил А. Блока, В. Брюсова, К. Бальмонта, отмечая характерные особенности их поэзии: психологичность и тяготение к символу. Критик отмечал завоевания символистов не только в обл. поэзии. Он констатировал распространение принципов ритмич. организации текста и на прозу. Тв-во писателей-стилизаторов, кот. И. определял как «неоархаизм», первоначально возводилось критиком не без некот. сарказма «к первым зорям русского стихотворства, к державной оде, к пиндарическому парению». К этому направлению он относил Вяч. Иванова («Эрос»), А. Ремизова («Лимонарь»), С. Ауслендера («Золотые яблоки»), В. Брюсова («Огненный Ангел»). Третья линия, кот. выделил И. в модернистской лит-ре и кот. всегда вызывала у него откровенную неприязнь, — произведения, поднимающие «проблему пола» и насыщенные эротич. мотивами. В этом ряду для него одинаково неприемлемы были как платонизированный эротизм романа М. Кузмина «Крылья» и утрированная рефлексия на темы пола Л. Зиновьевой-Аннибал («Тридцать три урода»), так и неонатурализм М. Арцыбашева («Счастье»), В. Муйжеля («Грех»), С. Сергеева-Ценского («Лесная топь»). В критич. ст. о писателях-модернистах была дана оценка широкому кругу лит. явлений, зафиксированных чутким критиком в тот момент, когда они только появлялись как «новые веяния» и еще не были терминологически определены. Свои критич. статьи И. дополнял меткими пародиями на писателей-современников, кот. пользовались большой популярностью. Его сб. пародий «**Кривое зеркало**» до 1915 выдержал 5 изд.

Важнейшим направлением деятельности И. были его ист.-лит. работы: «**Чехов**» и «**Лесков и его время**». Кн. «Чехов. 1860–1904. Биографич. набросок» (1916) явилась перв. значительным исследованием тв-ва писателя, кот. опиралось на многочисленные биографич. и ист.-лит. данные. Посл. работой И. стала кн. «Лесков и его время», основанная на воспоминаниях современников писателя, со многими из кот. И. был лично знаком, на его собств. биографич. разысканиях.

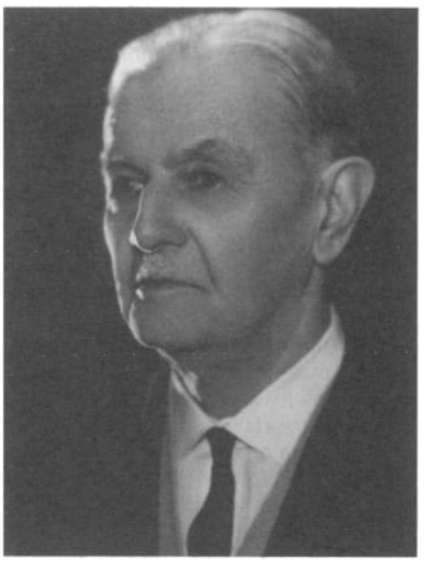
Соч.: Черный ворон. СПб., 1901; Рыбье слово. СПб., 1903; В бурсе. СПб., 1903; Осени мертвой цветы запоздалые. СПб., 1905; Ураган: Роман. Рассказы. М., 1909; Лит. Олимп. Характеристики встречи, портреты, автографы. М., 1911; «Феникс», «Хиромант», «Призор очес». СПб., 1912; Избр. рассказы. СПб., 1913; Пестрые знамена: Лит. портреты безвременья. М., 1913; Измайлов А. А. Чехов

1860–1904. Биогр. набросок. М., 1916; Кривое зеркало: Книга пародий и шаржа / Подг. текста, вст. ст., комм. Е. Хворостьяновой. СПб., 2002.

Лит.: Тяпков С. Леонид Андреев в зеркале критика и пародиста А. Измайлова // Тв-во писателя и лит. процесс. Иваново, 1978; Тяпков С. Русская «бульварная» лит-ра нач. XX в. в критич. отзывах и пародия современников // Тв-во писателя и лит. процесс. Иваново, 1993; Тяпков С. К. Бальмонт в пародиях лит. «архаистов» // Тв-во писателя и лит. процесс. Иваново, 1994; Тяпков С. А. А. Измайлов // Русский писатели: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2; Хворостьянова Е. Забытый смех // Измайлов А. Кривое зеркало. СПб., 2002; Александров А. А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–18) // Русская лит-ра. 2008. № 4; Александров А. А. Измайлов — критик, прозаик, журналист. Автореф. канд. дис. СПб., 2009; Александров А. Вяч. Иванов в критич. оценке А. А. Измайлова // Вячеслав Иванов. Мат-лы и иссл. Вып. I. СПб., 2009.

А. Александров

ИЗМА́ЙЛОВ Николай Васильевич [9.12(27.11).1893, Борисоглебск Тамбовской губ.— 2.5.1981, Л-д] — литературовед, пушкинист, архивист.



После окончания Тенишевского учща поступил в 1911 на славянское отд. историко-филологич. фак-та СПб. ун-та. В годы Первой мировой войны находился в действующей армии (1914–17), сначала в передовых санитарных отрядах Красного Креста и Союза городов (нач. транспорта), затем служил прапорщиком в 104-й артиллерийской бригаде. После демобилизации (в чине прапорщика) в кон. 1917 вернулся в Пг. ун-т и окончил его в дек. 1918, ученик С. А. Венгерова.

С 1918 работал в 1-м отд. IV секции Единого гос. архивного фонда архивариусом и зав. отд. В 1918–19 прослушал Архивные курсы при Пг. Археологическом ин-те.

В сент. 1920 поступил науч. сотрудником в ИРЛИ (ПД) АН СССР, с 1921 был учен. хранителем рукописей, с 1924 — зав. РО. С 1925 по 1928 состоял также науч. сотрудником I разряда в ИЛЯЗВ при ЛГУ, преподаватель каф. русского яз. и словесности ЛГУ(1918–20), в 1920–22 преподавал франц. яз.

Науч. работа И. преимущественно касалась тв-ва А. Пушкина, И. Тургенева, А. Островского, декабристов. Ред. сб. «Пушкин и его современники». Выпустил кн. «Пушкин. Очерк жизни и творчества» (М.; Л., 1924). Участвовал в колл. труде ПД «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–32» (Л., 1927).

14 нояб. 1929 во вр. «академического дела» (был женат на дочери гл. обвиняемого по этому делу — С. Ф. Платонова — Наталье Сергеевне) арестован по обвинению в «незаконном хранении архивных документов», «причислен» к воен. секции заговора, находился 21 месяц в Доме предварительного заключения. 8 авг. 1931 был осужден по ст. 58 и приговорен к ссылке в Ухто-Печорский ИТЛ сроком на 5 лет. В ссылке работал экономистом-статистиком. В июле 1934 освобожден, получил возможность вернуться в Л-д. Судимость была снята на основании указа Президиума Верховного Совета об амнистии 27 марта 1953, полная реабилитация произошла 20 июля 1967 по Постановлению Верховного суда СССР (реабилитирован за «отсутствием события преступления»).

По возвращении в Л-д продолжил науч. деятельность: участвовал в подгот. акад. изд. ПСС и писем А. Пушкина, Пушкинской выставки 1937, преподавал на филологич. фак-те ЛГУ (1939–41).

Во время Великой Отеч. войны был в сент. 1941 эвакуирован в Чкалов (Оренбург). Работал преподавателем в Чкаловском гос. пед. ин-те (1941–53) и по совместительству в Чкаловском обл. ин-те усовершенствования учителей по кабинету русского яз. и лит-ры (1944–45). Изучал работу Пушкина над оренбургскими матлами о Пугачёве. 30 нояб. 1943 защитил в ИМЛИ канд. дис. «О творчестве Пушкина».

В сент. 1953 вернулся в Л-д. Был принят в ИРЛИ мл. науч. сотрудником в Сектор новой русской лит-ры, с апр. 1956 утвержден ст. науч. сотр., с 1957 — зав. РО. С кон. 1950-х был предс. текстологич. комиссии и членом редколл. акад. изд. ПСС и писем И. Тургенева.

Науч. признание получил как пушкинист. Начиная с 1922 принимал участие во всех крупных изд., связанных с именем Пушкина. В кач-ве ред. текстов и автора примеч. участвовал в т. 2–5, 8, 9, 12, 14–16 ПСС и писем Пушкина. В т. ч. подготовил публикацию текстов «Медного всадника» и «Полтавы». Подготовил изд. «Медного всадника» для серии «Лит. памятники».

В июне 1963 защитил докт. дис. «Текстологические и историко-литературные вопросы изучения Пушкина», в том же году присвоена учен. степень докт. филол. наук.

За кн. «Очерки творчества Пушкина» (1975) получил Пушкинскую премию (1980).

Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.».

Архив: ИРЛИ, ф. 714.

Соч.: Неизданный Пушкин. Собр. А. Ф. Онегина // Труды ПД при Российской АН. СПб., 1922; Новый сборник лицейских стихотворений // Сборник ПД на 1923 г. Пг., 1922; Пушкин. Очерк жизни и творчества. Л.; М., 1924; Пушкин и князь В. Ф. Одоевский // Пушкин в мировой лит-ре: Сб. ст. Л., 1926; Очерки тв-ва Пушкина. Л., 1975; «Медный Всадник» А. С. Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучения // Пушкин А. Медный Всадник. Л., 1978 («Лит. памятники»); Жизнь поэмы // Пушкин А. Полтава. М., 1979; Два документа в тв-ве Пушкина («Приметы» Отрепьева и «приметы» Дубровского) // Пушкин. Иссл. и мат-лы. Т. 10. М.; Л., 1981; и мн. др.

Лит.: Список трудов Н. В. Измайлова по пушкиноведению / Сост. В. В. Зайцева // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983; Филологический фак-т

СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. СПб., 2000; Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005; Пушкинист Н. В. Измайлов. В Петербурге и Оренбурге / Сост. А. Прокофьева и С. Фомичёв. Калуга, 2009.

ИЗЮ́МСКИЙ Андрей Владимирович [8.4.1959, Черновцы, Украина] — поэт, переводчик, прозаик.

Отец — воен. летчик, мать — архитектор. По окончании средней школы поступил на режиссерский фак-т Театрального ин-та, проучился один курс, затем перевелся в моск. ГИТИС. Организовал театр-студию «Дзен», в кот. работал до 1990.

Стихи и прозу начал пис. в раннем возрасте. В 10-м классе посещал ЛИТО при биб-ке Военно-воздушной академии им. А. Можайского (рук. В. Кузнецов). В 1976 познакомился с Кари Унксовой и ее окружением, в 1982–83 входил в возглавляемую ею лит.-эзотерическую группу «НЛО» («Наша личная ответственность»), участвовал в выпуске одноименного альм., в кот. опубл. стихи и эссе о поэзии К. Унксовой. Печ. в ж. «Часы», «Обводный канал», «Грааль», «Митин ж.».

Автор самиздатских сб. **«Четвертый дом облаков и звезд»** (1976), **«Расстрелянный восход»** (1977), **«Fool knight»** (1977), **«Volume four»** (1978), **«Пять композиций в стиле джаз-рок и случайные стихи»** (1979), **«Песни живого Гаутамы»** (1985), **«Шестая книга»** (1989), **«Иерусалимские хроники»** (1994), **«Амстердамский пейзаж»** (1996).

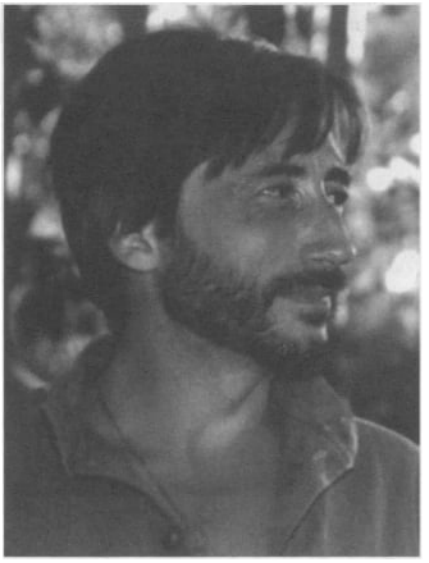
В 1990 эмигрировал в Израиль. Организовал и до 1996 возглавлял детский театр-студию. Работал во Франции и Голландии. В 1998 вернулся в Россию, живет в СПб. Дает уроки игры на гитаре и ведет домашнюю лит. студию.

В посл. годы занимался переводами из Омара Хайяма.

Соч.: Quo vadis? («Труды и дни монахини...» Елены Шварц) // Часы. 1985. № 57; «Прекрасный новый мир» Кари Унксовой // Обводный канал. 1986. № 10; Рок-культура и куртуазный идеал рыцарства // Митин ж. 1986. № 7; Песни живого Гаутамы: Стихи // Митин ж. 1986. № 8; Возрождение наук о вере, или Семь зерен риса: Поэма // Митин ж. 1989. № 26.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ИКО́ННИКОВ-ГА́ЛИЦКИЙ Анджей Анджеевич [16.11.1961, Л-д] — поэт, публицист.



Фамилия И.-Г. (по материнской линии) возникла в 1901, когда императорским указом С. С. Иконникову было разрешено присоединить фамилию матери, происходившей из пресекшегося рода Галицких. Прадед, Петр Сергеевич, — депутат IV Гос. Думы от Саратовской губ, представитель партии прогрессистов; прабабка, Надежда Яковлевна (урожд. Кетчер),— племянница Н. Кетчера, переводчика Шекспира; дед, Николай Петрович, — ученый-ботаник, участник экспедиций в Монголию (1920-е). Отец — Анджей Юнгхейт, философ, преподаватель Варшавского ун-та, сын польского дипломата и журналиста, и эта фамилия (в пер. с нем. «молодость, юность»), по всей видимости, является псевд.

Закончил лен. школу № 155 с углубленным изучением французского яз. В 1977–79 занимался в лит. клубе «Дерзание» лен. Дворца пионеров у Н. Князевой, затем в ЛИТО В. Сосноры (по словам И.-Г., оказавшего на него значительное влияние; см.: Интервью // Центр. Азия. 2009. № 28) и в студии В. Топорова. Учился в Лен. химико-фармацевтическом ин-те (курса не окончил). В кон. 1980-х был активным участником Группы спасения памятников. Начиная с 1990 участник археологич. экспедиции в верховья Енисея, в Туву, Хакасию, на Алтай (Инт.). В 1990–91 преподавал историю древней Церкви в СПб. Независимом ун-те. С 1991 работает учителем истории в школе-колледже «Земля и Вселенная» (ныне гимназия № 642). В 2-й пол. 1990-х был спецкором ж. «Новая Россия», в 2002–07 преподавателем каф. журналистики СПб. ин-та гуманитарного образования и гл. ред. институтской газ. «Обводный Times» и лит. приложения к ней, закрытых в нояб. 2007 из-за публикации стих. И. Дудиной (где в иронич. виде фигурировал президент Путин), что стало поводом бурного обсуждения в СМИ (Газета. СПб., 2007. 21 нояб.).

Перв. публикация стих. состоялась в газ. «Смена» 15 июн. 1988. В кон. 1980-х стихи публ. в самиздате (ж. «Сумерки». 1989. № 4); публикация в газ. «Смена» (1991) позднее вошла в антол. «Поздние петербуржцы» с предисл. В. Топорова, отмечавшего тяготение И.-Г. к формальному эксперименту (под влиянием Сосноры) и футуризму, «линию которого, слывущую ныне бесплодной, он пытается возродить». По мнению критика, И.-Г. — «признанный лидер среди поэтов своего поколения», однако его путь — «это трагический путь одиночки». Стихи печ. в газ. «Литератор», ж. «Преображение», «Новая Россия», «Крещатик», «Зинзивер», в антол. «Поздние петербуржцы» (СПб., 1995), «Стихи в Петербурге. 21 век» (СПб., 2005), «Время и Слово» (СПб., 2006); статьи и очерки (путевые заметки, лит. и арткритика, ист. расследования, публицистика) в ж. «Московский ж.», «Русский Дом», «Нева», «Крещатик», «Новый мир искусства», «Петерб. книжный вестник», «Ваш досуг», «Inflight review», «Всемирный следопыт», «Элитное образование», «Зинзивер» «Наука из первых рук», «Сибирские огни»; в газ. «Веч. Петербург», «Невское время», «Ваш тайный советник», «НГ», «ЛГ», «Книжное обозрение», «Центр Азии» и др. В антол. «Сумерки человечества» (М., 1990) напеч. переводы стих. немецких экспрессионистов В. Клемма и П. Цеха.

В 1995 выпустил кн. стихов **«ἌΓΓΕΛΟΣ»**, в 1998 — **«Favor»**, в 2009 — **«Дорога в Монгун-Тайгу»**.

В рец. на «Favor» В. Топоров замечает, что если **«ἌΓΓΕΛΟΣ»**, как

и всякая первая книга, стал в какой-то мере «Избранным» за долгие годы, то вторая кн. И.-Г. имеет два опр. сюжета — это «книга любви» и «книга странствий», хотя «подобная тематическая узость для И.-Г. вообще-то не характерна: он поэт больших (демонических) амбиций и претензии, как правило, предъявляет непомерные — зато уж ко всему мирозданию сразу». Поэзия И.-Г. «может насторожить иного пуриста некоей нарочитой аграмматичностью», хотя «вообще его стих — пластичный и музыкальный — открыт самому широкому кругу переменчивых влияний»: так, в «Favor'e» заметно «влияние Цветаевой периода «Поэмы конца» и «Поэмы горы».

Критики называют И.-Г. поэтом «выраженно романтического» и даже «байронического» склада, «вроде бы религиозным, но и не без богоборчества тоже» (В. Топоров), определяя его поэтику как исключительно чужеродную для совр. лит. ситуации: «И это более чем лестное определение для поэта: быть „чужеродным" значит быть вне контекста, в кот. тебя пытается втиснуть история, значит быть только самим собой, значит — быть. <...> И именно эта «чужеродность» позволяет поэту И.-Г. не попасть в зависимость от того языка, который „скуден: все слова не те"...» (С. Друговейко-Должанская).

Поэтич. язык И.-Г. (в особенности его синтаксис), зачастую намеренно архаизированный, демонстрирует «тоску по утраченной культуре», напоминая о тех языковых возможностях, кот. с теч. времени ушли в прошлое: так, Л. Зубова отмечает в текстах И.-Г. орфографические архаизмы («жолты»), архаические формы среднего рода («нерво»), этимологич. подтекст («рожь бронею пожали»), архаич. синтаксич. конструкции («письмо клеймо», «в чуж-квартире») и т. п. (см.: Зубова Л. Совр. русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000). Ощутим в тв-ве И.-Г. и «осознанный интерес к культурному наследию XVIII в.» (П. Бухаркин и др.).

В 2005 опубл. кн. **«Пропущенное поколение»**, где описал лит. среду и судьбы участников лен. поэтич. андеграунда 1970–80-х, кот. «родились и выросли впотьмах, в безопасном, теплом, темном и бесконечно скучном подполье застойного времени». Не претендующая на исследовательскую глубину, кн., по сути, автобиографична. Получила неоднозначную оценку в критике как «не то антология с обильным комментарием составителя, не то мемуарно-публицистическое сочинение, посвященное творчеству десяти (или одиннадцати, считая самого автора) петербургских поэтов, родившихся между 1958 и 1969 годом (восемь из них — участники ЛИТО Виктора Сосноры в ДК им. Цюрупы)» (В. Шубинский), проникнутое очевидной метафорой «особости», при помощи кот. «автор выделяет „свой мир", противопоставляя его внешнему советскому» и описывая своего рода «закрытый на „замок гениальности" анклав, где провозглашались „особые" от массовых ценности и стили, где происходило интенсивное общение „маленьких гениев"» (Б. Гладарев), притом что героев кн. объединяет между собой лишь личный вкус ее автора: среди них «есть настоящие поэты..., есть и средние стихотворцы, чьи произведения наряду с многими другими участвуют в формировании „большого контекста"» (В. Шубинский).

Ист. штудии И.-Г., начатые с составления комм. к кн. Владимира Михневича «Язвы Петербурга» (СПб., 2003), привели к созданию трилогии **«Хроники петербургских преступлений»: «Блистательный и преступный. Криминальный Петербург, 1861–1917»** (2007), **«Черные тени красного города. Криминальный Петроград, 1917–22»** (2008), **«В тихом омуте нэпа. Криминальный Петроград-Ленинград, 1922–26»** (2009).

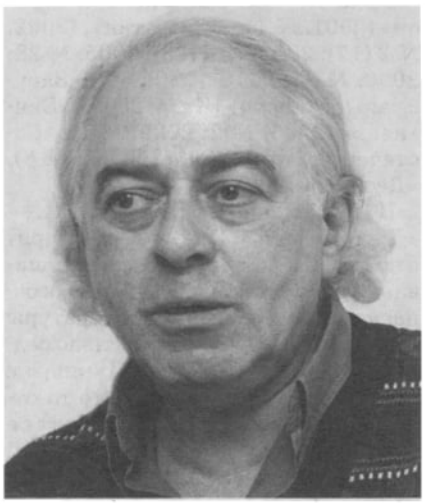
Лауреат I Международной Григорьевской поэтич. премии (2010).

Соч.: **ΆΓΓΕΛΟΣ**: Стих. СПб., 1995; Favor: Стих. СПб., 1998; Пропущенное поколение; Докум. проза. СПб., 2005; Блистательный и преступный. Криминальный Петербург, 1861–1917: Докум. проза. СПб., 2007; Черные тени красного города. Криминальный Петроград, 1917–22: Докум. проза. СПб., 2008; В тихом омуте нэпа. Криминальный Петроград-Ленинград, 1922–26: Докум. проза. СПб., 2009; Дорога в Монгун-Тайгу: Стих. СПб., 2009. Подроб. библиография см.: <http://andrzeiig.narod.ru/ >

Лит.: Крупский В. Иконниковы и Иконниковы-Галицкие // Известия русского генеалогич. об-ва. Вып. 4. СПб., 1995; Топоров В. [Предисл.] // Поздние петербуржцы: Поэтич. антология. СПб., 1995; Топоров В. Удача улыбается несчастливым // Петербургский книжный вестник. 1999. № 3 (6); Зубова Л. Совр. русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000; Шубинский В. [Рец. на кн. «Пропущенное поколение»] // Критич. масса. 2005. № 3–4; Гладарев Б. Жизненные миры «особой» лен. молодежи // Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36); Из-за «Баллады о ментах», в которой фигурирует Путин, закрыт студенческий ж. // Газета. СПб., 2007. 21 нояб.; Бухаркин П., Матвеев Е., Пономарева М. Концепция «Электронной антологии русской лит-ры XVIII в.» // <http://antology-xviii.spb.ru/cgi-bin/static.cgi/www/concept.html>; Друговейко-Должанская С. [Послесл.] // Иконников-Галицкий А. Дорога в Монгун-Тайгу. СПб., 2009; Топоров В. «Григорьевка» — над гробом и на пороге // Фонтанка.ру. 2010. 7 дек.; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

С. Друговейко-Должанская

ЙЛИН Аркадий (наст. имя Шеберштéйн Аркадий Айзикович) [2.4.1948, Л-д] — поэт.



Отец — рабочий, мать — инженер. В 1970 окончил библиотечный фак-т Лен. ин-та культуры им. Н. Крупской, служил в армии, с 1972 работает в СПб. биб-ке для слепых.

В нач. 1970-х посещал занятия в ЛИТО под рук. А. Кушнера. Входил в «Клуб–81». Писал стих. миниатюры, соединяющие предметность жанровых зарисовок с афористичностью.

Тогда же познакомился с поэтами Ю. Колкером, Т. Костиной, Б. Лихтенфельдом, В. Скобло, В. Хананом, с молодыми независимыми художниками. Устраивал на своей квартире лит. вечера и выставки. Тогда же печ. в ж. «Часы» и «ДиМ».

Позднее стихи И. печ. в многочисленных колл. сб.: «Круг» (Л.: Сов. писатель, 1985), «Зимние птицы» (М.: Логос, 1993), «Город-текст: Петербург в стихах петерб. поэтов: Антол.» (Мюнхен, 2002), «Из падения в полет: Независимое искусство СПб., втор. пол. XX в.» (СПб.: ЦВЗ «Манеж», 2004), «Один к одному: Антол. одного стихотворения» (М.: Infinity, 2004), «Времена и пространства: Антол. совр. поэзии» (М.: Infinity, 2005), Петербург–2003, 2004, 2005, 2006, 2007; Антология ж. «Крещатик» (СПб.: Алетейя, 2007), «Петерб. поэтич. формация» (СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2008), «Актуальная поэзия на Пушкинской–10» (Киев: Птах, 2009), «Антология одного стихотворения». Кн. 1: «Перекрестное опыление» (СПб.: ВВМ, 2010) «Антология одного стихотворения. Кн. 2. В поисках утраченного я» (СПб.: ВВМ, 2012) и др.

Стихи И. печ. в различных ж. «Арион» (2001. № 1), «Крещатик», (2002. № 3 (17); 2004. № 4 (23); 2005. № 28; 2006. № 34; 2010. № 49, 50); «Зарубежные записки» (Кн. 4. 2005), «Зинзивер» (2005. № 2; 2009. № 1), «Соотечественник» (Осло, 2007. № 6), «Дети Ра» (2009. № 3).

В 1994 вышла перв. стих. кн. И. — **«Другая жизнь»**. Г. Погожева говорит о поэзии И.: «...внимательно вслушиваясь в этот голос, постепенно осознаешь то не общее и для литературы последних лет явление довольно редкое, что делает Аркадия Илина так ни на кого не похожим... Это то отношение, в котором чувствуется и георгие-ивановское „не обращай вниманья“, и новозаветное „будьте, как дети“». А. Городницкий в стихах И. отметил сочетание культуры Серебряного века и особенностей совр. яз. В понимании же самого И. поэтич. речь должна быть простой и естественной, непринужденной.

Самому И. кажется, что даосизм — мировоззрение наиболее близкое его поэзии: «Я на празднике этом / был даоским поэтом, / был рассеян и пьян, / инь меняя на ян... / Был я пешим и конным, / мог сразиться с драконом, мог скитаться в горах, / на семи жить ветрах... / в церемонии чайной / быть окутанным тайной / и, как пламя свечи, / растворяться в ночи». Непредсказуемость и парадоксальность — «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». В его представлении «русская сказка — чем не поэзия?». «В чистом поле чисто-чисто, / все сверкает и блестит. / Соловей-разбойник свистом / наслаждается, бандит... / В чистом поле чисто-чисто. / Спит царевна третий год. / Соловей-разбойник свистом / спать спокойно не дает».

По мнению писателя Ю. Кружнова в поэзии И. явственно проступают черты эсхатологии. Неслучайно во мн. стихах И. присутствуют мотивы Экклезиаста: «...Я вам пишу. Всему свой срок: / срок уповать и упиваться, / есть время выбора дорог, / прощать есть время и прощаться, / есть время камни собирать, / о благе ближнего радея, / есть время жить и умирать / в седом краю Гиперборея».

В 1998 у И. вышел второй стих. сб. — **«Силуэты судьбы»**, в предисл. к кот. Г. Соловьева пишет: «Удивительная естественность поэтической речи: ни романтического надрыва, ни поучающего пафоса или отзвякивающих заемной эрудицией пассажей. Простота конструкции, граничащая с минимализмом, чистота очерка и горьковатая ясность». «Несмотря на внешне легкомысленный тон Илина, он, по выражению Ленгстона Хьюза, „смеется, чтобы не заплакать“: в его стихах звучит глубокая грусть, разочарование в том времени, когда люди „пришли туда, куда не шли“» — продолжает о поэте Г. Бен.

Позднее у И. выходят еще два сб. стих.: **«Отражения»** (2001), **«Время странствий»** (2005). В предисл. к одному из них А. Гершаник так оценивает поэзию И.: «У Аркадия Илина поэт неизменно внутри толпы, принципиально от нее себя не отделяет. Он последовательно избегает местоимения „я“, вместо кот. присутствует только „мы“...». Поэзия в высших своих проявлениях для И. есть озарение, откровение, и даже — потрясение.

Член СП СПб., лауреат премий ж. «Зинзивер» за 2005 и 2009.

Соч.: Другая жизнь: Стих. СПб., 1994; Силуэты судьбы: Стих. СПб., 1998; Отражения: Стих. СПб., 2001; Время странствий: Стих. СПб., 2005; Сегодня, завтра и вчера...: Стих. СПб., 2011; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012.

Лит.: Погожева Г. Другая жизнь, или К вопросу о миротворцах // Русская мысль. 1994. 23-29 июн.; Соловьева Г. Предисл. // Илин А. Силуэты судьбы. СПб., 1998; Бен Г. Есть ли у судьбы варианты? // Панорама, еженедельник. Лос-Анджелес, 1998, июл.; Гершаник А. Предисл. // Илин А. Отражения. СПб., 2001.

Д. Северюхин

ИЛЬЙН Николай Петрович [9.1. 1947, Л-д] — эссеист, поэт, переводчик.

Родился в семье офицера сов. армии, и — «первые книги по философии, изданные до революции, сын получил, как ни удивительно, из библиотеки Военно-воздушной академии им. А. Ф. Можайского, где преподавал после войны отец. Но, поддерживая интерес сына к „несоветской“ философии, и отец, и мать (приехавшая в Ленинград из Смоленска за год до начала блокады) постоянно повторяли: „не превратись в слугу идеологии“. А тогда это означало: сумей совместить увлечение философией с профессиональным занятием, минимально „заидеологизированным“».

Окончил химический фак-т ЛГУ. Работает в обл. теоретической физики, докт. физ.-мат. наук, проф. СПб. политехнического ун-та.

С нач. 1970-х — один из организаторов квартирных семинаров по русской и европейской философии (круг участников: К. Бутырин, А. Жидков, С. Стратановский и др.). С кон. 1970-х помещал статьи по философии, публицистику (под псевд. Н. Мальчевский), стихи и поэтич. переводы (под псевд. Иван Тайлов) в ж. «Обводный канал». В 1989–91 участвовал в сб. «Мост». В числе опубликованных в самиздате работ — статьи И. по истории и актуальным проблемам русской философии, мат-лы о тв-ве Х. С. Чемберлена, К. Барта и Й. Вайнхебера, переводы работ Ф. Брентано, М. Шелера, С. Георге и О. Шпанна. В ст. И. отстаивался новый взгляд на историю русской философии, привлекал внимание к именам русских мыслителей, забытых не только в советской, но и в эмигрантской историографии (**«Русская философия и мы»**, **«Оправдание души. Очерк философской психологии В. А. Снегирева»**, **«Живое и мертвое в русской философии»** и др.). Осн. элементы мировоззрения И. — христианский персонализм, русский национализм, арийский спиритуализм.

После 1991 И. (Мальчевский) публикует ст. и переводы в ж. «Логос» (СПб.), «Молодая гвардия», «Мысль», «Ступени», «Русское самосознание», в ж. «Философские альтернативы» (Болгария), в ежегоднике Петерб. ассоциации философов «Мысль», в колл. монографиях «К. Леонтьев, наш современник», «Введение в русскую философию», «Философский век. Лейбниц и Россия», в др. сб. и периодич. изд. Был составителем кн. «К. Леонтьев, наш современник» (СПб., 1993) и кн. С. Аскольдова «А. А. Козлов». Читает курсы лекций по истории русской философии и по философии культуры.

В 2009 в серии «Биб-ка истории и культуры» в свет вышла кн. И. **«Трагедия русской философии»** (СПб.: изд-во Айрис-пресс, 2008; ред. Е. Гончарова). Кн. «Трагедия русской философии» — итог многолетней работы И. по изучению истории философской мысли в России XIX — нач. XX в. и ее «эмигрантского эпилога». Работа велась, как подчеркивает автор, с гл. опорой на первоисточники, на труды русских философов, без особой оглядки на их «рейтинг» по шкале, созданной без ясных принципов историко-философского понимания. Выявлению и обоснованию этих принципов на мат-ле отеч. философии И. уделяет самое серьезное внимание, что и позволило ему создать концептуальную кн. о судьбе русской философии.

Председатель Русского философского об-ва им. Н. Страхова и член редколл. ж. «Русское самосознание» (где опубл. свои работы о П. Астафьеве, Н. Дебольском, Н. Страхове, Л. Клагесе, К. Барте, главы из кн. «Трагедия русской философии» и часть работ самиздатского периода).

Соч.: Стихи // Обводный канал. 1982. № 3, 1986. № 7, 1986. № 9, 1988. № 14, 1990. № 17; О Йозефе Вайнхебере. Переводы из Йозефа Вайнхебера // Обводный канал. 1985. № 7; Культура авангарда в свете феномена «летающих тарелок» // Обводный канал. 1986. № 9; Русская философия и мы // Обводный канал. 1987. № 1; Русская философия и мы // Часы. 1987. № 70; Переводы из Стефана Георге, Готфрида Бенна, Йозефа Вайнхебера // Обводный канал. 1987. № 11; После тризны (К 100-летию со дня рождения Н. И. Вавилова) // Обводный канал. 1988. № 13; Русская философия: Реальности прошлого и иллюзии настоящего // Обводный канал. 1989. № 15; Держащийся за полу (маргиналии к «Догматике» Карла Барта) // Мост. 1989. № 4; Гражданство и сыновство // Мост. 1990. № 5; Снова «новые христиане» // Обводный канал. 1990. № 17; Живое и мертвое в русской философии (К 100-летию смерти К. Леонтьева); Похищение России // Обводный канал. 1991. № 18; Нам не прощается Россия (К переизд. «России и Европы» Н. Я. Данилевского); Химера «живой идеи» в русской религиозной философии // Обводный канал. 1993. № 19; Что такое — русская философия? // Мысль. 1997. № 1; Трагедия русской философии // Русское самосознание. 1998. № 4, 2000. № 7; Россия потеряла вкус к философии. Еще не поздно его возродить // Учительская газ. 2004. № 6. 17 февр., История с философией // ЛГ. 2004. 28 апр.; Трагедия русской философии. СПб., 2009.

Лит.: Мамонтов К. (Бутырин К.). Несколько (возможно ненужных) слов о поэзии Ивана Тайлова // Обводный канал. 1982. № 3; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ИЛЬИНА́ Галина Александровна [2.11. 1959, Л-д] — поэт, прозаик, очеркист.

Отец — украинец, ст. инженер НИИ им. Крылова, мать — русская, всю блокаду вместе с семьей оставалась в Л-де, награждена медалью «За оборону Л-да». Об этом времени И. написала рассказ **«Жить в кольце блокады»** (Всерусский собор. 2005. № 2). В доме была большая биб-ка и, благодаря матери, работавшей машинисткой, пост. присутствовал «самиздат». Чтение стихов, книг по философии и искусству формировали эстетич. вкусы И. и любовь к поэзии.

В 1979 окончила Лен. техникум легкой промышленности, сменила много профессий. В 2000-е работала корректором и технич. ред. в петерб. ж-лах и альм., газ. «В любимом городе». С 2002 по 2005 — зам. директора ж. «Всерусский собор», с 2008 работает в редакции ж. «Родная Ладога».

Перв. стихотв. опыты И. относятся к школьным годам и носят следы подражательности: ориентировалась на С. Есенина, З. Гиппиус, И. Северянина, И. Бунина. Самостоятельный голос И. обретала по мере серьезных занятий поэзией, кот. начались в 1998 в ЛИТО «Молодой Петербург» (рук. А. Ахматов) при СП России; в том же году в сб. этого ЛИТО состоялась первая публ. Участница конф. молодых писателей Северо-Запада (1999, 2001, 2003). С 2000 занималась в лит. мастерской Ю. Шестакова. Участник 5 лит.-ист. экс-

педиций по России под рук. Ю. Шестакова (2001–07). Об этих поездках напис. цикл очерков (Всерусский собор. 2002. № 2; 2003. № 1 и 4), где поделилась впечатлениями от посещения полей боевой славы Бородино, Куликово поле, Прохоровка, монастырей Дивеево, Оптина, Холки и др., лит. мест, связанных с именами Пушкина, Есенина, Тютчева, Фета, Некрасова, Рубцова, передала возникшее чувство сопричастности святыням России. Очерк, посвящ. возвращению православной святыни Тихвинской иконы Божией Матери в Россию был напеч. за рубежом (ж. «Пражские огни». 2004. № 9) и в России (Всерусский собор. 2004. № 3).

Печ. в ж. «Пражские огни», «Огни Севера», «Вертикаль. XXI в.», «Всерусский собор», «Родная Ладога», «Невский альм.», «Окно», в антол. совр. петерб. поэзии «Поэтический форум», альм. «Молодой Петербург», «Петерб. строфы», «Гармония», «Дорога», «Синий апельсин», «6 ЛИТО на Звенигородской», «Лит. Приневье» и др.

Две первые кн. стихов И. **«Радужный дождь»** и **«Радуга в ладонях»** вышли одновременно в 2005; третья — **«Зачерёмушело...»** — в 2013.

В поэзии И. привлекает светлое и гармоничное мироощущение автора. Созерцание природы дарит радость и умиротворение, придает жизненную энергию: «Наслаждаюсь каждым глотком / Солнца, ветра, дождя летящего, / Удивляясь тому, что в простом — / Столько главного, настоящего» (**«Запрещаю»**). Худож. мир И. по преимуществу светел и радостен, полон красок, звуков, ароматов: «Запах сена, солнца, чистоты / И понятный сердцу гомон птичий». Его отличают богатая и оригинальная метафорика («Зеленым вздохом / Тронуты макушки / Берез и ив...», «Жаром паленая простынь степи»), удачное словотворчество («горьковато-густой цветопад», «в небе радуга-солнцеграй»), языковые находки («плавкая жара» города), олицетворения («Заморосила осень, заслезилась, / Оплакивая череду утрат...»). Чувство русского яз., образное мышление видно даже в однострочном стих.-загадке: «Желтая ладошка упала на дорожку» (кленовый лист).

Стихи И. динамичны, в них есть движение и порыв, ощущение легкости и полноты жизни: «Я два крыла прижму к груди — / Платка узорного два края. / Гляди, как золото играет, / Как счастье душу бередит...» (**«В расшитый золотом платок...»**). Лейтмотив — образ неба, связанный с устремленностью к горнему миру, сопряженный с очищением души и сердца («легкое и радостное небо»). И часто присутствующая в стихах горизонталь — «поля бескрайние» сопрягается с вертикалью, как в цикле **«Родина»** — лес «врос в поднебесье своими верхами».

Плодом рефлексии о собств. тв-ве и призвании стали стих. **«Как рыба без живительной воды...»**, **«Выцвела глаз синева...»** и др. Автохарактеристики И. встречаются в разных стих. («Не люблю макияж и грим, / Не терплю показушный дым <...> И искусственности броня / Неприемлема для меня»); в целом складывается образ лирич. героини — выдержанной, рассудительной, спокойной, с сильным характером. И. с улыбкой обыгрывает свое имя: это и птица-галка, рвущаяся в небо («Я птичьим именем довольна: / И легкокрыла, и вольна»), и «разноцветная галька».

В любовной лирике И. превалирует тема прощания, несбывшейся встречи, горечь расставания (**«Заметаю следы, / Что протоптаны Вами...»**). От раза к разу счастье с любимым оказывается мимолетным, ускользающим (**«Как тебе живется без меня...»**, **«Я в разлуке смогла позабыть...»**). Иногда героиня терпеливо переносит разлуку и готова смириться (**«Я прощаю долги / И тебя от себя отпускаю...»**), иногда — охвачена страстью (**«Рука моя с твоей рукой...»**, **«Мокропогодица и листопадица...»**). Ритмика древнерус. причитаний и плачей реализована в стих. **«Плач»**, где героиня вновь прощается с любимым.

Пейзажная лирика И. заключает в себе приобретённый на земных путях духовный опыт. Множество стих. посвящ. бесконечным дорогам России («Ложится трасса скатертью под шины...», «Просторы, объемы, пути, километры...»). Это путешествие во времени и пространстве, помогающее понять Россию и одновременно понять себя, смысл существования.

И. тщательно работает над словом и формой, отсюда богатство метрики и рифмовки. Таковы удачная тернарная рифма в стих. **«Времена года»**, дольники с панторифмич. цепочками и регулярными спондеями в стих. **«Смог над городом завис...»** («Посерели облака лиц / Опрокинуты дома ниц»); кватернарная скользящая рифмовка в стих. **«Прокралась осень»**; строфы-пентеты в стих. **«Какая поздняя весна!»**. В то же время внутр. миру героини И. чужда рационалистичность, она отвергает попытки «поверить алгеброй гармонию». Об этом стих. **«В горниле сбрендившей погоды...»**, где И. ведет полемику со своим учителем Ю. Шестаковым, певцом «ментального огня», не приемля искусительную игру ума с вечными понятиями.

Некоторые стих. И. благодаря своей распевности просятся на музыку, как, напр., одно из самых совершенных стих. И. **«В марте»** со строками: «Упиваясь синевой / рек, / Обновятся небеса / в них. / И растает зимних душ / снег. / И напишется цветной / стих». В этом стих. явственна присущая поэзии И. «философия обновления окружающего мира» (Л. Старикова).

Очень бережно вводится И. тема Творца и мирозданья; взаимоотношения лирич. героини с Богом исполнены покаяния и надежды («Внемлю горним мирам / Все теперь — впереди», «Верую, Господи, верую — / И воскресаю вербою...»). Отношение к святыням всегда очень личное, серьезное и сдержанно-целомудренное, как в стих. **«Святой источник»** с воплотившейся метафорой: «Чистейшая вода — святой любви глоток».

В 2013 И. участвует в колл. сб. стихов **«В мирах любви»** (СПб., 2013), представляя еще одну грань своего тв-ва: социальные и иронич. стихи, стихи-миниатюры.

Кн. прозы **«Разноцветная галька»** (2010), куда включены зарисовки с натуры, городские рассказы, детские воспоминания, письма внуку, сказки, путевые заметки, стихи в прозе, — продолжает традицию малых форм русской лит-ры (от «Камушек на ладони» В. Солоухина до «Крупинок» В. Крупина). Прозу И. отличает изящество стиля, ясность и легкость языка, за кот. стоят подлинные проблемы мира, глубокие смыслы. Слово И. естественное, при-

родное, нравственно цельное, лишенное рисовки. И. бережно вслушивается в мир и передает музыку живой жизни. Природа для автора и источник вдохновения, и объект созерцания, воплощенная красота: «На самом деле, жизнь удивительна и разноцветна. Она переливается всеми цветами радуги. Наполняет нашу бесцветность, серость, блёклость» (**«Мои переливы»**). И в прозе, как и в поэзии И., неизменен философский посыл — принятие жизни: «Этот мир мне нравится. Причём, чем дольше живу на свете — тем больше нравится... И полной мерой смогу ощутить это счастье — жить».

В целом тональность миниатюр светло-радостная, но оптимизм автора выстрадан опытом нелегкой жизни. Так, в эссе **«Одиночество в сети»** звучит тема разобщенности в условиях огромного мегаполиса и виртуальных сетей, «когда пишешь и пишешь, а ответа всё нет и нет. И кажется, что на всём белом свете ты одна, и глас вопиющей в сети так похож на глас вопиющего в пустыне!». В мечтах о далеком возлюбленном возникает нежный образ «медвежонка коалы», вдруг влетающего в окно на воздушных шариках.

Размышления о смысле жизни звучат в различных регистрах — от юмористич. разговоров на кухне с подругой до бесстрашного самоанализа перед операционным столом: «Остановись. Оглянись. Так ли живёшь, то ли делаешь? Господи, Ты снова даёшь мне шанс всё обдумать, понять, исправить».

Поэтич. образность в описаниях природы наследует традиции М. Пришвина и В. Бианки, как в зарисовке **«Три берёзки»**, где деревца сравниваются с девушками, у каждой из кот. свой особый характер: «беззащитная нагота белых стволов — неизменная, светящаяся даже в хмурой осенней темноте. Кусочек света, пусть неяркий, словно от свечи».

И. владеет словом и чувствует его. Наблюдает за языком малышей (**«Говорят дети»**) и случайно встреченных прохожих (**«Словотворчество»**). В книге есть и тонкий анализ музыки Пьяццоллы с живущей в ней «истерзанной душой» композитора, и рецензия на стихи любимого И. барда Б. Краснова.

От изящных, добрых и смешных историй И. поднимается до серьезного осмысления своего пути и молитвенного обращения: «ищу себя на перекрестиях великих русских дорог, ищу смысл своего бытия, ищу Бога. Господи, помоги в моих исканиях» (**«Подорожная»**). О своем тв-ве И. говорит: «А пока пишется — пишу, дышу, радуюсь этому чуду — слову русскому, что сопровождает меня с рождения, а, соединившись однажды с творческими моими муками, являет себя во всей своей чудесной полноте» (**«Стихи и проза»**).

Соч.: От великой России к святой (Путевой очерк) // Всерусский собор. 2002. № 2 (в соавт. с И. Важинской); Неразводные мосты России // Всерусский собор. 2003. № 1; Ныне исполняется пророчество: К 100-летию прославления преподобного Серафима Саровского // Всерусский собор. 2003. № 4; Радужный дождь. СПб., 2005; Радуга в ладонях. СПб., 2005; Разноцветная галька. СПб., 2010; По Руси (Путевые заметки) // Лит. Приневье. Кн. 1. СПб., 2012; Зачерёмушело... СПб., 2013.

Лит.: Старикова Л. Автор судьбы // Ильина Г. Зачерёмушело... СПб., 2013.

А. Любомудров

ИЛЬИЧЁВ Алексей Валентинович [4.8.1970, Л-д — 19.8.1995, Л-д] — поэт.

Родился в рабочей семье, всю жизнь прожил на окраине города — в Рыбацком; учитывая небогатую и недлинную биографию И., о нем можно было бы сказать, что он «дитя рабочей окраины». Закончил Радиотехнический техникум, работал подсобным рабочим на стройке. Знакомство и дружба с Н. Абельской, жившей по соседству, в перв. пол. 1990-х привели И. в ЛИТО В. Лейкина. Стихи молодого И., неровные и, как казалось некот. членам ЛИТО, необязательные, сперва не обратили на себя внимание, однако волшебное преображение «гадкого утенка» с пролетарской внешностью происходило стремительно: к 1994 многие посещали ЛИТО, чтобы услышать новые стихи И., короткие, афористичные, с неожиданными поэтич. ходами и необыкновенно свежими интонациями: «Я полюбил свою лопату. / Я полюбил свою работу. / Я полюбил свою зарплату. / Пусть и меня полюбит кто-то» или: «Как пятна на шкуре леопарда / Встречаются при ходьбе, / Вот так же придется встретиться / Когда-нибудь мне и тебе».

В единственной прижизненной кн. **«Наброски равновесия»** ярко заявлены культурные и поэтич. предпочтения И. Мн. тексты носят отпечаток его занятий китайской поэзией и философией; как правило, восточная традиция сталкивается с русским бытом и подвергается иронич. переосмыслению: «Подобно щупальцам паучьим / В банке из-под огурцов / Укроп расцветает, скотина». Или: «Проехала кара, прошел электрик усатый, / С ним рядом худой и высокий его ученик. / Всего три дня прошло с тех пор, как нам дали зарплату. / Протяжно и грустно в четвертом цеху кричат обезьяны» (**«На китайский мотив»**).

Другая лит. традиция, кот. И. отдает дань, — линия, идущая от обэриутов к О. Григорьеву. В строчках «Ветер в воздухе сплошном / Крутит свой велосипед» явственно ощущается влияние А. Введенского, а в маленьком шедевре «Один человек, / Перепив, блеванул. / А другой человек, / Наступив, утонул» столь же очевидны интонации О. Григорьева. Однако в рец. на кн. Вс. Зельченко проницательно отмечает серьезность и трагизм стихов И., не укладывающихся в рамки какого-либо опр. направления.

Еще одним лит. ориентиром для И. был В. Ходасевич. Вот следы его влияния: «Василич лежит на железных дверях / В больших сапогах на тяжелых ногах, / И воздух составом каким-то пропах, / Который нельзя объяснить на словах». Четверостишие кажется цитатой из стих. Ходасевича «Окна во двор», но при этом экзистенциальная ирония оригинала маскируется дополнительным слоем иронич. рефлексии. Поэт не столько дурачится и играет, сколько создает вербальное соответствие страшной нелепости окружающего мира. Если при подобном восприятии часто страшному и бессмысленному миру цивилизации др. поэты противопоставляют осмысленный мир природы, но в стихах И. этого не происходит. Природа по части странности и «кривизны» мало чем отличается от человеч. мира: «Дерево на берегу / Растет по такой кривой, / Словно бы хочет плыть / И грести головой». Здесь олицетворение не приводит

к обыкновенному эффекту «оживления», потому что прикосновение к миру человеческого скорее способно умертвить, чем оживить что-либо.

Вскоре после выхода книги двадцатипятилетний И. погиб. По одной из версий, он пытался прогуливаться по парапету моста через какую-то подмосковную речку, но не удержал равновесия (см. название первого сб.). Унесенное течением тело было обнаружено через неск. дней.

Уже после смерти И. было подготовлено и осуществлено неск. публикаций, по кот. видно, насколько быстро рос поэт; в посл. год жизни им были напис. десятки впечатляющих стих., кот. он не успел не только опубл., но и прочитать даже близкому окружению. Мн. стихи (так же, как и в сб. «Наброски равновесия») содержат мотив смерти, г. о. от воды. Создается впечатление, что реальная смерть И. стала проекцией его поэзии на жизнь: «Рыбы рисуют узоры хвостом, / На дне реки цветут сорняки, / Воды движутся на восток, / Откуда рукой подать до руки, / Тебе протянутой издалека, / Без всякой цели, но неспроста, / И разжимается вдруг рука / У глядящего вниз с моста».

Ясно, что образ моста не только у И., но во всей мировой поэзии связан с архетипом перехода из одного мира в другой, что река — неизбежный символ границы между мирами живых и мертвых, но буквальное биографическое воплощение мифа кажется чрезмерно нарочитым: «Славный метод — до самого света / Этой тьмы не снимать с головы. / Лечь на снег и проснуться лишь летом, / На лугу, в окруженье травы. / Славный способ не делать движений, / Замереть, умереть на лету. / Уловить на себе приближенье / Новой жизни, шаги на мосту».

В 1997 во втором номере альм. «Невский альбом», посвящ. тв-ву ЛИТО В. Лейкина, вышла подборка стих. И., в кот. были включены как стих. из «Набросков равновесия», так и то, что было напис. им в короткий период после выхода книги. По последним стих. видно, как меняется его интонация, как выросло мастерство, как мощно звучит трагическое начало: «...То все разладится, и в дыры / Течет, как масло, тяжело / Железное дыханье мира, / Его скрежещущее зло».

Присущая поэту ирония сохраняется, но если раньше, пока И. осваивал традицию обэриутов, она зачастую использовалась для создания комич. эффекта, то теперь служит трамплином для прыжка в философический омут: «Как называлось то животное, / Что выползало из воды <...> Остался только след петляющий, / Пересекающий весь лист, / И ничего не понимающий / Стареющий натуралист». Посл. строфа создает впечатляющий образ совр. человечества, безуспешно пытающегося проникнуть в эволюционные тайны собственного происхождения. Короткое, предельно прозрачно написанное стих. вмещает не только историю от земноводных до homo sapiens, но и поэтич. оценку плачевного итога тоскливой рефлексии самого homo.

Через пять лет после смерти И. в изд-ве «Знак» вышла в «кассете» со сб. В. Бобрецова, В. Лейкина, Е. Пицык, В. Хованова и Б. Чечельницкого его кн. стихов **«Силуэт акробата»**. Название подсказано стих. **«Мне хочется выплыть, как камню, на берег...»**, кот. завершалось строфой: «Излишек бесплатного воздуха слева и справа, / И нет ничего ненадежней, вернее каната, / И там на песке отражается тенью корявой / Слепой силуэт, приглашая к себе акробата». Образ акробата-канатоходца, видимо, всерьез занимал воображение И. (вспомним его посл. прогулку по парапету); одно из наиболее совершенных и глубоких его стих. посл. периода также построено на этом образе: «Жизнь становится проста — / Легче и больней, / Акробату без шеста / Легче и вольней. / Птица с каменных дерев / В воздух входит вброд, / Остается, умерев, / Жить наоборот».

И. пробовал писать прозу. В сб. **«Как бы проза»** (И. соседствует там еще с пятью авторами, название же сб. получил по одному из текстов И.) включено четыре его текста, по жанру находящихся ближе всего к эссе. Как сказано в послеслов., «количество находок, мест, останавливающих внимание, у Ильичева велико: едва не каждая фраза чем-нибудь нас одаряет». Впрочем, если И. успел стать мощным и самостоятельным поэтом, в прозе он был новичком, то ощутимо подражая интонациям Вен. Ерофеева, то воспроизводя синтаксич. конструкции А. Платонова.

Соч.: Наброски равновесия. СПб., 1994; [Стих.] // Невский альбом. 1997. № 2; [Эссе] // Как бы проза. СПб., 1997; Силуэт акробата. СПб., 2000; [Стих.] // Двадцать три. ЛИТО Вячеслава Лейкина. СПб., 2008; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Зельченко В. Алексей Ильичев. «Наброски равновесия» // Невский альбом. 1996. № 1; Абельская Н. Алексей Ильичев (1970–95) // Невский альбом. 1997. № 2; Пугач В. 1) Обретение музыки // Там же; 2) Как бы послесловие к прозе // Как бы проза. СПб., 1997.

В. Пугач

ИЛЮ́ХИНА Галина Александровна [26.12.1961, Л-д] — поэт.

Оба родителя — художники. И. закончила худож. школу в Л-де (1974–77), работала в межрайонном клубе ДОСААФ (1978–91), параллельно приобрела специальность юрисконсульта в Лен. политехникуме им. М. Фрунзе (1986–89).

Перв. публ. И. состоялась в сент. 1986 в Новороссийске: в газ. «Новороссийский рабочий» опубл. стих. **«Пятнадцатый причал»**, напис. по горячим следам трагич. кораблекрушения парохода «Адмирал Нахимов», во время кот. погиб первый муж И. — В. Илюхин.

Стихи И. начала пис. с детства, но в «официальную» лит-ру она вошла

в сорокалетнем возрасте. В 2000 И. впервые попадает в поэтич. среду — в лит. клуб «XL». В 2001 изд. в соавт. с поэтом В. Макаровым перв. кн. стихов **«Зеркальный трезубец»**, через четыре года — перв. самостоятельную кн. стихов **«Пешеходная зона»**.

Лирика И. многослойна, объемна и философична. О. Земляная, разбирая стих. **«Настоящее, прошлое. Времени юркая ртуть...»**, писала: «... стихотворение властно погружает в незамутненное юношеское переживание своей человеческой принадлежности и своей человеческой бесприютности. <...> В лирике И. многие стихотворения-воспоминания, так или иначе, отталкиваясь от традиционных представлений о доме, семье, женщине как хранительнице домашнего очага, выталкивают на осмысление гендерных проблем... В творчестве Галины Илюхиной стихотворения-воспоминания очевидно доминируют. Привлекая читателя к проживанию собственных детско-юношеских чувствований, они его тоже уводят куда-то вглубь и ввысь, ибо нам неведомо, как наше слово отзовется. Как мне представляется, именно это неосознанное читателем подталкивание его на дорогу осмысления прошлого, а с этим осмыслением — и к познанию основных бытийных вопросов — главная причина мощной притягательной силы стихов-воспоминаний Г. Илюхиной».

В 2006 к И. обратилась член Союза композиторов В. Малаховская с предложением написать стих. текст для кантаты **«Ксения Петербургская»**. Работа над текстом велась в соавт. с поэтом Т. Кекиликовым. «Их работа шла больше 2-х лет, были изучены жизнеописания блаженной Ксении Петербургской, бытовые особенности Петербургской стороны, где жила святая. Текст был представлен для консультации нескольким священникам Русской Православной Церкви и скорректирован с учетом их замечаний. Еще полтора года ушло на написание музыки. Композитор поставил себе задачу сделать кантату максимально доступной восприятию широкого слушателя, не пренебрегая строгостью стиля, которую требовала тема, и художественной ценностью материала. Задача чрезвычайно сложная, и решена ли она, судить могут только слушатели. Однако о высокой художественной ценности кантаты говорит тот факт, что за первое ее исполнение взялся известный петербургский дирижер Николай Корнев. В день памяти блаженной Ксении, 6-го февраля 2008 года „Петербург-концерт" провел неофициальную премьеру кантаты в Духовно-просветительском центре „Святодуховский" Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, в форме бесплатного благотворительного концерта», — говорила в интервью прессе В. Малаховская. «Светское произведение представляет собой яркое музыкальное действие в пяти частях, созданное по мотивам жития петербургской подвижницы. Сочинение создано в полном согласии с православной духовной традицией», — сообщалось на сайте Церковно-Научного Центра «Православная энциклопедия». «Это первое в русской классической музыке произведение, посвященное блаженной Ксении. Кантата состоит из пяти частей: „Свадьба", „Юродивая Христа ради", „На рынке", „Покаяние и молитва", „Радуйся, Ксения Блаженная"! Перед слушателями пройдут картины из жизни петербургской подвижницы, раскрывающие высокий смысл страдания и смысл судьбы женщины, которая, пройдя через собственную скорбь, пришла на путь помощи людям», — писали «СПб. ведомости».

Тв-во И. отличается гибкостью и стилистич. разнообразием. Она одинаково интересна и в авторской лирике, и в тонких и очень узнаваемых версификациях. Однако и в произведениях, написанных, казалось бы, в подражательной манере, всегда угадывается личность и позиция автора.

В 2010 выходит кн. стихов **«Ближний свет»**. «Книга подчёркнуто питерская, насыщенная топонимикой сев. столицы, но дело даже не в этом. Самые „петербургские" её черты — увлеченная игра строфикой, ритмом (по большей части традиционным), а также то, что я назвал бы „элегическим вещизмом". Печальное и скорбное в стихах Илюхиной не переходит в надрыв, хотя в книге много эпитафий, посвящений умершим, воспоминаний. Автор сосредоточен на деталях. Беседуя с собою-ушедшей **(„Скорость")** даёт картинки почти без объяснений: „цыплячьи лопатки", „сигарета за сигаретой". Нерв стихотворения — сцена сожжения вещей: „фото, письма". Они овеществляют время, делают его измеримым буквально на пальцах. Отсюда и философский вздох в конце: **„Жизнь** длинная, да. Но скорость, такая скорость". Эта скорбь по вещам особенно чётко видна в стихах, посвящённых памяти умерших. Даже двоемирие мирского и вышнего выражено через предметы: майоликовый ангел на кружке в стихотворении „памяти Л." противостоит сломанной кофемолке, обоям, копоти и прочему. Автор не говорит, что река времен уносит все дела людей. Он просто показывает, как это происходит — прямо здесь, на хрущевской кухне. В других стихах — показана временная статика, застывшие вещи в руках застывших людей **(„Ноябрь")**. Весь этот печальный вещизм, однако, вовсе не ключ к стихам Илюхиной — он лишь внешность, показной конфликт оловянных солдатиков. Читателю нужно пройти сквозь этот пёстрый слой, порою кажущийся завалом вещевого хлама, чтобы почувствовать спокойную доверительную интонацию автора» — пишет А. Черный (www.litlive.ru).

Наряду с поэтич. тв-вом, И. активно включается в организацию совр. лит. процесса. В качестве ред. ведет работу с молодыми поэтами в ЛИТО «Пиитер» (с 2005), становится одной из учредителей «Ассоциации творч. объединений Северо-Запада». Детищем «Ассоциации» явился лит.-поэтич. фестиваль «Петерб. мосты» (И. — основатель и бессменный организатор фестиваля, начиная с 2004). Как в собств. произведениях, так и в деятельности, связанной с организацией лит. процесса, И. сохраняет верность культурным и лит. традициям: «Я исповедую подвергаемую гонению многими моими коллегами идею ремесленничества. Дар божий без учебы — это неограненный драгоценный камень. Масса талантливых поэтов нынче бренчит на расстроенной лире» (Петербург на Невском. 2007. № 12).

Член СП СПб. (2006). Составитель антол. «Аничков мост» (2010). Частый гость петерб. теле- и радиостудий. С 2002 — пресс-секретарь лит. клуба «XL». Автор лит. проектов «Город Мастеров», «Невская перспектива», международного поэтич. кон-

курса им. Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай», турнира им. Д. Хармса «Четвероногая ворона», детского поэтич. конкурса «Первый автограф».

Финалист международного лит. Волошинского конкурса (2008). Лауреат независимой лит. премии «Молодой Петербург» в номинации «Поэзия» (2009).

Соч.: Пешеходная зона. СПб., 2006; Ближний свет. СПб., 2010.

Лит.: Беломлинская Ю. Инт. // Петербург на Невском. 2007. № 12.

А. Ахматов

ЙНБЕР Вера Михайловна [28.6 (10.7).1890, Одесса — 11.11.1972, М.; похоронена на Введенском кладб.] — поэт, прозаик, журналист.

Отец возглавлял типографию и науч. изд-во «Матезис» («Математика»), в работе кот. участвовали профессора Одесского ун-та. Мать — педагог, преподаватель русского яз., зав. казённым еврейским девичьим училищем. По окончании гимназии И. училась на историко-филологич. фак-те Высших женских курсов в Одессе. В 1910 начала печ. стихи в одесских газ., в 1912 — поэтич. дебют в ж. «Солнце России».

Неск. лет жила в Швейцарии и Париже (вместе с первым мужем, Натаном Инбером), где и выпустила перв. кн. стихов **«Печальное вино»** (1914). Р. Иванов-Разумник отметил в ней игрушечную жеманность, а А. Блок нашел в «Печальном вине» горечь полыни, порой настоящую. Вернувшись в Россию за месяц до Первой мировой войны, И. живет в М., затем в Одессе, печ. в газ. «Моск. вечерний час», в «Весеннем салоне поэтов». В Одессе выступает в лит.-артистич. клубе со стихами, с д-дами **«О Париже»**, **«О бельгийском искусстве»**. Строки И. поет популярная эстрадная певица Иза Кремер. И. в Одессе работает в театре — пишет пьесы, выступает и как актриса. Принадлежала к «Лит. центру конструктивистов».

В 1917 в Пг. выходит втор. кн. стихов И. **«Горькая услада»**, в 1922 в Одессе — третья кн. стихов **«Бренные Слова»**. В 1922 окончательно переезжает в М.; 1920-е — расцвет прозы И. Рассказы и очерки печ. в газ. М., в ж. «Огонек», «30 дней», «Красная нива», «Прожектор». В сер. 1920-х входит в лит. центр конструктивистов. Одно из широко изв. произведений — стих. о смерти В. Ленина **«Пять ночей и дней»** (1924).

В журналистике И.— меткость наблюдений, ненавязчивое остроумие, движение мысли, точный сюжет. Как вспоминали современники, став москвичкой, влюбленной в свой город, И. неутомимо изучала столицу, вглядываясь в лица и души людей. Для автобиогр. повести **«Место под солнцем»** (1928) характерны не только искренность беседы с читателем, но и дневниковая непосредственность изложения. В очерке И. **«От хорошей жизни»** рассказывается о том, как летом 1925 Авиахим организовал два агитоблета, и И. полетела по сев. маршруту.

В нач. 1930-х И. можно было видеть в шахте строящегося Моск. метрополитена в каске и горняцкой робе. Отвечая на анкету ж. «Какой нам нужен писатель?», И. сообщала: «Путем личных наблюдений я хорошо изучила ламповый отдел на электрозаводе, в частности, вакуумный цех» (На лит. посту. 1931. № 6). Расширяются маршруты творч. поездок по стране. В 1926–27 вышли кн. стихов **«Мальчик с веснушками»**, **«Сыну, которого нет»**. Среди сб. стихов 1930-х — **«Стихи»** (1932), **«Избр. стихи»** (1933), **«Переулок моего имени»** (1935). Стурдзовский переулок в Одессе, где жила И., назван ее именем.

Еще в 1920-е И. как корр. посетила Бельгию, Германию, Францию, написала кн. очерков **«Так начинается день»**, путевые записки **«Америка в Париже»**. В 1924–34 И. в Западную Европу выезжает трижды. Но особенно много путешествует по своей стране. Пишет об Узбекистане — **«Весна в Самарканде»**, **«Преступление Нор-биби»**, **«Воспоминание об Узбекистане»**. В посвященном Грузии **«Путевом дневнике»** (1939), кот. был любимым произведением автора,— раздумья о жизни, об истории и культуре Грузии, о свершенных преобразованиях на фоне словно омытых чистым воздухом южных гор. В 1930-е И. расширяет и свой жанровый диапазон. Создает новые тексты либретто оперы Д. Верди «Травиата» и оперетты Р. Планкета «Корневильские колокола». Публикует комедию в стихах **«Союз матерей»** (1938). Поэма **«Овидий»** (1939) — произведение философского плана, в кот. воссоздан быт Древнего Рима и осмыслена рассказанная Овидием судьба Фаэтона — сына Зевса. Автор сближает Фаэтона с Икаром, придает ему и черты Прометея: Фаэтон выступает против несправедливости богов.

Во время Великой Отеч. войны И. находится в осажденном Л-де. Ее третий её муж, проф. медицины Илья Давыдович Страшун, работал в 1-м Мед. ин-те в осаждённом городе. Выступает в газ. «Лен. правда», по радио, на митингах, на з-дах, в школах, в воинских частях, на линии фронта, на кораблях. «Моряки Балтики, как и все ленинградцы, полюбили творчество этой маленькой смелой женщины... Она была крепко сложенной, собранной, энергичной, подвижной, постоянно соблюдала высокую дисциплину труда, даже в тяжких блокадных условиях» (Азаров Вс. Ветры нашей молодости. Л., 1987). Вс. Вишневский записал в дневник осенью 1942: «Заходила Вера Инбер с мужем. Она была в Кронштадте, провела двенадцать выступлений, устала. Рассказывала морякам об Одессе, о своем пути, о своем творчестве. Моряки в ответ: „Вот наша одесская мама!“».

Героич. стойкость ленинградцев во время блокады — осн. тема стихов и прозы И. воен. лет. Не обладая каким-либо фронтовым опытом, И. сумела найти точные и впечатляющие слова для передачи событий жестокой и кровавой борьбы. Облик фронтового города запечатлен в сти-

хах **«Трамвай идет на фронт»**, **«Заботливая женская рука»**, **«На врага»** и др. Написала и ряд очерков, кот. были опубл. в отеч. и зарубежной печ. В послевоен. десятилетия пост. вспоминали работу И. в блокадном Л-де: «Наш старший товарищ» Е. Долматовского (Известия. 1965. 10 июля); «Отсюда передачи шли на город...» А. Половникова (Нева. 1965. № 5); «Присягаем победой!» А. Павловского (Нева. 1975. № 5).

Осн. произведениями того времени стали лен. дневник **«Почти три года»** и поэма **«Пулковский меридиан»**. Работа над поэмой была начата в окт. 1941, ее главы принадлежат к наиболее заметным явлениям поэтич. публицистики. Автор передает трагизм блокадной жизни и личную скорбь о своем маленьком внуке, погибшем в эвакуации, как выражение скорби о маленьких ленинградцах, не переживших блокаду. Своеобразием блокадной жизни рождены и сравнения, щедро рассыпанные в поэме: луч прожектора уподобляется грозно поднятой руке, Ладога, по кот. доставляли продовольствие Л-ду,— птице, кормящей своих детей, булькающий (после долгого зимнего морозного молчания) водопроводный кран — весеннему соловью. «Пулковский меридиан» в отличие от ряда предшествующих произведений И. написан с большим пафосом. Наряду с четкой прорисовкой деталей поэма отличается и аллегорич. образностью.

Работа над поэмой продолжалась и после выхода в 1943 первого ее изд. «Пулковский меридиан» пользовался большой популярностью, А. Фадеев сказал о нем: «Это прекрасно... Это на века!». Находили читательский отклик и др. произведения И. воен. лет: **«Душа Ленинграда»** (1942), **«О Ленинграде»** (1943), **«О ленинградских детях»** (1942). Работа И. была еще во время войны высоко оценена в статьях В. Гусева «В боевом походе» (Правда. 1942. 19 окт.), И. Эренбурга «В боевом порядке» (Знамя. 1943. № 5–6), Г. Макогоненко «Лен. тема» (Знамя. 1945. № 1), в послевоен. статьях К. Зелинского «Вера Инбер» (Октябрь. 1946. № 5), А. Фадеева «Сов. лит-ра» (Культура и жизнь. 1946. 20 дек.).

Энергичная творч. работа продолжалась и после войны. Своеобразный тематич. цикл стихов и прозы составили очерк **«Три недели в Иране»** (1946), очерк об Узбекистане **«На линии воды»** (1951), кн. стихов **«Путь воды»** (1951). Выходят ретроспективные кн. **«Как я была маленькая»** (1954), **«Вдохновение и мастерство»** (1957), в 1960 выходит кн. **«Апрель»**, посвященная ленинской теме. В 1962 умерла дочь И. — Жанна Гаузнер, талантливая писательница, автор повестей «Я увижу Москву», «Мальчик и небо». Преодолевая горе, И. работает над новыми книгами: **«За много лет»** (1964), **«Страницы дней перебирая...: Из дневников и записных книжек»** (1967).

В 1965–66 избирается членом правлений СП РСФСР и СССР, председателем секции поэзии СП СССР, председателем комиссии по узбекской лит-ре при СП СССР, работает членом редколл. ж. «Знамя», переводит стихи Т. Шевченко, М. Рыльского, Я. Райниса, П. Элюара, Ш. Петефи, И. Бехера, Д. Унгаретти. В 1971 выходят две итоговые кн.: **«Анкета времени. Избр. стихи»** и **«Избр. проза»**. К 40-летию Победы в 1985 лен. дневник И. «Почти три года» переведен в Великобритании и США. Публикуются воспоминания И. о М. Рыльском, М. Пришвине, А. Толстом. В год 90-летия И. вспоминали: «Вера Михайловна Инбер писала о своей жизни: „...Это настоящая жизнь, за кот. мне не будет стыдно в день смерти...“ На такие слова писательница имела полное право...» **(Вечная молодость сердца** // Знамя. 1980. № 7).

Между тем судьба И. не была ровной. Будучи двоюродной племянницей Л. Троцкого (её отец, Моисей (Моня) Филиппович (Липович) Шпенцер был двоюродным братом Троцкого по материнской линии), в годы репрессий, опасаясь за собств. жизнь из-за родства с «неблагонадежным» политиком, горячо любимым ею прежде, кот. она посвятила ряд стих., кот. бывала неоднократно тепло принята в его «высоком кабинете», И. по собств. инициативе выступила с публичным ярким словом, в кот. призывала расстрелять «врагов народа», в т. ч. Троцкого. (Л. Троцкий жил и воспитывался в семье И. в пору учёбы в Одессе в 1889–95). В послевоен. годы была причастна к травле ряда отеч. литераторов, в т. ч. Л. Пастернака, Л. Чуковской.

Награждена орденом «Знак Почёта» (1939). Лауреат Сталинской премии второй степ. (1946). Получила два ордена Трудового Красного Знамени.

В. Казак: «Инбер начинала как одарённая поэтесса, но растеряла свой талант в попытках приспособиться к системе. Её безыскусно рифмованные стихи порождены рассудком, а не сердцем; ее стихи о Пушкине, Ленине и Сталине носят повествовательный характер. Отличительными особенностями поэм Инбер, посвящённых актуальным темам советской действительности, являются однообразие, растянутость; они далеко не оригинальны».

Адрес в Л-де: авг. 1941–46 — ул. Толстого, д. 6.

Соч.: Избр. произв.: В 2 т. М., 1955; Избр. произв.: В 3 т. М., 1958; СС: В 4 т. М., 1965–66; Страницы дней перебирая...: Из дневников и записных книжек. М., 1977; Стихотворения. Пулковский меридиан. Почти три года. Место под солнцем. М., 1981; Пальмовая ветвь, залитая кровью // Звезда. 1982. № 2; Словно старого друга встретил! // Вопросы лит-ры. 1984. № 5; Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1982; Воспоминания о М. Рыльском. М., 1984; Воспоминания о Михаиле Пришвине. М., 1991; Иду на почту // Гимн любви. М., 1991. Т. 1; Смерть луны: Сб. рассказов 1924–38 гг. М., 2011; Сеттер Джек: Сб. детских стихов. М., 2011.

Лит.: Гринберг И. Вера Инбер. М., 1961; Макаров А. Человеку о человеке. М., 1971; Дмитриева Ц. Поэт и время // Инбер В. Анкета времени. М., 1971; Бать Л. Незабываемые встречи. М., 1972; Тихонов Н. Большая судьба // Инбер В. Душа Л-да. Л., 1979; Егорова Л. Подвиг русских писателей // Вопросы лит-ры. 1982. № 12; Резник О. Экраны памяти. М., 1985; Каленкова О. Ранняя лирика Веры Инбер // Русский яз. в нац. школе. 1990. № 7; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Либединская Л. О Вере Инбер... // 24 часа. 1997. № 9; Либединская Л. О Вере Инбер // Александровская слобода. Александров, 1998; Старшинов Н. Что было, то было... // Поэзия. 1999. № 1.

В. Шошин

ЙНГЕ Юрий (Георгий, Эрих) Алексеевич (Альфредович) [1(14).12.1905, пос. Стрельна под СПб. — 28.8.1941, Балтийское море] — поэт, прозаик.

Родился в семье служащего портовой таможни, этнического немца, дед

был лоцманом в Либаве. В 1914 по политич. мотивам (во время гражданской войны его, как немца, хотели исключить из гимназии) пришлось получить русское имя, и Эрих превратился в Юрия: «Здесь перемена родословной, / и я вторично окрещен...» (**«Из биографии»**. 1929). Впрочем, этот факт, как и повод к нему тщательно скрывался в сов. время, происхождение И. официально считалось «прибалтийским».

С 1921 после смерти отца И. работал на з-де «Красный треугольник». Начал печ. в ж. «Резец» (**«Девушка права!»**. 1927). Вскоре стал секретарем ЛИТО при этом ж. В. Саянов писал: «Однажды Дм. Лаврухин познакомил меня с молодым парнем, и я с удивлением узнал, что это и есть И., которого считал моряком. Было что-то скандинавское в его обветренном лице. Стоило в разговоре коснуться волнующих его тем, и он находчиво и зло высмеивал плохое, неоправданное в литературе и жизни». Творч. период И. почти целиком пришелся на довоен. десятилетие, перв. стих. сб. **«Эпоха»** опубл. в 1931. Позже были сб. **«Точка опоры»** (1934) с эпиграфом из стих. Б. Пастернака («О знал бы я, что так бывает»), на что следует обратить внимание, т. к. тогда мировоззрение тонкого поэта считалось «не соответствующим эпохе», но, тем не менее, эстетика его тв-ва привлекала лит. молодежь, И., как и другие, с почтением и восторгом слушал выступления классика. Кстати, «попутничество» (так в дневниках Е. Вечтомовой) И. ставилось ему в вину, как мешающее пролетарскому развитию его тв-ва. Позже у И. выходят **«Сердца друзей»** (1939), **«Город на Балтике»** (1940) и поэма **«Биография большевика»** (1932) о кумире молодежи тех лет Васе Алексееве. И. написал хорошо читающуюся, с многочисленными обращениями к истории России, повесть **«Конец акционерного „Феникса“»** (Нева. 1966. № 10), повесть **«На рассвете»**, историю минного заградителя «Марти» (б. царская яхта «Штандарт»), работал над стих. трагедией **«Жан-Поль Марат»** и над ист. повестью о восстании на корабле «Иоанн Златоуст». Сотрудничал в кронштадтской газ. торпедных катеров «Атака», где также руководил ЛИТО. Море и морской флот — излюбленные темы поэзии И. «Сколько раз вдыхал я горький запах / Камышовых бухт Ораниенбаума...» (**«У залива»**) или «Седое море в дымке и тумане...» (**«Тральщики»**). Стих. **«Я сочинял стихи в газету...»** (1940) поэтически обозначает тему его тв-ва: «Стихи же — сплав свинца и стали, / Слова, зовущие в бои, / И я хочу, чтоб в них предстали / Все современники мои». И. оттачивал свой слог: «О, сколько слов я обожгу, как глину, / Чтоб песнь свою заставить зазвенеть!» (1936).

И. не замыкался в одной теме: присылал корреспонденции с апатитовых рудников Хибин, от Камской ГЭС, из Ткварчели, где, как в Симферополе и Кронштадте остались улицы его имени: «...я услышал хор пернатых / За отрогами Урала...» (**«Странствие»**) или «Если встать спиной к Босфору...» (**«Гость Хашима»**). Во время сов.-финской войны (1939–40) был воен. корр. КБФ. В июне 1941 стал сотрудником газ. «Краснознаменный Балтийский флот» в Таллинне, находился на «Марти». Для запасного портфеля радиокомитета напис. поэму **«Война началась»**, кот. после объявления о начале Великой Отеч. войны передавали по Лен. радио.

Еще в предвоен. стихах И., наряду с тонкими романтич. и философскими опусами **«Гончар»** (1936), **«Свет»**, **«Сев. сонет»** (1939) («Шафранный мох, сухую роговицу, / Костра лесного тающий дымок...»), как и в стихах мн. поэтов 1930-х, важное место занимала патриотич. тема: **«Придет пора: заплесневеет порох...»** (яркое стих. **«Порох»** запоминалось своей афористичностью: «Я мысль свою, заверстанную в слово, / Как эстафету в беге передам». 1933–41), **«Пограничная зона»** (1935), **«Сказание о вереске»** (1940), **«Море (В двусветных залах Русского музея...)»** (1940), **«Гранитный дом снарядами пронизан...»** (1940), стиль и суть кот., как считается, вызвало подражание уже в 1942 (А. Романов), **«Песня о подводниках»**, **«Пробил час»**, **«Морские охотники»**, **«Морская победа»** (все — 1941), вместе с худ. Л. Самойловым составляет плакаты «Бьём!» (находятся в музее В. Маяковского, М.). В архивах гестапо было найдено «Дело» И., так же как и др. писателей, работавших во флоте, они были заочно приговорены к смертной казни за антифашистскую боевую деятельность. Стихи И. в листовках дошли до Рейхстага: «Года пролетят, мы состаримся с ними, / Но слава балтийцев (солдата) — Она на века, / И счастлив я тем, что прочтут мое имя / Средь выцветших строк „Боевого листка“» (**«Боевой листок»**). Погиб И. на ледоколе «Валдемарас» вместе с редакцией «КБФ» при прорыве кораблей из Таллинна в Кронштадт. Посмертно вышли **«Балтийские стихи»** (1942). «...мнится мне, будто вчера / Балтийские волны сомкнулись над ними...» — печально вспоминал его друг поэт А. Прокофьев. Посмертно И. награжден медалью «За оборону Л-да», знаком «За оборону Кронштадта». С 1981-го в стрельнинской биб-ке № 1 им. Ю. Инге действует лит.-краеведческий музей поэта, в центре Стрельны сквер перед биб-кой с 2006-го носит имя И.

Соч.: Эпоха: Стихи. М.; Л., 1931; Биография большевика: Поэма. М.; Л., 1932; То же. Изд. 2-е перер. Л., 1933; Точка опоры: Стихи. Л., 1934; Сердца друзей: Стих. Л., 1939; Город на Балтике. Л., 1940; Балтийские стихи. Л., 1942; Вахтенный журнал: Избр. стихи / Предисл. В. Азаров, А. Зонин, Е. Вечтомова, В. Вишневский. М., 1944; Золотой век: Стих. / Предисл. Вс. Азарова. Л., 1957; Корабельная сторона: Стих. / Предисл. В. Саянова. М., 1957; Опять с тобой: Стих. / Вст. ст. Б. Кежуна. М., 1977; Перед рассветом: Стих. / Вст. ст. В. Орлов. М., 1979; Сов. поэты, павшие на Великой

Отеч. войне / Вст. ст. В. Кардина. М.; Л., 1965; Стихотворения / Послесл. И. Алексахиной. Л., 1982; Слава балтийцев: Стихи. Кронштадт, 2005; Прошедшим дням последней данью: Избр. стих. / Вст. ст. М. Инге-Вечтомовой. СПб., 2005.

Лит.: Нейман Ю. Сердца друзей. Рец. // Лит. обозрение. 1940. № 5; Лавренев Б. Поэт Балтики // Лит. и искусство. 1942. 22 авг.; Долматовский Е. [Предисл.] / Стихи остаются в строю // М., 1949; За Сов. Родину: Памяти лен. писателей, погибших во время Великой Отеч. войны: Сб. Л., 1949; Саянов В. Стихи поэта-бойца. К 15-летию со дня гибели // ЛГ. 1956. 28 авг.; Самойлов Л. О Юрии Инге // Лен. альм. 1956. № 11; Саянов В. Стихи поэта-бойца // ЛГ. 1956. 28 авг.; Андреева А. Стихи — на вооружении // Звезда. 1958. № 5. 31 авг.; Самойлов Л. «Бьём!» // Звезда. 1965. 5 мая; Кежун Б. Имени поэта // Веч. Л-д. 1966. 26 авг.; Павловский А. Блокада и поэзия // Нева. 1973. № 1; Вечтомова Е. Балтика была его жизнью // Белые ночи. Сб. Л., 1978; Зрянина Т. ...И вновь к вам пути отыскал // Сов. Эстония. Таллинн, 1979; Чепуров А. Дорогой дружбы // Таллинн. 1979. № 2; Вишневский В. Битва — до победного конца // Писатели Балтики рассказывают. М., 1981; Азаров В. «Я хочу, чтоб перо приравняли к штыку» // Там же; Азаров В. За победу и честь // Нева. 1983. № 3; Гурвич В. Боевые, горячие, глубокие... // День поэзии. 1987. Л., 1987; Русские сов. писатели. Поэты. Биобиблиогр. указатель. Киев, 1987; Эвентов И. Романтика моря // Давние встречи. Л., 1991; Степанова М. Юрий Инге // Пригороды СПб.: Вопросы и ответы: Сб. СПб., 2005; Романов А. Гений и злодейство // Медвежьи песни. Сб. СПб., 2005. Вып. 12; Симонова Н., Афанасьева Е. Юрий Инге — поэт и моряк. Биобиблиогр. указатель. СПб., 2005.

М. Инге-Вечтомова

ИНО́В Игорь (наст. имя — Ивано́в Игорь Владимирович) [24.8.1930, Симферополь — 22.7.2003, СПб.] — поэт, переводчик, эссеист, учёный.

Родился в семье воен. моряка, прошедшего Великую Отеч. войну от начала и до конца в кач-ве командира подводной лодки в составе Черноморского флота. Мать — уроженка СПб., пианистка. Две стихии — военная и художественная (в юности отец тоже начинал как актёр) оказали решающее влияние на юного И. и определили его последующую судьбу. Проучившись в Нахимовском военно-морском училище г. Тбилиси

с 1943 по 1947 и поняв, что его призвание литература, И. поступает на славянское отд. филологич. фак-та ЛГУ. В это вр. отец выходит в отставку, и семья переезжает в только что оправившийся от блокады город. В ЛГУ учился увлечённо и успешно, блестяще закончил чешское отд., по окончании некот. время читал курс лекций по истории чешской лит-ры для богемистов славянской кафедры.

Стихи начал писать в Нахимовском училище. Будучи студентом ун-та, активно участвовал в работе ЛИТО филфака, увлекался переводами из чешской и словацкой поэзии. Переводы поэзии и прозы стали неотъемлемой частью его лит. деятельности. Посещал лит. семинар и заседания устного альм. «Впервые на русском языке» Е. Эткинда в Доме писателя. Настольной книгой в молодости было «Искусство перевода» К. Чуковского. В тв-ве И. нашла продолжение лен. школа худож. перевода, характеризующаяся точностью в передаче оттенков авторского текста при отсутствии буквализма. Блестящий знаток чешского и словацкого яз. И. никогда не пользовался подстрочником.

Печ. начал с 1951. Писал статьи о чешской лит-ре, откликался на приезды или юбилеи крупных лит. и театр. деятелей, выступал в кач-ве критика привозимых в город спектаклей чешских и словацких театров. Публ. путевые очерки на основе многочисленных поездок по СССР (от Прибалтики до Владивостока и Петропавловска Камчатского), Чехословакии, Польше, Германии, Франции в лен. и моск. прессе. Много переводил с чешского и словацкого, а также с польского, украинского, болгарского, хорватского, венгерского, румынского и др.

Несмотря на обилие напечатанного, путь от рукописи к издателю, как правило, был у И. сложен и драматичен. Своеобразие стиля, когда за каждой прозаич. строчкой стоял поэт, в пору строгой цензуры настораживало редакторов. Это тем более относилось к собств. стихам И., в кот. отсутствовали привычные «проходные» темы. Не было, как откровенно заметил один из редакторов, «паровозика», кот. «вытащил» бы весь сб. или всю подборку, подтвердив полит. лояльность автора. И.-поэт был «сам и событие, и летописец». Поэтому перв. сб. стихов И. **«В часе пути»** вышел относительно поздно (1975), хотя складывался значительно ранее. В предислов. к сб. **«По кромке августа»** (1980) М. Дудин писал: «Игорь Инов умеет вглядываться в мир и замечать только ему, Игорю Инову, свойственное. В его творчестве ощущается сложность запечатлеваемого и сложность души поэта. Самый строй стихов, их необычная образность и ритмическая структура естественны для его индивидуальности». Поэт В. Шефнер определил своеобразие стихов И. так: «Игорь Инов — поэт со своим почерком творческим, со своими поисками и тематическими и в области формы».

Позже последовали сб. И. **«Из дома в дом»** (1987), **«Рукопожатие в Карпатах»** (1988), **«Не наглядятся никогда глаза...»** (1996). Последний состоял из верлибров. Автор предислов. поэт и друг В. Соснора написал: «Я люблю его верлибры, они всегда неожиданны, к ним ещё не привыкли». И дальше: «Игорь Инов обладает ещё одним изумительным свойством — он поэт, кот. любит других поэтов. Я помню начало шестидесятых, когда Игорь Инов составлял подборки для чешских изданий и пропагандировал звенящих тогда ленинградцев. Дар дружбы, талант любви, поэт тонкий и чистый...». Стихи И. переводились на чешский, словацкий, венгерский яз. и др.

В обл. поэзии И.-переводчика привлекали прежде всего поэты-модер-

нисты кон. XIX — перв. пол. XX в. После выхода в М. (1960) однотомника избр. произведений крупнейшего чешского поэта-авангардиста В. Незвала И. получил признание в русских и чешских лит. кругах как талантливый переводчик чешской поэзии на русский яз. Впоследствии не переставал переводить стихотворные, драматургич. и прозаич. произведения своего любимого поэта, а спустя много лет изд. монографию **«Судьба и музы Витезслава Незвала: По страницам воспоминаний, дневников, писем, рукописей»**.

В переводах И. русские читатели познакомились с тв-вом лучших чешских и словацких поэтов: В. Незвала, Я. Сейферта, В. Голана, Ф. Грубина, М. Флориана, В. Завады, Й. Ортена, М. Руфуса, М. Голуба, А. Плавки, Я. Костры, Я. Поничана, П. Горова, Р. Фабри, Й. Мигалковича, Я. Шимоновича и мн. др. Со стихами чешских и словацких поэтов в переводах И. выступали чтец Вячеслав Сомов, актёр Игорь Озеров. В антологии поэтич. переводов «Век перевода», созданной в М., об И. говорится: «Ни одно русское издание чешской и словацкой поэзии в ближайшее столетие уже не обойдётся без его переводов».

И. много занимался переводами прозы. На его счету тома рассказов и романов выдающихся чешских и словацких прозаиков: Я. Гашека, И. Ольбрахта, М. Пуйманової, Э. Басса, Св. Чеха, М. В. Кратохвила, статьи и эссе К. Чапека, Вл. Ванчуры, В. Незвала, романы М. Фигули, Ф. Швантнера и др.

Между тем работу И. порой сопровождали разбирательства с цензурой. После опубликования в ж. «Нева» (1982. № 4) стихотворения лауреата Нобелевской премии Я. Сейферта «Окончание войны» из М. была прислана комиссия, начавшая проверку благонадёжности журнала: оказалось, Сейферт находился у цензоров под большим подозрением. Ещё более крупный скандал разразился после выхода в изд-ве «Искусство» (Л., 1971) книги о чешском авангардистском Освобождённом театре **«Ян Верих. Документальная повесть»**. Только что вышедшая книга привлекла внимание чешских блюстителей полит. нравов — Верих не приветствовал ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968. Со стороны сов. цензуры последовал немедленный ответ: книга была изъята из продажи, тираж уничтожен (уцелели лишь отд. экземпляры, успевшие поступить в крупные биб-ки), редактор кн. лишилась своего места. Лишь после «бархатной революции» ноября 1989 русской книгой о Верихе заинтересовались в Чехии. Пражский ун-т издал чешский вариант **«Jak to všechno bylo, pane Werichu?»**, расширенный И., дополненный его перепиской с Верихом, фотографиями. Появлению кн. о незабываемом довоенном театре и его основателях сопутствовали в Чехии отклики в печ., автору приходили письма благодарности от читателей. Спустя неск. лет книгу под тем же названием дважды (2005 и 2008) переизд. пражское изд-во XYZ.

И. много занимался театром. Из большого кол-ва переведённых им чешских и словацких пьес: Я. Климы, В. Незвала, М. Кубатовой. Й. Магена, Ф. Шрамека, К. и Й. Чапеков, Ф. Лангера, И. Восковца и Я. Вериха, П. О. Гвездослава (некот. в соавт. с О. Малевичем) — две нашли сценическое воплощение: на сцене лен. Театра им. Ленсовета реж. Н. Акимов поставил лирич. комедию в стихах П. Когоута «Хорошая песня» (пер. в соавт. с Л. Друскиным, В. Каменской, О. Малевичем) и моск. Малый театр (реж. В. Хохряков) поставил пьесу классика комедийного жанра Ф. Шамберка «Одиннадцатая заповедь» (пер. в соавт. с О. Малевичем). И. издал антологию **«Чешская и словацкая драматургия перв. пол. XX в. (1918–45)»** (В 2 т. Составление в соавт. с О. Малевичем; предисл., комм., перевод пяти пьес — некот. в соавт. с О. Малевичем).

В кон. 1990-х, после того как открылась возможность исследовать мн. области прошлого, находившиеся дотоле под запретом, И. обратился к изучению судеб русской театр. и лит. эмиграции в Чехословакии. Результатом упорной работы, изучения российских и пражских архивов, эмигрантской европейской печати, бесед с немногочисленными к тому времени очевидцами явился двухтомник **«Литературно-театральная, концертная деятельность беженцев-россиян в Чехословакии»** (вышел посмертно).

Др. темой, ставшей для И. в посл. десятилетие его жизни существенной в научном и организаторском плане, была тема «Т. Г. Масарик и его отношение к России». Задуманной им с И. Порочкиной монографии о Масарике в России и о России в трудах Масарика не суждено было осуществиться при жизни И., он успел опубл. лишь ряд статей, обогативших совр. представления о чешском философе и политике. Усилиями И. во дворике филологич. фак-та СПбГУ Масарику был установлен памятник, до открытия кот. И. не дожил неск. месяцев.

Не увидел И. и неск. своих книг, вышедших уже после его внезапной кончины. Среди них **«Чехи в Санкт-Петербурге»** (в соавт. с И. Порочкиной. СПб.: «Глобус», 2003). Ждёт своего издателя монография о крупном чешском реж. Й. Гонзле, напис. И. в 1990-х **«Йиндржих Гонзл: Роман — исследование»** (рукопись, 380 с.) и кн. воспоминаний о литераторах, художниках, деятелях театра и кино, кот. И. знал, с кем переписывался, дружил — **«Могикане чешской культуры»** (рукопись, 660 с.) Остались стихи, рассыпанные по различным подборкам в ж., в альм. «Днях поэзии» и стихи рукописные, кот. И. мечтал объединить в едином томе.

И. — член СП СССР с 1961, СП СПб. с 1991, член Ассоциации русских верлибристов с 1992, вице-президент просветительского центра чешской культуры в СПб. «Об-во братьев Чапеков», член чешского об-ва «Демократическое движение имени Т. Г. Масарика», лауреат премии GRATIAS AGIT Мин-ва иностранных дел Чешской Республики (2003), вручаемой за выдающиеся заслуги в деле распространения чешской культуры за рубежом, мн. памятных лит. медалей

Соч.: Ян Верих: Докум. повесть. Л., 1971; В часе пути...: Стихи. Л., 1975; По кромке августа: Стихи. Л., 1980; Из дома — в дом: Стихи. Л., 1987; Рукопожатие в Карпатах. Ужгород, 1988; Судьба и музы Витезслава Незвала: Роман-исследование. М., 1990; Jak to všechno bylo, pane Werichu? Praha, 1992; Не наглядятся никогда глаза: Стихи. СПб., 1996; Поэтическая Чехия Бориса Пастернака. Hradec Králové, 2003; Чехи в Санкт-Петербурге (в соавт. с И. Порочкиной).

СПб., 2003; Литературно-театральная, концертная деятельность беженцев-россиян в Чехословакии (20–40 годы XX в.): В 2 т. Praha, 2003; Jak to všechno bylo, pane Werichu? Praha, 2005 (2008); Библиографический указатель работ И. В. Инова // Ежегодник об-ва братьев Чапек. 2002–03. СПб., 2004.

Лит.: Бахтин В. Мир в недавнем прошлом, настоящем и будущем: По страницам майских и июньских номеров «Звезды» и «Невы» // Смена. 1960. 24 июн.; Ivanov IgorVladimirovič. Enciklopédia Slovenska. II. Zvazok Bratislava. 1978; Об Игоре Инове — переводчике и исследователе // В мире книг. 1985, нояб.; Банк Н. Рец. на сб. «Не наглядятся никогда глаза...» // Нева. 1997. № 5; Аникина Т. Научная конференция и открытие выставки, посвящ. 150-й год. со дня рожд. Т. Г. Масарика // Ежегодник Об-ва братьев Чапек. СПб., 2000; Малевич О. «Сам и событие, и летописец»: Об Игоре Инове // Ежегодник Об-ва братьев Чапек. СПб., 2004; Подлинный универсант. Подборка статей об И. Инове (Кучера, Жакова, Малевич, Порочкина) // Санкт-Петербургский ун-т. 2004. № 3.

И. Порочкина

ИО́НИН Герман Николаевич [17.5.1936, Л-д] — поэт, прозаик, литературовед.

Отец, изв. художник Николай Александрович И., родился в д. Наволок б. Петербургской губ. Мать, Екатерина Николаевна, родилась в г. Бежецк, сестра художника А. Самохвалова. Семьи Ионины и Самохваловых жили в Л-де в одном доме и поддерживали дружеские отношения. Мать, получившая искусствоведческое и историко-филологич. образование, преподавала в школе. В 1934 трагически погиб 11-летний сын Ионины, и родившегося через два года ребенка назвали в его память Германом. Отец никогда не забывал свою крестьянскую родину, лето семья проводила в деревне.

Перв. детские впечатления от природы и деревенской жизни многое определяли в мировоззрении И. Не меньшее влияние на него оказала и городская культура. Мать жила воспоминаниями о писателях, поэтах, художниках, судьбы кот. так или иначе были связаны с Бежецком (А. Ахматова, Н. Гумилев, С. Городецкий и др.). Позднее она многое рассказывала сыну о прошлом, называя имена, бывшие в 1940-е под запретом. Обычными гостями семьи Ионины были художники, скульпторы, среди них В. Синайский, В. Малагис, В. Кузнецов, М. Платунов и др. Детские воспоминания, рассказы матери, возможность наблюдать творч. труд отца — все это определило выбор жизненного пути И. и отразилось в его стихах и прозе, придав им во многом автобиогр. черты.

Перв. блокадную зиму И. прожил вместе с семьей в Л-де. В 1942 Ионины были эвакуированы в Киргизию. Жили в пос. Нахаловка, неподалеку от г. Фрунзе (ныне Бишкек). Впечатления об этом периоде жизни отразились в повести **«Киргизия»**, где, как и в др. «автобиографических» произведениях И., докум. правда сочетается с худож. вымыслом. В 1944 семья возвращается в Л-д. Подготовленный матерью в домашних условиях, мальчик поступает в среднюю школу, сразу в 3-й класс, затем, сдав вступ. экзамены, переходит в 5-й класс худож. школы при Ин-те им. И. Репина, думает стать художником. Но смерть отца (обстоятельства кот. воссозданы в повести **«История болезни»**) круто меняет его жизнь. Он возвращается в прежнюю школу, твердо решив «стать поэтом». Ради того чтобы высвободить время для занятий лит-рой, поступает после 7-го класса сначала в заочную, а затем в веч. школу, кот. оканчивает с серебряной медалью. В 1954 как медалист принят на филологич. фак-т ЛГУ. После окончания ун-та два года преподавал в веч. школе Октябрьской железной дороги, потом — поступил в заочную аспирантуру без отрыва от работы учителем в школе № 30 Василеостровского р-на.

В 1971 защитил канд. дис. по тв-ву Г. Державина. В 1974 перешел в НИИ общего образования взрослых при Академии пед. наук, где работал под рук. методиста-литератора Т. Браже. С 1982 преподает в ЛГПИ (ныне — РГПУ) им. А. Герцена, где в 1990 создал кафедру лит-ры на фак-те народов Кр. Севера. В 1992 защитил докт. дис. по проблеме взаимосвязи литературоведения и школьного изучения лит-ры. Мн. исследования И. посвящ. тв-ву Державина, Радищева, Фонвизина, Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Чехова, Есенина, Маяковского, Ахматовой, Булгакова, Л. Леонова и др. В 1987 и 2004 вышли в свет подготовленные им фундаментальные в текстологическом отношении изд. Державина (изд-во «Наука» и «Новая библиотека поэта»). В 1992 становится проф., член.-корр. Петровской АН и искусств, под его ред. выходят учебники, хрестоматии, метод. труды по лит-ре. Вместе с коллегами в 1999 И. создает в РГПУ ин-т по «метаметодическим» проблемам школьного и вузовского образования. Казалось бы, все было ясно в его судьбе и карьере. Однако гл. сюжет жизни И. связывал с лит. тв-вом.

И. начал сочинять в 6 лет, в Киргизии. Позднее продолжает пис. стихи и даже занимается переводами — попытки в 5-м классе переложить стихами фрагменты «Фауста» Гете, в 7-м — сделать свой перевод «Слова о полку Игореве». Посл. труд становится известным Д. Лихачеву, попадает на выставку, посвящ. 150-летию выхода в свет перв. изд. «Слова». В 6-м классе пишет поэму **«Фаэтон»**, кот. будет упомянута в поздней повести **«Стерх»**. К 1958 относится перв. публ. И. (два стих. в альм. «Дружба»). Затем — еще два напечатанных стих., а дальше — перерыв на 30 лет. Причем все эти годы И. не прекращает писать, но после неск. попыток «напечататься» к публикациям больше не стремится. В эти годы закончены повесть **«Климовщина»** и «Киргизия», множество лирич. стих. Несмотря на поощрительные отзывы Д. Шостаковича, Ц. Кин, В. Рождественского, Л. Друскина, Л. Соловьева, И. не имеет воз-

можности «пробиться в лит-ру». Такие попытки предпринимали и его редактор по альм. «Дружба» А. Хршановский, и проф. Г. Макогоненко, и др. Одной из причин тому была сложность и зашифрованность юношеской лирики, другая заключалась в оппозиционном духе его лирики и нежелании следовать конъюнктуре. Тем не менее тогда постепенно складывалась поэма **«Данте»**, кот. и была наконец «собрана» и опубл. отдельным изд. в 1996. Затем последовали еще три кн., соединяющие в себе стихи и прозу, — **«Троечастие»** (1999), **«Вторая ипостась»** (2004) и **«Апокалипсис»** (2009). Теперь произведения И. печ. в различных изд. В 2000 стал членом СП России.

В поэму «Данте» вошли лучшие из лирич. строф И. наряду с др., рефлективными, отражающими трагич. конфликты времени. Поэма состоит из трех частей, названных, как в «Божественной комедии» Данте, «Ад», «Чистилище», «Рай». Лирич. герой поэмы — Данте, такой, каким он живет в читательском мире автора, или же сам автор, перевоплощенный в любимого поэта, а порой и прямо говорящий от своего имени, заново путешествует по загробному миру, в кот. за семь веков мировой и российской истории произошли «катастрофические изменения». «В сущности, „Данте“ — это лично пережитая и выстраданная „энциклопедия души“ — и отдельного человека, и души культуры, переживающих вдруг (и не впервые!) наступление очередных судорог истории» (В. Акимов. Триптих Германа Ионина). Дантовский космос взорван, в него проникли персонажи, явившиеся в более поздние столетия. Потустороннее инобытие и нынешняя современность отождествились. Каждое из стих., составляющих текст поэмы, — голос, принадлежащий кому-либо из персонажей, а в целом — полифония реплик и монологов составляет единую фреску и — одновременно — духовный мир лирич. героя. Именно такая напряженная жизнь души, по мысли И., путь выхода из мирового кризиса, при условии, если в каждом из человеческих «я» осуществится подобная полифония голосов. Вопрос о постмодернистской стилевой природе поэмы «Данте» правомерен, но глубинная направленность позиции автора по отношению к постмодернизму вполне полемична: поэт «расковывает» текст, восстанавливая спасительные для жизни нравственные ценности, кот. исчезают, если, напротив, мир подменяется «текстом».

В дек. 1997 в СПб. трагически погиб мл. сын И. — двадцатишестилетний Михаил. Катастрофа разделила жизнь и тв-во И. на «до» и «после». Смерти сына посвящ. поэма **«Миша»** и цикл стих. **«На грани двух миров»**. Поэма состоит из небольших стихотворений-глав. О трагедии рассказано простым, освобожденным от метафор языком, так, чтобы ритмы и рифмы не замечались. Живое ядро всей композиции — стихи, обращенные к матери убитого сына. В произведении три плана: один — фактически точный, другой — публицистически заостренный (смерть сына обнажает судьбы многих), третий — религиозный (здесь впервые намечены принципы и опоры новой веры, утверждающей ипостасность всего сущего). Текст поэмы напрямую воспроизводит живое слово, характерное для автора в его общении с близкими, учениками, слушателями. Поэма «Миша», потрясающая как человеческий документ, знаменует новый этап его тв-ва. Цикл «На грани двух миров» (2004), более конкретно и вместе с тем предельно обобщенно соединяет личную тему (смерть сына) и невыносимо острое переживание ист. судьбы России. Множество мотивов, тем и образов, перекликаясь и сплетаясь друг с другом, создают единую медитацию. Каждая из картин выписана детально и зримо, четкость рисунка, словесная живопись, бытовые реалии, ясность и прозрачность языка и стиха, ритмич. разнообразие — все свидетельствует о том, что «На грани двух миров» — наиболее художественно совершенное достижение автора в обл. поэзии.

Перв. завершенная повесть И. — «Климовщина» (название деревни, где после войны жили родственники отца). Композиционно повесть представляет собой цепь небольших главок, рассказывающих о детстве автора. Это самое светлое из всех произведений И. Оно рисует исторически наиболее гармоничный и добрый момент отеч. истории XX в. — лето 1946, когда, после великой победы, все как будто бы начиналось заново. В повести много персонажей — взрослых и детей, горожан и деревенских жителей, и все они «на равных» окружают гл. героя. Мягкая самоирония, открытый психологизм, цветные, подобные этюдам отца, картины природы, бытовые зарисовки, доверительная простота языка и яркая выразительность создают худож. органику этой повести.

«Киргизия» знаменует новый шаг И.-прозаика. Психологизм становится более углубленным. Как и прежде, вокруг осн. героя много людей, как и прежде, особое внимание уделяется отцу и матери. И все же гл., автобиографич. персонаж более определенно перемещается в центр повествования. Внутренний мир героя обнаружен словно под увеличительным стеклом. Идет подробный рассказ о детской религиозности шестилетнего мальчика и о том, как игры с ребятами-ровесниками позволяют ему пережить вполне взрослые ситуации поиска призвания и нравственной цели в жизни. Кажется невероятным, что ребенок может так думать и так поступать. Несомненно, многое в повести привнесено воображением и последующей взрослой рефлексией. Тем не менее в «Киргизии» состоялось особое открытие детства, психологически вполне достоверное, согретое юмором и подтвержденное богатством реалий.

Посл. три повести И. смыкаются с поэмой «Миша», с циклом «На грани двух миров» и резко отличаются по проблематике и худож. решениям от всего написанного прежде. Им свойствен, если употребить условный термин автора, «ипостасный психологический реализм». **«История болезни»** рассказывает о смерти отца. Биогр. канва, пунктирно выведенная с помощью конкретных эпизодов (довоенное время, блокада, скрытый конфликт с временем, отчуждение от офиц. заказов и смерть во вр. работы над последней из заказных картин), позволяет автору нарисовать панораму истории страны в сов. период. Тема детской религиозности, затронутая в «Киргизии», здесь находит завершение; ипостасная вера на миг воскрешает отца и приоткрывает тайну сознания на грани бытия и небытия. В повести определенно указаны истоки и спасительная почва новой

религии, связанная с традиц. русской культурой. «История болезни» — введение к повестям **«Один»** и «Стерх». Повесть «Один» — поток сознания Миши Ионина в теч. ночи за неск. недель до гибели от рук наёмных убийц. Задача автора чисто художественная, прямые публицистич. обобщения и акценты из повести изъяты. Тем не менее из внутреннего монолога Миши встает страшная картина 1990-х. Ей автор противопоставляет непосредственно воссозданный духовный мир сына-единомышленника. Это тем убедительней, что сын находится в гуще событий того мира, кот. несет ему смерть. «Стерх» построен иначе. Миша уже за чертой бытия. Но отец, тоже но его следам побывавший за этой чертой и вернувшийся назад, открывает в себе способность на какое-то время вернуть оттуда и сына. Вместе им удастся прожить лишь два дня. Первая часть повести — сверхсознание отца, вторая — такое же, но иное сверхсознание Миши. По отношению друг к другу каждое из них — вторая ипостась. Поэтому читателем не только осознается тождество этих сознаний и в то же время их разграниченность, но создается почти физическое ощущение возможности взаимоперехода сознаний, позволяющего воздействовать на гл. всепоглощающую и творящую силу — Небытие. Финал повести горек, но не безнадежен.

В кн. И. **«Троечастие»**, **«Вторая ипостась»** и **«Апокалипсис»** большое значение имеет композиц. расположение стихов и прозы, а в двух последних — порядок повестей. Т. о. книга может быть рассмотрена как единое произведение. Напр., цикл «На грани двух миров» вводит в прозу. Рассказ «История болезни» оказывается вторым прологом к ней. Дальше повести следуют не по порядку их написания, а по хронологии событий (война, лето 1946, конец века). Поздняя проза И., при всей ее психологичности и изобразительности, в большей мере, чем прежде, сближается со стихами — ее ритмичность, а порой гекзаметричность как будто помогают ощутить естественную и запредельную реальность взаимоперехода сознаний — главное из откровений «ипостасного реализма».

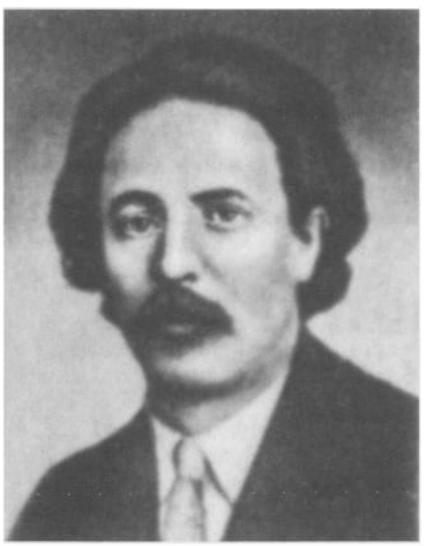
В. Акимов неоднократно писал об уникальности и вместе с тем назревшей востребованности сегодня творч. опыта И.

Соч.: Данте: Поэма. СПб., 1996; Троечастие: Поэмы. Проза. СПб., 1999; Стерх // Космическое видение на грани тысячелетий. СПб.-Ханты-Мансийск, 2002; История болезни // От Невы до Камчатки: Спец. приложение к ж. «Новый век». 2004; Вторая ипостась: Повесть. СПб., 2004; Апокалипсис. М., 2009; Лит-ра. 10 класс: В 3 кн. (в соавт.). М., 2011; Лит-ра. 11 класс. Базовый и профильный уровни: В 3 кн. (в соавт.). М., 2011; Притчи: Поэма, повести. СПб., 2013.

Лит.: Акимов В. «Прообразы живые, убейте пустоту...» // Ионин Г. Данте. СПб., 1996; Акимов В. Триптих Германа Ионина // Ионин Г. Троечастие. СПб., 1999; Акимов В. Память души // Ионин Г. Вторая ипостась. СПб., 2004; Берг М. Тридцать лет спустя (30-я, 10-б 1969-го) // Звезда. 1998. № 5; Кречетов В. Герман Ионин — поиски нового пути в лит-ре // Музы на Фонтанке. Вып. 17. СПб., 2008; Кречетов В. Отец и сын // Аврора. 2008. № 3; Кречетов В. Поиск нового пути в литре. Герман Ионин // Петерб. лит-ра на рубеже вв.: Сб. лит.-крит. статей о совр. писателях. СПб., 2011; Сереброва Г. Исповедь (Отклик читателя на книгу Г. Ионина «Апокалипсис») // Невский альм. 2011. № 2 (57); Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Кречетов

ИО́НОВ Илья (наст. имя — Илья Ионович Бернштейн; др. псевд. — Звонарь) [1887, Одесса — 1942] — поэт.



Родился в мещанской семье. С двенадцати лет работал в типографии, затем поступил в худож. училище, был исключен за рев. деятельность. Неоднократно подвергался арестам.

Писать начал в 1905. Был активистом рев. деятельности. Вскоре был приговорен к ссылке в Тару Тобольской губ., оттуда бежал. В нояб. 1908 по обвинению в принадлежности к военно-боевой организации Петерб. комитета РСДРП приговорен к 8 годам каторги, кот. отбывал в каторжных тюрьмах, в т. ч. в Шлиссельбургской крепости, затем в Пскове и Орле. В 1913 сослан в Сибирь, сначала в Нарым, затем в 1915 в с. Тутура Верхоленского у. Иркутской губ., где пробыл до Февральской революции 1917.

Публ. стихи в нелегальных изд., в частности, в рукописном сибирском ж. «Елань». В годы Первой мировой писал стихи, в кот. пытался осознать причины войны и гибели людей **«От нив родных его отняли...»** (1917).

После Февральской революции приехал в Пг., печ. в большевистских газ. «Правда», «Солдат», «Прибой», «Окопная правда». После Октября сотрудник Пролеткульта. В 1918–19 сотрудничал в сатирич. ж. «Красный дьявол».

В 1917 выпустил в Пг. в изд-ве «Прибой» перв. кн. стихов **«Алое поле»** (переизд. в 1918). Занимался ред.-изд. деятельностью (на протяжении ряда лет — с 1918 по 1932 — по изд. вопросам переписывался с М. Горьким) и продолжал писать стих.

В 1920 сопровождал председателя Исполкома Коминтерна Г. Зиновьева во время поездки в Германию, где закупил значительное кол-во различных товаров, прибывших в Пг. морем, среди них работы «Товарищества пролетарского искусства» Ф. Брасса. В 1924–25 возглавлял ЛО Госиздата, где твёрдо проводил линию партии. Один из зачинателей полит. цензуры в СССР. В 1924 при его участии было закрыто организованное Горьким изд-во «Всемирная лит-ра», чем лишил заработка мн. талантливых писателей «некоммунистической» ориентации. Среди прочих запретил публикацию кн. И. Эренбурга «Рвач», написав ему записку, что «книга в пределах СССР выйти не может».

С 1926 до нач. 1928-го на загранработе в США, в «All-Russian textile

syndicate». Занимался закупкой хлопка.

В 1920-е в Госиздате (Пг.) выпустил две книги стих.: «**Колос**» (1921) и «**Октябрьские дни**» (1926).

В 1928–30 возглавлял изд-во «Земля и фабрика» (ЗИФ), заменив снятого с работы и исключённого из партии В. Нарбута на посту председателя правления. В 1928–32 руководил изд-вом «Academia». 25 янв. 1932 Горький писал из Сорренто Сталину по поводу И.: «...я очень прошу Вас обратить внимание на вреднейшую склоку, затеянную этим ненормальным человеком и способную совершенно разрушить издательство „Академия". Ионов любит книгу, это, на мой взгляд, единственное его достоинство, но он недостаточно грамотен, чтобы руководить таким культурным делом». В апр. 1932 И. оставил «Academia» (его сменил Л. Каменев). Был назначен председателем акционерного об-ва «Международная книга».

В 1937 арестован (вероятно, сыграло роль то, что он был братом Златы Лилиной, первой жены Г. Е. Зиновьева). В 1942 умер в Севлаге. Реабилитирован посмертно.

Соч.: Алое поле: Стих. Пг., 1917; Колос: Стих. Пг., 1921; Владимир Осипович Лихтенштадт (Мазин). Пг., 1921.

Лит.: «Жму Вашу руку, дорогой товарищ» / Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина // Новый мир. 1998. № 9; Залесский К. Империя Сталина. Биогр. энц. словарь. М., 2000.

ИО́ССЕЛЬ Михаил Юрьевич [4.7. 1955, Л-д] — прозаик, переводчик, лит. деятель.

Отец — инженер, докт. технич. наук (1930–99). Мать — инженер.

В 1978 закончил Кораблестроительный ин-т. По окончании работал инженером, позже сторожем в ЦПКиО.

Член «Клуба–81». Об этом периоде И. говорит: «...это был, пожалуй, наиболее важный период в моей литературной карьере. Ведь это была не только альтернативная литература, но и жизненная среда, кот. обеспечивала духовное, культурное существование большой группе людей, выброшенных из официальной культуры. Тогда я подружился со многими членами „Клуба-81". В то время мы

активно знакомились с „запрещенной" литературой. Нелегально привезенные из-за рубежа издания распространялись в „Клубе–81". Вместе с покойным Сергеем Хреновым мы выпускали журнал „Предлог" — наверное, единственный журнал в самиздате, преимущественно посвященный переводам современной западной прозы и поэзии. Многие переводы мы делали сами, писали статьи об авторах. Уже тогда я переводил стихи Роберта Крили, Джона Эшбери, Чарльза Симика, Марка Стрэнда, Кеннета Коча, Фрэнка О'Хары, Чарльза Буковски, и других американских поэтов. Это была не только литературная школа, но и школа свободомыслия, подготовка к последующей жизни в США, о которой я тогда имел самое смутное представление. В каком-то смысле чистилище...».

Писал прозу, переводил американскую прозу и поэзию. Опубл. в ж. «Часы» повесть «**Змееносцы**» (под псевд. М. Галин), печ. в «Митином ж.» и в сб. «Предлог». Том соч. И. издан приложением к сб. «Предлог». Среди писателей-современников И. выделяет немногих: «Из писателей, кот. тогда печатались, одним из самых интересных был Андрей Битов. Моим любимым писателем был Василий Аксенов. Очень любил и люблю Фазиля Искандера. Нравились Валерий Попов, Александр Житинский и молодые авторы, печатавшиеся в „Метрополе". Тогда было неожиданное изобилие всего, и хотелось сразу все понять, прочитать, осмыслить. Вместе с тем, учителей из числа российских писателей мне выделить трудно, поскольку я постоянно открывал новое и искал свой стиль, но не было никого, кому бы я сознательно подражал. Пожалуй, самое большое влияние на меня тогда оказали американские постмодернисты: поэты Роберт Крили, Джон Эшбери, прозаики Гилберт Соррентино, Роберт Кувер, Дональд Бартельми... Гилберт Соррентино, которого я считаю крупнейшим американским писателем его поколения, впоследствии стал моим учителем и другом, в бытность мою в Стэнфордском университете».

В 1986 эмигрировал в США. «Мне хотелось уехать из Советского Союза, как и многим, потому что жизнь здесь была серой, свинцовой, тяжелой. Это была — ничего нового я здесь не скажу — страна узаконенного вранья, воронья у власти, тошнотной пропаганды, страна, в которой не хватало кислорода, в которой по всем каналам показывали неандертальскую физиономию Брежнева. Сейчас многие идеализируют прошлое, забывая, что это было. Главное — это было безумно скучно, невыносимо знать, что здесь ты как родился, так и умрешь. Детский сад для взрослых с элементами военных сборов. А самые престижные должности, понятное дело: бармен и продавщица пивного ларька. Страна, из кот. хотелось вырваться в другой мир, где есть цвета и солнечный небосвод. Все мы были сторожами или дворниками. Дети подземелья. <...> Но что это была за жизнь? Яркие цвета мы видели только, когда находились в состоянии сильного алкогольного опьянения».

В США публ. прозу, напис. на английском, в различных лит. ж. Издво «Norton» (Нью-Йорк) выпустило сб. рассказов «**Every Hunter Wants to Know**» («**Каждый охотник желает знать...**», на английском яз.), кот. впоследствии был переведен на французский, японский и др. яз. «Когда я приехал в Америку, то думал, что буду писать по-русски, печатать книжки и получать за это деньги. В СССР я какое-то время работал инженером, но знал, что инженером быть больше не хочу. Очень скоро мне стало ясно, что русские тексты, мяг-

ко говоря, не приносят доходов. В Америке большинство людей по-русски не читают. Я начал работать в бостонских книжных магазинах, чтоб поднабрать язык, и попробовал писать прозу по-английски, просто с целью вначале попрактиковаться в языке...». Позднее закончил лит. аспирантуру Ун-та Нью Хэмпшира («Я получил возможность в течение двух лет не заниматься ничем, кроме литературы»), стал лауреатом Стегнеровской стипендии в Стэнфордском ун-те, после чего преподавал лит. мастерство в ун-те Миннесоты, Нью-Йоркском ун-те, ун-те Сейнт Лоренса, Юнион колледже. С 2004 — проф. английского фак-та и директор лит. аспирантуры ун-та Конкордия в Монреале, Канада.

Основатель международных (Россия, Кения, Литва, Канада) программ Летние лит. семинары (Summer Literary Seminars, or SLS: www.sumlitsem.org), созданных в 1998. Одна из осн. задач SLS — развитие международных профессиональных коммуникаций: организация знакомства и общения писателей из разных стран, проведение мастер-классов для начинающих литераторов и студентов гуманитарных вузов. И.: «...в Штатах я окончил писательскую аспирантуру, стал писать и печататься по-английски, преподавать литературу в писательских программах в аспирантуре <...> В США более 300 писательских программ — при каждом университете практически, и каждая является по сути минилитературным институтом. Любой человек, желающий стать писателем, может поучиться литературному мастерству у профессиональных писателей. <...> В первый раз я собрал небольшую группу своих друзей — писателей и преподавателей, среди них — 12 участников и 3 профессора. В дальнейшем эта программа разрослась, став через несколько лет одной из крупнейших литературных конференций такого рода в мире». Летние лит. семинары проходили в СПб. с 1998 по 2008. Через них прошли в качестве студентов более тысячи писателей со всех концов Сев. Америки, а также Европы и Африки. Мн. из выпускников программы впоследствии стали изв. писателями. Цвет американской и канадской литры побывал в СПб. в контексте Летних лит. семинаров, в качестве преподавателей: лауреаты Пулитцеровских премий, поэты-лауреаты биб-ки Конгресса США: по уровню писателей, преподававших в программе, она не имеет себе равных в мире. Весь список преподавателей программы можно найте на сайте программы: www.sumlitsem.org. В рамках программы в России в ней участвовали ведущие российские писатели и поэты, в качестве лекторов и преподавателей, участников дискуссий и чтецов: Пригов и Шварц, Драгомощенко и Эпштейн, Зорин и Ямпольский, Скидан и Алешковский, Горалик и Львовский, Гандлевский и Костюков, и мн. др. С. Гандлевский и Л. Костюков давали мастер классы для молодых русскоязычных писателей, отобранных по результатам лит. конкурса «Тамиздат», проводимого программой в 2007. Каждый год в кон. 1990-х — сер. 2000-х программа привозила в СПб. более 120 студентов и 30–40 преподавателей.

Ред. и сост. лит. антологий, вышедших в США, Канаде, и Великобритании: «AmeriKa» (сб. эссе совр. российских писателей об Америке; совм. с Дж. Паркером, изд-во Dalkey Archive) и «Rasskazy» (сб. рассказов совр. российских писателей; совм. с Дж. Паркером, изд-во Tin House). Является членом редколл. и участвовал в подготовке перв. номера ж. «St. Petersburg Review». Говоря о совр. российской лит-ре, И. размышляет: «Мне нравятся тексты Михаила Шишкина, Дмитрия Быкова, Ольги Славниковой, Алексея Иванова, и многих других». Интересны мысли И. о постмодернизме: «Когда что-то умирает <речь идет о смерти „постмодерна“>, тогда что-то одновременно и рождается. Прелесть постмодернизма в том, что убить его невозможно — возникает постпостмодернизм и т. д. Можно наклеить и какие-то другие ярлыки — например, metafiction, металитература, короче говоря, литература, опирающаяся на то, что уже написано. Ведь постмодернизм — это опора на то, что уже создано, и в то же время — отсылка к определенному уровню эрудиции читателя. Если, скажем, писатель использует героев Джойса или Флэнна О'Брайена, то предполагается, что читатель знает, о чем идет речь...».

И. — один из немногих русскоязычных писателей своего поколения, кто сумел войти в американскую (англоязычную) лит-ру в качестве ее полноправного участника. Как говорит И., сюжеты и образы в его тв-ве рождаются «сразу» и «по-английски»: «Синхронного перевода у меня в голове не происходит. Английский язык очень сильно отличается от русского, поэтому „думать“ можно либо на одном, либо на другом. Впрочем, люди чаще всего не думают в словах...». Критика отмечает стремительность и сжатость поэтич. письма И., тематич. многоплановость, глубину реминисценций, широту эрудиции, афористичность яз.

Лауреат премий Нац. фонда искусств, Фонда Гуггенхайма и др. Премию Фонда Гуггенхайма получил первым (после Набокова) среди выходцев из России.

Рассказы и эссе И. публикуются в различных газ. и ж. США и Канады.

Соч.: Змееносцы // Часы. 1983. № 45 (по псевд. М. Галин); [Переводы из совр. американских писателей (Дж. Апдайк, М. Браун, Ч. Буковски, Х. Керрут, Р. Крили, Дж. Локлин, Г. Скотт, Р. Шелтон)] // Часы. 1984. № 48; Свет в темном углу: О поэзии и прозе Чарльза Буковского // Предлог. 1984/85. № 3; То же // Часы. 1985. № 54; Наивный Канавин. Грамотный (Рассказы) // Часы. 1985. № 55; Дорога // Митин ж. 1985. № 6; Жизнь на поле // Митин ж. 1987. № 7; «Правда зависит от того, кем и кому она сказывается» // Митин ж. 1987. № 13; Бессонница // Знамя. 1995. № 2; Every Hunter Wants to Know... A Leningrad Life. N.-Y., 1991; Стихи // 24 поэта и 2 комиссара: Альм. СПб., 1994; AmeriKa: Сб. / Сост. И. и Дж. Паркер. Dalkey Archive, 2004; Rasskazy: Сб. / Сост. И. и Дж. Паркер. Tin House, 2010 и др.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; «Мы стараемся пригласить весь цвет американской литературы» / Беседа с М. Иосселем // Дети Ра. 2008. № 5 (43).

ИРЕ́ЦКИЙ В. (наст. имя Виктор Яковлевич Гликман) [1(13).9.1886, Харьков — 18.11.1936, Берлин] — прозаик, критик.

Родился и воспитывался в семье провинциальных интеллигентов, учился в Белостокском реальном училище, на агрономическом фак-те Киевского политехнич. ин-та, на юридическом фак-те СПб. ун-та. В студенч. годы начал писать рас-

сказы, первоначально о деревенской жизни. В рассказе «**Ожидание**» (1906) речь шла о крестьянском бунте, в рассказе «**Мамонт**» (1908) — о фатальном взаимонепонимании помещиков и мужиков, в «**Книге без конца**» (1912) — о столыпинских казнях, а в «**Странниках**» (1914) — о разорении дворян.

Одновременно сотрудничал в одной из крупнейших петерб. газ. «Речь», где в библиогр. заметках вел разговор г. о. о выходивших на русском яз. произведениях западноевропейской лит-ры. В 1912 был первым, кто написал рец. на сб. произведений французского поэта Фр. Жамма, вышедший в пер. И. Эренбурга.

Свои рассказы печ. в основном в «тонких» журналах типа популярного «Солнца России» и с 1911 по 1917 опубл. там свыше 30 произведений, отличавшихся хорошо разработанной интригой. Мастерство построения сюжета проявилось у И. не только в рассказах о деревне, но и в произведениях на др. темы: «**Белая ночь**» (1915) — об отношениях между мужчиной и женщиной; «**Опасный путь**» (1915) — воен. рассказ, созданный в духе приключ. лит-ры, и др. В 1915 вышла перв. кн. И.— сб. его лучших рассказов «**Суета**».

К революции в России И. первоначально отнесся как к мат-лу с лихо закрученной интригой. На основании взятых им интервью И. в 1917 выпустил брошюры «**Охранка**» и «**Романовы**». Однако разразившаяся вслед за революцией Гражданская война, несмотря на обилие в ней авантюрных, трагических и просто захватывающих сюжетов, темой для тв-ва И. не стала. В эти годы он писал рассказы о западноевропейской старине, составившие книгу «**Гравюры**» (1921).

В перв. годы сов. власти активно занялся обществ. работой на ниве лит-ры. Был одним из организаторов Всероссийского профессионального союза писателей, состоял в числе руководителей пг. Дома литераторов. Эта деятельность не удовлетворяла новые власти России, и в 1922 был выслан за границу.

Оказавшись в Берлине, немедленно включился в лит. жизнь Русского зарубежья. Он был среди пост. посетителей берлинского Дома искусств, выступал там с д-дами, регулярно сотрудничал с русскими газ. Берлина, Нью-Йорка и особенно Риги, где в газ. «Сегодня» в 1924–36 опубл. свыше 100 статей, рец. и рассказов.

Произведения И. печ. и в выходивших в Берлине сб. «Собачья жизнь» (1922), «Пчелы» (1923), в альм. «Струги» (1923) и мн. др. Одна за другой выходили авторские кн. И. — роман из сов. жизни «**Похитители огня**» (1923), трагикомедия «**Мышеловка**» (1924) (постав. на русской сцене в Берлине), сб. рассказов «**Коварство и любовь**» (1926), роман «**Наследник**» (1928), роман в рассказах «**Холодный уголь**» (1930), роман «**Пленник**» (1931), повесть «**Прибежище**» (1931).

В 1931 в рижской газ. «Сегодня» печ. воспоминания о его лит. молодости, где в частности рассказывалось о начале лит. деятельности Н. Гумилева.

Умер И. в 1936. Посмертно вышла лишь одна его книга — сб. рассказов о родине «**Она**» (1937). С тех пор произведения И. не переизд., а его имя упоминалось лишь в связи с др. писателями, судьбы кот. нередко пересекались с И. Так, он был в дружеских отношениях с А. Блоком в посл. годы жизни поэта, о чем Блок неоднократно упоминал в «Записных книжках» и письмах. Связывала судьба И. и со мн. писателями Русского зарубежья, о чем рассказали Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз в кн. «Русский Берлин. 1921–23» (Paris, 1983), Н. Берберова в кн. «Железная женщина» и др.

Соч.: Суета: Рассказы. Пг., 1915; Гравюры: Рассказы. Пг., 1921; Она: Сб. рассказов. Берлин, 1937.

В. Попов

ИРИ́НИН Михаил Степанович [1908, с. Рождествено Старицкого у. Тверской губ. (ныне Калининской обл.) — 1936, Хабаровск (?)] — прозаик, поэт.

Наст. фамилия — Журавлев. Вспоминая о нем, Вс. Азаров говорил, что «Ирининым он назывался по имени матери, Ирины Михайловны, кот. горячо любил».

Окончил сельскую школу. Юношей уехал из деревни в Л-д, чтобы строить социализм. Поступил на Балтийский судостроительный з-д, приобрел профессию клепальщика. Систематич. образования не получил, но жадный ум требовал пищи. Не считаясь с трудным бытом, занимался самообразованием, читал ночами. Стал литератором. Однако мало мат-лов, из кот. можно было бы составить представление о том, как из деревенского парня, затем рабочего-судостроителя вырастал автор талантливых кн.

Большое влияние на формирование тв-ва молодого И. оказал, по словам его жены Валентины Васильевны Астаховой, его перв. лит. наставник, талантливый педагог Емельян Серафимович Ярмагаев. Их познакомил товарищ И., композитор Иванишин. Помогли начинавшему печ. в те годы И. лит. студия ж. «Резец» и ее рук.

поэт и теоретик Алексей Крайский. За неск. лет И. сумел сделать многое.

Три года жизни И. — 1930, 1931, 1932 — были для молодого литератора как неожиданный сполох средь будней первой пятилетки, как порыв души, устремленной к поэтич. слову. В эти годы «ленинградской» жизни выпустил повесть **«Земля в цвету»** (М., 1930), кн. **«Поперек поля»** (Л., 1930), роман **«Бунт на коленях»** (Л., 1931), повесть **«Летопись Микулина Городища»** (Л., 1931), кот. отличали свежесть словесного строя, образность мышления, лаконизм яз. В 1931 вышел и его поэтич. сб. **«Земля»**, а годом позже агитпоэма **«Вооруженный комсомол»** (в соавт. с Вс. Азаровым). Азаров вспоминал: «В Доме книги, по всей вероятности в 1930 году, я познакомился с даровитым, к тому времени уже довольно известным писателем Михаилом Ирининым».

Поэт жил тем, чем жила страна и в те давно минувшие годы. В кн. «Бунт на коленях» романный сюжет сплетается с очерковыми отступлениями о днях, в кот. жил сам автор. «Бунт на коленях» о заводе, о рабочих — молодых, старых, самых разных, о жизни и быте людей труда 1930-х. В ней нет звонких фраз о героизме, соревновании, но есть живые характеры, чувство времени. И много поэзии, в кот. прорывается яркое пламя таланта.

В стихах И. романтик, но романтик трезвый, пробуждающийся: «Но были песни, / Как припадок астмы, / Как будто рот забит землей, / Когда простой, в полоску, синий галстук / Грозил смертельной стать петлей. / Как кони ржут постельные пружины, / Пот, как поддельный жемчуг на лице, / И застекленный / Со стены Дзержинский / С ним разговаривал о ТВС...». Не за эти ли или подобные им стихи поплатился И. жизнью: «Мы отвыкаем ценить вранье, / Стали во всем осторожны, как змеи, / С ужасом слушаем соловьев / И на луну посмотреть не смеем. / Но если оглянешься, там и тут / Растут нетерпенье и тревога. / Звери ликуют, камни цветут, / Женщины больше не верят в бога. / Люди и вещи обнажены...» (26 дек. 1932). Стихи И. до сих пор не собраны, не переизд.

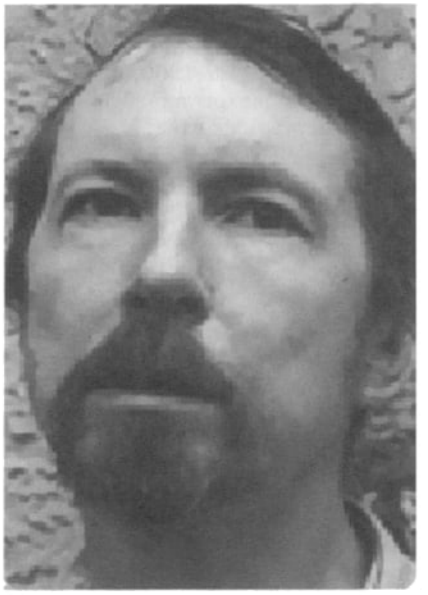
Посл. год жизни И. провел на Дальнем Востоке. Жил в Хабаровске, печ. в газ. «Тихоокеанский комсомолец» и «Тихоокеанская звезда». Там и был арестован, захваченный волной террора, поднявшегося после гибели С. Кирова.

В 1968 Вс. Азаров подготовил публикацию о друге в «Дне поэзии», где не мог открыто сообщить о трагич. судьбе И., написал лишь одно: «Иринин рано ушел из жизни».

Л-д не был родиной И., физической родиной, но сделался его родиной творческой. Он любил этот город, особенно ту его часть, что отражалась в бесконечно плывущей реке: «Сильная, освобожденная ото льда, Нева, как никогда многоводная в этот год, подступала почти к самым стапелям, но круто поднятые кормовые стороны судов были для нее все же недосягаемы, и только немногим волнам, случайно взявшим большую высоту, на мгновение удавалось коснуться и прильнуть к береженным и недоступным корабельным грудям, чтобы через мгновение заново рухнуть вниз, рассерженно и шумно, а на лосных коричневых громадах оставалось только чуть розовеющее кружево пены».

Лит.: Дичаров З. Вексель не оплачен // Распятые: Сб. СПб., 1994.

З. Дичаров



ИСПОЛА́ТОВ Николай Николаевич [14.4.1951, Л-д] — драматург, режиссер, поэт.

Детство провел в г. Котельнич Кировской обл. Из семьи учителей (родители преподавали английский и немецкий яз.). Мать — ссыльная немка, три ее брата были расстреляны в 1938. Отец во время Великой Отеч. войны был защитником Брестской крепости, потом военнопленным. Отец И. — автор книги о войне «Люди трудной судьбы» (1963).

В 1964 семья переехала в Л-д. В 1968 закончил ср. школу. В 1974 окончил ЛГИТМиК. Актёра театра и кино. С 1975 по 1979 работал в ТЮЗах Красноярска и Орла. Играл роли классического и совр. репертуара — Клант в «Тартюфе» Мольера, отец Монтекки в «Ромэо и Джульетте» Шекспира, капитан Туманович в «Рассказе о простой вещи» Б. Лавренёва, директор Иван Васильевич в «Солнечном ударе» Ю. Яковлева, Злой волшебник в сказке «Звёздный мальчик» О. Уайльд и др. С 1983 много снимается в кино, сыграл в фильмах реж. Трегубовича, Кайдановского, Ткачева. Фильмы «Менты» («Прохиндиада, или Бег на месте», 1998; «Улицы разбитых фонарей», 1998–2003; «Агент нац. безопасности», 2001; «Ниро Вульф и Арчи Гудвин», 2001–03; и др.). И. удаются роли людей среды, он умеет индивидуализировать среднестатистического человека, придать ему собств. характер. И. — актёр глубокого погружения в образ, легко владеет жанром трагикомедии, наделен мастерством перевоплощения.

С 1990 работает в СПб. Гос. драм. театре «Комедианты» под рук. М. Левшина, где играет роли подрядчика Стропилина в спектакле «Волки и овцы» А. Островского, скрипача Базильского в «Провинциальных анекдотах» А. Вампилова (реж. И.), Капуцина в «Сирано де Бержерак» Э. Ростана, Тубала в «Венецианском купце» Шекспира, Степана в «Женитьбе» Н. Гоголя.

Перв. публ. состоялась в 1998. С 2007 член СП России. Автор кн. стихов **«Исповедь сокрушённого сердца»** и пьес, в т. ч. **«Угол Марата»** (ж. «Балтийские сезоны»).

Соч.: Стихи и пьесы: Сб. СПб., 2000; Угол Марата: Цикл пьес. СПб., 2010.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ИТС Рудольф Фердинандович (лит. псевд. — Р. Демидов) [1.10.1928, Череповец — 11.7.1990, похоронен на Серафимовском кладб.] — этнограф, писатель-фантаст.

Родился в семье эстонца, председателя губисполкома. В 1930–35 семья жила в Л-де, отец работал в облсовете. В 1937 родители И. были репрессированы, сыновья направлены в Новочеркасский детдом, с нач. войны эвакуированы в Омскую обл. 14-летним подростком работал на оборонном з-де, позднее — шахтером в Кемеровской обл. Окончил восточный фак-т ЛГУ (1950). Сфера науч. интересов — китаеведение (этнография, археология, история, фольклористика). После завершения курса аспирантуры и защиты канд. дис. на тему **«Народ мяо (историко-этнографический очерк)»** принят в Ин-т этнографии АН СССР (1954). В 1967 защитил докт. дис. **«Происхождение народов Южного Китая (очерки этнической истории чжуан, мяо и ицзу)»**. Руководил лен. группой сектора народов Восточной и Южной Азии, Австралии и Океании, исследовал этнич. историю народов Китая. Воссоздал (1968) и возглавлял в ЛГУ кафедру этнографии и антропологии, где учились студенты более 30 стран, руководил полевой экспедиц. работой, оказывал метод. помощь в постановке этнографич. образования молодым ун-там Новосибирска, Иванова, Кемерова, Иркутска, Омска и Томска, напис. учебное пособие **«Введение в этнографию»** (1974). Получил звание проф. В 1982 возвратился в Ин-т этнографии, чтобы занять пост зам. директора и директора лен. части ин-та (продолжая на обществ. началах заведовать университетской кафедрой этнографии и антропологии). В посл. годы жизни занимался делами Музея антропологии и этнографии — организовывал зарубежные выставки его уникальных коллекций, популяризировал накопленные музеем богатства в сб. МАЭ, редколлегию кот. возглавлял. Член пост. комитета Международного союза антропологич. и этнографич. наук. В числе 200 науч. публикаций И. — фундамент. работа **«Этническая история юга Восточной Азии»** (1974), научно-популярная кн. **«Шепот Земли и молчание Неба»** (1990).

В. Виноградов: «Возможно, по прошествии времени мало кто знает, особенно молодые коллеги, что профессор Р. Ф. И. был членом Союза писателей СССР, чем он очень дорожил. Многие его книги по этнографии написаны в стиле художественной беллетристики. Назову некоторые из них: **„Цветок лотоса“** (М., 1962); **„Последний алгиш“** (М., 1964); **„Стрелы немой скалы“** (М., 1966); **„Камень солнца“** (Л., 1974); **„Золотые мечи и колодки невольников“** (Хабаровск, 1983); **„Женский лик Земли“** (Л., 1988). <...> книга **„Века и поколения“** имеет подзаголовок „Этнографические этюды“. Такой стиль нисколько не умаляет их научной ценности, а наоборот, увлекает читателя в неизвестный жизненный мир больших и малых этносов, их историю, культуру и быт. Люди прошлого, прошлых эпох, исчезнувших народов и цивилизаций в книгах Рудольфа Фердинандовича разговаривают между собой на своем языке, рассказывают о традициях и обычаях, священно хранимых в отношениях друг с другом и с внешним миром.

Он пересказывает легенды, услышанные им от старожилов той или иной местности во время многочисленных экспедиций. Легенды, как правило, проверяются с помощью вещественных доказательств или реально увиденным. В легенде **„О великом шамане Дохе“**, кот. он воспроизводит со слов старейшего из кетов поселка Пакулиха Красноярского края, в художественной форме рассказывается об исчезнувшем народе югов, кот. в далеком прошлом вместе с предками кетов входил в кетско-котскую этническую общность. Отдельные факты легенды о двух родственных народах подтверждаются реальным существованием двух старых стойбищ — югского и кетского, на кот. побывал Рудольф Фердинандович с экспедицией. Правда, как он замечает, „наш приезд задержался не менее чем на два столетия“, ибо в результате естественной ассимиляции с окружающими народами удалось сохранить всего несколько десятков оригинальных югских слов <...>.

Было бы странным и непонятным, если бы профессор Р. Ф. И. не написал о своем народе — эстонском. В новелле **„Долгая дорога домой“** он рассказывает о поездке эстонских детей в крымский Артек, о начавшейся Великой Отечественной войне, о возвращении повзрослевших ребят в родные края. Художественное повествование перемежается с этнографическим описанием характера, материальной культуры эстонцев. Приведу цитату из его книги **„Женский лик Земли“**: „В характере эстонцев есть некая сумрачность, молчаливость, что ведет к замкнутости даже в семье. Сами эстонцы любят рассказывать о себе такую байку: вышли отец с сыном из Тарту пешком и направились в Таллин. На окраине Тарту — колосящиеся поля. Сын и говорит: „Отец, смотри, пшеница ничего!“ Подходят через несколько дней к Таллину, отец отвечает сыну: „Да, но и рожь хороша!“ Вот так и поговорили в многодневном пути“. В другом месте он приводит легенду о возникновении природы Эстонии: „Когда бог творил землю, он всюду бросал с неба глину, песок, лес, траву и камни. Устал бог, сел отдохнуть, но вдруг увидел около себя кучу камней. Вздохнул бог и с досады бросил все камни в одно место. А летел он тогда на облаке над Эстонией“».

В 2003 на фак-те социологии СПбГУ состоялась научно-практическая конференция «Культура и менталитет сибиряков», посвящ. памяти И., на кот. собрались друзья, ученики, студенты.

Соч.: Мяо: историко-этнограф. очерк. М.; Л., 1960; Очерки истории Китая

с древнейших времен до сер. XVII в. (в соавт. с Г. Смолиным). Л., 1961; Цветок лотоса: Рассказы этнографа. М., 1962; Последний аргиш: Этнографич. повесть. М., 1964; Стрелы немой скалы: Этнографич. повесть. М., 1966; Этнич. история юга Вост. Азии. Л., 1972; Камень солнца: Рассказы этнографа. Л., 1974; Века и поколения: Этнографич. этюды. Л., 1976 (2 изд. — 1986); Кунсткамера. Л., 1974 (2 изд. — 1980; 3 изд. — 1989); Введение в этнографию. Л., 1974 (2 изд. — 1991); Золотые мечи и колодки невольников. М., 1976 (2-е изд. под назв. «Золотые мечи и колодки невольников: Историко-этнографич. роман» — Хабаровск, 1983); К людям ради людей: Этнографич. новеллы. Л., 1987; Женский лик Земли: Историко-этнографич. новеллы. Л., 1988; Шепот Земли и молчание Неба: Этнографич. этюды о традиционных народных верованиях. М., 1990.

Лит.: Виноградов В. Вспоминая Рудольфа Фердинандовича Итса // Вестник СПбГУ. 2003. Вып. 6; Огрызко В. Русские писатели: Совр. эпоха. М., 2004; Новожилов А. Научно-организационная и пед. деятельность Р. Ф. Итса // Малые этнические и этнографич. группы: Сб. СПб., 2008.

К

К.Р. (криптоним вел. кн. Константина Константиновича Романова) [10(23).8.1856, Стрельна — 2(15).6.1915, Павловск] — поэт, переводчик, драматург.

Мать — Александра Иосифовна, урожд. принцесса Саксен-Альтенбургская, отец — вел. кн. Константин Николаевич, сын императора Николая I, брат императора Александра II. Воспитание и образование получил в семье. Детей учили изв. историки С. Соловьев, К. Бестужев-Рюмин, О. Шаховской. Обучался игре на фортепиано, виолончели, рисованию. 11-летним мальчиком К.Р. проходил морскую практику на фрегате «Громобой», с 1870 по 1876 в чине прапорщика, затем гардемарина нес морскую службу на фрегатах «Пересвет», «Гиляк», «Жемчуг»; на фрегате «Светлана» в теч. 2 лет К.Р. обошел мн. страны Европы. В 1877 в чине мичмана на фрегате «Светлана» плавал в Америку. С началом русско-турецкой войны отбыл в район воен. действий, отличился в сражениях на Дунае; 15 окт. 1877 награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

15 февр. 1879 внезапно скончался его младший брат Вячеслав. В мае Константин Николаевич вместе с детьми уехал на южный берег Крыма, в Ореанду. Отзвук пережитого звучит в первом стих. К.Р.: «Задремали волны / Ясен неба свод / Светит месяц полный / Над лазурью вод / Серебрится море / Трепетно горит / Так и радость горе / Ярко озарит». Позже С. Рахманинов положил это стих. на музыку. К.Р. все сильнее притягивает тв-во и тяготит морская служба, он выбирает для себя окружение по преимуществу из людей искусства. Его любимый прозаик, Ф. Достоевский, 22 мая 1870 был приглашен в Мраморный дворец. В том же году К.Р. посещает только что приехавший из Парижа И. Тургенев.

В 1881 (год убийства Александра II) К.Р. с кузенами Сергеем и Павлом совершили паломничество к гробу Господню в Иерусалим. Здесь в сент. 1881 он пишет стих. **«Псалмопевец Давид»** — перв. из большого цикла на библейскую тему. К этому же времени относится стихотв. послание вел. кн. Сергею Александровичу, недавно потерявшему отца.

В 1882–83 К.Р. все более определяется как поэт. За 2 года им напис. около 40 стих. В августовской книжке за 1882 «Вестник Европы» рядом с произведениями И. Тургенева, А. К. Толстого и А. Жемчужникова публикует стих. «Псалмопевец Давид» (под псевд. К.К.Р.). В сент. в том же ж. напечатана подборка из 5 стих, под общ. заголовком **«В Венеции»**, подписанных двумя буквами — К.Р. Не все, даже в лит. кругах, знали, кому они принадлежат. Однако стих. были замечены. П. Анненков писал М. Стасюлевичу: «Что ж, версификация легкая и правильная, виден литературный навык, Бог знает, где приобретенный...» После небольшой отлучки (янв.–февр.) К.Р. вновь живет у сестры в Афинах. Здесь ему хорошо пишется: **«Я Вам не нравлюсь...»**, **«Я сначала тебя не любила...»** были положены на музыку П. Чайковским, как и написанное уже дома, в Павловске, **«Уж гасли в комнатах огни...»**. С самого перв. знакомства композитор почувствовал в К.Р. музыкальность.

В Афинах К.Р. напис. программное стих. **«Я баловень судьбы...»**, заканчивающееся словами: «Но пусть не тем, что знатного я рода, / Что Царская во мне струится кровь, / Родного православного народа / Я заслужу доверье и любовь, / Но тем, что песни русские, родные / Я буду петь немолчно до конца / И что во славу матушки-России / Священный подвиг совершу певца». Если перв. свои стих. К.Р. подписывал криптонимом К.Р. из скромности и неуверенности, то впоследствии он поступал так из-за августейшего запрета членам царской семьи заниматься любой деятельностью, кроме гос. или военной.

Вопреки воле отца К.Р. перешел из флота в лейб-гвардию. Считаясь с августейшими законами, он никогда не манкировал воен. службой и всю жизнь оставался военным: в 1891 в чине полковника командиром Преображенского полка, в 1900 гл. начальником военно-учебных заведений, в 1902 генерал-адъютантом, в 1907 генералом от инфантерии.

Летом 1886 вышел из печати перв. сб. стих. К.Р. (за 1879–85). Он не предназначался для продажи, и весь тираж автор разослал тем, чьим мнением особенно интересовался. Стремление к совершенствованию в обл. поэзии не удовлетворяли многочис-

ленные верноподданнические отзывы. О серьезной критике он заботился сам.

Еще с 1880 К.Р. был знаком с И. Гончаровым, по сути другом отца; и ему первому молодой поэт посылает сб. Гончаров в письмах к начинающему поэту неоднократно одобряет его, предрекает, что «К.Р. может стать образцовым лириком» (К.Р. **Избр. переписка**), при этом, однако, он упорно направляет подопечного в то русло, из кот. сам вышел: в рамки «натуральной школы». Н. Страхов резюмировал: «У Вас есть три свойства, которые показывают действительное дарование. Во-первых, ваша мысль не тянется, не расплывается, а легко складывается в законченную форму. Почти все стихотворения коротки, как следует. Во-вторых, немало встречается звучных стихов, показывающих истинное чутье стихотворной речи. В-третьих, есть своеобразие в стихе, есть свой звук, своя манера. Ее трудно определить, но я чувствую ваше пение, какую-то особенную плавность языка» (Там же). К.Р. привлекала поэтич. манера А. Майкова, и он стремился ей следовать.

Переписка с поэтами стала для К.Р. своеобразной школой. Поэты обменивались стих., мастера слова указывали новичку на ошибки и огрехи. 21 янв. 1877 Я. Полонский писал К.Р.: «Не помню, кто-то говорил, что Вы дилетант в поэзии, но что хвалить Вас следует, потому что Вы единственное лицо из царской фамилии, которое после Екатерины Великой настолько любит и понимает значение литературы, что само берется за перо, переводит, пишет, умственному труду посвящает свои досуги. Но кто мне говорил, ошибается...» (Там же). Стих. К.Р. привлекли внимание П. Чайковского, кот. в 1887 обратился к нему за офиц. разрешением посвятить поэту 6 романсов на его стих. («**Я сначала тебя не любила...**», «**Растворил я окно...**», «**Первое свидание**», «**Уж гасли в комнатах огни...**», «**Серенада**»).

Важную роль в становлении К.Р.-поэта сыграл А. Фет, их содержательная переписка и встречи продолжались постоянно, до кончины Фета. Фет признал К.Р. за своего ученика. Как и Фет, К.Р. считал себя продолжателем пушкинской традиции.

Каноны поэзии К.Р. — строгая простота, чистота выраженного чувства. Формотворчество Серебряного века нимало не затронуло его. Самым задушевным образом в поэзии К.Р. была родина. «Пусть тебе в годы сомненья, / В пору тревог и невзгод / Служит примером терпенья / Наш православный народ»,— баюкал он сына, но сердце поэта предчувствовало будущее. «**Колыбельная песенка**» кончается словами «Спи же! Еще не настали / Годы смятений и бурь».

К.Р.— поэт глубоко религиозный, только вера и любовь, с его точки зрения, спасут мир. Об этом его стих. «**Молитва**» («**Научи меня, Боже, любить...**», 1886), «**Любовью ль сердце разгорится...**» (1889), «**Измученный в жизни тревоги и зол...**» (1887). Среди стих. К.Р. есть прямые обращения к Богу («Молитва», «**На Страстной неделе**», 1887). По свидетельству современников, вся Россия знала стих. К.Р. «**Надпись на Евангелии**», ставшее хрестоматийным: «Пусть эта книга священная / Спутница Вам неизменная / Будет везде и всегда».

Любовная лирика К.Р. («Уж гасли в комнате огни», 1883; «**Сперва, обуянный гордыней слепою...**», 1887) отступает перед пейзажной («**Повеяло черемухой...**», 1884; «**Смеркалось, мы в саду сидели**», 1885; «**Как жаль, что розы отцветают**», 1885; «**Как пленительно тихо в отцветших полях!**», 1889; «**Последние стаи журавлей**», 1901; «**Зимой**», 1905 и др.). В поэзии К.Р. отчетливо сближение родины и родной природы. Порой пейзаж интимен, как в «**Послании княжне С. Н. Голицыной**»: «Родного севера картина: / Полей зеленых предо мной / Необозримая равнина / И церковь Божья над рекой». Все стих., написанные вдали от России, звучат ностальгически — «**На площади Святого Марка**» (1885), «**Растворил я окно**» (1885), «**Колокола**» (1887) и др.

Представление о поэзии К.Р. было бы неполным, если бы среди стихотворных циклов «**У берегов**», «**Библейские песни**», «**Мечты и звуки**», «**Времена года**», «**На чужбине**», «**В альбом**», «**Гекзаметры**» и др. не присутствовал бы цикл «**В строю**», состоящий из солдатских песен и сонетов. Особенно популярными среди них были «**Умер бедняга в больнице военной**» (1885) и «**Уволен**» (1888). Этих стих, не так уж много (около 30), но хронология их написания (1877–1910) охватывает почти весь творч. путь поэта.

В кон. 1883 К.Р. было присвоено звание почетного члена Императорской АН, а 3 мая 1889 он назначен ее президентом. Эту высокую должность К.Р. занимал 25 лет. Его важнейшей инициативой стало учреждение при Отделении русского яз. и словесности спец. Разряда изящной словесности, а также избрание в ряды Академии наиболее изв. литераторов. К.Р. уделял внимание и проведению 100-летнего юбилея со дня рождения А. Пушкина как всенародного торжества. К.Р. возглавил комитет по проведению юбилея. По инициативе К.Р. было решено создать литературоведческое учреждение с целью изучения и издания тв-ва Пушкина «Пушкинский Дом». Было приобретено в казну имение Пушкиных Михайловское, реставрирована и взята под охрану государством могила поэта. 1 янв. 1892 К.Р. писал в дневнике (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1): «Как ни ответственны занимаемые мною должности Президента Академии наук, командующего первым гвардейскими полком и, пожалуй, еще попечителя Женских педагогических курсов, призвание поэта для меня высшая и святейшая из обязанностей». После перв. сб. стих. (1886) ежегодно выходят из печати кн. стихов. В 1888 напеч. его перв. поэма «**Севастиан Мученик**». В 1915 издан сб. его критич. статей о совр. поэзии «**Критические отзывы**».

Перу К.Р. принадлежат произведения эпического плана. Кроме перв. поэмы «Севастиан Мученик» К.Р. написал драматический отрывок «**Возрожденный Манфред**» (вышел из печ. в 1885). Часть его лит. занятий составляли переводы: «Мессинская невеста» Ф. Шиллера, «Ифигения в Тавриде» И. В. Гете, «Король Генрих IV» В. Шекспира. 10 лет К.Р. трудился над переводом «Трагедии о Гамлете, принце Датском» Шекспира. Кроме тома самого текста трагедии еще 2 тома составили комментарии. Премьера пьесы состоялась в «Измайловских досугах» 17 янв. 1897, роль Гамлета исполнял сам К.Р.

К.Р. был также композитором, положил на музыку стих. «Луч денницы» В. Гюго, «Верь мне, друг»

А. К. Толстого; написал романсы «О, не пытайся дух унять тревожный» и «Горними тихо летела душа небесами» на слова А. Толстого, «Он уже снился мне когда-то...», «Далеко, на самом море...» на слова А. Майкова; переложил на музыку собственное стих. «Молитва».

Посл. значительным лит. трудом К.Р. была драма **«Царь Иудейский»** (1914), действие кот. происходит в посл. дни земной жизни Христа. По церковным правилам образ Христа не мог появиться на сценических подмостках, и, хотя автор пьесы выполнил это условие, вокруг «Царя Иудейского» развернулась идеологич. кампания. Синод запретил постановку, однако Император разрешил поставить пьесу в «Измайловских досугах» как любительский спектакль, и премьера «Царя Иудейского» состоялась 11 янв. 1914. Музыку к пьесе напис. А. Глазунов. К.Р. исполнял роль Иосифа Аримафейского.

19 июля 1914 Германия объявила войну России. Сыновья К.Р. (кроме двух младших) были отправлены на фронт. 29 сент. от раны, полученной в конном бою, скончался самый любимый и талантливый сын К.Р. — Олег. Отец пережил его всего на полгода. Погребен он в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора. В 1997 американские кадеты, почитавшие К.Р. как видного военачальника и инспектора всех кадетских корпусов России, доставили в СПб. каррарский мрамор и помогли восстановить надгробья над захоронением К.Р. и его семейства.

Соч.: Стихотворения (1879–1885). СПб., 1886; Стихотворения. 1879–1912: В 3 т. СПб.; Пг., 1912–15; Севастиан Мученик. СПб., 1888; Новые стихотворения (1886–1888). СПб., 1889; Третий сборник стихотворений (1889–1899). СПб., 1900; Критич. отзывы. Пг., 1915; Царь Иудейский: Драма в 4 действ. и 5 картин. СПб., 1914; Недоверие к солдату (из завещания вел. кн. Константина Константиновича) // Новый ж. 1995. № 2; Великий князь Константин Константинович Романов: Дневники. Воспоминания. Письма. М., 1998; И. А. Гончаров и К. К. Романов. Неизданная переписка. К.Р. Стихотворения. Драма. Псков, 1993; Переписка К.Р. с Н. Н. Страховым // Русская лит-ра. 1993. № 2; Письма великого князя Константина Константиновича в Оптину пустынь // Новый ж. 1998. № 1.

Лит.: Михайлов Д. Лирика К.Р. в связи с историей русской поэзии во вторую пол. XIX в. СПб., 1901; Нелюбин Г. К.Р. Критико-биографический этюд. СПб., 1902; Кони А. Речь на общем собрании Академии наук в память великого князя Константина Константиновича // Ежегодные лит. и науч.-популярные приложения. 1916. Дек.; Сергиевский Н. Эти милые две буквы...: Книга о К.Р. Н.-Й., 1957; Тайны дома Романовых // ЛГ-Досье. 1992. № 2; Великий князь Гавриил Константинович. В мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб.; Дюссельдорф, 1993; Соболев В. Августейший президент: Великий князь К.Р. во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы. СПб., 1993; Кузьмина Л. Августейший поэт: К.Р. Стихи разных лет. Личность. Тв-во. СПб., 1995; Волгин И. Колеблясь над бездной: Достоевский и императорский дом. М., 1998; Петроченков В. Драма страстей Христовых (К.Р. «Царь Иудейский»). СПб., 2002; Родосский А. Воин, академик, поэт // История и культура: Сб. СПб., 2005; Матонина Э., Говорушко Э. К.Р. М., 2008; Чернышева-Мельник Н. Баловень судьбы: История жизни Константина Романова. М., 2008.

Л. Кузьмина

КАВЕ́РИН (наст. фамилия — Зильбер) Вениамин Александрович [6(19).4.1902, Псков — 2.5.1989, М.] — прозаик, мемуарист, историк лит-ры.

Родился в семье воен. музыканта, капельмейстера полка. Уже в отроческие годы решающее влияние на К. оказал Ю. Тынянов, также живший и учившийся в Пскове и женившийся на старш. сестре К. В свою очередь К. женился на младш. сестре Тынянова. В 1912–18 К. учился в псковской гимназии, в 1919 уехал в М., окончил там ср. школу и поступил в ун-т на историко-филологич. фак-т, пробовал в это вр. свои силы как поэт. В 1920 К. переехал в Пг., поселившись первоначально у Тынянова. Учится на филол. отд. ун-та и параллельно на арабском отд. Ин-та живых восточных яз. Став в июле 1921 одним из победителей конкурса Дома литераторов на лучший рассказ (**«Одиннадцатая аксиома»**), К. увлекся прозой и, привлеченный В. Шкловским, активно включился в жизнь лит. группы «Серапионовы братья» (И. Груздев, М. Зощенко, Вс. Иванов, Л. Лунц, Н. Никитин, Е. Полонская, М. Слонимский, Н. Тихонов, К. Федин), получив в ней имя Брат-Алхимик. Группа настаивала прежде всего на своих дружеских связях и действительно продолжительное вр. сохраняла их, отмечая ежегодно дату своего рождения — 1 февр. 1921 — вплоть до 1950-х. В 1922 в альм. «Серапионовы братья» состоялась первая публ. прозы К. — рассказ **«Хроника города Лейпцига за 18.. год»**. В 1923 К. окончил Ин-т восточных яз., в 1924 — ун-т., оставшись в нем в аспирантуре. Одновременно К. преподавал в Ин-те истории искусств. Гл. итогом филол. работы К. явилось исследование о русском писателе, журналисте и востоковеде XIX в. О. И. Сенковском **«Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского»** (1929).

В рядах «Серапионовых братьев» К. занял вместе с Лунцем самый левый, «западный» фланг, отстаивая принципы динамичной, изящно построенной «сюжетной» прозы. «Скоро придет наше время, Левушка,— писал он Лунцу 14 дек. 1923. — Здесь в литературе разброд, сумятица, неразбериха и поверх всего всплывает — что, как ты думаешь? Авантюрный роман, рассказ, повесть — черт его знает что, но тяга к движению, к смене эпизодов, к интересу сюжетному по преимуществу. <...> И что ценнее всего — это то, что авантюра идет снизу, бьет прямо с улицы» (**«Литератор»**). На др. фланге «серапионов» были «орнаменталисты», чья лит-ра, по мнению К., «вялая,

как карамора», занята преимущественно «местным колоритом» и «плетением словес». Споры все же носили преимущественно компанейский и теоретич. характер. Речь у «серапионов» шла об общем деле создания новой культуры. Сообща они сделали мало, но лит. судьба каждого отдельного «серапиона» состоялась. Никто из них не был «попутчиком», все они — и К. в том числе — составили первые ряды «сов. интеллигенции». Другое дело, что в 1920-е, приявшие революцию как ничем не опровержимую данность, К. и его друзья по ОПОЯЗу и «Серапионовым братьям» особой политич. активности не проявляли, занимались обоснованием теории нового искусства, а не нового государства. История для этих профессионалов всяческого новаторства осталась прежде всего историей культуры. Особенно для К., о кот. Евг. Шварц отозвался так: «Из "Серапионовых братьев" был он больше всех литератор».

Дьяволы и прочая романтич. нечисть, населявшие раннюю «гофманианскую» прозу К., много говорят о его лит. мечтаниях, но реальная задача перед ним встала иная: «поиски героя», как определил ее для себя и для всех «серапионов» Тихонов. От романтического самопогружения к реалистическому самопознанию — такова оказалась писательская эволюция К. И то, что пришло «прямо с улицы», в ней было не самое существенное. Хотя первое читательское признание донеслось до него как раз оттуда, «с улицы»: в 1925 он напеч. повесть **«Конец хазы»**, оцененную в офиц. прессе как «руководство к хулиганству», но одобренную не только изначально благоволившим к нему М. Горьким, но и О. Мандельштамом, отозвавшимся о ней в ст. «Веер герцогини» как о «крупном достижении».

Для прозаика профессиональную лит. жизнь К. начал удивительно рано — в 21 год он уже выпустил сб. рассказов **«Мастера и подмастерья»** (1923). Не одному Шкловскому казалось, что К. «научился слишком легко», и не один Юрий Олеша ему говорил: «Зачем вам писать? Ведь вы уже научились». Однако сам К. достаточно быстро понял, что учиться нужно гораздо более существенным вещам, чем «сумма приемов»: нужно было пройти ту школу «...самоизучения, кот. создал для себя Толстой, прежде чем была написана первая строка "Детства"»,— размышлял писатель в поздние годы. Такой «школой самоизучения» стали для К. первые же его крупные вещи — романы **«Скандалист»** (1928) и особенно **«Исполнение желаний»** (1935–36). В гл. персонажах обоих романов, студентах Нагине и Трубачевском, без труда распознается авторское лицо. И как следствие этого — реальная среда реальных людей, среди кот. они существуют и с кот. их сводит, а чаще всего — сталкивает, жизнь. Эти романы, как и все дальнейшие, оказываются у К. романами «с ключом». Так в «Скандалисте» распознаются В. Шкловский (Некрылов), Е. Поливанов (Драгоманов) и т. д. Насколько эти персонажи определяют черты эпохи, настолько они и оправдывают этот рискованный прием, дающий повод обвинить автора в «пасквилянтстве». Чтобы утвердить пафос новаторских дерзаний близких по духу современников, их значительность К. в «Исполнении желаний» на самом деле балансирует на грани этически допустимого, приписывая Трубачевскому честь расшифровки X гл. «Евгения Онегина», осуществленной еще в 1910 П. О. Морозовым.

«И вот постепенно,— пишет Шварц,— постепенно "литература" стала подчиняться ему, стала пластичной. Прошло несколько лет, и мы увидели ясно, что лучшее в каверинском существе — добродушие, уважение к человеческой работе, наивность мальчишеская, с мальчишеской любовью к приключениям и подвигам — начинает проникать на страницы его книг».

Наибольший читательский успех пришел к К. после создания **«Двух капитанов»** (1939–44) и определился как раз удачной разработкой образа гл. героя романа Сани Григорьева (тут тоже не обошлось без прототипа), разыскивающего затерявшиеся следы русской арктич. экспедиции. В этом романе свой внутр. опыт прозаику удалось воплотить в образе нужного эпохе романтика действия, а не одной лишь мечты. Девиз героя «Двух капитанов» — «Бороться и искать, найти и не сдаваться» — вошел в число крылатых изречений эпохи. Это важно: К. заражал юношество энергией действия, утверждал человеч. способность быть верным своим внутр. целям, давал силы выстоять в любых условиях, не привязывая стоический пафос к господствующему в СССР «всепобеждающему учению». Сама эта строчка, выбитая на могиле полярного исследователя Роберта Скотта, цитата из стих. «Улисс» английского поэта XIX в. Альфреда Теннисона: «To strive, to seek, to find, and not to yield». «Не сдаваться» — вот ключ ко всем каверинским сюжетам.

Какие бы произведения К. ни рассматривать — ранние: «Скандалист» и «Исполнение желаний», поздние: **«Открытая книга»** (1950-е) и **«Двойной портрет»** (1963–66) или «подводящие итоги» **«Перед зеркалом»** (1965–70) и **«Эпилог»** (1979) — их сюжетные задачи неотделимы от глубоко нравств. основы замысла, и условия этих задач едины: конфликт между персонажами, сумевшими сберечь в себе молодость, и теми, кто ее из души вытравил. Чем бы ни разрешалась эта коллизия (часто она оборачивается трагедией для обеих сторон), К. нигде не подвергает сомнению присущий молодости этический максимализм. Это, можно сказать, императив его прозы. Тема К. — это тема исполнения долга, предначертанного человеку с младенч. лет, тема борьбы людей доброй воли против несправедливых условий человеч. существования, против тех, кто при любых условиях извлекает для себя корыстную выгоду.

П. Антокольский в 1962 сказал о «Двух капитанах», что «этот роман остается великолепной сказкой нашего века». Чтение К. на самом деле создает иллюзию «возвращения в молодость», и поэтому прав Антокольский, развивая свой тезис о «сказочности» даже самого обширного, не один год писавшегося романа К. «Открытая книга», романа драматических коллизий, кот. полнилась научная жизнь в СССР, романа, где судьба одного из ведущих героев, прямо ассоциируется с судьбой подвергавшегося репрессиям старш. брата писателя, крупного ученого-вирусолога, романа, в кот. впервые у К. ради историч. достоверности неск. размыты интрига и сам сюжет... Но вот что говорит Антокольский: «Такая же сказка — "Открытая кни-

га", история умной и прелестной женщины, история ее научного открытия,— все это так близко к повседневному бытию современного человечества. Но разве можно забыть, что узел жизненной истории завязался неожиданно в нелепой дуэли двух смешных гимназистиков под низким северным небом в одном из русских губернских городов. Но как высоко поднялось это небо в романе. Для непредубежденного читателя эта чудная сказка о великой эпохе и ее возможностях» («Каждая книга — поступок»).

Не только в художественной, но и в мемуарной прозе, занимающей очень существенное место в работе К. 1960–80-х (**«В старом доме»**, **«Петроградский студент»**, **«Освещенные окна»**, **«Вечерний день»**, **«Письменный стол»** и др.), К. делает героями лишь тех людей, кто, по его мнению, был рыцарски предан своим идеалам и бескорыстно им служил. Эта благородная черта априорно объединяет в глазах писателя таких разных художников, как Ю. Тынянов и К. Паустовский, М. Зощенко и Н. Заболоцкий, А. Гайдар и Е. Шварц...

Лит-ра для К. — это работа, профессия, освоенная в юности и ставшая судьбой. В ней много от упоения, от игры. Праздничное отношение к своему делу, не исчезнувшее у К. с годами, отозвалось особой светлой тональностью на всем, что он создал. Характерна запись о нем в «Дневнике» К. Чуковского 21 марта 1957: «Вечером я был у Каверина, коего сегодня выбранили в "Правде". Он, конечно, угнетен, но не слишком. <...> Целые дни он сидит и пишет. Счастливец». «Ощущение чистоты, соединяющееся с полной душевной занятостью», о кот. поведано в романе «Перед зеркалом» (его писатель считал высшим своим достижением), является камертоном ко всей работе писателя и свидетельствует о его мудрости, а не об инфантилизме. Отсюда же та неожиданная увлекательность, с кот. он рассказывает о вещах для многих непонятных и скучных: о ежедневном труде филологов, биологов, о кабинетной науке. Потому что понятна и нескучна доминирующая коллизия его прозы, вопрос о цене, кот. человек платит за торжество справедливости, полнее всего рассмотренный в «Двух капитанах», но глубже — в «Перед зеркалом», романе о трагедии тв-ва и преодолении трагедии — тв-вом.

Необходимо противоречивая природа худож. философии К. зиждется на понимании историч. обусловленности катаклизмов в обществ. жизни, на приятии разрушающей эту жизнь рев. стихии и в то же вр. на признании безусловной ценности отвергающей перевороты просветительской доктрины. «...Я инстинктивно стремлюсь (и всегда стремился) к задаче Просвещения,— признавался писатель на склоне дней,— и не моя вина, что из этого до сих пор ничего не выходит. Положение даже ухудшилось за последние шестьдесят лет. Но идол Просвещения всегда будет стоять перед глазами подлинных литераторов...». Просветителем достойно быть в любые времена, в любой ситуации. Это убеждение помогло К. без унижений прожить самые опасные для русской лит-ры годы, когда мн. близкие ему люди исчезали без следа. На эту тему написан изданный только через 10 лет после создания «Эпилог» (1989). В нем, в частности, рассказано, почему К. вынужден был покинуть Л-д вскоре после начала войны, во время уже наступившей блокады. Хотя он работал военкором ТАСС, это не избавило его от настойчивых домогательств со стороны Управления лен. НКВД. По счастливому стечению обстоятельств К. удалось перевестись в М. и быть командированным на Сев. флот. Впечатления от этого периода жизни легли в основу романа **«Наука расставания»** (1985). В 1947 К. окончательно переезжает в М., продолжая, по его собств. словам, «считать себя ленинградцем».

В поздние годы К. жил большей частью в писательском пос. Переделкино под М., давая о себе знать не только своими произведениями, но и выступлениями в защиту культурных свобод и гонимых художников. Обществ. резонанс вызвала его речь на II съезде СП (1954), в кот. он «реабилитировал» историч. прозу Тынянова и драматургию М. Булгакова. К. принял актив. участие в создании и издании сб. «Лит. Москва» (1956), ставших заметным явлением культурной «оттепели». Известны его выступления в защиту А. Солженицына, А. Синявского и Ю. Даниэля, а также д-д **«Насущные вопросы литры»** (1967), предназначенный для IV съезда СП (произнести его не удалось, а напеч. он был лишь в 1971 за границей — в ФРГ). В посл. 2 года жизни К. помогал созданию и изданию альм. молодых писателей «Весть» (1989), в кот., в частности, была напеч. ставшая знаменитой «поэма» Вен. Ерофеева «Москва — Петушки».

Худож. слово, по К., противостоит злу и отвергает его. Изнутри оно оборачивает к борьбе душу самого писателя. На эту тему К. начал размышлять еще в романе **«Художник неизвестен»** (1931) — наиболее интересном с эстетич. точки зрения произведении довоен. периода. Не говоря уж о его смысле. История художника Архимедова, поведанная в романе, это история новатора, желающего сохранить не столько свои творения, сколько свое лицо, без кот. и творения невозможны. «Он,— разъясняет в «Эпилоге» К.,— против любых доктрин. "Лицо" — это единственная опасная в советском обществе доктрина». Опирается К. в этом своем утверждении на Герцена, на его книгу «С того берега»: «В самые худшие времена европейской истории мы встречали некоторое уважение к личности, некоторые права, уступаемые таланту, гению <...>. В Европе никогда не считали преступником живущего за границей, изменником переселяющегося в Америку. У нас нет ничего подобного. У нас *лицо* всегда было поглощено, подавлено, не стремилось даже выступить. Свободное слово у нас всегда считалось за дерзость, самобытность — за крамолу».

Когда-то, начиная лит. путь, К. со всем пылом молодости заявил: «Из русских писателей больше всего люблю Гофмана и Стивенсона». Через полвека он свой парадокс мог бы завершить не менее энергично: «А из западных — Герцена».

Профессия художника не только «накладывает отпечаток» на его личную жизнь — она изменяет и направляет ее течение, с неумолимой последовательностью раскрывает его человеческую биографию, его судьбу.

К. начал поиски истины из романтического далека и понял: «Все прекрасное и редко и трудно». Но понял он и нечто не менее существенное.

Перефразируя Пастернака (его и Солженицына писатель считал самыми непостижимыми из своих современников), К. сказал о книге своего лит. собрата: «Он написал ее, чтобы показать, что истина — рядом, на земле, под ногами, и для того, чтобы ее найти, надо только наклониться».

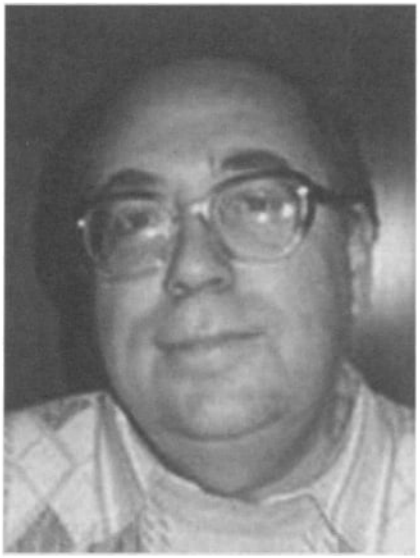
Соч.: Соч.: В 3 т. Л., 1930; СС: В 6 т. М., 1963–68; СС: В 8 т. М., 1980–83; Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского. Л., 1929; Здравствуй, брат. Писать очень трудно... М., 1965; Вечерний день. М., 1982; Верлиока. М., 1983; Наука расставания. М., 1985; Письменный стол. М., 1985; Летящий почерк. М., 1986; Самое необходимое. М., 1987; Литератор. М., 1988; Счастье таланта. М., 1989; Над потаенной строкой // Звезда. 1989. № 9; Автопортрет // Даугава. 1990. № 1; Из книги «Оглядываясь назад» // Звезда. 2002. № 4.

Лит.: Корицкий Н. Медленное расставание // Лит. современник. 1933. № 2–3; Смирнова В. Два капитана меняют курс // Знамя. 1945. № 8; Маслин Н. Вениамин Каверин // Новый мир. 1948. № 4; Паперный З. О сюжете // ЛГ. 1950. 14 янв.; Галанов Б. Тема и ее воплощение // Знамя. 1952. № 11; Либединский Ю. Высокое призвание // Огонек. 1952. № 31; Костелянец Б. Живое единство // Звезда. 1954. № 11; Елкин А. Два капитана остаются на курсе // Комс. правда. 1957. 30 март.; Гор Г. Писатель и наука // Русская лит-ра. 1962. № 3; Арьев А. Собеседник // Звезда. 1977. № 4; Чудакова М. В свете памяти // Новый мир. 1978. № 3; Арьев А. История молодости // Звезда. 1982. № 4; Амусин М. В поисках чудесного сплава // Нева. 1983. № 10; Новикова О., Новиков Вл. В. Каверин. М., 1986; После «Эпилога» // Вопросы лит-ры. 1989. № 11; Чудаков А. В России надо жить долго // Новый мир. 1990. № 7; Шварц Е. Каверин В. А. // Шварц Е. Телефонная книжка. М., 1997; «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»: К 100-летию со дня рождения В. А. Каверина. М., 2002; Фрезинский Б. Судьбы серапионов. СПб., 2003; Фесенко Э. Худож. концепция личности в произведениях В. А. Каверина. М., 2006; «Каждая книга — поступок». Воспоминания о В. Каверине. М., 2007.

А. Арьев

КАВТО́РИН Владимир Васильевич [6.6.1941, Никополь — 20.4.2011, СПб.] — прозаик.

Родился накануне войны. В семье было четверо детей. В эвакуации оказались в Южноуральске. После войны вернулись в Никополь, но ненадолго: отца, Василия Петровича, перевели на работу в Сумгаит Азербайджанской ССР, на трубопрокатный з-д. В Сумгаите К. рос и учился в школе. До 16 лет — в обычной школе, потом перевелся в вечернюю и поступил фрезеровщиком на тот же трубопрокатный (надо было помогать семье). Когда начал писать — неизвестно, но в 1960 поступил на заочное отд. Лит. ин-та в М. в поэтич. семинар Б. Томашевского. В 1961 призван в армию, попал в стройбат, служил на полуострове Мангышлак, на возведении опреснителей. Во время службы К. получил туберкулез (открытая форма) и солидную долю радиации. Но пребывание в армии вспоминал тепло — с юмором и даже ностальгией. Комиссованный по инвалидности, в 1964 он переехал из Сумгаита в Конаково Калининской обл., где начал служить в районной газ. — зав. сельхозотделом. В 1967 по доносу К. был изгнан из газ. за хранение письма Солженицына к съезду писателей, был исключен из кандидатов в члены КПСС и отчислен из Лит. ин-та (диплом защитил неск. лет спустя).



В 1968 переехал с семьей в Л-д. Сначала устроился на работу фрезеровщиком, но вскоре его взяли на Лен. радио внештатным корр., позднее был принят на радио в качестве ред. («Невская волна»). Вскоре снова остался без работы, т. к., работая на радио, не был членом КПСС. Устроился редактором в ж. «Аврора», случайно оказался почти сразу в эпицентре изв. скандала с ж. по поводу 75-летия Л. Брежнева. Через некот. время был принят ред. в ж. «Нева», где проработал довольно долго.

К нач. 1980-х К. был автором двух кн. прозы — **«Созёнка, река Лесная»** (Л., 1978) и **«Утро третьего дня»** (1981). Тогда же принят в СП.

Проза К. перв. периода отличалась любовью к некоему клочку земли, кот. назывался Конаково, и как прозаик К. писал о нем всю жизнь. В этом маленьком городке (или поселке в глубинке) происходят разные истории с людьми, героями прозы К., кот. почему-то хотят, чтоб их быт сделался жизнью — в отличие от быта некот. их соседей, и во что бы то ни стало хотят остаться самими собой. Эта тема получит свое развитие в романе К. «Чужая собственная жизнь».

Во время «перестройки» состоялся настоящий К., в это «смутное время» ему было дано стать свидетелем истории, ее деятелем и писателем.

Он был непременным участником всяческих форумов общественности, всех ленинградских, а потом петербургских «трибун», неутомимым спорщиком и полемистом, от природы спокойным, ироничным, жестким и уважительным к человеку. В нач. 1990-х он явился одним из учредителей нового СП СПб. 1990-е он встретил заместителем гл. ред. ж. «Звезда», а потом гл. ред. изд-ва (Библиотека «Звезды»), кот. он организовал. Но главное, он стал одним из самых заметных и самых крупных публицистов того неповторимого времени, которое одни называют «лихими девяностыми», другие «временем надежд». К примеру, его длительная полемика с проф. В. Чубинским в ж. «Нева» была на слуху и вызывала множество откликов.

В нач. 1990-х К. создал кн. **«Первый шаг к катастрофе»**. О жандармском полковнике Зубатове и о попе Георгии Гапоне. О последней, героической и безумной попытке спасти Россию от революции, предпринятой не кем-нибудь, а русской полицией — попытке отвлечь рабочих от разрушительной пропаганды революционеров тем, что защита прав рабочих будет предпринята самой властью.

В 2001 К. выпустил кн. **«Петербургские интеллигенты»**. Четыре очерка о людях, выбор кот. знамена-

телен: Петр Семенов-Тян-Шанский, ученый, путешественник, активный сотрудник «Редакционных комиссий» по отмене крепостного права; Иван Худяков — писатель, фольклорист, революционер из кружка Ишутина, возможно, направлявший выстрел Каракозова в императора Александра II (начало рев. террора в России); Н. Михайловский — знаменитый народнический публицист («великий собеседник») и Д. Менделеев — знаменитый ученый. Кн. твердо обозначила четыре разных пути, кот. устремилась русская интеллигенция того времени. Она содержала попытку анализа самого явления, именуемого *интеллигенция*.

В марте 2007 К. поразил тяжелейший инфаркт миокарда. Два года он боролся со смертью, но продолжал много писать. Три ст. из цикла **«Девяностые лихие или великие?»** опубл. в ж. «Звезда», **«Уроки великой реформы»** — о падении крепостного права в России и ст., может быть, на самую неопределенную тему: **«Не будем спорить о патриотизме»** (Звезда. 2009. № 8). Посл. статью для ж. «Знамя» он закончил за два дня до впадения в кому. Когда уже болел, ж. «Звезда» опубл. главы из его посл. романа, кот. был, верно, для него гл. произведением: **«Чужая собственная жизнь»** (2010). «Каждый живет в своем мире, среди людей, созданных собственным воображением. Вот он, Губов,— в мире тихого провинциального интеллигента, преподавателя литературы и истории, руководителя краеведческого кружка, и ему хорошо в этом мире, нигде не жмет, не давит... Надо ли расширять мир свой до бесконечности, до тех пределов, где все равно ничего не понять, где ты всего лишь крохотная букашка, ползущая по кем-то разостланной карте. Быть может, искусство жить как раз заключено в разумном ограничении своего мира?..».

В одном из д-дов (у него их было много), в 2005-м, К. говорил: «Я думаю, что люди шире идеологии. И в этом их спасение! Я думаю, что последствием этого кризиса либерализма должна быть некоторая коррекция либерализма и коррекция других идеологий, в том числе и социал-демократической. Я думаю, что ни одна идеология никогда не может быть до конца адекватна миру, хотя она необходима как модель. Я думаю, что если кризис будет осознан, то будет найдено и решение. Опасны только неучтенные силы». И эта мысль принадлежала не только публицисту, но крупному совр. мыслителю.

Соч.: Созёнка, река лесная: Рассказы и повести. Л., 1978; Утро третьего дня: Повести и рассказы. Л., 1981 (1988); Однажды мы встретились. М., 1985; Черемуховая вода, черемуховый цвет... Роман. Л., 1985; Первый шаг к катастрофе. Л., 1993; Петербургские интеллигенты. Л., 2001; Веселый прозектор // Звезда. 2008. № 7; Не будем спорить о патриотизме // Звезда. 2009. № 8; Девяностые — лихие или великие? Цикл статей // Звезда. 2010. № 10–12; Чужая собственная жизнь: Роман // Звезда. 2010. № 7, 8; Уроки великой реформы // Звезда. 2011. № 2; Совок клинический: Повесть // Звезда. 2012. № 1.

Лит.: Голлер Б. Перо вынуто, компьютер закрыт // Петерб. ведомости. 2011. 7 июн.; Голлер Б. «И если время повторится...» // Звезда. 2012. № 7.

Б. Голлер

КАЗАКО́ВА Римма Фёдоровна (имя при рождении — Рэмо) [27.1.1932, Севастополь — 19.5.2008, пос. Перхушково Одинцовского р-на Московской обл., похоронена на Ваганьковском кладб.] — поэт, переводчик.

Отец, Фёдор Лазаревич К., был военным, мать, Софья Александровна Шульман, работала секретарём-машинисткой. Имя, данное родителями, Рэмо, означает «Революция, Электрификация, Мировой Октябрь». В 20 лет сама взяла имя Римма. Раннее детство провела в Белоруссии, школьные годы — в Л-де. Окончила историч. фак-т ЛГУ. Получив распределение на Дальний Восток, работала лектором-консультантом Хабаровского окружного Дома офицеров Сов. Армии (1954–55), ред. Дальневосточной студии кинохроники (1955–61).

Перв. стихи К., принадлежавшей к поколению шестидесятников, опубл. в 1955, в 1958 вышел перв. сб. стих. **«Встретимся на Востоке»** (Хабаровск). В 1959 принята в СП СССР. В 1964 окончила высшие лит. курсы при СП. В 1976–81 — секретарь правления СП. С 1977-го член КПСС. В тот период организовала Пушкинские праздники поэзии в стране, Дни литры разных народов, вела работу с молодыми авторами, организовывала совещания молодых писателей. По инициативе и при непосредственном участии К. возродились и стали традиционными поэтич. вечера в Политехническом музее. Позже избрана перв. секретарем СП Москвы, кот. являлась до конца жизни.

Автор многочисленных сб. стихов: **«Встретимся на Востоке»** (1958), **«Там, где ты»** (1960), **«Стихи»** (1962), **«Избр. лирика»** (1964), **«Пятницы»** (1965), **«В тайге не плачут»** (1965), **«Поверить снегу»** (1967), **«Елки зеленые»** (1969), **«Снежная баба»** (1972), **«Помню»** (1974), **«Набело»** (1977), **«Русло»** (1979), **«Страна Любовь»** (1980), **«Пробный камень»** (1982), **«Сойди с холма»** (1984), **«Наугад»** (1995), **«Возлюби»** (1996), **«Ломка»** (1997), **«Стихи и песни»** (2000), **«Безответная любовь. Про то самое»** (2000), **«Мгновение, тебя благодарю»** (2006), **«Ты меня любишь»** (2006), **«Стихи о любви»** (2006), **«Пора...»** (2008), **«Стихотворения, песни»** (2010).

Занималась перев. стихов с языков союзных республик — И. Когониа, Б. Шинкубы, И. Тарбы, К. Ломиа, Н. Тарбы (с абхазского), З. Тхагазитова (с кабардинского), Э. Межелайтиса, А. Малдониса (с литовского), Г. Сафиевой (с таджикского), Б. Вагаб-заде (с азербайджанского), Х. Грабнера, Р. Кирша, Е. Штритматтера (с немецкого), Зульфии, Г. Гуляма, Х. Гуляма, Г. Нуруллаевой, О. Ходжиевой (с узбекского), И. Юсупова (с каракалпакского).

К. известна не только как поэт, но

как автор популярных песен на музыку А. Пахмутовой, П. Аедоницкого, А. Герман, Е. Доги, В. Баснера, А. Зацепина, Б. Мокроусова, И. Крутого, А. Лукьянова, Г. Гладков В. Дорошенко, К. Орбеляна, Е. Мартынова, А. Мажукова, В. Шаинского и мн. др. Среди них — **«Заблудшая»**, **«Королева зноя»**, **«Обручальная ночь»**, **«Прощальный блюз»**, **«Ты не одна»**, **«Небо голубое»**, **«Жду тебя»**, **«Некрасивая девчонка»**, **«Лето слёз и света»**, **«Вдохновение»**, **«Ромашки любви»**, **«Ты мне нужен»**, **«Праздник»**, **«Медовый август»**, **«Я молю»**, **«Поздняя женщина»**, **«День рождения любви»**, **«В небе родном»**, **«Диана»**, **«Ночью надо спать»**, **«По старинке»**, **«Не надо»**, **«Остров»**, **«Водочка Кремлёвская»**, **«Судьбе назло»**, **«Телефонные звонки»**, **«Любовь — подруга понимания»**, **«Будьте счастливы!»**, **«Мой первый день»**, **«Мольба»**, **«Небо детства»**, **«Верни мне лето»**, **«Моя и близкая, и дальняя»**, **«Так было в мире всегда»**, **«Победа останется!»**, **«Найдись мой милый»**, **«Последняя встреча»**, **«Я не могу так долго без тебя»**, **«Твоя любовь»**, **«Россия»**, **«Вальс»**, **«Отпусти меня, любовь»**, **«Позднее свидание»**, **«Уходили парни на войну»**, **«Музыка венчальная»**, **«Я училась у обид»**, **«Утренний романс»**, **«Смех или грех»**, **«Любовь-беда»**, **«Небо голубое»**, **«Снежный мальчик»**, **«Разбитые сердца»**, **«Не знала я»**, **«Ты меня любишь»**, **«Безответная любовь»**, **«Мадонна»**, **«Ненаглядный мой»** и мн. др., прозвучавшие в исполнении Л. Зыкиной, А. Герман, М. Кристалинской, Г. Великановой, В. Толкуновой, Л. Лещенко, А. Серова, Я. Йола, М. Боярского, А. Пугачевой, Ф. Киркорова, Н. Баскова, А. Глызина, К. Георгиади, И. Аллегровой, Ю. Охочинского и др.

В. Казак: «Лирика Казаковой богата образами, отличается тщательностью в подборе слов. Её чуткость к человеческим страданиям имеет истоки в военном детстве, в опыте суровой жизни на Дальнем Востоке. Её творчество определено характерными для конца 50-х гг. поисками человеческой порядочности и отказом от пафоса и пропаганды. Часто это философская лирика, в кот. под конец стихотворения раскрывается символика природы; нежной проникновенностью отличается любовная лирика Казаковой. Слово — особенно в ранних её стихах — служит для выражения пережитого и выбирается с большим чувством ответственности. Некоторые из позднейших стихов Казаковой повествовательны, менее насыщены». Лирика К. отличается богатством лексики, оригинальностью сравнений, эпитетов, метафор, смысловой насыщенностью и философской ориентацией; тяготеет к традиционным формам силлабо-тонического стиха, нередко к напевности; ей чужда разорванность, внешняя деформированность, прерывистость.

Была граждански активна. В окт. 1993 подписала «Письмо 42-х», в 2000 была одним из авторов письма против возвращения «сталинского» гимна. Принимала деятельное участие в изд. газ. «Информпространство», активно сотрудничала с общ. организацией «Единство» (была ее сопредседателем).

Супруга писателя-публициста Георгия Радова, мать писателя Егора Радова.

Удостоена звания засл. деятеля культуры Узбекистана и Каракалпакии. Награждена орденами Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, орденом Кирилла и Мефодия I ст.

В июле 2008 для поощрения молодых поэтов была учреждена лит. премия им. К. «Начало».

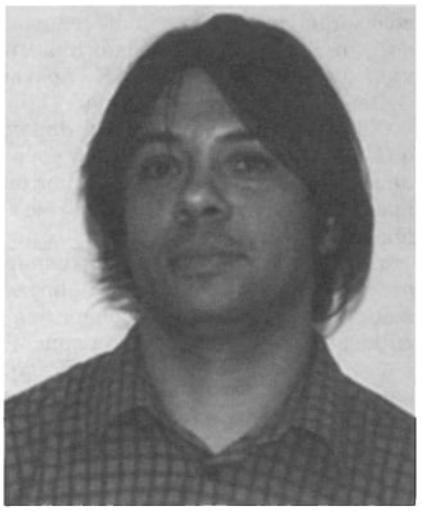
Соч.: Ты меня любишь. М.: Эксмо, 2006; Стихотворения, песни. М., 2010; Публицистика, проза, воспоминания современников. М., 2010.

Лит.: Казак В. Лексикон русской литры XX в. М., 1996; Памяти Риммы Казаковой // Читаем вместе. Новигатор в мире кн. 2009. № 7.

КАЗАРНО́ВСКИЙ Пётр Алексеевич [5.8.1969, Л-д] — поэт, прозаик, критик.

Отец — химик-органик, к.х.н.; мать — инженер-программист. После школы (1986) поступил на филологич. фак-т ЛГПИ им. А. Герцена (РГПУ); после 2-го курса год служил в армии (был демобилизован как студент-очник по инициативе А. Сахарова в 1989); после 3-го курса перевелся на заоч. отд., устроился работать в школу.

К этому времени относится начало серьезных занятий поэзией Л. Аронзона благодаря дружбе с реж. и поэтом М. Якубсоном и дружескому контакту с его отцом — хранителями и актив. пропагандистами тв-ва поэта. В 1992 защитил диплом по тв-ву Аронзона (науч. рук. В. Альфонсов). В период учебы сблизился с молодыми поэтами Н. Аксентьевым (Угрениновым), В. Серебренниковым, П. Шеманиным — эти связи многое дали К., по его собств. замечанию.



Студ. годы, выпавшие на перестройку, сопровождались актив. освоением (впитыванием) лит., худож. наследия прошлого, прежде замалчиваемого. В это время напис. много стихов, осн. часть кот. отвергнута и уничтожена автором по причине несовершенства. Рубеж 1980–90-х отмечен тесной дружбой с исследователем русского лит. авангарда С. Красицким.

К 1991 относится начало дружбы с филологом И. Кукуем, впоследствии переросшая в творч. тандем. Кукуй в 1997 издал (самиздатским способом) перв. книгу К. в Германии, в кол-ве 10 экз., куда вошли стихи, в т. ч. два **«Венка сонетов»** (1992 и 1997), и проза. 10 лет К. сторонился лит. мира, не желал обнародовать свои стихи.

Перв. публикация стихов К. состоялась в 2004 в интернет-ж. «Топос» и была инициирована Кукуем. Дополнительным толчком к выходу из изоляции было приглашение участвовать в альм. «Мера всех вещей», в 4 выпусках кот. К. печатался (с 2004 по 2007; посл. номер — билингва, где стихи петерб. поэтов даны с пере-

водами на разные, в осн. западные, яз.); инициаторами и редакторами изд. были художник ВИК, поэты О. Забелина, М. Овчинников.

С 2004 в содружестве с Вл. Эрлем и И. Кукуем начал подготовку собр. произведений Л. Аронзона (соавтор предисл., участник комм.), кот. вышло в 2006. Личное знакомство с поэтом С. Бирюковым, одобрительно отозвавшимся об опытах К., привело к более сознательному экспериментированию, большей раскрепощенности в работе (обращении) со словом; в 2007 он печатает неск. стих. в альм. Академии Зауми. В том же году дебютирует как критик. Наибольший интерес для К. представляют совр. авторы.

Сближается со мн. петерб. поэтами, в основном с А. Мирзаевым. В 2009 вместе с поэтами А. Горноном, П. Байковым, поэтом и переводчиком В. Кисловым образует группу «и Ко», кот. устроила неск. выступлений в Музее петерб. авангарда (Доме Матюшина). В основе объединения живой интерес к слову и парадоксу; лидер и вдохновитель группы Горнон, создавая сценарии театрализов. акций, стремился к тому, чтобы особенность каждого автора была подчеркнута отбором текстов и их представлением наиболее ярко (на матлах выступлений был создан фильм «Призрак дома № 10»). Впоследствии участвовал в реализации визуального проекта Горнона, основанного на поэзии Вас. Каменского. В том же году впервые опубл. критич. статью в ж. «НЛО» (о книге Вл. Эрля); с тех пор К. — нередкий автор издания. В теч. ряда лет совм. с Кукуем готовил к изд. роман П. Зальцмана «Щенки»; напис. текст буклета к первой в СПб. выставке художника, ученика Филонова. С 2010 занялся освоением тв-ва А. Ника (Н. Аксельрода), подготовил неск. его публикаций (совм. с Б. Констриктором), книгу в Мадриде, работает над томом его произведений.

В 2010 и 2011 участвовал в Невских чтениях, проводимых ежегодно Невским ин-том языка и культуры; в 2010 принял участие в конф. «Петербургский текст»; участвовал в семинарах по освоению наследия неподцензурных литераторов при ПД (организаторы — Б. Иванов, Б. Рогинский); был участником международной конф. «Вторая культура», проведенной в Женеве в марте 2012-го.

По наблюдению И. Кукуя, в стихах К., даже экспериментальных, преобладает лирич. начало, иногда трансформирующее образ видимого мира. По сравнению со стихами конца 1980-х — 90-х, в написанном в новом веке корпусе текстов образ видящего, воспринимающего «я» запрятан за словесной игрой, подчас каламбуром; нередко смысл отступает на второй план, уступая место неожиданной и даже изощренной рифме. Традиционная форма стиха остается особо чтимой К., хотя он и обращался к верлибру. Склонность к аллитерациям и построению ассоциативных рядов приводит к диффузии смысла, что делается автором сознательно. Филологич. образование и занятия разл. исследованиями время от времени приводят К. к различным открытиям, кот. в основном не предстают как «обнажение приема», а прячутся в словесном потоке. По замечанию Б. Констриктора, «многолетние филологические штудии исподволь, а иногда и непосредственно влияя на поэтику К., меняют ее. Однако авангардистский тренд парадоксально сочетается с глубоким лирическим началом, обнаруживаемом еще в ранних стихах».

В комм. к ст. К. **«Когда-то я услышал...»** А. Моцар рассуждает о смысле текста: «Читая это стихотворение Петра К., я сразу вспомнил почему-то не известный роман Камю "Посторонний", а нашумевшую в свое время статью Юрия Тынянова „Промежуток" (1924 г.: „Русский современник". № 4). В частности, Тынянов писал: „Для поэзии инерция кончилась. Поэтический паспорт, приписка к школе поэта сейчас не спасут. Школы исчезли, течения прекратились закономерно, как будто по команде. Нарастали в геометрической прогрессии, дифференцировались, распадались; затем самоопределение малых поэтических национальностей стало совершаться на пространстве квартиры, и, наконец, каждый был оставлен на самого себя". Именно об этом говорит и К., только не в форме статьи, а в поэтической форме».

В прозаич. произведениях, большая часть кот. не опубл., К. развивает лирич. начало, сопровождаемое лёгким налётом абсурдизма. Так, в **«Рассказе Петроградской стороны»** заметно влияние петерб. текста, в частности Гоголя.

Соч.: [Стихи] // Мера всех вещей. 2004. № 1; 2005. № 2; 2006. № 3; Мера НЕ всех вещей. 2007. Б.Н. (с пер. на итал. и франц. яз.); Literi ЧЕ. СПб.-М.-N.Y., 2007. № 3; АКТ. 2007. № 19; Альм. Академии Зауми. М., 2007; Словолов. 2007. № 2; Петерб. поэтич. формация. СПб., 2008; Дети Ра. 2008. № 10 (48); Актуальная поэзия на Пушкинской–10. Киев, 2009; Абзац: Альм. Вып. 5. М., 2009; Свобода *нет* // Kreschatik. Перекресток. 2009. № 45; Собр. соч. Т. 1. Стихотворения 2009 года: Антология совр. поэзии СПб. СПб., 2010; Дети Ра. 2010. № 3 (65); Паутинки // Острова. Н.-Й., 2010; Рассказ Петроградской стороны // Kreschatik. Перекресток. 2010. № 50; Лица петербургской поэзии. Автобиографии. Авторское чтение. СПб., 2011; [Стихи] // Зинзивер. 2011. № 3 (23); Маргинальные примечания к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Квадрига Аполлона. 2010. № 4; [Стихи] // Перекрестное опыление. СПб., 2011; В поисках утраченного я. СПб., 2012; Нужное зачеркнуть. Мадрид, 2012; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012; Черепаха (рис. А. Молева). СПб., 2013.

Критика и иссл.: «Бессонная тишина» (Павел Золкин. Не веря вечности. Париж. 2006) // Другой гид. L'autre guide. Хроника культуры. СПб.; Париж, 2007. № 2; «Объят глубинной тишиной»: Пространство текста Л. Аронзона // Wiener Slawistischer Almanach. band 62. München, 2008; <Рец.:> Вислава Шимборская. «Жизнь с бухты-барахты» // Зинзивер. 2009. № 1 (13); <Рец.:> Юлиан Фрумкин-Рыбаков «Ландшафт» // Зинзивер. 2009. № 2 (14); <Рец.:> Пётр Чейгин. «Пернатый снег». «Зона жизни» // Там же; Валерий Земских. Не равно / Серия «Русский Гулливер» // Зинзивер. 2009. № 3–4 (15–16); <Рец.> Эрль Вл. Кнега Кинга и др. стихотворения. СПб., 2009 // НЛО. 2009. № 4 (98); Юрий Орлицкий. «Верлибры и иное» // Зинзивер. 2010 № 2 (18); Кирилл Бурлуцкий. «Fumage» // Дети Ра. 2010. № 3 (65); <Рец.> Зданевич И. М. (Ильязд). Философия футуриста: Романы и заумные драмы. М., 2008 // НЛО. 2010. № 1 (101); Несколько тяжеловесно и медлительно...», или Combinatorica lectoris <ст. о романах Ж. Перека «Жизнь способ употребления»> // НЛО. 2010. № 6 (106); <Рец.> Шварц Е. Габриэле Д'Аннунцио. Крылатый циклоп. СПб., 2010 // НЛО. 2011. № 3 (109); <Рец.> Шварц Е. Перелетная птица: Последние стихи (2007–10). СПб., 2011 // НЛО. 2011. № 5 (111).

Лит.: Моцар А. Увидеть себя со стороны (Комм. к ст. П. Казарновского «Когда-то я услышал...») // Антология одного стихотворения. Кн. 1. Перекрестное опыление / Сост. В. Мишин; автор идеи и ред. Т. Буковская. СПб., 2011.

А. Мирзаев

КАЗИ́МОВА Нина Ивановна [5.12. 1952, Л-д] — художник-график.

Родилась в семье служащих. Отец — морской офицер, мать — инженер-конструктор. Детство прошло в Л-де. Параллельно с учебой в средней школе № 199 (на пл. Искусств при Русском музее) обучалась рисованию во Дворце пионеров им. А. Жданова, в ДХШ Куйбышевского р-на и в ДХШ № 1 Дзержинского р-на (т. н. «Тишкинская школа») у театр. художника Т. Сотниковой.

После окончания школы училась на архитектурном фак-те ЛИСИ (закончила в 1976). В 1985 начала изучать технику офорта в мастерской Г. Пахаревского. В 1989 вступила в члены Мастерской народной графики «Сов. лубок» (М.). С 1991 — член СПб. Союза художников.

Мастер офорта, «королева акватинты». Осн. жанр — экслибрис, авторская кн., станковая и малоформатная графика. Выполнила более 430 офортов, в т. ч. более 200 экслибрисов. Стала издателем, дизайнером и иллюстратором шести авторских малотиражных кн. (три из кот. цельногравированные): «"Сады моей души...": Стих. поэтов Серебряного века» (1994), М. Волошин «Париж» (1997), А. Пушкин «Пир Петра Первого» (2003), Н. Гоголь «Рим» (2009), Мацуо Басё «Трехстишия» (2009), В. Распутин «Возвращение Тобольска» (2012). Книги с илл. К. хранятся в собраниях Эрмитажа, Русского музея, ГМЗ «Петергоф», ГМЗ «Царское Село», РНБ, РГБ, Третьяковской галереи, РГБ по искусству, Тюменской ОНБ им. Д. Менделеева, Домамузея Гоголя, Ирбитского ГМИИ, Берлинской городской биб-ки Прусского Культурного Об-ва (Германия), в др. музеях и частных коллекциях России и зарубежья.

Значительное место в тв-ве К., кроме авторских книг, занимает работа над экслибрисами. Большое кол-во книжных знаков выполнено для ведущих музеев и биб-к России. Многие выполнены на сюжеты лит. произведений или являются своеобразными иллюстрациями к ним, в т. ч.: «Из книг Д. С. Лихачева» — стих. Г. Иванова «Петергоф», «Ex libris семьи Богдановых» — сюжет мифа «Похищение Европы», «Ex libris S. Ivensky» — стих. Вс. Рождественского «В зимнем парке»; «Из книг Д. А. Медведева» — с портретом А. Чехова. Является дизайнером и иллюстратором изданий альм. «Невский библиофил» (2003. № 8; 2004. № 9).

К. присущ легко узнаваемый стиль графики, кот. сформировался на основе синтеза трех начал: 1 — графического, идущего от петровской гравюры, русской народной картинки (лубка) и графики объединения «Мир искусства»; 2 — декоративно-прикладного, идущего от орнамента, гобелена, золотого шитья и кружевного узора; 3 — архитектурного, идущего от архитектурной графики и архитектурных форм различных истор. эпох. Графику К. отличает умелое включение в канву изображений шрифтовых композиций, печать офортов в 2–3 цвета с одной доски (обычно в коричнево-зеленной гамме), умелое использование акватинты, предающей офорту мягкий акварельный эффект.

Участница более 280 национальных и международных выставок. В 2004, 2007, 2011 приняла участие в I, II, III Всероссийск. Конгрессах экслибриса (Вологда). Лауреат и дипломант 15 конкурсов графики и экслибриса в России и за рубежом. В 1996 включена в Биобиблиогр. энциклопедию совр. искусства экслибриса (Португалия), в 1997 — в монографию «Лучшие из лучших в европейском экслибрисе» (Бельгия), в 2006 в многотомное изд. «Совр. художники экслибриса» (Португалия). С 2008 — член Петровской Академии наук и искусств.

Изд. графики: «Сады моей души...»: Стих. поэтов Серебряного века. СПб., 1994; Волошин М. Париж. СПб., 1997; Пушкин А. Пир Петра Первого. СПб., 2003; Графика Нины Казимовой: Каталог. Ирбит, 2007; Петербургский лубок. Русские пословицы и поговорки // Диалог культур. СПб., 2007; Книги и книжные знаки. М., 2007; Гоголь Н. Рим: Отрывки. СПб., 2009; Мацуо Басё. Трехстишия. СПб., 2009; Распутин В. Возвращение Тобольска. СПб., 2012.

Лит.: Воропанов В. Невские фантазии Нины Казимовой // Хронограф. Клуб коллекционеров. Вологда, 2005. № 2 (10); Родионова Л. Хранитель традиций прекрасной эпохи // Про книги: Ж. библиофила. М., 2009. № 1 (8).

Г. Коробовской

КА́ЗИН Александр Леонидович [21.11.1945, Смоленск] — критик, прозаик, философ, культуролог, искусствовед.

Из русских дворян. Отец — Шпарварт Леонид Александрович, воен. врач, майор мед. службы, коренной петербуржец, погиб в 1945 в Германии. Мать — К. Мария Борисовна, врач, капитан мед. службы, скончалась в 1986.

Школьные годы К. прошли на Петроградской стороне, где он заканчивал 8 классов школы № 91, располагавшейся поблизости от б. Введенской гимназии, где учился А. Блок. Аттестат зрелости получал в Школе рабочей молодежи, куда он перешел после окончания восьмилетки.

В 1963 поступил на философский фак-т ЛГУ им. А. Жданова, кот. закончил в 1969. В 1972 закончил аспирантуру того же фак-та по специальности «эстетика», защитив канд. дис. **«Проблема отношения искусства к действительности в русской эстетике нач. XX в.»**. В 1990 защитил на философском фак-те МГУ докт. дис. **«Диалектика художественного образа в совр. искусстве»**.

Многие годы занимается педагогич. деятельностью: преподавал в Лен. ин-те культуры им. Н. Крупской, в Лен. Консерватории им. Н. Римского-Корсакова, ЛГПИ им. А. Герцена, на истфаке СПбГУ. В наст. время — зав. кафедрой искусствознания СПб. ун-та кино и телевидения, старший науч. сотрудник Российского ин-та истории искусств (РИИИ).

Область творч. интересов К. охватывает широкий круг искусствоведческих и философско-эстетич. вопросов, связанных с историей и совр. состоянием русской культуры в пространстве культуры мировой.

Перв. публикация состоялась в 1971 в сб. «Герценовские чтения». Однако первой публикацией, наверное, следует считать стих. **«Петропавловская крепость»**, напис. им в шестом классе и опубл. в школьной стенгазете: «Высятся старые стены / Над величавой Невой. / Волны, седые от пены, / Бьются о берег крутой. // Выше — гранитная кладка, / Узкие щели бойниц. / Травы, растущие в камне, / Крики летающих птиц. // А шпиль золотою иглою / Вершиной стоит в облаках. / И яркое солнце играет / В его золочёных листах».

Сегодня К. — один из интереснейших религиозных писателей, философ и эстетик. Оставляя в стороне худож. прозу и критич. статьи К., можно сказать, что осн. вклад К. в совр. лит-ру и культуру в целом лежит в обл. религиозного осмысления им судьбы России и тв-ва некот. ключевых фигур, определяющих осн. русло русского мировосприятия и мироощущения. «К. рисует образную и цельную картину "русского мира", как он сложился в духе, истории и культуре. Один из главных его постулатов, одна из концептуальных идей — понятие о "верующем разуме" как основополагающем, сущностном свойстве русской культуры. Он проводит эту мысль во многих своих книгах — и там, где философствует "напрямую", и там, где пишет о русской литературе, о советском кино. Диапазон его интересов очень велик — от Пушкина и Тютчева до Тарковского и Шукшина...» (М. Фомина. Продолжатель дела русского религиозного художественного ренессанса).

К. — основатель нового типа литры — не образов, а мысли. Движение мысли — осн. сюжет любого произведения К., будь это чистое философствование или литературоведческое исследование. К. пишет о жизни не на мат-ле разноликого бытия, а на мат-ле его худож. и религиозно-философского отражения. В автобиографич. романе **«Александровский сад»** К. рассказывает, как он в силу обстоятельств стал заниматься киноведением. «Разумеется,— признается он,— я не собирался становиться искусствоведом и оставлять философию — я задумал философствовать на материале кино». Это важное признание. Здесь К. обозначил принципиально характер своего тв-ва. Философ по образованию и по призванию, он философствует на мат-ле лит-ры, кино, искусства в целом. Образную ткань произведений он пропускает через верующий и философствующий разум, осмысливающий крестный путь России. Да и сама философия для К. «является одним из родов литературы, подобно роману, лирике или драме».

Как религиозный писатель К. рассматривает божественный замысел о России на примерах из обл. культуры. Рецензируя книгу К. **«Великая Россия»**, В. Ефимовская отмечала, что «книга насыщена множеством художественных образов, эстетических систем, связанных с выдающимися русскими именами, наполнена известными литературными героями...». Все эти герои стоят на единственно возможном, по К., русском пути — пути ко Христу. Среди этих героев «митрополит Илларион, прп. Сергий Радонежский, прп. Иосиф Волоцкий, государственные деятели, такие как Петр I, русские философы Киреевский, Чаадаев, Леонтьев, Соловьев, поэты Пушкин, Тютчев, Блок, Твардовский и их поэтические герои. Выдающиеся русские прозаики Достоевский, Булгаков, Солженицын и их литературные персонажи...» (Портрет. О книге А. Л. Казина «Великая Россия»).

Судьбу России К. рассматривает только в религиозно-провиденциальном ракурсе. Создатель уготовил России крестный путь, кот. и определяет ее историю вплоть до революции и новейших испытаний, выпавших на долю русского человека. Т. о. К. накладывает на картину мира, а равно и на лит-ру православную матрицу, с помощью кот. он определяет ход событий и дает им оценку. Это нравственно-религиозная сетка координат является для него ключом ко всему и универсальным мерилом. Всё это он определяет как «верующий разум», кот., впрочем, лучше можно охарактеризовать через православное вероучение. Его мысль виртуозна, К. выказывает в своем тв-ве широчайшую теоретич. оснащенность, позволяющую ему вписывать русскую мысль в общемировой, а особенно в православный контекст. Однако сколь бы ни были основательны его выводы и суждения, они едва ли могут быть абсолютными, поскольку у них все-таки есть опр. предел, поставленный христианским вероучением, точнее православием и всем его теологич. инструментарием.

Характер мышления К., обусловленный глубоко прочувствованным постулатом о «верующем разуме», особенно ярко проявляется в его осмыслении тв-ва А. Пушкина, выраженном в кн. **«Русские чудеса»**. В размышлениях К. о Пушкине много интересного и совершенно самостоятельного. Несмотря на нестандартность его определений о поэте, практически всё, что он говорит о сказках Пушкина, можно принять за истину. И, наверное, так оно и было бы, если бы К. рассматривал православное учение как некую схему, а не как критерий истинности, т. е. если бы христианство для него было условной, а не безусловной истиной. Для К. же православие — истина безусловная и абсолютная. И в этом смысле едва ли можно говорить

о Пушкине как о великом православном поэте. Великий, но не православный. У Пушкина главное то, что он Поэт. Поэт в высоком смысле. Но для К. религия выше поэзии, и поэтому он не делает Пушкина православным, хотя и с определением «великий». Если бы К. христианское вероучение воспринимал как символ, как условную систему ценностей и накладывал ее на тв-во Пушкина, то он мог бы сказать, что Пушкин, не будучи правоверным (или ортодоксальным) православным, тем не менее близок православному мировосприятию и пониманию ценностей мира. Но К. принимает учение христианства о сотворении мира как единственную истину, после чего он и о Пушкине говорит в русле соответствия и несоответствия православию. Всё это сегодня очень актуально для понимания русской культуры в целом и для лит-ры в частности.

К. — автор книг по философии, культурологии, эстетике, многих лит. и публиц. статей, вызывавших широкую полемику. В посл. годы он обращается к автобиографической прозе, создает роман **«Частицы бытия»**, в кот. прослеживает свой путь от детства до сегодняшнего дня.

К. публ. в ж. «Новый мир», «Вопросы философии», «Москва», «Всерусский собор», «Нева», «Родная Ладога», в «ЛГ», в газ. «СПб. ведомости» и др.

Член СП России с 2001, Союза кинематографистов. Член исполнительного Совета обществ. организации «Собор православной интеллигенции СПб.». Лауреат Всероссийской лит. премии им. Александра Невского.

Соч.: Образ мира. Искусство в культуре XX в. СПб., 1991; Русское философское кино. Последнее Царство. Русская православная цивилизация. СПб., 1998; Философия искусства в русской и европейской духовной традиции. СПб., 2000; Русская красота. СПб., 2003; Россия и мировая культура. СПб., 2004; Великая Россия. Религия. Культура. Политика. СПб., 2007; Верующий гений. Осн. принцип русской культуры. СПб., 2010; Русские чудеса. История и судьба. СПб., 2010; Двойное солнце. Пушкин и Достоевский в русской метафизике. Изд-во «Ламберт» (Германия), 2011; Александровский парк: Романбиография // Родная Ладога. 2012. № 3.

Лит.: Роднянская И. Заметки к спору // Новый мир. 1989. № 12; Бочаров А. Мифы и прозрения // Октябрь. 1990. № 8; Ефимовская В. Портрет. О книге А. Л. Казина «Великая Россия» // Петерб. лит-ра на рубеже веков: Сб. СПб., 2011; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Фомина М. Продолжатель дела русского религиозно-художественного ренессанса // Интернет-портал «Русская народная линия» <www.ruskline.ru>

В. Кречетов

КАЛИ́НИН Георгий (Юрий) Михайлович [15.3.1930, Л-д — 18.3.2011, М.] — прозаик, публицист.

Родился в семье потомственных петербуржцев. Отец — железнодорожный служащий, мать — машинистка. Пережил тяжелейшую блокадную зиму 1941–42, когда потерял отца и близких родственников. С больной матерью был эвакуирован летом 1942 через Ладогу, до лета 1944 жил в Пермской обл. Окончил филологич. фак-т ЛГУ по отд. журналистики (1954). Работал в комсомольских газ. г. Фрунзе и Калининграда (1954–57), лит. консультантом ж. «Костер» (1958–59). Опробовал профессии рабочего лесопилки, грузчика, почтальона и др. С 1959 проживает в М. Работал в изд-ве «Прогресс», в пресс-центре международных выставок, лит. редактором. С 1957 пишет худож. прозу. Оставив престижную службу, в 1976 ушел на должность зав. складом моск. детской туристской станции, удовольствовавшись материально прожиточным минимумом ради обретения времени для каждодневных занятий писательским трудом (на службе — до 1988).

Большая школа лит-ры началась для К. в посл. 3 года студенчества с приобщения к сочинениям Л. Толстого в поисках мировоззренч. опоры личным духовным стремлениям и в целях изучения худож. способов изображения внутреннего «я» индивидуальности.

В период журналистской службы появлялись социально-требовательные очерки К. (**Взрослые и дети** // Лит-ра и жизнь. 1959. 30 авг.), рец. на книги молодых одаренных писателей-однокашников — В. Головинского, Г. Горышина (Нева. 1959. № 2, 6). Тогда же написаны перв. рассказы — от стилизаций, с вхождением в русскую историю XVIII в. (**«Покаяние»**) до совр. антикультовой проблематики, обновлявшей представления о соц. путях России сов. поры. Это были попытки овладения многослойностью родного слова, опыты запечатления «мгновенно-медленного», детализированного в своем движении внутреннего времени человеч. бытия, с аналитикой его состояний, конфликтностью сознания. Параллельно шло изучение прозы крупных западных и отеч. прозаиков — Ш. Андерсона, Э. Хемингуэя, А. Платонова, Ю. Казакова. В убеждении, что для русских лит-ра — более, чем искусство, К. изначально поставил задачей постижение «тайны духа человеческого».

Гл. потрясением в судьбе К. явилась блокада Л-да в Великую Отеч. войну. «Тогда бухнула на чашку весов моей жизни столь тяжелая гирька, что прошедшие десятилетия <...> не смогли дать ничего такого, чтобы ее перевесить. Одним словом, я — человек блокадный»,— напишет К. в автобиографии 1988, вступая в СП. Книга рассказов и повестей **«Посреди зеленого поля»** (1987) была высоко оценена критикой и читателями. Повесть **«Колодец памяти»** (Наш современник. 1987. № 4), позже переозаглавленная (**«Из какого колодца дует»**), рассказ **«Вспоминаю блокадных детей»**, очерк **«Блокада на всю жизнь»** стали уникальным вкладом

блокадников в познание самого себя и мира в экстремальных условиях на рубеже бытия и смерти, когда против детства объединялись голод, холод, оружие войны и человеч. отчуждение, деформируя нормы морали, выдвигая на первый план агрессивную животную потребность выживания. Следуя в своей манере за Достоевским, К. стремился снять покровы шаблонов в изображении отношений между людьми, с бескомпромиссной фактографич. честностью рисуя лен. трагедию, увиденную глазами «двенадцатилетнего старика, умудренного блокадой, узнавшего человека во всей его наготе». Петерб. воен. проза К., оправленная в исповедь и раздумья, выявляла кричащие противоречия поведения личности. Наблюдающее мир сознание, используя право суда и право самоосуждения, одновременно творило самостроительство души ребенка, вело его через испытания совести «хлебушком» к высшей человеч. любви, к обретению прочных нравств. ориентиров, открывало жертвенные движения сердца.

Автобиографич. в своей основе блокадная проза К. естественно переходила далее в прозу о мирной жизни современников, где писателю дороги идеальные тяготения и порывы героев (повесть **«Светопад сквозь листву»**), где жизненные итоги не сводятся к сверхординарному результату, а подтверждают важность просто быть «честным и прямодушным человеком». Такова «одна из самых глубоких человеческих истин», освобождающая нас от тягостного тщеславия. Получающие высокую осмысленность и цену в духовном опыте К. идеалы обыденной жизни сближаются со временем в его тв-ве с идеалами религиозными. Так появилась очерково-публиц. кн. **«Голос Неба и немота Земли»** (1996), философский пафос кот. ведет читателя от переживаний явлений Богородицы в португальском селении Фатиме (1917) через рассмотрение кризисных полит. ситуаций всемирной истории XX в. к оценке нынешнего положения России, когда «кажется, снова переполнилась чаша народных бед и черная мгла затягивает наше будущее». К. одушевлен верой, «что Россия не погибнет, что она будет спасена». С лирич. силой звучит его убежденность, что «светлое, печально-протяжное имя Родины нашей, будто долгим эхом обегающее бескрайность ее просторов», имеет высшую небесную защиту и покровительство. Страстным призывом К. пронизано его открытое письмо А. Солженицыну **«Сила державы в духовном единстве»** (2002). Навязываемой русским «устремленности <...> к деньгам как мере всех начал, к стяжанию <...>, к преступной вседозволенности» — с пересадкой к нам "всех западных пороков"» — противопоставлена как упование эпохи реальная праведность России, ее единение в православии — «духовном начале». В новейших рассказах и повестях К. вновь предстает строителем человеч. души, доказывающим — в особенности в образах чудаков и детей — бесценность частной жизни, всегда способной оставить в суровом, «страшном мире» неповторимый, удивительный след: цикл рассказов «Пробуждение» (Новый мир. 2003. № 8), рассказ **«Сильнее жизни, сильнее смерти»** (Москва. 2004. № 2). Как и прежде, одной из подкупающих черт К.-писателя остается пластическая свобода, энергия и интонационное богатство его слова.

Соч.: Посреди зеленого поля. М., 1987; Диво наше земное, дивище // Культура и свобода. 1992. № 1–2; Блокада на всю жизнь: Очерк // Новая Европа. 1993. № 2; Саракташ — поселок надежды: Очерк // Москва. 1995. № 5; Голос Неба и немота Земли. Фатима: чудо и трагедия. [М.], 1996; Пойди и посмотри // Русский дом. 2000. № 12; Хлеб жизни нашей: Рассказ // Подмосковье. 2002. № 4; Сила державы в духовном единстве: Открытое письмо А. И. Солженицыну // Подмосковье. 2002. № 18; Черные ландыши с Вороньей горы: Рассказ // Подмосковье. 2002. № 23; День един: Рассказы и повести. М., 2010.

Лит.: Лавров В. Думая о человеке // Лен. правда. 1981. 30 апр.; Палей М. Фигурка на оголенном поле // Новый мир. 1988. № 11; Лесин Е., Самойлов А. Бегут голенастые девы. Август и его лит. журналы // НГ Ex libris. 2003. 31 июл.

А. Горелов

КАЛИ́НИНА Татьяна Александровна [15.4.1948, Л-д] — поэт, переводчик, критик, мемуарист.

Родилась в семье служащих, образование высшее. Школьницей в 1964 начала заниматься в лит. клубе «Дерзание» при лен. Дворце пионеров. В те годы её учителями и наставниками были Н. Князева, И. Малярова, А. Адмиральский. В 1971 окончила филологич. фак-т ЛГУ, была принята на работу во Всероссийский музей А. Пушкина, где работает науч. сотрудником отдела экспозиции.

Перв. поэтич. публикация относится к 1972: в моск. молодёжном ж. «Смена» была опубл. подборка стихов К. с предисл. П. Антокольского. Во время учёбы в ЛГУ вошла в круг знаменитых моск. поэтов и прозаиков. Среди близких знакомых и друзей и первых читателей помимо автора «сменовского» предисл. — Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, Р. Рождественский, Г. Поженян, Д. Холендро. В заметках «О петербургской поэтич. школе» её имя упоминал А. Вознесенский. Сотрудничала и сотрудничает с лен.-петерб. композиторами С. Баневичем, А. и О. Петровыми, В. Баснером, В. Гаврилиным, Р. Гринблатом, В. Успенским, А. Кальварским. Автор текстов к фильмам «Синяя птица», «Белый Бим — чёрное ухо», «Где ты, Багира?», «О тебе», к телефильмам «Алмазные тропы», «Ночной дилижанс», «Рафферки», «Весёлые сновидения». Среди режиссёров, работавших над фильмами со стихами К. — Э. Кьюкор, Ст. Ростоцкий, В. Левин, Р. Нахапетов. В муз. театрах М., СПб., Новосибирска, Перми, Киева, Владикавказа идут спектакли, к кот. К.

писала либретто — «Севастопольский марш», «История Кая и Герды», «Прощай, Арбат!», «О бедном гусаре», «Песнь о Волге», «Земля детей». Здесь постановщиками — её соавторами — были Ю. Александров, В. Воробьёв, Р. Габриадзе. К. перевела на русский яз. мюзикл Р. Паулса «Сестра Керри». По заказу муз.-драм. театра финского г. Лахти в соавт. с Успенским написала оперу-мюзикл «Анна Каренина».

С 1998 — член СПб. отд. Российского Союза литераторов. В 2000 вышла единственная кн. стихов К. **«Край земли»**, выпущенная изд-вом «Юнимет», предисл. к кот. написаны Ахмадулиной и А. Петровым. «Все мои друзья и коллеги, первый из них Булат Окуджава, привыкли считать Таню младшим, но равным и непременным соучастником нашего дружеского круга, узкого и отверсто любящего. Домашняя художественная семейственность: Борис Мессерер, его мастерская, картины, граммофоны, все сообщники невзгод и празднеств, мои дети, собаки, кошки, ёлки и другие растения — всё это бескорыстное собрание приходится Татьяне рассеянной чёткой родней. <...> Наверное, человек дважды равен себе в детстве и в обретённой зрелости, не зависящей от возраста, дело лишь в напряжённости промежутка меж тем и другим, в благодатном и опасном пребывании на краю, в том *крае земли*, где есть только один обитатель, лирический герой, одиноко противостоящий всему тяжкому, недоброму и супротивному (Б. Ахмадулина. Край земли). А. Петров в предисл. вспоминал: «Мы не сразу встретились... Какое-то время я воспринимал её стихи только через романтическую музыку Сергея Баневича. Потом услышал о её поэзии добрые слова Б. Ахмадулиной, встретил её имя в заметке А. Вознесенского о "петербургской поэтической школе". И у меня, ещё толком не знакомого с её стихами, сложился облик поэта тонкого, нежного, далёкого от нашей повседневной суеты. А потом возникла необходимость сделать русскую версию английских стихов в песням из советско-американского фильма "Синяя птица". Метерлинк, философско-романтическая сказка, стилистика американского режиссёра Кьюкора с его изящным, отнюдь не голливудским вкусом, обаятельные герои фильма — дети. И Татьяна Калинина естественно и органично вошла в этот прекрасный мир, написав к моей музыке замечательные стихи. <...> Татьяна работала со многими питерскими и московскими композиторами. И всегда музыка и поэзия совпадали в этих встречах. Она требовательна к себе: главное — работа в музее Пушкина, и через это — всё остальное: стихи, либретто, тексты песен».

К. в своём тв-ве избегала и избегает формальных приёмов и изысков, чужда авангарду, следует классической стих. традиции, началом кот. для неё стали Боратынский и Тютчев, позже Анненский и Волошин, ещё позже Мария Петровых. «И минешь ты. И не узнаешь горя / Посмертных дней, когда в тоске благой / Тебя оплачут близкие, и вскоре / Оплачет близких кто-нибудь другой» (**«О жизни»** из цикла **«Из Марка Аврелия»**). Главным для себя и для воспринятой ею традиции считает состояние души — в данный конкретный момент и в видимой перспективе. «Беды выпрямляющий опыт, / Блуждающий звук мятежа — / И вот переходят на шёпот / Ночные твои сторожа / И вот объявляется смута / На дальних пределах ума, / Наследных бессонниц минуты / И женского голоса тьма». Темы стихов К. — жизнь, доброта, музыка, любовь, судьба. «Тиха струна, отчаянна труба, / Светло рожденье, горестна кончина — / Из всех причин слагается судьба, / Одна и свершенная причина».

Песни, стихи к кот. написаны К., давно стали хитами. **«Дорога без конца...»**, **«Доброта — счастливое слово»**, **«На тихой дудочке любви»** (С. Баневич), **«Песня материнской любви»** (А. Петров), **«Песнь о Волге»** (В. Баснер), **«Осенью»** (В. Гаврилин). Продолжает работать с композиторами, пишет стихи к песням, блистательно владеет жанром «поздравлений», пишет воспоминания о тех, с кем приходилась работать — о Вениамине Баснере, об Андрее Петрове. В 2004 выпустила CD **«Дорога без конца...»** («Песни на стихи Татьяны Калининой»).

Лауреат ряда всесоюзных конкурсов песни.

Переводила поэтов Прибалтики.

Соч.: Край земли. СПб., 2000» «Дорога без конца...». CD, 2004.

Лит.: Ахмадулина Б., Петров А. <Предисл.> // Калинина Т. Край земли. СПб., 2000.

Т. Отюгова

КАЛИ́ННИКОВ Иосиф Фёдорович [1.1.1890, с. Милечь Трубчевского у. Орловской губ. — 4.5.1934, Теплице, Чехословакия, похоронен в г. Граница (Граница-на-Мораве)] — поэт, прозаик, этнограф.

В детстве и отрочестве вместе с матерью и дедом, дьяконом Троицкой кладбищенской церкви г. Орла, ежегодно во вр. летних каникул приезжал в Белобережскую пустынь. Подолгу живя в обители и наблюдая монашескую жизнь, собрал богатые впечатления, кот. позднее отразил в тв-ве.

Учился на экономич. отд. СПб. политехнического ин-та (1911–16); одновременно в кач-ве вольнослушателя посещал лекции на филологич. фак-те СПб. ун-та. Принадлежал к плеяде поэтов Серебряного века. Мастер триолета, автор трёх поэтич. сб. (1915–18) в стиле триолета. Сб. содержали не только отд. триолеты, но и поэмы в триолетах.

Участвовал в этнографич. экспедициях АН и Русского географич. об-ва. Награждён Серебряной медалью Русского геогр. об-ва (1914) «за собирание этнографических материалов в Орловской губернии, в частности за собирание сказок».

В 1916 призван в армию; в 1917 уволен по болезни. Во вр. Граждан-

ской войны был мобилизован в армию Деникина; в 1919 эвакуирован из Новороссийска в Египет.

Получил признание как прозаик после выхода сб. рассказов и очерков **«Баба-змея»** (1927). Перв. три тома романа **«Мощи»** (первоначально **«Белые берега»**) вышли в М. в 1925–27. Роман акцентировал внимание на изнанке монастрыской жизни и вскоре был объявлен в СССР порнографией и контррев. пасквилем. Роман и его автор упоминается В. Маяковскоим в его «Письме писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому»: «...кстати, Вы открыли мощи этого... Калинникова».

С 1922 жил в Праге, лечился. В нач. 1930-х состояние здоровья значительно ухудшилось, перенёс два инфаркта, постоянно находился на лечении в различных санаториях Чехии и Словакии. Умер после третьего инфаркта на курорте Теплице.

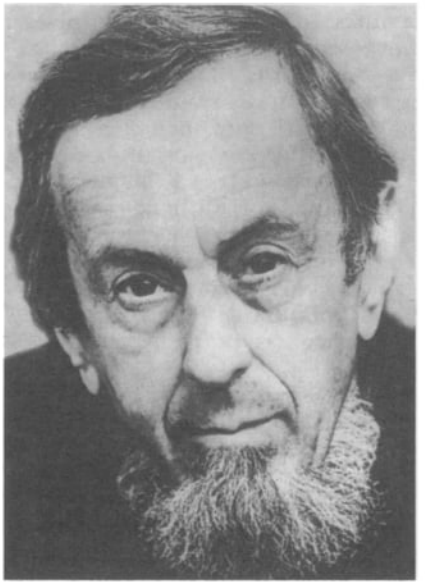
Соч.: Крылатые песни (1913–15). Орёл, 1915; Стихи. Орёл, 1918; Баба-змея. М., 1927; Монахи и женщины (Мощи): В 3-х т. М., 1925–27; Т. 4. Берлин, 1930 (Т. 1–4 / Предисл. О. Вологиной. Брянск, 1993; Йошкар-Ола, 1995).

Лит.: Тв-во И. Ф. Каллиникова в мировом лит. процессе. Орёл, 2004; Иосиф Каллиников в воспоминаниях и письмах. Орел, 2004.

КАЛМАНО́ВСКИЙ Евгений Соломонович [20.6.1927, Саратов — 8.5.1996, СПб., похоронен на Комаровском кладб.] — критик, литературовед, прозаик.

Родился в семье врача, легочного хирурга. Во время Великой Отеч. войны в Саратове оказались эвакуированные преподаватели из ЛГУ, среди кот. был проф. Г. Гуковский. С ним, через его дочь Наталью, познакомился К. В 1945 поступил в Саратовский ун-т, где во время войны и после нее некот. время Гуковский читал лекции. К этому моменту К. уже считал себя учеником профессора. «Если бы Гуковского не было в моей жизни,— писал через много лет К.,— я мог бы не узнать, как культура связывает воедино книги и человеческое житье. Боюсь, этому не научишься по отдельно написанному».

В 1948 вернувшийся в Л-д Гуковский добился перевода К. в ЛГУ и даже поселил студента в своей квар-



тире на Васильевском о-ве. К. был среди тех учеников профессора, кот. называли «гуковятами». Для них, как и многих тогдашних студентов филфака, горькой «зарубкой» остались проработки, кот. подвергались выдающиеся ученые В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, Г. Гуковский, М. Азадовский. Арестованный летом 1949, Гуковский в нач. апреля 1950-го умер в тюрьме. Гибель наставника оставила тяжелый след в жизни К. Однако в это трудное время он не отрекся от учителя, несмотря на угрозу исключения из ун-та.

В 1950–52 преподавал в мужской школе Саратова, кот. сам окончил, в 1952–55 был завлитом Саратовского ТЮЗа (позже (1960–61) в той же должности служил у О. Ефремова в моск. театре «Современник»).

С 1955 жил в Л-де, тогда же начал печататься. Три десятилетия (с 1966) отдал ЛГИТМиК (ныне Театр. академия), в конце жизни — зам. директора Александринского театра по репертуару.

Среди более 300 ст., эссе, рец. (только в ж. «Звезда» ок. 50) — работы о совр. лит-ре и театре, об истории лит-ры и театра, по истории лит-ры XIX в. (о пьесах А. Островского и А. Чехова). К. написал очень личностное исследование по тв-ву любимого им Е. Шварца (в кн. «Очерки истории сов. драматургии», 1968) и подготовил для Большой серии «Биб-ки поэта» сб. «Стихотворения И. Аксакова» (1960), «И. З. Суриков и поэты-суриковцы» (1966). Ученик К., журналист и театр. критик Д. Циликин, сказал: «Перечитывая сейчас <в XXI в.> его статьи и книги, дивишься: написанные в советскую пору, они совершенно свободны от всего советского. Никаких скидок на время делать не нужно. Все слова — теперешние, всегдашние. Ни одна мысль не устарела, более того, многие из них только начинают открываться в настоящей глубине».

С редкой точностью определил К. свой подход к мат-лу историческому, к жанру кн. **«Дни и годы»** — о жизни Т. Н. Грановского: «Автор ее не мог не прибегнуть к труду воображения, домысливания, стараясь при этом всегда держаться в пределах возможного, вполне допустимого, в тех пределах, кот. нам установлены имеющимися фактами». Таков подход исследователя и писателя.

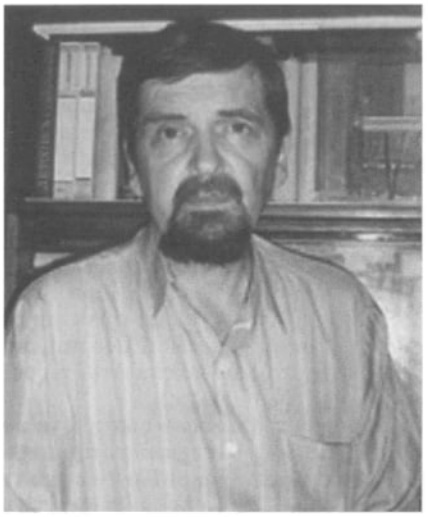
Итоговая кн. К. — **«Мое Собранье Лиц»** (2009), включающая в себя исповедальную прозу — размышления, критич. этюды, автобиогр. прозу, героями кот. стали Г. Гуковский, Е. Шварц, О. Ефремов, Э. Успенский, А. Ким. Подробно рассказано о пьесах Е. Шварца, особенностях его личности. Но особый окрас — в оценке самой эпохи. Все пропущено через себя (завершающая главка «Возможность совершенства»): «Больно было. Горько было. Страшно было. Но и прежде всего, больше всего ярко, звонко, бездонно, бескрайне. Вот, по-моему, главное, что отличает таких *лиц*. И возмещает им все осязаемые недополучения. Оттого им можно завидовать. Нужно завидовать полноте их жизни».

Соч.: Дни и годы: Жизнь Т. Н. Грановского. Л., 1975; Театр кукол: День сегодняшний: Из записок критика. Л., 1977; Книга о театр. актере. Л., 1984; Алиса Фрейндлих. Л., 1989; Российские мотивы. СПб., 1994; Мое Собранье Лиц. Жизнь: книги и люди. Опыт рассудительной прозы / Сост. Т. Клявина. СПб., 2009.

А. Рубашкин

КАЛЯ́ГИН Николай Иванович [27.10.1955, Л-д] — прозаик.

Окончил физико-матем. школу № 38, затем — ЛЭТИ. Много лет работает по специальности, занимается наладкой энергетического оборудования.



Участник ленинградского «самиздата». Сотрудничал с К. М. Бутыриным (ж. «Обводный канал») и Н. П. Ильиным (ж. «Русское самосознание», «Философская культура»). С 1986 публ. прозу и ст. о лит-ре в ж. «Обводный канал»; позже печ. в ж. и альм. «Постскриптум», «Нева», «Москва» и др. периодич. изд

В 1989 К. выпустил в изд-ве «Молодая гвардия» кн. прозы **«Дорога через свет»** (М.: Молодая гвардия, 1989).

В мае 1991 в СПб. было создано Русское Философское об-во (РФО) им. Н. Страхова (с сент. 1997), членом кот. являлся и К. В виде д-дов на заседаниях Об-ва впервые были представлены **«Чтения о русской поэзии»** К. (публ. в ж. «Москва» начиная с 2000 вплоть до 2012).

«...поверьте на слово: самодостаточные люди не становятся писателями, каждая книга, дошедшая до нас из глубины времен, является просьбой о помощи. Каждую книгу следовало бы открывать так, как открывают выловленную в море бутылку с письмом: ведь слова, кот. вы сейчас прочтете, обращены именно к вам, и только к вам. Именно о вас думал человек, кот. запечатывал эту бутылку, именно в той минуте, кот. сейчас наступила, полагал он заветнейшие свои надежды! И только от вас, от высоты вашего духовного строя, от глубины вашего сочувствия и вашего понимания, зависит остальное: будет ли разрушено одиночество жертвы кораблекрушения, услышит ли голос друга одинокая человеческая душа, "обретут ли разделенье, принесут ли плод" ее лучшие мысли и чувства или погибнут на диком берегу без пользы и следа...» («Чтения о русской поэзии»).

Соч.: Рассказы // Обводный канал. 1986. № 9; На Севере диком // Обводный канал. 1989. № 16; Дорога через свет: Рассказы и повесть. М., 1989; Нравственные письма к издателю «Обводного канала», писанные наспех по поводу романа «Пушкинский дом» // Там же; Прощание славянки: Проза // Обводный канал. 1990. № 17; Вареная колбаса или русская философия // Там же; Повесть о гласности // Обводный канал. 1993. № 19; Чтения о русской поэзии: Главы из кн. // Русское самосознание. 1996–1999. № 3, 5–7; Чтения о русской поэзии // Москва. 2000. № 1–6, 8–10; 2002. № 9, 10; 2005. № 11; 2008. № 3, 12; 2009. № 5; 2012. № 3.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

КАМЕНКО́ВИЧ (наст. фамилия Трофимчик) Мария Владимировна [5.2.1962, Л-д — 15.12.2004, Регенсбург) — поэт, переводчик, критик.

Закончила лен. математич. школу № 470. По словам К., «с тех пор число 47 преследует меня по пятам. В частности, почти все жизненно важные для меня места располагаются вдоль маршрута ныне упраздненного 47-го автобуса». В 1974 провела десять месяцев в воен. городке в степи под Байконуром. Окончила филологич. фак-т ЛГУ по специализации «Структурная и прикладная лингвистика». Занималась в лит. семинаре В. Сосноры при ДК им. Цюрупы на Обводном канале. Позднее посещала семинар по семиодинамике Р. Баранцева.

А. Иконников-Галицкий так вспоминает это время: «Я очень хорошо помню появление Маши Трофимчик на ЛИТО — нашу с ней первую встречу. Это было зимой. В жаркой литошной комнатёнке появляется в сопровождении двух спутников по сторонам высокая (так показалось), худая, очень юная девушка с очень немолодым взглядом... я бы даже сказал — больным взглядом... Сели в углу. Переговариваются. Во время чтения стихов переглядываются, как бы понимая друг друга. Всегда и везде Маша создавала (создаёт) некий герметический, таинственный и замкнутый круг людей возле себя. Даже когда она одна — она кажется посланницей загадочной секты. В ней поражало странное сочетание: красота и значительность. Девичья красота — и духовная значительность. Она даже курила (а она курила) значительно: не курево, а курение. И говорила, что курит потому что ощущает в этом некое священнодействие, жертвоприношение сигареты и себя... <...> Она была, кажется, самой юной в ЛИТО — ей было семнадцать лет (мне восемнадцать), но числилась в ветеранах: посещала ещё прежнее Соснорино ЛИТО в Доме учёных, в Лесном. Простая и сложная Маша. Понимать её трудно...».

После окончания ЛГУ некот. время К. работала в Центре научно-технич. информации (ЦНТИ), располагавшемся тогда в Михайловском замке. Учила детей английскому яз. в клубе табачной фабрики им. Урицкого на Васильевском о-ве.

Наиболее изв. труд К. — перевод трилогии Дж. Толкина «Властелин колец» (совм. с В. Карриком, мужем), сделанный в нач. 1990-х, в кот. была поставлена задача создать наиболее точную во всех деталях русскую версию произведения (в противовес относительно вольному переводу В. Муравьева и А. Кистяковского). Комментированный перевод изд. в 1995, до наст. вр. считается одним из лучших (выдержал неск. переизд.). Готовя книгу к изд., К. много выступа-

ла, рассказывая о Толкине, в прессе и на радио. К. перевела и неск. др. произведений Толкина (в т. ч. «Хоббит», «Лист кисти Нигля», «Возвращение Беортнота»), опубл. неск. статей о его тв-ве. Совм. с С. Степановым перевела на русский яз. поэму Толкина «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь». В 1994 стала основателем общ-ва Толкина, была одним из двух его почетных председателей (второй — В. Каррик). Одно из стих. К. — **«Я думаю, день, ты минул...»** — посвящ. и обращено к Дж. Толкину. О значимости толкиновской линии для К. говорит и тот факт, что этим «толкиновским» стих. она программно завершает свою перв. кн. стихов «Река смородина», один из циклов-книг стихов называется: **«Переводя Толкина»**. Эпиграфом из Толкина открывается и стих. **«Когда мы вылупились в зиму...»** (2003), в кот., варьируя толкиновский образ «тьмы туманов», К. тематизирует рецепцию Толкина в России 1970–80-х: «И бес верстою наряжался, / И бдил, стоокий и столичный, / И Толкином распоряжался / Гребенщиков единолично». Эксплицитная и маркированная толкиновско-льюсовская интертекстуальность поэзии К. позволяет говорить о ее лирике как о своего рода неосимволистском поэтич. фэнтези, в перв. очередь теологически «мудрое» фэнтези в традиции Толкина. К. принадлежит русский перевод и фундаментальной монографии проф. Т. Шипи «Дорога в Средьземелье». Переводы осуществлялись неформальным творч. объединением TTT — «TolkienTextTranslations».

К. — автор трёх книг стихов — **«Река Смородина»** (СПб.: Акрополь, 1996; вошла в шорт-лист премии Сев. Пальмира за 1998), **«Михайловский замок»** (СПб.: Акрополь, 1999), **«Дом тишины»** (СПб.: Алетейя, 2003). Публиковала критич. статьи (в основном, в ж. «Крещатик»). Гл. автопоэтологическое эссе К. — **«Книга петербургских закатов»** (2000).

Осн. тема поэзии К. — СПб. Но К. вписывает себя не в канонический петерб. текст, а в маргинализированный. «Новизна петербургских пейзажей Каменкович состоит и в том, что <...> в "храмовом" контексте города Каменкович <...> интенсивно работает со смешением и контрастированием "ленинградского" и "петербургского" <...>. Показательно в связи с этим наслаиванием контрастов стихотворение "Еженощно...": "Еженощно / Исаакиевский собор / Как гигантская тень приподымается в темном тумане. / Ежедневно / насупротив собора / желтый босховский экскаватор / с мертвым хрустом расправляет свои Богомоловы крылья" (1994)». СПб. К. — город эсхатологии. «Вся сгорбленная, старая, сырая, / Лев на крюке как ворон окрылен,— / Венеция, подол не подбирая, / Идет-бредет из мира в океан. // И брат ее, Петрополь, не в убытке: / Сквозь шпили в небо впрыскиваем он, / Пока ему фабричные ублюдки / Заламывают руки с двух сторон» (Г. Киршбаум).

«...петербургское небо — лейтмотивная метонимия эсхатологичности Петербурга Каменкович. Среди многочисленных мифов и образов петербургского текста Мария Каменкович избирает апокалиптический образ заката над Петербургом, кот. является одновременно и закатом самого Петербурга. Обыгрывая паронимию "закат — запад", Каменкович пишет: "Петербург — окно не столько на запад, сколько в закат" (2005). Конечно, в данной формулировке присутствует и отсыл к "Закату Европы", однако сама тема заката подается Каменкович вне культурософской дикции Шпенглера. Закат является для Каменкович своего рода метафорическим и метонимическим залогом конца света <...> Писание стихов, а это для Каменокович писание стихов о закате, метафорически и метонимически вписывается в эсхатологическую риторику. Тут Каменкович выступает косвенным продолжателем русского, вячеславо-ивановского символизма с его ницшеанствующей и соловьевствующей поэтософией: поэзия оказывается частью большего теургического действа. Центральным в визионерских закатах Каменкович являются образы облаков. "Облака твои исполинские / Держат меня в кольце, / В кулаке меня держат, / В грохочущей тишине. / Я в твоих закатах, как в бабочкиной пыльце". "Облачная" образность со своей стороны — часть закатной эсхатологической образности» (Г. Киршбаум).

В 2004 стихи К. включены в антол. «Освобожденный Улисс». Посл. подготовленный К. сб. стихов — **«Петербургские стихи»** (2005). «Поэзия Каменкович — теологична, и если ее идеи и ключевые образы корнями уходят в более или менее догматичную эсхатологию, то детали и конкретные образы заката и закатных облаков над Петербургом попадают и работают в первую очередь в ряду определенных поэтических и других литературных текстов. Мария Каменкович была не только практиком петербургско-закатной поэзии, но и ее, если так можно сказать, теоретиком» (Г. Киршбаум).

Намечая традиции в поэтич. тв-ве К., Иконников-Галицкий на примере стих. **«Прошли века. Кругом стоят другие зданья»** рассуждает так: «В этих стихах — объём, широта, дальность... И, как следствие — удивляющее сочетание компонентов, которые сам никогда бы не догадался даже поставить рядом. Начинается это с влияний: в поэзии Марии Каменкович множество следов разнородных влияний, и она не намерена их скрывать. Диапазон! Обэриуты: "Ибо шарики златые / В сердцевинах у голов, / Самосветом налитые / Люди — форточки богов" и тут же символисты, то ли ранний Блок, то ли Белый: "В каждом дальнем, в каждом встречном / Жалуешься — ты. / Все дороги белым светом / Так и залиты". Можно почувствовать и Клюева ("Алатырь — это луч и взгляд В черту дорог: узнай глазами..."). И Пастернака ("Вижу — люди, как деревья, Проплывают в острову"). И Бродского, особенно отъездного Бродского — в поздних, тоже отъездных, стихах. И, конечно, множественно — Соснору со всей его постфутуристической традицией ("Ворон тычет и трусит: Воротилась, гляди, воротилась к семи поднебесным елям!"). И множественно — Цветаеву... В общем — наборчик! Широта спектра влияний соответствует широте идеологического спектра: от космополитизма до почвенничества, от экуменизма до густого православия, от латинских цитат, стен Британского музея, интеллектуализма универстиетских коридоров — до деревни, сенокоса, страды...».

Посл. годы жизни К. провела в Германии, тяжело болела (рак). Работала над кн., посвящ. восприятию тв-ва Толкина в России (не завершена).

Соч.: Река Смородина. СПб., 1996; Михайловский замок. СПб., 1999; Дом тишины. СПб., 2003: Стихи // Новый мир. 2004.

Лит.: Иконников-Галицкий А. Мария Каменкович: Жизнь после смерти // Невское время. 2005. 23 июн.; Иконников-Галицкий А. Степень Стикса: Мария Каменкович // Иконников-Галицкий А. Пропущенное поколение. СПб., 2005; Киршбаум Г. Эсхатологические ландшафты. Закат Петербурга в поэзии Марии Каменкович // Крещатик. 2010. № 4.

Л.

КАМЕ́НСКАЯ Виктория Александровна [13.8.1925, Л-д — 18.7.2001, пос. Репино, СПб.] — переводчик, литературовед

Дочь проф. Лен. консерватории, пианиста А. К. и художницы В. Гольдиной, близкой кругу обэриутов. Отец в 1927 оставил семью, с трех лет жила с дедом и бабушкой в М., приезжая к матери в Л-д на каникулах. В 1938 дед был арестован и расстрелян, бабушка после кратковременного ареста выслана в Калугу. К. по собств. желанию поехала с нею в ссылку. После начала войны работала по комсомольской путевке на воен. з-де. За день до занятия города немецкими войсками вывезла больную бабушку в эвакуацию. Жила в г. Верхняя Салда Свердловской обл. Закончив в 1943 школу, поступила в Свердловский мед. ин-т, где проучилась до марта 1944. Поступила на работу в НИИ Гипроникель в г. Березовске, куда приехала эвакуированная из Л-да мать. В сент. 1944 вернулась в Л-д, где училась на филфаке ЛГУ. С 1949 по 1985 работала преподавателем русского яз. и лит-ры в школах Л-да. Неск. лет руководила пед. практикой студентов филфака ЛГУ и вела соответствующий семинар в ун-те. Сдала канд. экзамены, но дис. по тв-ву Н. Асеева не защищала. В 1951 вышла замуж за студента-слависта О. Малевича. Под влиянием мужа самостоятельно овладела чешским и словацким яз. и занялась худож. переводом. Посещала переводч. семинар Е. Эткинда. Многим обязана Э. Линецкой и В. Петрову.

С 1982 член СП СССР. Автор около 200 переводч. и литературоведч. публ. Среди них переводы с чешского прозы и стихов И. Вайля, Э. Петишки, М. Пуймановой, Й. Чапека, поэзии Ф. Бранислава, О. Бржезины, Я. Врхлицкого, В. Завады, Я. Сейферта, Я. Урбанковой, М. Флориана, И. Шотолы, прозы Я. Йона, И. Климы, Я. Моравцовой, Я. Отченашека, К. Полачека, Б. Ржиги, Я. Скацела, К. Чапека, пьес Л. Ашкегази, И. Климы П. Когоута, В. Шрамковой, кн. Ф. Кожика («Дебюро». Л., 1973; «Фанфары для короля». СПб., 2010; посл. в соавт. с И. Граковой), Э. Гореловой («Перелетные птицы». М., 1977), Б. Шнайдера («Золотой треугольник» М., 1989), Я. Мукаржовского («Исследования по эстетике и теории искусства». М., 1994; «Структуральная поэтика». М., 1996). В соавт. с Л. Друскиным, И. Иновым (Ивановым) и О. Малевичем перевела пьесу П. Когоута «Хорошая песня», поставленную Н. Акимовым на сцене Театра им. Ленсовета, в соавт. с О. Малевичем пьесы Й. Тополя и Д. Фишеровой, телесценарий И. Сметановой «Конец великой эпохи» (Лен. ТВ, 1991), а также неск. научно-популярных кн. М. Стингла и 3-й т. труда Т. Масарика «Россия и Европа». После сов. оккупации Чехословакии в 1968 К. десятилетиями переводила «в стол» запрещенных чешских писателей. Результатом ее труда явилась антология чешского рассказа и повести «Черный Петр» (СПб., 2001).

Со словацкого К. переводила преимущественно поэзию (П. Горов, Я. Канторова-Баликова, Э. Лукач, Л. Новомеский, А. Плавка, М. Рихтер, Ш. Стражай, Л. Фелдек) и драматургию (И. Буковчан, О. Заградник, пьесы кот. в ее переводе шли в Л-де, М., Ярославле и Вологде; Л. Фелдек). В Л-де и в Братиславе вышел ее перевод «Синей книги сказок» Л. Фелдека. Ряд кн. издала в соавт. с О. Малевичем (М. Руфус. Чтение по ладони. СПб., 1999; П. Карваш. Тайна сфинкса. СПб., 2004).

К. переводила с немецкого (Г. Вайзенборн), шведского (Ю. Вексель), польского (Ц. Норвид). Перевод чешской инсценировки романа Ф. Кафки «Процесс», поставленной чешским реж. Л. Энгеловой на сцене театра «Эксперимент» в СПб., сопоставляла с немецким оригиналом.

Ее «лебединой песней» был перевод повести чешско-израильского писателя В. Фишля (Авигдора Дагана) «Петушиное пение» (Звезда. 2004. № 5, 6), в 2005 посмертно отмеченный премией ж.

Публиковала ст. о чешских авторах в сб. «»Апассионата под гильотиной» (М., 1985), в ж. «Совр. худож. лит-ра за рубежом», «Диапазон», в «Ежегоднике Об-ва братьев Чапек», выступала на международных конференциях по богемистике и изучению русской, украинской и белорусской эмиграции в Праге. В соавт. с О. Малевичем опубл. работу: **«Блок в Чехословакии»** (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 5. М., 1993).

В архиве К. сохранились ее неизд. стихи, проза.

Соч.: Бесконечно малая. СПб., 2006.

Лит.: Виктория Александровна Каменская // Мир детской книги. Авторы. Переводчики. Художники. Творч. биографии. СПб., 2000; Zemřela Viktorie Aleksandrovna Kamenskaja... // Právo, 2001. 18.8; Morávková A. Rozloučení s ruskou bohemistkou // Literární noviny, 2001; Lantová L. Zemřela V. A. Kamenskaja // Česká literatura, 2001; Černý F. Odešla Viktorie Kamenská // Zprávy Společnosti bratří Čapků, 2001; L.F. (Lubomír Feldek). Za Viktoriou Kamenskou // Knižná revue, 2001; Malevič O. Pamiatke Viktorie Kamenskej. Preložil Lubomír Feldek // Ibid; Малевич О. Виктория Каменская и Чехия // Ежегодник Об-ва братьев Чапек. 2002–03. СПб., 2004; Библиогр. указатель работ В. А. Каменской // Там же.

О. Малевич

КАМЕНСКИЙ Анатолий Павлович [17(29).11.1876, Новочеркасск — 23.12.1941, Ухтижемлаг Коми АССР] — прозаик, драматург, киносценарист.

Родился в бедной чиновничьей семье. В 1895 после окончания гимназии в Астрахани приехал учиться в СПб., где 2 года был студентом Ин-та инженеров путей сообщения, затем с 1897 учился на юридич. фак-те СПб. ун-та (окончил в 1902). Затянувшаяся учеба придала характеру К. некот. качества «вечного студента» и привила богемные привычки.

Писательская деятельность началась со студенч. лет. Перв. публикация — шуточный рассказ **«Амурчик»** (1896). Сразу стало очевидно стремление молодого писателя выявить черты психологии нового времени. Так, в рассказе **«Конец века»** (1898) добрые «старые» идеалы прошлого

противопоставлены цинизму и практицизму современности.

В ранних произведениях К. был на стороне «устаревшего» идеализма, отвергая наступающую эру как время бездуховности. После окончания ун-та К. с 1903 по 1909 служил в Мин-ве финансов, воочию увидев изнанку чиновничьей жизни и испытав трудности бытия петерб. «маленького человека».

С начала тв-ва одним из осн. образов прозы К. стал Пб., воспринимаемый в русле традиций Гоголя и Достоевского. Из переосмысления К. мифа о Пб. происходят две гл. темы его тв-ва: тема человеч. несвободы, оборачивающейся различными ипостасями в зависимости от той или иной разновидности системы ценностей, и тема человеч. одиночества. Антитезой СПб. в ранних произведениях К. представала провинция как некая ретроспективная утопия, место, где еще сохранились патриархальные отношения, возвышенная любовь, «тургеневские девушки». Излюбленный герой его перв. произведений — молодой провинциал, стоящий перед выбором: сохранить нравств. чистоту и быть смятым Молохом петерб. жизни (**«Степные голоса»**, **«Ольга Ивановна»**, **«Без огня»**) или мимикрировать и стать частью жесткой системы (**«Диплом»**, **«Мебель»**). Для К. социум — бездушный механизм, наделенный иррациональными чертами. Петерб. рассказы К. во многом напис. в традициях «Петербургских повестей» Гоголя. Характерен рассказ **«На даче»** (1905), где сталкиваются мелкий чиновник Модест Чебыкин (прямой потомок героя «Шинели») и его начальник фон Брикман (классич. тип холодного «петербургского человека»). Финальный пьяный бунт Чебыкина — это хотя еще слабый, но вызов несправедливому социуму.

Постепенно тема бунта в разных его проявлениях, вплоть до самых парадоксальных, стала главенствующей в прозе К. (рассказы **«Преступление»**, **«Ничего не было»**). Осн. худож. задачей К., и в этом он скорее традиционалист, чем новатор, явилось разоблачение лицемерия мещанского (буржуазного) общества. При этом на перв. месте было разрушение его нравств. основ.

Областью человеч. отношений, наиболее жестко регламентированной мещанами, К. считал сферу любви. Еще до массового увлечения литераторов «проблемой пола» (период 1907–10) он обратился к худож. исследованию психологии и психопатологии страсти (рассказы сб. **«Степные голоса»**, 1903; **«Жасмины»**, **«Чудовище»**, **«Королева»**). Для К. и «тургеневские девушки», и герои-«мечтатели» — уходящий в прошлое социокультурный миф, основанный на гл. построениях скомпрометировавшего себя человеч. разума. В современности, по К., на перв. план выходят биологические, «естественные» запросы человеческого тела. Закономерным развитием этих взглядов явились рассказы **«Леда»** (1906) и **«Четыре»** (1907), ставшие основой скандальной популярности тв-ва К. Критика восприняла рассказ «Четыре», герой кот. поручик Нагурский соблазнял четырех женщин в теч. суток, как надругательство над нравств. традициями русской литры. К. был одним из первых, претворивших в худож. практике идеи психоанализа З. Фрейда. В рассказе «Леда», где красавица-героиня ходила обнаженной по «идейным соображениям», большинство критиков увидели эротизм, переходящий в порнографию. По сути же это было одно из немногих произведений К., основанных на философской базе идей Ф. Достоевского (сновидение героя рассказа «Сон смешного человека» о «золотом веке») и Ф. Ницше (идея о «дальнем» — сверхчеловеке будущего, противостоящем совр. мещанам). Эпатажное поведение Леды было перв. намеком на новые отношения между людьми. Она являлась как бы представительницей этого чаемого грядущего и поэтому не имела реальных возлюбленных, ожидая, как она говорила, «будущего <...> сообщника, <...> нового, мудрого и свободного человека». Ряд критиков увидели в рассказе попытку воплощения новых отношений, а в Леде — набросок женщины будущего: «своей „Ледой" он как бы раздвинул покровы над первым моментом сказочного осуществления. <...> Еще солнечной поэмы существования нет. Но Леда уже ходит нагая» (Абрамович Н. В осенних садах. СПб., 1909). К. попытался дать ответ на вопрос, каков путь к человеку будущего, к «дальнему», в романе **«Люди»** (1908). К. считал, что решение проблемы одиночества может быть найдено в высвобождении сексуального подсознания личности, уничтожении комплексов. Писатель уверился в своей миссии писателя-пророка. Предлагаемые им откровения состояли из эклектично перемешанных идей из области философии (Ницше) и психоанализа. Герой его тенденциозного романа, «бывший студент» Виноградов, вселялся в чужие квартиры и проводил «психологические эксперименты» над их обитателями, пробуждая в них подсознательные желания и инстинкты. Полюбив девушку, герой дважды «уступал» ее соперникам, чтобы, пройдя испытание чувственностью, а затем разумом, она превратилась в новую женщину, преступившую ценностный барьер совр. общества. Роман имел скандальный лит. успех, хотя критики сочли его слабым по худож. достоинствам. Хула со стороны критиков не помешала успеху романа у читателей. В этом плане характерен отзыв в письме к К. жены Ф. Сологуба — А. Чеботаревской: «Спасибо за „Людей" — некоторые из них оказались очень интересны, и я побыла в их обществе с большим удовольствием. Факт „преодоления" всяческих норм, включая и брак,— сам по себе мне близок и понятен и вследствие этого мил» (РО ИРЛИ. Ф. 123. Оп. I. Ед. хр. 899. Л. 1).

После выхода романа К. пытался популяризовать высказанные в нем

идеи, выступив в 1910 с лекцией **«О свободном человеке»**.

С 1913 началась успешная карьера К. как киносценариста, а затем зав. лит. частью в кинофирмах. Пробовал силы и в драматургии. После революции 1917 эмигрировал в Берлин, где выпустил сб. рассказов **«Мой гарем»** (1923), объединивший его рассказы о любви. В 1924 вернулся в сов. Россию, где стал зарабатывать исправлением рукописей «пролетарских писателей». В 1930 вновь эмигрировал и вернулся в 1935. Посл. опубликованной при жизни книгой стал сб. **«Петербургский человек»** (1936), являющийся антологией его дорев. прозы. В 1937 был арестован «за шпионаж», умер в лагере.

В истории русской лит-ры К. остался как беллетрист, умеющий увлечь читателя хитроумными поворотами сюжета, запоминающимися характерами героев, отточенной фразой и легкомысленными рассказами о причудливых обличьях любви.

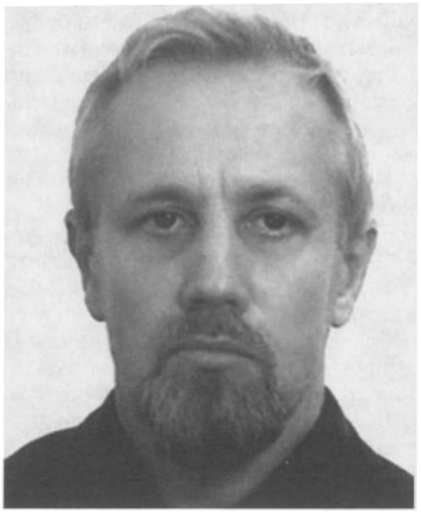
Соч.: Рассказы. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 1–2; Рассказы. СПб., 1910. Т. 3; Люди: Роман. СПб., 1910; Мой гарем: Рассказы о любви. Берлин, 1923; Петербургский человек: Повести и рассказы (1905–15). М., 1936; Мой гарем: Роман, рассказы / Сост., вст. ст., комм. А. Грачевой. М., 1999; Рассказы о любви / Сост., вст. ст., комм. А. Николюкина. СПб., 2004.

Лит.: Пильский П. А. Каменский // Родная земля. 1907. 26 март.; Горнфельд А. Эротическая беллетристика // Горнфельд А. Книги и люди. СПб., 1908. Т. 1; Чуковский К. А. Каменский // Чуковский К. От Чехова до наших дней. СПб.; М., 1908; Волошин М. Проповедь новой естественности: О романе А. Каменского «Люди» // Аполлон. 1909. № 3; Новополин Г (Нейфельд Г.). Порнографич. элемент в русской лит-ре. СПб., 1909; Чанцев А. А. П. Каменский // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2.

А. Грачева

КАМИ́НСКИЙ Евгений Юрьевич (псевд. В. Барковский, Е. Покровский, Е. Крестовский) [29.4.1957, Л-д] — прозаик, поэт.

Отец — военнослужащий; мать — служащая. Закончил геологический фак-т ЛГУ (1975–80) по специальности геофизика. Работает в НПП «Севморгео» с 1980. Зав. аналитической лабораторией, канд. технич.



наук. Участник неск. заполярных экспедиций (Архипелаг Новая Земля, Новосибирские о-ва, Чукотка), неск. длительных научно-исследовательских рейсов в Мировом океане. В 1980-е К. впитывал в себя краски и впечатления от различных культур и народов, стран и континентов. Член СП СПб. (1993). С 2003 — зав. отделом прозы ж. «Звезда».

Писать начал поздно. Лет в семнадцать написал стих. **«Золотое кольцо»** после рассказов матери о ее путешествии по Золотому кольцу России. Перв. публикация — в ж. «Нева» (1986. № 8). На эту подборку из трех стих. отреагировал А. Бобров в «ЛГ», упрекнув в бездумном оптимизме молодого автора, для кот. и «солнце без пятен, и памяти нет», в то время как только что произошла Чернобыльская катастрофа.

В 1989 вышел перв. поэтич. сб. — **«Естественный отбор»**,— имевший опр. успех. В 1990 — кн. стих. **«Толпа»**.

С сер. 1990-х К. пишет и прозу. В 1994 выходит его роман **«Образ зверя»** под псевд. (что было непременным требованием издателей) «В. Барковский, Е. Покровский». В 1996 выходит роман **«Тот, кто стоит за спиной»**. В 1998 и 1999 выходят романы **«Холодное солнце»** и **«Дожить до воскресения»** под псевд. «Евгений Крестовский». Эти романы — дань смутным девяностым, однако роман «Холодное солнце», где автор предпринял попытку «написать хронику последних времен» уже серьезная, мастерски написанная проза. В 2003 под тем же псевд. выходит роман-фантасмагория **«Империя крыс»**. В эти же годы К. начинает публ. прозу в «толстых» ж.: повесть **«Нюшина тыша»** (Нева. 1998. № 7), роман **«Чудотворец»** (Волга. 2000. № 1–3), повесть **«Порядок вещей»** (Нева. 2004. № 10), кот. вошла в long-list премии И. Белкина за лучшую повесть года. В ж. «Звезда» (2006. № 2) опубл. повесть К. **«Чужая игра»**, а в № 4 за 2006 ж. «Лит. учеба» — рассказ **«Пух-пером»**. Альм. «Подвиг» с 2002 по 2006 опубл. три романа К.: **«Бегство от Фараона»**, **«Раба огня»**, **«Князь Долгоруков»**.

Рассказ **«Неподъемная тяжесть жизни»** (Нева. 2008. № 2) вошел в long-list премии им. Ю. Казакова за лучший рассказ года. В 2008 рассказ был удостоен спец. приза им. Л. Толстого «За следование гуманистическим традициям русской литры».

В февр. номере «Невы» за 2009 опубл. рассказ К. **«Графин кукольника»**, где автор вспоминает свои кругосветные плавания, в том же году выходит роман **«Легче крыла мухи»**. Проза дается К. труднее и менее органично, чем поэзия. Осн. мотив стихов К. — страх перед смертью. Самый естественный и объяснимый, но от этого не менее явственный. В своем апогее он доходит до того, что после смерти даже: «...не страшно что будет, поскольку, по сути / страшно так, как едва ли уж будет страшней». Большая часть произведений поэта словно состоит из заклинаний, долженствующих оградить человека от ужаса неминуемого конца, хотя автор нередко добивается прямо противоположного эффекта. Эти заклинания сами нагоняют жуть — так химеры, отпугивающие злых духов тоже, зачастую, ужасны. Эти стихи страшны в своей обнаженности и безысходности. Поэзия буквально наполнена ими: «Утонченно, скорее, отточено / упирается в горло черта. / В этой жизни, похоже, все кончено. / И так страшно: а будет ли та?» В стих. много сказано о муках совести, о переживаниях за страждущих, о смирении и даже о преодолении. В них больше говориться об обязанностях, чем о правах. Более того, даже если права упоминаются — они настолько мизерны, что их никто, даже Бог не соблюдает. Есть

право «выйти из себя...», хотя тут же последует окрик: «Шаг влево или вправо...», есть «право — в ересь впасть» да еще спросить упавшим голосом, на ответ не рассчитывая: «Кто посмел, не спросив, отобрать у меня этот мир». Жизнь в преддверии неизбежного конца приобретает особую ценность. Она стремительна и неутолима. Она сама воплощенная жажда. Ею невозможно напиться. При этом ощущение своей неповторимости, своей поэтич. индивидуальности К., хорошо знающий себе цену, периодически пытается «демократизировать», увязывая и с окружающим миром, и с дружбой с нашими меньшими братьями. Жизнь коротка, и поэт успевает, в прямом смысле слова, десятки раз умереть на страницах своих книг. Смерти эти часто страшны и ужасны, но порой и радостны. Часто автор умирает за других. За птиц, ползучих гадов, за жуков, за корни деревьев, за политических деятелей, за ребенка, убийцу и за бомжа. Даже за Бога: «...Родившийся близь Вифлеема / может в здравом рассудке, владея набором чудес, / выбрать смерть для себя ради всех. Вот и вся теорема». Можно сказать, что т.о. он репетирует свою собств. смерть. Он буквально живет смертью, дышит ею, пост. пробует на вкус. К. занят индивидуальной эсхатологией. И готов делиться с читателем своим сокровенным знанием, как бы тяжело оно ни было. Даже если иногда лирич. герой и спрашивает о том, что будет за гранью смерти, то ответ у автора всегда готов.

К. признается, что и сама «жизнь — держи только шире карман! — / вещь такая, что можно убиться», но без веры в божественную сущность она становится невыносимой. В описании преодоления этой кромешной жизни автор весьма преуспел: «Жизнь закончена. Светится даль. / Твердь небесная — чем не жилплощадь?! / Здесь и воздух, как горный хрусталь, / и соседи, пожалуй, попроще! / Мы и мухи теперь не убьем! / Не швырнет нас, как прежде, на сушу, / где, как гадов, нас били рублем — / вышибали бессмертную душу!». Но все-таки лирический герой как бы распрямляет плечи. Он уже готов к смерти, которая так пугала автора. Он знает, ради чего жил и ради чего умирает: «От меня не убудет. Я сгинуть готов. Где-нибудь / с безымянной травой наравне мне не больно пылиться, / лишь бы влажно ладонь Твоя, Боже, в открытую грудь / вместо камня вложила мне всеми забытую птицу».

Пройдя со своим героем столько коллизий, К. начинает относиться к смерти с некот. прохладцей. Вместе с ее приятием К. уже готов полюбить и сопутствующие ей атрибуты. «На кладбище такая благодать, / что хоть сейчас в слезах здесь лягу в землю». Причем это мало напоминает умиление красотой заросшего погоста. Это скорее попытка обмануть судьбу, показать, что автору нипочем холод сырой могилы. «Так и вцепился бы в хвост / ввысь улетающей птичке! / Жду. Прихожу на погост, / как на перрон к электричке». Здесь почти просьба: скорей бы уж! Однако за строчками проступает истинная мотивация таких призывов: «Я люблю тебя, кладбище, за / беспорядок роскошных растений. / Здесь очкарик не щурит глаза / и не бьет себя в грудь неврастеник». К. спешит выразить истину в четкой формуле: «Сердце жаждало неба и все-таки жалось к земле». Поэт доходит почти до бравады, которая переходит в презрение к тем, кто еще живет: «Друг мой, глаза залей,— вот мое фото в раме! — / ибо ноги моей больше не будет с вами».

Участник неск. поэтич. антологий, в частности, «Строфы XX в.» (сост. Е. Евтушенко), «Поздние петербуржцы» (СПб., 1995), «Россыпи» (СПб., 2000), последних выпусков (2007, 2008) всероссийского «Дня поэзии».

Публиковался в ж. «Звезда», «Нева», «Аврора», «Октябрь», «Волга», «Лит. учеба», «Сев. Аврора», «Всерусский Собор», «Литерарус» (Хельсинки), в «ЛГ», в отеч. и зарубежных альм. «Поэзия», «День поэзии» «Истоки», «Подвиг», «URBI» «XXI век» (Германия) и др.

Лауреат лит. премии Независимой преподавательской ассоциации за поэму **«Свиная голова»** (1992), лауреат премии им. Н. Гоголя за роман «Князь Долгоруков» (2007).

Соч.: Естественный отбор / Предисл. А. Урбана. Л., 1989; Толпа, Л., 1990; Исход. СПб., 1992; Процесс. СПб., 1994; Образ зверя. СПб., 1994; Тот, кто стоит за спиной. СПб., 1995; Командированный. СПб., 1998; Холодное солнце. М.; СПб., 1998; Дожить до воскресения. М.; СПб., 1999; Память смертная. СПб., 2002; Из мрамора. СПб., 2007; Империя крыс. СПб., 2003; Легче крыла мухи. СПб., 2009.

Лит.: Пикач А. Внезапно озаренный мыс // Каминский Е. Процесс. СПб., 1994; Нелин И.. Найти просветы // Звезда. 2003. № 3; Крупин М. Огней так много «золотых» // Подвиг. 2003. № 5; Ахматов А. Опыты «борьбы духа со страхом» // Нева. 2007. № 5; Кречетов В. Каминский Евгений — реквием XX веку // Царское Село. 2008. № 2; Филимонов А. Отверстая печать. Е. Каминский // Сайт «Проза ру». 2008; Беляков С. Призрак титулярного советника // Новый мир. 2009. № 1; Беляков С. О размерах и значениях // Лит. Россия. 2009. № 2–3.

А. Ахматов

КАМИ́НСКИЙ Леонид Давидович [27.4.1931, Калинковичи Гомельская обл. — 23.11.2005, СПб.] — прозаик, художник, журналист, театр. деятель.

О себе К. рассказывал так: «Конечно же, никаких юмористических факультетов я не заканчивал. Первая моя специальность была сугубо серьезной — инженер-строитель. Второй институт — полиграфический — оказался ближе к моей нынешней профессии: дипломной работой стало редактирование моей авторской книжечки юмористических рисунков **"О больших и маленьких"**. Интерес к карикатуре привел меня в коллектив, кот. можно смело назвать настоящей, профессиональной школой юмористической графики и поэзии. Это был "Боевой карандаш" — содружество художников и поэтов, про-

славившееся своими сатирическими плакатами еще со времен Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. В этом коллективе я проработал около тридцати лет. Одновременно стал печататься в популярном тогда "Клубе 12 стульев" на страницах "Литгазеты" — не только с карикатурами, но и с юмористическими рассказами. Потом я несколько лет руководил отделом юмора "СЛОН" в ленинградском молодежном журнале "Аврора". И вот пришло время, когда я стал писать и рисовать для детей. Причина была простая — у меня родилась дочка. Маша росла, и я, как многие родители, стал ходить за ней по пятам и записывать разные ее высказывания... Этот и другие рассказики про Машу с моими иллюстрациями были напечатаны в "Веселых картинках". С тех пор я подружился с этим симпатичным журналом и даже стал его постоянным автором».

Окончил Лен. инженерно-строительный ин-т (1954) и Моск. полиграфич. ин-т (1966) по специальности художник-график. В «Боевом карандаше» с 1959. Работал ред. отдела сатиры и юмора ж. «Аврора», с 1979 ред.-составитель отдела юмора детского ж. «Костер».

М. Яснов: «Полагаю, не ошибусь, если скажу, что его знают чуть ли не все дети нашего города и нашей области, и многие дети в других городах и даже в других странах. <...> Л. Д. Каминский — <...> писатель, художник, журналист и театральный деятель. Но главное — он великий специалист по детскому творчеству, вернее, по одной, но весьма весомой его части: юмору. <...> Некогда у Л. Д. появилось второе имя: "Учитель смеха" — оно родилось почти три десятилетия назад, когда Л. Д. начал вести на страницах журнала "Костер" юмористический раздел "Веселый звонок"...».

Н. Харлампиев: «С идеей своей рубрики Каминский пришел к главному редактору "Костра" тех лет писателю Святославу Сахарнову. Сахарнов задумку одобрил, видимо, почувствовав за ней большое будущее. Единственное условие, кот. он поставил автору и художнику Каминскому — писать и рисовать так, чтобы потом, если Каминскому надоест этим заниматься, рубрику смог бы подхватить любой творческий сотрудник редакции. Так сложился фирменный стиль Каминского, кот. стал любимым и узнаваемым почерком журнала. На всех встречах с редакцией ребята неизменно признавались, что начинают читать журнал со странички Каминского. И только когда Леонида Давидовича так непоправимо не стало, все вдруг поняли, что он абсолютно незаменим, что ни один, пусть даже самый гениальный художник, ни один, пусть даже самый способный автор, не сможет работать так, как работал он — легко, артистично, щедро, талантливо. Он оставил нам самое главное свое богатство — чистый и искренний детский смех, кот. слышится с каждой страницы его прекрасных книжек».

Н. Харлампиев: «Почту в журнальную рубрику Каминского доставляли в "Костер" со всей страны мешками. Отдел писем "Костра" работал в две смены. За письмами приходилось ходить сразу двум сотрудницам с тележкой. И ведь все письма Леонид Давидович не просто читал, он переписывался с маленькими авторами, следил, чтобы победителям конкурса вовремя отправлялись подарки. На своих книжках помимо автографа он всегда рисовал смешные улыбающиеся рожицы и писал пожелание: "Желаю тебе весело учиться и всегда вот так улыбаться!". К каждому юному корреспонденту он относился с бесконечным уважением, симпатией и вниманием».

Сотрудничал в ж. «Искорка», «Мурзилка», «Миша», «Баламут», Автобус», «Кукумбере» и во мн. др. изданиях.

В 1986 в изд-ве «Детская лит-ра» вышла кн. К. **«Урок смеха»**. Н. Харлампиев: «Юмор Каминского — это юмор для всех и на все времена. Но, конечно, прежде всего — для школьников. Недаром самая знаменитая и много раз переизданная книжка Леонида Давидовича называется "Урок смеха" <...> Он был необычным учителем, поэтому жил смехом, радостью, праздником. И за это его бесконечно и бескорыстно любили все дети».

Немного позже в театре «Эксперимент» был поставлен (и шел свыше десяти лет) спектакль «Урок смеха», в кот. на долю К. пришлась роль остроумного, веселого учителя. О. Сердобольский: «В спектакле он был учителем смеха, а в ролях учеников выступали поэты, композиторы, клоуны, музыканты. И они так здорово озорничали, что дети не замечали их лысин и бород». И. Бутман: «Рисовал Леонид Давидович не только для книг и журналов, но и прямо на сцене, на глазах у детей. И здесь же учил детей рисовать. А когда он рисовал на своих маленьких зрителей шаржи, хохот в зале не затихал очень долго».

И. Бутман: «И он вёл целую радиопередачу под таким же названием». Н. Харлампиев: «Он всегда относился к себе иронично и любил подсмеиваться над собой. Каминский обладал блестящими актёрскими способностями, поэтому его истории становились живыми мини-спектаклями, а нам, благодарным зрителям, было просто невозможно удержаться от смеха».

Ж. «Костёр» ежегодно проводит конкурсы детского тв-ва, посвящ. памяти Учителя Смеха.

«История государства российского в отрывках из школьных сочинений» «представляет собой, возможно, самую неожиданную и самую веселую коллекцию в нашей стране — детские высказывания и, прежде всего, отрывки из школьных сочинений: дети присылали ему такого, что коллекцию впору выставлять на каком-нибудь аукционе,— она дорогого стоит» (М. Яснов).

И. Бутман: «В память о Леониде Давидовиче Каминском писатель и режиссёр Михаил Мокиенко поставил спектакль в театре "Театральная неотложка". А играют в этой пьесе те самые друзья Каминского, с кот. он очень часто и сам выходил на сцену: Михаил Яснов, Сергей Махотин, Михаил Мокиенко и я, Илья Бутман».

Член Союзов журналистов, художников, театр. деятелей, СП СССР (СП СПб.).

Соч.: Пингвин. Л., 1962; Звёздочка. Л., 1970; Круглый год. М., 1981; Урок смеха. Л, 1986; Загадки, скороговорки. М., 2000; История государства российского в отрывках из школьных сочинений / Сост. и автор вст. ст. М. Яснов. СПб., 2008 (2009, 2010, 2011).

Лит.: Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник. СПб., 2013.

КАННЕГИ́СЕР Леонид Иоакимович [март 1896 — окт. 1918, расстрелян] — поэт.

Отец — Иоаким (Аким) Самуилович Канегиссер (или Каннегисер, 1860–1930), инженер-механик, директор-распорядитель з-да Об-ва судостроительных, механических и литейных з-дов в Николаеве, затем инженер в обл. судостроения и металлообработки в СПб. Переселившись в СПб., К.-отец, по сути дела, возглавил руководство металлургич. отраслью страны, его дом в Сапёрном пер. стал местом встреч административной элиты и столичных знаменитостей. Мать — Сакер Роза Львовна (1863–1946) — врач.

Благополучный мальчик из состоятельной семьи, К. окончил частную гимназию Гуревича и в последний предвоен. год поступил на экономич. отд. Пг. политехнического ин-та. Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В ночь с 25 на 26 окт. 1917 вместе с неск. другими романтиками К. пошёл защищать Временное правительство.

Входил в подпольную антибольшевистскую группу, возглавляемую его двоюродным братом М. М. Филоненко. Филоненко поддерживал тесную связь с Б. Савинковым, кот. и отдал приказ о ликвидации М. Урицкого. К., по собств. признанию, решил отомстить Урицкому за смерть его друга, офицера Перельцвейга. Незадолго до выстрела он звонил Урицкому и говорил с ним по телефону (подобно тому как Шарлотта Корде долго говорила с Маратом).

Само убийство Роман Гуль описывал следующим образом: «В начале 11-го часа утра 30-го августа в Петербурге из квартиры на Сапёрном переулке вышел одетый в кожаную куртку двадцатилетний красивый юноша „буржуазного происхождения“, еврей по национальности. Молодой поэт Леонид Канегиссер сел на велосипед и поехал к площади Зимнего дворца. Перед министерством иностранных дел, куда обычно приезжал Урицкий, Канегиссер остановился, слез с велосипеда и вошёл в тот подъезд полукруглого дворца, к кот. всегда подъезжал Урицкий.

— Товарищ Урицкий принимает? — спросил юноша у старика швейцара ещё царских времён.

— Ещё не прибыли-с,— ответил швейцар.

Поэт отошёл к окну, выходящему на площадь. Сел на подоконник. Он долго глядел в окно. По площади шли люди. В двадцать минут прошла целая вечность. Наконец, вдали послышался мягкий приближающийся грохот. Царский автомобиль замедлил ход и остановился у подъезда.

Прибыв со своей частной квартиры на Васильевском острове, маленький визгливый уродец на коротеньких кривых ножках, по-утиному раскачиваясь, Урицкий вбежал в подъезд дворца. Рассказывают, что Урицкий любил хвастать количеством подписываемых им смертных приговоров. Сколько должен был он подписать сегодня? Но молодой человек в кожаной куртке встал. И в то время, как шеф чрезвычайной комиссии семенил коротенькими ножками к лифту, с шести шагов в Урицкого грянул выстрел. Леонид Канегиссер убил Урицкого наповал».

В окт. 1918 (точная дата неизвестна) К. был расстрелян. В ходе расследования были привлечены к дознанию и арестованы мн. лица из дружеского окружения К., напр., Юрий Юркун. Родители К. после допросов были отпущены за рубеж, умерли в Варшаве.

О мотивах, побудивших молодого человека к этому поступку, сказал в очерке «Убийство Урицкого» писатель М. Алданов, хорошо знавший К. К. застрелил Моисея Урицкого, чтобы, как он заявил сразу после ареста, искупить вину своей нации за содеянное евреями-большевиками: «Я еврей. Я убил вампира-еврея, каплю за каплей пившего кровь русского народа. Я стремился показать русскому народу, что для нас Урицкий не еврей. Он — отщепенец. Я убил его в надежде восстановить доброе имя русских евреев».

Выстрел К. (наряду с произошедшим в тот же день в М. покушением Фанни Каплан на Ленина) должен был стать сигналом к попытке антибольшевистского переворота («заговор послов»). Однако фактически спровоцировал его ликвидацию и начало «красного террора», взятие заложников из числа дворян, буржуазии и интеллигенции и их расстрелам.

К. Бальмонт «Буква “К”»: «Люба мне буква “Ка”, / Вокруг неё сияет бисер. / Пусть вечно светит свет венца / Бойцам Каплан и Каннегисер. // И да запомнят все, в ком есть / Любовь к родимой, честь во взгляде, / Отмстили попранную честь / Борцы Коверда и Конради».

Начинающий поэт К. входил в окружение М. Кузмина. Был одним из участников группы молодых пг. поэтов (Рюрик Ивнев, В. Чернявский, К. Ляндау, М. Струве и др.), с кот. близко сошёлся Есенин в марте-апр. 1915.

Летом 1915 К. гостил у Есенина в Константинове (см. письмо Есенина В. С. Чернявскому от июня-июля 1915-го). Об их дружеских отношениях вспоминала М. Цветаева: «Лёня. Есенин. Неразрывные, неразливные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах их сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись — через все и вся — поэты. Лёня ездил к Есенину в деревню, Есенин в Петербурге от Лёни не выходил. Так и вижу их две сдвинутые головы — на гостинной банкетке, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращавшую банкетку в школьную парту... (Мысленно и медленно обхожу её) Лёнина чёрная головная гладь, Есенинская сплошная кудря, курча, Есенинские васильки, Лёнины карие миндалины. Приятно, когда обратно — и так близко. Удовлетворение, как от редкой и полной рифмы» (Цветаева М. Соч. Т. 2. М., 1988).

Есенин упоминается в одном из стих. К. цикла **«Ярославль»** (июнь 1916): «С светлым другом, с милым братом Волгу в лодке переплыть». К., по всей вероятности, является адресатом стих. Есенина «Весна на радость не похожа...» (1916. «Мы поклялись, что будем двое / И не расстанемся нигде»).

В момент убийства Урицкого и последующих арестов среди знакомых К. Есенина в Пг. не было, в следственном деле К. имя Есенина не упоминается. По свидетельству М. Алданова, в Париже имелся дневник К. (май 1914 — нач. 1918), где могли быть записи о Есенине (сб. «Леонид Каннегисер. 1918–28». Париж, 1928).

В стихах К. — мотивы религиозности и экстатической жертвенности (таково знаменитое — **«Смотр»**, посвящ. надеждам лета 1917-го на демократич. предзнаменования, «войну до победного конца»): «Тогда у блаженного входа, / В предсмертном и радостном сне / Я вспомню — Россия. Свобода. / Керенский на белом коне». Эти строки цитируют Есенин в вариантах «Анны Снегиной», Георгий Иванов, мн. мемуаристы.

Удачны картины религиозно окрашенного пейзажа в стихах К. (**«Снежная церковь»**, 1918).

Стихи К. посмертно опубл. отцом вместе с воспоминаниями о поэте (Париж, 1928).

По выражению поэта Г. Адамовича, К. «самый петербургский петербуржец».

Лит.: Морев Г. Из истории русской литры 1910-х годов: К биографии Леонида Каннегисера // Минувшее. Ист. альм. Т. 16, М.; СПб., 1994; Шенталинский В. Поэт-террорист // Звезда. 2007. № 3; Цветков В. Белое дело в России. 1919 г. М., 2009.

КАНТОРО́ВИЧ Лев Владимирович [21.1(3.2).1911, СПб. — 30.6.1941, Энсо (Светогорск под г. Выборгом)] — театр. художник, прозаик, сценарист.

Родился в семье юриста, литератора. Рано потерял отца (в 1923). Подростком учился у худ. М. Григорьева, посещал детскую худ. студию. Вместе со своим учителем работал в сер. 1920-х помощником художника в ТЮЗе. Тогда же, как следствие, про-

явилось его увлечение иллюстрированием книг. Учился в лен. Ин-те истории искусств. В кон. 1920-х сблизился с лит. группой «Смена» (при молодежной газ.; рук. В. Саянов). Здесь общался с писателями В. Корниловым, Б. Лихаревым, Ю. Германом, Г. Гором, Л. Рахмановым. Вскоре возглавил худ. отдел газ. «Смена». С 1928 — художник-оформитель в театрах Л-да. Одновременно рисовал для ж. и газ., иллюстрировал свои и чужие кн. Дружил с художником В. Лебедевым, оказавшим большое влияние на его тв-во.

В 1932 участвовал в экспедиции ледокольного парохода «Сибиряков» из Архангельска в Тихий океан. Корабль не раз попадал в аварии, К. не только рисовал, но, по свидетельству полярника О. Шмидта, «работал в трудные дни экспедиции до полного изнеможения». Через год вновь участвовал в походе на ледоколе «Русанов». В 23 года был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Службу в армии проходил на границе, где решил связать себя бессрочно с пограничными войсками (РККА). После воен. службы побывал с высокогорной экспедицией на Тянь-Шане.

В нач. 1930-х обратился к прозе. До войны за восемь лет вышло восемь кн. В 1930 выпустил два альбома с рисунками **«Будет война»** и **«За мир»** (графика, акварели, портреты маслом). Рисунки молодого художника были замечены и оценены по достоинству. Оформил спектакль в театре Нардома — пьесу Вс. Вишневского «Набег». Верность новому призванию К. сохранил как автор прозаич. кн. **«Пять японских художников»**, **«Холодное море»**, **«Граница»**, **«Кутан Торгоев»**, **«Пост номер 9»**, **«Полковник Коршунов»**. Критики усматривали влияние Э. Хемингуэя в характеристике сильного человека, способного на подвиг.

Принадлежал к писателям, кот. остро чувствовали неизбежность войны. Участник «зимней» войны с Финляндией. В 1940 написал **«Памятку лыжнику-бойцу»** (в помощь воинам на той «войне незнаменитой»). Тогда же организовал радиопередачи с передовых позиций, обращенные к финским солдатам. На этой войне получил второй орден. По сценарию К. в 1939 на студии «Ленфильм» был снят кинофильм **«Гость»**, невыпущенный на экраны страны.

Весной 1941 работал над сценарием по своей повести о Коршунове. В эти, как оказалось, предвоен. дни, он говорил жене Анастасии Егорьевой: «Останусь жив — напишу большую книгу о войне. Я знаю, как ее написать». 23 июня 1941 уехал из Л-да на поезде на границу (под Выборг), туда, где война началась лишь 26-го. 30 июня погиб в бою. Посмертно награжден орденом Боевого Красного Знамени и медалью «За оборону Л-да».

Остались рисунки и портреты К., иллюстрации к произведениям Дж. Лондона и Т. Драйзера, к кн. друзей — Б. Корнилова и Ю. Германа.

В 1981 отмечалось 70-летие К. в Доме писателя на ул. Воинова (Шпалерной). В новом писательском Доме на Звенигородской установлена памятная доска погибшим литераторам-ленинградцам. Есть там и вошедшее в поэзию: «Канторович, павший у заставы, / Инге, не вернувшийся назад».

Соч.: Пять японских художников (1933); Холодное море (1935); Кутан Торгоев (1937); Враги (1937); Полковник Коршунов (1937–38); Бой (1939); Александр Коршунов: Повесть (1980).

Лит.: Мессер Р. Жизнь и книги Льва Канторовича. Л., 1983 (при участии А. Рубашкина); Тихонов Н. Воспоминания // Звезда. 1980. № 5; Рубашкин А. Канто-

рович, павший у заставы... // СПб. ведомости. 2011. 3 февр.

А. Рубашкин

КА́ПИЦА Петр Иосифович [11(24).1.1909 (по др. источникам — 21.1.1909), г. Сувалки — 1998, похоронен на Комаровском кладб.] — прозаик.

Родился на границе Польши и Литвы. В 1920-е работал в литейном цехе лен. з-да «Знамя труда», отливал головки блоков для тракторов «Фордзон-Путиловец». П. Сажин: «Юноша так увлеченно следил за тем, чтобы в литье не было „зерен" и „соловьев", что, казалось, кроме форм и потока жидкого, искрящегося чугуна, его ничто не интересует. Однако молодой литейщик писал стихи». На з-де вступил в члены КПСС (1928). В 1929 был послан на учебу в Лен. инженерно-экономический ин-т (окончил в 1934).

В 1931 в ж. «Пролетарский авангард» напеч. повесть К. **«Правила весны»**. Повесть привлекла к себе внимание — в ней автор затронул волновавшие комсомольскую молодежь вопросы любви и морали. В том же году повесть «Правила весны» вышла отд. изд. в серии «Совр. пролетарская лит-ра» в гос. изд-ве худож. лит-ры «Кузница» (Л.; М., 1931). Вскоре появилась повесть **«Настоящая работа»** (1932). В 1932 опубл. (совм. с П. Радчиком) кн. **«Многоугольники и круги»** (очерки о комсомольцах инженерно-технич. ин-та). Мн. писал для юношества и о юношестве. С 1934 стал проф. литератором. Сначала редактировал комсомольский ж. «Юный пролетарий», затем ж. лен. пионеров — «Костер».

В 1938 на страницах ж. «Лит. современник» появился роман К. **«Боксеры»**. Произведение посвящ. теме воспитания сов. спортсменов, людей сильных характеров, большого мужества. Молодой боксер Кирилл Кочеванов в учебном бою отборочных соревнований с чемпионом Петром Дороховым проигрывает решающую встречу и, казалось бы, теперь не должен попасть в команду для поездки в Европу. Однако по решению комиссии, усмотревшей в спортсмене большие задатки, Кочеванов вместе с лучшими боксерами «Молнии» едет за границу. После неск. выигранных встреч наши спортсмены получают вызов чемпиона Европы Анри Ланса. Хорошо изучив тактику и стратегию боя Дорохова Ланс обещает всем журналистам накаутировать соперника не позже четвертого раунда. Однако противником Ланса становится Кирилл Кочеванов. На четвертом раунде Кирилл переходит в наступление, атакует Ланса и выигрывает бой. Роман занимает центр. место в тв-ве писателя. В своих письмах к автору читатели требовали продолжения. По роману «Боксеры» в 1941 на Одесской киностудии был снят одноименный фильм (реж. В. Гончуков, сценарий К.), премьера состоялась 7 июля 1941. В гл. ролях снялись изв. сов. актеры: В. Доронин, Д. Сагал, Н. Ивакин, К. Градополов (старший), К. Михайлов, К. Сорокин, М. Сидоркин и др. Спустя много лет К. напис. продолжение «Боксеров» — **«Когда исчезает страх»** (1962) — в кот. герои-боксеры проходят через воен. испытания, воплощая тему героич. подвига сов. народа в дни войны.

Великую Отеч. войну К. провел на флоте — сначала на Балтике, потом на Черном море. К.: «В апреле 1942 года я покинул блокадный Ленинград...» В кон. 1943 в газ. Черноморского флота начала печ. повесть К. **«В открытом море»** (отд. изд. — 1944, в дальнейшем мн. раз переизд. — в 1956, 1958, 1965 и др.). Описываемые в ней события и подвиги героев-моряков — отражение гл. идеалов К.-писателя, любящего сильных и мужественных людей, и идеалов самого времени. В 1942 К. опубл. сб. рассказов и очерков **«Мужество»**. Героям-краснофлотцам и летчикам посвящ. очерки **«Герой Советского Союза краснофлотец А. Посконкин»** (1941), **«Дважды герой Советского Союза гвардии полковник Борис Феоктистович Сафонов»** (1943), **«Дмитрий Глухов»** (1945). Тема войны получила дальнейшее развитие в повестях **«В дни разлуки»** (1955), в рассказах, составивших сб. **«Охотники выходят в море»** (1950) и сб. **«В дальнем дозоре»** (1954).

Революц. героику воскрешает повесть К. **«Они штурмовали Зимний»** (1957). Действие повести охватывает период с февр. до окт. 1917. Героями ее становятся молодые рабочие «Путиловца» — Вася Кокорев, Дема Рыкунов; девушка с Выборгской стороны Катя Алешина; моряки с «Авроры», кронштадтские матросы. В повести рассказывается о том, как партия большевиков накапливала силы для свершения революции, о встречах с В. Лениным, о расстреле июльской демонстрации, кронштадтских событиях. Завершается произведение описанием штурма Зимнего и заседания II Всероссийского съезда Советов в Смольном, когда была провозглашена сов. власть и приняты декреты о земле и о мире. Сюжет повести выдержан в духе идеологич. установок времени, когда герои становятся ярыми участниками демонстраций и митингов, боев с контрреволюцией, сталкиваются с сотрудниками охранки, с «накипью революции» — анархистами и др.

Совм. с Н. Яковлевым изд. повесть **«Остров Панданго»** (Мир приключений. 1959. № 5).

О мужестве сов. китобоев, людей сильных и отважных, рассказано в повести **«Ревущие сороковые»** (1964). К. обратился к уже знакомым по кн. «В дни разлуки» героям и продолжил о них рассказ. «Ревущими сороковыми» мореплаватели наз. сороковые широты Южного полушария, где ледяные антарктич. заряды встречаются с мощными обжигающими потоками воздуха тропиков. Ревущие сороковые в повести К. — символ того пути, кот. герои произведения, бывшие катерники воен. флота: офицер запаса Константин Шиляев, сигнальщик Семячкин, ра-

дист Фарафонов, комендор Трефолев и боцман Демчук — преодолевают «на гражданке», исполняя свое китобойное дело. К. показывает, как героям приходится осваивать новую гражданскую профессию прямо на месте, в тяжелых условиях Антарктики, как сов. моряки побеждают суровые условия плавания и овладевают искусством охоты на китов. Более того, китобойный промысел сближает героев К., закаляет волю. Как в годы отчаянных схваток с гитлеровцами, когда герои повести плавали на катерах-охотниках, за малый размер прозванных «тюлькиным флотом», а за отвагу «деревянными линкорами», — так и теперь герои К. стойко преодолевают трудности и выходят победителями.

В 1974 в ЛО «Сов. писатель» вышла кн. К. **«В море погасли огни»**. В основе документ. повести лежат записи К., кот. он вел во время службы на Балтийском флоте в пору блокады Л-да. В кн. рассказано о героизме балтийских моряков, о трудных осенних месяцах сорок первого, о том, как была переброшена в район Ораниенбаума армия, нанесшая удар по врагу зимой сорок четвертого. И в этом произведении К. создает характеры мужественных людей, кот. через тяжелые испытания блокады пронесли неколебимую веру в победу.

В 1977 опубл. роман **«Неслышный зов»** и повесть **«Затемненные моря»** (ЛО изд-ва «Сов. писатель»), перв. из кот. о комсомольцах 1920-х, о юности писателя Громачева и его товарищей, молодых питерских рабочих, рано становящихся самостоятельными взрослыми людьми; «Затемненные моря» — докум. повесть в форме фронтовых записок, в кот. рассказывается о подвигах героич. моряков, катерников, морских пехотинцев, воевавших на Севере, в осажденном Севастополе, на Малой земле под Новороссийском, в Крыму.

В 1983 изд. сб. **«Наши годы: Повести и рассказы разных лет»**, в 1990 — сб. **«Черноморцы»**. В основе всех произведений К. — острый, напряженный сюжет, их пафос составляет своеобразная романтика времени, его герои — сов. люди, безоглядно мужественные и отважные.

Был редактором ж. «Звезда», много публ. в ж. Произведения К. переводились на яз. народов СССР.

Архив хранится в ЦГАЛИ СПб.: Ф. 465, 32 ед. хр., 1928–84 гг. и вкл. в себя рукописи романов «Через год после войны», «Годы испытаний», повести «Комиссар Таня», «Шестой океан»; рассказы; очерки; отзывы; дневник (1941); фронтовые записи со слов участников операции на полуострове Ханко (1941–42); письма К.: И. Авраменко, Д. Гранина, В. Саянова и др.

Соч.: Правила весны. Л.; М., 1931; В дни разлуки. Л., 1955; Ревущие сороковые // Роман-газета. 1964. № 22; В открытом море: Повести и рассказы. Л., 1965; В море погасли огни. Л., 1974; Неслышный зов. Затемненные моря: Сб. Л., 1977; Товарищ Иванов: [Рассказ о В. И. Ленине] / Пер. с рус. С. Багдасарян. Ереван, 1981.

Лит.: Цейтлин М. Писатель растет вместе со своими героями // ЛГ. 1933. 23 июн. № 29; Кривошеева А. Критик и читатель // Лит. современник. 1939. № 5–6; Чернов Н. Под знаком внешнего «отражательства» // Красный флот. 1943. 15 июл. № 165; Питляр И. О правде характеров // Знамя. 1955. № 12; Косенков В. В дальних дозорах // Сов. воин. 1956. № 5.

КАПУ́СТИНА Вероника Леонидовна [9.11.1962, Таллин] — поэт, прозаик, переводчик.

Родилась в семье военнослужащего, мать — врач. Окончила фак-т иностранных яз. ЛГПИ им. А. Герцена, отд. английского и испанского яз. (1984).

Перв. публикация — стихи в ж. «Нева» (1991), перв. сб. **«Зал ожидания»** (1994) выпущен творч. центром «Борей-арт» в серии «Избр. поэты» и, несмотря на ограниченный тираж (250 нумерованных экз.) привлек внимание собратьев по ремеслу к новому имени. Хотя, казалось, поэтесса об этом не слишком заботилась. Не форсировала голос, говорила словно бы «для себя», предпочитая длинные строки — нередок у К. шестистопный ямб, в совр. поэзии малоупотребительный, чуть старомодный, с его неторопливой, раздумчивой интонацией: «Печальный человек везде найдет печаль...», «К исходу августа я так вас всех люблю...», «А ветер все сильней, а гул все нарастает...» — первые строки стих. у К., как правило, особо выразительны и значительны. При желании можно отметить, что К. не избежала влияния И. Бродского (недаром одному из стих. сб. «Зал ожидания» предпослан эпиграф из этого поэта). Но стихи К. мягче, интимней, доверительней.

В дальнейшем мелодика стихов К. становится более разнообразной, но в главном она остается верна себе: ее интересуют тонкие, почти неуловимые движения души, неожиданные ассоциации, ход поэтич. мысли в ее стихах прихотлив и непредсказуем: «Когда телефон-автомат пожирает время /, слизывает секунды с карточки гладкой, / поспешно вешаешь трубку — ты тоже с теми /, кто время припрятывает украдкой: / то сбежать норовят, не окончив спора, / то опаздывают — где их носят черти! / "Я не всё сказал, у меня есть фора",— / говорят себе, а, быть может, смерти. / Надо времени в рот набрать — и жизнь продлится. / И помедлит короткий гудок, колюч и тонок. / А пока — оно тайком уродует лица, / раздирает мысли, оно — спартанский лисёнок...» Нельзя сказать, что К. совершенно игнорирует события общественной жизни, но воспринимает их она не в публиц. ключе «приятия — неприятия», а в плане скорее экзистенциальном: «И пусть меня спросят: — Что делали вы до 86 года? / — Со скидкой, по студенческому билету / ездила в Таллинн. Когда позволяла погода, / купалась в море. Уезжая, бросала монету...». А еще — «смотрела вдаль, оттуда,

пока добродушно, подмигивала жизнь после 86 года». Т. е. просто другая жизнь, которая на поверку может оказаться не такой уж и «добродушной» (вспомним многозначительное словечко «пока!»). Но это жизнь, внутри кот. предстоит находиться и проживать собств. судьбу.

Значительное место в тв-ве К. занимают переводы: с английского — романы М. Кейс «Каникулы Рейчел», Ч. де Линта «Духи в проводах» и др.; с испанского — проза Г. Маркеса, Х. Кортасара, М. Льоса, А. Биой Касареса, стихи Ф. Г. Лорки, Х. Л. Борхеса, А. Мачадо (в т. ч. в серии «Лит. памятники», 2008). Раздел «Переводы с португальского» в поэтич. кн. К. **«Улыбка марафонца»** (2005) носит характер игровой, отчасти провокативный. Никаких переводов там нет, есть размышления об искусстве перевода, о его почти мистической, мистификаторской природе («Может, оригинала и не было никогда? Все придумала переводчица — синий чулок»). Есть и прямая мистификация — **«Песни Контры Омнес»**, раздел в разделе. «Contra omnes» — в переводе с латинского «против всех»: рубрика, существовавшая одно время в избирательных бюллетенях, парагвайскую поэтессу-эмигрантку с таким значащим именем первоначально придумал публицист С. Лурье, позднее К. «перевела» неск. ее стих.

Прозаич. произведения К. (рассказы) печ. в ж. «Звезда» (2004. № 4; 2008. № 3) и «Новый мир» (2007. № 9).

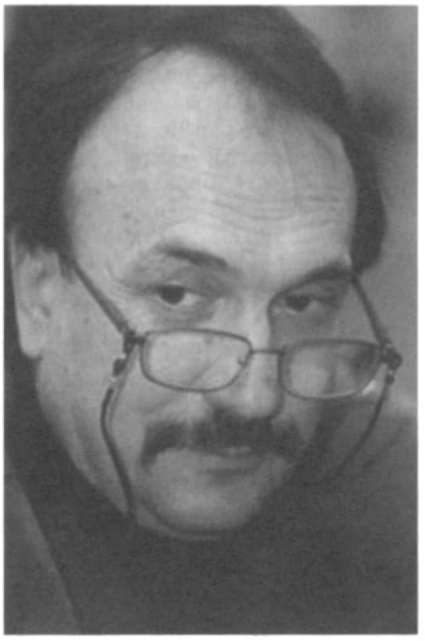
Соч.: Зал ожидания. Л., 1994; Благодаря Луне: Кн. стихов. СПб., 1999 (миниатюрное изд. в составе поэтич. кассеты «Пенал»).

Лит.: Невзглядова Е. Заметки о петерб. поэзии // Арион. 2004. № 3.

И. Фоняков

КАРА́ЛИС Дмитрий Николаевич [26.11.1949, Л-д] — прозаик, публицист, сценарист.

Родился в большой петербургско-ленинградской семье, пережившей блокаду. Единственный послевоенный ребенок. Отец, в мирное время редактировавший газ. «Строитель», в годы Великой Отеч. войны водил поезда по Дороге Победы или «коридору смерти», как его называли



сами железнодорожники: был нач. поезда и политруком. Мать, происходившая из старинного дворянского рода, посвятила себя воспитанию 8 детей.

В 1967 окончил лен. среднюю школу № 165. После школы работал на воен. з-де «Равенство» и одновременно учился на заочном отд. электромеханич. фак-та Лен. горного ин-та. Работал в гарантийно-сдаточных бригадах на подводных лодках в Мурманске и Комсомольске-на-Амуре. В 1970 перевелся учиться и работать в Лен. ин-т водного транспорта. Работал ст. техником и ст. инженером на кафедре Управления и организации судостроительно-судоремонтного производства. В 1973 закончил ЛИВТ, учился в аспирантуре.

Лет с восемнадцати заболел литрой, первое худож. произведение — рассказ **«Экзамен»** — увидел свет 6 окт. 1971 (институтская многотиражка «Сов. водник»). Затем на протяжении неск. лет сотрудничал с газ. «Известия». Короткие юмористич. рассказы молодого автора регулярно появлялись на страницах лен. газет «Смена», «Лен. правда», «Веч. Л-д», «Лен. рабочий». В 1973 состоялось знакомство К. с прозой В. Конецкого, кот. сразу стал кумиром начинающего автора. В тот же год состоялось и личное знакомство, перешедшее в долгую дружбу.

Однако для писания требовалось знание жизни, был нужен мат-л, опыт повседневного занятия лит. трудом, требовалась книжная культура и гуманитарные знания. К., по его собств. признанию, провалился в чтение на долгие десять лет. Читал системно и бессистемно, вел дневники с записями впечатлений от прочитанного, окунулся в лит. учебу, чтобы в 1984 написать свою первую повесть **«Феномен Крикушина»**, порадовавшую В. Конецкого, А. Житинского и др. маститых литераторов. На Конференции молодых писателей Северо-Запада повесть «Феномен Крикушина» была рекомендована к изд. в альм. «Молодой Л-д».

Повесть напис. в жанре соц. фантастики. Гл. герой обнаруживает в себе дар писать сбывающиеся рассказы. «Феномен Крикушина» привел К. в семинар фантастич. лит-ры Б. Стругацкого при Доме писателей. Вскоре появилась вторая фантастич. повесть — **«Записки шута»** — веселое и одновременно грустное повествование о том, как в результате социологич. опроса на кафедре ЭВМ предсказала должность шута — человека с мандатом критика и разоблачителя, и что из этого вышло. Перв. редакция повести состоялась в 1985 и была «непроходной» по меркам существовавшей цензуры. Последняя, четвертая (1998), была включена в план изд-ва «Сов. писатель» в составе авторского сб. назв. **«Записки шута»**, но кн. не состоялась (по причинам типогр.-издательским).

Однако фантастом К. не стал. Отголоски начального лит. увлечения сохранились в ставшем хрестоматийном рассказе **«Летающий водопроводчик»** о «нескладухах» водопроводчика Кошкина, случайно переместившегося в древний мир.

Перв. кн. (**«Мы строим дом»**) вышла в 1988 в М. тиражом 75 тыс. экз. Легкий, искренний стиль повести, добрый юмор вперемешку с грустинкой и точность в выборе слов показывали, что в лит-ру вошел не ученик, а (по характеристике В. Конецкого) «состоявшийся писатель». И, словно подтверждая, слова своего наставника, в 1991 К. выпускает в сов.-финском изд-ве «Смарт» роман **«Игра по-крупному»** — мощный по стилистике и традиционный по композиции: действие разворачивается

на фоне «вкусных», по словам Евг. Кутузова, воспоминаний о прошлой жизни гл. героя. А. Житинский сравнивал впечатления от романа с впечатлением от чтения «Робинзона Крузо», где читатель также внимательно следит за выживанием человека в неприспособленных для привычной, нормальной жизни условиях (Житинский А. Герой нового времени // Каралис Д. Игра покрупному. Л., 1991).

Затем последовал сб. прозы **«Ненайденный клад»** (1992), и К. по реком. В. Конецкого, А. Житинского и В. Прохватилова принят в СП СПб. Как написал в реком. Конецкий, сочинения К. можно отнести к «прозе здравого смысла». Действительно, книги К., с кот. он пришел в лит-ру — это произведения «технаря», инженера, кот. еще не расстался со своим недавним прошлым. Предмет изображения в этих книгах — инженерная среда. Стиль повествования весьма широкий — от рационального, лишенного «гуманитарных излишеств», слегка ироничного, до откровенно веселого, комедийного.

В последующие годы жанровый диапазон К. расширялся (от рассказов с фантастич. сюжетными элементами до документально-ист. повествования). Существенно изменился повзрослевший герой-рассказчик. Защитная ирония превратилась в едва уловимую, грусть и стало очевидным пристрастное внимание к детали, символизирующей исключительные характеры и ист. эпохи. Неизменными остались только привязанность к родному Л-ду-СПб. и его северным пригородам, и почтительное отношение к персонажам, так или иначе связанным с морской темой. Между тем исключительность творч. эволюции К. не в этом, а в неподверженности всеобщему поколенческому, если не сказать, эпохальному увлечению постмодернистскими играми со смыслами и словами, в иммунитете, по определению самого писателя, против «морока... андерграунда», против стеба, «понятного десяти мальчикам ближнего окружения, либо против герметизма» (Д. Каралис. Записки ретроразведчика). Особо отмечая это качество, А. Ройфе в «Книжном обозрении» писал: «Я почти не знаю в новейшей русской литературе произведений, из кот. не сочились бы злоба, ненависть и гордыня, произведений, кот. пробуждали бы человеческое в человеке. Проза Дмитрия Каралиса — из категории редких исключений» (Цит. по: Каралис Д. Чикагский блюз. СПб., 2010). Причиной столь редкой худож.-идеологич. стойкости стало увлечение в переломные годы дневниковой прозой. Результат этого — **«Автопортрет. Из дневников 1981–91 гг.»**, вышедший в 1999 к 50-летнему юбилею и роман-дневник **«Петербургские хроники: 1983–2010 гг.»**.

К. — автор полутора десятков прозаич. книг, настроение кот. определяется романтико-идеалистич. восприятием действительности, ностальгией по добрым человеческим отношениям. Этапными, с наибольшей очевидностью представляющими К. как творч. индивидуальность, являются кн. **«Мы строим дом»** (М., 1988), **«Игра по-крупному»** (Л., 1991), **«Роман с героиней: Избр. проза»** (СПб., 2003), **«Записки ретроразведчика»** (СПб., 2005), **«Чикагский блюз»** (СПб., 2010), «Петербургские хроники: 1983–2010 гг.» (2011) и **«Очевидец, или Кто остался в дураках? Избр. публицистика»** (2011).

В «Романе с героиней» К. расширяет уже сложившееся представление о худож. пространстве. Действие разворачивается на греческом о-ве Родос, в Международном писательском центре, где писатель и издатель Медведев встречает свою бывшую соотечественницу Оксану, ныне self-made-women. Казалось бы, встреча так ничем и не закончилась (своего рода «Дама с собачкой» наоборот), но герои расстаются с приобретениями нравственными, не изменив себе и своим идеалам о порядочности и честности. Смысл несостоявшейся любовной истории, ее увлекательность в порождаемых чрезвычайно актуальных размышлениях о совр. сильных женщинах, о загадке лит. труда, о психологии русского художника, о соответствии творца творимому.

«Записки ретропразведчика» — это уже не любовно-психологич. роман, но документальное, автобиографич. повествование о генеалогич. изысканиях автора, о возвращении старинной русской традиции черпать из истории своего рода энергию для добрых поступков, мыслей и чувств. В этой книге проявилась суть худож. философии писателя, кот. в предисл. Б. Стругацкий представил так: «Мир полон замечательно интересных вещей и надо только научиться отбирать (из того, что знаешь) самое интересное и писать об этом правду» (Стругацкий Б. Предисл. // Каралис Д. Записки ретроразведчика. СПб, 2005). И если художнику даровано счастье обретения этого умения, то докум. исследование истории собств. семьи, может завершиться, как у К., глубочайшими философскими обобщениями о бесконечности, неисчерпаемости человеч. жизни, смысл кот. во всеединстве: «У Бога нет мертвых, все живые. <...> Не нами все началось, и не нами кончится. Все вместе — мы нить, протянутая сквозь время...» («Записки ретроразведчика»).

«Повествование в рассказах» «Чикагский блюз», в кот. социализм предстает как почти идеальная форма семейного бытия через описание «с некоторой патриархальной ностальгией жизни семьи, родственников — вот дядя, вот кузина, отдых на даче, служебные дрязги <...>. Описание настолько органично, что читатель ощущает запах "букета советской эпохи" <...> и сомнений в достоверности не возникает» (Веллер М. О чикагском блюзе и об утраченных предках // Веч. Петербург. 2005. 16 мая). Основания для подобных ощущений — почти классич. простота стиля, скупость пейзажей, немногословность ключевых персонажей и при этом их удивительная зрелость, ушедшая навсегда гармония взаимоотношений, блистательные, концептуально детализованные описания, номинативная точность (вполне вероятно, что в речевой обиход десятилетия войдет легко-ироничное «мозгокрут»).

Кроме худож. тв-ва К. два десятилетия активно занимается публицистикой. Он автор 6 сценариев докум. и документально-ист. фильмов. Создал и десять лет возглавлял Центр совр. лит-ры и книги (1997–2007), объединивший писателей СПб. вне зависимости от принадлежности к тому или иному творч. союзу. В 1999–2001 — гл. редактор газ. «Лит. курьер». С июля 2007 — предс. Писательского клуба. Ведет рубрику «Писательский клуб в Доме Набокова» в газ. «Невское время». Обозре-

ватель «ЛГ» по СПб., колумнист. Сфера его публицистич. интересов социально-нравственная.

Лауреат лит. премии им. Н. Гоголя 2004 (за кн. «Роман с героиней»). Лауреат Ялтинского Международного кинофорума 2005 «За лучший сценарий» (докум.-ист. фильм о малоизвестной странице лен. блокады **«Коридором бессмертия»**). Лауреат лит. премии «Александр Невский» (2006) за роман «Записки ретроразведчика», премии «ЛГ» им. А. Дельвига (2009) за прозу и публицистику посл. лет. Лауреат премии «Югра» (2011) в номинации «Публицистика» за кн. «Петербургские хроники» и «Очевидец».

Соч.: Мы строим дом. М., 1988; Игра по-крупному. Л., 1991; Ненайденные клад. СПб., 1992; Автопортрет. Из дневников 1981–91 гг. СПб., 1999; Роман с героиней. СПб., 2003; Самовар графа Толстого. СПб., 2003; Чикагский блюз. СПб., 2004; Записки ретроразведчика. СПб., 2005; В поисках утраченных предков: Роман, повести. М., 2011; Петерб. хроники: 1983–2010 гг. СПб., 2011; Очевидец, или Кто остался в дураках? Избр. публицистика. СПб., 2011.

Лит.: Арбитман Р. Земля и на ней человек // Веч. Л-д. 1991. 21 авг.; Виноградов П. Хроники застывших дней // Невское время. 2000. 26 янв.; Рекшан В. Простодушный начальник // Веч. Петербург. 2000. 25 февр.; Шуляк С. Автопортрет писателя в интерьере // НГ Ex Libris. 2000. 2 март.; Арно С. Автопортрет писателя // Питерbook. 2000. № 5; Соболь В. Тут Родос... // Нева. 2002. № 12; Басинский П. Веселая проза // ЛГ. 2003. 13 авг.; Зиновьева Е. Здравый смысл в разворошенном мире // Невское время. 2004. 10 авг.; Ройфе А. По разные стороны поребрика // Книжное обозр. 2004. 23 авг.; Веллер М. О чикагском блюзе и об утраченных предках // Веч. Петербург. 2005. 16 мая; Виноградов П. Досье на самого себя // Невское время. 2005. 22 июл.; Глушик Е. Дневник писателя// Завтра. 2011. № 38; Козлов Ю. Кружева против дьвола // Лит. Россия. 2011. 16 март.; Цветова Н. «Хроники» Д. Н. Каралиса как петербургский вариант «эго-документалистики» // XX век. СПб., 2011; Муриков Г. О книге Д. Каралиса «Петербургские хроники» // Лит. учеба. 2012. № 2; Бояшов И. Дневник как дорога жизни // НГ Ex Libris. 2012. 16 февр.; Альтов С. Бумага прозрачна... // Лит. Россия. 2012. 18 мая; Поляков Ю. Дневник на асфальте // ЛГ. 2012. 27 июл.

Н. Цветова

КАРАПЕТЯ́Н Андрей Петрович [24.9.1950, пос. Подтёсово Красноярского края] — художник-график, иллюстратор, поэт, прозаик.

Родился в семье врача и ссыльного инженера-кораблестроителя из Л-да. С 1973 проживает в Л-де (СПб.).

По образованию инженер-конструктор, окончил в 1973 фак-т энергомашиностроения Моск. Высшего технич. училища им. Баумана. Как и многие его товарищи по «цеху», К. начинал карьеру в сфере, далекой от высокого искусства. Он гл. инженер проектов во ВНИИМетМаш — старейшем проектно-конструкторском ин-те страны. Построенные по его разработкам производственные машины до сих пор работают на руинах отеч. промышленности. Эта реальность не помешала стать К. одним из самых интересных и своеобразных художников-иллюстраторов.

Работы К. начали появляться на страницах лен. самиздатской прессы еще в кон. 1980-х. В это вр. им создны перв. циклы иллюстраций к произведениям бр. Стругацких.

С 1982 К. — участник семинара Б. Стругацкого, куда вначале пришел как писатель, имеющий в «портфеле» шесть фантастич. рассказов. Рассказы **«Сад»**, удостоенный высокой оценки Б. Стругацкого, **«Скоро будет весна»** и **«Рыжий Семенов»** вскоре были опубл.

В сб. «Молодой Л-д» (Лениздат, 1991, 1992), альм. «Сорок четвергов» (ЛИО «Редактор», 1992), «Колпица» (изд. «Водолей», 1992–95) опубл. стихи. К. работал и над худож. оформлением этих изд.

Начиная с 1989 в лен. и моск. издвах выходят книги с илл. К. К этому вр. его графич. стиль уже можно считать сформировавшимся. Манера К. индивидуальна и легко узнаваема. Для нее характерны мастерски виртуозная линия, играющая с чёрными и белыми пятнами силуэтов, присущая художнику способность патетич. искажения жеста, костюма и ландшафта. Полутона и фактура предметов передаются с помощью перекрестной штриховки и гравировки пунктиром. Его мир — словно палимпсест: сквозь вполне реалистич. детали и образы узнаваемых персонажей проступает вселенная, населенная призраками, взвалившими на себя бремя одиночества и непокоя тех, кто согрешил разумом.

Несомненной удачей К. стали илл. к кн. Карен Бликсен («Семь фантастических историй». «Северо-запад», 1993). С помощью весьма огранич. набора средств: легкой асимметричности композиции, изломанных линий — создаются мертвенно-ирреальные пейзажи, напоминающие сны, и образы на их фоне, взятые словно бы из реальной жизни, предстают не как зеркально точные отражения, но, пройдя через сознание художника, через его собств. романтич. мир, превращаются в нечто «знакомо-незнакомое», «реально-сказочное».

Символич. поэтич. действительность художника возникает из живописного хаоса, вписанного в безупречно точное композиц. решение, в кот. все фигуры завихрены трагич. маскарадом; лица с улыбками, похожими на гримасы, отмечены печатью гибели. В этой действительности далекое и близкое, большое и малое не определяются с математич. скрупулезностью, но могут произвольно меняться местами — в зависимости от эмоц. настроя того, кто смотрит на рисунок.

Едва ли не самое почетное место в ряду книг, над кот. довелось работать К., занимает «Божественная комедия» Данте («Амфора», 2013), иллюстрации к кот. создавались на протяжении пятнадцати лет. Существует более двухсот листов — илл. и графич. комментариев к ним (http://arts.in.ua/artists/andrey/f/2301/).

Как драматург, К. «расставляет» фигуры на «сцене» своих рисунков, создавая т. н. мизансцены, в кот. должны быть произнесены важнейшие, ключевые фразы. В этих рисунках нет второстепенных элементов — каждая линия, блик, светотень обна-

руживают способность передать проникновение в самую сущность явлений. Здесь каждая «деталь» как данность, кот. художник особо акцентирует, заставляет стать символом, инструментом отмщения, извлекающим разрушительную мелодию из человеч. страдания. Все в этих листах предельно грандиозно и космично: вздыбленные скалы, бескрайние долины, бездонные ущелья, чудовищные деревья, несметные человеч. потоки, яркие вспышки света, прорезающие ночную мглу, подавляющая своими масштабами архитектоника инфернальных миров. Здесь «фон», «атмосфера» является главным, определяющим моментом.

Оригинальным в работе над илл. к произведению Данте становится и решение графич. комментариев к нему, представляющих собой ассоциативные связи сюжетов «Божественной комедии» с современностью. Перекинутый мост из мрачного зазеркалья в наши дни, где человек, отринувший Бога, живет в ветшающем, распадающемся мире. Живые люди здесь словно недовоплотившиеся призраки из Дантова ада, их плоть как бы высыхает изнутри, теряет свое содержание. То, что остается от нее,— это хрупкая и ломкая поверхность, под кот. нет ничего, кроме пугающей пустоты.

Цикл илл. к произведению М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (тушь, перо, карандаш) и выполненный в необычной технике черно-белый вариант рисунков (http://arts.in.ua/artists/andrey/f/2299/) предлагает своеобразную трактовку знаменитого романа. К. выразительно и тонко передает долгую гложущую и не отпускающую боль утраченного обладанья: будь то утрата Бога, или женщины, или места, кот. дорого и кот. надо покинуть навсегда, или утрата покоя. Всегда как бы на краю пропасти: с одн. стороны — свет жизни, с др. — бездна небытия. Постоянно балансируя между этими мирами, художник хорошо чувствует и передает их.

В графике К. оживает само пространство. Оно становится подвижным, гибким и деятельным. Человек же, в свою очередь, делается его частью, полностью сливаясь с окружающим ландшафтом и тем самым одушевляя его. Пространство у художника крайне выразительно: то оно обвисает тяжелыми складками, то сворачивается в кокон, то застывает каменной глыбой. Тут не найти грани между внутренним космосом и внешним. Масштаб, расстояние, законы перспективы — все теряет значение, иногда становясь предметом игры, как в работах Эшера, неизменно тонет в возникающем ощущении неотвратимой трагедии. Илл. К. к «Мастеру и Маргарите» выставлялись в музее М. Булгакова в М.

В кач-ве илл.-оформителя К. принимал участие в выпуске шеститомного изд. лит.-философского альм. «Канун» под общей ред. Д. Лихачева («Corvus», 1995–2001). В этих рисунках «обыгрывается» тайнопись древнеславянской азбуки, кот. имела глубокий религиозный и философский смысл и представляла собой поначалу граффити, начертанные на стенах соборов (http://arts.in.ua/artists/andrey). Здесь использованы работы из цикла «Буквицы».

Значительное место в тв-ве К. отводится илл. к романам А. и Б. Стругацких. Книги неоднократно переизд., иллюстрации К. считаются классическими. В некот. из них просматриваются элементы лубочного стиля, характерного и для таких работ, как илл. к произведениям Е. Лукина и М. Успенского. Б. Стругацкий в одном из инт. сказал о рисунках К.: «Это не иллюстрации, а скорее сотворчество».

Иллюстрации К. вполне самодостаточны. Они могут существовать вне и независимо от текста, к кот. формально привязаны. Но связи не исчезают, они продолжают существовать где-то на периферии восприятия. Художник вступает с читателем в некий тайный сговор, как будто намекая: мы-то знаем, чье лицо проглядывает в складках плаща и кто сидит к нам вполоборота, «сбросив сандалии... и свесив босые ноги в пропасть». Возможно, в этом и есть мастерство книжного графика. Не становясь рабом лит. произведения, всегда оставаясь самим собой, сохранять ту тонкую связь, когда иллюстрация и текст составляют диаду, взаимно дополняя друг друга, взаимно расширяя возможность трактовок.

Помимо упомянутых выполнил илл. к кн.: Ф. Достоевский «Двойник» («Азбука», 2006), «Преступление и наказание» (http://arts.in.ua/artists/andrey/f/2312/); М. Булгаков «Князь тьмы» («Азбука-классика», 2007); Н. Гоголь «Шинель» (http://arts.in.ua/artists/andrey/f/17032/); Р. Толкиен «Властелин колец» (http://arts.in.ua/artists/andrey/f/5289/); К. Бликсен «Семь фантастических повестей» («Северо-Запад», 1993); А. и Б. Стругацкие «Град обреченный» (Л.: Худож. литра, 1989), «Гадкие лебеди. Град обреченный» («Terra fantastika», 1993), Миры братьев Стругацких. «Град обреченный. Второе нашествие марсиан» («Terra fantastika», 1997, «Corvus», 1998), «Понедельник начинается в субботу. Сказка о тройке» («Terra fantastika», 1992), «Понедельник начинается в субботу. Сказка о тройке» («Terra fantastika»–АСТ, 1997), Миры братьев Стругацких. «Пикник на обочине. Улитка на склоне» («Terra fantastika», 1997), «За миллиард лет до конца света» (СПб.: Terra fantastica, М.: ЭКСМО, 2008); М. Успенский «Там, где нас нет» («Локид», 1995); Ф. Дик «Убик» («Terra fantastika», 1992); А. Столяров «Альбом идиота» («Terra fantastika», 1992), «Ворон» (сб. «Аманжол–90», «Terra fantastika», 1992); Вяч. Рыбаков «Очаг на башне» (Латвийский детский фонд, 1990, «Азбука-классика», 2004); А. Лазарчук сб. повестей «Опоздавшие к лету» («АСТ», «Люкс» 2005); Е. Лукин сб. повестей и рассказов «После нас — хоть потом» («АСТ», «Люкс», 2005).

Участник мн. худож. выставок, в частности, в музее Ф. Достоевского (СПб., 1995), в Книжной лавке писателей (СПб., 1996), в музее «Совр. литература — XX век» (СПб., 2007 и 2008), в музее М. Булгакова (М., 2008).

Лауреат премии всероссийского форума фантастов «Странник» за илл. к повести М. Успенского «Там, где нас нет» («Локид», 1995).

Соч.: Сад: Рассказ // Простор. 1988. № 3 (То же // Часы с вариантами: Сб. СПб., 1992); Скоро будет весна: Рассказ // Уральский следопыт. 1990. № 12; Стихи // Молодой Ленинград. Л., 1991; Стихи // Там же. Л., 1992; Стихи // Четверо: Лит. сб. Колпино, 1992; Рыжий Семенов: Рассказ // Китеж: Сб. СПб., 1992; Стихи // Колпица: Лит. сб. Вып. 5, 13, 25. Колпино, 1993–95; Стихи //Острова. Н.-Й., 2009. Публ. на сайтах: http://www.stihi.ru/avtor/petrovich9, http://www.proza.ru/avtor/petrovich7, http://www.reshetoria.ru/

Н. Игнатенко

КАРЕ́ЛИН Дмитрий Борисович [26.3.1913, с. Кончанское Боровичского у. Новгородской губ. — 21.12.1953, Л-д] — гидролог, прозаик.

Родился в учительской семье в. В 1930 окончил Боровичский пед. техникум и переехал в Л-д. В 1930–32 учился на курсах техников-гидрологов, работал в кач-ве техника в НИИ лесосплава, затем в Ин-те торфяной промышленности. В 1932 перешел на работу в систему Гидрометеослужбы, до 1935 занимался гидрологич. исследованиями в Мурманской обл. и в море. С 1935 работал в Арктическом НИИ, изучал полярные обл. СССР. В Арктическом ин-те занимал различные должности, вплоть до начальника отдела, принимал участие в многочисл. морских и воздушных арктич. экспедициях, в ледовой авиаразведке, в науч. обеспечении навигации по Северному морскому пути.

В 1944 защитил канд. дис., в 1947 докторскую, утвержден в степени докт. геогр. наук.

Параллельно с науч. работой в Арктике преподавал различные специальные дисциплины в Военно-морской академии, в ЛГУ, на курсах полярников.

В 1950 по конкурсу занял должность зав. каф. океанологии в Лен. гидрометеорол. ин-те, а также должность проф. каф. физической географии ЛГПИ им. А. Герцена. Читал курсы «География океанов», «Моря СССР», «Океанология», «Общего землеведения» (преимущественно разделы «Климатология и гидрология»).

Не оставляя науч. деятельности, занимался науч. популяризаторством. Написал кн. **«Моря нашей Родины»** — одна из лучших на эту тему для юношества. Незадолго до кончины закончил подготовку второго изд. этой кн.

Член СП СССР и Географического об-ва СССР.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями, значком «Почетному полярнику», за науч. работу присуждена премия им. Ю. М. Шокальского.

Лит.: Некролог // Известия Всесоюзного геогр. об-ва. Т. 86. Вып. 2. Л., 1954.

А. Биркенгоф

КАРНАУ́ХОВА Ирина Валериановна [7(20).11.1901, Киев — 13.4.1959, Л-д] — детский писатель, фольклорист.

Родилась в семье железнодорожного служащего. Мать, Алла Митрофановна, работала в редакциях разл. киевских газ.; в 1920-е, проживая в Пг., сотрудничала в кач-ве переводчика с «Вестником иностранной лит-ры». Духовные и интеллектуальные интересы матери предопределили и жизненный путь К. Поздний рассказ писательницы **«Бандероль»**, рисующий духовный мир девочки из интеллигентной семьи, имеет полностью автобиографич. характер (см.: Костер. 1957. № 8). Из анкеты, заполненной К. в кон. 1930 в рамках вступления в ЛО Всероссийского СП, следует, что заметки и фельетоны она начала печ. в различных газ. и ж. с 1918 (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 457, л. 6). По окончании гимназии (1918) К. в годы Гражданской войны оказалась сначала в г. Ейске, а затем в Екатеринодаре, где работала в библиотечной системе Отдела народного образования. Весной 1921 уехала в М. для учебы на курсах инструкторов-организаторов при Главполитпросвете (см. автобиографич. рассказ: **Бутсы** // Прибой: Сб. произведений лен. писателей. Л., 1957). В М. занималась в Ин-те слова (позднее — Гос. ин-т слова; ГИС).

С 1922 проживала в Пг., училась на высших курсах при Российском (Гос.) ин-те истории искусств (РИИИ / ГИИИ). Ее имя неоднократно встречается в «Дневнике» К. Чуковского. 14 нояб. 1923 она, напр., посетила вместе с Чуковским А. Ахаматову (см.: Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991). Среди знакомых К. были С. Есенин, Е. Замятин и др. (см.: Дымшиц А. Карловарские вечера // Дымшиц А. Избр. работы: В 2 т. М., 1983. Т. 2; Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997). Летом 1923 вместе с С. Толстой, внучкой Л. Н. Толстого, К. отдыхала в Крыму в Коктебеле у М. Волошина (см.: Шмелева Т. Навечно в памяти и жизни // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990). В этой блестящей лит. среде К. пользовалась успехом как исполнительница русских народных сказок.

По окончании высших курсов ГИИИ начала работать в Секции изучения крестьянского искусства Инта. Летом 1926 вместе с др. сотрудниками Секции совершила экспедицию в Заонежье. Собранные ею матлы по сказке осмыслены в двух статьях (см.: **Заонежские сказки** // Сказочная комиссия в 1926 г. Л., 1927; **Сказочники и сказка в Заонежье** // Искусство Севера: Заонежье. Л., 1927). Летом 1927 экспедиция ГИИИ отправилась на Пинегу — правый приток Сев. Двины. По окончании экспедиции К. побывала и в за-

падной части Поморья. Следствием поездки на Пинегу, помимо собранных сказок, стала статья **«Суеверия и бывальщины»** (см.: Суеверия и бывальщины // Искусство Севера. Л., 1928). В 1928 участвовала в экспедиции ГИИИ на р. Мезень; в 1929 — на р. Печору. Посл. фольклорная экспедиция К. — в беломорские рыболовецкие села — состоялась в 1932 в рамках ее сотрудничества с Ин-том по изучению народов СССР (ИПИН). По итогам четырех экспедиций ГИИИ в 1934 К. выпустила кн. **«Сказки и предания Северного края»** (169 текстов; переизд.: СПб., 2006; отклики: Андреев Н. Издания сказок (русских или на русском языке) за последнее пятилетие // Сов. фольклор: Сб. статей и мат-лов. М.; Л., 1936. № 2/3; Никифоров А. Проблема сказочного сборника // Сов. фольклор: Сб. статей и мат-лов. М.; Л., 1926. № 2/3). В 1937 К. изд. еще один фольклорный сб. — **«Частушки колхозной деревни»**, в кот. идеологические и политич. приоритеты превалируют над науч. и эстетическими.

Фольклористич. статьи, равно как и сб. «Сказки и предания Северного края», свидетельствуют, что К. со временем явно могла бы стать видным исследователем фольклорной культуры. Однако в самом нач. 1930-х в рамках коренной реорганизации ГИИИ К. потеряла работу. Личные творч. интересы подталкивали ее к лит. тв-ву. В 1931 вышла перв. повесть — **«Кружево на мачте»** (М., 1931). Это произведение отвечает всем канонам сов. детской лит-ры, призванной проводить в жизнь идеологию государства, строящего социализм. Действие происходит в поморском с. Рыбацкое на берегу Белого моря. Героиня повести девочка-подросток Ленка вместе со своими земляками роет местный «Волго-Дон» — канал через опасную косу, облегчающий жизнь рыбакам-поморам; попав в Норвегию, она удивляет местных жителей своим мастерством в вышивании. В повести отразился экспедиционный опыт К.: в 1927 в поморской д. Сухой Наволок она видела канал, вырытый местными жителями. Писательница включает в повесть фрагменты из северно-русских песен и др. произведения русского фольклора. В том же 1931 была опубл. еще одна детская повесть К. — **«Ой-хо: Повесть о самоедском мальчике»**. Быт ненцев-оленеводов, правдиво описанный в этой книге, писательница могла наблюдать в Мезенскую и Печорскую экспедиции.

В сер. 1930-х К. активно сотрудничает с Лен. радиокомитетом. На радио становится популярной ее передача «Сказки бабушки Арины», на основе кот. были созданы две брошюры методич. характера: **Сказки бабушки Арины: Русские народные сказки в обработке Ирины Карнауховой**. М., 1936. — 24 с.; **Народные сказки: Передача для детей школьного возраста** / Сост. И. Карнаухова. М., 1936. — 11 с. Опыт работы на радио стал толчком и для создания детских кн. с лит. обработками сказок (**Сказки бабушки Арины**. Петрозаводск, 1938. — 124 с.; 2-е изд. 1939). Именно эта сфера лит-ры — обработка фольклорного мат-ла для детей — стала определяющей в тв-ве К.

В нач. Великой Отеч. войны вместе с детским лагерем-интернатом лен. Литфонда К. эвакуировалась в Пермскую (тогда — Молотовскую) обл.; с 1941 по 1944 работала учителем. В Молотовском ун-те и госпиталях города выступала со своими сказками. В годы войны вышло неск. книг, представляющих собой лит. обработки фольклорного мат-ла: **«Забавные сказки»** (М.; Л., 1944), **«Рассыпушки»** (Молотов, 1944), **«Бой на Калиновом мосту»** (М.; Л., 1945). К послевоен. времени относятся детские пьесы К., также созданные по фольклорным мотивам (**«Аленький цветочек»**, **«Золотое руно»**). Впечатления о воен. годах отразились в 2 новых детских повестях К. — **«Повесть о дружных»** (М.; Л., 1949) и **«Наши собственные»** (Л., 1958). В перв. произведении, написанном в популярном в детской сов. лит-ре жанре «школьной повести», рисуется жизнь уральской сельской школы и молодой учительницы, преодолевающих вместе со всей страной трудности воен. времени. Во втор. повести героями являются ребята из детской здравницы, в самом начале войны оказавшиеся на оккупированной территории. В сов. времена повести неоднократно переизд. «Повесть о дружных» была переведена на немецкий и румынский яз. Детские повести К. являются плодом своего времени. Они сыграли свою скромную, но очевидно позитивную роль в развитии отеч. детской литры. Лит. обработки сказок и былин прочно вошли в репертуар детских книжек, обязательных в жизни каждого русского ребенка.

Член СП СССР.

Соч.: «Главное — раскрыть смысл...» // Детская лит-ра. 1966. № 7; Жар-птица: Рус. сказки. Петрозаводск, 1947 (и др. изд.); Ненаглядная красота: Русские волшебные сказки. М.; Л., 1949 (и др. изд.); Радуга-дуга: Сб. сказок, песенок, загадок и пословиц. М.; Л., 1946 (и др. изд.); Русские богатыри: Былины. М.; Л., 1949 (и др. изд.).

Лит.: Нечаев А. Русские народные сказки в сов. изданиях для детей // О детской лит-ре: Сб. статей. М.; Л., 1950; Макарова В., Хузе О. В защиту характера // Лен. писатели детям. Л., 1954; Литвин Э. Две повести о сов. детях // Проблемы идейности и художественности лит-ры. Л., 1963; Литвин Э. Поэзия сказки и поэзия действительности // На рубеже. 1963. № 5; Астахова А. Карнаухова Ирина Валерьяновна // КЛЭ. М., 1966. Т. 3; Калмановский Е. И. В. Карнаухова // Детская лит-ра. 1966. № 7; Шиллегодский С. Ирина Валериановна Канаухова // Карнаухова И. Повесть о дружных. Наши собственные. Л., 1966; Писатели Л-да: Биобиблиогр. справочник. 1934–81 / Сост. В. Бахтин и А. Лурье. Л., 1981; Шмаков А., Шмакова Т. Урал литературный: Краткий биобиблиогр. словарь. Челябинск, 1988.

Т. Иванова

КАРО́ХИН Лев Федорович [2.6.1932, с. Высокиничи Моск. обл.] — инженер-строитель, прозаик-публицист.

Закончил Лен. политехнич. ин-т им. М. Калинина (1955). Инженер-строитель, гидротехник. Всю жизнь работал в проектных НИИ Л-да.

Перв. публ. относится к 1983. За это вр. опубл. более 200 ст. по лит-ре в центр. и городской печ. Осн. тема — жизнь и тв-во С. Есенина. Автор книг **«Сергей Есенин и Иванов-Разумник»** (СПб., 1998), **«Ганин — друг Сергея Есенина»** (СПб., 1999), **«Есенин и Шимановский»** (СПб., 2000), **«Есенин в Царском Селе»** (СПб., 2001), **«Есенин и Анна Ахматова»** (СПб., 2001), **«Есенин и Николай Клюев»** (Рязань, 2005), **«Эрлих — друг и ученик Сергея Есенина»** (СПб., 2007). Член СП России с 2007.

В 1995 награжден памятной юбилейной медалью «За большой вклад в увековечение памяти Есенина». С кон. 1999 участвовал в работе творч. группы ИМЛИ по составлению «Летописи жизни С. А. Есенина».

Лит.: История Царского Села в лицах // Царскосельская газ. 2003. № 53. 28 нояб.; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КАРП Поэль Меерович [31.8.1925, Киев] — публицист, поэт, балетовед, переводчик.

С 1930 по 1949 жил в М., с 1949 — в Л-де. Окончил историч. фак-т МГУ, канд. искусствоведения. С 1953 выступал в печ. как переводчик поэзии и драматургии (Гейне, Эйхендорф, Гёте, Грильпарцер, Эленшлегер, Ибсен, Шекспир, литовские поэты и др.) и балетовед (книги **«О балете»**, **«Балет и драма»**, **«Младшая муза»**, более ста ст.).

После 1985 опубл. более трёхсот статей на социальные и полит. темы (о связи экономич. развития и демократии, о наследстве сов. империи, этнич. конфликтах, антисемитизме, войне в Чечне и пр.) в еженедельниках «Книжное обозрение», «Новое время» и др. Выпустил кн. о русской истории **«Отечественный опыт»**.

С сер. 1990-х живет в Англии.

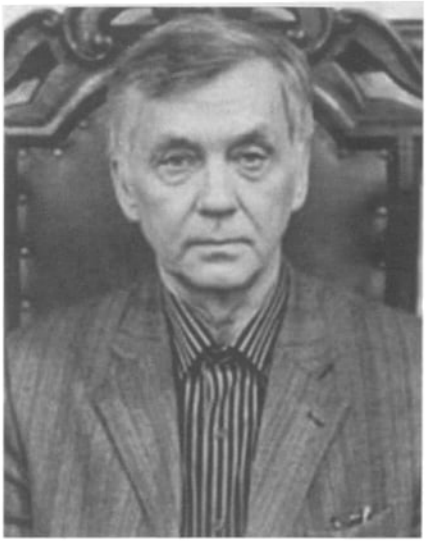
В 1992 опубл. кн. стихов **«Общая тетрадь»**.

Соч.: Об одном несостоявшемся балете («Родные поля») // Театр. 1953. № 6; Новый балетный спектакль // Театр. 1956. № 4; Пасынки Терпсихоры // Нева. 1957. № 3; Ирина Колпакова // Театр. Л-д. 1958. № 4; Драматургия и хореография // За сов. искусство. Л., 1959. № 25, июн.; Свежие силы балета // Лен. правда. 1959. 23 дек.; «Отелло» // Театр. 1960. № 8; Продолжение жизни // Театр. жизнь. 1961. № 23; Поиски и свершения // Звезда. 1962. № 1; Гордиев узел // Театр. жизнь. 1962. № 7; «Каменный цветок» С. С. Прокофьева (в соавт.). Л., 1963; «Шурале» // Леонид Якобсон: Творч. путь балетмейстера, его балеты, миниатюры, исполнители. Л.; М., 1965; О балете. М., 1967; Новые балеты Григоровича // Звезда. 1969. № 9; Испытание младшей музы // Звезда. 1973. № 2; Балет и драма. Л., 1980; Две жизни Вечесловой // Мариинский театр. 1995. № 2; Порвалась связь времён // Мариинский театр. 1997. № 7–8; Младшая муза. М., 1986 (2-е изд. — М., 1997).

Лит.: Русский балет: Энц. М., 1997.

КА́РПОВ Александр Анатольевич [30.4.1951, Л-д] — историк лит-ры, текстолог, комментатор.

Родился в семье потомственных петербуржцев (мать — врач, отец — науч. работник). В 1968 окончил с серебряной медалью 121 физико-матем. школу при Лен. Политехнич. ин-те и Физико-технич. ин-те (одновременно увлекался лит-рой, писал стихи). В годы учебы и позднее участвовал в популярной передаче Лен. ТВ для старшеклассников «Турнир СК». С 1968 по 1971 — студент физико-механич. фак-та Политехнического ин-та, с 1971 — филологич. фак-та ЛГУ. Участвовал в фольклорной экспедиции ИРЛИ в Горьковскую обл. (записанные им тексты опубл. в сб. **«Песни и сказки пушкинских мест»**. Л.: Наука, 1979; **«Русская народная поэзия. Лирическая поэзия»**. Л.: Худож. лит-ра, 1984), занимался



в Пушкинском семинаре проф. Г. П. Макогоненко. В 1975 с отличием окончил отд. русского яз. и лит-ры и поступил в аспирантуру кафедры истории русской лит-ры ЛГУ, с 1978 — асс. кафедры, с 1984 — доц., с 2002 — проф. В разные годы читал курсы лекций «История русской литры перв. пол. XIX в.», «История русской лит-ры XVIII в.», «Поэтика и стилистика», «Введение в литературоведение», «Теория и практика науч. комментирования», а также спецкурсы «Русский романтизм», «Тв-во А. С. Пушкина», вел спецсеминары «Русская фантастич. проза эпохи романтизма», «Пушкин и русская лит-ра его времени» и др., руководил музейно-архивной практикой студентов русского отд., курсовыми и дипломными соч., работой аспирантов. Руководитель магистерской программы «Русская лит-ра». Работал на летних курсах русского яз. в Польше (1974), Венгрии (1985–87), в кач-ве приглашенного проф. преподавал в Пенсильванском ун-те (University of Pennsylvania — Penn; США, Филадельфия, 1993), читал лекции и выступал с д-дами в ун-тах Дублина, Цюриха, Загреба, Гамбурга, Киля, Иерусалима, Брюсселя.

В 1992 и в 2005 исполнял обязанности зав. кафедрой истории русской лит-ры, в 2006 избран ее заведующим, с этого вр. совмещает научно-преподавательскую деятельность с административной. К. решает задачи сохранения традиционно высокого науч.-педагогич. уровня кафе-

дры, привлекая к работе на ней как молодых специалистов, так и ведущих петерб. и зарубежных ученых, развивая новые направления науч. и учебной работы.

В 1979 защитил канд. дис. **«Проблемы развития пушкинской прозы 1833–37 гг.»** (науч. рук. проф. Г. П. Макогоненко), в 2000 — докт. дис. **«Типы межтекстовых отношений в русской лит-ре перв. пол. XIX в.»**. Науч. интересы К. связаны преимущественно с изучением истории русской лит-ры кон. XVIII — перв. пол. XIX в. в аспектах интертекстуального анализа, автоинтерпретации, исследования русско-европейских культурных связей, текстологии и комментирования (многолетний опыт в этой обл. стал основой разработанного им курса «Теория и практика науч. комментирования»). Как ученый К. считает себя продолжателем традиций петерб.-ленинградской академич. школы. Его исследовательскую манеру характеризует стремление опереться в своих интерпретациях на новые факты (открытие немецкого источника «Подражаний древним» К. Н. Батюшкова, русских и немецкий параллелей к «Старосветским помещикам» Гоголя, сложного переплетения лит. и личных впечатлений в «Вальтере Эйзенберге» К. Аксакова и т. д.), рассмотреть изучаемые произведения в максимально широком контексте, внимание не только к вершинным явлениям, но и к тв-ву писателей «второго» и «третьего» ряда (статьи о Е. В. Аладьине, Н. И. Грече, А. Н. Грече, Р. М. Зотове, А. И. Кулибине, А. А. Никитине, П. М. Смирновском, А. В. Тимофееве и др. в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» и энц. «Три века Санкт-Петербурга. Девятнадцатый век»). Взгляд на лит. процесс в его полноте и целостности позволил К. впервые проследить на мат-ле русской прозы и поэзии историю мотива «победы голода над любовью» (**«К истории одного "неистового" мотива»**. 2000), описать европейскую историю сюжета о льве и собачке, увенчавшуюся созданием знаменитого рассказа Л. Толстого (**«Lions and Dogs: Apropos of a Tolstoy Story»**. 2012), выделить традицию произведений, объединенных темой «книжного сознания» (**«The "Tales of Belkin" and the Motif of "Perception of Life Through Literature" in Late Eighteenth and Early Nineteenth Century Russian Literature»**, 1999), и особую группу сюжетных произведений, посвящ. теме «любви за гробом» (**«"Афанасий и Пульхерия" — повесть о любви и смерти»**. 2011), а также подготовить (в кач-ве составителя или редактора) сб. **«Искусство и художник в русской прозе перв. пол. XIX в.»** (Л.: изд-во ЛГУ, 1989), **«Русская фантастич. повесть эпохи романтизма (1820–40 гг.)»** (Л.: изд-во ЛГУ, 1991), **«Белое привидение: Русская готика»** (2006). Предпринятое им изучение связей разномасштабных явлений лит-ры расширило представления о характере рецепции пушкинского тв-ва в русской прозе и драматургии 1830-х (ст. **«"Перстень" Баратынского и "Повести Белкина"»**, 1996; д-ды **«"Медный всадник" Платона Смирновского»**, **«Наследник Пушкина? (Мистерия А. Тимофеева "Последний день")»** и др.). Стиль К.-исследователя характеризуется точностью формулировок, строгой логикой науч. сюжета и композиции, прозрачностью и четкостью выражения мыслей.

Сотрудничая с изд-вами «Худож. лит-ра», «Современник» и др., К. подготовил к печ. сб. произведений А. Пушкина, Н. Языкова, Н. Полевого, классич. труды П. Анненкова, П. Висковатова и др. Он являлся ред. ряда науч., научно-метод. и лит.-худож. изданий (Памяти Г. П. Макогоненко: Статьи. Мат-лы. Воспоминания. (СПб.: изд-во СПбГУ, 2000; совм. с В. Марковичем); HOMO UNIVERSITATIS. Памяти А. Б. Муратова (1937–2005): Сб. статей (СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009), Феномен Гоголя (СПб.: Петрополис, 2011; совм. с М. Виролайнен), Актуал. проблемы изучения и преподавания русской лит-ры: Взгляд из России — взгляд из зарубежья (СПб.: Скрипториум, 2011), А. Муравьев. Таврида / Изд. подг. Н. Хохлова (СПб.: Наука, 2007. «Лит. памятники»), Н. Гоголь. Арабески / Изд. подг. В. Денисов (СПб.: Наука, 2009; «Лит. памятники») и др.). Участвовал в междунар. науч. конф. в России и за рубежом, являлся непосредственным организатором многих из них.

В годы аспирантуры К. являлся председателем Совета молодых ученых филфака. На протяжении мн. лет был членом и председателем метод. комиссии русско-славянского цикла, членом науч. комиссии факта, исполнял обязанности руководителя отдела истории и теории лит-ры ИФИ СПбГУ. Член Ученого совета филфака. Предс. Диссертационного совета по защите канд. и докт. дис. при СПбГУ по специальностям русская лит-ра, зарубежная лит-ра. Эксперт Мин-ва образования и науки РФ. Член Пушкинской комиссии РАН.

Лауреат премии молодых ученых ЛГУ за лучшую науч. работу (1984). Лауреат премии СПбГУ за пед. мастерство (2011). Почетный работник высшего профес. образования РФ. Награжден серебряной медалью в честь 100-летия ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Соч.: Пушкин-художник в «Истории Пугачева» // Пушкин: Иссл. и мат-лы. Л., 1978. Т. VIII; Сост., подгот. текста писем, комм., вст. ст. // Языков Н. Соч. Л., 1982; Подгот. текста, комм. // Анненков П. Мат-лы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984; Документальное и художественное в ист. прозе и публицистике А. С. Пушкина 1830-х гг. // Вопросы историзма и реализма в русской лит-ре XIX — нач. XX в. Л., 1985; Сост., подгот. текста, комм., вст. ст. // Полевой Н. Избр. произведения и письма. Л., 1986; Подг. текста, комм. // Висковатов П. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и тв-во. М., 1987; Сост., подг. текста, комм. (совм. с М. Виролайнен), вст. ст. // Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. М., 1988; «Борис Годунов» А. С. Пушкина // Анализ драматического произведения: Межвуз. сб. / Под ред. проф. В. Марковича. Л., 1988; Сост., подг. текста, комм. // Искусство и художник в русской прозе перв. пол. XIX в.: Сб. Л., 1989; «Poezia» i «istina» u ljubavnoi lirici N. Jazikova: («Moja Apokalipsa») // Autotematizacija u književnosti. Zagreb, 1996; «Перстень» Баратынского и «Повести Белкина» // Концепция и смысл: Сб. / Под ред. А. Муратова и П. Бухаркина. СПб., 1996; «Мы весело, мы шумно жили!» (Н. М. Языков и иллюстрации А. А. Агина к «Мертвым душам») // Пушкин и другие: Сб. / Науч. ред. и сост. В. Кошелев. Новгород, 1997; Н. М. Языков: Проблемы творч. эволюции. СПб., 1998; «Поэзия» и «правда» в любовной лирике Н. Языкова // Автоинтерпретация: Сб. / Под ред. А. Муратова и Л. Иезуитовой. СПб., 1998; The «Tales of Belkin» and the Motif of «Perception of Life Through Literature» in Late

Eighteenth and Early Nineteenth Century Russian Literature // Irish Slavonic Studies, 20, 1999; Э. Т. А. Гофман в восприятии К. С. Аксакова (По мат-лам переписки Аксакова с М. Г. Карташевской) // Взаимосвязи и взаимовлияние русской и европейских лит-р: Мат-лы междунар. науч. конф. Под ред. Л. Сидорченко. СПб., 1999; К истории одного «неистового» мотива // Памяти Г. П. Макогоненко: Сб. / Под ред. В. Марковича и А. Карпова. СПб., 2000; К истории первого издания поэмы Пушкина «Кавказский пленник» / Пушкин и его современники: Сб. Вып. 3(42). СПб., 2002; Батюшков, Гердер, Сади... // По царству и поэт: Мат-лы всероссийской науч. конф. / Отв. ред. А. Расадин. Ульяновск, 2003; «Повести Белкина» и мотив «книжного сознания» в русской лит-ре кон. XVIII — первой трети XIX в. // IBERICA: К 400-летию романа Сервантеса «Дон Кихот». СПб., 2005; Сост., комм., послесл. // Белое привидение: Русская готика. СПб., 2006; «Афанасий и Пульхерия» — повесть о любви и смерти // Феномен Гоголя: Мат-лы Юбилейной междунар. науч. конф. / Под ред. М. Виролайнен и А. Карпова. СПб., 2011; Кафедра истории русской литры СПбГУ: Эпохи и имена // Актуал. проблемы изучения и преподавания русской лит-ры: Взгляд из России — взгляд из зарубежья / Отв. ред. А. Карпов. СПб., 2011; Из комментариев к «Старосветским помещикам» Н. В. Гоголя: «Я знал одного человека...» // Культурный палимпсест: Сб. СПб., 2011; Lions and Dogs: Apropos of a Tolstoy Story // Tolstoy Studies Journal. Vol. XXIV. 2012.

Лит.: Дымов Н. Над пушкинской строкой // Ленинградский университет. 1979. № 34; Львова Т. Книга о «турнире СК». СПб., 2005; Филологический фак-т СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. СПб., 2008; Кто есть кто в российском литературоведении: Биобиблиогр. словарь-справочник. М., 2011.

Н. Беневоленская

КА́РПОВ Евтихий Павлович [25.10.1857, г. Карачаев Орловской губ.— 3.1.1926, Л-д] — драматург, режиссер.

Сын надворного советника. Образование получал в Константиновском межевом ин-те в М.; курса не окончил. Был затем пахарем, служил юнгой на волжском буксирном пароходе.

Принимал участие в пропаганде среди крестьян в Торопецком у. (Псковской губ.), где жил на ферме, организованной Богдановичами. Заподозрен в укрывательстве на своей

квартире в СПб. В. Засулич в янв. 1878 после ее оправдания. Был арестован в кон. 1878 и привлечен к дознанию, возникшему по подозрению в участии в общ-ве «Земля и воля», находился под стражей, после чего был подчинен надзору в СПб. Нач. 1880-х провел в административной ссылке (Вост. Сибирь, Красноярск, Вологда, Усть-Сысольск, Вел. Устюг).

Будучи близким к народническому движению, примыкал к теч. тенденциозной гражданской драмы (Потехин, Дьяченко, Чернявский и др.), противопоставляемой мелодраме и относящейся по приемам письма к школе А. Островского. Свою перв. драму напис. в тюрьме в 1881 (**«Тяжкая доля»**), где отразил процесс расслоение деревни и ее пролетаризацию.

К. идеализирует в народнич. тонах связь с деревней, гуманно сочувствуя тяжкой «бедняцкой доле». Так, в драме **«Шахта "Георгий"»** он изображает двух пролетариев: одного — порвавшего с землей и ассимилировавшегося в индустриально-промышленных условиях, пьяницу, распутника, и другого — тоскующего в шахте, где «страшно», и стремящегося из черной пыли на деревенский простор, являющийся для него символом настоящей «Рассеи». Идеологии наивно-либерального народничества К. остается верен и в др. пьесах этого периода. Постепенно с годами К. эволюционировал «вправо», становясь в искусстве «консерватором».

Написал драмы **«На земской ниве»**, **«Чары любви»**, **«Житье привольное»**, **«Сумерки»**, **«Ранняя осень»**, **«Рабочая слободка»**, **«Мирская вдова»**, **«Светлая личность»**, комедии **«Вольная пташка»**, **«Крокодиловы слезы»**, **«На развалинах прошлого»**, **«Жрица искусства»**, **«Рай земной»**. Осн. тема его лучших пьес — из крестьянского и рабочего быта. Пьесы печ. в ж. «Русское богатство», «Артист» и др., изд. театральной биб-кой С. Рассохина в М.

Беллетристич. произведения К. печ. в «Русской мысли», «Русском богатыре», «Русских ведомостях» и др. Наиболее значительные из них повесть **«На пахоте»** («Русская мысль». 1892. № 4–7) и очерк **«Чариков»** («Русское богатство». 1892. № 4–5).

В кон. 1880-х выдвинулся как реж. народного театра за Невской заставой в СПб., реж. СПб. «Невского обва устройства народных развлечений»: зимой ставил спектакли для рабочих, летом устраивал для них народные гулянья. В теч. длительного вр. был управляющим труппой Императорского Александрийского театра, гл. реж. Суворинского (Малого) театров в СПб. Из пьес К. наиболее прочно держались в репертуаре «Рабочая слободка» и «Шахта "Георгий"».

Соч.: Народные драмы. М., 1897; Драматические соч. Т. I. М., 1909.

Лит.: Фидлер Ф. Первые лит. шаги. М., 1911; Венгеров С. Источники словаря русских писателей. Т. III. П., 1914.

КА́РПОВ Пимен Иванович [6(18).8. 1884 или 1887 (более оснований), с. Турки Рыльского у. Курской губ. — 27.5.1963, М.] — поэт, прозаик, публицист.

Родился в крестьянской старообрядческой семье. О своем селе К. позже писал: «Наш край — село скрытников-староверов. Табором кочевым разбросано оно по холмам в верховьях речки Клевени и речки Амони. Это рубеж Украины, ясеневая дикая заросль, перевал солнца: отсюда весной переваливается рыжий лежебок-солнце на Север» (**«Из глубины»**). Обильный солнечными днями край наложил свою печать на светоносную образность произведений К., выразившуюся даже в названиях книг, а соседство с Малороссией зафиксировалось в обильных украинизмах их языка.

В 1905 К. принимает участие в рев. пропаганде среди крестьян. К 1906 относятся его перв. публикации (очерки и стихи) в леворадикальной газ. «Курская весть», стоившие ему в 1907 ареста и заключения в тюрьму в г. Рыльске, откуда он с помощью товарищей бежал и некот. время скрывался в Финляндии.

Намерение продолжить свой лит. путь приводит его в СПб., где он устраивается поденщиком на резиновую фабрику «Треугольник». К. сближается с литераторами И. Ясинским (в квартире кот. на набережной Черной речки некот. время проживает) и Л. Андрусоном, а затем и с более широким кругом писателей, включая и столичную элиту, регулярно посещает собрания Религиозно-философского об-ва и «среды» на «Башне» Вяч. Иванова. Тогда же начинает публ. как поэт в петерб. ж. и газ. «Весна», «Мир», «Неделя», «Совр. слово», в приложении к «Ниве». С явным авансом похвалы стихи начинающего поэта приветствуются прессой: «Вот Пимен Карпов, молодой рабочий, с виду мешковатый, неповоротливый, будничный. А в душе у него — сказка — с золотыми зорями, с серебряными реками, жемчужными туманами, бриллиантовыми росами. Сколько аромата, нежности и радуги в душе этого молодого мужика!» (Шебуев Н. Поэтич. анархизм // Весна. 1908. № 11. Март). На самом же деле стихи К. этого периода обильно насыщены расхожими образами, в них только изредка мелькают картины родного поэту крестьянского края, но и то на них лежит печать недостаточно органически усвоенного символизма. Позже К. говорил о том, что будто бы в 1911 им был подготовлен к изданию поэтич. сб. **«Знойная лилия»**, содержание кот. составили стихи первого периода тв-ва; данные о выходе такого сб. историкам лит-ры не изв.

В 1909 выходит перв. кн. К. **«Говор зорь»**, состоящая из очерков-инвектив, направленных против городской интеллигенции, безнадежно будто бы отошедшей от здоровых основ нац. жизни. Национальные корни К. видит в деревне, в крестьянстве, при разговоре о кот. автор то и дело с публицистич. тона своей книги переходил на лирический и апологетический. «И как это ни неприятно „интеллигенции", народ чует говор зорь — голос Бога, правды, красоты и любви, чует грядущий расцвет жизни среди степей и лесов и бодр духом и полон сил. Город, т. н. городская культура, развращает, губит народ, спасется он только в деревне, на земле». Интеллигенция же обвиняется К. в грехах эгоизма, духовном ограблении народа путем монопольного владения культурными благами и лицемерном «народолюбии». В вызове интеллигенции К. стремился быть последовательным. Так, в письме от 7 апр. 1910 В. Розанову он декларировал: «Вы мне враг. Вы этого, вероятно, и сами не станете отрицать; да и вообще все, кого я знаю из интеллигентов,— лютые враги мне и готовы меня в ложке потопить; интеллигенты не щадят нас, сынов народа, не будет им пощады и от народа». Письмо заканчивалось: «Если будете писать по заказу для „Нового времени" и „Русского слова)" — не избежите общей участи интеллигентов. Я предупредил Вас» (см.: Куняев С. Певец светлого града // Карпов П. Пламень. Русский ковчег. М., 1991). Полной последовательности в «борьбе» с интеллигентами, однако, не получается. В 1909 К. добивается личного знакомства с А. Блоком, кот. в письме того же года признается: «Вас я ценю как прекрасного, доброго, сердечного человека и национального поэта... но интеллигента так же не одобряю в Вас, как и во всех». С еще большей признательностью высказывается и А. Белому в письме к нему в 1910: «Вы многое видите духовным оком своим, что от нас простых смертных скрыто. Я прямо скажу, что Вашими устами иногда говорит Дух Святой. Вот почему Ваше мнение для нас, служителей Бога и Его Святого Духа, дорого и родно». Да и к характеристике В. Розанова в цитированном выше письме он делает в его конце существенную поправку: «Поступайте, как говорит Вам Ваша совесть, но Вы не имеете права губить в себе народный гений». Сближается К. и с Мережковскими, которые считают, что «он мог бы стать значительным явлением, если бы „ускромнился и вошел в разум"» (Из письма З. Гиппиус к А. Белому от 8 дек. 1909). Лит. общественностью книга К. была встречена сочувственным вниманием. Блок причислил ее к книгам «„русских вопленников", в кот., при всем их косноязычии, есть не одни чернила, но и кровь» (**«Литературный разговор»**, 1910). Л. Толстой, кот. как «учителю жизни» К. ее послал, одобрил в своем ответе автору превалирующую в ней мысль о «великом значении» и «великой будущности» крестьянства. Толстому книга импонировала «смелостью мысли», и «обвинительным» тоном. Несколько позже о кн. высказался и В. Розанов, отметивший, что эта «небольшая и страстная книжка» «бурлит, кипит, рвется, но несостоятельна в своем отрицании города», поскольку «ни в созерцании Платона, ни в созерцании Толстого, ни в созерцании Пимена Карпова — город не устраним. Город — это есть многообразие, сложность, опыт разнообразных трений; пожалуй — место гибели единичных душ и роста целого... около него вращается и движется цивилизация и история» (Пимен Карпов и его «Говор зорь» // Прямой путь. Ежемесячное изд. Русского народного союза Михаила Архангела. 1914. Кн. 2). В этой же статье Розановым запечатлен портрет К. периода выхода в свет его перв. кн.: «...в сущности очень интересный, молодой человек: среднего роста... плотный, сильный, угрюмый, молчаливый, внутренне приветливый».

В 1913 выходит отдельным изд. роман К. **«Пламень: Из жизни и веры хлеборобов»** (на титульном листе указан 1914) — своеобразный отклик на активно обсуждавшуюся в столичных элитарных кругах проблему интеллигенции и религии. Одновременно он явился и полемическим ответом на посвященный этой же теме роман

А. Белого «Серебряный голубь» (1910), в кот. стихия народной (хлыстовской) веры предстает темной и косной силой, погубившей доверившегося ей героя-интеллигента. В «Пламени...» все как раз наоборот: образом тьмы, самого дьявола выступает представитель привилегированного сословия, помещик и «камергер-деторастлитель» Гедеонов, а светлым началом — руководимая хлыстом Крутогоровым секта неких живущих «в обители среди старых мятежно раскинувшихся садов», поющих радость и солнце «пламенников». Есть здесь, правда, и представители темных сил в религиозных исканиях народа — секта сатанаилов. Кн. насыщена картинами «душевных и телесных» мучительств, насилия и свального греха, совершающихся в русских церквах «кровавых месс». Роман К. приобрел репутацию «скандального» и вскоре же после выхода был конфискован цензурой. Кн. была встречена разноречивыми оценками в критике, в частности, Блоком. В ст. о романе он определил его как «плохую аллегорию» и отметил в нем «суконный язык и... святую правду», а в конце своего отзыва обобщил: «Пусть это приложится к познанию России». Иванов-Разумник указывал на эпигонскую зависимость от «ремизовского построения фразы», реминисценции в ней из Андрея Белого, а самого автора назвал «отравившимся» лит. модернизмом. Отмечалось и влияние Ф. Сологуба. В основу почти всех негативных оценок легли два мотива: нагнетание мрачных картин в изображении души и жизни русского «хлебороба» и бесконтрольное следование расхожим тенденциям декадентской лит-ры. Автора упрекали в том, что он «навязывает без того темному и несчастному крестьянству русскому какие-то небывалые мысли и чувства, подобранные в туманной, промозглой атмосфере петербургского декадентства» (Философов Д. Бред // Речь. 1913. 14 окт.), в том, что он своим романом возвел новую клевету на русский народ, на русское «сектантство, и без того тяжко страдающее», что никаких «сатанаилов» среди русского народа не было и нет (Бонч-Бруевич В. Новый ритуалист // Киевская мысль. 1913. 27 окт.), что, пытаясь нарисовать «революционное движение в крестьянской среде», автор заливает его «эксцессами жестокости, соединенной с эксцессами пола» (Ашешов Н. (Ожигов Ал.). Лит. мотивы // Совр. слово. 1913. 17 окт.). В положительных же оценках утверждалась как раз противоположная мысль — о несомненном существовании в какой-то части народа этих «эксцессов», о том, что в «Пламени...» «с огромным поэтическим мастерством и искренним пафосом повествуется о целом ряде кровавых преступлений, совершаемых на дне нашей сектантской темноты» (Ясинский И. Костомаров, Хвольсон, Пимен Карпов и сатанаилы // Биржевые ведомости. СПб., 1913. 10 окт. Веч. вып.); в иных из подобных отзывов заострялась даже мысль об актуальности романа К.: «Страшная, кошмарная книга, но книга, явившаяся не поздно, книга, вопиющая о „переоценке" многих ценностей, напоминающая о многих грехах, предостерегающая и пророческая» (Шарков В. Книга ненависти // Южный край. Харьков. 1913. 24 окт.).

В 1915–16 К. сближается с поэтами «крестьянской купницы», особенно с С. Клычковым, С. Есениным, А. Ганиным. В окт. 1917 выдвигается кандидатом в Учредительное собрание от партии эсеров (избран не был). Превратившись после революции из недавнего «нелегала» в приветствующего новую власть писателя, К. в нач. 1920-х активно издается. В 1920 выходит сб. рассказов **«Трубный голос»** — о развале и сумятице нынешней деревенской жизни, в 1922 вместе с отдельно изданными драматич. поэмами **«Богобес»** и **«Три зари»** появляются в свет два его поэтич. сб. — **«Русский ковчег»** и **«Звездь»**, в кот. ранние стихи дополняются новыми: о мессианской судьбе России, ступившей на свой трагич. путь (**«Светлоград»**, 1917). Стихи этих двух книг по-прежнему находятся под значительным влиянием символизма, окрашены особенной религиозной символикой, образностью и отличаются обилием образованных в символистском духе неологизмов: «грозоцвет», «солнцеструй», «трепетнозвездный», «цветопад», «весеннесинь», «лесолунный цветок», «огнепраздновать», «светословенно», «цветогрозы» и пр. По словам современника, высказанным в этом же 1922, К. в своем тв-ве выразил «хлыстовскую одержимость» русского народа, тогда как Л. Толстой выделил его «христиански смиренную просветленность», а Блок — его «мечтательность и нежность» (Руднев А. Бесшабашный // Вестник лит-ры. 1922. № 2–3). На сб. «Русский ковчег» и «Звездь» путь К.-поэта в основном завершается; лишь в сер. 1920-х создаются им как бы вынужденные стихи, посвящ. смерти троих своих друзей: А. Ширяевца, А. Ганина и С. Есенина — **«В застенке»** (1925) и **«Три поэта»** (1926). Посвященные в первом из них строки расстрелянному А. Ганину стали вполне пророческими по отношению ко всем новокрестьянским поэтам, расстрелянным позже и вычеркнутым из лит-ры: «И стала по растерзанной России / Бродить твоя растерзанная тень...» Завершались стихи строфой, в которой светоносная, «огненная» символика К. обретала подлинный историч. смысл: «А мы, на ком лежат проклятья латы, / Себя сподобим твоему огню. / И этим неземным огнем крылаты / Навстречу устремимся звездодню!».

В период политики и стратегии раскрестьянивания К. разделяет судьбу прочих отторгаемых от лит. процесса новокрестьянских поэтов. Партийная критика считала, что тв-во К. представляет собой «прямой мост к реакционному отрицанию возможности переделки деревни» (КЛЭ. М., 1931. Т. 5).

С 1920-х К. живет в М., долгое время не имея собств. жилья (комнату получил лишь в кон. 1930-х) и занимаясь лит. трудом только «в стол», в т. ч. работая над начатой еще в 1920-е автобиогр. книгой **«Из глубины. Повесть о самом себе и других»**. В 1933 ее отд. фрагменты выходят небольшой книжкой **«Верхом на солнце»**. Второй и последний раз «повесть» (неполный вар.) удается изд. только в 1956 отд. книгой **«Из глубины»**. В предисл. к ней («От автора») К. вынужден был отрекаться от своих прошлых символистских традиций, признаваться в «непонимании... общественного назначения литературы», в «неумении разглядеть в ней единственно правильный путь — путь реалистического направления...». Умер К. совершенно забытым писателем.

Соч.: Пламень // Последний Лель: Проза поэтов есенинского круга. М., 1989; Пламень: Роман. Русский ковчег: Книга стих. Из глубины: Отрывки воспоминаний. М., 1991. (Забытая книга); В застенке // Алексей Ганин. Стих. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991; Письма к Блоку // Александр Блок: Иссл. и мат-лы. Л., 1991.

Лит.: Клейнборт Л. Очерки народной лит-ры (1860–1923). Л., 1924; Белый А. Начало века. М.; Л., 1933, Баскич И. Курские вечера. Воронеж, 1979; Азадовский К. Блок и П. И. Карпов // Александр Блок: Иссл. и мат-лы. Л., 1991; Солнцева Н. Пимен // Солнцева Н. Китежский павлин. М., 1992; Лев Толстой и крестьянские писатели / Публ. Л. Гладковой // Подъем. Воронеж. 1996. № 3.

А. Михайлов

КА́РПОВА Наталия Ивановна [15.7.1940, Л-д — 5.2.1995, СПб.] — поэт, переводчик.

Отец — партработник, мать — библиотекарь; дед со стороны матери — писатель, мемуарист А. Н. Мошин. В 1949 отец арестован по «ленинградскому делу», семья подверглась репрессиям, что нанесло девочке глубокую душевную рану. В 1965 окончила Лен. ин-т культуры им. Н. Крупской (1965) по специальности библиотекарь-библиограф и аспирантуру (1968), канд. пед. наук. В 1968–95 преподаватель, доцент (1977) Ин-та культуры. Опубл. свыше 50 науч. работ по библиотековедению.

Писать стихи начала с 4-летнего возраста. По признанию К., «им принадлежало не только свободное время, им принадлежала жизнь души». Лит. путь К. начался в ЛИТО под рук. Гл. Семенова, куда входили А. Кушнер, В. Соснора, Г. Гампер, А. Городницкий, Т. Галушко. Перв. подборка стихов напеч. в альм. «Молодой Л-д» в 1965. Стихи К. публ. во мн. периодич. изд. («Смена», «Лит. газ.», «Нева», «Аврора», «Звезда», «Костер», «Молодая гвардия», «Студенческий меридиан»), в альм. «День поэзии», «Молодой Л-д» и др. К. переводила стих, польских, югославских, украинских, грузинских, туркменских поэтов. Рекомендацию на принятие в СП дал Ю. Андреев в 1976; принята в СП в 1979.

Ранние стих. К. были «лишены резких красок и линий, категорических заключений, экстравагантных образов. Как правило, это короткие стихи, где в немногом говорится многое и где читателю сразу же... передается авторское настроение. Секрет этот в том чувстве истинной поэзии, в точном и скупом отборе поэтических средств, которыми владеет К.» (Ботвинник С. Доброго пути! // День поэзии. 1972. Л., 1972).

Имея в роду двух дядей-священнослужителей (братьев матери), К. с ранних лет была глубоко религиозна. Общение с ними укрепляло ее в вере: один из них, протоиерей Владимир Мошин — изв. славист и византолог, духовник многих русских эмигрантов в Югославии; другой, протодиакон Сергий, служил в Никольском соборе в Сан-Паоло (Бразилия). Впоследствии, на рубеже 1990-х, К. переживала душевный кризис, искала духовной поддержки у монашествующих, стремилась принять постриг в Елеонском монастыре в Иерусалиме (куда совершала паломничества).

В годы, когда открытое исповедание веры было невозможно, К. не шла на компромиссы: сб. ее стих. пролежал в изд-ве 11 лет. Христианское начало прочитывается в подтексте, в символах, иносказаниях; в ее стихах ощущается незримое присутствие вечности, иного мира, духовной реальности. Это было подмечено критикой в рец. на перв. кн. К. **«Колодец»** (1976): «Образность К. принадлежит к двум рядам: бытовому — и надбытовому, непреходящему, символом кот. чаще всего становится звезда. Это... необходимая автору стабильная точка, надежно остающаяся на привычном месте при любых обстоятельствах» (Гампер Г. Далекая память // Аврора. 1977. № 5).

Все стихи К. связаны единым лирич. сознанием автора, единым мироощущением. Уже в перв. кн. «Колодец» явственно чувствовалась высота души поэтессы, ее тяготение к религиозно-философскому осмыслению мира: «Мне так нужны бессмертные слова, / В которых есть и корень, и основа...» Критики отмечали зрелость и самостоятельность, силу и глубину поэтич. чувства. Стихи К. исполнены драматич. переживаний, живой боли, искреннего интереса к людям. «Мысль, образ, жизнь...— все выстрадано... Поэтесса не боится высоких слов, не прячется в иронию, не маскируется витиеватой метафорой, и „душа", „честь", „совесть" для нее — не поэтические символы, а смысл жизни» (Покровская С. [Рец.] // Звезда. 1977. № 7).

Остро ощущая быстротечность жизни, К. находит опору, неподвластную времени,— любовь в ее христианском понимании. Вера в людей, радость общения, счастье бытия — слагаемые мироощущения поэтессы. «Карпова не оставила нам пронзительных стихов о любви, а вот о дружбе сказала так, как у нас не говорили со времен Пушкина: самозабвенно и самоотреченно. Умение жить чужой радостью и чужой болью свойственно ей в высшей степени» (Колкер Ю. Три письма и поездка в Англию).

Удивляясь тайне мироздания, К. видит в «обычном ходе вещей», в траве и дожде икону Творца. Для стилистич. системы К. характерны несколько удлиненная строка, утяжеленный ритм. Стих. организуется так, что нравственный вывод выносится в конец произведения и звучит как завершающая нота. Порой у К., поэтессы преимущественно городской, прорываются фольклорные нотки.

Поэтич. ориентиры К. определили то, что стихи о любви романтической в ее лирике оказались менее своеобразными. Б отклике на втор. кн. **«Совпадения»** (1980) отмечалось: «Лирическая героиня скорее вдумывается в жизнь, нежели живет страстями, она оглядывает мир и осмысливает его, идет от анализа к синтезу, ищет проявления цельности мироздания», и эта манера «придает ее

стихам некоторую рассудочность» (Пруссакова И. У своих истоков // Нева. 1981. № 2).

В посл. прижизненной кн. **«Над темной водою канала»** (1994) К. выражает свою веру уже открыто: гулкая исповедальность, яростная борьба с грехом, постоянный поиск духовного совершенства приходят в соответствие с ее прежде сокрытой религиозной жизнью. Общее настроение книги сумрачно, неприглядны приметы времени: «незрячие кинулись в поводыри», «взрывчаткой самодельной переполнены дома», «и не светла печаль, и ненадежен дом». Любимый СПб. воспринимается как «город больной», а «люди злобой подогреты». Эта ненадежность земного бытия кажется К. предвестьем заслуженного и неотвратимого возмездия. Мотивы ухода, тщеты земных усилий звучат в книге с роковой неотступностью.

Стих К. порой сближается с древними духовными покаянными стихами: «Человечек, подумай, ты сам разрушен, / Словно храм, так спасай свою душу голую, / Омраченную, уже смердящую душу!» **(Разлук и встреч печаль и радость...** СПб., 1996).

Выход К. находит в Боге: важно не то, что «мы дети безвременья», важно, что «все мы Божиии дети» **(«О том, что времена последние...»)**. Встречи с людьми, некогда приносившие радость, теперь воспринимаются как «искушенья, соблазны», ибо «всяк человек — ложь» **(«Господи, да будет воля Твоя!..»)**. Поэтесса не питает иллюзий и в отношении поколения, взращенного эпохой безвременья: оно поглощает «громады газетной отравы», толкается «в колоннах у разных знамен», и неясно, «кто спасется во тьме, властно, алчно опутавшей землю, / Где коммерция, бизнес, богатство — весь смысл бытия?». Горьки приметы эпохи («Но, увы, на съездах заседая, / И монах сегодня депутат»), становящиеся одновременно и приметами «последних времен» **(«Уже на улицах раздают листовки...»)**.

В тв-ве К. все большее место занимают темы отчаянной борьбы с грехом, исповеди, жертвенной готовности («Возьми мою жизнь. Господи, / Обретшую пару крыл»). В ее стихах проступает упорное стремление «из этого обозримого, изведанного мира в мир небесный», «преодоление быта во имя бытия» (Ахматов А.). В стих. **«Маме»** К. признается, что не радуют больше семейные реликвии: «Я, постылая, вижу — альбомы в пыли, / Не смотрю фотографий, нужны лишь иконы». Посл. цикл К. озаглавлен **«Стихи покаянные»**. Предчувствуя свою гибель, К. прощается с близкими («Всех простила от сердца — / Простите меня, дорогие») и молитвенно обращается к Богу с надеждой: «Только б пройти через узкую дверь / К Господу без преткновенья!». К. была убита неизвестными воскресным утром в день поминовения Новомучеников Российских, по пути в Спасо-Преображенский храм. Похороны пришлись на день гибели А. Пушкина. Суть посл. стих. К. точно определила Н. Шумских: «В ее стихах слышится искренний плач о грехах, истинное покаяние. Любя свой родной город, ставший „в мирозданье открытою раной", любя, как больного ребенка, и страдая за свою великую и убогую Родину, она и нас зовет к соборному покаянию и смирению перед Господом».

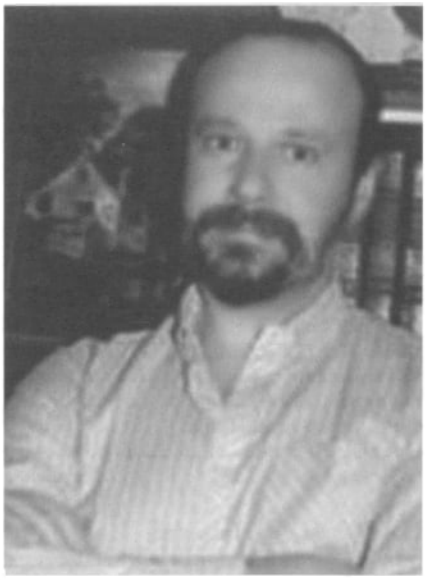
Личный фонд: ЦГАЛИ СПб. Ф. 615.

Соч.: Колодец. Л., 1976; Совпадения. М., 1980; Мой город. Л., 1981; Трамвайный перекресток. Л., 1987; Краски дня. Л., 1988; Над темной водою канала. СПб., 1994; Разлук и встреч печаль и радость... / Сост. Э. Крейнин. СПб., 1996; Опыт небесный и опыт земной / Сост. Н. Шумских. СПб., 2008 (2010); «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Друян Б. [Предисл.] // Нева. 1995. № 6; Наташа: [Воспоминания о Н. Карповой: Борисова М., Слепакова Н., Усова Г., Гампер Г., Цывьян Л., Джексон К., Кушнер А., Шадрина Ж., Минкина В., Угренинов Г., Шумских Н., Крестинский А., Вдовина Р., Халупович В., Колкер Ю., Любегин А., Тарасьев А.] // Карпова Н. Разлук и встреч печаль и радость... СПб., 1996; Колкер Ю. Простившая всех // Русская мысль. 2000. № 4307; Ахматов А. Преображение души // Карпова Н. Опыт небесный и опыт земной. СПб., 2008.

А. Любомудров

КАРПУ́ЩЕНКО Сергей Васильевич [30.12.1953, Л-д — 22.10.2004, СПб.] — прозаик, историк, журналист.



Родился в семье служащих Кировского з-да, мать работала в конструкторском бюро, отец — в ред. многотиражной газ. з-да. Закончив в 1971 среднюю школу, учился в худож. училище, затем два года служил в Сов. Армии. Учился на фак-те иностранных языков ЛГПИ им. А. Герцена, но учился недолго, затем работал на радиозаводе слесарем. Позже учился на историч. фак-те ЛГУ, работая одновременно в Музее истории Л-да. По окончании ун-та был принят на должность науч. сотрудника в архиве Музея артиллерии. Три года (1991–93) проработал ведущим науч. сотрудником в историко-архитектурной группе, занимавшейся строениями старого СПб., писал статьи для городских газ. по истории города. По результатам науч. исследований К. напис. и выпущена в свет кн. «Быт русской армии» (1994), признаваемая до сих пор ценным вкладом в историю предмета.

С 1993 К. полностью посвятил себя лит-ре. Перв. лит. публикацией был рассказ **«Солдат и солдатка»**, опубл. в ж. «Нева» (1985. № 11).

Поначалу интенсивная лит. работа была так или иначе связана с историч. штудиями: им написан и издан сжатый очерк **«Истории Российского государства»** (1994); успешно предприняты составление и лит. обработка сб. «Лит-ра Древнего Востока» (1994) и «Лит-ра Древней Греции и Рима» (2001), включавших в себя интерпретацию произведений

восточной и западной лит-ры прошлых веков.

Начиная с 1994 у К. один за другим начинают выходить романы (некот. из них он именовал повестями) приключенческого, детективного и фантастического планов. Успех снискали его повествования для юношества: **«Двор»**, **«Рыцарь с железным клювом»**, **«Операция "Святой Иероним"»** (1994); **«Стальной кит — повелитель мира»** (1996); **«Тайна монеты Каракаллы»** (2000); **«Заклятие скрипки дьявола»** (2004).

К. нашел свой подход к историч. мат-лу: не только как к непреложной данности, но как предмету переосмысления и варьирования вероятных направлений движения истории. С одн. ст., неоспорима максима: история не знает сослагательного наклонения. С др. ст., та же история знает, что она имеет обыкновение повторяться, причем исход очередного повторения непредсказуем. Именно на этих колеблющихся мостках К. сооружает свои построения возможного развития ист. событий.

Одной из наиболее популярных кн. серий К. стали «летописи Владигора» — около-историч. романы о созданном писателем герое — **«Маска Владигора»** (1999) и **«Месть Владигора»** (1999). По замыслу автора, его герои становятся участниками вечной и непрекращающейся схватки добра и зла: князь племени игов Грунлаф задумывает женить Владигора на своей дочери, желая заручиться мощным союзником в своих честолюбивых стремлениях господствовать над всем Поднебесным миром. Историч. сюжетная линия дополняется мистикой и фантастикой — Грунлафу помогает черный маг Крас, у кот. свои счеты и с гл. героем и его учителем Белуном.

В серии «Эшафот императоров» К. выпустил роман **«Возвращение Императора, или Двадцать три Ступени вверх»** (2000), кот. стал примером созидания альтернативной истории в совр. худож. прозе, образцом разработки иных возможностей развития историч. пути российской государственности. К. фантазийно разрабатывает версию о том, что царская семья вместе с императором Николаем II не была расстреляна, но спасена белогвардейцами, сопровождавшими арестованных. Сюжет романа связан с тем, что Николай стремится попасть в Петроград, где узнает о гибели родных — многочисленных членов августейшей фамилии.

Вне серий К. были написаны романы и повести **«Беглецы»**, **«Как затеяли мужики за море плыть»**, **«Коронованный странник»**, **«Лже-Петр — царь московитов»**, **«Рыцарь с железным клювом»**, **«Скрипка синьора Орланди»**, **«Стальной кит — повелитель мира»**.

Роман К. **«Русское чародейство»** демонстрирует еще один модифицированный вариант совр. стремления преодолеть время и пространство. Героя книги пространственно-временная аномалия забросила в XVI век, в эпоху Ивана Грозного, время лихое и страшное. Он пытается устроиться в необычном для него времени, став деревенским кузнецом, но отсидеться в деревне ему не удается. Ливонская война жестоко обошлась с Московией: на дорогах стали пошаливать разбойные люди. Героя К. спасает только «русское чародейство» — в прошлом называемое колдовством, в XX веке — неординарными способностями к экстрасенсорике.

Сам К. говорит о своем творч. инструментарии так: «Мое авторское кредо и принцип: драматическая ситуация, с острохарактерными персонажами, вне зависимости от того, к какому времени или эпохе относится произведение. В основном это — исторические авантюрные повести, близкие по жанру к детективам, но в них же героям дано право не просто решать задачу чисто криминального толка, но и являть своим поведением нравы эпохи, ее характеристические особенности. Бытовой антураж, лексика, манеры — все работает на мой стиль. Нравы былых эпох в сравнении с нравами современности — вот мой творческий метод».

В 2004 К. принял участие в конкурсе на лучший сценарий, организованный теле- и кинокомпанией НТВ, и стал победителем в номинации «Серебряный треугольник» (детективный сюжет) за трилогию **«Театр сильных ощущений»**, **«Фабрикант гениев»**, **«Иллюзион смерти»**.

Член СП России (1996). Много времени отдавал работе с молодыми авторами, возглавляя лит. секцию при СПбО СП, составлял и редактировал сб. «Молодой Л-д».

Не опубл. романы К. о сыщике Веревкине, роман об Ихтиандре и др.

Соч.: Рыцарь с железным клювом. Операция «Святой Иероним». СПб., 1994; История Российского государства. СПб., 1994; Всемирная галерея. Древний Восток. СПб., 1994; Соч.: В 3 т. М., 1996; Беглецы. СПб., 1996; Маска Владигора. СПб., 1999; Месть Владигора. М., 1999; Лже-Петр-царь московитов. СПб., 2000; Солдатские будни: Очерки по истории быта русской армии XVIII — нач. XX в. / Авт.-сост. С. Карпущенко. М., 1999; Заклятие скрипки дьявола. М., 2000; Лже-Петр — царь московитов. СПб., 2000; Тайна монеты Каракаллы. М., 2000; Возвращение императора, или Двадцать три ступени вверх. СПб., 2000; Убийство в доме свиданий. СПб., 2001; Театр сильных ощущений. СПб., 2001; Русский булат. М.; СПб., 2003; Заклятие скрипки дьявола. М., 2004; Власть чародея. М.; СПб., 2004; Клятва наемника. М.; СПб., 2004; Дорога чести. М.; СПб., 2004; Русское чародейство. М., 2009.

Лит.: Данилкин И. Обзор лит-ры: Три истории // Ведомости. 2001. № 45 (368), 15 март.; Владимирский В. История неистощима... / Инт. с С. Карпущенко // Питербook. Книж. Петербург. 2002. № 6–7 (77); Алексеев П. Петерб. тайны Егора Веревкина. О книге С. Карпущенко «Рыцарь супружеской чести». СПб., 2002; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Новиков

КА́РСКИЙ Евфимий Федорович [20.12.1860(1.1.1861), с. Лаша Гродненского у. Гродненской губ. — 29.4.1931, Л-д, похоронен на Смоленском кладб.] — языковед, литературовед, историк культуры, фольклорист, палеограф, этнолог, библиограф, редактор-издатель.

Отец К., Новицкий Федор Николаевич (1841–1918), из мещан г. Гродно, получил образование в Духовном училище и в монастыре. На момент рождения сына Евфимия служил причетником (дьячком) Лашанского Свято-Николаевского храма и одновременно учительствовал в местной приходской школе; позднее церковно- и священнослужитель в сельских белорусских приходах. Мать, Магдалина Онуфриевна (1842–1902), из духовного сословия. Помимо первенца Евфимия родила еще семерых детей. До 1881 Евфимий носил отцовскую фамилию, при поступлении

в Нежинский историко-филологич. ин-т князя Безбородко обратился к ректору с прошением вернуть фамилию материнскую, объяснив это следующим образом: «...В метрическом, а равно и призывном свидетельстве я записан под фамилией "Карский" — фамилией моей матери, так как я родился до брака моего отца с моей матерью».

Грамоту начал постигать в церковно-приходской школе, где первым учителем его был образованный и выступавший с заметками в местной печати священник Василий Янушевский. Продолжил образование, с 1871 по 1877, в Минском уездном духовном училище — сначала на частичном, затем половинном казенном обеспечении; в старшем классе училища, с разрешения начальства, уже сам частично зарабатывал на учебу, давая приватно уроки. С отличием окончив МДУ, поступил в Минскую Духовную семинарию, в кот. учился в 1877–81. Пройдя общеобразовательный курс МДС, К. решил получить высшее образование в Нежинском историко-филол. ин-те, открытом в 1875 для того чтобы «приготовлять учителей древних языков, русского языка и словесности и истории для средних учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения». Определяющим явилось то обстоятельство, что учиться в ун-те он не мог по материальным причинам, а студенты, принятые в ин-т как «штатные», находились на полном обеспечении, за это обязываясь прослужить не менее шести лет в системе просвещения. Особую роль в становлении К. как филолога-слависта сыграл проф. Р. Ф. Брандт, благодаря кот. студент К. начал серьезно заниматься наукой (под его рук. подготовил курсовые работы **«Объясненіе 3-ей главы Евангелія от Іоанна по Остромировскому списку»** и **«Особенности правописания и языка Супрасльской рукописи»**) и утверждался на науч. поприще позднее. Будучи студентом, К. приобщился к собиранию и науч. осмыслению белорусского фольклора, и в «Русском филологич. вестнике» (1884. XII. № 3 и 1885. XIII. № 2) опубл. «Белорусские песни с. Берёзовца, Новогрудского уезда, Минской губ.».

После успешного окончания ин-та, в 1885, К. был распределен во 2-ю мужскую гимназию г. Вильно, где и служил до кон. 1892 преподавателем русского яз. и словесности и церковнославянского яз. За это вр. он выдержал магистерский экзамен при ист.-филологич. фак-те Императорского Варшавского ун-та на степень магистра русской словесности и с февр. 1893 был «назначен лектором русского языка при Императорском Варшавском Университете». Полгода спустя, 24 окт. 1893, защитив магистерскую дис., он «удостоен историко-филологическим факультетом Императорского Университета Св. Владимира степени магистра русского языка и словесности и утвержден в этой степени Советом того же Университета... 1893 октября 29». Осенью 1894 последовало утверждение К. в звании экстраординарного проф. Варшавского ун-та по кафедре русского и церковнославянского яз. и истории русской лит-ры. Через три года, 9 нояб. 1896, в Императорском Моск. ун-те магистр К. защитил дис. **«Западно-русские переводы Псалтыри в XV–XVII вв.»** на соискание степени доктора русской словесности.

В 1901 избран членом-корр. Отд. русского яз. и словесности Императорской АН, а в 1916 — действ. членом. Но во вр. Первой мировой войны К. пришлось вместе с Варшавским ун-том эвакуироваться в Ростов-на-Дону. После избрания академиком РИАН он получил возможность перебраться в Пг., но вскоре набрала силу стихия революций. Большевистские идеологи относились к академику как к «попутчику», и для радикальных националистов он тоже оставался чужим. И все же с сер. 1920-го К. начал заниматься делами по организации российской науки в новых условиях, исполняя функции члена Правления и Президиума РАН, ред. «Известия Отделения русского яз. и словесности РАН» (с 1920), директор Музея антропологии и этнографии (с 1921), редактор и издатель «Полного собрания русских летописей» (Т. 1. Вып. 1–3. Л., 1926–28); сотрудник Научно-исследовательского ин-та сравнительной истории лит-р и языков Запада и Востока, проф. Петроградского/Лен. ун-та.

Постепенно восстанавливался статус К. как ученого и в России, и на междунар. уровне: в 1922его избирают действ. членом Инбелкульта; в 1924 — делегатом Первого Междунар. съезда славянских географов и этнографов в Праге; в 1925 — почетным членом Об-ва любителей российской словесности; в 1927 — почетным членом Об-ва любителей письменности и искусства; в 1929 — почетным членом Чешского Королевского научного об-ва. Однако и в белорусской, и в центр. прессе втор. пол. 1920-х он стал подвергаться травле как «осколок царского режима», проводник политики «насильственного обрусения», «шовинист», «черносотенец».

Только десятилетия спустя наследие акад. К., филолога с необычайно широким диапазоном компетентности — древние и совр. языки, устное народное творчество, духовная культура и лит-ра славян (более 1050 работ, выполненных единолично, и около 20 публ. в соавт.) оказалось в центре внимания гуманитарного сообщества. "В трудах Е. Ф. Карского лингвист найдет образцовое описание древнеславянского, древнерусского и современных славянских языков; палеограф — систематическое исследование древнейшей истории славянской письменности и ее трасформации в позднейшую эпоху; литературовед — яркую картину развития устного народного творчества и художественной литературы белорусов с древности до первой четверти XX в. Включительно; фольклорист — образцовые записи народных произведений на белорусском языке и раз-

вернутую лингвистическую характеристику этих произведений, а также фольклорных сборников других собирателей устного творчества; этнограф — ценные сведения о быте, обычаях, традиционных празднествах и поверьях белорусов; историк — точные факты о процессах формирования белорусской народности и нации; юрист — ценные разъяснения в области правовых отношений в древней Руси, в период Литовского княжества, Польского королевства; текстолог — безукоризненные по точности реконструкции ряда ряда старославянских, древнерусских и старобелорусских текстов; библиограф — образцы лаконичных и в то же время весьма содержательных критических обзоров филологической литературы; педагог — научную основательность содержания и методически правильное построение учебных пособий по русскому, старославянскому и белорусскому языкам; издательский работник — яркие образцы редакторского мастерства при обработке филологических материалов; лектор — глубоко научные по содержанию и выразительные по форме публичные речи, выступления" (М. Булахов).

Непреходящую ценность представляют сочинения К., в кот. на основе гармоничного сочетания филологии с теологией исследуются сокровища церковной книжности и духовной лит-ры славян — в частности, Архангельское, Галицкое, Добромирово, Мирославово, Молканово, Мстиславово, Остромирово, Реймское, Юрьевское Евангелия, западнорусские Псалтыри, а также Минеи 1096 и 1097 гг., Апрельская Минея XII в., Триодь постная 1434 г., Триодь цветная XVII в. и др. весьма значимые произведения. К. провел основательную поисковую работу и осуществил обстоятельный палеографич. анализ мн. уникальных текстов, находившихся в Патриаршей ризнице, в Синодальной и Типографской библиотеках, в архивах и книгохранилищах Варшавы, Вильна, Киева, М., СПб., Троице-Сергиевой лавры, Слуцка, а также зарубежья. Велики его заслуги в издании памятников древней письменности — «Листков Ундольского, отрывка кирилловского Евангелия XI в.», «Лаврентьевской летописи», «Русской правды», «Охридского Апостола XII в.», «Летописи Авраамки», «Жития Симеона Сербского» и др., а также трех выпусков «Полного собрания русских летописей». Закономерными этапными результатами науч. деятельности в этой обл. явились докт. дис. **«Западнорусские переводы Псалтыри в XV–XVII вв.»** (1896), пособие **«Из лекций по славянской кирилловской палеографии»** (1897), монография **«Очерк славянской кирилловской палеографии»** (изд. 1–5, 1899–1915) и обобщающая капитальная работа **«Славянская кирилловская палеография»** (1928).

Осн. труд жизни акад. К. — «Белорусы» (вып. 1–7. 1903–22) — по праву называется энциклопедией белорусоведения, т. к. в нем на основе историко-сравнительного анализа разнопланово и скрупулезно исследованы особенности яз., устной словесности и письменности, лит-ры и духовной культуры белорусского народа.

Часть неопубл. архива К. находится в СПб. филиале Архива РАН. Личная биб-ка хранится как отд. коллекция в Национальной биб-ке Беларуси.

На родине слависта, в д. Лаша при местной школе в дек. 1964 открыт мемориальный музей. Его имя носят Гродненская обл. науч. биб-ка, Лашанская школа и Гродненская гимназия № 1, улица в Гродно. С 1990 для студентов-филологов Беларуси учреждена именная стипендия.

Соч.: Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1886; О т. н. барбаризмах в русском яз. Вильна, 1886; Грамматика древнего церковно-славянского языка, сравнительно с русским / Составил К. Вильна, 1888; Стихотворения и прозаические статьи для заучивания наизусть, согласно примерному списку, помещенному при объяснительной записке к учебному плану русского языка и словесности 20 июля 1890 г. Вып. 1. Вильна, 1892 (Изд. 4-е. Вильна, 1912); К истории звуков и форм русской речи. Варшава, 1893; О языке т. н. литовских летописей. Варшава, 1894; Особенности письма и языка Мстиславова Евангелия. Варшава, 1895; Западнорусские переводы Псалтыри в XV–XVII вв. Варшава, 1896; Западно-русский сборник XV в., принадлежащий Императорской Публичной биб-ке: Палеографические особенности, состав и язык рукописи. Варшава, 1897; Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII в. Варшава, 1901 (изд. 2. Варшава, 1902; изд. 3. Варшава, 1912); Белорусы. Т. I. Варшава, 1903; Белорусы. Т. II. Варшава, 1908; Белорусы. Т. III. Кн. 1. М., 1916; Белорусы. Т. III. Кн. 2. Пг., 1921; Белорусы. Т. III. Кн. 3. Пг., 1922; Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе? Минск, 1921; Geschichte der weissrussischen Volksdichtung und Literatur: Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Berlin, Leipzig, 1926; «Русская правда» по древнейшему списку. Л., 1930.

Лит.: Вольский В. Акад. Е. Ф. Карский как историк белорусской лит-ры // Изв. АН БССР. 1951 № 4; Борковский В. Список печатных работ акад. Е. Ф. Карского // Карский Е. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962; Булахов М. Евфимий Федорович Карский. Жизнь, науч. и обществ. деятельность. Минск, 1981; Белая А. Евфимий Федорович Карский (Архивные мат-лы г. Нежин). Нежин, 2000; Карский А. А. Академик Карский // Неман. Минск, 2010. № 9; Карский Евфимий Фёдорович (к 150-летию со дня рождения): Библиогр. обзор / Авт.-сост. А. А. Карский. Гродно, 2010; Лабынцев Ю., Щавинская Л. Из плеяды нежинских знаменитостей (125 лет назад Нежинский ин-т окончил всемирно изв. славист Е. Ф. Карский). М., 2010.

И. Чарота

КАСА́ТКИН Иван Михайлович (псевд. Кологривский, Ив. К-ин, Унжак, Жан Унжа) [24.3(5.4).1880, д. Барановицы Кологривского у. Костромской губ.— 13.5.1938, в заключении (М.?)] — прозаик, поэт, публицист, журналист.

Родился в бедной, безземельной крестьянской семье. До 9-летнего возраста К. жил в деревне. Детство было тяжелым. Покинув деревню (отец «махнул на крестьянство рукой») и живя в городах Кологрив, Кострома, Нижний Новгород, семья К. продолжала бедствовать. Нужда заставила К. начать трудовую деятельность в 9 лет; подавал на стол горячие пышки, подрабатывал в церкви, продавал воздушные шары, торговал книжками по копейке, чистил котлы, был учеником «золотых и серебряных дел мастера», медником, половым в трактире, статистом в театре, работал в посудной лавке и др. Школьного образования К., на плечах кот. лежала забота о семье, не получил, грамотой овладел самостоятельно к 14 годам. В юности К. читал запоем. В 1897 К. устроился слесарем на Сормовский з-д, некот. время посещал вечерние технические курсы.

В 1899 К. приехал в СПб., работал слесарем на Путиловском з-де, помощником машиниста на электростанции. В это вр. сблизился с революционерами, посещал подпольные кружки, хранил нелегальную лит-ру. В 1901 оказался среди демонстрантов у Казанского собора. Приблизительно тогда же руководил забастовкой на электростанции. В 1902 К. вступил в РСДРП, спустя год примкнул к большевикам. Неоднократно писал тексты прокламаций, кот. называл своей «первой прозой». В обязанности К. входило налаживание связей с питерскими з-дами.

Находясь и в Н. Новгороде, и СПб., К. очень много читал. В нем пробудилась тяга к лит. тв-ву. С 1900 начал сочинять стихи на гражданские темы (некоторые из них были опубл. в ж. «Родина»). В 1902 познакомился с К. К. Случевским, у кот. учился технике стихосложения. Но своим ранним стихотв. опытам К. не придавал серьезного значения. Бросил писать стихи — как «нестоящее дело» — уже в нач. 1900-х.

Из-за угрозы ареста за рев. деятельность К. вынужден был покинуть СПб. и жил некот. время в Твери, Воронеже, в 1904 переехал в Н. Новгород; в доме, где находилась квартира Г. Ф. Ягоды, он организовал типографию. После выпуска неск. прокламаций К. был арестован и отбывал тюремное заключение с дек. 1904 до марта 1905. С 1907 на страницах газ. «Нижегородский листок» и «Судоходец» появляются (нередко под псевд.) рассказы, очерки, фельетоны и стихи К. Некот. время редактировал торговую газ. «Нижегородская биржа». Был одним из создателей легальной газ. «Поволжская быль». Пережил неск. арестов, высылку «в тихие места, на лесной Керженец» (где удалось напис. немало рассказов), служил в 1912–14 «лесным кондуктором» в Лыковском лесничестве.

В нач. 1914 К. снова переехал в СПб. Летом 1914 К. поселился в М. На квартире Е. П. Пешковой зимой 1914 состоялось его знакомство с М. Горьким. В М. не раз встречался с И. Буниным, Е. Чириковым, И. Шмелевым. При содействии Горького К. устроился на работу в газ. «Русское слово» (секретарем, затем сотрудником отд. провинциальной жизни). Однако из М. уехал в Нижегородскую губ., в Чернорецкое лесничество (нужны были досуг и тишина, чтобы продолжить писательскую деятельность).

В 1916 — в разгар Первой мировой войны — К. снова оказался в М.: его вызвала Е. Пешкова и предложила ему (с одобрения Горького) отправиться «на Западный фронт подбирать беженских детей и сирот» («**Автобиография**»). При участии К., возглавлявшего отряд по собиранию детей беженцев и сирот, было организовано 18 приютов и 43 столовые.

Октябрьскую революцию встретил на фронте и приветствовал ее. Живя в М., весной 1918 был инспектором Госконтроля, зав. изд-ва ВЦИК, работал в архивах ВЧК. Вместе с В. Воровским в 1919 организовал «Госиздат» и состоял членом его первой редколл. В 1920 был заместителем особоуполномоченного ВЦИК на фронте (Сев. Кавказ, Азербайджан, Дагестан), уполномоченным Реввоенсовета трудармии. В 1920–30-е вел большую работу во Всероссийском объединении крестьянских писателей, был зав. лит.-худож. отделом Госиздата, председателем Всероссийского СП, председателем редакционно-худож. коллегии ЛИТО, председателем лит. секции ГУСа, редактировал ж. «Колхозник», «Красная нива», «Земля Советская», участвовал в организации (при газ. «Известия») ж. «Новый мир» и др. Занимаясь консолидацией лит. сил, К. много ездил по стране, помогал молодым писателям (с его участием вышел в свет роман Б. Пильняка «Голый год» и др.). К. с особой любовью относился к С. Есенину, входил в узкий круг его верных друзей, защищал его от различных обвинений и испытал настоящее потрясение, когда узнал о смерти поэта. Сыновние чувства питал К. к С. Подъячеву, заботился о его здоровье, хлопотал об издании его соч., не раз писал о тв-ве этого патриарха «крестьянской» лит-ры.

Из написанных в 1904–05 в одиночной камере Нижегородской тюрьмы рассказов первым в 1907 в газ. «Судоходец» появился рассказ «**Путина**» («**На барках**»), затем — «**Жить!**» («**Волчья песня**»), «**Скотина**» («**Мужик**»), «**Нянька**», «**Филька**» («**Тюли-люли**», «**Силантьево детство**»), «**На Унже**» («**Унжаки**») и др. Очень многим в своей личной и творч. судьбе К. был обязан Горькому. С одобрения и при содействии Горького рассказы К. публ. в сб. «Знание» и в ж. «Заветы», «Просвещение», «Новый ж. для всех» и др. Горький и К. вели диалог о судьбе русской деревни, о соц. сути сельского труженика, о крестьянстве и революции. Горькому импонировала самостоятельная обществ. и лит. позиция К. Так, К. была чужда горьковская трактовка «власти земли» как своего рода «власти тьмы». Переписка с Горьким продолжалась с 1908 по 1934.

Самыми плодотворными для К. оказались 1909–13. В этот период написаны рассказы, составляющие «костяк» лит. наследия К.: «**Маленькие люди**» (1909), «**Гуманность**» (1910), «**Лесосека**» (1913), «**Как это было**» («**Так было**») (1910), «**Крещенский торг**» («**Торг**») (1911); «**Молитва**» («**Утром**») (1913), «**Дорога**» («**Путь-дорога**») (1912), «**Из жизни скитальца**» («**Из жизни странника**») (1913), «**Старухи**» (1913) и мн. др.

К числу самых значительных произведений К. относится повесть «**Село Микульское**» (1911) — о том, чем живет русская деревня после революции 1905, о настоящем и будущем крестьянства.

В 1916 в М. издал первый сб. рассказов «**Лесная быль**», высоко оцененный в печ. К. предстает знатоком

народного языка, быта и нравов, наблюдательным художником, тонким лириком и мастером пейзажа. Сб. «Лесная быль» выдержал 4 изд. В окт. 1919 К. подарил этот сб. В. Ленину с дарственной надписью: «Мощно сдвинувшему тяжелую лесную быль — в сказку Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину). С душевным чувством товарищеского привета Ив. Касаткин».

В сов. время опубл. сравнительно небольшое кол-во новых произведений: **«Галчата» («На бревнах»)** и **«Вражья сила»** (1919), **«Летучий Осип»** (1921), **«Райпросвет и Гришка»** (1924), **«Чудо»** (1927), **«Записи Хоркина» («Тиф»)** (1928), **«Старинушка» («Курочка»)** (1918), **«Площадь»** (1930), **«Задушевный разговор»** и **«Детвора»** (1937) и др. Некоторые из этих рассказов были созданы до 1917. В центральных газ. и ж. печ. также очерки и статьи.

В 1932 было отмечено 25-летие лит. деятельности К. Однако эта юбилейная дата не принесла особой радости самому К; затянувшееся творч. молчание доставляло К. немало страданий. Основная же часть послерев. публикаций (их около 40) — публицистика.

В 1936 К. писал: «То, что мною сделано доныне, я считаю лишь пробой пера» (**«Автобиографические заметки»**). Из-за обилия лит.-организаторской работы К. чувствовал себя в послерев. десятилетия не столько писателем, сколько редактором-читателем и лит. чиновником.

Замыслы К. 1920–30-х остались неосуществленными. Писателю хотелось выйти за пределы «малого» жанра. В беседе с Вс. Ивановым К. признался, что мечтает создать «роман о высокой любви»: «И хочется, чтобы роман происходил среди мужиков, в деревне, сейчас. Порой мне кажется, что я жил... ради этой великой темы, кот. хочу сейчас разрабатывать». В 1936 предполагал написать «большую автобиографическую повесть, охватывающую и старые и новые времена, настойчиво завещанную М. Горьким в его последнем письме» к писателю (Автобиографические заметки).

Будучи редактором ж. «Земля Советская», К., несмотря на перегибы коллективизации, оставался горячим сторонником колхозного строительства, до конца своих дней К. был предан идеалам социалистич. революции. В 1930-е К. ощущал себя трагической фигурой. Он стал жертвой незаконных репрессий. 31 янв. 1938 был арестован и через неск. месяцев расстрелян. Зоя Александровна Исакова-Касаткина как жена «врага народа» вскоре также была арестована: ее выслали в Казахстан на 8 лет. Во втор. пол. 1950-х К. был реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР.

Произведения К. не переизд. в теч. 20 лет — до 1957.

Соч.: СС: В 3 т. / Лит.-критический очерк И. Кубикова. М.; Л., 1928–29; Избр. рассказы. М., 1937; Избр. рассказы / Сост., подгот. текста и прим. Н. Занковского; предисл. В. Иванова. М., 1957; Деревенские рассказы / Вст. ст. В. Лидина. М., 1967; Перед рассветом: Избр. рассказы / Сост., вст. ст. и прим. Н. Страхова. М., 1977; Лесная быль: Избр. рассказы / Вст. ст. В. Иванова. Ярославль, 1981; Автобиогр. заметки: К истории личных и творч. взаимоотношений с М. Горьким / Публ. В. Протченко // Ежегодник РО ПД на 1980 г. Л., 1984; Мужик: Рассказы; [Автобиография] / Сост., автор послесл. и прим. Н. Солнцева. М., 1991.

Лит.: Федосеев Г. Иван Касаткин: К 25-летию лит. деятельности // Земля Советская. 1932. № 9; Иван Михайлович Касаткин // Русские сов. писатели. Прозаики. Л., 1964. Т. 2; Харчев В. Жизнь, жизнь, люблю тебя!: К 90-летию со дня рождения И. Касаткина // Волга. 1970. № 10; Милокостенко Л. Тема деревни в прозе Ивана Касаткина (1907–12 гг.) // Традиции и новаторство русской лит-ры XX в. М., 1973; Скобелев В. Тв-во Ив. Касаткина // Революция. Жизнь. Писатель: Сб. Воронеж, 1978; Макина М. Из истории писательских взаимоотношений 1920–30-х гг.: По архивным мат-лам И. М. Касаткина // Русская лит-ра. 1979. № 4; Базанков М. На родине Ивана Касаткина (К творч. биографии писателя) // Волга. 1979. № 12; Козлов Б. К истории публикации рассказа И. М. Касаткина «Смертельная» // Русская лит-ра. 1980. № 2; Горький и русская журналистика нач. XX в. Неизданная переписка // ЛН. Т. 95. М., 1988; Солнцева Н. Китежский павлин: Филол. проза. М., 1992.

П. Бекедин

КАСА́ТКИН-РОСТО́ВСКИЙ Фёдор Николаевич [1.11.1875, Чернянка Новооскольского у. Курской губ. — 22.7.1940, Сен-При под Парижем; был похоронен на местном кладб., позднее перезахоронен на Сент-Женевьев-де-Буа] — поэт, драматург, публицист.

Из древнего княжеского рода Касаткиных-Ростовских. Сын члена Гос. совета князя Николая Фёдоровича Касаткина-Ростовского и Надежды Карловны Монтрезор.

Окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус в СПб. (1895), был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Семёновский полк. В 1909 — капитан, в 1916 — полковник. В 1908 составил **«Памятку семёновца»**, краткую, патриотически настроенную историю полка. В 1912 песня князя К.-Р. **«1812-й год»** победила на конкурсе патриотич. песен в память Отеч. войны 1812-го.

В 1900 под псевд. *Ф.К.Р.* опубл. перв. сб. стихотворений с посвящением вел. кн. Константину Константиновичу. В 1900–19 выпустил пять поэтич. сб. (**«Стихотворения»**, 1900 (с посвящ. вел. кн. Константину Константиновичу); **«Стихотворения. 1900–06»**, 1907; **«Песни разлуки: Стих. 1906–09»**, 1909; **«Огни в пути: Стих. 1910–11»**, 1911; **«Голгофа России. Стихи»**, 1919). В кн. «Стихотворения. 1900–06» и «Песни разлуки» помимо оригинальных стихов и поэм вошли переводы. Писал пьесы в стихах: **«Пия ди Толомеи»**, **«Шахразада»**, **«Qui pro quo»** (все 1909) и др. В 1913 впервые переложил на русский язык вальс Арчибальда Джойса «Осенний сон», стих. было посвящено баронессе Ольге Таубе. Все дорев. сб. К.-Р. вышли в спб. типографиях Суворина, Шмидта, тов-ва М. Вольф.

В Первую мировую войну ушёл на фронт добровольцем, служил штабофицером в Семёновском полку. Был ранен, четырежды контужен. В 1917 вышел в отставку. Сотрудничал в газ. «Новое время», во вр. Первой мировой войны был её воен. корреспондентом. Гл. тема воен. стихов — стремление победить («Пока мы вражий пыл победой не умерим, / Мы не положим ратного меча» — **«С войны»**), прославление русского солдата, зарисовки солдатской жизни (**«В бою»**, **«Разоренный фольварк»**, **«Война»** и др.), проклятие войне.

Вступил в Добровольческую армию после того, как большевики убили мать, брата Николая и сестру Софью в их имении в слободе Чернянке. Участвовал в Гражданской войне в составе Вооруженных силах Юга России, служил в Сводно-гвардейском полку, написал гимн Добровольческой армии **«Трехцветный флаг»** на муз. М. Якобсона. Участвовал в выставке в память генерала Корнилова, где читал свои патриотич. стихи.

В 1919 возглавлял подпольную офицерскую организацию в занятом большевиками Киеве. В кон. 1919 — нач. 1920 эвакуирован в Варну.

В 1922 в газ. «Руль» опубл. статью **«Главковерх Тухачевский»** о своем бывшем однополчанине, ставшем крупным сов. военачальником. Впоследствии ст. перепеч. в «Семёновском бюллетене» (1935) и ж. «Часовой» (1936).

Эмигрировал в Югославию. В 1923 переехал во Францию, поселился в Медоне, служил в страховом об-ве.

Состоял членом полкового объединения. В 1926 был делегатом Российского Зарубежного съезда в Париже. Принимал актив. участие в обществ. жизни русской эмиграции: выступал на вечерах, благотворительных концертах. В 1928 вместе с женой основал Русский интимный театр, в кот. ставились и пьесы собств. сочинения. Продолжал лит. тв-во, переводил на французский сказки А. Пушкина. До конца своих дней писал стихи.

В 1948 Зарубежный Союз Инвалидов выпустил сб. «Крестным путём к воскресению», в кот. вошли некот. произведения К.-Р., а также воспоминания его друзей и знакомых.

Вторым браком был женат на Дине Никитичне Кировой, артистке Александринского театра.

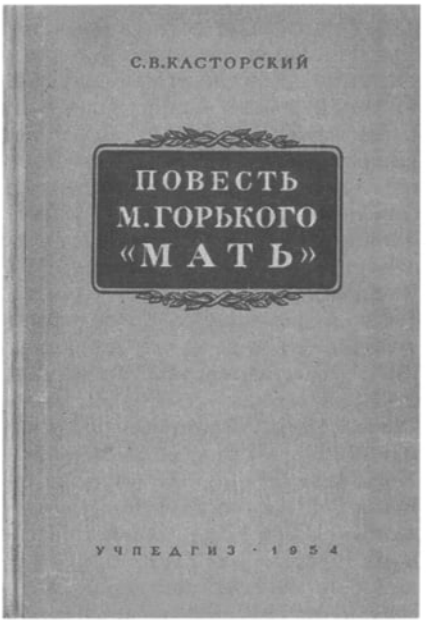
Награжден медалью «В память коронации Императора Николая II».

Соч.: Стихотворения. СПб., 1900; Стихотворения. 1900–06. СПб., 1907; Памятка семеновца. СПб., 1908; Цена счастья: Драм. эпизод в 1 д. СПб., 1908; Веселые проказницы, или Торжествующая добродетель: Шутка в стиле Louis 15. СПб., 1909; Пия ди Толомеи: Драма в 5 д. с прологом в стихах. СПб., 1909; Под Новый год: Этюд в 1 д. СПб., 1909; Разбойничий портшез: Шутка в 1 д. СПб., 1909; Шахразада: Фантазия в 1 д. [в стихах]. СПб., 1909; «Qui pro quo»: Шутка в 1 д. [в стихах]. СПб., 1909; Песни разлуки: Стих. 1906–09. СПб., 1909; Огни в пути: Стих. 1910–11. СПб., 1911;Легенды и рассказы. СПб, 1911; С войны: Листки походной тетради. Тетрадь 1–3. Пг, 1915–17; Голгофа России. Стихи. Ростов-на-Дону, 1919; Главковерх Тухачевский // Руль. 1922. 8 нояб.; В бистро // Новое время. Белград, 1925. 26 янв.; Воспоминания о Тухачевском // Семёновский бюллетень. Париж, 1935. № 15; То же // Часовой. 1936. № 162; Крестным путем к воскресению / Под ред. С. Позднышева. Париж, 1948.

Лит.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–97: В 6 т. Т. 3. М., 1999; Волков С. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога М., 2002; Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. М., 2008.

КАСТО́РСКИЙ Сергей Васильевич [19.9(1.10).1898, с. Сигонтино Костромской губ. — 26.6.1962, Л-д] — литературовед.

Жизненный путь К. в некот. смысле напоминает горьковский, поэтому, видимо, не случайно рано определился науч. интерес исследователя — тво Максима Горького. С четырнадцати лет К. начал жить и учиться самостоятельно, пробовал себя в различных профессиях. Трудился в средней школе, в 1923 поступил на фак-т языка и лит-ры Лен. пед. ин-та им. А. Герцена (окончил в 1927). По окончании аспирантуры (1929) был оставлен в ин-те для преподавания. В 1937 защитил канд. дис. **«История текста повести М. Горького "Мать"»** (с 1939 утвержден в звании проф.). В годы Великой Отеч. войны работал на кафедре лит-ры в Моск. обл. пед. ин-те. В 1948 защитил докт. дис. **«Из истории тв-ва М. Горького 1907–11 гг.»**. С 1946 по 1960 работал в ИРЛИ, в Комиссии по изучению тв-ва Горького. Тесно сотрудничал с Н. Пиксановым,



К. Муратовой, В. Гиппиусом и В. Десницким, о кот. оставил очерк его научно-пед. деятельности (1959).

Осн. работы К. собраны в кн.: **«„Мать" М. Горького. Творческая история повести»** (1940), **«Статьи о Горьком»** (1953), **«Повесть М. Горького „Мать", ее общественно-политическое и лит. значение»** (1954), **«Повести М. Горького „Городок Окуров", „Жизнь Матвея Кожемякина"»** (1960). Эти труды К. насыщены фактами, весьма содержательны, наполнены широкими обобщениями, однако на них лежит «печать времени»: согласно эпохе они перегружены идеологизированной риторикой и декларативностью, идущими в ущерб аналитичности.

К. — участник колл. трудов ИРЛИ: серийных изд. «М. Горький. Мат-лы и иссл.», «Вопросы сов. лит-ры», «Истории русской лит-ры», «Истории русского сов. романа», «Революция 1905 года и русская лит-ра». Статьи публ. в ж. «Рус. лит-ра», «Звезда», «Нева». К. подготовлена кн. в серии «Биб-ка поэта» — **«М. Горький и поэты „Знания"»** (1958).

Статья **«М. Горький и И. Бунин»** (1936), а затем многочисл. работы о повести «Мать» выдвигают К. к нач. 1950-х в ряды видных горьковедов. По словам В. Ковалева, «С. В. Касторский был одним из зачинателей советского горьковедения. Он открыл читателям в полном объеме револю-

ционную деятельность Горького, показал его роль в разработке метода социалистического реализма в русской и мировой литературе, идейное и эстетическое богатство его художественных произведений. Работа С. В. Касторского о повести "Мать" — это лучшее в исследовательской литературе об этой повести». В трудах исследователя произведение Горького предстает не только в социально-идеологич. контексте, но впервые анализируется образный строй повести, ее художественные, композиционные особенности, язык и стиль. Ученый подробно комментирует бытовые реалии текста, дает психологич. характеристики поступкам героев,— все это делает статьи К. содержательными и полезными, позволяет говорить, что мн. его труды представляют интерес и в наше время. Между тем К. основывается на типичных для его историч. периода положениях. Так, в описании работ Горького над языком повести (романа) «Мать» ученый пишет: «В романе три основных группы героев: рабочие, крестьяне, интеллигенция. В каждой по несколько человек, иногда более десятка (группа рабочих), и у каждого из героев язык, отличающийся известным своеобразием». Т.о. К. придерживается того положения, что множество индивидуальных «языков» можно типизировать в конкретные соц. группы, степень различия кот. он и определяет. Такого рода схематизированные и социологизированные упрощения характерны для части работ К.

Исследователь отмечал, что «отличительная черта Горького-художника на всем протяжении его творческого пути — необычайно действительный отклик на общественно-политическую жизнь, находивший свое воплощение в энергичном вторжении в нее средствами художественного слова, вторжении с осознанной целью изменять, переделывать эту жизнь в интересах трудящихся масс».

Посл. книги К. **«Горький–художник»** и **«Драматургия М. Горького»** (обе — 1963) опубл. посмертно, они в опр. степени ослабили идеологоритор. пафосность и были сосредоточены на анализе конкретных горьковских произведений. Это придало книгам науч. вес, а сосредоточенность на произведениях «второго ряда» (в т. ч. было впервые подробно проанализировано эпистолярное наследие писателя) позволила выявить новые и неизвестные черты творч. манеры Горького.

Несомненной заслугой К. стала его работа о забытом русском писателе и драматурге А. Потехине (1959). Во вступл. к этому труду ученый отмечал: «В русской литературе XIX века наряду с великими писателями-классиками было немало так называемых второстепенных литераторов. Только некоторые из них изучаются отчасти, большинство же совсем забыто, и многие забыты незаслуженно, ибо они внесли свой, пусть скромный, вклад в развитие отечественной словесности. Понять же историко-литературный процесс во всей его сложности и полноте можно только тогда, когда будет привлечено и творчество многих из этих второразрядных литераторов». Благородным пафосом напоминания о писателях «второго ряда» наполнены ст. К., посвящ. Е. Чирикову и Н. Каронину-Петропавловскому.

«Всегда насыщенные богатым фактическим материалом, в том числе и архивным, работы С. В. Касторского глубоко освещают литературно-общественную борьбу начала XX в., содействуя тем самым более углубленному пониманию становления нового художественного метода» (К. Муратова). По свидетельствам знавших ученого коллег, К. был обстоятельным, внимательным и доброжелательным преподавателем, любил работать с аспирантами и подготовил большое число отеч. горьковедов.

Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.».

Соч.: Из наблюдений над стихотв. техникой Фета // Известия ЛГПИ им. А. Герцена. Л., 1928. Вып. 1; М. Горький и И. Бунин // М. Горький. Мат-лы и иссл. Т. 2. М.; Л., 1936; «Герой нашего времени» // М. Ю. Лермонтов. М., 1941; М. Горький и писатели-реалисты кон. XIX — нач. XX вв. // Звезда. 1948. № 6; Повесть «Лето» // М. Горький. Мат-лы и иссл. Т. 4. М.; Л., 1951; Стихотворения М. Горького // Горький М. Стихотворения. Л., 1951; Тв-во Горького 90-х гг. // История русской лит-ры: В 10 т. М.; Л., 1954. Т. 10 (совм. с С. Балухатым); Горьковские традиции в сов. очерке // М. Горький и вопросы сов. лит-ры. Л., 1956; Писатель-драматург А. А. Потехин // Из истории русских лит. отношений XVIII–XX вв. М.; Л., 1959; Герцен и Горький // Нева. 1962. № 4; Повесть М. Горького «Дело Артамоновых» // Вопросы сов. лит-ры. Т. 9. М.; Л., 1961; Горький и Бунин. Из истории идейно-творч. взаимоотношений // Звезда. 1956. № 3; Очерк М. Горького «Лев Толстой» // Нева. 1961. № 6; Л. Толстой и М. Горький // Русская лит-ра. 1961. № 2; Горький–художник. М.; Л., 1963; Драматургия М. Горького. Наблюдения над идейно-худож. спецификой. М.; Л., 1963.

Лит.: Бельчиков Н. Творч. история повести «Мать» // Лит. учеба. 1941. № 3; Пиксанов Н., Хорошая книга о Горьком // Звезда. 1955. № 1; Каминский В., Хватов А. Книга о Горьком // Нева. 1961. № 1; Панков В. Библиотека горьковеда // Знамя. 1961. № 3; Ковалев В. Сергей Васильевич Касторский [Некролог] // Русская лит-ра. 1962. № 3; Муратова К. Сергей Васильевич Касторский [Некролог] // Известия АН СССР. ОЛЯ. М., 1962. Т. XXI. Вып. 5; Назаренко Я. «Драматургия М. Горького», «Горький-художник» [Рец.] // Звезда. 1963. № 7; Овчаренко А. Доброе имя ученого // Нева. 1964. № 6; Груздев А. Касторский // КЛЭ. Т. 3. М., 1966; Касторский С. В. // Пушкинский Дом: Мат-лы к истории 1905–2005. СПб., 2005.

П. Глушаков

КАТЁРЛИ Нина Семеновна (по мужу Эфрос) [30.6.1934, Л-д] — прозаик.

Родилась в семье потомственных журналистов. Дед по матери Иосиф (Юзеф) Катерли происходил из не-

богатого дворянского польского рода, получившего русское дворянство в 1700-е после присоединения Польши к России. Мать — Елена Иосифовна К. (1902–58) — впоследствии стала писателем-прозаиком, была известна в 1950-е, автор романов на историч. и производственные темы. Отец — Фарфель-Самойлов Семен Самойлович (умер в 1985) — журналист, член СП. Был потомственным журналистом, его отец, изв. репортер газ. «Речь», освещал в печ. работу Гос. Совета дорев. России.

В 1958 окончила Технологический ин-т им. Ленсовета. Одновременно с К. в ин-те учились Д. Бобышев, А. Найман и Е. Рейн. Около 15 лет проработала инженером химико-технологом — на з-де «Красный треугольник», в НИИ Гипропласт, ЦНИИ Технологии судостроения. Вышла замуж за инженера М. Эфроса.

В 1973 при содействии С. Довлатова опубл. перв. рассказ в пионерском ж. «Костер», в 1975 подборка фантастич. рассказов напеч. в ж. «Нева». В том же году вступила в Профком лен. драматургов.

В 1976 повесть **«Земля бедованная»** появилась в ж. «Часы». В 1981 повесть **«Треугольник Барсукова»** напеч. в американском альм. «Глагол», затем в английском переводе вошла в антологию русской прозы, получившей ее назв. В нач. 1980-х напис. повесть **«Червец»**, в кот. в полуфантастич. форме рисуется бесцельное существование типичного сов. НИИ, а также затрагивается запретный в то время еврейский вопрос. Повесть распространялась в самиздате, что, наряду с зарубежными публикациями, привело к вынужденной «беседе» с сотрудником КГБ. В 1983 привлекалась в качестве свидетеля по делу М. Мейлаха.

Перв. книга, сб. рассказов **«Окно»** — Л.: изд-во «Сов. писатель», 1981. Кн. получила положительные отклики Г. Гора и Д. Гранина. В 1983 по рекомендации В. Каверина вступила в СП. «Нина Семеновна вступала в литературу на рубеже 70-х годов. Она как автор всегда привлекала, удивляла и поражала читателей разнообразием авторских точек зрения. Детективный жанр, любовный, фантастика, женская проза — все ей подвластно. Она охотно и с удовольствием вводит в свое повествование вымысел, невероятное, невозможное — и это очень давняя для российских писателей традиция. Но при помощи разных жанров она всегда хочет сказать о нашей действительности и о человеке, которого эта действительность создала» (К. Азадовский).

«Проза Нины Катерли всегда была и остается учебником человечности. Ее главная сила в том, что рождается из ее опыта и знания конкретных людей. В ее творчестве два основных пласта: фантастический реализм и просто реализм, которые смыкаются и пересекаются. И то, чего быть не может, вырастает из абсолютной реальности и выписано с такой же достоверностью, как и остальная жизнь» (Я. Гордин).

Большое место в жизни К. наряду с лит. трудом занимает правозащитная деятельность, ею написаны и опубл. десятки газ. ст., посвящ. борьбе за права человека, нацистской угрозе в России, положению стариков и проч. Результатом одной антифашистской статьи «Дорога к памятникам», напеч. в 1988 в газ. «Лен. правда», стал двухгодичный судебный процесс по иску к К. автора «антисионистской книги» А. Романенко, кот. К. обвинила в антисемитизме и нацизме. Процесс закончился отказом Романенко от судебного иска. «Нина Семеновна Катерли — отличный писатель, последовательный борец против русского нацизма, замечательный товарищ, славный человек» (Б. Стругацкий).

К наст. времени — автор многих книг прозы, герой большинства которых — человек 1970-х годов, ленинградец, мл. науч. сотрудник или дворник-интеллектуал. По словам О. Хрусталевой, К. выработала особый жанр «home fantasy», с характерной для него «прирученной мистикой, сов. оккультизмом и коммунальными чудесами. С его жизнью, спрессованной в пятиэтажки, очереди, транспортные давки. С одним бытием на всех, прикрытым одним душным, ватным сознанием».

Среди книг К. сб. **«Цветные открытки»** (Л.: Сов. писатель, 1986), сб. **«Курзал»** (Л.: Сов. писатель, 1990), сб. **«Сенная площадь»** (СПб.: «Позисофт», 1992), **«Иск»** — докум. повесть (Самарский изд. дом, 1998), повесть **«Возвращение»** (Звезда. 1998. № 4), роман **«Тот свет»** (М.: изд. дом «Нева» и изд-во «Олма-пресс», 2000), повесть **«Рукою мастера»** (СПб.: изд-во ж. «Звезда», 2001), **«Дело Никитина. Стратегия победы»** — в соавт. с А. Никитиным (СПб.: изд-во ж. «Звезда», 2001), сб. **«Красная шляпа»** (М.: изд-во АСТ и Олимп, 2002), роман **«Дневник сломанной куклы»** (М.: изд-во «АСТ, изд-во «Астрель», «Транзиткнига», 2004), **«Чему свидетели мы были»** в кн. «Женские судьбы XX век» (под одной обложкой с Л. Миклашевской; СПб.: изд-во ж. «Звезда», 2007), сб. рассказов **«Волшебная лампа»** (СПб.: изд-во «Геликон-плюс», 2009), сб. статей разных лет **«Делай, что должно, и будь, что будет»** (СПб.: изд-во «Нестор-История», 2010). Об одной из них Б. Стругацкий пишет: «Мы забыли о том, что кроме Москвы и Петербурга, существует еще и Россия. Мы почти ничего не знаем о ней. И такие романы, как «Тот свет» напоминают нам о том, что мы забыли, и о том, чего мы, может быть, никогда не знали, но о чем должны знать и помнить всегда».

«Такая проза, как у Нины Катерли, со времен Гоголя называется петербургской, с характерными для нее балансированием на грани реальности, таинственными и чудесными превращениями города и его обитателей, позволяющими через дымку сказки увидеть суровую правду жизни» (А. Житинский). «Нина Катерли — фантастическая реалистка» (Б. Вишневский).

Помимо кн. К. имеет большое количество журн. публикаций рассказов и повестей, мн. из кот. переведены на иностранные яз. и вышли за рубежом: в США, Франции, Германии, Японии, Китае, Венгрии, Чехии и т. д.

Член СП М., член СПб. ПЕН-клуба (с 1995).

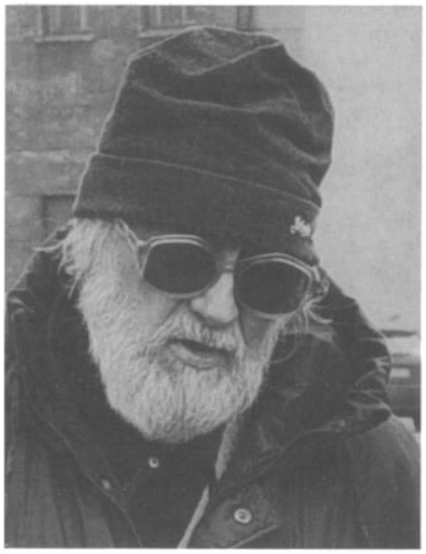
Соч.: Земля бедованная // Часы. 1976. № 4; Треугольник Барсукова // Глагол (Альм.). Анн Арбор, 1981; Окно: Рассказы. Л., 1981; Цветные открытки: Рассказы и повести. Л., 1986 (1987); Жара на Севере // Звезда. 1988. № 4; Долг // Нева. 1989. № 10; Рассказы // Звезда. 1989. № 4; 1995. № 10; 1997. № 3, 10; 2000. № 1; Курзал: Повести. Л., 1990; Сенная площадь // Звезда. 1991. № 7; Сенная площадь: Повести и рассказы / Вст. сл. О. Хрусталевой и А. Кузнецова.

СПб., 1992; Синдром «П» // Звезда. 1994. № 11; Рассказы // Ключ: Лит. альм. СПб., 1995; Один из вариантов (Автобиография) // Мансарда. 1996. Вып. 1; Красная шляпа // Звезда. 1996. № 4; Возвращение // Звезда. 1998. № 4; Иск: Докум. повесть. Самара, 1998; Тот свет // Звезда. 1999. № 2, 3; Дневник сломанной куклы // Звезда. 2001. № 2, 3; Тот свет. Красная шляпа. СПб., 2000; Рукою мастера. СПб., 2001; Дело Никитина. Стратегия победы / В соавт. с А. Никитиным. СПб., 2001; Красная шляпа. М., 2002; Дневник сломанной куклы. М., 2004; Чему свидетели мы были // Женские судьбы XX в. СПб., 2007; Волшебная лампа. СПб., 2009; Делай, что должно, и будь, что будет. СПб., 2010.

Лит.: Хрусталева О. Вст. слово // Катерли Н. Сенная площадь: Повести и рассказы. СПб., 1992; Кузнецов А. Вст. слово // Там же.

Б. Иванов

КА́ШИН Юрий Владимирович [4.1. 1930, г. Бийск Алтайского края — 15.7.2005, СПб.] — поэт.



Отец — химик-органик, мать — бухгалтер. Дед был купцом, после революции репрессирован, отпущен по ходатайству рабочих. Рос в семье «лишенца» со всеми вытекающими отсюда сложностями жизни. С 1939 — в Л-де. Во время войны был в эвакуации в Сталинске (Новокузнецк). Учился в ЛГУ (сначала на восточном фак-те (корейское отд.), затем — на биолого-почвенном), позже — в Пед. ин-те им. Покровского (фак-т русского яз. и лит-ры). Ни один из вузов не закончил. Работал на з-де «Севкабель» слесарем-ремонтником. Рабочий по записи в трудовой книжке, К. был подлинным интеллигентом, человеком энциклопедич. знаний.

«Седой бородач, похожий на Леонардо, почти так же разносторонне талантливый, экстравагантный и эксцентричный, потряс меня буквально с первых дней знакомства. Великий оригинал, умеющий делать почти всё из всего своими руками: от уникального лабораторного испытательного оборудования до музыкальных инструментов и ювелирных изделий, а также прекрасный портретист, фотограф, переплётчик, кулинар, кроме того кинолюбитель, турист, аквалангист, яхтсмен, страстный библиофил, фанатичный собачник, отчаянный грибник. Десятки друзей, почитателей, учеников, среди которых ученые и писатели, артисты и ювелиры, скрипичных дел мастера и врачи. Волею Судьбы он был лишён возможности реализовать свой могучий творческий потенциал. Остались только стихи, которые он начал писать довольно поздно, уже после пятидесяти» (Дмитриев О. Предисл. к сб. К. **«Обрывки дневника»**. Л., 1999).

Среди друзей и знакомых К. были О. Даль, И. Андроников, Ю. Нагибин, В. Шкловский, В. Конецкий, Д. Лихачёв. Трое будущих нобелевских лауреатов сиживали за его столом.

В 1983 К. проходил свидетелем по делу Г. Донского, осужденного по ст. 70, ч. 1 УК (антисов. агитация и пропаганда). Допросы, обыски — всё шло к тому, что из свидетеля К. должен был перейти в разряд подсудимых. Ему удалось бежать в М., и там К. «отсиживался» у Елизаветы Даль (вдовы О. Даля) до окончания процесса.

Диабет и, как следствие, потеря зрения, а с 2000 полная слепота стали тяжелым испытанием в жизни К., с кот., как он ни старался, не мог справиться. Жить одинокому незрячему человеку — «ежедневный цирковой трюк». Шутил: «Слепнуть надо смолоду». Абсолютно чуждый эпатажности, громкости, К. тем не менее воплощал в себе многое, был в каком-то смысле центром. В неуютном холодном жилище слепого старика (он очень боялся опуститься, но держаться было все труднее и труднее) существовал этакий салон «У Кашина». Он притягивал. Умудрялся сохранять обаяние. При своем к тому же непростом характере. Был он ершистый, непокладистый и очень, очень беззащитный. До общения был жаден страшно. После той, прежней, насыщенной друзьями, делами, застольями жизни он чувствовал себя покинутым, отвергнутым. Одиночество угнетало, убивало («лежу, как забытая клизма»). А одиночество, сначала относительное, потом — почти полное, подступало всё ближе... «Я как-то сразу стал не нужен. / Мой круг друзей до Джоки сужен. / И сердце бьется в унисон / Лишь с нею... Да и это сон» (Джоки — кличка собачки). Друзья (в перв. очередь — поэт О. Дмитриев, кот. регулярно навещал и опекал К.) изд. его стихи.

Стихи К. набирал на ощупь на пишущей машинке, не имея возможности перечитывать, править. Стихи короткие и в то же время очень ёмкие. Иногда циничные и тут же обезоруживающие раскрытостью и подлинностью чувств. Сочетающие незащищенность и мужество. Трагичность, пессимизм (оправданный обстоятельствами жизни) смягчены в поэзии К. непобедимым юмором. Стихи, посвященные женщинам, друзьям, любимым собакам — образцы светлой, чистой лирики.

«Иногда мне говорят: "Зачем ты пишешь о том, что тебе плохо? Это не по-мужски". А врать — по-мужски? Да и кого обманывать? Себя не обманешь, а других — зачем? Писать надо о том, что ты знаешь. И когда мне плохо, я говорю, что мне плохо, а когда мне хорошо, что очень редко, но бывает, я говорю, что мне хорошо» (К. Предисл. к сб. **«Мир и без меня останется прекрасным»**. СПб., 2005).

Кроме всего прочего, был виртуозным художником-графиком. Напр., в своей книжке-миниатюре **«Азбука»** (1997) иллюстрации к стихам (на каждую букву алфавита) К. сделал сам, будучи уже слепым.

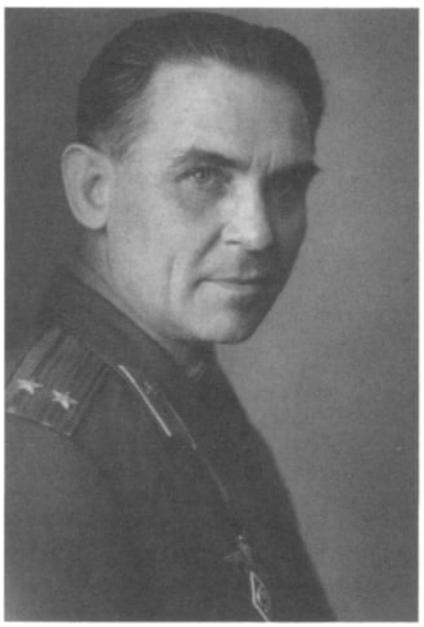
Соч.: Азбука: Стихи, рис. Л., 1997; Обрывки дневника: Стихи. СПб., 1999; Стихи // Мир тесен: Альм. СПб., 2000; Стих. СПб., 2002; Без излишнего оптимизма: Стихи. СПб., 2002; Законный праздник: Стихи // Нева. 2005. № 8; Мир и без меня

останется прекрасным: Стихи. СПб., 2005; Законный праздник: Стихи. СПб., 2005; Изъятое из меня: Проза, стихи. СПб., 2006; Стихи // Новый ковчег: Альм. СПб., 2007; Шуту — туш!: Стихи. СПб., 2007; Моя недобрая муза: Стихи. СПб., 2007; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010. Т. 1.

Лит.: Дмитриев О. Предисл. // Кашин Ю. Обрывки дневника. СПб., 1999.

З. Эзрохи

КАШИ́РИН Сергей Иванович [10.12.1929, д. Кургановка, Красногорский р-н Брянской обл.] — поэт, прозаик, переводчик.



Отец — из крестьян, после войны был учителем, мать — колхозница, Каширина (Глазунова) Анна Терентьевна, участвовала в партизанском движении и в дек. 1941 была расстреляна фашистами. После гибели матери сын заменил ее в качестве связного местного партизанского отряда. Был пойман полицаями при выполнении задания в соседней деревне и лишь чудом удалось сбежать. Сиротами остались два малолетних брата и трехлетняя сестренка. Подростку, а потом и юноше пришлось много работать — пахать плугом, сажать огород, сеять, косить, быть подручным на ветряной мельнице, где мололи зерно на муку (в т. ч. и для партизан), работал в деревенской кузнице молотобойцем. Все это позже отразится в стихах К. «И увижу снова вечер мглистый: / Ветер злится и метет метель. / В избу к нам врываются фашисты: / — Партизанка? Собирайся. Шнель!..» (**«Боль»**).

В 1945 бежал на фронт. Об этом — в стих. **«Обещание»**: «Обыкновенный парень сельский, / Как говорится, не орел, / Я добровольцем в строй армейский / Еще в пятнадцать лет пришел. / В ремнях, в кирзе — лихой вояка! — / Окопы в полный профиль рыл. / Мечтал на фронт попасть, однако/ Отправлен был учиться в тыл». В 1945–48 учился в Курской спецшколе ВВС № 4. Здесь в рукописном ж. были помещены перв. стихи К. В 1948–51 — курсант Энгельсского военно-авиационного училища летчиков им. М. Расковой. Здесь появились перв. публикации в газ. Приволжского воен. округа «За Родину». Цитаты из его стихов стали лозунгами на плакатах и стендах в «Красных уголках». «Мужество рождается и зреет / В повседневных будничных делах. / Кто в труде героем быть умеет, / Тот героем будет и в боях» (**«Мужество»**). Однако воен. начальство поставило курсанта перед выбором: летать или писать стихи. К. на какое-то время писать перестал, весь отдался летному делу. После окончания училища направлен на службу в ГДР. Но стихи приходили сами, и К. осмеливается их печ. в ж. «Красноармеец», «Крылья Родины», «Сов. воин», «Авиация и космонавтика», «На боевом посту», «Знаменосец». Писал в основном о романтике профессии воен. летчика. «Не в тетради, не в блокноте, / Не на ватмане черчу — / В небесах на самолете / "Петли мертвые" кручу» (**«Пилотаж»**). Лирич. герой стихов летчика К. — человек риска, боевого темперамента, личного мужества и героизма. В стих. **«Поединок»** К. пишет: «У меня характер очень русский. / Я люблю большие перегрузки. / Я горжусь своим трудом небесным. / Не люблю, чтоб небо было тесным».

В 1957 успешно прошел творч. конкурс в Лит. ин-т им. М. Горького, однако командование опять поставило его перед дилеммой: либо небо, либо стихи. Но стихи возникают. «И озаряют светом дюзы / Почти космическую тьму. / Служу Советскому Союзу! / Служу народу своему!» (**«Высокий пост»**). «Только изредка вечером поздним / Раскрываю усталo тетрадь, / Чтоб о небе, красивом и грозном / Стихотворной строкой рассказать». В 1959 становится воен. корр. в армейской газ. «Боевая тревога». Одновременно поступает на заочное отд. фак-та журналистики ЛГУ и заканчивает его. Работает нач. отдела в газ. «На страже Родины». Знакомится с видными лен. писателями и поэтами С. Ворониным, М. Дудиным, Вс. Рождественским, Дм. Хренковым, С. Орловым, Н. Брауном, что дает ему дополнительный творч. импульс. Его стихи, очерки и рассказы публ. в ж. «Аврора», «Нева», «Звезда», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Неман», «Дальний Восток», в сб. «День поэзии». К. верен военно-авиационной тематике. В его лирике просматриваются три направленности: интимно-любовная, служебно-летная и космическая. «На судьбу свою смотрю с обидою: / Летчик реактивных скоростей / Самой жгучей завистью завидую / Командирам звездных кораблей» (**«Зависть»**). Будучи летчиком, а затем воен. журналистом К. общался с Ю. Гагариным и Г. Титовым, знал об их подготовке к полетам в космос и сам мечтал о космосе. «Рассвет. Заря на космодроме. / Навстречу первому лучу / На звездолете, как на громе, / Над всей вселенной грохочу» (**«Здравствуй, солнце!»**).

В 1970 выходит перв. кн. К., посвящ. жизни воен. авиаторов **«Песня над облаками»**. В 1976 — вторая кн. **«Полет на заре»**, за кот. К. присуждается Всесоюзная лит. премия им. Н. Островского, после чего получает рекомендации в СП СССР от С. Воронина, М. Дудина, В. Чудаковой и А. Чепурова. В 1981 становится членом СП СССР.

В 1978 в звании подполковника ВВС выходит в отставку и целиком отдается лит. работе. Занимается исследованием жизненных судеб русских поэтов. Выходят одна за другой значимые для него кн. **«Черная нелюдь. Легенды и документы об убийстве Сергея Есенина»** и **«Эфиоп? Негр? Или все-таки русский?»** (к вопросу о нац. принадлежности А. Пушкина). Важное место в его творч. биографии занимает кн. **«Глубынь-городок. Сказания о городе**

Гдове», удостоенная в 2003 Международной премии «Филантроп». В послесл. к этой кн. Воронин писал, что автор с честью выдержал испытание свободой слова, отсутствием цензуры и редактора. В 1991 выходит отд. изд. поэма **«Атомная трагедия»**, ставшая, в сущности, центр. произведением его поэтич. тв-ва и, может быть, как это в свое время отмечали Н. Кутов и П. Кобраков, «главным делом всей его жизни».

В 1990-х выступает с острыми публицистическими ст. и стихами в газ. «На страже Родины», «Народная правда», «Сов. Россия», «За Отечество», «Трудовая Россия». Его поэма **«Как сказал бы Вася Теркин»** получила распространение в рукописи. А после ее публикации в ночь перед Днем Победы ветераны Великой Отеч. войны расклеили ее на стенах домов по Московскому пр. Удостоенный звания Почетного гражданина Гдова К. выступил инициатором патриотич. движения за придание месту, где состоялось сражение 1242-го, статуса Поля ратной славы Отечества (первым поддержал К. в этом Воронин). Затем вышла кн. К. **«Князь всея Руси»** (2003), кот. после второго ее изд. в 2010 была удостоена Всероссийской премии Александро-Невской Лавры «За православие».

Много переводил белорусских, чувашских и марийских поэтов.

Награжден орденами и медалями. Почётная Грамота Верховного Совета РСФСР «За многолетнюю плодотворную работу в сов. печати» (1968). Орден Святого князя Александра Невского. Лауреат Всероссийской премии Александра Невского. Диплом Царицынского Православного Александро-Невского фестиваля СМИ. Сертификат международной премии «Филантроп». Кавалер лит. медали Сергея Есенина. Медали «Защитник Лен. неба», «Маршал Жуков» и др. Почётный гражданин г. Гдова. Член Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов. Действ. член Петровской АН и искусств.

Соч.: Песня над облаками. Л., 1970; Полет на заре. М., 1976; Небесные тропы: Стих. Л., 1976; Высоты сыновей. М., 1978; Право на взлет: Стих. Л., 1979; Летчик и море. Чебоксары, 1980; Предчувствие любви. Л., 1984; Холодный фронт. Л., 1987; Атомная трагедия: Стих. СПб., 1991; Скорость звука: Стих. Л., 1987; Черная нелюдь: Легенды и док-ты об убийстве С. Есенина. СПб., 1995; Сверхзвуковые соловьи: Стих. СПб., 1997; Мечтаю о космической любви: Стих. СПб., 2000; Глубынь-городок. Сказания о городе Гдове: Стих. СПб., 2002; Эфиоп?.. Негр?.. Или все-таки русский? СПб., 2003; Князь всея Руси: Поэма в прозе. СПб., 2003 (Псков, 2008); Любовь и небо: Стих. СПб., 2006; Иду на вы!: Стих. СПб., 2008; Свобода слова: Совр. быль. СПб., 2004; Шулды-булды: Кн. пародий. СПб., 2006; А не позвать ли нам Александра Невского? Проза. СПб., 2007; Гдов. Северная баллада. Проза. СПб., 2007; Князь Всея Руси. Русский за русского стой насмерть. Русская идея Александра Невского. Изд. 2-е, доп. Псков, 2008.

Лит.: Кречетов В. Труженики неба // Веч. Л-д. 1971. 3 март.; Шевцов А. Рассказы о героизме // Нева. 1971. № 10; Пантелеймонов Н. Небесные тропы // Звезда. 1976. № 11; Раковский Л. Повесть о мужестве // Аврора. 1977. № 8; Помозов Ю. Предчувствие любви // Звезда. 1985. № 11; Шошин В. Право на взлет // Веч. Л-д. 1979. 28 июн.; Макаров С. Жить ли людям на земле // Лит. Россия. 1993. 6 авг.; Касьяненко Ж. Если Теркин вместе с нами... // Сов. Россия. 1998. 8 мая; На пороге XXI в.: Всероссийский автобиобиблиогр. справочник. М., 2006; Махнев Н. Боец по призванию // Ратоборец. 2008. 17 мая; Парыгин В. Право на взлет // Брянщина литературная. Кн. 4. Брянск, 1999; Лесник К. Во славу Отечества // На страже Родины. 2010. № 2, янв.; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Кречетов

КВЯТКО́ВСКАЯ Майя Залмановна [9.5.1931, Л-д] — переводчик.

Отец — Залман Хаимович Фрадкин, инженер, посл. годы жизни работал в КБ Кировского з-да; мать — Татьяна Николаевна Леонова, певица. Отец читал по-немецки и по-английски, мать свободно владела романсным и оперным репертуаром для колоратурного сопрано. В семье много читали и музицировали, что не могло не сказаться на формировании интересов и пристрастий будущей переводчицы.

К. с детства писала стихи, в старших классах школы впервые пришла к переводу поэзии. С 1939 занималась в лит. студии при лен. Дворце пионеров, кот. руководил Гл. Семенов. С перерывом на эвакуацию (1941–45) посещала студию до окончания шко-

лы. После войны в студии читали курсы Е. Эткинд (западноевропейскую лит-ру). М. Альтман (античную лит-ру). Одновременно с К. в студии занимались будущие изв. литераторы и деятели культуры — поэт В. Британишский, драматург Б. Голлер, публицист Ф. Нафтульев, кинорежиссер И. Масленников.

В 1954 окончила французский фак-т 2-го Лен. пед. ин-та иностранных яз. (ЛГПИИЯ). Была направлена по распределению в г. Новокузнецк Кемеровской обл., где проработала 6 лет — сначала учителем в средней школе, потом — технич. переводчиком; затем вернулась в Л-д. С 1962, благодаря содействию Е. Эткинда, стала посещать семинар переводов французской поэзии при Доме писателей им. В. Маяковского (рук. семинара — Э. Линецкая). Многолетняя работа в семинаре определила переводч. судьбу К. и круг ее профессионального общения. Наряду с К. «старший» семинар Линецкой посещали И. Чежегова, В. Васильев, Г. Шмаков, К. Азадовский, А. Косс — большинство лен. переводчиков западноевропейской поэзии. К. вспоминает: «Эльга Львовна была человеком живым и пристрастным (к поэзии). Никто так жестоко не отчитывал за малейшую фальшь, за попытку словчить, облегчить себе задачу. И никто так не радовался успеху ученика, никто так не "болел" за него, когда решалась судьба его перевода, никто так не гордился им, как Эльга Львовна. Мы все — выпестованные и любимые... Как педа-

гог Эльга Львовна обладала редчайшим свойством: она не подавляла индивидуальности переводчика, никогда не навязывала ему решений, но подводила его к тому, что он сам раскрывал максимум своих возможностей. Эльга Львовна помогала переводчику найти себя. Результат — мы, прошедшие через семинар Эльги Львовны, все разные: у каждого — свой творческий почерк, своя индивидуальность» (Эльга Львовна Линецкая: Мат-лы к биографии. Из лит. наследия. Воспоминания. Библиография. Фотодокументы. СПб.: Симпозиум, 1999).

Перв. переводы К. опубл. в кн.: Альберти Р. Стихи. М.; Л.: Худож. лит-ра, 1963. В 1966 на Всесоюзном конкурсе на лучший перевод стихов литовской поэтессы Саломеи Нерис К. разделила с Н. Астафьевой 2-е место. С дек. 1979 — член СП СССР. В наст. вр. — член СП СПб., член Союза Российских писателей, член творч. союза «Мастера лит. перевода».

Список поэтов Испании, Португалии, стран Латинской Америки, и прежде всего — Франции, переведенных К., внушителен и охватывает неск. веков, от Средневековья до наших дней. К. в основном переводчик классич. поэзии и прозы и сама явл. образцом «классического» переводчика: природные талант, вкус и такт многократно помножены на блестящую выучку и ежедневный труд; оттого многие ее переводы стали классикой отеч. школы поэтич. перевода. Предельная внимательность к оригиналу, поэтич. мастерство, жесткая само-редактура и собств. интонация определяют высокое качество всего тв-ва К. Среди ее значительных работ — переводы из испанской поэзии и драматургии (Кеведо, Гонгора, Сервантес, Лопе де Вега, Мачадо), из португальской (Камоэнс) и французской (Лафонтен, Бодлер, Верлен, Кро, Нуво, Арто) поэзии. Ею подготовлен полный свод переводов выдающегося франц. поэта XVII в. Теофиля де Вио. Все существенные с точки зрения переводчика работы собраны в ее кн. **«На языке души: Избр. переводы лирич. поэзии (XVI, XVII, XIX, XX вв.)»** (СПб.: Знак, 2003).

Избр. перев.: Поэзия кубинского романтизма. М., 1972; Поэты Мексики. М., 1975; Луис де Гонгора. Лирика. М., 1977; Испанские поэты XX в. М., 1977 («Б-ка всемирной лит-ры»); Саломея Нерис. Ветер новых дней. М., 1979; Луис де Камоэнс. Лирика. М., 1980; Рубен Дарио. Избр. М., 1981; Средневековые франц. фарсы. М., 1981; Из испанской поэзии XVII в. Л., 1983; Жан Расин. Соч. М., 1984; Из каталонской поэзии. М., 1984; Рамон дель Валье-Инклан. Избр. произведения: В 2 т. Т. 1. Стих. Л., 1986; Западноевропейский сонет XIII–XVII вв. Л., 1988; Поэзия испанского возрождения. М., 1990; Андре Берри. Пьер Ронсар. СПб., 1999; Строфы века-2. М., 1998; Семь веков французской поэзии в русских переводах. СПб., 1999; Поль Верлен. Избр. М., 1999; Шарль Бодлер. Стих. Проза. Харьков, 2001; Поэзия магов. СПб., 2003; Поэзия франц. сюрреализма. СПб., 2003; Данте Габриэль Россетти. Соч.: В 2 т. СПб., 2005; Проклятые поэты. СПб., 2005; Поль Верлен. Исповедь. СПб., 2006; Поэзия испанского барокко. СПб., 2006; Антонио Мачадо. Полное собр. стих. СПб., 2007; Жан де Лафонтен. Полное собр. басен в XII кн. СПб., 2009; Франц. басня в переводах русских поэтов. М., 2009; Поэты Квебека. СПб., 2011; Мигель де Сервантес Сааведра. «Восемь комедий и восемь интермедий, новых, ни разу не представленных на сцене». СПб., 2011; Жан Лафонтен. Басни. СПб., 2012.

М. Яснов

КЕЖУ́Н Бронислав Адольфович [26.8(8.9).1914, Пг. —24.4.1984, Л-д] — поэт, переводчик, сатирик.

Вскоре после рождения К. родители переехали в Тверь, где прошло его детство. «Песни матери, стихи русских поэтов, кот. мы читали и заучивали в школе, пионерские и комсомольские песни у лагерных костров,— они-то, наверно, и пробудили во мне любовь к поэзии» (**«Автобиография»**).

Перв. стихи напис. в 12 лет. В 1930 посещал лит. группу при газ. «Тверская правда», собрания ТАПП (Тверская ассоциация пролетарских писателей). В 1931 уехал в Л-д, окончил школу ФЗУ «Юный пролетарий» (1934), работал помощником паровозного машиниста, учился в Рабочем лит. ун-те им. М. Горького.

Печ. с 1930. В 1934 вошел в группу поэтов при ж. «Залп», где печ. стихи («Я папиросную коробку / Достану. Молча закурю. / И по возможности негромко / О мужестве поговорю» — Залп. 1934. № 10). Перв. кн. — **«Родина»** (1935), **«Стихи»** (1936), **«Про смелых и умелых»** (1938), **«Дороги в мир»** (1939).

25 июня 1941, получив воен. назначение, К. выехал в Петрозаводск вместе с В. Друзиным, Г. Холоповым, В. Владимировым. В годы Великой Отеч. войны работал воен. корр. на Карельском, 3-м Украинском и 2-м Дальневосточном фронтах. Публ. в армейской печати очерки, стихи, песни, частушки, писал юморески, басни и фельетоны для сатирич. отдела газ. «Бей без промаха» и ж. «Сквозняк», выходившего на Карельском фронте.

В 1942 в Беломорске вышла кн. фронтовых стих. **«Рассказы северных гор»**, а в 1943 — поэма **«Рассказ о русском богатыре»**, сб. **«Красноармейские стихи»** (1943). О героях рассказывает и в кн. **«Защитники Л-да»** (1942). Удачны стих. К., где превалируют лирич. образы: «Синевой небесной, нестерпимой / Полыхая, словно огоньки, / Как глаза детей, глаза любимых, / На бойцов глядели васильки. / Через миг, усталость пересилив, / Вновь пошла в атаку цепь стрелков, / Им казалось: то глядит Россия / Синими глазами васильков» (**«Васильки»**).

Пройдя по фронтовым дорогам (Мурманск — Карелия — Белград — Австрия — Южный Сахалин), в 1946 вернулся в Л-д. После войны выходят кн. **«Песня о доме»** (1947), **«Дальние дороги»** (1950), **«Стихи с Волге»** (1952), **«Как широко!»** (1952), **«Волга — Дон»** (1953), **«Стихотюрения»** (1954) и др. Стихи исполнены оптимизма (**«Но никакие бури-ураганы / С пути "Россию" нашу не свернут!»**), признательности фронтовикам («Над нами — вы слышите? — вечность, / Как Черное море, шумит».

К. пишет о войне для юношества — **«В музее обороны»**, **«Мамаев курган»**, **«Сталинградское утро»**, о строй-

ках сталинградской ГЭС, канала Волго-Дон — **«Модель плотины»**, **«Строитель»**, **«Переклички»**, **«Пятиморск»**, **«Новый город»**, **«На трассе канала»**, **«Счастливого пути»**. К. — автор неск. кн. для детей, среди них **«Стихи о Сережке»**, **«Ага и Угу»**.

В 1959 в Л-де выходит кн. К. **«Балтийские зори: Стихи и песни»**, с циклами **«Любимый город»**, **«У синего моря»** и лирич. поэмой **«Рассвет над Невой»**.

Автор сатирич. кн. **«Зигзаги вдоль бумаги: Пародии, фельетоны, эпиграммы»** (1954), сб. лит. пародий и эпиграмм **«Зигзаги вдоль бумаги»** (1957), **«Самое смешное»** (1957), **«Веселая азбука от А до Я: Пародии»** (1960), **«Мой буланый Пегас»** (1962).

Разнообразны и его кн., изданные в 1960-е: **«Заветные огни»**, **«Доброе солнце»**, **«Веселая книга»**, **«Стихи о Л-де»**. Кн. стихов и поэм **«Дыхание земли»** (1977) — о Л-де, о революционных и боевых традициях ленинградцев, их трудовых успехах. Лирика К. посвящена и родной русской природе, дружбе и любви. Поэма **«Памяти брата»** — поэтич. рассказ о комсомольцах, молодых участниках героич. обороны Л-да. Поэма посвящ. памяти молодого бойца Особого отряда Моск. р-на Л-да — краснофлотца Л. А. Кежуна, погибшего 7 февр. 1942. Поэма **«Звезды на крыльях»** рассказывает о героях-летчиках («Вновь команда — и вновь без страха, / В синь небес устремляя взгляд, / Таганрогский слесарь Кутахов / В бой ведет своих соколят»).

Автор очерков о поэте-герое А. Лебедеве, воспоминаний об А. Прокофьеве, Н. Рыбацком, И. Логинове, М. Тихомирове, А. Чуркине. Был пост. составителем лен. альм. «День поэзии», сост. и автор предисл. к сб. стихов поэтов-партизан «Партизанская слава» (Л., 1985), сост. сб. «О тебе, Л-д!» (Л., 1982).

Переводил стихи украинских, белорусских, эстонских поэтов, поэтов Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии. В 1952 в Л-де была изд. кн. переводов К. «Стихи славянских поэтов».

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета» и медалями. Среди его наград — болгарский орден Кирилла и Мефодия I степени. Засл. деятель культуры Польской Народной республики.

Соч.: Балтийские зори: Стихи и песни. Л., 1959; Мой буланый Пегас. Л., 1960; Автобиография // Кежун Б. Доброе солнце. Лирика и сатира М.; Л., 1964; Немного о себе // Кежун Б. Стихотворения. Л., 1976; Дыхание земли. Л., 1977.

Лит.: Заводчиков В. Под солнцем родины // Нева. 1963. № 8; Рождественский Р. Бронислав Кежун // Кежун Б. Путь-дороги дальние. Стихи и песни. М., 1970.

В. Шошин

КЕТЛИ́НСКАЯ Вера Казимировна [28.4(11.5).1906, Севастополь — 23.4.1976, Л-д, похоронена на Комаровском кладб.] — прозаик.

Родилась в семье морского офицера. Работала технич. сотрудником в Красной Армии, затем была на комсомольской работе в Мурманском, Петрозаводском и Олонецком у.; училась в Л-де в Ин-те внешкольного образования, откуда ушла на производство — была прядильщицей и текстильщицей на лен. фабриках «Нева» и «Возрождение», совмещая работу на производстве с обязанностями пропагандиста культуры в комсомольской организации.

Небольшие рассказы, очерки и стихи начала печ. в газ. Мурманска, Петрозаводска и Л-да в 1921–22, опубл. под псевдонимами, как и статьи о работе комсомольских ячеек. В 1927 вышла отд. изданием перв. кн. К. **«Девушка и комсомол»** — брошюра о жизни девушек-работниц. Проблемы этики, семейных отношений в среде рабочей молодежи составили основу содержания перв. крупной повести К. **«Натка Мичурина»** (1929). Тем же проблемам посвящ. роман **«Рост»** (1934); подробно воспроизведены образ парторга фабрики Антона Кострова, проблемы партийного руководства, участия интеллигенции в народной жизни. В 1929 была направлена на работу в ред. ЛО Гослитиздата, где 4 года работала гл. ред. детской секции. Многое осталось в личном архиве неопубл., напр., повесть **«Стиль»** (1934), киносценарий **«Год рождения семнадцатый»** (1935), написанный в соавт. с Р. Музыкант.

Став в 1934 разъездным корр. «Комсомольской правды», К. оказалась на Дальнем Востоке и там нашла тему для нового романа, кот. стал наиболее значительным ее произведением в предвоен. годы,— **«Мужество»** (1938). Он посвящен социалистич. освоению Дальнего Востока. Публицистичность дарования, ощущение остроты соц. проблем, волнующих об-во, нашли здесь свое творч. воплощение. Роман «Мужество» вызвал широкий читательский отклик, ему был посвящ. ряд мат-лов в печ.: Усиевич Е. «Мужество» // Правда. 1938. 16 нояб.; Серебрянский М. «Мужество» // Лит. обозрение. 1939. № 1; Крекшин Е. Молодые люди нашего времени // Знамя. 1939. № 2; Севрук Ю. Об искусстве романиста // Лит. учеба. 1939. № 4 и др. Критика тех лет отмечала, что автор детально, вдумчиво и со знанием дела раскрывает конкретные коллизии строительства в глухой тайге, очерчивает многочисленные образы истинных энтузиастов стройки — здесь и комсомолец Сергей Голицын, и инженер Костько, нанайская девушка Мооми, партийные активисты Морозов, Драченов, Круглое. Тогда же композитор Н. Макарова написала оперу «Мужество» (см.: Мартынов И. Нина Макарова. М., 1973).

Во время Великой Отеч. войны К. работала отв. секретарем ЛО СП СССР. На этом посту в ее обязанности входило «трудоустройство писателей в армейские и городские газеты, на радиовещание, выступления в госпиталях, эвакуация всех, кого можно

и нужно эвакуировать, ежедневные заботы и хлопоты о водопроводе, отоплении, противопожарных средствах и ПВО...» (Л. Рахманов). Выступала в прессе со статьями и очерками, пис. для зарубежной печ., очерки и рассказы публ. во фронтовых и армейских газ. Обороне Л-да посвящ. сб. рассказов и очерков К. **«Рассказы о ленинградцах»** (1944) и роман **«В осаде»** (1947). В центре романа — коллектив большого машиностроительного з-да с его трудовыми боевыми буднями. «Роман полон событиями прочувствованными, продуманными, выстраданными»,— писал о нем Вс. Вишневский (Труд. 1948. 8 апр.). Критики отмечали содержательность персонажей романа — Мария Смолина, Ольга Трубникова, Вера Подгорная, капитан Каменский и др.

В 1952 вышел роман К. **«Дни нашей жизни»**, посвящ. проблемам рабочего класса на примере лен. з-да. И здесь судьбы героев отражали мн. коллизии и конфликты современности, что неизменно отмечалось в печ. (Кондратович А. Завод и люди // Новый мир. 1952. № 12; Штут С. Почувствовать красоту деяния // ЛГ. 1954. 7 дек.; Макогоненко Г. Против «тления слова-сырца» // Новый мир. 1954. № 12).

Новаторам производства и науки, борцам за технич. прогресс посвящ. роман К. **«Иначе жить не стоит»** (1960). Автор показывает, как новаторская цель вызывает подъем науч. мысли, борьба с консерваторами и карьеристами становится школой мужества, гражданского роста. Эта мысль находит подтверждение в судьбах гл. героев — инженера Мордвинова, изобретателя Светова, производственника Липатова. Общее дело сближает героев, но различное к нему отношение со стороны разных персонажей порождает новые конфликты.

В 1945 К. публ. повести **«Золотой мост»** и **«На берегу Невы»**. В 1958 изд. кн. очерков **«Китай сегодня и завтра»**. Комедия **«Да, вот она любовь!»** (1954) поставлена на сцене Театра им. Евг. Вахтангова в М. В 1964 изд. сб. рассказов **«День, прожитый дважды»**, в 1967 драму **«Прошу слова!»**. Часто выступает со статьями и очерками о Л-де и ленинградцах, по вопросам лит-ры в «Лен. правде», «Правде», «ЛГ», «Известиях» и др. Участвуя в лит.-обществ. жизни активно и деятельно, К. была избрана членом правления СП СССР. К. была одним из инициаторов создания в Л-де молодежного ж. «Аврора», кот. начал выходить в 1969.

В 1974 отдельной кн. изд. повесть **«Вечер. Окна. Люди»**. В те же годы драма «Мужество» в инсценировке И. Мурзаевой поставлена в театрах М. и Комсомольска-на-Амуре. По роману «Мужество» снят многосерийный телефильм и напис. опера «Город юности» (либретто С. Северцева, муз. Г. Шантыря). Даже в нач. 1980-х в прессе продолжали отмечать популярность романа «Мужество» (Дальний Восток. 1982. № 5). Произведения К. переведены на иностр. яз.

Соч.: Иначе жить не стоит: роман. М.; Л., 1966 (и др. изд.); Прошу слова!: Драма. М., 1967; В осаде: Роман. Л., 1969 (и др. изд.); Вечер. Окна. Люди: Повесть. М., 1974; СС: В 4 т. Л., 1978–80; Мужество: Роман. Л., 1980; Вера Щекина: Очерк // Победа. М., 1984.

Лит.: Раппопорт Э. Вера Кетлинская. Л., 1958; Костелянец Б. Творч. индивидуальность писателя. Л., 1960; Хорошхин В. Многоцветность жизни и мастерство писателя // Дальний Восток. 1982. № 5; Рахманов Л. Чет-нечет. Л., 1988; Шварц Е. Живу беспокойно. Л., 1990; Макарова Н. Мужество: Из дневника старшего редактора // Нева. 1991. № 5; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996.

Р. Шошин

КИБА́ЛЬНИК Сергей Акимович (писательский псевд. — Сергей Кибальчич, первоначально — Серж Кибальчич, Максим Кибальчич) [5.7.1957, Волгоград] — прозаик, литературовед, критик.

Среднюю школу закончил в Волгограде. В 1974 поступил, а в 1979 окончил отд. русского яз. и лит-ры филологич. фак-та ЛГУ. С 1979 работал ст. лаборантом и учился в заочной аспирантуре ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. В февр. 1984 защитил канд. дис. **«Русская антологическая поэзия первой трети XIX века»** (рук. П. Заборов).

В 1994 в качестве стипендиата программы «Фулбрайт» преподавал два семестра в Питтсбургском ун-те (США). В 1995 занимался исследовательской работой в г. Вашингтоне (США) как стипендиат The Kennan

Institute for Advanced Russian Studies (The Woodrow Wilson International Center for Scholars). На протяжении этих двух лет выступал с лекциями в целом ряде ун-тов США. В 1996–2000 преподавал и читал отд. курсы в ун-тах Южной Кореи, в 2001 стажировался в Японии.

В июне 2000 защитил в ИРЛИ докт. дис. **«Худож. философия Пушкина»**. С нояб. 2008 по наст. время — рук. информационного проекта ОНРЛ «Виртуальная исследовательская лаборатория "Новая и старая русская классика"» (newruslit.ru). Участник многочисленных славистических конференций в России, США, Японии, Южной Корее, Великобритании, Германии, Италии, Финляндии, Венгрии, Румынии, Латвии, Эстонии, Молдавии, Украине, Казахстане.

Автор пяти книг и более 250 ст. о русской лит-ре XVIII–XX вв. Долгое время занимался пушкинистикой, затем тв-вом К. Вагинова, Г. Газданова, С. Заяицкого и др. писателей XX в. В посл. десятилетие пишет г.о. о русских классиках XIX в.: Гоголе, Чехове, Толстом и в особенности о Достоевском. Член Международного об-ва Ф. Достоевского. Сост. и соредактор ряда колл. науч. изд.: А. М. Панченко и русская культура. Иссл. и мат-лы / Отв. ред. К. и А. Панченко. СПб.: Пушкинский Дом, 2008; Достоевский: Мат-лы и иссл. / Ред. Н. Буданова и К. Т. 19. СПб.: Наука, 2010; Образ Чехова и чеховской России в совр. мире / Отв. ред. В. Катаев и К. СПб., 2010.

Деятельность в качестве лит. критика и исследователя совр. русской

лит-ры началась с брошюры, напис. на английском яз. **«Zhirinovsky as a Nationalist "Kitsch-Artist"»** (Washington, Kennan Institute for Advanced Russian Studies Occasional Papers. 1996. July. № 264) и продолжилась в 2000-е выходом ряда ст. о тв-ве В. Пелевина, рец. и заметок **(Факс из Пушкинского Дома** // Домовой Малец Питерский. Настольные петербуржики. СПб., 2008; **«Гибридизация» и «глокализация» в совр. русской литре (В. Пелевин и С. Минаев)** // LiteraRus (Хельсинки). 2009. № 3; **Поэтич. словоувеличение (О поэзии Сергея Манежева)** // www.hrono.info/text/2007/kib0807.html; **Юрий Филиппов. Город мечты** newruslit.ru // gallery; **А. Кодар. Римские мотивы. Послесл.** // newruslit.ru/modernwords/northbush, а также кн. **«Лит. стратегии Виктора Пелевина»** (СПб., 2008; в соавт. с О. Богдановой и Л. Сафроновой). К. — составитель и науч. ред. серий «Споры о совр. словесности» (SOS) и «Новая и старая русская классика» изд. дома «Петрополис».

Науку и лит. тв-во сочетает со студенч. времен: впервые выступил в машинописном лит. альм. студентов русского отд. (1975) с критич. ст. **«Степень художественности»**, в кот. разбирал поэтич. произведения своих товарищей. В аспирантские годы поместил эссе о Катулле в изв. самиздатском альм. «Метродор». В 1980-е писал сатирич. стихи, историч. рассказы, эссе, принял участие в одном из съездов молодых писателей Северо-Запада в СПб. (семинар В. Попова, с историч. новеллой **«Посланник Афродиты»**). Пытался писать худож. биографии (А. Дельвига, Н. Гнедича, В. Озерова). Некот. фрагменты их легли в основу очерков о Гнедиче и Дельвиге: **«С Гомером долго ты беседовал один...»** // Петерб. встречи Пушкина. Л., 1987; **Загадка «бронзового сфинкса»** // Нева. 1988. № 8; **«Афинская звезда»: Николай Гнедич в Петербурге** // Белые ночи. Л., 1989. Замысел романа об Александре Невском «Свидания с Александром» не был реализован, но набросок его в переработанном виде опубл. под заглавием **«Имя паче, нежели история»** в ж. «Нева» (1982. № 5). Из ранних сатирич. произведений опубл. только юмореска **«Ни слова о футболе»** (Моск. комсомолец. 1986. 21 сент.); некоторые из них, возможно, появятся в составе кн. стих., кот. готовится к печати в соавт. с поэтом Виктором Мальцевым (домовым Мальцом Питерским).

Самое известное на сегодняшний день и собравшее наибольшее кол-во откликов произведение К. — сатирич. роман-травелог **«Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела»** — вперв. было напеч. в алма-атинском ж. «Тамыр» (Вып. 2 (20). 2007; Вып. 1 (21). 2008) под псевд. Максим Кибальчич. Там же (Тамыр. 2008. Вып. 1) был собран «Виртуальный круглый стол по роману Максима Кибальчича "Поверх Фрикантрии, или Анджела и Изабелла"», в кот. приняли участие К. Степанян, М. Отрадин, Е. Тахо-Годи, А. Грякалов, Ю. Орлицкий, М. Сосницкая, С. Носов, Н. Беневоленская, Л. Сафронова, А. Темирбулат и др. Отд. исправленное изд. романа под псевд. Серж Кибальчич «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. Мужской роман-травелог. Хроника времен конца прошлого тысячелетия» (СПб.: Петрополис, 2008) включало с некот. сокращениями и добавлениями материалы этого круглого стола, а также «Наш ответ Чемберлену, или *Серж Кибальчич* о Серже Кибальчиче, Анджело и Изабеле», в кот. автор объявлял роман только первой частью трилогии **«Путешествия Андрея Легионерова на некоторые отдаленные планеты»**.

Герой романа, молодой ученый Андрей Легионеров, «выстреливает» в «свободную страну» из родной Эйлинии, четко обозначая для себя полюса «свобода — неволя», но постепенно осознаёт, что всё не так однозначно. Против зыбкости «свободного мира» герой выстраивает свою защиту: вначале он по-исследовательски пытается унифицировать увиденное на Фрикантрии, затем новые для него формы жизни приобретают сатирич., гротескно-фантастич. черты. Не щадит Легионеров и самого себя — зло высмеивает собств. убеждения, ловит на лжи, обращается к своей совести, что, по мнению автора, встраивает его в один ряд с русскими интеллигентами, изображёнными в произведениях писателя, упомянутого в романе под литерой Ч. В результате Америка в романе предстаёт как единое гротескное тело, своими искривлениями вызывающее то поистине чеховскую грусть героя и автора, то приступы едкого сарказма, а то даже крепкую брань. Критики отмечают полифонию интертекстуальности, на фоне кот. развертываются внутренние монологи героя и само повествование. Именно здесь в романе соединяются жанры старой доброй сов. фантастики, университетского романа и совр. романа-травелога.

Постепенно Легионеров приобретает новое видение, пытается приспособиться к миру буржуазных свобод и одновременно избежать лиминарности в каких бы то ни было формах. Гротеск становится формой разрешения конфликта человека и мира, человека и судьбы, разума и чувства, позволяет герою сформировать свой стиль поведения, в т. ч. речевого, расширить жёстко заданную вначале систему «свобода/неволя», а сильная лирич. составляющая романа выстраивает свои полюса — «идеализирующая гипербола/гротеск». «Традиционным парадным действом», по Д. Лихачёву, предстают нравы науч. сообщества, за парадностью кот. по устойчивой жанровой модели университетского романа открываются большие страсти и мелкие страстишки интеллектуалов. «Свобода» превращается в идеализирующую гиперболу, парадность разрушается гротесковым мироощущением героя.

Характерной чертой романа К. можно считать и неологизмы — речевые гротески, своей вычурностью подчёркивающие иронию автора по отношению к любой «идеализирующей гиперболе», в т. ч. и по отношению к писательскому труду: в атрибут *скрипт-урологический*, возможно, вложен концепт тв-ва как заболевания. Те же «гомеровские» неологизмы, наряду с именами гл. героев Анджело и Изабела, соотносят роман с эпич. жанрами (сказками, легендами и др.), где предполагается готовность читателя воспринимать события как условные. Т.о. в тексте К. обозначаются ещё два полюса — эпическое, преломляющееся в интеллектуальном гротеске, и лирическое, «нормальное» человеческое. Однако в финале полюса смешиваются: звук прощального поцелуя Изабелы Анджело называет «звуком отдираемой присоски», в то же время за посл. злым гротеском романа слышится

иное — смачное ругательство героя от собств. бессилия, боль расставания; чистое и прекрасное травестируется, трансформируется в горечь и злость на судьбу и на все возможные «идеализирующие гиперболы», смешивая «разум» и чувства, эпическое и лирическое в последнем, едва ли не в трагическом гротескном образе романа.

В наст. время готовится к изд. шестая литературоведческая кн. К. **«Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского»**.

Член СП России с 2014.

Соч.: Русская антологич. поэзия перв. трети XIX в. Л., 1990; Худож. философия Пушкина. СПб., 1998; Лит. стратегии Виктора Пелевина. СПб., 2008 (в соавт. с О. Богдановой и Л. Сафроновой); Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. Мужской роман-травелог. Хроника времен конца прошлого тысячелетия. СПб., 2008; Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литре. СПб., 2011; Античная поэзия в России. XVIII — перв. пол. XIX в. Очерки. СПб., 2012; О Серёге Ясенском, моем университетском и пушкинодомском «подельнике» // Ясенский С. Избр. СПб., 2012; Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб., 2013.

Лит.: Беневоленская Н. Антипостмодернистский постмодернистский роман // Сайт «Новая русская литература» (www.newruslit.ru); Богданова О., Шлейникова Е. «Поверх Фрикантрии» Сержа Кибальчича // Там же; Мальцев В. Двенадцать. Поэма из 12 рекламных слоганов о романе Сержа Кибальчича «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела» // Там же; Мальцев В. Фрикантрия — свободная страна. Песня // Там же; Виртуальный круглый стол по роману Максима Кибальчича «Поверх Фрикантрии, или Анджела и Изабела» // Тамыр. 2008. № 1 (21); Виртуальный круглый стол, посвященный роману Сержа Кибальчича «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела» // Серж Кибальчич. Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. СПб., 2008; Зиновьева Е. «Поверх Фрикантрии» Сержа Кибальчича // Нева. 2008. № 9; Загидуллина М. Серж Кибальчич. Поверх Фрикантрии // Аврора. 2011. № 5.

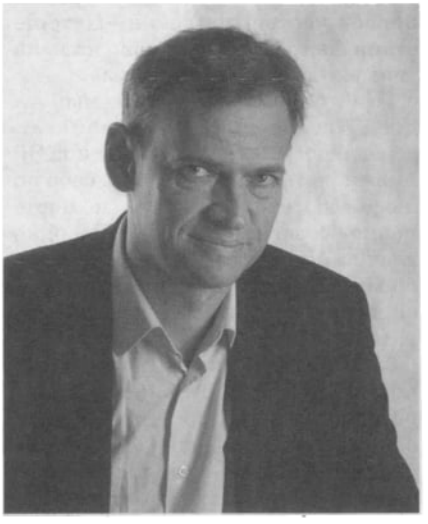
Н. Беневоленская

КИБАС (Скрыпкина-Кибас) Тамара Васильевна [23.11.1932, Л-д] — поэт, сценарист, детский писатель.

Автор 7 книг, из них три поэтич. сб. для детей. Член ЛИТО «Синтез» и член Лит. клуба «Зубрёнок».

Соч.: Две ленивые букашки. СПб., 2005; Кот и компот. СПб., 2006; Кролики на роликах. СПб., 2008; В мире что-то происходит. СПб., 2010.

КИ́ВИНОВ (наст. фамилия Пименов) Андрей Владимирович [25.11.1961, Л-д] — прозаик, сценарист.



Учился в лен. школе № 285. Увлечения детства — хоккей, футбол и приключенч. книжки, в старших классах — рок-музыка. Получив в 1986 диплом инженера-кораблестроителя, решил сменить выбранный путь и по комсомольской путевке пошел на работу в милицию, на должность оперуполномоченного уголовного розыска. Окончив высшие курсы МВД, попал в 64 отд. милиции Кировского РУВД. Пять лет служил в упомянутом подразделении, где и познакомился с героями своих будущих произведений (менты с «Улиц разбитых фонарей»). Там же, в свободное от службы время, написал перв. повесть **«Кошмар на улице Стачек»**. Повесть не предназначалась для изд., но для чтения в узком кругу. Тем не менее, в 1994 она вышла в свет и стала бестселлером. Тогда же возглавил созданное в районе отд. по раскрытию умышленных убийств, где и работал до 1998. С тех пор продолжает писать кн., общий тираж кот. составляет более 10 млн. экз.

Имеет правительственную награду — медаль «За отличную службу по охране обществ. порядка». В 1999 награжден премией МВД за лучшее произведение о деятельности органов внутренних дел. С 1999 по 2005 писал сценарии для сериала **«Убойная сила»**, за кот. получил телевизионную премию **«ТЭФИ»**. В 2005 восстановился на службу в органы внутренних дел в должности преподавателя-методиста Средней спец. школы милиции. В 2007 вышел на пенсию в звании подполковника милиции. Попал в кн. рекордов СПб. как создатель лит. основы самого «долгоиграющего» сериала в истории отеч. телевидения **«Улицы разбитых фонарей»**.

Автор сценариев новых теле- и кинопроектов для Первого канала ТВ по собств. кн. — **«Трудно быть мачо»**, **«Курьер из рая»** (по кн. **«Черный мерин»**), **«Подсадной»**, **«Каникулы строгого режима»** (совм. с Ф. Крестовым), **«Любовь под прикрытием»**, сценарист сериала «Куклы колдуна» по одноименной кн. В. Шервуд (компания «Феникс-фильм»), теле- и кинопремьеры кот. состоялись в 2008–09. В 2012 вышел сериал **«Опережая выстрел»** по оригинальному сценарию. Реж. Р. Качанов снял полнометражный фильм по роману К. **«Псевдоним для героя»**. За сценарий к фильму «Подсадной» получил очередную премию ТЭФИ.

Сайт: http://www.kivinov.ru/

Соч.: Кошмар на улице Стачек. СПб., 1994; Петербургский презент. СПб., 1994; Целую, Ларин. СПб., 1994; Чарующие

сны. СПб., 1994; Прямые улики. СПб., 1995; Ля-ля-фа. СПб., 1995; Охота на крыс. СПб., 1995; Высокое напряжение. СПб., 1995; Полное блюдце секретов. СПб., 1995; Инферно. СПб., 1995; Блюз осеннего вечера. СПб., 1995; «Два пива, гарсон!» (След бумеранга). М., 1996; Спасибо за музыку. М., 1996; Куколка. М., 1996; Двойной угар, или Охота на павиана. М., 1996; Мент обреченный. М., 1997; Дублер. М., 1997; Танцы на льду. М., 1997; Сделано из отходов. М., 1997; Карамель. М., 1998; Три маленькие повести о любви. М., 1998; Умирать подано. М., 1998; Клюква в шоколаде. М., 1999; Смерть под трактором. М., 1999; Рикошет. М., 1999; Псевдоним для героя. М., 1999; Роль второго плана. М., 1999; Кома. М., 2002; Цена поражения. М., 2002; Кошачий коготь. М., 2003; Продавец слов. СПб., 2004; Автокоп. СПб., 2004; Раз плюнуть. СПб., 2004; Черная метка. М., 2005; Черный мерин (Курьер из рая). СПб., 2006; Трудно быть мачо. СПб., 2006; Каникулы строгого режима (в соавт.). СПб., 2007; Подсадной. М., 2008; Одноклассница.ru. М., 2008; Ночь накануне (в соавт.). М., 2009; Три дня без любви. М., 2009; Пурга. М., 2010; Опережая выстрел. М., 2011; 15 суток или можете жаловаться! М., 2011; Русская угроза. М., 2012.

КИЛЁ Петр Александрович [25.5.1936, с. Дада Нанайского р-на Хабаровского края] — прозаик, драматург.

По рождению нанаец, по воспитанию и культуре — русский писатель.

Рано умерла мать. Учился в Найхине в интернате. О ранней поре жизни — автобиографич. повести **«Свойства души»** (1972) и **«Свет в листьях»** (1979).

В 1952, по окончании 7-го класса, уехал в Л-д, учился в школе, в свободное время посещал музеи, сидел в библиотеках. Поступил на философский фак-т ЛГУ, во время обучения подрабатывал почтальоном, вышел из ун-та со свободным дипломом (1966), в кот. в качестве специализации значилось «поэт» (исключительный случай).

Перв. повести **«Птицы поют в одиночестве»** (1970), **«Цветной туман»** (1971), **«Муза Филиппа»** (1971) опубл. в ж. «Аврора», кот. отчасти воспринимаются как автобиографические, т. к. их герой не просто рассказывал о событиях детства или студенч. юности, но вел своего рода обостренный лирич. монолог человека, кот. готов принять окружающий мир «как он есть», пропуская его через призму мировой культуры, составляющей важнейшую часть внутреннего мира автора. Перв. кн. прозы **«Идти вечно»** (Новосибирск, 1972).

С годами К. все больше погружается в контекст мировой культуры, оставляя за рамками своего внимания как веяния текущей лит-ры, так и мн. явления совр. жизни. Но при этом он не может не ощущать ее трагичность, что предопределило неск. «неактуальную» попытку К. обратиться к жанру античной и классической драмы в пьесах **«Орфей и Эвридика»**, **«Перикл»**, **«Алкивиад»**, **«Афинские ночи»**, **«Очаг света»**, **«Дон Жуан»**. Между тем уроки классики не проходят бесследно: период неудач и бесплодной моральной рефлексии оказывается в прошлом. Выходят кн. повестей и новелл **«Свойства души»** (Л., 1979), **«Весенний август»** (М., 1981), **«Под небом единым»** (Л., 1987), **«Чудесный вариант судьбы»** (М., 1989), в кот. ощущаются шаги к новой поэтике. Прошлое античности и современность России обнаруживают свои параллели. История Российского государства за посл. три столетия осмысливается впервые как **«Ренессанс в России»** (2002) — опубл. отрывок под тем же назв. в ж. «Нева» (2003. № 5).

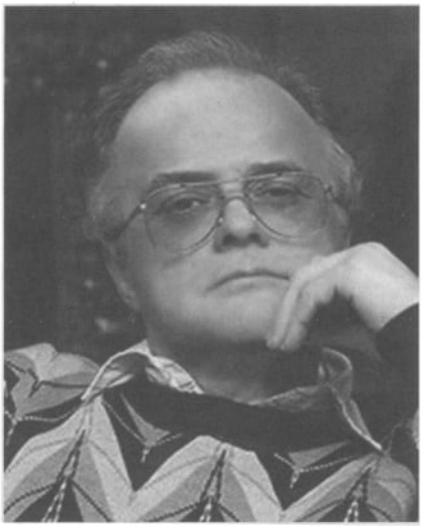
По мысли автора, трагич. эпоха предполагает жанр трагедии. Перв. драма в стихах, с элементами древнегреческой трагедии, напис. о зачинателе Ренессанса в России Петре I — **«Державный мастер»** (1998). Одновременно — работа над трагедией о Пушкине **«Мусагет»** (1997), далее **«Утро дней»** — о Валентине Серове и Николае II, комедия **«Анна Керн»**, **«Соловьиный сад»**. К 300-летию СПб. изд. сб. пьес под назв. **«Утро дней: Сцены из истории СПб.»** (2002).

Пока не изд. отдельные стихи, пьесы, романы, в частности, **«Сказки Золотого века»**, статьи по эстетике классич. древности и Ренессанса в странах Европы, Востока и в России (**«Эстетические опыты»**), но представлены на сайте К. «Эпоха Возрождения».

Соч.: Птицы поют в одиночестве. Л., 1970, Цветной туман. Л., 1971; Муза Филиппа. Л., 1972; Свойства души. Л., 1979; Весенний август. Л., 1981; Под небом единым. Л., 1987; Чудесный вариант судьбы. Л., 1989; Утро дней: Пьесы. СПб., 2002.

Н. Павлов

КИЛИПЁНКО Александр Васильевич [30.12.1951, Л-д] — прозаик, поэт, журналист, издатель.



Родился в Л-де, в интеллигентской семье. Отец — Шуряшкин Василий Петрович — считался одним из лучших преподавателей мат-ки в городе. Мать — К. Анна Васильевна — работала инженером в НИИ. Семья обитала в коммунальной квартире, наполовину заполненной книгами,

в старом районе Л-да, именуемом Коломной, практически в соседнем с описанным А. Пушкиным (поэма «Домик в Коломне») здании. В семье царили взаимоуважение и независимость мышления — во многом благодаря педагогич. таланту отца и свободомыслию матери. После окончания Лен. кораблестроительного ин-та (1975) К. работал на различных должностях в ЦНИИ им. Крылова. Однако искусство, и в перв. очередь литра, все глубже проникали в сферу его интересов, заставляя К. всецело посвятить себя худож. тв-ву.

Перв. небольшие лирич. рассказы К. опубл. в ряде газ. в нач. 1980-х. Неоднократно побеждал в лит. конкурсах. Кумирами К. в тот период были И. Северянин и Э. М. Ремарк. В 1992 в СПб. изд-ве «Борей» под девизом «Литература — это стиль жизни!» К. изд. сб. рассказов **«Персик»**. Склонность к самоанализу, обострённое чувство собств. достоинства, стремление к независимости суждений нашли отражение в характерах и поступках героев. В лучших традициях русской прозы искренние и трогательные слова автор нашёл для изображения животных. Тогда же был принят в СП. За кн. «Персик» получил лит. премию «Виват». На причитавшееся ему вознаграждение в 1993 К. изд. Международный лит.-худож. альм. «Санкт-Петербург — Иерусалим». В том же году всецело посвятил себя лит-ре и журналистике.

С 1998 К. нач. издавать альм. «Санкт-Петербург», в кот. выступает и как один из пост. авторов. На данный момент выпущено более 10 изд., в т. ч. «Санкт-Петербург — Флорида», «Санкт-Петербург — Нью-Йорк», «Санкт-Петербург — Мельбурн».

Публ. нечасто. Вместе с тем накопленный жизненный опыт, богатое воображение, редкая эмоциональность позволили К. создать своеобразный, эстетически утонченный мир женских образов — причудливую смесь прагматизма и романтических мечтаний, чистоты и порочности. Раскрытие загадочной парадоксальности женской натуры становится осн. темой прозы К. Если ранние рассказы К. в чем-то перекликаются с лит. творениями Франсуазы Саган, то последующие, в частности опубликованные главы из романов, свидетельствуют о заметном влиянии на тв-во К. произведений знатока женской психологии Г. Миллера.

К наст. времени К. завершил три, во многом автобиографических, романа — **«Козерог»**, **«Дева»**, **«Телец»**. Оригинальные, во многом эпатажные, они насыщены интеллектуальной, граничащей с парадоксальностью, нереальной эротикой.

Член Союза журналистов СПб. и Лен. обл. (2000), член Международного союза журналистов (Штаб квартира — г. Брюссель.) (2004). К. трижды удостаивался различных премий в обл. журналистики, опубл. более 300 журналистских ст., снимался в худож. фильмах.

Произведения К. переведены на английский, испанский, китайский яз. Имеет широкую интернет-аудиторию, прежде всего читательниц и почитательниц. Некот. наиболее вызывающие эротические рассказы и рассказы-очерки о путешествиях вышли в свет в различных, в т. ч. и интернет-изданиях, под псевд.

Соч.: Персик. СПб., 1992; Как я в Китае служил челноком // Стебок. СПб., 1993. № 2 (Живой Контакт. СПб., 1996); Яблонька // Колпица: Альм. СПб., 1993. Вып. 4; Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс! // Хиппиленд. СПб., 1994; Пью твою душу через соломинку // Совр. эротическая проза: Сб. СПб., 2004; Безумие // Изящная словесность. СПб., 2006. № 5; Безумие. Отдохнули хорошо, только устали очень // EDITA. Германия, 2007. Вып. 1 (26); Доброта нынче не в моде // Век XXI: Лит. альм. Вып. 7. Германия-СПб., 2007; Пума // Эра Эроса. Вып. 16. СПб., 2009; Пошел вон!: Рассказ // Витражи: Лит. альм. Вып. 4. Мельбурн, 2013.

А. Неклюдов

КИ́НЧЕВ Константин Евгеньевич (наст. фамилия Панфилов) [25.12.1958, М.] — музыкант, поэт.

Отец — Панфилов Евгений Алексеевич, докт. технич. наук, ректор Моск. технологич. ин-та (ныне — Российский гос. ун-т туризма и сервиса). Мать — Людмила Николаевна, инженер-механик, преподавала там же сопромат. В 1930-е дед К. по отцу был репрессирован, умер в Магадане. Бабушка К. вышла замуж второй раз, её сын получил фамилию Панфилов. Оставаясь по паспорту Панфиловым, музыкант взял в кач-ве сценического псевд. прямую фамилию деда — Кинчев (1976).

В 1966 пошёл в первый класс моск. школы № 49. В это вр. мать купила ему магнитофон, чтобы заинтересовать сына английским языком, в результате чего он начал слушать «The Rolling Stones». В семь лет убежал из дома: во время игры в пиратов сказал сверстникам, что знает, где нужно искать клад, детей сняли с поезда уже в Туле. В тот период жизни мечтал стать борющемся за справедливость индейцем Чингачгуком или одноногим пиратом Сильвером. Позже Константин увлекался хоккеем, занимался им до 1972. Осознав, что не достигнет высот в этой обл., ушёл из хоккея.

В четырнадцать лет вступить в комсомол, чтобы доказать родителям, что стал взрослым. В восьмом классе был исключен из ВЛКСМ за то, что пришёл в школу в неподобающем виде на следующий день после проводов друга в армию.

В пятнадцатилетнем возрасте в пионерлагере услышал «Black Sabbath», после чего занялся коллекционированием пластинок. Начали появляться перв. композиции собств. соч. Определился с жизненным выбором и решил, что будет рок-звездой. В 1973 в кач-ве бас-гитариста и бэквокалиста вошёл в состав группы, сформировавшейся при фабрике пластмассовых изделий в М.

После школы работал на з-де «Наука» учеником фрезеровщика, учеником чертёжника и художником-оформителем. Поступил в Московский технологич. ин-т на фак-т «Эко-

номика и финансы». Параллельно год отучился в певческом училище при Большом театре. После ухода одновременно работал натурщиком в Суриковском училище, грузчиком в булочной и администратором женской баскетбольной команды. Некот. вр. учился в джазовой студии в Замоскворечье. Призыва в армию избежал по статье «остаточные явления черепно-мозговой травмы».

Играл в неск. моск. группах — «Золотая середина», «Круг чёрной половины» (1974), «Третья факкоманда» (1974). В Тушино создал собств. группу «Сломанный воздух», кот. исполняла западную рок-классику на танцплощадках г. Красногорска. Через два года группа распалась. Ни одна из команд не оставила после себя записанного мат-ла. В 1983 появилась группа «Зона отдыха», исполнявшая только песни К. Группа записала магнитоальбом, не сохр.

В кон. 1983 в Л-де распались две группы — «Хрустальный шар» и «Демокритов колодец», на осколках кот. С. Задерий собрал новую группу под назв. «Алиса». В неё, кроме самого Задерия, игравшего на бас-гитаре, вошли Борис Борисов — саксофон, вокал; Михаил Нефёдов — ударные; Андрей Шаталин — гитара; Павел Кондратенко — клавиши. В таком составе они записали первый магнитоальбом «Кривозеркалье» и выступили на II рок-фестивале Лен. рок-клуба. Сразу после фестиваля из группы ушёл вокалист Б. Борисов.

В это вр. (1984) К. перебрался из М. в Л-д, познакомился со звукорежиссёром И. Гудковым, кот. пригласил К. в «Алису» на вакантное место вокалиста. Репетиции группы в новом составе начались в дек. 1984. М. Нефёдов: «Приехал Кинчев, скромный такой. И <...> с первой репетиции как-то покатило, мы сразу за один присест сделали шесть вещей — основу будущей программы „Энергия“».

В 1985 на третьем фестивале Лен. рок-клуба состоялось первое выступление К. в составе группы «Алиса». Тогда же «Мелодия» выпустила перв. пластинку «Алисы» при участии К. под назв. «Энергия». В 1986 С. Задерий, уступив в борьбе за лидерство К., покинул «Алису».

В 1986 К. принял участие в съёмках фильма «Взломщик». По словам музыканта, он согласился сниматься в фильме только для того, чтобы уйти от статьи за тунеядство. За участие в фильме получил звание «Лучший актёр года» на международном кинофестивале в Софии. Позже снимался в фильмах «Переступить черту» и «Йя-Хха».

В 1987 вышел альбом «Блок ада», который, по мнению К., в отличие от «Энергии», уже достоверно передавал состояние группы. В новом альбоме впервые ярко выразился индивидуальный стиль текстов К. Песня **«Красное на чёрном»** определила фирменные цвета «Алисы» и её поклонников. Начала формироваться регулярная гастрольная деятельность, во вр. одного из выступлений (1987) произошёл скандал, известный как «Дело Кинчева».

17 февр. 1988 ушел из жизни рок-бард и друг К. — Александр Башлачёв. Лидер «Алисы» тяжело переживал потерю друга, в его тв-ве впервые начала появляться тема расплаты за чрезмерную вольность. Сразу после гибели Башлачева была написана песня **«Шабаш»**, названная путём соединения двух слогов имени и фамилии: СашБаш. В 1991 вышел одноимённый альбом, кот. стал первым в истории отеч. рока концертным двойным диском. К. говорил, что научился у Башлачёва бережному отношению к слову.

В авг. 1991 во время путча К. принял участие в обороне Белого дома в М.

В 1992 группа «Алиса» выступала с концертом в Иерусалиме. Во время недельного пребывания посетил все святые места и, по его словам, «напитался этим духом». По возвращении принял православие, крестившись 26 сент. в церкви Живоначальной Троицы в Останкино. После этого произошла переоценка мн. вопросов. В т. ч. К. начал бороться с собств. наркозависимостью, что с положительным результатом закончилось в 1994. Со слов музыканта это удалось сделать только с Божьей помощью: «Я исповедовался, просил и опять падал [...] думал: „ты, подлец, самому Богу врёшь“, жгучий стыд накапливался в сердце [...], потом промежутки между падениями становились всё больше и больше, и потом совсем перестал». В апр. 2000 бросил пить, позже несколько раз бросал курить во время поста. Руководствуясь мыслью Антония Сурожского «тело — это видимая часть души», музыкант начал ходить в тренажёрный зал. Одновременно изменились полит. убеждения: ранее К. называл себя анархистом, впоследствии стал придерживаться монархич. взглядов.

В 1993 из рук президента России Б. Ельцина получил награду «Защитник свободной России». Через год музыкант официально вернул награду, тем самым выразив протест против убийства журналиста Д. Холодова и началом воен. действий в Чечне.

12 апр. 1993 произошло событие, оказавшее влияние на будущее группы: покончил с собой гитарист И. Чумычкин. Все участники группы тяжело переживали потерю, после выступления в ноябре «Алиса» почти на год прекратила концертную деятельность, возобновив её только в 1994. В 1994 в память о гитаристе был выпущен альбом **«Чёрная метка»**. Тогда же на студии «Муха» были нарисованы комиксы «Чёрная метка», «Для тех, кто свалился с Луны» и «Земля», гл. героем кот. стал К.

В 1996 году «Алиса» приняла участие в туре «Голосуй или проиграешь». Тогда же был выпущен альбом **«Jazz»**, вместивший в себя песни, кот. К. играл на квартирных концертах в сов. период жизни.

В 1998 записан альбом **«Геополитика»**, кот. стал результатом сотрудничества К. и А. Аксёнова. В альбом вошли песни К. в техно-обработке. Из-за финансовых проблем издание «Геополитики» было отложено на год. Со слов лидера «Алисы», этот альбом — «баловство и игрушка».

В 2000 вышел альбом «Солцеворот», из-за особенностей оформления кот. К. обвинили в фашизме. К. объяснял, что символ означает снискание благодати Святого Духа.

В марте 2001 изд-во «Эксмо» выпустило кн. стихов К. **«Солнцеворот»**, в кот. тексты сгруппированы не по дате их написания, а в зависимости от их внутр. содержания. В кн. десять смысловых разделов: «Полдень», «Финист», «Нате», «Асфальт», «Всё это», «Посолонки», «Явь», «Сиверга», «Зерна» и «Соль». Кн. оформлена оригинальной графикой моск. художника Маньшавиной и фотографиями из личного архива К.

В 2003 издан альбом **«Сейчас позднее, чем ты думаешь»**. Одна из песен альбома, **«Грязь»**, вызвала бурные отклики. В песне говорит о том, где и в чём К. видится «грязь». В кач-ве соло к песне использован фрагмент еврейской народной мелодии. Отвечая на вопросы, «почему вы считаете, что во всех бедах русских виноваты евреи», К. объясняет, что в этой песне обличается «безродный космополитизм», востребованный и необходимый «обществу тотального потребления», «обществу разнузданной вседозволенности» и «открытого богоборчества».

В 2004 вышла книга фотографий Кинчев-Потапов, в кот. вошли снимки разных лет.

В 2007 во время концертов-презентаций альбома «Стать Севера» группа «Алиса» исполнила песню **«Власть»**, кот. затрагивала рев. события на Украине, после чего в местной прессе появились статьи о том, что К. будет запрещён въезд на территорию стран. В том же году К. собрал огромное кол-во российских рок-музыкантов для записи песни **«Rock-n-Roll — это мы»**.

После смерти близкого друга А. Аксёнова К. сделал трибьют-альбом «Выход дракона» (2009).

В 2011 принял участие в вечере, организованном Патриаршим центром по работе с молодежью при Свято-Даниловом монастыре в Центр. доме журналиста.

В 1991 получил муз. премию «Овация» в номинации «Лучший рок-певец». В 2006 награжден премией «Петрополь» в номинации «За свободу, искренность и поэтичность творчества». В янв. 2007 в Исаакиевском соборе СПб. получил почётный знак святой Татианы, учрежд. в 1996 Советом ректоров вузов города, СПб. епархией и межвузовской ассоциацией «Покров». В марте 2008 получил премию «Чартова Дюжина» в номинациях «Солист» и «Группа».

В наст. время большую часть года К. с женой проживает в деревне под М.

В сер. 1990-х К. называл Г. Гессе своим любимым писателем, говорил, что находит в его произведениях истины, близкие своему моральному коду. Утверждал, что любит Ницше, хотя принимает не все его идеи и любит его как поэта, а не как философа. Из русской прозы К. отдавал своё предпочтение Гоголю. В 1999 отошёл от чтения светской лит-ры, стал знакомиться с житиями святых и старцев, в кот. находит духовную энергию для себя.

Лит.: Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документации. Публикации. СПб., 1993; Троегубов В., Челищева Н. «Алиса» 100 страниц. М., 2003.

Д. Прохорова

КИРИ́ЛЛОВ Владимир Тимофеевич [2(14).10.1890 (по др. данным 1889), д. Харино Духовщинского у. Смоленской губ. — 16.7.1937, М.] — поэт.

Родился в крестьянской семье. Отец будущего поэта служил некот. время приказчиком в книжном магазине в Смоленске, рано умер. В 9 лет К. был отдан учеником в сапожнозаготовочную мастерскую в г. Орел. Около 3 лет он проработал в мастерской. Но «ученичество» у сапожников оказалось невыносимым для мечтательного мальчика: он сбегает из мастерской. Сначала в Тифлис, где жила старшая сестра, а затем перебирается в Одессу, где работала кухаркой его мать. В 1903 стал юнгой на одном из пароходов торгового флота. Побывал в Турции, Греции, Египте. В 1905–06 был участником рев. движения черноморских моряков. «Волнующее чтение запрещенных книг, непременное участие во всех революционных выступлениях в качестве агитатора и дружинника наполняло теперь всю мою жизнь. Я заучивал наизусть революционные песни. С упоением читал Некрасова и декламировал матросам его "Парадный подъезд"», — вспоминал позднее поэт (цит. по: Зелинский К. О Владимире Кириллове). В 1906 вместе с др. участниками рев. волнений юнга К. был арестован, но по молодости лет избежал расстрела или каторги, был выслан на поселение под надзор полиции в г. Усть-Сысольск Вологодской губ. В ссылке юноша мн. читает, увлекается музыкой, знакомится с русской поэзией XIX в., публикациями совр. поэтов. Увлечение поэзией настолько захватывает юного революционера, что он сам начинает писать стихи. Занятия музыкой пригодились К., когда он в 1910 вернулся из ссылки. Начинающего поэта принимают в оркестр русских народных инструментов. В 1911 К. побывал в составе оркестра в крупнейших городах США: Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско.

В 1913 в «Народном ж.» (№ 20) появилось его перв. опубл. стих. — **«На родине»**, ученическое пейзажное стих., ничем не предвещающее торжественно громыхающие ритмы одного из ведущих поэтов «Кузницы». В 1914 призван в армию. Рев. события застают его на фронте. Во время Февральской революции был членом полкового комитета, во время Октябрьской — секретарем райкома партии большевиков в Пг. В 1917–18 работает в Пг. Пролеткульте, активно печ. в ж. «Грядущее», «Пламя», в это время написаны самые изв. стих. К.: **«Железный Мессия»**, **«Мы»**, **«Матросам»**. «Многие мои стихи, переложенные на музыку и зафиксированные на граммофонных пластинках, широко распространялись по всей стране. 1917–1918 гг. и моя работа в это время остались для меня ярчайшей страницей в моей жизни...» — писал поэт в автобиографии (см.: К. Зелинский). Особую известность в перв. послерев. годы получило стих. «Мы», полемически заостренные лозунги кот. («Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля, / Разрушим музеи, растопчем искусства цветы») взял на вооружение Пролеткульт. В 1918 изд. перв. поэтич. сб. К. **«Стихотворения, 1914–18 гг.»** (Пг., 1918). Затем выходят сб.

«Зори Грядущего» (Пг., 1919), «Железный Мессия» (М., 1921). Стихотворениям этих сб. присущи типичные для поэзии пролеткультовцев романтич. приподнятость стиля, обилие абстрактной образности, чрезмерное увлечение заглавными буквами: «Славьте Великое Первое Мая — Праздник Труда и паденья оков». С 1920 живет в М., становится одним из организаторов и актив. участником объединения пролетарских писателей «Кузница».

В 1921 избран председателем ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей). В годы нэпа поэт переживает глубокий творч. и идейный кризис. Выходит из «Кузницы» и из ВАППа. Настроения тех лет нашли отражение в поэтич. сб. «Голубая страна» (М.; Л., 1927) и «Вечерние ритмы» (М., 1928). Обе кн. стихов подверглись жесткой критике за «упаднические настроения» (см.: Селивановский А. Живой мир и бутафория // Молодая гвардия. 1928. № 9; Малахов С. Буржуазные и мелкобуржуазные тенденции в совр. поэзии // Революция и культура. 1929. № 2). Действительно, слишком был резок переход от торжественной риторики поэзии Пролеткульта к пластически осязаемой живописи крымского пейзажа: «Тяжелых, томных слив голубоватый иней, / Свисая за плетень, глядится в водоем» («Стихи о Крыме», 1926), или звукописи стих. «Весенний концерт» (1926). В 1930-е К. возвращается к актив. общественно-лит. деятельности, избирается членом правления Всероссийского СП. Но в печ. выступает сравнительно редко. Репрессирован и расстрелян в 1937. Реабилитирован посмертно.

Соч.: Стихотворения. 1914–18. Пг., 1918; Избр. стихи. М., 1933; Стихотворения / Предисл. К. Зелинского. М., 1958; Стих. и поэмы / Предисл. А. Суркова. М., 1970.

Лит.: Садофьев И. Поэт Владимир Кириллов // Лит. еженедельник. 1923. № 10; Фатов Н. В. Т. Кириллов // Совр. писатели в школе. Л., 1925; Розанов И. Пролетарские поэты. М., 1927; Селивановский А. Очерки по истории русской сов. поэзии. М., 1936; Зелинский К. О Владимире Кириллове // Кириллов В. Стихотворения. М., 1958; Сурков А. Поэзия рев. пафоса // Кириллов В. Стих. и поэмы. М., 1970.

В. Журавлев

КИСЕЛЁВА Ирина Викторовна (псевд. Мирозвукова) [16.3.1951, Л-д] — поэт, очеркист, филолог.

Дед по отцу — Василий Романович Мирозвуков (урожд. Литвинóв) — священник Свято-Троицкой церкви Томска, регент объед. хоров Томска. Расстрелян в 1937, причислен к лику Новомучеников Российских (ему посвящ. очерк К. «Неоконченная мелодия»). Отец — Виктор Васильевич Литвинов — музыкант, композитор; мать — Эмма Исааковна Левкович. В шестилетнем возрасте К. лишилась родителей, приемной матерью стала сестра отца.

Детство К. прошло в Алма-Ате, где закончила муз. школу. В 1966 семья переехала в Томск, где К. окончила ср. школу и Томский гос. ун-т по специальности филолог-русист. В 1980 переехала в Л-д и поступила в аспирантуру ЛГПИ им. А. Герцена. Защитила канд. дис. «Проблематика и поэтика раннего Джойса» (1984). Работала в Блоковской группе ИРЛИ РАН (1984–86). Затем жизнь поэтессы протекает в пост. странствиях. К. работала школьным учителем, преподавателем в вузе, журналистом в Томске и СПб. попеременно. В 2001 трудилась послушницей в Свято-Покровском монастыре в Бюсси-ан-От во Франции.

Стихи пишет с 9 лет, публ. в школьной газ. О своем призвании К. замечает: «Цветаева говорила Мандельштаму: “В тебе божественного мальчика десятилетнего я чту”. Я ощущаю себя ребенком лет десяти. В это время ко мне пришли первые стихи. Но не пяти и не пятнадцати. В пятнадцать мне было уже трудно жить. А в десять было такое замечательное состояние и мне не хотелось взрослеть» (Автобиография). М. Цветаеву и О. Мандельштама К. называет своими поэтич. учителями.

В нач. 1990-х К. посетила Покровский монастырь в пос. Могочино Томской обл., общение с паломниками и монахами укрепило К. в православии, кот. становится определяющим мировоззрением. Некот. время размышляла о принятии монашеского сана. Все эти переживания отразились в тв-ве; в перв. кн. «Словом белым вернусь» (1994) вошли циклы «На Воскресенской горе» и «Рождественские сны».

Впоследствии публ. в периодике Томска (ж. «Сибирские Афины», газ. «Томский вестник», «Народная трибуна») и СПб. (ж. «Рог Борея», «Остров», «Балтийский парус», газ. «Лит. Петербург» и «СПб. ведомости»).

В. Колыхалов, отмечая в ранних сб. К. «резкие перескоки с размера на размер, шершавость отдельных строк, трудные рифмы и прочие нескладности», в то же вр. находит в стихах «емкость мысли, образность и философичность». Лирич. героиня стих. К. смотрит на мир открыто, с удивлением и радостью, по-детски доверчиво. К. признается: «Сама жизнь удивительна. Надо принять жизнь и быть благодарным за все, что она дает. Поразительно, что мы живем на этой земле. Поразительны доброта человека, Божья воля над собой» (Автобиография). Осн. мотивы поэзии — природа, любовь, тв-во, Бог; ее своеобразие — в устремленности к горнему, неискоренимой романтике. К., воспитанная на идеалах православия, считает себя подлинно русским человеком.

При всей неодолимой тяге к путешествию, точнее к странничеству («Улететь, убежать на рассвете...») в стих К. живет постоянное и глубокое ощущение родины — России. Это не только конкретные переулки, сосны или поляны, но Русь невидимая, Русь Святая. Незыблемые ценности в ее стих. — Бог, родина, природа, близкие, друзья. За эти ценности лирич. героиня молится и, следовательно, борется: «Господи! / Отведи руки

черные / От страны моей / От живущих в ней!» («**Молитва**»).

Поэзия К. эмоциональна и одухотворенна, пронизана светом. Ее наполняют сверкающие каскады, сполохи золотого света, сияние «чистой звездной россыпи», «теплый лучик на талом снегу». Свет не только сопровождает радость, он пронизывает и грусть и тем самым умиротворяет, утешает, исцеляет душу. Стих. К. открыты, искренни и предельно исповедальны. Лирич. героиня совпадает с личностью автора — человека с душой мягкой, сострадательной и созерцательной. Из двух служений женщины, названных в Евангелии — Марфы и Марии — ей ближе Мариино, об этом — программное стих. «**Выбираю Марию**» (впрочем, поэтесса тут же уточняет: «Этот путь Богом дан»). Самосознание героини, смиренно принимающей волю Промысла, выражено определенно: «А поэт — лишь только орудие / Слова — света в предвечной мгле».

Поэзию К. отличают образы звездного неба, полета; уже из названий книг («**Жасминовый куст**», «**Белый снег нарисую**», «**Мой светлый ангел**») видна очарованность автора снежной белизной. Образ снега проходит сквозь все тв-во К., становясь символом чистоты, духовной радости, утешения: «О, только б не кончался снег... / Скользил сквозь память тихо, нежно, / И в снежной замяти безбрежной / Не так жесток казался б век»; «Благородно, прозрачно и скорбно, / Словно Богом роняем во сне, / Снег ложится на спящий мой город / В невесомой земной тишине». Петерб. циклы сб. «**Снег над городом**» навеяны поэзией А. Блока с ее «среброснежными метелями», вьюгами, голосами. В стихах К. есть «филология, музыка и... неспокойная противоречивая душа» (В. Крюков). Много стих. посвящено Томску и СПб., между кот., вслед за поэтессой, мечется ее лирич. героиня. Если качество СПб. — красота («Вернусь к дождям родного Питера, / Холодным и прекрасным!»), то у Томска — доброта («Добрый мой город! / Ты моя радость и ты мой покой... Ты отведи от меня беду, / Подари мудрость»). С годами все большее предпочтение перед СПб. — «городом разлук» — К. отдает Томску: «О город мой, Сибирские Афины»; «Ощутить мрак сырой над каналами / Не желаю я даже врагу. / Позови меня, Родина малая. / Я дышать без тебя не могу!».

Кн. «**По светлому лучу**» (2002) построена как календарь: от одного православного праздника к др. разворачивается «картина православной жизни России и кровной ее частицы — лирической героини книги» (А. Мальцева). В стихах К. звучат мотивы покаяния, обращения к тем, кому не додано тепла и внимания, нежности и благодарности. Любовь в поэзии К., как правило, неразделенная: «Ты меня оттолкнул. / Уходя — уходил... Ты меня не любил / не любил / не любил», переживания оставленной женщины традиционны для русской поэзии: «Платье нежное, платье белое / Шелестит, как июньский дождь... / Верно, зря я однажды поверила, / Что меня ты любишь и ждёшь» («**Я куплю белоснежной материи...**»). Тем не менее поэтесса сохраняет «благодарное восприятие бытия», и в стихах К. постоянно «исповедальная искренность, какая-то обезоруживающая открытость к людям подспудно звучат как зов к добру» (Я. Яценко). «Несмотря на свою незащищенность и ранимость, она по-детски верит в свое высокое призвание — нести людям тепло» (В. Доманский): «Хочу согреть родные души! / Как научить их слушать?»; «Я голос подарю тебе. / Он плачет о твоем бессмертье. / Я напишу, а вы измерьте / Покорность Богу и судьбе...».

К. — автор неск. кн. стихов для детей. Героиня «**Девочки с корзинкой**» (2000) любит лес, цветы, травы и грибы — весь земной мир в его разноцветьи, но вместе с тем устремлена к идеальному началу, дарит детям радость жизни. Русский лес открывается как человеч. душа. В кн.-раскраске «**Сибирская радуга**» (2006) К. передает звучание птичьих голосов как удивительную музыку неба. Подтекст этой кн. — полет души человеческой, задача автора — воспитывать в детях романтич. начало, кот. поможет им в жизни. «**Подарю тебе цветочек аленький**» (2009) — кн. о цветах: «Мне хочется воспеть всю красоту мира — неба и земли. В детских глазах, широко распахнутых миру, похожих порой на "Анютины глазки" я вижу открытость, доверие, которые не хотелось бы обманывать».

В 2009 поэтич. география К. расширяется: возникают циклы «**Израильские мотивы**», «**Туруханские зарисовки**», стих. об Абхазии, Пятигорске, Кипре (сб. «**На пути к сияющему Граду...**»). Стихи К. переводились на итальянский и английский яз.

Проза К. родилась из занятий журналистикой: работая в газ. «Томские православные ведомости», К. выступала с очерками, писала статьи в защиту монастырей. Кн. «**Путями Домны Блаженной**» (1993) посвящ. юродивой XIX в., К. воссоздает картину духовной жизни томских сел, проходит дорогами крестных ходов, в кот. участвовала и св. Домна. В раздел «**Дорогами милой Франции**» (кн. «**Незримые дали России**», 2004) вошли очерки о Покровском монастыре в Бюсси-ан-От, о Н. Зайцевой-Соллогуб, о кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Книги очерков и рассказов «**Люди-птицы**» (2006) и «**Лик на старом снимке...**» (2012) повествуют о людях, оставивших след в душе автора, встреченных на жизненном пути. К. не оставляет и филологич. штудий, преимущественное внимание уделяя фигурам православных писателей — Шмелева, Зайцева, Никифорова-Волгина, кот. посвящены и стихи, и статьи.

Итогом многолетней работы К. по собиранию мат-лов о дочери М. Цветаевой писательнице Ариадне Эфрон стало худож.-докум. повествование «**Земное странствие звезды Ариадны**» (2012). Это первая полная биография А. Эфрон, основанная на матлах архивов и мемориал. музеев, воспоминаниях близких к ней людей. Чтобы понять драматич. судьбу героини, К. посетила места ее пребывания: Чехия, Франция, Елабуга, Туруханск (сибирский городок, где 18 лет провела в ссылке Ариадна).

Соч.: Путями Домны Блаженной. Томск, 1993; Словом белым вернусь / Предисл. В. Климычева. Томск, 1994; Белый снег нарисую. Томск, 1995; Жасминовый куст. Томск, 1995; Мой светлый ангел: Стихи и эссе. Томск, 1999; Я голос подарю тебе / Предисл. В. Крюкова. Томск, 2000; Навстречу светлому лучу. Томск, 2001; Снег над городом: Стихи разных лет / Предисл. И. Маляровой. Томск, 2001. По светлому лучу. СПб., 2002; Незримые дали России: Стихи и проза / Предисл. В. Колыхалова. Томск, 2004; Люди-пти-

цы: Рассказы, очерки. Томск, 2006; Снежными дорогами России. СПб., 2006; Избр. Томск, 2007; На пути к сияющему граду: Кн. стихов / Предисл. Г. Небараковской. Томск, 2011; Лик на старом снимке...: Рассказы-очерки. Томск, 2011; Земное странствие звезды Ариадны. Томск, 2012.

Лит.: Климычев Б. Лирич. герой в поэзии И. В. Киселевой // Народная трибуна. 1992. № 6; Доманский В. «Хочу согреть родные души» // Alma-mater. Томск, 1994. № 3; Колыхалов В. Свечение строк // Киселева И. Белый снег нарисую. Томск, 1995; Яценко В. Хранить доброту // Киселева И. Мой светлый ангел. Томск, 1999; Малярова И. [Рец.: Снег над городом] // Лит. Петербург. 2001. № 8; Мальцева А. Книга Божьей души // Лит. Петербург. 2002. № 3; Колыхалов В. Счастливая странница // Сибирские Афины. 2004. № 8; Любомудров А. Под охраняющими крыльями Ангела // Киселева И. Снежными дорогами России. СПб., 2006: Любомудров А. Предисл. // Киселева И. Избр. Томск, 2007.

А. Любомудров

КЛАДО́ Татьяна Николаевна [17.5.1889 — 1972] — ученый, поэт, переводчик, прозаик.

Родители были в СПб. изв. людьми. Отец — Николай Лаврентьевич Кладо (1862–1919) — военно-морской теоретик и историк, генерал-майор, проф., в 1917–19 — начальник Морской академии. Мать, Анна Карловна Буане (по втор. мужу Яворовская, 1869–1939), поэтесса, беллетристка, переводчица, была держательницей неск. популярных ж., в 1908–17 владелицей ж. «Новый журнал для всех». После революции пыталась продолжать издат. деятельность, напечатала, как оказалось, фальшивые дневники Вырубовой, дальше ее следы теряются в тюрьмах.

В 1906 К. закончила Гатчинскую гимназию с золотой медалью. Поступила на физико-математический фак-т Высших женских (Бестужевских) курсов, окончила в 1910 и была принята на работу на аэрологическое отд. Павловской метеорологич. обсерватории. В 1912–13 сдала гос. экзамены в СПб. ун-те и стала первой в мире женщиной-аэрологом — науч. сотрудником Гл. физической лаборатории.

Одновременно писала стихи, чистые по настрою и словесному воплощению (**«Оттепель»**, **«Весеннее»**, **«Липы в золотистых уборах»**, **«Август»**, **«В поезде»**, **«На столе развернула план...»**). Довольно много печ. в 1915–17 в «Ж. для всех», в «Новом ж. для всех», «Ежемесячном ж.», «Дамском ж.» и др. (использовала псевд. Т. К. и О. Дальк). «Ночь тревожит странною, призрачной истомою, / Полон обаяния предрассветный час... / Все родное, милое, все давно знакомое, / Все — в который раз... // С прошлым настоящее тайной цепью свяжется, / Так же ровен времени неустанный ход... / Скрытое — не понято, лучшее — не скажется, / Жизнь пройдет...». Лейтмотив лирики К. — несчастная любовь, кот. заставляет автора внимательно вглядываться и в собств. душу, и в мир природы, ее собеседницы, наперсницы, подруги. Стихотворения К., как правило, печальны, но их «печаль светла». Это, безусловно, женская поэзия, но как будто впервые сказавшая о том, что безответная любовь обогащает личность, если героиня состоялась как личность. «А если к победе душа остыла / И труден холодный путь без цели? / А если я Золушка, в самом деле, / И рыцарем быть — не хватает силы? // А если в жизни все — лишь минутное, / И с новой минутой — в новой маске? / Что, если вечно душа опутана / Только исканьем волшебной сказки? // Чем вот сейчас прогоню тоску / О том, чтоб принц из страны туманной / Меня одну искал неустанно / По оброненному башмачку?».

После 1917 собств. стихов не публ. Под собств. фамилией как поэт-переводчик принимала участие в сб. латышской и финляндской лит-р, выпущ. в Пг. соответственно в 1916 и 1917.

Когда после революции по инициативе М. Горького в Пг. было организовано из-во «Всемирная лит-ра» (зав. поэтич. редакцией — Н. Гумилев), К. начала делать для него поэтич. переводы. Первой переложила на русский яз. произведения Дж. Китса («Канун Святой Агнессы») и поэзию Данте Г. Россетти. Переводы, кот. трудно датировать точнее, чем 1918–21, сохранились в архиве изд-ва (фонд изд-ва «Всемирная лит-ра» в РГАЛИ), частично напеч. в кн. «Антология английской поэзии» (под ред. Н. Гумилева). Перевела поэму «Гяур» для готовившегося в изд-ве (но не увидевшего свет) собр. соч. Дж. Байрона. Ранее не опубл. переводы К. увидели свет в 1998–2000 в разных изд.

В нач. 1930-х переводила «Очарованную душу» Р. Роллана, спешила довести работу до конца, но не успела. Была арестована в 1935 после выпуска научн. изд. **«Высокие слои атмосферы»** (1934). В период знаменитого «кировского потока» (с 1935 примерно до 1947) жила в дер. под Саратовом, работала учетчицей на свиноферме, бухгалтером в совхозе.

В 1930 в серии «Занимательная наука» в кооп. изд-ве «Время» вышла кн. К. и Д. Святского **«Занимательная метеорология»**, кот переизд. в 1934, 1935, даже тогда, когда автор находилась в ссылке.

Возвратившись в Л-д (около 1947), служила в Ин-те истории естествознания и техники АН СССР (с 1955). Занималась исследованием русско-французских лит. связей, понемногу включилась в перевод науч. литры, позднее всерьез занялась популяризацией (в т. ч. климатологии) и историей науки. Написала науч.-популярн. кн. **«Климат, его значение и методы изучения»**, в соавт. с Е. Андреевой выпустила две кн. — **«На дне воздушного океана»** (1959) и **«Атмосфера и жизнь»** (1963).

Неизвестна даже знатокам Серебряного века, хотя прожила трудную и насыщенную тв-вом жизнь, навсегда оставила свое имя в истории русской науки и культуры.

Соч.: Высокие слои атмосферы. Л., 1934; На дне воздушного океана (в соавт. с Е. Андреевой). Л., 1959; Атмосфера и жизнь (в соавт. с Е. Андреевой). Л., 1963; Антология англ. поэзии / Перев. Т. Кладо. М., 2000; «В поезде» и др. стихи // Новая Юность. 2002. № 6 (57); Д. Г. Росетти. Дом Жизни: Поэзия. Письма 1836–81 / Перев. Т. Кладо. М., 2005; Снежинки — чудо природы // Наука и жизнь. 2006. № 2.

Лит.: Володарская Л. Близко черта завершенного круга // Новая Юность. 2002. № 6 (57); Морозов Ю. Занимательная метеорология Д. О. Святского и Т. Н. Кладо // Наука и жизнь. 2006. № 2.

Л. Володарская

КЛЕМАН Михаил Карлович [22.7 (3.8).1897, г. Туккумс Курляндской губ. — 15.4.1942, г. Чкалов (Оренбург)] — литературовед.

Отец латыш, мать русская. Отец, крестьянин по происхождению, сдал

экзамен на звание провизора, и в связи с этим, по тогдашнему латышскому обычаю, сменил свою исконную фамилию *Аболиньш* («клеверок») на синонимичную ей немецкую. После смерти отца К. с матерью переехал в СПб. С 1907 учился в реальном отделении приюта принца Ольденбургского.

В 1914 поступил на филологич. фак-т Пг. ун-та. С перв. года обучения принял участие в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова. В 1917 совмещал учёбу со службой в архиве Мин-ва народного просвещения (архивариус), затем архивистом в архиве Комиссариата народного просвещения, одновременно работал библиографом в Гос. книжной палате. С этого вр. вошёл в состав Комиссии по описанию ж-лов при Русском библиогр. об-ве.

В 1918 из-за тяжёлых условий жизни уехал Вятскую губ. В 1919–21 и 1924–26 преподавал в школе второй ступени в с. Ново-Троицком. В промежутке в 1922 закончил ун-т (словесное (русское) отд. фак-та обществ. наук) и затем два года служил секретарём гуманитарного отдела Лен. ин-та политико-просветительной работы.

По окончании обучения занимался педагогич. работой, в т. ч. вел тургеневский семинарий в ЛГУ. Занимался науч. деятельностью. С 1923 по 1924 — секретарь гуманит. отд. Лен. ин-та политпросветработы. В 1926–29 — аспирант ИЛЯЗВ. В 1930 защитил канд. дис. **«Эмиль Золя в России, 1865–73»**. В 1929–33 был науч. сотрудником перв. разряда Ин-та речевой культуры, в 1932–33 и в 1935 — ИРЛИ АН СССР (группа по изучению жизни и тв-ва Гоголя, Комиссия по подготовке ПСС и писем И. Тургенева, в Архиве). В 1933–36 — доц. ЛИФЛИ, в 1935–38 — доц. ЛГПИ им. А. Герцена. В 1938 присвоена учёная степень канд. филол. наук и учёное звание проф. по каф. русской лит-ры. В 1939–41 работал на филологич. (доц. каф. истории русской лит-ры) и историч. фак-тах ЛГУ. В 1940–41 — в Ин-те языка и мышления (словарный отдел, помощник гл. ред.)

Пережил первую блокадную зиму в Л-де. В марте 1942 был эвакуирован в Ср. Азию, но до места не доехал, умерев от осложнений в результате дистрофии в оренбургской больнице. В посл. год своей жизни работал над докт. дис. по тв.-ву И. Гончарова.

Опубл. мн. науч. работ, преимущественно посвящ. И. Тургеневу (текстологич. и источниковедч. исследования К. сохраняют значение до сих пор). Занимался изучением тв-ва Н. Гоголя, В. Белинского, И. Гончарова, А. Писемского, а также франц. реалистов и натуралистов, особенно Золя.

Автор кн. **«И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников»** (1930); **«Летопись жизни и тв-ва И. С. Тургенева»** (1934); **«Эмиль Зола»** (1934); **«Иван Сергеевич Тургенев. Очерк жизни и тв-ва»** (1936); **«Эмиль Зола. 1840–1940»** (1940; совм. с Б. Реизовым). Известны работы К. в обл. истории журналистики и библиографии.

Член ССП.

Архив: ИРЛИ, ф. 84.

Соч.: Густав Флобер // Франц. реалистич. роман XIX в. Л.; М., 1932; И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л., 1930; Стилистич. работа Тургенева // Лит. учеба. 1934. № 7; Летопись жизни и тв-ва И. С. Тургенева. М.; Л., 1934; Эмиль Золя: Сб. ст. Л., 1934; И. С. Тургенев: Очерк жизни и тв-ва. Л., 1936; И. С. Тургенев и Проспер Мериме // Лит. наследство. Т. 31–32. М., 1937; Эмиль Золя. 1840–40. Л., 1940 (совм. с Б. Реизовым).

Лит.: Берков П. Проф. М. К. Клеман // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. № 261. Вып. 49. Л., 1958 (в т. ч. «Хронологический список осн. печ. работ М. К. Клемана (1918–41)»); Берков П. Михаил Карлович Клеман // И. С. Тургенев: Новые мат-лы и иссл. (Лит. наследство. Т. 76). М., 1967; Писатели Л-да: Биобибл. справочник. 1934–81 / Авторы-сост. В. Бахтин и А. Лурье. Л., 1982; Книга памяти Лен.-СПб. ун-та. 1941–45. Вып. 1. СПб., 1995; Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005; Филологический фак-т СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. СПб., 2008.

КЛЕНО́ВСКИЙ Дмитрий Иосифович (наст. Крачковский) [24.9 (6.10).1892, СПб. — 26.12.1976, Траунштайн, Германия] — поэт, журналист.

Родился в семье художника-пейзажиста, академика живописи Иосифа Крачковского и художницы Веры Беккер. Учился в царскосельской Николаевской гимназии (1904–11), часто бывал с родителями в Италии и Франции, в 1911–13 по состоянию здоровья находился в Швейцарии.

В 1913–17 изучал юриспруденцию и филологию в СПб. ун-те. В этот период увлекался антропософией. Начал печ. в петерб. ж-лах с 1914. Перв. сб. **«Палитра»** издан в Пг. в кон. 1916 (на кн. проставлен 1917-ый) под наст. фамилией Крачковский. Подготовленный к печ. второй сб. **«Предгорье»**, близкий к поэтике акмеизма, не вышел из-за революции. Датиро-

ванная 1922-м рукопись сб. сохранилась в архиве Глеба Струве и вышла в свет в составе «Полного собр. стихотворений» К. в М. в 2011.

Начиная с 1917 и до отъезда в Харьков К. работал в М. сов. служащим, в 1921–22 журналистом, посещал лит. кружки, где познакомился с твом А. Белого и М. Волошина. С установлением сов. власти оставляет всякие попытки заявить о себе как поэте и в 1922 уезжает в Харьков, где работает переводчиком в Радиотелеграфном агентстве.

В 1942 во вр. немецкой оккупации Украины вместе с женой, немкой по происхождению, эмигрирует в Австрию, затем в 1943 в Германию. Начиная с 1947 вновь начинает публ. стихи под псевд. Кленовский в «Новом ж.», с 1950 в ж. «Грани». В этот период жил в Траунштейне (Бавария), писал до самой смерти. Всего в Германии издал 11 поэтич. сб. (последний изд. посмертно в 1977 вдовой поэта М. Д. Крачковской и проф. Рене Герра).

К. находился в переписке с архиепископом Иоанном (Шаховским), кот. была впоследствии опубл. отд. книгой (Париж, 1981). Шаховской писал: «Он [Кленовский] не только стал, но и твердо признан одним из лучших поэтов Русского Зарубежья. Думаю, что он и один из лучших лириков России середины нашего века. Печать большой поэтической личности лежит на нём. <...> Его поэзия безупречно соразмерна, у него нет столпотворения ни вещей, ни звуков. Он говорит просто, иногда как бы по-домашнему, но всегда есть в нём торжественность, даже в самом малом. Капля по капле, текут его строки, рождая мир поэзии, строго ему принадлежащей».

По определению Н. Берберовой, К. — «последний царскосёл». «Есть зданья неказистые на вид, / Украшенные теми, кто в них жили. / Так было с этим. / Вот оно стоит / На перекрёстке скудости и пыли. / Какой-то тесный и неловкий вход / Да лестница взбегающая круто / И коридоров скучный разворот... — / Казёнщина без всякого уюта. / Но если приотворишь двери в класс — / Ты юношу увидишь на уроке, / Что на полях Краевича, таясь, / О конквистадорах рифмует строки. / А если ты заглянешь в кабинет, / Где бродит смерть внимательным дозором,— / Услышишь, как седеющий поэт / С античным разговаривает хором. / Обоих нет уже давно. Лежит / Один в гробу, другой без гроба,— в яме, / И вместе с ними, смятые, в грязи, / Страницы с их казнёнными стихами. / А здание? Стоит ещё оно, / Иль, может быть, уже с землёй сравнялось? / Чтоб от всего, чем в юности, давно, / Так сердце было до краёв полно, / И этой капли даже не осталось» («Царскосельская гимназия»).

Соч.: Палитра: Стихи. Пг, 1917; След жизни. Frankfurt am/M., 1950; Навстречу небу. Frankfurt am/M., 1952; Оккультные мотивы в русской поэзии нашего века: Статья // Грани. 1953. № 20; Казнённые молчанием: Статья // Грани. 1954. № 23; Неуловимый спутник: 4-я кн. стихов. [Мюнхен], 1956; Прикосновенье: 5-я кн. стихов. Мюнхен, 1959; Уходящие паруса. Мюнхен, 1962; Разрозненная тайна. Мюнхен, 1965; Стихи: Избр. из шести книг и новые стихи (1965–66). Мюнхен, 1967; Певучая ноша. Мюнхен, 1969; Почерком поэта. Мюнхен, 1971; Теплый вечер. [Мюнхен], 1975; Последнее. Мюнхен, 1977; Собр. стихов. Т I. Париж, 1980 (т. 2 изд. не был); Полное собр. стихотворений / Под редакцией О. Коростелева. М., 2011.

Лит.: Архиепископ Иоанн (Шаховской). Переписка с Кленовским / Ред. Р. Герра. Париж, 1981; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Незабытые могилы / Сост. В. Чуваков. М., 2001. Т. 3.

КЛЁЩЕНКО Анатолий Дмитриевич [14.3.1921, д. Поройки Мологского у. Ярославской губ.— 9.12.1974, с. Ключи Елизовского р-на Камчатской обл.; похоронен на Комаровском кладб.] — поэт, прозаик.

Сын художника, в 1930-е вынужденного работать в лен. типографиях. Значительное влияние на К. имел его двоюродный брат Б. Коплан (1898–1941) — видный литературовед, специалист по истории русской лит-ры XVIII в., поэт, ученый секретарь и ученый хранитель Пушкинского Дома, арестованный в 1929 по «академическому делу» и до кон. 1933 находившийся в ссылке. В 1932 К. решил бежать в Америку, добрался до Молдавии, где почти год обучался в таборе цыганским премудростям. В 1933 был найден отцом и отвезен в Киев учиться живописи; с осени 1934 — в Л-де.

С 12-летнего возраста писал стихи, мечтал стать профессиональным поэтом; вершиной поэзии К. считал «Москву кабацкую» С. Есенина. Поэтич. увлеченность познакомила его в 1936 с А. Ахматовой, а также с Б. Корниловым, кот. ввел его в круг лит. богемы и познакомил юного поэта со всеми злачными местами Л-да. В 1937 поступил на заочное отд. филологич. фак-та ЛГУ; сотрудник отдела лит-ры и искусства газ. «Смена».

Перв. публикация в 1937. С 1938 К. входил в лит. группу «Смена» при СП (рук. А. Гитович; среди участников — В. Шефнер, И. Михайлов, А. Чивилихин, С. Ботвинник, Н. Новоселов и др.). Программным для К. стало стих. «Вийон читает стихи» (Лит. современник. 1940. № 5–6) — в дальнейшем на всех этапах своей жизни К. сопоставлял свою судьбу с участью Ф. Вийона.

13 февр. 1941 по доносу Н. Новоселова К. вместе с тремя товарищами был арестован; не зная причин ареста, К. продолжал считать его своим другом и в дальнейшем слал ему из заключения письма. Реальной виной К. явилось написание антисталинских стихов, изъятых у него при обыске; его подельникам вменялось в вину недонесение — следователь же обвинил их в создании контрреволюционной молодежной фашистской организации, ориентированной на Германию и искавшей связь с «троцкистско-зиновьевским подпольем». 20 мая 1941 Трибунал Лен. воен. округа судил К. по ст. 17 и 58–8

(подстрекательство к совершению террористического акта), 58–10 (антисоветская агитация и пропаганда) и 58–11 (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления) УК РСФСР. «На суде К. открыто заявил о своем протесте сталинской эпохе, признал себя виновным в том, что был поэтом, требовал освободить ни в чем не повинных ребят, проходивших по его делу» (Юность. 1989. № 6). К. был приговорен к 10 годам заключения и 5 годам поражения в правах; приговор был утвержден определением Воен. коллегии Верховного суда СССР от 27 июня 1941. В авг. 1941 К. был этапирован в Севураллаг, затем отбывал заключение в Красноярском крае. «Дважды пытался бежать, один раз организовал побег целому лагерю» (Там же). После отбытия срока в 1951 был оставлен художником в клубе, затем поселился в отстоящей на 25 км заимке сторожить колхозное сено. Раз в месяц приходя отмечаться в комендатуру, пополнял припасы и приносил на продажу «ковры» с лебедями и томными красавицами.

Осенью 1956 К. вернулся в Л-д. Родители К. и семья Б. Коплана погибли в перв. блокадную зиму. До осени 1961 не имел жилья и с семьей жил на хуторах Лен., Новгородской и Псковской обл. 20 авг. 1957 реабилитирован «за недоказанностью обвинения». Благодаря помощи А. Гитовича в свет вышли два стихотв. сб. К. **«Гуси летят на север»** (Л., 1957) и **«Добрая зависть»** (Л., 1958), а также подготовленный им вместе с Л. Н. Гумилевым сб. переводов с китайского **«Тибетские народные песни»** (Л., 1958). В 1958 принят в СП. Невозможность зарабатывать на жизнь поэзией вынудила К. обратиться к дотоле незнакомой ему прозе, сразу же обратившей на себя доброжелательное внимание критики. «Он много и с удовольствием стал работать, с легкостью перенесясь воображением в привычный для него мир тайги и небольших таежных поселков, где все за дальностью расстояния и времени стало полным поэзии, простым и понятным» (**«Распятые»**). Рассказы К. охотно стали публиковать как лен. ж. (Звезда. 1958. № 4; 1959. № 2, 3, 9, 10; 1960. № 7; Нева. 1959. № 6), так и столичные (Новый мир. 1959. № 34); сб. **«Избушка под лиственницами»** (Л., 1959; переизд.: Л., 1961) сделал имя К. известным в лит. мире. В 1961 впервые обзавелся собств. жильем, получив квартиру в писательском доме.

Перв. пол. 1960-х — расцвет тв-ва К. Вслед за повестями **«Распутица кончается в апреле»** (Звезда. 1961. № 5) и **«Когда расходится туман»** (Звезда. 1962. № 7) К. пробует свои силы в приключенческой прозе для юношества (**Без выстрела**. Л., 1963); имя К. становится известным в широких читательских кругах; сб. прозы К. выдерживают несколько переизд. Успех повестей К. во многом обусловлен их тематикой: на фоне благополучной совр. ему лит-ры, герои кот. занимаются спорами о физике и лирике, сов. читатель с изумлением узнавал о современниках-соотечественниках, кот. трудятся в экстремальных природных условиях, воскрешающих в памяти жизнь героев Дж. Лондона. «В повестях К. действие происходит, как правило, в лесной глухомани, где каждый день жизни требует от людей немалых усилий физических и нравственных; ценность человеческой личности выявляется не в манерах и репутации, а в поступках; спрос с человека иной, чем в обжитых местностях с устоявшимся бытом» (Г. Горышин).

В 1963 переехал в Комарово на лит.-фондовскую дачу по соседству с А. Ахматовой. Летом уезжал в Заполярье рабочим геологоразведочных партий. К. осознавал свою внутреннюю несовместимость с лит. средой Л-да кон. 1960-х. По мнению совр. критика, К. «портил игру преуспевающим либералам, делавшим вид, будто все меняется к лучшему, хотя в лучшем случае не менялось ничего или менялось к худшему — таково было шестидесятническое двоемыслие, пышный ренессанс которого именуется гласностью» (В. Микушевич). Дружеские отношения связывали К., помимо А. Ахматовой, с О. Берггольц, А. Гитовичем, В. Шефнером, И. Михайловым, Г. Горышиным; в целом же жизнь писательского мира была от него далека. В авг. 1968 К. переехал в Петропавловск-Камчатский, где стал работать охотинспектором Елизовского р-на и завершил повесть **«Это случилось в тайге»** (Л., 1969). «Подолгу пропадал в тайге, где чувствовал себя полным хозяином. Осенью 1974 года он сильно простудился на промысле соболя. До ближнего поселка Ключи его напарник тащил больного К. несколько десятков километров по таежному бездорожью на волокуше. К. надрывно кашлял, очень ослаб. Но в больнице не оказалось нужного лекарства, а вертолет доставить его из Петропавловска-Камчатского не смог из-за разыгравшейся непогоды» (**«Распятые»**). Ослабший после перенесенного на ногах в тайге воспаления легких К. скончался в сельской больнице. Похоронен близ глубокочтимой им А. Ахматовой.

Посмертно переизд. два сб. прозы К. и однотомник его стихов с предисл. В. Шефнера. Интерес к тв-ву К. вновь появился на рубеже 1980–90-х, когда были опубл. его антисталинские стих. и лагерная лирика. Подготовленный в 1990 корпус поэтич. текстов К. **«Вийон читает стихи»** света не увидел. Неизданным остается значительный по объему массив написанного им в камчатские годы (в т. ч. дневники). Несмотря на бесспорную значимость тв-ва К. в истории русской лит-ры, оно никогда не являлось объектом изучения.

Соч.: Распутица кончается в апреле: Повесть. М.; Л., 1962; Когда расходится туман: Повести и рассказы / Предисл. Ю. Германа. М., 1963; Дело прекратить нельзя: Повести и рассказы. М.; Л., 1964; Камень преткновения; Распутица кончается в апреле; Когда расходится туман. М.; Л., 1966; Сила слабости; Плечо пурги. Л., 1966; Это случилось в тайге: Избр. повести. Л., 1976; Ожидание: Стих. / Предисл. В. Шефнера. Л., 1979; Долг: Повести / Сост. Б. Клещенко; предисл. Г. Горышина. Л., 1984; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Штейнман З. Два поэтич. сборника // Лен. правда. 1959. № 164. 15 июл.; Штейнман З. Добрая зависть // Звезда. 1959. № 8; Сурикова Г. Рассказы А. Клещенко // Сибирские огни. 1960. № 5; Фридман С. Большой мир // Нева. 1960. № 12; Роднянская И. Человек в тайге // ЛГ. 1961. № 2. 3 янв.; Койранская Г. Распутица кончается в апреле // Новый мир. 1962. № 10; Горышин Г. Помню Анатолия Клещенко // Аврора. 1971. № 11;

Лебедев Е. Старинный спор // Лит. обозрение. 1980. № 11; Михайлов И. Стихи прозаика // Звезда. 1980. № 12; Клещенко Б. Стихи за колючей проволокой // Кодры. 1990. № 11; Городницкий А. Поэт меняет лиру на кирку // Дружба народов. 1992. № 5/6; Микушевич В. Над изумрудным морем облака // Новый мир. 1992. № 36; Распятые: писатели — жертвы политич. репрессий / Сост. З. Дичаров. СПб., 1994; Самиздат Л-да. 1950–80-е: Лит. энц. М., 2003; Огрызко В. Лексикон. М., 2004.

М. Лепехин

КЛИ́МОВА Маруся (наст. имя — Татьяна Николаевна Кондратович) [14.1.1961, Л-д] — прозаик, переводчик, кинокритик, журналист.

Родилась в семье капитана дальнего плавания (впоследствии проректора Морской академии им. Адм. Макарова и представителя Морского флота в Никарагуа). В 1980 закончила филологич. фак-т ЛГУ. После окончания ун-та работала переводчицей, старшим науч. сотрудником в музее Исаакиевского собора, но затем под влиянием идей эстетич. нонконформизма уничтожила свой университетский диплом и неск. лет перебивалась случайными заработками, подрабатывая уборщицей и санитаркой. В 1980-е была связана с культурой лен. андеграунда, в нач. 1990-х жила в Париже, работала преподавателем русского яз. в школе Берлица. В 1994 основала российское Об-во друзей Луи-Фердинанда Селина и одноименное изд-во при нем. В 1995 стала стипендиатом Международной школы лит. переводчиков в г. Арле во Франции. Летом 1997 проходила стажировку в Париже, организованную Министерством культуры Франции для руководящих работников учреждений культуры (по специальности «журналистика»). С 1997 — собств. корр. «Независимой газ.» (М.) в СПб. В 1998 проходила стажировку (на английском яз.) на радио «Свобода» в Праге. Работала менеджером по связям на канале РТР в программе С. Шолохова «Тихий Дом».

В февр. 1999 «Фабрика грез Маруси Климовой» провела на территории петерб. зоопарка фестиваль декаданса «Темные ночи», охарактеризованный журналистами как «богемно-гомосексуальный сейшн с нацистскими секьюрити и разговорами про декаданс» (Моск. комсомолец. 1999. Февр.). В 2000-м фестиваль был проведен с еще большим размахом. В июне 1999-го, в честь двухсотлетнего юбилея А. Пушкина, вместе с Д. Волчеком, Я. Могутиным и В. Кондратовичем издала снискавший скандальную известность ж. «Дантес». Организовала и провела неск. международных коллоквиумов, посвящ. тв-ву Луи-Фердинанда Селина и Жана Жене. Совм. с В. Кондратовичем подгот. сб. «Четыре шага в бреду: Французская маргинальная проза первой пол. XX в.» (2002). Является пост. автором «Митиного ж.». Ее статьи публ. в «Коммерсанте», «Независимой газ.», «Русском ж.», «Культуре», «Новых известиях», «Смене», «Новостях Петербурга», «Веч. Петербурге», «Часе Пик», «Пятнице», «Веч. Москве», «Книжном обозрении», а также «Art-press» (Paris), «Русская мысль» (Paris), «Liberation» (Paris), «Telerama» (Paris) и др.

В 2005 совм. с творч. объединением «Горстка жалких аутистов» сняла фильм «Убийство Жоашена, или То, что не снял Фассбиндер», представляющий собой экранизацию эпизода романа Жана Жене «Querelle de Brest» (1947), не вошедшего в знаменитую экранизацию Р. Вернера Фассбиндера (1982). Это уже далеко не первое обращение К. к морской тематике, поскольку она известна не только как романистка и переводчица, но и как автор **«Морских рассказов»** (1999). Писательница неоднократно заявляла о своем намерении восполнить существующий в отеч. лит-ре пробел, ибо фактически все проживавшие в СПб. русские классики оставили без внимания тот факт, что СПб. является портовым морским городом.

В автобиогр. трилогии (**«Голубая кровь»**, **«Домик в Буа-Коломб»**, **«Белокурые бестии»**) дана широкая панорама переломных для России 1980-х — 90-х. Для романов К. характерны предельная отстраненность авторского взгляда, индифферентность к добру и злу, внимание к абсурдным и комическим деталям, размытость границ между здравым смыслом и безумием. Созданные писательницей образы новоявленных русских денди и трансвеститов, с легкостью меняющих свои маски и наряды, как нельзя лучше соответствуют атмосфере вселенского карнавала тех лет, ознаменовавшихся стремительной сменой социальных идентификаций. Это мир, в кот. каждый свободно сходит с ума по-своему.

Сб. «Морские рассказы» — собрание трагикомич. историй из жизни моряков дальнего плавания. События, описываемые в кн., происходят в доперестроечные, перестроечные и постперестроечные времена, т. е. в момент крушения устоявшихся форм жизни и идеологий. Во всех рассказах повествование ведется от мужского лица в нарочито циничной манере. Повествователь — ни в коем случае не судья, но лишь сторонний наблюдатель происходящего.

«Моя история русской литературы» представляет собой сб. эссе, в котором ставится задача переписать историю русской лит-ры. Автор задается вопросом: «Откуда взялось это огромное количество кретинов, которых еще большее число людей вокруг называют гениями?» Русским писателям К. противопоставляет французских, причем, по мнению А. Латыниной, «актуальных для Маруси Климовой писателей объединяет мизантропия, маргинальность, сексуальные перверсии, презрение к норме, к "буржуазной" морали (кот. всегда третируется как обывательская). Направление политического спектра особого значения не имеет —

лишь бы это был самый его край» (Новый мир. 2005. № 4). Кн. изобилует парадоксальными и утрированно субъективными суждениями и оценками. Латынина отмечает, что намеренно эпатажные, провокативные, игровые, парадоксальные, деланно-простодушные дразнилки К. не лишены шутовского очарования. Кроме того, особым качеством текстов К. является неустойчивость смысла, когда любая интерпретация может быть оспорена (Новый мир. 2005. № 4).

В своих кн. и интервью К. обычно позиционирует себя как декадентку, маргиналку и ницшеанку. Главным злом жизни, по ее мнению, является либерализм, восходящий к антропоцентрическому гуманизму, поскольку опаснейший среди людей враг истины и свободы — это сплоченное либеральное большинство.

К. владеет французским и английским яз. свободно, а также немецким, польским, испанским, итальянским (чтение и перевод). Перевела с французского произведения Л.-Ф. Селина («Смерть в кредит», «Из замка в замок», «Север», «Ригодон», «Интервью с профессором Y», «Громы и молнии: пьесы, либретто, сценарии»), Жана Жене («Кэрель»), Пьера Гийота («Проституция», «Эдем, Эдем, Эдем», «Кома»), Жоржа Батая («История глаза»), Моник Виттиг («Лесбийское тело»), Пьера Луиса («Дамский остров»), Луи Арагона («Лоно Ирены»), Франсуа Жибо («Собакам и китайцам вход воспрещён», «Не всё так безоблачно»), Пьера Буржада, Мишеля Фуко, а также «Святость и активность» Д. фон Гильдебрандта (с немецкого) и «Символический пейзаж» Кеннета Кларка (с английского).

Член СП России, член Союза журналистов России, член Международной федерации журналистов, член Союза кинематографистов России.

Произведения К. опубл. на французском, немецком, сербском и итальянском яз. В 2006 удостоена французского Ордена искусств и лит-ры (l'Ordre des Arts et des Lettres). В 2007 по результатам интернет-голосования, проведенного ж. «Собака.ru», признана самым знаменитым человеком СПб. в сфере искусства. Лауреат премии «Топ 50. Самые знаменитые люди Петербурга» (2007).

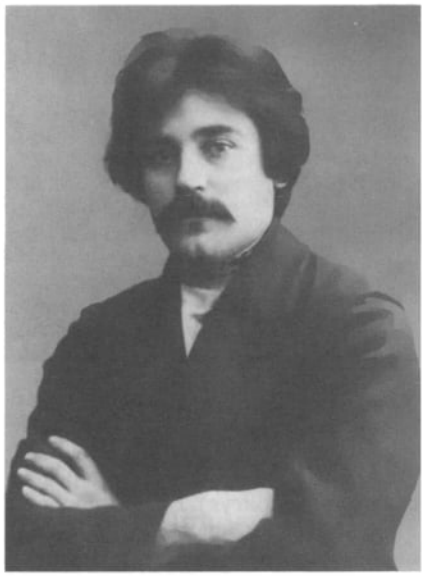
Соч.: Голубая кровь. СПб., 1996; Домик в Буа-Коломб. СПб., 1998; Морские рассказы. СПб., 1999; Селин в России. СПб., 2000; Белокурые бестии. СПб., 2001; Моя история русской литературы. СПб., 2004; Парижские встречи. СПб., 2004; Моя теория лит-ры. СПб., 2009.

Перев.: Л.-Ф. Селин. Смерть в кредит / Пер. с французского. М., 1994 (Харьков, 1999; СПб., 2003); Жан Жене. Кэрель / Пер. с французского. СПб., 1995; Дитрих фон Гильдебрандт. Святость и активность / Пер. с немецкого. СПб., 1995; Л.-Ф. Селин. Из замка в замок / Пер. с французского. СПб., 1998 (Харьков, 1999; СПб., 2003); Ф. Жибо. Китайцам и собакам вход запрещен / Пер. с французского. СПб., 1998; Четыре шага в бреду. Французская маргинальная проза первой пол. 20 века / Перевод с французского. СПб., 2000 (2002); Л.-Ф. Селин. Интервью с профессором Y / Пер.с французского. СПб., 2001 (2003); П. Гийота. Проституция / Пер. с французского. Тверь, 2002; Л.-Ф. Селин. Север / Пер. с фр. СПб., 2003; Л.-Ф. Селин. Ригодон / Пер.с французского. СПб., 2003; М. Виттиг. Лесбийское тело / Пер.с французского. Тверь, 2004; П. Гийота. Эдем, Эдем, Эдем / Пер. с французского. Тверь, 2004; Л.-Ф. Селин. Громы и молнии: Пьесы. Либретто. Сценарии / Пер. с французского. СПб.; Тверь, 2005; Ф. Жибо. Не все так безоблачно / Пер. с французского. СПб.; Тверь, 2005; Эркюлин Барбен. Воспоминания гермафродита / Пер. с французского. СПб.; Тверь, 2006; Пьер Буржад. Механический эрос / Пер. с французского. СПб.; Тверь, 2007; Ф. Стросс. Интервью с Педро Альмодоваром / Пер. с французского. СПб.; Тверь, 2009.

Лит.: Гаврилов А. Кунсткамера на прогулке // Ex Libris НГ. 1998. 8 окт.; Трофименков М. Записки парижского наблюдателя // Берег. 1998, дек.; Капа Деловая. Радость загнивания // Моск. комсомолец. 1999, февр.; Grigorieva N. Writers on the Brink Uphold Modern Line // St-Petersburg Times. 1999. 28 мая; Карелин О. Странный мир Маруси Климовой // Русский ж. 1999, нояб.; Driller L. Die absurde Gesellschaft im Roman von Marusja Klimova «Домик в Буа-Коломб» // Universitat Konstanz. 2001; Трофименков М. Терминаторы, антисемиты, бестии и авантюристы // Коммерсант. 2001. 12 март.; Лесин Е. Три в одной // Книжное обозрение. 2001. 26 март.; Левкин А. Кухонная герменевтика 5 // Русский ж. 2001. 29 март.; Трофимова Е. «Отъехавшая» реальность, или Поэтика безумия в прозе Маруси Климовой // Топос. 2002. 11 нояб.; Karlheinz K. Das literarische Leben in Russland 2001: Marusja Klimova // Osteurora. 2002. № 4; Бавильский Д. Подвиг // Топос. 2003. 4 февр.; Аствацатуров А. Ностальгия по Большому Стилю // Топос. 2004. 19 окт.; Серебряная О. Очень умные по-прежнему мешают жить просто умным // Топос. 2004. 25 окт.; Курчатова Н. «Моя история русской литературы» // Time Out. 2004. № 24; Кузнецова А. Моя история русской литературы // Знамя. 2005. № 1; Аствацатуров А. Парижские встречи // Собака.ru. 2005. № 2; Левченко Я. Змей на пальме // Русский ж. 2005. 5 март.; Серебряная О. Опыт подражательной рецензии // Октябрь. 2005. № 2; Латынина А. «Ваши классики — уроды и кретины», — объясняет нам Маруся Климова // Новый мир. 2005. № 4; Васильев С. По ту сторону ума и глупости // ЛГ. 2005. № 16; Улюра А. Лит. стратегия и писательский имидж Маруси Климовой // Гендерные исследования. 2007. № 16.

М. Андрианова

КЛЫЧКО́В Сергей Антонович (наст. фамилия — Лешенков) [1(13).7.1889, Дубровки, Тверская губ. — 8.10.1937, М.] — поэт, прозаик, переводчик.



Родился в семье кустаря-кожевника, сапожника-старообрядца. В автобиографии К. писал, что многим обязан своей семье, особенно «языком обязан лесной бабке Авдотье, речистой матке Фекле Алексеевне и нередко мудрому в своих косноязычных построениях отцу моему, Антону Никитичу Лешенкову (Клычков — фамилия по бабушке), а боль-

ше всего нашему полю за околицей и Чертухинскому лесу, в малиннике которого меня мать скинула, спутавши по молодости сроки» (**Чертухинский балакирь.** Романы. М., 1988). Учился в сельской школе, «пописывал стишки, больше про домовых и про леших» (Там же), кот. позже уничтожил, когда был принят в М. в училище И. Фидлера.

Участвовал в революции 1905-го, в 1906 написал ряд стихов на рев. темы. Ранние стихи К. были одобрены С. Городецким. Печ. начал с 1907–08 в поэтич. альм. В 1908 поступил на историко-филологич. фак-т Моск. ун-та (после — на юридическом; исключён в 1913), где в это время учились Б. Пастернак и С. Соловьев, кот. оказал определенное влияние на К. В том же году вместе со своим «покровителем» М. Чайковским, братом великого композитора, ездил в Италию, познакомился там с М. Горьким и А. Луначарским. Во время Первой мировой войны отправился на фронт; войну окончил в звании прапорщика.

По воспоминаниям современников, К. «вел довольно беспокойный образ жизни, близкий к богеме... пристрастился к вину... Систематические занятия были не в духе Сергея» (Русская литература. 1971. № 2). Его страстью было поэтич. тв-во: «Слава богу, я опять полон счастьем своим одиноким, как пруд наш весною, стихи-рифмы в моей душе полощатся, как утки, зазывая с реки диких селезней! Так-то хорошо... Я сам знаю теперь, что у меня талант... Только в этом для меня соль и значение моей беспутной жизни!» (Письмо 1911 г. // Там же).

В 1911 в М. выходит перв. стих. сб. К. **«Песни»**, состоящий из трех разделов: **«Печаль-Радость»**, **«Лада»**, **«Бова»**. Мир его стихов условно-сказочный, языческий, в кот. живут Старец, Колдунок, Леший, Лада, Старый Дед — ее отец, Красногривый Горбунок и др. сказочные персонажи. А лирич. герой — «тихий грустный инок», видящий перед собой три пути: «к веселию», «в келию», «Третий путь — нехоженный, / Взглянешь и растает, / Кем куда проложенный, / То никто не знает» (**«Образ троеручицы»**). И он выбирает первый путь, живет в этом фантастич. радостном мире, где «Ходит Лада — сеет, / Вкруг нее синеет / Взборонена борозда, / Что ни зернышко — звезда» (**«Лада в поле»**). Все в этом мире доступно и просто: «Прибегли / На край земли. / Глядь-поглядь: дорожки нет — / Постучались на тот свет» (**«Лада в пути»**).

Таким же легким и светлым был и вт. сб. К. **«Потаенный сад»** (М., 1913). И в нем нарисован вымышленный мир, никак не связанный с реальной действительностью. Образ «потаенного сада» возник еще в перв. кн. Жители в «потаенном саду» К. все те же: Старец древний, Колдун, Старый Леший, Бес, Купава, милая, «Потаенною тропинкой / Ходит Лада за водой» (**«Лада в саду»**). А лирич. герой «счастлив и в горе», он — «пастух» и «певец»: «И песни — как стадо овец / В тумане раннем у реки» («Я все пою — ведь я певец...»). Стихи ранних поэтич. сб. К. во многом созвучны со стихами поэтов «новокрестьянского» направления — Есенина, Клюева, Ганина, Орешина и др. Некот. из стихов К. были размещены в «Антологии» изд-ва «Мусагет». А. Блоку стихи К. не нравились, Н. Клюев их одобрял.

Нужны были деньги для содержания семьи, и поэту пришлось поступить на службу. Жизнь и мировоззрение его изменила начавшаяся летом 1914-го война. Осенью был призван в армию, служил на Балтике, потом в школе прапорщиков в Финляндии, встречался с А. Куприным. В сознании К. происходит перелом, в его сказочный мир вторгается реальная жизнь, поэта тянет к эпич. прозе, он задумывает написать хронику жизни старой деревни. В письме нач. 1914 он сообщает: «Хочется мне, милый друг, написать свою прозу так, чтобы от нее не оторваться, чтобы все было по-иному, не как теперь пишут. Матерьялу у меня много, выдумывать мне незачем — это-то, мил друг, и труднее. Выдумывать, оказывается, в сущности не штука — штука вся в том, чтобы полюбить то, что видел, что пережил, действительность, правду...» (Там же). Он подавлен, почти совсем не пишет стихов, переоценивает свое прошлое: «...пустыня души, кот. у меня как-то съежилась, завяла с первого дня этой войны... Чувство какой-то роковой странной опустошенности не покидает меня по сие время... — пишет он 1 янв. 1917. — Боязливо озираясь теперь на свою безвозвратную юность, я многое не понимаю сам в ней, не понимаю теперь бывшей душевной легкости, беспечности сердечной, не слышу аромата лучших цветов из ее прекрасного венка... все с начала до конца было ошибкой, самообольщением, невольным обманом самого себя перед строгим и бесстрастным лицом жизни, уходом от реальной правды, но если вернуть реки вспять, я не хотел бы иного!» (Там же).

Октябрьскую революцию К. встретил восторженно: «Как не петь и не молиться, / Если все поет вокруг — / Лес и луг, ручьи и птицы, / Если облак светлолицый / Улыбается, как друг!..» (**«Как не петь и не молиться...»**). Но он уже иной — более грустный, видящий нелегкую жизнь крестьян в годы испытаний, остро реагирующий на все происходящее. Эти настроения отразились в сб. **«Дубравна»** (М., 1918). Поэту слышится «похоронная песня берез», он видит, как «в окно... горе глядится», считает, что «хозяйка тут — злая судьба», «И все гостя чудесного ждут» (**«Свет вечерний мерцает вдоль улиц...»**).

В 1919–21 в Крыму, где едва не был расстрелян (махновцами, затем белогвардейцами). В 1921 переехал в М., где сотрудничал в основном в ж. «Красная новь».

Ранние клычковские темы углублены и развиты в последующих сборниках **«Домашние песни»** (1923), **«Гость чудесный»** (1923), **«В гостях у журавлей»** (1930), в стихах кот. отразились впечатления Первой мировой войны, разрушение деревни. Одним из осн. образов становится образ одинокого, бездомного странника. В поэзии К. появились ноты отчаяния, безысходности, вызванные гибелью под натиском «машинной» цивилизации сошедшей с пути Природы старой Руси. Из его тв-ва уходят сказочность и напевность, больше появляется вечных, философских тем, учащаются мотивы прощания и тревоги за сохранность мира природы (как у Клюева и Есенина).

С 1925 он все чаще переходит на прозу. Им написаны три романа — сатирич. **«Сахарный немец»** (1925; в 1932 вышел под назв. **«Последний Лель»**), сказочно-мифологический «Чертухинский балакирь» (1926), **«Князь мира»** (1928).

Выступал с критич. ст. (**«Лысая гора»**, 1923; **«Утверждение простоты»**, 1929), переводами (в 1930-х; переводил эпосы народов СССР, народные песни и сказания; произведения мн. грузинских поэтов — Г. Леонидзе, Важа Пшавела и др., перевёл поэму Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре»).

«Неистовые ревнители» окрестили его, как и Клюева, «кулацким поэтом». В 1937 К. был арестован по ложному обвинению, 8 окт. 1937 приговорён к смертной казни и в тот же день расстрелян. В 1956 реабилитирован. В справке о реабилитации указана неверная дата смерти — 21 янв. 1940, перешедшая в нек. изд. Возможно, его прах погребен в братской могиле на Донском кладб. в М.

В наст. время на родине поэта, в с. Дубровки Талдомского р-на Моск. обл., существует мемориальный музей К.

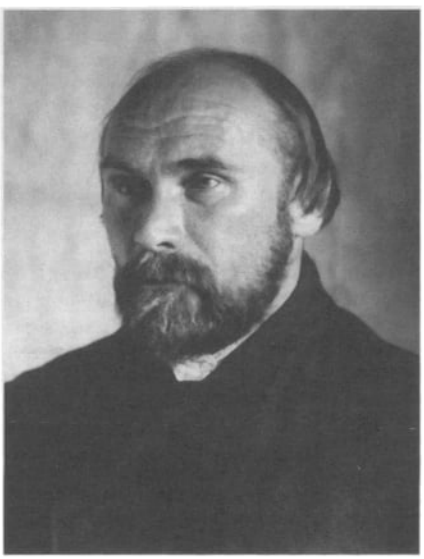
В. Казак: «Лирика Клычкова связана с народным творчеством, он ищет утешения в природе. Поначалу его стихи были повествовательны, позднее они отличались определёнными раздумьями пантеистического, пессимистического характера, но всегда были далеки от всякой революционности. В прозе Клычкова проступает его исконная связь с традиционным миром крестьянства и крестьянской демонологии, равно как и влияние Н. Гоголя, Н. Лескова и А. Ремизова. <...> Романы Клычкова не богаты действием, они составлены из отдельных сцен, ассоциативных, наполненных образами из мира реальности и мира сна и духов; рассказ ведётся от лица крестьянина — любителя поговорить на разные темы, ритм этой прозы часто очень хорош. Город, машины, железо и фабричные трубы как символы пролетарской революции, превращаются для Клычкова с его привязанностью к метафизическому миру деревни и леса в орудия сатаны».

Соч.: Песни. М., 1911; Потаенный сад. М., 1913 (2-е изд. — М., 1918), Дубрава. М., 1918; Гость чудесный: Избр. М.; Пг., 1923; Домашние песни. М., 1923; Сахарный немец. М., 1925; Чертухинский балакирь. М., 1926; Последний Лель. М., 1927; Талисман. Л., 1927; Князь мира. М., 1928; В гостях у журавлей. М., 1930 (М., 1985); Сараспан. Обработки фольклора и переводы. М., 1936.

Лит.: Львов-Рогачевский В. Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин. М., 1919; Журов П. Две встречи с молодым Клычковым (Письма С. А. Клычкова) // Русская лит-ра. 1971. № 2; Банников Н. Вступ. ст. // Клычков С. В гостях у журавлей. М., 1985; Солнцева Н. О Сергее Клычкове // Клычков С. Чертухинский балакирь. Романы. М., 1988; Русские писатели: Биобиблиографич. Словарь / Под ред. П. Николаева. Т. 1. М., 1990; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996.

А. Захаров

КЛЮЕВ Николай Алексеевич [10 (22).10.1884, Коштугская волость Вытегорского у. Олонецкой губ.— (23–25).10.1937, Томск] — поэт, прозаик.



Отец — урядник, получивший должность сидельца казенной винной лавки в д. Желвачево Мокачевской волости Вытегорского у., куда семья переезжает в 1890-е. Мать — из старообрядческого рода, ревностная хранительница традиций «древнего благочестия». От матери будущий поэт получает и своеобразное домашнее образование: «Грамоте меня выучила по Часовнику мамушка <...>. Я еще букв не знал, читать не умел, а так смотрю в Часовник и пою молитвы, которые знал по памяти, и перелистываю Часовник, как будто бы и читаю» (**Гагарья судьбина** // Север. 1992. № 6). К матери, по признанию поэта, восходят не только истоки религиозно-нравственных основ его личности, но и его поэтического дара. Была она, как он писал сразу же после ее смерти в 1913 В. Брюсову и В. Миролюбову, «песельницей» и «былинщицей», т. е. своеобразной стихийной поэтессой.

К. учится в церковно-приходской школе (1893–95), затем в Вытегорском городском училище (1896–97); в 1898 поступает в Петрозаводскую фельдшерскую школу, из которой, проучившись год уходит. Согласно «автобиографии», в 16 лет по настоянию матери он уходит в Соловки «спасаться» и надевает там на себя «девятифунтовые вериги», затем отправляется оттуда в странствования по скитам и убежищам тайных мистических сект России. В одной из раскольнических общин Самарского края он становится «царем Давидом», т. е. слагателем «песен» на потребу радений тамошнего хлыстовского «корабля». Таково начало поэтич. пути К. в полумифическом варианте его автобиографии. Исторически же достоверным началом являются стихи, опубликованные в малоизвестном петербургском альм. «Новые поэты» (1904) и затем в двух моск. сб.— «Волны» и «Прибой» (1905), изданных «народным» кружком П. Травина, членом кот. К. состоял.

Приняв участие в революции 1905 в качестве агитатора от Крестьянского союза и поплатившись за это 6-месячным тюремным заключением, К. вступает на путь интенсивных духовных поисков и творч. самоопределения, прокладывая себе тропу к большой поэзии. Провожатым к ее вершинам избирается им А. Блок. К. вступает с Блоком в 1907 в переписку, которая продолжается долгое время. К. придерживается двух целей: во-первых, приобщить себя, «темного и нищего, кого любой символист посторонился бы на улице» (из письма Блоку 5 нояб. 1910), к элите жрецов совр. искусства; а во-вторых, просветить самих этих жрецов, оторванных от национальной жизненной стихии и истинной культуры, духом добра и красоты, исходящих от потаенной народной России, вестником которой он себя осознает. За такового принимает его и Блок, включая фрагменты клюевских писем в свои статьи, а личную встречу с ним в октябре 1911 назвав «большим событием» в своей «осен-

ней жизни» (**Дневник**. 1911. 17 окт.). В письме к одной из своих корреспонденток Блок даже признается: «Сестра моя, Христос среди нас. Это Николай Клюев» (Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1). В кон. 1911 (с указанием — 1912) выходит перв. кн. его стих. **«Сосен перезвон»**. В предисл. В. Брюсова говорилось, что «поэзия Клюева жива внутренним огнем», вспыхивающим «вдруг перед читателем светом неожиданным и ослепительным», что у К. «есть строки, кот. изумляют».

В стихах кн. ощутимо эхо недавней революции. В экзальтированном облике героини своеобразного лирич. романа (единственного у К. с адресатом-женщиной) угадывались исполненные жертвенности черты революционерки и одновременно монахини.

В 1912 выходит втор. кн. стихов К.— **«Братские песни»**, составленная, по утверждению автора, из текстов, сочиненных им еще в бытность юным «царем Давидом». Выход этой кн. сопутствует сближению К. с «голгофскими христианами» (революционно настроенной частью духовенства, делавшими ставку на К. как на своего пророка). Однако, не оправдав их надежд, К. отходит от религиозно-пророческой стези, он выбирает путь поэта. В 1913 изд. новую кн. стихов **«Лесные были»**. В ней предстает «языческая», народная Русь, веселящаяся, разгульная, тоскующая, высказывающаяся о себе почти естественным (на самом же деле искусно стилизованным) голосом фольклорных песен (**«Полюбовная»**, **«Кабацкая»**, **«Острожная»**). Учитывая этот поворот К. от религиозной доминанты своих первых книг, В. Ходасевич иронизировал по поводу несостоявшихся претензий «мистиков» из «Новой жизни» (ж. «голгофских христиан») на К. как пророка «нового религиозного откровения»; он подчеркивал, что содержание «Лесных былей» составляет «эротика, довольно крепкая, выраженная в стихах звучных и ярких» (Альциона. М., 1914. Кн. 1).

К этому времени К. уже признан на отеч. Олимпе. Н. Гумилев в лит. обзорах определяет осн. пафос его поэзии как «пафос нашедшего», как «славянское ощущение светлого равенства всех людей и византийское сознание золотой иерархичности при мысли о Боге», называет самого поэта «провозвестником новой силы, народной культуры», а его стихи «безукоризненными» (Письма о русской поэзии. М., 1990). В поэзии К. акмеистам импонирует словесная весомость, многокрасочность и полнозвучность изображенного в ней патриархального крестьянского мира. О. Мандельштам в «Письме о русской поэзии» (1922) назовет этот мир «величавым Олонцем, где русский быт и русская мужицкая речь покоятся в эллинской важности и простоте» (Олово и культура. М., 1987). Акмеисты с готовностью причисляют К. к своей цеховой группе.

С 1913 К. становится центром притяжения «поэтов из народа», составивших вскоре ядро новокрестьянской поэзии,— А. Ширяевца, С. Клычкова, С. Есенина. В последнем сразу же при перв. знакомстве с ним он увидел «прекраснейшего из сынов крещеного царства» и воспринял его как своего рода мессию глубинной русской поэзии, по отношению к которому себе готов был определить только роль предтечи.

В 1916 выходит четв. кн. стихов К. **«Мирские думы»**; в сер. 1910-х создается посвящ. смерти матери цикл **«Избяные песни»**, вершинное достижение К. в этот период. Особую роль в поэзии К. получил пейзаж. В совершенстве разработанный поэзией XIX в. реалистический пейзажный образ одухотворяется у него необычайно ярким видением в нем Святой Руси, называемой им «бездонной Русью», «рублевской Русью», Россией «берестяного рая». В живописи подобное же прозрение духовного, религиозно-сокровенного облика России в ее природной ипостаси было сделано «певцом религиозного Севера» М. Нестеровым. Начатое обычно реалистически воссоздание природы поэт затем гармонично переключает в план ее мистического восприятия — через миросозерцание и духовное видение христианской и православной культуры. Природа в таком случае начинает приобретать некий трепет таинственного инобытия, в ее восприятии присутствует элемент церковности: «Набух, оттаял лед на речке, / Стал пегим, ржавозолотым... / В кустах затеплились свечки / И засинел кадильный дым» (**«Набух, оттаял лед на речке...»**, 1912). Эстетич. восприятие природы соединяется в пейзажной лирике К. с ощущением божественной благодати. При этом обе поэтич. «материи» (природы и православной духовности, храма) поэт тонко сближает в точках их наибольших, например, цветовых соответствий: первые весенние листочки — свечки, белизна березовых стволов — бледность лиц монастырских отроков и монахинь, позолота иконостаса — желтизна осеннего леса, киноварь на иконе — заря, голубой цвет на ней — небесная синева, человеческая жизнь — свеча, сгорающая перед иконой, но вместе с тем также и «перед ликом лесов».

К. принимает революцию 1917 поначалу восторженно, ошибочно предполагая в ней силу, способную содействовать историч. воплощению той Руси, кот. была намечена в поэзии К. как «берестяной рай», как «мужицкое царство». В 1918 он даже вступает в ряды РКП(б). Наряду с А. Белым, А. Ремизовым, Е. Замятиным, М. Пришвиным, С. Есениным и др. он входит в лит. группу «Скифы», участники кот. придерживались идеи крестьянского социализма, понимаемого в духе христианской утопии (Р. Иванов-Разумник и др.). В 1918 выходит книга стихов К. **«Медный кит»**, представляющая в осн. лицо его рев. музы. Когда же вскоре надежды поэта на то, что «возлюбит грозовый Ленин / Пестрядинный клюевский стих» (**«Родина, я грешен, грешен...»**, 1919), не оправдываются, он теряет всякий интерес к вождю мирового пролетариата.

В 1919 выходит двухтомник К. **«Песнослов»**, включающий в себя и новые произведения, и в переработанном и дополненном виде стихи предшествующих книг. Доминирующая мысль «Песнослова» родственна христианской идее о том, что «мир лежит во зле» и что только через его духовное «преображение» может быть достигнуто всечеловеческое освобождение от существующих страданий и несовершенства, мир и благоденствие. Но если поначалу такой «преобразующей силой» у К. выступало всецело само учение Христа, то теперь на перв. план (не вытесняя Христа) выдвигается мир природный и земледельческий — как некий универсальный космос человеч. бытия, как «плоть» и «дух» нац. жизни. Мир

тьмы и зла представлен здесь в значительной мере инфернальными образами — от вполне безобидных «запечных бесенят» до самого «властелина» ада, семирогого «Сына бездны» как воплощения и соц. зла, и нравств. терзаний души. Но все-таки самым крайним злом, угрожающим «берестяному раю», «избяной» Руси, предстают здесь технич. прогресс и урбанизация всей жизни, несущие «органическому человеку» духовное и физическое оскудение, а природе — гибель. В письме А. Ширяевцу (нояб. 1913) К. заклинал: «О, матерь пустыня! Рай душевный, рай мысленный! Как ненавистен и черен кажется весь так называемый Цивилизованный мир и что бы дал, какой бы крест, какую бы Голгофу понес — чтобы Америка не надвигалась на сизоперую зарю, на часовню в бору, на зайца у стога, на избу-сказку...». Одним из немногих открывает К. в поэзии XX в. тему экологической опасности: «В Светлояр изрыгает завод / Доменную отрыжку — шлаки» (**«Русь Китеж»**, 1918); позже он отметит, что и «зыбь Арала в мертвой тине...», и «Волга синяя мелеет...» (**«Разруха»**, 1933 или 1934). В центре худож. мира «Песнослова» — крестьянская изба, углубленная и расширенная до пределов некоего «избяного космоса», в кот. опоэтизировано все: «Узнайте же ныне: на кровле конек / Есть знак молчаливый, что путь наш далек» (**«Есть горькая супесь, глухой чернозем...»**, 1916). Но космич. предназначенность избы — это, по К., только разгаданная часть ее непостижимой судьбы. Для выражения других ее сущностей поэт прибегает к образам, исполненным ощущения и светлой тайны: «Изба — святилище земли / С запечной тайною и раем...» (**«Поэту Сергею Есенину»**, 1916–17), и тревожных предчувствий: «...лесная изба / Глядится в столетья, темна как судьба...» (**«Запечных потемок чурается день...»**, 1912 или 1913), и, наконец, намека на какое-то большое, ожидающее ее несчастье: «Есть в избе, в сверчковой панихиде / Стены Плача, Жертвенной Обиды» (**«Нила Сорского глас...»**, 1918).

В 1922 выходит сб. стихов К. **«Львиный хлеб»**, отражающий перелом в его миросозерцании от иллюзий 1917–18 к трагич. мотивам поэзии 1920-х. Полемика с поэтами-урбанистами (Маяковским и пролеткультовцами) чередуется с мрачными картинами гибели России и своей собственной (**«По мне Пролеткульт не заплачет...»**, 1919; **«Меня хоронят, хоронят...»**, 1921). В том же 1922 выходит и отд. изд. поэма **«Мать-Суббота»**, посвящ. мистике сотворения крестьянского хлеба. Сущность поэмы сам автор тогда же пояснял: «Рождество хлеба — его заклание, погребение и воскресение из мертвых, чаемое как красота в русском народе, и рассказаны в моей „Голубой субботе"» (**«Словесное древо»**).

В сент. 1922 в «Правде» (№ 224) появляется статья Л. Троцкого о К. (одна из нескольких под общим назв. «Внеоктябрьская лит-ра»), в кот. автор, отдав должное «крупной» индивидуальности поэта, «пессимистически» обобщал: «Духовная замкнутость и эстетическая самобытность деревни <...> явно на ущербе. На ущербе как будто и Клюев» (Лит-ра и революция. М., 1991). В этом же году в рец. на поэму К. **«Четвертый Рим»** (1922) Н. Павлович (псевд. Михаил Павлов) писала: «За песни его об этой темной лесной стихии мы должны быть Клюеву благодарны — врага нужно знать и смотреть ему прямо в лицо» (Книга и революция. 1922. № 4). Со специальной целью разоблачить мистицизм «пахотной идеологии» К. выходит в 1924 кн. В. Князева «Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)». Заранее уже знающий о работе над нею, К. в письме Есенину 28 янв. 1922 по ее поводу пишет: «...порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе» (Вопросы лит-ры. 1988. № 2).

В сер. 1920-х К. делается некот. попытка подстроить свою музу к «новым песням» (**«Богатырка»**, 1925; **«Ленинград»**, 1925 или 1926), однако параллельно с ними создаются и «новые песни», в кот. звучит мотив «отлета» России из чуждой современности: «По речному таит страница / Лебединый отлетный крик. / Отлетает Русь, отлетает...» (**«Не буду писать от сердца...»**, 1925) и проклятия «железу»: «Забодало железное быдло / Коляду, душегрейку, салазки» (**«Наша русская правда загибла...»**, 1928). С особой эпической силой мысль о гибели России развивается К. в поэмах **«Деревня»** (1927), **«Соловки»** (1926–28), **«Погорельщина»** (1928), **«Песнь о Великой Матери»** (между 1929 и 1934), являющихся трагич. эпосом конца России и лебединой песней ее посл. рапсода. К ним примыкают поэмы **«Плач о Сергее Есенине»** (1926) и **«Заозерье»** (1927). В «Погорельщине», назвавшись «песнописцем Николаем», поэт берет на себя миссию свидетельствовать далеким потомкам о неповторимой красоте сожженной «человечьим сбродом» «нерукотворной России».

Только «Плач о Сергее Есенине», «Деревня» и «Заозерье» публ. при жизни поэта, все же остальные поэмы появятся в печати на его родине лишь более чем через полсотни лет.

В 1928 выходит посл. сб. стихов К. **«Изба и поле»**, всецело составленный из ранее напеч. Однако следующие 5 лет — период наиболее интенсивного и даже как бы «отчаянного» твва. Кроме трагич. эпоса «отлетающей» России, создается значительный пласт лирики, объединенный именем Анатолия Яр-Кравченко — героя его посл. лирич. романа (**«Вспоминаю тебя и не помню...»**, 1929; **«Моему другу Анатолию Яру»**, **«Из предсмертных песен»**, **«Повесть скорби»**, 1933), а также большой цикл стихов **«О чем шумят седые кедры»**, отмеченный драматизмом личной жизни (одиночество) и конфликтным противостоянием современности.

Неизменно подчеркивавший свое духовное (и даже генетическое) родство с «огненным именем» несгибаемого протопопа Аввакума, К. отнюдь не намерен уступать в неравной борьбе своих позиций. В «Погорельщине» под видом исторически давних, легендарных врагов Руси половцев и сарацин рисуется облик нынешних разрушителей ее духовности и красоты. Он не только яростно защищает своего собственного «берестяного Сирина», но и в страстной инвективе **«Клеветникам искусства»** (1932) берет под защиту от погромщиков русской поэзии наиболее преследуемых ими С. Клычкова, С. Есенина, А. Ахматову, П. Васильева. В кон. 1933 или нач. 1934 К. создает уже открыто направленный против злодеяний существующего режима цикл **«Разруха»**, со страниц которого встает потрясающая картина народного страдания: голода, мас-

совой гибели вывезенных на Вологодчину раскулаченных украинцев, рытья печально знаменитого канала: «То беломорский смерть-канал, / Его Акимушка копал, / С Ветлуги Пров да тетка Фекла, / Великороссия промокла / Под красным ливнем до костей / И слезы скрыла от людей, / От глаз чужих в глухие топи». Мн. строки из «Разрухи» оказались пророческими, в частности о России будущей (к сожалению, о России настоящей): «Ей вести черные, скакун из Карабаха...».

Наряду с поэмами и стих. циклами неопубликованной (за некот. исключением) осталась и проза К., в основном небеллетристического, скорее маргинального характера, но тем не менее занимающая в русской лит-ре XX в. свое опр. место (в силу запечатления в ней уникальной личности и судьбы ее автора, с его исключительно своеобразным индивидуальным стилем). Это автобиогр. рассказы («**Из записей 1919 года**»; «**Гагарья судьбина**», 1922; «**Праотцы**», 1924, и др.), составляющие в совокупности некое «житийного» характера повествование поэта о своих «древлеправославных», «аввакумовских» корнях, о знаках своего избранничества на этом пути, о своем поэтич. генезисе, восходящем к сокровенным и вещим силам земли и природы («медвежья сопель», «заклятое певучее» перо гагары — «царицы» водяных птиц и проч.), о скитаниях по духовным перепутьям России, о встречах с известными современниками. Широта охвата личностью рассказчика разных социальных и духовных сфер жизни составляет особенность этих рассказов: «Так развертывается моя жизнь от избы до дворца, от песни за навозной бороной до белых стихов в царских палатах» («Гагарья судьбина)» Более повезло публицистике: полностью были опубликованы статьи самого активного «октябрьского» периода деятельности К. в этой области (в уездной газ. «Звезда Вытегры». 1919–22). Мн. из них свидетельствовали о том, что «действительность 1919 года была окрашена для Клюева в красно-золотые, солнечные тона, что мир он воспринимал тогда, скорее, однополярным, моноцветным» (Т. Пономарева). Вместе с тем, приветствуя революцию, К. в этих статьях брал под защиту многое из того, что ею уничтожалось: церковное искусство — как национальную, призванную спасти Россию «красоту», а также крестьянский мир с его традициями и культурой (статьи «**Порванный невод**», «**Сдвинутый светильник**», а также пересказанное в газете содержание его устных выступлений «**Медвежья цифирь**» и «**Слово о ценностях народного искусства**» — все 1919). Их пафос, направленный на соединение «Матери-Красоты» с революционной «новью», не был понят, и поэт был исключен из рядов РКП(б) (1920).

Масштабнее всего как прозаик К. выразил себя в письмах, ставших «его дневником, его философией, этикой и эстетикой, его исповедью» (В. Базанов). В них раскрывалась многозначная связь поэта с окружающим миром, современниками, диктовавшаяся потребностью в общении на высоком духовно-интеллектуальном или сердечном уровне (А. Блоку, В. Брюсову, В. Миролюбову), поисками родственной души в чуждом мире (А. Ширяевцу, С. Есенину, А. Яр-Кравченко). В письмах к каждому из адресатов находил отражение какой-то из весьма существенных моментов жизненного и творческого пути К. В письмах к Блоку утверждалось право быть равным среди равных в русской поэзии, к Есенину — он раскрывался как борец за сохранение в национальной духовности ее самых глубинных корней, чистых родников тв-ва как раз в период разрушения основ народного бытия. В письмах к Яр-Кравченко преодолевался драматизм как личной жизни (одиночество), так и конфликт с отвергающей поэта современностью, утверждалась связь с общечеловеч. ценностями (наставничество, сердечная привязанность). В исполненных трагизма письмах из Сибири (С. Клычкову, В. Горбачевой, Н. Христофоровой-Садомовой) запечатлены все подробности заключительного (страдного, мученического, исповедального) этапа жизненного пути поэта.

В 1920-е проза К. заявляет о себе своеобразным жанром эссеистики, в виде записанных его другом Н. Архиповым высказываний о классиках, современниках и себе. Это сентенции о своих духовных ориентирах, выборе жизненного поведения, а также об отдельных собственных произведениях, их смысле (род комментариев), о своей отверженности от современности, о горестных приметах нынешнего гибельного состояния России. Особый раздел составляют носящие шокирующий характер преимущественно негативные суждения о Есенине, вызванные, несомненно, горечью автора по поводу своих неоправдавшихся надежд на мессианский путь младшего «песенного собрата» как выразителя светлых творческих сил и самой «звездной» судьбы России, поддавшегося, к сожалению (по мысли К.), влиянию чуждых ей сил.

Так, в записях собеседников К. (того же Архипова и Христофоровой-Садомовой) сохранились и рассказанные им в 1920–30-е сны, в кот. нашли отражение тревога за жизнь, предчувствие неизбежной гибели, неизменно сопровождаемые мотивом бегства и поиска укрытия от преследователей — убийц и палачей. Иногда они разрешаются радостью обретенного спасения под знаками то православных святынь («Вдруг где-то далеко, далеко, в далях святорусских ударил колокол...»), то благодатного крестьянского топоса, «избяного космоса» («Вошел я в хлев, темень меня облапила, удойная добрая мгла»), то уже за пределами совр. России («Ну,— думаю,— с меня теперь взятки гладки: в Египте я, в земле древней, неприкосновенной!..»). Но чаще же всего героя ждет гибель: из сна в сон его расстреливают, режут, вешают, душат. Однако для него (за которым стоит автор — подлинный художник-мистик) и смерть, уничтожающая всего лишь физическую оболочку («Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить», Мф.: 10,28), оказывается в итоге все тем же спасением через приобщение к вечным ценностям духовного бытия: «Как оком моргнуть, рухнула крыша-череп <...> Порвал я на себе цепи и скоком-полетом полетел в луговую ясность, в Божий белый свет <...> лебяжьим летом лечу над великим озером. Тихи и безбрежны воды озера, высокая заря над ними, о которой поется „Свете тихий по церквам русским"».

В прозе К. сильно ощутима генетическая связь с древнерусской лит-рой, прежде всего с жанром «духовного

завещания», а также самоуничижительного и покаянного тона. «Поэтика клюевской прозы является мифоромантической. Его образы опираются одновременно на тексты Священного Писания, апокрифы, народные легенды и фольклор. Мифологемы Голгофы, распятия (сораспятия), воскресения, „последних дней", преображения, огня, пожара, света, тьмы, Красного коня, Змея становятся центром его художественного мира» (Пономарева Т.). Она пронизана также унаследованным от древнерусских и библейских текстов, ритмическим, стиховым («версийным») началом (см.: Орлицкий Ю. Проза и стих в тве Н. Клюева и др. поэтов новокрестьянского направления // Вытегорский вестник. 1994. № 1).

2 февр. 1934 К. (в это время он проживает в М.) подвергается аресту за антисов. агитацию. На допросах он не скрывает своего решительного неприятия «политики компартии и сов. власти, направленной к социалистическому переустройству страны», которое он рассматривает «как насилие государства над народом, истекающим кровью и огненной болью». Октябрьская революция, высказывается он, «повергла страну в пучину страданий и бедствий и сделала ее самой несчастной в мире». «Я считаю, что политика индустриализации разрушает основу и красоту русской народной жизни, причем это разрушение сопровождается страданиями и гибелью миллионов русских людей...» (Огонек. 1989. № 43). Сосланный поначалу в пос. Колпашево (Зап. Сибирь), К. вскоре переводится в Томск, где с весны 1937 теряется с ним связь, уступая место версиям и легендам о его кончине. И только в 1989 из ставших доступными мат-лов томского НКВД выясняется истинная картина его гибели: 5 июля 1937 его, уже завершающего срок ссылки, вторично арестовывают как активного, «близко стоящего к руководству» участника «монархо-кадетской» повстанческой организации Союз спасения России (никогда не существовавшей); приговоренный к высшей мере «социальной защиты», он был расстрелян в один из трех дней — 23–25 окт. 1937.

Посл. из изв. произведений К. является стих. **«Есть две страны: одна — Больница...»**. Посланное с последним письмом А. Яр-Кравченко (25 марта 1937), оно свидетельствует о том, что, несмотря на все страдания и бедствия, творч. силы не оставляли поэта.

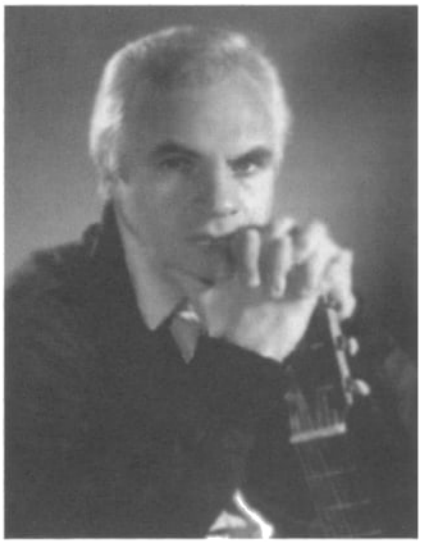
Адреса в Пг.-Л-де: 1915–23 — квартира К. А. Расщепиной в доходном доме на наб. реки Фонтанки, 149, кв. 9; 1923–32— дворовый флигель по ул. Герцена, 45, кв. 7.

Соч.: Соч.: В 2 т. Мюнхен, 1969; Стих. и поэмы. Л., 1977; Письма к А. Яр-Кравченко // Север. 1993. № 10; Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. СПб., 1999; Словесное дерево: Проза. СПб., 2003; Письма к Александру Блоку: 1907–15 / Публ., ввод. ст. и комм. К. Азадовского. М., 2003.

Лит.: Филиппов Б. Николай Клюев: Мат-лы к биографии // Клюев Н. Соч. Мюнхен, 1969. Т. 1; Грунтов А. Мат-лы к биографии Н. А. Клюева // Русская литра. 1973. № 1; Базанов В. С родного берега: О поэзии Н. Клюева. Л., 1990; Кравченко Б. Через мою жизнь // Наше наследие. 1991. № 1; Киселева Л. Христианство русской деревни в поэзии Н. Клюева // Православие и культура. Киев, 1993. № 1; Михайлов А. История и судьба в зеркале сновидений (по снам Н. Клюева) // Мера. 1994. № 2; Мекш Э. Образ Великой Матери: Религиозно-мифологические традиции в эпическом тв-ве Н. Клюева. Даугавпилс, 1995; Пичурин Л. Посл. дни Николая Клюева. Томск, 1995; Николай Клюев. Иссл. и мат-лы. М., 1997; Маркова Е. Тв-во Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997; Михайлов А. Николай Клюев и мир его поэзии // Николай Клюев. Сердце Единорога. СПб., 1999; Пономарева Т. Проза Николая Клюева 20-х гг. М., 1999; Николай Клюев: Образ мира и судьба. Томск, 2000; Солнцева Н. Странный эрос. Интимные мотивы поэзии Н. Клюева. М., 2000; Азадовский К. Жизнь Николая Клюева: Докум. повествование. СПб., 2002; Михайлов А. О прозе Николая Клюева // Клюев Н. Словесное древо. СПб., 2003; Михайлов А. В «Гранитных зрачках» Петербурга. Неизвестное о Николае Клюеве в городе на Неве // Рог Борея. СПб., 2003. № 18; Венок Николаю Клюеву. 1911–2003 / Сост., предисл. и прим. С. Субботина. М., 2004; Николай Клюев глазами современников / Сост., прим. В. Гарнина. СПб., 2005; Николай Клюев. Воспоминания современников / Сост. П. Поберезкиной, вст. ст. и комм. Л. Киселевой. М., 2010.

А. Михайлов

КЛЯ́ЧКИН Евгений Исаакович [23.3.1934, Л-д — 30.7.1994, Израиль; похоронен на кладб. Аяркон в Петах-Тикве] — поэт, автор-исполнитель.



Отец — помощник мастера на ткацкой фабрике. Мать работала в аптеке, умерла во время блокады. К. эвакуировали из блокадного города в Ярославскую обл. Воспитывался в детском доме, отец был на фронте. В сент. 1945 отец снова забрал его в Л-д. К. окончил школу с золотой медалью. Получил образование в ЛИСИ (1952–57), окончил с отличием по специальности «Городское строительство и хозяйство». Работал инженером-проектировщиком в строительных организациях Л-да (ГСПИ-1, Ленпроект, Лен. отд. худ. фонда и др.). Летом 1957 принимал участие во Всемирном фестивале молодёжи и студентов в М. С 1953 играл на семиструнной гитаре. В окт. 1961 создал перв. мелодию к песне «Туман» на стихи К. Кузьминского, с чего началось его тв-во как барда, сочинил песню **«Милая! Чего ты нос повесила»**.

Первоначально соч. музыку к песням на стихи др. поэтов: И. Бродского, К. Кузьминского, А. Вознесенского, Г. Горбовского и др. Многие в СССР именно через песни К. познакомились с тв-вом Бродского, для кот. в то время были закрыты все офиц. возможности для публ. Песни К. «Пилигримы», «Рождественский романс», «Ни страны, ни погоста...», романсы персонажей поэмы Бродского «Шествие» Мышкина, Арле-

кина, Коломбины, черта и др. считаются признанными вершинами авторской песни.

В 1963–64 К. посещал семинар по работе с самодеятельными композиторами при ЛО Союза композиторов СССР. В сер. 1980-х ушёл на профессиональную сцену. Выступал как артист Ленконцерта и Росконцерта. Лауреат 1-го и 2-го лен. конкурсов самодеятельной песни (в 1965 и 1967), конкурса туристской песни I-го Всесоюзного слета победителей походов по местам боевой славы в Бресте в 1965, II-го Всесоюзного конкурса на лучшую туристскую песню в М. в 1969. Было два привода в КГБ за чтение запрещённой лит-ры. В кон. 1960-х за критику состояния страны был лишён возможности давать концерты и выступать на гастролях по стране.

В тв-ве К. представлены поэтич. жанры авторской песни и стих., а также прозаич. — рассказы: **«В пути»**, **«Концы и начала»** (1971), **«Праздник в будни»** (1971) и фантастич. повесть **«Бобы»** (1962).

Произведения К. различны по тематике и структуре: шуточные песни, студенческие, фольклорные стилизации, песни к кинофильмам и спектаклям, военные, любовная лирика и романсы, сатирич. и протестные (политические). В начале своего тв-ва поэт писал песни шуточного характера **«Милая»** (1961), **«Я был мальчишка глупенький...»** (1962), сюжетные композиции о неудавшихся любовных историях в комических обстоятельствах: «Он ей говорит со знаньем дела: / "Виноват, который час?" / А она ему на это смело: / "Два-двенадцать-сорок шесть". / Он ей: "Что-то я, пардон, не понял, / Что такое сорок шесть?" / А она: "Да это ж телефон мой"». В песнях этого периода используются беззлобный юмор, романсные и фольклорные (частушки) интонации, лиризм и романтич. направленность. Поэт объединял песни в циклы. К. был и автором песен для спектаклей и пьес: в 1964 песни для пьесы В. Розова «В день свадьбы» в Лен. театре им. Ленкома, в 1967 для спектакля «Тайны чёрного озера» Псковского обл. драм. театра им. А. Пушкина, 1980 — песни к спектаклю «Баллада о солдате».

К 1970-м тв-во К. усложняется тематически и структурно, развивается романтич. направленность. Ю. Ким писал: «Женя — романтический автор, может быть один из самых наших романтических». Одним из значимых элементов этого периода становится мотив пути, странствия. К. расширяет тематику авторской песни, включая в тексты песен тему собственной смерти, что отличает его от других бардов: «Папа спит под землей, дочка — в комнате. / Если нечего делать — вспомните» (**«Несчастный случай»**, 1965). Один из частых образов во всём тв-ве автора — образ девочки, дочки. Поэт использует детские темы и мотивы как истинное, искреннее начало в противовес лицемерию и лживости окружающего мира. В песнях этого периода усиливаются грустные элегич. интонации. Лиризм К. отмечали Ю. Ким, А. Городницкий и др. Жанр элегии проявился в тв-ве К. в разных проблемно-тематических и стилевых направлениях: пейзажные, любовные, городские, философские, гражданские элегии. Особенность любовной элегии составляет включение в её структуру психологич. микро-новеллы. В это время в тв-ве К. появляются и протестные и сатирич. песни, в кот. анализируются совр. поэту полит. и соц. проблемы в стране: «Вот лысина — будто пробор, / слова — то ли воск, то ли нож, / но ты их спокойно кладешь, /и значит, "не куплен — не вор"» (**«Эмблема — "пила и топор"»**, 1967). «На плечах неподвижна покатая бронированная посудина... ...И такому вот питекантропу был подсуден я» (**«Пом. по кадрам»**, 1970). В. Новиков пишет о К.: «Слово Клячкина выросло на ленинградской культурной почве, в той среде, для которой не характерны эмоциональный нажим, театрализованный жест, монологическая откровенность. Здесь не принято дерзко открывать Америки, заявлять о себе с вызовом и эпатажем. Здесь иная атмосфера сдержанность и дистанционность» (см. в кн.: Клячкин Е. Осенний романс. М., 2003).

Не менее значима в произведениях К. урбанистич. лирика. Автор представляет образы Л-да, М. и др., к кон. 1970-х эта направленность перерастает в тему родины — России: «Россия — и имя-то женское, / Недаром на бабах стоит. / У каждой судьба деревенская: / Кормить мужика да поить» (**«Россия — и имя-то женское»**, 1979). Особым образом предстаёт в лирике барда Л-д. Как пишет Б. Вишневский, «"бардом великого города с областной судьбой" назвал его Александр Городницкий. По его словам, "в основе лучших песен Клячкина лежит неизбывная привязанность блокадного мальчика к покинутым дворцам, сырым, промозглым переулкам, обветшавшим домам и каналам". Действительно, самые пронзительные и светлые песни Клячкина — о Ленинграде. **"Мокрый вальс"** и **"Песня об утреннем городе"**, **"Колыбельная домов"** и **"Возвращение"...»**.

В период 1980-х в тв-ве К. усиливается акцент на соц. темы. Автор-бард Ю. Кукин отмечал: «Непохожесть, и музыкальная и поэтическая оригинальность образов, ассоциативность, какое-то предощущение стиха (что в общем-то и является главной тайной поэзии) и совершенно уникальная музыкальность с новым неожиданными подходом к гармонизации мелодии делали Евгения Клячкина неподражаемым и неповторимым». Существенной для тв-ва К. стала и тема еврейства. В своих текстах автор рассматривал и анализировал проблемы жизни в рамках этой нац. культуры. В апр. 1990 К. с семьёй эмигрировал в Израиль, где проживал в г. Ариэле, он работал там по специальности, полученной ещё в СССР. Выступал с концертами, давал концерты и в США. На своё 60-летие в марте 1994 приехал с гастролями в Россию, дал неск. концертов в М., СПб. и Туле.

К. погиб во время купания в Средиземном море — у него остановилось сердце. В СПб. в годовщину гибели К. сложилась традиция: на Стрелке Васильевского о-ва собираются те, кто его помнит и любит. Поют его песни, читают стихи, делятся воспоминаниями.

Песенное наследие К. включает более 300 произведений, около 70 из них напис. на чужие стихи. Песни К. публ. в сб. самодеятельной песни разных лет. Наиболее изв. и популярные: **«Не гляди назад...»**, **«Песня об утреннем городе»**, **«Псков»**, **«Мелодия в ритме лодки»**, **«Детский рисунок»**, **«Возвращение»**, **«Мокрый вальс»**, **«Моим ровесникам»**.

Соч.: Не гляди назад. СПб., 1994; Оглянусь на всё, чем жил: Песни, стихи, проза. СПб., 1999; Живы, покуда любимы! Песни. Воспоминания о Е. Клячкине. СПб., 2000; Осенний романс. М., 2003.

Лит.: Борисова А. Я прощаюсь со страной, где... // Смена. 1990. 20 март.; Андреев Ю. Наша авторская... История, теория и совр. состояние самодеятельности. М., 1991; Городницкий А. Спокойно глядя в небо... // ЛГ. 1994 № 42 (19 окт.); Кукин Ю. О моём друге // Библиография. № 1. 1994; Краснопёров А. Он приезжал прощаться... // Комсомолец Удмуртии. 1995. № 1. 4 нояб.; Вишневский Б. Весы удерживают гири... — концерт памяти Евгения Клячкина в СПб. // Новая газ. 2002. № 55, 1–4 авг.; Кане М. Время вдруг становится судьбой. СПб., 2000; Ким Ю. Предисл. // Осенний романс. М., 2003; Аннинский Л. Представленье имен // Лит. Россия. 2004. 30 янв.; Вишневский Б. «Не гляди назад...» // Невское время. 2004. 27 март.; сайт, посвящённый тв-ву К.: www.kliachkin.bard.ru/books.php

С. Петрова

КНЯ́ЗЕВ Василий Васильевич [6 (18).1.1887, Тюмень — 10.11.1937, в заключении] — поэт.

Родился в купеческой семье, отец был поэтом, музыкантом, художником, мать — дочь ссыльного поляка К. Высоцкого, видного культурного деятеля Сибири. Так расшифровывается один из псевд. К. — Высоцкий К. Учился в гимназии в Екатеринбурге, затем в 1904–05 в земской учительской семинарии в СПб. 9 янв. 1905 участвовал в митингах и демонстрациях в СПб. и из семинарии был исключен.

Перв. публ. — 3 янв. 1905, незадолго до Кровавого воскресенья. С 1905 печ. в разных жанрах — сатира, басни, пародии, частушки, рев. песни, баллады — в ж. «Поединок», «Гном», «Серый волк», «Застрельщик», «Скандал», «Овод», «Маски», «Сатира», «Булат» и др. В 1905–07 выступает под псевд. Буревестник, Василиск, Язев, Княжевич и др. После поражения Первой русской революции из оппозиционных к правительству журналов переходит в либерально-юмористические «Будильник», «Сатирикон», «Новый Сатирикон» и др. В 1910 издает сб. **«Сатирические песни»**. Дед и отец К. собирали народные пословицы; К. последовал их примеру, много внимания уделил **«Пословичной энциклопедии»**. Его книга **«Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки СПб. губернии»** (1913) была отмечена почетным отзывом Академии наук. К. не только собирал фольклор, но и в своих стихах использовал фольклорные жанры — раешник, частушку, городской романс. В 1914 издал в СПб. кн. **«Двуногие без перьев. Сатира и юмор»**. Стихи 1905–16 собраны в **«Первой книге стихов»**, вышедшей в Пг. в 1919. После Октябрьской революции К. становится сотрудником «Красной газ.». Как отмечали в печати, «Князев первый вышел из рядов буржуазной печати и стал под красное знамя» (Вестник лит-ры. 1919. № 3). В «Красной газ.» ежедневно появлялись стихи-«набаты» (**«Песня набата»**, **«Ночной набат»** и др.) Красного звонаря, песни Красного поэта, беседы деда Нефеда, фельетоны Софронова внука из Великих Лук (псевд. К.). В 1918 К. печ. и в газ. «Петроградская правда», «Сев. коммуна», в сатирич. ж. «Красный дьявол», «Гильотина», также в ж. «Красноармеец», «Красный командир», газ. 7-й армии «Боевая правда», в газ. М., Смоленска, Архангельска и др. Тогда же редактировал ж. «Красная колокольня», руководил стих. отделом «Красной газ.», работал в «Боевой правде», выступал на митингах, участвовал в агитпоездках на фронт, там организовал фронтовую газ. и «окопный театр».

Среди десятков и сотен его боевых агиток, пафосных и сатирич. стихов, полит. памфлетов и фельетонов самым знаменитым его произведением явилась **«Песня Коммуны»**, опубл. в «Красной газ.» 11 авг. 1918. На многолюдных митингах восторженно повторяли ее рефрен: «Никогда, никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!». Л. Полонский свидетельствует: «Комсомолец 20-х годов, я и сегодня, спустя 60 с лишним лет, помню, как упоенно пели мы эту песню в праздничных колоннах Первомая и Октября».

Выступления К. проходили триумфально. В «Красной газ.» 23 окт. 1918 сообщали: «Аплодисментами был встречен пролетарский русский Беранже Василий Князев». В «Правде» 13 авг. 1919 писали: «Читал свои стихи В. Князев. Ему была оказана восторженная встреча». «Богатырь Коммуны», «наш красный Беранже», «любимый пролетарский поэт», «талантливейший пролетарский поэт» — так называли его в газ. Его популярность была не только широкой, но и устойчивой — стихи из книг К. **«Красное Евангелие»**, **«Красные звоны и песни»** (обе — 1918), **«Песни красного звонаря»** (1919) перекладывались на музыку, переводились на иностр. яз.

Только в теч. 1918 «Красное Евангелие» выдержало 4 изд. В этой кн. автор новое, рев. содержание современности облекал в одежды изв. народным массам христианских преданий. Так, Октябрьская революция осмысливалась как давно предреченное новое пришествие Христа — Мессии, «искупителя», которого нужно встретить достойно его великой миссии. Но вместо скорбного Христа в «Красном Евангелии» появлялся Христос-бунтарь: «Очисти душу — и воскресни во имя Красного Христа!» Образ Христа переосмысливался в рев. духе, чтобы возвысить Октябрьскую революцию, подчеркнуть ее мировое значение и космические масштабы,— таков смысл «Красного Евангелия». В годы Гражданской войны К. издал 12 кн. — «Песни красного звонаря», «Дети города» (обе — 1919), **«О чем пел колокол»**, **«Азбука возрождения транспорта»** (обе — 1920) и др. В 1924 изд. кн. **«Капля крови Ильича»**, **«Фома Царьков»**.

В 1920-е К. продолжил свою работу по сбору, изучению и изданию произведений фольклора. В 1924 издал кн. **«Современные частушки. 1917–**

22 гг.» и «**Русь: Сб. избранных пословиц, присловок, поговорок и прибауток**», в 1925 — «**Частушки красноармейские и о Красной Армии**», в 1928 — «**Сов. частушки**». Фольклорные мотивы и приемы использованы и в оригинальных кн. К.: «**Красная ленинская деревня**», «**Красная казарма. Первомайская тальянка**» (обе — 1925). Но, как писал В. Базанов, «при всех своих фольклористических увлечениях В. Князев не сумел достойно оценить фольклоризм новокрестьянских поэтов вообще и Н. Клюева в частности...»; в кн. «**Ржаные апостолы**» (1924) К. резко критиковал Н. Клюева и др. новокрестьянских поэтов. В 1930 К. изд. «**Книгу пословиц. Выборки из пословичной энциклопедии**», в 1936 — «**Избр. частушки Северного края**».

В 1920-е, затем в 1930-е расширяет жанровый диапазон. В 1920 К. издает драму «**Фабрикант и рабочий**», в том же году в Архангельске отд. изд. выходит инсценировка «Красного Евангелия». Только в 1923 К. издает 4 кн. для детей, в 1926 стихи для детей «**Страшный сон**». В 1930 ж. «Звезда» публ. воспоминания К. В 1934 под псевд. Иван Седых К. публ. роман из жизни сибирского купечества «**Деды**». Осн. стих. кн. 1930-х: «**Книга избр. стихотворений**» (1930), «**Последняя книга стихов**» (1933), «**За четверть века (1905–30). Книга избр. стихотворений**» (1935). Но затем внезапно замолчал — весной 1937 поэт революции был арестован по абсурдному обвинению в контррев. агитации.

Следуя по этапу из Магаданского пересыльного пункта в отдаленный лагерный пункт Мальдяк (дорога длиной в 700 км), поэт скончался. Остались незавершенными монументальный роман «Деды», многотомная «Пословичная энциклопедия» — труд трех поколений династии Князевых, а то, что было для нее собрано, не сохранилось и в архивах. В заявлении на имя уполномоченного НКВД поэт писал: «Дайте мне остаток моей жизни (5 лет, не больше) писать знойные, обжигающие душу песни. Я докажу, что я не только не враг народа, но предан Октябрьской революции до последнего издыхания!». Этих лет и даже года в запасе уже не было. Но когда началась Великая Отеч. война, «Песня Коммуны» снова встала в боевой строй: 31 июля 1941 «Лен. правда» опубл. стих., начинавшееся строкой: «Мы не будем фашизма рабами!».

Соч.: Избр. Л., 1959; Песня Коммуны // Время, вперед! М., 1986; Из цикла «Проклятый город» // Петербург в русской поэзии. Л., 1988; «Вчера не мог заснуть я до рассвета...» // Сонет Серебряного века. М., 1990; Моя политическая платформа [и др. стихи] // Аврора. 1997. № 3; Князев В., Плотников М. Русь: Избр. Тюмень, 1998; О том, как гном построил дом. Назрань, [Б. г.].

Лит.: Шацева Р. Поэт рев. Петрограда // Звезда. 1960. № 11; Азаров Вс. Поэт Коммуны // День поэзии. Л., 1966; Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1968; Русская сатирич. лит-ра нач. XX в. М., 1977; Хренков Дм. Одной любовью. Л., 1979; Базанов В. «Пролетарскому поэту-трибуну...» // Русская лит-ра. 1987. № 4; Полонский Л. Как погиб Василий Князев // Распятые. СПб., 1994. Вып. 2; Рогачев В. Красная речь Василия Князева // Князев В., Плотников М. Русь: Избр. Тюмень, 1998; Лазарева Н. В. Князев в лит. жизни 20–50-х гг. // Филологич. этюды. Саратов, 1998. Вып. 2.

В. Шошин

КНЯ́ЗЕВ Сергей Иванович [13.3. 1974, Л-д] — лит. критик, журналист, редактор.

Окончил филол. фак-т СПбГУ (1996).

Первые публ. К. (критические заметки о сб. стихов Вс. Зельченко и романе Ф. Розинера) появились в газ. «Петербургский текст» (1994–95).

В СПбГУ К. изучал прозу Тэффи, позже неоднократно писал статьи о ней, участвовал в публикации сб. ее рассказов в кач-ве ред., сост., комментатора (см.: Нитраур Э., Князев С. **Вечность** // Тэффи Н. Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1996. Т. 1. Проза. Стихи. Пьесы; Князев С. «**...Бывают странные сближенья.**» **(В. Розанов и Тэффи)** // Новый ж. 1998. № 1; Князев С. **К теме «Розанов и Тэффи»** // Тв-во Н. А. Тэффи и русский лит. процесс перв. пол. XX в. М.: Наследие, 1999; **Тэффи. После юбилея** (Отрывки впечатлений и разговоров о Гоголе Н. В.) / Публ. и вст. заметка Э. Нитраур и Б. Аверина, прим. С. Князева // Звезда. 1998. № 3; Тэффи. Контрреволюционная буква / Сост. С. Князев. СПб.: Азбука-классика, 2000.; Князев С. **Продолжение сатиры другими средствами** // Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». СПб.: Азбука-классика, 2008; Тэффи. В стране воспоминаний. Киев: LP Media, 2011; Арсеньева З., Князев С. **Жизнь столько смеется, сколько и плачет...** // Веч. Петербург. 2012. 18 мая; Князев С. **Девушка с конфетной коробки** // Культура. 2012. 18 мая).

В 1998 опубл. ст. «**Виктор Топоров как Василий Розанов**» (Русский ж. 1998. 22 июл.), в кот. доказывал правомерность сопоставления двух критиков на основе их способности устраивать скандалы: «В начале века много и охотно ругали Розанова. В конце столетия бранят Топорова. Слова, впрочем, те же. "Гнилая душа", "Смердяков", "Передонов", "Вместо демона — лакей", "Инквизиторствующий кликуша". Обвинения в антисемитизме. И не разберешь с ходу, что здесь о Топорове, а что — о Розанове». Такое сравнение было оценено неоднозначно: «Чудесная статья, все в тему, все по делу» (В. Пригодич); «...аналогия не кажется убедительной» (В. Сердюченко). Сравнение с В. Розановым сам В. Топоров прокомментировал в одном из инт.: «глупость, хотя и лестная» (Лит. Россия. 2009. № 11). Однако в публикации «Резервация АРС'С» Топоров дал понять, что считает ст. К. важной для своей библиографии (НГ Exlibris. 2003. 20 март.). Своеобразным сиквелом этой статьи стала

рец. К. на кн. В. Топорова «Двойное дно. Признание скандалиста», где К. сравнил Топорова с протопопом Аввакумом: «Усматривая черты поразительного порой сходства "Двойного дна" и "Жития..." и, соответственно их авторов-героев, рискну предположить, что существует весьма ограниченное количество архитепических моделей литературного и общественного поведения» (**«Житие протопопа Виктора»**).

Лит.-критич. обзоры и статьи К. публ. в различных петерб. журналах и интернет-изд.: «Звезда» (1996–98), «Новый ж.» (СПб., 1997), «Русский ж.» (1998–03), «ЛГ» (1999), «Русская мысль» (1999–05), «Книж. обозрение» (с 2001), «Новая русская кн.» (2002), «Питербook» (с 2002), «Невское время» (2004–08), «TimeOut — Петербург» (2005–07), «Критич. масса» (2006), «Прочтение» (с 2006), «Фонтанка.ru» (2009–10), «Веч. Петербург» (с 2011), «Культура» (с 2012), «Pro-books.ru» (с 2012) др.

С 2000 лит.-критич. деятельность К. стал совмещать с редакторской (изд-ва «Лимбус Пресс», «Изд-во Ивана Лимбаха», «Вита Нова»).

В 2001 был в числе авторов, принимавших участие в создании лит. коллажа-проекта «Опушка» (www.opushka.spb.ru).

В 2007 в рамках сотрудничества с независимым лит.-критич. ж. «Прочтение» регулярно принимал участие в круглых столах, посвящ. проблемам критики и совр. лит-ры: «Лит. критика: независимая и обслуживающая», «Смерть издателя? Книгоиздание в XXI в.», «Правильные книги».

К. не чужд жанр аналитич. обобщения, кот. позволяет заострить внимание на особенностях совр. лит. процесса. Напр., в публ. **«Тоска по родине»** К. подробно рассматривает такое явление, как «имперский роман» (П. Крусанов «Укус ангела», Т. Толстая «Кысь», Е. Витковский «Павел Второй»). В ст. упоминает еще одну разновидность совр. прозы — «трэш-роман» (это определение, со ссылкой на К., неоднократно использовал В. Топоров). К числу «статей-обобщений» можно отнести тексты **«Книгам в Петербурге хорошо»** (Русский ж. 2001. 16 окт.), **«От гриба-литератора всем доброжелателям поклон»** (Опушка. 2001), рец. на книж. серию «Личное мнение» (Критич. масса. 2006. № 4.), а также статью о кризисе лит. премий **«Балет невылупившихся птенцов»** (Прочтение. 2011. 8 сент.). К. стремится к обобщению и в рец. на отд. книги: «Сборники современной русской короткой прозы издаются у нас нынче нечасто: публика, как правило, предпочитает романы» (Опушка. 2002. 23 апр.).

Отличительная черта критич. тв-ва К. — стремление анализировать произведение не только само по себе, но и в рамках общего ист.-лит. процесса. Филолог по образованию и редактор по профессии, К. обращает внимание читателей не только на сюжет произведения, но на его стиль, композицию, кач-во подготовки текста (в т. ч. и перевода) и издания кн.

Оценки и суждения К. всегда независимы от политики журналов и изд., в кот. опубл. его статьи. Он считает, что «критика по определению должна быть независимой, иначе это не критика», что «литературная критика должна быть лояльна к потребителю, а не к производителю»: «... Понятно, что ни один критик не может быть абсолютно свободен в своем воззрении. <...> Но вместе с тем ... некий критический императив должен существовать. Нельзя называть белое черным, а черное белым. <...> Потому что это обман читателя» (выступление на круглом столе «Лит. критика: независимая и обслуживающая» // Прочтение. 2007. 2 февр.). При этом писатель А. Рубанов полагает К. критиком, у кот. «идеальный вкус».

К. редактор двух книг, ставших лауреатами премии «Нац. бестселлер»: «[голово]ломка» А. Гаросса и А. Евдокимова (2003) и «Крещенные крестами» Э. Кочергина (2010).

Член Большого жюри премии «Нац. бестселлер» (2002–03).

Соч.: Виктор Топоров как Василий Розанов // Русский ж. 1998. 22 июл.; Книгам в Петербурге хорошо // Русский ж. 2001. 16. окт.; О себе и о грибах // Опушка (http://www.opushka.spb.ru/name/knyazev_name.shtml); Житие протопопа Виктора // Петерб. книжн. вестник. 2012. № 7; Балет невылупившихся птенцов// Прочтение. 2011. 8 сент.

Лит.: Елисеев Н. Трэш-редактор // Эксперт Северо-Запад. 2002. № 8; Пригодич В. Писулька (http://old.russ.ru/journal/kritik/98–07–22/knyaz0.htm); Сердюченко В. О Викторе Топорове // www.pereplet.ru/kandid/12.html; Топоров В. «Живые классики» на лит. тусовке // http://textpoisk.ru/18/89 (2002. 22 янв.); Топоров В. Резервация АРС'С // НГ Ex libris. 2003. 20 март; Рубанов А. «Я не ищу эстетики в литературе»: [инт.] // Аргументы и факты. 2010. 24 июн.

Е. Кузьмина

КНЯЗЕВА Нина Алексеевна [10 (23).1.1918, г. Усмань Тамбовской губ. (ныне Воронежская обл.) — 4.3.1993, СПб.] — поэт, педагог.

Отец — сапожник, мать занималась воспитанием троих дочерей, Нина была младшей. Предки родителей были крепостными кн. Вяземских, отсюда и фамилия. Семья жила скромно, но в достатке, владела двухэтажным деревянным домом с садом. В период НЭПа отец К. взял себе в помощники родственника-сироту, за что поплатился: дом и имущество отобрали, его признали капиталистом-эксплуататором, семья спешно покинула Усмань. Родители К. фиктивно развелись, продолжая тайно поддерживать друг друга. Семья осела в Воронеже, где К. окончила школу и Воронежский пед. ин-т (1935–39) и (до начала войны) первый курс аспирантуры по специальности «русская лит-ра». Ей хотелось заниматься твом Достоевского, но тема была «не проходной», потому был выбран земляк, крестьянский поэт А. Кольцов.

В период Великой Отеч. войны К. служила вольнонаемным зав. делопроизводством в штабе Юго-Западного фронта ПВО в Баку. В сент. 1945 получила медаль «За победу над Германией». В 1944 в Баку вышла замуж, после войны приехала к мужу в Л-д.

Когда у К. возник интерес к лит-ре и собств. поэтич. тв-ву, неизвестно. Однако сразу после войны она посещала различные семинары для начинающих поэтов при Детгизе и ЛО СП СССР, завязала дружеские отношения с молодыми детскими писателями М. Нарышкиной, Р. Амусиной, поэтами Е. Серовой, Л. Стекольниковым, Л. Хаустовым, переводчицей Ю. Бурштейн. Подготовила перв. и единственную детскую кн. стихов **«Летом»** (Л.: Детгиз, 1954). Позже гордилась тем, что в ее кн. не было ни одного «идеологически выдержан-

ного» стиха, ни одного упоминания о Ленине, Сталине или о партии. Однако материал. трудности были велики и о тв-ве пришлось забыть (на ее руках были две дочери и старая мать; с мужем рассталась).

В 1957 К. поступила в лен. Дворец пионеров им. Жданова в качестве педагога кружков юных литераторов. Тридцать следующих лет она была педагогом в кружках младших поэтов, детей 8–12 лет. И если можно говорить о вкладе К. в лен. культуру, то именно потому, что как педагог она оставила след в умах и сердцах своих учеников, кот. было немало. В 1962 произошло объединение кружков юных поэтов, прозаиков, критиков, любителей искусства, и объединение стало наз. лит. клубом «Дерзание». Помимо заседания кружков в клубе проходили диспуты о лит. новинках, лит. и ист. экскурсии, организованы «лит. субботы», на кот. приглашались поэты, прозаики, авторы-исполнители песен. Здесь выступали А. Кушнер, Г. Горбовский, М. Борисова, В. Соснова, А. Городницкий, В. Халупович, Л. Агеев; были встречи с А. Володиным, Н. Коржавиным, Б. Окуджавой, Т. Гнедич, В. Бетаки, Е. Эткиндом и мн. др. Темы диспутов на «лит. субботах» бывали на редкость смелыми: об «Одном дне Ивана Денисовича» А. Солженицына, о повести В. Аксенова «Апельсины из Марокко», поэме Р. Рождественского «Письмо в тридцатый век». Бывшие ученики К. говорят о том, что она давала им то, чего нельзя было получить не только в школе, но зачастую и в семье — понимание, сочувствие, веру в свой талант, любовь. Она умела вдохнуть любовь к поэзии и тв-ву в каждого ребенка, кот. приходил в клуб «Дерзание». В каждом она видела неповторимую индивидуальность, кот. уважала и любила. Ее «младшие» поэты росли, переходили к др. педагогам, но опыт духовного и душевного общения с перв. учителем забыть не мог никто.

Соч.: Летом. Л., 1954.

В. Князева

КО́БЕЦ Вера Николаевна [16.5. 1948, Л-д] — прозаик, переводчик.

Выросла в семье бабушки по материнской линии В. Н. Лепешинской. Мать — Татьяна Константиновна Кракау — кибернетик. Отец — Николай Васильевич К. — сотрудник Лаборатории аэрокосмических методов геологич. исследований. Детство — няня, уроки английского, музыки, театр (в первую очередь, балет), книги, поездки на юг, вид из окна на Петропавловскую крепость. Отрочество — концерты в Филармонии, летние путешествия, ощущение неустранимого разлада с окружающим миром, умиротворяющие будни школы — обычной, на Съездовской линии Васильевского о-ва. В 15 лет переход в школу № 319. Уроки лит-ры и жизни у Н. Долининой, прозаика и драматурга, дочери литературоведа Г. Гуковского. Дипломы на лит. олимпиадах. Золотая медаль.

Годы студенчества (восточный фак-т ЛГУ) и аспирантуры (Ин-т философии) К. вспоминает неохотно. Выбор специальности («История Японии») был явно неудачным. Однако приход на работу в Ин-т востоковедения дал возможность не только защитить канд. дис. на тему **«Деятельность и творчество Фукудзава Юкити (из истории японского просветительства)»**, но и познакомиться с Б. Вахтиным и его учениками — участниками переводч. семинара при СП. От Вахтина получена заповедь, провозглашенная в 1960-х группой «Горожане», младшим членом кот. был С. Довлатов: «Пишите не идеями, а словами и буквами». От Вахтина получено и ощущение необходимости прямой, «родственной» связи с классич. русской лит-рой.

С 1981 К. начинает писать «зарубки на память», вполне зрелые вещи, отмеченные личным почерком автора — бóльшая часть из них будет позднее опубл. К 1984 написана серия рассказов. Их одобряли в редакциях, но не печ. Мягко критиковали за камерность, жестче за неуместный драматизм при формальном благополучии героев. Перв. публикация — рассказы **«Мебель»** и **«Неожиданность»** (Памир. 1987. № 8) не изменила положения, хотя рассказы впоследствии были переизд., в т. ч. на финском и английском яз.

С 1988 по 1994 К. публ. рассказы в сб. и периодике («Волга», «Даугава», «Петерб. чтения» и др.), все они прошли незамеченными или были отнесены к разряду «женской прозы» (Савкина И. Эта неизвестная женская лит-ра // Север. 1989. № 8).

Иным оказался взгляд на произведения К. в среде зарубежных славистов и переводчиков. В Билефельдском ун-те (Германия) рассказ **«Судьба Веденеева»**, в кот. отеч. рецензент увидел только «динамичную прозу, деликатно приукрашенную фантастическим допущением» (Иовлев Н. Семь верст до небес // Веч. Л-д. 1990. № 262) был включен проф. В. Ротселем в курс «Петербургский текст русской лит-ры». Рассказ **«Побег»** переведен на итальянский яз. отметившей его «петербургское настроение» миланской слависткой П. Деотто. Переводчик-консультант изд-ва Luchterhand А. Ничке перевела на немецкий рассказ **«Pallida turba»** и ходатайствовала об издании серии рассказов в виде книги, сделав акцент на «точном описании психологии времени и места». Правомерность такого взгляда подтвердил выход кн. рассказов **«Побег»** (СПб., 1998), позволивший одному из критиков сказать, что «рассказы Веры Кобец порождены исчезающей культурой, кот. можно было бы назвать староленинградской. Причастность к этой культуре проступает в книге повсюду — и в разбросанных там и сям городских деталях, и в реалиях налаженного профессорского быта... и в старомодно-проработанной манере письма, а главное, в том — как принято сегодня говорить — менталитете, который присущ персонажам

"Побега"» (Д. Равинский). Близок к этой точке зрения и Н. Елисеев, написавший во внутренней рец., что рассказы К. существуют на стыке: «Женская проза и проза питерская, ленинградская — вот две ее пересекающиеся области. Город спецов, город женщин, бывшая столица и слой упрямо и упорно деклассируемой, но никак не деклассирующейся интеллигенции — вот ее мир. Стойкость этого мира равна его хрупкости». Он отметил, что «писательница отвечает своими рассказами на социально-психологический вопрос о живучести российской интеллигенции вообще, питерской, в частности». Эта особенность прозы К. привела Б. Аверина к желанию номинировать книгу «Побег» на соискание премии «Сев. Пальмира».

Особенность прозы К. связана не только с обостренным чувством города и умением передать зябкую, вечно-осеннюю питерскую атмосферу, но и в свойственной петербургскому тексту эсхатологической трагедийности. С особенной силой это звучит в рассказе **«Страх»**, соединившем в себе все гл. темы книги — кодекс чести, традиция, город, дети. «Эта книга — без хэппи-эндов, и ад здесь дан в представлении Нового Завета — как внутренняя боль и беда, а не как внешние пытки» (А. Старостина). Тема «интеллигенция — власть» убрана К. на задний план. Даже в рассказе **«Фрида Габбе»**, где дед-профессор ведет внука прощаться с отправляемым в ссылку отцом, стержень трагедии не в этих внешних обстоятельствах, а в роковом сплетении глубинных предрассудков и амбиций, груз кот. эти интеллигенты несут на своих плечах уже не одно поколение. Страх, кот. испытывает героиня одноименного рассказа, знаком и его автору.

Страх не обрести своего читателя привел К. к созданию на русском яз. тех книг, в чьей ценности можно не сомневаться. Благодаря ее участию были опубл. «Бог-Скорпион» У. Голдинга (1995), «Честный проигрыш» А. Мердок (2005), «Американская пастораль» Ф. Рота (2007). «В значительной мере успех Веры Кобец как переводчика с самых первых шагов (работа над У. Голдингом) определен ее литературной одаренностью, проявившейся еще на студенческой скамье и нашедшей затем яркое выражение в созданной ею прозе»,— писала в рекомендации одна из старейшин петербургской англистики М. Шерешевская. О плодотворности союза переводчика К. и прозаика К. в связи с возможной публикацией ее вещей на английском говорил Елисеев: «У Кобец очевидна, явна конструкция текста. При всей своей эмоциональности Веры Кобец — конструктор рассказов, она строит, а не выращивает».

К. строит не только каждую свою вещь, но и каждую кн. Это еще раз подтвердила **«Сладкая жизнь эпохи застоя»** (СПб., 2005). Кн. о гибели целой эпохи и целого поколения, показанных сквозь призму опыта наследницы дорев. интеллигенции, чье кредо жить в этой бесконечно рушащейся и возрождающейся реальности всегда и только «по своим законам». «"Титаник" медленно погружался в воду. Все смотрели. Но никто не верил — потому что смотрели с палубы, из-за стеклянных стен оранжереи... Герои Веры Кобец — обитатели той самой оранжереи, уже выброшенные кораблекрушением в океан и вынужденные осознавать, кто же они на самом деле» (А. Пронин). В поисках этого осознания К. использует сочетание классич. рассказа, микро-эссе и притч. Ее учителями называют Чехова и Добычина. Хотя сама К. часто говорила о желании написать русских «Будденброков». В каком-то смысле этим она и занимается. В уже упоминаемой рец. Н. Елисеев отметил: «Книга целостна. Тотальна, как сказал бы Вальтер Беньямин. Кобец добивалась и добивается этого и в предыдущих книгах. Жанр, в котором она работает, сериален, что ли? Он разомкнут. Ибо предполагает новые звенья рассказов, к уже написанным, и замкнут, ибо все рассказы взаимодополняют друг друга, образуют единый текст, единую цепь». И новая книга и рассказы (**Раз, два. Три, четыре, пять... Муравьиным шажком, Неисповедимость путей Твоих** // Звезда. 2008. № 8; Поворот колеса // Лит. кубики. 2008. № 5; **Встреча. Пейзаж за окнами** // Лит. кубики. 2010. № 6) только подтверждают это определение.

Член Союза литераторов России (с 1994) и СП СПб. (с 2005).

Соч.: Судьба Веденеева: Рассказ // Семь верст до небес: Сб. СПб., 1990; Побег: Рассказы. СПб., 1998; Сладкая жизнь эпохи застоя: Рассказы. СПб., 2005; Pallida turba, There are no Hopeless Situations // World Without Borders. 2007. March.

Лит.: Иовлев Н. Семь верст до небес // Веч. Л-д. 1990, № 262; Равинский Д. Энергия страха // Знамя. 1999. № 10; Морозова Т. Чем мужчины // ЛГ. 1999. № 27; Старостина А. Инферны изящной огранки // Книжное обозр.1999. 13 мая; Елисеев Н. Человек в скорлупе // Эксперт СЗ. 2005. № 39; Пронин А. Свободное плавание // Город. 2005. № 32.

А. Березина

КОБРАКО́В Петр Григорьевич [25.12.1921, д. Гололобово Смоленской обл. — 1996, Л-д] — поэт.

Родился в бедной крестьянской семье.

В 1937 окончил Верховскую неполную ср. школу и поступил в техникум физкультуры, кот. закончил в 1941. С 1943 по 1946 в рядах сов. армии. После демобилизации работал в системе трудовых резервов как инструктор физ-ры. С 1949 по 1951 работал в ред. газ. «Победа» и «Молодая гвардия» на Сахалине. С 1952 руководил лит. кружками на Лен. мясокомбинате им. С. Кирова и на Металлическом з-де им. Ленина. В 1961 по рекомендации М. Дудина, А. Решетова и Б. Кежуна принят в члены СП СССР.

Награжден медалью «За победу над Германией в Великую Отеч. войну».

Перв. стих. **«Победа»** напеч. в 1945 в газ. «На страже Родины». В 1946–52 стихи К. публ. в газ. «На страже Родины», «Смена», «Веч. Л-д», «Молодая гвардия», «Сов. Сахалин». В 1953 опубл. подборка стихов в «Лен. альманахе» (№ 5). Стихи К. публ. в поэтич. сб. (День поэзии 1985: Сб. / Сост. С. Ботвинник, Ю. Скородумов. Л.: Сов. писатель, 1985) и др.

В 1954 вышла перв. кн. стихов **«Родной край»** (Лениздат). Тематика и общая направленность стихов видна уже из названия. В сб. вошли стихи о детстве, о воен. юности, об участии в партизанском движении на Смоленщине. Его героическая и трагич. юность будет отражаться и в последующих кн.

В теч. многих лет К. систематически публ. в ж. «Звезда», «Нева» и др. Писал песни. Занимался переводами с языков народов СССР.

В предисл. к книге избр. стихов **«Красные листья»** (1981) Л. Хаустов писал о К.: «У каждого настоящего поэта творчество самым тесным образом переплетено с его жизнью. Можно сказать, что его стихи вырастают из биографии. Это в полной мере относится и к ленинградскому поэту Петру Кобракову. Деревенским юношей встретил он Великую Отечественную войну. Оказавшись в тылу врага в Касплянском районе Смоленской области, он вместе со своими сверстниками организовал партизанскую группу, душой кот. стал будущий Герой Советского Союза Володя Куриленко... Его <К.> стихи своей простотой и ясностью удивительно соответствуют четкости его гражданской позиции. Поэт-фронтовик навсегда остался верен своей боевой юности. Я не много знаю стихов, в кот. с такой силой была бы выражена боль наших утрат: "Но память — она не забыла, / Как здесь багровела трава. / Под каждой сосною — могила, / Под каждою крышей — вдова"». Но не только памятью живут стихи К.: зорким взглядом современника поэт всматривается в настоящее, видя в нем ростки будущего. Хаустов отмечал, что стихи К. «глубоко патриотичны, они просто дышат сыновней любовью к нашей родной земле, проникнуты ее дыханьем».

К. был чувствителен не только к своей опаленной войной юности, он откликался на события дня сегодняшнего, сопереживая современникам и их делам. Он был сыном своего времени и служил ему, воспевал его. Верность К. идеалам времени точно подметил поэт, рекомендовавший К. в СП, М. Дудин в эпиграмме: «Петр Григорьич Кобраков, / Что ты сделал для веков? / Ничего для них не сделал — / Прославлял большевиков!». Правда, у Дудина вместо «ничего» употреблено более крепкое словцо. В этой незлой шутке отражена приверженность К. к актуал. проблемам времени, стремление идти в ногу со всей страной, с партией.

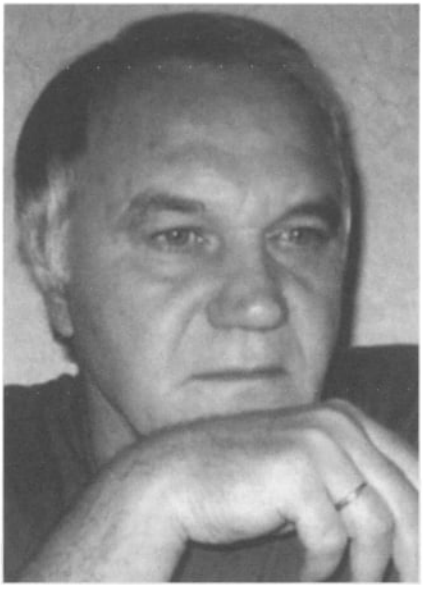
Большая часть жизни К. связана с Л-дом, с Карельским перешейком. Но никогда не покидала его и память детства. «Давно дружу с Невою, / С парками, / Но до сих пор / Приходят в сны / Разливы зорь / В полнеба яркие / Моей смоленской стороны. / Себя я вижу мимолетно: / Над головой — / Осинок дрожь, / Прохладу ветерка рассветного / К реке за пазухой несешь... / К обеду небо / Зноем полнилось, / К жнивью вела меня тропа. / Мне детство давнее / Запомнилось / На пальцах шрамы от серпа. / Запомнились / Березы в золоте... / И все, чем жил / Медовым воздухом Дышу».

Соч.: Родной край: Стихи. Л., 1954; Дорожная тетрадь: Стихи. Л., 1958; Открытая душа: Стихи. Л., 1961; Мост: Поэма. Л., 1968; Иду по земле: Стихи. Л., 1969; Ступень крыльца: Стихи. Л., 1975; Красные листья: Стихи / Предисл. Л. Хаустова. Л., 1981; Живая память: Стихи. Л., 1981; Верность: Стихи. Л., 1986; Поэзию любят красивые люди / Автор-сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Народ-победитель: Сов. лит-ра о Великой Отеч. войне. Л., 1985; Николаев И. Рядом с поэтом Кобраковым // Русский мир. 1997. № 6.

В. Кречетов

КОВАЛЁВ Александр Николаевич [30.5.1949, Донецк] — поэт, публицист.



Отец — водитель; мать — лаборант-строитель. По образованию К. — инженер-энергетик, закончил Моск. энергетический ин-т (1968–74) и аспирантуру при Лен. политехнич. ин-те (1978–82), докт. технич. наук, проф., академик ПАНИ, эксперт Международного Энергетического Комитета, один из вед. специалистов страны в обл. энергетики. Одновременно мн. лет профессионально работает в лит-ре в жанрах поэзии и публицистики, член СП России.

Перв. лит. опыт приобрел в М., где в студенч. годы занимался в поэтич. мастерской А. Межирова, здесь же, на радио и в моск. молодежных газ. появились перв. публ. его стихов. Всерьез лит. тв-вом К. занялся уже в Л-де, куда был распределен после окончания ин-та на работу в турбостроительное КБ «Лен. Металлического з-да».

По признанию К., «в Питере он сразу попал в хорошие руки», занимался в ЛИТО у Л. Хаустова и С. Давыдова, работал в семинарах Л. Агеева и Н. Грудининой, был участником неск. конференций молодых писателей Северо-Запада. Как результат — перв. крупные публ. стихов К. в альм. «Молодой Л-д» (1978) и в ж. «Звезда» (1978. № 10), кот. обратили на себя внимание критики. Так, Н. Банк в ст. «Кто же примет эстафету» о молодой поэзии Л-да (газ. «Веч. Л-д», 1981. 27 апр.), называя фамилию К. в числе обещающих молодых поэтов, обращает внимание на серьезный подход молодого автора к работе над словом: «Материал хорошо изучен — каждой главе предпослан документальный эпиграф...» — это о небольшой поэме **«Первая любовь Республики»** о строительстве первенца электрификации Волховской ГЭС. Поэт Вяч. Кузнецов, в кон. 1970-х возглавивший отдел поэзии ж. «Звезда», представляя лирич. подборку К. в ж., пишет: «Сегодня это один из наиболее заметных молодых ленинградских поэтов, со своим видением мира, незаемной поэтикой, острым поэтическим зрением. Поэзии Александра Ковалева, его лучшим стихам и поэмам присущи настоящий профессионализм, высокие художественные идеалы, четкость нравственной позиции и в лирике, и в стихах гражданственной тематики...». Стихи К. с нач. 1980-х постоянно публ. в ж. «Нева», «Аврора», «Звезда», «Смена», «Молодая гвардия», «Сов. воин», «Лит. учеба», «Дружба», «Студенч. меридиан», «Комсомольская правда» и мн. др., стихи переводятся за рубежом.

К. много ездит по стране в творч. командировки: Лен. обл., Дальний

Восток, Сибирь. Вместе со стихами в печ. появляются его публиц. работы — очерк о первостроителях Комсомольска-на-Амуре (ж. «Смена», 1982, № 11), очерк о строителях Саяно-Шушенской ГЭС «Енисейский меридиан» (газ. «Турбостроитель», 1983, авг.), многочисленные корр. и ст. в газ. «Смена», «ЛГ», «Веч. Петербург».

В 1982 в «Лениздате» в четвертой поэтич. кассете молодых поэтов Л-да у К. выходит перв. авторский сб. стихов **«Равновесие»**. В кн. собраны всего три десятка лирич. стих. и небольшая поэма о войне **«Лейтенанты»**. Кн. хорошо встречена критикой, особенно поэма. Но кн. составила всего один авт. лист — 700 поэтич. строк из мн. тысяч написанных автором к тому вр.

Публицистич. и гражданственный темперамент К. ярко реагирует на перемены в сов. об-ве 1980-х. В это время из-под пера поэта выходит ряд острых публицистич. стих. и поэм, кот. опубл. в ж.: поэма **«Десант»** (Нева. 1984. № 9), поэма **«Дамба»** (Аврора. 1985. № 10), поэма **«Три минуты — по Гринвичу»** (Звезда. 1986. № 7). Особый резонанс вызвала антивоен. поэма «Три минуты — по Гринвичу». Сюжет поэмы основан на реальном событии, когда американские воен. радары приняли стаю птиц за сов. ракеты с ядерными боеголовками, летящие к цели. В поэме через судьбы конкретных персонажей проходит вся боль, вся нелепость и безумие этой роковой ошибки, едва не приведшей мир к ядерной катастрофе. В рец. на эту работу К. моск. критик А. Киреева писала: «Вторжение публицистики в поэзию — явление не новое, но очень нужное сегодня. Поэма молодого ленинградца Александра Ковалева основана на действительном факте. Сюжет, подкинутый автору жизнью, непрост, драматичен, даже скорее трагичен. И в нем (в его авторском, поэтическом отражении) есть острота, ирония, непреходящая актуальность и непосредственная причастность к каждому отдельному человеку...» (Лит. учеба. 1986. № 3).

В 1989 в изд-ве «Современник» под ред. А. Шевелева у К. выходит втор. поэтич. сб. **«Взаимосвязь»**, в кот. поэту удалось показать многое из того, что он сумел сделать в 1970–80-е. В 1990 у К. в разных изд-вах М. и Л-да выходят сразу три поэтич. кн.: **«Точка возврата»** (изд. ж. «Молодая гвардия»), **«Урочный час»** (ЛО изд. «Сов. писатель») и **«Перекресток»** (изд. «Молодая гвардия»). В них стих. об уходе Высоцкого **«На смерть паруса»** и еще вчера непредставимая в печ. **«Баллада о возвращении в Герат»**: «Мы уходим в Герат, мы молчим, нам афганская осень / не напомнит своей в Таганроге, Рязани, в Орле. / Нам не трудно молчать — нас комбаты и письма не спросят: / кто вы ей и зачем вы на этой земле...».

В посл. годы у К. вышло более десятка новых книг поэзии и прозы. Его стихи и публицистику по-прежнему публ. центральные газ. и толстые ж., критика отмечает иные качества его тв-ва, свойственные профессиональной зрелости. В ст. о поэзии К. «Всесильный бог деталей...» (газ. «Деловое обозрение». СПб, 2001, май) критик В. Линев пишет: «...поэзия Ковалева всегда узнаваема и ее легко отличить от многочисленных и непритязательно-злободневных сочинений сегодняшнего дня. И главное, на мой взгляд, качество, которое ее отличает — достоверность детали...». «Достоверность детали» в поэзии К. распространяется не только на бытовые коллизии, но и на оценку самого творч. процесса сочинительства в совр. мире: «Пора грустить, пора печалиться! / Теперь уж в точности проверено: / увы, ничто не возвращается — / ни времена, ни вдохновение. / А на подмостках рифмы пенятся, / имен без счета напророчено. / Но век серебряный не сменится / ни золотым, ни позолоченным...».

Юморист. строки К., его пародии, иронич. стихи и сатирич. рассказы опубл. в «ЛГ» и ж. «Крокодил», «Вокруг смеха» и далекий американский «Бостонский космополит», их читают с эстрады и на телевидении мастера эстрадного жанра. Сам автор о своих «смешных» творениях говорит следующее: «Все, что я делаю в жанре литературной пародии, я делаю исключительно в свободное от серьезной литературной работы время, исключительно для собственного удовольствия и исключительно из любви к пародируемым авторам — моим друзьям по литературному цеху. А мои друзья по определению не могут быть плохими поэтами. На плохих я просто не пишу...» (ЛГ. 2007. № 7).

Член СП России с 1991. Лауреат премии Лен. комсомола (1988) и Всероссийской лит. премии им. Б. Корнилова (2008). Стихи и проза переводились на болгарский, английский, финский и др. яз.

Соч.: Равновесие. Л., 1982; Взаимосвязь. М., 1989; Урочный час. Л., 1990; Точка возврата. М., 1990; Перекресток. М., 1990; Пригород. СПб., 1993; Пародиз: Сб. лит. пародий. СПб., 1993; Времена: Избр. СПб., 1994; Посл. снегопад. СПб., 1996; В те времена. СПб., 1997; На чужом меридиане. СПб., 1998; Лихолетье. СПб., 2000; Там, на холме под солнцем: Проза. СПб., 2003; Музы и конфузы: Сб. лит. пародий. СПб., 2003; Затевая жизнь сначала. СПб., 2005; Пожар в бане: Сб. лит. пародий. СПб., 2006; Аттракцион: Избр. соч.: В 2 т. СПб., 2008; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Банк Н. Кто же примет эстафету // Веч. Л-д. 1981. № 97; Попов М. О поэме Александра Ковалева // Лит. учеба. 1986. № 3; Киреева А. Улетели гуси-лебеди... // Лит. учеба. 1986. № 3; Линев В. Посл. снегопад столетия // Деловое обозр. 1999. № 10; Линев В. «Всесильный бог деталей...» // Деловое обозр. 2000. № 12; Юрков О. Исповедь Александра Ковалева // Лит. Петербург. 2004. № 51; Шатохина О. Блиц-рецензия: На стыке времен // ЛГ. 2005. № 47; Мелихан К. «На плохих я просто не пишу...» // ЛГ. 2007. № 7; Щагина С. Старый плавучий чемодан // Веч. Петербург. 2007. 15 март.; Белинский А. В широком диапазоне // Лит. Петербург. 2008. № 78; Шатохина О. Основа основ // ЛГ. 2008. № 52; Яркова М. На холме, где горизонты шире // Невский альм. 2009. № 3; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Ахматов

КОВАЛЁВ Валентин Архипович [1(14).1.1911, Екатеринодар — 15.4.1999, СПб., похоронен в Зеленогорске под СПб.] — литературовед.

Родился в семье бухгалтера. Жил с родителями в Краснодаре, Геленджике, М., Ростове-на-Дону. Окончил лит. отд. педагогич. фак-та Северо-Кавказского гос. ун-та в Ростове-на-Дону (1931). Работал преподавателем лит-ры в пед. техникуме г. Моздока. С 1933 по 1936 учился в аспирантуре ЛГПИ им. А. Герцена. В 1936 защитил канд. дис.

«"Записки охотника" И. С. Тургенева» (позже по мат-лам дис. выпустил кн. «Нац. своеобразие "Записок охотника" И. С. Тургенева», Л., 1948). Науч. рук. — М. К. Клеман (1897–1942), изв. исследователь тва Тургенева. Школа М. Клемана, текстолога, обладавшего широким и своеобразным науч. мышлением, была решающей в становлении К. как ученого. Не менее значительным оказалось влияние В. А. Десницкого (особенно в вопросах методологии) и Н. К. Пиксанова, одно время бывшего руководителем науч. работы К.

В 1937–39 К. работал доцентом и зав. кафедрой лит-ры в Дагестанском пед. ин-те (Махачкала). В сент. 1939 зачислен, по ходатайству В. Десницкого и Н. Пиксанова, в докторантуру ИРЛИ, откуда в том же году был мобилизован в Красную Армию, в рядах кот. служил до авг. 1946. В 1942 вступил в ряды ВКП(б). Во вр. войны находился на пропагандистской работе в армии, читал лекции в воен. училищах. В 1945–46, в период войны с Японией, был политработником-лектором в политотделе 9 Воздушной армии на Дальнем Востоке, неоднократно командировался воинские части на территориях Кореи и Китая. Активно выступал в армейской печ. как журналист и поэт-сатирик. Демобилизован в звании капитана запаса, восстановлен в докторантуре ИРЛИ и в 1950 зачислен в штат ИРЛИ. В 1951 защитил докт. дис. «Творчество Леонида Леонова (1915–37)».

С апр. 1952 по май 1984 — зав. Сектором сов. лит-ры ИРЛИ. В 1984–86 — ст. науч. сотрудник, с 1986 по 1991 — ведущ. науч. сотрудник-консультант.

С 1952 в течение 35 лет бессменно возглавлял Сектор сов. лит-ры. К. создал сектор «в том виде, в каком он плодотворно просуществовал долгое время — вплоть до середины и конца 1980-х гг. Его заслуга в деле создания одного из важных подразделений академического института велика и несомненна» (А. Павловский). Под рук. К. сектор отказывался от иллюстративности и заданности, переходил к более широкому охвату лит. явлений в их взаимосвязи, обращая внимание на специфику жанров, на собственно худож. своеобразие. Коллектив, в кот. в разное вр. входили В. Денсицкий, С. Касторский, К. Муратова, Л. Ершов, П. Выходцев, В. Бузник, А. Павловский и др., работал плодотворно и слаженно. Под рук. К. были подгот. фундаментальные исследования по русской лит-ре XX в.: «Вопросы сов. лит-ры» (М.; Л., 1953–59); «История русского сов. романа» (М.; Л., 1965); «Русский сов. рассказ: Очерк истории жанра» (Л., 1970); «Русская сов. повесть 20–30-х гг.» (Л., 1976); двухтомная «История русской сов. поэзии» (Л., 1983–84); «Краткий очерк русской сов. лит-ры» (Л., 1984). К ним примыкают работы о совр. писателях: «Совр. сов. роман: Философские аспекты» (Л., 1979); «Творч. взгляды сов. писателей» (Л., 1981); «Структура лит. произведения» (Л., 1984) и др.

К. — основоположник академич. леоноведения. Начав интересоваться Леоновым еще с кон. 1940-х, он стал инициатором глубокого и научно-объективного изучения тв-ва писателя. К. собраны уникальные мат-лы к науч. биографии художника, созданы обобщающие работы, касающиеся проблем его поэтики и эволюции («Романы Леонида Леонова», 1954; «Тв-во Леонида Леонова», 1962; «Реализм Леонова», 1969; «Этюды о Леонове», 1974; «Леонид Леонов: Семинарий», 1964; «В ответе за будущее», 1987). А. Павловский говорит о «не всегда видной окружению К. и достаточно неоткрытой его внутренней жизни, его сокровенном понимании литературы и действительности». Именно Леонов, художник-философ, весьма сложный и многозначный в своих воззрениях на действительность, далекий от канонов соц. реализма, стал предметом углубленного внимания ученого на протяжении всей его жизни. Этому способствовали и личное знакомство с писателем, и переписка с ним, впоследствии опубликованная. К. был одним из немногих, кто мог познакомиться с романом Леонова «Пирамида» еще до его публикации. В секторе сформировалась группа высококвалифицированных леоноведов — учеников К. (Н. Грознова, Т. Вахитова).

Значителен вклад К. в изучение русистики за рубежом. Он оказывал помощь исследователям Германии, Болгарии, Чехословакии, Югославии; был организатором мн. междунар. конференций, на кот. приезжали иностр. ученые, а также участником нескольких зарубежных представительных форумов по русистике.

На протяжении ряда лет был членом Научного совета по литературоведению при президиуме АН СССР, членом редколл. ж. «Русская лит-ра». Подготовленный под его рук. учебник по сов. лит-ре для 10-го класса средней школы (посл. изд.: М., 1983). выдержал неск. изд. В 1986 в кач-ве члена секции лит-ры Ученого метод. совета при Минпросе СССР принимал участие в обсуждении проектов школьной программы по лит-ре.

Член СП СССР. За большую и плодотворную науч. работу удостоен звания «Заслуж. деятель науки РСФСР». Награжден орденом Красной Звезды, орденами «Знак Почета» (1972 и 1981), медалями «За победу над Японией», «За победу над Германией в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.» и др.

К. обладал широтой и разнообразием творч. устремлений и интересов, отнюдь не исчерпывавшихся историей лит-ры. Свободно владел иностр. языками — немецким, английским, французским, чешским, польским, был знатоком и коллекционером пейзажной живописи. Мн. картины и рисунки изв. русских живописцев и графиков из своей коллекции подарил Краснодарской картинной галерее. К. был человеком, тонко чувствовавшим музыку: великолепно играл на фортепиано, собрал большую коллекцию старинных нот, пластинок, уникальную коллекцию

марок. На протяжении всей жизни писал стихи. Незадолго до кончины подготовил к печ. сб. своих стихотворений.

Посл. годы жизни сложились для К. драматично: потеряв дочь и жену, лишившись квартиры и имущества, К. оказался в одиночестве, скитался по случайным углам.

На протяжении ряда лет вел переписку с Ф. Абрамовым, В. Астафьевым, Ф. Гладковым, С. Залыгиным, В. Кочетовым, М. Обуховым, К. Приймой, М. Соколовым, Н. Тихоновым, К. Фединым, М. Храпченко, В. Чивилихиным, М. Шагинян, А. Яковлевым и др. Сохранились сделанные К. записи выступлений С. Михалкова, К. Симонова, К. Федина в редакции газ. «Лен. правда». Эти мат-лы, наряду с рукописями К., его стихотворениями и дневником, хранятся в его архиве.

Архив: ЦГАЛИ СПб. Ф. 431.

Соч.: Нац. своеобразие «Записок охотника» И. С. Тургенева. Л., 1948; Романы Леонида Леонова. М.; Л., 1954; Утверждающий характер сов. лит-ры. М.; Л., 1960; Творчество Леонида Леонова. М.; Л., 1962; Леонид Леонов: Семинарий. М.; Л., 1964 (М., 1982); Многообразие стилей сов. лит-ры. М.; Л., 1965; Реализм Леонова. Л., 1969; Навстречу современности. М., 1982; Теоретические проблемы истории русской сов. лит-ры. Л., 1984; В ответе за будущее. Л., 1987.

Лит.: Старикова Е. Об одном ученом труде // ЛГ. 1954. 5 авг.; Каминский В. Полезная книга // Нева. 1961. № 7; Выходцев П. В. А. Ковалев. Тв-во Леонида Леонова // Звезда. 1963. № 1; Sałajczyk J. Тв-во Леонида Леонова // Slavia Orientalis. 1964. № 3; Памяти Валентина Архиповича Ковалева // Рус. лит-ра. 1999. № 4; Павловский А. Отдел Новейшей русской литературы // Пушкинский Дом: Мат-лы к истории. 1905–2005. СПб., 2005.

А. Любомудров

КОВА́РСКИЙ Николай Аронович (псевд. Коварский Николай Аркадьевич) [17(4).1.1904, Минск (некот. источники ошибочно наз. местом рождения СПб.) — 13.10.1974, М.] — кинодраматург, кинокритик, историк лит-ры.

Сын Арона Ошеровича К. Мать — Гольдберг Мария Осиповна.

Окончил Высшие гос. курсы искусствоведения (ВГКИ) при лен. Гос. ин-те истории искусств (1924) и ЛГУ (1925). В нач. 1924 избран науч. сотрудником II разряда (впоследствии стал аспирантом) Отдела словесных искусств ГИИИ, работал ассистентом на ВГКИ, вел семинар по русской лит-ре XX в. С нач. 1924 до осени 1925 — секретарь Секции худож. речи Отдела словесных искусств ГИИИ.

Начал печ. с 1925. Принадлежал к «младоформалистам» (или «младоопоязовцам»). Участник домашнего исследовательского семинара по истории русской лит-ры XIX в. под рук. Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума (1924–27). Занимался исследованием тв-ва русских и сов. поэтов. Публ. ст. в сб. младоформалистов «Русская проза» и «Русская поэзия». Так в ст. **«Ранний Марлинский»** (ж. Русская проза», 1926) К. ставил ряд важных и интересных проблем (хотя и не решал их полностью): генезис повествовательного стиля Бестужева; особенности ритма его прозы; проблема связи стиля и жанра; место прозы Бестужева в ряду др. прозаич. стилей 1820–30-х, и уже только в этом плане ст. имеет самостоятельное науч. значение.

С сер. 1920-х занимался библиографированием и аннотированием совр. лит-ры. В 1940-е преподавал во ВГИКе.

Опубл. кн. **«Н. С. Тихонов»** (1935), ст. **«Мелодика стиха»** (1928), **«Полежаев и франц. поэзия»** (1929), **«О языке худож. лит-ры»** (1934), **«Маяковский и проблемы культуры»** (1938), **«Тв-во Каролины Павловой»** (1939), вст. ст. к «Стихотворениям и поэмам» В. Жуковского (1958) и «Стихотворениям» А. Апухтина (2-е изд. 1961) и др. Позднее выступал по вопросам совр. киноискусства. Автор кн. **«Фридрих Эрмлер»** (1941).

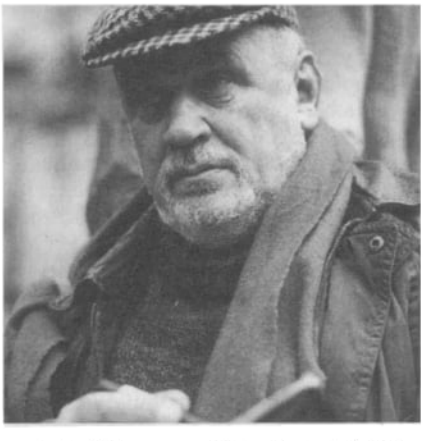
Впоследствии отошел от литературоведения, занимался созданием сценариев по произведениям русской лит. классики. В нач. 1950-х был обвинен вместе с др. режиссерами и литераторами в «космополитизме». До 1953 подвергался в сов. печати резкой критике.

Работал на различных киностудиях: был ред. киностудии «Ленфильм», сотрудником сценарного отд. «Киевфильма», «Беларусьфильма», «Мосфильма». В 1950 работал над сценарием фильма «Алитет уходит в горы». В 1955 совм. с М. Донским напис. сценарий к фильму «Мать» («Мосфильм»; реж. М. Донской) по одноименному роману М. Горького (в роли Павла Нилина — А. Баталов, в роли матери — В. Марецкая), в 1956 — сценария к фильму «Мальва» по рассказам Горького (Киевская киностудия; реж. В. Браун). Среди наиболее ярких работ в качестве сценариста — «Сорока-воровка» А. Герцена (1958; реж. Н. Трахтенберг; гл. роли — З. Кириенко, Н. Афанасьев), «Капитанская дочка» А. Пушкина (1959; реж. В. Каплуновский; в гл. ролях — О. Стриженов, С. Лукьянов), «Выстрел» А. Пушкина (1966; реж. Н. Трахтенберг; гл. роли — М. Козаков, Ю. Яковлев). Среди прочих работ — мелодрама «Жизнь сначала» (1961; «Мосфильм»; сценарий К. совм. с Л. Сухаревской; реж. Л. Рудник); историко-рев. фильм «Крушение империи» (1970; «Беларусьфильм», сценарий совм. с М. Блейманом; реж. В. Корш-Саблин) и др.

Соч.: Ранний Марлинский // Русская проза. Л., 1926. Вып. VIII; О поэтике киноискусства // Иск-во кино. 1962. № 2; Ну что ж, спорить — так спорить! // Иск-во кино. 1962. № 10.

Лит.: КЛЭ. М., 1969–78; Кино: Энц. словарь. М., 1987; РЕЭ. М., 1994; Устинов Д. Формализм и младоформалисты. Ст. 1: Постановка проблемы // НЛО. 2001. № 50.

КОВЕНЧУ́К Георгий Васильевич [2.12.1933, Л-д] — художник-график, эссеист.



Внук Николая Кульбина (1868–1917), деятеля русского авангарда, художника, музыканта, теоретика театра, философа и мецената, одного из организаторов «Бродячей собаки».

Отец К. работал гравером в типографии, мать училась в Академии художеств на скульптора, ушла с третьего курса, т. к. увлеклась женским хоккеем, играла в сборной Л-да. Работала бутафором в театре Н. Акимова. Легендарные постановки Театра комедии произвели на мальчика неизгладимое впечатление и пробудили в нем интерес к худож. экспериментам. Средняя худож. школа им. Б. Иогансона (1946–54) и графич. фак-т Лен. ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина (1954–60) дали К. хорошую профес. подготовку.

Дипломной работой стала серия сатирич. плакатов (рук. А. Ф. Пахомов). О своих плакатах впоследствии говорил: «Ни одного против совести не сделал — ни против религии, ни против диссидентов. Достаточно было других тем — про бюрократов, бракоделов». Еще студентом К. стал сотрудничать с «Боевым карандашом» и продолжил после окончания ин-та (1956–87). Лаконичность, ирония, яркие типажи — характерная черта серии литографий «Семейные сцены» и др. Условность трактовки подчеркивает эмоциональность решения не только плакатов, но и др. произведений художника.

Параллельно сатирич. плакатам с кон. 1950-х К. работает над литографиями по лен. мотивам («Бульвар Профсоюзов», «Михайловский замок»), по пейзажам др. городов. Он стремится объединить тягу к обобщению и бережное отношение к натурному впечатлению.

Нач. 1960-х — пора расцвета «сурового стиля». К. увидел в нём для себя новые возможности: условность трактовки образов отвечала его стремлению к парадоксам и изобретательности.

Важным этапом не только в тв-ве К., но и в развитии книжной графики сер. 1950-х стало его оформление изд. «Из записных книжек» И. Ильфа. К. использовал вырезки из старых журналов, фрагменты торговой рекламы и разного рода типографские литеры двадцатых годов. В контексте кн. все они приобретают символич. значение. Их дополняют легкие перовые рисунки. Художник последовал призыву Ильфа: «Обязательно записывайте, всё проходит, всё забывается. Я понимаю — записывать не хочется. Хочется глазеть, а не записывать, но тогда нужно заставить себя...». И К. начал копить и сохранять в альбомах и блокнотах разнообразные впечатления: записи и путевые наброски, парадоксальные надписи, дорожные вывески, рекламу и вырезки из газ. К наст. вр. они охватывают довольно большой период (со вт. пол. 1970-х и по сей день).

К. много путешествовал — и делал зарисовки. Командировки от лит. ж. «Аврора» на БАМ, в Сибирь, в Ср. Азию и на Дальний Восток, в Югославию и Германию, Китай, Францию... В кон. 1970-х — нач. 1980-х эти «путевые» рисунки нашли отражение в детской иллюстрации. К. оформил книги В. Тублина, С. Вольфа, сб. чешских и словацких писателей, собств. записки о путешествиях на БАМ, к нефтяникам Сибири. Легкие и слегка ироничные рисунки рождаются как бы параллельно повествованию, дополняя его «документальными» фрагментами. Сб. стих. В. Солоухина и В. Шефнера оформлены по тому же «дневниковому» принципу. Сотрудничал с ж. «Костер», «Нева», «Аврора». В 1969–71 — гл. художник ж. «Аврора».

В 1971 состоялась перв. персональная выставка К., закрытая властями через неск. дней «за формализм».

Новым значительным этапом в тве художника стали иллюстрации к феерической комедии В. Маяковского «Клоп» (1975). Художник активно использует возможности монтажа рисунка и фотографий, пробуждая новые смысловые связи, играет со шрифтом разных гарнитур, искусно использует цветовой сценарий. Лучшей похвалой художнику стали слова Лили Брик: «...под этой книгой подписался бы сам Володя!».

В лен. искусстве одной из самых сильных всегда была традиция городского пейзажа. К этой традиции принадлежит и К. Искусствовед М. Шашкина в ст. для сб. «Сов. графика» отмечала, что К. успешно продолжает «добужинскую» линию. Несмотря на современность в работах К. «чувствуется и наследие большой духовной культуры и генетическая память». В его работах всегда есть настроение. Листы К. лаконичны и максимально выразительны. Художник активно использует линию, пятно, иногда усиливая их коллажными добавлениями и эмоциональной насыщенностью цвета.

К. работает в разных графич. техниках и делает это столь мастерски, что даже его рисунки пером или фломастером восхищают зрителей. Нестандартные пространственно-пластич. решения, игра с силуэтом, коллажем, разной фактурой делает графику К. остро современной.

Наиболее изв. графич. серии К. «Пригороды СПб.» (2003–05): «Платформа в Михайловке», «Белая ночь», «Одинокий рыбак», «Павловск», «Царское Село», а также «Коломна и ее жители» (2000–07).

Оформил более 100 кн. Его работы хранятся в ГРМ, ГТГ, Музее истории города в частных собр. России и мира.

Засл. художник РФ. В 1969 получил медаль междунар. выставки «Сатира в борьбе за мир», в 1970 — бронзовую медаль биеннале «Гравюра на дереве» в Банско-Быстрице за серию «Петроградская сторона», в 1994 — серебр. медаль биеннале графики в Брно за серию рисунков о России, в 2003 — серебр. медаль Академии художеств за серии эстампов «Мой город» и «Мулен Руж».

Лит.: Шашкина М. В мастерской: Г. Ковенчук // Сов. графика. 1982. № 9; Боровский А. Веселое имя // Адреса Петербурга. СПб., 2003. № 35/17; Г. Ковенчук / Автор-сост. М. Герман. СПб., 2005.

А. Кононова

КОЖЁВНИКОВ Петр Валерьевич [8.6.1953, Л-д — 7.9.2012, СПб.] — прозаик, киносценарист.

Получил худож. (вечерние рисовальные классы при ин-те им. И. Репина), а затем среднее техническое (Лен. речное училище) образование, закончил Лит. ин-т им. М. Горького. Работал лаборантом, грузчиком, ст. инженером, дрессировщиком, зам. директора, тренером рукопашного боя, гл. ред. нескольких изд-в.

Впервые громко заявил о себе повестью **«Мелодии наших дневников»** (**«Две тетради»**) (1974), вошедшей в знаменитый альм. «МетрОполь» (1980). А. Битов охарактеризовал повесть как «"Ромео и Джульетту" нашего времени» и высоко оценил ее худож. достоинства: «И так просто, и так честно, и так страшно, и так нежно — любовь в аду» (Битов А. Петр Кожевников // Кожевников П. Смысл жизни. СПб., 2003). Основу содержания повести, действие кот. происходит в нач. 1970-х, составляет история любви «пэтэушника и пэтэушницы» (А. Битов). В композиционном плане текст строится на чередовании дневниковых записей двух центр. персонажей, Миши и Гали; прослеживается процесс зарождения и развития возвышенно-романтических чувств, кот. резко контрастируют с грубостью и пошлостью окружающей действительности. Повесть изд. в США и во Франции, в 1985 ее текст был включен в амер. хрестоматию по изучению сов. лит-ры.

В 1980-х рассказы К. печ. в самиздатских ж. «Часы», «Обводный канал», «Митин ж.».

В повести **«Голова дракона»** (1983) автопсихологич. герой-рассказчик, интеллигентный молодой человек случайно оказывается на пошлом концерте сов. эстрады и при попытке покинуть зал попадает в милицию. Повесть рисует типичную для позднесоветских лет атмосферу милицейского беспредела, бесправия простых людей, в особенности молодежи. Будучи глубоко верующим, герой пытается относиться к наглым пьяным «ментам» в духе христианского всепрощения, но ловит себя на ненависти и отвращении к ним. Купив освобождение ценой унижения и взятки, герой решается добиться правды законным путем, но, разумеется, наталкивается на непробиваемую стену бюрократич. равнодушия. Герой ненавидит сов. власть, но сознает, что зло, с кот. он столкнулся, обусловлено не столько пороками коммунистического режима, сколько крайне низким уровнем духовно-интеллектуального развития большей части населения СССР.

Повесть **«Ученик»** стала перв. произведением К., опубл. в офиц. изд. в СССР (ж. «Юность», 1989). [Рассказ «Аттестат» опубл. в сб. «Круг», 1985]. Композиционно-повествовательная структура повести «Ученик» достаточно сложна. Повествование поначалу ведет гл. герой, автопсихологич. творч. индивид Ученик, а затем безличный рассказчик; некот. главы представляют собой фрагменты из дневника двадцатилетнего инвалида Павла Кричалова. Перед нами яркий образец т. н. метапрозы, т. е. прозы, повествующей о самом процессе повествования. Персонажи произведения активно обсуждают создаваемый гл. героем прозаич. текст, в кот. узнается повесть К. «Ученик» и действующими лицами кот. являются они сами. В этом плане выделяется глава «Слово редактора», где ред. Елизавета Антоновна в рамках обсуждения рукописи Ученика высказывает целый ряд критич. замечаний, прежде всего предлагая изображать действительность с оптимизмом: «Что вы все пишете про такие вещи? Про извращенцев, про наркоманов? Это все — отбросы. Посмотрите вокруг. Разве все так плохо и безысходно?». Но Ученику, потерявшему любимого Учителя (с описания его смерти и похорон начинается повесть), действительно очень плохо, он сознает, что жизнь его полностью утратила смысл. Вакуум, образовавшийся в жизни Ученика, невозможно заполнить ни творч. активностью, ни общением с друзьями и подругами. Писатель Ученик ощущает себя своеобразным двойником собств. героя, безногого Павла Кричалова, настойчиво думающего о суициде.

На рубеже веков К. работает над большим романом в трех частях **«Людоед»** (2002), кот. отличается предельной концентрацией негативного жизненного мат-ла. Действие происходит в СПб., все сферы жизни кот. находятся под жестким контролем различных преступных группировок, ведущих между собой жестокие войны. Бизнесмены-олигархи и представители полит. элиты практически не отличаются от профессиональных бандитов. Простые жители города беззащитны перед волной преступности, главными же жертвами обнаглевшего криминалитета оказываются дети. К. изображает тайные притоны, где малолетние подвергаются изощренной сексуальной эксплуатации (одно из осн. мест действия — детский приют «Ангелок», фактически превращенный его директором Ангелиной Шмель в элитный бордель, услугами кот. пользуются самые влиятельные люди города и страны), создает целую галерею образов всевозможных извращенцев, легкой добычей кот. оказываются тысячи девочек и мальчиков. Впрочем, К. отнюдь не склонен к идеализации детей, кот., как подчеркивается в романе, быстро проникаются уродливым духом криминального времени и начинают жить «по понятиям». Неслучайно роман начинается эпизодом подлого и жестокого избиения больной старухи (впоследствии она оказывается матерью всесильного авторитета Игоря Кумирова) тремя уличными мальчишками. Каннибализм предстает в романе как наиболее яркое и концентрированное воплощение сущности нынешней эпохи. Именно такую трактовку феномену людоедства дает один из героев-резонеров: «Современная тенденция к увеличению практики каннибализма свидетельствует, на мой взгляд, об общем регрессе человечества. Вы только обратите внимание на то, какое сейчас вокруг нас массовое уклонение от нормы?! А наши печально знаменитые олигархи? Разве они, по сути дела, не есть самые настоящие людоеды и разве не в результате их людоедской политики возникают революционные мятежи, во время которых их также разрывает и сжирает доведенная до первобытной дикости толпа?».

И в дальнейшем К. тяготеет к изображению темных сторон жизни, его герои чаще всего оказываются в безысходных ситуациях. Сказка **«Девочка с мобильником»** (2006) откровенно ориентирована на рассказ Достоевского «Мальчик у Христа на елке»; несчастная девочка, проданная родной матерью банде профессиональных уличных попрошаек, замерзает у новогодней елки и оказы-

вается в раю. Разумеется, это наилучший для нее исход в условиях страшной действительности. В повести **«Хомут»** (2007) изображается бой без правил, кот. ведут два спортсмена: пятидесятилетний ветеран и годящийся ему в сыновья (а возможно, и являющийся сыном) честолюбивый ученик. Повествование организовано точкой зрения старшего — Бориса Лептова по прозвищу Хомут. Герой повести опустошен, одинок (жена и дочь его погибли, с любимой женщиной он расстался, друзей нет), он умеет только драться, поэтому вынужден в свои годы сражаться с молодыми и куда более выносливыми. Опытнейший Борис способен был завершить бой нокаутом в самом начале, но организаторам зрелища необходимо, чтобы спектакль продолжался долго. Дотянув до шестого раунда, ветеран понимает, что сил уже больше нет, поэтому необходимо заканчивать сейчас, с помощью коронного удушающего приема. В момент атаки на противника герой умирает.

Член СП России (с 1991) и Лит. Фонда России, Всемирного ПЕН-клуба, Социально-Экологического Союза, Христианского Демократического Союза.

В 1990 принял участие в написании сценария и съемках в одной из гл. ролей в кинофильме **«Панцирь»** (реж. И. Алимпиев), как автор сценариев и реж. создал док. фильмы: **«Скажи: Мама!»** (2001), **«Если я скажу»**, **«Анатомия слова»**, **«Переправа в бессмертие»** (2005), **«На заработки»** (2006). Выступил в кач-ве ведущего в док. фильме Н. Макарова «По следам Родиона Раскольникова» (петерб. студия докум. фильмов). В 1991 сыграл одну из гл. ролей в кинофильме «Улыбка» (реж. С. Попов), снялся в одной из гл. ролей в фильме С. Карандашова «Странник». Как актер снимался в «ментовских» сериалах.

Лауреат Лит. премии им. Б. Полевого (1989) и Пушкинской стипендии (Гамбург, 1998).

Соч.: Мелодии наших дневников: Две тетради // МетрОполь (США). 1979; Остров: Повести и рассказы. Л., 1991; Не отвергни меня. СПб., 1999; Смысл жизни. СПб., 2003; Год людоеда: Детская тема. СПб., 2008; Год людоеда: Игры олигархов. СПб., 2008.

Лит.: Попов В., Курицын В., Ульянов П. Два мнения о повести Петра Кожевникова «Ученик» // ЛГ. 1989. 11 окт.; Ларин В. О метастазах и безумцах // Нева. 1990. № 5; Агеев А. П. Кожевников. Ученик; Личная неосторожность // Новый мир. 1991. № 6; Волков О. О «МетрОполе» // Звезда. 1998. № 8; Станковская А. Петр Кожевников пишет романы без вранья // Петерб. книжный вестник. СПб., 1999. № 3 (6); О Петре Кожевникове // Кожевников П. Смысл жизни. СПб., 2003; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Большев

КОЗАКО́В Михаил Эммануилович [11 (23).8.1897, ст. Ромодан Полтавской губ.— 16.12.1954, М.] — прозаик, драматург.

К. родился недалеко от Полтавы, раннее детство провел в Крыму, где его отец работал весовщиком в порту; учился в Лубянской гимназии Полтавской губ., окончил гимназию в 1916 и поступил в Киевский ун-т сначала на медицинский, а затем на юридический фак-т. К. участвовал в студенч. движении в февр. 1917, за что ему в 1918 пришлось скрываться в подполье, а когда в янв. 1919 Лубны захватили красные, К. оказался на явке у большевиков, и, хотя в партии не состоял, его тут же привлекли к работе в ревкоме, избрали в Совет. К. был комиссаром труда, членом редколл. местных «Известий» и корр. телеграфного агентства РОСТА.

Когда в авг. 1919 деникинцы заняли Полтаву и угрожали Лубнам, К. вошел в штаб обороны Лубен и был назначен начальником эвакуации. В качестве комиссара эшелона с эвакуированными К. довез порученных ему людей до Казани и там в 1920 поступил на юридический фак-т Казанского ун-та, но в 1921 занятия оставил и перебрался в Пг.

В Пг. началась лит. деятельность К. Здесь в ж. «Юный пролетарий» (1923. № 8–9) напеч. его перв. рассказ **«Санька»**, напис. в духе рассказов Л. Сейфуллиной о беспризорниках. В том же году ж. «Лит. еженедельник» опубл. рассказ К. **«Три дня»**. В 1924 массовые ж. «Огонек», «Зори», «Красная панорама» поместили на своих страницах очередные рассказы К. — **«Хиромантка в квартире 39»**, **«Крестный поход штабс-капитана Жеребко»**, **«Знобич, или Мат в 2 хода»** и др. Уже по названиям этих рассказов видно, насколько силен был у К. интерес к необычным героям, к редким и оригинальным столкновениям ситуаций и характеров, к курьезным случаям. Однако тяга к необычному не превратила К. только в рассказчика анекдотов, что стало ясно уже по перв. сб. писателя **«Попугаево счастье»** (1924). В тематике рассказов, составивших эту книгу, чувствовалось влияние М. Зощенко, Н. Никитина и др. «серапионов», но вместе с тем К. воспринимал жизнь более романтично и трагично, чем «серапионы». Целый ряд произведений К. напис. как бы об одном и том же. Герой рассказа **«Чужое лицо»** (**«С чужим именем»**, 1924), представитель древнего дворянского рода, женился на солдатке и, скрывая свое происхождение, принял ее фамилию, превратившись в глазах окружающих в обыкновенного мужика. **«Полтора хама»** (1927) — рассказ о бывшем капитане, прячущем свое прошлое и работающем военруком. Полностью перешел из прошлого в настоящее и бывший полковник из **«Попкиного счастья»** (1924). Парализованный, прикованный к креслу, он доживает свои дни на деньги, кот. живущий с ним бездомный старик зарабатывает на базаре с помощью полковничьего попугая, бывшего предметом дворянской страсти хозяина и ставшего ему кормильцем.

Некот. критики находили уже в перв. рассказах К. переклички с произведениями Л. Андреева и А. Ремизова, тем более что на язык рассказов К. явно повлиял стиль этих писателей. «По форме Козаков — вычурен в стиле, где построение фраз противоречит принципам обычного литературного синтаксиса, представляя приближение то к неправильной разговорной речи, то к стихотворению в прозе» (Горбачев Г. Очерки совр. русской лит-ры. Л., 1925).

Однако К. довольно быстро избавился и от вычурного стиля, и от темы замершего в ожидании др. жизни обывателя. Уже в рассказе **«Кусок хлеба»** (1926), сб. повестей и рассказов **«Человечья закутка»** (1926) заметно упростился язык К., но гл. его особенность осталась: подчеркнутая исключительность ситуации, в кот. попадает герой. В **«Повести о карлике Максе, балаганном артисте»** (1926) несчастный лилипут убивает оскорбившего его начальника белой контрразведки, а в повести **«Абрам Нашатырь, содержатель гостиницы»** (1927) герой, стремясь разбогатеть, убивает дважды, причем во втор. случае — родного брата, близкого человека и соучастника перв. убийства. Однако занимательность и лихая интрига не являются для К. самоцелью. Ему важно нечто иное, и автор специально замедляет действие в исключительно напряженных моментах, вставляет в рассказ лирические отступления, рассуждения от автора, чтобы не только отложить наступление всегда неожиданной развязки и подольше держать читателя в неведении, но и показать все нутро своих героев, поразмышлять о них.

Не обошел К. и тему нэпа, написав повесть **«Мещанин Адамейко»** (1927), и проблемы антисемитизма, выпустив сб. повестей и рассказов **«Человек, падающий ниц»** (1929), а в кон. 1920-х начал писать свою осн. кн. — роман **«Девять точек»**, над кот. работал всю жизнь. Роман был первоначально задуман как произведение преимущественно бытовое, в центре кот. стояла история большой семьи Калмыковых. Втор. линия романа — судьба депутата Гос. думы Карабаева, по замыслу К., должна была быть решена в плане преимущественно психологическом. Действие романа, задуманного как трилогия, предполагалось развернуть в достаточно продолжительном отрезке времени, оно охватывало около 15 лет и доходило до 1930, момента написания книги. В соответствии с этим и была напис. 1-я часть, посвящ. почти исключительно личным судьбам гл. героев, общественная история представала лишь как фон. Но на встречах с читателями «Девяти точек» К. обратил внимание на то, что события Февральской революции, отодвинутые в обществ. сознании многочисленными публикациями об Октябре, читателям известны мало. Не меняя первоначального своего плана, К. постепенно сузил границы романа до изображения периода с 1913 по 1917. Повествование обрело многоплановый характер (посл. дни царской России, Февральская революция — до приезда Ленина в Пг. в апр. 1917).

1-я кн. «Девяти точек» опубл. в 1931. После нескольких ее переизд. в 1934 вышло изд., содержавшее 1-ю и 2-ю части, в 1936–3-я часть. Завершив повествование в 4-й книге, изд. в 1939, К. не перестал работать над романом и лишь накануне смерти в 1954 посчитал свою задачу выполненной. Роман, состоящий из 4 книг, настолько отличался от первоначального варианта, что К. даже пришлось сменить заглавие. Книга стала назыв. **«Крушение империи»**.

В 1930-х много занимался лит.-организац. работой. Он был инициатором издания, а затем и гл. ред. ж. «Лит. современник», сотрудником газ. «Лит. Л-д», участвовал в работе по созданию СП СССР. В этом качестве, в частности, организовал прием приехавших из Парижа на I съезд писателей А. Мальро и И. Эренбурга.

С кон. 1930-х выступал и как драматург. Перв. опыт подобного рода был предпринят К. еще в 1932, когда по его сценарию был снят кинофильм **«Блестящая карьера»**. После того как в 1939 в моск. театре Ленсовета и Лен. театре им. Пушкина была поставлена пьеса К. **«Чекисты»**, он напис. еще около 10 драм. произведений, часть из них совм. с А. Мариенгофом.

Творч. деятельность К. продолжалась до посл. дней жизни писателя. Помимо работы над «Крушением империи» К. написал роман о послевоен. жизни интеллигенции **«Жители этого города»**, опубл. посмертно в 1955, и повесть о лете 1917 **«Петроградские дни»** (1957).

Вскоре после кончины К. близко знавший его К. Федин написал: Михаил Козаков «был на редкость щедро наделен общественным темпераментом, был совершенно „своим" в делах и днях коллективной писательской работы, и слишком многие из его литературных ровесников, дороживших этими его выдающимися качествами общественника, забывали, что самым дорогим в нем всегда оставалось дело его жизни — труд по призванию писателя».

Соч.: СС: В 4 т. 1929–31; Крушение империи. Ч. 1–4. М., 1956; Избр. М., 2002.

Лит.: Виноградов И. Углубление темы: О тв-ве М. Козакова. Л., 1934; Федин К. Михаил Козаков и его «Крушение империи» // Федин К. Писатель, искусство, время. М., 1957; Борисова И. Герои и события // Новый мир. 1957. № 2; Виноградов И. О совр. герое // Новый мир. 1961. № 9; Ермилов В. Размышления над совр. повестью. М., 1963; Козаков М. Э. // Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996.

В. Попов

КО́ЗИНЦЕВ Григорий Михайлович [9(23).3.1905, Киев — 11.5.1973, Л-д] — художник, реж. театра и кино, драматург, педагог, историк и теоретик искусств.

К. родился в семье доктора медицины М. И. Козинцова. При таком написании фамилии ее часто произносили с неправильным ударением, чтобы избежать этого, К. сменил «о» в конце фамилии на «е». Мать, ее братья и сестры тоже врачи. Казалось, и К. была предначертана та же стезя.

Как во всякой интеллигентной семье, К. водили в театры Киева, но более всего ему нравился цирк. Рано начал читать. Из приобретенных им самим книг в его биб-ке хранились изд. В. Маяковского и В. Хлебникова, «Садок судей», кн. о театре и изобразительном искусстве: «Античный театр» Б. Варнике (1919), «О Шекспире и драме» Л. Толстого (1907), «Театр для себя» Н. Евреинова (1915), сб. «Театр. Книга о новом театре» (1908) и др. К. неплохо рисовал, и, будучи гимназистом, в 1919 пришел в школу живописи изв. тогда художницы А. Экстер. С др. учениками школы участвовал в праздничном авангардистском оформлении киевских улиц. Талантливого юношу приметил театр. художник И. Рабинович и взял его помощником в театр «Соловцов», где шли репетиции спектакля «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега (постановка К. Марджанова). К. влюбился в театр. искусство. Знакомство с С. Юткевичем и А. Каплером подтолкнуло к созданию своего театра. Марджанов помог им получить помещение б. кабаре «Кривой Джимми». Театр назвали «Арлекин». Решили открыть его постановками трагедией «Владимир Маяковский» и «Балаганчик» А. Блока. «Всласть наоравшись на репетициях и насладившись сочетанием ярких красок на эскизах,— напишет потом К.,— мы поняли, что ровно ничего у нас не выходит. Марджанов выслушал рассказ о постигшем нас крахе с серьезностью. Он сказал, что действительно пьеса "Владимир Маяковский" очень трудная. Он не добавил "для вас". Нет, для всех трудная. И посоветовал нам сочинить что-нибудь самим. Какую-нибудь клоунаду, сказал он». За дело взялся К. Свое перв. драматич. произведение он назвал **«Балаганное представление четырех клоунов»** и посвятил его Марджанову. По ходу представления третий клоун становился Шарлатаном, а четвертый — поэтом. На премьере присутствовали друзья, знакомые и неск. писателей. Поздней осенью того года К. свалил тиф. Поправившись и не закончив гимназии, в янв. 1920 он с командировкой киевского Рабиса поехал в Пг. для поступления в Свободные художественные мастерские (б. Академия художеств). Но до того как пойти туда, он направился в Пг. Театр комической оперы, кот. в ту пору рук. Марджанов. И был назначен режиссером Студии при театре. В Свободных худож. мастерских К. был принят на курс Н. Альтмана.

Марджанов познакомил К. с Л. Траубергом, приехавшим из Одессы, тоже страстно влюбленным в театр. Поселились вместе и вечерами после спектаклей «сидели на корточках возле "буржуйки", варили пшено, выданное по пайку, и сочиняли какие-то ни на что не похожие пьесы» («Глубокий экран»). Первую их совм. пьесу они назвали **«Три в квадрате»**, героем кот. был злодей, похищавший девушку, детектив, Крокодил и др. персонажи.

К. стал посещать Курсы мастерства сценич. постановок (Курмасцеп), образованный в 1918 В. Мейерхольдом, а в нач. 1920-х руководимые С. Радловым и В. Соловьевым. Вскоре как начинающий реж. познакомился едва ли не всеми деятелями пг. театров. Особенно подружился с Евреиновым, в ту пору худ. рук. «Кривого зеркала», в репертуаре кот. преобладали пародийные и сатирич. пьесы. Это дало толчок к написанию К. (совм. с Траубергом) втор. пьесы — **«Джин-Джентельмэн и... Распутная Бутылка»** в трех актах, в кот. действующих лиц было много больше, чем в предыдущей пьесе.

В 1921 в Пг. приехали киевские друзья К. Юткевич и Каплер. К ним присоединился уже сформировавшийся реж. Г. Крыжицкий. В спорах о театре возникло новое течение «эксцентризм». И молодые люди «решили громко заявить о своих художественных намерениях, искать единомышленников». Они написали «Манифест эксцентрического театра» (авторы — К., Трауберг, Крыжицкий) и провозгласили его 5 дек. на диспуте в театре «Вольной комедии». «В Петрограде организуется "Эксцентрический театр",— сообщала газ. «Жизнь искусства» (1921. № 817),— ставящий себе целью полное разрушение обыденных форм театра, развитие новой актерской техники и создание своего, созвучного эпохе (но не бытового репертуара). Ближайшими постановками явятся трюк в трех актах "Джим-Джентльмен и распутная бутылка"». Они создали Студию эксцентрического актера, кот. вскоре переименовали в Фабрику эксцентрического актера. Занятия в ней начались 20 июн. 1922, а офиц. открытие состоялось 9 июл. Помимо учебы одновременно готовили и спектакли. 25 сент. показали премьеру «совершенно невероятных похождений Н. В. Гоголя», «трюк в 3-х актах» **«Женитьба»** (соч. К. и Л. Трауберга). Из гоголевских персонажей сохранился лишь «Ив. К. Подколесин», остальные — сам Гоголь, Эйнштейн, Чарли Чаплин, Профессор, м-р Билль, м-ль Агата, Ирма Дацар, два злодея и др. Оформлял спектакль К.

К. и Трауберг придумали себе псевд. «КаТэ», кот. подписывали статьи и рец. на чужие спектакли в театр. прессе. Так подписана и след. пьеса **«Американское представление ФЭКСа»** (дек. 1922; была запрещена цензурой). Вскоре появилась еще одна их пьеса — «бум в 3 актах» **«Внешторг на Эйфелевой башне»** (премьера 4 июня 1923.). Как и в предыдущей постановке К. и Трауберг числятся не реж., а «машинистами спектакля». По предложению Свободного театра КаТэ пишут «американскую оперетту в 1 д.» **«Три триллиона иен»**. Премьера состоялась 13 нояб. 1923. В том же ключе ставились и др. спектакли.

В 1924 К. и Трауберг преобразуют театр. студию в киномастерскую ФЭКС при к/с «Севзапкино», после различных переименований ставшей «Ленфильмом». И вся последующая жизнь К. будет связана с ним. Перв. фильм К. и Трауберга **«Похождения Октябрины»** поставлен по их сценарию (1924). На второй — **«Мишка против Юденича»** к сценаристам присоединилась И. Кунина (1925). Большинство их фильмов (теперь кинорежиссеров) было поставлено по написанным совм. сценариям: **«Братишка»** (1927), **«Новый Вавилон»** (1929), **«Одна»** (1931), **«Юность Максима»** (1934) и **«Выборгская сторона»** (1938), **«Встреча с Максимом»** в «Боевом киносб. № 1» (1941), **«Простые люди»** (1945). Сценарий **«Воз-**

вращения Максима» (1937) напис. ими в соавт. с Л. Славиным.

Первые фильмы, как и спектакли, носили эксцентрич. характер. Но начиная с «Нового Вавилона», освоив особенности кинематографа, их драматургия становится более реальной, более приближенной к быту. В кон. 1920-х они уже «маститые» режиссеры. В 1927 К. становится преподавателем лен. Ин-та сценич. искусств. В театре Комедии К. ставит «Опасный поворот» Дж. Пристли (1939), в БДТ — «Короля Лира» (1941), в Акад. Театре драмы им. А. Пушкина, находившегося в эвакуации в Новосибирске,— «Отелло» (1944). «После кинематографического хлева даже трудно представить, как меня принял театр и что происходит на репетициях,— пишет он в письме Н. Кошеверовой. — ...Это как наркотик — на какие-то секунды загораешься, и тогда радостно чувствуешь, что это захватывает актеров, и пропадает быт работы в искусстве. Но как мало таких секунд!» (**Переписка Г. М. Козинцева**). Посл. работой в театре стала постановка «Гамлета» в театре им. А. Пушкина (1954).

После эвакуации «Ленфильма» в Алма-Ату К. вернулся в Л-д, Трауберг уехал в М. Сценарий **«Белинского»** (1951) напис. К. в соавт. с Ю. Германом и Е. Серебровской. Когда К. решил экранизировать «Дон Кихота» Сервантеса, для написания сценария он пригласил Евг. Шварца. А на вопрос: «Вы же сами прекрасно пишите для себя сценарии, почему же сейчас вы поручили это Шварцу?», последовал ответ: «Потому что Шварц — единственный писатель, кот. пишет о добре без сентиментальности».

Посл. картины **«Гамлет»** (1964) и **«Король Лир»** (1970) К. экранизировал по собств. сценариям. «Советский "Гамлет" Козинцева гораздо дальше от традиционной шекспировской экранизации,— замечала Н. Зоркая,— чем многие фильмы (в частности, поставленные крупными западными режиссерами Лоренсом Оливье, Орсоном Уэллсом и представляющие собой скорее экранизацию спектакля, а не кинематографическое прочтение трагедии). Готовясь к постановке фильма, Козинцев действительно писал сценарий "Гамлета", строил кинематографический сюжет, выявляя в языке трагедии разговорный, прозаический склад, созвучный современным зрителям. Многие монологи и сцены трагедии уже в киносценарии нашли зрительные, динамические эквиваленты. Это также обусловило новаторскую стилистику фильма».

С 1944 вел реж. мастерскую во ВГИКе. В 1965–71 образовал и руководил режиссерской мастерской при «Ленфильме». В 1962 вышла его кн. **«Наш современник Вильям Шекспир»** (переизд. 1966). За нею монографии **«Глубокий экран»** (1971) и **«Пространство трагедии»** (опубл. после смерти К., 1973).

Силами вдовы К. Валентины Георгиевны и ее помощника Я. Бутовского было подготовлено к печ. пятитомное СС и последующие его кн., как и кн. о К.

Нар. арт. СССР (1964), лауреат Ленинской премии (1965).

Соч.: КаТэ. Балаганчик // Жизнь искусства. 1922. № 40; КаТэ. Блок-нот эксцентриков № 2 // Там же. 1923. № 8; Гибель театров // Театр. 1924. № 2; [О фильме «Броненосец «Потемкин»] // Кино. 1926. 26 янв.; [О фильме «Октябрь»] // Там же. 1928. 10 апр.; Новый Вавилон // Сов. экран. 1928. № 43; О кино, фэксах и себе // Studio. Прага, 1931. № 2; Мы не хотим стареть // Комсомольская правда. 1935. 11 янв.; Андрей Москвин // Сов. кино. 1935. № 11; Янина Жеймо // Искусство кино. 1936. № 4; Возвращение Максима (Сценарий в соавт. с Л. Славиным) // Звезда. 1936. № 10; Выборгская сторона // Лит. современник. 1938. № 11; Трилогия о Максиме: Киносценарий. М., 1939; «Опасный поворот» Дж. Пристли // Опасный поворот. Л., 1939; Король Лир // Театр. 1941. № 1; Народное искусство Чарли Чаплина // Чарльз Спенсер Чаплин. М., 1945; Как мы стали режиссерами // Как я стал режиссером. М., 1946; Отелло // Шекспировский сб. 1947. М., 1947; Большое сердце // Искусство кино. № 1 (Сценарий в соавт. с И. Эренбургом); Сергей Эйзенштейн. Заметки о человеке и художнике // Искусство кино. 1958. № 1; Король Лир // Шекспировский сб. 1958. М., 1959; Наш современник Вильям Шекспир. Л.; М., 1962 (1966); Десять лет с «Гамлетом» // Искусство кино. 1965. № 9; Сила одухотворенности // К. А. Марджанов. Тбилиси, 1966; Рассказ о творч. пути. М., 1967; Сцена, книга, экран // Содружество наук и тайна тв-ва. М., 1968; Глубокий экран. М., 1971; Пространство трагедии. Л., 1973; Козинцев Г., Пастернак Б. Письма о «Гамлете» // Вопросы лит-ры. 1975 № 1; Станиславский. Мейерхольд // Театр. 1978. № 9; Заметки о комедиях Шекспира // Шекспировские чтения. 1978. М., 1981; Похождения Октябрины: Сценарий // Киносценарии. Вып. 1. М., 1979; СС: В 5 т. Л., 1982–86; «Черное, лихое время...»: Из рабочих тетрадей. М., 1994; Переписка Г. М. Козинцева. 1922–73. М., 1998; От балагана до Шекспира. СПб., 2002.

Лит.: Зин Л. Эксцентрический театр // Вестник театра и искусств. 1921. № 10; Пиотровский А. Внешторг на Эйфелевой башне // Жизнь искусства. 1923. № 23; Юров С. Театр эксцентризма // Театр. Берлин. 1923. № 1; Коломаров Б. Эволюция ФЕКСов // Кино. 1926. 10 авг.; Недоброво В. ФЭКС. Козинцев и Трауберг. М.; Л., 1928; Тынянов Ю. О фэксах // Сов. экран. 1929. № 14; Блейман М. Театр. дебют Г. Козинцева // Искусство и жизнь. 1939. № 7; Вайсфельд И. Козинцев и Трауберг. Творч. путь. [М.], 1940; Берковский Н. Трагедия Лира // Искусство и жизнь. 1941. № 5; Эйхенбаум Б. Неск. замечаний по поводу «Отелло» в Театре им. А. С. Пушкина // Лен. правда. 1944. 30 нояб.; Туровская М. Вместе с актером или вместо актера?.. // Сов. культура. 1954. 25 нояб.; Аникст А. Быть или не быть у нас Гамлету // Театр. 1955. № 3; Петров Н. Встречи с драматургами. М., 1957; Шкловский В. Дон-Кихот продолжает свой путь // Культура и жизнь. 1957. № 12; Черкасов Н. Четвертый Дон Кихот. Л., 1958; Юткевич С. Контрапункт режиссера. М., 1960; Добин Е. Козинцев и Трауберг. Л.; М., 1963; Туровская М. Гамлет и мы // Туровская М. Да и нет. М., 1966; Добин Е. Гамлет — фильм Козинцева. М.; Л., 1967; Берковский Н. Лит-ра и театр. Л., 1969; Юткевич С. Цена шпаги // Шекспир и кино. М., 1973; Трауберг Л. Когда звезды были молодыми. М., 1976; Крыжицкий Г. Дороги театральные. М., 1976; Тынянов Ю. Поэтика истории лит-ры. Кино. М., 1977; Морозов М. Шекспир на сов. сцене // Морозов М. Избр. М., 1979; Тенин Б. Фургон комедианта. М., 1987; Толубеев Ю. Воспоминания. Статьи. Письма. М., 1988: Юнгер Е. Козинцев // Юнгер Е. Все это было... М., 1990; Зоркая Н. Шекспир в жизни Григория Козинцева // Киноведческие записки. 1995. № 27; Ваш Григорий Козинцев. Воспоминания. М., 1996; Зоркая Н. Судьба эксцентризма: От «Женитьбы» до «Гоголиады» Григория Козинцева // Русский авангард. М., 2000; Бутовский Я. От балагана до трагедии // Петерб. театр. ж. 2000. № 22; Караганов А. Григорий Козинцев: От «Царя Максимилиана» до

«Короля Лира». М., 2003; Бутовский Я. Григорий Козинцев и Золотой век довоенного «Ленфильма» // Киноведческие записки. 2005. Вып. 70.

Евг. Биневич

КОЗИЧЕВ Владислав Михайлович [26.9.1940, Охотск Хабаровского края] — поэт, переводчик.

Отец — полковник пограничной службы; мать — экономист. В связи со службой отца семья часто меняла место жительства; во время венгерских событий 1956-го находилась в Будапеште. Школу закончил в Баку; поступил на химич. фак-т Бакинского ун-та. В 1962 перевелся в ЛГУ, в 1965 незадолго до защиты диплома был исключен за то, что после избиения в общежитии сов. студентов выходцами из стран Африки собирал подписи под заявлением протеста.

Жил попеременно в М. и Л-де. Работал в геологических партиях, служил матросом на шаландах, лесником; в 1972–78 — сотрудник Научно-исследовательской лаборатории при Мавзолее В. Ленина, позже — инженер по наладке холодильных установок.

В юности начал писать стихи, кот. долгое время были изв. только кругу ближайших друзей. В кон. 1960-х в Л-де в окружении братьев К. и М. Ивановых познакомился с В. Гаврильчиком, Б. Ивановым, С. Вовиной и др. неофиц. литераторами. Опубл. **«Элегию»** в самиздатской газ. «Zusammen» («Вместе»). Переводил с немецкого Н. Ленау, Р. Рильке.

В 1988 стал одним из учредителей религиозно-философского об-ва «Открытое христианство»; был председателем его правления. Член Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН).

В 1990-е владелец книжного магазина «Акме».

В 2000 выпустил тиражом 33 экз. итоговый сб. стихов **«Фимирим»** (в обратном прочтении: «Мир и миф») объемом более 350 стр. В автобиографии К. пишет, что в сб. представлен творч. и духовный путь лирич. героя от «начальной школы печали» до понимания того, что «без любви евангельской мысль плодит гадюк».

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

КОЗЛО́В Анатолий Юрьевич [1.2.1964, г. Омск] — прозаик-публицист.

После службы в рядах сов. армии поступил в ЛИИЖТ, закончил в 1991. Работал инженером-экономистом в строительстве. Преподавал экономику в лен. вузах. Кандидат в мастера спорта по фехтованию.

Перв. публ. состоялись в 1991/92. Участник конф. молодых писателей Северо-Запада (2005). Член СП России с 2005.

Публ. в альм. «Молодой Петербург» (2005, 2006, 2008), «Русский міръ» (2011. № 5), ж. «Всерусский собор» (2007. № 2–3), «Аврора» (2007. № 5), «Изящная словесность» (2008), «Север» (2009. № 5–6, 7–8), «Невский альм.» (2010. № 3/52), в сб. лауреатов лит.-педаг. конкурса «Добрая лира» (2008. Т. 2), «Русская проза XXI» (Рига-СПб., 2009) и др.

Автор сб. рассказов и стихов **«Странные люди»** (2004), иссл. **«Десять веков русской лит-ры»** (2010), повестей **«Эдем»** (1997), **«Имеет значение»** (2008), **«Шестаков и так далее»** (2009), пьесы **«Кукла наследника Тутти»** (1996) и др.

С 2009 вместе с драматургом Л. Разумовской ведет семинара совр. лит-ры «В традициях русской классики» при СПбО СП России. Рук. лит. студии в Досуговом центре Приморского р-на СПб.

Участник междунар. лит. фестиваля в Сербии г. Нови-Сад в 2011.

Лауреат конкурса русской сетевой лит-ры «Арт-тенета 97», в номинации «Драматургия» (предс. Б. Стругацкий, 1998), премии семинара молодых писателей Северо-Запада (2005), Серебряный лауреат нац. лит. премии «Золотое перо Руси» (2008), дипломант конкурса «Добрая лира» (2008), дипломант Всероссийской премии им. Александра Невского (2010).

Соч.: Странные люди: Рассказы и стихи. СПб., 2004; Кукла наследника Тутти: Пьеса. СПб., 2005; Имеет значение: Повесть. СПб., 2008; Шестаков и так далее: Повесть // Север. 2009. № 5–8; Десять веков русской лит-ры: Иссл-е. СПб., 2010.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КОЗЛО́В Вильям Федорович (имя при рождении — Вил Иванович Надточеев) [3.11.1929, пос. Куженкино Бологовского р-на Тверской обл. — 13.4.2009, СПб.; похоронен в г. Великие Луки] — прозаик.

Родной отец, офицер-пограничник, рано оставил семью; К. воспитывался матерью и (с 1936) отчимом, фамилию кот. взял взамен отцовской. В 1930-е семья переехала в Великие Луки. Во время Отеч. войны, потеряв на два года родителей, мальчишкой работал наравне со взрослыми на прифронтовом аэродроме в д. Градобицы Бологовского р-на, много раз

был под бомбежками, чудом избежав смерти. На станции Куженкино в 1942 организовал в поселковом клубе худож. самодеятельность, выступал перед бойцами. С 11 лет начал трудовую деятельность, работал на лесопильном з-де и в колхозе, монтажником в радиомастерской, чертежником в архитектурном управлении, геодезистом, артистом в Великолукском драмтеатре. В 1950 поступил в Харьковское авиационное училище связи (окончил в 1952). Затем был фотокорреспондентом, спецкором в обл. газ. «Великолукская правда», где напеч. перв. рассказ К. **«Сын»**. В 1955 послан на учебу в Л-д, где в 1959 окончил отд. журналистики Лен. ВПШ. Работал журналистом в газ. «Веч. Л-д», где печатал ст., очерки, фельетоны, рассказы. Публ. в газ. «Пионерская правда», «Ленинские искры», ж. «Искорка», «Костер», «Нева», «Пионер», «Смена», «Огонек», «Молодая гвардия», альм. и сб. В 1960 вышла перв. кн. **«Валерка-председатель»**. В 1963 принят в СП СССР. С этого времени выпустил около 50 кн. прозы.

Повесть К. **«Президент Каменного острова»** (1964) — об островной пионерской республике. Секрет успеха кн. — таинственность, окутывающая происходящее на острове на протяжении всей книги, наличие сильных характеров (не только положительных), дружная команда, отстаивающая идеалы добра в борьбе с сильным противником. В 1979 написал продолжение — **«Президент не уходит в отставку»**, в кот. действие происходит в Л-де; хотя повзрослевших героев волнуют те же проблемы — дружба, любовь, справедливость, в этой кн. уже нет захватывающих тайн и острой интриги.

Среди школьников были популярны повести К. **«Юрка Гусь»** (1962), **«Витька с Чапаевской улицы»** (1977). «Мое глубокое убеждение, что для детей писать труднее, чем для взрослого читателя,— признавался К. — Дети не терпят назидательности, поучений, не любят сюсюканья... Мне нравились книги мужественные, суровые, когда писатель разговаривает с детьми, как равный. Так старался и я писать для ребят» (**«Автобиография»**).

Произведения К. во многом автобиографичны. В повести **«Красное небо»** прослеживается путь мальчишки, кот. в начале Великой Отеч. войны оказался далеко от дома, от родителей, рассказывается о его судьбе, мужании, осознании высокого чувства долга, ответственности перед людьми, родиной. «В. Козлов... умеет создать картину, так сказать, нашей "среды обитания" в те годы. Мы оказываемся в чувственно ощутимом мире, среди вещей и людей, живых и достоверных...» (В. Акимов. Рядом с читателем). **«Я спешу за счастьем»** (1963) — повесть о послевоен. детстве, снабженная авторским вступлением: «Есть на карте нашей Родины старинный русский город Великие Луки, есть река Ловать. В этом городе живут, работают, любят, радуются и разочаровываются люди, которых я хорошо знаю, потому что сам много лет прожил среди них. Моя книга об этом городе, об этих людях». В родных для К. Великих Луках происходит действие мн. его романов и повестей: **«Приходи в воскресенье»**, **«Услышать тебя»** (1977) и др.

Читательский отклик вызвали и «взрослые» романы К. **«Солнце на стене»** (1969), **«Три версты с гаком»** (1971), **«Маленький стрелок из лука»** (1981), **«Ветер над домом твоим»** (1983), **«Волосы Вероники»** (1984). К. волнуют темы семьи, отношений мужчины и женщины. «Глядя вперед, я свято верю, что семья никогда не разрушится и никакие разглагольствования о так называемой "свободной любви" не выбьют нашу социалистическую семью из колеи»,— писал К. в 1983 (**«Автобиография»**). В романе «Солнце на стене» разоблачается один из характеров сов. эпохи: «он нередко процветает среди нас; незаметно "вылупился" этакий духовный урод: гладкий внешне, обходительный, приветливый, владеющий всеми "словами", но в глубине души плюющий на все идеи и "слова" ради личного успеха и личного благополучия» (В. Акимов).

К. — автор трилогии **«Андреевский кавалер»** (1986), **«Когда боги глухи»** (1987), **«Время любить»** (1988), в кот. на протяжении почти семидесяти лет прослежена жизнь разных слоев об-ва.

К. с болью встретил 1990-е, что отразилось в тетралогии **«Карусель»** (1994), **«Чёрные ангелы в белых одеждах»** (1995), **«Поцелуй сатаны»** (1995), **«Дети ада»** (1994), в романе **«Потерянный век»** (1995). «Я рассказал горькую правду о жизни несчастного забитого народа, разучившегося самостоятельно думать, любить свою землю, свой труд, забывшего заветы своих предков. Но романы эти не пессимистичны. Я все-таки верю в свой народ. <...> Как бы ни изощрялись наши враги, напичканные под завязку „наказами и приказами" зарубежных дельцов и теоретиков, мечтающих превратить Великую державу в помойку, у них ничего не получится». К. отобразил новейшую историю измученной, потерянной России, создал галерею запоминающихся образов совр. человека, проследил болезненно-мучительный переход от старого мира к новому.

Книги К. 1990-х остросоциальны. он говорит о бездуховности, карьеризме, коррупции, утрате идеалов; описывает развал деревни, духовное обнищание. Образы «новых русских» с их особыми «понятиями» К. запечатлел в рассказах **«Оранжевый Гришка»**, **«Крысоморд»**, **«Примак»** и др. В посл. романах писателя (**«Жало скорпиона»** (1996), **«Свидание с березой»** (1998), **«Чужие»** (2002), **«Они всегда рядом»** (2004), **«Охота на дураков»** (2005) и др.) соседствуют боль и гнев, сарказм и озлобленность; в образах персонажей немало схематизма и дидактики, активнее проявляются натурализм и напористый эротизм. Нравств. вывод героя романа **«Птица небесная»** (2000), столкнувшегося с бандитами, однозначен: «таких нелюдей нужно не лечить, а убивать без всякой жалости! Убивать, наплевав на клятву Гиппократа. Когда он был жив, на свете еще не рождались такие выродки...».

В кн. **«Сотвори себя»** (2004) К. возвращает своего прежнего героя, выросшего в детдоме, в знакомые края — на Каменный остров. Гл. герой Артем Леонтьев, воен. летчик, после войны в Чечне приезжает на свою малую родину и становится егерем, борется с браконьерами и бандитами. В образе писателя Степанова узнается сам автор, устами героя высказывающий свои бескомпромиссные взгляды на нынешнюю жизнь. Цикл **«Злые сказки»** (2007) — философская сатира на уродливые и неприглядные реалии совр. российской

жизни. Герои сказок — писатели, бандиты, колдуньи, геи и лесбиянки, части тела, компьютеры, люди, животные, инопланетяне, Всемогущий Страх, Скука, наконец, сама Земля, уставшая от людей. В эссе **«Справедливость, где она?»** К. сокрушенно признается: «Оглядываясь на прожитые годы, я с трудом вспоминаю дни и месяцы, когда я был счастлив. Воцарившаяся в России несправедливость не давала мне жить спокойно» (Роман-газета. 2007. № 16). Ждёт публикации роман **«Очарованные и разочарованные»**, законченный писателем незадолго до смерти.

Романы и повести К. переведены на многие яз., изд. в Польше, Чехословакии, Германии, Японии и др. странах. По его произведениям поставлены кинофильмы (**«Где ты теперь, Максим?»**, 1964) и телеспектакли. Лауреат Всесоюзного конкурса на лучшую повесть для детей (1982) и премии им. А. Грина (2004). Награжден орденом «Знак Почета» (1979). Академик Петровской АН и искусств (1992) и Международной Славянской академии (1994). Писателю присвоено звание почетного гражданина г. Великие Луки. Лит. талант К. унаследовали сын и внучка: Ю. Козлов и А. Козлова стали прозаиками.

Член СП СССР (СП России) с 1963.

Соч.: Валерка-председатель. Л., 1960; На старой мельнице. Л., 1961; Юрка-Гусь. Л., 1962; Я спешу за счастьем. Л., 1963; Президент Каменного острова. Л., 1964 Солнце на стене Л., 1969; Три версты с гаком. М., 1971; Приходи в воскресенье. М., 1976; Услышать тебя. Л., 1977; Красное небо. Л., 1983; Автобиография // Козлов В. Ветер над домом твоим. Л., 1983; Волосы Вероники. Л., 1984; Андреевский кавалер. Когда боги глухи. Время любить: Трилогия. Л., 1986; Избр.: В 2 т. Л., 1988; Дети ада. СПб., 1994; Карусель. СПб., 1994; Жало скорпиона. СПб., 1996; Свидание с березой. СПб., 1998; Птица Небесная. Охота на дураков. СПб., 2005; Злые сказки // Роман-газ. 2007. № 16.

Лит.: Воронин С. Святое чувство // Москва. 1972. № 2; Благов Д. Тайна пера Вильяма Козлова // О лит-ре для детей: Сб. 20. Л., 1976; Выходцев П. Человек и его дело // Огонек. 1977. № 8; Дюжев Ю. Проза Вильяма Козлова // Проблемы детской лит-ры. Петрозаводск, 1981; Акимов В. О Вильяме Козлове, его книгах и его читателях // О лит-ре для детей: Сб. 31. Л., 1988; Акимов В. Рядом с читателем (О Вильяме Козлове и его книгах) // Козлов В. Избр. Л., 1988. Т. 1; Благов Д. Рядом с нами // Нева. 1989. № 10; Сухих И. Как в кино // Нева. 1989. № 10; Бегунов Ю. [Предисл.] // Козлов В. Дети ада. СПб., 1994; Шевелев Э. Осознание любви // Аврора. 2000. № 5; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

А. Мосин

КО́ЗЫРЕВ Алексей Александрович [14.11.1916, Пг. — 25.2.1989, Л-д] — поэт, переводчик.

Брат астрофизика Н. Козырева. Учился на геологическом отд. ЛГУ (по профессии — геолог). На посл. курсе в июле 1941 был арестован: поводом послужил не сданный вовремя после экспедиции пистолет, кроме того ему вменялись статьи 58-8 («терроризм») и 58-10 («антисоветская агитация»); приговорен к расстрелу, кот. был заменен 10 годами лагерей с последующей бессрочной ссылкой. Лагерный срок К. отбывал на Колыме, ссылку — в пос. Ягодное Магаданской обл. «Как многие его сверстники,— напишет позже его вдова М. Козырева,— Козырев 15 лет провел на Колыме. Десять лет в лагере на лесоповале, а пять — в бессрочной ссылке, прерванной благословенной весной 1956 года». В июне 1956 вернулся в Л-д. С 1958 до конца дней работал в Ин-те геологии Арктики и Антарктики (ныне Севморгео).

Писать стихи начал во время учебы в ун-те. В ранние годы испытывал влияние И. Северянина и М. Кузмина. Неоднократно возвращался к своим старым стихам и переделывал их. Переводил стихи Г. Гейне и близкого К. по духу немецкого поэта (математика, шахматиста и археолога) Вольфганга Кордана. Поддерживал дружбу с К. Кузьминским и его кругом. Участвовал в Религиозно-философском семинаре Т. Горичевой.

В 1970-е вместе с женой — М. Козыревой — еженедельно собирал на своей квартире литераторов и художников, устраивал лит. чтения. Здесь устраивались квартирные выставки, проводились лит. чтения. «Субботы» у Козыревых были своеобразным устным альм., объединившим неофиц. литераторов. В одном подъезде с ними жил Л. Богданов.

В 1978 подборка стихов К. опубл. в ж. «Часы», в 1982 — в антол. «Острова». Единственная прижизненная офиц. Публ. — в ежегоднике «Весь свет» (1988) — неск. переводов из Кордана. Журнал запоздал с выходом, К. этой публикации не увидел.

В 1996 вышел посмертный сб. стихов К. **«Многоцветный ливень»**, изд. М. Козыревой.

Соч.: Стихи // Часы. 1978. № 13; Стихи // Острова: Антология лен. неофициальной поэзии / Сост. А. Антипов, Ю. Колкер, С. Нестерова, Э. Шнейдерман. Л., 1982; Стихи // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. 4А; Стихи // Нева. 1987. № 12; Переводы из В. Кордана // Весь свет: Альм. М., 1988; Многоцветный ливень. СПб., 1996.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

КО́ЗЫРЕВ Михаил Яковлевич [3(15).10.1892, г. Лихославль Тверской губ.— нач. 1942, Саратов] — поэт, прозаик.

Родился в многодетной крестьянской семье, отец занимался кузнечным ремеслом. Младшая сестра К., Антонина Яковлевна,— мать изв. русского поэта Владимира Соколова и прозаика Марины Соколовой. В автобиографии К. напишет: «Читать научился сам, без посторонней помощи, и лет с четырех читал все, что попадалось под руки» («Утренники». Пг., 1922. Кн. 2). После учебы в местной приходской школе юный К. по-

ступает в Тверское реальное училище, кот. заканчивает с медалью. Писать начал с 12 лет стихи, статьи, рассказы. В 1909 в «Тверской газ.» под псевд. Матвей Кредит печ. его заметки о жизни родного Лихославля, в том же году публикуется и перв. стих. К.

В нач. 1910-х К. учится в Пг. политехническом ин-те на экономич. отд. Работать по специальности К. не стал. Его детское увлечение определило дальнейшую судьбу. С 1913 критич. ст. К. печ. в пг. изданиях: «Современник», «Совр. мир», «Мечта». Он знакомится с Д. Философовым, кот. вводит молодого писателя в лит. среду столицы, редактирует его произведения и публикует в 1915 в ж. «Голос жизни» рассказ **«Комната»**. В Пг. К. женится на поэтессе О. Ивойловой, выступавшей под псевд. Ада Владимирова, дочери Елены Гуро. В 1914–15 его стихи появляются в альм. «Очарованный странник», в кот. в это время сотрудничают И. Северянин, Е. Гуро, А. Владимирова, В. Хлебников, Ф. Сологуб, З. Гиппиус.

О времени революции и Гражданской войны К. писал в автобиографии: «...революция, советская служба, кочевье. Ездил, как и все, за мукой, за картошкой, за лучшей жизнью. Можно сказать — в вагоне провел революцию, наблюдая кочевую Русь и ее беспризорную жизнь». Только в 1920 К. сменил неск. мест работы.

В 1920 переезжает в М. К 1921 написан рассказ **«Крокодил. Три дня из жизни Красного Прищеповска»**, кот. вызывает ряд откликов в печ. Сатирико-фантастич. повествование о неразберихе в уездном городе, в реке кот., по слухам, появился крокодил, так и не будет опубл. при жизни писателя (впервые в кн.: Козырев М. Пятое путешествие Гулливера и др. рассказы. М., 1991). В 1922 выходит перв. кн. К. (**«Морока. Настоящие рассказы»**. М., 1922), получившая высокую оценку на страницах пг. альм. «Утренники». С нач. 1920-х писатель — активный участник моск. лит. жизни. Он входит в кружок «фантастических писателей» (П. Зайцев, М. Булгаков, С. Заяицкий, Л. Леонов, В. Мозалевский). В 1923 произведения писателя печ. сразу в нескольких моск. альм.: рассказ-«эпопея» **«Покосная тяжба»** в «Деревенских былях» и «Веселом альм.», рассказ **«Мертвое тело»** в «Современниках», **«Повесть о том, как с Андреем Петровичем ничего не случилось»** в «Возрождении», роман **«Неуловимый враг»** в «Недрах». В это же время К.— член редколл. еженедел. «Сегодня», позже принимает участие в ж. «Новая Россия». С 1922 К. работает секретарем в салоне-предприятии «Никитинские субботники». Здесь выступают А. Белый, М. Булгаков, Л. Леонов, М. Пришвин и др. На заседаниях обсуждаются мн. повести, рассказы, пьесы К. (в их числе **«Поручик Журавлев»**, **«Мистер Бридж»**, **«Инвалид Чуфыркин»**, отрывок из романа **«Девушка из усадьбы»**, комедия **«Балласт»** и др.). Некот. из них потом вошли в многочисленные сб., выпущенные изд-вом «Никитинских субботников», и в 4-томн. СС (1928). В 1923–27 на страницах сатирико-юмористич. изд. («Крокодил», «Бегемот», «Лапоть», «Смехач», «Пушка», «Заноза», «Красный перец» и др.) появляются заметки, анекдоты, рассказы и фельетоны, подписанные различными псевд. К. (Беберий, Ганюша Бе-беря, Большой Фома, Матвей Кредит, Лузга Александр, Михаил Мухин). С 1926 писатель работает секретарем в ж. «Лапоть». Специфика издания для крестьянства наложила отпечаток и на произведения К. Он активно использует сказку (серия «сказки-складки про наши непорядки»), анекдот («на завалинке»), загадку, гадание. Фольклорные и церковные (**«Самоновейшие святцы»**) жанры автор наполняет сатирич., злободневным содержанием. Мн. рассказы сюжетно и идейно просты, нравоучительны, с наивным оптимизмом концовки (**«Кулак»**, **«Штрафовщики»**, **«Слово»**); ориентированы на крестьянскую аудиторию и на актуальные для деревни темы: выборы в сельсовет, взаимоотношения крестьянина с начальством, проникновение городских реалий (бюрократизм, кооперация, спекуляция) в жизнь деревни, и конечно, старый и новый быт: «Никаких изменений! Да, наш быт стоит на мертвой точке, чтобы все переделать, надо сто революций» (**По-новому** // Муравейник. Веселые рассказы. М., 1926). Возможно, «устав от деревенских тем» (признание в письме И. Кремлеву-Свэну — РГАЛИ) и поссорившись с А. Григоровичем (ред. ж. «Лапоть»), К. уходит из ж., начинает сотрудничать с «Бегемотом», а чуть позже занимает должность зав. редакцией «Крокодила». Наиболее важные темы произведений, печатавшихся в «рабочих» ж.: личность и документ (**«Человек с документами»**, **«Покойник»**), бюрократизм (**«Музей»**, **«Щетка»**), ломка языка (**«Засорение»**, **«Язык образца 1924 года»**, **«Приставки»**), совр. беллетристика (**«Через сто лет»**), журналистская работа (**«Газета»**, **«Репортер Володин»**, **«Хорошая пьеса»**, **«Мытарства»**, **«Красный журнал»**). В серии «Библиотек» юмористич. ж. выходят его книги: «Биб-ка „Лаптя"» выпускает сб. рассказов **«Гражданин Репкин»** (М., 1926), **«Коробочка»** (М., 1927); «Биб-ка „Смехача"» — **«Товарищ из центра»** (М., 1928); «Биб-ка „Бегемота"» — **«Необыкновенные истории»** (М., 1927). Его произведения иллюстрируют изв. карикатуристы — Кукрыниксы, К. Елисеев, М. Черемных, А. Романов.

Критика 1920-х (как в России, так и в эмиграции) не оставляет без внимания стих. и прозаич. опыты писателя. Изв. критик Н. Осинский на страницах газ. «Правда» рекомендует прозу К. массовому читателю (Побеги травы. Заметки читателя // Правда. 1922. 30 апр.). Лит. портрет К.-поэта появляется в изв. книге Б. Гусмана «Сто поэтов» (Тверь, 1923): «Михаил Козырев знает, как это трудно — извлечь из запыленных городом душ таящиеся в них подлинные радости и муки...». В далекой Италии замечает К.-прозаика М. Горький; в письме Вл. Ходасевичу от 13 авг. 1925 он упоминает К. в числе литераторов, активно работающих в М., благосклонно отзывается о его рассказе **«Мистер Бридж»**. А. Воронский признает К. талантливым беллетристом. На страницах ж. «Книгоноша», «Красная новь», «Печать и революция», «Огонек» регулярно печатаются рец. на книги К. Порой автор обвиняется в мелкотемье (А. Вайсброд), в равнодушном отношении к действительности (Ф. Ж., В. Гольцев), поверхностности (А. Палей), подражательности (Н. Барютин). Иногда отзывы прямо противоположны: подчеркивается глубокий

соц. анализ, добродушный мягкий юмор (А. Вайсброд), «подкупающая прямота» и свежесть взгляда (Огонек. 1927. № 37), оригинальность стиля (В. Львов-Рогачевский).

С сер. 1920-х К. работает над повестью **«Ленинград»**, пытается опубл. ее. Однако выйдет в свет она лишь в 1991 (Завтра. Фантастич. альм. М., 1991. Вып. 2). Временной акцент первоначального названия (**«1950»**) К. заменил пространственным, откликаясь на события тех лет (переименование Пг.) и подключаясь к традиции петерб. темы русской литры. В эти годы к феномену Петербурга-Л-да обращаются А. Грин, Е. Замятин, К. Вагинов, А. Толстой и др. К., используя традиционные петерб. мотивы (маленький человек и государство, территориально-социальное разделение городского пространства, мотив преступления и наказания, спасения, сна, мотив карточной игры), наполняет их исключительно сатирич. содержанием, выстраивая весь образ города как перевернутое, искаженное отражение старого. Проснувшийся через 37 лет революционер наблюдает «воплощение» собственных идеалов. Вместо религии — идеология с иконами вождей, исповедником-политруком и литургиями-собраниями в клубе, вместо дворянской молодежи — верхушка привилегированных рабочих. Во всем царит классовый подход суд совести заменен социальным, свобода печати — все переписывающей цензурой, книги шаблонны, меблировка комнат «рабочих» — одинакова, досуг — однообразен. В борьбе с системой герой прибегает к старым, подпольным средствам, однако подготовленный им мятеж подавлен, а сам он арестован. Бесперспективность социальных переворотов без перевоспитания человека отстаивает идейный противник героя, философ с толстовскими чертами.

В 1930-е К. переживает «таянье славы», его произведения печ. все реже. Писатель принимает участие в колл. романе **«Инженер Гвоздев (Роман с идеологией)»**. Продолжается сотрудничество К. с И. Свэном, в соавт. с кот. в 1920-х написаны драм. произведения (**«Балласт»**, **«Дом сумасшедших»**, **«После грозы»**). В 1930-х их совмест. перу принадлежат роман **«Город энтузиастов»**, стих. **«Молодой артиллерист»**, **«Бьется сердце молодое»**, песня **«Найти»**. В 1936 К. работает над антиутопией **«Пятое путешествие Гулливера»**, стилизованным продолжением романа Дж. Свифта. В Юбераллии, «лучшей из стран мира», легко угадываются черты фашистской Германии (борьба «высшей» расы с «низшими», кресты на рукавах и касках солдат, сожжение книг, былая слава ун-тов и др.). В 1937 один из рецензентов рекомендовал кн. для юношества, однако при жизни автора она так и не была опубл. В 1940 К. пишет роман **«Рост»** о жизни деревни после революции: «Мало чем изменился быт основной деревенской массы: получив давно ожидаемую прирезку, многие, подобно Назару, решили, что тут и кончилась революция, и только отмахнулись от требований власти ответить на эту прирезку подъемом хозяйства» (РГАЛИ).

В 1941 К. был объявлен «врагом народа» и арестован; его кн. стали изыматься из биб-к. Погиб в саратовской тюрьме в нач. 1942. Родные, жившие в то время неподалеку, о его смерти узнали лишь годы спустя. Исчез писатель, запретили его книги, однако песни на его стихи, анонимные, считавшиеся народными, пели сов. люди (**«Называют меня некрасивою...»**, **«Недотрога»**, **«Газовая косынка»** и др.). К. был восстановлен в СП 10 июн. 1963, однако его имя вернулось в историю лит-ры только в кон. XX в.

Соч.: Морока: Настоящие рассказы. М., 1922; Неуловимый враг: Американский роман. Харьков, 1923; Поручик Журавлев. М., 1923; Неизданные произведения совр. писателей, М., 1925; Мистер Бридж. М.; Л., 1925; Инвалид Чуфыркин. М.; Л., 1926; Муравейник. М., 1926; Рассказы. Л., 1926; Чорт в Ошпыркове. М.; Л., 1926; Гражданин Репкин. М., 1926; Дотошные люди. М.; Л., 1927; Заштатные люди. М.; Л., 1927; Именины: Юмор. рассказы. М., 1927; Конец света: Юмор. рассказы. М., 1927; Коробочка. М., 1927; Мудреное дело. М, 1927; Необыкновенные истории. Л., 1927; Подземные воды. М., 1928; Рассказы. М., 1927; Товарищ из центра. М., 1928; Фома неверующий. М.; Л., 1927; Юмор. рассказы. М., 1928; СС: В 4 т. М., 1928; Город энтузиастов. М., 1931; Пятое путешествие Гулливера и др. повести и рассказы. М., 1991.

Лит.: Чудакова М. Без гнева и пристрастия. Формы и деформации в лит. процессе 20–30-х гг. // Новый мир. 1988. № 9; Чудакова М. Русский сатирик Михаил Козырев. // Вопросы лит-ры. 1990. № 6; Перельмутер В. Машина времени Михаила Козырева // Завтра: Фантастич. альм. 1991. № 2; Кацис Л. Ленинград Михаила Козырева (К проблеме построения «ленинградского текста») // «Вторая проза». Русская проза 20–30-х гг. XX в. Trento, 1995; Фельдман Д. К вопросу о датировке повести М. Я. Козырева «Ленинград» // Там же; Быстрова О. Сны и реальность в повести М. Козырева «Ленинград» // Русская лит-ра XX в.: Образ, язык, мысль. М., 1995; Гапоненко Н. Михаил Козырев и его повесть «Ленинград» // Петерб. текст. Из истории русской лит-ры 20–30-х гг. XX в. СПб., 1996; Соколова М. Писатель Михаил Козырев // Наша жизнь. 1997. 15 окт.; Ануфриев А. Пространственно-временные отношения в антиутопии М. Козырева «Ленинград» // Вестник Вятского гос. пед. ун-та. Киров, 1999. № 1; Кузьмин В. Козырев пишет Гоголем // Домовой. 2002. № 7; Соколова М. ...Ранишь сердце мне грустью: К 110-летию со дня рождения М. Козырева // Домовой. 2002. № 5.

Н. Умрюхина

КО́ЗЫРЕВА (урожд. Гордон) Марьяна Львовна [6.7.1928, Ирбит — 16.5.2004] — прозаик, поэт, художник.

Отец — Лев Семенович Гордон, историк, филолог; мать — Тумповская Маргарита Марьяновна, поэт, переводчик. В 1954 окончила театральное отд. художественного Таврического училища (ныне Художественное училище им. Н. Рериха). Работала художником по костюмам в театрах Л-да (театр им. Ленинского комсомола, ныне Балтийский дом; БДТ), в цирке и на телевидении. Затем сменила род деятельности: работала сторожем, библиотекарем, оператором газовой котельной.

В 1956 вышла замуж за Алексея Козырева (з/к с 1941 по 1956). В 1970-е на квартире Козыревых собирались поэты, писатели, художники, устраивались квартирные выставки, проводились лит. чтения. «Субботы» у Козыревых были своеобразным устным альманахом, объединившим неофиц. литераторов (в числе участников были В. Кривулин, Т. Горичева, К. Кузьминский, П. Чейгин, В. Эрль, Б. Понизовский,

Б. Останин, Ю. Динабург, И. Захаров-Росс, А. Белкин, А. Путилин).

В 1970-е написала пьесу **«Окно и дождь. Хроника одного часа»**, повести **«Девочка перед дверью»** (печ. в самиздатских ж. «37» и «Часы», в эмигрантском ж. «Эхо») и **«Синие горы на горизонте»**, роман **«Неделимые»**. Была членом «Клуба–81».

В 1990-е напис. повести **«Пантелеимон»**, **«Ну, цирк!»**, **«Экспонат»**, цикл очерков **«Портреты»**, выпустила сб. рассказов **«Жизни Подателю»**, кн. стихов **«Голоса любимых»**. Печ. в ж. «Звезда», «Мера», «Сумерки».

В 1991 опубл. в ж. «Сумерки» сказку **«Про Ваську Немешаева — питерского вора»**, кот. ее отец привез из лагерей. В 1995 по этой сказке кинорежиссер П. Готар снял фильм, признанный в 1996-м лучшим венгерским фильмом и номинированный на Оскара.

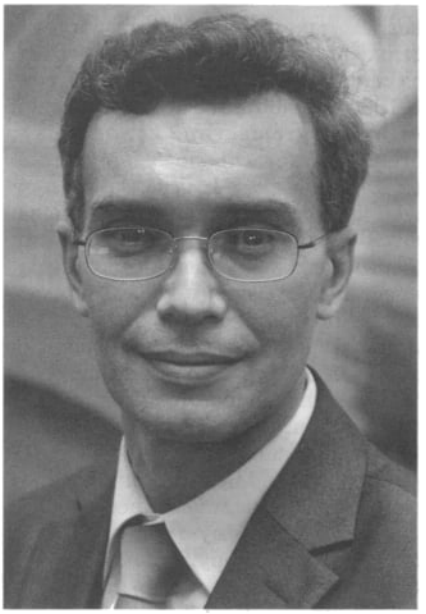
Соч.: Баллада о Катцен-гоффе // 37. 1977. № 12; Девочка перед дверью // Часы. 1977. № 9; Эхо. 1978. № 3, 4; Звезда. 1988. № 3; Девочка перед дверью: Повести. Л., 1990; Про Ваську Немешаева — питерского вора // Сумерки. 1991. № 11; Маргарита Марьяновна Тумповская, Лев Семенович Гордон // Там же; Пантелеимон. СПб., 1992; Лев и Птица; Воспоминания о Л. Н. Гумилеве // Мера. 1994. № 4; Жизни Подателю. СПб., 1995; Чурики, нет игры! // Сумерки. 1994. № 15; Из цикла «Портреты» // Звезда. 1997. № 6; Голоса любимых. СПб., 1999; La Petite Fille devant la porte. Paris: Editions des Syrtes, 2004.

К. Козырев

КОКО́СОВ Виктор Николаевич [28.8.1963, Л-д] — прозаик, публицист.

Правнук известного до революции писателя Владимира Яковлевича К. (1845–1911), автора кн. «На Карийской каторге» (записки врача), вышедшей в СПб. в изд-ве ж. «Русское богатство» в 1907.

Родился в семье служащих. В 1986 окончил ЛЭТИ им. В. Ульянова (Ленина) и одновременно фак-т общ. профессий по специальности «журналистика». На штатной работе в СМИ Л-да-СПб. с 1985 — в газ. «Смена», «Веч. Ленинград (Петербург)», «Вести», «Караван», в объединённой редакции газ. «Моск. застава»; с 2003 — зам. гл. ред. ж. писателей России «Невский альм.».



Перв. публ. — рассказ **«Стих и слёзы»** в газ. «Смена» (1983. № 7. 5 авг.). Перв. журн. очерк — **«Жизнь особого района»** (о событиях в Азербайджане: «Лен. панорама». 1990. № 5). Перв. повесть — **«Судьба резидента Кента»** о сов. разведчике А. Гуревиче — опубл. в газ. «Караван» (нояб. 1998 — март 1999). Перв. кн. — историко-докум. повесть **«Правда о Второй ударной»** (2002).

В теч. 20 лет творч. работы гл. темой исследований и публикаций К. была и остается тема мужества русских воинов, моряков, лётчиков, пожарных, милиционеров, разведчиков, а также людей гражданских профессий, чьи заслуги по разным причинам не были в достойной мере отмечены родиной. К. считает, что справедливость по отношению к героям прошлого должна восторжествовать, и своими многочисленными публикациями о таких людях содействует этому.

Кн. **«Право на мужество»** (2002) на сегодняшний день гл. писательский труд К., она включает в себя историко-докум. повесть «Правда о Второй ударной», а также повести и очерки о подвигах ветеранов войны и их достойных продолжателях. В условиях, когда свидетельств о войне становится все больше, когда с каждым днем все труднее находить новые и неисследованные события далеких героич. дней, К. удается найти новые факты и ракурсы. Так, напр., долгое время Вторая ударная армия не была героем ни одного крупного публицистич. исследования, хотя ее история полна славных страниц: армия участвовала в прорыве и снятии блокады Л-да, изгоняла с территории Лен. обл. посл. фашистские части, с кровопролитными боями дошла до Эльбы. Повесть основана на архивных документах, автор изучил отеч. и зарубежную спец. лит-ру, освещающую этот период истории, использовал воспоминания очевидцев и ёмко и интересно рассказал о боевом пути Второй ударной, высказав при этом свою, отличную от традиционной и основанную на новых фактах, точку зрения на личности командиров как советских, так и немецких частей. То же можно сказать и о др. произведениях, вкл. в сб. Очерк **«Место в победном строю»** повествует об активном участии лен. милиционеров в обороне города и охране поездов, следующих с продовольствием по Дороге жизни. Очерк **«Из жизни снайпера Юркина»** рассказывает о становлении снайперского дела в блокадном Л-де. Очерк **«Янтарная тайна»** посвящён вкладу ленинградцев-петербуржцев в «розыскное дело» Янтарной комнаты. Докум. повести и очерки К. лаконичны, интересны по содержанию, точны в выборе худож. средств, написаны хорошим лит. языком.

В кн. **«Эхо пушек "Юноны": Рассказы о моряках»** перед читателем разворачивается галерея лит.-ист. портретов замечательных мужественных людей. Наши соотечественники — отважные мореплаватели и путешественники-первопроходцы, первооткрыватели Русской Америки, кругосветные мореплаватели — обогатили мировую науку новыми знаниями и открытиями, нанесли на карты и атласы десятки русских назв. Большинство их имен неизвестно современникам, среди них перв. правитель Русской Америки Баранов, камергер Резанов, капитаны Рикорд и Головнин, изобретатель первого в мире истребителя Дыбовский, морской министр Григорович, открыватель Северной Земли Вилькицкий.

Интересные короткие повести и очерки К. включаются в различные писательские сб. Так, «Правда о Второй ударной» и беллетризован-

ная повесть «**Судьба резидента Кента**» были вкл. в 2005 в 20-томное собр. произведений о ВОВ «Не ради славы» (под ред. М. Боженковой). В 2011 К. опубл. очерки «**В закрытом городе** Л.» (о борьбе ленинградцев с последствиями чернобыльской аварии) и «**Возвращение реликвий**» — о розысках и возвращении украденных фашистами и совр. преступниками сокровищ лен. музеев — в сб. СПбО СП России «Невский публицист» и «Свидетельство времени».

В 2009 К. вошёл в группу петерб. писателей по подготовке 5-томного сб. очерков «Герои битвы за Л-д» (в 2010 и 2011 вышли I и II т.; в 2012 — III и IV т.).

К. публ. в различных лит. и общ.-полит. ж.: «Лен. панорама», «Невский альм.», «Слово Забайкалья», «Роман-ж. XXI век», «На русских просторах», «Петросфера» и др. Ведёт рубрики «Летопись патриотизма» и «Достоинство поколений» в «Невском альм.». Участвовал в возрождении детско-юношеского лит.-худ. ж. «Искорка»(2012), в кот. в наст. вр. ведёт отдел публицистики и военно-патриотич. рубрику.

Член СП России (2012). Имеет благодарность МВД РФ «за активное участие в конкурсе МВД России на лучшие произведения лит-ры и искусства о деятельности органов, подразделений и служб МВД РФ в номинации "литературная публицистика и журналистика"» (2001). Лауреат премии Правительства СПб. за «лучшие журналистские работы по патриотическому воспитанию молодежи, посвящ. 60-летию Победы в Великой Отеч. войне» (2005). Лауреат Всероссийской общ. премии «За активную работу по пропаганде истории и традиций транспортной милиции» (МВД РФ; 2008). Почётная грамота Русского Географич. об-ва — за заслуги перед географией и Русским Географич. об-вом (2008), грамота СПбО СП России — за многолетнюю творч. деятельность (2008). Благодарность председателя Комиссии Общ. палаты РФ, Председателя Совета директоров Нац. ассоциации объединений офицеров запаса Вооружённых Сил (МЕГАПИР) за «активное участие в ветеранском движении, большой вклад в военно-патриотическое воспитание молодёжи» (2009).

Соч.: Правда о Второй ударной. СПб., 2002 (2003, 2004); Эхо пушек «Юноны»: Рассказы о моряках. СПб., 2006; Летопись патриотизма: Докум. повести и очерки. СПб., 2006; Право на мужество: Докум. повести и очерки, рассказы. СПб., 2010.

Ю. Детков

КОЛБА́СЬЕВ Сергей Адамович [5(17).3.1899 (по др. данным 3 или 4.3.1898), Одесса — расстр. 30.10.1937, Л-д] — поэт, прозаик.

Родился в семье чиновника; по материнской линии предками К. были мальтийские итальянцы, так что впоследствии своим «итальянско-мальтийским» происхождением К. объяснял как романтич. наклонности характера, так и способность к языкам (уже в юности он в совершенстве владел английским, французским и немецким, позже изучал фарси и шведский). Мать К. — Эмилия Петровна, урожд. Каруана — была незаурядной, одаренной личностью, не чуждой лит. тв-ву (в 1921–22 она работала секретарем петроградск. Дома поэтов на Литейном пр.), под ее влиянием в сыне рано сформировался интерес к искусству и лит-ре. Однако после окончания петерб. гимназии Лентовской К. по совету дяди и с согласия матери поступает в СПб. Морской кадетский корпус. В 1917 К. прошел практику на черноморском эскадренном миноносце «Свирепый», а в 1918 после досрочного (в связи с закрытием учебного заведения) выпуска начал службу на линкоре «Петропавловск». Воспитанный в либерально-демократических традициях, свойственных петерб. интеллигенции, К. решительно встает на сторону красных и делает типичную «революционную» карьеру военспеца: на эскадренном миноносце «Московитянин» принимает участие во взятии Энзели, затем служит старшим помощником на эскадренном миноносце «Прыткий» и принимает актив. участие в боевых действиях Волго-Каспийской флотилии; в сент. 1919 вновь на «Петропавловске» участвует в боях за Пг., а с июля 1919 по февр. 1922 занимает ответственные должности в Азовской воен. флотилии и в штабе действующей эскадры Черного моря.

Переломным моментом в биографии К. стала встреча в июне 1921 в Севастополе с Н. Гумилевым (в стих. Гумилева «Мои читатели» об этом сказано: «Лейтенант, водивший канонерки / Под огнем неприятельских батарей, / Целую ночь над южным морем / Читал мне на память мои стихи»). К. помог Гумилеву издать кн. стихов «Шатер», а затем сопровождал его в Пг. Гумилев ввел К. в круг петроградской творч. интеллигенции, объединившейся тогда вокруг изд-ва «Всемирная лит-ра»; в февр. 1922 по ходатайству наркома просвещения А. Луначарского К. был откомандирован для работы в этом изд-ве и затем уволен в запас.

В 1922 К. вместе с Н. Тихоновым участвует в создании лит. группы «Островитяне», кот. выпускает одноименный колл. сб. стих.; тогда же К. изд. поэму «**Открытое море**». Откликаясь на выход сб. и поэмы, В. Брюсов писал: «Определенной программы в стихах островитян нет; единственное, что роднит их между собой, это — попытки выбиться из шаблона эпигонов символизма... С. Колбасьев стремится к простоте речи, хочет действовать на читателя сжатым реализмом своих картин; но очень часто это приводит автора к самой несомненной прозе» (Брюсов В. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990). «Стихи, кот. пишет тогда Колбасьев,— вспоминал Тихонов,— полны впечатлений Гражданской войны, но в них, несмотря на точность морских описаний, есть излишняя сухость, прозаичность: „Светят прожекторами. / И, кажется,

крейсера. / От них не уйдешь, пожалуй, / А уходить пора. / Что ж, держим на север, / Если нет другого пути. / Минные заграждения? / Попробуем пройти"» (Тихонов Н. Морские повести и рассказы Сергея Колбасьева // Колбасьев С. Поворот все вдруг). Нетрудно увидеть в «прозаизме» К., равно как и в его стремлении к тематической «экзотике», влияние «школы Гумилева».

В 1923 после женитьбы на В. П. Семеновой — студийке «Ин-та живого слова» и участнице лит. группы «Голубой круг» — К. устраивается, благодаря знакомству с семьей Л. Рейснер, на место переводчика в сов. посольстве в Кабуле (Афганистан), кот. возглавлял тогда муж Рейснер — Ф. Раскольников. С последним, патологически ревновавшим жену к Гумилеву (в то время уже покойному), К. не сработался из-за открытой ненависти Раскольникова к «гнилому духу гумилевщины», кот., по мнению посла, К. «носит с собой, заражая воздух» (см.: Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991). В том же году К. был отозван из Афганистана и направлен в торговое представительство СССР в Хельсинки, где проработал до 1928.

После возвращения в Л-д К. вновь обращается к лит. деятельности, вступает в Лен.-Балтийское отд. Лит. объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), где скоро заявляет о себе как о самобытном прозаике-маринисте. В 1930 выходит его кн. рассказов **«Поворот все вдруг»**, гл. темой кот. стала судьба кадрового морского офицерства в годы Гражданской войны. В 1930-е К. создает трилогию — повести **«Арсен Люпен»**, **«Джигит»** и **«Река»**,— повествующую о становлении выпускника Морского кадетского корпуса, пришедшего на Красный флот; в гл. герое трилогии Василии Бахметьеве угадываются автобиогр. черты. Проза К. была лишена распространенного в это время «советского» гражданского пафоса; ироничная и безупречная по стилю, она быстро завоевала популярность у читателей, но тут же подверглась резкой критике со стороны теоретиков ЛОКАФа — Вс. Вишневского, Л. Соболева и др.,— кот. обвиняли К. в «безыдейности» и «непонимании смысла Гражданской войны и движущих сил революции».

В 1930-е К., помимо худож. тв-ва, увлекается радиоделом, мн. изобретает (среди прочего — оригинальные конструкции магнитофона и телевизора), пишет популярные учебники по радиоделу — **«Радио — нам»** (1929) и **«Радиокнижка»** (1931). Др. увлечением К. стал джаз: пропаганде джаза в сов. России К. уделил много сил, в т. ч. защите Л. Утесова от нападок властей; квартира К. на Моховой ул. в Л-де стала своеобразным «муз. салоном» (помимо прочего, К. собрал уникальную коллекцию пластинок с записями джазовой музыки).

В 1935 выходит посл. сб. «морских» рассказов К.— **«Правила совместного плавания»**, а в 1937 К. был внезапно арестован. Дальнейшая его судьба неизвестна, равно как и точная дата смерти. В. Смирнов: «По неизвестной нам причине Колбасьев 30 октября 1937 года расстрелян не был. 21 января 1938 года Колбасьев убыл "В Отд. Тюрьмы", как указано в его учетно-анкетной карточке. По свидетельству А. А. Вейхера, отбывавшего срок в Талнахском лагере (Красноярский край), однажды зимой большая группа заключенных, возвращавшихся с работ, замерзла по пути в лагерь. Среди них, по словам Вейхера, был и Сергей Колбасьев. Таким образом, точная дата и место смерти С. А. Колбасьева остаются неизвестными».

Начиная с 1960-х произведения К. неоднократно переизд. «Есть книги, в кот. отсутствует игра воображения,— писал Тихонов,— они на грани воспоминаний; кажется, что в них герои носят подлинные фамилии, эти книги хорошо передают и дух, и цвет, и голос эпохи. Они правдивы и скромны, люди в них видны во весь рост, и это русские люди, показанные в решающие годы своей жизни. К таким книгам относятся и произведения Сергея Колбасьева» (Тихонов Н. Морские повести и рассказы Сергея Колбасьева).

Соч.: Открытое море. Стихи. Пг., 1922; Салажонок. М., 1931; Военно-морские повести. М., 1936; Два рассказа // Аврора. 1984. № 12; Поворот все вдруг: Рассказы и повести. Л., 1986.

Лит.: Черкасский Я. Моряки четырех морей, но одной революционной крови... // Колбасьев С. Повести. Рассказы. Мурманск, 1981; Колбасьева Г. Сергей Колбасьев // Жизнь Николая Гумилева. Воспоминания современников. Л., 1990; Смирнов В. «Дело писателей» // СПб. ведомости. 2012. № 13 (1195).

Ю. Зобнин

КО́ЛЕВА Татьяна Дмитриевна [21.3.1931, Л-д — 6.4.2002, СПб.] — переводчик, прозаик.

Закончила болгарское отд. филологич. фак-та ЛГУ (1956). Работала ред., одновременно преподавала на каф. славянской филологии филфака.

Перв. худож. переводы выполнила для изд-ва «Худож. лит-ра» в 1957. Сотрудничала в сов. и болгарских лит. ж-лах и изд-вах. Перевела романы, повести, рассказы более 50 болгарских прозаиков, среди кот. Васил Акьов (**«И день настал»**, 1971), Кольо Георгиев (**«Самое прекрасное на свете»**, 1972; **«Тема для размышления»**, 1977), Иван Давидков (**«Вечерний разговор с дождем»**, 1975), Генчо Стоев (**«Цена золота»**, **«Возвращение»**, 1982), Васил Попов (**«Корни»**, 1984), И. Петров, Г. Мишев, Д. Фучеджиев, Р. Йорданов, Б. Априлов.

Член СП СССР (СП России) с 1980.

Награждена орденом Кирилла и Мефодия II степ. за переводы классиков болгарской лит-ры.

Перев.: Милена Цанева. Роман Ивана Вазова «Под игом». М., 1975.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КОЛЕ́СНИКОВА Людмила Анисимовна [14.10.1941, г. Кострома] — журналист, писатель-беллетрист.

Отец — военный, мать — пианистка. Получила домашнее муз. образование. Семья постоянно переезжала по месту службы отца. В конце сороковых местом жительства на 25 лет стал Владивосток. Здесь К. окончила среднюю школу, затем фак-т журналистики ДВГУ.

Творч. судьбу после вуза связала с ТВ: работала в муз. вещании Владивостокской студии телевидения. В 1968 перешла на Лен. студию ТВ, была одним из авторов цикла передач «Товарищ ленинградец».

В лен. Ин-те ядерной физики им. Б. Константинова начала работать над кн. об акад. Борисе Павловиче Константинове (опубл. изд-вом «Наука» в 1985). История науки и её яр-

кие представители стали героями почти всех последующих соч. К. В 2004 вышла кн. **«Штрихи к портрету теоретика»**, кот. на лит. конкурсе им. Н. Гоголя в 2007 была отмечена премией.

Пробует себя в беллетристике: её маленькие рассказы опубл. лит.-краеведч. альм. «Оредеж». Вышли кн. с рассказами — **«Лестница»** (2006), **«Диалоги. Монологи»** (2008) и др.

В 2012 номинирована на журналист. премию «Золотое перо».

Член СП России.

Соч.: Академик Константинов: Воспоминания. Статьи. Документы. Л., 1985.; Штрихи к портрету теоретика. Гатчина, 2004; Лестница. Гатчина, 2006; Диалоги. Монологи. Гатчина, 2008.

Лит.: Сырченко Т. «Для здорового человека... для человека разумного» // Аномалия. 2009. № 4 (423); Жарова И. И Париж улыбается ей // Газ. Союза журналистов. 2009. № 43, нояб.; Смирнов И. Букет роз в ярких тонах // Гатчинская правда. 2010. 9 окт. Сайт в интернете: <http //wwjournalists/spb.ru/>

КО́ЛЕСОВ Владимир Викторович [10.4.1934, Благовещенск] — языковед, историк русского яз., славист, философ яз., этнолог, культуролог, когнитолог.

Родился в большой семье служащих. От отца унаследовал сосредоточенность в работе и чувство ответственности. Мать — преподаватель русского яз. и лит-ры — повлияла на развитие устойчивого интереса к яз. и лит-ре; под ее непосредственным влиянием и выбором читал запоем, достигнув абсолютной грамотности еще в школьные годы. Окончил школу с золотой медалью (1952), подал док-ты для поступления на филологич. фак-т ЛГУ. Высшее образование получил, закончив русское отд. ЛГУ (1957). По рекомендации проф. М. А. Соколовой учился в аспирантуре при кафедре русского яз., кот. закончил в срок, защитив канд. дис. **«К ист. фонетике новгородских говоров»** (1962). В ней в русле петерб. филологич. школы существенно уточнена история редуцированных гласных и вызванного падением редуцированных становления фонемы «о закрытое» **(Эволюция фонемы / о / в русских северо-западных говорах** // Филологич. науки. 1962. № 3.)

После окончания аспирантуры К. был зачислен ассистентом на кафедру русского яз., с апр. 1966 стал доц. кафедры; в 1969 успешно защитил докт. дис. на тему **«Именная акцентуация в древнерусском языке»** (утвержден в степ. доктора 16.1.1970). Серия работ по истории русского ударения, важнейшая из кот. монография **«История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке»** (Л., 1972.), создали К. заслуженную славу крупнейшего акцентолога-русиста. В должности проф. К. утвержден 10.7.1973. Пост. работа с рукописными источниками привела к совершенному и практическому освоению вспомогательных ист.-филологич. дисциплин, в частности палеографии (см., напр.: **Надстрочные знаки *силы* в русской орфографич. традиции** // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973).

С 1963 исполнял должность зам. декана филфака ЛГУ, с 1974 — зам. зав. кафедрой русского яз., с 1979 по 2005 — зав. этой кафедрой. Все эти годы был членом различных Советов, как на фак-те, так и в Ин-те лингвистич. исследований, с 1964 — Ученого Совета фак-та, с 1970 — Диссертац. Совета по присуждению ученых степеней, с 1979 — его Председателем. В 1994–2002 состоял членом Ученого Совета ЛГУ. В 1994 избран Действительным членом Академии Гуманитарных наук (акад.), в 2002 — Действительным членом Петровской АН (акад.). Удостоен почетного звания «Засл. деятель науки РФ». Лауреат университетских премий «За лучшую науч. работу года» (1974, 1988, 1999, 2002, 2005), награжден неск. медалями.

Выезжал в зарубежные командировки для чтения лекций: в Польшу (1969, Краков), в Судан (1975), неоднократно бывал в Болгарии, Венгрии (Сегед), в 2005 получил почетную мантию проф. Сегедского ун-та; читал лекции в неск. ун-тах США (1976), в Германии (1994), Испании (1996, 1997, Барселона) и др. Намного больше ездил К. по России: читал лекции, выступал с д-дами и в кач-ве офиц. оппонента в ведущих отеч. унтах и академ. учреждениях.

К. участвовал в работе ряда диалектологич. экспедиций: в 1954 — в Середкинском р-не Псковской обл. (Псковской экспедицией впоследствии руководил дважды), в 1956 — в Пинежском р-не Архангельской обл.; в 1970 руководил экспедицией в Заонежье, а также самостоятельно неск. лет обследовал говоры Лужского р-на Лен. обл. Результатом этих поездок явилась серия статей по диалектной фонетике и лексике, а также одно из лучших пособий для студентов **«Русская диалектология»** (М., 1990; и др. изд.), кот. написано вместе с коллегами и при общем ред. К.

В 1980 вышел обобщающий труд К. **«Ист. фонетика русского языка»**, ставший на мн. десятилетия образ-

цовым исследованием ист. процессов в обл. звукового строя русского яз. Этот классич. труд по праву следует считать своеобразной вехой, завершающей структурно-ист. этап развития науки о русском яз. и открывающей новые возможности изучения содержательной стороны яз. Будучи проверенным и выверенным на звуковых образах яз., функциональное направление петерб. лингвистич. школы получило методологич. инструментарий для дальнейших исследований в обл. истории и панхронич. ценностей содержательных словесных образов, понятий, символов и категорий родного яз.

Из древнерусских авторов К. особенно много работал над яз. произведений Кирилла, епископа Туровского, жившего в XII в., посвятив ему серию статей и кн. **«Кирилл Туровский»** (М., 2009). По приглашению Л. А. Дмитриева, К. включился в работу Древнерусского сектора Пушкинского Дома, новаторски и творчески работал над переводами древнерусских текстов, кот. затем вышли в двух академ. изд. Перевод «Домостроя» (**Домострой** / Подгот. текста, перевод, коммент. К. // Памятники лит-ры Древней Руси: сер. XVI в. М., 1985.) переизд. неск. раз. Для энц. «Слово о полку Игореве» (Т. 1–5. СПб., 1995) К. написал более полусотни статей, преимущественно по стилистике и поэтике текста; ритмич. реконструкция этого памятника обсуждалась в науке, в т. ч. и зарубежной.

Много сил отдает К. популяризации науки о русском яз. (см. **«История русского языка в рассказах»**. М., 1976; и др. изд.). В 1980-е активно публ. статьи по культуре речи, в т. ч. в городских газ.; более десяти лет вел рубрику «Русская речь» на ЦТВ. Все мат-лы этой работы собраны в три кн., каждая из кот. неоднократно переизд.: **«Культура речи — культура поведения»** (Л., 1988), **«Язык города»** (М., 1991), **«Русская речь: вчера, сегодня, завтра»** (СПб., 1998). Своё развитие они получили в кн. **«Как наше слово отзовется»** (СПб., 2001) и **«Гордый наш язык»** (М., 2007).

Занятия К. древними текстами в разных аспектах вылились в пионерский труд по ист. стилистике **«Древнерусский лит. язык»** (Л., 1989). Здесь вскрыты средневековые способы движения от слова к тексту в пределах единого лит. яз., синтезирующего славянскую и русскую языковые стихии. От внешней звуковой формы слова К. перешел к его внутр. смысловой форме, далеко выходящей за рамки позитивной ист. лексикологии. Результаты этих исследований включены первоначально в кн. **«Мир человека в слове Древней Руси»** (Л., 1986), а затем в цикл кн. **«Древняя Русь: наследие в слове»** (Кн. 1. СПб., 2000; Кн. 2. СПб., 2001; Кн. 3. СПб., 2004; Кн. 4. СПб., 2009; Кн. 5. СПб., 2012).

Труды проф. К. не имели бы такого несомненного успеха, если бы ученый не изучил и самостоятельно не систематизировал достижения своих предшественников. История науки о яз. излагалась им устно (в рамках курса для студентов) и письменно: **«История русского языкознания: Очерки и этюды»** (СПб., 2003). Там же содержится глубокий и тревожный анализ совр. состояния лингвистич. науки.

Огромный опыт, накопленный в частных исследованиях, привел К. к созданию учения о концептуме — «сущности, явлением кот. выступает понятие через посредство содержательного концепта». Определенный отрицательно и панхронически, концептум понимается как такое зерно первосмысла и такой исток первообраза, кот. оказываются причиной и внутр. направляющей силой ист. движения образа, символа и понятия в корнеслове, выявляемых в сочетаниях, синонимических, антонимических и др. лексико-семантических системных связях и описываемых, последовательно, как ментализация, идеация и идентификация. Перв. книгой, показавшей качеств. поворот ученого от узкоязыковедческой проблематики к философской, стала **«Философия русского слова»** (СПб., 2002). Оставаясь историком русского яз., К. становится историком и теоретиком русской мысли и русских подсознательных начал, выраженных, объективно закрепленных, духовно и рационально действующих в слове вне зависимости от тех или иных, тенденциозных или правдивых, оценок. В этом труде раскрывается мыслеформирующая сила русского яз., взятого в своем пост. развитии.

Целенаправленный сбор мат-ла на новых теоретич. основаниях позволил К. написать книги о складе русского характера, ума и духа **«Язык и ментальность»** (СПб., 2004) и **«Русская ментальность в языке и тексте»** (СПб., 2007).

Проф. К. не перестает работать со студентами. Он разработал новую лингво-философскую дисциплину (**«Концептология:** Конспект лекций, читанных в сент.-дек. 2010 года». СПб., 2012). Значение этого труда далеко превосходит конспект лекций завершенной науки, это методология и программа филологич. работы на философской основе русского реализма, предначертанная следующим поколениям ученых. В печати находится самостоятельный опыт применения этой программы — **«Словарь русской ментальности»** (Т. 1–2). Собственно философские основания учения о концептуме изложены в кн. **«Реализм и номинализм в русской философии языка»** (СПб., 2007).

Наряду с грамматич. лексикологией В. М. Маркова, символической фонологией и лексикологией В. Г. Руделева, синтаксисом В. С. Юрченко, системологией и типологией Г. П. Мельникова, герменевтикой А. М. Камчатнова, концептология К. становится мощной альтернативой компьютерной метафоры в когнитивной лингвистике. В масштабах мирового процесса развития науки о яз. и мышлении концептология К. оставляет позади себя основанные на аналитич. строе английского яз. новейшие разработки Дж. Лакоффа и др. американских ученых, типологическое, а возможно, и реальное влияние на кот. со стороны К. весьма чувствительно.

В посл. десятилетие К. возвращается к ист.-лингвистич. проблематике, но уже не на внутриструктурных, а на когнитивных основаниях. Изучается история становления категорий, выявляются ступени категоризации с непременными пояснениями склада мышления, обусловливающего ту или иную грамматич. конфигурацию. На разнообразном и методически эффективно выстроенном мат-ле наука об истории русского яз. в ее совр. виде излагается в кн. **«История русского языка»** (СПб., 2005) и, с расширенным изучением ист. синтаксиса, **«Ист. грамматика русского языка»** (СПб., 2009).

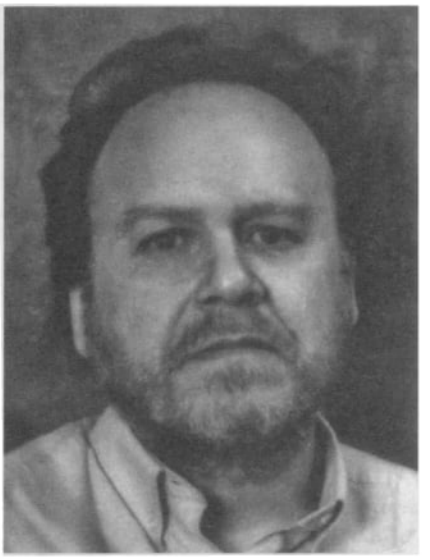
Соч.: Введение в ист. фонологию. 1. Система и изменение. Сегед, 1973; Ударение в «Слове о полку Игореве» // ТОРДЛ. Т. XXXI. Л., 1976; Вьсь, всь, весь, все, вхе, све 'omnis' // Эволюция и предыстория русского яз. строя. Горький, 1978; Старая рукопись и орфографич. традиция // Studia Rossica Poznaniensia. X. Poznań, 1979; Стилистич. функции лексич. вариантов в «Сказании о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л., 1979; Памятники лит-ры Древней Руси: XII в. / Подг. текста и др. М., 1980 (М., 1981, 1982, 1984, 1985, 1987); К характеристике поэтич. стиля Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XXXVI. Л., 1981; Динамика структуры совр. русского яз. Л., 1982; Лит. слова в диалектной речи (3. Болезнь) // Диалектная лексика. 1979. Л., 1982; Введение в ист. фонологию. Л., 1982; Ист. основания многозначности слова и лингвистич. средства ее устранения // Русское семантич. словообразование. Ижевск, 1984; Заметки о древнерусской диглосии // Лит. язык Др. Руси. Л., 1986; Словарь книжников и книжности Др. Руси (XI — перв. пол. XIV в.). Л., 1987; Лескина закон // Лингвистич. энц. словарь. М., 1990; Общие понятия ист. стилистики // Ист. стилистика русского яз. Петрозаводск, 1990; Словообразование как динамич. принцип реорганизации текста // Словообразование. Стилистика. Текст. Казань, 1991; Проблемы средневекового знания в славянском переводе Ареопагитик // Отеч. философская мысль XI–XVII вв. и греч. культура. Киев, 1991; Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПб., 1991. Вып. 3; «Прошедшие времена» в прошедшие времена // Вопросы грамматики и лексикологии в ист. и синхронном освещении. Новосибирск, 1994; Славянорусский и церковнославянский в древних переводах Евангелия // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. СПб., 1994; Нарушения стиля и разрушение смысла в совр. переводах библейских текстов // Библия и возрождение духовной культуры. СПб., 1995; Возвращение на круги своя... // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПб., 1996. Вып. 3; Древнерусский богатырь // Средневековая и новая Россия: Сб. СПб., 1996; Язык как действие: культура, мышление, человек // Разные грани единой науки. СПб., 1996; Лит-ра Др. Руси. Биобиблиогр. словарь. М., 1996; Взаимоотношение стиля и нормы в представлении XVIII в. // Русский яз. кон. XVII — нач. XVIII в. СПб., 1999; О логике Логоса в сфере ментальности // Мир русского слова. СПб., 2000. № 2; Роль традиц. восприятия слова и символики в создании лит. яз. переводов // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. М., 2000; Источники древнерусской культуры и истоки русской ментальности // Древняя Русь. М., 2001. № 1; Произношение петербургское // Три века СПб. Осьмнадцатый век. Кн. вторая. СПб., 2001; Слово и дело: Из истории русских слов. СПб., 2004; Преображение слова. СПб., 2006; Становление новой философии: Гр. Сковорода // Сковорода Григорий: ідейна спадщина й сучасність. Київ, 2006; и мн. др. Полную библиографию работ К. см. в кн.: Аверина С. и др. Проф. Владимир Викторович Колесов: Библиогр. указатель научн. трудов (к 75-летию автора). СПб., 2009.

Лит.: Проф. Владимир Викторович Колесов: Библиогр. указатель. Самарканд, 1988; Динамика русского слова: Сб. к 60-летию проф. В. В. Колесова. СПб., 1994; Дмитриев П., Мокиенко В. О трудах проф. В. В. Колесова по слав. и общ. языкознанию // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПб., 1995. Вып. 2; Семенюк О. Дослідження сучасного російського мовлення в працях В. В. Колесова // Східні слов'яни: мова, історія, культура. Вип. 4. Ніжин, 2002; Владимир Викторович Колесов (к 70-летию со дня рождения) // Научн. докл. Высш. шк. Филол. науки. 2004. № 2; Зеленин А. Гимн учителю // Мир русского слова. 2004. № 1; Грани русистики: филологич. этюды: Сб., посв. 70-летию проф. В. В. Колесова. СПб., 2004; Проф. Владимир Викторович Колесов. СПб., 2004; Пименов Е., Пименова М. Владимир Викторович Колесов // Концепт: образ, понятие, символ. Кемерово, 2004; Морозова Е., Попов М. В. В. Колесов — проф. СПб. ун-та. К 70-летию со дня рождения // Вестник СПбГУ. Сер. 9. СПб., 2004. Вып. 1; Профессора СПбГУ. СПб., 2004; Бурыкин А. Творч. портрет ученого. Проф. В. В. Колесов // Мир русского слова. СПб., 2006. № 2; Рогожникова Т. Русское слово в лингвистич. тв-ве В. В. Колесова // Вестник Омского ун-та. 2007. № 1; Пименова М. и др. Владимир Викторович Колесов // Ментальность и изменяющийся мир. Вып. 1. Севастополь, 2009; Аверина С. и др. Профессор Владимир Викторович Колесов: Библиогр. указатель научн. трудов (к 75-летию автора). СПб., 2009.

Д. Демидов, Д. Колесова

КО́ЛКЕР Юрий Иосифович [14.3.1946, Л-д] — поэт, прозаик, лит. критик.

Отец — инженер, мать — домохозяйка. «Я родился <...> в семье инженера, не слишком интеллигентной. Образование матери исчерпывалось



десятью классами да курсами медсестер в Финскую войну; в юности она сочиняла стихи. Отец, родом из Одессы, из мелкой буржуазии, в годы нэпа выучился в Германии на инженера-электрика; к литературе и истории был равнодушен. Родители познакомились в Берлине, где мать девчонкой жила со своим отцом, сотрудником советского торгового представительства Федором Ивановичем Чистяковым. Дед, родом из крестьян, работал в Петербурге в артели печатников и при большевиках сделал изрядную карьеру; из Германии он вернулся с вопросом: "Отчего *мы* не можем?!", — но умер в 1935 году своей смертью. В моей семье не было репрессированных» (**Автобиография** // Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг.).

Учился в школе № 52 на Петроградской стороне, позднее перевелся в веч. школу рабочей молодежи: «Учился я хорошо; точнее — получал пятерки и четверки. Из предметов любил историю (рано увлекся античностью), литературу (с оговорками), математику и химию».

С детства пишет стихи. «Стихи я начал сочинять раньше, чем научился писать: в 1952 году. До 1960 года не показывал их никому. Первым чтением были Пушкин и Лермонтов. В 1958 году я увлекся Виктором Гюго в переводах; прочел *с примечаниями* от корки до корки его советский пятнадцатитомник 1956 года. Следующим увлечением стал в 1959 году Блок» (Там же). В юности

посещал ЛИТО при Дворце пионеров под рук. Н. Грудининой («где чувствовал себя беспризорником рядом с детьми из культурных семей, держался особняком, ни с кем не подружился»), в нач. 1970-х — ЛИТО Гл. Семенова в Выборгском ДК и ЛИТО А. Кушнера при фабрике «Большевичка». В 1972–75 несколько стих. К. опубл. в ж. «Нева», «Студенческий меридиан», «Звезда Востока» (Ташкент), «Простор» (Алма-Ата), «Неман» (Минск), в альм. «Молодой Л-д». К. готовил к печ. в ЛО изд-ва «Сов. писатель» сб., однако он был отклонен по политич. мотивам.

После школы: «Меня тянуло на исторический факультет университета. Чем дальше, тем больше я обожал античность, пытался сам учить латынь. В семье меня не поддержали. «Кем ты будешь? Школьным учителем?» Эта перспектива пугала меня пуще армии; я знал, что преподавать не смогу. Опереться было не на кого; сделать же ставку на писательство в голову не шло; дух времени был ясен: с такой фамилией — не пустят. Ни одного гуманитария, кроме Грудининой, не маячило и на горизонте; Грудинина пробовала говорить с матерью о моем будущем; результатов это не принесло. Отпугивал меня университет еще и тем, что я писал с ошибками и плохо запоминал исторические даты. Усидчивости — не хватало. Детскую гиперактивность, чередование взлетов и падений, я не преодолел до старости» (Там же). В 1969 с отличием К. окончил физико-механический фак-т Политехнического ин-та. В 1969–71 работал науч. сотрудником в Агрофизическом ин-те, в 1971–80 — в НИИ Гидротехники и мелиорации. Окончил аспирантуру, защитил канд. дис. В 1980 получил от КГБ устное предупреждение с угрозой ареста по статье 190–1, был вынужден оставить работу по специальности в связи с попытками эмигрировать.

С 1980 работал сменным мастером, затем — оператором газовой котельной вместе с Б. Ивановым, В. Долининым и А. Кобаком. Вошел в круг неофиц. литераторов и художников. Участвовал в «Гумилевских чтениях» и печ. в сб. по мат-лам чтений. Печ. в самиздатских ж. «Часы», «Обводный канал», «Диалог», «Молчание» и за границей — в ж. «Континент» (с 1981), «Страна и мир», в газ. «Русская мысль», в антологии «У Голубой лагуны» и др. Выпустил самиздатские сб. **«Послесловие»** и **«Ex adverso»**.

В 1981–83 подготовил двухтомное комментированное изд. стих. В. Ходасевича, кот. циркулировало в самиздате, а затем в 1983 было изд. в Париже. Посвятил Ходасевичу программную ст. **«Айдесская прохлада»**, вызвавшую полемику в ж. самиздата. 30 мая 1981 организовал у себя дома (ул. Войнова, 7) конференцию, посвященную 95-летию со дня рождения Ходасевича, выступил на ней с двумя докладами.

К. был одним из составителей поэтич. антол. «Острова» (1982). «*Часовщики* затеяли для самиздата антологию неподцензурной ленинградской поэзии и пригласили меня в число составителей. Конечно, и тут был коллектив, но зато уж дело-то литературное. Я с радостью согласился. Почему выбрали меня? Нужен был отъявленный консерватор — для равновесия, ибо почти вся *вторая литература* дудела в авангардистскую дуду. Консерватором я заявил себя со всею определенностью при подготовке двухтомника Ходасевича; мою декларацию услышали. Правее меня в эстетике была только стенка. Однако ж тон в компании составителей задавал самый левый из нас, авангардист Эдуард Шнейдерман, всё более и более направлявший это предприятие, в то время как я, уступая шаг за шагом, к антологии остывал. Двое других составителей были Вячеслав Долинин (левоцентрист) и Светлана Вовина (Востокова, Нестерова; правоцентристка). Сборник готовился год с небольшим, сложился к середине 1982 года; назван был *Острова*, разошелся в самиздате. В эмиграции я пытался его напечатать, но не сумел» (Там же).

В 1982 вошел в группу, кот. выступила с инициативой офиц. учреждения Лен. об-ва по изучению еврейской культуры (инициатива не была одобрена властями; об-во существовало на нелегальном положении). В 1982–84 — один из редакторов самиздатского альм. «ЛЕА» («Ленинградский еврейский альманах»), печ. в нем под псевд. Михаил Идельсон, Г. Р–н.

Отказавшись в поэтич. тв-ве от авангардных поисков, К. последовательно провозгласил себя консерватором и «пассеистом». В качестве духовных ориентиров избрал философскую лирику Е. Боратынского и В. Ходасевича. В формальном отношении его стихи впитали в себя опыт акмеистов и перекликаются с лучшими образцами советской поэзии. Они эмоционально сдержаны, композиционно выверены и строги по форме. Классич. образы прежних эпох нередко переплетаются в них с прозаическими реалиями сегодняшнего дня, мн. строки связаны с СПб.

В июне 1984 после неск. отказов получил разрешение на выезд с семьей в Израиль. «Затевая отъезд, мы <...> мечтали об Австралии: подальше от большевиков. Однако первое же соприкосновение с отказницкими кругами привело нас к мысли, что проехать мимо Израиля стыдно; тысячи людей поколениями сидели на чемоданах с мечтою о нем, а большевики говорили: "Не отпускаем, потому что евреи едут мимо". Против своего желания, по велению совести, мы сказали себе: если выпустят — поедем в Израиль» (Автобиография). В 1984–89 жил в Иерусалиме. Работал в лаборатории биофизики растений Иерусалимского ун-та. Печатался в израильских русскоязычных изд. «Двадцать два», «Кинор», «Форум», «Круг». Был редактором 26 тома «Еврейского самиздата», выпущенного Еврейским ун-том в Иерусалиме, куда вошли материалы четырех первых номеров «ЛЕА». К. много печатался в т. ч. и в самых престижных изд. и практически во всех странах, где читают по-русски. Его ст. публиковали «Алеф» (Тель-Авив), «Бостонский марафон» (Бостон), «Вестник» (Балтимор), «Горизонт» (Денвер), «Евтерпа» (Бостон), «Зарубежные записки» (Мюнхен), «Континент» (Париж), «Космополит» (Бостон), «Крещатик» (Германия), «Лондонский курьер» (Лондон), «Независимая русская газета» (Лондон), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Окна» (Тель-Авив), «Панорама» (Лос-Анджелес), «Русская мысль» (Париж) и др. Кроме стихов К. публиковал лит. очерки, критику, воспоминания.

Выпустил неск. кн. стихов, среди них **«Послесловие»** (Иерусалим,

1985), «**Антивенок**» (Иерусалим, 1987), «**Далека в человечестве**» (М., 1990), «**Завет и тяжба**» (СПб., 1993), «**Ветилуя**» (СПб., 2000), «**Сосредоточимся на несомненном**» (СПб., 2008), две книги лит. очерков «**Айдесская прохлада**» (СПб., 2008) и «**Усама Велимирович**» (СПб., 2006) и кн. воспоминаний «**Из песни злого не выкинешь**» (СПб., 2008). Горькая ирония звучит в словах К. об этом периоде: «Все мои лучшие стихотворные подборки 1990-х годов появились в журнале *Звезда*. Печатали меня так охотно и так быстро, что я возомнил, будто во мне ценят поэта. Бывало, и просили стихов. Последующее показало, что стихи здесь были ни при чем: это была чистой воды кумовщина кружкового журнала. Меня печатали, потому что считали своим».

В. Казак так говорит о поэзии К.: «Стихи его восходят к философской лирике Е. Баратынского и В. Ходасевича. Колкер опирается также на опыт акмеистов. По форме стихи его подчёркнуто строги, сдержанны и классичны; композиционно они просты и выверены. Колкер принадлежит к немногим современным русским поэтам, которые полностью отказались от ассонансной рифмы. Стихи Колкера отличаются сдержанностью, он вовсе не использует физиологических деталей. Его тема — боль, отчаяние в человеческой жизни; поиски добра, взаимопонимания. Трезво и беспристрастно Колкер наблюдает события внешнего мира — и открывает в них духовные измерения; стремится соединить между собой людей, времена, земное и неземное. Он избегает всякой искусственности, равно как и языковых экспериментов, придает своим мыслям музыкальность, отчётливость и простоту, допускающие, однако, различные толкования».

Девять кн. К. издал как редактор и переводчик.

С кон. 1989 К. живет в Лондоне. Работает на русской службе радио Би-Би-Си, публикует стихи, эссе, критич. и литературоведческие ст. (К. написал однажды: «Литературоведение как литература о литературе, в высших своих проявлениях подымающаяся до философии»). С 1990-х печ. в России. Неоднократно приезжал в СПб. Впечатления от «взгляда издалека» звучат в следующих словах К.: «Драгоценнейшее достояние России, ее истинное национальное богатство, средоточие ее подлинного, а не квасного величия,— язык карамзинистов,— на моих глазах вытесняется испорченным американским. Дело не только в словаре с его уродливыми *имиджами*, *саммитами* и *фандрайзингами*, даже не в наступлении на флексии. Угодничество перед Западом у сегодняшних московитов простирается до интонационной порчи родной речи; смысловое ударение в русской фразе сделалось английским. При сегодняшних темпах разрушения языка с Пушкиным будет покончено через полвека, за вычетом же Пушкина от России останется ровным счетом Малюта Скуратов. Что в ней делать поэту? В таких мыслях я пребываю сейчас, в 2009 году. Я отстраняю мечту о читателе, сегодняшнем и провиденциальном. Не верю ни в того, ни в другого. Служить в оставшиеся мне дни хочу только себе — в духе рекомендаций пушкинского Пиндемонти».

Соч.: Айдесская прохлада (К 95-летию со дня рождения Владислава Ходасевича) // Часы. 1981. № 30; Пассеизм и гуманность // Часы. 1981. № 31; Стихи // Острова: Антология лен. неофициальной поэзии / Сост. А. Антипов, Ю. Колкер, С. Нестерова, Э. Шнейдерман. Л., 1982; У Голубой Лагуны: Антология / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 5б; Стихи // Часы. 1981. № 29, 1983. № 41; Стихи // Обводный канал. 1982. № 3; Стихи // Континент. 1981 № 29, 1984. № 42, 1987. № 52, 1988. № 58; Вольноотпущенники // Обводный канал. 1984. № 6; Ленинградский Клуб–81 // Двадцать два. 1984. № 39; Стихи // Страна и мир. 1984. № 7; 1985. № 1–2; 1986. № 10; 1987. № 5; Послесловие: Стихи 1972–1978 гг. Иерусалим, 1985; Стихи // Двадцать два. 1984–89. № 38, 39, 41, 44, 55, 63; Острова блаженных. Вторая литература и Самиздат в Л-де // Страна и мир. 1985. № 1–2; Годы отказа // Народ и земля. 1985. № 3; Прошлое, никогда не бывшее настоящим // Русская мысль: Лит. прилож. 1986. № 3, июнь; Стихи // Стрелец. 1986. № 7; 1987. № 6, 10, 12; Антивенок: Сонеты. Иерусалим, 1987; Стихи // Грани. 1990. № 156, 157; 1992. № 166; Стихи // Звезда. 1990. № 11; 1995. № 9; 1996. № 8; 1998. № 7; 2000. № 2; Стихи // Аврора. 1991. № 2; Несколько наблюдений [О стихах И. Бродского] // Обводный канал. 1990. № 17; То же // Грани. 1991. № 162; Далека в человечестве: Стихи 1976–89. М., 1991; В кривом зеркале, через запятую; Встречный вопрос // Нева. 1993. № 12; Завет и тяжба. СПб., 1993; Стихи // Нева. 1991. № 4; 1996. № 1; Стихи // Речитатив. 1995. № 2–3; Почему я ретроград // Нева. 1996. № 7; Стихи // Самиздат века / Сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, В. Бахтин, Н. Ордынский. М.; Минск, 1997; Стихи // Топка / Ред. А. Давыденков. СПб., 1997; Жертвы на алтарь эгоизма [О поэзии Е. Шварц] // ЛГ. 1998. № 10; Четвертый Рим в эпоху упадка // Звезда.1998. № 11; Седакова в анатомическом театре // Арион. 1998. № 1; Стихи // Крещатик. 2000. № 1; Ветилуя: Стихи, написанные в Англии. СПб., 2000; Усама Велимирович. СПб., 2006; Клинопись. СПб., 2007; Сосредоточение на несомненном. СПб., 2008; Айдесская прохлада. СПб., 2008; Из песни злого не выкинешь. СПб., 2008; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

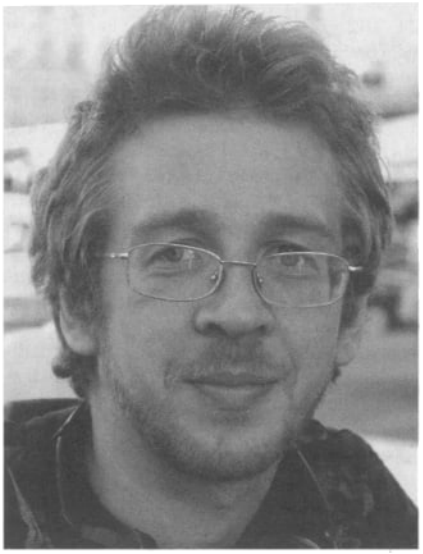
Лит.: Драгомощенко А. Эксгумация мнимой собаки (Замечания о докладе Ю. Колкера «Пассеизм и гуманизм») // Часы. 1981. № 32; Фомин А., Чудиновская Т. [Кобак А., Останин Б.] В тени айдесской прохлады: Поправки к панегирику // Часы. 1983. № 44; Б. Л. [Лихтенфельд Б.] Избр. флориды из произведений Юрия Колкера // Часы. 1986. № 61; Бешенковская О. Мемуарчики, или Вдогонку "Флоридам" // Там же; Stefanovic B., Wertsman V. Free Voices in Russian Literature. 1950s — 80s. A Bio-Bibliographic Guide. New York, 1987; Russian Emigre Literature. A Bibliography of Titles Held by University of California. Complited by A. Urbanic. Oakland, 1993; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Словарь поэтов русского зарубежья / Под общ. Ред. В. Крейда. СПб., 1999; Кузьмин М. Когда бы волк в глаза мне посмотрел... // Смена. 2000. 8 сент.; Лица Петербургской поэзии: 1950–1990-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

Л. Евграфова, А. Бергер

КОЛОДА́Н Дмитрий Геннадьевич [20.11.1979, Л-д] — прозаик.

Закончил биологич. фак-т РГПУ им. А. Герцена (2002). Лит. дебют К. состоялся в 2005 в ж. «Если» — рассказ «**Покупатель камней**», выдержавший позднее ряд переизд.

Дебютный роман К. — «**Другая сторона**» — опубл. в 2008 и получил неск. лит. премий. Написан в стилистике рыцарского романа, со всеми атрибутами жанра. Действие кн. разворачи-



вается в совр. провинциальном городке. Это «больше сказка в стиле А. Грина, чем фантастика в ее общепринятом понимании, или же фэнтези, ушедшая от первоначального жанрового определения куда-то в сторону влюбленной марсианской принцессы и плюшевого бога енотов» (А. Чанцев).

В 2009 вышел из печ. сб. **«Жизнь чудовищ»** (в соавт. с К. Шаинян), в кот. вошли практически все произведения малой формы, напис. К. на тот момент.

В 2010 увидел свет сб. повестей **«Время Бармаглота»**, в кот., кроме заглавной, вошли повести **«Звери в цвете»** и **«Сбой системы»**. Здесь автор следует тому же принципу: «К фантастике я всегда относился как к своеобразной игре. Чему-то вроде похода на блошиный рынок, ради поиска всяческих интересных штук, которые можно потом использовать в собственных конструкциях. Мне любопытно, что получается, когда совмещаешь якобы несовместимые детали». Повесть «Время Бармаглота» — мрачный сюрреалистический триллер в абсурдистских декорациях «Алисы в Стране Чудес» и «Охоты на Снарка» Л. Кэрролла.

К. считается одним из наиболее ярких представителей «шестой волны» (седьмой, по мнению Д. Володихина) отеч. фантастики, причем в ее интеллектуальной части. Автор предпочитает работать в жанре т. н. «weird fiction» — «странной прозы», смешивая различные направления фантастич. лит-ры.

Лауреат неск. лит. премий в обл. фантастич. лит-ры: «Сигма-Ф» (М., 2008), «Странник» (СПб., 2009), «Золотой Роскон» (М., 2009; 2010).

Член лит. семинара Б. Стругацкого.

Соч.: Другая сторона. М., 2008; Жизнь чудовищ / В соавт. с К. Шаинян. М., 2009; Время Бармаглота. М., 2010.

Лит.: Володихин Д. Побег из мегаполиса // Книжное обозрение. 2008. № 18–19; Володихин Д. Волны гасит рынок // Если. М., 2008. № 11; Данилкин Л. Другая сторона // Афиша. М., 2009. № 244; Володихин Д. Седьмая волна фантастики // Знамя. 2009. № 3; Владимирский В. Чудаки спасут мир // Новый мир. 2010. № 10; Чанцев А. Когда птицы встречают рыб // НЛО. 2010. № 105.

М. Тизенгаузен

КОЛПАКО́ВА Наталья Павловна [5(18).4.1902, СПб. — 8.6.1994, СПб.] — фольклорист, прозаик.

Родилась в семье архитектора. В 1919 окончила Демидовскую жен. гимназию и поступила в Лит. студию при изд-ве «Всемирная лит-ра» (окончила с дипломом первой степ.). Среди учителей К. были Н. Гумилев, М. Лозинский, востоковед акад. В. Алексеев, под рук. кот. переводила стихи средневековых китайских поэтов. С 1919 по 1921 — вольнослушательница фак-та обществ. наук при Пг. ун-те, в 1921–24 на Высших курсах искусствознания ВГКИ, с янв. 1926 зачислена в аспирантуру ин-та, где занялась поэтикой А. Фета. В том же году переведена в созданную в ин-те Крестьянскую секцию Соцкома. Актив. участник комплексных летних экспедиций секции на русский Север (1926 — Заонежье, 1927 — Пинега, 1928 — Мезень, 1929 — Печора). По мат-лам экспедиций К. выступила с д-дами о свадебном обряде на р. Пинеге (1927), Мезени (1928), Печоре (1930), о святочных виноградьях на Мезени (1929) и др. Вскоре после заонежской экспедиц. появляются и первые фольклористич. статьи К. — **«Песня на Шуньгском полуострове»** и **«Свадебный обряд на р. Пинеге»**, опубл. в сб. ин-та. Цикл этнографич. очерков К. о Заонежье опубл. в 1925 в петрозаводской газ. «Красная Карелия».

27 марта 1929 К. защитила дипломную работу **«Совр. крестьянская песня на реках Пинеге и Мезени: Ч. 1. Песня игрищная и обрядовая»**, основанную на собств. полевых мат-лах. После защиты получила звание науч. сотр. 1-го разряда и была оставлена в ин-те. С янв. 1927 она секр. секции худож. фольклора, созданной в рамках Словесного отд. В 1930, в результате закрытия отд. ЛИТО, уволена из ин-та. По 1939 К. заведовала биб-ками ряда школ Л-да, не прекращая занятий фольклористикой и участвуя в фольклор. экспедициях: в ноябре 1932 — янв.1933 с сотрудниками ИПИН на Терском берегу Белого моря, в 1937 с Отд. фольклора ИРЛИ в Лен. и Вологодской обл. Осенью 1938 Отд. фольклора ИРЛИ направил К. в Башкирию для рук. науч. фольклор. экспедицией, организованной Совнаркомом Башкирской АССР. В янв. 1939 К. была приглашена М. Азадовским на должность зав. Кабинетом нар. тв-ва при филол. фак-те ЛГУ. 21 нояб. 1941 защитила канд. дис. **«Свадебный обряд Русского Севера»** (диплом канд филол. наук получила только в 1949).

Во вр. Великой Отеч. войны К. оставалась в осажденном Л-де, трудилась в пожарной охране (дежурила на крышах домов и тушила зажигательные бомбы), выступала в воинских частях и в госпиталях. Выезжая на фронт, записывала фронтовой фольклор: уже в 1941 в ж. «Ленинград» (№ 10, 15) напеч. подборка частушек, собранных ею в Лен. обл., в 1943 опубл. сб. **«Частушки Ленинградского фронта»**; в 1984 заметка **«Песня о Ладоге»** (сб. «Традиционный фоль-

клор в совр. худож. жизни». Л., 1984). С мая 1942 по май 1943 К. работала зав. биб-кой парткабинета Володарского райкома КПСС, затем переведена на должность зав. Студией начинающего автора при ЛО ССП. Член ССП с 1943. С окт. 1943 по 1948 читала лекции по устному нар. творчеству в ЛГПИ. После возвращения ЛГУ из эвакуации в 1945–47 вела на филфаке практич. занятия по фольклору.

В 1946 К. вернулась в ВГКИ, где работала ст. науч. сотр. вплоть до ликвидации Кабинета фольклора в янв. 1952. Совм. с Н. Жемчужиной, Л. Кершнер, В. Коукаль участвовала в экспедициях 1944–48 в Лен. обл. (отчеты в ж. «Сов. музыка»: 1950. № 9; 1953. № 10).

1 авг. 1953 принята в кач-ве ст. науч. сотр. на работу в Сектор устного нар. тв-ва ИРЛИ. В 1953–54 возглавила фольк. экспедиции ИРЛИ в Поволжье; в 1955 и 1956 на Печору, в 1958 на Мезень. Мат-лы, собранные К., вошли в фундаментальные тома: «Русские народные песни Поволжья. Вып. 1. Песни, записанные в Куйбышевской обл.» (М.; Л., 1959); «Былины Печоры и Зимнего берега (Новые записи)» (М.; Л., 1961), «Песни Печоры» (М.; Л., 1963) и «Песенный фольклор Мезени» (Л., 1967), а также сб. «Народные песни Вологодской обл. Сб. фонографических записей под ред. Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд». Л., 1938 (запись текстов совм. с А. Астаховой); «Волжские частушки» (Куйбышев, 1955); «Рубцов Ф. Народные песни Ленинградской обл.» (М., 1958); в тома серии «Былины» Свода русского фольклора, издаваемые ИРЛИ (Былины Печоры. Т. 1–2. СПб.: Наука; М.: Классика. 2001). Аннотированная картотека собранных К. песен насчитывает ок. 3 тыс. текстов, общ. каталог, составл. ею, охватывает 40 тыс. текстов.

Особую ценность представляют экспедиц. дневники К. с ее рисунками, запечатлевшими быт, пейзажи, деревенские постройки, утварь и пр. К. знаток и собиратель рукотворных изделий народных мастеров — игрушки, прялки, ковши, берестяные туески, керамика, традиционный костюм и пр. Многое из ее коллекций передано в ГРМ.

В 1963 вышла в свет монография К. **«Русская народная бытовая песня»**, представленная в кач-ве докт. дис. (защита 19.12.1963 (оппоненты — В. Адрианова-Перетц, А. Евгеньева, Н. Мещерский).

К. принимала участие в колл. тр. «Русское народное поэтич. тв-во» (т. 2, кн. 1. М.; Л., 1955), «Русский фольклор. Мат-лы и иссл.» (т. 2–11. М.; Л., 1957–64, 1966, 1968); «Устная поэзия рабочих» (М.; Л.,1965); «Лит. наследство». Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые мат-лы из архива П. В. Киреевского (М., 1968); «Фольклор и худож. самодеятельность» (Л., 1968) и др.

К. написан ряд очерков и повесть **«За Красный Север»** (печ. в 1935–37). Она вела актив. публикатор. и популяризатор. деятельность, будучи автором обработок фольк. произведений для детей и составителем сб. аутентичного фольклора, кот. выходили большими тиражами, как правило, богато иллюстрированные (Ю. Васнецов, Б. Калаушин и др.): «Ерши-малыши» (масса изданий с 1964, на яз. народов СССР и мн. иностранных); «Золотые зерна. Загадки и пословицы народов СССР» (М.; Л., 1947); «Солнце над чумом» (М.; Л., 1950); «Гори-гори ясно» (М.; Л., 1953); «Гусли-самогуды. Народные песенки и потешки» (Л., 1961, 1967, 1981); «Ой-ду-ду» (Л., 1969; изд. в Финляндии, Германии, Франции, Японии); «На Буяне, славном острове. Сб. русского фольклора» (М., 1976). Перу К. принадлежат популярные книги о фольклоре и собирателях: **«Книга о русском фольклоре»** (Л., 1948; пособие для учащихся сред. школы; перевод на чеш. яз: Прага, 1953); **«Охотники за песнями»** (М., 1962); **«Песни и люди: О русской народной песне»** (Л., 1977), **«А мы просо сеяли. Очерки об устной поэзии крестьян-земледельцев»** (Л., 1984) и др. На стихи К. Ф. Рубцов создал неск. романсов (лирич. стих-я К. публ. в периодике 1920–30-х).

Награждена медалями «За оборону Л-да» и «За доблестный труд в Великой Отеч. войне».

Архив: ИРЛИ. Р. V, к. 32; ЦГАЛИ. Ф. 82, оп. 3.

Соч.: Неизданный Фет // Поэтика: Сб. ст. Л., 1926; Свадебный обряд на р. Пинеге // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. II: Пинежско-Мезенская экспед. Л., 1928; Старая и новая Карелия в частушке. Петрозаводск, 1937 (сост. совм. с А. Астаховой); Песни сов. Поволжья // Сов. музыка. 1951. № 2 (в соавт. с Н. Жемчужиной); Народные песни Урала // СМ. 1952. № 7 (в соавт. с Н. Жемчужиной); Русская народная игровая песня // Русский фольклор. Вып. III. М.; Л., 1958; Опыт классификации традиц. крестьянской бытовой песни // РФ. Вып. V. М.; Л., 1960; Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1963; Варианты песенных зачинов // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1960; Лирика русской свадьбы. Л., 1973; У золотых родников. Записки фольклориста. Л., 1975 (СПб., 2002); Путевой дневник (Записки науч. рук. фольклорной экспед. 1938 г. в юго-восточные р-на Башкирии) // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1976. Вып. 3; Уральский дневник // СЭ. 1979. № 6; Пейзаж в тв-ве северных певцов // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. Библиография работ К. см.: Колпакова Н. У золотых родников. Записки фольклориста. СПб., 2002.

Лит.: Астахова А. Колпакова Н. П. // КЛЭ. Т. 3. М., 1966; Мельц М. К 70-летию Н. П. Колпаковой // РФ. Т. XIV. Л., 1974; Лойтер С. По мотивам и на основе фольклора // О лит-ре для детей. Л., 1976. Вып. 20; Гусев В. Очарованная странница // Живая старина. 1994. № 4; Иванова Т. История русской фольклористики XX в.: 1900 — первая пол. 1941 г. СПб., 2009; Выдающиеся собиратели народного искусства. СПб., 2011.

А. Некрылова

КОЛЬЦО́В Михаил Ефимович (наст. фамилия — Фридлянд) [31.5 (12.6). 1898, Киев — 2.2.1940 (по др. данным — 4.4.1942), М.] — публицист, журналист, прозаик.

Родители — Фридлянд Ефим Моисеевич, ремесленник-обувщик, и Рахиль Савельевна. После переезда родителей в Белосток учился в реальном училище, где вместе с младшим братом Борисом изд. рукописный школьный ж.: брат (будущий художник и карикатурист Б. Ефимов) иллюстрировал изд., Михаил — редактировал.

В 1915 поступил в Психоневрологический ин-т в Пг. Печататься в газ. начал с 1916.

Активный участник Февральской и Октябрьской революций. С нач. 1917 сотрудничал в пг. ж. В февр. 1917 в брошюре **«Как Россия освободилась»** (под псевд. Мих. Ефимо-

вич) восторженно оценивал создание Временного правительства и роль А. Керенского.

Член РКП(б) с 1918 (по реком. А. Луначарского), в том же году заявил о выходе из партии, открытым письмом в «Киногазете» объясняя, что ему не по пути с сов. властью и её комиссарами, однако в конце того же года оказывается в занятом германскими войсками Киеве в составе сов. дипломатической миссии.

В нач. 1918 возглавлял группу кинохроники Наркомата просвещения. С 1919 служил в Красной Армии, сотрудничал в одесских газ. и в киевской армейской газ. «Красная Армия». С 1920 работал в отделе печати Наркомата иностр. дел. Спецкорр. ряда периодич. изд., в т. ч. газ. «Правда» (1922–38). Много работал в жанре политич. фельетона. Часто выступал с сатирич. мат-лами и был самым изв. журналистом СССР.

Бичуя явления действительности, высмеивая бюрократов и приспособленцев (сатирич. новелла **«Иван Вадимович, человек на уровне»**, 1933; фельетоны **«Кампанейские люди»**, 1927, **«К вопросу о тупоумии»**, 1931, и др.), разоблачая врагов сов. власти (фельетоны и очерки **«Хлестаков у Гатчины»**, 1922, **«В норе у зверя»**, 1932, **«Димитров обвиняет»**, 1933, и др.), К. в то же время был мастером и «положительного» фельетона, запечатлевшего характерные черты нового об-ва, борьбу народа за новую жизнь (**«145 строк лирики»**, 1924, **«Рождение первенца»**, 1925, **«Дача — так дача!»**, 1929, **«Мужественный, сильный боец. Памяти Н. Островского»**, 1936, и др.).

Основатель и ред. ж. «Огонёк», ред. ж. «За рубежом», член редколлегии «Правды» и «За рулем», рук. журнально-газ. объединения. Создатель сатирич. ж. «Крокодил». Создатель и бессменный гл. ред. юмористич. ж. «Чудак», в кот. вёл пост. рубрику «Календарь Чудака».

В бытность редактором «Огонька» (1927) придумал и реализовал уникальный лит. проект — создание колл. романа-буриме **«Большие пожары»**. 25 писателей и журналистов (в т. ч. К.) последовательно пишут по одной главе, кот. тут же печатаются в ж. Роман получился интересный, однако для того историч. периода нежизнеспособный: в случае ареста хотя бы одного участника роман изд. не будет. Репрессировано оказалось шестеро, отд. кн. «Большие пожары» вышли только в 2009.

Руководитель иностранного отдела в СП СССР. Посетил многие страны мира, из них некоторые нелегально. Делегат международных конгрессов в защиту культуры в Париже (1935) и в Барселоне (1937, рук. сов. делегации). С 1938 — депутат Верховного Совета РСФСР. В 1938 сессия АН СССР избрала К. чл.-корр., хотя он не имел высшего образования.

Написал около 2000 газ. ст. на актуальные темы внутренней и внешней политики. С 1928 по 1936 трижды выходили его многотомные собр. соч. По словам В. Казака, «он показал себя мастером фельетона, образного, сжатого, захватывающего стиля, кот. иронией, парадоксами и гиперболами блестяще усиливал политическую направленность его произведений».

В 1936–39 направлен в Испанию как корр. «Правды» и одновременно негласный полит. представитель властей СССР при республиканском правительстве. В Испании активно участвовал в событиях как организатор сопротивления мятежникам. Испанские газ. репортажи послужили основой кн. **«Испанский дневник»** (1938), где о легальной части своей работы К. рассказал от первого лица, а о тайной — как о деятельности мексиканского коммуниста Мигеля Мартинеса. Проводя линию Сталина в международном рабочем движении, в публикациях дискредитировал «троцкистов», обвиняя их в т. ч. в том, что они находятся на службе у Фаланги и фашизма. В романе Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» К. выведен под именем Каркова.

В 1938 был отозван из Испании и в ночь с 12 на 13 дек. того же года арестован в редакции газ. «Правда». Как и многие, К. не выдержал пыток и оговорил более семидесяти человек. 1 февр. 1940 был приговорён к смертной казни по обвинению в шпионаже. В справочниках 1960–70-х указываются иные годы смерти — 1942 и 1938. В 1954 реабилитирован.

Вместе с М. Горьким подготовил сб. «День мира» (1937).

Награжден орденом Ленина, орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалями.

С 1956 произведения К. вновь стали широко изд. в СССР. Однако мн. ст. и фельетоны 1920-х остаются не переизд.

Соч.: Избр. произв.: В 3 т. / Вст. ст. Д. Заславского. М., 1957; Писатель в газете. Выступления, статьи, заметки. М., 1961.

Лит.: Русские сов. писатели-прозаики. Биобиблиографич. Указатель. Л., 1964; Михаил Кольцов, каким он был. Воспоминания, М., 1965; [Гуральник У.]. Михаил Кольцов // История русской сов. лит-ры. 2 изд., М., 1967; Рубашкин А. Михаил Кольцов. Критико-биографич. очерк. Л., 1971; БСЭ. М., 1969–78; Медовой Б. Михаил и Мария: Повесть о короткой жизни, счастливой любви и трагической гибели М. Кольцова и М. Остен. М., 1991; Казак В. Лексикон русской литературы XX в. М., 1996.

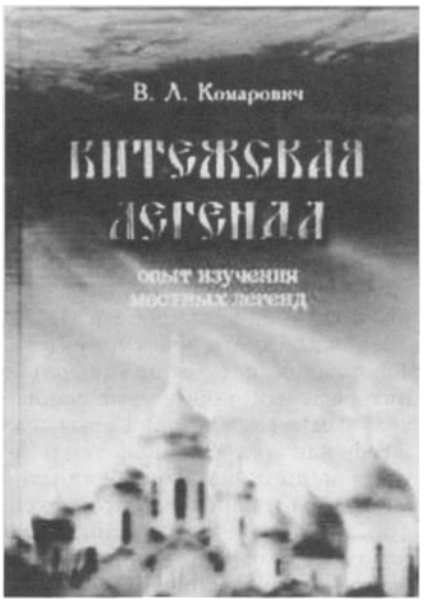
КОМАРО́В Александр Юрьевич [4.9.1945, Л-д] — поэт.

После окончания ср. школы был призван в сов. армию. После демобилизации работал на з-де «Светлана» токарем, затем наладчиком оборудования.

С 1972 — журналист, сотрудник многотиражных газ. «Ижорец», «Электроприбор», с 1992 — независимый журналист.

Член СП России с мая 1991.

Перв. публ. стихов состоялась в колл. сб. «Моя Светлана» (Л.: Лениздат, 1965). Печ. в ж. «Нева»



(1973. № 10; 1980. № 6), «Аврора» (1983. № 9; 1994. № 3–4), «Речитатив» (1997. № 2), «Звезда», «Дружба» и др., в колл. сб. и альм. «Молодой Л-д» (1971, 1973, 1980, 1981), «День поэзии» (1971, 1972, 1981, 1982, 1987, 1989), «Новые голоса» (1967), «Первая встреча» (1980), «Невские просторы» (1986), «Балтийский берег» (1988), «Молодые поэты Л-да» (1984), «Молодая гвардия», в газ. «Веч. Л-д», «Смена», «Лужская правда» и др.

Соч.: Штрихи: Стих. Л., 1984; Стихотворения. Л., 1992; Третьи часы: Стих. СПб., 1997; Средний возраст: Стих. СПб., 2004.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КОМАРО́ВИЧ Василий Леонидович [1(13).1.1894, Воскресенск Макарьевского у. Нижегородской губ. — 17.2.1942, Л-д] — литературовед, текстолог.

Отец — врач польского происхождения, мать — русская дворянка. В 1912 К. закончил первую классич. нижегородскую гимназию; в 1917 — славяно-русское отд. историко-филологич. фак-та Пг. ун-та, где занимался в семинариях С. Венгерова, А. Бороздина, Н. Пиксанова. Первые публ. относятся к 1916. Весной 1917 оставлен при каф. русской лит-ры ун-та для подготовки к профессорскому званию. Летом 1917 командирован в Моск. Исторический музей для исследования рукописей Достоевского. В нояб. 1917 в итоге переписки с А. Г. Достоевской получил доступ ко всем мат-лам архива.

В 1918–23 преподавал в Нижегородском ун-те и Ин-те народного образования, где прочитал учебные курсы: **«Пушкин и его плеяда»**, **«Расин и его современники»**, **«Гоголь и его школа»**, **«Лит. направления 1830-х и 1840-х гг.»**, **«Русская классическая трагедия XVIII в.»**, **«"Слово о полку Игореве" (чтение и комм. текста)»**, **«Достоевский, его жизнь и произведения»**. Во время наездов в Пг. сдал магистерские экзамены. В 1923–28 преподавал в Пг. (Лен.) ун-те и Гос. ин-те истории искусств (ГИИИ). В те же годы напис. более десятка работ о тв-ве Достоевского. В 1919 заключил договор с изд-вом «Огни» на кн. о писателе объемом 12 печ. л.; в окт. 1923 кн. К. о Достоевском была включена в план изд-ва «Academia» при ГИИИ. Ни один из проектов не осуществился. К. так и не смог собрать свои статьи в отд. издание, что затрудняет изучение его наследия.

Летом 1921 К. приступил к описанию, исследованию и публикации мат-лов архива Достоевского в ПД. В перв. пол. 1920-х, когда рукописный фонд Достоевского из Истор. музея был передан в Центр. архив РСФСР и дополнен рядом мат-лов, К., наряду с др. учеными, начал обработку и этого архива, кот. вскоре, со всеми сделанными комм., был продан сов. властью мюнхенскому изд-ву «Пипер». В результате подготовительные мат-лы к романам «Подросток» и «Братья Карамазовы» с комм. К. впервые были опубл. на немецком яз. в кн.: «Der unbekannte Dostojewski». Munchen, 1926 («Неизвестный Достоевский». Мюнхен, 1926) и «F. M. Dostojewski. Die Urgestalt der Bruder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwurte und Fragmente. Erlautert von W. Komarowitsch». Munchen, 1928 («Ф. М. Достоевский. Первообраз "Братьев Карамазовых": источники, планы и фрагменты Достоевского». Комм. В. Комаровича. Мюнхен, 1928).

В 1920-е в круг общения К. в Л-де входили Б. Томашевский, И. Аничков, Е. Иванов, В. Пяст, С. Аскольдов, А. Никифоров, Г. Блок, В. Гиппиус и мн. др. В 1923 К. ездил в Оптину пустынь к старцу Нектарию. По устному свидетельству Д. Лихачева, К. был православно верующим христианином и в 1920–30-е регулярно посещал храм, что препятствовало его устройству на офиц. должность, особенно преподавательскую. В 1925–28 читал лекции в религиозно-филос. Об-ве «Братство Серафима Саровского», кружках «Хельфернак» и «Космическая Академия наук», за что в 1928 был арестован и выслан в Н. Новгород на три года.

В 1920–30-х в лейпцигском «Zeitschrift fur slavische Philologie» («Ж. славянской филологии») К. опубликовал три немецкоязычных обзора текущей исследовательской лит-ры о Достоевском.

По возвращении в Л-д в нач. 1930-х К. нашел ПД преобразованным в Ин-т рус. лит-ры. В условиях унификации методологич. многообразия 1920-х в марксистско-ленинском духе К. практически отказался от работы над Достоевским и занялся переводами (для собр. соч. Стендаля), ред. готовящихся в ИРЛИ изданий (отд. томов из собр. соч. Пушкина, Гоголя), составлением сб. в изд-ве «Сов. писатель» («Стихотворения Д. В. Веневитинова», «Поэты-петрашевцы»), подгот. текста и комм. к готовившемуся в ГИХЛ Полн. собр. соч. Н. Добролюбова и т. п.

Оригинальные исследования К. в этот период связаны с общими институтскими планами: в связи с работой над юбилейным собр. соч. Пушкина (1937) появляются три статьи о его поэмах. В год юбилея Лермонтова вышла статья **«Автобиографическая основа "Маскарада"»** (1941) (Лит. наследство. Т. 43–44. М., 1941), в кот. вместе с «творческой историей» текста рассматриваются автобиограф. основа конфликта и переклички с западноевропейской драматургией. Осн. работа ученого сосредоточилась в обл. древнерусской лит-ры, интерес к кот. возник еще в годы студенчества.

К. участвовал в составлении картотеки Древнерусского словаря Ин-та языка и мышления АН СССР. С 1933, не будучи штатным сотрудником, влился в науч. жизнь Отдела древнерусской лит-ры ИРЛИ. В перв. пол. 1930-х продолжал исследование легенды о граде Китеже, защитил в ОДРЛ канд. дис. по этой теме, в 1936 издал ее на базе ПД в виде монографии. С 1937 ОДРЛ включился в подготовку 10-томной «Истории русской лит-ры», в первых двух томах кот. К. написал неск. глав. Увидел напечатанной только часть своей объемной работы (I-й том вышел в 1941, II-й — после смерти автора). То же относится к отд. статьям К. по древнерусской лит-ре. Остается неопубл. почти готовая докт. дис. К. **«Русское областное летописание XI–XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора»**, над кот. он трудился до посл. дня жизни в блокадном Л-де.

Дружеский круг в 1930-е К. находил в доме Б. Томашевского и И. Медведевой, где собирались М. Лозинский, Н. Анциферов, Л. Гинзбург, С. Бонди, А. Ахматова, Г. Гуковский, Д. Лихачев и др. Устные свидетельства донесли человеч. облик К. как «незаурядной личности», бескомпромиссной и бескорыстной, «побега дворянской культуры» России, всегда «безукоризненно одетого», с «властной, авторитетной и вместе с тем изящной» манерой речи, «необыкновенно образованного, со знанием иностранных языков и европейской литературы», считавшего себя «поздним славянофилом», страстного охотника (Д. Лихачев); «очень талантливого» со «своеобразным характером в духе героев Достоевского» (К. Муратова); «красивого мужчины, с благородным лицом, умными, несколько лихорадочными глазами, среднего роста, худощавого, с бородкой клинышком», чем-то напоминавшего Алешу Карамазова (К. Чистов, З. Томашевская). В 1920-е на его лекции в ЛГУ «студенты ходили толпами» (Д. Лихачев), в 1930-е на заседаниях Отдела древнерус. литры и Отдела фольклора в ИРЛИ «все ждали его выступлений»-содокладов, кот. были «не только интересными, но и весьма основательными» (К. Чистов). К. вызывал к себе как восторженное, так и неприязненное (из-за особенностей характера и нередкого превосходства над оппонентами) отношение; «врагом» К. был А. Долинин, будто бы воспользовавшийся его мат-лами по «Подростку» Достоевского во время ссылки К. в Н. Новгород (Д. Лихачев). И. Ямпольский вспоминал, что оба ученых в 1930-е «оспаривали друг у друга приоритет на издание черновых рукописей "Братьев Карамазовых"».

В блокаду, не имея трудовой продовольств. карточки (из-за отсутствия офиц. должности), К. страдал от голода больше своих коллег, однако писал до посл. дня, несмотря на истощение. К сер. февр. 1942 у К. уже не было сил эвакуироваться по открывшейся «дороге жизни» через Ладожское озеро. И. Медведева отвезла на санках брошенного близкими К. в стационар для больных членов СП, где он вскоре умер. Место захоронения неизв.

Мировоззренч. основы исследований К. следует искать в Серебряном веке: это, в первую очередь, опора на А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, неокантианцев, Вяч. И. Иванова. Так, представление о двойственной природе личности Достоевского и его героев восходит у К. к учению Шопенгауэра о противоречии между «мировой волей» и человеческим разумом (рассудком). К. строит свою «схему» духовной жизни писателя: выявляя неск. «духовных перерождений» на протяжении жизни Достоевского, он считает их бессознательными «волевыми актами», независимыми от интеллектуальной работы; духовная жизнь Достоевского лишена поступательной непрерывности — «экстатический» художник, подверженный мгновенным мистич. озарениям, спустя время осмысляет и приспосабливает их к условиям земной реальности. Здесь исток «пневматологического» метода К.: поэтика, психология и идеология писателя определяются типом его «духовной организации», ритмом его духовной жизни. При этом шопенгауэровскую бессмысленную инстинктивную «волю к жизни» К. соединяет с телеологизмом христианского вероучения — и в духовной судьбе Достоевского обнаруживается «воля как религиозное начало личности», стремление к Богу, вступающее в трагич. противоречие с сознательным индивидуально-ограниченным разумом-рассудком писателя, одним из модусов кот. является «мечтательство» как увлеченность социально-гуманистич. утопиями 1840-х.

В статьях К. заметны следы эстетич. идей Ницше, в ряде случаев восходящих к Шопенгауэру: «аполлоновское» (созерцательно-разумное) и «дионисийское» (связанное с катастрофич. мистикой «мировой воли») искусство, возможность «оправдания мира» лишь в «аполлоновской» эстетич. созерцательности. Осмысляя Достоевского в названных категориях, К. говорит о духовном «дионисизме» писателя. К обоим мыслителям восходит и мнение К. о музыке как высшем из искусств, непосредственно выражающем «мировую волю», или, по К., волю к «сверхличному».

Очевидно близки К. идеи главы баденской школы неокантианства Г. Риккерта о двух типах наук — о природе и о культуре; последние ориентированы на познание неповторимых, единичных явлений и кладут начало гуманитарному знанию как таковому. Насущной задачей становится выработка особой методологии гуманитарных наук, в частности разработанного К. метода изучения конкретного шедевра «с точки зрения его индивидуального генезиса», в последовательной смене рукописных и печатных редакций.

Особое влияние оказала на К. кн. ученика Риккерта Б. Христиансена «Философия искусства», русский перевод кот. (СПб., 1911) имел необычайный успех (см.: трактат «Смысл идеализма» П. Флоренского, кн.

«Смысл тв-ва» Н. Бердяева, учение о «доминанте» Р. Якобсона и др.). Актуальными для К. стали мысли о «волевой природе субъекта», «воле как принципе активности», активности как «устремленности к цели». Концепцию худож. произведения как «телеологического единства», состоящего из «напряженности и разрешения», К. положил в основу своих исследований романа «Подросток»: его структуру определяет «закон целесообразной активности», присущий индивидуальному «волевому акту» человеческого «я». Широта эстетич. подхода Христиансена сказалась у К. в уподоблении романа Достоевского полифонич. музыке. К., по сути, предварил концепцию «полифонического романа» М. Бахтина, однако полифония у него не диалог «живых образов идей» персонажей и рассказчиков, а взаимоотношение их индивидуальных воль, разными путями вливающихся (или не вливающихся) в «сверхэмпирическое» единство. Религиозный скептицизм Христиансена остался чужд К.: «сверхэмпирической» целью для него является не автономная «метафизическая глубина» самого человека, а воссоединение личности с Богом.

Сам К. считал себя непосредственным продолжателем Иванова, впервые осуществившего синтез различных приемов историко-лит. исследования: религиозно-философского, биографического и формально-эстетического — в работе **«Достоевский и роман-трагедия»** (1916). В брошюре **«Достоевский. Совр. проблемы историко-лит. изучения»** (Л., 1925), дав очерк истории достоевсковедения в России, наиболее перспективным К. признал универсальный подход Иванова, соединивший «принцип миросозерцания» с «принципом формы», что стимулировало изучение поэтики писателя в 1920-е. Вслед за Ивановым К. писал о «символизме» Достоевского и выделял у него ключевые символы («живая жизнь», «мечтательство», «подполье» и др.), «трагическая коллизия» кот. и порождала, по его мнению, «роман-трагедию» (термин Иванова). В неопубл. лекциях о Достоевском К. говорил о том, что эта жанровая форма, впитав, помимо «психологической и фабулярной», «идеологическую» мотивировку «катастрофы», эволюционировала, начиная с «Преступления и наказания», в «роман-теорему» (термин К.), в кот. филос. проблемы «актуально решаются», однако не в рациональной, а в религиозно-волевой сфере (см.: РО ИРЛИ РАН. Р I, оп. 12, № 833, л. 20–23).

Характерное для К. отождествление Достоевского с его героями восходит к психологическому методу Д. Овсянико-Куликовского (произведение — модель души художника), однако углубленному, с одн. ст., «пневматологией» (душевные особенности Достоевского К. объяснял типом его «духовной организации»), с другой — элементами социологического подхода (индивидуальная душевная жизнь Достоевского 1840-х впитала в себя, по К., и обществ. психологию своего времени — социально-утопическое «мечтательство»). Вслед за Овсянико-Куликовским К. называл Достоевского художником-«экспериментатором».

Вклад К. в методологич. поиск литературоведения 1920-х тесно связан с его текстологич. открытиями и обобщениями. Стоя у истоков российской текстологии, К., наряду с Л. Гроссманом и др., уже с кон. 1910-х пополнял корпус текстов Достоевского (статьи в ж. «Время» и «Эпоха», «Дневнике писателя», вторая часть исключенной IX гл. романа «Бесы» — «У Тихона»), одновременно вырабатывая и уточняя приемы атрибуции и установления канонического текста писателя. Сетуя на недостаточно квалифицированное издание рукописей Достоевского в перв. пол. 1920-х, К. намечал гл. эдиционно-текстологические принципы (точность, обязательную датировку, преемственность в публ. редакций и вариантов), утверждал способность текстологии решать вопросы поэтики: так, причастность романа изв. жанру может быть нагляднее обнаружена в рукописях, чем в законченном тексте («Достоевский. Современные проблемы...»). Резкая критика А. Долинина занимает значительную часть составленного К. текстологич. обзора публ. 1917–33 **«Лит. наследство Достоевского за годы революции»**. Здесь же К. раскрывает собств. принципы текстологической работы: «не только удобочитаемая передача текста, но и... передача его внешних особенностей...» (Лит. наследство. Т. 15. М., 1934). К., наряду с Н. Бродским, принадлежит приоритет в исследовании рукописей неосуществленного замысла Достоевского «Житие великого грешника».

Познакомившись с идеями Н. Пиксанова задолго до его статьи «Новый путь лит. науки. Изучение творческой истории шедевра. (Принципы и методы)» (1923), К. становится увлеченным приверженцем телеогенетического метода (суть кот. в изучении эволюции замысла конкретного произведения по рукописным и печатным редакциям исходя из «целесообразности» всех худож. элементов для передачи опр. идейно-эстетич. задания). Собств. универсальную методологию, примененную им к анализу тв-ва не только Достоевского (в работах, посвящ. романам с сохранившимся рукописным корпусом — «Подростку» и «Братьям Карамазовым»), но и Пушкина, Лермонтова и др., К. строит на объединении «синтетизма» Иванова с телеогенетическим изучением истории текста, или «творческой истории» (прежде всего рукописной), того или иного произведения. Именно «текстология дает точку опоры для всех без исключения методологических тенденций историко-лит. анализа» («Достоевский. Современные проблемы...»). «Индивидуально-генетический» подход определяет и границы биогр. метода — доэстетической стадией замысла произведения, освещаемой фактами биографии, мемуарами, перепиской.

Осн. внимание К. направлено на изучение поэтики. Хотя, по свидетельству Д. Лихачева, К. не интересовала формальная школа, в его работах просматриваются точки соприкосновения с ней: представление о форме как осн. носительнице специфики искусства («форма произведения всегда менее всего произвольна, всегда предусматривается не сознанием, а как бы инстинктом художника» — см.: **Ненаписанная поэма Достоевского** // Ф. М. Достоевский. Статьи и мат-лы / Под ред. А. Долинина. Вып. 1. Пг., 1922), системный подход к худож. произведению как к структурному единству составляющих его компонентов (см.: **Роман «Подросток» как худож. единство** //

Ф. М. Достоевский. Статьи и мат-лы / Под ред. А. Долинина. Вып. 2. М.; Л., (1924) и т. д.

Дань социологич. методу К. отдает не только в статьях о Достоевском 1840-х (из-за отсутствия рукописного корпуса произведений этого периода изучение их «творческой истории» было невозможным), но и в работах по древнерус. лит-ре (в написанных им гл. акад. «Истории русской литры» движение никониан связывается с гос. политикой Алексея Михайловича, делавшего ставку на дворянство, а старообрядчество — с протестом закрепощаемого крестьянства, торгового люда, старой знати).

Гл. вклад К. в науку о лит-ре — в сфере достоевсковедения. Его работы о Достоевском связаны как тематическим, так и теоретич. единством, хотя в силу внешних причин (идеологизированный контекст 1920–30-х, ссылка, отсутствие офиц. статуса, мат. необеспеченность и т. п.) К. не удалось издать обобщающую работу о тв-ве Достоевского. Однако из совокупности его статей, в кот. он использовал возможности различных подходов и методов, воссоздается адекватный образ писателя на основе взаимной корреляции (биографического, психологического, телеогенетического, религиозно-философского, сравнительно-исторического) воссоздается образ писателя. методов исследования. «Пневматология» Достоевского как субстрат его психологии, идеологии и поэтики — магистральная мысль К.

Еще в 1923, заканчивая изучение рукописей и переписки Достоевского в ПД, К. наметил для себя план «историко-лит. обобщений»: проследить развитие и выявить сущность религиозно-философских взглядов писателя, исследовать большие романы Достоевского в свете рус. лит. направлений XIX в. и обозначить в них западные лит. влияния. Каждая из статей — этап на пути к обобщающему труду — «одновременно и очерку биографии, и очерку по истории религиозно-философских воззрений, и очерку художественной формы Достоевского» (РО РНБ. Ф. 4, № 97).

Благодаря его немецкоязычным работам К. — один из авторитетнейших на Западе рус. достоевсковедов. В изд. 1926-го с рукописями «Жития великого грешника», «Бесов» и «Подростка» помещены статья К. **«Rekonstruktion von Dostojewskis Entwurf zu dem Roman "Das Leben eines grossen Sünders"»** («Реконструкция наброска к роману Достоевского "Житие великого грешника"») и его исследование **«Handschriftliche Aufzeichnungen, Varianten und Briefe zu dem Roman "Jüngling"»** («Рукописные заметки, варианты и письма к роману "Подросток"») с изложением «творческой истории» романа. Большая работа К. о «Братьях Карамазовых» (1928), также не имеющая аналога на русском яз., состоит из шести глав. В первой — «Отцеубийство и учение Федорова о "телесном воскрешении"» — К. доказывает, что в основу замысла «Братьев Карамазовых» легли идеи Н. Федорова, «пропущенные» Достоевским сквозь призму учения Вл. Соловьева и соотнесенные с собств. построениями; полемизирует с предпосланной его «Предисловию» к рукописям последнего романа Достоевского статьей З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство». Во втор. главе — «Мистика Достоевского и образ старца Зосимы» — К. прослеживает эволюцию образа праведного старца в романах писателя. В высказываниях Зосимы — собств. мистические прозрения Достоевского, что хорошо видно именно в рукописях, где они еще не облечены в специфич. стилистику православного иеросхимонаха. Третья глава — «Четыре ведущие идеи в учении старца Зосимы» — раскрывает осн. черты религиозно-филос. мировоззрения этого героя. В четвертой главе — «Алеша и Грушенька» — речь идет о практическом воздействии личности и учения Зосимы на героев романа. Пятая глава — «Византия и Рим» — исследует вопрос о соотношении восточной (православной) и западной (католической) духовных тенденций в «Братьях Карамазовых». Противопоставление Востока и Запада проявляется, по мысли К., и в системе образов, и в композиции, и в речевом стиле. В последней главе — «Достоевский и Жорж Санд» — вскрывается логика лит. заимствований, обусловленных жанровыми задачами русского писателя.

Значителен вклад К. в изучение древнерус. лит-ры. Перспективным оказался его подход к летописанию как к творч. процессу. Благодаря сочетанию культурно-исторического и телеогенетического методов ученый первым показал и доказал причастность суздальского епископа Дионисия к созданию Лаврентьевской летописи.

Статья **«К лит. истории повести о Николе Зарайском»** (ТОДРЛ. Т. V. Л., 1947) восполнила пробел в изучении одного из важнейших памятников Древней Руси; К. дал описание и датировку 19-ти его списков, но не успел перейти к целостному иссл. Незавершенную работу после смерти К. продолжил Д. Лихачев.

Новаторской как по методу, так и по науч. результатам признана статья **«Культ Рода и Земли в княжеской среде XII–XIII веков»** (ТОДРЛ. Т. XVI. М.; Л., 1960. Перепеч.: Из истории рус. культуры. Т. II. Кн. I. М., 2002). Исходя из установленного по памятникам факта противоборства двух концепций княжеской власти на Руси в XII в. — провизантийской и русско-языческой — К. выявляет и исследует религиозную основу последней, древнего языческого культа Рода и Земли. Он впервые ставит вопрос об огромном обществ. значении этого культа, доказывает его определяющее влияние на архетипы сознания древнерусского человека, затрагивает проблему двоеверия.

В кн. К. **«Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд»** (М.; Л., 1936) текстологич. анализу подверглись как лит. памятники древности, так и устные сказания о «затонувшем граде». Хотя разделяемый здесь К. «областнический» подход во многом себя изжил и предложенный ученым вывод: «Китеж как Кидекша» — не признается исторически достоверным, огромный собранный мат-л, сочетание анализа письменных и устных источников, оригинальные сопоставления остаются ценным вкладом в русскую медиевистику и фольклористику.

Архив: РО ИРЛИ РАН. Ф. Р I, оп. 12, № 826–840; ф. Р I, оп. 12, № 388–398; РО РНБ. Ф. 4, № 97; ф. 262, № 11; СПФ АРАН. Ф. 134, оп. 2. № 704.

Соч.: Неизв. статья Ф. М. Достоевского «Петербургские сновидения в стихах и прозе» // Русская мысль. 1916. Кн. 1; Достоевский и шестидесятники: Историко-лит. мат-лы // Совр. мир. 1917. № 1; Достоевский и «Египетские ночи»

Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. 29–30. Пг., 1918; Неизданная глава романа «Бесы» // Былое. Пг., 1922. Кн. 18 (перепеч.: «Бесы»: Ант. русской критики. М., 1996); Идеи французского утопич. социализма в мировоззрении Белинского // Венок Белинскому / Под ред. Н. Пиксанова. М., 1924; «Мировая гармония» Достоевского // Атеней. 1924. № 1–2 (перепеч.: O Dostoevskom: stat'i P.M. Bitsilli, V. L. Komarovich, Iu. Tynianov, S. I. Gessen / Introduction by D. Fanger. Providence, 1966; Властитель дум. Ф. М. Достоевский в рус. критике кон. XIX — нач. XX в. СПб., 1997); Юность Достоевского // Былое. Кн. 23. Пг., 1924 (перепеч.: O Dostoevskom... Providence, 1966); «Бесы» Достоевского и Бакунин // Былое. Кн. 27–28. Пг., 1925; Генезис романа «Подросток» // Лит. мысль. Вып. 3. Л., 1925; Петерб. фельетоны Ф. М. Достоевского // Фельетоны сороковых годов. М.; Л., 1930; К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Т. 3. М.; Л., 1937; О «Медном всаднике» (к вопросу о творч. замысле) // Лит. современник. Л., 1937. № 2; Вторая кавказская поэма Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941; История рус. лит-ры: В 10 т. Т. I. М.; Л., 1941; История рус. лит-ры: В 10 т. Т. II. Ч. I. М.; Л., 1945; История рус. литры: В 10 т. Т. II. Ч. 2. М.; Л., 1948.

Лит.: Крюкова Т. Хронологич. список трудов В. Л. Комаровича // ТОДРЛ. Т. XVI. М.; Л., 1960; Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., 1972; Богданова О. Василий Леонидович Комарович // Вопросы лит-ры. 1988. № 9; Долинин А. Факты говорят о другом // Вопросы лит-ры. 1989. № 3; Лихачев Д. Избр. Воспоминания. СПб., 1997; Бобров А. Г. Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович // Арзамас. Н.-Й., 2000. № 8; Бобров А. (В. Л. Комарович) // Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Док-ты. Фотографии. СПб., 2002; Вовина-Лебедева В. В. Л. Комарович — исследователь русских летописей // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006; Вовина-Лебедева В. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011; Богданова О. «Братья Карамазовы» в Германии: В. Л. Комарович и З. Фрейд о посл. романе Ф. М. Достоевского // **Русское литературоведение XX в.: Имена, школы, концепции:** Мат-лы Междунар. науч. конф. (М., 26–27 нояб. 2010). СПб., 2012; Богданова О. «Забытый» русский литературовед В. Л. Комарович // Вестник Моск. ун-та. 2012. № 6; Романова Г. Наследие Достоевского в Германии (изд-во «Пипер» и В. Л. Комарович) // Вестник МГПУ. М., 2013. № 2.

О. Богданова

КОМАРО́ВСКИЙ Василий Алексеевич [21.3(2.4).1881, М. — 8(21).9.1914, М.] — поэт.

Род Комаровских — польск. происхождения. Отец К., граф Алексей Егорович К., был шталмейстером Императорского двора, действительным статским советником. От матери, Александры Васильевны (урожд. Безобразова), будущий поэт унаследовал тяжелый психич. недуг, изнурительные приступы кот. преследовали его всю жизнь. Сначала К. жил в Тамбовской губ., потом — в СПб. После смерти отца, последовавшей в 1897, он поселился в Царском Селе, в доме своей тетки, Любови Евграфовны. В 1900, окончив Императорский лицей, поступил на юридический фак-т СПб. ун-та, затем, через год, перешел на историко-филол., где учился, с перерывами, много лет. По отзывам современников, К. был человеком отменно образованным, он всерьез занимался живописью, знал несколько яз., свободно читал по-латыни.

К. самозабвенно любил искусство, кот., по выражению Н. Пунина, «было его колыбелью и его жизнью». Гармонией искусства он, видимо, усмирял хаос своей больной, мятущейся души. Он «как бы вынашивал в себе ритмы и сам казался олицетворением ритмической речи», когда бродил мерным шагом по глухим аллеям царскосельского парка (Голлербах Э. Город муз: Царское Село в поэзии. СПб., 1993). Кому-то К. казался нелепым «чудаком». Но те, кто близко знал поэта, видели в нем романтика, необычного, «странно-очаровательного» человека, не чуждого порой веселой иронии. В посл. годы жизни К. был в дружеских отношениях с А. Ахматовой. Весной 1914 написал посвященное ей стих., сотканное из едва уловимых образов и неожиданных ассоциаций: «**Анне Ахматовой ("Вечер" и "Четки")**». Откликом на это послание явилось стих. Ахматовой «Ответ» («Какие странные слова...»), в свою очередь посвященное К.

Тв-во художника, по мнению Н. Пунина, «неожиданное, растрепанное, полное какой-то настойчивой воли и смятенного величия» (Аполлон. 1914. № 6–7), нравилось далеко не всем. Но были люди, сумевшие оценить его причудливый дар. Особенно ощутимой была поддержка кружка Н. Гумилева, редакции ж. «Аполлон». Именно в лит. альм. «Аполлона» (1912) К. удалось единственный раз опубл. свою прозу — рассказ-стилизацию «**Sabinula**», в кот. талантливо воссоздан эпизод из жизни Римской империи (II в. н.э.). Среди героев произведения — знаменитый римский историк Тацит, Публий Агрикола. Редактор ж. С. Маковский в мемуарах «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен, 1962) высоко оценивал эту вещь: «Словесная музыка ее поражает благородством тона, выбором слов, эпитетов — всем холодком самоограничения, краткостью и меткостью». В том же альм. опубл. несколько стих. поэта. И рассказ, и стихи напеч. под псевд. «Incitatus» (так, по преданию, звали коня Калигулы).

В 1913 в СПб. вышел сб. стихов К. «**Первая пристань**». Одобрительно отозвался о нем Гумилев, оценивший этот дебютный сб. не как книгу «обещаний», а как книгу «достижений десятилетней творческой работы несомненного поэта». «Все стихи с 1909 г.,— отмечал Гумилев,— уже стихи мастера. <...> Под многими стихотворениями стоит подпись "Царское Село", под другими она угадывается. И этим разгадывается многое. Маленький городок, затерянный среди огромных парков с колоннами, арками, дворцами, павильонами и лебедями на светлых озерах, городок, освященный памятью Пуш-

кина, Жуковского и за последнее время Иннокентия Анненского, захватил поэта, и он нам дал не только специально царскосельский пейзаж, но и царскосельский круг идей. <...> В первом отделе собраны лиро-пейзажные стихотворения, очень "царскосельские", хотя и приписанные иногда по капризу автора к другим местам. Во втором отделе — лироэпические стихи, веселое блуждание по векам и странам. <...> Третий отдел — "Итальянские впечатления" — менее значителен, чем предыдущие, хотя, может быть, совершеннее в ритмическом отношении» (Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990).

Др. книг К. не суждено было издать. Следующий год, 1914-й, оказался для него роковым. Война потрясла его душу и воображение... Д. Святополк-Мирский, упоминая о том, что К. «писал воспоминания о своих сумасшествиях», свидетельствовал: «Из воспоминаний этих я запомнил одну фразу: "Несколько раз сходил с ума и каждый раз думал, что умер. Когда умру, вероятно, буду думать, что сошел с ума". Он умер сумасшедшим. Начало войны нанесло такой удар его нервной системе, что она не вынесла, и все силы хаоса снова хлынули на него и затопили уже навсегда» (Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993). Случилось это в психиатрич. лечебнице во время буйного припадка.

Через два года после смерти поэта в ж. «Аполлон» опубл. **«Посмертные стихотворения графа Василия Алексеевича Комаровского»** (1916. № 8. Окт.). Потом о К. в России вспоминали очень редко.

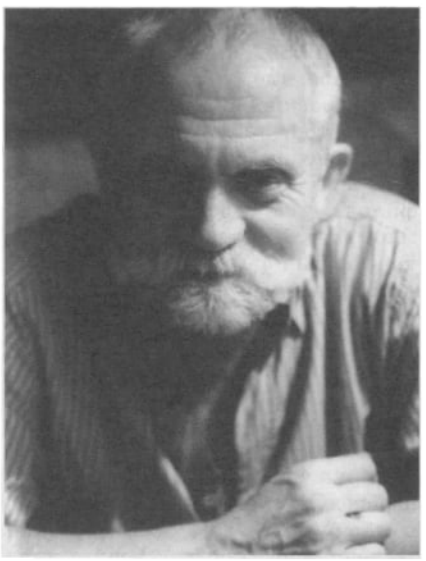
К. никогда не слыл звездой первой величины, но в эпоху Серебряного века его тв-во оставило приметный след. «Комаровский не был гением,— писал Д. Святополк-Мирский,— и его "оригинальность" не была из таких, кот. будут со временем оценены и станут пищей общечеловеческой. Она была эксцентрична, необъяснима и для человечества не нужна. В творческом потоке развития он был странным завитком в сторону, никуда не ведущим. Но именно такая оригинальность, совершенно бескорыстная с эволюционной точки зрения, и есть утверждение абсолютной свободы, проявление какой-то божественной игры...» (Воспоминания о Серебряном веке). По словам Пунина, К. «родился, чтобы сказать два-три слова, сделать жест, и ушел, унося с собою тайну своего духа и своей мысли...» (Аполлон. 1914. № 6–7). Впрочем, представление о почти абсолютной обособленности К. от русской поэзии было несколько преувеличено критиками. Сам К. немало почерпнул у символистов и И. Анненского, а его творч. прозрения нашли отклик у акмеистов (А. Ахматова, О. Мандельштам).

Соч.: Стихи // Ежов И., Шамурин Е. Русская поэзия XX в. М., 1925; Серебряный век. Петерб. поэзия кон. XIX — нач. XX вв. Л., 1991; Новый ж. 1994. № 4; Стихотворения. Проза. Письма. СПб., 2000.

Лит.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990; Маковский С. На Парнасе Серебряного века. Мюнхен, 1962; М.-Екатеринбург, 2000; Святополк-Мирский Д. Памяти гр. В. А. Комаровского // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993; Голлербах Э. Город муз: Царское Село в поэзии. СПб., 1993; Топоров В. Две главы из истории русской поэзии начала века: 1 — В. А. Комаровский // Russian Literature. 1979. V. 7. № 3. May.

В. Быстров

КОМБО́ЛИН Юрий Иванович (псевд. Ю. Ненашев, Ю. Фомичёв, Ю. Травников) [16.7.1943, Архангельск] — поэт, прозаик, публицист.



Отец — инженер, воевавший в Великую Отеч. войну в саперной роте, пропал без вести. Ребенка воспитывала мать.

Неполное среднее образование К. получил в Архангельске. После седьмого класса поступил в Лесотехнический техникум на автотракторное отд., ушел с третьего курса. С 1960 работал в Архангельской комплексной геологич. экспедиции, где за два года получил профессии токаря, слесаря, работал на геологосъёмке, на ручном и механич. бурении. В 1962 призван в армию, служил в зенитно-ракетном полку на Кольском полуострове. После службы в армии (1964) работал в Архангельской телефонной сети электромехаником, одновременно учился в веч. школе. В 1966 поступил в ЛГУ на фак-т журналистики. По окончании был направлен в Архангельск в обл. партийную газ. «Правда Севера», где до 1975 работал сначала мл. лит. сотрудником, затем лит. сотрудником, зам. ответств. секретаря, исполнял обязанности зав. отдела. В газ. 30 авг.1980 опубл. перв. рассказ **«Отдать гайку!»** о курьёзе, случившемся при отходе от владивостокского причала парохода «Франц Меринг». Позднее перешел в газ. «Моряк Севера», в кот. работал ответств. секретарём три года и опубл. первое стих. **«На дворе — трава...»** (20 окт. 1981). Работая по специальности, получил второе высшее образование на заоч. отд. Лен. высшей партийной школы (1981–84). В 1983 поступил в заочную аспирантуру на фак-те журналистики ЛГУ.

В 1985 переехал в Л-д. Служил гл. ред. газ. «Лен. речник», в Лениздате, в институтской газ. ЛИТМО. С 1988 преподает на фак-те журналистики ЛГУ (СПбГУ), совмещая преподавание и журналист. деятельность (публ. в ж. «Скорость», «Палитра вакансий», «Метробук», «All information», в газ. «Зеленогорский вестник», «5 колесо», «За рулём», «78 регион», «Дважды два», «Биржа труда»). До выхода перв. сб. стихов произведения К. появлялись на страницах газ. «Моряк Севера» (Архангельск), «Коммунист Заполярья» (Игарка), «Арктическая Звезда» (Мурманск), «Адмиралтеец» (Л-д), «Не скучай» (СПб.), ж. «СПб. ун-т», лит.-философского альм. «Аукцион».

Автор четырех поэтич. сб. Общим эпиграфом к ним можно считать слова поэта, предпосланные **«Сонетам»** (1996): «Слово *люблю* не имеет про-

шедшего времени». Стихи, опубл. в этих книгах, воспринимаются как фрагменты единого текста о любви — к жизни и женщине. Лирич. герой комболинского поэтич. текста знает, что жизнь — это «изысканный роман, зачитанный до дыр» (**«Роман»**). Но обреченный на высокую грусть, страдательно переживающий одиночество и потери, он «полон страсти и энергии, нежности и озорства» (А. Митрофанова). Живое дыхание этого неповторимого героя передается в удивительном, уникальном ритме поэтич. языка К.

В 2010 К. открыл свою страницу в Интернете на Стихи.ру, где публ. свои стих. Год спустя в Интернете на Проза.ру появилась страница К.-прозаика, на кот. помимо десятка рассказов помещены сотни его публиц. работ. Тв-ву К. посвящ. более 80 читательских рец.

Соч.: Поздравительная открытка в России. СПб., 1994; Сонеты. СПб., 1996; Врата души. СПб., 2001; Аукцион. СПб., 2004; Пред всем пред белым светом. СПб., 2010.

Лит.: Шадхан З. Вышел сборник сонетов Юрия Комболина // Правда Севера. 1996. 10 авг. № 150; Нестеренко А. В поисках утраченной единственной, или Штрихи к портрету друга и поэта // Царскосельская газ. 1996. 26 нояб. № 138; Нестеренко А. У врат души // Звезда полей. 2001. № 2; Коньков В. Предисл. // Комболин Ю. Аукцион. СПб., 2004; Митрофанова А. «...Вдруг явится поэт пред всем пред белым светом» // Комболин Ю. Пред всем пред белым светом. СПб., 2010.

Н. Цветова

КОМИССА́РОВА Мария Ивановна [16(28).7.1900), с. Андреевское Костромского у. Костромской губ. (дата рождения 22.7(4.8).1904, фигурирующая в некот. справочниках, неверна) — 28.7.1994, СПб.] — поэт, переводчик.

Выросла в крестьянской семье из рода Осипа Комиссарова, спасшего императора Александра II в 1866 от пули террориста Каракозова. Окончив трудовую школу в г. Любиме, К. стала учительницей и вскоре была направлена для продолжения образования в Костромской ун-т, затем перевелась в Пг. Училась в Пед. ин-те им. А. Герцена (1922–29), входила в ЛИТО «Мастерская слова». Впоследствии вступила в писательскую

группу «попутчиков» «Содружество». В 1922, на вечере годовщины Блока, познакомилась с поэтом Н. Брауном, где услышала его выступление. В 1926, вопреки разгулу безбожия, они обвенчались в церкви Иоанна Предтечи на Каменном о-ве.

Начала печ. в 1923 (**«Думы девичьи рдеют в закатах...»** // Красный студент. 1923. № 6). Издание перв. кн. её стихов **«Первопуток»** (1928) поддержал Н. Клюев, подсказавший назв. и подаривший ей памятный складень. Кн. вызвала одобрительное письмо Б. Пастернака, за кот. последовала их переписка (архив Н. Л. Брауна). Критики нашли в кн. элементы ученичества, «схему хлебниковско-тихоновского стиха», «попастернаковски изысканные созвучья» (Оксенов И. // Звезда. 1928. № 6; Поступальский И. // Новый мир. 1928. № 9), влияние Н. Клюева. Но отмечали и свежесть чувств автора, плодотворное развитие им фольклорных традиций. Уже тогда обозначился гл. образ К.: «малая родина» Кострома как олицетворение Великой России.

В след. кн. — **«Переправа»** (1932) — стиль К. обрел социально-публиц. направленность, но народно-поэтич. начало осталось определяющим. К. ни комсомолкой, ни «партийкой» не была, но как состоящая с 1934 в СП, неоднократно подвергалась «чисткам», идеолог. проработкам, на кот., как правило, не являлась, о чем сохранились док-ты. Кн. **«Встреча»** (1936) была целиком лирич. и показала К. поэтом со сложившимся почерком.

В годы Великой Отеч. войны (К. была эвакуирована в Пермскую обл. с маленьким сыном) на слова К. были созданы песни, вошедшие в репертуар ряда ансамблей (**«Урал-богатырь»**, **«Уральская партизанская»** и др.). Пережив семейную трагедию (вся многочисленная семья Комиссаровых к тому вр. была репрессирована, точнее, «рассвященена» и «раскулачена», отец К., Иван Александрович, в 1930 по приговору ОГПУ был этапирован из Л-да в концлагерь Апатиты Мурм. обл., вернулся перед нач. войны), в своей лирике К. на перв. план выдвигает героич. черты нац. характера.

Однако в авг. 1946 после Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» и речи А. Жданова, где, наряду с М. Зощенко и А. Ахматовой, упоминалось имя К., набор подготовленной кн. её стихов был рассыпан. В вину К. в Постановлении вменялись «произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни», напр., в напечатанном стих. **«Зароют в землю голос мой...»** («И ничего я не услышу, / А твой останется живой, / Он будет громче или тише...»). Имя поэтессы замалчивалось в теч. десятилетия, стихи не публ. В стих. **«Этот год...»** (1946) она говорит: «Железом он души моей коснулся, / На горло песне наступил моей, / Чтоб голос мой / К ней больше не вернулся, / Чтоб сердце перестало / Биться в ней».

Творч. успех в этот период сопутствовал К. в переводч. работе (с белорусского, Я. Купалы и др. поэтов, и с украинского, прежде всего, лирики Л. Украинки). В Минске ей было присвоено звание засл. деятеля культуры Белоруссии, в Киеве работа К. была неоднократно отмечена наградами, посл. из них была премия М. Рыльского, врученная ей много лет спустя, в 1982. После зарубежной поездки в 1960-е К. опубл. перев. чешских, словенских и моравских народн. песен, переводы болгарск. поэтов, знакомых ей лично (Л. Стоянов и мн. др.). Были опубл. её перев. с литовского (А. Ластас и др.), финского (Э. Синерво), калмыцкого (М. Хонинов).

Осуществляя замысел поэмы о непридуманной народной героине, пар-

тизанке Лизе Чайкиной, К. посещает Тверскую (тогда Калининскую) обл., встречается в пос. Пено с её родителями, выясняет все действительные об-ва её жизни и место гибели. Поэма **«Лиза Чайкина»**, законченная в 1955, изд. массовыми тиражами, принесла всероссийскую изв. К. Она встала в ряд с такими произведениями, как «Зоя» М. Алигер и «Сын» П. Антокольского.

В послевоен. десятилетия голос К. обрел широкий диапазон: от мягкой задушевности до напряженного драматизма. Ряд новых кн. вышел в 60-е. В двух из них — **«Моя тропинка продолжается»** (1961), **«Дорога к друзьям»** (1968) — обрисовался сквозной сюжет лирики К. Это память о деревенском детстве, чувство дочерней благодарности близким (стих. **«Голосом матери»**, **«Бабка»**, **«Детство»**, **«Где они, мои друзья?»**), впечатления ранних лет (**«Холера»**, **«Конокрад»**, **«Месть»**), обращения к родному краю (**«Моему краю»**, **«Пастух»**, **«Кузнец»**, **«Андоба»**, **«Плоты»**), стихи К. об Италии и Болгарии, где она побывала с писательской делегацией в 1962. Здесь же посвящения костромичам (**«Грачи прилетели»** — художнику К. Саврасову, **«Землякам»**, **«Некрасов»**). На своей разорённой «малой родине» К. смогла побывать лишь в кон. 1950-х.

В кн. **«Ожидание встречи»** (1973), **«Еще не вечер»** (1981) и кн. избранного **«Всем расстояньям вопреки»** (1979) выражены темы современности (**«Со мною рядом только ночь...»**, **«Они обидели меня...»**, **«Мне не к лицу...»**, **«У века бурного в плену...»**, **«Чтобы веснам цвести...»**), собрана авторская лирика разлук и встреч (**«Всё на темные ели смотрю...»**, **«Тот пригород»**, **«Зацвела поляна иван-чаем...»**, **«На пристани»**), материнский цикл стихов (**«Отречься от друга? Как можно?»**, **«Ты так долго молчишь...»**, **«Я все тебе оставлю — и уйду.»**, **«Ты меня не пожалеешь...»**, **«Горе, отпусти меня на волю...»**). Темы воен. лет заново напоминают о себе (**«Передний край»**, **«Журавли кричат на болоте...»**, **«Эти камни»**, **«В сиянье ратных подвигов и славы»**).

Особое место занимает цикл, посвящ. памяти Н. Л. Брауна (**«Ты здесь, со мною рядом»**, 1975–76). В нём наивысший лирич. взлёт двух судеб, не разъединённых прощанием: «Давай допоём / Недопетую нами, / Что жизнью была нам / И нашей судьбой, / Заглавную песню — / Двумя голосами, / Не в ночь уходя, / А в рассвет голубой!». Поэтич. слог К. лишен внешней эффектности. Но когда возникают такие образы, как «метели звездные запели», «реки спят в обнимку с берегами», «Здесь молния латынью расписалась / На вечном небе вечным словом — Рим», ощущается выучка «петроградско-лен. школы» 1920-х.

К. создавала патриотич. произведения, не противоречащие офиц. идеологии. Но К. отличалась гражданской стойкостью. В 1930-е выступила в защиту Б. Пастернака, публиковала яркие гражданств. стихи на эту тему (Звезда. 1931. № 11–12). В 1969 отказалась подписаться под офиц. письмом, требовавшим исключения А. Солженицына из писательских рядов, оказывала мат. помощь репрессированным, возвращавшимся из политлагерей. С 1970-го посещала сына в политлагерях Мордовии и Урала, в 1976 побывала на севере Томской обл., где он отбывал режимную ссылку. Затем 4 года ждала его одна. «Со мною рядом только ночь / Да тополь за окном. / Никто не хочет мне помочь, / Мне страшно даже днем. / Куда идти, что делать мне / У жизни на краю? / Я каждый день как на войне — / С невзгодами в бою. / Я каждый день чего-то жду, / Твержу, печаль тая: / Переступлю через беду, / Осилю горе я!» (из цикла **«Без тебя»**, 1970-е).

С кон. 1980-х К. проявляла обществ. активность, подписывая обращения и письма. Поддерживала возрождение казачества, добивалась возвращения ряда храмов верующим. С 1991 была почетной соратницей Российского Имперского Союза-Ордена. Дожила до возвращения первоначального имени городу СПб. и российских символов, под кот. родилась. Нельзя забыть, что К. смогла в сложных условиях сохранить уникальный лит. архив, ценнейшие автографы и док-ты эпохи. Отпевали К. в Князь-Владимирском соборе, похоронили на Комаровском кладб. рядом с Н. Л. Брауном.

Соч.: Первопуток. Л., 1928; Встреча. Л., 1936; Дорога к друзьям. Л., 1968; Всем расстояньям вопреки. Л., 1979; Еще не вечер: Стих. и поэма. М., 1981.; Избр. Л., 1984. Из неизд. // Звезда. 1985. № 3; День поэзии. Л., 1986.

Лит.: Пьяных М. Верхневолжье — источник вдохновения: Лит. портрет М. Комиссаровой // Твоя земля рассказывает. Кострома, 1960; Азаров Вс. Дело жизни: Перечитывая стихи М. Комиссаровой // Нева. 1966. № 7; Белоцерковский Б. Поэтесса и родные места // Сусанино. Сусанинская новь. 1967. 29 авг.; Прокофьев А. Вспоминают друзья. М., 1977; Вагнер Н. Начало пути // Звезда. 1978. № 1; Жур П. Мастер // Звезда. 1981. № 5; Филиппов Г. Срываю дни с календаря... // Звезда. 1984. № 8; Магнитский М. Твоя былинка малая... // Кострома. Сев. правда. 1994. 10 авг.; Жильцов В., Пономарев С. Нижегородцы не забудут // Н. Новгород. 1994. 19 авг.; Михайлов А. Пять встреч. Памяти М. Комиссаровой // Криминальный вестник. СПб., 1994. № 38, сент.; Западалов И. Ровеснице века // Западалов И. Наедине с музой. СПб., 1994; Эльзон М. Комиссарова М. И. // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. СПб., 1995. Т. 3; Малярова И. Судьба. // Русский мир. СПб., 1995; Круглов В. Городок Любим // Круглов В. Рябиновая родина. СПб., 1997; Малярова И. Осенний букет // Поющие долы. СПб., 1999; Роговер Е. Поэзия сильного звучания // Педагог. вести. СПб., 2009. № 38; Браун Н. Н. Материнские письма // Гитара по кругу. СПб., 2010.

Г. Филиппов

КОНДРА́ТОВ Александр Михайлович [3.9.1937, Куйбышев (ныне — Самара) — 1.4.1993, СПб.] — поэт, прозаик, журналист, популяризатор науки.

Потомок поволжского казака. По окончании средней школы приехал в Л-д и поступил одновременно в среднюю специализир. школу МВД и на заочное отд. Ин-та физической культуры и спорта им. П. Лесгафта. На выпускных экзаменах школы на все вопросы отвечал «не знаю», за что был исключен с формулировкой: «За имитацию незнания на экзаменах».

К тому времени К. уже заявил о себе как в богемно-лит. кругах, так и в науч. Он опубл. ряд статей по математической лингвистике (некоторые — в соавт. с акад. А. Колмогоровым), преуспел в жанре науч.-популярной лит-ры по двум направлениям — кибернетика и погибшие цивилизации. По этим темам им было

изд. более сорока книг и брошюр. Это **«Звуки и знаки»** (М., 1966), **«Машина думает для нас»** (в соавт. с Э. Кондратовым, спецкором газ. «Известия» — Куйбышев, 1966), **«Братья по разуму»** (М., 1968), **«Следы на шельфе»** (Л., 1981), **«Была земля Арктида»** (Магадан, 1983), **«Динозавра ищите в глубинах»** (Л., 1984), **«Атлантиды моря Тетис»** (Л., 1986) и мн. др. Некоторые из этих книг переведены на польский, болгарский, японский яз. Чтобы иметь возможность защитить канд. дис. по лингвистике (о дешифровке письменности о. Пасхи), К. восстановился в Ин-те Лесгафта и защитил диплом по специализации «спринт (бег на короткие дистанции)».

Все это сочеталось с экстравагантностью собств. худож. тв-ва К. Его современник В. Уфлянд вспоминает: «Три десятка лет назад в питерской поэзии энергично возник двадцатилетний Александр Кондратов и стремительно стал известен как Сэнди Конрад. Более типичного авангардистского литератора тогда не было, нет и сейчас».

Поэзию К. отличал неуемный дух экспериментаторства — стремления проявить слово во всех его формально-содержательных свойствах. Немало усердствовал в жанре палиндрома («перевертня»). Итогом его поэтич. деятельности следует признать поэму **«Укор сроку»**, напеч. после его кончины (Звезда. 1993. № 8). Публикацию сопровождало авторское примечание: «К десятилетию ВОСР (Великой Октябрьской социалистической революции) ее певец Владимир Маяковский написал поэму „Хорошо!". К полувековому юбилею ВОСР была написана эта юбилейная поэма-перевертень (в пятьсот строк, пять частей, пять тысяч букв), выходящая в свет, когда со дня Октябрьского переворота минуло три четверти столетия. Быть может, школьники свободной России — в ту пору, когда исполнится столетний юбилей ВОСР — будут „проходить" юбилейный „Укор сроку", как „проходили" когда-то поэму „Хорошо!"».

Ждет опубликования не менее дерзкая проза К. Его перу принадлежат роман автобиографич. характера **«Здравствуй, ад»**, напис. под влиянием Г. Миллера (его К. признавал своим учителем), циклы рассказов про сержанта Фролова и про майора Наганова — полупародии на совр. военную и милицейско-детективную прозу. Неизвестно, завершил ли он свой посл. роман **«Товарищ Вий»**.

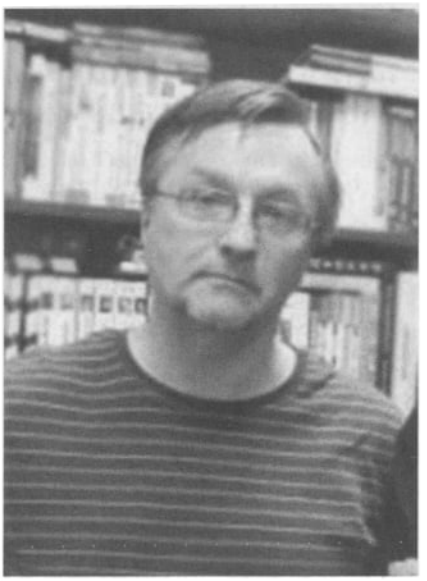
Умер К. нелепо. Решив самостоятельно излечиться от приступа аппендицита по тренировочной системе йоги (к тому времени он написал докторскую дис. по хатха-йоге), он не вызвал вовремя «скорую помощь» и скончался от воспаления.

Соч.: Математика и поэзия. М., 1962; Число и мысль. М., 1963; Великаны острова Пасхи. М., 1966; Погибшие цивилизации. М., 1968; Этруски — загадка номер один. М., 1977; Формулы чуда. М., 1987; Атлантиды ищите на шельфе. Л., 1988; Шанс для динозавра. СПб., 1992; [Стихи]: У Голубой лагуны: Антология новейшей русской поэзии. Ньютонвилль, [б. г.]. Т. 1; Эхо. Париж, 1980. № 4; Аврора. 1990. № 12; Звезда. 1991. № 5; Самиздат века. М., 1997; Здравствуй, ад! Лирический дневник 1957–67 (Избр. главы) // НЛО. 1996. № 18 (1996). Стихи тех лет. Кн. первая: Собр. творения имени Михайлова — Красильникова — Кулле — Кондратова (СТИМККККОН). [СПб.], 2001; Александр Третий. СПб., 2002; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Смирнова Г. Путешествие в лингвистику // Новый мир. 1966. № 12; Ефремов И. Когда говорят письмена // Книжное обозрение. 1971. 1 янв.; Кострин К. А. М. Кондратов: Атлантика без Атлантиды // Звезда. 1973. № 11; Уфлянд В. Александр Кондратов// Звезда. 1993. № 8; Золотоносов М. Прозеванный Кондратов // Моск. новости. 1997. 12–19 окт. № 41; Кобрин К. Профили и ситуации: Памяти Александра Кондратова // Urbi: Лит. альм. Вып. 12. СПб., 1997; Самиздат Л-да: 1950-е — 80-е: Лит. энц. М., 2003.

Г. Филиппов

КОНДРАТО́ВИЧ Вячеслав Владимирович [1.10.1954, Архангельск] — поэт, эссеист, переводчик.



Отец — инженер-кораблестроитель, мать — врач. С 1961 живет в Л-де. Служил в армии, в 1980 окончил филологич. фак-т ЛГУ, затем работал санитаром, почтальоном, библиотекарем, расклейщиком афиш.

Писал стихи и философские эссе. Печ. в самиздате и за границей (ж. «Часы», «Остров Борнгольм», «Сумерки», «Беседа» и др.). Муж писательницы Т. Кондратович (псевд. Маруся Климова). К. написал предисл. к ее кн. «Голубая кровь» и «Домик в Буа-Коломб».

В посл. годы вместе с женой К. много и успешно занимается переводами произведений Л.-Ф. Селина и др. французских авторов. С 1994 — вице-президент Российского об-ва друзей Л.-Ф. Селина. Среди их посл. работ переводы — Селин Л.-Ф. Интервью с профессором Y. (СПб., 2001, 2003); П. Гийота. Проституция (Тверь, 2002); Л.-Ф. Селин. Север (СПб., 2003); Л.-Ф. Селин. Ригодон (СПб., 2003); М. Виттиг. Лесбийское

тело (Тверь, 2004); П. Гийота. Эдем, эдем, эдем (Тверь, 2004); Л.-Ф. Селин. Громы и молнии: Пьесы, либретто, сценарии (СПб.; Тверь, 2005); Ф. Жибо. Не все так безоблачно (СПб.; Тверь, 2005); Эркюлин Барбен. Воспоминания гермафродита (СПб.; Тверь, 2006); Пьер Буржад. Механический эрос (СПб.; Тверь, 2007); Пьер Гийота. Кома (СПб.; Тверь, 2009).

В 1996 К. выпустил сб. поэзии **«Стихи»** (изд-во «Борей-арт»), в кот. собраны его стихи с 1977 по 1991.

С 1999 член редколлегии ж. «Дантес» и куратор одноименного лит. клуба.

В период существования СПб. клуба «Платформа» был участником ее вечеров.

Соч.: Стихи. Христианский Дзэн: Ст. // Часы. 1988. № 75; Стихи // Остров Борнгольм. 1988. № 1; За гранью смысла // Остров Борнгольм. 1989. № 3; О сверхчеловеке. Христианский Дзэн. Сместившийся центр. Величие и святость // Беседа. 1991. № 10; Смещение // Лабиринт/Эксцентр. 1991. № 1; По разные стороны баррикад (Константин Леонтьев и Николай Федоров) // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993; Афоризмы // Ступени. 1993. № 1 (7); Крушение стиля // Беседа. 1993. № 11; Постмодернизм в современной русской философии (Философы «Беседы»: Т. Горичева и Б. Гройс) // Преображение. 1994. Вып. 2; Селин Л.-Ф. Безделицы для погрома // Невский архив. Историко-краеведческий сб-к. Вып. 2. / Пер. и предисл. В. и Т. Кондратович. М.; СПб., 1995; Стихи: Сб. СПб., 1996; Селин Л.-Ф. Из замка в замок / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб., 1998; Жибо Ф. Китайцам и собакам вход воспрещен / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб., 1998; Поэты и денди // Дантес. 1999. № 1; Стихи // Дантес. 1999. № 1; Четыре шага в бреду: Французская маргинальная проза перв. пол. 20 века (Л. Арагон, Ж. Батай, Ж. Жене, П. Луис) / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб., 2000; Селин Л.-Ф. Интервью с профессором Y / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб., 2001 (2003); П. Гийота. Проституция / Пер. В. и Т. Кондратович. Тверь, 2002; Л.-Ф. Селин. Север / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб., 2003; Л.-Ф. Селин.Ригодон / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб., 2003; М. Виттиг. Лесбийское тело / Пер. В. и Т. Кондратович. Тверь, 2004; П. Гийота. Эдем, эдем, эдем / Пер. В. и Т. Кондатович. Тверь, 2004; Л.-Ф. Селин. Громы и молнии: Пьесы, либретто, сценарии / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб.; Тверь, 2005; Ф. Жибо. Не все так безоблачно / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб.; Тверь, 2005; Эркюлин Барбен. Воспоминания гермафродита / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб.; Тверь, 2006; Пьер Буржад. Механический эрос / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб.; Тверь, 2007; Пьер Гийота. Кома / Пер. В. и Т. Кондратович. СПб.; Тверь, 2009.

Лит.: Париж как большая деревня / Инт. Т. Вольтской с Марусей Климовой и Вячеславом Кондратовичем // Невское время. 1997. 26 сент.; Дубин С. Один день Луи-Фердинанда Селина // НГ Ex Libris. 1998. Февр.; Маргинальность как средство от постмодернизма / Инт. А. Станковской с Марусей Климовой и Вячеславом Кондратовичем // Петербургский книжный вестник. 2000. № 3;

Самиздат Л-да.1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Аствацатуров А. Парижские встречи // Собака.ru. 2005. № 2.

КОНДРА́ТЬЕВ Василий Кириллович [16.11.1967, Л-д — 25.9.1999, СПб.] — поэт, прозаик, критик, переводчик.

Отец — геофизик, акад. АН СССР (1984) и РАН (1991); мать — филолог. Детство К. прошло в заповедно-академич. атмосфере. Имея доступ к книгам, привозимым из-за рубежа, К. увлекся поэзией и особенно жизнеописаниями американских битников, французских и английских сюрреалистов. После школы работал в канцелярии Эрмитажа. Учился на историческом фак-те ЛГУ (отд. истории искусств).

В 1987–88 проходил службу в армии под Петрозаводском. Вернувшись в Л-д, начинает/возобновляет общение с В. Вальраном, А. Драгомощенко, Б. Останиным, Г. Моревым, И. Вишневецким, С. Хреновым, Д. Волчеком, А. Скиданом, С. Завьяловым.

С 1989 печ. в «Митином ж.», альм. «Равноденствие», позже — в ж. «Место печати», «Черновик», «Многоточие», «Комментарии» (стихи, проза, переводы с английского и французского), с 1991 по 1995 — пост. автор ж. «Звезда Востока» (переводы из П. Боулза, Э. Родити, К. Кулиджа, М. Палмера, Дж. Эшлемана, Дж. Де Кирико, Х. Уолпола, А. Бретона, А. Мишо, Ф. Понжа, А. П. де Мандиарга; эссе). Эстетические ориентиры Ферганской поэтич. школы (Ш. Абдуллаев, Д. Кислов, Х. Закиров и др.) оказались близки К.: «Обращенность к меланхолии позднего романтизма, выраженной современным языком, полным скепсиса и неуверенности... Антиисторизм и неприязнь к социальной реальности... особый депрессивный лиризм и металичное упрямство...» (<http://library.ferghana.ru/almanac/>).

«Уже в ранних стихах <К.> предлагает максимальную удаленность от утонченной ранимости... и бросок в постоянно наэлектризованную сферу, где действует принцип — стремиться к тому, что заранее не получится: "...осколки дальнего грома, вернувшего корабли" ("Сон по дороге домой: памяти Геннадия Шмакова"). Этот гром одной сновиденчески монтажной подсказкой возвращает нам и побережье Сирта, и письмо Джона Китса своему издателю, Тейлору, о чудесных крайностях (приведших автора Эндимиона в конечном счете к признанию безличья и к себе, самому непоэтическому созданию на свете), и нарративную гадательность карты Таро, и множество других аналогий, мимикрирующих под итог» (Ш. Абдуллаев).

В 1989 К. опубл. **«Жизнь Андрея Николева: Этюд с комментариями»**; в 1990 — программную статью **«Предчувствие эмоционализма: М. А. Кузмин и "новая поэзия"»**, в кот. связал поиски Кузмина 1920-х

с панорамными вещами на границе стиха и прозы 40-х (Бретон «Ода Шарлю Фурье»; У. К. Уильямс «Патерсон»), с «проективным стихом» Ч. Олсона, прослеживая ту же тенденцию «расширения пределов допустимого» в развитии лен. поэзии — от Вагинова и обэриутов до А. Драгомощенко, В. Кучерявкина и С. Завьялова. Это был своего рода манифест, «призванный собрать под свои знамена разрозненные группки и кружки, подчас не подозревающие о существовании друг друга» (А. Скидан).

В 1993 выходит кн. прозы К. **«Прогулки»**, в кот. поэтика стихотворения в прозе, изначально ориентированная на поэтич. высказывание, переносится на более крупные формы, такие как рассказ и повесть. Последние существуют на стыке мн. жанров, совмещая в себе эссе, биогр. очерк, дневник, частное послание.

Манера письма К., прозрачная и в то же время насыщенная и нелинейная, требует от критиков соответствующего дискурса. Анализируя прозу К., Ш. Абдуллаев говорит о «скорости аллюзивного сгущения»: «... сперва в экспозиции на сцену поднимается дендистский дух, — "явление героическое", — оспаривающий и дублирующий гипотетичного протагониста, после чего следуют извивы высочайшей эрудиции и предметно-архитектурный проливень, завершающийся узорчато-плавной ферулой, чье тягучее замирание щадяще заслоняет от наблюдателя его же несотворенные подобия в иных краях» (<http://www.openspace.ru/literature/names/details/12528/>). Другие отмечают «разрыв между спиритуальной легкостью, невесомостью внутренней речи и тяжеловесной монотонностью языковых механизмов и агрегатов... Проза <К.> — (авто)прогулки по ландшафту европейской культуры в намеренно испорченной, с отключенной системой тормозов, машине письма» (Д. Голынко-Вольфсон).

В 1998 за кн. «Прогулки» К. присуждается премия Андрея Белого. Говоря на церемонии вручения о «Прогулках» по необходимости ретроспективно, А. Скидан подытоживает: кн. К. представляет собой «хартию самоопределения писателя, вдруг обнаружившего себя хуже чем в меньшинстве».

В 1993–94 в СПб. и Марселе проходит французско-русский поэтич. фестиваль «10x10», в подготовке кот. К. принимает деятельное участие и переводит тексты французских участников, вошедшие в обширный каталог (Поэзия / Poésie: СПб./ Марсель. [Marseille, 1993]).

Среди своих переводов с английского наиболее важными К. считает переводы поэтов американской Language school (К. Гарриман, К. Кулидж, М. Палмер, К. Эшлеман). Эссе Р. Крили «Определить» и Ч. Олсона «Разъятый стих» вошли в антологию «Совр. американская поэзия» (Екатеринбург: УрО АН, 1996).

В разных ж. постоянно появляются переводы К. из А. Бретона, Ф. Супо, Ж. Риго, П. Дриё ля Рошеля, А. Мишо, Ф. Понжа, А. П. де Мандиарга, Дж. Де Кирико (перевод его книги «Гебдомерос» остался незавершенным), Ж.-Ж. Витона, П. Э. Родити, П. Боулза (частично вошли в книгу Пол Боулз. Под покровом небес: Роман, рассказы. СПб.: Симпозиум, 2001), Х. Уолпола (вошли в кн. Хорас Уолпол. Иероглифические сказки. [Тверь]: Kolonna Publications, 2005).

В апр. 1994 вместе с женой М. Виноградовой становится организатором лит. фестиваля «Открытие поэзии», собравшего участников неофициального культурного движения. Летом 1994 К. и М. Виноградова основывают изд-во «Новая Луна», под маркой кот. были изд. антология «24 поэта и 2 комиссара» (1994), первый номер ж. «Поэзия и критика» (1994), сб. экспериментальной прозы Ю. Лейдермана «Имена электронов» (1997).

В 1995 тяжело переживает гибель писателя и переводчика Сергея Хренова. В эссе его памяти он пишет: «... здесь никогда не было свободы, и поэтому в уме нет крупного плана жизни, чтобы сказать всю правду. Правда — это точность, а не то, что кажется правильным. Факт. Для которого у тебя здесь только твоя жизнь, или, бывает, один кафетерий на углу. Там, где ты стоишь на грани своего и другого» (Звезда Востока. 1995. № 9/10).

В это время уже не пишет стихов. Публикует критич. прозу (**«Пушкин»**, **«НоМИ»**, **«Новая русская книга»**), переводит, интересуется визуальными искусствами: кино, фотографией, общается с художниками, рисует сам.

Для режиссера «параллельного кино» В. Захарова создает сценарий фильма **«Путешествие г-на В. К.»**, «декадентскую пародию на декадентство и гомоэротику, характерную для начала 90-х» (А. Скидан). Принимает участие в проектах галереи Navicula Artis (серия постановочных фотографий по мотивам Т. Квинси для ж. «ОМ»; «Гурин-Дурин балет»; прогулки в духе «мнемонического театра» и пр.).

Остался недописанным сценарий телефильма о Штирлице (заказанный, но так и не востребованный телеканалом ОРТ) и повесть **«Люди в облаках»**, задуманная в связи с проектом «Русское Патафизическое Общество», кот. К. вместе с художником Ю. Лейдерманом был увлечен в посл. годы жизни.

В письме Д. Кислову, написанном незадолго до гибели, К. определяет свои поиски своеобразного синтеза прозы, поэзии, визуального искусства, «театра памяти» и психического автоматизма сюрреалистов: «... существует, если ты знаешь, термин анаморфазия, кот. очень хорошо подходит под описание симптомов, связанных со свойством человеческого разума предпочитать действительному возможное, у меня есть желание вести об этом записки, состоящие из разных рисунков и текстов и способные, подозреваю, образовать достаточно сложную органическую структуру, я не хочу выдумывать ничего, кроме того, как выдумывать, мне хотелось бы завести нечто вроде библиотеки и художественного музея, увлечения у меня такие: утопические системы и воображаемые путешествия, сюрреалистическое искусство и его предшественники с xvii по xix век, искусство модерна и приключения в духе жюль верна (воспринятые, правда, через психоделику семидесятых), а также то более современное искусство, которое связано не с отображением действительности в какой-либо традиционной или концептуальной форме, а с поисками в ней принципиально другого, это может выглядеть не так страшно, как звучит, в ближайшее время мне нужно, во-первых, завершить одну очень большую статью о сюрреализме, а во-вторых, напи-

сать небольшую "рамочную" прозу о сновидениях и способах ими руководить с помощью разных произведений искусства, вот на их основе, дополняя эти тексты различными литературными и изобразительными иллюстрациями, комментариями, и другими текстами, я бы и мог попробовать запустить снежный ком. При всем этом, я совсем не хочу делать никакого сугубо личного проекта: я хочу создать нечто вроде архива и мастерской искусства, которое (здесь, по крайней мере) не находит себе места, а если никто этим не займется, кроме меня — тоже ничего, как и раньше, я хочу, чтобы все это называлось — русское патафизическое общество, я имею в виду замечательное определение, которое дал этому делу альфред жарри: "эпифеномен представляет собой то, что соприбавляется к феномену"...».

Подборка текстов К. (фактически — неизданная книга) «Карманный альбом для Игоря Вишневецкого» (1999) опубл. в 2000 в Интернет-ж. «TextOnly». Произведения К., скрупулезно собранные Вл. Эрлем по периодическим изд. и частным архивам, составили большую книгу, кот. ждет своего издателя.

Соч.: Предчувствие эмоционализма: М. А. Кузмин и новая поэзия // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990; Жизнь Андрея Николева: Этюд с комментариями // Митин ж. 1990. № 30; Шоковая терапия: Антология ужаса и детектива (Хичкок представляет) / Перевод. и сост. В. Кондратьев. Л., 1990; Сабаста: Главы из книги // Черновик. 1991. № 5; Прогулки. СПб., 1993; Кабинет фигур: Главы из книги // Комментарии. 1994. № 3; Портрет Юрия Юркуна // Юркун Ю. Дурная компания. СПб., 1995; Любители любовей // Метафоры отрешения: Актуальное искусство из СПб. СПб, 1996; Четвёртый разговор // Назад к фотографии: Статьи. Разговоры о фотографии. Каталог выставки. М., 1996; Русская исповедь [Об отношении к наркотикам в русской литре] // Опиум: Сб. М., 1999; Легенда о Великих Прозрачных // Рассказы о художниках: История искусства XX века. СПб., 1999.

Лит.: Драгомощенко А. [О книге Василия Кондратьева «Прогулки»] // Митин ж. 1994. № 51; Голынко-Вольфсон Д. Опережая жизнь // На дне. СПб., 1999. № 20 (73). 15–31 окт.; Морев Г. Несколько слов в память Василия Кондратьева // НоМИ. 1999. № 5 (10); Драгомощенко А. Странствующие / Путешествующие // Митин ж. 2001. № 59; Вишневецкий И. Памяти Василия Кондратьева // Митин ж. 2001. № 59; Скидан А. Василий Кондратьев: до востребования // Скидан А. Сопротивление поэзии. СПб., 2001; Скидан А. Совпадение в пейзаже // Воздух. 2008. № 4; Абдуллаев Ш. Василий Кондратьев: смерть солдата // <http://www.openspace.ru/literature/names/details/12528/>; сайт премии Андрея Белого <belyprize>

О. Абрамович

КОНДРА́ТЬЕВ Михаил Кириллович [11.1.1961, Л-д — 17.8.2008, СПб.] — поэт, переводчик.

Отец — геофизик, акад. АН СССР (1984) и РАН (1991); мать — филолог, работник культуры, младший брат — поэт Вас. Кондратьев.

С четырех лет начал изучать английский яз. Учился в школе с углубленным изучением иностранного яз., но после школы поступил на химич. фак-т ЛГУ (1977–82). Окончив ун-т, по специальности практически не работал. С сер. 1980-х начал активно сотрудничать с различными изд-вами в качестве переводчика.

Поэзией интересовался с детства, прекрасно знал как русскую, так и англоязычную классику, последнюю мог читать в оригинале — в семье была хорошая биб-ка. Некот. время К. была близка поэтика символистов, А. Блока. На тв-во К. оказала влияние американская поэзия от Эмили Дикинсон до Сильвии Плат.

В 1980-х познакомился с поэтом Б. Пузыно. Эта встреча в значительной степени изменила его манеру письма. Как признавался К. друзьям, после знакомства со стих. Пузыно, он кардинально пересмотрел свои взгляды на поэзию, сделал шаг в сторону от традиций. Через некот. время вместе с Б. Пузыно (Б. Пу), Д. Григорьевым (Д. Во) и Вяч. Ртомкером (Фил, Вячеслав Филиппов), К. (Транк МК) вошел в группу писателей депрессионистов. Поэт и критик К. Бурлуцкий писал об этом объединении: «Депрессионисты отличались отсутствием бунтарских настроений, иронией по отношению к нравственности окружающих и серьезности поэтов старшего поколения. Принципиально стремились к замкнутости и, за редким исключением, практически не участвовали в чтениях» (Октябрь. 2010. № 2). В статье Б. Иванова «Лит. поколения в лен. неофициальной литре» («Самиздат Л-да») есть упоминание о сознательной игре ряда членов группы, игре, пародирующей и доводящей до абсурда социалистическую, да и не только социалистическую действительность. «Например, на основе идеи Чучхе, журналов "Корея" и "Корея сегодня" депрессионистами был написан коллективный эпос "Правда о кровавой Ейке". Один из членов группы В. Ртомкер снимал фильмы по рассказам Даниила Хармса и на собственные сюжеты» (Григорьев Д. Депрессионизм как явление русской поэзии постбрежневской эпохи).

В 1985 депрессионисты выпустили машинописный колл. сб. «Модитен депо» — по названию антипсихотического препарата. Однако, по словам Д. Григорьева, «творческий метод Кондратьева не имел отношения ни к пиву, ни к сиднокарбу, ни к другим опьяняющим и психостимулирующим веществам. В его основе был, прежде всего, поэтический дар, который дается по милости Божьей, великолепное чувство языка, плюс серьезное знание мировой письменной культуры...» (Зинзивер. 2008. № 3–4 / 11–12).

К. являлся признанным лидером депрессионизма. Фактически, именно он поднял этот термин на щит. Это

влияло и на взаимодействие с окружающим миром. Истинный депрессионист не участвовал в кипучей лит. жизни, не стремился напеч. свои тексты во что бы то ни стало. К. вполне устраивало, что с его тв-вом знакомо лишь ближайшее окружение. Публикация небольшой подборки в «Митином ж.» — скорее исключение, чем правило (**Присутствие. Депрессия № 13. Революция № 11. Весть. Дождь. «Оставленный золотом он дышит...»** // Митин ж. 1987. № 14). К. так определял поэтич. миссию депрессиониста: «Рисовать мысленно то, что могло бы произойти — не занятие депрессиониста. Истинный мастер делает все наяву. Депрессионист не склонен тонуть в чужих помоях, а собственное г... отправляет по назначению» (Кондратьев М. Из личного письма).

«Отношение к смерти как к некоей данности — очень частая тема произведений депрессионистов. Тема смерти пропитывала воздух, и звучала в то время не только в текстах участников группы. "Друзья, давайте все умрем, к чему нам жизни трепетанье... ведь жизнь и смерть одно и то же" — эта нежная песенка Бориса Гребенщикова на стихи Джорджа Гуницкого вполне отвечала духу депрессионизма» (Григорьев Д. Депрессионизм как явление русской поэзии постбрежневской эпохи).

Названия ранних сб. стих. К. говорят сами за себя: **«Революция: мозговой слой»** (апр. 1986), **«Депрессия: метод молотка»** (сент. 1986), **«Маниакальный житель»** (сент. 1986), **«Пятая подстанция: сомнительные голоса»** (янв. 1987). После смерти К. эти и др. сб. вышли под одной обложкой в кн. **«Битое стекло»** (СПб., 2011).

Распад лит. группы произошел в нач. 1990-х. Настоящим и до конца последовательным депрессионистом оставался лишь К. Однако читающая публика в большей степени знакома скорее с переводами К., чем с его поэзией. Переводы Харлана Эллисона, Филиппа Дика, Хантера Томпсона и др. совр. писателей продолжают изд. и переизд. различными изд-вами.

В 2004 вошел в тройку финалистов премии «Странник» в номинации «Переводы».

Соч.: Стихотворения разных лет // Митин ж. 1987. № 14; Резиновая посуда: Стихи // http://zapovednik.litera.ru/N27/page04.html (04.02.11); Битое стекло. СПб., 2011.

Перев. (с англ.): Дик Ф. К. Предпоследняя истина. СПб., 1993; Дик Ф. К. Лучший друг Бога. М., 1996; Найт Д. Вглубь. М., 1996; Найт Д. Заворот. М., 1996; Найт Д. Вдаль. М., 1996; Найт Д. Запредел. М., 1996; Найт Д. Сумерки людей. М., 1996; Харлан Э. Все звуки страха. СПб., 1996; Варли Дж. Титан. СПб.-М., 1997; Дэвис Г. Сын неба. Странствия Марко Поло. СПб.-М., 1997; Варли; Дж. Фея. М., 1999; Варли Дж. Демон. М., 1999; Баллард ж. Г. Затонувший мир. СПб., 2001; Дилэйни С. Р. Имперская звезда. М., 2002; Грум У. Гамп и компания. СПб., 2004; Дэвидсон Э., Мэйн Д. Падшие. СПб., 2005; Саутерн Т. Грустное кино. СПб., 2005; Таками К. Королевская битва. СПб., 2005; Томсон Х. С. Ромовый дневник. СПб., 2002; Бибби Дж. Месть Ронана. М., 2003; Бибби Дж. Спасение Ронана. М., 2003; Бибби Дж. Ронан-варвар. М., 2003; Черазини М. Чужой против хищника. СПб., 2004; Харлан Э. Святой десант. М., 2005; Харлан Э. Дело «Труба». М., 2005; Дик Ф. К. Лейтесь слезы мои... СПб., 2005; Дик Ф. К. Скользя во тьме (Помутнение). СПб., 2005; Дик Ф. К. Гончарный круг. Друг моего врага. СПб., 2005; Гарсия Э. Ящер-3. СПб., 2005; Шеффилд Ч. Темнее дня. Холоднее льда. М., 2005; Герберт Дж. Гробница: столкновение зол. М., 2006; Чабон М. Приключения Кавалера и Клея. СПб., 2006; Хапка К. Остаться в живых. СПб., 2006; Вулф Т. Конфетнораскрашенная апельсиннолепестковая обтекаемая малютка. СПб., 2007; Голден К. Вот мы и встретились. М., 2007; Мейсон Н. Шиворот-навыворот: Личная история Pink Floyd. СПб., 2007; Смит Л. Дж. Дневники вампира. Пробуждение. СПб.-М., 2010; Смит Л. Дж. Дневники вампира. Голод. СПб.-М., 2010; Харрисон К. Мертвая ведьма пошла погулять. М., 2010.

Лит.: Д. А. Депрессионизм в стихах и в жизни // Питербook плюс. 2000. № 6; Иванов Б. Лит. поколения в лен. неофиц. лит-ре. 1950-е — 80-е гг. // Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Григорьев Д. Стихи и судьба Михаила Кондратьева // Зинзивер. 2008. № 3/4; Бурлуцкий К. Другой Григорьев // Октябрь. 2010. № 2; То же // Журнальный зал: [сайт]. М., 2010.

Д. Хабарова

КОНЁЦКИЙ Виктор Викторович [6.6.1929, Л-д — 30.3.2002, СПб.] — прозаик, киносценарист.

Родился в интеллигентной семье: отец — помощник прокурора Октябрьской железной дороги, мать — в молодости артистка миманса Мариинского театра оперы и балета, участница Русских сезонов труппы Дягилева, брат, Олег Викторович Базунов, — искусствовед, писатель. До 1941 К. учился в средней школе, увлекался рисованием, мечтал стать художником, навсегда сохранив пристрастие к живописи. В 1942 вместе с матерью и братом был вывезен из блокадного города по льду Ладожского озера, жил в эвакуации во Фрунзе и Омске. Зимой 1944 вернулся в Л-д. В 1945 поступил в Лен. военно-морское подготовительное училище, в 1948 переведен в Первое Балтийское высшее военно-морское училище, где окончил штурманский фак-т в 1952. С 1952 по 1955 служил на кораблях 441-го дивизиона аварийно-спасательной службы Сев. флота. После демобилизации в 1955 оставался профессиональным моряком и более 20 лет совмещал писательскую деятельность с морской работой, совершая рейсы в основном в Арктику и Антарктику, на торговых, науч.-иссл. и пассажирских судах в качестве штурмана и капитана.

Будучи воен. курсантом, К. сдал экстерном экзамены за 1-й курс филологич. фак-та ЛГУ. В 1955–58 (вместе с А. Володиным, В. Курочкиным, В. Пикулем, В. Голявкиным, Э. Шимом, Г. Горышиным и др.) занимался в ЛИТО прозаиков при ЛО изд-ва «Сов. писатель» под рук. Л. Рахманова и М. Довлатовой. С 1956 печ. в альм. «Молодой Л-д» и лен. ж. Перв. публ. — рассказ **«В утренних сумерках»** (Звезда. 1956. № 5). Перв.

сб. рассказов **«Сквозняк»** изд. в 1957 в ЛО «Сов. писателя».

К. принадлежит к лит. поколению, заявившему о себе во весь голос в пору либеральных надежд кон. 1950-х. Его ранние рассказы (сб. «Сквозняк» и **«Камни под водой»**, 1959) — о воен. детстве (**«Капитан, улыбнитесь!»**, **«Петька, Джек и мальчишки»**), о моряках-спасателях в Арктике (**«Путь к причалу»**), о верной курсантской дружбе и юношеской любви (**«Заиндевевшие провода»**, **«Если позовет товарищ»**) — повторяют эпизоды драматич. биографии автора. Блокадный опыт выживания и голодные мытарства научили героев К. умению постоять за себя, духовный скепсис они компенсируют волевыми поступками и обостренным чувством взаимопомощи (**«Завтрашние заботы»**, 1961; **«Повесть о радисте Камушкине»**, 1962). Однако романтич. флер, склонность героев К. к рефлексии и уважение молодого писателя перед Э. Хемингуэем были с раздражением восприняты критикой, усомнившейся в нравств. состоятельности и худож. достоверности «полярных капитанов» К. Во «внежанровом» повествовании **«Кто смотрит на облака»** (1967) — цикле из 10 новелл, близком по своей сверхзадаче к роману,— писатель вышел за пределы современности, расширил историч. диапазон событий, разнообразил круг персонажей, но лирич. начало и здесь превалировало над действием и сюжетом.

В кн. **«Соленый лед»** (главы опубл. в ж.: Знамя. 1965. № 9 и 1968. № 7; Звезда. 1968. № 5; отд. изд.— Л., 1969) К. обратился к путевой лирич. прозе, вбирающей воспоминания, ист. экскурсы, дорожные впечатления, публицистику и худож. зарисовки. Стремясь к предельному самовыражению, он принципиально отказался от вымышленных героев, маскирующих писательское «я», отдав предпочтение рассказчику, дублеру автора, и настаивая на том, что его морские плавания — не мат-л для сочинительства, но тяжкая профессиональная работа. А. Солженицын писал К. в 1967: «...Вы писатель настоящий и честный... Вы литературу не копируете с образцов, а делаете взаправду... Ваша проза мужественна: не в смысле смелости поднимаемых вопросов, а в смысле хватки мужской — в меру все взято, голос никогда не повысится, лишний мускул не напряжется, если не требуется обстоятельствами...».

Ретроспективный взгляд в прошлое подверг очередной ревизии биографию писателя и его поколения, раздвинув духовные горизонты и позволив запечатлеть живой процесс «отслаивания истории» от современности на срезе индивидуального опыта. В этом откровенно полемическом жанре, где так существенен документ и свидетельская правда участника происходящего, написаны кн. **«Среди мифов и рифов»** (1972) и **«Морские сны»** (1975). Вслед за «Соленым льдом» они стали частями обширного «романа-странствия» **«ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ»** (1977). Менялись маршруты, действие из Арктики перемещалось в Индийский океан, от берегов Канады в Южную Америку, менялись корабли, команды, специфика работы, но фигура рассказчика неизменно определяла собой внутреннюю цельность трилогии. В русской лит-ре 1970-х трудно найти аналог этому оригинальному произведению, где зыбкое постоянство движения в пространстве и во времени ощущается как естественное состояние обеспокоенной человеч. души.

Отвергая беллетристич. ухищрения, иронизируя над собств. былой романтикой и Э. Хемингуэем, К. в трилогии, а также в повестях **«Путевые портреты с морским пейзажем»** (Звезда. 1976. № 3), **«Последний день в Антверпене»** (Звезда. 1977. № 1), рассказах **«Начало конца комедии»** (Аврора. 1976. № 8), **«Елпидифор Пескарев»** (Дружба народов. 1977. № 2) все охотнее опирался на юмор как «единственное средство против перепутанности и сложности мира». Бесхитростное добродушие любимого персонажа К., неунывающего Петра Ниточкина, устами кот. поведано бесчисленное множество смешных и грустных «морских баек» (См.: «Глава пятая, год 1959. Ниточкин» в книге «Кто смотрит на облака»; **«Из рассказов старого друга»**, 1987; «Начало конца комедии», 1976, и др.), постепенно уступало место глубокому сарказму и в повести **«Вчерашние заботы»** (1979) сменилось жесткой сатирой, с подчеркнутой оглядкой на М.. Салтыкова-Щедрина.

В прозе К. 1980-х рассказчик окончательно отождествляется с автором, выступающим уже без масок и декораций. В сб. **«Третий лишний»** (1983), **«Ледовые брызги»** (1987), **«Некоторым образом драма»** (1989),— с подзаголовками «из дневников писателя», «непутевые заметки, письма» — К. делится воспоминаниями о В. Шкловском, Ю. Казакове, В. Курочкине, о парижских встречах с В. Некрасовым, запальчиво, с нелицеприятными самооценками рассказывает о лит. обстановке 1950–60-х.

В 1990-х проза К. оказалась поновому актуальна и созвучна обществ. настроениям. «Умаление беллетристики» (С. Боровиков) в пользу докум. правды, ершистый взгляд на события «перестройки», способность героев К. «существовать без сказки» (Д. Рогинский), трезвая оценка происходящих на флоте потрясений — все это импонировало читателю. Кн. К. на фоне заката сов. лит-ры были активно востребованы, ибо он всегда писал «о жизни, кот. корежит все наши убеждения и насмехается над самыми распрекрасными теориями. Не говоря уж об идеологических догмах» (Звезда. 2002. № 5).

С перв. лит. шагов К. проявлял пристальный интерес к кино. Два сценария (в соавт. с Э. Шимом), напеч. в альм. «Молодой Л-д»,— **«Своими руками»** (1957) и **«Опора»** (1958) — поставлены не были. Широкую популярность заслужил фильм **«Полосатый рейс»** (1961), снятый по сценарию К. и А. Каплера (реж. В. Фетин; «Ленфильм»). Реж. Г. Данелия экранизировал «Путь к причалу» (1962) и поставил на «Мосфильме» кинокомедию **«Тридцать три»** (1965). На «Ленфильме» в 1963 осуществлена экранизация «Завтрашних забот» (сценарий В. Метальникова, реж. Б. Метальников и Г. Аронов) и рассказа «Если позовет товарищ» (сценарий Б. Чирскова, реж. А. Иванов).

До конца своих дней К. сохранял тесные связи с людьми моря. По справедливому замечанию А. Битова, «он приравнял звание писателя к капитанскому, со всем антуражем еще дворянского офицерского кодекса», и похоронили К. как морского офицера — с воинскими почестями, на Смоленском православном кладб. СПб. Имя К. в 2002 внесено в Листы

Золотой Книги СПб. и увековечено на мемориальной доске (Адмиралтейский канал, д. 9) в 2004. Именем К. назван танкер нового поколения (2005) и малая планета (2007).

Соч.: Если позовет товарищ: Рассказы. Л., 1961; Луна днем: Повесть и рассказы разных лет. Л., 1963; Над белым перекрестком: Повести и рассказы. Л., 1966; Повести и рассказы / Послесл. И. Кузьмичева. Л., 1970; Соленый хлеб: Избр. / Предисл. Д. Гранина. Л., 1979; Рассказы и повести разных лет / Послесл. Е. Сидорова. 1988; Никто пути пройденного у нас не отберет / Послесл. Л. Аннинского. М., 1989; Полосатый рейс: Повесть, рассказы, сценарий. СПб., 1994; Кляксы на старых промокашках. СПб., 1997; Эхо: Вокруг и около писем читателей. СПб., 2001 (2005); Последний рейс: Повести, эссе. М., 2001; СС: В 7 т. СПб., 2001–02. Доп. т. — 2003; Морские сны. Начало конца комедии. М., 2003; Никто пути пройденного у нас не отберет. М., 2003; Соленый лед. Среди мифов и рифов. М., 2003; Вчерашние заботы. Третий лишний. М., 2004; Кто смотрит на облака. СПб., 2004; Завтрашние заботы. Кто смотрит на облака. М., 2005; Ненаписанная автобиография. СПб., 2006; Путевые портреты с морским пейзажем. СПб., 2009; Путь к причалу. М., 2009 (2011); Благодаренье снимку...: Семейный фотоальбом В. Конецкого. СПб., 2009; Из переписки В. Кононыхиной-Семиной и В. Конецкого // Звезда. 2009. № 6; СС: В 7 т. СПб., 2010; ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ: В 7 т. СПб., 2010.

Лит.: Бабенышева С. Полярные капитаны Виктора Конецкого // ЛГ. 1961. 2 март.; Ермонский А. Когда философия идет ко дну // Октябрь. 1961. № 5; Лакшин В. Робкие мужчины // Новый мир. 1961. № 8; Кудрово И. Возможности формы // Звезда. 1966. № 2; Гигович И. Пока в человеке есть достоинство // Новый мир. 1969. № 3; Золотусский И. Подводя итоги // Золотусский И. Тепло добра. М., 1970; Евтушенко Е. Прекрасная тайна товарища // Лит. Россия. 1976. 21 мая; Банк Н. Польза суровости // Лит. обозрение. 1976. № 2; Урбан А. Диалог с примесью соли // Звезда. 1979. № 7; Файнберг Р. Виктор Конецкий: Очерк тв-ва. Л., 1980; Шик Э. Память и ответственность художника // Сибирские огни. 1987. № 2; Кузьмичев И. Польза географии для искусства жизни // Кузьмичев И. Мечтатели и странники: Лит. портреты. Л., 1992; Боровиков С. Умаление беллетристики // Книжное обозр. 2001. 12 март.; Памяти Виктора Конецкого // Звезда. 2002. № 5; Щербина Н. Путь к причалу // ЛГ. 2004. 10–16 нояб.; Дорогой наш капитан: Книга о Викторе Конецком. М., 2004; Виктор Конецкий. Указ. лит-ры на рус. яз. (за 1956–2002 гг.). СПб., 2004; Наброски к ненаписанному портрету // Нева. 2006. № 6; Руденко И. «Пришла пора таких заметок» // Комс. правда. 2009. 6 июн.

И. Кузьмичев

КО́НИ Анатолий Фёдорович [29.1.(9.2).1844, СПб. — 17.9.1927, Л-д; первоначально был похоронен на Тихвинском кладб. Александро-Невской лавры, в 1930-х прах перенесен на Литераторские мостки Волкова кладб.] — юрист, гос. и общ. деятель, литератор.

Родился в семье театр. деятеля и писателя Фёдора Алексеевича К. и писательницы и актрисы Ирины Семёновны К. Отец получил образование на мед. фак-те Моск. ун-та и был изв. писателем, водевилистом и театр. деятелем. В 1840 основал ж. «Пантеон», кот. в 1842 слился с «Репертуаром» и стал «Репертуаром русского и Пантеоном всех европейских театров». Мать, урожд. Юрьева (на сцене выступала под фамилией Сандунова — по первому мужу), в 1837 издала сб. рассказов, в кот. вошли рассказы «О простых случаях жизни» и «Повести девицы Юрьевой». Впоследствии более 15 лет выступала на сцене, исполняя преимущественно комич. роли, сотрудничала с «Лит. газ.». В семье часто собирались литераторы и актёры, обсуждались политич. новости, театр. премьеры и лит. дебюты. Начальное образование Анатолиус (как он впоследствии называл себя) получил в доме родителей, где наукам обучали домашние учителя. Гл. целью воспитания в семье было научить детей думать. С 1855 учился в СПб. училище Святой Анны (Анненшуле) — популярной в те годы немецкой школе при церкви св. Анны. В 1858 перешёл в четвёртый класс 2-й СПб. гимназии, к этому времени владел французским и немецким яз., занимался переводами лит. произведений. Будучи гимназистом, посещал лекции знаменитых профессоров СПб. ун-та, в т. ч. изв. историка Н. Костомарова. В мае 1861 сдал экзамены для поступления в СПб. ун-т по мат. отд. В дек. 1861 ун-т был закрыт из-за студенч. беспорядков, в связи с чем принял решение переехать в М., где перешёл на II курс юридич. фак-та Моск. ун-та. В марте 1865 закончил ун-т со степенью права, написал выпускную дис. **«О праве необходимой обороны»**, кот. по решению Совета ун-та была опубл. в «Моск. университетских известиях» (1866). Получил предложение остаться при ун-те преподавателем по кафедре уголовного права, но прежде чем приступить к чтению лекций рекомендован для учебы за границу, в Лейпциг (осень 1866). Однако в связи с покушением на имп. Александра II посылка за границу молодых людей была приостановлена. 30 сент. 1865 поступил на временную службу счётным чиновником в гос. контроль и в тот же день (согласно послужному списку) по рекомендации ун-та на запрос воен. министра перешёл на работу по юридич. части в Военное министерство. После судебной реформы по собств. желанию перешёл 18 апр. 1866 в СПб. судебную палату на должность помощника секретаря по уголовному департаменту. 23 дек. 1866 с повышением переведен в М. секретарём при прокуроре Моск. судебной палаты. В авг. 1867 назначен товарищем (помощником) прокурора Сумского окружного суда, в нояб. 1867 — товарищем прокурора Харьковского окружного суда. Весной 1869 тяжело заболел и по настоянию врачей уехал за границу на лечение (Карлсбад). По возвращении 18 янв. 1870 назначен товарищем прокурора СПб. окружного суда. Впоследствии назначался Самарским губернским

прокурором, прокурором Казанского окружного суда. В мае 1871 возвратился в СПб. прокурором СПб. окружного суда, позже (1875) вице-директором департамента министерства юстиции. В дек. 1877 назначен председателем СПб. окружного суда. Параллельно с осн. работой в период с 1876 по 1883 состоял преподавателем теории и практики уголовного судопроизводства Императорского училища правоведения и членом Высочайше учреждённой комиссии для исследования железнодорожного дела в России. В 1875 назначен членом совета управления учреждений вел. кн. Елены Павловны, в 1876 стал одним из учредителей СПб. юридич. об-ва при ун-те, в кот. неоднократно исполнял обязанности члена редакционного комитета уголовного отдела и совета. В 1877 избран в столичные почётные мировые судьи, в 1878 в почётные судьи СПб. и Петергофского уездов. После дела В. Засулич попал в опалу. Но в 1881 получил предложение поста председателя департамента СПб. судебной палаты по гражданским делам. В янв. 1885 назначен обер-прокурором уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената (в то время высшая прокурорская должность). С 1891 — сенатор. 30 дек. 1896 окончательно уволен от исполнения обязанностей обер-прокурора согласно личной просьбе. В 1900 полностью оставил судебную деятельность и указом императора Николая II был переведён в общее собрание Первого департамента Сената в качестве присутствующего сенатора. 1 янв. 1907 назначен Членом Гос. совета Российской империи с оставлением в звании сенатора.

В обл. гос. и общ. строя придерживался умеренно-либеральных взглядов. Был сторонником демократических принципов судопроизводства, введённых судебной реформой 1864. Член и председатель (1916) СПб. юридич. об-ва. Представил ряд рефератов в спб. юридическом об-ве: **«О суде присяжных и об условиях его деятельности»** (1880); **«О закрытии дверей судебных заседаний»** (1882); **«Об условиях невменения по проекту нового уложения»** (1884); **«О задачах русского судебно-мед. законодательства»** (1890); **«О лит.-художественной экспертизе как уголовном доказательстве»** (1893). В спб. сифилидологическом и дерматологическом об-ве прочел д-д **«О врачебной тайне»** (1893), на пятом Пироговском мед. съезде — речь **«О положении эксперта судебного врача на суде»** (1893); в русском лит. об-ве — д-ды **«О московском филантропе Гаазе»** (1891); **«О лит. экспертизе»** (1892) и **«О князе В. Ф. Одоевском»** (1893). В торж. собраниях спб. юридич. об-ва К. произнес речи: **«О Достоевском как криминалисте»** (1881); **«О заслугах для судебной реформы С. Ф. Христиановича»** (1885); **«Об умершем А. Д. Градовском»** (1889); **«О докторе Гаазе»** (1891); **«О внешней истории наших новых судебных установлений»** (1892).

Русскому об-ву известен как выдающийся судебный оратор. Судебные заседания по делам, рассматривавшимся с его участием, проходили в переполненных залах, со стечением многочисленной публики, привлекавшейся его лит. и науч. речами. Еще в юности слушание лекций в унтах заложило в нем прочные основы философского и юридич. образования, а личные сношения со мн. представителями науки, изящной лит-ры и практической деятельности поддерживали в нем живой интерес к разнообразным явлениям умственной, общ. и гос. жизни. Обширная, не ограниченная спец. областью знания эрудиция К., при счастливой памяти, давала ему, как свидетельствуют об этом его речи, обильный мат-л, кот. он умел пользоваться, как художник слова. По своему содержанию судебные речи К. отличались высоким психологич. интересом, развивавшимся на почве всестороннего изучения индивидуальных обстоятельств каждого рассматриваемого случая. С особенной старательностью он останавливался на выяснении характера обвиняемого, и, только дав ясное представление о том, кто этот человек, переходил к дальнейшему изысканию внутренней стороны совершенного преступления. Характер человека служил для К. предметом наблюдений не со стороны внешних только образовавшихся в нем наслоений, но со стороны тех особых психологич. элементов, из кот. слагается «я» человека. Судебные речи, юрид. заметки и выступления опубл. в кн.: **«Судебные речи»** (СПб., 1888); **«За последние годы»** (СПб., 1896).

Занимался пед. деятельностью. В 1876–83 преподавал в училище правоведения, с 1901 — в Александровском лицее.

После революции гос. юридическая система рухнула. К. остался не у дел. С приходом сов. власти просил встреч с А. Луначарским, наркомом образования. Вновь обратился к пед. деятельности. В кон. 1918 был приглашен читать лекции в Пг. ун-т (проф., работал до 1922) и в открытый в 1919 Ин-т живого слова. В 1924 Гос. курсами техники речи торжественно отмечалось 80-летие К., в его честь был организован концерт, где было сказано, что в 1918 К. не отсиживался дома, а пришёл строить Ин-т живого слова — «дитя революции». Параллельно читал лекции во Втором Петербургском ун-те, Железнодорожном ун-те, Петроградском кооперативном ин-те и многочисленные лекции перед рабочими, служащими, военными, выступал в научных, общественных, творч. организациях и культурно-просветительных учреждениях, в т. ч. в Доме Ученых (посл. лекция). Помимо чтения лекций консультировал по особо сложным делам, читал лекции практикующим юристам. В окт. 1919 в квартире К. прошел обыск, часть имущества была изъята, он задержан и доставлен в ВЧК. На следующий день освобождён, но изъятое имущество не удалось вернуть. В 1922 написал комментарий к УК РСФСР.

В 1890 Харьковским ун-том по совокупности работ (лат. honoris causa) был возведён в степень доктора уголовного права. В 1892 Моск. ун-том и АН избран в почётные члены, а 8 янв. 1900 избран почётным академиком АН по разряду изящной словесности.

Лит. труды публ. в «Юридич. летописи» (1890), «Ж. Министерства юстиции» (1866 и 1895), «Моск. юридич. известиях» (1867), «Ж. Уголовного и Гражданского права» (1880), «Вестнике Европы» (1887, 1891 и 1893), «Историч. вестнике» (1887), газ. «Порядок» (1881), «Книжках недели» (1881, 1885 и 1892), «Новом времени» (1884, 1890, 1894), «Голосе» (1881), «Русской старине» (1910) и др.

В лит. произведениях создал яркие портреты крупных гос. и общ. деяте-

лей своего времени. Авт. статей, лит. портретов, воспоминаний о И. Тургеневе, Ф. Достоевском, А. Писемском, В. Короленко, И. Гончарове, А. Чехове, И. Горбунове, Вл. Соловьеве, А. Сумбатове-Южине, С. Витте, В. Стасове, М. Савиной и мн. др. Особую известность приобрели его записки судебного деятеля и воспоминания о житейских встречах **«На жизненном пути»** (В 5 т.; 1912–29), а также юбилейный сб. очерков и ст. **«Отцы и дети судебной реформы»** (1914) и др.

Был связан с деятельностью ИРЛИ (ПД) АН СССР со дня основания и до посл. дней своей жизни. Значился сверхштатным науч. сотр. ПД с 28 нояб. 1923. Передал в ПД биб-ку, музейное собрание и архив, имеющие большое историко-культурное значение. Архив: ИРЛИ, ф. 134.

Гос. награды: Орден Святого Владимира II ст. (1 янв. 1898); Орден Святого Владимира III ст. (13 апр. 1886); Орден Святого Владимира IV ст. (1 янв. 1874); Орден Святого А. Невского (30 сент. 1915); Орден Белого орла (1 янв. 1906); Орден Святой Анны I ст. (1 янв. 1895); Орден Святой Анны II ст.; Орден Святого Станисава I ст. (9 апр. 1889); Орден Святого Станисава II ст. с императорской короной (8 нояб. 1868). Награды АН: Пушкинская Золотая медаль за критич. разбор соч. Н. Д. Телешова «Повести и рассказы» (13 нояб. 1901); Золотая медаль за рецензирование худож. произведений (окт. 1905); Золотая медаль за рецензирование худож. произведений А. Чехова «Очерки и рассказы» (15 окт. 1907); Золотая медаль за активное участие в работе комиссии по рассмотрению соч., представленных для участия в конкурсе (3 нояб. 1911).

Адреса в СПб. (Пг.–Л-де): 28.1.1844–1856 — доходный дом Лыткина (наб. р. Фонтанки, 53); 1873–75 — доходный дом Кононова (Фурштатская ул., 33); 1875–77 — дом министерства юстиции (Малая Садовая ул., 1); 1877 — гостиница «Пале Ройяль» (Новый пр., 20); 1877–85 — доходный дом (Фурштатская ул., 27, кв. 29); 1885–87 — доходный дом (Стремянная ул., 6); 1887–92 — доходный дом кн. Огинской (Караванная ул., 20, кв. 5); 1892–95 — доходный дом (Воскресенский пр., 17); 1895–07 — доходный дом М. Лопатина (Невский пр., 100); 1907–08 — доходный дом (Фурштатская ул., 56); 1908–09 — доходный дом М. Гавриловой (наб. р. Фонтанки, 56); 1909–17 сент. 1927 — доходный дом — Надеждинская улица, 3, кв. 15. На этом доме (ныне ул. Маяковского, 3) установлена мемориальная доска.

ИРЛИ (ПД) подгот. кн.: «Памяти Анатолия Федоровича Кони» (Л.; М., 1929).

Приказом Министерства юстиции РФ № 75 от 25 февр. 2000 учреждена «Медаль Анатолия Кони» — высшая ведомственная медаль.

Соч.: Очерки и воспоминания. СПб., 1906; Отцы и дети судебной реформы. 1864–1914. М., 1914; На жизненном пути. Т. I, II. СПб., 1912; На жизненном пути. Т. III. Ревель–Берлин, 1922; На жизненном пути. Т. IV. Ревель–Берлин, 1923; Воспоминания о Чехове. Л., 1925; Избр. произведения / Сост. А. Амелин. М., 1959; Избр. произведения / Сост. Г. Большакова и П. Захаров. М., 1980; Собр. соч. / Под ред. В. Базанова и др. М., 1966–69. Т. 1–8; Избранное / Сост., вст. ст. и прим. Г. Миронова и Л. Миронова. М., 1989; Воспоминания о писателях. М., 1989; Судебные речи: Сб. / Авт.-сост. М. Чудаков. Минск, 2002.

Лит.: Кони Анатолий Федорович // Энц. словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907; Лейкина-Свирская В. Интеллигенция в России во втор. пол. XIX в. М., 1971; Смолярчук В. Анатолий Фёдорович Кони (1844–1927). М., 1982; Смолярчук В. Анатолий Фёдорович Кони // Гиганты и чародеи слова. Русские судебные ораторы втор. пол. XIX — нач. XX в. М., 1984; Высоцкий С. Кони. М., 1988 (серия «ЖЗЛ»); Смолярук В. А. Ф. Кони и его окружение (Очерки). М., 1990; Сашонко В. А. Ф. Кони в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Л., 1991.

КО́НИЧЕВ Константин Иванович [13(26).2.1904, дер. Поповская (ныне Усть-Кубинского р-на) Вологодской губ. — 2.5.1971, Л-д] — прозаик.

Член КПСС с 1926. Окончил Лит. ин-т им. М. Горького (1940).

Участник Великой Отеч. войны. Награжден 2 орденами, медалями.

Автор худож. книг **«Тропы деревенские»** (1929), **«Лесная быль»** (1934), **«По следам молодости»** (1936), **«За Родину»** (1937–38), **«Земляк Ломоносова»** (1950); **«К северу от Вологды»** (1954), **«В местах отдаленных»** (1954), **«В году тридцатом»** (1964) и др., цикла историко-биогр. повестей **«Повесть о Федоте Шубине»** (1941–51), **«Повесть о Верещагине»** (1956), **«Повесть о Воронихине»** (1959–64), **«Русский самородок. Повесть о Сытине»** (1966), **«Петр Первый на Севере»** (1973), сб. очерков **«Боевые дни»** (1938), **«От Карелии дор Кореи»** (1948), **«Люди больших дел»** (1949)

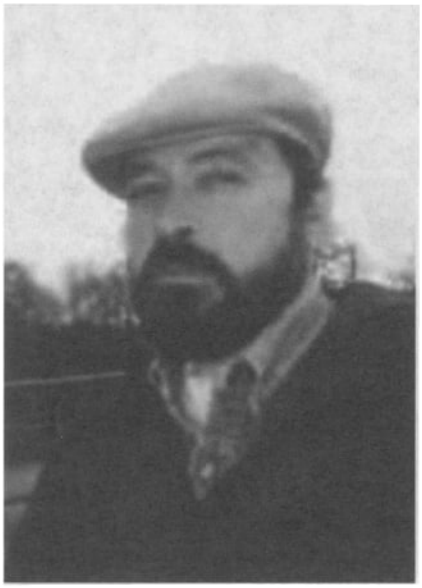
Осн. темы произведений К. — русский Север, судьбы ист. деятелей.

Соч.: За Родину. Архангельск, 1939; Земляк Ломоносова. Архангельск, 1950; Песни Севера, частушки, пословицы, загадки. 2 изд. [Архангельск], 1955; Повесть о Воронихине. Архангельск, 1959; Из жизни взятое / Вст. ст. В. Гуры. Вологда, 1964; Русский самородок. Повесть о Сытине. Л., 1966; Из моей копилки: Сб. Архангельск, 1971; Петр Первый на Севере. Л., 1973.

Лит.: Фрумкин Л. Характер русского северянина (О тв-ве Константина Коничева) // Север. 1969. № 12.

КО́НОНОВ Михаил Борисович (наст. фамилия — Фурман) [1948, Л-д — 6.5.2009, Мюнхен, Германия] — прозаик, переводчик.

Окончил ЛГПИ им. А. Герцена. В разные годы работал электромонтером, инженером, участвовал в арктической экспедиции «Ледовый патруль», был учителем лит-ры в школе, преподавал в ин-те, работал журналистом, старшим ред. в ж. «Звезда», ред. в лит. изд-вах.



Как автор стихов, рассказов, сказок, очерков, критич. статей и обзоров, киносценариев К. с 18 лет сотрудничал с газ., ж., киностудиями и лит. изд-вами Л-да, М., др. городов России, Финляндии, Германии, Чехословакии и др. стран.

В 1983 вышла дебютная кн. К. — повесть в рассказах про первоклассника Володю и его друзей, жителей совр. большого города — **«Счастливый Мурашкин»**. В 1988 — кн. худож. прозы **«Это совсем близко»**. Был составителем неск. лит. сб., переводил с английского кн. иностр. прозаиков — для взрослого и детского читателя.

Наибольшую известность К. принёс роман **«Голая пионерка»** (2001), по кот. К. Серебренников поставил спектакль в театре «Современник» с Ч. Хаматовой в гл. роли. Роман был напис. в 1990–91, его первонач. назв. — «Эх, бляха-муха! или Секретный приказ генерала Жуйкова». По словам автора, роман должен был иметь подзаголовок: «Батально-эротическая феерия, о восьми главах огнедышащих, с черным очернительским эпилогом, с грозной войной и гордой блокадой, с громом психопропедевтических выстрелов генерала Жуйкова — в упор и навскидку, а также зафиксированным явлением Пресвятой Богородицы, стратегическими ночными полетами абсолютно голой пионерки, портретом товарища Сталина в интерьере кремлевской звезды!» (впоследствии фамилия Жуйков была изм. на Зуков). Действие романа происходит во время Великой Отеч. войны, гл. героиня романа, Мария Мухина, второй номер пулемётного расчёта, работает на передовой «женщиной». Автор предложил роман в изд-во «Сов. писатель», и он должен был быть напечананным, но «в последний момент взбунтовались "простые люди" — корректоры и наборщики» в типографии, кот. отказались набирать роман в виду его кощунственности. Затем переговоры велись с ред. «Дружбы народов», о чем на сайте «Центра совр. лит-ры и книги» сообщал автор: «В 2000 году московский журнал "Дружба народов" планирует напечатать мою повесть "Секретный приказ генерала Жуйкова"», однако и эти планы оказались не осуществленными.

Позднее В. Топоров в предисл. к роману «Русский человек на rendez-vous со смертью» писал: о романе «остающемся в рукописи, писали и публиковали статьи, о нем ходили слухи, а публикация откладывалась на будущее, становящееся меж тем все менее и менее определенным. Неопубликованный роман мешал и самому писателю, как мешает любое незавершенное дело, а "Голую пионерку" Михаил Кононов полагал, и справедливо, своим шедевром. А может быть, и шедевром, не нуждающимся в уничижительном определении "свой". Рукописи, разумеется, не горят, но они стареют — и роман старился, роман во многих отношениях устаревал. Устаревал тем существенней, чем стремительней летело перестроечное и постперестроечное время, чем радикальней становились перемены, чем фундаментальней менялась — и не один раз — парадигма ценностей».

Роман публиковался отд. главами в различных странах, в т. ч. в Германии, куда эмигрировал К.

В 2001 роман вышел в изд-ве «Лимбус-пресс» (СПб.). Соч. представляет собой феерию, кот. пародирует «У войны не женское лицо» С. Алексиевич, «Чайку» Н. Бирюкова; имена персонажей напоминают о маршале Жукове и о радистке-разведчице Е. Мухиной (см. её воспоминания «Восемь сантиметров» — Новый мир. 1972. № 11–12); героиня продолжает галерею анекдотич. образов Анки-пулемётчицы из «Чапаева» или Кэт из «Семнадцати мгновений весны». Из рукописи романа 1991-го: «Уже и рекомендацию подписал сам комсорг,— успел перед смертью, царство небесное, мировой был парень. Никогда подпись его не сотрется: химическим карандашом зафуфырил! Сама ему, чудаку, грифель наслюнила, пока курил после пятого, что ли захода: уже и в лягушку с Мухой наигрался, и в маятник, и салазки ей загибал, и вафелькой угощал,— все выдержала, не пикнула даже, а ведь куда только кукурузу свою ни запускал, игрун. Морально, конечно, очень было тяжело. Если, конечно, не знать, за что борешься, не видеть ясно большую высокую цель, не иметь в душе настоящего комсомольского огонька. А когда цель ясна, когда тебе доверяют товарищи, когда начальство тобой довольно, жизнь любого человека сразу же приобретает глубокий смысл <...> Ты главное осознай: весь смысл — в борьбе в первых рядах, рядом с Павкой Корчагиным!».

В. Топоров: «Нет худа без добра, утверждают оптимисты. Применительно к данному роману это означает следующее: выдержанный, как хорошее вино, или притомленный, как суточные щи, он в значительной мере растерял изначально присущий ему "разоблачительный" пафос, утратил родовое сходство с прозой Владимира Войновича <...> и вместе с тем разверз свои экзистенциальные бездны. Мужчина и женщина, любовь и смерть, роковое сходство "гибели всерьез" и блаженного соития,— Кононов написал об этом, как мало кто другой; в современной литературе во всяком случае. Конечно, откровенными постельными сценами, пусть и мастерски написанными, сегодня никого уже не шокируешь, однако Кононов и не ставит перед собой такой задачи или, как минимум, решает принципиально иную. "Русский человек на rendez-vous" — так назвал свою статью классик XIX века. <...> Герои Кононова выходят на рандеву с замызганной и измочаленной Мухой перед тем, как очутиться на рандеву со Смертью, и это придает их переживаниям (и нашему сопереживанию) неповторимый оттенок. В любовном акте человек раскрывается не как любовник, но как человек; раскрывается как человек перед тем, как

умереть; русская баба, как известно, не столько "дает", сколько "жалеет"; Муха жалеет своих мимолетных любовников, порой омерзительных, жалеет в обоих смыслах слова,— этот опыт поставлен писателем с лабораторной чистотой и не лишен лабораторной жестокости: так экспериментируют над мышами. Но, разумеется, Кононов не только жесток, но и сентиментален; жестокая сентиментальность этой незаурядной прозы, затрагивающей основные архетипы, и превращает роман "Голая пионерка" в литературное событие...».

Л. Данилкин: «Главная стилистическая удача "Голой пионерки" — <...> богатейший Мухинский сказ. С фотографической точностью проступает немытое и заскорузлое языковое тело человека сороковых годов, засаленное советским канцеляритом, насытившееся "трофейной" немецкой лексикой, вспученное непереваренным фронтовым фольклором <...> Тело это, заметьте, принадлежит 14-летней девочке. Но зачем же порнография? <...> по ходу, после долгих-долгих описаний совокуплений, выясняется, что Муха — не только хамка и давалка, а юродивая, с ума сошедшая от увиденного. В грязное фронтовое порно вмонтированы две-три сильные сцены: трупоедство в блокадном Ленинграде (когда бабушка вырезает гузку у умершей внучки) и уничтожение окруженцев (когда Жуков-"Зуков" собственных солдат самолично расстреливает за то, что в окружении побывали и живыми вернулись). Во время того расстрела Муха и двинулась умом; но из-за мудреной композиции романа это становится понятно только в конце. Так что вроде как и не шлюха она, а фронтовая Богородица, кот. дает — как грехи отпускает <...> Муха кононовская расплющена Историей, как мухобойкой, размазана с кровушкой. <...> В конце концов выходит вполне астафьевская история о войне, прокипяченная долго-долго — безжалостно — в слезах фронтовой шлюхи...».

К. занимался худож. переводом: перевел романы Валерио М. Манфреди «Александр Македонский: Сын сновидения» (2005); «Александр Македонский: Пески Амона» (2005); «Александр Македонский: Пределы мира» (2005); Дж. Кэрролла «Поцеловать осиное гнездо» (2007), «Голос нашей тени» (2007).

Соч.: Счастливый Мурашкин. М., 1983; Это совсем близко. Л., 1988; Артерии новой цивилизации. СПб., 1997; Голая пионерка. СПб., 2001.

Лит.: Золотоносов М. Два Кононова и один Покровский: Неизвестная петербургская проза. Лит-ра в запасе // Моск. новости. 1992. 26 апр. № 17; Данилкин Л. <Рец. на роман «Голая пионерка»> // Афиша. 2001. 14 февр.

КО́НОНОВ Николай Михайлович (наст. фамилия Татаренко) [14.4.1958, Саратов] — поэт, прозаик, издатель.

Родился в семье военнослужащего. По вероисповеданию католик. Окончил физический фак-т Саратовского ун-та (1980). После окончания ун-та переехал в Л-д, поступил в аспирантуру философского фак-та ЛГУ (дис. не защ.). Работал учителем математики в школе. Некот. вр. посещал ЛИТО под рук. А. Кушнера.

Как поэт дебютировал в 1981. В нач. 1980-х входил в метагруппу саратовских поэтов «Кокон» (Б. Борухов, С. Кекова, С. Надеев, А. Пчелинцев).

В 1992–93 был гл. ред. ЛО изд-ва «Сов. писатель». Один из основателей (вместе с прозаиком А. Покровским) и гл. ред. петерб. изд-ва «ИНАПРЕСС» (1993), специализирующегося на выпуске интеллектуальной лит-ры. Изд. избранное поэтов Елены Шварц и Александра Миронова, первые после длительного перерыва российские (пере)изд. стихов Б. Божнева и С. Парнок, «Мой временник» Б. Эйхенбаума, мемуары Э. Герштейн и Б. Кузина.

Отмечен малой премией им. Ап. Григорьева за роман **«Похороны кузнечика»** (2000), премией Андрея Белого за книгу стих. **«Пилот»** (2009), премией им. Ю. Казакова за рассказ **«Аметисты»** (2011). Занял второе место в сетевом лит. конкурсе «Улов» (2000, с рассказом **«Воплощение Леонида»**). Входил в short-list премий Андрея Белого (2000, подборка стих.; 2004, роман **«Нежный театр»**), Букеровской премии (2001, «Похороны кузнечика»), имени Ю. Казакова (2001, рассказ **«Микеша»**), «НОС» (2011, роман **«Фланёр»**).

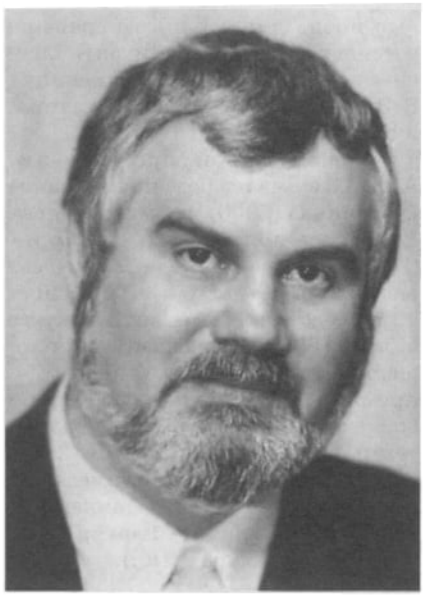
Член ПЕН-клуба (СПб.).

Соч.: Орешник: Стихи. Л., 1987 (в составе колл. сб. «Дебют: Поэтом нужно быть до тридцати...»); Маленький пловец: Книга стихов. Л., 1989; Пловец: Стихи. СПб., 1992; Лепет: Стихи. СПб., 1995; Змей: Стихи. СПб., 1998; Похороны кузнечика: Роман. СПб., 2000 (СПб., 2003); Пароль: Зимний сб. / Предисл. Вяч. Курицына. М., 2001; Магический бестиарий: Проза. М., 2002; З/К, или Вивисекция: Книга протоколов. СПб., 2002 (в соавт. с М. Золотоносовым); Нежный театр: Шоковый роман. М., 2004; Поля: Стихи. СПб., 2005; Критика цвета. СПб., 2007; Алфавит зрения: рисунок, литография, живопись: Альбом. СПб., 2008; Пилот: Стихи. М., 2009; 80: Книга стихов 1980–91 / Комм. М. Золотоносова при участии Н. Кононова. СПб., 2011; Саратов: Рассказы. М., 2012.

Лит.: Свитнева Е. Ганимед и Паламед [Рец.] // Новый мир. 2000. № 11; Огрызко В. Русские писатели. Совр. эпоха. Лексикон: Эскиз будущей энц. М., 2004; Кучина Т. Повествователь-вуайер: визуальная поэтика Николая Кононова («Похороны кузнечика» и «Нежный театр») // Кучина Т. Поэтика «я»-повествования в русской прозе кон. XX — нач. XXI в. Ярославль, 2008; Корчагин К., Ларионов Д. Полет нормальный [Рец.] // НЛО. 2010. № 104; Чупринин С. Русская лит-ра сегодня: Малая лит. энц. М., 2012.

КО́НОСОВ Михаил Борисович [19.4.1937, Любань Лен. обл.] — лит. критик.

Учился в ЛГПИ им. А. Герцена (не законч.). Служил три года в сов. армии. После демобилизации поступил в Лит. ин-т им. М. Горького (не за-



конч.). Был арестован за участие в социал-христианском движении, за антисов. деятельность. Арест отбывал с 1967 по 1971. Реабилитирован Верховным судом РФ в 1994.

Автор свыше 100 статей о совр. литре. Перв. публ. состоялись в нач. 1960-х. Печ. в газ. «Смена», ж. «Звезда», «Нева», «Аврора», «Лит. обозрение», в лит. альм. и сб.

Член СП России с 2000.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КОНСТАНТИ́НОВ Владимир Константинович (наст. фамилия Певзнер) [21.5.1930, Л-д — 31.7.1996, СПб.] — драматург, либреттист, эстрадный поэт-куплетист, сатирик, фельетонист, киносценарист.

Окончил филологический фак-т ЛГУ. С 1953 по 1958 преподавал в средней школе. Творч. деятельность начал как автор эстрады.

В 1950-е, еще будучи студентом, познакомился в лен. Театре эстрады с Б. Рацером, студентом лен. Горного ин-та. Первая совм. работа — сатирический спектакль **«В своем кругу»**. Так началось сотрудничество друзей и соавторов К. и Рацера. Вместе создавали произведения для эстрады: сценки, куплеты, стихи, интермедии для конферанса, фельетоны, среди которых **«Куплеты с переводом»**, **«Частушки в честь полета Ю. Гагарина»**, **«Только в мире»**, **«Любовь и протокол»**, **«Физики и лирики»** и др. Подготовили программы **«1000 почему»**, **«Земля и небо»**, **«Нам только что сообщили»**, **«Как важно быть веселым»** для Г. Орлова и В. Нечаева. Писали эстрадные программы для А. Райкина, Г. Орлова, П. Рудакова, В. Нечаева, Л. Мирова, М. Новицкого, Б. Бенцианова и др.

Стихотворное тв-во К. и Рацера характеризует «безукоризненность формы, тщательность отделки в каждой строфе, разнообразие размеров, четкость стиля, и, что особенно важно, хороший вкус» (Белинский А. Записки старого сплетника. М., 2002).

С кон. 1950-х начали писать крупные драматич. произведения. Первым реж., с кот. сотрудничали К. и Рацер, был Н. Акимов. Перв. пьеса авторов — **«Любовь без прописки»** — была поставлена реж. Л. Цуцульковским в лен. Театре комедии под назв. **«После двенадцати»**, кот. придумал Акимов.

В 1956 К. и Рацер стали авторами театр. капустников, кот. ставил реж. А. Белинский.

В 1965 К. и Рацер приняты в СП СССР. Одним из авторов, кот. рекомендовал писателей в Союз, был писатель А. Хазин.

К. и Рацер были авторами пьес: **«Олимпийские звезды»** (1962, реж. Юл. Хмельницкий, композитор В. Соловьев-Седой), **«Мы хотим танцевать»** (поставлена как оперетта в 1967, моск. постановка называлась **«В ритме сердца»**). По просьбе Г. Товстоногова осуществили лит. перевод комедии-водевиля А. Цагарели **«Ханума»**, создав в результате новое произведение на старый сюжет (премьера — 30 дек. 1972, пьеса была поставлена более чем в ста театрах страны, переведена на многие яз.). В 1978 состоялась телевизионная постановка спектакля.

К. в соавторстве с Рацером написал комедии: **«Неравный брак»** (1969), **«10 суток за любовь»** (1970), **«Девчонке было двадцать лет»** (1970), **«Проходной балл»** (1973). К. и Рацер сделали инсценировку романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» (пьеса **«Иосиф Швейк против Франца-Иосифа»**, 1973). По заказу театра им. Ленсовета написали тексты песен к спектаклю по пьесе А. Володина **«Дульсинея Тобосская»** (1973, реж. И. Владимиров, композитор Г. Гладков), тексты песен к фильму-спектаклю **«Укрощение строптивой»** (1973, в глав. роли А. Фрейндлих). Создали оперетту **«Восемнадцать лет»** (1973, была поставлена более чем в сорока театрах). В 1974 инсценировали повесть Н. Лескова «Левша», мюзикл стал визитной карточкой театра им. Ленсовета. Написали тексты песен к фильму **«Лев Гурыч Синичкин»** (1974, реж. А. Белинский). Были авторами либретто оперетты **«Прекрасная Елена»**, кот. была поставлена в 1978. В 1982 по заказу Г. Товстоногова сочинили пьесу по повести Д. Клдиашвили **«Мачеха Саманишвили»**. В 1983 поставлена пьеса К. и Рацера **«Последняя любовь Насреддина»** (подробнее о драматургии К. и Рацера, историях создания пьес и реакции театральных критиков см. статью данного словаря — РАЦЕР Борис Михайлович).

К. и Рацер создали сценарии к фильмам **«Звезда экрана»** (1974, реж. Вл. Гориккер), **«Ханума»** (1978, реж. Г. Товстоногов), **«Марица»** (1985, реж. А. Белинский), **«Быть влюбленным»** (1992, реж. О. Анофриев), **«Невеста из Парижа»** (1992, реж. О. Дугладзе), **«Тартюф»** (1992, реж. Я. Фрид).

В 1984 вышел перв. сб. пьес К. и Рацера **«Проходной балл»** (о реакции сов. критиков на сб. драматургов см. статью данного словаря — РАЦЕР Борис Михайлович).

В 1990 поставлена пьеса К. и Рацера **«Невеста из Парижа»** в театре им. В. Комиссаржевской, а в 1992 состоялась постановка пьесы **«Гусар из КГБ»**. Эти пьесы лидировали по по-

становкам перв. пол. 1990-х и считались театральным масскультом того времени.

К. и Рацер гастролировали по стране и дальнему зарубежью (Германия, Голландия, Бельгия, Япония и др.).

К. был канд. в мастера по шахматам. В послевоен. годы занимался в лен. Дворце пионеров в одной группе с В. Корчным и Б. Спасским. К. одержал победу над Корчным в первенстве школьников Л-да и выиграл у Спасского (Спасскому было тогда 9 лет). Сыграл вничью с чемпионом мира М. Ботвинником. Старший сын К., кот. имел первый разряд по шахматам, учился в Лен. технологическом ин-те холодильной промышленности, а К. играл в команде ин-та, представляясь доцентом. Эта история легла в основу пьесы К. и Рацера **«Ход конем»**, герою кот. приходится играть в шахматном матче за другого человека и выдавать себя за него. Пьеса шла в лен. Театре комедии. На одном из представлений присутствовал Корчной.

Посл. произведением, написанным К. в соавт. с Рацером, стала пьеса **«Виновник торжества»** (1994). Спектакль шел 10 лет с аншлагом в лен. Театре комедии им. Н. Акимова.

За 40 лет творч. союза К. и Рацера состоялось 1500 премьер постановок их пьес. По количеству произведений, созданных авторами, они уступают только драматургу Лопе де Вега.

После эмиграции Рацера в Германию (1994), отъезд кот. К. переживал болезненно, К. создал стих. работы по заказу А. Белинского, подписав их, как раньше, «Рацер и Константинов». Белинский вспоминал, что К. редко писал стихи не по заказу. Среди произведений, созданных К. по собств. вдохновению, Белинский выделял стихи на смерть любимого пуделя К., кот. он назвал «мой третий сын, мой первый внук».

После отъезда Рацера К. не был востребован. Он не писал оригинальных пьес, а переделывал классич. произведения (Тирсо де Молина, Гауптмана, Нушича), переписывал стихи. Перед смертью он стал испытывать чувство раздражения к Н. Коляде, Л. Петрушевской и даже к А. Чехову.

В посл. годы жизни К. вел занятия в творч. лаборатории молодых драматургов при петербургском отд. СТД.

В 1996 опубл. кн. воспоминаний К. и Рацера **«Рядышком со знаменитостями»**.

Посл. работой К. стали стихи к пьесе И. Тургенева «Провинциалка»: «Над Невою полусонной / Весь в огнях пылает зал, / Экипажи, фаэтоны / Собираются на бал, / Где вовсю гремят оркестры, / Где гавот сменяет марш, / Где вдоль стен стоят невесты / В окружении мамаш. / Бал петербургский, яркий и бурный, / Сердце, музыкой взятое в плен, / Сколько лорнетов, / Сколько корнетов, / Сколько признаний и сколько измен!» (цит. по: Белинский А., Шприц И. Памяти Владимира Константинова // Петербургский театральный ж. 1997. № 12).

К. был женат. Имел двоих сыновей. Умер после продолжительной болезни. В одном из инт. Рацер отметил, что К. всегда близко к сердцу принимал критич. выпады, что сократило ему жизнь (Фитц А. «Правда» — хорошо, а счастье лучше // Русская Германия. 2005. № 8. 28 февр. — 6 март.).

В 1998 К. посмертно была присуждена лит. премия «Северная Пальмира» в номинации «Драматургия».

Соч.: Бичом насмешки // Эстрадный сб. М., 1963; Разлука без печали // Сцены, интермедии, фельетоны, куплеты. Л.; М., 1964; И смех, и слезы, и любовь. Л., 1973; Проходной бал: Комедии. Л., 1984; Смех, да и только // Сатирические, юмористические стихи, фельетоны. М., 1991; Рядышком со знаменитостями. СПб., 1996.

Лит.: Териков Г. Куплет на эстраде. М., 1987; Калмановский Е. Владимир Константинов, Борис Рацер. Проходной балл // Звезда. Окт. 1985. № 10; Орлов Г. Монолог длиною в жизнь. Л., 1991; Если говорить откровенно / Беседа об эстрадной драматургии с Владимиром Константиновым и Борисом Рацером // СЭЦ. 1969. № 9; Белинский А., Шприц И. Памяти Владимира Константинова // Петерб. театрал. ж. 1997. № 12; Белинский А. Записки старого сплетника. М., 2002; Осовцов С. «Смеяться, право, не грешно...» // Нева. 2002. № 6; Фитц А. «Правда» — хорошо, а счастье лучше // Русская Германия. 2005. № 8. 28 февр. — 6 март.; Малков Р. Уметь смешить и веселить людей / Инт. с писателем-сатириком Б. Рацером // Европа-Экспресс. 2008. № 28 (540).

О. Слюсаренко

КОНСТАНТИ́НОВ (наст. фамилия Боголюбов) Константин Николаевич [1905 — 24.11.1937, Л-д] — прозаик, журналист.

Русский. Беспартийный. В 1920-х был зам. отв. редактора ж. «Костер», ред. «Лендетиздата».

С 1933 в соавт. с Б. Рестом публ. под общим псевд. «Кобра» создавал сатирич. фельетоны. В этих фельетонах они зло остроумно высмеивали халтурщиков и ремесленников в искусстве, «поэтических рвачей и выжиг». Написанные в 1930-е, фельетоны сохранили свою злободневность и были переизд. после смерти писателя (**О чем рассказывала «Кобра»**. М.; Л.: Сов. писатель, 1963).

Был арестован 5 сент. 1937 как «японский шпион». Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 19 нояб. 1937 приговорен по ст. ст. 58-6-7-8-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян.

Проживал в Л-де на ул. Стремянной, д. 2, кв. 12.

Источник: Список граждан, расстрелянных в нояб. 1937 года в Л-де и впоследствии реабилитированных (ЛМ. Т. 3).

Соч.: О чем рассказывала «Кобра» (в соавт. с Б. Рест), М.; Л., 1963.

В. Окулов

КО́НЧЕВ Сергей Михайлович [2.10.1962, с. Папуз Инзенского р-на Ульяновской обл.] — поэт.

После окончания ср. школы работал механизатором, был стрелком вневедомственной охраны. Окончил Ульяновский сельхоз. ин-т в 1983, инженер-механизатор.

Перв. публ. состоялась в 1993. Печ. в периодич. печ., в поэтич. сб., в альм. «День русской поэзии». Был участником XXII и XXIII конф. молодых писателей Северо-Запада.

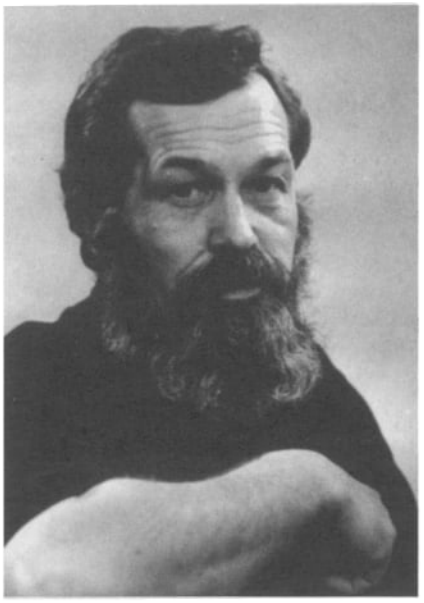
Член СП России с 2000.

Соч.: Рядом с Петербургом: Стихи. СПб., 1993; Домашний ветер: Стихи. СПб., 1994; Письмо на родину: Кн. стихов. СПб., 2011.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КОНЯ́ЕВ Николай Михайлович [25.8.1949, пос. Вознесенье Подпорожского р-на Лен. обл.] — прозаик, историк, публицист.

Родился в пос. Вознесенье, недалеко от б. Вознесенского монастыря, основанного учеником Александра Свирского преподобным Ферапонтом



на месте, где река Свирь вытекает из Онежского озера. Отец — директор школы, мать — домохозяйка. В 1966 окончил среднюю школу. Уже в 6–7 классах приобрел первый лит. опыт, писал небольшие рассказы «для себя», позднее редактировал школьный лит. ж. После окончания школы поступил в Лен. Политехнический ин-т, но в связи с болезнью, а затем и смертью матери (1970) ин-т не окончил. Уход из жизни близкого человека и тяжелые переживания, с этим связанные, породили волну раздумий над жизнью и привели к окончательному осознанию своего писательского призвания. По мат-лам дневника болезни и смерти матери он пишет свой первый по-настоящему «взрослый» рассказ **«Первые уроки»**. В теч. года он еще раз пробует учиться в Лесотехнической академии, но интерес к лит. работе оказался сильнее. Оставив академию, он идет работать простым рабочим, а свободное время полностью посвящает лит-ре. Перв. рассказ **«Пятьдесят пятая весна»** опубл. в альм. «Молодой Л-д» в 1974. В этом же году он поступил в Лит. ин-т им. М. Горького (1974–80). Продолжая учебу в Литинституте, К. переезжает в Минск (1975–81), где работает сначала на з-де разнорабочим, а затем корр. многотиражной газ. «Трактор» и ред. на киностудии «Беларусь-фильм» (1980–82). В 1970-е К. сотрудничает и с самиздатскими ж. «Часы», «37» и др.

Уже перв. книги рассказов К., вышедшие в нач. 1980-х,— **«Такой ветер»** (1980), **«Земля, которая помнит все»** (1982), **«Первые уроки»** (1982) — привлекли внимание читателей и критики. В. Кожинов, рецензируя первый сб. рассказов К., писал: «У меня нет сомнений, что Николай Коняев вскоре займет весомое место в литературе. Лучшие страницы его прозы органичны, значительны, своеобразны...» (Лит. Россия. 1979. 30 нояб.). «Художественная речь Коняева,— отмечал критик А. Арьев,— берет начало в пластах народной языковой культуры. Его проза — явление самостоятельное и в земле укорененное. А потому — живое» (Звезда. 1982. № 7).

Последующие сб. рассказов писателя **«Ненайденные клады»** (1987), **«У тихой воды»** (1989), романы **«Пригород»** (1990) и **«Заводское поле»** (1990) открывали перед читателем малознакомый в лит-ре мир сев. поселков и окраин больших городов, где в каждом герое писатель стремится найти лучшие человеч. черты — честность, доброту, чувство порядочности и справедливости. Жизнь в сов. стране кон. 1970–80-х не отличалась разнообразием, не озарялась живительным светом большой гражданской идеи. Обществ. застой отразился и на лит-ре. Стал ощущаться недостаток подлинного сюжета, что и предопределило интерес К. к жанру фантасмагории и гротеска (сб. **«Марсиане»**, 1991). Годы последующего лихолетья, связанные с начавшейся в 1985 «перестройкой», а затем и коренным реформированием уклада обществ. жизни, по признанию самого писателя, породили такие сюжеты, за кот. ни лит-ре, ни людям было не угнаться и с кот. жить по-прежнему было уже невозможно. В этих условиях худож. лит-ра, несущая в себе гуманистич. истоки человечности и доброты, помогала людям пережить страшное, защитить души от агрессии и вируса бездуховности, что и нашло отражение в рассказах **«Механик Баранов, искавший свою матерь»** (1986), **«Охота в старых кварталах»** (1991) и др. произведениях К. Вместе с тем годы застоя и лит. стагнации, отраженные в романе **«Долгие дни лета»** (1986) и связанные с поиском новой духовной «тверди», характеризовали, начиная со втор. пол. 1980-х, второй этап творч. эволюции писателя. Стремясь преодолеть недостаточность чисто худож. осмысления действительности и опасаясь ложных маяков современности, писатель обращается к документалистике. Худож. проза перв. книг рассказов К. начинает уступать место историч. и документально-худож. лит-ре, кот. в качестве пост. составляющей становится неотъемлемой частью жанрового репертуара его новых произведений. В этом ключе он пишет книгу **«О себе Ермак известие дал...»** (1984), путевые заметки **«В зоне рискованного земледелия»** (1985), выпускает **«Рассказы о землепроходцах»** (1987). Несомненной удачей К. стали его повести **«Путник на краю поля»** (1993), **«Ангел родины»** (1997), **«Вологодская трагедия»** (1997), посвящ. судьбе выдающегося русского поэта Н. Рубцова (все три повести отдельными главами вошли в книгу К. **«Николай Рубцов»**, изд. в 2001 в серии «ЖЗЛ»). В книгу, исполненную «любви и горечи», вошли докум. свидетельства и редкие фотографии, связанные с Рубцовым, из личных архивов А. Пантелеева, Н. Коняева, С. Куняева, А. Антуфьева. Пробираясь сквозь наслоения противоречивых свидетельств и документов, К. пытается подвести читателя к образу живого поэта, к подлинным истокам его души и поэтич. тв-ва. «Стихи Рубцова,— справедливо замечает К.,— всегда попытка восстановления храма, это возведение церковных стен, вознесение куполов, это молитва, образующая церковное строение, и страшное ожидание окончательной гибели его».

Трагич. судьбе еще одного лирика, поэта-обэриута Н. Олейникова, посвящ. докум. повесть К. **«Дни забытых глухарей»** (1994). Это попытка писателя восстановить то, что происходило в действительности. Повесть открывает в Олейникове несломленного человека, показывает непростые повороты судьбы талантливого художника. О детских годах русских великих князей и царей, о их воспитании и играх говорится в любопытной книге К. **«Игрушки русских императоров»** (1992–94). В повести **«Власов до Власова»** (1994–95), используя новые архивные документы, К. рассказывает о довоенном перио-

де жизни генерала А. Власова, позднее будет напис. книга **«Два лица генерала Власова»** (2001; 2003). Первому крестьянскому восстанию при сов. власти в 1918 посвящ. **«Новоладожская Вандея»** (1995). О малоизученной секретной деятельности Петрочека в 1918 повествуется в книге-исследовании **«Гибель красных Моисеев»** (1995–96; 2004). Докум. повесть **«Марш мертвых команд»** (1998) рассказывает о жизни писателя В. Пикуля. **«Великая северная ревизия»** (1999) — историч. роман о выдающемся русском мореплавателе XVIII в., сподвижнике Петра I В. Беринге. Историч. очерк К. **«Исполнить последний долг христианина»** (1999) возвращает к посл. дням жизни А. Пушкина.

С нач. 1990-х явственно обозначается новый, наиболее зрелый период тв-ва К., связанный с окончательным осознанием духовной традиции православия не только личной, но и общественной культурно-ист. ценностью. Православная тема становится доминирующей не только в последующих книгах, романах, повестях писателя, но и в его статьях, очерках, публицистике. Из-под его пера выходят такие работы, как **«Святитель Стефан Великопермский»** (1993), **«Оптинская трагедия»** (1993), **«Последние часы жизни митрополита Иоанна»** (1997), **«Преподобный Александр Свирский и его ученики Свирские чудотворцы»** (в соавт. с М. Коняевой; 1998), **«Дальний приход»** (1998), **«Закопанные и сожженные»** (книжн. Назв. **«Аввакумов костер»**; 1998), **«Валаамские рассказы»** (1999), **«Заступник российский: Святой благоверный князь Александр Невский»** (2001), **«Обитель Святой Троицы: Свято-Троицкий Александра Свирского мужской монастырь»** (2002) и др. Характеризуя последнюю из вышеназванных книг, снабженную уникальным по своему худож. достоинству фотоиллюстративным мат-лом, Ю. Чуканов отметил: «Повествуя об одной из заповедных русских обителей — Свято-Троицком Александра Свирского монастыре,— новая книга Николая Коняева посвящена вопросам духовности, осмысления человеческой жизни, извечному стремлению русской души к чистоте и истине» (Новый Петербург. 2002. 25 апр.). О книге К. **«Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский»** (1997) священник Алексей Мороз написал: «Книга Н. М. Коняева является одной из первых, если не первой работой, позволяющей нам приблизиться к пониманию путей современной святости, ощутить реального, живого, вполне досягаемого человека, священномученика Вениамина» (Священник Алексей Мороз. Сила веры и правды // Лит. Петербург. 1997. № 2). Высокую оценку кн. К. **«Апостольский колокол»** (2001; 2003), повествующей о Валаамском Преображенском мужском монастыре, дал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. За эту книгу в 2003 писатель удостоен Большой лит. премии России.

Разнообразное по своему характеру тв-во К. представлено в широчайшем жанрово-тематическом диапазоне: от романа, повести, фантастики и злободневной публицистики до пьес (**«Кража со взломом»**, **«И весна и осень»**, **«Зал ожидания»** и др.), психологич. детектива (**«Письма с того света»**), рассказов для детей (**«Люся Лампочкина»**, **«Игрушки русских императоров»**, **«Гуси-лебеди»** — в соавт. со священником Алексеем Морозом) и даже стихов. Сб. стихов К. **«Террористы»** (1997) посвящен теме историч. ответственности тех, кто берет на себя смелость по своей духовной слепоте ввергать людей в соц. потрясения и катастрофы.

Особое место в тв-ве писателя занимает продолжающийся историч. труд **«Русский хронограф»** (1990–98; 2005), охватывающий события и лица от Крещения Руси до нашего времени. Хронограф позволяет «объемно» взглянуть на далекие историч. события православной Руси — России, отметить неожиданные и одновременно закономерные параллелизмы отеч. истории.

Обществ. работа К. также весьма содержательна и заметна. В 1984–86 он работает редактором в изд-ве «Сов. писатель», зав. отделом прозы в ж. «Нева» (1986–88). Был делегатом VI съезда СП РФ, VIII и IX съездов писателей России, II и III съездов Международного Сообщества писательских союзов. К. является секретарем СП России, бессменным председателем Православного об-ва писателей СПб., членом-корр. Международной Славянской академии, членом-корр. Петровской академии, членом редсоветов ряда ж. и газ. Произведения К. переведены на мн. европейские яз. Романы и повести писателя отмечены многочисленными премиями: им. Василия Шукшина, Андрея Платонова, премией ВЦСПС, Правительства СПб., премиями ж. «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Студенч. меридиан» и др. Тв-во К. удостоено «Золотой Пушкинской медали к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина».

Чтение произведений К. всегда и серьезное, и одновременно увлекательное занятие, но за острой фабулой и неожиданно обнаруженным фактом истории все время слышится голос художника, пронизанный щемящей тоской по надмирному Свету и глубокой православной духовностью. Характеризуя худож. своеобразие автора, один из рецензентов писал: «Неяркие краски родного края, тусклый свет северных небес придают рассказам писателя ощутимо мрачный, „северный" колорит, чем-то напоминающий темно-коричневый фон Рембрандта» (Лопусов Ю. Кризис веры: Лит.-критич. заметки. М., 1991).

Высокую оценку тв-во К. получило как у его многочисленных читателей, так и у литературоведов и критиков. Т. Батурина, говоря о значении писателя, констатировала: «Он поистине летописец духовной жизни русского человека, самой широкой его массы в последние десятилетия двадцатого века». В. Кречетов, подтверждая вышесказанное, справедливо отметил: «Николай Коняев давно стал необходимой частью русской литературы. Его присутствие в ней подобно присутствию погоды. Она всегда есть, даже когда мы говорим „непогода"».

Соч.: Пламя в руках. Минск, 1977; Такой ветер. М., 1980; Первые уроки. Минск, 1982; Земля, которая помнит все. Л., 1982; Ненайденные клады. Л., 1987; Рассказы о землепроходцах. Л., 1987; Долгие дни лета. Л., 1988; У тихой воды. М., 1989; Пригород. Л., 1990; Русский хронограф // Встреча. М., 1990–2000; Марсиане. М., 1991; Святитель Стефан Великопермский. СПб., 1993; Неудавшийся побег // Подъем. 1993. № 8–9; Оптинская трагедия // Молодая гвардия. 1993. № 9; Новоладожская Вандея // Но-

вый ж. 1995. № 3(20); Письма с того света // Подъем. 1997. № 8–11; Закопанные и сожженные // Н. Новгород. 1997. № 7, 8, 10; Террористы: Стихи. СПб., 1997; Аввакумов костер. М., 1998; Люди против нелюди. М., 1999; Дальний приход. СПб.: Русская духовная проза, 2000; Заступник российский: Святой благоверный князь Александр Невский // Новая книга России. 2001. № 9–11; Любовь и смерть, смерть и любовь. Женщины Петра Великого: Пьеса. СПб., 2001; Ревизия командора Беринга. М., 2001; Охота в старых кварталах. СПб., 2002; Облеченный в оружие света. М., 2002; Обитель Святой Троицы: Свято-Троицкий Александра Свирского мужской монастырь. СПб., 2002; Романовы: Расцвет и гибель династии. М., 2003; Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды. М., 2003; Апостольский колокол: Повествование о Валаамском монастыре, его древностях и святынях. СПб., 2003: Гибель красных Моисеев: Начало террора 1918 г. М., 2004; Тихвинская чудотворная икона Пресвятой Богородицы. СПб., 2004; Дом на кладбище. М. 2005; Русский хронограф / Совм. с Коняевой М. М., 2005; Рубцовский вальс: Апология русской судьбы. М., 2005; Игрушки русских императоров. Детство дворцового мальчика. СПб., 2005; Митрополит Иоанн. М., 2005; Подлинная история дома Романовых. М., 2006; Леушинское стояние. Череповец, 2006; Валентин Пикуль. М., 2007; На земле Св. Троицы. СПб., 2007; Святой профессор. М., 2008; Ангел церкви. СПб., 2009; Индеец Кутехин. СПб., 2009; На земле Св. Троицы. Православные святыни русского Севера. М., 2009; Устроители Святой Руси. М., 2009; Великая Пасха. Праздник праздников. М., 2010; Тайны Шлиссельбургской крепости. СПб., 2011; Игрушки императоров. М., 2011; Романовы. Творцы Великой Смуты. М., 2011; Алексей Кулаковский. М., 2011; Святые и святыни Северной Пальмиры. СПб., 2011; Никола Хлебный. М., 2011.

Лит.: Кожинов В. Такой ветер // Лит. Россия. 1979. 30 нояб.; Бондаренко В. Сюжет молодой прозы // Лит. учеба. 1983. № 1; Кундышева Э. Что я знал о России // Нева. 1983. № 9; Арьев А. Между судьбой и поветрием // Звезда. 1983. № 9; Акимов В. Дело и долг поколения // Лен. панорама. Л., 1984; Горышин Г. [О Н. М. Коняеве] // Лит. обозрение. 1984. № 1; Муриков Г. Угол зрения: Заметки о совр. прозе // Звезда. 1987. № 5; Сенин В. Откуда текут реки // Веч. Л-д. 1987. № 183. 11 авг.; Марченко Т. В губительных сетях // Лит. Россия. 1991. № 45. 12 нояб.; Николаев К. Русский хронограф // Лит. Россия. 1994. № 33. 19 авг.; Кокосов М. Почему я плачу, Шура // Лит. Россия. 1996. № 13 (1729). 29 март.; Сорокин С. Вологодская трагедия // Лит. Россия. 1997. № 10. 7 март.; Пересов Ю. Анатомия предательства // СПб. курьер. 2001. № 38; Батурина Т. Трилогия о Николае Рубцове // Роман-ж. 2002. № 3; Алексютина Н. О марсианах и жителях земли // Российский писатель. 2003. № 11 (62); Священник Алексей Мороз. Облеченный в оружие света // Парламентская газ. 2003. № 350 (1179); Батурина Т. Ратоборцы слова. СПб., 2008; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Федоров

КОПКО́В Александр Андреевич [1907, дер. Тимошкино Ярославской губ. — март 1942, д. Макарово Ярославской обл.] — драматург.

О К. известно мало. В «Автобиографии», кот. он писал для поступления в СП СССР в 1940, сказано: «Родился в 1907 году в дер. Тимошино Большесольского района. Отец до революции работал в Ленинграде строительным рабочим. Мать жила в деревне и занималась крестьянством. После революции родители умерли. До 1925 года я жил в деревне. В 1926 году я приехал в Ленинград. С 1926 года по 1931 г. я работал штукатуром. С 1931 г. по настоящее время занимаюсь литературным трудом. <...> За границей сам не был, и родственников там нет. К суду привлекался по гражданским делам — за невыполнение договоров с театрами и за невозвращение авансов» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 371).

Известно еще, что К. поехал в Л-д на заработки. Сначала нанялся подручным маляра на стройку, потом работал грузчиком в типографии. Возможно, здесь и состоялось его знакомство с лит-рой. В свободное время посещал театры. Обрел страсть к драматургии, перечитал пьесы русских классиков. Более др. его привлек сатирич. гротеск А. Сухово-Кобылина. Учиться К. почти не довелось. В деревне он «с грехом пополам», как сам признавался, окончил лишь «школу второй ступени». Остальные знания обрел самообразованием.

В рукописном отделе СПб. Театральной биб-ки хранятся экземпляры двух ранних пьес К. — **«Он еще жив»** и **«Ату его!»** (**«Рекордный рейс»**) (обе 1931). Судя по цензурным отметкам — «Разрешить до просмотра. 6/VI 1931» на первой и «Разрешить по лит. "В" на 6 месяцев. 10/VII 31» на второй, написаны они в 1930–31, но ни одна из них своего не театра не нашла.

К. писал о том, что хорошо знал. В комедии «Он еще жив» рассказывалось о создании колхоза, о бедноте, середняках и ищущем любой возможности напакостить колхозу кулаке. Действие комедии «Ату его!» переносилось на отстающий в работе сейнер, куда «на прорыв» были брошены 2 городских «культработника-партийца». В обеих пьесах К. сумел создать живые образы современников, наделенных индивидуальными характерами и собств. задачей. Но самым главным достоинством пьес К. стал язык — сочный, афористичный, простонародный. Эти перв. пьесы К. были отголосками агиток той поры, когда лозунг значил больше, чем логика сюжета, но они стали хорошей школой для драматурга.

Следующие пьесы — **«Царь Потап»** (1936) и **«Слон»** (1939) — написаны на более высоком уровне. «Слон» рассказывал о сознательном колхознике, «полупартийце», участнике Гражданской войны, нашедшем клад — золотого слона, оцененного в миллион рублей, а потому поначалу поддавшимся стяжательству, предавшим прежние идеалы.

Вершиной тв-ва К. стал «Царь Потап», единственная не комедия, но «драма в 3 актах». Ее «действие происходит на хуторе, на Волге в 1913 году». Историческая драма? Да, но лишь отчасти, и в ней — вполне совр. история, показывающая истоки зарождения «кулачества». Не случайно драматургом выбран хутор, не случаен 1913-й. Потап Урлов сидит царем на хуторе. В его «подданстве» жена, сыновья и дочери, зятья, невестки и внуки, столетний отец, загнанный на печь и домочадцами называемый не иначе как «дармоед». Герой — кулак, самодур, деспот. Двоих детей он выделяет из хозяйства, а точнее — выгоняет из дома почти нищими. Третьего сына доводит до исступления, и тот, подстрекаемый матерью, убивает отца. На месте Потапа воцаряется старший сын Павел, человек «испорченный» городом: «Я тут все приберу в свои руки... Теперь я раздую кадило...

Я буду почище, чем отец... У отца не было подхода к людям... (*Снимает лапти и надевает валенки*). Я буду второй господин Путилов (*Пауза. Тишина. Павел хватает со стола тарелку и изо всех сил швыряет ее об пол... Затем прошел в угол, уселся на место Урлова*)». Так заканчивается пьеса. «Фигура Копкова занимает у нас особое место,— писал Дм. Щеглов в рекомендации К. в СП. — Это человек *своей* темы, *своих* образов, *своего* (иногда ошибочного) отношения к жизни. Эта определенность в выборе тем и образов достойно характеризует Копкова. Его борьба с отдельными работниками Реперткома за целостность своих произведений, отказ приспосабливаться, отказ от навязываемых ему политических упрощений, как, например, было с "Царем Потапом", определяет Копкова, как писателя» (выд. автором).

Известно, что пьесу «Слон» пытался поставить С. Радлов в руководимом им Театре им. Ленсовета, довел спектакль до генеральной репетиции, но премьера не состоялась. «Царя Потапа» в кон. 1939-го показал лен. Драматический театр промкооперации, а в нач. 1940-го — БДТ им. М. Горького в постановке Б. Бабочкина. Естественно, рец. сопоставляли обе постановки. И оказалось, что в спектаклях два разных конца, хотя оба логично вытекали из их концепций. Наиболее лаконично проецензировал спектакли критик И. Березарк: Драматический театр «искал в каждом образе не только индивидуальные черты, но и социальные обобщения. Театр не шел в гущу быта, он скорее шел от быта к большим театральным образам. Через быт он пытался раскрыть большую социальную тему пьесы». В то же время в БДТ стремились показать прежде всего картины старого быта: «Ценностью спектакля является несомненная типичность образов, более ярко показывается обстановка семейного угнетения, столь характерная для кулацкого дома». Через четверть века Б. Бабочкин вернется к «Царю Потапу», осуществит его с выпускниками своего курса во ВГИКе. И вновь — успех. Слухи о спектакле быстро распространились по М., спектакль игрался при полном зале.

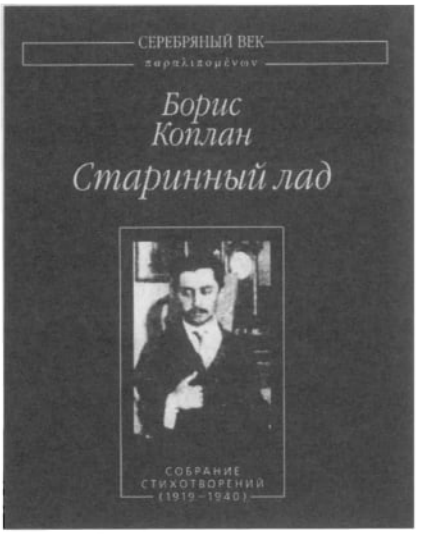
Когда началась война, К. решил пойти в народное ополчение, но по состоянию здоровья его не взяли. Вместе с другом, писателем В. Пошехоновым, они рыли противотанковые рвы под Пушкиным, были приписаны к пожарной части и гасили пожары, разбирали руины. Не прекращали лит. работу. В архиве блокадного лен. радио сохранилось неск. новелл, написанных ими в соавт. и прочитанных дикторами. Позднее они перешли на казарменное положение в Дом писателей. Положение в блокадном городе становилась все невыносимей. Умерли две сестры К. Тогда К. с приятелем решил пробраться на родину. В марте они перешли Ладожское озеро, но до своих деревень не дошли.

На долгое время пьесы К. были забыты. Реабилитация их началась с ученического спектакля Б. Бабочкина. Пьесы время от времени стали ставиться в Калининграде (1967), в Л-де (1968), в Таллинне и Воронеже (1976), в Томске (1978), во Львове (1981), в Одессе (1986) и за рубежом — в Берлинском театре (1972), в театре «София» (1976) и др. После довольно большого перерыва отеч. театры вновь обратились к пьесам К. — Волгоградский драматич. театр (2005), Одесский ТЮЗ (2010), Казанский ТЮЗ (2011), Волгоградский муз.-драматич. казачий театр (2011).

Соч.: Царь Потап. Л.; М., 1939, 1940; Слон. Царь Потап. М.; Л., 1964.

Лит.: Цимбал. Об Александре Копкове // Копков А. Слон. Царь Потап. М.; Л., 1964; Драматург А. А. Копков // Доктор Чехов. 1992. № 1; Стрельцова Е. Свободный художник Александр Копков // Драматург. Вып. 2. М., 1993; Биневич Евг. Самородок // Голоса из блокады. СПб., 1996; Галяс А. Театр «тихого реализма» // Порто-Франко. 2010. № 26; Лукьянова Е. «Хуторяне» в Казачьем // Казачий круг. 2011. 8 апр.; Иванычева О. На театр. сцене реализуется добро // Казанские ведомости. 2011. 14 окт.

Евг. Биневич



КО́ПЛАН Борис Иванович [22.7 (4.8).1898, СПб. — 29.12.1941, Л-д] — историк лит-ры, поэт.

Внук скорняка-караима, в 1860-е приехавшего из Литвы в Подольск и приписавшегося к мещанскому сословию. Приехавший в 1880-е в СПб. отец К. занимался частной адвокатской практикой. Мать — балерина М. А. Клещенко. Двоюродным братом К. приходился А. Д. Клещенко. Крещеный во младенчестве, глубоко верующий К. воспринимал себя прежде всего как православного русского; восприемником его был академик Ф. Е. Корш. В детстве на формирование интересов К., помимо отца — страстного книгочея с обостренным чувством справедливости, значительное влияние оказали друзья семьи — историк П. Митрофанов и литературовед Е. Петухов. По окончании в 1917 с золотой медалью гимназии Петра Великого К. поступил на историко-филологич. фак-т Пг. ун-та, по окончании кот. в 1921 был оставлен при кафедре русского яз. и лит-ры с причислением в кач-ве науч. сотрудника II разряда к Научно-исслед. ин-ту лит-р Запада и Востока (науч. рук. Д. И. Абрамович). Сам К. воспринимал себя в кач-ве ученика Л. К. Ильинского, в семинарии кот. он занимался в ун-те и под непосредственным руководством кот. в 1918–19 служил мл. библиологом отдела повременной печати Российской книжной палаты. В 1920–24 К. преподавал лит-ру в Единой трудовой школе им. В. Белинского. Одновременно с учебой в ун-те и работой К. учился в Богословском ин-те; будучи посвящен в стихарь, К. с 1918 исполнял обязанности псаломщика в университетском храме, где в хоре пела его будущая жена.

С 15.8.1919 по 22.11.1929 К. являлся сотрудником Пушкинского Дома, совмещая обязанности ученo-

го хранителя РО и ученого секретаря; был ближайшим доверенным лицом Б. Модзалевского. В 1920-е К. участвовал почти во всех научных и просвет. начинаниях ПД — в частности, совместно с И. Кубасовым организовал в 1923 выставку «Русская художественная лит-ра за годы революции, 1918–23». 28.5.1923 К. женился на своей сослуживице С. А. Шахматовой, дочери скончавшегося в 1920 А. А. Шахматова; в 1925 у них родился сын Алексей. По семейной близости с непременным секретарем АН СССР С. Ольденбургом К. явился гл. инициатором переезда ПД в 1927 из здания Старого Гостиного двора в ныне занимаемое здание б. Таможенного департамента Мин-ва финансов. В 1926, 1928 и 1929 К. совершил археографич. поездки в Тверскую губ. и в Поволжье, в ходе кот. музей, биб-ка и РО Пушкинского Дома пополнились большим кол-вом ценнейших мат-лов. По решению правительственной комиссии по проверке аппарата АН СССР 22.11.1929 К. был уволен без категорий.

1.12.1929 К. был арестован по т. н. «Академическому делу 1929–31 гг.». 3.3.1930 был выпущен, но 9.10.1930 был арестован вновь. В марте 1931 К. был приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет. Наказание отбывал на лесоповале в Шавани (Карелия), затем на строительстве Дубровской дамбы Беломорско-Балтийского канала. Хлопоты жены К. и ходатайство В. Д. Бонч-Бруевича стали причиной пересмотра приговора: 20.11.1931 К. была назначена административная высылка в Средневолжский край. 23.11.1931 К. прибыл в Ульяновск, где проживал вместе с семьей, работая статистиком на крахмальном з-де. 2.10.1932 К. был выслан в Мелекесс, где служил сначала делопроизводителем орготдела райисполкома, затем библиотекарем рабфака педагогич. техникума. После получения паспорта без ограничения в правах 11.11.1933 К. вернулся в Л-д.

Главной обл. науч. интересов К. была русская лит-ра XVIII в. Во вр. службы в Пушкинском Доме К. составил — прежде всего для собств. будущих исследований — **«Описание мат-лов XVIII в., хранящихся в Пушкинском доме»** в 11 томах in 4. Без преувеличения можно сказать, что в 1930-е К., наряду с Г. Гуковским и П. Берковым, являлся крупнейшим специалистом по русской лит-ре XVIII в., причем именно со стороны источниковедения и библиографии. Тем не менее, несмотря на ходатайства Президента АН СССР А. Карпинского, даже после снятия судимости К. не был зачислен в штат ИРЛИ АН СССР, работал в нем по договору над ПСС Пушкина (т. 10, 11). Не имея возможности получить пост. работу, К. работал по договорам с Гослитмузеем, с Изд-вом писателей в Л-де, а также помогал Ю. Тынянову в подготовке ПСС В. К. Кюхельбекера на основе приобретенного им его архива.

Член СП СССР с нояб. 1935; работал консультантом в биб-ке Дома писателя. С 1935 по 1941 К. подготовил для Большой серии «Биб-ки поэта» ПСС И. Крылова (Т. 1–2. 1935–37; совм. с Г. Гуковским), «Собрание стихотворений» В. Кюхельбекера (Т. 1–2. 1939; совм. с Ю. Тыняновым) и «Избранные сочинения» В. Капниста (1941). В мае 1941 К. представил в ЛГУ дис. **«Разыскания о Крылове»**; защита была намечена на осень.

В дек. 1938 К. был принят Б. Лариным в штат Ин-та языка и мышления АН СССР в кач-ве сперва выборщика, затем автора словарных статей Картотеки Древнерусского словаря. Вскоре К. был повышен в должности: редактор, затем ученый секретарь Гл. редакции Древнерусского словаря. На своем посту продолжал трудиться до ареста 7.11.1941. В кач-ве лица, находившегося на оперативном учете, К. представлял собою идеальный объект для фабрикации дела о пораженческой агитации. Гл. уликой служил радиоприемник, изъятый при аресте К. из запечатанной комнаты его брата. Конкретным поводом для ареста послужил навет на К. лица, кот. с юности он привык считать своим ближайшим другом. Не признавший своей вины К. скончался от «ослабления сердечной деятельности вследствие авитаминоза» в Арсенальной тюрьме. Неделей позже скончались от голода его жена и сын.

Большую часть жизни К. писал стихи — как правило, они имели окказиональный характер и были адресованы конкретным лицами. Изданный им за свой счет сб. **«Стансы Бориса Коплана»** (Пг., 1923) успеха не имел: попытка «воссоздавать в русской просодии трудные античные метры» (Н. Измайлов) была заранее обречена на неуспех. Причислявший себя к «неоклассикам», К., тем не менее, подчеркнуто держался в стороне от совр. лит. жизни: последним достойным внимания поэтом он считал А. Блока. Погружение в лит-ру прошлых эпох сделало К. достаточно безразличным к современности: живя в весьма стесненных материал. условиях, он не предпринимал актив. усилий для продвижения в печать даже полностью законченных своих трудов, как то монографии о Н. Львове, Ф. Каржавине, И. Крылове: сохраненные в архивах, они стали добычей мародеров от литературоведения. Еще при жизни К. продал часть своего архива в Гослитмузей (ныне РГАЛИ, ф. 244): в «Летописях ГЛМ» В. Бонч-Бруевич намеревался опубл. его труд о Львове. Изъятая при аресте К. переписка и блокноты со сделанными им копиями архивных док-тов были уничтожены 18.11.1941 следователем Ленинским без просмотра. Оставшиеся бесхозными после гибели семьи К. часть архива и биб-ка была переданы А. Могилянским в ГПБ (ныне: ОР РНБ. Ф. 370).

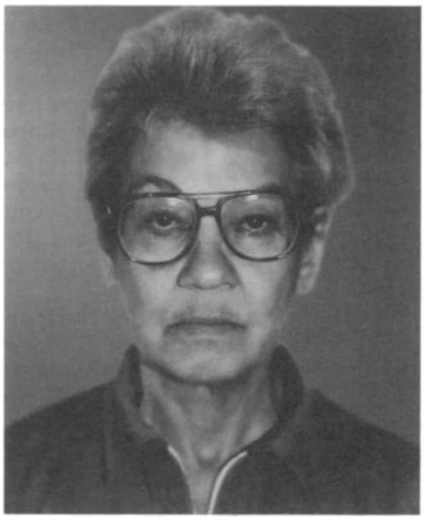
Соч.: Старинный лад: Собр. стихотворений (1919–40) / Сост., послесл. и примеч. В. Молодякова. М., 2012.

Лит.: Словарь русского языка XI–XVII вв.: Справочный вып. М., 2001; Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005.

М. Лепехин

КО́РВИН Тамара (собств. Дворкина Тамара Зиновьевна) [24.7.1943, Новосибирск — 14.5.2012, СПб., похоронена на Серафимовском кладб.] — прозаик, пианист.

Отец — воен. инженер-строитель, генерал-лейтенант, мать — домохозяйка. Семья оказалась в Новосибирске, когда мать К. с сыном приехала после эвакуации из блокадного Л-да: сначала оказались в Урман в Башкирии, затем выехали к мужу и отцу, кот. перевели с Западного фронта в Сибирь для строительства воен. з-дов. После ряда переездов семья оказалась в Минске, где К. поступила в муз. школу. О характере девочки частично говорит рассказ матери,



кот. беседовала с учителем музыки. Он говорил: «Ольга Евгеньевна, помогите мне преодолеть Тамарину замкнутость. Я говорю ей, почему ты не можешь играть на любых концертах так, как чувствуешь музыку, когда играешь одна, для меня? Она мне ответила: играть для других так, как я чувствую, это всё равно, что раздеваться при всех». По-видимому, эта замкнутость привела к тому, что впоследствии она писала г.о. «в стол».

В возрасте 18 лет на первом курсе консерватории в Минске была арестована белорусским КГБ за участие вместе со студентами минских ин-тов в кружке вышедших из сталинских лагерей писателей, художников и др. деятелей культуры. Арестовали по дороге в М., куда они ехали к таким же «кружковцам». В результате была исключена из консерватории и комсомола, больше года работала монтажницей на радиозаводе.

С 1964 живет в Л-де. В 1968 окончила Консерваторию по классу фортепиано. Работала концертмейстером в Оперном театре Алма-Аты (1968–69), преподавателем в муз. училище г. Прокопьевска (1970–71) и муз. школы при лен. Доме офицеров (1971–85), оператором газовой котельной (1986–88). С 1988 преподавала в муз. школе им. Н. Римского-Корсакова, до 2003 была педагогом для взрослых.

В сер. 1970-х К. посещала службы и периодически заменяла в костёле заболевшего органиста, играла на органе. Приняла католическую веру, изучила итальянский яз. Сохранились письма к ней настоятельницы ордена сестёр-доминиканок монастыря Св. Систа в Риме и от двух монахинь монастыря. В письмах среди прочего были приглашения посетить Рим и Флоренцию («были бы рады принять тебя в нашей обители и познакомить с нашей религиозной семьёй»). По-видимому, эти приглашения были связаны с желанием К. уйти в монастырь, о чём она говорила родителям. По различным причинам ей это не удалось.

В 1970-е начала пис. прозу, но практически никому ее не показывала. С 1980 печ. в ж. «Часы», где были опубл. ее повести **«Крысолов»**, **«Монолог»**, **«Победитель»**, **«Самозванец»**, неск. рассказов.

В 1983 К. стала лауреатом лит. премии Андрея Белого. Как сказано в решении жюри, «премия присуждается Тамаре Корвин за проникновенное изображение драматических коллизий интеллигента, его духовного самоопределения в современном мире — повести “Монолог”, “Победитель”». По поводу вручения премии Д. Волчек писал: «Лёгкая, блистательная проза Корвин безоговорочно пленила нас. Запоем читали мы “Крысолова” и “Монолог”, а после и “Победителя”, восхищённо пересказывали повести друзьям, спорили, подчас и не соглашаясь друг с другом; уверены мы были лишь в одном: книги Корвин — одно из самых ярких явлений неофициальной литературы последнего десятилетия. Диапазон этой прозы колоссален, бесконечна цепь ассоциаций: здесь и пражская школа: Айзенрайх, Мейринк, и знаменитые швейцарцы: Макс Фриш и Дюрренматт, и восток... Удивительное умение не просто заинтересовать, но *очаровать* читателя, больше того: привести его в изумление — дар, неподвластный многим “добротным” литераторам».

Ю. Галецкий писал о К.: «Самое удивительное в искусстве — само удивление. Это банально, старо — но я могу повторить это ещё и ещё раз, потому что чудо есть чудо. Уметь писать это умение рабочего, писать умеют многие и знаки расставляют правильно. Но овладеть магией, верой в сотворение чуда, живым словом — дано тем, кому не надо говорить, что-бы сказать, кому незачем себя утверждать — они любят крылья — это даётся свыше и не во владение, ибо нет в творчестве места власти, но только для того, чтобы мастер отдал. “Монолог”, “Крысолов”, “Победитель” — это удивительно хорошо, как любовь и детство. И с тобой — радость создания и узнавания. Тебе и светло и славно оттого, что в мире есть Музыкант и есть Чудак. Тамара Корвин поделилась с нами душой, и людей дышащих стало больше. Эта проза нежна и чиста, в ней всё, увиденное впервые. Пока мы удивляемся, мы живём. Спасибо Тамаре Корвин за удивление».

В 1993 повесть «Крысолов» напеч. в моск. ж. «Согласие», позднее — во втором томе трехтомной антол. «Коллекция», подгот. Б. Ивановым (СПб., 2003). В повести по мотивам изв. немецкой легенды причудливо соединяются реалии средневековой Германии с атрибутами совр. жизни — автомобилями, рок-музыкой, студенч. волнениями. По словам В. Кривулина, «Т. Корвин пишет о людях так, словно бы законы психологического правдоподобия и, так сказать, земного притяжения (истории, географии, экономики и т. п.) не действуют в ее мире либо же действуют непредсказуемо, подчиняясь главенству Музыки, каковая, собственно, и есть единственная реальная сила, творящая мир».

Этическое и эстетическое кредо К. в опр. степени содержится в ее эссе об И. Бродском: «Пафос проповеди — не сдавайтесь, но также — не ждите и не требуйте что-либо от кого-либо. Раб (меньший) ждет и требует от господина (большего) того-то и того-то, и проклинает, и жаждет мести. Свободный человек никого не винит...».

Соч.: Рассказы // Часы. 1980. № 23; 1982. № 39, 1983. № 44; 1984. № 48; Крысолов // Часы. 1980. № 25; Крысолов // Согласие. 1993. № 3 (предисл. В. Кривулина); Монолог // Часы. 1981. № 32; Победитель // Часы. 1983. № 42; Самозванец // Часы. 1987. № 67; Петербургские чтения. 1992. № 1; Крысолов // Коллекция / Сост. Б. Иванов. СПб., 2003.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003. Сайт премии Андрея Белого <belyprize>

В. Пухов

КОРЕ́ЦКИЙ Николай Владимирович [1.6.1869, Воронеж — 11.1.1938, Л-д] — поэт, драматург, издатель.

Еще юношей актерствовал в провинциальных театрах. С 1898 работал в труппе театра Неметти (СПб.), заведовал театр. отделом газ. «Новости». С 1906 по 1917 работал ред., затем издателем двухнедельного лит.-научного иллюстр. ж-ла с приложениями «Пробуждение». Использовал псевдонимы: Балакирев, Н.; К.; К–ий, Н. В.; Н. К.

Автор одноактных пьес, сборников поэзии, в т. ч. изданного в 1912 (к 25-летию лит. деятельности) сб. избр. стих. **«Песни ночи»**.

«Рождественские колокола» (1914): «Звёздной тогой украшен небесный чертог, / Крылья ангелов блещут в серебряной мгле, / Колокольные звоны поют: "Славен Бог!" / Слава Господу в вышних и мир на земле!».

После революции 1917-го служил режиссером в рабочих и красноармейских клубах. Позднее работал в различных изд-вах. В 1929 вернулся в Л-д, был корректором в типографии.

2 нояб. 1937 арестован. Особой тройкой УНКВД ЛО 31 дек. 1937 приговорен по ст. 58–10 УК РСФСР (проведении контррев. агитации) к смертной казни. Расстрелян.

Архив: РГАЛИ. Ф. 72. Ед. хр. 89. 1896–1916.

Лит.: Масанов И. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и обществ. деятелей: В 4 т. Т. 4. М., 1960; Распятые // Автор-сост. З. Дичаров. СПб., 2000; Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. I–VI. СПб., 1889–1904. Т. 1 (СПб.: Наука, 2001).

КОРЖ Марина Алексеевна [31.10.1965, Л-д] — поэт.

Окончила ЛГПИ им. А. Герцена в 1990. Преподаватель русского яз. и лит-ры.

Перв. публ. стихов состоялась в альм. «Мансарда» в 1991. Была участницей XXII конф. молодых писателей Северо-Запада. Печ. в газ., ж-лах, колл. сб-х.

Член СП России с 2000. Секретарь Междунар. ассоциации писателей-баталистов и маринистов СПб.

Соч.: Солнечная пыль: Стих. СПб., 1997; Золотая рыбка середины: Стихи.

СПб., 1998; Крупицы бытия: Стих. СПб., 2000.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КОРИ́НФСКИЙ Аполлон Аполлонович [29.8(10.9).1868, Симбирск — 12.1.1937, Тверь] — поэт, переводчик, критик, прозаик, этнограф, собиратель фольклора.

Фамилия унаследована от деда, Михаила Петровича Варенцова, выходца из семьи арзамасского крестьянина-мордвина; кот. бежал из дома в Казань, окончил гимназию, а затем Академию художеств в СПб. За выпускной архитектурный проект, выполненный в коринфском стиле, дед получил золотую медаль, звание академика и новую фамилию; был назначен городским архитектором в Казань, получил дворянское звание. Отец — дворянин, много лет прослужил в должности городского судьи и мирового посредника. Мать, Серафима Семёновна Волкова, умерла в день рождения сына: «Я матери не знал: в день моего рожденья / Покинула она прекрасный Божий свет» (**«Моя мать»**, 1910).

Детство провёл в имении отца Ртищево, в Симбирском уезде. В пятилетнем возрасте лишился отца, воспитывался родственниками («Я сиротою рос — чужим среди своих...»). В 1879 поступил в симбирскую гимназию, где 7 лет учился в одном классе с В. Ульяновым (1 июня 1918 в симбирск. газ. «Веч. слово» опубл. о нём воспоминания). Наклонности к писательскому ремеслу проявил рано. В старших классах гимназии входил в лит. кружок и издавал рукописный ж. «Плоды досуга». В 1886 ушёл из гимназии, стал театр. антрепренёром, разорился, продал имение и начал заниматься лит. трудом. В симбирских и казанских газ. печ. библиографич. заметки, фельетоны и корреспонденции из симбирск. жизни. 14 дек. 1886 в «Самарской газ.» за подписью Борис Колюпанов опубл. 1-й рассказ (**«Живой покойник»**), а 1-е стих. — в нач. 1888 в одном из петерб. ж. В 1887–88 заведовал симбирским отделом «Казанского листка», сотрудничал в местной («Волжский вестник», «Самарская газ.», «Казанский вестник») и столичной печати («Русский курьер», «Совр. известия»). К. обошёл и объехал всё среднее Поволжье, изучал народный быт и язык, записывал народные сказания и сказки. В дек. 1889 переехал в М., где сотрудничал в ж. «Россия», печ. в «Русском богатстве», «Гусляре», «Русском сатирич. листке».

Весной 1891 переехал в СПб. и стал печ. почти во всех столичных газ. и ж., бывал в доме Я. Полонского, был секретарём на «пятницах» К. Случевского, где собирались поэты разных поколений и школ. Служил помощником ред. ж. «Наше время» (1892–94), был сотрудником ж. «Всемирная иллюстрация», с сер. 1894 заведовал редакцией ж. «Север», в 1897–99 редактировал его самостоятельно. В 1895–1904 состоял одним из помощников гл. редак-

тора «Правительственного вестника» Случевского по историч. отделу, где, начиная с 1899, ему принадлежат почти все историко-этнографич. очерки, составившие книгу **«Народная Русь»** (М., 1901). С осени 1905 по март 1908 редактировал газ. «Голос правды». Первые две революции встретил с интересом, а послеоктябрьская действительность принесла разочарования. В 1918 ещё печатался в газ. «Веч. слово» (посл. номер от 3 авг.) В новых условиях найти себя не смог, перебивался случайными заработками, переводами, служил в мелких изд-вах, библиотекарем в школе. Жил под Л-дом, на станции Лигово, а в 1929 сослан в Тверь, где работал корректором в областной газ. Там же умер и похоронен. На могиле надпись: «Поэт Аполлон Коринфский». И далее приведены слова из стих. **«Родная страна»** (1912): «Храни, Господь, народные твердыни, живи вовек, родная мне страна!».

Лирика К. представлена 7-ю книгами. В 1-м сб. **«Песни сердца»** (М., 1894) можно выделить три жанрово-тематич. группы — философская лирика, пейзажная лирика, поэмы, баллады и легенды — и переводы иностранных поэтов.

На смену романтически возвышенной любви 1-й книги пришла страстная и безумная любовь «декадента» («Обоим не выйти живыми / Из пламени наших страстей») во 2-м сб. **«Черные розы»** (СПб., 1896), посвящ. жене поэта, Елене Александровне (1871–1902). Вычурное и манерное воспевание этой страсти (кот. сам поэт называет «отравой» и трагически восклицает: «Яду мне, яду — скорей!»), «декадентской любви», критик М. Столяров сравнил с «безумным лепетом больного, одержимого так называемой эротоманией» (Вестник Европы. 1899. № 10). «Чёрными» у поэта оказываются «розы» и «очи», «думы» и «дни». В книге 3 раздела: «Черные розы. Из одного дневника», «Бывальщины», «Отголоски». Отрицательную оценку книге дал А. Волынский: «...в <...> стихах нет и признака настоящего художественного таланта... нельзя найти ни одной страницы, отмеченной истинным вдохновением и талантом» (Сев. вестник. 1896. № 1). Один из критиков «Нового слова» отметил «бедность самостоятельных наблюдений и склонность к дурным заимствованиям» в любовной лирике, «совершенное бессилие творч. мысли» в философской лирике, «признаки таланта» в стихах о природе, «пустой набор слов и восклицаний» в социальной лирике (**«Падшая и падшие»**, **«Женщине»**, **«Покайтеся!..»**). Наибольший интерес вызвали былины, хотя они и «не являются продуктом оригинального тв-ва, т. к. образцом для них несомненно служили былины А. Толстого» (1896. № 7).

В «думах» следующ. книги — **«Тени жизни»** (СПб., 1897) — отражено то опустошение души поэта, кот. наступило после «блаженства страстей». В «песнях» по-прежнему воспевается красота природы, в книгу включены «бывальщины» и переводы. Критик «Нового слова», опубликовавший рецензию без подписи (предположительно, И. Бунин), высмеял стихи поэта и его многописание: «Коринфский воспевает русалок, Поволжье, русских богатырей, "грёзы" и "слёзы" и "роковую страсть безумную". А когда вздумает пофилософствовать, то рассказывает, что "жизнь — пучина многоводная", что "жизнь — поэма многотомная"» (1897. № 6). Причины популярности первых книг К. «в одной части публики и лит-ры и непопулярности — в другой» П. Гриневич объяснил так: «Эта многолетняя погоня за мнимой народностью привила к небольшому дарованию г. Коринфского такую приторную вычурность, что читать его долго и не почувствовать тошноты почти невозможно. Тот же, якобы, национально-русский склад и слог (который сколько-нибудь уместен еще в его народных бывальщинах и фантазиях) он перенес и в свою лирику... в его лице повторится судьба Кукольника, Бенедиктова, кот. думали добиться популярности ложным народничанием и манерной вычурностью, а не простым и искренним чувством» (Русское богатство. 1897. № 8).

Сб. стихов **«Гимн красоте»** (СПб., 1899) говорит о преодолении внутреннего кризиса и преображении «больной души» автора. Красота природы и способность творить спасают поэта. «Пойте гимн красоте!» — так начинается и заканчивается каждая из шести строф 1-го стих. книги; и последнее стих. заканчивается пафосно: «Я перед ней стою, коленопреклонённый. / О, Красота! Святая Красота!». Именно красота является ключевым словом и в «песнях», и в «думах сердца»; треть книги вновь занимают переводы. В кн. **«В лучах мечты»** (СПб., 1905), посвящ. второй жене поэта, Марианне Иосифовне (1879–1960), и отражающей наиболее спокойный период в его жизни, с благополучной семейной жизнью и обретением душевного покоя («Новые силы проснулись в груди... / Новым огнем разгораются очи»), вошли «светлые думы» о жизни, песни «счастливой любви», «картины природы», социальные стихи, бывальщины и переводы. Критик Ю-нъ выделил раздел «Бывальщины»: «Здесь поэт с любовью рисует целый ряд картин "любезной сердцу" старины» (Новое время. 1906. 8 февр.).

Поэтич. откликом на события 1-й революции стал сб. **«Под крестною ношей»** (СПб., 1909). Впервые у К. на перв. план вышли социальные, «некрасовские» мотивы: образ «народа-гражданина» («Ты был рабом своей судьбы... / Будь гражданин в краю родном!»), тема русского народа («Богач по духу, нищий по неволе, / Слепец — по знанью, опытом — мудрец...») и «нищей» России («То-то слезами зальется / Нищая наша Россия»). Здесь нашли отражение и общее для творч. интеллигенции эмоциональное увлечение революционными идеями («Вещая птица! Ужель никогда / Нас не порадует песня Свободы?!»), и глубокое разочарование в революции: «Ужасный, чёрный год, безумный год вражды — / Он всюду сеял ложь разлада и разврата... / Будь проклят! Проклят будь, позорный черный год!» (**«Чёрный год»**, 1906). Автор включил в сб. «новые бывальщины» и новые переводы. Цикл **«Песни голи»** в том же году вышел отд. книгой (СПб., 1909). В 1905–06 К. активно сотрудничал в сатирич. ж. «Бурелом», «Зритель», «Заноза» и др., где под разными псевд. (Б. Колюпанов, Н. Варенцов, Аполлон Рифмачёв, Фебуфис и др.) опубл. массу сатирич. стих. обличительного характера.

Итоговой в лирике К. стала кн. **«Поздние огни»** (СПб., 1912). Поэт возвращается к прежним мотивам — песням «любви и мечты» («Нет без

песен мечты; без тебя нет любви... / Эти песни — твои... Их — своими зови!..»), думам о «вечере жизни» («Рассудок, злой вещун! Твоё сомненье ложно: / Где сердце говорит — там места нет уму!»), теме красоты природы («Есть жизнь, есть красота и в холоде зимы...»), и в то же время осознаёт близость «рубежа»: «Четверть века прошло, как меня осенила впервые / Муза песен моих серебристо-лазурным крылом» (**«У рубежа»**). В книге есть след. разделы: «Песни о городе», «На путях богоисканий», «Новые бывальщины», переводы «С разных берегов».

Особое место у К. занимает поэзия для детей: с 1890 он активно печ. во мн. детских ж. СПб. и М. («Игрушечка», «Малютка», «Дет. мир», «Дет. чтение», «В детском мире», «Юная Россия» и др.). К. издал три кн. стихов для детей (**«На ранней зорьке»**, **«В детском мире»**, **«В родном краю»**), в кот. выделил 3 раздела — «малюткам», стихи о природе, «бывальщины и сказки».

К. насчитал около 400 рец. о своём тв-ве (Анкета — ИРЛИ. Р. I, оп. 12, № 107). Лирике К. в 1905 объективную оценку дал В. Брюсов: «Поэзия Коринфского не выходит из круга мелких настроений, пошлых сюжетов, избитых мыслей. В груде стихотворных томов Коринфского мерцает огонёк поэтического воодушевления, но он еле теплится, редкие художественные строчки разделены целыми десятками трафаретных стихов; отдельные яркие образы вправлены в тусклые, ремесленно задуманные пьесы» (Весы. 1905. № 11). Стихи К. переводились на польский, чешский, французский и немецкий яз. (на последний Ф. Фидлером). Во 2-й пол. XX в. стихи К. трижды помещались в сб. «Биб-ки поэта» (БС): 2 стих. в кн. «Стихотворная сатира первой русской революции (1905–07)» (2-е изд. — Л., 1969), 30 — «Поэты 1880–90-х годов» (2-е изд. — Л., 1972), 22 — «Русская поэзия детям» (Л., 1989).

Сам К. больше всего ценил свои бывальщины (Автобиография. ИРЛИ, ф. 377), о кот. один из критиков написал так: «По большей части складом, напоминающим былинный, и в поэтических образах автор восстанавливает полузабытые предания, легенды и поверья, малоизвестные исторические события и народные сказания, прикрашивая их иногда собственным вымыслом и всегда отлично выработанным звучным стихом» (Русская мысль. 1899. № 7). За стилизации в былинно-эпическом духе К. называли наследником А. Толстого и Л. Мея. Свыше 80 бывальщин опубл. в 5 кн.: **«Бывальщины»** (СПб., 1896), **«Волга»** (М., 1903), **«Седая старина»** (М., 1912), **«Славянские бывальщины»** (М., 1914), **«В тысячелетней борьбе за Родину»** (Пг., 1917).

К. перевёл около 700 стих. с др. языков (латинский, английский, немецкий, итальянский, французский, грузинский, армянский, польский, белорусский и др.), часто работал с подстрочником. Строгую оценку переводам К. дал Брюсов: «Совершенно неудачны переводы К. Он, кажется, и не подозревает, что у каждого поэта есть свой стиль, свои характерные особенности, и всех переводит одними и теми же бесцветными, условно бойкими стихами» (Весы. 1905. № 11).

К.-прозаик в разных ж. опубл. около 40 рассказов; в кн. **«Вольная птица и др. рассказы»** (СПб., 1897) вошло только 12. Она получила отрицательную оценку в ж. «Новое слово» (1897. № 6) и «Русская мысль» (1897. № 9): «мелкие пустяковины», «плоховские варианты старых историй». Несомненный интерес представляют этнографич. труды К., рисующие русский народный быт: **«Народная Русь»** (М., 1901; в 1995 переизд. в М., Самаре и Смоленске), **«Трудовой год русского крестьянина»** (М., 1904–05), **«В мире сказаний»** (СПб., 1905).

К.-критик опубликовал «громадное (не поддающееся подсчёту) количество биографич. и историко-лит. очерков, журнальных обозрений, библиогр. заметок, общественных фельетонов под различным подписями и псевдонимами», в т. ч. о тв-ве А. Кольцова (**Стихотворения А. В. Кольцова**. СПб., 1892), И. Бунина (Всемирная иллюстрация. 1892. № 22), В. Брюсова, Ф. Сологуба, М. Горького (Север. 1897. № 3, 17, 26), К. Случевского, Д. Садовникова и др.

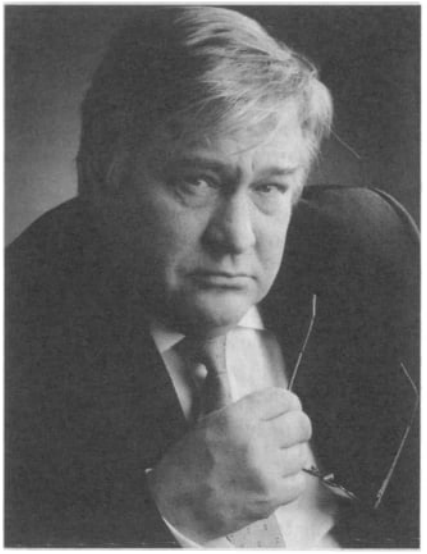
Соч.: Стихи: Песни сердца (Стих. 1889–93). М., 1894 (1896); Чёрные розы: Стих. 1893–95. СПб., 1896; На ранней зорьке: Сб. стих. для детей. М., 1896 (1903); Бывальщины: Сказания, картины и думы. СПб., 1896 (1899, 1900); Тени жизни: Стих. 1895–96. СПб., 1897; Гимн красоте и др. новые стих. (1896–98). СПб., 1899; Волга: Сказания, картины и думы. М., 1903; В лучах мечты: Стих. 1898–1905. СПб., 1906 (1912); Под крестною ношей: Стих. 1905–08. СПб., 1909; Песни о хлебе: Думы, картины и легенды. М., 1909; В детском мире: Новый сб. для детей. М., 1909; В родном краю: Новый сб. стих. для детей. СПб., 1911; Поздние огни: Новые стих. 1908–11. СПб., 1912; Седая старина: Десять бывальщин. М., 1912; Славянские бывальщины. М., 1914; В тысячелетней борьбе за Родину: Бывальщины X–XX веков (940–1917 гг.). Пг., 1917. Проза: Вольная птица и др. рассказы. СПб., 1897 (1905, 1910); Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901; В мире сказаний: Очерки нар. взглядов и поверий. СПб., 1905; За далью веков: Ист. рассказы, очерки и стих. М., 1909. Переводы: Старый моряк. Поэма С. Т. Колриджа. СПб., 1893 (Киев, 1897); Полн. собр. песен Беранже в пер. А. Коринфского и др. поэтов. Т. 1–4. СПб., 1904–05; Песни Баумбаха. СПб., 1906 (1912). Критика: Поэзия К. К. Случевского. СПб., 1900; Д. Н. Садовников и его поэзия. СПб., 1900; Ф. И. Тютчев как поэт-гражданин // Правительственный вестник. 1903. № 258.

Лит.: Певец русской природы и старины А. Коринфский и его стихотворения. СПб., 1912; ЛЭ. Т. 5. М., 1931; Малютина А. Янка Купала и А. Коринфский // Неман. 1961. № 1; КЛЭ. Т. 3. М., 1966; Поэты 1880–1890-х годов (БП. БС). Л., 1972; Дудочкин П. Свободолюбивое сердце // Волга. 1978. № 5; Лиокумович Т. Первый переводчик Янки Купалы // Волга. 1982. № 7; Русские писатели. 1800–1917. Библиограф. словарь. Т. 3. М., 1994; Сапожков С. «Пятницы» К. К. Случевского // НЛО. 1996 № 18; Розадеева М. Глашатай истины, пророк любви // Русская словесность. 1996. № 1; Бунин И. Письма 1885–1904 гг. М., 2003; Фидлер Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения. М., 2008.

В. Влащенко

КО́РНЕВ Борис Федорович [5.2. 1950, Л-д] — прозаик.

Родился в семье военнослужащего. Отец, Фёдор Николаевич, из крестьян, после срочной службы остался в Красной Армии. Будучи командиром воздушно-десантного взвода, принимал участие в воен. операциях в Бессарабии, в Зап. Украине, в Латвии и в финской кампании 1939–40. В перв. месяцы Великой Отеч. войны был ранен и контужен. Попал в плен.



Бежал. Добрался до родной деревни, создал партизанскую группу. Позднее назначен нач. штаба партизанского отряда, кот. участвовал в прорыве и снятии блокады Л-да. В составе действующей армии участвовал в боях за Кенигсберг и в разгроме Квантунской армии. Награждён орденами Суворова 3 степ., Отеч. войны 2 и 3 степ., медалями. После демобилизации по ранению работал в Л-де на различных предприятиях, занимался военно-патриотич. воспитанием молодёжи. Мать, Антонина Потаповна, родилась в Л-де, всю жизнь работала акушеркой в родильном доме Кировского р-на.

В 1972 К. окончил химич. фак-т ЛГУ. Работал в НИИ Арктики и Антарктики, участвовал в полярной экспедиции на Чукотском море. С 1974 по 1977 учился в аспирантуре ЛГУ по специальности химическая физика. Кандидат наук. После окончания аспирантуры четыре года работал в Центре физико-химических исследований Мин-ва электронной промышленности СССР (НПО «Позитрон») и др. организациях Л-да и М. В 1989–90 создавал акционерное об-во. Специалист в обл. управления экстремальными ситуациями. Работа с кризисными проектами дала К. мат-л для изучения состояния об-ва в сложный период расслоения общ. сознания. Расширяя теоретич. знания, в 1997 поступил на психологич., позднее и на экономич. фак-т СПбГУ, что впоследствии помогло ему в работе над худож. прозой.

Начинал писать ещё в старших классах школы, увлекался философскими трактатами, критикой Ф. Бэкона, Т. Гоббса, экзистенциалиста Хайдеггера. Позже интересы перемешивались: лит. опыты, науч. ст. по химии и физике, позже по психологии и экономике, полит. направленность. Постепенно от науч. работ перешёл к научно-популярным изд.. В 2005 изд. **«От становления до распада»** (российские полит. партии), **«Сказки для бизнесменов»** (записки кризисного доверительного консультанта) и известная среди предпринимателей кн. **«Немедленно ждать»** (взгляд на психологич. проблему кризиса).

В 2010 вышла в свет повесть К. **«Дальтоник»**. В основу — воен. судьба отца, жизнь в оккупации на территории Лен. обл. Психологически тонко показаны переживания гл. героя при выборе пути в сложнейших жизненных ситуациях — без идеологизированного героизма. Ю. Туйск пишет: «В повести "Дальтоник" автор подробно описывает жизнь Федора Астахова — молодого советского офицера, волей судьбы попавшего в приграничный район одной из прибалтийских республик в первые дни Великой Отечественной войны. Его глазами мы... видим всё, что удалось испытать герою: от радости человека, превозмогшего себя в бою с сильным и наглым врагом до горечи плена, страха и унижений. Автор не приукрашивает, но и не драматизирует то, что пришлось пережить многим селянам, оказавшимся под пятой фашистов и их пособников — "полицаев", формировавшихся главным образов из числа бывших кулаков, уголовников и идейно не согласных с советской системой. После побега из плена Астахов в гитлеровском тылу организует сначала подполье, а позже партизанский отряд. Писателю правдиво удается раскрыть образ Ф. Астахова, и не шаблонно, но "глубинно" и "изнутри". Достичь этой благородной цели К. помогает психоанализ, хорошее, не предвзятое знание истории Второй Мировой войны, а также профессиональное владение словом».

В 2011 изд. повесть **«Реальная четвёрка»**, об одноклассниках, о своем поколении. Кн. пронизывает гл. проблема, кот. давно профессионально занимается К., — принятие решения в кризисных ситуациях. Как ведёт себя человек в экстремальных условиях? Что он при этом переживает? А. Ахматов пишет о кн.: «Повесть соткана из мяса реальности, из сухожилий самого автора... В ней нет ни одного не обеспеченного жизнью поворота или эффектного рассказа, поставленного только ради привлечения внимания. Это не значит, что в ней не может быть преувеличений или авторских придумок. Без них не существует ни одного художественного произведения. Здесь тоже присутствует элемент запланированных "случайных встреч", кот. так богата романистика вообще». Реальная четвёрка — это «номенклатурщик», диссидент, «пахан» и «кэгэбэшник». «... Возможно, главная черта этой повести, — отмечает Ахматов, — любовь автора ко всем четырём персонажам. Это почти невероятно, т. к. все они выражают предельно противоположные взгляды. Казалось бы, что общего может быть у ответственного работника районного комитета КПСС с профессиональным диссидентом? Но Богданов, жертвуя карьерой, отпускает бегущего в американское посольство по поддельным документам Спивака. Да и как любовно описан сам Спивак, чьи взгляды явно чужды автору... Это большое искусство — не занимать ни чью сторону, оставаясь в повествовании как бы отстранённым, но всё же не посторонним». В 2011 вышел сб. очерков К. **«Игра в "Тетрис"»** (очерки нравов партаппарата среднего звена). Проза К. — будь то очерк, повесть или рассказ — всегда отличается острым сюжетом, внешним или внутренним. Язык лаконичен, красочен. Стиль К. узнаваем благодаря большой напряжённости повествования. Член СП России.

Начинает работать в жанре «малой прозы». Публ. рассказы: **«Расстановка»** и **«Справедливость»** в альм. «Невский публицист» (2011), **«Оранжевое море»** и **«Глава первая»** в альм. «Сев. цветы» (2012). С 2012 — член редколлегии альм. «Сев. цветы».

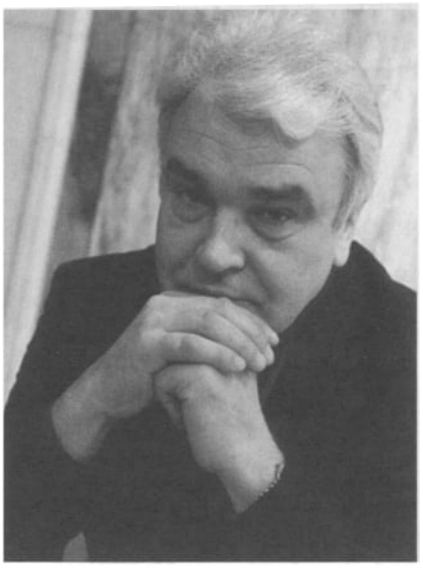
В апр. 2013 получил лит. премию им. Н. Тихонова за повесть «Реальная четвёрка».

Соч.: Сказки для бизнесменов. СПб., 2006; Немедленно ждать. СПб., 2009; Дальтоник: Повесть. СПб., 2010; Реальная

четверка: Повесть. СПб., 2011; Игра в «Тетрис». СПб., 2011; Тандем. СПб., 2012; Бухта Провидения. СПб., 2013.

Лит.: Ахматов А. Реальная четвёрка // Сфинкс. 2012. № 33; Метелев Ю. Не всякие глаза видят врага // Рог Борея. 2012. № 47; Андрюшкин А. «Северные цветы» — прорыв к свету // ЛГ. 2013. № 2 (39).

КОРНЕ́ЕВ Юрий Борисович [22.11.1921, Пг. — 8.1.1995, СПб.] — переводчик.



Родился в семье служащих: отец, Борис Александрович К., и мать, Зоя Владимировна, работали бухгалтерами на различных предприятиях города. После окончания средней школы поступил на юридич. фак-т ЛГУ (1940). С первого курса был призван в армию и по 1946-й находился на воен. службе. В автобиографии отмечает: «На войне был артиллеристом-зенитчиком. Сначала в 16-м зенитно-артиллерийском полку (июнь 1941 — сентябрь 1942 г. — Южный фронт), затем — в 540-м отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе (впоследствии стал 44-м гвардейским) — на Северо-Кавказском фронте, в Отдельной Приморской армии, на 3-м Украинском фронте. Войну кончил в звании гвардии старшего сержанта под Аустерлицем. В 1943 г. вступил в партию. Награжден орденом Красной Звезды, медалью "За отвагу" и девятью мемориальными медалями» (Лен. писатели-фронтовики. 1941–45 // Автобиографии. Биографии. Книги / Автор-сост. В. Бахтин. Л., 1985). Такое внимание к подробностям воен. службы не случайно: вся творч. жизнь К. была подчинена жесточайшей дисциплине, точности и обязательности. Эти качества помогли ему стать одним из самых продуктивных переводчиков своего времени, о чем свидетельствует библиография опубл. им работ.

После демобилизации окончил 1-й Лен. пед. ин-т иностранных языков по французскому отд. С 1950 по 1958 преподавал в вузах Л-да. В 1960 принят в СП СССР и до посл. дней занимался исключительно творч. работой.

Перв. публикация стихотв. переводов — в кн. бельгийского поэта Э. Верхарна «Избранное» (1955) — стихи из сб. «Поля в бреду» и «Города-спруты». Перв. публикация прозаич. перевода — совм. с Н. Рыковой перевод повести франц. писателя П. Гамарра «Сирень Сен-Лазара» (Нева. 1957. № 4). Среди творч. связей К. следует выделить общую работу с Н. Любимовым (К. перевел вставные стихи в переводах Любимова «Дон-Кихота» Сервантеса и «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле) и совм. с Э. Линецкой работу по переводу французских моралистов. В 1980-е К. сплотил вокруг себя группу переводчиков (Л. Цывьян, И. Русецкий, Е. Баевская и др.) в работе над переводами французской классики. Дружеские отношения связывали К. с В. Жирмунским (ред. его перевода «Нибелунгов») и Н. Жирмунской (комм. моралистов).

Значительную часть времени и сил К. отдавал работе с изд-вами, комментированию и редактуре книг, в кот. принимал участие как переводчик или кот. переводили его коллеги и ученики. К таким работам следует отнести редактуру отд. произведений Стендаля, Бальзака, Флобера (1959–60), стих. В. Скотта (1965), сб. «Испанская эпиграмма» (1970) и «Западно-европейская лирика» (1974), трагедий Расина (1977), кн. «Средневековые французские фарсы» (1981), многотомных романов А. Дюма «Ожерелье королевы», «Анж Питу», «История знаменитых преступлений» (1991–92) и собр. соч. Ж. Сименона (1991–94).

Явлением в мире переводной литры и итогом работы К. как переводчика поэзии стала кн. его избр. переводов «Рог» (1989), включившая в себя стихи 33 франц. поэтов от Ф. Вийона до Л. Арагона. В кн., наряду с всемирно изв. именами, оказались поэты, незнакомые широкому читателю; авторы, кот. неоднократно переводились, раскрылись по-новому — через вкусы и мастерство переводчика, а новые имена подтвердили определяющие свойства французской поэтич. традиции, переданные интерпретатором: афористичность, точный смысл, изощренность формы и мощное лирич. чувство. В книге опубл. значительные подборки стих. Гюго, Леконта де Лиля, Бодлера, Банвиля, Малларме, Кро, Верлена. Роллина, Ришпена, Лафорга, Туле, Аполлинера, Кокто и др. — многие из кот. опубл. впервые и впоследствии неоднократно переизд. Не менее значительным явлением стала публ. почти полного собр. стих. Ф. Вийона (1996), впервые включившая корпус т. н. баллад на пестром, т. е. воровском жаргоне, составленная и прокомм. переводчиком.

За многолетний труд по переводу французской лит-ры К. был удостоен французского Ордена искусства и лит-ры (1991).

Соч.: Рог: Из французской лирики / Сост., перев., прим. Л., 1989.

Избр. перев.: *С франц. яз.*: Верхарн Э. Избр. М., 1955; Гюго В. СС: В 15 т. М., 1956 (Т. 12, 13, 14; БВЛ. Т. 80. М., 1973); Мюссе А. де. Избр. произв.: В 2 т. М., 1957; Вилье де Лиль-Адан О. Разбойники. Королева Изабо // Франц. новелла: В 2 т. М., 1959 (Т. 2); Франс А. СС: В 8 т. М., 1959–60 (Т. 6 — «О некоем в ужас повергающем изображении»; Т. 7 — «Пасха, или Освобождение», «Диалог в аду»; Т. 8 — «Гастон Парис и средневековая лит-ра», «Королева Наваррская»); Рабле Ф. Стихи в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль». М., 1961; Франс А. СС: В 8 т. М., 1960; Лану А. Стихи в романах «Когда море отступает». М., 1965 и «Плешивый пастырь». М., 1980; Дюма А. Двор Генриха III. Молодость Людовика XIV // Нельская башня / Пьесы. Л.; М., 1965; Шамфор. Максимы и мысли. Характеры и анекдоты (совм. с Э. Линецкой). М.; Л., 1966 (Лит. памятники); Сент-Бёв Ш. Лафонтен. Меркантилизм в лит-ре // Лит. портреты. Критич. очерки. М., 1970; Арагон Л. СС: В 11 т. М., 1970 (Т. 9); Ж. Санд. СС: В 9 т. М., 1973 (Т. 6 — «Франсуа-найденыш»); Маро К. Стих. М., 1974 (БВЛ. Т. 32); Сименон Ж. Он приехал в день поминовения // Романы. Л., 1975; Песнь

о Роланде. М., 1976 (БВЛ. Т. 10); Песни о Гильоме Оранжском. М., 1976 (БВЛ. Т. 10); М., 1985 (Лит. памятники); Мопассан Г. де. СС: В 7 т. М., 1977 (Т. 1 — «Вальдшнеп», «Помешанная», «Нормандские шуты». «Сабо», «В море», «Завещание», «В полях», «Святой Антоний», «Приключение Вальтера Шнафса»; Т. 2 — «Дени», «Осел», «Идиллия», «Крестины», «Сожаление»; Т. 3 — «Сестры Рондоли», «Проклятый хлеб», «Зонтик», «Шали», «Возвращение», «Брошенный», «Взгляды полковника», «Мохаммед-Бестия», «Сторож»; Т. 5 — «Малышка Рок», «На разбитом корабле», «Отшельник», «Папаша Амабль»; Т. 6 — «Порт»; Т. 7 — «Папаша Милон», «Слепой», «Разносчик»); Тома. Роман о Тристане // Легенды о Тристане и Изольде. М., 1976 (Лит. памятники); Вольтер. Микромегас. Письма Амабеда // Франц. повести XVIII в. Л., 1981; Расин Ж. Трагедии: В 2 т. М., 1984 (Т. 2 — Гофолия); Корнель. П. Театр: В 2 т. М., 1984; Сесброн Ж. «Счастье по пустякам // Над Сеной и Уазой. М., 1985; Мориак Ф. Лит.-критич. статьи. Дневники. Публицистика // Не покоряться ночи. М., 1986; Виньи А. де. Избр. М., 1987 («Супруга маршала д'Анкра», «Чаттертон», «Отделалась испугом»; «Стелло»); Ривароль А. де. Избр. высказывания (совм. с Э. Линецкой) // Размышления и афоризмы франц. моралистов XVI–XVIII вв. Л., 1987; Вовенарг Л. К. де. Размышления и максимы (совм. с Э. Линецкой). Л., 1988 (Лит. памятники); Сен-Симон А. Мемуары. М., 1991; Барбе д'Орвийи Ж. «Дьявольские повести», «Шевалье Детуш», «Безымянная история» // Дьявольские повести. Л., 1993; Селин Л. Путешествие на край ночи. М., 1994; Кастело А. Жозефина в 2 т. СПб., 1994; Вийон Ф. Стих. / Сост., перевод, прим. СПб., 1996; Сименон Ж. Новый человек в городе // До самой сути. Л., 1983; Письмо следователю // Свидетели. М., 1983; Пассажир «Полярной линии». Л., 1985; Грязь на снегу. Л., 1986; Мегрэ и мертвец // В схватке с судьбой. Л., 1988; Мегрэ и неизвестная. М., 1994; На случай несчастья // Аврора», 1995. № 5–6; Подпись «Пикпюс». Мегрэ // Весь Мегрэ. М., 1997; Бургомистр города Вёрне. М., 1997; В случае беды. М., 1997. *С исп. яз.*: Бласко Ибаньес В. Стихи в романах и повестях // Избр.: В 3 т. М., 1959; Песнь о Сиде // Избр. романы о Сиде. М.; Л., 1959 (Лит. памятники; БВЛ. Т. 10. М., 1976); Лопе де Вега. Новеллы (перевод стихов). М., 1960; СС: В 6 т. М., 1962–65 (Т. 1 — «Наказание — не мщение»; Т. 3 — «Ночь в Толедо»; Т. 6 — «Награда за порядочность», «Мадридские воды»); Кальдерон П. СС: В 2 т. М., 1961 (Т. 1 — «Враг своей чести»); Сервантес М. де. Стихи в романе «Персилес и Сехизмунда» // СС: В 5 т. М., 1961 (Т. 5); Лабрюйер Ж. де. Характеры (совм. с Э. Линецкой). М.; Л., 1964 (БВЛ. Т. 42. М., 1974); Стихи в романе «Дон-Кихот». М., 1970 (БВЛ. Т. 37, 38); Стихи в романе «Галатея», М., 1979; Алеман М. Стихи в романе «Гусман де Альфараче». М., 1963; Альберти Р. Стихи. М., 1963; Тирсо де Молина. СС: В 2 т. М., 1969 (Т. 2 — «Севильский озорник»); БВЛ. Т. 39. М., 1969. *С порт. яз.*: Виконт де Гийераг. Стихи в кн. «Португальские письма». М., 1973 (Лит. памятники); Кентала А. де, Верде С. Стихи // Лузитанская лира. М., 1981. *С итал. яз.*: Ариосто. Стихотв. отрывок из «Лаокоона» Г. Лессинга. М., 1957; Бокаччо Дж. Стихи в романе «Декамерон». М., 1970 (БВЛ. Т. 29); «Малые произведения» (16 сонетов и Баллада II). Л., 1975. *С англ. яз.*: Шекспир В. ПСС: В 8 т. М., 1960 (Т. 2 — «Бесплодные усилия любви»; Т. 7 — «Кориолан», «Макбет»); Бен Джонсон. Пьесы Л.; М., 1960 («Заговор Катилины»); Марло К. Соч. М., 1961 («Парижская резня», «Геро и Леандр»); Бомонт и Флетчер. Пьесы: В 2 т. М., 1965 (Т. 1 — «Трагедия девушки», «Награда женщине, или укрощение укротителя»; Т. 2 — «Своенравный сотник», «Жена на месяц»); Киплинг Р. Бог машины. Черный Джек. Подгулявшая команда // Лисбет. Л., 1968; Фаркер Дж. Стихи в комедиях. М., 1973; Мильтон Дж. Стих. М., 1976 (БВЛ. Т. 45) («Люсидас», «Комос». Сонеты. Псалмы); По Э. Стих. Л., 1976 («Веч. звезда», «Стансы», «Озеро», «Романс», «Элизабет Л. Херринг», «Город среди моря», «Подвенечная баллада», «К Ф-с О-д»; Полн. собр. стих. СПб., 2012); Конгрив У. Стихи в комедии «Так поступают в свете» М., 1977; Шоу Б. Полн. собр. пьес: В 6 т. Л., 1978–80 (Т. 1 — «Сердцеед»; Т. 5 — «Назад к Мафусаилу»); Шоу Б. ПСС: В 6 т. Л., 1979 (Т. 2 — «Великолепный Бэшвил»); Браунинг Р. Стихотворения («Граф Жисмон», «Через Метижду к Абд-аль-Кадиру», «Перчатка» «Любовь среди развалин», «Фра Липпо Липпи»); Браун К. Ван-Дейк. М., 1989; Донн Дж. Песни и песенки. Элегии. Сатиры. СПб., 2000. *С нем. яз.*: Фрейлиграт Ф. Избр. произв. М., 1956; Бехер И. Избр. М., 1956; Мейер К. Новеллы. Стих. М., 1958; Сакс Г. Избр. М.; Л., 1959 («Разговор богов о смутах в Священной Римской империи», «Эпитафия, или надгробная речь над прахом Мартина Лютера», «Спор Эйленшнигеля с епископом об изготовлении очков», «Заклинание ведьм»); Клейст Г. Пьесы М., 1962 («Пентесилея»); Песнь о Нибелунгах. Л., 1972 (Лит. памятники. СПб., 2011); Франк Л. Стихи в пьесах. М., 1972; Геббель Ф. Избр.: В 2 т. М., 1978 (БВЛ. Т. 85) (Т. 1 — Стих.; Т. 2 — «Нибелунги»); Гуго фон Гофмансталь. Избр. М., 1995. *Со швед. яз.*: Вексель Ю. Избр. М.; Л., 1960. *С румын. яз.*: Александрии В. Избр. Кишинев, 1957 («Мариоаре-флориоаре»).

Лит.: Любимов Н. Школа высшего искусства // ЛГ. 1966. № 23; Дейч А. Ученые и волшебники // Лит. Россия. 1966. 25 февр.; Федоров А. Чувство эпоса // Нева. 1973. № 1; Виноградов В. О специфике худож. перевода и его теории // Филологич. науки. 1978. № 5; Захаров В. Понять человека // Лит. обозрение. 1983. № 7; Балахонов В. Из глубины веков // Нева. 1986. № 9; Яснов М. При звуке рога // Аврора. 1990. № 12; Яснов М. Дьявольские повести // Пятница (прилож. к газ. Час пик). 1903. 16 июл.; Цывьян Л. Посл. песнь // Веч. Петербург. 1995. № 5; Еремина Р. Он был одержим работой // Аврора. 1996. № 1; Соколова Т. Из переводческого наследия Ю. Корнеева // Новый ж. 1996. № 1; 2004. № 3; Захаров В. Сокровище Нибелунгов // Нева. 2007. № 8.

Р. Еремина, М. Яснов

КОРНИ́ЛОВ Борис Петрович (печ. за подписью Б. Корнилов (Вербин)) [16(29).7.1907, с. Покровское Семеновского у. Нижегородской губ. — расстрелян 20.2.1938, Л-д] — поэт.

Родился в семье учителей. В 1910 переехал вместе с родителями в с. Дьяково, где прожил до 1922, затем до конца 1925 жил в г. Семенове. Там же окончил среднюю школу, работал инструктором укома комсомола. Перв. стих. **«На моря»** опубл. в газ. «Молодая рать» (Н. Новгород) 28 апр. 1925. До этого писал мн. сти-

хов (позднее не воспроизводившихся) в стенгазетах, а также для местного молодежного театра «Синяя блуза». Родители происходили из крестьян, с трудом выбившихся в деревенские учителя. Они хорошо, до пятого колена, знали своих предков; быт их, несмотря на учительское положение, был по своему укладу крестьянским. Края вокруг Семенова были дремучие, староверские, с твердыми нравств. устоями, отраженными знатоком этих мест А. Мельниковым-Печерским. С детства К. хорошо знал и староверские обычаи, и русский традиционный, сказочный и песенный фольклор. Свою сказочно-дремучую детскую родину К. никогда не забывал, она то и дело всплывала в его стихах, в т. ч. и «городских», уже в Л-де, подобно китежскому потаенному звону.

В кон. 1925 по ходатайству комсомольской нижегородской организации К. командировали в Л-д как человека, имеющего «литературные способности». Он приехал в сев. столицу в самом кон. 1925 со жгучей надеждой встретиться с Есениным, но этой встрече не суждено было состояться. Среди мн. поэтов, особо родственных К., именно Есенин стоял к нему ближе др. В Л-де К. печатается в «Смене», «Юном пролетарии», «Звезде», «Резце», «Красной панораме» и в др. местных и центр. периодич. изд. Он становится членом лит. группы «Смена», кот. руководил В. Саянов. Эта немногочисленная группа состояла из одаренных поэтов, проходивших серьезную поэтич. выучку у мэтров «ленинградской школы»; она входила в РАПП. В ней одно время состояли, помимо К., Ольга Берггольц, В. Друзин, Гитович, Рахманов, Лихарев и др. Посещали их занятия и участники др. групп, напр. «серапионовец» Н. Никитин. Характерной особенностью группы, куда попал К., было не только вдумчивое отношение к лит. мастерству, горячее обсуждение «технологических» проблем поэзии, что для молодого литератора, прибывшего из семеновской глухомани, значило очень много, но и сознательное отношение к традициям отеч. лит-ры и культуры. К. с детства был воспитан своими деревенскими учителями-родителями в почтительном отношении к русскому лит. наследию, прекрасно знал Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Боратынского, Никитина, классическую прозу. По этой причине он сразу же был принят группой «Смена» как свой, хотя надо сказать, что в группе, отличавшейся дружбой и требовательностью, были и свои внутренние разногласия, шедшие в основном через влияние РАППа. Группа «Смена» была типичным явлением «ленинградской поэтич. школы», «деревенские мотивы» были там большой редкостью. Появление в этой интеллигентской, сугубо городской и в общем-то уже достаточно профессиональной лит. среде парня из глухой провинции, со своей речью, с незнакомыми словами, переполненного народной культурой,— словом, самобытного и безусловно очень талантливого, произвело большое впечатление. Сначала его деревенские стихи воспринимались как экзотика, иные уже поторопились упрекнуть К. в «есенинщине», что впоследствии прочно закрепилось за ним в виде чуть ли не позорного клейма. Но вскоре и слушателям «Смены», и читателям стало ясно, что стихи К.— явление своеобразной и многообещающей поэтич. культуры. Саянов сам отредактировал перв. кн. К. **«Молодость»** (1928) — она была отрецензирована мн. печатными органами. То был настоящий успех. Но К. оказался требовательным к себе литератором. Своей понастоящему «первой» книгой он назвал сб., вышедший в 1931,— **«Первая книга. Стихотворения 1927–1931»**. Несмотря на большой успех, К. продолжает упорно учиться словесному мастерству, он даже поступает на курсы при Ин-те истории искусств. Большая дружба связывает его с юной Ольгой Берггольц, внимательно следившей за всеми опытами К. и вскоре ставшей его женой. В 1930-е К., помимо лирики, обращается и к лиро-эпич. жанрам, пишет для детей, сочиняет рассказы, активно работает как песенник. Его **«Песня о встречном»**, написанная для кинофильма «Встречный» (1932) и положенная на музыку Дм. Шостаковичем, приобрела широкую известность и стала как бы песенной эмблемой эпохи, оставшейся жить на устах людей и после гибели поэта. С событиями Гражданской войны и классовой борьбы в деревне связаны темы и сюжеты наиболее значительных его произведений, вошедших в сб. **«Книга стихов»**, **«Стихи и поэмы»** (оба — 1933), **«Новое»** (1935).

Все чаще обращается поэт к широким эпич. темам. Его перв. серьезным опытом на этом пути была небольшая поэма **«Соль»**, сюжет кот. он взял из одного из рассказов И. Бабеля. Поэма оказалась малоудачной: от жестокости Гражданской войны, кот. был насыщен рассказ Бабеля, осталась лишь бабелевская интонация, что привело к простой стилизации и потере глубины и значимости события. Неудачной оказалась и следующая попытка обращения к жанру поэмы: **«Агент уголовного розыска»** — рассказ об одесском беспризорнике, достаточно хаотичный и натуралистичный. Поэма была не законч.

Успех ждал К., когда он взял за основу эпич. повествования один из кровавых эпизодов Гражданской войны лета 1919: восстание кулацкой банды атамана Зеленого, захват с. Триполье. Комсомольский отряд, сражавшийся с бандой и уже близкий к победе, был почти полностью уничтожен из-за предательства командира красного отряда — бывшего офицера. Удача К. заключалась в исключительно выразительном словесно экспрессивном противопоставлении старого мира («мира грубой плоти и насилия») и юного мира, идущего на смену, несмотря на грозящую ему гибель. **«Триполье»** (1933) было признано одной из гл. удач сов. поэзии. Поэму ставили в один ряд с «Думой про Опанаса» Э. Багрицкого, «Спекторским» Б. Пастернака, «Улялаевщиной» И. Сельвинского.

Др. крупнейшим достижением К. стала поэма **«Моя Африка»**, напис. в 1934 вслед за «Трипольем» и напеч. в 1935. В основе — рассказ знакомого лен. художника о семи неграх, сражавшихся в Гражданскую войну с белогвардейцами. К. переводит весь план поэмы в сказочно-фантастич. плоскость. Вся цветовая гамма исключительно интенсивна по своим слепящим краскам, это объясняется еще и тем, что события передаются в виде лихорадочного бреда художника, свалившегося в тифу. И вот уже не сенегальцы среди русских красноармейцев, сражающиеся за общую победу трудящихся всей земли,

а усталый красноармейский отряд посреди жгучей пустыни и — спаситель отряда: на белом коне под малиновой попоной черный негр, он же красный полковник. И все погибавшие в пустыне спасены, и ослепительное солнце сверкает посреди тропической радостной радуги. Такого мажора и многоцветия, такого упоения самой идеей солидарности и интернационализма в сов. поэзии до «Моей Африки» К. еще не было. Высочайшую оценку поэме дал Р. Роллан в ст. «Европейский дух»: он привел эту поэму как еще один довод в дискуссии о будущем интернационализме трудящихся планеты.

Поэма окрылила и самого К. Он был полон новыми замыслами. Однако три его новые поэмы — **«Последний день Кирова»**, **«Начала земли»** и **«Самсон»** — оказались вымученными и декларативными. Неудача, по-видимому, сразила К. Устроитель дебошей и кутежей, хулиганских выходок и диких попоек, он стал притчей во языцех. «Есенинщина», в кот. его когда-то, и часто без веских причин, упрекали, проявилась у него в 1936 в самой резкой и неприглядной форме. Поэтич. дар отступал от него. И только в самый посл. год жизни, словно живая родниковая вода, пробившаяся сквозь муть душевной низины, пробилась к нему едва ли не позабытая, но с детства все же, видно, сохранившаяся пушкинская нота. Его жизненный закат, о быстроте кот. он все же не подозревал, был согрет обращением к Пушкину, и цикл замечательных стихов о великом поэте успел все же появиться в янв. 1937 в ж. «Лит. современник».

В 1938 расстрелян.

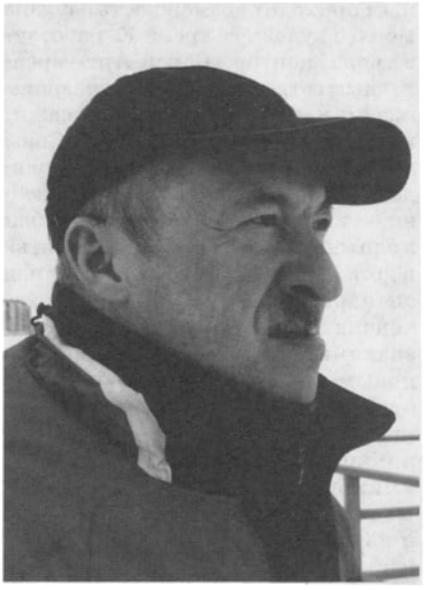
К. принадлежал к достаточно многочисленной в 1920–30-е плеяде поэтов-романтиков. Его учителями из современников были А. Прокофьев, Н. Тихонов, Э. Багрицкий, а из классиков — М. Лермонтов. Будучи тесно связанным с романтич. школой, он, по мнению иных критиков, подчас как бы растворялся в ней. Исследователь его тв-ва и автор ст. к однотомнику, вышедшему в 1966 в Биб-ке поэта (БС), Л. Аннинский полагает, что иные из собратьев поэта, заряженные большей эмоциональной силой и, главное, целеустремленностью, постоянно заслоняли его, напр. Э. Багрицкий или П. Васильев. Это несправедливо, поскольку даже в тех случаях, когда разрабатывались общие темы, голос К. никогда не сходил со свойственного ему чисто лирич. регистра. Он оставался песенником-романтиком и в своих крупных вещах.

Соч.: Все мои приятели: Стих. 1930–31. Л., 1931; Как от меда у медведя зубы начали болеть. М., 1935; Стихотворения и поэмы / Предисл. О. Берггольц. М., 1963; Стихотворения и поэмы / Вст. статья Л. Аннинского. Л., 1966 (БП. БС); Продолжение жизни: Стих. и поэмы / Предисл. О. Берггольц. М., 1972; Поэмы. Горький, 1984; Песня о встречном. Сочинения / Вст. ст. Н. Елисеева. СПб., 2011.

Лит.: Сурикова Г. Борис Корнилов: Очерк тв-ва. Л., 1963; Заманский Л. Борис Корнилов. М., 1975; Поздняев К. Продолжение жизни: Книга о Б. Корнилове. М., 1978; Казак В. Лексикон русской литры XX века. М., 1996; Инт. с И. Крниловой-Басовой и писателем Н. Соколовской, посвящ. выходу книги «Я буду жить до старости, до славы... Борис Корнилов» в программе «Непрошедшее время» // Эхо Москвы. 2011. 4 дек.; Волчек Д., Парамонов Б. Судьба поэта Бориса Корнилова в дневниках, письмах, документах НКВД // Радио Свобода, 2012. 11 янв.

А. Павловский

КОРО́ВИН Сергей Иванович [16.9. 1949, Л-д] — прозаик.



Родился в Л-де и с рождения жил в Гавани. Родители — Иван Иванович и Валентина Ивановна — пережили блокаду, работая на Балтийском з-де. С появлением сына мать оставила стремление к получению высшего образования и всецело отдалась заботе о ребенке. Домашнее воспитание привило К. увлечение систематическим чтением и живописью, очевидно, к последнему обязывала фамилия. Однако К. не был домашним мальчиком и еще со школы начал выступать вратарем за любительские детские футбольные команды в соревнованиях на первенство города. После школы развивал свои увлечения, однако поступить в вуз не сумел (в 1966-м произошел одновременный выпуск 10-х и 11-х классов средней школы, отчего конкурс в вузы подскочил в два раза). Продолжал играть в футбол, числясь работающим на предприятиях, владеющих футбольными клубами. В 1968 с удовольствие (по словам самого К.) ушел на службу в парашютный десант, где вскоре приобрел боевой вес в 100 кг при росте 187 и — «какую-то совершенно недостижимую для соратников и вероятных противников квалификацию наводчика, мастера-наводчика и командира экипажа средней самоходно-артиллерийской установки, отличника парашютиста и преподавателя таких дисциплин, как оружие массового поражения, инженерной подготовки и военной топографии, а также обогащал солдатский и офицерский фольклор гривуазными частушками и новыми оригинальными текстами духоподъемных, строевых и лирических песен на стихи советских композиторов» (К.). Вышел в запас в звании сержанта с должности командира взвода. Приобретенный «армейский» мат-л нашел свое место впоследствии в рассказах и повестях К.

Оказавшись в родных стенах и пейзажах, поступил учеником печатника в эстампную мастерскую под рук. художника И. Копеляна и на подготовительные курсы в Мухинское училище (по живописи неукоснительно имел «отлично», по рисунку — много хуже). Одновременно сосредоточился на сочинении «неких вольнодумческих скетчей, анекдотов и прибауток, которые приходились весьма по вкусу <его> собутыльникам, а наставникам нет» (К.). В то время в числе наставников К. был художник и фотограф В. Шмыгин, направляв-

ший К. к сотрудничеству в качестве художника-графика в изд-ва «Химия», «Гидрометиздат», «Медицина» и др. Тогда же К. познакомился с петерб. интеллигентом и интеллектуалом, проницательным читателем Гр. Рабиновичем, по совету кот. и поступил на филологич. фак-т ЛГУ.

Примерно в то же время К. встречается с поэтом А. Драгомощенко, чье творч. и человеческое влияние привело к постепенной трансформации просто общительного человека К. в литератора. «Писать надо так, чтобы тебя никогда не взяли в журнал "Юность"»,— наставлял Драгомощенко. Впрочем, тогдашняя проза К. вполне отвечала данному критерию (см. рассказы **«Бумеранг»**, **«Примавера»** и др.). Благодаря Драгомощенко К. в кон. 1970-х попадает в круг самиздатского ж. «Часы» — Б. Иванов, Б. Останин, Н. Подольский, В. Долинин, Э. Шнейдерман и др. — и приглашается в редколл. и становится одним из авторов ж. Далее для К. наступает пора «Клуба–81». К. исполняет обязанности начальника «службы безопасности» Клуба, члена правления, составляет и редактирует «Вестник Клуба–81». Именно тогда К. предоставляется возможность публично выступить со своими произведениями в зале СП вместе с лен. прозаиком Вас. И. Аксеновым. Выступление закончилось обсуждением, суть кот. сводилась к категорическому неприятию безыдейности произведений обоих авторов ортодоксами соц. реализма. Следует напомнить, что в тот период авторы и редакторы «Часов», как и большинство членов «Клуба–81», работали сторожами и операторами газовых котельных, что во многом способствовало опр. консолидации сообщества литераторов, активно противостоящих сов. эстетике, идеологии и давлению репрессивных органов, категорически утверждавших, что в СССР никакая лит-ра не может быть независимой. Напр., В. Долинину это противостояние обошлось в 4 года строгого режима, а К., скорее всего, по той же причине приходилось менять формы обучения, в результате чего оно растянулось почти на 10 лет, но в итоге завершилось благополучно.

Начиная с сер. 1980-х, когда обстановка в стране несколько меняется, К. получает приглашение опубл. повесть **«Приближаясь и становясь все меньше и меньше»** в изд-ве «Сов. писатель» и следом — рассказ «Примавера» в ж. «Сельская молодежь», выходившем тиражом в полтора миллиона экз. под ред. Попцова. Уже в нач. 1990-х, многое из написанного, что хранилось в столе К., становится интересным для издателей ж. «Лабиринт-Эксцентр», «Вестника новой лит-ры» и др.

В нач. 2006-х философ и психоаналитик Н. Савченкова определила произведения К. следующим образом: «...будучи энергичным авторским жестом, <они> заняли довольно странное место в современном литературном процессе. Они не принадлежат ни к модному сейчас жанру интеллектуализированного эссе, ни к манере, использующей "поток сознания" или "язык, кот. сам по себе говорит", ни даже к псевдоэтнографическим построениям в духе Маркеса, Рушди или Крусанова. Автор декларирует свою неприязнь к постмодернистскому сознанию и постмодернистским технологиям. Однако же его собственные тексты выглядят не менее иероглифичными и по сложности восприятия и прочтения вполне способны конкурировать с постмодернистскими стилистическими изысками».

В 2000-е на смену газовым котельным приходит возможность службы в более худож. сфере, и К. работает в творч. центре «Борей-Арт» креативным сотрудником, выпускающим издания, проводящим вернисажи, худож. и лит. акции и проч. Союз с Н. Савченковой приводит к появлению в произведениях К. темы любви — как эротической, так и любви к ближнему (рассказ **«Главное убить»** и др.). В это же время К. работает над сценарием для реж. В. Аристова, кончина кот. останавливает начатое, знакомится с прозаиком П. Крусановым, и с его легкой руки для К. открывается возможность работать приглашенным ред. в изд-вах «Северо-Запад», «Азбука», «Амфора», «Лимбус-пресс». Последнее приглашает К. на пост. работу. На службе и в изд-ве К. занимается поисками и продвижением молодых писателей. Под его ред. выходят 3 сб. молодежной прозы и несколько отд. книг новых, ранее неизв. читателю авторов.

Ежедневное присутствие в офисе изд-ва «Лимбус-пресс» не мешает К. в этот период перевести роман Ф. Рота «Случай Портного», продолжать писать рассказы, регулярно сотрудничать в большом жюри премии «Национальный бестселлер», закончить и выпустить роман **«Прощание с телом»**, вошедший в число финалистов упомянутой премии в 2004-м. Вместе с Н. Савченковой К. проводит открытый семинар «Диктатуры чтения» на площадках Ин-та психоанализа и «Борея», где проходят встречи с авторами худож. новинок, обсуждение как конкретных лит. работ, так и тенденций совр. лит. тв-ва в целом. К семинару привлекаются ведущие петерб. и моск. критики, философы и литераторы.

После увольнения из изд-ва в 2007 К. поступает ст. преподавателем в Ин-т бизнеса и политики с авторским курсом творч. письма («Практика написания и применения худож. текста») и семинаром «Анализ худож. текста».

Для К. герой не существует сам по себе и себе не равен. Он складывается из чужих мыслей, чьих-то чувств, собств. воспоминаний и беспомощных ощущений. «Мы ничего не можем знать о человеке, кроме того, что о нем говорят. Ведь абсолютный свидетель недосягаем» (К.).

К. входит в группу «Петербургские фундаменталисты» вместе с прозаиками П. Крусановым, С. Носовым, Н. Подольским, В. Рекшаном и др.

Член СП СПб. с 1996, свободный лит. консультант.

Соч.: Примавера // Часы. 1982. № 36; Бумеранг // Часы. 1982. № 39; Приближаясь и становясь все меньше и меньше // Часы. 1985. № 54; Primavera // Сельская молодежь. 1989. № 4; Изобретение оружия // Лабиринт-Эксцентр. 1991. № 1; Приближаясь и становясь все меньше и меньше. СПб., 1992; Прощание с телом. СПб., 2004.

Лит.: Абрамович О. Посильный вклад в щербино- и коровиноведение // Митин ж. 1989. № 25; Мелихов А. Рецензия на кн. «Приближаясь и становясь все меньше и меньше» // Нева. 1993. № 10; Кривулин В. Двое на полигоне // Звезда. 1994. № 4;Савченкова Н. К идее русского «нового романа» // ИЛНЛ. СПб., 2000; Самиздат Л-да: 1950-е — 80-е гг. М., 2003.

С. Артюшков

КОРОЛЁВА (урожд. Ошкадерова) Нина Валериановна [31.10.1933, Бобрики, в дальнейшем Сталиногорск Московской обл., ныне Новомосковск Тульской обл.] — поэт, литературовед.

Родилась в семье врача. До войны семья жила в Л-де и г. Демянске Новгородской обл., во время войны — в эвакуации, в Ярославской обл. (отец, призванный на воен. службу в Балтфлот, погиб в дек. 1941, во время эвакуации раненых с о. Осмуссаар и Ханко).

Стихи К. писала с детства, после войны занималась в лит. студии лен. Дворца пионеров. Перв. публ. — в пионерской газ. «Ленинские искры» (1948). Окончила филологич. фак-т ЛГУ (1955), в студенч. годы посещала занятия университетского ЛИТО, однако подлинных единомышленников нашла в знаменитом в ту пору ЛИТО Горного ин-та. Творч. общение с наставником «горняков» Гл. Семеновым (знакомым К. еще по Дворцу пионеров) и его питомцами — будущими изв. поэтами В. Британишским, А. Городницким, Л. Агеевым и др. — сыграло большую роль в профессиональном и гражданском становлении К.

Началом своей лит. биографии поэтесса считает публикацию стих. **«Слова»** в ж. «Октябрь» (1957. № 6): «Вслушиваться в слово мы не любим, / Каково на вкус оно — не знаем. / Говорят: "Малиновые губы", / А малина — ягода лесная... / Ягода, настоенная лесом! / А слова — без вкуса и без веса... Как вернуть им запахи и краски, / Золотую стоимость червонца?..» В те же годы были написаны стихи К. о воен. детстве («Я бежала за трехтонкой, я была из Ленинграда...»), о новом открытии родины, новом чувстве причастности к ее трудной судьбе («И когда, когда мне на голову лег / Вдовий стираный-застираный платок?»), о нечастых радостях — таких, получение долгожданного жилья («И кажется, что дал мне дом / Не просто Главный Управдом, / А тот, кто пожил на земле, / Нелегкий хлеб жуя, / И сам полжизни — сорок лет — / Бездомным был, как я»). Все эти стихи вошли в перв. поэтич. кн. К. «Ее маленькая книжка 1960 года **"Хвойный дождь"** привлекает чертой, кот. принято называть "народностью"»,— писал (1964) поэт П. Антокольский, давая автору рекоменд. для вступления в СП СССР.

К этому времени К. закончила (1959) аспирантуру ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, работала в лит. музее ИРЛИ, затем — в лен. Ин-те театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК). Продолжала писать стихи, печ. в периодике, однако второй сб. — **«Озерные вокзалы»** — увидел свет лишь в 1968, за ним последовал **«Подарок»** (Л., 1973). В 1976 произошло событие, обозначившее резкий поворот в лит. судьбе К.: за публ. в ж. «Аврора» (№ 11) стих. **«Оттаяла или очнулась?..»**, кот. было сочтено «монархическим» (в нем выражалось сочувствие и сострадание к царской семье, в частности, «царице с ребенком», ожидавшим когда-то в Тобольске решения своей участи), К. получила выговор по линии СП и была надолго лишена возможности публ. «Отлучение» не распространялось, впрочем, на науч. продукцию. В 1979 в серии «Лит. памятники» вышел подготовленный К. том прозы В. Кюхельбекера. Ранее, в 1967, ею был выпущен двухтомник Кюхельбекера в БС «Биб-ки поэта», в 1975 — монография **«Декабристы и театр»**, в 1976 — учебн. пособие **«История русской театральной критики»** (в соавт. с Г. Лапкиной). Круг интересов К. — литературоведа и театроведа — широк: в разные годы она занималась тв-вом А. Пушкина, Ф. Тютчева (канд. дис. — 1970, глава в академической «Истории русской поэзии» — тогда же), П. Каратыгина, В. Маяковского (в т. ч. его театром), Н. Гумилева, Д. Мережковского и З. Гиппиус, Дм. Кедрина, В. Смоленского, Н. Туроверова, классика болгарского театра В. Друмева и др. Особое значение имеет участие К. в подготовке СС (в 6 т., 7-й и 8-й — доп.) А. Ахматовой (М., 1998–2004). С 1985 живет в М., работает в ИМЛИ.

«Вето» на поэтич. публикации было снято лишь в 1988, когда общественно-политич. обстановка в стране заметно изменилась. Стало, в частности, возможным издание книг за счет автора, в авторской ред. Именно т.о. увидела свет четвертая кн. К. — **«Медленное чтение»** (М., 1993), включавшая избр. произведения из первых трех кн. и новые стихи. Здесь же была впервые напеч. созданная в 1975 поэма **«Мой отец»**.

В дальнейшем появился еще ряд книг, среди кот. автор особо выделяет т. н. «черный (по цвету фона обложки) триптих»: **«Соната-осень»** (М., 2000), **«Окно в ночи»** и **«Договорим когда-нибудь потом»** (обе — М., 2001). Неровные по составу, включающие нередко и всевозможные стихи «на случай» (дружеские посвящ., экспромты, поздравления, надписи на книгах и т. д.), эти и последующие сб. составляют в целом своеобразный лирич. эпос о жизни страны в переломный момент ее истории, на стыке двух столетий. Их отличительная черта — душевная открытость, безоглядная, порой отчасти шокирующая искренность. «Печаль и ярость» — так наз. один из разделов сб. «Соната-осень», наиболее пронзительного в «триптихе». Казалось бы, речь в нем идет о сугубо личном: разрыве с любимым человеком. Но «личное» неотделимо от «общего» — любимый покидает не только семью, но и родину: «Ты снова мне прислал привет / И денежки — ну-ну. / Не забирают в Новый Свет / Из Старого жену. / Там бьет ключом чужая жизнь, / Сияет свет в очах. / А я твержу себе: держись, / Молчи. Храни очаг». При этом родину свою — ни «доперестроечную», ни позднейшую — К. отнюдь не идеализирует, откликается, не боясь упреков в «газетности», не жалея самых горьких

слов, на все ее беды: трагедии в Беслане и на моск. Дубровке, гибель подлодки «Курск», спор с Японией из-за южных Курил, разгул коррупции в верхах («Что сегодня тревожней всего и больней / Для живущих на русской земле? / Богатейшая родина нищих людей / И ворюги в московском Кремле»,— сб. **«Время разбрасывать камни»**. М., 2008). Но при всех обстоятельствах родина остается родиной — не потому что лучшая, а потому что единственная: «Знаю: страны есть красивей / И устроены умней. / Только мне — любить Россию / И заботиться о ней» (сб. **«Облака»**. М., 2003).

В прозаич. кн. К. **«Встречи в пути»** (СПб., 2010) — воспоминания и докум. свидетельства об истории семьи, о жизни и гибели отца — В. Ошкадерова, о поэтах-сверстниках, об И. Сермане и Р. Зерновой, А. Сергееве, Б. Слуцком, А. Солженицыне и др.

Член СП СССР (с 1966), СП Москвы, Русского ПЕН-центра и Об-ва любителей Российской словесности.

В нояб. 2010 присужден Диплом благотворительного фонда имени Артёма Боровика за опубл. в ж. «Знание-сила» (2010. № 5, 6) очерк «Мой отец на войне».

Соч.: Светлая память. М., 1996; Соната-осень. М., 2000; Договорим когда-нибудь потом. М., 2001; Золотое руно. Вологда, 2002; Одинокие звезды в пространстве. Вологда, 2003; Облака. М., 2003; Не найденный ответ. М., 2004; Связь времен. М., 2005; Время разбрасывать камни. М., 2008; Встречи в пути. СПб., 2010; Избр. стихи. СПб., 2012.

Лит.: Новиков Н. «Дайте жить, а то помру!» // ЛГ. 1991. № 6; Аннинский Л. О безумном столетье моем: Этюд с постскриптумом // Дружба народов. 2001. № 7; Грищенко А. «Черный триптих» Нины Королевой // Посев. 2002. № 3; Глебова Л. Судьба и поэзия. О стихах Нины Королевой // Гнездо (альм. Иерусалим, Израиль). 2003. № 2; Рубашкин А. Отставка монархиста? // ЛГ. 1990. 14 нояб., № 46; Аннинский Л. Проволока под током памяти // Муза. Всероссийский лит. альм. 2009. Вып. 9.

И. Фоняков

КОРОЛЁНКО Владимир Галактионович [15(27).7.1853, Житомир — 25.12.1921, Полтава] — прозаик, публицист, журналист, обществ. деятель.

Родился в семье уездного судьи. Отец происходил из казацкого рода. Суровый и справедливый, Галактион Афанасьевич К. (1810–68) оказал большое влияние на формирование мировоззрения сына. Впоследствии образ отца запечатлен К. в рассказе **«В дурном обществе»**. Мать писателя была полькой (польский яз. К. знал с детства).

Начал учиться в житомирской гимназии, после смерти отца завершил среднее образование в Ровенском реальном уч-ще. В 1871 поступил в СПб. технологический ин-т, но из-за материальных трудностей вынужден был его покинуть и перейти в 1874 на стипендию в Петровскую земледельческую академию в М.

С ранних лет примкнул к рев. народническому движению. В 1876 за участие в народнических студенч. кружках был исключён из академии и выслан в Кронштадт под надзор полиции. В Кронштадте молодому человеку пришлось зарабатывать себе на жизнь собств. трудом: занимался репетиторством, был корректором в типографии, перепробовал ряд рабочих профессий. По окончании срока ссылки К. приехал в СПб. и в 1877 поступил в Горный ин-т. К этому периоду относится начало его лит. деятельности.

В июле 1879 в спб. ж. «Слово» напеч. перв. новелла писателя **«Эпизоды из жизни „искателя“»**. Рассказ первоначально предназначался для ж. «Отеч. записки», однако ред. ж. М. Салтыков-Щедрин вернул молодому автору рукопись со словами: «Оно бы и ничего... да зелено... зелено очень». К этому вр. по подозрению в рев. деятельности вновь исключён из ин-та и выслан в Глазов Вятской губ.

3 июня 1879 вместе с братом Илларионом К. в сопровождении жандармов доставлен в Глазов. Оставался здесь до октября, пока в результате двух жалоб К. на действия вятской администрации его наказание не было ужесточено. 25 окт. 1879 был отправлен исправником в Бисеровскую волость с назначением жительства в Березовских починках, где он пробыл до конца янв. 1880. Оттуда за самовольную отлучку в с. Афанасьевское был отправлен сначала в вятскую тюрьму, затем в Вышневолоцкую пересыльную тюрьму. После отказа подписать покаянную верноподданническую петицию царю Александру III в 1881, был отправлен в ссылку в Сибирь (отбывал срок ссылки в Якутии в Амгинской слободе). Тяжёлые шесть лет ссылки стали временем формирования писателя, дали богатый мат-л для его будущих соч.

В 1885 К. разрешили поселиться в Н. Новгороде. Нижегородское десятилетие (1885–95) — период наиболее плодотворной работы писателя, после кот. о нём заговорила читающая публика всей России. В 1886 вышла его перв. кн. **«Очерки и рассказы»**, в кот. вошли сибирские новеллы писателя. В эти годы публикует **«Павловские очерки»**, явившиеся результатом неоднократных посещений с. Павлова в Горбатовском у. Нижегородской губ. В произведении описывает тяжёлое положение кустарей-металлистов села, задавленных нищетой.

Триумфом стал выход произведений **«Сон Макара»** (1885), **«В дурном обществе»** (1885) и **«Слепой музыкант»** (1886). В них К. с глубоким знанием человеч. психологии по-философски подходит к разрешению проблемы взаимоотношения человека и об-ва. Мат-лом для писателя послужили воспоминания о детстве, проведённом на Украине, обогащённые наблюдениями, философскими и соц. выводами зрелого мастера, прошедшего тяжёлые годы ссылок

и репрессий. По мнению писателя, полноту и гармонию жизни можно почувствовать, только преодолев собств. эгоизм, став на путь служения народу.

В 1890-е много путешествует, посещает Крым, Кавказ. В 1893 присутствует на Всемирной выставке в Чикаго (США). Результатом этой поездки стал философско-аллегорич. рассказ **«Без языка»** (1895). Получает признание не только в России, но и за рубежом. Его произведения выходят на иностранных яз.

В 1895–1900 снова живёт в СПб. Редактирует ж. «Русское богатство», публ. новеллы **«Марусина заимка»** (1899), **«Мгновение»** (1900). Фактически 25 лет К. стоял во главе петерб. ж. «Русское богатство»

В 1900 наряду с Толстым, Чеховым, В. Соловьёвым, Боборыкиным, Горьким был избран почётным акад. Петербургской АН по разряду изящной словесности, но в 1902 сложил с себя звание акад. в знак протеста против исключения из рядов акад. Максима Горького.

В 1900 выехал из СПб. и поселился в Полтаве, где прожил до своей смерти.

К. привлекал внимание общественности к самым острым, злободневным вопросам современности. Он разоблачал голод 1891–92 (цикл эссе **«В голодный год»**), привлёк внимание к «Мултанскому делу», обличал царских карателей, жестоко расправлявшихся с украинскими крестьянами, борющимися за свои права (**«Сорочинская трагедия»**, 1906), реакц. политику царского правительства после подавления революции 1905-го (**«Бытовое явление»**, 1910). В 1911–13 активно выступал против реакционеров и шовинистов, раздувавших сфальсифицированное «дело Бейлиса», опубл. более десяти ст., в кот. разоблачал ложь и фальсификации черносотенцев.

После Октябрьской революции открыто осудил методы, кот. большевики осуществляли строительство социализма. Позиция К.-гуманиста, осуждавшего зверства гражданской войны, ставшего на защиту личности от большевистского произвола, отражена в его **«Письмах к Луначарскому»** (1920) и **«Письмах из Полтавы»** (1921). Отношение К. к Первой мировой войне также было сложным и неоднозначным.

В посл. годы жизни работал над большим автобиогр. произведением **«История моего современника»**, кот. должно было обобщить всё, что он пережил, систематизировать философские взгляды писателя. Произведение осталось незаверш. Писатель умер, работая над его четвертым томом. Скончался от воспаления легких. Похоронен в Полтаве на Старом кладб. В связи с закрытием некрополя 29 авг. 1936 могила К. была перенесена на территорию Полтавского городского сада.

В 1977 малая планета 3835 назв. именем К. В 1990 СП Украины учредил лит. премию им. К. для лучшего русскоязычного лит. произведения Украины.

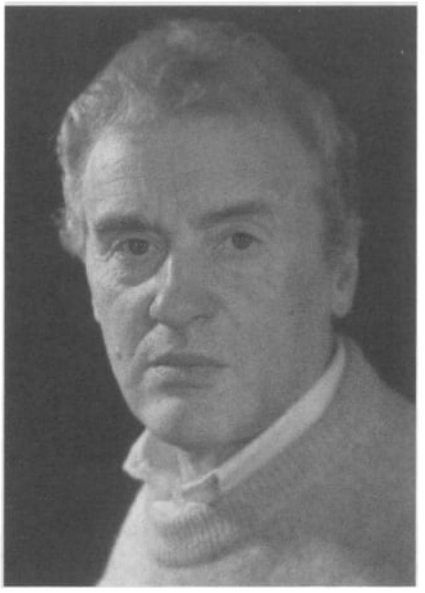
Соч.: СС: В 6 переплетах. СПб., 1907–12; ПСС: В 9 т. Пг., 1914; СС: В 10 т. М., 1953–56; СС: В 5 т. М., 1960–61; СС: В 6 т. М., 1971; История моего современника: В 4 т. Л., 1976; СС: В 5 т. М., 1989–91; Дневник. Письма. 1917–21. М., 2001; Была бы жива Россия. Неизвестная публицистика 1917–21 гг. М., 2002.

Лит.: Шаховская Н. В. Г. Короленко: Опыт биографич. характеристики. М., 1912; Шаховская Н. Молодые годы Короленко. М., 1931; Бялый Г. В. Г. Короленко. М., 1949; В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962; Глазов в жизни и тв-ве В. Г. Короленко. Ижевск, 1988; Короленко С. В. Книга об отце. М., 1968; Миронов Г. Короленко. М., 1962; Негретов П. В. Г. Короленко: Летопись жизни и тв-ва. 1917–21. М., 1990; В. Г. Короленко: «... Что написано — неопровержимо». К., 2010; Гущина-Закирова Н., Труханенко А. Этюды о жизни и тв-ве В. Г. Короленко. Львов, 2009; Закирова Н. В. Г. Короленко и русская лит-ра: семинарий. Глазов, 2010.

КОРОЛЬКО́В Александр Аркадьевич [22.3.1941, ст. Баюново Косихинского р-на Алтайского края] — прозаик, философ.

Родился в семье сельских учителей. Предки отца — изв. в Сибири купцы-предприниматели Корольковы. Дед со стороны матери — священник в г. Бийске. Отец, будучи директором детдома, в 1937 отправлен в лагерь за сочувствие к детям кулаков, реабилитирован в 1939. Воевал на фронте, вернулся после контузии под Курском.

После окончания школы два года работал слесарем в Новосибирске, поступил на механический фак-т Новосибирского ин-та инженеров железнодорожного транспорта, но увлечение философией и лит-рой побудило поступить на философский фак-т. ЛГУ. Окончив его в 1965, К. продолжил учебу в аспирантуре; в 1968 начал преподавательскую деятельность в ЛГУ, совмещая ее с науч. работой. В 1991 перешел в ЛГПИ (РГПУ) им. А. Герцена. С 1998 — зав. кафедрой философской антропологии и истории философии этого вуза. Осн. направления науч. деятельности — философия медицины и биологии, философия культуры и философская антропология. Автор более 300 науч. работ. Докт. философск. наук (1981), проф., академик Российской академии образования. Член СП России.



Попытки писать и даже публ. написанное проявились у К. еще в нач. школе. Он направлял свои рассказы в «Пионерскую правду», получая в ответ доброжелательные наставления. Небольшие пьесы, сочиненные К., ставились на школьной сцене. В пору студенчества напис. рассказы и автобиогр. повесть **«Записки сторожа»** (о работе студента сторожем в 1960-е в Л-де), напеч. много позже в кн. **«Утро будет...»** (2000).

Своими лит. наставниками К. называет С. Залыгина, В. Шукшина, В. Распутина, В. Астафьева. Перв. собственно худож. очерк К. **«Сростки»** посвящ. В. Шукшину, личность кот. осмыслена как масштабное яв-

ление русской культуры. Очерк встретил одобрение гл. ред. ж. «Аврора» Г. Горышина и был опубл. (Аврора. 1979. № 7).

Вехой в становлении худож. стиля К. стала сказочная повесть **«Воспоминания Домового»**. Написанная в нач. 1980-х, она увидела свет в Новосибирске в 1989, хотя предисл. к неизданной еще книге С. Залыгин опубл. в 1987 и отметил, что К. «точно представляет себе логические законы и эстетику того жанра, в котором написал свою вещь». Лирич. и веселое повествование о сказочном деревенском царстве русского прошлого растворено в таежной природе с ее дивной красоты горами, вековыми кедрами, чистейшими реками. Домовой, Часовник, Памятуха, все персонажи повести-сказки ненавязчиво, образно говорят о неразрывности поколений в истории, о пагубе беспамятства, о любви к далеким нашим предкам и сбереженной ими родине.

Большинство трудов К. напис. в традициях русской философии, размышления выражены в худож.-публиц. форме. Книга **«Пророчества Константина Леонтьева»** (1991) была подгот. автором в те годы, когда имя выдающегося мыслителя и писателя XIX в. если упоминалось, то лишь как ретрограда и реакционера. К. развенчал эту мифологию, опираясь на труды мыслителей нач. XX в. — Н. Бердяева, В. Розанова и др. «Всматриваясь в Леонтьева,— писал К.,— мы постигаем русскую душу, русское православие, русский способ философствования». К. выразил уверенность в скором всплеске интереса к мыслям Леонтьева и широком издании его трудов, что и произошло в последующие десятилетия. Это произведение К., вошедшее в книгу очерков **«Духовный смысл русской культуры»** (2006), удост. Всероссийской лит. премии «Александр Невский» (2007).

«Роман Небытия» возник в результате знакомства К. с еще живыми свидетелями исхода русской интеллигенции, в т. ч. на «философском пароходе» в 1922. Три года работы в ун-тах Праги и Братиславы в кон. 1980-х дали автору тот фактический мат-л, кот. невозможно почерпнуть лишь в архивах. Открытие «русской Праги», где в 1920–40-е существовал очаг русской культуры, знакомство с дочерью историка Кизеветтера побудило напис. роман о русских изгнанниках.

Герой романа, сотрудник Пушкинского Дома в Л-де, становится диссидентом и уезжает в Германию. Там он встречает старика — эмигранта 1920-х, кот. дарит свою рукопись. Герой впервые ощущает дотоле неведомый ему подлинный дух русской культуры. К. передал трагедию оторванности от родины, стремление сохранить в себе русскость.

Лит. тв-во для К. изначально не было сочинительством, но являлось формой познания — себя, мира, человеч. души, духовной истории русского народа. Граница между его ранней прозой и произведениями, кот. принято называть зрелыми, вполне прозрачна: всем им свойственна душевная открытость, искренность, бережное отношение к первозданному смыслу слов, «любовь к отеческим гробам».

При приеме К. в СП России в 1994 В. Распутин писал в рекоменд.: «А. Корольков — состоявшийся писатель, профессионально владеющий и художественным пером, и пером любви и боли к России и за Россию. Нет сомнения, что она и впредь будет первым и, вполне возможно, единственным героем его книг». Все произведения К. обращены к темам нац. судьбы России, ее духовным истокам и святыням, худож.-философскому осмыслению истории Отечества и его совр. проблем. Это книги **«Русская духовная философия»**, «Духовный смысл русской культуры», и публицистич. статьи, очерки — **«Правда есть истина в действии»**, **«Чудо в Дивееве»**, **«Георгий Свиридов и традиции русской духовной культуры»**, **«Вершина Сибири»**, **«Яблоко от Достоевского»**, **«Валдайский набат»**, **«Скит иеромонаха Романа»** и др. Ряд очерков К. издан отд. кн.: **«Паломничество в Апокалипсис»** (2009), **«Шукшин. Русская тема»** (в соавт. с В. Возчиковым), удостоенной в 2009 Алтайской краевой лит. премии «Лучшая книга года».

Книги К. — «размышления о неповторимой ценности русской философии, о ее принципиальном отличии от восточной мудрости и европейской философии» (Лит. Петербург. 1998. № 4).

Публиковался в ж. «Наш современник», «Аврора», «Север», «Сибирские огни», «Родная Ладога», «Всерусский собор», «Розмысл», «Трибуна русской мысли», «Вестник РСХД» (Париж), «Православный паломник», широко представлен на сайтах интернета. Творч. кредо К.: «Стараюсь здесь, в России, где все труднее удерживать русские традиции, оставаться русским человеком, русским мыслителем и писателем» (**«Автобиография»**).

Соч.: Воспоминания Домового / Предисл. С. Залыгина. Новосибирск, 1989; Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; Роман Небытия. СПб., 1992; Русская духовная философия. СПб., 1996; Утро будет...: Повесть и рассказы. Бийск, 2000; Духовные основания русской школы. Бийск, 2004; Русская культура: Философия истоков. Бийск, 2007; Духовный смысл русской культуры. СПб., 2006; Шукшин. Русская тема (в соавт. с В. Возчиковым). Бийск, 2009; Паломничество в Апокалипсис. СПб., 2009.

Лит.: Залыгин С. Несколько слов о сказке... // Залыгин С. Критика, публицистика. М., 1987; Котельников В. Зерна в чужой земле // Новый ж. 1994. № 2–3; Грякалов А. Сопротивление небытию // Корольков А. Русская духовная философия. СПб., 1996; Возчиков В. Александр Корольков. Восхождение к духовной философии. Бийск, 2000; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Возчиков

КО́РШУНОВ Анатолий Федорович [12.3.1931, г. Кулебаки Нижегородской обл. — 21.3.2001, СПб.] — поэт.

Окончил ремесленное училище и школу фабрично-заводского обучения, работал модельщиком по дереву, прокатчиком на Горьковском автозаводе, затем на з-де «Москабель», строительным рабочим в Ростовской обл., в Хибинах.

Перв. публ. стихов состоялась в 1951. Печ. в газ. «Труд», «Правда», ж. «Север», «Смена», «Огонек», «Крокодил», «Москва», «Звезда», «Нева» и др.

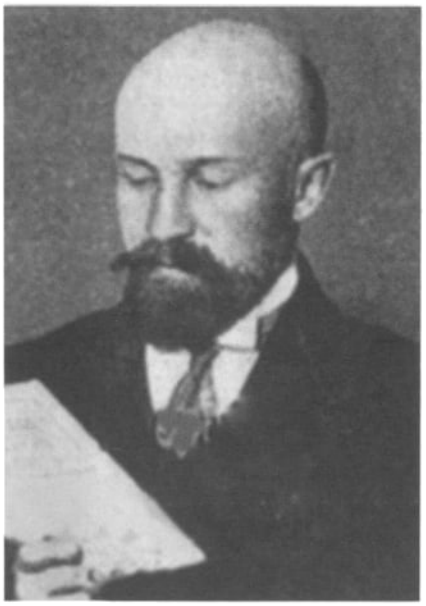
Член СП СССР (СП России) с 1977.

Соч.: Заветный берег: Стих. Л., 1962; Молнии в руке: Стихи. Л., 1967; Постоянство: Стихи. Л., 1974; Дорогой отцов: Стихи. М., 1975; Любовь всегда права: Стих. Л., 1976; Прыг-скок: Стихи для детей. СПб., 1997; Не с той ноги: Пародии. СПб., 1998; Земля отцов: Кн. лирики.

СПб., 1999; Откровенный разговор: Кн. воспоминаний. СПб., 2000.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КОСОРО́ТОВ Александр Иванович [24.2.1868, станица Нижнечирская, область Войска Донского — 1912, пос. Лесной, близ СПб., похоронен на Волковом кладб.] — прозаик, драматург.



Родился в семье врача окружного лазарета Ивана Федоровича. После смерти матери жил с отцом в Новочеркасске, закончил гимназию. С детства проявил способности к живописи и музыке, сочинял романсы, рисовал портреты. «Стал писателем лишь потому, что судьба заградила предо мной путь музыканта», — признавался в автобиографии.

В 1893 окончил историко-филологич. фак-т Моск. ун-та. После отбытия воинской повинности в лейб-казачьем полку в СПб. служил в гос. органах, но жил мечтой творч. деятельности. Выйдя в отставку, занялся лит-рой.

Перв. рассказы выпустил в 1895 в газ. «Свет». Опубл. автобиографич. повесть **«Вавилонское столпотворение. История одной гимназии»** (отд. изд. — СПб., 1900). Рассказ **«Забытая калитка»** писатель А. Амфитеатров назвал лучшим произведением К., «...превосходным по правдивости, и очень тонкая по чутью исповедь детской души».

Активно сотрудничал в газ. «Новое время», опубл. театр. и критич. статьи. С 1901 жил во Франции как парижский корреспондент этой газ. Обладая способностями к живописи, посещал в Париже Академию художеств, писал портреты, одновременно публиковал полемич. заметки. Но, будучи подверженным неврастении и депрессии (проявления наследственного туберкулеза), покинул Париж без согласования с редакцией.

Странствовал по Италии и Корсике, однако бедствовал, просил о денежной помощи у редактора «Нового времени» драматурга А. Суворина.

В 1902 возвратился в Россию. Участвовал в организации газ. «Русь», помещал статьи о русско-японской войне. Сотрудничал в изд. «Театр», «Обозрение театров», «Всемирном вестнике лит-ры».

Как драматург становится известным с пьесой **«Весенний поток»** (СПб., 1905), популярной во всех театрах России вплоть до 1920-х (так, в Царицыне пьеса «Весенний поток» в постановке труппы Собецкого открыла театральный сезон 1906–07). М. Горький одобрил пьесу еще в рукописи. В пьесе остро раскрывались проблемы сложных взаимоотношениях полов, вопросы любви и ханжества. Пьеса вызвала в прессе бурную полемику.

Среди др. пьес К. **«Божий цветник»** (о борьбе взглядов в искусстве), трагедия **«Корфинское чудо»** (направленная против религиозного фанатизма). Последняя долго шла в СПб. и М., подверглась критике, но сам К. считал «Коринфское чудо» своим лучшим соч. Мелодраматич. пьеса **«Мечта любви»** имела широкий успех в провинции. Была признана его «лебединой песней», ей он «отдал свои силы и свою любовь». Критика отмечала в ней преобладание разговоров над действием, некот. надуманность сюжета, отсутствие «жизненного нерва». Однако занимательность завязки, «нежные и волнующие тона», «простота и ясность положений», привлекали к ней режиссеров, актеров и публику.

Современники причисляли К. к видным представителям столичного петерб. творческого об-ва. Имя его вызывало у литераторов восхищение, у иных зависть.

Материальные невзгоды, резкое обострение болезни, участившиеся приступы депрессии (с признаками помешательства), послужили причиной его трагич. гибели. К. покончил с собой.

Известно мнение о К. Горького (справедливое или не очень): «Я мог бы назвать себя его литературным крестным отцом, мне казалось, он способен на многое, а вышло как-то глупо. Он сразу же захлебнулся "славой", потом перестал работать и начал форсить. Жалко его очень».

КОСС Александра Марковна [1.9.1934, Л-д — 22.5.2010, СПб.] — филолог, переводчик, педагог.

Отец, Марк Иосифович К., и мать, Ида Александровна, были интеллигентами. Климат семьи способствовал тому, что природные дарования К. получили полное развитие. Ранняя увлеченность лит-рой, русской и западной, трудолюбие и страсть к познанию еще в детстве послужили стимулом к творч. размышлению, что и нашло свое выражение в ранних стихах и рисунках. Из родного дома К. вынесла высокие понятия о чести, об этике человеч. и деловых отношений. В очерке о переводч. семинаре Э. Линецкой К. написала строки, кот. по праву можно отнести к ней самой: «Этика этого искусства-ремесла была для Эльги Львовны продолжением

Великой Этики, пронизывавшей и определявшей и строй ее мыслей, и образ действий, и каждое ее слово. Здание это было чисто петербургской архитектуры: строгость и соразмерность — на фундаменте из прочного и надежного сплава (честь, прямота, культ человеческого достоинства, искренность, бережность)». Этим правилам сама К. следовала всю жизнь.

На детские годы К. пришлась лен. блокада, навсегда оставив неизгладимую печать: чувство сопричастности к человеч. трагедии. Возможно, тогда же выковался ее несгибаемый дух, умение доводить до конца любые начинания.

К. с отличием закончила ЛГПИ им. А. Герцена по специальности испанский, немецкий, французский яз.; затем в1965 — Высшие пед. курсы при ЛГУ (испанский и португальский яз.). Позднее к ним прибавился итальянский.

Гл. дело ее жизни — перевод поэзии и прозы. Но не менее важным для нее было преподавание. С 1965 по 1963 — ст. преподаватель в Военной академии тыла и транспорта; с 1965 по 1978 — преподаватель испанского и португальского яз. на воен. кафедре ЛГУ; но подлинное свое место она нашла, когда стала вести семинар романоязычной поэзии и прозы (1977–93). Это была поистине школа перевода, достойное продолжение лен. (спб.) школы, созданной замечательными подвижниками переводч. искусства — М. Лозинским, А. Смирновым, Э. Линецкой, Т. Гнедич и др. Из семинара К. вышли многие из ныне действующих переводчиков. С 1993 по 1997 она преподавала в Испании: вначале в ун-те г. Виго, затем в Барселонском ун-те. С 2002 — доц. каф. перевода в РГПУ.

С кон. 1950-х переводы К. появляются в печ. Она всегда выбирала авторов, близких ей по духу. Ее переводам свойственна искренность сопереживания и технич. совершенство. Ее творч. манеру отличает высокая точность прочтения и безошибочное чутье в передаче разных стилистич. уровней, она владеет стилем и приемами переводимых ею авторов во всем их своеобразии. Далеко не полный перечень важнейших ее работ: произведения Расина, Монтескье, Бальзака, Фромантена, Флобера, Мюссе, Мальро, Камоэнса, Сервантеса, Кеведо, Борхеса, Кортасара, Карпентьера, Унамуно, Сарамаго, Тассо, Челлини и др. Большое место в ее тв-ве занимает «Золотой век» испанской поэзии. Она заметно расширила представление русских читателей об испанских поэтах того времени, будучи составителем, ред. и переводчиком ряда антологий.

К. много сделала для распространения принципов отеч. перевода в Испании: перевела на галисийский яз. «Холодную осень» И. Бунина, чеховские повести «Крыжовник», «О любви», «Человек в футляре», участвовала в международном конкурсе на лучший перевод драмы Чехова «Дядя Ваня» и победила: удостоена премии им. Марии Касарес за лучший театр. перевод на галисийский яз.

Перу К. принадлежит оригинальный роман-мистификация **«Ослиная кожа»** (1990). «Остро драматический сюжет... позволил автору создать произведение классической формы, как историю жизни, приключений и смерти романтического героя в несправедливом мире... Для Александры "Ослиная кожа" стала ее земным откровением... В книге нет ни одной строчки — прямо, косвенно, сублимировано — не связанной с опытом жизни и убеждениями Александры Косс, всегда выбиравшей "узкий путь" и "тесные врата" верности и любви» (А. Кургатников). В посл. годы жизни К. привлекла духовная поэзия — мистич. стихи св. Тересы Авильской и св. Хуана де ла Круса.

Осн. перев.: Б. де лас Касас. История Индий. Л., 1968; Р. Дель Валье-Инклан. Пьесы и рассказы. Л., 1886; А. Гроссо. Сети. Л., 1972; Португальская поэзия XX в. М., 1974; Поэзия Латинской Америки. М., 1975; Э. Фромантен. Доменик. Л., 1977; Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978; Л. де Камоэнс. Лирика. М., 1980; М. де Унамуно, Соч.: В 2 т. Л., 1981; Французские средневековые фарсы. М., 1981; Ж. Расин. Соч. М., 1984; Из каталонской поэзии. М., 1984; Западно-европейский сонет XII–XVII вв. Л., 1988; Поэзия испанского Возрождения. М., 1990; Х. Кортасар. Преследователь. СПб., 1993; Бенвенуто Челлини. Жизнеописание. Трактаты. Поэзия. СПб., 2003; Ж. Сарамаго. Воспоминания о монастыре. СПб., 2002; Х. Л. Борхес. Наставления. СПб., 2005; Поэзия испанского барокко. СПб., 2006; М. де Сервантес. Восемь комедий и восемь интермедий, новых, ни разу не представленных на сцене.. СПб., 2011.

Соч.: Ослиная кожа: Роман-мистификация. Л., 1990; Имя собственное и чужие имена // Канун: Альм. Вып. 6. 2001; Четыре сонета Сервантеса // Иберика: Сб.. М., 2005; Фрай Луис де Леон // Романский коллегиум: Сб. Вып. 2. СПб., 2009;; Заметки о петерб. школе худож. перевода // Романский коллегиум: Сб. Вып. 3.. СПб., 2010.

М. Квятковская

КОСЦИ́НСКИЙ (собств. Успенский) Кирилл Владимирович [1915, Пг. — 28.12.1983, Гарвард, США] — прозаик, эссеист.

Отец — юрист, в 1905–06 — член РСДРП, в 1917 вновь пришел к большевикам; в Гражданскую войну был нач. политотдела дивизии, затем армии, в 1930-е работал адвокатом. Мать — актриса, после революции служила в Доме печати и др. сов. учреждениях.

В 1933 К. поступил в пехотное училище им. Склянского, окончил его в 1937. Одновременно учился на веч. отд. литературного фак-та ЛГУ (окончил три курса). В 1938 арестован по обвинению в шпионаже, через неск. недель освобожден. В 1940–42 учился на разведотделении Военной академии им. Фрунзе, затем отправлен на фронт. В 1943 был заброшен в тыл германской армии в р-не Запорожья для разведки и организации подполья. Попал в гестапо, сумел бежать с группой заключенных при эвакуа-

ции тюрьмы. В 1944 исключен из ВКП(б) «за антипартийные высказывания». Войну закончил в звании подполковника, в должности нач. штаба полка. Демобилизовался в 1946, имел боевые награды.

В 1946 опубл. перв. рассказ в ж. «Звезда». В 1950-х выпустил две кн. очерков — **«Право на творчество»** (Л.: Лениздат, 1952) и **«Мои друзья»** (Л.: ЛО СП, 1954).

В 1953 стал членом СП СССР. В кон. 1950-х вышли две кн. повестей — **«Труд войны»** (Л.: ЛО СП, 1956) и **«Если мы живы»** (М.: Воениздат, 1960).

В 1960 был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 58–10); поводом стало общение с иностранцами, получение от них книг, пересказ запрещенной лит-ры своим знакомым. Приговорен к 4 годам лагерей; срок отбывал в Мордовии. В лагере начал составлять словарь ненормативной лексики.

После освобождения К. вернулся в Л-д. Занимался редактурой и переводами с английского яз. Участвовал в правозащитном движении. Опубл. в ж. «37» работу о воровском жаргоне (фене). Воспоминания К. напеч. в 5-м вып. историч. сб. «Память».

В 1978 К. эмигрировал и поселился в США. Преподавал в Гарвардском ун-те. В США в изд-ве «Эрмитаж» вышла кн. мемуаров К. **«В тени Большого дома»** (1987).

Мн. совр. писатели и поэты оставили добрые воспоминания о К., рассказы об общении с ним. В тексте «Наши» С. Довлатов рассказывает о своем знакомстве и дружбе с К. Один из эпизодов: «Когда <...> Косцинский был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде, <...> вызывали на допросы в Большой дом. Вызывали и меня, так как я дружил с Косцинским и бывал у него на квартире. Помню, как насторожили меня слова следователя: "Он же хвастал перед вами своим дворянством". На деле Косцинский не хвастал, а просто заметил как-то в разговоре, что он дворянин. Причем никого третьего при этом разговоре не было... Я сразу сделал для себя вывод, что в кабинете Косцинского было установлено подслушивающее устройство. Следователю я сказал: "Подобных слов Косцинского не помню, но, возможно, я просто не обратил на них внимания — я и сам дворянин". Короче, я написал на допросном листе, что никаких антисоветских высказываний от Косцинского не слышал (на самом деле слышал неоднократно — теперь могу признать), и больше меня на допрос не вызывали...».

В. Британишский посвятил памяти К. трогательное стих.: «Цветаеву же добывал — Кирилл, / в глубинах ленинградского спецхрана. / И нам с Володей Уфляндом дарил / крупицы той добычи: грамм, полграмма. <...> Кирилл же провожал меня в Сибирь / и в "Европейской" ужин дал прощальный — / забыл я насмерть, чем там угощали, / но помню, сколь Кирилл сердечным был. / Он подарил мне книгу про войну / (была в ней правда, вместо прежних бредней). / Потом упрятан был во глубину — / нет, не сибирских руд: российских дебрей. / Но лагеря он посетил не зря: / наслушавшись блатного лексикона, / собрал он матерьялы словаря / живого языка или жаргона. / Потом уехал он за океан, / со всеми матерьялами под мышкой, / и умер там, и не вернулся к нам / ни собственной персоною, ни книжкой. / Он был словесник, как его патрон. / И хоть был слаб чуть-чуть по части женской, / но может быть, и впрямь святым был он — Кирилл Косцинский, а в миру Успенский».

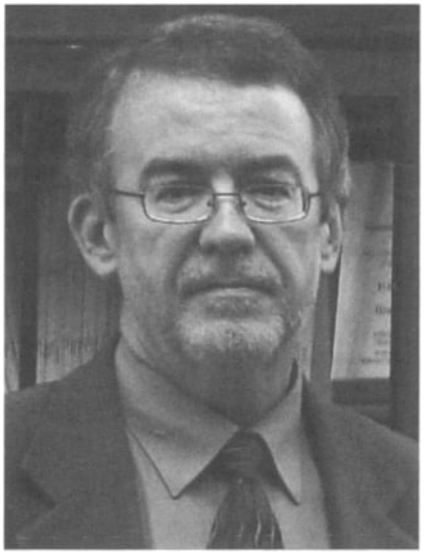
Соч.: Право на творчество: Очерки. Л., 1952; Мои друзья: Очерки. Л., 1954; Труд войны: Повести. Л., 1956; Если мы живы: Повесть. М., 1960; Кто на кого капает? Этимологич. очерк // «37». 1976. № 4; Наброски к будущей книге // Континент. 1979. № 21; Из воспоминаний // Память. Вып. 5. М., 1981 (Париж, 1982); В тени Большого дома. Тенафлай, 1987.

Лит.: Уфлянд В. «Если Бог пошлет мне читателей...». СПб.: Блиц, 1999; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

КОТЕ́ЛЬНИКОВ Владимир Алексеевич [19.4.1947, Омск] — литературовед.

В 1970 окончил филологич. фак-т Омского гос. пед. ин-та, в 1980 — аспирантуру ЛГПИ им А. Герцена. В 1980 защитил канд. дис. **«Философская мысль И. В. Киреевского и развитие русской лит-ры 1820–50-х гг.»**.

В 1980–88 преподавал в ЛГПИ и ЛГИК, впоследствии продолжал преподавательскую работу в РГПУ.



В 1994 защитил докт. дис. **«Православие и русская литература XIX века»**.

В ИРЛИ АН СССР с марта 1988. С 1996 —зам. директора ИРЛИ по науч. работе.

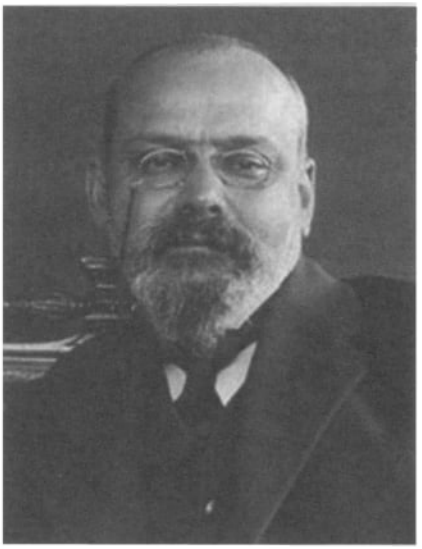
Обл. науч. интересов: взаимодействие христианской традиции, религиозно-филос. мысли и русской литры нового вр.; тв-во Ф. Достоевского, И. Гончарова, К. Леонтьева. Под его ред. и при участии вышли ПСС и писем К. Леонтьева, библиогр. указатель «Христианство и новая русская лит-ра» (СПб., 2002).

Автор более 150 публ., в т. ч. кн. **«Иван Александрович Гончаров»** (М., 1993); **«Православная аскетика и русская лит-ра»** (СПб., 1994); **«L'eremo di Optina e i Grandi della cultura russa»** (Milano, 1996) и др.

Лит.: Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005.

КОТЛЯРЕ́ВСКИЙ Нестор Александрович [21.1(2.2.).1863, М. — 12.5.1925, Л-д, похоронен на Никольском кладб. Александро-Невской лавры] — историк лит-ры, лит. критик, публицист.

Сын слависта, историка лит-ры, археолога и этнографа А. А. Котляревского. Учился в коллегии П. Галагана и на историко-филологич. фак-те Моск. ун-та (1881–85). Е. Казанович: «Выбор факультета произошел против желания Нестора Александровича, который лишь уступил в этом настояниям отца, желавшего



видеть его своим продолжателем в науке славяноведения, сам же Нестор Александрович стремился посвятить себя естествознанию и мечтал о больших научных экспедициях; склонность к естествознанию не исчезла у него с годами, и близким знакомым Нестора Александровича памятны его коллекции бабочек, жуков, птичьих гнезд с яйцами разных пород птиц и т. п. — отчасти купленные, а некоторые собственноручно собранные им в разное время; в свою последнюю заграничную поездку, живя летом 1924 г. на даче в горах Болгарии, он, наряду со своей текущей научной работой, и там занимался обычным коллекционированием».

На 3-м курсе представил проф. А. Иванцову-Платонову соч. на тему: **«Христианские апокрифы II века как исторический источник»** и заслужил золотую медаль. На 4-м курсе представил проф. А. Дювернуа соч. о **«Досифее Обрадовиче»**, награжденное большой серебряной медалью фак-та, но стоившее К. немалых усилий, т. к. науч. интерес его направился к этому времени в др. обл. — к истории лит-ры, сначала — всеобщей, затем — русской.

Написал большой очерк **«О любовной поэзии Средних веков»**, служивший предисл. к сделанному им переводу «Vita nuova» Данте (не напеч.). Дебютировал в печ. др. работой, переводом соч. E. Laveley: «Образование народных эпопей и происхождение песни о Нибелунгах» (1884), к кот. дал предисл., подписанное Н.К.

В ун-те вокруг К. собралась группа даровитых молодых людей, объединенных интересом к науке и любовью к словесному искусству. Беседы в этом кружке дали К. мат-л для его ненапеч. поэмы **«Гефсимания»** (1886), а также для его напеч. брошюры **«Поэзия скорби и гнева»**, в кот. можно встретить отзвуки и этих бесед, и этой поэмы.

1 июня 1885 окончил ун-т со степенью кандидата и был на два года оставлен при кафедре истории всеобщей лит-ры с откомандированием за границу для подготовки к магистерским экз. и проф. званию. Избрал Париж, слушал лекции в Сорбонне и изучал старо-французский и провансальский яз. в семинариях Гастона Париса и Поля Мейера.

Вернувшись осенью 1889 в М., выпустил в конце года перв. самостоятельный труд по истории русской лит-ры — небольшую брошюру: **«Литературные очерки**. Вып. I. Поэзія скорби и гнѣва. Москва, 1890», а затем, сдав в теч. зимы 1889–90 магистерские испытания,— переехал в СПб. (Защита магистерской дис. состоялась в М. 17 окт. 1899; К. получил степень магистра истории всеобщей лит-ры за ставший вскоре известным труд **«Мировая скорбь в конце прошлого и в начале нашего века»**; опубл. — СПб., 1889; 3-е изд.: СПб., 1914). Дальнейшую связь с Моск. ун-том К. сохранил через Общество любителей российской словесности, членом кот., сначала действительным (с 14 нояб. 1902), а затем и почетным (с 15 окт. 1911) он был.

С переездом в 1890 в СПб. К. посвятил себя ученой и, наряду с нею, педагогич. деятельности; вошел в различные лит. круги столицы и скоро занял в них видное место, в т. ч. А. Пыпина, «светлой памяти» кот. впоследствии он посвятил труд **«Канун освобождения»**. По совету Пыпина и при его ободрении К. начал свою перв. кн., создавшую ему имя,— изв. труд о Лермонтове, законченный к 50-летию дня смерти поэта в 1891. С этих пор каждый год работы К. появлялись на страницах спб. ж. и газ., отд. изданиями.

Педагогич. деятельность начал на Высших женских курсах (Бестужевских), куда летом 1892 был приглашен к чтению лекций по истории лит-ры Средних веков. Читал этот курс до 1898, затем вернулся на курсы в 1908–09 с лекциями по «Истории русской лит-ры в 50-е и 60-е годы XIX в.», легший в основу его кн. «Канун освобождения». Затем опять наступил перерыв на неск. лет, и новый курс 1914–15 «Литературныя теченія на ЗападЬ въ первой половинѢ XIX в.» послужил основой для кн. **«Девятнадцатый вѢкъ»**.

В 1893 приглашен в Имп. Александровский лицей преподавателем по кафедре истории лит-ры, где штатную должность занимал вплоть до выбора его в ординарные академики. Но и оставив штат Лицея, К. еще в продолжение ряда лет продолжал в качестве проф. «по вольному найму» читать курсы лекций, удерживаемый просьбами персонала Лицея и собств. симпатиями к учреждению. В 1899 был избран членом Комитета Пушкинского Лицейского об-ва, что немало поспособствовало пополнению фондов Пушкинского Дома, т. к. собранный и основанный Лицейским об-вом Пушкинский музей целиком влился после 1917 в ПД.

После Лицея последовали приглашения к педагогич. деятельности из др. высших учебных заведений, таких как Николаевская Академия Ген. штаба, Высшие курсы Лесгафта, Высшие историко-лит. курсы Раева и Александровская военно-юридич. Академия (с 1911).

Среди лит.-общ. организаций наиболее близким К. и по традиции, и по идее, и по составу был Лит. фонд, отчасти перевоплотившийся в Об-во при доме литераторов, председателем кот К. был все недолгое время его существования (1919–21). В члены Лит. фонда К. вступил в апр. 1893.

Начиная с 1900 каждые два года К. избирался Об-вом русских драм. писателей и оперных композиторов в члены жюри по присуждению Грибоедовской премии Об-ва, для чего получал и просматривал немалое кол-во драматич. произведений, представлявшихся на соискание премии. В том же 1900 директор императорских театров обратился к К. с просьбой прочесть д-д перед одним из утренних спектаклей для учащейся молодежи в Михайловском театре, «объясняющий произведение, характеризующей эпоху и содержащий краткие биографические сведения об авторе» (Бомарше) перед представ-

лением «Севильского цирюльника». Д-д был прочитан и напеч. в «Ежегоднике императорских театров». В 1908 К. был назначен членом СПб. Отделения театр.-лит. комитета, а 27 нояб. того же года получил приглашение занять должность зав. репертуаром драмы императорских театров и оставался в ней до 1917.

Связь К. с АН завязалась в 1900, когда он, по приглашению председательствующего в Отд. русского языка и словесности А. Веселовского, взял на себя рассмотрение сочинений К. Случевского, представленных на соискание Пушкинской премии. В 1903 он представил порученный ему отзыв о труде Вл. Каренина о Жорж Санд, представленном на ту же премию. За эти два отзыва К. получил золотую Пушкинскую медаль и 23 сент. 1903 вошел в число членов Комиссии по присуждению Пушкинских премий.

В 1904 К. был привлечен, по поручению вел. кн. Константина Константиновича, к участию в занятиях пост. комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, состоявшей при АН, вначале на правах запасного, а потом пост. ее члена, а с 1910 — ее председателя (оставался до ликвидации Комиссии в 1920).

8 нояб. 1906 по представлению А. Кони и с согласия б. президента АН вел. кн. Константина Константиновича К. был избран в почетные академики по Разряду изящной словесности при Отд. русского языка и словесности АН. Гл. деятельностью К., кроме неоднократных публич. выступлений на торжественных заседаниях, было руководство предпринятым Разрядом изданием Биб-ки русских классиков, выпустившей при нем ПСС Кольцова, Лермонтова, Грибоедова и Боратынского. Впоследствии, когда был поднят вопрос о ликвидации Разряда, К. хлопотал о передаче издания в ведение ПД. 1 февр. 1907 избран в члены Комиссии по изд. сочинений Пушкина при II Отделении АН, в кот. оставался, позже — в качестве председателя, до своей кончины.

14 февр. 1909 избран в ординарные академики по Отд. русского языка и словесности и 27 апр. утвержден в этой должности с переводом на службу в Министерство народного просвещения из ведомства учреждений императрицы Марии, в кот. он числился по службе в Лицее.

По своим новым обязанностям в качестве члена Постоянной комиссии К. вошел в состав Гл. комитета колонии им. Пушкина в с. Михайловском и должен был ездить на заседания его в Псков; в июле 1914 был избран Конференцией Академии в качестве представителя для поездки в Англию на предстоявшее в 1916 международное чествование памяти Шекспира. В послерев. годы К. должен был представлять АН в выборной коллегии Эрмитажа (1919), в Совете Российской книжной палаты (нач. 1920), в Коллегии по избранию профессорского состава Фак-та истории словесных искусств (кон. 1920) в Совете Музея лен. академ. театров (с 31 марта 1925) и мн. др. Был членом правления АН, куда вошел членом от II Отд. в 1914 на место умершего акад. Фортунатова (по 1917).

Наряду с обязанностями служебного характера К. добровольно выполнял и иные. С началом войны летом 1914 взялся за организацию лазарета для раненых солдат и вскоре открыл его в большом конференц-зале гл. здания АН на средства, собранные из добровольных отчислений служащих АН.

9 янв. 1909 К. получил от президента АН приглашение принять на себя звание члена и участие в работе Комиссии по постройке памятника Пушкину в СПб., а через полтора года, 10 июня 1910, акад. С. Ольденбург передал ему управление делами этой Комиссии и подведомственного ей ПД. Этого момента — перв. директор ПД.

Первой задачей К. было сделать собранное весьма ценное науч. имущество ПД достоянием широкой общественности и этой целью занять под ПД небольшие проходные залы и вестибюль в гл. здании АН. Когда разрешение было получено и залы по его указаниям отремонтированы, он занялся размещением первых коллекций ПД, в т. ч. передал ПД всю личную, весьма обширную и с полным знанием дела подобранную бибку — русскую и иностранную, собств. собрание портретов русских и иностранных писателей и редкую коллекцию старинных рам для них.

Появившийся в 1913 перв. вып. «Временника» ПД был встречен как огромный успех.

Весною 1914 задумал организовать в большом зале АН ряд общедоступных лекций по русской лит-ре, с привлечением в качестве лекторов лиц с изв. и популярными именами. Осуществить удалось только одну лекцию акад. Д. Овсянико-Куликовского, т. к. начавшаяся война и отведение большого зала под лазарет помешали.

И в дальнейшем ни одно более или менее крупное событие в ПД не обходилось без деятельного участия К. Говоря о ПД, нельзя не сказать о К. как о его создателе в том виде, в каком он существует в наст. время. Без К. ПД вряд ли вышел бы из пределов богатого лит. архива, созданного больше для строгой науки, чем для общего воспитательного и просветительного дела народной культуры.

Архив: ИРЛИ, ф. 135.

Соч.: М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения. М., 1891 (5-е изд.: Пг., 1915); Памяти Е. А. Боратынского // Вестник Европы. 1895, июл.; Н. В. Гоголь. Очерк из истории русской повести и драмы. СПб., 1903; Старинные портреты. СПб., 1907; Декабристы, князь А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский. СПб., 1907; Рылеев. СПб., 1908; Н. В. Гоголь (1829–42). Очерки истории русской повести и драмы. 4-е изд., СПб., 1915; Лит. направления Александровской эпохи. 3-е изд. СПб., 1917; Декабристы. СПб., 2009.

Лит.: Котляревский Нестор Александрович // Энц. словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. СПб., 1890–1907; Памяти Н. А. Котляревского: Библиография. Л., 1926.

Е. Казанович

КОТОВЩИКО́ВА Аделаида Александровна [29.4.1909, с. Троицкое Моск. губ.— 24.2.1985, Л-д] — детский писатель.

Родители — врачи. Училась в школе-девятилетке в Симферополе (1917–26); одновременно в 1924–26 — в Крымском техникуме изобразительных искусств, по окончании кот. получила специальность художника-рисовальщика.

В 1927 переехала с родителями в Л-д и поступила на фак-т графики Академии художеств. Ушла со 2-го курса, некот. вр. преподавала рисование в ср. школе. В 1931–32 работала художником в мастерской на-

глядных пособий ВМА, в 1932–33 — статистиком в филиале Центр. психофизиологич. лаборатории на з-де им. М. Калинина, в 1933–35 — в ГПБ.

С 1933 училась в веч. Рабочем лит. ин-те им. М. Горького (окончила в 1937). С 1936 — секретарь редакции ж. «Резец». К этому вр. относится начало лит. деятельности. В 1935 два рассказа К. напеч. в ж. «Резец». В 1940 в ж. «Звезда» опубл. ее повесть **«Отец»**, в 1942 в там же — повесть **«Горный лес»**.

С нач. Великой Отеч. войны оставалась в Л-де, участвовала в оборонных работах. Летом 1942 с двумя дочерьми эвакуировалась в Алтайский край, где работала на льнозаводе, в эвакогоспитале. Была корреспондентом газ. «Алтайская правда». В 1944 возвратилась в Л-д, некот. вр., в 1944–45, работала в измерительной лаборатории, после чего полностью посвятила себя лит. труду.

В лит-ре К. выступила преимущественно как детская писательница. Первоначально ее повести и рассказы были рассчитаны на читателей-школьников и пионеров, в последующий период ее герои — преимущественно дети дошкольного и младшего школьного возраста.

Член ССП.

Лит.: http://www.livelib.ru/author/237257

КОЧЕРГИ́Н Николай Михайлович [9.5.1897, с. Всесвятское, ныне М. — 10.5.1974, Л-д] — художник театра и график, мастер полит. плаката и книжной иллюстрации.

Родился под М. Увлекался резьбой скульптуры из дерева. В 1918 окончил Строгановское художественно-промышленное училище. Летом того же года вступил добровольцем в Красную Армию. Осенью к 1 годовщине Октябрьской революции участвовал в праздничном оформлении Театрального сквера перед Большим театром, затем был направлен на курсы агитаторов и инструкторов ВЦИК. В 1918–20 руководил плакатной мастерской в Харькове, был одним из организаторов Бакинского отдела «Окон сатиры РОСТа», в 1921 — Тифлисского. По возвращении в М. был назначен по инициативе Н. Подвойского гл. художником Агитпропа ГИЗа и стал одним из первых мастеров сов. полит. плаката.

В дальнейшем К. жил в Пг.-Л-де, сначала сотрудничая с театрами в оформлении спектаклей. Наибольшую известность заслужил спектакль Лен. кукольного театра Е. Деммени «Гулливер в стране лилипутов», для кот. К. выполнил деревянные куклы. В 1920–30-е работал в книжных и газетно-журнальных изд-вах, создавал произведения живописи, скульптуры и станковой графики. Во время войны выпускал плакаты в творч. объединении «Боевой карандаш», а в послевоен. годы создал неск. монументальных живописных полотен — **«Новгород наш»** (1946), **«Ленинградцы»** (1948), **«Штурм Зимнего»** (1950). Однако наиболее яркие творч. достижения К. связаны с книжной графикой, сделавшие его одним из самых опытных, значительных и популярных мастеров сов. детской книги.

Еще в 1920-е начал рисовать для детских и взрослых ж. («Костер», «Красная панорама», «Огонек», «Вокруг света», «Мир приключений»), в 1930–40-е — иллюстрировать приключ. и биографич. лит-ру для детей и юношества. Первыми его опытами стали изданные в «Детгизе» приключ. повести Г. Матвеева «Зеленые цепочки», П. Капицы «В открытом море» и Н. Шундик «На Севере дальнем» (1955), в «Красной газ.» — «Мои путешествия по суше, морю и воздуху» З. Рихтер (1930). Позднее в лен. газетно-журнальном и книжном изд-ве вышли «Повесть об оружейнике» Ф. Кандыбы (1946) и роман Н. Кальма «Дети горчичного рая» (1951), в изд-ве «Сов. писатель» повесть Э. Грина «Ветер с юга» (1947). В «Детской лит-ре» изд. с его иллюстрациями биографич. повести В. Лебедева «Преобразователь природы» о Мичурине (1948) и «Шпага Суворова» В. Грусланова и М. Лободина (1953), ист. повесть Э. Выгодской «Опасный беглец» (1948) и приключ. роман Т. Майна Рида «Всадник без головы» (1963). Уже в последнем из перечисленных произведений, над иллюстрированием кот. художник работал во втор. пол. 1950-х, проявились черты его ярко индивидуального стиля — героического, узорчато-декоративного, идеализирующего феодальную и варварскую романтику. Эти черты наиболее полно и органично выразились в илл. к эпосу народов мира — сказкам, былинам, сказаниям и легендам, кот. сделали имя и тв-во художника известными и любимыми читателем.

В 1949 по заказу «Детгиза» К. оформил сб. былин «Богатыри», ставший перв. удачным обращением к эпосу и многократно переизд. впоследствии в виде отд. былин, сб. и альбомов для раскрашивания (напр., «Русские богатыри» и «Русские конники». Л.: «Малыш», 1971). Пушкинская поэма «Руслан и Люд-

мила» (Л., Пушкинское об-во, 1951, цвет. вариант; М.: Детгиз, 1954, черно-белый вариант), поэтич. сказка П. Ершова «Конек-горбунок» (Сортавала, 1953) и сб. «Русские волшебные сказки» (Л., 1958) стали следующим шагом в освоении эпич. мат-ла. В эти годы над иллюстрированием пушкинской и ершовской сказочной поэзии работали и др. выдающиеся художники — К. Рудаков, В. Милашевский, В. Конашевич, Б. Дехтерев, Т. Маврина, с кот. К. приходилось соперничать, в результате чего удалось найти собств. тему.

В 1953 К. впервые обратился к карело-финскому эпосу «Калевала» в прозаич. пересказе для детей А. Любарской (Петрозаводск, 1953, черно-белый вариант, форзацы, заставки, иллюстрации, цвет. фронтиспис). Мир славянского и финно-угорского язычества с «рериховской» декоративностью и достоверностью передан художником яркостью варварского «плетеного» орнамента, «звериным стилем» в декоре воинского снаряжения и конской упряжи, украшений и одежд. Богатырская стать и экспрессия поз и жестов героев, этническая характерность их облика, сказочная красота женщин и коней, дикой природы и древней архитектуры глубоко поразили воображение читателей. Иллюстрации К. выполнялись на крупнозернистой бумаге акварелью с использованием мелков, цветных карандашей и туши пером, что придавало им особую свежесть и силу впечатления.

Русская фольклорная тема пост. главенствовала в тв-ве К. — былины и народные сказки в отд. изд. («Святогор» и «Добрыня Никитич», «Сивка-бурка», «По щучьему веленью», «Иван-царевич и серый волк», «Бой на Калиновом мосту», «Иван — крестьянский сын и Чудо-юдо», «Поди туда, не знаю куда») и в сб. («Русские волшебные сказки», 1958), пушкинская поэзия («У Лукоморья дуб зеленый», 1956; «Сказка о царе Салтане»), сказы П. Бажова (комплект открыток «Малахитовая шкатулка» Л., 1966). Многие из них переизд. неоднократно после смерти художника (А. Пушкин. Руслан и Людмила. Сказки. Л., 1986; Руслан и Людмила. Набор из 36 откр. СПб., 2011; П. Ершов. Конек-горбунок. Л., 1980, на англ. яз.; СПб., 2011; П. Бажов. Малахитовая шкатулка. СПб., 2012; Русские народные сказки. СПб., 2012; Русские сказки для самых маленьких. СПб., 2012; Иван-царевич и серый волк. СПб., 2011). Для последней сказки, избранной представлять русский фольклор в серии «Сказки народов мира» (М.; СПб.: Амфора, 2012), где каждую сказку оформляет художник соответствующей страны, были отобраны иллюстрации К.

Не менее важной стала для К. тема зарубежного фольклора, прежде всего — стран народов Востока (Сказки народов мира. Л., 1975; Сказки народов Азии. Л., 1959, 1975; Сказки Вьетнама. М., 1956; Китайские и корейские сказки. Л., 1955; Братья Лю. Китайские народные сказки. М., 1955; Ласточка. Корейская народная сказка. М.; Л., 1954; Волшебная тыква. Корейская сказка. М.; Л., 1970 и др.). Многие из этих изд. переиздаются до сих пор (Гора Солнца. Китайские сказки. 2012; Награда царя птиц. Корейские сказки. 2012; Волшебная чаша. Индийские сказки. 2012). Оформление К. восточных сказок, в черно-белом, двухцветном или цветном исполнении, отличается изощренной узорчатой декоративностью в изображении одежд, архитектуры и утвари, и даже природы — экзотически пышной растительности, кучевых облаков и морских волн, переданных с характерной выразительностью. Оформление авторских произведений для детей о совр. Китае (Сань-Шан Фэй. Десять маленьких друзей. М.: Детгиз, 1954; А. Кардашова. Маленькие товарищи. М.: Детгиз, 1954) заставляет вспомнить стилистику китайского лубка.

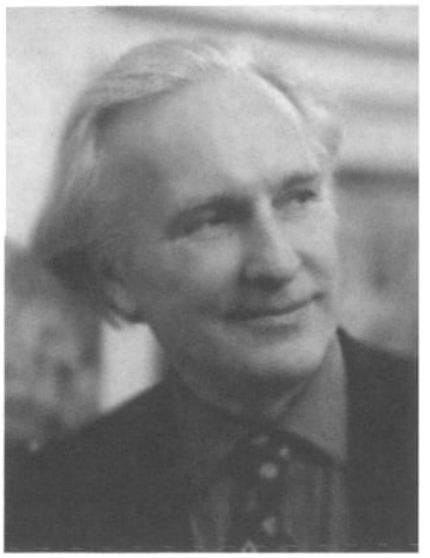
Издания совр. сов. лит-ры, оформленные К., были широко известны в 1970-х, напр., С. Воронин. Рассказы и сказки (Л., 1973). За иллюстрации к стихам С. Михалкова К. удостоен диплома Всесоюзного конкурса 1967, за оформление сказки «Волшебная тыква» в 1970 — Всероссийского конкурса искусства книги. Звание засл. художника РСФСР получил в 1965.

Произведения К. хранятся в РГБ в М. и в РНБ в СПб. За неск. десятилетий К. собрал самую значительную в Л-де частную биб-ку по изобразительному искусству.

Лит.: Матафонов В. Николай Михайлович Кочергин. Л., 1977; Барановский А. Как Кочергин и Милашевский пришли от Революции к сусальности царских изданий. СПб., 2006.

О. Родосская

КОЧЕРГИ́Н Эдуард Степанович [22.9.1937, Л-д] — прозаик, театр. художник.



Родителей репрессировали: отца в 1937, мать в 1939. Мать Бронислава Одынец, отбыв 10-летний срок, вернулась в Л-д. После ареста матери К. был сдан в детприемник НКВД, эвакуированный в нач. войны в Омск (пос. Чернолучи на р. Иртыш). В авг. 1945 бежал из детприемника в Л-д. Через 6 лет скитаний, детприемников и колоний оказался в Л-де.

Получил начальное худож. образование в средней худож. школе при Ин-те живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина (1952–54). Окончил веч. худож. школу им. В. Серова (1955). В 1960 окончил постановочный фак-т ЛГИТМиКа им. А. Островского (рук. курса Т. Бруни, куратор Н. Акимов).

Работал зам. заведующего худож.-производств. мастерских Лен. гос. академического Малого театра оперы и балета (1960–61); в творч. группе ЛО Худож. фонда РСФСР (1961–63); гл. художником Лен. обл. театра драмы и комедии (1963–66); гл. художником Лен. драм. театра им. В. Комиссаржевской (1966–72).

В 1970 принят в члены Союза художников СССР.

В 1972–83 — гл. художник БДТ им. М. Горького. Оформлял осн. спектакли 1970-х («Мольер», «История лошади», «Дачники», «Тихий Дон», «Энергичные люди», «Прошлым летом в Чулимске» и др.). Работал с Г. Товстоноговым, Р. Агамирзяном, К. Гинкасом, Е. Падве, В. Фокиным, Л. Додиным, В. Голиковым, Ю. Любимовым, А. Эфросом, Б. Равенских, Г. Опорковым. «Один из ведущих мастеров современной мировой сценографии» (В. Кулешова).

1-я персональная выставка состоялась в 1977 (Л-д, Варшава).

С 1983 возглавлял театр. мастерскую живописного фак-та Ин-та живописи, скульптуры и арх-ры им. Репина. В 1988 выбран член-корр. Академии художеств СССР. Проф. СПб. акад. ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина. Ведет курс на худож.-постановочном фак-те СПб. гос. академии театр. искусства. Народный художник РСФСР (1987), действительный член Академии художеств России (1992), лауреат Гос. премий (1978, 1984, 2001), премии «Золотой софит» (1998).

Печ. в ж. «Театр», «Моск. наблюдатель», «Наше наследие», «Таллинн», «Знамя», «Сцена», в газ. «Русская мысль».

Лит. тв-во органично выросло из таланта К. как рассказчика пережитых событий. «<...> За стенами Академии зоркий, цепкий глаз видел многое. Андреевский рынок, находившийся рядом с Академией, и уличная бытовая жизнь Васильевского острова навсегда оставили в душе и памяти колоритные и горестные картины и сюжеты послевоенного ленинградского десятилетия. Впоследствии они воплотятся в яркие устные литературные новеллы, которые К. будет рассказывать своим друзьям» (В. Кулешова). Первые худож. публикации представляли собой лит. обработанные записи его устных рассказов. Они открыли персональную рубрику «Рассказы "бродячей собаки"», кот. К. вел в «Петерб. театральном журнале» с момента его создания (1992) в теч. мн. лет.

Перв. публ. в лит. ж. — **«Капитан: Островной романс»** («Знамя». 1997). Печатавшиеся в разных изданиях в теч. 1990-х рассказы составили кн. **«Ангелова кукла: Рассказы рисовального человека»** (2003).

К. сохраняет предпочтение сказовой повествовательной форме, обогащая ее близкими устными, в т. ч. фольклорными жанрами — бывальщины, были, байки, городской легенды, «чудной былины». Рассказчик предстает как свидетель и участник короткой послевоен. эпохи, «великого коммунального времени, сразу после Отечественной» (**«Жизель Ботаническая»**). В манере припоминания дорогого прошлого он общается с читателем как знатоком той же нац. жизни («А помните эти деревянные вагоны, густо крашенные масляной краской и на всю жизнь впитавшие её запах и запахи курева, еды и пота?» — **«Поцелуй»**). Обращение может приобретать личный характер, подчеркивая приватную направленность речи на любимого автором человека, ставшего прообразом героя, отчего отношения с читателем принимают характер дружеских (**«Островитянин»**). Речь рассказчика и его многочисленных героев-собеседников передает во многом утраченные для совр. носителя языка речевые стили послевоен. эпохи: разговорно бытовая, жаргонная воровская речь, простонародно городская, школьная, пересыпанная лексикой польского, родного рассказчику яз., диалектно окрашенная речь жителей Русского Севера, закрепленные народной молвой клички и прозвища, неофиц. городские топонимы. Создается эффект, что в кн. непосредственно дана сама необработанная, природно-народная жизнь десяти незабываемых лет после войны, когда народ оказался предоставлен самому себе, на обустраивание собств. бытия.

Неповторимые картины жизни Л-да той эпохи: Петроградская сторона, Васильевский о-в, о-в Голодай, площадь Урицкого, проспект Сталина, а также история малоизвестных городских углов, вышедших из употребления местных наименований. Городские типы: бывшие военные всех рангов, калеки-фронтовики, «речные девушки», «маклаки, воры, проститутки, ханыги, городские и кладбищенские певцы Лазаря» (**«Гоша Ноги Колесом»**), «питерские юроды-шатуны» (**«Ваня-жид»**), уличные фотографы (**«Светописец»**), учителя худож. школы, а также доживающее посл. годы дворянство, старушки из комсомолок 1920-х, старые театр. мастера (**«Топор вепса: Цеховая быль»**). «С их уходом из мира перестали быть и остались разве что в памяти, и то мало у кого, ледовые гулянья на реке Смоленке между тремя кладбищами — православным Смоленским, армянским и немецким лютеранским — на двух островах стоостровного города» («Гоша Ноги Колесом»). Центральный хронотоп кн. — послевоен. десятилетие до смерти Сталина, Л-д — объединяет локальные хронотопы и организованные ими др. темы книги: существование в детприемниках НКВД, учение в школе при Академии художеств, время работы в театрах, «бродяжья жизнь» (**«Бобылиха Нюхалка»**) по Русскому Северу.

Кн. построена на биографич. матле, однако это не мемуарное произведение. В худож. образах героев развито изобразительное начало; лирич. составляющая образов — чувство автора к прототипу: уважение к таланту, профессионализму, снисхождение к человеческой противоречивой натуре, чувство симпатии и человечной заинтересованности судьбой и существованием др. человека. Исследователи театрального тв-ва К. определяли уникальность создаваемых им живописно-сценических образов: «семантика его образов многогранна», «она требует не умозрительного, а эстетического сопереживания» (Любомудров М.); К. «будет стремиться к образам гармоническим, поэтическим по своей структуре, глубоко лирическим по своему настроению, обретающим, по собственному выражению К., смысл "поэтического храма"» (Кулешова В.). Можно утверждать, что сценические, живописные и лит.-худож. образы К. воплощают общие худож. идеи. Образ героя у К. уникален и неповторим внешней предметной стороной своего бытия, судьбой и человеческой сущностью; он сам по себе представляет эстетическую и этическую ценность — заключает в себе высокое амбивалентное переживание трагедии жизни и жизни как чуда (**«Поцелуй»**).

В худож. целом книги К. тексты объединены чувством ностальгии по короткой и безвозвратно ушедшей эпохе после Великой Отеч. войны — времени какой-то народной вольни-

цы, колоритном, разгульном, одаренном на необыкнов. человеч. типы, судьбы и отношения.

Вторая кн. К. — **«Крещённые крестами: Записки на коленках»** (2009) — посвящ. памяти «матки Брони, Брониславы Одынец». Эпиграфы из «сиротского фольклора» к 3-м композиционно выделенным частям подчеркивают материнский мотив как гл. лирич. мотив, объединяющий тексты в худож. целое. Сюжетная основа кн. также автобиографична: бегство героя-рассказчика из детприемника, долгое возвращение из Сибири в Л-д. Однако предисл., в кот. автор толкует название и подзаголовок, настраивает читателя на второй смысловой план: «Крещённые крестами — старинное выражение сидельцев знаменитых русских тюрем — крестов, некогда бывшее паролем воров в законе, в соседи к которым в сталинские времена сажали политических. Выражение емкое и неоднозначное». В изданном виде текст сопровождается картами маршрутов героя, фотографиями, подчеркивающими докум. основу произведения, в кот. через фрагментарно созданную биографию дана история страны. Для лит. тв-ва К., как в целом для его тв-ва, концептуальна идея первостепенной ценности реальной, действительной жизни, воссоздаваемой художником в произведении искусства.

Лауреат премии «Национальный бестселлер» за книгу «Крещённые крестами» (2010).

Соч.: Театр любит точность // Творчество. 1978. № 1; Жизнь это композиция // Художник, сцена. М., 1978; Рассказы «бродячей собаки»: Томас Карлович — «япономать». Про Юрия Долгорукого: Городской сказ / Записала М. Дмитревская // Петерб. театр. ж. 1992. № 9; Медный всадник / Лит. запись М. Дмитревской // Петерб. театр. ж. 1993. № 1; О, матка Броня, возьми меня в шпионы // Петерб. театр. ж. 1993. № 3; Капитан: Островной романс // Знамя. 1997. № 1; Рассказы питерских островов // Знамя. 1999. № 1; Россия, кто здесь крайний? // Петерб. театр. ж. 1999. № 17; Из опущенной жизни: Рассказы // Знамя. 2002. № 12; Ангелова кукла: Рассказы рисовального человека. СПб., 2003; Светописец // Петерб. театр. ж. 2004. № 1; Питерские былички // Знамя. 2004. № 8; Козявная палата // Знамя. 2005. № 4; Гос. премия // Петерб. театр. ж. 2005. № 3; Рыжий черт: Святочный рассказ // Петерб. театр. ж. 2005. № 4; Проволочные вожди // Знамя. 2006. № 9; Сценография. СПб., 2006; Шишов переулок // Звезда. 2007. № 2; Крещённые крестами: Записки на коленках. СПб., 2009; Три бывальщины // Знамя. 2010. № 5; Записки Планшетной крысы. СПб., 2013.

Лит.: Любомудров М. Эдуард Кочергин // Театр. 1969. № 8; Товстоногов Г. Надежный союзник // Сов. художники театра и кино, 6. М., 1984; Кулешова В. Э. С. Кочергин. Л., 1990; Хмелева Н. Художники БДТ. СПб., 2006; Боровиков С. [Рец.] // Волга. 1999. № 4; Дмитревская М. [Рец.] // Ведомости. 2003, 4 авг.; Пасуев А. Лен. жанр [Рец.] // НГ. 2006, 2 нояб.; Шаповал С. Высказывания молчуна [Рец.] // Культура. 2008, 22–28 мая; Дьякова Е. Вынес и эту дорогу железную // Новая газ. 2010. 9 июн.

А. Митрофанова

КО́ЧЕТОВ Всеволод Анисимович [22.1(4.2).1912, Новгород — 4.11.1973, М.] — прозаик.

Родился в крестьянской семье. Приехав в 1925 в Л-д, работал грузчиком в порту. Окончил сельскохозяйственный техникум и в 1931 работал агрономом в Подмосковье, был науч. сотрудником сельскохозяйственной опытной станции под Л-дом. В 1934 в районной газ. «Красногвардейская правда», вместе с отрывками из «Тихого Дона» М. Шолохова и «Петра Первого» А. Толстого, опубл. стих. К. **«Дозор»**. Напис. поэму о борьбе за свободу китайского народа **«Красные пики»**, затем повесть об истории Новгорода **«Начало песни»** (первоначальное назв. **«Красное и голубое»**). Работал сотрудником газ. г. Павловска «Большевистская трибуна», «Лен. правда».

Освобожденный от службы в армии по болезни сердца, К. с первого дня Великой Отеч. войны стремился на фронт. Вступил на Кировском з-де в народное ополчение, служил в действующей армии как корр. «Лен. правды», затем газ. Лен. фронта «На страже Родины». Уже 23 июня 1941 опубл. его перв. воен. корреспонденция. Н. Тихонов вспоминает: «...порой ноги сами подкашивались от усталости, а сердце, негодное к войне сердце, давало себя знать. Тогда он где-нибудь наскоро отлеживался и снова не только входил в огненную атмосферу боя, но писал очерки с неослабевающим чувством фронтового корреспондента, который хочет рассказать правду о людях на войне» (Воспоминания о Всеволоде Кочетове).

Повесть К. **«На невских равнинах»**, посвящ. воинам народного ополчения, была напис. в 1942 и принята к публ. в ж. «Звезда». В 1944 рукопись была отправлена в набор, но по сигналу из обкома партии публикация была отменена. Лишь в 1946 на публикации повести настоял В. Саянов, успев сделать это до выхода постановления ЦК ВКП(б) о ж. «Звезда» и «Ленинград». С задержкой в это же время была опубл. и повесть **«Предместье»** — о самоотверженной работе колхозников во время войны. В 1947 вышла из печ. повесть К. **«Профессор Майбородов»**, в кот. нарисован образ крупного ученого-орнитолога. В повести **«Нево-озеро»** (1948) автор обратился к истокам русского нац. характера, воссоздал жизнь края, сохранившего традиции предков. В романе **«Товарищ агроном»** (1948) создал яркий и цельный характер сельского интеллигента. Этот роман встал в ряд с произведениями В. Овечкина, А. Калинина, обративших внимание на нужды послевоен. сельского хозяйства.

Вслед за очерками **«Дружба»**, **«Корабельщики»**, **«Балтийская марка»**, **«Черты характера»** К. в 1952 публикует роман **«Журбины»**, в основу образов кот. легли реальные характеры и судьбы знакомых автору лен. судостроителей. В романе «Журбины» автор сумел выйти за рамки уже

привычных, ставших тривиальными «производственных» сюжетов и конфликтов. Это был не столько «производственный», сколько «семейный» роман, впервые поведавший о большой сов. рабочей династии. Духовный мир рабочего человека согрет в романе теплотой зоркого писательского взгляда. Роман сразу же принес автору широкую известность, вызвал целый ряд позитивных откликов (Гринберг И. Хозяева жизни // Дружба народов. 1952. № 4; Плоткин Л. Гордость рабочего человека // Труд. 1952. 11 мая; Выходцев П. Роман о сов. рабочих // Пропаганда и агитация. 1952. № 10 и др.). Критики отметили, что в «Журбиных» была сделана успешная попытка осмыслить жизнь и труд рабочей династии, рабочий класс изображен автором как «могучая, ведущая сила во всех областях общественной жизни» (Гринберг И. Точка опоры. М., 1969).

Романом «Журбины» К. как бы приступил к изучению осн. слоев общества своей эпохи. Следующий роман — **«Молодость с нами»** (1954) — был посвящ. проблемам жизни технич. интеллигенции, он привлек к себе внимание. Особенно много откликов в печ. вызвал острополемический роман К. о жизни совр. об-ва **«Братья Ершовы»** (1958). О пафосе этого произведения, его идейной направленности говорят уже характерные заголовки рец. на него: «Революция продолжается» (Комсомольская правда. 1958. 10 авг.); «Братья Ершовы ведут бой» (Лит-ра и жизнь. 1958. 3 сент.); «Плечом к плечу» (Сов. культура. 1958. 18 сент.); «Дыхание жизни, дыхание современности» (Знамя. 1958. № 11); «Сражающийся современник» (Вопросы литры. 1959. № 1) и др.

Не менее яркое представление о злободневности тв-ва К. дает и роман **«Секретарь обкома»** (1961), у истоков кот. — впечатления автора от з-да в г. Дзержинске. В романе раскрыт генезис двух начал в партийном руководстве — творч. и косного. В Денисове и Артамонове воплощены два типа партийных работников — те, кот. действительно помогали партии, и те, кто в конце концов погубил ее. Как показало время, автора романа нельзя упрекнуть в отсутствии у него ист. предвидения.

Расширяется жанровый диапазон тв-ва К. В соавт. с С. Кара он создает пьесу **«Семья Журбиных»** (1954) и киносценарий по роману «Журбины»; худож. кинофильм **«Большая семья»** по этому сценарию в постановке И. Хейфица проходит по кинотеатрам страны. Композитор И. Дзержинский увлеченно работает над оперой по роману «Журбины», М. Лотарев инсценирует «Молодость с нами» и «Братья Ершовы». Пьесу «Семья Журбиных» ставят Моск. театр им. В. Маяковского, Лен. театр драмы им. А. Пушкина; пьесу «Братья Ершовы» (инсц. В. Пименова и М. Гершта) — театры в М., Горьком, Свердловске, Тамбове, Луганске, Дзержинске. Публицистичность таланта К. ярко проявляется и в собственно публицистич. жанрах — в 1961 он выпускает книги **«Руки народа. Из китайского дневника»** и **«По двум тысячелетиям. Поездка в Италию»**, в 1963 — кн. **«Кому отдано сердце»**.

Острополемич. настрой К. вносит и в работу ж. «Звезда» и «Нева», членом редколл. которых состоял. Затем, живя с 1955 в М., работает гл. ред. «ЛГ», избирается членом правления СП СССР, членом Сов. комитета защиты мира, зам. председателя Об-ва советско-индийской дружбы. С 1961 работает гл. ред. ж. «Октябрь». В лит., идеологич. вопросах К. занимал наступательную, резко непримиримую позицию по отношению к своим оппонентам. Это порой негативно сказывалось на общей атмосфере лит. жизни тех лет. Вместе с тем как редактор ж. К. оказывал постоянную и немалую поддержку мн. литераторам. Ф. Алиева, ставшая народной поэтессой Дагестана, вспоминает: «Это было трудное для меня время... Острые жала казавшейся мне порой несправедливой критики больно ранили меня. Мне нужна была помощь... И необходимая поддержка пришла — эти слова были сказаны телеграммой В. А. Кочетова» (Всеволод Кочетов. Публицистика. Воспоминания современников).

В 1960-е К. изд. путевые заметки **«Остров бурь»** и **«Фронтовые записи»**, опирающиеся на его фронтовой дневник, кн. **«Годы фронтовые»**, **«Встречи добрые и недобрые»**, роман **«Угол падения»** (1968). Читательские конференции по новому злободневно-публиц. роману К. **«Чего же ты хочешь?»** (1969) проходят в М., Л-де, Воронеже, др. городах. Отвечая на упреки в адрес автора, В. Ампилов писал: «Некоторые из прочитавших роман склонны утверждать, будто краски в нем сгущены. Думается, что это не так. В нем отображена правда нашей жизни» (Неман. 1970. № 2). «Это был,— как вспоминал Дм. Молдавский,— человек прямой, резкий, определенный. В его преданности идее, в его честности не сомневались и недруги» (Всеволод Кочетов. Публицистика. Воспоминания современников); маршал авиации А. Голованов писал о К.: «Необыкновенно цельный, как из одной глыбы высеченный, был человек!». К. не успел завершить свой новый, также острополемический роман **«Молнии бьют по вершинам»** (изд. в 1983).

Соч.: Ленинградские повести: Повести, рассказы. М., 1961; Избр. произв.: В 3 т. М., 1982; Молнии бьют по вершинам: Роман. М., 1983; Улицы и траншеи: Записки воен. лет. М., 1984; Угол падения: Роман. М., 1986; Журбины: Роман. М., 1988; СС: В 6 т. М., 1987–89.

Лит.: Мигунов А. Источник радости и вдохновения. М., 1963; Денисова И. Любимый и гл. герой // Знамя. 1963. № 10; Велегурин Н. Всеволод Кочетов. М., 1970; Всеволод Кочетов. Публицистика. Воспоминания современников. Л., 1976; Леонов Б. Всеволод Кочетов: Очерк тв-ва. М., 1981; Строков Л. Он шел вровень с веком // Молодая гвардия. 1982. № 2; Алексеев М. Всеволод Кочетов! // Москва. 1982. № 2; Воспоминания о Всеволоде Кочетове. М., 1986; Строков П. Всеволод Кочетов: Страницы жизни, страницы тв-ва. М., 1985; «За правдой надо идти в жизнь, к людям...»: К 75-летию со дня рождения Всеволода Кочетова // ЛГ. 1987. 4 февр.; Софронов А. Мужество писателя: К 75-летию со дня рождения Всеволода Кочетова // Москва. 1987. № 2; Гребенщиков А. Позиция бойца // Звезда. 1987. № 2; Леонов Б. «...Вот наш с тобой портрет»: О молодых героях в тв-ве Вс. Кочетова // Молодая гвардия. 1987. № 2; Буханцов Н. Писатель-гражданин // Октябрь. 1987. № 2; Идашкин Ю. Выше пристрастий и амбиций // Лит. Россия. 1987. 30 янв.; Леонов Б. Верность героике жизни // Кочетов В. СС: В 6 т. М., 1987. Т. I; Марченко А. В расчете на память или беспамятство? // Искусство кино. 1988. № 2; Чалмаев В. Писатель и его книги // Кочетов В. Журбины. М., 1988.

В. Шошин

КРА́ВЧЕНКО Игорь Георгиевич [23.6.1936, Минеральные Воды Ставропольского края] — поэт, прозаик.

Родился в семье потомственных железнодорожников. Мать с отцом, дед и прадед будущего поэта в разное время строили Северо-Кавказскую и Закавказскую железные дороги. Перед войной мать К. Валентина Георгиевна работала в Управлении Северо-Кавказской железной дороги в должности ревизора безопасности связи. Семья жила в ту пору в Ростове-на-Дону. В перв. месяцы Великой Отеч. войны отец К. ушел на фронт и пропал без вести. Мать была назначена нач. санитарного эшелона, вывозившего раненых с линии фронта в тыловые госпитали. Мальчиком будущий поэт жил у деда с бабушкой в Краснодаре, а затем во мн. городах и поселках, куда получала назначения мать.

В 1954 К. оканчивает среднюю школу в Краснодаре и поступает учиться в Военно-морскую мед. академию в Л-де. Здесь, в академич. многотиражке «Воен. врач», в 1959 появляются его перв. стихи. В эти годы К. активно посещает ЛИТО Дворца культуры им. 1-й пятилетки, которым рук. поэт Гл. Семенов. В 1960, получив диплом врача и звание лейтенанта, К. едет на Дальний Восток, где проходит службу в Уссурийской тайге, во Владивостоке, на о. Русском и на Камчатке. В Приморском книжном изд-ве выходит перв. сб. его стихов **«Я ищу тебя»** (1962), благожелательно встреченный дальневосточной критикой. После выхода втор. кн. стихов **«Капля неба»** (1966) с предисл. и под ред. П. Антокольского К. в 1968 принимают в СП СССР.

С 1965 стихи К. публ. в «Комсомольской правде», в колл. сб., выходящих в изд-вах «Правда» и «Молодая гвардия», в моск. «Дне поэзии», в ж. «Юность», «Сов. воин», «Смена», «Сельская молодежь» и др. На выходящие сб. стихов К. дальневосточная и центр. пресса откликается рец. или упоминаниями в критич. обзорах совр. поэзии. Вокруг его тв-ва возникают дискуссии — поэта упрекают в излишней камерности, усложненности стиха, отсутствии гражданского пафоса, связанного с рев. тематикой, чрезмерном употреблении метафор (Дальний Восток. 1968. № 2; Лит-ра и жизнь. 1962. 21 дек.). В то же время поэты П. Антокольский, В. Шефнер, С. Орлов и др. отмечают сильные стороны его тв-ва: яркую метафоричность, эмоциональность, широкий культурный кругозор, смелость в выборе больших и ответств. тем, чувство истории. Стихи К. звучат на Дальневосточном и Центр. радио и телевидении, во мн. аудиториях, где выступает поэт. А в 1969 стих. **«Дельфин»** появляется в школьном учебнике русского яз. (М.: Просвещение, 1969). Совмещая службу на флоте с творч. деятельностью, К. занимается и обществ. работой, являясь членом бюро Приморской, а затем Камчатской писательских организаций, рук. краевым ЛИТО, краевыми семинарами лит. молодежи.

В 1977 К. увольняется в запас, уезжает в Краснодар и переходит на творч. работу. В М. и Краснодаре выходят его новые кн. стихов, затем прозы. С 1979 по 1981 учится в М. на высших лит. курсах при Лит. ин-те им. М. Горького, в 1984 переезжает в Л-д. Здесь он активно сотрудничает с Бюро пропаганды худож. лит-ры, много ездит по Лен. области и по стране (БАМ, Байкал, Омск, Украина, Сев. Осетия, М.), выступая со стихами перед разными аудиториями в составе писательских делегаций и индивидуально. К. трижды участвовал в работе съездов писателей России (1970, 1980, 1990). В 1990–91 работал зав. отделом лит-ры «Нового ж.». С 1992 руководит лит. студией, читает лекции по истории русской литры в СПб. Политехническом ун-те.

Поэтич. путь К. можно условно разделить на три периода — дальневосточный, южный и петербургский. Это деление не только биографич., но и творч., поскольку стихи К. тесно связаны с окружающим миром, наполнены его конкр. деталями, проблемами, особенностями, лексикой, топонимикой. Перв. два периода можно назв. романтическими. Природа Дальнего Востока, дыхание океана, люди моря с их чувствами, мыслями и чаяниями отразились в стихах и поэмах тех лет в приподнятых эмоциональных тонах, ярких красках и выпуклых образах. Примерно то же можно сказать и о поэзии южного периода. Последний, поздний период тв-ва поэта отражает движение от возвышенного романтизма к жесткому реализму, от частностей к обобщениям, от мира лирич. к миру социальному со всеми драматич. противоречиями посл. времени. Поэтич. сб. **«Не примиряется душа»** (Петродворец, 1998) и **«В разломе века»** (СПб., 2006) уже самими названиями указывают на проблемы переломного периода в жизни страны и народа. В этих сб., наряду с лирич. стихами, появляются инвективы, яркие обличительные строки которых не оставляют равнодушными современников. Это прежде всего **«Иная жизнь»**, **«Перемены»**, **«Ноэль»**, **«На улице»**, **«Страна спекулянтов»**, **«Памятник»**, **«Бесы»**, **«А над Россией тишина»**, **«На заре от выстрелов и стонов»** и др. В этих произведениях личное лирич. чувство неприятия социальных сдвигов, произошедших в стране в 1990-е, сопрягается с обобщениями, которые становятся близкими широкому кругу читателей, что придает этим стихам высокое гражданское звучание.

Тема Л-да–СПб. проходит через все тв-во К. как отдельными поэтич. строчками, так и целыми стих., вошедшими в посл. две кн. Дальний Восток, Кубань и СПб., без кот. невозможно представить его тв-во, стали неотъемлемой частью души поэта.

Поэтич. стиль К. можно определить как интонационно-эмоциональный метафорич. монолог, построенный

на лексич. мат-ле, включающем в себя лит. речь вместе с устной речью совр. города. Для его поэтики характерны анафора и аллитерация, устойчивые народные выражения и выразительные афоризмы, конкретные поэтич. детали и широкие социально-философские обобщения, где пространство и время являются неотъемлемой частью.

Прозаич. книги К. включают в себя автобиогр. повести, а также повести и рассказы о жизни современников поэта, связавших свою судьбу с Дальним Востоком.

Стихи и проза К. переводились на немецкий, японский, хинди, украинский, литовский, азербайджанский, чувашский, даргинский яз. Стихи К. включены в различные антол.

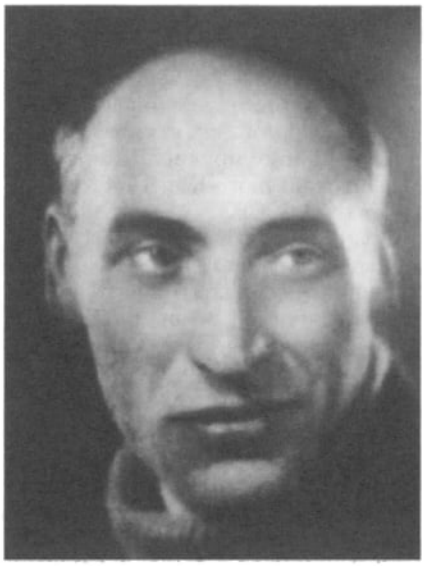
Соч.: Я ищу тебя. Владивосток, 1962; Капля неба. Владивосток, 1966; Далекие стаи. Владивосток, 1973; Свет океана. М., 1976; Грань земли. М., 1978; Перед самолетом. Краснодар, 1980; Дорога вдоль неба. Краснодар, 1982; Полоса прибоя. Краснодар, 1984; Крылатые кони. М., 1987; Твердь земли. М., 1994; Не примиряется душа. Петродворец, 1998; В разломе века. СПб., 2006; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Антокольский П. Так начинаются поэты // Комсомольская правда. 1966. 17 сент.; Шефнер В. Дыхание простора // Красное знамя. 1967. 29 март.; Аскамов М. Что есть живая вода // Дальний Восток. 1974; Елагин В. Возвращение к истокам // Кубань. 1978. № 12; Знаменский А. Все выше, звонче горизонт // Сов. Кубань (Краснодар). 1982. 19 март.; Юдин В. Бойцы вспоминают минувшие дни // Кубань. 1982. № 12; Карасева Т. Полоса прибоя // Кубань. 1986. № 5; Пон Д. Дорога вдоль неба // Дон. 1986. № 5; Ремизов Н. Крылатые кони // Боевая вахта. 1987. 13 дек.

В. Кречетов

КРА́ЙСКИЙ Алексей Петрович (наст. фам. Кузьмин) [5(17).2.1892, Новгород — 11.12.1941, Л-д; похоронен на Волковом кладб.] — поэт, прозаик.

Родился в бедной и малограмотной семье сторожа скотобойни. Начальное образование получил в церковно-приходской школе и городском училище. С 14 лет — ремонтный рабочий на железной дороге, ученик на телеграфе, весовщик и багажный кондуктор. Некот. время слушал лекции по истории русской и западноевропейской лит-ры в веч. Народном ун-те, «но знания и любовь к литературе приобрел исключительно самообразованием» («**Автобиография**». ИРЛИ). В 1911 приехал в СПб.; служил приказчиком и конторщиком в фирме «Торговый Дом Я. Г. Клочков и К°». Писал стихи о жизни торговых служащих, пародии на хозяев, по собств. признанию,— «из протеста против социальной несправедливости» («Автобиография»). В янв. 1917 призван в армию рядовым запасного пехотного полка; освобожден после Февральской революции по состоянию здоровья. В 1918–19 находился в Красной Армии в составе Театрально-драматург. мастерской, обслуживавшей Южный, Западный и Сев. фронты; участвовал в обороне Пг. при наступлении войск Юденича (1919).



Поэтич. становление К. проходило под влиянием традиций предшествующей культуры, особенно А. Пушкина, А. Блока, В. Маяковского, и рабочей поэзии дорев. периода, что обусловило противоречия в последующем тв-ве. В ранних стихах ощутимы декадентские настроения, реминисценции из поэзии символистов. Излюбленный худож. прием — контрастность изображения; мотивы страдания, одиночества и бесправия человека в мире соседствуют с безудержным ликованием по поводу приближающегося обновления жизни.

Перв. публикация состоялась в марте 1916 в «Маленькой газ.» под псевд. «А. Крайский». С этого времени помещал в «Рабочей газ.» и «Правде» призывные и антивоен. стихи («**На вокзале**», «**В лазарете**»). Пост. лит. деятельность, «жизнь без оглядки» (К.) началась с 1917, после знакомства с пролетарским поэтом Я. Бердниковым, кот. свел его с кругом писателей, объединившихся в Пролеткульт (сент. 1917). Входил в состав руководства Пролеткульта (1920), заведовал Лит. студией (1921), был секретарем ж. «Грядущее» (1921). Впоследствии один из организаторов и руководителей пролетарских организаций Пг.: секретарь Союза пролетарских писателей (1920), Пг. ассоциации пролетарских писателей «Космист» (1921–23), предс. правления Пг. ассоциации пролетарских писателей (1923–24), член правления Лен. ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП; 1924–29). С 1923 входил в творч. группу ЛАПП «Стройка», возглавляемую Г. Горбачевым; член редколл. альм. «Стройка».

Стихи и поэмы порев. периода, проникнутые типичными для пролеткультовской эстетики настроениями самоотречения, пафосом преображения мира, упоением свободой, динамичные и экспрессивные («**Без остановок**», «**Мы — одно**», «**Вперед!**», «**Походная**», «**Гибель богов**»), снискали К. славу «буйного молодого таланта» (Князев В.), «недюжинного поэта», отличающегося поэтич. вкусом и мастерством (Ясинский И.). Печ. в пролеткультовских сб. «Свирель» (1917), «Под знамя Правды» (1918), «Трибуна Пролеткульта» (1922), ж. «Грядущее», «Пламя», «Борьба», «Маховик», «Резец», «Красной газ.».

В перв. книге стихов «**Улыбки солнца**» (1919; 4-е изд. 1919) К. заявил о себе как поэт лирический. Наряду с пролеткультовской тематикой в ее состав вошли стихи о любви, природе, простых ценностях человеч. бытия, пронзительно искренние и нежные («**Весеннее**», «**Белые ночи**», «**Любовь**»). Самобытность К. отметил В. Брюсов в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии»: «Он один из тех, кто занят работой и над новой формой. В замыслах у него есть широкий размах, почти космический угол зрения».

К. пробовал силы в прозе и драматургии. В 1921 вышла небольшая кн. рассказов **«То, что было»**, занятных по фабуле, но неглубоких по содержанию. Пьесы и инсценировки на соц. тематику, рассчитанные на неискушенного зрителя, ставились в пролеткультовских и рабочих театрах и пользовались успехом. Пьеса **«Жизнь вверх ногами»** (Л., 1926) получила признание как «талантливо написанная, занимательная и смешная комедия», в которой «всюду рассыпан остроумный, здоровый, естественный юмор» (А. Дзюбенко).

В нач. 1920-х К. пережил глубокий идейный и творч. кризис. Пытался найти свой путь в лит-ре, отойти от пролеткультовских штампов и говорить собств., естественным голосом: «Но сердце мое — земное, / Любит сегодняшний снег, / Грядущее — что такое? / Не поповский ли рай — "Маховик"?» (ИРЛИ). Пессимистические настроения и внутренний надлом проявились во второй кн. стихов **«У города-разбойника»** ([1921]; на обл. — 1922), построенной на контрастном изображении старого СПб. и Пг., города революционных преобразований. Однако продекларированное К. стремление освободиться от «черного омута призрачных огней», шагнуть «вперед», к «светозарным дням», выглядело схематично и неубедительно. Лучшими оказались стихи о СПб., бесприютности человека в сумрачном, ветреном городе, наполненном неясными тенями, липким туманом, омертвелыми строениями (**«Алмазы»**, **«Луна — лицо покойника»**), кот. можно по праву отнести к т. н. петерб. поэзии. Кн. вызвала резкую отповедь пролетарской печати, отметившей «отголоски буржуазной поэзии», неактивное отношение к жизни и «двуликая» К. (И. Оксенов). Довольно скоро стал считаться одним из «наименее пролетарских поэтов» Пг. (Г. Фиш), склонным к лиричности, печали и «мягкому раздумью» (П. Жуков).

В тв-ве сер. 1920-х преобладает лирич. тональность. Осн. тема стихов, проникнутых радостным мироощущением, задушевной интонацией, порой — лукавой иронией и озорством — «просто о человеке» (**«О звезде, о портфеле, о жизни»**, **«Вишневые сады»** — с посвящением И. Садофьеву). Подготовленные к печ. сб. стихов («Подорожник», «Платок», оба — 1923; «Просто о человеке», 1925), были отклонены изд-вами как несвоевременные. Болезненная неуверенность в себе, осознание ненужности своей лирич. музы «напряженной, лживой и лицемерной эпохе» (письмо В. Князеву 1930 // ИРЛИ) отразились в его дневниковых записях втор. пол. 1920-х.

Рефлектируя на критику, К. возвращался к соц. заостренной тематике, сочинял стихи к датам и «на тему», насыщенные ложным пафосом и агитац. риторикой, небрежные по стилю и слогу. Такова поэма **«Повесть о солдатских костях, похороненных в Турции»** (Стройка. 1925. № 2; отд. изд.: Л., 1927) — о предприимчивом американце, решившем использовать кости солдат для массового производства костяных изделий. Сам К. признавался, что «название пролетарского поэта получил по социальному положению и происхождению; по творчеству же — я больше романтик, и новых черт, новых мотивов, свойственных пролетариату, дал очень мало» («Автобиография»).

В кон. 1920-х К., как и мн. пролеткультовцы, почти полностью отошел от поэтич. тв-ва, последующие годы посвятил воспитанию новых кадров сов. лит-ры, организационной и профсоюзн. деятельности. Немногочисленные стихи и поэмы (**«Желтая пена»**, 1928; **«Волшебный шофер»**, 1933), перепевающие тему изменения судьбы человека в соц. мире, написанные бодрым, пропагандистским тоном, не прибавили к поэтич. облику К. дополнительных черт. Две последние кн. стихов **«На панельных квадратах»** (Л., 1930), **«Лирика. Избранные стихи. 1917–1937»** (Л., 1939; с предисл. В. Саянова), составленные, в основном, из произведений перв. пол. 1920-х, не имели резонанса в печ.

В 1924–28 К. — зам. председателя ЛО Всероссийского союза поэтов; 1929–30 — член правления ЛО Всероссийского СП, исполкома ФОСП, правления Литфонда (1926–30). Был широко изв. как организатор и руководитель лит. кружков: Коммунистического ин-та им. Зиновьева (1922–23), ж. «Резец» (1926–29), Кировского з-да и др. Среди учеников К. — Д. Лаврухин, Б. Корнилов, Ю. Инге, А. Прокофьев, посвятивший К. стих. «Товарищ». Массовому лит. движению, тв-ву начинающих писателей посвящ. статьи и заметки кон. 1920-х — нач. 1930-х. В ж. «Резец» (1925–27) помещал «Беседы» по теории прозы и стихосложения, рассчитанные на начинающего писателя из рабочей среды. Изд. отдельными брошюрами, пользовавшимися популярностью у читателей: **«Что надо знать начинающему писателю (Выбор и сочетание слов)»** (Л., 1927); **«Что надо знать начинающему писателю (Построение рассказов и стихов)»** (Л., 1928); **«Что надо знать начинающему писателю о построении драмы»** (Л., 1929). Критика, в свою очередь, упрекнула автора в идеалистич. понимании искусства. В 1930-е заведовал лит.-массовой работой ЛО СП, руководил творч. семинарами Кабинета рабочего автора Профиздата, Рабочего Лит. ун-та им. Горького (РЛУ). В семинарах К. в РЛУ занимались Е. Серебровская, Г. Холопов, Б. Кежун, З. Дичаров.

Посл. стих. К. **«Огонь»** написано 22 июня 1941. Остался в блокадном Л-де; умер от истощения.

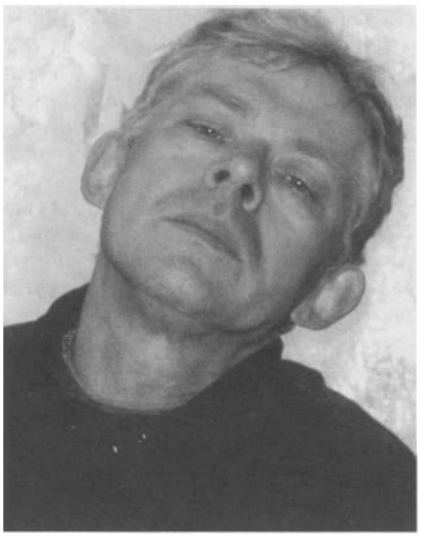
Поэтич. наследие К. не равнозначно в худож. отношении. За творч. расцветом нач. 1920-х довольно скоро последовал срыв вдохновения и мастерства. Но блестящие образцы пролеткультовской поэзии и отд. лирич. стихи, наполненные безмерной тоской, щемящей нежностью и сострадательной любовью к человеку, занимают достойное место в русской поэзии 1920-х.

Соч.: Пролетарские писатели: Антол. пролетарской лит-ры / Сост. С. Родов; Под общей ред. П. Когана. М., 1924; Пролетарская поэты. Антол. / [Сост.] Вл. Кириллов. М., 1925; Революционная поэзия (1890–1917). Л., 1954; Из поэзии 20-х гг. [Сб.]. М., 1957; Антол. русской сов. поэзии. 1917–57: В 2 т. М., 1957. Т. 1; Русская рев. поэзия. 1895–1917. Л., 1957; Пролетарские поэты перв. лет сов. эпохи / Вст. ст., сост. З. Паперного; подг. текста, биогр. справки и прим. Р. Шацевой. Л., 1959 (БП); Поэты «Правды». Стихотворения. 1912–22 / Предисл. А. Дымшица; сост. и подг. текста А. Жарова; биогр. справки Н. Осьмакова. М., 1967; Шацева Р. А. П. Крайский. Неизвестные стих. и воспоминания // День поэзии. 1967. Л., 1967.

Лит.: [Автобиография] // Красная панорама. 1926. № 28. Июль; Дичаров З. Огонь его души // Голоса из блокады: Лен. писатели в осажденном городе (1941–44) / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996; Виноградов И. Слово о старшем друге // Там же.

Т. Кукушкина

КРА́ЛИН Михаил Михайлович [9.4. 1948, с. Винницы Винницкого р-на Лен. обл.] — поэт, литературовед, мемуарист.



Отец — Михаил Арсеньевич К., выходец из крестьян Тверской губ., военнослужащий, полковник КГБ. Мать — Вера Михайловна (урожд. Суханова), крестьянской среды, учитель нач. классов. Родители некот. время жили в Австрии, К. воспитывался бабушкой, Анастасией Михайловной Сухановой, оказавшей большое влияние на его мировоззрение. Ее муж, Михаил Михайлович Суханов, начальник лесоучастка, был репрессирован и погиб в лагере. В связи с частыми переездами семьи К. сменил шесть школ. Закончил Исакогорскую железнодорожную школу под Архангельском (1966). Писал стихи с 13 лет, некот. посылал на суд Ахматовой. Та, получив очередное письмо от школьника К., 22.3.1964 говорила Л. Чуковской: «Вот что значит великая страна. После такого гноя, крови, смрада, мрака приходят такие мальчики... От них всё скрыли, а они всё нашли... И откуда приходят? Из Лодейного Поля!..» (Л. Чуковская).

В 1966 К. поступил на русское отд. филологич. фак-та ЛГУ. Занимался в Блоковском семинаре проф. Д. Максимова. Тема дипломной работы: **«Эволюция образа лирической героини в лирике А. А. Ахматовой»**. Перв. науч. публикации — статья **«Анна Ахматова и Иннокентий Анненский»** (Мат-лы XXVI науч. студенч. конф. Тарту, 1971) и подборка стихов Ахматовой в ж. «Простор» (1971. № 2; совм. с Л. Мандрыкиной). Этот период нашел отражение в лирич. повести **«Любовь со второго взгляда»** (1978; опубл. 2010), основанной на дневниковых записях 1968–71.

По окончании ун-та (1971) К. был направлен на работу директором восьмилетней школы в с. Ошевенск Каргопольского р-на Архангельской обл. Северная природа произвела на него сильное впечатление, отразившееся в поэтич. цикле **«Зимняя заря»** (опубл. 1985). Перв. публикация стихов — **«Свет разума»** (с цензурн. искажениями) в ж. «Север» (1978. № 12).

С 1976 К. редактор в лен. отд. изда ва «Детская лит-ра». Опубл. ст. **«Анна Ахматова и дети»** (О лит-ре для детей. Л., 1979. № 23; в соавт. с Л. Мандрыкиной). Совм. с писателем Н. Внуковым вел ЛИТО «Дружба» при Доме детской книги.

В 1980 по приглашению Бежецкого райкома партии поехал в с. Градницы, где работал учителем русской лит-ры и пытался создать музей Ахматовой в доме, перевезенном в 1935 из дер. Слепнево, где поэтесса жила в 1911–17 и написала более 60 стих. Местные партийные власти сначала поддерживали К., но после доноса в Калининский обком КПСС о том, что «Кралин создает в Градницах антисов. музей Ахматовой и Гумилева», отступили от проекта. В 1982 К. провел в Градницах почти нелегальные «Ахматовские чтения», заложившие основу будущего музея. Дружески поддерживали К. мн. деятели культуры, включая Ф. Раневскую, Е. Евтушенко, З. Томашевскую. Когда в 1989 вышел фильм Л. Шахт и С. Балакирева «Возвращение Ахматовой», в кот. К. рассказывал о своей деятельности в Градницах, Л. Н. Гумилев на его премьере в Доме кино сказал: «Это лучший фильм о моей маме».

В 1982 К. поступил в аспирантуру НИО при ЛГИТМиК. Занимался твом А. Вампилова (ст. **«Самый правдивый театр...»** (Лит. учеба. 1979. № 1); публикации о театре и кино в газ. «Лен. правда» и «Смена»).

В 1984–87 работал ред. в «Лениздате». Публ. стихи в сб. «Васильевский остров» (М., 1985) и «Невские просторы» (Л., 1986), ж. «Лит. Грузия» (1985. № 2), альм. «Поэзия» (1988. № 51), ж. «Ренессанс» (Киев, 1998. № 19) и др. Получил известность его **«Ахматовский цикл»**, особенно стих., начинающееся строфой: «Чем оплачена возможность / Нашей призрачной свободы? / Кровью, ужасом, доносом, / Разлученьями на годы» (1986; опубл. 1990), а также патриотич. цикл **«Когда эпоха обесславлена»** (ж. «Наш современник». 1992. № 10). Программное стих. гражданской лирики К., по его же признанию,— **«Есть в судьбе недобитых церквей...»** (1982).

У К. вышло три поэтич. сб.: **«Возраст нежности»** (СПб., 1993), **«Дурная компания»** и **«В ожидании Кларенса»** (оба — СПб., 1997), где в худож. отношении наиболее сильна любовная лирика. В критике отмечалась «книжность» его стихов, однако утверждалось, что К. — «поэт со своим сложившимся уже голосом, обладающий единым <...> мелодическим строем» (Л. Васильева).

В 1978 К. начал работу над повествованием о взаимоотношениях Ахматовой и композитора Артура Лурье **«Артур и Анна. Роман без героя, но все-таки о любви»**, основанным на эпистолярных источниках. Попытки опубл. его в ж. «Лит. Грузия», «Новый мир» (1984) и «Русская лит-ра» (1989) не увенчались успехом, в посл. случае — из-за отриц. отзыва Л. Н. Гумилева, оскорбившегося использованными в романе интимными подробностями, по его мнению, недостоверными. Роман опубл. в 1990 на средства участников ЛИТО «Олимп» при Лесотехнической академии, кот. вел тогда К. Исправленное и доп. изд. вышло в Томске в 2000. Критика (И. Пруссакова, Л. Миллер) встретила роман в штыки и отличалась, как правило, необоснованными придирками. Высоко оценили роман друзья Ахматовой С. Липкин и И. Наппельбаум (отзыв не опубл.), а также музыковед И. Нестьев.

Среди трех десятков ахматоведческих работ К., не боявшегося честной разработки табуированных ранее тем, выделяется статья о травле поэта начиная с 1920-х **«Анна Ахматова и "деятели 14 августа"»** (ж. «Лен. панорама». 1989. № 6), кот. в критике называли и «поступком непорядочным» (А. Крестинский), и «одной из лучших, если не лучшей статьей о поэте за два посл. десятилетия» (Серг. Куняев). В 1988 К. стал науч. сотрудником Лит.-мемориального музея Ф. Достоевского и за два года подготовил науч. и матер. базу для создания музея Ахматовой в Фонтанном Доме.

Составил лит.-худож. сб. «Моя революция» (1987), «Гранитный город» (1988; переизд.: 1989), «Об Анне Ахматовой» (1990), «Там шепчутся белые ночи мои...» (1991), «Поэзия Серебряного века» (1996). Но особо значительны заслуги К. в науч. публикации ахматовского наследия. В газ. «Лен. правда», ж. «Знамя», «Лит. Грузия» и «Огонек» впервые в СССР им опубл. многие стих. поэта. В ж. «Искусство Л-да» (1989. № 1) К. напеч. реконструкцию незаконченной трагедии Ахматовой «Пролог, или Сон во сне», с предисл. **«Попутчица поэмы»**, В 1990 в изд-ве «Правда» подготовил двухтомник соч. Ахматовой (вступ. ст. Н. Скатова), куда вошли стихи Ахматовой, извлеченные из ее записных книжек и из частных собр., а также тексты, освобожденные от цензурных правок. К. включил в это собр. и цикл «Слава миру» (1950), что вызвало возражения ряда исследователей (Р. Тименчик, В. Виленкин, А. Найман). Вышедший тиражом 1 700 000 экз. двухтомник впервые открыл широкому читателю подлинную Ахматову (переизд.: М.: Цитадель, 1996; 1999).

Поссорившись в 1992 с «либеральной» прессой, К. позднее публ. в основном в ж. «Наш современник». Одна из лучших статей здесь — эссе **«"Двух голосов перекличка" (Анна Ахматова и Иван Бунин)»** (2002. № 6). К. занимался изучением тв-ва Н. Недоброво, учителя Ахматовой, первую ст. о котором — **«Сонет "незабвенного друга"»** — опубл. еще в 1979 (газ. «Лен. рабочий». 30 июн. № 26), а впоследствии издал его перв. однотомник — «Милый голос» (Томск, 2001), встреченный пристрастной критикой Е. Орловой и Н. Богомолова. К. публ. в периодике произведения М. Кузмина, В. Нарбута и др.

Как мастер мемуарного жанра К. снискал известность очерками о Л. Чуковской, А. А. Тарковском, Л. Н. Гумилеве, О. Арбениной, И. Наппельбаум, Е. Лившиц, Н. Ольшевской, В. Ардове, В. Андрееве, печатавшимися в ж. «Звезда» и «Наш современник».

С 1985 К. член СПб. союза журналистов. Его публицистика печ. в газ. «Сов. Россия» (ст. **«Покайтесь перед Матреной»** и др.). С 2003 член СП России.

Очерк К. об Ахматовой **«А я говорю, вероятно, за многих..»** (Новый ж. 2006. Кн. 244) представляет собой фрагмент из не вышедшей полностью кн. **«Реквием и эхо»** (1991). Остается неизданной и итоговая кн. **«Все мое об Анне Ахматовой»** (2008). Написал пьесу **«"Кто чего боится..." (Одна ночь в Фонтанном Доме)»** (2003), посвящ. роковым встречам Ахматовой и сэра Исайи Берлина.

На протяжении 30 лет К. в разных городах (Киев, Одесса, Новосибирск, Баку, Тбилиси, Харьков, Рига, М., Л-д и др.) читал лекции о поэтах Серебряного века. В посл. время ведет ЛИТО «Архетип» при биб-ке им. В. Белинского, большую просветительскую работу в Интернете.

Соч.: «Когда лихие беды стаей...»; «Чем оплачена возможность...» // Лосиевский И. Анна Всея Руси. Харьков, 1996; Победившее смерть слово: Ст. об А. Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск, 2000.

Лит.: Крестинский А. «Новый взгляд», или К вопросу о передержках и умолчаниях в критике // Искусство Л-да. 1990. № 3; Нестьев И. [Рец. на кн.: Кралин М. Артур и Анна. Л., 1990] // Муз. академия. 1992. № 1; Васильева Л. Пожелание Судьбы // Кралин М. Возраст нежности. СПб., 1993; Куняев Серг. Post scriptum II // Наш современник. 1995. № 11; Лиснянская И. Шкатулка с тройным дном. Калининград, 1995; Пруссакова И. Сколько правды в факте? // Звезда. 1996. № 3; Миллер Л. «Зеркало для героя» // Миллер Л. Заметки, записи, штрихи... М., 1997; Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 3; Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998; Липкин С. [Письмо к М. М. Кралину от 11.9.1991] // Кралин М. Артур и Анна. Томск, 2000; Орлова Е. О беллетризованном литературовении и его границах // НЛО. 2001. № 6 (52); Сенин С. «В долинах старинных поместий...». Тверь, 2002; Богомолов Н. «Когда-нибудь дошлый историк...» // НЛО. 2003. № 2 (60); Гумилев Л. Н. Дар слов мне был обещан от природы. СПб., 2004; Письма В. Я. Виленкина // Назарова Л. Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004; Крупчатникова А. Счастливый пленник, победитель поневоле... // Харьковский мост: Лит.-худож. альм. Харьков, 2008. № 2; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Дмитриев

КРАНДИЁВСКАЯ Анастасия Романовна (урожд. Тархова) [22.12.1865(3.1.1866), Ставрополь-Кавказский — 2.5.1938, Л-д] — прозаик.

В Ставрополе-Кавказском окончила женскую Ольгинскую гимназию. В 1884 вышла замуж за В. А. Крандиевского, журналиста, издателя, редактора ж. «Бюллетени лит-ры и жизни». В браке родились трое детей: Наталья — поэтесса, будущая жена А. Н. Толстого; Надежда — скульптор; Всеволод — художник. После замужества К. жила в М. Получила образование на историко-словесном отд. Высших женских курсов В. Герье. Семья К. жила в доме издателя С. Скирмунта, где часто собирались изв. представители творч. интеллигенции того вр. К. была участницей кружка «Телешовские среды». В круг общения К. выходили

М. Горький, В. Розанов, С. Бердяев и др.

Печ. начала с сер. 1880-х. Рассказы К. выходили в ж. «Сев. Кавказ», «Русский курьер» и «Развлечение». Наиболее ярко заявила о себе повестью **«То было раннею весной»**, опубл. в «Русской мысли» в 1896.

В 1900 под этим же назв. — **«То было раннею весной»** — вышел перв. сб. произведений К., в целом снискавший положительные отзывы критики, кот. вместе с тем отмечала недостаточную оформленность и яркость таланта писательницы. Впоследствии сб. переизд. еще раз в 1903, а также составил перв. том собр. произведений К., вышедшего в 1905, во второй том кот. вошли и новые рассказы автора, объединенные под заголовком **«Ничтожные»**. Помимо этого отд. брошюрами в дешевых изданиях для народа выходили рассказы К. **«Для души»**, **«На работу»**, **«Только час»**, **«Дочь народа»** и др. Отд. рассказы переизд. неск. раз. Наиболее востребованным для публикаций был рассказ «Только час», дающий зарисовку тягостной жизни шахтеров, увиденной глазами начинающей полной стремления изменить мир писательницы. Обращалась К. и к большим худож. формам. В 1916 К. напис. роман **«Тайна радости»**.

В творч. манере К. прослеживается влияние А. Чехова. В фокусе внимания автора психология людей, стремящихся к некоему идеалу, но зачастую не состоявшихся в своих поисках, в силу как объективного несовершенства окружающего мира, так и по причине недостаточной глубины собств. духа. Современная К. критика отмечала вдумчивость худож. мировосприятия писательницы, лирич. настрой и умение четко передать веяние своего времени, соц. заостренность и актуальность тематики ее произведений.

В послерев. годы К. отошла от лит. действительности. После смерти супруга К. жила в доме зятя — А. К. Толстого, а затем с 1935 в Доме престарелых ученых в Л-де.

Соч.: «То было раннею весной» и др. рассказы. М., 1905; «Ничтожные» и др. рассказы. М., 1905; Только час. М., 1905; У свежей могилы. Дочь народа. Для души. СПб., 1911; Охранитель. М., 1917; Счастливая // Сердца чуткого прозреньем...: Повести и рассказы русских писательниц XIX в. / Сост. Якушкин Н. М., 1991.

Лит.: Венгеров С. Критико-библиогр. словарь русских писателей и ученых (от нач. русской образованности до наших дней): В 6 т. СПб., 1889–1904; Энц. словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907; Только час: Проза русских писательниц кон. XIX — нач. XX в. / Сост. В. Ученова. М., 1988.

Е. Шлейникова

КРАНДИЕ́ВСКАЯ (Крандиевская-Толстая) Наталия Васильевна [21.1(2.2).1888, М. — 17.9.1963, Л-д] — поэт.

Отец К.— публицист, издатель («Бюллетени лит-ры и жизни» и др.), мать — А. Р. Крандиевская-Тархова, писательница. В доме, где жили родители, часто собирались литераторы. В этой обстановке сама К. начала писать стихи с 7 лет, печ. в моск. журналах — с 13 лет. Ее тв-во было отмечено вниманием именитых современников. И. Бунин, когда К. принесла ему свои стихи (1903), подчеркнув ряд недостатков, благословил 15-летнего поэта: «Стихи у Вас все-таки с корешком. Писать будете. Я потому и браню Вас, дорогой коллега» (**«Воспоминания»**). Впоследствии, в России и за границей, Бунин продолжал высоко ценить тв-во К., считал ее любимой и единственной своей ученицей. Стихи К. хвалили А. Блок и Ф. Сологуб, отмечали А. Ахматова и К. Чуковский, выделяли среди других С. Маршак и О. Форш, В. Шишков и К. Федин, из более молодых ее современников — Б. Слуцкий.

В семейном архиве сохранилась тетрадь ранних стихов К., собранных ее старшим братом (см.: А. Чернов). В 1913 в изд-ве К. Некрасова вышла перв. кн. лирики К. с обложкой работы М. Добужинского (у него и Л. Бакста К. занималась в студии). Кн. была сочувственно встречена критикой, отметившей ум и одаренность автора. Тем не менее К. не займет заслуженного места ни в истории лит-ры, ни в сердцах широкого круга читателей. Когда в 1970-е К. как бы откроют заново, окажется, что даже вполне компетентные исследователи знают ее тв-во недостаточно. Отчасти повинна в этом была жизнь, судьба К.— в ее мир, уже замужней женщины и матери, властно вошла очень большая любовь. В 1915 она связала свою судьбу с А. Толстым, в 1918 выехала с ним и детьми из голодающей М. на Украину, а затем в эмиграцию — «многотрудное... странствие по чужим землям, длившееся четыре года» («Воспоминания»); в 1923 по обоюдному желанию К. и А. Толстой вернулись на родину. Совм. жизнь их продолжалась до 1935. Более чем 20 лет жизни К. были заполнены одним: «Все силы были отданы семье и работе с мужем. Я была его секретарем, советчиком, критиком, часто просто переписчиком. Я вела иностранную корреспонденцию с издателями, подбирала нужные материалы к „Петру...", правила корректуры, заполняла декларации фининспектора...» (**«Автобиография»**). Об этом и в стихах: «Так — целым миром пренебречь / для одного тебя, чтоб тенью / у ног твоих покорно лечь» (**«Вечерний свет»**). На этом основании в некот. мат-лах о К. утверждается, что на все время жизни с Толстым до его ухода из семьи К. перестала быть поэтом. Это не так. В1919 в Одессе вышла втор. кн. стихов К., в 1922 в Берлине — третья, в 1925 в Л-де — кн. для детей **«Звериная почта»**. Известно, что К. написала ряд стихов для либретто оперы Ю. Шапорина «Декабристы». Была, разумеется, и «придушенность» (определение К.) собств. тв-ва во имя всепоглощающей радости служения столь любимой семье, в кот. росло

уже четверо детей. Но все эти годы К. продолжала писать детские стихи и песни, вела дневники. Толстой высоко ценил поэтич. дар К., считал ее «настоящим поэтом и мастером» (Толстой Д. Начало жизни // Нева. 1971. № 1). Обаятельный облик ее нашел отражение в характерах самых любимых героинь Толстого — сестер Кати и Даши Булавиных («Хождение по мукам»), в воспоминаниях родных и друзей. Сохранились 176 писем Толстого к К.

«Расхождение путей» К. пережила очень тяжело, но чудо любви и благодарную память о ней пронесла вместе с болью до конца дней — об этом К. вела разговор в удивительных по глубине психологизма, такта, душевной красоты стихах, вышедших уже посмертно. Огонь огромного чувства, озаривший молодость («**Алексей — с гор вода...**»), даже после ожога светил. Этот «**Вечерний свет**» (название сб. 1972), мерцающий в собственно интимной лирике («**Он не приходит перед сном**», «**Люби другую, с ней дели...**», «**Больше не будет свидания...**» и др.), не гаснет и в философских размышлениях о родной земле, кот. так много значила для обоих, о жизни и смерти, о месте человека в мироздании, о связи времен, о природе, о тв-ве, так зримо демонстрирующих возможные пути воплощения традиций, органическую внутреннюю связь К. с любимым поэтом Ф. Тютчевым.

Войну К. встретила в Л-де, провела в городе самые тяжкие блокадные дни. Это отразилось в стихах — цикле «**В осаде**», посвящ. сыну-фронтовику. Эти стихи постигнет странная судьба. Книга блокадной лирики К. «**Дорога**», уже набранная, в 1946 будет рассыпана после д-да А. Жданова о ж. «Звезда» и «Ленинград», от нее останется только обложка. Но, может быть, именно это спасло К. от более страшных испытаний: тех ли, что выпали на долю «героев» доклада — А. Ахматовой и М. Зощенко, или тех, кот. К. не исключала для себя с 1930-х: «Лифт, поднимаясь, гудит / Хлопнула дверь — не ко мне. / Слушаю долго гудки / Мимо летящих машин...». Не случайно в семейном архиве хранится фото, на кот. к дому, где жила К., подъезжает «черная Маруся» — милицейская, из НКВД машина. В результате непомерных переживаний от разлуки с Толстым К. тяжело болела, к концу жизни ослепла.

Итак — три книги стихов в нач. пути, три «этапных» книги посмертно, три прекрасных сына, внуки (о них — тоже в стихах). И все же имя поэтессы страдало от забвения. К. никогда не воспользовалась «семейными связями» — ни самого Толстого, ни занимавших позднее высокое положение в науке и искусстве сыновей для устройства своих лит. дел. Но где-то в глубине души, очевидно, жила надежда на более полный выход к читателям. Во всяком случае, в нач. 1960-х она составила, по сути дела, программу изд. всего написанного ею, начиная с сер. 1930-х, расположив мат-л по циклам: «**Разлука**» (1935–38), «**Виноградный лист**» (1938–40), «**На озере Селигер**» (1938–40), «**В осаде**» (1941–43), «**Памяти А. Н. Толстого**» (1945–46), «**Когда виден берег**» (1946–57), «**Венок сонетов. Ключ**» (1954), «Вечерний свет» (1958–61).

К. никогда не входила ни в какие поэтич. группировки Серебряного века — как И. Бунин и А. Толстой. Как и они, К. принадлежала к «золотой» классической традиции. Ее поэтич. наследие не прочитано до конца. Но без лучших ее стихов уже невозможно себе представить поэзию XX в. так же, как без А. Ахматовой и М. Цветаевой.

Соч.: Стихотворения. М., 1913; Стихи. Кн. вторая. Одесса, 1919; От лукавого. Кн. стихов. М.; Берлин, 1922; Звериная почта. Л., 1925; Вечерний свет. Л., 1972; Воспоминания. Л., 1977; Стихотворения. М., 1985; Дорога. М., 1985; Грозовой венок: Стихи и поэма. СПб, 1992; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Мануйлов В. О Н. В. Крандиевской-Толстой // Крандиевская Н. Веч. свет. Л., 1972; Иоффе С. Живут стихи. Иркутск, 1979; Лидин В. Каватина // Люди и встречи. М, 1980; Крандиевский Ф. Рассказ об одном путешествии // Звезда. 1981. № 1; А. Н. Толстой. Мат-лы и иссл. М, 1985; Катаев В. [Предисл.] // Крандиевская Н. Стихотворения. М., 1985; Толстая М. Тихая музыка памяти // Нева. 1987. № 7, 8; Глезер Л. Записки букиниста. М., 1989; Чернов А. Утаенный подвиг Натальи Крандиевской // Крандиевская Н. Грозовой свет. СПб., 1992.

К. Бикбулатова

КРАСА́ВИН Юрий Павлович [26.7.1940, Л-д — 24.6.2012, СПб.] — поэт, режиссер.

После окончания ср. школы работал на з-де. В 1968 закончил режиссерское отд. ЛГИК им. Н. Крупской, работал реж. Народного театра в г. Лодейное Поле. В 1970–80-х — преподаватель каф. режиссуры массовых зрелищ ЛГИТМиК.

Перв. публ. стихов состоялась в 1960. Печ. в ж. «Нева», «Звезда», «Аврора», «Смена», в колл. сб. и альм. Вышли десятки его поэтич. кн.

Гл. тема лирики К. — пронзительные стихи о родине. А. Мальцева: «Поэзия его раздольна, насыщена фольклором. В его стихах чувствуются непреходящая боль за судьбу России, восторг красотой родной земли. Широкий размах его поэзии, свойственный русской душе, свой, особый поэтический почерк вызывают у читателей и слушателей встречное благодарное чувство. Будучи по профессии режиссёром, Юрий Красавин ставил спектакли на свои поэмы. Зрители восторженно приветствовали автора и режиссера в одном лице. А песня на его стихи "**Чёрный ворон**" звучит по всей России».

Член СП России с 1987.

Действительный член Петровской АН и искусств.

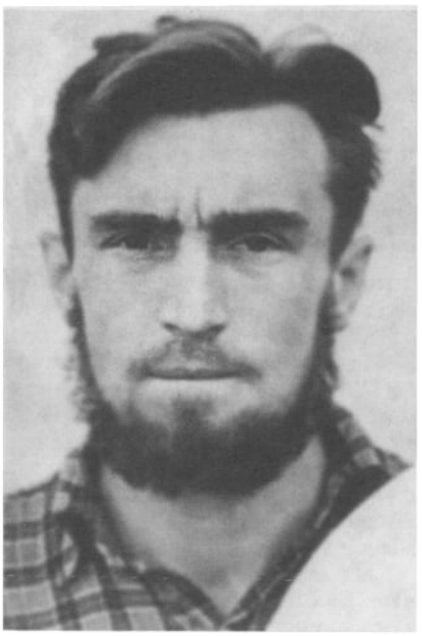
Лауреат Всероссийской поэтич. премии им. А. Прокофьева.

Соч.: Журавлиный лет: Кн. стихов. Л., 1976; Солнечная верста: Кн. стихов. Л., 1980; Росяница: Кн. стихов. Л., 1985; Сентябрины: Кн. стихов. Л., 1990; Ладо-

море: Кн. стихов. СПб., 1998; Синевей: Кн. стихов и поэм. СПб., 1999; Первослов: Кн. стихов. СПб., 2003; Избр.: Стих. СПб., 2005; Вестница: Избр. стих. СПб., 2005; Звезда-багряна: Драм. поэма. СПб., 2007; Сосновые престолы: Избр. СПб., 2010.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КРАСИ́ЛЬНИКОВ Михаил Михайлович [9.12.1933, Орша Витебской обл. — 7.12.1996, Рига] — поэт.



Родился в Белоруссии, где проходил воен. службу его отец. Затем семья жила в Хабаровске, во время войны — в Сибири, после войны в Калининграде (Кёнигсберге). Окончил семилетку в Калининграде, в 1948 переехал с семьей в Ригу, где и закончил школу. В 1951 поступил на отд. журналистики филологич. фак-та ЛГУ. 1 дек. 1952 вместе с учениками Ю. Михайловым и Э. Кондратовым устроил в университетской аудитории несанкционированное костюмированное выступление в пародийно-русофильском духе, в связи с чем все трое сразу после статьи в «Комсомольской правде» под назв. «Трое с гусиными перьями» (Комсомольская правда. 1952. 11 дек.) были искл. из ун-та «за аполитизм и политически вредные высказывания» (восстановлены в 1953 после смерти Сталина).

В 1950-е К. писал иронико-абсурдистские стихи в духе русского футуризма, с кот. был знаком по изданиям начала века. Испытал влияние В. Каменского, А. Крученых, В. Маяковского, В. Хлебникова. Излюбленный прием состоял в соединении возвышенного стиля и философской лексики с просторечием. Некот. стихи К. сочинил совм. с Ю. Михайловым. Участвовал в выпуске самиздатских поэтич. альм. «Брынза», текст кот. был вписан от руки между строк брошюры по технологии изготовления брынзы (осень 1952), и «Съедим брынзу!».

7 нояб. 1956 за шутливое («из эстетических побуждений») выкрикивание антисов. лозунгов («Да здравствует свободная Венгрия!», «Долой партийную клику!», «Долой Хрущева!») во время праздничной демонстрации на Дворцовой площади К. был арестован и приговорен к 4 годам лагерей по ст. 58–10 УК («антисоветская пропаганда»). Срок отбывал в Мордовии. В лагере в 1958–59 участвовал в выпуске двух номеров рукописного альм. «Пятиречие», в кот. поместил свои стихи.

После освобождения жил в Риге, работал экскурсоводом в бюро путешествий, составил путеводитель по Риге. В 1961 заочно окончил филологич. фак-т ЛГУ. Стихи, напис. в 1950-е, распространялись в самиздате, некот. опубл. К. Кузьминским в антологии «У Голубой лагуны».

В 2001 в СПб. вышел сб. стихов К. и Ю. Михайлова **«Творения»** (сост. В. Уфлянд).

Соч.: Стихи // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 1; Стихи // Аврора. 1990. № 10 (Предисл. Д. Филимонова); Стихи // Даугава. 2001. № 6; Творения: Старшие авторы филологич. школы / Совм. с Ю. Михайловым. Сост. В. Уфлянд. СПб., 2001; Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Трое с гусиными перьями // Комсомольская правда. 1952. 11 дек.; Уфлянд В. Интеллегенция. Некот. соображения терминологии // Русская мысль. 1989. 6 янв.; Уфлянд В. Хэппининг на филфаке // Смена. 1990. 29 март.; Лосев Л. Тулупы мы // НЛО. 1995. № 14; Уфлянд В. «Если Бог пошлет мне читателей...». СПб., 1999; Крейденков В. Футурист 50-х годов // У Голубой лагуны. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 5А; Кривошеин Н. Проснулись утром Игорь и Антон... // Даугава. 2001. № 6; Горбаневская Н. Михаил Красильников — один из... // Русская мысль. 2002. № 4401, 21 март.; Гозиас С. О Красильникове // Там же; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Лосев Л. Красильников // Стороны света. 2006. № 2.

КРАСНОБОРО́ДЬКО Татьяна Ивановна [13.3.1958, Северодонецк Луганской обл.] — литературовед, текстолог, историк лит-ры.

Окончила отд. русского яз. и литры филологич. фак-та ЛГУ в 1981 и аспирантуру ИРЛИ АН СССР в 1986. В 1981–84 работала учителем русского яз. и лит-ры в ср. школе № 7 г. Гатчины. В 1984 принята в ИРЛИ (Пушкинский Дом): сначала в Сектор пушкиноведения, в 1985 назначена учен. хранителем Пушкинского рукописного фонда; с 2008 — вед. науч. сотр.

В 1991 защитила канд. дис. **«Журнальные замыслы А. С. Пушкина и „Современник“»** (науч. рук. Я. Л. Левкович).

Обл. науч. интересов: пушкиноведение, текстология, история формирования Пушкинского рукописного фонда ИРЛИ, история факсимильных изданий рукописей Пушкина, экспертные исследования рукописей русских писателей 1-й трети XIX в.

Науч. ред. (совм. с С. Фомичевым) факсимильного изд. «А. С. Пушкин. Рабочие тетради» (СПб.; Лондон,

1995–97. Т. 1–8), осуществленного ИРЛИ в сотрудничестве с Форумом лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского, и авт.-сост. (совм. с С. Федотовой) факсимильного изд. «А. С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 г.» (СПб.: Изд-во «Альфарет», 2009. Т. 1–3). Науч. ред. и чл. авт. коллектива альбомов-каталогов: «„Тень Пушкина меня усыновила...“: Музей А. Ф. Онегина» (СПб.; Болонья; Кембридж, 1997); «А. С. Пушкин и его современники в портретах: Из собраний Пушкинского Дома» (СПб., 1999); «Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой: Фототипическое воспроизведение» (СПб., 1999); участник колл. труда в 2 т.: «А. С. Пушкин: Документы к биографии: 1799–1829» (СПб., 2007); «А. С. Пушкин: Документы к биографии: 1830–37» (СПб., 2010).

Осн. статьи и публ. напеч. в акад. изд.: «Пушкин: Иссл-я и мат-лы». Т. 12–14 (Л., 1986–91); «Пушкин и его современники». Вып. 3 (42) (СПб., 2002); «Ежегодник РО на 1993, 2000, 2005–06, 2011» (СПб., 1997, 2004, 2009, 2012); ж. «Русская лит-ра»; «Пушкин в прижизненной критике. 1828–30» (СПб., 2001) и др.

Лауреат премии им. акад. Д. С. Лихачева за выдающийся вклад в сохранение историко-культурного наследия России в номинации «Сохранение музейных, библиотечных и архивных коллекций» (2006).

Соч.: Болдинские полемич. заметки Пушкина (Из наблюдений над рукописями) // Пушкин: Иссл-я и мат-лы. Л., 1991; История одной мистификации (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго») // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994; Князь Олег Константинович — издатель рукописей Пушкина // Русское подвижничество. М., 1996; Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Ч. I (1904–21) // Ежегодник РО ПД на 2000 г. СПб., 2004; Ч. II. (1922–26) // Ежегодник РО ПД на 2005–06 гг. СПб., 2009; Б. Л. Модзалевский. Записные книжки 1920–28 гг. // Пушкинский Дом: Мат-лы к истории. 1905–2005. СПб., 2005; Игровой мир Пушкина. Эпизод быта Тригорского: Поэт и Зизи // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. Вып. 4 (совм. с Л. Вольперт); Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Part I (совм. с Д. Хитровой); «Жаль кольца...» (Невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня-«талисмана») // Ежегодник РО ПД на 2011 г. СПб., 2012.

Лит.: Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005; Токарева М. Вблизи Александра Сергеевича // Меценат. 2005. № 2.

Р. Иезуитова

КРАСНО́В Анатолий Михайлович [17.10.1932, Гурьев] — поэт.

Отец — б. солдат лейб-гвардии Литовского полка, участник Брусиловского прорыва, награжденный георгиевским крестом, впоследствии красноармеец-пулеметчик, оказавшийся после Гражданской войны в Гурьеве. Прадед поэта был офеня, с песнями и прибаутками торговавший от Мурома до Владимира, М. и СПб., откуда в Перв. мировую войну был мобилизован в армию отец поэта.

Писать начал рано. Перв. стих. опыты появились в школьные годы. В одном из поздних стих. поэт пишет: «Я не знаю, ценны иль не ценны, / Давней жизни камешки примет... / Я свои стихи читал со сцены / Мальчиком, наверно, в десять лет... / Ни о чем еще я не мечтаю, / Я смотрю со сцены, как сквозь дым, / Я стихи о Родине читаю / И о том, что немцев победим». В 17 лет К. «первый поэт своей школы и своего города» (**«Автобиография»**). Он едет в М. поступать в Лит. ин-т, по дороге меняет решение и едет в Л-д, «на родину своих предков» и поступает в Военно-Морскую мед. академию. Одновременно занимается стихотворчеством, знакомится с изв. поэтами, со своими сверстниками, начинающими поэтами, посещает лит. студии, руководимые опытными мастерами слова (Вс. Рождественский, С. Орлов, С. Давыдов, Гл. Семенов, Вс. Азаров).

В нач. 1955 участвует в работе Лен. обл. совещания молодых писателей, выступает с чтением на итоговом заседании. Его стихи рекоменд. в сб. молодых лен. поэтов «Первая встреча» (Л., 1957). К этому вр. К. с отличием заканчивает Военно-Морскую мед. академию и направляется по собств. выбору на службу на Балтийский флот.

По совету Вс. Рождественского К. готовит рукопись перв. кн. Одновременно публ. в газ. «Правда», «Красная Звезда», в местной печ, в т. ч. армейской и флотской — в газ. «На вахте», «Страж Балтики», «Калининградская правда», «Калининградский комсомолец», «Коллективист» и др. В кон. 1958 представляет в изд-во «Сов. писатель» рукопись кн. стихов. В рец. на нее В. Шефнер написал: «Автор, по-моему, талантлив. Книга может получиться. И редакции и автору стоит браться за работу над рукописью, чтобы она, с добавлением некоторого количества новых стихов, вышла в свет. 10 января 1959». Позднее К. в поэме **«Русское море»** напис. об этом: «А я тогда томился песней, / Хотя моих изданий нет, / Но обо мне поэт известный / сказал / Талантливый поэт. / Тщеславья пламенные дети! / Нам звук стихов крылатых мил: / “Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил...”». В нач. 1961 в Калининграде выходит перв. кн. стих. К. **«Голубая Россия»**. В 1983 в передаче Лен. радио «Поэтич. автограф» К. скажет о времени создания кн.: «Именно там, на корабельной палубе и взлетной полосе, в лесных гарнизонах и военно-морских базах ощутил я великую тревогу за Землю русскую, которая была главной темой еще у автора “Слова о полку Игореве”. И тогда на рубежах страны были написаны мною стихи, посвященные моим товарищам по оружию: “Им даны и мужество и сила, / И любовь Отчизны им

дана... / Если здесь кончается Россия,— / Здесь и начинается она"». После выхода кн. «Голубая Россия» К. по рекоменд. Вс. Рождественского, С. Орлова и В. Шефнера принят в СП СССР (1962).

В 1962 К. назначается клиническим ординатором клиники глазных болезней ВМА им. С. Кирова. Много позже К. напишет лирич. поэму об этом. В 1960–70-е, продолжая преподавательскую, научную и офтальмохирургическую работу, К. издает неск. книг стихов. По словам критика В. Дитца, к нему «пришла поэтическая зрелость». В 1961 в предисл. к подборке стихов в газ. «Лит-ра и жизнь» Вс. Рождественский называет К. «лириком умным и тонким». В. Азаров укажет на «патриотичность лирики» К. В отзыве на кн. стихов **«Доверие любви»** он писал: «Среди ленинградских поэтов Анатолию Краснову по праву принадлежит особое место. Это лирик, поэт с тонким вкусом и своеобразной интонацией, и, самое главное, со своей судьбой. Военно-патриотическая тема занимает в его творчестве значительную часть авторского повествования, ведь по сути дела все, что Анатолий Краснов пишет, является лирическим дневником, поэтической летописью его жизни».

В послесл. к сб. **«Море, небо и любовь»** (Калининград, 1982), выпущ. к пятидесятилетию К., поэт, обобщив опыт своей жизни в полустраничном эссе, определил суть своей работы так: «Все остальное обо мне — в моих стихах». Эта лирическая доверительность стихов К. всегда находила широкий читательский отклик, особенно после выхода кн. **«Цветы, цветы...»** (1968), **«Любовь и долг»** (1972), «Доверие любви» (1984).

В 1976 Вс. Рождественский написал рец. на рукопись кн. К. **«Свидание с тобой»**: «Среди поэтов Ленинграда того среднего поколения, чья юность была опалена войной, Анатолий Краснов занимает вполне определенное место. Он автор уже нескольких стихотворных книг. Его лирический голос обрел свойственный ему тембр в полной зависимости от того, что оставили в памяти грозные годы испытаний прошлой войны» (Личный архив поэта). Рождественский относит К. к тем поэтам, чья «лирика предпочитает область раздумий, этических и эстетических проблем. Поэты этого склада требовательны к себе и как бы все время держат перед собой весы, на которых взвешиваются собственные мысли и впечатления с точки зрения их моральной личной ответственности. Такое настроение можно назвать основным и для стихов Анатолия Краснова — в этом их несомненная идейная значимость, возрастающая от книги к книге».

В 1987 у К. выходят две этапные для его тв-ва кн. — **«Взор»** (избр. лирика) и **«Голоса моря»** (стих. и поэмы). «Голоса моря» является обобщением в стихах военно-патриотич. опыта поэта, где представлены лирич. поэмы: **«Сирень»** — являющаяся духовным отзвуком курсантских лет, **«Ветка миндаля»**, навеянная севастопольскими впечатлениями, и **«Белые лилии»**, посвящ. Музе поэта, девочке, вывезенной из блокадного Л-да. Эта поэма в сопровождении музыки Г. Свиридова в мае 1985 прозвучала по лен. радио. Несмотря на тематич. широту лирики К., очевидную в этих кн., поэт предстает в ней как яркий представитель лен.-петерб. школы русской поэзии. Именно это подчеркивает критик А. Урбан в рец. на сб. **«Горный вереск»**, цитируя стихи: «Стоять с тобою у моста, / Когда продольными огнями, / Как раскаленными гвоздями, / К Неве прибита темнота. / А брызги бьются в парапет, / А волны вспенивает ветер, / И нас с тобою в этот вечер / Один пронизывает свет».

В 1980-е К. широко печ. в газ. «ЛГ», «Лит. Россия», «Известия», «Правда», «Красная Звезда», «Лен. правда», «Смена», в армейской и флотской печ., в ж. «Нева», «Звезда», «Юность», «Сов. воин» и др., в ежегодном сб. «День поэзии», в различных антологич. сб. Его стихи звучат по всесоюзному и лен. радио, переводятся на языки народов ближнего и дальнего зарубежья (украинский, казахский, эстонский, болгарский, немецкий, польский и др.). К. ведет в эти годы большую общественно-лит. работу, являясь членом правления Литфонда, членом бюро секции поэзии, председателем Комиссии по морской худож. лит-ре, руководит поэтич. семинарами на Всесоюзных и региональных совещаниях молодых писателей.

В 1990-е К. активно работает, но публикуется сравнительно мало, что обусловлено изменившимися условиями лит.-издательского процесса. «В девяностые годы им созданы значительные циклы философской, пейзажной, патриотической и любовной лирики: **"Библейские мотивы"**, **"Русь"**, **"Свободные ритмы"**, **"Сулла"**, **"Балтийские сонеты"**, повесть в стихах **"Русское море"**, поэмы **"Жасмин"**, **"Око"**, **"Петровская набережная"**, **"Огоньки на клотике"**, **"Левашовская пустошь"**, вызвавшие живой интерес любителей поэзии. В настоящее время Анатолий Краснов является одним из крупнейших русских поэтов» (Лит. Петербург. 1999. № 1).

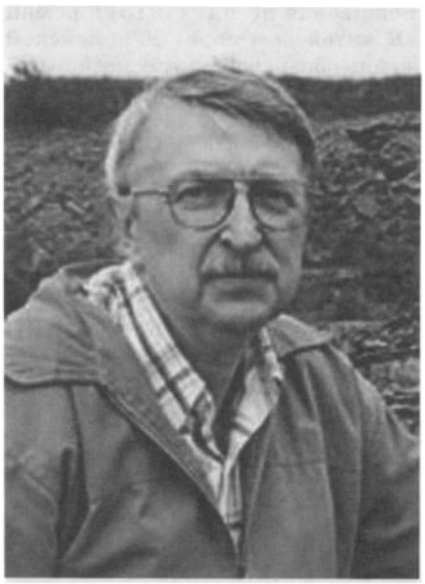
В 2001 выходит кн. **«Свет небесный»**. Это перв. кн. после выхода в 1989 сб. лирики **«Каменный остров»**. «С ее страниц веет высоким мастерством. Это, пожалуй, одно из глав. достоинств книги, ныне так редко встречающееся. Второе ее несомненное достоинство — это глубокая гражданственность, боль за все, что происходит ныне на дорогой всем нам Руси...» (Смирнов И. Морская газ. 2002. 23 март.). Рецензент цитирует стих., кот. заканчивается сб.: «Когда в цветенье вишни / Иль хлад и глад кругом, / Молю тебя, Всевышний, / Я только об одном: / Коль в правде, а не в силе / Все существо твое, / Сними с креста Россию / И воскреси ее». Выход этой кн. дал толчок для других книг, доказывающих, что поэт не остановился в развитии, что ему есть что сказать.

Соч.: Голубая Россия. Калининград, 1961; Иду к тебе. Калининград, 1962; Грибной дождь. Калининград, 1962; Солнечный камень. М.; Л., 1965; Цветы, цветы... М., 1968; Любовь и долг. М., 1972; Горный вереск. Л., 1973; Июньский дождь. Л., 1979; Море, небо и любовь. Калининград, 1982; Твое лицо. Л., 1983; Доверие любви: Избр. лирика. Л., 1984; Тревоги любви. М., 1985; Вместе с тобой. Л., 1986; Голос моря. Калининград, 1987; Взор: Избр. лирика. Л., 1987; Каменный о-в. Л., 1989; Свет небесный. СПб., 2001; Библейские мотивы. СПб., 2002; Петровская набережная. СПб., 2004; Ювеналов бич. СПб., 2004; Земная дорога. СПб., 2005; Озеро. СПб., 2009; Позднее лето. СПб., 2010; Избр. СПб., 2010; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Флеров Н. Поэтич. сборники балтийцев // Сов. воин. 1961. № 23; Чеботаев М. Творч. отчет радует// Страж Балтики. 1961. 20 мая; Давыдов З. Голубая Россия // Крылья Родины. 1962. № 1; Певцова Т. Пульс жизни // Нева. 1966. № 8; Шестинский О. Раздумья о трех молодых поэтах // Смена. 1966. 25 март.; Полянский Д. Добрый свет // На страже Родины. 1973. 5 февр.; Дитц В. Июньский дождь // Лен. правда. 1980. 16 дек.; Флеров Н. Пристальный взгляд поэта // Калининградская правда. 1982. 16 апр.; Соколовский А. Доверие любви // Сов. моряк. 1985. 1 июн.; Молдавский Д. Строки любви и тревоги // Лен. правда. 1985. 5 февр.; Озимов И. И вечно в дозоре // Калининградская правда. 1987. 10 дек.; Смирнов И. Долгожданное явление Света небесного // Морская газ. 2002. 23 март.; Свирский А. В России невозможно без таланта // Православный СПб. 2009. № 1; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Кречетов

КРАСНО́В Борис Николаевич [22.9.1953, Л-д] — поэт, автор-исполнитель.



В 1970 закончил ср. школу, в 1975-м — ЛЭТИ им. М. Бонч-Бруевича. Работал инженером-разработчиком радиоэлектронной аппаратуры на различных предприятиях ВПК. В наст. вр. — ведущ. инженер ОАО «РИМР».

Перв. публ. стихов состоялась в 1976. Автор более 500 песен. В 1980–83 и в 1986–87 как автор-исполнитель участвовал в работе Лен. гор. клуба песни. Лауреат радиоконкурса «Невская волна».

Участник конф. молодых писателей Северо-Запада (1983, 1986). Стихи и прозу публ. в ж. «Нева» (1983. № 9, 1985. № 1, 1992. № 1, 1993. № 12, 1996. № 4, 1998. № 8), «Аврора» (1983. № 9, 1994. № 1), «Речитатив» (1997. № 2), «Костер», «Сев. Аврора», «Всерусский собор», в альм. («Молодой Л-д», 1984, 1989; «Юдоль земная», 1998), колл. сб. («Медвежьи песни», 1998, 2000; «Радонеж», М., 1999) и др. изд.

В 1989 выпустил перв. кн. стихов **«Переменная облачность»** («Лениздат»). В 1995 — втор. кн. **«Маятник»** (ЛИО «Редактор»).

Помимо стихов пишет прозу. Детские рассказы и повести опубл. в ж. «Костер» (1998. № 8, 1998. № 11–12, 1999. № 1, 1999. № 2, 1999. № 4, 2000. № 5–6, и др.).

Член СП России с 1997.

С кон. 2010 — рук. Мастерской Поэзии при СП России.

Соч.: Переменная облачность: Стихи. Л., 1989; Маятник: Стихи. СПб., 1995; Время огненных знаков: Стихи. СПб., 2002; Стеклянные деревья: Стихи. СПб., 2010.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КРАСНО́В Петр Николаевич [10 (22).9.1869, СПб. — 16.1.1947, М.] — прозаик.

Принадлежал к знаменитому казачьему роду, известному на Дону и в России своими воен. и лит. традициями. Праправнук генерал-майора И. К. Краснова, военачальника суворовской школы, героя Отеч. войны 1812; внук генерал-лейтенанта И. И. Краснова, донского историка и публициста; сын генерал-лейтенанта Н. И. Краснова, историка Дона, прозаика и публициста, науч. труд которого «Терские казаки» был отмечен золотой медалью Императорской АН; младший брат ботаника и географа проф. А. Н. Краснова и Платона Н. Краснова — поэта и переводчика. Детство и юность провел в СПб. Числившийся казаком стан. Каргинской, часто бывал на Дону. Получил прекрасное домашнее воспитание. Из 5-го класса 1-й Петерб.

гимназии перевелся в Александровский кадетский корпус, кот. окончил в 1887, поступил в 1-е Павловское воен. училище, где был фельдфебелем роты Его Императорского Величества. Имя К., окончившего училище по 1-му разряду, было занесено на мраморную доску. Из училища выпущен хорунжим в комплект донских казачьих полков и прикомандирован к лейб-гвардии Атаманскому полку. В 1892 поступил в Николаевскую Академию Ген. штаба, откуда через год по собств. желанию (по др. сведениям, из-за конфликта с начальником) вернулся в свой полк.

К. рано начал проявлять интерес к литре. В 12-летнем возрасте писал детские рассказы, издавал их в домашнем ж. «Юность», собственноручно осуществляя набор и печатание. Активной лит. деятельностью начал заниматься с 1891, выступая в «Русском инвалиде», «Биржевых ведомостях», «Петерб. листке». Некот. свои мат-лы подписывал псевд. П. Николаев и Гр. А. Д. (Град — кличка его любимой лошади, на кот. он выиграл немало призов на конских скачках); позднее печ. в «Воен. обозрении», «Разведчике», «Ниве», «Руси» и др. изд. В ранних повестях и рассказах, печатавшихся преимущественно в приложениях к ж. «Нива» и вошедших в сб. «На озере» (1895) и «Ваграм» (1898), К. изображал жизнь кадетов, юнкеров, офицеров (во мн. произведениях присутствовала любовная интрига), развивая «мысль об офицерстве как особой

благородной касте, отстаивая привилегии гвардейцев...» (Калинин И. Русская Вандея. М.; Л., 1926). Однако определяющей темой ранних произведений К. явилась тема героич. прошлого донского казачества (**«Атаман Платов»**, **«Донцы: Рассказы из казачьей жизни»**, **«Донской казачий полк сто лет тому назад»**, **«Казаки в начале XIX века: Ист. очерк»** (все — 1896). Уже в раннем тв-ве К. заявил о себе как о защитнике монархии, старинных устоев и традиций донского казачества. В 1897–98 К. был командирован в Абиссинию в качестве нач. конвоя при российской дипломатич. миссии к негусу Менелику. За 3 месяца К. проделал опаснейший переход на верблюдах и мулах по сомалийской пустыне и Данакийским горам. За 11 дней он доставил из Абиссинии в СПб. пакет с секретной корреспонденцией. За выполнение этого задания К. был произведен в подъесаулы и помимо российских наград (орден Станислава 2-й степ.) был отмечен офицерским крестом эфиопской звезды 3-й степ. и французским орденом Почетного легиона. Абиссинские впечатления нашли преломление в кн. К. **«Казаки в Африке. Дневник начальника конвоя рос. импер. миссии в Абиссинии в 1897–1898 гг.»** (1899) (через год книга была переизд. под назв. **«Казаки в Абиссинии...»** с посвящ. цесаревичу Михаилу Александровичу и вел. кн. Ольге Александровне) и сб. **«Любовь абиссинки и др. рассказы»** (1903).

В 1901–05 в качестве спец. корр. военной газ. «Русский инвалид» К. выезжал на Дальний Восток для освещения хода китайской войны (участия русских экспедиционных сил в подавлении народного восстания ихэтуаней); по заданию воен. ведомства знакомился с условиями жизни и быта российских и иностр. войск в Маньчжурии, на Дальнем Востоке, в Японии, Индии. Результатом этих впечатлений явились кн. К. **«Борьба с Китаем»** (1901), **«По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии»** (1903). В 1902 К. посетил Закавказье, где изучал жизнь и быт казаков в гарнизонах на турецкой и персидской границах, о чем рассказал в очерках **«В сердце Закавказья»** (1902–03). Постоянно выступал в печ. относительно быта и строевой жизни в казачьих войсках (кн. **«Суворов»** (1900) — «жизнеописание для войск и народа» и др.).

В 1904 был вновь командирован на Дальний Восток в качестве корр. «Русского инвалида». Его «талантливые и дельные корреспонденции», печатавшиеся в «Русском инвалиде» под заголовком «На войне», «все время обращали на себя внимание образованной и серьезной публики, освещая многие подробности тяжкой русско-японской войны» (Донцы XIX в.: Сб. Новочеркасск, 1907). 3 янв. 1905 император Николай II записал в дневнике: «Приняли атамана Краснова, который приехал из Маньчжурии; он рассказывал много интересного о войне <...> он пишет статьи о ней» (Дневник императора Николая II. 1890). В то же время, по свидетельству А. Деникина, «талантливые» статьи К. «обладали одним свойством»: в них нередко «жизненная правда приносилась в жертву „ведомственным" интересам и фантазии <...> элемент „поэтического вымысла" в ущерб правде», считал Деникин, «прошел красной нитью через всю жизнь Краснова» (Путь русского офицера // Октябрь. 1992. № 2).

К. принимал участие в боях русско-японской войны, был награжден за храбрость орденами. Русско-японской кампании посвящ. его кн. **«Год войны. 14 месяцев на войне. Очерки русско-японской войны с февр. 1904 по апр. 1905 г.»** (1905–11), **«Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренгеном»** (1911) и **«Погром. Роман из русско-японской войны»** (1915). О посл. романе критика писала, что те сцены, где К. «в лице своих героев резонерствует, „учительствует", производят самое нехорошее впечатление <...> заключающаяся в них тенденция <...> вызывает противоречия в картинах» (А. М. Д. [Рец.] // Военный сб. 1916. № 3).

В 1909 выходит кн. К. **«Картины былого тихого Дона»**, представляющая собой «краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях». Как и в ранних своих произведениях о героическом прошлом донского казачества, К. смотрит на историю Войска Донского глазами монархиста. Для него вхождение казаков в состав Российской империи — результат естественного и органического развития государственности. В основе «Картин...» лежит идея государственного и христианского домостроительства. В русле монархических идей напис. и кн. **«Российское победоносное воинство. Краткая история русского войска от времени богатырей до Полтавской победы (1709)»** (1910), представляющая собой популярный очерк истории русской армии и русского оружия. К 100-летнему юбилею Отеч. войны 1812 К. выпустил книгу **«Донцы и Платов»** (1912), предназначенную для чтения в семье, школе и войсковых частях. К. зарекомендовал себя как талантливый популяризатор русской воен. истории, прежде всего — истории казачества.

За исключительную храбрость в воен. действиях К. был награжден мн. боевыми орденами, в т. ч. Георгиевским оружием и орденом св. Георгия 4-й степени. Вышедшие в это время повести **«Фарфоровый кролик. Волшебная песня»** (1915) и роман **«В житейском море»** об армейской жизни обнаруживали схематизм сюжетных ситуаций, элементы сентиментальности. К. поддержал Корниловский мятеж. После Октябрьского переворота выступил против советской власти в союзе с А. Керенским: «Не к Керенскому я иду, а к Родине, от кот. отречься не могу» (На внутреннем фронте // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1). Организованное К. наступление на Пг. потерпело неудачу. Сам генерал-лейтенант, командир 1-й Донской казачьей дивизии (в составе 3-го конного корпуса генерала А. Крымова) вскоре был арестован большевиками в Гатчине. Давший обещание прекратить борьбу с большевиками, К. был освобожден под честное слово, находился под домашним арестом. Тайно пробрался на Дон, где стал одним из организаторов движения за автономию Дона и гос. независимость казачества. С этого времени все усилия К. будут направлены только на борьбу с большевиками. Этой задаче будет всецело подчинена и лит. деятельность К. Заочно он был приговорен большевиками к смертной казни.

До нач. Верхнедонского восстания К. жил в ст. Константиновской. Здесь

напис. приключ. роман **«У подножия Божьего Трона»** (1919) (в эмиграции переизд. под назв. **«Амазонка пустыни»**, 1922). Одним из первых К. откликнулся на события Гражданской войны на Дону, создав сб. остроконфликтных рассказов **«Степь»** (1918).

В мае 1918 «Кругом спасения Дона» К. избран атаманом Всевеликого Войска Донского — независимого донского государства. Поднял донских казаков «на национальную, народную войну» против большевиков. В своей политике ориентировался на помощь Германии. В февр. 1919 из-за противоречий с командованием Добровольческой армии (отказался подчиниться А. Деникину, противнику самостийности Дона) и в связи с поражением Донской армии подал в отставку. В сент. 1919 вступил волонтером в Северо-Западную армию генерала Н. Юденича, где ведал вопросами пропаганды. Издавал газ. «Приневский край» (ред.— А. Куприн). В янв. 1920 являлся русским воен. представителем в Эстонии и чл. Ликвидационной комиссии войсковых частей, соединений и штабов и учреждений Северо-Западной армии, участвовал в переговорах с правительством Эстонии об эвакуации русских солдат и офицеров. После окончания Гражданской войны К. жил в Берлине (нек. время издавал, вместе с И. Родионовым, ж. «Казачий вестник») и Париже, занимался лит. и полит. деятельностью: сотрудничал с вел. кн. Николаем Николаевичем, Русским общевоинским союзом (РОВС) и др. монархич. организациями. В 1921 К. вместе с герцогом Г. Лихтенбергским и публицистом С. Соколовым-Кречетовым создал «Братство Русской Правды» (БРП), сугубо конспиративную, пропагандистско-боевую организацию, ставившую своей целью свержение коммунистич. режима в России. Организация имела филиалы во всех европейских странах и Маньчжурии, засылала через сов. границу боевиков, осуществляла диверсии. Наибольшую активность БРП проявило в 1925–30-е. Позднее организация прекратила свое существование.

В эмигрантский период К. опубл. более 40 книг, тематический и жанровый диапазон кот. был достаточно широк. Мемуарные и историко-публиц. произведения **«На внутреннем фронте»** (1921); **«Накануне войны»** (1937) — повествование из жизни пограничного гарнизона, куда входил 10-й Донской казачий полк; **«На рубеже Китая»** (1939) — о командовании 1-м Сибирским казачьим полком; **«Павлоны»** (1943) — кн. о юнкерах Павловского воен. училища; приключ. произведение для юношества **«Мантык, охотник на львов»** (1928).

К. продолжала волновать тема совр. жизни и ист. судеб донского казачества: **«Казачья самостийность»** (1921); **«Все проходит»** (1926) — ист. повесть в 2-х книгах о взаимоотношениях вольного Дона и боярской М. в допетровские времена; **«С Ермаком на Сибирь!»** (1930); **«Ист. очерки Дона»** (1944).

Антиутопич. романом **«За чертополохом»** (1922; 2-я, перераб. ред.— 1928) о будущем большевистской России К. заявил о себе как мастер фантастич. жанра. В этом произведении наиболее отчетливо отразился полит. идеал К.-писателя — стремление видеть Россию страной, где восстановлена монархия и православная вера.

К. проявлял интерес к теме судеб русской интеллигенции, создав такие произведения, как **«Опавшие листья»** (1923) — лиро-эпич. хронику предреволюционной жизни, воспроизведенную через призму сознания молодого человека; 3-томную эпопею о русской интеллигенции 1910–20-х — **«Largo»** (1930), **«Выпашь»** (1931), **«Подвиг»** (1932).

Важное место в обширном творч. наследии К. занимает цикл романов, посвящ. «великой русской трагедии» (революции 1917): **«Единая неделимая»** (1925), **«Понять — простить»** (1928), **«Белая свитка»** (1928). Открывает этот цикл главн. произведение К., над которым он работал в теч. 27 лет,— роман-эпопея **«От Двуглавого Орла к красному знамени. 1894–1921»** (опубл. 1921–22). В нем нашли отражение ключевые события эпохи царствования императора Николая II и перв. порев. лет. Центр. фигура романа — гвардейский офицер Саблин, ставший генералом. Он переживает долгую, сложную и мучительную эволюцию. Некогда восторженный идеалист, обожавший царя и его семью, Саблин постепенно разочаровывается в предмете своих монархич. верований. Одной из причин этой эволюции явилось самоубийство его любимой жены, попавшей в сети «старца» Распутина. Критика отмечала, что роман К. «имеет право на пристальное внимание» (Василевский И. [Не-Буква]. Лит. силуэты. М., 1922); сравнивала его с «Войной и миром» Л. Толстого (см.: Попов К. «Война и мир» Л. Н. Толстого и «От Двуглавого Орла к красному знамени» П. Н. Краснова. Париж, 1934), с «Тихим Доном» М. Шолохова. Д. Святополк-Мирский писал, что «Шолохов несравненно талантливее, чем его прежний атаман, он очень далек от той напыщенной тривиальности, которая наполняет роман Краснова» (Slawische Rundschau. 1932. № 10). Г. Адамович находил, что К. «во всех отношениях Шолохову уступает. Но характер его писаний — шолоховский. Притом таланта у него отрицать нельзя. Первый том „Двуглавого Орла и красного знамени" написан с такой широтой и непринужденностью, какая и не снилась многим нашим заправским беллетристам. Дальше все портится...» (Посл. новости. 1933. 24 авг.). Куприн считал, что «„мир" выходит <...> у П. Н. Краснова слабее „войны". Но в военных сценах он проявляет себя настоящим художником» ([Рец.] // Общее дело. 1921. 9 мая).

Несомненный интерес представляют ист. романы К. о русских государынях: **«Цесаревна. 1741–62»** (1933) — о Елизавете Петровне и **«Екатерина Великая»** (1935), а также роман о народовольцах **«Цареубийцы (1 марта 1888 года)»** (1938), считающийся одним из лучших произведений на эту тему. В революционерах-террористах (Перовской, Желябове и др.) К. увидел ист. предшественников большевиков. В отличие от полит. беллетристики, с характерной для нее тенденциозностью, нарочитой заданностью и схематизмом характеров, ист. романы К. являются незаурядными худож. произведениями, они написаны с глубоким знанием реалий эпохи.

Знаток русской истории, К. с оптимизмом смотрел в будущее России: «Глядя в прошлое, не могу не видеть, что будущее России окажется прекрасным. Пройдут тяжелые годы лихолетья, как проходили и раньше. Россия воскреснет и станет еще краше, нежели была, потому что русский

народ полон героев» (Дон. 1995. № 10).

В рукописи остались романы **«Погибельный Кавказ»** и **«Между жизнью и искусством»**.

Тв-во К. получило неоднозначную оценку современников — прежде всего читателей-эмигрантов. Одни причисляли его к «бульварным писакам», из-под пера кот. выходили «халтурные романы» (Александровский Б. Из пережитого в чужих краях. М., 1969), пользующиеся «известным успехом у публики с дурным вкусом и старорежимными наклонностями» (Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1989). Др. видели в нем «прекрасно образованного, с несомненным литературным талантом <...> вдумчивого романиста» (Калинин И. Русская Вандея. М.; Л., 1926). И. Бунин записал 28 июля 1940 в дневнике: «Читаю роман Краснова **„С нами Бог"**. Не ожидал, что он так способен, так много знает и так занятен» (Устами Буниных. Франкфурт-на-Майне, 1981. Т. 3).

В 1941 К. приветствовал нападение фашистской Германии на СССР. Занятая бывшим атаманом бескомпромиссная позиция («Хоть с чертом, но против большевиков») привела его к тому, что он пошел на сотрудничество с гитлеровцами. К. принял участие в работе казачьего отдела министерства восточных территорий. В марте 1944 он был назначен нач. Главного управления казачьих войск при министерстве, руководил организацией «Казачий стан» (сначала в Белоруссии, а затем в Северной Италии) и формированием частей, действующих против белорусских партизан и бойцов итальянского Сопротивления. В мае 1944 К. был интернирован англичанами, передан сов. командованию и доставлен в М. После длительного следствия он был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и вместе с др. казачьими генералами (А. Шкуро, Султан-Келеч Гирей, С. Краснов, Т. Доманов, Г. фон Паннвиц) повешен во дворе Лефортовской тюрьмы. На свидании с внучатым племянником Н. Н. Красновым он сказал перед смертью: «Что бы ни случилось — не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ виновники всеобщих страданий <...>. Недостаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать» (Краснов Н. Н. Незабываемое).

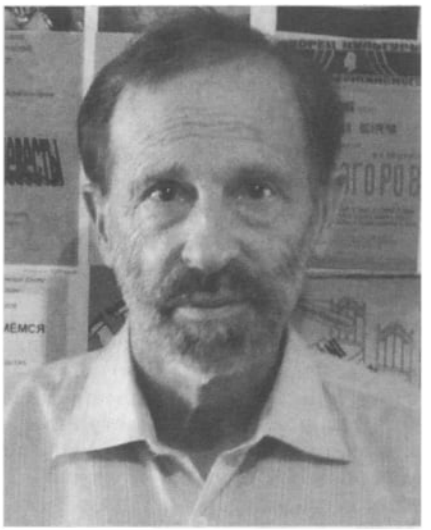
Жена писателя, оперная певица Л. Краснова (урожд. Гринензейнен), чудом избежавшая выдачи англичанам, умерла 22 июня 1949 в Мюнхене.

Соч.: Екатерина Великая: Роман // Дон. 1994. № 2–4; Цареубийцы (1-е марта 1881 г.): Роман / Послесл. К. Новикова. 1994; От Двуглавого Орла к красному знамени. Екатеринбург, 1995. Т. 1–3; Опавшие листья. Екатеринбург, 1996; Понять — простить // Дон. 1996. № 1; Единая-Неделимая. Айрис-Пресс, 2004; Атаман. М., 2006; История войска Донского. М., 2007; Ненависть. М., 2007; СС: В 10 т. М., 2012.

Лит.: Соколов А. Правление генерала Деникина: Из воспоминаний. София, 1921; Кадашев В. «За чертополохом»: [Рец.] // Руль. 1922. 14 мая; Пильский Д. «Амазонка пустыни»: [Рец.] // Сегодня. 1922. 11 авг.; Амфитеатров А. «Душа армии»: [Рец.] // Возрождение. 1928. 21 февр.; Тарусский Е. «Largo»: [Рец.] // Часовой. 1930. № 31; Попов К. «Война и мир» Л. Н. Толстого и «От Двуглавого Орла к красному знамени» П. Н. Краснова. Париж, 1934; Краснов Н. Н. Незабываемое. 1945–56. Сан-Франциско, 1957; Лампе А. Два генерала // Пути верных: Сб. Париж, 1960; Поляков И. Краснов — Власов. Н.-Й., 1961; Брежнев А. Певец войска Донского // Книжное обозр. 1991. 5 апр.; Полушин В. Певец и рыцарь тихого Дона // Колумна. Кишинев, 1991. № 3; Вагеманс Э. Постбольшевистская Россия: Утопич. роман П. Н. Краснова // Театр. 1992. № 8; Сатарова Л. Донское казачество в прозе рубежа XIX–XX вв. М., 1992; Бреэре Ив. Казаки: Ист. очерк / Пер. с франц. М., 1992; Иоанн Сан-Францисский, архиепископ. Переписка с ген. П. Н. Красновым // Континент. 1988. № 56; Гордеев А. История казаков: В 4 т. М., 1991–93; Сухих И. Генерал Краснов: Пером и шашкой // Нева. 1994. № 3; Ивлев М. Неизвестный и легендарный... Атаман Краснов как писатель // Русь Православная. 2001. № 2; Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. Военно-ист. биб-ка. М., 2003; Гагкуев Р., Цветков В., Балмасов С. Генерал Келлер в годы Великой войны и русской смуты // Граф Келлер М., 2007; Кустов М. Реабилитации не подлежит // Трибуна. 2008. № 3, 1 февр.; Ерофеев К. «Не отмоешь добела...» // Дуэль. 2008. № 8 (557). 19 февр.; Фельдман Д., Александров К. Реабилитация генерала Петра Краснова — это «попытка признать его хорошим человеком» // Радио «Свобода». 2008. 25 янв.

В. Запевалов

КРАСНОГО́РОВ Валентин Самойлович (наст. фамилия Файнберг) [20.12.1934, Л-д] — драматург, прозаик, теоретик драмы.



Отец — инженер-электрик, мать — учитель. Учился в школе в Эстонии и закончил Таллиннский политехнич. ин-т (1956). Специальность по диплому: «химическая технология топлива». В этой же обл. работал с 1961 в Лен. инженерно-экономич. ин-те, где защитил канд. дис. и преподавал (сначала в должности доц., затем проф.). Занимаясь технологией переработки нефти и горючих сланцев, охраной окружающей среды, К. защитил в 1974 докт. дис., опубл. 4 кн., около 100 ст. Естественным переходом от научно-технич. деятельности к художественной стали произведения о химии и химиках: **«Подражающие молниям»** (об истории взрывчатых веществ), биографии: **«Юстус Либих»**, **«Альфред Нобель»**.

Герои ранних сатирич. комедий К. (**«Настоящий мужчина»**, **«Кто-то должен уйти»**) науч. сотрудники, работники КБ, быт кот. К. хорошо знает. Науч., системный подход сказывается и в композиции его пьес: им свойственна подчеркнутая жесткость, известная геометричность. С перв. шагов К. как писатель столкнулся с сов. цензурой. **«Настоящий мужчина»**, напис. в 1968, увидел свет рампы только в 1976 (Театр на Литейном). К. отозвался на это явление кн. по истории русской и сов. цензуры **«У мысли стоя на часах»** (1978,

самиздат, в 1990 — сокр. ред. в «Неве»). Цензура беспокоилась не напрасно. «Кто-то должен уйти» (1976) — одна из самых острых сатирич. комедий за посл. неск. десятилетий. Несмотря на внешнюю камерность, в ней показана абсурдность общ. системы, построенной на уничтожении всего полезного, талантливого и генерировании бессмыслицы. Хотя значение пьесы не было осознано критикой, она стала одной из самых успешных в тв-ве драматурга, играется во всем мире до наст. времени.

Владея четким построением сюжета пьес, отточенным диалогом, К., тем не менее, вступил в драм. мастерскую И. Дворецкого (вместе с Л. Разумовской, С. Злотниковым, А. Галиным, А. Соколовой и др.). Пробовал себя во мн. жанрах, обращался к разным эпохам. Библейские тексты послужили мат-лом для его пьесы **«Песнь песней»**. **«Рыцарские страсти»** переносят зрителя в эпоху испанского «золотого века», **«Этот слабый нежный пол»** — во Францию XVII в. К. сочиняет публиц. драмы (**«Дело Бейлиса»**), детективы (**«Ноги женщины № 2»**, **«Приглашение к убийству»**). К. использует элементы гиньоля, гротескную образность, однако со временем все чаще обращается к сфере интимной, где в отношениях между мужчиной и женщиной проявляется давящая неподвижность бытия. В **«Шествии гномов»** (1978), **«Прелестях измены»** (1979) над героями довлеет пост. страх, диалог возвращается к одной и той же мысли. Этот лирико-психологич. абсурдизм станет и в дальнейшем приметой драм. стиля писателя.

В 1991 К. уехал в Израиль. Здесь он попытался не пером, а в конкретной общественно-полит. деятельности сделать мир разумнее. Помимо научной работы (в 1997–2001 он — вице-президент Союза ученых Израиля), выступлений в русскоязычной прессе (свыше 100 публикаций на различные общ. и полит. темы), К. занял пост заместителя мэра Хайфы (1998–2003), избирался депутатом городского совета Хайфы. Как заместитель мэра он помогал жизнеустройству иммигрантов из России.

Для литератора К. годы, проведенные в Израиле, стали временем подведения итогов. Он выпустил сб. пьес под назв. «Прелести измены» и теоретич. кн. **«Четыре стены и одна страсть, или Драма — что же это такое?»**. В ней стремился определить, в чем состоит специфика драмы по отношению к др. видам лит-ры. В своем исследовании К. рассматривал вопросы действия, композиции, драматич. диалога. Текст кн. послужил материалом для курса теории драмы, кот. К. читал в 2009–11 в СПб. ун-те культуры и искусства. В 1997 К. перевел с иврита пьесу Х. Левина «Торговцы резиной». Постановка комедии (под назв. «Потерянные в звездах») на сцене Театра на Литейном награждена «Золотой маской».

В 2005 К. вернулся в СПб. и еще ранее, с 2002, после 14-летнего перерыва вернулся к активной драматургич. деятельности. С 2002 по 2012 он написал 19 пьес и 3 сценария. Помимо традиционных для К. гротескных приемов, парадоксальности, неожиданных финалов, в его тв-ве появилась склонность к драматизации лирич. комедии (**«Лебединая песня»**, **«Комната невесты»**, **«Его донжуанский список»**). Он написал психологич. драму (**«Лунный свет между тенями елей»**), пьесу-притчу (**«Райские врата»**), использовал приемы клоунады (**«Балаган»**), сочинил пародию на «новую драму» и детскую кукольную сказку **«Страшный разбойник»**. Его увлекает раскручивание головоломного сюжета (напр., в **«Любви до потери памяти»**), мышление как драматурга парадоксально. Он сочиняет камерные пьесы (для двух-трех персонажей) и многофигурные композиции, в кот. проблема рассматривается в неск. ракурсах. В **«Комнате невесты»** 16 женщин постепенно втягиваются в действие, до предела заостряют ситуацию, пока она не завершается мнимым хеппи-эндом. В известном смысле, он совр. классицист. Многим его произведениям присуще единство места, времени и действия, что вовсе не приводит к однолинейности. Скажем, занимательная сюжетная и словесная игра в **«Театральной комедии»** подчеркивает относительность реального и художественного. По тематике, жанру произведения К. разнообразны и ориентированы на разную аудиторию.

Особое место среди пьес 2000-х занимает социальная драма **«Жестокий урок»**, адресованная г.о. молодежи. По форме она представляет собой театр. психологич. эксперимент. По сути — попытку разобраться в пружинах, кот. управляют обвом. Одной из таких пружин является легкая внушаемость безответственности. Безответственность может повернуть управляемого человека в любую сторону, в т. ч. к предельной жестокости. И в историч. драме (**«Женщина, которой не было»** о папессе Иоанне) К. стремится ставить философские вопросы («Может ли человек переделать мир и собственную природу?») и отвечает на них в неожиданно лирич. ключе. Изменять мир, оказывается, легче, чем самого себя.

По пьесам К. поставлено более 380 спектаклей в десятках городов России, СНГ, в зарубежных театрах Польши, Чехии, Германии, США, Индии, Монголии, др. странах. Его тексты переведены на английский (6 пьес), немецкий (4), испанский, чешский (3), польский (3), словацкий (3), румынский, албанский, болгарский (11), хорватский (6), черногорский, русинский, эстонский (4), украинский (6), монгольский (7), турецкий, иврит, якутский, тувинский, аварский и др. яз. Комедии К. играли на сценах МДТ, БДТ, Театре Р. Виктюка и др.

При всей востребованности К. в отношениях совр. театра с драматургией отмечает болезненные явления. Ряд его публицистич. ст. (в ж. «Совр. драматургия», «Балтийские сезоны», «Петерб. театрал. ж.») посвящ. теме классики и ее вульгаризации в театре, теме незаинтересованности большинства театров в совр. репертуаре.

С 2012 К. возглавляет секцию драматургии СП СПб. В марте 2012 по инициативе К. создана Гильдия драматургов СПб. Он избран председателем Гильдии, призванной защищать права драматургов, продвигать их произведения в театр. репертуар.

Соч.: Охота на дракона. М., 1976; Подражающие молниям. М., 1977; Юстус Либих. М., 1980; Настоящий мужчина. Л., 1980; Кто-то должен уйти // Сквозное действие. Л., 1989; Гласность и безгласность // Нева. 1990. № 3; Туалет жены доцента // 22. 1994. № 93; Прелести измены: Сб. Хайфа, 1997; Треугольные булочки // 22. 1999. № 93; Четыре стены

и одна страсть. Хайфа, 2001; Давай займемся сексом // 22. 2002. № 123; Шествие гномов // Совр. драматургия. 2003. № 2; Альфред Нобель — легенды и реальность // Звезда. 2003. № 10; Свидание по средам // Совр. драматургия. 2006. № 3.; Лебединая песня // Балтийские сезоны. 2006. № 14; Нескромные желания // Совр. драматургия. 2008. № 1; Фуршет после премьеры // 22. 2008. № 148; Легкое знакомство // Совр. драматургия. 2010. № 3; Жестокий урок // Балтийские сезоны. 2010. № 20; Комната невесты // Совр. драматургия. 2012. № 1.

Лит.: Голлер Б. Фраза родится на свет // Балтийские сезоны. 2010. № 20.

Е. Соколинский

КРАТТ Иван Фёдорович [17(29). 8.1899, с. Ольшана ныне Сосницкого р-на Черниговской обл., Украина — 19.5.1950, Л-д] — прозаик.

Родился в семье мелкого служащего. После окончания гимназии поступил в Ин-т народного хозяйства в Киеве. Затем служил инструктором в Комиссариате народного образования, культработником в войсках Киевского воен. округа, работал на железной дороге — помощником нач. станции Новгород-Северский.

В 1929 переехал в Л-д, чтобы закончить высшее образование. Печ. с 1930.

Много ездил по Сибирскому Северу и Дальнему Востоку, бывал на Колыме, путешествовал на Алтай, в Ойротию и Хакасию, в Кольскую тундру, плавал по Охотскому и Японскому морях. В результате этих поездок и его путевых наблюдений в моск., лен. и дальневосточных ж-лах начали регулярно появляться его рассказы и повести.

В 1938 вышел сб. колымских рассказов К. **«Моя земля»** и **«Улахан Последний»** (1939), за ними — роман «Золото» (1940), ещё через год — новый сб. **«Дом среди тундры»** (1941). Гл. тема произведений автора: всё о Севере, об инженерах и пограничниках, об оленеводах и учителях.

Участник Великой Отеч. войны. С перв. дней К. вступил в отряд народного ополчения, потом служил рядовым бойцом в войсках Лен. фронта. Рядовому К. была предоставлена возможность в условиях блокады делать нужное дело — писать. За годы войны написал 10 книг, свыше 50 ст. и рассказов, кроме того — истории 2-х воинских частей.

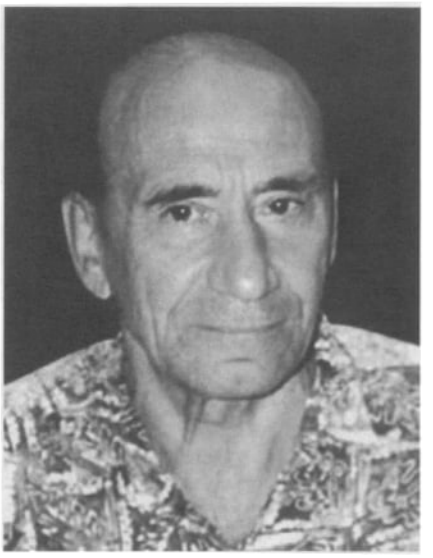
Уже на втором месяце войны, 8 авг. 1941, вышла перв. воен. книжка К. **«Партизаны»**. Из опыта блокадных лет вышла кн. об осаждённом Л-де **«Суровый берег»**, сб. рассказов **«Закон жизни»** (1942) и **«Труженики войны»** (1944).

В 1941–49 написал свою гл. кн. — ист. роман **«Великий океан»** (кн. 1 — **«Остров Баранова»**, 1945; кн. 2 — **«Колония Росс»**, 1950) — об отважных землепроходцах, вышедших в кон. XVII в. на берега Аляски и пытавшихся закрепиться в Северной Калифорнии, где в 1812 было основано русское поселение под назв. «Росс» (т. е. «русский»), нынешний Форт-Росс в штате Калифорния США. Писатель создал колоритный образ А. Баранова, первого правителя русских поселений в Америке.

После выхода из печ. первой кн. в 1946 был избран действ. членом Всесоюзного географич. об-ва АН СССР. Ист. дилогия «Великий океан» была признана самостоятельным научным трудом.

Литературно обработал много произведений эвенкийских и корякских и др. писателей Севера.

КРЕЙД Вадим Прокопьевич (наст. фамилия Крейденков) [10.9.1936, Нерчинск Читинской обл.] — поэт, литературовед.



Предки К. жили в Сибири, отец был экономистом, мать — врачом. Детство провел в Чите, Акмолинске, большую часть — в Казахстане, куда мать приехала, чтобы помочь сестре, кот. выгнали из дому на улицу с детьми как жену «японского шпиона».

В 1954 поступил в ЛГУ на филологич. фак-т, отд. журналистики. В годы учебы познакомился с литераторами Р. Грачёвым, Б. Ивановым, Г. Горбовским, В. Уфляндом, М. Ерёминым, В. Нечаевым, М. Красильниковым, худож. О. Целковым. «Рано понял, что журналист из меня не выйдет, так как пришлось бы сотрудничать с неприемлемым для меня режимом и его идеологией. Настроен был антисоветски, и любая работа в гуманитарной области виделась мне слишком идеологизированной» (К.). Поэтому, уже получив диплом филолога и журналиста, работал подсобником на стройке, рабочим-металлистом на прессе, слесарем на з-де, электриком в почтовом вагоне, электромехаником, рабочим в столовой, плавал на лихтере по сев. рекам и шкипером на шаланде в Финском заливе. Два года работал редактором в музейном изд-ве «Эрмитаж». Редактировал кн. по истории искусства и материальной культуры. Осенью 1964 уволился по собств. желанию из-за изменившихся условий работы. Стал подрабатывать грузчиком на Финляндской товарной ст. Был знаком со мн. поэтами, писателями и художниками лен. андеграунда.

Сов. строй виделся К. беспросветным, поэтому вместе с семьей решил эмигрировать. В нач. 1974 прилетел в Нью-Йорк. Некот. время работал в газ. «Новое русское слово». Затем год преподавал в колледже по врем. контракту. В 1975 получил работу в Калифорнийском ун-те (г. Дэйвис), где одновременно с преподаванием учился в аспирантуре на философском фак-те. В 1978 переехал в г. Монтерей (Калифорния), где преподавал в Ин-те международных отношений (Monterey Institute of International Studies). В 1981 поступил в докторантуру на славянском фак-те Мичиганского ун-та и в 1983 защитил дис. по истории русской литры XX в. Год был без работы, позднее устроился в Гарвардский ун-т. С 1985 работает в Ун-те Айовы (проф. отд. русского яз. и лит-ры).

С 17 лет пишет стихи. Испытал влияние поэзии А. Фета, а также Н. Гумилева, Г. Иванова и А. Кондратьева. Большинство стих. можно отнести к философской и пейзажной лирике, во многих из них присутствуют образы СПб. В США и с 1991-го в России выходили кн. К. — всего около сорока. Из них четыре — сб. стих., одна — сб. поэтич. переводов, др. кн. связаны с историей лит-ры эмиграции или русского Серебряного века. Как историка лит-ры эмиграции и Серебряного века К. более всего привлекают неизв. страницы русской культуры, забытые имена, неопубл. тексты и документы, эпистолярное наследие и мемуары.

Подготовил к печ. кн., посвященные тв-ву Н. Гумилева (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Париж-Нью-Йорк, 1989 (М., 1990); Высоцкий О. Николай Гумилев глазами сына. М., 2004; Образ Гумилева. М., 2004), Г. Иванова (Иванов Г. Третий. Рим: Худож. проза, ст. Тенэфлай (США), 1987; Иванов Г. Несобранное. Орандж (США), 1987; Петербургский период Георгия Иванова. М., 1989; Иванов Г. Книга о последнем царствовании. Орандж, 1990; Иванов Г. Мемуары и рассказы. М., 1992; Иванов Г. СС: В 3 т. Т. 2 и 3. М., 1994), К. Бальмонта (Бальмонт К. Светлый час: Стих. и переводы из пятидесяти книг. М., 1992; Бальмонт К. Где мой дом. Стих., худож. проза, ст., очерки, письма. М., 1992; в т. ч. — Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993), О. Мандельштама (Осип Мандельштам и его время. М., 1995), Г. Адамовича (Адамович Г. Одиночество и свобода. М., 1996), Ю. Айхенвальда (Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994; М., 1998), А. Скалдина (Скалдин А. Странствия и приключения Никодима Старшаго. Орандж, 1989;1990); А. Кондратьева (Кондратьев А. Боги минувших времен. М., 2001; Кондратьев А. Закат. Посмертный сб. стих. Орандж, 1990) и мн. др., в т. ч. — «Словарь поэтов Русского Зарубежья». Подготовил, составил, откомментировал, написал вступит. очерки к антологиям — «Дальние берега» (М., 1994); «Прапамять: Антология русских стихотворений о перевоплощении» (Орандж, 1988), «Источник: Антология русской духовной лирики» (Чикаго, 1989); «Ковчег. Поэзия первой эмиграции» (М., 1991), «Забытый авангард. Кн. 2» (СПб., 1993); «Вернуться в Россию — стихами: 200 поэтов эмиграции» (М., 1995); «Русская поэзия Китая» (М., 2001); «Поэты парижской ноты» (М., 2003) и мн. др.

Член редколлегии альм.-ежегодника «Встречи» и дальневосточного альм. «Рубеж». Состоит в ПЕН-клубе и в «Русской академ. группе в США». В 1995–2005 — гл. ред. «Нового ж.» (Н.-Й.).

Стихи и проза К. печ. в эмигрантских, моск. и петерб. ж., колл. сб. и альм. («Новый ж.», «Грани», «Континент», «Стрелец», «Встречи», «Побережье», «Октябрь», «Нева», «Лепта», «Искусство Л-да», «Петрополь», «Ренессанс», «Большой Вашингтон», «Альманах Поэзия», «Modern Poetry in Translation» и др.). Стихи К. вошли в антологии «Русские поэты на Западе», «У Голубой лагуны», «Строфы века», «Русская поэзия. XX в.» и др. Статьи и рец. К. печ. в ж. «Октябрь», «Юность», «Звезда», «Russian Language Journal», «Слово/Word», «Новый ж.», «Записки Русской академ. группы в США», «Грани», «Черновик», «Лит. курьер», а также в колл. сб. «Studies in Slavic Literatures and Culture» (1988), «Культура Российского Зарубежья» (М., 1985), «Зарубежная Россия 1917–39 гг.» (СПб., 2000) и др.

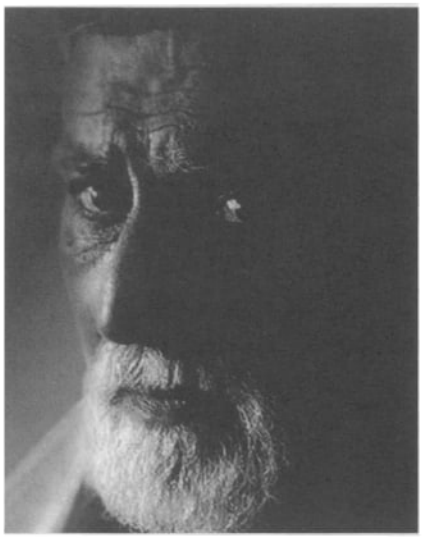
Более 30 ст. К. Напеч. в энц. — «Modern Encyclopaedia of Russian and Soviet Literature», «Dictionary of Russian Women Writers», «Лит. энциклопедия Русского Зарубежья, 1918–40» и др.

Соч.: Стихи // Новый ж. 1974. № 116, 1975. № 119, 1985. № 161; У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 5А; Стихи // Сознайтесь, гражданин Блок: Повесть // Стрелец. 1985. № 8–9; Новый ж. СПб., 1991. № 5; Октябрь. 1991. № 4; 1998. № 5; Восьмигранник: Стихи. NY, 1986; Зеленое окно: Стихи. NY, 1987; Квартал за поворотом: Стихи. Paris–NY, 1991; Петрополь. 1996. № 6, 1997. № 7; Мочульский К. Александр Блок, Андрей Белый, Валерий Брюсов / Сост. В. Крейд. М., 1997; Единорог: Стихи. 1993; Георгий Иванов. М., 2007 (ЖЗЛ).

Лит.: Петрунис С. Вернуться в Россию стихами // Русская мысль. 1987. 28 авг.; А. Т. «Восьмигранник» // Континент. 1987. № 52; Дмитриев В. «Зеленое окно» // Новый ж. 1988. № 172–173; Ткаченко А. Зимний сад Вадима Крейда // Стрелец. 1989. № 3; Радашкевич А. Лицом к лицу // Русская мысль. 1989. 9 июн.; Синкевич В. Петерб. период Г. Иванова — новая книга В. Крейда // Грани. 1990. № 157; Милославский Ю. Ответный благодарный дар // Русская мысль. 1990. 29 июн.; Копейкин А. «Чтоб мою к себе приблизить высь...» // Русская мысль. 1990. 23 март.; Милославский Ю. Появление Александра Кондратьева // Русская мысль. 1991. 3 мая; Шраер М. «Квартал за поворотом» // Новый ж. 1992. № 186; Якимчук Н. К выходу книги Вадима Крейда «Единорог» // Вперед. Царское Село, 1993. 8 апр.; Ильинский О. «Ковчег» // Записки русской академ. группы в США. 1993. Т. 25; Бобышев Д. Возвращение эмигрантского ковчега // Звезда. 1993. № 6; Завалишин В. Выведенный из небытия // Русская жизнь. 1993. 13 март.; Завалишин В. Петербуржец в Париже. В. Крейд о Георгии Иванове // Русская жизнь. 1994. 18 июл.; Синкевич В. Природы званый гость // Побережье. Филадельфия, 1995. № 4; Шведов Е. Двести поэтов русской диаспоры // Смена. СПб., 1995. 29 июл.; Казак В. Вернуться в Россию — стихами // Новый ж. 1996. № 202; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Коган П. Срок годности // НГ Exlibris. 2002. 27 июн.; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

Е. Ошарина

КРЕСТИ́НСКИЙ Александр Алексеевич (псевд. Тим Добрый) [24.5.1928, Л-д — 27.10.2005, Бат-Ям, Израиль; похоронен на христианском кладб. вблизи г. Петах-Тиква] — поэт, прозаик, переводчик.



Родился и вырос в Л-де. Жил и воспитывался в интеллектуальной среде. Отец — китаист, книголюб, работал бухгалтером. Мать — мед. работник. Большинство родственников К. работали в различных вузах Л-да. Родной брат отца Николай Николаевич — секретарь ЦК, нарком финансов, посол в Германии, был арестован в 1937 как враг народа, проходил в судебном процессе по делу Н. Бухарина. Аресту отца помешала его смерть во время блокады. Попали в лагеря и два двоюродных брата К. Живым вернулся только один. Блокада, кот. К. пережил в подростковом возрасте, «не отпускала» его всю жизнь, стала мерилом его отношения к людям и к жизни и не просто одной из осн. тем тв-ва, но и его гражданским долгом перед теми, кто не дожил. Обо всем, что хранили память и сердце, он считал очень важным правдиво рассказать людям и особенно детям послевоен. поколений.

«Помню себя в сочинительстве очень рано»,— пишет К. Свом «детским играм в сочинительство», он не придавал особого значения, но всё же они усиливали его тягу к тв-ву. Занятия были разные: игра в необитаемый остров, откуда они с двоюродным братом пишут друг другу письма, сочинение фантастического романа, выпуск сатирических ж. «Красный перец», «Личное дело седьмого класса», в восьмом классе — перв. стихи о любви (Заметки сочинителя // Искорка. 1988. № 5; То же // Повести и рассказы. Л., 1988). Окончив школу, учился в ЛГУ на философском фак-те (1947–52). В 1951–59 работал в школе учителем лит-ры и истории, пионервожатым, затем — во всероссийском детском ж. «Костёр» (1960–69). С 1958 печ. стихи и прозу для детей в ж. «Костёр», «Искорка», «Пионер», вел поэтич. семинар в ж. «Костер».

Перв. большая творч. работа К. (в соавт. с Э. Голубевой и Э. Кузнецовой) — **«Беседы о русских художниках»** — учебное пособие для учителей и учащихся 8–10-х классов (Л., 1960). Однако К. больше импонирует поэтич. тв-во для детей. Перв. отдельно вышедшее стих. **«Заколдованная девочка»**, напис. совм. с Н. Поляковой (1961). В 1960-е изд. два авторских сб. стихов для детей младшего школьного возраста: **«Железнодорожный перестук»** (М., 1965) и **«Солнце на гвозде»** (Л., 1968). В этих публикациях уже видно мастерство К. как поэта. Свои взгляды на поэтич. тв-во для детей, спустя годы, он выскажет в предисл. к кн. стихов Е. Серовой «Мозаика» (Л., 1981): мастерство поэта — в умении извлечь из обычного необычное; в юморе — умном и лукавом; в воспитании детей, но без занудных поучений, а изящно, с улыбкой; стихи должны легко запоминаться, вызывать желание повторять их вслух; поэзия должна давать радость и возможность поделиться ею с друзьями. Все это отразилось в стихах самого К., а еще ему удалось передать неудержимость детской фантазии, бьющую через край энергию, присущую детям ритмичность движений, образность и парадоксальность детского мышления, в его стихах ярко выражено игровое начало, и этим они привлекательны для малышей.

В кон. 1960-х появляется перв. прозаич. произведение К. для детей — повесть **«Туся»** для детей младшего возраста (Л., 1969), в кот. автор пишет о своем довоен. детстве. Всё, что происходит в жизни героя повести Туси Пряникова дома, во дворе, в школе, есть в жизни каждого мальчишки и сегодня, тем это интереснее читать, ведь герой учится на своих ошибках, незаметно взрослея. Повесть имела успех, и вслед за ней появляются новые произведения: повесть **«Маленький Петров и капитан Колодкин»** (Л., 1971), **«Жизнь и мечты Ивана Моторихина»** (Л., 1974) и **«Повести и рассказы»** (Л., 1974). Напис. шутливая повесть **«Штибле-ты для дедушки»**, рассказы **«Гном»**, **«Довоенные мои игры»**, **«Далеким знойным летом»**, **«Буран»** и др. Печальным рефреном во многих произведениях для детей, усиливающим их эмоциональное и нравственное воздействие, звучит тема войны и блокады.

Особняком стоят в жизни и тв-ве К. две наиболее значительные работы о блокаде для детей: альбом **«Рисуют дети блокады»**, подгот. вместе с женой (Л., 1969; переизд:. СПб., 1993) и сб. **«Мальчики из блокады»** с повестью **«А потом началась война»** и неск. рассказами (Л., 1983). Альбом, вспоминает К., «взял» у нас с женой 7–8 лет жизни», «это был добросовестный журналистский труд, труд поисковиков, собирателей. И эту свою работу мы выполнили тогда честно». Редакция изд-ва «Аврора» забраковала его, считая, что в нем слишком много мрачного. Лишь вмешательство К. Чуковского спасло альбом. 2 марта 1968 он пишет из Переделкино директору изд-ва Б. Пидемскому: «Мне, коренному ленинградцу, не совсем равнодушному к детям, книга эта кажется превосходной». Альбом выходит тиражом всего15 тысяч экз. Более двадцати лет авторы добиваются переизд. альбома, наталкиваясь на «прочные стены бюрократических отказов». Повесть «А потом началась война», написанная «с лёту», как вспоминает автор, годами отлёживалась, обрастала всё новыми подробностями, отступлениями. «Чем дальше уходит от нас время, тем невероятнее представляется всё то, что пережил город и мы вместе с ним. Это фантастика. Этого не могло быть, однако это было», — пишет К. Сказочные персонажи повести — Матрос, Кавалер и Девочка, мальчик, от лица кот. ведется рассказ, игры и истории, которые разыгрывает мальчик с этими персонажами в придуманном им кукольном театре, реакции зрителей-детей — всё это прелюдия к тому, что случится потом. На войну уходят Матрос и Кавалер, Девочка и дети остаются в осажденном городе, почти рядом с линией фронта. Романтическая сказка теперь переплетается с трагической былью. «Сказка — меч-

та — высокая идея — вера в добро — вот что помогает выжить, вырваться, остаться человеком в нечеловеческих условиях», — пишет К. Петерб. детский поэт и писатель С. Махотин, говоря о детских писателях старшего поколения (Р. Погодин, Н. Внуков, Н. Сладков), «чье творчество остается современным и по сей день, на чьи нравственные ориентиры хочется равняться», называет среди них и К., считая, что проза его «никем не оценена по достоинству». Об этом же пишет поэт М. Вейцман, отмечая, что К. — «один из самых талантливых и светлых людей, кот. я когда-либо знал».

В 1990-е К. пишет лит.-критич. и мемуарные ст. о петерб. поэтах и писателях Е. Серовой, О. Григорьеве, А. Шибаеве, Л. Пантелееве для сб. «О лит-ре для детей» (Вып. 32, 33. Л., 1989. 1991), о М. Дудине в сб. воспоминаний «Будьте, пожалуйста!» (СПб., 1995), предисл. к сб. стихов безвременно ушедшей поэтессы Н. Карповой «Разлук и встреч печаль и радость» (СПб., 1996). В ж. «Звезда», «Нева», «Аврора» часто появляются его стихи. В эти годы выходят сразу три сб. стихов К. для взрослых: **«Отзовется душа»** (Л., 1990), **«Тихий рокер»** (СПб., 1993), **«Нищие неба»** (СПб., 1997). Стихи К. для взрослых — философская лирика, пришедшаяся на переломный период в жизни нашей страны и России. Поэзия К. 1990-х — не просто раздумья нашего современника, это реакция обнаженного нерва души на болевые точки в жизни страны и народа.

В перв. сб. — «Отзовётся душа» — включены стихи, напис. в разное время и объединенные в циклы: «И ветер летит над столетьем — гонцовый», «Никто не мог, но музыка могла», «А дерево стоит и думает о нас...». Здесь пронзительные стихи о прошлом и настоящем, блокадные воспоминания, стихи о близких (**«Засон (Городская баллада)»**, **«Ягодная баллада»**, **«Стихи об отце»**, **«Больница Мечникова»** и др.). Сегодня много уже написано и о хлебе, и о роли искусства в ту блокадную зиму, но так, как у К., — болезненно, ярко, с такой силой обобщения, — не написано никем: «Холст будет распорот / С такой оглушительной силой, / Как если бы небо упало. / Ты крикнуть захочешь, / Но крик в твоем горле застрянет / Колючею рыбой...» (**«Венера Джорджоне»**). Боль и недоумение звучат в блокадных стихах: война кончилась, «...но над городами / пропитан воздух весь очередями...» (**«Очередь»**). Знаковым является стих. о сумасшедшем старике, пристающем ко всем: «"Напишите. Прошу Вас, Ему напишите! / Я бы сам написал, да не вижу буквы. / Пусть он знает, посреди какого кошмара... / Не забудьте, моя фамилия Будкер..." — / "Но кому?" — / "Президенту Земного Шара!" / Мы стояли на почте, нелепая, странная / пара. / Пять минут. А казалось, протикали сутки. / Я прочел ему вслух: / "Президенту Земного шара. / Мне очень плохо. Очень плохо. Будкер". / Он смотрел на меня, / как смотрят / на блудного сына, / Что вернулся домой из странствий своих / бездарных. / Он качал головой, и на ней шевелились / седины. / И стояли в глазах две слезы, две сестры / благодарных» (**«Встреча на почте»**). В сб. «Тихий рокер» К. продолжает разговор с читателем о стране, где «произошло одно длинное-длинное короткое замыкание» (**«Тихий рокер: Попытка поэмы»**), о земле, где в самом глухом, «...в Богом забытом месте, / Взяв на анализ почву, выявишь вирус чести...» (**«Обрыв ленты»**), о России: «Неоконченною фразою / Ты с поэтами прощаешься, Россия» (**«Гей вы, птицы перелетные...»**). Сб. «Нищие неба» со стихами за 1992–97 — одна из посл. работ К. Это еще одна попытка разобраться в нашем накренившемся мире, в кот. поэт видит в осн. черные краски, обращение к Богу: «Умилосердись. Уравновесь белые и черные дни» (**«Псалом 89. Время»**). Сб. вышел в преддверии тяжелой болезни, отнявшей у поэта два года.

В 2000 К. эмигрирует в Израиль. Вначале новая жизнь, впечатления активизируют его тв-во, хотя и чувствует он себя там «человеком со стороны» (**«В продолжение спора»**). Он остается русским, с собств. памятью и мироощущением: здесь «пахнет не морем — здесь пахнет Россией», «Внезапно пахнуло ромашковым зельем — / Рязанским, воронежским, псковским весельем!» (сб. стихов **«Дорога на Яффо»**. 2001). Сотрудничает в «Иерусалимском ж.», пишет цикл стихов **«Под покровом Еврейского неба»**. Его принимают в СП Израиля.

Соч.: Заколдованная девочка / В соавт. с Н. Поляковой. Л., 1961; Железнодорожный перестук. М., 1965; Солнце на гвозде. Л., 1968; Рисуют дети блокады: Альбом / В соавт. Э. Голубевой. Л., 1969; Туся: Повесть. Л., 1969; Маленький Петров и капитан Колодкин: Повесть. Л., 1971; Жизнь и мечты Ивана Моторихина: Повести и рассказы. Л., 1974; Повести и рассказы. Л., 1974; Белые звезды: Рассказы. Л., 1976; Катино лето: Рассказы. Л., 1977; Мы живём не по часам. Л., 1978; Мальчики из блокады: Рассказы и повесть. Л., 1983; Память, воображение, книга // О лит-ре для детей. Л., 1985. Вып. 28; Рябина над полем: Поэма. Л., 1986; Отзовётся душа. Л., 1990; Старые дети блокады // Искусство Л-да. 1991. № 6; Тихий рокер. СПб., 1993; Ведро супа на четверых // Голоса из блокады: Лен. писатели в осажденном городе (1941–44). СПб., 1996; Нищие неба. СПб., 1997; В Оптину — за правдой (Рассказ грешника) // Рассказы о православных святых / Под ред. В. Воскобойникова. СПб., 2003.

Лит.: Крестинский Александр Алексеевич // Писатели Л-да: Биобиблиогр. справочник. Л., 1982; Махотин С. «...Невостребованность при одновременном дефиците» // Детская лит-ра. 1998. № 2; Александр Алексеевич Крестинский // Мир Петерб. детской книги. Авторы. Переводчики. Художники: Творч. биографии. СПб., 2000; Рубашкин А. В Доме Зингера и вокруг него: Воспоминания. Портреты. Письма. СПб., 2003; Никольский Б. «Белки в колесе» // Нева. 2005. № 12; Вейцман М. Вст. слово к рассказу К. «Братья» // Нева. 2006. № 5; Вейцман М. Грустно-весёлый, детско-взрослый // Иерусалимский ж. 2006. № 22; Рубашкин А. Последнее письмо // Звезда. 2006. № 3; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник. СПб., 2013.

Е. Томашева

КРЁЧЕТОВ Виктор Николаевич [17.6.1942, с. Ракша Ракшинского р-на Тамбовской обл.] — прозаик, поэт, критик.

Родился в крестьянской семье. Отец после тяжелого ранения был мобилизован на трудовой фронт, где погиб в 1947, К. воспитывался матерью. Детство и отрочество прошли в с. Веселое Тамбовской обл. Рано познал крестьянский труд. В 1957 К. уехал в Челябинск, где закончил строительное училище, работал плотником на предприятиях города, резчиком по металлу, рабочим сцены

в Челябинском театре оперы и балета. Одновременно учился в веч. школе, занимался в драм. студии. С этого времени начал писать стихи, короткие рассказы, рисовать. Увлекся М. Горьким, пытался «ходить по Руси» (в пределах Тамбовской обл.).

Перв. публикация появилась в 1961 в Челябинске (газ. «Голос строителя»). Тогда же состоялась встреча с поэтом Б. Ручьевым. С 1963 по 1968 К. учился на философском фак-те ЛГУ. Некот. время посещал ЛИТО при ж. «Нева», кот. рук. Вс. Рождественский и Д. Остров, оказавший влияние на раннее тв-во К. В студенч. годы, помимо философии, основательно изучил русскую лит-ру и искусство кон. XIX — нач. XX вв. Увлекся авангардом, стремясь найти свои формы отражения действительности. Примыкал к движению нонконформизма. После окончания ун-та К. преподавал в вузах города философию и эстетику, работал ред. на телевидении, в «Детгизе», др. изд-вах.

Перв. рассказ «Дождь» К. опубл. в газ. ЛЭТИ «Электрик» 4 апр. 1969. В 1970-е — нач. 1980-х печ. рец. в газ. «Веч. Л-д» и «Смена». Рассказы и стихи публ. в ежегоднике «Молодой Л-д», сб. «Глобус», «Истоки», «Точка опоры» и др. Были замечены критикой. С. Воронин писал: «Вроде бы рассказы и просты по содержанию, но написаны они так, что, читая, не можешь остаться равнодушным, задумываешься, приобщаешься к происходящему, страдаешь. А это и есть то главное, ради чего существует литература».

В нач. 1980-х получил известность как лит. критик, чьи статьи и кн. об актуальных проблемах текущей литры («**Это имя твое**», 1983; «**Верность выбора**», 1986) нашли широкий отклик. В 1989 принят в СП СССР (позже СП России). С 1990 по 1993 исполнял обязанности отв. секретаря Лен. обл. писательской организации.

Начиная с 1989 опубл. 6 сб. прозы: «**О любви**» (1989), «**Камни со дна реки**» (1990), «**Тайны любви**» (1991), «**Солнечный сентябрь**» (1998), «**Малышка-медуза**» (2000), «**Избранное. Проза. Стихи**» (2001). Признанный мастер короткого рассказа.

Ранние рассказы писателя, составившие цикл «**Домовой**», почти целиком вошли в сб. «**Тайны любви**». Они напис. по воспоминаниям детства. Им присущи жесткость, порой жестокость, отличающая «деревенскую прозу» К. от той, какую создали мастера старшего поколения. Большинство рассказов К. посвящ. людям необычных судеб, увлечений, пристрастий. Один из рецензентов назвал их «малохольными». «Изведенные бесконечным самораскопом, герои Кречетова очень пугливы; они боятся мешающих отдаться чувствам химер» (С. Балуев) Таковыми химерами оказываются ночной крик птички («**Крик совы**»), гроза, пугающая детей и лошадку («**Маленькая история одной любви**»). Это незлобивые люди, вроде матери-одиночки Марии, работающей в книжном магазине и мечтающей о том, что грузин Вано увезет ее в персиковый сад на Кавказ, где есть самая большая гора («**Персиковые сады**»), или обремененный семейными заботами Евгений Федорович, грезящий о девчонке, подарившей ему в детстве цветочек («**Прекрасная незнакомка**»), незадачливый актер Генка Голосуев («**Большая роль**»). «Хочется крикнуть углубленным в свои малохольные метания героям, чтоб вокруг все же услышали: люди, перестаньте <...> веровать в разную ахинею, живите вы наконец сами» (Там же).

Критики называют К. писателем-новатором, занятым поиском новых выразительных средств «малого жанра». Он «удивляет и очаровывает читателя хитросплетением сюжета, ведя повествование на самой грани достоверности <...> в этой „пограничности" правды и вымысла — особая черта таланта» (А. Беззубцев-Кондаков. Символика судьбы). А. Рощин увидел в «литературных импровизациях» К. «тонкое слияние настоянной, как травяной взвар, глубинной России <...> с западной литературой „потока сознания", порождающих сложную мозаичность образов, присущую только Кречетову-писателю, и какую-то „византийскую" словесную вязь <...> Писатель открыл в этом свой собственный литературный мир и свою собственную манеру. Его текстура предстала то ясной и чистой, передающей характеры в их „нагой" и чувственной прелести, то затуманенной, как морозное стекло, за которым угадывались картины, полные лирической грусти прерафаэлитов» (Лит. Петербург. 2001. № 5). Давно наблюдающий за тв-вом К. Пантелеймонов заметил, что проза его «представляет необычный сплав традиционной русской прозы с авангардистскими поисками. Техническая оснащенность писателя удивительна <...> Он сумел создать свой мир, особый мир, при этом не выдуманный, а реально существующий. У него нередки романтические ситуации, необычные характеры, люди с каким-то художественным изломом. В его рассказах порой можно почувствовать некоторую духовную преемственность с тем умонастроением, какое было характерно для таких разных писателей, как Иван Бунин, Леонид Андреев и Петер Альтенберг» (Н. Пантелеймонов. Многогранный талант).

В необычных по построению рассказах К. отражена мозаичность, импрессионистич. текучесть мира, передаваемая акварельными мазками, тонкими штрихами. В них всегда неожиданный, новеллистич. финал, «подсвечивающий» все содержание. К. уходит от соц. и полит. вопросов, старается доверять своему впечатлению и им поверять правду о событии. Гл. черты прозы К., по опред. С. Воронина, автора предисл. к сб. «**Солнечный сентябрь**», куда вошли лучшие рассказы писателя,— «таинство и лаконизм». Судьбы героев К. таинственно предопределяются предметами (картины, фотографии, рисунки), вещими снами, видениями, преследующими героев и воскрешающими в их сознании события забытого прошлого, порой самые незаметные. Они-то и оказываются роковыми зна-

ками-символами человеческой судьбы. Таинство ее и стремится постичь писатель. В рассказе **«Розовый день в Крыму»** герой обретает новые ориентиры в жизни благодаря увиденной им картине — крымскому этюду. Рисунок жены — редкий цветок амариллиса — помогает супругам преодолеть отчуждение и непонимание (**«Амариллисы»**). Ученый-генетик, едущий в купе поезда на юг, нечаянно разбивает семейное счастье молодой пары — Василия и Алены. Выясняется обман (Василий догадывается об измене жены — он воспитывает не своего ребенка) (**«Генетика»**).

Человек в прозе К. не волен распоряжаться своей судьбой. Она во власти случая, загадочных обстоятельств. Решается порой отзвуком внезапно вторгшегося через сон, воспоминание далекого события. Во мн. рассказах присутствует тема рока. Так, в рассказе **«Феникс»** озорной поступок подростка, поджегшего стог сена и сквозь пламя прыгнувшего «с каким-то отчаянно торжественным криком „Я — Феникс!"», таинственно повлиял на его судьбу (он погиб нелепо, как нелепо жил). Сходная ситуация в рассказе **«Сапсан»**.

Значительная часть рассказов К. посвящ. теме любви, в раскрытии кот. он весьма своеобразен и стоит особняком в совр. лит-ре. В его рассказах любовь роковым образом влияет на судьбы героев. Пытаясь постичь тайну этой могучей, загадочной стихии, К. моделирует порой невероятные, фантастич. (на грани сюрреализма) ситуации, которые трудно отыскать в обыденной жизни. Действие происходит словно во сне (**«Запах вереска»**, **«В лодке»**). Поступки героев, находящихся во власти любовной стихии, ломающей их жизни, невозможно объяснить логически. «Пряный аромат чувственности, явственно различимый в этих рассказах, голос свободолюбивых сердец — вот то, что помогает нам понять этих героев <...> Нестандартный и довольно свободный подход к теме, к общепринятым нормам морали ставит автора в ряд искателей новых путей в литературе. Он отстаивает индивидуальное бытие человека в обществе, бытие, которое обретается в сложном взаимодействии интеллекта и эмоций» (Лит. современник. 1991. № 3). При всей загадочности развития событий в рассказах К. чувствуется красота и трепетность жизни. О специфике худож. решения любовной темы Г. Муриков в рец. на сб. **«Избранное»** писал: «Любовь, особенно физическая страсть, постоянно, совсем по-пушкински, сопряжена у Кречетова с угрозой кары, безумия, смерти. И хотя перед нами не „Египетские ночи", но принцип единства смерти и любви остается неизменным. Все живое любит и погибает»» (Лит. Петербург. 2001. № 13).

К. известен как поэт, «достойный наследник Тютчева» (А. Ахматов. Дворцовый садовник). В 1998 вышла перв. его книга стихов **«Мой сад»** (избр.), состоящая из 3 разделов, запечатлевшая вехи творч. эволюции поэта, совершавшейся под знаком движения от бунтарского авангарда к классич. традиции русской поэзии.

В разделе «Пифизмы» собраны ранние (авангардистские) стихи. Зрелые стихи представлены в разделах «Сны», «Два цветка». Поздний К.— поэт религиозно-философского мировосприятия. Осн. мотивы его лирики — любовь, жизнь и смерть, красота и непостижимость мира. Лирич. герой К., восторгающийся красотой природы, ее гармонией («И вижу, подчинясь наитью, / В извивах трепетных листа / Судеб неведомые нити / И мудрость Божьего перста») (**«Пробуждение»**, 1978) страшится мысли о смерти, посещающей его: «Как светлый дар господний день приемлю / Траву любя, леса и облака, / Когда они, бросая тень на землю, / Плывут, как лебеди, белее молока. / И только мысль о бытии ином / Смутит порой распахнутую душу...» (**«Как светлый дар господний день приемлю...»**, 1995). Смерть воспринимается лирическим героем, обладающим философским знанием о мире, как предопределение свыше: «Кто может знать наверняка, / Умрет душа или бессмертна / Она скитается века — / Судьбе подвластна и инертна? / И если так, то почему / Страшится смерти человек? / О чем жалеть тогда ему, / Коль путь его Господь предрек». Происходит примирение героя с действительностью, что становится залогом сердечного покоя. Мотив поиска и обретения покоя — один из осн. в лирике К.

Чувство душевного равновесия поэт обретает и в тв-ве, задумываясь о том, что такое слово, поэзия, в чем предназначение поэта и поэзии. Несмотря на заверение «Я пушкинской строки не напишу», служение Музе он воспринимает как долг: «Живу строкой, строкой дышу / И нахожу / Великую отраду / При мысли, что случайная душа / И мне, быть может, сердцем отзовется». В стих. «Не просто жить средь этой кутерьмы...» (1997) поэт скажет: «И, может быть, за то, что сквозь потемки / Я честно нес словесные вериги, / Произнесут когда-нибудь потомки, / Что жизнь моя была достойна книги».

Важное место в поэзии К. занимает любовная лирика. Лучшие стихи — **«Желание»** (1993), **«Чтоб наши души в жизни повстречались...»** (1994), **«Как двум пловцам в безбрежном океане...»** (1994). «Они выявляют сущность его натуры: и в любви, как и в Боге, он стремится обрести нечто твердое, неколебимое, можно сказать, предопределенное» (Пантелеймонов Н. «Когда весь мир с тобой наедине...» // Лит. Петербург. 1998. № 1).

Во мн. стихах К. слышится эхо тютчевской традиции: «И сих царей умолкли имена, / Гласят о них лишь камни гробовые. / И грозные истлели знамена, / Вещавшие в минуты роковые» (**«Вестминстерское аббатство»**, 1996). «Вам не понять российской смутной воли / И наших бед последнего витка, / А мы страдаем до последней боли, / Вникая в суть вселенскую цветка» (**«Западу»**, 1991). В этом же ряду — **«Бывают дни такие у природы...»** (1991), **«Когда весь мир с тобой наедине»** (1995), **«Поэт»** (1991) и др.

Втор. сб. стихов К. **«Я снился бабочкой себе»** (2000) подтвердил верность поэта своим нравственным ориентирам. Программно для К. звучит стих. **«На мой уход ничто не отзовется...»** (1994): «На мой уход ничто не отзовется, / И на заре невиданного дня / Беспечный мир, как прежде, улыбнется, / Но в нем не будет места для меня / <..> Посеюсь маком, расцвету сиренью, / И протеку таинственным ручьем, / И уподоблюсь ангельскому пенью, / Но только знать не буду я о том». Мн. стихи сб. выявляют новые качества поздней лирики поэта: рефлексию, пессимизм: «С младых ногтей пытался я понять / Что значит жизнь и кто ее создатель? / Пытливой мыслью

был готов принять / И божий гнев, и светлой благодати. / Но жизнь прошла, и что она была — / Постичь не удалось мне ни на йоту. / Как облако над полем проплыла / Счастливый дар немому идиоту» (**«С младых ногтей пытался я понять...»**, 1999).

Сб. стихов **«Голоса и лица. Стихи разных лет»** (2004) и **«С солнцем в груди»** (2013) дают достаточно полное представление о К.-поэте.

В кн. **«Яйцо Леды»** (2003) собраны статьи, рец., воспоминания о лит. и худож. жизни Л-да-СПб., напис. К. в 1975–2002, лит. портреты писателей-современников, заметки по общим вопросам искусства.

Широкую известность К. приобрел и как педагог, мн. годы возглавляющий детско-юношеский лит. клуб «Дерзание» при СПб. городском Дворце творчества юных.

Соч.: Это имя твое: Сб. статей. М., 1983; Верность выбора: Сб. статей. М., 1986; О любви: Рассказы. Л., 1989; Камни со дна реки: Рассказы. Л., 1990; Тайны любви: Рассказы. Л., 1991; Мой сад: Стих. СПб., 1996; Солнечный сентябрь: Рассказы. СПб., 1998; Я снился бабочкой себе...: Стих. СПб., 2000; Малышка-медуза: Рассказы. СПб., 2000; Избр.: Стихи и проза. СПб., 2001; Яйцо Леды. СПб., 2003; Голоса и лица: Стихи разных лет. СПб., 2004; С солнцем в груди: Стихи. СПб., 2013; Выплывший из реки времен: Автобиографич. повесть // Другие люди. 2013. № 15–16; Книга снов: Стихотворения, рассказы, воспоминания. СПб., 2014.

Лит.: Балуев С. Любовные секреты // Примечания. Вып. 1. Л., 1990; Пантелеймонов Н. Еще раз о любви // Лит. вестник. 1991. № 3; Беззубцев-Кондаков А. Виктор Кречетов // Императорская муза. СПб., 1996; Беззубцев-Кондаков А. Светлый дар // Музы на Фонтанке. СПб., 1998. Вып. 5; Морозов Г. Пройдут свиданья и разлуки // Там же. Вып. 6. СПб., 1998; Коняев Н. Совр. несовременность // Морская газ. 1999. 9 нояб.; Солохин Н. Новая книга В. Кречетова: О сб. «Солнечный сентябрь» // Новый Петербург. 2000. 20 янв.; Беззубцев-Кондаков А. Символика судьбы // Музы на Фонтанке. 2000. Вып. 7. СПб., 2000; Муриков Г. Отражения // Лит. Петербург. 2001. № 3; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; С солнцем в груди: Стихи. СПб., 2013; Выплывший из реки времен: Автобиографич. повесть // Другие люди. 2013. № 15–16; Книга снов: Стихотворения, рассказы, воспоминания. СПб., 2014.

В. Запевалов

КРИ́ВИЧ Валентин (наст. имя — Анненский Валентин Иннокентьевич) [20.6.(2.7)1880, с. Слепцово Смоленской губ. — 31.3.1936, Детское Село] — поэт, мемуарист.

Отец — Иннокентий Федорович Анненский — поэт, переводчик, филолог, педагог, мать — Дина (Надежда) Валентиновна, урожд. Сливицкая (1841–1917). Среднее образование получил в царскосельской Николаевской гимназии. С 1899 учился на юридич. фак-те СПб. ун-та, кот. закончил в 1903. К этому вр. относятся перв. лит. опыты, кот. появляются в «Лит.-худож. сборнике» Петерб. ун-та под псевд. Валентин Кривич.

После окончания ун-та работал в управлении Министерства путей сообщения. В 1905 женился на Наталье Владимировне фон Штейн (1885–1975), сестре поэта, переводчика и критика Сергея фон Штейна. По воспоминаниям современников, дом молодой четы в Царском Селе стал местом лит. вечеров, где бывали А. Горенко (Ахматова) и Н. Гумилев, с кот. К. был дружен. К. посвящ. стих. Гумилева «Северный раджа»: «Но, сына царского, на север / Его таинственно влечет: / Он хочет в поле видеть клевер, / В сосновых рощах желтый мед». С 1909 К. ведет работу над архивом отца и занимается публикацией его поэтич. наследия. В 1923 издал сб. стих. отца «Посмертные стихи». В 1920–30 работал в редакциях ведомственных газ., иногда печ. стихи, в основном детские (**«Красные ребята»**). Посл. годы жизни провел в бедности, умер от туберкулеза.

Творч. наследие К. включает стихи, рассказы, критич. и библиогр. очерки и заметки, публиковавшиеся в ж. «Всемирный вестник», «Вестник Европы», «Аполлон», «Нива» и др.

Наибольший интерес представляет единственный поэтич. сб. **«Цветотравы»**, вышедший в 1912 в моск. изд-ве В. Португалова «Порывы» с посвящением: «Светлой памяти ушедшего отца моего». Один из немногочисленных откликов на сб. принадлежал отцу К.: «У Бунина есть страстный, исключительный поклонник — Валентин Кривич. Только этот младший любит удушливый и даже грозовой колорит пейзажа» (И. Анненский, «О современном лиризме»). Краткую характеристику творч. личности К. оставил Э. Голлербах: «...в Анненском-К. прочно связались в единое целое хорошие литературные традиции, сокрушительное острословие, "вечера Случевского" и ранний "Аполлон"».

По идейному содержанию и поэтологич. особенностям сб. создан в духе символизма, отд. образами и худож. деталями перекликаясь с ранними стих. Гумилева и Блока. Своеобразный ключ к пониманию скрыт в назв.: «Цветотравы» — образ, несущий идею нерасчлененного создания, некоего единства (и цветы, и травы одновременно), как бы двоящегося в сознании (не то цветы, не то травы), при этом с поступательно нисходящей градацией. Эти семантич. компоненты образа становятся лейтмотивами сб.: мотив связи, единства явлений и предметов окружающего мира («молились *и* страдали», «*и* кто-то нам сказал <...> *И* день вставал <...> *И* кто-то шепотом спросил <...> *и* не было ответа» (**«Обреченные»**); «здесь тишина *и* старина», «*И* жутким снам...», «*И* манят белые дороги», «нахмуренный *и* строгий», «*И* словно навек тени...», «цвела *и* отцвела» (**«Дома»**) и т. п.); мотив завершения / умирания / постепенного отсутствия («дождик моросил в дрожащем умираньи лета», «жизни выцветший ковер», «но захлопнуты страницы / Старой повести давно» и др.). Поэтич. влияние на данный сб. оказала поэзия И. Анненского —

в комплексе сходных мотивов и образов, формирующих особый эмоциональный колорит. Так, здесь тоже преобладают мотивы зыбкости, смутности, незавершенности и невозвратимости, текучести и неустойчивости. Лирич. герою К. свойственно обостренное внимание к нюансам и оттенкам — как своего состояния, так и окружающего мира, боязнь и тревожное ожидание будущего, кот. обыкновенно находится в тени прошлого. Характерно преобладание эмоционально окрашенных пассивных состояний над активными действиями, статики над динамикой. Сфера действия лирического «я» — рефлексия и сенсорное восприятие окружающей реальности: «ищу я себе оправдания», «я верю опять», «я плачу» и т. п. С точки зрения поэтики продолжает традиции символизма, но дополняет их образными рядами, выдержанными в духе традиционной оппозиции «земное» // «небесное», «реальность» // «мечта».

Поэзия К. не получила широкого признания, исключением является стих. **«Наши встречи»**, кот. исполнялось А. Вертинским.

Прозаич. тв-во К. представлено г.о. мемуарами и публицистикой. Гл. задача поэта — создать мемуаристику, посвящ. жизни отца — не была реализована. В 1925 опубл. кн. **«Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным мат-лам»**, охватывавшая жизнь семьи до переезда в Царское (Детское) Село. В сохранившихся записях К. обозначен трехчастный план: «I. 1-й петерб<ургский>, киевский и 2-й петерб<ургский> периоды. <...> II. Детское Село. Время высшего напряжения творческой воли. <...> III. Те цельные вещи Анненского, кот<орые> по характеру своему должны быть напечатаны отдельно». Части книги были изд. А. Лавровым и Р. Тименчиком под назв. **«Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминаний сына»** (1983). Особую известность приобрел рассказ К. о смерти отца, отличающийся особой художественностью и героико-трагич. пафосом: «Анненский упал у самого подъезда Царскосельского (ныне Витебского) вокзала, скончавшись от паралича сердца. В половине восьмого вечера. В день смерти он получил долгожданную и желаемую отставку...».

Среди теоретико-критич. работ наибольший интерес представляет ст. **«Русская беллетристика»** (Аполлон. 1909. № 1).

В наст. время наиболее полное собр. рукописей К. (стихотворения, повести, рассказы, пьесы; письма; статьи; автобиография 1927) находится в РГАЛИ (М.).

Соч.: Цветотравы. М., 1912; Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам. Пг., 1925; Царское Село в поэзии: Антология. СПб., 1999.

Лит.: Анненский И. Книги отражений. М., 1979; Голлербах Э. Город муз. Царское Село в поэзии. СПб., 1993; Лавров А., Тименчик Р. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях. М., 1983.

М. Бурая

КРИВОШЕ́ЕВ Владимир Степанович [8.4.1946, Махачкала] — поэт.

Отец — преподаватель философии, мать — врач-микробиолог. Окончил муз. школу при Лен. консерватории, затем философский фак-т ЛГУ. Работал в муз. школе во Всеволожске Лен. обл., некот. время — в биб-ке ЛГУ. После службы в армии руководил вокально-инструментальным ансамблем Металлического з-да, заведовал клубом совхоза «Пригородный», более двадцати лет играет в ресторанах.

Со школьных лет пишет стихи. Посещал ЛИТО при газ. «Смена» (рук. Г. Гоппе) и при Доме писателей им. Маяковского (рук. Гл. Семенов). Познакомился с Т. Буковской, В. Мишиным, В. Кривулиным, К. Кузьминским и др. литераторами.

В 1967 К. вместе с Кривулиным и Буковской создал «Школу конкретной поэзии». Кривулин признавал в нем единственного последовательного поэта-конкретиста: «Его стихи предметны, вещественны, и в этом смысле антиромантичны. Само время в них вещественно и осязаемо, оно есть такая же рядовая вещь, как милые предметы быта, разметанные вокруг поэта в чудесном, идиллическом беспорядке. Они не прикованы к какому-либо определенному времени или месту. Они праздничны, хотя порождены скучной, бессобытийной эпохой, уставшей подчинять своей воле пространства и времена». Стихи К. были напечатаны в сб. «Лепта» (1975), в антологиях «Острова» (1982) и «У Голубой лагуны» (куда вошли стих. **«Клопики»**, **«Люблю идиллию старинных тех времен...»**). К. Кузьминский вспоминает в своей антологии: «...в углу сидел скромный, высокий, юный и круглолицый, Володя Кривошеев, <...> студент, вроде, филфака, откуда-то из провинции. <...> был он, несомненно, талантлив <...> Сражали меня и сражают — две <его> строчки, образ: "Я выращиваю в банке / Малосольный огурец". Выращиваю! Так мог сказать только поэт — тут и чайный гриб, простор ассоциаций, быт, комфорт, клопы. И еще <...> вспомнил пару блестящих кусков из стихотворения о Петергофе: "Люблю мелодию старинных вечеров, / Когда горят в садах витые свечи, / И менуэт на плюшевой траве / Танцуют пары в воздухе своем... (Середины не помню, но конец!) ...Так собачонка в брошенной карете / Отрывки "Реквиема" воет наизусть". Если это не стихи — то я не знаю, что такое стихи...». Позже К. посвятил автору антологии стих. **«Волшебный Константинович Кузьминский!»**.

В 1990-е после десятилетнего перерыва вернулся к поэтич. тв-ву. Публикует стихи в ж. «Знамя» и др. В 1999 выпустил сб. **«Дом культуры»** (изд-во «Формика»), в раздел кот. «Воскресное шитьё» вошли стихи 1965–90. Среди них стих. **«Кто я, зачем я?..»**, **«Полночь»**, **«Трудовое утро»**, **«Туда, где мельник с мельничихой...»**, **«Осень»**, **«Из жизни поэта»**, **«В лесу, где тайно пахнет лесом...»**, **«Живи без времени, без времени живи...»** и др.

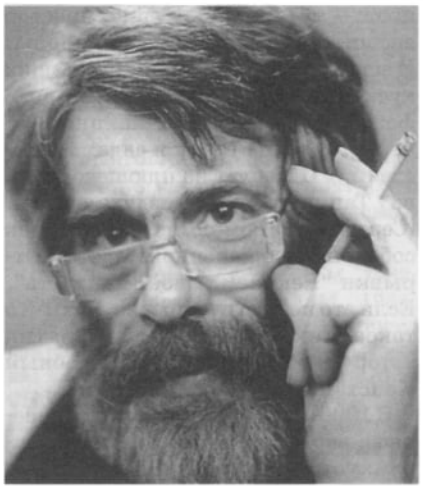
Подборка иронич. стих., посвящ. В. Кривулину, напеч. в перв. выпуске газ. «АКТ: Лит. самиздат».

Соч.: Стихи // Острова: Антол. Л., 1982; Стихи // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 4Б; Артист ночной: Стихи // Знамя. 1996. № 10; Хмельные прогулки с старушкой и без: Стихи // Знамя. 1997. № 12; Открытие фонтанов: Стихи // Знамя. 2000. № 6; Дом культуры / Предисл. автора; послесл. В. Кривулина. СПб., 1999; Стихи // Знамя–плюс. 1997/98; Стихи про Кривулина и про меня // АКТ: Лит. самиздат. № 1 (дек. 2000 — янв. 2001); Стихи // Актуальная поэзия на Пушкинской–10: Антол. / Сост. Т. Буковская, В. Мишин, В. Земских. Киев, 2009; Стихи // Русские стихи. 1950–2000 гг. Т. 2. СПб., 2010; Стихи // Петербург. 20 лет:

Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012.

Лит.: Кривулин В. Дивертисмент на выходе из «Дома культуры»: Предисл. // Кривошеев В. Дом культуры. СПб., 1999; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

КРИВУ́ЛИН Виктор Борисович [9.7.1944, пос. Кадиевка Ворошиловградской обл.— 17.3.2001, СПб.] — поэт, прозаик, лит. критик.



О ранней поре своей жизни К. рассказывает следующее: «Родился... в поселке Кадиевка под Краснодоном, прославленным А. Фадеевым в его „Молодой гвардии". В это время мой отец был военным комендантом Краснодона и по долгу службы вынужден был общаться со знаменитым писателем, собиравшим материал для романа. В 1947 году мои родители вернулись в Ленинград, хотя после того, как они пережили блокаду, с Питером у них были связаны самые мрачные впечатления, и, если бы не моя болезнь, вряд ли бы отец мой после своей демобилизации согласился вновь поселиться в огромной, перенаселенной, запущенной коммуналке на углу Большого проспекта Петроградской стороны и тогда еще Гребецкой (теперь Пионерской). Там и прошло мое детство — в вечно холодном эркере в углу необъятной 40-метровой комнаты с шестью гигантскими окнами. В 1961 году я — безо всякого блеска и даже получивши освобождение от выпускных экзаменов (якобы в связи с нервным состоянием) — окончил бывшую Первую Санкт-Петербургскую гимназию (в послевоенное время — школу № 79). Уже тогда я писал стихи, все остальное интересовало меня гораздо меньше. В атмосфере всеобщего повышенного интереса к поэзии стихописание представлялось мне единственным достойным человека занятием. В 1960 году я познакомился с Анной Ахматовой, с которой регулярно общался до ее смерти» (**«Автобиография»**. Частное собр.). В 1961 по ее совету К. поступил на романское отд. филологич. фак-та ЛГУ, затем перешел на английское, завершил образование на русском, т. е. получил диплом преподавателя русского яз. и лит-ры со специализацией лит-ра русского модернизма.

Уже студенч. работы К. привлекли внимание изв. литературоведов (в частности Д. Максимова): **«Апологетика смерти у Пушкина и Баратынского»**; **«В. Хлебников: „Конь Пржевальского": Языковой эксперимент и шаманская практика»**; **«Мистическая топография романа Андрея Белого „Петербург"»**; дипломное соч. **«Поэтика раннего Иннокентия Анненского»** (1967). Будучи студентом посл. курса, К. демонстративно вышел из комсомола и по окончании ун-та долгое время не мог найти работу. Зарабатывал на жизнь репетиторством, писанием за др. дипломных работ и дис., затем работал в школе. С 1970 по 1988 служил лит. редактором в Областном доме санитарного просвещения, где оставил первую в СССР брошюру о «болезни века» **«Что нужно знать о СПИДе»** (1985). Проблемами консолидации независимого неофиц. культурного движения К. начал заниматься в 1970-х. С дек. 1975 редактировал (совм. с Т. Горичевой и Л. Рудкевичем) перв. в России «толстый» неофиц. культурно-политич. и религиозно-философский ж. «37» (1975–81, вышел 21 номер). В 1979–80 (совм. с С. Дедюлиным) был ред. ж. «Сев. почта», посвящ. проблемам поэзии.

Впервые стихи К. опубл. под именем Витя Кривулин в сб. «Голоса юных» (1962), где были представлены поэты Дворца пионеров. Вплоть до 1986 лишь 5 его стих. увидели свет в сов. периодике. Зато с 1974 его стихи и статьи стали регулярно появляться в самиздатских ж. («37», «Часы» и др.) и в русских эмигрантских ж. (сам К. эмигрантом никогда не был) — «Грани», «Вестник РХД», «Континент», «22», «Третья волна», «Стрелец» и др., а также в газ. «Русская мысль» (Париж) и «Новое русское слово» (Н.-Й.). Перв. достойной публикацией в родной стране К. считал подборку в сб. «Круг» (1986). С тех пор его стихи, лит.-критич., историко-лит. и культурологические мат-лы печ. во мн. ж. М. и Л-да. В 1990 К. был принят в СП СССР. Был вице-президентом СПб. ПЕН-клуба. Лауреат премии им. Андрея Белого (1978), Пушкинской премии-стипендии фонда Топфера (ФРГ, 1990), премии Всесоюзного конкурса верлибра (Калуга, 1989). Автор серии передач на радио «Свобода» и Би-би-си, а также перв. докум. фильма о жизни русской эмиграции в Париже для Лен. телевидения (1989). Автор 8 книг стихов (2 из них — в переводе на немецкий и финский), романа **«Шмон»** и ряда рассказов (Континент. 1976. № 56, 60). Переводил с английского, с финского и шведского. Стихи К. переведены на немецкий, финский, польский, шведский, венгерский, итальянский, голландский и японский яз.

Поэзия К., лишенная философского резонерства, имеет пост. акцент: единение сиюминутного с вековечным. Можно выделить два этапа ее эволюции: до сер. 1980-х и после. Искусство и время — лейтмотив первого. Жизнь раскрывается здесь в неразрешимости и единении вековечных противоречий: искусство — сила порабощающая (**«Поэт напишет о поэте...»**), но она же и животворная (**«Гобелены»**); время и губительно (**«Песочные часы»**), и жизнестойко (**«Летописец»**). А тв-во — «работа в саду истории кровавом» (**«Рауль Дюфи. Праздник Моцарта в 1929 году»**). Эта работа и представлена наглядно в поэзии К. посл. десятилетия. В частности, цикл **«Стихи из Кировского района»** 1987–88 (Вестник новой лит-ры. 1990. № 1) пронзает обостренное чувство современности — но все-таки в контексте вечности, а поэтика высокой культуры сочетается с использованием штампов массового сознания. Главнейшие же вехи творч. развития К.— циклы **«Композиции»** (1973), **«Стихи на картах»** (1979), **«Галерея»** (1984), **«Предграничье»** (1994). Вы-

пустил сб. **«Requiem»** (1998), **«Купание в Иордани»** (1998), **«Стихи юбилейного года»** (2001), **«Стихи после стихов»** (2001). Посмертно вышла книга стихов 1972–77-х **«Композиции»** (АРГО-РИСК, Книжное обозр., 2009. Публ. О. Кушлиной).

Стилистич. и нравств. позицию писателя точно определила немецкая славистка Керстин Кольм в предисл. к переведенной на немецкий яз. кн. К. **«Концерт по заявкам»** (Франкфурт, 1994): «Позицию Виктора Кривулина можно сравнить с положением пассажира, кот. едет в поезде, но умудряется одновременно видеть движение своего поезда как бы со стороны — так, словно бы он находится за пределами этого состава».

Соч.: Книга юных. Л., 1962; Стихи / Предисл. В. Бетаки. Париж, 1981; Стихотворения: В 2 т. Париж, 1988; Обращение. Л., 1990; Концерт по заявкам. СПб., 1993 (2001); Последняя книга. СПб., 1993; Предграничье: Тексты 1993–94 гг.. СПб., 1994; [Стихи] // Поздние петербуржцы: Поэтич. антол. СПб., 1995; Requiem. М., 1998; Купание в Иордани. СПб., 1998; Охота на мамонта. СПб., 1999; Стихи юбилейного года. М., 2001; Стихи после стихов. СПб., 2001; Композиции: Кн. стихов. М., 2009; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012.

Лит.: Мальцев В. Вольная русская литра. Рим, 1975; Бетаки В. [Предисл.] // Вольная русская поэзия. Париж, 1983; Северин И. [Берг М.] Новая лит-ра 70–80-х гг. // Вестник новой лит-ры. 1990. № 1; Седакова О. Очерки другой лит-ры. Ст. 1. Виктор Кривулин // Дружба народов. 1991. № 9; Кононов М. [Рец.] // Вестник новой лит-ры. 1995. № 8; Лурье С. По возможности — без эпитетов // Невское время. 1999. 1 апр.; Шейнкер М. ...Гривастая кривая... Виктора Кривулина // НЛО. 2001. № 52; Иванов Б. Виктор Кривулин — поэт российского Ренессанса (1944–2001) // НЛО. 2004. № 68; Подольский Н. Тот самый Кривулин // Зинзивер. 2005. № 1; Курманаев В. О Викторе Кривулине // Футурум АРТ. 2006. № 3 (13); Кулаков В. Стихи после стихов // Кулаков В. Постфактум: Кн. о стихах. М., 2007; «Пью вино архаизмов...» О поэзии Виктора Кривулина. / Горичева Т., Орлов Д., Секацкий А., Иванов Н. СПб., 2007; Зубова Л. Виктор Кривулин: свобода в тесноте стихового ряда // Зубова Л. Языки совр. поэзии. М., 2010; Ежегодник РО ПД на 2007–2008 гг. СПб., 2010; Берг М. Кривулин и Пригов // Звезда. 2011. № 10; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Матлы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011. Сайт премии Андрея Белого <belyprize.ru>

Г. Филиппов

КРИВЦО́В Владимир Николаевич [4.4.1914, с. Любытино, ныне Новгородской обл. — 22.4.1979, Л-д] — прозаик, переводчик.

Родился в семье лавочника (дед — купец 3-й гильдии, умер до революции, оставил лавочку одному из своих 12 детей). Т.о. у отца К. оказался дом в Любытино (тогда с. Белое) с «наследной» лавкой. В кон. 1920-х отцу К. пришлось бросить дело и дом и уехать на север (Мурманск), чтобы осваивать рабочую специальность (т. е. в конечном счете — чтобы получить соц. статус рабочего). В заметке 1953-го К. отмечал, что родители умерли во вр. войны, отец — в блокадном Л-де.

Детство К. закончилось рано, после 8 класса работал слесарем, потом закончил рабфак при з-де «Электросила». В 1932 поступил в ин-т, кот. после ряда преобразований стал частью филологич. фак-та ЛГУ. В 1935 «лавочка» едва не сломала судьбу К.: при рассмотрении дела о происхождении К., он был исключен из комсомола и из ун-та.

Уехал в Орск, где поначалу работал, но неожиданно подвергается аресту, по тем временам недолгому — на неск. месяцев. В итоге была признана ошибка — «приняли за другого». В 1937 почти случайно встретился в М. с Н. Крупской, кот., вероятно, сыграла опр. роль в восстановлении К. в ун-те. Закончил ЛГУ по кафедре китайской филологии.

В 1937–39 — науч. сотрудник Ин-та востоковедения АН СССР. В нояб. 1939 призван в армию, служил до апр. 1941 красноармейцем в моторизованном топографич. отряде в Л-де. Затем до 1960 — на полит. работе в армии, в основном в Забайкалье и Приморье. Участвовал в воен. действиях на Дальнем Востоке. Награжден тремя орденами Красной Звезды, медалями. После демобилизации (1960) был (1964–75) зав. отделом прозы и членом редколл. ж. «Нева».

Печ. с 1940. В воен. годы публ. статьи в армейских и фронтовых газ. Забайкалья и Дальнего Востока. Участвовал в изд. китайского варианта газ. «Правда». Полит. работу сочетал с литературной. Писал очерки и ст. о Китае и китайской лит-ре. Перевел с китайского произведения Чжао Шули, Чжоу Ли-бо, Ду Пэн-чэна, Лю Бай-юя, Ван Юань-цзяня, Яо Цзиня, с английского — произведения А. Коппарда и др.

Делом жизни К. стало создание романа-дилогии о выдающемся русском востоковеде Н. Бичурине (1777–1853), изв. в монашестве как о. Иакинф — **«Отец Иакинф»**. О своем подходе к мат-лу, о создании образа реального персонажа в ист. романе К. рассказывал в предислов. «От автора»: «Я поехал на родину Иакинфа, в Чувашию, поколесил по степям Монголии, посетил древний Пекин и суровый Валаам...». В заключении романа «Вместо эпилога» писал: «Отдаю на суд читателя этот рассказ о юных и зрелых годах отца Иакинфа. Рассказывая о его трудах и соблазнах, обретениях и утратах, сомнениях и надеждах, я ничего не выдумывал и ничего не утаивал. Все написанное основывается... на изучении трудов Иакинфа, подлинных документов, отысканных в архивах Москвы и Ленинграда, Чебоксар и Казани... на отрывочных свидетельствах современников, рассеянных в малодоступных изданиях и архивах». Автор послеслов. к роману ученый и дипломат Н. Федоренко подчерки-

вал, что в романе К. «обнаруживается органическое сочетание познавательной основы с образной стихией».

Кн. первая — **«Путь к Великой стене»** — открывается началом нового XIX в. Герой повествования, Никита Бичурин, в свои 22 года прошел четырнадцатилетнее обучение в Казанской Духовной академии, закончив кот. он должен решить — согласиться или не согласиться на постриг, на монашество. Герою предстоит сделать серьезный выбор — остаться без семьи, без отца, без мира, меньше времени теперь должно было оставаться для занятия наукой (под именем Иакинф герой К. вошел в историю русской науки, связанной с изучением Востока, прежде всего Китая и Монголии). К. приводит слова ученого монаха о том, как влекла его «слава проповедника и ученого» — для него «сие есть самая чистая на земле слава». Но он выбирает постриг. Иакинф был успешен в службе: за три года стал архимандритом, в этом чине возглавил иркутский Вознесенский монастырь, стал ректором Иркутской семинарии. При этом К. создает образ независимого человека, монаха, порой преступающего границы церковной догмы. Первым наказанием за непослушание стала ссылка в Тобольский монастырь. Позже, уже постаревший, герой направлен во главе дипломатич. миссии в Пекин, что позволило ему на 14 лет уйти от досягаемости недругов. «Путешествие в неведомое» не только название одной из глав, но и долгий поиск ученого и монаха. Вторая кн. дилогии — **«Время собирать камни»** — повествование с напряженным сюжетом об уже зрелом ученом и человеке, монахе, усомнившемся в некот. важнейших догматах вероучения, в т. ч. в бессмертии души. Герой Иакинф сталкивается с понятной враждебностью представителей церкви (митрополит Серафим, архимандрит Фотий) и светского об-ва (иркутский губернатор Пестель, император Александр, позднее Николай, и др.). Решение Синода, принятое относительно Иакинфа, оглушительно: он заточен в монастырь в чине простого монаха. Сложная судьба духовного праведника, сложности философского постижения мира, вера и догматы, доверие и наказание становятся гл. составляющими творч. поиска К.

По свидетельству дочери Натальи Влад. Кривцовой и сайту поселка Любытино, на старом прадедовском доме установлена доска памяти писателя и востоковеда Владимира Николаевича Кривцова.

Соч.: Путь к Великой стене: Роман. Л., 1972; Перед судом Синода: Повесть // Наука и религия. 1975. № 9–11; Отец Иакинф: Роман. 1978.

Лит.: Васильков Я., Сорокина М. В. Н. Кривцов // Биобиблиогр. словарь востоковедов — жертв политич. террора в сов. период. СПб., 2003; Лурье С. Настоящий // Нева. 2004. № 8.

А. Рубашкин

КРИКУНО́В Константин Евгеньевич [24.1.1963, Армавир — 12.4.2010, СПб., похоронен на Смоленском кладб.] — поэт, журналист, прозаик.

Окончил в 1985 фак-т журналистики ЛГУ, работал во мн. редакциях — петербургских отд. центр. и местных газ. и ж. — «Известия», «Аргументы и факты», «Час пик», «На Невском», «Под ключ», «Веч. время», «Город», печ. в «Крещатике».

Занимался в ЛИТО В. Сосноры. А. Мирзаев вспоминает: «Костя ходил в ЛИТО Сосноры, если у других учеников проявляется влияние Сосноры, то у Кости это обнаружить очень сложно — если и есть, то где-то на дне, и потом из этой глубины вышло что-то такое свое». По мнению Д. Суховей, у К. есть стих., написанное явно под влиянием Сосноры — **«Пролог»** — с верлибрическим началом: «Чапала цапля, цуцик читал чемберлена, / четьи-минеи цедили цирик и шамес, / гости съезжались на дачу, / стекло-12-крылые птицы на утренних розах дремали. // Мутное солнце, / железное зеркало моря, / я, веретенообразный, / птичка божия, оррнгронгрлнгнт!». «Восклицательный знак стоит за непроизносимой группой согласных, вроде как случайно-клавиатурной — или все же звукоподражательной. То есть, документируется либо случайное движение автора, либо странный звук птицы (или знак птицы — орн- (орнитология) в начале, [дро]нт — в конце), отраженной в тексте. Контекст не дает однозначного ответа, зато контрастирует с фонетически прозрачными пушкинскими строками (из хрестоматийного прозаического отрывка и из поэмы "Цыганы"), встроенными в ткань стихотворения». Та же исследователь подмечает: «...в стихах автора присутствуют точные даты, время и иные параметры бытия, характерно внимание к деталям, мелочам, представленным в произведении в неизменном виде. Это уже не "литературный язык ..., обработанный творцами", как определял в свое время лингвист Л. В. Щерба. Фиксация фактуры письма, обнажение приема создания текста в самом тексте — что это, если не ready made, когда поэтическое высказывание местами мало отличимо от хроники событий или фактофиксации реальности» (Суховей Д.). «Он и под пыткой не смог бы сфальшивить, потому что был органически честен — по отношению к миру, слову, к самому себе. У него был замечательный учитель — Виктор Соснора, и этим уже очень много сказано» (С. Носов).

К. — автор кн. стихов **«Календарик с вороной»** (Армавир, 1990), **«Стекло-12-крылая птица»** (СПб., 1995). Среди др. поэтич. публикаций сб. К. «Перелом ангела» (М.: Тверь, 2005), изд. по итогам Фестиваля свободного стиха, проходившего в СПб. в 2005. К. принимал участие и в Фестивалях свободного стиха в М. (2008, 2009). «Чудесная книга стихов, упоительно звонкая книга» — так отозвался о кн. «Календарик с вороной» М. Борисов.

Помимо поэзии К. работал в жанре малой прозы, некот. тексты (наряду с текстами В. Сосноры, Е. Майзеля

и А. Лопухина) вошли в изд. «Очень короткие тексты: В сторону антологии» (М.: НЛО, 2000) и кн. прозы **«Ты: Очерки русской жизни»** (СПб.: Янус, 2004), где собраны репортажи, инт., публицистика. «Рид Грачев, Константин Симун, Шевчук, Темирканов, Растропович, Пионтек, Ельцин, Гаркуша — он собрал голоса Петербурга 90-х и нулевых в книгу людей и книгу большого города» (Д. Суховей). Д. Цилкин отмечал: К. «действительно любил Соснору и Грачева и во всех изданиях эту любовь деятельно осуществлял: писал о них, публиковал их тексты. К этому можно отнестись иронично, счесть фанаберией, а можно и с восхищением. Для меня в таком настаивании на своих пристрастиях есть какой-то обаятельный романтизм. Да и как еще вести себя поэту? А Костя, бесспорно, им был». «Для Кости Крикунова не было границ между жизнью и журналистикой, между словом и поступком, он помогал кому мог и как мог,— вспоминает М. Борисов. — Не было маленьких героев: все были уникальны и божественны. И сама жизнь была божественным даром, в котором есть свет и доброта».

Д. Циликин, журналист и худож. критик, говорит: «...любой Костин журналистский текст всегда был в значительной степени, а то и целиком художественным, и, конечно, Костя занимался журналистикой как прозой. Хотя его работы в журналистской квалификации назывались бы репортажами, точнее назвать их эссе. Газета живет один день, но, к счастью, эти работы составили, уверен, долговечную книгу Константина "Ты. Очерки русской жизни"».

Для К. «дневниковость как таковая является ключевым понятием. Начиная со сборника "Стекло-12-крылая птица", в книгу включается личный документ как таковой, не заради тех фактов, которые в нем сообщаются, и не заради рефлексии, а просто как документ жизни, фрагмент истории быта и становления автора, на момент писания дневника — 11-летнего мальчика, учившегося в школе провинциального южного городка. В этом дневнике есть и фактура написания рукой с ошибками — хотя дневник издан и не репринтно, есть основания верить, что все же близко к орфографии оригинала. Что это если не found poetry — когда поэт, включая эго-документ в книгу стихов, провоцирует читателя поэтизировать его восприятие» (Д. Суховей).

И в сб. «Очень короткие тексты» несколько произведений К. включено в раздел «В сторону дневника». «Здесь дневниковость — уже лирическая, местами доходящая до скрытой, латентной, имплицитной, нуждающейся в дополнительном прояснении. Она свойственна стихам и, в особенности, прозе Виктора Сосноры» (Д. Суховей).

В 2004 К. придумал и ред. независимую газ. «Хроника настоящего времени» (чаще просто «Хроника»). Этот проект — наиболее обширный из созданных К., по сути, являл собой поэтич. метадневник мира. Это была новая журналистика — по своей сути «Петербург — в контексте мира». «"Хроника" — это наша попытка сконструировать из сотен новостей метафору того, что происходит в мире»,— говорил К. в одном из инт.

К. обладал большим опытом редакторской работы, участвовал в создании неск. изд. С именем К. связано появление ж. «Петербург. На Невском» и «Красный», «Корпорация» и «Фирменный». К. создал и возглавил компанию «Объединенная редакция "Текст"», специализирующуюся на изд. корпоративных СМИ. С. Князев вспоминает: «Журналистские колонки писал как стихотворение в прозе. Костя очень был похож на свою поэзию. Всю свою жизнь он строил как лирическое стихотворение». А. Мирзаев о том же: «У Кости все настолько органично, что нет границы между прозой, стихами и статьями».

В мае 2010 в СПб. в галерее «Борей» состоялась посмертная фотовыставка К., сопровождавшаяся поэтич. рядом. Название выставки — «ERDE», что по-немецки значит «земля», по назв. папки с фотографиями в компьютере К. О создании выставленных работ Мирзаев вспоминает: «Костя был очень своеобычным человеком. Своеобычие Крикунова проявлялось в том, что идем, вот, например, в лес, и Костя вдруг ложится на землю и начинает фотографировать — фотографировать под определенным углом». Фотографии К. были разложены на полу галереи «Борей», а поэтич. тексты, подвешенные на ниточках, парили над ними в пространстве выставочных залов.

Незадолго до смерти К. готовил к изд. кн. «Дни прозы», оставалась посл. правка. Кн. вышла уже после смерти К. под назв. **«Четыре тетради»** (СПб.: ИД «Текст», 2010).

«Между поэзией и журналистикой, минуя прозу» — так полушутливо о своем тв-ве однажды сказал К.

Соч.: Календарик с вороной. Армавир, 1990; Стекло-12-крылая птица. СПб., 1995; Проза // Очень короткие тексты: В сторону антологии. М., 2000; Ты: Очерки русской жизни. СПб., 2004; Стихи // Перелом ангела: Сб. М.; Тверь, 2005; Твои письма: Цикл стихов // Зинзивер. 2010. № 2 (18); Четыре тетради. СПб., 2010.

Лит.: Суховей Д. Вступ. // Занзивер. 2010. № 2 (18).

Л.

КРОН Александр Александрович [30.6(13.7).1909, М. — 26.2.1983, М.] — драматург, прозаик.

Свою перв. пьесу **«Винтовка № 492116»** К. напис. в 1929, будучи студентом МГУ (окончил в 1930). Тема — перевоспитание малолетних беспризорников; в основу пьесы легли впечатления от трудовой колонии под М. Пьеса была поставлена в М., с успехом ее играли также в Л-де, перевели на мн. яз. народов СССР, она обошла почти все ТЮЗы страны. Уже здесь определился осн. герой тв-

ва К.— руководитель, для кот. необходимая дисциплина не должна отменять самостоятельность мышления подчиненных. Не случаен и номер винтовки в названии — это был номер винтовки автора на воен. сборах.

Проблема формирования характера была продолжена в пьесе **«Трус»** (1934), кот. поставили сразу два моск. театра, театр в Киеве, затем она шла также в др. странах (напр., в Испании во время Гражданской войны). «Винтовку» продолжила пьеса **«Наше оружие»** (1937). В 1930–31 К. жил в Баку, о жизни бакинских нефтяников он напис. пьесу **«Глубокая разведка»** (1941), во время работы над этой пьесой дважды ездил на нефтяные разведки в Азербайджан. Пьеса о нефтеразведке стала для автора разведкой темы — производств. конфликт по сути своей выявлялся им здесь как конфликт нравственный. Премьера «Глубокой разведки» состоялась во МХАТе в 1943 — «мирная» пьеса оказалась ко времени в разгар войны. Позднее она была поставлена в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, ГДР. Перед войной К. опубл. несколько театр. рецензий, слушал лекции на курсах военно-морских корреспондентов.

Во время Великой Отеч. войны К. работал в Кронштадте ред. многотиражной газ. соединения подводных лодок «Дозор». Редакция газ. размещалась на плавбазе подводных лодок «Иртыш», вместе с краснофлотцами К. перенес налеты на Кронштадт, когда над островом появлялись одновременно сотни фашистских самолетов. Ст. политрук К. принимал участие в военно-морских операциях, ходил в море с тральщиками, морскими катерами, бронеохотниками. Построенные на основе действительных событий его **«Рассказы о подводниках»** печ. и передавались по радио. Три рассказа К. напеч. в центральных газ.

Во время войны К. работал в оперативной группе писателей при политуправлении Балтфлота. В 1942 в Л-де действовал из театров лишь Театр муз. комедии, для него и была напис. пьеса Вс. Вишневского, Вс. Азарова и К. **«Раскинулось море широко»**. Премьера состоялась 7 нояб. 1942, зал театра, вмещавший около 1500 зрителей, был полон, спектакль прошел с большим успехом.

В 1943, в короткий срок, К. напис. пьесу **«Офицер флота»** (опубл. в 1944), в кот. передал пафос блокадных дней и ночей: «Весной мы пойдем в море. Я не обольщаюсь, будет трудно, еще трудней, чем было осенью. Мы воюем с умным и сильным врагом... Я твердо знаю, что враг сделает все, чтоб запереть нас в заливе... Но мы пройдем». Проблемы долга, чести, личной ответственности, поднятые в пьесе, были животрепещущими и важными. Пьесу «Офицер флота» поставил театр Краснознаменного Балтийского флота, затем МХАТ, она увидела сцену во мн. городах и во всех флотских театрах. Слова к песне в этой пьесе по просьбе К. напис. О. Берггольц.

К. принимал актив. участие и в наступательных операциях Балтфлота. В сент. 1944 его встречал Таллинн, затем К. был направлен на Моонзундские о-ва, где шли бои; совм. с Вс. Азаровым написал корреспонденцию **«Бои на Сааремаа»**. Дальнейшие командировки — в речную флотилию на Одер, на Тихий океан во время войны с Японией — давали мат-л для новых очерков.

В кон. 1940-х К. выступил против утвердившейся в те годы «теории бесконфликтности». В его пьесе **«Кандидат партии»** (1950) был проанализирован конфликт мировоззрений — между мещански-потребительским и творч. отношением к труду. К. высказывал свои взгляды открыто и решительно, это вызывало осложнения, в 1949 готовился арест К., его спас А. Фадеев. В альм. «Лит. Москва» в 1956 опубл. ст. К. **«Заметки писателя»**; эта статья, как и напеч. в альм. рассказы А. Яшина, Ю. Нагибина, Н. Жданова, были осуждены «как идейно порочные» (Моск. литератор. 1957. 26 дек.).

В дальнейшем К. публ. статьи о Балтике воен. времени, о героях-подводниках П. Грищенко, А. Лебедеве, С. Лисине, А. Маринеско, А. Матиясевиче, Е. Осипове: **«Из балтийских дневников»**, **«Как я стал маринистом»**, **«Алексей Лебедев»**, **«Кронштадтские встречи»**. Образы пьесы «Офицер флота» обрели новую жизнь в большом прозаич. произведении К.— в романе **«Дом и корабль»** (1964). Его герой старший лейтенант Виктор Горбунов стремится с честью выполнять свой патриотич. долг при обороне Л-да. Он продолжает галерею более ранних положительных героев К. — Эйно в «Винтовке», Дорофей Семеняк в «Трусе», инженер Александр Майоров в «Глубокой разведке», рабочий Николай Леонтьев в «Кандидате партии» и др. По мнению самого автора, «Дом и корабль» — роман о воинском подвиге, точнее — о подготовке для подвига: «Самый подвиг может длиться секунды, но он непременно подготовлен всей жизнью».

К. напис. серию очерков о подводниках, книгу очерков о путешествии в Индонезию **«На ходу и на якоре»** (1961), автобиогр. статью **«Моя анкета»** (1961). Перевел пьесы Анны Броделе «Новоселы» и «Учитель Страуме», рук. творч. семинаром в Лит. ин-те, оставил воспоминания об О. Берггольц, А. Твардовском, Э. Казакевиче, Вс. Иванове, Ю. Крымове, реж. Ф. Каверине, артисте М. Астангове и др. современниках. Интересны суждения К. в ст. о Л. Толстом **«Любимый писатель»** (Театр. 1960. № 11).

К. пользовался пост. вниманием прессы: В. Кетлинская пишет о нем в статье «Глубинное течение» (ЛГ. 1964. 28 нояб.), В. Сурвилло — в ст. «От пьесы к роману» (Новый мир. 1965. № 2) и др. Однако путь К. попрежнему не был гладким, далеко не сразу был напеч. его роман **«Бессонница»**. После его публ. в 1977 читательские письма и отклики на конференциях в М. и Л-де, на ЗИЛе и КамАЗе засвидетельствовали творч. успех писателя. Автор работал над романом не менее 10 лет, идя вглубь совр. действительности, ее конфликтов и причин их возникновения. Роман посвящ. в перв. очередь этич. проблемам, автор серьезно и глубоко изучил круг науч. интересов своих героев, положение дел в науч.-исследовательских ин-тах своего времени. Вообще для К. характерно вживание и «вчитывание» в затронутый им мат-л: работая над «Глубокой разведкой», он прочитал немало спец. технич. лит-ры по теме.

Издав в 1976 очерки **«Вечная проблема»**, К. 1980-е начинает изд. романа «Бессонница» и сб. **«Пьесы и статьи о театре»**. Сосредоточенность на раздумьях об одном из своих

балтийских героев привела к созданию повести о знаменитом подводнике А. Маринеско «**Капитан дальнего плавания: Повесть о друге**», кот. суждено было стать посл. произведением автора. Беспримерный успех Маринеско на Балтике был тем героическим подвигом, кот. не только потряс фашистов в последний период войны, но даже, по мнению адмирала И. Исакова, ускорил их разгром. «Атакой века» назвали за рубежом подвиг Маринеско. При этом герой повести не только храбр, но и почеловечески обаятелен. Однако жизнь Маринеско после войны складывалась трудно, он был несправедливо осужден и сослан, его имя замалчивали, и именно К. был тем человеком, кот. помог ему вернуть доброе имя. «Капитан дальнего плавания» — это кн. не только о подвиге, это кн. раздумий о гражданской ответственности, о верности совести и долгу, о подлинности призвания. Книга заражает читателя «духом поиска — поиска правды, добра, справедливости» (Лазарев Л. После подвига... // Дружба народов. 1984. № 1). Маринеско, по словам В. Порудоминского, «быть может, самый замечательный офицер флота, разделивший с Александром Кроном его дальнее плавание» (Лит. обозрение. 1983. № 4–6).

Соч.: Пьесы. М., 1955; На ходу и на якоре. Впечатления. М., 1961; Театр. М., 1971; Избр. М., 1972; Дом и корабль: Роман. М., 1974 (и др. изд.); Вечная проблема: Очерки. М., 1976; Пьесы и статьи о театре. М., 1980; Избр. произв.: В 2 т. М., 1980; Капитан дальнего плавания: Повесть о друге. М., 1984 (и др. изд.); СС: В 5 т. М., 1990; Бессонница: Роман. Капитан дальнего плавания: Повесть о друге. М., 1991; Память при веч. освещении: А. Крон об А. Ахматовой // Звезда. 1998. № 3.

Лит.: Тевекелян Д. Александр Крон и его герой // Крон А. Избр. произв.: В 2 т. Т. I. М., 1980; Рубашкин А. Из подвига — не вычесть // Нева. 1983. № 11; Каверин В. Ум и сердце // Октябрь. 1987. № 2; Меггер И. Будни. Л., 1987; Азаров Вс. Ветры нашей молодости: Повести. Очерки. Воспоминания. Л., 1987; Иванова Г. Мои современники, какими я их знала: Очерки. М., 1987; Мунблит Г. Рассказы о писателях и маленькая повесть. М., 1989; Тевекелян Д. Гл. книга Александра Крона // Крон А. СС: В 3 т. М., 1990. Т. 1; Каменецкий Е. «Я бы пал перед вами на колено...» // Журналист. 1993. № 5; Алянский Ю. История одной цитаты: Письма А. Крона // Нева. 1997. № 7; Метер И. Письма к А. А. Крону // Звезда. 1998. № 11.

В. Шошин

КРУГЛО́В Виктор Александрович [5.9.1928, д. Радово Даниловского р-на Ярославской обл.] — поэт, прозаик-документалист, журналист.

Родился на Ярославской земле. Стихи начал пис. еще в школьные годы. О многом, что видел в детстве и юности на Ярославщине, что пережил на войне и после нее описал в кн. «**Рябиновая родина**».

Отец К. погиб в 1942 на Лужском рубеже. В 1944 К. шестнадцатилетним юношей ушёл на Великую Отеч. войну. Был балтийским юнгой. «Тогда нас, мальчишек, флот пригрел, чтобы не канули в бездну» (К.). Принимал участие в боевых действиях 1-го Берегового и Морского радиоотряда, занимался пеленгом вражеских каналов связи, фашистских кораблей, транспортов, секретных германских объектов ФАУ-1 и ФАУ-2, обеспечивал выполнение боевых заданий разведотдела штаба Краснознаменного Балтийского флота и Ставки Верховного Главнокомандования. Командир оперативной группы радистов-разведчиков 1-го Морского радиоотряда особого назначения (ОСНАЗ). Прошел от Невы до Шпрее, закончил войну в Берлине. В силу особой воен. специальности долгие годы после войны оставался «засекреченным мичманом в отставке».

Перв. поэтич. публ. состоялась в 1949 в газ. «Страж Балтики». В 1976 в ж. «Нева» Вс. Рождественский говорил: «В перерывах между боевыми вахтами Виктор Круглов писал о нелёгких фронтовых дорогах, о своих товарищах по оружию, живых и погибших геройски, о моряках-радистах, десантниках, с кем сводила его военная судьба. После демобилизации в качестве сотрудника газеты "Северо-Западный водник" он побывал чуть ли не на всех водных бассейнах северо-запада, а позднее в Карелии. Как корреспондент ТАСС работал на Северном морском пути, на Диксоне, на Тикси, побывал на Таймыре, в Певеке, на Чукотке, во многих местах Дальнего Востока. Богаты и содержательны пути-дороги Виктора Круглова на географической карте нашей Родины. Поучительна и интересна его жизненная и литературная судьба, естественная и вместе с тем типичная для его поколения, юношеские годы кот. были воспитаны боевыми условиями Военно-морского флота».

Служил в армии до 1951. В 1954 закончил филологич. фак-т ЛГУ, отд. журналистики. Работал в различных газ. лит. сотрудником, отв. секретарем, ред., собств. корр. Позже снова вернулся на флот, стал преподавателем, капитаном-наставником Морфлота РФ. Но гл. делом жизни К. считал лит. тв-во. Естественно, что К. хотелось поведать о пройденном пути, в кот. было немало героического и трагического. Своими поэтич. учителями считал А. Твардовского и М. Дудина. В 1960–70-е помогал Вс. Азарову создавать ЛИТО Балтийского ВМФ «Путь на моря».

Стихи К. печ. в ж. «Звезда», «Нева», «Аврора», «Молодая гвардия», «Москва», «Сов. воин», «Пограничник», «Знаменосец», в альм. «Молодой Л-д», «Поэзия», «День поэзии», «Русский мир», «Кают-компания», «Сов. моряк». На счету писателя около 20 сб. стихов и прозы, среди кот. **«Снежная радуга»**, **«Журавли над окопами»**, **«Трудный маршрут»**, **«Крещённые огнём»**, **«Пурга и любовь»**, **«Моя тяжёлая память»**, **«Фарватер»**, **«Художник и поэт — реки и моря»** и др.

В 1982 в ж. «Звезда» опубл. докум. повесть **«Особое задание»** (из записок разведчика), кн. **«Бой после победы»** — о радиоразведке в 1944–51.

В 1995 в изд-ве «Полония» при Ген. консульстве республики Польша в СПб. на русском и польском яз. вышла кн. **«Не чужая земля»** (перевод польской поэтессы Б. Павлюць, кн. снабжена рисунками фронтового периода, выполненными самим К.). Как ветеран Войска Польского работал при консульствах Польши и Болгарии в СПб.

О К. написано немало статей, обзоров и рец., опубл. в России и за рубежом. Его поэтич. тв-во стало темой дипломных работ российских и польских студентов и аспирантов. Стихи К. переводились в Польше, Болгарии, Венгрии, Словакии, Чехии.

Член Союза журналистов. Член СП России (1997). Председатель Совета ветеранов войск связи Лен. фронта. Президент Ассоциации писателей-баталистов и маринистов СП России.

Награжден орденами и медалями СССР, РФ, иностранных государств.

В 2010 стал обладателем Пушкинского диплома за кн. **«Над Соротью»**, посвящ. С. Гейченко.

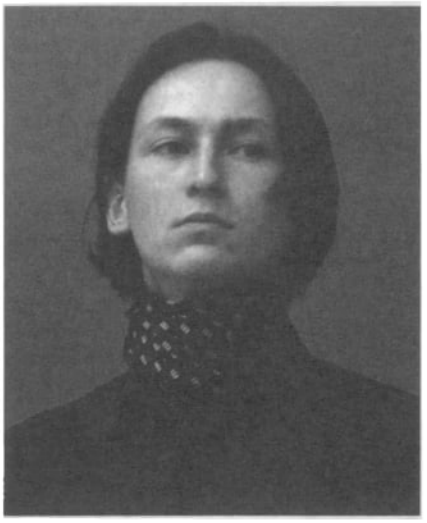
Соч.: Снежная радуга: Стих. Л., 1960; Трудный маршрут. М., 1978; Журавли над окопами: Стих. М., 1986; Не чужая земля: Стихи на русском и польском яз. СПб.-Варшава, 1995; Рябиновая родина: Стихи. СПб., 1998; Радист особого назначения: Повесть. СПб., 1998; Крещение огнем. СПб., 1999; Пурга и любовь: Стихи. СПб., 1999; Над Соротью: Стихи и проза. СПб.-Челябинск, 1999; Лестница без перил: Белые стихи, раздумья. СПб., 2000; Жизнь — это море: Стихи. СПб., 2001; Моя тяжелая память: Стихи с войны. СПб.-Варшава, 2005; Художник и поэт — реки и моря. СПб., 2007; Бой после победы: Кн. памяти. СПб., 2010.

Лит.: Астафьев Н. Не ржавеет перо ветерана // Волго-Невский проспект. 2009. № 2; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

Е. Гусев

КРУГЛО́В Роман Геннадьевич [27.2.1988, Л-д] — поэт.

Отец — Геннадий Рафаилович, инженер-технолог; мать — Ольга Владимировна, инженер-конструктор. Студент филологич. фак-та РГПУ им. А. Герцена. Участник 26 и 27 конференций Молодых писателей Северо-Запада. Член ЛИТО при СП России «Молодой Петербург» и ЛИТО при



СП СПб. «Пиитер». Зав. отделом критики альм. «Молодой Петербург».

Начал пис. стихи в возрасте 10 лет. С 1998 по 2001 занимался в детском лит. клубе «Дерзание», где, несмотря на возраст, был зачислен в старшую группу. В 2000 К. стал участником ЛИТО «Молодой Петербург» при СП России под рук. А. Ахматова.

Перв. публикация К. состоялась в альм. «Молодой Петербург» в 2001. В последующие годы стал пост. автором этого альм., др. сборников поэзии — «День Поэзии» (2007), «Красивые вещи» (2009), «Аничков мост» (2010). Его стихи и критич. ст. неоднократно публ. в периодич. печ.: ж. «Архиоптерикс», «Невский альм.», «Вокзал», «Аврора», «Сев. Аврора» и газ. «Гончарный круг», «Лит. Петербург», «ЛГ» и др.

Наиболее характерные особенности поэтики стих. К. определились достаточно рано. Еще в статье, посвящ. начальному этапу тв-ва К., А. Ахматов писал: «Он традиционен по форме, что редко встретишь у поэтов его возраста, возможно даже, в этом уникален. Кто в юные годы не маскировал свои слабости пренебрежением к силлабо-тонике? Кто не увлекался верлибрами, потоками сознания, механическим письмом и тому подобными безделицами? Роман не увлекается. <...> Круглов посвящает читателя в свои миры обстоятельно и уверенно. <...> Многочисленные тропы и находки не распирают стихи, не рассыпаются хаотически, а точно занимают свои гнезда. Видно, что не он пишет ради красного словца, а красные слова служат ему для постижения окружающего его бытия, ибо поистине стихи для поэта и есть способ осмысления реальности». Приверженность классич. стихосложению, к подчеркнуто метафорич. манере писания, так свойственной поэтам ЛИТО «Молодой Петербург», определяют специфику раннего тв-ва К. (**«Красивый дом на Моховой...»**, **«Дробился, дрожа в отражениях город...»**).

Значительной вехой в тв-ве К. стала работа над сб. совр. поэзии и критики «Красивые вещи» (2009), в кот. он выступил как ред.-составитель, а так же как автор подборки стих. и неск. критич. ст. К этому времени определились такие характерные особенности творч. метода К., как тяготение к малой форме, острота и трагичность в изображении худож. мира, гротесковость выразительных средств при формальном следовании классич. стихотворной традиции (**«Капля, как спелая груша...»**, **«Как будто бы фонарь горел...»**, **«Руки тончайший инструмент...»**, **«Невозможно привыкнуть к зиме и...»**). Необычность поэтич. языка К. послужила поводом для резкой критики со стороны старшего поколения членов СП России (И. Кравченко, А. Мальцева, О. Чупров) на 27-ой конференции молодых писателей Северо-Запада (2009). Однако К. продолжал работать, развиваясь в рамках уже определившихся тенденций, кот. окончательно сформировались к моменту напис. кн. стихов **«История болезни»** (2010). Концепция этой кн. синтезирует особенности образной системы К. Как отметила в своем отзыве об «Истории болезни» петерб. поэт и критик Е. Иванова, «болезненность как особенность авторского мироощущения здесь следует понимать шире, чем просто обостренное восприятие. <...> Речь идет как о неустойчивости и неуютности художественного мира, так и о том, как именно это выражается в тексте — червоточиной декаданса на крепком классическом стихе». Творч. манере К. свойственна напряженная рефлексия как на уровне лирич. сюжета, так и на уровне работы со словом. Большая часть стих., представленных в «Истории болезни», — это любовная лирика: «Звуку разбившейся капли / Звук поцелуя подобен. / Пальцы дро-

жать перестали — / Дрожь притаилась в ладонях. / Тронув одежды, разбудим, / То, что укрыто под ними. / Это мгновение — будто Предвосхищение ливня». Или же лирика философического характера: «Вот человек. Он что-то говорит / В ушах — наушники, в носу — ринит / От слов его смешно кривится рот / И суета сует в глазах снует. / И он прекрасен в этой простоте. / Вот за таких и умирают на кресте».

К. занимается литературоведч. исследованием тв-ва Ф. Достоевского, пробует себя в драматургии, работает над кн. поэтич. переводов западных песенных текстов и над новой кн. собств. стих. «Болезнь поэзии Романа Круглова может иметь разные исходы. В случае выздоровления одна из следующих его книг будет называться "Избранное", на обложке будет золотое тиснение, а на фото — располневший автор с глуповатой улыбкой... Если же болезнь будет прогрессировать, то <...> вскоре после перехода болезни в стадию гениальности наступит летальный исход. Оба варианта страшны, и Круглову пока удается балансировать между ними, а что делать дальше, ему, как врачу, виднее» (Е. Иванова).

К. играет важную роль в администрировании ЛИТО «Молодой Петербург» — проводит заседания, организовывает публич. выступления поэтов объединения. В 2008–09 К. вел подростковые поэтич. секции к колледже телекоммуникаций им. М. Бонч-Бруевича и средней школе № 27 (филологической). Один из организаторов лит. вечеров «Свободный микрофон» (март 2012), Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Полилог» (июнь — сентябрь 2012).

Соч.: Стихи // День поэзии: Альм. СПб., 2007; Стихи // Красивые вещи: Альм. СПб., 2009; Стихи // Аничков мост: Альм. СПб., 2010; История болезни: Стих. СПб., 2010.

Лит.: Ахматов А. Круг тем и интересов Романа Круглова // Лит. Петербург. 2006. № 11; Тушенко Е. Диктатор-составитель «Красивых вещей» // Красивые вещи. СПб., 2009; Иванова Е. Роман Круглов. История болезни // Молодой Петербург. СПб., 2010.

А. Ахматов

КРУГОВО́В Вадим Иванович [13.5. 1934, Л-д] — прозаик, художник, драматург.

Родился в семье воен. топографа. Пережив тяжёлую блокадную зиму 1941–42, в нач. весны был эвакуирован через Ладогу в Ярославскую обл. Вернувшись в Л-д и закончив семилетку, поступил в Училище им. Штиглица на архитектурный фак-т. После окончания был направлен работать в Военморпроект г. Таллинна, где проектировал припортовые ангары, складские корпуса, пока не пришло время служить в сов. армии. За три года службы написал неск. сценариев для полковой самодеятельности, в т. ч. пьесу **«Шок»** о запуске первого космич. спутника и о реакции на событие американских бизнесменов и учёных (на конкурсе самодеятельных полковых коллективов пьеса заняла перв. место). Свою перв. повесть **«Последнее построение»** и рассказы из армейской жизни К. опубл. лишь в 1984 в изд-ве «Молодая гвардия». Автор стремился постичь и худож. отобразить судьбы героев ищущих, не успокаивающихся на достигнутом, устремлённых в будущее. После армии окончил философский фак-т ЛГУ. Работал в НИИ, затем на з-де руководителем бюро технич. эстетики.

С нач. 1970-х был среди «андеграундных» художников, участник группы «Остров». Тогда же К. регулярно печ. в ж. и колл. сб. По его повести **«Старший мастер»** центр. телевидение в 1976 сняло одноимённый спектакль. Роман **«На контроле»** (1987) и повесть **«Эхо»** (1991) выделяются знанием проблем, происходящих в жизни. В основе романа лежат судьбы людей актив. жизненной позиции, чутко реагирующих на несправедливость, косность, равнодушие.

В 1991 принят в СП России.

В 1992 опубл. детективную повесть для детей **«УНИК»** (универсальный компьютер), в кот. изображён любопытный школьник, помещённый в футляр робота и после совершения экскурсии по з-ду попадающий для оценки с наст. роботами в гос. комиссию. Реальность, фантастика и чувство юмора позволяют показать неисчерпаемые способности человека, кот., изобретая суперумные машины, всегда находит повод посмеяться над ними.

С 1994 был гл. художником изд-ва СП России «Редактор». Принимал участие в выставках живописи и графики. Умение находить в прозе жизни поэтич. основу отличает К. В результате явилась кн. стихов и пародий, проиллюстрированная им самим — **«Даты»** (2003).

Посл. время осн. внимание уделяет работе над трилогией, посвящ. жизни совр. об-ва, жизни страны кон. XX в. Перв. часть — роман **«Разгон»** — опубл. в 1991, вторая — ждет публи., третья — в работе.

В 2009 вышла кн. **«Эхо 3»**, дополненная новыми главами.

Проф. Международной Славянской АН, искусства и культуры (1998).

Соч.: Последнее построение. М., 1985; На контроле. Л., 1987; Разгон. Л., 1991; Эхо. Л., 1991; УНИК: Фантастический детектив. Л., 1992; Даты: Стих., рисунки. СПб., 2003; Эхо 3: Повесть .СПб., 2009; Цель поймана, товарищ министр!: Пьеса. СПб., 2010.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

Н. Пантелеймонов

КРУ́ДОВА Наталья Юрьевна [22.3. 1942, Нижний Тагил] — прозаик, детский писатель.

После окончания ср. школы и затем Школы дрессировщиков служебно-розыскных собак работала со служебными собаками в питомнике, в зоопарке, была консультантом в научно-популярных и худож. кинофильмах. Снималась в кино. Позже работала егерем, сторожем, пастухом.

Перв. публикация состоялась в 1967.

Член СП СССР (позже СП России) с 1988.

Соч.: Сиамская овчарка: Рассказы. Л., 1981 (1996); Сны Потапа: Рассказы. Л., 1982 (1985); Из какого копытца напиться: Рассказы. Л., 1986.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

КРУЖНО́В Юрий Николаевич [30.11.1944, Л-д] — искусствовед, литератор, журналист.

Отец — военнослужащий, мать — мед. работник. Учился в 189-й школе (8 классов), затем в веч. (до 10 класса). Кл. руководителем в средних классах была Наталья Григорьевна Долинина (Гуковская). Одновременно учился в муз. школе, после чего поступил в муз. училище при консерватории, на теоретико-композиторский отдел (по композиции класс Г. Уствольской). По окончании готовился в консерваторию на фортепианный фак-т, мечтал стать пианистом, но победила любовь к лит-ре. Были планы поступить в ЛГУ, но поступил в ЛГИТМиК, получил диплом театроведа (история русского театра), но вскоре понял, что театровед — не специальность, а хобби. Специальностью стали — ночной дежурный на з-де, радиотехник в театре, осветитель в цирке, тапер в хореографич. классах, столяр, краснодеревец, переплетчик, монтер железнодорожных путей, учитель музыки, риэлтор, библиотекарь. Но гл. занятием оставалась лит-ра. К тому времени уже был автором неск. детских книжек с муз. сказками (автор текстов), созд. в содружестве с композиторами С. Баневичем, Г. Банщиковым, Ж. Металлиди, Н. Лебедевым. Попутно печ. как муз. и театр. критик, историк музыки и театра, краевед в журналах, центр. газ. и сб. С 1967 по 1980-й служил в БДТ (звукооператор), с 1966 и по наст. вр. (с перерывами) сотрудник РНБ.

Редактор детского историч. ж. «Автобус», муз.-критич. ж. «Скрипичный ключ», культурно-публиц. русско-норвежского «Соотечественник в Скандинавии». Печ. во мн. российских ж. Более 270 ст. по истории быта, краеведению, музыке, театру и пр. Участник неск. энциклопедий, в т. ч. БРЭ, «Три века СПб.», «Приглашение в театр», «Культура Лен. обл.» и др. Многолетний редактор науч. сб. муз. отдела РНБ; науч. ред. и публикатор (Л. Мадонис «12 симфоний», Е. Мравинский «Дневники»; двухтомник воспоминаний и мат-лов о Г. Товстоногове; «Нахимовское училище»; «Три пьесы А. Гольдфадена»; сотрудничает как муз. историк и литератор с «Русской роговой капеллой» и др.).

По утверждению К., он никогда не верил в сюжет как естественное, жизненное явление. Воспринимает мир как ряд фрагментов, связанных в целое божьей волей и логикой, людям недоступной. В этом образцом для него стали Мелвилл, Джойс, Пруст. Оттого любимый стиль — японский «дзуйхицу» («следую за кистью»), т. е. гляжу на все непредвзято, легко, свободно. Любимые жанры — сказки и мемуары.

К. многолик в своих произведениях. Каждое соч. имеет повествователя со своим языком, стилем, жизненным опытом, мировоззрением, со своей внутренней культурой. Рассказчик в сказке **«Черная каша»** воспринимается человеком XVIII в. периода царствования Анны Иоанновны, манера речи кот. передана удивительно достоверно. Рассказчик мемуаров **«Легенды БДТ»** — человек поколения 1960–70-х, выступающий в роли скромного собеседника и соучастника событий, чьи герои предстают свободомыслящими и независимыми в своих действиях и поступках, а у читателя создается иллюзия присутствия и общения с актерами легендарного БДТ тех лет. К персонажам автор относится не как хроникер, но с вниманием и любовью. В **«Записках квартирного маклера»** рассказчик снова иной: не «спец», знающий тонкости обменного рынка, знакомый с техникой дела, но человек, мыслящий категориями времени. Роман-версия **«Экзамен в Царскосельском лицее»** — повествование от лица Г. Державина, прибывшего в 1815-м в Царскосельский лицей на экзамен. Слушая лицеистов, поэт то и дело погружается в дрему, и перед его внутренним взором проплывает его жизнь. Роман ироничен, парадоксален, фантастичен и в то же время убедительно реалистичен, документально точен. Произведения К. привлекают чистым русским яз., не засоренным совр. неологизмами, интонационными провинциализмами.

Печ. как юморист и пародист: неск. лет вел юмористич. уголок в театр. газ. «ПРОсцениум», выпустил кн. пародий **«Биографики»** (2012), **«Коммуналки навсегда»** (2012).

Автор передач для ТК «Культура», либретто детских мюзиклов (в содруж. с композитором Ж. Металлиди).

Соч.: Топ-Шлеп и огород: Муз. сказка // Смех да веселье. Л., 1973; Иван — крестьянский сын: Мини-опера на темы русских нар. сказок // Муз. театр. Вып. 2. Л., 1988; В новогоднюю ночь: Муз. сказка-игра для детей // Сыграем сказку. СПб., 1999; Черная каша (сказка из времен Анны Иоанновны). СПб., 2004; Легенды БДТ. СПб., 2007; Записки квартирного маклера. СПб., 2009; Zauberei [«Волшебство»]: Сказка. Wien, 2011; Wunsch [«Желание»]: Сказка. Wien, 2011; Экзамен в Царскосельском лицее: Роман-версия. СПб., 2011; Биографики: Кн. пародий. СПб., 2012; Коммуналки навсегда. СПб., 2012.

Арк. Илин

КРУСА́НОВ Андрей Васильевич [31.1.1958, Л-д] — прозаик, историк культуры.

Окончил Технологический ин-т (1981). Работал химиком-технологом в Ин-те синтетического каучука (1981–86) и науч. сотрудником в Ин-те геологии и геохронологии докембрия АН СССР (1986–91), с 1991 — в частных фирмах.

Был членом лит. группы «Гастрономическая суббота», в 1983–88 опубл. в одноименном самиздатском журнале ст. по истории и научно-философские эссе (под псевд. А. Орлов). Совм. с братом Павлом (под общим псевд. Г. С.) подготовил к публ. в ж. «Часы» перевод поэтич. цикла В. Кандинского «Звуки». Напис. неск. прозаич. произведений, в т. ч. повесть **«Красный сарафан»**.

В 1981 начал изучать историю русского лит.-худож. авангарда перв. трети XX в. Им было задумано исследование о русском авангарде в 3-х т. Три тома соответствуют этапам развития этого культурного явления: 1907–17; 1917–21; 1921–32. Стоит отметить, что работа К. над фундаментальным исследованием началась ещё в годы «застоя», когда эта тема была практически под запретом и не было перспектив её публ.

В 1990 пишет первый том задуманного труда. Издать кн. удается только в 1996: **«Русский авангард: 1907–32 (Ист. обзор): В 3 т. Т. I. Боевое десятилетие»** (СПб., 1996). В выпущенной изд-вом НЛО, первый том рассказывал о дебютном десятилетии отеч. авангардистов с 1907 по 1916.

В 2003 в двух книгах выходит 2-й том **«Русский авангард. 1907–32: Ист. обзор. Т. II. Футуристическая революция. 1917–21»** (М., 2003). Второй том исследования посвящ. расцвету авангарда, кот. пришелся на 1917–21. О жизни футуристов в М. и СПб. рассказывает первая из двух книг, о деятельности футуристов в провинции — вторая. В работе К. освещены отношения авангардистов с властью — с одн. стороны, и с народом — с другой. К. максимально полно, скрупулёзно и тщательно описывает историю развития движения.

Позднее возвращается к истокам авангарда, полагая, что их исследование оказалось недостаточно исчерпывающим. В 2010 выходит перераб. и доп. 2-е изд. первого тома, посвящ. 1907–17. Переработанное изд. в неск. раз превзошло по объему оригинал и вышло в двух кн. **«Русский авангард: 1907–32 (Ист. обзор): В 3 т. Т. I. Боевое десятилетие»** (М.: НЛО, 2010). В третьем томе К. дает описание истории заката русского авангарда (1922–32).

За время работы над историей русского авангарда К. опубл. десятки ст. об этом явлении. По К. авангард — это не «понятие», а «имя». К. настаивает на разделении термина «авангард» в широком и узком значении. В широком значении — это «все новаторские антитрадиционные устремления в искусстве независимо от их хронологии и идейно-художественной наполненности» (понятие исходит из семантики самого слова), а в узком смысле «русский авангард» — это «идейно-художественное движение» в культуре 1907–32. Чтобы избежать путаницы в терминах, К. предлагает именно так понимать и называть движение в русской культуре нач. XX в. с перечислением всех групп и движений, в него входивших, а термины «футуризм», «левое искусство», «левый фронт искусств» считать наименованиями, выступающими синонимами авангарда на разных его этапах. К. исследует русский авангард как емкое общекультурное явление, проявившее себя в самых различных сферах искусства: живопись, лит-ра, музыка, полит. деятельность, во взаимоотношениях с др. направлениями искусства. К. удается описать не только историю развития движения, но и воссоздать атмосферу, в которой оно формировалось и существовало. Газ. статьи, критич. фельетоны, письма, свидетельства и мнения очевидцев рассказывают о рецепции современниками нового искусства. Читатель получает уникальную возможность познакомиться с эстетич. вкусами и предпочтениями публики начала века, причем, учитывая географию собранных К. мат-лов, это публика не только СПб. и М., но и всей региональной России. Большая часть матлов архива и периодич. изданий опубл. К. впервые.

До К. в истории русской культуры не выделялись четкие и точные границы авангардного направления. К. называет точные даты: начало — зима 1907, т. к. именно зимой 1907 состоялись перв. выставки объединений молодых художников. До этого авангардисты не устраивали совм. выставок. В то же время критики впервые стали отмечать появление в живописи новых тенденций «левого толка».

Особо следует сказать о методе работы К. Дипломированный химик, К. подходит к исследованию культурного явления с позиций естественнонаучного метода. Эмпирика (кропотливый сбор всех возможных документальных источников, хранящихся в архивах: протоколы собраний, отчеты о дискуссиях, афиши, рец., воспоминания, газ. фельетоны, манифесты и т. п.) сочетается с теорией, кот. обрамляет обширный фактич. мат-л. Ещё одной чертой научности трудов К. служит соблюдение четкой хронологии в изложении воспроиз-

водимых мат-ла. Не имея профессионального филологич. образования, исследуя на протяжении неск. десятилетий одно из направлений в русском искусстве нач. XX в., К. становится теоретиком культуры, в своей деятельности ставя «вечные» вопросы теории лит-ры и искусства. Задаваясь вопросом о зарождении футуризма, К. поднимает вопрос о смене лит. направлений, о закономерностях лит. процесса: «...каким образом кризис одного направления искусства порождает другое? Почему в одних случаях порождает, а в других нет? Нужен ли вообще кризис в искусстве, чтобы возникло новое движение?».

Интересен вопрос о самом методе филологич. исследования. К. не дает ему назв., он просто тщательно собирает и комментирует мат-л в соответствии с хронологией, однако успех и высокое исследовательское качество его работы подталкивают к осознанию квалификации автора и целесообразности его метода. Так воссоздание эстетич. рецепции футуристов современниками на протяжении неск. десятилетий роднит метод К. с немецкой рецептивной школой литературоведения.

Публ. в ж. и альм. «Родник», «Васильевский о-в», «Русский разъезд», «Минувшее», «НЛО», «Сумерки», «Петерб. книжный вестник», «Новая русская книга». Пост. участник науч. конференций, посвящ. русскому авангарду.

Лауреат премии Международная отметина им. Д. Бурлюка, лауреат премии им. Андрея Белого в номинации «Критика» (1997).

Соч.: На пути к ничего // Родник. 1992. № 4; Дороги и тропы русского лит. авангарда: Эго-футуризм (1911–22) // Русский разъезд. 1993. № 1; Маринетти в России // Сумерки. 1995. № 16; Константин Олимпов. Возникновение эгопоэзии вселенского футуризма / Публ. и комм. А. Крусанова и А. Мирзаева // Минувшее: Ист альм. Вып. 22. СПб., 1997; «Заклятье смехом»: Футуризм в карикатурах // Хармсиздат представляет: авангардное поведение. СПб., 1998 (совм. с Б. Шифриным); А. В. Туфанов: Архангельский период (1918–19) // НЛО. 1998. № 30; Русский авангард: 1907–32. Ист. обзор. В 3 т. Т. I: Боевое десятилетие. СПб., 1996; Русский авангард. 1907–32. Ист. обзор. Т. II: Футуристич. революция. 1917–21. Кн. 1, 2. М., 2003; Русский авангард: 1907–32 (Ист. обзор): В 3 т. Т. I — Боевое десятилетие. Кн. 1, 2. М., 2010.

Лит.: Звягин Е. Парад русского авангарда // Смена. 1996. 17 окт.; Мышьяк З. Устарелый русский авангард // Веч. Петербург. 1996. 6 нояб.; Берг М. Русский авангард — первые десять лет // Коммерсант–Daily. 1997. 14 март.; Бирюков С. А. В. Крусанов. Русский авангард: 1907–32 (Ист. обзор): В 3 т. Т. I — Боевое десятилетие // Знамя. 1998. № 6; А. Л., И. К. XI Банные чтения «НЛО» (Концепт «современности» в истории культуры и гуманитарных наук. Москва. 3–5 апреля 2003 г. // НЛО. 2003. № 62; Осминская Н. Будетлянские хроники. Циклопы и орангутанги русского авангарда // НГ Ex libris. Вып. 43 (115). 2003. 21 авг.; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Золотоносов М. Русские в авангарде. Что Андрей Крусанов сделал с миром русского авангарда // Город–812. 2010. № 31. Сайт премии Андрея Белого <belyprize.ru>

А. Вичкитова

КРУСА́НОВ Павел Васильевич [14. 8.1961, Л-д] — прозаик, публицист, издатель.

Родился в семье служащих. Часть детства провел в Египте. Окончил ЛГПИ им. А. Герцена по спец. география и биология. В перв. пол. 1980-х активно занимался музыкой, был членом Лен. рок-клуба, участником группы «Абзац». В те же годы начал пис. прозу, был чл. лит. группы «Гастрономическая суббота», в 1983–88 участвовал в вып. одноименного машинописного ж. Дважды выступал с чтением прозы в «Клубе–81».

Работал осветителем в кукольном театре, садовником, техником звукозаписи, инженером по рекламе, печатником офсетной печ. С 1989 по наст. время работает на редактор. должностях в различных изд-вах («Васильевский о-в», «Тритон», «Северо-Запад», «Азбука», «Лимбус Пресс», «Амфора»).

Перв. кн. **«Где венку не лечь»** появилась в 1990, а позже в переработанном виде опубл. под загл. **«Ночь внутри»**. Основу романа составляет история семейства Зотовых, кульминация кот. пришлась на годы Гражданской войны. Осн. представители этой семьи отличаются неукротимым нравом и независимостью; действуя наперекор обстоятельствам и общепринятым нормам, они идут навстречу гибели, неизбежные предпосылки кот. несут в себе. Повествование, принципы организации кот. отчасти заимствованы у У. Фолкнера, ведется в неск. временных планах, одни и те же ключевые ситуации воспроизводятся различными рассказчиками, причудливым образом преломляясь в сознании каждого из них, в результате читатель пробивается к истине сквозь путаницу индивидуальных субъективных впечатлений, открывая в изображаемых событиях и характерах все новые грани.

В дальнейшем творч. манера К. эволюционирует в сторону постмодернизма. Подлинно широкую изв. К. принес роман **«Укус ангела»** (1999), отмеченный печатью влияния Х. Борхеса и М. Павича, а в изв. мере и созданных в 1980-е произведений отеч. писателей-постмодернистов, в кот. русская история стала объектом худож. игры («Палисандрия» С. Соколова, «Рос и я» М. Берга и др.). В ист. фантасмагории К. неотъемлемой частью Российской империи (изображенная в романе фантазийная Россия избежала рев. катаклизма и его последствий) является, наряду с Польшей и Финляндией, также и Турция. По ходу развертывания сюжета (в нем, наряду с человеч. существами, задействованы и всякого рода могущественные мистич. силы) правителем России становится осн. герой романа, харизматический супермен генерал Некитаев. По словам

К., в кн. прежде всего нашли худож. воплощение его размышления о сущности имперского сознания и о лежащем в его основе противоречии, кот. обусловлено тем, что присущее любой имперской государственности вожделение всемирности является для нее роковым и разрушительным: «Суть в том, что империя, кот. удастся воплотить идею всемирности, неизбежно погибнет. Империя не может жить вне границ. Ей обязательно нужны границы, за кот. ее ждет опасность, за кот. находится враг. Без внешнего сосуществования с опасностью империя деградирует. Воплощение идеи всемирности убивает идею империи». В отличие от романа «Ночь внутри», где каждый поворот тщательно продуманного и искусно выстроенного сюжета в полной мере отвечал логике изображаемых характеров и обстоятельств, в «Укусе ангела» иронич. автор распоряжается персонажами, как марионетками, демонстрируя свободу собств. демиургич. воли и фактически отказываясь от системы бытовых и психологич. мотивировок. В «Укусе ангела» значительное место занимает простой безоценочный пересказ хода фантазийных воен. действий, кот. ведет Россия, а также и др. псевдоисторич. событий, происходящих в причудливом фиктивном мире романа.

«Имперская» проблематика присутствует и в последующих романах К. В них, как и в «Укусе ангела», весьма активно действуют всякого рода сверхъестественные силы; их роль особенно велика в романе **«Бомбом»** (2002), гл. герой кот., молодой петербуржец Андрей Норушкин, приобщившись к мистич. тайнам своего древнего аристократич. рода, вступает в борьбу с Мировым злом. В романе **«Американская дырка»** (2005), действие кот. перенесено в 2010, осн. средоточием вселенского зла оказывается Америка, и с ней ведут борьбу положительные герои во главе с «трансцендентным человеком» Сергеем Курехиным (в соответствии с фантазийной логикой произведения, легендарный питерский музыкант, инсценировав в 1996 свою смерть, переквалифицировался в руководителя фирмы, кот., пользуясь неогранич. возможностями, весело мистифицирует друзей и беспощадно карает врагов). Реализовав, не без помощи высших сил, хитроумный план, герои ввергают США в тотальный политико-экономич. кризис: «Техас заявил о выходе из Союза Американских Штатов. Лузиана, Южная Каролина, Арканзас, Джорджия, Алабама, Миссисипи и Флорида опубликовали совместную декларацию о независимости... Вместе с тем в северных штатах на скот напал мор, а посевы зерновых пожрала невесть откуда взявшаяся саранча — федеральное правительство, фактически уже не способное управлять страной, попросило у мирового сообщества гуманитарную помощь». Впрочем, и уничтожение глав. противника не сулит положительным героям романа, апологетам великой России, спокойной жизни, поскольку, как объясняет в финале романа Курехин, империи во что бы то ни стало необходимы враги: «Как угодно, но без врагов нам нельзя — мы же империя».

Инвариантной в произведениях К., вплоть до «Американской дырки», является ситуация напряженных любовных переживаний, а порой и мук ревности героя, обусловленных стихийной непредсказуемостью его очаровательной пассии. В большинстве худож. текстов К. очень велика и роль групповой семантики, связанной прежде всего с деятельностью группы «Петерб. фундаменталисты» и специфич. образом жизни ее представителей, друзей и единомышленников К. В особенности же часто читатель в романах К. сталкивается с фигурой А. Секацкого и пересказом оригинальных концепций философа.

В романах К., начиная с «Укуса ангела», значительное место занимают философско-идеологич. диалоги и монологи персонажей. Увлечение философско-идеологич. риторикой, порой превращающее персонажей в рупоры имперско-патриотич. доктрин, вызвало достаточно резкие и язвительные замечания со стороны некот. критиков. Так, по словам А. Степанова, в романах К. «разговоры о судьбах России ведутся в магазинных очередях, во время купания на даче, чуть ли не в постели, и троечницы из института им. Герцена философствуют не хуже А. К. Секацкого». Особенно серьезные претензии такого рода вызвал роман **«Мертвый язык»** (2009).

В кон. 1990-х К. организовал и фактически возглавил группу «Петерб. фундаменталисты», деятельность кот. с самого начала вышла за чисто лит. рамки. Свое идеологич. позиционирование «Петерб. фундаменталисты» (в составе группы А. Секацкий, С. Носов, Н. Подольский, В. Рекшан и др.) построили на развенчании либерально-западнич. доктрины. С их точки зрения, эгалитарно-гуманистич. принципы постиндустриальной европейско-американской цивилизации несовместимы с духовно-мистич. основами российского историч. бытия; только имперская форма государственности способна нацеливать Россию на решение сверхзадач, требующих сверхусилий, т. о. обеспечивая великой стране полноценное и адекватное ее природе существование. При этом деятельность «Петерб. фундаменталистов» носит столь же серьезный, сколь и пародийно-игровой характер. Отчасти продолжая и творчески развивая ту традицию культурного андеграунда, кот. связана с эстетич. практикой М. Красильникова («филологическая школа»), хеленуктов, митьков, С. Курехина, группа органично соединила в себе респектабельность вполне солидной культурной и общественно-политич. организации со скоморошеством и юродством. Соответственно и К. в своих худож. текстах и в многочисленных инт. оригинальным образом совмещает сугубо серьезную пропаганду имперской идеологии с пародийно-ироническим ее же (идеологии) преломлением. Такая аксиологическая двойственность отчасти носит осознанный, эпатажно-провокативный характер, а отчасти возникает спонтанно, вопреки целевым установкам К.

В 1996–97 К. увлекся изучением карело-финского эпоса и переложил «Калевалу», существовавшую в виде ритмически организованных рун, в форму эпич. романа. Этот труд был высоко оценен специалистами.

С 1992 — член СП СПб. Лауреат премии ж. «Октябрь» за роман «Укус ангела». Финалист лит. премий «Сев. Пальмира» (1996), «АБС-премия» (2001), «Нац. бестселлер» (2003).

Соч.: Где венку не лечь. М., 1990; Одна танцую. СПб., 1992; Знаки отличия. СПб., 1995; Рунопевец. М., 1997; Отковать траву. СПб., 1999; Укус ангела. СПб., 2000;

Ночь внутри. СПб., 2001; Бессмертник. СПб., 2001; Бом-бом. СПб., 2002; Другой ветер. СПб., 2002; Действующая модель ада: Очерки о терроризме и террористах. СПб., 2004; Калевала. СПб., 2004; Американская дырка. СПб., 2005; Мертвый язык. СПб., 2009.

Лит.: Шуляк С. Общая теория русского поля // ЛГ. 2000. № 38; Данилкин Л. Русские челюсти // Афиша. 2000. № 11; Топоров В. Серапионы приходят с Северо-Запада // ЛГ. 2000. № 48; Мирзаев А. Белое перо // Питерbook. 2000. № 8; Клех И. «Стрекозиные песни» Крусанова // Знамя. 2001. № 4; Славникова О. Экспансия. Опыт обозрения актуал. кн. серии // Новый мир. 2001. № 6; Козлов Е. Неомифологизм в петерб. прозе девяностых // Звезда. 2001. № 11; Сараскина Л. Активисты хаоса в режиме action // ЛГ. 2002. № 8; Топоров В. Заснул пьяным, а проснулся знаменитым // Известия. 2002. 20 апр.; Волков М. Павел Крусанов: Бим-бом // Новая русская кн. 2002. № 2; Кириллов И. Правый вальс. О прозе П. Крусанова // День лит-ры. 2002. № 6; Куклин И. Башней вниз // НГ Ex libris. 2002. 6 июн.; Владимирский В. «Магический реализм», русская версия // Звездная дорога (Красногорск). 2002. № 7–8; Винников В. Герой, император, царь... // День лит-ры. 2003. № 1; Латынина А. Трикстер как спаситель России // Новый мир. 2006. № 2; Степанов А. Павел Крусанов. Мертвый язык [Рец.] // Прочтение. 2009. № 9; Жариков С. Иероглифы монолога // Книжное обозр. 2009. 9–15 нояб.

А. Большев

КРУТИКОВА-АБРА́МОВА (наст. фамилия — Крутикова) Людмила Владимировна [23.9.1920, Л-д] — литературовед, критик, прозаик.

Училась в лен. школе, в 1938 поступила на филологич. фак-т ЛГУ. После 3-го курса, летом 1941, была эвакуирована из Л-да. Оказалась в оккупации (Славянск, Украина). После освобождения Донбасса продолжила обучение на филфаке Харьковского ун-та, кот. закончила в 1945, недолго работала учителем лит-ры в школе Славянска. В 1946 поступила в аспирантуру ЛГУ. В 1949 дис. была снята с защиты по анкетным данным автора («нахождение на временно оккупированной территории»).

Тогда же в 1949 решалась личная судьба К.-А. Ее близким другом стал аспирант Ф. Абрамов, переживший тяжелое ранение на передовой, блокадный госпиталь, трагедию крестьянской жизни в тылу. Они решили начать совм. жизнь. Но отмена защиты дис., отсутствие жилья и средств осложнили ситуацию. К.-А. получила в М. назначение в Белорусский ун-т (Минск), там защитила канд. дис. и в 1951 вернулась в Л-д, где Абрамов после аспирантуры преподавал на кафедре сов. лит-ры. К. долго не могла найти в Л-де работу по специальности, читала лекции в ин-тах Петрозаводска и Кировограда. Только в 1955 была принята на кафедру истории русской лит-ры филфака ЛГУ. Одной из первых К. начала изучать тв-во И. Бунина, имя кот. на родине тогда замалчивалось, читала спецкурс (**«Проза И. Бунина»**), вела спецсеминары, читала д-ды на науч. конф. в Л-де, Ельце, Орле. Опубл. более 20 ст., среди кот. наиболее значимы **«Прочитан ли Бунин?»** (1968) и предисл. к изд. русского классика. Помогала Абрамову, кот. с великим трудом осуществлял свое писательское призвание: много времени отнимала преподавательская работа в ун-те (только в 1958, опубл. роман «Братья и сестры», Абрамов оставил ун-т). В эти годы его писательская судьба складывалась нелегко: четыре года молодой семье пришлось жить на доцентскую зарплату К. Но главным тогда была творч. поддержка: в пору сомнений писателя, К. написала ст. о романе «Дом». В юбилейном слове в день своего 60-летия Абрамов отдал должное жене-«соратнику», сказав, что их брак — «брак социологии и нравственности» и что без К. ничего не делает ни в жизни, ни в лит-ре.

Ради помощи Абрамову в 1978 К. оставила ЛГУ, отказавшись от завершения докт. дис. В 1982 писатель тяжело заболел. В мае 1983, накануне роковой операции, он сказал: «Я думаю, все будет хорошо. А если катастрофа — живи за двоих и заверши мои писательские дела». Почти 30 лет К. выполняет этот завет. Издает и переизд. кн. Ф. Абрамова, его воспоминания, письма, ст. о нем, восстанавливает по рукописям его незавершенные произведения. Среди публ. наиболее значимы «Собр. соч.: В 6 т.» (1990–95), «Слово в ядерный век» (1987), «Так что же нам делать?» (1995), незаверш. роман «Чистая книга» (2000), «О войне и победе» (2005), «В мире Федора Абрамова» (2005) и наиболее актуальные в наше вр. — «Светлые люди» (2007), «Душа и слово» (2011). Своеобразной монографией о тв-ве Абрамова стал сб. статей К. **«Жива Россия»**.

Среди ст. и воспоминаний выделяется докум. повествование К. **«Дом в Верколе»** (1988). В повести обнаруживает себя движение времени: каждая глава — год, с 1974 по 1982, когда Ф. Абрамов бывал в своем Доме в Верколе. Звучат два голоса — абрамовский, через его дневниковые записи, другой — воспоминания К. о пережитом. В ред. ж. «Наш современник» этого двухголосия не услышали и... не указали в первом из двух номеров ж. имя автора над заголовком.

По инициативе К. и при ее участии был создан лит.-мемориал. музей Абрамова в Верколе. В Л-де (СПб.), М., Архангельске, Карпогорах, Верколе многократно проводились науч. конференции и вечера памяти. В них принимали участие писатели, критики, литературоведы, театр. деятели, в т. ч. реж. Л. Додин и артисты Малого драм. театра (ныне Театра Европы), на сцене кот. поставлены и успешно идут произведения Абрамова. К. была и энтузиастом возрождения Веркольского монастыря (1990).

В ст., кн. и выступлениях К. раскрывает масштаб личности и тв-ва Абрамова, значение его Слова, кот. и сегодня продолжает «будить Человека в человеке».

Награждена лит. премией им. Ф. Абрамова (2008), Всероссийской Православной лит. премией им. Александра Невского (2010).

Соч.: А. И. Куприн. Л., 1971; Верность призванию // Бунин И. Избр. М., 1970; «Ах, эта самая Русь!..» // Бунин И. Деревня. Л., 1981; Дом в Верколе: Докум. повесть. Л., 1988; Жива Россия. Федор Абрамов: Его книги, прозрения и предостережения. СПб., 2003.

А. Рубашкин

КРЫЖАНО́ВСКИЙ Андрей Олегович [13.2.1950, М. — 1.12.1994, СПб.] — поэт, прозаик.

Родился в семье ученого-энтомолога, проф. ун-та. Внук драматурга Евг. Шварца, оказавшего на будущего поэта заметное влияние. От этой родовой смеси, вероятно, возник интерес К. к лит-ре, музыке, авиации, космонавтике и мат-ке одноврем.

С юных лет жил напряженной духовной жизнью, отличался широким кругом интересов. Стихи слагал с детства, обладал редким даром поэтич. импровизации. «Андрей брал наугад записки с предложенными темами — и читал стихи,— вспоминал его друг Д. Равинский. — Это были не буриме, не бойкое виршеплетство это были стихи. Настоящие... Лишь одну предложенную тему Андрей тогда не смог "воплотить". В записке было написано: "Все хорошо! Все хорошо! Все хорошо!!!" Андрей начал, но вскоре сбился и, со своей извиняющейся улыбкой, объяснил: "Так не бывает..."». Возможно, с этой природной легкостью версификации связаны изв. недостатки некот. ранних стихов К.: многословие, рассудочность. О времени (поэтич.) взросления писал: «Как труден мне из детства переход / во взрослость. Я хотел остаться в детстве, / а жизнь рекой то радостей, то бедствий / уже включилась в дело и несет...».

Учился в лен. математич. школе № 30, по окончании кот. в 1967 поступил в Воен. мех. ин-т, но той же зимой перенес тяжелый грипп, давший осложнение на сердце. За время болезни обратился к истории России, прочел «Петра Первого» А. Толстого, недоумевал: «Меня всегда удивляло, что в то время, как во всей Европе были каменные дома, дворцы, современные города, механики, математики, Шекспир, Мольер, Корнель, Расин, Лафонтен, суперинтендант Франции господин Фуке, три мушкетера и буржуазные революции в Голландии и Англии, в России носили кольчуги и панцири, бояре ходили в трех шубах и смотрели в слюдяные окна, дома были деревянные, а литературы не было вовсе. Странно, странно... Петр, безусловно, очень положительная личность...». В 1968 оставил Воен.-мех. и перешел на филологич. фак-т ЛГПИ им. А. Герцена (окончил в 1974).

Для дипломной работы К. выбрал «Преступление и наказание» Ф. Достоевского и напис. выпускное соч., высоко оцененное акад. Г. Фридлендером, кот. предложил выпускнику ЛГПИ принять участие в комм. академ. ПСС Достоевского (1972–90). Комментарии К. опубл. в 15 т. (1976) и 26 т. (1984) ПСС классика. К. решил было поступить в аспирантуру ИРЛИ, но получил отказ, т. к. в то вр. Пушкинскому Дому требовались специалисты по Салтыкову-Щедрину. И К. устроился преподавателем русской лит-ры в ПТУ. Позже, в кон. 1980-х, он писал, что поступление в аспирантуру могло бы «высушить его как поэта». Но большая пед. нагрузка в училище мешала К.: «Отсюда надо уходить,— запишет он 22.1.1975,— так или иначе — работы много, денег мало и никаких надежд на самосовершенствование нет» (Речитатив. 1996. № 1–2). Он устроился оператором котельной при ЛГПИ, дежурства в кот. предоставляли ему своб. время. Эту работу он не считал, однако, неким временным прибежищем, удобной «нишей» для фрондирующего «поэта-кочегара», к делу подходил ответственно и вскоре «вырос» до поста гл. механика, о чьей плодотворной деятельности, о наведенном им порядке через много лет вспоминали бывшие подчиненные. «Я вообще так воспитан, что любую работу стараюсь делать хорошо»,— признавался К. Обретенный опыт отразился в стихах: «Автопортрет в знакомом антураже: / верхи котлов в пыли и хлопьях сажи, / огонь, чугун, вода и вечный бич / таких котельных — ломаный кирпич; / в стене дыра, а в ней лежит, как мячик, / себе хвостом нагрудник щекоча, / довольный кот — он тоже род бича, / до вечера свернувшийся в калачик...».

Философские и гражданские позиции К. вырабатывались в мучительных раздумьях, спорах, в т. ч. с самим собой. «Слишком уж что-то этот самый мир стал несимпатичным и безнадежным...» — писал он в 1975. К. увлекали различные стороны жизни, он старался всё осмыслить, обращался к классикам философии, старался сопоставить свои мысли о смысле бытия с их толкованиями. И все это отражалось в его поэзии: «Я пил вино. Я мудрости слепящей / Изведал больше всех. Я строил, я любил, / Я предан был и смерти ждал разящей, / Но кто так смел, что изречет: я жил». Это четверостишие — будто бы переведенное из «Экклезиаста».

По мере напис. стихов К. группирует их в сб. — **«Идешь один...»** (1980) и **«Странник»** (1984). Они не заинтересовывают ни одно изд-во. Конференция молодых писателей Северо-Запада 1987 реком. «Сов. писателю» сб. стихов К. **«Звездный муравейник»** к публ. Руководители конференции заручились и поддержкой Е. Евтушенко: «Мною внимательно прочитана рукопись книги Андрея Крыжановского "Звездный муравейник",— писал он. — Лично я не знаком с ним, и мой отзыв абсолютно объективен. Книгу отличает завидная профессиональная надежность формы, выношенное содержание.

Мне известно, что эта книга — 3-й год в Вашей редакции... Если "тянучка" с этой книгой будет продолжаться, боюсь, что мне придется печатно высказаться по этому поводу. Это Вам мой добрый совет, а никакая не угроза. Потом Вам же самим стыдно будет за то, что Вы эту книгу держали так долго под сукном. Рекомендую книгу Крыжановского к печати». И подписал: «Секретарь СП СССР, лауреат Гос. премии СССР Евг. Евтушенко». Однако сб. К. пролежал еще три года и был вып. в составе кассеты «Октава» в 1990. Поэт предстает здесь уже в своем зрелом качестве, мысль становится завершенной, заостренной, порой до парадоксальности, самый стих обретает упругость и точность: «Бессонница, работы лучший друг, / круг от настольной лампы, а вокруг / знакомых книг осмысленная давка — / чужие голоса, металлолом, / который, как в мартене, под пером / хозяина проходит переплавку. / Читаешь днем: "Поэзия — добро", / а ночью спотыкается перо / о формулу, в которой однобокость / заключена, и подбивает бес / вписать над строчкой, ей в противовес: / "Поэзия — знак равенства — жестокость"». В сб. вошла небольшая часть стихов из «Странника» и одно из «Идешь один...» — **«Памяти Д. Д. Шостаковича»** (1975): «...Это странный мир / разъединенностей полярных, / где символ времени — пунктир, / а значит с нами все страшней / происходящего в природе — / мы отделились от корней, / их нет ни в почве, ни в народе». В предисл. к сб. Е. Игнатова писала, что «эта книга — об обретении корней, о поисках нравственной опоры — в любви, в сострадании человеку, в культуре», и отмечала: «Мне хотелось отметить цветовую яркость, предметность и точность детали в стихах Андрея Крыжановского. И присущее лучшим из них глубокое дыхание, вольную естественность подлинной поэзии».

В 1991 принят в СП СССР, вскоре избир. зам. председателя секции поэзии, а позже предс. Казалось, теперь журналы предоставят поэту свои страницы. Однако лишь четыре стих. опубл. в «Звезде». В 1992 К. затевает на свои средства, кот. едва хватает на жизнь, ж. поэзии «Речитатив» (первый и единственный в стране поэтич. ж.) с подзаг. «Поэзия, эстетика, критика», в кот. собирается печатать молодых, начинающих поэтов. Ему удалось собрать 4 номера, но он успел изд. лишь первый, выпущ. тиражом в 50 экз. Жена К. продолжила его дело. Последующие выпуски имели тираж 500 экз., а иногда и 1000. Всего выпущ. 8 номеров. Один из последних, № 1–2 за 1996-й, посвящ. самому К. В номере помещено большое кол-во его стихов, рассказы, часть переписки, воспоминания о поэте. А часть № 1 за 1997-й посвящ. 100-летию деда К. — Евг. Шварцу, где опубл. лучшее, что им было напис. в жанре поэзии, а также **«Из неопубликованного»** самого К.

«Стихи Андрея философичны, но это не философские стихи, кот. не могут устоять перед соблазном афоризма,— как бы подводил итоги Н. Крыщук. — В них он по-настоящему, т. е. по составу мысли и переживания, сложен, но именно поэтому же никогда не эффектен. И петербургские они не по тематике и не в силу прописки автора, а потому, что подчеркнуто архитектурны в своем строении, соразмерны сосредоточенности и экономны при выборе слов».

К. умер внезапно от сердечного приступа.

Соч.: Стихи // Молодой Л-д. Л., 1989; Звездный муравейник. Л., 1990; Разбитую чашу не склеишь навеки... Входит, как будто готовый открыться... Смотрят с овального дагерротипа... Стансы // Звезда. 1990. № 11; Один из многих // Новый мир. 1991. № 1; Заявочный столбик // Васильевский о-в. 1991. № 1; Когда нельзя помочь // Уроки гнева: Сб. Вып. 7. Л., 1994; [Из лит. наследия] <Стихи> / Публ. Н. Крыжановской // Звезда. 1995. № 10; Стихи // Континент. М.; Париж, 1996. № 87; Стихи // Звезда. 2004. № 12.

Лит.: Гампер Г. Испытание абсурдом // Звезда. 1991. № 6; Крыщук Н. Портрет на фоне ист. пейзажа: К 10-й годовщине со дня смерти // Звезда. 2004. № 12.

Евг. Биневич

КРЫЛО́ВА Элла Николаевна [1967, М.] — поэт, прозаик, лит. критик.

По окончании школы сменила неск. профессий (лаборант, оператор ЭВМ, инструктор журнальной группы отдела распространения изд-ва «Известия», референт директора коммерческой научно-внедренческой фирмы). Много путешествовала

(Кольский полуостров, республика Коми, Крым, Кавказ, Прибалтика, Финляндия, Швеция, Франция). Занималась живописью, классическим вокалом. В круг интересов, помимо поэзии, входят история искусств, философия, религия в синтезированном единстве Востока и Запада.

Дебютировала как поэт в ж. «Знамя» в 1991 (№ 8). В 1993 переехала в СПб.

Стихи публ. в ж. «Знамя», «Дружба народов», «Юность», «Звезда», «Золотой век», «Арион», «Крещатик» (Германия), «Millelibri» (Италия), «Бостонский курьер» (США), «День и ночь» (Красноярск), «Вестник РХД» (Париж), «Вестник Европы», «Каштановый дом» (Украина), «На любителя» (США), «Borussia» (Польша); в антологиях «Строфы века», «Russian women poets» (США — Англия), «Поэзия третьего тысячелетия» (Германия), «Аничков мост» (СПб.). Проза публ. в ж. «Знамя», «Русский журнал в Атланте» (США), «День и ночь» (Красноярск), «Арион», «Звезда».

На тв-во К. откликнулись приветственными отзывами И. Бродский («Бостонский курьер», 1995; названа им в числе «дышащих в затылок»).

В. Кривулин («Цирк «Олимп», Самара, 1995): «Виртуозное владение поэтической формой (разнообразная ритмика, сложная строфика, изы-

сканная рифмовка, богатая аллитерированность, роскошная звуковая фактура стиха) не является главным достоинством стихов Крыловой, кот., в отличие от подавляющего большинства современной поэтической продукции, содержательны в лучшем смысле этого слова. Это редкая для нашего времени подлинно философская поэзия, поэзия безжалостной и оголённой мысли, принимающей подчас вид причудливый, сюрреалистически-деформированный, но именно потому — актуальный».

С. Липкин («ЛГ», 1993): «Стих Крыловой сложен, резко ассоциативен, но никогда не заумен, потому что умён. Автор так ценит мысль, так жаждет её, что порой и музыку подчиняет мысли. С юношеским бесстрашием (да и с насмешкой над собой) Крылова признаётся: "Я жажду смысла. Даже если смысл / не столько трансцендентен, сколько кисл". Истинная поэзия — в сочетании острой, головокружительной новизны с бескорыстным и упрямым утверждением того, что было до тебя и что не умирает. Если придерживаться этого правила, то "**Прощание с Петербургом**" следует признать событием в современной русской поэзии».

Отмечена экспертным советом из восьми изв. лит. критиков (М. Айзенберг, Д. Бак, Н. Иванова, В. Кожинов, А. Немзер, Д. Новиков, С. Рассадин, Б. Сарнов) при составлении рейтинга «Лучшие поэтессы XX века» (ж. «Стас», 1997, № 5).

Стихи перев. на итальянский, финский, польский, английский яз., на иврит.

Папа Римский Иоанн Павел II удостоил К. одобрительного напутствия (Rappresentanza della Santa Sede nella Federazione Russa, письмо от 6.9.99).

Член СП СПб.

Соч.: Прощание с Петербургом. М., 1993; Апокриф. СПб., 1998; Созерцатель. СПб., 1999; Спаси и сохрани. СПб., 2000; Синева. СПб., 2001; Пчела на левкое: Избр. М., 2001; Цветок пустоты. СПб., 2002; Простор. СПб., 2002; Чайки над Летой. СПб., 2003; Жестокие звезды. М., 2005; Транзит. М., 2007; Песни земли. М., 2008; Высота: Избр. М., 2008; Новые стансы к Юлию: Избр. М., 2009; Мерцающий остров. СПб., 2010; Акустика грота. СПб., 2010; Бирюлёвская лира. СПб., 2011; Не приминая трав. СПб., 2011; Избранные стихотворения. Дублин, 2011; Райские яблоки: Собр. стихов. СПб., 2012; Бамбуковая хижина. СПб., 2012; На окраине Третьего Рима. СПб., 2012; Сон Фиолента. СПб., 2013.

Лит.: Померанц Г. В когтях орла // Искусство кино. 2000. № 8; Яропольский Г. Полотно для ангелов // ЛГ. 2012. № 36.

КРЫЩУ́К Николай Прохорович [27.9.1947, Л-д] — прозаик, критик, публицист.

В 1971 закончил филологич. фак-т ЛГУ. Дипломная работа — «**Предметная деталь в лирике Блока**» (семинар проф. Д. Е. Максимова). В 1971–72 служил в армии, с 1972 по 1975 — лектор в Ленконцерте. С 1975 по 1979 занимал должность ст. ред. в изд-ве «Детская лит-ра». С 1979 по 1981 — референт СП Л-да. В 1981–84 — зав. отделом критики и публицистики ж. «Аврора», с 1984 по 1987 вёл в «Авроре» авторскую рубрику «**Тетрадь писателя Николая Прохорова**», в 1987–90 заведовал отделом критики и публицистики ж. «Нева», в 1990–93 возглавлял петерб. ж. «Ленинград». В 1993–2003 — ведущий авторского канала «Невский проспект» на «Радио России». С 1992 — пост. автор газ. «Первое сентября». Член СП СПб. и Союза Российских писателей.

Печ. в альм. и сб. «Хочу все знать», «Тебе, Петербург», «Перечитывая заново», «Знаменитые универсанты», «От Распутина до Путина», «Комарово-Келломяки», «Культура и общество» (альм. Фонда им. Д. Лихачёва (составитель): 2005. Вып. 1; 2006. Вып. 2–3). Кроме того, статьи, инт., эссе, проза опубл. в ж. «Нева», «Звезда», «Дружба народов», «Лит. учёба» «Искусство кино», «Зинзивер», «Вышгород», «Таллинн», газ. «ЛГ», «Первое сентября», «Лен. правда», «Петерб. литератор», «Дело» и др.

К. родился в семье офицера, мать пережила блокаду Л-да, вырастила троих сыновей, потеряла дочь. Детские впечатления играют существенную роль в лит. рефлексии К. Уже зрелым писателем он пишет большой рассказ «**Дневник отца**». По словам одного из критиков, он «по своей жесткой энергетике "непридуманного" претендует на эпос». «Если бы это была обычная архивная публикация,— пишет О. Лебедушкина,— <...> если бы это был квазинаучный текст, каких множество, то не о чем было бы говорить. Но комментатор-сын иногда нарушает такие границы, одно приближение к кот. кажется кощунственным. Тем не менее, вот отцовский текст <...>: "Паня, сломив над головой руки, упала на кровать, обливаясь слезами... Так окончилась наша жизнь, кот. мы так долго ждали, так началась война, о кот. мы не мечтали". Вот — сыновний комментарий, <...> сжатый до предельного напряжения трагический сюжет очередной семейной эпопеи: "Перечитывая эти записи, я бормочу про себя что-то вроде: замечательные, бедные, бедные... Жизнь комкала и уничтожала их, как будто за что-то мстила. И так поколение за поколением. А эти вечные скитальцы, служилы, гуляки и приживалы продолжали чувствовать себя хозяевами жизни и жить верой в прекрасное и справедливое будущее, кот. вдохнул в них дьявол". ...Здесь аналитический нож режет по слишком живому, интимному, своему... Текст — целиком в пространстве непридуманного, и от этого больней думать о том, насколько правомочен этот выстраданный "эстетический" подход по отношению к самому близкому, а главное — любимому, насколько отцовские заметки под наивно-пафосным названием "Боевой путь" вообще *подсудны*... И тогда главной проблемой становится — куда нам девать нашу любовь, кот. никуда не деть, и как совместить трезвомыслие с состраданием, обожание — с беспристрастностью».

Писательство К. являет собой картину жанрово разноликую. Биографич. книга о Блоке, эссе, повести, рассказы, романы. Но при любом жанровом предпочтении слово К.-прозаика восходит к слову поэтическому. Оно осязаемо, чувственно, его смысл нередко концентрируется в метафоре. Можно сказать, что мысль у К. рождается из поэтически напряженного переживания, или, напротив, переживание провоцируется раскаленной мыслью. Текст, не пренебрегая повествовательностью, стремится к притчевости и являет собой «бесконечность в кратком изложении», как назвал К. одно из своих эссе. Именно это особенное свойство позволяет К. писать в исповедальной манере о жизни «внутреннего человека», толкающего неприкаянных персонажей прозаика к скитальчеству. Образ этот возникает уже в книге о Блоке.

Письмо К. являет собой плотную и органическую вязь интеллектуальности и чувственной метафоричности, редкую в совр. худож. практике непринужденную слитность разных способов освоения жизни.

Лит. пристрастия и способ освоения жизни К. начали складываться в студенч. юности, когда он занимался поэзией Серебряного века. Оттуда стремление к смысловой концентрации, умение услышать в слове культурное эхо, уловить в конкретном, сиюминутном движение времени. Это свойство отметили члены жюри «Студенческого Букера», присудив автору романа «Кругами Рая» премию «за смелую попытку провести повествование по тонкой грани между мгновением и вечностью».

В опр. мере это темы Блока, одного из, можно сказать, архетипичных героев К. с их взвинченной меланхолией, бурлескной иронией гиньоля, страстными иллюзиями и скорым, смертным разочарованием в них. Блок, близкий К. по душе и исповеданию, появился не сразу. Прежде был Мандельштам, поразивший синкретизмом — связью с жизнью по ассоциациям, как бывает в детстве, вне причинно-следственных связей, напрямую из пра-жизни. В сохранении этого ощущения — по признанию К. — трудный удел художника. Под влиянием стихов Мандельштама и Блока начал возрастать у будущего прозаика вкус к поэтич. видению жизни, к поэтически-предметному её выражению.

В своих книгах К. ищет разрешение трех важнейших для него онтологич. проблем. Проблема раннего самосознания, проблема пути, т. е. преемства и предания, и, наконец, связанная с предыдущими — проблема понимания другого.

С детства развитая философская рефлексия сильно отразилась на лит. практике К. Так, будучи покорен А. Платоновым, К. долгие годы намеренно его сторонился. Опасался и обнаруженного у Гоголя гротеска как крайнего в своей правдивости жеста. Платонов и Гоголь парадоксально наложились у К. на философскую эстетику Герцена. В этом треугольнике писатель и нашел нечто органичное самому себе. Интеллектуальная метафора Герцена в сочетании с гротеском приблизили к пониманию собств. стиля. Разговорная раскованность на грани фола, вероятно, подпитывается у К. памятью о «подпольном человеке» Достоевского. Впрочем, все это условно, и вряд ли К.-автор может дать себе в этом полный отчет. Во всяком случае, срамность, скандальность признаний героев Достоевского в прозе К. есть. Но такой жест обеспечивается скорее личной дерзостью, чем лит. преемственностью.

Важен в этом смысле большой труд К. **«Искусство как поведение (Книга о поэтах)»**, уже одним своим этически-эстетическим названием, взятым у Пришвина, многое объясняющим в особенностях восприятия писателем культуры: тропы житейские связаны таинственным образом с тропами поэтическими.

Ко втор. пол. 1990-х движение К. к худож. прозе окончательно оформилось. Примечательно, что написанная в свободной, стилизованно дневниковой манере **«Стая бабочек. Способ моего проживания»** и вслед за нею **«Стая бабочек, или Бегство от биографии»**, проходя путь от журнальной публикации до отд. издания, изменила своё название, точнее, внесла в него иной смысл. Автор пытается увидеть свое в тысяче лиц, то роднясь с ними, то трезво отталкиваясь. Книга исповедальная, но и остраняющая, театр для себя.

При этом в К. ни на секунду не ослабевает интерес к другому человеку. Десятки интервью в «Первом сентября» и «Деле» — Кушнер и Володин, С. Лурье и Померанц, Арьев и Гранин, Рост и Гордин. Неожиданна книга **«Биография внутреннего человека»**. Монологи социологов и религиозных деятелей, художников и поэтов, записываемых К. на протяжении почти десяти лет. Портрет поколения, завершаемый «Дневником отца», получившим в 2005 премию им. Сергея Довлатова.

Перестроечные дела вывели К. к радиожурналистике. На оппозиционном тогда «Радио России» К. создал авторскую программу **«Ностальгия, каналья»**: ностальгия по БДТ, по Парижу, в кот. мы не бывали, разговор с Д. Лихачевым об играх детства и др.

Выразительным штрихом миропонимания К. может служить отрывок из его эссе **«Возвращение к чувству»**: «...из нашей культуры и просто из восприятия жизни исчезло чувство значительности. Значительности чего угодно: любви, природы, смерти, музыки, слова, человеческой жизни. Как вернуть себе это чувство, без кот. жизнь лишается радости, слабеет сознание ответственности, поиск целого, и мир неуклонно, под веселые песни, звон бокалов или, напротив, усердный тренинг и прочие оздоровительные мероприятия приближается к своему концу? Целые народы и страны в этом состоянии не могут договориться о самых внятных, казалось бы, вещах, президенты валяют ваньку не хуже, чем мы в своих разнообразных тусовках. Как быть?». На эти вопросы и пытается ответить писатель в своем своеобразно странническом романе **«Кругами рая»** с молодым героем Алексеем, личность и душевные неурядицы кот. вызывают в памяти «трудное дитя жизни», Ганса Касторпа из романа Т. Манна «Волшебная гора». Вопросы от века простые, однако, вряд ли успешно разрешаемые, хотя речь всего лишь о семейной драме, вырастающей до космической катастрофы. Подобными же вопросами К. задаётся и во втором — литературно и философски более изощрённом — романе **«Ваша жизнь больше не прекрасна»** (2012).

Книги К. — с пристрастием к мучительному самоанализу и беспощад-

ной самоиронией — как кажется, следуют путем Достоевского, а в философском плане словно бы вырастают из абсурда Камю. Или из интуитивизма Бергсона, с его утратой веры в «человека внешнего», т. е. человека поверхности и «равномерного прямолинейного движения». Словом, книги К. странные и сокровенные, что, собственно, и является важнейшим их свойством.

Отличительным признаком романа «Кругами рая» явилась «богоискательская» подоснова романа, неотделимая от авторской трагикомической иронии. Роман — о людях, еще вчера любящих и «симфонически» друг с другом согласных, а нынче разлаженных, разведенных в разные стороны безлюбьем. Отчаявшись вернуться в лад семейного согласия и любви, они пытаются доискаться истоков и причин душевного ненастья.

Роман «Ваша жизнь больше не прекрасна» — роман- трагифарс, с трагедией и фарсом, попеременно и плавно проникающими друг в друга. Герой романа — человек решительного недоумения, являющегося формой неприятия сложившихся порядков жизни. В духе толстовского «простодушия» он всматривается в мир, дивясь внезапно обнаруженной его (мира) намеренной уплощенности.

Неск. слов о фабуле романа. Костя Трушкин, изв. в Петербурге радиожурналист, неожиданно и, словно бы мнимо, умирает. Точнее говоря, впадает в странно обострившееся состояние ума и чувства, когда тайная, невидимая подоплёка городской жизни и нрав людей становятся для него видимыми и явными. Первое «посмертное», как бы визионерское, путешествие приводит его в похоронное бюро, куда он является за справкой о собств. смерти. Услышав неск. бессмысленных чиновничьих ответов, он выходит в город и, встретив друга-коллегу, пытается выяснить у него суть с ним происходящего. Оказывается, во-первых, весть о его смерти и до самых близких, и до самых дальних его знакомых давно дошла и никого не удивила. А во-вторых, сами они давно пребывают в состоянии омертвения (омертвения, правда, иного — добровольно-принудительного). И потому, успокаивая Костю, друг предлагает ему смириться и принять как необратимо свершившееся своё новое (и, не только своё, но и общегородское) состояние «социально-психологического» бытия. Принять и продолжить путь к месту службы, на радио, где Трушкина ждёт важная запись. В самом деле, там его ждёт не только важная запись, но и важный разговор с начальством. Каковое поручает ему составить посмертное слово, сообщающее о кончине крупного и весьма вольнодумного учёного Антипова, кот., как вскоре выясняется, жив и здоров. Некролог этот, задуманный в неких высоких кабинетах, оказывается, в конце концов, не столько вторым (вслед за мнимой смертью героя) поворотом фабулы, сколько её прямым движителем. Сопротивляясь явной лжи, герой пытается бежать и, передвигаясь внутри Дома радио, запутывается в непроходимом хтоническом лабиринте, населённом как раз именно этими уплощенными людьми. За ним, а, вернее, за кассетой с некрологом Антипова, начинается охота. В конце концов, герою удаётся бежать, но, похоже, он все равно гибнет. На этот раз всерьез. Хотя в финале автор словно ставит многоточие.

Путь «простодушного» героя пролегает внутри причудливого, а то и пречудного сюжета. Пречудного в своей вековечной русской обыденности — канители русского чиновничьего крючкотворства и интеллектуального конформизма. И в то же время всё происходящее развивается по законам будоражащей душу «мысли о себе как о себе». Е. Скульская так оценивает сюжет: «В какой момент в нас атрофировались человеческие чувства? Отчего жизнь похожа на небытие? Если большинство, поставив вопросы, уходит от ответов в фантастику, умозрительные конструкции, мистику, сказку или сюрреализм (столь же искусственно сконструированный), то Крыщук — первый — решается дать и убедительные ответы. И, что характерно, с помощью своего "маргинального", "несвоевременного", "нелепого" героя-рассказчика. Его Трушкин — едва ли не блаженный, по жан-жаковски, трагически простодушно недоумевающий при виде цинической сумятицы нравов и предательства душ. Иногда кажется, что эти записки, со всей их душевной откровенностью и готовностью совеститься, с упоительно свежим, метафорически насыщенным языком, где каждая строчка может при необходимости стать начальной строкой стихотворения, и безбоязненной простотой слова разговорного, принадлежат перу князя Мышкина. Глубокая, бесстрашная самоирония тона, смелость стыдиться как перед собой и людьми, так и перед Богом, отвага говорить наивно нагую правду».

Таков в общих чертах путь К. — писателя живописного русского слова и глубокой экзистенциальной мысли, писателя своего жизненного пространства и своего — бытийного — времени.

Соч.: «Открой мои книги...» (Разговор о Блоке). Л., 1979, 1986; Первое мое «Первое сентября». М., 1984; Блок А. Стихотворения и поэмы / Сост., вст. ст. и комм. Н. Крыщука. М., 1984; Приглашение к размышлению. Л., 1987; Искусство как поведение (Книга о поэтах). Л., 1989; Не повышая голоса. М., 1991; Александр Блок. Стихотворения. Поэма / Сост., предисл. и комм. Н. Крыщука. СПб., 1996; Стая бабочек. Способ моего проживания // Звезда. 1997. № 9; Стая бабочек, или Бегство от биографии. СПб., 1997; Биография внутреннего человека: Монологи. М., 2007; Кругами Рая: Романкино. М., 2010; В. Бузинов, Н. Крыщук, А. Самойлов: Расставание с мифами. Разговоры со знаменитыми современниками. СПб., 2010; Ваша жизнь больше не прекрасна. М., 2012; Разговор о Блоке. СПб., 2012.

Лит.: Кононов М. Действенность мечты // Смена. 1979. 11 июл.; Курбатов В. Блок, прочитанный умным сердцем // Аврора. 1979. № 9; Хомутова Е. «Об игре трагических страстей...» // Лит. обозрение. 1980. № 10; Турков А. Дороги к поэту // В мире книг. 1980. № 11; Сендеров В. Любовь к истории по-советски // Посев. 1990 № 3; Скульская Е. Записки к N... (дневник для Н. Крыщука). Tallinn, 1996; Лебёдушкина О. Выжить и наблюдать // Дружба народов. 2007. № 7; Скульская Е. Любовь и др. рассказы (гл. «Яблоко как плод и как метафора»). Tallinn, 2008; Кавторин В. О новой петерб. прозе // Нева. 2009. № 11; Холкин В. Путешествие по внутреннему морю // Дружба народов. 2011 № 10; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник. СПб., 2013.

В. Холкин

КРЮ́КОВ Федор Дмитриевич [2(14). 2.1870, ст. Глазуновская Усть-Медведицкого округа Обл. Войска Донского — 20.2(4.3).1920, ст. Новокорсунская Кавказского отд. Кубанской обл.] — прозаик, публицист.

Родился в семье станичного атамана, отставного урядника. Первоначальное образование получил в окружном Усть-Медведицком училище (в разное время его выпускниками были Д. Мордовцев, А. Серафимович). С 1880 по 1888 учился в Усть-Медведицкой гимназии, кот. окончил с серебряной медалью и поступил (на казенное содержание) в СПб. историко-филологич. ин-т, готовивший учителей средних спец. учебн. заведений. Свою давнюю мечту о служении народу, возникшую под воздействием идей Л. Толстого, стремился осуществить на писательском поприще. «...Были писатели, как Г. Успенский и др. И я хочу быть писателем, бойцом на поприще пера... Я люблю свой народ рад послужить... У меня сердце сильно бьется, изнывает при мысли о других, а судьба равнодушно давит»,— записывает К. в дневнике в апр. 1890 (цит. по.: Берендюков Б. Бытописец тихого Дона // Кубань. 1991. № 8).

Печ. начал в студенч. пору, дебютировав в 1890 небольшими заметками в газ. «Донская речь». Перв. очерки опубл. в «Сев. вестнике» и «Ист. вестнике», где встретил поддержку С. Шубинского. Горевший «стыдом за настоящее... потомков славных казаков», К. в раннем тв-ве обращается к истории Дона, пишет очерки о специфике взаимоотношений казака с законом и властью («**Казачьи станичные суды**», 1892), о древнем молодеческом промысле казаков — «добыче зипунов» («**Гулебщики. Очерк из быта стародавнего казачества**», 1892), о начале восстания донских казаков против самодержавной политики Петра I («**Шульгинская расправа. Этюд из истории булавинского возмущения**», 1894). К. привлекали колоритный казачий быт, демократич. основы самоуправления, сама идея вольной казачьей республики. «Я так был горд его (родного края.— *В. З.*) прошлым,— вспоминал К.,— кот. представлялось мне в романтическом отношении вольнолюбивым и героическим, немножко идеализируя серое зипунное рыцарство старины, отгулявшее в истории шумный и головокружительный праздник, безалаберную удалую вольницу» (**Первые выборы** // Русские записки. 1916. № 4). Ранние очерки К. были недоброжелательно встречены критикой (см.: Мельников-Разведенков. Наше казачество в журнальных публикациях // Донская речь. 1894. 13, 15 дек.). В дальнейшем К. оставит ист сюжеты и сосредоточит внимание на повседневной жизни донского казачества. В 1892 К., окончивший ин-т по разряду истории и географии, оказался «на распутье»: «Хотелось чем-нибудь послужить родному краю, пойти в народ, и именно в свой народ... но с филологическим дипломом не за что было уцепиться, подступов к этому народу ни с какой стороны не открывалось» (**О пастыре добром: Памяти о. Филиппа Горбаневского** // Русские записки. 1916. № 6). Всю жизнь К. будет переживать драму «выломившегося» из своей среды интеллигента, о кот. поведает устами учителя Васюхина: «Я — сын народа, смело могу сказать. И, тем не менее, я неизменно и постоянно чувствую, что что-то отрезало меня от моего народа, что на меня он смотрит уже не как на своего...» (**Из дневника учителя Васюхина** // РБ. 1903. № 7). К. подает прошение министру народного просвещения об освобождении его от обязательной 6-летней пед. службы в связи с намерением «надеть иерейскую рясу» и тем «стать поближе к народу». Однако донской архиепископ Макарий убедил К. изменить решение. (Интерес К. к церковной жизни, монастырскому быту, характерам чутких, близких к народу священников и монахов проявился в произведениях ранних и зрелых лет: «**К источнику исцелений**», 1904; «**Без огня**», «**Сеть мирская**», оба — 1912, и др.)

Около года К. живет на гонорар от сотрудничества с «Петербургской газ.» (оно продолжалось до 1884), где печ. бытовые зарисовки, сценки в стиле Н. Лейкина. В сент. 1893 К. назнач. на должность воспитателя в пансион Орловской мужской гимназии (с 1900 получает там место внештатного учителя истории и географии); преподавал также в Николаевской женской гимназии, Орловском-Бахтина кадетском корпусе. После смерти отца (1893), не меняя места жительства в Орле, К. берет на себя заботы о семье (матери, брате, двух незамужних сестрах, приемном сыне Петре — впоследствии изв. литераторе Русского зарубежья). В эту пору лит-ра для К. становится не только средством преодоления тоски по родине, но и серьезной материал. поддержкой.

Переломным для начинающего писателя стал 1896. Опубликованная на страницах «РБ» — передового ж. того времени, возглавляемого В. Короленко,— повесть «**Казачка**» (первонач. название «**Односумка**») с подзаг. «Из станичного быта» положила начало пост. и плодотворному сотрудничеству автора с органом легального народничества, где К. обрел не только трибуну, но и учителей и единомышленников («Я держусь группы народников и в экономических и в эстетических взглядах»,— Письмо А. Тинякову от 8 авг. 1903 // РНБ. Ф. 774). Поведанная в повести драма жалмерки Натальи Нечаевой, молодой, гордой женщины (из-за пост. наветов, оскорблений мужа она изменила ему и повесилась перед его возвращением со службы), прозвучала как реквием по бессмысленно загубленной жизни казачьей мадонны. С «Казачкой» в русскую лит-ру входил худож. малоисследованный и потому малознакомый российскому читателю мир казачьей Донщины. Вслед за «Казачкой» в «Ист. вестнике» и «РБ» К. печ. рассказы и очерки

«Клад» (1897), «На тихом Дону (Летние впечатления и заметки)» (1898), «В родных местах» (1903), повесть «Из дневника учителя Васюхина» (1904) и др. Он заявил о себе как честный бытописатель донской жизни, кот. не идеализировал быт и нравы казачества. Стремясь оттенить здоровые начала в казачьем характере, сформированные за годы многотрудной борьбы за существование (любовь к родному краю, трудолюбие, отзывчивость, человечность), К. в то же время выставлял напоказ косное и консервативное в нравах, что нередко приводило его героев к бытовым драмам. К. открыл читателю подлинное лицо казака-воина, казака-земледельца. Для К. казак — это «тот загорелый, заветренный, мазаный человек, над которым неизменно тяготеет суровая власть земли, нужды и вечная необходимость неустанного труда... Кроме всего этого, на нем давящим бременем лежит — даже в домашней жизни — обязанность быть каждую минуту готовым выступить в полном вооружении и на своем собственном коне против врагов Отечества» (На тихом Дону // РБ. 1898. № 9).

К. прожил в Орле 12 лет. В авг. 1905 «за одно литературное прегрешение» (рассказ «Картинки школьной жизни», воспринятый как сатира на коллектив Орловской гимназии), приведшее к конфликту с директором и коллегами, К. распоряжением попечителя Моск. учебного округа был переведен по службе в Нижегородское реальное училище. В марте 1906 статский советник К. избирается депутатом в 1-ю Гос. думу от казачьего населения Дона, а в апр. оставляет пед. деятельность, выйдя в отставку. В этом же году К. (вместе с Н. Анненским, С. Елпатьевским, В. Мякотиным, А. Пешехоновым — товарищами по «РБ») становится одним из учредителей трудовой народно-социал. партии, интересы кот. он отстаивал в Думе. 13 июня 1906 К. выступил с речью о совр. положении казачества, выразив протест против использования казачьих частей для подавления рев. выступлений. В июле 1906 в знак протеста против роспуска Думы подписал Выборгское воззвание. Вернувшись на Дон, занимался пропагандистской деятельностью. Осенью 1906 предстал перед судом (вместе с Ф. Мироновым, будущим командармом 2-й Конной армии, и студентом Скачковым) в ст. Усть-Медведицкой за произнесение речи полит. содержания. В кон. лета 1907 после обыска К., высланному по воле наказного атамана с Дона, было запрещено проживание в пределах области сроком на 10 лет. (По ходатайству казаков Глазуновской станицы запрет был снят.) К. возвращается в СПб., с трудом устраивается библиотекарем в биб-ку Горного ин-та. В 1907 (при содействии Л. Иванчина-Писарева) выходит перв. сб. произведений К. — «Казацкие мотивы», куда вошли очерки, рассказы и повести 1892–1906. Критика отмечала, в частности, что «автор не выдумывает, не творит от себя, а просто излагает, что слышал, что подлинно прочувствовал» (Образование. 1907. № 6); выделяла «в художественном отношении простые и непритязательные бытовые очерки вроде „Казачки" „В родных местах", „Из дневника учителя Васюхина"» (Новый журнал лит-ры, искусства и науки. 1907. № 3). В 1909 К. предъявляется обвинение в организации народно-социал. партии. За отсутствием состава преступления дело завершилось месячным содержанием в одиночной камере петерб. «Крестов» (за подписание Выборгского воззвания). Тюремные впечатления нашли отражение в очерках «У окна» (1909), «Полчаса», «В камере 380» (оба — 1910). В тюрьме К. напис. повесть «Зыбь». Она была послана М. Горькому на Капри. Одобренная, увидела свет в 27-м номере сб. «Знание». «Коли не ошибаюсь, да коли Вы отнесетесь к самому себе построже,— писал Горький К.,— тогда мы с Вами поздравим русскую литературу с еще одним новым талантливым работником» (Русская лит-ра. 1982. № 2).

В 1909 К. становится пайщиком товарищества по изд. ж. «РБ», в 1912 — штатным сотрудником, соред. В. Короленко и А. Горнфельда по отделу беллетристики. С этого времени К.— профес. литератор. Период с 1904 по 1912 — пора расцвета таланта писателя, создавшего лучшие произведения, в кот. нашли отражение жизненные противоречия дорев. Дона: тяжесть царской службы, бременем лежащая на казаке всю жизнь («Станичники», 1906; «О казаках», 1907); горькая судьба жалмерок (казачьих жен) и матерей («Мать», 1910; «Галуны», 1911; «Офицерша», 1912); рев. волнения среди казаков в годы русской смуты («Станичники», «Шаг на месте», 1907; «Зыбь», «Шквал», оба — 1909); падение нравов («На речке лазоревой», 1911); земельные отношения («Галуны», «Земля»). К. подводит читателя к мысли о том, что значительная часть донского казачества обезземеливается, нищает, чему причиной особая воинская повинность, обременительная во всех отношениях, отчуждающая казака-земледельца за время службы от земли и семьи. К. развенчивает пресловутый миф о сословном монолите донского казачества.

В произведениях 1905–12 происходит усиление соц. мотивов, углубление психологизма, усложняется мотивация поступков героев, ярче очерчиваются казачьи типы (тип «выломившегося» из своей среды героя). К. не ограничивал себя рамками казацкой тематики и создал ряд произведений на мат-ле коренной России: «К источнику исцелений», «Сеть мирская», «Без огня» (все — 1912) и др. В 1914 книгоиздательство писателей в М. выпустило втор. кн. К. — «Рассказы» (Т. I). В нее автор включил произведения 1908–11. Задуманное т. о. СС К. не состоялось из-за трудностей воен. времени. Критика отмечала «простоту стиля», «изобразительный дар», «меткий живописный язык», склонность «к добродушному юмору» (Сев. записки. 1914. № 8, 9); подчеркивалось наличие «подкупающей трогательности, меткого юмора, острой наблюдательности, искреннего умения заинтересовать читателя» (Доброво Н. Казацкая жизнь в рассказах Крюкова // Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф. 1914. № 4). В ряде произведений мемуарного характера этой поры обостряется мотив свидания с родиной, писатель начинает глубже осознавать ложность своих поисков счастья «среди зыбей жизни».

В кон. 1912 — нач. 1913 К. переживает творч. кризис. В письмах ко многим его корр. звучит мотив усталости и угнетенности: «Надо бы писать — голова пуста, как карман

беллетриста» (Письмо А. Серафимовичу от 4 мая 1913 // Волга. 1988. № 2). «Литературных планов никаких. Перестал и голову ломать о том, чтобы написать какую-нибудь крупную вещь» (Там же).

В годы Первой мировой войны (зимой 1914–15) К. в составе 3-го санитарного отряда Красного Креста (как корр.) находился на Турецком фронте. В кон. 1915 — нач. 1916 с тем же отрядом К. побывал на Галицийском фронте. Он отходит от беллетристики, переключившись полностью на журналистику. Посл. его большое произведение — повесть **«Группа Б»** (о буднях прифронтового госпиталя), опубл. в «Русских записках» в 1916. Впечатления от поездок к театру военных действий преломились в цикле очерков **«Около войны»**, **«Силуэты»** и др., опубл. в «Русских записках» и «Русских ведомостях» в теч. 1915–16. В годы Первой мировой войны К. занимал оборонческую позицию, ратуя за необходимость продолжения войны до победного конца.

Февральская революция захватила его в Пг. Он воспринял ее скорее с тревогой, чем с радостью. Удрученный вскоре пучиной хаоса, «безответственности, самостийной диктатурой анонимов», К. переживает мировоззренч. перелом. На конференции народно-социал. партии он единственный выскажется за конституционную монархию. В марте 1917 К. избирается в Совет Союза казачьих войск. В апр. он уедет на Дон, примет участие в полит. жизни края. В конце февр. он участвует в подготовке восстания против большевиков на Сев. Дону. В авг. этого года К. избирают Секретарем Большого войскового круга (Донского парламента). С апр. 1919 К.— ред. газ. «Донские ведомости». Одновременно исп. обязанности директора Усть-Медведицкой гимназии. В кон. окт. 1919 К. приезжает в Новочеркасск, слагает с себя обязанности Секретаря круга, вступает в Усть-Медведицкую сводную бригаду. Отступая с Донской армией на Кубань, К. заболел тифом, умер в дороге, на пути к екатеринодарскому госпиталю.

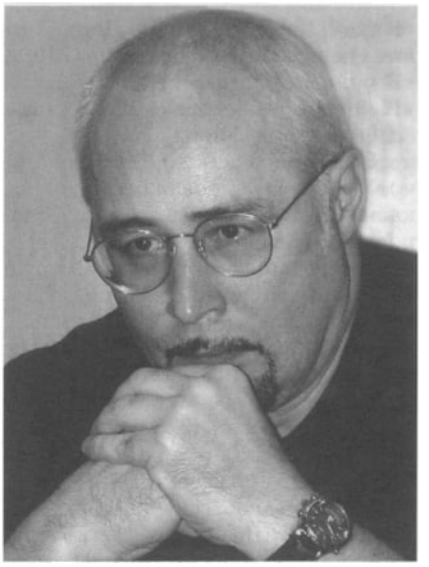
При жизни писатель получил признание современников. Его ценили В. Короленко, А. Серафимович, М. Горький. По отзыву Короленко, «Крюков писатель... со своею собственной нотой и первый дал нам настоящий колорит Дона» (Избр. письма. М., 1936. Т. 3). К. называли Глебом Успенским Дона, Гомером казачества. К. принадлежал «к тем второстепенным, но подлинным создателям художественного слова, которым по праву гордится русская литература» (Горнфельд А. Памяти Ф. Д. Крюкова // Вестник лит-ры. 1920. № 6). К. оставил большое творч. наследие (более 300 произведений разных жанров — повести, рассказы, очерки, заметки, рецензии), кот. до сих пор не собрано.

Соч.: Офицерша: Повести и рассказы / Сост., предисл. и прим. И. Данилова. Краснодар, 1990; Рассказы. Публицистика / Сост., вст. ст. и прим. Ф. Бирюкова. М., 1990; Казацкие мотивы: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, стих. / Вст. ст., сост., подгот. текста и прим. Г. Миронова. М., 1993; Булавинский бунт (1707–08): Этюд из истории отношения Петра Великого к донским казакам. М.; СПб., 2004; Казачьи повести. М., 2005; Родимый край: Рассказы, очерки. М., 2007; Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. М., 2009.

Лит.: Родимый край: Сб., посвящ. 25-летию лит. деятельности Крюкова. Усть-Медведицкая, 1918; Боцяновский В. Из воспоминаний о Ф. Д. Крюкове // Вестник лит-ры. 1920. № 9; Проскурин В. Кочующие ошибки: К биографии Ф. Д. Крюкова // Сов. библиография. 1985. № 2; Мезенцев М. Судьба архива Ф. Д. Крюкова // Коммунистич. путь. Серафимович, 1988. 9, 13, 16, 23 сент.; Хьетсо Г. и др. Кто написал «Тихий Дон»? М., 1989; Астапенко М. Его называли автором «Тихого Дона». Ростов-н/Д., 1991; Васильев В. Возвращение Федора Крюкова // Шолохов на изломе времени. М., 1995; Сатарова Л. Донское казачество в прозе рубежа XIX–XX вв. М., 1992; Запевалов В. Ф. Д. Крюков — рецензент «РБ» // Русский лит. портрет и рецензия: Концепции и поэтика. СПб., 2000; Федору Крюкову, певцу Тихого Дона. М., 2002; Малюкова Л. «И покатился с грохотом обвал...» Судьба и творчество Ф. Д. Крюкова. Ростов-н/Д., 2007; Чернов А. Запрещенный классик // Новая газ. 2010. № 16. 15 февр.

В. Запевалов

КУБАТИ́ЕВ Алан Кайсанбекович (псевд. А. Воеводин, Тимур Туганов) [31.8.1952, Фрунзе] — прозаик, переводчик, литературовед, журналист.



Закончил фак-т иностранных яз. Киргизского гос. ун-та (1974), учился в аспирантуре при романо-германском отд. на филологич. факте МГУ (1976–80); защитил канд. дис. по теме **«Совр. фантастический рассказ Великобритании: 50–70-е годы»** (1980).

Преподавал в Новосибирском гос. ун-те, в Киргизском нац. ун-те. Создал кафедру международной журналистики Киргизско-Российского Славянского ун-та, затем работал в Американском ун-те Центр. Азии, где читал курсы «Введение в журналистику», «История американских СМИ», «История лит-ры Великобритании», «Очерки истории американской поэзии» и др. Стажировался в Великобритании и США, выпускник знаменитых Стэнфордских профессиональных изд. курсов (1993). Вел актив. журналистскую работу, автор более 100 ст., репортажей, авторских колонок и обзоров; был сотрудником газ. «Казахстанская правда» (Алматы), «Пятница» (Бишкек), работал на телевидении. В нач. 1990-х вместе с Арк. Кейсером, С. Лукьяненко, В. Смоляниновым и С. Алексеевым изд. ж. «Миры» (1993–95), благословленный Р. Силвербергом.

В наст. время проживает в Кронштадте, преподает в Ин-те специальной психологии и педагогики им. Рауля Валленберга, занимается лит. и перевод. работой. Напис. первую на русском языке полную биографию Д. Джойса для популярной серии ЖЗЛ.

В сов. время К. был участником Моск. семинара молодых писателей-фантастов, в постсоветское время является членом Клуба русских харизматических писателей и членом семинара Б. Стругацкого.

Лит. дебют К. был одновременно и дебютом в фантастике: в 1978 в ж. «Знание — сила» был напеч. рассказ **«Книгопродавец»**, с кот. начался К.-писатель. К. — мастер короткой формы, поэтому осн. его публикации состоялись в ж.: «Памир», «Сибирские огни», «Лит. Киргизстан», «Если», «Полдень, XXI век», «Реальность фантастики». В 1985 «взял отпуск по состоянию литературы» и почти 15 лет не работал с худож. словесностью. Вернулся с рассказом **«Вы летите, как хотите!»** (Если. М., 2005. № 8) — и тут же получил за него лит. премию «Странник» (в один день с Р. Шекли, Г. Данелией и А. Петровым). Считается ярким представителем т. н. «четвертой волны» в отеч. фантастике. Рассказы К. переведены на немецкий, польский и эстонский яз.

Склонность к фантастике К. объясняет так: «Мне интересно. Интереснее, чем писать просто прозу. Открываются какие-то двери, можно быть свободнее и дерзостнее. Нефантастическая проза в большей степени все же монтаж вполне узнаваемых впечатлений, фантастика же — род травестии реальности: ваш начальник в женском платье, и сразу видно все то, что скрывалось под костюмом... Есть живые классики, произносящие термин "социальная фантастика" с непередаваемым презрением. Я — нет. Я там, куда реальность уже не дотягивается, но откуда она видна совсем не так, как видят те, кто в ней. И я подозреваю, что хорошая или по крайней мере активная фантастика есть реализация национального подсознания».

В 2005 изд-во «Азбука» вып. сб. К. **«Ветер и смерть»**, куда вошли наиболее заметные рассказы и повести, напис. до перестройки, а также те, что напис. после «силанума»: **«Вы летите, как хотите!»**, **«В поисках господина П.»**, **«Рукопись, найденная в Парке»**, повести **«Аренда»** (известна под назв. **«Цитата из Гумбольдта»**). Сб. был воспринят как свидетельство дальнейшего развития и неуничтожимости русской фантастич. новеллы — разнообразие формы, неожиданные повороты классич. сюжетов, строгая форма, высокая требовательность к стилю и языку не отменяют занимательности и жестокого юмора кн.

Рассказ «В поисках господина П.» вызвал большой читательский интерес. Этот текст произрастает из русской словесности XIX в. и в ней укоренен. Укоренен настолько, что требуется некот. культурное усилие, чтобы опознать все имеющиеся в нем лит. аллюзии. Господином П. оказывается небезызвестный литератор Пушкин, бывший кумир русской читающей публики. В реальности К. погиб Дантес, а Пушкин выжил. По слухам, именно Пушкин, собираясь на дуэль, надел кирасу, и пуля Дантеса, отскочив от нее, пробила поэту руку. Рука после злополучного поединка стала сохнуть, Пушкина язвительно прозвали Сухоруким. Пушкин К. — человек надломленный, он больше не пишет стихов, живет, кропая историч. романы в духе Загоскина — хлеба насущного ради, и сочиняет преобидные критич. статьи «со словами невозможными в адрес многих поэтов и писателей».

В реальности К. именно Пушкин становится автором стих. «На смерть поэта». Не Лермонтов оплакивает Пушкина, а наоборот. Однако это «наоборот» не является самоцелью, но лишь декорацией для размышлений о месте лит-ры и о ее значении в обществ. жизни.

Повесть «Аренда» напис. в стилистике science-fiction и посвящ. возможному контакту с иными цивилизациями. Однако никто не может даже представить, что контакт будет состоять в том, что человечество возьмут в аренду.

В антологии «Новые легенды» (Вып. 2. СПб., 2005) напеч. одна из наиболее значительных вещей К. — повесть **«Пепельный рейс»**. Азиатский колорит повести лишь подчеркивает общечеловеч. ценности, на кот. собственно и строится сюжет, горестно и иронично моделирующий ситуацию крушения «духовной экологии» совр. об-ва.

Сб. «Академия Шекли» (М., 2007), сост. и зачинателем кот. выступил К., стала примечательным опытом совр. антологистики, т. н. «трибьютом», почти неизвестным отеч. практике, а именно — сб. памяти крупного писателя, составленным из произведений авторов, близких ему по духу и признающих его лит. влияние.

К. — лауреат неск. лит. премий в обл. фантастич. лит-ры: «Странник» (СПб., 2002), АБС-премия (СПб., 2005), «Бронзовая улитка» (СПб., 2003; СПб., 2006), «Золотой кадуцей» (Харьков, 2005), премия ж. «Полдень, XXI в.» (СПб., 2006).

Соч.: Безумная Луна / Сост. и пер. с англ. яз. А. Кубатиева. Уссурийск, 1990; Искусство боя вуалью, или Почему медведь капусту ел // Миры. Бишкек, 1993; В поисках господина П. // Новые легенды (1). СПб., 2004; Ветер и смерть: Повести и рассказы. СПб., 2005; Что дали Византии орлы золотые? // Полдень, XXI век. СПб., 2005. № 3; Пепельный рейс // Новые легенды (2). СПб., 2005; Деревянный и бронзовый Данте // Что там за дверью? М., 2005; Джеймс Джойс. М., 2011 (ЖЗЛ).

Лит.: Володихин Д. Четвертая волна: Анатомия тв-ва // Русский сфинкс. М., 2004; Трофимова О. В поисках рассказчика // Кубатиев А. Ветер и смерть. СПб., 2005; Бережной С. Роскошь неспешной лит-ры // Книжное обозр. 2005. № 31/32; Трофимова О. Лит. группировки нового века // Книжное обозр. 2005. № 48; Володихин Д. Интеллектуальная фантастика. М., 2007.

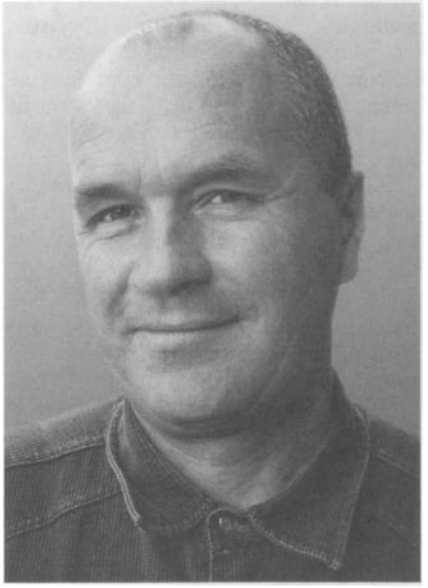
О. Трофимова

КУ́ДРОВА Ирма Викторовна [25.10.1929, Ростов-на-Дону] — филолог.

Окончила отд. журналистики филологич. фак-та ЛГУ (1952). В том же году поступила в аспирантуру Пушкинского Дома (ИРЛИ АН СССР). В 1957 принята мл. науч. сотрудником (экскурсоводом) в Лит. музей ПД (до марта 1965).

Участвовала в колл. трудах ИРЛИ: «Историко-литературный сб.» (М.; Л., 1957), авт. статей в ж. «Русская лит-ра» (1960, 1963), «Звезда» (1960–90-е).

С 1964 по 1977 — редактор ж. «Звезда». В те же годы начала работу над архивами М. Цветаевой по восстановлению биографии поэта. Перв. кн. **«Версты, дали...»** изд. в 1991 в изд-ве «Сов. Россия» накануне междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта. **«Гибель Марины Цветаевой»** опубл. в 1995. В последующем автор многочисленных науч. статей и выступлений в российских, европейских и американских ун-тах по тв-ву Цветаевой.



Книги К. перев. на английский, немецкий, чешский яз.

Соч.: Версты, дали... Марина Цветаева 1922–39. СПб., 1991; После России: О поэзии и прозе Марины Цветаевой: В 2 т. СПб., 1997; Путь комет: Жизнь Марины Цветаевой. СПб., 2002; Жизнь Марины Цветаевой: Докум. повествование. СПб., 2002; Просторы Марины Цветаевой. Поэзия. Проза. Личность. СПб., 2003; Путь комет: В 3 т. СПб., 2007; «Я вся — курсивом!..»: Об экспрессии в поэзии Марины Цветаевой // Знамя. 2011. № 12; Прощание с морокой. СПб., 2013.

КУДРЯВЦЕВ Владимир Ильич [17.2.1949, с. Ванновка Тюлькубасского р-на, Казахстан] — прозаик, обществ. деятель.

Среднее образование получил в г. Сясьстрой (Лен. обл.) По окончании школы работал слесарем-монтажником на целлюлозно-бумажном комбинате. Окончил 6-месячную школу сержантов войск связи в пос. Чёрная Речка, был направлен на службу в пос. Токсово. Отслужив 21 год в армии, 23 года работал техником по обеспечению охранной сигнализации в пос. Токсово. Был депутатом местного совета МО «Токсовское гор. поселение». Председатель общ. совета по культуре при администрации МО «Токсовское гор. поселение». Создатель и председатель творч. объединения токсовских художников, литераторов, артистов, музыкантов (ТОТХЛАМ) и краеведч. музея в Токсове. В дек. 2005 стал автором флага и герба МО «Токсовское гор. поселение», в 2008 разработал Знак отличия «За заслуги перед МО "Токсовское гор. поселение"» (худ. исполнение — В. Кобзев). С 1997 по 2008 — автор и ред. ежемесячной газ. «Токсовские ведомости».

Автор многочисл. статей, очерков, фельетонов в районных газ. «Невская заря» и «Всеволожские вести». Рассказы публ. в альм. «Мариенталь», «Новые имена», «Молодой Петербург», ж. «Царское Село», «Графо»; краеведч. мат-лы — в ж. «Адреса Петербурга». Пять изд. выдержала краеведческая кн. **«Поселок на Токсовских высотах»** (2004), трижды изд. кн. очерков о живущих в Токсове участниках войны **«Победители»** (2005). В 2011 опубл. перв. кн. оригинального лит.-ист. исследования **«Шуф»**, о литераторе и авторе газ. «Новое время».

Худож. прозу К.— рассказы и роман-анаморфозу **«Под защитой пятиконечной звезды»** — отличает острая публицистичность, яркий живой разговорный яз.

Активно выступает с лит. полемикой в газ. М. Швеца «Гул толпы». Дипломант Всероссийского лит.-публ. конкурса «Спасибо тебе, солдат» (2006).

Соч.: Грани. СПб., 2002; Под защитой пятиконечной звезды. СПб., 2004; Поселок на Токсовских высотах. СПб., 2004; Победители. СПб., 2005; Менталитет. СПб., 2007; Шуф. Кн. 1. СПб., 2011.

Лит.: Борщевская В. «Сокровища» Токсовских высот // Гул толпы. 2009. № 9.

С. Щепотьев

КУДРЯВЦЕВА Татьяна Александровна [22.3.1950, Л-д] — прозаик, поэт, журналист, эссеист, лит. и арткритик.

Отец — воен. моряк, в годы Великой Отеч. защищал Дорогу жизни. Мать ребёнком пережила 900 дней блокады, с 14 лет работала на оптич. з-де. К теме войны К. обратится в своем тв-ве не раз.

Писать начала в 9 лет, занималась в Клубе поэтов детской газ. «Ленинские искры», в лит. клубе «Дерзание». Перв. стихи и заметки были опубл. в «Ленинских искрах» и в молодёжной газ. «Смена» (1960-е). Школу окончила с медалью (1967), поступила на фак-т журналистики ЛГУ. В 1970 пришла работать в лен. обл. газ. «Ленинские искры», где впоследствии возглавила отдел лит-ры и иск-ва. Писала для детей рассказы, очерки; почти 20 лет вела Школу детских корреспондентов. Мн. деткоры явились прообразами будущей повести **«Белые вороны»**, напис. в кон. 1990-х.

В 1977 вступила в Союз журналистов, тогда же её пригласил в свою творч. мастерскую Радий Погодин. Эти занятия определили мировоззрение К., её путь в лит-ре, кредо и авторский почерк. «В простодушном, подвижном тексте, переполненном непосредственной и живой почти детской речью, <К.> удаётся выразить формулу, кот. редко кому

даётся: Жизнь есть Творчество, а Творчество и есть Жизнь» (Т. Тайганова).

Первый цикл сказок был напеч. в 1977 («Ленинские искры»), перв. повесть **«Сто имён Тани Филимоновой»** — в ж. «Искорка» в 1979. В 1980 повесть готовилась к выходу в моск. изд-ве «Детская лит-ра», вышла в 1987, в 1990 была переизд. в сб. «Как хорошо уметь читать». В 1994, спустя год после смерти Погодина, в СПб. был организован лит. конкурс его имени. К. представила на конкурс продолжение «Ста имён...» — повесть **«Война и мир в 3-м "Б"»**, стала дипломантом конкурса.

В 1988 К. перешла в российскую детскую газ. «Пионерская правда», где работает по наст. вр. редактором по Северо-Западу РФ.

В нач. 1990-х К. работала над ист. повестью **«Возьми свой крест и иди»** для сб. детских писателей «Рассказы о православных святых». Героем К. стал новомученик, Святой Митрополит Вениамин, погибший в 1922.

Повесть К. **«Жизнь артиста»** была запланирована ж. «Костёр» за 1999 (№ 9–12).

Для произведений К. характерны необыкновенная динамика событий, яркий колорит и в характерах героев, и в стиле, даже в самих фамилиях действующих лиц, в тонких переходах настроения, кот. возможны лишь в детстве. В ее произведениях соединяется трудно соединимое: пронзительный срез сегодняшней детской жизни и светлая жизнеутверждающая поэтика. «Это настоящая, стилистически подвижная и ясная проза, с отработанными интонациями и естественной прямой речью, очень энергетичная, при всей своей кажущейся простоте» (Т. Тайганова).

В 2000 К. была введена в редсовет ж. «Костер». Опубл. там повести «Война и мир в 3-б», «Сотворение мира», «Жизнь артиста», десятки рассказов и неск. сказок. Печ. и в др. ж. России и СНГ: «Окно» (СПб), «Чиж и Ёж» (СПб), «Барвинок» (Киев), «Простокваша», «Зона риска» (Волгоград), «Бельские просторы» (Уфа), «Страна знаний» (Киев).

В 2001 вступила в СП России и Литфонд.

Важная веха творч. пути — работа К. в «Артеке». Выступает в петерб. школах. Наверное, именно это побудило К. написать своеобразную кн. о книгах и их авторах — **«Для тех, кто не любит читать»**. Ее структура задумана как школьный год. Четыре главы — четыре четверти. Вместо предисл. — классный час. И переменки. «Все, кто работает с детьми, хорошо понимает, как они нуждаются в смене ритма, нагрузки. Поэтому здесь соседствуют и рассказ о писателе, и смешной (или, напротив, трогательный или драматичный) случай из детской жизни, и размышление с сочувствием (то, что нынче уходит из нашей жизни). Это потому, что К. знает самый главный секрет — с детьми нужно разговаривать! Постоянно и много» (Е. Елагина).

В 2000-е К. выпускает неск. кн. для чтения мл. школьников: **«Я живу в России»** (**«Здравствуй, Россия»**) и **«Бабочка над заливом»** — рассказы о России и Лен. обл. Комитетами по образованию СПб. и Лен. обл. они рекомендованы для чтения в общеобразовательной школе, их дарят первоклассникам (переизд. 8 раз).

В 2006 вып. кн. для семейного чтения **«Фотография, которой не было»** — рассказы и эссе в память о героях войны, жителях блокадного Л-да, об их сыновьях и внуках.

В 2008 К. задумывает **«Азбуку Санкт-Петербурга»**. Это поэтич. «антология» родного города для всех школьных возрастов. «Как во взрослой энциклопедии, здесь на каждую букву алфавита — рассказ о той либо иной городской достопримечательности. Причем фигурируют не только выдающиеся здания, начиная с Адмиралтейства, но и Острова, Стрелка Васильевского острова, Белые ночи, Вечный огонь (здесь про блокаду), Щит (это про дамбу). Уместны Ёлки — как символ праздника «с благодарностью Петру»; на Ы выбраны Мосты; на мягкий знак — ГаванЬ; на знак твердый придуманы Сенатъ и Синодъ» (О. Шервуд). «Листая книгу, радуешься за свой город и маленьких горожан. И сожалеешь, что в твоём детстве подобных книг о городе — весёлых, лёгких, красочных, с элементами игры — не было. Замечательны обстоятельный "Словарик великих имён" и детские рисунки на тему Петербурга, соседствующие с иллюстрациями профессионалов. На мой взгляд, книга вызывает интерес и у большинства взрослых — так содержательны и увлекательны её главки, вводящие читателя в реально-сказочный мир Петербурга» (Д. К.). «Азбука» изд. в 2010, тогда же переизд. тиражом в 30 тыс. экз. для подарка первоклассникам.

К. продолжает выступать как лит. и арт-критик, как публицист. Публ. в периодич. изд. СПб., М., стран СНГ и за рубежом: «Аврора», «Артгород», «Пять углов», «Невское время», «Веч. Петербург», «Общая газ.», «Российская газ.», «На Невском», «Вестник Золотой книги», «Кейс», «Антре», «Первое сентября», «Парламентская газ.», «Учительская газ.», «Барвинок», «Страна знаний» (Киев, Украина). С 2008 ведёт детскую стр. в газ. «Эрмитажные новости». Автор ж. «Эрмитаж».

Соч.: Сто имён Тани Филимоновой. М., 1987; Помнишь Кошкин дом? // Пионерская правда. 1991. № 156; Арбуз на память // Пионерская правда. 1995. № 24; Возьми свой крест и иди // Рассказы о православных святых. СПб., 1996 (1999, 2003); Шкатулка с бутылочным горлышком // Пять углов. 1996. № 29–30; Рыбаки // Пионерская правда. 1997. № 34; Война и мир в 3-б // Костёр. 1997. № 9; Маленький Мук из 8-б. Нарисуй меня снежинкой. Подумаешь, Париж... Туфли королевы // Костёр. 1998. № 3; Морошка просто так // Костёр. 1998. № 8; Сотворение мира // Костёр. 1998. № 9; Снайперы // Костёр. 2000. № 2; Принц и нищий // Костёр. 2000. № 3; Пушкин и мальчик // Костёр. 2000. № 9; Как Маленькая Баба-Яга стала Снегурочкой // Костёр. 2000. № 12; Мальчик с собакой // Пионерская правда. 2000. № 4; Белые вороны // Окно. 2001. № 2–6; А снег выпал // Пионерская правда. 2001. № 2; Букварь про Китай // Костёр. 2002. № 5; Планета по имени Обрант // Антре. 2003. № 5; Надькины времена года // Чиж и Ёж. 2004. №1–2; Как ты провёл лето? — Я вырос! // Костёр. 2004. № 10; Что там, за поворотом? // Пионерская правда. 2005. № 1–8, 11, 13–16, 18–19; Как я была Снегурочкой // Чиж и Ёж. 2005. № 21–22; Лёка // Чиж и Ёж. 2005. № 23–24; Ёжик Валентин и Улитка Грушенька. На сосне растёт гора // Костёр. 2006. № 8; Бабочка над заливом. СПб., 2008; Муки Семирамиды // Пионерская правда. 2008. № 34; Чернильный дождь // Костёр. 2009. № 9; Азбука Санкт-Петербурга: Стихи и эссе. СПб., 2010; У Святой горы. Посвящение Лесному // Мир под названием Артек. Харьков, 2010; Ёлка для соловья // Мамин. 2012. № 1.

Лит.: Тайганова Т. Жизнь артиста // http://www.proza.ru:8004/texts/2004/01/30–177.html; Елагина Е. Для тех, кто не любит читать // http://lit.1september.ru/article.php?ID=200601516; «Хулиганы тоже люди» / Инт. // Пионерская правда. 2006. № 13; Дыдынская З. Обычный человек достоин высокой литературы // http://www.lenizdat.ru/a0/ru/pm1/c-1056085–0.html; Шервуд О. Мосты на «Ы» // СПб. ведомости. 2010. № 061. 8 апр.; Квасникова Л. «И кораблик золотой!» // Пионерская правда. 2010. № 15; Д. К. Город от «А» до «Я» // ЛГ. 2011. № 15 (6318). 20 апр.; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

М. Т.

КУДРЯКО́В Борис Александрович [28.5.1946, Л-д — 11.11.2005, СПб.] — поэт, прозаик, фотохудожник, живописец.

Мать — ткачиха, отец репрессирован в кон. 1940-х. После окончания фотоучилища — служба в армии (1965–68). Затем работал фотографом, кочегаром, грузчиком, сторожем. Лит. тв-вом начал заниматься с 14 лет. В 1968, после знакомства с К. Кузьминским, становится участником независимого культурного движения андеграунда.

Перв. публикация — рассказы **«Сияющий эллипс»**, **«Белый флаг»** и **«Время жатвы»** в самиздатском ж. «Часы» (№ 8, 1977, под псевд. Марк Мартынов). Затем его повести и рассказы публ. в самиздатских ж. и сб. «Обводный канал», «Транспонанс», «Мария», «Митин ж.» и др. С 1974 составил 43 книги рисунков, лит. произведений, фотографий, в штучной публикации, с кот. знакомил круг ближайших знакомых. В 1981 вступает в «Клуб–81».

После его попытки эмигрировать в Израиль, К. заинтересовались органы КГБ, последовали допросы и угрозы. Мн. годы жил с подозрением, что за ним следят. Это не изменило характер его тв-ва, но из-за опасения обысков и ареста, неск. раз уничтожал свой архив: сжег «два рюкзака негативов, писем, фотографий и магнитофонных пленок, от греха подальше».

В постперестроечное время произведения К. появляются в ж. «Волга», «Знамя», «Новая лит-ра», «Радуга» и др. Перв. кн. **«Рюмка свинца»** вышла в 1990. М. Берг в предисл. обозначил этот роман как «рассказ о жизни после смерти».

Все, что сделано К., отмечено печатью новаторства. В лит-ре, опережая явления более позднего времени, использовал технику сюрреализма, язык «черной прозы», опыт обэриутов. «Я отпускаю слово на свободу»,— говорил он. И показал, на что способно живое и свободное слово, если не находится в застенках внутренней самоцензуры и догматических предпочтений в зашоренном пространстве языкового бытия. Погружая слово в новую реальность, он дарует ему не только свободу, но и способность преображать самое себя, обрастать новыми смыслами, рождаться и перерождаться в различных обличиях («алкогорь», «лучшезарное детство», «угледолбы» и т. п.). Слово приобретает новые ценностные характеристики, становится многоцельным и многозначным. Иногда К. вовлекает читателя в процесс своего тв-ва, предлагая варианты прочтения того или иного слова. «Литература,— говорил К. — это моделирование другого мира». В русской совр. лит-ре трудно найти др. писателя, кот. бы так эффектно использовал словотворчество в создании необычной образно-смысловой ткани («ум хорошо, а два сапога — пара не лучше», «метастазы дорог», «грибодарная осень» и др.). Социальная данность в рассказах и повестях К. предстает в пародийном использовании штампов соцреализма. Иногда ее неприятие получает «революционное» выражение: в рассказе **«Боевик»**, напр., персонаж расстреливает экраны телевизоров, откуда несутся штампованные фразы о «воротилах золотого тельца» и «обездоленных трудящихся», так он «продолжает битву за чистоту слова». В тв-ве писателя можно усмотреть продолжение традиции, связанной с прозой А. Белого, К. Вагинова, Д. Хармса.

Фабула в произведениях К. почти всегда завуалирована. Повествование — это мозаика эпизодов, вовлеченных в процесс непредсказуемых перемен. В рассказе **«Сияющий эллипс»**(1974) герой рассказывает о взаимоотношениях со своими двумя женами, кот. тонут в непоследовательности событий и их фантастич. эпизодов. Но эмоциональное единство здесь скрепляется «вербальной моторикой». Такие фразы, как «цыцвулили пташки», «толпище бдело», «скользкий дым», «асфальт поперчили песком» и др., служат абсурдными обозначениями абсурдного существования.

В нач. философской притчи-исповеди **«Ладья темных странствий»** (1974) автор ставит задачу: «Исполнить путь спасения в созерцании пути», кот. есть символ трагедии бытия в общем безвременье. Жизнь, полная страха за самое себя, перерождается в свою изнанку в распад и онемение. Бессмысленность человеческого существования, упрятанного в застенки физиологии и нищеты, не способного к анализу, завершается катастрофой, одинаково реальной в системах бытия и небытия. Лавина иносказаний, полная избыточной метафоричности, погружает читателя в немую жуть полного непонимания своего места на земле и в космосе.

Оценки тв-ва К. весьма разнообразны. А. Скидан (каталог выставки «Борис Кудряков. Рюмка свинца», СПб, 2010) пишет о прозе К., что «тематически она пересекалась с прозой Мамлеева, отчасти Сорокина, но в формальном смысле, с точки зрения фактуры, их разделяли миллионы световых лет». Действительно, проза К. очень далека от традиции даже современной новаторской лит-ры. Д. Суховей (Неуловимый мастер

сдвига // НЛО. 2003. № 64) отмечает, что «в текстах Кудрякова — всюду сдвиг: языковой сдвиг, сдвиг внутритекстовой реальности. Увидеть его можно сразу, но это будет лишь простая аномальность предмета описания, снабженная хронологически достоверными деталями (Будь это погружение в не столь далекое прошлое — рассказ о вычислении, кто же стукач,— **"Поиски дятла"**, или жизнь в деревне, без всего наносного, в рассказах 1990-х годов). Именно с таким чувством мы читаем старые газеты». Добавим, что, в отличие, скажем, от Фолкнера, кот. в своих произведениях фрагментами будущего проясняет суть настоящего, временной сдвиг в рассказах К. имеет постоянство неопределенности.

В 2003 вышла кн. К. **«Лихая жуть»**, куда вошли, помимо прозы, стихи, пьесы и авторские иллюстрации. «Название книги,— пишет Скидан (Критич. масса. 2004. № 2),— полностью отвечает ее лейтмотиву, она — о жутком, о том непредставимом, несказуемом в человеке, что раскрывается в распаде его речевой способности и что было бы, вероятно, слишком поспешно приписывать исключительно семидесятилетнему антропологическому эксперименту по выведению Homo soveticus».

Следует упомянуть и о фоторабо тах К., мн. из кот. снабжены текстом, что приближает его к концептуалистам. К. получил прозвище Гран-Борис, чтобы отличаться от др. выдающегося фотохудожника Смелова, прозванного Пти-Борисом. В. Вальран (каталог выставки «Борис Кудряков. Рюмка свинца». СПб, 2010) пишет о фотографиях К.: «Абсурд, мрачная ирония, введение текстов в изобразительный ряд, авторские комментарии предвосхищают тенденции постмодернизма, представители которого впервые по достоинству оценили творчество К.». Фотографии К. экспонировались на мн. зарубежных выставках: с 1979 выставлялся на Западе (США, Франция, Япония), перв. персональная выставка, «Мир Достоевского», состоялась в 1981 в Париже.

Посл. прижизненным изд. стала кн. **«Одиннадцатое измерение»** (2003), куда вошли фотографии, тесты и инт. К.

Лауреат лит. премии Андрея Белого (1979), Международной отметины Давида Бурлюка (1992), Тургеневской премии правительства М. «За вклад в развитие малой прозы России» (1998).

Соч.: Рюмка свинца: Повести и рассказы. Л., 1990; Лихая жуть. СПб., 2003; Одиннадцатое измерение. СПб., 2003; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Берг М. Гармония распада // Лит. А–Я. 1985. № 1; У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 4А; Борухов Б., Сафронова А. Борис Кудряков. Рюмка свинца // Волга. 1991. № 10; Берг М. Саша Соколов и Борис Кудряков // Литературократия: Проблема присвоения и перераспределения власти в лит-ре. М., 2000; Суховей Д. Неуловимый мастер сдвига // НЛО. 2003. № 64; Самиздат Л-да: Лит. энц. М., 2003; Скидан А. К истоку Зеро // Критич. масса. 2005. № 3–4; Конструктор Б. Человекгора // Критич. масса. 2005. № 3–4; Вальран В. Борис Кудряков // Foto&video. 2006. № 12; Лапенков В. Пара меморий. СПб., 2011. Сайт премии Андрея Белого <belyprize.ru>

А. Петряков

КУДРЯ́ШЕВА Аля (Алина Кирилловна) [10.11.1987, Л-д] — поэт.

Закончила Аничков лицей (2004), затем филологич. фак-т СПбГУ по специальности «Теория языкознания» (2009), аспирантуру Европейского ун-та.

Стихи пишет «лет с четырех, а осмысленно — лет с одиннадцати» ([Инт.] «Я начинаю считать со ста, жизнь моя — с единицы...» // СПб. ун-т. 2008. № 3). В 2003 приняла участие в поэтич. конкурсе «Новые имена», стихи были опубл. в сб. «Новые имена Петербурга» (СПб., 2003). Участвовала в поэтич. конкурсе «ПОЭТому», проводимом в СПбГУ (2006–1 место в двух номинациях; 2007–1 место в четырех номинациях), бардовских фестивалях (фестиваль юношеской песни «Зимородок», лауреат фестиваля «Второй канал» в 2005).

В 2003 начала вести в Интернете «Живой Журнал» (под ником Izubr), в кот. размещает только стих. тексты. Стихи К. размещены на самых разнообразных сетевых ресурсах (стих. **«Я работаю солнечной батареей...»** и мн. др.). Комментарии в блогосфере к стихам К., как правило, одно-

типно восторженны. Д. Румянцев (поэт, арт-директор клуба «Книги и Кофе») 30 апр. 2008 поместил в ЖЖ пост «О популярности К.»: «Объяснение в стиле "это просто гениальные стихи — поэтому популярны" меня мало устроило. <...> ...Должна же быть какая-то особенность поэтики, на кот. так рьяно откликнулся *просто читатель*. <...> Такая популярность объясняется двумя основными причинами. Во-первых, эти стихи "безкультурны". Никаких отсылок к библии, мифам, философам, писателям, поэтам и т. д. Интертекст отсутствует как факт. Только непосредственные переживания. Вся "актуальная" волна отдыхает <...> Во-вторых, поэзия К. очень *подробна и прозаична*. Она буквально "разжёвывает" каждую эмоцию, каждое событие. До мелочей». Сама К. оценивает свой лит. успех в сходных выражениях: «Я очень обычный человек и пишу про очень обычные штуки. И всем нравится — будто бы про них» ([Инт.] ЖЖгучие стихи от редкого зверя // Новая газ. 2008. № 38).

В окт. 2007 А. Житинский выпустил в изд-ве «Геликон Плюс» сб. стихов К. **«Открыто»** (перв. тираж в 500 экз., несколько допечаток): «Предложение ...выпустить ее книгу я сделал, прочитав всего пару стихотворений. Сомнений не было, что имею дело с совершенно неординарным случаем. <...> У нее есть главное, чего нет у огромного большинства нынешних поэтов, даже очень хороших,— свой читатель, не пишущий стихов. Не цеховой читатель.

И таких читателей с каждым днем все больше» (http://maccolit.livejournal.com/668601.html). Издатель полагает, что эта книга стала «этапной для молодой русской поэзии» — своего рода «осиновым колом..., вбитым в могилу постмодернизма» (http://maccolit.livejournal.com/679417.html).

Бурно обсуждаемая в интернет-сообществе, поэзия К. получила на удивление мало откликов в офиц. печ. В. Топоров весьма сдержанно оценивает поэзию К. как «довольно обаятельные стихи», своего рода «вальсок». Тогда как Д. Быков, подводя итоги 2007 лит. года, отметил: «Она бывает и вторична, и чрезмерно экзальтирована, и порой "с усердием вламывается в открытые двери", но отрицать ее удивительный талант невозможно. Велик соблазн умилиться, как умиляются ее бессчетные поклонники в ЖЖ,— ограничимся лишь констатацией, что во всей генерации нынешних студентов свой голос есть у нее одной...». По мнению Ю. Архипова, «обретение собственного голоса, индивидуального почерка» К. дано «как будто от Бога»: даже в самых ранних ее стихах «никакой незрелости», есть в них «какой-то новый звук, явная современность» — «голос поколения, снова потянувшегося к всевышнему и ни в чём не уверенного». Рассуждая о совр. поэзии, вышедшей из блогосферы, А. Мерзлякова замечает, что стихи К. («камерные», «по-своему ироничные и глубокие, часто — по-взрослому болезненные, реже — по-детски солнечные и трогательные») «не имеют возраста, потому что в каждом из них работает обнажённый душевный механизм, кот. есть и у влюблённой девушки, и у скупого банкира, и у торговца пельменями». Опубликованная в педагогич. газ. «Первое сентября» ст. Т. Алексеевой рассматривает поэзию К. как юношеские стихи, напис. «не *для* читателей, а *про* них», произрастающие «из того опыта, кот. знаком каждому»: «сиюминутного потока чувств», «состояния расширяющегося пространства», «острой нежности и нужды в другом, яростной потребности поделиться».

Особый способ записи стих. текста — «в строчку», без разбивки на строфы — позволил А. Вейцману назвать произведения К. «поэтической прозой», однако это определение нельзя признать вполне верным: стихи К., органично сочетающие высокий стиль со сленгом и компьютерным вокабуляром, напис. класс. размерами. Д. Быков замечает, что «у этого способа письма есть и преимущества — органика, снижение пафоса, сюжетность», однако при этом «возникает соблазн многословия и самоподзавода, с кот. молодому автору особенно трудно бороться».

В 2010 вышла аудиокнига К. **«Три, два, один»** (изд-во «Контент-медиа») — 35 стих. в авторском исполнении, для каждого из кот. написана оригинальная музыка: «в каком-то треке можно услышать классические нотки, в каком-то рок-н-ролльные басы и гранжевую гитару, а какие-то стихотворения звучат с типично британским акцентом в музыкальной подаче, потому что читаются под трип-хоп» (http://contentmedia.ru/books/poetry/tridvaodin/). Текст **«Мама на даче, ключ на столе...»** сопровождается музыкой лидера популярной рок-группы «Сплин» А. Васильева.

Соч.: Открыто: Стих. СПб., 2007; Три, два, один: Аудиокнига. М., 2010.

Лит.: Елисеев Н. Писатель-издатель // Эксперт Северо-Запад. 2007. № 34; Быков Д. Лит-ра отдувается за все // Дружба народов. 2008. № 1; Обыденкин А. ЖЖгучие стихи от редкого зверя // Новая газ. 2008. № 38; Ронге Е. Izubr и «опасные вещи» // drugaya.ru. 2008. 5 нояб. (http://www.drugaya.ru/content/doc1088.html); Архипов Ю. В сонате одни бемоли // Лит. Россия. 2009. № 29; Вейцман А. Стороны света (Н.-Й.) // Знамя. 2009. № 10; Сопова А. «Открыто» Али Кудряшевой: Неженская девичья поэзия // Интернет-изд. «Татьянин день» (http://www.taday.ru/text/218189.html); Топоров В. Поэтич. конкурс. Дневник члена жюри Григорьевской премии. Часть 4-я // Прочтение (http://prochtenie.ru/index.php/docs/5820); Мерзлякова А. «Глаголом ЖЖечь сердца людей»: Два слова о совр. поэзии, вышедшей из блогосферы // Новая университетская жизнь: газ. Сибирского федерального ун-та. 2010. № 19; Новоселова Ю. Наизусть // Филолог: ж. Пермского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 11; Алексеева Т. Юность — не возраст // Первое сентября. 2010. № 4.

С. Другговейко-Должанская

КУДРЯШО́ВА Лариса Пахомьевна [26.5.1954, г. Даугавпилс] — поэт.

Родилась в Латвии в православной семье. Мать служила при храме и пела в церковном хоре, владея грамотой крюкового знаменного пения. Дед — сельский священник. Дядя — священник и иконописец, другой дядя — митрополит Рижский и всея Латвии Александр (Кудряшов), нынешний предстоятель Латвийской Православной Церкви.

Закончила фак-т русского яз., литры и истории Даугавпилского пед. ун-та. Работала учителем, библиотекарем, корреспондентом газет и информагентства «Baltic News Service».

Стихи писала с детских лет. Перв. публикации — в 1989 в даугавпилских газ. «Авангард» и «Динабург». Печ. в латвийской периодике. Первые кн. — **«Серебряный дождь»** (1991) и **«Звездная ворожба»** (1992). С 1992 по 2003 — член СП Латвии. Занималась активной лит. и общественной деятельностью по сохранению и укреплению русской культуры в Латвии, участвовала в создании и работе Балто-славянского об-ва и отделения СП Латвии в Даугавпилсе. Была организатором, составителем и участником альманаха поэтов Латгалии, пишущих на русском и др. славянских языках, — «Дни поэзии». Русская Православная Церковь в Латвии издала кн. стих. К. **«Свет святого Валаама»** (1999).

В 1993 К. вышла замуж за петербургского православного писателя и

публициста В. П. Филимонова. Участвовала в работе об-ва православных писателей СПб. С 1998 постоянно живет в СПб.

Стихи К. публиковались в газ. «Софийский собор», «Православный Санкт-Петербург», «Горница», «Лит. Петербург», «Православие и жизнь», «Виноградная лоза», «Вечерний звон», «Русское слово», «Православная жизнь», «Ковчег»; в ж. «Собеседник православных христиан», «Духовный собеседник», «Славянин», «Новая книга России», «Марфа и Мария», «Православный летописец Санкт-Петербурга», «Православие или смерть», «Сербский крест», «Первый и последний»; в лит.-худ. альм. «Русский мир», «День русской поэзии»; в колл. сб. стих. «Трио», «Дорога», «И праздник Рождества, и праздник Воскресения».

В предисловии к перв. изданному в СПб. сб. **«Предстою перед Господом»** (1999) прот. Георгий Митрофанов писал: «Лишенные религиозно-общественной "злобы дня" и чуждые харизматически-агитаторского нравоучительства, стихи Ларисы Кудряшовой исполнены глубокого религиозного содержания и заключены в аскетически сдержанную и художественно-отточенную форму. Лиризм этих стихов лишен как псевдо-православного залихватского "я"-чества, так и лукаво скрывающегося эстетского индивидуализма».

Поэзия К. — выраженное в стихах сознание русского православного человека на рубеже столетий. Она отражает реалии, привычные для верующего православного человека. Исповедуемая поэтессой «желанная святая ясность» находит воплощение в простой, прозрачной форме, в преимущественно рациональном осмыслении истин Священного писания, заветов святых отцов. Практически во всех стих. К. присутствует лексический ряд: Господь, Божия Матерь, Святая Русь, святые, благодать, Божья милость, душа. Валаамскому монастырю, преп. Серафиму Вырицкому посвящены отдельные циклы стих.

Гл. ценности для православного сознания лежат за пределами видимого бытия. Стихам К.чуждо половодье чувств, борение страстей, мучительный поиск истины. Их можно произносить в молитве, перед иконой. По словам критика, «стихам Ларисы, порою лирично-женственным и трогательно открытым, порою строгим и скупым в выражении чувств, присуща четкость и ясность мысли, острота зрения. Ко всему этому — афористичность высказываний, концентрация энергии заключительных строк, в кот. предвестие грядущих испытаний и обретений. Поэтесса очень тонко владеет чувством ритма, кот. ярко отражает настроение» (В. Мицкевич).

У К., что редкость для женской поэзии, отсутствует чувственная, любовная лирика. Даже в цикле стихов **«Серебряный дождь»**, посвящ. избраннику сердца, герой воспринимается в контексте вечности, надмирного полета, колокольного звона. В стих. **«Моя нечаянная радость»**, видя в своем любимом опору, «доброго ангела», поэтесса обращается с благодарностью, тем не менее, не к нему, но к Создателю, кот. даровал ей эту радость.

Подчеркнуто отвергнуты ценности преходящей жизни, и кредо лирической героини смыкается с монашескими обетами: «У земного огня — не согреться, / Не насытиться хлебом земным! / Мне б от этого мира отречься, / Покоряясь законам иным. / Позабыть все земные желанья...» Сквозная тема К. — ненадежность земных утех: «Слаще радости земной — / Предвкушенье, ожиданье. / Мы усердно строим зданье / На песке — перед волной». Ее мир «хрупок, обманчив и зыбок». Мощному притяженью «грешной, суровой земли» противостоит притяженье Небес.

Лишь в самых ранних стихах лирич. героиня К. любуется «листьев огненных жаром» или тем, как «Листьев рыжая медь / За окном колобродит» (1986). В зрелом тв-ве — сдержанная образность, скупая метафорика. Холодно-ясные, чеканные строфы, точно выверенная ритмика. Яркие поэтич. тропы встречаются лишь изредка, как в строках: «Русские глубины / Не достать до дна. / Красная рябина, / Словно Купина», или в описании покаянного настроения: «А душа заплуталась средь пут / Облеклась в плотяное тряпье. / Тихо плачет, предчувствуя Суд, / Божий Ангел — хранитель ее».

Центральными в зрелой поэзии становятся эсхатологич. мотивы: наступает «Последний срок. Последний век». Россия предстает как страдающая, израненная, одолеваемая силами тьмы, но все еще богохранимая страна. В прошлом — «Куролесит дикое столетье. / Покидая землю навсегда»; в настоящем — «Скованный страшным обманом / Дремлет великий народ»; в будущем — «Какой нам срок для осмысленья дан? Тьма держит мир своей когтистой дланью». Поэтесса воспринимает современность как время напряженной духовной брани, противостояния злу, жертвенного стояния за Истину — что видно уже из названий ее сб.: **«Время исповедания»**, **«Предстою пред Господом»**.

По мнению И. Трофимова, в стихах К. «отражается наша печаль и наша надежда. В этих стихах — наша жизнь, ее приметы: от первого снега трагического 1991 года до "волчьей" жестокости, все резче утверждающейся в сегодняшнем обществе. Дискомфорт бытия, дискомфорт быта, неприятие мира (не Божиего — людского!) и исходящая из этого непримиримость. Лариса Кудряшова не требует, не негодует, не настаивает. Ее социальность вовсе не несет в себе громкого гражданского пафоса. И вместе с тем в ней достаточно сопротивляемости, того фундаментализма национального и религиозного, кот. в отдаленные времена оборачивался горящим срубом Аввакума». Поэтому К. не теряет веры в торжество Света: «В поэзии Ларисы Кудряшовой сквозь драматизм нашей сегодняшней жизни прорывается светлый луч. Эти стихи, как вздох печали, и вздох надежды. Они проникают в душу читателя и помогают стать добрее, чище, вернуть в наш черствый, обезумевший мир, человеческое и, более того, — Божеское» (В. Мицкевич).

Стихи К. переведены на латышский яз. Хелмой Хансоне. Песни на стихи К. исполняют Игорь Петров, Ирина Скорик, Юрий Жеринов.

Соч.: Предстою пред Господом. СПб., 1999; Между ранним и поздним дождем. СПб., 2003; Время исповедания (в соавт. с В. Филимоновым). СПб., 2004; От Рождества до Воскресения. СПб., 2013. Страница в Интернете www.zaistinu.ru/old/poem/kudryashova.shtml.

Лит.: Митрофанов Г., прот. [Предисл.] // Кудряшова Л. Предстою пред Господом. СПб., 1999; Герасимов Ю. [Предисл.] // Там же; Бороздкина О. [Послесл.] // Филимонов В., Кудряшова Л. Время исповедания. СПб., 2004; О поэзии Ларисы Кудряшовой (И. Трофимов, В. Мицкевич, Ю. Герасимов) // Кудряшова Л. От Рождества до Воскресения. СПб., 2013.

А. Любомудров

КУЗМИ́Н Михаил Алексеевич [6 (18).10.1872, Ярославль — 1.3.1936, Л-д, похоронен на Волковом кладб.] — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик.

Из старинного дворянского рода, одним из предков по материнской линии был приехавший при Екатерине II в Россию французский актер Жан Офрен, знавший Вольтера и игравший в его пьесах. В 1874 семья переезжает в Саратов, затем в 1884 в СПб. К. учится в 8-й гимназии вместе с Г. Чичериным (будущим гос. деятелем СССР), кот. на долгие годы становится его близким другом и конфидентом. В 1891 поступает в СПб. консерваторию (учится у Н. Римского-Корсакова и А. Лядова); не окончив ее, уходит, продолжая обучение частным образом. В дальнейшем им была напис. музыка к имевшим шумный успех постановкам блоковского «Балаганчика» (1906) и ремизовского «Бесовского действа» (1907).

У истоков худож. миросозерцания К. — мечтательность впечатлительной детской души, обделенной родительским теплом. Провинциальная жизнь питала впечатлительность мальчика чарующими картинами: «Темные зимние вечера у печки, <...> я зачитывался Гофманом! <...> Потом помню себя совсем маленьким осенью при вечерней заре, когда прислуга рубит капусту в сарае; запах свежей капусты и первый холод так бодры; небо палево, и нянька вяжет чулок, сидя на бревне. И с мучительной тоскою смотрю я на небо, где летит стая птиц на юг. „Нянька, куда же они летят-то, скажи мне?" — со слезами спрашиваю я. „В теплые страны, голубчик". И ночью вижу голубое море, и палевое небо, и летящих розовых птиц» (Из письма Чичерину 18 июля 1893 // Богомолов Н.). В юности совершает два путешествия по югу Евразии (Турция, Египет, Греция — 1895; Италия — 1897), возбудившие в нем острый соблазн эстетического проникновения в прошлые эпохи этих стран: «Я положительно безумею, когда только касаюсь веков около первого; Александрия, неоплатоники, гностики, императоры меня сводят с ума и опьяняют или, скорее, не опьяняют, а наполняют каким-то эфиром; не ходишь, а летаешь, весь мир доступен, все достижимо, близко <...> рано или поздно смогу выразить это и хоть до некоторой степени уподобиться Валентину и Апулею» (из письма Чичерину 1897 // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1992). Период кон. 1890–1900-х проходит в большой духовной напряженности (с попыткой самоубийства) и сопровождается интенсивными духовными исканиями, частыми поездками по скитам. Тема православной религиозности находит выражение в созданных в этот период циклах **«Духовные стихи»** и **«Праздники Пресвятой Богородицы»** (включены в кн. **«Осенние озера»**). Будучи по своей натуре аполитичным, вступает тем не менее в 1905 в Союз русского народа; о своем сочувствии «правым» (в редкие, по его словам, минуты политич. «небезразличия») заявлял и позже.

В 1898 появляется перв. публ. — авторский нотный сб. «Три романса», из кот. только посл. напис. на собств. слова (**«Бледные розы»**). Последующее вхождение К. в «Мир искусства» связано с его сближением с петерб. кружком «Вечера совр. музыки» (на переломе 1903–04), где выступает как композитор, в частности, как автор песенной музыки со своей подтекстовкой. Так появляются его знаменитые «песенки» (напр., **«Дитя, не тянися весною за розой...»**), сразу же сделавшиеся «очень популярными в петербургских богемных и полубогемных кругах» (Добужинский М. Воспоминания. М., 1987).

Перв. поэтич. публикация, состоящая из **«XIII сонетов»** и драм. поэмы **«История рыцаря д'Алессио»** (Зеленый сб. стихов и прозы. СПб., 1905), не вызывает восторга у мельком отметивших ее в своих рецензиях В. Брюсова и А. Блока. И только с появлением в брюсовских «Весах» через год (1906. № 6) значительной части **«Александрийских песен»** К. становится одной из несомненных звезд отеч. Парнаса. Отзывы на них незамедлительно были даны крупнейшими поэтами. М. Волошин в газ. «Русь» (1906. № 83) отмечал исключительную способность поэта воспроизводить в своих живых интимных переживаниях мир далекой эпохи, являя этим сквозь «александрийское рококо» «цветы истинной античной поэзии». Волошиным первым был употреблен вошедший затем в легенду о К. образ его как эстетич. оборотня, воскреснувшего представителя исчезнувшего худож. мира, далеких культур: «Когда видишь Кузмина в первый раз, то хочется спросить его: „Скажите откровенно, сколько вам лет", но не решаешься, боясь получить в ответ: „Две тысячи"». Отметив далее «огромные черные глаза» (получившие у др. мемуаристов определение «византийских»), «прекрасный греческий профиль», сходный с изображениями Перикла и Диомеда, а также «бледное восковое лицо», автор заключал: «Несомненно, что он умер в Александрии молодым и красивым юношей и был весьма искусно набальзамирован». В своем «изумлении» Волошин исходил не столько из действительно редкого «экзотического» облика К., сколько из его поэзии, привносящей в отечественную любовную лирику не свойственное ей гедонистич. звучание, античный мотив и радостное

приятие жизни цельной, не знающей надрыва: «Но почему же возник он теперь, здесь, между нами в трагической России, с лучом эллинской Радости в своих звонких песнях? <...> У его эроса нет трагического лица. В этом мире все знают, что милое тело дано для того, чтоб потом истлело» (Лики тв-ва. Л., 1988).

С появлением «Александрийских песен» К. решительно перестраивает образ жизни, начиная с внешности: сбрив бороду и сняв русское платье, превращается из старообрядца в денди. А. Ремизов позже в кн. «Кукха. Розановы письма» (1923) об этой перемене писал: «...снял вишневую волшебную поддевку, постригся, и не видали его больше в золотой парчовой рубахе навыпуск; были у него редкие книги старопечатные (Пролог), и рукописные, и знаменитые крюки (ноты) — все спустил, все продал, и голос не тот, в „Бродячей собаке" скричал» (Царевна Мымра. Тула, 1992).

Появившись 18 янв. 1906 впервые на «башне» Вяч. Иванова, он входит вскоре в ее самый избранный, «мистико-эротический» кружок «гафизитов» (от имени персидского поэта XIV в. Хафиза). Здесь ставилась цель особого творч. осознания жизни путем интенсивного переживания образов красоты, навеянных искусством прошлого: о К., получившем здесь имя «Антиной», Л. Зиновьева-Аннибал, будучи одной из активных участниц кружка, высказывалась как о «поразительном александрийце <...> с тихим ядом изысканных недосказанностей, приготовляющем новое будущее жизни, искусству и всей эротической психике человечества» (Н. Богомолов).

В это время К. тесно сближается не только с лит. элитой, но и с выдающимися художниками нового направления — «Мир искусства» (К. Сомов, С. Судейкин, Н. Фефилактов, А. Бенуа, Л. Бакст и мн. др.). Здесь личность К. становится своего рода худож. объектом — и сам загадочный облик К., и дразнящая «тайным и явным эротизмом» его поэзия, как бы сохраняющая волнение интимной жизни давно ушедших эпох. Позже появились любопытные суждения о К. этого периода: «...когда я вижу прекрасные старинные вещи, затаившие в себе чью-то давнюю жизнь, впитавшие в себя радости и тревоги многих поколений, вещи, о которых мы ничего в точности не знаем, но которые сами зато очень много знают, но не могут или не хотят ничего о себе рассказать,— я вспоминаю Кузмина и его стихи» (Головин А. Встречи и впечатления. Л.; М., 1940).

В кон. 1906 в «Весах» выходит повесть К. **«Крылья»** (отд. книгой — 1907, 1908, 1923). Своей впервые в отеч. лит-ре открыто заявленной гомоэротической тематикой эта кн. принесла К. шумную и скандальную славу. Блок в записной книжке (дек. 1906) назвал «Крылья» «чудесными»; отмечая вскоре в них и «некоторую» дань «грубому варварству», он тем не менее пояснял, что оно «совершенно тонет в прозрачной и хрустальной влаге искусства»: «Имя Кузмина, окруженное теперь какой-то грубой, варварски-плоской молвой, для нас — очаровательное имя... художник до мозга костей, тончайший лирик, остроумнейший диалектик искусства» («О драме», 1907). Решительно была не принята повесть в кругу Мережковского и Гиппиус. Попытка объективного анализа «Крыльев» была сделана Л. Гуревич в ее «Заметках о совр. лит-ре» (раздел «Дальнозоркие»): повесть определялась как идеологич. произведение К., в кот. развивается мысль о «крылатости» всякой любви и «уродстве всякого самоограничения». Хотя с автора и снималось обвинение в «порнографичности» («он нигде не разворачивает перед нами „соблазнительных" картин, нигде не употребляет своего соблазнительного дара на то, чтобы представить внешние подробности эротической жизни»), все же произведение в итоге осуждалось как выражение «декадентского индивидуализма», возвеличивающее вовсе не идею Платона высшей личности («Пир» и др. трактаты), а всего лишь «конкретное человеческое существо, многоголосое, пестрое и дробное, в противоречии своих наклонностей» (Русская мысль. 1910. № 3). Прямой поддержки это произведение К. как философский роман о свободной любви и гомоэротическом воспитании в отзывах современников не нашло.

В 1908 в изд-ве моск. символистов «Скорпион» выходит перв. кн. стихов К. **«Сети»** (переизд. дважды — 1915, 1923), ставшая в русской поэзии XX в. явлением, а в силу оригинальной композиционной продуманности и благодаря ритмическому, фоническому и строфическому богатству в изв. степени и «учебником». За К. окончательно упрочивается слава поэта, всецело поглощенного темой любви («Любовь — всегдашняя моя вера»). Лит. элитой книга была единодушно встречена с неподдельным восхищением. Блок писал: «...читаю Вашу книгу вслух и про себя, в одной комнате и в другой. Господи, какой Вы поэт и какая это книга! Я во все влюблен, каждую строку и каждую букву понимаю...» (13 мая 1908); в своей рецензии на книгу чуть позже: «Если Кузмин стряхнет с себя ветошь капризной легкости, он может стать певцом народным». И. Анненский в статье «О совр. лиризме» (1909) писал: «В лиризме М. Кузмина — изумительном по чуткости — есть временами что-то до жуткости интимное и нежное и тем более страшное, что ему невозможно не верить, когда он плачет» (Книга отражений). Н. Гумилев, начавший свой долголетний знаменитый обзор текущей поэзии именно с «Сетей», отмечал «опьяняющие» и «восхищающие» оригинальные размеры и «звонкость рифм» (несколько позже он назовет стих К. «звучащим утонченно и странно»). Ограниченность К. Гумилев видел в том, что поэт «является рассказчиком только своей души, своеобразной, тонкой, но не сильной...». Основательнее конкретизировал своеобразие кузминского стиха в отзыве 1909 Брюсов: «Несомненное дарование поэта, дар стиха, певучего и легкого, М. Кузмин обогатил изучением старофранцузской поэзии, из которой вынес любовь к сложным строфам. Маленькие неправильности ритмики, ударений и самого языка <...> придают его стихам какое-то новое очарование...» (Далекие и близкие. М., 1912). Вопроса о национальных мотивах в тв-ве автора «Сетей» касались и другие. Блоком он был назван «подлинно русским поэтом, не взявшим напрокат у Запада ровно ничего, кроме атласного камзола да книжечки когда-то модного французика Пьера Луиса»; по Гумилеву, взаимоотношения национального и европейского в поэзии К. более серьезны: от первоначального дендизма поэт лишь

через мистицизм приходит к выражению «славянской души»; Волошин в парадоксальном слиянии в К. французской крови с «раскольничьей» (как «органическом сплаве исконно славянского с исконно латинским») видит основу его творч. натуры, «ключ» к пониманию его «антиномий» (Лики тв-ва).

За «Сетями» следует кн. **«Комедии»** (1909) и изысканно изданная кн. «песен» **«Куранты любви»**, с нотами автора и любовно проиллюстрированная близкими друзьями поэта С. Судейкиным и Н. Фефилактовым (1910), стих кот., по словам Гумилева, «льется, как струя густого, душистого и сладкого меда, веришь, что только он — естественная форма человеческой речи... Эта поэма составлена из ряда лирических отрывков, гимнов любви и о любви. Ее слова можно повторять каждый день, как молитву...».

В 1910 в «Аполлоне» (№ 4) появляется ст. К. **«О прекрасной ясности»** («идея кларизма» К. послужила для акмеистов своеобразным манифестом). Автор обосновывал обязанность художника давать миру «стройность» в противоположность тем, кто «несет людям хаос, недоумевающий ужас и расщепленность своего духа».

В 1910 К. публ. 2 кн. рассказов, в 1913 выходит третья. В это время появляются романы: **«Плавающие путешествующие»** (1915), **«Тихий страж»** (1916), **«Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»** (1916 — в альм. «Стрелец». Сб. 2; 1919 — отд. изд. с книжными украшениями М. Добужинского). Посвятивший книгам «рассказов» статью «О прозе М. Кузмина» (Аполлон. 1910. № 7) Вяч. Иванов характеризовал автора как «очаровательного и единственного в своем роде фабулиста-прозаика», высказывался об общей «идеальной уравновешенности» его прозы. В стилизованных произведениях выявлялось влияние авантюрного романа античности и французского романа XVIII в., в произведениях на тему совр. русской жизни — «влияние бытописательной манеры Лескова». Сам К. считал прозу Лескова «сокровищницей русской речи, которую нужно бы иметь настольной книгой наравне со словарем Даля» («О прекрасной ясности»). В 1916 Б. Эйхенбаум связал прозу К. с «младшей линией» русской прозы (Даль, Мельников-Печерский, Лесков) и определял ее пафос как «грациозное, наивное созерцание жизни, как причудливый узор» — в противоположность «чеховской неврастении», «искусству целеполагающему, высокому» (Сквозь лит-ру. Л., 1924).

За «Курантами любви» выходит кн. стихов **«Осенние озера»** (1912). «Как и „Сети" <...> „Осенние озера" почти исключительно посвящены любви. Но вместо прежней нежной шутливости и интимности, столь характерных для влюбленности», здесь появляются «пылкое красноречие и несколько торжественная серьезность чувственного влечения. Костер разгорелся и из приветного стал величественным»,— отзывался Гумилев. В мастерстве К. русская поэзия, подчеркивал он, показательнее, чем у кого-либо из др. поэтов, «навек попрощалась с кустарным способом производства и стала искусством трудным и высоким, как в былые дни своего расцвета...»; неслучайно К. «любит трудные строфы и размеры, в которых вполне проявляется его власть над стихом» (Н. Гумилев). Третья кн. стихов К. **«Глиняные голубки»** (1914) ничего нового в хорошо разработанную биографически любовную тематику уже не вносит. Неслучайно О. Мандельштам, отметив в стихах К. «гетевское слияние» «формы» и «содержания» («сладостно читать живущего среди нас классического поэта»), одновременно и тревожился об опасной стороне кузминского «кларизма»: «Кажется, что такой хорошей погоды, какая случается особенно в его [Кузмина] последних стихах, и вовсе не бывает» (О слове и культуре. М., 1987).

Революцию 1917 К. поначалу приветствует за ее видимый пафос свободы. В дневнике 4 дек. 1917 записывает: «Солдаты идут с музыкой, мальчишки ликуют. Бабы ругаются. Теперь ходят свободно, с грацией, весело и степенно, чувствуют себя вольными. За одно это благословен переворот». Однако вскоре эта запись сменяется другой: «...дорвавшиеся товарищи ведут себя как Аттила, и жить можно только ловким молодцам» (март 1918). В его дневнике появляются записи, в которых реальность воспринимается как кошмарный сон: «Ведь это все призраки — и Луначарский, и красноармейцы, этому нет места в природе, и все это существует. Какой кошмарный сон» (12 нояб. 1918 г. // Минувшее. М.; СПб., 1993. № 12). В 1918 в петерб. изд-ве «Прометей» выходит новая кн. К. **«Вожатый»**, свидетельствующая о заметном обновлении его поэзии. По словам рецензента, она доказывала, что «поэт Кузмин — наш и муза его нужна нашим жестоким дням, как благая весть мира» (Оксенов И. Книги М. Кузмина // Записки Передвижного общедоступного театра. 1919. Вып. 22–23). «„Вожатый",— писал в статье о К. «Радостный путник» Э. Голлербах,— знаменует собою крушение дендизма», взамен чему достигается «углубление, просветление духовной жизни автора» (Книга и революция. 1922. № 3). Обращаясь 29 сент. 1920 к К. с приветствием по случаю его юбилея, Блок высказывался: «...как это чудесно, что, когда все мы уйдем, родятся новые люди и для них опять зазвучат ваши „Александрийские песни" и ваши „Куранты любви" — те самые, которые омывали и пропитывали и жгли солью музыкальных волн души многих из нас...».

В 1920-е выходит 7 поэтич. кн. К. (**«Нездешние вечера»**, 1921; **«Параболы»**, 1923, и др.). Критикой отмечалось исключительное эвфоническое богатство их стихов: «Кто другой умеет извлекать из русской речи эти сцепления согласных — воркующие и скрежещущие, эти тающие и ревущие трубы? Сочетанье гласных — лепет и громы? Русская речь не ведала равного мастера» (Жизнь искусства. 1921. № 767/769). Указывалось вместе с тем и на усиление тенденции к герметизму в поэзии К.: переход от «кларизма» к «темному велеречию гностических стихов» (Совр. записки. 1922. Кн. XI).

Посл. книга стихов К. **«Форель разбивает лед»** (1929) была уже встречена почти полным непониманием и непризнанием со стороны современников. Начинался «новый период, коренное изменение манеры и стиля и дальнейшее усложнение поэтического метода». В кн. глубоко зашифрована личная биографич. тема поэта. В формальном отношении книга представляет собой «своеобразное слияние трех основных родов

поэзии: лирики, эпоса, драмы», а также «тяготение к изощренной композиции: повествованию или стиховому циклу придается форма то 12 месяцев, то семи дней недели, то семи створок веера»; использование разговорной интонации в стихе являет здесь «верх достигнутого» в этой области в русской лит-ре (В. Марков). В противоположность солнечной стихии «Александрийских песен» мир посл. книги К. предстает как бы увиденным в заходящем вечернем либо лунном свете, а также сквозь пелену морской воды, образ которой повторяется как рефрен: «Зеленый край за паром голубым...»; это мир, увиденный героем, погружающимся в глубину прошлого: «Останься здесь! Ты видишь: не могу! / Я погружаюсь с каждым днем все глубже...» («**Восьмой удар**»).

Рассматривая книгу как единое сюжетное целое (поэму), совр. исследователь полагает в качестве ее семантической доминанты тему «превращения», происходящего в ней между различными временами, видами духовно-творч. сознания, образами ее героев и вообще состояниями (преимущественно полярными, контрастными) бытия, чем и порождается особая оркестрованность книги, ее лукавая легкость и насмешливая серьезность. «Дирижером» же в поэме выступает метафора, которая, как кажется, и является основным героем этого произведения. Сюжет поэмы можно определить при этом как «капризные пути» метафоры (Бабаева Е. Капризными путями (Опыт прочтения поэмы М. Кузьмина «Форель разбивает лед») // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996).

К нач. 1930-х К. вытесняется из литры. В «Лит. энциклопедии» его тв-во характеризуется как «знаменующее» собой «процесс буржуазного перерождения дворянской интеллигенции XX в.», выражение «экспансии в область искусства буржуазно-помещичьего блока», стремящегося к «всестороннему использованию своего положения, к утонченному наслаждению жизнью, к художественной сублимации своего бытия, к эстетизации своего быта» (М.; Л., 1931. Т. 5). И только как пример «исключительного ритмиста» упоминает К. Пяст в своей книге «Совр. стиховедение».

В 1930-е К. публ. только как переводчик (Гомер, Апулей, Боккаччо, Гете, Гейне, Мериме и др.) и как рецензент (рец. на события лит. и театрально-муз. жизни он писал на протяжении всего творч. пути), хотя продолжает писать и стихи. Все написанное (сб. стихов, поэма, переводы) пропало, будучи реквизировано при аресте в 1938 друга К. — Ю. Юркуна. Сохранился не полностью еще опубл. огромный дневник, кот. велся поэтом на протяжении четверти века. Живет К. в 1930-е бедствуя: «М. Кузмин пришел к Чулковым (Москва 1935–1936 гг.) нищий и оборванный, но стойкий духом. Он прочел пьесу „**Нерон**", вызвавшую общее восхищенье блестящим остроумием. Пьеса остро современная» (Мочалова О. Лит. встречи. 1956 // РО ИМЛИ. Ф. 392). Умер К. от сердечной астмы. В посвященном К. воспоминании («Послушный Самокей») А. Ремизов, мысленно обращаясь к нему, писал: «Ваша звезда не погасла: она мне видится над зеленым морем среди мигающих мохнатых звезд... Ваше имя еще живет в кругу книжного Петербурга и всегда останется у любителей стихов» (Пляшущий демон. Париж, 1949).

Адреса в СПб.-Л-де: 1902–04 — Васильевский о-в, 9-я линия, 28; 1910–12 — квартира В. И. Иванова («Башня»), ул. Таврическая, 35; 1912–13 — доходный дом на Рыночной ул., 16; 1914 — квартира Е. Нагродской на Морской ул. (Большая Морская ул.), 46; 1914–15 — ул. Спасская (ул. Рылеева), 11; 1915–1.3.1936 — Спасская ул., 17, кв. 9. Скончался в Мариинской больнице на пр. Володарского (Литейный пр.), 56.

Соч.: СС: Т. I–IX. Пг., 1914–18; Собр. стихотв.: Т. I–III. München, 1977; Проза.: Т. I–IX. Berkeley, 1984–90; Дневник 1934 года. СПб., 1998; Проза и эссеистика: В 3 т. М., 1999; Стихотворения (БП. БС). СПб., 1999; Дневник. 1905–1907. СПб., 2000; Дневник. 1908–1915. СПб., 2005.

Лит.: Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990; Марков В. Поэзия Михаила Кузмина // Марков В. О свободе в поэзии. СПб., 1994; Михаил Кузмин и русская культура XX в. Л., 1990; Богомолов Н. Михаил Кузмин. М., 1995; Богомолов Н., Малмстад Дж. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996; Корниенко С. В «Сетях» Михаила Кузмина. Новосибирск, 2000; Михайлов А. Инструментарий Михаила Кузьмина-рецензента // Русский лит. портрет и рецензия в XX в. СПб., 2002; Санкин С. Заметки к текстам М. А. Кузмина // Русская литра. 2002. № 1; Тимофеев А. Михаил Кузмин и его окружение в 1880–90-е гг. Новые мат-лы к биографии // Русская литра. 2002. № 4; Панова Л. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. М., 2006; The Many Facets of Mikhail Kuzmin / Ed. by Lada Panova with Sarah Pratt. Compiled and Introduced by Lada Panova. Bloomington, IN: Slavica, 2011.

А. Михайлов

КУЗНЕЦО́В Виктор Васильевич [23.1.1928, г. Нея Костромской обл.] — переводчик, прозаик-публицист.

После окончания ремесленного училища поступил Архангельское мореходное училище (окончил в 1948), плавал на кораблях Сев. флота. В 1954 закончил переводческий фак-т ЛГПИ им. А. Герцена. Работал ГПБ, затем учителем технич. перевода, учителем английского яз. в ср. школе. Более 10 лет проработал переводчиком в Ин-те ядерной физики АН СССР.

Первые переводы худож. прозы появились в печ. в 1956. Переводил с английского и французского яз.

Член СП России с 1994.

Действ. член Русского Географического общ-ва. Не один десяток лет изучает историю дорев. России.

Перев.: Дж. Коуп. Трещина на небе: Рассказ. М., 1956; У. Дюбуа. Испытание Мансарта: Роман. М., 1960; А. Лану. Когда море отступает: Роман. Л., 1965; А. Маклин. Крейсер «Улисс»: Роман. М., 1991 (7 переизд.); Ж. Сименон. Колебания Мегрэ: Романы. Л., 1991; А. Маклин. Пушки острова Навароне: Повесть. Л., 1991; Дж. Кайли. Таким я его знал: Воспоминания о Хемингуэе. Л., 1991; Г. Биллинг. Один в Антарктиде: Повесть. Л., 1992; Л. Вертенбейкер. Львиное око: Роман о Мата Хари. М., 1992.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КУЗНЕЦО́В Вячеслав Николаевич [20.10.1932, ст. Джаркуль Актюбинской обл., Казахстан — 30.8.2004, СПб.] — поэт.

Родиной считал Пензу, откуда родом его родители: мать — врач, отец — проф. военный, погиб в 1941 на фронте. К. окончил с серебряной

медалью 9-ю Казанскую спецшколу Военно-воздушных сил (1950), Лен. Военно-воздушную инженерную академию им. А. Можайского (1956) и Высшие лит. курсы при СП СССР (1960). Членом СП СССР (позже СП России) с 1956. В кач-ве инженера зимовал в Арктике (1956–58). В февр. 1996 избран членом-корр. Петровской АН и искусств.

Перв. стих. опубл. в 1949. Перв. кн. — поэма **«Мечта»** — увидела свет в Пензенском книж. изд-ве в 1954. К. опубл. около 30 кн.; тематически в них можно выделить 4 лирич. трилогии: **«Кровь отцов»** (1955–61), **«У высоких широт»** (1958–61), **«Чувство земли»** (1962–64) и **«Материк»** (1970–82). Наиболее полно и ярко тв-во поэта отражено в однотомнике избр. произведений **«Ступени»** (1984). Перв. лирич. трилогия, в кот. вошли кн. **«Наследство»** (1955), **«Суровый воздух»** (1957) и **«Кровь отцов»** (1961), посвящ. Великой Отеч. войне; второй лирич. цикл — кн. **«У высоких широт»** (1958), **«Студеный берег»** (1958) и **«Кедры на скалах»** (1961) — рисует черты романтич. быта первопроходцев Арктики. Третья лирич. трилогия, кот. составили кн. **«Чувство земли»** (1962), **«Я остаюсь романтиком»** (1963) и **«Доброта»** (1964), раскрывает сыновнюю верность русского народа своей земле. Эта же тема развивается в четвертом лирич. цикле (**«Материк»**, 1970; **«Пласт»**, 1975; **«Крылья»**, 1979). Есть у К. и отд. поэтич. циклы, кн. **«Остров времени»** (1967), **«Преодоление»** (1971), **«А в сердце — свет»** (1985) и др., в кот. на первое место выходят философские раздумья «о времени и о себе». Яркими, драматически острыми получились и две посл. по времени выхода в свет кн. **«Век»** (1992) и **«Это жизни середина»** (1995). Посл. сб. выдвигался СП России на соискание Гос. премии. К. много работал над поэтич. переводами. В его переводе на русский вышли кн. стихов: «Беспокойные птицы» Б. Мацкявичюса (с литовского), «Надпись на снегу» А. Ванеева (с языка коми), «Благодарность» М. Шульгина (с хантыйского) и «Серебряные лучи» А. Жамишева (с казахского). Мн. произведения К. переведены на др. яз. В 1979 в Ереване вышла кн. стихов К. в переводе на армянский — **«Сказание дней»**, в 1982 в Алма-Ате — кн. стихов в переводе на казахский — **«Зулайды жылдар»** (**«Сквозь годы»**). За цикл стихов **«Память войны»** в 1971 К. получил премию им. А. Фадеева. За мн. годы тв-ва стихи К. вошли в различные поэтич. антологии.

Поэзия К. — своеобразная гражданская лирика. За исключением 2–3 десятков стих. любовной лирики все остальное есть лирич. осознание себя в об-ве, имеющем яркую идейную и временную окраску. К. воспевает нравств. ориентиры, провозглашавшиеся в сов. об-ве 1950–70-х. Это верность своему призванию, любовь к справедливости и личная честность, любовь к родине, к России, осознание своей принадлежности к народу, память о родовых корнях и т. д.

Лирич. герой К. — это идеальный герой нач. 1960-х. Здесь и освоение Севера, и поэзия полета, и проблема «физиков» и «лириков», и осознание высокого духовного призвания поэта как пророка. У К. почти нет метафизич. проблем, разве что: «Вдумайтесь и смерьте / на печальной тризне: / глубже тайны смерти / только тайна жизни». Но есть метафизика социалистич. мировосприятия. Он весь советский и не принимает новейших реформ, несущих простому народу обнищание и страдания. К. — плоть и кровь своего века. Он осознает себя частью России («Россия, я твоя кровинка»). У поэта нет абстрактных проблем, вечных тем, а если он их касается, то рассматривает через призму социалистич. идеала и справедливости. В стихах К. живет высокий дух созидательности. И в этом смысле все его тв-во приобретает сегодня характер некот. пассеистской утопичности. Во многом К. близок поэтам своего времени, прежде всего самим мировоззрением и магистральными мотивами лирики. Своеобразие поэта — в его остром чувстве сопричастности «времени».

Соч.: Избр. лирика / Сост. Р. Рождественский. М., 1968; Марафон: Избр. стихи. М., 1972; Сквозь годы: Избр. Л., 1977; Материк: Избр. стихи. Л., 1982; Правда об атлантах: Кн. новых стихов. М., 1982; Баллада о глобусе: Избр. стихи. Л., 1983; Ступени: Избр. Л., 1984; Бортовые огни: Избр. М., 1986; Прогулка по летнему саду: Кн. стихов. Л., 1989; Век: Кн. стихов. Л., 1992; Это жизни середина: Кн. лирики. СПб., 1995; Летопись: Лирич. однотомник. СПб., 2002; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Суровцев Ю. Четвертое поколение // ЛГ. 1956. № 86. 21 июл.; Македонов А. Поэзия «высоких широт» // Новый мир. 1959. № 9; Круглов В. Чувство земли // Молодая гвардия. 1962. № 1; Потроя А. Отдай себя труду, как бою // Нева. 1963. № 3; Рождественский Вс. Верность земле // Молодая гвардия. 1963. № 4; Куратов А. Чувство земли // Звезда. 1963. № 6; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Кречетов

КУЗНЕЦО́В Дмитрий Иванович [6.9.1957, Л-д] — прозаик, драматург.

Отец — докт. технич. наук, проф., мать — врач. Еще будучи школьником, твердо уверовал, что будет писателем, хотя «тройка по литературе была праздником» (**«Политехник»**, 1996). Но после окончания средней школы № 109 (1975) К. по настоянию родителей поступил в Лен. политехнич. ин-т, в кот. отец работал преподавателем на электромеханич. факте. И хотя К. не испытывал интереса к технич. наукам, институтский курс был благополучно завершен в 1981. Более того, после трехгодичной отработки в одном из лен. НИИ К. вернулся в Политехнический, поступив в аспирантуру, где проучился с 1989 по 1992. Аспирантское расписание давало возможность К. максимально реализовать «тягу к писательству». Защита канд. дис. в 1993 и выпуск

перв. кн. К. совпали по времени. После защиты дис. до 1996 работал нач. международного отдела в том же инте (ун-те), затем преподавателем на одной из кафедр. Задача синтеза точных и гуманитарных наук, поставленная перед К. обстоятельствами его жизни, была решена профессиональным обращением к философии: в 2007 К. защитил в РГПУ им. А. Герцена докт. дис. на тему **«Антропология и гуманистические идеалы технич. образования»**. В наст. вр. продолжает сочетать преподавательскую работу с лит. деятельностью. Он проф. Политехнич. ун-та, гл. ред. газ. «СПб. вестник высшей школы», автор и ведущий передачи «Лит. клиника» на радио «Россия. СПб.», в теч. мн. лет в качестве автора сценариев сотрудничает с телеканалами ГТРК «Россия 1. СПб.», ТРК «Петербург — Пятый канал», «Россия *К*» и «100 ТВ», в период с 1993 по 2011 опубл. 8 кн. В 1998 принят в СП России.

Интерес К. к лит. тв-ву обнаружился еще в школе. В сер. 1980-х начал посещать ЛИТО при СП РСФСР (рук. Е. Кутузов). Членами ЛИТО были И. Бояшов, Д. Каралис, В. Рекшан, С. Носов, А. Грякалов, С. Карпущенко, П. Молитвин. В нач. 1990-х в сб. молодых лен. писателей «Точка опоры» появился его перв. рассказ **«Это судьба»** (1991). Через два года в изд-ве «Контур-М» вышел авторский сб. **«Рассказы»** (1993). Потом пошли публ. в ж. «Костер» и «Новый ж.». В сер. 1990-х был прочитан на радио «Санкт-Петербург» артистом Б. Соколовым рассказ **«Перемычка»** (1986). По многочисленным просьбам его неоднократно повторяли. Удачный аудиоэксперимент навел К. на мысль изд. свои тексты в виде аудиокниг, что он и осуществил впоследствии, записав с петерб. актерами радиопостановки романа и пьесы.

Уже перв. тексты К., отмеченные экзистенциальным осмыслением повседневности, обнаруживающие связь с традициями «городской» прозы и «прозы сорокалетних», позволяют говорить о формировании в его тв-ве постреалистич. эстетики. Повести **«Сердце у всех стучит слева»** (1996), **«Чужая ночь»** (2003) имеют ряд типичных для новейшей урбанистической прозы черт: реконструируется социокультурная среда мегаполиса, отражается уровень перестроечных обществ. тенденций, фигурирует в качестве центр. персонажа знаковая фигура интеллигента, представителя науч. и творч. среды (изв. профессор, иностранный стажер, сотрудник международного отдела ун-та), озабоченного проблемой адаптации к изменившемуся (новому или чужому) соц. пространству.

Воссоздавая атмосферу мегаполиса, К. использует, зачастую пародийно, осн. составляющие «петербургского текста»: от климатических до мифопоэтических, реализуя метафору СПб. как «гиблого места». В рассказах **«Машина»** (1992), пародич. стилизации гоголевской «Шинели», и «Это судьба» (изв. скрипач обреченно исполняет плясовую) подвергается сомнению культурный статус города.

Часто в текстах К. маркируются петерб. погодные об-ва — дождь, снег, грязь, ветер. Автор охотно прибегает к приему остранения, повествование организовывается точкой зрения иностранца — эксплицируются абсурдность, миражность петерб. мира («Чужая ночь», **«Перед взрывом»** (2002). Персонажи К., пародируя гоголевских, ищут спасения в гиблом городе, но условием спасительной коммуникации становится алкоголь. Сам К. не считает алкогольную тему главной в своем тв-ве, он настаивает на том, что алкоголь — «только фон», что «лейтмотив — это русская тоска интеллигента, который боролся за «рынок», а стал голодранцем» («Политехник»). Тем не менее он не отрицает, что мотив саморазрушения — один из гл. его прозы. Неслучайно В. Снетков сравнивает героев К. с «малопривлекательными персонажами из книг Довлатова» («Политехник»). Концепция «нелояльности» города обнаруживает себя и в ист. романе «Перед взрывом», напис. к столетию основания Политехнич. ун-та и повествующем о событиях нач. века. В критике отмечается связь между эпохами, между «тем бардаком, который представляло русское об-во в годы революции» (В. Рекшан) и совр. обвом. К. точно воссоздал «атмосферу государственных интриг и политиканства на фоне становления империи, отразив двойственность в поступках русского человека, который и тогда стремился совместить личные интересы с государственными» (А. Иванов). В то же время ист. и политич. контексты оживлены детективным сюжетом, этнографич. зарисовками, элементами микропоэтики комического, концентратом иронич. маркеров, пародийными подтекстами, свойственными поэтике прозы К. в целом.

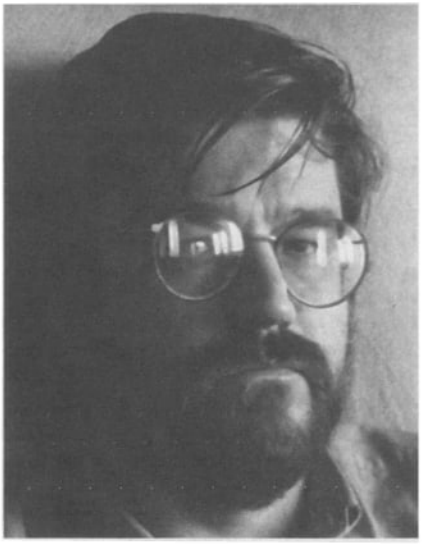
В посл. время заметно усиление интереса К. к политике, этнополитике, истории. Он отдал дань худож. публицистике, написав 2 кн. о Киргизстане, но сохраняет интерес и к петерб. теме, работает над романом о петерб. периоде жизни О. Бетанкура.

Соч.: Это судьба // Точка опоры: Сб. повестей и рассказов. Л., 1991; Рассказы. СПб., 1993; Сердце у всех стучит слева: Повесть. СПб., 1996; Небо на ремонте: Пьеса // Новый ж. 1999. № 3; Перед взрывом: Роман. СПб., 2002; Чужая ночь: Повесть.СПб., 2003; Заказная литургия: Повесть. СПб., 2003; Трудная судьба демократа: Худож. публицистика. СПб., 2009; Kyrgyzstan: fight for democracy. Berlin, 2011.

Лит.: «Он почти как Экзюпери...» // Политехник. 1996. № 25 (3176); Рекшан В. «Воровать и разгильдяйничать» // Этажерка (прилож. к «Час Пик»). 1999, апр.; Иванов А. Вымысел или реальность? // Питербook. 1999. № 5; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

Л. Григорьева

КУЗНЕЦО́В Павел Вениаминович [14.9.1956, Л-д] — философ, прозаик, эссеист.



Из семьи технич. интеллигенции. В 1973 окончил лен. школу с углубл. изучением англ яз., работал гидом-переводчиком. Три года учился на физическом фак-те ЛГУ, перешел на философский, кот. окончил в 1981. Преподавал философию в вузе. Канд. философ. наук. В 1981–87 преподавал философию в Северо-Западном политехнич. ин-те; 1987–90 — лектор об-ва «Знание»; 1990–91 — корр. газ. «Русская мысль» (Париж).

Занимался историей западной философии, позже — русской религиозной мысли (преимущественно по зарубежным изд.). В кон. 1970-х участвовал в Религиозно-философском семинаре Т. Горичевой. После конфликта с КГБ в 1985–86 (с обыском и конфискацией нелегальной лит-ры) работал грузчиком, сезонным рабочим, техником в различных экспедициях.

В сер. 1980-х напис. роман **«Археолог»**, посвящ. жизни лен. интеллектуального подполья (опубл. в 1992 в Лондоне, изд-во «OPI»; переизд. — СПб., Лимбус Пресс, 2003). Одна из тем кн. К. — попытка интеллигенции обрести воображаемую свободу, укрывшись в прошлом, в культуре и религии исчезнувших цивилизаций. Гл. герой романа во многом отмечен автобиограф. чертами.

Автор статей о лит-ре и философии Серебряного века, о религиозно-философских исканиях русской эмиграции. Печ. в отеч. ж. «Новый мир», «Звезда», «Октябрь», «Вопросы философии» и за рубежом — «Русская мысль», «Посев», «Беседа», а также в «НГ», «Новой русской кн.», «Новом мире искусства» и др.

В 1991 стал одним из учредителей творч. объединения «Ступени», издающего религиозно-философскую и богословскую лит-ру. В 1991 — сотрудник ежегодного альм. «Ступени» (с 2000 — ежегодный альм.), позже — зам. гл. ред.; с 1997 — гл. ред. Соредактор ж. «Сфинкс». Член ред-коллегии изд-ва «Сеанс», член творч. коллектива историко-философского альм. «Сентенция».

Эксперт, ред. и автор статей семитомного изд. «Новейшая история отеч. кино. 1986–2000». В 2006 выпустил сб. «Историко-философские эссе» (СПб.: Алетея, 2006).

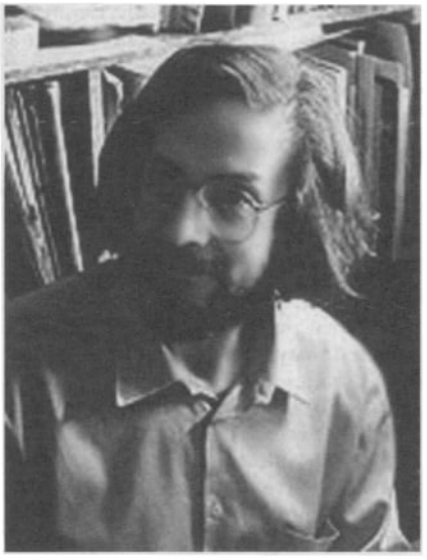
Член СП СПб., Союза ученых СПб., Петерб. ассоциации кинопрессы, Российского философского об-ва.

Лауреат премии газ. «Русская мысль» (Париж, 1992), премии ж. «Звезда» (2002), премии «П.А.К.».

Соч.: Запад, Восток, «русский соблазн»: Заметки по поводу альм. «Восток–Запад» // Сто страниц. 1990. № 3; Археолог: Роман. Лондон, 1992; Евразийская мистерия // Новы мир. 1996. № 2; Метафизический Нарцисс и русское молчание (П. Я. Чаадаев и невозможность философии в России) // Звезда. 1997. № 8; Петербург: Конец века // Звезда. 1998. № 7; Сироты-отцеубийцы // Октябрь. 1999. № 6; Метафизика и практика самоубийства. Любовная речь интеллектуала // Ступени. 2000. № 1 (11), Метафизика и практика Петербурга // Звезда. 2002. № 8; Археолог. СПб., 2003; Историко-философские эссе. СПб., 2006.

Лит.: Либерман А. [Рец. на кн. «Археолог»] // Новый ж. 1997. № 209; Неофиц. столица: Лит-ра, театр, изобразительное искусство, проекты, медиа / Ред.-сост. А. Хлобыстин. СПб., 2000; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

КУЗЬМИ́Н Михаил Савельевич [27.2.1949, Л-д] — поэт, худож. критик, журналист.



В 1976 окончил фак-т психологии ЛГУ. Работал инженером, научно-техническим и науч. сотрудником в Ин-те этнографии народов мира, на «Ленфильме», в ЛИТМО, в тресте «Строймеханизация», в концертно-выставочном комплексе Смольного собора.

В 1974 вместе с В. Богорадом, Л. Песоком, В. Биллевичем и Б. Петрушанским основал Лен. клуб карикатуристов при ж. «Аврора»; занимался теорией карикатуры и рисованного юмора, читал лекции по совр. карикатуре. Публ. юмористич. стихи и афоризмы в газ. Риги, Вильнюса, Таллинна, Еревана и Киева, в еженедельнике «Рыбак Литвы». Позже его публ. появлялись в периодич. изд. в Польше, Германии, Болгарии, Чехии, Словакии, Сербии и др.

Напис. предисл. к самиздатским сб. карикатур В. Богорада и Д. Москина. В 1983 выпустил тиражом по 12 экземпляров книги текстов в сопровождении карикатур В. Богорада — **«Железом по стеклу»** (афоризмы) и **«Дневные листья — ночные корни»** (стихи). В самиздате распространялись его сб. стихов **«Кипящий диалог»** и **«Бумажный собор»**, кн. афоризмов **«Дом, отапливаемый утопиями»**. Прозаич. миниатюры К. в духе обэриутов печ. в самиздатском альм. «ДиМ» («Девочкам и мальчикам»), избр. верлибры иронич. и лирико-философского характера — в машинописных изд. Ю. Галецкого.

В 1990–92 вел лит. страницу «Тик-так» в газ. «Смена»; с 1994 — ред. отдела лит-ры и искусства в той же газ., автор мн. рец. на новые кн. Ведущий неск. рубрик: «Угол отражения», «Диалоги», «Галерея», «Фунт изюма», «Арт-игра». Обозреватель газ. «Час пик». В наст. вр. работает в редакции ж. «Новый мир искусства» (НоМИ).

В 1998 в изд-ве «Борей» вышла кн. К. **«Дом, отапливаемый утопиями»**, подг. ее новое, расширенное изд., а также сб. лирико-философских миниатюр **«Косвенный хлеб»**.

Член Ассоциации русского верлибра, почет. член Французского об-ва покровительства юмору, член Международного об-ва друзей музея, член жюри поэтич. конкурса молодых поэтов им. К.Р. (СПб.).

Соч.: Стихи // Верлибр: Антол. русского верлибра / Сост. К. Джангиров. М., 1991; Стихи // Юность. 1991. № 4; Стихи // Петрополь. 1992. № 4; 1997. № 7; Дом, отапливаемый утопиями. СПб., 1998.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

КУЗЬМИНА́ Людмила Ивановна [25.4.1924, г. Борисоглебск Воронежской обл. — 17.12.2009, СПб.] — литературовед, краевед, архивист.

Родилась в многодетной крестьянской семье. Мать, окончив рабфак, стала педагогом, директором одной из ленинградских школ. Брат А. С. Николаев окончил Ленинградский ин-т сценических искусств и, как ученик А. А. Брянцева, вместе со своей женой, Е. К. Зоргенфрей, в 1930-е создавал ТЮЗы в Архангельске, Сталинграде и Ростове-на-Дону, после войны преподавал в Ленинградском театральном ин-те.

В 1930 К. переехала в Л-д, где в 1941 окончила школу. Пережила первую блокадную зиму, с 1 янв. 1942 работала в детском доме Ленинского р-на воспитателем, в апр. 1942 выехала с ним в эвакуацию в Краснодар, затем в Киргизию. В Пржевальске в сент. 1942 поступила на лит. фак-т Киргизского гос. пед. ин-та, где закончила два курса.

В 1944 вернулась в Л-д, продолжила учебу на филологич. фак-те ЛГУ, где училась в одной группе с Ф. Абрамовым. После окончания ун-та (1948) преподавала в школе раб. молодежи; служила экскурсоводом в лит. секции Гор. экскурсионного бюро.

В июне 1949 поступила в Лит. музей ИРЛИ, где работала экскурсоводом и экспозиционером. К. был сделан ряд выставок-экспозиций: «И. С. Тургенев», «50 лет Пушкинского Дома», «Петербург — Ленинград и русская лит-ра» и др. Ею были подготовлены памятки для посетителей по залам Н. Гоголя, М. Лермонтова, Л. Толстого и др.

С 1963 работала в Тургеневской группе ИРЛИ, участвовала в подгот. ПСС и писем Тургенева в 28 т. (М.; Л., 1965–83); печ. в «Тургеневских сб.» (Вып. 2–5. М.; Л., 1966–69). С 1967 работала в Секторе новой русской лит-ры. С марта 1969 по дек. 1971 исполняла обязанности зав. читальным залом РО. С 1 янв. 1972 по янв. 1973 работала в Лермонтовской группе Сектора новой русской лит-ры, была автором и ред. статей «Лермонтовской энц.» (М., 1981). С февр. 1974 вновь работала в РО. Занималась науч. обработкой фондов Е. Ворониной, В. Евгеньева-Максимова, С. Медведевой-Петросян и др., вела работу по комплектованию фондов архивами совр. русских писателей.

В 1974 защитила канд. дис. «И. С. Тургенев и русские художники». Участвовала в колл. трудах ИРЛИ: «Достоевский и его время» (Л., 1971); «Ежегодник РО на 1976» (Л., 1978), «Ежегодник РО на 1997» (СПб., 2002); «К. Р. Избр. переписка» (СПб., 1999; сост., автор предисл. и публ.) и др.

Профессиональным увлечением стало лит. краеведение. Книги «Пушкинские места Ленинграда» (1974), «Лев Толстой в Петербурге» (1986) и «Дома, которые помнят Льва Толстого» (1997) занимательно и в то же время с опорой на факты и док-ты рассказали о малоизвестных петербургских страницах жизни классиков XIX в. Книга «Здесь живет и работает Ольга Форш. Петербург — Петроград — Ленинград — Царское Село» (2006) переносит в XX в. с его бурной худож. и лит. жизнью, бытовыми трудностями и радостями тв-ва героини книги.

В 1990 К. удалось впервые опубликовать «Автобиографию» О. Ф. Берггольц, уточняющей многие моменты сложной судьбы поэтессы (Берггольц О. Ф. Собр. соч.: В 3 т. Л., 1990. Т. 3). Выход кн. «Августейший поэт» (1995), посвящ. К. Р., инициировал в 1997 г. создание «Общ-ва ревнителей памяти Великого князя Константина Константиновича». К. стала его активным членом и организатором Константиновских чтений, объединявших исследователей тв-ва и деятельности К. Р.

В итоговой кн. «Записки архивиста» (2008) отразилась деятельность К. по комплектованию личных фондов писателей. Кн. включает очерки-воспоминания об О. Форш, В. Бианки, О. Берггольц, М. Дудине, С. Гейченко, Ю. Нагибине, Ф. Абрамове, В. Астафьеве, В. Белове, В. Тендрякове, В. Солоухине, Ю. Бондареве, Б. Окуджаве и др.

Соч.: Пушкинские места Л-да. Л., 1974 (Л., 1989; в соавт. с Г. Назаровой и В. Зажурило); Лев Толстой в Петербурге. Л., 1986; Августейший поэт. СПб., 1995; Дома, которые помнят Льва Толстого. СПб., 1997; Здесь живет и работает Ольга Форш. Петербург — Петроград — Ленинград — Царское Село. СПб., 2006.

Лит.: Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005; Шелаева А. Памяти Людмилы Ивановны Кузьминой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010.

А. Шелаева

КУЗЬМИНА́-КАРАВА́ЕВА Елизавета Юрьевна (псевд.: Юрий Данилов, Ю. Д., Д. Юрьев) (урожд. Пиленко, К-К. по первому браку: 1910–13; во втором браке — Скобцова: 1919–32; в монашестве — монахиня Мария: 1932–45) [8(20).12.1891, Рига — 31.3.1945, Равенсбрюк] — поэт, прозаик, публицист, религ. мыслитель.

Как поэтесса «петербургской ветви» Серебряного века вошла в историю лит-ры под именем К-К. Из дворянской семьи. Отец — юрист, мать из рода Дмитриевых-Мамоновых. В 1895 семья родителей переселилась в Анапу, кот. для будущей поэтессы стала малой родиной. В 1896–97 через свою крестную мать Е. Яфимович К-К. подружилась с К. Победоносцевым, кот. оказал влияние на ее духовное воспитание. Разрыв с другом произошел в годы перв. русской революции (1905).

После скоропостижной смерти отца (1906) мать привезла дочь и ее брата в СПб. В 1906–09 училась в гимназиях Л. Таганцевой и М. Стоюниной. К этому времени относится ее поэтич. дебют. Дошло одно из ранних ее стих. (1904?): «Когда мне говорят, что жизни я не знаю, / Когда мне говорят, что слишком молода, / Тому с улыбкой отвечаю, / Что человека ведь не делают года». В перв. месяцы петерб. жизни К-К. «ненавидела» город; она сочиняла стихи «о тоске, о Петербурге, о подвиге, о народе, о гибели, еще о тоске и о восторге». В янв. 1908 она случайно увидела и услышала А. Блока на одном из вечеров соврем. поэзии и вскоре познакомилась с ним.

Окончив гимназию с серебряной медалью, поступила на философское отд. Бестужевских курсов (не оконч.). Но уже в февр. 1910 вышла замуж за эстетствующего юриста Д. В. К-К., кот. имел широкий круг друзей и знакомых в лит.-худож. мире столицы. Через него К-К. познакомилась с Блоком (повторно!), М. Волошиным, В. Ивановым, С. Городецким, Н. Гумилевым, А. Ахматовой, А. Толстым и мн. др. Вместе с мужем они стали актив. участниками 1-го «Цеха поэтов», частыми посетителями «башни» В. Иванова и др. кружков и «салонов»: кабачка «Бродячая собака», лит. зала ресторана «Вена», редакции ж. «Аполлон», религ.-философского об-ва. Для молодой поэтессы это были своеобразные «университеты».

Весной 1912 вышла 1-я книжка К-К. **«Скифские черепки»**. Это попытка создать новый мир, описать свою языческую прародину. Сб. получил немало отзывов изв. литераторов, в осн. сдержанно-положительных. «Итог» подвел Городецкий: «Главное достоинство этой книжки,— что она чужда стилизации. Главный недостаток ее,— что в ней нет стиля» (Речь. 1912, 30 апр. (13 мая)). Больше к «скифской» тематике поэтесса не возвращалась.

СПб. ее «победил, конечно». В этот период К-К. испытывает чувство глубокой безответной любви к Блоку; это время их частого общения — личного и эпистолярного. Она никак не может утвердиться в жизненном направлении, мечется между поэзией и живописью, пытается найти выход в религии — занимается богословием и даже сдает (экстерном) экзамены профессорам Петерб. Духовной академии. И в личной жизни не все получается — с мужем она рассталась. Не без «подсказки» Блока К-К. уезжает в Анапу: «Долой культуру, долой рыжий туман, "башню", философию» (**«Встречи с Блоком»**); эстетич. мир столицы оказался для нее неинтересен, ей было «не по пути» с членами кружков и «салонов», которых Блок называл «умирающими», а она (позже) — «последними римлянами».

К-К. еще пытается изд. 2-ю поэтич. кн. — **«Дорога»**, в кот. включила стихи, напис. в 1913–14. Однако в значительной мере опираясь на весьма авторитетные для нее замечания Блока, прочитавшего рукопись, она отказалась от этой затеи. Кн. осталась недоработанной и была полностью изд. лишь в 2001.

Неожиданно К-К. обращается к прозе: в 1915 в Пг. у нее выходит в свет «философская» повесть **«Юрали»**. В ней автор впервые высказала свое жизненное кредо: главное — это жертвенная любовь к людям. В тяжелые воен. годы писательница устами своего героя дала клятву: «Отныне я буду нести и грех, и покаяние, потому что сильны плечи мои и не согнутся под мукой этой».

Весной 1916 в Пг. вышел 2-й поэтич. сб. К-К. **«Руфь»**. В него вкл. мн. стихи, кот. ранее входили в рукопись «Дороги». Это «книга аскетическая, однотонная, но в своей однострунности, самоограниченности не лишенная своеобразной выразительности и душевной энергии» (Д. Максимов). В сб. не ощущается влияния ведущих поэтич. течений времени — символизма и акмеизма, к которым автор была еще недавно близка. Нет в кн. (за единичными искл.) и реалий Пг. По существу «Руфь» — образец подлинно духовной поэзии. Из отзывов на кн. изв. лишь отклик Городецкого в тифлисской газ.

В 1916–17 работает над большой **«Поэмой о Мельмоте»**. Это вольная импровизация на одну из сюжетных линий романа Ч. Метьюрина «Мельмот Скиталец». Поэма несет в себе черты автобиографии: тема жертвенности, прозвучавшая в «Юрали», в «Мельмоте» получила дальнейшее развитие. Поэма осталась необработанной автором, и по единственному сохранившемуся экз. авторизованной машинописи впервые изд. в Л-де в 1987. По существу, этим ограничивается предрев. этап тв-ва К-К.: «Оно замечательным образом отражает ее духовные искания, весь путь от "язычества" к пророчеству о христианстве» (Г. Беневич). К-К. сменила несколько петерб. адресов; на одном из них (Манежный пер., 2) в мае 2006 установлена мемориальная доска. Посл. раз она приезжала на короткое время в столицу в сент. 1917.

Еще во время 1-й революции (1905) К-К. разделяла демократич. взгляды: «Долой царя? Я на это легко соглашалась. Республика? Власть народа? — тоже, все выходило гладко и ловко. <...> вся эта суетливо-восторженная и героическая революция была очень приемлема так же, как и социализм, не вызывая никаких возражений» (**«Друг моего детства»**). Вторая революция привела ее в ряды партии эсеров.

Гражданскую войну провела в Анапе, где в февр. 1918 она оказалась избранной городской головой. Нахождение женщины на таком посту расценивалось как прямое следствие революции. Мн. внимания уделяла она вопросам «народного здравия и образования», занималась национализацией санаториев и предприятий виноторговцев. В мае 1918 участвовала в работе VIII съезда партии правых эсеров (М.). В М. она задержалась на полгода на подпольной антибольшевистской работе. По возвращении на Кубань была арестована деникинцами. 2 (15) марта 1919 предстала перед военно-окружным судом. За «сотрудничество» с анапскими большевиками ей грозила «высшая мера», но благодаря умело организованной защите дело завершилось кратковременным заключением.

После суда К-К. отошла от обществ. деятельности и осталась в Анапе. В нояб. 1919 она вышла замуж за кубанского казачьего деятеля Д. Скобцова. После взятия Екатеринодара «красными» семья К-К. была вынуждена эмигрировать. Пройдя с мытарствами путь через Грузию, Турцию и Сербию, в янв. 1924 обосновалась в Париже.

С перв. же дней жизни на чужбине К-К. включается в творч. работу. В эмигрантской прессе публ. ее мемуарные очерки: **«Последние римляне»** (1924), **«Друг моего детства»** (1925), **«Как я была городским головой»** (1925). Эти произведения — одновременно критич. этюды и живые картины российской действительности предрев. десятилетия.

Вместе с тем в ж. Парижа и Праги К-К. выпускает две худож. повести: «хроника» смутных лет России — **«Равнина русская»** (1924), в кот. нашли отражение многие реалии Пг. 1910-х. Вторая повесть — **«Клим Семенович Барынькин»** (1925) — о событиях Гражданской войны на примере одной семьи. Всеми этими произведениями К-К. подвела черту под своим российским прошлым. «Эту ее прозу можно считать одним из посл. отзвуков и безвозвратным исходом Серебряного века, которому [автор] осталась верна в своем эмигрантском далеке» (Н. Каухчишвили).

С 1920-х занялась актив. христианско-социальной работой и переключила свое тв-во в осн. на публицистику. В 1927 в Париже вышли в свет две брошюры с символич. назв. **«Жатва духа»**. По существу, это жития святых, особо почитаемых автором, тех, кто готов был пожертвовать всем ради спасения ближнего. Г. Федотов высоко оценил публ. этих очерков, сравнив их с аналогич. произведениями др. русских писателей. Работу над жизнеописаниями подвижников К-К. продолжала и позже. Впервые в полном объеме в авторской последовательности кн. опубл. в 2004.

На рубеже 1920–30-х К-К. сближается с религиозными деятелями и писателями: митр. Евлогием (Георгиевским), Н. Лосским, Н. Бердяевым, В. Зеньковским, С. Булгаковым, ставшим ее духовным отцом и наставником. Общение с этими мыслителями и философ. образование подвигли К-К. на публ. (Париж, 1929) брошюр о русских религиозных философах: **«А. Хомяков»**, **«Достоевский и современность»**, **«Миросозерцание Вл. Соловьева»**. А вслед за этим она создает «пенталог» **«Мыслители»** (опубл. в 1992 в парижском двухтомнике), где по воле автора П. Чаадаев, А. Хомяков, А. Герцен, В. Соловьев и Ф. Достоевский ведут дискуссию о русской идее и ист. пути русского народа. По существу это умело обыгранный ист. спор между западниками и славянофилами. В этих и др. работах К-К. проявила себя как подлинный религиозный мыслитель.

16 марта 1932, получив церковный развод с мужем, К-К. принимает монашеский постриг под именем Мария. Свое монашество с согласия митр. Евлогия ММ. провела в миру. Она организовала неск. пансионатов для эмигрантской бедноты, выступала с лекциями, вела большую общественно-религиозную работу. Так, в сент. 1935 она создала (и была избрана предс.) благотворительное объединение «Православное дело».

1930-е продуктивны и в творч. отношении. К 15-й годовщине кончины Блока ММ. «к смущению многих духовных лиц» (Ф. Степун) опубл. очерк **«Встречи с Блоком»** (Париж, 1936), кот. по описанию «эстетической» ситуации в СПб. предрев. поры можно считать «дополнением» к **«Последним римлянам»**. В «этих талантливых поэтически насыщенных воспоминаниях [о Блоке] есть свой индивидуальный аспект, кот. заставляет читателя признать их значительность и отнестись к ним с интересом и вниманием» (Д. Максимов).

Не забывала ММ. и поэзию, небольшое кол-во ее стих. опубл. в эмигрантских ж. и сб. А в 1937 в Берлине вышла ее 3-я кн. **«Стихи»**. Это миниатюры о жизни и смерти, о добре и зле — высокая духовная поэзия. Кн. была тепло встречена крупнейшими зарубежными критиками: Г. Адамовичем, К. Мочульским, П. Пильским и др.

В эти годы ММ. пишет и публ. большое кол-во статей, создает три стих. пьесы: **«Анна»** (автобиографич.), **«Солдаты»** и **«Семь чаш»** — все изд. посмертно (Париж: Сб. 1947; 1949). Откликается она и на события 2-й Мировой войны: статья **«Размышления о судьбах Европы и Азии»**. Написанная в 1941 после нападения Германии на СССР, она пронизана духом антифашизма и осуждения гитлеризма (вперв. опубл. в 2004). Посл. крупным, фактически «итоговым», произведением ММ. явилась ее поэма **«Духов день»** (май 1942; вперв. опубл. в 1947).

В период германской оккупации Франции ММ. продолжала свою благотворительную и антигитлеровскую подпольную работу, наладив связь с участниками движения Сопротивления. Была арестована гестапо 9 февр. 1943; ее «Православное дело» было разгромлено. Пройдя через пересыльные пункты, 29 апр. 1943 ММ. была доставлена в женский к/лагерь Равенсбрюк, где 31 марта 1945 приняла мученическую смерть. Указом Президиума Верх. Совета СССР 7 мая 1985 награждена орденом Отеч. войны II ст.; 16 янв. 2004 Синодом Вселенского (Константинопольского) Патриархата причислена к лику святых.

Соч.: Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки [В 2 т.], Париж, 1992; Кузьмина-Караваева Е. (Мать Мария). Равнина русская [Стих. и поэмы. Пьесы-мистерии. Худож. и автобиографич. проза. Письма]. СПб., 2001; Мать Мария (Кузьмина-Караваева Е.). Жатва духа [Религиозно-философские соч.]. СПб., 2004; Мать Мария (Скобцова). Красота спасающая [Живопись, графика, вышивка; краткая летопись жизни], СПб., 2004; Мария (Скобцова). Настоящее и будущее церкви. Что такое церковность. К., 2010.

Лит.: Кузьмина-Караваева Е. Ю. (Мать Мария) // Библиографич. указатель произведений и критич. лит-ры. СПб., 2002; Лит. энциклопедия русского зарубежья. 1918–40. М., 1997–2000. Т. 1, 2; Русские писатели. 1800–17: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3; Русские писатели. XX век. Биобибл. словарь. М., 1998. Ч. I; Русская лит-ра XX века. Прозаики, поэты, драматурги. М., 2005. Т. 1; Гаккель С. Мать Мария. Париж, 1992; Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб., 2000; Беневич Г. Мать Мария (1891–1945): Духовная биография и тв-во. СПб., 2003; Обоймина Е. Свет земной любви. Елизавета Кузьмина-Караваева — мать Мария. М., 2009.

А. Шустов

КУЗЬМИ́НСКИЙ Константин Константинович [16.4.1940, Л-д] — поэт, эссеист, издатель, акционист.

Отец — художник, мать — учитель, по др. свед. инженер-дизайнер. Окончил английскую школу. Полтора года учился на биолого-почвенном фак-те ЛГУ (1957–60). Затем на театроведч. фак-те в ЛГИТМиК (1964–66), откуда, как раньше из ЛГУ, был отчислен.

Работал в кач-ве рабочего тарной фабрики, ликеро-водочного з-да, подсобником в типографии АН, рабочим сцены Кировского театра, маляром в ГРМ, рабочим геологич. экспедиции, рабочим в Эрмитаже, экскурсоводом в Александро-Невской Лавре, Павловске и Петродворце, рабочим на киностудии и в зоопарке (далеко не полный перечень его занятий).

«С детства писал стихи, в 1953–56 печатался в газете "Ленинские искры", позже — в газете "Электросила". В кон. 1950-х начал относиться к своим лит. занятиям серьезно. Испытал влияние русской поэзии XVIII в. и кубофутуристов, в особенности А. Крученых, А. Туфанова, В. Маяковского, Т. Чурилина. Некоторое время посещал ЛИТО под рук. Т. Гнедич в г. Пушкине, которая высоко оценила его переводы из английской поэзии; исполнял обязанности ее лит. секретаря. В нач. 1960-х стал развивать теорию "звукового стихописания": "Я верю в первичность звука. Моя поэзия — система звуков, образов, созданных звуком, хотя, конечно, стих должен быть оправдан присутствием в нем смысла". До 1975 написал 300 стихотворений, большая часть кот. — эксперименты в области фонетики поэтической речи. Вместе с тем он привносил в поэзию живые приметы города (кот. он называл не иначе, как Петербургом), нелицеприятную оценку переживаемого времени, иронию, иногда — шокирующие обывателя выпады. Некоторые стихи исполнялись популярными бардами» (Самиздат Л-да. 1950-е — 1980-е. Лит. энц. М.: НЛО, 2003). К. «в поэтическом творчестве периода эмиграции остался верен избранному в юности направлению, несколько усилив элементы зауми и чаще используя ненормативную лексику» (Там же).

Однако в 1960-е К. писал муз. и вполне ясные в смысловом отношении стихи, показав себя мастером традиционного русского стиха. Иногда они были незатейливы, но, может быть, поэтому становились песнями, как, напр., изв. стих. **«Туман»** (исполненное В. Высоцким). Тогда же К. создает ряд стих., посвящ. Л-ду — **«Где Петропавловская крепость...»**, **«Набережная, 1766»**, **«Ночью, ночью, ночью...»** и др., в кот. создает свой неповторимый образ города. Стихи традиционны, музыкальны, наполнены живой лексикой.

Значение К. для лен. и шире для русской лит-ры заключается не только в его худож. произведениях, хотя некот. из них, как поэмы **«Томь»** (1962) и **«Биробиджан»** (1974) в 1970-е имели хождение в лит. кругах Л-да, исполнялись поэтом на квартирных поэтич. чтениях, но прежде всего — в его обществ. позиции. «Я литературу на "литературу" и "жизнь" не разделяю, для нас она была — едина» (Из инт. Д. Иоффе). Начиная с 1960-х К. активно позиционировал себя как борца с офиц. лит-рой (и культурой в целом), активно содействуя развитию самиздата, организации лит. вечеров и квартирных выставок. Принимал актив. участие в организации и попытках изд. антологии андеграундной поэзии Л-да «Лепта» и прозы — «Лепрозорий–23», совм. с Г. Ковалевым и Б. Тайгиным был сост. самиздатовской «Антологии сов. патологии» (1962). Собрал огромный архив поэтич. текстов, на основе кот. издал после эмиграции за рубеж в 1975 девятитомную поэтич. антологию **«У Голубой лагуны»**. В эмиграции некот. время возглавлял кафедру русской лит-ры в Остине, год преподавал в Техасском ун-те, затем перебрался в Нью-Йорк. Сотрудничал в Ин-те совр. русской лит-ры.

В 1997 назван лауреатом премии Андрея Белого в номинации «За особые заслуги в развитии русской литры». Ю. Новиков так оценивает явление К.: «Кузьминский одним из первых в России осознал полноценную значимость той литературы, к которой принадлежал сам и которую пестовал, защищал, а потом сохранял и издавал,— литературы культурного сопротивления и творческой свободы. Он был и остался свободным человеком, полагая свободу единственным состоянием личности. В его жизни мы вряд ли найдем примеры морального ригоризма, но мы можем ощутить убийственный контраст брутальной механической системы с живым вольнолюбивым человеком, лишенным комплексов и слабовольных сожалений» («Самиздат Л-да»).

После выхода за рубежом сб. «Пять молодых поэтов Л-да», где наряду со стихами А. Кушнера, Г. Горбовского, И. Бродского и В. Сосноры опубл. стихи К., появилась рец. на это изд., в кот. о К. сказано: «Иногда он вторит моде пятидесятилетней давности — и пишет стихи без единого знака препинания, иногда повторяет азы модернизма десятых годов, но талант поэта пробивается и через его подражательные стихи,— и тогда его строки звучат крепко и уверенно: "... Всю кровь мою — одним глотком! / Как колокол, гудит глагол / Глагол гудит, глагол поет, / и гул могил меня проймет... / На зуб попробовал глагол — / увы! — я голоден и гол"» (Васильева Е. Там, где не умерла поэзия // Русская мысль. Париж, 1975. Весна-лето). О стихах К. в сб. «Русские поэты на Западе. Антология совр. поэзии третьей волны эмиграции», сост. А. Глезером и С. Петрунисом, В. Синкевич заметила: «Как всегда забавен Константин Кузьминский своими эротическо-вакхическими строчками с "перчинкой" и "порочинкой"».

О К. существует огромный пласт самых разных откликов, в значительной мере они относятся к его антол. «У Голубой лагуны». Составитель поэтич. антол. «Строфы века» Е. Ев-

тушенко писал о К.: «Константин Кузьминский останется в истории русской литературы как издатель девятитомной "Антологии новейшей русской поэзии у Голубой лагуны" (1980–86), содержащей огромную панораму ленинградского и провинциального андеграунда 50-х — 70-х гг. Издание не окончено, в частности, не издан том, посвященный Москве; к тому же один из томов — полутом 3Б — уничтожен, существуют считанные его экземпляры. В антологию включены в их "самиздатском" виде произведения нескольких сот авторов, часто имеющие немалую художественную ценность» (Евтушенко Е. Строфы века. Минск-М., 1995). Евтушенко называет К. «издателем», но более точное определение «создатель» (др. сост. — Г. Ковалев, чья роль, по признанию самого К., весьма значительна). Эта антология должна рассматриваться как авторская кн., своего рода худож. произведение, гл. произведение всей жизни К. Трофименков М. пишет о нем: «Оказавшись в Нью-Йорке, он возлег в подвале дома, занятого художниками-эмигрантами, и в одиночку при помощи пишущей машинки и компьютера, взялся за бескорыстную публикацию (фактически — спасение) новейшей русской поэзии... За спасение всего — текстов гениальных и текстов бездарных — в надежде, что время разберется само. Жанр издания Кузьминский определил как коллаж. Там намешано все: стихи и письма, анекдоты и сплетни, фотографии и протесты в ЦК КПСС, дневники и подробнейшие анкеты, на которые Кузьминский заставлял отвечать художников и поэтов. Все это пропитано мемуарной прозой составителя, остроумной, цветастой, иногда — хамской. Он набрасывает сотни портретов поэтов и художников, стукачей и проституток, хозяек салонов и просто тихих сумасшедших» (Трофименков М. Истории из спецхрана // Смена. 1990. № 126. 1 июн.). «Девять томов антологии по 700–900 страниц каждый. Все это — ручной набор, одним пальчиком. Никто не верит, что за свой счет» (Грант А. Домовой русской Америки).

Действительно, антология не похожа ни на что существовавшее в литре до тех пор. Эта своеобразный роман, в кот. К. является одновременно автором и героем наряду с множеством др. действующих лиц. Поэтич. жизнь и просто жизнь в лит-ре одновременно является самой лит-рой, худож. романом на докум. основе. Это индивидуальный, одноразовый и неповторимый жанр лит-ры, созданный К. для себя. Все жанры и виды лит-ы отвергнуты как рутинные, но абсолютизирована новизна, свобода, отвергнуты все формы жанровой скованности. Свобода во всех видах лит-ры провозглашена как условие самореализации личности. И здесь К. — безусловный новатор, писатель (поэт) совершенно новой формации. К. отказывается от традиционных норм языка, упрощает синтаксис и орфографию, пользуется возможным минимумом для обмена информацией. К. отказывается писать имена с прописной, сокращает имена, говорит намеками, без расшифровки (знающие поймут), но далеко не всегда формулируя мысли в согласии с требованиями логики.

Антология К., его гл. творч. произведение, вызвала неоднозначную, но широкую реакцию в лит. кругах. К. дает достаточно поводов для диаметрально противоположных суждений об антологии и о себе. Оценивать значение тв-ва К. для лит-ры еще рано. Не говорить о личности К. нельзя, т. к. нельзя не признать огромного влияния К. на лит. и худож. андеграунд в Л-де как до его отъезда в США в 1975, так и после, и прежде всего в связи с выходом его антол. «У Голубой лагуны».

Но и разменяв восьмой десяток, К. продолжает работать: в 2009 им издан перв. том из трехтомника о жизни и тв-ве художника Вас. Ситникова, собирается видеоархив об Ал. Хвостенко. О самом К. в 2006 А. Загданским снят докум. фильм «Костя и Мышь», получивший спец. приз жюри на моск. фестивале докум. фильмов «Сталкер».

Соч.: Трое, не размыкая уст (совм. с А. Цветковым и Э. Лимоновым). Лос-Анджелес, 1981; Бараки Л-да // А-Я. Париж, 1983. № 5; Стансы к лангусте, или Томление о Тямпе, 1986–88, и прочее разных лет. Н.-Й., 1989; Пулеметные лепты (троекнижие): Стих. СПб., Н.-Й., 1995; На смерть Анвара. Н.-Й., 1984; Копье Чаки. Н.-Й., 1984; Сефардская невеста. Н.-Й. (б.г.); Про ето: Семь лирич. поэм к Т. Г. Н.-Й., 1987; Вавилонская башня: Конструкция. 1967–72. Н.-Й., 1992; Любовь и злато: Эссе // Век XX и мир. 1994. № 9–10; Стихи. 1987–90. СПб., 1995; Юлдызъ / Ругаѣа, или Рыбная неделя Великого поста. Брайтонъ-Битчь, 1997; На Галерной...: 56 стих.: Избр. (60-е гг.) / Сост. Б. Тайгин. СПб., 1999; Крапленая колода: Избр. лирика. СПб., 2000; Не столько о поэтике, сколько — об этике: Кн. писем. СПб., 2003; Антология новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны». Ньютонвилль, 1980–86 (см. также http://kkk-bluelagoon.nm.ru/); По обе стороны океана. Избр.: Стих. / Сост. А. Майзель. СПб., 2009; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

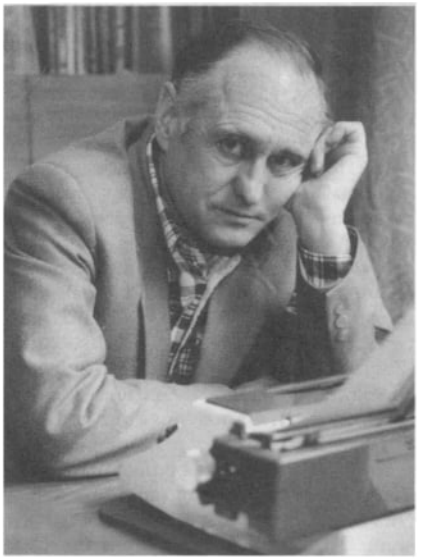
Лит.: Massie S. The Living Mirror: Five Young Poets from Leningrad. Garden City, New York: Doubleday. 1972; Милославский Ю. Об антологии Константина Кузьминского // Двадцать два. № 18; Крейденков В. Крупнейшая русская антология // Синтаксис. 1985. № 14; Трофименков М. Такелажник, поэт, «бродячий магнитофон» // Смена. 1990. 1 июн.; Махрова Г. Запретные краски эпохи. СПб., 1998; Кулаков В. «А профессоров, полагаю, надо вешать»: Антология новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны» Константина Кузьминского // НЛО. 1995. № 14; Новиков Ю. Строитель Вавилонской башни: К портрету К. Кузьминского // НЛО. 1998. № 31; Кречетов В. Константин Кузьминский — «пятый поэт Петербурга» // Кречетов В. Яйцо Леды. СПб., 2003; Иоффе Д. Константин Кузьминский на rendez-vous с ушедшим // http://www.litera.ru/slova/ioffe/; Горячева Ю. К юбилею ККК — Бунтарь, мудрец, энциклопедист и вечный ребенок Константин Кузьминский // НГ Ex libris. 2010. 29 апр.; Лапенков В. К 70-летию К. Кузьминского // Квадрига Аполлона. 2010. № 3; Лапенков В. Пара меморий. СПб., 2011; Лица Петербургской поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011. Сайт премии Андрея Белого <belyprize.ru>

В. Кречетов

КУЗЬМИЧЁВ Игорь Сергеевич [28.7.1933, Л-д] — критик, литературовед.

Родился в семье студента Лен. политехнич. ин-та. Отец — инженер-металлург, погиб в Сталинграде в 1942. Мать — преподаватель химии в школе.

Закончил филологич. фак-т ЛГУ (1951–56). 36 лет (1956–92) проработал редактором, ст. редактором



в ЛО изд-ва «Сов. писатель». Канд. филол. наук. Член СП СССР (позже СП СПб.).

Перв. публ. — заметка о «Золотой розе» К. Паустовского **«Писательство — это призвание...»** (альм. «Молодой Л-д», 1956). Еще студентом (1955–56) занимался в ЛИТО при изд. «Сов. писатель» (под рук. Л. Н. Рахманова и М. Л. Слонимского) вместе с А. Володиным, В. Конецким, Э. Шимом, В. Голявкиным, Г. Горышиным, Б. Сергуненковым, С. Тхоржевским, В. Поповым, чьи книги впоследствии редактировал. За годы, проведенные в «Сов. писателе», издавал стихотв. сб. Г. Горбовского, А. Кушнера, В. Сосноры, сотрудничал с О. Берггольц, В. Пановой, Д. Граниным, В. Шефнером, Б. Бурсовым, А. Сахаровым, Л. Гумилевым, А. Панченко.

Дебютная кн. К. **«Вадим Шефнер. Очерк тв-ва»** (1968) демонстрирует постижение внутр. мира писателя, неподверженность героя лит. моде, склонность к философской поэзии. Будучи пост. редактором Шефнера, К. писал о нем статьи, предисловия к собр. соч. (1982 и 1991), после кончины Шефнера опубл. его воен. дневники 1942–44 (Звезда. 2004. № 1), подготовил том стих. для БС «Биб-ки поэта» (2005) и сб. мемуарной прозы «Листопад воспоминаний» (2007).

Живая редакт. практика, тесное общение с талантливыми авторами, наблюдения за рождением худож. замыслов и воплощением их в слове обусловили интерес К. к природе писательства как таковой, к процессу трансформации реального факта в худож. образ, подсказали и обозначили центр. для всех книг К. проблему самоосуществления творч. личности. Эта проблема подвергалась анализу и в очерках **«Утверждение личности»** (1975, в соавт. с Г. Цуриковой) на матле мемуарно-докум. прозы, и в работах о В. Арсеньеве, А. Ухтомском, В. Платоновой.

В 1970 К. провел два месяца на Дальнем Востоке, в арсеньевских местах, плавал по Амуру и Японскому морю, в архиве Географич. об-ва во Владивостоке ознакомился с неопубликованными на тот момент дневниками Арсеньева, что позволило детально разобраться в существе его уникального писательства, уточнить ряд моментов биографии легендарного путешественника. В 1977 вышла кн. К. **«Писатель В. Арсеньев. Личность и книги»**. Читатель проходит с героем кн. по Уссурийской тайге, вместе с автором бывает на Дальнем Востоке, в архивах. К. прослеживает, как из дневниковых записей вырастает проза, как из охотника и путешественника вызревает писатель. В «союзники» по созданию портрета Арсеньева К. берет М. Пришвина, называвшего талант Арсеньева «реликтовым», и А. Ухтомского, ученого-физиолога, чьи мысли о писательской предназначении оказались близки самому К. Кн. была защищена в кач-ве канд. диссертации, при этом автор не менял характер свободного изложения мат-ла. Позже, в кн. **«Мечтатели и странники»** (1992), К. рассказал о жестком надзоре ЧК над Арсеньевым в 1920-е, о посмертных обвинениях в шпионаже и контрреволюции, о расстреле в 1938 его жены М. Н. Соловьевой. К. написал об Арсеньеве неск. статей и предисл. к сб. и к шеститомному собр. соч. (Владивосток, 2007).

Более тридцати лет К. занимался тв-вом Ю. Казакова. Критик был знаком с писателем, чувствовал в нем отсвет бунинских произведений, сумел в кн. передать атмосферу моск. лит. среды, оценивал свежесть лучших рассказов писателя, называл имена защитников его таланта — В. Панову и К. Паустовского. Издав в 1986 кн. **«Юрий Казаков: Наброски портрета»** (Л., 1986), К. после смерти писателя вместе с Т. Судник-Казаковой осуществил серию публ. (Казаков Ю. Две ночи. Проза. Заметки. Наброски. М., 1986; «Снова вспомнил Ленинград...» Письма Ю. Казакова // Звезда. 1990. № 1; «Жили собственно Россией...» Из наследия Ю. Казакова // Новый мир. 1990. № 7; «Зачем же я здесь?..» Путевой беломорский дневник 1958 года // Звезда. 1995. № 12; и др.), завершившуюся подготовкой трехтомного собр. соч. («Странник», 2008, «Соловецкие мечтания», 2009, «Вечерний звон», 2011). В 2012 К. выпустил в серии «Жизнь и судьба» (изд-во ж. «Звезда») докум. повествование **«Жизнь Юрия Казакова»** с приложением 130 писем.

Особое внимание К. привлекала фигура А. Ухтомского, физиолога с мировым именем, философа и богослова из числа «потаенных мыслителей» России 1920–30-х. Князь по происхождению, человек глубоко религиозный, Ухтомский оставил богатое гуманитарное наследие, впервые опубл. усилиями Л. Соколовой, Г. Цуриковой и К. в 1990-х. Три тома Ухтомского («Интуиция совести». СПб., 1996; «Заслуженный собеседник». Рыбинск, 1997; «Доминанта души». Рыбинск, 2000), содержащие дневниковые записи, фрагменты воспоминаний, обильную переписку,— это самобытная интеллектуальная проза, отличающаяся масштабом и ясностью мысли, психологич. глубиной и «дальним зрением» ист. предвидения. Подготовленная К. кн. **«А. А. Ухтомский и В. А. Платонова: Эпистолярная хроника»** (СПб., 2000) основана на долголетней переписке (1905–42) университетского лаборанта, монаха в миру, в будущем академика и скромной курсистки, поддерживавшей его в самые трудные вр. Об этой стороне жизни Ухтомского до К. никто не писал. Автор исследования воссоздает атмосферу, в кот. проявляет себя крупный ученый, оставаясь верным своим убеждениям и фактически отвергающим новые порядки (дважды арестовывался в 1920-е). К. приводит широкий круг имен литераторов, философов, ученых, с кот. герой соглашается или спорит. Ему интересны М. Пришвин и А. Блок, В. Вернадский и П. Флоренский, классики XIX в. — Тургенев, Достоевский и Л. Толстой.

В 1996–2002 К. преподавал в СПб. ин-те печати, выпустил учеб. пособие **«Редактирование худож. лит-ры. Исторический аспект»** (СПб., 2007, в соавт. с Е. Гушанской).

Соч.: «Стоит ли ехать вокруг света...» О прозе В. Конецкого // Звезда. 1969. № 3; Традиция мужества // Звезда. 1970. № 6; Реликтовый талант // Звезда. 1972. № 9; Утверждение личности: Очерки о совр. докум.-худож. прозе. Л., 1975 (совм. с Г. Цуриковой); Право на себя // Горбовский Г. Монолог. Л., 1977; Писатель В. Арсеньев: Личность и книги. Л., 1977; Голос собств. природы // Нева. 1978. № 3; Путь к Главной книге // Вспоминая О. Берггольц / Сост. и предисл. И. Кузьмичева и Г. Цуриковой. Л., 1979; Стремясь к согласию с природой // Нева. 1980. № 12; Вадим Шефнер: Очерк тв-ва. Л., 1986; Летопись впечатлений // Лен. панорама. Л., 1988; Контрасты осязаемого времени. Портреты. Размышления (в соавт. с Г. Цуриковой). Л., 1988; Просматривая свое сердце. Автобиогр. проза П. Флоренского // Звезда. 1991. № 5; Мечтатели и странники: Лит. портреты. Л., 1992; «Бумажные бутоны» Л. Рахманова // Звезда. 1996. № 12; «Ну, так о странниках и об Эйнштейне...» Письма А. А. Ухтомского к Ф. Г. Гинзбург (совм. с Л. Соколовой) // Звезда. 1998. № 2; Дом на канале // Звезда. 2003. № 4; В поисках родного пространства // Нева. 2006. № 3; Наброски к ненаписанному портрету // Нева. 2006. № 6; Дальнее зрение // Ухтомский А. Лицо другого человека. Из дневников и переписки. СПб., 2008; Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка / Сост., подг. текста, комм. И. Кузьмичева, Е. Гушанской. М., 2012; Жизнь Юрия Казакова: Докум. повествование. СПб., 2012; Баллада о любви и Большой войне // Шефнер В. Сестра печали. СПб., 2012.

Лит.: Беляев П. Об авторе «Дерсу Узала» // В мире книг. 1977. № 10; Калмановский Е. [Рец.] // Звезда. 1977. № 12; Долгополов Л. Подвижники // Лит.обозрение. 1980. № 12; Петряев Е. Новое о В. К. Арсеньеве // Вятские книголюбы. 1985. 29 авг.; Салынский О. Роман рассказчика // Вопросы литры. 1987. № 9; Горышин Г. «Честность званья своего...» // ЛГ. 1987. 5 авг.; Санин М. Романтик у порога трагедии // Нева. 1987. № 9; Арьев А. По шкале человеч. опыта // Лит. обозрение. 1988. № 2; Хализев В. Нравств. философия Ухтомского // Новый мир. 1998. № 2; Попов В. Горящий рукав // Звезда. 2006. № 6.

А. Рубашкин

КУ́КИН Юрий Алексеевич [17.7.1932, п. Сясьстрой Волховского р-на Лен. обл. — 7.7.2011, СПб., похоронен на Южном кладб.] — поэт, музыкант, бард.

Окончил с отличием Лен. гос. ин-т физич. культуры им. П. Лесгафта (1954). До 1973 жил в Петродворце, работал тренером по фигурному катанию в детских спортивных школах Петродворца, Ломоносова, Л-да.

Р. Рублев: «Узкая его специальность — фигурное катание, а так как в то время в Ленинграде еще не было искусственного льда, то его работа носила сезонный характер. Непоседливый бродяга, он не мог оставаться дома в Ленинграде летом, когда его работа заканчивалась, и старался наняться куда-нибудь в геологические партии простым рабочим. В одной из таких партий ему посчастливилось встретиться с геологами — страстными гитаристами, любителями пения у костра. Сам Кукин тогда и не помышлял о сочинении песен или игре на гитаре, но ребята так красиво и слаженно пели, песни их были настолько романтичны, что Кукину самому захотелось сочинять. Когда геологи добрались до конца маршрута, они попали в небольшой поселок, окруженный сказочно красивыми горами. Здесь Юрий написал свою первую песню **"Горы слева, горы справа"**».

Неск. полевых сезонов (с 1963 по 1966) работал техником-геофизиком в геологич. партии, участвовал в геологич. экспедициях в Горную Шорию, на Камчатку, Дальний Восток, Памир.

Уже в юности увлекался музыкой — играл на барабанах в местной джаз-группе. Во время учебы в ин-те сочинял тексты для студенч. капустников. С 1948 начал пис. собств. песни и исполнять их, аккомпанируя себе на семиструнной гитаре. Одна из перв. песен **«Зной, пески лежат, как океан...»** на муз. Дюка Эллингтона «Караван» напис. им для джаза в 1946. Мн. из песен К. получили широкую популярность в среде туристов, геологов. Со временем К. стал участником различных конкурсов, фестивалей, таких как Конкурсы туристской песни в М. (1966, 1967), в Л-де (1965, 1968), Зелёной Гуре (Польша, 1973) и мн. др.

«Ну а потом зимой я продолжал работать тренером по фигурному катанию на коньках, и меня окружали люди кот. не интересовали ни мои таежно-дорожные приключения, ни песни по этому поводу. Их было много, это были дети возраста 6–7 лет, в общем, человек 500! и 1000 их бабушек, по две на каждого. Они их водили на каток и смотрели, как я там с ними занимаюсь. Их было много, я был один — это не могло не отразится на моей психике. Песни стали инфантильные, сказочки начались...» (К.).

Профессиональную артистич. карьеру начал в 1968: с этого времени выступал как артист от Ленконцерта, параллельно недолго работал в лен. клубе «Меридиан» инструктором физ-ры; с 1971 работал в Лен. обл. филармонии, с 1979 — в Ленконцерте, с 1988 — в Лен. театре-студии «Бенефис». Любимыми авторами-исполнителями и друзьями были Е. Клячкин, А. Городницкий, Ю. Визбор, Б. Окуджава, В. Высоцкий. Помимо многочисленных выступлений в разных городах страны и ближнего зарубежья К. гастролировал в США, Канаде, Германии, Чехословакии, Польше, Израиле и Франции.

В 1965 стал лауреатом Первого Лен. городского конкурса авторов и исполнителей самодеятельной песни (была отмечена песня **«За туманом»**), конкурса туристской песни II Всесоюзного похода молодежи в М. (1966 и 1967, 1-е место, отмечена

песня «Париж»), Второго Лен. городского конкурса авторов и исполнителей самодеятельной песни (1967, 1 место, отмечена песня «Поезд»). Об одном из конкурсов рассказывает Р. Рублев: «Кукин получил награду за песню "Париж". Это был конкурс антивоенных песен, и Кукин был искренне удивлен, что его песня, в кот. нет и намека на войну, была послана туда. Получилось недоразумение, потому что организаторам конкурса вздумалось выдать переживания нашего современника, грустящего о том, что он никогда в своей жизни не сможет просто взять и поехать в Париж, за переживания французского летчика из эскадрильи Нормандия-Неман».

К. напис. более сотни песен. Известен как автор популярных песен **«Город»**, **«Гостиница»**, **«Волшебник»**, **«Старый сказочник»**, **«Маленький гном»**, **«А все-таки жаль, что кончилось лето»**, **«Миражи»**, **«Тридцать лет»** и мн. др. Песни К. до сего дня пользуются огромной популярностью: «Если вслушаться, то все песни Кукина написаны от лица одного и того же героя: романтика, бродяги, фантазера — ну, кто еще может мечтать в тайге о Париже или беседовать со сказочником? Вероятно, глупо отождествлять его с автором, но человек, не обладающий сам этими качествами, не смог бы написать этих песен...» (N.). Песня «За туманом» стала неофициальным гимном геологов и туристов, альпинистов и просто сидящих у костра. Однако в момент создания и она подвергалась нападкам: «И сам штампованный дух песни — легкомысленно-бродяжнический. Все куда-то обязательно едут, а куда и зачем — не суть важно. Но сколько в этих псевдоромантических текстах жалости к тем, кто не едет, а просто ходит каждый день на работу...» («ЛГ», Шкляревский). Даже Г. Горбовский, по воспоминаниям К., однажды сказал ему: «Текст твоей песни не стихи, песня плохая. Поэзия состоит из сравнений, определений, метафор, а у тебя одни глаголы, существительные и междометия, да ещё ты всё время повторяешь "а я еду, а я еду...". Есть, правда два вынужденных определения, но оба сомнительные — первое "законченный чудак", второе — "невозвращённые долги", а долги надо отдавать!..».

У К. вышли пластинки (фирма «Мелодия»), CD-альбомы и аудиокассеты: «Осенние письма» (1988), «Миражи» (1990), «За туманом» (1994, 1998), «А все-таки жаль, что кончилось лето...» (1994), «Возвращение» (1995), «Пустите меня к себе...» (1995; Вена), «Избранное» (1999), «Российские барды: Юрий Кукин» (2000), «Юрий Кукин» (2005), «Лучшие песни» (1994, 2000, 2001, 2012) и др.

Тексты К. вошли в колл. сб. «Время наших песен» (1998, 1999, 2001), «Петербургский аккорд» (2000), «Романтика странствий» (2001), «Наши песни» (2001), «Песни у костра» (2001), «Время новых песен» (2001), «Наша бардовская двадцатка» (2002), «Бардовский хит сегодня» (2002), «Наше песенное братство» (2002), «Бардовская коллекция» (2003), «Привал романтиков» (2003, 2004), «Любимые песни наших бардов» (2003), «Круг друзей с гитарой» (2003), «Золотая двадцатка авторской песни» (2003), «Российские барды» (2004), «Наши барды» (2006), «Бардовские песни» (2006), «Grand Collection: Барды. Ч. 2» (2008) и др.

В различных изд-вах вышли книги песен: Только песни / Сост. А. Крылов. М., 1990; Дом на полпути: Сб. / Сост. и прим. А. и М. Левитан. М., 1990; Ночной оркестр / Сост. В. Васковский. М., 1993; «А я еду, а я еду за туманом...» / Сост. В. Кавторин. СПб., 1997; Трактат о песнях. Минск, 1997.

О К. сделаны видеокассеты в серии «Барды рассказывают»: «Ю. Кукин о времени, о друзьях и о себе», «Ю. Кукин в Доме ученых ЦАГИ (г. Жуковский, 26 марта 1998 г.)», «Ю. Кукин в ДК "Меридиан" 25 марта 1998 г.» и др. По муз. видеопрограмме автора и ведущего реж. А. Лушникова (2005; кинокомпания ООО «НПФ Виктория») выпущен DVD: «А. Лушников. Парголовские вечера: Юрий Кукин» (2012) — с рассказом о том, как летом в Парголово, в гостях у автора фильма, собираются деятели культуры и искусства, творч. элита СПб., и в т. ч. на одном из таких вечеров — бард К.

В одном из посл. инт. К. говорил: «Я последний романтик на земле, это точно». «Посл. романтик», К. писал стихи и музыку, полные света, чистоты и любви к окружающему. К. создал много великолепных песен, кот. удостоены самой гл. награды — всенародного признания.

Лит.: Ливси Е. Умер легендарный бард Юрий Кукин // Комсомольская правда. 2011. 7 июл.

КУ́КЛИН Георгий Осипович (иногда — Иосифович) [25(12).5.1903, д. Игнатьево Нижнеилимской вол. Иркутской губ. — 9.11.1939, Красноярск, в заключении] — прозаик, публицист, детский писатель.

Родился в Восточной Сибири под Нижнеилимском в крестьянской семье. Как и др. крестьянские дети, умел промышлять рыбу, зверя, кедровую шишку. Но обладал и еще одним — редким — талантом: умел видеть красоту родной природы и воссоздать ею на письме. Любил читать книги. Односельчане вспоминают: «Страсть как зачитывался книжками». Окончив школу-трехлетку в д. Черемхово, в 1914 поступил в Нижнеилимское начальное училище. В архиве илимского краеведа В. Елизарова хранятся письма педагога училища С. Косыгина, в воспоминаниях кот. нарисован привлекательный образ будущего писателя — смышлёного, деятельного, прямого в суждениях паренька. Учитель подчеркивает: «Георгий учился всегда очень хорошо, был первым в классе».

В 1918, по окончании училища, пешком ушел в уездный Киренск, успешно сдал вступит. экзамены и стал слушателем учительской семинарии. В 1920, учащимся посл. класса семинарии, приехал в Нижнеилимск и с головой окунулся в новую жизнь: оказался в числе зачинателей нижнеилимского комсомола. Получил специальность учителя. Для продолжения образования в 1921 поступил в Иркутский ун-т. И. Ступин: «В 1923 году мы встретились с Георгием в Иркутске, где он учился на втором курсе в университете... Георгий писал стихи, рассказы и читал нам. Был знаком с писателем Иосифом Уткиным и редактором газеты "Власть труда" Г. А. Ржановым. Ему прочили большое будущее». Учился отлично. После окончания второго курса в числе неск. лучших студентов был переведен на фак-т общественных наук Пг. ун-та (1923). Среди наставников К. в Иркутском ун-те был молодой ученый-литературовед М. К. Азадовский, кот. и поручил способного студента заботам своего коллеги и друга Б. М. Эйхенбаума, преподававшего в Пг. В студенч. годы работал в семинаре Эйхенбаума, изучал историю русской лит-ры, теорию лит-ры, слушал спец. курсы по тв-ву Л. Толстого, А. Пушкина, М. Лермонтова. Успешно окончил ун-т, получил специальность «филолог».

По окончании ун-та остался в Л-де (поселился на ВО). Работал учителем в школе фабзавуча, библиотекарем, ред. в изд-ве «Красная газ.». Не порывал дружеские связи с наставниками и товарищами по ун-ту. В кон. 1920-х особенно тесно сблизился с Эйхенбаумом. Тот поощрял его занятия лит-рой и приветствовал перв. удачные шаги. Дома у К. собирались близкие ему по духу и направлению тв-ва молодые писатели-ленинградцы, среди кот. выделялся однокашник К. по ун-ту, автор нашумевшего романа «Форд» Юлий Берзин. Бывали С. Спасский, Н. Чуковский, Е. Тагер, Д. Максимов. Обсуждали напис. рассказы и стихи, намечали совм. поездки (К. любил путешествовать и много ездил по стране).

В 1925 в газ. «Ленинские искры» опубл. перв. рассказы К. — **«Мишкина находка»**, **«Река пошла»**, **«Май в овраге»**. Детские рассказы публ. в ж. «Дружные ребята», «Резец» и в пионерских газ. Перв. детская кн. **«Деревенские ребята»** вышла в 1926, в 1929 вышли кн. для детей — **«Игренька»**, **«Один в лесу»**, **«Ребята и кони»**, **«Шальная вода»**.

В 1926 был мобилизован в Красную Армию в качестве краткосрочника — комвзвода запаса. В 1931 составлял и ред. мат-лы по истории Балтийского судостроительного з-да.

В 1929 отд. изд. вышло перв. крупное произведение — повесть **«Краткосрочники»** («Изд-во писателей в Л.») с предисл. Е. Замятина. В 1930 принят в члены Всероссийского СП. Тогда же изд-во писателей в Л. сформировало из молодых писателей «Северную бригаду», направленную в творч. командировку до Мурманска, а затем по всей береговой линии Кольского полуострова. Поездка была трудной, но принесла множество впечатлений. В 1931 сначала в Л-де, а затем в М., в изд-ве «Молодая гвардия», вышли кн. очерков «Сквозь ветер» (авторы — К., С. Спасский, Е. Тагер, Н. Чуковский) и «Остров Кильдин» (авторы те же, за искл. Е. Тагер). Из 27 очерков 10 напис. К. В том же 1931 вышли сб. рассказов **«Непредвиденные записи»**, повести **«Школа»** и **«Ольга»**. В 1932 изд. повесть **«На-гора»**, напис. после творч. поездки в Кузбасс. Все произведения опубл. изд-вом писателей в Л-де.

В перв. пол. 1930-х рассказы и очерки молодого писателя печ. в ведущих лит. ж. — «Красная новь», «Лит. современник», «Звезда», «Резец», в основанном Горьким ж. «Наши достижения». К. стремительно входил в самую гущу лит. жизни Л-да. Познакомился и сблизился с Н. Зарудиным, Н. Заболоцким. Его другом стал писатель Иван Катаев. Вошел в лит. группу «Перевал» (создана при редакции ж. «Красная новь»), куда входили Э. Багрицкий, М. Светлов, И. Катаев, Н. Огнев, М. Пришвин. При всем несходстве творч. индивидуальностей «перевальцев» все члены группы были едины в главном — хотели писать честно. Вл. и Вел. Петрицкие пишут: «Круг писательского общения Куклина вырабатывал и использовал художественные принципы, кот. были органично связаны с нравственными и эстетическими началами великой русской литературы. Когда сейчас перечитываешь их и задумываешься о причинах творческого успеха молодого писателя, первое, на что невольно обращаешь внимание,— их близость к реальной, невыдуманной жизни. Конкретны и остры сюжеты рассказов и очерков. Герои повестей и романов — живые люди. В их биографиях отразился богатый и непростой жизненный опыт автора. Но чего нет в произведениях Георгия Куклина — риторического звона, призывов к безусловному разрушению старого мира».

После Первого съезда СП в 1934 лит. группировки перестали существовать. Закрылись мн. изд-ва, работать стало труднее. К. вынужден был уйти от злободневных тем современности в историю. В 1934 ж. «Звезда» опубл. роман К. **«Учителя»**, в 1935 он вышел отд. изд. в М. в новом изд-ве «Сов. писатель». Роман повествовал о событиях нач. века — жизни полит. ссыльных в Сибири периода Перв. мировой войны. Обращение к истории натолкнуло К. на мысль написать ист. трилогию о родном Илиме. Он начал работать в архивах, собирать материал, ездил в Сибирь. Замысел вызревал обширный — трилогия должна была охватить большой ист. промежуток: от полит. ссылки на Илим, рев. событий в февр. и окт. 1917, Гражданской войны до нач. коллективизации. Но планам не суждено было осуществиться.

5 февр. 1938 К. был арестован Управлением НКВД по Лен. обл. Обвинялся по ст. 17, 58–8 (подстрекательство к террористич. акту), 58–11 УК РСФСР (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления). 23 сент. 1938 Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила К. к тюремному заключению сроком на 8 лет, с последующим поражением в политич. правах сроком на 3 года. В деле имеется заявление жены К. — Мандрыкиной Л. А., из кот. следует, что К. умер 9 нояб. 1939 в г. Красноярске, в тюремной больнице. Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 4 февр. 1958 приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР в отношении К. отменен и дело прекращено за отсутствием в его дей-

ствиях состава преступления. Реабилитирован.

За 10 лет творч. лит. жизни К. опубл. роман, четыре повести, более 30 рассказов, неск. книг очерков. Неск. повестей и рассказов остались неопубл. В замыслах остался роман о строительстве Урало-Кузнецкого комбината.

В 1990 в серии «Лит. памятники Сибири» (Восточно-Сиб. кн. изд-во) вышел сб. К. **«Сквозь ветер»**, куда вошли лучшие произведения писателя. Рассказ «Игренька» — один из лучших классич. образцов лит-ры для детей.

Проживал в Л-де: кан. Грибоедова, д. 9, кв. 4.

Архив: РНБ. Ф. 401, 59 лл., 1930–37.

Соч.: Деревенские ребята: Рассказы. Л., 1926; Игренька. М.; Л., 1929 (Л., 1983); Краткосрочники. Л., 1929; Непредвиденные записи: Рассказы. Л., 1931; Школа: Повести. Л., 1931; На-гора. Л., 1932; Учителя: Роман. М., 1935; Сквозь ветер: Роман, повести, рассказы / Послесл., сост., комм. О. Гантваргер. Иркутск, 1990.

Лит.: Сов. детские писатели: Биобиблиогр. словарь (1917–57). М., 1961; Мандрыкина Л. Куклин Г. О. // КЛЭ / Гл. ред. А. Сурков. Т. 3. М., 1966; Моролев П. Г. О. Куклин // Лит. Сибирь / Сост. В. Трушкин. Иркутск, 1971; Гантваргер О. О Г. О. Куклине // Куклин Г. Сквозь ветер. Иркутск, 1990; Распятые / Авторсост. З. Дичаров. СПб., 1994; Петрицкий Вл., Петрицкий Вел. Учителю с благодарностью // Сибирское наследие. 2004. № 1; Лит. календарь // Сибирские огни. 2008. № 6: Замятин Евг. Предисл. к повести Г. О. Куклина «Краткосрочники» // Замятин Евг. СС: В 5 т. Т. 4. М., 2010.

КУКЛИ́Н Лев Валерианович [17.8.1931, Новозыбков Брянской обл. — 22.6.2004, СПб.] — поэт, прозаик, драматург, киносценарист, публицист.

Отец (умер в блокаду, в 1942) и мать — геологи-полярники, что предопределило и выбор профессии К., окончившего (1954) Горный ин-т в Л-де и около 10 лет проработавшего геологом.

Перв. публикации (стихи) — в пионерской печ. С публ. в сб. стих. школьников — учащихся студии лит. тв-ва лен. Дворца пионеров «Первые стихи» (1947) К. не без оснований вел отсчет своего лит. стажа: романтические, еще не вполне самостоятельные строки 16-летнего старшеклассника были «сделаны» вполне профессионально.

Перв. сб. стихов — **«Соседям по жизни»** (Л., 1958), как и последующие (**«Необходимость»**, 1961; **«Рудник радости»**, 1964) был пронизан типичной для тех лет «романтикой дальних дорог». Но для К. она не была данью моде, являлась по-настоящему органичной: большинство стихов было привезено им из экспедиций, посвящено «соседям по жизни», прежде всего коллегам-геологам — «чернорабочей интеллигенции», по меткому определению автора. Стихи К. тех лет звучат приподнято, подчас не лишены риторики («И пусть пионеры, играя зори / На наше равняются поколенье!», «Здесь вырастет город как мы мечтали», «Только молодость, только руки, и четверть земного шара в руках!»), романтических преувеличений («Помнишь? Это на северной станции было: / Запоздав на полгода к нам почта пришла...»), что не мешало им пользоваться популярностью. Аудиторию, в особенности молодежную, привлекал самый пафос открытия мира («Проверенные походной судьбою, / принеся на подошвах пыль полумира, / наконец-то мы оба вернулись с тобою, / ты — с Чукотки, я — с Памира»), привлекали живые интонации, связанные с ними необычные ритмы стихов, броская афористичность, неожиданные образы, резко выделявшиеся на общем аскетическом фоне тогдашней поэзии: «Все перепуталось в этом просторе. / Не разберешь, где быль, а где сказка. / Художник кисть окунает в море — / У него кончилась синяя краска...» (**«Утро на море»**). Эти и подобные строки создавали К. репутацию поэта остро оригинального, самобытного, даже экстравагантного. В любовной лирике К. умел тонко передать юношескую диалектику чувств, их максимализм и чистоту: «Она любила его так, / Что боялась ходить мимо. / Вслух она сказала: "Дурак!", / А про себя: "Любимый!" / Губами она сказала: „Пусти!", / А сердцем: "Прижми сильнее!" / Но он уехал. Он все простил / И не простился с нею...» В более поздних поэтич. сб. (а всего К. издал более 50 кн. стихов и прозы) усилилось тяготение к традиционным ритмам, к более спокойной повествовательности, но романтич. восприятие мира долго сохранялось, хотя и становилось все более сложным. Мн. стихи, как и прежде, рождались в поездках, но теперь это были поездки литератора-профессионала (циклы стихов об Англии, Франции, Японии, поэма о строительстве БАМа и т. д.). В произведениях посл. лет все отчетливее звучат ноты тревоги за судьбы страны и мира, а подчас и разочарования в романтич. идеалах и даже «катастрофизма». Характерны названия некот. стих. из кн. **«Сохранение огня»** (1994): **«У края пропасти»**, **«Плач по Родине»**, **«Плач по великому городу»**, **«Плач по былому величию русской земли»**. «Ты и Богом теперь не прикрыта,— / Все заступники, видно, слабы... / Сколько ж можно хлебать из корыта, / Из корыта помойной судьбы?» — таким вопросом, обращенным к родной земле, завершается последняя подборка поэта, предложенная им в ж. «Нева» и увидевшая свет уже после смерти автора (2004. № 8). Неким противовесом этим мотивам выступают такие стихи, как **«Иван Андреич плотничает»**, **«Слово о русской печи»**, **«Провинция»**, **«Лен»**, цикл **«Вечные люди»** — о Пушкине, Бетховене, Чехове, Светлове. Надежда все-таки остается, она — в людях, тружениках и созидателях, творящих и мыслящих: «Среди качков в спортивных пиджачках, / Среди путан,

которых слишком много, / Мне так приятны девушки в очках... / Читают, видно, много... Слава Богу!»

Важной областью тв-ва К. явилось создание песен. За четверть века сотрудничества с композиторами им напис. более 250 произведений в этом жанре, в т. ч. такие популярные, как **«Голубые города»**, **«Качает, качает, качает...»**, **«Что у вас, ребята, в рюкзаках...»** и др. Песни К. получали отличия на всесоюзных и международных конкурсах, переводились на мн. яз. Им выпущен ряд поэтич. книжек для детей.

Среди прозаич. произведений К., обращенных в осн. к юношеству,— повести **«Порядок на борту»** (Л., 1975), **«Нам в сорок третьем выдали медали...»** (Аврора. 1985. № 5), **«Пара дуэльных пистолетов»** (Искорка. 1987. № 1–2), **«Любовь Оксаны Лунько»** (Семья и школа. 1991. № 5–6), сб. рассказов **«Динамитный патрон»** (1984). В книге **«Год лошади»** (СПб., 1999) собраны работы писателя в жанре фантастики.

Перу К. принадлежат сценарии неск. худож. и докум. фильмов, наиболее изв. — **«Его звали Роберт»** (в соавт. с Ю. Принцевым, поставлен «Ленфильмом» в 1967), либретто опер и мюзиклов.

За годы работы в лит-ре К. опубл. более 150 очерков (в т. ч. кн. очерков **«Корабли начинаются с имени»**. Л., 1982), критич. и литературоведческих статей, среди кот. выделяется работа о незаслуженно забытом В. Шершеневиче — **«...но ведь я поэт — чего ж вы ждали?»** (Вопросы лит-ры. 1991. № 9–10). Полемическая ст. **«Гидропонная поэзия»**, посвящ. тв-ву И. Бродского (Нева. 2001. № 1), вызвала негативную реакцию ряда литераторов — см., напр., резкую отповедь А. Рубашкина (Ося, Иосиф, Иосиф Александрович... // Звезда. 2001. № 5).

К. выступал как составитель ряда сб. и антологий, среди кот. наиболее значительны «Кибернетический Пегас. Наука и фантастика в русской и сов. поэзии» (Л., 1989), «XX век в эпиграммах от А до Я» (СПб., 2002), «Мысли в рассрочку» (Собр. афоризмов. Т. I. СПб., 2004) и «Мысли взаймы» (Собр. афоризмов. Т. II. СПб., 2004), «Вечный полдень любви: Четыре века русской эротической поэзии» (СПб., 2005).

Соч.: Какого цвета луг?: Стихи. Л., 1967; Кто работает для вас?: Песни. Л., 1967; Цирк зверей. Л., 1968; Зеленая планета: Новая кн. стихов. Л., 1969; Антенна: Кн. новых стихов. Л., 1970; Дядя Бим и дядя Бом: Веселые стихи для детей. Л., 1971; Дедушкин праздник: Рассказ. Л., 1971; Кто сильней?: Стихи. Л., 1971; Ни пуха, ни пера!: Песни. Л., 1972; Имя-отчество: Стихи. Л., 1974; Кто как одет? М., 1975; Зов: Стихи. М., 1977; Я верю: Стих., песни. Л., 1977; Путешествие по квартире: Стихи. Л., 1977; Когда мы станем взрослыми: Стихи. Л., 1979; Ромашки на кармашках: Повесть. М., 1979; Горожане: Книга новых стихов. Л., 1980; Операция «Снег»: Рассказы. Л., 1984; Моя анкета: Стих. разных лет. Л., 1984; Прямой взгляд: Стихи. Л., 1986; Диалог: Стих. разных лет. Л., 1988; Несколько школьных «почему?»: Раздумья о воспитании. Л., 1989; Автострада: Кн. новых стихов. Л., 1991; Стружки лирики: Стихи. СПб., 1997; Эпиграммы и шутки. СПб., 1997; Микроэпохалки: Эпиграммы, иронизмы, шутки. СПб., 1999; Соч.: В 3 т. СПб., 2002; Рисунки на потолке: Стихи для детей. СПб., 2005; О любви: Стихи. СПб., 2006; В нас вечно музыка жива: Песни на стихи Л. Куклина. СПб., 2006; Литература — это интересно: Занимательное литературоведение. СПб., 2006.

Лит.: Куклин Лев Валерианович // Писатели Л-да: Биобибл. справочник. Л., 1982; Фрадкина Е. Лев Многоликий // Нева. 1999. № 9; Иордаке Э. Языковладельцы // Нева. 2002. № 2; Фоняков И. Стихи конца века // Нева. 2004. № 2; Никольский Б. Прощальное слово // Нева. 2004. № 8.

И. Фоняков

КУКУ́ШКИНА Елена Дмитриевна [22.4.1949, Магадан] — литературовед.

Окончила русское отд. филологич. фак-та ЛГУ в 1974, аспирантуру ИРЛИ АН СССР. По окончании с июля 1980 была зачислена в Сектор по изучению русской лит-ры XVIII в. В 1981 защитила канд. дис. **«Драматургия русской комической оперы XVIII в.»**. С 1992 ст. науч. сотрудник.

Обл. науч. интересов: русская драматургия XVIII в., влияние библейских сюжетов и мотивов на лит-ру

XVIII в., тв-во Г. Державина и его лит. окружение.

Участвовала в колл. трудах ИРЛИ: «XVIII век» (Сб. 14, 15, 17–22 и др. Л., 1983, 1986; СПб., 1992–2002); «История русской драматургии. XVIII — 1-я пол. XIX в.» (Л., 1982); «Словарь русских писателей XVIII в.» (Вып. 1, 2. Л., 1988; СПб., 1999). Принимала участие в подгот. изд.: «Русская лит-ра. Век XVIII. Лирика» (М., 1990) и «Русская лит-ра. Век XVIII. Трагедия» (М., 1991).

Автор более 70 науч. работ.

Лит.: Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005.

КУЛИШЁР Анна Семеновна [19.4.1888, СПб. — 10.1.1961, Л-д] — переводчик.

Родилась в семье служащего. Окончила одну из минских гимназий с золотой медалью и историч. фак-т Брюссельского ун-та (1910). Вернувшись в Россию, вместе с мужем, изв. историком и экономистом И. Кулишером, автором работ по экономич. истории средних веков и начального периода нового времени, занималась статистикой. В 1928 окончила французское отд. Лен. ин-та новых языков. Блестящее знание иностранных яз. привело К. в ЛО Изд-ва иностранных рабочих в СССР (1930–37), где под ее ред. вышли переводы на немецкий собр. соч. М. Горького, рассказы И. Эренбурга, Н. Тихонова и др. и собств. перевод статьи В. Шишмарева «Шота Руставели».

В 1934 К. приняли в ССП, в том же году начала рук. семинаром молодых переводчиков с русского яз. на немецкий.

В марте 1942 эвакуировалась из осажденного Л-да в г. Молотов (ранее и ныне — Пермь), где работала на местном радио. В 1944–1945 — переводчик вещания на немецком яз. в моск. Радиокомитете.

В 1945 вернулась в Л-д и занялась исключительно лит. работой.

Свой перв. перевод — книги Мишле «Народ» — К. выполнила в 1918 по предложению и под ред. близкого друга семьи проф. О. Добиаш-Рождественской для изд-ва «Всемирная лит-ра»; однако по причине наступившей в стране разрухи и отсутствия средств книга не вышла в свет. Затем в работе над переводами наступил небольшой перерыв, связанный с учебой в ин-те и неустанной помощью мужу в его работах по статистическим исследованиям. Только в сер. 1930-х К. вернулась к худож. переводу и познакомила отеч. читателя с книгами видных немецких авторов: А. Зегерс, Т. Манна, Г. Г. Марховицы, В. Бределя и др. В предвоен. годы отдавала много сил переводу науч. лит-ры для Гидрологического ин-та, Пед. ин-та им. А. Герцена, Музея этнографии, ВОКСа. Так, ею выполнен перевод кн. Бахофена «Исследования» и кн. Ю. Гирша «Успехи рационализации американского хозяйства», ряда статей для «Антологии фольклора» под ред. М. Азадовского и др.

В 1940 провела детальную сверку переводов 2-го и 7-го томов изд. «Истории XIX века» Лависса и Рембо, выходившего под общ. ред. Е. Тарле.

В послевоен. годы начался подлинный расцвет таланта К. как переводчика с европейских яз. Мн. ее работы, в особенности перевод психологич. романа Б. Констана «Адольф» и Э. Бульвер-Литтона «Пелэм, или Похождения джентльмена», признаны классическими. Роман Б. Констана неоднократно переводился на русский яз., однако ни один из них не мог передать стилистич. богатства подлинника. К. удивительным образом уловила то скорбную, то гневную, то саркастическую интонацию романа. Как писал в рец. на только что вышедший перевод К. замечательный знаток французской лит-ры А. Гозенпуд «К. с виртуозной легкостью передала все оттенки мысли оригинала, бережно воссоздала его изощренную стилистику... Умело пользуясь некоторыми характерными для русской прозы 20-х–30-х годов XIX века фразеологическими оборотами и лексикой, и в то же время не архаизируя текст нарочито, она передала все специфические особенности стиля "Адольфа". Труд и мастерство, вложенные в эту работу, делают ее образцовой» (Звезда. 1959. № 12). Столкнувшись с совсем др. стилистикой в переводе новеллы Л. Анценгрубера «Как Якоб самого господа бога перехитрил», К. продемонстрировала умение передать индивидуальные черты писателя, легко справившись с насыщенным диалектом, особым деревенским яз.

В характеристике, данной К. историком, акад. Е. Тарле и выдающимся переводчиком М. Лозинским в 1945, говорится: «Сочетание широкой и глубокой эрудиции в области истории, литературы и искусствоведения, экономических наук с прекрасным знанием ряда иностранных языков и чуткостью художника в понимании законов и возможностей родного языка, делают К. подлинным мастером как художественного, так и научного перевода» (ЦГАЛИ).

Архив: ЦГАЛИ СПб. Ф. 152. 1945–61 гг. 97 ед. хр.

Перев.: Зегерс А. Оцененная голова. Л., 1935; Бальзак О. Драма на берегу моря и др. рассказы // Бальзак О. Избр. М., 1951; Келлер Г. Сказка про котика Шпигеля и др. новеллы // Келлер Г. Новеллы. М., 1952; Зегерс А. Крестьяне села Хрущева // Здравствуй, будущее. М., 1953; Вееpт Г. Жизнь и подвиги рыцаря Шпанганского. М., 1953; Золя Э. Как умирают люди // Золя Э. Избр. произведения. М., 1953; Гюго В. Лионские рабочие. Статья // Гюго В. СС. Т. 15. М., 1956; Шиллер Ф. История 30-летней войны // Шиллер Ф. СС. Т. 5. М., 1957; Шиллер Ф. Предисл. к «Полному собр. исторических мемуаров» // Там же; Бульвер-Литтон Э. Пелэм, или Похождения джентльмена. М., 1958 (совм. с Н. Рыковой); Сароян В. Дочь пастуха и др. рассказы // 60 миль в час. М., 1958; Мюссе А. де. Секрет Жавотты // Французская новелла XIX в. М., 1959; Арен П. Ослы загробного мира и др. рассказы // Там же; Доде А. Дом продается // Там же; Констан Б. Адольф. М., 1959; Анценгрубер Л. Как Якоб самого господа бога перехитрил // Австрийская новелла XIX в. М., 1959; Хальм Ф. Лиза-марципан // Там же; Шницлер А. Лейтенант Гусль // Там же; Лабиш. 37 су господина Монтодуана // Лабиш. Пьесы. М., 1959; Стендаль. Жизнь Наполеона. М., 1960; Манн Т. Паяц и др. рассказы // Манн Т. СС. Т. 8. М., 1960; Дюма А. Сорок пять. Т. 2, с гл. 21. М., 1960 (совм. с Н. Рыковой); То же. Т. 3; Моруа А. Завещание и др. новеллы // Совр. французская новелла. М., 1960; Франс А. Ален Рене Лесаж // Франс А. Собр. соч. Т. 7. М., 1960; Франс А. Поль Скаррон. Там же; Скотт В. Вдова горца и др. рассказы // Скотт В. СС. Т. 18. М., 1965.

П. Вахтина

КУЛЛЕ́ Сергей Леонидович [29.2.1936, Л-д — 27.10.1984, Л-д] — поэт.

Отец К. из эльзасских немцев, в предках поэта перемешалась французская, немецкая, польская и шведская кровь. К. закончил школу № 222 (б. Петришуле) вместе с будущими литераторами Л. Лосевым, Б. Парамоновым и А. Найманом. Окончил филологич. фак-т ЛГУ (отд. журналистики). Практически всю жизнь проработал в институтской многотиражной газ. «Кадры приборостроения». Любил путешествовать, обошел страну от Калининграда до Сахалина, от Хибин до Памира.

Писал в основном верлибры, в форму кот. облекал бытовые зарисовки, философские сентенции, притчи на ист. темы. М. Айзенберг говорит:

«Стихи Кулле как будто и не собирались быть именно верлибром, просто оказались им по каким-то своим причинам <...> Они открыты, удивительно внятны, и их внятность становится эстетическим качеством».

В университетские годы выступал с чтением стихов. В 1957 стихи К. были отобраны В. Пановой для альм. «Лит. Л-д», выход кот. не состоялся. В 1960 поэтич. подборка К. опубл. в моск. самиздатском ж. «Синтаксис» (№ 3), в 1965 перепеч. в «Гранях».

Входил в состав неофиц. поэтич. группы «УВЕК» (Уфлянд — Виноградов — Ерёмин — Кулле). В 1977 вместе с поэтами группы К. выпустил машинописный сб., посвящ. 40-летию участников. Стихи К. вкл. в антол. К. Кузьминского «У Голубой лагуны».

Официально при жизни публ. крайне мало, опубл. только 4 стих. (в альм. «День поэзии» и сб. «И снова зовет вдохновение...»). По словам В. Уфлянда, К. «был редким гостем в редакциях, а равно и в литературных собраниях», однако при малоизвестности его поэзии К. «оставил сотни доведенных до совершенства, собранных в образцовом порядке стихотворений», поэзия была для него «смыслом» и «средством существования».

В 1997 в ж. «Лит. обозрение» появляется ст. М. Айзенберга «Лит-ра за одним столом». Здесь тв-во К. рассмотрено в контексте «филологической школы» — объединения совершенно разных по стилю петерб. поэтов-друзей. Анализируя новую поэзию в целом, автор статьи пишет о «правилах исключения», кот. искали новые поэты. Именно исключения были взяты К. за правило. В своих стих. К. часто обращается к жене Маргарите, упоминает имена и фамилии друзей, коллег по цеху, хотя при этом его тв-во нельзя назвать автобиографичным: в нем слышен ритм окружающей жизни. Он действительно «нашел себя», создал свой образ, «образ автора». Именно об этом, по мнению Айзенберга, стих. **«Вы были прекрасный фотограф»**. Глубина личных переживаний — вот то главное, что стремился донести до читателя поэт.

Наиболее раннее из опубл. стих. К. датируется 1955-м. Всего в тв-ве поэта представлено 23 стихотв. размера, из кот. 10 классических и 13 неклассических. Доля произведений, напис. неклассическими размерами, значительно выше: практически в 2 раза. Пост. отклонения от осн. метра, отсутствие рифмы ярко характеризует стих поэта. Л. Лифшиц отмечает, что увлечениями К. были Кузмин и практически вся европейская лит-ра, от античности до совр. ему авторов, которую он читал в переводах, т. к. не владел иностранными яз. Уже эти сведения поясняют склонность раннего К. к верлибру.

За первые 5 лет К. напис. всего 17 стих. Выбранные уже на нач. этапе размеры вполне соответствуют динамике стих.: в них нет сюжета как такового, но каждое — повествование о конкретном персонаже, вполне опр. лице (**«Сергей Парамонов»**, **«Анна Васильевна Ступина»**, **«Гектор сказал Андромахе»**, **«Двух моих знакомых зовут одинаково: "Петя"»** и др.). К. предпочитает спокойный ритм, наиболее приближенный к разговорной речи, монологич. форму повествования. Свободный стих К., как и верлибр 1960–80-х вообще, «держится в произведениях медитативного содержания со спокойными и непринужденными интонациями или, наоборот, с отрывистым афористическим стилем (не без влияния переводов из восточной поэзии)» (Б. Гаспаров). Мотив свободы в лирике К. коррелирует с выбранной поэтом стихотворной формой.

В дальнейшем К. отходит от верлибра и ненадолго возвращается к нему лишь спустя 10 лет, в 1970-м, разрабатывая все эти годы более урегулированные вольные дольник и тактовик преимущественно с более короткими интервалами. Именно такой тип, возрождающий ритм конструктивистов, появляется в 1950-х у некот. поэтов.

Если говорить о классич. размерах, то доля двусложников К. превышает долю трехсложников почти вдвое. Причем в большинстве произведений К. обращается к ямбу, хореем же написано всего одно. Практически все двусложники написаны вольными размерами, хотя ни вольный ямб, ни вольный хорей не получили развития в это время. И если к вольному хорею К. не обращается ни разу, то вольный ямб, напротив, занимает лидирующие позиции не только среди двусложников, но и среди всех классич. размеров. Этот же размер является ведущим у поэта и во всем метрическом репертуаре.

Среди анапестов можно встретить такие редкие сверхдлинные размеры, как, напр., 10-стопный и 11-стопный анапест. Эти размеры, как и большинство длинных стихов К., цезурованы. И перед цезурой нередко появляются 1-сложные или 2-сложные наращения, предельно затемняющие опознание классич. метра. В стихотворении **«Ах, как жаль, что не едешь ты в Ригу, Володя»** встречается весьма редкое употребление трех цезур в одной строке.

Крайне интересна диахрония стиха К. В тв-ве К. отчетливо выделяются четыре периода: первый — ранний (1955–59), который характеризуется, как уже было отмечено выше, довольно высоким процентом верлибров по сравнению с остальными периодами.

Второй период (1960–71), в который входит три пересекающихся цикла стихов, можно назвать периодом ямбов, значительно превышающих объем всех остальных размеров. Свободный же стих здесь сходит на нет, осваиваются новые вольные метры, осуществляется переход от верлибра к большей урегулированности.

Третий период (1972–79) характеризуется спадом творч. активности. Примеры размеров, представленных в предыдущих периодах, единичны.

Четвертый период (1980–83) — напротив, период крайне высокой творч. активности К. Именно в эти

годы написана половина его стихотворений, представлены почти все размеры.

Т. о. к концу жизни К. проявляет себя не только как «верлибрист», но и мастер, успешно освоивший новые типы стиха и уложивший всю свободу русского языка в столь же вольные формы, будь то оригинальные тексты или подражание восточной лирике, к которой поэт часто обращается в последний период (цикл **«С японского»**).

В заключительном периоде тв-ва появляется и значительное кол-во рифмованных произведений, рифмовка его стих. преимущественно вольная, что придает особый колорит и обособленность строфическим, а точнее, астрофич. моделям. Правило альтернанса не соблюдено ни разу, однако часто встречаются произведения на одну женскую, или, реже, дактилич. рифму.

Вместе с тем, тавтологические рифмы и рефрены составляют значительную долю всех рифмующихся строк, напр.: «Это Константин Альфредович / здесь отсутствующий / там отсутствующий / везде отсутствующий / кроме как в моем сердце»; «Пей, веселись: / двадцатое февраля. / Пей, веселись: / двадцать такое-то февраля. / Пей, веселись: / двадцать такое-то февраля. // Двадцать такое-то февраля. — / плакать еще рано. / Пей, веселись: / март еще далеко»; «Или, / если можно, / помогите. / Или, / если можно, / рассудите. / Или, / если можно, / посмотрите». В репертуаре К. встретим и диссонансную рифму (пива — влево — вправо), и диссонансную с паронимическим созвучием анлаута в предударной части (надежда — надёжных). Но в то же время встречается и точная (птица — боится, борец — кузнец). Внутренние рифмы играют немаловажную роль в поэзии К.

Незадолго до смерти (умер от рака в возрасте 48 лет) подготовил итоговую кн. стихов, кот. в 2000 изд. В. Уфляндом. Рукописи К. хранятся у вдовы — Маргариты Разумовской, по словам кот. «до сих пор опубликовано около одной седьмой части его наследия». Любопытно, что незадолго до смерти К. прибегал к жанру эпитафии — его эпитафии грустны и ироничны. «Широкому читателю его эпитафии мало известны, а между тем, они оригинальны и талантливы: "Давайте я умру. / А там посмотрим,— / Как все будет дальше" <22.12.1982>. "В окно мое / чуть слышно / постучали. / Я выглянул,— / но было поздно.. / Наверно,— / ангелы печали. / Но почему — / так робко? / Они еще не так стучали. / А если /ангелы надежды, / то почему — / так поздно!". Верлибр оказался вполне уместен в жанре эпитафии» (В. Пронин).

Посмертные публикации К. появлялись в ж. «Лит. обозрение», «Аврора», «Арион» , антол. «Поздние петербуржцы» и «Самиздат века».

Критика 1990—2000-х высоко оценивает поэзию К. Как отмечает И. Ахметьев, «вероятно, со временем творчество Кулле будет рассмотрено в контексте развития русского свободного стиха. И в этом смысле он, по нашему убеждению, одна из центральных фигур».

Соч.: Стихи // Синтаксис. 1960. № 3; Стихи // Грани. 1965. № 58; Стихи // «И снова зовет вдохновение...». Л., 1962; Стихи // День поэзии. Л., 1963, 1966, 1989 (послесл. В. Уфлянда); У Голубой лагуны: Антология / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 1; Стихи / Публ. и предисл. В. Уфлянда // Митин ж. 1985. № 6; Стихи / Предисл. В. Топорова // Смена. 1990. 9 дек.; Стихи // Верлибр: Антол. русского верлибра / Сост. К. Джангиров. М., 1991; Стихи // Аврора. 1991. № 8; Стихи // Новый ж. СПб., 1994. № 1; Стихи // Поздние петербуржцы: Поэтич. антология / Сост. В. Топоров. СПб., 1995; Стихи // Самидат века / Сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, В. Бахтин, Н. Ордынский. М.; Минск, 1997; Стихи // Лит. обозрение. 1997. № 5; Верлибры / Сост. и послесл. В. Уфлянда. СПб., 2000; [Стижи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Уфлянд В. Поэт Сергей Кулле // Митин ж. 1985. № 6; Уфлянд В. Могучая питерская хворь // Звезда. 1990. № 1; Разумовская М. Стороны света // Аврора. 1991. № 8; Лосев Л. Тулупы мы // НЛО. 1995. № 14; Айзенберг М. Лит-ра за одним столом // Лит. обозрение. 1997. № 5; Разумовская М. Сергей Леонидович Кулле (1936–84) // Лит. обозрение. 1997. № 5; То же // Петрополь. 1997. № 7; Уфлянд В. «Если Бог пошлет мне читателей...». СПб., 1999; Ахметьев И. Ещё подействует // Арион. 2001. № 1; Самиздат Л-да. 1850-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

С. Бутовская

КУ́ЛЬБУШ Екатерина Андреевна [19.1.1961, Л-д] — поэт.

Мать — детский врач; отец оставил семью, узнав, что его дочь родилась слепой. По окончании средней школы, К. закончила ЛГПИ им. А. Герцена, фак-т дефектологии с красным дипломом. По окончании ин-та работала учителем в школе для слепых, занималась науч. работой, неск. лет жила в Англии. Позднее — менеджер по продаже мед. оборудования.

Член СП России (с 1999), лит. мастерской Ю. Шестакова и ЛИТО В. Лейкина, пост. автор альм. «Царское Село», «Гармония» «Русский мир», «Рог Борея» «День поэзии», «Окно», «Синий апельсин», «Всерусский собор», стихи К. печ. в газ. «Лит. Петербург», ж. «Нева».

Стихи нач. сочинять в 4 года (сохранились сделанные бабушкой записи), посещала детское ЛИТО «Дерзание» при лен. Дворце пионеров, но никогда не считала своё увлечение поэзией серьёзным занятием, поэтому впервые опубл. стихи К., напис. на заказ, **«Знаки зодиака»** в кн. С. и В. Веташей «Искусство астрологии» в 1994. Перв. сб. стихов **«Мечты и звуки»** был издан в 1997 (в сб. имеется ссылка на то, что назв. заимствовано у Н. Некрасова), этим К. подчёркивает и свою преемственность по отношению к классич. лит-ре, и свою готовность принять неудачу. Превалирующую часть сб. составляет серия стих., посвящённых великим личностям истории, среди кот. Ньютон, Наполеон, Пушкин, Сафо,

Кант, Энгельс, Микеланджело, Шекспир и др., при этом автор совсем не ставит перед собой задачи нарисовать портрет того или иного персонажа, а напротив опирается на всем изв. факты, мифы, сплетни (Ньютону упало яблоко на голову, Микеланджело зарезал своего натурщика), так что читатель общается не с подлинным героем, а со своим стереотипом представлений о нём, т. е. в конечном счёте с самим собой, со своим внутренним миром. К. показывает, что каждый человек, чувствующий, страдающий, ищущий, бесценен. Заметное место в этой кн. занимает цикл **«Венера»**, состоящий из 4-х стих., по существу — единый ряд образных ассоциаций. В этом цикле К., мастерски владея метафорой, показывает динамику развития сферы чувств человека, не привязывая их к какому бы то ни было лирич. герою. «На поэтическом небосклоне зажглась ещё одна звезда»,— приветствует появление кн. А. Яковлева в ст. «Звёзды не роскошь». Ей вторит Г. Муриков: «Неожиданно ярко на поэтическом небосклоне Петербурга восходит звезда Екатерины Кульбуш. Молодой поэтессе в высшей степени присуще то качество, которое Бунин назвал "лёгким дыханием"». В своей статье критик отмечает «многослойность символики и неожиданное смещение ракурсов восприятия поэзии Кульбуш... тонкую, едва заметную иронию... высокую точность слова, как образа, так и символа... изящество и элегантность, даже салонность в самом лучшем смысле этого слова... предельную углублённость в самую суть вещей, в их душу» (Петерб. прорыв). Будучи представленным СП России, сб. получил высокую оценку, и в 1998 К. издаёт новую кн. — **«День проливания слёз»**. По сравнению с первой, являющейся как бы театром одного актёра-автора, в этом сб. лирика автора начинает приобретать гражданственную направленность, автор пытается проанализировать неоднозначность своих чувств, отражающих драматич. период в судьбе России 1990-х годов: **«Слово о полку Игореве»**, **«Чудские озёра»**, **«Родина»**, появляются стихи религиозного содержания, в которых поэтесса с предельной искренностью и беспощадностью к самой себе раскрывает свой путь поиска Бога, и этот путь ещё очень далёк от завершения: «Боже, если Ты есть, помоги мне в безверье моём, / поддержи, как врага, а не то я могу усомниться». Сборник **«Фианит и немного правды»** вышел в свет в 2000. К. всё меньше фантазирует, всё увереннее взаимодействует с реальным миром, её лирич. героиня от слов переходит к делу: забивает гвозди, попадая при этом по собственным пальцам, делает аборт, пытается совершить самоубийство и т. д. К. не стесняется т. н. «неудобных» тем, не боится обращаться к конкретным, современным ей политич. событиям: гибель подлодки «Курск», штурм Грозного, теракты в моск. метро. В ст. «Свет чудесного кристалла», посвящённой выходу этой кн., Б. Краснов пишет: «Кульбуш... пытается во многих случаях удачно оживить искусство, сделать театр поэзии жизнью... Она стремится через стихи пережить множество судеб, искупив, таким образом, несовершенство судьбы собственной. Её стихи сослагательны по замыслу и экстремальны по исполнению... это преодоление бытовухи, стремление через жизнь прорваться к бытию». В 2005 выходит сб. **«Прошлогодний снег»**, положительно встреченный критикой. В ст. «Предчувствие новых людей» Ю. Лукомская отзывается о кн. как о «...вечном поиске, совершенствовании себя в самой себе и всего остального мира в себе». В «Прошлогоднем снеге» поэзия К. обретает звучание нового философского обобщения: «Поглядеть бы в глаза наступившей весне, / Только мальчик соседский полгода в Чечне... / А заметил бы Плейшнер цветок на окне / всем нам было б хоть чуточку легче». И. Важинская в литературоведческом исследовании говорит о поздней поэзии К так: «...литературная героиня Е. Кульбуш говорит от имени "мы", от имени поколения». Степень худож. обобщения такова, что, кажется, она говорит обо всех нас. Она помогает читателю разматывать клубок ассоциативных нитей, вытягивая из собств. прошлого ряд воспоминаний».

Одной из основополагающих тем тв-ва К. является тема взаимоотношения поэта и поэзии и шире — загадка тв-ва в целом. Но если в рамках ранних произведений эта тема раскрывается рядом простых, хотя и ярких предметно-образных ассоциаций **«Поэт»**, **«Поэзия»**, **«Нынче день проливания слёз»**, то в более поздних стих. К даёт недвусмысленные оценочные характеристики своему тв-ву: «Не по грехам судите. По стихам / Я просто дрянь, когда они плохие». «Стихи сочинят меня, и хожу по земле я / как будто немного моложе, красивее, злее». Посл. стихи К., представленные в сб. **«Петербургский квадрат»** (2010), проникнуты настроением тяжёлого душевного надлома, поисками выхода из тяжёлой жизненной ситуации: «Самые близкие люди порою наносят нам / самые страшные, неизлечимые раны...».

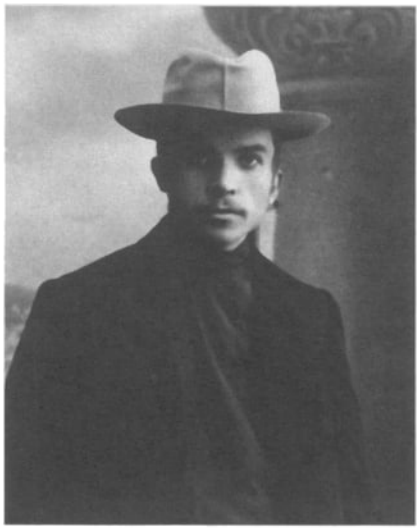
Соч.: Мечты и звуки. СПб., 1997; День проливания слёз. СПб., 1998; Фианит и немного правды. СПб., 2000; Петерб. квадрат. СПб., 2010.

Лит.: Яковлева А. Звёзды не роскошь // Октябрьская магистраль. 1997. № 186; Муриков Г. Петерб. прорыв // Лит. Петербург. 1998. № 5; Краснов Б. Свет чудесного кристалла (о кн. Е. Кульбуш «Фианит и немного правды») // Лит. Петербург. 2001. № 5; Важинская И. Гармоническая алгебра // Гармония. 2009. Вып. 1; Лукомская Ю. Предчувствие «Новых людей» (о кн. Е. Кульбуш «Прошлогодний снег») // Гармония. 2009. Вып. 1; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Ахматов

КУ́МОВ Роман Петрович [21.11 (3.12).1883 (по др. источникам — 21.11(3.12).1885; 25.12(7.12).1886), ст. Казанская Усть-Медведицкого округа Обл. Войска Донского — 20.2(5.3).1919, Новочеркасск] — прозаик, драматург.

Из донских казаков. Отец — почетный мировой судья, действ. статский советник. В 1889 семья переехала в ст. Усть-Медведицкую (с 1933 — г. Серафимович Волгоградской обл.). К. учился в местном духовном училище (1894–99) и Новочеркасской (Донской) духовной семинарии (1899–1905), кот. окончил по перв. разряду со званием студента семинарии, и поступил на юридический фак-т Юрьевского (ныне Тартуский) ун-та. Через год перевелся на юридический фак-т Моск. ун-та, откуда в 1910 был выпущен кандидатом прав. По свидетельству Ф. Крюкова, К. всегда «с благодарностью вспоми-



нал то хорошее, что дала ему» Москва и «ее университет, ее церковки, ее театры, литературные кружки...» (Донская волна. 1919. 3 март.). Глубокий след в памяти К. оставил В. Ключевский, пробудивший в молодом писателе интерес к русской истории (см. рассказ **«Пророчество»** (Донская волна. 1919. 27 янв.), написанный на основе воспоминаний о знаменитом историке). Увлеченный этнографией и фольклором донского казачества, К. «усиленно собирал бытовые материалы, казачьи песни и легенды, остатки старины, впечатления на местах, для чего предпринимал специальные поездки в глухие уголки северных округов Дона» (Серапин С. [Пинус С.] Крюков и Кумов // Казачьи думы (София). 1922. 5 март.). После окончания ун-та К. вернулся в Усть-Медведицкую, где преимущественно и жил до 1918, бывая наездами в М. и СПб. С осени 1911 служил присяжным поверенным в г. Сарапуле Вятской губ., куда приезжал раз в год. В Первую мировую войну (кон. 1914 — нач. 1915) был мобилизован и направлен на фронт санитаром.

Печ. начал «в младших классах семинарии в донских газетах и петербургских религиозно-философских ежемесячниках» (**Автобиография**. 12 июля 1913 // ИРЛИ. Ф. 377). Позднее сотрудничал во мн. ж. и газ.: «Отдых христианина» (1904–16), «Трезвая жизнь» (1905–14), «Известия СПб. епархии» (1906), «Слово» (здесь К. познакомился и близко сошелся с писателем И. Леонтьевым-Щегловым, о кот. позднее рассказал в своих воспоминаниях **«Подвижник слова»** // Историч. вестник. 1913. № 12), «Жизнь для всех» (1910–18), «Светоч» (1910–12) и др. Оценивая отд. рассказы К. (**«На родине»**, **«Свадьба»**, **«Учительница»**), опубл. в газ. «Слово», Д. Шестаков, наряду с влияниями (А. Чехов, Н. Гоголь), отмечал у автора «свой слог», «умение в скудном, на первый взгляд, психологич. сюжете развивать незаурядную по тонкости психологию», стремление «найти в серой обыденщине золотые руды истинно человеческой жизни» (Слово. 1907. 22 нояб.). Рассказ К. **«В гостях у батюшки»** (1907) рецензент «Церковно-общественной жизни» (1907. № 43) относил к «числу лучших художественных произведений <...> о нашем духовенстве», в котором «с неподражаемым мастерством передана поэзия простой безыскусственной религиозной веры народной, схвачен колорит тихой сельской жизни, сосредоточившей около своей маленькой церковки все свои надежды и упования». Судьбе духовенства в годы назревавшего кризиса православия посвящены мн. рассказы перв. сб. К. **«Бессмертники»** (1909, составлен А. Миртовым), кот. он заявил о себе как о писателе духовно-религиозной ориентации. К. создает галерею «тихих подвижников» православной веры, искренно и самозабвенно служащих идее духовно-нравственного преображения жизни. Герои произведений К. — монах о. Всеволод (**«Цветы жизни»**, 1908), о. Георгий (**«Отец Георгий»**, 1906), о. Василий (**«Степной батюшка»**, 1907), о. Николай, учительница Сонечка (**«Учительница»**, 1907), казачка Маланья (**«В степи»**, 1909) — это люди, «нередко надломленные бурей жизни, страдающие, но черпающие силу в самих себе, в заветах Христа». К. считал, что «нет на свете ничего чудеснее, святее, трогательнее тоски по тому, что высоко-высоко, и зажечь другую душу огоньком этой тоски — это значит послужить <...> большому человеческому идеалу» (Смоленский Н. Отголоски жизни и лит-ры // Отдых христианина. 1912. № 10). В рассказах К. «много глубокой истинной поэзии и искреннего чувства,— писал рецензент «Нивы»,— и как доминирующая нота в них царит выстраданный и горячий порыв к небу, вечной истине и добру» (Нива: Ежемесячное лит. и популярно-науч. приложение. 1909. № 6). Задумываясь над смыслом русской национально-ист. жизни, К. обращался к теме чуда как явления, органично связанного с церковью (**«Стояние»**, 1906; **«Игумен Иосаф»**, 1907). «Только чудо спасет Россию, о чуде надо молиться»,— говорит о. Лев, герой рассказа «На родине». Образ церкви у К. сближен с образом донской степи («Наша степь полынная — это храм»,— писал К. Севскому [В. Краснушкину] 23 февр. 1916 // Донская волна. 1919. 3 март.). Степь, куда вынесено действие мн. рассказов К.,— Господня земля, освещенная светом Преображения. Ряд произведений, вошедших в сб. **«Бессмертники»**, построен на материале раннехристианских преданий (**«Сказание о старце Зосиме и Марии из Египта»**, 1907; **«Нилена из Рима»**, 1908). Создавая образы подвижников веры, К. нередко выбирал библейский сюжет, донское предание.

В 1913 выходит втор. сб. рассказов К. — **«В Татьянину ночь»**, посвящ. памяти В. Комиссаржевской. Критика единодушно усматривала в кн. изв. зависимость К. от Чехова: «Автор весь во власти чеховских сумеречных настроений <...> часто сбивается на мало занятный анекдот» (Кр<анихфельд> Вл. [Рец.] // Совр. мир. 1913. № 2). В то же время рецензенты отмечали, что К. «умеет писать просто и кратко о страшной русской жизни, тому свидетелями рассказы “Песня”, “Ученый”, “Несчастье”, “Проповедь” — настоящие темы азиатской нашей действительности» (З-в А. <Горький М.> [Рец.] // Современник. 1913. № 7). Критик «Пути» (1913. № 3) писал об «остроте подлинной жизни, которую автор рисует мягкими, грустными красками...» В. Поссе подчеркивал, что К. «улавливает огоньки бессмертные, зажигающиеся в обывательской жизни. Болезненно сжимается его сердце, когда гаснут эти огоньки от недостатка чистого воздуха» (Жизнь для всех. 1913. № 1).

В 1915 в Пг. вышло 2-е изд. (с измененным составом) сб. «В Татьянину ночь» под назв. **«Очерки и рассказы»**, доброжелательно встречен-

ное критикой. Религиозно-философская проблематика в кн. получила дальнейшую разработку. Пустоте и бессмысленности существования безрелигиозной интеллигенции, тупикам жизни» («**Историч. сюжет**», «**Несчастье**», оба — 1911) К. противопоставлял людей, вставших на путь истинно духовного подвижничества («**Иван Ступин**», 1909). О своеобразии творч. манеры К.-рассказчика близко знавший его донской литератор С. Пинус писал: «Кумов — романтик. Бытовое содержание его рассказов всегда погружено в проникновенный идеализм и куда-то зовущее раздумье и настроение. Идею, мечту, психологическую загадку, а не факт кладет К. в основу не только содержания, но и фабулы своих произведений» (Казачьи думы. София, 1922. 5 март.). Религиозно-философские проблемы К. решал и в драматургии. В 1916 появляется драма «**Конец рода Коростомысловых**» (1916; первонач. вар. — «**Голос крови**», 1913). Во главу угла в ней поставлена проблема соотношения мирского и духовно-религиозного начал в земной жизни человека. Род Коростомысловых, к кот. принадлежит гл. герой пьесы — камский лесопромышленник Кузьма Коростомыслов, соединил в себе две борющиеся стихии: по мужской линии — широту, идущую от волжской разбойничьей удалой вольницы, предприимчивость и деловитость, по женской линии — устремленность к смирению, религиозному подвижничеству. Бунт Кузьмы против Бога (нарушил христианское «не убий») оборачивается смирением и признанием суда Всевышнего над собой. Конец рода Коростомысловых воспринимается как символ победы духа над капиталом и одновременно начало новой генерации людей, устремленных через покаяние к Богу. Среди др. драматургич. опытов К. («Нилена из Рима» — мистерия в 5 картинах; «**Дочь земли**», обе — 1915) пьеса «Конец рода Коростомысловых» явилась большой творческой удачей К. На II конкурсе А. Островского в 1916 она получила перв. премию и была поставлена театрами М. и СПб. С момента появления сб. «В Татьянину ночь» дарование К. было замечено Горьким, который помогал ему как начинающему автору и привлек к сотрудничеству в ж. «Летопись», где увидели свет повести «**Завещание**» и «**Малаша с Перекопских гор**» (обе — 1917), свидетельствовавшие о стремительном росте мастерства донского писателя.

Примыкавший к лагерю донских демократов, К. с надеждой встретил Февральскую революцию, однако ожидания его вскоре сменились тревогой: «...Что-то и на Дону зловеще, как перед грозой <...>, если не будет Учредительного Собрания, всем нам, казакам, придется садиться на коней...» (Донская волна. 1917. 3 март.). Октябрьскую революцию К. не принял. В годы Гражданской войны на Дону он сотрудничал в белогвардейской прессе (преимущественно в ж. «Донская волна»). «Главной задачей моей теперешней работы,— писал К. Севскому в нояб. 1918,— пробудить и поддержать, насколько можно, во впавшем в смертное безразличие русском обществе дух веры в себя и в свои судьбы <...>, ибо я верю на самом деле глубоко в русский народ и в особый его жребий на земле несмотря ни на что» (Донская волна. 1919. № 10). К. не был донским сепаратистом, выступал за идею «единой и неделимой России»: «Дон без Великороссии я не мыслю и не чувствую» (Там же). Умер К. от тифа на больничной койке в Новочеркасске. По словам его друга Ф. Крюкова, К. «работал скромно, бескорыстно», его «подвиг жизни совершался не на боевом поприще, а в бессонном уединении рабочей, заваленной бумагами комнате...» (Донская волна. 1919. 3 март.). При погребении он был удостоен высоких воинских почестей Войскового Круга как национальный писатель Дона. Неизданными остались подготовленные К. к печати тома рассказов «Малаша с Перекопских гор», «**Ясмень-трава**», пьесы, роман «**Пирамида**» («**Святая гора**») о Гражданской войне на Дону; роман был закопан писателем в Усть-Медведицкой накануне захвата ее красными.

Соч.: Бессмертники. СПб., 1909; Греза и поэт: Сказка. СПб., 1910; Цветы на стеклах: Сказка. СПб., 1910; Святая ночь: Весенний этюд. [СПб., 1910]; В Татьянину ночь. СПб., 1913; Очерки и рассказы. СПб., 1915; Лиза: Рассказы. М., 1916; Конец рода Коростомысловых. Пг., 1916; Игумен Иосаф: Донское предание. Пг., 1917; Письма В. Севскому. 1916–18 // Донская волна. 1919. № 10; История одной любви / Публ., вст. ст. В. Запевалова // Новый ж. СПб., 1997. № 4; Избр. Волгоград, 2008.

Лит.: Кумов в «Донской волне» // Донская волна. 1919. № 10; Крюков Ф. Р. Кумов // Донская волна. 1919. № 10; Сургучев И. Делающий имя стране // Донская волна. 1919. № 10; Севский В. Степной брат: Листки воспоминаний // Донская волна. 1919. № 10; Севский В. Кумов-писатель // Донская волна. 1919. № 11; Воротынский Д. Р. П. Кумов // Вольное казачество. Прага, 1931. № 75; Горький и сов. писатели. Неизд. переписка. ЛН. Т. 70. М., 1963; Шумов В. Свидетель правды // Лит. Россия. 1981. № 43. 23 окт.; Сатарова Л. Донское казачество в прозе рубежа XIX–XX вв. М., 1992.

В. Запевалов

КУ́МПАН Елена Андреевна [20.1.1938, Семипалатинск (Казахской ССР) — 17.8.2013, СПб.] — поэт.

Родители, Чехович Екатерина Дмитриевна и К. Андрей Семенович,— геологи, выпускники лен. Горного ин-та. Работали в Казахстане. Детство К. прошло в экспедициях. Позднее она опишет свой перв. экспедиционный, в т. ч. и военный, опыт в «**Дневнике моего детства**» — первой прозе, кот. будет напеч. в ж. «Пионер» в 1969 и посвящ. уже ее собств. детям. В конце войны семья вернулась в Л-д. Здесь К. пошла в школу, после окончания кот. (в 1955) поступила в Горный ин-т. Пошла по стопам

родителей, хотя еще в школе проявляла интерес к лит-ре и истории. В те годы в Горном ин-те работало ставшее впоследствии знаменитым ЛИТО под рук. Гл. Семенова. По словам К., ей так понравились его участники и то, чем они занимались, что она бросилась писать стихи, лишь бы только иметь возможность ходить на занятия. Вскоре К. влилась в дружную компанию «Глеб-гвардии Семеновского полка», куда уже входили горняки В. Британишский, А. Городницкий, Л. Агеев, О. Тарутин, Л. Гладкая, Л. Гольдман (Глебова), Л. Куклин (и др.) и «пришлые» Г. Горбовский, А. Кушнер, Н. Королева... Почти одновременно с К. в ЛИТО пришли ее однокурсники — А. Битов, Я. Виньковецкий, Э. Кутырев. В 1956 вышел перв. сб. стихов участников горняцкого ЛИТО. Туда стихи К. еще не вошли. Они были вкл. во втор. сб., кот. вышел на следующий год, в 1957, тут же был запрещен и рассыпан. Эта история подробно опис. К. в эссе «**Аутодафе во дворе Горного института**». Вслед за аутодафе последовал роспуск ЛИТО и увольнение его руководителя. Вскоре Гл. Семенов создал новое ЛИТО, на сей раз при ДК им. Первой Пятилетки, где ряды старой «гвардии» пополнили Я. Гордин, В. Попов, В. Соснора, Т. Галушко, Н. Слепакова, Г. Гампер, Г. Плисецкий, Н. Карпова, В. Халупович и др. К. актив. участвовала в работе ЛИТО, выступала на популярных в те годы турнирах поэтов, поэтич. вечерах, ездила на конф. молодых писателей Северо-Запада. Печ. стихи в ж., сб. «Молодой Л-д» и «День поэзии». И ровесники, и люди старшего поколения — Л. Гинзбург, Т. Хмельницкая, переводчики Э. Линецкая и О. Савич, о счастье и чести общения с кот. К. впоследствии напишет ряд превосходных очерков,— очень тепло отзывались о ее поэзии, отмечая тонкий лиризм, естественность и точность поэтич. детали. Так, лен. критик Т. Хмельницкая в письме к К. от 27.6.63 пишет: «...спасибо за <...> стихи, в кот. "погода" совсем Ваша, Ваши тревога и тишина, и произрастание от корня до кроны. В них — глубоко и прозрачно; они живут и дышат, и бормочут — лесной ручей. До удивления верно про камень, который "вот уже столько лет меня не замечает", и совсем живую сосну с по-человечески обугленной душой <...> Только бы Вам не потерять в стихах и в жизни — "черты естественности той..."» (Из архива К., цит. по «Ближний подступ к легенде»). Но старшие друзья — «наши старики», как любовно называет их К.,— не только щедро раздавали похвалы, но и делились советами и секретами мастерства. Так, О. Савич, изв. моск. переводчик, участник испанской войны, пишет в письме к К. от 30.10.63, что, обладая собств. интонацией, К. не всегда «отделывает» стихи, не всегда «владеет мастерством»: «Выбор слов <...> должен быть естественным, но отнюдь не небрежным. Например: "Я душу всю навылет увидала". Навылет ранят, навылет не видят. <...> Это не придирка, это упрек в том, что взято первое подвернувшееся, неточное слово. <...> А "но как перенести еще любовь / И как мне пережить тебя... Нет мочи" — это удивительно хорошо. А когда читаешь подряд, слышны (для читателя) два перемежающихся голоса: Ахматовой и Ахмадулиной. И это обидно, потому что у Вас есть и свой голос, и своя тема, и своя боль и вовсе нет ахматовщины и ахмадулищины» (Там же). Правда, позже, в 1964, он же шутливо признается: «Вы скоро дорастете до облаков и даже пробьете их и подниметесь к солнцу. <...> Я твердо решил дожить до того, как Вы войдете в славу» (Там же). Высоко ценила стихи К. и Л. Гинзбург, кот. в 1960-х хлопотала об издании ее кн. Книга К. никак не проходила по причине глубокой лиричности и даже интимности составлявших ее стихов, «очень грустных и печальных», как отозвалась о них В. Кетлинская, к кот. Гинзбург обратилась за поддержкой. Наконец, по просьбе изд-ва «Сов. писатель» Гинзбург написала внутреннюю рец., где, как с изумлением и благодарностью позднее обнаружила К., на примере ее «утлой книжечки» объяснялось, «что такое есть лирика!» (Там же). В 1968 вышли «**Горсти**» — первый и единств. сб. стихов К. «Замечательный лирик, издавший всего одну книжку...» — охарактеризовал К. Андрей Битов в эссе «Мы были прозваны "почвенниками"» (цит. по «Под Воронихинскими сводами». СПб., 2003).

В 1970-е К.оставляет геологию и начинает работать экскурсоводом в Летнем дворце и Домике Петра I, потом в Городском экскурсионном бюро. Активно занимается петерб. краеведением и историей петерб. культуры. После смерти в 1982 своего мужа, Гл. Семенова, разбирает его архив и постепенно, на протяжении почти двадцати лет, издает ранее не публиковавшиеся по цензурным соображениям стихи, снабжая их ценными комм. «свидетеля событий». Параллельно пишет мемуарную и автобиограф. прозу, кот. печатает в ж. и сб. «Аутодафе во дворе Горного института», «**Вспоминая Лидию Яковлевну**», «**Наши старики**», «**Поговорим о странностях цензуры**»... Эти эссе составят впоследствии остов кн. воспоминаний «**Ближний подступ к легенде**». Наряду с ними в кн. войдут воспоминания об И. Бродском и Я. Гордине, Гл. Семенове и К. Косцинском, И. Щеголевой и М. Юдиной, о «невстрече» с Ахматовой. Воспоминания о людях перемежаются проникновенными строками о родном городе, Комарове, Печорах. Завершают кн. «записки экскурсовода» — забавные или грустные анекдоты из профессиональной жизни. Сама К. так определила пафос кн.: «Жизнь моего поколения стремительно несется в прошлое, а я все продолжаю заботиться о том, чтобы это прошлое "быльем не поросло", а главное — "не обросло легендой или сплетней". То и дело заглядываю в старые тетради и вытаскиваю свидетельства *тех* лет и *той* нашей жизни». Безусловным достоинством кн. является то, что К., не надеясь на свою память, постоянно обращается к документальным источникам: старым записным книжкам и письмам, которые обильно, не скупясь, цитирует. И пусть кто-то воспримет характерные для этого «симпатичного и насыщенного текста» «незримый легкий пафос, ностальгию и бесконечное прямодушие, достойное питомцев прежних, "благородных" времен», как «тургеневщину хрущевского разлива» (В. Аеницкий), а его посыл как просто «хороший поступок <...> порядочного человека, который не стремится "говорить красиво", <...> не пытается выставить себя напоказ, описывает с любовью и ностальгией и "ста-

риков" <...> и своего литературного наставника Глеба Семенова, и, конечно же, молодую буйную поросль...» (НГ Ex Libris. 2005. 12 мая), но мы скорее согласимся с др. рецензентом, который, утверждая, что «литературный быт — вещь очень важная», пишет: «Исследовать его необходимо, чтобы понять время, контекст литературы и исторических событий. Мы многое знаем о поэтах-фронтовиках, и мы почти ничего не знаем о литературном быте шестидесятых и семидесятых. <...> Участники событий [описанных в кн. К. — *Л. С.*] не были диссидентами и борцами, но они были наследниками и "сберегателями" традиций, которые передавали им старшие» (А. Борисова // Novaya Gazeta.SPB.ru. 2005. № 16, 3–9 март.). Кн. «Ближний подступ к легенде» — важное и достоверное свидетельство того, как эта «передача» происходила.

Соч.: Стихи // Молодой Л-д: Сб. М.; Л., 1965; Стихи // День поэзии: Сб. Л., 1965, 1967; Горсти. Л., 1968; Дневник моего детства // Пионер. 1969. № 5; Поговорим о странностях цензуры // Звезда. 2001. № 4; Вспоминая Лидию Яковлевну // Звезда. 2002. № 3; Наши старики // Звезда. 2004. № 2; Аутодафе во дворе Горного ин-та // Тыняновский сб. № 11: Девятые тыняновские чтения. М., 2002; Ближний подступ к легенде. СПб., 2005.

Л. Семенова

КУ́НДЫШЕВА Эмилия Ароновна [9.8.1947, Свердловск] — поэт, прозаик, детский писатель, журналист.

Окончила Лен. Политехнический ин-т, по окончании неск. лет работала инженером, по профессии физик.

Первая публ. состоялась в 1975 — рассказ **«В пятницу — к маме»** — в сб. «Молодой Л-д». В 1984 вышла кн. детских рассказов в изд-ве «Детгиз» **«У меня к тебе одна просьба»**, в 1989 в изд-ве «Сов. писатель» вышел сб. взрослых рассказов **«Колдуньи»**. В 1994 в серии «Православные святые» вышла кн. **«О чем ты плачешь, Андрей Федорович?»**. Как детский писатель печ. в ж. «Мурзилка», «Искорка», «Костёр». Рассказ **«У меня к тебе одна просьба»** вошел в школ. учебник по лит-ре (1997).

С 1992 стала заниматься журналистикой. Публиковалась в «Общей газ.», «Новой газ.», «Комсомольской правде», «МК в Питере», «На Невском», «Puls», «Литераторе», ж-ле «Город 812».

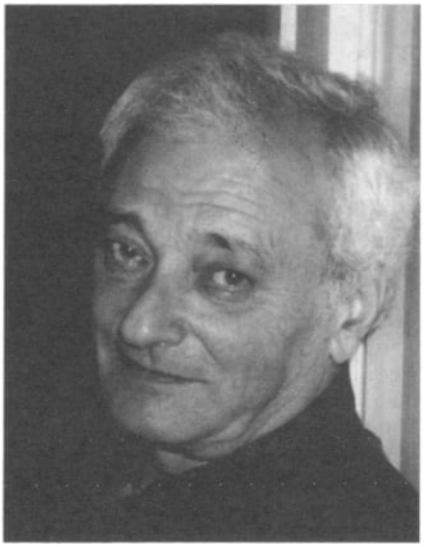
В 1997 получила премию губернатора СПб. «Золотое перо».

Член СП СПб. с 1992.

Соч.: У меня к тебе одна просьба. Л., 1984; Колдуньи. М., 1989; О чём ты плачешь, Андрей Фёдорович? СПб., 1994.

Лит.: Мир петерб. детской книги: Авторы. Переводчики. Художники: Творч. биографии. СПб., 2000; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

КУ́НИН Владимир Владимирович (наст. фамилия Фейнберг) [19.6.1927, Л-д — 4.2.2011, Мюнхен] — прозаик, киносценарист.



Родился в Л-де. Отец — еврей, Владимир Борисович Фейнберг, участник Первой мировой войны, летчик, полный Георгиевский кавалер, кинорежиссер, работал на киностудиях «Ленфильм», Фрунзенской и Алма-Атинской киностудиях. Мать — еврейка, из рода Куниных, умерла во время блокады. Сведения о биографии К. очень скудны и расходятся с его автобиографией. К. часто давал инт., в кот. легендаризировал свою биографию: «...я был беспризорником и на фронт в 1943 году пошел из тюрьмы, где сидел за вооруженное ограбление. <...> Я в своей жизни всегда занимался профессиями, связанными с риском...» (**«Акробат изящной словесности»**). К. — «человек закрученной в комок биографии» (С. Шибаев): «Сам я летал на различных типах военных самолетов с 43-го по 52-й годы. В 19 лет стал командиром звена пикирующих бомбардировщиков "П-2". Был мастером спорта по акробатике, двукратным чемпионом Советского Союза, отработал на аренах всех цирков страны — от Львова до Владивостока и от Мурманска до Ашхабада. Был таксистом, водил 24-тонный грузовик с рефрижератором...». Сведений об аресте К. нет, на фронте не был. Окончил 7 классов средней школы в Куйбышевском р-не Л-да, во время войны был эвакуирован в Среднюю Азию (Алма-Ата). В дек. 1944 в возрасте 17 лет призван в армию и зачислен в Ташкентскую военно-авиационную школу стрелков-бомбардировщиков. В сент. 1945 был откомандирован во 2-е Чкаловское военно-авиационное училище летчиков-наблюдателей (Оренбургская обл.), откуда 15 мая 1946 исключен в связи с неуспеваемостью. Восстановлен в Моск. военно-авиационную школу (г. Серпухов), откуда был отчислен на нарушения дисциплины в дек. 1946. В армии служил до 1951. После демобилизации поступил в Лен. ин-т физической культуры им. П. Лесгафта, откуда был отчислен в 1955 за предоставление поддельных документов (аттестата). В ин-те занимался спортивной гимнастикой. В 1955 получил звание мастера спорта по акробатике. С 1955 по 1961 работал в цирке акробатом-вольтижером, тогда и взял фамилию матери, выступая под фамилией Кунин, кот. стала

творч. псевд. Самыми изв. номерами К.-артиста были номера «Кресло-качалка», в кот. кресло служило подкидной доской, и ханд-вольтиж с артистами В. Волковой и И. Любимовой. В 1961 во время выступления в цирке в Ашхабаде К. получил тяжелые травмы, работу в цирке пришлось оставить. Во время длительного лечения нач. писать.

Лит. дебют К. — рассказ **«Серафима»** о служащей цирка по уходу за животными, скромном одиноком человеке, влюбленном в цирк, все силы и любовь отдающем цирковым животным. Рассказ напечатан в ж. «Сов. цирк» в 1961, после чего К. пригласили работать в ж. С 1961 по 1963 К. — спец. корр. ж. «Сов. цирк», с 1963 по 1965 — реж.-тренер программы «Цирк на арене», одновременно с 1963 по 1966 — корр. газ. «Сов. культура». В 1962 К. напис. сценарий, по кот. в 1964 на студии «Ленфильм» был снят фильм «Я — шофер такси» (реж. Л. Цуцульковский). В гл. роли — Е. Копелян. Фильм был запрещен по идеологич. соображениям (запрет перв. секретаря Лен. обкома КПСС Толстикова за «принижение творч. роли ленинградцев»), пленка была смыта.

В 1966 вышла перв. кн. К. **«Настоящие мужчины»**, в кот. вошли повести **«Я работаю в такси»**, **«Хроника пикирующего бомбардировщика»** и 12 рассказов **«Про цирк и не про цирк»** (среди них **«Иллюстрации Гюстава Доре»**, **«Цирк, цирк, цирк»**, **«Мой дед, мой отец и я сам»**, **«Чокнутые»**, **«Деловой дух нового времени»**, **«Ломбард»**, **«В ожидании митинга»**, **«Партнеры»**, **«Сколько стоит слово правды»**, **«Шалаш»**, **«Сочи — все дни и ночи»**, **«Клад»**). Мн. произведения этого сб. имеют автобиогр. характер, описывают судьбы летчиков и артистов цирка. В 1967 на экраны страны вышла воен. драма реж. Н. Бирмана **«Хроника пикирующего бомбардировщика»** по одноименной повести К., в написании сценария к кот. участвовал автор. В 1967 за повесть «Хроника пикирующего бомбардировщика» К. получил премию ЦК ВЛКСМ и СП СССР им. Н. Островского. Повесть К. до сих пор является одним из самых пронзительных произведений о войне. Маленький эпизод большой войны показывает самоотверженность рядовых бойцов: экипаж самолета П-2 № 115 искал и нашел замаскированный немецкий аэродром и трое друзей-летчиков ценой собственной жизни уничтожили три десятка немецких истребителей. «Короли воздуха» пилот Сергей Архипцев, штурман Веня Гуревич, стрелок-радист Женька Соболевский — «рядовые войны», на самом деле — незаурядные личности (Веня играет на скрипке, Женя — художник), гибель кот. читатель воспринимал как личное горе. Форма «хроники» помогла автору сделать повествование остро динамичным.

В 1968 отд. кн. вышла повесть **«Багаж срочной отправки»**, в 1969 повесть была напеч. в сб. **«Лицо одушевленное»**, куда вошли три повести **«Вендетта»**, **«Лицо одушевленное»**, **«Багаж срочной отправки»**) и три рассказа. В этих произведениях в остросюжетных ситуациях действуют уже знакомые герои К. — артисты цирка и воен. летчики. После выхода в свет сб. «Лицо одушевленное» К. был принят в СП СССР. Писал киносценарии: напис. 35 сценариев худож. фильмов и 13 сценариев докум. фильмов.

В 1982 К. награжден Гос. премией СССР за сценарий к фильму «Старшина».

Одним из самым изв. произведений К. является повесть **«Интердевочка»**, вперв. опубл. в 1988 в ж. «Аврора». Авторское назв. повести в рукописи — **«Проститутка»**. Название как слишком откровенное и скандальное редакция попросила автора заменить. К. придумал эвфемизм «интердевочка», кот. прочно вошел в совр. яз. В этом же году повесть вышла отд. изд. Это было заметное событие в перестроечной жизни СССР, подобная тема никогда раньше не была предметом худож. осмысления, поэтому банальная и простенькая история Тани Зайцевой взяла читателей за живое. Повесть выросла из реального факта и личных наблюдений автора, который в гостинице «Гранд-отель» в центре Варшавы, завтракая, «видел проституток, кот. покупали места у столика, а потом ждали, когда придут иностранцы. Я перезнакомился с ними — и подумал о том, что можно сделать сценарий о любви польской проститутки и водителя-дальнобойщика. Вернулся с этой мыслью в Ленинград». В Л-де К. по разрешению Управления уголовного розыска наблюдал за работой группы милиционеров 4 отдела, задача кот. — защита иностранцев от посягательств и пресечение валютных операций. Группа работала в гостинице «Прибалтийская». Эти мат-лы и легли в основу повести. Повесть опубл. в 23 странах на 17 яз., принесла К. европейскую известность. Тема произведения оказалась востребованной, в 1989 по повести снят фильм «Интердевочка» (реж. П. Тодоровский). Фильм имел колоссальный успех. Следует отметить тенденцию автора к романтизации и увлекательности описания соц. явления как денежной «профессии», установку на развлекательность представления нравств. порока. Гл. героиня оказывается вполне порядочной: она готова всем помочь, стремится к созданию семьи, но нравств. возрождения не переживает. Фильм немало способствовал реабилитации «древнейшей профессии» героини в глазах зрителей. Мн. читатели и критики назвали образ Тани Зайцевой «самым ярким образом современницы 80-х» (Маслова Л. На экран выходит фильм Петра Тодоровского «Интердевочка»), что не соответствует содержанию характера вполне прагматичной потребительницы, выведенной в произведении К.

С 1989 по приглашению немецкого изд. К. работал в Мюнхене, с 1994 К. жил в Германии постоянно. Писал беллетристику, умело улавливал острые темы перестроечной и совр. жизни. Неск. произведений К. посвящ. русской эмиграции: **«Иванов и Рабинович, или Ай гоу ту Хайфа!»** (1992), **«Русские на Мариенплац»** (1993), жанр кот. автор определил как «утешительные сказки для отъезжающих». В кон. 1990-х К. создал цикл беллетристич. повестей о путешествиях петерб. кота Мартына: **«Кыся»** (1998), **«Кыся в Америке»** (1998), **«Кыся в Голливуде»** (1999). Эти произведения многократно переизд. с вариативными назв.

Посл. произведения К. имеют фантастич. характер: **«Мика и Альфред»** (2000), **«Ночь с ангелом»** (2004), **«Путешествие на тот свет»** (2005). Беллетристич. развлекательный автобиогр. роман **«Мика и Альфред»**, по утверждению автора,— «иронично-мистическая вещь» о старом одиноком в прошлом изв. художнике-

карикатуристе Михаиле Сергеевиче Полякове (Мике), ныне 72-летнем пенсионере, жителе Мюнхена, серийном убийце, умеющем убивать взглядом. Единственным другом Мики является оживший из рисунка художника домовой Альфред, кот. видит только создатель. Осн. содержание произведения представляют воспоминания Мики, г.о. о проявлении собств. «мужчинства». В произведения этого периода намеренно включены реальные полит. факты, узнаваемые скандальные события и персоны (напр., описана поездка «хозяина десятимиллионной Москвы <...> в народно-демократической хитроватой кепке» в Баварию), стиль произведений изобилует бранной лексикой, жаргонизмами и просторечиями. Роман «Мика и Альфред» экранизирован в 2010 — «Правосудие волков».

В 2003 неск. глав из романа «Мика и Альфред» изд. К. как самостоятельное произведение — повесть **«Сволочи»**, по мотивам кот. в 2005 снят фильм «Сволочи» (реж. А. Атанесян). Премьера фильма вызвала волну критики. К. в интервью неоднократно подчеркивал, что в основе повести лежат докум. факты собств. биографии — обучение в школе диверсантов под Алма-Атой, куда собирали подростков-преступников (Гавриленко А. Инт. за рюмкой чая). Накануне премьеры ФСБ опровергла факт существования подобной школы. С критич. мат-лами для опровержения выступили журналисты Ю. Фаинов, А. Бойко, С. Шибаев.

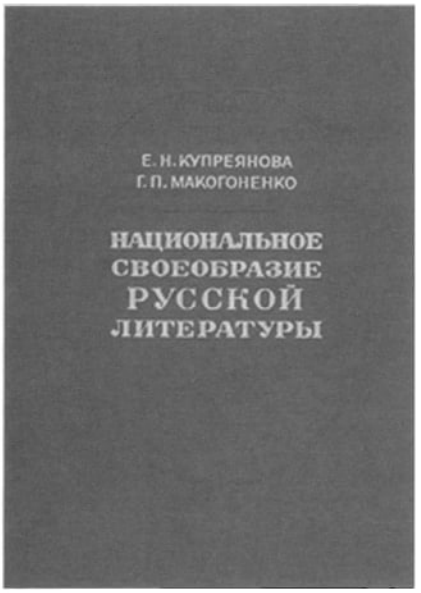
Среди посл. романов К. — **«Птичка»** (2007), **«На основании статьи...»** (2010).

Член Союза кинематографистов России, СП России. Почётн. член Международной ассоциации писателей и публицистов.

Соч.: Настоящие мужчины. М., 1966; Багаж срочной отправки. М., 1969; Пилот первого класса. М., 1974; Привал. Л., 1987; Интердевочка. Л., 1991; Свадебное путешествие. Л., 1991; Иванов и Рабинович, или Ай гоу ту Хайфа! М., 1992; Русские хроники. СПб., 1994; Чокнутые. СПб., 1994; Кыся-2. Н.-Й., 1996; Русские на Мариенплац; Иванов и Рабинович. СПб., 1997; Кыся. СПб., 1998; Кыся в Голливуде. СПб., 1999; Кыся в Америке. СПб., 1998; Это было недавно. СПб., 2000; Мика и Альфред. СПб., 2000; «Это было недавно...». СПб., 2000; Ночь с ангелом. Мюнхен-СПб., 2002; ИнтерКыся: Возвращение из рая. М., 2003; Привал. Ты мне только пиши... Очень длинная неделя. М., 2003; ИнтерКыся: Дорога к «звездам». М., 2004; Трое на шоссе. Воздухоплаватель. М., 2004; Двухместное купе. М., 2004; Сволочи. Коммунальная квартира. М., 2004; Мика и Альфред. Ночь с Ангелом. М., 2004; Русские на Мариенплац. Пилот первого класса. Самолет. М., 2004; Ты мне только пиши... Хроника пикирующего бомбардировщика. М., 2004; Сошедшие с небес. Мой дед, мой отец и я сам. Это было недавно, это было давно... М., 2004; Путешествие на тот свет. М., 2005; Толчок восемь баллов. М., 2006.

Лит.: Кунин В. Окрик секретаря обкома // Сайт об-ва «Дом Януша Корчака в Иерусалиме» / URL: www.jerusalem-korczak-home.com; Маслова Л. На экран выходит фильм П. Тодоровского «Интердевочка» // Сайт «Энц. отеч. кино» (www.russiancinema.ru). 1989, февр.; Гавриленко А. Инт. за рюмкой чая с В. Куниным // От первого лица. 2000. Июл.; Самойлов А. Владимир Кунин. Смертельный риск // Дело. 2005. 28 март.; Фаинов Ю. Совесть на пособии // Моск. литератор. 2005. № 19 (139); Бойко А. Спор вокруг фильма «Сволочи»: А был ли мальчик-диверсант? // Комсомольская правда. 2006. 2 февр.; Калмыков В. В поисках истины // Лит. Россия. 2006. 10 февр.; Владимир Кунин: акробат изящной словесности. URL: www.allabout.ru; Кунин Владимир Владимирович / URL: http://reborn.ru/?contentid=26722; Владимир Кунин. URL: http://lib.rus.ec/a/6741; Шибаев С. Диверсанты, горы, уголовники... короче, «Сволочи» // URL: www.ex-magazine.ru/news/publ/p1–55-svol.html; Кудряц Е. О чем мечтал отец «Кыси» и «Интердевочки»? // Кино-театр.ру. 2011. 4 февр.

Т. Мальцева



КУПРЕЯНОВА Елизавета Николаевна [6(19).8.1906, с. Селище Коряковской вол. Костромской губ. — 31.10.1988, Л-д] — литературовед.

Окончила словесное отд. Высших гос. курсов искусствоведения при Гос. ин-те истории искусств (ГИИИ) в 1929. После окончания работала в различных учреждениях города архивариусом, лаборантом, консультантом в коллекторе массовых биб-к и др. Печ. с 1930. В 1933 принята на учет Лен. группкома писателей.

В ИРЛИ с 1934 по 1936 — мл. науч. сотр. С янв. 1936 по июль 1941 состояла на учете в Лен. группкоме писателей. Занималась лит., консультационной работой, читала лекции о русской классич. и сов. лит-ре в различных библиотечных учреждениях. В июне 1941 эвакуирована в Ярославскую обл. В эвакуации работала в детском лагере лен. Литфонда вначале в Ярославской, затем в Молотовской обл. В 1944–45 преподавала фольклор, древнерусскую лит-ру и лит-ру XIX в. в Молотовском пед. ин-те.

В авг. 1945 вернулась в Л-д. В дек. 1945 зачислена в аспирантуру ИРЛИ. По семейным обстоятельствам вынуждена была отчислиться из аспирантуры и переехать в Ясную Поляну, где с дек. 1946 до конца авг. 1955 работала в яснополянском Лит. музее мл. науч. сотрудником, исполняя с марта 1947 по февр. 1953 обязанности ученого секретаря, с янв. по июнь 1949 — и.о. зам. хранителя музея. Являлась автором экспозиции музея, составила тематич. и экспозиц. планы и путеводитель, вела экскурсионную и лекционную работу. В 1953 защитила канд. дис. **«Молодой Толстой»**. С 1 сент. 1955 — мл. науч. сотр. в Секторе новой русской лит-ры ИРЛИ; с 1 июля 1956 — ст. науч. сотрудник; зав. музеем; с 10 сент. 1959 — ст. науч. сотр. в Секторе новой русской лит-ры; с 17 февр. 1967 — ст. науч. сотрудник во вновь организованном Секторе теоретич. исследований лит-ры ИРЛИ (до апр. 1978). Осн. науч. интересом являлось изучение тв-ва Л. Толстого. 1 июня

1967 защитила докт. дис. «**Эстетика Л. Н. Толстого**». Автор кн. «**Молодой Толстой**» (1956), «**Эстетика Л. Н. Толстого**» (1966) и др. работ о писателе. К. стремилась анализировать тв-во и эстетич. взгляды Толстого в категориях его собств. мышления, в их связи с ист. понятиями эпохи.

Занималась изучением лит-ры XVIII–XIX вв.: тв-вом Е. Баратынского, А. Пушкина, Н. Карамзина, А. Подолинского, И. Козлова и др.; изучением сов. лит-ры. Была ред. ряда науч. изданий. Принимала участие в колл. трудах ИРЛИ: «История русской лит-ры». Т. 5, 6 (М.; Л., 1941–53); «История русской критики». Т. 1, 2 (М.; Л., 1959); «Проблемы реализма русской лит-ры XIX в.» (М.; Л., 1961) и др.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.».

Была невенчанной женой критика Цезаря Вольпе, имели сына.

Архив: ИРЛИ, ф. 835.

Соч.: Дмитриев и поэты карамзинской школы // История русской лит-ры. Т. 5, ч. 1. М.; Л., 1941; Баратынский // Там же. Т. 6. М.; Л., 1953; Молодой Толстой. Тула, 1956; К вопросу о классицизме // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959; Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л., 1966; Идеи социализма в русской лит-ре 30–40-х гг. // Идеи социализма в русской классич. литре. Л., 1969; В. И. Ленин о диалектике и понятие историко-лит. процесса // Наследие Ленина и наука о лит-ре. Л., 1969; «Мертвые души» Н. В. Гоголя (Замысел и его воплощение) // Русская лит-ра. 1971. № 3; Что такое романтизм и что такое реализм? // Русская лит-ра. 1974. № 2; Национальное своеобразие русской лит-ры: Очерки и характеристики. Л., 1976 (в соавт. с Г. Макогоненко) и др.

Лит.: Малинковский В. «Эстетика Л. Н. Толстого» [Рец.] // Филологич. науки. 1968. № 3; КЛЭ. Т. 9. М., 1978.

КУПРИ́Н Александр Иванович [26.8(7.9).1870, г. Наровчат Пензенской губ. — 25.8.1938, Л-д] — прозаик.

Родился в семье мелкого чиновника. Мать, урожд. Кулунчакова, — дворянского происхождения, принадлежала к старинному княжескому татарскому роду. Отец умер, когда К. не исполнилось и года. Семья оказалась в столь бедственном материал. положении, что мать К. вынуждена была поселиться с сыном в моск. Вдо-

вьем доме. Когда мальчику исполнилось 6 лет, мать определила его в Разумовский сиротский пансион, где он прожил почти четыре года. В 1880 К. поступил во 2-ю Моск. воен. гимназию, кот. была реорганизована в кадетский корпус. Тягостная жизнь «казенного мальчика» изображена им позднее в повести «**На переломе (Кадеты)**» (1900).

По окончании корпуса в 1888 К. поступил в III Александровское воен. училище, готовившее пехотных офицеров. К этому «юнкерскому» периоду относится перв. публикация К.: в 1889 он напеч. в «Русском сатирич. листке» рассказ «**Последний дебют**». Летом 1890 К. окончил училище и, получив чин подпоручика, был зачислен в 46-й Днепровский пехотный полк, располагавшийся в захолустном городке Проскурове Подольской губ. Провинциальный быт, скука, утомительная муштра, грубые нравы — всё это расходилось с представлениями К. об офицерской службе. В нем зрел протест, кот. и привел в конце концов к отставке в 1894. К тому времени опубл. в ж. «Русское богатство» повесть «**Впотьмах**» (1893) и рассказ «**Лунной ночью**», готовился к печ. рассказ «**Из отдаленного прошлого**» («**Дознание**»). К. ощутил в себе писательский дар и получил признание авторитетных ценителей — Н. Михайловского и В. Короленко.

В том же 1894 К. приехал в Киев. В автобиографии К. упоминает множество перепробованных им профессий: был репортером, управляющим при постройке дома, разводил табак, служил в технич. конторе, выступал на сцене и т. д. Итогом перв. после офицерской службы лет стали 2 книги: сб. очерков «**Киевские типы**» (1896) и сб. рассказов «**Миниатюры**» (1897). Беглые зарисовки, эскизы, штрихи к соц. картине людского «дна», очерки нравов — так можно обозначить осн. жанры ранних купринских произведений.

В 1896 К. в качестве корр. нередко бывал на з-дах Донбасса. Он был поражен открывшейся ему «страшной и захватывающей картиной», правдой о цене машинной цивилизации. Об этом К. напис. в повести «**Молох**» (1896). Гл. герою — инженеру Боброву — сталелитейный з-д мерещится железным чудовищем, пожирающим «серых тружеников».

Мир в сознании К. всё больше делился надвое. С одн. стороны — нетронутая, свободная природная стихия, с др. — мир совр. цивилизации, во многом уродливый, неправедный. К. не колебался в выборе между ними: он всецело доверял природе, его влекло к естественному человеку, к непосредственным натурам. Он всегда исповедовал философию «живой жизни». Эта купринская черта проглядывает в таких произведениях 2-й пол. 1890-х, как «**Лесная глушь**» (1898), «**На глухарей**» (1899), «**Олеся**» (1898). В основе повести «Олеся» — история любви юной полесской «колдуньи» и полупраздного интеллигента Ивана Тимофеевича. Героиня — «дитя природы», она хранит в себе ее свободу, ее загадки и таинства, ее первобытную цельность. Герой — городской житель, заключенный в рамки всевозможных условностей, он пытается охватить и объяснить жизнь своей «небольшой наукой», он — чужестранец в этом девственном зеленом краю. В повести воплотился купринский идеал всепоглощающей, «великодушной» любви.

В нояб. 1901 К. приезжает в СПб., с этого момента окончилась его неустроенная жизнь. Он сделался профессиональным литератором. Не теряя связей с «Русским богатством», он сблизился с ред. ж. «Мир Божий» (здесь в 1902 появились рассказы «**В цирке**», «**Болото**»). Одним из соредакторов этого изд. была М. Давыдо-

ва, ставшая в февр. 1902 женой писателя. В том же году он познакомился с М. Горьким, кот. оказал на него серьезное влияние. В это же время К. задумал по-настоящему крупную вещь — повесть «**Поединок**» (вышла в 1905). Замысел ее он изложил так: «Я должен освободиться от тяжелого груза впечатлений, накопленного годами военной службы. Я назову этот роман "Поединок", потому что это будет поединок мой, поединок с царской армией». Повесть задумывалась как автобиографическая, исповедальная, и в то же время в ней должен был содержаться мощный обличительный подтекст. Повесть обретала злободневный смысл на фоне поражения царской армии в русско-японской войне. «Поединок» принес писателю успех и широкую известность. «Смело можно сказать,— писал К. Чуковский,— что этой вещью Куприн впервые вступает в лоно великой русской литературы».

К. обрел окончательную веру в свои творч. возможности. С подлинным вдохновением создавались им новеллы «**Штабс-капитан Рыбников**» (1906), «**Река жизни**» (1906), «**Изумруд**» (1907), «**Гамбринус**» (1907). В 1909 писатель отмечен Пушкинской премией.

В эти же годы созданы два знаменитых шедевра: «**Суламифь**» (1907) и «**Гранатовый браслет**» (1910). Оба они — о любви. В них К. изображает истинную любовь как высшую ценность мира, как непостижимую тайну. Для такого всепоглощающего чувства не существует вопроса «быть или не быть?», оно лишено сомнений, а потому часто чревато трагедией. «Любовь всегда трагедия,— полагал К.,— всегда борьба и достижение, всегда радость и страх, воскрешение и смерть». К. был глубоко убежден в том, что даже безответное чувство способно преобразить жизнь человека.

К., однако, не покидала мысль о создании произведения крупной формы. С 1908 он начал работать над романом «**Яма**», повествующим о жизни обитательниц публичного дома. Роману писатель предпослал посвящение: «Знаю, что многие найдут эту повесть безнравственной и неприличной, тем не менее от всего сердца посвящаю ее матерям и юношеству». 1-я часть романа опубл. в 1909, 2-я — в 1914–15. Гуманный по своему замыслу, роман оказался перегруженным натуралистич. подробностями, очерковыми описаниями, что снижало его худож. значимость.

Революция 1917 поставила К. перед нелегким выбором: с кем быть? Будучи человеком далеким от политики, он подходил к этому вопросу скорее эмоционально, чем идеологически. Революция казалась ему преждевременной и непредсказуемой по своим последствиям. «Пусть учение Ленина в своей идеологии высоко,— писал он. — Но оно отворяет широко двери русскому бунту — бессмысленному и беспощадному». В послерев. действительности многое К. было чуждо, однако он старался освоиться в новой реальности. Он даже задумал издавать для крестьян газ. «Земля» (намерение это не осуществилось).

С 1911 К. жил в Гатчине. Когда в окт. 1919 в нее вошли войска Юденича, он подчинился об-вам воен. времени. Вместе с белыми он отступал в направлении Нарвы и в конце концов вынужден был покинуть родину (о драматич. событиях того времени К. рассказал в повести «**Купол св. Исаакия Далматского**» (1928). Сначала К. оказался в Гельсингфорсе (Финляндия), где сотрудничал в газ. «Новая русская жизнь». Летом 1920 он приехал с семьей в Париж. Разрыв с Россией К. переживал тяжело. «...Эмигрантская жизнь,— писал он в одном из писем к сестре,— вконец изжевала меня и приплюснула дух мой к земле». Долгое время К. не мог вернуться к тв-ву. Лишь во 2-й пол. 1920-х он снова начинает писать. Один за др. выходят сб. прозы «**Новые повести и рассказы**» (Париж, 1927), «**Колесо времени**» (Белград, 1930), «**Жанета**» (Париж, 1934) и др. Во мн. произведениях эмигрантского периода К. развивает свои излюбленные темы и мотивы. Так, цирку посвящ. новеллы «**Ольга Сур**» (1929), «**Дурной каламбур**» (1929), «**Блондель**» (1933); русская природа воссоздана в рассказах «**Елань**», «**Ночь в лесу**», «**Вальдшнепы**» и др. Посл. крупная вещь — «**Юнкера**» (отд. изд. в Париже в 1933) — повествует о годах юности писателя, о М. конца минувшего века, кот. он запомнил цепкой памятью художника. «"Юнкера",— отмечал К.,— это мое завещание русской молодежи».

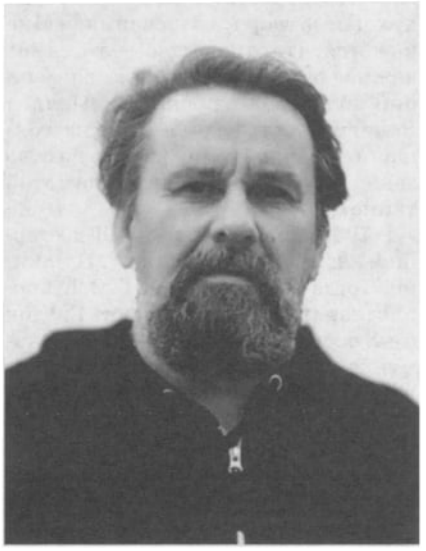
В мае 1937 писатель приехал в Россию. Он был уже неизлечимо болен, и ему оставался лишь год с небольшим жизни. По словам В. Розанова, «его простой, не умничающий, а умный рассказ, его наблюдательность, его внимание и уважение к обыденному — всё это соединяет его перо с большими старыми мастерами русского слова».

Соч.: СС: В 9 т. М., 1970–73; СС: В 5 т. М., 1982.

Лит.: Берков П. Александр Иванович Куприн. М., 1956; Афанасьев В. А. И. Куприн. М., 1960; Никулин Л. Чехов, Бунин, Куприн: Лит. портреты. М., 1960; Волков А. Тв-во А. И. Куприна. М., 1962; Куприна-Иорданская М. Годы молодости. 2-е изд. М., 1966; Крутикова Л. А. И. Куприн. Л., 1971; Михайлов О. Куприн. М., 1981 (ЖЗЛ); Кулешов Ф. Творч. путь А. И. Куприна. 2-е изд. Минск, 1983; Слово об Александре Куприне. Пенза, 1995.

В. Быстров

КУПРИЯ́НОВ Борис Леонидович [20.10.1949, г. Остров Псковской обл.] — поэт.



Отец — Леонид Яковлевич К., военный, род. в Красноярске, в составе десантных войск прошел Великую Отеч. войну. Мать — Вера Алексеевна, род. в 1922 в д. Василевка Рязанской обл., получила среднее мед. образование, занималась воспитанием детей. В семье было четверо сыновей, К. — второй. Дед по отцовской линии, как гласит семейная легенда, работал мастером на Путиловском

з-де, был участником кружка Освобождение рабочего класса, встречался с Лениным. Во время кампании по раскулачиванию его как специалиста по драгоценным металлам направили в Сибирь в составе бригады по изъятию ценностей. Он пропал без вести во время одного из рейдов. Семья жила по месту службы отца, раннее детство прошло в п. Токсово Лен. обл., затем в г. Пушкине, где в 1957 К. пошел в школу. В 1959 отца в составе Западной группы войск перевели в Германию, здесь семья провела 6 лет, сначала в г. Ратенове, затем во Франкфурте-на-Одере. По словам К., он увлекся чтением в 5 классе («проснулся»), сначала это была приключ. лит-ра (Купер, Стивенсон), затем русская классика. Среди авторов, «открытых» в отроческом возрасте, К. называет Гончарова («Обломов»), Ремарка («На западном фронте без перемен»), Твардовского («Теркин на том свете»), Блока. К периоду жизни в Германии относятся и перв. поэтич. опыты К. в «духе немецкого романтизма» (К.). Для К. отрочество — значимый этап духовн. и творч. созревания: «Мне кажется, что отрочество — это самое важное время у человека, для меня оно полно религиозного смысла... Религиозность ведь там, где настоящая тайна живет. Так вот отрочество заключает в себе приближение к этой тайне».

В 1965 семья вернулась в Л-д, старшие классы К. закончил в г. Пушкине. Тогда же посещал ЛИТО Т. Гнедич: занятия и сама личность Гнедич (она посвятила ученику стих. «Знаменье — высшая милость») оказали влияние на становление К. Он знакомится с поэзией Серебряного века, увлечен поэзией Маяковского, Мандельштама, Пастернака. Участвует в выступлениях членов ЛИТО, его стихи публ. в газ. «Вперед!» (1968).

После окончания школы К. поступил в Лен. ин-т культуры на режиссерское отд. («режиссер народного театра»). Однако перв. знакомство с жизнью лагерных поселений в Узбекистане и Казахстане, куда К. поехал работать на лето по комсомольской путевке, разрушило романтич. ожидания, связанные с этой профессией.

В 1968–70 К. участвует в домашних чтениях у Д. Дара, посещает ЛИТО Гл. Семенова при СП, выступает на вечерах поэзии и музыки, организованных И. Маляровой. В тв-ве К. этого периода К. Кузьминский отмечает следование футуристической поэтике, ритмическим и интонационным моделям Маяковского. «Голос Бориса Куприянова напоминает Царскосельские парки после войны — один из них был искорежен боями, другой — заброшен. Сочетание бессмертной красоты и бессмертного ужаса. Это же сочетание красоты и ужаса и в стихах Куприянова. Они будто набормотаны во время долгих вечерних или ночных метаний по отдаленным аллеям этих старинных парков» (Д. Дар). Стихи К. публикуются в самиздате (ж. «Часы», «Обводный канал», «Майя») и за рубежом (ж. «Время и мы», «Третья волна», альм. «Новая русская лит-ра»).

В 1975 К. подготовил машинописный сб. стихов **«Мечта и молитва»** (2 экз., изд. Г. Лонский). Двухчастная композиция сб., по 30 стих. в каждой, соответствовала семантич. антитезе, вынесенной в заглавие. Завершала кн. поэма **«Лисистрата»**. Осн. тема перв. части — противопоставление «многомерности» мира внутреннего пространству внешнего, бессмысленному в своей одномерности («Когда ты остановишься в сердцах...»). Во втор. части сб. тексты имеют ярко выраженную метапоэтическую функцию. От поэтики реминисценций и аллюзий перв. части поэт переходит к диалогу с романтич. и символистской традицией (**«Ильин день»**, **«Песнь одиссеева спутника»**, **«Гектор и Андромаха»**) и игровой поэтике (**«Река и роща»**, **«Гулянье»**, **«Упражнения в смехе»**).

Неск. стих. из сб. «Мечта и молитва» позднее опубл. в ж. «37» (1976. № 3; послесл. О. Охапкина), «Время и мы» (Иерусалим, 1978. № 28), зальцбургском альм. «Новая русская лит-ра» (Вып. 1. 1978; Вып. 4–5. 1981–82), антологии лен. неофиц. поэзии «Острова» (Л., 1982).

В 1976 рождается замысел романа в стихах **«Время встречи»** (опубл. в самиздат. ж. «Часы». 1982. № 38, 1-е изд. в России — 2005). В эти годы поэт стремится к уединению, он служит лесником в Павловском парке («Из 600 гектар — 300 были "мои". Там я и писал... У меня был пюпитр, как у А. И. Солженицына, в густой части леса... Но самым главным содержанием моей жизни стала церковная молитва». Композиционно роман состоит из 7 глав («Восстание от сна», «Утро», «Полдень», «День», «Вечер», «Полночь», «Ночь»), каждая из кот. имеет трехчастное деление. Уложив время действия романа в сутки, К., подобно автору романа «Улисс», строит повествование в ключе неомифологического романа. Его сюжет — «встреча человека со своей судьбой» — понимается поэтом как мономиф. Этим обусловлены архетипич. характер глав. героев (Человек и Судьба), меняющих свой облик на протяжении действия (Цирцея, Талия, Аглая, Персефона, Офелия, Анна, Сарра), и многоплановость повествования, возможность прочтения сюжета на разных уровнях (автобиографическом — роман посвящ. жене поэта, мифопоэтическом, мистическом, космологическом). Установка на многомерность изображения выразилась в соединении разных культурных кодов: русской философско-религиозной лирики (эпиграфы из А. Ахматовой, А. Кольцова, Н. Клюева, К. Батюшкова, А. Хомякова, С. Шевырева, Е. Боратынского), святоотеческой лит-ры, античной мифологии, библейских образов (Ветхого Завета, Откровения Иоанна Богослова), сказок и романтич. поэм Пушкина, русского фольклора, совр. автору поэзии (Арс. Тарковской, И. Бродский) и т. д. Усложненный язык романа в стихах ориентирован на визионерский тип повествования (Гёте, Джойс, Клюев).

Отрывки из романа (**«Ночь»**, **«Певец»**) напеч. в сб. «Круг» (Л., 1985), представлявшим объединение неофиц. литераторов «Клуб–81», созданный по инициативе редколлегии ж. «Часы». К. был участником этого объединения. В рец. на сб. «Круг» А. Арьев о стихах К., П. Чейгина и В. Ширали писал: «они пронизаны спонтанной экспрессивностью, нетерпеливой готовностью в порыве чувства смыть сам предмет изображения, грамматику, образ» (Нева. 1987. № 1).

В кон. 1980-х в изд-ве «Сов. писатель» подгот. кн. избр. стихов К. (не вышла по причине прекращения деятельности изд-ва). В предисл. А. Плахов писал: «В поэтике этой книги, в самом словаре ее соединены две среды... академизм и авангард» (Личный архив).

После завершения кн. «Время встречи» (1981) К. отошел от поэзии. В 1990 был рукоположен в сан диякона в Софийском соборе г. Пушкина. В 1991 принял сан священника. Ныне настоятель церкви Иконы Казанской Божией Матери в п. Александровская Пушкинского р-на СПб. По признанию о. Бориса (К.), «познание посредством поэзии было совершенно искренним и подчас носило характер открытий. Жизненные открытия очень похожи на поэзию, поэзия похожа на откровение».

Соч.: [Стихи] // Часы. 1976. № 1; Стихотворения из сб. «Мечта и молитва», поэма «Возвращение Лисистраты» // 37. 1976. № 3; Октябрь. Новогодняя песня. Рисунок // 37. 1977. № 9; [Стихи] // Время и мы. 1978. № 28; [Стихи] // Майя. 1980. Вып. 1; Время встречи (роман в стихах) // Часы. 1982. № 38; [Стихи] // Neue Russische Literatur: Almanach. Salzburg, 1981–82. № 4–5; [Стихи] // Острова: Антол. лен. неофиц. поэзии / Сост. А. Антипов, Ю. Колкер, С. Нестерова, Э. Шнейдерман. Л., 1982; У Голубой лагуны: Антол. новейшей русской поэзии: В 5 т., 9 кн. / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 4Б; Время встречи: Роман в стихах. Париж, 1989 (2 изд. — СПб., 2005); [Стихи] // В Петербурге мы сойдемся снова: Сб. стихов / Сост. и илл. В. Левитин. СПб, 1993; [Стихи] // Сумерки «Сайгона» / Сост. и общ. ред. Ю. Валиева. СПб., 2009; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Охапкин О. Борис Куприянов. Лирич. очерк // 37. 1976. № 3; Дар Д. Горячий смех обугленного слова // Время и мы. 1978. № 28; Кузьминский К. Четырнадцать долгих лет // У Голубой Лагуны. Newtonwille, 1980–86. Т. 4Б; Дрыжакова Е. Поэзия духовного возрождения // Гумилевские чтения: Wiener Slawistischer Almanach. 1984. Bd. 15; Преображение души — это работа // Царскосельская газ. 2001. №92 (9266). 16 авг.; Пудовкина Е. Лестница от поэзии к храму (Беседа с Б. Кушрияновым) // Профессия. 2003. № 1 (448). 8–15 янв.; Самиздат Л-да. 1950-е — 1980-е. Лит. энц. М., 2003; Лихтенфельд Б. «Умеет буква встретиться с судьбой»: О романе в стихах «Время встречи» Бориса Куприянова // Нева. 2006. № 1; Лихтенфельд Б. «Сила Логоса не в голосе за кровью» // Мат-лы Кирилло-Мефодиевских чтений. Вып. 2. СПб., 2009; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Матлы к энц / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

Ю. Валиева

КУ́ПЧЕНКО Владимир Петрович [12.6.1938, Свердловск — 2.6.2004, СПб.] — литературовед.

Родился в семье инженеров, в 1961 окончил фак-т журналистики Уральского гос. ун-та; в юности писал стихи, прозу, переводил английскую поэзию. В дек. 1961 впервые попал в Коктебель, и с 1962 приступил к изучению жизни и тв-ва М. Волошина, чему посвятил всю жизнь. В 1974 (по настоянию вдовы поэта М. Волошиной) назначен на должность ст. науч. сотрудника официально создаваемого в Коктебеле музея Максимилиана Волошина (как отдела Феодосийской картинной галереи). В 1979 стал перв. заведующим музея. За годы работы в музее (1974–83) К. заложил основы науч. изучения и хранения экспонатов, мат-лов и документов, и — говоря шире — волошиноведения. С 1976 начал публ. науч. труды в изданиях АН СССР: первая работа **«М. Горький и М. Волошин»** (Русская лит-ра. 1976. № 2); затем в Ежегодниках РО Пушкинского Дома: **«М. А. Волошин и Ф. Сологуб»** (1976); **«М. И. Цветаева. Письма к М. А. Волошину»** (1977); **«И. Ф. Анненский. Письма к М. А. Волошину»** (совм. с А. Лавровым; 1978) и др.

В 1981 в М. вышел сб. науч. трудов **«Волошинские чтения»**, составленный К., а в изд. «Биб-ка "Огонек"» (№ 37) книжка К. **«Остров Коктебель»** — очерки о лит. Коктебеле с персональными главками (А. Толстой, М. Цветаева, М. Пришвин, М. Горький, М. Булгаков, В. Вересаев, К. Чуковский, А. Грин, Вс. Рождественский).

В 1983 крымское отделение КГБ с целью поиска антисоветских матлов провело обыск и допросы в Доме-музее Волошина, конфисковало ряд мат-лов, включая рукопись книги К. о Волошине. Прямым следствием этого стала публикация пасквиля в ж. «Крокодил» (1983) и увольнение К. из музея; вскоре местные власти добились выселения К. из Крыма.

Еще 18 дек. 1960, прочитав начало мемуаров «Люди, годы, жизнь» в «Новом мире», из кот. впервые узнал о Волошине, К. написал И. Эренбургу письмо; были в нем и строки об ошеломлении Л-дом: «Я брежу этим городом и завидую смертельно каждому его жителю, он нужен мне больше воздуха». В 1986 эта мечта осуществилась, К. с семьей поселился сначала в Ломоносове (Ораниенбауме), а затем и в самом Л-де. Именно тогда развернулась беспрецедентная по размаху и интенсивности работа К. по изданию в СССР соч. Волошина. Среди подготовленных и осуществленных при его активном участии были фундаментальные изд. Волошина: «Лики творчества» в серии «Лит. памятники» (М., 1988), «Путник по вселенным» (автобиогр. и мемуарная проза) (М., 1990), «Стихотворения и поэмы» в «Биб-ке поэта» (1995), «История моей души» (Дневники) (М., 1999), «Записные книжки» (М., 2000). Они ввели в широкий обиход главные кн. классика Серебряного века. Наряду с этим К. подгот. кн. «Воспоминания о Волошине» (М., 1990), «Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников» (Феодосия; М., 1997), «Мария Степановна Волошина. О Максе, о Коктебеле, о себе» (Феодосия; М., 2003). В эти же годы напис. и изд. кн.: **«Странствие Максимилиана Волошина»** (СПб.: Logos, 1996, доп. тираж — 1997) и **«Жизнь Максимилиана Волошина»** (СПб.: Звезда, 2000). Наконец, в 2002 вышел перв. том фундаментальной летописи **«Труды и дни Максимилиана Волошина»** (СПб.: «Алетейя»), второй заключительный том кот. изд. в 2006 уже после смерти автора. Это самая значимая работа К., подготовке кот. была отдана едва ли не вся его жизнь. Благодаря исключительной полноте и безупречной тщательности исполнения, эта летопись является гл. источником

информации о жизни и тв-ве поэта, мыслителя и художника.

В 2003 деятельность К. была отмечена присуждением ему премии Международного благотворительного фонда им. Д. Лихачева «За подвижничество». «О том, что Купченко — подлинный подвижник своего дела,— свидетельствует знавший его лучше иных коллег академик РАН А. Ларов,— многие знали задолго до официального признания этого непреложного звания. По-моему, выношенному многими годами общения, впечатлению и разумению, Володя являл собой образец праведника» (НЛО. 2004. № 68).

Посл. работой К. стало актив. участие в подготовке первого СС Волошина. Его перв. том, составленный К. совм. с А. Лавровым и прокомментированный К., вышел в 2003 (т. 2 вышел в 2004, уже после смерти К.). Выход этого СС продолжается (вышли 9 т. в 11 кн. и готовятся следующие). В этой работе, осуществляемой ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), постоянно и широко используются матлы личного архива К., в частности его легендарная картотека, содержащая тысячи карточек. Полная библиография работ К. на момент его кончины составляет 468 назв. В 2008 К. посмертно стал лауреатом Международной премии в номинации «За заслуги перед культурой». В 2012 подготовлена к печати кн. его обширных воспоминаний **«Двадцать лет в доме М. А. Волошина»** (Киев: Болеро, 2012).

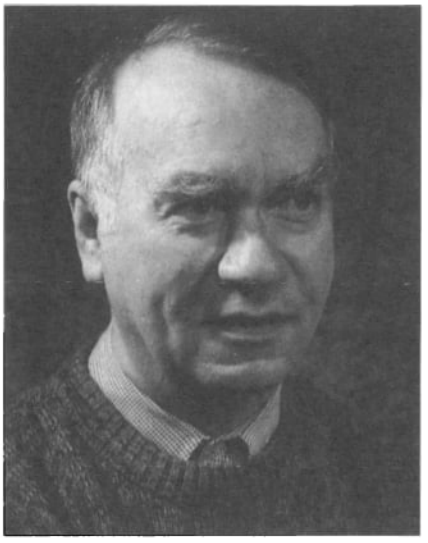
Член СП СССР (1990), СП СПб.

Соч.: М. Волошин. Ювеналия. Юношеский дневник. Стихотворения 1891–1902 годов / Сост., подг. текстов и прим. В. Купченко. Феодосия; М., 2007; Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной / Сост., подг. текстов и прим. В. Купченко и Р. Хрулевой. Феодосия; М., 2009; М. Волошин. СС / Под общей ред. В. Купченко и А. Лаврова при участии Р. Хрулевой. М., 2003–12 (изд. продолжается); Двадцать лет в доме М. А. Волошина. Киев, 2012.

Лит.: Брагин А. О Доме Поэта и его хранителе // Простор. Алма-Ата, 1977. № 5; Енишерлов В. Поэт и художник (Волошинские чтения. Москва. 1981) // Огонек. 1982. № 4; Бек Т. Владимир Купченко. Остров Коктебель // Лит. обозрение. 1983. № 4; Лавров А. Первая биография Максимилиана Волошина // Книжное обозрение. 1993. № 32; Фоняков И. Лучшее из наваждений земли / Корреспондент ЛГ беседует с В. Купченко // ЛГ. 1997. № 32; Фрезинский Б. Одиссея Владимира Купченко // Русская мысль. Париж, 1997. № 4182 10–16 июл.; Фрезинский Б. «Киммерийские этюды» Владимира Купченко // Невское время. 1998. 21 авг.; Мелихов А. Земля добровольного изгнанья // Октябрь. 2001. № 11; Богомолов Н. Неизданный Волошин // Знамя. 2001. № 6; Фрезинский Б. Труды и дни Максимилиана Волошина // Невское время. 2002. 12 янв.; Шеваров Д. Владимир Купченко Труды и дни Максимилиана Волошина // Новый мир. 2002. № 9; IN MEMORIAM. Владимир Петрович Купченко // НЛО. 2004. № 68; Богомолов Н. Путь к Волошину // Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества 1917–32. СПб., 2007.

Б. Фрезинский

КУРА́ЕВ Михаил Николаевич [18.6. 1939, Л-д] — прозаик, публицист, сценарист.



Родился в семье инженера-гидростроителя, позднее — директора проектного ин-та, лауреата Сталинской премии, кот. получил за сооружение перв. в мире подземной электростанции. Во время блокады Л-да был эвакуирован в Череповец (1942). В связи с характером работы отца в довоен. и послевоен. время жил на стройках Заполярья и Прионежья, с 1954 — в Л-де.

В 1956–61 учился в Лен. гос. театральном ин-те им. А. Островского. (ЛГТИ). Дипломная работа К. **«Произведения А. П. Чехова на экране»** была премирована на Всесоюзном конкурсе студенч. работ и опубл. в сб. «Лит-ра и кино» (М.; Л., 1965). По окончании ин-та был приглашен в сценарный отдел киностудии «Ленфильм», где проходил преддипломную практику. Параллельно с работой в кинематографе (1961–88) занимался теорией драмы, обучался в заочной аспирантуре Ин-та философии АН СССР в М. Тогда же им написаны сценарии к фильмам **«Пятая четверть»** (1969), **«Строгая мужская жизнь»** (1974), **«Крик гагары»** (1979), **«Прогулка, достойная мужчин»** (1984), **«Ожог»** (1988), **«Сократ»** (1990). Все они разных жанров — мелодрамы, драмы, остросюжетные фильмы, всегда с острой интригой, с непростой жизненной коллизией, ставящей героев перед выбором, раскрывающим их истинные характеры. Однако реализацией сценариев на экране удовлетворен не был («Лит. досье») и решил целиком отдаться лит. тв-ву. Вернулся в кинематограф спустя более 10 лет со сценариями (фильмами, кино-романами) **«Собачий промысел»** (2003), **«Свежая кровь»** (2003), **«Господа присяжные»** (2004; 12 серий), **«Раскол»** (2011, 20 серий, в соавт. с реж. Н. Досталем).

Перв. публикация прозы К. — «фантастическое повествование» о судьбе участника Кронштадтского мятежа **«Капитан Дикштейн»** (не предполагая публикации, автор работал над текстом более 15 лет) — принесла мгновенную известность. Самые лестные отклики были даны изв. критиками и писателями, среди кот. А. Синявский, оценивший повесть как «самое интересное <...> произведение» в совр. лит-ре: «<...> это замечательная вещь». Н. Иванова писала: «...Кураев заявил о себе взбаламутившим наше море "Капитаном Дикштейном", замеченным всеми, переведенным ныне чуть ли не на все европейские языки...».

Худож. мировоззрение К. формировалось в период становления т. н. традиционной русской прозы, в период возвращения к традициям русской классической лит-ры XIX в., однако повесть «Капитан Дикштейн» уже в период своего написания, и позднее — в период ее появления (Новый мир. 1987. № 9) — выделялась своеобразием, не укладываю-

щимся в рамки только традиционной прозы. На фабульном уровне повесть представляет собой рассказ о жизненном пути героя, волею обстоятельств взявшего имя др. человека, расстрелянного участника Кронштадтского мятежа, и с тех пор более сорока лет проживающего «чужую» судьбу. Смена имени героя К. драматична, но этот факт, кажется, не ломает его судьбы, не оказывается причиной духовного раскола. Скорее наоборот. Ставший Игорем Ивановичем Дикштейном, кочегар «чубатый» (даже имя кот. пишется со строчной буквы) становится «человеком чести», получает «звание», «высший знак человеческой доблести». Однако, по словам автора, «самым фантастическим в описываемых событиях было то, что, отделившись от своего подлинного носителя, имя и фамилия не перешли революционным псевдонимом к новому владельцу, а напротив, как бы оторвали его от себя. В соединении нового лица с новым именем возникли черты и характер нового человека, мало похожего и на кочегара из третьей котельной, и на старшину боезапаса второй башни главного калибра». Два героя, слившись, породили третьего, кот. принужден жить «как бы одолженной, не принадлежащей ему в полной мере жизнью <...>».

Несовпадение фабульного и сюжетного развития действия повести К. обращает на себя внимание. Хронологически следующие события в их диспозиции должны были бы привлечь внимание преимущественно к финальному эпизоду — смерти гл. героя, но автор обращает внимание не столько на посл. сцену и даже не на конкретную судьбу героя (гибель героя в тексте почти не акцентирована), сколько на философское понимание места человека в совр. мире. Образ «маленького человека» Дикштейна становится образом человека вообще, берет на себя нагрузку философскую, как говорит автор, «куда выше житейской». Нестрогое философствование авторского персонажа — субъекта повествования в лирич. отступлениях — дополняется у К. житейскими наблюдениями героев: «если у всего есть начало и есть конец, то, значит, есть и середина» — приходит к заключению его герой или рассуждает о том, что «если есть движение вверх, а потом вниз, значит, есть и <...> вершина...». Именно к этой вершине и устремлена жизнь «новорождённого» героя. Концепция «маленького человека» претерпевает трансформацию у К., к финалу повести растушевывая параллели малого и большого, простого и великого. В образе «маленького человека» К. растворяется его малость, на перв. план выступает обычность и жизненность персонажа.

Следующая по времени повесть К. **«Ночной дозор»** (1988) тематически примыкает к огромному массиву лагерной прозы, создаваемой в 1960–80-е А. Солженицыным, В. Шаламовым, Г. Владимовым и др. Однако, входя в лагерную тему в период формирования «новой», т. н. «другой» литры, К. частично отходит от внешневзвешенного и серьезного отражения «колымского» опыта, «облегчая» трагизм лагерной темы, вводя ироико-комический ракурс в осмысление характера героя «великой эпохи», образа сов. человека. Повесть имеет подзаголовок «Ноктюрн на два голоса при участии стрелка ВОХР тов. Полуболотова», кот. находит свою реализацию в тексте ведением повествования от первого лица, в ключе субъективного монолога («ночной песни») гл. героя.

Фамилия героя, только однажды выведенная в названии — Полуболотов, оказывается «говорящей», характеризующей героя как среднего, ординарного человека из «массы», из «болота» (или «полуболота»), и позволяет автору акцентировать отсутствие личностного начала в персонаже, засвидетельствовать его зависимость от чужой воли и внешних обстоятельств. Типичность тов. Полуболотова, слиянность его судьбы с историей народа и страны активизируют саморефлексию героя, порождают непреодолимое желание рассказать «о времени и о себе». Герой К., строящий свои суждения на тезисе о похожести людей, на убеждении в их типичности и подобии, приходит к заключению, что «подавляющее число людей в одинаковых ситуациях ведут себя похоже...». Именно эта «философия» порождает иллюзию объективности полуболотовского повествования и, как следствие, через несовпадение авторской точки зрения с суждениями и оценками персонажа, генерирует тотальную иронию кураевского текста, опосредуя формальные и смысловые компоненты «ночной песни» героя. Ненавязчивое зонирование голосов автора и героя позволяет скорректировать разность между субъективностью позиции одного и объективностью оценки другого.

Доминирующий в тексте принцип монологической речи, перебиваемой многочисленными вопросами, порождает образ героя-мыслителя, героя-наблюдателя, героя-философа, склонного задавать «вечные вопросы» по каждому поводу. Однако философия героя зиждется на зыбком основании «белой ночи», кот. вносит свой «камертон» в восприятие изображаемых событий, имевших место в г. на Неве. Образ петерб. белой ночи, ее парадоксальная природа художественно осмыслены автором и включены в пространственно-временной континуум повести: К. создает и поддерживает атмосферу *между* днем и ночью, *между* сном и явью, *между* реальным и фантастическим. Белая ночь становится фоном, почти театрал. декорацией, кот. служит созданию исходной атмосферы *между* правдой и ложью, *между* субъективным и объективным, *между* убеждением и заблуждением. В загадочно противоречивом пространстве белой ночи для героя снимаются антитезы хорошего и плохого, доброго и злого, правого и виноватого, смешного и страшного. Сон белой ночи переходит в явь реальной социальной действительности и находит продолжение в «темных днях» «смутного» сов. времени. Сам город, «умышленный» и сумасшедший (по Достоевскому), белая ночь, неоднозначная и противоречивая (по Кураеву), оказываются провокативны, они продуцируют ту правду, в кот., кажется, может одновременно уживаться черное и белое, злое и доброе, субъективное и объективное. И если во время ночного рассказа-исповеди герой задается мучительным вопросом: «<...> меня какая инструкция предусмотреть может?», кот. по значимости соотносим с пилатовским «Что есть истина?...» — то ответ лишен сомнения. Бывший сотрудник НКВД однозначен и прямолинеен в осознании своей роли: «<...> хотите — хвалите, хотите — журите, а от

эпохи своей меня не оторвешь! Была задача — слиться с эпохой, и я с ней слился!».

В сер.-кон. 1980-х, создавая «Ночной дозор», К. одним из первых среди писателей-традиционалистов не просто отказался от «оппозиционного» способа мировидения, от построения худож. произведения на однозначном «перевертыше»: было белым — стало черным, было хорошим — стало плохим, было недозволенным — стало позволительным, но отказался от самой бинарности оппозиций такого рода. Он создал модель многополярного мира, когда восприятие, оценка, осознание какого-либо явления зависят от множества причин: точки отсчета, остроты зрения, убеждений воспринимающего, его желания и умения и даже от времени суток.

Характер гл. героя всего тв-ва К. — «маленького человека» — трактуется в «Ночном дозоре» иначе, чем в «Капитане Дикштейне». Писатель отходит от любимого Гоголем «маленького человека», кот. следует понять и пожалеть, кот. нужно сострадать и сочувствовать, и приближается к чеховскому пониманию «маленького героя», малость кот. не во внешнем, а во внутреннем — в его духовной малости, в моральной мелкости и нравств. мелочности. Попытка глубже понять этого героя — «одного из нас» — найдет отражение в следующем «петербургском тексте» К. **«Зеркало Монтачки»** (1993; 1995 — премия правительства СПб. за лучший роман о городе).

События романа по-прежнему разворачиваются в центре Л-да (СПб.), близ Невского пр., напротив Казанского собора. Локализация событий именно в этой части города наводит на мысль об исходной сопоставимости «Зеркала Монтачки» и «Петербургских повестей» Гоголя: роковые события происходят «на том же месте» и «в тот же час», 150 лет спустя, в 1961-м — в «год-оборотень», «год-перевертыш». Гоголевская фантасмагоричность дополняется у К. блоковской символичностью и соединяется с социологичностью событий недавнего сов. прошлого. Три века, три эпохи, почти 300-летняя история Петербурга–Петрограда–Ленинграда просматриваются в чертах совр. города, создавая характерную для К. «вихревую спираль», увлекающую в глубины мифологии сев. столицы. Противоречивая природа «самого выдуманного, самого нарочитого города в мире» настойчиво подчеркивается автором-повествователем, предрекая и объясняя сложную событийную канву романа. К. порождает образ города неразгаданного и таинственного: «Он — тайна, он — неожиданность!», в кот. и совершается страшное и фантастич. событие — преступление «по видимости», когда у обитателей многонаселенной коммунальной квартиры в одночасье исчезают отражения в зеркалах.

Мотивы сна (видения, видимости, отражения), природной стихии (метели, ветра, снежного вихря), фантасмагории (дьявол, черти, призраки, пришельцы), народных верований (гадания, заговоры, приметы) сливаются и фокусируются, находя свое преломление в заглавном образе романа — образе зеркала, кот. нужен К. для того, чтобы в смещенном худож. пространстве реальной, но сдвинутой действительности узреть истинную суть явлений, осознать подлинную сущность характеров, увидеть незримую нить взаимосвязанных событий. Благодаря образу зеркала К. вновь задается вопросами: «<...> где искать свою заблудившуюся душу, как не в зеркале?». И одна из героинь романа добавляет: «Будь я на месте зеркала, я бы просто не отражала людей, в чьих глазах не прочесть и намека на вопрос: "Кто я такой?"».

Как писатель-традиционалист, последователь и преемник уроков классики XIX в., К. обращается к «проклятым вопросам» человеческого бытия, задумывается о проблемах жизни и смерти, добра и зла, Бога и дьявола. Только на одной странице в тесном соседстве звучат сразу несколько вопросов: «Что в жизни важнее смерти?», «Разве есть у нас дар более ценный, чем душа?», «А совесть?..». Само внимание писателя к «вечным» вопросам и абсурдизму русской жизни становится свидетельством «классичности» и «традиционности» его мировоззрения. Вслед за писателями-классиками К. предлагает видеть истоки зла не в самих людях, а в окружающей жизни, может быть, даже не только социальной, но и загадочно-мистической: «не все зло в этом мире исходит только от живых людей и творится только людьми живыми», «если бы призраков не было, их немедленно надо было бы выдумать, чтоб было за кем спрятаться».

Помимо уже названных крупных и значительных произведений К. является автором прозы — **«Маленькая семейная тайна»** (1990; отд. публ. — М., 1992), **«Петя по дороге в Царствие небесное»** (1991), **«Дружбы нежное волненье»** (1992), **«Блок-ада»** (1994), **«Жребий № 241: Романтич. хроника»** (М., 1996), **«Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург»** (СПб., 1996), **«Жизнь незамечательных людей»** (сб.; Курган, 1999), **«Питерская Атлантида»** (сб.; СПб., 1999), **«Осторожно — Кукуев!»** (2006; в книжном вар. вышел под назв. **«Похождения Кукуева»**) и др. Перу К. принадлежат эссе **«О Рембранте и о себе: Автопортрет у посл. черты»**, **«Чехов посредине России»**, **«Кто войдет в дом Чехова»**, **«Как я старался не стать писателем»**, **«Памятник Гоголю»** и др.

В обл. кино К. — лауреат IX Всесоюзного кинофестиваля, Серебряная медаль им. А. Довженко («Строгая мужская жизнь», 1979); лауреат XI Всесоюзного кинофестиваля («Прогулка, достойная мужчин», 1981); «Петя по дороге в Царствие небесное» (Гран-при XXI ММКФ, 2009); Нац. премия «Ника» (20-серийный фильм-фреска «Раскол», 2012).

В обл. лит-ры К. — лауреат премии правительства СПб. за лучший роман о городе («Зеркало Монтачки», 1995); премия «Величие духа» («Блок-ада», 1995); премии ж. «Новый мир» — «Лучшая публикация года» («Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург», 1996); Гос. премии России (трилогия «Семейная хроника» — «Дикштейн», «Маленькая семейная тайна», «Жребий № 241», 1998); премии им. Л. Толстого «Ясная Поляна» в номинации «Совр. классика» («Капитан Дикштейн», 2010).

Награжден Орденом Дружбы (2010).

Кн. К. переведены на 12 различных яз. и выходили в Швеции, Дании, США, Италии, Испании, Франция, Германии, Венгрии, Польше, Корейской республике и др.

Зам. председателя Комиссии по помилованию на территории СПб. Сопредседатель Союза российских писателей.

Соч.: Полезный разговор // Вопросы лит-ры. 1986. № 11; Капитан Дикштейн // Новый мир. 1987. № 9; отд. изд. — М., 1990; Ночной дозор // Новый мир. 1988. № 12; отд. изд. — М., 1990; Маленькая семейная тайна // Новый мир. 1990. № 3; отд. изд. — М., 1992; Чехов с нами? // Знамя 1990. № 6; Петя по дороге в Царствие небесное // Знамя. 1991. № 2; Дружбы нежное волнение // Новый мир. 1992. № 8; О Рембрандте и о себе: Автопортрет у посл. черты // Дружба народов. 1992. № 8; Куранты бьют // Знамя. 1992. № 11; Зеркало Монтачки // Новый мир. 1993. № 5–6; отд. изд. — М., 1994; Слеза оккупанта // Дружба народов. 1994. № 4; Блок-ада: Праздничная повесть // Знамя. 1994. № 7; отд. изд. — СПб., 2005; Как я старался не стать писателем // Звезда. 1994. № 8; Встречайте Ленина! // Новый мир. 1995. № 9; Жребий № 241. Романтич. хроника // Знамя. 1995. № 11; отд. изд. — М., 1996; Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург // Новый мир. 1996. № 10; отд. изд. — СПб., 1996; Чехов посередине России // Звезда. 1997. № 4; Интеллигент — слово петербургское // Знамя. 1997. № 7; Тихие беззлобные похороны // Знамя. 1998. № 8; Актуальный Чехов. Заметки о классике // Дружба народов. 1998. № 12; Охота на свиней. СПб., 1998; Смертное мгновение // Звезда. 1999. № 9; Питерская Атлантида. СПб., 1999; Жизнь незамечательных людей. Курган, 1999; Разрешите проявить зрелость // Знамя. 2000. № 9; Записки беглого кинематографиста // Новый мир. 2001. № 8; Приют теней. М., 2001; Мать неизвестного блокадника // Родина. 2003. № 1; Свидетели неизбежного. СПб., 2004; Осторожно — Кукуев! (Сентиментальное путешествие) // Дружба народов. 2006. № 4–6; Господа присяжные. М., 2007; Похождения Кукуева / Предисл. В. Курбатова. СПб., 2007; Соч.: В 2 т. / Предисл. П. Басинского. М., 2010.

Лит.: Виноградов И. Ноктюрн на два голоса // Моск. новости. 1989. № 2; Гессен Е. Белая ночь — 66 // Новое русское слово (Н.-Й.). 1989. 28 февр.; Иванова Н. Намеренные несчастливцы? (О прозе «новой волны») // Дружба народов. 1989. № 7; Агеев А. Гос. сумасшедший // Лит. обозрение. 1989. № 8; Аннинский Л. Как удержать лицо? // Знамя. 1989. № 9; Иванова Н. Миргород: История продолжается? // Столица. 1992. № 7; Немзер А. Совр. диалог с Гоголем // Смена. 1993. № 186; Астафьев В. Вместо предисл.... // День и ночь (Красноярск). 1996. № 6; Савельева А. Большой «маленький человек» Михаила Кураева (повесть «Капитан Дикштейн») // Лит. направления и теч. в русской лит-ре XX в. Вып. 2. Ч. 1. СПб., 2005; Богданова О. Лагерная тема в русской прозе 1950–80-х г. СПб., 1996; Михаил Кураев: Лит. досье: Сб. статей и мат-лов о тв-ве М. Н. Кураева. Рязань, 2004; Савельева А. Тема лагеря в прозе Михаила Кураева. СПб., 2006; Богданова О., Савельева А. Худож. мир Михаила Кураева. СПб., 2008; Басинский П. Уходящая натура: Поэзия здравого смысла в прозе М. Кураева // Кураев М. Соч.: В 2 т. М., 2010.

О. Богданова

КУРБА́ТОВ Константин Иванович [1926, Бердянск Запорожской обл. — июль 2008, СПб.] — прозаик, детский писатель, журналист.

Участник Великой Отеч. войны. После окончания войны служил офицером в ВМФ, после демобилизации (1957) работал воен. журналистом в газ. «Лен. правда».

В 1963 окончил фак-т журналистики ЛГУ. Печ. с 1965.

В 1968 в Архангельске вып. кн. **«Лёха-адмирал»**, в 1969 в изд-ве «Детская лит-ра» вышла повесть **«Тимкины крылья»**. Автор рассказов и повестей **«Пророк из 8 „б"»** (1973, единственное обращение К. к фантастике), **«Чуть-чуть считается»** (1975), **«Волшебная гайка»** (1978), **«Я хочу в космос»** (книжка-картинка, 1980), **«Перочинный ножик»** (рассказ о К. Марксе, 1985), **«Мы не Жадины»** (1986), **«Еретик Жоффруа Вале»** (1987), **«Полковник в отставке»** (1987).

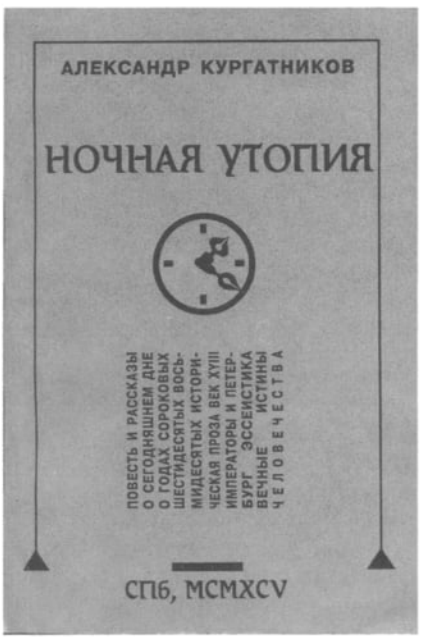
Работал в ред. ж. «Нева» и газ. «Лен. правда».

Член СП СССР.

Соч.: Лёха-адмирал. Архангельск, 1968; Пророк из 8-го «Б», или Вчера ошибок не будет. Л., 1974; Я хочу в космос, 1980, Л; Перочиный ножик, 1985, М; Еретик Жоффруа Балле, 1987, Л.

Лит.: Курбатов Константин Иванович // Энц. фантастики: Кто есть кто / Под ред. Вл. Гакова. Минск, 1995; Курбатов, Константин Иванович // Энц. фантастики / Под ред. Вл. Гакова. М., 1997; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник. СПб., 2013.

КУРГА́ТНИКОВ Александр Владимирович [16.11.1934, Л-д] — прозаик, драматург, сценарист, историк.



Работал инженером. С давних пор занимался театром, историей России, античностью.

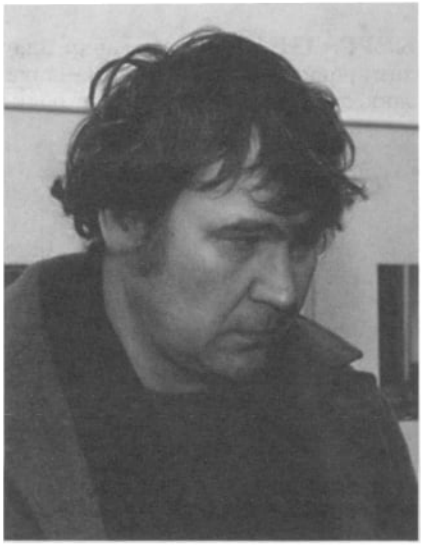
Публ. в ж. «Новый мир», «Нева», «Всемирное слово», «Совр. драматургия», «Театр. жизнь» и др. Автор фантазий **«Чужой дом»**, **«Декабрьское солнце»**, **«Ночная утопия»** и др. Пьесы К. шли в М., Л-де, др. городах. Выпустил кн.: **«Практически счастливый человек»** (1990), **«Ночная**

утопия», «Русская старина: Путеводитель по XVIII веку», «Цветник осьмнадцатого века», «Суд над Сократом», «Год 1740» (серия «Роковые годы России»), **«Императорский Михайловский театр»** и др.

Член Союза писателей СПб. Жена — переводчик и прозаик А. М. Косс (1934–2010).

Соч.: Год 1740: Докум. хроника / Послесл. С. Искюля. СПб., 1998; Императорский Михайловский театр. СПб., 2001.

КУ́РИЦЫН Вячеслав Николаевич (псевд. — Андрей Тургенев) [10.4.1965, Новосибирск] — филолог, лит. критик, публицист, поэт, прозаик.



В совр. русской лит-ре К. известен как пропагандист теории и практики постмодернизма, как «звезда» и «бытописатель» совр. «литературной тусовки», чьи лит.-критич. и публицист. статьи не раз возбуждали широкую и увлекательную газ. и журн. полемику.

Родился в семье инженеров («Родители были инженерами, писатели и скрипачи в гости не приходили» — **«Нам, татарам: по следам кочевий Вячеслава Курицына»** [инт.]). Коренным сибиряком себя не считает, т. к. мать К. происходит из Кинешмы, а отец из Рязанской обл., при этом «папа был совсем татарин» (Там же).

Детство провел в Новосибирске: «...детство, несмотря на то что солидную часть его я рос без отца, <было> мягким, приятным, интересным, благополучным» (К.), «мечтал стать футболистом или хотя бы спортивным радиокомментатором» (М. Гордиенко).

Интерес К. к худож. тв-ву появился довольно рано: «Первым моим художественным произведением была инсталляция в честь Ленина. 1970 год, ему сто лет, мне пять <...> на табуретку поставил портрет, положил значок, ленточку какую-то, вырезку из газеты» («Нам татарам...»). Позже рисовал комиксы, затем «издавал рукописный журнал». Впоследствии К. скажет, что «детские рукописные журналы были постмодернистскими — журналистика о выдуманном мире» (Там же). При этом в Новосибирске тв-во будущего критика оставалось на «кустарном» уровне: с представителями богемы или офиц. творч. кругов он не общался, свои «произведения» не показывал, но активно ездил в археологич. экспедиции.

Начинал на Урале, в Свердловске, где прожил с 1982 по 1993, учился на фак-те журналистики Уральского (Свердловского) гос. ун-та (законч. в 1989), работал в различных ред. (ж. «Текст», газ. «Веч. Свердловск», изд. «Клип» и др.); в какой-то момент — конюхом в цирке.

Начало творч. жизнь в студенч. годы не было не слишком активным — будущий теоретик постмодернизма представлял собой в те годы скорее наблюдателя, посещавшего Свердловский рок-клуб и рок-фестивали, где узнал о группе «Наутилус Помпилиус» (позже подружился с Кормильцевым), Цое, Башлачеве (кот. был студентом журфака на курс или два старше). Однако именно ко вр. учёбы относится начало завязывания К. лит. знакомств: с А. Верниковым, кругом «Урала» (В. Исхаковым, О. Славниковой, А. Матвеевым), К. Богомоловым (эти отношения сохранились надолго и даже переросли в соавторство), Р. Тягуновым и Б. Рыжим. По воспоминаниям М. Тайц, в то вр. К. «писал какие-то стихи под псевдонимом Александр Жыров (через Ы)» (Шабуров А. За что мы любим Курицына).

На перв. курсе ун-та задумался о «выборе жизненного пути»: «долго думали, кем бы Курицыну быть, и решили, что давно уже на русской земле не было никакого БЕЛИНСКОГО. И что неплохо бы ему стать кем-нибудь типа бесноватого Виссариона. И с ближайшей стипендии купили полное собрание сочинений этого самого Белинского. С этого и началась его работа критика» (М. Гордиенко). После окончания ун-та был распределен в Барнаул, но «в первый же день сумел напиться и подраться с редактором и вернулся в Свердловск...». В 1986 приглашен для участия в творч. семинаре в Дубултах, где познакомился с В. Лукьяниным, ред. ж. «Урал». «И после этого всё те же журналы начали публиковать то, что перед этим два или три года возвращали <...> а Курицын ничего не писал, покуда всё, что ему возвращали, назад не отослал» (М. Гордиенко).

Начал публ. в 1987 — в ж. «Урал», в дальнейшем до переезда в М. выступал со статьями и рец. в газ. «ЛГ» (1989. 11 окт.), «Сегодня», в ж. «Родник» (1989. № 12), «ЛО» (1990. № 12), «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь» (1991. № 7), «Искусство кино», «Огонек» (1991. № 18), «Знамя» (1992. № 1). Участвовал в создании и редактир. журнала в журнале «Текст» (Урал. 1990–91). С 1992 обозреватель «ЛГ», одновременно обозреватель газ. «Сегодня» (1993–95).

После переезда в М. (1993), где законч. аспирантуру РГГУ (1995), долгое вр. К. считался резидентом уральской культуры («представителем уральской диаспоры») в столице, в своей деятельности мн. времени уделял популяризации тв-ва уральских талантов. В Екатеринбурге стал местным культурным героем: «с переселением в столицу К. еще прочней поселился внутри прежних приятелей <...> чинопочитание его личности среди здешних читателей приняло непредсказуемые и прямо-таки неприличные размеры» (А. Шабуров. За что мы любим Курицына). С 1997 в Екатеринбурге Уральский гос. ун-т совм. с биб-кой им. Белинского, ж. «Матадор», Уральским отд. АН РФ один раз в два года проводил «Курицынские чтения» («Дни Вячеслава Курицына в Екатеринбурге»), посвящ. актуальным проблемам совр. культуры. По итогам чтений выпущены сб. мат-лов (Первый Курицынский сб. Екатеринбург, 1998; Второй Курицынский сб. Екатеринбург-М., 2001).

Был членом Академии русской совр. словесности. Один из родоначальников лит. Рунета. В интернете на guelman.ru долгое вр. имел сайт «Совр. русская лит-ра с Вячеславом Курицыным», кот. выдвигался на Малого Букера (2000). Был совладельцем портала Gif.ru (вместе с М. Гельманом и Максом Фраем), гл. ред. интернет-магазина «Озон». Был обозревателем (до окт. 2000) «vesti.ru» (колонка «Курицын по четным»). В разное вр. сотрудничал в газ. «Сегодня», «НГ», «ЛГ», был культурным обозревателем «Русского ж.» (рубрика «Курицын-weekly» — до 2002), «Матадора», «Худож. ж.», «ОМ» и др. В 2000 член жюри лит. премии «Дебют». Согласно статистич. исследованию «ЛГ», К. был самым цитируемым в 1995 русскоязычным лит. критиком.

В нач. 2000-х, почти перестав публиковаться в периодике, стал куратором худож. выставок, в т. ч. крупнейшей выставки русского актуального искусства «Давай» (Берлин-Вена, 2001–02), автором спектаклей в «Театре.doc» (М., 2002) и екатеринбургском ТЮЗе (2003), соучредителем (наряду с Д. Рубиным) и ведущим русского поэтич. слэма (в М. и СПб. с 2001). Слэм, по утверждению К., — «это поэзия на скорость, на яркость и на деньги» или «форма поэтического соревнования, когда поэты в алфавитном порядке читают свои стихи в течение трех минут, а баллы им выставляют пять случайно выбранных зрителей, оценивая отдельно содержание, отдельно подачу» (Т. Петренко).

В 2004 переехал в СПб. Предпринял попытку создания «клубного бизнеса» — популярного в теч. неск. лет (2004–06) лит. клуба «Платформа». Одно из крупнейших изд. «Платформы» — сб. «Стихи в Петербурге. 21 век» (СПб., 2005), а также книж. серия «Неформат» (совр. русский роман, 2004–05).

Наиболее репрезентативный сб. критич. ст. и эссе К. — **«Журналистика. 1993–97»** (СПб., 1998). Героями «Журналистики» становится лит-ра (и «около») и ее создатели (от И. Бродского и Г. Гессе до сегодняшних концептуалистов и метафористов, соц-артовцев и иронистов). Перечень жанров обширен: статья, рецензия, очерк, репортаж, фельетон, эссе, «юмор и сатира», «записки лит. человека», «прижизненный мемуар» и др. К. пишет «легко, остроумно, экономно», он «свободен и раскован»: «В его текстах естественность счастливо сочетается с артистизмом, мускулистая ученость (не наукообразие!) с разговорной интонацией. И во всем растворен живой юмор, нигде не переходящий в апробированный народный фольклор...» (Н. Колпий).

«Переписка (февраль 1996 — февраль 1997)» К. с А. Парщиковым появилась в изд. «Ad Marginem» в 1998, но широкой и благожелательной прессы не получила: «Переписка К. и Парщикова — всего лишь более или менее добросовестно реализованная идея. <...> Предполагается, что К. и Парщиков ведут переписку как бы из параллельных миров: из метрополии и эмиграции. На самом деле К. не хуже ориентируется в тамошнем, чем Парщиков в здешнем. <...> оттенки, разумеется, есть, но они не создают никакого культурного контекста...» (П. Басинский).

Крупнейшей и самой значительной критико-литературоведч. работой К. стала монография **«Русский литературный постмодернизм»** (2000, переизд. 2001). «В первой части <...> книги изложена курицынская версия западного постмодернизма <...> от Фидлера к Деррида <...> Значительно интереснее вторая часть <...> в которой постмодернистский шаблон <...> накладывается на творчество современных литераторов — постмодернистов подлинных и сомнительных. Конкретный анализ у К. всегда хорош, особо <...> главки о Владимире Сорокине и Андрее Битове <...> литературный вкус у К. <...> хорош, и литература, востребованная им, действительно актуальна» (В. Топоров). «Русский литературный постмодернизм» К. стал одним из основополагающих научно-критич. матлов, кот. составляет «золотой фонд» совр. теории в обл. худож. практик отеч. постмодерна.

«Лучшей книгой сорокалетнего автора» назван сб. **«Курицын-Weekly»** (2005), где объединены еженедельные обзоры критика и журналиста, созданные в бытность его обозревателем «Русского ж.». По поводу появления кн. в интернете звучало: «При переводе на бумагу еженедельных обзоров В. К. произошла удивительная метаморфоза. Сами собой они сложились в связное повествование на пересечении нескольких жанров: документального, идеологического и плутовского романов. В нем скрестилось несколько актуальных тем. Это "Битва титанов" — Сети и Литературы — за обладание Языком <...> Это хроника жизни громкого интернетовского проекта <...>».

На опр. этапе роль «совр. Белинского» оказалась отыгранной, и знающий тонкости классич. сюжетосложения и условности совр. постмодерной игры К. обратился к худож. тв-ву, уже не совмещая практики лит. и критич., худож. и научную, из совр. критика становясь модным и популярным писателем — вначале Курицыным, позднее Тургеневым.

Роман **«Акварель для Матадора»** (2000) стал началом нового витка творч. биографии К., несмотря на то что у него уже вышли **«Перевод стихотворения Мартины Хюгли»** («самый интимный из текстов» — К.), уже была **«Срамная проза»** (1991), **«Стихи, прочитанные 24 ноября 1996 года в салоне "Классики XXI века"»** (1997), **«7 проз»** (2002) и др. Но на фоне критико-литературоведческих работ и «малой» прозы «Акварель для Матадора» стала перв. прозаич. «крупногабаритным» худож. произведением К. В основе сюжета романа оказывается конфликт преступно-уголовный, кот. сопутствует любовно-романтич. подсюжет. Примеряя на себя маску автора масслитовского романа, К. совмещает небрежно-неряшливый, почти разговорный, а нередко и грубоватый тон и манеру повествования с игровым и умным «элитарным» началом. Своеобразным «фирменным» жестом К.-писателя становится его профессионально-филологич. чувство языка. Прием каламбура, использование свойств полисемии слова, игра на близости или родстве значений становятся наиболее интересными и тонкими повествовательными ходами.

Акцент на относительности науч. знания — примета сегодняшнего постмодерного времени — становится знаком прозы К., отмечающим его около-философскую тенденцию. Гл. герои романа — Матадор и Малыш, два супергероя ФСБ — не просто задаются «русскими» «проклятыми вопросами» («Кто ты?», «Куда ты

идешь, с какой целью?», «Чего же ты хочешь?»), но пытаются осмыслить значение слова «смерть», «убийство», пытаясь «сосчитать», к смерти скольких людей причастен каждый из них. И дело не в том, что герои не «складывают их в число» («это страшнее всего — точная цифра»), а в том, что их знание по сути относительно и неточно: «Да про всех и не знаешь. Как считать взрывы? Я вот поезд однажды...». Сходные мысли о «мертвых» и «живых», о существе жизни и смерти будут звучать и в последующих романах К., формируя некот. нестрого-философские константы романного тв-ва писателя.

Роман **«Матадор на Луне»** (2000) стал втор. крупным худож. произведением К., кот. (как ясно из назв.) продолжает предшествующий. По-прежнему мысли и поступки героев подчинены преимущественно наркотикам и сексу, управляемы физиологич. инстинктами и сопровождаются бесконечными бранью и матом. Однако в этом романе противниками героев оказываются не представители Силового министерства, а заокеанские партнеры — сотрудники ФБР, Президент США, гениальный изобретатель freak Флайер, его приемный отец сенатор Картер и др. Архитектонически «Матадор на Луне» построен красивее и соразмернее «Акварели», сюжет его остр и динамичен. Характер повествования становится легче, свободнее, игривее. В романе намечается образ автора-повествователя, текст начинает обретать признаки субъективации.

След. роман К. **«Месяц Аркашон»** (2003) подписан псевд. Андрей Тургенев (в кот. слились имена К. и К. Богомолова, в последующем псевд. сохранился только за К.). Необходимость взять псевд. К. объяснял следующим обр.: «Курицын и Тургенев — разные авторы. Курицын для социально близких (грубо говоря, для литераторов, а в случае массового "Курицын-Уикли" — для будущих ЖЖ-литераторов), Тургенев — для всех. Курицын пишет в неклассическом жанре "текста", Тургенев — в классическом жанре "романа". То есть Курицын — это лабораторная литература, а Тургенев — конвенциональная» (**«В башке синий тяжелый шарик...»** [инт.]).

Сразу после появления роман «Месяц Аркашон» был номинирован на премию «Нац. бестселлер». Местом действия романа избирается французск. городок Аркашон на берегу Бискайского залива. Загадочно-красивое звучание топонима выводит за пределы конкретики и реалистичности, порождая романтич. условность, в кот. само слово Аркашон «становится именем нарицательным — не города, не романа и не месяца, а любого желания, преодолевающего грань реальности» (В. Яранцев). В качестве героя избран некий молодой человек — обычный («массовый») и необыкновенный («элитарный») одновременно. С одн. стороны, герой — безденежный странствующий по Европе *артист*, выступающий на площадях в поисках текущего заработка, кот. может хватить на один ужин («Слишком уж у меня нет денег»), с др. стороны, он — *Артист*, точнее, как он назван в романе, Танцор, кот. не просто танцует перед праздно гуляющими зеваками, но исполняет «кино», в пластике танца воссоздавая характерные сцены из изв. кинофильмов.

В сравнении с дилогией о Матадоре текст об арт-героях Аркашона оказывается много тщательнее сделанным, чем прежде. Тургенев словно бы примерил еще одну писательскую маску, попробовав себя после образа авантюрного автора двух «убойных детективов» в роли артистич. и манерного писателя, обнаруживая новые грани творч. дарования. Обращение в последующем романе к теме блокадного Л-да, к теме суровой и героически-романтичной одновременно стало еще одним шагом писателя к художнич. самоидентификации.

Текст романа Андрея Тургенева (К.) **«Спать и верить»** с подзагол. **«Блокадный роман»** (2007) позволяет увидеть, что писатель начал работу над блокадной темой не по-постмодернистски наигранно, а традиционно — с изучения ист. мат-лов, когда отд. штрихи и детали текста абсолютно точно воспроизводят реалии музеефицированного блокадного города. Между тем роман не документальный, но худож., наполненный вымышленными именами и эпизодами, измышленными сюжетными перипетиями, потому гл. герои суть образные проекции авторских представлений о лен. прошлом, сегодняшнего взгляда совр. писателя на блокадные будни. В русле предшествующих романов К. визуальный ряд «Спать и верить» приравнивается к мироотражению сов. фильмов 1940–50-х, воспроизводит их колористику и покадровую компановку. В романе возникают два ряда «кинолент» — цветных ирреальных снов сов. человека, кот., как правило, возвращают героев в счастливое прошлое или уносят в мечтательное будущее, и черно-белых кадров блокадной документ. «кинохроники». «Кинематографическую» структуру романа К.-Тургенев дополняет мировосприятием постмодерного времени, когда отчетливая ясность и четкость стилистики 1940–50-х дополняется мотивикой сомнения, образными рядами мира-сна, действительности-ирреальности, яви-туманности. Образ блокады в романе К. создан на вибрирующей грани смыкания яви и сна, заставляя усомниться и в истинности, и в видимости изображаемых событий.

В 2008 К.-Тургенев завершил роман **«Чтобы Бог тебя разорвал изнутри на куски!»**, «причудливую литературную инсталляцию», напрямую связанную с разрешением вопросов «Откуда берется... искусство?», «Что должно произойти с человеком, чтобы он из обыкновенного престарелого режиссера превратился в Творца?», т. е. роман, затронувший классическую тему русской литры,— писатель и тв-во, художник и текст, «явь и греза».

Соединению таланта исследователя и художника посвящ. одна из посл. кн. К. — большой монографич. труд о В. Набокове (**«Набоков без Лолиты»**), над кот. автор работал мн. лет. С одн. стороны — это филигранное исследование тв-ва выдающегося писателя, с другой — мастерское сотворение новых берлинских **«Рассказов Сирина»** (приложение), среди кот. **«Карточка»**, **«Редкая рыбка»** и др.

Посл. книги К. обнаруживают значительный сдвиг в худож. эволюции автора, свидетельствуют о все большей философской нагруженности его теста, позволяют очертить собственно-курицынский ареал в среде совр. писателей-постмодернистов.

Лауреат конкурса «Зеркало для молодых», премии ж. «Октябрь»

(1997), премии Андрея Белого в номинации «За заслуги перед русской лит-рой» (2005). В речи на вручении премии Андрея Белого поэт А. Драгомощенко оценил заслуги К. так: «В своем смотрении, настаиваю я, он создавал не только себя, но и "нас", а вместе — некую планетарную систему, где процессы, надо полагать, теперь уже развиваются помимо его воли».

Соч.: Срамная проза (совм. с А. Верниковым и В. Дубичевым). Свердловск, 1991; Книга о постмодернизме. Екатеринбург, 1992; Любовь и зрение. М., 1996; Стихи, прочитанные 24 нояб. 1996 г. в салоне «Классики XXI в.». М., 1997; Переписка (В соавт. с А. Парщиковым). М., 1998; Журналистика. 1993–97. СПб., 1998; Акварель для Матадора. М.; СПб., 2000; Матадор на Луне. СПб., 2000; Русский лит. постмодернизм. М., 2000 (2001); 7 проз. СПб., 2002; Месяц Аркашон. СПб., 2003; Курицын-Weekly. М., 2005; Спать и верить: Блокадный роман. М., 2007; Чтобы бог тебя разорвал изнутри на куски! М., 2008; MTV. М., 2010; Книги Борхеса. М., 2010; Из цикла «Рассказы Сирина» // Урал. 2012. № 1.

Лит.: Богданова О. «Спать и верить» Андрея Тургенева и «Блокадный роман» Вячеслава Курицына // Звезда. 2008. № 8; Богданова О. Писатель в маске. СПб., 2008; Новикова Л. Андрей Тургенев «Чтобы бог тебя разорвал изнутри на куски» // Коммерсантъ. 2008. 26 нояб.; Богданова О. Призрачный «пушкинский» сюжет: «Акварель для Матадора» Вяч. Курицына // Богданова О. «Пушкин — наше все...»: Лит-ра постмодерна и Пушкин. СПб., 2009; Донгур-оол Е. «Значимые» и «пустые» знаки (по роману А. Тургенева «Чтобы Бог тебя разорвал изнутри на куски!) // Per aspera ad astra: Сб. Вып. 9. СПб., 2009; Трунченков Д. Андрей Тургенев «Чтобы Бог тебя разорвал изнутри на куски!» // http://www.natsbest.ru/trunchenkov09_turgenev.htm; Ивова Н. «Но тут я ставлю точку с запятой» // Урал. 2009. № 3; Чупринин С. Русская лит-ра сегодня: Новый путеводитель. М., 2009; Петренко Т. Поэтри-слэм // http://russkijstil.ucoz.de/index/0–2. 2011. Сайт премии Андрея Белого <belyprize.ru>

О. Богданова, Д. Головинская

КУ́РОЧКИН Виктор Александрович [23.12.1923, д. Кушниково Тверской губ.— 10.11.1976, Л-д; похоронен на Комаровском кладб.] — прозаик.

В 1930 родители К. переехали в г. Павловск Лен. обл. Мать К. работала на промкомбинате, отец — управдомом. В 1941 К. окончил 9 классов ср. школы. «Началась война,— писал К. в автобиографии,— сестра с матерью эвакуировались к родственникам в г. Ярославль. Я с отцом остался в осажденном Ленинграде. Работал на заводе шлифовщиком. Работа у меня была несложная: обтачивал зенитные снаряды. В конце янв. 1942 умерли отец и тетка, у кот. мы жили. Я остался один». Весной 1942 К. в тяжелом состоянии был эвакуирован через Ладогу в Ярославскую обл., до июня 1942 находился в больнице, после чего был зачислен курсантом 1-го Ульяновского танкового училища, а затем 2-го Киевского артиллерийского училища, находившегося в Саратове, которое К. закончил в звании лейтенанта, командира самоходной артиллерийской установки. Летом 1943 К. прибыл на фронт: «На Курской дуге воевал пятнадцать минут» (из автобиографии). В дальнейшем боевой путь К. вобрал в себя освобождение Киева, форсирование Днепра, Вислы, Одера. 31 янв. 1945 при переправе через Одер К. был тяжело ранен. День Победы К. встретил в госпитале. Награжден орденами Красной Звезды, Отеч. войны и медалями. После госпиталя К. был направлен в Л-д в воен. училище, окончив кот. он решил уйти из армии. В автобиографии при вступлении в СП (1965) К. писал: «Демобилизовавшись, вернулся в город Павловск. Первое время работал, где придется и одновременно учился в 10-м классе веч. средней школы. Получив аттестат зрелости, поступил учиться в Лен. юридическую школу. Получил диплом юриста. С 1948 по 1952 работал народным судьей в Уторгошском р-не Новгородской обл. В 1952 вернулся в Павловск и стал работать в газ.: сначала в павловской районной газете, затем в пушкинской, потом в „Ленинградской правде". С 1952 начал печататься. С 1956 стал заниматься лит. трудом. В 1969 окончил Лит. ин-т им. М. Горького при СП СССР, заочное отделение» (Лен. писатели-фронтовики / Сост. В. Бахтин. Л., 1987).

В перв. рассказе **«Пастух»** (1952) К. предстал перед читателем как сложившийся художник, поэтика кот. во многом ориентирована на чеховскую традицию (краткость фразы, напоминающая авторские ремарки к пьесе; свобода от декларативных высказываний, долгой описательности, идеализации героев). Неустроенность, послевоен. сиротство и «неуслышанность» деревни кон. 1940–50-х становятся гл. темой писателя. К. во многом предварил то, о чем деревенская проза заговорила годы спустя. Повесть **«Заколоченный дом»** (1958) в этом отношении наиболее яркое произведение писателя. Герой повести Василий Ильич Овсов мучается вопросами: «Зачем все это? Разве нельзя жить без машин, соревнований, без собраний?», иными словами, имеет ли право человек жить своим трудом на своей земле? Коллективизация, выпавшая на юность Василия Овсова, выбросила его в город, оставив в душе неизбывную любовь к сельскому труду; теперь Овсов старательно обихаживает и возделывает суглинистый клочок земли на городском пустыре. Мимоходом автор отметил, что Овсов воевал, был ранен, потерял одного из сыновей и, вернувшись с войны, с новой силой взялся за благоустройство своего «городского» огорода. Решение вернуться в родную деревню, в заколоченный отчий дом, пришло к Василию Ильичу после того, как огород-пустырь, служивший ощутимым подспорьем в жизни жителей окраины, был уничтожен (место предназначалось под новостройки). Герой К., для кот. после этого «все потеряло смысл и зна-

чение», возвращается в родной деревенский дом. Переезд в деревню заставил Овсова подчиниться тем законам, которые не согласовались с его мечтой о самостоятельной жизни: обязательность вступления в колхоз, низкие заработки, необходимость ограничения собств. свободы — все это привело героя К. к новому разочарованию и возвращению в город. Критика того времени увидела в повести К. обличение индивидуализма, собственничества и т. д., оставив без внимания вопрос о праве крестьянина на свободный труд, на свои «земляничные сны». К. одним из первых показал драматич. ситуацию, в кот. оказывается человек, оторванный от своей малой родины, попавший в мучительное положение — между городом и деревней. Внимание писателя останавливается прежде всего на людях с несложившимися судьбами, неудачниках, чья душевная неустроенность зависела от того, какой ответ удавалось им найти на вечные вопросы: жизнь — смерть, долг — предательство, талант — бездарность (**«Наденька из Апалева»**, 1961; **«Последняя весна»**, 1962; **«Урод»**, 1964).

Анастас Засухин («Последняя весна») — полубезумный старик, брошенный сыном на попечение соседей, встречает свою посл. весну с радостью исполненного долга: в короткий период ясности рассудка он успел написать и заверить завещание, рассказать о своей мечте — разведении карпа. Но все задуманное стариком не увидело жизни: завещание осталось в подкладке парадного пиджака, в котором похоронили Анастаса, а его путаный рассказ о разведении рыбы никто из колхозного начальства всерьез не принял. В повести неразрывно слиты прошлое и настоящее героя, мотивы смерти и старости предстают в единстве с изображением рождения новой жизни, весны, юности, детства. Рядом с умирающим Анастасом девочка «пеленала котят и укладывала их в тесный ящик стола. Кошка желтыми глазищами смотрела на Липочку, жалобно мяукала, стучала по полу хвостом. <...> Почувствовав, что смерть подкрадывается к нему без тех страшных мук и издевательств, которых он ждал и опасался, Анастас лежал тихо, не шевелясь, притаив дыхание, словно боясь спугнуть ее».

В повести «Урод» К. обращается к теме тв-ва и ответственности художника перед самим собой. Красивый и неглупый человек, но бездарный киноактер Отелков утвержден на глав. роль в снимающемся известным реж. фильме. Эту роль он получает благодаря своей искалеченной собаке, проявившей удивительные актерские способности. Сам же Отелков прекрасно осознает свои творч. возможности и унизительное положение, в кот. он находится, однако что-либо изменить этот герой К. не в силах: слишком велик соблазн после выхода картины на экраны быть замеченным кинокритикой и режиссерами. На торжествах после премьеры фильма, как и опасался Отелков, его никто не вспомнил, более того, один из «представителей Управления» «к ужасу Ивана Алексеевича его роль приписал другому, известному всем киноактеру». К. постоянно и пристально всматривается в своих произведениях в соотносительные категории необходимости и случайности.

К. одним из первых посмотрел на войну с будничной, «негероической» точки зрения. Именно это стало гл. темой повести **«На войне как на войне»** (1965). Война в изображении К. прежде всего тяжелая работа, состоящая из многокилометровых переходов, бессонных недель, постоянного и томительного ожидания встречи с врагом. 3 дня из жизни 19-летнего младшего лейтенанта, командира самоходной установки Сани Малешкина, его мечты, его подвиг, его победа в перв. бою и случайная гибель легли в основу повествования. Казалось бы, ряд случайностей выводит в первом Санином бою его машину в тыл к немцам, и он, недавно выпущенный из училища, плохо, по ускоренной программе обученный командир, уничтожает два фашистских танка, благодаря чему полк с наименьшими потерями выполнил свою боевую задачу. В то же время победа Малешкина закономерна: за скромностью, даже застенчивостью Сани были скрыты беззаветная верность своему воинскому долгу, храбрость и мужество. Собственно бою, который экипаж Малешкина ведет с превосходящим и по численности и по боевому опыту врагом, в повести уделено в сравнении с остальным объемом немного места: всего несколько страниц. Остальное пространство произведения занимает рассказ о переживаниях главного героя, о том, как он становится командиром своим подчиненным — взрослым людям и опытным воинам, как Саня терпеливо и не зло сносит насмешки офицеров и скрытую иронию экипажа. Читатель узнает вкратце о жизни Малешкина до войны, вместе с ним радуется письму из дома и от незнакомой девушки. В повести «На войне как на войне» К. снова (тема «Посл. весны») подчеркивает мысль о том, что трагически поздно приходит к человеку все лучшее, заветное. Следуя толстовской традиции, автор осознает пост. присутствие войны в человеч. истории, поэтому и французская поговорка, легшая в название повести, придает войне вневременность и даже обыденность. А. Яшин в восторженном письме к автору по выходе повести отметил близость Пети Ростова из «Войны и мира» и Сани Малешкина. Опубликованная в августовской книжке за 1965 ж. «Молодая гвардия» повесть «На войне как на войне» сразу привлекла к себе внимание критики, причем грубой и несправедливой по отношению к К. Критика не приняла на взлете «оттепели» иной, недогматич. правды о войне. «Очень странный экипаж» (ЛГ. 1965. 7 сент.) — так называлась перв. статья, в кот. были высказаны презрение к гл. герою и неприятие повести в целом: «сборник солдатских анекдотов, записанных нетребовательной рукой, без отбора» (А. Елкин). В том же высокомерном тоне говорили В. Камянов и В. Щербина.

«Записки народного судьи Семена Бузыкина» (1963) полностью увидели свет спустя четверть века после напис. По идеологич. причинам 11 новелл о жизни послевоен. колхозной деревни стали доступны читателю вкупе с т. н. «возвращенной» литрой. В основе повести сельская жизнь, какой ее увидел К. в бытность свою народным судьей: разрушенные войной, голодные, задавленные непосильными налогами деревни окончательно разваливаются глупостью местных властей, действия кот. оставались тем не менее безнаказанными. Сатира К. беспощадна, вместе с тем она лишена нарочитой гротесково-

сти, в ней обличительная сторона повествования сочетается со сдержанным и точным лиризмом.

Посл. крупным произведением К. стала перв. книга повести **«Железный дождь. Двенадцать подвигов солдата»** (1968). Гл. герой этого произведения — танкист Богдан Сократилин проходит все мыслимые и немыслимые испытания, какие может послать человеку война. Однако воплотить свой замысел до конца писателю не удалось: вследствие тяжелого заболевания он 8 посл. лет жизни был лишен возможности работать — не мог ни писать, ни говорить.

Соч.: Короткое детство: Повесть. Л., 1970; Товарищи офицеры / Публ. Г. Нестеровой-Курочкиной // Аврора. 1977. № 12; Избранное / Сост., вст. ст. Г. Горышина. М., 1986; Осиновый край: Повести, рассказы / Сост. и послесл. Г. Нестеровой-Курочкиной. Л., 1990.

Лит.: Семин Л. С главного входа // Нева. 1958. № 19; Дементьев В. Заинтересованность в жизни // Октябрь. 1958. № 9; Горышин Г. Обычная жизнь. Заметки о повестях В. Курочкина // Аврора. 1971. № 4; Горышин Г. Пробиться к человеч. душам // Аврора. 1977. № 12; Конецкий В. Памяти товарища // Аврора. 1977. № 12; Шкловский Евг. Закон среды // Лит. обозрение. 1988. № 12.

В. Прокофьев

КУРЧÁТОВА Наталия Михайловна [14.12.1977, Л-д] — прозаик, поэт, лит. критик.

Закончила фак-т журналистики СПбГУ. Журналистскую деятельность начала в 1990-х в музыкальном ж. «FUZZ», где писала рецензии и статьи, а в кон. 2000-х — лит. колонки. Лит.-критич. заметки и обзоры, опубликованные в ж. «TimeOut — Петербург» (с 2004), «СПб. Собака. RU» (с 2004), «Эксперт» (с 2007), «Критическая масса» (2004–2006) и т. д., а также цикл портретных очерков/интервью с писателями «Петербургский текст» на портале «OpenSpace» (2008–09), быстро снискали К. славу незаурядного аналитика и блестящего стилиста: по мнению самой К., рецензия в идеале всегда должна быть лит. произведением (Инт. // Живая Литература).

Стихи публ. в ж. «Вавилон» (2002), антол. «Братская колыбель» (лит. премия «Дебют», 2004), «Стихи в Петербурге. 21 век» (2005), «Петерб. поэтическая формация» (2008), переводились на англ. яз. В антологии малой прозы «Четыре шага от войны» (2010) напеч. рассказ К. **«Поход»**.

К. использовала различные псевдонимы. Один из них дал назв. циклу, неск. рассказов из кот. опубл. в инт.-ж. «РЕЦ» (**«Из рассказов Леонарда Лажевского»**). Цикл продолжен, но под др. названием (**«Тененте»**). Его фрагмент, как и часть нового цикла К. **«Этим летом»**, опубл. в сетевом ж. «Топос». Др. псевдонимы — Марция Германика и Фабиана Германика — были придуманы для совм. произведений К. и Ксении Венглинской. Так, К. является осн. автором текстов, подписанных именем Марции Германики,— напр., киносценариев **«Поезд, которого ты не ждешь»** (1999; название является аллюзией на строчку стих. И. Бродского «Новая жизнь»: «...Поезд, которого ты не ждешь / на перроне в плаще, приходит без опозданья») и **«Шойкула»** (док. фильм по этому сценарию снят К. Венглинской в 2005–06).

В 2007 опубл. роман **«Лето по Даниилу Андреевичу»** (в соавт. с К. Венглинской; вошел в long-list премии «Национальный бестселлер», 2007), кот. в жанровом отношении критики пытались определить как антиутопию (Н. Елисеев), альтернативную историю (В. Левенталь) и даже «трэш-сказку» (А. Пронин). Эта «выведенная очень твердым тонким пером» «история про романтика, ставшего опричником, но не позаботившегося о том, чтобы потерять совесть» (Л. Данилкин), кот. была написана раньше романа В. Сорокина «День опричника», хотя и значительно позже опубл., развивает традиционные для русской лит-ры сюжеты о «лишнем человеке», «кризисе самоидентификации» и «нравственных исканиях» (Л. Данилкин). Кроме этого, важной в романе становится тема сложности взросления, «когда мир теряет уютную однозначность, начинает дробиться на плохо стыкующиеся составляющие»,— и в описании этого процесса молодые авторы, по мнению критики, «достигли высот пластической убедительности»: «сыплется пазл восприятия реальности, сыплется сама реальность, но не текст, ее описывающий и становящийся, чем дальше в лес, все более тугим и плотным» (Д. Бавильский).

Очерк о Куприне, написанный для сб. «Лит. матрица», трактует важную для К. «тему "русскости" и интеллигентности» (Н. Елисеев): К. отмечает свойственные тв-ву Куприна «мучительную правдивость» и большую смелость, кот. роднят его с представителями западного натурализма и делают предшественником гонзо-журналистики, породившей модный жанр блога.

Начало критич. деятельности К. часто связывают с писателем Захаром Прилепиным и в первую очередь с его романом «Патологии». Однако живой интерес К. к теме войны заметен и в её лит. произведениях. Сюжеты о военном прошлом, прежде всего в романе «Лето по Даниилу Андреевичу» и рассказе **«Поход»**, демонстрируют незаурядную ист. осведомлённость автора, а также любовь к родному Петергофу. Хотя критич. работы К. публикуются в изданиях разного формата и направления, позиция К. всегда независима и оригинальна. «Самостоятельность оценок» К. и «изощрённую доказательность» её письма отметил В. Топоров, поставив имя К. на вершину своего «Литературного хит-парада — 2008» в номинации «Газетно-журнальная критика». Филолог М. Антоничева, посвятившая критич. деятельности К. очерк, полагает автора представителем

«функциональной критики», рассчитанной на массовую аудиторию и потому «всеядной». При этом, по мнению Антоничевой, К. удается сохранять в рамках подобного жанра позицию «доверительного советчика», кот. «не настаивает на своей точке зрения и не доминирует над читателем, скорее мягко направляет его»: «Это живая критика, не чурающаяся масслита и не скрытая от людей в башне из слоновой кости собственной постройки. Белинский ею был бы доволен».

В 2011 К. являлась номинатором, а в 2009, 2010, 2012 — членом Большого жюри лит. премии «Нац. бестселлер».

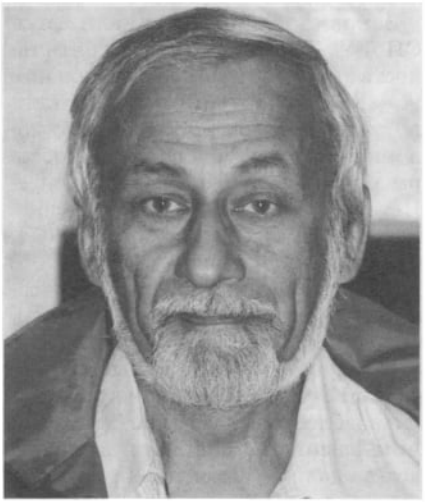
Соч.: Поезд, которого ты не ждешь: Киносценарий // http://reocities.com/SoHo/bistro/1913/martia_germanica.html; [Стих.] // Вавилон. Вып. 9 (25). М., 2002; [Стих.] // Братская колыбель: Антология поэзии. М., 2004; [Стих.] // Стихи в Петербурге. 21 век: Поэтич. антология. СПб., 2005; [Стих.] // Петерб. поэтич. формация. СПб., 2008; Лето по Даниилу Андреевичу: Роман. СПб., 2007; Из рассказов Леонарда Лажевского // РЕЦ. 2009. № 57; Русское пространство Александра Куприна: Эссе // Лит. матрица. СПб., 2010; Поход: Рассказ // Четыре шага от войны. СПб., 2010; «У меня нет амбиций литературного дирижера»: Инт. // Живая лит-ра. 2010. 21 нояб.; Тененте, Этим летом: Циклы рассказов // Топос. 2012. Июнь; Ослиная шкура: Сказка (в соавт. с К. Венглинской) // **St. Petersburg Noir. СПб., 2012 [в англоязычной версии сб., вышедшего в 2012 в Нью-Йорке (изд. «Akashic Books»), текст получил название «Peau de Chagrin»]**.

Лит.: Данилкин Л. [Рец.] // Афиша. 2007. № 214; Бавильский Д. Молодые да раненые // Взгляд. 2007. 17 дек.; Левенталь В. Три девушки, три романа // СПб. ведомости. 2008. 24 янв.; Пронин А. Индустриальный пейзаж (Петерб. издат. мир сегодня) // НЛО. 2008. № 91; Лит. хит-парад-2008. Версия Виктора Топорова // 812 online. 2008. 30 дек.; Елисеев Н. Об авторах этой книги // Лит. матрица. Т. 2. СПб., 2010; Антоничева М. Боец невидимого фронта // Октябрь. 2011. № 6.

С. Друговейко-Должанская, А. Шмидт

КУТЕРНИ́ЦКИЙ Андрей Дмитриевич [28.7.1948, Л-д] — прозаик, драматург, детский писатель.

Родился в семье служащих, отец — инженер-металлург, мать — техник.



Закончил Лен. Арктическое мореходное училище (1968), получив специальность судового механика. Плавал на судах Мурманского и Балтийского морского пароходств, побывал во мн. странах, на разных континентах, в Арктике на Новой Земле, Шпицбергене, Земле Франца Иосифа. Кроме того, пять лет ходил в археологич. экспедиции, участвовал в раскопках стоянки охотников на мамонтов в с. Авдеево недалеко от Курска. Оставив флот, поступил на работу в котельную театра им. Ленинского комсомола кочегаром, где впервые получил возможность бывать на репетициях и наблюдать за тем, как рождается театр. постановка. Именно там впервые возникло желание написать пьесу.

Перв. пьеса К. **«Еще не вечер»** была поставлена в 1974 в Моск. драм. театре им. К. Станиславского. В том же году во МХАТе пошла пьеса **«Нина»**, кот. принесла автору перв. большой успех. Вместе с героиней пьесы на сов. сцене впервые возник новый образ юного человека, в кот. на перв. план выходил тревожный внутр. мир мятущейся души, восстающей против обыденности и безразличия окружающего мира. Молчаливая Нина, ощущавшая себя чужой даже в родной семье, кричала со сцены в зрительный зал: «Страшно!». Пьеса долго не покидала сцен театров по всей стране.

Спектакли по пьесам К. ставили изв. режиссеры — О. Ефремов, А. Васильев, Р. Туминас, М. Махачек, Е. Падве. Рекомендовавший К. в СП А. Володин говорил молодому автору: «Помните, вас всегда будут ругать за достоинства ваших произведений».

Осн. темами К. стали поиск смысла жизни, одиночество человека, любовь, взаимоотношения человека и Бога, человека и природы.

Творч. жизнь К. началась с драматургии, однако успешно продолжилась и в прозе. Своими учителями К. считает русскую классику, особенно Л. Толстого и И. Бунина. За неск. лет вышли 4 романа К.: **«Сочетание браком»** (1988), **«Падение луны»** (1997), **«Первая женщина»** (Геликон Плюс, 2000; Лимбус Пресс, 2001), **«Госпожа Странная Мысль»** (2006), а также повести, рассказы и сказки. Роман «Первая женщина» — повествование о любви подростка к замужней женщине. Этим романом неоднократно интересовались кинематографисты.

Проза К. публ. в ж. «Нева», «Звезда», «Аврора», «Время и мы», «Дирижабль», «Костер», «Чиж и еж», «Кукумбер» и др. В России кн. К. выходили в изд-вах «Сов. писатель», «Геликон плюс», «Лимбус пресс», «Детская лит-ра», «Олма Медиа Групп», «Детгиз».

Пьесы «Нина» и **«Вариации феи Драже»** переведены и изд. немецким изд. «Фишер Ферлаг». Пьесы К. ставились во мн. российских театрах и за рубежом. Четыре пьесы К. — **«Еще не вечер»**, **«Нина»**, **«Вариации феи Драже»**, **«Между чашей и губами»** — шли в 100 театрах, в т. ч. таких изв., как Национальный театр (Прага), МХАТ, Театр на Малой Бронной, Театр им. К. Станиславского в М., БДТ и Малый драм. театр в СПб., Академ. театр драмы — в Самаре, Академ. театр драмы — в Оренбурге, Академ. театр драмы — в Вильнюсе и др. По пьесе **«Адам и Ева»** написан сценарий для моск. киностудии ЮГ (реж. Ю. Грымов). По сказкам **«Тайна Розы Рассвета»** и **«Трус»** сделаны радиоспектакли.

К. успешно пишет для детей (и их родителей). Его сказки — это детские книги для взрослых или — взрослые книги для детей. В них ставятся вечные вопросы в доступной для подростков форме. Герои необычны, их яркие образы запоминаются.

В 2008 в изд-ве «Детгиз» вышла книга **«Упрямец!»** — собрание сказок с необычными героями, кот. попадают в невероятные ситуации.

В 2011 вышла кн. для детей и юношества **«Приключения Птицы Кури-**

цы» о большой мечте обычной курицы, кот., как и следовало ожидать, за птицу не считают.

Летом 2013 в изд-ве «Олма Медиа Групп» вышел сб. сказок К. **«Страшный заяц»**.

Повести и романы К. перев. на различные иностр. яз. (немецкий, французский, финский, чешский, словацкий, литовский, югославский).

Выпустил 9 кн., 4 из них — для детей. Представлял СПб. на европейских книжных ярмарках в Праге и М. Член СП СССР (1977), позже СП СПб.

На российском радио инсценировано более 50 произведений К. На ТВ о К. снято два докум. фильма: «В сумерках, в одиночестве» (1993) и «Господин Кутерницкий» (2003). В СПб. изд-ве аудиокниги «Вира — М» вышло три диска сказок для детей — **«Сказочные истории»**, **«Дохохотались»**, **«Морские истории шкипера Андрея»**.

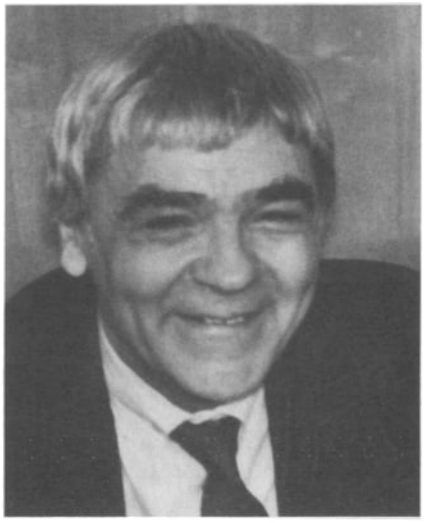
Лауреат конкурса «Молодость, мастерство, современность» за пьесу «Нина» (1977), дипломант Всероссийского конкурса детской лит-ры «Заветная мечта» (2006), лауреат премии им. С. Маршака в номинации «Лучшее произведение для детей в прозе» — за роман-фантазию **«Госпожа Странная мысль»** (2007). Критик И. Арзамасцева написала об этой вещи К. следующее: «Мало того, что это редкий ныне жанр — детский роман, в нем еще и сюжет разворачивается вокруг заданных автором "умных" вопросов и отвлеченных категорий. Что такое мысль? Как она связана с человеком? Что такое человек? Какую мысль можно назвать обычной, а какую — странной? Где живут мысли? Какая связь между мыслью и добрым и злым сердцем? <...> Что такое время? Как происходит познание, если то, что познается, *неведомо*? Каково соотношение между *знанием* и *незнанием*? "Существует все, что названо словами. Но еще больше существует того, что ими не названо". Предмет и слово — филологическая вроде бы тема, но и философская тоже».

Соч.: Однажды в Синем заливе: Сказка. Л., 1986; Чайки на газоне. Запах прелых листьев: Два рассказа // Звезда. 1990. № 7; В сумерках в одиночестве: Повествование в рассказах // Звезда. 1992. № 7; Первая женщина. СПб., 2001; Госпожа Странная Мысль: Роман-сказка: Фрагмент // Питербook плюс СПб., 2003. № 6–7; Госпожа Странная Мысль: Роман-сказка. СПб., 2006; Признание: Удивительная история, произошедшая в одном европейском зоопарке // Костер. СПб., 2007. № 5–6; Дохохотались. СПб., 2008 (MP3); Сказочные истории. СПб., 2008 (MP3); Звездочет // Чиж и ёж: Лит. ж. для детей. 2009. № 37–38; Приключения птицы курицы: Сказочная история, отрывок // Костер. СПб., 2009. № 1; Упрямец: Сказочные истории. СПб., 2009; Морские истории шкипера Андрея. СПб., 2009 (MP3); Приключения птицы курицы. СПб., 2011.

Лит.: Арзамасцева И. Русская книга для «маленького Сенеки»: Заметки историка детской лит-ры // Неприкосновенный запас. 2008. № 2.

Е. Кутерницкая

КУТУ́ЗОВ Евгений Васильевич [7.9.1932, Л-д — 10.11.2005, СПб.] — прозаик.



Во время Великой Отеч. войны был воспитанником инженерного авиационного батальона (1944–45), после войны (1945–47) учился в железнодорожном училище. Позднее закончил веч. школу, одновременно работая кузнецом на з-де. В 1951–54 служил в рядах СА. С 1955 по 1960 жил в Риге, где работал радистом. В 1960-м вернулся в Л-д, начал сотрудничество с газ., в т. ч. некоторое вр. был собств. корр. «ЛГ» в Л-де, позднее — членом редколл. ж. «Аврора».

Перв. рассказ К. опубл. в 1959. Член СП СССР (позже СП России) с 1969.

Герои романа **«Вечные хлопоты»** (1 кн. — 1976, 2 кн. — 1977) — те, кто прожил большую сложную жизнь, и те, кто только вступает в жизнь. В центре романа — семья потомственного рабочего-кузнеца Антипова. Действие перв. кн. охватывает предвоен. время и годы Великой Отеч. войны, вторая рассказывает о послевоен. судьбе героев. По мысли К., чувство высокой ответственности за все, что происходит вокруг, честность и верность своему долгу — то, что должна наследовать молодежь у своих отцов.

В те же годы К. занимался редакторско-изд. и состав. деятельностью. В «Лениздате» им был подготовлен комплект из 40 кн. «Повести лен. писателей» (1978–82), куда вошли произведения лен. авторов и где К. предпринял попытку систематизировать и осознать особенности лен. культурного пространства. Повести этой серии посвящ. разным темам, но, по представлениям К., родство особого лен. языка, общего и индивидуального, единого и уникального, давало о себе знать.

Вслед за этой работой К. обратился к тв-ву молодых лен. прозаиков. Им были сост. и подгот. к изд. две антологии молодых ленинградцев, избирающих делом жизни лит-ру — «Точка опоры» (1980, 1982). В эти сб. прозы вошли повести и рассказы начинающих литераторов Л-да, участников конференций молодых писателей Северо-Запада. Становление личности в условиях совр. об-ва, выбор жизненной позиции и выработка личного нравств. кодекса — те тематич. и проблемные критерии, кот. были избраны К. для включения автора в состав антол.

В сб., написанные К. в 1980-е, **«Последний день года»** и **«Голубые поезда»** вошли повести и рассказы художника о его современниках, о людях разных судеб, возрастов и профессий, кот. объединяют высокое чувство долга, любовь к своему делу, вера в добро и справедливость. Такими качествами — убежденность, нравств. чистота, честное служение профессиональному и человеч. долгу — наделяет писатель своих героев.

На основе впечатлений от поездки К. в Хибины им выпущена кн. **«За полярным кругом»** (1980, изд-во «Детская лит-ра»), гл. содержание

кот. составили рисунки хибинских детей и рассказ писателя о своеобразии этого края — о природе, быте, друзьях, кот. стали ученики худож. школы Хибин.

Роман-исследование К. **«Поздняя дорога»** (1984) — о судьбе крупного хозяйственного руководителя Шумилова. Автор ставит героя в сложные — моральные, общественные и производственные — ситуации и наблюдает за стойкостью сильного человеч. характера.

«Право быть» (1990) — еще один производств. роман К., состоящий из трех частей, каждая из кот. посвящена отрезку жизни того же гл. героя — инженера, первоначально директора небольшого з-да, а затем ген ген. директора крупного производственного объединения Шумилова. На примере судьбы героя К. попытался отразить свой взгляд на сложный и противоречивый путь развития страны в воен. и послевоен. годы.

Роман К. **«Во сне и наяву, или Игра в бирюльки»** (1991) отчасти автобиографичен. Но не воспоминания и не собственно жизнеописание. Скорее это биография поколения, к кот. принадлежал автор, поколения, чье детство и отрочество совпали с великими и трагич. потрясениями в истории Отечества. В опр. смысле можно говорить о том, что К. пишет о «потерянном поколении», однако его герои заняты не поиском истины, а поиском путей к выживанию, кот., по наблюдению писателя, приводят к обратному — к гибели физической и духовной. В 1992 за роман «Во сне и наяву» К. стал лауреатом премии СП России.

Был делегатом V–IX съездов писателей России, избирался членом правления и секретарем лен. писательской организации и СП России, в 1991–94 был предс. правления СПб. организации СП России.

Долгое вр. успешно исполнял обязанности ред. альм. «Ижорские берега». Занесен в «Золотую книгу» г. Колпина за вклад в культурную и обществ. жизнь города. Внесен в энц. «Лучшие люди России». Действительный член Петровской АН и искусств.

Соч.: Четвертое измерение: Повести. Л., 1965; Не стой на пороге: Повесть. Л., 1967; Одна любовь: Роман. Л., 1971; Вечные хлопоты: Роман в 2 кн. Л., 1976 и 1977; Последний день года: Рассказы и повести. Л., 1980; Повести лен. писателей. Л., 1978–82; Не стой на пороге. Гуси-лебеди. Л., 1982; Поздняя дорога: Роман. Л., 1984; Голубые поезда: Повести. Л., 1986; Право быть: Роман. Л., 1990; Во сне и наяву, или Игра в бирюльки: Роман. Л., 1991.

Лит.: Фадеев В. О прозе Евгения Кутузова [Предисл.] // Кутузов Е. Не стой на пороге. Гуси-лебеди. Л., 1982; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

КУ́ЧЕРОВ Анатолий Яковлевич [30.9.(12.10).1907, Киев — 30.6.1968, Л-д, похоронен на Стрельнинском кладб.] — литературовед, прозаик, критик.

До 1927 жил в Киеве, окончил Киевскую мастерскую слова и преподавал в 1926 теорию прозы в лит. студии. В 1927 переехал в Л-д и поступил на словесное отд. ВГКИ при Ин-те истории искусств (1927–30), с того же времени работал сотрудником в газ. «Смена».

Печ. с 1930. Преподавал в Лен. консерватории, был науч. сотрудником ИРЛИ (1932–36), занимался историей русской лит-ры XVIII–XIX в. Издал ряд историко-лит. работ: **«Журналы И. А. Крылова»**, **«Болотов — лит. критик»** (ЛН. 1933. № 9/10), **«Эстетические взгляды Карамзина»** (Лит. учеба. 1936. № 3), **«Сентиментальная повесть и лит-ра путешествий»** (История русской литры: В 10 т. М.; Л., 1941–56. Т. V. Ч. 1.). Подготовил к изд. «Избр. стихотворения» Г. Державина серии «Библиотека поэта», «Стихотворения» Н. Карамзина и И. Дмитриева (1953–58). Выпустил монографию **«Карамзин и поэты его времени»** (М.; Л., 1936).

Во время Великой Отеч. войны служил в Политуправлении Краснознамённого Балтийского флота, работал в воен. газ. «Лётчик Балтики». Награждён орденом Красной Звезды и 3 медалями. После демобилизации в 1947–65 был ред. отдела прозы в ред. ж. «Звезда». Его мнение о книгах очень ценили литераторы, однако худож. тв-во самого К. не было признано по достоинству при жизни автора.

Перв. худож. произведение, вышедшее в печ., был роман **«Поиски будущего»** (1936). В нем представлена история жизни М. Бакунина. Герой идеализируется и показывается романтиком. Автор использует различные реминисценции и аллюзии на библейские тексты, формируя т.о. мифологич. подтекст, направленный на создание героич. образа революционера-борца за праведное дело. Однако роман остался неоконченным в силу ист. ситуации в стране в это время. В романе используются некот. авантюрные и комич. элементы.

Помимо романа были напеч. повести и рассказы К. **«Потерянная любовь: Рассказы»** (1939). Повесть «Потерянная любовь» о взаимоотношении восточного и европейского типов характеров. Молодой осетин Инал попадает в Л-д, где начинает учиться скульптурному искусству и знакомится с русской девушкой. Отношения из дружеских перерастают в любовь, но Инал решает, что должен жить по обычаям своих предков. Постепенно автор раскрывает психологич. драму героев, достаточно глубоко отражая их чувства и переживания, конфликт восточной и западной системы ценностей. Трагич. смерть героини становится кульминацией произведения. Особую специфику повести придают описания осетинских гор и городские картины Л-да. В повести задействован не вымышленный персонаж — М. Горький, кот., оценив искусство Инала, помогает ему отправиться учиться.

Среди рассказов К. **«Рассказы о мальчике»**, **«Окно напротив»**, **«На реке»**. В рамках малого жанра автор показывает глубокие психологич. коллизии в жизни героев, связанные с постижением мировых законов и с событиями, происходящими в окружающей их действительности. Стиль писателя насыщен лирич. элементами, отражающими внутренние искания героев.

После войны К. пишет воен. прозу, опираясь на свой опыт воен. журналиста: **«Служили два товарища»** (1954) (кн. никак не связана с фильмом «Служили два товарища», 1968) и продолжение — **«Трое»** (1962). Перв. повесть посвящ. проблемам воен. дисциплины, дружбы и любви во время войны. Сложность отношений лётчиков между собой раскрывается простым и лёгким языком. Место действия — Л-д до войны, затем во время блокады. Гл. герой проводит детство и юность в городе, потом становится лётчиком, отправляется на войну, служит в морской авиации в порту, теряет отца и отпрашивается во время воен. действий домой, чтоб узнать о своей семье и помочь матери и подруге. В это время на боевом вылете из-за неопытности штурмана, заменившего его, ломается самолёт, подаренный уральскими рабочими. В результате с героем, после его возвращения, отказываются летать в паре служащие его части. Автор показывает глубину переживаний героя, повествование идёт от его лица, перемежаясь письмами его девушки. Произведение «Трое» продолжает своеобразным образом повесть «Служили два товарища». Там те же действующие лица, но уже другие обстоятельства. Лётчики теряют своего стрелка, который оказался гениальным математиком, в чём присутствует некий утопический элемент. В то же время автор показывает проблему гибели талантливых людей на войне. Новый стрелок оказывает художником. Бойцы попадают на немецкую территорию из-за того, что их самолет подбит. Благодаря помощи польских жителей им удаётся добраться до своих. В конце повести автор развивает лирич. мотивы, говорит словами героя о высоких идеалах: «Они шли, и он думал, что все лучшее в мире — и правда, и дружба, и любовь — никогда не исчезают. Их можно губить, топтать ногами, как это делали фашисты, но они вечны, как красота, море. И все хорошее, сделанное человеком, продолжает другой, так и он постарается заменить экипажу Липочкина».

Посл. худож. произведение К. **«Ветка рыжей сосны»** (1967) впервые было напеч. в ж. «Звезда» только после смерти автора. Кн. с точки зрения критиков оценивается наиболее удачной: «"Ветка рыжей сосны" — вот что, на мой взгляд, является наивысшим достижением писателя, полностью сохранившим свое значение и в наши дни». В этом произведении соединяются жанровые формы мемуарной, философской и романной худож. прозы, как пишет С. Лурье, аналог такого единства «мы найдем только в поздних вещах В. Катаева (причем, Кучеров, судя по всему, принялся за свой роман гораздо раньше, чем были опубликованы "Трава забвения" и "Святой колодец")». Стиль автора яркий и пластичный, насыщенный, в тексте обозначено глубокое психологич. раскрытие характеров, сопровождаемое философским идейным содержанием. В отличие от текстов малой прозы, здесь К. вполне удаётся создать запоминающиеся, своеобразные, широко постигнутые человеческие фигуры.

В романе затрагиваются темы революции как гл. силы, двигающей и перемешивающей человеческие судьбы, детства и воспитания, становления характера и мировоззрения у подростка, оказавшегося в трагич. обстоятельствах. Сюжет приближен схеме авантюрного типа: насыщен внезапными поворотами, но сохраняет при этом реалистичность изображения. Действие начинается в Киеве в 1914. В центре повествования — маленький мальчик, тоскующий по матери, бросившей семью, уехавшей навсегда в Польшу. Ребёнок восторженно любит отца, представленного как грустный и мужественный человек, по профессии лесной инженер. Детские впечатления диковинного, давно исчезнувшего быта, осмысление прочитанного, мир взрослых, красочные пейзажи — всё это составляет жизнь главного героя и изображается автором с зоркой наблюдательностью, ностальгической нежностью и порой с тонкой иронией. Писатель показывает события детской жизни, происходящие впервые, тщательно передавая психологич. состояния и переживания ребёнка: первый урок, первая любовь, первый испуг, первое разочарование, первый самостоятельный поступок, первый серьезный разговор со взрослым человеком, и т. д. Затем во внутр. мир героя вмешивается внешняя действительность. События 1917, революция, политика, история резко вступают в судьбу мальчика, стирается грань между историей и частной жизнью. В сюжет включены военные эпизоды: так, мальчик, рискуя под выстрелами, должен выполнить важное поручение в дни большевистского восстания в Киеве; он попадает в плен к бандитам, уводящими с собою его отца. Наконец, ребёнок пешком, пройдя через множество приключений, добирается до Одессы и т. д. Как отмечает Лурье, «читатель следит за его судьбой с неослабевающим волнением, кот. переносится и на людей, с которыми сталкивает маленького героя жизнь. Необходимо сказать, что в подавляющем большинстве это люди очень хорошие, благородные. Пафос человеческой доброты — едва ли не главная тональность прозы Кучерова...».

Соч.: Поиски будущего: Роман. М., 1936; Потерянная любовь: Рассказы. Л., 1939; Служили два товарища. М., 1954; Служили два товарища. Трое, Веселые праздники: Повести и рассказ «Последняя война». Л., 1962; Ветка рыжей сосны: Повесть. Л.,1967.

Лит.: Шагалов А. Памятка участнику обсуждения книги А. Кучерова «Служили два товарища». Л., 1955; Реплика. Зачем стучать кулаками?: О повести А. Кучерова «Только раз в жизни» // Звезда. 1964. № 3; Лурье С. Попытка вернуться. Послесл. // Кучеров А. Служили два товарища...: Повести и рассказы. Л., 1989.

С. Петрова

КУЧЕРЯВКИН Владимир Иванович [4.8.1948, Калининград] — поэт, прозаик.

В 1968 окончил Калининградский политехникум по специальности «техник-механик целлюлозно-бумажной промышленности», служил в армии. В 1977 закончил филологич. фак-т ЛГУ по специальности русская филология и русский яз. как ино-

странный. Работал монтажником (1971), стрелком вневедомственной охраны (1973–77), преподавателем русского яз. в ЛИИЖТе (1979–81), оператором газовой котельной (1981–87), торговал произведениями искусства на улице (1987–90). Занимался резьбой по дереву и игрой на трубе, участвовал в концертах авангардной музыки с С. Курехиным. С 1993 — преподаватель английского яз. в Ин-те иностранных яз.

В 1980-е публ. стихи в ж. «Часы», «Предлог», «Митин ж.». Его перевод **«Тибетской книги мертвых»** (в соавт. с Б. Останиным) вышел отд. приложением к ж. «Часы» (типографское изд. — 1991). Был членом «Клуба–81».

В 1985 поэма К. **«Осеннее возникновение матери»** опубл. в сб. «Круг». В дальнейшем печ. в ж. «Родник» (Рига), «Звезда Востока» (Ташкент), «Звезда» (СПб.), «Знамя» (М.).

В 1994 опубл. два поэтич. сб.: **«Танец мертвой ноги»** (СПб., 1994), **«Вдалеке от кордона»** (СПб., 1994). В 1997 сб. стихов **«Дом кино»**, помещенный в Интернете, занял третье место на Всероссийском конкурсе сетевой лит-ры «Арт-тенета». К наст. вр. подготовил около 30 поэтич. кн. К. пишет и прозаич. тексты.

Как правило, К. называют наследником авангардной поэзии нач. XX в. Среди поэтов, чью традицию продолжает К., чаще всего звучат имена А. Введенского, Д. Хармса, Н. Заболоцкого, К. Вагинова, Н. Олейникова, с кот. его роднят эксперименты с формой стихотворения, общие темы и мотивы. Начиная с традиционной силлабо-тоники, К. в зрелом тв-ве приходит к свободным размерам со сложной ритмикой, необычной звукописью. К. экспериментирует с рифмой и словообразованием. Лирич. пафос носит у К. натурфилософский характер. «Низкий», повседневный быт переплетается у К. с космической умиротворенностью.

А. Кобринский делит всё тв-во К. на две части: «стихи городские» и «стихи сельские», находя, что обэриутское начало присутствует, прежде всего, в урбанистической лирике: алогизм, грамматические и семантические эксперименты, стремление к «сути» предмета. Место действия в «городских» стихах — городские пейзажи: обыденная суета, усталые, вечно спешащие пешеходы, метро, трамваи, окна домов. Лирич. герой К. сентиментален. Он останавливается в суете, «обчувствывает» себя и действительность вокруг. В «сельских» стихах К. преобладает гармонич. натурфилософское начало. Темы и образы К. — природа, животные, часто насекомые. Здесь присутствует ощущение родства человека со всем миром. В попытке найти аналогии к поэзии К., к традиции, стоит обратиться к лирике Б. Пастернака и Н. Заболоцкого, к учению Франциска Ассизского и традициям восточной философии.

В 2001 опубл. сб. **«Треножник»** (СПб., 2001). В том же году вошел в short-list премии Андрея Белого.

В 2002 выходит сб. К. **«Избранное»** (М., 2002). Лирика К. вошла в антол. «Стихи в Петербурге. 21 век» (СПб., 2005) и «Актуальная поэзия на Пушкинской–10» (СПб., 2010).

Непременный участник творч. поэтич. вечеров. Один из последних состоялся в февр. 2011 г. в СПб.

Соч.: Стихи // Часы. 1980. № 26 (под псевд. В. Краев), 1983. № 40, 1986. № 64; Стихи // Круг: Лит.-худож. сб. / Сост. Б. Иванов, Ю. Новиков; вст. ст. Ю. Андреева. Л., 1985; Стихи // Митин ж. 1985. № 4, 1987. № 16, 1988. № 21, 1989. № 25, 1990. № 33, 1991. № 40, 42, 1993. № 50, 1994. № 52, 1997. № 55; Стихи // Родник. 1989. № 11; 1990. № 11; Стихи // Звезда. 1991. № 10; Тибетская книга мертвых. СПб., 1991; 1999 (совм. с Б. Останиным); Стихи // Звезда Востока. 1993. № 11/12; 1995. № 7/8; Стихи // 24 поэта и 2 комиссара: Сб. СПб., 1994; Танец мертвой ноги. СПб., 1994; Вдалеке от кордона: Кн. стихов. СПб., 1994; Стихи // Самиздат века / Сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, В. Бахтин, Н. Ордынский. М.; Мн., 1997; Стихи // Genius loci: Сор. Поэзия М. и СПб. М., 1999; Стихи // Знамя. 1996. № 2; 1998. № 5; Китайцы. Диссиденты: Рассказы // Поэзия и критика. 1994. № 1; Треножник. СПб., 2001; Стихи // Арион. 2002. № 1;Кучерявкин В. Избранное. М., 2002; Стихи // Дети Ра. 2004. № 2; Стихи // Стихи в Петербурге. 21 век. Поэтическая антология / Сост. Л. Зубова, В. Курицын. СПб., 2005; Стихи // Воздух. 2006. № 4; Стихи // Крещатик. 2008. № 3; Стихи // Актуальная поэзия на Пушкинской–10: Антология / Сост. Т. Буковская, В. Мишин, В. Земских. К., 2009; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010; В открытое окно: Кн. стихов. М., 2011.

Лит.: [О Владимире Кучерявкине] // Неофиц. столица: Лит-ра. Театр, изобр. искусство, проекты, медиа / Ред.-сост. А. Хлобыстин. СПб., 2000; Кузнецова А. Неостановимый авангард // Дружба народов. 2003. № 3; Кобринский А. Авангард после авангарда // Дружба народов. 2004. № 4; Новая лит. карта России: СПб.. В. И. Кучерявкин // http://www.litkarta.ru/dossier/dossier_2559/; Скидан А. Владимир Кучерявкин. Треножник // Новая русская кн. 2002. № 1; Шифрин Б. Обнаружить нечто простое // Кучерявкин В. Избр. М., 2002; Урицкий А. Остановиться, оглядеться... // Дружба народов. 2003. № 9. Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

А. Вичкитова

КУЧИ́НСКИЙ Евгений Юрьевич [23.12.1933, Л-д] — поэт.

Мать переводчик с немецкого; во время войны служила переводчиком на фронте. К. пережил блокаду с бабушкой, кот. работала в эвакогоспитале; с бабушкой эвакуировался по Дороге жизни в г. Ялуторовск Тюменской обл. (июнь 1943); вернулся из эвакуации в Л-д в 1947.

Окончил Лен. мореходное училище (1958). Учился в ЛИТО при ДК 1-й пятилетки (рук. Гл. Семенов) вместе с О. Тарутиным, Т. Галушко, Л. Агеевым, Н. Слепаковой, Г. Глозманом («Глеб гвардии Семеновский полк»). Много лет сотрудничал с газ. «24 часа».

Перв. стих. опубл. будучи курсантом мореходного училища в газ. «Сов. Балтика» (1954). С 1960 печ. в газ.

«Комсомольская правда», «Смена», «Лит. Россия». К. был хорошо известен в поэтич. движении эпохи оттепели. В нач. 1960-х активно публ. в ж. «Юность». Участвовал и был победителем в городских турнирах молодых поэтов Л-да, проводившихся в ДК им. М. Горького и др. В 1960 познакомился с С. Маршаком, через него — с А. Твардовским. Дружил с Б. Ахмадулиной.

ЛО СП РСФСР выдвинуло сб. стих. К. к изд. (1960). «Тогда же стихами молодого ленинградского поэта пристально заинтересовался Маршак <...> Самуил Яковлевич, уже больной, взялся за составление первой книжки Кучинского и тогда же свел молодого автора с Твардовским. Твардовскому тоже понравились стихи ленинградца, и он намеревался напечатать в "Новом мире" большой цикл стихов Кучинского, о чем и уведомил того в письме» (О. Тарутин). В 1964 рукопись поэтич. сб. **«Здравствуйте!»** с рец. Маршака К. отнес в «Лениздат», где ее потеряли. До 1987 К. не публ.

Перв. поэтич. сб. **«Надежда»** (1993) назван именем матери, ей посвящен. Сб. вобрал тексты разных лет, в перв. очередь «стихотворения шестидесятых годов, полные любви к людям, доброты и веселого лукавства» (О. Тарутин). Второй сб. с тем же назв. (2003) составляют стих. перв. сб., поздние и юношеские стих., венок сонетов **«Моряна»**, проза (**«Дума о сверчке»**).

Поэтич. мир К. включает два равноценных топонима — д. Зимник и Л-д. Это родные для К. места, поэтому доверие, открытость миру — характерные черты лирич. героя.

Зимник — деревня в Гдовском р-не Псковской обл., родина бабушки Лукерьи Семеновны («моя бабушка Лукерьюшка»), кот. в 12 лет привезли в Пг. служить в няньках. Образ Зимника — один из мн. образов русских деревень, исчезнувших с лица земли, но сохраненных русской поэзией: «Моя деревня не типичная — / ни радио, ни телевизоров, / ни электрических подойников. / Двенадцать неказистых домиков / да баня у горы Анфисовой» (**«Деревня Зимник»**, посвящ. Гл. Семенову). К. создает поэтич. образ несколькими малоприметными, но неповторимыми деталями («И из каждой избы махорочный кашель» — **«Утро в Зимнике»**), поэтому для него органичен жанр поэтич. миниатюры, как, напр., известное стих. **«В избе»** («Одной ногой в зеленом ботике / болтали беззаботно ходики. / В настольной лампе керосиновой / дрожал огонь, как лист осиновый»). Часто стих. К. начинается бытовой зарисовкой: «В сени вынесли миски, кринки. / Завожу патефон. Притихли. / Здесь не слышали музыки Глинки. / Кто сказал: "Не поймут!"? — Он ихний! / Плоть от плоти и кость от кости. / Рос он тоже под русским небом». Постепенно начинает увеличиваться масштаб восприятия, раздвигается время бытия героев и в простых деревенских людях лирич. герой открывает духовное величие: «Я смотрю, как потомки смердов, / стиснув зубы, насупив брови, / поднимаются до бессмертных / и становятся с ними вровень» (**«Музыка»**). Деревенские жители дороги лирич. герою, способному любоваться неповторимой сущностью каждого: «Голос как голос — ничего особенного. / Хуже чем у Лемешева и, конечно, Собинова. / Но ведь не каждому быть знаменитостью. / Можно быть просто незаменимостью, / необходимостью, как баянист / или как Павел, Павлушка Лушин — / первый парень, певец наш лучший». Вообще, песенная традиция (**«Климовы частушки»**, **«Колыбельная племяннику»**) важна К.: она объединяет поэта и народ, лирич. героя и деревенских персонажей. Частное бесценно, лично пережитое общезначимо («Вот так средь ночи сам себе напомнишь / убежище, пожитки в узелке, / и детский страх, и то благое имя, / и бывшего в тот час религиозным / меня, мальчишку, перед воем грозным, / и дом разбитый с дверью на замке» — **«Глубокой ночью сон меня покинул»**), люди открыты друг другу в гармонии бытия (**«Гостеприимные проселки»**) — идеи К. характерны для лирики эпохи оттепели.

К. искренне расположен к миру, поэтому для его лирич. героя органична роль собеседника. Стих. строятся на репликах персонажей, как драматич. сценки (**«Депутатша»**, **«На просмотре "Кубанских казаков"»**, **«В середине сеанса. 1950 год»**). Лирич. герою интересен диалог со всеми объектами внешнего мира («Я держу луну за лучи, / я прошу луну: — Не молчи, / поделись со мной, не грусти! / Но в ответ услышал: — Пусти!»; «А на то ли я поле вышел? / Ободок из березок стал / покудрявее и повыше... / Ах, на то бы! Ради Христа! / А за ним был любимый Зимник, / Все двенадцать его дымков. / Сладких, трепетных, синих-синих, / вопросительных: "Кто таков?"»). Фамильярно шутливые интонации разговора в задушевной компании, простонародная лексика сближают лирич. героя и всех его адресатов: «У кинщика уж сколько прошено, / мол, не вози ты кина всякие / о женщинах красивых брошенных, / а привези нам об Исакии» (**«Просили девушки меня»**); «Зря вы, Петр Алексеич, / основали Питер в мае» (**«16 (27) мая 1703 года»**).

«И Питер стихов Кучинского совсем не тот уже теперь — но тем важнее свидетельство поэта о времени» (О. Тарутин). Л-д — этот локус всей жизни поэта, он обжит как родной дом, вошел в семейную биографию: «Крюков канал. / Колокольня Николы. / Трепет воды / от мелодий церковных. / Эта гравюра знакома со школы — / куплена мамой на старый целковый. / Только не дай-то мне Бог, чтобы снова / прожектора бы ее освещали, / как в те бомбежки сорок второго. / ...В рамке осколок. / Не вынуть клещами». «Мой ПИТЕРбург известен только мне» — право на свойские отношения с Л-дом обретено рождением, совместно пережиты-

ми трагическими временами и всеобъемлющим любовным чувством. Поэтич. пространство Питера густо заселено, но лирич. герой имеет панибратски родственные отношения не с горожанами-современниками, а с персонажами прошлых эпох, питерскими воробьями, памятниками («По-татарски расселся Казанский собор, / Голова облысевшая в феске. / Не поймет он никак, не поймет до сих пор: / — Ну куда так торопится Невский?»). Сенная площадь, Коломна, «дом на канале, родная обитель» (**«Новоселье»**, **«Канал Грибоедова, 64»**, **«Белой ночью на канале Грибоедова»**, **«Канал Грибоедова — бывший Кривуши»**), «Львиный мостик», «переулок Прачечный», «последний мост — мост лейтенанта Шмидта» — легендарные питерские места одухотворены и лирич. герой ведет с ними живой диалог накоротке («Но сказали мне Подъяческие три: / — Как бы Львиный не расширили, смотри! / — Что вы, старые! Накличите беду — / я тогда со львами в Африку сбегу»). Это город татар-хозяев трактиров («На углу Садовой и Никольской / необычный был трактир когда-то — / выходить оттуда было скользко / морякам, подьячим и солдатам» — **«Трактир»**), переживших блокаду старых людей, моряков — колоритные питерские типажи разных эпох встречаются в поэтич. мире К.

Морская тема в поэзии К., как и любовная лирика, характеризуется мотивами беспокойства, тревожных предчувствий. Лирич. герой переживает опасения в возможности достичь желаемого, неуверенность в собств. силах («Когда приходит осени черед / и на канале тополя как прутья, / и лиственное золото плывет, / мне кажется, я вновь у перепутья, / и нету лет, принесших седину, / и я дурной от парусного хмеля»).

Между тем большой народный мир принимает лирич. героя как своего, и восстановленное душевное равновесие проявляется в герое готовностью к шутке («Этот рынок — рынкам рынок. / Я ушел с него в дурмане. / Мною там была открыта / красота торговки Мани. / Огурцы ныряют в бочке / в отрезвляющем рассоле, / а она стоит в платочке / с опьяняющей косою, / что от плеч ее до пяток / влево-вправо — плетью хлесткой» — **«На рынке в Костроме»**), дружелюбным приятием встретившихся людей: «Ресторан придорожный / — «Чайная». / Семь столов. Коромыслом дым. / — Здравствуй, радость моя случайная!» (**«Чайная»**). Добросердечие — основополагающая характеристика поэтич. взгляда К. на мир. Поэтому приветствие «Здравствуйте!» — одно из частотных слов его поэтич. лексикона.

Соч.: Стих. // Юность. 1960. № 8; У нас в гостях 50 поэтов // Юность. 1961. № 4; Стих. // Юность. 1961. № 6; Стих. // Юность. 1962. № 9; Стих. // «И снова зовет вдохновенье»: Сб. стихов. Л., 1962; Стих. // Эстрада. Вып. 1. М., 1962; Стих. // День поэзии: Ленинград / Сост. Т. Галушко, В. Максимов. Л., 1988; Дума о сверчке // Лит. Кыргызстан. 1992. № 1; Надежда: Стихи / Предисл. О. Тарутина. СПб., 1993; Надежда: Стихи. 2-е, доп. изд. СПб., 2003.

Лит.: Тарутин О. Неск. слов о поэте // Кучинский Е. Надежда. СПб., 1993

А. Митрофанова

КУ́ШЕВ Владислав Валерьянович (псевд. Владимир Амбросимов) [25.9.1939, Л-д] — прозаик.

Окончил биолого-почвенный фак-т ЛГУ (1963), работал науч. сотрудником в ин-тах АН СССР: высокомолекулярных соединений, физико-техническом и ядерной физики. Автор трудов по молекулярной генетике. Канд. биологич. наук (1971, Ин-т общей генетики АН СССР). С 1974 работает сторожем.

В кон. 1960-х участвовал в деятельности группы Ю. Гендлера, связанной с правозащитным движением, в связи с чем находился под наблюдением КГБ. После ухода из офиц. науки продолжал частным образом заниматься генетич. исследованиями, результаты кот. публиковал в самиздате.

В те же годы обратился к прозе, эссеистике, драматургии, а также к инсталляциям. Напис. роман **«Пчелы черных солнц»** (1975–98). Член «Клуба–81» с момента основания.

А. Петрова: «...сыпал блистательными идеями Влад Кушев — энергичный, похожий на летящее пушечное ядро, производящий впечатление какого-то неистощимого perpetuum mobile. К этому времени он был уже известным генетиком с ученой степенью, с книгой, изданной в США. Но новые идеи захлестывали его, и он безжалостно бросил генетику ради мифологических штудий. Еще он, помню, читал главы из толстенного автобиографического романа **"Шрам от харакири"...»**.

С кон. 1980-х перешел к исследованиям в обл. философии языка. Свое тв-во определяет как «поиск методов объективной интерпретации текстов различных уровней (научных, художественных, текстов личной и коллективной истории), благодаря чему любое произведение совмещает в себе черты как художественного, так и научного жанров». Среди статей К. **«Может ли человек взорвать Вселенную?»**, **«Кольцо Финна, или Семиотический террор»**, **«О Психее»**, **«Коммент. к пьесе "730 шагов"»**, д-да **«Невозможность перевода»** и др.

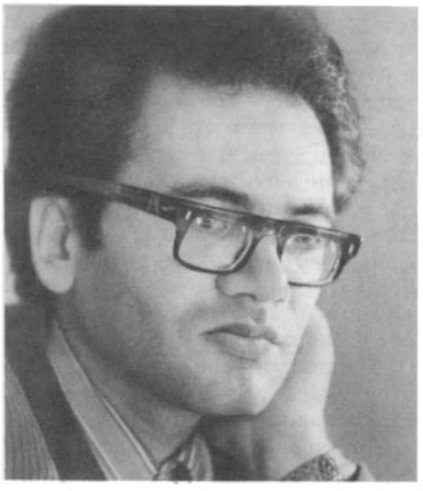
Б. Останин пишет о К.: «В вышедшем в 2000 году сборнике статей "Неподцензурная петербургская литература 1950–80-х годов" упоминается немало авторов, чьи тексты до сих пор не вышли за пределы самиздатовских публикаций. Естественно, многие не столько творили, сколько графоманствовали. Однако среди них есть и такие (Леон Богданов, Борис Констриктор, Василий Кондратьев и др.), кот. оказали и продолжают оказывать на сознание причастных ко "второй культуры" сильнейшее творческое, идейное и эстетическое

воздействие. Они являются, так сказать, "третьей культурой", источником новых идей и форм. К их числу безусловно относится и Владислав К., сильнейший творческий потенциал, изобретательность и революционность кот. нам еще предстоит оценить».

Соч.: Механизмы генетич. рекомбинации. Л., 1971; Мутация «Дельфин» у Homo Sapiens // Часы. 1980. № 24; То же // Комментарии. 1995. № 6; Из частных бесед физика-теоретика Т. Андреева и биолога В. Амбросимова / Запис. В. Кушев // Часы. 1981. № 33; О поисках «снежного человека» на Алтае (Монтаж В. Амбросимова) // Часы. 1982. № 38; Красавица в маске // Там же; Шоу с Курехиным // Часы. 1982. № 39; Взбесившийся разум // Часы. 1983. № 40; Лабиринт. Разговоры о поэзии Арк. Драгомощенко // Часы. 1984. № 41; 730 шагов — аналитич. прогулка: Пьеса // Часы. 1986. № 64 (отд. изд.: СПб., 1994); Морфология поэтич. сознания // Митин ж. 1989. № 25; Поэтич. функция и язык квантовой электродинамики // Митин ж. 1989. № 30; Семиотич. террор // Комментарии. 1998. № 14.

Лит.: Курапцева Н. Корень из минус единицы, извлеченный русским языком // Смена. 1991. 21 окт.; Курапцева Н. У нас в Лукоморье // Единство. СПб., 1995, 25 мая; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

КУ́ШНЕР Александр Семенович [14.9.1937, Л-д] — поэт, эссеист.



Родился в семье военно-морского инженера, кроме блокадных лет, всю жизнь провел в Л-де-СПб. В 1959 окончил фак-т русского яз. и лит-ры ЛГПИ им. А. Герцена, десять лет преподавал лит-ру в веч. школе. С 1969 ведет жизнь профессион. литератора. С 1965 член СП СССР, с 1992 гл. ред. «Биб-ки поэта» (с 1995 «Новая биб-ка поэта»). Собственно говоря, этой информации вполне достаточно, чтобы обозначить взаимосвязь между биографией К. и его тв-вом.

Если, по примеру М. Цветаевой, разделить стихотворцев на «поэтов с историей» и «поэтов без истории», то К. явит собой идеальный пример творца посл. типа. Что для русского XX в. необычно — не по усадьбам сидели. Даже Б. Пастернака (согласно Цветаевой, главного у нас «поэта без истории»), с его дачным отшельничеством, в «историю», в конце концов, вписали — врагу не пожелаешь. С К. этого проделать не удалось.

Отказу от претензий на личную, выламывающуюся из времени биографию К. придал характер чеканный: «Времена не выбирают, / В них живут и умирают».

Через десять лет после этих строчек разговоры о жизнеописании поэта сведены и вовсе к простейшему, уподоблены гудению надоедливого шмеля, прицепившегося к отдыхающим на пляже: «Все гудел этот шмель, все висел у земли на краю, / Улетать не хотел, рыжеватый, ко мне прицепился, / Как полковник на пляже, всю жизнь рассказавший свою / За двенадцать минут, впрочем, я бы и в три уложился». При перв. публикации — в сб. **«Дневные сны»** (1986, все еще подцензурный год) — по настоянию не имевшей права ссылаться на цензуру редакции была сделана характерная замена: «полковника» превратили в «бухгалтера». Сов. офицер в таком чине не мог кому попало что бы то ни было рассказывать о своей жизни.

То, что К. сам из воен. семьи — биографич. подробность, характерная в том смысле, что факт этот никакого отношения к истолкованию его стихов не имеет. Размышляя о К., И. Бродский заметил: «Поэтическими биографиями — преимущественно трагического характера — мы прямо-таки развращены, в этом столетии в особенности. Между тем биография, даже чрезвычайно насыщенная захватывающими воображение событиями, к литературе имеет отношение чрезвычайно отдаленное...». Пишутся стихи вовсе не для того, чтобы «рассказать о себе»: «Захоти о себе рассказать я, не знаю, смогу ль, / Никогда не умел, закруглялся на первой же фразе».

Когда К. думает о себе, пишет Д. Лихачев, «...то делает это в форме, как бы скрывающей его собственную жизнь». Е. Невзглядова раскрывает эту непроизвольную, но важную установку стихотворца так: «все, что говорит поэт о себе, может быть легко присвоено читателем».

Начинал К. так, как естественно было начинать в оттепельные годы, войдя в более или менее свободомыслящую компанию, расположившуюся под приглядом, но и опекой, достойного наставника. «Войдя», это даже слишком сильно сказано — энтузиасты просто *водили* К. туда, куда сами ходили — на расцветавшие в кон. 1950-х «конференции молодых», в ЛИТО, на выступления в Домах культуры... С одной из таких конфер. «творческой молодежи Северо-Запада» при СП весной 1956 К. *пригласили* в самое передовое ЛИТО при Горном ин-те, хотя учился он в ин-те педагогическом. Пригласил К. в свое ЛИТО при Горном *сам* Гл. Семенов, имевший заслуж. славу открывателя и пестователя поэтич. талантов. И тут тоже ничего сверхособенного не было — пригласил к горнякам из посторонних не одного К., но еще и Н. Королеву, и Г. Горбовского, кот., по словам на законных основаниях пребывавшей в этом ЛИТО Е. Кумпан, «необыкновенно украсили нашу компанию». Вместе с этой компанией, куда входили из поэтов также Л. Агеев, В. Британишский, Л. Гладкая, О. Тарутин и еще неск. человек, К. «волею небес» сразу попал в участники крамольного сборника горняков, вскоре сожженного (!) во дворе Горного ин-та недремлющим партначальством. Один сб. сожгли — в другом напечатали, в том же году: **«Стихи студентов»** (Л., 1956). Вот и вся история единения К. с миром поэтов-сверстников. Весьма характерно, что, скажем, из той же достойной компании поэтов Горного ин-та он по-настоящему сошелся только с прозаиком А. Битовым.

Совместными выступлениями с молодыми стихотворцами К. никак не пренебрегал. Его имя можно встретить на афишах большинства

лит. вечеров, «турниров поэтов» и тому подобных мероприятий кон. 1950-х — нач. 60-х. Напр., на «турнире поэтов» в ДК им. Горького 17 февр. 1960, когда впервые блеснул перед широкой аудиторией И. Бродский. «Турнир» был действительно представительный: кроме Кушнера и Бродского — Глеб Горбовский, Яков Гордин, Александр Морев, Виктор Соснора...

Существенным во всех подобных празднествах было для К. другое — то, что возвращался он с них в одиночестве. Даже с Бродским, кот. при его явлении лен. публике, К., кажется, полюбил сильнее других, компанейской близости не возникло. Во всяком случае, в кругу ахматовских паладинов (вместе с Бродским — Д. Бобышев, Е. Рейн и А. Найман) он своим не стал. Хотя бывал и у Ахматовой.

Стихи К. влекли к себе как ангажированных, так и неангажированных литераторов. В том же 1960 А. Гинзбург печатает их в апрельском, посвящ. лен. молодой лит-ре, номере самиздатского ж. «Синтаксис», после чего отправляется за свою независимую издат. деятельность в тюрьму. Но стараются захороводить молодого поэта и литераторы, власть предержащие. Уже в 1962 К. удается издать кн. стихов **«Первое впечатление»**. В этом же году выходит и кн. Сосноры «Январский ливень». И тогда же на выступлении обоих поэтов в Доме писателя устраивается их «стихийное» проработочное обсуждение, с привлечением «здоровых», но почему-то интеллектуально дефективных сил, созванных на это «мероприятие».

Кому К. с первых лит. шагов стал по-настоящему близок и кому всю дальнейшую жизнь оставался благодарен, так это лен. филологам старшего поколения, в первую очередь Л. Гинзбург. Начиная с 1959 и до самой смерти в 1990 этой незаурядной исследовательницы и писателя, он ее пост. гость, собеседник, а затем офиц. наследник ее лит. архива. Л. Гинзбург принадлежит ряд опубл. и неопубл. отзывов и рец. на книги К., в кот. поставлены кардинальные для понимания его поэзии вопросы.

Первое, что передается читателю при знакомстве со стихами К., это возможность доверительно щедрого общения с человеком как таковым. Не со смущающей нас знаменитостью, не с поэтом К., но просто с человеком. Поэтическое «Я» К. — а с этого местоимения стихов у него начинается не меньше, чем у записного романтика — к моменту завершения любого его лирич. сюжета понижается до привычного нам обиходного «я». Это «я» — через демонстрацию изначальной отдельности всякого «я» от мира — обращает нас к открытию в нем родств. души.

Свой взгляд на провозглашаемые в публичной сфере человеч. деятельности «жизненные цели» К. выразил с веселой простотой, как будто рисуя детскую картинку: «Танцует тот, кто не танцует, / Ножом по рюмочке стучит. / Гарцует тот, кто не гарцует, / С трибуны машет и кричит. // А кто танцует в самом деле / И кто гарцует на коне, / Тем эти пляски надоели, / А эти лошади — вдвойне!».

Это из сб. **«Ночной дозор»** (1966), т. е. времени, когда никакие трибуны молодому поэту не светили. Гарцевать на публично объезжаемом лит. пегасе К. претило и претит — равно во времена принудительного господства в искусстве апологетов соцреализма и во времена спихнувших их с трибун «концептуальных» новаторов.

Конечно, стихи К. живут в совр. всем нам жизни и связаны с ней самым тесным образом. Но идеальная их проекция диктуется обстоятельствами, оставляющими политич. контекст существования в стороне: «На даче, где речка да поле, / Да куст у плеча моего, / Приезд президента де Голля / Не значит почти ничего». Строчки эти опубл. в 2006 — через сорок лет после появления на свет! И ни грана лирич. смысла не утратили.

Поразительна в этом отношении реплика поэта в стихах 1989-го, навеянных реальной встречей с И. Бродским и ему посвященных. Последний раз перед этим они виделись в 1972, в день отъезда Бродского на Запад. Прошло пятнадцать лет, прежде чем поэты встретились вновь. И что же К.? А вот что: «...лучший разговор не в жизни, а в стихах». По его убеждению, в стихотв. среде слово приобретает «ускорение», не ведомое ни монологу, ни диалогу.

Истинная жизнь стиха вписана в историю, не нами начатую и не нами контролируемую — в историю культуры. Она много более протяженна и более значительна, чем любая социальная, тем более — политич. система.

Актив. неприятие К. известных в России духовных течений заметно — и в пору, когда они были в СССР под запретом (и, следовательно, изрядно фетишизировались в нонконформистской худож. среде), и когда запрет с них был торжественно снят. Не говорим тут о воспрянувших в начале нового века по столицам и медвежьим углам неофитах православия. Обратим внимание на историю русской культурной жизни. Здесь К. в первую очередь чурается всего, что связано с «новым религиозным сознанием» и — более широко — с романтизмом и символизмом, как одной из его инкарнаций. Романтизм — это оглушающая и оглупляющая душу экзальтация, «мистика». Как, м.б., никто в совр. русской поэзии, живущий уроками пушкинской школы «гармонической точности», К. повторяет вслед за Дельвигом: «Чем ближе к небу, тем холоднее». Никаких «философских закатов», никаких «мучительных зорь нестерпимых» нет в природе: «Трагическое миросозерцанье / Тем плохо, что оно высокомерно».

Сама «духовность», когда речь идет о стихах, ставится им под сомнение. Даже в случаях, когда ее носитель таковою несомненно наделен. Не станем расшифровывать имени адресата одного из поздних стихотворений поэта — важно не имя, а феномен: «Духовные стихи в журналах публикуя, / Он думает, что Бог читает "Новый мир". / Мне скучно. Виноват. Привязан к пустяку я. / Но можно ль для вещей в стихах ввести ранжир?». Для К. в стихах важен не «ранжир», а ни с чем не соизмеримая «точность», синоним «неожиданности». «Хищный глазомер простого столяра», говоря словами любимого им О. Мандельштама. А неожиданнее всего бывает, конечно, «пустяк». «Неожиданность» заменяет у К. все «неизреченности» и «несказанности» романтической эстетики. «Чем точнее, тем неожиданнее» — так можно определить кушнеровскую поэтику. Принципиальность его в этом вопросе незыблема и дерзка: «Поэзия, следи за пустяком, / Сперва за пустяком,

потом за смыслом». Это из «Дневных снов» (1986). Отсчитаем десять-двадцать лет назад или вперед — результат получим тот же.

В русской поэзии канонизация «пустяков» и мелких «примет» («**Приметы**» — заглавие третьей книги К.), конечно, тоже имеет обоснование, в перв. очередь — «пастернаковское». Без соотнесенности с его твом ни одно молодое дарование кон. 1950-х — нач. 60-х себя не позиционировало. В т. ч. и К., художник сугубо питерской закалки, не склонный к замоскворецким клятвам на Воробьевых горах, лит. патриархальности, а также телячьим нежностям, восторгам и «почти мычанью». И все же даже в случае К., на ум сразу приходит пастернаковский, оправдывающий человеч. существование «дивный божий пустяк» из «Сестры моей жизни». Но есть связи и более глубокие.

Дважды ссылаясь в сб. «**Аполлон в снегу**» (1991) на то место из пастернаковской автобиографии «Люди и положения», где автор говорит о жизни, не мыслимой «вне тайны и незаметности», К. раскрывает и свое представление об источниках поэтич. озарений. Радость есть только в невидимом сходстве, от внешнего одна досада, от него творч. человека коробит.

Тайна худож. воззрений К. открывается в утверждении, что *крепче всего* с жизнью сроднена поэзия, а не проза и не какой-нибудь иной информативно насыщенный род лит-ры. Сердцевина поэзии — лирика. Она жизненная плазма любого искусства. Согласны мы с этим или нет, но в эстетике К. это главное.

В книгах К. поставлены кардинальные для понимания совр. поэзии вопросы. И в перв. очередь — вопрос о возможности или невозможности поэту XX в. после Колымы и Освенцима вдохновляться мыслью о «счастливом житье», пускай и с «невыносимой подоплекой», как это происходит у К. По диагнозу Л. Гинзбург, К. пишет «о счастье жизни и неутихающей за него тревоге». Это и существенно, и адекватно философскому настроению поэта, т. к. «тревога за счастье» силою вещей дезавуирует тревогу за его невозможность, характерную для лирики большинства наших гениев.

Именно в этом кардинальном вопросе К. расходится с Ахматовой, в эссе «**Анна Андреевна и Анна Аркадьевич**» прямо пишет — с мало свойственным ему в др. случаях стремлением к глобальному обобщению: «Что же касается счастливой любви, то про нее у Ахматовой особое мнение: "Как счастливая любовь, / Рассудительна и зла". Понадобился воистину страшный опыт XX века, чтобы и в жизни, и в литературе возникло представление о возможности счастливой любви и ее глубокой человечности,— наперекор традиционному мнению и злым обстоятельствам».

То, что это касается лит-ры его собственной — истинная правда. Скорее всего К. следует завету Пушкина искать счастье «на проторенных дорогах».

Приведенное суждение об Ахматовой сделано, так сказать, с высоты прожитых лет. В юности Ахматова представлялась воплощенной тайной русской поэзии, как раз того его направления, кот. К. было, да в общих чертах и осталось, ближе всего. Это акмеизм, с его предтечами — И. Анненским и М. Кузминым.

К самой Ахматовой, с кот. Кушнер познакомился в 1961, отношение было настолько благоговейное, что в юности при встрече с ней он «почти терял дар речи». Тем примечательнее эволюция отношения Кушнера и к ней самой, и, главное, к ее стихам: «Преодолевшая символизм в начале своего блистательного пути, она под занавес "впала" в него, как "в ересь",— и многие поздние ее стихи утратили былую точность очертаний, их и впрямь загубило "величие замысла"».

Вместо пьянящей готовности к смерти с «точкой пули» в конце, поэзия К. напоена спокойной готовностью к жизни, к счастливой жизни. Неслыханным, несносным для искусства душевным равновесием, «опрятностью», как заметила Б. Ахмадулина, веет от его поздних книг — еще сильнее, чем от ранних.

Взглянем на заглавия его сб. советской и постсоветской поры: «**Таврический сад**» (1984), «Дневные сны», «**Ночная музыка**» (1991), «**Летучая гряда**» (2000), «**Облака выбирают анапест**» (2008), «**Вечерний свет**» (2013)... Что за идиллия «в наш тревожный век». А ничем он не более «тревожный», чем любой другой, заметил поэт еще в 1976: «Что ни век, то век железный. / Но дымится сад чудесный, / Блещет тучка; обниму / Век мой, рок мой на прощанье. / Время — это испытанье. / Не завидуй никому».

Какое-то легкое, анонимное счастье высвечивает К. в самые что ни на есть серьезные, кризисные годы. Даже не разберешь порой, кто у него счастлив и с кем: «Эта тень так прекрасна сама по себе под кустом / Волоокой сирени, что большего счастья не надо...».

Куст сирени, тень, прохлада — таков, по его признанию, «общий замысел». И вот что ему в этом замысле открылось: «Какое чудо, если есть / Тот, кто затеплил в нашу честь / Ночное множество созвездий! / А если все само собой / Устроилось, тогда, друг мой, / Еще чудесней!».

Важнее, чем о Боге, у К. вопрос о человеке, том самом, что то ли верит в Бога, то ли нет. Об этом «прямая речь» и в его ранних стихах, и в самых поздних.

Кажется, только К. из всех серьезных поэтов мог с такой простодушной насмешкой решить двухтысячелетнюю проблему человеческой «покинутости», «оставленности» на земле, как он это сделал — и совсем не в юношеском, а куда как в зрелом возрасте: «Все нам Байрон, Гете, мы, как дети, / Знать хотим, что думал Теккерей. / Плачет Бог, читая на том свете / Жизнь незамечательных людей».

Именно в «незамечательных людях» вся христианская соль, к ним и обращены стихи К., их одних он до сих пор встречает на своей вырицкой дороге: «Верю я в Бога или не верю в бога, / Знает об этом вырицкая дорога...».

«Скептицизм» К., пишет историк философии, «лишь средство заставить читателя серьезно задуматься над кардинальным отношением к жизни». Поэт «...хочет, чтобы, по обстоятельном размышлении, тот делал вывод, принимал решение — сам!» (Л. Калинников). Смысл этого суждения тот, что лирика «вырицкой дороги» содержит в себе философского содержания не меньше, чем «трагическое миросозерцанье».

Ни в будущем, ни в прошлом нет для К. тайны значительнее той, что

скрыта в сердечном бытии отд. человека среди обыденных забот. Восседает ли он в кресле или на завалинке — все одно: «И в кафтане доблесть доблестью и болью боль останутся, / И в потертом темном пиджаке...».

Боль К. — боль сердечная, мера всех вещей. Мера, кот. определяется и сама гармония, не зависящая от масштабов и историч. значимости событий и не определяемая ими. Величание героев заменено в этой поэзии любовью к «неприметному тихому братству».

Никакая «высшая цель» не подвигнет К. назвать злодеяние «подвигом». Никакой Шекспир не заставит найти сочувственные слова тирану: «Ошибался Шекспир, полагая, / Будто извергов мучают сны. / Ричард Третий — наивность какая, / Впечатлительность, чувство вины!».

Ну а слава? «Слава приходит к тем, кого догнали»,— сказал К. Горький от нее привкус: «Больше я о весне не пишу, потому что стар. / Не пишу о душе, потому что душа подсохла, / Ни о смерти (уже не пугает меня кошмар), / Ни о славе (летала над нами та птичка — сдохла)...».

Не скажешь все же, что сегодня славы у К. нет. Слава и его догнала, но какая-то запыхавшаяся, неинтересная. Премии — международные, государственные и корпоративные; полсотни выпущенных книг, даже «томов», на разных яз.; членство в редколлегиях «Звезды», «Нового мира» и проч.; талантливые ученики из собств. ЛИТО; известность в большинстве цивилизованных стран — все эти сопутствующие славе признаки налицо... Но получается в итоге, что всегда подозревалось: не стоит вся эта слава летней дачки на третьей платформе под Вырицей. Это окончательно. Последний сб. К. «Вечерний свет» открывается строчками: «Хорошо, что ни яхты у нас, ни виллы. / Хорошо, что ни Фалька, ни Ренуара». Лучше вернемся на гатчинскую дорогу, к обступившим ее кустам и деревьям. К поэту, выруливешему на нее — на велосипеде вместо мерседеса. Ибо шум листвы в стихах К. — лучшая музыка, и взор его ласкает даже не цветаевская рябина, а на российских пространствах в вихрях и мраке «заломленный кустик».

Это существенно: осн. зрительный образ лирики К. — соразмерный человеческой природе куст, а то и вовсе чертополох (он же — толстовский репей из «Хаджи Мурата»): «Но я не холоден. Мне твой чертополох / Мигнет с обочины лилово-синим оком — / И лед растаял мой и влажный гнев подсох, / И гневный жар остыл — в сомненье одиноком,— // Хватает окриков, быть может, нужен вздох? — / Стою, задумавшись: всех жаль мне ненароком. / А мир твой горестный, хорош он или плох? / Быть человеком в нем труднее, чем пророком».

Во всех отношениях программное заявление.

Куст — осн. метафора жизни. Из куста, как Бог с Моисеем, говорит с К. сама Поэзия: «Евангелие от куста жасминового, / Дыша дождем и в сумраке белея, / Среди аллей и звона комариного / Не меньше говорит, чем от Матфея».

Эта проповедь произнесена в счастливую минуту жизни, кот. у К. больше, чем у др. поэтов, но не беспредельно. Смерть у него, как у каждого мыслящего создания, тоже «всегда с собой». Никто не осознает трагедию глубже, чем счастливый человек. Даже сравнив поэта со звездой, К. подумал — с мишенью.

В России неиссякаемым экзистенциальным переживанием смерти одухотворена поэзия И. Анненского. К. наследует ему явственнее других совр. поэтов, сознательнее. В пантеоне лит. предков царскосельский поэт заменяет ему всех символистов. Лирика К. — это совр. гармоническ. компенсация «тоски о смертном недоборе» — ведущего мотива Анненского.

К. ввел счастье в обязательную поэтич. программу как раз в то время — семидесятые годы — когда большая часть поэтов его поколения подустала. Если К. в 1975 пишет **«Евангелие от куста жасминового...»**, то Бродский к этому вр. уже написал «Лагуну» (1973), с героем, роль кот. трудно как переоценить, так и недооценить: «совершенный никто, человек в плаще». Этот «лирический герой-скиталец, за передвижением кот. мы следили с захватывающим интересом», как признается и сам К., вместо упоения «Евангелием от куста», завораживал всех соблазном глядеть «туда, / куда глядеть не стоит».

К. этому соблазну не поддался. Восьмидесятые, болезненно для массы наших соотечественников перевалившие в девяностые, оказались для него лучезарней детства. Нелицеприятный приверженец косвенных описаний и шероховатых смыслов, он делает рефреном своих книг сладчайшее из возможных откровений: «Я так тебя люблю!».

Эстетич. обоснование тут такое: «Поэзия — это наша память о том, какой бывает жизнь в лучшие свои минуты». Такова неувядающая правда кушнеровского лиризма. Она позволила поэту сказать о преображении жизни искусством, о ее культурном кач-ве неотразимее всех: «Что однажды блеснуло в чернилах, / То навеки осталось в крови».

Соч.: Город в подарок. Л., 1976; Голос. Л., 1978; Канва: Из шести книг. Л., 1981; Стихотворения. Л., 1986; Живая изгородь. Л., 1988; Флейтист. М., 1990; Аполлон в снегу. СПб., 1991; На сумрачной звезде. СПб., 1994; Избр. СПб, 1997; Тысячелистник. СПб., 1998; Анна Андреевна и Анна Аркадьевич // Новый мир. 2000. № 2; Стихотворения: Четыре десятилетия. М., 2000; Пятая стихия: Стихи и проза. М., 2000; Волна и камень. СПб., 2003; Холодный май. СПб., 2005; Избр. М., 2005; В новом веке. М., 2006; Времена не выбирают. М., 2007; Облака выбирают анапест. М., 2008; По ту сторону таинственной черты. СПб., 2011; Вечерний свет. СПб., 2013.

Лит.: Владимиров С. Стих прекрасно так устроен... // День поэзии. Л., 1966; Марченко А. Что такое серьезная поэзия? // Вопросы лит-ры. 1966. № 11; Турбин В. Отражение отражений // Дружба народов. 1976. № 7; Чупринин С. Александр Кушнер. Под диктовку судьбы // Чупринин С. Крупным планом. М., 1983; Лихачев Д. Кратчайший путь // Лит. обозрение. 1985. № 11; Урбан А. Пятая стихия // Нева. 1986. № 9; Гинзбург Л. Дневные сны (рец.) // Юность. 1986. № 12; Роднянская И. Поэт меж ближайшим и вечным // Роднянская И. Художник в поисках истины. М., 1989; Бродский И. Поэзия суть существование души // ЛГ. 1990. № 34. 22 авг.; Роднянская И. И Кушнер стал нам скучен... // Новый мир. 1999. № 10; Арьев А. Маленькие тайны, или Явление Александра Кушнера // Арьев А. Царская ветка. СПб., 2000; Невзглядова Е. Пятая стихия: О книге стихов А. Кушнера «Таврический сад» // Невзглядова Е. О стихе. СПб., 2005; Новиков Вл. Бродский — Кушнер — Соснора: Академическое эссе // Новиков Вл. Роман с литературой. М., 2007; Калин-

ников Л. Вопросы поэта Кушнера к философу И. Канту о проблемах потусторонних // Кантовский сб. Калининград, 2010. № 3 (33); Арьев А. На расстоянье стиха // Петерб. поэзия в лицах. М., 2011; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник. СПб., 2013.

А. Арьев

КУ́ШНЕР Евгений Александрович [4.1.1962, Л-д] — прозаик.

Отец — изв. лен. поэт Александр Семенович К. «Наказанный в юности за участие в самиздате, Александр Кушнер, когда повзрослел, решил, что с властью, какой бы она ни была, лучше не ссориться, а всегда находить компромисс. <...> А вот сын поэта, Евгений, в отличие от отца конформизм очень долго осуждал. Выпускник Ленинградского института культуры, он и в перестройку продолжал искать путь к читателю в основном через самиздат. В итоге власть не хотела доверить ему даже скромную должность библиографа. Диссиденты свободно чувствовали себя только в кочегарках. Ничего не изменили в их судьбах и реформы 1990-х годов. Не случайно Евгений Кушнер в 1999 году эмигрировал в Израиль, где хочет дописать свой роман "**Книга сумерек, или Правда о летающих тарелках**". Но люди, не умеющие ладить с властями, больших денежных премий и орденов, как правило, не получают» (В. Северцев).

Окончил библиотечный фак-т лен. Ин-та культуры им. Н. Крупской (1983). В 1983–86 работал в Военно-морской биб-ке, в 1987–99 — оператором газовой котельной. Занимался переводами с английского и французского яз., печ. прозу в лен. самиздате. Печ. в ж. «Часы», «Обводный канал», альм. «Топка». Преподавал иврит, в 1994–99 был директором еврейской школы «Ламед». В окт. 1999 эмигрировал вместе с женой и двумя детьми в Израиль. Работал там первоначально охранником в магазине, затем корреспондентом и полит. обозревателем на радиостанции РЭКА. Живет в Иерусалиме.

Самым изв. произведением К. считается рассказ **«Я стою и пью кофе»**, напис. в 1982.

Соч.: Я стою и пью кофе: Рассказ // Часы. 1983. № 44; То же // Звезда. 2000. № 4; Иванов: Рассказ // Часы. 1985. № 53; Пластилиновая карусель, или Неск. нерешенных вопросов из диалога с внутр. голосом: Повесть // Обводный канал. 1988. № 13; Фургон Макаровых: Рассказ // Часы. 1988. № 72; Книга сумерек, или Правда о летающих тарелках: Отрывок из романа // Топка. 1992. № 4; Письмо из Израиля // Народ мой. 2005. 17 янв. № 1 (341).

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е гг. Лит. энц. М., 2003; Раир А. Александр Кушнер // Критики об Александре Кушнере; Об авторе <Евгений Кушнер> // Звезда. 2000. № 4; Северцев В. 50 тысяч просто так не дают // Лит. Россия. 2005. № 22, 3 июн.; Об авторе <Евгений Кушнер> // Народ мой. 2005. № 1 (34). 17 янв.

А. Ефимова

КЯ́КШТО Наталия Николаевна [12.10.1931, Л-д — 29.10.2012, СПб.] — литературовед, педагог.

Родилась в литовско-польской семье, предыдущие поколения кот. проживали в СПб. с XIX в. Дед — Болеслав Войцеховский, почётный гражданин СПб. Мать, З. Р. Климкевич, умерла рано, оставив трёх малолетних детей. Отец, Н. Б. Кякшто — инженер-гидрогеолог, в 1937 был арестован, в 1938 расстрелян, в 1957 реабилитирован. К. была ознакомлена с мат-лами по делу отца спустя пятьдесят лет. Осиротевших детей воспитала родственница.

В 1939–49 обучалась сначала в школе № 314 (с ней была в эвакуации), затем № 322. В 1949 поступила

в ЛГПИ им. А. Герцена, в 1953 окончила ин-т с отличием и проработала девять лет учителем русского яз. и лит-ры. Вопреки школьной программе тех лет К.-учитель рассказывала школьникам о Блоке, Ахматовой, Мандельштаме.

В 1959–63 училась в заочной аспирантуре при кафедре сов. лит-ры ЛГПИ, в 1970 защитила канд. дис. на тему **«Творческие принципы Э. Багрицкого (1915–28)»**.

С 1963 работала в ЛГПИ (РГПУ), прошла путь от преподавателя-почасовика до доц. В 1971 за работу со студентами узбекских групп награждена значком «Отличник народного образования Узбекской ССР». В нач. 1970-х была одним из авторов сценариев лит. передач для школьников на лен. ТВ. Как педагог К. умела выработать у слушателей системность мышления, точность выражения мысли, способность проникновения в важнейшие смысловые пласты худож. текста.

Была деканом фак-та народов Крайнего Севера ЛГПИ (1978–83). В 1983 вернулась на кафедру сов. лит-ры, продолжила работать доц. и после её объединения в (2009) с кафедрой русской лит-ры. Более двадцати лет была ученым секретарем и членом Дис. совета по защите докт. дис. В 1997 присвоено звание «Почётный доцент РГПУ им. А. И. Герцена».

К. читала учебные курсы «Совр. лит. процесс», «Русская лит-ра

XX в.», «Детская лит-ра», «Русский лит. постмодернизм». Обл. науч. интересов: русская поэзия XX в., от Э. Багрицкого, И. Одоевцевой до поэзии русских бардов (А. Галич, Б. Окуджава, В. Высоцкий и др.), проза А. Солженицына, русский лит. постмодернизм. Специалист по отеч. лит-ре втор. пол. XX — нач. XXI вв.: обращалась к малоизученным биографиям писателей, восстанавливала имена забытых авторов, отличалась чрезвычайной отзывчивостью на актуальные вопросы текущего лит. процесса.

Автор глав **«Русский постмодернизм»**, **«Поэтика прозы Л. Петрушевской (повесть "Свой круг")»** в учебнике для вузов «Русская лит-ра XX в. Школы, направления, методы творч. работы» (СПб.; М., 2002). Совм. с С. Тиминой и М. Черняк составила хрестоматию «Русская лит-ра XX в. в зеркале критики» (СПб., 2003). Написала для трёхтомного биобиблиографического словаря «Русская лит-ра XX в. Прозаики, поэты, драматурги» (под ред. Н. Скатова. М., 2005) ст. о Э. Багрицком, А. Галиче, Н. Коржавине, А. Королеве, Б. Окуджаве, Л. Петрушевской, Я. Смелякове. Один из авторов учебного пособия для вузов «Совр. русская лит-ра кон. XX — нач. XXI в.» (под ред. С. Тиминой. М., 2011), где ей принадлежит глава, посвящ. поэтике русского лит. постмодернизма, в кот. рассмотрены сложные процессы развития русской лит-ры кон. XX — нач. XXI вв., когда в России произошла кардинальная смена политических, культурных, идейных, эстетич. парадигм.

Неоднократно выступала на науч. конф. Так, в 2005 участвовала в III междунар. науч. конф. «Миры Булата Окуджавы», выступив в Переделкино с д-дом **«"Московский текст" в поэзии Булата Окуджавы»**, в 2008 в ИРЛИ в конф. «Академик А. И. Солженицын. К 90-летию со дня рождения» с д-дом **«Лит. образы и мотивы в "двучастных рассказах" А. И. Солженицына 1990-х гг.»**. Солженицыну посвящ. и её д-д **«"Архипелаг ГУЛАГ" как литературно-худож. текст»** на VIII научно-практической конф. педагогов России и ближнего зарубежья «Особенности современных школьников, их потребности и запросы» (СПб., 2011). К. входила в сообщество литераторов, поддерживающих тв-во Солженицына.

Была знакома со мн. изв. писателями, деятелями культуры — с И. Одоевцевой, Б. Окуджавой, Л. Петрушевской и др. В ее доме на Невском пр. нередко собиралось сообщество единомышленников, и было достаточно широким, даже разнородным по проф. принадлежности. Гостями К. и её мужа, М. Л. Гольдштейна, были композитор И. Шварц, актёры театра и кино О. Даль, В. Заманский, О. Волкова, В. Рецептор и др. Останавливался у них, приезжая в Ленинград, поэт А. Галич.

Награждена медалью «В честь 300-летия СПб.», почётной грамотой Мин-ва образования и науки РФ (2006); нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования РФ» (2011).

Соч.: Пути совр. сов. поэзии (1960–80 гг.). Л., 1984; Ярослав Смеляков // История русской сов. поэзии. 1941–80. Л., 1984; И. В. Одоевцева: «Я во сне и наяву с наслаждением живу» // СПб. ун-т. 1998. № 1; Русский постмодернизм. Поэтика прозы Л. Петрушевской (повесть «Свой круг») // Русская лит-ра XX в.: Школы, направления, методы творч. работы. СПб., 2002; Андерсеновские мотивы и образы в прозе Л. Петрушевской // Ханс Кристиан Андерсен и судьбы сказки в мировой худож. культуре: Сб. СПб., 2006; Принцип «двучастности» в рассказах А. Солженицына 1990-х гг. // Совр. русская лит-ра: Проблемы изучения и преподавания: Сб. Ч. 1. Пермь, 2007; «Московский текст» в поэзии Б. Окуджавы // Миры Булата Окуджавы: Мат-лы III междунар. науч. конф. М., 2007; Филологический дискурс в прозе Л. Петрушевской // Русская лит-ра в XXI в.: Ориентиры и ориентации: Мат-лы науч. семинара. СПб., 2011.

Н. Михновец

Л

ЛАВРЕНЁВ (наст. фамилия Сергеев) Борис Андреевич [5(17).7.1891, Херсон — 7.1.1959, М., похоронен на Новодевичьем кладб.] — прозаик, драматург.

Родился в учительской семье. По материнской линии происходил из старинного казачьего рода. Окончил 1-ю Херсонскую мужскую гимназию, в 1909–15 учился на юридич. фак-те Моск. ун-та. Началом тв-ва сам Л. считал рассказ **«Гала-Петер»**, напис. в 1916 на фронте (опубл. в 1924). Однако перв. рассказы Л. под фамилией Сергеев появились еще в 1910 в моск. газ. «Студенческая жизнь»: **«То было раннею весной...»** (7 нояб.) и **«Его смерть»** (12 дек.). Тогда же Л. начал публ. и стих., но как поэт известен не стал. Писал для периодич. изд. многочисленные рец. и статьи.

После окончания ун-та, пройдя краткосрочные курсы воен. училища, в чине поручика артиллерии участвовал в Первой мировой войне. Во время Февральской революции был комендантом штаба рев. войск Моск. гарнизона, а затем адъютантом коменданта М. Октябрьская революция вызвала у него растерянность и смятение, в сент. 1918 Л. вернулся в Херсон. Но вскоре снова уехал в М.; работал в Наркомпроде, а с дек. 1918 находился в рядах Красной Армии. В янв. 1920 уехал на Туркестанский фронт и сразу был назначен воен. комендантом Ташкента, но пробыл на этой должности недолго, т. к. был арестован по подозрению в контррев. деятельности и полтора месяца провел под следствием. После оправдания был назначен зам. редактора фронтовой газ. и одновременно зав. лит. отделом «Туркестанской правды». С сер. 1920 работал в лит.-издательском отд. Политуправления Туркестанского фронта, преобразованного впоследствии в Военно-редакционный совет Туркфронта, с авг. 1921 — в ред. «Красноармейской газ.» (первоначальное назв. «Красной звезды»). Публ. рассказы и стих., статьи, рецензии, фельетоны, карикатуры и рисунки. Печ. не только под фамилией Л., кот. окончательно принял с 1922 (лит. псевд. стала фамилия одного из родственников писателя: «В литературе уже был один Сергеев-Ценский. Нужно было как-то дифференцироваться от него...»), но и под многочисленными псевд.: Бек, С. Натальский, Б. Наталия, Н. Борисов, Художник, Инцитатус, Антидюринг и др. — Л. сотрудничал во мн. периодич. изд. Туркестана. Художник-график, за 4 года, проведенных в Ташкенте, выполнил около 1000 рисунков, плакатов, карикатур, обложек, заставок, заголовков, эскизов и т. п.

В дек. 1923 уехал из Ташкента в Пг., где его снова призвали на воен. службу, назначив секретарем Военно-науч. об-ва Петроградск. Воен. округа. 15 дек. 1924 демобилизовался и поступил на работу в Лен. гос. изд-во.

Перв. произведения Л., принесшие ему известность: повести **«Ветер»** (1924), **«Сорок первый»** (1926), **«Рассказ о простой вещи»** (1927),— посвящены событиям революции и Гражданской войны. «Сорок первый» — признанный шедевр Л., самое изв. (наряду с пьесой «Разлом») из его произведений. Это романтич. баллада о трагич. любви рыбачки Марютки, простой девушки, ушедшей сражаться за революцию, и поручика Говорухи-Отрока, интеллигентного офицера-белогвардейца. Одна из посл. постановок — Моск. худож. театр им. А. Чехова (2008, реж. В. Рыжаков).

Пафос рев. порыва проявился в особом лирико-патетич. стиле, переходящем в своеобразный «орнаментализм» (ритмич. склад, повышенная образность, вычурный и цветистый яз.): «Поздней осенью над Балтийским морем лохматая проседь туманов, разнузданные визги ветра и на черных шеренгах тяжелых валов летучие плюмажи рассыпчатой, ветром вздымаемой пены» («Ветер»). С романтич. восприятием жизни связано и тяготение Л. к исключительному, необычному, к выбору экзотич. обстоятельств и места действия.

Критика того времени приветствовала тв-во Л., который «не хотел видеть революцию будничными глазами» (З. Штейнман). Позднее, когда революционная романтика неск. утратила свою притягательность, Л. стали упрекать в том, что он наделил своих героев «лубочными мыслями», да и сами герои предстают как «раскрашенный лубок» (З. Штейнман). Но независимо от позиций критики

произведения Л. 1920-х до сих пор хранят трепетный мир человеч. взаимоотношений и их трудную судьбу в XX в.

В иронич. романе-памфлете **«Крушение республики Итль»** (1925) Л. высмеял буржуазное устройство государства в сатирич. и одновременно фантастич. повествовании. Роман высоко оценил М. Горький. В то же время писатель продолжал развивать темы революции и Гражданской войны в повестях **«Зеленый цвет»** (1924) — о столкновении красноармейцев с басмачами у подножия Памира, **«Происшествие»** (1924) — о налете банд на украинские городки, **«Полынь-трава»** (1925) — о жестокости классовых битв, разлучающих влюбленных. В 1926 Л. выпустил сб. рассказов **«Шалые повести»**, в кот. отразилось иронич. отношение автора ко времени нэпа, кот. резко контрастировало с недавним прошлым.

Большое место в тв-ве Л. занимала тема интеллигенции, ее отношения к народу, ее места в революции: повести **«Седьмой спутник»** (1928) — история прихода в революцию старого русского интеллигента, **«Гравюра на дереве»** (1928) — об искусстве и судьбе художника; произведение, проникнутое духом Л-да, поэтич. реминисценциями из Ф. Достоевского и в то же время сатирич. ядом против приспособленчества в искусстве.

Л. обращался в прозе к самым разным жанрам, но наиболее полно его художнич. индивидуальность раскрылась в драме. В 1925 он опубл. романтич. мелодраму **«Мятеж»** о белогвардейском восстании в Ташкенте в 1919, в 1926 — ист. драму **«Кинжал»** о декабристах.

Итогом творч. поисков драматурга стала драма **«Разлом»** (1928). В основу пьесы легли ист. события: переход легендарного крейсера **«Аврора»** (в пьесе прозрачно переименованного в **«Зарю»**) в ночь на 25 окт. 1917 к Николаевскому мосту. Л. развил в драме две волновавшие его темы: участие флота в революции (к морской тематике Л. был неравнодушен всю жизнь: будучи еще гимназистом, он пытался поступить в Морской корпус в СПб., но не прошел по зрению) и взаимоотношения интеллигенции и революции. Название пьесы символично: «разлом» происходит и в семье Берсеневых (Берсенев — капитан **«Зари»**), и в сознании каждого героя пьесы, встающего по одну или др. сторону баррикады, и в жизни целой страны. «Разлом» был поставлен Театром Вахтангова в М. и БДТ в Л-де; он сразу стал классикой сов. драматургии.

В 1930-е Л. отдал дань романтике арктич. открытий (повесть **«Большая земля»**, 1935), писал о борьбе испанского народа против фашизма (повесть **«Чертеж Архимеда»**, 1937; пьеса **«Начало пути»**, 1938). Событиям 1914 писатель посвятил неоконченный роман **«Белое и синее»** (1934; был неодобрительно встречен критикой) и докум. повесть **«Стратегическая ошибка»** (1934), сюжетно дополняющую финальные главы 1-й части романа. Во втор. пол. 1930-х Л. писал рассказы о солдатах революции, моряках Красного флота.

С нач. Великой Отеч. войны Л. ушел на фронт добровольцем. Был воен. корр. центральных периодич. изд. на Балтике, на Севере, на Черноморье. Изд. сб. рассказов **«Балтийцы раскуривают трубки»** (1942). В 1943 опубл. героико-романтич. пьесу **«Песнь о черноморцах»**, в 1945 — драму **«За тех, кто в море!»** (пьеса имела успех, мн. раз ставилась на театр. сцене).

Начиная с сер. 1940-х работал преимущественно как драматург (политич. драма **«Голос Америки»**, 1950; пьеса **«Лермонтов»**, 1953). Часто выступал как публицист по проблемам международной политики.

Экранизации посл. лет: 1974 — «Марина»; 1975 — «Рассказ о простой вещи»; 1986 — «Комендант Пушкин»; 2003 — «Срочный фрахт»; 2010 — «Око за око».

Соч.: СС: В 6 т. М., 1982; СС: В 8 т. М., 1995; Сорок первый. М.: Вече, 2011.

Лит.: Шгейнман З. Навстречу жизни. Л., 1934; Вишневская И. Борис Лавренев. М., 1962; Старикова Е. Б. А. Лавренев // Лавренев Б. СС: В 6 т. Т. 1; Танакова Т. Я всегда буду любить революцию... // Лавренев Б. Ветер: Повести и рассказы. М., 1988; Леонов Б. Б. А. Лавренев // Лавренев Б. Гравюра на дереве. М., 1989; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Лавренев Борис Андреевич // Энц. фантастики / Под ред. Вл. Гакова. М., 1997.

В. Макашина

ЛАВРО́В Александр Васильевич [29.1.1949, Л-д] — литературовед.

После окончания школы (1966) поступил на русское отд. филологич. фак-та ЛГУ. По собств. воспоминаниям, испытывал «с первых же дней студенческой жизни самый обостренный интерес к русскому символизму» (**Д. Е. Максимов в штрихах благодарной памяти** // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: К 100-летию со дня рождения. М., 2007), чему немало способствовала завязавшаяся тогда и перешедшая в долголетнее соавторство дружба с С. Гречишкиным. Написанная в семинаре проф. П. Н. Беркова их совм. курсовая работа за третий курс **«Биографические источники романа Брюсова "Огненный Ангел"»** (1969) впоследствии была опубл. (Wiener slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1–2) и не раз перепеч. с минимальными доп. Уже в ней определилась исследовательская манера Л., сформулированная им так: «... фактографическая точность, методологическая определенность и строгая аргументированность всех построений и интерпретаций» (Там же). После смерти П. Беркова Гречишкин и Л. перешли в семинар проф. Д. Е. Максимова, под рук. кот. защитили дипломные работы (уже не совм., но индивидуальные). По окончании ун-та оба были приняты на работу в Пушкинский Дом (1971), где Л. продолжает трудиться поныне.

В 1971–81 — сотр. Сектора взаимосвязей русской и зарубежных лит-р (референт акад. М. П. Алексеева), с 1981 — науч. сотр. Блоковской группы (Отдел новой русской литры). С 2000 — гл. науч. сотр.

В 1971 появилась в печ. перв. работа Л. (совм. с С. Гречишкиным) — тезисы **«О стиховедческом наследии Андрея Белого»** с существенным подзаголовком: «По неопубликованным мат-лам» (Мат-лы XXVI науч. студ. конференции. Тарту, 1971). Уже в самом выборе темы сказались пристрастия молодых литературоведов. Их работы 1970-х демонстрируют широту интересов: тв-во не только Белого, но и Блока, Брюсова, Эллиса, Сологуба, Вяч. Иванова, Анненского, Волошина, Ахматовой, Пастернака, публикации архивного наследия П. Перцова и К. Эрберга, исследование параллелей между (кажется) никак между собой не связанными текстами, широкий кругозор, стремление к исчерпанию всех возможных источников. Болезнь помешала дальнейшей филологич. работе Гречишкина, но вышедшая в 2004 совм. кн. **«Символисты вблизи»** наглядно демонстрирует, как много удалось сделать соавторам в те годы.

Для становления Л. как ученого много значили годы работы референтом акад. М. Алексеева, крупнейшего знатока взаимосвязей русской лит-ры с зарубежной. Образец статьи, связанной с кругом этих тем, был создан в начале творч. пути Л. — **«Андрей Белый и Кристиан Моргенштерн»** (Сравнительное изучение лит-р: Сб. статей к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л., 1976). В то же время Л. принимает участие, а иногда является и единственным публикатором важнейших документов из истории русской лит-ры нач. XX в. В 1970-е опубл. переписка Брюсова с Белым и Вяч. Ивановым (первая в соавт. с Гречишкиным, вторая — с ним же и с Н. Котрелевым: Лит. наследство. М., 1976. Т. 85), письмам Иванова к Ф. Сологубу и А. Чеботаревской (Ежегодник РО ПД на 1974 г. Л., 1976), И. Анненского к С. Маковскому (совм. с Р. Тименчиком: Ежегодник РО ПД на 1976 г. Л., 1978) и к М. Волошину (совм. с В. Купченко: Там же), Блока к В. Зоргенфрею (совм. с Гречишкиным: Русская литра. 1979. № 4) и К. Эрбергу (совм. с ним же: Ежегодник РО ПД на 1977 г. Л., 1979). Позже добавились и др. работы, связанные с А. Ахматовой и Б. Пастернаком, ряд статей, среди кот. образцовая **«Мифология "аргонавтов"»** (Миф — фольклор — литература. Л., 1978).

Между тем доступ к западной литре (не только эмигрантской, но и иноязычной), к архивным источникам нередко был закрыт в те годы. Ст. **«Дело о "Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома"** / Вст. ст. С. Фомичева и Л., публ. Л.» (In Memoriam: Сб. памяти В. Алоя. СПб.–Париж., 2005) свидетельствует именно об этом. Общение с иностранцами, приезжавшими в Л-д, как и с коллегами, получавшими тюремные сроки или выехавшими за границу, затрудняло продвижение по службе. Лишь в 1985 Л. защитил в ЛГУ канд. дис. (**«Валерий Брюсов и лит. движение 1900-х гг.»**), имея к тому времени на счету более 70 науч. работ. Начавшиеся во вт. пол. 1980-х перемены позволили Л. печ. много больше (для сравнения: в 1984 он опубл. 4 работы, из них одну в соавт. с Д. Максимовым, в 1988–12, в 1989–18). Закономерной стала защита докт. дис. **«Андрей Белый в 1900-е годы: жизнь и лит. деятельность»** (1995; изд. в виде монографии), в 1997 по реком. Д. Лихачева Л. был избран членом-корр. РАН, в 2008 — действительным членом АН.

Науч. работа Л. с самого начала и до наст. вр. идет в одном гл. направлении, кот. можно определить как органическое соединение архивных разысканий, текстологич. поисков, биографич. штудий, аналитич. разборов самых разнообразных текстов (поэтических, прозаических, мемуарных, публицистических, научных, эпистолярных, дневниковых и пр.), основанное на знании эпохи, прежде всего 1890–1920-х. Соответственно труды Л. можно разделить на группы лишь условно, т. к. каждая группа сочетает в себе элементы всех названных принципов.

В 2000 появляется кн. **«Этюды о Блоке»**, соединившая под одной обложкой ранее напеч. статьи, кот., однако, не распадаются на отд. части, а оказываются нанизанными на прочную нить отчетливого представления об эволюции одного из самых популярных и одновременно самых загадочных русских поэтов XX в. В 2007 появляются **«Русские символисты: Этюды и разыскания»** и **«Андрей Белый: Разыскания и этюды»**. Статьи, заметки, публикации, лит. портреты и очерки, помещенные в них, создают объемный эффект, погружая читателя в атмосферу нач. XX в.

Др. группа книг, где Л. был и исполнителем, и деятельнейшим соавтором, издания различных авторов. Прежде всего, Андрей Белый: практически полное собр. стих. (в 2 т.) в «Новой биб-ке поэта» (в соавт. с Дж. Малмстадом), не изданное при жизни «Собрание стих.» 1914-го и берлинские «Стихотворения» 1923-го, а также снабженное статьей и прим. репринтное переизд. «Золота в лазури». Это собр. под одной обложкой «Симфонии». Это дважды изданный «Лит. памятниками» «Петербург», в кот. гл. инициатором замысла был Л. Долгополов, но серьезнейший вклад внесли Гречишкин и Л. Особенно заслуживает внимания второе изд., где виртуозность владения комм. так высока, что, не выходя из заранее определенного первым изд. объема, Л. сумел усовершенствовать и дополнить его вновь появившимися мат-лами. Следует назв. и драму «Петербург», подгот. к печ. совм. с Дж. Малмстадом. Это трехтомное изд. мемуаров с обширнейшим комм., а также книга «Андрей Белый о Блоке», где собраны ранние редакции воспоминаний. Это переписка с Блоком и с Ивановым-Разумником (соавторы Дж. Малмстад и Т. Павлова), письма к М. Морозовой (совм. с Дж. Малмстадом). Собранный и откомм. том «Андрей Белый: Pro et contra» (2004).

Не менее значимо то, что Л. сделал для публ. М. Волошина: издал небольшую книгу лучших стихов поэта (1988), вместе с В. Купченко выпустил близкое к полноте собр. его стихов в «Биб-ке поэта». Принимал актив. участие в изд. «Ликов тв-ва» (1988), впервые по-настоящему представившего читателям Волошина — критика и искусствоведа. Под ред. Л. выходили сб. «М. Волошин: Из лит. наследия». Издание многотомного собр. соч., затеянного вместе с Купченко, но после его смерти целиком взятого Л. на себя. К кон. 2012-го вышло 10 т. в 12 кн.

Под ред. и со вст. ст. Л. вышло собр. стих. З. Гиппиус и ее же «Соч.: Стихотворения. Проза» (совм. с К. Азадовским), «Повести и рассказы» В. Брюсова (совм. с С. Гречишкиным) и его переписка с Н. Петровской (совм. с Н. Богомоловым), «Наполеон» и «Мессия» Д. Мережковского, «Избр. произведения» М. Кузмина (совм. с Р. Тименчиком), мемуары П. Перцова, «Взвихренная Русь» А. Ремизова, стих. Ивана Коневского в «Новой биб-ке поэта», проза Б. Пастернака, «Из неизданного и несобранного» Эллиса, мемуаров Иванова-Разумника, С. Соловьева и М. Бекетовой. Л. входит в редколл. академич. собр. соч. Блока.

Многочисленны статьи, публикации, рец. Л., появлявшиеся в ж. и сб. Отметим его стремление писать не только о знаменитых и изв. авторах, но об оставшихся почти полностью забытыми. Среди них В. Гофман и Ю. Сидоров, Л. Вилькина и Ю. Верховский, Ю. Мандельштам и С. Шаршун, А. Кондратьев и Мирэ, М. Пантюхов и В. Руслов. Заслуживают выделения воспоминания Л. в различных жанрах об учителях и ст. коллегах (Д. Максимове, В. Мануйлове, Д. Лихачеве, З. Минц, М. Гаспарове и др.).

Огромна редакторская работа Л. Под его ред. выходили тома биографич. альм. «Лица» и кн. «Писатели символистского круга», он член редколл. издательских серий «Лит. памятники», «Новая биб-ка поэта», уже завершивших свое существование «Совр. западная русистика» и «Диаспора», биографич. словаря «Русские писатели. 1800–1917», ж. «НЛО», «Русская лит-ра», «Die Welt der Slaven» (Мюнхен) и пр. Опубликованная к его 60-летию библиография состоит из 425 записей, многие из кот. включают сразу по неск. работ (напр., статьи в разного рода словарях и энц.).

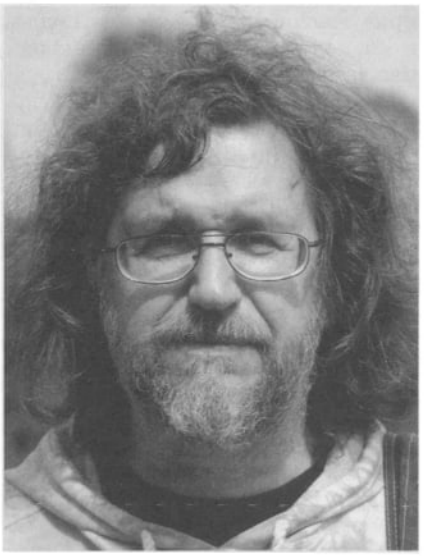
Член СП СПб. (с 1990) и ПЕН-клуба (с 2003), входит в Об-во поощрения русской поэзии и в жюри нац. премии «Поэт». Как человек последовательно либеральных убеждений неоднократно подписывал разного рода обращения в различные властные структуры, направленные против подавления прав и свобод граждан, в защиту слабых ростков российской демократии.

Соч.: Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и лит. деятельность. М., 1995; Этюды о Блоке. СПб., 2000; Символисты вблизи. Очерки и публикации. СПб., 2004 (совм. с С. Гречишкиным) и мн. др.

Лит.: На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009 (приложена библиография публикаций до 2008 включительно); Александр Васильевич: Беседа с А. В. Лавровым / Подг. Н. Григорьева // Звезда. 2000. № 12.

Н. Богомолов

ЛАЗАРЧУ́К Андрей Геннадьевич [6.2.1958, Красноярск] — прозаик, переводчик.



Закончил Красноярский гос. мед. ин-т, кот. неофиц. назывался «кузницей красноярских писателей». Около 8 лет проработал по специальности — врачом скорой помощи и врачом-травматологом; параллельно учился в моск. Лит. ин-те им. М. Горького. После публикации в 1989 сразу двух книг (**«Зеркала»** и **«Опоздавшие к лету. Кн. 1»**) Л. решил оставить медицину и полностью уйти в лит-ру.

С 1999 проживает в СПб. Член Союза российских писателей и Русского ПЕН-клуба.

Формально то, что писал Л. в 1990-е, относят к фантастике, хотя сам автор так не считает: прием «предельного остранения» никогда не был для него самоцелью, но лишь способствовал более глубокому проникновению в тему. Тем не менее ярлык «фантаст» прилип к автору, а в силу особенностей характера он не предпринимает никаких усилий для изменения этой не самой точной характеристики. Более того, он утверждает, что иногда писал и фантастику тоже — напр., повесть **«Все хорошо»** и трилогию **«Космополиты»** (в соавт. с И. Андронати). В основном же произведения Л. принадлежат к направлению, кот. именуется то «магическим реализмом», то «лит. импрессионизмом», а то и «турбореализмом»,— в зависимости от фантазии и убеждений критиков.

Имя Л. и название довольно узкого лит. направления «турбореализм» называют обычно в тесной связке. Сам писатель утверждает, что направление это существовало если не всегда, то очень давно, и он лишь посильно участвовал в вычленении его из общего лит. потока. Определение он дает довольно сложное и «от противного»: «Существует расхожее представление о том, что мир веществен, познаваем и описуем, и литература описывает мир таким, каков он есть. Это литературное направление называется “реализм” (со всякими дополнительными оттеночными определениями: “критический”, “социалистический” и т. д.). Фантастика точно так же предполагает, что мир веществен, познаваем и описуем; однако фантастика ставит на этом мире лабораторные опыты и выстраивает модели и полигоны. Но есть альтернативное представление, ортогональное реализму и фантастике: мир неограничен и непознаваем, хотя все так же описуем, и практически все, что мы можем о нем узнать, мы узнаем не непосредственно, а через транслируемые кем-то описания, *тексты*; мы вынуждены всю жизнь довольствоваться именно этим, привыкли к этому и перестали замечать, что потребляем только вторичную, поставляемую неизвестно кем информацию. Таким образом, “мир есть текст”, но текст ежесекундно редактируемый и цензурируемый; и вот в этом меняющемся мире, мире без аксиом, существует литература, которая описывает его таким, каков он есть на самом деле, а не таким, каким мы его успеваем заметить. Это и есть “турбореализм”. В наши дни по внешним и формальным признакам турбореализм напоминает фантастику (в девятнадцатом веке он напоминал

готические сказки, а в семнадцатом — пьесы для площадного театра), однако задачей его являются не лабораторные опыты фантастики, но всего лишь честное и по возможности полное описание *увиденного не только глазами*».

За 1980-е — 90-е написал неск. рассказов и повестей, позже составивших сб. **«Сентиментальное путешествие на двухместной машине времени»**, а также романы **«Опоздавшие к лету»**, **«Все, способные держать оружие»**, **«Транквилиум»**, **«Кесаревна Отрада между славой и смертью»**, **«Штурмфогель»**, **«Посмотри в глаза чудовищ»** и **«Гиперборейская чума»** (посл. два — в соавт. с М. Успенским).

Роман «Опоздавшие к лету» считают осн. произведением писателя. Писавшийся и издававшийся по частям в теч. 14 лет (начат в 1982, перв. публикации в самиздате относятся к 1984, полностью опубл. в 1996), этот роман приходил к читателю отд. главами, каждая из кот. представляла собой более или менее самостоятельное произведение; по этой причине «Опоздавшие к лету» наз. и циклом, и мета-романом, и даже эпопеей. Однако Л. утверждает, что это обычный роман, имеющий сквозной сюжет и пусть и усложненную, но классич. романную структуру.

По формальным признакам роман сразу же отнесли к фантастике, однако это произведение по духу куда ближе к Кафке и Джойсу, нежели к Уэллсу и Стругацким. Время действия романа — с сер. XX до первого десятилетия XXI в. Место действия — некая славяно-германская страна, нечто вроде сохранившейся до наших дней Австро-Венгерской империи. Тему сформулировать сложнее. Через судьбы отд. людей прослеживается судьба страны, а через судьбу страны — изменения, происходящие в мире. Но не в верхушке мира-айсберга, а — в подводной его части, о существовании которой мало кто догадывается и почти никто не думает. Распад естественных связей; появление в, казалось бы, прочнейшей ткани мироздания зияющих прорех; чрезвычайное упрощение картины мира; и одновременно с этим — возникновение новых сущностей, которые из забавных игрушек стремительно становятся грозными монстрами, угрожающими самому существованию мира; мир, однако, этого не замечает, как не заметит он и собственной гибели, что, скорее всего, станет лишь началом новой реальности.

Много споров до сих пор вызывает роман Л.: **«Все, способные держать оружие»** (перв. сокращенное изд. вышло под назв. **«Иное небо»**), в кот. Л. продолжает рискованные игры с реальностями. Действие происходит в мире, в кот. Вторая мировая война закончилась поражением и распадом Советского Союза, хотя и победа Германии оказывается пирровой. Новая структура мира на некот. время застывает в сравнительно устойчивом равновесии, а через сорок лет, пользуясь нарастающей политич. слабостью Германии, оставшиеся независимыми части СССР устраивают «экспорт революции», а затем — и прямое вторжение. Но, как выясняется позже, и на этом события не останавливаются. По прочтении читатель остается с сонмом неразрешенных вопросов: а не является ли наша реальность, кот. базируется на маловероятных или вообще статистически недопустимых событиях, кот. мы просто привыкли принимать как данность, не задумываясь об их причинах, некой очередной кем-то и где-то сконструированной реальностью, и не может ли она быть так же стерта и перезапис., как и многие до нее?

В романе «Транквилиум» Л. обращается к распространенной городской легенде о людях, пропадающих без следа, и людях, появляющихся из ниоткуда. Оказывается, наш мир (Земля) — не совсем шар, и в нем есть «иные области, луной мучительной томимы...». Именно там, в Транквилиуме ярко-синего неба, белоснежных парусов и очень странного моря, живут те, кого не устраивает наш безумный мир. Об-во Транквилиума более консервативно во всех смыслах, в нем аккуратно — поскольку негативный пример совсем рядом, за гранью — сдерживается технич. прогресс, социальные эксперименты и вовсе не приветствуются. Однако «большой мир» не готов оставить беглецов в покое.

«Кесаревна Отрада между славой и смертью» — наиболее «фантастическое» произведение Л. В его основе лежит обширная мифологич. база Китая, Индии, Ирана, Скандинавии. Что делать человеку, если против него — сами боги, а отступать некуда? И совместимо ли всемогущество с разумом?

Трилогия «Посмотри в глаза чудовищ», «Гиперборейская чума» и «Марш экклезиастов», напис. совм. с М. Успенским (третья кн. в соавт. с И. Андронати), — это история XX в. в городских легендах и мифах, начиная с сюжетообразующего: Николай Степанович Гумилев не был расстрелян в ЧК, а выжил и стал членом могущественного тайного ордена. Как потом подсчитали авторы, при написании трилогии было использовано более восьмисот легенд, устных историй, апокрифов и анекдотов (в исходном смысле термина). Отд. заслугой авторы считают пробуждение интереса к Гумилеву в среде молодых читателей, а также популяризацию поэта Дм. Быкова, напис. для трилогии неск. десятков стих.

«Штурмфогель» — приключ., юмористич., отчасти пародийный роман, высмеивающий возникшую моду на «нацистский оккультизм»; тем не менее многие восприняли написанное всерьез, и ситуацию не спас даже Штирлиц, ходивший двадцать третьего февраля по зданию РСХА и требовавший выпить за победу.

Цикл **«Космополиты»** (**«За право летать»**, **«Сироты небесные»**, **«Малой кровью»**) был задуман И. Андронати и Л. как научно-фантастич. и приключ. сериал для детей и подростков; к сожалению, изд-во не сумело предложить книги целевой аудитории, а взрослый читатель испытал понятное разочарование.

«Абориген», **«Параграф 78»**, **«Темный мир»** — результаты попыток Л. поработать для кино. Все эти произведения представляют собой переработки киносценариев (в перв. случае — собственного, в двух др. — чужих). Понятно, что мн. принципы киноискусства, прежде всего «кино должно быть глуповато», нашли отражение и в этих романах.

«Мой старший брат Иешуа» — сугубо историч. роман, первый из предполагаемой трилогии о дохристианских временах и временах начального христианства. «Это не пересказ евангельской легенды, это попытка реконструировать реальные события», — говорит автор. Чрезвычайно насыщенный деталями быта и собы-

тиями, роман оказался сложен для неподготовленного «профессионального читателя», привыкшего подходить к автору с готовым шаблоном, о чем свидетельствует ряд растерянных рец., а некоторые «христианские критики» сходу объявили роман катастрофической худож. неудачей; отзывы же обычных читателей колеблются от полнейшего неприятия до полнейшего же восторга.

Переводы Л. малочисленны, но ценители считают их классическими: «Убик» Ф. Дика, «Пройдя долиной смертной тени» Р. Хайнлайна.

Лауреат ряда лит. премий в обл. фантастич. лит-ры; одна из последних — «Аэлита» (2010, за вклад в фантастику).

Соч.: Опоздавшие к лету. Кн. 1. Рига, 1990; Кн. 2. Зеркала. М., 1990; Священный месяц Ринь. СПб., 1993; Солдаты Вавилона. Красноярск, 1995; Жестяной бор. Харьков; Донецк, 1996; Транквилиум. М., 1996; Опоздавшие к лету. Кн. 1. СПб., 1996; Опоздавшие к лету. Кн. 2. СПб., 1996; Все, способные держать оружие... М., 1997; Посмотри в глаза чудовищ / В соавт. с М. Успенским. М., 1997; Кесаревна Отрада между славой и смертью. Кн. 1. СПб., 1998 (переизд. — М., 2001); Гиперборейская чума / В соавт. с М. Успенским. СПб., 1999; Штурмфогель. СПб., 2000; Кесаревна Отрада между славой и смертью. Кн. 2. М., 2001; За право летать / В соавт. с И. Андронати. М., 2002; Сентиментальное путешествие на двухместной машине времени: Авт. сб. М., 2003; Сироты небесные / В соавт. с И. Андронати. М., 2003; Малой кровью / В соавт. с И. Андронати. М., 2004; Марш экклезиастов / В соавт. с М. Успенским и И. Андронати. СПб., 2006; Параграф 78. М., 2007; Абориген. М., 2009; Мой старший брат Иешуа. М., 2009; Темный мир / В соавт. с И. Андронати. М., 2010; Спираль (из межавторск. цикла «S.T.A.L.K.E.R.»). 2010.

Лит.: Стругацкий А., Стругацкий Б. Предисл. // Лазарчук А. Опоздавшие к лету. Рига, 1990; Переслегин С. Пространство и Время не определено // Переслегин С. Око тайфуна: Посл. десятилетие сов. фантастики. СПб., 1994; Бережной С. Миры великой тоски // Двести (фэнзин). 1994. № А (авг.); Успенский М. [Послесл.] // Лазарчук А. Солдаты Вавилона; Р. Арбитман. «Изысканный бродит жираф» [рец. на: А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ] // Книжное обозр. М., 1997. № 22, 3 июн.; Столяров А. [рец. на: А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ] // Если. М., 1997. № 7; Некрасов С. Роковые сны [рец. на: А. Лазарчук. Все способные держать оружие...] // Книжное обозр. М., 1997. № 38, 23 сент.; Соболев С. [рец. на: А. Лазарчук. Все способные держать оружие...] // Питерbook. СПб., 2000. № 4; то же // Ex Libris. НГ. М., 2000. № 24, 29 июн.; Куликова К. [Славникова О.]. Необходимость бреда (о романе А. Лазарчука и М. Успенского «Гиперборейская чума») // Книж. клуб. Екатеринбург, 1999. № 40; Етоев А. И швец, и жнец [Предисл.] // Лазарчук А. Штурмфогель. СПб., 2000; Бережной С. На грани реальности и действительности [Послесл.] // Лазарчук А. Штурмфогель. СПб., 2000; Дмитриев А. Штюрм унд дранг Лазарчука [рец. на: А. Лазарчук. Штурмфогель] // Гном. Астрахань, 2000. № 9; Владимирский В. Ступени к небу [рец. на: А. Лазарчук. Солдаты Вавилона] // Домашний компьютер. М., 2002. № 2 (68); Соболев С. Не доверяй добрым дядям! [рец. на: И. Андронати, А. Лазарчук. За право летать] // Питерbook. СПб., 2002. № 6–7; Иванченко В. За нашу Родину — огонь, огонь! [рец. на трилогию «Космополиты»] // Книж. витрина. Новосибирск, 2006. № 13 (227), июнь; Иванченко В. Гиперборейская чума—3: Борьба за Эдем [рец. на: А. Лазарчук. Марш экклезиастов] // Книж. витрина. Новосибирск, 2006. № 14 (228), июнь; Березин В. Третья попытка [рец. на: А. Лазарчук. Марш экклезиастов] // Книжное обозр. М., 2006. № 31–32, 7–13 авг.; Лелюхина М. Что это было, Пух? [рец. на: А. Лазарчук. Параграф 78] // Книжное обозр. М., 2007. № 10–11, 12–18, март.; Иванченко В. Личная вечность [рец. на: А. Лазарчук. Параграф 78] // Книж. витрина. Новосибирск, 2007. № 6 (246), март; Кошара А. Материализация новеллизации [рец. на: А. Лазарчук. Параграф 78] // Реальность фантастики. Киев, 2007. № 5 (45); Иванченко В. За час до Армагеддона [рец. на: А. Лазарчук. Все способные держать оружие...] // Книж. витрина. Новосибирск, 2007. № 13 (253), июл.

И. Андронати

ЛАЗУ́НИН Игорь Анатольевич [6.1. 1975, Жданов] — поэт.

Отец — русский, инженер-конструктор; Мать — украинка, мед. работник. Получил среднетехническое образование в Мариупольском индустриальном техникуме (1990–94). Служил в Нац. гвардии Украины (1994–96). Работал сварщиком на металлургич. комбинате (1996–98). С 1998 проживает в СПб. Работает сварщиком в мостоотряде. Участник 25, 26 и 27 конф. Молодых писателей

Северо-Запада. Член СП России с 2007. Зав. отделом поэзии альм. «Молодой Петербург».

Л. в дневнике отмечал, что, несмотря на то что стихи начал писать в отрочестве, серьёзное отношение к стихосложению сформировалось только после переезда в СПб. и знакомства с ЛИТО «Молодой Петербург» при СП России под рук. А. Ахматова. В 2000 последовала перв. публикация в альм. «Молодой Петербург», о кот. поэт и эссеист Е. Жабинковская в ст. «Осторожно: вход свободный!» заметила: «Л. один из интересных и перспективных авторов» (Молодой Петербург. 2000. Вып. 4). В последующ. годы Л. стал пост. автором этого альм., а так же др. сб. поэзии — «Приневье» (2002), «Посвящение Петербургу» (2003), «Всерусский собор» (2005), «День Поэзии» (2007), «Красивые вещи» (2009), « Аничков мост» (2010). Стихи и критич. ст. Л. неоднократно публ. в периодич. печати: ж. «Невский альм.», «Вокзал», «Аврора», «Сев. Аврора», в газ. «Гончарный круг», «Морская газ.», «Лит. Петербург» и др.

Перв. кн. Л. **«Чужие сны»** (2003) отличает подчёркнутый метафоризм и чуткая пристальность к реалиям окружающей жизни. Во вст. ст. А. Ахматов пишет: «А что, собственно, ассоциируется у читателя именно с питерской поэзией или, если хотите, с питерской школой? Классичность, т. е. традиционность формы, строгий подход к выразительным средствам, т. е. отсутствие китча,

детализация, т. е. предметы даны крупным планом, и, наконец, некоторая холодность, т. е., иными словами, рассудочность: все признаки у Л., что называется, налицо. Он традиционен, как ритмически, так и в строфическом рисунке. Он весьма разборчив в лексике... поэт ощупывает рельеф окружающего мира своим духовным зрением, находя соответствия между различными его составляющими. Называя их, он как бы лепит их заново, а точнее, проявляет их в сознании читателя, как поводырь проявляет в сознании слепого окружающую действительность, описывая её». В «Чужих снах» ещё заметно влияние на Л. совр. поэтов-метафористов, но в отд. стих. (**«Смерть»**, **«Азовское море»**, **«Мушкетёрик»**) он выступает как сформировавшийся автор, со своей сложившейся морально-эстетич. платформой.

Появление в 2006 кн. стихов **«Лёгкая атлетика»**, являющейся совм. проектом Л. и поэта К. Пасечника, было отмечено поэтом Г. Горбовским: «Молодые лирики пишут от себя и о себе, т. е. о том, что более всего познали. Выбор их слов — не тривиален, не затёрт подошвами размеренного стихоплётства... Так что, читая их, не задохнешься от уныния...». В петерб. отд. СП кн. была встречена неоднозначно. Но в ст. «Скрестив, словно шпаги слова...», опубл. в газ. «Лит. Петербург» (2006. № 62), о Л. сказано: «...глобальных вещей Л. в своём творчестве не касается. Л. предпочитает свой лаз. Но это не значит, что он проигрывает. Его вселенная камернее, но и она иногда до боли пронзительна, когда он говорит: "И твоих коленей плохонькое чудо / я во сне не буду целовать, не буду...", "...в эротизме Л. точно лидирует, причём его эротика обыденна, грубовата, но окрылённая образным мышлением запоминается надолго: «Вижу март изнуряющий зиму / И апрель, из которого ты / В расклешенной джинсовой корзине / Принесёшь наслажденья плоды"». В «Лёгкой атлетике» Л. предстаёт перед читателем как умелый метафорист (**«Воздух, как покойник, отрешённо-чистый»**, **«Играет метель на перилах балкона...»**), проникновенный лирик (**«Как лаврами, увенчаны июлем...»**, **«Мы выпали из полусна...»**). Кропотливая работа с эпитетами и инверсиями делает его лирику фотографически точной, выпуклой.

О кн. стих. **«Макет весны»** (2010) гл. редактор альм. «Красивые вещи» Р. Круглов в ст. «Гнездовье ангелов» говорил, что «своеобразие творчества Л. обусловлено, прежде всего, неординарностью и новизной выразительных средств, реализующихся в рамках традиционного стихосложения. Лирический сюжет большинства стихотворений Л. строится по индуктивной схеме классической медитативной лирики, восходя от описания действительности, как правило ярко детализированного, к созерцанию поэтического универсума. В тексте присутствует буквализм логических построений, хотя воздействие на реципиента осуществляется, в основном, за счет мастерского использования тропов, в особенности мотивированных метафор. Формальная составляющая при этом неотъемлема от лирического содержания: силлабо-тонический стиховой строй, традиционная строфика и рифма функционируют непосредственно в качестве текстообразующего фактора, что лишний раз дает читателю возможность убедиться в неисчерпаемых возможностях традиционного русского стихосложения и силе таланта данного автора». В альм. «Молодой Петербург» А. Лебедев подчёркивает: «...самого по себе быта в стихах нет в принципе, поскольку такие стихи состоят из раздельных метафор, объединенных простым перечислением. А вот уже сама метафора, улавливающая скрытую связь всех вещей в мире и действующая тем более сильно, чем более далекие вещи соотносит, и является пресловутым переходом к космосу...».

Член СП России.

Соч.: Чужие сны: Стих. СПб., 2003; Лёгкая атлетика: Стих. СПб., 2006; День поэзии: Альм. СПб., 2007; Красивые вещи: Альм. СПб., 2009; Макет весны: Стих. СПб., 2010; Аничков мост: Альм. СПб., 2010.

Лит.: Жабинковская Е. Осторожно: вход свободный // Молодой Петербург. 2000. № 4; Ахматов А. Скрестив, словно шпаги слова... // Лит. Петербург. 2006. № 62; Круглов Р. Гнездовье ангелов // Красивые вещи. СПб., 2009; Лебедев А. Мортидо в лит-ре: Возвращение к истокам // Молодой Петербург. СПб., 2010.

А. Ахматов

ЛА́НИНА Мария Михайловна [28.3.1955, Л-д] — поэт, переводчик.

Родители — филологи. В 1979 закончила историч. фак-т ЛГУ. Работала пом. реж. Театра им. Ленинского комсомола (1972), лаборантом в НИИ эксперимент. медицины (1973–77), ред. «Пушкинского временника» (1979), зав. лит. частью ТЮЗа (1982–89), ст. преподавателем кафедры режиссуры Гуманитарного ун-та профсоюзов.

Посещала кафе «Сайгон», была знакома со мн. его завсегдатаями, писала стихи. В 1970-е участвовала в публ. чтениях на квартирах у Ю. Жарких и Ю. Вознесенской, на выставке в мастерской В. Овчинникова в Кустарном пер. (1971). Поставила в подвале на ул. Жуковского спектакль «Пир во время чумы», каждое представление кот. начиналось с чтения стихов (помимо нее читали М. Юпп, В. Ширали, Е. Вензель). 14 дек. 1975 вышла на несанкционированную демонстрацию поэтов и художников на пл. Декабристов (Сенатскую). В 1980 подборка стихов Л. опубл. в ж. «Часы».

В посл. годы занимается лит. переводом с английского яз. для различных изд-в (Сетон-Томпсон, Марк Твен, Кен Кизи, Дороти Сэйерс, Барбара Делински, Дэн Симмонс, Кэролайн Черри).

В 1996 в изд-ве «Азбука» выпустила под псевд. Маргарита Ланская романы **«В зеркале Венеры»** и **«Кольцо Поликрата»**, в 2000 в изд-ве «Литера» — кн. **«118 детских вопросов»**.

По мотивам романа Л. «Зеркало Венеры» в 1999 снят фильм (реж. Л. Крымский, А. Максимков; авторы сцен. Е. Печников, Л., А. Максимков, М. Красовицкий).

Соч.: Стихи // Часы. 1980. № 25; Ланская М. В зеркале Венеры. СПб., 1996; Ланская М. Кольцо Поликрата. СПб., 1996; 118 детских вопросов. СПб., 2000; Ларри Бейнхарт. Американский герой / Перев. М. Ланиной. СПб., 2004; Кен Кизи. Порою нестерпимо хочется / Перев. М. Ланиной. СПб., 2004; Дороти Сэйерс. Смертельный яд / Перев. М. Ланиной. СПб., 2007.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ЛАНСКО́Й (наст. фамилия Либенсон) Марк Зосимович [19.2(4.3).1909, Николаев — 7.5.1990, Л-д, похоронен на Комаровском кладб.] — прозаик, сценарист.

Учился на лит. отд. Высших курсов искусствоведения (Л-д). Работал в редакциях лен. газ., на киностудии «Ленфильм».

Участник Великой Отеч. войны. В годы войны был воен. корреспондентом газ. «Лен. правда». Член КПСС с 1943. Начал печ. в 1928 в «Красной газ.». С 1939 печ. в «Лен. правде».

Был известен как фельетонист (сб. **«Фельетоны»**, 1960; **«Гроссмейстер аферизма»**, 1961; **«Добавка: Рассказы и фельетоны»**, 1964).

Автор десяти книг прозы, в т. ч. романа **«С двух берегов»** (1972), повестей **«Незримый фронт»** (1956, в соавт. с Б. Рестом), **«Приключения без путешествий»** (1958), **«Когда в сердце тревога»** (1963), **«Глухое дело»** (1966), **«Трудный поиск»** (1967). Тема мн. произведений — воспитание трудных подростков. Автор рассказов **«Опанасовы бриллианты»**, **«В белую ночь»**, **«Тёмное дело»**, **«Двенадцать открыток»**, **«Клиент»**.

В нач. 1960-х обратился к науч. фантастике. Первая научно-фантаст. публ. — рассказ **«В обжитом космосе»** (Звезда. 1961. № 1). В научно-фантастич. романе **«Битые козыри»** (1977), почти не замеченном критикой, сделал неоднозначную по результатам попытку соединить науч. фантастику, соц. памфлет, пародию, элементы «космической оперы». Действие романа происходит на планете, на кот. бежали капиталисты после установления на Земле коммунизма. Герой-ученый превращает себя в сверхчеловека и срывает планы уничтожения «избыточного» населения в ядерной войне. Автор научно-фантаст. рассказов **«Поединок»**, **«Грибоискатель»**, **«Бунт машин»**.

Публиковал детские, сатирич. произведения, писал киносценарии. Работал как сценарист докум. и научно-популярного кино, писал тексты для кинохроники.

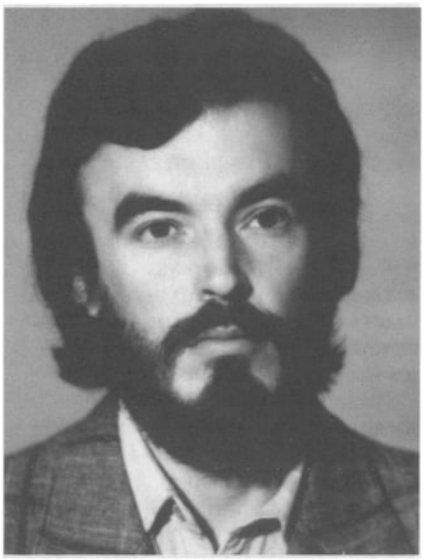
Член СП СССР.

Архив хранится в РГАЛИ.

Соч.: Как был разгромлен фашистский штаб (в соавт. с Ф. Самойловым). Л., 1941; Посылка: Рассказ. Хабаровск, 1943; Незримый фронт: Приключенч. повесть (в соавт. с Б. Рестом). Л., 1956 (Ташкент, 1959); Приключения без путешествий: Повесть. Л., 1958; Доблесть поколений: [Ленинградский комбинат тонких и технических сукон им. Э. Тельмана]. Л., 1959; Фельетоны. Л., 1960; Гроссмейстер аферизма: Фельетоны. М., 1961; Добавка: Рассказы и фельетоны. Л., 1964; Когда в сердце тревога: Две повести. Л., 1964 (1965); Две повести. Трудный поиск. Глухое дело. Л., 1969; Скрытая камера: Юмор. рассказы. М., 1969; Приключения без путешествий. Когда в сердце тревога. Трудный поиск. Л., 1970; С двух берегов: Роман. Л., 1972 (1973, 1979); Битые козыри: Фантаст. роман. Л., 1977; Когда в сердце тревога; Трудный поиск. Л., 1983 («Повести лен. писателей).

Лит.: Энц. фантастики: Кто есть кто / Под ред. Вл. Гакова. Минск, 1995; Мацуев Н. Русские сов. писатели. 1917–67. М., 1981.

ЛАПЕНКО́В Владимир Борисович [27.1.1951, Л-д] — прозаик, критик-эссеист, культуролог, мемуарист.



Родители: отец — инженер, участник Великой Отеч. войны; мать — машинистка. Оба деда были репрессированы.

Окончил среднюю школу, занимался самообразованием. Входил в ЛИТО «Голос юности» при ДК Профтехобразования (рук. Д. Дар), где познакомился со мн. неофиц. литераторами. Впоследствии напис. воспоминания о Д. Даре, опубл. его лит. наследие.

Работал трубочистом и оператором газовой котельной, примыкал к движению хиппи и рок-культуры в период их возникновения в стране. Участвовал в собраниях и акциях «Клуба–81». Печ. (иногда под псевд. Игорь Непруха и Владимир Констаниади) в машинописных самиздатских ж. Писал иронич. стихи (сб. **«Засученные рифмы»**), сказки (сб. **«Юность Телемаха и другие фурункулезные истории»**), рассказы (**«Некюйа»**, **«Рассказ для чтения вслух»**, **«Рассказ без туфты»**, **«Портрет Непрухи»**, **«Медиташки»**, **«Буквоборцы»** под маркой «Членизда»), повесть **«Негативы: Записки из-за угла»**, сценарий для рок-мюзикла-антиутопии **«На смерть поэта»**.

Е. Игнатова: «...под луною Сенатскою, спящею глухо... / тенью от бронзы мерцает бумажный конек... / на невезухе-лошадке писатель-непруха / гиблого слова из лесу вывозит возок...».

В перв. пол. 1970-х написал, а спустя неск. лет опубл. две повести («**Раман**» — 1979. № 2–3; и «**Записки преждевременно созревшего: Сага для юношества**» — 1980. № 2) в парижском ж. «Эхо» (под ред. В. Марамзина и А. Хвостенко). В «Записках...», впервые появившихся в самиздате под маркой «Влюбленздат», нашли отражение битнические настроения и моменты т. н. «сайгонского» фольклора.

В ж. «Часы» (1978) опубл. эссе «**Опыт ненужного исследования**» на тему экзистенциальной трагичности существования писателя «второй культуры». В 1980-е сотрудничал с самиздатским ж. «Обводный канал», в кот. опубл. повесть «**Фук-книга**» (1982. № 2; законч. в 1977), рассказы, ряд эссе и литературоведческих ст. (в т. ч. — «**Аркадий Бартов глазами Хорхе Борхеса**», «**Записки о совр. прозе**», «**Читаем Платонова**»).

Л.: «Худпроза писалась мною с конца 60-х до 86-го года; точнее, это была *около-*, *вокруг-* и *мета*литература. Но в последние 20 *правильных* лет — работы культурологического и мемуарного характера. Попадание в андеграунд было неизбежным. Начиная с того, что был изгнан из школы и являлся, по факту, первым ленинградским хиппи; отсюда — дурные компании, ночные сейшны, хич-хайк по СеСеРу и т. п. Может быть, еще не всё было потеряно, но с юнейших лет попал в руки Д. Дара, и тот, вместо того, чтобы направить отрока на путь истинный, напротив, еще более поощрял в антисоциальных и антитрадиционистских взглядах. Поэтому и писал я (под псевд. Непруха) только иронические и пародийные, в современной терминологии — постмодернистские, опусы. Соответственно и приятели были авангардисты, пьяницы и антисоветчики. Впрочем, даже если бы Дар и попытался привить мне что-нибудь благолепно приличное, вряд ли бы это превозмогло тяжелую наследственность и отсутствие должного воспитания. Все же оба деда моих получили по "маслине" в затылок не в роли безвинных овечек режима, рукоплескавших стройкам и тройкам, а *в борьбе* обрели несчастье свое (эсер Иван в 37-м, а басмач Алекпер аж в 26-м; осина не родит апельсина). Так что тогдашнее концептуальное свое "отрицалово" я не из одних только книжек вычерпал. К *Литературе*, как таковой, я всегда относился немного иронично и снисходительно. И *всерьез* считал себя писателем только в том нежном возрасте, когда писал романы про индейцев. В лирическом стишке или сюжетном романеновелле я всегда чувствовал некую недостачу валидности, культурную инволюцию, пубертатность рецепции, дефективную фикцию фюзиса. Короче — пролонгированную финитность инфанта. Но с годами, присмирев, и обломав рога на дискурсивных полях, уже сам с отчужденно-исследовательским интересом обращаюсь к тому периоду на правах читателя и поминателя».

Незадолго до смерти в Иерусалиме, Д. Дар прислал Л. свое фото с надписью на обороте — «Дорогому Володе Лапенкову, которого люблю, которым горжусь, которому желаю большого литературного успеха, *хотя и не придаю этому успеху никакой цены*!».

«Раман» как форма интеллектуально-игрового антиромана, предугадавший мн. приемы совр. лит-ры, вызвал восторженный отклик ред. ж. «Континент» В. Максимова: «... это может показаться парадоксальным, но... с удовольствием читаю наших т. н. модернистов, с одной лишь оговоркой — талантливых. К примеру, Л. в предыдущем номере "Эха" читал с подлинным наслаждением» («Наше инт. с В. Максимовым» // Эхо. 1979. № 4). В 2003 «Раман» переизд. с небольшими изменениями во 2-м томе трехтомника «Коллекция: Петерб. проза (лен. период)» (изд-во Ивана Лимбаха). «"Раман" В. Л. ... это пример текста молодежно-контркультурного, для Ленинграда середины 1970-х — радикального» (А. Урицкий).

В 2000-х Л. опубл. в ж. «Звезда» и в Сети ряд культурологич. и ист.-философ. статей. «...критические заметки В. Л. служат одой литературной жизни 70-х, открывших оптимальное для творчества сочетание "системы табу" и "ворованного воздуха"» (М. Буланакова). Но — одновременно — «Л. говорит о крахе андеграунда как социальной и культурной группы» (А. Урицкий).

«Автор статьи "**Эволюция мифореальности**" ("Звезда". № 2), В. Л. воспринимает постмодернизм (ПМ) как эпоху. *Постмодернизм* — не преходящая мода и не бомба, подложенная злокозненными врагами "настоящей" культуры. Это — сама культура. Быть может, целительная передышка, подытоживание пережитого, привал перед неведомым преображением. ПМ требует своих гегелей, гуссерлей и т. п. Те смогли осмыслить классический дискурс. В осмыслении постмодернистского дискурса Фуко, Бодрийяр, Делез и Деррида не тянут. Лапенков пробует сам — в духе раскованного дарвинизма» (А. Денискин). Не всех это, конечно, увлекает. «Допускаю, что существует и, наверное, имеет право на существование профессиональный язык ученых-филологов. Я не посягаю на чужую территорию. ...но "Знамя", "Новый мир", "Октябрь", "Звезда" — общедоступные литературные журналы. Зачем же отталкивать читателя?» (Н. Анико).

В серии «Мифы без грифа» вышла кн. Л. «**История нетрадиционной ориентации. Легенды и мифы всемирной истории**» (М., 2006. 400 с. (авторское назв. — «Виртуальная Русь»). В аннотации к кн. сказано: «Автору этой книги удалось собрать что-то вроде кунсткамеры самых диковинных, самых уродливых и причудливых исторических легенд и мифов "нетрадиционной ориентации". "Арийская прародина" и "Велесова книга", легендарная Атлантида и таинственная Шамбала, поиски Св. Грааля и мифической Гипербореи, загадки начальной истории Руси и "шумеро-казацкие веды", новое русское язычество и последняя тайна Сиона — самые скандальные, самые спорные исторические гипотезы, самые неожиданные доводы и разоблачения в новой сенсационной книге В. Л.». Один из откликов читателей на кн. Л. на интернет-сайте «Форум Сварога» таков: «Весьма полезное чтение. Где — поржать, где — попользоваться».

Часть работ Л. имеется только на интернет-сайтах, значительная часть — до сих пор не опубл. Две боль-

шие книги, о логике мифа и о философии истории («**Введение в мифосемантику**» и «**Война историй**») еще не закончены, не в посл. очередь по причине личного экзистенциального опыта «ненужности исследования».

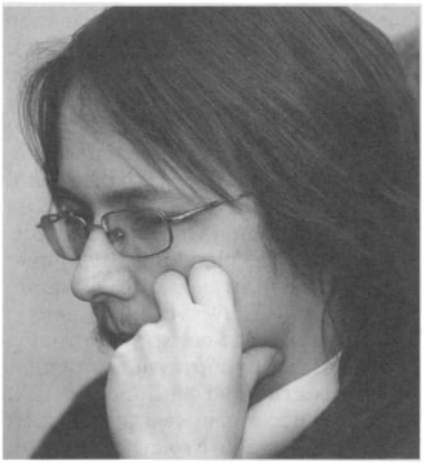
Соч.: Человечья комедь // Лепрозорий–23 / Сост. К. Кузьминский. Л., 1976; Раман // Эхо. Париж, 1979. № 2–3; Записки преждевременно созревшего (сага для юношества) // Эхо. Париж, 1980. № 2; Рассказ (отрыв. из повести «Записки...») // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 4А (перепеч. в сб.: Сумерки «Сайгона» / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2009); Фук-книга // Обводный канал. 1982. № 2; Аркадий Бартов глазами Хорхе Борхеса // Родник. Рига, 1988. № 12; Краткая история райсийской лит-ры для карманной энц. // Гуманитарный фонд. 1991. № 51; Жизнь и падение бухгалтера Рубликова (отрыв. из Фук-книги) // Смена. 1992. 15 апр.; Рассказы // Индекс-2. СПб., 1993; Дар // Звезда. 1994. № 5; Д. Дар // Нева. 2001. № 8; Форматирование андеграунда // Звезда. 2002. № 1; До и после: Околосовременные размышления // Звезда. 2002. № 9; Ars Rossica: Лит. Россия и фабула глобализации // Звезда. 2003. № 1; Медиташки // Магазинник. Н.-Й., 2003. № 3–4; Эволюция мифореальности // Звезда. 2004. № 2; Субъекты родной речи // Звезда. 2005. № 8; Империя, метафизика, маргинальность // Звезда. 2006. № 1; Значение диалектики. О некот. смысле существования // Крещатик. 2006. № 3; Буквоборцы. Элогия // Квадрига Аполлона. 2009. № 2; О Кузьминском и Д. Даре // Квадрига Аполлона. 2010. № 3; Пара меморий. СПб., 2011.

Лит.: Мальцев Ю. Вольная русская лит-ра // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1976; Годунова Е. Кто подарит ксерокс Обводному каналу? // Час пик. 1990. № 23, 30 июл.; Милославский Ю. Эстетика стилистич. разочарования // ЛГ. 1992. № 29, 15 июл.; Берг М. Эксцентрион // Смена. 1992. 15 апр.; Берг М. Литературократия. М., 2000; Буланакова М. Тянет жрать, спать, сочинять // Экслибрис. 2002. № 45 (265). 26 дек.; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Денискин А. Философская, социологическая, историософская и культурологич. мысль России // Континент. 2004. № 120; Страшнов С. Просветительство и журналистика. Иваново, 2004.

Сайты: http://www.litera.ru/slova/lapenkov/; http://magazines.russ.ru/authors/l/lapenkov/; http://www.imwerden.info/belousenko/books/Lapenkov/.

В. Константиади

ЛА́ПИН Илья Сергеевич [19.7.1978, Л-д] — поэт.



По семейному преданию, фамилия Л. происходит из обрусевшей на рубеже XVIII–XIX вв. финской фамилии Лапинен, представитель кот. приехал в только что основанный СПб.

Закончил школу-колледж «Земля и Вселенная» (1995), физический фак-т СПбГУ (2003). Работает учителем физики в школе.

Автор неск. сайтов, посвященных истории города и Карельского перешейка (напр., http://ristikivi.spb.ru).

По словам самого Л., лет до 27 не стремился участвовать в лит. жизни. Перв. публичное выступление — в клубе «Дебют», под рук. Дм. Григорьева (2006). Посещал ЛИТО Г. Гампер, В. Лейкина, В. Шубинского.

Участник VI Майского фестиваля новых поэтов (2007), в малотиражном сб. кот. состоялась перв. публ. Печ. в поэтич. антол. («Линия отрыва», «Четверг. Вечер», «Аничков мост: Совр. поэты о Петербурге»). Опубл. сб. стихов «**Два времени**» (2009).

По мнению критики, осн. содержание поэзии Л. — «прошлое во всех его ипостасях», кот. становится «предметом рефлексии, созерцания, поклонения и отвращения», «неврозом и собеседником» (А. Черный); «повышенно чувствительное отношение к осмыслению истории пространства и движения времени», при котором поэт "существует, вернее, ощущает себя только на фоне памяти" — своего рода «поэтическое краеведение» (Д. Суховей).

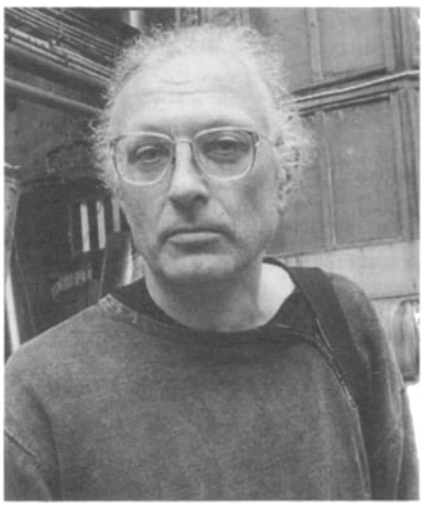
Лауреат премии им. А. Ахматовой (2009) за лучшие стихи в традиционном жанре.

Соч.: Два времени: Стих. СПб., 2009.

Лит.: Суховей Д. [Рец.: Илья Лапин. Два времени: Стихи. СПб.: «Русская симфония», 2009] // Воздух. 2009. № 1–2; Черный А. [Рец.: Илья Лапин. Два времени: Стихи. СПб.: «Русская симфония», 2009] // Евразийский журн. портал «Мегалит» <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=1724>; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

С. Должанская-Друговейко

ЛАПИ́ЦКИЙ Виктор Евгеньевич (псевд. Скард-Лапидус Арнаут) [30.7.1951, Л-д] — прозаик, переводчик.



Окончил математико-механич. фак-т ЛГУ (1973). Работал инженером, науч. сотрудником, преподавателем. Канд. физ.-мат. наук.

В 1981–89 писал прозу, печ. в ж. «Часы», «Митин ж.», «Выбор». М. Ямпольский: «Проза эта фантастична и интеллектуальна одновременно, но, пожалуй, лучше всего она определяется непереводимым немецким словом unheimlich, возведенным Фрейдом в ранг термина. Большинство историй Лапицкого написаны от первого лица, человеком, стремящимся к знанию, обретение которого чаще всего оказывается кошмаром, неопределенностью и невыразимостью».

Л. — переводчик-первопроходец Перв. опубл. перевод — роман Б. Ви-

ана «Пена дней» (1979). Сделал перв. русские переводы таких авторов, как Барт, Бланшо, Руссель, Лакан, Деррида, Лаку-Лабарт, Чоран, Клоссовский, Левинас, Лиотар, Бетанкур и мн. др. представителей радикально французской лит-ры и философии, теоретиков структурализма и постструктурализма. Первым перевел произведения К. Акер, А. Картер, У. Абиша. Участвовал в создании периодич. сб. лит. переводов «Предлог», печ. в нем. Как переводчик ставит своей задачей найти русский эквивалент языку французской и англо-американской авангардной прозы.

В 1990-е работал лит. экспертом в петерб. изд-вах «Северо-Запад», «Азбука», «Амфора», оказал существенное влияние на стратегию переводч. деятельности этих изд-в.

В 2000 выпустил десять книг переводов, включая антологию совр. западного рассказа «Locus Solus» (переизд. в 2006) и сб. собств. рассказов **«Борхес умер: Рассказы»** (обе — изд-во «Амфора»). В 2007 — «После-словия», в 2008 — «Полночь: XXI в.» (Там же).

Лауреат неофиц. премии за перевод Э/Е (1987), лит. премии Андрея Белого в номинации «За особые заслуги перед русской лит-рой» (2000) (премия присуждена за многолетнюю переводч. деятельность, сыгравшую исключительно важную роль в освоении отеч. лит-рой новейших философско-эстетич. парадигм), премии им. Мориса Ваксмахера (2010).

Соч.: Сад пыток // Митин ж. 1988. № 24; Комиксы // Митин ж. 1990. № 32; Муравьи // Митин ж. 1992. № 47/48; Стоп // Митин ж. 1993. № 49; Венецианский карнавал // Комментарии. 1993. № 2; Из цикла «Оммажи и плагиаты» // Комментарии. 1996. № 9; Борхес умер: Рассказы. СПб., 2000; После-словия. СПб., 2007.

Переводы: Бланшо М. Последний человек. СПб., 1997; Виан Б. Осень в Пекине. СПб., 1997; Виан Б. Красная трава. СПб., 1998; Лаку-Лабарт Ф. Musica ficta. Фигуры Вагнера. СПб., 1999; Барт Дж. Химера. СПб., 1999; Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М., 1999; Виан Б. Пена дней. СПб., 2000; Locus Solus: Антология лит. авангарда XX века. СПб., 2000; Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000; Картер А. Адские машины желания доктора Хоффмана. СПб., 2000; Бланшо М. Ожидание забвение. СПб., 2000; Олдис Б. Освобожденный Франкенштейн. СПб., 2000; Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи». СПб., 2001; Деррида Ж. Ухобиографии. Вокруг вавилонских башен. Шибболет. Золы угасшей прах. СПб., 2002; Клоссовски П. Бафомет. СПб., 2002; Бланшо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю. СПб., 2002; Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003; Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное. СПб., 2004; Бланшо М. Рассказ? СПб., 2003; Полночь. XXI век: Антология новейшей французской прозы от изд-ва «Minuit». СПб., 2008; Мильнер Ж.-К. Констатации. СПб., 2009; Бетанкур П. Естественная история воображаемого: Страна навозников и др. путешествия. СПб., 2009; Володин А. Дондог. СПб., 2010; Савицкая Э. Мертвые хорошо пахнут. СПб., 2010 (совм. с В. Кисловым); Клоссовски П. Диана и Бафомет. СПб., 2011.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003. Сайт премии Андрея Белого <belyprize.ru>

Е. Бабенко

ЛАППО-ДАНИЛЁВСКИЙ Константин Юрьевич [27.11.1962, Л-д] — литературовед.

В 1985 окончил русское отд. филологич. фак-та ЛГУ. В 1985–88 — аспирант ИРЛИ (ПД) АН СССР. В 1988 защитил канд. дис. **«Лит. деятельность Н. А. Львова»**. С 1988 науч. сотрудник Сектора по изучению русской лит-ры XVIII в. ИРЛИ.

С 1989 по 1990 находился в США как стипендиат IREX, собирая информацию о писателях русской эмиграции; подгот. д-ды в Принстонском, Йельском (Нью-Хэвен), Питтсбургском, Колумбийском (Нью-Йорк) и др. ун-тах. В 1991 находился в Италии по приглашению Миланского ун-та; в 1993 по приглашению ун-та в Салерно. В 1995 стипендиат «Об-ва австрийской литры» (Вена). В 1995–98 стипендиат Гумбольдтовского фонда в ун-тах Марбурга и Бонна (науч. рук. Ханс-Бернд Хардер и Ханс Роте). В 1999 вел науч. разыскания в биб-ках Берлина по приглашению Центра по изучению европейского Просвещения (Потсдам). В 1999–2002 стипендиат немецкого фонда Deutsche Forschungsgemeinschaft для написания кн. «Winckelmann und sein Einfluss auf die russische Literatur und Kunstkritik im 18. und 19. Jahrhundert» (науч. рук. Герхард Гиземан). В 2005 факультетом «Язык, литература, культура» Гисенского ун-та на основании представления этой монографии в качестве хабилитационного соч. и д-да **«"Значимое отсутствие" в повести Ярослава Ивашкевича "Взлет"»** присуждена научная степень «Dr. habil.». В 2003–05 науч. сотрудник Славянского семинара Марбургского ун-та. В 2007 по представлению документов о хабилитации в Гиссенском ун-те ваком присвоена науч. степень докт. филол. наук.

В 2007 на ежегодной конференции Винкельмановского об-ва в Стендале (Германия) за монографию **«Gefühl für das Schöne. J. J. Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland»** (2007) присуждена Винкельмановская медаль г. Стендаля. В 2008 в связи с утверждением редколлегии малого акад. Собр. соч. Вяч. Иванова назначен зам. гл. редактора.

Участник многочисленных славистических конференций в России, Швейцарии, Англии, Австрии, Германии. Обл. интересов: источниковедение, сравнительное литературоведение, теории интертекстуальности, нарратология, история русской лит-ры XVIII–XX вв., взаимосвязи русской лит-ры с немецкой, итальянской, французской и польской. Действительный член Международного об-ва по изучению XVIII в. и Российского Союза германистов, а также Винкельмановского об-ва.

Преподавал вводные теоретич. курсы, читал лекции и вел семинары по русской и польской лит-рам: 1992–93 — в Русском христианском гуманитарном ин-те (СПб.); 1993–95 — в Ин-те иностранных языков (СПб.); 1996–97, 2003–05 — в Марбурском ун-те; 1999–2001, 2003–04, 2005–10 — в Гисенском ун-те.

Соч.: Львов Н. Избр. соч. / Предисл. Д. Лихачева, вст. ст., сост., подгот. текста и комм. К. Лаппо-Данилевского. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994; Альтман М. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост., подгот. текстов В. Дымшица и К. Лаппо-Данилевского; вст. ст. и комм. К. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995; Краткий биогр. словарь русского Зарубежья (в соавт.) / Вст. ст. К. Лаппо-Данилевского. Париж; М., 1996; Вячеслав Иванов: Иссл. и мат-лы / Отв. ред. К. Лаппо-Данилевский, А. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1; Gefühl für das Schöne. J. J. Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln; Weimar; Wien, 2007.

ЛА́ПЧЕНКО Александр Федорович [4.4.1939, Л-д.] — литературовед.

Окончил русское отд. филологич. фак-та ЛГУ (перевелся из МГУ) в 1970. С 1959 по 1962 работал на предприятиях Ухты (Коми АССР) и Л-да.

С 1970 — преподаватель ЛГУ. С 1970 по 1977 — ассистент фак-та русского яз. как иностранного. С 1977 по 1980 — аспирант кафедры истории сов. лит-ры филологич. факта ЛГУ (науч. рук. — д. ф. н. проф. Л. Ерошов). По окончании аспирантуры принят в штат кафедры истории сов. литры филологич. фак-та. С 1980 по 1987 — ассистент, ст. преподаватель, доц. каф. истории сов. лит-ры. Читал осн. и спец. курсы, вел семинары по проблемам развития совр. русской сов. лит-ры. В 1984 защитил канд. дис. **«Русская сов. социально-философская проза 70-х годов (Человек и земля в тв-ве В. Распутина, В. Астафьева, С. Залыгина)»**. На основе дис. выпустил кн. **«Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х гг. (В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин)»** (Л., 1985).

С июня 1987 (по дек. 2000) — сотрудник ИРЛИ; работал зам. директора по науке, курировал Отдел сов. лит-ры (Отдел новейшей русской литры), РО, Лит. музей и Сектор взаимосвязей русской лит-ры с зарубежными лит-рами, руководил работой по международным связям ИРЛИ.

Гл. науч. труд Л. — монография «Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х гг. (В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин)», ставшая, по существу, первым по-настоящему удачным опытом объективного и серьезного науч. анализа русской «деревенской прозы». Л. опирается на разработанную Л. Гинзбург концепцию, согласно кот. ключевую роль в поэтич. мире каждого писателя играет создаваемая им оригинальная концепция человека — т. н. мировоззренч. доминанта, организующая единство образа героя (см.: Гинзбург Л. О лит. герое. Л., 1979). Рассматривая произведения представителей «деревенской прозы», Л. стремится обнаружить эту доминанту — характерную для каждого из них концепцию человека — и выявить индивидуальные принципы ее худож. воплощения. Для Распутина такой основополагающей категорией становится, по мнению Л., память: «В художественной системе В. Распутина память, имеющая универсальное значение, отождествляется с самой правдой, в кот. заключен смысл и оправдание человеческого существования». Трактуя память как отправную точку распутинской нравственно-философской концепции человека, Л. прослеживает, как она находит последовательное воплощение в осн. повестях писателя. Для Астафьева гл. показателем духовности и самым существенным критерием нравств. оценки человека, по Л., является отношение к природе: «в зависимости от этого выстраиваются все остальные качества и свойства характера». Под этим углом зрения Л. рассматривает астафьевское повествование в рассказах «Царь-рыба». В смысловой структуре романов Залыгина доминирующее значение имеет, с точки зрения Л., историзм: «Выбирая для изображения переломные, крутые моменты истории русской деревни, писатель ставит своих героев перед обстоятельствами, требующими от них исторического творчества, личного и активного участия в совершающихся преобразованиях».

Наряду с науч. работой занимался переводами произведений Андре Жида. Подгот. публ. в «Ежегоднике РО» (СПб., 1993).

Соч.: Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов (В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин). Л., 1985.

ЛАПШИ́Н Игорь Петрович [15.1.1960, г. Кадиевка, Луганского р-на — 24.1.1997, СПб., похоронен в Колпино] — прозаик.

Отец — инженер Шахттреста, мать — украинка, техник-инженер. Дошкольное детство Л. прошло в Индии. Закончил кораблестроительный ин-т в Николаеве, 13 лет работал в КБ Средне-Невского судостроительного з-да инженером-конструктором. Жил в общежитии з-да в пригороде Л-да. В 1989 предпринял попытку поступить в моск. Лит. институт им. М. Горького, не прошел экз. В лит. портфеле Л. тогда лежало две повести. Одну из них в дек. 1988 так характеризовал В. Акимов: «...поражает умение автора не говоря ни о чем, сказать все же многое о самом слове, делая его гибким и многообразно выразительным. Умение камуфлировать бесконечными словесными гирляндами любой предмет и выражать им любое состояние — виртуозно. Само слово и сочетание слов и становятся в конечном итоге способом и предметом писания. При миниму-

ме "информации" о том, что не стало словом и не служит слову. ...автору доставляет несомненное удовольствие "беспредметная" игра сплетением теней и отражений, реминисценций и интонаций, демонстрация редкостной словесной эквилибристики». Л. испытывал патологическую тягу к разговорам о смерти; зная это странное пристрастие, друзья приносили ему трактат «Молот ведьм», энц. смерти «Хроники Харона» и др. книги подобной тематики.

Единственная прижизненная публ. Л. — новелла **«Сочинение №...»** (1993). Эта тонкая и вычурная вещь осталась вне внимания массового читателя, поскольку читать Л., по словам А. Пикача, это «блуждать по лабиринтам зеркал, находя потаенные мысли и разматывая сложнейшие пассажи». Одно из лучших произведений Л. **«Пергамент»** (первонач. — **«Бесполезная поэма»**). Речь идет о четырех животных: Черном Буйволе, Желтом Верблюде, Сером Осле и Белом Коне. Четверо верных друзей разбредаются по свету, чтобы, встретившись вновь, поведать друг другу о своих приключениях и о чудесных всадниках, кот. каждому из них довелось встретить. Очевидно, что речь идет о четырех религиях и о четырех носителях веры. Рассказу предпослан эпиграф из В. Хлебникова: «На свете потому так много зверей, что они умеют по-разному видеть Бога». Об этом произведении Б. Хосид писал: «Эта пограничная вещь между светской и духовной литературой. Ее уникальность состоит в том, что Игорь художественным языком описывает Бога и делает это с точки зрения разных религий. Поражает, если можно так выразиться, верность их ощущения... Однако мне думается, что его художественный, творческий, писательский метод познания Бога, то есть не традиционно религиозный (молитва и пост) не дал, расшириться его душе и телу, что бы воспринять такое знание. Священники постом и молитвой постепенно расширяют себя, как сосуд, вместилище Бога. А Игорь, написав "Пергамент" и тем самым совершив духовный, но дерзновенный подвиг, надорвался, что, кажется, и явилось причиной столь раннего ухода... Если дальше говорить о литературных достоинствах Игоря Лапшина, то текст его совершенен, язык его, красивый и неторопливый, уходит корнями в классическую русскую прозу. Но Лапшину не хватает уже сложившегося языка, и он где-то подправляет его своими окончаниями слов или другими литературными изысками, дабы не сбивалась какая-то древняя восточная мелодия, звучавшая в его душе. Эта мелодия и есть та красная нить, вокруг которой сотканы его произведения, насыщенные красотой этики и письма».

Соч.: Сочинение №... // Васильевский о-в (альм.). 1993. № 1; Сочинения: Сб. философских эссе. СПб., 1998; Сочинение №... // Сев. Аврора. 2006. № 3.

Лит.: Николаев С. Между Сциллой жизни и Харибдой искусства // Сочинения. СПб., 1998; Ахматов А. Неск. слов о Лапшине // Там же; Окунь М. Автор повести «Вина» // Там же; Хосид Б. Мой Игорь Лапшин // Там же; Акимов В. О рукописи И. Лапшина «Сочинение №...» (Апокастасис) // Там же; Пикач А. Оборванное эхо // Там же; Ахматов А. Размышления о совр. прозе (О тв-ве Игоря Лапшина и не только) // Срез: Сб. лит.-критич. ст. СПб., 2001.

А. Ахматов

ЛАПШИНА́ Татьяна Анатольевна [8.2.1947, Л-д] — поэт, прозаик, художник, журналист.

Мать, Артемия Сергеевна, родилась в семье певчего Придворной Капеллы. Отец, Анатолий Дмитриевич Финогенов,— в семье дьякона, ставшего в сов. время рабочим з-да им. Кулакова. Детство, по словам Л., прошло под дедовским роялем, ее любимым местом в комнате в большой коммунал. квартире, прежде принадлежавшей деду. С 3 лет увлеченно рисовала. Подражая матери, пробовала петь, мечтала стать композитором или поэтом. Часто слышала сказки Пушкина, бывала в музее-квартире поэта на Мойке, 12. С 8 лет соч. стихи.

Закончила восьмилетнюю школу № 202 и в 1962 поступила в школу № 190 с худож. уклоном, при ЛВХПУ им. В. Мухиной. Здесь знакомится с дочерью прозаика Арк. Минчковского, часто посещает вечера в Доме писателя, в каникулы бывает в Доме тв-ва в Комарово, где встречает А. Ахматову. В Комарово впервые печ. на машинке короткий рассказ и навсегда очаровывается видом текста — хочет стать писателем. Но в 1965 становится студенткой ЛВХПУ, уделяет много времени живописи и рисунку. По-прежнему бывает в лит. среде, пишет рассказы, не дает их читать, считая беспомощными, но показывает Арк. Минчковскому стихи. Получив его одобрение, пишет новые и одно из них отправляет в ж. «Юность» (не напеч.).

По окончании ЛВХПУ (1970) в теч. 14 лет работала художником-конструктором в Лен. НПО «Авангард», в 1980 получает второе высшее образование в Ун-те-марксизма-ленинизма. В те годы мало занимается лит. тв-вом — пишет шуточные эпиграммы для стенгазет.

После 1982 возвращается к занятиям поэзией. В 1983 приносит стихи в ж. «Нева», где поэт Ю. Логинов «для начала» предлагает вступить в руководимое им. ЛИТО ДК Связи «Сигнал». Долгожданный дебют состоялся в сент. 1984 в газ. «Вперед» Пушкинского р-на. В 1986 вступает в Клуб молодых литераторов при СП СССР, посещает мастерскую поэта И. Фонякова, становится членом объединения молодых поэтов «Гражданский проспект», выступает в клубах и ДК города, пишет перв. песни. Стихи появляются в газ. «Смена», «Веч. Л-д», «Лен. речник», «Электрик», «Пульс», «Невская заря» и др. В 1987–89 печ. в ж. «Аврора», в сб. «Молодой Л-д», «День поэзии»-89». С 1992 пишет публицистич. ст. для газ. «Интеллект-ревю». В 1988–91

посещает ЛИТО при ДК «Невский» (рук. Л. Агеев). В 1992 по реком. XIX конф. молодых писателей Северо-Запада (1989) выходит перв. кн. стихов Л. **«Возраст»**. Вступает в СП СПб. в 1992. В 1993 выходит втор. кн. стихов **«Сев. кентавры»**. В 1994 стихи Л. **«Островитянка»** включены в сб. «Анфилада». С 1995 регулярно публ. стихи, прозу, рисунки в лит.-краеведч. альм. «Рыбацкая слобода». В 1996 опубл. сб. поэзии **«Карта неба»**, в 1988 **«Семигранная веранда»** — в сб. «Царскосельская лира». С 1990 по 1993 — внештатный корр. газ. «Час пик» (приложение «Пятница»). В 1993 под псевд. Вильябо принимает участие в конкурсе «Я рассказываю о своей жизни» (газ. «Час пик»), занимает 3-е место за автобиогр. повесть. **«Ужель та самая Татьяна»** (в 1994 опубл. в газ. «Электрик»). В 1994–96 — корр. газ. «Петерб. магазин». Одновременно работает ред. газ. пассаж. транспорта «Омнибус». С 1999 по 2004 корр. изд-ва «Атлант»: пишет обзор. статьи о промышленных выставках для ж. «ОптовикБизнесМаркет» и «СтройБизнесМаркет».

В 1998 соч. тексты для песен к спектаклям «Колобок» (муз. Н. Козулиной) и «Чиполлино» (муз. К. Хачатуряна) для «Театра-на-Неве». В кон. 1980-х вместе с мужем Борисом создает семейный дуэт с шуточным назв. «ТаБор», кот. выступает со своими муз.-поэтич. композициями на различных культурных площадках города. В 2002, в рамках проекта «Духовное и культурное наследие», выпущен CD **«Обвенчанные песней»**, в 2003 — **«Давние встречи»**. В 2007–08 стихи и песни Л. звучат в передачах радио «5-й канал ГТРК СПб.».

В 2003 выпускает кн. стихов **«Берег-оберег»**, посвящ. 300-летию СПб. В 2004 вступает в СП России.

В 2007 опубл. кн. стихов **«На струнах ветра»**, в 2007 — кн. стихов для детей **«Машкины замашки»**, в 2008 — **«Загадка жизни»** и стихи для детей **«Егоза»**, в 2011 — **«Певческий мост»** и для детей **«Утренние чудеса»**. Интерес к детской поэзии все эти годы стимулируется тем, что с 2007 Л. журналист-волонтер на христианском межконфессиональном радио «Мария», где ведет рубрику «Поэты Петербурга — детям», регулярно выступает перед детьми в биб-ках и школах. С 2007 входит в состав жюри детских конкурсов поэтич. тв-ва в Невском р-не. О кн. «Певческий мост» Н. Перхальская пишет: «Почти все стихи этого художника песенны. Поэтому и музыка легко на них ложится, и поются они красиво. Татьяна Анатольевна абсолютно открытый и очень эмоциональный человек, стихи ее читаются легко, понятны всем. Их всегда хочется дочитать до конца и узнать какие-то новые страницы из ее жизни, ее переживания, радость, любовь — чувства, которые руководят художником в период творчества. Как гражданин, Т. Лапшина — неравнодушный человек. Ее волнуют самые разные проявления социальной действительности: "Беззаботно юность хлещет пиво,— банки собирает старичье" или стихотворение о сапожнике, кот. невозможно не сопереживать. Татьяна, пытаясь смириться с окружающей действительностью, пишет замечательные строки: "Должны нести свое мы бремя, храня в себе былую Русь...". Главное и навсегда, она — коренная петербурженка, влюбленная в свой родной город. Татьяна профессионал во всем: в архитектуре, живописи, музыке... В ее стихах оживают дворцы, мосты, улицы, родная Мойка — "Ах, Капелла! Ты приворожила и двором, и Певческим мостом". Рыбацкое стало второй родиной. Вот как эта городская окраина воспета в новых стихах: "Жизнь моя — на зависть всем туристам. Хорошо живется у реки". Светло и радостно Татьяна пишет о вечном. И верит легко, а по вере, как известно, и дается... "Тело — прах и внидет в землю, Бог на все нам даст ответ". Любовью, заботой, нежностью пронизаны стихи к мужу Борису, звонарю Рыбацкой Покровской церкви "Раскраснеюсь, как заря — ох, люблю я звонаря!", к близким "У креста посажу фиалки. Жалко брата. И жизни жалко". Я не встречала больше такого человека, кот. так умеет понимать животный мир, живую природу "К твоим ногам сирени брошен ворох... Ты не Весна, а ты — сама Любовь". Уметь проявлять и выражать чувства — это высший дар!».

В предисл. к кн. «Певческий мост» ее ред., поэт Л. Добровольский пишет: «Для творчества Лапшиной характерно тяготение к ясной классической форме при стремлении писать живым современным языком. Перед вами поэзия православного автора, кот. чаще всего передает свою веру в Бога через любовь к окружающему миру. Художественное образование, развивающее наблюдательность, помогает Татьяне создавать выпуклые картины природы, яркие образы людей. Увлечение музыкой способствует тому, что ее стихи ритмически выверены, напевны. При внешней простоте многие произведения Лапшиной по глубине замысла можно назвать философскими».

С 2005 систематически печ. в периодич. изд. — «Невский альм.», «Гармония», «Душа на рифму не глядит», «Дорога», «Русское слово», «Автограф времени», «Книга памяти», «Встреча», в антол. «Точка отсчета», «Одна на всех победа», «Поэтич. форум». Часть этих изд. иллюстрирована Л.

В 2010 выпускает роман **«Вечная роза»** о судьбах художников с авторскими рисунками и оформл. Т. Свиридова пишет о романе: «В книге есть посыл добра. У Татьяны Л. человеческая жизнь с ее горестями и радостями узнаваема, лирична, позитивна, перекличка человеческих судеб удивительна и непредсказуема... Хочу отметить прекрасный литературный язык автора: читается роман легко, и уже с первой страницы интересно, динамично развивается сюжет... Роман обязательно найдет своего читателя — образованного, любящего искусство и жизнь, хранящего в душе свою Вечную розу».

В 2012 выходит кн. избр. стихов **«Королева ворон»**. Р. Мечиташвили в предисл. к кн. пишет: «Благодаря многогранности талантов автора, читать ее произведения всегда увлекательно... Стихи Т. Л. в полной мере отражают ее христианское мировоззрение, в них свет всегда торжествует над тьмой... Стихи исповедального звучания соседствуют в лирике поэтессы с гражданской тематикой и со стихами, в которых присутствуют нотки юмора».

Успешно занимается критич. работой, пишет статьи о совр. поэтах и художниках. За творч. работу награждена различными грамотами и дипломами, юбилейной медалью «За обществ. заслуги» в ознаменование 65-летия Победы в Великой Отеч. во-

йне (февр. 2012), почетной грамотой Фонда «Радио Мария» (апр. 2012).

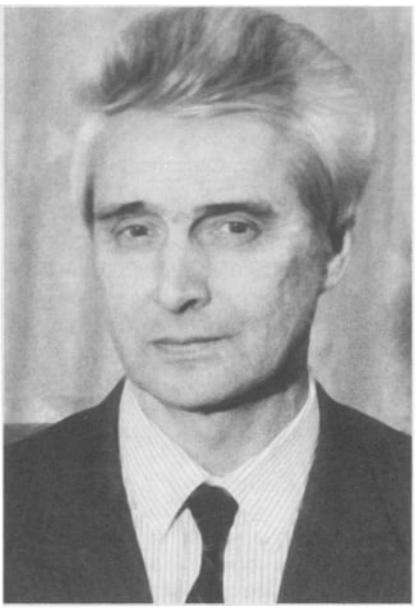
Соч.: Возраст: Стихи. СПб., 1992; Сев. кентавры: Стихи. СПб., 1993; Карта неба: Стихи. СПб., 1996; Берег-оберег: Стихи. СПб., 2003; Машкины замашки: Стихи для детей. СПб., 2006; На струнах ветра: Стихи. СПб., 2007; Загадка жизни: Стихи. СПб., 2008; Егоза: Стихи для детей. СПб., 2008; Вечная роза: Роман. СПб., 2010; Певческий мост: Стихи. СПб., 2011; Утренние чудеса: Стихи для детей. СПб., 2011; Королева ворон: Избр. стихи. СПб., 2012.

Лит.: Векслер А. «Премьеры... премьеры» // Славянка сегодня. 1997. № 7; Глушкова В., Векслер А. Люди земли Рыбацкой // Краеведч. изд. Вып. 1. СПб., 2003. № 1; Слизников Н. Рыбацкой Татьяне // Славянка сегодня. 2007. № 2; Сергеева З. Семейный дуэт «ТаБор» // Невский альм. 2007. № 3; Перхальская Н. Она такая — открытая всем и всему // Славянка сегодня. 2007. № 6; Мальцева А. Поэтич. перекличка с весной // Лит. Петербург. 2007. № 64; Титова Е. Татьяна Лапшина — о людях «Вечной розы» // Славянка сегодня. 2009. № 39; Свиридова Т. Роман «Вечная Роза» // Там же; Перхальская Н. Поэзия в живописи или живопись в поэзии // Гармония. 2011. № 7; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Перхальская Н. Юбиляры, юбилеи. «Люди земли Рыбацкой» // Рыбацкое сегодня. 2012. № 3.

В. Васильева

ЛÁРИН Валерий Иванович [9.10. 1939, с. Рахманово Павлово-Посадского р-на Моск. обл.] — прозаик.

Отец, офицер ВМФ, часто переезжал на новое место службы, семья следовала за ним. Война застала их в г. Лиепая (Либава). В перв. дни войны отец Л. выводил из окружения матросов, ополченцев, мирных жителей. Семья покинула город с посл. поездом, была эвакуирована в г. Бугуруслан Оренбургской (Чкаловской) обл. Эти события описаны Л. в повести **«Я не забыл»** (2005). В 1945 отец был направлен в Л-д, нач. политотдела Подплава. С тех пор Л. становится ленинградцем. В 1956 закончил среднюю школу № 366. В школе увлечен мат-кой и лит-рой. После школы Л. решил поступать в Высшее мореходное училище им. Макарова. Но не было еще 17 лет, что не помешало осуществлению этих планов. Поступил в ЛЭТИ на отд.



технич. кибернетики. По окончании (1964) работал в ряде НИИ и КБ, поступил в аспирантуру Лен. технологич. ин-та. Захватило увлечение литрой. В эти годы был строительным рабочим, охранником, горнолыжным инструктором, журналистом, бизнесменом, адвокатом-правозащитником. «Колесил по городам и весям,— писал он,— и в результате окончательно ушел в писательство». В итоге странствий было создано 10 кн. Его рассказы вкл. в сб. «Рассказы лен. писателей», печ. в изд-вах и ж. СПб. и М. Член СП СССР с 1984.

«Почувствовав тягу к "лицедейству", сыграл несколько ролей в кино, например, в фильме "Барьер неизвестности" и в московском телесериале "Куда улетел певчий дрозд"», но гл. призванием оставалась лит-ра. Наряду со сб. прозы **«Вдоль млечного пути»** (1981), **«Не по заповеди»** (1993), **«Я не забыл»** (1997), мн. очерков и статей, Л. пишет романы **«Равновесие»** (1990), **«Нейронный шок»** (1998), **«Мэр, пригнитесь!»** (1999), **«Нефтянка»** (2008), **«Набат»** (2009), в кот. Л. снова обращается к теме Великой Отеч. войны. Повесть «Вдоль млечного пути» опубл. в «Неве», в «Антологии молодых писателей» (Лениздат), был заключен договор на ее экранизацию. Впоследствии на «Ленфильме» снят фильм по близкому сюжету.

Стремление вобрать в себя безграничные впечатления отеч. судеб характерно для тв-ва Л. с самого нач. Такое впечатление оставляет роман «Равновесие». Его созданию предшествовало трехлетнее хождение Л. по тюменским болотам, простаивание на буровых вышках. Это роман о тюменской нефти, о гибели людей в аварийных пожарах, о надсадном труде бурильщиков. И прежде всего — о нравственном выборе, гражданской позиции, самоотверженности без остатка, естественной и необходимой в любимом деле. Это касается и внедрения открытий инженеров, и освоения науч. идей в буровой практике. Но и о том, как бюрократич. проволочки и чиновничьи перестраховки и интриги встают на пути подлинной трудовой — творч. и человечной — жизни. Роман напис. в защиту гражданской позиции, нравств. выбора, самоотдачи в любимом деле — и о трудных путях ко всему этому. Появление романа было поддержано критикой (А. Арьевым в «Звезде», в личных контактах с писателями Ф. Абрамовым, Г. Горышиным, А. Белинским, М. Кураевым, Д. Граниным, В. Поповым, А. Рубашкиным, Б. Рощиным).

Роман «Нефтянка» близок по теме роману «Мэр, пригнитесь!». Здесь полит. и авантюрный сюжет, в кот. долларовая лихорадка и стяжательская истерия сталкивают интересы власть имущих и уголовных «авторитетов». Книги вызвали специфич. интерес, обратили на себя внимание не только лит. агентств, но и мн. книжных ярмарок — в Каннах, Париже, Франкфурте, Хельсинки, Таллине, Тегеране. Своеобразным явлением в лит. тв-ве Л. стал и роман «Нейронный шок», в кот. есть и живая противоречивая лит. среда, и политич. истеблишмент, и механизмы — остросюжетные — управления человеч. психикой, манипулирования сознанием не только отд. индивидов, но и всего об-ва в целом. Роман связан с событиями «перестройки»: они выходят за пределы отеч. жизни, поднимая проблемы будущего мироустройства, расстановки сил в нем, ответственности человеческой личности, права — неотъемлемого — гражданина на достоинство, на собств. мнение. У романа, по словам автора, два тематич. радиуса: малый — Сов. Союз, Россия — и большой, выводящий события и впечатления читателя в контекст мировых

процессов в переломные годы кон. XX в. Для сюжета характерен критич. взгляд на обстоятельства, при кот. гражданин России не находит ответа на тревожные вопросы в своем Отечестве и кидается в эмиграцию.

Прозе Л. посл. лет свойственна острая отзывчивость на происходящее. Его проза обладает широким постигающим аналитич. кругозором, критическим по преимуществу, рассчитана на проницательного читателя, способного видеть сдвиги, переживаемые и Отечеством.

Член СП СПб., Союза Российских писателей, Международной Ассоциации писателей баталистов-маринистов.

Соч.: Вдоль млечного пути: Повести и рассказы. Л., 1981; Равновесие: Роман. Л., 1989; Альтруист: Повесть. Л., 1990; Не по заповеди: Повести и рассказы. М., 1993; Нейронный шок: Роман. Л., 1998; Мэр, пригнитесь!: Роман. СПб., 1999; Я не забыл: Повести и рассказы. М., 2005; Нефтянка: Роман. М., 2008; Набат: Повести и рассказы. СПб., 2009.

Лит.: Лавров В. Как слово наше отзовется // Лен. правда. 1983. 29 апр.; Арьев А. Между судьбой и поветрием // Звезда. 1983. № 9 (Поиски и традиции. Л., 1986); Топоров В. Роман с конспирологич. продолжением // Смена. 1998. 13 март.; Орлов Б. О прозе Валерия Ларина // Лит. Петербург. 2000. № 7.

В. Акимов

ЛА́РИН Сергей Михайлович [21.9.1945, Л-д] — прозаик, драматург, сценарист.

В 1972 окончил фак-т журналистики ЛГУ. Работал в различных газ. Л-да, в т. ч. в ред. газ. «Лен. правда».

Перв. публ. состоялась в 1965. Стал участником Всероссийского семинара драматургов в 1975.

Член СП России с 2000.

Соч.: Каменный остров: Пьесы. СПб., 1997; Конь мой белый, конь мой... черный: Сб. прозы. СПб., 1999; На обочине: Драма. СПб., 2005.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ЛАРИО́НОВА Ольга Николаевна (наст. фамилия Тидема́н) [16.3.1935, Л-д] — прозаик.

Окончила физический фак-т ЛГУ, некот. время работала инженером в ЦНИИ металлургии и сварки. В 1967 обратилась к профессионал. писательскому труду.

Лит. дебют состоялся в 1964 (рассказ **«Киска»**). Вскоре появилось перв. крупное произведение Л. — роман **«Леопард с вершины Килиманджаро»** (1965), в основе кот. лежали интересная сюжетная и психологич. завязка и оригинальный фантастич. сюжет, когда в ходе повествования выяснялось, что непредусмотренный эффект («петля времени») приводит к тому, что на Землю возвращается звездолет, принесший из будущего записи о датах смерти всех живущих на планете. Фабула произведения, когда герои оказываются перед испытанием, требующим от них нравств. высоты и духовной стойкости, решена преимущественно в мелодрам. плане. В этом романе начал складываться и вырисовываться характерный писательский ход Л. — прием опредмеченного парадокса.

Подобными же настроениями, позволившими критикам заявить о появлении «женской прозы» в отеч. НФ, проникнуты и др. произведения Л. 1960–70-х, рассеянные по периодике и антол. и частично составившие сб. **«Остров мужества»** (1971). В эти годы выделяются повести **«Планета, которая ничего не может дать»** (1967), в кот. миф о Пигмалионе и Галатее обрамлен сюжетом с инопланетной разведчицей, цивилизация кот. «отказалась» от чувств, эмоций, искусства ради холодной логики, и менее удачная **«Вахта "Арамиса", или Небесная любовь Паолы Пинкстоун»** (1967), где любовная мелодрама соединена с сюжетом о космич. работорговцах в близком будущем; а также рассказы — навеянная произведениями Р. Брэдбери поэтичная новелла **«Развод по-марсиански»** (1967) и **«Двойная фамилия»** (1973).

В втор. пол. 1970-х в тв-ве Л. наступил спад: несмотря на отд. удачи, произведения послед. десятилетия оставляли впечатление вторичности. Между тем рассказы и повести этого периода составили вышедший в «Лениздате» втор. сб. Л. — **«Сказка королей»** (1981) и через два года изданный в моск. изд-ве «Молодая гвардия» сб. **«Знаки Зодиака»** (1983), в кот. вошли повесть **«Сказка королей»** (1976), рассказы **«Солнце входит в знак Близнецов»** (1979), **«Соната ужа»** (1979), **«Солнце входит в знак Водолея»** (1981), **«Солнце входит в знак Девы»** (1981) **«Соната звезд. Аллегро»** (1981), **«Соната звезд. Анданте»** (1981), **«Сотворение миров»** (1983), **«Перун»** (1990). К интересным, хотя и не во всем удавшимся, попыткам следует отнести своеобразный мини-цикл Л., навеянный тв-вом литовского художника и композитора М. Чюрлёниса. В те же годы напис. рассказы **«Подсадная утка»** (1976), **«Где королевская охота»** (1977), **«Дотянуть до океана»** (1977) и повести **«Кольцо Фэрнсуортов»** (1976), **«Вернись за своим Стором»** (1977), **«Картель»** (1981).

В 1985 Л. опубл. перв. повесть **«Соната моря»** из трилогии, вышедшей впоследствии и назв. по втор. повести — **«Лабиринт для троглодитов»**, увидела свет в 1991 (помимо двух названных сюда же вошла и повесть **«Клетчатый тапир»**; 1989). Тогда же появился подводящий итог 1980-м авторский сб. **«Формула контакта»** (1991).

В 1988 начала пис. повесть **«Чакра Кентавра»**, кот. сочетала в себе антураж «космической оперы», «высокой» фэнтези и традиционной сов. научной фантастики и кот. изначально задумывалась как лит. шутка или своеобразная пародия, выполненная в жесткой «мужской» манере. Несмотря на неоднозначные оценки, повесть стала поворотным пунктом, знаменующим новый этап тв-ва. В 1996 появилось продолжение повести — **«Делла-Уэлла»**, затем эти произведения объединены в роман **«Венценосный Крэг»**.

В тв-ве Л. предпочитает обходиться без мистики и ужасов, не склонна писать многотомные эпопеи, сохраняет верность космич. теме. Герои её произведений — легко узнаваемые люди, в жизни кот. есть и трагическое, и комическое. Автор много пишет о любви, её многоликости, многогранности, неоднозначной связи с моралью: «Почему на свете существует убеждение, что любовью можно оправдать все — злодеяние, глупость, кощунство?..» (**«Картель»**). Любят герои Л. иногда мучительно, вплоть до самоуничтожения, иногда — скрытно и, на перв. взгляд, буднично, но это чувство всегда оказывается той «лакмусовой бумаж-

кой», кот. позволяет проявиться духовной сущности каждого. В фантастике Л. активно ощущается женское присутствие, кот. можно расценивать как программное для писательницы: «Любое дело без женщин — обязательно гадость. Вот война. Вот полиция. Вот политика...» («Сказка королей»). Женские персонажи её произведений овеяны романтикой и наделены особой прозорливостью — именно они умеют прозревать суть, легко, не задумываясь, отделяя важное от неважного, бытийное от бытового. Авторской манере Л. свойственно сочетание возвышенного и подчеркнуто приземлённого, сентиментального и насмешливого. Даже в самых лирических произведениях она не позволяет «расслабиться», настроившись на определённый лад: «Приснись на новом месте жених невесте... Приснился птеродактиль» («Соната моря»). Фантастику Л. можно назвать традиционной, но отличающейся от прочих наличием сказочно-притчевой основы, естественно сочетающейся с «научно-фантастической» «надстройкой».

Среди последних произв. Л. **«Не кричи: люди!»** (2001) и **«Лунный нетопырь»** (2005).

Лауреат премии «Аэлита» (1987) за повесть «Соната моря», премии «Странник» (2001) за «Паладина фантастики».

Член СП СПб.

Соч.: Леопард с вершины Килиманджаро. Л., 1965; Остров мужества: Роман, повесть, рассказы. Л., 1971; Сказка королей: Повести, рассказы. Л., 1981; Знаки зодиака: Рассказы. М., 1983.

ЛА́РРИ Ян Леопольдович [3(15). 2.1900, Рига Лифляндской губ. — 18.3.1977, Л-д] — детский писатель, фантаст.

Родился в семье рабочих, латышей. Относительно места рождения Л. существует неясность. Согласно мн. энциклопедиям и справочникам, он родился в Риге, но в автобиографии писатель указывает Подмосковье, где в то время работал его отец. Автобиографич. заметку Л. см. в кн. «Редактор и книга» (1963, вып. 4). Осиротев в девятилетнем возрасте, Л. долгое время бродяжничал. Из детского приюта, куда его пытались устроить,

сбежал. Работал «мальчиком» в трактире, был учеником часовщика. Затем жил в семье педагога Доброхотова, экстерном сдал экзамены за курс гимназии. Снова скитался по России. Во время Первой мировой войны призван в царскую армию. После Октябрьской революции перешёл на сторону красных, в Красной армии воевал в Гражданскую войну. Дважды перенес тиф.

После революции впервые приехал в Пг., пытался поступить в ун-т, безуспешно. Спустя неск. лет получил высшее образование на биологич. фак-те Харьковского ун-та (по др. источникам — ЛГУ, 1931?).

После демобилизации оказался в Харькове, где устроился в газ. «Молодой ленинец». С 1923 активно выступал как журналист, в 1926 в харьковских изд-вах вышли его перв. кн. — **«Украдена Краіна»** и **«Грустные и смешные истории о маленьких людях»**, адресованные детям. В том же 1926 переехал в Л-д, где продолжал журналистскую работу — служил секретарем в ж. «Рабселькор», работал в газ. «Лен. правда». Печ. в газ. Л-да и Новгорода.

Перв. худож. произведения Л. начали выходить в 1920-х, науч. фантастика — в нач. 1930-х. Член СП с 1928. Перспективный детский прозаик, тяготеющий к сказочно-фантастич. форме, он много печ. в 1930-е. Вышли кн. **«Пять лет»** (1929, в соавт. с А. Лифшицем), **«Окно в будущее»** (1929), **«Как это было»** (1930), **«Записки конноармейца»** (1931). Позже в автобиогр. заметках Л. пис.: «Вокруг детской книги лихо канканировали компрачикосы детских душ — педагоги, "марксистские ханжи" и другие разновидности душителей всего живого, когда фантастику и сказки выжигали каленым железом... Мои рукописи так редактировали, что я и сам не узнавал собственных произведений, ибо, кроме редакторов книги, деятельное участие в исправлении "опусов" принимали все, у кого было свободное время, начиная от редактора издательства и кончая работниками бухгалтерии... Все, что редакторы "улучшали", выглядело настолько убого, что теперь мне стыдно считаться автором тех книжек».

В 1931 напис. сценарий фильма «Человек за бортом» (в соавт. с П. Стельмахом). Тогда же в Лен. обл. изд-ве вышла повесть-утопия Л. **«Страна счастливых»**, где он выразил собств. взгляды на ближайшее будущее коммунизма. Имя Л. на неск. лет оказалось под запретом, ибо в «Стране счастливых» он излагал не столько марксистский, сколько романтико-идеалистич. взгляд на коммунистич. будущее — отвергая тоталитаризм и лживость соц. программ, показывая начало экспансии в космос, он наряду с этим моделировал возможность глобальной катастрофы, связ. с истощением мировых энергетич. запасов. Светлый образ завтрашнего дня был «омрачен» предполагаемыми проблемами, порожденными человеч. деятельностью. В повести обнаруживала себя и более явная крамола: в облике мнительного, коварного упрямца Молибдена явно прочитывался намек на Сталина. Критику на «Страну счастливых» см.: Журнал РОСТ. 1932. № 1. Травля повести оказалась столь тяжелой для Л., что он принял решение уйти из лит-ры. Устроился во Всесоюзный НИИ рыбного хозяйства, закончил аспирантуру при НИИ. Работал директором рыбного з-да. Только время от времени писал для лен. газ.

Случай изменил судьбу Л.: С. Маршак предложил изв. географу и биологу акад. Л. Бергу, под началом кот. служил Л., написать научно-популярную кн. для детей, кот. должна была быть облечена в форму увлекательной фантастич. истории. Эту за-

дачу Берг переадресовал Л. Над **«Необыкновенными приключениями Карика и Вали»** Л. работал быстро и увлеченно. В фантастико-приключенч. форме повесть знакомила юного читателя с основами энтомологии. В ней брат и сестра Карик и Валя становятся маленькими и путешествуют в мире насекомых. Прием «уменьшения» позволил писателю показать мир насекомых как поразительную, экзотич. страну, наполненную чудесами и чудовищами. Однако в этой увлекательной истории «компрачикосы детских душ» усмотрели надругательство над могуществом сов. человека. В одной из «внутренних» рец. «Детиздата» звучало: «Неправильно принижать человека до маленького насекомого. Так вольно или невольно мы показываем человека не как властелина природы, а как беспомощное существо... Говоря с маленькими школьниками о природе, мы должны внушать им мысль о возможном воздействии на природу в нужном нам направлении». И только вмешательство влиятельного Маршака решило судьбу произведения: в февральском номере ж. «Костер» за 1937-й появились перв. главы повести в авторской ред. В том же году «Необыкновенные приключения» вышли отд. кн. в «Детиздате». В 1940-м последовало второе, испр. автором изд. с илл. Г. Фетингофа. Кн. восторженно встретили читатели, она неоднократно переизд., в 1987 появилась ее двухсерийная телеверсия с Вас. Ливановым в гл. роли. В 1939 выпустил детскую кн. **«Загадка простой воды»**, напис. в том же научно-популярном русле.

В 1940 напис. сатирич. роман **«Небесный гость»**, главы кот. в дек. 1940-го начал отправлять в М. на имя Сталина. С перв. главами было письмо: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Каждый великий человек велик по-своему. После одного остаются великие дела, после другого — веселые исторические анекдоты. Один известен тем, что имел тысячи любовниц, другой — необыкновенных Буцефалов, третий — замечательных шутов. Словом, нет такого великого, который не вставал бы в памяти, не окруженный какими-нибудь историческими спутниками: людьми, животными, вещами. Ни у одной исторической личности не было еще своего писателя. Такого писателя, который писал бы только для одного великого человека. Впрочем, и в истории литературы не найти таких писателей, у которых был бы один-единственный читатель... Я беру перо в руки, чтобы восполнить этот пробел. Я буду писать только для Вас, не требуя для себя ни орденов, ни гонорара, ни почестей, ни славы. Возможно, что мои литературные способности не встретят Вашего одобрения, но за это, надеюсь, Вы не осудите меня, как не осуждают людей за рыжий цвет волос или за выщербленные зубы. Отсутствие талантливости я постараюсь заменить усердием, добросовестным отношением к принятым на себя обязательствам. Дабы не утомить Вас и не нанести Вам травматического повреждения обилием скучных страниц, я решил посылать свою первую повесть коротенькими главами, твердо памятуя, что скука, как и яд, в небольших дозах не только не угрожает здоровью, но, как правило, даже закаляет людей. Вы никогда не узнаете моего настоящего имени. Но я хотел бы, чтобы Вы знали, что есть в Ленинграде один чудак, который своеобразно проводит часы своего досуга — создает литературное произведение для единственного человека, и этот чудак, не придумав ни одного путного псевдонима, решил подписываться Кулиджары...». Сюжет повести прост: в районе Лен. обл. приземляется космич. корабль, Землю посещает пришелец с Марса, где, как выясняется, «советское государство существует уже 117 лет». Рассказчик, выполняющий функции гида, знакомит инопланетянина с жизнью в СССР. Все повествование представляет собой серию диалогов марсианина с представителями различных соц. слоев — писателем, ученым, инженером, колхозником, рабочим. Напр., о газетах: «А скучноватая у вас жизнь на Земле. Читал, читал, но так ничего и не мог понять. Чем вы живете? Какие проблемы волнуют вас? Судя по вашим газетам, вы только и занимаетесь тем, что выступаете с яркими, содержательными речами на собраниях да отмечаете разные исторические даты и справляете юбилеи. А разве ваше настоящее так уж отвратительно, что вы ничего не пишете о нем? И почему никто из вас не смотрит в будущее? Неужели оно такое мрачное, что вы боитесь заглянуть в него?». Далее посланец Марса узнает об ужасающей бедности страны, причиной кот. является «гипертрофическая централизация всего нашего аппарата, связывающая по рукам и ногам инициативу на местах», о бездарности и бессмысленности большинства законов, о том, как выдумываются «враги народа», о трагич. положении крестьянства, о ненависти большевиков к интеллигенции и о том, что во главе большинства учебных заведений и научных учреждений стоят люди, «не имеющие никакого представления о науке». С пронзительной прямотой автор сообщает о развале культуры: «Большевики упразднили литературу и искусство, заменив то и другое мемуарами да так называемым "отображением". Ничего более безыдейного нельзя, кажется, встретить на протяжении всего существования искусства и литературы. Ни одной свежей мысли, ни одного нового слова не обнаружите вы ни в театрах, ни в литературе». При этом в тот момент Л. не был ярым антисоветчиком: он почти верил в то, что Сталин пребывает в неведении относительно творящихся в стране безобразий. Госбезопасности не составило большого труда разоблачить наивного анонима: через четыре месяца после получения перв. письма НКВД удалось отследить отправителя. В апр. 1941 после 7 отправленных глав Л. был арестован. В обвинительном заключении говорилось: «Посылаемые Ларри в адрес ЦК ВКП(б) главы этой повести написаны им с антисоветских позиций, где он извращал советскую действительность в СССР, привел ряд антисоветских клеветнических измышлений о положении трудящихся в Советском Союзе. Кроме того, в этой повести Ларри также пытался дискредитировать комсомольскую организацию, советскую литературу, прессу и другие проводимые мероприятия Советской власти». 5 июл. 1941 судебная коллегия по уголовным делам Лен. городского суда приговорила Л. к лишению свободы сроком на 10 лет с последующим поражением в правах сроком на 5 лет (по ст. 58–10 УК РСФСР). Постановлением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 21 авг. 1956

приговор в отношении Л. отменен, дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Л. по данному делу реабилитирован.

После освобождения и реабилитации вернулся к лит. труду, сотрудничал с детскими ж., создавал детскую лит-ру. Напис. повести, вышедшие отд. кн.: **«Приключения Кука и Кукки»** (1961), **«Записки школьницы»** (1961). Одной из посл. прижизненных публ. стала помещенная в ж. «Мурзилка» сказка **«Храбрый Тилли: Записки щенка, написанные хвостом»** (1970; илл. В. Чижова).

Членом КПСС не состоял. Проживал в Л-де по адресу: пр. 25-го Октября, д. 112, кв. 39.

Соч.: Грустные и смешные истории о маленьких людях. Харьков, 1926; Пять лет. Л., 1929(в соавт. с А. Лифшицем); Окно в будущее. Л., 1929; Как это было. Л., 1930; Записки конноармейца. Л., 1931; Страна счастливых: Публиц. повесть / Предисл. Глебова-Путиловского. Л., 1931; Записки школьницы: Повесть. Л., 1961; Удивительные приключения Кука и Кукки. Л., 1961; Храбрый Тилли: Записки щенка, написанные хвостом // Мурзилка. 1970. № 9–12; Необыкнов. приключения Карика и Вали: Научно-фантастич. повесть. М.; Л., 1937 (АСТ, 2011; Махаон, 2012).

Лит.: Никольская Т. Ларри, Ян Леопольдович // КЛЭ. Т. 4. М., 1967; Мацуев Н. Русские сов. писатели. 1917–67. М., 1981; Любарская А. «За гранью прошлых дней»: Заметки о Маршаке и его редакции // Нева. 1995. № 2; Ларри Ян Леопольдович // Энциклопедия фантастики / Под ред. В. Гакова. М., 1997; Российский гуманитарный словарь. М.; СПб., 2002; Фочкин О. Человек, открывший мир [Ян Леопольдович Ларри] // Читаем вместе. 2010. № 2.

Е. Харитонов

ЛА́СКИН Семен Борисович [22.11.1930, Л-д — 8.4.2005, СПб.] — прозаик, драматург, сценарист.

Родители — врачи. Продолжая семейную традицию, Л. окончил 1-й Лен. мед. ин-т (1956), работал врачом в больнице им. Ленина и на скорой помощи в отд. реанимации (1956–73). Опубл. ряд науч. работ по кардиологии.

Перв. лит. публикация — рассказ **«Бужма»** в ж. «Юность» (1963. № 11). Перв. книга — **«Боль других»** (М., 1967) включала одноименную (еще до выхода кн. экранизированную на телевидении) повесть и рассказы.

Само назв. этой книги, как и некот. последующих (**«На линии доктор Кулябкин»**, Л., 1986, экранизирована на ТВ), говорит о том, что мат-л для худож. тв-ва Л. во многом черпал в опыте врача. Однако он, по его собств. признанию, не хотел, чтобы его воспринимали исключительно как «докторского» писателя, стремясь к возможно более широкому охвату жизни. Так, среди героев его кн. рассказов **«Голос»** (Л., 1990) есть и учителя, и журналисты, и артисты, и, разумеется, врачи, и проблемы они решают общечеловеческие: профессиональный и нравств. долг, взаимоотношения с детьми, с коллегами, соседями по жизни и дорожными попутчиками. «Я сюжетный писатель», — говорил о себе Л., и действительно: описательные элементы, такие, как пейзаж, интерьер, словесный портрет персонажа не занимают в его прозе большого места, авторский замысел раскрывается прежде всего в действии, в поступках героев. Однако и о замысле здесь можно говорить скорее условно: сам автор не раз признавался, что никогда не работает по заранее составленному плану, что не знает, начиная рассказ, чем кончит его — персонажи подчас ведут себя неожиданно, сообразно логике своих постепенно проясняющихся характеров. Естественность, отсутствие малейших признаком заданности, какого-либо «насилия» автора над своими героями, определяли живость и динамизм прозы Л. — качества, неоднократно привлекавшие внимание работников кино и телевидения. Писал Л. и специально для кино, наибольшую известность получила картина **«Дела сердечные»** (Мосфильм, 1974, сценарий совм. с В. Куниным). Были поставлены худож. кинофильмы **«На исходе лета»** (Свердловская киностудия, 1979, сценарий совм. с Г. Рябкиным), **«Доброта»** (студия им. М. Горького, 1979). Телефильм «На исходе лета» удостоен гл. приза — «Золотой нимфы» — на конкурсе в Монте-Карло (1980). В более чем тридцати театрах страны, в т. ч. почти двадцать лет (1980–99) в петерб. Театре комедии, шла комедия Л. **«Акселераты»**, в десяти театрах, включая «Балтийский дом» в СПб. (1992–96) — комедия **«Палоумыч»**. В различных театрах страны ставились пьесы **«Был зимний вечер»**, **«Не любящих Моцарта — не предлагать»**.

Успешно работал в лит-ре для детей. Юным читателям полюбились его повести **«Саня Дырочкин — человек семейный»** (1979) и **«Саня Дырочкин — человек общественный»** (1988). После смерти писателя в его архиве была обнаружена и опубл. в ж. «Царское Село» (2007. № 2) самая ранняя повесть из того же цикла — **«Повесть о семье Дырочкиных — Сане, Борисе Борисовиче, Ольге Алексеевне, рассказанная Мотей, их собакой»**, в свое время отвергнутая изд. из-за необычности формы. Юным читателям адресована и докум. повесть Л. **«Главный доктор республики»**, посвящ. Н. Семашко (Л., 1977).

В теч. мн. лет интересовался тв-вом художников русского авангарда, будучи предс. Совета Лен. дома писателей устраивал в его гостиных выставки забытых мастеров отеч. живописи, умерших и здравствующих в забвении и полузабвении. Их драматич. судьбы дали писателю мат-л для целого ряда произведений, созданных им в посл. годы жизни. Среди них выделяется **«Роман со странностями»** (1998), посвящ. талантливой художнице Вере Ермолаевой, погибшей в сталинских лагерях. Под «странностями», обозначенными в заглавии, подразумеваются прежде всего включенные в ткань повествования беседы с художницей при по-

средничестве медиумов-экстрасенсов. Это можно воспринимать и просто как экстравагантный худож. прием, однако автор в инт. и частных беседах неоднократно подтверждал, что подобные контакты (несмотря на весь его изначальный скепсис) действительно имели место.

О судьбе яркого и самобытного художника Василия Калужнина повествует появившийся неск. ранее «роман-воспоминание» Л. **«Вечности заложник»** (СПб., 1991), о жизни др. мастера — книга **«Музыка во льду, или Портрет художника К. Кордобовского»** (2000, совм. с сыном — писателем А. Ласкиным). Непреходящей заслугой Л. является открытие (во время посещения выставки самодеятельных художников в г. Кировске Мурманской обл.) одного из «русских Пиросмани» — народного художника-примитивиста Н. Макарова. Книга-альбом **«Николай Макаров — художник святого сердца»** включает, наряду с текстом Л. и репродукциями картин самоучки, ориг. воспоминания Макарова, его самобытные и выразительные письма к открывателю.

Неожиданным для многих было обращение Л. к пушкинистике. Докум. повесть **«Версия»** (в дополненной книжной публ. 1993 — **«Вокруг дуэли»**), явившаяся результатом работы в отеч. архивах, переписки с зарубежными корр. и поездки в Париж, вводит в обиход мат-лы, хранившиеся у потомков Дантеса, писатель высказывает свои предположения относительно обстоятельств дуэли и смерти А. Пушкина. Во время обсуждения в ИРЛИ (Пушкинский Дом) работа Л. вызвала споры, получила неоднозначную оценку, однако историк культуры Н. Эйдельман счел возможным сопроводить своим послесл. ее журн. публикацию (Нева. 1992. № 6). Общение с учеными-филологами дало мат-л для посл. романа Л. — **«И сказал Господь, говоря...»** (Нева.1995. № 9–10).

Произведения Л. переводились на немецкий, финский, чешский и др. яз.

Соч.: Эта чертова музыка: Рассказы. М., 1970; Абсолютный слух: Повести. Л., 1976; Чужое прошлое: Повести и рассказы. Л., 1981; Вечности заложник. СПб., 1991; Музыка во льду, или Портрет художника К. Кордобовского. СПб., 2000 (в соавт. с А. Ласкиным).

Лит.: Гор Г. Предисл. // Ласкин С. Боль других. М., 1967; Исаенкова Г. Повесть, роман, рассказы (о кн. «Боль других») // Смена. 1967. 12 март.; Пономарев Н. Плата за компромисс: Премьера голубого экрана «На соломенном мосту» // Лен. правда. 1975. 8 июл.; Викторова К. Премьера нового года (о спектакле «Акселераты») // Лен. правда. 1981. 2 янв.; Благодатов Н. Художник святого сердца // Час пик. 1996. 2 авг.; Золотоносов М. Явление «Макаров» // Моск. новости. 1996. № 45. 10–17 нояб.; Герман М. Неслыханная простота // Невское время. 1997. 18 нояб.; Спасов О. «Страна темна, а человек в ней светится...» // Невское время. 1999. 13 нояб.; Гельфман Л. Из медицины — в лит-ру: случай Ласкина // Народ мой. 2005. 28 апр.

И. Фоняков

ЛЁБЕДЕВ Алексей Алексеевич [1 (14).8.1912, Суздаль — 14.11.1941, район о. Кери (Балтийское море)] — поэт.

Отец — юрист, служил адвокатом. Мать — учитель, преподавала русский яз. и лит-ру. После Суздаля семья некот. время жила в Костроме, с 1927 в Иванове. В Иванове Л. печ. перв. стихи. С детства мечтая о море, после окончания девятилетки Л. отправляется на Север, в Заполярье, где в теч. 3 лет служит сначала юнгой, затем матросом на торговых и рыболовных судах. Вернувшись в Иваново, учится в индустриальном техникуме на строительном отд. По окончании в 1933 призван на действительную службу и направлен в Кронштадт, в школу радистов. Здесь окончательно созревает решение Л. посвятить себя флоту. В 1936 подает рапорт и получает направление в Высшее военно-морское училище им. М. Фрунзе, кот. закончил в 1940.

Годы учебы были особенно яркими в жизни Л. Он активно печ. в ж. «Краснофлотец», газ. «Красный Балтийский флот», многотиражной газ. «Фрунзенец». В училище примкнул к ЛИТО, кот. рук. поэт Вс. Азаров. На судьбу Л. повлияла встреча с лидером объединения молодых лен. поэтов А. Гитовичем. В 1939 вышла перв. кн. стихов Л. **«Кронштадт»**. В этом же году курсант Л. принят в СП. Второй сб.— **«Лирика моря»** — вышел в год окончания училища (1940). Во время финской кампании Л. был одним из первых в училище, кто подал рапорт о направлении в действующий флот. Командование удовлетворило его просьбу, и поэт участвовал в войне в качестве штурмана-стажера на эсминце «Ленин». Здесь создал цикл новых стихов.

Жизнь русского флота, его история и настоящее, романтика морской службы и будни моряков, наполненные трудом, кодекс чести русского офицера и идеалы, сформированные сов. реальностью,— все это составляет содержание перв. двух прижизненных сб. Л. и не вошедших в них поэтич. циклов 1940 и 1941. Стихи изобилуют реалиями флотской жизни, о чем говорят уже назв.: **«Строевая подготовка»**, **«Держать корабль на курсе»**, **«Ремонт шлюпки»**, **«Одежда моряка»** и т. д. Для поэта, умело сочетающего пафос и простоту, образность и конкретность, в самих «вещественных» подробностях жизни моряка, морского офицера было заключено немало символического и исторического, будь то «ценимая особо» роба «на белой парусине» (**«Одежда моряка»**) или специальная таблица — обязательное пособие по артиллерии, входившее в программу подготовки командира флота, исполненная в духе «науч.» поэзии М. Ломоносова. **«Артиллерийская таблица»** — одно из самых известных стих. Л.— звучит торжественно и весомо: «Но всякий раз мы на пути удачи /

С собою книжку тонкую берем, / Рассчитанную методом Сиаччи / Подругу управляющих огнем».

Среди лит. учителей Л. критики называли Н. Гумилева и Н. Тихонова; у них он учился изображению сильного волевого характера, особенной, мужественной музыке стиха, точности детали, сплавляя это с личным поэтич. и человеч. опытом. Лирика Л. подкупает искренностью, открытостью чувства и вместе с тем мужественной сдержанностью: «Вот стол и стопка милых книг / Кровать под серым одеялом / И на стене военный бриг / В боренье с океанским шквалом» («**Отдых на базе**»). Кн. стихов имели большой успех, по словам современника, «разошлись моментально» (М. Волков).

Одной из гл. в предвоен. тв-ве Л. была тема героич. прошлого русского флота. Лучшее в этом ряду — «**Смерть Нахимова**», «**Памятник**», «**Компасный вал**». Не раз говорится в стихах Л. о создателе флота Петре I, о перв. победах русских моряков, о героях Ханко, о битвах при Синопе и Наварине, об обороне Севастополя в 1854–55, о бесстрашных русских флотоводцах и мореходах, тех, кто «доблестно и прямо, / Форштевнем разрубив струю, / В боях Гангута и Гренгама / Стоял за Родину свою». Поэт создал вполне монументальные образы, овеянные высокой юношеской романтикой, искренней мечтой о героическом, что стало особенно актуальным в молодой поэзии кон. 1930-х. Во мн. стихах Л. 1940 звучит мотив готовности к жертве во имя родины — типичная форма выражения гражданского идеала «юношей 1941» («...бороться так, как Матюшенко, / И умирать, как умер Шмидт»). Это общечеловеческое, а не только флотское содержание поэзии Л. отметил Н. Тихонов в очерке о тв-ве и личности поэта-мариниста: «... перед нами раскрывается морской мир, но раскрывается не как самоцель, а громадная область человеческой деятельности...».

С перв. дней Великой Отеч. войны Л. — на боевых кораблях Балтики. Перед тем как назначить его штурманом на минзаг Л-2, ему предложили работу в штабе. Л. откажется: «Я штурман, и если пойду в штаб, то и стихов писать не смогу. Мое место на боевом корабле». Поэт-подводник писал свои стихи как дневник, бережно, день за днем, фиксируя воен. будни моряков. Глав. темы — тяжелый труд воина, героизм, который стал повседневной реальностью, победа, в которой никто не сомневался с первых дней войны. Одн. из важных тем поэзии Л., как и всей русской поэзии 1941–45, стала тема смерти. О ней Л. писал и раньше, и, как у мн. молодых поэтов, в предвоенные годы она ставила точку в судьбе. В годы войны в стихах Л. мотив гибели за родину и смерти как таковой получает развитие, переход по сути, в просветленный трагедией мотив бессмертия. Об этом поэт говорит с суровой простотой. Так, в стих. «**На дне**» трагич. картина, намеченная точными реалистическими мазками («Лежит матрос на дне песчаном / Во тьме зелено-голубой...») вырастает в высокий символ бессмертия человеческого духа, подвига «ради жизни на земле». Профессия обязывала Л. смотреть в лицо правде военной реальности, и в стих. «**Тебе**», написанном в авг. 1941, обращаясь к любимой, поэт говорит о возможной гибели («И если пенные объятья / Нас захлестнут в урочный час...»), но не отрекается от любви к морю,— его «могиле и купели». Строки оказались пророческими. 11 нояб. в посл. письме из Кронштадта в Л-д Л. пишет: «Через пару часов я уже буду далеко. Вернусь или нет — не знаю...». Подводная лодка Л-2 из похода не вернулась. Она шла в составе конвоя, следовавшего на Ханко для эвакуации гарнизона. При форсировании минного заграждения противника Л-2 дважды подорвалась на мине и через час после второго взрыва затонула. Уцелели 3 чел. Лейтенант Л. отдал свой спасательный жилет оказавшемуся вблизи краснофлотцу. Нравств. программа, заявленная в стихах поэтами предвоен. поколения, была полностью реализована ими в жизни. Гибель штурмана и поэта Л.— тому доказательство.

Соч.: Кронштадт: Стихи. Л., 1939; Лирика моря: 2-я кн. стихов. Л., 1940; Огненный вымпел: Стихи. Л., 1942; Морская сила: Стихи. Иваново, 1945; Избр. стихи. Л., 1956; Балтийская слава: Стихи. 1970; Стихотворения. Л., 1975; Огненный вымпел: Стихотворения. Калининград, 1972; Рейд: Письма и стихи. М., 1988.

Лит.: Зонин А. Жизнь продолжается // Просоленные годы. М., 1967; Ружина В. Песня как парус: Об Алексее Лебедеве, человеке и поэте. Ярославль, 1979; Ружина В. Шторма и рифмы: Об Алексее Лебедеве, штурмане и поэте. Кишинев, 1982; Корчагина З. Поэт Алексей Алексеевич Лебедев: Указатель лит-ры. Иваново, 1958.

М. Лопачева

ЛЕ́БЕДЕВ Алексей Евгеньевич [10. 8. 1979, Л-д] — поэт, критик.

Отец — офицер флота; мать — инженер-технолог. Образование — СПбГУ, философский фак-т (1998–2003). Работает с 2009 продавцом-консультантом в гипермаркете «Метрика». Участник конф. молодых писателей Северо-Запада (с 22-й по 27-ю). Член СП России с 2009. Член об-ва «Молодой Петербург» под рук. А. Ахматова с 1996. Зав. отделом поэзии альм. «Молодой Петербург» (совм. с И. Лазуниным). Публ. в ж. «Молодой Петербург», «Аврора», «Невский альм.» «День поэзии 2007», сб. «Красивые вещи»; газ. «Лит. Петербург», «Гончарный круг».

Стихи начал пис. с 12 лет, когда впервые открыл для себя поэзию Н. Старшинова. Слова «стихи» и «Россия» стали для него синонимами. С восьмого класса школы занимался в лит. студии «Дерзание» при Дворце тв-ва юных (рук. Т. Царькова). Тогда же познакомился с тв-вом Ш. Бодлера, кот., по собств. признанию Л., изменил его взгляд на мир.

В критике Л. упоминался как молодой, но весьма перспективный поэт; вместе с тем его стихи вызывали споры и неоднозначные оценки. Более того, именно из-за его нетривиальности всё об-во «Молодой Петербург» неоднократно обвинялось в принципиальных идеологич. расхождениях с СП России, хотя сам автор никогда против союза не выступал. Причиной тому послужило то, что на мн. вопросы истории и религии у него было своё мнение, отличное от общепринятого суждения. Если писательское об-во не всегда готово было принять Л. в свои ряды, то сам стихотворец всегда относился к об-ву с должным пиететом, доходящим почти до преклонения, но при этом никогда от своих мыслей и стихов не отрекался. В стихах Л. соседствуют два взгляда на окружающую действительность. В одних автор предстаёт как ценитель русской природы и истории, в других — как декадент и нигилист. Эти ипостаси нацелены на разную читающую публику. Так, стихи, где поэт с теплотой и нежностью пишет о родной Новгородчине, дали повод Т. Батуриной отметить: «Ярким всплеском звучит окончание стихотворения Л. о беседе земного человека с пришельцем: "Глянь-ка лучше на берёзу эту — / Молнию в серебряной тельняшке! / Здесь природы непомерна роскошь, / Вот как, межпланетный мой дружище, / Сколько есть в глубинке Новгородской, / Что во всей галактике не сыщешь!" Патриотическое чувство делает стихотворение актом настоящей поэзии». Уже пограничным с традиционным представлением следует назвать цикл историч. стихов Л., в которых даётся трактовка, часто противоречащая общепринятому взгляду на события истории России. Более пристальное внимание уделяется периоду смутного времени. Автор представляет наёмные войска Якоба Делагарди не врагами России, скорее не до конца верными союзниками. Так в стих. **«1609 год»** из кн. **«Инако»** (в этом цикле все стихи именуются по дате описываемого события), где описывается знаменитый поход с целью освобождения Москвы от Польско-Литовских оккупантов совершенный войсками под рук. М. Скопина-Шуйского, автор пишет следующее: «Делагарди назван интервенцией, / Предан, и вовеки не в чести. / Помогите, Франция и Швеция / Родину от нас самих спасти!». Очевидно, что для многих этот взгляд может показаться спорным. Столь же нестандартен подход у Л. и к др. проблемам истории.

С др. стороны, в назв. перв. кн. «Инако» (2009) автор заявлял о полемичности по отношению к традиции. В аннотации утверждалось: «всякий настоящий поэт "неформатен" для своего времени... Да — он спорен, да он — парадоксален, но именно эти особенности и выделяют его из общего ряда». «А не этот ли мир, сатанински прекрасный, могучий, / Я в бессмысленно суетных днях и покое искал!» — писал Л. в стих. **«Полно душу в покое святой добродетели нежить»**, а в венке сонетов **«Храм»** был более беспощаден: «Что будет мне тяжёлых дум итогом, / Конфликты с миром и проклятье Бога? / Плиты могильной параллелограмм? / Но это — счастье...» Автор сознательно идет на эпатаж. Р. Круглов считает: «Все аналитические силы гамлетовского ума оказываются брошенными на войну с ветряными мельницами. Ведь мысль "От всех, за ней бегущих, дураков / Увиливает с лёгкостью виверры"... Такое понимание творчества тяготеет к романтизму и декадансу <...> По монументальным линиям готики невозможно пробежаться глазами; читатель просто обречён на глубокое погружение в текст. "Инако" заставляет задуматься. Прихотливый ход авторской мысли, необычность высказываемых положений, тяготение к традиции европейской культуры — всё это говорит читателю: инако — не значит плохо».

Апофеозом декадентской поэзии Л. стал классич. венок сонетов **«Храм»** (в сб. «Красивые вещи», 2009). Автор уподобляет создание венка сонетов строительству готич. храма, населённого философемами. Л. исследует проблематику соотношения добра и зла, доказывая, что и зло может быть прекрасным. Автор не претендует на согласие или сотрудничество читателя. Л. описывает иную плоскость религиозного мышления, как географ, новые земли, радуясь не только красоте таковых земель, а более тому, что первый бросил якорь. Здесь же был представлен и критич. разбор этого венка И. Лазуниным: «...Всё слито и спаяно в этом сумрачном соборе: и поэтические удачи, и небольшие недоразумения. Твёрдая форма Венка сонетов передалась во всех своих качествах твёрдости лебедевского храма».

Лауреат премии Лит. фонда «Дорога жизни» в номинации «критика». Гл. мысль критика — неприятие любых нестыковок смысла, сбоев ритма или рифмы. Важнее всего то, как автор тех или иных стих. доносит до читателя свою мысль, технич. приёмы, кот. тот пользуется, а не «правильная тема». В ст. **«Не вы, не вы, не вы не вы бродили берегом Невы»**, посвящ. «молодёжному» номеру ж. «Нева» за 2009, Л. пишет: «А пока предупреждение всем начинающим: не бойтесь, что вас не напечатают, а скорее наоборот, бойтесь, что вас напечатают — со всеми вашими ошибками, со всей вашей неуклюжестью, и задумайтесь, кем бы вы хотели предстать перед просвещённым грядущим, людьми мыслящими, или "Дыр бул щилом" хаотического века».

Соч.: [Стихи] // День Поэзии. СПб., 2007; Не вы, не вы, не вы, не вы, бродили берегом Невы // Молодой Петербург: Альм. СПб., 2009; Мортидо в лит-ре, возвращение к истокам // Там же; Инако... СПб., 2009, [Стихи] // Красивые вещи: Альм. СПб., 2009.

Лит.: Ахматов А. Срез. СПб., 2001; Ахматов А. [Рец.] // Лит. Петербург. 2007. № 5, Батурина Т. Неск/ слов о молодой поэзии // Невский альм. 2009. № 5; Лазунин И. Венец не терния, но лавра // Красивые вещи. СПб., 2009; Круглов Р. Однако, Инако... // Молодой Петербург. СПб., 2009.

А. Ахматов

ЛЕ́БЕДЕВ Василий Алексеевич [10.1.1934, д. Еваново Калининской обл.— 27.11.1981, Л-д, похоронен на Волковом кладб.] — прозаик.

Родился в крестьянской многодетной семье, рано потерял родителей (мать умерла в 1940, отец погиб в 1943 под Смоленском). Опекуном будущего писателя стала его старшая сестра. Вслед за нею в 1949 после окончания 7 классов школы Л. отправился в Л-д, где устроился на работу учеником повара. В этом качестве достиг значительных успехов: в 1952 в числе др. поваров был послан

на обслуживание летних Олимпийских игр в Финляндию. Эта поездка послужила импульсом к созданию одн. из ранних повестей Л.— **«Жизнь прожить»** (1968), о судьбе русского крестьянина Ивана Обручева, оказавшегося в Финляндии после Кронштадтского мятежа и прожившего вдали от родины почти 20 лет.

Впоследствии Л. сменил множество профессий: был инструктором физ-ры в спортивном об-ве «Буревестник», гвоздильщиком на з-де «Сатурн», грузчиком, учителем в сельской школе. Одновременно окончил вечернее отд. филологич. фак-та ЛГУ по специальности «русский яз. и лит-ра».

Печ. начал в кон. 1950-х, опубликовав неск. лирич. стих. в районных газ. Перв. рассказ (**«Ильин и Ганька»**, 1963) появился в ж. «Звезда» при содействии писателя В. Курочкина. Формирование творч. индивидуальности было ознаменовано сближением Л. с творч. принципами т. н. деревенской прозы, с кот. в последующие десятилетия художник был связан не столько единством тематики, сколько духовной общностью, заинтересованностью и глубокой озабоченностью проблемами нац. жизни. В произведениях на деревенскую тему (сб.: **«Маков цвет»**, 1969; **«Кормильцы»**, 1977; **«Хлебозоры»**, 1979) Л. писал о трагич. разрыве совр. крестьянина с традиционным укладом русской деревни. Своего рода доминантой рассказов и повестей Л. кон. 1970-х стал мотив конца света, кот. позже, в историч. прозе писателя, постепенно трансформировался в более емкий мотив духовной и национальной разрозненности русского народа, причину кот. и пытался осознать писатель.

Мат-лом для первого ист. романа Л. **«Обреченная воля»** (1975) послужили события нач. XVIII в.— восстание казаков на Дону под предводительством Кондратия Булавина. Особенность романа проявилась в том, что повествование не стало ист. хроникой (как, напр., в произв. Н. Задонского или Д. Петрова-Бирюка на ту же тему), не было посвящ. и личности вождя (как у В. Буганова), а раскрывало философию событий, логику развития нац. истории. В интерпретации Л. трагизм восстания Булавина объясним не соц. причинами (традиционный аспект данной темы), а особенностями духовного склада нац. характера, духовной «леностью» и «дремотностью» русского народа. Эта идея стала ядром многообразно варьируемого в романе библейского мотива «и восстанет брат на брата», свидетельствуя о глубине и неоднозначности нравственно-философской трактовки Л. событий отдаленного прошлого.

Заявленный в прозе о современности и в романе «Обреченная воля» мотив нац. и духовной разрозненности русского народа нашел свое завершение в романе **«Искупление»** (1980), посвящ. битве русского воинства на Куликовом поле. Идея искупления, вынесенная в заглавие, стала знаком, под кот. развивалось все повествование. Искупление прочитывается в романе и как избавление от татаро-монгольского ига, и как искупление грехов «вероотступничества, братопредания, небрежения земли своей». Идея национального, шире — общенародного единения представлена на всех уровнях социально-политич. иерархии средневекового Русского государства: Дмитрий (княжеская власть) — Сергий (церковная власть) — Лагута (народ). Худож. символика романа сводит все нити ист. повествования воедино: идея божественного мироустройства становится определяющей поэтич. метафорой. Борьба русских княжеств с татаро-монголами воспринимается вариантом извечной борьбы добра и зла, духа и плоти, света и тьмы.

Истор. романистика художника свидетельствует о большом потенциале автора в осмыслении важнейших конфликтов истории и современности. С углублением в историч. тематику насущные проблемы современности не только не уходили из поля зрения писателя, но их восприятие активизировалось. Проблемы духовного разлада, национал. разрозненности, заявленные писателем в прозе о современности, в рамках историч. контекста драматизировались и обострялись, т. к. историч. ретроспектива обнажала не только сиюминутный смысл, но и историч. итоги и последствия их проявления. Тема искупления как сквозной лейтмотив произведений Л. составила этическую доминанту его тв-ва в целом.

Трагич. гибель (Л. погиб в автомобильной катастрофе) помешала воплощению последующих замыслов художника. В нач. 1980-х Л. начинал работу над романом об Андрее Курбском, обдумывал роман о послевоен. времени **«Рябиновый год»**, готовил к печ. повесть **«Стройбат»**.

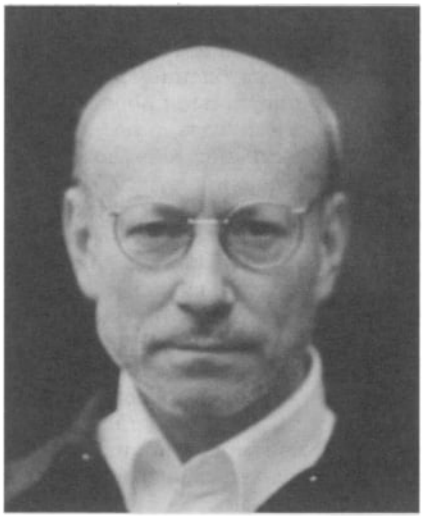
Соч.: Кормильцы: Повесть и рассказы. Л., 1977; Хлебозоры: Повести и рассказы. Л., 1979; Обреченная воля: Повесть о Кондратии Булавине. М., 1979; Искупление: Ист. роман. Л., 1982; Золотое руно: Повести и рассказы. М., 1989; Сказки. Л., 1990.

Лит.: Васильева О. Золотой запас памяти: Эскизы к творч. портрету В. А. Лебедева // О лит-ре для детей. Л., 1987. Вып. 30; Васильева О. Тв-во В. А. Лебедева в лит. процессе 60–80-х гг.: Автореферат канд. дис. Л., 1990; Мессер Р. С чего начинается... // Мессер Р. Идущие вослед. Лит. портреты. Л., 1979; Петровский Ю. Многогранность // Лебедев В. Маков цвет. Наследник. Столкновение. Жизнь прожить. Л., 1981; Богданова О. Историч. проза 1960–90-х гг. СПб., 2004; Васильева О. Тв-во В. А. Лебедева в лит. контексте 1960–90-х гг. СПб., 2005.

О. Богданова

ЛЕ́БЕДЕВ Георгий Александрович (псевд. Юрий Серб) [17.04.1944, с. Антоновка Ровенской обл., УССР] — прозаик, поэт.

Отец — русский, из крестьян Костромской обл., учитель словесности,; мать — украинка, из семьи кузнеца железнодорожного депо. Согласно семейному преданию, дед по материнской линии происходил из рода Лукьяновых, но прадед с братом



и сестрой осиротели во время эпидемии — и сироты были взяты в польско-украинскую семью Червинских. Дед по отцовской линии погиб рядовым солдатом в Карпатах (1914), не успев повидать первенца — отца Л. Вдова солдата через неск. лет вышла замуж за белоруса, приехавшего в Костромскую обл. на заработки, и вскоре отчим вывез жену и пасынка на родину — в Гродненскую обл., в то время остававшуюся под Польшей. Павел Ивашевич заменил С. Лебедеву отца, став для него родным. Незадолго до 1939, когда отец Л. служил в польской армии, семья Ивашевичей переселилась на Ровенщину, и солдат разбежавшегося войска польского вернулся к родителям и сестрам — уже на Зап. Украину. После воссоединения западнорусских земель с сов. Белоруссией и Украиной отец Л. работал сельским учителем, а после возвращения сов. войск был призван в Красную армию и воевал на Лен. фронте связистом минометной роты. В изв. степени благодаря этим обстоятельствам Л. с юных лет ощущал свою принадлежность общерусскому корню и воспринимал восточнославянские языки как родственные. Тот факт, что отец Л., Александр Николаевич, еще до службы в польских войсках активно сотрудничал в левой печати, руководимой подпольной КПЗБ, публикуя свои стихи рев. содержания, мог способствовать пробуждению и у сына интереса к лит. деятельности. Детство Л. прошло в двух обл. — Волынской и Ровенской, где отец Л. после демобилизации работал в общеобразовательных заведениях. Со школьной скамьи Л. сочинял стихи, некот. из них публ. в местной печ., пробовал силы в прозе и много читал. Эти пробы пера ничего серьезного не представляли, но вырабатывали у Л. привычку быть внимательным и чутким к родному слову. Взрослея, Л. яснее сознавал, что перед ним три пути: стать сов. писателем в полном смысле этого слова, стать писателем-диссидентом или писателем-почвенником, певцом природы и деревни. Перв. две возможности Л. отвергал, третья казалась ему, выросшему в городе, недостижимой. В отрочестве он зачитывался Дж. Лондоном и В. Гюго, восхищался М. Лермонтовым, позднее полюбил Стендаля, Пришвина, но никому подражать не пытался.

Учился в Лен. политех. ин-те, ушел после третьего курса. Окончил филологич. фак-т ЛГУ (1970). Преподавал английский яз. в школе (1970–71), работал на разных должностях в Балтийском морском пароходстве (1971–89), в т. ч. в зарубежных организациях (1982–85) и в бассейновом комитете профсоюзов (1987–89). В последующем Л. неск. раз прерывал и возобновлял работу преподавателем или специалистом по эксплуатации морского флота, не оставляя лит. тв-ва. Еще в студенч. годы испытал потрясение от прозы А. Платонова. Читая в подлиннике Хемингуэя и др. англоязычных авторов, Л. негодовал на искусственный дефицит книг русских авторов и неоправданное обилие перевод. лит-ры, будь то западная или происходящая из союзных/автономных республик СССР. Л. расценивал это как целенаправленную «ленинскую нац. политику», с той поры и берет начало обостренный интерес Л. к полит. и соц. проблемам, находящий отражение в его тв-ве.

Перв. выступления в печ. как прозаика — в колл. сб. «Лениздата» «Точка опоры» (1989 и 1990). Вскоре была опубл. маленькая повесть **«Странствия Пифа»** (Лит. учеба. 1991. № 6), сопровождаемая краткой рец. В. Курбатова. Прежде эта повесть пролежала год в ж. «Нева», где и осталась непрочитанной.

В те же годы Л. пишет роман, в кот. отражены настроения и страхи совр. «маленького человека» перед грима-сами «перестройки». Отрывки из романа, позднее получившего назв. **«Place Bezumie»** (1989–90), читались по Лен. радио (1991) в рамках лит. передачи «Рукописи из письменного стола».

Перв. сб. рассказов Л — **«Годовщина прошлой листвы»** (СПб., 1995), «говорящее название» кот. отражает готовность сб. к печ. еще в 1994. Кн. получила высокую оценку петерб. писателей (Е. Кутузов, В. Насущенко) и послужила основанием для принятия Л. в СП России (1996). Но действительность заставила Л. вернуться к работе на морском транспорте. В 1996–2003 занимался злободневной публицистикой (г. о. в Интернете), не имея возможности систематически работать в прозе. С кон. 2003 по нач. 2006 Л. работал в Стамбуле в украинско-турецкой судоходной компании, а по возвращении в СПб. возобновил лит. связи и погрузился в творч. заботы. В альм. «Медвежьи песни» и «Русские страницы» опубл. повесть 1995-го — **«Наказ Каламбургеру»**, названную В. Чернышевым «пронзительной историей любви». Там же опубл. остросоциальные повести **«Не нашего ума...»**, **«Когда вас трое»**, рассказы **«Эктос»**, **«Священный Босфор»**, **«Міру — миръ»**, **«Приказ министра субкультуры»** и др., вошедшие в кн. прозы Л. — **«Страна Эстремагвай»** (2009). Вскоре выходит третья кн. Л. — роман **«Солнце вдоль проспекта»** (2009), повествующий об отношениях 30-летнего офицера-интеллектуала, инвалида чеченской войны, и 20-летней студентки, приехавшей в СПб. из провинции. Становление их отношений сопрягается с их меняющимся, все более глубоким постижением окружающей действительности.

В ряде произведений Л. присутствует символич. образ «страны Эстремагвай», кот. представляется поливалентным: в нем можно угадать подвергшуюся ампутациям и общей деморализации Россию, некий крайний случай существования (estremo, экстремальный) или провидеть в призрачном существовании страны опр. цель могущественных сил, представители кот. не обозначены на страницах Л.

Л. — непримиримый противник «реформаторов» русского правопи-

сания. В статьях, посвящ. этой теме, Л. рассматривает примеры языковой глухоты совр. журналистов и политиков, подкрепляемые существующими «нормами» и «компьютерными программами орфографии». Эта проблема, по мнению Л., не только и не столько лингвистическая, сколько политич. и духовная. Ст. Л. **«У языка свои нормы и законы, или Нам дела нет до вашего кофе»** напис. вслед за приказом министра образования об «узаконении» ненормативного словоупотребления.

По предложению А. Степанова, Л. объединил группу идейно и эстетически близких писателей под назв. «Русская метапроза Петрограда» (2006), куда вошли, кроме двух инициаторов, В. Алексеев, А. Новиков, Н. Тропников, Р. Всеволодов, позже присоединились В. Чернышев, И. Леонтьев и В. Овсянников. В отличие от моск. метапрозаиков, разделяющих зап. концепцию постмодернистов (метапроза — это проза о том, как пишется проза или как автор взаимодействует со своими персонажами), петерб. метапрозаики полагают, что метапроза относится к прозе так, как метафизика — к физике. Хотя Аристотель назвал свою «Метафизику» просто по признаку её расположения после «Физики», идея «Русской метапрозы Петрограда» состоит в признании того, что она находится в пространственном смысле *после* и *позади* т. н. «мейнстрима» книжного рынка, а в смысле временно́м — останется востребованной *после* сегодняшнего засилья переводной и совр. российской лит-ры.

С кон. 2007 Л. подписывает свои произведения как Юрий Серб, свидетельствуя о возмущении произволом США и Евросоюза, отторгнувших от Сербии ее провинцию Косово и Метохию и передавших ее в руки албанских захватчиков.

Соч.: Годовщина прошлой листвы: Рассказы. СПб., 1995; Солнце вдоль проспекта: Роман. СПб., 2009; Страна Эстремагвай: Повести и рассказы. СПб., 2010.

Лит.: Козлов К. Лабиринт или жизнь? (Заметки о книге Ю. Серба «Солнце вдоль проспекта») // Невский альм. 2010. № 3 (52); Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

К. Садовский

ЛЕ́БЕДЕВА Элеонора Сергеевна [11.12.1936, Л-д] — пушкинист, очеркист.

Родилась в семье военнослужащего. В июне 1941 эвакуирована с детским садом в Челябинскую обл. В 1945 вернулась в Л-д, где в 1954 закончила школу с серебряной медалью. В том же году поступила на филологич. фак-т ЛГУ, кот. окончила в 1959, защитив диплом на тему **«Осн. черты эволюции жанра посланий в тв-ве Пушкина»**. С 1959 по 1963 — учитель русского яз. в ср. школах Л-да и Пушкина. С 1964 работала в отделе информации ЦНИИ фанеры в должности мл. науч. сотрудника. В 1968 поступила на работу во Всесоюзный музей А. Пушкина, с 1969 по 1999 заведовала Методическим отделом, с 1999 — ведущ. Науч. сотрудник.

Выступила как составитель (наряду с Е. Пролет и Г. Тюриной) альбома **«Мир Пушкина»** (1990), в кот. были включены автографы, прижизненные портреты, пейзажи, отрывки из сочинений и писем, свидетельства современников.

В 1990-е гл. предметом исследований Л. стали христианские традиции в тв-ве Пушкина, судьба поэта в свете христианства. Л. стала основателем и ред.-сост. альм. **«Христианская культура. Пушкинская эпоха»**, где опубл. мат-лы и иссл., целиком посвященные этой теме. С 1993 по 2008 в серии вышло 26 вып., некоторые из кот. имели доп. заголовок (напр., вып. 20 — «А. С. Пушкин в Царском Селе»; вып. 26 — «Ангел царя Александра») и кот. явили собой опр. вклад в пушкиноведение, вокруг сбков возник интересный авторский коллектив.

В 1999 Л. совм. с В. Котельниковым подготовила кн. **«Духовный труженик: А. С. Пушкин в контексте русской культуры»**, вышедшую под грифом ИРЛИ. В сб. вошли работы авторов серии «Пушкинская эпоха и христианская культура» и участников Христианских Пушкинских чтений в СПб. Центре православной культуры (1992–98). В кн. рассматривается историко-культурная модель жизни русского об-ва пушкинского вр. Коллектив авторов объединила «потребность восстановления корней русской жизни и серьезной оценки духовного пути поэта — без преувеличения его вольнодумства и без впадения в идолопоклонство. <...> Труд обращен не только к прошлому, но и к настоящему и будущему, поскольку внутренним объединяющим мотивом книги является известная мысль И. А. Ильина о том, что история личного развития Пушкина “раскрывается как постановка и разрешение основных проблем всероссийского духовного бытия и русской судьбы”» (аннотация). Кн. отмечена дипломом 2-й степ. на Междунар. книжной ярмарке в М.

В 1994–99 Л. была актив. участником конф. «Православие и русская культура», проводимых ИРЛИ. Она обобщила значительный фактический мат-л, связанный с посл. днями Пушкина, раскрыла картину его духовной борьбы и христианской кончины. Гибель поэта, показала Л., была воспринята и как глубоко нац. трагедия, и как потеря общеевропейского достояния. Л. говорила о глубочайшем духовном преображении, пережитом Пушкиным перед лицом смерти: «...если бы дано было поэту, пережив все, восстать с одра,— это оказался бы уже другой человек, кот. нельзя представить за письменным столом. И речь здесь не об осуждении его предыдущего земного пути, напротив, то, что, прежде чем угаснуть, Пушкин смог так просиять, свидетельствует о некоей особой духовной ценности его жизненного делания». В работе **«Пушкин и даты церковного календаря»** (1998) Л. показала, что именно вблизи православных

праздников Пушкиным создавались произведения глубочайшего смысла. Л. призвала к соотнесению всех творч. временных помет с церковным календарем и Пасхалией, чтобы понять, как они отражались в сознании Пушкина, прояснить творч. импульсы и обст-ва создания того или иного произведения.

Наряду с науч. исследованиями выступления Л. носили общественно-практич. характер. Л. говорила о необходимости воцерковления памяти Пушкина. Участвовала в полемике по поводу возвращения храма Спаса Нерукотворного и Святогорского монастыря под покров Православной Церкви. Вместе с рядом пушкинистов Л. призывала пересмотреть официально установленные даты памяти Пушкина и отмечать их в соответствии с церковным календарем, т. е. 8 июня (день рождения) и 11 февраля (день кончины). Именно в эти дни совершаются панихиды в местах, связанных с Пушкиным. Механич. перевод на новый стиль с каждым столетием все больше разводит даты, между тем «при воспоминании дня рождения или кончины выдающихся людей крайне важно, память каких святых празднуется Церковью в этот день» (д-д на конф. в ИРЛИ, 1999).

По мнению Л., «из замкнутого музеефицированного пространства Пушкин возвращается в ряд живых явлений христианского духа». Поэтому сегодня необходимо противопоставить неозязыческим ритуалам, возникшим вокруг Пушкина, его церковное поминовение: «В Пушкинские дни толпы почитателей привыкли "приходить к поэту" — теперь у них есть возможность помолиться за него, помянуть по-христиански, вместо того чтобы предаваться массовому кумиротворению».

В 1999 Л. совм. с Е. Монаховой стала автором выставки **«А. С. Пушкин и православная Россия»** в ПД. Выставка преодолевала устоявшиеся образы сов. пушкиноведения, заставляя взглянуть по-новому на жизнь и окружение поэта. В экспозиции были представлены духовная и ист. лит-ра из книж. собрания поэта, пушкинские автографы, выписки из Четьих-Миней, переложение Жития преподобного Саввы; евангельские, литургические и молитвенные тексты, вдохновлявшие поэта в его тв-ве, иконы святых, упомянутых в текстах Пушкина; виды монастырей, где молился поэт, портреты представителей русского духовенства и первоиерархов, возглавлявших церковные кафедры в пушкинскую эпоху. На скрещении этих мат-лов на выставке возникал образ Православной Руси и ее поэта.

Среди работ, вошедших в кн. Л. **«Отрок Библии»** (2000): **«Вдохновительница поэта (А. П. Керн)»**; **«Пушкин и даты церковного календаря»**; **«Отзвуки дела о "Гавриилиаде" в истории гибели и похорон Пушкина»**; **«Смерть поэта как сюжет русской лирики и народной легенды»**; **«Культ Пушкина в эпоху христианского возрождения России»**; **«Евангельские притчи в жизни и тв-ве Пушкина»** и др.

В 2011 вышла кн. Л. **«Парадокс Пушкина: облик поэта в восприятии современников»**. Приводя мнение одного из современников («Физиономия Пушкина столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, вместе с тем столь изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о ней истинное понятие»), Л. задается целью ответить на вопрос, «каким же он был, когда ходил по земле, каким его видели современники?» и приводит их многочисленные свидетельства.

В нач. 2010-х Л. опубл. популярные заметки о Пушкине и его окружении (**«Дорогая Элленора»**, **«Парадокс Пушкина»**) в ж. «Чудеса и приключения», «Monolith Digest» и др.

Соч.: Мир Пушкина: Автографы, прижизненные портреты, пейзажи, отрывки из сочинений и писем, свидетельства современников: Альбом / Введ., науч. ред. С. Фомичев, сост. Э. Лебедева, Е. Пролет, Г. Тюрина. М., 1990 (1994); «Отрок Библии». СПб., 2000; Хроники международных научных конференций «Православие и русская культура» в Пушкинском Доме (1994–2003) // Христианство и русская культура. СПб., 2006; Парадокс Пушкина: облик поэта в восприятии современников. СПб., 2011.

Лит.: Марков А. Христианская культура. Пушкинская эпоха // Царскосельская газ. 2002. 16 нояб. № 89.

А. Любомудров

ЛЕБЕДЁНКО Александр Гервасьевич [9(21).6.1892, Черкассы — 9.12.1975, Л-д] — прозаик.

Ученич. годы Л. совпали с событиями перв. русской революции, отзвуки кот. докатились и до уездного городка на Днепре, где родился и окончил гимназию будущий писатель. Позднее о детстве и юности Л. расскажет в романе **«Первая министерская»** (М., 1934). Серьезным испытанием для Л. станет Первая мировая война: в мае 1915 студент фак-та восточных яз. СПб. ун-та идет на фронт в кач-ве вольноопределяющегося и служит в артиллерийском дивизионе. Итогом мучительных размышлений о судьбах России стало участие в работе рев. комитетов и приход в 1918 в ряды Красной Армии. Л. был участником борьбы против Юденича, дважды подвергался аресту: 20 окт. 1918 по делу «бывших офицеров» (освобожден 27 окт. 1918), 14 янв. 1935 арестован и постановлением Особого совещания про НКВД СССР приговорен к высылке в Казахстан на 3 года. Реабилитирован в апр. 1995.

Лит. деятельность Л. началась во фронтовой печ., «Боевой правде», газ. 7-й армии. С 1920 по 1925 Л. работает в «Лен. правде» (ночной ред., зав. отделом, секретарь редакции). Человек широкого кругозора, влюбленный в свое дело газетчик, Л. много путешествовал. В период меж-

ду 1923 и 1925 побывал в Турции, Китае, Маньчжурии, Монголии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Германии, Испании. В 1926 Л. принимает участие в перелете Амундсена, Эльсверта-Нобиле на дирижабле «Норвегия» (Европа–Шпицберген–Аляска). Впечатления Л. нашли отражение в очерках **«Перелет Москва–Монголия–Пекин»** (Л., 1925), **«Как я летал в Китай»** (Л., 1926), **«На полюс по воздуху»** (М.; Л., 1927) и мн. др.

Востоковед по образованию, пишет книгу для детей **«Индия, Индия»**, неск. кн. о Китае (**«Четвертая пуля Ли Сяна»**). Его кн. об Индии и Китае и такие книги, как **«Пожар в Испании»**, **«Крестовый поход»**, были заметным явлением в тогдашней детской лит-ре. В них умело сочетались увлекательная форма изложения с насыщенностью подлинно науч. мат-лом. Худож. достоинства книг Л. для детей отметил К. Федин, оценивший в них «сжатую собранность формы».

Важной вехой на творч. пути писателя стала повесть **«Восстание на „Святой Анне"»** (М.; Л., 1930), где поставлены мн. проблемы, ставшие гл. в романе **«Тяжелый дивизион»** (Л., 1932) и **«Лицом к лицу»** (Л., 1957).

Роман «Тяжелый дивизион» свидетельствовал о творч. возмужании автора. Манера автора показывать события «изнутри», с их будничной стороны, в значительной степени определила своеобразие стиля писателя, чуждого громкой фразе, риторике. У писателя скромная, сдержанная манера повествования. К тому времени, когда вышел «Тяжелый дивизион», лит-ра о Первой мировой войне исчислялась мн. романами и повестями. Писатель не повторил своих предшественников. Выступая с докладом о худож. прозе лен. писателей в авг. 1934, К. Федин отметил, что война нашла среди прозаиков Л-да своего нового художника — Л., который ввел в свой роман мн. нового, малоизвестного материала. Особо удачными Федин считал батальные сцены, картины распада и поражения царской армии. Связав тему войны с темой революции, писатель развернул достоверную картину прозревания народа на войне, революционизирования солдатской массы и ее перехода на позиции большевиков после Февраля. Психологически правдиво в романе дана эволюция прапорщика Андрея Кострова. Война с ее противоречиями, поражениями русских войск, боями, атаками, трудным бытом миллионов людей в серых шинелях показана Л. через сознание честного русского интеллигента. Война заставляет Кострова посмотреть на мир не «с башни благополучия, а из глубин человеческого моря, простого, из плоти и крови». С горькой иронией вспоминает Костров рассказы о войне полковника Келлера в духе красочных картин Ф. Купера и Г. Эмара. На фронте Андрей приходит к выводу, что «война это жизнь, полнокровная жизнь миллионов людей, только в других условиях, по-другому». Отбирая из перв. воен. впечатлений самое главное, Андрей рассказывает своим родственникам в Горбатове не о героических подвигах, а о тяжелых боях, о ночном картеже, о контузиях... Гл. для Л.-художника — реалистическое изображение будней войны. Роман изобилует сценами, рисующими фронтовой быт, переходы, ночевки солдат, офицерские романы и кутежи, повседневную жизнь солдат и офицеров. Суровая жизнь тяжелого батальона показана с большим знанием дела, с массой любопытнейших деталей, бытовых и психологич.

Роман «Тяжелый дивизион» лежит в русле русской лит. традиции, прежде всего традиции Л. Толстого. От русского классика писатель воспринял метод срывания «всех и всяческих масок» (напр., главы «Брест», «Поставь!», главы о привилегированном госпитале). Пристальное внимание писателя к внутреннему миру героев идет также от Толстого. В 1930-е отд. критики называли Л. «советским Ремарком». Однако такое определение не соответствует ни замыслу сов. писателя, ни его худож. воплощению.

Горький не был знаком с Л., но знал и ценил его кн. «Тяжелый дивизион». Летом 1935 группа руководителей партизанского движения побывала в гостях у Горького. Память Г. Шелеста сохранила горьковскую оценку: «Есть вот хороший писатель Александр Лебеденко. Он написал „Тяжелый дивизион". Замечательное произведение <...> Книга написана сердцем, и вам неплохо бы встретиться с такими писателями и рассказать им все, что пережили. Советую вам прочесть эту книгу».

После завершения «Тяжелого дивизиона» Л. задумывает новый роман **«Лицом к лицу»**, повествующий о Пг. 1918–19 (1-е изд.— Л., 1957). В новом романе — переплетение человеч. судеб, столкновение зачастую противоположных интересов, взглядов, точек зрения на события, сложные процессы, происходящие в сознании мн. героев. Из всего этого складывается достоверная картина жизни Пг. 1918–19, когда лицом к лицу в схватке столкнулись два мира. Писатель рисует жизнь Пг. не с парадной, а с будничной стороны. Бытовой мат-л не превращается в привесок, отяжеляющий повествование и имеющий только историч. интерес. Он необходим писателю. Картина жизни создается описанием самых разных сторон жизни революционного города — обыски, офицерские заговоры, суровый героич. быт людей революции. Позиция и пути интеллигенции волнуют писателя, на перв. план выдвигается проблема выбора и сложность ее решения русской интеллигенцией.

Критика откликнулась на выход в свет романа «Лицом к лицу» ст. В. Герасимовой «Неизбежная победа» (Новый мир. 1957. № 11), Е. Катерли «Страницы борьбы» (Звезда. 1957. № 11), А. Тамарченко «Страницы истории» (Лен. альм. 1957. № 13). Критики отметили актуальность и проблемность произведения, ист. точность в воссоздании сложнейшей эпохи, убедительность образов гл. героев. Вместе с тем были отмечены и просчеты писателя (необязательность отд. эпизодов и отд. второстепенных и эпизодических героев, излишние подробности, некот. витиеватость речи).

В 1960–70-е напис. ряд повестей и романов, среди них повесть **«Зоя Сергеевна»**, роман **«Шелестят паруса кораблей»** и др. произведения.

Соч.: СС: В 3 т. / Предисл. Г. Холопова. Л., 1978–79; Восстание на «Святой Анне». Л., 1930 и др. изд.; Тяжелый дивизион. Л., 1932 и др. изд.; Книга о Беломорканале. М., 1934; Книга о челюскинцах. М., 1934; Лицом к лицу. Л., 1957; Ошибка в пути: Повести. М.; Л., 1962; Дом без привидений. Л., 1963; Первая министер-

ская. Л., 1963 и 1967; Шелестят паруса кораблей. Л., 1974.

Лит.: Филатова А. Александр Лебеденко // Звезда. 1972. № 3; Бахтин В. М. Горький о «Тяжелом дивизионе» // Нева. 1974. № 6.

А. Филатова

ЛЕВА́НОВА Алла Владимировна [29.11.1966, Л-д] — поэт, критик.

Отец, Михайлов В. А., работавший слесарем в мастерских Мариинского театра, был большим знатоком русской лит-ры и истории, кот. унаследовала дочь. Мать (урожд. Петрова Л. И.) работала диспетчером в автопарке.

Л. окончила в 1984 ср. школу № 234. С 8-ми лет писала стихи, кот. помещ. в школьные стенгазеты, были использованы для школьных мероприятий, в т. ч. КВН. Поступила в 1984 в ПТУ № 40 Л-да, кот. окончила в 1985 с отличием по специальности секретарь-машинистка. Работала в ЦМКБ ПО «Алмаз» по распределению, вышла замуж за военнослужащего и уехала на Дальний Восток.

В 1995 началась ее творч. жизнь — с публ. в газ. «Белый ветер +», «Дальневосточный Комсомольск» и «Предприниматель».

В 1996 Л. вернулась в СПб. Активно включилась в творч. жизнь города. С 2002 Л. член правления лит. собрания «Соратники», организатор-ведущая лектория, презентаций, творч. вечеров, лит. редактор независимого лит.-худож. и публиц. ж. «Рог Борея». В 2003 выступала по радио «Петербург» от ЛИТО «Послушайте», победила в конкурсе «К 300-ю СПб.», ее стихи опубл. в сб. «Певучая палитра строк» и «Город над вольной Невой».

С 2004–05 — ведущая-руководитель ЛИТО «Серебряные строфы» при Культурно-досуговом центре «На Пушкинской». В 2004–09 — рук. Лит. гостиной «Чайка» при биб-ке им. А. Чехова. С 2005 — ред.-сост. лит.-худож. ж. «Сфинкс». В 2007 Л. (вместе с А. Родосским и А. Давыдовым) заняла третье место в «Фестивале поэзии», кот. проходил в Духовно-просветительном центре «Святодуховский» Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, где принимали участие различные ЛИТО города и обл. В дек. 2008 заняла перв. место в конкурсе «О, чудо! Сфинкс заговорил!» в номинации «Сфинксы», кот. был проведен редколл. ж. «Сфинкс» в РНБ. В 2009 заняла четвертое место в «Фестивале одного стихотворения», кот. проходил в Духовно-просветительном центре «Святодуховский» Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. С 2009 — пост. член жюри этих поэтич. конкурсов.

Перв. поэтич. сб. Л. озаглавлен **«Чернильный дождь»** (СПб., 2000). Осн. темы поэзии Л. — стихи о любви (**«Любовь»**, **«Господи, храни его, храни»**, **«Если не ты»**), стихи от первого лица некоего героя (**«Бродяги»**, **«Скрипач»**, **«Шарманщик»**), стихи о Граде святого Петра (**«Я хочу подарить тебе мой Л-д»**, **«Сфинкс»**, **«Петербург»**), лирика разных лет (**«Чернильный дождь»**, **«Пегас»**, **«Листопад»**). В последующие годы к осн. темам поэзии Л. добавились стихи о Дальнем Востоке (**«Уссурийский тигр»**, **«Огненная тайга»**, **«Волчица»**), стихи о путешествиях (**«Бахчисарай»**, **«Ласточкино гнездо»**, **«Херсонес»**), стихи о России (**«Что значишь для мира, Россия?»**, **«Алконост»**, **«Сирин да Гамаюн»**), стихи-посвящения (**«Девочка на шаре»**, **«Райский сад»**, **«Маргарите Левановой»**, **«А. Пушкин»**, **«Н. Гумилев»**, **«А. Ахматова»** и др.)

В 1995 Г. Пересторонин в ст. «Новые имена» пишет о Л., что она человек с широким кругозором и большим диапазоном перевоплощений. То она солдатка, то дочь Востока, то колдунья, и все ей удается. В 2001 Ю. Пименова в ст. «Сто строчек» в газ. «Коломна» говорит, что автор делится с нами своим мироощущением, дарит запоминающиеся образы, яркие краски и ощущение полета. Но, пожалуй, гл. движущая сила в тв-ве Л. — настроение. В 2003 М. Шкроб в ст. «Я — женщина и жизни соль» отмечает, что для Л. поэзия — это спасительный круг, кот. помогает удержаться на плаву в наше нелегкое, смутное время.

Вторая кн. Л. **«Петербургские сны»** доказывает, что ею сделан важный шаг вперед. По поводу новой кн. А. Доливо-Добровольский говорит, что на тв-во Л. опр. влияние оказала мужественная поэзия Н. Гумилева, воина и поэта, избранника свободы, мореплавателя и стрелка, ведомого по его жизни Музой Дальних Странствий.

Осн. публикации Л.-критика — в ж. «Невский альм.», «Рог Борея», «Лит. Кисловодск», «Сфинкс», в газ. «ДВК», «Предприниматель», «Белый ветер +», «Новости от СВ», «Коломна», «Лит. Петербург», «Морская газ.», «Слово поэта», в альм. «Остров», «Балтийский парус», «Альманах поэзии» и др.

Некот. стих. Л. положены на муз. Л. Гарни, Е. Виноградовой, В. Таировым, А. Палецким, Н. Патовой.

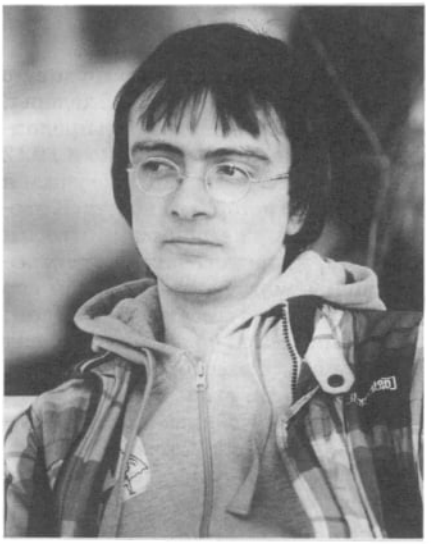
Соч.: Чернильный дождь. СПб., 2000; Петерб. сны. СПб., 2002; Златая Русь. СПб., 2004.

Лит.: Пересторонин Г. Новые имена // ДВК. 1995. Вып. 2; Пименова Ю. Сто строчек // Коломна. 2001. Вып. 15; Шкроб М. Я — женщина и жизни соль: О книгах А. Левановой // Рог Борея. 2003. Вып. 18; Доливо-Добровольский А. Новая книга А. Левановой «Златая Русь» // Рог Борея. 2005. Вып. 25; Виноградова В. А у нас в библиотеке // Купчинские вести. 2006. Вып. 20; Корсунский Д. Лит-ра и общество // Невский альм. 2008. Вып. 1; Лисюк М. Стихов торжеств. песнь // Лит. встречи. 2008. № 124; Аргунов А. Алла Леванова и ее поэзия // Сфинкс. 2010. Вып. 22.

А. Родосский

ЛЕВЕНТА́ЛЬ Вадим Андреевич [25.10.1981, Л-д] — прозаик, лит. критик, редактор.

В 1990-е посещал ЛИТО «Пегасик» под рук. С. Ивановой. В 1999 окончил школу № 27 им. И. Бунина. Учился на фак-те актерского искусства в СПбГУП в мастерской Р. Гро-



мадского и С. Заморева, однако курса не окончил. Выпускник филологич. фак-та СПбГУ по специальности «Русский язык и литература» (2009). Получил в ун-те доп. специализацию «Лит. критика и редактирование», где учился у С. Друговейко-Должанской и В. Топорова. По окончании ун-та поступил в аспирантуру кафедры истории русской лит-ры. С 2007 работает в изд-ве «Лимбус Пресс» (отв. редактор, с 2012 — гл. редактор).

Проза и критика Л. регулярно публикуется в таких печ. и интернет-изданиях, как «Прочтение», «Частный корреспондент», «Известия», «СПб. ведомости», «Соль», «Звезда», «Октябрь», «Волга» и др.

Первая публ. Л. — рассказ **«Письма с берегов реки Оккервиль»** — состоялась в рубрике «Первая проза» ж. «Звезда» (2006. № 7). Опубл. повести **«Доля ангелов»** (сб. «Четыре шага от войны» — СПб.: Лимбус Пресс, 2010) и **«Парки хой»** (Лит. кубики. 2008. № 4), вошедшую в longlist ежегодной лит. премии им. И. Белкина; готическую новеллу **«Carmen Flandriae»** (Волга. 2012. № 1–2); рассказы **«Kill'em all»** (Абзац. 2007. № 2); **«Обломов и Штольц в совр. условиях»** (сб. «На ветру времен» — СПб.: МИРС, 2008); **«Addio del passato»** (Лит. кубики. 2009. № 6); **«Письмо первое, от Михаила к Василию»** (сб. «Красная книга алкоголика» — СПб: Амфора, 2009); **«Лапа бога»** и **«Одиннадцатый храм»** (Антология прозы двадцатилетних — СПб.: Лимбус Пресс, 2011); **«Проснись, ты сейчас умрешь»** (антол. «Петербург Нуар» — СПб.: Азбука, М.: Азбука-Аттикус, 2013; ранее вышла на англ. яз под назв. «St. Petersburg Noir» — NY: Akashic Books, 2012).

О рассказах, включенных в «Антологию прозы двадцатилетних», А. Шепелёв замечает, что «тексты Л. добротны и сконцентрированы, написаны не "корявой, как выкорчеванный пень" лапой..., а твердой рукой редактора и стилизатора... Они-то в качестве некоего приятного сюрприза или бонуса и выбиваются из сборника — ни тебе секса, ни наркотиков, только намек на ретророк-н-ролл (в стиле Лескова, Толстого или отчасти даже Бунина)».

В 2012 вышел в свет дебютный роман Л. **«Маша Регина»** (СПб.: Лениздат, 2012), получивший весьма высокую оценку в печ. В. Топоров назвал его безусловной «книгой декабря» 2012. По мнению Л. Данилкина, в романе чувствуется «не просто "умелый рассказчик", "опытный раконтер"; тут чувствуется рассказчицкое, иначе не скажешь, величие»: «У Л. слух зрелого поэта, легкие молотобойца и ум молодого математика; не остроумие, а ум именно, мудрость философа; это Мастер, настоящий, калибра раннего Битова; никогда не скажешь, что это дебютный роман человека, которому 31 год». Такова и оценка П. Рыжовой («Дебютная работа Л., больше напоминающая не пробу пера, а философский эпилог опытного, несколько уставшего автора, как будто и произрастает из многолетнего литературного компоста, собранного в уме тридцатилетнего филолога»), аттестующей Л. как заметную фигуру в узком лит. мире.

Как критик публикуется с 2006. Для Л. самое интересное и ценное в деятельности лит. критика — это момент, «когда критическое суждение не уходит в безвоздушное пространство, когда возникает диалог, разброс мнений. Зазор между разными отношениями к тексту всегда любопытнее, чем каждое мнение в отдельности» (**«Выйти из гетто»** [инт.]). Критика, по Л., нужна не писателю, а читателю, а лит-ра, в конечном счете, есть отражение истории человечества, движение кот. — «самое величественное зрелище на Земле». Оценивая совр. лит. ситуацию, Л. отмечает, что «курс слова по отношению к картинке продолжает падать», однако «всегда найдутся безумцы, кот. вместо того, чтобы деньги зарабатывать, будут писать книги, и другие безумцы, кот. ради этих книг выключат телевизор» (**«Выйти из гетто»**). Л. считает, что писать о классиках имеет смысл тогда, когда обнаруживаешь то, чего до тебя не замечали. Так, заметив инфернальную тему в «Пушкинском доме» А. Битова, Л. написал ст. **«Мистика и инфернальное в романе А. Битова "Пушкинский дом"»** (Роман Андрея Битова «Пушкинский дом». Серия «Текст и его интерпретация». Вып. 5. СПб.: Фак-т филологии и искусств, 2009).

Л. выступил автором идеи и одним из составителей сб. «Лит. матрица» (2010), альтернативного школьного учебника, написанного писателями о писателях, кот. вызвал шквал неоднозначных отзывов. Оценка Л.-критика так же колеблется: от апологетической «Он ворвался внезапно на нашу литературную сцену и заявил о себе достаточно ярко. Просто пришлось считаться с тем, что он есть. С его голосом» (С. Носов) — до иронической «молодой, приятный и чрезвычайно интеллигентный литературный менеджер из Санкт-Петербурга. <...> Типичный представитель современного литературного процесса. Активно делающий на этом поприще карьеру» (Г. Давыдов) — и даже уничижительной: «автор трёх с половиной публикаций во второстепенной периодике, известный преимущественно как подручный В. Топорова по издательским и премиальным делам» (Д. Кузьмин).

Наибольший обществ. резонанс вызвала ст. Л. **«Верлибры, свежие верлибры!»**, написанная в рамках организованной ж. «Октябрь» дискуссий о том, неизбежен ли сегодня выбор между формальной и общественной задачей лит-ры, т. е. «что сегодня важнее для писателя: заниматься общественно важными проблемами, выражая своё к ним отношение необработанным языком "нового реализма", или освобождаться от социальности и создавать новые языковые формы и смыслы»

(Е. Ратникова). По убеждению Л., отнюдь не выступающего противником «нового языка», подобный язык может возникнуть «только тогда, когда слова, кот. выражали истину раньше, стираются, дух испаряется из них, как из музейных экспонатов» — и, что еще важнее, создание нового языка никогда не является результатом формальных экспериментов, сознательной работы литератора над «приращением смыслов»: «...Секрет в другом: этим людям [напр., Пушкину, Толстому, Маяковскому. — *Ред.*] важно было сказать то, что их мучило, и только во-вторых, чтобы это сказать, пришлось обновить язык».

Исполнительный директор премии им. Геннадия Григорьева (с 2010) и премии «Национальный бестселлер». Л. признали «Человеком года — 2010» по версии «Последних известий» — программы петерб. ТК «100ТВ».

Соч.: Письма с берегов реки Оккервиль [Рассказ] // Звезда. 2006. № 7; Шум машины письма // СПб. ведомости. 2007. № 232. 10 дек.; Мистика и инфернальное в романе А. Битова «Пушкинский дом» // Роман Андрея Битова «Пушкинский дом»: Сб. Серия «Текст и его интерпретация». Вып. 5. СПб., 2009; Верлибры, свежие верлибры! // Октябрь. 2010. № 2; Carmen Flandriae: готическая новелла // Волга. 2012. № 1–2; Проснись, ты сейчас умрешь. Новая Голландия // Петербург нуар [Сб. рассказов]. СПб., 2012; Маша Регина [Роман]. СПб., 2012; «Выйти из гетто» [Инт.] // Лит. Россия. 2010. № 41. 8 окт.; «Русский Букер» undead // Известия. 2012. 19 июл.; Гы-протест // Известия. 2012. 25 окт.

Лит.: Кузьмин Д. Безвоздушное пространство // Воздух. 2010. № 1; Шепелёв А. Есть ли онтология в антологии? Об утреннем закате поколения «У» [инт.] // НГ Ex libris. 2011. 22 сент.; Ратникова Е. На грани весны // Лит. Россия. 2010. № 11. 19 март.; Носов С. [Инт.] // www.tv100.ru/news/CHelovek-goda--2010-Vadim-Levental-34561/; Давыдов Г. Курьезный Левенталь // Перемены. 2011. 9 июн.; Данилкин Л. Большой, умный, пронзительный русский роман // Афиша.ру. 2012. 26 дек.; Рыжова П. Повесть об имени и фамилии // Газета.ру. 2013. 15 янв.; Топоров В. Путем зерна // Фонтанка.ру. 2013. 17 янв. calendar.fontanka.ru/articles/249.

Л. Агакеримова, А. Козакевич, А. Силина

ЛЁВИН Дойвбер (Борис Михайлович) [10.10.1904, Ляды Могилевской губ. — 17.12.1941, погиб под Погостьем Лен. обл.] — прозаик.

Родился в пресловутой «черте оседлости». Отец Л. занимался вояжерством. Жили не богато: своего дома не было, снимали жилье у соседей. Первенца назвали Дойв, что на иврите значит «медведь», и Бер, что на идиш тоже означает «медведь». Рос подвижным и озорным подростком: озорство происходило от избытка энергии и любознательности. Позже энергия и любознательность обернулись страстью к книгам и к природе, полюбил уединение, бродил по живописным окрестностям местечка, носил с собой тетрадь и время от времени что-то записывал. С. Мирер: «...в возрасте 10–12 лет он прочел чуть ли не всю классическую родную литературу <...> и по мере того, как осваивался русский язык, читал Крылова, Пушкина, Гоголя, Купера, Майн Рида, Жюль Верна, Уэллса... Потом пошла и вся остальная классическая русская и мировая литература, а также книги по истории философии, по истории религии. Вообще природа и книги были <его> великими учителями, постоянными собеседниками и верными друзьями». Т.о. развенчивается легенда, будто с русским языком Л. столкнулся только в Пг., когда купил в букинистическом магазине четыре тома толкового словаря В. Даля, переписывал слова на карточки и, перекладывая и тасуя их, запоминал слова.

В 1920 закончил единую трудовую школу, перед тем — мл. и ст. хедеры. По окончании школы поехал продолжить учебу в Моск. ун-те, но в 1922 (самое позднее — в 1923) уже учился в Пг. в Ин-те истории искусств. К этому времени уже понимал, что ни история, ни философия, ни театроведение не могут стать смыслом его жизни — хотел писать. А. Каплан, тогдашний сосед по жилью (студент Академии художеств), рассказывал, что на столе Л. стопочками лежали аккуратно нарезанные листы бумаги — белой, серой, грязно-желтой, на кот. он писал, но написанное никогда не читал вслух.

Через И. Бахтерева, студента театрал. фак-та, познакомился с Д. Хармсом, потом с А. Введенским, стал режиссировать студенч. спектакли по их произведениям, делать монтажи из их стихов (напр., спектакль «Моя мама вся в часах»). В декларации ОБЭРИУ, напеч. в ж. «Афиши Дома печати» (вместе с программой «Трех левых часов»), о нем сказано: «Бор. Левин — прозаик, работающий в настоящее время экспериментальным путем». Он «экспериментировал» в написании романа — **«Похождения Феокрита»**, рукопись кот. не сохранилась и неск. слов о кот. нашлось в воспоминаниях Г. Гора: «Обэриутский прозаик Дойвбер Левин... прочитал главы из романа “Похождение Феокрита”. Роман Левина походил на картину Марка Шагала. Так же как у Шагала, в “Похождении Феокрита” размывались границы между тем, что могло быть, и тем, что могло только присниться. В нижнем этаже шагаловски фантастического дома жил обычный советский служащий, а в верхнем обитало мифическое существо с головой быка. Только потолок отделял современность от античности, спаянных вместе причудливой фантазией автора».

В 1929 ж. «Пионер» опубл. рассказ Л. **«Полет герр Думкопфа»**, чуть позже появился рассказ, напис. вместе с Д. Хармсом, **«Друг за другом»** (Еж. 1930. № 9). В 1930 вышла отд. изд. небольшая повесть в полтора листа с назв., что и в перв. рассказе — **«Полет герр Думкопфа»** (рассказы были подпис. «Б. Левин», повесть — «Дой-

вбер Левин»: в последнем псевд. он соединил имена, полученные от родителей, чтобы читатели не путали его с моск. писателем Борисом Левиным). Опубл. произведения различны, но все три объединяет общая идея, нашедшая завершение в повести и явившаяся продолжением его «обэриутской» прозы — ироничной и гиперболизированной. Фантазия Л. раскована, проза свободна от земных пут и оправданий.

Втор. кн. Л. — **«Десять вагонов»** — резко отличалась от первой. В ее основе реальные обстоятельства: однажды Л. набрел на еврейский детский дом. Дети рассказывали ему о своей недолгой, но заполненной приключениями жизни, он записывал. Л. нарочито не обрабатывал рассказы воспитанников, стараясь сохранить их своеобразие. Собств. роль свел к тому, чтобы организовать мат-л, тематически его сгруппировав.

Две перв. кн. были лит. школой для Л. Но выпущенные им вслед **«Улица сапожников»** (1932), **«Вольные штаты Славичи»** (1932) и **«Лихово»** (1934) обнаружили его подлинное своеобразие. В них он обрел свой язык, выразил особое восприятие мира. В трилогии он рассказал о том, что хорошо знал — о жизни, кот. наблюдал и кот. сам жил в отрочестве. Гармонию повестей Л. «поверял алгеброй»: «Улица сапожников», самая большая по объему, делится на три части: «Бой на Мерее» — лето 1914-го, «Встреча» — 1916-й и «Война продолжается» — осень 1919-го. Время действия в каждой части — два дня. Л. отбирает шесть наиболее напряженных и характерных дня из жизни рыжего Ирмэ, героя повести. За это время Рыжий, тринадцатилетний парень, лентяй и задира, проказы кот., вероятно, напоминали «шалости» отрока Бера, вырастал в сознательного рев. бойца. Действие «Вольных штатов Славичей» Л. сжал в три дня. Повествование почти беспрерывное. Это моноповесть. Здесь нет мгновения без гл. героя — слободского Степана. Проза «Лихова» плотная, сочная. Первая и последняя ее части соответственно делятся на четыре главы: «Утро», «Полдень», «Вечер», «Ночь». Симметричная структура нужна автору, чтобы читатели прочувствовали, насколько последнее «утро» отличается от тогдашнего, теперешний «день» от того «дня». Меняется и ритм повествований: от размеренной, сонной, скудной жизни — до взрыва.

В 1935 Л. пригласили на «Ленфильм» для напис. киносценария о мальчике-буденовце Федьке. Л. зажегся новой для него идеей. Картина вышла на экраны 23 февр. 1937 (реж. Н. Лебедев) и имела большой успех. Л. было жаль расстаться с Федькой, и он переработал сценарий в повесть **«Федька»**. Позднее он обращается к истории впрямую: персонажами пьесы **«Амур-река»** становятся конкретные ист. личности (речь идет о 1920-х на Дальнем Востоке, о Сергее Лазо, выведенном под др. именем). Последующая повесть, мат-лы для кот. Л. собирал в предвоен. годы, познакомила бы читателя с жизнью М. Фрунзе.

Л. ушел добровольцем на войну с фашизмом. Был послан на курсы «Выстрел». В сер. ноября получил назначение командиром пулеметной роты 1062 полка 281 стрелковой дивиз. Однако с ротой не справился, не совладал и с командованием взводом: путал команды, не умел приказывать. Оказался в резерве штаба полка. Дивизию перебросили на Волховский фронт, ей предстояло очистить территорию, прилегающую к ст. Погостье, взять укрепленную ст. Малуксу. В этом бою Л. был убит. Посмертно награжден медалью «За оборону Л-да».

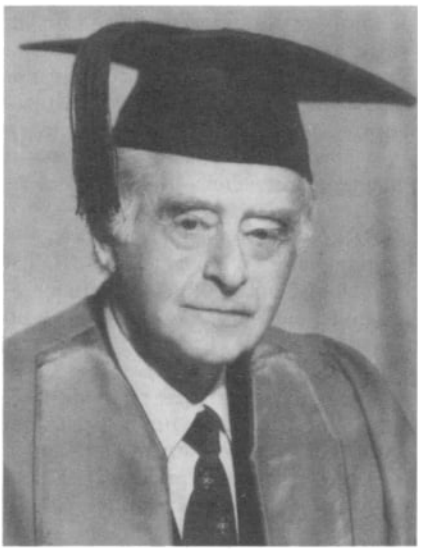
Архив Л. не сохр.

Соч.: Полет герр Думкопфа. М.; Л., 1930; Десять вагонов. Л.; М., 1931, 1938; Улица сапожников. М.; Л., 1932; Вольные штаты Славичи. М.; Л., 1932; Лихово. Л., 1934; Федька: Сценарий. М., 1936; Федька: Повесть. М.; Л., 1939. Амур-река: Пьеса. М.; Л., 1939.

Лит.: Разумовский А., Бахтерев И. Б. М. Дойвбер Левин // За Сов. родину. Л., 1949; Пантелеев Л. Живые памятники. М.; Л., 1966; Биневич Евг. Живой памятник // Советиш Геймланд. 1978. № 5 (на идиш); Бахтерев И. Дойвбер Левин // До последней минуты... Л., 1983; Биневич Евг. Плечом к плечу с читателями // Там же; Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее: Ист. альм. СПб., 1992; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Дымшиц В. Забытый обэриут // Народ Книги в мире книг. 2004. № 53 (окт.).

Евг. Биневич

ЛЁВИН Юрий Давидович [11.2.1920, Пг. — 22.1.2006, СПб.] — историк русской и английской лит-ры, текстолог, историк и теоретик перевода, переводчик.



Отец Давид Самуилович Л. (1891–1928) в 1920-е работал в изд-ве «Всемирная лит-ра», основанном М. Горьким, затем в северо-западном отд. изд-ва «Гудок» и в ж. «Смехач». Вел альбом, в кот. по его просьбе делали записи А. Блок, В. Рождественский, Н. Гумилев, Е. Замятин, М. Кузмин, К. Чуковский и др. Отец скончался, когда Л. было 8 лет, в семье рос и младший сын Сергей, ставший впоследствии военным. Несмотря на мат. трудности мать, Ида Юльевна, стремилась дать детям хорошее образование.

Окончив школу, в 1937 Л. поступил на английское отд. филологич. фак-та ЛГУ. Его учителями стали выдающиеся ученые: проф. М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, А. А. Смирнов.

В июле 1941 добровольцем ушел на фронт, воевал на Лен. фронте. Был пулеметчиком, воен. экспедитором, переводчиком в радиоразведке. Дважды ранен. Среди наград орден «Великая Отеч. война» (1 и 2 ст.), медали «За боевые заслуги», «За оборону Л-да», «За победу над Германией».

После войны окончил ЛГУ, защитив дипломную работу, посвящ. комедии Ф. Бомонта и Дж. Флетчера «Рыцарь горящего пестика» и приложив к ней собств. перевод пьесы.

В 1946 поступил в аспирантуру ЛГУ. В 1947 появилась его перв. печ. работа — **«Некрасов в Англии и Америке (Критико-библиогр. заметки)»**. В 1951 защитил выполненную под рук. М. Алексеева канд. дис. **«Зарождение критического реализма в английской лит-ре (тв-во Джорджа Крабба)»**. Одновременно перевел поэму Крабба «Местечко». Углубленные занятия историей зарубежных лит-р и русско-европейскими культурными связями впоследствии пост. помогали Л. проникнуть в поэтич. мир того или иного автора и воссоздать его произведение на русском яз. Б. Томашевский привлек Л., начинающего исследователя, к совм. работе по подготовке сб. «Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.)» (1954).

После аспирантуры работал ред. в изд-ве ЛГУ, затем преподавал английский яз. в Лен. ин-те инженеров водного транспорта. В 1956 стал сотрудником Сектора взаимосвязей русской и зарубежных лит-р ИРЛИ; в 1985–87 — зав. Сектором. Деятельно участвовал во мн. наиболее значительных трудах ИРЛИ. В сферу его науч. интересов входил широкий круг проблем: история русской литры, сравнительное литературоведение, лит. и культурные русско-европейские связи (преимущественно русско-английские), история, теория и практика худож. перевода, текстология. Существенный вклад внес в подготовку академ. издания ПСС и писем (В 28 т.) И. Тургенева (переизд. в 30 т., начатое в 1978, продолжается). Осуществил неск. изд. произведений и писем талантливого поэта и переводчика М. Михайлова. Большую ред. и авторскую работу Л. провел, готовя раздел «Лермонтов и зарубежные лит-ры» для «Лермонтовской энц.» (1981). Обращаясь к изучению русских писателей XIX в. (Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Некрасова и др.), Л. выявил много неизв. ранее фактов (напр., **«Неосуществленный исторический роман Тургенева»**, 1960).

Для труда «Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX вв. из лен. рукописных собраний» (1960, под ред. М. Алексеева) Л. выявил, опубл. и прокомм. письма К.-М. Виланда, И. Гердера, И. Гете, Ф. Шиллера, Э. Гофмана, В. Скотта и др. зарубежных писателей. Статьи Л. вошли в сб. «Восприятие английской лит-ры в России: Иссл. и мат-лы» (1990), переведенную затем на англ. яз. Им написана осн. часть колл. труда **«Шекспир и русская культура»** (1965). В 1968 защитил докт. дис. **«Шекспир в русской лит-ре XIX в.»**.

В 1975 избран зам. председателя Шекспировской комиссии и возглавил ее Лен. отд. В его фундаментальной монографии **«Шекспир и русская лит-ра XIX в.»** (1988) прослежена история восприятия тв-ва английского драматурга крупнейшими русскими писателями, русской критикой и драматургией.

Многолетний опыт изучения русско-европейских культурных контактов стал основой для создания колл. труда, задуманного и возглавленного Л. — «Истории русской переводной худож. лит-ры», охватывающей древнерусский период и XVIII в. (Т. 1–2. 1995–96).

Л. пост. сотрудничал в периодич. отеч. изданиях («Русская лит-ра», «Вопросы лит-ры», «Известия АН СССР» и др.), а также иностранных. Неоднократно выступал с д-дами на междунар. конференциях в разных городах России и за рубежом: в Англии, Бельгии, Германии, Польше. В 1988 избран почетным доктором (honoris causa) Оксфордского ун-та. В 1993 его избрали членом-корр. Британской академии. В 1994 выступал с д-дом о восприятии английского романа в России XVIII в. в Междунар. ассоциации совр. гуманитарных исследований (Modern Humanities Research Association), президентом кот. он был избран на 1994-й.

Научно-исслед. деятельность Л. на протяжении всей его жизни была неразрывно связана с переводческой практикой. В 1984 его приняли в СП СССР по секции перевода, неск. лет он возглавлял эту секцию. Искусству перевода учился у таких мастеров, как М. Лозинский, С. Маршак, Э. Линецкая. Переводы Л., впоследствии неоднократно переизд., начали публ. в 1950-е. В 1955 появилась кн. «Памфлеты» Дж. Свифта, куда были включены прозаич. и стихотв. переводы, сделанные Л. Он фактически открыл для русского читателя поэзию Свифта. В 1980 вышла из печ. его кн. **«Оссиан в русской лит-ре: Конец XVIII — перв. треть XIX в.»**, в 1983 в его переводе «Поэмы Оссиана» в серии «Лит. памятники». Среди английских писателей, переведенных Л., очень разные авторы: В. Скотт, Р. Саути, Т. Кэмпбелл, Т. Мур, Э. Бёрк и мн. др. В 1996 вышла кн. стихотв. переводов Л. с английского: «Британской музы небылицы...». Л. принадлежат поэтич. переводы и с др. языков (нем., франц., итал.). Некот. его стихотв. переводы (из Ганса Сакса, Т. Мура, А. Теннисона, С. Батлера) включены в кн. «Строфы века — 2. Антология мировой поэзии в русских переводах XX в.» (М., 1998. Сост. Е. Витковский).

В основополагающей ст. Л. **«Об ист. эволюции принципов перевода: (К истории переводч. мысли в России»)** (1963) последовательно рассмотрены разные этапы переводч. деятельности русских переводчиков, начиная с В. Тредиаковского и кончая В. Брюсовым и М. Горьким. До сих пор единственным в своем роде исследованием остается кн. Л. **«Русские переводчики XIX в. и развитие худож. перевода»** (1985). Входящие в кн. очерки посвящ. жизни и деятельности таких переводчиков, как В. Жуковский, М. Вронченко, Э. Губер, А. Струговщиков, И. Введенский, А. Дружинин, Н. Гербель, М. Михайлов, Д. Мин, Д. Михаловский, П. Вейнберг.

К 80-летию Л. изд. Сб. «Res traductorica. Перевод и сравнительное изучение лит-р» (2000), в кот. помещены статьи как российских, так и зарубежных коллег, а также список науч. трудов ученого. К 90-летию со дня рождения ученого ПД провел науч. конф. и изд. сб. «Худож. перевод и сравнительное изучение культур. Памяти Ю. Д. Левина» (2010).

Архив: ИРЛИ, ф. 865.

Соч.: Михайлов М. Собр. стихотворений. Л., 1953 (БП. БС. С позднейшими переизд.); Русские писатели о переводе: XVII–XX вв. Л., 1960 (совм. с А. Федоровым); М. П. Вронченко и его переводы из Мицкевича // Славянские лит-ры: VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973. Д-ды сов. делегации. М., 1973; Перевод и бытие лит-ры // Вопросы литры, 1979. № 2; К вопросу о переводной множественности // Классич. наследие и современность. Л., 1981; К вопросу об источниках рассказа Н. С. Лескова «Левша» // Исследования по древней и новой лит-ре. Л., 1987; Известность Сэмюэла

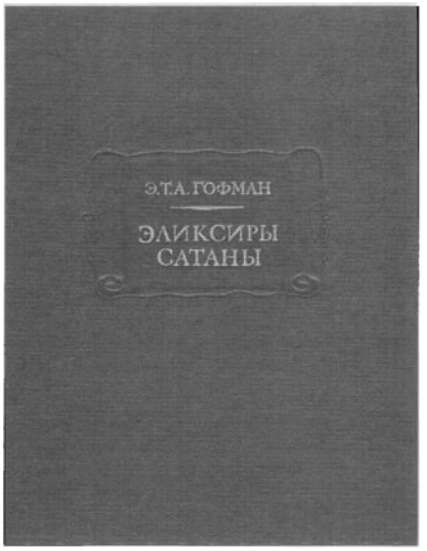
Джонсона в России XVIII в. // Карамзинский сб.: Нац. традиции и европеизм в русской культуре. Ульяновск, 1999; В. М. Жирмунский — теоретик и историк лит-ры // Язык, лит-ра, эпос. СПб., 2001; Русский гамлетизм // Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб., 2003 (переизд.); В лондонском салоне О. А. Новиковой // Ежегодник РО ПД на 2005–06 гг. СПб., 2009 (совм. с М. Алексеевым); Шекспир и русские крылатые слова // Русская судьба крылатых слов. СПб., 2010 (переизд.); The Russian Burns: The reception of Robert Burns in pre-revolutionary and Soviet times // Scottish Slavonic Review. 1985. № 5; Translations of Henry Fielding's Works in eighteenth-century Russia // Slavonic and East European Review. 1990. V. 68; Russland [Шекспир в России] // Shakespeare-Handbuch: Die Zeit — Der Mensch — Das Werk — Die Nachwelt. Hrsg. von Ina Schabert. Stuttgart, 2000.

Лит.: КЛЭ. 1978. Т. 9; Лен. писатели-фронтовики. Л., 1985; Кто есть кто в русском литературоведении. М., 1992. Ч. 2; Лихачев Д., Заборов П., Багно В. Ю. Д. Левин: К 75-летию со дня рождения // Русская лит-ра. 1994. № 4; Res traductorica. Перевод и сравнительное изучение лит-р (К 80-летию Ю. Д. Левина). СПб., 2000 (с библиографией его трудов и лит-ры о нем); Багно В., Данилевский Р., Заборов П. Ю. Д. Левин (Некролог) // Русская лит-ра. 2006. № 2; Чекалов И. Юрий Давидович Левин (11 февр. 1920–22 янв. 2006) // Литературоведческий ж. 2006. № 20; Наш Пушкинский Дом. Ереван, 2009; Худож. перевод и сравнительное изучение культур (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010; Кафанова О. Ю. Д. Левин и его вклад в историю худож. перевода // История перевода: Межкультурные подходы к изучению. Мат-лы междунар. симпозиума. М., 15–17 сент. 2011. М., 2012.

Н. Кочеткова

ЛЕВИНТО́Н Ахилл Григорьевич [25.4.1913, Одесса — 26.10.1971, Л-д, похоронен на Комаровском кладб.] — литературовед, переводчик.

Отец — гл. бухгалтер банка в Одессе. Л. учился в ср. школах Перми и Одессы. В 1929 переехал в Махачкалу, где работал лаборантом в Дагестанском рыбно-хоз. тресте и чертежником в проектной конторе. В 1930–32 — студент Дагестанского индустриал. политехникума, после окончания кот. направлен в Орджоникидзе, где до 1935 работал начальником смены Владикавказского тарного з-да.



В 1935 приехал в Л-д, учился на германском отд. филологич. фак-та ЛИФЛИ, впоследствии слившегося с ЛГУ. Входил в студ. кружок «Коллабораторов». Ученик Г. А. Гуковского, от кот. унаследовал марксистское (детерменистское — идеологич. и «содержательное») направление в литературоведении — марксизм с учетом формальных методов. После окончания ун-та в 1940 оставлен в аспирантуре.

В марте 1942 вместе с ЛГУ эвакуирован в Саратов. В 1943 окончил аспирантуру (науч. рук. В. М. Жирмунский) и после успешной защиты канд. дис. **«Ранние произведения Э.-Т.-А. Гофмана и проблемы романтизма»** направлен на работу в Сталинградский пед. ин-т доц. каф. зарубежной лит-ры. Одновременно занимал должность доц. каф. всеобщей лит-ры в Саратовском ун-те.

В 1945 вернулся в Л-д. В сент. 1945 поступил в ГПБ гл. библиотекарем Отд. систематизации, где разрабатывал классификац. схемы по литературоведению и составлял каталог по зап.-европейской лит-ре, давал консультации. В 1948 стал доц. ЛГБИ, не оставляя работы в ГПБ. Одновременно начал работать над докт. дис.

16 февр. 1949 арестован по ложному обвинению, приговорен сначала к 10 годам, затем к 25 годам лишения свободы в ИТЛ по ст. 50–10. Отбывал срок в Свердловской обл. В мае 1954 освобожден в связи с амнистией. Реабилитирован 20 янв. 1961.

После освобождения, несмотря на репутацию одного из талантливых филологов своего вр., пост. работы найти не мог и с 1954 жил лит. трудом. Им написаны кн. о Келлермане (**«Тв-во Бернгарда Келлермана»**, 1958) и Гейне (**Генрих Гейне: Библиогр. русских переводов и критич. лит-ры на русском яз.»**, 1958; в основном подготовлена еще в 1940-е), ст. для многотом. изд. «История эстетики» в серии «Памятники мировой эстетической мысли» (М., 1964–70) и др. ст. и рец.

Л. плодотворно работал как переводчик. Переводил с немец., франц. и англ. яз. — прозу (В. Скотт, Р. Киплинг и др.), стихи (Т. Готье, Г. Сакс, Ю. Вексель и др.), философские и эстетические трактаты (Сент-Бев, д'Аламбер, Рамо, Бодлер, Тэн, Гердер, незакончены переводы «Лекций» А. В. Шлегеля и «Своеобразия эстетического» Д. Лукача). Перевел предисл. и ряд глав романа В. Скотта «Аббат» (М., 1963), «Стихотворения» Г. Сакса, новеллы Р. Киплинга, произв. И.-Г. Гердера и др. Был автором комм. к пьесам Г. Гауптмана, Ф. Вольфа, Г. Клейста. Автор ряда предисл. и комм. к изд. Г. Сакса, Н. Готорна (**«О писателе»** — Новеллы. 1965), Дж. Элиот, Г. Гауптмана, Ф. Вольфа и др.

Осн. работы Л. до сих пор не опубл. («"Книга песен" Г. Гейне», докт. дис.). Л. был автором одной из первых авторских песен **«Жемчуга стакан»** («Стою себе на месте...»), написанной в 1947 или 1948 в ссылке ко дню рождения знакомой писательницы и переводчицы Руфи Зерновой (опис. в воспоминаниях-очерке Р. Зерновой «Элизабет Арден» — Время и мы. 1981. № 58).

Член СП СССР.

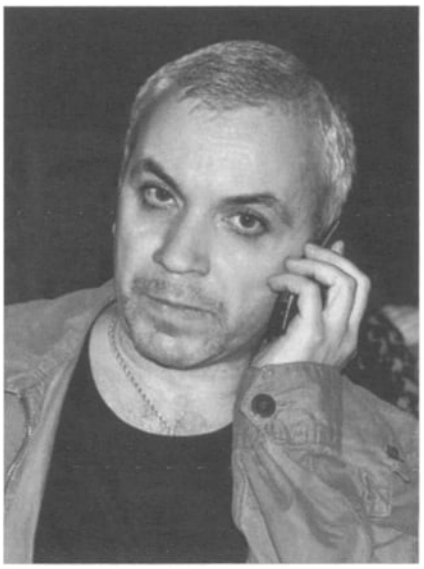
Архив: РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Ф. 4, оп. 2, 1947, д. 3.

Соч.: Бульвер-Литтон Э. Пелэм. М., 1958 (комм.); Генрих Гейне: Библиогр. русских перев. и крит. лит-ры на русском яз. М., 1958; Тв-во Бернгарда Келлермана. Л., 1958; Сакс Г. Избр. М.; Л.; 1959 (сост., вст. ст., прим.); Гейне Г. СС: В 10 т. Л., 1959. Т. 10 (комм.); Готорн Н. Новеллы. М.; Л., 1965 (сост., авт. предисл.); Краткая летопись жизни и тв-ва В. Скотта // Скотт В. СС: В 20 т. М.; Л., 1965. Т. 20; Жемчуга стакан // В нашу гавань заходили корабли: Сб. Пермь, 1996; То же // В нашу гавань заходили корабли. Вып. 1. М., 2000.

Лит.: Писатели Ленинграда. Л., 1982; Левинтон Г. Еще раз «Жемчуга стакан» // Русская мысль. 1990. № 3830. 1 июн.; То же // Час пик. 1991. № 44. 4 нояб.; Серман И. Человек тридцатых годов, или Четверо в черных шляпах // Russ. studies. 2001. Т. 3. № 4; Левинтон Г. Левинтон Ахилл Григорьевич // Труды СПб. европейского ун-та. Фак-т этнологии. 2001. Вып. 1; Королева Н. Руфь Александровна, Руня Зернова // Звезда. 2005. № 11; Трухин А. Ганс Сакс. Незримая нагая служанка // Нева. 2007. № 1.

П. Вахтина

ЛЕГЕЗА́ Дмитрий Владимирович [25.9.1966, Л-д] — поэт.



Отец — военный врач; мать — науч. работник, химик. Закончил физико-математич. школу № 239, получил мед. образование в лен. 1-м Мед. ин-те им. акад. И. Павлова (1983–89). Работал анестезиологом в обл. больнице Пскова, затем в РНХИ им. А. Поленова в СПб. Канд. мед. наук, занимается науч. работой.

Член СП СПб. Является одним из основателей (2000) и ред. ЛИТО «Пиитер», собравшего в своих рядах талантливых поэтов и писателей. Координатор ежегодного (с 2004) лит. фестиваля «Петерб. мосты», конкурсов им. Н. Гумилева и Д. Хармса. Совм. с поэтом и художником Е. Антиповым ведет на Первом интернет-канале передачу «Пик интеллекта», куда приглашаются изв. гости для разговора о совр. состоянии культуры.

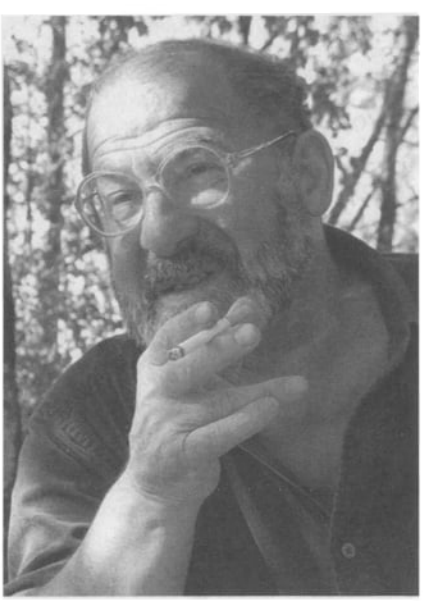
Иронич. стихи опубл. в 1991 в екатеринбургск. газ. «Красная бурда». Печ. в ж. «Знамя», «Интерпоэзия» (США), «Новый берег» (Дания), «Бельские просторы», «Петербург», сб. «Среда обетованная» (Израиль), «Платформа XXI в.», «Аничков мост» и др. Автор сб. стих. «**Башмачник**» (СПб., 2006), «**Кошка на подоконнике**» (СПб., 2010). Критик О. Земляная отмечала, что Л. отличается от мн. совр. русских поэтов «абсолютным отсутствием стремления быть модным и консервативной верностью исконно-интеллигентским темам русской литературы». Она же определила тв-во Л. как «барочную поэтику остроумия, или быстрого ума». Моск. поэт А. Коровин в рец. на кн. Л. «Башмачник» говорит: «Петербургский поэт Дмитрий Легеза пишет немного, но легко и непринуждённо. Его читать приятно, что можно сказать далеко не о каждом пишущем. У него нет одной, "ведущий", "сквозной" темы, как это принято у многопишущих. Его не обвинишь в словоблудии или отсутствии вкуса. Всего у него в меру — слов, вкуса, игры...» В. Максимов в эссе «Парадокс о поэте» пишет о традициях в творчестве Л., цитируя его стихотворения, размещенные в сб. «Лит. кубики»: «..."мы по будним дням вставали бы в семь утра / я включал телевизор, а ты готовила бутерброды / через сорок минут — "любимая, мне пора", / и мусолить годы, да на хрен такие годы / лучше так: по субботам ложились бы в семь утра..." Этот подбор вариантов, это полное игнорирование реальности (а реальность здесь — фантазия) делают единственно возможным сюжетом процесс написания стихотворения (то есть создание нового мифа). Этот принцип был главнейшим в ОБЭРИУ, а ранее у Малларме. Но обычно писательская кухня Легезы скрыта от читателя, и мы получаем только конечный продукт, иногда легкий и игровой (**"Сырные корабли"**), а в некоторых случаях — опровергающий общепринятый миф и создающий новый. Подобный шедевр — **"Alt Ullysses"**: "...и лук мой боевой не сгорбить хилому / усильем рук, / но я отличен от героя хитрого — / я сам умру. / так пусть же сын, в убийцы мне намеченный, / спит дома, пьян..." Размер передает ритм медленной волны и ее короткое разбивание о берег. Улисс этого стихотворения остался на берегу. Вот и весь сюжет...». А вот отзыв о тв-ве Л. Володарского в ст., посвящ. прошедшему в Киеве 5-му лит. фестивалю «Киевские Лавры» (2010, май): «...свое маленькое открытие на нынешних "Лаврах" я совершил. Имя ему — Дмитрий Легеза, ведущий поэт Петербурга, с кот. я, по иронии судьбы, был уже несколько лет знаком, но вот на его стихи особого внимания не обращал. Выступление Легезы в программе "Петербургских мостов" стало одним из самых ярких на фестивале. Питерский поэт очаровал аудиторию по-аптекарски точной дозировкой добродушной иронии со светлой печалью и безукоризненным мастерством...».

Соч.: Башмачник: Стих. СПб., 2006; Кошка на подоконнике: Стих. СПб., 2010.

Лит.: Земляная О. Остроумие, или Искусство быстрого ума, узника «Интеллигентского гетто» // Молодой Петербург. СПб., 2009; Коровин А. Книжная полка // Совр. поэзия. 2006. № 1; Максимов В. Парадокс о поэте // Лит. кубики. 2006. № 1; Володарский Ю. Говорящая поэзия // Еженедельник. 2010. 19 мая.

А. Ахматов

ЛЕ́ЙКИН Вячеслав Абрамович [8.6.1937, Л-д] — поэт.



Отец — уч. секретарь Пулковской обсерватории. В 1940 оставил семью.

Мать, С. М. Ледвич,— инженер-экономист Вагоностроительного з-да им. Егорова, затем Ижорского з-да. Семейные корни родителей ведут в мир еврейских местечек Белоруссии.

Детство Л. прошло в Царском Селе, куда его привезли из эвакуации в авг. 1945. Вся жизнь поэта, исключая многочисленные геологич. экспедиции, связана с ним.

Закончив школу, Л. поступил на математический фак-т ЛГПИ им. А. Герцена, где проучился три года. Пребывание Л. в этом учебном заведении закончилось скандальной историей. В кампанию обязательного для студентов приобретения облигаций гос. займа Л. завещал их на имя Н. Хрущева. Высшее образование Л. продолжил на веч. отд. Горного ин-та. С этим связаны и ежегодные таежные экспедиции, и знакомство с кругом т. н. поэтов-геологов. В это же время Л. втягивается в орбиту оживленной неофиц. лит. жизни Л-да, знакомится с яркими ее представителями — И. Бродским, Г. Горбовским и др. Однако неск. случайных публ. (первая из них состоялась в детском ж. «Искорка» в 1965) не смогли ни вписать его в сов. лит-ру, ни закрепить его имя в ряду литераторов, кот. впоследствии выпала слава с горьковатым привкусом эмиграции. Тема гипотетич. славы в ранних стихах Л. решается исключительно иронически: «Меж барами, шашлычными, пивными / Распределюсь до рокового дня. / А кто-то будет грезить отбивными / На набережной имени меня» (**«Стихи о голоде и славе»**, 1962).

В дальнейшем к иронии по этому поводу добавится ощутимая трагич. нота. Редкое умение писать в стихах остроумно сыграло с поэтич. репутацией Л. злую шутку: в лит. среде 1960-х его восприняли как балагура-каламбурщика. Талант Л. оказался невостребованным, истинную цену ему в 1970-е знали только его ближайшие друзья и многочисленные ученики. С 1970-х Л. возглавляет ЛИТО (при ЛИИЖТе, при газ. «Ленинские искры», при Центре совр. лит-ры и книги).

Именно в глухие 1970-е тв-во Л. приобретает черты крупного поэтич. явления. Высочайшая версификационная культура, тонкая ироничность, мощная энергия поэзии Л. вступила в особенно острое противоречие с узким информационным полем, в кот. эти стихи обретались. Стих. **«Всю ночь мне снилась лошадь...»**, **«Когда Мадонна родила младенца...»**, **«Где-то между Обью и Уралом...»**, **«Голубь»** — наст. шедевры, в высокой степени объединяющие лучшие качества поэзии Л. Очень характерна для этих лет **«Фуга зависти»**, заканчивающаяся беспощадными для лирич. персонажа строчками: «Это жалость и злость, это зависти власть, / Это раньше я верил: добуду, схвачу. / Почему они могут калечить и красть, / А вот я не могу. / А хочу ведь, хочу». Герой подвергается осуждению дважды: с точки зрения «успешных» — за отсутствие хватки, с точки зрения высокой «интеллигентской» морали — за подспудное желание быть как все.

1980-е обозначились в тв-ве Л. новыми поэтич. достижениями. Это стих. **«Наши дети печальны, беспечны, нетвердоголовы...»**, **«Блюз для двоих»**, **«Двое»**, **«Памяти друга»**, **«Судьба играет человеком...»**. Свобода поэтич. интонации, умение соединить в одном стих., иногда — в одной строке картинку жизни частной, в кот. третий, если он не читатель, неминуемо лишний, с картиной жизни поколения, страны в целом — свидетельства достигшего расцвета и полной зрелости таланта и мастерства поэта. Пример: «Итак, я увидел ее и узнал, пьяную среди пьяниц, / В замызганных брюках, в мужском пальто. Дрянь. Перекатная голь. / И только глаза продолжали плясать тот невозможный танец, / Который... А, впрочем, не тот. И вновь удар, униженье, боль».

Особое место в тв-ве Л. этого периода занимает свободный стих. Один из верлибров, **«Современная поэзия»**, содержит критику верлибра как модного поветрия, освобождающего поэта от необходимости владеть поэтич. техникой, и в то же время демонстрирует, как именно надо писать верлибры, чтобы оставаться в пределах поэзии: «Отказались от ритма / (Пьяные плясали под метроном / И напрочь отшибли стрелку). / Отказались от рифмы / (Чтобы не было, как у Пушкина). / Отказались от знаков препинания / (Препинанье при этом усугубилось). / Почти отказались от мысли / (Лишенная возможности / Быть пропетой и протанцованной, / Лишенная удовольствия быть опознанной /В превосходных созвучиях: / тоски-тиски, жизни-тризне, друга-туго, / Мысль сама отказалась от их торопливых услуг). / Осталась метафора — / Напыщенно распущенная, / Ошалевшая от вседозволенности, / Вывернутая наизнанку банальность».

В нач. 1980-х о поэтич. студии Л. при газ. «Ленинские искры» снимают фильм «Свои, совсем особые стихи». Л. к тому времени в кач-ве ведущего поэтич. рубрику в пионерской газ. становится в Л-де культовой фигурой. Родители пишущих стихи детей мечтают, чтобы их чада ходили в ЛИТО, возглавляемое Л. Позднее уникальный опыт занятий поэзией с детьми Л. обобщит и опубл. в кн. **«Каждый четверг в четыреста сорок восьмой»** (2000). Кн. представляет собой и блестящее метод. пособие, и сб. стих. юных поэтов, и своего рода ист. документ, т. к. мн. герои кн. (Н. Савушкина, В. Зельченко, П. Барскова) оставили заметный след в русской поэзии рубежа тысячелетий.

Вместе с перестройкой приходит и возможность приложения профессиональных лит. умений Л., хотя и в маргинальных по отношению к поэзии жанрах. Л. пишет сценарии к неск. кинофильмам, поставленным реж. Ю. Маминым (**«Очередь»**, **«Желаю вам»**, **«Бакенбарды»**, в соавт. — **«Окно в Париж»** и **«Не думай про белых обезьян»**). Два фильма по его сценариям поставл. на студии им. А. Довженко: О. Фиалко — **«Имитатор»** и В. Бажаем — **«В Америку по гостевой»**. Режиссеров привлекает, прежде всего, сатирич. и юмористич. сторона его таланта. М. Яснов пишет: «Л. — великий мастер иронической фразы. В быту он творец локального юмора, который не запишешь, не зафиксируешь,— это мгновенный отзыв на сиюминутную ситуацию, тут же пропадающий, когда она исчезает. В поэзии он создатель многослойного иронического поля, где даже разнузданная самоиздевка не выглядит грубой».

Что касается поэтич. публикаций, то они начинаются только в 1990-е. Вышло неск. поэтич. кн., Л. печ. в ж. «Нева», «Искорка», «Костёр», «Баламут», «Кукумбер», «22» (Иерусалим, 1989), «Петрополь», «Сетевая

Поэзия», «Царское Село», альм. «День поэзии», «Всемирный День поэзии» (Н.-Й., 2004), «Неразведенные мосты» (Н.-Й., 2007), «Контрапункт» (Бостон, 1999), «Царскосельский альм.».

М. Яснов: «Лейкин начинал реалистом советской эпохи, сегодня в том, что он пишет, больше всего от поэтики и эстетики барокко»; «Лейкин... поразительно вписывается в параметры... "низового" барокко... У него барочный тип мировоззрения... он тщательно культивирует в себе дисгармонию мира, духовные страдания, низменные страсти, иронический скепсис...»; «Барокко называют "трагическим гуманизмом". Про стихи Лейкина можно сказать то же самое». По мнению Л. Зубовой, «при всей декларируемой автором традиционности, стихи Лейкина не похожи ни на какие другие — разнообразием интонаций, неожиданными смысловыми поворотами, когда захватывающая и завораживающая игра словами создает весьма серьезное высказывание, одновременно гротескное и лиричное, точно обозначающее сущность явлений».

В посл. годы Л. обратился к поэзии для детей. Его детские стихи опубл. в кн. **«Я иду в школу»** (2009). Они необыкновенно остроумны, веселы, блестяще написаны. Присущая им поучительность никогда не превращается в назидательность: прежде всего поучительным является то, с какой свободой обращается Л. к юному читателю.

Тв-во Л. — значительное явление в русской (не только петербургской) поэзии. Не войдя в свое время в ряды шестидесятников, он и по стилю, и по духу оказался ближе к поэзии рубежа веков. Продолжив лучшие традиции Серебряного века, воспитав множество учеников, он, наряду с В. Сосноpой, А. Кушнером, Г. Горбовским, Н. Слепаковой, создал то, что мы можем называть совр. петербургской поэзией.

Член СП СПб. Отмечен Царскосельской премией (1996) и премией ж. «Нева» за лучшую поэтич. публ. (2004).

Соч.: Образы и подобия. СПб., 1992; Тяжелая вода. СПб., 1997, Стихотворения. СПб., 1995; Книга стихов. СПб., 1996; ...стишия. СПб., 2000; Каждый четверг в четыреста сорок восьмой: [Кн. про юных поэтов]. СПб., 2000; Герой эпизода: Стихи / Предисл. М. Яснова; послесл. Л. Зубовой. СПб., 2005; Сто и одна. СПб., 2007; [Стих.] // Двадцать три. ЛИТО Вяч. Лейкина. СПб., 2008; Я иду в школу. СПб., 2009.

Лит.: Яснов М. Семь фрагментов из ненаписанного о Вяч. Лейкине // Невский альбом. 1997. № 2; Зубова Л. Поэтика точного слова // Лейкин В. Герой эпизода. Стихи. СПб., 2005; Гаенко Т., Румянцева К. Вячеславу Абрамовичу Лейкину, нашему Учителю — 75! // Livejournal.com. 2012. 6 июн.; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

В. Пугач

ЛЁЛИНА Валентина Ивановна [10.3.1955, Л-д] — поэт, эссеист.

Отец — воен. инженер; мать — домохозяйка. Окончила архитектурный фак-т ЛИСИ (1975–81). Работала архитектором в ЛенЗНИИЭП (1981–89). С 1989 — в Комитете по гос. контролю, использованию и охране памятников истории и культуры СПб. (КГИОП). Тема историко-архитектурных иссл. — историч. з-ды и фабрики СПб.

Член СП СПб. и Союза архитекторов РФ.

По признанию Л., склонность к сочинению стихов проявилась еще в детстве, особенно в период жизни в Германии, где служил ее отец. Шесть лет, проведенные в маленьком немецком г. Людвигслусте (земля Мекленбург) наряду с приездами в родной город, определили круг интересов. При выборе профессии Л. колебалась между лит. и архитектурным тв-вом. Выбор в пользу архитектуры приглушил увлечение сочинительством в студенч. годы. Всерьез лит. тв-вом занялась по окончании ин-та. Пространственное мироощущение жизни привело к городской палитре в поэзии и прозе Л. СПб. стал определяющей темой ее тв-ва.

Перв. публикация стихов состоялась в 1984 в альм. «Молодой Л-д». Дальнейшие публ. в поэтич. сб. и альм. терялись в их общем объеме. И только перв. кн. стихов Л. (**«Ленинградские острова»**. 1990) выявила голос и авторскую интонацию Л. В 1990-е на лен. радио Л. предложили пис. лит. радиопередачи о СПб. Так появился авторский цикл передач **«Петербургские новеллы»** (всего 40 композ.). Тексты этих петерб. эссе, неоднократно публиковавшихся в ж. «Нева», вошли в кн. прозы **«Мой Петербург»**, выдержавшую 3 изд. В этой кн. проявился взгляд автора на петерб. феномен. Так, по ее впечатлениям, городские звуки, вечные и преходящие, входят в городскую повседневность, особым образом движется время в СПб. Эссе Л. переводились на немецкий и венгерский яз.

Главной в тв-ве Л. остается поэзия. Авторский стих. яз. укладывается в классич. традицию петербургской-ленинградской школы. Неким итогом лит. тв-ва Л. стала кн. избранного **«Записки на петербургской лестнице»** (2005).

В 2010 задумала кн. о промышленном СПб.

Соч.: Ленинградские острова: Стих. Л., 1990; Над судьбой: Стих. СПб., 1993; Овал: Стих. СПб., 1997; В пространстве Петербурга: Эссе СПб., 1997; В трех зеркалах: Стих. СПб., 2000; Париж–Петербург: Эссе. СПб., 2000; Мой Петербург: Эссе. СПб., 1998 и др. изд.; Записки на петерб. лестнице: Стихи, проза. СПб., 2005.

Лит.: Гранцева Н. Согласно естеству... // Нева. 2006. № 11.

О. Свиржевская

ЛЁМАН Анатолий Иванович [1(13).6.1859, М. — 11(24).9.1913, СПб., похоронен на Литераторских мостках Волкова кладб.] — писатель, журналист, скрипичный мастер, теоретик игры в бильярд.

Родился в небогатой дворянской семье. Отец, Иван Петрович, изв. в своих кругах невропатолог и физиотерапевт, музыкант, издатель, разносторонне образованный человек, владел четырьмя иностранными яз. Мать, Полина Павловна, увлекалась музыкой, свободно говорила на неск. яз. Родители сумели передать свои интересы и увлечения детям.

В 1872 поступил в 1-ю Моск. гимназию, преобразованную позже в 1-й Кадетский корпус. В этом закрытом учебном заведении, по словам самого Л., молодой человек «лишен свободы, инициативы, оторван от жизни». Воспоминания об этом периоде жизни легли в основу его «Очерков кадетской жизни» (перв. назв. **«Кадетские годы Вавилова»**). В 1879 окончил курс в числе лучших, поступил в 1-е Павловское, а затем перешел в Николаевское инженерное уч-ще в СПб., кот. окончил в 1882 и был выпущен воен. инженером-сапером.

Служил в Ивангороде, затем на границе с Польшей, в Новогеоргиевской крепости, о кот. писал: «Я тут задыхался; крепость даже хуже корпуса. Представьте в сто верст болотистую равнину, среди неё громадная река Висла, а у реки кирпичный мешок, в кот. неизвестно за что заточен я. Нет, бежать, бежать отсюда». Впечатления об этом периоде отразились в романе **«В казематах»**, повести **«Пограничная крепость»**. Во время службы увлекся бильярдной игрой, составлял бильярдные задачи и разрабатывал систему упражнений.

В 1884 оставил воен. службу и перебрался в М., где вскоре стал сотрудником ж. «Развлечение». В кон. 1884 в «Типографии об-ва распространения полезных книг» вышла перв. часть («Часть элементарная») его кн. **«Теория бильярдной игры. Руководство для новичков и артистов»**. Л. познакомился с Л. Лакшеевой, переводчицей; позднее она стала заниматься лит. деятельностью, публ. под псевд. «Марк Басанин». В М. обучался у изв. скрипичного мастера Э. Сальзара мастерству изготовления смычковых инструментов.

В 1885 переехал в СПб., сблизился с лит. и артистич. кругами, вскоре стал заведовать лит. отделом ж. «Всемирная иллюстрация». Часто бывал на лит. «вторниках» И. Ясинского, на знаменитых «четвергах» И. Репина, на кот. в то время собирался весь цвет спб. интеллигенции. В кон. 1880-х Репин написал портрет Л. в серии портретов современников. Сотрудничал с ж. «Нива», «Родина», «Наблюдатель», «Историч. вестник». В это время Л. увлекся «скрипкой, воздухоплаванием и оккультизмом», пробовал себя в разных лит. жанрах и направлениях: из-под его пера вышли в 1886 **«Дворянская повесть»**, **«Святочный рассказ»**, **«Итальянская легенда»**, комедия **«Рыцарь пера»**, в 1888 — **«Очерки кадетской жизни»** и сб. рассказов (**«Орел»**, **«Иван Кисетов»**, **«Каменщик и колокольчик»**), Л. пишет воспоминания о Надсоне и ст. о Гаршине (1886), бывает у Толстого, кот. записал о его посещении в марте 1888: «Это не что иное, как смешные décadents».

Разносторонне одарённый, обладавший острым аналитич. умом, Л. интересовался широким кругом проблем в самых разнообразных обл. знаний: в теч. посл. десятилетия XIX в. и перв. годы XX в. им напис. **«Книга о скрипке»** (1893), **«Письма о скрипке и виолончели»** (1900), **«Акустика скрипки»** (1903), **«Теория велосипедных гонок»**, **«Основы полета птиц»**, **«Домашний кефир. Практическое руководство к тому, как приготовлять и употреблять кефир»** (1891). В этот же период опубл. повесть **«Молодые дворяне»** (1892), сб. повестей и рассказов 1894 (**«Смелое сердце»**, **«Огненный курган»**, **«Странная история»**, **«Замурованный рыцарь»**), в 1898 — повести **«Полая вода»**, **«Душевная история»** и др. Всерьез увлекся зубоврачебным делом, сдал экзамен в Мед. академии, разработал оригинальную конструкцию зубного протеза и с успехом лечил больных.

С 1903 начал изготавливать скрипки и др. смычковые инструменты, кот. до сих пор ценятся чрезвычайно высоко. В 1906 вышло втор. — доп. — изд. **«Теории бильярдной игры»**. Этот труд стал не только наиболее полным теоретич. и практич. курсом бильярда, но затронул этику, психологию игры: «бильярд развивает характер, что очевидно опытному наблюдателю. Старый и превосходный бильярдный игрок — философ, стоик и знаток сердца человеческого»,— писал Л.

В посл. годы жизни выпустил неск. кн. о скрипках, скрипичных мастерах и музыкантах: **«Русская скрипка»** (1909), **«Царица инструментов. Мысли о скрипке, музыке, людях, деньгах, отзывы, письма и прейскуранты»** (1910), **«Скрипачи и скрипки (Виолончелисты и виолончели)»** (1912) и др. В этих произведениях проявил себя не только знатоком «скрипичной фабрикации», но и блестящим беллетристом: его труды о скрипке, заложившие основы совр. построения смычковых инструментов в России, эмоциональны, полны полемич. задора и интереса к личности мастера и музыканта.

Секретарь и биограф Л. Толстого, Н. Гусев, определяет Л. как автора «нескольких повестей и рассказов, не имеющих художественных достоинств», а совр. литературовед С. Сапожков отзывается о нем как об «авторе нашумевшей “Дворянской повести“».

После 1917 соч. Л. не переизд., за исключением «Теории бильярдной игры» (первое послерев. Изд. — в 1998: М.: Терра. Спорт, 1998, с послесл. А. Лошакова).

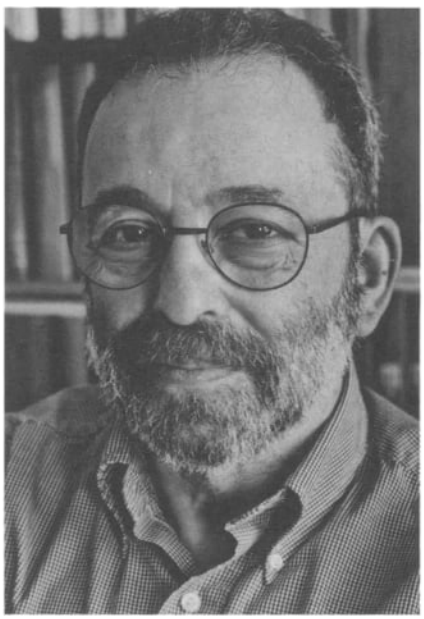
Соч.: Теория бильярдной игры. М., 1884 (СПб.,1906: М., 1998; 2000; 2007); Дворянская повесть. Святочный рассказ. Итальянская легенда. Рыцарь пера. СПб.,1886; Сб. рассказов. СПб., 1886; Очерки кадетской жизни. СПб., 1888; Домашний кефир. СПб., 1891; Книга о скрипке. СПб.,1893 (М., 1903; СПб., 1908; 1910; 1914); Молодые дворяне. СПб.,1892; Повести и рассказы. СПб., 1894; Военная гроза. Пограничная кре-

пость. СПб., 1896; Полая вода. Душевная история. СПб., 1898; Письма о скрипке и виолончели. СПб., 1900; Акустика скрипки. М.-Лейпциг, 1903; О скрипке (виолончели). № 3. СПб., 1908; Русская скрипка. СПб., 1909; Царица инструментов. Мысли о скрипке, музыке, людях, деньгах, отзывы, письма и прейскуранты. СПб., 1910; Скрипачи и скрипки. (Виолончелисты и виолончели). СПб., 1910; Новое о русской скрипке. СПб., 1911; Думы о скрипке. Седьмой сб. писем и отзывов. СПб., 1912; Седьмая симфония. СПб., 1912.

Лит.: Гусев Н. Летопись жизни и тв-ва Льва Николаевича Толстого. 1828–90. М., 1958; Муз. энциклопедия. М., 1973–82; Сапожков С. К. М. Фофанов и репинский кружок писателей. Ст. первая // НЛО. 2001. № 48; Балин И. В мире бильярда. М., 2004.

Е. Чаплыгина

ЛЁМХИН Михаил Абрамович [11.2. 1949, Л-д] — журналист, фотограф, критик, прозаик.



Отец — инженер, мать — косметолог.

Л. получил в подарок свой перв. фотоаппарат в семь лет. Перв. фотографии опубл. в 1961. Перв. публикация в ж. «Сов. фото» (единственном в то вр. всесоюзном фотографич. ж.) состоялась в 1964. Год спустя «Сов. фото» напеч. статью о Л. под назв. «Всегда с фотоаппаратом». Первые журналистские мат-лы Л. были опубл. в сер. 1960-х в лен. газ. «Ленинские искры».

Окончил фак-т журналистики ЛГУ. Служил в армии, работал в Бюро пропаганды сов. киноискусства, в Графич. комбинате Союза художников СССР.

В 1983 с семьей эмигрировал в США, живёт в Сан-Франциско.

Как фотограф Л. оформил множество изд.

Л. создана галерея портретов писателей, поэтов, учёных и актёров, режиссёров и полит. деятелей мн. стран: А. Сахарова, В. Гавела, И. Бродского, Ж. Дерриды, М. Горбачева, А. Тарковского, Ч. Милоша, В. Аксёнова, В. Каверина, Б. Ахмадулиной, О. Иоселиани, С. Довлатова, А. Сокурова, Д. Гиллеспи, Ш. Пенна, А. Гинзберга, М. Антониони и др.

С. Лурье: «Люди на портретах Лемхина редко улыбаются и, кажется, никогда не смеются. Они серьёзны. И там, где вы можете проследить направление их взгляда, и там, где вы не видите их глаз, вы понимаете, что на самом деле они смотрят в себя. И если какой-то из этих портретов задел вас,— задумавшись, вы осознаете, что этот взгляд в себя даёт вам, зрителю, возможность заглянуть в чужую душу. А значит, она перестаёт для вас быть такой уж чужой».

Фотографии Л. хранятся в частных и гос. коллекциях США, России, Испании, Португалии, Италии, Франции. Л. показал собств. работы на более чем тридцати персональных галерейных и музейных выставках (в т. ч. в ГРМ). О тв-ве Л. написано более сотни статей, в т. ч. в России, США, Греции, Австрии, Голландии, Швейцарии, Швеции, Франции.

Л.: «Если говорить серьёзно, то искусство, называющее себя "авангардистским", как правило, либо очень быстро превращается в нормальное искусство без всяких прилагательных, либо забывается уже на следующий день. Искусство живёт традицией, культурным опытом, а культура — это накопление. Это знания, намытые человечеством по крупицам,— знания о жизни и о себе, кот. равно принадлежат и всему человечеству, и каждому из нас. Сознательно или интуитивно художник пытается слиться с тем, что заведомо невозможно охватить, ибо таким образом он становится одновременно и инструментом, и частью этого знания, этой души человечества».

Опубл. сотни статей, неск. десятков рассказов и повесть в американских, европейских и российских газ. и ж-лах: от моск. «Нового мира» и петерб. «Невы» до парижского «Континента» и франкфуртских «Граней». Рец., кот. пишет Л.,— скорее не рецензии, а новеллы. Он увлекательно рассказывает сюжеты фильмов. Биографии авторов. Истории разных людей. И это проза высокого качества, т. к. в работах Л. все время слышится работа ума.

Выпустил две фотографические авторские кн. «**Missing Frames**» (1995, «**Пропущенные кадры**», предисл. О. Андреевой-Карлайн) и «**Joseph Brodsky, Leningrad: Fragments**» (1998, «**Иосиф Бродский, Ленинград: Фрагменты**», предисл. Ч. Милоша, послесл. С. Зонтаг).

Дж. Леви (Los Angeles Times): «Лемхин сопоставляет портреты Бродского с интимным и отрешенным взглядом на город. Его фотографии — "вечно манящие приглашения" к путешествию не только в мир "умозаключений, интерпретаций и фантазии", но и в высокий мир поэзии Бродского и его предшественников».

Р. Найно (Booklist): «Михаил Лемхин сослужил поэту хорошую службу, включив в книгу фотографии Ленинграда, изобразительный язык кот. требует того же напряженного внимания и взаимодействия, что и поэзия Бродского. Среди всего этого появляется Бродский — кажется, постоянно с сигаретой в руке; смеющиеся глаза, глаза поэта. А что такое глаза поэта? Что видит поэт? Прекрасная книга Лемхина, может быть, не даёт ответа на этот вопрос, но она подходит к нему очень близко. Эта книга <...> заслуживает того, чтобы вы разглядывали её часами».

Город на Неве предстает в кн. Л. не просто фоном разворачивающегося действа — истории движений души великого поэта, но и метафизическим выражением связи прекрасного и одновременно уродливого мира юности и тв-ва, кот. пост. апеллирует к не отпускающим всю жизнь впечатлениям. Л. Лосев писал о работе Л.: «Это Бродский, и увиденный поразному: то слегка затуманенным

взором захваченного его чтением человека из зала, то психологом, внимательно подмечающим оттенки настроения поэта, то художником, пытающимся разгадать тайну таланта. <...> Книга Лемхина лирична, медитативна, то есть средствами другого искусства она воспроизводит любимый жанр Бродского — элегию. <...> Всматриваясь в завораживающие ленинградские фотографии Лемхина, стараешься угадать Бродского то среди толпы, то в смазанной фигуре на другой стороне улицы, то, может быть, в школьнике, выбежавшем на улицу во время большой перемены».

Кн. Л. — не фотоальбом из 186 кадров, это мозаичный портрет поэта, удивительный сплав фотографии, поэзии, истории («...186-страничное стихотворение...» — А. Найман). Термин «фотопоэма», использованный А. Сумеркиным в газ. «Русская мысль», наиболее точно отражает суть произведения. Л. и сам называет эту кн. визуальной поэмой. По словам Сумеркина, «...эстетика Лемхина—художника на редкость адекватна сдержанной, ироничной, трагической и мужественной дикции Бродского».

Е. Васильев: «Конечно, можно сказать, что перед нами Ленинград Бродского — его темы, его улицы, окраины, его персонажи и лики. Книгу Лемхина можно рассматривать под этим углом. Но, мне кажется, "Фрагменты" приобретут ещё одно измерение, если мы услышим авторскую интонацию, авторский голос, рассказывающий о своём Ленинграде, о городе почти мифическом, многие черты которого персонифицированы в поэте, вобравшем в себя всё то, что для нас, современников, и олицетворяло Ленинград. Из мозаики воспоминаний автор выкладывает портрет этого человека, поэта, ленинградца, ленинградцем оставшегося и в Нью-Йорке, и в Венеции». Л. Шульпяков: «С помощью фотографа-художника Бродский, говоря высокопарно, в Ленинград всё-таки вернулся».

«Poetry Flash»: «Книга Лемхина — это визуальная поэма; повествование подчинено не логике или хронологии, а сцеплению ассоциаций, и оно разворачивается в соответствии с внутренним видением. Это не столько перечень событий, моментов биографии, сколько биография памяти — биография отсутствия — великий город в поэзии и повседневной жизни Бродского и Лемхина».

Новый проект (закончен, но не опубл.), **«Снаружи и изнутри. Санкт-Петербург / Сан-Франциско»**, состоящий из одиннадцати глав, Л. назвал «сборником стихотворений». «Так получилось, что когда я произношу слова: мой город, я думаю разом об этих двух городах,— рассказывает Л. — Они кажутся очень разными, и они, разумеется, очень разные. Но и одинаковые. И там, и тут живут люди, проблемы которых на экзистенциальном уровне ровно такие же: они влюблены, они одиноки, они страдают, они стареют, они умирают. Я хочу говорить в моей книге о сходстве, а не о различии». Предисл. к проекту написал председатель Междунар. комиссии конгресса США Т. Лантос.

Следущ. проекты Л.: **«Лица кино»** — кн. портретов режиссёров, актёров, сценаристов, кинокритиков и историков кино разных стран и кн. о Б. Окуджаве — **«Короткая песенка о Булате Окуджаве»**.

В 2012 в СПб вышла книга статей и инт. Л. **«Вернуться никуда нельзя. Разговоры о кино, фотографии, о живописи и театре»** (предисл. Н. Клеймана). За кн. «Вернуться никуда нельзя» присуждён диплом Гильдии кинокритиков и киноведов России (2013).

Член Междунар. ассоциации худож. критиков, Гильдии кинокритиков и киноведов РФ и российского Киносоюза.

Соч.: Несколько слов о повести, написанной 20 лет назад // Континент. Париж. 1985. № 44; В синем небе звёзды блещут // Континент. Париж. 1985. № 46; Желябов, Нечаев, Карлос и другие // Континент. Париж. 1986. № 49; Три повести братьев Стругацких // Грани. Франфурт. 1986. № 139; «Всё будет хорошо у нас с тобой...» // Грани. Франкфурт. 1986. № 140; Инопланетянин Лимонов // Континент. Париж. 1987. № 52; На доклад командиру 593 военно-строительного отряда // Континент. Париж. 1987. № 53; О безобидных пришельцах и кровожадных дикарях // Континент. Париж. 1989. № 59; Замок // Стрелец. Париж. 1989. № 63; Доктор Цыпкин и доктор Гинденбург // Новый мир. 2004. № 7; Прощание при встрече // Звезда. 2011. № 9.

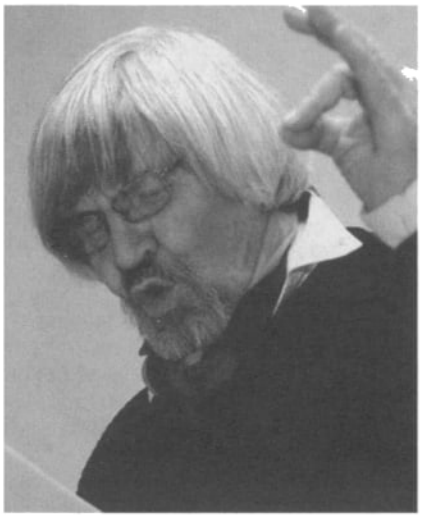
Лит.: Катерли Н. Увидеть и сказать правду // Новое русское слово. Н.-Й., 1991. 20 авг.; Туровская М. Улыбнитесь, если желаете // Новое русское слово. Н.-Й., 1995. 8 дек.; Лосев Л. Бродский в Ленинграде // Новое русское слово. Н.-Й., 1998. 23–24 мая; Lippincott R. A Poet's Enviroment? // The New York Times Book Review. 1998. May 17; Сумеркин А. Поэт и его город: Фотопоэма Мих. Лемхина // Русская мысль. Париж, 1998. 23–29 июл.; Найман А. Если звучит без меня в городе имя моё: Фотостихотворение Мих. Лемхина об Иосифе Бродском // Время МН. 1998. 31 авг.; Kees Verheul. Een Beetje Weg Uit Leningrad // NRC/Handelsblad. Amsterdam, 1998. Aug. 21 (рус. пер. в его кн. «Танец вокруг мира». СПб., 2002); Уфлянд В. Со стороны Сан-Франциско виднее // Звезда. 1998. № 10; Лурье С. Иосиф Бродский, Ленинград: Фрагменты // Нева. 1998. № 12; Вольтская Т. Человек — это то, что он любит // Невское вр. 1999. 28 янв.; Хейфец М. Мой Бродский и наше поколение // RI. Тель-Авив, 2000. 16–20 мая; Самойлов А. Улыбка Иосифа // Дело. 2000. 22 мая; Вольтская Т. В объятиях книги // Невское вр. 2000. 23 мая; Martens M. Brodsky Daheim // Neue Zurcher Zeitung. Zurich, Switzerland, 2000. July 6; Лурье С. Взгляд на вещи // Новое русское слово. Н.-Й., 2000. 4 окт.; Martens M. Brodsky Retour // Wiener Zeitung. Vienna, Austria. 2000. Oct. 13; Михаил Лемхин // Terra Nova. 2007. № 21. Март; Лурье С. Бегущей строкой // Звезда. 2012. № 8.

С. Лурье

ЛЁН Слава (наст. фамилия Богатищев-Епишин Владислав Константинович, Лён — фамилия матери) [13.12.1937, г. Владимир] — поэт, прозаик, теоретик искусства.

Окончил МГУ им. М. Ломоносова. В 1966 защитил канд. дис. по геологии, в 1972 — докт. дис. (по экологии). Действительный член (член-корр.) восьми европейских и американских АН и искусств.

В 1955 написал Манифест квалитизма и основал Школу поэтов-квалитистов в МГУ. В школу в разное время входили Вен. Ерофеев, О. Елохов, В. Казаков, Г. Недгар, А. Хвостенко и др. Квалитисты тесно сотрудничали с лианозовской школой в М. и со школами Сосноры, ВЕРПЫ, Хеленуктов, фонетистов Кузьминского, поэтов Малой Садовой в Л-де. Л. — своего рода пожизненный связной между московским и питерским андеграундом. В 1958 организовал



Школу вербарта и артбука. В 1965 создал в своей кв. (Болотниковская, 40) лит.-выставочную «Башню-на-болоте», куда в 1965 вошли поэты СМОГа. По воспоминаниям Г. Сапгира, на квартире Л. «обычно собирались смогисты и прочие,— чтобы пить, что-то праздновать и читать свои стихи». С 1969 по 1985 совм. с Л. Губановым изд. ж. «Квалитизм».

Вместе с Э. Лимоновым в 1967 организовал группу поэтов-концептуалистов «Конкрет», куда помимо него входили И. Холин, Г. Сапгир, Сева Некрасов, Бахчанян, Э. Лимонов (антол. «Свобода есть свобода». Швейцария, 1973). С 1967 участвовал в работе над антологией русского стиха «бронзового века» «У Голубой лагуны» совм. с К. Кузьминским. С 1978 изд. с австрийскими проф. Роземари Циглер и Георгом Майером в Ун-те Зальцбурга (Австрия) альм. «Neue Russische Literatur/Новая русская литература» (билингва), в кот. впервые сформулировал концепцию Бронзового века русской культуры. Монографию **«Второй русский авангард»** Л. защитил в кач-ве дис. по искусствоведению. Концепция представляет собой попытку систематизации русской поэзии послесталинской эпохи (с момента смерти Сталина до посадки самолёта М. Руста на Красной площади). Десятки поэтич. групп и объединений этого времени разделил на группы («стимы»): 1) классическая стиховая система (Бродский и др.), 2) верлибр (Айги и др.), 3) квалитизм (Хвостенко, Соснора, Л. и др.), 4) концепт (Сапгир, Холин и др.) и 5) невербальный стих (вербарт и артбук). Позже к ним добавились 6) русский свободный стих и 7) ре-цептуальный стих.

В 1985 создал меташколу ре-цептуализма и опубл. её манифест. Ре-цептуализм должен прийти на смену ушедшему в прошлое постмодернизму, восстановить «аксиологическое ядро» искусства. Первый ре-цептуальный роман Л. **«Иноходец Миша Барышников»** (1974) получил в 1985 премию им. В. Даля. С 1993 вице-президент международной «Академии русского стиха» (её возглавляли И. Бродский, В. Уфлянд).

С 1950-х развивает жанр и стилистику вербарта и артбука, выступает с коллажами, инсталляциями и перфомансами в США, Европе и России. Автор ок. 20 книг стихов, неск. пьес и ре-цептуальных романов.

Особенностью поэтич. тв-ва Л. является обращенность к совр. полит. и лит. ситуации, отдельно от кот. его стихи не могут существовать. Поэтич. речь квалитистами использовалась в большой мере как средство полит. борьбы с тоталитарным режимом, что диктовало её поэтику. Произведения Л. обращены не к внутреннему миру лирич. субъекта, а к современности, кот. и воссоздается в его текстах. В его лирике, согласно осн. принципам квалитизма, наиболее распространенным оказывается сочетание «правильной стиховой формы» (напр., 4-стопного ямба) и трансформированного, преобразованного яз. В лирике Л. используются все характерные приемы поэтич. речи: языковая игра, графика, трансформация частей речи (напр., глаголы переходят в существительные и т. д.), столкновение противоположных по значению слов и форм, разрушение и обыгрывание речевых штампов и клише, прецедентных высказываний. Автор прибегает к приему стилизации совр. разговорной (также просторечной и диалектной) речи, воссоздавая совр. языковое состояние. Названные средства помогают претворить провозглашенные в «Манифесте квалитизма» принципы: «Следует прорваться к праязыку ветхого Адама. Какой первым — со вдохновением и смыслом — дарил вещам — имена. Через слова — к сущностям. От сущностей — к Богу!». Однако трансформированный язык служит не только цели высвобождения заложенных в языке смысловых потенций, но в большой степени реальной полит. борьбе, выражению вполне опр. взглядов автора, его идеологич. позиции. Действительность истолковывается с позиций тех идеалов и ценностей, кот., по мысли автора, сохранились лишь в языке. Этим объясняется применение архаизмов — слов, вышедших из употребления, включая назв. реалий крестьянского быта. Особое место занимает использование слов в забытом значении, т. е. актуализируется не просто многозначность слова, но его этимология, что позволяет автору создать смысловую глубину текста и в то же время придать ему опр. тональность (в данном случае трагическую). Так, ключевым образом стих. **«Оклемается дом беспечный»** (1967) становится образ крестьянского дома без печи и без окон (т. к. печь является символом жизни, знаком «своего» пространства, некоей точкой отсчета крестьянского мира, то можно сказать, что в основе стих. лежит метафора «дом (страна) — тюрьма»). Осмысление совр. на тот момент ситуации (1967) осуществляется на фоне всей русской культуры и истории посредством актуализации этимологии текстообразующего словообразовательного ряда: беспечный, печь, опекать, допекать, упечь. Порядок следования данных форм в тексте отображает историю языка, а через него историю страны, где слова теряют свой изначальный смысл (слово «печь» связано с глаголом «печься» и изначально несет смысл «заботиться о ком-л.»). Сориентировать читательское внимание в нужном направлении, выделить наиболее значимые смыслы автору помогают разнообразные графич. средства, способствующие повышению убедительности речи. Так, последние строчки стих. часто записываются прописными буквами.

Развитие текста осуществляется при помощи столкновения близких по звучанию форм, что способствует актуализации в сознании читателя нужных автору ассоциаций и помогает создать сложный образ, часто основанный на концептуальной метафоре. Напр., в стих. **«Дважды прощальное посланье к Иосифу Бродскому»** столкновение в одном контек-

сте сочетаний «по Волге», «тьма волков», «волки», «по-вологодски», «зверьё» формирует метафорич. образ России как дикого леса. Этот смысл в последующих строчках (благодаря фонетическому созвучию) оказывается связан с рядом «зверьё» — «безверье» — «безрыбье» — «Луна в разрыве с календарём любви» (на перв. план благодаря образу «рыбы» как символу Христа выходит мотив утраты веры и любви, языковая ассоциация с пословицей «на безрыбье и рак рыба» создает представление о запустении, некоем пустом пространстве).

Широкое привлечение фразеологии выполняет ту же роль, что и использование архаизмов. Фразеология в концентрированном виде воплощает мировосприятие и мировидение русского народа, «связана с материальной, социальной или духовной культурой» народа. Кроме того, архаизмы (в т. ч. в большом кол-ве ушедшие в небытие реалии крестьянского быта), устаревшие словообразовательные модели как основа для словотворчества, а также все виды языковых трансформаций могут рассматриваться как способы создания особого эзопова яз., позволявшего автору вести борьбу за свободу слова в эпоху цензуры. Использование данных средств в совр. ситуации (напр., в 1996, когда создаётся стих. «Дважды прощальное посланье к Иосифу Бродскому») выглядит данью истории, памятником тому времени, когда автор боролся с тоталитарным режимом и преследовался КГБ. Однако и в позднем тв-ве эти приемы помогают говорить о наиболее злободневных проблемах — напр., о коррупции: «...цыганское монисто / как орден, / дребезжало на пальто. / Манто — / манты — / а дательный: менту».

Негативная оценка совр. состояния страны нередко реализуется у Л. при помощи оценочной лексики (напр., уже упоминавшееся «безрыбье»), актуализации этимологич. значения слова («блудили — блудили, и — заблудились»), средств графики («писать в *это* время об Арлекинах»), суффиксов субъективной оценки («людишки»), слов с измененым написанием, стилизующих диалектную или сниженную речь («Добро, / какое с кулаком милицьёнера, как / твердит соцреализЕм» в **«Баснословном послании к Генриху Сапгиру»**). Воздействующего эффекта помогает достичь также трансформация прецедентных для русской культуры высказываний («Чем дальше влез — тем меньше слова»). Прецедентность у Л. выступает как способ обращения к нац. ментальности.

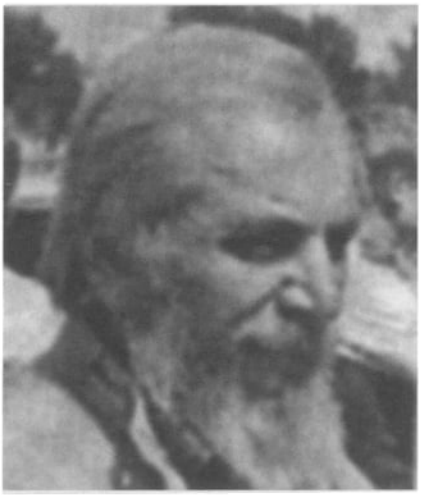
В качестве осн. особенности творч. манеры Л. следует признать публицистичность текстов, когда применяемые им средства и приемы поэтич. речи служат одновременно целям художественным и целям политич. борьбы, выступают как приемы убеждения. В стихах (прямо или в метафорич. форме) изображается совр. действительность, кот. автор оценивает с позиций разделяемых им взглядов и убеждений.

Соч.: Стихи // Грани. 1975. № 95; Эхо. 1979. № 4; Neue Russische Literatur. 1978. № 1; Из «Книги посланий» // Neue Russische Literatur. 1979–80. № 2–3 (Континент. 1985. № 45); Древо русской поэзии // Транспонанс. 1984. № 5 (24), сент/окт 1984; Древо русского стиха (концепция бронзового века) // Митин ж. 1985. № 4 (Человек и природа. 1991. № 1); Пролетарские басни // Митин ж. 1985. № 5; Басня про то, как украсть миллион // Митин ж. 1986. № 7; Из «Большой Библейской Поэмы» // Митин ж. 1987. № 13; Ода на вступление великого русского человека Андрея Дмитриевича Сахарова в Москву // Митин ж. 1987. № 17 (Континент. 1988. № 55); Иноходец Миша Барышников // Митин ж. 1988. № 22–23; Экология музея (принципы метаэстетики) // Человек и природа. 1990. № 7; Экология стилей и худож. школ // Там же. № 8; Трилогия Ленинианы // Митин ж. 1990. № 34; Игра в жмурики / Ютизмы и концепты. М., 1990; Луна что твой генсек в параличе // Континент. 1991. № 69; Книга посланий. Н.-Й., 1995; Могила Бродского. М., 2001; Русский поставангард (от серебряного к бронзовому веку русской культуры) // Декоративное искусство. 2001. № 2; Веничка как нац. герой // Наша улица. 2006. № 76 (3); Любимов после Любимова // Наша улица. 2006. № 77 (3); Стихи пятидесятых годов // Дети Ра. 2008. № 5/43 (2010. № 12/74); Актуальная поэзия на Пушкинской–10: Антол. / Сост. Т. Буковская, В. Мишин, В. Земских. К., 2009; Столбы за болотцем с колючей проволокой. М., 2009; В нетях. Книга ре-цептуальных стихов. М., 2010; и мн. др.

Лит.: Люсый А. Слава Лён. Могила Бродского [Рец.] // Знамя. 2002. № 4 (Дети Ра. 2010. № 12/74).

А. Вытушняк

ЛЕО́НОВ Алексей Данилович (псевд. Андрей Зушин) [29.3.1929, д. Каменка Корсаковского (ныне Мценского) р-на Орловской обл. — 22.3.2005, г. Кингисепп; похоронен на церковном погосте в с. Ополье Лен. обл.] — прозаик.



Отец и мать — из многодетных крестьянских семей; «не были обучены грамоте, зато были пристрастны к разнообразной крестьянской работе. Отец был еще и хороший каменщик, и пчеловод. Мать считалась одной из первых деревенских певиц, была хорошей огородницей и рукодельницей» (**Автобиография**. ОНЛ ИРЛИ).

Читать и писать Л. научился еще до школы, от ст. брата Михаила. От него же перенял любовь к лит-ре и географии. Школьное образование было прервано войной, на кот. погибли отец и брат. После войны Л. работал в колхозе; с осени 1944 по 1946, по вербовке, учился в ремесленном училище в М. на подручного сталевара, но из-за нелюбви к этой профессии ушел с з-да, за что отбывал наказание в сельхозколонии. Затем вернулся в родные места, работал в колхозе бригадиром. Воспоминания об этом вр. легли в основу кн. Л. **«Чей совет дороже?»** (1985) и **«Незабытые песни»** (1992).

В 1949–52 служил в армии, опубл. в армейских газ. перв. стихи, заметки. После службы надеялся остаться

в деревне, но вскоре, по причине неустроенности колхозной жизни, уехал в Л-д, куда звали его армейские друзья. Стал работать на стройках, одновременно учился в школе рабочей молодежи, кот. закончил в 1966. Посещал изв. в те годы ЛИТО при ДК им. Горького, изд-ве «Сов. писатель», ж. «Нева» и «Звезда».

Путь, предшествовавший перв. публ. и признанию Л., был непрост. «Леоновскую» деревню находили не советской, канувшей в далекое прошлое. С 1960 произведения Л. начинают изредка появляться в лен. и моск. ж. В 1968 изд. перв. кн. Л. **«Яблоки падают»**, по кот. в 1969 он принят в СП СССР (позже СП России). В 1969–71 учился на Высших лит. курсах при СП СССР.

Л. вошел в лит-ру в 1960-е, на пороге расцвета «деревенской прозы», в одно вр. с В. Лебедевым, В. Беловым, Б. Можаевым, В. Солоухиным, Ф. Абрамовым, В. Распутиным, В. Перепелкой, Н. Рубцовым, мн. из кот. стали близкими друзьями писателя. Драматизм перехода совр. человека из сельского сословия в городское стал стержневой темой тв-ва Л.

Новое имя приветствовала лит. критика. Проза Л. интересна «не столько социальной заостренностью, сколько вниманием, прежде всего к личности человека, к интимным чувствам, к быту семейному» (А. Нинов). «При большой поэтичности есть и точность художника, и точность крестьянина» (В. Кетлинская). «Это абсолютно самобытный писатель» (Ю. Слепухин). «В бесхитростных сюжетах А. Леонова хорошо проглядываются житейские причины ухода современного человека из деревни в город и невозможности вернуться обратно, несмотря на душевную незаживающую рану» (Е. Старикова).

«А здесь что же будет?» — вопрошают герои Л. о судьбе своей малой родины и отвечают: «Перемутился белый свет: нашинских туда в депутатки, ихних к нам, по кустам ягоду собирать» (рассказ **«Ухан и Кряжик»**). Пропасть между «нашинским» и «ихним» в сознании героев Л. непреодолима. Эта трагич. нота пронизывает всю его «взрослую» прозу: трилогию — **«И остались жить»**, **«По ветру пепел»**, **«Долгие метели»**; повесть **«Наводнение»**, рассказ **«Белый ворон»** и др.

В прозе Л. описание природы созвучно душевному состоянию героя: «Тонули в желтизне леса. Радовали красные переспелые рябины. Дроздами оглашались опушки. Пугливо кричали сороки. Падали с вершин деревьев листья, и перебегали тропинку мыши. В полях на полыни белели паутинки. Облаками заслоняло солнце — и вечерними тенями накрывало землю. Таяло слабое осеннее тепло; лица обвевало приближавшимся зимним холодом, неуютностью, напоминало о неустроенности, разладе жизни» (повесть **«Австрийская коса»**).

В детских кн. Л. — **«Юлькина пашня»** (1973), **«Отцовский помощник»** (1974), **«Своими руками»** (1986) и др. — автор «с большим тактом, без малейшей назойливости, от рассказа к рассказу раскрывает красоту труда, прививает детям любовь к ремеслам, к плотничанью, шитью, садоводству» (Ф. Абрамов), показывает устои семейного деревенского лада.

Память и воображение художника воскрешают круговорот времен в буднях глубинного русского села. В настроениях его повестей, особенно ранних, ощутима радость бытия, полнокровное чувство жизни, с годами наполняющееся, однако, все большей напряженностью и драматизмом. Ему дорога общность природного и человеч. мира. Работа на земле, крестьянская семья в ее внутренне слаженном и надежном единстве, отец, с кот. в душе героя связаны многие, самые глубокие, «корневые» чувства и впечатления, детские и взрослые характеры и судьбы — показаны у Л. с большой естественностью, овеяны чувством дома, духом родственной близости к людям, к вольной природе.

Л. показывает, что этой жизни грозят большие беды. Поэтому в кн. **«За поворотом перекресток»** (1984) он выступает воителем за лучшие судьбы обновляющейся русской деревни, за то, чтобы у старых пахарей были добрые наследники, видящие суть жизни в понимании земли и в честной работе на ней. И какой легковесной, призрачной, но и дурманящей души и головы кажется на этом фоне всякая потребительская возня, несовместимая с неспешной и простой радостью гл. мужицкого дела.

В прозе посл. лет взгляд писателя на судьбы деревни становится все более трагическим. Деревня окончательно распалась, жизнь людей земли все более подвержена превратностям разрушительного хода времени. И это ощущение грозной беды сопряжено в прозе Л. с необходимостью и потребностью духовного противостояния распаду.

Нелегкими оказались эти годы и в жизни самого Л., проведшего неск. лет в заключении после трагич. конфликта (Дом тв-ва писателей «Ислочь», Белоруссия), остро и тяжело им пережитого.

Сюжеты тв-ва Л. многообразны. В них отражены и нелегкое становление колхозной жизни, разорение церквей и искоренение в народе отеческой веры, воен. лихолетье, послевоен. безотцовщина, вдовья участь, перипетии мирных армейских будней, «горькая» любовь, разложение личности и нравственности в условиях вседозволенности и — слом сов. цивилизации.

Кроме повестей и рассказов Л. написал стихи, притчи, сказки, памфлеты. Л. не раз руководил творч. семинарами на конф. молодых писателей, вел ЛИТО «Зарница» (г. Кингисепп), реценз. рукописи в изд-вах «Лениздат», «Детгиз», в редакциях ж.; избирался в Правление СП РСФСР, участвовал в выездных пленумах и Днях лит-ры, посвящ. поэтам и писателям России, в декадах детской лит-ры, выступал с чтением произведений перед взрослыми и детьми.

Л. издано ок. 30 книг. По рассказу **«Близненские женихи»** на киностудии «Ленфильм» снят одноименный телефильм. Детские книги Л. неоднократно переводились на яз. народов СССР. Рассказ **«Кондырь»** переведен на английский, рассказ **«Глухая»** — на неск. европейских яз. В 1990-х тв-во Л. изучалось в рамках университетского спецкурса «Russian Village Prose: The Radiant Past» (Princeton, New Jersey, USA).

Благодаря стараниям жены Л. — редактора Н. Н. Леоновой-Шумских — после кончины Л. выпущ. сб. повестей и стих.

На доме в дер. Малое Куземкино Кингисеппского р-на, где жил (1970–2005) Л., открыта мемориальная доска (2006). Архив Л. частично передан в Орловский лит. музей.

Соч.: Яблоки падают. Л., 1968; Ходят девки. М, 1971; Птичий сторож. Л., 1971; Юлькина пашня. Л., 1973; Отцовский помощник. Л., 1974; Веселый листопад. Л., 1975; Долгие метели. Л., 1975; Санисамоходы. Л., 1976; И остались жить... М., 1976; Переступень белый. Л., 1978; Медовые кладовые. Л., 1979; Наводнение. Л., 1980; Птицы перелетные. Л., 1983; Где живет «ау»? Л., 1983; За поворотом перекресток. Л., 1984; Чей совет дороже? Л., 1985; Своими руками. Л., 1986; Музыка дьявола. Л., 1989; Обет молчания. Л., 1990; Лесной поп. СПб., 1992; Незабытые песни. СПб., 1992; Высокий порог. Орел; СПб., 2005; Стихотворения. СПб., 2007; Солнечный сторож. СПб., 2011.

Лит.: Горышин Г. Нынче на Орловщине // Звезда. 1968. № 10; Соловьев В. Недалеко от Москвы // Новый мир. 1969. № 1; Кетлинская В., Нинов А., Слепухин Ю. [О прозе А. Леонова] // Аврора. 1969. № 1; Проценко В. Совр. повесть о деревне: К проблеме нар. характера // Русская лит-ра. 1970. № 2; Старикова Е. Социологич. аспект совр. деревенской прозы // Вопросы лит-ры. 1972. № 7; Логвинов А. Истоки жизни // Наш современник. 1973. № 2; Ковачев В. Проблемы русской сов. лит-ры // Некот. вопросы развития деревенской прозы. Л., 1976; Путилова Е. Сила земного притяжения // О лит-ре для детей. Вып. 26. Л., 1983; Пантелеймонов Н. Алексей Леонов и его герои // Повести лен. писателей. Л., 1984; Абрамов Ф. Чем живем — кормимся. Л., 1986; Акимова А., Акимов В. Семидесятые — восьмидесятые: Проблемы и искания совр. детской прозы. М., 1989; Parthé K. F. Russian Village Prose: The Radiant Past. Princeton, New Jersey, 1992; Лукин Е. Пространство и время А. Леонова // Леонов А. Высокий порог. Орел; СПб., 2005; Бараков В. Преодоление // Автограф. [Вып.] 45. Вологда, 2006; Акентьев К. Поминки по русской лит-ре: Алексей Леонов // http://byzantinorossica.org.ru/rus_literature.html; Лукин Е. Под тайным спудом: О поэзии А. Леонова // Леонов А. Стих. СПб., 2007; Казакова Т. Тайна, скрытая в самом простом // Время. 2007. 11 июл.; Лукин Е. Послеслов. // Леонов А. Солнечный сторож. СПб., 2011; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Авторсост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

В. Акимов

ЛЕО́НТЬЕВ Дмитрий Борисович (псевд. Александр Вепрь, исп. при публ. стихов) [24.8.1970, Л-д] — прозаик, поэт.

Родился в семье служащих (мать — воен. картограф, отец — воен. печатник). Оба деда защищали Л-д во время блокады.

Окончил спец. профтехучилище № 140. Срочную службу проходил в дивизии особ. назначения, по демобилизации работал в спец. службах и уголовном розыске МВД РФ. С уходом в отставку занимается предпринимательством и лит-рой.

Перв. детективные рассказы принес в ж., в кот. познакомился с писателем Ст. Родионовым, на долгие годы ставшим учителем и другом. Перв. публ. состоялась в 1995. Перв. кн. — **«Следствие по-русски»** и **«Бегство в мечту»** — опубл. в петерб. издве «Фолио-Пресс» в 1996.

В печати появились **«Смертельный вояж»** (1996), **«Идущие за кровью»** (1997), **«Следствие по-русски–2»** (1997), **«Охотники за удачей»** (1998), **«Петербургская баллада»** (2000), **«Легенда о королях»** (2010), **«Бастион»** (2010), **«Обитель»** (2010). Романы Л. неоднократно переиздавались крупнейшими моск. и петерб. издвами («Эксмо», «Яуза», Пионер-АСТ», «Экспресс» и др.).

В Сети самым популярным романом Л. назван **«Роса в аду»**, напис. в мистико-философском стиле.

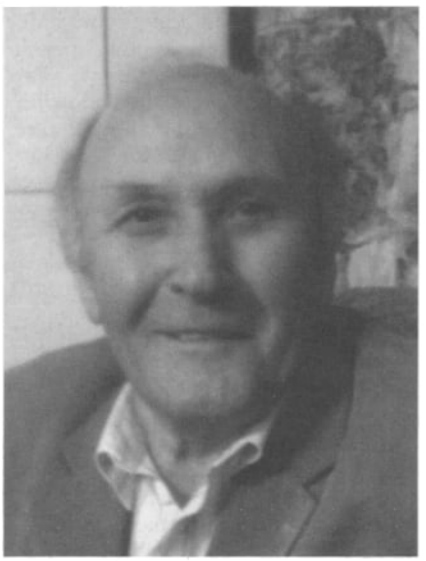
Член СП России с 1999.

С 2000 тв-во Л. эволюционирует в направлении мистики и истории; объехал сотни городов России, изучая историю и религии страны.

Соч.: Следствие по-русски. СПб., 1996; Смертельный вояж. СПб., 1996; Бегство в мечту. СПб., 1996; Рассказы // Калейдоскоп. 1997. № 23, 29, 30; Идущие за кровью. СПб., 1997; Следствие по-русски–2. СПб., 1997; Охотники за удачей. СПб., 1998; Жил-был опер. М., 1999; Убитый дважды. М., 1999; Блатное счастье. М., 1999; Охота на лис. М., 1999; Дипломатия греха. М., 2000; Петербургская баллада. СПб., 2000; Рассказы // Подвиг. 2001. № 4; Смерть так близко. М., 20001; Легенда о королях. СПб., 2010; Бастион. СПб., 2010; Обитель. СПб., 2010; Рассказы // Сев. измерение. СПб., 2012. № 9.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ЛЕО́НТЬЕВ Иван Михайлович [25.11.1927, д. Надручье Холмогорского р-на Архангельской обл.] — прозаик.



Отец и мать — крестьяне. Семья Л. переехала в Л-д в 1930. Отца Л. за нарушение паспортного режима выслали на строительство Беломорканала (1933). После возвращения отца родителям дали 24 часа на выезд. Л. остался в Л-де с бабушкой, дожившей до весны 1942. Осенью 1942 был эвакуирован в Сибирь. Год ходил в школу, с осени 1943 начал работать учеником слесаря-инструментальщика. По возвращении в Л-д (1944) поступил в Техникум точной механики и оптики. После оконч. техникума служил в армии (1948–51).

В детстве Л. пленяли сказки и рассказы о путешествиях. Чтение настолько захватило, что он сам начал

сочинять путешествия. Любимыми предметами в школе были история и география. За годы службы в армии Л. прочитал много лит-ры, считал, что соч. Белинского, Добролюбова, Писарева научили его логически мыслить.

В 1955 окончил ЛИСИ, уехал в Киргизию строить дороги и базы отдыха на оз. Иссык-Куль, в Темир-Тау возводил объекты Казахстанской Магнитки, на Сев. Кавказе — аэродромы и др. объекты, затем 20 лет трудился в Главленинградстрое. Заочно учился в Лит. ин-те им. М. Горького (1964–67), был отчислен за непосещения сессий.

Перв. публ. — рассказ **«Первая возможность»** (Нева. 1985. № 10). Т. Иванова в «Сов. России» (17.1.1986) отметила, что Л. «вывел очень характерный для наших дней тип положительного героя, прежде литературой не замеченный». Его герои — это живая жизнь человека-труженика, тех нравств. проблем, кот. стоят перед совр. человеком. Как отмечал А. Новиков, герои писателя узнаваемы и в высшей степени достоверны, особенность письма Л. — в сюжетных коллизиях, кот. открывают читателю действительность под новым углом зрения.

Крушение всякой историч. и личной целостности имеет прежде всего духовную первопричину. На это указывают судьбы персонажей повестей Л. **«Свой человек в столице»**, **«После войны»**, **«За всё прости»**, **«Песня над озером»**, но оставшиеся верными себе герои сохраняют внутреннюю цельность и человеч. достоинство (**«Междузорье»**, «Песня над озером»).

Критики отмечали повесть Л. **«Крест»** как одно из достижений совр. русской прозы в изображении женской судьбы, её стойкости и жертвенности. Л. интересно и проникновенно пишет о людях разных жизненных позиций, и эти человеч. характеры и судьбы подводят читателя к выводу о необходимости внимать собств. поведению в жизни и осознавать провиденциальный смысл существования: «себе внимай, человек!» — при том что проза Л. свободна от навязчивой назидательности или дидактического проповедничества.

Произведения Л. являются худож. свидетельством современника, среди них рассказы — **«Товарняки шли на проход»**, **«Смертию смерть поправ»**, **«Как ломали скобаря»** и др.

Член СП России с 2000.

Соч.: Странная у нас была любовь: Повесть и рассказы. СПб., 1998; Сердце не камень: Повести и рассказы. СПб., 2000; Журавлиный крик: Повести и рассказы. СПб., 2002; Хроника XX столетия России, или Птица Феникс: Роман. СПб., 2005; Грядущее — по делам твоим: Повести и рассказы. СПб., 2009; По минному полю: Повести и рассказы. СПб., 2011.

Лит.: Скоков А. Под небом Родины // Леонтьев И. Странная была у нас любовь. СПб., 1998; Сергеева И. Время и люди // Леонтьев И. Сердце не камень. СПб., 2000; Лебедев Ю. «Роман века» Ив. Мих. Леонтьева // Медвежьи песни. 2007. № 18; Хохлев В. Заблудившиеся в коммунизме // Парадный подъезд. 2007. № 28; Батурина Т. Третий? // Лоскутный покров. СПб., 2008; Новиков А. Проза Ивана Леонтьева // Лит. Петербург. 2008. № 72; Лебедев Ю. Есть такой писатель... // Лит. Петербург. 2009. № 84; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

Г. Лебедев

ЛЕПЁХИН Михаил Пантелеевич [26.12.1958, Л-д] — историк лит-ры.

По окончании отд. русского яз. и лит-ры филологич. фак-та ЛГУ им. А. Жданова в июле 1981 был зачислен стажером-исследователем в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. В 1983 принят в штат: ст. лаборант, зав. фондохранилищем. С янв. 1988 — ст. науч. сотрудник Научно-исслед. отд. истории книги БАН СССР.

Обл. науч. интересов: история русской лит-ры конца XVII — нач. XXI вв., историография и источниковедение русской лит-ры, история русской библиографии, франко-русские лит. связи, симбирская старина.

Опубл. свыше 150 науч. работ. Автор статей для «Словаря русских писателей XVIII в.» (Т. 1–3. Л., 1988; СПб., 1999–2010); «Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь» (Т. 1–5. М., 1989–2007); «Русские писатели. XX в.: Биобиблиогр. словарь» (В 2 т. М., 1998; В 3 т. М., 2004).

Во время службы в ИРЛИ — секр. ред. «Ежегодника РО на 1980» (Л., 1984) и «Лит. архива» (Л., 1991). Во время службы в БАН — член редколлегии сб. науч. трудов «Книга в России». По истории ПД подгот. мат-лы изд-я: «Академическое дело 1929–31 гг.: Док-ты и мат-лы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ» (Вып. 1–2. СПб., 1993–98).

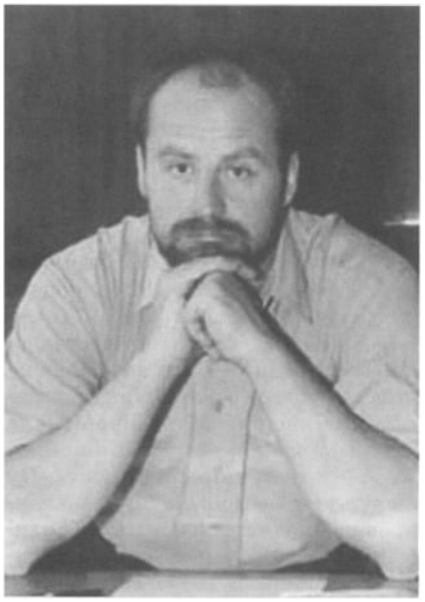
Подгот. «Избр. произведения» М. Ломоносова (Л., 1986; «БП. БС»; совм. с А. Морозовым), ПСС и писем П. Чаадаева (Т. 1–2. М., 1990, серия «Памятники философской мысли», совм. с З. Каменским, С. Блиновым и А. Зайцевым). К 100-летию классика осуществил первое сводное коммент. издание автобиографич. прозы Л. Брежнева (Брежнев Л. Воспоминания. М.: Яуза, 2006; премия «Лучшая книга года» в номинации «Докум. проза»). Автор предисловия к 1 т. СС А. Добрынина (Добрынин А. Регулярные парки. М.: Водолей, 2008).

Совм. с изд-вом «Аспект пресс» в 1991–2000 осуществил репринтное переизд. «Русского биографич. словаря» в 27 т. и подгот. к изд. 9 неопубл. томов, 5 из кот. изд. в 1996–2000. Подготовил коммент. переизд. «Истории русской библиографии» Н. Здобнова (М., 2012; совм. с Н. Леликовой и др.).

Действ. член Русского библиографического, Русского генеалогического и Русского географического об-в, Международного об-ва по изучению XVIII в.

Лит.: Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005.

ЛЕ́ПИКОВ Юрий Яковлевич [2.9.1964, г. Пикалево Лен. обл.] — поэт, прозаик.



Окончил Лен. механич. техникум железнодорожного транспорта, пом. машиниста.

Перв. публ. состоялась в 1978. Печ. в периодич. изд. Руководит ЛИТО «Земляки» (г. Пикалево).

Член СП России с 1999.

Лауреат премии Ф. Селянина (2000).

Соч.: Птица-душа: Стих. СПб., 1997; Сторожка: Стих. СПб., 1999.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ЛЕ́РНЕР Николай Осипович [19.2(3.3).1877, Одесса — 14.10.1934, Л-д] — литературовед, историк литры.

Сын еврейского писателя и историка (на идише и иврите), сотрудника ред. «Одесского вестника» Осипа Михайловича (Иосифа Иегуды, Иосифа-Лейба) Лернера (1849 — –), руководителя театр. «труппы Лернера» в Одессе.

Окончил юридич. фак-т Имп. Новороссийского ун-та, работал присяжным поверенным. Сотрудничал в ист. и лит. ж-лах.

В ист.-лит. деятельности Л. центр. место занимают работы о Пушкине. Автор работ **«А. С. Пушкин. Труды и дни»**, 1903 (втор. изд. — **«Труды и дни Пушкина»**, 1910), **«Проза Пушкина»** (1922) и **«Рассказы о Пушкине»** (1929), статей, комм. Кн. Л., несмотря на дальнейшее развитие пушкиноведения, до наст. вр. сохраняют по мат-лу значение первостепенного труда. Занимался публикациями неизд. текстов, комм. отд. произведения (в «Сочинениях Пушкина» под ред. С. Венгерова), исследовал мельчайшие подробности биографии Пушкина вплоть до вопроса «Курил ли Пушкин» («Пушкин и его современники», 1916, вып. XVI) и др.

Л. принадлежит ряд этюдов об отд. писателях XIX в. (В. Белинский, П. Чаадаев, Ап. Григорьев, Н. Лесков и др.). В этих работах он пытался воссоздать «образ писателя по его биографии и его суждениям». Л. считал отличительной чертой лит. критики выяснение значения писателя как «учителя жизни». Развитие лит-ры, по Л., во многом зависит от индивидуальных черт отд. писателей.

За кн. «Труды и дни Пушкина» получил полную премию Лицейского Пушкинского об-ва.

Соч.: А. С. Пушкин, труды и дни. М., 1903 (изд. 2-е под заглав. «Труды и дни Пушкина», СПб., 1910); Белинский, М., 1910 (изд. 2-е — Берлин, 1921); Проза Пушкина. 2-е изд. Л., 1923; Рассказы о Пушкине. Л., 1929.

Лит.: Лернер Николай Осипович // Еврейская энц. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906–13; П. Б. [Берков П.] Лернер Н. О. // Лит. энц.: В 11 т. [М.], 1929–39. Т. 6. М., 1932; Добровольская К. Лернер // КЛЭ. / Гл. ред. А. Сурков. М., 1962–78. Т. 4; Федотова М. Лернер Николай Осипович // Энц. «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995.

ЛЕСКО́В Андрей Николаевич [12 (25).7.1866, СПб. — 5.11.1953, Л-д, похоронен на Волковом кладб.] — прозаик, военный.

Сын Н. С. Лескова. Азы грамотности постиг по старославянской Библии под рук. отца, от кот. унаследовал чувство слова и красноречие. Учился в частной школе Е. Ивановой (1872–77), в 3-й воен. гимназии. После разрыва родителей с 11-летнего возраста воспитывался отцом, испытав иго его страстной, мятущейся натуры, остро реагировавшей на обществ. и лит. события. С детства был спутником отца в путешествиях по СПб., по букинистам, антикварам, кельям иконописцев и мастерским художников, в родном доме видел мн. деятелей русской лит-ры. Окончил Николаевский кадетский корпус, Киевское пехотное училище, 2-е Константиновское воен. училище. «Полжизни — на лошади, пол — за письмом, штабным столом, всегда на труднослож ных должностях», — скажет он в **«Автобиографии»**, хотя в личности Л. такие люди, как А. Чехов, находили явные артистич. способности. Накануне Первой мировой войны вышел в отставку в чине полковника. С июля 1919 и до кон. 1931 — вновь на штабной службе в Красной Армии (в частности, исполнял обязанности начштаба Пг. погранокруга). Разработал **«Инструкцию по охране северо-западных границ»** (1923), готовил кадры сов. командиров-пограничников.

Перв. публ. (в соавт. с Е. Николичем) — **«На границе и дома. Справочный календарь для низших чинов пограничной стражи на 1911 г.»** (СПб., 1910; в биб-ках СПб. и М. не выявлена). 10 лет спустя опубл. воспоминания об отце (Вестник лит-ры. 1920. № 4–5, 7), начал консультировать исследователей-лесковистов, снабжая биографич. и библ. сведениями А. Белецкого, С. Шестерикова, Б. Эйхенбаума и др.

С сент. 1932 по 1936 писал, печатая сюжетные фрагменты, 1-ю ред. кн. **«Дни и труды Н. С. Лескова»** (иначе: **«Николай Лесков. Биографическое исследование»**. В 6 ч., 72 гл.), кот. суждено было стать в итоге путеводителем в духовном мире великого писателя, уникальным мемуарно-докум. повествованием, основанным на фонде опубл. и рукописного худож., публицистич., эпистолярного наследия отца, на богатстве впечатлений 30-летнего ближайщего общения. М. Горький, ознакомившийся в 1934 с отрывками кн., назвал ее «замечательно своеобразной работой <...> талантливейшего человека» и просил своего помощника по Пушкинскому Дому В. Десницкого помочь скорейшему изданию монографии в уверенности, что вскрытые ею «мощи» Н. Лескова «окажут чудодейственное влияние на оздоровление русского языка, на ознакомление с его красотой и остротой, гибкостью и хитростью» (Горький М. СС: В 30 т. М., 1956. Т. 30).

После смерти Горького Л. удалось напеч. в 1937 5 глав книги, приобретшей отныне заглавие **«Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям»**, но дальнейшая публ. остановилась из-за вульгарно-социологич. традиции толковать тв-во Н. Лескова как прозу реакционера-антинигилиста, в лучшем случае — буржуазного бытописателя. Л. преодолевал торможение, публикуя запрещенные дорев. цензурой, редакциями забытые произведения отца («Административная грация», «На смерть М. Н. Каткова» и др.), однако события развернулись драматически. Близкая к выпуску в изд-ве «Сов. писатель» книга была уничтожена немецкой бомбой, попавшей в 1941 в здание редакц. Втор. полный авторский экземпляр погиб в Л-де блокадной весной 1942. Не примирившись с потерей, Л., находившийся в эвакуации в подмоск. Кратове, в 1942 начинает возрождать книгу по спасенным мат-лам, частью возобновляя, а частью создавая заново труд своей жизни. В мае 1945 новую ред. **«Жизни Николая Лескова»** (54 авт. листа вместо прежних 47) с восхищением читает филолог-искусствовед С. Дурылин, вникавший в сложности духовных исканий Н. Лескова еще в нач. XX в. Он резюмирует отзыв словами: «Как писатель сын Н. С. Лескова — достойный ученик своего отца». Рассчитывая напеч. книгу в 2 т., Л. передал рукопись в 1948 и 1949 в ЛО изд-ва «Худож. лит-ра», но перестраховочное редактирование затянулось на 5 лет. Л. вынужден был защищать «самобытное и говорящее» от «обезличивания», направив непреклонные **«Авторские заметы»** из 156 возражений на редакторские вторжения в повествование. Вязкие корректуры так и не позволили Л. дождаться выхода его труда.

Книга появилась в 1954, через год после кончины автора, сразу став классикой лит.-биографич. жанра. Открыв и воссоединив множество перепроверенных в их подлинности житейских и творч. фактов, аналитически бескомпромиссно развертывая сложнейший, воистину романный социально-психологич. сюжет, Л. сумел войти в тайны и глубины судьбы великого художника. Он достиг поразительного эффекта присутствия, ибо собств. его мышление находится внутри того же самого, что у отца, только исторически продвинувшегося, речевого строя. Фамильная общность словесной культуры сказалась в любви к украшенности и искрометности речевой игры, к стилистике, «патинированной» архаикой древнерусского извода, XVIII ст. Не теряя оригинальности, искусство Л. органически прирастает к прозе Николая Лескова.

Соч.: Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. / Вст. ст., подг. текста, комм. А. Горелова. М., 1984.

Лит.: Десницкий В. [Предисл.] // Лесков А. Жизнь Николая Лескова... М., 1954; Громов В. А. О книге А. Н. Лескова // Лесков. А. Жизнь Николая Лескова... Тула, 1981; Горелов А. Единственная книга Андрея Лескова // Звезда. 1983. № 7; Часовые сов. границ: Краткий очерк истории пограничных войск СССР. 2-е изд., доп. М., 1983; Аннинский Л. Сын классика // ЛГ. 1985. № 33.14 авг.

А. Горелов

ЛЕСНÁЯ Лидия Валентиновна (др. псевд. Л–сная, Лидия Л., Лесная Л.; наст. имя — Шперлинг Лидия Озиясовна) [20.12.1899 (1.1.1890), Киев — 26.3.1972, Л-д] — поэт, прозаик, драматург, критик.

Окончила гимназию в Киеве. В 1907–08 играла у К. Марджанишвили в киевском театре Н. Соловцова под ролями Аксюши («Лес»), Анхен («Юность»), Вари (в неосуществленной постановке «Дикарка»). В качестве режиссера работала над спектаклем «Лорензаччо». Перенимала реж. принципы Марджанишвили. Впоследствии напис. о нем ст. **«Он был таким»** (Константин Александрович Марджанишвили: Сб. Тбилиси, 1966). Выступала на провинциальной сцене. В 1911–16 работала в спб. театрах.

Лит. дебют состоялся в 1907 в ж. «В мире искусств», где были опубл. ее проза и стихи. В 1910-х среди прочего написала два поэтич. цикла — **«Он»** и **«Она»**, в кот. тонко улавливала особенности психологич. мира мужчины и женщины. В 1913–14 посещала собрания «Нового об-ва поэтов „Физа“», созданного Е. Лисенковым и Н. Недоброво при участии А. Скалдина (название об-ва «Физа» было дано по одноименной поэме Б. Анрепа). В 1913–16 печ. в периодич. изд. «Солнце России». В 1914 вышел поэтич. сб. **«Аллеи причуд»**, стихи из кот. она с успехом исполняла с эстрады. В 1916–17 была секретарем ж. «Новый сатирикон», публ. в нем. В 1910-х напис. ряд пьес: **«Алые розы (Дни войны)»**, **«Это было так»**, **«Амазонка»** и др., ставившихся на провинциальной и столичной сценах. В 1918 жила в Тифлисе, где публ. стихи в местной прессе, участвовала в работе лит.-худож. клуба «Фантастический кабачок». В 1919 оказалась в Омске, а в 1920–22 жила в Барнауле, где участвовала в работе Алтайского ЛИТО, под маркой кот. вышел ее втор. поэтич. сб. **«Жар-птица»** (1922). С 1923 снова жила в Л-де, печ. стихи и рассказы в сатирич. ж. «Смехач» и «Бегемот» (1927), в «Красной газ.» (1928). За-

нималась журналистикой, выступала с кукольными представлениями, участвовала в записях радиопьес на лен. радио. Выпустила неск. сб. рассказов и повестей для детей.

«Любите меня, как любите переплет / Из белого шелка или серой кожи, / Пусть я буду вам дорога, / Как ваш кот, / Я не хочу быть дороже. // Ваша жизнь — из синей мозаики храм, / Но я не хочу быть в нем жрицей,— / Куда мне? / Я лучше могу молиться вам, / Если буду у входа серым камнем» (**«Молитва»**, 1914). В стих. **«Сказка»** (1914) писала о «корнях», о мотиве наследования «еврейской души» — в «стране пальм и львов, пестрых тканей и ярких ковров». Поэзии Л. присущи изящество, легкая ирония, внимание к «милым мелочам», разговорная интонация. Созданный ею образ кокетливой, грациозной женщины-кошечки, остроумно оправдывающей свою неверность стремлением к полноте жизни, перекликается с женскими образами И. Северянина и «Стихов Нелли» В. Брюсова. В то же время экзотизм и неожиданность сюжетных ходов сближает некот. из ее стих. с поэзией с Н. Агнивцева.

Л. «обессмертила» свое имя и еще одним даром своей творч. натуры, вписав его черной краской в биографию Хармса и др. обэриутов. Именно ей довелось открыть их печатную травлю в офиц. прессе. 24 янв. 1928 в «Доме печати» (Фонтанка, 21) состоялся вечер «Три левых часа», по существу единственное совм. и самое крупное выступление ОБЭРИУ, на кот. Л. откликнулась уже на следующий день фельетоном в веч. вып. «Красной газ.» под назв. **«Ытуеребо»** — искаженное наименование группы «обереуты», напис. наоборот: «Вчера в „Доме печати“ происходило нечто непечатное. Насколько развязны были Обереуты (расшифруем: „объединение реального искусства“), настолько фривольна была и публика. Свист, шиканье, выкрики, вольные обмены мнений с выступающими <...> „Три левых часа“ вызвали в памяти и полосатые кофты футуристов, и кувырканье Фекса, кто-то вспомнил даже Бальмонта, которого в свое время „никто не понимал“ <...> И суть не в том, не в том суть, что у Заболоцкого есть хорошие стихи, очень понятные и весьма ямбического происхождения, не в том дело, что у Введенского их нет, а жуткая заумь его отзывает белибердой, что „Елизавета Бам“ — откровенный до цинизма сумбур, в кот. никто ни черта не понял, по общему признанию диспутантов. Главный вопрос, кот. стихийно вырвался из зала: “К чему?! Зачем?! Кому нужен этот балаган?” Клетчатые шапки, рыжие парики, игрушечные лошадки. Мрачное покушение на невеселое циркачество, никак не обыгранные вещи. Футуристы рисовали на щеках диэзы, чтобы эпатировать буржуа. В 1928 году никого не эпатнешь рыжим париком и пугать некого». Полит. обвинений в фельетоне Л. еще не было, но упоминания «цинизма» было уже достаточно для последующих «оргвыводов».

Архив хранится в РГАЛИ: Ф. 620, оп. 2, ед. хр. 14. Среди них «Лиса и петух», «Самый смелый», «Черная лисица»: Кабардинские и сванетские сказки (опубл. в ж. «30 дней». 1937. № 4, 7).

Соч.: Алые розы (Дни войны): Пьеса в 3 д. из совр. жизни. Пг., [1914]; Это было так: Пьеса в 2 д. Пг., [1914]; Гром и молния. Л., 1925 (2 изд. — М.; Л., 1930); Джимми Джой в гости к пионерам. Л., 1925; КМИ делает электрич. звонок. Л., 1925; КМИ изобретает пожарный сигнал. Л., 1925; Как Ненила холсты белила, краску квасила, платье красила. Л., 1926; Как ребята в деревне театр наладили. Л., 1926; Как ребята для деревни проводили телефон. Л., 1926; Киноаппарат у ребят. Л., [1926].

Лит.: Масанов И. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и обществ. деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957; Сто одна поэтесса Серебряного века: Антология / Сост. и биогр. статьи М. Гаспаров. О. Кушлина, Т. Никольская. СПб., 2000; Молодяков В. Серебряный пепел // Знамя. 2012. № 7.

ЛЕСНИ́К (наст. имя — Дубровский Евгений Васильевич) [28.12.1870, Рыбинск — 23.11.1941, Л-д, похоронен на Пискаревском кладб. (по др. данным — на Шуваловском кладб.)] — прозаик.

Родился в семье воен. врача. Охотничья юность прошла в лесах Моск., Владимирской и др. губ. Центр. России. После окончания юридич. факта СПб. ун-та служил в Министерстве земледелия, имел юридич. практику.

Занимался журналистикой. В 1904 перешёл в газ. «Новое время», сотрудничал с ней в теч. 10 лет — его мат-лы о лесе, охоте, природе часто появлялись на страницах этого изд.

В 1914, порвав со столичной жизнью, добился назначения на должность лесничего в одну из губерний Урала. В 1918 переехал во Владимир, где был прорабом по заготовке топлива, работал плотогоном. Богатые впечатления, накопленные за годы работы в лесах, воплотились в его рассказах и кн., кот. выходили под псевд. Лесник. Перв. очерк напис. в возрасте 54 лет. Его рассказы появлялись в «Красной газ.»; обратили на себя внимание С. Маршака, кот. привлек Л. в детский отд. ГИЗа, как привлекал в детскую лит-ру «бывалых людей». Рассказы Л. выходили в ж. «Ёж» и «Чиж», позже — отд. изд.

В 1924 вернулся в Л-д, занявшись исключительно лит. деятельностью. В 1928 вышли его перв. кн. для детей: **«Волк»**, **«Самолов»**, **«Первый снег»**, **«Тетеревенок-великан»**, **«Селезень Сашка»** и др., кн. для взрослых: **«У воды»** (1928), **«Охота за грибами»** (1930), **«Встречи в лесу»** (1930), **«Плодовый сад»** (1931), **«Далекие годы»** (1932, 1941), в изд-ве «Сов. писатель» сб. рассказов **«Лесной шум»** (1933, 1935), **«Лесные были»** (1933, 1939). В теч. 17 лет лит. работы опубл. около 40 кн. Впоследствии был основательно забыт. Лишь в 1954

переизд. его кн. **«Далекие годы»**, в 1959 и 1962 — **«Лесные тропы»**. Последующее обращение к его тв-ву произошло в 1990-е — 2000-е.

Умер от голода во время блокады Л-да.

Проживал в Л-де по адресу: Удельная, Кузнечная ул., д. 32, кв. 4.

Соч.: Щучья свадьба. Л., 1927; Бегемот. Кенгуру. Л., 1928 (в соавт. с Б. Булановым); Ластоногие. Л., 1928 (в соавт. с Б. Булановым); Лев. Л., 1928 (в соавт. с Б. Булановым); Медведи. Л., 1928 (в соавт. с Б. Булановым); Обезьяны. Л., 1928 (в соавт. с Б. Булановым); Тигр. Л., 1928 (в соавт. с Б. Булановым); Волк. М.; Л., 1928 (изд. 2-е — М., 1930); Первый снег. М.; Л., 1928; Рыба и крючок. Л., 1928; Селезень-Сашка. М.; Л., 1928; Тетеревенок-великан. М.; Л., 1928; У воды. Л., 1928; Все собаки. М., 1929; Слоны приехали. М.; Л., 1929; Аквариум (в соавт. с Н. Коган). М., 1930; Волчья заводь. М.; Л., 1930; Встречи в лесу. М.; Л., 1930; Дикий человек. М.; Л., 1930; За рыбой. [М.], 1930; Зоосад на столе. М., 1930; Кролики и голуби (в соавт. с Н. Коган). [М.], 1930; Охота за грибами. М.; Л., 1930; Плодовый сад. М., 1931: Болотные птицы. [М.], 1931; Квашня-копилка. Силос. Л., 1931; Кто что ест: Жуки и бабочки (в соавт. с А. Блэком). М., 1931; Кто что ест: Птицы (в соавт. с А. Блэком). М., 1931; Лесной разведчик. М.; Л., 1931: Ловушка-богатырь. М.; Л., 1932; Чужаки. М.; Л., 1932; Весенние голоса. М., 1933; Грызуны. Л., 1934; Лесной шум. Л., 1933 (М., 1935); В лесу. М.; Л., 1938; Лесные были. М.; Л., 1941 (Л., 1954); Лесные тропы. Л., 1959 (1962); Дикий человек // Охотничьи просторы: Альм. 1994. № 1; Календарь весны // Охотничьи просторы. 2008. № 2.

Лит.: Масанов И. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и обществ. деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957; Смирнов Н. Перечитывая Лесника // Наша охота. Сб. 5. Л., 1975; Жаров П. Любимый писатель // Там же. 1984. № 4; Смирнов Н. Дикий человек // Там же. 1994. № 1; Блокада, 1941–44, Ленинград: Книга Памяти / [Редкол.: В. Щербаков (пред.) и др.]. Т. 9. СПб., 2001.

Евг. Биневич

ЛЁСТЕВА Татьяна Михайловна [13.2.1941, п. Рамонь Воронежской обл.] — критик, публицист, прозаик, поэт.

Из семьи служащих. Отец — директор школы, позже преподаватель Лен. ин-та пищевой промышленности, мать — учитель. По отцу род из

донского казачества. В 1949 семья переезжает в Л-д.

С детских лет увлекалась лит-рой. После окончания средней школы (с золотой медалью) поступила в ЛГУ на химический фак-т, после окончания (1963) работала в обл. химической науки и промышленности. Канд. химич. наук (1967). С 1993 возглавляла НПО «Мадхава» — предприятие малого бизнеса. Опыт работы в фирме впоследствии стал темой ряда худож. и публиц. выступлений Л.

Путь к самоосознанию как литератора для Л. складывался непросто. Раннее увлечение естественными и точными науками постепенно, как и у мн. шестидесятников, сменилось глубоким разочарованием в перспективах ограниченно рационального научн. познания, что явилось причиной радикального поворота в творч. ориентации. Особенно существенным стал опыт политич. и экономич. перестройки об-ва.

В 2008 Л. стала выпускать и ред. альм. «На русских просторах» (с 2011 — журнал), задуманный как мемуарно-этнографич. изд., но постепенно преобразованное в историко-литературное, кот. сплотило вокруг себя мн. литераторов и историков.

С нач. издательской и журналистской деятельности Л. был свойственен критико-публиц. пафос, вызванный острым противостоянием, нараставшим негативным влияниям в совр. об-ве. Попытка «укрыться» за юмористику и исследование отдалённых ист. эпох не удалась. Пришло осознание того, что только актив. деятельность в обл. лит-ры и публицистики может принести чувство нравств. самореализации. Л. признавалась (что нашло воплощение в сюжетах её прозаич. произведений), что самое сильное впечатление на неё произвели трагич. судьбы современников, погибших в 1990-е. Люди, захваченные водоворотами перестроечного и постперестроечного времени — её друзья и сослуживцы, люди науки,— не смогли найти себя в новых условиях и погибали. Это одна из ключевых тем прозы Л.

Л. считает для себя осн. авторитетом в обл. лит. мастерства в прозе И. Бунина с его чувственным и пронзительным взглядом на человеч. взаимоотношения (**Эротические рассказы феминистки**. СПб., 2009). В поэзии — от Лермонтова до Маяковского, но без излишнего лиризма, холодновато отстранённо, скорее назидательно, чем исповедально. Такая манера вызывает критич. упрёки и рефлексы непонимания, но адекватно внутренней психологич. настроенности автора, кот. всё-таки остаётся верен «научной поэзии». В этом отношении существует опр. лит. традиция, пренебрегать кот. не следует. Здесь основа и т. н. детского тв-ва Л. — для детей нравств. и поучительного, для взрослых — заставляющего задуматься.

Главное в тв-ве Л. — её умелый опыт и признанное мастерство в обл. лит. критики. Внутреннему дарованию Л. изначально присуща некот. ироничность — и это не преходящее явление, а серьёзная направленность её лит. деятельности. Лит.-критич. статьи, вошедшие в кн. **«Потусторонние заметки»**, а также многочисленные публикации в газ. и ж. («Лит. учёба», «Лит. Россия», «Аврора» и др.) способствуют обновлению представлений о текущем лит. процессе.

В лит.-критич. статьях Л. всегда остро полемична, некот. её высказывания можно назвать откровенно провоцирующими. Много раз после её выступлений начинались лит. дискуссии в ж. и газ. И не случайно. Значительная часть лит.-критич. мат-лов Л. посвящ. актуал. вопросам теории и практики совр. лит-ры, в частности разговору о постмодернизме, неореализме, тв-ву начинающих писателей.

Острые выступления Л. в центр. печати по целому ряду проблем совр. жизни (как в публицистике, так и в прозе) вызвали резонанс в российской и западной прессе (Guardian, «Немецкая волна», «Радио "Свобода"»), обширную полемику в интернете. Как прозаику Л. свойственен глубокий психологизм в сочетании с опр. долей иронии и самоиронии. Но ее прозу нельзя назвать «женской» в традиц. смысле, в критике стилистику и образную структуры прозы Л. часто определяют как «амазонство», вне всякой связи с движением «новых амазонок» кон. 1990-х.

Ряд стих. Л. положен на музыку композиторами С. Барсуковой, В. Фёдоровым-Вишняковым, исполнялись на различных сценах.

Лауреат премии А. Жемчужникова (2006).

Продолжает работу в качестве гл. ред. ж. «На русских просторах», член редколл. ж. «Аврора». Член Союза журналистов СПб. и Лен. обл.

Соч.: Аутодафе: Стихи разных лет. СПб., 2005; Путешествие по семейному архиву. СПб., 2006; Детские странички. СПб., 2006; Лихие девяностые // Аврора. 2008. № 6; «О, сердце... От начала до конца». СПб., 2008; Пощёчина // Изящная словесность. 2009. № 1(14); Недиссидентская кухня // Моск. литератор. 2009. № 18, сент.; Хоть и не пишем мы Золями // Аврора. 2009. № 4; Король поэтов или голый король? // Аврора. 2009. № 6; Идеологич. графомания // Лит. Россия. 2009. № 36; Эротич. рассказы феминистки. СПб., 2009; Пушистики и мохнатики. СПб., 2009; Парад победы или спасибо коню // Лит. Россия. 2010. № 19; Мы росли в другое время // ЛГ. 2010. № 21; Семейный детский дом // Невский альм. 2010. № 5 (54); Критика критики. Субъектив // Аврора. 2010. № 3–4; Стих_и_я. СПб., 2010; Другое мнение // Аврора. 2011. № 5; Страницы истории. К 120-летию со дня рождения О. Мандельштама // На русских просторах. 2011. № 7–8; Мой Пелевин. ЗА или ПРОТИВ? // Лит. учёба. 2011. № 5; Комсомольцы-добровольцы // Аврора. 2011. № 3; «Я протанцевала всю войну...» // Аврора. 2011. № 6 (СПб. ведомости. 2012. 1 март.); Ох, уж эти женщины! // Душа на рифму не глядит. Проза поэтов. VIII. СПб., 2011; Потусторонние заметки: Сб. лит.-критич. ст. и эссе. СПб., 2011; На литературном посту: Сб. критич. и полем. ст. СПб., 2013.

Лит.: Муриков Г. Поэтика и амазонство // Лестева Т. Эротич. рассказы феминистки. СПб., 2009; Алексютина Н. Изменяя контекст // Лит. Россия. 2009. № 52, 25 дек. (Учительская газ. 2009. № 52 (10289), 29 дек.); Библиогр. листки. Периодика (сост. А. Василевский и П. Крючков). Татьяна Лестева. Идеология божьего раболепия // Новый мир. 2010. № 4; Маркелов Г. Есть ли у толстых журналов шанс выжить // Лит. Россия. 2010. № 10. 12 март.; Муриков Г. Эротика или современность? // Парадный подъезд. 2011. № 47; Кутенков Б. Лирич. дерзость и лит. ортодоксы. Поэзия и критика в журналах кон. 2010 и нач. 2011 года // День и ночь. 2011. № 2; Серб Ю. Злободневные мысли по прочтении потусторонних заметок // Невский альм. 2011. № 1 (56); Муриков Г. Ответ Юрию Сербу // Там же; Бондаренко А. Вызовет неподдельный интерес // Поэты и прозаики Невских берегов (Избр. очерки): Сб. СПб., 2011. Вып. 2.

Г. Муриков

ЛИВЕРО́ВСКИЙ Алексей Алексеевич [1903, СПб. — 1989, Л-д] — учёный-химик, писатель, охотник.

Отец — Алексей Васильевич Л., врач Морского Корпуса. Мать — Мария Исидоровна, урожд. Борейша, проф., филолог-романист, переводчица, специалист по западноевропейской лит-ре средних вв. (перевела на русский яз. «Новую жизнь» Данте (см.: Данте. Новая жизнь (Vita nuova) / Перевод в стихах с введением и комм. проф. М. И. Ливеровской. Самара: Типография Штаба 4-й армии, 1918).

Окончил Лен. лесотехническую академию (1930), химик-технолог. Мн. годы работал в Лесотехнической академии, прошёл путь от лаборанта до проф., был науч. рук. проблемной лаборатории.

Во вр. блокады Л-да участвовал в разработке древесных добавок к хлебу и работе с порохом, кот. был необходим защитникам города.

В 1947 удостоен Сталинской премии за новый метод получения уксусной кислоты. В 1964–79 — проф. кафедры инженерной химии. Докт. техн. наук (1969). Соавтор кн. «Энергохимическая переработка древесины» (Л., 1971).

Участвовал в борьбе за охрану окружающей среды. Много путешествовал (первое своё путешествие совершил ещё в молодости — плавание на паруснике по Баренцеву морю). По воспоминаниям современников, был великим знатоком всех видов русской охоты — не промысла, а исконной древней профессии, с ее поэзией, лексиконом, строгим законом поведения в лесу: не только взять, но и послужить, приумножить. Занимался разведением охотничьих собак (гончих, сеттеров), за щенками к нему приезжали изв. охотники со всей страны. Подготовил кн. о собаках **«Лары»**.

Автор рассказов о русской природе и охоте. Публ. в ж. «Охота и охотничье хозяйство», в альм. «Наша охота», «Охотничьи просторы». Опубл. кн. **«Журавлиная родина»**, **«Радоль»** (1973), **«Озеро Тихое»**, **«Корень девясил»**, **«Охотничье братство»** (1990). Автор рассказов **«Вдовий лес»**, **«Журавлиная родина»**, **«Корень девясил»**, **«Лары»**, **«Озеро Тихое»**, **«Ответный Коля»**, **«Охотничье братство»**, **«Радоль»**, **«Тихий берег Лебяжьего»**, **«Час неведомый»** и др. В рассказах Л. звучат уроки любви к природе, но уроки без назидания, пример владения русской речью во всем богатстве ее слов, интонаций, смыслов поэзии.

В посл. годы работал над циклом блокадных рассказов, некот. из них увидели свет.

В кн. **«Охотничье братство»** рассказал о встречах на лесной тропе с изв. людьми, напр., с писателями И. Соколовым-Микитовым, О. Волковым, актером Н. Черкасовым и др.

Член СП СССР.

Жена — дочь изв. писателя-натуралиста Виталия Бианки.

Лит.: Эйхенбаум Б. Мой временник. Л., 1929; Белодубровский Е. М. И. Ливеровская // Дантовские чтения. 1976. М.,

1976; Горышин Г. Несколько жизней писателя Алексея Ливеровского // Аврора. 1990. № 5; Султанова-Гвоздева Н. К истории автографа // Веч. Л-д. 1991. № 10, 14 янв.

ЛИ́ВШИЦ Бенедикт Константинович (Наумович) [25.12.1886 (6.1.1887), Одесса — 21.9.1938, в заключении] — поэт, переводчик, мемуарист.

После окончания Ришельевской гимназии (1897–1905) поступил на юридический фак-т Новороссийского ун-та. Исключенный в 1907 за участие в студенч. демонстрациях, перевелся на тот же фак-т Киевского ун-та (окончил в 1912). Осенью 1912 поступил вольноопределяющимся в 88-й пехотный Петровский полк. Летом 1914 призван в действующую армию и в составе 148-го Царицынского полка принимал участие в боевых действиях, был ранен, контужен, награжден Георгиевским крестом 4-й ст. С 1915 жил в Киеве, в 1922 переселился в Пг.

Стихи начал пис. в гимназии, свои перв. «серьезные» стихотв. опыты относил к 1905. В 1909 в 4-м томе «Антологии совр. поэзии» (Киев) напеч. стих. цикл «**Morituri**». В нояб. того же года познакомился с Н. Гумилевым, пригласившим его сотрудничать в «Аполлоне». Три стих. Л. были напеч. там в 1910 (№ 11). Тогда же, увлеченный совр. французской живописью крайне левых направлений, Л. испытал ощущение «сдвига миропонимания», необходимости поиска новых путей в поэзии.

В 1911 в Киеве вышла перв. книга стихов Л. «**Флейта Марсия**», весьма благосклонно встреченная критикой. В. Брюсов отметил, что «все стихи г. Лившица сделаны искусно: можно сказать, что мастерством стихосложения он владеет вполне». В разряд «истинно ценных», являющихся «не только обещанием, но и достижением», поставил книгу Н. Гумилев. Для Л. в древнегреческом мифе о флейтисте Марсии, бесстрашно вызвавшем на состязание Аполлона и побежденном им, открывался смысл поэтич. тв-ва. Обреченный на унижение и гибель, поэт нес в себе всеобщую боль, ощущение катастрофичности эпохи. Отсюда живший в стихах дух бунтарства, сосредоточенность взгляда на низменных подробностях жизни, вызывающая эротичность: «Я люблю этих хилых измученных пьяниц, / Допивающих нектар последних минут»; «Нас, накрашенных, напудренных, / Безобразит светоч дня»; «Спеша срываешь ты запястия с лодыжек, / И — вся нагая — ждешь, чтоб дикий дух огня / Свой тяжкий поцелуй на нас обоих выжег».

Познакомившись в дек. 1911 с Д. Бурлюком, Л. вскоре входит в состав созданной тем группы кубофутуристов «Гилея», принимает участие в перв. публичном выступлении футуристов («Вечер речетворцев») в М. 13 окт. 1913, печ. стихи в футуристических сб. «Садок судей 2» (1913) и «Рыкающий Парнас» (1914), программную статью «**Освобождение слова**» («Дохлая луна», 1913). От навязываемой ему Бурлюком роли теоретика группы Л. отказывался: он не соглашался с термином «футуризм», не подписал открывавший сб. «Пощечина общественному вкусу» (1912) манифест, ему претили «те способы привлечения общественности, к кот. прибегал <...> Давид». Разделяя со своими лит. соратниками убежденность в том, что их поэзия, «за исключением отправной точки, не поставляет себя ни в какие отношения к миру, не координируется с ним никак», Л. апеллировал к связываемой с именем Хлебникова теории «самовитого слова», открывавшей возможность возвращения «в первозданный хаос <...> в зыбкую аморфную субстанцию, еще не налившегося смыслом слова...».

В 1914 вышла книга «**Волчье солнце**» — так в переведенном Л. стих. французского поэта Т. Корбьера «Скверный пейзаж» именовалась луна. Сам поэт назвал ее позднее книгой «скорее общих заданий, чем частных достижений». Опираясь на опыт авангардистской — прежде всего французской — живописи, Л. пытался создать новую поэтич. систему, где ломка синтаксиса, аграмматические формы, сложность семантич. конструкций — все должно было служить преодолению статичности изображения. Стихи Л. создавались под воздействием совр. русской и французской поэзии, символистской и футуристической, и одновременно под воздействием богатейших традиций мировой культуры. Усложненность образного строя порождалась тем, что здесь «слова сочетаются по законам внутреннего сродства, свободно кристаллизируясь по собственным осям, и не ищут согласования с порядком мира внешнего или моего внешнего „я" — так возникал поэтический аналог эстетики кубизма, где смысловые связи располагающихся на плоскости образов нарушены: слова в стихе, объединяясь, служили выражению не понятий, а эмоциональных значений».

«Волчье солнце», самая футуристическая из книг Л., убеждала в том, что правоверным футуристом ее автор (названный К. Чуковским «эстетом и парнасцем») не был. Объявляя в написанном вместе с Хлебниковым воззвании о полной самостоятельности нового русского искусства, идущего «по пути свободы и чести». Л., выступая на «Вечере о новом слове» (11 февр. 1914), решительно отвергал мысль о связи русского футуризма с итальянским, утверждая, что «Россия — органическая часть Востока», которой негоже «тянуться в хвосте» Европы. К тому же и футуризм, по его мнению, уже доживал последние дни, ибо у футуристов отсутствовала «общая философская основа».

В написанной в 1928 автобиографии Л. охарактеризовал принципы своей поэтики, формировавшиеся

в процессе его отхода от футуризма: «Разрежение речевой массы, приведшее будетлян к созданию „заумного языка", вызывало во мне, в качестве естественного противодействия, желание оперировать словом, концентрированным до последних пределов, орудовать, так сказать, словесными глыбами...». «Тематическим материалом» для реализации замысла поэта стал Петербург, образ кот. оказался в центре стихов, составивших книгу **«Болотная медуза»**: лишь один из ее циклов **«Из топи блат»** вышел отд. изд. (Киев, 1922). Здесь мир представал в борении природных стихий и человеч. разума («... Плоть медузы облекла / Тяжеловесная порфира»), воплощенных в творениях петерб. зодчих и строителей. Эта борьба исполнена драматизма, особенно остро ощущавшегося в пору создания стихов. Разрешение он получал в порождаемом ими ощущении рукотворной красоты города, поднявшегося на берегах так и не покорившейся «вольнолюбивой» Невы, где «...Кони яростные взвиты / Туда, где полночь и пурга», и Фонтанки, чьи «Мучительные воды / Звериных мускулов сильней». Насыщенность стихов реалиями, почерпнутыми из истории мировой культуры, сообщала изображаемому поэтом миру устойчивость, прочность. «Тема Петра легла водоразделом между мною и моими недавними соратниками»,— отмечал поэт, убежденный теперь в том, что «...Невозможно быть Востоком, / Навеки Запад потеряв», стремясь «к утверждению единства формы и содержания как высочайшей реальности, открывающейся нам в искусстве».

Противоборство созидательного разума и разрушительной стихии оказывалось в центре внимания поэта и в стихах книги **«Патмос»** (1926), в основу кот. легло «пифагорейское представление о мире и об орфической природе слова». На о-ве Патмос Иоанн Богослов услышал от явившегося ему Христа откровение о конце мира. Но для поэта первородные основы бытия оказываются нерушимыми: довременные, не выразимые в слове, они не утрачиваются, и задача поэтического творчества — прорваться к ним, утвердить представление о единстве мира. «Во всей Вселенной истина одна, / И на земле ее раскрыли музы». Эстетич. поиски велись Л. на очень широком фронте: Пушкин и французские «проклятые» поэты, Хлебников и Мандельштам, футуризм и акмеизм, натуралистически приземленная и изысканная образность — вот лишь некоторые ориентиры на этом пути. Активная перевод. работа Л. способствовала выявлению и укреплению представлений об общности духовной жизни человечества.

Итоговой для поэта стала кн. стихов **«Кротонский полдень»** (1928); подготовленная им к печ. книга стихов о Грузии **«Картвельские оды»** (договор на ее изд. в Тифлисе был заключен осенью 1935) так и не была изд. В 1933 вышла мемуарная книга Л. **«Полутораглазый стрелец»**, где была воспроизведена история русского футуризма с кон. 1911 до нач. войны 1914; уникальная благодаря обилию фактич. мат-ла, она вместе с тем интересна как попытка осмысления русского лит. авангарда, принадлежащая одному из его былых участников. Название книги объяснялось самим Л. так: «Навстречу Западу, подпираемые Востоком, в безудержном катаклизме надвигаются залитые ослепительным светом праистории атавистические пласты, дилювиальные ритмы, а впереди, размахивая копьем, мчится в облаке радужной пыли дикий всадник, скифский воин, обернувшись лицом назад и только полглаза скосив на Запад— полутораглазый стрелец!»

16 окт. 1937 Л. был арестован и осужден на 10 лет без права переписки, что по существу означало смертный приговор; через год он был расстрелян, реабилитирован посмертно 24 окт. 1957.

Соч.: Картвельские оды. Тбилиси, 1964; У ночного окна: Стихи зарубежных поэтов в переводах Б. Лившица. М., 1970; Полутораглазый стрелец: Стих., переводы, воспоминания. Л., 1989; Полутораглазый стрелец: Воспоминания. М., 1991; Письма Бенедикта Лившица к Давиду Бурлюку // НЛО. 1998. № 31.

Лит.: Матюшин М. Русские кубофутуристы // Из истории русского авангарда. Упсала, 1956; Гаспаров М. Петерб. цикл Лившица: Поэтика загадки // Семиотика города и городской культуры: Петербург // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 664. Тарту, 1984; Урбан А. Метафоры оживший материк // Вопросы лит-ры. 1987. № 12; Мандельштам Н. Вторая книга: Воспоминания. М., 1990; Мордерер В. Б. Лившиц. Игра в слова // М. Кузмин и русская культура XX в. Л., 1990; Урбан А. Бенедикт Константинович Лифшиц // Распятые: Писатели — жертвы политич. репрессий / Автор-сост. З. Дичаров. СПб., 1994. Вып. 2; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Козовой В. Слово и голос: О поэзии Бенедикта Лившица. Бенедикт Лившиц и его переводы // Козовой В. Тайная ось: Избр. проза. М., 2003; Юрьев О. Даже Бенедикт Лившиц // Лехаим. М., 2010. № 3.

А. Карпов

ЛИ́ВШИЦ Дебора (Дора) Григорьевна [22.9.1903, Н. Новгород — 11.10.1988, Л-д, похоронена на Северном кладб.] — филолог, литератор, переводчик.

Отец, Г. М. Лившиц, с 1901 был в Н. Новгороде казенным раввином и вместе с женой Э. Б. Лившиц (урожд. Кавелоки) руководил училищем или нач. школой для еврейских детей (письмо Ю. Лившица Г. С. Залесской от 17 февр. 1998).

Начальное образование — домашнее. В 1919–20 «слушала и выполняла все работы» по седьмому классу 26-й Нижегородской единой трудовой сов. школы второй ступени (удостоверение от 21 июня 1920); в нач. дек. 1919 на заседании школьного коллектива избрана представительницей от учащихся на делегатские собрания по строительству новой школы (мандат от 2 дек. 1919).

В 1919 служила конторщицей Отдела воен. заготовок Нижегородского губернского совета народного хозяйства и «оставила службу для продолжения образования» (удостоверение от 5 дек. 1919).

В июне 1920 поступила на историко-филологич. фак-т Нижегородского гос. ун-та, где проучилась вплоть до закрытия ун-та 1 авг. 1921. С янв. 1922 состояла слушательницей Нижегородской гос. лит. студии.

В 1923 семья переехала в Пг. Л. поступила в Фонетический ин-т иностранных яз. на французское и английское отд., где проучилась до 1926, когда ин-т был преобразован в Фонетические курсы практического изучения яз.

С 1925 занималась переводом худож. лит-ры (лит. дебют — перевод с франц. романа С. Бюисса «Так было»; издан в 1927 лен. изд-вом «Прибой»). В 1925–28 выполняла по договорам с Ленотгизом «переводные работы по иностранной художественной литературе» (справка от 20 окт. 1928). С апреля по июнь 1927 состояла членом Союза работников просвещения (Рабпроса), с июня 1927 по июль 1928 — членом Союза печатников, из кот. выбыла «вследствие ликвидации месткома писателей» (удостоверение от 11 окт. 1928 г). В 1927 принята во Всероссийский СП, членский билет вручал Ф. Сологуб; в 1938 — в ССП.

С 1929 по 1940 работала в различных учреждениях и на предприятиях Л-да: библиотекарем на з-де им. Ленина (нояб. 1929 — нояб. 1931; уволена по собств. желанию вследствие болезни); секретарем сектора теоретической и учебной лит-ры и зав. библиографич. бюро ЛО изд-ва ЦК ВКП(б) «Партиздат» (с янв. 1932 по конец марта 1933; уволена по сокращению штата); библиотекарем клуба им. Горького (с нач. апр. 1933 по начало марта 1934; уволена по сокращению штата); библиотекарем клуба «Володарский металлист» при з-де им. Ленина (с 19 мая по 28 июня 1934); библиотекарем на з-де мореходных инструментов (временно, с 1 июля по 10 авг. 1934); консультантом биб-ки при ДК им. С. Кирова (на условиях почасовой оплаты; с 15 нояб. 1934 по 20 июля 1936); зав. биб-кой и библиографом метод. кабинета Ленгороно (с 1 нояб. 1939 по 1 авг. 1940; уволена по сокращению штата в связи с реорганизацией).

В 1941 эвакуирована в Молотов (Пермь), в 1942 переехала в Уфу, в 1943 по вызову Гослитиздата — в М. В 1944 вернулась в Л-д. Была включена в состав переводчиков готовившегося ГИХЛом к изд. романа В. Гюго «Отверженные». В воен. и послевоен. годы переводила спец. литру: «Труды комиссии по восстановлению каменноугольных бассейнов Рурской области» (по заказу Наркомугля), воспоминания французских и английских воен. разведчиков (по заказу «Воениздата») (Автобиографическая справка для В. Бахтина). Продолжала заниматься переводом французской и английской худож. лит-ры. В 1958 оформила пенсию по старости.

В 1947 указом Президиума Верховного Совета СССР награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.»; в 1957 — медалью «В память 250-летия Л-да»; в 1975 — юбилейной медалью «Тридцать лет победы в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.»; в 1978 — медалью «Ветеран труда».

В 1950–70-х активно участвовала в работе переводческой секции ЛО ССП и семинара для молодых переводчиков. В 1963 в Доме писателя состоялся персональный творч. вечер Л., посвящ. ее шестидесятилетию.

За неск. десятилетий переводч. деятельности Л. перевела сорок книг: романы, повести, рассказы, статьи, письма Р. Брэдбери, Ж. Верна, В. Гюго, Д. Дидро, Ч. Диккенса, А. Дюма, Жорж Санд, Э. Золя, А. Конан Дойля, С. Ликока, П. Мериме, А. де Мюссе, Г. де Мопассана, Стендаля, Р. Роллана, А. Франса и др. европейских и американских авторов. Ее переводы характеризует легкость и изящество при сохранении точности и неукоснительной верности как букве, так и духу подлинника. Отдавая дань таланту, знаниям, добросовестности Л. и ее огромному вкладу в совершенствование искусства худож. перевода, Е. Эткинд в дарственной надписи на одной из своих книг (Поэзия и перевод. М.; Л., 1963) назвал Л. поэтессой прозаического перевода.

Особое место в творч. биографии Л. принадлежит «Трем мушкетерам» А. Дюма. В 1948 новый перевод романа был по рекомендации А. Смирнова заказан Гослитиздатом Л., В. Вальдман и К. Ксаниной. Перв. издание вышло в 1949. В 1952 было подготовлено 2-е изд., для кот. Л. заново выполнила редактуру двух частей: своей и скончавшейся к тому вр. К. Ксаниной. В 1977 моск. отд. «Детгиза», намереваясь вновь переиздавать роман, обратилось к Л., единственной оставшейся в живых из переводчиц, в третий раз отредактировать перевод — теперь уже всего романа, внеся необходимую правку. В 1981 Л. завершила тридцатилетнюю работу над переводом «Трех мушкетеров», в четвертый раз отредактировав текст по заказу изд-ва «Правда», готовившего роман для обновленной «Биб-ки для детей» в 50 т. Этот вариант, кот. Л. считала эталонным, стал посл. изданием романа, вышедшим в свет при жизни переводчицы.

Архив семьи Залесских. Собрание Д. Г. Лившиц (неразобр.).

Перев.: Франс А. Вяз на городском бульваре (Совр. история). М., 1937; Мопассан Г., де. Избр. новеллы. М., 1945; Гюго В. Отверженные (Фантина). М., 1949; Гюго В. Отверженные (Козетта). М., 1951 (совм. с Л. Коган); Дюма А. Три мушкетера. Л., 1949 (совм. с В. Вальдман и К. Ксаниной); Дидро Д. Монахиня. Л., 1951 (совм. с Э. Шлосберг); Мюссе А. де. Исповедь сына века. Л., 1952 (совм. с К. Ксаниной); Золя Э. Деньги. Л., 1953 (совм. с А. Тетеревниковой); Конан Дойл А. Записки о Шерлоке Холмсе. М., 1955; Мериме П. Коломба. Л., 1956; Гонкур Э. Актриса. М., 1958; Ликок С. Юморист. рассказы. М.; Л., 1962; Брэдбери Р. Здесь могут водиться тигры // Туннель над миром. Сб. зарубежной фантастики. М., 1965; Эме М. Жосс. Назад. Рассказы. Л., 1976.

Лит.: Писатели Л-да: Библиогр. справочник. 1934–81 / Авторы-сост. В. Бахтин и А. Лурье. Л., 1982; Российская еврейская энц. Т. 2. М., 1995; Залесская Г. В поисках совершенства // Александр Дюма в России. М., 1996.

О. Демидова

ЛИНЁЦКАЯ (дев. фамилия — Фельдман) Эльга Львовна [22.1.1909, СПб. — 16.7.1997, СПб.] — переводчик, педагог.

Родилась в семье петерб. интеллигентов: отец, Лев Айзикович Фельдман, был историком. Мать, Фрида Ицковна Голощекина,— врачом. В нач. 1920-х семья переехала в Не-

вель — сюда устремилась петрогр. интеллигенция, изгнанная из дома разрухой и голодом. Сочетание старой петерб. культуры с невельской природой, с незабываемой ее одухотворенностью стало для Л. тем первым отроческим откровением, кот. не раз отзывалось в ее любви к русской поэзии, в ее представлениях о нрав. началах жизни.

Невель и мн. из тех, кто жил в нем в ту пору (среди них Л. вспоминала музыканта М. Юдину и филолога М. Бахтина), определили то, о чем позднее она сказала: «Невель — это литературные интересы, первые друзья, первая любовь и первое настоящее и на всю жизнь оставшееся ощущение природы». В Невеле Л. познакомилась с Е. Залесским, впоследствии ставшим ее мужем. Благодаря его страсти к поэзии она узнала стихи Анненского, Ахматовой, Пастернака, др. поэтов Серебряного века, кот. с тех пор были пост. спутниками ее жизни.

В 1923 семья возвратилась в Пг. В тот же год Л. была определена в Тенишевское училище (к 1925, когда Л. его закончила, оно уже называлось «14-й Единой Трудовой школой г. Л-да»), где автор знаменитой кн. «Душа Петербурга» Н. Анциферов преподавал древнюю историю, но часто вместо уроков водил своих учеников на увлекательные экскурсии по городу и пригородам. Анциферов остался в памяти Л. как «воплощение русского интеллигента»; фотографию учителя она всегда держала на рабочем столе — он привнес в ее жизнь любовь к городской — петербургской — культуре, к тому уникальному единству русскости и западничества, кот. неск. позже естественным образом стало основой главного ее дела — искусства перевода.

В 1927 поступила в Лен. историко-филологич. ин-т (ЛИФЛИ) — сначала на восточное отд. (санскрит), но вскоре перешла на романо-германское. «На одном из последних курсов,— вспоминала Л.,— я начала посещать и Институт истории искусств. Там собралось все самое талантливое, что было в нашем литературоведении,— Г. А. Гуковский, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов, Н. А. Коварский, Б. М. Эйхенбаум, Б. Я. Бухштаб, и там я поняла, что не зря пошла на литературный факультет. То, что я там слышала на лекциях и семинарах, было так ярко, так талантливо!.. На последнем курсе у нас был факультативный предмет — художественный перевод. Вел его А. А. Смирнов. В дальнейшем оказалось, что эти занятия определили мою судьбу».

В дек. 1933 Л. и неск. ее друзей были арестованы «как члены молодежной контррев. группы» за создание «домашнего» кружка по изучению философии. «Дело» Л. — особая тема ее жизни. Само ее заключение продолжалось сравнительно недолго — до марта 1934. Остальные получили разные сроки. Тогдашний муж Л. — Н. Е. Линецкий — три года с поражением в правах, кот. он отбывал в лагере. С 1937 жили в ссылке, под г. Куйбышевым; почти всю войну — в пос. Кимперсай Актюбинской обл. И только после 1946 у Л. появилась возможность вернуться в Л-д и вплотную заняться лит. работой.

Перв. публ. — перевод рассказа «Дьявол» Мопассана — состоялась в 1936; вторая — перевод рассказа «Фачино Кане» Бальзака — в 1949. Между этими публ. — 13 лет вынужденного молчания и глубокой внутр. работы. В ссылке Л. стала переводить Ларошфуко, Паскаля, стихи европейских поэтов. Начиная с «Избр. стихотворений» Верхарна (1955) она стала выступать и как редактор. В дальнейшем труд редактора превратился в составную часть ее лит. работы, наиболее близкую ее призванию руководителя переводч. семинара.

Л. перевела значительные произведения мировой классики. Ею, в частности, (вместе с Ю. Корнеевым и Н. Жирмунской) были введены в лит. обиход произведения французских писателей-моралистов, от Ларошфуко до Ривароля, включая, перв. полный перевод на русский яз. «Мыслей» Паскаля, увидевший свет только в 1995. Совм. работа с Ю. Корнеевым — примечательная страница творч. биографии Л., столь же насыщенная открытием французской классики, как и работа с Н. Жирмунской, многолетним «научным» соавтором и комментатором ее переводов, прежде всего — прозы.

Проза представлена в лит. наследии Л. удивительными по интонации, точными в воспроизведении духа и стиля оригинала произведениями «малых форм» — это рассказы Мариво и Ретифа де ла Бретона, Таллемана де Рео и Шатобриана, это маленькие повести Жерара де Нерваля, это новеллистика Бальзака, Стендаля, Мопассана, Франса, Вилье де Лиль-Адана. Это и большие романы — Жорж Санд, Дюма, братья Гонкур, Золя. «Большую прозу» Л. переводила и с др. языков: с английского — «Джунгли» Э. Синклера, «Алую букву» Н. Готорна, «Камни его родины» Э. Гилберта, романы У. Фолкнера; с итальянского — «Жизнь Данте» Боккаччо; с немецкого — «Успех» Л. Фейхтвангера.

Но прежде всего Л. была выдающимся мастером поэтич. перевода: и крупных произведений («Поэтич. искусство» Буало), и поэтич. драматургии (Шекспир, Корнель, Расин, К. Гуцков), и лирики (Байрон, Браунинг, Лонгфелло, Эмили Дикинсон — с английского, Рубен Дарио, Рафаэль Альберти — с испанского, Гейне — с немецкого). Кн. избр. переводов Л. **«Из французской лирики»** (1974) стала серьезной вехой в освоении зарубежной поэзии русской литрой. Л. создала образцовые переводы французских лириков — Гюго и Мюссе, Верлена и Малларме, Лафорга и Жамма, Аполлинера и Десноса. Это золотой фонд переводной поэзии, ее вершины, высокое явление и самой русской поэзии.

В 1954 при лен. Доме писателей им. В. Маяковского начал работу семинар худож. перевода под рук. Л. В теч. неск. десятилетий этот семинар был событием в лит. жизни города. Как выдающийся мастер перевода и не менее выдающийся педагог Л. черпала творч. силы и вдохновение в своих учениках, одновременно передавая им гл. свои обретения: великую любовь к культуре, русской поэзии и языку и безупречную честность в творч. работе. «Класс» Л. окончили те переводчики, для кот. гл. ориентиром оказалась высокая человеческая этика и профессии, и судьбы.

«Чему я учился у Эльги Львовны? — вспоминает К. Азадовский. — Искусству перевода? Возможно. Поэтическому умению и вкусу? Бесспорно. Но куда более — другому умению, этическому: умению жить. Как найти себя, когда вокруг хаос? Как отличить от мнимого подлинное? Этой мудрости не почерпнешь ни в каких семинарах — научиться этому можно только, видя перед собой живые примеры» (Азадовский К. Оглядываясь назад // Эльга Львовна Линецкая: Мат-лы к биографии. Из лит. наследия. Воспоминания. Библиография. Фотодокументы. СПб., 1999). Эта отмечаемая всеми, кто знал Л., «Великая Этика» ее жизни, долгие годы определяла круг людей, кот. становились ее друзьями и собеседниками. Не случайно один из них, переводчик М. Донской, однажды назвал Л. «Ахматовой русского перевода».

Избр. пер.: Из французской лирики. / Перев. с франц. Э. Линецкой. Л., 1974; Эльга Львовна Линецкая: Мат-лы к биографии. Из лит. наследия. Воспоминания. Библиография. Фотодокументы. СПб., 1999; От Нотр-Дам до Эйфелевой башни / Франц. лирика в перев. Э. Линецкой. СПб., 2008; Избр. переводы. Поэзия. Проза. СПб., 2011 («Корифеи художественного перевода. Петерб. школа»).

Соч.: Никола Буало // Писатели Франции. М., 1964; Шамфор и его лит. наследие (совм. с Ю. Корнеевым) // Шамфор Н.-С. Максимы и мысли. Характеры и анекдоты. Л., 1966 (Лит. памятники); О Геннадии Шмакове (1940–88) // Шмаков Г. Странница-Любовь. Избр. переводы. Л., 1991; Петерб. встречи (разговоры с Э. Линецкой) / Публ. Л. Максимовской // Невельский сб. Вып. 1. СПб., 1996; История четырех библиотек // Русская мысль. № 4202. 1997. 18–24 дек.; Из писем Эльги Львовны Линецкой Ноэми Львовне Фельдман // Эльга Львовна Линецкая: Мат-лы к биографии. СПб., 1999.

Лит.: Багно В., Левин Ю. Мастер перевода // Нева. 1984. № 11; Дымшиц В. Величайшая из истин // Веч. Петербург. 1995. 21 июл.; Яснов М. Памяти Эльги Львовны Линецкой // Русская мысль. 1997. № 4202. 18–24 дек.; Скакун А. Некот. мысли о судьбах переводчиков и их переводов. Памяти Эльги Львовны Линецкой // Осн. тенденции и проблемы развития европейского искусства и литры нового времени // Мат-лы науч. конф. «Четвертые Лафонтеновские чтения» (10–12 апр. 1998). СПб., 1998; Баевская Е. Из наследия Э. Л. Линецкой (По страницам старого блокнота) // Там же; Яснов М. Памяти Эльги Львовны Линецкой // Невельский сб. Вып. 3. СПб., 1998.

М. Яснов

ЛИПА́ВСКИЙ Леонид Савельевич (Саулович) [2.2.1904, СПб. — нояб. 1941] — прозаик.

Родился в семье доктора медицины Саула Менахимовича Л. и Розы Самсоновны. Семья жила на Петроградской стороне. Учился в Реальном училище В. П. Кузминой, в Ларинской гимназии, затем, с 1917 по 1920 в 10-й Трудовой школе им. Л. Д. Лентовской, атмосфера кот. способствовала формированию самостоятельности мышления, развитию лит. способностей и кругозора учеников. Л. принимал участие в школьном лит.-худож. кружке «Костер». Широкая эрудиция и гуманитарные способности ученика были отмечены преподавателем русского яз. и литры Л. В. Георгом, в отзыве за 1917–18 охарактеризовавшим Л. «мальчиком-философом», «лучшим учеником гимназии». К старшим классам относится знакомство и дружба Л. с Я. Друскиным и А. Введенским, учениками этой же школы, затем переросшая в творч. союз, а также первые поэтич. опыты Л., из кот. известно о поэме «Бык Будды», написанной совм. с А. Введенским и В. Алексеевым, одноклассником Л.

В нач. 1921 начинающие поэты отправили свои стихи А. Блоку и Н. Гумилеву. Осенью того же года во II-й кн. «Альманаха Цеха поэтов» состоялась перв. публ. Л. — **«Диалогическая поэма»**. Ее отличают драматич. форма («Один человек» и «хор»), реминисценции из Ницше, мотивы тщетности существования. Для Ж.-Ф. Жаккара «...творчество Липавского является отголоском разочарований по отношению к предшествующему периоду» (Ж.-Ф. Жаккар. Кризис «текучести» в конце Серебряного века: О Леониде Липавском и его поколении). Он выделяет в кач-ве центр. мотив «текучести», возникший у Л. под влиянием очерка М. Гершензона «Гольфстрем», посв. философским фрагментам Гераклита Эфесского. Отметим, что помимо европейской традиции обращения к темам «постоянного рождения мира, времени без направления и мифа о вечном возвращении» в «Диалогич. поэме» ощутим буддийский мотив колеса сансары, кот. выносит человека в круговорот перерождений. В рец. газ. «Жизнь искусства» было отмечено наличие «удачных штрихов», но еще недостаточное владение поэтич. мастерством, «намеки на какие-то великие откровения, широкие захваты чего-то невесомого, невыясненного...» (Жизнь искусства. Пг., 1921. 25 окт. № 814). Фрагмент «Диалогич. поэмы» был процитирован в рец. А. Свентицкого «Болезнь русской поэзии», отнесшего ее автора к числу «фармацевтов», «примазавшихся» к искусству (Вестник лит-ры. 1922. № 11/35). В оглавлении сб. в фамилии Л. была допущена опечатка, что дало повод некот. рец-там приписать авторство иному лицу (Начало. 1922.

№ 2–3; Библиографич. листы. 1922. № 2).

В III-й книге сб. «Цеха поэтов» (Пг., 1922) был опубл. цикл из двух стих. Л. **«Солнце запало в чужие страны...»** и **«Слушай тягу, да!»**, написанных полиметр. нерифм. стихом. Центр. образы цикла — «выдолбленная лодка», летящая «Там, в лесах араукарий, / Там, где Рак проводит красный тропик...», в кот. мертвый покидает страну, и уплывающий поезд, «железно-сегментный змей»,— говорили о том, что стихи посвящ. памяти Гумилева и Блока. Этот цикл перепеч. в берлинском изд. «Цеха поэтов» (1923), однако вниманием рецензентов не был удостоен.

По окончании школы Л. учится на философском отд. фак-та обществ. наук Пг. ун-та, вместе с Я. Друскиным занимается в семинаре под рук. Н. Лосского. В 1921 философа отстраняют от преподавания, а в нояб. 1922 высылают из России. Выпускное свидетельство о выполнении всех требований «индивидуального плана Общественно-педагогического Отделения...» Л. получает в февр. 1923. Возможно, во избежание неприятностей в ун-те, осенью 1922 Л. становится студентом «индийского разряда» Пг. ин-та живых восточных языков (здесь преподавали проф. С. Ольденбург — основы индийской культуры, М. Тубянский — начальный курс хинди, А. Баранников — начальный курс санскритского яз.), однако прослушал только 1 курс.

По сведениям А. Александрова, подготовившего перв. публикации и словарные статьи о Л., он некот. вр. работает учителем обществоведения в школе, воспитателем в интернате для трудновоспитуемых детей.

С 1925 помимо пед. работы Л. занимается переводом. Он сотрудничает с изд-вами «Книга», «Мысль», «Время», «Прибой», «Сеятель», где под псевд. «Л. С. Савельев» выходят его переводы совр. западно-европейских и американских приключ. романов; переводит антивоен. произведения Ролана Доржелеса («Деревянные кресты», «Машина для прекращения войны» совм. с Р. Жинью) и Анри Мирабеля («Над ненавистью: [Очерки о войне 1914 г.]»), кн. путевых очерков Жан Ришар Блока «На грузовом пароходе» (для русского издания кот. Л. написано предисл.). В 1926 Л. становится автором и редактором ЛО Гос. изд-ва (Леногиз), по заданию кот. пишет ряд научно-популярных книг этнографич. («Как живут народы Северного края»; совм. с Л. Потаповым) и обществ.-полит. направленности для массового читателя («Молодежь восточных колоний», «Крестьяне Китая», «Кипяток»). Одновременно пробует себя в детской лит-ре с рассказами по истории рев. движения в России (**«Охота на царя [Рассказ о 1881 г.]»**, **«Взрыв во дворце [5 февр. 1880 г.]»** и др.).

В дек. 1929 вступает в ЛО Всероссийского СП, его кандидатуру поддерживает секция детской лит-ры. На вопрос анкеты о «лит. специальности», он отвечает: «детская литература: беллетристика и редактирование»; в списке публикаций Л. не упоминает ни свои поэтич. опыты, ни переводы.

К периоду 1925–26 относится знакомство Л. с Д. Хармсом и создание лит.-философского содружества «чинари» (Л., Я. Друскин, А. Введенский, Д. Хармс, позднее Н. Олейников). Название «чинари» принадлежит А. Введенскому (от «чин» в знач. духовного ранга), заявившему о себе как о «чинаре» в 1924 при вступлении в ЛО Союза поэтов. В дек. 1926 в заявлении Хармса и Введенского в Союз поэтов с предложением выступить одним из пунктов было указано оглашение ими Устава «чинарей» (Александр Введенский и Даниил Хармс в Лен. союзе поэтов и Лен. союзе писателей (По мат-лам архивов Пушкинского Дома (Публ. Т. Кукушкиной) // Ежегодник РО ПД на 2007–08 гг. СПб., 2010). В 1926–27 Л. участвует в совм. творч. проектах, в т. ч. подготовке колл. сб. «Радикс», в плане кот. значилась его теорет. статья **«О чинарях»** (Хармс Д. Записные книжки. Ч. 1). В трактовке Л., слово «чин» — «власть», «собрание» («Теория слов»). Группа «чинари» наряду с ничевоками и др. была названа при обзоре деятельности «Союза поэтов» в 1927 (Мейсельман А. Лит. Л-д // Жизнь искусства. 1927. № 48), в описании чтения на заседании лит. кружка в Гос. Ин-те истории искусств («чинарями» здесь названы также Заболоцкий и Бахтерев (Александр Введенский и Даниил Хармс в Ленинградском союзе поэтов), а также в статье Н. Иоффе и Л. Железнова «Дела литературные» (Смена. 1927. 3 апр.).

Каких-либо манифестов «чинарей» не сохранилось, и вслед за Друскиным принято рассматривать «чинарей» как дружеский круг философов и поэтов, связанных общей философ. проблематикой, в отличие от группы ОБЭРИУ, заявившей о себе эстетич. программой и задуманной как творч. объединение, включ. в себя лит., театр. и кино- секции (Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий, К. Вагинов, Ю. Владимиров, И. Бахтерев, Д. Левин). В «Записных книжках» Хармса за 1930 домашним встречам у Л. дано название «клуб Естественных мудрецов». Беседы «чинарей», происходившие в 1933–34, сохранились в записи Л. (**«Разговоры»**). Впервые фрагменты из «Разговоров» были приведены Т. Липавской в 1984 (Встречи с Николаем Алексеевичем и его друзьями // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984). Полностью опубл. в 1993 г. в ж. «Логос» с комм. А. Герасимовой. Ряд исследователей рассматривает «Разговоры» как худож. текст, отсылающий к платонич. традиции диалогов. Сам Л. упоминает в «Разговорах» о близкой ему индийской (ведической) системе различать «запись» и «разговор» («У индусов этому делению соответствовало в сочинениях суть и комментарий. Первой — открытие, то, что увидел этот человек и мог сказать только он. Второе — следствие, разъяснения и приложения, они могут со временем меняться»).

Философско-эссеистич. наследие Л. включает в себя 12 трактатов (Б. д.), написанных в нач. 1930-х (**«Трактат о воде»**, **«Исследование ужаса»**, **«Объяснение времени»**, **«Время»**, **«<О преобразованиях >»**, **«Последовательности»**, **«Определенное (качество, характер, изменение)»**, **«Строение качеств»**, **«Созерцание движения»**, **«О телесном сочетании»**, **«Головокружение»**, **«Сны»**) и работу **«Теория слов»** (1935), посвящ. истории яз. При жизни не публ. Впервые подробно описаны Ж.-Ф. Жаккаром в кн. «Д. Хармс и конец русского авангарда» (1995), наиболее полная публ. В. Сажина — Л. **«Исследование ужаса»** (2005). Трактаты Л. представляют значительный интерес, в т. ч. для восстановления интеллектуаль-

ного контекста тв-ва обэриутов / чинарей, их взаимовлияния, истории создания тех или иных текстов, круга общих тем.

Осн. понятиями, к кот. обращаются Л. и «чинари», являются непрерывность, настоящее длящееся время, бесконечность, категория события, целостность восприятия мира — фундаментальные понятия интуитивной философии. Отправной точкой изучения времени и пространства «чинарей» могла послужить кн. Н. Лосского «Введение в философию», а также идеи А. Бергсона, изложенные в его кн. «Творч. эволюция», «Материя и память: Иссл. об отношении тела к духу», кот. также могли быть восприняты через лекции Лосского или его кн. «Интуитивная философия Бергсона». Соответствующий интуитивному способу восприятия мира тип сознания воплощен в общечинарских понятиях «вестника» и «соседнего мира», введенных в «чинарский» оборот Л. и породивших целый ряд перекрестных текстов (Я. Друскин. «Вестники и их разговоры», «Признаки вечности»; Д. Хармс «О том, как меня посетили вестники», «Мыр», «Письмо к К. В. Пугачевой. 16 окт. 1933», А. Введенский <Серая тетрадь> и др.).

Особое место среди трактатов занимает «Теория слов», в кот. Л. делает попытку выявить и описать механизм происхождения и эволюции языка, взяв за основу не только исследования мифологов и историков языка (напр., Ф. Буслаева), но и методы биологич. науки, в частности идеи Н. Вавилова о наследственной изменчивости растений и географич. центрах происхождения видов («Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» (1920, 1935), «Центры происхождения культурных растений» (1926) и др.). В центре концепции Л. лежит идея об «изначальных семенах слов», давших развитие языку: «...сто родоначальников дали жизнь бесчисленному ныне населению языка», «семя слова неуничтожимо и присутствует во всех словах своего рода; поэтому мы можем назвать его родовым элементом слова» («Исследование ужаса»). По Л., «слова хранят в себе свою историю; каждое слово хранит, точно тщательно запеленав, свою изначальную древность; слова передают друг другу при рождении свой родовой элемент как наследственный признак» (Там же). Л. составляет «таблицу исходных слов», являющихся «словами первого поколения», начиная отсчет от слова «БЫТИ». Словообразовательный механизм Л. представлен как процесс обмена общим языковым элементом: «...одно из семян слов становится смыслоутверждающей частицей, как бы всеобщей печатью языка, кот. прикладывается ко всем остальным семенам слов и, становясь вторым их слогом, свидетельствует об их зачислении в настоящие слова».

В кач-ве смыслоутверждающего элемента Л. называет «-ТИ» — суффикс инфинитива в славянских яз. Представление Л. об особой роли инфинитива сближают «Теорию слов» и «цисфинитную логику» Хармса. Нельзя не согласиться с В. Фещенко, кот. называет языковую теорию Л. в одном ряду научных, паранаучных, худож. теорий обновления языка и его связи с вещным миром (теории Н. Марра, В. Хлебникова) (В. Фещенко. Лаборатория логоса: Языковой эксперимент в авангардном тв-ве. М., 2009).

В 1930-е работа над книгами для детей становится для Л., как и для его друзей и единомышленников Хармса, Введенского, Олейникова, осн. средством заработка и способом творч. реализации в офиц. лит-ре. Публикуется под псевд. «Л. Савельев» (наст. фам. — Л. — остается для трактатов). Наряду рев. тематикой Л. разрабатывает научно-популярное направление детской лит-ры, пишет книги по истории естествознания (**«Следы на камне: История земли и жизни на ней (по книге В.-М. Рида)»**) и воен. дела (**«Будущим бойцам»**, **«Рассказы об артиллерии»**, **«Военная книга»**; в соавт. с Н. Никифоровым). Очерки Л. выходят на страницах «Бытовой газ.» (**«Построим дирижабль»**), «Ленинских искр» (**«Необычайная история телескопа»**). Сотрудничает Л. и в ж. «Сверчок» (Веселые картинки для маленьких ребят. 1937. Гл. ред. Н. Олейников). Большинство детских публикаций Л. широко обсуждались в критич. лит-ре и получили положит. оценку рецензентов (см. напр.: Ивантер Б. Воен. воспитание и детская лит-ра // Детская лит-ра. 1941. № 2) Подробная библиография рец. приведена И. Старцевым (Детская лит-ра. 1918–21. ОГИЗ, 1933; Детская лит-ра. 1932–39. М.; Л., 1941; Детская литра. 1940–45. Детгиз, 1948).

Тема Первой мировой войны возникла у Л. неслучайно. Отец Л. служил в Лазарете для раненых бойцов, а во вр. тифозной эпидемии 1919 в сыпно-тифозном госпитале, здесь же некот. вр. работала и сестра Л., Нина. В «Разговорах» Л. сохранилась запись с предложением его друга, Д. Михайлова, написать совм. книгу «о последних днях перед войной 1914 года, о расцвете того времени и неизбежной, но все же неожиданной катастрофе. Люди, кот. суетились и решали. И вот, все кончено, невозвратимо» («Исследование ужаса»). Примерно в то же вр. Л. начинает работу над кн. **«На земле, на воде, в воздухе»** (во 2-м изд. — **«Рассказы о мировой войне»**), изд. в 1936. Год спустя, во время кампании по «делу редакторов» (Васильевой. Любарской, Чуковской, Габбе, кот. обвиняли в создании «контрреволюционной группы Маршака»), кн. оказалась в центре внимания парторганизации ЛО «Детиздата». Написанная совм. с консультантом Военно-политич. академии им. Толмачева полковником Зубковым, книга прошла длительный процесс согласований и редактуры, на одном из этапов кот. была направлена на прочтение К. Радеку, а затем через Л. Брик В. Примакову, заместителю командующего ЛВО, в год выхода книги осужденным по делу «антисоветского троцкистского центра» (ЦГА ИПД СПб.).

В 1941 Л. участвует в совещании ЦК ВЛКСМ по вопросам издания военно-технич. лит-ры. В стенограмме его выступления (изд. посмертно) он высказывается против популяризации, его подход заключается в том, что «всякая книга — это какое-то письмо к определенной аудитории»; «работа должна начаться с того, что выработать какой-то <...> маршрут мыслей, маршрут, кот. соответствует тому событию, той аудитории, с кот. ты общаешься, и в то же время соответствует тебе самому, твоему складу мыслей» (Савельев Л. Четыре вопроса // Детская лит-ра. 1941. № 2).

Некот. замыслы Л., отразившиеся в «Разговорах» и в «Теории слов», нашли продолжение в его публика-

циях для детей. В довоен. годы Л работал над кн. «**Человек**», две главы из кот. были посмертно опубл. в ж. «Костер» (1945. № 10; 1946. № 2/3). В одной из них («Вещество жизни»), объясняя природу белка, Л. представляет процесс его формирования как обмен общей молекулой жизни, что отсылает к трудам К. Циолковского и заставляет вспомнить натурфилософскую лирику Н. Заболоцкого: «Человек убил птицу и съел ее мясо. И атомы, которые были когда-то воздухом и водой, потом цветочным соком, потом крылом бабочки, потом мясом птицы, станут теперь частью человека, может быть, кусочком его сердца или глаза, или мозга»; «Но это будет все тот же, или почти тот же кислородно-углеродно-водородно-азотный узор атомов. И вышила этот узор незабудка, а мотылек, птица, человек, получали его поочередно друг от друга, уже готовым...».

В нач. Великой Отеч. войны был призван в армию. Пропал без вести в нояб. 1941.

Соч.: Диалогическая поэма // Альм. Цеха поэтов. Кн. 2. Пг., 1921; «Солнце запало в чужие страны...». «Слушай тягу, да!» // Цех поэтов. Книга третья. Пг., 1922 (оба стих. перепеч.: Цех поэтов. II–III. Берлин, 1923); Исследование ужаса // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd. 27; Разговоры. Исследование ужаса // Логос. 1993. № 4; Сны // De visu. 1993. № 6 (7); Трактат о воде. Исследование ужаса. Головокружение. <О преобразованиях>. Последовательности. <Определенное (качество, характер изменения, постоянство или изменяемость)>. О телесном сочетании. Сны. Разговоры. Теория слов // «... Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, док-тах и иссл. / Сост. В. Сажин. В 2 т. М., 2000. Т. 1; Исследование ужаса / Сост., ред., комм. В. Сажин. М., 2005.

Лит.: Сов. детские писатели: Биобиблиогр. словарь. 1917–57. М., 1961; Александров А. Автор первых книг об Октябре (Л. Савельев Ленин идет в Смольный. Часы и карта Октября) // Звезда. 1968. № 2; КЛЭ. Т. 6. М., 1971; Писатели Л-да: Биобиблиогр. справочник / Авторы-сост. В. Бахтин, А. Лурье. Л., 1982; Савельев Л. (Липавский Леонид Савельевич) // Лен. писатели-фронтовики: Автобиографии. Биографии. Книги / Автор-сост. В. Бахтин. Л., 1985; Друскин Я. «Чинари» // Аврора. 1989. № 6; Jaccard J.-Ph. Страшная бесконечность Леонида Липавского // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd. 27; Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995; Дмитренко А., Сажин В. Краткая история «чинарей» // «... Сборище друзей, оставленных судьбою». М., 2000. Т. 1; Цивьян Т. Леонид Липавский: «Исследование ужаса» (опыт медленного чтения) // Цивьян Т. Семиотич. путешествие. СПб., 2001; Цивьян Т. Происхождение и устройство языка по Леониду Липавскому: (Л. Липавский. «Теория слов») // Там же; Сажин В. Мыслящий тростник, или Екклесиаст 1930-х гг. // Исследование ужаса. М., 2005; Жаккар Ж.-Ф. Кризис «текучести» в конце Серебряного века (О Л. Липавском и его поколении) // Жаккар Ж.-Ф. Лит-ра как таковая. От Набокова к Пушкину: Избр. работы о русской словесности. М., 2011.

Ю. Валиева

ЛИ́ПЬЯЙНЕН Леонид Сергеевич [17.7.1953, Л-д — 30.11.1984, Л-д] — прозаик.

Отец — инженер, мать — мед. работник. В годы войны отец, как обрусевший финн, воевал в штраф. батальоне. Л. в детстве увлекся рисованием, стал сочинять подписи к своим рисункам; школьная учительница привила любовь к лит-ре. В 1976 окончил Политехнический ин-т им. М. Калинина. По распределению три года работал инженером на лен. з-де Полиграфических машин, затем перешел на работу в котельную, чтобы иметь возможность «писать, писать и писать». Посл. годы — ред. изд-ва «Детская лит-ра». Л. считал себя учеником А. Битова, кот. находил в рассказах Л. сходство с ранним В. Набоковым. В кон. 1970-х — участник конференции молодых писателей Северо-Запада (рук. Б. Никольский). Печ. в сб. «Молодой Л-д», «Точка опоры», ж. «Аврора». Незадолго до кончины участвовал в 8 Всесоюзном совещания молодых писателей (май 1984), где его произведения получили высокую оценку.

Л. прожил короткую жизнь — 31 год. Перв. кн. — повесть «**Год активного сердца**» — увидела свет уже после смерти автора. Однако за неск. лет Л. создал удивительную по своей лиричности и нежности прозу. Каждый его рассказ вызывал заинтересованные лит. споры.

Гл. тема Л. — любовь. «Молодого писателя занимает мир чувств, мир переживаний человека в том возрасте, который оказывается переходным рубежом между детством и юностью. В этом возрасте многое, особенно в сфере чувств, в сфере человеческих отношений, открывается для человека впервые и потому воспринимается наиболее остро. То, что потом взрослому человеку может показаться не столь уж и значительным, в душе подростка способно вызвать сложные переживания. Мир этих переживаний противоречив, стремление к самоутверждению здесь легко переходит в крайнюю неуверенность, прикрываемую бравадой, юношеский скептицизм рука об руку идет с внезапно прорывающейся почти сентиментальной восторженностью, наивная ребячливость соседствует с уже приходящим к человеку пониманием сложности жизни...» (Б. Никольский. Предисл.).

Лирич. зарисовка «**В третьем лице**» (в сб. «**Точка опоры**». Л., 1980) — одна из перв. публикаций — вызвала внимание новизной, неординарностью стиля. «В рассказе все держится как бы на полутонах, на недоговоренности, и в этом его достоинство,— писал Е. Кутузов,— потому что речь-то идет о первой, едва нарождающейся любви, еще не ясной, еще до конца не осознанной, о созревании и становлении человека, мужчины, ответственного за себя, и за других, об извечном столкнове-

нии прекрасного и пошлого. О рождении и воспитании чувств». От рассказа оставалось «ощущение пронзительной и вместе с тем светлой грусти перед загадкой уходящего, исчезающего времени... — словно уже тогда Леонид Липьяйнен предугадывал свою судьбу...» (Б. Никольский. О Леониде Липьяйнене).

Герой рассказа **«Галочка, или Курортный роман восьмиклассника»** (Аврора. 1982. № 10), Алеша Вадеев приходит к открытию, что человек несет ответственность не только перед тем, кого любит сам, но и перед тем, кто, пусть безответно, любит его, кого он сумел привязать к себе. «Какая пытка! Нет, что за жизнь?! — размышляет герой рассказа.— Сначала не любят меня — мне мука. Теперь меня любят — и мне же мука!». Л. трезво и жестко выписывал раздвоенность любовного чувства. «Для его Алеши была Любовь — что-то очень манящее и возвышенное, стоящее в одном ряду со звездами, росами, но было и "это дело" — тоже крайне завлекательное, говорить о котором, однако, можно только с хохотком, с подмигом. Липьяйнен писал об этом раздвоении без ханжества — и навлекал на себя упреки чуть ли не в пропаганде сексуальной распущенности» (А. Мелихов). Герой Л. прежде всего пытается понять самого себя, прислушаться к своему сердцу. Проза Л. спорит с поверхностно-торопливым отношением к жизни. По замечанию Мелихова, «герой Липьяйнена мучается вовсе не оттого, что ему чего-то недодали,— он страдает от невозможности отдать. Его отравляет нерастраченная нежность».

Повесть **«Год активного сердца»** (1985) — поэтичная история перв. любви «начитанного очкарика» Алеши Вадеева — отличается тончайшей психологич. тканью. Своеобразие языка отметил Мелихов: «Под взглядом его оживают самые обычные предметы: самосвал у него дрожит от нетерпения; зимние городские елки, которые продают на улице, "худые и ободранные, как бездомные собаки" <...> Любовь, даже нежность Липьяйнена к миру, сплошь живому, выражаются и через любовь его к языку: он подбирает слово, метафору, как костюмчик любимому ребенку. Фраза его всегда полна звуковых и смысловых перекличек, часто даже озорных: одно стекло у него "лопается от смеха", другое "трескается от злости"». Белый стих органично входит в ткань повествования: «...И трели птиц, как блики солнца в лужах, слепили слух, глухой и ватный после сна зимы».

Кн. **«Времена любви»** (1989) вышла спустя пять лет после кончины Л. Друзья Л. — Б. Никольский, А. Мелихов, Б. Мазо — собрали рукопись кн. из разрозненных фрагментов, изд. обеспечил Е. Туинов. Кн. представляет собой роман, некот. главы кот. уже опубл. ранее как самостоятельные произведения, их объединяет автобиогр. герой. По словам близко знавшего прозаика Никольского, «он мечтал написать роман, кот. стал бы своего рода исповедью молодого человека нашего времени, историей его духовного становления, его потерь и обретений. Этот роман — история жизни Алеши Вадеева,— а точнее сказать, роман в рассказах, складывался постепенно, медленно, обретая новые черты, разрастаясь и вглубь и вширь. Писатель очень хорошо сознавал, что осуществление подобного замысла не терпит суеты и спешки, и работал с высокой мерой требовательности к самому себе. Страницы этого романа и составили книгу».

Во втор. части кн. под назв. «Производственный романс» герой начинает работать в конструкторском бюро. Вместе с душевной чуткостью автора проявляется его острая соц. наблюдательность. Чувством боли и тревоги проникнуты заключительные главы кн. — «Групповой портрет», «Сентиментальная командировка», «Интоксикация». Вступая во взрослую жизнь, герой Л. испытывает мучительное чувство неудовлетворенности. Автор рисует нравств. оскудение тех, для кого работа стала времяпрепровождением, «драматическую раздвоенность тех, чьи способности и возможности оказывались невостребованными об-вом. Разрыв между юношескими мечтаниями, между готовностью отдавать, служить истинному Делу, с одной стороны, и рутиной реальной жизни, где видимость дела оказывалась важнее самого дела — с другой, остро ощущался писателем» (Б. Никольский). Л. тревожит дефицит чуткости, человечности, в его книгах ощутима жажда доброты и отзывчивости.

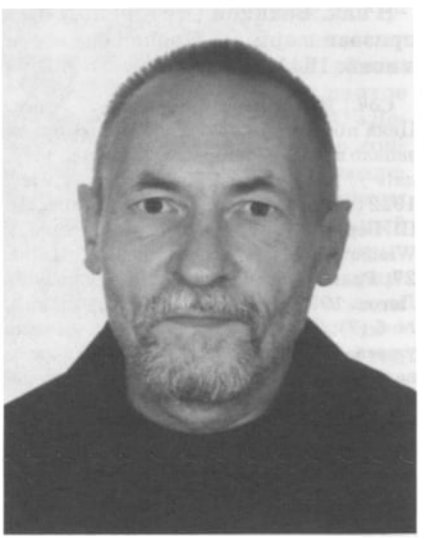
В «петерб. текст» русской лит-ры проза Л. вносит свою ноту: в ней звучит пронзительная нежность, она насыщена нюансами чувств, побуждает читателя сопереживать героям и вглядываться в себя, прислушиваться к самым тонким звукам души.

Соч.: Сентиментальная командировка // Молодой Л-д. 1983. Л., 1983; Фильм для взрослых // Дружба–83. Л., 1983; Год активного сердца. Л., 1985; Времена любви. Л., 1989.

Лит.: Кутузов Е. Побеги: Заметки о прозе молодых // Точка опоры. Л., 1980; Никольский Б. [Послесл.] // Аврора. 1982. № 10; Мелихов А. Нерастраченная нежность // Нева. 1987. № 3; Осьминина Е. [Рец.: Год активного сердца] // Детская лит-ра. 1987. № 1; Никольский Б. О Леониде Липьяйнене // Липьяйнен Л. Времена любви. Л., 1989.

А. Любомудров

ЛИСНЯ́К Александр Георгиевич [5.4.1952, Л-д] — прозаик, поэт.



Родился в семье военнослужащего. Отец, Георгий Иванович, после войны окончил Военную академию в Л-де. Мать, Евгения Ивановна, библиограф со знанием неск. иностранных яз., окончила историч. фак-т ЛГУ. Семья часто меняла место жительства. Отец служил в Североморске, в Пярну, в Херсоне, в Киеве. Мальчик жил у дедушки и бабушки в Киеве. Бабушка была учительницей нач. классов, дед преподавал математику. Л. окончил в Киеве школу №112 с углубл. изучением английского яз. Еще в школе начал писать

на украинском яз. В1967–69 публ. в республиканской газ. «Молодь Украины». Выпускное соч. напис. в стихах на украинском яз.

После окончания школы (1969) работал санитаром «Скорой помощи», затем служил в армии. Демобилизовался в звании сержанта мед. службы. После развода родителей переехал с матерью в Л-д, где работал санитаром скорой помощи в кардиол. бригаде. Одновременно писал стихи и прозу. Его сказки для детей стали появляться в ж. «Костер» на страничке для малышей.

В нач. 1970-х близок к андеграундным кругам Л-да. Его поэма **«На смерть Оксаны»** включена в колл. самиздатский сб. «Лепта». Позже его стихи опубл. в антологии «У Голубой лагуны» К. Кузьминский.

В 1977 в изд-ве «Детская лит-ра» вышла перв. книжка-сказка **«Колокольчик Простотак»**. Затем еще две — **«Про гречневую кашу»** и **«Как цветок вырос»**. В это время Л. был близок с изв. детским писателем Р. Погодиным, принимавшим участие в судьбе сказочника. Одновременно писал и «взрослую» прозу, печ. в ж. «Лит. учеба», «Моск. вестник», «Аврора», в молдавском ж. «Кодры». По его сказке «Колокольчик Простотак» поставлены спектакли реж. Г. Романовской в Выборгском ДК и Смирновым-Несвицким в театре «Суббота».

Был участником конференций молодых писателей Северо-Запада и Всесоюзного совещания молодых писателей (1979). В 1981 принят в СП СССР (позже СП России). Составлял в ж. «Костер» журнал в журнале «Уголек», печ. в детском ж. «Искорка», кот. возглавляла Д. Колпакова. В 1985 поступил на Высшие лит. курсы при Лит. ин-те им. М. Горького, по окончании вернулся в Л-д.

В 1989 изд-во «Сов. писатель» выпустило сб. избр. прозы Л. **«Самый короткий путь»**.

Как сообщает Л. в **«Автобиографии»**, «в 1991 году принял тайный монашеский постриг от руки Митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). В 1998 по рекомендации духовника архимандрита Кирилла (Начеса) стал подвизаться явно. Архимандрит благословил подобрать монастырь. Сказал, что каждый монастырь нужно изучить изнутри. Подвизался недолго в трех монастырях. Затем заболел. Сейчас живу в миру с матерью, хожу в храм "Всех святых, в земле Российской просиявших", что в Парке Победы».

Проза Л. почти всегда соотнесена с тем миром, кот. обозначен им в назв. повести-калейдоскопа, опубл. в «Лит. учебе»,— **«Детское время»**. Это «детское время» всегда ощущается в лирич. составляющей прозаика. Ю. Томашевский, разбирая повесть молодого автора, писал: «Неразделимые — по замыслу — новеллы-"стеклышки", если их все же отделить одну от другой, прочитываются хорошо. **"Камень"**, **"Сад утром"**, **"Сорванные цветы"**, **"Музыка"**, **"Тайна"** — это стихи в прозе, и каждый из них не просто картинка, кот. вроде могло и не быть в контексте, а одетая в изящную форму точная мысль. Мысль за мыслью — это движение мысли. В этом движении, происходящем на наших глазах, лирический герой как бы обретает — мы это видим! — живую душу, пытливую, нежную и ранимую; мы физически ощущаем, как входит в нее все доброе, чуткое на красоту, как натыкается на нее, отталкивается все злое и некрасивое» (Лит. учеба. 1979. № 3). Критик указывал на жанровую близость повести Л. Соколову-Микитову и Ю. Куранову, отмечая, что широкий читатель все же предпочитает «жесткий сюжет» и Л. «надо заранее смириться, что далеко не всем читателям его «калейдоскоп» будет близок». Однако сам критик называет то, что пишет Л., «литературой. Без скидок». «В "Детском времени",— пишет Томашевский,— я вижу искусство мысли и слова. Вижу настоящее творчество, прежде всего выражающееся, на мой взгляд, в органическом присутствии на страницах "калейдоскопа" не одного, как обычно, а... двух авторов. Да, у произведения А. Лисняка два создателя. Первый — видел, запоминал, подбирал краски, второй — осмыслил увиденное и запомнившееся, выстроил в смысловую цепь. Второму никогда не удалось бы этого сделать, не обладай первый глазами, памятью и воображением художника. Сегодняшний А. Лисняк — он не боится это признать — немыслим без своего маленького "соавтора". Любознательный, умный, способный связывать наблюдения с мыслью мальчик — начало писателя А. Лисняка, его исток, он никому не обязан так, как себе в детстве» (Там же). Пожалуй, никто не имеет такого права, как Л., сказать о себе: «Я родом из детства». Тот, второй, подлинный соавтор писателя присутствует в нем всегда, о чем бы он ни писал.

Жанровая особенность «Детского времени» неслучайна, она вызвана самим мировосприятием писателя, наблюдательного и внимательного читателя жизни. Эта его внимательность к деталям и стремление каждую деталь, каждое малое явление делать самоценным, самостоятельным сюжетом, одновременно вписанным в общую картину жизни, не всякому читателю бывает по душе. Так, откликаясь на рассказы Л., опубл. «Авророй» в рубрике «Мастерская», Е. Калмановский писал: «Иногда они начинают напоминать веер, каждое крылышко которого расписано искусно и живо, а чего-то объединительного, скрепляющего недостает. Умом понимаешь: оно есть, а чувство о том свидетельствует слабо. Вероятно, так получается оттого, что Лисняк, желая все обязательно доводить до отчетливости, складывает впечатления бытия в маленький воображаемый кинофильм. Ощущается некоторый излишек зримости, наглядности. В жизни как будто многое подвижней, незакрепленней, безостановочней» (Калмановский Е. Школа внимания // Аврора. 1984. № 3).

В предисл. ко второму изд. кн. «Самый короткий путь» Л. определяет свой метод как «фантастический реализм». «Во время составления этой книги,— пишет автор,— возникла необходимость написать нечто вроде предисловия. Чтобы по возможности исключить заблуждения стороннего ума, с предельной ясностью показать основу моего поиска. Способ фантастического реализма, имеющий истоки в фольклоре, особенно в былине и сказке, как способ воспроизведения реальности наиболее близок мне. В этом направлении я работаю вот уже пятнадцать лет. Все формы русского народного искусства основаны на особенном фантастическом мышлении и предельно обобщенной символике, имеющей принципиальное значение. Поэтика и символика фольклора мало освоены нашей современ-

ной художественной прозой. Утрата фольклорных истоков живой развивающейся прозой чревата, прежде всего, вырождением самосознания. Считаю своим долгом в меру сил и способностей развивать основные принципы фольклора, как я их понимаю, в том, что пишу. Стремлюсь не к внешнему сходству, но к наследованию сути». Но если ранний Л. получил некот. критич. освещение, то зрелый с его методом фантастич. реализма еще ждет своего исследователя.

Соч.: Колокольчик Простотак: Сказка. Л., 1977; Про гречневую кашу: Сказки. Л., 1978; Детское время: Повесть-калейдоскоп // Лит. учеба. 1979. № 3; Как цветок вырос: Рассказы. Л., 1984; Зимородок: Повесть // Кодры. 1987. № 8; Самый короткий путь: Избр. проза. М., 1989 (СПб., 2008).

Лит.: Томашевский Ю. О рассказах В. Лецика, Р. Мустонен и повести А. Лисняка // Лит. учеба. 1979. № 3; Калмановский Е. Школа внимания // Аврора. 1984. № 3; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Кречетов

ЛИ́ХАРЕВ Борис Михайлович [27.11.1906, пос. Парголово под СПб. — 2.3.1962, Л-д] — поэт.

С 12 лет жил в детском доме. Во взрослую жизнь вышел вместе с локафовцами Гитовичем, Прокофьевым и Чуркиным, издав в 1929 колл. сб. стихов **«Разбег»**, а затем доброжелательные отклики вызвали и его кн. **«Вооружение»** и **«Ударники огня»**. Печ. в ж. ЛОКАФа «Залп». В 1924 поступил в Лит. ин-т им. В. Брюсова. В 1925 переведен в Лен. ун-т, вошел в лит. группу «Смена» (небольшое, но сильное ЛИТО, куда входила, в частности, О. Берггольц). Среди стихов юного Л. особенно отмечают **«Соль»**. Чувствовалось, что ее автор — энергичный боец, готовый упорно отстаивать свои убеждения.

Жизнь и тв-во Л. интересны своей географич. широтой. До войны Л. побывал в республиках Ср. Азии. Вместе с Ю. Фучиком и Гитовичем Л. путешествовал, бывал в колхозах, знакомился с памятниками старины, с ними вел разговоры о лит-ре и призвании пролетарского писателя. Поэма Л. о Фучике **«Подвиг»** была закончена уже после войны, в ней ему удалось создать живой и достоверный характер Фучика.

На карте жизни Л. после Ср. Азии оказалась Финляндия. Л. оптимистично предсказывал: «Но если потребуются руки / Штыки четырехгранные поднять, / Винтовки наши мы из арсеналов, / Из пирамид привычно разберем» (Залп. 1932. № 10). Между тем кн. Л. **«Вооружение»** (Л., 1933) была запрещена из-за включения в нее переведенного с финского стих. Ялмари Виртанена «Дело чести», все произведения кот. подлежали запрету. В Зимней войне Л. участвовал в качестве командира саперного взвода. В стих. **«Тол»** Л. провозглашал: «Спрессованная ненависть к врагу, / Ты, как стихи, не терпишь многословья!». Ненависть к врагу — и постоянное звучание в душе лирических струн. Зимой 1940 в лесах Карельского перешейка написано и стих. **«Снегирь»**.

В 1940 в Л-де издан сб. «Во славу Родины», в кот. собраны стихи о Красной армии и Военно-Морском флоте. В нем участвовали и Л., Кежун, Решетов. За храбрость в войне с Финляндией Л. награжден орденом Боевого Красного знамени. 21 мая 1941 на перв. заседании вновь избранного правления Лен. писательской организации его главой был избран Л.

В годы Великой Отеч. войны Л. работал в газ. «Ленинский путь» и «Решительный бой». Во время войны окрепла локафовская традиция публикации стихов, посвящ. конкретным героям, стих. портреты создавал и Л. Печ. в многотиражнаой газ. воюющих кораблей «Балтиец». При Политуправлении Лен. фронта была создана под рук. Н. Тихонова Оперативная группа писателей, в нее вошел и Л. Одновременно стал работать и в Оперативной группе морских писателей под рук. Вс. Вишневского. Высокий настрой уже в нач. войны прозвучал в стих. Л. **«Клятва»**.

В 1941-м вышли кн. Л. **«Рассказы про саперов»** и **«Записки сапера»**. Для того чтобы рассказать об их опасной работе, потребовались не только лит. талант, но и профессиональное знание ремесла саперов, с кот. Л. был знаком не понаслышке. Редактор фронтовой газ. М. Гордон вспоминал: «Б. Лихарев большую часть времени проводил в частях, а когда приезжал в редакцию, полевая сумка его была переполнена письмами солдат — заготовками для будущих выступлений в газете. Как автору очерков и корреспонденции, Б. Лихареву очень помогало редкое уменье находить интересных людей и, что называется, нащупывать присущие им характерные черты. Вот почему и по сей день не потускнели созданные Б. Лихаревым в первые месяцы войны литературные портреты героев фронта пулеметчика Комкова, разведчика Фризюка, летчика Трубицына, артиллериста Жданова» (Гордон М. Невский, 2. Л., 1976).

В дек. 1941 был направлен газ. «На страже Родины», в кот. он работал, в район Тихвина к летчикам, кот. доставляли продовольствие в Л-д. Писатель сомневался: «Зная скромность летчиков, я побаивался: сумею ли выудить у них нужные факты, но летчики разговорились. Я исписал два блокнота» (Подвиг Л-да. М., 1960). Перв. месяцы войны были самыми трудными. «В те дни,— вспоминал Л.,— нужна была сатира, разящая извергов-фашистов, чтобы фронт грозным смехом смеялся над врагом... Дружный, неукротимый смех, опасное для врага веселье охватывало сердца солдат, когда звучали острые сатирические четверостишия настражевской "Прямой наводки". Бывало что от громоподобного хохота сыпался песок с бревенчатых потолков наката». Лирика и сатира составляли многожанровую работу

военкора Л. Хренков так вспоминает о Л.: «Литература была для него не только профессией. Он не мог жить без нее и служил ей как рыцарь, без страха и сомнений» (Хренков Дм. Друзья мои — стихи. Л., 1966). Эту характеристику дополняет Гордон: «Он великолепно знал военное дело... Лихарев хорошо понимал героев фронта и писал о них вдохновенно, потому что сам был солдатом переднего края» (Гордон М. Невский, 2. Л., 1976).

В 1943 в Л-де изданы две кн. Л.: **«Ярость: Стихотворения»** и **«Сапер Иван Румянцев»**. Саперы «вгрызались в минный пояс, прокладывая дорогу для наступления», используя «все искусство, все бесстрашие, на которое они только были способны»,— конкретно и со знанием дела описывал их труд Л.

О своеобразии работы спецкора напоминают и ответственные командировки Л. Н. Браун вспоминал, что счастьем поэта во время войны было ощущать себя бойцом. И Л. познал это счастье быть в центре всенародной борьбы. Тому свидетельством его пост. командировки «на линию огня», выходы на операции с разведчиками, полет на У-2 на три недели в тыл противника с «творч. командировкой» в псковско-новгородский партизанский край. Так рождались стихи, «кот. и сегодня поражают проникновенным поэтическим видением человека на войне» (С пером и автоматом. Л., 1964).

О своих полетах в Партизанский край в дневниковых записях Л. писал: «"Король воздуха" — так с гордостью называют партизаны этот маленький самолет... Необычайно точны бомбовые удары "короля"... Вот на таком самолете прилетел я к партизанам Ленинградской области... Три недели пробыл я в Партизанском крае...» (Рядом с героями. М.; Л., 1967). Оттуда он привез серию очерков, их быстро опубл. газ. «На страже Родины» и ж. «Л-д». Мн. его партизанские стихи впервые увидели свет в партизанской газ. Для них характерно не только боевое вдохновение, но и скрупулезная точность фактов.

Вместе с В. Саяновым Л. в числе первых вошел в только что освобожденный в 1943 Шлиссельбург. Слово Л. звучало по радио и 18 янв. 1943, когда блокада была прорвана.

В издании ж. «Л-д» был годичный перерыв во время блокады, когда издававшие его сотрудники ушли на фронт. Но уже в сент. 1942 ж. был возрожден. В 1943 Л. стал членом его редколлегии, в 1944-м его отв. секретарем. «Дорогой Боря,— писал Н. Тихонов из М. — Спасибо за "Ленинград". В нем многое мне понравилось. Твое **"Орудие Ленинграда"** лучшее стихотворение номера».

В янв. 1943 выезжает в командировку в родное А. Прокофьеву с. Кобона Мгинского р-на, в февр. — в 434-й дивизион ПВО, в марте — в освобожденный Шлиссельбург. Дм. Левоневский вспоминает: «В короткие минуты фронтового затишья командир саперного взвода поэт Борис Лихарев слушал вместе со своими бойцами незатейливые рулады лесного певца. Грохот война не мог заглушить голоса маленькой красногрудой птицы...».

Л-д освободился от блокады, но жизнь ставила перед ленинградцами все новые задачи. Л. работал в группе писателей при Политуправлении Ленфронта. Но только этим работа Л. ограничиться не могла. «Через несколько месяцев после того, как отгремели бои, разорвавшие кольцо блокады Ленинграда, три поэта-ленинградца (А. Прокофьев, Б. Лихарев и И. Авраменко) были откомандированы Военным Советом Ленфронта на север, в группу войск генерала Мерецкова, кот. было приказано выбить фашистов из Петсамо, Киркенеса и Варангер-фиорда и тем положить начало освобождений Норвегии. Борис Лихарев вместе с бойцами наступающей армии проделал трудный путь по заполярной тундре и отрогам скалистых гор до Киркенеса» (ЛН. Т. 71, кн. 1. М., 1966). Отд. стихи Л. об освобождении Норвегии тогда остались неопубл., позднее «ЛН» опубл. стих. **«Березка»**, **«Амфибия»**, **«Тиролец»**. В 1947 была издана кн. Л. **«Поход к фиордам»**.

Один из друзей Л. — Николай Тихонов, избранный главой СП СССР и вынужденный уехать в М.,— в письме к А. Прокофьеву от 23 окт. 1944 интересуется поэмами «Ночь накануне бессмертия» Авраменко и «Победителями» Л., просит адресата: «Напиши мне, как живут наши друзья по военной группе — Боря и Авраменко, что такое их поэмы...» (РО ИРЛИ, ф. 597).

После войны Л. был редактором ж. «Л-д» и «Лен. альм.», затем гл. ред. ЛО изд-ва «Сов. писатель».

В 1947 в М. издается кн. Л. **«Поход к фиордам»**. В его последующих кн. **«Подвиг»**, **«Дороги дружбы»**, **«В стране друзей»**, **«Солнце все выше»**, **«С тобою, жизнь»**, **«Молодость мира»** сосредоточены воспоминания о войне и радость строительства новой жизни.

Послевоен. тв-во Л. тематически разнообразно. Поездка на целину — и стихи об обновленном сельскохозяйственном Алтае. Поездка к устью Волги — и цикл астраханских стихов. Поездка на празднование 100-летия «Калевалы» — и стихи о Карелии. Поездка к Женевскому озеру в Швейцарии, и в Цюрих, и к горным тропинкам в Швейцарии — и цикл **«Ленин в Швейцарии»**. Поездка в Прагу — и стих. о Юлиусе Фучике. М. Пахомова напоминает: «Карелия, где Б. Лихареву самому пришлось проходить дорогой войны, возрождается к жизни руками людей упорных, трудолюбивых, творчески мыслящих. Герои его стихотворений — лесоводы, орнитологи, рыбоводы, пчеловоды, строители гидроэлектростанций, устремленные в будущее» (Пахомова М. Карелия и тв-во советских писателей. Петрозаводск, 1974).

В. Шефнер писал о Л.: «...это была жизнь полная, жизнь кипучая и благородная, и она нашла себе воплощение в его стихах, которые живут и поныне и, я верю, будут жить еще долго».

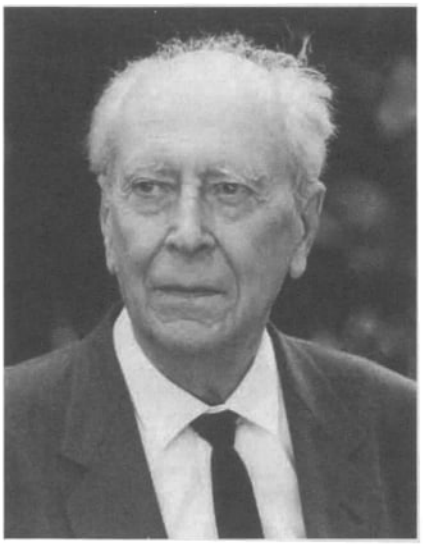
Соч.: Стихи // Гитович А., Лихарев Б., Прокофьев А., Чуркин А. Разбег. Л., 1929; Соль. Л., 1930; Вооружение. Л., 1933; Ударники огня: Поэма. Л., 1933; Стихи // Гитович А., Лихарев Б., Марьенков М., Прокофьев А. Первомайские стихи. Л., 1933; Книга стихов. Л., 1934; Моисей Урицкий: Поэма. Л., 1937; Стихи о Л-де. Л., 1931; Избр. стихи. Л., 1940; Записки сапера. Л., 1941; Рассказы про саперов. М.; Л., 1941; Сапер Иван Румянцев. Л., 1943; Ярость: Стих. Л., 1943; Поход к фиордам. М., 1947; Подвиг: Поэма. М., 1953; Дороги дружбы. Л., 1954; В стране друзей. Л., 1952; Солнце все выше. Л., 1959; С тобой, жизнь. М.; Л., 1961; Молодость мира. Л., 1963; Подарок бойца о Ленине! Л., 1963; Стих. Л., 1972; Мой отыщется след: Избр. Л., 1975.

Лит.: Левоневский Дм. О Борисе Лихареве // Лихарев Б. Молодость мира; Хренков Д. Друзья мои — стихи. Л., 1966;

Шефнер В. О Борисе Михайловиче Лихареве // Лихарев Б. Мой отыщется след; Хренков Д. Одной любовью. Л., 1979.

В. Шошин

ЛИХАЧЁВ Дмитрий Сергеевич [15(28).11.1906, СПб. — 30.9.1999, СПб.; похоронен на Комаровском кладб.] — историк лит-ры, искусствовед, культуролог, публицист, мемуарист; обществ. деятель.



Предки происходили из купеческой среды (со стороны матери — старообрядческой). Сын инженера-электрика С. М. Лихачева и В. С. Лихачевой (урожд. Коняевой). Среднее образование получил в гимназии Императорского Человеколюбивого об-ва (1914–16), в реальном училище К. И. Мая (1916–20) и в 10-й сов. единой трудовой школе (б. гимназии Л. Д. Лентовской; 1920–23). На формирование мировоззрения Л. значительное влияние оказал учитель С. А. Алексеев (он же изв. философ С. А. Аскольдов) — от него Л. воспринял не только представление об органич. целостности мира и его интуитивном постижении, но и взгляд на соотношение идеи и слова как на определяющее начало жизни и всего человеческого об-ва, и отд. индивида (т. е. в терминах культурологии — концептосферы или идеосферы). С 1923 Л. учился на романо-германской и славяно-русских секциях этнолого-лингвистич. отд. фак-та обществ. наук Пг. гос. ун-та, окончив его в 1928 по обеим специальностям (написал две дипломные работы: **«Шекспир в России в XVIII веке»** и **«Повести о патриархе Никоне»**). На формирование интересов Л. значительное влияние оказали Д. И. Абрамович (лит-ра Др. Руси), С. К. Боянус (история английского яз.), В. М. Жирмунский (английская поэзия), В. Е. Евгеньев-Максимов (навыки практической исследовательской работы по текстологии нового времени; под его рук. в период учебы Л. подготовил статью о новонайденных 30-ти фельетонах Некрасова). Сам Л. особо значимым для становления своих представлений о древней и новой русской лит-ре считал знакомство с В. Л. Комаровичем, а для формирования взглядов на вопросы лингвистические — многолетнюю дружбу с И. Е. Аничковым.

Участие в религиозном кружке И. М. Андреевского, известного как «Братство св. Серафима Саровского», привело к аресту Л. 8.2.1928 по сфабрикованному ОГПУ т. н. «делу Космической Академии наук». Приговоренный к 5-летнему заключению по ст. 58–10 УК РСФСР («контррев. агитация и пропаганда»), отбывал его в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН) и на строительстве Беломорканала. Пребывание в СЛОНе Л. считал «главным университетом своей жизни»; большую часть срока Л. работал в Крымкабинете. Первая печ. работа Л. **«Картежные игры уголовников»** была опубл. в издававшемся Соловецким об-вом краеведения ж. «Соловецкие острова» (1930. № 1). В 1931 Л. был переведен на строительство Беломорско-Балтийского канала. Как «ударник Беломорстроя» Л. был досрочно освобожден 8.8.1932, причем без поражения в правах и ограничения по месту проживания. 27.7.1936 судимость была снята. Собранные в СЛОНе матлы были положены Л. в основу исследования **«Черты первобытного примитивизма воровской речи»** (Язык и мышление. М.; Л., 1935. Т. III/IV) с приложением библиографии о русском арго (по фондам БАН). По возвращении в Л-д служил в 1932–33 лит. редактором в Соцэкгизе и в 1933–34 корректором по иностранным яз. в типографии «Коминтерн». С 1934 по 1938 работал ученым корректором, затем лит. редактором в Изд-ве АН СССР. (В этом кач-ве принимал участие в подготовке академ. собрания А. Пушкина).

Редактирование посмертного издания труда А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.» (Л., 1937) обратило на Л. внимание акад. А. С. Орлова. В 1938 Л. был приглашен в Ин-т лит-ры АН СССР (Пушкинский Дом) на должность мл. науч. сотрудника; в Отделе древнерусской литературы работал до кончины. 11.6.1941 Л. защитил канд. дис. **«Новгородские летописные своды XII в.»** и был произведен в ст. науч. сотрудники. Первую блокадную зиму Л. с семьей провел в Л-де. По поручению Отдела агитации и пропаганды Обкома ВКП(б) совм. с М. А. Тихановой в предельно сжатые сроки Л. создал кн. **«Оборона древнерусских городов»** (Л., 1942). В июне 1942 Л. с семьей был эвакуирован в Казань. По возвращении в 1944 в Л-д продолжил исследования о древнерусских летописях и в 1947 защитил докт. дис. **«Очерки по истории лит. форм летописания XI–XVI вв.»** (опубл. в сокращении: Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947). С 1948 — член Ученого совета ИРЛИ. В 1952 награжден Сталинской премией 1 степ. за раздел о лит-ре в колл. труде «История культуры Др. Руси». С 1953 — чл.-корр. (с 1970 — действ. член) АН СССР. В 1954 возглавил Отдел древнерусской лит-ры; в том же году удостоен премии Президиума АН СССР за кн. **«Возникновение древнерусской лит-ры»** (М.; Л., 1952). С 1955 — член Бюро Отделения лит-ры и языка АН СССР. С 1956 — член (с 1974 — член Бюро) Археографич. комиссии АН СССР. С 1960 член Сов. комитета славистов. С 1961 — член редколлегии ж. «Известия АН СССР. Отделение лит-ры и языка». С 1974 — председатель Научного совета по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР. С 1984 — член Лен. науч. центра АН СССР. Отв. редактор «Трудов Отдела древнерусской лит-ры» (с 1955). Председатель редколлегии ежегодника «Памятники культуры: Новые открытия» (с 1974). Председатель Пушкинской комиссии (с 1983). Почетный председатель Междунар. об-ва по изучению тв-ва Ф. Достоевского (с 1986). Член Ко-

миссии по лит. наследию Б. Пастернака (с 1987). Член редколлегии ж-лов «Новый мир» (1987–96) и «Наше наследие» (с 1988). Председатель редколлегии альм. «Канун» (с 1995). Доцент (с 1946) и профессор (с 1951) ЛГУ. Член СП СССР (с 1956). Член Советского (с 1989) и Российского (с 1992) Пен-клуба. Почетный член ряда иностранных академий и доктор наук honoris causa мн. зарубежных ун-тов. Лауреат Гос. премии СССР (1969; за кн. **«Поэтика древнерусской лит-ры»**). Лауреат премии им. В. Белинского Президиума АН СССР (1985; за кн. **«"Слово о полку Игореве" и культура его времени»**), Большой золотой медали им. М. Ломоносова РАН (1993; «За выдающиеся достижения в обл. гуманитарных наук»), премии Президента РФ в обл. лит-ры и искусства (1997), Гос. премии РФ (1999; посмертно). Кавалер ордена Ленина и Герой Соц. Труда (1986). Кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степ. (1996). Первый кавалер ордена Св. Апостола Андрея Первозванного «За веру и верность Отечеству» (1998), сразу же подаренного Л. Отделу нумизматики Гос. Эрмитажа. Л. был награжден сов. и иностр. орденами и медалями. Первый Почетный гражданин СПб. (1993).

Наиболее известен Л. как исследователь древнерусской лит-ры: ему принадлежит выдающаяся роль не только в ее изучении, но и популяризации. Именно благодаря Л. начиная с 1960-х произведения книжников Др. Руси органично вошли в совр. обществ. сознание. Совместно с учеными старшего поколения (А. Орлов, В. Адрианова-Перетц) своими трудами Л. опровергал распространенное в 1930–50-е в сов. массовом сознании представление о культурной отсталости допетровской Руси, нигилистическое отношение к тысячелетней истории России.

По словам Л., интерес к древнерусской культуре пробудился у него впервые летом 1921 после поездки на Русский Север. «Двухнедельная эта школьная экскурсия сыграла огромную роль в формировании моих представлений о России, о фольклоре, о деревянной архитектуре, о красоте русской северной природы» (Воспоминания. СПб., 1995). Богоборческая суть сов. государства, гонения на церковь пробудили в Л. «чувство жалости к погибающей России». «С этим чувством жалости и печали я стал заниматься в университете с 1923 г. древней русской литературой и древнерусским искусством. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети, собрать ее изображения, показать их друзьям, рассказать о величии ее мученической жизни. Мои книги — это, в сущности, поминальные записочки, кот. подают "за упокой": всех не упомнишь, когда пишешь их,— записываешь наиболее дорогие имена, и такие находились для меня именно в древней Руси» (Там же).

В науч. наследии Л. изучение древнерусских текстов связано с их публикацией. Совм. с В. Адриановой-Перетц Л. принимал деятельное участие в серии «Лит. памятники» со времени ее создания (1948); в дальнейшем был членом редколлегии (с 1952), председателем (с 1971) и почетным председателем (с 1990) серии. Подготовил «Слово о полку Игореве» (1950), «Повесть временных лет» (Т. 1–2; 1950; совм. с Б. Романовым; переизд. 1996, 2007 с прим. М. Свердлова), «Послания Ивана Грозного» (1951; совм. с Я. Лурье; переизд. 2005), «Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки» (1954; совм. с Я. Лурье; переизд. 2004); «Повесть о Горе-Злосчастии» (1984; совм. с Е. Ванеевой). По инициативе Л. в серии было издано более 20 кн., среди кот. «Византийские легенды» (1972, 2004), «Мои воспоминания» А. Бенуа (1980, 1990, 1993), «Петербург» Андрея Белого (1981), «Воспоминания» М. Добужинского (1984). Составленный Л. сб. «Худож. проза Киевской Руси» (М., 1957; совм. с И. Ереминым) явился первым опытом антологии древнерусской лит-ры, подготовленном на высоком науч. уровне, но рассчитанным на самые широкие круги читателей. Под рук. Л. для «Биб-ки всемирной лит-ры» был подготовлен «Изборник» (М., 1969); его успех побудил руководство изд-ва «Худож. лит-ра» обратиться к Л. с предложением о подготовке Отделом древнерусской лит-ры многотомного изд. «Памятники лит-ры Др. Руси»; вышедшие в свет под рук. Л. в 1978–94. 11 ненумерованных томов были удостоены в 1993 Гос. премии. Написанные Л. к каждому тому предисловия в итоге составили подготовленную С. Шмидтом и А. Топычкановым кн. Л. **«Введение к чтению памятников древнерусской лит-ры»** (М., 2004). Почти сразу после завершения работы над «Памятниками» под рук. Л. сотрудники Отдела приступили к подготовке 20-томной антологии «Библика лит-ры Др. Руси»; с 1997 изд-вом «Наука» выпущено в свет 16 т.

Науч. труды Л. 1940–80-х посвящ. по преимуществу вопросам поэтики и текстологии древнерусской лит-ры, ее взаимоотношениям с изобразительным искусством. Коллективная монография «История культуры Древней Руси. Домонгольский период» включала в себя написанный Л. раздел **«Литература»**, где он подчеркивал не только исключительно высокий худож. уровень лит. произведений Киевской Руси, но их историзм, стремление авторов (как правило — анонимных) высказать собств. точку зрения, отразить смену идеологич. настроений совр. им обва. Тысячелетнюю историю русской лит-ры Л. связывал как с историей общественно-политич. мысли, так и с историей всемирной лит-ры, но главным во всех историко-лит. построениях Л. для него оставалась личность автора в его взаимоотношении с творч. историей произведения. (Высказанное Л. в 1980-е положение о «конкретности литературы» как древнего, так и нового времени есть результат как собств. полувековых размышлений, так и развитие взглядов о сей материи В. Комаровича.) Итогом многолетних разысканий Л. явился труд **«Текстология: На мат-ле русской лит-ры X–XVII вв.»** (М.; Л., 1962; доп. и испр. переизд. 1983, 2001; сокр. вар.: Л., 1966). Согласно Л., текстология является не вспомогательной науч. дисциплиной, а самостоятельной наукой — «текстолог должен быть и историком, и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а чаще и историком искусства» (**Текстология.** Л., 1983).

Помимо рассмотрения истории русского летописания как явления лит-ры, с кон. 1940-х гл. место в сфере науч. интересов Л. занимает «Сло-

во о полку Игореве». Л. настойчиво опровергал предположения скептиков об его древности; особо следует подчеркнуть заслугу Л. в опровержении выводов А. Зимина об изготовлении «Слова» в кон. XVIII в. архимандритом Иоилем (Быковским): умозрительность данного вывода становится очевидной после посмертной публикации труда Зимина,— на чем настаивал и сам Л. для корректности полемики. Как исследователя Л. отличают безукоризненность стиля, легкость и точность изложения, строгость и полнота аргументации, предельная жесткость к оппоненту, Как человеку Л. были свойственны моральный максимализм, требовательность к себе и подчиненным, непримиримость к противнику. Совокупность этих кач-в позволила Л. на протяжении 45 лет возглавлять Отдел древнерусской литературы, превратив его в наиболее совершенное структурное подразделение ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР / РАН.

В наст. время Л. воспринимается не только как крупнейший специалист по истории древнерусской литры, но и как один из создателей российской культурологии как науч. дисциплины.

В своих воззрениях на развитие культуры Л. исходит из принципа «обособления творения от творца», однако не исключает роль некоего непостижимого высшего начала на пути к сотворению гармонии из хаоса. В представлениях Л. общее развитие культуры осуществляется по собств. своим закономерностям, неподвластным человеку, но зависимым от его деятельности, ввиду чего представляется необходимость «экологии культуры» — защиты и охраны сформировавшей ее среды. В основе построений Л. лежит выдвинутая им гипотеза о том, что «в стране существует единство народа, природы и культуры». Возможные сомнения в подобном *единстве* Л. a priori снимает уже тем, что различает уровни культуры, показывая, что если ее средний и низший уровни могут быть рассматриваемы как проявление объективных ист. закономерностей, то это не относится к явлениям высшего уровня, все же представляющим собой достаточно редкое исключение из общего ряда. Напротив, культурно-ист. контекст, как правило, является неблагоприятной средой для проявления гениальности; отклонение от принятых норм и канонов служит дальнейшему эволюционному развитию культуры. Собств. роль в современном ему культурном процессе Л. определял как «миссию воссоединения через просветительство», а именно помощь совр. человеку в воссоединении с культурой прошлого; возложенную им на себя просветительскую миссию Л. трактовал как «обязанность отстаивать и защищать нашу культуру зачастую от нас самих».

Слова Л. не расходились с его поступками: с сер. 1950-х Л. начал активно выступать в защиту самых различных объектов культурного наследия, стяжав на этом поприще уже к нач. 1970-х как всесоюзную славу, так и стойкую неприязнь властей, прежде всего ленинградских. Благодаря выступлениям Л. были предотвращены застройка ист. центра Новгорода и «реконструкция» Невского проспекта. Л. был одним из создателей Всероссийского об-ва охраны памятников истории и культуры (с 1967; член Президиума — с 1982). Неизменной была поддержка, оказываемая Л. собирательской деятельности В. Малышева и увековечению памяти о нем. Во многом благодаря содействию Л. состоялось осуществленное Н. Покровским «археографическое открытие Сибири»: полевая археография всегда имела в Л. своего заступника. Спасение памятников старины пост. оставалось одним из гл. направлений творч. деятельности Л., их изучению и популяризации были посвящ. созданные по его инициативе ежегодник «Памятники культуры: Новые открытия» (1974 –) и ж. «Наше наследие» (1988 –).

С юности Л. пост. занимался самообразованием; прочитанное и увиденное заставило его воспринимать и собств. жизнь, и окружающий мир прежде всего как текст, что бы ни попадало в сферу его зрения. Создавший свой собств. уникальный мир, с нач. 1980-х Л. начинает предпринимать попытки познакомить с ним достаточно обширную аудиторию. (Позднее, перефразируя собственные на этот счет высказывания Л., его действия не вполне корректно были названы «проповеднической миссией».) Достаточно широкой аудитории в 1980 Л. адресовал две программные статьи: **«Экология культуры»** (Памятники Отечества. 1980. № 2) и **«Заметки о русском»** (Новый мир. 1980. № 3). Последняя статья встретила восторженное отношение в широких кругах читателей и весьма резкое неприятие либеральной интеллигенции. Рассказывавшая о положительных сторонах русского нац. характера статья в условиях воинствующей русофобии Запада и сопричастного ей сов. «шестидесятничества» была воспринята как вызов; односторонняя полемика с ней продолжалась почти два года. Цель Л., о кот. он не мог по цензурным условиям сказать прямо, а именно показать нетождественность *русского* и *советского* — была им достигнута. Собств. жизненный опыт избавил Л. от какой бы то ни было идеализации прошлого, вследствие чего у него не могло быть точек сближения со стоявшими на шовинистических позициях монархистами или сталинистами, склонными к простейшим конспирологическим построениям. Данная среда органически была чужда Л. прежде всего вследствие разницы интеллектуального уровня. Равным образом Л. было чуждо и диссидентство: *для пользы дела* Л. предпочитал искать с властью объединяющие начала, а не повод для противостояния. (Диссидентскому движению также был глубоко чужд А. Солженицын, видевший в нем прежде всего проявление столь ненавистного ему коллективного начала.) Л. прекрасно сознавал, что его знакомство с Солженицыным будет поставлено властью ему в вину, однако не счел возможным отказаться от помощи ему в работе над «Архипелагом ГУЛАГ», в частности, сообщением сведений о СЛОНе. Тем не менее, после отказа Л. участвовать в сб. «Из-под глыб» между ним и Солженицыным наступил разрыв — тогдашний властитель дум даже вывел Л. в неприглядном свете в статье «Образованщина», не назвав его по имени, однако сделав его легко узнаваемым. (Следует заметить, что едва ли Л. могли быть близки предельно мифологизированные тексты Солженицына, зачастую страдающие погрешностями против лит. вкуса).

Наступившее к кон. 1970-х смятение умов в сов. об-ве, заведомая не-

возможность следовать прежним офиц. идеолог. доктринам и поиск новых явили следствием то, что Л. начал активно пробовать себя в публицистике, печатно и устно выступая с суждениями на темы гуманизма, нравственности, интеллигентности; много публиковался в педагогических и популярных изданиях. Едва ли не гл. темой выступлений Л. было соотношение знания и нравственности: он показывал, что знание гуманитарное есть знание точное и вместе с тем знание этическое. Словосочетание «экология культуры» вошло в массовое сознание — Л. показывал, что «проблемы духовной культуры, духовного здоровья народа — это прежде всего проблемы уважения своего прошлого, а значит и уважения своего сегодняшнего дня, проблемы производства духовного знания и сохранения знания накопленного». Размышления Л. на этич. темы имели необычайный успех и оказались созвучными т. н. «новому мышлению». С весны 1985 благодаря указанию Р. Горбачевой были сняты какие-либо ограничения на выступления Л. по телевидению, и он обрел всенародное признание, став «в полном смысле слова народным ученым» (Т. Князевская). Во время т. н. «перестройки» Л. оказался востребован в кач-ве одной из сакральных фигур эпохи, чему способствовала его известность в кач-ве «совести нации», прежде всего как печальника и заступника гибнущих памятников старины. В 1986 Л. совместно с Р. Горбачевой и митрополитом Питиримом (Нечаевым) основал Советский (с 1991 — Российский) фонд культуры, где с 1986 по 1993 был председателем правления. С 1987 Л. участвовал в деятельности фонда «За выживание человечества в ядерной войне». В 1989–91 был народным депутатом Верховного совета СССР от Сов. фонда культуры.

Вопреки расхожему мнению, обществ. деятельность Л. в посл. полтора десятилетия его жизни не вошла в противоречие с его собств. научными планами: следует говорить о целостности исследовательской манеры Л., в кот. сочетались поиск объективной истины и просветительство. Так, на рубеже 1980–90-х он продолжал руководить Отделом, где, помимо издания «Трудов» и «Памятников литры Др. Руси», его сотрудники приступили к работе над новыми крупномасштабными проектами, как-то начатые по инициативе Л. «Словарь книжников и книжности Др. Руси» (первые 4 вып.: Л., 1987–92) и «Книжные центры Др. Руси» (первые 2 вып.: Л., 1991), отв. редактором начальных томов кот. он являлся. В это же время продолжалась работа Л. над дополненным изд. **«Поэзии садов»**, получившим к этому времени всемирное признание. Одновременно Л. создал ряд работ по культурологии, где в сферу его внимания, помимо традиционных для него памятников средневековой письменности и искусства, вошли и совр. формы обществ. сознания и культуры. В 1992 Л., основываясь на опубликованной в 1928 статье Аскольдова «Концепт и слово», предложил ввести понятие *концептосферы* — как высшей ступени предложенной ранее В. Вернадским *биосферы*; итоговый вывод Л. гласил: «По концептосфере национального языка мы можем судить о культуре нации» **(Очерки по философии худож. тв-ва.** СПб., 1996).

Многотрудные обязанности не помешали Л. создать книгу, кот. он сам считал одним из гл. трудов своей жизни — **«Воспоминания»**, впервые увидевшие свет в 1995, а до того с кон. 1980-х неоднократно публиковавшиеся в отд. фрагментах. В «Воспоминаниях» Л. показал роль в своем становлении как личности в равной степени как биологических (чувство органической связи с родственниками, знание родословной, полученное в детстве воспитание), так и социал. условий. Необычайно обстоятельно Л. анализирует собств. впечатления — начиная с раннего детства — от того или иного события или человека. Хронологически «Воспоминания» обнимают жизнь Л. до отъезда его летом 1942 в эвакуацию. Насыщенные множеством ушедших в вечность персонажей, мемуары Л. воспринимаются в кач-ве первоисточника для истории Соловецкого лагеря особого назначения, истории Изд-ва АН СССР и для реальной истории Пушкинского Дома в годы войны. Исключительную ценность «Воспоминания» Л. представляют как свидетельство очевидца первой блокадной зимы (написаны им совм. с женой З. А. Лихачевой). Л. аргументировано ставит под сомнение число погибших в блокаду, предложенное ответственным за снабжение города продовольствием Д. Павловым (около 700000), аргументированно доказывая занижение этой цифры почти втрое. Вопреки офиц. точке зрения, жителей блокадного Л-да Л. рассматривает не как *героев*, а как *мучеников*. По словам Л., «в голод люди показали себя, обнажились, освободились от всяческой мишуры: одни оказались замечательными беспримерными героями, другие — злодеями, мерзавцами, убийцами, людоедами. Середины не было. Все было настоящее. Разверзлись небеса и в небесах был виден Бог. Его ясно видели хорошие».

Все, что проходило после отъезда Л. из осажденного города, представляло для него заведомо меньший интерес, чем ретроспектива 1910–40-х: полувековая служба в Ин-те русской лит-ры запечатлелась лишь в главах об Отделе древнерусской лит-ры и об идеологических «проработках» кон. 1940-х. По словам Л., уже к сер. 1980-х почти не осталось в живых тех, с кем он был связан в течение своей долгой жизни; следующим поколениям реальные события ушедшей в прошлое эпохи совершенно неведомы и непонятны, что ведет к мифологизации ист. событий. «Уходят последние хорошие люди... Ленинград — огромная могильная плита, роскошная, но все же могильная и изрядно попорченная. Не только она лежит на людях, на городе, но и над русской культурой» (Цит. по: Зубок В. Д. С. Лихачев...). «Воспоминания» Л. отличают «определенность, даже некоторая жесткость моральных оценок, неизменность представлений о добре и зле и об абсолютности самих понятий добра и зла». По словам Л., «Воспоминания» были им «написаны для того, чтобы сохранилась память о тех безвестных, чьи судьбы были искорежены временем, чей талант и внутреннее богатство личности не были реализованы не по их вине, чьему вкладу в отечественную культуру не дано было осуществиться — о русских интеллигентах, встреченных мною в юности». Так, в приложении к «Воспоминаниям» Л. поместил корпус сохранившихся у него стихов В. С. Свешникова (Валентин Кемецкий) —

своего соседа по камере на протяжении двух лет, а также собств. веденные на Соловках конспективные дневниковые записи, в кот. явно усматривается замысел будущих мемуаров.

В память о Л. в 2001 в СПб. создан Фонд имени Д. С. Лихачева (см.: http://lfond.spb.ru), Начиная с мая 2001 СПб. гуманитарный ун-т профсоюзов проводит ежегодные Междунар. Лихачевские чтения (в мае; с изданием сб. докладов). 14.2.2006 Президент РФ подписал Указ «О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева», согласно кот. 2006-й был объявлен в России «Годом культуры, образования, гуманитарной науки — Годом академика Д. С. Лихачева», во время кот. по инициативе Фонда им. Лихачева по всей стране было проведено свыше 300 мероприятий. В 2006 учреждена ежегодная Премия имени Д. Лихачева, вручаемая «за выдающийся вклад в сохранение историко-культурного наследия России», поскольку «в восприятии большинства именно Дмитрий Сергеевич Лихачев есть эталон воплощения идеала русского интеллигента, русского ученого, русского академика» (Т. Князевская).

Соч.: Оборона древнерусских городов. Л., 1942 (совм. с М. Тихановой); Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. Л., 1945 (переизд.: М., 1959); Нац. самосознание Др. Руси: Очерки из области русской лит-ры XI–XVII вв. М.; Л., 1945; Культура Руси эпохи образования Русского нац. государства (конец XIV — нач. XVI в.). М., 1946; Русские летописи и их культурно-ист. значение. М.; Л., 1947; Возникновение русской лит-ры. М.; Л., 1952; Человек в лит-ре Др. Руси. М.; Л., 1958 (переизд.: 1970, 1987); «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской лит-ры. М.; Л., 1961; Культура русского народа X–XVII вв. М.; Л., 1961; Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — нач. XV вв.). М.; Л., 1962; Текстология: На мат-ле русской лит-ры X–XVII вв. М.; Л., 1962 (переизд.: 1983, 2001); Поэтика древнерусской литры. Л., 1967 (переизд.: 1971, 1979, 1987); Худож. наследие Древней Руси и современность. Л., 1971 (совм. с В. Лихачевой); Развитие русской лит-ры X–XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973 (переизд.: 1987, 1998); Великое наследие: Классические произведения лит-ры Др. Руси. М., 1975 (переизд.: 1980, 1987, 1997); «Слово о полку Игореве»: Историко-лит. очерк. М., 1976; Смеховой мир Др. Руси. Л., 1976 (совм. с А. Панченко); «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978 (переизд.: 1985); Литература — реальность — литература. Л., 1981 (переизд.: 1984, 1987); Заметки о русском. М., 1981 (переизд.: 1984, 1987); Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982 (переизд.: 1991, 1998); Земля родная: Книга для учащихся. М., 1983; Смех в Древней Руси. Л., 1984 (совм. с А. Панченко, Н. Понырко); Письма о добром и прекрасном. М., 1985 (переизд.: 1988, 1989, 1990, 1994, 1999); Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985; Исследования по древнерусской лит-ре. Л., 1986; Избр. работы: В 3 т. Л., 1987; Великий путь: Становление русской лит-ры XI–XVII вв. М., 1987; Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М., 1988; О филологии. М., 1989; Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989; Воспоминания. Письма. М., 1990; Школа на Васильевском. М., 1990 (совм. с Н. Благово, Е. Белодубровским); Раздумья. М., 1991; Я вспоминаю. М., 1991; Книга беспокойств: Воспоминания, статьи, беседы. М., 1991; Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992; Письма о добром. СПб., 1994; Великая Русь: История и худож. культура X–XVII вв. М., 1994 (совм. с Г. Вагнером, Г. Вздорновым, Р. Скрынниковым); Воспоминания. СПб., 1995 (переизд.: 1997, 1999, 2001); Очерки по философии худож. тв-ва. СПб., 1996 (переизд.: 1999); Без доказательств. СПб., 1996; Об интеллигенции. СПб., 1997; Воспоминания: Избр. СПб., 1997; Раздумья о России. СПб., 1999; Новгородский альбом. СПб., 1999; Небесная линия города на Неве: Воспоминания, статьи. СПб., 2000; Русская культура. М., 2000; Введение к чтению памятников древнерусской лит-ры. М., 2004; Избр.: Мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006; Неизвестный Д. С. Лихачев: Неопубликованные мат-лы архива Российского фонда культуры. М., 2006.

Лит.: Дмитрий Сергеевич Лихачев: Биобиблиогр. указ. / Сост. М. Салмина, Г. Финашина. Предисл. В. Адриановой-Перетц и М. Салминой. Изд. 3-е, доп. М., 1989; Дмитрий Сергеевич Лихачев: Библиография 1988–2007 гг. / Сост. М. Салмина. СПб., 2009; Памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева // Археогр. ежегодник за 1999 год. М., 2000; Вечер памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева: Первые чтения 28 ноября 1999 г. М., 2000; Мир гуманитарной культуры акад. Д. С. Лихачева: Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб., 2001; Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания, эссе, документы, фотографии / Сост. Е. Водолазкин. СПб., 2002 (переизд.: 2006); Труды Отдела древнерусской литры. СПб., 2003. Т. 54; Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005; Буланин Д. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб., 2005; Наше наследие. 2006. № 79/80: 100 лет со дня рождения Д. С. Лихачева; Акад. Д. С. Лихачев: Диалог с XX веком: Каталог выставки. СПб., 2006; Васильев В. 1) Дмитрий Сергеевич Лихачев и книга: Из истории академического книгоиздания. М., 2006; 2) Роль книги и книжной культуры в трудах Д. С. Лихачева. М., 2007; Запесоцкий А. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. СПб., 2007; Культурология: Энц. М., 2007. Т. 1; Шмидт С. Наш великий современник: Статьи об акад. Д. С. Лихачеве, 1976–2006. СПб., 2007; БРЭ. М., 2010. Т. 17; Зубок В. Д. Лихачев в обществ. жизни России в кон. XX в. СПб., 2011; Дружинин П. Идеология и филология. М., 2012. Т. 1, 2; «Лит. памятники»: Аннотированный каталог, 1948–2011. М., 2012; Попов В. Дмитрий Лихачев. М., 2013 (ЖЗЛ).

М. Лепехин

ЛИХАЧЁВ Иван Алексеевич [27.12.1902(9.1.1903), СПб. — 10.12.1972, Л-д; похоронен на Комаровском кладб.] — переводчик, редактор переводов.

Отец, Алексей Алексеевич Л., изв. фармаколог, проф. Военно-мед. академии и 1-го Мед. ин-та, один из основателей и председатель Об-ва физиологов, фармакологов и биохимиков. Мать, Лидия Николаевна (урожд. Зубкова), обладала незаурядными муз. способностями, сочиняла стихи.

Л. получил начальное домашнее образование, но в 1918, спасаясь от голода, семья переехала в Кострому, где Л. поступил в одну из трудовых школ. Одновременно посещал в Казанском ун-те лекции и семинары выдающегося переводчика античных классиков проф. Ф. Петровского и одного из крупнейших знатоков западноевропейской литературы проф. В. Шишмарева.

Вернувшись в Пг. в 1920, по настоянию отца, Л. поступил в Горный ин-т, но любовь к лит-ре и увлечение иностранными яз. побудили его перейти на этнолого-лингвистическое отд. фак-та общественных наук Пг. ун-та, где его учителями стали В. Шишмарев и В. Жирмунский.

Учеба давалась легко, и в итоге Л. одинаково свободно читал и изъяснялся на одиннадцати яз.: английском, французском, итальянском, испанском, португальском, немецком, голландском, польском и др.

После окончания ун-та начал преподавать иностранные яз. и в 1927 возглавил кафедру иностранных яз. в Военно-морском инженерном училище им. Дзержинского. Это дало ему возможность много путешествовать: вместе с курсантами побывал на Каспийском, Черном, Баренцевом и Белом морях, плавал по Амуру. В сер. 1930-х ему присвоено звание капитана.

В 1936 познакомился с литературоведом и критиком Д. Мирским, кот. разглядел в нем талант будущего переводчика и посоветовал заняться переводом совр. английских поэтов. Однако осенью 1937 Л. был арестован по обвинению в участии в контррев. организации троцкистского толка и в шпионаже в пользу Италии. После трехлетнего пребывания в тюрьме осужден на 8 лет заключения сначала в Мончегорске, затем на Печоре. После окончания срока сослан в г. Вольск Саратовской обл., где работал дворником при детской биб-ке. В 1948 переехал в г. Фрунзе Киргизской ССР, устроился на работу в городскую биб-ку и стал давать частные уроки иностранных яз. В том же году по стране прокатилась новая волна арестов, под кот. попали многие лица уже однажды находившиеся в заключении. Л. вновь был арестован, осужден на 10 лет и отправлен в один из самых страшных лагерей — Озерлаг, находившийся в Иркутской обл. Здесь ему приходилось быть на тяжелых физич. работах, но, как впоследствии вспоминал Л., он не мог считать это время окончательно потерянным, т. к. познакомился и подружился со мн. замечательными людьми, в частности, с писателем Ю. Домбровским. Помимо того, он обнаружил, что помнит наизусть неск. сотен стихотворений на иностранных яз., кот. начал переводить на русский, зачастую не имея под рукой даже карандаша и бумаги.

В кон. 1955 был освобожден, но поскольку въезд в Л-д и М. был ему воспрещен, вновь избрал местожительством г. Фрунзе и устроился на работу в Республиканскую мед. библ-ку. Весной 1957 был полностью реабилитирован, вернулся в Л-д, в 1958 ему присвоили звание майора запаса, в 1962 приняли в СП СССР. С кон. 1950 Л. полностью посвятил себя переводч. деятельности.

Заниматься худож. переводом Л. начал в сер. 1920-х. Его перв. перевод французского романа П. Ампа «Рельсы» опубл. в 1925 Фонетическим ин-том языков. Как и перевод английского текста Д. Фруда «Смерть Марии Стюарт», опубл. в кн. С. Боянуса «Постановка английского произношения» (Л., 1932), этот перевод сам Л. считал любительским. Дебют Л. в качестве профессионального переводчика состоялся в 1937, когда появился ряд его переводов из Д. Хопкинса, Д. Лоренса и Т. Эллиота в сб. «Антология английской поэзии» — все без указания фамилии переводчика. В 1938 в антол. «Поэты французского Возрождения» опубл. его переводы из Ж. Баифа, Ф. Депорта и А. д'Обинье.

В 1935 началось сотрудничество Л. с изв. пушкинистами Т. Зенгер (Цявловской), М. Томашевским и М. Цявловским в подготовке соч. А. Пушкина: он перевел ряд французских стих. Пушкина и сделал комм. к публикациям.

Сразу по возвращении в Л-д получил перв. крупный заказ на перевод романа В. Скотта «Уэверли» для собр. соч. писателя в 20 т. В то же время перевел роман Стендаля «Ламбель», а в 1960 в сб. «Итальянские новеллы 1860–1914» появились его переводы новелл М. Серао «Цветочница» и «Или Джованнино — или смерть» и новеллы С. Ди Джакомо «Шрам».

В 1960-е наступил подлинный расцвет таланта Л. как переводчика западноевропейской прозы и поэзии и как ред. переводов. Его работы отличались бережным отношением к автору, глубоким проникновением в замысел писателя. Л. считал, что переводчик должен быть и знающим филологом, и опытным литератором. Сам он был не только несравненным стилистом, но и частым посетителем биб-к, где обыкновенно работал со словарями для отыскания русских эквивалентов предметов быта, названий растений или животных, выражений из профессиональных языков и т. д. или отдавал себя почти детективному поиску для дешифровки темных мест и отысканию ист. реалий. Совершенно особое отношение было у Л. к морской тематике, кот. он хорошо знал и любил еще со времени преподавания в Морской акад. Отсюда и поразительный профессионализм в переводах «Белого бушлата» и (к сожалению, незаконченного) «Моби Дика» Мелвилла (совм. с Б. Томашевским). Щегольское звучание морских терминов и точные описания позволяют читателю увидеть живые и подлинные картины тяжелого моряцкого быта или спокойно стоящих на рейде парусников.

Круг переводимых Л. авторов чрезвычайно широк. С английского: Э. Дикенсон, У. Вордсворт, Т. Элиот, Д. Китс, Д. Донн, Г. Мелвилл, В. Скотт, Г. Грин, Р. Брэдбери, Ч. Лэм, Д. Барроу, У. Фолкнер; с испанского: Ф. Каведо, А. де Ланглесиа; с немецкого: Й. Айхендорф, Ф. Геббель, Ф. Гельдерлин, А. Шамиссо; с польского: А. Мицкевич, Ю. Словацкий; с французского: Ш. Бодлер, Т. Готье, Ж. Дю Белле, Ж. де Нерваль, Ж. Жироду, Стендаль, Ш. Сент-Бев; с португальского: А. Мескита и др.

В 1959 Л. собрал вокруг себя молодых талантливых людей, объединив их в семинар худож. перевода английской прозы. Мн. из них сами стали впоследствии выдающимися специалистами и в своей самостоятельной работе старались придерживаться принципов, внушенных им руководителем. Семинар просуществовал до самой смерти Л.

Еще в детские годы под влиянием матери Л. сформировался как большой знаток и любитель музыки. Он был непременным посетителем оперных и балетных спектаклей, концертов классич. музыки, членом кружка любителей музыки при Филармонии, на собраниях кот. часто делал д-ды. Увлеченно собирая грамзаписи, он устраивал домашние прослушивания новых пластинок, каждый раз сопровождая такие собрания блестящими лекциями. Интерес к музыке повлиял и на переводч. деятельность Л. Так, он перевел с английского либретто Дж. Драйдена оперы Г. Перселла «Индейская королева»; с итальянского — либретто Ф. Д. Бузенелло муз. драмы К. Монтеверди «Корона-

ция Поппеи», тексты «Мадригалов» К. Джезуальдо; «Любовное письмо» К. Монтеверди; с немецкого — «Письма» Моцарта (и сделал комм. к ним), перевел стих. тексты муз. произведений Р. Штрауса для кн. Э. Краузе «Рихард Штраус», текстов кантат и ораторий Баха в кн. А. Швейцера «Иоганн Себастьян Бах»; осуществил перевод с французского кн. В. Мариза «Эйтор Вилла-Лобос. Жизнь и тво» и др.

Мн. переводы Л. остались ненапеч. Среди них переводы из Бодлера, Э. Диккенсон, Сэлинджера, Тербера, Брэдбери, Д. Остин, Конгрива, Де Куинси, Керуака, Фолкнера и др.

Архив хранится: ЦГАЛИ СПб. Ф. 444. Ед. хр. 197.

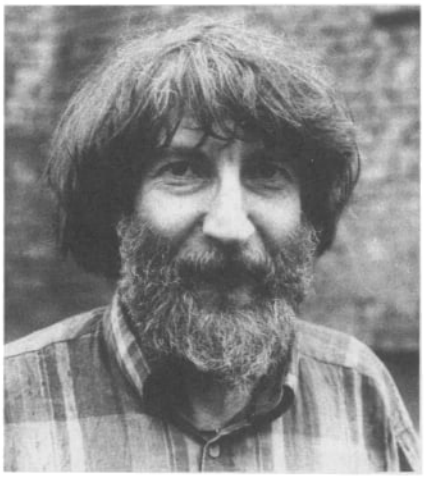
Соч.: Лекция об Антонио Вивальди // Звезда. 2012. № 9.

Перев.: Амп П. Рельсы. Л., 1925; Фруд Д. А. Смерть Марии Стюарт // Боянус С. К. Постановка английского произношения. Л., 1932; Д. Хопкинс, Д. Лоренс, Т. Эллиот. Стихотворения // Антология новой английской поэзии. Л., 1937; Поэты французского Возрождения: Антол. Л., 1938; Стендаль. Ламбель // Стендаль. СС. Т. 4. М., 1959; Стендаль. Письма // Стендаль. СС. Т. 15 / Под ред. И. Лихачева. М., 1959; Корредор Х. Беседы с Пабло Казальсом / Под ред. И. Лихачева. Л., 1960; Азаведу А. Трущобы / Под ред. И. Лихачева. М.; Л., 1960; Скотт В. Уэверли // Скотт В. СС. Т. 1. М.; Л., 1960; Серао М. Цветочница, «Или Джованни — или смерть» // Итальянские новеллы. 1860–1914. М.; Л., 1960; Ди Джакомо С. Шрам // Там же; Краузе Э. Рихард Штраус. М., 1961; Скотт В. Пират / Под ред. И. Лихачева. М.; Л., 1963; Синг Д. Театр / Под ред. И. Лихачева. Л., 1963; де Лисарди Ф. Перикильо Сарниенто / Под ред. И. Лихачева. М., 1964; Готорн Н. Новеллы / Под ред. И. Лихачева. М.; Л., 1965; Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах. М., 1965; Барроу Д. Лавергро. Л., 1967; Сент-Бев Ш. Лит. статьи. Критич. очерки / Под ред. И. Лихачева. М., 1970 (совм. с А. Андрес); Пинто Ф. Странствия. М., 1972; Мариз В. Эйтор Вилла-Лобос. Жизнь и тво. Л., 1972; Лондон Д. Белый бушлат. Л., 1973.

Лит.: Из писем И. А. Лихачева / Публ. Д. Дубницкого // Звезда. 2006. № 6; Канаев И. Иван Алексеевич Лихачев // ЦГАЛИ СПб. Ф. 444. Ед. хр. 197. Машинопись; Т. Л. Никольская о И. А. Лихачеве // http://al-zorin.livejournal.com/62286.html

П. Вахтина

ЛИХТЕНФЕ́ЛЬД Борис Елизарович [20.6.1950, Л-д] — поэт.



Отец — инженер; мать — врач-бактериолог. Большую роль в воспитании Л. сыграл дед по материнской линии М. Г. Шлезингер, кот. привил любовь к лит-ре.

Закончил Электротехнический ин-т связи им. М. Бонч-Бруевича (1972). Работал инженером (1973–77), проводником почтовых вагонов (1977–81), кочегаром (с 1981). В 1970-е посещал ЛИТО под рук. С. Давыдова при ДК им. Ленсовета, А. Кушнера в биб-ке фабрики «Большевичка», Гл. Семёнова при ДК им. Горького («Нарвская застава»). Был членом «Клуба–81».

Стихи начал пис. с восьми лет. Во время учебы в ин-те уже видел в поэзии гл. дело своей жизни. Сильное влияние на формирование эстетич. взглядов Л. оказал андеграунд. Печататься в офиц. изд. не стремился. По его воспоминаниям, «вторая культура» предоставляла возможность выхода к читателю через самиздат и тамиздат и «“воспитывала” пренебрежение к участию в официальном литературном процессе» (**Прогулки и путешествия** // Сумерки «Сайгона»). Выпустил две машинописные кн. стихов: **«В миру»** (1978) и **«Мифология опыта»** (1981). Печ. в самиздатских ж. «Часы» (1981. № 30; 1982. № 40), «Обводный канал» (1982. № 3). Тв-во Л. этого периода характеризуется обращением к религиозным мотивам (С. Стратановский) и может быть отнесено к «духовному течению в современной лирике» (Н. Котова), развившемуся в рамках «второй культуры».

Впервые типографским способом стихи Л. были напеч. за границей, в венском славистическом альм. «Гумилевские чтения». Семь опубл. стих. объединяет тема судьбы личности в контексте истории. Отличительной авторской чертой, отразившейся уже в этих текстах, стало стремление рассматривать явления с вневременной дистанции и тем самым выделять в них общий символич. смысл. В цикле **«Петербургские кумиры»** поэт изображает знаменитые памятники (А. Пушкину **«Памятник на Пушкинской»**, Петру I **«Прадеду-правнук»**, Екатерине II **«Перед истуканом Фелицы»**) и передает вызванные ими впечатления. «Размышляя над событиями русской истории и над судьбами русских писателей, поэт все время находит своего рода “знаки”, по кот. можно было бы прочитать трагическую обреченность петербургской цивилизации» (В. Дрыжакова). Обращение к религиозной теме выделяет стих. **«Библейский сюжет»** (1982), кот. строится как интерпретация легенды об Ионе. «Это пророк, кот. не хочет исполнить свою пророческую миссию и “бежит от лица Господня”. Л. смело переносит этот сюжет в современный Ленинград, и “бегство” пророка понимается им как бегство от судьбы, в конечном счёте, от самого себя» (С. Стратановский).

В. Дрыжакова, анализируя опубл. в альм. «Гумилёвские чтения» стих., выделяет как отличительную черту поэзии Л. «намеренно архаизированный язык». Эта особенность сохраняется и в последующем тв-ве Л.

В России перв. офиц. публ. Л. состоялась в 1993 в сб. «В Петербурге мы сойдемся снова» (сост. В. Левитином), где были помещ. стихи, напис. в 1982. Стих. **«Как выразителен этот уступ...»** можно отнести к характерному для духовной поэзии 1970–80-х «мистическому реализму, высвечивающему сквозь земные реалии потусторонние сущности» (Н. Котова). В данном тексте лирич. герою при случайном взгляде из окна приоткрывается «некий неписанный Третий Завет», кот. невозможно описать: «Чудо, а в чем оно — не передать». В стих. **«Рухнула и — бездыханна. На повороте — в кювет...»** описывается памятник Гоголю в М.,

в кот. герою видится трагич. образ писателя на пороге смерти: его дух опустошен стремлением к истине, кот. ему так и не удалось выразить. Параллельно Л. даёт и образ «нашего века» — разбившаяся на дороге Русь-тройка: «Повозка и скарб драгоценный — все разлетелось вдребезги...».

Осн. произведение Л. — **«Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда»** (2000), большой по объёму стих. текст, однозначно не соотносимый с опр. жанром. Произведение состоит из 4-х ч. В первой задаётся тема памяти: персонаж «Я» стремится мысленно воссоздать ушедшие моменты своей жизни и переосмыслить их. Тема зыбкости памяти продолжается в третьей части. Сюжет перерастает в символич. повествование о культуре и истории страны. Четвёртая часть представляет ряд перемежающихся, напрямую не связанных между собой свободных мотивов и сюжетных линий. Одна из них даёт ключ к пониманию целого: попытка в худож. форме обратиться к воспроизведению какой-либо истории оборачивается описанием бесконечного числа образов, т. к. любое событие может быть понято только как составляющий элемент общего потока жизни.

Одна из сквозных тем поэзии Л. — соотношение слова и выражаемого им смысла. Слова не в состоянии передать мысль непосредственно, т. к. не могут обладать неизменным значением. Но, тем не менее, подчинившись самой природе языка, они способны выразить некий сакральный смысл, постигаемый не умственно, а интуитивно. Поэтич. текст подобен ритуалу или заклинанию, где слова важны как составляющие заговора.

С 2006 печ. в ж. «Звезда», «Арион», «Нева», «Волга», «Дети Ра». В стих. этого периода религиозная тематика уходит на второй план. Л. в большей степени обращается к злободневным вопросам современности, откликаясь на состояние политич. и культурной жизни страны и мира. Для Л. становится важна тема завершения жизненного пути, подведение итогов.

Отношение к совр. действительности выражается в отстранённо-ироническом её неприятии (**Звезда плетельного счастья** // Нева. 2009. № 6, **Vita nova** // Дети Ра. 2009. № 5, **«Вот уж и наша зима приблизилась к евростандарту...»** // Зинзивер. 2009. № 1, **«Скоро треснет скорлупа Петербурга...»** // Нева. 2008. № 6, **Кинохроника** // Нева. 2008. № 6) и даже манифестационном игнорировании (**Vox populi** // Нева. 2008. № 6). Ряд стих. носят иронич. характер, в шутливой форме предсказывая грядущие преобразования в городе, стране и мире (**Метазой** // Нева. 2009. № 6, **Архитектурные мечтания** // Арион. 2007. № 4, **Антиглобалистское** // TextOnly. 2007. № 23, **«Канонизировать Ивана-дурака...»** // Волга. 2009. № 5–6, **Последняя бифуркация** // Слово/Word. 2009. № 63). Через трагич. образы тема предчувствия будущего раскрывается в стих. **«Георг Гейм. 16 января 1912»**, посвящ. немецкому поэту-экспрессионисту. Незадолго до своей гибели тот описал в дневнике сон, кот. во многом повторял обстоятельства его смерти (поэт утонул, провалившись под лед, когда катался на коньках). У Л. смерть поэта трактуется как его сознательный побег от грядущего «века-подлеца» после прозрения предстоящих событий (Георг Гейм. 16 января 1912 // Звезда. 2009. № 3).

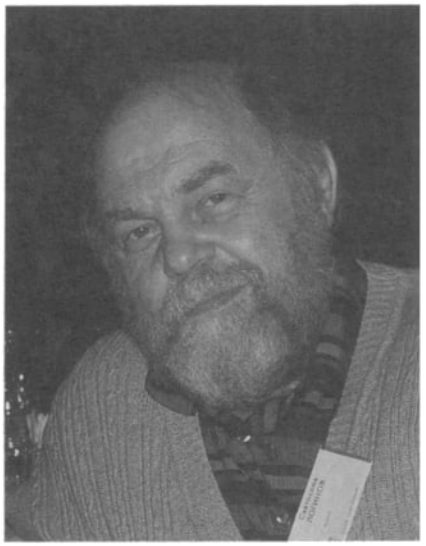
Тема ностальгич. памяти развивается в стих. **«Юсуповский сад»** (Нева. 2010. № 6), **«О чем скрипишь ты, старая сосна...»**, **«После бури»** (Звезда. 2010. № 4), **«1968»** (Волга. 2009. № 5–6), **«Забриски-пойнт»** (Зинзивер. 2009. № 1), **«Лес после бури...»** (Нева. 2008. № 6): мысленное возвращение ко времени детства и молодости показывает, что в настоящем «...все чуждо — нечем дорожить» («Юсуповский сад»). Авторы совр. духовной поэзии часто обращаются к «теме странничества по земному пути». Человек ощущает себя «пилигримом, стремящимся домой, в Небесное отечество» (Н. Котова). У Л. жизнь тоже трактуется как путешествие, но герой, уже приближаясь к завершению похода, оценивает его как «слепые блуждания» («Лес после бури...»). Однако, обозревая свою память, он постигает некое невыразимое, глубокое значение самого поиска пути. Истина оказывается не конечной точкой, к кот. идут строго определённой дорогой, а общим смыслом, кот. можно почувствовать, только обозрев на всё странствие целиком.

Соч.: Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда. СПб., 2000; Метазой: Стихи 2002–10. СПб., 2011; Стихи // Нева. 2011. № 5; Звезда. 2011. № 6; Волга. 2011. № 7–8.

Лит.: Дрыжакова В. Поэзия духовного возрождения // Гумилевские чтения: Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 9. 1984; Стратановский С. Религиозные мотивы в совр. русской поэзии: Ст. третья. // Волга. 1993. № 6; Котова Н. Духовная поэзия в совр. лит. процессе // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2007. № 2.

Е. Панкратова

ЛО́ГИНОВ Святослав Владимирович (наст. фамилия Витман) [9.10.1951, пос. Ворошилов, ныне Уссурийск Приморский] — прозаик, переводчик, эссеист.



С 1952 Л. проживает в Л-де (СПб). Закончил химический фак-т ЛГУ им. А. Жданова (1973). Стажировался в Лен. гос. ин-те прикладной химии, работал инженером во ВНИИ антибиотиков и ферментов, комиссаром комсомольско-молодежного отряда в Нечерноземье, инженером Гос. Союзного конструкторско-технич. бюро по проектированию счетных машин и Опытного з-да Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления, нач. бюро охраны окружающей среды на з-де им. В. Климова, грузчиком в универсаме, школьным учителем, методи-

стом в комитете по образованию мэрии СПб., сторожем в частной фирме. С 1995 — профес. писатель.

С 1974 Л. — участник лен. семинара под рук. Б. Стругацкого, начиная с перв. пол. 1980-х неоднократно посещал семинар молодых писателей-фантастов и приключенцев в Малеевке и Дубултах, где формировался костяк т. н. «четвертой волны» отеч. фантастики. В посл. годы — один из пост. ведущих мастер-классов на ежегодном конгрессе фантастов «Интерпресскон» (СПб.) и фестивале фантастики и ролевых игр «Зиланткон» (Казань).

Л. дебютировал в лит-ре фантастич. юмореской **«Грибники»** на страницах газ. «Магнитогорский рабочий» (1974, под собственной фамилией), однако уже с 1981 выступает в печ. исключительно под псевд. Святослав Логинов. Как и большинство авторов «четвертой волны», Л. начинал творч. путь с произведений малой формы, в 1980-е его рассказы, миниатюры и научно-популярные очерки публ. преимущественно в ж. — «Изобретатель и рационализатор», «Знание — сила», «Химия и жизнь», «Техника молодежи», «Искатель» и др. Получил известность благодаря новеллам, основанным на ист. реконструкциях (**«Смирный Жак»**, **«Микрокосм»**, **«Ганс Крысолов»**, **«Цирюльник»**), часть кот. вошла в перв. авторский сб. **«Быль о сказочном звере»** (1990).

Рассказ остается любимым жанром Л. Такую расстановку приоритетов сам он объясняет следующим образом: «Хороший рассказ — всегда жемчужина: мысли, стиля. Хороший рассказ, как правило, обладает отточенным сюжетом, но может (иногда) обойтись без сюжета вовсе. Хороший рассказ любит ударную фразу в конце. Т. е. хороший рассказ всегда неожидан. Это кусок жизни, который писатель выхватил неведомо откуда и преподнес ошарашенному читателю. А я люблю жить и видеть в жизни неожиданное и странное».

Перв. роман Л. **«Многорукий бог далайна»**, в кот. Н. Резанова отметила ярко выраженные гностико-манихейские мотивы, вышел в свет в 1995 в нижегородском изд-ве «Флокс». Вместе с произведениями Г. Л. Олди, М. и С. Дяченко, Е. Хаецкой «Многорукий бог...» обозначил гл. вектор развития русскоязычной фантастики на годы вперед. Традиционную для совю науч. фантастики проблематику личного нравств. выбора в этически неоднозначной ситуации Л. удачно объединил с эстетикой фэнтези, дав тем самым дополнительный импульс развитию этого направления в России. В том же 1995 кн. Л. отмечена премиями «Интерпресскон» и «Фанкон», а также Беляевской премией, а в 2009 лит. обозреватель ж. «Афиша» критик Л. Данилкин включил ее в список «Лучших романов на русском языке за последние 60 лет».

На протяжении 1990-х Л. продолжал испытывать на прочность фэнтезийную матрицу. Результатами этих экспериментов помимо многочисленных повестей и рассказов стала дилогия — **«Черная кровь»** (в соавт. с Н. Перумовым) и **«Черный смерч»**, а также роман **«Земные пути»** и историко-фант. **«Колодезь»**. С нач. 2000-х сфера интересов Л. заметно расширяется. Среди его романов, вышедших в этот период — иронич. фантастика **«Картежник»**, космич. опера **«Имперские ведьмы»**, бытовая фантазия **«Дорогой широкой»**.

Одним из самых значительных крупных произведений Л. называют **«Свет в окошке»**, вышедший в 2002 в изд-ве «Эксмо». Писатель предлагает оригинальную концепцию посмертного существования человеч. души: «жизнь после жизни» продолжается лишь до тех пор, пока в нашем мире продолжают хотя бы изредка вспоминать ушедшего человека. В этой кн. и рассказе **«Живые души»** (2000) автор наиболее четко манифестирует свое атеистич. мировоззрение, неприятие концепции Бога и резко отрицательное отношение к любым религиозным практикам.

Интерес Л. к формам бытования живого русского языка нашел выражение в сб. научно-популярных очерков **«Не взыщите на слове»** (в соавт. с А. Николаевым), кот. был опубл. под назв. **«Фразеологический словарь русского языка»** (2003). В кн. вошло около тысячи статей, посвящ. самым распространенным русским фразеологизмам.

Как энтузиаст жанра сверхкороткого рассказа, в 1997 Л. выступил инициатором введения уникальной в отеч. премиальной практике номинации «Микро» (лит. премия «Интерпресскона»). Сам он продолжает активно работать в этом жанре по сей день.

Лауреат многочисленных лит. наград в обл. фантастич. лит-ры: «Великое Кольцо» (1983), «Интерпресскон» (СПб., 1995; СПб., 1998; СПб., 1999; СПб., 2006), «Фанкон» (СПб., 1995), «Мраморный фавн» (Киев, 1998; Киев, 2000; Киев, 2001), «Большой Зилант» (Казань, 1999), «Серебряный Роскон» (М., 2002), «Странник» (СПб., 2003), «Русская фантастика» (2003), «Портал» (Киев, 2007), «Серебряный Кадуцей» (Харьков, 2008), «Бронзовый Роскон» (М., 2008), «Аэлита» (Екатеринбург, 2008), «Сигма-Ф» (М., 2008), «Философский камень» (Харьков, 2009), премия им. А. Беляева (СПб., 1995), премия ж. «Полдень, XXI век» (СПб., 2007), мемориальная премия им. К. Булычева (М., 2007).

Соч.: Быль о сказочном звере: Рассказы. М., 1990; Если ты один: Повести, рассказы. Свердловск, 1990; Многорукий бог далайна. Н. Новгород, 1995; Черная кровь / В соавт. с Н. Перумовым. СПб., 1996; Страж перевала: Повести, рассказы. СПб., 1996; Колодезь. СПб., 1997; Земные пути. СПб., 1999; Черный смерч. М., 1999; Картежник: Роман, рассказы. М., 2000; Железный век: Повести, рассказы. М., 2001; Мед жизни: Повести, рассказы. М., 2001; Свет в окошке. М., 2002; Фразеологический словарь русского языка: Очерки / В соавт. с А. Николаевым. Ростов-н/Д., 2003; Имперские ведьмы. М., 2003; Атака извне / В соавт. с Б. Зеленским. СПб., 2005; Дорогой широкой. М., 2005; Россия за облаком. М., 2007; Закат на планете Земля: Повести, рассказы. М., 2009.

Лит.: Балабуха А. Глаза на затылке, или Что впереди? // Логинов С. Многорукий бог далайна. Н. Новгород, 1995; Резанова Н. Мир — это место, где жить нельзя // Двести. 1995. № Д; Назаренко М. Имперские ведьмы и прочая аппаратура // Реальность фантастики. Киев, 2004. № 6; Владимирский В. Шестнадцать тонн // Книжное обозр. М., 2005. № 31–32; Назаренко М. Я взглянул окрест меня... // Реальность фантастики. Киев, 2005. № 9; Владимирский В. Заоблачная Россия // Мир фантастики. М., 2008. № 54; Данилкин Л. Правдоподобный роман о загробной жизни // Афиша. М., 2009. № 261; Пузий В. Сборник патриарха // Мир фантастики. М., 2009. № 73.

В. Владимирский

ЛО́ГИНОВ Юрий Иванович [13.6.1931, Иркутск — 14.10.2001, СПб.] — поэт, критик.

Прожил большую трудовую жизнь, сменил много профессий, начинал с работы в леспромхозе. В 16 лет стал лит. сотрудником газ. «Апшеронский рабочий».

В 1961 в М. закончил Лит. ин-т им. М. Горького. Переехал в Л-д. Работал лит. консультантом в бюро пропаганды худож. лит-ры, позднее в кач-ве ред. служил в ж. «Нева».

В сер. 1960-х оказавшись в Л-де, Л. проникся любовью к городу и посвятил ему немало лирич. строк: «На чёрной Неве карусели огней // и город, плывущий наклонно. // Чем за полночь дальше, тем всё холодней // стоять у Ростральной колонны. // Но жду, и ни с места, и кажется — // так // я годы летую, зимую, // и сердцем осилил в летящих летах // поэзии тягу земную...» (**«На черной Неве карусели огней...»**).

Автор поэтич. сб. **«Тайна»** (1992), **«Крона»** (1995), **«Светотени»** (1998).

Член СП России с 1995.

Помимо занятия поэзией много времени уделял лит. критике. Вел творч. семинары на конференциях молодых писателей Северо-Запада, долгое время работал в различных ЛИТО города. 30 лет руководил ЛИТО при ДК работников связи. В кон. 1990-го, после ухода Т. Гнедич, возглавил ЛИТО «Лира» (г. Пушкин). За 10 лет, пока Л. руководил «Царскосельской лирой», объединение пережило «второе рождение» и обрело устойчивую популярность. При поддержке Л. участники ЛИТО печатались в район. газ. и в обл. изд., выпускали кн., организовывали выступления перед читателями. Благодаря рекомендациям руководителя И. Богданов, В. Павлов, А. Петухов, В. Питанов, А. Сергеев, В. Васильев стали членами СП. Начиная с 1997-го ЛИТО начало выпускать лит.-худож. альм., из кот. составителем и ред. первых трех вып. был Л.

Трагически погиб в 2001 вместе с женой, поэтом Т. Никитиной.

Соч.: Стихи // День поэзии: Сб. 198 / Сост. Л. Куклин, Ю. Скородумов. Л., 1983; Тайна: Стихи. Л., 1992; Крона: Стихи и поэмы. СПб., 1995; Светотени: Стихи. СПб., 1998.

Лит.: Самсонов Ю. Литобъединению «Царскосельская лира» — 40 лет // Царскосельская газ. 2003. 14 нояб. № 51 (9474); Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ЛОЗИ́НСКИЙ Михаил Леонидович [8(20)7.1886, Гатчина — 1.11.1955, Л-д, похоронен на Литераторских мостках Волкова кладб.] — поэт, переводчик.

Родился в семье присяжного поверенного, по происхождению дворянина Подольской губ. С детства жил в СПб. Окончил СПб. ун-т в 1909, много путешествовал по Германии, Франции и Италии. Ранние стихи Л. датированы 1907–09, перв. публ. — в созданном Л. ж. «Гиперборей» (1912. № 2, 6, 9, 10), в кот. Л. поместил также неск. своих рец. на тв-во близких ему поэтов.

«Гиперборей» (1912–13), задуманный редактором-издателем Л. как «ежемесячник стихов и критики», от прочих периодич. изданий отличался тем, что здесь отсутствовали традиц. журнальн. разделы. «Гиперборей» помещал на своих страницах лишь стихи и рец. По жанру издание больше всего напоминало альм. «Гиперборей» печ. произведения А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, а также А. Блока, М. Кузмина, И. Эренбурга и др. авторов, мн. из кот. стали поэтами перв. величины, гордостью Серебряного века русской лит-ры. Всего вышло 10 номеров, после чего издание прекратилось, хотя было неск. попыток возобновить его. Одну из них предпринял Эренбург, высоко оценивший «прекрасное начинание петербургского Цеха поэтов» и начавший издавать в 1914 в Париже аналогичный «Гиперборею» ж. «Вечера». В 1921 Гумилев, Мандельштам, Вс. Рождественский и др. поэты выпустили в Пг. один номер ж. «Новый Гиперборей», они же принялись за издание альм. «Цех поэтов» однако, все попытки развить начинание Л. закончились неудачно.

Перв. и единственная книга стих. Л. **«Горный ключ»** вышла в 1916. В 1922 переизд. Изредка стихи Л. появлялись в колл. сб.: «Тамаре Платоновне Карсавиной» (1914), «Восемьдесят восемь совр. стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус» (1917), «Образ Ахматовой» (1925), печ. они и в альм. «Цех поэтов» (1921. № 2). Однако с сер. 1920-х Л. перестал выступать с собств. стихами и до кон. жизни печ. как переводчик.

Толчком к переводч. деятельности послужило сотрудничество Л. в созданном М. Горьким изд-ве «Всемирная лит-ра». Немаловажным обстоятельством при этом стало и стремление Л. уйти от соц. заказа, «кот. чаще всего сковывал творч. искания писателей». Уход в переводч. деятельность был характерным явлением той эпохи. И это имело большие положительные результаты. Именно в 1920–30-е было переведено на русский яз. огромное количество зарубежных произведений. Переводами занимались одаренные поэты и прозаики, одним из них был Л.

Перевел роман Р. Роллана «Кола Брюньон» (1932), новеллу П. Мериме «Кармен», изданную в особой серии изд-ва «Academia» с параллельным французским текстом (что давало возможность убедиться в блистательных достоинствах перевода Л.). Наиболее яркие достижения Л.-переводчика (как и должно было быть у истинного поэта) обнаружились тогда, когда Л. обратился к поэтич. переводам. Л. свободно владел английским, немецким, французским, испанским и итальянским яз., а когда перед ним встала задача перевести поэму персидского поэта Фирдоуси «Шахнаме» (1934), он занялся изучением языка оригинала и освоил его до такой степени, что не пользовался подстрочником. Поэма Фирдоуси

стала первым большим поэтич. переводом Л. За ней последовал «Сид» П. Корнеля (1938), комедии Лопе де Вега «Собака на сене» (1938) и «Валенсианская вдова» (1939).

Сторонник сохранения ритмич. формы оригинала, Л. умел находить нужную рифму, соблюсти точность в передаче значений и сохранить индивидуальное и национальное в переводимом произведении. Переводы Л.— это высокая поэтич. работа. Б. Томашевский писал: «Дисциплина словесной культуры — основное качество переводов Лозинского. Она-то и обеспечивает ему победу в разрешении основного: передачи точного смысла подлинника в неразрывном единстве с воспроизведением точного характеристического колорита. Переводы Лозинского сами внушают уважение к дисциплине слова» (Искусство и жизнь. 1940. № 8).

Л. переводил комедии Мольера («Тартюф», 1940) и Шекспира («Двенадцатая ночь», 1953; «Сон в летнюю ночь», 1954), армянский эпос и поэзию Гете. Он одинаково остро чувствовал и буйный настрой испанской комедии, и первобытные краски древних эпических произведений, и строгость германского стиха.

Осн. работой Л. стал перевод одного из величайших произведений мировой лит-ры — «Божественной комедии» Данте, воспроизвести кот. по-русски пытались многие в теч. более 100 лет, еще с пушкинских времен. Но только в результате работы Л. русская лит-ра впервые получила подлинно поэтич. истолкование Данте. Этому, безусловно, способствовала и филологич. эрудиция переводчика, и его высокая поэтич. культура, и творч. подъем, сочетавшийся с огромной работоспособностью. За этот труд Л. в 1946 удостоен высшей лит. награды того времени — Сталинской премии 1-й степ.

Л. не только переводил, но нередко выступал как автор реальных и историко-лит. комментариев («Гамлет», «Жизнь Бенвенуто Челлини» и др.), а также литературоведческих соч. и работ в обл. теории худож. перевода.

Адреса в Л-де-СПб.: 1913–15 — Малый пр. ПС, д. 26–28; 1915–31 янв.1955 — жилой кооперативный дом Третьего Пг. товарищества собственников квартир — Каменноостровский пр., д. 73.

Соч.: Горный ключ. Пг., 1916; Я, петербуржец: Переписка А. А. Блока и М. Л. Лозинского / Предисл., публ. и комм. А. Лаврова и Р. Тименчика // Лит. обозрение. 1986. № 7.

Лит.: Томашевский Б. Мастер перевода // Искусство и жизнь. 1940. № 8; Федоров А. О тв-ве М. Лозинского // Звезда. 1946. № 10; Эткинд Е. Искусство переводчика // Иностр. лит-ра. 1956. № 3; Эткинд Е Архив переводчика // Мастерство перевода. М., 1959; Татосян Г. Лозинский — переводчик Соят-Нова // Лит. Армения. 1962. № 7; Ивановский Игн. О двух мастерах // Север. 1969. № 6; Шор В. Кола Брюньон: на рус. яз. // Мастерство перевода. М., 1970; Баццарелли Э. О переводе «Божественной комедии» Лозинского: Система эквивалентов // Сравнительное изучение лит-р: Сб. ст. к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976; Федоров А. Искусство перевода и жизнь лит-ры. Л., 1983; Я, петербуржец: Переписка А. А. Блока и М. Л. Лозинского / Предисл. В. Лаврова и Р. Тименчика // Лит. обозрение. 1986. № 7; Миллер Е. Михаил Леонидович Лозинский: Из воспоминаний / Публ. Ив. Толстого // Русская мысль. 1990. 6 апр.; Ивановский И. Воспоминания о М. Лозинском // Нева. 2005. № 7; Николаев В. Михаил Лозинский. К 120-летию со дня рождения // Мир перевода. 2006. № 1 (15).

В. Попов

ЛОЙ Аглаида Владимировна [10.3. 1951, Новосибирск] — прозаик, журналист.

Закончила Лит. ин-т им. М. Горького. Работала ред., внештатным корр., рук. детскими лит. студиями. Зам. председателя правления Новосибирского отд. СП России. Отв. секретарь ж. «Новосибирск».

Начало лит. деятельности относится к 1976. Член СП России с 1996.

Автор рассказов **«На закат»**, **«Бессонница»**, **«Танец маленьких лебедей»**, **«Дневник одинокого вампира-трансвестита»**, **«Лозунг и киоск»**, **«История Дионисия — мотылька с голубыми крылышками»**, **«Девочка и море»**, **«Животное»**, **«Студенческие байки»**, **«Зов олли»**, **«Трактат о домовых»**, **«Негромкие телефонные звонки»**, **«Бася видит...»**, повестей **«Инка»**, **«Призрачный возлюбленный»**, драматич. произведений **«Тургеневская девушка»**, **«Невеста для моей мамочки»** и др.

В изд-ве «Алетейя» недавно вышла кн. рассказов **«Суперигра»**.

Соч.: Дневник Леночки Сосновской: Повесть // Сибирские огни. 1978. № 8; Город и художник: Роман // Там же. 1984. № 9–10; Инка: Повесть // Дебют: Сб. Новосибирск, 1986; Призрачный возлюбленный: Повесть // Сибирские огни. 1999. № 3, 1999;Сентиментальная сюита: Повесть // Новосибирск. 2001. № 1; Фарисей: Роман // Там же. 2003. № 1.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ЛО́МОВЦЕВ Юрий Олегович [22.2. 1958, Л-д] — прозаик, драматург, либреттист.

Родился в семье служащих: отец — инженер-электрик, мать — чертежница. С 1962 по 1966 жил в Египте (Объединенная Арабская Республи-

ка), где отец работал на строительстве Асуанской ГЭС, там же пошел в школу. По возвращении в СССР учился в школе № 185, затем в № 248. С детства увлекался театром и более 10 лет занимался в юношеском театре-студии при Доме пионеров Дзержинского р-на (педагог С. Дуцкая). В период занятий в театр. коллективе писал тексты для студийных капустников и песни, пробовал себя в жанре инсценировки. Впоследствии работал в этом театре-студии художником-оформителем.

По окончании школы в 1975 по настоянию родителей поступил на химич. фак-т ЛГУ, закончил в 1980, после чего работал в Ин-те химии силикатов АН СССР, отделе реставрации РНБ. Позже работал слесарем по газу, стрелком ВОХР, машинистом котельной.

Перв. прозаич. опыты относятся к 1984. Это были настроенческие зарисовки, нечто вроде стих. в прозе, небольшие рассказы, кот. автор посылал в лит. ж. Тогда же напис. пьесу **«Чаепитие во сне»** и цикл одноактных пьес **«Драматические новеллы»**. В 1989 по совету проф. Н. Эльяша поступил в Лит. ин-т им. М. Горького на заочное отд. Посещал семинар драматургии под рук. Ю. Эдлиса и семинар прозы под рук. В. Орлова. «...Интеллигентный, деликатный молодой человек, несколько северно-холодноватый, с манерами, кот. принято называть петербуржскими, толково и точно анализировал работы однокашников»,— впоследствии вспоминал о нем Орлов в предисл. к пьесе **«Le Chapiteau»** (2002).

По окончании ин-та в 1994 («диплом с отличием») продолжил писать прозаич. и драматургич. произведения. Перв. прозаич. публикацией был рассказ **«Вторая судьба Матрены Игнатьевны»** в ж. «Грани» (1996. № 181), представлявший собой смесь «...реализма, сказочности и абсурдистики, где самым невозмутимым образом происходит то, что происходит, а читатель вместо вопроса: может ли это быть? — задается совсем другим: а что же дальше» (Ю. Малецкий). Несмотря на гротесковость формы этого рассказа, на его фантазийную изобретательность, восходящую к Гофману, в центре рассказа судьба маленького человек — вахтерши Матрены Игнатьевны. То же можно сказать и про повесть **«Рыбье царство»** (2005). «...Это спокойное, неторопливое, порой с тихой улыбкой сострадания жизнеописание "маленького" человека — продавца рыбного магазина Семен Семеновича. В стилистике повести иногда слышатся отзвуки интонаций гоголевских "Старосветских помещиков"» (В. Орлов).

Перв. опубл. пьеса Л. **«Пирамида Хеопса»** (Совр. драматургия. 1998. № 2), в кот. рассказывалась история семьи, потерявшей сына на чеченской войне. «По психологической — так и хочется сказать: психопатической — напряженности, испытываемой персонажами пьесы, по чудовищному нервному давлению, под кот. они живут, сочинение Л. напоминает мне — будучи совершенно не заемным, свободным от подражательности — "Оглянись во гневе" Осборна и "Кто боится Вирджинии Вулф" Олби»,— написал в предисл. Ю. Эдлис. Пьеса уже через год шла в театре им. Янки Купалы (Минск), театре им. К. Станиславского (Караганда) и др.

Тематич. и жанровый спектр драматургии Л. весьма широк, от психологич. драмы «Пирамида Хеопса» до эксцентрич. комедии «Le Chapiteau», пьесе «притчевой и отчасти загадочной», в кот. «речь идет «о любви, разлитой в мире» (В. Орлов), от озорной комедии **«Любовь на свежем воздухе»** до трагикомедии **«Танец семи покрывал»**, где автор местом действия выбрал «...некую подсобку... на задворках дворца Ирода-Антипы, где с одной стороны дверь на кухню, а с другой — вход в подземелье, где заточен пророк Иоканаан» (Ю. Кобец)

Пьеса Л. **«Раз, два, три — вы убиты»** написана к 60-летию победы в Великой Отеч. войне. Ее герои — студенты Колледжа культуры и искусств, кот. «со студенческой скамьи пытаются привить мысль, что главная задача работников культуры — обслуживать интересы власть имущих» (С. Ямщиков) Узнав, что в «продуктовые наборы» ветеранам кладут просроченные продукты, они растеряны и не знают, как себя вести. Пьеса принимала участие в конкурсе «Факел памяти».

Особняком стоит пьеса Л. **«Летний сад»**, кот. автор обозначил как «повесть для театра». Пьеса посвящ. родителям автора. Это «комедия-хроника одной семьи, разумеется, петербуржцев-ленинградцев...», в пьесе «сталкиваются поколения, они живут в разных временах: одни, старшие — в советском; другие, их дети — в безвременьи; третьи, внуки — в настоящем. Замечено драматургом многое — правдиво, с ощущением боли, смуты и недопонимания, но авторское настроение — оптимистическое...» (Е. Горфункель) Пьеса поставлена в студенч. театре СПбГУ.

Сценич. судьба пьес Л. складывается удачно, большинство из них поставлены профессиональными и любительскими театрами.

С 1996 выступает как либреттист. По его текстам поставлены балеты «Нижинский. Трагедия русского фавна», «Фантазии белых ночей» (в соавт. с В. Ганибаловой), балет «Дюймовочка» (в соавт. с С. Федяниным) на муз. С. Баневича.

С 2002 является членом драматургич. мастерской при СПб. отд. Союза театральных деятелей, с 2003 — член СП России.

Соч.: **Бабушка: Рассказ // Невский вестник. 1993. № 22; Вторая судьба Матрены Игнатьевны: Рассказ // Грани. 1996. № 181; Пирамида Хеопса // Совр. драматургия. 1998. № 2; Le Chapiteau (Мартышка) // Совр. драматургия. 2002. № 2; Любовь на свежем воздухе // Совр. драматургия. 2004. № 3; Танец семи покрывал // Совр. драматургия. 2005. № 4; Рыбье царство: Повесть // Урал. 2005. № 9; Летний сад // Ландскрона: Сб. СПб., 2005; Вечер с ангелами // Сб. пьес для детей. СПб., 2007; Стеклянный шар: Рассказ // Урал. 2007. № 3; Девочки с Марсова поля // Изящная словесность. 2008. № 10–11; «И взвившись занавес шумит»: Кн. по истории русского театра. М., 2012.**

Лит.: **Эдлис Ю. Кесонная болезнь // Совр. драматургия. 1998. № 2; Ермоленко В. Пирамида уходящего столетия // Веч. Минск. 1999. 28 февр.; Доброта Л. Мера любви // Казахстанская правда. 2003. 27 март.; Леваков О. «Просто» комедия // Совр. драматургия. 2004. № 3; Кобец К. Воскрешение мифа // Совр. драматургия. 2005. № 4; Горфункель Е. Малый маршрут // Планета Красота. М., 2008. № 2; Баннаева Н. И живете вы все неправильно... // Азербайджанские известия. 2009. 28 окт.;** Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Роньшин

ЛО́СЕВ Лев (до 1981 — Алексей; наст. имя — Лев Владимирович Лифшиц) [15.6.1937, Л-д — 6.5.2009, Гановер, Нью-Гэмпшир, США] — поэт, эссеист, литературовед, драматург.

Отец Л. — В. А. Лифшиц, поэт, детский писатель. Мать — А. М. Генкина, автор неск. стихотв. книг для детей. За вычетом немногих лет (1941–44, эвакуация в Омске, 1959–60, работа на Сахалине) до февр. 1976 жил в Л-де. С 1954 по 1959 учился на филологич. фак-те ЛГУ, где познакомился и подружился с Л. Виноградовым, В. Герасимовым, М. Ереминым, С. Кулле, В. Уфляндом, составившими (вместе с А. Кондратовым) лит. содружество, заметное в неофиц. культурной жизни Л-да кон. 1950-х — 70-х. В ун-те все они находились под обаянием личности Мих. Красильникова, прославившегося в 1951 учиненным на фак-те (вместе с Эдуардом Кондратовым, Юрием Михайловым и еще двумятремя студентами) «хэппенингом»: действом во славу будетлянина Хлебникова, чьи стихи распевали, расположившись на полу вокруг миски кваса — с деревянными ложками, в сапогах и рубахах навыпуск. Закалка футуризмом пошла впрок, отлучила Л. от ординарных методов сочинительства. Что весьма существенно при его общем принципиально трезвом взгляде на жизнь. Прирожденным «футуристом» Л. не был, дипломное сочинение в ЛГУ писал об эссеистике А. Блока (что нужно иметь в виду, рассматривая позднюю лирику Л., отличающуюся «антиблоковской» направленностью), а в начальной стихотв. практике сильнее всего воспринял обэриутские веяния. Большое значение имело посещение (вместе с Ереминым и Виноградовым) 29–30 янв. 1956 Б. Пастернака, в поэзию кот. Л. был влюблен с детства и понимал ее «не понимая». Ему было восемнадцать лет, и он думал: «Сегодня самый значительный день моей жизни». Но и в позднем стих. **«30 января 1956 года»** писал: «Все, что я помню — день ледяной, / голос, звучащий на грани рыданий, / рой оправданий, преданий, страданий, / день, меня смявший и сделавший мной».

Недописанная кн. Л. **«Меандр»** (долголетний плод «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет») содержит такое рассуждение: «Всегда находились поэты и художники достаточно молодые, пьющие или сумасшедшие (или все это вместе), чтобы пренебрегать опасностью и резвиться лагерной бездны на краю». 7 нояб. 1956 в Л-де на демонстрации был арестован Красильников, посидел в Крестах и Уфлянд. Никакой антисоветской доктрины Л. и его друзья никогда не разрабатывали, любая идеология была для них фантомом. Главным для Л. была автономия личного переживания, сбереженная от чужеродных примесей память. Наслушавшись и начитавшись проповедников всех рангов, Л. предпочел умозрение Чехова, Зощенко и Евг. Шварца. Т. е. необозримую сферу конкретных суждений, разлад и полноту частного существования. Даже не оформленная в окончательный текст самим автором, проза «Меандра» оценена высоко: «Если оглянуться на русскую литературу в поисках предшественников или схожих образцов мемуарной прозы, то <...> на ум приходят воспоминания Ивана Бунина, столь же беспощадные, яркие и врезающиеся в память» (М. Артемьев).

Печатался Л. с 17 лет, и карьера у него высветилась скорее хорошая, чем плохая. Однако с годами открывалось, что скорее плохая, чем хорошая: после недолгой журналисткой работы в газ. «Сахалинский нефтяник», тринадцать редакторских лет в детском ж. «Костер», с 1962 по 1975. Стихи, писавшиеся в юности, оборачивались стишками для детей, оплачиваемыми, но незаметными — даже при наличии двух книжек (**«Зоосад»**, Л., 1962 и **«Смелый профессор Булавочкин»**, Л., 1969). Стоял на них, конечно, знак обэриутского качва. Но была и разность: обэриуты, соскользнув в детскую поэзию, открыли для нее новые пути, в 1960-е их адепты заботились уже об ином, о применении достижений школы Введенского, Заболоцкого, Олейникова, Хармса к новым обст-вам. Познакомившись раньше других в своем лит. кругу с образцами, Л. раньше других и отложил их на неведомый ему самому срок. Существеннее для него было обрести в лит-ре свое собств. лицо — среди стольких окружавших и круживших голову славных лиц. Что-то должно было произойти, что-то раскрыться. Скорее всего то, что называют судьбой. Поэзия — это и есть судьба. Не рискуя ошибиться, определим ее как выпадающее на долю избранных коварное счастье. Настоящее лицо Л. читатель узнал как лицо перемещенное — на страницы эмигрантских и постсоветских изд. Главное же, что таким это лицо увиделось и самому автору, принявшему за аксиому, что время есть «культурное измерение, в кот. можно расположиться, изучить его до самых темных углов и закоулков», как Л. написал в эссе **«Прежде всего Герасимов»**.

Пока же судьба послала Л. еще один изящный соблазн: в нач. 1970-х он стал сочинять успешные пьесы для кукольного театра (**«Неизвестные подвиги Геракла»**, 1972), быстро пристроив к этому занятию приятелей. Соавторами Л. выступали то Еремин, то Виноградов, то Михайлов. В 1975 Л. написал пьесу совм. с женой Ниной Моховой **«Слон прилетел!»**, а перед самой эмиграцией в соавт. с Виноградовым и Ереминым — пьесу **«Медвезайцы»**. Она с успехом шла в лен. кукольном театре Евг. Деммени уже после отъезда Л., но без его имени на афишах. Не стоит однако преувеличивать эстетич. заслуг Л. в обл. драматургии: к прим., пьеса «Слон прилетел!» была напис. в силу необходимости побы-

стрее наскрести денег на летнюю дачу.

В 1972 из Л-да уехал в эмиграцию И. Бродский, знакомство с поэзией кот. и с ним самим впечатлило Л. настолько, что на годы притушило пламень собств. стихотворчества. Иные друзья перебирались в М. Жизнь откочевывала в «спальные районы». Л. продолжал служить в детском ж., с удовольствием давал подработать в нем приятелям и приятелям приятелей (между прочим, именно Л. настоял на первой публ. Бродского в СССР: Костер. 1962, № 11).

11 февр. 1976, 38 лет от роду, Л. улетает с женой и двумя детьми в сторону США. Карьера в Штатах налаживалась не хуже, чем в Союзе: Л. получает место в американском изд-ве «Ардис», специализирующимся на выпуске русских книг, параллельно (в 1977), поступив в аспирантуру Мичиганского ун-та. Оставив «Ардис» (в 1978) и Мичиганский ун-т (в 1979) ради Дартмутского колледжа в штате Нью-Гэмпшир, Л. дослужился на его Русском отделении до пожизненного чина полного проф., возглавив в 1999 само отд. В Ганновере Л. жил до конца дней. На родину выбрался лишь однажды, в 1998, побывал в М. В память об этом путешествии — и в воздаяние М. — возникло сочинение **«Москвы от Лосеффа»**: бытовые зарисовки новой моск. жизни с вписанными в них портретами не очень избр. героев. Вроде бы журналистика, но читается как хорошая совр. проза. Напоминает дневниковые записи Евг. Шварца — любимое чтение Л.

Менее чем за десять лет Л. стал одним из изв. славистов США, автором монографии (на англ.) **«О благодетельности цензуры. Эзопов язык в новой русской лит-ре»** (1984). Библиография литературоведч. статей Л. насчитывает полсотни назв. Это если не считать эссеистики, рец. и работ, посвящ. Бродскому, среди кот. сб. статей под ред. и при участии Л. **«Поэтика Бродского»** (1986), кн. **«Бродский: Труды и дни»** (совм. с П. Вайлем, 1998.) и др. Как журналист Л. с 1979 работал лит. обозревателем на РС Голос Америки, сотрудничая также с Радио Свобода, Би-Би-Си и Радио Франции. В 1981 получил гражданство США и узаконил свой псевд. как американскую фамилию — Lev Loseff.

Заново писать стихи Л. стал еще в Л-де. Произошло это непроизвольно: «Примерно месяца через два после отъезда Бродского я шел по одному из маршрутов, по кот. я не раз проходил с ним: от моей Таврической улицы <...>. я вдруг с удивлением остановился, потому что я сообразил, что я сочинил стихотворение, чего со мной давно не случалось. И сразу же, в тот же момент, поскольку мои мысли были заняты Бродским и его отъездом, я понял, что же произошло: начинает срабатывать какой-то компенсаторный механизм. Я привык к тому, чтобы слышать новые стихи Бродского через регулярный интервал. Я их не слышал, скажем, два месяца уже, и психика сама спасла меня от этой фрустрации. Стихи неважно какие, я даже думаю, неплохие. Мне было приятно, что они были интереснее, как мне казалось, всего, что я до этого писал. <...> И сразу же встал вопрос, а не похоже ли это на Бродского? Много было и есть людей, кот. подражали Бродскому, имитировали Бродского. Это то, что я себе запрещал в первую очередь. Я развивал в себе вычеркивающий механизм <...>. Я перечитывал, прикладывал на все лады — нет, не похоже. Хотя еще более глубоко внутри я знал, что это написано только потому, что нет Бродского» (Полухина В. Бродский глазами современников. СПб., 1997).

Эти перв. новые стихи Л. все же печ. не стал. Его поэтич. дебют состоялся в парижском ж. «Эхо» (1979. № 4; в № 2 напеч. переводы Л. из Кавафиса). Подборке сопутствовало эссе Бродского «О стихах А. Лосева». Бродский охарактеризовал Л. как поэта «крайне сдержанного», определив его роль в совр. русской поэзии как роль «нового Вяземского». Слово «сдержанность» — ключевое в эстетике Л., сознательно размежевавшейся со стихотв. практикой Бродского. Но «сдержанный» — это значит, что под маской поэт — всякий. «Я думаю, что думать можно всяко» — вот интригующий мотив стихов Л. Он же объясняет неостывающую привязанность поэта к Хлебникову, автору, о каждой строчке кот. «думать можно всяко». Еще интереснее, что «всяко» в стихах Л. говорится о самом их авторе: «Левлосев не поэт, не кифаред. / Он маринист, он велимировед, / бродскист в очках и с реденькой бородкой, / он осиолог с сиплой глоткой, / он пахнет водкой, / он порет бред» (**«Левлосев»**). Романтич. форсированию поэтич. речи, возносящей поэта над миром явлений, в стихах Л. не разгуляться. Довлеющий себе лирич. монологизм, как редко у какого др. поэта, обуздан у Л. авторской внутр. психологич. установкой: «Неприятно на собственный почерк смотреть, / на простывшие эти следочки» (**«Почерк»**). Это и есть чистый пример лосевской «сдержанности», усугубленное пушкинское «И с отвращением читая жизнь мою...».

И это еще смягченный вариант той рефлексии на «господина Себя», что запечатлена в иных стих. Л., напр., в **«Поезд ползет через луг сипя...»**: «Ну, сочинитель, чини, чини. / Старые строчки латай, латай. / Чего ни скажи в такие дни, / выходит собачий как будто лай. // Выходит лай и немножко вой, / как будто душу освободил / от слов один господин неживой, / господин один, один господин».

Др. поэт, М. Айзенберг, вспоминая открывающий первую кн. Л. **«Чудесный десант»** раздел, названный **«Памяти водки»**, говорит: «...поражают эти вещи именно трезвостью. В них есть что-то, обратное ходульности,— не приземленность, а твердая основа: дисциплина ума, стиха. Это действительно стихи очень взрослого автора, они точно знают свое место и лишены опьяняющей инерции раннего стихосложения. Подчеркнутое здравомыслие и пристальность взгляда могли бы сделать Лосева автором очень жестким — пожалуй, и желчным, но грациозность дарования, до поры упрятанная под спудом, подхватывает его на пороге ригоризма и уводит в свою сторону».

Подобный взгляд на мир уже случалось обнародовать Ходасевичу: «Смотрю в окно — и презираю. / Смотрю в себя — презрен я сам». Разница в том, что Л. этот взгляд лишает декларативности. Л. — поэт досады, а не деклараций. Досады на всяческие мировоззренч. установки, в перв. очередь на те, что исповедуют романтики. На вопрос о собств. лит. принципах он отвечает словами Акутагавы: «У меня нет принципов,

у меня только нервы». К тому же суждению Акутагавы обращался и Бродский.

Мерой отвращения к себе оправдываются у Л. все те бесчисленные дерзости по отношению к нашим «вечным спутникам», кот. полнятся его лирич. тексты. Это очень важно: все лосевские сатиры — лирич. жанр. Что Л. бичует, по тому и тоскует. По Блоку, по стихотворцам сов. поры: «О муза! будь доброй к поэту, / пускай он гульнет по буфету, / пускай он нарежется в дым, / дай хрену ему к осетрине, / дай столик поближе к витрине, / чтоб желтым зажегся в графине / закат над его заливным» (**«Сожжено и раздвинуто»**).

Способность отстраняться от самого себя заводит «освобожденную душу» далеко, позволяет взглянуть на весь мир, как на брошенное этой душой тело. Что и Тютчеву не всегда удавалось. Но вот несравненный образчик лосевской поэтики «перемещенного лица»: «"Земля же / была безвидна и пуста". / В вышеописанном пейзаже / родные узнаю места». Прочитать начало Книги Бытия как повесть о русской земле — внятный предел совр. поэтики минимализма, явленный в стихах Л.

Л. пишет о том, что в каждом человеке всё вр. что-то умирает. Это чувство и подлежит выражению. Ибо «Никто со мной не помянет / того, что умерло во мне». Так мы и живем — «с горем пополам» и «с грехом пополам». Но унынию не предаемся, и зимой помним о цветочках, умеем даже отмечать «недорождество», как поэт выразился в **«Последнем романсе»**.

Начав с «недорождества» в «Чудесном десанте», Л. в **«Новых сведениях о Карле и Кларе»** (за эту кн. он в 1997 получил престижную петерб. лит. премию «Сев. Пальмира») добрался и до праздника собств. «нерождения». В этой кн. стих. **«С грехом пополам»** имеет подзаголовок **«15 июня 1925 года»** (дата появления Л. на свет, но — 12 годами раньше!).

Есть в стихах Л. одна определяющая, свойственная в поэзии кон. XX — нач. XXI в. ему одному, тонкость: этот «велимировед», «маринист», «осиполог» и «бродскист» писал в духе школы, всеми забытой и оставленной, в духе поэтов сер. русского XIX в. В основание лосевских сюжетов, как это водилось в старину, ложится какая-нибудь жалостливая историйка, «случай», пропащая жизнь пропащего современника. Только у Л. «случай» остраняется, убирается в подтекст, всячески вуалируется, остается вне морализирующей оценки. Все — «дело случая». Часто — безнадежного. Здравый парадокс в том, что в этом хаосе — едва ли не единственный проблеск надежды. Одни случайности в нем — обнадеживают. О них и речь. В заполонившей мир стих. «С грехом пополам» толпе «из армян, / из турок, фотографов, нэпманш-мамаш, / папашек, шпаны», на периферии сознания, почти вне стихов и земли, маячит лосевский — «левлосевский» — лирич. герой: «На гнутом дельфине — с волны на волну — / сквозь мрак и луну, / невидимый мальчик дул в раковину, / дул в раковину».

«Случай» в поэзии Л. не только повествовательная, но и философская величина. Случай — это выделение чего-нибудь из общ. ряда. От романтизма, как от сумы да от тюрьмы, в русской поэзии навсегда не отречешься. Как бы ни спорил Л, с романтизмом в целом, и с Блоком в частности («Нет, лишь случайные черты / прекрасны в этом страшном мире»), именно этот романтич. призрак, нематериализовавшийся, а потому бессмертный, «невидимый мальчик», лирич. зародыш, именно он — лосевский герой и блоковский близнец: «И только высоко, у Царских Врат, / Причастный Тайнам, — плакал ребенок / О том, что никто не придет назад». Разница лишь в том, что блоковские прописные Л. заменил в своих стихах на строчные.

Л. ли не знать о том, что «никто не придет назад»? Отказываясь от этого знания, в последних поэтич. сб. он сделал шаги в сторону былого компанейства, наполнил их стих. «на случай», посвящ. друзьям детства, душевными посланиями усопшим. Все они сердечны, непринужденны, но... Но начинают походить на листки из «семейного альбома»... Превратился этот «альбом» в «мартиролог». Уже без всякой игры он был составлен Л. — со всей филологич. тщательностью и теплом, кот. не сразу разглядишь в пенящемся ручье его лирики. В него входит россыпь стихов памяти друзей юности, увенчанная трудом неск. последних лет жизни: изданная в серии ЖЗЛ кн. **«Иосиф Бродский»** (2006), вместе с составленным для «Новой библиотеке поэта» и скрупулезно откомментированным двухтомником стих. друга. Не будь Л. сам поэтом, и этих книг хватило бы, чтобы вписать его имя в историю русской лит-ры.

Этот труд проливает мягкий ретроспективный свет на тво-во Л. в целом. Ибо душевность не назовешь душой лосевской музы. Его остроумие привлекательно, когда мрачно, когда отдает некрасовской ипохондрией, его каламбурами, собранными по петерб. кладбищам. Даже мизантропия в стихах Л. хороша. Потому что носит все-таки игровой характер, не безнадежна, не уныла. В стихах Л. всегда слышен бодрящий лит. отзвук, не позволяющий смешивать искусство с жизнью. Они упорядочены, но легки — как листки календаря, как знакомства на эмигрантском балу. Так вне России писали Ходасевич, Георгий Иванов...

Поэзия Л. вся в облаке аллюзий и реминисценций, вся поддержана от века данной гармонией, вся плывет «в родной звукоряд». Стихи без культурного эха для него — как еда без соли. «Лучок нарезан колесом. / Огурчик морщится соленый. / Горбушка горбится. На всем / грубоватый свет зеленый...» — такой вот неоконченный натюрморт создал как-то Л., заключив его, как положено картинке, в рамочку. И приписал — как будто бы из «Путеводителя»: «Характерная особенность натюрмортов петербургской школы состоит в том, что все они остались неоконченными».

Русская поэзия длится везде, где звучит русская речь или хотя бы ее эхо. В стихах Л. наступил ее день второй и стих второй. Это поэзия нечаянной радости случайно продленного времени, продленного дня. Поэзия продленного застолья как всецело адекватной формы русской культуры. Поэзия верности друзьям, той верности, о кот. сказано у Бродского: «Я любил немногих, однако сильно». Во многом этой верностью обусловлена и решающая, замешанная на тоске, тема подспудной, «странной» любви к отечеству с его нищими селеньями и заунывными звуками воен. труб. Эти лермонтовские, тютчевские, не-

красовские мотивы — тот высокий контекст, в кот. вписана поэзия Л.: «Я слышу, как рельсы гудят за рекой, / и шпалы, и моста настил, / и кто-то прижал мое горло рукой / и снова его отпустил» (**«Нам звуки ночные давно невдомек...»**).

Соч.: On the beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature. München, 1984; Жратва. Закрытый распределитель. Ann Arbor, 1984; Чудесный десант. Tenafly, 1985; Тайный советник. Tenafly, 1988; Новые сведения о Карле и Кларе. СПб., 1996; Послесловие. СПб., 1998; Москвы от Лосеффа // Знамя. 1999. № 2; Стих. из четырех книг. СПб., 1999; Sisyphus Redux. СПб., 2000; Примечания с примечаниями // НЛО. 2000. № 45; Упорная жизнь Джеймса Клиффорда // Звезда. 2001. № 1; Собранное. Екатеринбург, 2001; О любви Ахматовой к «Народу» // Звезда. 2002. № 1; Нелюбовь Ахматовой к Чехову // Звезда. 2002. № 7; Герасимов в первую очередь // Звезда. 2005. № 5; Как я сказал. СПб., 2005; Народный поэт // Звезда. 2007. № 1; Из посл. стихов // Звезда. 2009. № 7; Говорящий попугай. СПб., 2009; Солженицын и Бродский как соседи. СПб., 2010; Меандр: Мемуарная проза. М., 2010; Щит Персея: Лит. биография Иосифа Бродского / Вст. ст., сост., подг. текста и прим. // Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. (НБП). СПб., 2011.

Лит.: Парамонов Б. Выживание поэта // Грани. 1986. № 140; Максимов В. Лосевиана // Новое русское слово. 1988, 4 мая; Smith Gerald S. Flight of the Angels: The poetry of Lev Loseff // Slavic Review. 1988. Vol. 47. № 1; Уфлянд В. Могучая питерская хворь // Звезда. 1990. № 1; Толстой Ив. [Вст. статья к публ. стихов Л.] // Звезда. 1990. № 9; Гандлевский С. Литература^2: Мрачная вёселость Льва Лосева // Знамя. 1996. № 7; Немзер А. Неминуемое неименуемое // Сегодня. 1996. 17 сент.; Зубова Л. Поэтич. филология Льва Лосева // Лит. обозрение. 1997. № 5; Земляная О. Хайдеггер и Лосев // Звезда. 1997. № 6; Панн Л. На перекрестке параллелей // Знамя. 1998. № 12; Быков Д. Вокруг отсутствия // Новый мир. 2001. № 8; Арьев А. Нечувствительный Лосев // Звезда. 2007. № 6; Жолковский А. «Пушкинские места» Льва Лосева и его окрестности // Звезда. 2008. № 2; Слова о Льве Лосеве // Звезда. 2009. № 7; Айзенберг М. Постскриптум // Open Space. 2009; Давыдов Д. Ненарочный поэт // НЛО. 2009. Кн. 99; Артемьев М. Зло и кровью сердца // НГ Ex Libris. 2010. 16 дек.; Арьев А. Table-Talk: Лосев и Блок // Звезда. 2012. № 12.

А. Арьев

ЛО́ХВИЦКАЯ Мирра Александровна (наст. имя Мария; в замужестве Жибер) [19.11(1.12).1869, СПб. — 27.8(9.9).1905, СПб.; похоронена на Никольском кладб. Александро-Невской лавры] — поэт.

Дочь изв. правозащитника А. Лохвицкого, старшая сестра писательницы Н. Тэффи. Получила домашнее начальное образование, в 1888 окончила Александровский ин-т в М., где ее преподавателем по русской словесности был А. Майков. В этом же году состоялась перв. публ. Л.: вышли отд. брошюрой стих. **«Сила веры»** и **«День и ночь»**. По окончании ин-та переехала в СПб. и начала сотрудничать в ж. «Север»; с нач. 1890-х печ. в ж. «Художник», «Наблюдатель», «Наше время», «Труд», «Всемирная иллюстрация» и др. Публикация поэмы «У моря» в ж. «Русское обозрение» (1891. № 8) принесла Л. лит. известность.

В 1892 Л. вышла замуж за «одного из московских французов» (И. Бунин) Э. Жибера, сына изв. архитектора И. Жибера, в браке имела неск. детей. Перв. годы замужества, в связи со службой мужа, провела в провинции (Ярославль, Тихвин), затем возвратилась в М., с 1898 жила в СПб., где была участницей «пятниц» К. Случевского.

В 1896 вышел перв. сб. Л. **«Стихотворения. 1889–95»** с посвящ. мужу. В нем она воспевала романтич. любовь, страсть, радость материнства (в сб. были включены стих., обращенные к сыну). Критика сразу признала «бесспорный поэтич. талант» (П. Гриневич/Якубович), сб. была присуждена половинная Пушкинская премия АН. В кон. 1890-х — нач. 1900-х, продолжая печ. в «Севере» и «Русском обозрении», Л. публ. стих. в ж. «Нива» (и его лит. приложениях), «Сев. вестник», «Живописное обозрение», «Русская мысль» и др., в нескольких альм., в т. ч. «Денница» (1900) и «Сев. цветы» (1901, 1902), в ряде газ.

Едва ли не с первых шагов Л. на лит. поприще, еще до выхода перв. поэтич. сб., ее стали называть не иначе как «русская Сафо». Тема Л. в поэзии — воспевание любовной неги, преклонение перед мужчиной. «Хочешь неслыханной страстью обладать — должен статьи Лоховицкой читать»,— иронизировали журналисты бульварных изд. Ее поэтич. девизом была объявлена многократно цитированная строка «Это счастье — сладострастье» из стих. **«Посмотри — блестя крылами...»**, в кот. речь шла всего лишь о «паре белых голубей». Л. сознательно декларировала «ничтожность» своих поэтич. ориентиров, отказываясь от какой-либо «идейной» тематики, без кот. невозможно было представить русскую поэзию 1880-х, и называла свой стих «женственным», отстаивая право на существование женской поэзии.

Втор. сб. Л. **«Стихотворения. 1896–98»** вышел в 1898 и включал произведения, напис. поэтессой в период бурно обсуждавшегося в лит. кругах ее романа (впрочем, скорее литературного) с К. Бальмонтом. В. Брюсов, противопоставляя первый и второй сб. Л., писал: «Первая ее душа, всецело отразившаяся в первой книге ее стихов, ищет ясности, кротости, чистоты <...> Вторая душа... выразилась в ее втором сборнике, пафос которого — чувственная страсть, героический эгоизм, презрение к толпе». Бальмонт ответил Л. сб. стих. «Будем как солнце» (1903), предпослав ему посвящ.: «Художнице вакхических видений, русской Сафо, М. А. Лохвицкой, знающей тайны колдовства». Л. стали упрекать в безнравственности, поскольку она в откровенных стихах рассказывала об интимных переживаниях женщины, чего до нее в рус-

ской поэзии не бывало. Оценка своеобразного дарования поэтессы лит. критикой сводилась к следующему: «Откровенность, с кот. М. А. Лохвицкая воспевает сладострастие, может сравниться только с откровенностью на этот счет древних поэтов. И в том, что она говорит о сладострастии от имени женщины, тогда как большинство поэтов, воспевавших любовь, были мужчины, и состоит самый оригинальный элемент ее поэзии» (Книжки «Недели». 1899. № 1). Популярность Л. у читающей публики возросла: ее сб. раскупались, на поэтич. вечерах ее встречали восторженными аплодисментами. Вас. Немирович-Данченко вспоминал: «Ее строфы заучивались наизусть и — о верх популярности! — щеголеватые писаря, помадившиеся цедрой лимонной, писали их легковерным модисткам, выдавая за свои». Однако общепринятое представление о Л. как о «вакханке» во многом не совпадало с реальным обликом поэтессы. Так, хорошо знавший ее в это время И. Бунин вспоминал: «Воспевала она любовь, страсть, и все поэтому воображали ее себе чуть ли не вакханкой, совсем не подозревая, что она, при всей своей молодости, уже давно замужем... что она мать нескольких детей, большая домоседка...».

В последующие сб. Л. (**«Стихотворения. 1898–1900»**, 1900; **«Стихотворения. 1900–02»**, 1903; **«Стихотворения. 1902–04»**, 1904), кроме лирич. стих., вошли поэтич. драмы **«На пути к Востоку»** (1897), **«Вандэлин»** (1899), **«Бессмертная любовь»** (1900), **«In nomine Domini»** (1902) и др., по мнению большинства критиков, менее удачные, чем лирика поэтессы. В них она обратилась к религиозным темам и сюжетам из средневековья. Так, сюжет 5-актной драмы «In nomine Domini» («Во имя Бога») был позаимствован из протоколов процесса над еретиками во Франции нач. XVII в. Спектакль по пьесе «Вандэлин» успешно шел в театре З. Холмской «Сказка» в сезон 1909–10.

В 1908 посмертно изд. сб. ее стих. **«Перед закатом»** с предисл. К. Р. Большинство современников воспринимало Л. как талантливую представительницу т. н. «женской поэзии». Действительно, «к началу XX в. Л. была образцом, по которому мерили других поэтесс» (Groberg K. A. Lokhvitskaia // Dictionary of Russian women writers. Westport, Connecticut; London, 1994). По наблюдению В. Маркова, Л. «"научила женщин говорить" до Ахматовой» (Russian Literature and History. Jerusalem, 1989). «Ее любовь к солнцу опережает Бальмонта лет на десять (знаменитое „к солнцу! Солнца! Дайте мне солнца! Я к свету хочу")»; «она писала и о канатной плясунье, и об „одиночестве вдвоем" до Ахматовой, ставила в стихи дождь и плащ до Юрия Живаго и употребляла слова вроде тетеревинъ до Вячеслава Иванова; у нее даже есть слабые предвестия Цветаевой» (Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont 1890–1909. Koln; Wien, 1988). Но если такое влияние можно посчитать опосредованным, подспудным, неосознанным — или осознанным уже в пору творч. зрелости (как, напр., у И. Дмитриевой (Васильевой) — Черубины де Габриак), то И. Северянин изначально обратился к тв-ву Л. как к некоему «ориентиру» в своей лит. деятельности, объявив ее, наряду с К. Фофановым, «предтечей» эгофутуризма. Этому способствовала импонировавшая Северянину «двойственность» лирич. героини Л. («Добро и зло равно доступны нам...»); кроме того, следуя традициям «фетовского» направления в русской лирике, Л. была не чужда языковому экспериментаторству, ее тв-во отличается разнообразием стих. размеров, для него характерны вальсовые интонации. Неслучайно около 100 стих. Л. положены на музыку, в т. ч. С. Танеевым, Р. Глиэром и др.

Умерла Л. от тяжелой болезни, не дожив до 36 лет.

Адрес в СПб.: Сергиевская ул. (ныне ул. Чайковского), д. 3.

Соч.: Перед закатом. СПб., 1908; Тайных струн сверкающее пенье: Избр. стих. М., 1994; Стихотворения / Сост. и автор вст. ст. В. Макашина. СПб., 1997; Песнь любви: Стих. Поэма. М., 1999.

Лит.: Михайлов Д. Очерки русской поэзии XIX в. Тифлис, 1904; Гриневич (Якубович) П. Очерки русской поэзии. СПб., 1911; Бунин И. СС: В 9 т. М., 1967. Т. 9; Марков А. Лохвицкую называли «Русской Сафо» // Русская словесность. 1993. № 5; Шевцова Т. Поэтич. язык Мирры Лохвицкой // Русский яз. в школе. 1996. № 5; Макашина, В. Мирра Лохвицкая и Игорь-Северянин: К проблеме преемственности поэтич. культур / Дис. канд. филол. наук. Новгород, 1999; Изусина Е. Лирич. героиня в русской лирике XIX в.: На мат-ле тв-ва А. П. Буниной, К. К. Павловой, М. А. Лохвицкой / Дис. канд. филол. наук. Орёл, 2005; Павельева Ю. Лирич. героиня М. А. Лохвицкой: поэтика на стыке классики и модернизма / Дис. канд. филол. наук. М., 2008.

В. Макашина

ЛУКА́Ш Иван Созонтович [30.3 (11.4).1892, СПб. — 15.5.1940, Медона, Франция] — прозаик.

Отец — выходец из крестьян Полтавской губ., ветеран русско-турецкой войны 1877–78. (С него, по семейному преданию, И. Репин писал казака с перевязанной головой на картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».) Мать — воспитанница художника А. Боголюбова. Атмосфера СПб., в кот. рос Л., в значительной мере повлияла на духовный облик и характер интересов будущего писателя. «Я думаю,— вспоминал Л.,— что все, что окружало наше детство страшным и великолепным видением, аркады и колоннады, синеющие в прозрачном холоде северной ночи, Минерва и Сфинксы из Фив и медная квадрига Аполлона, замерзшего в высоте арки, все было магическим за-

клинанием таинственной силы, которого теперь не знает никто» (Сны Петра. Белград, 1931). Озаренный торжественным величием русской имперской столицы, Л. мечтал о том, «чтобы Российская держава была столь же гармоничной и ясной, как фасады петербургских дворцов». Он «сотворил себе идеал просвещенной великой империи, объединившей под знаменем Державина и Пушкина, Петра и Екатерины многие культурные периоды. В русском XVIII веке видел он зачатки этого „светлого царства"» (Л. Любимов). Образ СПб. станет одним из сквозных в ист. прозе писателя.

Л. учился в петерб. ларинской гимназии, затем в частной гимназии Л. Лентуловой (1909–12), на юридическом фак-те СПб. ун-та (1912–16), кот. окончил с выпускным свидетельством (сдаче экзаменов помешали рев. события). В 1905–07 — пору «своей странной революционной и романтической юности» — проявил интерес к эсерам. Под воздействием кн. Майн Рида совершил неудачный побег в Америку. Позднее на короткое время сблизился с петерб. эгофутуристами. В 1910 при содействии И. Северянина изд. свою перв. кн. — сб. сюрреалистических «стихотворений в прозе» — **«Цветы ядовитые»**. В 1912 выступал в изд. эгофутуристов «Оранжевая урна», «Петерб. глашатай», «Дачница», публикуя в них (под псевд. Иван Оредеж) ритмизованную прозу в стиле У. Уитмена, в альм. «Стеклянные цепи» — статьи о модной в ту пору поэзии Северянина. В канун Первой мировой войны в качестве репортера сотрудничал в газ. «Совр. слово», «Речь», ж. «Огонек». В 1915 вступил добровольцем в Преображенский полк, полгода находился в прифронтовых тыловых учреждениях. Приветствовал Февральскую революцию (занимал кадетские позиции), писал о ее героях — солдатах и офицерах — очерки пропагандистского характера в газ. «Труд и воля» Временного комитета Гос. думы (**«Преображенцы»**, **«Павловцы»**, **«Волынцы»**, **«Ночь на 28 февраля в Зимнем дворце»**), кот. вскоре изд. отд. брошюрами. В дальнейшем в мировоззрении Л. происходит резкий перелом.

Осенью 1917 участвует в подготовке восстания против сов. власти, поддерживает Корниловский мятеж. В сер. 1918 Л. уехал из Пг. в Киев, где вступил в ряды Добровольческой армии. До эвакуации из Крыма врангелевской армии в нояб. 1920 сотрудничал в белой прессе (газ. «Юг России», «Голос Таврии»). В эмиграции жил в разных городах — Константинополе, Галлиполи, Тырнове, Софии, Вене, Праге, Риге, Париже. В Софии печ. в газ. «Свободная речь», в Берлине — в ж. «Русская мысль», газ. «Руль», был участником писательского содружества «Веретено», где сблизился с В. Набоковым. За время непродолжительного творч. сотрудничества с ним написал либретто пантомимы «Агасфер» на муз. М. Якобсона и балета «Лунный кавалер» на муз. А. Эйхмана, сочинил неск. скетчей для берлинского кабаре «Синяя птица» Я. Южного. Позднее Набоков наделил некот. чертами личности Л. (в частности, склонность к мистицизму) героя своего романа «Подвиг» беллетриста Бубнова. Среди прочих трудов Л. этой поры — написанная им по заказу жены генерала Н. Скоблина Н. Плевицкой ее биография **«Дежкин карагод»** (1925) (Носик Б.).

Активная творч. деятельность Л. приходится на 1920–30-е. Ранние произведения писателя определила тема Гражданской войны. Разрабатывая ее, Л. уверовал в святость идеи Белого движения как единственно спасительной «национальной религии» для пребывающих в рассеянии русских, кот. способна подвигнуть их к возрождению родины (Литургия верных. К годовщине изгнания русской армии // Руль. 1921. 16 нояб.; Горнист поет // Там же. 1922. 4 янв.). Эта идея определила пафос очерков **«Голое поле. Книга о Галлиполи»** (1922) — о буднях расквартированной на Галлиполийском п-ове врангелевской армии, настроениях б. участников Гражданской войны. Крупным планом даны образы белых генералов А. Кутепова («взнуздал Галлиполи железным мундштуком железной дисциплины») и А. Туркула. (Воен. мемуары последнего «Дроздовцы в огне» (1937) вышли в лит. обработке Л.) Очерки Л. о Галлиполи в кругах русской эмиграции были встречены неоднозначно. Теме Гражданской войны посвящены и др. ранние произведения Л.: повесть **«Смерть»** (1922), где показана жизнь провинциальной русской интеллигенции под властью большевиков, «поэма» **«Дом усопших»** (1922) о предсмертных часах сов. граждан, умирающих от чахотки в одном из крымских санаториев. В «мистерии» **«Дьявол»** (1922), построенной как цепь слабо связанных фрагментов-видений (война, штурм Зимнего дворца, сцена изнасилования женщин батальона охраны, ночной кутеж в подвальном ресторане, допрос в ЧК — и над всем этим фигура дьявола, «дирижирующего» сонмом чудовищных видений) критика отмечала, что Л. «легко отталкивается от грязной и кровавой земли — и повисает в метафизическом пространстве» (Мочульский К. // Звено. 1923. 26 февр.).

В основу биографич. романа **«Белцвет»** (1923) легла история становления прошедшего горнило войны героя, чья судьба оказалась мистически связанной с образом загадочной женщины. Произведениями о Гражданской войне Л. снискал себе репутацию писателя-белогвардейца. В немалой степени этому способствовал его выход из писательского содружества «Веретено» в кон. 1922 (совм. с И. Буниным, В. Набоковым и др.) в знак неприятия сменовеховских настроений у некоторой части членов этого объединения (Новое русское слово. Н.-Й., 1981. 4 окт.).

В 1925 Л. переехал в Ригу, где редактировал (совм. с Н. Бережанским) газ. «Слово». В Латгалии он наблюдал жизнь русских крестьянских хуторских хозяйств, отошедших к буржуазной Латвии, кот., не испытывая диктата извне, получили возможность свободного развития. Эти впечатления Л. нашли отражение в очерках **«Земля святой Ольги. Угол Латгалии»** (Перезвоны. 1925. № 2) и **«Изборская земля. Дорожные заметки»** (Возрождение. 1929. 12 окт.). Л. отмечал, что «...на хозяине-земледельце вырастет... российская национальная демократия и Российская мирная держава» (Перезвоны. 1925. № 2).

Стремление понять истоки трагедии 1917 привело Л. к ист. тематике. Он создает сб. рассказов о прошлом северной столицы — **«Черт на гауптвахте»** (1922), **«Дворцовые гренадеры»** (1928). Ист. рассказы печата-

лись в разные годы в ж. «Сполохи», «Мир и искусство», газ. «Возрождение, ж. «Перезвоны» и вошли в сб. «Сны Петра» (1931). Свой взгляд на русскую историю Л. изложил в ст. «**Две России**» (Руль. 1924. 9 сент.) и в предисл. к сб. «**Сны Петра**»: «... мое отечество было обречено на ту судьбу, которая разыгралась на глазах нашего поколения... Россия... была не воплощенным до конца сном Петра, полуявью и полупровидением, сменой снов, движимых к горчайшему пробуждению». Такое понимание эпохи обусловило специфичный образно-тематич. антураж его ист. прозы. Тоска по утраченной России уводила Л. от действительности в мир призраков и грез. Поэтизируя прошлое, он «любил писать о белесой царице Елизавете, о суворовских гренадерах, о баталиях и пирах той поры, когда прорубалось окно в Европу», о «героике русского крепостного мужика в пудре и треуголке» (Любимов Л.). «Петербургские истории» Л. умело стилизовал под рассказ от лица солдат, старых нянь. Этим объясняется интерес писателя «к истокам русского языка, времени его особой полнозвучности, ясности, свободы от инородных примесей» (Руль. 1923. 11 март.). В сюрреалистическом пространстве ист. прозы Л. действует мир людей (солдаты, старухи, масоны), магический мир вещей (загадочные старинные портреты, окруженные мистической аурой) и миражи, призраки, черти. «Страшно реален образ черта в творчестве Лукаша,— писал В. Татаринов,— в этом он напоминает Гоголя, под сильным влиянием которого... находится» (Руль. 1923. 11 март.). В гротесковой манере написана приключ. повесть Л. «**Граф Калиостро**» (1925) об изв. авантюристе и мистике XVIII в. Джузеппе Бальзаме, посетившем СПб. в 1782. В основе повести — тема поисков «философского камня».

В 1928 Л. переехал в Париж, став пост. сотрудником газ. «Возрождение» (ред. Г. Струве), в кот. печ. И. Бунин, И. Шмелев, А. Амфитеатров, Н. Тэффи и др. Здесь Л. регулярно выступал со статьями, очерками, рассказами, рец., публ. отрывки из своих произведений.

С интересом был встречен его ист. роман «**Пожар Москвы**» (1930), в кот. освещен трагич. период русской истории от убийства Павла I до восстания декабристов. К. Зайцев отмечал, что «перед нами произведение русской литературы увлекающее и волнующее», на котором лежит печать «интуитивного прозрения в судьбы России» (Россия и славянство. 1930. 24 мая). В. Ходасевич обратил внимание на одну из характерных особенностей героев «Пожара Москвы» — их «медиумическую восприимчивость» к воздействию роковых сил истории. «У самого Лукаша, как и его героев, инстинкт оказывается мудрее сознания» (Возрождение. 1930. 17 апр.). Написанный через 6 лет после «Пожара Москвы» роман «**Вьюга**» (1936) Ходасевич назвал «живой, талантливой книгой» (Возрождение. 1936. 18 июн.). Это произведение Л. писал для лит. конкурса, объявленного в 1933. Условие конкурса — показать в произведении опасность психологии большевизма.

На страницах «Возрождения» Л. выступал и как лит. критик. Писал о тв-ве литераторов-современников (А. Куприне, Б. Зайцеве, Д. Мережковском и др.). Размышляя о сущности худож. тв-ва, Л. подчеркивал, что истинное художество «всегда, вольно или невольно, ищет разгадки понимания духа бытия». Формула тв-ва мыслится Л. как «путь к откровению Бога в мире... Истинное художество — богопознание и боговыражение» (Возрождение. 1929. 28 март.).

В поздних романах «**Ветер Карпат**» (1938) и «**Бедная любовь Мусоргского**» (1940), создававшихся тяжело больным и нуждающимся Л., на перв. план выходит тема рока, капризной «музыки судьбы», мистически влияющей на жизнь человека. Роман «Бедная любовь Мусоргского» считается самым значительным произведением Л., в кот. он показал себя как талантливый стилист. Судьба Мусоргского в романе воспринимается как прелюдия к драме русского народа в XX в.

Творч. наследие Л. породило неоднозначные оценки современников. А. Толстой считал, что «талантливые вещи» Л. «сильно портит политическая белогвардейская подкладка» (Известия. 1923. 8 мая). И. Голенищев-Кутузов отмечал, что своими произведениями Л. «создает свой мир, легенду о Российской империи», обладающую «магической силой оживлять русские сердца в муках сорокалетнего странствования» (Возрождение. 1932. 23 июн.). По свидетельству Р. Гуля, Л. остался «недооцененным» в эмиграции, ибо «всегда ходил „в правых"» (Новый ж. Н.-Й., 1979. № 134).

Соч.: Голое поле (Из повести) / Предисл. В. Еременко // Кубань. 1990. № 11; Граф Калиостро / Предисл. А. Аринштейна. М., 1991; Портреты / Предисл. А. Богословского // Человек. 1992. № 2; Бедная любовь Мусоргского / Предисл. А. Богословского. М., 1992; Князь Пожарский. Этюд / Вст. ст. А. Богословского // Волга. 1993. № 7; Москва, страна отцов / Предисл. А. Богословского // Москва. 1994. № 4; Дворцовые гренадеры / Предисл. А. Апасова // Бежин луг. 1994. № 4; Соч.: В 2 т. М., 2000 / Вст. ст. М. Филина.

Лит.: [Краткая биография, написанная женой Лукаша] // Возрождение. 1957. № 70; Струве Г. Об одном берлинском лит. кружке // Новое русское слово. Н.-Й., 1981. 4 окт.; Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1987; Первушин Н. Немного об Иване Лукаше // Новый ж. Н.-Й., 1988. № 172; Носик Б. Мир и дар Набокова. М., 1995.

В. Запевалов

ЛУКИ́Н Евгений Валентинович [4.2.1956, п. Тесово-Нетыльский Новгородской обл.] — поэт, прозаик, эссеист, переводчик.

Из семьи учителей. По отцовской линии семья репрессирована: прадед

Тимофей умер в ссылке в 1927, дед Иван арестован в 1930 (дальнейшая судьба неизв.). По материнской линии прадед Карп после «раскулачивания» в 1929 отказался вступить в колхоз, поселился на хуторе, где прошли детские годы будущего писателя. Дед Николай пропал без вести в 1942 под Сталинградом, где воевал в штраф. батальоне.

В 1973 Л. поступил на историч. фак-т ЛГПИ им. А. Герцена. С 1974 занимался в ЛИТО «Нарвская застава» под рук. Гл. Семенова. После окончания ин-та проходил воен. службу, работал учителем и журналистом, в т. ч. корр. ж. «Костер», где ранее, в нояб. 1972, состоялась его перв. стих. публ. Активно печ. свои худож. произведения начал лишь после 1991.

В 1994 опубл. перевод «Слова о полку Игореве», «Слова о погибели Русской земли» и «Задонщины», над кот. работал более 15 лет. Акад. Д. Лихачев в предисл. к изд. приветствовал новый перевод: «Порадуемся же еще одному переложению на язык современной поэзии — поэзии древнерусской». Член-корр. АН Л. Дмитриев оценил перевод Л. как «лучший из всех имеющихся на сегодняшний день поэтических переложений», д.ф.н. О. Творогов назвал перевод Л. «одним из наиболее удачных». Помимо древнерусских произведений Л. переведены и опубл. поэма древнегреческого поэта Т. Милетского «Персы», IV эклога древнеримского поэта Вергилия, «Висы радости» скальда Х. Хардрада, а также стихи совр. норвежских поэтов У. Булля, Э. Бойсона, А. Эверланна, А. Русте, немецких поэтов Ф. Кнеллера и Б. фон Мюнхгаузена.

Работа над «Словом» оказала большое влияние на оригинальное тв-во Л. Литературовед В. Кожинов, рецензируя перв. стих. сб. Л. «**Пиры**» (1995), отмечал: «Отрадно видеть в поэзии Евгения Лукина стремление преодолеть имеющий место раскол Петербурга и "глубинной" Руси», в своих произведениях автор «опирается не только на традицию Клюева, но и на воплощение христианской темы в поэзии одного из клюевских учителей — Михаила Кузмина».

Взгляд на действительность, как на нечто профанное и мифологическое одновременно, приводит Л. к принципу «мифологического реализма». По словам литературоведа А. Беззубцева-Кондакова, в романе «**По небу полуночи ангел летел**» (2005) он «мифологически переосмысливает события, кот. порой у всех на виду, но воспринимаются как нечто обыденное». Этот роман, по мнению критики, «имеет богатый культурно-эстетич. контекст, изысканную интеллектуальность, акварельные поэтич. реминисценции, языковую игру, забавные ассоциации и держит высокий порог духовности». Принцип «мифологического реализма» реализуется автором в повести «**Памятник**» (2007) и в кн. стих. в прозе «**Lustgarten, сиречь вертоград царский**» (2005), где хоровод анекдотич. историй, связанных с Летним садом, образует неповторимую символику петерб. мифа. Тот же принцип применен в повести «**Танки на Москву**» (2009), когда череда происходящих событий, образуя некий грандиозный хаос, представляет метафизич. картину перв. кавказской войны 1995–96, участником кот. автор являлся.

По мнению А. Казина, в поэтич. текстах Л., представленных в книге стих. в прозе «**Sol oriens**» (2003) явственно присутствует Логос: «Общим — нужным не только автору, но и всему миру — делом его произведение и его опыт становятся тогда, когда, по выражению Павла Флоренского, в трещинах человеческого рассудка начинает просвечивать лазурь Вечности». По существу, худож. практика автора, как считает Казин, «есть не что иное, как момент выражения, вдохновенной интерпретации Абсолюта».

Лит.-философские изыскания Л. представлены в исследовании «**Философия капитана Лебядкина**» (2006) и сб. эссе «**Пространство русского духа**» (2007). Как подчеркивает искусствовед Л. Мосолова, «в этих эссе выстроена своеобразная методология историко-культурологич. дискурса, позволяющая сделать научные открытия в переосмыслении хрестоматийных стандартов фольклористики». В целом, по оценке Мосоловой, тв-во Л. вобрало в себя «многие феномены искусства — поэтико-эпические традиции средневековой Руси, художественный опыт Пушкина и Гоголя, нравственные уроки Достоевского, светлый строй мышления русской религиозной философии, языково-семантические эксперименты отечественного литературного авангарда, особенности "мифологического реализма" последнего века, художественные поиски постмодернистской словесности».

Общественная деятельность Л. заслуживает особого внимания. В 1980-х под псевд. Лунин служил в лен. ФСБ и был одним из кураторов «Клуба–81». Имел доступ к следственным делам. В 1988 в ж. «Лен. панорама» он впервые напеч. мат-лы следственного дела поэта Н. Заболоцкого, в 1991 в ж. «Аврора» — мат-лы следственного дела Н. Олейникова. В газ. «Лен. правда» (5.8.1989) Л. опубликовал ст. «**Палачи**», где впервые назвал имена лен. палачей 1937–38. Публикация вызвала многочисленные и неоднозначные отклики. Среди прочих — ст. Э. Шнейдермана «Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел», в кот. исследователь (и поэт) ставил под сомнение выводы Л. относительно дела Заболоцкого и высказывал убедительные сомнения в справедливости инвектив Л. в адрес Б. Лифшица и Е. Тагер.

В 1992 по инициативе Л. в БАН передано около 2 000 раритетов из биб-ки Дома предварительного заключения, на основе чего создан единственный в мире Фонд тюремной книги (Академическое дело. СПб., 1993. Т. 1). По инициативе акад. Ж. Алферова, директора БАН В. Леонова и Л. в 1993 начато изд. «Академического дела», содержащего мат-лы следственных дел 1929–31 акад. С. Платонова, Е. Тарле и мн. др.

В 1993 по приглашению Д. Лихачева принял участие в создании докум. фильма «Академик Д. С. Лихачев. Дело № 195». Тогда же издал уникальный дневник жителя блокадного Л-да (Горшков Н. Силою света в полсвечи. СПб., 1993). В 1995 по совм. инициативе библиографа РНБ А. Разумова и Л. начато изд. «Лен. мартиролога», основу кот. составили списки лиц, расстрелянных в Л-де в 1937–38. К 1-му т. мартиролога Л. написал предисл. (Лен. мартиролог. СПб., 1995. Т. 1). В 1996 издал докум. кн. «**На палачах крови нет**», кот. содержит биографии 12 палачей — организаторов массовых репрессий в Л-де в 1937–38.

В посл. время активно занимается орг. и издат. деятельностью. В 1997 создал лит. об-во «Молодой Петербург» и выпустил его альм. (1998). В 2000–01 изд. ж. «Культура Петербурга». С 2005 — учредитель, гл. ред. и издатель лит.-худож. ж. «Сев. Аврора».

Член СП России (1996). Лауреат лит. премии им. Н. Гоголя за роман «По небу полуночи ангел летел» (2006), премии ж. «Нева» за повесть «Танки на Москву» (2010) и ж. «Зинзивер» за сб. стих. в прозе «Lustgarten, сиречь вертоград царский» (2011). Как участник боевых действий на Кавказе награжден медалью «За заслуги перед Отечеством».

Соч.: Полустанок: Стихи // Лит. Россия.1992. № 47 (1555), 20 нояб.; Пиры: Стихи и поэмы. СПб., 1995; На палачах крови нет. СПб., 1996; Sol Oriens: Стих. в прозе. СПб., 2003; Lustgarten, сиречь вертоград царский: Стих. в прозе. СПб., 2005; Философия капитана Лебядкина. СПб., 2006; По небу полуночи ангел летел: Роман. СПб., 2006; Памятник: Поэма в прозе и бронзе. СПб., 2007; Пространство русского духа: Статьи, эссе, переводы. СПб., 2007; Свадьба рыси: Мифология абсурда в тв-ве Александра Введенского // Новый берег (Дания). 2007. № 18; Танки на Москву: Повесть // Нева. 2009. № 2.

Лит.: Шнейдерман Э. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1; [Отзывы Д. Лихачева, Л. Дмитриева, О. Творогова] // Слово о полку Игореве / Переложение Е. Лукина. М.; СПб., 2006; Кожинов В. Неск. слов о «петербургской» поэзии // Наш современник. 1996. № 12; Казин А. Свет с Востока // Всероссийский собор. 2003. № 4; Шнейдерман Э. Клуб–81 и КГБ // Звезда. 2004. № 8; Беззубцев-Кондаков А. Прогулка по кунсткамере грез // Сев. Аврора. 2006. № 5; Медведев А. Там русский дух // Утро Петербурга. 2007. № 8 (442), 15–18 февр.; Мосолова Л. Альфа и омега Евгения Лукина // Лит. Петербург. 2008. № 74; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Варенцев

ЛУККА́ Николай Николаевич [24.3.1948, Псков] — поэт.

Из семьи финнов, выселенных из Лен. обл. в период советско-финляндской «зимней» войны. Младший брат художника Валерия Лукки.

Детство провел в Карелии; в 1960 семья переехала в г. Пушкин, в сер.

1970-х — в Колпино. Окончил 9 классов школы. Работал кочегаром.

С 16 лет пишет стихи. Несколько стих. опубл. в офиц. изд., большинство распространялось в машинописи. В 1980-е печ. в ж. самиздата. В 1990-е выпустил 2 кн. — **«Сдача Бреды»** и **«Птица и бомж»**.

Поэтич. тв-во Л. пронизано разговорной, преимущественно иронич. интонацией. Стихи часто содержат реплики, обращенные к читателю-собеседнику. Нередко прибегает к крупным составным поэтич. композициям (поэмы **«Рубиновый мазок»**, **«Попугай»** и **«Каменный мешок»**, объединенные в цикл **«Письмо из Москвы»**). В тв-ве развивает экспрессивно-лирич. направление в совр. петербургской, шире — российской словесности.

«В текстах Л. постоянно присутствуют многочисленные библейские, античные и иные историко-мифологические аллюзии, которые органично вплетаются в полифонию-перекличку голосов разных эпох, прорастают сквозь асфальт современности, вводя эту современность в непрерывность Бытия. И в поэзии Николая Лукки вполне естественным эпизодом может быть Томмазо Кампанелла с современными бомжами — столь же естественным, как скажем, винопитие Вакха с андалузскими простолюдинами в известном полотне Веласкеса» (Ю. Новиков).

С 1999 постоянно живет в Финляндии, сохраняет российское гражданство.

В 2003 изд. авторский сб. **«Вакханалия»** (изд-во «Деан»). «Рожденные стихией городского дна, стихи Николая Лукки зачастую пронизаны щемящей тоской и одновременно лиричны, полны грустной иронии, исповедальны», — говорит В. Заратайский. «Николай Лукка — поэт — как голос за кадром жизни. Это нужно услышать. И тогда — открытие» (И. Адамацкий). В кн. вошли стихи, сценки, повести (**«Вакханалия»**, **«Бег в тумане»**, **«Храм»**, **«Плаха»**, **«Поиски Пушкина в царскосельском саду»**).

Лауреат неск. лит. премий, в т. ч. «Антибукер».

Соч.: Стихи // Часы. 1985. № 53; Стихи // Кн. Петербург. 1999. № 9; Сдача Бреды. СПб., 1993; Птица и бомж / Предисл. Ю. Новикова. СПб., 1998; Вакханалия. СПб., 2003; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ЛУКНИ́ЦКИЙ Павел Николаевич [29.9(12.10).1902, СПб. — 22.6.1973, М.] — прозаик, поэт, журналист.

Родился в дворянской семье с богатыми воен. традициями. Отец — Николай Николаевич Л. — член-корр. Академии архитектуры, инже-

нер-генерал-майор; в сов. время преподаватель Военно-инженерной академии РККА, затем Высшего инженерно-технич. училища, организатор Лен. ин-та механизации строительства, актив. участник строительства крупнейших гидроэнергетических объектов в СССР, автор мн. изобретений и книг. Мать — Евгения Павловна, урожд. Бобровская, дочь изв. воен. историка, основателя и многолетнего руководителя Военно-юридической академии, генерала и сенатора П. О. Бобровского, занималась живописью и рисованием по фарфору, увлекалась новейшими технич. изобретениями, летала на аэроплане с С. Уточкиным, была одной из первых женщин-автомобилисток в СПб. Л. учился сначала в Александровском кадетском, затем в Пажеском корпусах. Вместе с матерью совершил в детстве ряд путешествий по странам Европы (Германия, Франция, Бельгия, Швейцария, Дания, Австрия, Италия, Греция и др.). Тогда же, 11-летним мальчиком, начал и затем всю жизнь продолжал вести дневник, ставший своеобразной летописью его жизни и более чем 60-летней истории страны.

В февр. 1917, на волне рев. событий, Л. оставляет учебу и идет работать на Охтинский пороховой з-д. Затем, прибавив себе 2 года, становится рабочим на строительстве железнодорожного моста через р. Волхов и др. участков железных дорог в окрестностях Пг., уже в 16 лет он — помощник машиниста паровоза. В первые послерев. годы Л. перепробовал множество профессий: разносчик и продавец газет, слесарь, грузчик, кочегар; ему принадлежат выразительные фотографии, запечатлевшие городскую жизнь эпохи Гражданской войны. В февр. 1920 Л. добровольцем едет строить железную дорогу Александров-Гай — Эмба (Алгемба) к месторождению нефти на Эмбе в Заволжье, переживает там все тяготы военно-гражданской жизни: нападения басмачей, брюшной тиф, изнуряющий труд.

По служебному назначению переводится в Ташкент, там он с окт. 1921 в теч. года — студент фак-та обществ. наук Ташкентского ун-та. В это время обращается к лит-ре, знакомится с Б. Лавреневым (кот. учится в том же ун-те на старшем курсе), принимает участие в лит. организации «Арахус» (Ассоциация работников худож. слова) и в лит. кружке «Чугунное кольцо». Осенью 1922 следует перевод в Пг. ун-т, на лит.-худож. отд., а после его ликвидации — на этнолого-лингвистическое.

В Пг. погружается в лит. жизнь: участвует в «Лит. вечерах», поступает в Ин-т живого слова, становится членом его лит. кружка-студии, пишет и публ. стихи (вышли 2 поэтич. сб. Л. **«Волчец»**, 1927, и **«Переход»**, 1931), знакомится с Н. Тихоновым, Вс. Рождественским, Н. Брауном, позже — с В. Саяновым, Б. Корниловым, О. Берггольц и мн. др. В дек. 1924 принят во Всероссийский Союз поэтов, в 1925 — во Всероссийский СП. Во втор. пол. 1920-х ведет большую организац. и обществ. работу: он технич. секретарь ЛО Всероссийского Союза поэтов (с дек. 1926 по сент. 1929), секретарь Литбюро Федерации Объединения сов. писателей (ФОСП; с нояб. 1927).

Будучи еще студентом Пг. ун-та, пишет курсовую работу о Н. Гумилеве. В дек. 1924, заручившись поддержкой М. Лозинского и В. Шилейко, он приходит к А. Ахматовой в надежде получить необходимые ему для работы сведения. Со стороны Ахматовой он встречает не только понимание и поддержку, но и желание самой участвовать в этой работе. Рекомендация Ахматовой открывает Л. двери ко мн. людям, лично знавшим Гумилева: из их воспоминаний, равно как автографов поэта и биогр. документов, собираемых и копируемых Л. в различных архивах, со временем составляется одна из самых ценных коллекций по русской поэзии первой трети XX в. Большое место в ней принадлежит также мат-лам Ахматовой, О. Мандельштама и др. (хранится в РО ИРЛИ). Деятельность Л. получает широкую известность в лит. кругах, он становится прототипом одного из героев «Козлиной песни» К. Вагинова — Миши Котикова, влюбленного в погибшего поэта Заэфратского и собирающего все, имеющее к нему отношение. В то же время Л. переживает сильное увлечение личностью и поэзией Ахматовой. 1924–29 — время наиболее насыщенных, порой ежедневных их встреч — отражено в дневниках Л. **«Acumiana»**.

Появившиеся в нач. 1990-х сведения о сотрудничестве Л. с ОГПУ (О. Калугин) не являются безоговорочными, но вносят определенные, весьма мрачные штрихи в представление о возможной роли Л. по отношению к Ахматовой и ее кругу. Кратковременные аресты в 1927 и 1929, также как и общий усилившийся партийный нажим на лит-ру заставляет Л. переосмыслить и резко изменить свою жизнь. В конце окт. 1929 выбор сделан: «Я понял: мировая коммунистическая революция, кот. сейчас совершается,— права, и дело ее священное. <...> И я рад, что могу быть полезным» (цит. по: Лукницкая В. Перед тобой земля). В апр. 1930 он уезжает с геологоразведочной партией на Памир.

На протяжении 1930–34 Л. четырежды участвует в экспедициях в Таджикистан и на Памир, в 1931 — в Полярной экспедиции вместе с А. Ферсманом, в 1935 и 1936 — путешествует по Казахстану, в 1937 — по Заполярью, в 1938 — вновь по Таджикистану, в 1939 — по Сибири. На Памире экспедиция, в кот. входит Л., открывает крупнейшее месторождение лазурита, в Монче-Тундре — ценные рудные месторождения, положившие начало строительству Мончегорска. Из каждой поездки Л. привозит не только десятки записных книжек и фотографий, но и предметы, составившие богатую этнографич. коллекцию, с Памира — рукописные поэтич. и религиозные книги XI и XIII вв., из Заполярья собрание саамских сказок и легенд.

Ежедневные записи, путевые наблюдения со временем облекались в худож. форму. Л. — автор более трех десятков книг: романов **«Мойра»** (1930), **«Всадники и пешеходы»** (1933), **«Земля молодости»** (1936), **«Ниссо»** (1939–41; опубл. 1946), **«Делегат грядущего»** (1970), повестей **«Дивана»** (1936), **«Застава Двуречье»** (1940), мн. сб. рассказов, очерков и повестей: **«Вокруг одного дня»** (1938), **«Солнце все выше»** (1939), **«В лесах Карелии: Рассказы и очерки об Отечественной войне»** (1942), **«В мои молодые годы»** (1955), **«За синим камнем»** (1955), **«Таджикистан»** (науч.-популярное изд., 1951; 2-е переработ. изд. 1957), **«Путешествия по Памиру»** (1955), **«Время за нас»** (1960), **«На берегах Невы»** (1961), **«В горах и сердцах людей»**

(1971), **«По дымному следу»** (1979) и т. д. Наиболее известен роман Л. **«Ниссо»** о судьбе девушки, проданной в рабство и бежавшей из него. После мн. испытаний Ниссо оказывается в советском селении Сиатанг, жизнь кот. перестраивается на новых социалистич. началах под руководством демобилизованного красноармейца Медведева. Как и некот. др. произведения Л., роман переведен на мн. яз. мира.

С нач. Великой Отеч. войны Л. — воен. корр. ТАСС. С авг. 1941 он на Лен. фронте, где, по его собств. словам, им написаны сто семьдесят очерков и около шестисот корреспонд. Позднее на основе своих записей Л. создает 3-томную эпопею **«Ленинград действует...»** (1961–68) — фронтовой дневник, подробное описание воен. действий на Волховском и Лен. фронтах; обороне Л-да посвящена и др. его книга **«Сквозь всю блокаду»** (опубл. 1988). С сент. 1944 с наступающими сов. войсками прошел Румынию, Югославию, Венгрию, Австрию, Чехословакию, этот период войны отразился в кн. **«Венгерский дневник»** (1973), **«По дымному следу»** (1973). Победу Л. встретил в Праге, в июне 1945 вернулся в Л-д.

В 1946–52 ежегодно совершал поездки по горным обл. Таджикистана и Памира. С 1953 жил в М. В 1962, после встречи в Доме тв-ва в Комарове, возобновляется общение Л. с Ахматовой. В 1968 Л. предпринимает попытку реабилитации Гумилева, обращается к Ген. прокурору СССР, но тщетно. Помимо собственно лит. работы все послевоен. годы Л. активно занимался обществ. деятельностью, переводил на русский яз. произведения таджикских и азербайджанских писателей, продолжал упорядочивать свою историко-лит. коллекцию.

Соч.: Волчец: Стих. Л., 1927; Мойра: Роман. М.; Л., 1930; Переход: Стих. 1928–30. Л.; М., 1931; У подножия смерти: [Записки участника Памирской экспедиции]. Л.; М., 1931; Памир без легенд. М.-Ташкент, 1932; Всадники и пешеходы: Роман. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1935; Дивана: Повесть. Сталинабад-Л., 1936; Вокруг одного дня: Рассказы. Л., 1938; Солнце все выше: Повести и рассказы. Л., 1939; Застава Двуречье: Повесть. Сталинабад; Л., 1940; Друзья. [Л.], 1941; В лесах Карелии: Рассказы и очерки об Отеч. войне. [Ярославль], 1942; Невская Шехерезада: Рассказ. Магадан, 1944; В мои молодые годы: Повести, рассказы и очерки разных лет. Сталинабад, 1955; За синим камнем: Повести, рассказы и очерки разных лет. М., 1955; Путешествия по Памиру. [М.], 1955; Таджикистан. [Изд. 2-е, перераб.] М., 1957; На берегах Невы: [Рассказы и главы из дневника]. М., 1961; Время за нас: Произведения разных лет. Душанбе, 1963; Сказка о солнце. М., 1964; Делегат грядущего: Роман и рассказы. М., 1970; Ленинград действует...: Фронтовой дневник. Кн. 1–3. [изд. 2-е]. М., 1971; В горах и в сердцах людей: Избр. произведения разных лет. Душанбе, 1971; Избр. М., 1971; Венгерский дневник. М., 1973; Пограничники Алая: Повесть и рассказы. М., [1974]; Ниссо: Роман. 10-е изд. М., 1976; По дымному следу: Очерки и страницы из фронтового дневника. [Изд. 2-е]. М., 1979; Земля молодости: Роман; Безумец Марод-Али: Повесть. Рассказы. Очерки. М., 1984; Сквозь всю блокаду. Л., 1988;

Лит.: Булкина Л. Тема Ср. Азии в тв-ве Павла Лукницкого (20–40-е гг.). Автореферат канд. дис. Ташкент, 1969; Розен А. Первопроходцы // Граница. Вып. 4. Л., 1978; Лукницкая В. Исполнение мечты: Жизнь и путешествия П. Н. Лукницкого. М., 1979; Тименчик Р. Павел Лукницкий на пиру богов // Русская мысль. 1991. 28 июн.; Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и лит-ра на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М., 1994; Никольская Т. Н. Гумилев и П. Лукницкий в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Н. Гумилев: Иссл. и мат-лы. Библиография. СПб., 1994; Записные книжки Анны Ахматовой / Сост. и подгот. текста К. Суворовой; вст. ст. Э. Герштейн; науч. конс. В. Черных. М.-Torino, 1996; Лукницкий С. «Дело» Гумилева. М., 1997; Полян П., Нерлер П. Летописец: К 100-летию П. Н. Лукницкого // Русская лит-ра. 2000. № 4; Н. Гумилев, А. Ахматова: По мат-лам историко-лит. коллекции П. Лукницкого / Отв. ред. А. Павловский. СПб., 2005.

Т. Двинятина

ЛУНАЧА́РСКИЙ Анатолий Васильевич [11(23).11.1875, Полтава — 26.12.1933, Ментон, Франция] — общ. и полит. деятель, публицист, критик, искусствовед, драматург, переводчик.

Родился в семье действительного статского советника Александра Ивановича Антонова (отчество и фамилия получены Л. от усыновившего его отчима Василия Фёдоровича Л.,

фамилия кот. в свою очередь — результат перестановки слогов в фамилии «Чарналуский», т. к. тот был внебрачным сыном дворянина и крепостной крестьянки).

С марксизмом познакомился во время обучения в Первой мужской гимназии в Киеве. В 1892 вступил в нелегальную ученич. марксистскую организацию. Вёл пропаганду среди рабочих. Одним из гимназич. товарищей Л. был Н. Бердяев. В 1895 , по окончании гимназии, отправился в Швейцарию, где поступил в Цюрихский ун-т. Слушал курс философии и естествознания под рук. Р. Авенариуса; изучал труды К. Маркса и Ф. Энгельса, работы французских философов-материалистов. Большое влияние на Л. оказали идеалистич. воззрения Авенариуса, вступавшие в противоречие с марксистскими идеями. Итогом изучения эмпириокритицизма стало двухтомное иссл. **«Религия и социализм»**, одной из осн. идей кот. явилась связь философии материализма с «религиозными мечтаниями» прошлого.

В 1896–98 путешествовал по Франции и Италии, в 1898 приехал в М., где начал заниматься рев. работой. Через год был арестован и выслан в Полтаву. В 1900 арестован в Киеве, месяц находился в Лукьяновской тюрьме, отправлен в ссылку — сначала в Калугу, затем в Вологду и Тотьму. В 1903, после раскола партии, Л. стал большевиком (в РСДРП состоял с 1895). В 1904, по окончании ссылки, переехал в Киев, затем в Же-

неву, где стал членом редакций большевистских газ. «Пролетарий», «Вперёд». Вскоре один из лидеров большевиков. Сблизился с А. Богдановым и В. Лениным; под рук. последнего участвовал в борьбе с меньшевиками. Участвовал в работе III (1905, д-д о вооружённом восстании) и IV съездов РСДРП (1906). В окт. 1905 отправился для агитации в Россию; начал работать в газ. «Новая жизнь». Вскоре был арестован и предан суду за рев. агитацию,— бежал за границу. В 1906–08 вел худож. отдел ж. «Образование».

К кон. 1900-х усилились философские разногласия между Л. и Лениным; вскоре переросли в политич. борьбу. В 1909 Л. принял актив. участие в организации крайне левой группы «отзовистов», или «вперёдовцев» (по названию ж., издававшегося группой), считавших, что социал-демократам не место в столыпинской Думе и требовавших отзыва социал-демократической фракции. Поскольку фракция большевиков исключила группу из своих рядов, в дальнейшем, вплоть до 1917, Л. пребывал вне фракций. В этот период находился под влиянием философов-эмпириокритицистов; был подвергнут Лениным жёсткой критике («Материализм и эмпириокритицизм», 1908). Развивал идеи богостроительства. В 1907 участвовал в Штутгартском конгрессе Интернационала, затем в Копенгагенском. Работал обозревателем западноевропейской лит-ры во мн. российских газ. и ж.

С нач. Первой мировой войны — интернационалист; один из основателей пацифистской газ. «Наше слово». В связи с известием о Февральской революции, оставив семью в Швейцарии, в мае прибыл в Пг. и вошёл в организацию «межрайонцев», от них был избран делегатом I Всероссийского съезда Советов РСД (3–24 июня 1917). Выступал с обоснованием идеи роспуска Гос. Думы и Гос. совета, передачи власти «трудовым классам народа». 11 июня отстаивал интернационалистские позиции при обсуждении воен. вопроса. В июле вошёл в ред. созданной М. Горьким газ. «Новая жизнь», с кот. сотрудничал с момента своего возвращения. Вскоре после июльских событий был обвинён Временным правительством в гос. измене и арестован. С 23 июля по 8 авг. находился в тюрьме «Кресты» (Пг.); в это время заочно был избран одним из почётных председателей VI съезда РСДРП(б).

8 авг. 1917 на Пг. конференции фабзавкомов выступил с речью. 20 авг. стал руководителем фракции большевиков в Пг. городской думе. Во время Корниловского выступления настаивал на передаче власти Советам. С авг. 1917 работал в газ. «Пролетарий» (выходившей вместо закрытой «Правды») и в ж. «Просвещение», вёл актив. культурно-просвет. деятельность среди пролетариата, стоял за созыв конференции пролетарских просвет. об-в.

В нач. осени 1917 — председатель культурно-просвет. секции и зам. пг. городского головы; член Временного Совета Российской республики. 25 окт. на экстренном заседании Пг. Совета РСД поддержал линию большевиков.

После Октябрьской революции вошёл в сформированное II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов правительство в качестве наркома просвещения. Был сторонником «однородного социалистического правительства». В перв. послерев. месяцы активно отстаивал сохранение ист. и культурного наследия. Сыграл важную роль в привлечении старой интеллигенции на сторону большевиков. В 1929 был смещён с поста наркома просвещения. Был сторонником перевода русского яз. на латиницу (1929), начать кот. следовало с языков нац. меньшинств.

В послеоктябрьские годы служил в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР — с февр. 1931 по 26 дек. 1933. Обл. науч. интересов: история западноевропейской лит-ры, анализ соц. генезиса произведений, история рев. и философской мысли. Действительный чл. АН с 1 февр. 1930. С февр. 1931 — директор ПД. Одновременно исполнял обязанности директора Ин-та лит-ры, искусства и языка Комакадемии в М., предс. Ученого комитета при ЦИК СССР, гл. ред. «Лит. энциклопедии».

В дек. 1932 созвал Пушкинскую комиссию, решением кот. было начать подгот. к изд. акад. Собр. соч. А. Пушкина в связи с предстоящим юбилеем со дня смерти поэта. Вошел в гл. ред. СС Пушкина. Предполагая расширить горизонты изучения русской лит-ры, инициировал введение в состав ПД группы аспирантов-западников, руководство кот. взял на себя.

Участник колл. трудов ИРЛИ: История русской лит-ры. М.; Л., 1954. Т. 10. Ред. и авт. кн. «Литература» (Т. 1. Л., 1931. Серия «Труды Ин-та новой русской литературы АН СССР»).

В 1933 отправлен полпредом СССР в Испанию (зам. главы сов. делегации во время конференции по разоружению при Лиге Наций). Умер по пути в Испанию на французском курорте Ментон. Тело кремировано, урна с прахом установлена в Кремлёвской стене на Красной площади в М.

Л. внёс огромный вклад в становление и развитие социалистич. культуры — в частности, сов. системы образования, издательского дела, театрал. искусства и кино. Выступал как теоретик искусства. Перв. произведение по теории искусства — ст. **«Основы позитивной эстетики»**. В ней Л. давал понятие идеала жизни — свободного, гармоничного, открытого для тв-ва. Идеал личности — эстетический; связан с красотой и гармонией. Испытал сильное влияние идей Фейербаха и Н. Чернышевского.

В кач-ве историка лит-ры Л. пересматривал лит. наследие с целью культурного просвещения пролетариата, оценивал работы крупнейших русских писателей, их значение в борьбе рабочего класса (сб. ст. **«Лит. силуэты»**, 1923). Напис. статьи о мн. писателях Зап. Европы (**«История западноевропейской лит-ры в её важнейших моментах»**, 1924), тв-во кот. рассматривал с точки зрения борьбы классов и худож. течений.

Один из основоположников пролетарской лит-ры. Принципы пролетарской лит-ры выдвигал в ст. **«Задачи социал-демократического худож. тв-ва»** (1907), **«Письма о пролетарской лит-ре»** (1914). Принимал активное участие в работе Пролеткульта.

Среди худож. произведений Л. доминируют драмы, перв. из кот. — **«Королевский брадобрей»** — напис. в янв. 1906 в тюрьме; в 1907 создана драма **«Пять фарсов для любите-**

лей», в 1912 — «Вавилонская палочка». Пьесы Л. тяготеют к философичности и основаны г.о. на эмпириокритических взглядах. Из пооктябрьских драм — «Фауст и город» (1918), «Оливер Кромвель» (1920), «Фома Кампанелла» (1922), «Освобождённый Дон-Кихот» (1923), в кот. изв. истор. и лит. образы получают новую трактовку. Некот. пьесы Л. переведены на иностранные яз., шли в зарубежных театрах, хотя назвать пьесы Л. яркими едва ли представляется возможным.

Выступал как переводчик («Фауст» Ленау и др.), как мемуарист (воспоминания о Ленине, о событиях 1917-го в России).

Соч.: СС: В 8 т. М., 1963–67.

Лит.: Муратова К. А. В. Луначарский о лит-ре и искусстве: Библиогр. указатель. 1902–63. Л., 1964; Луначарская-Розенель Н. Память сердца. Воспоминания. 2-е изд. М., 1965; Ёлкин А. Луначарский. М., 1967 (ЖЗЛ); О Луначарском. Иссл. Воспоминания. М., 1976; Павловский О. А. Луначарский. М., 1980; Архивные фонды А. В. Луначарского. Путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения (РГАСПИ). М., 1996; Любутин К., Франц С. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. Екатеринбург, 2002; Дойчер И. Вооруженный пророк. М., 2006.

ЛУНЦ Лев Натанович [19.4(2.5). 1901, СПб. — 8.5.1924, Гамбург] — драматург, прозаик, лит. и театр. критик.

Отец, Натан Яковлевич Л., — изв. в СПб. фармацевт. Мать, Анна Ефимовна Рабинович, — пианистка. По окончании в 1918 с золотой медалью 1-й СПб. гимназии Л. поступил на историко-филологич. фак-т Пг. ун-та. Через год, сдав экстерном экзамены за три курса, был переведен на 4-й. Одновременно занимался на фак-те новых языков Пед. ин-та при ун-те, в Лит. студии при Доме искусств. В кон. 1921 принят на работу в Ин-т истории искусств науч. сотрудником 2-й категории по разряду истории словесных искусств (ЦГАЛИ СПб.). В нач. 1922 окончил этнолого-лингвистич. отд. фак-та обществ. наук ун-та (б. историко-филол.); выпускное свидетельство получил весной 1923 (ЦГА СПб.); оставлен на кафедре романо-германской лит-ры для науч. работы. Обладая блестящими способностями, глубокими знаниями в обл. лит-ры, талантом исследователя, Л. бесконечно много обещал.

Лит. деятельность Л. была недолгой, но необычайно разнообразной. Едва став студентом, он включился в лит.-обществ. жизнь Пг.: был секретарем Научно-теоретич. секции Театрал. отдела Наркомпроса (дек. 1918 — дек. 1919), членом Дома литераторов и Дома искусств (с 1919), членом-соревнователем Вольной философской ассоциации (с июня 1920), ЛО Всероссийского СП (с июня 1921), сотрудником изд-ва «Всемирная лит-ра» (1922). За четыре с небольшим года Л. успел напис. неск. десятков произведений: пьесы, рассказы, киносценарии, теоретич. и исследовательские статьи, эссе, рец. «Лунц не вошел, а стремительно влетел в литературу, легко перешагнув порог распахнувшейся двери», — вспоминал В. Каверин.

Имя Л. стало известно в перв. очередь в связи с лит. группой «Серапионовы братья» (1921–29), образовавшейся при Лит. студии Дома искусств. Одним из организаторов, теоретиком и душой группы был Л. Занятия в студии, дружба с М. Горьким, высоко оценивавшим его талант, сыграли значительную роль в становлении Л.-писателя. Тв-во Л. развивалось в русле поисков формальной школы 1920-х, в произведениях ощутимо влияние идей Е. Замятина, В. Шкловского, студийных наставников и друзей «серапионов». Все работы подчинены единой цели: поиску новых форм совр. лит-ры. Перв. произведения, посвящ. вопросам драматургии и сценич. искусства, появились в газ. «Жизнь искусства» в кон. 1919: «Об инсценировке сатирических романов» (4–5 нояб.), «Детский смех» (30 нояб.); ряд статей 1920: «Тв-во режиссера» (9 янв.), «Театр Ремизова» (15 янв.), «Мариводаж» (16, 19, 21 янв.).

В 1920 рассказ Л. «Врата райские» получил третью премию на конкурсе Дома литераторов. Текст не сохранился, но некот. представление можно составить по отчету жюри, где рассказ охарактеризован как «вещь гротескная, в кот. чувствуется связь с Гоголем и Достоевским, связь, осложненная современными приемами игры с формами. <...> В авторе виден человек, искушенный в вопросах литературной формы» (ИРЛИ). В основе сюжета мн. рассказов Л. — библейские мотивы. Наиболее изв. рассказ «В пустыне» (Серапионовы братья. Альм. первый. Пг., 1922) — об исходе евреев из Египта и поиске «земли обетованной», достигаемой ценой бессмысленных жестокостей и мн. человеч. жертв. Современники легко угадывали в этом иносказании намек на драматич. события порев. действительности. Рассказ был высоко оценен Горьким в письме к М. Слонимскому. Удачную попытку стилизации библейской легенды и хороший стиль отмечали Е. Замятин, Ю. Тынянов и др. Повестью «об одних жестокостях, зверствах, человеческой гнусности» назвал рассказ марксистский критик А. Воронский. Легенда о преданности, любви, долге — в основе сюжета «Рассказа о скопце» (1921; впервые: Из творч. наследия сов. писателей. Л., 1991). Размышления самого Л. о выборе родины послужили основой для рассказа «Родина» (Еврейский альм. Пг., 1923). В 1921 его родители, уроженцы Литвы, восстановив литовское подданство, уехали за границу и поселились в Гамбурге. Л. принял решение остаться в России: «Россия — моя родина, и Россию я люблю больше всех стран» (Письмо М. Горькому от 16 авг. 1922). Среди сатирич. произведений Л. выделяется рассказ «Исходящая № 37» (Россия. 1922. № 1) — о чиновнике-бюрократе, превратившемся в служебную бумагу. «Иронию, тонкость,

игру ума, изящество мысли, стиль» рассказа отметил К. Чуковский.

С сер. 1922 вокруг имени Л. не прекращались споры, вызванные его острополемич. публицистич. статьями и собственно лит. произведениями, в кот. он последовательно отстаивал взгляды на искусство, противоположные офиц. директивам: принцип самоценности худож. тв-ва, его независимости от политич. и обществ. задач. «Мы верим, что литературные химеры — особая реальность, и мы не хотим утилитаризма. Искусство реально, как сама жизнь. И, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать»,— заявлял он в ст. **«Почему мы Серапионовы братья»** (Лит. записки. 1922. № 3). Опубликованная вместе с аполитичными автобиографиями «серапионов», статья была воспринята как манифест и послужила поводом для критики идеологич. платформы группы в целом.

В ст. **«Об идеологии и публицистике»** (Новости. 1922. № 3) Л., возражая лит. чиновникам, распоряжающимся «о чем» и «как» надо писать, продолжал твердо доказывать, что идеологич. регламентации губительны для тв-ва и художник вправе апеллировать лишь к своему «внутреннему голосу»: «...официальная критика утверждает, <...> что идеология в искусстве — все. С этим я никогда не соглашусь. Идеология — одни из элементов произведения искусства. <...> Но не следует забывать, что роман без точного и ясного "миросозерцания" может быть прекрасным, роман же из одной только голой идеологии — невыносим».

Вдохновленный идей преобразования лит-ры, Л. искал новые образцы и ориентиры, ломающие традиц. представления. Он считал, что прежняя лит-ра, перегруженная психологизмом, бытом и обществ. тенденциями, «провинциальна» и «скучна», и необходимо влить в нее новую энергию движения. Убежденный западник, будущее русской лит-ры Л. видел за произведениями, созданными на основе остросюжетной фабулы по образцу западноевропейского романа. Эта концепция наиболее четко обоснована в ст. **«На Запад!»**, прочитанной на собрании «Серапионовых братьев» в дек. 1922. Л. призывал учиться у западного авантюрного романа построению фабулы, действия, интриги, подражать Западу «сперва рабски, как плагиаторы, потом осторожно <...> насыщая завоеванную фабулу русским духом, русским мышлением, русской лирикой». Статья была одобрена Горьким, поместившем ее в берлинском ж. «Беседа» (1923. № 3).

Лит.-идеологич. концепция Л. отчетливо проявилась в драматургии, основной сфере его интересов. В трагедии **«Вне закона»** (1920; опубл.: Беседа. 1923. № 1) Л., вслед за своим учителем Замятиным, пытался осмыслить механизм перерождения власти и революции. Хотя действие в пьесе происходит в средневековой Испании, аллюзии на проблемы современности были очевидны, что определило ее театрал. судьбу. Вследствие отрицательного отзыва А. Луначарского («политический памфлет на диктатуру пролетариата в России») была снята с репертуара Александринского театра и внесена в список пьес, запрещенных к постановке в России. Позднее поставлена в Одессе, Кельне, Праге, Палестине.

Оживленный интерес критики вызвала пьеса **«Бертран де Борн»** (альм. «Город». Пг., 1923. [№] 1), в кот. Л. в очередной раз размышлял над проблемой власти и личности. Как и др. пьесы, она построена на остросюжетности, переплетении фантастики и гротеска; в ней действуют герои с яркими, сильными характерами, изображенные в романтическо-приподнятом стиле. В послесл. к пьесе Л. изложил свои эстетич. взгляды на театрал. искусство. Отвергая театр чеховский, будничный, связанный с подробностями быта и психологич. установками, Л. провозглашал театр бури и натиска: «Вместо театра голого быта и голых фокусов я попытался дать театр чистого движения. <...> Не чувств требую я, а страстей, не людей, а героев, не правды житейской, а правды трагической». В лит.-театрал. кругах была воспринята как «свежий зеленый побег <...> молодой театральной весны» (Т. Глаголева), «возрождение героической трагедии» (Я. Браун). Планировавшаяся постановка в БДТ не осуществилась.

В пьесе **«Город Правды»** (Беседа. 1924. № 5) автор размышляет над традиционными для русской лит. школы нравственно-философскими вопросами «как жить?», «возможно ли всеобщее счастье и равенство на земле?». И если пьесы Л. с точки зрения формы не традиционны для прежней русской драматургии, то их внутренний пафос, поиск нравств. начал близок линии чеховского театра. Перу Л. принадлежат и пьесы **«Сын шейха»** (1919; впервые: Лит. наследие. 2007), **«Обезьяны идут»** (Веселый альм. Пг., 1923).

С позиции актуализированной проблемы сюжетосложения Л. оценивал и все лит. новинки, в особенности произведения «серапионов», порицая их за традиц. «бытовизм» и забвение сюжетности. Работы Л.-критика отличаются остротой и меткостью суждений, глубоким знанием предмета, о кот. он пишет.

Тяжелый быт петроградских зим 1919–21, полуголодное существование в сырой комнате Дома искусств, напряженная творч. работа серьезно подорвали здоровье Л. В 1923 возникла возможность науч. командировки в Испанию, где он одновременно должен был пройти курс лечения. В Гамбурге, куда Л. прибыл в июне 1923, состояние резко ухудшилось. Посл. месяцы жизни он провел в санатории под Франкфуртом, затем в гамбургской больнице, но продолжал много и успешно работать.

Одним из серьезных увлечений Л. был кинематограф, близкий ему своим динамизмом. Еще в Пг. для импровизированных пародийных представлений, устраиваемых им в Доме искусств, он напис. неск. киносценариев и сценарий для приключ. фильма **«Завещание царя»**. В посл. год жизни создал киносценарий **«Восстание вещей»** (Новый ж. Н.-Й., 1965. № 79).

Впечатления о жизни русских эмигрантов в Берлине послужили основой для автобиогр. эссе **«Путешествие на больничной койке»** (Новый ж. Н.-Й., 1968. № 90). В посл. месяцы создавалась и задуманная ранее пьеса «Город Правды». Одна из посл. значительных работ Л. — незавершенная теоретич. статья (впервые: Новый ж. Н.-Й., 1965. № 81), содержащая характеристику «Серапионовых братьев» по их приверженности к западным либо восточным традициям лит-ры.

После безуспешного лечения Л. скончался от воспаления мозга. В некрологе «Памяти Лунца» Горький

охарактеризовал его как большого, оригинального художника: «Живи он, работай <...> русская сцена обогатилась бы пьесами, каких не имеет до сей поры. В его лице погиб юноша, одаренный очень богато,— он был талантлив, умен, был исключительно — для человека его возраста — образован» (Беседа. Берлин, 1924. № 5).

Тв-во Л., вследствие открыто выраженных серьезных расхождений с марксисткой критикой, долгое время оставалось символом «враждебности к пролетарской идеологии» (М. Майзель), «гнилого аполитизма, мещанства и пошлости» (А. Жданов).

Адрес в Пг.: 1920–23 — ДИСК, пр. 25-го Октября, д. 15.

Соч.: Завещание царя: Неопубл. сценарий. Рассказы. Статьи. Рец. Некрологи / Сост. и предисл. В. Шрика. Мюнхен, 1983; Через границу / Предисл., публ. и прим. А. Евстигнеевой // Лица. М.; СПб., 1994. [Вып.] 5; Вне закона: Пьесы. Рассказы. Ст. / Вст. ст. С. Слонимского; послесл. М. Вайнштейна. СПб., 1994; Л. Н. Лунц. I. Посмертная лит-ра о Блоке. II. Новые поэты / Вст. ст., публ. и комм. Т. Кукушкиной // ЕРОПД на 2000 год. СПб., 2004; «Обезьяны идут!»: Проза. Драматургия. Публицистика. Переписка / Вст. ст. В. Шубинского; послесл., комм. Е. Лемминга. СПб., 2003; ЛН / Предисл., комм., сост., подгот. текста А. Евстигнеевой. М., 2007.

Лит.: М. Горький и сов. писатели: Неизд. переписка // ЛН. М., 1963. Т. 70; Каверин В. В старом доме: Воспоминания // Звезда. 1971. № 9; Лев Лунц и «Серапионовы братья» / Публ. Г. Керна // Новый ж. Н.-Й., 1966. № 82; Слонимский М. Завтра: Проза. Воспоминания. Л., 1987; Чуковский Н. Лит. воспоминания. М., 1989; Письмо А. М. Горького Л. Н. Лунцу и письма Лунца Горькому / Предисл. М. Чудаковой; Подгот. текста и прим. Е. Коляды // Неизв. Горький. М., 1994; «Серапионовы братья» в собр. Пушкинского Дома: Мат-лы. Иссл. Публикации / Авт.-сост. Т. Кукушкина, Е. Обатнина. СПб., 1998; Молдавский А. Лунц Лев Натанович // Русские писатели XX в.: Биографич. словарь. М., 2000; Ичин К. Драмско стваралаштво Лава Лунца. Белград, 2000; Фрезинский Б. Судьбы Серапионов (Портреты и сюжеты). СПб., 2003: Икшин Ф. Специалист поневоле // НЛО. 2008. № 91.

Т. Кукушкина

ЛУРЬЁ Вера Осиповна (нем. Vera Lourié) [8.4(21.4).1901, СПб. — 11.9.1998, Берлин] — поэт, лит. критик.

Отец Л. — врач, владелец клиники на ул. Гороховой. Мать принадлежала изв. состоятельному петерб. роду Шессин, основателем кот. был изв. коммерсант (брокер).

Перв. стихи Л. напис. во время учебы в женской гимназии им. Таганцева, кот. из-за революции вынуждена была покинуть, окончив только семь классов.

Импульсом для продолжения лит. занятий стало посещение Дома Искусств в Пг., где впервые познакомилась с Е. Замятиным, М. Горьким, А. Белым, А. Блоком, с Б. Эйхенбаумом и В. Шкловским. Была участницей театр. студии Н. Евреинова и поэтич., организованной Н. Гумилевым («Звучащая раковина»). В ранних стихах сказалась увлеченность личностью и философскими и худож. концепциями учителей. Среди посвященных Евреинову текстов — стих. **«Христос и Арлекин»**. Неск. стих. посвящено Гумилеву и К. Вагинову, которые одобряли поэтич. опыты Л. и повлияли не только на содержание, но и на форму ее стихов — элегически мечтательных (**«На кладбище»**), чаще всего раскрывающих страдания безответной любви (**«Вы глядите на всех свысока»**, **«Чтобы она так громко не звенела»**, **«Эшелон»**), кот. вливаются в ощущение таинственности жизни. Правда, достаточно часто в лирике Л. рефлексия по поводу событий из собств. жизни и изображение личных любовных чувств переплетаются с бытовыми сценами, усложняются городскими пейзажами (**«На рынке»**, **«Нева»**).

В окт. 1921 Л. с семьей эмигрировала через Ригу в Германию (**«Рига»**, **«Нет родины и нет чужбины!»**, **«В Шарлотенбурге мы теперь живем»**, **«На чужбине»**).

Перв. берлинские публикации — рец., лит. критика и статьи для эмигрантской прессы («Новая русская книга», «Голос России», «Дни») и др. ж. и газ. В лирике после эмиграции появляется тоска о потерянной родине: **«Неву я помню при закате алом»**, **«Утро пахнет криком петушиным»**, **«Родине»**. Ностальгич. тональность усиливается в праздничные дни: **«Рождество»**, **«В вербный понедельник»**, **«Украшение елки»**, **«В церкви»**.

Л. активно участвовала в культурной жизни эмиграции. Она была знакома и сотрудничала с А. Ремизовым, Н. Берберовой, В. Ходасевичем, И. Пуниной, Н. Альтманом (**«Пять прозвонило на часах»**) и мн. др., общалась с семьей И. Эренбурга (**«На отъезд Эренбургов»**, **«Уедете!»**). В Доме искусств (при кафе Ландграфе) она близко познакомилась с его организатором, глубоко почитаемым ею А. Белым, президентом Свободной философской ассоциации в Берлине (**«Ответ»**). Она стала свидетелем кризисного для изв. литератора периода его жизни, связанного с разрывом отношений с А. Тургеневой, с сомнениями в антропософии и пыталась способствовать его преодолению. Среди рецензий, посвящ. Белому, критич. отзыв о **«Серебренном голубе»**, опубл. в альм. «Дни» (1923. 7 янв.).

Воспитанная на лит-ре нач. XX в., Л. привыкла ценить худож. мастерство, прежде всего стилевое совершенство поэтич. текста. С этой точки зрения критически оценивались ею бездарные стихи, с кот. лирич. «я» «современной Сапфо» сталкивалось в кругу эмигрантов, «в кафе асфальтовой, чужой столицы» (**«Шуточный сонет»**). Авторефлексия — стих. **«Не нужны мне доклады и споры»**, **«Поэт»**, **«Бессилие»**. В отличие от мн. др. эмигрантов Л. осталась в Берлине и после наступления мирового кризиса (**«Мечты умчались с топотом»**). Частные уроки французского и русского яз. помогали ей зарабатывать на хлеб. Лит. занятия уже не занимали прежнего места в ее жизни,

но не были оставлены окончательно. Осн. тема стих. воен. периода — противоречия личной и политич. жизни в Германии («**В Берлине**», «**На улице**»). Наиболее значителен цикл стихов, посвящ. А. Познякову, кот. погиб в Дахау («**Задержаться на одну минуту**», «**В жизни ты ко мне прийти не можешь**»).

Продолжительные перерывы в худож. тв-ве были связаны с арестом — см. «**Мое знакомство с гестапо**» (Русская мысль. 1957. 19 янв.); потом со смертью матери.

Возвращение Л. в поэзию состоялось в нач. 1980-х, когда было написано в т. ч. неск. стих. на немецком яз. В этот период были записаны мемуары поэтессы, продиктованные ею на немецком.

В 1987 издан сб. стихов Л., позволивший широкой публике познакомиться с ее поэтич. наследием, кот. является частью русскоязычной культуры Берлина, русской лит-ры в целом.

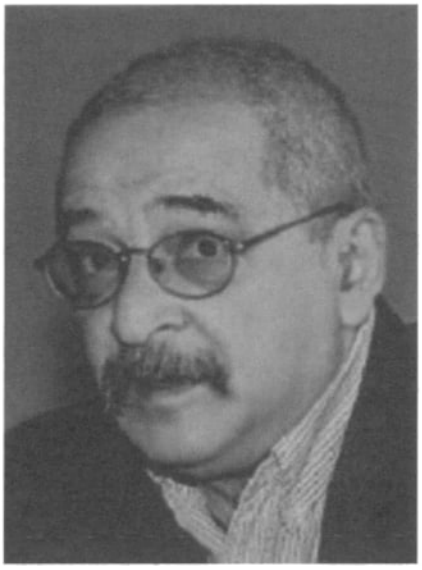
Соч.: Стихотворения. Berlin, 1987; Из воспоминаний Веры Осиповны Лурье // Континент. 1990. № 62; Мемуары // Памир. 1991. № 9; Воспоминания / Пер. с нем. А. Игошина // Студия. 2005–08. № 9–12; См.: http://www.adk.de/de/archiv/archivbestand/literatur/index.htm?hg=literatur&we_objectID=366.

Лит.: Beyer Th. R. Introduction // Лурье В. Стихотворения. Berlin, 1987; Кушлина И. С любовью Вера // Памир. 1991. № 9; Hinrichs J. Verbannte Muse. Zehn Essays über russische Lyriker der Emigration: A. Nesmelov, G. Ivanov, V. Lebedev, D. Knut, V. Lourié, B. Poplavskij, A. Štejger, V. Perelešin, N. Moršen, I. Elagin. München, 1992; Kasack W. Lexikon der russischen Literatur des 20. München, 1992; Liebermann D. Auf kaltem Asphalt. // Die Zeit 25.8.1995; Liebermann D. Das russische Berlin. SFB 22.2.1985; Zur ersten Gedichtsammlung V. L Lourié // Kasack W. Die russische Schriftsteller-Emigration im 20. München, 1996; Cheauré E. Zu den Erinnerungen von Vera Lourié (1901–98) // Russische Kultur und Genderstudies. Hrg.: E. Cheauré, C. Heyder. Berlin, 2002.

У. Шольц

ЛУРЬЁ Лев Яковлевич [19.4.1950, Л-д] — историк, социолог, публицист.

Отец — историк, мать — кардиолог. Окончил физико-математич. школу № 30 (1967) и экономич. фак-т ЛГУ



(1967–73; в 1970 был исключен из ЛГУ за написанный им черновик полит. листовки; продолжил учебу на веч. отд.). Работал экскурсоводом (1974–92), науч. сотрудником в Музее истории города вместе с В. Воиновым и Б. Кириковым под началом А. Марголиса. Зарабатывал частными уроками истории для абитуриентов. В 1989 Л. вместе с Л. Жмудем основал первую в новой России петерб. классич. гимназию (школа № 610), где до сегодняшнего времени преподает историю и работает завучем.

В сер. 1960-х посещал клуб «Дерзание» при Дворце пионеров. Общался с В. Топоровым, Г. Григорьевым, Н. Беляком, Е. Вензелем. Начинал пис. прозу (единственный рассказ был опубл. в альм. «Дружба»). В дальнейшем переключился на изучение проблем истории России и науч. публицистику. Осн. круг тем — история СПб., история России, полит. ситуация в совр. России.

В 1973 служил инженером в АСУ Ленстройматериалы, где познакомился с Б. Гройсом. С кон. 1970-х — автор самиздатского ж. «Метродор», позже — ист. альм. «Минувшее» (под псевд. Р. Бах).

Канд. ист. наук (1987); автор более 100 науч. ст. по русской истории XIX — нач. XX в. (краеведение, история «Народной воли», ист. социология) и кн. «**Аптекарский остров**» (с В. Грибановым) (1986), «**Язвы Петербурга**» (1990), «**Дом Мурузи**» (с А. Кобаком), «**Реальный Петербург**» (с Д. Губиным и И. Порошиным), «**Петербург: Путеводитель**» (с О. Набоковой, Ю. Тарнавской).

С нач. 1990-х работает на телевидении. С 1991 автор ряда телепроектов и сценариев, ведущий телециклов «Чисто петерб. преступление» (V канал), «По сравнению с 1913 г.» (V канал), «История одного события» (57 серий; РТР), «Булат и злато» (ТВ-Центр). Ведет передачи на радио «Эхо Петербурга».

Преподавал историю России в колледжах США (1991–93). Основатель и президент закрытого клуба интеллектуалов «Петрович» (с 1994).

С 1995 — журналист-обозреватель газ. «Pulse» и «Карьера-капитал». Публ. в ж. «Сеанс», «Пчела», «Pulse», «Коммерсантъ», «Календарь» и др. С 2002 — ред. ж. «Квартальный надзиратель» (приложение к ж. «СПб. Собака.RU», авторский проект Л.). Каждый выпуск «Квартального надзирателя» содержит обзорную статью об истории одного из кварталов СПб., его настоящем и будущем, мат-лы о наиболее интересных домах и дворах, достопримечательностях, статьи о захватывающих событиях, произошедших в этом р-не города.

В 2001 лауреат городского конкурса прессы «Золотое перо» за лучшую работу на радио и телевидении. В 2009 обладатель Гран-При «Журналист года».

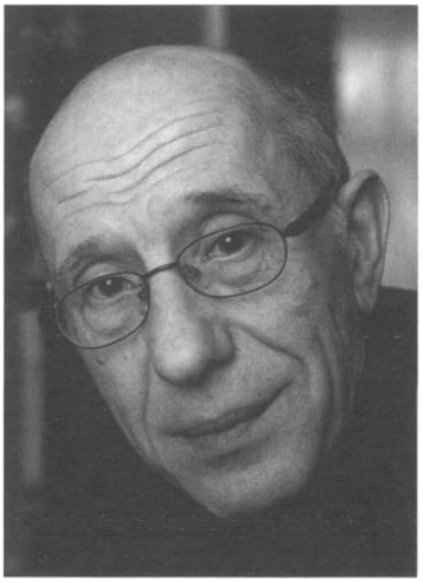
В 2006–09 директор докум. вещания ТРК «Петербург — Пятый канал». С 2010 автор и ведущий телепроектов, производства ООО «Живая история».

Соч.: Два эпизода из жизни лит. организаций // Минувшее. Т. 1. Париж, 1986. (публ. и прим. совм. с В. Сажиным; под псевд. Н. Крамер и Р. Бах); Аптекарский остров / В соавт. с В. Грибановым. Л., 1988; Заметки о смысле петерб. краеведения // Анциферовские чтения: Мат-лы и тезисы конф. (20–22 дек. 1989). Л., 1989 (совм. с. А. Кобаком); Язвы Петербурга: Сб. газетного фольклора кон. XIX — нач. XX вв. / Сост. Л. Лурье. Л., 1990; Дом Мурузи: Биография одного дома / В соавт. с А. Кобак. Л., 1990; Малоохтинское кладб.; Громовское кладб. // Ист. кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993 (совм. с А. Кобаком); Рождение и гибель петерб. идеи // Музей и город: Сб. СПб., 1993 (совм. с А. Кобаком); Лурье Л. Панорама левого Петербурга // Пчела. 1996. № 7; Крестьянские землячества в Петербурге // Невский

архив. Вып. 3. СПб., 1997 (совм. с В. Тарантаевым); Как Невский проспект победил Площадь Пролетарской Диктатуры // Звезда. 1998. № 8; Реальный Петербург / В соавт. с Д. Губин, И. Порошин. СПб., 1999; Петербург: Путеводитель / В соавт. с О. Набоковой, Ю. Тарнавской. М., 2006; 1956 год: Середина века / В соавт. с И. Маляровой. СПб., 2007; Довлатов / В соавт. с А. Ковалевой. СПб., 2009; 22 смерти, 63 версии. СПб., 2011; Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. СПб., 2011; Лен. фронт (в соавт. с Л. Маляровым). СПб., 2012.

Лит.: Пирютко Ю. [Рец. на кн. «Реальный Петербург...»] // Новая русская кн. 2000. № 2; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ЛУРЬЕ́ Самуил Аронович (псевд. С. Гедройц и др.) [12.5.1942, Свердловск] — эссеист, прозаик, критик, журналист.



Родился в эвакуационном госпитале, отец — А. Н. Лурье, филолог, в годы войны служил в артиллерийской разведке, в 1950-е — 70-е преподавал в лен. вузах, докт. филол. наук. После возвращения из эвакуации Л. пост. живет в Л-де (СПб.). В 1964 закончил русское отд. филологич. фак-та ЛГУ. Дипломное соч. **«Блок и Брюсов: к проблеме влияния»** писал в семинаре проф. Д. Е. Максимова. По оконч. ЛГУ год работал учителем сельской школы в Лен. обл., затем в 1965–66 ст. науч. сотрудником Всесоюзного музея А. С. Пушкина, с 1966 — ред., с 1988 по 2002 — зав. отд. прозы ж. «Нева». В 1992 участвовал в создании ж. «Ленинград» (вышел один номер), в 1995–99 соредактор (вместе с В. Аллоем и Т. Вольтской) ж. «Постскриптум», в 2002–12 ред. отдела прозы альм. «Полдень. XXI век».

Л. — автор ок. тысячи публикаций в периодич. печати. Эссе и статьи печ. в ж. «Звезда», «Нева», «Знамя», «Вышгород», «Зарубежные записки», «Вестник Европы», «Континент», «Чайка». «ПроЧтение», «Иностранная лит-ра» и др.; отд. тексты перев. на английский, голландский, литовский, немецкий, эстонский яз.

Состоял в Союзе журналистов СССР (с 1970), в СП СССР (с 1988); член Академии русской совр. словесности, Русского ПЕН-центра, ред. совета ж. «Вестник Европы», Об-ва поощрения русской поэзии и жюри премии «Поэт», член жюри премии им. А. Д. Сахарова «За журналистику как поступок», в 2012 — предс. жюри премии «Русский Букер». Отмечен премиями ж. «Звезда» (1993, в 2003 как С. Гедройц), «Нева» (2002), премией им. П. А. Вяземского (1997).

Все это достижения преимущественно последних двух десятилетий. Хотя печ. Л. начал сравнительно (со своими сверстниками) рано — в ж. «Звезда» (1964. № 4). Однако в сов. время публ. лишь изредка: несколько рец. и очерков из истории лит-ры и живописи. В 1979 изд-во «Детская лит-ра» (ЛО) подготовило к печ. и анонсировало кн. Л. **«Литератор Писарев»**, что не значило ничего: по инспирированному госбезопасностью указанию Госкомиздата РСФСР договор был расторгнут и набор рассыпан (журн. вариант: Нева. 1979. № 7–8). С нач. 1990-х много работал как публицист; вел авторские рубрики: «Беспорядочное чтение» в «Невском времени», «Лови момент!» в «Петербургском часе пик», «Взгляд из угла» в еженед. «Дело». В ж. «Звезда» в 1993–95 вел раздел «Уроки изящной словесности», в 2003–09 раздел «Печатный двор» (под псевд., точнее аллонимом С. Гедройц: мать Л. — урожд. кн. Гедройц), в 2010–11 — «О лит. нравах», в 2012 — «Бегущей строкой», с 2013 (№ 3) — снова «Печатный двор», под собств. фамилией.

Принципиальная позиция, отстаиваемая Л., состоит в том, что он литру ставит и ценит выше, чем жизнь. Человек, не умеющий правильно выразить свою мысль, обречен не только на непонимание себя другими, но и на непонимание себя самим собой. Психологич. острота и проникновенность лит. манеры Л. основана именно на этом вроде бы простом фундаменте — познай язык человека, познаешь и его душу. «Если бы население России,— пишет он,— в своем большинстве научилось использовать русский язык как орудие мышления — жить здесь было бы не так страшно и не так странно» (**«Умом — Россию?»**). Образ мира явлен в слове. Для Л. это не эстетство, а внутр. опыт: через Гамлета или Дон Кихота, через Манон Леско с кавалером де Грие жизнь постигается явственнее и стремительнее, чем через общение с соседом, однокашником, приятелем. Из этого переживания следует, что и сами творцы великих образов — наместники опр. архетипов, их душевный опыт задан издревле струящейся через них речью. Психология художника всецело определена речевой подоплекой. При анализе произведений вскрытие этой взаимосвязи — решающее условие понимания. В этой установке на преимущественное выявление психологич. сущностей близость и отличие Л. от сторонников интертекстуального анализа текстов. Жизнь — это довлеющий себе язык, высшая драгоценность, кот. обладает автор и тот, кто берет на себя смелость о нем писать. Худож. речь для Л. — это прорыв к бытию, а не его отражение, тем более не подмена бытия «знаками», как наставлял постмодернизм.

Соответственно, надругательство над свободой речи, выражаемое различного вида ин-тами цензуры и стоящими за ними властными структурами, для Л. едва ли не главное преступление перед человечеством. Если взглянуть на отвратительнейших из персонажей Л. в целом, то их отеч. галерею, открытую еще в «Литераторе Писареве», можно увенчать фигурой С. Уварова, председателя Гл. управления цензуры николаевского царствования, из книги Л. **«Изломанный аршин»** и завершить анонимными цензорами и дознавателями из КГБ сов. поры, представленными, напр., в монологе Л. **«Чувство текста»**. Такое понимание «Изломан-

ного аршина» объясняет сюжетную загадку этого, самого крупного за посл. четверть века произведения Л. Центр. персонажи-антагонисты — Николай Полевой и Александр Пушкин — находятся все же по одну сторону колючей изгороди, отделяющей их от самовластных ин-тов правящего режима. Б. Парамонов это их «двойничество» определил так: «Название книги Лурье — "Изломанный аршин" — ненавязчиво, но вполне ощутимо соотносится с пушкинской поэтической формулой — "колеблемый треножник"». И дальше Парамонов резюмирует: «...книга эта не о том или ином литераторе, а о русском литературном процессе в его прошлом, как давнем, так и недавнем, и чуть ли не современном. А этот процесс, как всем известно, проходил в теснейшем, хотя далеко не гармоничном соприкосновении литераторов и полиции. Тут можно Набокова вспомнить, сказавшего, что в русской истории росли одновременно два явления: вольнолюбивейшая литература и могущественная тайная полиция. Книга Лурье эту общую характеристику разворачивает в живейших подробностях рассматриваемого им периода — 30–40-е годы XIX века». На «высоком» ли (Пушкин), «низком» ли (Полевой), но оба персонажа Л. мыслят на одном, привязывающем их друг к другу, худож. наречии — в отличие от того же Уварова или Николая I.

Еще в юности речь как тайна предстала перед Л. возвышенной загадкой речи поэтической. Откровением стал язык Александра Блока, с кот. мир и начал познаваться Л. — в непрерывном сплетении и плетении текстов. Это «чувство текста» лежит в основе многочисленных собственно филологич. открытий Л., напр., еще в молодости прочитанной строчке Крылова «а ларчик просто открывался» не так, как ее обычно произносят с ударением на слове «просто», а с ударением на «открывался» (т. е. и заперт не был).

При всей остроте филологич. зрения литературоведом академич. типа Л. не стал и вряд ли мог стать: на текст он и сам смотрит в первую очередь как художник. Себе довлеет у него «разница», а не «сходство». «Универсальное» он ищет в «единичном», в психологич. сущностях, выражающих характер отд. индивида. «Универсальное», вроде бы, есть, но дойти до него нужно самому. То есть — сочинить,— лично, персонально. Никакая литературоведч. методология, никакой принятый тем или иным сообществом код, Л. не удовлетворяют, содержа в себе реальную угрозу его собств. речевому статусу. Можно поэтому считать удачей, что никто так и не выявил жанр, в кот. Л. пишет. Но потребность както его определить несомненно чувствуется, неопределенность эта специалистов занимает. Сам Л., называя себя «просто литератором», полагая таковым же и своего героя Писарева, тут тоже вряд ли поможет. Скорее всего выбрать из заранее предложенного затруднится: «прозаик»? «критик»? «эссеист»? «литературовед»? К. Капович находит у Л. «акмеистическую манеру», заключающуюся в умении «воодушевить деталь и через нее передавать целое». Приводя слова Л. о «Капитанской дочке», романе «о бегстве дворянина в мещане, от долга к счастью, из истории в семью», С. Гандлевский заключает: «...такой регулярный "фирменный" прием Самуила Лурье — переход на личность — хочется назвать "экзистенциальным литературоведением"». И дальше продолжает: «Человек волен молчать, но уж если он обладает литературным дарованием, его сочинения, на взгляд С. Лурье, выдадут сочинителя с головой, пусть не школьным "содержанием", а, помимо авторской воли,— лексикой, синтаксисом, фонетикой. <...> Но биография — "водяной знак", кот. Лурье берется различить в произведении на просвет. "Формула личного стиля повторяет, хотя и другими символами, формулу судьбы"». Направление на самом деле экзистенциальное. Но экзистенциальное на свой салтык, раскрывающееся в языковой сфере все же в большей степени, чем в сюжетной. Не случайно такой чуткий к тонкостям бытовой речи прозаик, как С. Довлатов, заметил в одном из писем: «Лурье — чуть ли не единственный автор <...>, чей русский язык меня не раздражает» (Довлатов С. Жизнь и мнения. СПб., 2011). А говоря о романе Л. «Литератор Писарев», пояснил: «Книга о Писареве очень замечательная, там решена главная проблема — проблема человеческого голоса» (Там же).

Взглянув на эту проблему с колокольни Л., определим ее как трагедию одинокого человеч. голоса в коллективн. сообществе. Под чьей бы там пятой это сообщество ни находилось — тирана ли, парламента ли — все едино: если голос будет расслышан, он доведет его обладателя до петли. Мировая история начинается у Л. с героя, кот. не позавидуешь, только восхитишься: с философа Анаксарха, на заре цивилизации забредшего в гости к одному тирану, как водится — злопамятному. За давнюю дерзость он повелел истолочь чужеземца в гигантской ступе. Опустим технич. подробности — воображение нашего современника легко дорисует картину. Не она нас — и Л. — поразит, а голос, последние слова, донесшиеся из глубины, из средостения кровавого месива: «Толки, толки Анаксархову шкуру! Анаксарха — не истолчешь!». Ничего более существенного человечество за все века не приобрело и не сказало. Об этом феномене Л. и пишет, это его неистребимая тема — **«Свобода последнего слова»**, как он озаглавил статью о захватившем его воображение на долгие годы совр. поэте.

Тема себестоимости жизни сравнительно с себестоимостью искусства у Л. одна из доминантных. **«Механика гибели»** назвал он статью о романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». А мог с той же степенью достоверности прикрепить эту табличку, скажем, к эссе о галантнейшем искусстве Антуана Ватто. По любви трагедия у Л. обручена не с драмой, а с фарсом. Его худож. философии — близкой в этом плане набоковской — родственно представление о людях-пешках, переставляемых и смахиваемых чьей-то насмешливой рукой с досок судьбы. Не забавно ли, когда эти пешки — короли? Кто из них спрятан до времени, как перстень, в футляр, кто сразу брошен в сточную канаву вечности — вот в чем интрига. Исчисляя, насколько трагедия — следствие внутренних, насколько — внешних причин, приближаешься к разгадке человеч. судьбы. Т. е. самой жизни, достойной она была или — не слишком. Согласно любимому философу Л., благо — это когда зло в нашей жизни происходит от причин внеш-

них. Лекарство горькое — но лекарство. Без него самоидентификация человека на земле иллюзорна, если не ущербна. Человек должен сам, своими словами, обозначить вокруг себя магич. круг достойного обитания — пускай его и сотрет грядущий варвар.

Николай Пунин в минуту своего ареста сказал остающейся «на воле» Анне Ахматовой: «Не теряйте своего отчаяния!». Бывают времена, когда больше энергии черпать неоткуда. Не для красного словца и Блок говорил: «Я любил и люблю гибель искони». И для Л. лирическая дерзость отчаяния безусловно — творческая энергия, подобная той «энергии заблуждения», о кот. говорил Толстой, как о посл. толчке, необходимом творцу. У Л. «энергия отчаяния» скорее все-таки лирическая, какая была у Блока, у позднего Георгия Иванова, она владеет Л. безудержно, делает его работу трагически серьезной, при всем блестящем остроумии, также ему свойственном. На первый взгляд даже более чем свойственном. Но только на первый взгляд.

Соч.: Литератор Писарев: Роман. Л., 1987 (2-е изд., испр. и доп. М., 2014); Толкование судьбы. СПб., 1994; Разговоры в пользу мертвых. СПб., 1997; Умом — Россию? // Петербургский час пик. 1997. № 188. 24 дек.; Муравейник: Фельетоны в прежнем смысле слова. СПб., 2002; Успехи ясновидения: Трактаты для А. СПб., 2002; Дневник провинциала // Вестник Европы. 2003. № 9, 10; Письма полумертвого человека (совм. с Д. Циликиным). СПб., 2004; Нечто и взгляд: Новые трактаты для А. СПб., 2005; Чувство текста // Крыщук Н. Биография внутр. человека. М., 2007; Такой способ понимать. М., 2007; Гедройц С. Сорок семь ночей. СПб., 2008; Листки перекидного // Континент. 2010. № 143; Гедройц С. Гиппоцентавр, или Опыты чтения и письма. СПб., 2011; Железный бульвар. СПб., 2012; Изломанный аршин: Трактат с примечаниями. СПб., 2012.

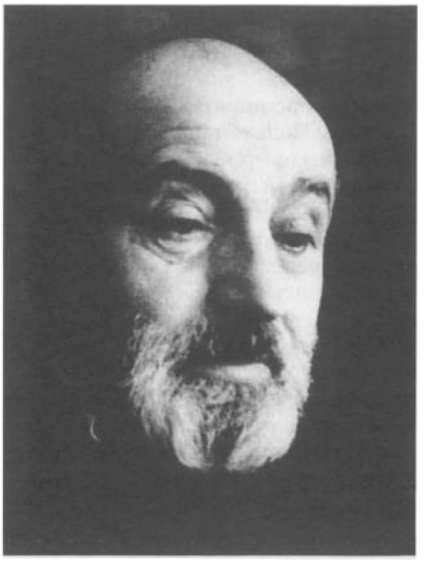
Лит.: Куликова К. Повесть о рев. мечтателе // Лен. правда. 1979. 21 сент; Гордин Я. Связь времен // Детская лит-ра. 1979. № 11; Шайтанов И. Книги о русских классиках // Лит-ра в школе. 1980. № 6; Курбатов В. За именем — лицо // Лит. обозрение. 1980. № 8; Гордин Я. От документа к образу: Некот. черты текущей историч. прозы // Вопросы лит-ры. 1981. № 3; Мелихов А. Эгоизм бескорыстных // Смена. 1988. № 298. 28 дек.; Крыщук Н. Формула судьбы // Звезда. 1998. № 1; Кириллов П. Книга рождения жанра (Самуил Лурье. Разговоры в пользу мертвых) // Октябрь. 1998. № 3; Капович К. Живое перо портретиста // Новый мир. 1999. № 1; Арьев А. Не теряя отчаяния // Звезда. 2002. № 5; Калмыкова В. Библиогр. этюды на животрепещущие темы... // Toronto Slavic Quarterly. 2003. № 42; Канунникова О. Дневник петербуржца в Л-де // Русский ж. 2003. 14 мая; Крыщук Н. Чацкий на пиру. Во время чумы // Нева. 2003. № 6; Кузнецова Н. Самуил Лурье. Успехи ясновидения (Трактаты для А) // Знамя. 2003. № 6; Эдельштейн М. P.S. <Послесловие к инт. с С. Л.> // Русский ж. 2004. 30 апр.; Дашевский Г. На необитаемом острове, в тесных коридорах // Weekend. 2007. № 44. 29 июн.; Костюков Л. Самуил Лурье. Такой способ понимать // Знамя. 2008. № 2; Гандлевский С. Обратная связь // Иностр. лит-ра. 2008. № 3; Невзглядова Е. Ночные досуги С. Гедройца // Новый мир. 2009. № 2; Щеглова Е. С. Гедройц. Сорок семь ночей // Знамя. 2009. № 4; Малецкий Ю. Рыцарь верующего неверия, или Прогулки в садах российской словесности-2: Лурье // Зарубежные записки. 2009. № 20; Немзер А. Для многих немногих // Моск. новости. 2012. № 211. 3 февр.; Елисеев Н. Чувство справедливости // Эксперт СевероЗапад. 2012. 4 июн.; Немзер А. Вновь обретенные иллюзии. О кн. Самуила Лурье // Моск. новости. 2012. № 292. 6 июн.; Костырко С. Россия, которая всегда с тобой // Русский ж. 2012. 17 сент.; Чупринин С. Мастер // Знамя. 2012. № 9; Парамонов Б. История лит. кондотьера // Радио Свобода. 2012. 31 окт.; Бугославская О. Шекспировский герой и жертва ранжира: *Самуил Лурье «Изломанный аршин»* и последствия канонизации классиков // Октябрь. 2012. № 12.

А. Арьев

ЛУРЬЕ́ Феликс Моисеевич [1931, Л-д] — историк, библиограф, писатель-документалист, писатель-публицист.

Родился в семье изв. историка Моисея Львовича Л. (1901–41). С четырнадцати лет работал на з-де, затем на стройке. В 1951 закончил веч. школу и поступил в Лен. горный ин-т. С 1956 работал на шахтах, в проектном и научно-исследовательском ин-тах, канд. техн. наук.

Пошел по стопам отца, погрузился в историю, начал публ. статьи на историч. темы. С 1987 — вольный историк.



Член СП СПб. Первый лауреат премии «Северная Пальмира» в номинации «Публицистика» (1994), автор более ста статей и телесценариев.

В числе кн. Л. — **«Хранители прошлого»** (1990), в кот. в популярной форме рассказывается о драматич. истории ж. «Былое» (1900–26), о его редакторах В. Я. Богучарском, В. Л. Бурцеве и П. Е. Щеголеве; **«Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917»** (1992), посвящ. истории политического сыска в России, излагающая законодательные и орг. изменения в его работе; **«Созидатель разрушения: Докум. повествование о С. Г. Нечаеве»** (1994), где на основании доктов из архива секретной полиции и др. впервые изложена подробная биография С. Нечаева, описаны его взаимоотношения с М. Бакуниным, А. Герценом, Н. Огаревым и др., события, связанные с работой Ф. Достоевского над романом «Бесы»; **«Российская и мировая история в таблицах»** (1995), содержащ. синхронистич. таблицы хронологий 29 государств и охватывающ. пять тысячелетий; **«Российская история и культура в таблицах»** (1998), включающ. синхронистич. таблицы, состоящие из подробнейшей хронологии российской истории, законодательства, религии, просвещения, архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, музыки, театра, литературы и др.; **«Петербург: История и культура в табли-**

цах» (2000) и др. Выпустил кн. **«Блистательный Петербург»** (2004) и **«Имперский Петербург»** (2007).

Среди работ Л. книги, посвящ. библиографии русской периодики. Они состоят из вводной статьи, аннотированной хронологич. росписи всего корпуса журнала и указателей к ней. **«Журнал "Среди коллекционеров" (1921–24)»** (1986), **«Журналы "Былое" и "Минувшие годы"»** (1987), **«Журналы "Антиквар" и "Русские библиофил"»** (1989), **«Журнал "Жар-Птица"»** (1999), **«Журнал "Столица и Усадьба" (1913–17)»**, **«Журнал "Старые годы" (1907–16)»** и др.

Подготовил к печ. (сост., ред., вст. статья, комм.): Щеголев П. Охранники, агенты, (М., 1992), Моммзен Т. История Рима (СПб., 1993), Бахтиаров А. Брюхо Петербурга (СПб., 1993), Лопухин А. Дон Кихот политического сыска (СПб., 2008) и др.

Соч.: Журнал «Среди коллекционеров» (1921–24): Указатель содержания. Л., 1986; Журналы «Былое» и «Минувшие годы»: Указатель содержания. М., 1987; Журналы «Антиквар» и «Русские библиофил»: Указатель содержания. М., 1989; Хранители прошлого. Л., 1990; Полицейские и провокаторы: Полит. сыск в России. 1649–1917. СПб., 1992 (М., 1998, 2006); Созидатель разрушения: Докум. повествование о С. Г. Нечаеве. СПб., 1994; Российская и мировая история в таблицах. СПб., 1995 (1997); Российская история и культура в таблицах. СПб., 1998; Журнал «Жар-Птица». СПб., 1999; Петербург: История и культура в таблицах. СПб., 2000 (2001); Нечаев. М., 2001 (ЖЗЛ); Блистательный Петербург. СПб., 2004; Имперский Петербург. СПб., 2007; Дон Кихот политического сыска. А. А. Лопухин / Сост. Ф. Лурье. СПб., 2008.

ЛУРЬЁ Эрлена Васильевна [21.1. 1932, Л-д] — поэт, прозаик, художник.

Окончила Электро-механич. техникум. Работала конструктором. С 1982 сотрудничала со студией «Леннаучфильм», для кот. напис. неск. сценариев научно-популярных фильмов. Художник декоративно-прикладного искусства (пластика из теста, керамика, шитье).

В 1970-е начала пис. стихи. С 1977 посещала ЛИТО при Доме ученых им. М. Горького под рук. Гл. Семенова. Печ. в районной газ. Самое изв. стих. — **«Памяти Владимира Высоцкого»** («Всего пяток прибавил Бог к той цифре 37...») — получило широкое хождение в самиздате. В 2009 выпустила кн. об этом времени — **«Глухое время самиздата»** (СПб., 2009). Это кн.-напоминание о недавнем прошлом сов. государства. Это фрагменты истории СССР, показанные через самиздатские мат-лы, кот. перепеч. и распространялись автором. В кн. отражено типичное для интеллигенции того времени скрытое сопротивление ограничению прав человека, а с приходом перестройки — попытки актив. участия в обществ. жизни страны.

Выпустила неск. сб. стихов: **«Неслышный крик»** (Л.: Редактор, 1990), **«Внутри сюжета»** (СПб.: Акрополь, 2000).

Л. напис. семейную историю с 1922 по 1959 с использованием документов, дневников, писем **«Дальний архив»** (СПб.: изд-во Нестор-история, 2009), где в мемуарно-худож. форме рассказала о своей семье, об отце, матери, родных, показав, что никакого «абстрактного исторического процесса» нет, что история — это люди. Я. Гордин пишет: «"Эрлена Лурье в высшей степени обладает инстинктом летописца. "Недаром многих лет свидетелем Господь меня поставил и книжному искусству вразумил..." Воспоминания — это возвращение людей, возвращение нашего прошлого, без которого нам не понять себя. Книга Эрлены Лурье, густо населенная конкретными людьми, насыщенная документами — письмами, дневниками,— звено в "цепи времен", цепи, которая не должна прерываться. Иначе — духовное, душевное опустошение. Это — живая книга. Книга людей».

В 2011 выпустила кн. **«Такая разная жизнь... Хроника семейных событий»**. Это действительно хроника жизни типичной семьи из среды технич. интеллигенции, но это не просто воспоминания: здесь использован обширный семейный архив — письма, дневники и записные книжки, кот. сохранили подлинный дух времени. Шестидесятые — Байконур, семидесятые — Прибалтика и Саратов, восьмидесятые — М. и байдарочные походы, девяностые — Париж и Израиль. Действующие лица — писатели, художники; друзья, дети, собаки. По определению автора, изложение идет неравномерно, состоит из разных «фотографий времени».

В 1997 Л. провела персональную худож. выставку в Музее хлеба в СПб. (лепит замечательные фигурки из теста).

Соч.: Стихи // Дворцовая набережная. СПб., 1992; Неслышный крик. Л., 1990; Внутри сюжета. СПб., 2000; Дальний архив: Семейная история в документах, дневниках, письмах. 1922–59. СПб., 2007; Глухое время самиздата. СПб., 2009; Такая разная жизнь... Хроника семейных событий. СПб., 2011.

ЛЮБА́РСКАЯ Александра Иосифовна [8(21).4.1908, СПб. — 17.4. 2002, СПб.] — прозаик-фольклорист, переводчик, редактор, мемуаристка.

Родилась в семье инженера-технолога И. Э. Любарского, впоследствии ведущего специалиста «Ленгидропроекта», мать — врач-стоматолог. Окончила Единую трудовую школу 1-й и 2-й ступени им. Л. Лентовской, где училась с Д. Лихачевым, затем словесное отд. Высших гос. курсов искусствоведения при Гос. ин-те истории искусств, получив квалификацию литературоведа и ред.

С 1929 работала ред. детского отдела в ГИЗа (позже «Молодая гвардия», Лендетиздат) вместе с Т. Габбе, З. Задунайской, Л. Чуковской, была ближайшим другом и соратником С. Я. Маршака.

Арестована по ложному доносу 5 сент. 1937, освобождена после снятия Н. Ежова с поста наркома внутренних дел в янв. 1939. В Лендетиздат не вернулась, перейдя работать в детский отдел Радиокомитета. Перв. месяцы блокады провела в Л-де, награждена медалью «За оборону Л-да». Член СП СССР с 1947.

Занималась г. о. пересказом и обработкой для детей лит. и фольклорных сказок, многие пересказы сделаны ею совм. с Т. Габбе и З. Задунайской. Ее пересказы отличаются исключительным лит. вкусом, богатством яз., отмечены тонким и точным соблюдением нац. колорита. Это настоящая творч. работа, неотделимая от точного воспроизведения народной поэтики, образной системы и стилистики фольклора. Перв. пересказанной ею лит. сказкой стало «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» С. Лагерлеф (1940 и последующие годы), выполненное совм. с З. Задунайской. В основе пересказа лежит 2-томный учебник географии для шведских школьников, в русском переводе вперв. изд. в 1907. В пересказе эта сказочная повесть обрела интонационную и смысловую законченность (чем не отличался первоисточник, целью кот. было прежде всего ознакомление школьников с географией родной Швеции, сказочная линия играла служебную роль), а самое главное — отчетливую гуманистич. направленность. Озорник Нильс, превращенный в крошечного и потому беспомощного человечка, опираться теперь может отнюдь не на свою силу, как прежде, а на чужую доброту. Теперь он понимает, что главное в жизни — не демонстрация собств. безнаказанности и своего сомнительного могущества, ибо всегда найдется кто-то, кто сильней тебя, а человеческая взаимопомощь, взаимовыручка, соучастие. Вместе с героем постигает эту истину и маленький читатель.

Другой изв. кн., вошедшей в круг детского чтения благодаря пересказу Л., стал карело-финский нац. эпос «Калевала» (1 изд. — 1957). Стих. часть кн. обработал поэт и прозаик С. Хмельницкий.

Много лет Л. посвятила пересказу народных сказок. Ее работы отмечены прежде всего уважением к народу, создавшему сказку, и далеки от преднамеренной или невольной русификации языка и стиля. Т. Габбе, тоже много лет работавшая над фольклорными сказками, в т. ч. и совм. с Л., замечала, что работа пересказчика схожа с реставраторской — «он должен снять все наносное, угадать, что утеряно, восстановить разрушенное, проявить побледневшее». Л. пересказала русские народные сказки (сб. «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве», 1966; «Шел солдат», 1985), сказки народов СССР (сб. «Волшебный колодец», 1945; «Золотое яблоко», 1950), китайские народные сказки (сб. «Как дикая кошка искала себе дом», 1956), сказки народа коми (сб. «Лесной человек Ян-морт», 1982), сказки народов Эфиопии и Судана (сб. «Приходи, сказка!», 1991) и др. Л. пересказала лит. сказки С. Топелиуса и П. Асбъернсена, устранив присущую первоисточникам тяжеловесность, излишнюю назидательность и сделав их фактом русской детской лит-ры.

В 1980–90-е написала неск. мемуарных очерков: **«За тюремной стеной»** (воспоминания о годах заключения), **«Он между нами жил...»** (о С. Маршаке), **«За гранью прошлых лет»** (о Лендетиздате), **«Вспоминая Публичную биб-ку»**, **«Друг бесценный»** (о Т. Габбе).

Архив: РНБ. Фонд 1487. Оп. 1407а. 704 ед. хр.

Соч.: Лагерлеф С. Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями: Сказочная повесть. Л., 1940 (переизд. 1941, 1959, и др.); Волшебный колодец. Русские народные сказки. М.; Л., 1945 и др.; Золотое яблоко. Сказки народов СССР. Л., 1950 и др.; Калевала: Карело-финские национальный эпос. М., 1953 и др.; Топелиус С. Жемчужина Адальмины. Звездоглазка. Зимняя сказка. Кнут-музыкант. М.; Л., 1959 и др.; Асбъернсен П. Вороны Утреста: Норвежские сказки и предания. Л., 1962; В тридевятом царстве, в тридесятом государстве: Русские народные сказки. Л., 1966 и др.; Асбъернсен П. Королевские зайцы. Петрозаводск, 1976; Вихревы подарки: Белорусские народные сказки. М., 1981 и др.; Шел солдат: Русские народные сказки. Л., 1985; Норвежские сказки. М., 1992; За гранью прошлых дней: Заметки о Маршаке и его редакции // Нева. 1995. № 2; За тюремной стеной // Лен. мартиролог. 1937–38. Т. 3: Ноябрь 1937 года / Комм. А. Разумова. СПб., 1998 (перепеч.: Нева. 1998. № 5); «Мой друг бесценный...»: о Т. Г. Габбе // Нева. 2001. № 2.

Е. Щеглова

ЛЮБАШЁВСКИЙ Леонид Соломонович (псевд. — Д. Дэль и Даниил Дэль) [14(26).12.1892, Вышний Волочок Тверской обл. — 1.3.1975, Л-д, похоронен на Северном кладб.] — актер, драматург, сценарист.

В 1912 закончил ярославскую мужскую гимназию. Выступал в любительских спектаклях, ездил на гастроли. В 1913 поступил на драматич. курсы Я. Загарова, но накануне 1917-го был призван в армию. В июле командирован в Пг. в юнкерское учще. Здесь его застала революция, в 1918-м демобилизован. Уехал в Архангельск, где его брат был нач. архангельской милиции, стал там нач. 1-го отд. милиции Архангельска. В 1921–22 работал суфлером и арти-

стом в арханг. театре. В 1922 возвращатился в Пг. Работал в «Кривом зеркале» А. Кугеля, в «Молодом театре» В Соловьева, в театре Путиловского з-да. В 1925 принят в ТЮЗ. Помимо работы над спектаклями участвовал в изд. «Живой газ.» и с нею выступал в рабочих клубах и ДК. Ведущими артистами «Живой газ.» стали в будущем нар. артисты СССР Н. Черкасов, Б. Чирков и В. Полицеймако. Л. писал для них миниатюры. От малых форм начинающий драматург перешел к большим.

Перв. пьесы — **«В трех соснах»** (1926) и **«Фабрика канители»** (1927) — подпис. как А. Жуленго, последующие — Д. Дэль. О возникновении псевд. Л. рассказал в автобиогр. «Рассказах о театре и кино». «Фабрика канители» была поставлена в театре Сатиры, гл. персонаж носил фамилию Жуленго (исп. Л. Утесов). Тексты песен в этих и в последующей пьесе — **«Пьяный круг»** — напис. Д. Толмачев. К ранним пьесам можно отнести и **«Фронт»** (1931).

С 1932 начал сниматься в кино, в эпизодах. В том же году его пьесы, идущие с успехом в Красном театре, привлекли внимание кинореж. С. Юткевича, кот. предложил Л. с Л. Арнштамом взяться за написание сценария к фильму **«Встречный»**. Впервые в сов. звуковом кино авторами был смело использован диалог. К общему знаменателю сценарий приводили постановщики фильма Ф. Эрмлер и С. Юткевич.

В 1936 реж. А. Зархи и И. Хефец предложили Л. помочь Л. Рахманову экранизировать пьесу «Беспокойная старость». В 1937 **«Депутат Балтики»** вышел на экраны страны. В 1938 Л. в фильме «Выборгская сторона» впервые исполнил роль Я. Свердлова. С тех пор в теч. 20 лет кинематограф не предлагал ему ничего иного («Выборгская сторона», 1938; «Ленин в 1918 году», 1939; «Яков Свердлов», 1940; «Вихри враждебные», 1953; «Балтийская слава», 1958; «Андрейка», 1958; «В дни Октября», 1958; «День первый» 1958). Только в 1960-е Л. стали приглашать на др. роли.

В 1935 реж. Б. Зон ушел из ТЮЗа, с ним ушла часть актеров, среди кот. был Л. Они образовали Новый ТЮЗ, помещение для кот. получили в б. гостинице «Демут». Основу репертуара составляли пьесы Евг. Шварца, А. Бруштейн и Д. Дэля. За 5 предвоен. лет там поставили его **«Муз. команду»** (1935); **«Третью версту»** (1937), **«У Лукоморья»** (1939) и **«Большевика»** (1940). Во время войны театр эвакуирован в Анжеро-Судженск, через год переведен в Новосибирск. В окт. 1943 артисты собрали фронтовую бригаду. Худруком назначен Л. Были отправлены на Волховский фронт. Отработав там месяц, пробрались в блокадный Л-д.

В 1945 Новый ТЮЗ вернулся в Л-д, но был расформирован. Л. поступил в Блокадный театр, ставший вскоре Драм. театром им. В. Комиссаржевской.

Долгие годы Л. мечтал воплотить на сцене образ Пушкина. Такой пьесы не находилось. Тогда, изучив массу лит-ры, Л. напис. пьесу **«Александр Пушкин»**. Ее исполняли на радио (в заглавной роли Н. Симонов), ставили в Драм. театре (в заглавной роли В. Честноков), самому Л. сыграть Пушкина не довелось. Тогда же он напис. **«В садах лицея»**. Завершила пушкинскую трилогию пьеса **«В дороге»**.

В 1950-е продолжилась работа Л.-сценариста. В 1955 реж. А. Апсолон и Б. Дмоховский предложили Л. экранизировать пьесу А. Островского «Таланты и поклонники». В 1964 П. Кадочников, дебютировавший как кинорежиссер, экранизировал пьесу Л. «Муз. команда» (сценарий напис. Л.; фильм вышел под назв. **«Музыканты одного полка»**, 1965). Кадочников ставил «Снегурочку» и в соавторы для написания сценария пригласил Л. (1968). Тогда же писан сценарий **«Гроза над Белой»** для молодых реж. С. Чаплина и Е. Немченко. Завершением карьеры Л. в кино стал сценарий для двухсерийного широкоформатного фильма реж. М. Келети, кот. стал совм. постановкой «Ленфильма», «Мафильма» (ВНР) и «Дефа» (ГДР) — **«Ференц Лист. Грезы любви»** (1970).

Посл. годы Л. писал **«Рассказы о театре и кино»**.

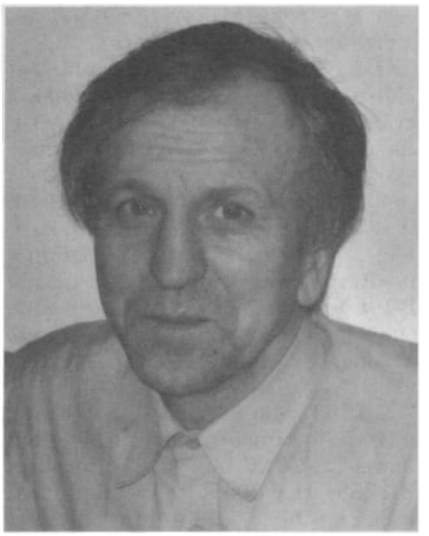
Засл. деятель искусств РСФСР (1939). Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1939) за исполнение роли Я. Свердлова в фильме «Выборгская сторона», лауреат Сталинской премии второй степ. (1941) за исполнение гл. роли в фильме «Яков Свердлов».

Соч.: В трех соснах. Л.; М., 1927; Пьяный круг. Л.; М., 1929; Фронт. Л.; М., 1931; Муз. команда. Л., 1936; Третья верста. Л.; М., 1938 (1940); У лукоморья. М., 1939; Большевик. Л., 1940; Александр Пушкин. М.; Л., 1951; Александр Пушкин: Трилогия. М.; Л., 1959; Рассказы о театре и кино. Л.; М., 1964; Пьесы. Л., 1970.

Лит.: Юткевич С. Человек на экране. М., 1947; Биневич Евг. Леонид Любашевский // Кинонеделя Л-да. 1961. № 36; Чернова В. Л. Любашевский — Д. Дэль // Любашевский Л. Рассказы о театре и кино. Л.; М., 1964.

Евг. Биневич

ЛЮБЕ́ГИН Алексей Александрович [24.3.1954, дер. Горка Сандовский р-н Калининской (Тверской) обл.] — поэт, прозаик.



Родители — рабочие свиноводческого совхоза «Ренско-Дынинский». Мать — неграмотная крестьянка, с семи лет батрачила. Отец закончил семилетнюю школу, во время войны был пулемётчиком, писарем при штабе. В два года Л. переболел скарлатиной и потерял слух. В будущем это обст-во обострило его интерес к лит-ре.

Стихи и рассказы начал пис. в школе. В родной деревне заведовал сельской передвижной биб-кой. До окончания школы напис. письмо в ЛГУ с просьбой о приеме. Получил ответ писателя С. Гладкого, кот. тогда работал в ун-те на военной кафедре о том, что для поступления необходимо полное среднее образование

и публ. После окончания школы поехал в Л-д (1969), встретился с С. Гладким и познакомился с поэтами Л. и А. Протопоповыми. Осенью 1969 в ред. ж. «Искорка» встретился с писателем А. Ельяновым, кот. пригласил в ЛИТО при ДК Профтехобразования «Голос юности». Там познакомился с П. Тарасовым, К. Петуховым, Е. Максименко и др. начинающими литераторами. Как и мн. из них, пользовался поддержкой рук. «Голоса юности» Д. Дара и А. Ельянова. Некот. стихи напис. под влиянием поэзии Г. Горбовского и О. Охапкина. Примером служения искусству для Л. стал поэт Б. Куприянов.

Учился в Финансово-кредитном техникуме (1969–73), затем закончил ПТУ по специальности столяр-краснодеревщик (1976–79). Работал столяром-плотником в подсобном хозяйстве «Оборона» (Лахта), ЖКХ Л-да, плотником в Гос. Эрмитаже.

Перв. публ. состоялись в альм. «Молодой Л-д» (рассказ **«Точилиха»**, стихи — 1973) и в ж. «Аврора» (**«Гомазениха»**, 1974). Публ. в самиздатском сб. прозы «Лепрозорий–23», собранным К. Кузьминским в 1976. В 1978 ж. «Часы» (ред.-сост. Б. Иванов) опубл. рассказы Л. **«Хукка»** и **«Денюжка»** и подборку стихов. В 1984 состоялась публ. в эмигрантском парижском ж. «Эхо» (без ведома автора). В дальнейшем от самиздата отошел.

В 1980 вышла кн. **«Мои стихи»**, в 1987 — **«Признание»**. В 1987 принят в СП СССР (позже СП России). В 1989–91 учился на Высших лит. курсах в М. С 1993 стал работать в Спасо-Парголовском храме. В 1995 по инвалидности вышел на пенсию.

Критика лен. газет «Смена» и «Лен. правда», не отрицая искренности поэзии Л., упрекала автора в субъективизме, в замкнутости внутр. мира, не прощала отступлений от стилистич. норм. Однако поэзии Л. характерна внутренняя сосредоточенность, глубокая психологическая мотивированность, своеобразие строя и манеры яз. стихии. Лирику ранних книг Л. («Мои стихи» и «Признание») отличала в перв. очередь особая чистота настроения, кот. можно назвать простодушием, если бы за ней не чувствовалась серьёзная работа — как душевная, так и «техническая». Его ранние стихи — попытка приобщить повседневность к высокому строю поэзии. «Машина доски не везла / в училище из Лахты, / и заморозились дела... / Да ладно о делах-то!» (**«Стихи о безделье»**). «Я вставлял забору зубы / в обеззубевшую челюсть, чтобы глянуть было любо: / не забор, а просто прелесть...» (**«Священный забор»**).

Тематика ранних стих. Л. достаточно широка — от любовной и пейзажной лирики, до раздумий о судьбах страны, о месте человека в мире, как в земном мире, так и в горнем. «Производственную» же тему, кот. автор остаётся верен до сего дня, правильнее было бы толковать как тему труда. Для Л. труд — не проклятие и не тягостный долг, но и не бездумный праздник, не апофеоз «мышечной радости», а способ разговора человека с миром, со Вселенной, способ осмысления жизни. Труд пахаря видится автору неким мистич. актом борьбы с тёмными силами: «Мы будем пахать, уповая на Бога, и прочь улетит вороньё...» (**«Над речкой уже задремали избушки...»**). Стих. **«Шёпот рубанка»** в пяти строфах вмещает рассказ о горькой судьбе старого плотника, понятия «труд» и «правда» сливаются воедино.

Художнич. позиция Л. отчасти близка взглядам «яснополянского старца». Уже в перв. сборниках видно, что поэту не безразличен тот нравств. выбор, кот. встаёт перед Россией на её ист. путях. Со временем (сб. **«На добрую память»**, 2004 и **«Крылатые песни»**, 2009) эта тема занимает всё больше места в тв-ве Л. «...Да отженит междуусобья / Людей на всей Святой Руси! — / Дух покаянья и беззлобья / В нас, Милосердный, воскреси! — / Очисти помыслы людские / В Афганистане и в Чечне...— / И сыновьям земли Тверския / Не дай погибнуть на войне...» (**«Звезда — бледней. Трава — росистей...»**). Несмотря на православную лексику стихи Л. близки не столько Православию, сколько идеям «невмешательства», «непротивления», мечте о мирной, самодостаточной жизни, «жизни по правде», что, разумеется, не является укором поэту: новая для нынешних поколений православная доктрина нуждается в собств. осмыслении и сверке с душевным опытом. Процесс усвоения душой, поэтич. сердцем православных истин для Л. не закончен, м.б., потому и обращение к «православной тематике» не всегда выглядит у него органично. Показательно, что один из самых обаятельных героев Л.— дед Поликарп из стих. **«Телятки»**,— хотя и назв. «солдатом Христова воинства», похож не столько на православного святого, сколько на толстовского героя — того же Платона Каратаева. «...Сил у меня ещё в достатке. / Я помогу ему в косьбе... / А дед мне говорит: — Телятки / Молиться будут о тебе...».

В 2004 вышла кн. прозы Л. **«Жернова жизни»**, кот., как сказано в аннотации, «ждала встречи с читателем около двух десятков лет». Книгу составили повесть **«Сказание о дураке»**, рассказы и заметки, кот. автор называл «лит. записями» и кот. выглядят как естественное продолжение и развитие гл. тем кн. Кн. посвящена жизни русских крестьян в XX в.: история одной крестьянской семьи, но написана не в жанре сов. крестьянской эпопеи, а скорее в форме семейной, родовой исповеди. Это книга горечи, праведной обиды. Автор признавался: «Рассказы матери не дают мне покоя. И я пишу как бы под диктовку её негодующей души». Н. Саблина в предисл. к книге стихов Л. «Крылатые песни» сказала слова, кот. в большой степени могут быть отнесены и к прозе Л.: «Родная изба расширяется до полноты всего Отчего дома — это вся Родина в прошлом, настоящем и будущем». Язык любегинской прозы прост и напоминает язык русских сказок, но не нарочитой декоративной «сказовостью», а пониманием народной речи, ощущением её выразительности, доходчивости и чистоты. «Ваша удача — подлинное и живое открытие народного слова, на кот. строится речь всех героев повести. Это не поверхностное уподобление фольклорной речи, а живое воскрешение. Так не говорят, так думают. Для читателя это заразительно и убеждает доверием»,— отметила в письме автору Т. Хмельницкая. Г. Горбовский писал: «Предки большинства жителей России — выходцы из деревни... Но это предки. Алексей же Л. самолично родился в тверской деревне, в окружении крестьян, в их менталитете и ауре. И вдруг — стал горожанином. Искренне полюбил Ленин-

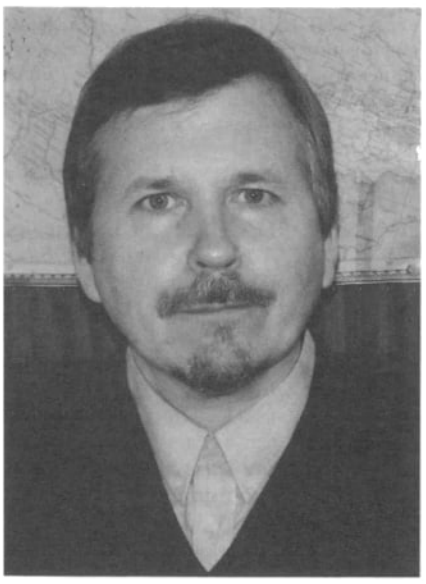
град-Петербург. Доказательства в стихах. Деревенско-городских. И пристрастия в них к деревне-городу — нерасторжимы... Стихи Л. не абстрактны. Они — конкретны. Стихи Л. лишены модернистского изыска. Они призваны трогать и волновать чувства и мысли. Стихи Л. подлинно русские, национального замеса...».

Соч.: Рассказы // Молодой Л-д. Л., 1973; Рассказы // Часы. 1978. № 13; Стихи // Часы. 1978. № 12; Рассказы // Эхо. 1984. № 13; Стихи // Часы. 1978. № 12; Стихи // День русской поэзии. СПб., 1994, 1995, 1996/97; Стихи // Мечом уст моих: Сб. СПб., 1997; Пальма Сев. Пальмиры // Нева. 1997. № 8; Мои стихи. Л., 1980; Признание: Стихи. Л., 1987; На добрую память: Сб. стихов. СПб., 2004; Жернова жизни: Сб. прозы. СПб., 2004; Крылатые песни: Стихи. СПб., 2009.

Лит.: Stefanovic B. Wertsman V. Free Voices in Russian Literature. NY., 1987; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Бакулин

ЛЮБОМУ́ДРОВ Алексей Маркович [23.5.1958, г. Котельнич Кировской обл.] — литературовед, очеркист.



Отец — писатель, публицист, мать — преподаватель англ. яз. в вузе. Окончил три курса мат.-мех. фак-та СПбГУ (1978–75), филологич. фак-т СПбГУ (1975–83). Перв. публикация — рец. на кн. Ф. Углова «Человек среди людей» (**Верность доброте** // Смена. 1979. 13 июн.).

Окончил аспирантуру ИРЛИ, защитил канд. дис. «**Русское Средневековье в историч. прозе 1970–80-х гг. Проблемы историзма**» (1988) и докт. дис. «**Духовный реализм в лит-ре русского зарубежья (Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев)**» (2001). В ИРЛИ с 1987; в 2004–06 — Ученый секретарь ин-та, с 2006 — ведущий науч. сотрудник. Автор мн. науч. работ, опубликованных в колл. сб. и монографиях, а также в ж. «Русская лит-ра», «Москва», «Лит. учеба», «Лит-ра в школе», «Роман-журнал XXI век», «Сфинкс», «Мера», «Вече» (Мюнхен) и др.

Духовной проблематике историч. прозы о Средневековье посвящена кн. Л. «**Вечное в настоящем. Лит. исследования**» (1990), куда вошли очерк «Пушкин и русская история», заметки о прозе, посвященной Куликовской битве (книги В. Лебедева, Ю. Лошица, Ф. Нестерова и др.) и работа о цикле Д. Балашова «Государи Московские», где Л. выявил особенности нравств. проблематики власти, указал на моменты в идеологии Балашова, расходящиеся с православн. мировоззрением («грех ради блага страны», дискредитация русских святых и др.).

В монографии «**Духовный реализм в лит-ре русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев**» (2003) Л. разработал термин «духовный реализм», предложил критерии анализа религиозной составляющей худож. произведения. Статьи и исследования Л. по этой теме («**Церковность как критерий православности явлений культуры**» — Лит. учеба. 2000. № 5–6; и др.) имеют методологич. значение; Л. призывает отличать христианскую веру с ее системой вероисповедных истин, с закрепленными в догматах представлениями о Боге, мире и человеке от воззрений, кот. ограничиваются моральной стороной евангельского учения. Л. ведет полемику не столько с позитивистской критикой, сколько с филологами, пытающимися вписать в рамки «православия» всю русскую классику. В работах «**Суд над Творцом: "Пирамида" Л. Леонова в свете христианства**» (Русская лит-ра. 1999. № 4), «**Миф о Леониде Леонове**» (в кн.: Духовное завещание Леонида Леонова. Ульяновск, 2005) и др. Л. доказывает богоборческий пафос посл. романа писателя, в кот. дискредитация христианства, идея «вины Бога» стала худож. задачей.

Особенности жанра совр. «хожений» освещались Л. в работе «**Традиция христианского паломничества в совр. русской словесности**» (Теория Традиции: Христианство и русская словесность. Ижевск, 2009) и др.

Л. организовал и провел в Пушкинском Доме 12 науч. конф. «Православие и русская культура» (1994–2009), на кот. прозвучало около 350 д-дов. Они стали основой серийного издания ИРЛИ «Христианство и русская лит-ра» (Вып. 1–7, 1994–2012).

Как исследователь русского Зарубежья Л. участвовал в подготовке собр. соч. Зайцева (М., 1999–2001), изд. его цикл «Дневник писателя», опубл. ранее неизв. тексты о путешествии в Грецию, включая архивный мат-л — записную книжку паломника по Афонским монастырям (Б. Зайцев, «Афины и Афон»). В кн. «**Духовный путь Ивана Шмелева**» Л. включил работы о тв-ве Шмелева, в кот. осмыслены религиозные и эстетич. искания художника, а также мемуарные очерки, заметки, рец. Автор монографии «**Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев в жизни и тв-ве**» (2012). Вернул из забвения имя писательницы, литературоведа Н. Д. Городецкой, опубл. ее лит. наследие. Теме русско-французского культурного диалога посвящ. ряд публикаций Л. о Франко-русской студии в Париже 1929–31.

Л. внес весомую лепту в российскую лексикографию, являясь одним из составителей и науч. редакторов биобиблиограф. словарей — двухтомного «Русские писатели. XX в.» (1998), трехтомного «Русская лит-ра XX в. Прозаики, поэты, драматурги» (2005), актив. участвовал в подготовке двухтомника «Лит. Санкт-Петербург: XX в.» (2011). Благодаря инициативе Л. в указанные словари впервые вошли неск. десятков имен российских писателей. Непростой истории выхода в свет одного из справочников посвящен фельетон Л. «**Нестор и Бродский под одной крышкой**» (ЛГ. 2012. № 9). Автор десятков ста-

тей, подготовленных для указанных изданий, а также для томов Большой Росс. и Православной энц., словаря «Русские литературоведы XX в.», энц. «Три века СПб.». Подготовил биогр. статьи о русских святых для издания «Акафисты русским святым: В 3 т.» (СПб., 1995).

Л. выступает как историк, очеркист и журналист в различных церковных и светских изд.: «Всерусский собор», «Даниловский благовестник», «Вече», «Купель», «Русь» (Ростов), «Вера-Эском», «Православный СПб.», «Вятский епархиальный вестник», «СПб. епархиальные ведомости» и др. Очерки посвящены истории русской святости и совр. церковной жизни. Автор жизнеописания св. прав. о. Иоанна Кронштадтского (1996), преп. Сергия Радонежского (в изложении для детей — 2003). Посвятил неск. исследований личности и трудам свт. Игнатия Брянчанинова, участвовал в подготовке его Полного собр. творений (М.: «Паломник», 2001–06).

В 1990-е по благословению митрополита СПб. и Ладожского Иоанна Л. собирал свидетельства о мироточении икон, мат-лы вошли в кн. Л. **«Знамения Божии от святых икон. 1991–97»**, отражены в ряде статей (**Мироточение икон в восприятии современников** // Искушения наших дней. В защиту церковного единства. М., 2003; и др.). Участвовал в работе Комиссии по описанию чудесных явлений, происходящих в РПЦ (образована в 1999 под предс. акад. П. В. Флоренского). Итоговая работа Л. **«Чудотворения от икон в совр. мире»** (в кн.: Чудотворные иконы. М., 2007) представляет собой развернутое богословское исследование феноменов мироточения и обновления икон в историч. контексте, описаны сопутствующие соц. явления (магизм, оккультное отношение к чуду).

В 1994–95 учился в СПб. Епархиальном духовном училище; в 1994 стал зам. председателя новообразованного приходского совета церкви Благовещения на Пискаревском пр., начавшего создание церковного комплекса для инвалидов; принимал участие в организации паломнических поездок для инвалидов, в строительстве часовни Благовещения на Пискаревке (1997). Читает лекции на Иоанно-Богословских пед. курсах при отделе религиозного образования Александро-Невской Лавры, на курсах экскурсоводов паломнической службы Валаамского монастыря.

Участник лит.-историч. экспедиций под рук. Ю. Шестакова (2002, 2005, 2007). В 2007 провел цикл радиопередач «Родная речь» на радио «Петербург» (вместе с Ю. Шестаковым и И. Важинской). Автор мемуарных очерков о Д. Балашове (**Исступленность и любовь** // Коняев Н. Дмитрий Балашов. На плахе М., 2008), Ю. Шестакове, статей и инт., героями кот. были Г. Заволокин (**Сотворение гармонии** // Розмысл. Бийск, 2000. № 1), А. Стрижев (**Подвижник** // Москва. 2004. № 8), Ю. Лощиц (**Моя земля погибнуть не может** // Новая книга России. 2009. № 2), А. Корольков (**«Душа встрепенулась...»** // Корольков А. Органика культуры. Бийск, 2011). Автор предисловий к сб. стих. В. Голубева, И. Киселевой, Т. Шороховой, Ю. Шестакова.

Член СП России с 2000.

Лауреат Всероссийской лит. премии им. св. Александра Невского (2004) «за вклад в развитие православного литературоведения».

Соч.: Вечное в настоящем: Лит. исследования. М., 1990; Книга Бориса Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» // Рус. лит-ра. 1991. № 3; Оптинские источники романа И. С. Шмелева «Пути небесные» // Рус. лит-ра. 1993. № 4; Светильник веры и благочестия. Св. прав. Иоанн, Кронштадтский чудотворец. Житие и новые чудеса. СПб., 1996 и др. изд.; Знамения Божии от святых икон: 1991–96. СПб., 1997; Святитель Игнатий Брянчанинов в полемике с либеральной интеллигенцией о христианском понимании свободы // Лит-ра и история. Вып. 2. СПб., 1997; К проблеме воцерковленного героя (Достоевский, Зайцев, Шмелев) // Христианство и рус. лит-ра. Вып. 3. СПб., 1999; «Пути небесные» ведут в Оптину: О прототипах посл. романа И. С. Шмелева // Московский ж. 2000. № 3; Знамения от икон в конце XX в. в России. Духовные итоги // Глас тихий. Божии знамения нашего времени. Альм. Вып. 1. М., 2000; О православии и церковности в худож. лит-ре // Рус. лит-ра. 2001. № 1; Духовный реализм в лит-ре русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003; Светильник веры и благочестия. Преподобный Сергий Радонежский, великославный Российский чудотворец. М., 2003; Образ православного монашества в русской классике // Валаамский монастырь: Духовные традиции, история, культура. СПб., 2004; Вера и тв-во в русско-французском диалоге 1929–31 гг. (по мат-лам Франко-русской студии) // Альфа и Омега. 2010. № 2; «Чудо перерождения»: Гоголь, Шмелев и их герои в поисках пути к Истине // Лит-ра в школе. 2012. № 4; Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев в жизни и тв-ве. М., 2012.

Сост., комм., подгот. текстов: Зайцев Б. Знак Креста: Роман, очерки, публицистика. М., 1999; Святитель Игнатий (Брянчанинов). Полн. собр. творений. М., 2002. Т. 1 и 2; Шмелёв И. Пути небесные: Роман. М., 2004; Зайцев Б. Дневник писателя. М., 2009; Духовный путь Ивана Шмелёва: Статьи, очерки, воспоминания. М., 2009; Зайцев Б. Афины и Афон. Очерки, письма, афонский дневник. СПб., 2011; Городецкая Н. Остров одиночества: Роман, рассказы, очерки, письма. СПб., 2013.

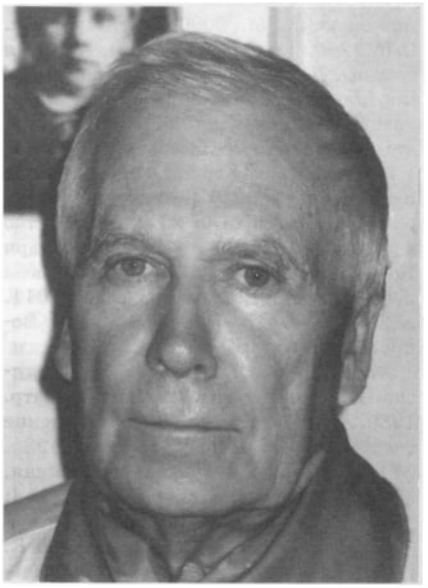
Лит.: Дунаев М. Пути небесные и земные // Москва. 2003. № 12; Павловский А. Духовный реализм // Слово. 2004. № 6; Маслова М. Православное мировоззрение как предмет искусства и как основа худож. произведения // Микрокосмос: Науч.-богословский и церк.-общ. альм. Вып. 3. Курск, 2009; То же: Портал Богослов.RU, www.bogoslov.ru/text/577699.html; Леонидов В. [Рец.] Б. К. Зайцев. Дневник писателя // Новый ж. 2010. № 258; Мартынов А. Воспоминания на подошвах сапог. Диалог как спасение русской культуры // НГ Ex libris. 2010. 20 мая; Прикосновение к вечности // Читаем вместе. Навигатор в мире книг. 2011. № 11; Леонидов В. Возвышенный и нежный. Святая Гора Бориса Зайцева // НГ Ex libris. 2012. 24 мая.

В. Кречетов

ЛЮБОМУ́ДРОВ Марк Николаевич [26.2.1932, Л-д] — писатель, публицист, критик, историк русской культуры и государственности, обществ. деятель.

Родился в семье инженера. Дед по отцовской линии пресвитер Николай расстрелян в 1918 в период «красного террора», причислен к лику святых новомучеников РПЦ. Отец арестован в июле 1941 по политич. статье, отбывал заключение в Краслаге. В блокаду Л. находился в эвакуации в Казахстане.

Окончив в 1950 среднюю (№ 107) и муз. школы, продолжил муз. образование в Лен. училище им. М. Мусоргского (завершил два курса по классу скрипки). В 1951–56 учился



на театроведч. фак-те Лен. театрального ин-та им. А. Островского. По окончании работал завлитом в Ярославском драмтеатре им. Ф. Волкова, собирал мат-лы по истории театра. В 1963 в ГИТИСе защитил канд. дис. **«Творч. путь ярославского драматического тетра имени Ф. Г. Волкова»** (кн. **«Старейший в России»**. М., 1964).

По возвращении в Л-д в 1958 работал в молодежной ред. Лен. телевидения (рук. ред. И. Масленников), преподавал в Лен. культпросветучилище. С 1959 — науч. сотр. ЛГИТМИК, где в 1972–87 возглавлял Сектор театр. искусства. Под его рук. вышла из печ. серия науч.-исслед. сб. Коллектив сектора создал уникальный труд **«Очерки истории русской сов. режиссуры»** (1974–82, отв. ред. — Л.), кот. остался неопубл.

В 1960-е Л. регулярно выступает на страницах ж. «Театральная жизнь» и «Театр». Печ. статьи о ведущих росс. актерах — А. Борисове, В. Честнокове, Б. Фрейндлихе, Е. Лебедеве, А. Миронове, Ю. Родионове и др. Публикует перв. журн. очерки-портреты будущих звезд русского театра — актрисе Т. Дорониной (1960), художнике Э. Кочергине (1969). Выходят в свет статьи Л. о драматурге А. Вампилове, о режиссерах Ю. Завадском и И. Ростовцеве. Внимание Л. обращено и к истории театра нач. XX в.: к тв-ву К. Станиславского, Вл. Немировича-Данченко, А. Таирова, К. Марджанова, к театр. программе А. Блока. В 1960–80-е Л. плодотворно сотрудничает с Лен. радио и телевидением. Создатель дискуссионного театр. клуба молодежи при Выборгском ДК (1966), из кот. позднее возник театр-клуб «Суббота».

С кон. 1960-х Л. входит в число соратников «молодой волны» русского патриотич. движения, сближается с В. Кожиновым, П. Палиевским, М. Лобановым, Э. Володиным, А. Кузьминым, Д. Жуковым, И. Кольченко, продолжает дружбу с С. Семановым и др. участниками моск. т. н. «Русского клуба». Творч. связи возникают с О. Платоновым, И. Шафаревичем, С. Куняевым, с гл. ред. ж. «Огонек» А. Софроновым.

В анализе и оценках худож. процесса Л. руководствовался доминантными для рус. культуры критериями — реализма, нац. самобытности, духовной и нравств. содержательности искусства. Л. разделял эстетику и идейные установки корифеев Малого, Александринского театров, МХАТа, в частности, кредо Станиславского, кот. полагал, что самое важное в тв-ве — раскрыть и передать «жизнь человеческого духа». Близки Л. были и убеждения Немировича-Данченко, призывавшего к «театру мысли», к «мужественной простоте», с кот. необходимо «претворять большие идеи спектакля». Такая позиция встречала сопротивление со стороны космополитически ориентированных театрально-лит. кругов. Нападки на тв-во и идейно-политич. позиции Л. во многом опирались на офиц. идеологич. курс, проводившийся КПСС. Так, в ж. «Театр» (1980. № 11) появилось письмо, обвинявшее Л. в «искажении» и «шельмовании» В. Мейерхольда, в небрежении «указаниями партии». Его подписали Г. Товстоногов, О. Ефремов, И. Ильинский, Э. Гарин, В. Плучек, Е. Симонов, С. Юткевич и др. Оппоненты Л. прибегали к приемам политич. дискредитации, указывали на его идеологич. неблагонадежность. Резко выступали Г. Товстоногов, М. Розовский, М. Ульянов, Ю. Темирканов, А. Петров, В. Арро. С официозных позиций нападали на Л. критики Ю. Лукин, В. Озеров, Ф. Чапчахов, И. Дедков, В. Оскоцкий, Вит. Вульф, К. Щербаков, М. Золотоносов, А. Нинов и др.

В 1980-е начинается актив. сотрудничество Л. с ж. «Наш современник», «Молодая гвардия», «Огонек». Его статьи о совр. театре, о режиссуре (Г. Товстоногов, Вс. Мейерхольд и др.) имеют громкий резонанс. В очерке **«Судьба традиций»** (б-ка «Огонька», 1983) и статье **«Театр начинается с Родины»** (Наш современник. 1985. № 6) обличались безыдейность, нравств. ущербность в совр. театре. Книга Л. **«Размышления после встречи»** (1984) сочетала науч. подход и гражданскую взволнованность, отличалась принципиальностью авторской позиции в оценке ключевых проблем худож. культуры: смысл, этапы развития реализма, роль наследия, истолкование русской классики, вопросы метода и стиля. В последующем Л. публикует кн. **«Н. Симонов. Ю. Завадский»** (в серии ЖЗЛ, 1983 и 1988); **«Противостояние. Театр, век XX: традиции — авангард»** (1991) — этот труд стал манифестом русской нац. школы искусства. Тогда же Л. выступил составителем и автором предисл. тематич. сб. **«За алтари и очаги»** (русская публицистика 1960–80-х; 1989); **«Рождение театра»** — о тв-ве Вл. Немировича-Данченко (1989); **«Мое гражданское служение России»** — о тв-ве К. Станиславского (1990).

Открытая национально-русская ориентация Л. продолжала вызывать критику, переросшую в начале перестройки в «оргвыводы»: в 1987 Л. был забаллотирован Ученым советом ЛГИТМИКа и уволен, решение было принято по личному указанию члена Политбюро ЦК КПСС А. Яковлева. В 1987–89 работал в Лен. консерватории, откуда тоже вынужден был уйти; тогда же был исключен из членов ВТО. Его председатель М. Ульянов в газ. «Сов. культура» (1988. 16 апр.) обвинил Л. в «шовинизме», «национализме» и «нетерпимости». На гос. службу Л. смог вернуться в 1996 — стал читать лекции на юридич. фак-те СПб. гос. ун-та водных коммуникаций (с 2004 — проф. кафедры основ гос. управления).

Активно участвуя в обществ. жизни, Л. стал одним из инициаторов-учредителей писательской группы «Содружество» (1988), впервые в сов. время сформированной (в рамках СП) по признакам «уважения к ценностям русской национальной культуры и языка». Л. организовал и был руклем изд-ва им. А. Суворина (1990–

96), выпускавшего религиозно-патриотич. лит-ру. Был инициатором и организатором ЛО фонда Славянской письменности и культуры (1989; с 1998 — вице-президент), ЛО Всероссийского фонда культуры (1990), участвовал в учреждении Междунар. Славянской АН и искусств (1992), членом кот. был избран. Являясь членом СП России (с 1984), неоднократно выступал на его пленумах, избирался в руководящие органы СП. Возглавлял комитет «Нева — Ладога — Онега» (1988–91), кот. вел борьбу против проекта поворота северных рек на юг. Один из учредителей Всемирного русского конгресса (1988). Неоднократно участвовал в выборных кампаниях в органы гос. власти в кач-ве кандидата от патриотич. сил: в Верховный Совет СССР (1989), в Верховный Совет РФ (1990).

С теч. времени круг интересов Л. все более смещался в сторону истории российского государства, политологии и религии. 1998 Л. опубликовал сб. политич. публицистики **«Русский фронт»** (отв. редактор и автор) с участием С. Бабурина, В. Илюхина, И. Фроянова, О. Платонова, митрополита Иоанна (Снычева), О. Каратаева, Н. Нарочницкой, Вл. Максимова и др. Кн. преследовала цель «помочь восстановить русское историческое самосознание, возродить русскую государственность с национально мыслящей и действующей центральной властью». В 2003–04 выходит в свет двумя изданиями кн. Л. **«Русский рубеж»**. В предисл. к ней автор пояснял: «В предлагаемых читателю очерках рассмотрены насущные проблемы русской политической, общественной и культурной жизни: русофобия, геноцид русского народа и возможности противодействия им; православие и государство; криминальная суть правящего режима; зловещая роль М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, В. В. Путина в судьбе России; кризис морали и культуры».

В серии изд. «ЭКСМО» «Политич. биографии: история в лицах и фактах» Л. опубл. антол. **«Иоанн Грозный»** (2004), в предисловии к кот. характеризует Грозного в русле классич. росс. историографии как «практика жестокой, кровавой, антинародной тирании». Докум.-биогр. повесть **«У истоков русской сцены. Федор Волков и его эпоха»** (2010) венчает исследования Л. по русской истории XVIII в.

Л. выступает как мемуарист, освещая события обществ.-политич. и культурной жизни втор. пол. XX в. Это **«История борьбы. Дневник русского человека»**, ценный сведениями о взаимоотношениях т. н. «русской партии» с властью в период правления Ю. Андропова, **«Как это было»** — о русской оппозиции режиму 1980–90-х и об истории размежевания писателей СПб., **«Мой рафтинг»** — этапы и итоги своей борьбы за русскую нац. культуру.

С 1998 создатель (вместе с О. Каратаевым) и ведущий клуба «Русская мысль», на заседаниях кот. выступали Ю. Болдырев, И. Шафаревич, С. Ямщиков, Л. Ивашов, В. Квачков, Б. Миронов и др.; видеоотчеты встреч опубл. на сайте «Русский набат». Член Совета учредителей Союза русского народа (восстановленного в 2005). Почетный попечитель моск. храма св. Николы на Берсеневке. Действ. член Петровской АН и искусств (2002). Член редколл. ж. «Вопросы национализма» (2013). По версии изд. «День литературы» (2011. № 4) включен в список пятидесяти лучших критиков России XX в. Лауреат премии СП России и Фонда святителя Иоанна Златоуста «Имперская культура» (2008); Минобрнауки РФ награжден Серебряным Почетным знаком им. Николая Румянцева «За благородные труды» (2009).

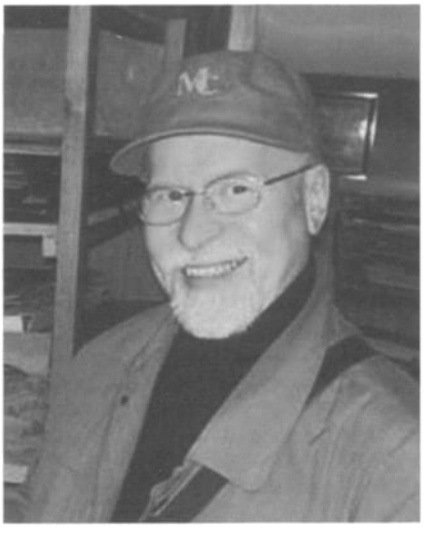
Архив: РГБ. Ф. 911.

Соч.: Старейший в России: Творч. путь Ярославского драматического театра. М., 1964; Судьба «Холстомера» // Молодая гвардия. 1976. № 10; Вступая в совершеннолетие (образ молодого героя в драме и на сцене). М., 1976; Века и годы старейшей сцены. М., 1981; Федор Волков. Л., 1983; Судьба традиций. М., 1983; Н. Симонов. Ю. Завадский (ЖЗЛ). М., 1983 (2-е изд. — 1988); Размышления после встречи. М., 1984; Извлечем ли уроки: О русском театре и не только о нем // Наш современник. 1989. № 2; Поднять Россию из руин [О выборах в Верховный совет СССР] // Молодая гвардия. 1990. № 2; Противостояние. Театр, век XX: традиции — авангард. М., 1991; Сапог оккупанта // Завтра. 1995. № 10; Солнце нашей духовности [О митрополите Иоанне Снычеве] // Пастырь добрый. СПб., 1996; Об основах православной государственности // Русский фронт. СПб., 1998; Театр драматический // Энц. словарь русской цивилизации. М., 2000; Русский рубеж. СПб., 2003 (2-е изд. — 2005); История борьбы. Дневник русского человека // портал «Русское воскресение», www.voskres.ru/idea/lyubomudrov.htm; Как это было // Всерусский собор. 2009. № 1; У истоков русской сцены. Федор Волков и его эпоха. СПб., 2010; Театрал. культура России в XX в. СПб., 2011; Государство и право в России XVI столетия (эпоха царя Иоанна Грозного). СПб., 2011; Постулаты русской идеологии // Слово (газ.). 2011. № 25–26. 1–14 июл.; Мой рафтинг // Вопросы национализма. 2013. № 13.

Лит.: Гарин Э., Ефремов О., Ильинский И. и др. Письмо в редакцию // Театр. 1980. № 11; Дмитриев Ю. Театроведение требует ответственности // Театр. 1985. № 11; Бондарчук С. Мысль беспокойная, мысль вдохновенная // Огонек. 1985. № 4; Татауров П. Перестраиваться по сути // Наш современник. 1987. № 2; Степанян К. Между сценой и читателями // Сов. культура. 1987. 26 март.; Нинов А. С чего начинается родина: Итоги одной полемики // Нева. 1987. № 9; Золотоносов М. Вышел критик из тумана // Лит. обозрение. 1988. № 12; Марку Николаевичу Любомудрову — 80 лет // Наш современник. 2012. № 2; Казин А. Дело Любомудрова // Казин А. Частицы бытия: Роман с философией. СПб., 2013.

С. Лебедев

ЛЮКШИ́Н Юрий Константинович [29.12.1949, Л-д] — график, иллюстратор, искусствовед, педагог.



В 1971 окончил худож. училище им. Серова. Тогда же, в возрасте двадцати двух лет, впервые обратился к Екклесиасту (для тех лет поступок

весьма смелый). Впоследствии христианская тема философски и монументально, свободно и с артистической изысканностью воплощалась им в сериях «Путники» (1979), «Типы Загорска» (1981), «Жития пророка Илии» (1983), «Валаамские старцы» (1985–87), «Крещение Руси» (1988), «Пасхальный календарь» (1988–90, 1993). Создал циклы работ по произведениям А. Пушкина «Борис Годунов» и «Пиковая дама», иллюстрировал А. Чехова, И. Северянина, Н. Заболоцкого.

В 1996 в ГРМ (корпус А. Бенуа) Л. представил серию «Дневник паломника» (путешествия по Святой земле), в кот. обратился к неисчерпаемым произведениям древнего мира — эпосам, сказаниям, легендам. Здесь круг духовного общения Л. очерчен предельно логично: он сострадает Л. Толстому, легко вступает в контакт с о. Флоренским, ведет диалог с философами Розановым, Бердяевым и Соловьевым.

Над 150 илл. к карело-финскому эпосу «Калевала» Л. работал в теч. 25 лет. Специально для нового изд. (из-во «Вита Нова», 2010) Л. создал 57 илл. в технике акварели на цветном печатном фоне. «Для меня "Калевала" — это тропа узнавания голосов предков, голосов Мира Первообразного, песнь, заклинание, молитва Мировому Духу Рода Человеческого» (Л.). Доминирующими образами в его графич. иллюстрациях стали стихии Воды, Неба, Земли. Акварельный изобразит. ряд пронизан муз. звуками. Музыка рун «Калевалы» — это г.о. музыка голубых и синих вод. «Воды дали Вечное дыхание Жизни», «Из воды пошли мне силы...». Погружаясь во внутр. мир эпоса, Л. уходит от конкретики и обращается к передаче мыслей, ощущений — Вечности. Образ композиц. строя, рождённый воображением художника, воскрешает мир архаики. Его лист обладает не только цветом, пропитан не только отзвуком мифологич. содержания, но наполнен динамикой, энергией художника. Бесконечное кол-во смещающихся планов в его композициях рассчитано на выявление гармонии. Именно эти свойства станут характерными для всех последующих монументальных произведений Л.

В 1990-е судьба свела Л. с П. Суспицыным, создателем уникального изд-ва «Редкая книга из СПб.». В залах Эрмитажа не раз выставлялись рукописные кн., созданные разными мастерами, илл. к трем из них выполнил Л. — «Константин VII Багрянородный. Об управлении империей» (2009), «Книга Екклесиаста» (2010), «Слово о полку Игореве» (2012).

Кн. Константина VII «Об управлении империи» заключена в потрясающий переплёт из кожи, серебра, позолоты с вкраплением сапфиров и рубинов, изумрудов и включает 12 миниатюр, заставки, концовки, ручную раскраску акварелью и темперой, золочение. Следуя красоте слога памятника-поучения, график осветляет привычную для себя цветовую гамму. Он наполняет светом, гармонией, душевным спокойствием памятник X в. Изобразительный строй кн. абсолютно созвучен мудрости Константина — он строг, изыскан, деликатен и одухотворён.

Многолетние размышления мастера нашли воплощение в Книге Екклесиаста (2010, первое изд. 1994). Каноническая кн. Ветхого завета, приписанная царю Соломону, стала одной из самых неоднозначных книг библейского канона, построен. на философских проблемах непостижимости жизни и смерти, любви и ненависти. 16 илл., выполненных в технике офорта и акватинты, раскрашенных вручную — отражение образа самого художника, долгие годы постигающего не древние образы, но вечные. График (спорно) определил стиль иллюстраций как «современный русский духовный лубок». Но в действительности эти композиции, как и дизайн переплёта из кожи, серебра, патинированной эмали, включают картины обобщённые и символические, плоскостные и колористические, связанное с семью цветами радуги, как с семью добродетелями, пронизывающими предельно совр. звучанием проблемы вечные и неизбывные. «Всё суета сует...».

«Слово о полку Игореве», к кот. Л. обращался на протяжении 20 лет, включает 19 офортов, конгреневое теснение, виньетки, заставки, концовки и ручную раскраску листов темперой и акварелью. Как и древнейшие книжные памятники, переплёт данного изд. «Слова» выполнен из дерева. В этом сложном и многогранном творении — синтез многолетних достижений мастера. Совмещение временных и пространственных пластов в одном сюжете позволило читателю и зрителю складывать картину мира из образных представлений человека XII и XXI вв. Образы «Слова» существуют в сложном и разновременном мифологич. пространстве Л. Пластическое напряжение, стремительность боевых побед и трагедия поражений составляют образную целостность графич. летописи, по звучанию близкой опере «Князь Игорь».

Стремление «переорганизовать пространство» (П. Флоренский), сформулировать для себя формообразующую цель, преодолеть чувственную видимость и найти «общественное» в действительности — таков глубинный смысл творч. исканий талантливого мастера. По отношению к окружающей художника реальности он создаёт свой альтернативный сценарий, посвящ. книжному миру. Здесь ему комфортнее и интереснее. Графич. иллюстрации Л. передают гармонию мира, постигаемую художником в духовном наследии времён. Всё, что создал Л., приобретает свое значение в акте памяти, истории, традиции. В произведениях совр. художника звучит эхо древнего слова.

Член Союза художников России с 1978. Член Междунар. ассоциации искусствоведов (АИС) с 1998. Засл. художник России (2007).

Автор благотворительной детской программы «Краски добра», организатор выставок и конкурсов детского рисунка.

Участник более 300 выставок в России и за рубежом, из них 69 персональных.

Работы художника представлены во многих музейных собраниях, в т. ч. в ГЭ, ГРМ, РНБ, Музее совр. искусств им. Дягилева (СПбГУ), Гос. Третьяковской галерее, Гос. музее изобразительных искусств им. Пушкина, РГБ, Ярославском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Метрополитен музее (Нью-Йорк), Музее Людвига (Кельн), Биб-ке Ватикана и мн. др. музейных собраниях.

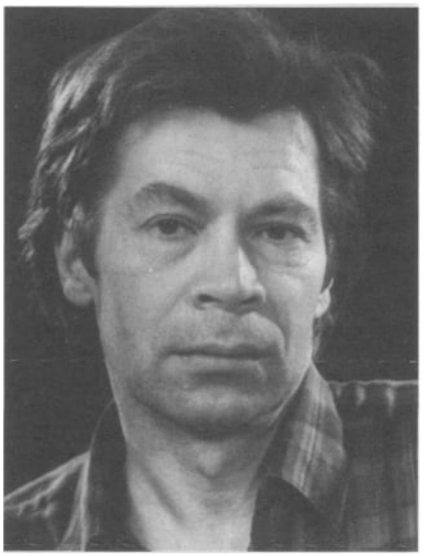
Удостоен мн. престижных наград российских и зарубежных конкурсов графики и экслибриса, среди кот. золотые медали (1984, Осенний салон «Традиции и поиск», Париж; 1989, Биеннале книжной графики, Лейпциг); серебряные медали (1998, I Междунар. биеннале малых форм графики

и экслибриса, Пекин; 2004, Российская Академия художеств, М.).

Лит.: Юрьева Т. Чистая нота // Каталог выставки «Дневник паломника». Финляндия, 1996; Козырева Н. Преображающее страдание // Каталог выставки «Мир книж. Иллюстрации». Вологда, 2006; Воропанов В. Мир книжной иллюстрации // Там же; Арсеньева З. Петерб. образ Калевалы // Русский мір: Альм. СПб., 2010; Книга как искусство: 20 лет изд-ву «Редкая книга из СПб.» // Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 2012; Суспицына Т. Слово о полку Игореве // Петерб. искусствоведческие тетради. 2013. № 26.

Т. Юрьева

ЛЮЛИН Александр Сергеевич [28.11.1955, д. Посадниково Грязовецкого р-на Вологодской обл.] — поэт.



Мать крестьянка, отец воен. моряк, затем механизатор, предс. колхоза, военкор. Младенческие годы Л. прошли в доме его крестной матери — тайной монахини. С 6 лет работал в деревне подпаском, пастухом. В 1966 переехал в г. Отрадное Лен. обл., где окончил школу. После службы в армии работал на производстве.

Стихи пишет с детства, перв. публ. — в 1976 в газ. «Ленинское знамя» (г. Тосно). Занимался в лен. ЛИТО «Радуга», рук. которого, Е. Вечтомова, писала в 1980: «Имя Люлина уже хорошо известно среди литераторов. Поэт он растущий, думающий, интересно видящий мир. В литобъединении „Радуга" он — лауреат премии им. Ю. Инге (за стихи памяти В. Шукшина). Заметно, насколько яснее, чище, ярче стало его творчество» (Лит. Петербург. 2000. № 1). Л. был участником, а позже — рук. творч. семинаров Конференций молодых литераторов Северо-Запада. В 1993 принят в СП России. В 1993–95 учился на Высших лит. курсах при Лит. ин-те им. Горького (семинар Ю. Кузнецова). В 1995–96 работал в петерб. храме Георгия Победоносца. Продав свой дом, Л. вел безбытное существование, ютясь в помещениях СП, с 2008 — в дер. Дусьево Лен. обл.

Стихи Л. публ. в газ., ж., колл. сб. «Молодой Л-д», «Лит. Россия», «Наш современник», «Аврора», «Нева», «Звезда», «Север», «Русский вестник», «Православный СПб.» и др. Перв. кн. стихов Л. **«Заповедник»** вышла в 1983. С перв. же стих. был заявлен масштаб поэтич. мысли: «Прохладны звезды. Мир высок. / Во сне ворочаясь, Россия / Дыханьем греет мне висок...». Автор пробует разные стили, интонации. В стихах звучат цитаты из Есенина («Что же я тоскую, что желаю», «Жизнь прошла. А кажется, вчера / Я тебя в березах целовал»), Рубцова («Взойду на холм. И сердце ахнет!»). С др. стороны, характерная образность («Может быть, зачистив электроды, / Душу к телефону подключу»), когда «лабораторией» предстает у Л. не только природа, но и сама жизнь — явное влияние эпохи НТР. Поэт не только наслаждается веществ. плотью мира, своим молодым телом («пчелиное гнездо и мыслей и страстей»), но и задумывается о бессмертии души: «обидно иногда, что отменили бога» (**«Мысли во время дождя»**). Элегич. настроения, созерцания природы дарят емкие образы: «Спит под крестами полусгнившими / Церквушки сельской экипаж» (**«Дожди»**).

Во внутренних рец. (опубл: Лит. Петербург. 2000. № 1) отмечались черты поэзии Л.: «чистое отношение к миру, к людям», «глобальное мышление». «Вселенная входит в его стихи так же равноправно, как любимая» (Н. Полякова), «это своеобразный, глубокий, истинно народный талант» (И. Сергеева).

Для поэтич. яз. Л. изначально характерна особенная символика, его образы порой неожиданны: «вольтеровы рты» ворон, «наше соленое счастье», «сковородка бытия», СССР — «инкубатор любви». М. Шикова отмечала: «Стихи... удивляют своей дерзостью, удалью, размахом поэтической натуры», Л. свойственны «острый взгляд остроумная нюансировка положений, смесь иронии и лиризма».

Если перв. кн. наполняли светлые краски и интонации, то во второй, **«Человек дождя»** (1992), проступает ожесточенность по отношению к жизни, кот. определяется зачастую как «стерва... обманщица» (**«Элегия»**), и даже соловей «задыхается от злости». Стих. Л. 1990-х собраны в кн. **«Обнаженные слова»** (2000). В любовной лирике Л. преобладают настроения разочарования, упреков неверному и искусительному женскому роду: «Взрослая женщина — яблочко сочное, / Но с червоточинкой в сладких местах» (**«Слопал другой мое райское яблоко...»**). С горькой иронией поэт благодарит неверную возлюбленную «За то, что молодость разбила, / Что сердце бросила на снег». Лишь образ матери окружен ореолом праведности: «Потому что мамин голос — / Голос Бога самого».

Характерны для поэзии Л. мотивы одиночества, покаяния (**«Томятся души одинокие...»**, **«Холодно и одиноко в доме...»**, **«Побудь со мной»**), в кот. подчас различимы есенинские интонации, но чаще встречаются пушкинские темы и образы. Так, «грехов свора» преследует лирич. героя, подобно «льву» из стих. Пушкина «Напрасно я бегу к сионским высотам», а вопрошания «Зачем я приходил на землю? Зачем на ней существовал» отсылают к пушкинскому «Дар напрасный, дар случайный...». Однако Л. абсолютно искренен, по опр. критиков, «чистонаивен» и не пытается искусственно поддерживать высокую образность и слог: стих. о смысле жизни заканчивается вполне житейскими раздумьями, что еще никто «на тот свет не уволок... ни женщину... ни каши котелок».

Значительное место в поэзии Л. занимают стих., в кот. автор пытается передать свое восприятие евангельских заповедей, образов подвижников, почитаемых икон. Это цикл стихов, посвящ. православным празд-

никам («**Рождество**», «**Преображение**», «**Пасха**»), авторское переложение посланий св. апостола Павла «К римлянам», «К ефесянам» и др., поэма «**Мария Египетская**». В то же время нередки у Л. резкие антиклерикальные выпады: «Лицемерие ненавижу, / Отрицаю церковный цирк... / С догматических колоколен / Криво судите, господа», «Отстроенные храмы, а в алтаре — змея!», и этой змее служит «поп-попугай».

Ряд образов-лейтмотивов поэзии Л. заимствован из фольклора: так, Россию символизирует Царевна-лягушка. В руках насильников и экспериментаторов «Скромница-Русь» превращается то «в бородавчато-черную жабу», то в «утопленницу», то в обезьяну с короной на голове, становится объектом «мерзостной игры», на что непосредственно указывает эпиграф из пушкинского «Гусара», предпосланный к главе «Империя печали, государство слез». Возникает и образ Ивана-царевича, стремящегося воскресить Россию-Царевну, вернуть ей прежний лик — и потому занятого поисками «Кощеевой смерти».

Лирич. герой Л.— русский человек на переломе эпох, с взлетами и падениями ищущей души, грешащий и кающийся,— напоминает образ Мити Карамазова: «То пост держал, то матерился, / То умирал, то воскресал, / То Богу истово молился, / То кулаками потрясал». «В его поэзии причудливо уживаются вера и безверие, целомудрие и цинизм, щемящая лирика и бесшабашность» (М. Шикова).

Смеховая культура, народная по своим истокам, широко проявляется в тв-ве поэта: травестия, автоирония присутствуют даже тогда, когда Л. пишет о высоких, трагич. предметах. Часто встречающиеся у Л. разухабистые куплеты, частушечный ритм обнаруживают полную раскованность автора, кот. удается передать экзистенциальное состояние «бездны на краю» с типично русскими поворотами темы. Так, в стих. «**Вторые петухи**» в исступленном вихре мелькают кресты, кости, синагога, мечеть, монастырь, крематорий, самогон; настроения отчаяния и плотского праздника, сменяя друг друга, тем не менее, сопровождаются отчетливым сознанием собств. греховности и желанием скорейшего конца времен: «Но восстанет вся планета, / Но преобразимся мы, / Потому что конец света — / Это значит: конец тьмы».

Гражданская поэзия Л.— сплав отчаяния, ожесточенности, боли за страну и беспощадных инвектив в адрес ее палачей. Политические, социальные катаклизмы 1990-х погружаются Л. в религиозный контекст. Так, в стих. «**Сороковины**» убийцы павших у Дома Советов «будут судимы... небесным судом», в то время как память о погибших выкристаллизовывается в формулу: «Светит Солнце смиренной лампады / Перед образом грозным Творца».

Итоговое для тв-ва Л. 1990-х произведение — мистерия-буфф «**Змея и крест**» (1998), напис. в традициях Маяковского. В сценках, монологах, круговерти образов предстает история России XX в.: революция, Гражданская война, казачество, эмиграция, расстрелы ВЧК, гитлеровская Германия, парад Победы (в поэму полностью включен тост Сталина «за здоровье русского народа»), эпоха реформ. Завершается поэма призывом к расправе над новыми буржуями («так выжигай напалмом московское гнилье»), автор помещает бланк расстрельного списка, предлагая читателю самому вписать имена.

Разные голоса, разные точки зрения на происходящее создают стереоскопич. эффект: обрисованы и сознание большевика с характерными идеологемами («белогвардейская шваль»), и офицера-эмигранта, и арийца-гитлеровца. Сочувствие вызывают те, кто остался верен присяге и родине, кто «целовал крест» и не поддался посулам «змея». Симпатией пользуются простой люд, «рабочие и крестьяне», в то время как иные классы (будь то «дамочка-дворянка» или чекисты) часто вызывают беспощадную иронию. Отношение к фигуре Николая II в предшествующей поэзии Л. было противоречивым: то государь видится как преступный и слабовольный «растлитель миллионов душ», и поэтому «В подвале Екатеринбурга / Настиг семейство Божий бич», то фотографии и письма царских мучеников «святою дышат простотой», однако в мистерии осознание того, что в новое время «Николай Кровавый „святым" скелетом стал» рождает лишь ненависть. В поэме происходит смешение ценностных пластов, идеологий, философий, когда уже трудно понять, «на чьей стороне» Господь и где истина. У Л. убитый красноармеец попадает в рай за то, что сражался с «бесовскими полками», в которые зачислены «цари да генералы, попы да кулаки». Кровавые вихри Гражданской войны, жертвы войны Отечественной видятся Л. как очищение России, отсюда эпатирующие формулировки: «Кто враг Страны Советов — тот, значит, враг Христа», «Торжественно-красива — как церковь на крови / Советская Россия — империя любви». Автор пытается разглядеть в трагических катаклизмах особый Божий промысел: Россию на ее исторической стезе сопровождают «ангелы-хранители ДНК», вовремя убирающие все вредоносное, порой они принимают облик нажимающих на курок работников ЧК. В эпоху, когда «взорвали на кусочки державный монолит», когда «...в кремлятнях властных — хоть выноси святых! — / Ни белых нет, ни красных — лишь стаи голубых», поэту остается воскликнуть: «Прилаживай, Россия, к винтовочкам штыки». Л. «в своей поэзии представляется не только лирическим отшельником и философом, но и русским былинным богатырем, а теперь и (по стихам из последней книги) — библейским мифотворцем» (В. Морозов).

В 2006 выпустил экспериментальную кн. «**Люби отечество земное**», центральные стих. которой посвящ. женщине, отвергнувшей любовь поэта.

Лауреат лит. премии им. Н. Рубцова (1994), ж. «Наш современник» (1999), Правительства Лен. обл. «Ладога» им. А. Прокофьева (2000).

Соч.: Заповедник. Л., 1983; Человек дождя. СПб., 1992; Обнаженные слова. СПб., 2000; Лирика: 1998–2001. СПб., 2005; Люби отечество земное. СПб., 2006.

Лит.: Шикова М. [Рец.: «Человек дождя»] // Ладога. Кировск, 1993. 26 июня; О поэзии Александра Люлина (Из неопубликованных рец.) // Лит. Петербург. 2000. № 1; Ефимовская В. Помощница молитвы // Росс. писатель. 2001. № 10; То же // Всерусский собор. 2003. № 1; Морозов В. Свет потаенный. СПб., 2003; Кречетов В. За колючей проволокой строк // Кречетов В. Яйцо Леды. СПб.,

2003; Ефимовская В. ...У смерти отнимал: Философия красоты Александра Люлина // Морская газ. 2004. 30 янв. № 5–6; Козлов К. Об авторе // Медвежьи песни. 2004. № 11; Токажевская М. «Мерою любви...» // Невская застава. Лит. альманах. Вып. 1. СПб., 2007; Рыбакова В., Романов А. На красный свет. СПб., 2008; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Любомудров

ЛЯ́ГАЧЕВ Олег Александрович (Хельги, Helgi — псевд. Л.)[21.9.1939, Л-д] — художник, критик, поэт, прозаик, драматург.

Родился в семье картографа и геодезиста. Детство прошло в Омске. Осенью 1945 семья вернулась в Л-д. Окончил среднюю школу № 309 и поступил на физический фак-т ЛГУ (1956–58). Ещё раньше, увидев работы Врубеля и постимпрессионистов (в особенности Тулуз-Лотрека и Ван-Гога), а позже — Матисса и П. Боннара, решает посвятить себя живописи.

Поступив в Академию художеств (ГИЖАС им. Репина) на фак-т истории и теории искусства (1960–66), работал гидом в Эрмитаже, где познакомился в 1962 с М. Шемякиным, вместе с кот. они организуют выставку «художников-рабочих хоз. части Эрмитажа» (30–31 марта 1964) и пишут манифест группы «Петербург» (1967). В составе группы — А. Васильев, Е. Есауленко, В. Иванов, Л., М. Шемякин.

Весной 1964 с В. Кравченко, В. Овчинниковым, В. Уфляндом и М. Шемякиным участвовал в эрмитажной выставке художников-работников хоз. части, в 1966 — в выставке в Консерватории им. Римского-Корсакова, в 1973 — на псих. фак-те ЛГУ и на квартире К. Кузьминского. После краткого увлечения абстрактным экспрессионизмом (две серии, около пятнадцати работ), Л. ищет поддержки в древнеегипетском искусстве и искусстве преколумбийского периода. Интересуется семиотическими теориями Ч. Пирса и Ч. Морриса. В результате вырабатывает своеобразную знаковую систему, названную им «семиотическим искусством». В живописи Л. семиотические поиски заметны уже в работах кон. 1960-х.

В 1974–75 сближается с близкими ему по духу А. Васильевым, А. Путилиным и Ю. Дышленко, принимает участие в выставках художников-нонконформистов в ДК Газа и ДК «Невский» (1975).

Писал стихи, рассказы, пьесы, участвовал в квартирных чтениях. В 1965 вместе с В. Петроченковым выпустил машинописный альм. «Парус», в 1966 — альм. «Чертополох» вместе с А. Васильевым и Б. Комиссарчуком (1965–70, три вып.). Опубл. в них свои стихи, рассказы, в т. ч. — **«Одиссея Л.»**., пьесу **«Вот, что происходит»**, рассказ и пьесу **«Вакханочка»**, напис. в соавт. с художником А. Васильевым. Оба издания илл. офортами и акварелями Л.

Женился на француженке Мари-Терез Борэ, проходившей в Л-де практику по русскому яз., и в кон. 1975 уехал во Францию. С 1976 — участник мн. европейских выставок, в т. ч. выставок неофиц. сов. искусства — в Пале де Конгрэ, в Париже, в Венеции, в Вене, Лондоне, Нью-Йорке, Токио и др. Много выставляется в галереях («Галерея 222», «Форум Ле Аль», «Галерея Распай-рив-гош», галерея «Мифологии», в мэриях и центрах искусства).

В 1990-е Л.-художник возвращается к семиотическим поискам, а далее — эволюция от семиотики к «абстрактному классицизму» — это портреты, вариации на темы Ренессанса (Боттичелли, Тинторетто), композиции на темы лубка, пейзажи. Этот период ознаменовался рядом персональных выставок в Париже и Лионе: в т. ч. в СПб. — в галерее «Борей», в музее нонконформистского искусства на «Пушкинской–10» и др.

Выпустил неск. книг стихов и прозы со своими илл., в т. ч. **«Минимум минуем»** (СПб., 1999, объединяет первые четыре кн. Л.), **«Реконструкции»** (СПб., 2000, стихи и проза), **«Снег падает в мою шестую книгу»** (СПб., 2008). Часто прибегает к свободному ритмич. рисунку стиха и усложненным ассоциативным построениям. По словам В. Петроченкова, «мир его стихов композиционно раскован, освобожден от дидактики, метрически и идеологически обусловлен лишь центростремительным модусом повествования». Его конструктивная упругая поэзия напоминает обэриутов своей парадоксальностью, игрой тем и эмоциональной эквилибристикой. Поэт использует классические и авангардные техники. Он создатель 27-строчной формы стиха, названной им «олегой».

Обращается к драме (автор пяти пьес, в т. ч. **«Времяпровождения»**). Среди прозы Л. четыре романа (под псевд. Хельги Лужин) — **«Зигзаги и параллели»** (СПб.: Изд. «Сударыня», 2005), **«Генезис»** (СПб.: «Сударыня», 2006), **«Проходная пешка»** (СПб.: «Сударыня», 2007), **«Почти бессмертный Олаф»** (СПб.: «Сударыня», 2010). Хельги Лужин — представитель «нового романа — II». Его техника впитала особенности приёмов новороманистов (А. Роб-Грийе, М. Бютора, из русских — В. Набокова): точные и стремительные описания, своеобразный метафоризм, фрагменты автоматич. письма, живые диалоги; вместе с тем, «история», интригующий сюжет играют важную роль в конструкции его романов. Четыре романа Л. составляют цикл — **«Отмеченные»**. Время охвата: 1942–2016; место действия: Омск, русский Север, Л-д-СПб., Париж, Европа, фантастич. и параллельный мир, мир виртуальный и мир утопии.

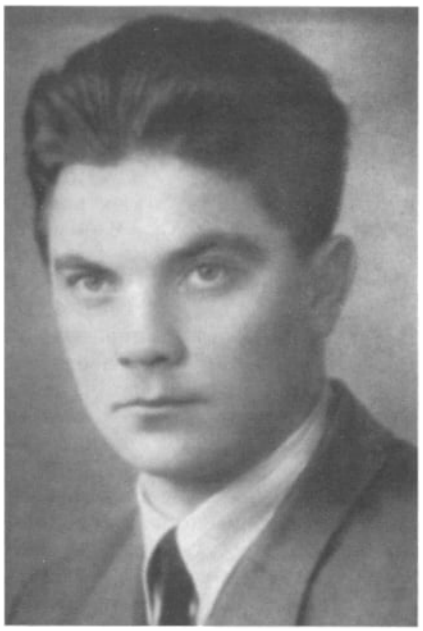
Историк и теоретик искусства, член АИС (AIS). Ему принадлежат публ.: **«Врубель for ever»** в «Петерб. искусствоведческих тетрадях» (Вып. 10, 11, 16. СПб., 2007–2009), **«О тв-ве Вадима Филимонова»** (Wiesbaden, 2006), **«Творч. эволюция художника»** в альбоме «Анатолий Васильев» (СПб., 2007) и др.

Соч.: Коснулось севера дыханье: Стихи 1980–93. СПб.-Париж, 1993; Мимо скучной Джоконды: Второй сб. стих. и текстов. СПб.-Париж, 1994; Твое блаженство иллюзорно: Кн. стихов и текст. СПб.; Париж, 1995; Хорошо паучку в гамаке: Кн. стихов и текст. СПб.-Париж, 1997; Минимум минуем / Вст. ст. В. Петроченкова. СПб., 1999; Реконструкции [Стихи и проза]. СПб., 2000; Зигзаги и параллели. СПб., 2005; Генезис. СПб., 2006; Проходная пешка. СПб., 2007; Снег падает в мою шестую книгу. СПб., 2008; Почти бессмертный Олаф. СПб., 2010.

Лит.: Газаневщина / Сост. А. Басин. Л., 1974–79; Нечаев В. Олег Лягачев // Русская мысль. 1979. 22 нояб.; Oleg Liagatchev / Texte P. Garnier. Peinture d'aujourd'hui. Paris, 1984; Воинова Н. Совр. иконы» (Выставка живописи О. Лягачева «Хельги. Портреты» в галерее Борей) // НОМИ. 2001. № 3; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003. Газаневщина / Сост. А. Басин, Л. Скобкина. 2 изд. СПб., 2004; Олег Лягачев. Размышления о триптихе на тему Ренессанса // Параллелошар. 2008. № 4.

А. Рябчикова

ЛЯЛЕНКО́В Владимир Дмитриевич [3.10.1930, Константиновка Луганской обл. — 21.7.1996, СПб.] — прозаик.



Родители Л. из курских крестьян (косв. сведения о его фамильных корнях содержатся в рассказе **«Записки старого солдата»**, 1965). Раннее детство прошло в г. Старый Оскол, подростком в нач. Отеч. войны оказался на оккупированной врагом территории, и это наложило заметный отпечаток и на его дальнейшее жизненное поведение, на его тв-во. Подробно о своих детских мытарствах поведал в перв. кн. автобиогр. романа **«Борис Картавин»** (1962). После окончания ср. школы поступил в Лен. политехнический ин-т и, защитив диплом (1957), неск. лет работал инженером-строителем в г. Пикалево (Лен. обл.), затем перебрался в Л-д. Еще студентом писал прозу и занимался в ЛИТО при ЛО изд-ва «Сов. писатель» — вместе с А. Володиным, В. Пикулем, В. Курочкиным, В. Конецким, Г. Горышиным, В. Голявкиным и др. — под рук. Л. Рахманова и М. Слонимского. Перв. напеч. рассказ Л. — **«Тайна в Подлесах»** (альм. «Молодой Л-д», 1957).

Лит. известность принес «детский роман» «Борис Картавин» — психологич. хроника, где повествование ведется от имени героя, кот. своей душевной конструкцией повторяет автора. У них одна судьба, они не однажды могли погибнуть — от пули, при бомбежке, от голода и стужи, оба страдали от горького чувства сиротливой неприкаянности и унижений оккупации. Писатель с документальной точностью воспроизводит бытовые детали и крайне дорожит непосредственностью переживаний 11-летнего мальчишки: ужасы войны и плена герой Л. переносит с поразительным для его возраста достоинством, оставаясь доверчивым и простодушным ребенком, отзывчивым и чутким к людскому горю.

За перв. кн. романа «Борис Картавин» последовала вторая — **«Ожидание лета»** (1968) и третья — **«Просека»** (1973). В полном виде (в заново структурированном варианте) трилогия, охватывающая тяжелейшее десятилетие в истории страны (1941–52), увидела свет в 1974. А еще до автобиографич. романа — к нему имеет прямое касательство и замысел незавершенной кн. **«Армия без погон»** (1964) о молодых инженерах-строителях, уезжающих после ин-та в кон. 1950-х в глубинку,— Л. напис. короткую повесть **«Маруся»** (1955). О ней В. Панова в письме Л. (1972) отозвалась так: «Лично мне эта маленькая повесть по-прежнему представляется лучшей Вашей вещью. Не сердитесь, если моя оценка расходится с Вашей авторской. Я знаю, что покойный Константин Георгиевич (Паустовский. — *И. К.*) больше всего ценил Вашего "Бориса Картавина", а мне вот "Маруся" как полюбилась шестнадцать лет назад, так до сих пор ее и люблю; даже помню наизусть некоторые фразы и эпитеты, вроде жизнеутверждающих картин на вокзале...» (Архив В. Ляленкова).

«Маруся» — пронзительная повесть о молодой женщине из курской деревни; ее обездолила война, у нее не удалось счастье с израненным мужем, она завербовалась на северные лесоразработки и узнала там всякое — и неистовую любовь, и несправедливую молву, и подлость, но не дала пропасть своей красоте, не позволила очерстветь в одиночестве своему щедрому сердцу. И той же природной повадкой и силой наделены героини повестей **«Сестры Строгалевы»** (1961) и **«Крещенские морозы»** (1963) — не слишком грамотные русские бабы, хватившие на своем веку лиха и нашедшие успокоение и смысл своего существования в детях. Тема взыскующей совести и нравств. стойкости, главная в прозе Л., в его «женских» повестях звучит особенно драматически.

В худож. мире Л. все подчинено естественному течению жизни. Называя в духе классич. традиции свои произведения именами героев: «Борис Картавин», «Маруся», «Сестры Строгалевы», **«Федорыч»** (1958), **«Дядя Степан»** (1979), писатель тем самым подчеркивает, что люди, «живые лица» для него много важнее интригующих сюжетов. Внешне они не приметны, среди них не встретишь персон крупнее районного масштаба, но именно им, какому-нибудь трудяге-плотнику либо неказистому неугомонному прорабу, писатель отдает всю свою любовь. По словам Рахманова, «ляленковских героев никто не сможет назвать беспочвенными, окрестить Иванами, не помнящими родства,— всеми артериями и мельчайшими жилочками, всей своей кровеносной системой они связаны с породившей их землей. И все, что отсюда проистекает хорошего, и дурного, и трудного, все, что осложняет их жизнь и что делает ее такой орга-

ничной и в муках и в радости, необыкновенно правдиво, без малейшего приукрашивания и фальши выписано у автора» (Архив Л. Рахманова).

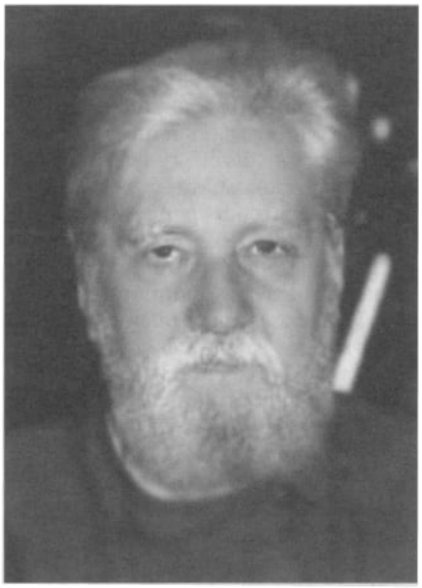
Проза Л. как бы являет собой невольную исповедь массового, «негероического» российского человека, жившего в XX в., в обстоятельствах зачастую злых и выморочных, человека по натуре чистого и не искушенного в лукавых происках власть имущих. Писателю и его героям всегда были чужды полит. суесловие и карьерная спесь, они не уповали на «прогресс» и жили неторопливо, по старинке, уверовав в вечные христианские ценности: страдая в любви, воюя за семью и детей, полагаясь во всем на собств. руки и свой здравый ум.

Член СП СССР (СП России) с 1962.

Соч.: Борис Картавин. Л., 1962; Сестры Строгалевы: Рассказы и повесть. М.; Л., 1964; Ожидание лета. Л., 1968; Просека. Л., 1973; Борис Картавин: Роман [Трилогия]. Л., 1974; Протвинские аквалангисты: Повесть. Л., 1975; Здравствуй, великан!: Повесть. Л., 1976; Знаменитая танковая: Повесть. Л., 1979; Крещенские морозы: Повести и рассказы. Л., 1980; Последняя просьба: Повести и рассказы. Л., 1982; Армия без погон: Роман // Нева. 1988. № 11; Побочные мысли раздетого гражданина: Повести и рассказы. СПб., 1995.

Лит.: Цурикова Г. О тех, кому сегодня тридцать лет // Новый мир. 1962. № 11; Данчич А. «Нет!» — войне // Нева. 1963. № 1; Рубинчик М. С точки зрения старожила // Новый мир. 1965. № 3; Антопольский Л. Нет контакта // Новый мир. 1974. № 7; Мессер Р. Чистые люди // Аврора. 1979. № 11; Кузьмичев И., Цурикова Г. Живые лица // Кузьмичев И., Цурикова Г. Контрасты осязаемого времени. Л., 1988; Кузьмичев И. О Владимире Ляленкове // Ляленков В. Побочные мысли раздетого гражданина. СПб., 1995; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

И. Кузьмичев



ЛЯ́ЛИН Валерий Николаевич [7.12.1927, г. Иваново-Вознесенск — 7.10.2010, СПб.] — прозаик.

Родился в семье студентов, детство провел в Иваново-Вознесенске с бабушкой. Прадед — ивановский купец Матвей Сурин, строитель храмов и богаделен, раздавший свое богатство и ставший пустынножителем ради спасения души. В 1934 Л. переехал с семьей в Л-д, окончил школу рабочей молодежи. В годы войны (отец призван на фронт) Л. с матерью находился в эвакуации на Кавказе, Сталинграде. «Когда мне было 20 лет от роду, мне в руки впервые попало Евангелие. Я тогда жил в Крыму, снимал комнатку у добрых стариков, а когда приболел, хозяин и принёс мне эту Святую книгу» (цит. по: Рубцова И. Русская земля, живи вовеки! [Инт.]). Свое обращение Л. описал в рассказе **«Мой путь ко Христу»**: «К принятию христианства я шёл очень тяжело и долго. Я прорастал к нему через пласты сомнений, атеизма и всеобщего отрицания Бога. Я прорастал к нему, как прорастает к свету былинка через слои асфальта». После войны «метался по огромной нашей стране в поисках... я и сам не знал чего». Был крещен старообрядческим наставником в Новгородской обл. Жил в Феодосии, Керчи. В 1956 познакомился с архиеп. Крымским и Симферопольским Лукой (Войно-Ясенецким), кот. утвердил Л. в православной вере, наставил на жизненный путь, сказав: «Идите работать врачом в деревне — лечите простых людей».

Окончив Крымский мед. ин-т (1956), Л. работал сельским врачом в Крыму, Закарпатье, Южной Осетии. Встречался со старцами — выходцами из Глинской пустыни (в т. ч. с митр. Грузинским Зиновием); в Абхазии и Казахстане беседовал с монахами-пустынниками. Эта духовная школа помогла впоследствии обрести писателю слово, несущее жизненную правду, Христову любовь, сострадание, милосердие.

Вернулся в Л-д в 1970-е, работал врачом; был благословлен в псаломщики и клиросные певчие архиеп. Тихвинском Мелитоном. Свой творч. путь Л. начал с создания киносценариев на ист. темы (эпоха Екатерины II); они были одобрены В. Пикулем. Однако студия «Ленфильм», куда обратился Л., предложила начать со «сценария о рабочем классе», после чего Л. уничтожил свои рукописи.

Осн. жанр тв-ва Л. — рассказ. Первые рассказы были озвучены самим автором в эфире «Православного радио СПб.» в нач. 1990-х. «Речь его рассказов течет плавно, напевно, будто слушаешь древнего сказителя. И, кстати сказать, сам автор замечательно читает свои рассказы, выступая по радио и в аудиториях. Вслушиваясь в его голос, замечаешь такие тончайшие оттенки, которые упускаешь при чтении»,— отмечал ред. газ. «Православный СПб.» А. Раков. (Горница. Приложение к газ. «Православный СПб.». 2004. № 20, февр.). В этой газ., начиная с 1993, регулярно стали печ. рассказы Л., затем появлялись в ж. «Православный Паломник», «Всерусский собор», «Православный летописец СПб.», «СПб. Епархиальные ведомости», «Русская земля». Лит. дар Л. был вскоре замечен и оценен издателями и читателями. Первая кн. — сб. **«Последняя надежда»** (2000); в авторской аннотации Л. сообщал: «Я — писатель из молодых, отточил перо свое на восьмом десятке лет. Вся юность прошла в урагане войны 1941–45 гг. Война тяжелым катком прошлась по моей жизни, и, не успев умертвить, превратила меня в инвалида телесного и духовного». Затем на протяжении 10 лет вышли еще пять кн. прозы Л.

По признанию Л., свои рассказы он писал быстро, по вдохновению, в 1–2 дня. Основа всегда документальна («все мои рассказы — от сердца на основе жизненного и духовного опыта»), часто автобиографична. Суть тв-ва Л. сформулирована в одном из читательских отзывов: «Великолепное живое слово христианина и человека, ищущего правды Бо-

жией. Впечатления о людях и событиях на пути ко Христу. Реальное свидетельство о Боге из уст верующего человека».

Темы прозы Л. — поиск и обретение веры («**В северных Палестинах**», «**Заблудший**», «**Исповедь**»), рассказы о замечательных людях: «**Изограф**» — об иконописце XIX в. Гр. Журавлеве, лишенным от рождения рук и ног; «**Бесогон из Ольховки**» — о закарпатском старце-экзорцисте отце Мефодии и его келейнице, «ведьме в отставке»; «**Кузьма Крестоноситель**» — покаянной жизни и странствиях убийцы. Значительное место занимают повествования о войне: «**Человек на войне**» — о православном воине-санитаре, кровавых реалиях фронта, «**Когда была только надежда**» — о блокадной жизни будущего патриарха Алексия (Симанского). Увлекательны «**Рассказы алтарника**» (в частности, о том, как преп. Серафим явился двум хиппи, побил их палкой, после чего один из них крестился и стал алтарником), «**Святой остаток**» — о благочестивом населении деревни, которое во времена раскулачивания бежало во главе со священником в Сибирь и там сохранилось от гонений до наших времен.

Л. — мастер увлекательного сюжета. Так, в рассказе «**Тяжелые времена**» воссоздана судьба еврейского юноши, родившегося в Америке, бежавшего в Россию, прошедшего концлагерь, спасшегося от расстрела, попавшего в партизанский отряд, обретшего веру и крестившегося.

Книги Л. читаются легко благодаря доверчиво-задушевной интонации и неизменному юмору, подчас горькому, подчас лукавому — так, в рассказе «**Обычная история**» есть сцена «укрощения церковных котов». Язык приближен к разговорному, встречаются экспрессивные выражения («очиститься от проклятой городской блевотной жизни мегаполисов» и др.). Отмечали сходство Л. с И. Шмелевым, но еще более он близок к В. Никифорову-Волгину — и по стилистике, и по жанру (короткий рассказ-новелла «об увиденном»), и по тематике (обретение православной веры, мужественное стояние в ней).

«Его рассказы увлекательны и поучительны, а богатейший жизненный опыт автора и твердое стояние в Православной вере придают им особенную глубину, неповторимый колорит и разнообразие. Перед читателем — встречи с разными людьми, размышления автора о Церкви, о судьбах России. Объединяет все рассказы удивительно теплая авторская интонация, за которой — человек, знающий, что на жизненном пути нельзя потерять самое главное — сострадание к людям и надежду на Господа» (Аннотация // Горница. 2007. № 31, нояб.).

Мн. рассказы Л. несут сильное публиц. начало, когда голос автора обретает бескомпромиссность и строгость: «...бедствия, кот. постигли нас последним летом уходящего тысячелетия, не просто бедствия, а знамения Божии, знаки грядущей беды. <...> Ко всему этому — катастрофическое обнищание народа, где на одном полюсе тысячи жирующей и купающейся в роскоши публики, а на другом — миллионы голодных и безработных. А на посошок нам ещё война на Кавказе, где, по слову Христа, “народ восстал на народ”. И единственное, что у нас в России растёт и процветает, так это кладбища...» («**Тихвинские зарисовки**»). Иногда свою мысль Л. формулирует в стихах («Свет телевизора в каждом окне: / Это лампадки зажгли сатане»). Творческое credo автора: «Жаль мне добрый, кроткий и доверчивый русский народ, понёсший неисчислимые жертвы в кровавом и безжалостном XX веке... И я молю Бога, чтобы эта эпидемия бед, несчастий и скорбей не перешла из XX века в XXI век...» («**И было в тот вечер**»).

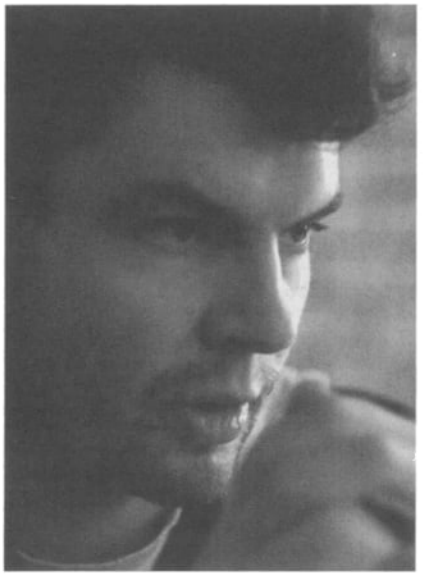
Л. удостоен лит. премии им. С. Нилуса (2002), Всероссийской православной лит. премии им. Александра Невского «за возрождение жанра народного православного рассказа» (2005). Номинирован на премию «Нац. бестселлер» 2006 (long-list) с книгой «**Птицы небесные**». В аннотации к этой кн. говорится: произведения Л. «согревают душу, укрепляют веру, просто и ясно учат милосердию и состраданию, радуют забытым, настоящим русским словом. Они помогают вспомнить о том, что для русского человека всегда было самым главным в жизни».

Соч.: Посл. надежда. СПб., 2000; По святым местам. Встречи и судьбы. СПб., 2001; Бесогон из Ольховки. СПб., 2002; Нечаянная радость: Встречи на жизн. пути. СПб., 2004; Печальник земли Русской // Владыка [о митр. Иоанне (Снычеве)]. СПб., 2005; Птицы небесные. СПб., 2006; Куда ведут дороги. СПб., 2007.

Лит.: Рубцова И. Русская земля, живи вовеки! [Инт.] // Православный СПб. 2008. № 2 (194), февр.

А. Любомудров

ЛЯ́ЛИН Михаил Борисович [20.11.1983, Л-д] — прозаик.



Отец предприниматель. Л. окончил экономический фак-т СПбГУ (2005). Сотрудничал с газ. «Деловой Петербург» (2006).

Перв. роман Л. «**Солдаты армии ТРЭШ**» опубл. во 2-м вып. «Антология прозы двадцатилетних», выпущ. петерб. изд-вом «Лимбус Пресс» (гл. ред. П. Крусанов: «У каждого поколения <...> должны быть свои писатели, рассказывающие этому поколению о нем самом» — ЛГ. 2006. № 41). Роман-дневник от лица протагониста представляет собой «бесчисленные описания жестокой агрессии подростков из питерской неформальной организации против прохожих, бомжей, жителей особняков» (А. Ганиева). Речь героев насыщена обсценной, жаргонной, сленговой лексикой совр. молодежных субкультур. Автор дневника выступает как идеолог: его монолог исполнен пафоса безудержного разоблачения «Системы» — пораженной глобализационными процессами совр. цивилиза-

ции, уничтожающей человеческую личность. Герой включает в дневник «Манифест поколения ТРЭШ», напис. им от лица «поколения хлама» (*англ.* trash — «мусор, отходы, отбросы»), кот. осознало тупиковость пути развития человечества и мыслит себя поколением свободных людей, объявившим войну Системе («Настало наше время»). Возможность победы над Системой равна нулю — героич. готовность к смерти определяет трагич. начало в речи рассказчика. Противоречивость является гл. худож. принципом романной поэтики. Текст дневника предназначен читателям — врагам, «обществу потребления», взращенному Системой, и читателям — братьям по оружию. Амбивалентны чувства, мотивирующие поведение героев: на внешний мир направлены ненависть и жажда мести; одновременно дневник отражает простодушие, любовь к друзьям, матери. Речь героя полна энергии ненависти и отчаяния. Однако завершающий дневник фрагмент, поддержанный высокой лексикой книжно-лит. стиля, передает открывающийся герою в конце земного бытия смысл духовно-нравственного пути человечества. Первоначальная интенция автора дневника — это «текст нашей войны», выполняющий функцию призыва к действию, — усложняется стремлением оставить друзьям-единомышленникам опыт духовной работы перед лицом смерти. Произведение запечатлело мировосприятие революционно-нигилистич. части молодого поколения кон. 1990-х — нач. 2000-х. Роман Л. отнесен к традиции американского контркультурного романа кон. XX — нач. XXI вв.: Чак Паланик (Chuck Palahniuk), Брет Истон Эллис (Bret Easton Ellis) и др.

Действие второго опубл. романа Л. — **«[РЖВЧН]»** (2008), — как и в перв. произведении, разворачивается в СПб. в 2000-е. Картины уличной городской жизни, социальные типажи составляют его фон. Повествование ведет молодой петерб. журналист, занимающийся расследованием дела молодого леворадикала, получившего на митинге увечье от высокого милицейского чина и поклявшегося отомстить. По мере развития действия повествование насыщается эмоционально напряженным авторским словом, обличающим разрываемую нац. и соц. противоречиями жизнь большого столичного города, шире — России. В посл. эпизоде романа аналитич. суждения, исполненные энергии отрицания, сменяет образная картина, рисующая о. Коневец на Ладоге. Символич. образ мальчика, высокие мотивы сиротства, обретения духовного отца актуализируют смыслы, связанные с поиском духовно-нравств. опоры для существования и сближающие «Я» трех субъектов сознания текста — журналиста-рассказчика, героя его расследования и автора-творца. Намечается возможность разрешения конфликта независимой личности с внешним миром, временное обретение душевной гармонии.

Насыщенная событиями криминальных хроник фабула, прямолинейный разоблачительный пафос речи, поэтически светлый финал — характерные черты авторской поэтики романов Л.

Соч.: Солдаты армии ТРЭШ: Роман // Антология прозы двадцатилетних: Вып. 2. СПб., 2005 (отд. изд. — СПб., 2007); [РЖВЧН]: Роман. М., 2008; Паранойя // Петербург-нуар: Рассказы. СПб., 2013.

Лит.: Новикова Л. [Рец.] // Коммерсантъ. 2005. 30 нояб.; Митрофанова А. Совр. проза: Формирование или разрушение личности? // Русская лит-ра в формировании совр. языковой личности. Мат-лы конгресса. СПб., 24–27 окт. 2007. Лит-ра в формировании языковой личности: Этапы и варианты: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2007; Ганиева А. Мятеж и посох // Новый мир. 2008. № 11; Адельгейм И. Поколение неприкаянных. Молодая проза России и Польши нач. XXI в. // Звезда. 2009. № 10.

А. Митрофанова

ЛЯ́ПИНА Лариса Евгеньевна [20.6. 1948, г. Л-д] — историк лит-ры.

Родилась в семье вузовских преподавателей. Отец — Е. С. Ляпин — алгебраист, проф. ЛГПУ им. А. Герцена, мать — Л. И. Ляпина — ст. преподаватель каф. методики математики в том же вузе. В 1966 после окончания матем. школы № 239 Л. поступила на русское отд. филологич. фак-та ЛГУ, кот. закончила с отличием в 1972. Науч. интересы Л. сформировались под влиянием В. Е. Холшевникова, в семинаре кот. она занималась изучением русской лирики XIX в. Тогда у Л. проявился интерес

к специальным стиховедческим методам и проблемам лит. циклов.

В 1977 защитила канд. дис. **«Лирич. цикл в русской поэзии 1840–60-х гг.»**, в 1995 — докт. дис. **«Циклизация в русской лит-ре 1840-х — 60-х гг.»**. В 1997 присвоено звание проф.

Обл. науч. интересов — теория и история циклов, стиховедение, ист. поэтика, «петерб. текст», сенсорика в худож. лит-ре (прежде всего — в поэзии).

Пед. и науч. деятельность Л. связана с кафедрой русской лит-ры ЛГПУ (РГПУ). Л. прошла путь от преподавателя-почасовика до ведущего специалиста. Л. читает теоретико-лит. курсы и курсы по истории отеч. лит-ры: **«Основы науки о лит-ре»**, **«Теория лит-ры»**, **«История и теория стиха»** и др. Под рук. Л. защищено девять канд. и одна докт. дис. Член Дис. совета филфака РГПУ.

Л. была победителем конкурса «Чтение лекций и специальных курсов» ин-та «Открытое об-во», работала там в кач-ве эксперта. Выступала с чтением лекций в Томском и Саратовском ун-тах, в Псковском пед. ун-те, в Саранском пед. ин-те. В 2000-х дважды была приглашенным проф. в Магдебургском ун-те (Германия), в Ун-те Лодзи (Польша). Член редакции ж. «Folia Litteraria Rossica» Ин-та славистики Ун-та Лодзи. Поддерживает связь с педагогами-практиками, многократно выступала с лекциями для учителей. Принимает участие в науч. конф.

Подготовила пособие по курсу «Введение в литературоведение», хрестоматию «Стиховедение» (неск. изд. — 1966, 1998, 2002 и 2003), где Л. выступала как составитель. Среди публикаций Л. серия статей для библиогр. словаря «Русские писатели XI–XIX вв.» (Апухтин, Бальмонт, Огарев, А. И. Одоевский); ряд статей о циклах русских поэтов середины XIX в., напеч. в Гейдельберге в 2006 (Der russische Gedichtzyklus. Ein Handbuch). Л. рассматривает поэтич. циклы Фета, А. Майкова, Огарева, Тургенева, К. Павловой, Апухтина, Плещеева и др. Библиография Л. на 2013 насчитывает 140 позиций.

Соч.: Сверхдлинные размеры в поэзии Бальмонта // Исследования по теории стиха. Л., 1978; Лит. циклизации я (к истории изучения) // Русская литра. 1998. № 1; Циклизация в русской лит-ре XIX в. СПб., 1990; Циклизация в русской лит-ре XIX в. СПб., 1999; Пути и принципы циклообразования в лирике, эпике и драме // Zyklusdichtung in den slavischen Literaturen. Frankfurt am Main, 2000; Человек и мир в лирике Ф. И. Тютчева. Своеобразие восприятия мира в лирике А. А. Фета // Русская лит-ра. XIX в. От Крылова до Чехова. СПб, 2001; Классич. период: Учеб. пособие. СПб., 2005; Мир Петербурга в русской поэзии: Очерки ист. поэтики. СПб., 2010; «Сладкое» и «горькое» в русской лирике // Универсалии русской лит-ры. Сб. 3. Воронеж, 2011; Философская поэзия. Евгений Абрамович Баратынский. Федор Иванович Тютчев // История русской лит-ры XIX в.: В 3 т. М., 2012. Т. I; Поэзия 1840–60-х гг. Афанасий Афанасьевич Фет. Творч. индивидуальности и поэтич. системы // Там же. Т. II; Завершение классич. традиции в русской лирике посл. трети XIX в. // Там же. Т. II; Синхронистич. таблицы // Там же. Т. III.

Лит.: Профессора РГПУ в XXI в. 2001–06. Биогр. справочник СПб., 2007; Щукин В. [Рец.] // НЛО. 2012. №1 (113).

Е. Таборисская

ЛЯ́ПУШКИНА Екатерина Ильинична [4.11.1963, Л-д] — литературовед, историк русской лит-ры.

Родилась в семье театр. режиссера Ильи Сауловича Ольшвангера и преподавателя русской лит-ры Надежды Ивановны Ляпушкиной. В 1981 закончила ср. школу № 525 и поступила на отд. русского яз. и лит-ры филологич. фак-та ЛГУ. Закончила ун-т в 1986 и была принята на каф. истории русской лит-ры в должности ст. лаборанта и преподавателя-почасовика. Работает на каф. по наст. вр., с 1994 — в должности доцента. В 1993 защитила дис. **«Русская идиллия XIX в. и роман И. А. Гончарова "Обломов"»** на соискание ученой степени канд. филол. наук, котю стала основой монографии Л. с тем же назв. (1990).

Историко-лит. исследования Л. ориентированы прежде всего на обнаружение неявных смыслов классич. произведений. Необходимость герменевтич. прочтения закономерно привела Л. к теоретич. штудиям по лит. герменевтики. Две посл. кн. Л. (**«Введение в лит. герменевтику»** и **«Герменевтические практики (Островский. Тургенев. Достоевский)»** — обе 2009) естественно сочетают в себе теоретич. и историколит. начала.

Л. читает осн. лекц. курсы на филфаке «История русской лит-ры второй пол. XIX в.», «Теория лит-ры. Герменевтика». Является создателем электронного ресурса «Анализ худож. произведения: Практикум по теории лит-ры. Герменевтика».

Л. работает над проектами кафедры, получившими поддержку в рамках федеральной целевой программы Мин-ва образования и науки РФ «Научные и научно-пед. кадры инновационной России» («Исследование актуал. проблем теории и истории лит-ры в контексте совр. гуманитарного знания» — АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», 2009–10; «Разработка теории повествовательных моделей и нарративных структур: фундаментальные проблемы совр. нарратологии» — Тематич. план НИР СПбГУ, 2009–13; «Исследование спорных вопросов совр. герменевтики: Теория и практика» — НИР из средств СПбГУ, 2011–13; «Научно-метод. разработка обеспечения образовательных программ по теории лит-ры (композиция и герменевтика)» — НИР из средств СПбГУ, 2010–13.

Соч.: Идиллич. мотивы в русской лирике нач. XIX в. и роман И. А. Гончарова «Обломов» // От Пушкина до Белого. СПб., 1992; Миф в худож. структуре романа И. А. Гончарова «Обломов» // Имя — сюжет — миф. СПб., 1995; Комедия А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся»: Поэтика финала // Концепция и смысл. СПб., 1996; Русская идиллия XIX в. и роман И. А. Гончарова «Обломов». СПб., 1996; Афоризм в худож. структуре романа И. С. Тургенева «Рудин» // Русская лит-ра. 2003. № 3; Введение в лит. герменевтику. СПб., 2009; Герменевтические практики (Островский. Тургенев. Достоевский). СПб., 2009; «Что могут означать такие выходки?» Поэтика эпатажа в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Homo universitatis: Сб. памяти А. Б. Муратова / Под ред. А. Карпова. СПб., 2009; Сюжет в «Сюжете» Татьяны Толстой // Событие и событийность / Сб. статей под ред. В. Марковича и В. Шмида. М., 2010.

Лит.: Филологический фак-т СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. СПб., 2008.

Е. Григорьева

ЛЯХОВИ́ЦКАЯ (Файбусович) Генриетта Львовна [28.4.1938, Л-д] — поэт, детский писатель.

«Автобиография»: «Моя мама родилась ещё "в том Петербурге" в 1908 году, когда в царской России существовала черта оседлости, внутри кот. только и разрешалось жить людям, исповедовавшим иудейство. Ограничение в правах распространялось именно на религию, а не на национальность. Если иудей крестился, то мог жить, где угодно. В столице, конечно же, иудеям жить не полагалось. Однако если кто-то из них был богатым купцом или владел необходимой городу профессией, то получал вид на жительство даже в столичном

Санкт-Петербурге. Отец моей мамы был типографским мастером-печатником, поэтому безбедно жил на Покровке с красивой женой в многокомнатной отдельной квартире, имел пятерых детей и прислугу. Дети учились в гимназии и были, кроме религии, русскими по духу, по языку, по культуре. После революции они из иудеев превратились в евреев. Мама познакомилась с моим отцом в Университете, в здании 12-ти Коллегий на Васильевском острове. Они учились на юридическом отделении. Отец, тоже еврей, считался "самой светлой головой" на курсе. Когда я по телевизору услышала, как главный либерал Жириновский объяснял свою национальность: "Мама русская, а отец юрист", то рассмеялась и сразу же заявила: "А у меня оба родителя юристы!" Итак, я — русская еврейка, или, если угодно, "юристка", но в наше время называлась "инвалидом пятой группы", так как злокачественный для евреев в СССР пункт о национальности числился в анкетах пятым.

Родилась я в известном роддоме — в "Снегирёвке", и жили мы на углу улицы Жуковского и Лиговки, то есть Лиговского проспекта, против Греческой церкви, на месте которой теперь БКЗ — Большой Концертный зал "Октябрьский"».

Во время блокады Л-да оказалась в эвакуации на Урале. Отец воевал на фронте. В 1945 вернулись Л-д. «Брат мамы, главврач психиатрической больницы на Пряжке, поселил маму с двумя детьми на пару дней в своём рабочем кабинете. Наше жилище на Жуковской было недоступно из-за толстого слоя осыпавшейся штукатурки вперемешку с битым стеклом. Мама с подругой выносили всё это в детской железной ванночке с двумя ручками, десятки раз возвращаясь на высокий четвёртый этаж» (Там же).

Через некот. вр. отца — военного юриста — назначили в Таврический воен. округ, и семья уехала в Крым. В школу пошла в Севастополе. Позже отца перевели на Южный Сахалин, затем в Ворошилов-Уссурийский (нынешний Уссурийск). В 1954 семья вернулась в Л-д, снимали комнату в пригородном Ольгино. Закончила школу с серебряной медалью, поступила в ЛПИ на энергомашиностроительный фак-т в группу судовых дизелистов (законч. в 1961, по оконч. работала в НИИ и КБ до 1972).

Стихи начала писать поздно. По собств. признанию, для родившегося сына (1969). Стихи нравились малышу и детям друзей. Спустя некот. вр. начала посещать занятия в Доме писателей у В. Бакинского, здесь познакомилась с С. Довлатовым.

Печ. в периодич. изд., в т. ч. в ж. «Нева», «Дружба», «Колобок», «Весёлые картинки» и др., в альм. и сб. в России и за рубежом. Ряд стихов переведен на иностранные яз.

К своему 55-летию из сотен стихов Л. отобрала неск. десятков и выпустила книжечку **«Увидеть рассвет»**.

Член СП России. Член секции «Лит-ра для детей» под рук. Н. Слепаковой. Член Лит. клуба «Зубрёнок».

В наст. вр. живет в Берлине.

Соч.: Здравствуй, дом. Л., 1987; Чудесята. СПб., 2000; Проба пера. Берлин, 2002; Лики любви. СПб., 2007; Генер. Модель мироздания. СПб., 2008; Талисман запоздалый. СПб., 2010.

Лит.: Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник. СПб., 2013.

ЛЯ́ЦКИЙ Евгений Александрович [3(15).3.1868, Минск — 7.7.1942, Прага] — историк лит-ры, критик, этнограф, фольклорист, прозаик.

Родился в семье дворянина-землевладельца, дальний родственник по-

эта Л. Мея. С 16 лет, будучи еще гимназистом, увлекся изучением народного тв-ва и самостоятельно ездил в фольклорные экспедиц. В 1889–93 учился на словесном отд. историко-филологического фак-та Моск. ун-та. После окончания учения был оставлен при ун-те по предложению фольклориста проф. В. Миллера. С 1893 до кон. 1890-х жил в М. и занимался преподавательской деятельностью. Пост. ездил в экспедиции в Полесье, Приволжье, на русский Север для сбора фольклора и этнографич. матлов. Публ. ст. по проблемам этнографии в ж. «Этнографическое обозрение».

В кон. 1890-х переехал в СПб., служил сначала в Ин-те антропологии и этнографии, затем старшим этнографом, зав. отделом во вновь организованном этнографическом отд. Русского музея. Проработал там до 1907, дослужился до чина статского советника.

Л.-литературовед принадлежал к культурно-историч. школе, был другом и соратником акад. А. Пыпина. Гл. предметы его науч. исследований 1890–1910-х — фольклор, лит-ра XVIII в., тв-во Гоголя, Белинского, Гончарова, Чернышевского, Л. Толстого. После смерти Пыпина Л. женился на его дочери, получил возможность пользоваться архивом Пыпина и, в частности, издать хранившиеся там мат-лы архива Н. Чернышевского. В 1900–10-е опубл. в виде серии ст. свое фундаментальное историко-биогр. исследование

о Чернышевском (осн. статьи опубл. в ж. «Совр. мир», «Современник», «Познание России»). Значительный науч. вклад внес в изучение тв-ва И. Гончарова. Итог его исследований — кн. **«И. А. Гончаров: Критико-биографич. очерки»** (1904).

Выступал с критич. статьями в ж. либерального направления («Образование», «Совр. мир», «Ж. для всех» и др.). С 1902 — пост. сотрудник, атем зав. лит. отделом и ведущий критик ж. «Вестник Европы». Позиция Л.-критика отличалась эстетич. консерватизмом и ориентацией на русскую реалистич. лит-ру XIX в. как на непревзойденный образец. Подобные взгляды обусловили недооценку Л. тв-ва А. Чехова и его первоначально негативное отношение к русскому модернизму. В февр. 1912 — июле 1913. был редактором ж. «Современник». Привлек к руководству худож. отделом ж. М. Горького и придал своеобразие критич. отделу ж., пригласив к сотрудничеству крупнейших историков лит-ры.

Значительна деятельность Л.-издателя. В 1909 основал в СПб. акционерное изд-во «Огни», где публ. худож., науч.-популярные и детские книги.

В кон. 1917 покинул Россию и уехал в Финляндию. В 1918–19 редактировал газ. русской колонии в Финляндии «Сев. жизнь», где опубл. ряд ст. антибольшевистской направленности. Затем переехал в Стокгольм, где организовал и возглавил изд-во «Сев. огни» (1920–21), издававшее русскую классич. лит-ру. С 1922 поселился в Праге, где занимал кафедру русского яз. и лит-ры в Карловом ун-те, преподавал в Свободном Русском ун-те.

Пражский период стал расцветом пед. деятельности Л., кот. пользовался большим авторитетом, как среди чешских ученых, так и в кругах русской эмигрантской интеллигенции. В 1925 опубл. роман **«Тундра»**, где нелицеприятно рассказал о нравах и настроениях русской эмиграции в Чехословакии. Кроме преподавания, Л. в 1923–26 организовал изд-во «Пламя» и руководил им, сотрудничал в газ. «Воля России», ж. «Новая русская книга», «Русский архив» и др. Признание науч. заслуг и большой педагогич. роли Л. в деле воспитания молодежи нашло отражение в избрании его почетным доктором Белградского ун-та, почетным членом Союза русских писателей и журналистов в Праге, предс. Комитета по улучшению быта русских писателей в Чехословакии и т. д. В посл. годы жизни Л. много сделал для популяризации русской лит-ры в славянских странах.

Соч.: В звездную ночь // Вестник Европы. 1905. № 6; Чуть брезжил рассвет... // Нива. 1907. № 13–16; Роман и жизнь. Развитие творч. личности И. А. Гончарова. Жизнь и быт. 1812–57. Прага, 1925; История русского яз. Прага, 1928.

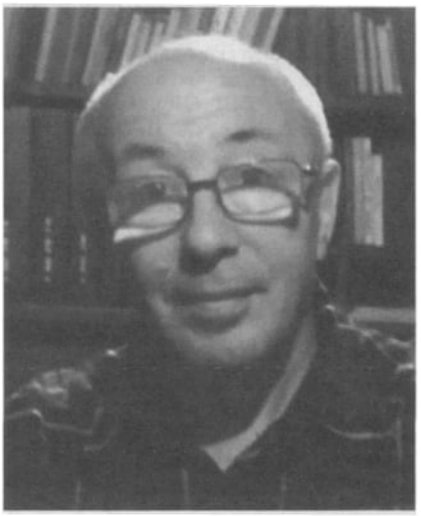
Лит.: Андреев Н. Е. А. Ляцкий: К его семидесятилетию // Русская школа. Прага, 1938. № 2 (10); Муратова К. М. Горький на Капри. 1911–13. Л., 1971; Белый А. Письма к Ляцкому / Вст. статья и публ. А. Лаврова // Ежегодник РО Пушкинского Дома. 1978. Л., 1980; М. Горький. Переписка с Ляцким / Вст. ст. С. Заики; публ. и комм. И. Дистлер // ЛН. М., 1988. Т. 95; Ревякина А. Е. А. Ляцкий // Лит. энциклопедия Русского зарубежья: 1918–40. Писатели Русского зарубежья. М., 1997; Булгаков В. Ф., Виппер Р. Ю., Кизеветтер А. А., Лосский Н. О., Мякотин В. А., Набоков К. Д., Соловьев А. В., Флоровский А. В., Шмурло Е. Ф. Письма к Ляцкому // Археографич. ежегодник за 1999 г. М., 2000.

А. Грачева

М

МА́ГИД Сергей Яковлевич [20.6. 1947, Л-д] — поэт.

Отец и мать были сов. людьми, по убеждениям строителями гуманистич. коммунизма. Отец — арбитр в лен. Госарбитраже, мать — помощник районного прокурора по уголовным делам.



Прозу начал писать в дошкольном возрасте, стихи — лишь в возрасте 16 лет (1963) и сначала большого значения им не придавал, считая себя прозаиком. В 1963 начал вести дневник; затем это увлечение превратилось в ежедневную обязанность.

В ранних стихах подражал блатной лирике, городскому романсу и А. Блоку, затем Н. Гумилеву.

В 1965 окончил одиннадцатилетнюю школу. В том же году был принят на веч. английское отд. филологич. фак-та ЛГУ им. А. Жданова.

В 1965–66 начал читать Л. Шестова и Н. Бердяева. Огромное впечатление на М. произвели «Афоризмы житейской мудрости» А. Шопенгауэра и поэтич. философия Ф. Ницше. В то же вр. впервые познакомился со взглядами на смерть и историю Хайдеггера, Ясперса, Сартра, Камю и Ортеги-и-Гассета.

В 1966 по собств. инициативе ушел из ЛГУ и был призван в армию (1966–69). В этот период впервые всерьез столкнулся с партийной идеологией и тоталитарной властью. Был поставлен перед офицерским собранием, где ему были предъявлены обвинения в распространении антисов. пропаганды, вербовке военнослужащих для создания антисов. организации, систематическом прослушивании враждебных радиостанций и попытке шпионской деятельности в пользу капиталистич. Запада. В результате расследования был официально (офицерским собранием) объявлен «врагом народа» (1967). Позже офицерское собрание все же пришло к выводу о том, что М. не столько враг народа, сколько «запутавшийся интеллигент». Был отправлен на гарнизонную гауптвахту в одиночную камеру. После отбытия заключения был разжалован, снят с должности начальника радиостанции и отправлен работать свинарем, а затем пожарником.

В 1969 вернулся в Л-д убежденным противником КПСС (но не сов. власти, кот. тогда считал властью «нас всех», в т. ч. и своей).

В 1970 заново поступил на веч. английское отд. филфака ЛГУ.

В нояб. 1972 сорвал «коммунистический» (красный) флаг в дни празднования годовщины Октябрьской революции, был арестован, снова попал в одиночную камеру, а затем исключен из ЛГУ за «поведение, недостойное морального облика советского студента». Однако по рекомендации секретаря парткома филфака ЛГУ, осмелившегося выступить против прямой директивы КГБ, в 1973 был восстановлен и окончил ЛГУ в 1976, защитив дипломную работу по тв-ву Т. С. Элиота (**«Бесплодная земля: истоки, метод, текст»**). Был рекомендован к поступлению в аспирантуру ЛГИТМиК. Вступ. экзамены сдал успешно (1976), но в аспирантуру принят не был (по словам науч. секретаря ЛГИТМиК, ректор ин-та сказал: «Наш институт создан не для того, чтобы готовить кадры для Израиля»).

С этого момента начинаются бесконечные поиски работы. В отделах кадров Л-да никто не скрывает, что поступление на работу в данное учреждение невозможно из-за «неподходящей национальности» кандидата. 1976–87 для М. это годы непрекращающихся столкновений изгоя и отщепенца с гос. системой апартеида и сегрегации, что не могло не отразиться в тв-ве. Апогеем размышлений на эту тему явилась поэма **«2005-й год»** (название отсылает к поэме Б. Пастернака «Девятьсот пятый год»), напис. в 1987, тогда же опубл. в рижском самиздатском ж. «Третья модернизация» и до сих пор официально не изд.

В 1976–90 работал преподавателем-почасовиком (английского яз.) в технич. вузах Л-да, переводчиком в отделах технич. информации, библиотекарем, лаборантом, техником, киномехаником, землекопом, плотником в мастерских Эрмитажа, сторожем, фотонаборщиком в типографии «Печатный Двор».

В большей или меньшей степени сознательно учился писать у Е. Баратынского, О. Мандельштама, Б. Пастернака, П. Целана, Р.-М. Рильке, Ф. Гёльдерлина, затем, короткое время, у Л. Аронзона, однако решающее воздействие на поэтику М. оказали такие поэты, как Эрнест Хемингуэй и Чарльз Буковский.

В дек. 1981 стал участником лен. неофиц. творческого объединения «Клуб–81». Несмотря на организац. недостатки и тоталитарные клише, Клуб сыграл исключительную роль в существовании М. как относительно свободная для диалога и дискуссии, а следовательно, плодотворная для мысли и тв-ва территория России. В Клубе участвовал в работе поэтич. и переводч. секций, короткое время был ред. ж-ла совр. переводов «Предлог».

Перв. «официальная» публикация — 6 стих. в сб. авторов Клуба–81 «Круг» (1985), т. е. после 15 лет актив. поэтич. работы. Стихи в сб. проходили цензуру Ю. Андреева, куратора Клуба от ССП. Лучшие стихи из кн. **«ниже уровня воздуха»**, цензор не пропустил.

В 1986–90 входил в Координационный совет демократ. движения «За Народный фронт», явившегося прообразом будущего Лен. Народного фронта; работал в теоретич. группе, был одним из авторов устава движения и его программы, неск. полит. меморандумов и, в конечном счете, одного из проектов будущей демократич. конституции свободной России; в это же вр. был одним из редакторов и авторов политико-обществ. самиздатского ж. «Демократия и мы».

В 1990 уехал из СССР.

Проза и поэзия переведены на чешский, сербскохорватский и английский яз. и печ. в Праге, Любляне, Белграде, в Израиле и США.

В 2010 кн. стихов **«В долине Элах»** вошла в short-list премии А. Белого, в 2011 в short-list Волошинской премии. В янв. 2011 получил премию русского культурного об-ва в Чешской республике «Русская традиция» и пражского русского ж. «Русское слово» за лучшее русское эссе 2010, напис. в Чехии.

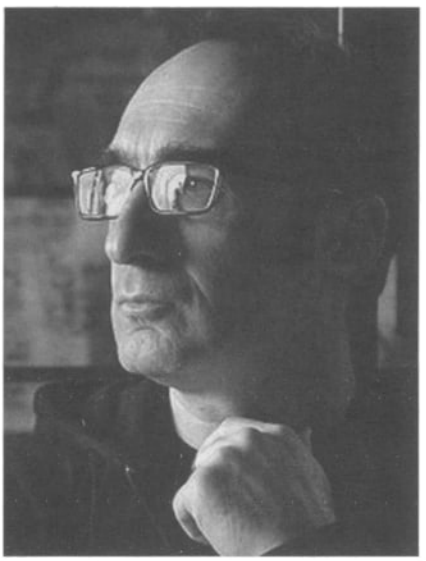
Живет в Праге.

Соч.: Мехмед и Борхес: Рассказ // Зеркало. Тель-Авив, 1999. № 11–12; Текущая информация: Повесть // Нева. СПб., 2002. № 3; Зона служенья: Стих. 1970–2000. М., 2003; [Стихотворения] // Освобожденный Улисс. Совр. русская поэзия за пределами России. Антология / Сост. Д. Кузьмин. М., 2004; Д. И. Чижевский в «украинской» Праге в 1924–32 гг. // Россика. Науч. исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2007; В долине Элах: Поэтич. тексты. М., 2010; [Стихотворения] // Русские стихи. 1950–2000: Антология. В 2 т. М., 2010; За гранью этого пейзажа. Дневники 1997–2001 гг. М., 2011; Angulus / Opticus. Третья книга стих. М., 2012; země nikoho // Собрание сочинений. Антология поэтов СПб. Т. 4. СПб., 2013; Первая сотница: Кн. катренов. М., 2013.

Лит.: Стратановский С. Одинокий голос человека // Зона служенья. М., 2003; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Е. К. Бабочка с лицом Иеремии // В долине Элах. М., 2010; Елисеев Н. Айда, Магид... // Эксперт Северо-Запад. 2010. № 37 (483); Давыдов Д. Книжная полка Данилы Давыдова // Новый мир. 2010. № 9; Львовский С. Нынешняя русская поэзия ищет сближения... // http://www.openspace.ru; Риц Е. Обстоятельства жизни// http://booknik.ru.

К.

МА́ЗИН Виктор Аронович [20.12.1958, Мурманск] — переводчик, худож. критик, философ.



Детство и юность провел в Смоленске. Закончил естественнонаучный фак-т Смоленского гос. пед. ин-та им. К. Маркса по специальности «география и биология» (1981). Играл в рок-группах и джазовых составах Смоленска.

С 1979 часто приезжал в Л-д, учился в аспирантуре ЛГПИ им. А. Герцена. В 1985 поселился в Л-де. Познакомился с А. Драгомощенко, Б. Останиным, А. Каном. Посещал «Клуб–81». В кач-ве переводчика сотрудничал в ж. «Часы» (перевод глав из романа У. Эко «Имя розы»), «Предлог», «Митин ж.», печ. в ж. «Родник». В 1989 познакомился с искусствоведом О. Туркиной, кот. стала его женой. Вместе с ней осуществил ряд концепт. худож. проектов в выставочных залах и музеях СПб., М., Хельсинки, Ганновера, Амстердама, Балтимора. Как куратор и худож. критик сотрудничает с Т. Новиковым, Африкой (С. Бугаевым), Е. Юфитом.

Закончил Восточно-Европейский ин-т психоанализа (СПб.) по специальности «психология» (1999). Неск. лет работал учителем в сельской школе. Защитил канд. дис. по теме **«Субъект Фрейда и Деррида»** (кафедра философской антропологии СПбГУ, 2003). С 1998 преподаватель, с 2003 — зав. кафедрой теоретич. психоанализа Восточноевропейского ин-та психоанализа. Преподавал в Международном ин-те глубинной психологии (Киев), Смольном ин-те свободных искусств и наук (СПбГУ), Institut d'hautes etudes en psychanalyse (Paris) и др.

Один из основателей и редактор ж. «Кабинет» (1991–97), гл. редактор альм. «Кабинет: Картины Мира» (с 1998).

С 1993 М. занимается теорией классич. психоанализа и психоаналитич. интерпретации. Организует семинары и конф., преподает в Гос. еврейской академии им. Маймонида и Восточноевропейском ин-те психоанализа. Соредактор ж. «Acta Psychiatrica». Основатель и директор Музея сновидений З. Фрейда (СПб., 1999). Член ред. совета ж. «Психоаналіз» (Киев), Journal for Lacanian Studies (London), Journal of European Psychoanalysis (Rome); член ред. совета ж. Transmission (Sheffield, England. Науч. ред. СС З. Фрейда в 26 т. (Изд-во ВЕИП); ред. серии кн. «Лакановские тетради» (Изд-во «Алетейя»).

Выступает с лекциями по теории визуальной культуры в России и за границей. Автор публикаций по теории визуальной культуры, психоанализу и худож. критике. Ст. М. публ. на английском, французском, японском, итальянском, испанском, словенском, немецком, финском, шведском, голландском яз. Переводил с английского и французского сочинения Ф. Гваттари, Ж. Ф. Лио-

тара, С. Жижека, Р. Салецл и др.

Стипендиат ЮНЕСКО (Международный Центр писателей и переводчиков «Трех морей», о. Родос, Греция; 1999). Награждался почетными грамотами и дипломами Комитета по культуре администрации СПб. и Нац. федерации психоанализа.

Соч.: Написание грусти Баби // Митин ж. 1989. № 30; Сними красную шапочку // Митин ж. 1990. № 33; Письмо из Линца // Митин ж. 1994. № 52; Эволюция образа. СПб., 1996 (совм. с О. Туркиной и С. Бугаевым); Der Masochismus, benannt nach le nom du pere // Phantom der Lust. Visionen des Masochismus. Hg. Peter Weibel. Graz: Neue Galerie Graz am Landesmuseum Joanneum. Band I, 2003; Specters of Freud // Journal of European Psychoanalysis, Number 19, 2004; On the Status of Psychoanalysis in Russia: Interview // Journal for Lacanian Studies. Vol. 2, Nr. 1. NY., L., 2004; Techno-being // Internationalizing cultural studies: an anthology / Ed. by Ackbar Abbas and John Nguyet Erni. Blackwell Publ., 2005.

Переводы: Ормсби А. Сущность метафоры // Предлог. 1986/87. № 11; Силлиман Р. Китайская записная книжка // Митин ж. 1997. № 55; Разговоры с Кейджем // Лабиринт/Эксцентр. 1991. № 3; Techniques for Masturbating. The impossible Sexual Relationship as Prescribed by Gaspar Noe's Fi|m We Fuck Alone // European Journal of Psychoanalysis. Rome, 2010; The meaning of money: Russia, the Ruble, the Dollar and Psychoanalysis // Loaded Subjects: Psychoanalysis, Money and The Global Financial Crisis. Edited by D. Bennett. L., 2012; Die Maschine Mensch oder La Mettries Animatrix // Maschinentheorien / Theoriemaschinen. Herausgegeben von Hans-Christian von H. und W. Velminski. Frankfurt am Mein, Berlin, Bern, Bruxelles, NY., Oxford, Wien: Peter Lang, 2012.

Лит.: 100 имен в совр. искусстве СПб. / Под общ. ред. Е. Коловской. СПб., 1997; Фоменко А. Музей Фрейда как худож. акция // Мир дизайна. 1999. № 4; Деготь Е. Музей снов // Коммерсант. 1999. 4 нояб.; Jean-Pierre Thibadat «Un sanctuaire a Saint-Petersbourg» // Liberation. 2000. 3 april; Неофиц. столица: Лит-ра, театр, изобразительное иск-во, проекты, медиа / Ред-сост. А. Хлобыстин. СПб., 2000; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Титаренко О. Граф Мазін // Art Ukraine. 2010. Липень-серпень. 4 (17); Смулянский А. Психоз и истина. Виктор Мазин. Паранойя // Синий диван. 2010. № 15; Шапкина Н. О книге В. Мазина «Введение в Лакана» // Лаканалия. 2010. № 3; Шапкина Н. Лекции В. Мазина «Лакан и изобразительное искусство» в Школе Кураторов // Лаканалия. 2010. № 4; Погодина Л. Виктор Мазин: Человеческого субъекта нет, есть лишь агенты влияния // Большой. Минск, 2011. Март; Алюков М. Бесконечное вопрошание: О кн. В. Мазина «Зигмунд Фрейд. Психоаналит. революция» // Expert Online. 2012. 21 июн.

МАЗУРКЕ́ВИЧ Владимир Александрович [30.9(12.10).1871, СПб. — 19.2(?).1942, Л-д] — поэт, прозаик, драматург.

Сын врача, потомственного дворянина. Окончил юридич. фак-т СПб. ун-та (1897), служил помощником присяжного поверенного. Одновременно с юридич. работой выступал как актёр в театре Л. Яворской и на др. сценах.

Начал публ. под псевд. с 1885 (публикации не выявлены). Впервые под своим именем выступил со стих. **«Заброшенная лира»** (ж. «Родина», 1887). С этого вр. помещал лирич. стих. в ж. «Нива», «Стрекоза», «Живописное обозрение», «Петерб. жизнь», «Вестник Европы», «Наблюдатель», «Вестник иностранной литры» и др. Писал для юмористич. изд. («Шут», «Осколки» и др.). В 1911–12 был ред. ж. «Кинематографический театр». В 1900 выпустил перв. кн. **«Стихотворения»** (СПб.), за ней последовало еще множество, преимущественно детских. «Взрослых» кн. М. выпустил немного: среди них **«Монологи и поэмы»** (СПб., 1903) и **«Старые боги»** (СПб., 1913). В 1917 М. подготовил к печ. 4-ю кн. стих. и переводов, но выход их в «Петрокоммуне» был уже невозможен.

Наряду с оригинальными стих. М. печ. в тех же кн. и переводные, отдавая предпочтение не самым изв. авторам и проявив себя как незаурядный мастер труднейшего жанра — поэтич. миниатюры. Много переводил из Шандора Петефи, Поля Верлена, Франсуа Коппэ, У. Шекспира («Сонеты», «Страстный пилигрим»), Д. Г. Байрона (для изд. под ред. С. Венгерова), перевёл драм. поэму венгерского поэта И. Мадача «Трагедия человечества» («Всемирный вестник», 1904).

Стих. М., выделявшиеся лёгкостью и изяществом формы, были собраны в двух кн. (СПб., 1894 и 1904). Отдельно были изд. пять сб. мелких рассказов и сб. театр. пьес (1901). Многие стих. М. стали изв. романсами, напр., написанное не позднее 1900 и впервые положенное на муз. в 1905 **«Письмо»** («Дышала ночь восторгом сладострастья...»), что в свое время немало навредило репутации М. как серьезного поэта. Однако его стихи, превратившиеся в городской романс, не забыты до сих пор. Одно только стих. «Дышала ночь восторгом сладострастья...» (часто называемое по перв. строке) было неоднократно положено на муз. (муз. С. (или М.) Штеймана, А. Таскина, В. Алоиза и Д. Сартинского-Бея — посл. в 1906) и известно под различными назв. («Письмо (монолог)», «Уголок», «Дышала ночь...»), вероятно, потому что небольшие изменения были внесены исполнителями. Романс входил в репертуар знаменитой Вари Паниной. На романс М. создан ответ — «Я все забыл, мечтая у окна» (муз. О. Дебове, слова К. Сурина).

М.: «Не дари лучезарной улыбкой, / Не дари меня взглядом твоим; / Ведь могу я подумать ошибкой, / Что и в правду тобой я любим. // Но к чему же, к чему лицемерить? / Не буди не закрывшихся ран: / Ведь ты знаешь, как хочется верить / В льстящий сердцу и чувствам обман. // Так шути же со мной осторожно: / С пылким сердцем опасно шутить. / Полюбить так легко, так возможно, / Но так трудно, так трудно забыть» (**«В память**: Экспромт». 13 нояб. 1893).

После Октябрьской революции — член коллегии драматургов при политотделе 7-й армии, занимался пропагандистской драматургией. Автор пьес **«Мужчина и женщина»** (1912), **«Наполеон после Бородина»** (1912), **«Фальшивая нота»** (1913), **«Что любят женщины»** (1913), **«Спартак»** (1920). В 1930-е выпускал сб. стихов для детей **«Улита едет»** (1925), **«Ковёр-самолёт»** (1926), **«Басни Крылова в лицах»**. Печ. стихи и рассказы для детей в газ. и ж. под различными псевд., в т. ч. Мазур.

Писал воспоминания. В частности, о Есенине — 13 июн. 1924 вместе с С. Есениным, А. Толстым, В. Пястом и др. принимал участие в устроенной СП творч. и экскурсионной поездке на теплоходе в Петергоф (об этом см.: Красная газ. 1924. 15 июл.).

Архив М. не выявлен (отд. части его представлены в Театр. архиве). Возможно, рукописи погибли в блокадном Л-де, где М. умер от голода зимой 1942.

Соч.: Стихотворения. СПб., 1900; Мазки и брызги. СПб., 1900; Для съезда: Сб. пьес. СПб., 1901; Море смеха: Рассказы, сцены и др. 2-е изд. СПб., 1909; Житейские колючки. СПб., 1912; Старые боги: Третья кн. стих. СПб., 1913 и др.

Лит.: Энц. словарь Брокгауза и Ефрона. М., 1890–1907. Т. 86; Новый энц. словарь: В 48 т / Под ред. К. Арсеньева. М., 1911–16; Энц. словарь: В 58 т. М., 1910–48; Масанов И. Словарь псевд. русских писателей, ученых и общ. деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957; Антология русского романса. Серебряный век / Сост., предисл. и комм. В. Калугина. М., 2005; Тени минувшего: Старинные романсы. Для голоса и гитары / Сост. А. Павлинов, Т. Орлова. СПб., 2007.

МА́ЙЗЕЛЬ Ася Львовна [22.1.1927; Слуцк, Минской обл. — 1.2.2013, Пушкин] — поэт, прозаик.

В 1945 поступила и в 1950 окончила филологич. фак-т ЛГУ по специальности «русская филология». Работала учителем русского яз. и литры в общеобразовательных школах Л-да (в т. ч. была школьной учительницей Б. Гребенщикова).

Пис. стихи, рассказы. «Как литератор я принадлежала и принадлежу к той Вселенной, где центром был Давид Яковлевич Дар. Давид Яковлевич Дар вызывал во мне благоговейное чувство. Основной чертой его личности, по моему мнению, являлось абсолютное неумение врать. Это

же он воспитывал и в своих учениках — умение добыть свою сущность, свою неповторимость творца, художника. Давид Яковлевич себя называл Сивиллой над колыбелью. И для меня он был Сивиллой над колыбелью. Без него я до сих пор искала бы рифму, завязла бы в этом болоте». Говоря о влиянии Дара на формирование ее творч. личности, она пишет: «С Давидом Даром я познакомилась в мае 1968 года на вечере поэтов "Нарвы", где, подойдя ко мне, Давид Яковлевич сказал: "Я хотел бы почитать всё, что вы пишете". Пользуясь приглашением (без предварительного звонка), 8 лет спустя, 3 января 1976 года я пришла к Дару. Спустя время Давид Яковлевич показал и дал мне почитать сборник "Живое зеркало", составителем и редактором кот. был Константин Кузьминский. Я почувствовала уважение и восхищение человеком, кот. имел мужество составить этот сборник и ум назвать его "Живое зеркало"».

Позднее М. довелось встречаться с К. Кузьминским: «В августе 1991 года состоялась наша с ККК встреча на Брайтон Бич в доме, кот. ККК называл "подвал". Встреча длилась всего лишь час, но ККК стал писать мне. Письма ККК были мной изданы в 2003 году (всего 42 письма). Письма были очень интересны. Читающий их поражается объёму личности ККК. Сколько голосов!.. <...>. Я постаралась проанализировать и вычленить черты такой выдающейся личности, как ККК <...>. Несмотря на моё глубочайшее уважение к уму и сердцу ККК, было в письмах то, с чем я согласиться не могла: пренебрежительное отношение к собратьям по перу (Я. Гордину, М. Яснову, Е. Шварц, Б. Лихтенфельду, А. Ахматовой и прочим), что я объясняю детской запальчивостью, взрывчатостью ККК. Но обратная сторона этого — детская доверчивость, это тот ребёнок, который сидит в художнике, и отсюда главная интонация писем ККК — расположенность к адресату. Анализ, исследование — не стезя ККК, его стезя — инсайт». Выступила в качестве сост. и изд. сб. стих. К. Кузьминского — «На Галерной» (56 стих. К. Кузьминского; СПб.: Изд. БЭ-ТА, 1999), «Краплёная колода» (СПб.: Изд. БЭ-ТА, 2000), «По обе стороны океана» (совм. с Е. Скалецким; СПб.: Изд. БЭ-ТА и Петербург. XXI в., 2009). Посл. сб. посвящён памяти Б. Тайгина, хранителя тв-ва мн. шестидесятников XX ст.

У Д. Дара М. познакомилась с поэтом В. Филипповым. В 1984, когда Филиппов вышел из тюремной больницы на Арсенальной, М. начала собирать его стихи, а позднее издала их — «Стихотворения Вас. Филиппова / Сост. А. Майзель, ред. Г. Зяблова. СПб., 2000». Сб. получил премию Андрея Белого (2001). Об этом сб. А. Урицкий писал: «Сборник стихов Василия Филиппова — это летопись его жизни, стих естественный, как дыхание». По словам В. Кривулина, «трагичность судьбы (всё, что написано Василием, создано или в психушке, или в краткие периоды жизни на воле) перекликается с трагизмом судеб в России, делая его стихи общезначимыми». По мнению Кривулина, не будет ничего удивительного, если через 100 лет от всей так называемой «второй культуры» останется только это имя. Заключает кн. **«Рассказ о Василии Филиппове»** М.

В 2005 совм. с В. Лапенковым М. подготовила к изд. книгу памяти Д. Дару — «Дар» (СПб.: Петербург. XXI в., 2005). Кн. состоит из трех разделов: оригинальные произведения Дара, письма Дара (в т. ч. 21 письмо к М.), эссе К. Кузьминского «Дар: Попытка портрета». Кн. «Дар» завершается разделом «Приложение», куда входят зарисовки, воспоминания и размышления о личности Дара, в т. ч. повесть М. **«Женщина и художник»**.

Соч.: Дневник: Стихи. СПб., 1994; Следы: Пятьдесят стих. СПб., 1999; Стихотворения Вас. Филиппова / Сост. А. Майзель. СПб., 2000; Горсть: Рассказы, главы дневника. СПб., 2001; Кузьминский К. Не столько о поэтике, сколько — об этике: Кн. писем / Сост. А. Майзель. СПб., 2003; Дар / Сост. А. Майзель, В. Лапенков. СПб., 2005; Откровение. СПб., 2011.

А. Самойлов

МАКА́РОВА (дев. фамилия Наумова, использ. как псевд.) Дина Николаевна [17.10.1939, Л-д] — прозаик.

Родилась в семье рабочих. В 1947 поступила в среднюю школу. С ранних лет тянулась к лит. тв-ву. Иногда классные сочинения пис. стихами. В возрасте десяти лет оправила стихотворение, посвящ. Стокгольмскому воззванию, в «Пионерскую правду», и его напеч.: «Мы будем жить спокойной жизнью. Не будет нас пугать война, когда за мир, за наше счастье, поднимет голос вся страна...». В 16 лет получила за опубл. стихи перв. гонорар.

В 1955, окончив 8 классов, поступила в лен. Энергетический техникум. В 16 лет вместе со студентами ЛГУ ездила на целину, на уборку урожая. Эти впечатления еще более вдохновляли на лит. тв-во. В 17 лет напис. неск. рассказов и предложила их ж. «Нева», но перв. рассказ ж. опубл. лишь в 1967. К этому времени она раб. лаборанткой в НИИ, поступ. на заочное отд. Академии художеств, на фак-т теории и истории искусства, продолж. писать рассказы и небольшие заметки для для лен. газ. В 1969 защитила диплом на тему **«Совр. английский дизайн»**.

В 1975 в газ. «Веч. Л-д» появляется ст. М. **«Творить, а не копировать»**, вызвавшая долгую дискуссию на страницах газ. В связи с данной публ. получила работу внештатного корр. За 3 года работы в лен. газ. опубл. более 40 ст. и заметок на темы изобр. искусства, дизайна, производства товаров народного потребления и др. Изредка публ. статьи в спец. ж. — «Технич. эстетика», «Катера и яхты», «Коммерч. вестник».

Повести и рассказы печ. в сб. «Точка опоры», альм. «Молодой Л-д», «Дружба», ж. «Костёр», «Искорка». «Толстые» ж. рукописи не печ., однако рецензировали. Они заканчивались одинаково: «Перед нами творчество человека, безусловно одарённого (И. Куберский), но произведения были напис. «с натуры», в них отмечалось «мелкотемье». Неск. рецензий (целиком или в сокращении) М. приводит во вст. ст. «Рецензенты и рецензии» к сб. «Акварели». Самую тяжелую роль в судьбе М. сыграла рассылка по ред. ж. сатирич. повести **«Ботинки для директора»** (1972).

М. называет свой путь в лит-ре мученическим: со дня публикации перв. рассказа до выхода перв. книги прошло 22 года. В 1989 под псевд. Дина Наумова в «Лениздате» вышла первая кн. — **«Анкета для незамужних: Повести и рассказы»** (Л., 1989).

В июле 1990 М. учреждает первую в России частную лит. газ. «Алло!», где в теч. 4 лет публ. произведения неизв. прозаиков и поэтов из разных регионов страны. Из авторов газ. создаёт Об-во русских литераторов (ОРЛ), объединившее прозаиков, поэтов, художников-графиков с ежемесячными творч. вечерами. В 1993 сост. и ред. сб. прозы и поэзии «Автограф». В 1994 принята в СП России.

В 1997 начинает выпуск сб. совр. прозы «Оригинал», но полит. и экономич. события 1990-х препятствуют воплощению идей. Выпускает роман **«Первая любовь к третьему мужу»** (1994) и сб. прозы и статей **«Акварели»** (1997).

В 1997 начинает пис. тексты песен и муз. к ним. За 7 лет напис. более 30 песен, свыше 50 композиций, инструм. и танцевальных мелодий, спорт. маршей. В апр. 2006 в студии звукозаписи М. изд. CD под назв. «Автограф». В него входят шутливые и сатирич. песни с полит. оттенком. Оформление диска выполнено М.

Продолжает работать над автобиогр. повестью **«Музыкальная карта»**, первую часть кот. под заголовком **«Судьба? Судьба...»** опубл. ж. «Нева» (2003. № 3). Пишет фантастич. рассказ **«Жертвы электроники»**, опубл. в ж. «Изящная словесность» (2008. № 13), в кот. с горечью описывает реалии сложной жизни нач. нового века.

Соч.: Последний день практики: Рассказ // Нева. 1967. № 3; Не входить! Опасно! Повесть (под псевд. Дина Николаева) // Точка опоры: Сб. Л., 1973; Зелёные яблоки: Рассказ // Искорка. 1975. № 2; Анкета для незамужних. Ссора: Рассказы // Молодой Л-д. Л., 1975; Долгий месяц (записки молодой женщины): Рассказ // Молодой Л-д. Л., 1977; Перчатки без пальцев: Рассказ // Дружба: Сб. Л., 1979; Тридцать метров сатина: Рассказ // Точка опоры: Сб. Л., 1975; Прощание славянки: Рассказ // Тронь страницы...: Сб. Л., 1988; Анкета для незамужних: Повести и рассказы (под псевд. Дина Наумова). Л., 1989; Первая любовь к третьему мужу: Роман. СПб., 1994; Акварели: Повести, рассказы, статьи. СПб., 1997; Судьба? Судьба...: Автобиогр. повесть // Нева. 2003. № 3; Жертвы электроники: Рассказ // Изящная словесность. 2008. № 13.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

Д. Невелева

МАКО́ВСКИЙ Сергей Константинович [15(27).8.1877, СПб. — 13.5.1962, Париж] — поэт, худож. критик, искусствовед, издатель, мемуарист.

Сын изв. живописца К. Е. Маковского. После распада семьи (1893) жил с матерью Ю. П. Маковской (урожд. Летковой). В 1896 М. окончил Петерб. реальное училище Я. Гуревича, в 1900 — естественное отд. физико-математического фак-та СПб. ун-та. С детских лет был увлечен живописью, лит-рой и музыкой, с 1898 участвовал в собр. «Мира искусства». Дебютировал в печ. ст. **«В. М. Васнецов и Владимирский собор»** (Мир Божий. 1898. № 3), в последующие годы сотрудничал в ж. «Новое дело»,

«Ж. для всех», «Искусство», «Трудовой путь» и др., где помещал стих. и статьи о совр. искусстве. Проживал в СПб. по адресу: Гусев пер., д. 6.

Перв. книга М. **«Собрание стихов»** (1905), свидетельствовавшая о принадлежности автора к символист. школе, примечательна и приверженностью к поэтич. традиции «чистого искусства», холодным эстетским устремлением к красоте слов и образов, формальному совершенству. Ориентированная во многом на тв-во французских «парнасцев», поэзия М. оставалась далека от модернистского «экстремизма»: «Г. Маковский менее всего — молниеносный зигзаг, хаос, разрушение, менее всего оргиаст и пророк. <...> Нарядная и красивая, поэзия его ясна, понятна, полна возвышенного раздумья и мечтательности, прозрачной и нежной» (Евг. Ляцкий // Вестник Европы. 1907. № 7); по наблюдению А. Измайлова, М. внутри своего лит. теч. принадлежит не к «безумцам дерзновения, отважным фантазерам», а к «осторожным и сдержанным систематизаторам, удаляющим ненужные обрезки крайностей и дающим стройность необузданным порывам первых» (Биржевые ведомости. Утренний вып. 1905. № 8997. 26 авг.).

Тех же панэстетич. взглядов М. придерживался и в своих худож.-критич. выступлениях, составивших 3 кн. **«Страниц худож. критики»** (1906–13). Отрицая традиции академизма и передвижничества, он приветствовал искания западноевропейских мастеров кон. XIX в. и художников «Мира искусства», способствовавших возрождению самоценного тв-ва, движимого собственно живописными (а не идейно-описательными) задачами. Вместе с тем М. отрицательно относился и к новейшим «левым» тенденциям в искусстве — к авангардным течениям, в которых усматривал лишь «эстетическое дикарство»; свою точку зрения он сформулировал в кн. **«Силуэты русских художников»** (Прага, 1922) и **«Последние итоги живописи»** (Берлин, 1922). В 1920-е в Чехословакии под ред. М. готовился к печ. капитальный труд «Русская живопись» в 4-х т. (изд. не было осущ.). «Ретроспективизм» худож. вкусов и пристрастий М. сказывался в его чрезвычайно актив. культурно-обществ. деятельности: он — один из основателей и член ред. комитета ж. «Старые годы» (1907–17), посвящ. описанию худож. и архитектурных памятников прошлого, ред. ж. «Русская икона» (1914), в 1912 — организатор выставки «Сто лет французской живописи (1812–1912)» в СПб. (за образцовое устройство выставки награжден орденом Почетного легиона), один из учредителей Об-ва защиты памятников искусства и старины и др. начинаний.

Наиболее значительная из культурных инициатив М.— ежемесячный лит.-худож. ж. «Аполлон», выходивший под его ред. в 1909–17. Редакция располагалась в д. 24 по наб. р. Мойки, затем на Разъезжей ул., д. 26. Ставший одним из наиболее изв. и авторитетных печ. органов «нового» искусства, ж. строил свою деятельность под знаком эстетич. идеала «аполлонизма» — символа самоценного, свободного и «стройного» тв-ва, развивающего живые и плодотворные худож. традиции и решающего сугубо худож. задачи, в соответствии со строгими требованиями вкуса и «меры». М. выступал в «Аполлоне» г.о. как худож. критик; его руководство сказывалось, в частности, в том, что из года в год худож. мат-лы в ж. занимали все более господствующее место.

В 1918 М. из Крыма отбыл за границу, поселился в Праге, с 1925 — в Париже. В 1926–32 М. — один из ред. парижской газ. «Возрождение» и зав. ее лит.-худож. отделом, в последующие годы был председателем Объединения русских писателей в Париже и ред. изданных этим Объединением двух сб. «Встреча» (Париж, 1945). В 1949 — один из основателей (вместе с И. Яссен) и предс. ред. коллегии парижского изд-ва «Рифма», специализировавшегося на выпуске сб. поэтов Русского зарубежья. По свидетельству Ю. Терапиано, «в литературной жизни эмиграции, особенно в послевоенный период ее существования, Сергей Константинович играл большую роль. Он, во-первых, был „живым примером", „живой памятью" ушедших времен для послевоенного поколения новой и прежней эмиграции, хранителем журнальных традиций и обычаев, а особенно — чистоты русского языка <...> он до удивительности умел жить интересами сегодняшнего дня, не приспособлялся к современной атмосфере, а вместе с „младшими" переживал и крупные события литературной жизни и мелочи».

В эмиграции М. активно выступает как поэт: 8 сб. его стих., изд. в 1941–63, «дают право говорить о поэтич. ренессансе этого поэта <...> это его „Вечерние огни"» (Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. 2-е изд. Paris, 1984). Отличавшиеся прежним стремлением к «парнассическому» совершенству формы, логической, смысловой и стилевой строгости, стихи М. были выдержаны преимущественно в медитативно-элегической тональности; направленные к осмыслению и утверждению «божественного строя» бытия, они тяготели к передаче «исторгнутых из сердца тайнозвучий» в пластике ясных и точных словесных образов: свою творч. миссию М. формулирует в стихотворном цикле **«Ars poetica»** (1940), посвященном памяти И. Анненского: «Спеши облечь мгновенный трепет / в пылающие ризы слов, / души внимай волшебный лепет, / журчанье тайных родников. / И пусть на зов творящей муки / ответит лирная строфа, / словами вызывая звуки, / невоплотимые в слова».

В стихах М. с похвалой отмечали их традиционализм, чуждость экспериментаторским увлечениям, подчеркивали, что М. «трезвенно-мудро и с великой благодарностью принимает жизнь» (Иваск Ю. [Рец. на кн. М. «Еще страница»] // Опыты. Н.-Й., 1958. Кн. 9); в то же время констатировали и определенную ограниченность его поэтич. дарования: «...при всей его талантливости Маковскому чего-то не хватало, чтобы его стихи стали подлинной поэзией. У него был вкус, большие версификаторские способности, но над его поэтическим творчеством всегда ощущался налет риторики» (А. Бахрах).

Мемуарные и критико-аналитич. очерки, посвящ. семейным воспоминаниям, описанию встреч с изв. деятелями русской культуры, осмыслению их тв-ва, собраны в двух кн. М. — **«Портреты современников»** (Н.-Й., 1955) и **«На Парнасе „Серебряного века"»** (Мюнхен, 1962), принадлежащих к числу наиболее значительных и содержательных источ-

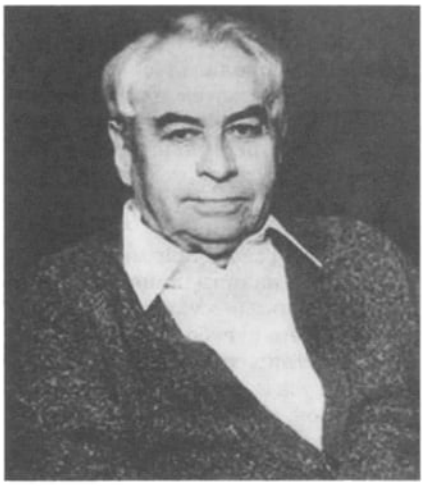
ников по истории русской лит.-худож. жизни нач. XX в.; замысел третьей мемуарной кн., в кот., в частности, должен был войти очерк **«Николай Гумилев по личным воспоминаниям»** (Новый ж. Н.-Й., 1964. Кн. 77), остался неосуществленным. Большинство очерков М. заключает в себе симбиоз собственно мемуарных зарисовок и аналитич. эссе (авторское определение: «книга личных воспоминаний и критических разборов»); создаваемые М. интеллектуальные портреты современников складываются из индивидуальных впечатлений и ретроспективных размышлений о делах и судьбах представителей «предреволюционного Парнаса».

Соч.: Страницы худож. критики: Кн. 1. СПб., 1906; 2-е изд. СПб., 1909; Кн. 2. СПб., 1909; Кн. 3. СПб., 1913; Талашкино: Изделия мастерских кн. М. Кл. Тенишевой. СПб., 1905; В. А. Серов: Очерк. Пг., 1915; Графика М. В. Добужинского. Берлин, 1922 (текст М. и Ф. Нотгафта); Народное искусство Подкарпатской Руси. Прага, 1925; Вечер: Вторая кн. стихов (1918–40). Париж, [1941]; Somnium breve: стихи. Париж, 1948; Год в усадьбе: Стихи. Париж, 1949; Круг и тень: Пятая кн. стихов. Париж, 1951; На пути земном: Шестая кн. стихов. Париж, 1953; В лесу: Седьмая кн. стихов. Мюнхен, 1956; Еще страница: Восьмая кн. стихов: <Paris>, 1957; Requiem: Девятая кн. стихов. Париж, 1963; Письма к И. Чиннову. 1953–61 // Новый ж. Н.-Й., 1989. Кн. 177; Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским / Подгот. текста Н. Богомолова и С. Гречишкина, вст. ст. Н. Богомолова, комм. Н. Богомолова и О. Кузнецовой // НЛО. 1994. № 10; Силуэты русских художников. М., 1999; Портреты современников / Сост., подгот. текста и комм. Е. Домогацкой, Ю. Симоненко. М., 2000; Максимилиан Волошин в ж. «Аполлон». Переписка с С. К. Маковским... / Публ. А. Лаврова // Ежегодник РО Пушкинского Дома на 2007–08 гг. СПб., 2010.

Лит.: Злобин В. С. К. Маковский — поэт и человек // Возрождение. Париж, 1958. № 79; Анненков Ю. Дневник моих встреч. Н.-Й., 1966. Т. 2. Переизд. М., 1991; Вейдле В. О тех, кого уже нет. Сергей Маковский // Новое русское слово. 1977. 1 мая; Анненский И. Письма к С. К. Маковскому / Публ. А. Лаврова и Р. Тименчика // Ежегодник РО Пушкинского Дома на 1976 г. Л., 1978; Шаховская З. Рассказы. Статьи. Стихи. Париж, 1978; Бахрах А. По памяти, по записям: Лит. портреты. Париж, 1980; Корецкая И. «Аполлон» // Русская лит-ра и журналистика нач. XX в. 1905–17. Буржуазно-либеральные и модернистские изд. М., 1984; Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа за полвека (1924–74). Париж-Н.-Й., 1987; Лебедева Т. Сергей Маковский. Страницы жизни и тв-ва. Воронеж, 2004.

А. Лавров

МАКОГО́НЕНКО Георгий Пантелеймонович [10.4.1912, г. Змиев Харьковской губ. — 3.10.1986, Л-д, похоронен на Комаровском кладб.] — историк лит-ры, лит. критик.



Отец, Пантелеймон Никитич М., начинал как лесничий, но потом получил некую мелкую должность в Совнаркоме Украины. Мать, Мария Яковлевна, была учительницей в школе. В 1938 была избрана в Киевский горсовет. В войну была эвакуирована в Балашов и там в 1942 умерла.

До семнадцати лет М. жил с родителями. Но после девятого класса саратовской школы покинул родителей и отправился странствовать по Волге и Уралу. В 1930 приехал в Л-д. Сменил ряд профессий: работал чернорабочим, калильщиком литейного цеха з-да «Красная заря», сотрудником заводской газ.

В 1934 поступил и в 1939 окончил русское отд. филологич. фак-та ЛГУ (с отличием). Слушал лекции Н. К. Гудзия и П. Н. Беркова. Был участником семинара Г. А. Гуковского и одним из его ближайших его учеников. С подачи Гуковского М. вскоре вошёл в дом К. И. и Л. К. Чуковских, кот. нередко консультировали его по некот. вопросам русской лит-ры XVIII–XIX вв. Уже в студенч. годы М. начал углублённое исследование узловых моментов лит. и обществ. развития России XVIII в. Его перв. работы о Радищеве, печатавшиеся в «Звезде» и в «Ученых записках Лен. ун-та», были замечены уже в кон. 1930-х. Так Гуковский, издавая в 1939 свой учебник «Русская лит-ра XVIII в.», посчитал необходимым сделать отсылку к ещё не опубл. статье М. **«Композиция "Путешествие из Петербурга в Москву" Радищева»**; вскоре эта статья по его настоянию была включена в рукопись сб. ИРЛИ АН СССР «XVIII век». В числе ранних работ М. была и статья **«Пушкин и Радищев»** (1939) — его перв. пушкиноведческая работа.

После окончания ЛГУ был оставлен на кафедре для поступления в аспирантуру под науч. рук. П. Н. Беркова. Однако с началом «зимней» войны с Финляндией записался добровольцем на фронт, был артиллеристом-наводчиком (демобилизован в февр. 1941).

Был участником Великой Отеч. войны, некот. вр. был прикреплен к четвёртому отделу политуправления Балтийского флота. В 1941–42 работал ред. и зав. Лит. отд. Лен. радиокомитета. В авг. 1942 попросился на фронт, был возвращен в радиокомитет лишь в сент. 1943. Именно в те годы сблизился с О. Берггольц, к тому вр. уже пережившей не одну трагедию (арест, тюрьма, смерть ребенка, арест отца, смерть ее первого мужа поэта Б. Корнилова). М. был женат на О. Берггольц с 1949 (официально, после получения развода от его перв. жены) по 1962.

Во вр. войны публ. в газ. «Смена», «Комсомольская правда», «Известия», «Труд» и др. В соавт. с О. Берггольц написал ряд статей — **«Ленинградская симфония»** (Комсомольская правда. М., 1942. № 194. 19 авг.), **«Балтийское сердце»** (Смена. Л., 1942. № 158, 16 окт.), **«Ленинградцы»** (Смена. Л., 1942. № 180, 12 нояб.), **«На берегах Невы»** (Комсомольская правда. М., 1944. № 104, 1 мая), **«Ленинградцы наступают»** (Труд. М., 1944. № 144, 18 июн.), **«Праведное возмездие!»** (Комсомольская правда. М., 1944. № 227, 23 сент.), **«Русская строчка»** (Известия. М., 1944. № 192, 13 авг.), **«Рус-**

ская женщина» (Известия. М., 1944. № 197, 19 авг.), **«Сила любви»** (Сельская эстрада. М., 1944. Вып. 8), **«Ленинград — Севастополь»** (Красный Балтийский флот. Л., 1944. № 280, 24 нояб.), **«Ленинградская тема»** (Знамя. М., 1945. № 1) и др. В соавт. с Берггольц написал драматич. фрагменты **«Поход»** (отрывок из киносценария «Они жили в Ленинграде» — Комсомол города Ленина. Л., 1943), **«Они жили в Ленинграде»** (киноповесть — Знамя. М., 1944. № 1/2), **«Сила любви»** (сцены из пьесы «Они жили в Ленинграде» — Лит.-худож. сб. Л., 1946), пьесу **«Они жили в Ленинграде»** (в 4 действ., 9 карт. — М.: Издание отдела распространения Всесоюзного управления по охране авторских прав, [1944]; в те же годы пьеса неск. раз переизд.). Позже вместе с Берггольц опубл. пьесу **«У нас на земле»** (Звезда. 1947. № 12). Оставил воспоминания о воен. и послевоенном вр., в т. ч. о возвращении в Л-д А. Ахматовой **«...Из третьей эпохи воспоминаний»**. Член ССП с 1943.

В сент. 1944 восстановился в аспирантуре ЛГУ. Ученик Г. А. Гуковского, от кот. воспринял темы своих будущих книг, М. последовательно шел в своих науч. разысканиях от XVIII в. к XIX и XX вв. Начал изучение русской лит-ры XVIII в. с Н. Новикова, поставив новую для того вр. проблему русского Просвещения. В янв. 1946 в ЛГУ защитил канд. дис. **«Моск. период деятельности Николая Новикова»** (отд. оттиск тезисов дис. опубл.: Вестник Лен. ун-та. Л., 1946. № 1). Почти одновременно внимание М. привлекли А. Радищев и Д. Фонвизин, поэзия кон. XVIII — нач. XIX в., Н. Карамзин и, чуть позже, А. Пушкин, М. Лермонтов и Н. Гоголь. Смена поэтич. стилей от XVIII в. к Пушкину, вопросы периодизации русской лит-ры этого периода, проблема историзма и нац. своеобразия русской лит-ры как предпосылки русского реализма и отсюда — проблема общего развития русской лит-ры от Просвещения к реализму Пушкина 1830-х в его связи с тв-вом Лермонтова и Гоголя — гл. темы последующих трудов М., разработанные им на фундаменте традиций университетской историко-лит. науки.

С янв. 1946 по 1983 преподавал на филологич. фак-те ЛГУ, сначала в должности доц. В 1955 защитил докт. дис. **«Радищев и его время»**, высоко оцененную оппонентами и рецензентами за ее сложный и научно проблемный характер, с 1957 — проф. каф. русской лит-ры. М. Иванов: «Макогоненко сделал шаг к "объёмному" рассмотрению литературы. Он одним из первых заговорил о сосуществовании стилей. Конкретная его интерпретация может сейчас вызывать немало возражений, но самый подход — едва ли. Рядом с ещё "крепким" классицизмом и нарождающимся сентиментализмом 1760–1770-х годов Макогоненко поставил просветительский реализм. Его признаками были утверждение ценности личности, отрицание феодальных предрассудков в культуре и политике и стремление изобразить мир в конкретных картинах и правдоподобных образах. Для того чтобы стать зрелым реализмом, требовалось эстетически осознать социальную и историческую обусловленность действительности, что сумел сделать Пушкин. Правда, в последние годы жизни Макогоненко искал истоки этих пушкинских завоеваний в том же веке. Исследователь стал говорить о разных стадиях созревания реализма на исторической оси культуры, что грозило превратить его во вневременную категорию, причём он описывался с явным авторским предпочтением перед другими стилями, имеющими свои слабости, сочетался с материализмом в философии и прогрессивным радикализмом в идеологии. Названные проблемы встанут перед наукой намного позже и вызовут дискуссии. А вот выстраивание в русской литературе XVIII века просветительской линии станет долговременным завоеванием».

С 1965 по 1982 пост. избирался на должность зав. каф. При М. на кафедре истории русской лит-ры служили такие проф., как Г. А. Бялый, В. Я. Пропп, И. Г. Ямпольский, Д. Е. Максимов, читали лекции акад. В. М. Жирмунский, М. П. Алексеев, проф. Ю. М. Лотман, Е. Г. Эткинд и др., работали его учителя и ученики-преемники. М. читал общие и специальные курсы лекций по истории русской лит-ры XVIII и XIX вв. для студентов и аспирантов, руководил курсовыми и дипломными работами, науч. исследованиями по подготовке канд. и докт. дис. Читал курсы лекций и выступал с многочисленными д-дами в др. вузах и науч. ин-тах города и страны, в т. ч. на VII Междунар. съезде славистов (Варшава, 1973), V Междунар. конгрессе преподавателей русского яз. и лит-ры (Прага, 1982) и др.

О человеческом обаянии М. вспоминает С. Гречишкин, учившийся на филфаке ЛГУ: «Скажу прямо и без обиняков: Г. П. Макогоненко был красавцем (никакой иронии, никакого преувеличения). Именно так! Рослый, корпулентный, густобровый, с серебряной шевелюрой — *лев* — царь историков литературы, гордый носитель лучших признаков южнорусской *породы*. У меня он всегда почему-то ассоциировался с Александром Григорьевичем Разумовским, графом, генерал-фельдмаршалом, морганатическим мужем императрицы Елизаветы Петровны. На втором курсе он читал у нас курс истории русской литературы первой половины XIX века. И как читал: священнодействовал, актерствовал-лицедействовал, каждая лекция была мистерией, "маленькой трагедией", к примеру, о Батюшкове или Баратынском. На лекции его приходили студенты других факультетов и иных вузов. Профессор всегда был в прекрасно сшитом костюме, в мягких туфлях, в тщательно подобранном и искусно завязанном галстуке, кот. так подобали бархатным резонирующим переливам его богато модулированного голоса. Лектор неторопливо расхаживал по огромной (всегда заполненной) аудитории неслышными шагами и всегда курил гаванскую сигару. Никто не поверит, но в те годы это был некий вызов парткомам-месткомам. Это был натуральный *барин*».

В 1959 М. был приглашен как пушкинист к сотрудничеству в ИРЛИ — работал по совместительству с 25.3.1959 по 31.12.1976 в должности ст. науч. сотрудника в Отделе пушкиноведения, с нояб. 1969 — зав. Группой по изучению русской лит-ры XVIII в., ведущ. науч. сотрудник. Принимал участие в колл. науч. трудах: серия сб. «XVIII век» (авт. и ред. работа), «История русской лит-ры» (В 4 т. Т. 1. Л., 1980); «Письма русских писателей XVIII в.» (Л., 1980) и др. Делегат III съезда СП РСФСР (1970).

Будучи проф. ЛГУ, в сер. 1960-х М. был приглашен «Ленфильмом» по совместительству занять должность нач. сценарного отд. Киностудия рассчитывала на то, что имя М., не чиновника, но творч. человека, его худож. вкус и человеч. бесстрашие привлекут на «Ленфильм» талантливых авторов-сценаристов — что и произошло впоследствии. М. возглавил сценарный отдел и действительно пригласил к сотрудничеству мн. изв. театр. и лит. деятелей (в т. ч. включил О. Берггольц в худсовет Второго творч. объединения «Ленфильма», для кот. она написала неск. сценариев), на «Ленфильм» стали приезжать лучшие сценаристы из разных городов. И. Гликман вспоминает: «В те годы Макогоненко разделял свой рабочий день на две части. Утренние часы он посвящал университету, а с трех часов дня до вечера — "Ленфильму". В антрактах он часто приглашал редакторов сценарного отдела — разумеется, за свой счет — в элитный магазин "Шампанские вина", находившийся по соседству с "Ленфильмом". Ничего подобного до него в "Ленфильме" не было <...> Некоторые молодые актрисы, снимавшиеся в ленфильмовских картинах, стремились познакомиться с Юрой Макогоненко. Их привлекала, скорее всего, не литературная деятельность, а внешность Юры. Он был высок, строен, красив, у него были замечательные серые глаза, прекрасная шевелюра, красивые кисти рук. Да и одевался он очень щегольски». Однако в кинематографич. мире нравы оказались намного жёстче, чем в мире научном, и после неск. творч. сражений М. по собств. желанию оставил этот пост.

В 1953–56 — чл. редколл. серии «Б-ка поэта». Подгот. к печ. сб. произведений русской лит. классики: Куприн А. Избр. соч. Л.: Лениздат, 1947; Радищев А. Избр. соч. М.; Л.: Гослитиздат, 1949; Куприн А. И. Рассказы. М.; Л.: Детгиз, 1949; Русская проза XVIII в.: В 2 т. (совм. с А. Западовым). М.; Л.: Гослитиздат, 1950; Новиков Н. Избр. соч. М.; Л.: Гослитиздат, 1951; Радищев А. Избр. соч. М.: Гослитиздат, 1952; Радищев А. Стих-я (БП. МС) Л.: Сов. писатель, 1953; Поэты XVIII в.: В 2 т. (БП. МС) (совм. с И. Серманом). Л.: Сов. писатель, 1958; Батюшков К. Стих-я (БП. МС). Л.: Сов. писатель, 1959; Фонвизин Д. СС: В 2 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959; Русские драматурги XVIII–XIX вв. Т. 1. Л.-М.: Искусство, 1959; Карамзин Н. Избр. соч.: В 2 т. (совм. с П. Берковым). М.; Л.: Худож. лит-ра, 1964; Дмитриев И. Полн. собр. стих. (БП. БС). Л.: Сов. писатель, 1967; Русская лит-ра XVIII в.: Сб. произведений поэтов, драматургов и прозаиков XVIII в. (Хрестоматия). Л.: Просвещение, 1970; Русская проза XVIII в. (Б-ка всемирной лит-ры). М.: Худож. лит-ра, 1971; Русская поэзия XVIII в. (Б-ка всемирной лит-ры). М.: Худож. лит-ра, 1972; Поэты XVIII в.: В 2 т. (БП. БС). М.: Сов. писатель, 1972; Пушкин А. Избр. соч.: В 2 т. М.: Худож. лит-ра, 1978; Карамзин Н. Соч.: В 2 т. Л.: Худож. лит-ра, 1984; Карамзин Н. Избр. (совм. с П. Берковым). М.: Правда, 1984; Державин Г. Анакреонтические песни (совм. с Г. Ионины м и Е. Петровой). М.: Наука, 1986; Петерб. повести А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. М.: Правда, 1986; Лермонтов М. СС: В 4 т. М.: Правда, 1986; Державин Г. Соч. (совм. с В. Степановым). Л.: Худож. лит-ра, 1987; Карамзин Н. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории Государства Российского». М.: Правда», 1987–89.

Автор более 200 науч. трудов. Специалист по истории русской лит-ры XVIII — перв. трети XIX в., М. опубл. около 20 монографий: **«А. Н. Радищев: Очерк жизни и тв-ва»** (1949), **«Денис Иванович Фонвизин. 1745–92»** (1950), **«Николай Новиков и русское просвещение XVIII в.»** (1951, 1952), **«Александр Николаевич Радищев»** (1952), **«Радищев и его время»** (1956), **«Денис Фонвизин: Творч. путь»** (1961), **«Роман Пушкина "Евгений Онегин"»** (1963), **«А. Н. Радищев: Биография»** (1965), **«От Фонвизина до Пушкина: Из истории русского реализма»** (1969), **«"Евгений Онегин" А. С. Пушкина»** (1971), **«Тв-во А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–33)»** (1974), **«Национальное своеобразие русской лит-ры: Очерки и характеристики»** (в соавт. с Е. Купреяновой, 1976), **«"Капитанская дочка" Пушкина»** (1977), **«Гоголь и Пушкин»** (1985), **«Лермонтов и Пушкин: Проблемы преемственного развития лит-ры»** (1987), **«Избр. работы: О Пушкине, его предшественниках и наследниках»** (1987). Автор сотен капитальных работ, кот. навсегда остались в науке по истории русской лит-ры. Ввел в научный обиход множество имен прежде малоизв. и малодоступных писателей XVIII в., легализовал в науч. трудах десятки имен «запрещенных» авторов, в т. ч. в дополнение к учебнику по истории русской лит-ры XVIII в. создал уникальную хрестоматию «Русская литра XVIII в.», благодаря кот. стали общедоступны все осн. худож. тексты этого столетия и в кот. появились запретные до той поры имена, в т. ч. Ивана Баркова. Кн. М. переведены на иностр. яз.

В посл. годы жизни М., продолжая исповедовать в литературоведении историко-лит. принцип, попытался расширить базу своих исследований. Он обратился к структурализму тартуской школы, к работам Лосева и Бахтина. Но новые подходы ему давались с трудом.

Как в ЛГУ, так и в ИРЛИ обнаруживал редкую смелость и ответственность в проявлении гражданской позиции, кот. выявлялась не только в отстаивании науч. точки зрения, но в его отношении к студентам, сотрудникам, коллегам. Еще в студенч. годы на филфаке занимался комсомольской работой, был комсоргом, но в 1938 на выездном (проходившем в Л-де) пленуме ЦК ВЛКСМ был исключен из комсомола за недоносительство. Впоследствии умел одобрить не самые приветствуемые темы курсовых или дипломных работ студентов, отстаивал и утверждал редкие и «неблагонадежные» темы канд. дис. аспирантов. Приглашал для чтения лекций специалистов высокого класса, далеко не всегда одобряемых администрацией. Помогал и спасал от преследований т. н. «космополитов», заступался за Г. А. Гуковского, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского и др. После ареста в кон. 1979 М. К. Азадовского М. в числе выдающихся пушкинодомцев (М. П. Алексеев, Д. С. Лихачев, К. Д. Муратова и др.) открыто выказывал готовность помочь и поддержать ученого. В годы работы на «Ленфильме», когда запрету была подвергнута картина А. Иванова, созданная по сценарию Вик. Некрасова «В окопах Сталинграда», М. решительно встал на ее защиту, тогда же энергично поддер-

живал сценарные начинания Ю. Германа **(Счастье? Это борьба. <О трилогии Ю. Германа>** // ЛГ. 1966. № 22, 19 февр.).

В браке с О. Берггольц жил в Л-де в квартире на ул. Рубинштейна. В посл. годы — на ул. Тверской близ Смольного.

Соч.: Политич. смысл романа «Новь» // Ученые записки ЛГУ. Л., 1939. № 47. Вып. 4; То же // Лит. современник. Л., 1939. № 7–8; Пушкин и Радищев // Ученые записки ЛГУ. Л., 1939. № 33. Вып. 2; Очерки по истории русской лит-ры XVIII в. <Рец. на кн.: Гуковский Г. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938>.(в соавт. с И. Серманом) // Лит. обозрение. М., 1939. № 6; О композиции «Путешествия из Петербуга в Москву» А. Н. Радищева // XVIII век. Сб. 2. М.; Л., 1940; Моск. период деятельности Николая Новикова. Тезисы дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. [Л., 1946]; У нас на земле: Пьеса (в соавт. с О. Берггольц). М., [1947]; А. Н. Радищев: Очерк жизни и тв-ва. М., 1949; Александр Радищев (Вст. ст.) // Радищев А. Избр. соч. М.; Л., 1949; Русская проза XVIII в. (Вст. ст.) // Русская проза XVIII в. Т. 1. М.; Л., 1950; Н. И. Новиков // Там же; Народная публицистика XVIII в. // Там же; Д. И. Фонвизин // Там же; А. Н. Радищев // Русская проза XVIII века. М.; Л., 1950. Т. 2; Денис Иванович Фонвизин. 1745–92 (Русские драматурги. Научно-популярные очерки). М.; Л., 1950; Николай Новиков // Новиков Н. Избр. соч. М.; Л., 1951; От редактора // Там же; Об авторстве Новикова // Там же; Николай Новиков и русское просвещение XVIII в. <1-й завод>. М.; Л., 1951; Николай Новиков и русское просвещение XVIII в. <2-й завод>. М.; Л., 1952; Александр Радищев (Вст. ст.) // Радищев А. Избр. соч. М., 1952; Радищев и русская общественная мысль XVIII в. // Вестник АН СССР. Л., 1952. № 9; Александр Николаевич Радищев (В помощь лектору). М., 1952; Великий подвиг (К 150-летию со дня смерти А. Н. Радищева) // ЛГ. 1952. № 115; Поэзия Александра Радищева // Радищев А. Стихотворения (БП. МС). Л., 1953; Н. И. Новиков 1744–1818 // Русские писатели о лит. труде. Т. 1. Л., 1954; А. Н. Радищев и его время. Автореферат докт. дис. Л., 1955; Радищев и его время. М., 1956; Исследование о реализме Пушкина <Рец. на кн.: Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистич. стиля. М., 1957> // Вопросы лит-ры. М., 1958. № 8; Новое о Фонвизине // Литература и жизнь. М., 1958. № 30, 15 июн.; Новые мат-лы о Д. И. Фонвизине и неизвестные его сочинения // Русская лит-ра. Л., 1958. № 3; Совр. тема и традиции русского реализма // Вопросы лит-ры. 1958. № 8; Русская поэзия XVIII в. (Вст. ст.) // Русская поэзия XVIII в. (БП. МС). Л., 1958; Жизнь и тво Д. И. Фонвизина // Фонвизин Д. СС. Т. 1. М.; Л., 1959; История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его лит. наследства // Там же. Т. 2; Поэзия Константина Батюшкова (Вст. ст.) // Батюшков К. Стихотворения. Л., 1959 (БП. МС); Русское просвещение и лит. направления XVIII в. // Русская лит-ра. Л., 1959. № 4; Русская драматургия XVIII в. // Русские драматурги XVIII–XIX вв. Т. I. Л.; М., 1959; Д. И. Фонвизин. 1745–92 // Там же; Был ли карамзинский период в истории русской литературы? // Русская лит-ра. Л., 1960. № 4; Денис Фонвизин: Творч. путь. М.; Л., 1961; К истории русского Просвещения и реализма XVIII в. // Проблемы русского Просвещения в лит-ре XVIII в. М.; Л., 1961; Лит. позиция Карамзина в XIX в. // Русская лит-ра. Л., 1962. № 1; Роман Пушкина «Евгений Онегин» (Массовая историко-лит. биб-ка). М., 1963; «Враг парнасских уз». <О поэзии И. С. Баркова> // Русская лит-ра. Л., 1964. № 4; Когда же сформировался русский реализм? // Вопросы литературы. М., 1965. № 2; А. Н. Радищев. Биография. Пособие для учащихся. М.; Л., 1965; Антиох Кантемир. Михаил Ломоносов. Александр Сумароков. Иван Хемницер. Гавриил Державин. Александр Радищев. Николай Карамзин. Иван Дмитриев. Иван Крылов. Василий Жуковский. Константин Батюшков. Александр Пушкин // Русские поэты. Антология. Т. 1. М., 1965; Пушкин и Дмитриев // Русская лит-ра. Л., 1966. № 4; Учение Радищева об активном человеке и Пушкин // Роль и значение лит-ры XVIII в. в истории русской культуры: Сб. М.; Л., 1966; Карамзин Н. М. // КЛЭ. Т. 3. М., 1966; «Рядовой Пинде воин». (Поэзия Ивана Дмитриева) // Дмитриев И. Полн. собр. стихотв. (БП. БС). М., 1967; О «Повестях Белкина» А. С. Пушкина // Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. М., 1968; Пушкин и Державин // XVIII в.: Сб. 8. Л., 1969; От Фонвизина до Пушкина. Из истории русского реализма. М., 1969; Повести Николая Карамзина // Карамзин Н. Бедная Лиза: Повести. Л., 1970; Русское Просвещение и проблема фольклора. Радищев. Пути лит-ры века // Русская лит-ра и фольклор. Л., 1970; Радищев А. Н. // КЛЭ. Т. 6. М., 1971; Русская проза XVIII в. // Русская проза XVIII в. (Б-ка всемирной лит-ры). М., 1971; «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. М., 1971; Русская поэзия XVIII в. // Поэты XVIII в. (БП. БС). М., 1972; Григорий Александрович Гуковский // Вопросы лит-ры. М., 1972. № 11; Проблемы Возрождения и русская лит-ра // Русская лит-ра. 1973. № 4; О «Повестях Белкина» А. С. Пушкина // Пушкин А. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. 2-е изд. М., 1974; «...Счастье есть лучший университет»: Полемич. заметки об изучении любовной лирики Пушкина // Нева. 1974. № 5; «Самостояние человека — залог величия его» (Заметки о пушкинском реализме) // Вопросы лит-ры. 1974. № 6; Тв-во А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–33). Л., 1974 (Л., 1982); О романтическом герое декабристской поэзии // Лит. наследие декабристов. Л., 1975; Пушкин и Гете (К истории истолкования пушкинской «Сцены из Фауста») // XVIII в. Сб. 10. Л., 1975; Национальное своеобразие русской лит-ры: Очерки и характеристики (в соавт. с Е. Купреяновой). Л., 1976; «Капитанская дочка» Пушкина. Л., 1977; «Сатирическое воззвание к возмущению» <О книге «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева>. «Огненные стихи» <Ода «Вольность» А. Н. Радищева> // Вершины. Книга о выдающихся произведениях русской лит-ры. М., 1978; Священный дар // Пушкин А. Избр. соч.: В 2 т. М., 1978; «Медный всадник» и «Записки сумасшедшего». Из истории творч. отношений Гоголя и Пушкина // Вопросы лит-ры. 1979. № 6; О некоторых особенностях поэтики «Пиковой дамы» // Нева. 1979. № 6; Каков был замысел «Путешествия в Арзрум»? // Нева. 1980. № 6; Письма русских писателей XVIII в. и лит. процесс // Письма русских писателей XVIII в. М., 1980; Николай Карамзин и его «Письма русского путешественника» // Карамзин Н. Письма русского путешественника. М., 1980 (М., 1982, 1988); Пути становления русской лит-ры XVIII в. и формирование ее нац. своеобразия. Державин. Лит. традиции XVIII ст. и русская лит-ра XIX в. // История русской литературы. Т. 1. Л., 1980; Посл. поэтич. цикл Пушкина // Нева. 1981. № 6; Знал ли Белинский подлинный текст «Медного всадника»? // Вопросы лит-ры. 1981. № 6; О диалогах в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Классич. наследие и современность. Л., 1981; «Сказка о рыбаке и рыбке» и вопросы ее интерпретации // Болдинские чтения. Вып. 10. Горький, 1981; Друг свободы (Вст. ст.) // Фонвизин Д. Соч. М., 1981 (М., 1982); Тема Петербурга у Пушкина и Гоголя. (Проблемы преемственного развития) // Нева. 1982. № 8; Ист. роман о народной войне // Пушкин А. Капитанская дочка (Лит. памятники). Л., 1984; Поэма М. Ю. Лермонтова «Мцыри» и русский реализм 1830-х гг. (Пушкинское начало в поэме Лермонтова) // Проблемы поэтики русского реа-

лизма XIX в. Л., 1984; О тв-ве Дениса Фонвизина и Александра Радищева // Фонвизин Д., Радищев А. Избранное. М., 1984; Николай Карамзин — писатель, критик, историк // Карамзин Н. Соч. Т. 1. Л., 1984; Они жили в Ленинграде: Киноповесть (в соавт. с О. Берггольц) // У стен Ленинграда: Сб. Л., 1984; Об эпиграфе к поэме Лермонтова «Мцыри» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985; Гоголь и Пушкин Л., 1985; Анакреонтика Державина и ее место в поэзии начала XIX в. // Державин Г. Анакреонтические песни (Лит. памятники). М., 1986; Творч. путь Михаила Лермонтова // Лермонтов М. СС: В 4 т. М., 1986; Тема Петербурга у Пушкина и Гоголя // Петербургские повести А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. М., 1986; О сб. Анны Ахматовой «Нечет» // Вопросы лит-ры. 1986. № 2; Поэзия, воссоздающая «истинную картину натуры» // Державин Г. Соч. Л., 1987; Лермонтов и Пушкин: Проблемы преемственного развития лит-ры / Послесл. В. Марковича. Л., 1987; Избр. работы: О Пушкине, его предшественниках и наследниках. Л., 1987; Древняя Россия, открытая Карамзиным // Карамзин Н. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории Государства Российского». М., 1988 (1989); «...Счастье есть лучший университет» // Утаенная любовь Пушкина. СПб., 1997; Николай Карамзин — писатель, критик, историк // Карамзин Н. Бедная Лиза: Повести. М., 2005.

Лит.: Муравьёв Д. Макогоненко, Георгий Пантелеймонович // КЛЭ. М., 1967. Т. 4; Писатели Л-да: Биобиблиогр. справочник. 1934–81 / Авторы-сост. В. Бахтин и А. Лурье. Л., 1982; Тимофеева Л. Список трудов Г. П. Макогоненко по пушкиноведению // Пушкин: Иссл. и мат-лы. Т. 14. Л., 1991; Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко: Сб. статей, воспоминаний и документов / Под ред. В. Марковича, А. Карпова. СПб., 2000 (в т. ч. список монографий Г. П. Макогоненко); Профессора СПбГУ: Библиогр. словарь. СПб., 2004; Пушкинский Дом: Матлы к истории: 1905–2005. СПб., 2005; Дружинин П. Список работ Г. П. Макогоненко // Дружинин П., Соболев А. Книги с дарственными надписями в биб-ке Г. П. Макогоненко. М., 2006; Филологический фак-т СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. СПб., 2008.

МАКРИ́НОВ Дмитрий Борисович (псевд. Дм. М.) [25.3.1946, Л-д] — поэт.

Окончил филологич. фак-т ЛГУ, где учился у проф. Н. Мещерского. Работал в Научной биб-ке им. М. Горького в ЛГУ.

В 1960-е был завсегдатаем Малой Садовой, общался с широким кругом поэтов и художников. В 1965 участвовал в альм. «Fioretti». В 1965–71 вместе с Вл. Эрлем, Л. Ентиным, А. Мироновым, В. Немтиновым и др. входил в лит. группу «Хеленукты». 16 сент. 1966 с Вл. Эрлем напис. **«Вступительную статейку Хеленуктов»** — своеобразный манифест группы.

Писал стихи, поэмы и короткие пьесы («драмагедии») в духе абсурдистской эстетики (**«Котовращение»**, **«Пиеса № 1: Медитация ПР»**, **«Пиеса № 2: Шкап»**, трагедия **«Буффон»** и др.). В текстах иногда прибегал к ненормативной лексике (по словам В. Кривулина «к эстетике мата»), экспериментировал с графикой и коллажем. Некот. соч. написал в соавт. с Вл. Эрлем (**«Сцена из "Фауста"»**, фарс **«Булка»**, мистерия **«Голкипер»**). Машинописные сб. выпускались Вл. Эрлем под маркой его изд-ва «Польза», в т. ч. сборник **«Черный холм»** (1966) и их перв. совм. сб. **«Лесные х[...]»**).

В 1976 поступил в Духовную академию и оставил лит. занятия.

В 1986 стихи и пьеса М. были опубл. Вл. Эрлем в «Митином ж.».

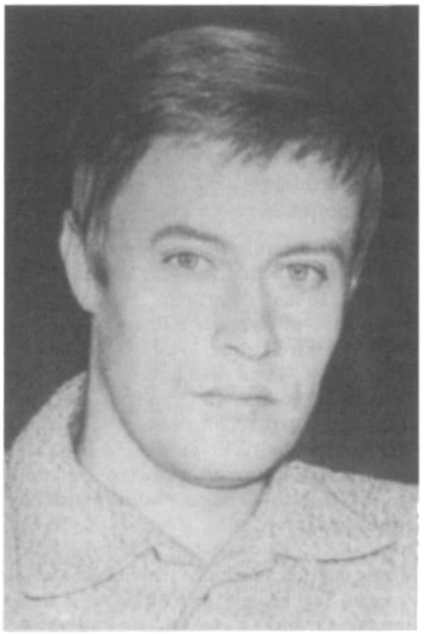
Соч.: Стихи // Острова: Антология лен. неофиц. поэзии. Л., 1982; Стихи // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 4А; Три поэмы: Пути шествия Сидура; Полифем; Пуды / Публ. и предисл. Вл. Эрля // Митин ж. 1986. № 11; Буффон: Пьеса / Публ. Вл. Эрля // Митин ж. 1986. № 12; Стихи, драма // Эрль Вл. Хеленуктизм: Стихи, драмагедии, полемика. СПб., 1993.

Лит.: Stefanovic B., Wertsman V. Free Voices in Russian Literature. NY, 1987; Лен С. Школа стиха «Хеленутов» // Человек и природа. 1992. № 3; Савицкий С. Хеленукты в театре повседневности: Ленинград. Вторая пол. 60-х г. // НЛО. 1998. № 30; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

МАКСИ́МОВ Виктор Григорьевич [20.10.1942, г. Иваново — 20.4.2005, СПб.] — поэт, прозаик, переводчик.

Отец — кадр. военный, мать — мед. работник. Окончив среднюю школу (1959), работал слесарем. В 1961–63 служил в группе сов. войск в Германии. С 1964 по 1968 учился на филологич. фак-те ЛГУ.

Перв. публикация — в газ. «Ленинские искры» (1957. 14 март.), где



напеч. стих. **«Сказание об удивительных ночных похождениях кота Василия в гастрономическом магазине»**. В 1966 вышел перв. сб. стих. **«Открытие»**, оцененный О. Шестинским, отмечавшим, что Древняя Русь, о кот. пишет М. в этой кн., для поэта «не экзотика, не материал, где мог бы он щегольнуть своими познаниями. В цикле „Степные гулы" — начало трагедии русской земли. Цикл впечатляет. Поэт умело сочетает свое личное эмоциональное отношение к событиям, эпичность в раскрытии драмы народа и подробности такие, словно он сам был очевидец»; «Для него Россия — это необъятная земля, которая <...> формирует его характер патриота, гражданина». Своеобразные, нетрадиционные метафоры и сравнения, используемые М., подчеркивают философскую глубину борьбы русичей за свою свободу: «Дымился рассвет у донской переправы. / Был долог предутренний час на Руси. / И сгорбило за ночь усталые травы / Татаро-монгольское иго росы. / И встал я. / И медлить нельзя было боле. / Я вышел / И травам ударил челом, / И тронул рукой Куликовское поле, / И медное солнце одел как шелом» (**«Рассвет»**).

Обращение к ист. реалиям, к русскому фольклору с его многообразием жанров, богатым образным строем и самобытным языком становится

неотъемлемой чертой поэзии М. Вышедшую в 1982 кн. **«Это было на Почай-реке»** Шестинский назвал «русским богатырским эпосом», отметив, что М., кот. всегда было свойственно необыкновенное чувство слова, «в сказании таком народно-сказочном, песенном, <...> "развернулся на воле", красочно живописуя и в то же время соблюдая художнический такт». Поэт не просто любуется народным словом, а использует его, чтобы «творчески запечатлеть истоки русского национального характера».

Сер. 1980-х ознаменовалась выпуском сразу неск. сб. М., свидетельствуя о важном этапе его поэтич. деятельности. Новые стихи М. собрал в кн. **«Доля»** (1984), **«Полустанки высоты»** (1984), **«Соколиная забава»** (1986). Стихи разных лет объединились в кн. **«Кипрей при дороге»** (1985), отразившей важнейшие вехи духовных исканий поэта. В книге 5 разделов: **«Созвездие Весов»** (воспоминания о детстве, совпавшем с воен. временем); **«Рубеж»** (стихи о собств. службе в армии); **«Жители Земли»** (о судьбах тех, кто пережил блокаду); **«Степные гулы»** (стихи о битвах на Калке и на поле Куликовом, устанавливающие взаимосвязь далекого и близкого,— ист. отзвук человеч. судьбы); **«И в каждой птахе было чудо»** (воспевание любви и красоты окружающего мира, кот. стало возможным только после осознания его драматизма). Как отмечает А. Пикач, «выстраданность мирного неба над головой» является «главным ощущением в стихах Максимова».

Характеризуя худож. особенности выпущенных в 1980-е сб., Пикач определяет исходный для поэзии М. принцип: «Две стихии противоборствуют и ищут родства в стихах Максимова. Стремление к крайней эмпирической удостоверенности описанного и к символической обобщенности, которая черпается, прежде всего, в фольклоре». «Там, где Максимов тяготеет к эпизации, экспансия фольклора безраздельна <...>. В поэме **"Войной крещенные"** — чисто фольклорный зачин: „Собирались в стаю вороны черные". Но тут же — „широко летели вороны районные", и „знобящий свет сигнальной ракеты", и реальный быт старухи и молодухи, которых навестила сестрица Смерти Война <...> В лирике, в малых формах корневая связь лирической темы с народным сознанием задушевнее. Они приходят в естественное равновесие: „Вечереет, понемногу вечереет. / Вечереет, знаю, раз и навсегда... / Разудалая головушка смиреет, / как смиреет предвечерняя вода". Это стихи о новом возрасте и новом ощущении жизни». Новое жизненное ощущение, освещающее «слепящим светом» жизнь обыкновенную, обусловливает тяготение стихов М. к жанру лирической притчи.

Ист. цикл «Соколиная забава» был оценен Дм. Молдавским, писавшим о том, что в стих. М. «исторический факт или сюжетное, „выстроенное" сказание очень часто обыденны и повествовательно-прозрачны. А вот разлука, анализ собственной души или „мысли по поводу" — это то, что становится поэзией <...>. Его персонажи приходят в стихи из самых разных эпох; чаще всего в них — отблеск русских и западнославянских легенд; порой они — из античности. Но, странное дело, как-то исчезает их „иноземность"; трагедия родной земли, пережившей страшную войну, ставит на них „материнское тавро"».

Герои поэзии М. через трагедию и боль истории проходят путь к соединению с родной землей, как, напр., в стих. **«Воину, идущему с Куликова поля»** (цикл «Соколиная забава»), где интонационные разрывы передают предельную насыщенность поэтич. мысли: «Пройдешь ты, где свод и земля / смыкаются кромкой кровавой, / всей сутью своей — / где заря, / всей тяжестью плоти — / где травы. / Уже никуда не спеша, / дойдешь ты к утру до предела. / И станет рассветом — / душа, / землею родимою — / тело».

В 1990-е пробует себя в прозаич. жанрах, обозначая динамизм и яркость манеры своего письма. Его роман **«Без тринадцати 13, или Тоска по Тюхину»** (1995; опубл. под псевд. Виктор Эмский), сравнивается критиками с произведениями Вен. Ерофеева, по сочному, живописному языку и тяготению к парадоксальным сочетаниям юмора и трагедии, соц. аллюзий, абсурда и лирики.

В 1998 выходит новая кн. М. **«Пойди туда — не знаю куда»**, представляющая собой спроецированный на современность сказочный сюжет поисков Василисы Прекрасной. По поводу романа Н. Переяслов писал: «Самым перспективным направлением <...> следует считать то, которое позволяет соединить опыт западной литературы в области обновления формы и традиционную для России философско-нравственную глубину исследуемой писателем проблемы <...> Эти произведения, „переодеваясь" в одежки постмодернизма, боевика, фэнтэзи, а также психопатического, гротескного или магического реализма, проникают на оккупированные западной масскультурой территории русской словесности и ведут там борьбу за сохранение национального, глубоко думающего, а не просто развлекающегося, читателя».

Автор мн. песенных текстов, музыку к кот. писали С. Пожлаков (**«Величальная»**, **«Травы луговые»**), В. Поляков (**«Глоток хорошего вина»**), В. Плешак и др. Особой популярностью в 1980-е пользовалась баллада **«Два брата»**, положенная на музыку М. Гаврилиным,— песня о братской любви и человеч. жертвенности («Скажет старший брат: „Ступай домой!" / Младший хоть бы что: „Пожалуйста!"»).

Публ. в ж. «Молодая гвардия», «Аврора», «Звезда», «Нева», «Москва» и др. Переводил стихи польск. поэтов. Участник Всесоюзных и Международных конкурсов, лауреат премий Лен. комсомола (1972), ж. «Нева» (1989), премии им. А. Платонова (1999). Член СП СССР (СП России) с 1970.

Соч.: Открытие: Перв. кн. стихов. Л., 1966; Встреча: Втор. кн. стихов. Л., 1970; Таинственный рыболов. Крылатые плутишки. Гошка: Рассказы. М., 1972; Жители Земли. М., 1973; Созвездие весов. Л., 1980; Это было на Почай-реке: Песенное сказание с ворожбой и приключениями... Л., 1982; Доля. Л., 1984; Полустанки высоты: Кн. стих. М., 1984; Кипрей при дороге. М., 1985; Не рождены мы на обиду!: Баллады о воинах русских. Л., 1986; Соколиная забава. Л., 1986; Тавро. Л., 1989; Туры мои златорогие: Пересказы русских народных баллад. Л., 1989; Охапка степной травы. М., 1990; Бурундучок Тимошка: Рассказы. М., 1993; Без тринадцати 13, или Тоска по Тюхину: Химериада в 2-х романах. СПб., 1995; Цветок среди зимы. М., 1995; Пойди туда — не знаю куда: Романтич. апокриф. СПб., 1998; Русские баллады. СПб., 2000.

Лит.: Шестинский О. О стихах Вик. Максимова // Смена, 1966. 16 авг. С. 4; Сотников Н. Эстафета подвига // Молодой Л-д. 1974. Л., 1974; Шестинский О. [Послесл.] // Максимов В. Это было на Почай-реке. Л., 1982; Максимов Виктор Григорьевич // Писатели Л-да: Биобибл. справочник. 1934–81. Л., 1982; Пикач А. Превзошел науку — быть железным... // Нева. 1987. № 6; Молдавский Дм. Ощущение современности // Аврора. 1988. № 5; Переяслов Н. По законам партизанской войны // День лит-ры. 1999. № 11; Максимов Виктор Григорьевич // Биобибл. справочник СПб. отд. СП России. СПб., 2001; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

М. Педько

МАКСИ́МОВ Дмитрий Евгеньевич [15(28).12.1904, Царское Село — 13.3.1987, Л-д, похоронен на Комаровском кладб.] — литературовед, поэт.

Родился в семье Евгения Дмитриевича М. (лит. псевд. — М. Слобожанин) — публициста, общ. деятеля, статистика, экономиста, проф. Лен. ин-та народного хоз-ва, одного из зачинателей земского движения. В шесть лет М. потерял мать.

М. учился в частной гимназии, основанной Я. Гуревичем, посл. два класса — в Пг. школе № 67 (б. 1-я гимназ.). В 1926 окончил филологич. фак-т ЛГУ, защитил дипломное соч. на тему **«"Северный вестник" и символисты»**, посвящ. общ.-полит. и лит. журналу, кот. изд. дочь Гуревича — Л. Я. Гуревич. В этом же году женился на Л. Я. Ляховицкой. Своими учителями называл старшего брата некрасоведа, проф. ЛГУ, Владислава Евгеньева-Максимова, Б. Эйхенбаума, Б. Томашевского. В. Виноградова, И. Иоффе.

В 1930-е работал корр. в ЛО изд-ва АН СССР, участвовал в науч. жизни Ин-та лит-ры и языка и Ин-та русской лит-ры (Пушкинский Дом), сотрудничал в группах по изучению русской журналистики и тв-ва А. Блока. Изучение истории журналистики занимает значительное место в науч. работе М. Он пишет ст. о «Современнике» Пушкина (вошла в кн. **«"Современник" в 40–50-х гг.»**; Л., 1934 — в соавт. с В. Евгеньевым-Максимовым), об участии В. Брюсова в «Новом пути» (Лит. наследство. 1937. Т. 27–28), комм. к «Избр. статьям» М. Антоновича (Л., 1938), монографию о «Весах» (1930-е), кот. не была напеч. (отд. мат-лы из нее вошли в кн.: Азадовский К., Максимов Д. **Брюсов и «Весы»** // Лит. наследство. 1976. Т. 85). В 1930 вышла кн. **«Из прошлого русской журналистики»** в соавт. с Евгеньевым-Максимовым (главы о ж. «Сев. вестник» и «Новый путь»).

С 1938 М. преподавал в педагогич. вузах Л-да, Иваново, Казани и в ЛГУ. Около 20 лет вел семинар по Блоку (с предвоен. лет до посл. дней на кафедре), читал лекции «Русская литра XIX в.: перв. пол.», «Русская литра рубежа XIX — перв. десятилетий XX в.», «Введение в литературоведение», спецкурсы о символизме и символистах.

Науч. деятельность М. была разнообразной по тематике: в поле его внимания были А. Ахматова, А. Белый, К. Вагинов, Н. Заболоцкий, А. Кольцов, В. Маяковский, Б. Пастернак, В. Хлебников и др. Однако выделяются два центра науч. интересов М. — тв-во М. Лермонтова и тво А. Блока и В. Брюсова. Предварительные разыскания по этим темам находили отражение в его ст. и публикациях начиная с сер. 1930-х. Итоги изучения этих тем подведены в монографиях **«Поэзия Валерия Брюсова»** (1940), **«Брюсов. Поэзия и позиция»** (1969), **«Поэзия Лермонтова»** (1959, 2 изд. — 1964), **«Поэзия и проза А. Блока»** (1975, 2 изд. — 1981), **«Русские поэты начала века»** (1986). М. был составителем семитомного СС Брюсова (М.: Худож. литра, 1975), где в т. ч. комм. рецензию на «Кипарисовый ларец», готовил науч. изд. Лермонтова (1957), Брюсова (1961) в «БП», 5-го и 6-го т. СС Блока (1962) и 6 т. СС Брюсова (1975). Монография «Поэзия Валерия Брюсова» в 1940 была защищена как канд. дис. в ЛГУ, кн. о Лермонтове стала основой докт. дис. (защитил в 1965).

По словам П. Куприяновского, М. «заложил фундамент науки о русском символизме»: он изучал не только тв-во отд. авторов, но и теоретич. основы и историю символизма. Историчность, фактичность исследований М., привлечение широкого контекста русской и мировой лит-ры, сочеталась в его литературоведческих работах с постановкой и решением актуальных для его времени науч. проблем. Как ученый М. делал упор на смысловую составляющую текстов, и этим объясняется его осторожное отношение к формализму и структурализму.

Наряду с науч. и пед. деятельностью в продолжение всей жизни М. писал стихи. Начал пис. еще в старших классах гимназии. Юношеские сб. **«Свеча»** и **«Горнило»** вкл. в себя стих. 1918–23. Печ. стихи не пробовал, т. к. не верил в возможность их публ., но, тем не менее, весьма ответственно и ревностно относился к собств. тв-ву. Использовал псевд. Иван Игнатов и Игнатий Карамов. Его лирич. тв-во глубоко, оригинально и интересно, помимо прочего оно позволяет лучше понять некот. процессы лит. и — шире — культурной жизни сер. XX в. Поэзия М. бросает свет на судьбы русского лит. авангарда: несмотря на свое притесненное положение, он не только сохранялся, но и развивался. Читали и слушали стихи М. лишь немногие, но среди них были К. Вагинов, Н. Заболоцкий, А. Ахматова, Б. Пастернак.

Неск. стих. М. увидели свет в ж. «Грани» в нач. 1970-х. В 1983 в лозаннском изд-ве «L'Age d'Homme» при участии слависта Ж. Нива вышел сб. **«Стихи»** (по псевд. Игнатий Карамов) тиражом 750 экз. Издатели допустили множество опечаток, о чем упоминал сам автор в автобиогр. очерке **«О себе»** (опубл. в ж. «Факт, домысел, замысел в литре» — Иваново, 1987). Перв. от-

кликом на публ. стихов М. стала рец. А. Пайман — «Путь петерб. поэзии» (Вестник РХД, 1983. Т. 140. № 3–4).

Поэтич. тв-во М. развивалось от юношеских подражательных стихов, кот. несли явный отпечаток символизма и акмеизма, к стих., ориентированным на авангард (влияние обэриутов, в особенности К. Вагинова, М. сам отмечал неоднократно) — **«Дом № 1»**, **«Дон-Жуан»** и др.

После недолгого перерыва М. возвратился к поэзии в воен. годы, когда его лирика приобретает резкую оригинальность, что афористически выразила Ахматова: «Властно и самобытно». Некот. исследователи видят в поздней лирике М. черты постмодернизма. Для поэзии М. характерны богатый метрич. репертуар, оригинальность строфич. организации стиха, широкий круг интертекстуальных связей.

В посл. десятилетие М. пис. лит. воспоминания об Андрее Белом, А. Ахматовой, Иванове-Разумнике.

Единственная поэтич. публикация М. на родине состоялась незадолго до смерти,— стих. **«Писец»** было целиком процитировано в посвящ. ему ст. Ю. Лотмана «О поэзии науки» (1986).

После смерти М. в печ. появился ряд статей о его науч. работе и поэтич. тв-ве, были опубл. отд. произведения. Перв. посмертная публ. стихов М. состоялась в ж. «Обводный канал» в 1987. В 1988 К. Азадовский опубл. в ж. «Лит. обозрение» тринадцать стих. и лирич. эссе М. о поэзии **«Письмо Анне Андреевне Ахматовой на тот свет»** (в 1989 перепеч. в «Ахматовском сб.», Париж). В 1994 сб. стихов М. вышел в изд-ве СПбГУ: Стихи / Сост. и вст. ст. К. Азадовского; подг. текста Д. Поцепни; послесл. Т. Хмельницкой. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1994.

Соч.: Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940; «Мцыри», поэма Лермонтова // Русская лит-ра. 1958. № 4; Поэзия Лермонтова. Л., 1959 (М.; Л., 1964); Критич. проза А. Блока // Блоковский сб. Тарту, 1964; Брюсов: Поэзия и позиция. Л., 1969; Стихи // Грани. 1971. № 79, 1973. № 87–88; Идея пути в поэтич. сознании А. Блока // Блоковский сб. Тарту, 1972; Поэзия и проза Блока. Л., 1975 (1981); Стихи. Лозанна, 1982 (под псевд. Игнатий Карамов); «Весы» // Русская лит-ра и журналистика нач. XX в., 1907–17. М., 1984 (совм. с А. Лавровым); Неск. слов о «Поэме без героя» // Блок и его окружение: Блоковский сб. Вып. VI. Тарту, 1985; О романе-поэме Андрея Белого «Петербург»: К вопросу о катарсисе // Dissertationes Slavicae. Szeged, 1985; Русские поэты нач. века: В. Брюсов, А. Блок, А. Ахматова. Л., 1986; Стихи // Обводный канал. 1987. № 12; О себе // Факт, домысел, замысел в лит-ре: Сб. Иваново, 1987; Стихи // Часы. 1988. № 75 (предисл. С. Стратановского); Стихи // Лит. обозрение. 1988. № 4 (публ. К. Азадовского); О себе // Europa Orientalis. 1989. № 8; Письмо Анне Андреевне Ахматовой на тот свет // Ахматовский сб. Вып. 1. Париж, 1989 (публ. В. Топорова); Стихи // Незамеченная земля. М.; СПб., 1991 (публ. и предисл. Г. Морева); Стихи. СПб., 1994.

Лит.: Лотман Ю. О поэзии науки (К 80-летию Д. Е. Максимова) // Блоковский сб. Вып. VII. Тарту, 1986; Стратановский С. О Д. Е. Максимове и его стихах // Обводный канал. 1987. № 12; Топоров В. Стихи Ивана Игнатова: Представление читателю // Блоковский сб. Вып. IX. Тарту, 1989; Топоров В. Об одном письме к Анне Ахматовой // Ахматовский сб. Париж, 1989; Азадовский К., Лавров А. Памяти Д. Е. Максимова // Лит. наследство. М., 1994. Т. 98. Кн. 2; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей коллег, учеников: К 100-летию со дня рождения. М., 2007.

М. Орлова

МАЛАХО́ВСКАЯ Наталия Львовна (псевд. Малаховская Анна-Наталия) [1947, Л-д] — прозаик.

В школе (1963–65) училась в классе Н. Долининой. В 1973 окончила филологич. фак-т ЛГУ, напис. дипломную работу о худож. мире А. Платонова.

С 1977 участвовала в выпуске ж. «37», в 1978 стала секретарем ред. ж. Печ. как прозаик с 1978. Опубл. в ж. «37» повесть **«Темница без оков»**, над кот. начала работать в 1964 (в печ. повесть появилась в 1997). В 1979 напис. докум. повесть **«Алеша»**, посвящ. судьбе трагически погибшего юного композитора А. Николаева.

С 1979 М. — активистка независимого женского движения, одна из ред. женского альм. «Женщина и Россия» и ж. «Мария», участница неизданной «Антологии женской поэзии» (1980). Подверглась преследованиям со стороны властей. В июле 1980 была вынуждена выехать из СССР вместе с др. создателями женских ж.

В 1980 М. жила в Австрии, позже поселилась в Германии, затем в Австрии. До 1982 продолжала выпускать ж. «Мария» по мат-лам, присылаемым из Л-да.

В сер. 1980-х обратилась к изучению русских волшебных сказок. В 1986 закончила работу над кн. **«Антология Бабы-Яги»**; в 1994 перв. часть кн. опубл. в моск. ж. «Преображение» и отмечена премией ж. В 1993 М. выпустила в СПб. роман **«Возвращение к Бабе-Яге»** (изд-во «Фарн»). В 1995 защитила в ун-те Зальцбурга дис. на тему **«Наследие Бабы-Яги: Отражение в волшебных сказках религиозных представлений и их следы в русской литературе 19–20 вв.»**. Доктор философии (1995). Работает на кафедре славистики Зальцбургского ун-та (с 1985). По мат-лам дис. опубл. кн. **«Наследие Бабы-Яги»** (СПб.: Алетейя, 2007).

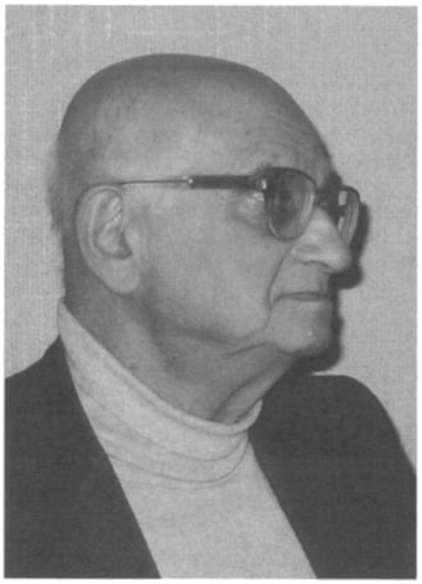
Публикует критич. статьи и рец. в «Гранях», «Преображение», «Континет». С 1992 проводит семинары и выступает с чтениями прозы в городах Австрии и Германии, в М. (Инт политологии) и СПб. (Музей Ф. М. Достоевского, СПбГУ, Центр гендерных проблем).

Соч.: Три песни // «37». 1978. № 16; Материнская семья // Женщина и Россия. 1980; Темница без оков: Главы из повести // Мария. 1981. № 1; В ненасытной утробе // Мария. 1982. № 2; На две половинки разрезанная душа // Грани. 1985. № 137; Будничная святость // Грани. 1985. № 138; Бочка меду и ложка дегтя: О поэзии В. Синкевич и И. Чиннова // Грани. 1987. № 143; Возвращение к Бабе-Яге. СПб., 1993; Антология Бабы-Яги // Преображение. М., 1994; Алеша // Континент. 1997. № 93; Наследие Бабы-Яги. СПб., 2007.

Лит.: Stefanovic B., Wertsman V. Free Voices in Russian Literature. NY., 1987; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Чупринин С. Русская литература сегодня. Зарубежье. М., 2008.

МАЛЕ́ВИЧ Олег Михайлович [24.6.1928, Л-д — 13.6.2013, СПб.; похоронен на Серафимовском кладб.] — литературовед, переводчик, поэт.

Родился в семье воен. инженера. В 1932–34 жил вместе с родителями во Франции (отец работал военпредом в торгпредстве). В 1935–36 семья жила в М. В 1936 отец — Михаил



Моисеевич — арестован, умер в Усть-печлаге (реабилитирован посмертно). Мать — Шмарова Людмила Михайловна, учитель — в 1938 как жена «врага народа» была три месяца под арестом (освобождена без последствий). После ареста отца М. с матерью вернулся в Л-д.

Во время войны перв. блокадный год М. был в Л-де, в авг. 1942 с матерью эвакуирован в Новосибирскую обл., Купинский р-н. Летом работал в колхозе, зимой учился. В 1944 вернулся в Л-д, где закончил школу. В 1947–53 учился на филологич. факте ЛГУ, в 1958–61 — в аспирантуре ЛГУ и Карлова ун-та в Праге (1961–62). В 1950 — нач. 1960-х преподавал русскую лит-ру в старших классах лен. школ. Канд дис. защитил в ЛГУ (1964). В 1998 М. присвоено звание почетного доктора Карлова ун-та.

Лауреат премий «Bohemica» (вместе с женой В. Каменской) (1981), «Artis Bohemiae amicis» (2009), «Gratias agit» (2011).

Осн. переводы: К. Полочек. Эдуант и Франциомор (М., 1967); Д. Хробак. Дракон возвращается (М., 1968); К. Светлая. Деревенский роман (совм. с В. Каменской) (Л., 1972); соч. И. Ольбрехта, Р. Пытлика, М. Руфуса, Т. Г. Масарика, Карела Чапека, П. Когоута и др. Помимо В. Каменской в совместной работе над переводами участвовали В. Савицкий и И. Инов.

Особое место в тв-ве М. занимает поэзия. Наиболее значима перв. из двух кн. — **«Пешеход»**. Это интеллектуальная поэзия, отразившая сложную биографию автора («Пробились в люди „враженята", но не смывается клеймо»), его богатую переживаниями жизнь со своей единственной «музой» («Мелодия твоей печали, / Виолончель твоей спины»), вдохновившей поэта на свежие незаемные образы («Я возвожу в себе готический собор / По чертежам, тобой начертанным заране»). В стих. этой кн. возникает образ отца и его друзей, кот. в 1930-е накрыли «прямой наводкой» (**«Баллада об отце»**). В кн. звучат горькие слова о трагедии братского народа в 1968-м (**«...О Чехия, слезное море, нездешняя греза моя»**). Под одной обложкой фактически уместились неск. книжек. Это **«Страницы истории»**, **«Мой город»**, **«Прощание с детством»**, **«VICTORIA REGIA»**, **«Венеция — Рим»**, **«Иволга»**, **«Мемориал»**.

Трудно назвать начинающим двадцатилетнего автора столь проникновенных строк (1948): «Опадает с золотистых яблок / Невесомо легкий пух зари. / Утро просыпается, как зяблик, / На раскидистых ветвях Земли. / У озер, где ночью холодели / Лилии на лаковой воде, / Осторожно стряхивает зелень / Матовые перья лебедей. / Рыбу звезд вылавливают сети. / Небо раскололось в камышах. / И звенит на розовом рассвете / Зяблика озябшая душа». В пору студенчества студенты мало кто подозревал о существовании поэта такого уровня. Но позже, в 1969-м, еще отраднее, что никто не «подозревал» о совсем др. его стихах: «И строфы нерожденных книг / Лежат, как трупы, штабелями... / А рядом ходят кобелями / Доносчик — критик — цензор — шпик». В том же году написаны чеканные строки стих. **«Два лика»**: «Но гранитная вечность плыла сквозь меня / И в течении этом свой смысл обретала. / Ярость всадника, непокорная сила коня / И тупая незыблемость пьедестала».

Награжден почетными медалями Президиума Чехословацкой и Чешской АН, Министерства культуры Чешской республики.

Соч.: Карел Чапек: Критико-биографич. очерк. М., 1968 (1989); Владислав Ванчура: Критико-биографич. очерк. Л., 1973; Пешеход. Стихи. 1947–87. Л., 1991; Bratři Čapkové. Praha, 1999; Osobitost české literatury. Praha, 2009; Между двумя поцелуями. СПб., 2009.

Перев.: Я. Халупка. Коцурково, или Как нам в дураках не остаться (в соавт. с В. Савицким) // Классич. драматургия стран народной демократии. М., 1955. Т. 1; П. Когоут. Хорошая песнь (в соавт. с Л. Друскиным, И. Ивановым, В. Каменской). М., 1957; Ф. Шрамек. Месяц над рекой (в соавт. с И. Ивановым). М., 1958; В. Цыныбульк. Приключения Каима, африканского мальчика (в соавт. с В. Каменской). М., 1961; К. Полачек. Эдудант и Франциомор. М., 1967; Д. Хробак. Дракон возвращается. М., 1968; К. Светлая. Деревенский роман. Л., 1972 (в соавт. с В. Каменской); И. Ольбрахт. Удивительная дружба актера Есениуса. М., 1973 (в соавт. с В. Каменской); Шамберк Ф. Одиннадцатая заповедь (в соавт. с И. Иновым). М., 1973; К. Чапек. Адам-творец (в соавт. с И. Иновым) // Чапек К. СС: В 7 т. М., 1976. Т. 4; Я. Малик. Сильвестр // Драматургия Чехословакии. М., 1976; Р. Пытлик. Гашек. М., 1977; М. Стингл. Тайны индейских пирамид. М., 1977; В. Замаровкий. Их величества пирамиды. М., 1981 (1986); Ф. Шрамек. Месяц над рекой (в соавт. с И. Иновым) // Чешская и словацкая драматургия перв. пол. XX в. Т. 1. М., 1985; М. Кратохвил. Европа в окопах. Л., 1990; П. Карваш. Патриоты из города Йо, или Королевство за убийство. М., 1990 (Братислава, 1990); М. Руфус. Чтение по ладони. СПб., 2000 (в соавт. с В. Каменской); Т. Г. Масарик. Россия и Европа. Т. 3. СПб., 2003 (в соавт. с В. Каменской); П. Карваш. Тайна сфинкса. СПб., 2004 (в соавт. с В. Каменской и В. Савицким); Л. Биринский. Хоровод масок (в соавт. с В. Каменской) // Балтийские сезоны. 2004. № 10; П. Карваш. Ночное посещение (в соавт. с В. Каменской) // Карваш П. Тайна сфинкса. СПб., 2004; Карел Чапек. Письма из будущего. СПб., 2005 (в соавт. с В. Каменской); П. Когоут. Такая любовь. СПб., 2007; П. Когоут. Август, Август, Август (в соавт. с В. Савицким) // Чешская и словацкая драматургия перв. пол. XX в. Т. 2; П. Когоут. Несчастный убийца // Там же; П. Когоут. Пат, или Игра королей (в соавт. с В. Савицким) // Там же; П. Когоут. Эрос (в соавт. с В. Савицким) // Там же; Ю. Барч-Иван. Двое // Увядший сад любви: Восемь словацких пьес. СПб., 2008; К. Горак. La musica // Там же; В. Климачек. Чехов-боксер // Там же; Р. Олекшак. Молчание // Там же. См. также: Выборочная библиография О. М. Малевича // Ежегодник Об-ва братьев Чапек. СПб.; Прага, 2008.

А. Рубашкин

МАЛЫ́Х Мария Александровна [10(22).8.1879, Иркутск — 9.8.1967, Л-д] — издатель, литератор.

Дед по отцу, Герасим Осипович, был крестьянином с. Урик, неподалёку от Иркутска. Помимо крестьянского труда занимался извозом между Томском и Иркутском, между Иркутском и Кяхтой. Благодаря извозу смог нажить состояние, кот. позволило ему расширить хозяйство. Для жителей села построил церковь и школу, заслужив тем самым звание Почетного крестьянина с. Урик. Был известен среди жителей села не по фамилии М., а по прозвищу Водохлебов. Содействовал и помогал декабристам, жившим на поселении в Урике, в частности Н. Муравьеву, о чем упоминает в воспоминаниях дочь декабриста С. Бибикова. В отличие от него сыну Александру, отцу М., коммерч. удача не сопутствовала. Жил в Иркутске, занимаясь извозом и приобретая акции приисков, кот. в итоге обесценились. Женат был на дочери томского купца Евдокии Пилясовой. В семье было четыре дочери и два сына. В 1885 семья переехала в г. Томск. Здесь в юношеские годы М. училась в Томской гимназии, много читала (в т. ч. Белинского, Писарева, кн. по истории), вела личный дневник.

В 1896 отец М. умер. В следующем, 1897, Мария вопреки воле матери уехала в СПб. и поступила учиться на курсы П. Лесгафта. Обучалась на курсах неск. месяцев, затем в составе отряда студенток и курсисток, сформированного писателем В. Короленко, оказывала помощь голодающему населению Поволжья, пострадавшему от засухи. Участие в экспедиции утвердило М. в решении стать медиком, и в конце 1897 она уехала в Швейцарию, где поступила на учебу в Цюрихский ун-т (в России женщины тогда не имели права на образ.). В Швейцарии вошла в круг революционеров-эмигрантов, познакомилась с Г. Плехановым, В. Засулич, В. Лениным. Входила в социал-демократ. кружок «Карл Маркс» (Рига). Оказывала помощь в изд. и распространении нелегальных рев. изд. в России. За границей впервые обратилась к марксистской лит-ре, и её поразил факт, что цена этих кн. высока и потому кн. не доступны тем, на кого они рассчитаны. В Швейцарии решила посвятить себя изд. деятельности. Там же она и её будущий муж А. Эдельман приняли решение возвратиться в Россию и создать легальное изд-во дешевой, доступной для народа лит-ры, в т. ч. марксистской. В 1901 изд-во «Молот» приступило к работе. Первоначально изд-во располагалось по адресу Садовая ул., д. 119 в 5-комнатной кв. № 6, в кот. жила и работала сама М. В изд-ве выходили популярные социально-политич. брошюры, демократич. беллетристика. Перв. кн. — «Сны». Изд-во М. выпустило неск. серий дешевой худож. лит-ры: «Общедоступная читальня», «Страницы альбома», «Новый лубочник». Кн. этих серий М. стоили от 1 до 5 копеек и быстро раскупались. Марксистскую лит-ру М. изд. в серии «Совр. научно-образовательная библ-ка» (60 назв.), с 1905 — серии «Пролетариат», «Научное миросозерцание» и др. В годы революции 1905–07 опубл. труды К. Маркса и Ф. Энгельса, П. Лафарга, А. Бебеля, В. Либкнехта, К. Каутского, Г. Плеханова и др. В серии «Пролетариат» вышли Программа РСДРП(б), принятая на II съезде, работа Ленина «К деревенской бедноте» (60 тыс. экз., весь тираж передан партии бесплатно), «Женщина-работница» Н. Крупской (20 тыс. экз.). В 1906 М. открыла собств. типографию (10 я линия ВО, д. 43; там же располагалось изд-во). С М. активно сотрудничали А. Елизарова-Ульянова, В. Бонч-Бруевич, В. Воровский, А. Коллонтай и др. В изд-ве М. выходило много «идейной беллетристики»: «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе» М. Горького, «Ткачи» Г. Гауптмана, «Смерть Дантона» Г. Блохнера, партийный гимн «Интернационал», сб. рев. песен и др. Доходы от деятельности изд-ва М. передавала г. о. товарищам за границу. За короткий срок изд-во М. стало (при актив. сотрудничестве большевиков) одним из крупнейших изд-в марксистской лит-ры в России.

Рев. направление изд. деятельности М. приводило к тому, что неоднократно её изд. конфисковывались и уничтожались, она привлекалась к суду. В 1909 кн. склад и типография были конфискованы. М., спасаясь от суда, нелегально уехала в Швейцарию. Изд. деятельность продолжала за границей. Изд. в Цюрихе атеистич. ж. «Авангард».

В нач. Первой мировой войны, в 1914, получив разрешение вернуться на родину, М. отправилась на фронт сестрой милосердия. Была среди организаторов питательного пункта для беженцев на ст. Сортировочная. После Февральской революции зав. изд-вом Временного комитета Гос. Думы.

После Октябрьской революции участвовала в общ. жизни страны, работала в ряде сов. изд-в, сотрудничала в различных органах печ., занималась переводами с иностранных яз., приводила в порядок книжные фонды АН. С 1927 (по состоянию здоровья) — персонал. пенсионер.

В 1930-е был арестован и расстрелян брат М. Сергей, его дочь Людмила прошла неск. лагерей ГУЛАГа. В 1938 была арестована и расстреляна дочь М. — Эрнестина. Удалось избежать ареста самой М.: кто-то из друзей предупредил её об аресте, она уехала к сестре в г. Горький. До ее возвращения в Л-д в 1944 о месте жительства и характере деятельности М. определенно ничего не изв.

В 1950 в Иркутске поселилась семья дочери мл. брата М. — Валентины Сергеевны М., кот. поддерживала общение с М., оставила воспоминания о семье, где имеются сведения о М. (воспоминания передала в Музей истории г. Иркутска, часть их опубл.).

Архив: ЦГАИПД СПб. Ф. 8921, 384 ед. хр. 1879–1967. В архиве рукопи-

си: пьесы, статьи, рассказы, стихи; переводы произведений А. Барбюса, Р. Бацина; воспоминания о детях М. Дневники (1889–1957) и подгот. записи к ним (1879–1967). Документы изд. и общ. деятельности М. Переписка с родственниками, друзьями, знакомыми; с ИМЛИ об изд. произведений М. Горького и др. Часть архива хранится в Гос. архиве Томской обл.

Лит.: Ленин В. ПСС. 5 изд. Т. 47; Дун А. Изд-во Марии Малых // Книга: Иссл. и мат-лы. Сб. 6. М., 1962; БСЭ: В 30 т. 3-е изд. М., 1969–78. Т. 15; Баренбаум И. История книги. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник / Редколл. Л. Белова, Г. Булдаков, А. Дегтярев и др. М., 1992; Книга: Энц. / Редколл. И. Баренбаум, А. Беловицкая, А. Говоров и др. М., 1998; Малых В. С. Памяти детства // Жертвы полит. репрессий Иркутской обл.: Память и предупреждение будущему. Т. 5. Иркутск, 2002; Ерофеев А. Улица Садовая, 119 // Веч. Петербург. 2009. 9 апр.

МА́ЛЫШЕВ Владимир Викторович (псевд. Николай Самоваров, Андрей Соколов, Егор Терпсихоров) [1.3.1945, Порккала-Удд] — публицист, очеркист, прозаик, сценарист.

Отец в годы войны — офицер Балтийского флота, мать в период блокады в составе строительного батальона работала на Дороге жизни. М. родился на военно-морской базе Порккала-Удд (территория, арендуемая в то время у Финляндии), где служил отец, но считает себя коренным ленинградцем: в Л-де М. провел детство, закончил школу № 30. В 1969 окончил итальянское отд. филологич. фак-та ЛГУ, овладел итальянским, английским, греческим и французским яз. Учился также на восточном фак-те ЛГУ, где изучал персидский и арабский яз. В теч. года работал переводчиком-стажером с группой сов. специалистов в Республике Сомали. Перв. публикации — в лен. молодежной газ. «Смена».

Затем переехал в М. и поступил на работу в ТАСС (1972). В теч. мн. лет работал корреспондентом и зав. отделениями ТАСС в Италии (1973–80) и Греции (1986–2006). В перерыве между загранкомандировками работал в центр. аппарате ТАСС в М. главным выпускающим и зав. редакцией стран Зап. Европы.

Член Союза журналистов СССР с 1973. Публ. в газ. «Известия», «Сов. Россия», «Красная звезда», «ЛГ», «Моск. комсомолец», «Россія», «СПб. ведомости», в ж. «Иностранная лит-ра», «Дружба народов», «Новое время», «Вокруг света», «За рубежом» и др.

Автор мн. книг в жанре полит. публицистики; первая из них, **«За ширмой масонов»** (М.: Сов. Россия, 1984) рассказывает о скандале вокруг тайной масонской ложи «П-2», стоявшей за актами террора и полит. убийствами в Италии. Автор подчеркивает связь масонской ложи с ЦРУ США, показывает, как, опираясь на неофашистов, террористов и мафию, масоны готовили в стране правый переворот. В соавт. с Э. Ковалевым написал кн. **«Террор: исполнители и покровители»** (М.: Изд-во полит. лит-ры, 1984) и **«За кулисами террора»** (М.: Юридич. лит-ра, 1985), также разоблачающие деятельность ЦРУ в Зап. Европе. Проблемам итальянской совр. жизни посвящ. кн. **«Вечный город?»** (М.: Сов. Россия, 1987), **«Пиния на ветру: Очерки о совр. Италии»** (М.: Мысль, 1987), **«Процесс над мафией»** (М.: Юридич. лит-ра, 1989). Книги М. перев. на иностр. языки и изд. в Германии, Армении и Латвии. В 1983 по сценарию М. реж. Т. Лисициан на киностудии «Мосфильм» сняла полит. приключ. фильм **«Тайна виллы "Грета"»**; прообразом для сюжета послужили скандальные разоблачения итальянских политиков-масонов.

Во время работы в Греции в 1990–2000-е был создателем и гл. редактором ряда русскоязычных газет в Афинах: «Афинский курьер», «Российский вестник», «Русская мысль — Афины-инфо», а также делового ж-ла «Бизнес с Россией».

В живой и увлекательной манере написаны кн. М. о Греции, изд. в России и Афинах: **«Русские в Греции»** (Афины: Скорпион, 2002), **«Греческие тайны и секреты»** (Афины: Скорпион, 2003). В кн. **«Белое и голубое: Очерки о совр. Греции»** (СПб.: Изд-во ж-ла «Нева», 2000) непринужденно и занимательно рассказано о нынешней жизни страны, о ее народе, хранящем память о славном прошлом. Составленные М. путеводители **«Русские Афины»** и **«Русская Греция»** (Афины: Бизнес-Греция, 2011) — перв. книги, повествующие о русских в Элладе, о вековой истории связей двух стран, о тех достопримечательных местах Греции, кот. связаны с Россией.

Греческая тематика присутствует и в детективных повестях (изд. под псевд. Н. Самоваров) **«Умереть в Афинах»** (СПб.: Изд-во ж-ла «Нева», 1999), **«Россия: 2017 год, или Тайна Омфалоса»** (СПб.: Петроцентр, 2009), **«Тайны узника тюрьмы "Коридаллос"»** (Афины: Российский вестник, 2000), **«Выстрелы на Мойке»** (Афины: Российский вестник, 2001), **«Смерть коллекционера»** (Афины: Российский вестник, 2001), **«Восточный шпион»**, **«Греческие приключения майора Пронина»** (Афины: Российский вестник, 2002).

С 2006 по 2012 М. работал гл. ред. газ. Правительства СПб. «Петербургский дневник». Орган большое внимание уделял ист. тематике в соответствии с позицией М.: «...людей больше всего сейчас интересуют именно история, мемуары, люди задумываются о том, что с нами было, и почему мы — самая богатая ресурсами страна в мире — живем еще гораздо беднее своих европейских соседей. Ответ на этот вопрос мы ищем в прошлом, в нашей истории, в уроках крушения императорской России и трагического распада СССР» (Право Информ. 2011. 7 мар.). М.

публиковал в данной газ. (под псевд. А. Соколов) очерки и заметки, кот. легли в основу двух его кн. **«Петербургские тайны: Занимательный ист. путеводитель»** (СПб.: Полакс, 2012), первая из кот. имеет подзаголовок «Город и его камни», вторая — «Город и его люди». Это увлекательные и таинственные истории с элементами детектива о жизни города, его памятниках и петербуржцах. Среди героев очерков — деятели культуры, ученые, изобретатели, военные: Шишкин, Набоков, Грибоедов, Гоголь, Некрасов, Грин, Павлов, Бехтерев. Значительная группа персоналий — деятели русской эмиграции: Питирим Сорокин, Сикорский, Алёхин и др.

О своей жизни и работе за рубежом М. рассказал в кн. **«Афинский корреспондент. Необыкновенные приключения "за бугром". Документальные истории»** (СПб.: Полакс, 2012). В 2012 по сценарию М. для 1-го канала ТВ был снят приключ. фильм **«Вербовщик»** о сов. разведчике Дмитрии Быстролетове (киностудия «Артель»).

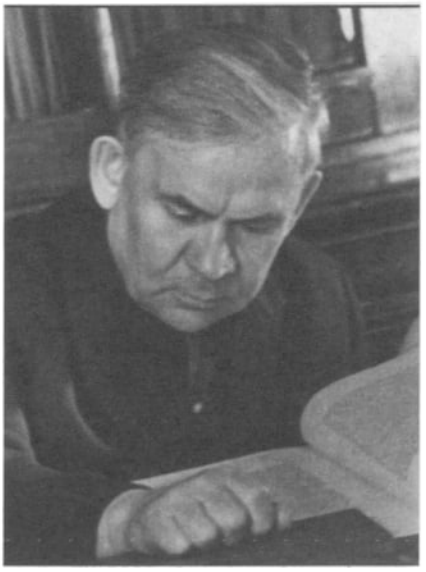
С 2012 М. — директор СПб. Дома писателя. Член СП России (СПбО., 2013) и СП СПб. (2013).

Соч.: За ширмой масонов. М., 1984; Пиния на ветру: Очерки о совр. Италии М., 1987; Вечный город? М., 1987; Процесс над мафией. М., 1989; Террор: вдохновители и исполнители: Очерки о подрывной деятельности ЦРУ в Зап. Европе. М., 1984 (в соавт. с Э. Ковалевым); За кулисами террора. М., 1985 (в соавт. с Э. Ковалевым); Белое и голубое: Очерки о совр. Греции. СПб., 2000; Умереть в Афинах. Тайна узника тюрьмы «Коридолос». СПб., 2001 (псевд. Н. Самоваров); Петербургские тайны. СПб., 2008; Россия: 2017 год, или Тайна Омфалоса: Приключ. повесть. СПб., 2009; Русская Греция. Афины, 2011; Петербургские тайны: Занимательный ист. путеводитель: Город и его камни. СПб., 2012; Петербургские тайны. Занимательный ист. путеводитель. Город и его люди. СПб., 2012.

Лит.: Самойленко Э. Я этим городом храним / Беседа с В. Малышевым // Право Информ. 2011. 7 мар. № 10; [Обсуждение книг В. Малышева] // сайт СПб. Дома писателя, http://dompisatel.ru/node/1252; Французова М. [о презентациях книг В. Малышева] // сайт http://www.mf-books.ru/root/9743.

А. Любомудров

МА́ЛЫШЕВ Владимир Иванович [23(10).7.1910, г. Наровчат Пензенской обл. — 2.5.1976, Л-д, похоронен на Серафимовском кладб.] — историк древнерусской лит-ры, археограф, литературовед.



Самостоятельную трудовую жизнь начал в Наровчате в 1925. После переезда в Л-д с сент. 1928 по сент. 1931 работал шлифовщиком оптич. стекла на «Ленсозе».

В 1932 окончил рабфак и поступил на курсы по подготовке в вуз при Лен. ин-те лит-ры и истории (впоследствии филологич. фак-т ЛГУ), студент с сент. 1932. По состоянию здоровья с мая 1934 по сент. 1936 работал сотрудником краеведч. музея в г. Боровске Моск. обл., после чего вернулся в ЛГУ, кот. окончил в 1939 с квалификацией «литературовед-русист». С янв. по сент. 1940 работал ст. библиотекарем в Отделе рукописей БАН, а с сент. 1940 по 3 авг. 1941 был науч. сотрудником в Карело-финском научно-иссл. ин-те культуры и преподавал в Петрозаводском ун-те.

Во время Великой Отеч. войны воевал на Лен. фронте, был трижды ранен. С февр. по июль 1946 работал ст. библиотекарем ГПБ им. М. Салтыкова-Щедрина, с 20 июля 1946 — науч. сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР.

Канд. дис. **«Повесть о Сухане (из истории русской повести XVII в.)»** защитил 29 марта 1956, докт. — **«Исследования и разыскания по лит. наследию Древней Руси»** (по совокупности трудов) — 11 янв. 1968. В 1972 присвоено звание «Засл. деятель науки РСФСР».

Перв. науч. публикация относится к 1940. Все осн. работы связаны с открытием и исследованием новых рукописей и памятников древнерусской лит-ры («Слово о погибели Русской земли», повести о Сухане, об осаде Пскова Стефаном Баторием, о дворянине Карле и др.). Особое значение имеют статьи, посвящ. изучению биографии и рукописного наследия протопопа Аввакума. Большое внимание уделял обследованию и описанию малоизв. архивов и частных коллекций. Возродил работу по разысканию древнерусских рукописей у населения, что позволило создать в ПД самостоятельное Древлехранилище, насчитывающее ныне более двенадцати тыс. рукописей XII–XX вв., одно из крупнейших в России. Им собрано более 2 тыс. рукописных книг XIV–XVIII вв. и передано в Древлехранилище ПД, в рукописные отделы БАН и ГПБ (ныне РНБ). Итогом археографич. обследования р. Печоры стала кн. **«Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XIX вв.»** (Сыктывкар, 1960) — образцовое исследование рукописной традиции, истории и культуры северного края.

Служил в ИРЛИ до дек. 1970.

Участвовал в колл. трудах: ТОДРЛ. Т. 4–18, 20–24 (М.; Л., 1940–62, 1964–69); «Учен. записки Лен. пед. ин-та им. А. И. Герцена». Т. 67 (Л., 1948); «Бюллетени Рукописного отдела». Вып. 6–9 (М.; Л., 1956–61) и др. В ТОДРЛ с т. 10 (М.; Л., 1954) организовал специальный раздел «По рукописным собраниям Советского Союза». Пост. публиковал статьи в ж. «Русская лит-ра» и др. Исследовательские работы М. основаны на глубоком изучении первоисточников и касаются древнерусских памятников первостепенного значения: «Житие Александра Невского», «Слово Даниила Заточника», «Повесть о Горе-Злочастии» и др.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Л-да», «За победу над Германией в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.».

Архив: ИРЛИ, ф. 494.

Соч.: Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома.

Л., 1972; Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985; В. И. Малышев. Избр.: Статьи о протопопе Аввакуме. СПб., 2010.

В. Бударагин

МАЛЫ́ШКИНА Ольга Георгиевна [9.7.1959, Л-д] — литературовед, журналист, редактор.

Окончила отд. русского яз. и литры филологич. фак-та ЛГУ (1981). В 1981–87 работала в ред. истории фабрик и з-дов изд-ва ОК КПСС «Лениздат», сначала мл. ред., с 1984 — ред. В 1987–90 училась в очной аспирантуре на кафедре истории сов. лит-ры ЛГУ. В 1992 в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) защитила канд. дис. по теме **«Новеллистика П. С. Романова 1920-х гг.»** (науч. рук. Г. Филиппов). Обл. науч. интересов — литра XX в. (малая сатирич. проза 1920-х, совр. постмодернистская лит-ра, тво Т. Толстой).

В 1990–2004 работала в «Новом журнале» (СПб.): сначала обозревателем, с 1992 — зам. гл. ред. На протяжении 12 лет осуществляла изд. процесс — от формирования ред. портфеля до лит. правки рукописей. Авторами НЖ были изв. лен.-спб. писатели и ученые. Неизменными ориентирами НЖ оставались объективность анализа, непредубежденность, идеалы культурной преемственности и созидания. Даже в условиях журнального бума 1990-х НЖ сумел занять свою нишу и оставался самобытным явлением в истории отеч. журналистики. В 2005 в связи с финансовыми трудностями НЖ перестал выходить.

В 1990–2000-е совмещала ред.-издательскую деятельность с преподавательской: работала в Ин-те иностранных яз., СПбГУ.

С 2011 — шеф-редактор молодежных проектов ж. «Нева».

Член Союза журналистов с 1999.

Соч.: [Александр Зиновьев] // НЖ. 1991. № 6; [Эфраим Севела] // НЖ. 1991. № 6; «Я никогда не был подголоском эпохи...» // НЖ. 1991. № 7; «Я вырываюсь из плененья...» // НЖ. 1994. № 1; [И. Гориславский] // НЖ. 1997. № 4; [Ф. Тютчев: к 200-летию со дня рождения] // НЖ. 2003. № 2; П. С. Романов // Русская лит-ра XX в. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиогр. Словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Н. Скатова. М., 2005; Роман Т. Толстой «Кысь»: От карнавала к необарокко // Русская лит-ра XX в.: Теория и практика. Вып. 6. СПб., 2007; Игровые мотивы в романе Т. Толстой «Кысь» // Роман Татьяны Толстой «Кысь»: Текст и его интерпретация. Вып. 2. СПб., 2007.

Лит.: Скобликова-Кудрявцева Т. Слова для первого лица. СПб., 2012.

Д. Песков

МА́ЛЬЦЕВ Виктор Алексеевич (псевд. Малец Питерский) [10.12. 1959, г. Оленегорск Мурманской обл.] — поэт, сценарист, музыкант, певец, композитор, аранжировщик.

Среднюю и муз. школы окончил в г. Оленегорске. В 1977 поступил и в 1981 окончил Мурманское муз. училище по классу духовых инструменто. По окончании училища работал преподавателем ДМШ и аккомпаниатором танцевального коллектива и агитбригады ДК в г. Мончегорске. В 1983 поступил в Лен. ин-т культуры им. Н. Крупской на эстрадное отд. по классу саксофона. До 1996 работал в различных муз. коллективах Л-да (СПб.) саксофонистом и флейтистом, в т. ч. в ансамблях «Белые ночи», «Мифы» и группе В. Резникова «Марафон». В сер. 1990-х работал в «Гильдии актёров кино» и «Петербургконцерте» автором-исполнителем.

С 1996 начал работать в кач. сценариста, затем и ред. на ТК РТР и «Культура». Напис. около ста сценариев для различных телепередач, в т. ч. сценарии программ «Околёсица», «Домино», «Боярский двор» и др.

Перв. муз. диск CD в качестве музыканта-мультинструменталиста (саксофон, флейта, туба, владимирские рожки, вокал) выпустил в Лондоне в 1989 под назв. «DOCUMENT. New music from Russia» в составе группы «Солнцеворот» Р. Дубинникова.

На протяжении мн. лет сотруднич. в качестве поэта, композитора и аранжировщика с различными театрами и актёрами СПб. Перв. альбом с песнями записан М. Боярским и наз. «Дорога домой». Неск. альбомов запис. актёром О. Басилашвили, певцом С. Захаровым и др. Мн. отд. песен М. спето актёрами Д. Харатьяном, С. Бехтеревым, В. Никитенко, Е. Александровым и др.

Автор музыки к спектаклям «Без вины виноватые» А. Островского и «Женатый таксист» Р. Куни. Неск. лет занимался аранжировкой музыки к спектаклям лен. Театра комедии им. Н. Акимова.

Песня **«Петербург моего одиночества»** вкл. Союзом композиторов к 300-летию города в число тридцати лучших песен, напис. о Л-де-СПб.

Перв. публ. стихов М. состоялась в 1974 (М. был в 7-м классе школы) в газ. «Заполярная руда». С 2000 по 2004 еженедельно печ. в газ. «Веч. Петербург». Перв. кн. лирич. стихов **«Страсти по Питеру»** вышла в 2001. В дальнейшем работал преимущественно в сатирич. жанрах (поэма, эпиграмма). Стихотворения М., кот. он сам, как правило, наз. «петербуржики», представляют собой по

преимуществу сатир. эпиграммы, обыгрывающие крылатые слова русского языка и классич. фрагменты русской поэзии, кот. на языке совр. лингвистики наз. прецедентными высказываниями. Можно сказать, что этот жанр существовал и раньше. Однако «в оранжировке» М. популярный жанр совр. моск. постмодернистской поэзии (И. Губерман, И. Иртеньев и др.) приобретает поистине «лица необщее выраженье», причем выражение истинно петербургское. Чтобы представить себе эти различия, достаточно сравнить, напр., губермановское «Давно пора, ебена мать, умом Россию понимать» и «Хотел умом Россию я понять. Теперь, пардон, ни сесть, ни лечь, ни встать» М. Впрочем, интертекстуальная стихия (едва ли не половина из «петербуржиков» — своего рода перифразы строк из классич. поэзии) вообще представлена в них гораздо шире.

В сущности, М. реанимирует — на новом витке развития русской поэзии — жанры т. н. «французской антологии», популярные в русской поэзии александровского века: краткие басни, сказки, нравств. мысли, надписи, мадригалы, эпиграммы, эпитафии и др. мелкие стих. Все это миниатюры, и все это т. н. «легкая поэзия» — с той только разницей, что совр. «легкие миниатюры» М., как правило, отмечены не только тонкой иронией, но и самоиронией или иронич. мадригальностью. В «петербуржиках» М. не грузит, а разгружает, не подавляет ученостью, а схватывает в метких строчках неровный ритм жизни совр. «чудака Евгения» — живого человека, осознающего свое третьетысячелетнее бытие в старых декорациях вечного СПб.

В наст. время готовится к выходу поэма М. **«Голос из колодца»** (в кн. варианте и с CD-диском; поэма записана Б. Смолкиным и сопровождается муз. О. Каравайчука).

Член СП России с 2010.

Соч.: Страсти по Питеру. СПб., 2001; Петербуржики. СПб., 2001; Сказ о Мальце Питерском и хане Крымском. СПб., 2003; 1001 нетрезвая мысль на нетрезвую голову. М., 2006; Лит. петербуржики. СПб., 2007; Петербуржики-2. СПб., 2008; Настольные петербуржики. СПб., 2008; Гадательные петербуржики. СПб., 2009.

Лит.: Панченко А. «Все в свой черед...»: О поэзии В. Мальцева // Мальцев В. Страсти по Питеру. СПб., 2001; Зиновьева Е. Петербуржики Мальца Питерского // Нева. 2008. № 3; Кибальник С. Звонок из Пушкинского Дома // Домовой Малец Питерский. Настольные петербуржики. СПб., 2008; Кибальник С. Факс из Пушкинского Дома // Домовой Малец Питерский. Настольные петербуржики. СПб., 2008; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

С. Кибальник

МА́ЛЬЦЕВА Алина Матвеевна [10.11.1940, с. Ново-Меловое Ясеновского р-на Курской обл.] — поэт.

Отец — директор сельской школы, мать — учитель. В годы войны семья была эвакуирована в г. Кунгур на Урале, где отец работал чекистом в НКВД. С 1944 семья проживала в Карелии, где отец продолжил службу. Детство проходило на берегу Беломоро-Балтийского канала им. Сталина, среди карельских лесов, что получило отражение в тв-ве М. По её словам, дикая сев. природа стала для неё духовной матерью.

Среднюю школу закончила в г. Лахденпохья в 1958 и поступила в ЛПИ им. М. Калинина По окончании работала инженером-конструктором до 1994 в Л-де.

Стихи начала писать в 1980-е. Около 10 лет занималась в ЛИТО под рук. Г. Гоппе. Перв. кн. лирики **«Грустно было б не родиться»** вышла в 1991. В 1994 принята в СП России.

Стихи печ. в ж. «Север», «Русский мир», «Роман-ж.», «Аврора», «Нева» (очерки), «Родная Ладога», в антол. «Поэтич. антология нач. XXI в.» (СПб., 2005), «Точка отсчёта» (СПб., 2010), в альм. «День русской поэзии», «Невский альм.», «Рог Борея», «Гармония», «Синь апельсина», «Молодой Петербург» (очерк), в газ. «Лит. Россия», «Российский писатель», «Лит. Петербург», «Морская газ.», «Политехник». Ее стихи вошли в колл. сб. «Второй Петербург» (СПб., 1996), «Медвежьи песни» (СПб., 1997, 1998), «Милой лирики прозрачные прохлады» (СПб., 1998), «Поющие волны» (СПб., 1999), «Свидание» (СПб., 1999), «России сердце не забудет» (СПб., 1999), «Адмиралтейская игла» (СПб., 2006), «На всех одна победа» (СПб., 2010), «Дорога» (СПб., 2011), «Русское слово» (СПб., 2012), «Изящная словесность» (СПб., 2012).

К наст. вр. изд. 11 сб. лирики — **«Грустно было б не родиться»** (1991); **«След»** (1993); **«Проникновение»** (1994); **«Поэма о Беломорканале»** (1995); **«Семь вёрст до небес»** (1995); **«Поколдуй перед самым закатом...»** (1997); **«На краешке зари»** (2000); **«Сестра севера»** (2003); **«На невидимых весах»** (2005); **«Мост над пропастью»** (2007) и **«Избранное»** (2010).

Философское видение мира М. выражает через глубинную связь с природой. Духовность, отражение жизни в небесном «зеркале» являются определяющими в поэтич. тв-ве М. В лирике нашли отражение и вопросы смысла жизни, богоискательство. Во вст. ст. к кн. «Грустно было б не родиться» С. Макаров пишет: «Как мне думается, аналоги творчества М. следует искать в лучших образцах драматической лирики таких ярких русских поэтесс, как княгиня Дашкова и графиня Ростопчина. И, конечно же, своё развитие, своя современная стёжка в творческом начале: "Зимний день плывёт, как летний вечер, / тишиной командует мороз. / И ничто на свете так не лечит, / как молчанье белое берёз..."». Для стихов М. характерны разнообразие ритмики, народного поэтич. фольклора, музыкальность. А. Шевелёв в предисл. к сб. «След» говорит: «Проявился талант уверенно и вдохновен-

но. Народность для М. — не отвлечённое понятие, а чувствительный камертон: "Как ошибся ты, мой роковой! / Родилась не былинкой квелою,— / тут же вскинусь разрыв-травой / поднимусь я зарёй смелою!"». В связи с появлением кн. «На краешке зари» В. Ефимовская отмечает следующее: «Импрессионистическим субъективизмом пронизано поэтическое творчество М. Ей удаётся передать свето-воздушную среду, многоголосный пульсирующий звуковой фон жизни. Стихи так эмоциональны, что, кажется, наполнены стремительным движением». Г. Черноголовина в кн. лирики «Сестра севера» выделяет: «Не отстранённое созерцание свойственно поэту, а самозабвенное сопереживание с природой, граничащее с её очеловечиванием: "Зима постарела и плачет, / трещит под ней гибельный лёд, / плетётся дорожною клячей, / ...Зима залегла за курганы да к утру весну родила". Как отпечаток света в закрытых глазах: "Мне не знать бы про смерть нисколько — / я не всё ещё знаю про жизнь"». О сб. стих. «Мост над пропастью» Г. Муриков пишет: «Очень ярко поэтесса умеет выразить невыразимое так, что и мы останавливаемся, как заворожённые: "Слабо ли тебе, моя смелая, / поняв: всё возможное сделано, / с напастью продолжить свой бой! / — Не слабо!"».

В 2011 выходит кн. очерков А. Бондаренко «Поэты и прозаики невских берегов», где в очерке «Лучшее из десяти лирических книг» автор раскрывает тв-во М. с разных сторон: «Стихи насыщены образами, метафорами, эпитетами, их нельзя заменить другими словами, пусть и равнозначными по смыслу: "В зиму мир идёт, как в новоселье, / где исподних всем нашьют рубах..." Или: "Волоокая задрёма, / вологодская страна, / на меня ты смотришь скромно, / непонятностью странна". М. Цветаева, А. Ахматова, В. Тушнова оставили заметный след в нашей поэзии. Очень хочется верить, что и лирика Алины Мальцевой будет востребована не только сейчас, но и спустя годы».

Соч.: Грустно было б не родиться... Л., 1991; След. СПб., 1993; Проникновение: Венок сонетов. СПб., 1994; Поэма о Беломорканале: Поэма. СПб., 1995; Семь вёрст до небес: Кн. лирики. СПб., 1995; Поколдуй перед самым закатом... СПб., 1997; На краешке зари: Стихи и поэма. СПб., 2000; Сестра севера: Стихи и поэма. СПб., 2003; На невидимых весах: Стихи и поэма. СПб., 2005; Мост над пропастью: Кн. лирики. СПб., 2007; Избр.: Стихи из разных книг и поэма. СПб., 2010.

Лит.: Коршунов А. Молчанье белое берёз // Семья. 1992. № 4; Шевелёв А. Озарён талантом // След. СПб., 1993; Муриков Г. Эротика и тайна // Лит. Петербург. 2002. № 41; Муриков Г. Не слабо // Лит. Петербург. 2008. № 95; Ефимовская В. Соединяю берега // Лит. Петербург.2000. № 27; Ефимовская В. Право на любовь // На невидимых весах. СПб., 2005; Черноголовина Г. Вещая кровь земли // Лит. Петербург. 2003. № 54; Филимонов А. К милосердным коленям припав... // Лит. Петербург 2009 № 101; Бондаренко А. Лучшее из десяти лирич. книг // Бондаренко А. Поэты и прозаики невских берегов. СПб., 2011; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Ефимовская

МАЛЮГИН Леонид Антонович [19.2(4.3).1909, СПб. — 20.1.1968, М.] — драматург, критик.

Детские и юношеские годы М. прошли в Пг. Учился в Лен. техникуме печати, затем в Ин-те истории искусств, кот. окончил в 1931. Лит. трудом занялся после службы в Красной Армии. По словам хорошо знавшего его С. Цимбала, «писал очерки об армейской жизни, рецензии, рассказы, фельетоны, бегал по театрам, словно торопясь наверстать упущенное время...».

Творч. деятельность М. начал как критик, театр. публицист. Особенно волновала тема взаимосвязи лит-ры и театра, кот. он посвятил немало ст., вошедших впоследствии в сб. **«Театр начинается с лит-ры»** (М., 1967). Уже в ранних ст. **«О драмах „для чтения" и „для театра"»** (1938), **«Личная жизнь героя»** (1940), опубл. в ж. «Театр», М. заявил о себе как прирожденный полемист, хорошо знающий специфику сценич. искусства, органически не приемлющий прямолинейных лит. схем и штампов.

Приходу его в драматургию предшествовала работа завлитом лен. БДТ им. М. Горького, эвакуированного во время Великой Отеч. войны в г. Киров. Для театра М. напис. комедию **«Дорога в Нью-Йорк»** (на основе голливудского сценария Р. Рискина «Это случилось однажды ночью»). Спектакль о приключениях бедного американского репортера и взбалмошной дочки миллионера с традиционным счастливым концом появился на сцене БДТ в г. Кирове (1942, реж. Л. Рудник).

Подлинным дебютом М. как драматурга стала его пьеса **«Старые друзья»** (1945). В ней прослеживаются судьбы молодых людей, окончивших одну из лен. школ в июне 1941. У них, по словам автора, «не было в жизни выпускного вечера — выпустили их не вечером, а утром — и прямо на войну» («Старые друзья». Мат-лы к постановке пьесы Л. Малюгина. М., 1947). Война устроила им суровую проверку на зрелость, на постоянство и верность в любви, в своих жизненных идеалах и целях. Изменения в их характерах на протяжении войны предопределили сближение одних и неизбежное расхождение других. Перв. самостоятельная пьеса М. принесла ему редкую удачу: она была удостоена Сталинской премии по литре и с успехом воплощена на сцене Моск. драм. театра им. М. Ермоловой (1946, реж. А. Лобанов). Спектакль стал событием послевоен. театр. жизни, после чего пьеса обошла сцены мн. театров страны. Необычность ситуации заключалась в том, что перв. пьеса автора сразу же оказалась зрелой, а автором ее был театр. критик, кот. и потом, став драматургом, не перестал быть критиком.

После крупного успеха судьба уготовила М. наст. потрясение. В дек. 1948 на XII пленуме правления СП СССР он был причислен к антипатриот. группе театр. критиков-космополитов. В ходе шумной кампании борьбы с космополитизмом М. испытал на себе реальные последствия этого массового «одичания на почве здоровой патриотической подозрительности друг к другу» (Астафьев В. // ЛГ. 1988. 7 дек.). Написанная им пьеса о Н. Чернышевском **«Молодая Россия»** (1950) смогла появиться на сцене лишь через 4 года (1954, Моск. драм. театр им. Н. Гоголя). Роман М. о студентах **«Дальняя дорога»**, завершенный к тому времени, по свидетельству Евг. Шварца, не был принят к печ. (Шварц Евг. Живу беспокойно. Из дневников. Л., 1990).

В 1950-е М. создал ряд комедий, нашедших сценич. воплощение в разных театрах, но не оставивших заметного следа в сов. драматургии: **«Родные места»** (1951), **«Новые игрушки»** (1954), **«Путешествие в ближние страны»** (1956), **«Девочки-мальчики»** (1959). Из послевоен. фильмов, снятых по сценариям М., наибольшую изв. получила кинолента **«Поезд идет на восток»** (1948).

Новые творч. достижения ожидали М. на пути к чеховской теме, кот. он занимался постоянно, но особенно активно — в посл. десятилетие своей жизни. Еще в кон. 1940-х М., по утверждению Л. Левина, подготовил канд. дис. **«Чехов на сов. сцене»**, но по не зависящим от ее автора обстоятельствам она не была защищена (Левин Л. // ЛГ. 1979. 16 мая). Позднее М. опубликовал ст. **«Драматургия Чехова и ее исследователи»** (1960), **«Чехов начинается с „Иванова"»** (1961), **«Судьба „Чайки"»** (1964).

В сер. 1960-х драматург обратился к жизни Чехова как объекту худож. исследования. Пьеса **«Насмешливое мое счастье»**, пост. в Моск. драм. театре им. Евг. Вахтангова (1965, реж. А. Ремизова), и по замыслу, и по форме стала открытием М. В этой пьесе он задался целью инсценировать переписку Чехова с близкими людьми — с сестрой, братом, Ликой Мизиновой, О. Книппер, М. Горьким. Сценич. диалог строится на документально воспроизведенных фрагментах из писем Чехова и его корреспондентов. В них доминирует тема одиночества писателя, кот. не всегда могли понять даже близкие ему люди. Эпистолярный диалог Чехова с Ликой Мизиновой (их роли в спектакле исп. Ю. Яковлев и Ю. Борисова) раскрывает, по отзыву одного из рец., «нелегкие, недосказанные, нерешенные отношения двух людей, словно созданных друг для друга и потерявших один другого» (М. Строева).

Та же коллизия отражена и в сценарии М. **«Сюжет для небольшого рассказа»** (1968), по кот. реж. С. Юткевич снял одноименный фильм с Н. Гринько и М. Влади в гл. ролях. В основе сценария — история драм. провала «Чайки» на императорской сцене в СПб. При этом М. опирался на мысль Л. Гроссмана о том, что в подтексте «Чайки» лежали реальные взаимоотношения между Чеховым, Ликой Мизиновой и И. Потапенко. Однако рецензент фильма усматривал заслугу его постановщика в том, что он «не предлагает никакой определенной разгадки, а оставляет нас в преддверии тайны» тех отношений, кот. связывали Чехова и Лидию Мизинову (Е. Сурков).

Появившаяся тогда же пьеса М. **«Жизнь Сент-Экзюпери»** (1968), казалось бы, далека от чеховской темы, на кот. писатель был всецело сосредоточен. На самом деле, как подметил один из критиков, М. пришел к этой пьесе под влиянием именно Чехова, испытывая живой интерес к людям, судьба кот. одушевлена, по выражению последнего, «общей идеей» (А. Анастасьев). Здесь была несомненная духовная близость между автором и его героем, вследствие чего пьеса, при всей ее фрагментарности, обрела свойственную ей в целом лирико-драматич. тональность. Постановку осуществил Театр им. Моссовета (1968, реж. К. Михайлов).

Посл. годы жизни М. были заняты работой над повестью-хроникой **«Чехов»**. Замыслив документально-худож. исследование всего жизненного пути любимого писателя, М. успел довести его до 1894. Литературовед И. Гитович, опираясь на сохранившиеся наброски и выписки М., завершила эту повесть. Книга печ. частями уже после смерти М. (ж. «Дон», 1969, 1977; отд. изд. — 1983).

Соч.: Старые друзья: Пьесы. М., 1961; Театр начинается с лит-ры: Статьи. М., 1967; Старые друзья: Пьесы / Послесл. А. Анастасьева. М., 1979; Чехов: Повесть-хроника / В соавт. с И. Гитович. М., 1983.

Лит.: Абалкин Н. В поисках конфликта // Новый мир. 1953. № 5; Сквозников В. Очки против солнца // Новый мир. 1957. № 6; Строева М. Такой уж это был человек // Театр. 1966. № 4; Цимбал С. Памяти друга // Театр. 1968. № 5; Ганелина И. Экзюпери и его друзья // Театр. 1968. № 6; Сурков Е. Талант — это ответственность // Искусство кино. 1970. № 1; Торин В. Первый эскиз // Нева. 1985. № 1.

В. Муромский

МАЛЯРО́ВА Ирина Александровна [17.6.1934, Л-д — 27.8.2002, СПб.] — поэт.

Мать, Зильберман М. М. (1901–72),— коренная петербурженка в третьем поколении. Окончила Ин-т им. Покровского, работала педагогом, была служащей. Отец, дворянин по происхождению, родился (1889) в наследственной усадьбе в с. Семеновка под Черниговом. Окончил юридический фак-т Харьковского ун-та. Семья распалась очень рано; детство прошло без отца. В авг. 1941 М. была эвакуирована в г. Петропавловск (Сев. Казахстан), затем в Башкирию. Там начала учиться в средней школе, кот. окончила уже после войны, вернувшись в Л-д.

Вскоре после окончания школы началась многолетняя работа М. в качестве лит. сотрудника ряда газ., лит. консультанта, педагога-руководите-

ля лит. кружков и объединений в Л-де и обл. В теч. 15 лет была лит. консультантом в газ. Лен. воен. округа «На страже Родины», 7 лет (1963–70) — педагогом во Дворце пионеров в клубе «Дерзание», приняв его после Н. Грудининой; ред. в «Ленкниге»; 14 лет руководила ЛИТО в газ. «Знамя труда» в г. Сланцы, входила в бюро секции поэзии ЛО СП СССР (членом кот. состояла с 1969), впоследствии — СП России. Вела вечера поэзии и музыки в Доме писателя им. В. Маяковского. Входила в актив поэтич. клуба «Приневье», кот. рук. поэт В. Морозов.

Стихи пис. со школьных лет. Перв. публ. — стих об Арк. Гайдаре в газ. «Ленинские искры» (авг. 1953). С этого вр. началась пост. работа М. в лит. и общей периодике: в газ. «Ленинские искры», «Смена», «На страже Родины», «Ленинский рабочий», «Морская газ.», «СПб. ведомости» «Комсомольская правда» «Интеллект ревю» и др.; в ж. «Костер», «Нева», «Звезда», «Аврора», «Радуга», «Искорка. Детская антология „Родничок"», а также в альм. и колл. сб.: «Лен. альм.», «Молодой Л-д», «Дружба», «Звездочка», регулярно в «Дне поэзии», в сб. «Карусель», «Рубикон», «Меридианы славы», «День русской поэзии» и др.

В 1990-е трудности с выпуском отд. авторских книг, заметно ухудшившееся мат. положение писателей сделали участие в колл. сб. едва ли не единственной возможностью общения с читателем и ценителем поэзии, и, начиная с сер. 1990-х, М. печ. в таких изд., как «Второй Петербург», «Медвежьи песни» (1998. № 2; 2000. № 3–4; 2001. № 5). В «Медвежьих песнях» (2002. № 6) опубл. главы из новой поэмы М. **«Вспомнишь маму»**, посвящ. памяти матери. Напис. поэму о Ф. Абрамове **«Белой ночью»** (Горсть голубики. Л., 1990).

М. написаны воспоминания о Вс. Рождественском, Ф. Абрамове, Евг. Шварце, Т. Гнедич, А. Пантелееве, Н. Брауне, М. Комиссаровой, В. Азарове, А. Македонове и др. ее лит. наставниках. Большая часть из них, как и полный текст автобиогр. прозы М.,— о матери, о детстве, о юности: **«Поговори со мной»**, находится в домашнем архиве М.

Соч.: Месяц-рыболов: Кн. стихов для детей. Л., 1963; Сегодня мне не спится. Л., 1964; Я все иду к тебе. Л., 1964; Песенка. 1965; Свидания: Третья кн. стихов. Л., 1970; Поиграем в тишину. Киев, 1975; Горсть голубики. Л., 1990; Дожить необходимо. СПб., 1996.

Лит.: Чупринин С. Свидания // Новый мир. 1971. № 2; Шварц Е. Видимая сторона жизни // Звезда. 1999. № 7; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Акимов

МАМО́НОВА Татьяна Арсеньевна [10.12.1943, Лен. обл.] — художник, прозаик, поэт.

Работала в ред. ж. «Аврора». Пис. акварельные пейзажи Л-да и полуабстрактные работы. В 1970-е участвовала в квартирных выставках в Л-де и М., в сент. 1975 — в выставке художников-нонконформистов в ДК «Невский». Пис. стихи на русском и французском яз. В 1975 выдвинула идею создания феминистского ж. В 1979 приняла участие в составлении альм. «Женщина и Россия», в кот. опубл. свои стихи и рисунки.

Летом 1980 под давлением КГБ вынуждена была с мужем и сыном покинуть СССР. Жила во Франции, сотрудничала в феминистских организациях, выступала с д-дами о положении женщины в СССР. В 1990 два рассказа М. опубл. в машинописном ж. «Женское чтение».

В наст. время живет в США. Выступает в колледжах, издает женский ж., устраивает выставки. Президент международной организации «Женщина и Земля» в Нью-Йорке.

Соч.: Заявление // Эхо. 1979. № 4; Два рассказа // Женское чтение. 1990. № 6; Махрова Г. Запретные краски эпохи. СПб., 1998; Черноморский П. Феминистки или диссидентки? // Пчела. СПб., 1998. № 12.

Лит.: Stefanovic B. Wertsman V. Free Voices in Russian Literature. NY., 1987; Газаневщина: Газаневская культура о себе / В компиляции и ред. А. Басина. Л.; Иерусалим, 1974–89; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

МАНАСЕ́ИНА Наталия Ивановна [1869, Каменец-Подольск — 1930, Л-д] — прозаик, издатель.

Отец — чиновник, мать — из обедневшего польского рода. Детство М. провела на хуторе вблизи Каменец-Подольска среди первозданной природы, в окружении простых людей,

занятых крестьянским трудом. В памяти остались рассказы отца, И. Махова, о Японии, где тот побывал в составе посольства, о плавании на фрегате «Диана», воспоминания матери о Киевском ин-те благородных девиц. С 3-летнего возраста жила с матерью в Ст. Руссе. В 5-летнем возрасте самостоятельно выучилась читать «по хозяйственному каталогу». Любимая кн. в детстве — «Счастье христианской жизни», определившая в дальнейшем собств. творч. настроения М.

Окончив гимназию в СПб., поступила на педагогич. курсы, одновременно преподавала в воскресной школе для фабричных при фарфоровом з-де, затем в теч. 5 лет работала учителем.

Находясь на лечении в Кисловодске, познакомилась с Н. Михайловским, беседы с кот., где затрагивались вопросы совр. школы, тв-во Ибсена (кот. тогда увлекалась М.), послужили толчком к писательству. Перв. публи.— воспоминания **«В городской школе»** («Совр. мир»), рассказ **«Настюшкин день»** («Всходы»). Серьезно занявшись лит-рой, М. начала писать детские рассказы (для ж. «Юный читатель» и «Всходы»), в кот. проявилось ее прирожденное призвание чуткого и занимательного прозаика. Перв. кн. М. **«Рассказы для детей»** вышла в свет в 1906, став заметным явлением в отеч. лит-ре.

В Кисловодске М. познакомилась с семьей историка С. Соловьева, дочь

кот., поэтесса П. Соловьева, стала близкой подругой и соратницей М. В кон. 1905 они организовали и возглавили изд-во «Тропинка», в кот. начал выходить одноименный детский ж. (1906–12). Гл. задачу издатели видели в том, чтобы дать детям высокохудож. произведения. В «Тропинке» впервые детская лит-ра была поднята на уровень лит-ры «большой». Ж. выходил 2 раза в месяц, содержал оригинальные произведения самих издательниц и привлеченных ими лучших русских литераторов, среди кот. — А. Блок, Ф. Сологуб, А. Белый, К. Бальмонт, З. Венгерова, Вяч. Иванов, А. Куприн, Д. Мережковский, К. Чуковский, Саша Черный, А. Ремизов, З. Гиппиус, М. Сабашникова, Л. Зиновьева-Аннибал и др. «Тропинку» иллюстрировали И. Билибин, М. Нестеров, Е. Кругликова. Ж. стал одним из самых популярных периодич. изд. для детей. «Тропинка» прививала культуру чтения и расширяла горизонт юного читателя. В ж. печ. статьи о русских и зарубежных писателях, ученых, ист. деятелях. Публ. в переводе новые рассказы Киплинга, Франса, Лондона.

Кроме писательской работы М. была погружена в обществ. жизнь. Вместе с Н. Стасовой, А. Энгельгардт и А, Философовой участвовала в создании Русского женского об-ва.

В 1911 вышла повесть М. **«Цербстская принцесса»**, увлекательно рассказывавшая о детстве и юности Екатерины II, урожд. принцессы Цербстской (2-е изд. СПб., 1912). Следом появилась кн. **«Марфинькины святки»** (СПб., 1913), ист. повесть **«Царевны»** (Пг., 1915), посвящ. сестрам и дочерям царя Алексея Михайловича. О замечательных русских людях, оставивших глубокий след в истории и культуре, таких как святой Димитрий Ростовский, Ломоносов и др., дети могли многое узнать из сб. М. и П. Соловьевой **«Родные заветы»** (М., 1914). Радовала маленьких читателей изящно оформленная книжка легенд о цветах **«Васильки»** (М., 1915, в соавт. с Соловьевой).

Увлекательные, искренние книжки рассказов М. раскупались мгновенно. Проникновенный образный слог письма, мягкий юмор удачно сочетались с картинками, рисованными лучшими графиками — Б. Кустодиевым, Г. Нарбутом, Т. Гиппиус. М. обладала поэтич. любознательным взглядом на жизнь, свойственным и самим детям. Прирожденная рассказчица, она знала, что душа ребенка ищет доброго отношения. Светлый взгляд на мир, яркость описаний, сочный, живой язык сочетаются с ритмикой сказочного или былинного повествования: «Царевна яблочки, изюм, грецкие орехи, ягоды винные — все кучечками раскладывает... Сенные девушки ручки сложили, вдоль стенки рядком стали. Скромницами стоят. Губы поджали, глазки опустили, а они из-под ресниц, как мыши, так по столу и бегают, так и бегают, все сладкой снеди подсчет ведут, сколько кому достанется... в уме прикидывают» (**«Цветоносный день»**, 1913).

Летом М. отдыхала в Коктебеле, где имела собств. дом рядом с поместьем М. Волошина, дружба с кот. продолжалась мн. лет. Рев. годы писательница провела там же, претерпев крайнюю бедность, голод и притеснения большевиков. Благодаря хлопотам В. Вересаева получила помощь от Толстовского фонда. После кончины П. Соловьевой (1924) М. переехала в Л-д, где продолжила актив. творч. деятельность. За короткий срок ею было опубл. около двух десятков детских кн.: **«Дети и детеныши»** (Л., 1925; М., 1928); **«Как чулочки бегали»** (М., 1926), **«Катино дело»** (М., 1928), **«Медведь-грамотей»** (М., 1928), **«Курнушка пропала»** (М., 1928), **«Лягушка. Рассказ для детей»** (М., 1928) и др.

Долгое время тв-во М. отторгалась от читателей и ее имя пребывало в безвестности. Лишь в 1993 ж. «Лит. учеба» (№ 5), опубл. ее рассказ «Марфинькины святки» и положил начало возвращению наследия М. читателям. Автобиография М. заканчивается словами: «У каждого на дорогу к вечности своя тропинка, и счастлив человек, кот. вовремя найдет ее» (**Автобиография**. РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2315).

Соч.: Цербстская принцесса: Повесть о детстве и юности Екатерины II. М., 1994; Царевны. М., 1995, 2006; Тайная милостыня // Купель. 2001. № 2 (15); Цветоносный день // Купель. 2004. № 2 (24); Принцесса Фике. СПб., 2004; Бутузка. М., 2008.

Лит.: Погребицкая И. Курнышкин сочельник: Несостоявшаяся книжка с иллюстрациями М. Латри // Крымский альбом. Феодосия, 2002; Лосев Д. Библиогр. комментарий // Крымский альбом. Феодосия, 2002; Стрижев А. Добрые книжки Наталии Манасеиной // Купель. 2004. № 2 (24).

А. Любомудров, А. Стрижев

МАНДЕЛЬШТА́М (урожд. Хазина) Надежда Яковлевна [30.10.1899, Саратов — 29.12.1980, М., похоронена на Старо-Кунцевском (Троекуровском) кладб.] — прозаик, мемуарист, лингвист.

Отец — присяжный поверенный Яков Аркадьевич Хазин (ум. в 1930) — происходил из семьи кантониста. Мать, Вера Яковлевна, врач, выпускница мед. ф-та Высших женских курсов. М. была четвертым, младшим, ребенком в семье. Детство было счастливым и безмятежным, с традиц. домашним воспитанием и иностранными гувернантками. Одно из ярких впечатлений — путешествия с родителями в Европу (Швейцария, Германия, Италия). В 1909, после переезда семьи в Киев, поступила в частную женскую гимназию А. Жекулиной. Детское увлечение рисованием переросло в серьезные занятия живописью, училась в мастерской знаменитой художницы А. Экстер.

1 мая 1919 в Киеве в кафе «ХЛАМ» («Художники, Литераторы, Артисты,

Музыканты») состоялось знакомство с будущим мужем, поэтом О. Мандельштамом. М. позже напишет об этой встрече: «В первый же вечер он появился в "Хламе" и мы легко и бездумно сошлись. Своей датой мы считали первое мая девятнадцатого года, хотя потом нам пришлось жить в разлуке полтора года. В тот период мы и не чувствовали себя связанными, но уже тогда в нас обоих проявились два свойства, сохранившиеся на всю жизнь: легкость и сознание обреченности...». К 23 мая относится запись А. Дейча: «Появилась явно влюбленная пара — Надя Х. и О. М. Она с большим букетом водяных лилий, видно, были на днепровских затонах». В сент. 1919 Осип М. с братом Александром уехал сначала на юг, затем вернулся в Пг. Перв. свидание после долгой разлуки запечатлено в кн. воспоминаний: «В ту минуту, когда он вошел, в квартиру ворвалась толпа арестанток, кот. под конвоем пригнали мыть полы, потому что квартиру отводили какому-то начальству. Мы не обратили ни малейшего внимания <...> и просидели еще два часа в комнате <...> Он прочел мне груду стихов и сказал, что теперь уж наверное увезет меня». С 1921 начинается совместная жизнь, в течение года переезжают из города в город (Киев, М., Пг., Ростов, Кисловодск, Баку и др.). Драматизм этого вынужденного кочевья передают признания Осипа из письма к брату Евгению: «Мне хочется жить настоящим домом. Я уже не молод. Меня утомляет комнатная жизнь». В марте 1921 переехали в М., где в апреле получили комнату в писательском общежитии (Дом Герцена). В мае 1923 выходит «Вторая книга» Осипа М. с посвящ. Н. Х. (Надежде Хазиной). В авг. 1923 супруги едут на отдых в Гаспру, где М. записывает под диктовку прозаич. кн. О. М. «Шум времени». В 1924–27 живут в Л-де и Детском Селе, где состоялось близкое знакомство с А. Ахматовой, дружба с кот. не прерывалась на протяжении всей жизни. С 1929 до ареста О. М. живут в М. В 1930 — путешествие в Армению (Сухум, Тифлис, Ереван). Лето 1933 проводят в Доме писателей в Коктебеле, в окт. у семьи появляется квартира в Нащокинском пер.

После ареста О. М. в мае 1934 М. добилась разрешения сопровождать мужа в Чердынь. Благодаря хлопотам ее, родственников и близких друзей поэта удалось добиться смягчения участи О. М. — местом ссылки был определен Воронеж (выехали 25 июня 1934). В Воронеже знакомятся с поэтом С. Рудаковым, Н. Штемпель, с кот. поддерживали теплые отношения до конца жизни. По истечении ссылки в 1937 вернулись в М., но по запрету вынуждены были переехать в Калинин, где оставались до начала марта 1938.

В мае 1938 О. М. был повторно арестован, осужден на 5 лет лагерей и этапирован на Дальний Восток. Не имевшая известий о муже М. пишет прощальное письмо: «Ося, родной, далекий друг! Милый мой, нет слов для этого письма, кот. ты, может, никогда не прочтешь. Я пишу его в пространство. Может, ты вернешься, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память. <...> Не знаю, жив ли ты, но с того дня я потеряла твой след. Не знаю, где ты. Услышишь ли ты меня. Знаешь ли, как люблю. Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я только говорю: тебе, тебе... Ты всегда со мной, и я — дикая и злая, которая никогда не умела просто заплакать — я плачу, я плачу, я плачу. Это я — Надя. Где ты?». В февр. 1939 М. узнала о гибели мужа.

Позднее М. неск. раз меняет место жительства (Ташкент, где сдает экстерном экзамены за университетский курс обучения; с 1944 работает в Среднеазиатском гос. ун-те; в 1955–58 преподает в Чебоксарском пед. ин-те, заведует кафедрой). В 1956 году под рук. В. Жирмунского защищает канд. дис. по английской филологии **«Функции винительного падежа по материалам англо-саксонских поэтических памятников»**. После выхода на пенсию (1958) уезжает в Тарусу, где начинает писать **«Воспоминания»** (перв. кн. изд.: Нью-Йорк, изд-во Чехова, 1970). В нояб. 1965 приезжает в М. (однокомнатная кв. на Б. Черемушкинской ул.). Регулярно встречается с Ю. Фрейдиным, А. Синявским, В. Шаламовым, С. Аверинцевым, Б. Мессерер, Б. Ахмадулиной и др. В сер. 1960-х начинает писать комм. к стихам О. М., над кот. работает до сер. 1970-х. В 1972 в Париже вышла **«Вторая книга»** (Париж: YMCA-PRESS, 1972). Позднее Н. Струве изд. собранную из различных очерков **«Книгу третью»** (Париж: YMCA-PRESS, 1987).

О роли, кот. сыграла М. в жизни поэта, точнее всего говорит обращение к ней Осипа — «мое "ты"». В одн. из писем 1919-го: «Молю Бога, чтобы ты услышала, что я скажу: детка моя, я без тебя не могу и не хочу, ты вся моя радость, ты родная моя, это для меня просто как божий день».

Гл. целью и смыслом жизни М. после смерти О. М. становится забота о творч. наследии мужа. Она становится летописцем судьбы поэта, восстанавливая и воссоздавая события и детали не только частной жизни, но целой эпохи. Произведения М. проникнуты страстным желанием передать подлинный облик М.-поэта. Однако «Воспоминания» и «Вторая книга» выходят за рамки воспоминаний и мемуаров, они прочитываются как подлинно худож. произведение с единым сюжетом, создающимся и поддерживающимся образом автора-рассказчика (необходимость уяснения и уточнения функций и задач личностного начала самой М. выполняет глава с назв. «Я»). Жанр «застольной беседы», воспоминания «по случаю», избранные М. для повествования, свидетельствуют о самобытном авторском мышлении. Склонность к аналитич. осмыслению событий, кропотливый и точный психологич. анализ собственных ощущений и духа эпохи составляют гл. худож. достоинства книг М. Яркая живая образность, доступность разговорного «повседневного» языка способствуют созданию эмоционального диалога между рассказчиком и читателем: «Я не люблю свою раннюю молодость. У меня ощущение, будто по колосящемуся полю бежит огромное стадо — происходит гигантская потрава. В те дни я бегала в одном табунке с несколькими художниками». Но более таланта беллетриста в «Воспоминаниях» и «Второй книги» проявился талант М. как внимательного читателя и лит. критика, исследователя и литературоведа, дающего глубокие оценки и истолкования сложным и противоречивым явлениям лит-ры. Показательны уже названия глав: «Лишний акмеист», «Чита-

тель», «Литературоведенье», «"Поэма без героя" и моя обида». Заслуга М. как историка и теоретика совр. ей лит. процесса не только в воссоздании широкого фона историко-культурных и социально-психологич. реалий и примет времени, но в создании глубоких самостоятельных выводов и определений. Так, в ряд концепций литературоведов-профессионалов полноправно входит взгляд М. на акмеизм как худож. течение («По моему глубокому убеждению, акмеизм не был чисто литературным, а г. о. мировоззренческим объединением»). Не погруженный в выяснение специфич. деталей и подробностей, аналитич. склад мышления М. как исследователя лит-ры характеризуется склонностью к обобщениям философского характера. Ряд основополагающих понятий теории лит-ры объясняется ею в связи с мировоззренч. категориями. Так, на ее взгляд, «говоря о поэтах правильнее употреблять слово "миропонимание" или "мироощущенье"»: «Поэтическая мысль представляет синтез всех слоев личности, включая интеллект и физиологию, духовный и душевный строй, все, что постигается чувствами, как и то, на что толкают инстинкты и желания, а также и высшие устремления духа. Достигается синтез благодаря ведущей идее, строящей личность <...> Идея может корениться в любом слое сознания, как в поверхностном, так и в глубинном». В поле худож. внимания автора входит не только фигура Осипа М., но и множества современников, даже самая краткая характеристика кот. отражает сущностные черты индивидуальности: «Между тем Маяковский трагичен именно своей немощью, а потому с подлинной силой связать себя бы не мо», «Даже Блок, кот. был несравненно глубже своих лихих современников и воплотил в себе всю трагедию русской интеллигенции, имел массу родимых пятен своей эпохи», и др.

Большое внимание М. уделено А. Ахматовой — личности и поэту. Многократно подчеркиваемая связь между погибшим поэтом, Ахматовой и М. подсознательно создает ощущение непрекращающегося личностного и поэтич. диалога: «Ахматова потому и была моей союзницей, что смотрела на Мандельштама, как я», «Потом забрезжила надежда, и Ахматова стала повторять: "Надя, у Оси все хорошо. Это значило, что стихи нашли своего читателя"». Для исследователей тв-ва Ахматовой особый интерес составляет глава «Второй книги» — «"Поэма без героя" и моя обида», где представлена точка зрения М. по поводу давней дискуссии о возможных прототипах и образе гл. героя «Поэмы...» (по М., Ахматова сближает в одном лице Вс. Князева и Осипа М.). Глубиной и точностью отличается ряд замечаний интерпретационного характера: «В "Поэме без героя" Ахматова ведет всю линию на недосказанности и уклончивости, а ее сила как поэта в лобовой атаке и в прямоте», «"Поэма без героя" — развернутое лирическое высказывание, поминальный плач по ушедшему времени, в кот. таились зародыши страшного будущего»; и др. Образностью повествования и непосредственным личным отношением к мат-лу объясняются неоднозначные и иногда резкие оценки М. в «Воспоминаниях» и «Второй книге» тех или иных лиц и событий.

Исследовательскую ценность составляют воспроизведенные М. автокомментарии к лирике О. М. Ее текстологич. работа над рядом неопубл. прижизненно текстов поэта позволила сохранить важную часть творч. наследия О. М. Так, М. записала «Восьмистишия», один из наиболее трудных для интерпретации циклов, и добавила к ним комм., активно используемый литературоведами. Личность и тв-во мужа, анализ и интерпретация его поэтич., философской, ист. позиций составляют гл. предмет осмысления М. Даже прямо не касающиеся поэта темы и события ассоциативно вызывают в М. суждения о нем и его произведениях: так, размышляя о роли художника в широком плане, М. неизбежно обращается к позиции О. М.: «Чему станет он <художник> учить, если он не сознает себя элитой, законодателем и вождем? В самой ранней статье Мандельштам, полемизируя с Вячеславом Ивановым или, вернее, определяя свою позицию в противовес символистам, говорил о ложности учительской позиции...».

Воспоминания о М. оставила Ахматова, творч. портрет М. запечатлен в некрологе И. Бродского (1981), Б. Ахмадулина посвятила М. стих. «Медлительность». Посл. моск. квартира М. стала местом встреч писателей, критиков, литературоведов, всех интересующихся как тв-вом О. М., так и личностью М.

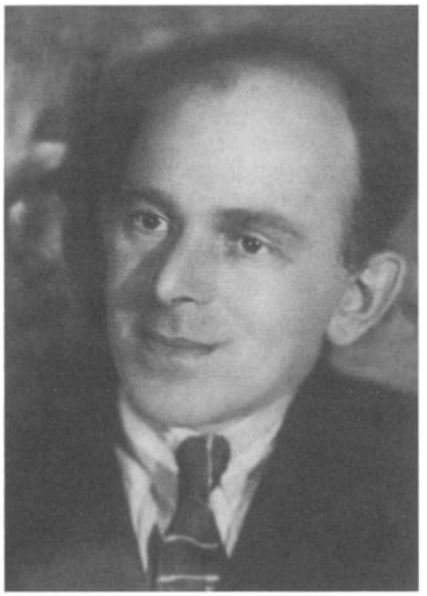
25 мая 2010 в СПб. открыт памятник Осипу и Надежде М.

Соч.: Воспоминания. М., 1999; Вторая книга. М., 1999; Мандельштам О. СС: В 4 т. / С комм. Н. Мандельштам. М., 1993–97.

Лит.: Ахматова А. Листки из дневника. М., 1989; Дейч А. Две дневниковые записи // «Сохрани мою речь...». М., 2000; Табак Ю. К столетию со дня рождения Н. Я. Мандельштам // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001; Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2002; Лекманов О. Мандельштам: Жизнь поэта. М., 2009.

М. Бурая

МАНДЕЛЬШТА́М Осип Эмильевич (имя при рожд. — Иосиф) [3(15).1.1891, Варшава — 27.12.1938, лагерный пункт Вторая речка под Владивостоком] — поэт, критик, эссеист, переводчик.



Отец М., торговец кожами, в юности учившийся в талмудической школе, купцом 1-й гильдии поселился с семьей в СПб. в 1897 (с 1894 — в Павловске). Мать М., урожд. Вербловская, приходилась родственницей изв. историку русской лит-ры С. Венгерову. Образование получил

в Тенишевском коммерч. училище (1900–07). 1907–10 провел в Европе: в Париже посещал лекции на словесном фак-те Сорбонны, 2 семестра проучился в Гейдельбергском ун-те. По возвращении в СПб. в 1911 принял крещение в епископско-методистской церкви (г. Выборг), что дало возможность поступить в СПб. ун-т на романо-германское отд. историко-филологич. фак-та (1911), где обучался с перерывами до 1917.

Перв. поэтич. опыты — 2 стих. в традициях народнич. лирики — опубл. в студенч. ж. «Пробужденная мысль» (1907. № 1). 1907–08 отмечены увлечением «новой поэзией», особенно П. Верленом. Со своими произведениями этого периода М. осмеливается познакомить Вяч. Иванова (см.: Камень. Л., 1990). В СПб. М. — посетитель ивановских «сред», одновременно знакомится с Н. Гумилевым и будущими членами «молодой редакции» ж. «Аполлон», на страницах кот. появилась первая значительная подборка антисимволистских по духу стих. М. (1910. № 9), входит в состав организованного Гумилевым «Цеха поэтов».

Сб. **«Камень»** (1913), вышедший под маркой изд-ва «Акмэ», представил читателю М.-акмеиста. «Акмеистичным» было уже само назв., указывающее на «тяжесть» и даже «грубость» мат-ла, из кот. художник творит красоту и гармонию, что было внутренне полемично по отношению к символистской поэтич. концепции. Как заметил С. Городецкий, у М. «„тяжелые" слова <...> гордятся своим весом и для соединений своих требуют строгих законов, подобно камням, соединяющимся в здание» (Гиперборей. 1913. № 6). Принцип строгой выверенности формы и сознательного творч. усилия декларируется М. в стихах архитектурной тематики (**«Notre Dame»**, **«Адмиралтейство»**, **«Айя-София»**), а также в статье-манифесте **«Утро акмеизма»** (1913; впервые опубл. 1919), где утверждение акмеистич. «духа строительства» сочетается с пониманием поэтич. образа как сложного «организма». Гумилев заметил, что М. «открыл двери в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении» (Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990). Поэтич. мир М. обращен к повседневности, созданные им «жанровые» стихи-картины (**«Старик»**, **«Домби и сын»**, **«Аббат»**, **«Лютеранин»**, **«Кинематограф»**, **«Теннис»**) свидетельствуют о любви поэта к изобраз. четкости, чувственной пластичности образа и умелом владении приемом гротеска, элементы кот. возникают на пересечении разных планов — бытового и культурно-исторического. Однако акмеистич. тезис восторженного «приятия мира» сочетается у М. с ощущением катастрофизма переживаемого ист. времени (**«Душа висит над бездною крылатой»**, **«И музыка от бездны не спасет!»**), а творч. сознание выступает антиподом «беспамятной» действительности.

Сб. «Камень» в расширенном виде был переизд. в дек. 1915 (на титульном листе — Пг., 1916). Диапазон многочисленных критич. откликов был достаточно широк: от неприятия «книжности», «ложно-классического пафоса» стихов М. (А. Дейч, Д. Выгодский), «слабости, случайности, неорганичности» его настроений (Н. Лернер) до оценки книги «значительного и интересного поэта» как «увлекательной повести развивающегося духа» (Н. Гумилев) и признания «гибкости и мощности» богатого оттенками поэтич. голоса М. (М. Волошин).

Стихи периода войны и революции (1916–20) составили новую кн. **«Tristia»** (Пг.; Берлин, 1922, без участия автора; под назв. **«Вторая книга»** и с авторским хронологич. расположением стихов — М.; Пг., 1923), названную так с аллюзией на «Печальные элегии» римского поэта Публия Овидия Назона. Изменяется тональность жанра составляющих кн. произведений: торжественную оду миру и созидательному тв-ву сменяет раздумчивая скорбная элегия — прощание с уходящим в небытие привычным миром. «„Tristia" — прямая антитеза „Камню". <...> В „Камне" воспевались встречи, в „Tristia" — одни разлуки. <...> „Камень" исследовал мир на поверхности, <...> „Tristia" — спуск в инфернальный мир роковых страстей, ведущих к смерти, в мир разрушительной революции, в мир воспоминаний, предостерегаемого забвением, невоплощающегося стихотворения, нерождающегося слова» (Н. Струве). Благодаря обращению к мифопоэтич. традиции М. удается вести поэтич. разговор в универсальном плане. Сценой поэтич. репрезентации нередко становится парадный или театрал. СПб. эпохи «заката» империи, апокалиптич. мотивы усилены обращением к «петербургскому мифу» («В Петрополе прозрачном мы умрем, / Где властвует над нами Прозерпина. / Мы в каждом часе смертный воздух пьем. / И каждый час нам смертная година»). Тема «конца истории», данная через образ идущего ко дну корабля времени (**«Сумерки свободы»**), сплетается с метафизич. темой посмертной памяти («Но будем помнить и в летейской стуже, / Что десяти небес нам стоила земля»).

В нач. 1920-х М. выступает с лекциями и пишет ряд ст. на темы культуры и культурного строительства, обращается к ретроспективной оценке акмеизма, развивая при этом отд. положения первонач. концепции и сохраняя общий антисимволистский пафос (**«Слово и культура»**, **«О природе слова»**, **«Барсучья нора»**, **«Буря и натиск»**) М.

В посл. прижизненном сб. **«Стихотворения»** (1928) увлеченность культурной археологией уступает место теме текущего бытия; становятся узнаваемыми биографич. реалии. Лирич. «я» неотделимо от конкретной личности автора. Но приметы быта и жизненная проза не препятствуют философско-поэтич. обобщениям и свойственному М. пафосу трагич. предчувствия. Центр. место в цикле занимает **«Грифельная ода»**, иллюстрирующая новую поэтич. манеру. В ней разрушительному действию времени противопоставлено не подвластное ему истинное искусство. Высокий одический строй речи сочетается с усложненной метафоричностью, как бы демонстрируя творч. усилие, преодолевающее гнет времени, истории, языка. Безудержный полет метафор отличает и историософские стихи **«Век»**, **«1 января 1924»**, представляющие собой своеобразную «исповедь сына века», где доминируют экзистенциальные переживания «сдвига» ист. координат и собств. «умиранья» вместе с «веком».

В 1920-е М. обращается к мемуарно-автобиогр. прозе (**«Шум времени»** и **«Египетская марка»**, 1925 и 1928),

пишет очерки, переводит, выпускает сб. ст. «**О поэзии**» (1928). В 1930 после поездки в Армению создает «путевой очерк» «**Путешествие в Армению**» (Звезда. 1933. № 5) и стихотв. цикл «**Армения**». В стихах нач. 1930-х усиливается значение темы ретроспективной памяти («наука расставанья») («С миром державным я был лишь ребячески связан...»), скудеющего культурного пространства, собственной обреченности и предощущения грядущих катастроф: «Колют ресницы. В груди прикипела слеза. / Чую без страху, что будет и будет гроза. / Кто-то чудной меня что-то торопит забыть. / Душно — и все-таки до смерти хочется жить».

В мае 1934 за эпиграмму против Сталина («**Мы живем, под собою не чуя страны...**») М. был арестован и сослан сначала в Чердынь-на-Каме, где в состоянии тяжелой депрессии предпринял попытку суицида, затем в Воронеж. В 1935 после годового молчания поэт возвращается к стихам: «Лишив меня морей, разбега и разлета / И дав стопе упор насильственной земли, / Чего добились вы? Блестящего расчета: / Губ шевелящихся отнять вы не могли». Три «**Воронежских тетради**» стихов первоклассной пробы (опубл. 1966) — духовная исповедь поэта и приговор «немеющему времени» в ситуации, когда его жизнь близилась к трагич. исходу. По возвращении из ссылки в 1938 М. был вторично арестован и отправлен на Дальний Восток, где погиб в пересыльном лагере. Поэтич. наследие М. было сохранено его вдовой Н. Мандельштам, распространялось в списках, затем отдельные подборки стали появляться в периодич. изд. Впервые СС поэта изд. в 1964 в США. В 2001 во Владивостоке был открыт памятник М., в 2008 — в Воронеже и М.

Соч.: Соч.: В 2 т. / Подгот. текста и комм. А. Михайлова, П. Нерлера; вст. ст. С. Аверинцева. М., 1990; Камень / Подгот. текста Л. Гинзбург, А. Меца, С. Василенко, Ю. Фрейдина. Л., 1990. (Лит. памятники); Полн. собр. стихотворений / Вст. ст. М. Гаспарова и А. Меца; сост., подг. текста и прим. А. Меца. СПб., 1997; Стихотворения. Проза / Сост., вст. ст. и комм. М. Гаспарова. М.; Харьков, 2001 (БП); ПСС и писем: В 3 т. М., 2009–11; Египетская марка / Пояснения для читателя / Сост. О. Лекманов, М. Котова, О. Репина, А. Сергеева-Клятис, С. Синельников. М., 2012.

Лит.: Волошин М. Голоса поэтов [1917] // Волошин М. Лики тв-ва. Л., 1988; Тынянов Ю. Промежуток [1924] // Тынянов Ю. Поэтика. История. Лит-ра. Кино. М., 1977; Гинзбург Л. О старом и новом. Л., 1982; Семенко И. Поэтика позднего Мандельштама. Рим, 1986 (переизд.: М., 1997); Струве Н. Осип Мандельштам. Лондон, 1988 (переизд.: Томск, 1992); Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1989; Мандельштам Н. Вторая кн. М., 1990; Жизнь и тв-во Мандельштама. Воронеж, 1990; Слово и судьба. Осип Мандельштам: Иссл. и мат-лы. М., 1991; Лит. обозрение. 1991. № 1 [спец. вып., посвящ. М.]; Нерлер П. «С гурьбой и гуртом...»: Хроника посл. года жизни Мандельштама // Минувшее: Ист. альм. М., 1992. Вып. 8; Эткинд Е. Там, внутри. О русской поэзии XX в. СПб., 1995; Мандельштам и античность: Сб. М., 1995; Левин Ю. Избр. работы. Поэтика. Семиотика. М., 1998; Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000; Смерть и бессмертие поэта. М., 2001; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002; Лекманов О. Мандельштам. М., 2004 (ЖЗЛ); Жолковский А. «Я пью за военные астры»: поэтический автопортрет Мандельштама // Жолковский А. Избр. статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М., 2005; Бурая М. Идея мировой культуры как структурообразующая «внутреннего цикла» в лирике Осипа Мандельштама 1930-х гг. // Мир культуры в русской лит-ре XX в. Серия «Лит. направления и течения». Вып. 49. СПб., 2011.

Н. Грякалова

МАНДЕЛЬШТА́М Роальд Чарльсович [16. 9.1932, Л-д — 26.2.1961, Л-д] — поэт.

Отец — американец, приехавший в 1920-е в СССР, инженер, счетовод; мать —химик-инженер. Отец в 1936 репрессирован (реабилитирован в 1958), с 1943 жил в Казахстане. М. с детства был болен астмой, после войны — легочным и костным туберкулезом. С юности передвигался на костылях, часто попадал в больницу, месяцами лежал в гипсе. Эвакуированный из блокадного Л-да, в 1943 попал в Казахстан, к отцу. К этому времени относится его знакомство с поэзией Серебряного века. В 1945 вернулся в Л-д. С 1948 жил один в комнате коммунальной квартиры на пенсию по инвалидности и деньги, собираемые матерью и присылаемые

отцом. Учился на восточном фак-те ЛГУ, затем в Лен. политехническом ин-те, но вскоре бросил, по-видимому, из-за болезни. Занимался самообразованием, часто посещал Эрмитаж, общие читальные залы ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. На рубеже 1940–50-х познакомился с группой художников-арефьевцев, или «диких», выгнанных из средней худож. школы «за формализм», и их приятелями А. Арефьевым, В. Громовым, Р. Васми, М. Петровым, В. Преловским, Л. Титовым, В. Шагиным, Ш. Шварцем. Они часто собирались в его комнате, беседовали об искусстве, истории и политике. После самоубийства В. Преловского (1954) компания находилась под наблюдением КГБ. Как и близкие ему художники, пристрастился к алкоголю и наркотикам, кот. принимал и в качестве обезболивающего. В комнате М. собирались огромные толпы не только художников, но и разных представителей богемы или околобогемного социума: композиторов (см. воспоминания о М., оставленные И. Шварцем (Радио «Свобода». 1999. 26 июня / Поверх барьеров. У истоков лен. андеграунда. Роальд Мандельштам) джазменов, стиляг и проч. По словам Ф. Косс, «самоубийственный стиль жизни, яростное самосжигание закончились ранней гибелью». Впрочем, к ранней смерти из-за костного туберкулеза М. был приговорен уже в нач. 1950-х. Жизнь и тв-во М., известное в 1960-е только по разрознен-

ным рукописным и машинописным листам, превратились в миф о перв. послевоен. декаденте, актуальный и поныне, несмотря на достаточно полное издание его соч. (Собрание стих. СПб., 2006) и множество ст. о нем и его тв-ве.

М. называют «преемником», «продолжателем», «завершителем» — символизма (А. Волохонский) и акмеизма (П. Брандт), «"агентом влияния" Серебряного века в Бронзовом» (Д. Давыдов). Отношение с Серебряным веком у М. — это, прежде всего, полемика, гл. аргумент в кот. — неопосредованное переживание окружающего мира, реакция на него, ощущения себя не героем, не владыкой, а дозорным, готовым в любой момент обнажить меч. Это сказывается в смещении в сторону — от акмеистич. точности, телесности и от символистской многозначности (многозначительности). В 1958 записывает в дневнике слова, кот. можно считать манифестом: «Я люблю слова, потерявшие грубую материальность. *Легион* не вызывает ощущения реального. Слыша это слово, невозможно видеть пропотевших и пропыленных солдат — это только сверкающие доспехи и оружие (скорее щиты, нежели мечи). Я пользуюсь этим понятием в творчестве, когда мой дух тревожен, обороняясь или в ожидании боя. Такие слова — куколки, из которых бабочки уже улетели».

Стихи М. рождались среди картин и на картины же влияли. Можно говорить об особом «живописно-поэтическом видении» мира, свойственном М. и художникам-арефьевцам. В поэтич. языке М. почти нет полностью бесцветных образов. Там, где цветового обозначения нет, оно подразумевается мат-лом (медь, бронза, гранит, сталь, железо, пламя, плесень, масло).

Гл. сюжетную линию поэзии М. можно охарактеризовать как вечное приготовление к бою, именно вечное — его лирич. герой (и в какой-то мере сам поэт и его окружение) живут не по линейным законам истории, а по законам мифа. Напоминания о реальных ист. событиях или вообще течении обществ. жизни в стихах М. крайне редки. Весной 1954 он обмолвился: «Облака тянулись через век» (**«Весна»**), и это ощущение сер. века, пожалуй, самое злободневное в его стихах. Все остальное: смерть Сталина, XX съезд, строительство метро неподалеку, оживление уличной жизни — получит от М. только глухое: «Пускай их (зловещие гномы!), / Свой новый творят Вавилон...» (**«Катилина»**).

М., возможно, не осознавая того, определил через ассоциации, что такое для него миф в стих. **«Осень...»**. Действительность мифа — это вечное повторение, реализация метафизич. сюжета на грани природы и культуры: «Гривы садов лысеют. // Ржет полуночный лифт». Повседневность в стихах М. наполнена отзвуками сверхъестественного, переплетена с ним, точнее, сама эта повседневность делается сверхъестественной, она и есть область вечного повторения. Мотив сражения, противостояния, скрытого за всем, у М. постоянный: «Утром ущелья свечной переулок, / Ночью — Дарьял, Ронсеваль» (**«Тучи...»**), «В небе идет война / Алой и Белой Розы» (**«В небе идет война...»**), «Ночные пушки ураганов / Громят крюйт-камеры дворов» (**«Я так давно не видел солнца!..»**), «В тяжелом дредноуте ночи / Взорвалась торпеда зари» (**«Заоблачный край разворочен...»**). Битва надвигается как возмездие, реванш, недаром особенно часто М. вспоминает Пунические войны.

Герой М. постоянно в приготовлениях к битве — от задорно-юношеского **«Давно готова к бою шпага...»** (1952–53) до мрачно-песенного «Мы возвратимся из дальней дали, / Стремя в стремя и бронь с броней» (**«Дон-Кихот»**, 1958). Сражение неизбежно, но за что грозит кара этому городу, не совсем явствует из стихов. В недовольстве, ярости, бунте героя прочитывается нечто большее, чем осуждение неправедного города и обида за жертвенную судьбу. «Пускай в ушах дыра сквозная / И каждый дом насквозь пробит, / За что? За всё! / Зачем? Не знаю! / Но только бить и бить!» (**«Пальто, забрызганное ночью...»**). В угрозе «Что молчат испуганные птицы? / Чьи лучи скрестились над водой?» (**«Розами громадными увяло...»**) звучит не ожидание возмездия за «беззакония», но восторженное и затаенное, мистич. предчувствие катастрофы.

Миф о битве у М. связан и с детскими впечатлениями от войны и с судьбой его поколения, вынужденного в пост. болезненной реактивности отстаивать свою жизнь и свои ценности. Но прежде всего воинственно-трагич. настроение его стихов определено ежедневной борьбой с физич. страданием и обреченностью, борьбой, где граница между телесным и духовным исчезает. По мнению В. Топорова, М. — «декадент и осознавал себя именно декадентом. На роковом изломе эпох он ощутил уродство и трагизм этого излома — и попытался воссоздать в своих стихах и то, и другое» (Поздние петербуржцы // Смена. 1990. 21 апр.).

Эволюция в кратком (не более 12 лет) тв-ве М. прослеживается с трудом. В целом, это путь от подражаний Маяковскому, Есенину, Блоку, Брюсову, Гумилеву, Хлебникову, Вертинскому, Киплингу, Лорке (в кон. 1940-х — нач. 50-х) до выработки собств. поэтики, узами полемики связанной с поэзией Серебряного века (в сер. 50-х).

Отдельно следует сказать о весьма удачных переводах М. из Лорки и Рафаэля Альберти, о его многочисленных шуточных стихах, посвящ. друзьям, и о группе стихов, кот. М. готовил к публ.: здесь сделаны серьезные уступки подцензурному официозу, хотя героич. тематика осталась неизменной.

До сих пор не до конца решенную проблему составляет текстология М. Значительная часть его рукописного архива пока не найдена, многое приходится восстанавливать по машинописям. Перв. его публикация, не считая самиздатовских,— в альм. «Аполлон-77» (Париж, 1977), в СССР его стихи вперв. напеч. В. Топоровым в рубрике «Поздние петербуржцы» газ. «Смена» (и в одноименной антологии). Совр. исследователь имеет лишь самое общее представление как о хронологии, так и о циклах, в кот. М. объединял свои стихи. Попытка восстановить эти циклы предпринята в издании 2006-го.

Соч.: <Стихи> // Голос. 1974. № 4; <Стихи> // Часы. 1976. № 2; 1977. № 6; <Стихи> // Новый ж. 1977. № 129; <Стихи> // Аполлонъ-77. Paris, 1977; <Стихи> // Michail Chemiakin: St. Pétersbourg [Paris], 1977; <Стихи> // Время и мы. 1978. № 27; № 7; Дневник Р. Мандельштама // Часы. 1979. № 22; Антология новейшей русской поэзии: У Голубой Ла-

гуны. Т. 1. 5А. Newtonville, 1980–86; Острова. Л., 1982; Стихи // Лен. ун-т. 1988. 16 янв; Стихи // Черновик. 1989. № 2; Роальд Мандельштам. Поздние петербуржцы // Смена. 1990. 21 апр.; Стихи // Лен. андеграунд: Начало. Л., 1990; Стихи // Аврора. 1991. № 2; Антология Гнозиса. СПб., 1994. Т. 2; Поздние петербуржцы. СПб., 1995; Самиздат века. М., 1997; Стихи // Звезда. 1997. № 1; Собр. стихотворений. СПб., 2006; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Покровский О. «Положи мне руку на сердце...» (Из воспоминаний о поэте Р. Мандельштаме) // Часы. 1976. № 2; Кузьминский К. Второе пришествие Блока? Мандельштам Третий // У Голубой лагуны. Т. 1. Ньютонвилль, 1980; Волохонский А. О Р. Мандельштаме // Там же. Т. 2А. Ньютонвилль, 1983; Арефьев А. Нас пачкает не то, что входит, но что исходит // У Голубой лагуны Т. 5А. Ньютонвилль, 1986; Вечер памяти Р. Мандельштама 23 окт. 1987 // Часы. 1987. № 69; Косс Ф. Роальд Мандельштам // Русский андеграунд: Начало. Л., 1990; Брандт П. Неистовый скальд // Все подряд. 1992. № 1; Брандт П. Люди Пустыни: Стихи. Поэмы. Проза. СПб., 2000; Топоров В. Роальд Мандельштам // Поздние петербуржцы: Поэтич. антол. СПб., 1995; Медведев К. Роальд Мандельштам. Стихотворения // Русский ж. 1997. 15 дек.; Рогинский Б. Роальд Мандельштам (1932 61) // История лен. неподцензурной литры. СПб., 2000; Арефьевский круг. СПб., 2002; Рогинский Б. Роальд Мандельштам: Жизнь и поэзия // Мандельштам Р. Собр. стихотворений. СПб., 2006; Давыдов Д. Послесл. // Там же.

Б. Рогинский

MÁNIA (наст. имя — Васильева Мария Вячеславовна) [12.1.1983, Л-д] — поэт, музыкант.

Родилась в семье судьи (отец) и преподавателя русской лит-ры (мать). В детстве мечтала быть мальтийским рыцарем и певицей. В семье Марию близкие называли Маней — отсюда псевд. Mania. Закончила муз. школу № 26 (ныне Охтинский гуманитарный центр, диплом 1996).

Стихи начала пис. рано. Одно из первых было напис. на березовой коре и посвящ. маме. Перв. рассказы (по утверждению М. — про любовь и красоту) были иллюстрированы ею.

Закончила 209-ю гуманитарную гимназию с углубл. изучением иностранных яз. В посл. классах школы

начала работать на разных звукозаписывающих студиях СПб. и записала перв. муз. альбом из 10 песен, для кот. напис. тексты на русском и английском яз. Соч. тех лет были исполнены романтики и стремления к самовыражению, выдумки и фантазии.

После школы поступила на голландское отд. филологич. фак-та СПбГУ (оконч. в 2005). Делала поэтич. и прозаич. переводы с голландского. Наряду с изучением иностранных яз. участвовала в муз. конкурсах СПбГУ, тогда же — в конкурсах на СПб. ТВ. В 2003 стала солисткой группы «Atomica», для кот. пис. большую часть поэтич. текстов (на русском, английском, немецком, голландском яз.). Одним из самых популярных текстов М. стал **«Waarom?»** («Почему?», *голл.*), в кот. лирич. герой, стоящий посреди удаленной от мира людей бесконечной Вселенной, созерцает бесчисленные достижения человечества, кот. «почему-то» привели мир к катастрофе. Герой, кот. на земле не был безгрешен, только сейчас, из бесконечности, в полной мере осознает хаос, боль и безысходность бытия. Следует отметить, что у М. достаточно часто и (не по возрасту) рано появляется тема смерти — как нечто неизбежное, сакральное, избавляющее.

Др. лейтмотивом в тв-ве М. можно считать незнание и непонимание человеком самого себя, своего предназначения, собств. места среди людей и планет. Нередко обращается к образам ангелов, демонов, духов, вспоминает древние легенды и сказания, о земных людях говорит просто и почти жестоко, но с болью: «все мы — всего лишь люди, что-то среднее между богами и свиньями» (**«Goetter und Schweine»**).

Между тем поэтич. «я» М. осознает не только катастрофичность земного бытия, но и возможность спасения. Избавления. Др. дело, что опасности лирич. герой М. видит не в окружающем мире, но в собств. существовании (**«Save me from me»**). Он не скрывает своего незнания и непонимания мн. вещей, порой «пасует» перед жизнью (**«My Surrender»**), но готов искать пути искупления и избавления (**«Horror»**). С одн. стороны, М. обнажает мотив безразличия человека к человеку, с др. — верит, что «выкарабкаться» возможно, вопреки всему.

В 2006 «Atomica» выпустила сольный альбом **«HilFe!»** (тексты песен М.; альбом вышел в России, Германии, Голландии). В заглавной песне М. создала образ героини-духа, заманивающей людей словами Hil-Fe!,— трогательной влюблённой девушки, молящей о любви в мире, где столько грехов и мерзости, что глядящие на землю ангелы не могут ничего иного, как только лить слёзы (**«The Angels cry NO MORE»**).

В те же годы М. создала проект «The Sevensins», где были собраны музыканты из разных андеграундных петерб. групп, для кот. стала писать ироничный мат-л, не стесняясь, высмеивала противостояние мужчины и женщины, разницу в их психологич. восприятии мира, беспочвенные конфликты (**«Darkness»**, **«Shake`n`Break»**, **«Stop!»**). Наряду с иронич. поэзией были и серьёзные рассуждения, напр., в **«My Grotesque Memories»** — о человеке, обременённом собств. прошлым, или в **«Too weak»** — о слабости человека любящего. В тот же период М. работала режиссёром в арт-дирекции ТРК «5 канал», создавала тексты к рекламным роликам и трейлерам фильмов.

В 2008 в составе группы «Satanation» М. выпустила single **«Faded One»**, где ее героиня показана завораживающе нежной и слабой и одновременно мстительной и сильной. В 2010 с текстами М. вышел альбом **«NewEra.com»**. В нем героиня М. обнаруживает силу и энергию, кот.

не было прежде, говорит о том, что настало время силы и борьбы, время жизни в полную мощь («NewEra»). Будто посягнув на «мужской трон», М. неожиданным образом начинает рассуждать как бы мужским голосом, поднимает темы странного патриотизма, кот. доводит людей до исступления, до принесения жертв, но в итоге — страна даже не хоронит героев и участников войн, бросая их ненужными там, где они отдали жизнь за чуж(д)ую идею («Patriot»); тему насилия, граничащего с маниакальным расстройством, о людях, не умеющих объяснить даже себя, у кот. не хватает выдержки и терпения, кот. хватаются за ножи и топоры, не имея иных доказательств, кроме силы оружия («What for?»). М. утверждает, что женщина более жестокое существо, чем мужчина, но именно она хранит в своей душе справедливость.

В 2011 вышел поэтич. сб. «Waarom?», в кот. вошли тексты песен и отд. стих. на неск. яз. «Мне сложно было включать в сборник и стихотворения. Для меня при прочтении — песни звучат уже с аранжировкой, а стихотворения — это как бы мои неудавшиеся песни, для кот. просто не нашлось подходящей мелодии».

По окончании СПбГУ поступила в Академию театр. искусства (оконч. в 2011 с дипломом реж. кино и ТВ). В годы учебы работала переводчиком в голландской фирме по продаже цветов «Bloemen Nederland», где директор назвал в ее честь сорт белых роз «Maroesja».

Соч.: Atomica. СПб., 2004 (CD Demo); Waarom? Альтернативный новый год. Вологда, 2005 (CD сб.); Hilfe! СПб., 2006 (CD Album); Я не умру. Metal. Vol. 9. СПб., 2006 (CD сб.); Спаси меня. СПб., 2006 (CD Single); Waarom? СПб., 2006 (DVD сб.); Никогда. СПб., 2006 (CD Single); Dying in the White Sky. СПб., 2007 (DVD сб.); Faded One. СПб., 2008 (CD Single); Faded One. Колпино, 2008 (CD сб.); NewEra.com. Finland, 2010 (CD/DVD Album); Made in Hell. Finland, 2011 (CD Album); Mania. Finland, 2011 (CD Album); Waarom? Сб. стихов и текстов. СПб., 2011; Lake of tears: CD Album. 2013.

Лит.: От блюза до металла // Музторг. Ru. 2005. № 4, сент.; Atomica // Музыкант. 2005. 11 нояб.; Никто не без греха // Rip. 2005/6. № 4, дек./янв.; «Rock Palace Open Air — 2006» // Rock Palace. 2006. 29 июн.; Этатаж // RIP. 2006. № 32; «Rock Palace Open Air — 2007» // Rock Palace. 2007. 28–29 июн.; Mania (инт.) // Dark City. 2007. № 40; Atomica: CD Reviews // Dark City. 2007. № 40; Belgrad // Audio Format. 2008. № 4 (32).

О. Дольская

МАНУ́ЙЛОВ Виктор Андроникович [4.9.1903, г. Новочеркасск — 1.3.1987, Л-д, похоронен на Комаровском кладб.] — литературовед, текстолог.

Родился в семье врача. Лит. и муз. увлечения семьи во многом определили широкий круг его будущих интересов. Этому способствовало и обучение в лучшей частной гимназии Е. Петровой (Новочеркасск), где особое внимание уделялось лит-ре, истории, изучению иностранных яз., поощрялось самостоятельное худож. тв-во учащихся. В ж. учащихся гимназии «Зеленое кольцо» опубл. стихи **«Тихо было кругом...»** (1916. № 5; подпись: Виктор, да не Гюго); **«В вагоне»** (1919. № 7); **«Весна»**, **«Совет»**, **«Вечер»** (1919. № 7; подпись: В. М.) и др. По окончании школы в 1921 командирован в ЛИТО НКП (М.), где работал в студии теории и практики стиха под рук. В. Брюсова. Осенью вернулся в Новочеркасск и поступил на внешкольный фак-т Донского пед. ин-та. Будучи студентом, преподавал лит-ру на Пензенских кавалерийских курсах. В том же году вступил добровольцем в Красную Армию. В февр. 1922 переведен по воен. службе в Баку, где в теч. года заведовал библиотекой Пехотно-пулеметных Армавирских курсов. В 1923 перешел в Политотдел Каспийского воен. флота в кач-ве преподавателя школы повышенного типа для моряков «Красная звезда» (до 1927). Писал стихи, много публ. в газ. «Бакинский рабочий», «Молодой рабочий», «Рабочая газ.» (**«Промысла»**, **«Азбука Добролета»**, **«Пубкин («В тяжелых канделябрах на столе...")»**, **«Баку («Город, город. Суровый и милый...")»**, **«Баллада об искре («Стонет ветер над буровой...")»**, **«Ветер»**, **«Кавказ и Русь легли меж нами»**, **«Корабль»**, **«Как хорошо, что я совсем мальчишка»**, **«Люблю бродить среди купален»**, **«На берегу («Когда усталости и горю...")»**, **«Встреча («Все проваливается в пустоту...")»**, **«В порту»**, **«Другу («Не люблю я жалости...")»**) и др. Одновременно с февр. 1922 учился на историко-филологич. факте Азербайджанского ун-та в Баку, кот. в те годы отличался высоким уровнем преподавания гуманитарных наук. В ун-те слушал лекции и посещал семинары Вяч. Иванова, М. Макковельского, Л. Ишкова и др. Успешно защитив дипломное соч. о поэме Пушкина «Граф Нулин» (1926) и демобилизовавшись из Каспийского воен. флота, осенью 1927 переехал в Л-д. В 1929 заведовал лит. частью сценич. мастерской Выборгского ДК. Продолжал публ. стихи — в газ. «Лен. рабочий», в ж. «Звезда» (**«Люблю быстроту, и разбег, и удар»**, **«Так жизнь летит конем неудержимым»**, **«Верблюды»**, **«Как хорошо, что я совсем мальчишка»**, **«Два Виктора»** и др.); писал рассказы — **«В орлином ущелье»** (Вокруг света. 1930. № 1).

С особой благодарностью вспоминал А. Ахматову, рекомендовавшую его П. Щеголеву, изв. литературоведу и историку, в кач-ве помощника, а тем самым и ученика. С именем Щеголева связана перв. работа М. по изучению биографии и тв-ва Лермонтова. В 1929 в изд-ве «Прибой» вышла **«Книга о Лермонтове»**, кот. получила высокую оценку в печ. Эта работа, самостоятельно задуманная М. и выполненная им под рук. П. Щеголева, дала возможность получить доступ в РО ИРЛИ, чем он и восполь-

зовался, став впоследствии литературоведом-рукописником. Когда в 1928 началась подготовка ПСС Пушкина в 6 т., Щеголев привлек М. к этой работе. Стал секретарем Общей редакции и науч. сотрудником (1929–31), занимался не только организационной, но и текстологич. работой (Т. 2, 3. М.; Л., 1934, 1935). До этого, с 1921, переписывался по вопросам пушкиноведения с М. Алексеевым, руководившим в нач. 1920-х Пушкинской комиссией при Одесском Доме ученых, консультировался с М. Цявловским, Л. Гроссманом, М. Гершензоном, П. Сакулиным. Работа над СС Пушкина дала возможность общения с Б. Томашевским, С. Бонди, М. и Т. Цявловскими. Д. Якубовичем и др. учеными-пушкинистами.

С 1931 по 1933 работал гл. библиотекарем фундаментальной биб-ки ЛГУ, продолжая занятия по изучению наследия Пушкина и Лермонтова. В 1936 Лен. акад. театр оперы и балета предпринял изд. серии небольших сб., посвящ. новым постановкам. М. пригласили к участию в этой серии как автора очерков о произведениях, кот. легли в основу опер и балетов. Перв. опытом такой работы был очерк о «Бахчисарайском фонтане» в связи с балетом на муз. Б. Асафьева. Очерк был одобрен Ю. Тыняновым и хорошо встречен пушкинистами. Выдержал три изд., а затем отд. книжкой вышел в изд. Пушкинского об-ва. В кн. этой серии появились ст. М. о «Полтаве», «Пиковой даме», «Русалке» Пушкина и «Демоне» Лермонтова (неоднократно переизд.). Впоследствии в этом жанре напис. ст. М. **«Пушкин и балет»** в сб. Гос. муз. театра им. В. Немировича-Данченко (М., 1936) и **«М. Ю. Лермонтов и его запись сказки об Ашик-Керибе»** в сб. Акад. Малого оперного театра (Л., 1941).

В 1934 Б. Эйхенбаум приступил к подготовке для изд-ва «Academia» пятитомного СС Лермонтова, с текстологич. аппаратом и обстоятельными комм. К этой работе были привлечены молодые филологи, среди кот. были И. Андроников, Б. Бухштаб, Е. Малкин, В. Орлов и др. М. принял участие во всех пяти томах и составил новые комм. к письмам Лермонтова, а также **«Летопись жизни и тв-ва поэта»**, заменившие устаревшие и краткие комм. и «летопись» первого акад. изд. Лермонтова (1910–13). В следующие годы сотрудничество с Эйхенбаумом продолжалось в ряде др. изд. Лермонтова.

В эти годы у М. возник замысел комплекса библиогр. работ по Лермонтову. В выполнении этого замысла приняли участие Н. Кузьмина и К. Александров. Более двух лет длилось составление библиографии Лермонтова и описание всех изд. и публикаций его произведений с обязательной их проверкой de visu. Библиография изд. Лермонтова составила перв. том «Мат-лов для библиографии М. Ю. Лермонтова». Она и сегодня отличается исчерпывающей полнотой и подробностью библиогр. описания. Во втор. том должны были войти переводы Лермонтова на яз. народов СССР и иностранные яз., в третий предполагалось включить труды по Лермонтову. Второй том был частично подготовлен, но война прервала этот труд. Только в 1980 изд-во «Наука» выпустило в свет «Библиографию лит-ры о Лермонтове», составленную ученицей М. — О. Миллер.

В 1936 началась подготовка к столетию со дня смерти Пушкина. В это время (с 1934) М. был одним из членов Пушкинского об-ва, сначала в кач-ве ученого секретаря, затем зам. председателя Правления при акад. Н. Державине, а с 1936 — при А. Толстом. В юбилейные пушкинские 1937 и 1949 в ж. и газ. появлялись многочисленные ст. М. о Пушкине, выступал с лекциями в ДК и рабочих клубах, на собраниях Пушкинского об-ва.

Среди науч. работ М. о Пушкине и Лермонтове следует особо выделить две работы 1939-го — **«"Полководец" Пушкина»** (совм. с Л. Модзалевским) в кн. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии» и **«Семья и детские годы Лермонтова»** (Звезда. № 9), предшествовавшая первым главам науч. биографии Лермонтова, напис. Н. Бродским и изд. в 1945.

В нач. Великой Отеч. войны 26 июня 1941 принят в ИРЛИ (ПД) ст. науч. сотрудником Отдела новой русской лит-ры и оставлен в осажденном городе. Поселен в здании ин-та. В 1942–44 — уполномоченный Президиума АН СССР по ИРЛИ, отв. хранитель неэвакуированной части фондов Ин-та. Вместе с небольшой группой остававшихся в Л-де сотрудников нес дежурства на крыше здания, участвовал в ликвидации повреждений, в покрытии чердачных перекрытий огнеупорным раствором и проведении др. мер по сохранению здания, рукописных и музейных фондов ин-та. «В. А. Мануйлов всюду поспевал; мне казалось, что он никогда не спит,— вспоминала одна из сотрудниц Пушкинского Дома. — Ему мы во многом обязаны сохранением не только остававшихся в нем музейных и архивных ценностей, но и самого исторического здания Пушкинского Дома». Деятельность М. в ИРЛИ в годы войны послужила темой стих. Вс. Азарова «Хранитель Пушкинского Дома». Одновременно участвовал в продолжавшейся науч. работе: писал книги и брошюры в спец. «Оборонной серии», выпускавшиеся в осажденном городе, организовывал и проводил науч. заседания, читал лекции в госпиталях и на предприятиях, был членом редколл. ж. «Звезда». В дек. 1945 в ИРЛИ защитил канд. дис. на тему **«Жизнь и тв-во Лермонтова. Детство и отрочество»** (утверждена в 1946). В 1948 во втором лермонтовском томе «Лит. наследства» (т. 45–46) напеч. ст. **«Утраченные письма Лермонтова»**, **«Лермонтов и Краевский»**, **«Бумаги Е. А. Арсеньевой в Пензенском гос. архиве»** и **«Отклики современников на смерть Лермонтова»**.

С 1 июн. 1948 работал в ИРЛИ по совместительству, осн. место работы — ЛГИК (Лен. библиотечный ин-т): в 1948–50 — в кач-ве зам. директора ин-та, в 1951–59 — зав. кафедрой лит-ры. С 1958 — член Пушкинской комиссии АН СССР. В 1951–77 — преподаватель, позднее проф. каф. истории русской лит-ры филологич. фак-та ЛГУ, где в 1967 защитил докт. дис. по совокупности работ о жизни и тв-ве Лермонтова. С марта 1959 по окт. 1960 — зам. директора НИИ театра, музыки и кинематографии.

Наряду с тем, что осн. интерес М. был сосредоточен на тв-ве Пушкина и Лермонтова, круг его науч. интересов был более широк. Еще с ранней юности писал о П. Орешине (1923), С. Есенине (1926), Вс. Рождественском (1933, 1936), А. Толстом (1938, 1945), В. Инбер (1942). М. Горьком

(1943), В. Маяковском (1943), Н. Тихонове (1951), Ю. Рытхэу (1953), Вяч. Шишкове (1956). Работал над тв-вом Н. Некрасова: **«Н. А. Некрасов (К 50-летию со дня смерти)»** (Рабочий. Л., 1928. № 1 (43), без подп.), **«Что надо знать читателю о жизни и тв-ве Н. А. Некрасова»** (Л.: Изд. Совета профсоюзов, 1928; без подп.), **«Народный поэт (Н. А. Некрасов)»** (Красная газ. 1938. 7 янв.) и др. Им написано неск. работ о Чехове, в т. ч. кн. **«А. П. Чехов»** (1945). Тв-во Л. Толстого вызывало исследовательский интерес М. Лето 1946 по приглашению С. А. Толстой-Есениной, директора «Ясной Поляны», он провел в заповеднике и занимался изучением тв-ва Толстого. После этого на протяжении неск. лет издавались и переизд. его ст. о повестях «Хаджи-Мурат» и «Казаки». Ст. **«Кавказские рассказы и повести Толстого»** — предисл. к сб. произведений Л. Толстого — подвела итог этой работы, а в 1978 ж. «Звезда» напеч. ст. **«Вслед за Лермонтовым»**, в кот. шла речь о сходстве и различиях в творч. индивидуальности Толстого и Лермонтова. Н. Гоголю посвящ. кн. **«Гоголь в Петербурге»** (1961), напис. в соавт. с А. Степановым и М. Гиллельсоном, а также ст. **«Петербургские повести Гоголя»** (1952), о постановке «Ревизора» в Акад. театре драмы им. А. Пушкина (1952), **«Гоголь и Русь»** (1969) и др. В 1979 вышла кн. М. **«Белинский в Петербурге»**, напис. вместе с Г. Семеновой. В ряде работ М. рассматривал вопрос об отношении Белинского к Лермонтову, о борьбе Белинского за Гоголя. М. не занимался специально Достоевским, но его ст. **«Друг Достоевского Чокан Валиханов»** ввела в лит-ру о Достоевском неопубл. мат-лы о казахском просветителе. Среди ст., относящихся к лит-ре втор. пол. XIX в., вступление и публикация неизв. статьи М. Цебриковой (1935), публ. воспоминания М. Николаевой о В. Короленко (1958) и др. В статьях М. о сов. поэзии тв-во поэтов рассматривается в тесной связи с их личностью: такому ракурсу способствовало личное знакомство М. с А. Ахматовой, С. Есениным, М. Волошиным, Н. Тихоновым, В. Рождественским и др. Мн. времени отдал М. исследованию тв-ва М. Волошина, сохранению и восстановлению дома-музея поэта в Коктебеле. Подготовил для серии «Лит. памятники» том лит.-критич. ст. поэта «Лики тв-ва» с подробным комм. Помимо исследовательских статей писал театр. рец., отзывы на кинофильмы. Автор 34 кн. и около 400 ст.

Параллельно с научно-иссл. работой читал курсы по русской лит-ре в вузах. В 1943–44 в ЛГПИ им. А. Герцена читал «Введение в литературоведение», в Лен. библиотечном ин-те им. Н. Крупской (1948–57) и ЛГУ (1951–77) читал курсы по русской лит-ре XIX в. и литературоведению. В лекционных курсах стремился не только сообщить необходимые сведения об изучаемом предмете, но и дать возможно более полное представление об эпохе, обрисовать лит. явление на широком историко-культурном фоне. Его лекции и спец. семинары по Лермонтову пользовались исключительной популярностью у студентов и сыграли значительную роль в становлении поколения литературоведов. Выпустил пособие для высшей школы — **«Лермонтов: Семинарий»** (Учпедгиз, 1960; в соавт. с В. Вацуро и М. Гиллельсоном), явившееся в изв. мере подготовкой к «Лермонтовской энц.». В 1960 в Пензе выпустил кн. **«М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников»** (совм. с М. Гиллельсоном), кот. впоследствии с некот. дополнениями переизд. в Гослитиздате (1964, 1972) и кот. также способствовала дальнейшей работе над созданием «Лермонтовской энц.». Не раз в различные изд. соч. Лермонтова в разных ред. включалась «Летопись жизни и тв-ва Лермонтова» (начиная с 1937), но отд. изд. вышла в изд-ве АН СССР только к 150-летию со дня рождения поэта — в 1964. И «Летопись» содержала важный мат-л, необходимый при создании «Лермонтовской энц.». Т. о. в теч. почти 20 лет М. сосредоточивал внимание на подведении итогов многолетних трудов русских и зарубежных исследователей по тв-ву Лермонтова и на подготовке и изд. персональной **«Лермонтовской энциклопедии»** (1981), логич. завершения его творч. науч. работы. Над ее созданием в ИРЛИ он работал как руководитель Лермонтовской группы (гл. ред. и один из авторов изд.) сначала на обществ. началах (1958–70), затем в кач-ве ст. науч. сотрудника по совместительству (1970–72) и ст. науч. сотрудника-консультанта (1979–81).

На стихи М. напис. песня Марюты для оперы «Сорок первый» (Смена. 1943. 24 янв.), песня **«В последний час ("В последний час! Войска идут на запад...")»** (муз. Д. Толстого — Муз. альм. 1959. № 5). Для оперы «Маскарад» по драме Лермонтова (муз. Д. Толстого) напис. либретто (Л.: Сов. композитор, 1960).

Писал воспоминания — **«Как живой с живыми: К 75-летию со дня рождения В. В. Маяковского»** (Нева. 1968. № 7), **«О Сергее Есенине»** (Звезда. 1972. № 2), **«Подарок судьбы: Из воспоминаний об А. Ахматовой»** (Лен. ун-т. 1979. 22 июн.), **«Из воспоминаний о Владимире Маяковском»** (Маяковский в совр. мире. Л.: Лениздат, 1983), **«Вспоминая блокадные дни»** (Нева. 1982. № 1), «"Звезда" в годы блокады» (Звезда. 1984. № 1). Продолжал писать стихи и прозу: **«Отречение**: Повесть» (Нева. 1974. № 10), **«Стихи разных лет»** (Звезда. 1979. № 9; Звезда. 1983. № 9), **«Колокольчик**: Рассказ» (Аврора. 1984. № 1), подгот. сб. **«Стихи разных лет: 1921–83»** (Л.: Сов. писатель, 1983). Посмертно изд. кн. **«Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиогр. проза. Из неопубл. стихов»** (Л., 1991; СПб., 1999), в кот. вошли в т. ч. и воспоминания о нем.

В 1921–24 — член Всероссийского союза поэтов (М.), с 1929 — член Драмсоюза, с 1938 — член СП СССР, с 1946 по 1949 — член Правления ЛО СП.

Один из инициаторов и участников воссоздания пушкинского Лицея в Царском Селе, «Домика Лермонтова» в Пятигорске, музея в Тарханах. Автор текста мемориальной доски на месте дуэли Лермонтова в Пятигорске. Личную биб-ку, включавшую редкие изд., кн. с автографами поэтов нач. XX в., передал в кон. 1980-х в Гос. музей-заповедник М. Лермонтова «Тарханы».

Награжден орденом «Знак Почета», медалями «За оборону Л-да», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.».

Архив: ИРЛИ, ф. 713; РГАЛИ СПб., ф. 440.

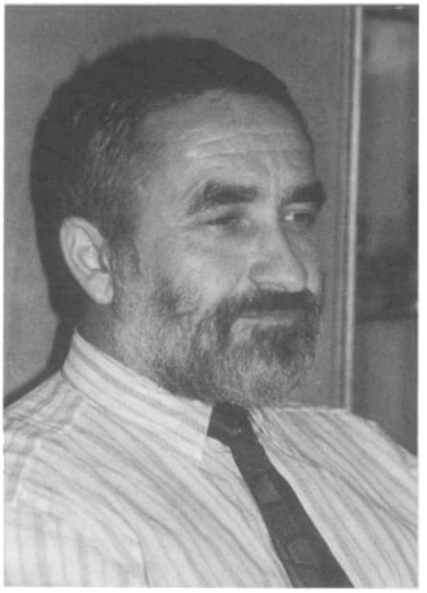
Соч.: Книга о Лермонтове. Л., 1929; М. Ю. Лермонтов. Новые тексты и матлы // Вестник АН СССР. 1934. № 10;

«Демон» М. Ю. Лермонтова (в соавт.). Л., 1935; Новые письма Лермонтова. Письмо к Е. А. Арсеньевой // Лит. наследство. 1935, т. 19–21; Записки неизв. гусара о Лермонтове (А. Ф. Тирана) // Звезда. 1936. № 5; М. Ю. Лермонтов (Тезисы лекции из цикла «Русская лит-ра»). Л., 1936; М. Ю. Лермонтов. К 123-летию со дня рождения // Красная газ. 1937. 15 окт.; Беречь лермонтовские места // Пятигор. правда. 1938. 23 июл.; В музее «Домик Лермонтова» в Пятигорске (в соавт.) // Известия. 1938. 21 июл.; Лермонтов и народ // Пятигор. правда. 1938. 27 июл.; Лермонтов на Кавказе в 1825 году // Пятигор. правда. 1938. 22 июл.; Михаил Юрьевич Лермонтов. К 97 и годовщине со дня смерти // Полярная правда. Мурманск, 1938. 28 июл.; Новые воспоминания о Лермонтове (А. З. Зиновьева) // Лит. архив. М.; Л., 1938. Т. 1; Замаскированная пошлость. О пьесах, посвящ. Лермонтову // Известия. 1939. 15 сент.; Лермонтов: Жизнь и тв-во. Л., 1939; Лермонтов и народ (К 125 летию со дня рождения) // Молодая гвардия. 1939. № 10–11; Неизв. список поэмы Лермонтова «Демон» // ЛГ. 1939. 10 сент. (в соавт.); Семья и детские годы Лермонтова (Главы из кн. «Жизнь Лермонтова») // Звезда. 1939. № 9; Великий поэт-патриот: К 100-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1941; М. Ю. Лермонтов в портретах и иллюстрациях: Пособие для учителей. Л., 1941 (в соавт.); А. С. Пушкин. Л., 1943; Михаил Юрьевич Лермонтов // Смена. 1944. 17 апр.; М. Ю. Лермонтов. Л., 1944; Михаил Юрьевич Лермонтов. Пенза, 1945; Бумаги Е. А. Арсеньевой в Пензенском гос. архиве // Лит. наследство. 1948. Т. 45–46; Лермонтов и Краевский // Там же; Отклик современника на смерть Лермонтова // Там же; Утраченные письма Лермонтова // Там же; Лермонтов в Тарханах. Пенза, 1949; Михаил Юрьевич Лермонтов: 1814–41. М.; Л., 1950; Лермонтов и наше время: Стеногр. публ. лекции. Л., 1951; М. Ю. Лермонтов: Фотовыставка / Авт.-сост. В. Мануйлов и Н. Климантов. Л., 1954; Лермонтов // История русской литры. М.; Л., 1955. Т. 7; Летопись жизни и тв-ва (М. Ю. Лермонтова) //Лермонтов М. Соч.: В 6 т М.; Л., 1957. Т. 6; Прим. к письмам М. Ю. Лермонтова // Там же; Новые мат-лы об участии М. Ю. Лермонтова в войне на Кавказе в 1840 г. По воспоминаниям К. Х. Мамацева // Труды Лен. библ. ин-та. 1957. Т. 2; М. Ю. Лермонтов: Жизнь и тв-во. М., 1958; Драматургия Лермонтова // Лермонтов М. СС: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 3 (в соавт.); Поэмы М. Ю. Лермонтова // Там же; Прим. к письмам М. Ю. Лермонтова // Там же; М. Ю. Лермонтов в портретах, илл., документах: Пособие для учителей. Л., 1959 (в соавт.); К вопросу о дуэли и смерти М. Ю. Лермонтова // Михаил Юрьевич Лермонтов. Сб. статей и мат-лов. Ставрополь, 1960 (в соавт.); М. Ю. Лермонтов: Семинарий. Л., 1960 (в соавт.); М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., вст. ст. и прим. В. Мануйлова и М. Гиллельсона. Пенза, 1960; К истории кавказской темы в русской лит-ре // Вестник ЛГУ. 1962. № 2; Драматургия М. Ю. Лермонтова. Поэмы М. Ю. Лермонтова. Прим. к письмам М. Ю. Лермонтова // Лермонтов М. СС: В 4 т. М.; Л., 1962. Т. 2, 3, 4 (в соавт.); «Герой нашего времени» Лермонтова как реалистич. роман // М. Ю. Лермонтов: Вопросы жизни и тв-ва / Под ред. А. Соколова и Д. Гиреева. Орджоникидзе, 1963; М. Ю. Лермонтов: Биография. Пособие для учащихся. М.; Л., 1964; М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подг. текстов, вст. ст. и прим. М. Гиллельсона и В. Мануйлова. М., 1964; Лермонтов в Петербурге. Л., 1964; Летопись жизни и тв-ва М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964; Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и тв-во // Лермонтов М. Избр. произведения. Л., 1965; Персональная энциклопедия как тип издания. По мат-лам подготовки Лермонтовской энц. // Книга: Иссл. и мат-лы. М., 1965. Сб. 11; Как погиб Лермонтов // Русская лит-ра. 1966. № 2 (в соавт.); Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарий. М.; Л., 1966; Вопросы изучения жизни и тв-ва М. Ю. Лермонтова: Д-д о работах, предст. на соиск. учен. степени доктора филол. наук по совокупности трудов. Л., 1967; Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и тв-во // Лермонтов М. Избр. произведения Л., 1968; Лермонтов // Русские писатели. Биобибл. словарь. М, 1971; Можно ли назвать Печорина сознательным поборником зла? Полемич. заметки // Проблемы теории и истории лит-ры: Сб. М., 1971; М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подг. текстов, вст. статья и прим. М. Гиллельсона и В. Мануйлова. М., 1972; Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарии. 2-е изд., доп. Л., 1975; Михаил Юрьевич Лермонтов: Биогр. писателя. Пособие для учащ. 2-е изд. Л., 1976; Запись о Гете в школьной тетради Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Иссл. и мат-лы. Л., 1979; М. Ю. Лермонтов: Жизнь и тв-во (вст. ст., прим.) // Лермонтов М. Избр. Л., 1979; Лермонтов и Карамзины // М. Ю. Лермонтов: Иссл. и мат-лы. Л., 1979; Драматургия Лермонтова // Лермонтов М. СС: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1980. Т. 3 (в соавт.); Прим. и подготовка текстов писем Лермонтова // Там же. Т. 4; Летопись жизни и тв-ва М. Ю. Лермонтова (в соавт.). Хронолог. канва жизни и тв-ва М. Ю. Лермонтова. Ашик Кериб. Бородино. Поле Бородина. Родина. Тамбовская казначейша. Ты помнишь ли, как мы с тобою и др. ст. // Лермонтовская энц. М., 1981; Лермонтовская энц. // Вестник АН СССР. 1982. № 2.

Лит.: Виктор Андроникович Мануйлов: К 80-летию со дня рождения: Указатель лит-ры / Сост. О. Миллер, В. Захаров. Темрюк, 1984; Лихачев Д. Прошлое — будущему: Ст. и очерки. Л., 1985; Лавров А. <Рец. на кн.: Мануйлов В. Записки счастливого человека. СПб., 1999> // Новая русская кн. 2000. № 1 (2); Лавров А. В. А. Мануйлов — ученик Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: Иссл. и мат-лы. Вып. 1. СПб., 2010.

О. Миллер, В. Захаров

МАРАМЗИ́Н (наст. фамилия Кацнельсон) Владимир Рафаилович [5.8.1934, Л-д] — прозаик.



Отец — заводской мастер (погиб на войне), мать — учитель географии. В детстве жил у бабушки в Кашине, в 1946 вернулся в Л-д. Закончил ЛЭТИ (1957), до 1965 работал инженером, нач. отдела науч.-технич. информации на з-де «Светлана». С февр. 1966 по март 1975 состоял в профкоме литераторов при ЛО СП РСФСР.

Начал пис. в студенч. годы. Вместе с И. Ефимовым, Г. Шефом, В. Воскобойниковым и др. посещал ЛИТО молодых прозаиков при Центр. городской биб-ке им. Маяковского, кот. рук. В. Бакинский и ЛИТО при изд-

ве «Сов. писатель» (рук. Г. Гор, И. Меттер), куда входили А. Битов, В. Попов, И. Штемлер и др.

Перв. рассказ опубл. в 1962 в газ. «Смена». В 1963 в Л-де поставлена пьеса **«Объясните мне кто-нибудь — я скажу вам спасибо»**, но изъята из репертуара сразу после премьеры. Напис. неск. теле- и киносценариев, некот. — совм. с кинореж. И. Хамраевым.

Рассказы и повести М. **«История женитьбы Ивана Петровича»**, **«Я с пощечиной в руке»** и др. пользовались популярностью в среде лит. молодежи, размножались машинописным способом, но, собранные вместе, имея положительные рец. (В. Пановой и др.), неск. лет пролежали без движения в ЛО изд-ва «Сов. писатель». При этом отд. рассказы опубл. этим же изд-вом в альм. «Молодой Л-д», рассказы из кн. для детей **«Кто развозит горожан»** — в ж. «Юность».

«Уже из ранних рассказов ясно, что М. обладает почти безупречным лингвистическим слухом, комическим талантом и мастерством композиции, но полностью оригинальными назвать их нельзя. Свой уникальный голос М. обретает в 1966 г. в книге коротких рассказиков "Секреты". Иные из этих двадцати восьми "секретов" напоминают сюжетом народные анекдоты, иные вовсе бессюжетны — уличные сценки, быстрые зарисовки, записанные слухи. Комическое здесь приглушено, в большинстве "секретов" нет откровенной сатиры, повествователь стремится к объективности. В центре каждой миниатюры обычно один тщательно описанный персонаж, мужчины и женщины из разных слоев общества: работяга, школьник, одинокая женщина в большом городе, старуха-вдова в провинциальном городке, солдат, старик-профессор. Кумулятивный эффект двадцати восьми "секретов" превосходит то, чего можно было бы ожидать от простой суммы этих не претендующих на многое скетчей: мы получаем психологически сложный и, в конечном счете, глубоко лиричный портрет нации. Своеобразный лиризм "Секретов" кроется в глубоком сочувствии автора к "маленькому человеку"» (Лосев Л. Отсутствие писателя. К 70-летию В. Марамзина // Звезда. 2004. № 8).

Если взрослая проза М. встречала сопротивление издателей, то его познавательные кн. для детей **«Тут мы работаем»** (1966) и **«Кто развозит горожан»** (1969) изд. в ЛО изд-ва «Детская лит-ра». Обе кн. состояли из мн. коротких зарисовок, в кот. автор увлекательно рассказывал о заводской жизни, об истории городского транспорта, перемежая их сценами из жизни простых горожан. Эти кн. пользовались большим успехом, они отмечались как лучшая лит-ра для детей и стояли на самых видных местах в детских биб-ках.

В 1966, не выдержав долгого ожидания своей «взрослой» книги, количество внутренних рец. на кот. перевалило за десяток, и, узнав, что кн. по распоряжению директора изд-ва Г. Кондрашова отправлена на очередную рец., в состоянии нервного срыва запустил в последнего чернильницу. Был составлен акт, и открылось дело о «хулиганском поступке М. в рабочем кабинете директора». Случившееся стало своего рода поворотным моментом в тв-ве автора. «Деликатная смесь юмора, эротизма и сентиментальности, характерная для рассказов и повестей М. в шестидесятые годы, сменяется более мрачным, достоевскианским потоком сознания в повести **"Блондин обеего цвета"** (1973). <...> Как ни драматичен сюжет "Блондина обеего цвета", самое поразительное в этой повести — ее язык. Он качественно отличается не только от языка ранней прозы М., но и от всего остального в русской литературе, за возможным исключением поздней поэзии Мандельштама. На протяжении всего текста М. избегает обычных словоупотреблений и создает мощный и беспокоящий сознание читателя эффект путем совмещения казалось бы несовместимых слов и блоков текста» (Л. Лосев).

В эти же годы М. вместе с молодыми прозаиками Б. Вахтиным, В. Губиным и И. Ефимовым создал группу «Горожане», кот. подала общий сб. прозы в ЛО «Сов. писатель». Публичные выступления участников писательской группы в разных аудиториях всегда привлекали большое внимание слушателей.

В 1971 начал готовить самиздатское ПСС И. Бродского за 1957–72, из текстов, хранившихся у знакомых и переданных ему Бродским. В процессе работы М. собрал и систематизировал архив лен. периода, уточнил ссылки поэта. (Архив Бродского частично находится в РНБ). СС Бродского 1957–72-х получило назв. «марамзинского». На его основе подгот. все последующие печ. кн. Бродского, а комм. М. стал важнейшим источником для изучающих тв-во Нобелевского лауреата. 1 апр. 1974 на квартирах М. и историка и писателя М. Хейфеца, написавшего вст. статью к «марамзинскому собранию», были произведены обыски. Хейфец был арестован спустя неск. дней, М. — через три месяца. В защиту М. выступила международная лит. общественность. «Я потрясен вестью о том, что еще из одного писателя делают мученика за то, что он писатель,— писал В. Набоков в «New York Revue of Books» (6 март. 1974). — Только немедленное освобождение М. предотвратит новое злодеяние». После 8 месяцев, проведенных в следственном изоляторе, в февр. 1975 М. был осужден на 5 лет условно. Сразу после выхода на свободу ему было предложено покинуть СССР.

С 1975 живет в Париже. Все его произведения, не изд. в СССР, опубл. в эмигрантских изд. Мн. его рассказы и повести вышли в переводах на европейские яз. Основал ж. «Эхо», кот. считался наиболее авангардно ориентированным среди зарубежной русскоязычной периодики. Создал бюро технич. перевода. Это занятие позволяло ему поддерживать жизнь на относительно высоком уровне, но отнимало силы и время. Быть может, поэтому новые произведения М. появлялись крайне редко. С кон. 1999 начал публ. новые рассказы и эссе. В 2003 в Париже изд-во «Эхо» выпустило сб. новой прозы **«Сын Отечества»**. «Одиннадцать рассказов и две повести с остановками. Два отброшенных варианта жизни. Лен. вариант называется "Трамвай длиною в жизнь". Парижский — см. обложку — как старинный петербургский журнал. Любил — и не разлюбил — Платонова, Бродского, живопись, электрички, трамваи, женщин. Не любил — и не полюбил — себя. Любит жить. И не любит выдумывать. А энергию желания всю сохранил. Но чтобы выразить ее без искажающих потерь, действительно нужна

новая проза. Марамзин всегда хотел писать только новую прозу» (Гедройц С. Владимир Марамзин. Сын отечества // Звезда. 2004. № 5).

После 1999 новые тексты М. стали появляться в России (ж. «Звезда»), зарубежных русскоязычных изд. («Лит. европеец», «Мосты», Франкфурт-на-Майне; «Новый берег», Копенгаген). В 2007 в Париже вышла новый сб. статей М. **«Вынужденные сочинения»**.

Был женат на актрисе Театра комедии им. Н. Акимова Ольге Антоновой.

Соч.: Тут мы работаем: Рассказы человека не всегда абсолютно серьезного. Л., 1966; 2-е изд. Л., 1973; Кто развозит горожан: Не совсем серьезные рассказы, из кот., однако, можно узнать много полезного. Л., 1969; Блондин обеего цвета. Ann Arbor, 1975; Тянитолкай. Ann Arbor, 1975; Смешнее чем прежде. Montgeron, 1979; Возвращенец // Звезда. 1999. № 5; Уроки Набокова. Ленинград, 60-е гг. // Звезда. 2000. № 7; Сын Отечества. Париж, 2003; Кот: Рассказ // Новый берег. 2004. № 5; Право на жизнь: Рассказ // Новый берег. 2006. № 11; Вынужденные сочинения. Париж, 2007.

Лит.: Долинина Н. Заметки о молодой прозе // Детская лит-ра. Л., 1968; Kogan E. Vladimir Maramzine: Un jeune 'hyper-realiste' sovietique // Le Monde Paris, 1974. № 9303, 13 Decembre; Лит. дела КГБ: дела Суперфина, Эткинда, Хейфеца, Марамзина / Под ред. В. Чалидзе. Н.-Й., 1976; Лифшиц Л. Проза Ивана Петровича // Континент. Париж, 1976. № 10; Мальцев Ю. Вольная русская лит-ра. 1955–75. Франкфурт-на-Майне, 1976; Рубинштейн Н. Заметки о повести В. Марамзина «Блондин обеего цвета» // Грани. Франкфурт-на-Майне, 1976. № 100; Zveteremich P. Vachtin e i «Gorozhane» // Fantastico grotesco absurdo e satira nella narrative russo d'oggi (1956–80). Messina: Peloritana Editrice, 1980; Воскобойников В. Мои напоминания // Детская лит-ра. 1999. № 5–6; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Гедройц С. Владимир Марамзин: Сын отечества // Звезда. 2004. № 5; Лосев Л. Отсутствие писателя: К 70-летию В. Марамзина // Звезда. 2004. № 8; Чуди И. Иосиф и его брат // Город 812. 2013. № 9.

В. Воскобойников

МАРИЕНГО́Ф Анатолий Борисович [24.6(6.7).1897, Нижний Новгород — 24.6.1962, Л-д, похоронен на Богословском кладб.] — поэт, прозаик, драматург, мемуарист.

Родился в семье служащего, выходца из Лифляндии (южная Эстония, отошедшая по Ништадтскому мирному договору к России). Благодаря дворянскому происхождению матери некот. время учился в нижегородском Дворянском ин-те императора Александра II, привилегированном среднем учебном заведении. В связи с переводом отца по службе в Пензу М. оставил ин-т. Весной 1916, окончив пензенскую гимназию, поступил на юридический фак-т Моск. ун-та, но будучи мобилизован на Западный фронт, служил в инженерно-строительной дружине.

В событиях 1917 М. непосредственного участия не принимал, но несколько позже (1918) отношение к ним выразил так: «Верьте, я только счастливый безумец, / Поставивший все на Октябрь» (Явь. М., 1919). Возвратившись в Пензу, М. печ. в пензенской губернской типографии «революционный альманах» **«Исход»** и свой перв. поэт. сб. **«Витрина сердца»**.

В 1919 — секретарь изд-ва ВЦИК в М. Понятно, что на такие должности людей «с улицы» не берут, однако в воспоминаниях, писавшихся в 1950-е, М. не называет имени высокопоставленного «благодетеля». В этом же году он дебютирует в столичной печ. — в альм. «Явь», где его поэтич. продукция соседствует со стихами А. Белого и Пастернака.

В М. знакомится и сближается с С. Есениным и В. Шершеневичем. Подпись М. стоит под манифестом русского имажинизма («Декларация», февр. 1919), его стихи печ. в многочисленных имажинистских сб. нач. 1920-х.

Неск. десятилетий спустя М. скажет о тогдашних своих взглядах: «Не чуждо нам (Есенину и Мариенгофу.— *Ред.*) было и гениальное мракобесие Василия Васильевича Розанова» (**«Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги»**). М. вполне разделяет розановское (периода «Апокалипсиса нашего времени») понимание революции 1917 как разрешение конфликта между Христом и Солнцем-Иеговой в пользу второго. Но «счастливый безумец» идет еще дальше, он и Солнце лишает каких-либо сакральных прерогатив, рассматривая его лишь как некий «осветительный прибор», единственная функция кот. — выхватить из тьмы времен «Я». В «Революционной Троице» (Свобода, Равенство, Братство) поэта привлекает, пожалуй, лишь свобода, понимаемая вполне поштирнеровски. Неслучайно, что «анархия» становится «лейт-словом» в поэме М. **«Кондитерская солнц»** (1919).

Вскоре, однако, восторг «счастливого безумца», намеренного «стихов серебряные росы» вручать «только тем, кто несет погромные колья», обретает и опр. эмоциональное противотечение: «Я знаю, увять и мне» (поэма **«Слепые ноги»**). И если совсем недавно поэт призывал кровь Христа «выплескивать, как воду из рукомойника», ради «живой жизни», то в 1920 в «мрачно-красивой» (В. Львов-Рогачевский) поэме **«Сентябрь»** он приходит к мысли о самоубийстве («Открою у ладони синий желоб. / Прольется кипяток. / Вольется лед»).

Поэзия М.-имажиниста глубоко пессимистична. Хотя **«Стихами чванству»** и **«Развратничаю с вдохновеньем»**, но наступает **«Разочарование»**, и впору сделать **«Руки галстуком»**. Так, опр. образом соединив названия некот. поэтич. сб. М. 1919–20, можно было бы определить мироощущение поэта в этот период учитывая, разумеется, нарочито-эпатажный характер назв.

Теоретик «ритмического стиха» и композитор А. Авраамов писал о поэзии М.: «...вот он, преодоленный (не первозданный) хаос верлибра». По его мнению, для описания

ритмич. строя стихов М. требуется отказ от обычной «метрической номенклатуры» и переход к более тонко дифференцирующей «номенклатуре музыкальной». «По самодовлеющей мощи архитектоники и захватывающему лиризму», полагал он, стихи М. могут быть сравнимы с музыкой Баха. Есенину в качестве «музыкального аналога» назывался Гендель. С др. стороны, изощренный ритм стихов М., зачастую осложненный разноударной рифмой либо ассонансом, затрудняет их восприятие, вызывает ощущение хаотичности, некоего «сумбура вместо музыки». Отметим и присущее М.-поэту «короткое дыхание». Его он, впрочем, довольно ловко маскирует, разбивая «нормальную» рифмованную стихотворную строку на три-четыре, и печатая эти «синтагмы» не маяковской «лесенкой», а традиционно — в «столбик». В результате этой графической уловки — восьмистрочная миниатюра выглядит как полновесное стих., занимая всю страницу.

В 1920 М. выпускает брошюру по теории имажинизма **«Буян-остров»**. Как теоретик движения, он оказывается отнюдь не столь радикален, как, напр., В. Шершеневич. М. проповедует не «каталог образов», кот. можно с тем же успехом читать и от конца к началу, но «прекрасное целое», кот. «прекрасно только в том случае, если прекрасна каждая из его частей» («Буян-остров»). Правда, «прекрасное» М. понимает по-своему. Он пишет: «Одна из целей поэзии — вызвать у читателя максимум внутреннего напряжения. Как можно глубже всадить в ладони читательского восприятия занозу образа», чему всего лучше служит соединение высокого и низкого, «совокупление соловья и лягушки» («Буян-остров»).

В. Львов-Рогачевский писал о М., что в его лирике нашли выражение «чувства и настроения хитровцев, утративших лик человеческий», добавляя: «Его могла бы спасти искренняя, горячая, непосредственная любовь». Слова критика оказались пророческими. Трудно без трепета читать в воспоминаниях М. страницы, посвященные им А. Никритиной, его жене, актрисе московского Камерного, а позднее лен. Большого драм. (б. Суворинского) театра. «Поэтический хитрованец» был спасен. Однако о М.— лирич. поэте после сб. **«Стихи и поэмы»** (Л., 1926), в кот. А. Тарасенков увидел «плоское славянофильство» и «культ упадочно-эротически-кабацкого самозабвения» (Лит. энциклопедия. М., 1932. Т. 6) — всерьез следует говорить лишь в прошедшем вр. Стихи он продолжал — от случая к случаю — писать и позже, но собранные воедино (**«Неизвестный Мариенгоф»**), они, зачастую написанные «для домашнего употребления», производят удручающее впечатление.

М. начинает работать для театра (пьеса **«Вавилонский адвокат»**, 1925). По его сценариям снимаются фильмы **«Дом на Трубной»** (1927), **«Проданный аппетит»** (1928) и др. После скандального успеха вышедшей тремя изданиями кн. М. о Есенине **«Роман без вранья»**(1927), он обращается к прозе. Во мн. созвучные западноевропейской лит-ре «потерянного поколения», романы М. **«Циники»** и **«Бритый человек»** в СССР опубл. лишь в «эпоху перестройки». Кстати, сюжет «Бритого человека» (совслужащий «с правом ношения оружия» из зависти убивает поэта, а затем успешно выдает убийство за самоубийство) вполне мог послужить отправной точкой для возникновения версии об убийстве Есенина. Результатом издания романов на Западе (в 1929 вышли в свет «Циники», а в 1930 — «Бритый человек») было десятилетнее едва ли добровольное и почти полное молчание М. как писателя в СССР. В 1940 М. снова начинает печататься, и в 1940–50-е М. изд. свыше полутора десятка пьес и комедий (зачастую напис. в соавт. с М. Козаковым), вполне отвечавших «требованиям времени», однако у читателей и зрителей особым успехом не пользовавшихся. Вместе с тем значительный интерес представляют воспоминания М. «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги», написанные в 1950-х.

В «постперестроечное» время проза М. многократно изд. (существует и «аудио-версия» романа «Циники»). И. Бродский находил, что «Циники» — едва ли не лучший русский роман XX в. В 1991 Д. Месхиевым и В. Тодоровским был снят фильм под тем же назв.

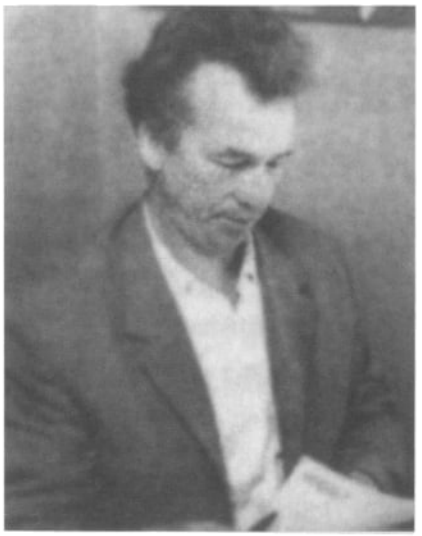
Соч.: Буян-остров: Имажинизм. М., 1920; Рождение поэта. Шут Балакирев: Пьесы. Л., 1959; Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л., 1988; Бритый человек. М., 1991; Неизв. Мариенгоф: Избр. стихи и поэмы 1916–62 гг. СПб., 1996; Стихотворения и поэмы. СПб., 2002 (Новая БП. МС); Бессмертная трилогия. М., 1999; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 годов: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010; и др. изд.

Лит.: Авраамов Арс. Воплощение: Есенин — Мариенгоф. М., 1921; Григорьев С. Пророки и предтечи посл. завета: Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф. М., 1921; Львов-Рогачевский В. Имажинизм и его образоносцы. Ревель, 1921; Аверин Б. Проза Мариенгофа // Роман без вранья; Циники; Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л., 1988; Бобрецов В. Анатолий Мариенгоф // Русская лит-ра. 1991. № 4; Макарова И. Поэты русского имажинизма // Макарова И. Очерки истории русской лит-ры XX в. СПб., 1995; Ласкин А. Тросточка против безумия (штрихи к портрету поэта А. Б. Мариенгофа) // Неизв. Мариенгоф. СПб., 1996; Хуттунен Т. «Циники» А. Б. Мариенгофа — монтаж вымысла и факта // Проблемы и границы в культуре. Тарту, 1998; Русский имажинизм. История. Теория. Практика: Сб. ст. М., 2003; Хуттунен Т. Оскар Уайльд из Пензы // Век нынешний и век минувший. Тарту, 2006. Ч. 2; Хуттунен Т. Забытый роман: История «Циников». Анатолий Мариенгоф // Varietas et concordia. Helsinki, 2007.

В. Бобрецов

МАРИ́НИЧЕВ Анатолий Дмитриевич [1927, Вологодская обл. — 2006, СПб.] — прозаик.

Окончил ФЗУ в г. Иваново. Работал на текстильных предприятиях Иванова и Л-да. Увлеченность книгами, в частности «деревенской» прозой, привела М. к мысли о собств. лит. тв-ве. Получив аттестат зрелости после окончания школы рабочей молодёжи, М. поступил в Лит. ин-т им. М. Горького, где удивлял педагогов эрудицией по части деревенской и рабочей жизни. Был слушателем семинара А. Карцева, автора романа «Магистраль». Сокурсник-ленинградец А. Пискарев познакомил М. с Н. Рубцовым, с кот. М. позже работал в лен. газ. «Невская заря». В дальнейшем М. опубл. два очерка воспоминаний о Н. Рубцове, в кот. проявилась от-



менная память автора и способность ярко подать мат-л.

После окончания Лит. ин-та вел отдел сельского хозяйства в газ. «Невская заря» и возглавлял ЛИТО «Ладога», работая с молодыми авторами — прозаиками и поэтами. Был автором в неск. вып. альм. «Точка опоры», очерков и статей в газ. Л-да и Лен. обл.

В 2004 начал публ. в лит. альм. «Мариенталь» (орган СП Лен. обл. и СПб.) роман в семи кн. **«Душа живая»**. Стал членом этого СП.

В посл. годы жизни — гл. ред. газ. «Балтийский луч» (г. Ломоносов).

Соч.: Нелегкий хлеб. Л., 1975; Радуга над полями. Л., 1987; Богиня Шурка: Рассказы. Л., 1991. Туполобый: Рассказ // Лен. мыза. 2000. № 1.

Н. Солохин

МАРКЕ́ЛОВ Глеб Валентинович [11.2.1948, Севастополь] — филолог-археограф, искусствовед.

Окончил русское отд. филологич. фак-та ЛГУ в 1972. С 1976 — науч. сотрудник Древлехранилища им В. Малышева в ИРЛИ (с 2000 — ст. науч. сотрудник). Организатор и рук. Издательской группы Пушкинского Дома (с 2008).

Обл. науч. интересов: древнерусская лит-ра и искусство, археография, источниковедение, иконография и др. Организатор и участник более 20 археографич. экспедиций (1969–89). Как исследователь-публикатор впервые ввел в науч. оборот памятники старообрядческой письменности «Дегуцкий летописец», «Выгорецкий Чиновник» и др.

Автор книг и альбомов, около 100 науч. работ (в т. ч. в ТОДРЛ, 1979–2003). Подготовленная М. **«Книга иконных образцов»** является сегодня наиболее полным сводом древнерусской иконной графики.

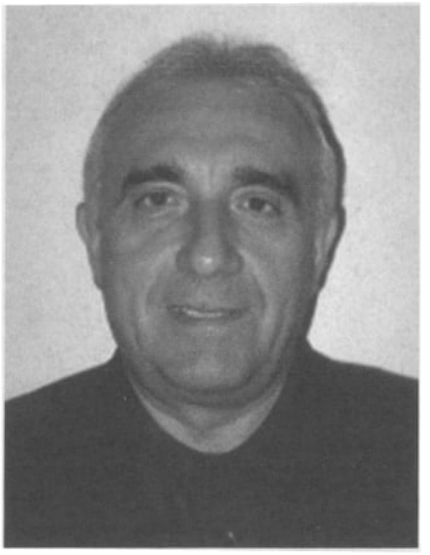
Ряд статей и д-дов М. на науч. конф. посвящены крестьянскому поэту Григорию Кругову; основателю Древлехранилища В. Малышеву и его архиву; встречам с старообрядцами-поморцами, среди кот. хранитель старообрядч. традиций и письменности И. Заволоко.

М. на протяжении мн. лет занимается живописью, его картины выставлялись, в частности, в экспозициях ИРЛИ.

Соч.: Святые Древней Руси: Мат-лы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники): В 2 т. СПб., 1998; Прориси и переводы с икон из собрания Пушкинского Дома. СПб., 1998; Книга иконных образцов: 500 подлинных прорисей и переводов с русских икон XV–XIX вв.: В 2 т. СПб., 2001 (2-е изд., перераб. и доп., 2006); Писания выговцев: Соч. поморских старообрядцев в Древлехранилище Пушкинского Дома. Каталог-инципитарий. СПб., 2004; Выгорецкий Чиновник: В 2 т. СПб., 2008; Лицевые апокалипсисы Русского Севера: Рукописи XVII–XIX вв. из фондов Древлехранилища Пушкинского Дома / Изд. подг. Г. Маркелов, А. Бильдюг. СПб., 2008; «Почему конь не собака?» (Русские народные картинки из собрания Пушкинского Дома. Вып. 1.) / Изд. подгот. Г. Маркелов, Я. Зверева; под. ред. А. Некрыловой. СПб., 2008; Русский батальный лубок сер. XIX в. Крымская война 1853–55 гг. / Сост., подгот. текста, комм. и указатели Я. Зверевой, Г. Маркелова. СПб., 2010; Русский батальный лубок XIX–XX вв. из собрания Пушкинского Дома / Сост. Я. Зверева, Г. Маркелов. СПб., 2010; «Отчизну обняла кровавая забота...». Рукописное наследие Отеч. войны 1812 года в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2012; Дом Романовых в Пушкинском Доме (к 400-летию династии Романовых 1613–2013): Мат-лы из собраний Пушкинского Дома. СПб., 2013.

Лит.: Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005.

МА́РКОВ Александр Анатольевич [13.9.1958, г. Кировск Ворошиловградской обл.] — журналист, прозаик.



В 1984 закончил фак-т журналистики ЛГУ по специальности «журналистика», в 1997 — СПб. академию МВД России по специальности «юриспруденция».

С 1976 по 1978 служил в рядах ВС СССР. С 1984 по 1997 служил в ГУВД Л-да. Позже работал в таможне, арбитражном суде.

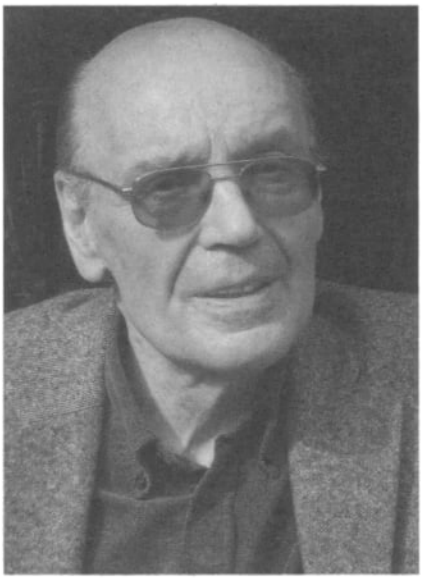
В 2000 защитил канд. дис. В наст. вр. доцент, зав. кафедрой связи с общественностью и массовых коммуникаций ИНЖЭКОН. Сфера науч. интересов: совр. информационные процессы и технологии. Преподаваемые дисциплины: Теория и практика массовой информации; Теория и практика связей с общественностью; Правовой статус СМИ, рекламы и связей с общественностью. Автор 38 науч. и учебно-метод. работ, в т. ч. 3 монографий.

Автор романов **«Афганец»** (М., 1990), **«Мертвая охота»** (СПб., 1997), **«Армада»** (СПб., 1998), **«Генерал из элиты КГБ»** (СПб., 2002), **«Молчание мытарей»** (СПб., 2005).

Член СП России с 2011.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

МАРКО́ВИЧ Владимир Маркович [28.11.1936, Алма-Ата Казахской ССР] — литературовед, историк русской лит-ры.



Родился в семье преподавателей вузов. Отец, Марк Михайлович М., физик, в разное вр. являлся доц., зав. каф., деканом, проректором Каз. гос. пед. ин-та им. Абая. Мать, Нина Сергеева Смирнова, фольклорист, проф. (с 1951), зав. каф. того же ин-та, руководитель отд. казахского фольклора АН Каз. ССР, Член-корр. АН Каз. ССР (с 1951). От отца М. унаследовал лекторский дар и склонность к аналитич. мышлению, от матери — интерес к гуманитаристике. В 1954 закончил школу № 33 г. Алма-Аты, в 1959 — ист.-филол. фак-т Каз. гос. пед. ин-та им. Абая. В 1962 — аспирантуру при том же ин-те, до 1971 там же работал преподавателем каф. русской и зарубежной лит-ры. В 1966 защитил канд. дис. **«Два типа классич. русского романа в перв. пол. XIX в.»**. По инициативе Г. Бялого и Г. Макогоненко защита состоялась в ЛГУ. В 1971 по приглашению Г. П. Макогоненко М. приехал в Л-д и работал штатным преподавателем в ЛГПИ им. А. Герцена. В 1972 избр. на должность доц. каф. истории русской лит-ры ЛГУ, где работает по наст. вр. (с 1984 — в должности проф.). В 1982 защитил докт. дис. **«Тургеневский тип русского романа»**.

Метод М.-ученого сложился в период «оттепели», когда стали доступными ранее находившиеся под запретом работы М. Бахтина и наследие формальной школы. В нач. 1960-х ему посчастливилось прочитать единственный находившийся в Алма-Ате экземпляр «Проблем поэтики Достоевского», перевернувший, по его признанию, сознание молодого ученого. Вскоре познакомился с трудами формалистов, представленными в моск. биб-ках. Закономерно, что одна из перв. работ М. **«Из наблюдений над композицией "Евгения Онегина"»** (1963), представляющая собой имманентный анализ романа, методологически ориент. на незаконченную ст. Ю. Тынянова «О композиции "Евгения Онегина"». «Статья М. целиком построена на внимании к особенностям поэтики романа: к совмещению разнородных стилевых элементов, затем — к совмещению разнородных жанровых элементов, затем — к смысловой многоплановости» (М. Виролайнен). Поэтологич. исследование приводит к выводу о композиционной полифонии романа, кот. сопутствуют полифония стилевая и жанровая. Т. о. обнаруживается, что продемонстрированный Бахтиным принцип идеологич. полифонии романов Достоевского является одной из важнейших сущностных характеристик пушкинского поэтич. слова. Эту идею М. разрабатывает и в ст. **«Юмор и сатира в "Евгении Онегине"»** (1969), доказывая, что ирония регулирует взаимоотношения всех элементов и уровней романа. Уже в этих работах М. демонстрирует «свободу от предвзятых идей», кот. «становится не только знамением времени, но имеет методологическое значение» (М. Виролайнен).

Такая свобода позволила М. по-новому «прочесть» и роман Лермонтова. В 1967 вышла ст. **«"Герой нашего времени" и становление реализма в русском классич. романе»**, вызвавшая полемич. отклик В. Мануйлова (Можно ли назвать Печорина сознательным поборником зла? (Полемич. заметки) // Проблемы теории и истории лит-ры. Сб. ст., посв. памяти проф. А. Н. Соколова. М., 1971). Традиц. лермонтоведение не могло принять выдвинутый в работе тезис о сознательности позиции Печорина. Однако проанализированный мотивный уровень (в терминологии того времени — «символический подтекст», см. также ст. **«О лирико-символич. начале в романе Лермонтова "Герой нашего времени"»**, 1981) делает этот тезис бесспорным, а выявленные автором символич. мотивы, пронизывающие весь текст, открывают новые смысловые пласты и демонстрируют сам механизм смыслообразования в романе.

В 1971 появляется тургеневедческая ст. М. **«О проблематике романа "Отцы и дети"»**, а в 1975 — первая монография **«Человек в романах Тургенева»**, относящаяся, по словам М., «к числу типологических». В связи с интересом к типологии форм, свойственным зрелым трудам М., следует назвать имена Ю. Манна, Б. Успенского, Ю. Лотмана, работы кот. также повлияли на науч. метод исследователя. М. анализирует четыре первых романа Тургенева как систему, сложившуюся и существующую по единым эстетич. законам. В центре его внимания — изображение человека, но все многообразие персонажного поля тургеневских романов М. типологически распределяет по «пяти уровням человечности», находя общ. черты у героев разных текстов. В перв. главе монографии М. описывает работу повествовательных инстанций, обходясь без совр. нарратологической терминологии, не известной в то вр. сов. литературоведению. Эта возможность решать исследовательские задачи, исходя из требований конкретной аналитич. ситуации, а не применять готовый метод и соответствующий ему терминологич. аппарат освобождают исследование М. от терминологич. перегруженности и формируют узнаваемый индивидуальный стиль ученого.

Втор. монография М. **«И. С. Тургенев и русский реалистич. роман XIX в. (30-е — 50-е гг.)»** (1982) продолжает первую, подключая к син-

хронному анализу системы тургеневских романов описание их диахронной эволюции. Фоном для анализа тургеневской поэтики стали романы Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена и Гончарова. Внимание ученого прежде всего сосредоточено на структуре сюжета и характера, но, как всегда, анализ этих уровней подчинен более общей задаче — описанию возникающей в тексте картины мира. Монография М. представляет становление русского романа от периода «символического реализма» (В. Виноградов) через опыты натуральной школы к его тургеневскому варианту. Уточняется само понятие «реализма» как типа лит-ры, соединяющей «социально-историческую, бытовую, психологическую конкретность с вселенскими, а иногда и трансцендентными универсалиями», решается вопрос о способах такого парадоксального соединения в каждом из анализируемых романов.

Интерес к парадоксу проявился и в след. монографии — **«Петербургские повести Гоголя»** (1989), посвящ. интерпретации «аномальной» онтологии гоголевского Петербурга на фоне Петербурга пушкинского. Поэтологическим ключом к этой интерпретации явился анализ повествовательной системы цикла. Показательно, что исследование М. широко используется в нарративном описании гоголевской прозы посл. лет. И тем не менее метод автора невозможно определить как нарратологич. стратегию. В монографии М., представляющей собой герменевтич. прочтение цикла Гоголя, нарратология превращается в герменевтич. практику, подсказанную самим текстом. М. иллюстрирует свой ключевой тезис — «повествование в петербургских повестях стилистически неоднородно и явно неоднородны здесь позиция и облик повествующего лица». Одна из функций (смыслообразующая функция) этой неоднородности — подключение к лит. форме возможностей «низовой» культуры, в диапазоне от анекдота до легенды. Будучи связан с мифогенным хронотопом Петербурга, такой нарратив приобретает мифологич. измерение. И в аспекте синтактики (мифогенный рассеянный субъект повествования), и в аспекте семантики (апокалиптическое вторжение хаоса в петерб. «космос») исследование М. представляет собой целостную концепцию. Интерпретация тв-ва Гоголя, часто являвшегося мат-лом для создания совр. теории прозы в работах формалистов, демонстрирует принципиальное отличие литературоведения М. от предшественников. Гл. вопрос формальной школы «как сделано?» дополняется иным — «зачем?». Отвечая на него, М. вновь демонстрирует свободу от пресуппозиций, кот. на этот раз становятся установки формально-структурного метода. Рассуждения о «целях Гоголя» предсказывают ход, кот. предпринимает М.: от анализа позиции имплицитного автора к выяснению позиции автора конкретного. В ст. **«Автор и герой в романах Лермонтова и Пастернака ("Герой нашего времени" — "Доктор Живаго")»** (1996) М. впервые после провозглашенной Р. Бартом «смерти автора» возвращается к проблеме автора-творца текста, основываясь на поэтологич. анализе. Эта работа — методологич. вариант постановки проблемы автора в совр. науч. парадигме. Такого рода проблемные ст. были собраны М. в сб. **«Пушкин и Лермонтов в истории русской литры»** (1997). Все они содержат анализ классич. текстов «с целью уточнения общего представления о литературном процессе XIX–XX вв.».

Именно логика лит. процесса и — шире — логика развития русской культуры стали предметом внимания М. в посл. годы. Закономерно, что объект его исследований расширился, включив лит-ру вт. пол. XIX–XX (**«Трансформация пушкинского мифа о поэте и поэзии в лирике поэтов ленинградского андеграунда»**, **«"Архаические" конструкции в "Палате № 6"»** — 2005, **«Субъективное авторское повествование и кризис реалистического нарратива (роман Л. Толстого "Воскресение")»** — 2012), а также критику и литературоведение. Кн. **«Мифы и биографии: Из истории критики и литературоведения в России»** (2007) посвящ. специфическим для русской культуры отношениям критики и лит-ры, лит-ры и литературоведения. Основываясь на аналитич. описании единичных культурных феноменов (ст. о «Горе от ума», о пушкинской критике), важнейших концепций (ст. о С. Шевыреве, В. Веселовском, Г. Гуковском), индивидуальных биографий литературоведов XX в. (ст. о Г. Бялом, Г. Макогоненко, В. Вацуро), М. приходит к выводам об уникальности русского мира, совмещающего в себе два противоположных культурных типа — «исторический», «западный», современный» и «архаический», «традиционный», «восточный» (М. Элиаде). «Трагическая аномалия выглядит неустранимой, представляется возможным лишь чередование двух вариантов проявления ее трагизма — напряженно катастрофического и вялотекущего <...>. В то же время аномальность культурного сознания в принципе всегда может обернуться непредсказуемостью, т. е. <...> богатством возможностей». Такой «открытый» конец одной из посл. книг М. — узнаваемая черта всех его науч. исследований.

Работам М. присуще не только единство узнаваемого стиля и сходство композиционного построения, но и глубокое единство подхода к самому разнообразному мат-лу, что позволяет говорить о существовании устойчивых философско-теоретич. оснований его науч. деятельности, кот., однако, обычно не эксплицируются. С одн. стор., метод (и отчасти терминология) М. очевидно перекликается с герменевтикой и рецептивной эстетикой; с другой — анализы М. строятся как демонстрация невозможности фиксации смысла текста, в ходе кот. обнаруживаются специфические для каждого произведения, автора и лит. направления механизмы смыслообразования. В наиболее общем смысле анализ М. всегда демонстрирует то, что Поль де Ман называл «литературностью», т. е. невозможностью приписать лит. тексту какую-либо форму положительного существования. Отсюда вытекает одна из характерных особенностей анализов М., объединяющая их с деконструкцией,— их принципиальная, можно сказать, структурная неопровержимость, хотя М. крайне далек от того, чтобы заявлять об окончательности собств. анализов — напротив, он пост. позиционирует свою работу как звено в исследовательской традиции. Так, «Повести Белкина» М. анализирует как текст, опирающийся на традицию беллетрист. прозы, но пост. опровергающий свой-

ственные этой традиции шаблоны и схемы (ст. **«"Повести Белкина" и лит. контекст»** — 1988). Происходит это г.о. за счет парадоксального соединения различ. жанровых моделей, в результате чего оказывается, что пушкинские повести не укладываются ни в одну из них. Пушкинский текст, согласно М., не отрицает сложившиеся беллетрист. традиции, а проблематизирует их, тем самым лишая читателя возможности завершить свои отношения с текстом, придать ему законченный смысл. Критика, указывающая на какие-то неучтенные М. модели смыслообразования в пушкинском тексте, способна лишь обогатить, но не опровергнуть его анализ.

В результате фундаментального методологич. сдвига, объединяющего М. и деконструкцию, переосмысляется статус различий и несовпадений между моделью и текстом. Различие уже не воспринимается как признак несовершенства модели, как нечто, требующее ее обязательной коррекции — напротив, оно само становится центром смыслообразования. Подход, применяемый М. к лит. произведениям, оказывается вполне приложим и к жизни реального человека (ст. **«Г. П. Макогоненко — ученый и человек»** — 2000). Однако в то же вр. именно текст о Макогоненко оттеняет те аспекты мышления М., в кот. его пути с деконструкцией действительно расходятся. М. описывает Макогоненко как субъекта, находящегося в пост. актив. взаимодействии с сов. идеологией — жизненным аналогом системы устоявшихся лит. моделей. Суть этого взаимодействия состоит в борьбе с несвободой, кот. навязывает идеология. Нетрудно заметить, что взаимодействие Макогоненко с социалист. идеологией строится по той же модели, что и взаимодействие Пушкина с беллетрист. традицией в «Повестях Белкина». Свобода определяется М. чисто негативно как «свобода от», это свобода не верить в офиц. мифы, не участвовать в обязательных ритуалах, на пределе, свобода от любого принуждения. Вопрос о том, на чем может основываться мировоззрение, полностью независимое от внешнего идеолог. воздействия, не ставится. Именно такая негативная концепция свободы — на этот раз свободы авторской или читательской — возникает у М. во мн. анализах лит. произведений XIX, начиная с его интерпретации «Горя от ума» (ст. **«Комедия в стихах А. С. Грибоедова "Горе от ума"»** — 1988).

Освобождение читателя, реализация утопич. свободы эстетическими средствами выступает для М. одним из осн. этосов русской лит-ры XIX в. В наиболее чистом виде читательская свобода фигурирует при анализе посл. представителя этой лит-ры — убивающего реализм Чехова. При этом единств. целью освобождения читательского сознания от ограниченности становится сама обретенная читателем свобода. Чехов, в отличие от автора «Евгения Онегина», не наполняет эту свободу каким-либо новым содержанием; вместо этого, он «выводит своего предполагаемого читателя за пределы классического реализма, но не в мир какого-то иного литературного направления <...> а в известном смысле просто в никуда. Или, вернее, он возвращает читателя к самому себе» (**«Пушкин, Чехов и судьба "лелеющей душу гуманности"»** — 1996). Настойчиво проводимая М. связь между деконструкцией разного рода устоявшихся смыслообразующих моделей и читательской свободой, причем свободой, имеющей подчас довольно отчетливые полит. обертона, по необходимости объективно предполагает центральную для критики М. Фуко связь между властью и знанием. Практика чтения, кот. предполагает русская классика в интерпретации М., оказывается поэтому сродни фукольдианской критич. практике: она формирует свободного этич. субъекта, способного к стилизации собств. индивидуальности через актив. обнажение пределов предзаданного эпистемологич. горизонта. Возникающая т.о. свобода не может быть описана через позитивные термины — позитивное описание неизбежно зависело бы от некритически воспринятого нормативного поля. Поэтому свобода — авторская, читательская, эстетическая или политическая — совершенно закономерно описывается у М. сугубо негативно.

Так, два принципиально некомплиментарных дискурса — деконструктивистский и критический — находятся у М. в отношениях взаимной подчиненности: в конечном счете, ни один из них не доминирует над другим. С одн. стор., деконструктивистский анализ инструментален по отношению к критич. практике: деконструктивистское прочтение худож. текстов как читателем, так и исследователем позволяет приблизиться к свободе как высшей ценности, лежащей за пределами искусства как такового. С др. ст., весь критич. дискурс об освобождении субъекта инструментален по отношению к аналитич. практике деконструкции: вывод об освобождении читателя позволяет М. поставить точку с запятой в потенциально бесконечном анализе неравенств, смещений и ускользаний, не фиксируя при этом насильственно смысл текста. Т. о., если анализ наполняет критич. практику М. конкр. содержанием, то критич. дискурс позволяет его анализу достичь уровня законченной интерпретации, сохраняя при этом принципиальную открытость.

Формулируя наиболее ценную для него метод. установку, М. писал: «Рядом с распространенным в нашем столетии типом литературоведа — проводника определенного "учения" (метода, школы, направления и т. п.) был и остается необходимым другой тип исследователя — человек, проходящий ту или иную школу, но сохраняющий самостоятельность по отношению к ней (да и к любой другой), а потому и способный выполнить жизненно важную для науки функцию накопления и объединения того, что должно быть сохранено и расширено ради дальнейшего ее развития». Эти слова — своего рода самохарактеристика. Несводимость к опр. науч. парадигме, открытость любому направлению и способность остаться самим собой определяют деятельность М. и как организатора науки. В посл. два десятилетия были подготовлены и под ред. М. и В. Шмида вышли в свет сб. научн. трудов, посвящ. острым и дискуссионным вопросам совр. филологии — **«Русская новелла»** (1993), **«Автор и текст»** (1996), **«Парадоксы русской лит-ры»** (2001), **«Существует ли петербургский текст?»** (2005), **«Проблемы нарратологии и опыт формализма / структурализма»** (2008), **«Событие и событийность»** (2010), **«Проза Н. В. Гоголя. Поэтика нарра-**

тива» (2011) и др. Эти сб-ки объединили отеч. ученых и зарубежных славистов и признаны классич. трудами в филологической и — шире — в гуманитарной науке. Начиная с 1990-х по инициативе, при участии и под рук. М. на филологич. фак-те СПбГУ реализуются науч. проекты, получившие поддержку отеч. и зарубежных фондов. М. был одним из гл. исполнителей проектов «Петерб. литературоведч. школа» (грант Президента РФ для ведущ. Науч. школ РФ, 1996–99, 2000–02) и «Разработка теоретич. основ истории лит-ры» (Тематич. план НИР СПбГУ, 2006–08). Под рук. М. на каф. истории русской лит-ры СПбГУ осуществляется изучение сложнейших вопросов теории совр. гуманитарного знания, среди кот. особо можно выделить теорию лит. процесса и теорию совр. гуманитарного дискурса. Эти иссл-я получили поддержку в рамках федеральной целевой программы Мин-ва образования и науки РФ «Научные и научно-пед. кадры инновационной России» («Иссл-е актуал. проблем теории и истории лит-ры в контексте совр. гуманитарного знания» — АВЦП «Развитие науч. потенциала высшей школы», 2009–10; «Разработка теории повествовательных моделей и нарративных структур: фундаментальные проблемы совр. нарратологии» — Тематич. план НИР СПбГУ, 2009–13; «Иссл-е спорных вопросов совр. герменевтики: теория и практика» — НИР из средств СПбГУ, 2011–13). В результате работы по этим проектам на каф. истории русской лит-ры СПбГУ сложилась науч. школа, в кот. вошли не только авторитетные ученые-филологи, опытные университетские преподаватели, но и перспективные молодые исследователи — аспиранты и студенты. Фундаментальная гуманитарная наука — в силу самой природы исследуемого ею объекта — предполагает прежде всего не коллектив. работу, а индивидуальную интеллектуальную деятельность, требующую широкой науч. эрудиции, высокого профессионализма и, не в посл. очередь, личностной зрелости. Обладая ярким талантом, М. оказался способен объединять в работе разных ученых для решения масштабных задач, определяющих перспективу развития совр. гуманитарной науки, а также подключать к этой работе талантливую молодежь, обеспечивая тем самым преемственность традиций отеч. науч. школы и ее будущее.

На протяжении ряда лет М. в кач-ве отв. редактора выпускал сб. ст. по мат-лам межд. конф., организуемых об-вом «Пушкинский проект», а также сб. по мат-лам научн. конф. школьников России, кот. проводит это об-во под его рук. и при его непосредств. участии.

М. выступал с д-дами на межд. научн. конф. и симпозиумах в Венгрии, Дании, США, Германии, Южной Корее, Украине, Израиле, а также на многочисл. конф. в России. В теч. мн. лет он является организатором научных Апрельских чтений каф. истории русской лит-ры, посвящ. памяти Г. Макогоненко, создателя этой ежегодной конф.

М. — один из ведущ. преподавателей филфака СПбГУ. Неотъемлемой частью науч. и культурной жизни СПб. стал общий курс «Истории русской лит-ры перв. пол. XIX в.», кот. с 1972 с неизменным успехом читался М. на фак-те (в отд. годы также и на фак-те журналистики). Впервые в практике российского вузовского преподавания М. разработал и в теч. мн. лет читал теоретич. курс «Герменевтика». Новаторский характер имеет его лекц. курс «Теория лит. процесса» для магистрантов филфака. Он стал одним из создателей историко-лит. курса «Развитие русской лит-ры XI–XX вв.». Лекторское искусство М. отличает редкое сочетание завораживающей красоты и совершенства концепции с науч. честностью и интеллектуальной глубиной. Но, м.б., самой существенной его чертой становится мощный гуманитарный ресурс: науч. слово М. воспринимается слушателями как слово, открывающее им правду о самих себе. И в этом своем кач-ве лекции М. сближаются с собств. предметом — самой лит-рой. Науч. исследования М. стали основой его ежегодно обновляемых спецкурсов для студентов русского отд. — «Становление русского классического романа в первой половине XIX в.», «Тургеневский роман», «Фантастика в русской прозе эпохи романтизма», «Эволюция прозы Пушкина», «Лермонтов и русская культура XIX–XX вв.», «Проза и ее место в тв-ве Лермонтова», «Между проповедью и игрой: О типах худож. смысла в русской лит-ре», «Есть ли теория у истории лит-ры?», «Герменевтические практики» и мн. др. На протяжении всех лет своей деятельности в стенах филфака М. руководит занятиями спец. семинаров для студентов-русистов (в посл. годы это — «Классика и авангард»), работой над дипломными соч. и магистерскими дис.

Свидетельством междунар. признания М. как ученого и педагога стала его работа в кач-ве приглашенного проф. в ун-тах г. Печ (Венгрия, 1989), Сев. Каролины (США, 1992), Оттавы (Канада, 1993), штата Канзас (США, 1995), Гамбурга (Германия, 1999–2000), штата Висконсин (США, 2004), а также выступления с отд. лекциями в ун-тах Германии, Швейцарии, Дании, Голландии, США.

Много сил М. отдает повышению уровня преподавания русской лит-ры в средней школе. На протяжении десятилетий он читал лекции в петерб. Ин-те усовершенствования учителей, в Летней школе учителей в с. Михайловское (Пушкинские Горы), преподавал в Академ. гимназии при СПбГУ.

Усилия М. направлены и на популяризацию результатов науч. исследований. Его публичные лекции неизменно собирают широкую аудиторию слушателей, интересующихся русской лит-рой и русской культурой. В 2009–10 М. стал участником проекта «Золотой Фонд лекций "Русского мира"» (Фонд «Русский мир»), и теперь его блистательные по мысли и лекторскому исполнению курсы «Герои русского романа» и «Позднее тв-во А. С. Пушкина» доступны широкому кругу пользователей.

Под науч. руководством М. защищены 30 канд. и 2 докт. дис. Он руководил работой многочисленных иностранных стажеров-исследователей.

В 2003 М. награжден юбилейной медалью «В память 300-летия СПб.». В 2006 стал лауреатом премии СПбГУ «За пед. мастерство». В 2007 присвоено звание «Почетный работник высшего проф. образования РФ».

Соч.: Из наблюдений над композицией «Евгения Онегина» // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. Вып. 1. Алма-Ата, 1963; Проблема личности в романе Лермонтова «Герой нашего време-

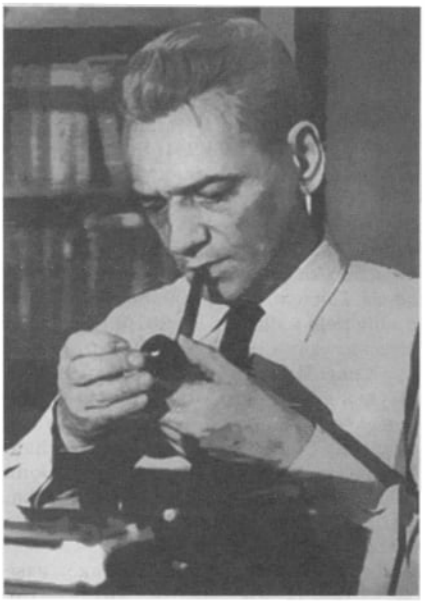
ни» // Известия АН КазССР. Сер. обществ, наук. Вып. 5. Алма-Ата, 1963; Герой и персонаж в поэме Гоголя «Мертвые души» // Филологич. сб. Вып. 4. Алма-Ата, 1965; Два типа классич. русского романа в перв. пол. XIX в. Автореф. канд. дис. Л., 1965; «Герой нашего времени» и становление реализма в русском классич. романе // Русская лит-ра. 1967. № 4; Юмор и сатира в «Евгении Онегине» // Вопросы лит-ры. 1969. № 1; Возможности метода // Вопросы лит-ры. 1969. № 6; Русская лит-ра перв. пол. XIX в. // КЛЭ. В 9 т. М., 1971. Т. 6; О проблематике романа «Отцы и дети» // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и яз. 1971. Вып. 6; Русская лит-ра перв. пол. XIX в. // БСЭ. Т. 22. М., 1975; Человек в романах Тургенева. Л., 1975; Развитие реализма в русской литре // Вопросы лит-ры. 1976. № 3; О русском реализме XIX в. // Вопросы лит-ры. 1978. № 9; Über der russischen Realismus des 19. Jahrhunderts // Kunst und Literatur. 1979. № 4; Всегда ли бесспорно бесспорное? (Неск. полемич. замечаний о принципах комментирования классики) // От Грибоедова до Горького. Л., 1979; Предмет потребления или стимул? (О новых кн. Ю. Манна) // Звезда. 1980. № 7; Сон Татьяны в поэтич. структуре «Евгения Онегина» // Болдинские чтения. Горький, 1980; Роман Тургенева «Рудин» и традиции натурал. школы // Русская лит-ра. 1981. № 2; Трагическое в сюжете «Накануне» // Slavica. XVIII. Debrezen, 1981; Кто такой Базаров? // Лит-ра в школе. 1981. № 4; О лирико-символич. начале в романе Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и яз. 1981. Вып. 4; Лермонтов и русская проза XIX в. // Лермонтовская энц. М., 1981; Чужая речь и взаимодействие речевых манер в романе Гончарова «Обыкновенная история» // Филологические науки. 1982. № 2; И. С. Тургенев и русский реалистич. роман XIX в. (30–50-е гг.). Л., 1982; M. Ju. Lermontov's «Parus» // Russische Lyrik. Eine Einführung in die literaturwissenschaftlicheTextanalyst. München, 1982; Тургеневский тип русского реалистич. романа: Автореф. докт. дис. Л., 1982; «Дневник лишнего человека» в движении русской реалист. лит-ры // Русская литра. 1984. № 3; Балладный мир Жуковского и русская фантаст. повесть эпохи романтизма // В. А. Жуковский и русская культура. Л., 1987; «Повести Белкина» и лит. контекст // Пушкин: Иссл. и матлы. Вып. XIII. Л., 1988; Комедия в стихах А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Анализ драм. произведения. Л., 1988; Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» // Там же; К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность. Л., 1989; Петерб. повести Н. В. Гоголя. Л., 1989; Искусство и художник в русской прозе эпохи романтизма // Искусство и художник в русской повести XIX в. Л., 1989; «Дыхание фантазии» // Русская фантаст. повесть эпохи романтизма. Л., 1989; И. С. Тургенев // Русские писатели: Биобиблиогр. словарь. Т. 2. М., 1990; А. С. Грибоедов // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. Т. 2. М., 1991 (в соавт.); Книга А. Н. Веселовского «Поэзия чувства и сердечного воображения» и ее судьба в отеч. литературоведении // Наследие А. Н. Веселовского. Л., 1992; О трансформациях «натуральной» новеллы и двух «реализмах» в русской лит-ре XIX в. // Русская новелла: Проблемы теории и истории. СПб., 1993; О значении незавершенности в прозе Лермонтова // Russian Literature. XXXIII–IV. Amsterdam, 1993; О лермонтовских реминисценциях в поэзии О. Мандельштама // Русская лит-ра. 1993. № 2; О значении чудесного в русской лит-ре XIX в. // Российский литературовед. ж. 1994. № 3; После постструктурализма: О кн. В. Шмида «Проза как поэзия» и некот. аспектах совр. ситуации в литературоведении // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. № 2; Миф о Лермонтове на рубеже XIX–XX вв. // Russian Literature. XXXVIII. Amsterdam, 1995; «Горе от ума» и движение русской лит.-крит. мысли (XIX — нач. XX вв.) // «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...»: Сб. СПб., 1995; Русский европеец в повестях Тургенева 1850-х гг. // Vortäge und Abhandlungen zur Slavistik. Hrsg. von P. Thiergen. Munchen, 1995; Нужен ли нам Тургенев? // Круг чтения. М., 1995; Автор и герой в романах Лермонтова и Пастернака: «Герой нашего времени» — «Доктор Живаго» // Автор и текст: Сб. СПб., 1996; О значении «одесских строф» в «Евгении Онегине» // Пушкин и другие. Новгород, 1997; Пушкин и Лермонтов в истории русской лит-ры: Статьи разных лет. СПб., 1997; Реминисценции «Медного всадника» в лен. неофиц. поэзии 60–80-х гг. (К проблеме петерб. текста) // Полутрополо: К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998; А. С. Пушкин: Pro et contra: В 2 т. СПб., 2000 (совм. с Г. Потаповой); «Новое» и «старое» в суждениях русской зарубежной критики о Пушкине (1937) // Пушкин и культура русского зарубежья. М., 2000; Г. П. Макогоненко — ученый и человек // Памяти Г. П. Макогоненко: Сб. СПб., 2000; О «трагическом значении любви» в повестях И. С. Тургенева 1850-х гг.: Предварительные замечания // Поэтика русской лит-ры: Сб. М., 2001; Парадокс как принцип построении характера в русском романе XIX в.: К постановке вопроса // Парадоксы русской лит-ры: Сб. СПб., 2001; Лермонтов и его интерпретаторы // Лермонтов: Pro et contra. СПб., 2002; «Горе от ума» в критике и литературоведении XIX–XX вв. // «Век нынешний и век минувший...»: Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002; Концепция «стадиальности лит. развития» в работах Г. А. Гуковского 1940-х гг. // НЛО. 2002. № 55; О соотношении комического и трагического в пьесе Гоголя «Ревизор» // Гоголь как явление мировой лит-ры. М., 2003; Between Utopia and Play // Rusistica. Vol. 13. Seul, 2003; A «Bronzlovas» reminiszcencial a 60–80-as évek Leiningradi nem hivatalos költiszetiben: Aprevári sröveg po problemejcinor // Törtinelom is Mitosr Sentpitavár 300 éve. Budapest, 2003; Загадки лермонтовского романа // Лермонтов М. Герой нашего времени. СПб., 2004; Уроки Шевырева // Шевырев С. Об отеч. словесности. М., 2004; Scholarship in the Service and Disser of the «The Little Tragedies». Madison, 2004; Пушкин как персонаж лирич. поэзии «лен. андеграунда» // Analisie ren alb Deuten. Wolf Schmid zum 60 Geburtstag, Hamburg. 2004; «Задоры», Русь-тройка и «новое религиозное сознание»: О телесности духовного и спиритуализации телесного в 1-м томе «Мертвых душ» // Wiener Slawistischer Almanach. Band 54. München, 2004; Безумие и норма в петерб. повестях Гоголя // Гоголь Н. Записки сумасшедшего: Повести. СПб., 2004; Поиски метода как поиски себя (О новой кн. Д. Бетеа) // Мир русского слова. 2004. № 19; Трансформация пушкинского мифа о поэте и поэзии в лирике поэтов лен. андеграунда // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2005. Вып. 1; В. Э. Вацуро: Матлы для иссл-я // В. Э. Вацуро: Мат-лы к биографии. М., 2005; О том, как Вадим Эразмович Вацуро не стал доктором филол. наук // Там же; История и современность в прозе Пушкина // Пушкин А. Повести Белкина: Избр. проза. СПб., 2005; «Архаические» конструкции в «Палате № 6» // Дискурсивность и художественность: Сб. М., 2005; Пушкин и реализм: Некот. итоги и перспективы изучения проблемы // The Pushkin Handbook. Madison, 2005; О Бахтине «подлинном» и Бахтине «реальном» // НЛО. 2006. № 79; Безумие и норма в петерб. повестях Гоголя // Гоголь Н. Записки сумасшедшего. СПб., 2006; Мифы и биографии. Из истории критики и литературоведения в России: Сб. СПб. 2007; Избр. работы. СПб., 2008; Субъективное авторское повествование и кризис реалист. нарратива: Неск. замечаний // Проблемы нарратологии и опыт формализма / структура-

лизма: Сб. СПб., 2008; Роман Тургенева «Отцы и дети» в отеч. литературоведении 1952–2006 гг. // Тургенев И. Отцы и дети. СПб., 2008 («Лит. памятники»); Тургеневские повествования о «лишних людях» // Тургенев И. Рудин. СПб., 2009; Некот. парадоксы кн. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» // Феномен Гоголя. СПб., 2011; «Трагическое значение любви»: Повести Тургенева 1850-х гг. // Тургенев И. Первая любовь. СПб., 2012.

Лит.: Концепция и смысл: Сб. ст. в честь 60-летия проф. В. М. Марковича / Под ред. А. Муратова и П. Бухаркина. СПб., 1996; Профессора СПбГУ: Библиогр. словарь. СПб., 2004; Щербенок А. Анализ и критика в работах В. М. Марковича: Д-д на конф. в честь 70-летия проф. В. М. Марковича 26.12.2006 // http://lit.phil.spbu.ru/article.php?id=11; Филологический фак-т СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. СПб., 2008; Виролайнен М. «Евгений Онегин»: Методы анализа пушкинского романа в ист. освещении. Учеб. пособие. СПб., 2011.

Е. Григорьева, А. Щербенок

МАРТЫ́НОВ Георгий Сергеевич [2(15).10.1906, Гродно — 26.10.1983] — писатель-фантаст.



Родился в семье инженера-железнодорожника. Родители развелись, поэтому в 14 лет Георгий должен был бросить учёбу и работал ремонтным рабочим на Юго-Западной железной дороге. В 1927 семья переехала в Л-д. М. поступил в школу воен. сообщений, но в 1931 из-за несчастного случая лишился 80 процентов слуха, поэтому с воен. карьерой было покончено. С 1931 работал на Лен. з-де резиновых технических изделий (РТИ) электромонтёром, затем монтёром 4–8 разрядов, мастером, начальником района эксплуатации электрооборудования, начальником электроцеха з-да. Сдал экстерном курс ср. школы. Окончил Всесоюзный заочный политехнический ин-т (1941).

Член КПСС (1941). Участник Великой Отеч. войны, воевал на Ленинградском, а потом на Прибалтийском фронтах, награждён орденом Красной звезды и медалями.

Печ. начал с 1955. В 1956 стал членом СП СССР.

Вошёл в лит-ру уже немолодым человеком. В 1951, когда ему было 45 лет, он начал писать свой первый фантастич. роман — **«Гость из бездны»**. Это драматич. история участника Великой Отеч. войны, кот. оживляют потомки из отдалённого коммунистического будущего. Однако герой, несмотря на заботу, что его окружают потомки, не чувствует себя полноценным гражданином будущего. Биографы тв-ва писателя А. Балабуха и А. Бритиков писали, что, если бы роман вышел 1950-х, он встал бы в один ряд с утопией «Туманностью Андромеды» И. Ефремова. Однако М. отложил книгу на половине и начал писать повесть **«Мир угасшей жизни»** — о космической экспедиции к Марсу. К перв. роману вернулся лишь спустя 10 лет, был опуб. в 1961, в 1962 вышел отд. книгой.

Роман **«Мир угасшей жизни»** (**«220 дней на звездолёте»**) (1955) стал перв. опубл. произведением фантаста. Сюжет романа вполне традиционен: путешествие четырёх космонавтов на Марс с залётом на Венеру, происходящее на фоне соревнования между сов. и американскими исследователями космоса, кот., разумеется, оканчивается полной победой первых. Позднее этот роман стал началом трилогии, получив продолжения — романы **«Сестра Земли»** (1959) и **«Наследство фаэтонцев»** (1960), объединённые затем в научно-фантастич. роман **«Звездоплаватели»** (1960). Герои совершают вторую экспедицию — уже на Венеру, а также обнаруживают сокровищницу знаний погибшей цивилизации планеты Фаэтон.

В 1957 вышел один из самых изв. научно-фантастич. романов М. «Каллисто», образующий вместе с романом-продолжением **«Каллистяне»** (1960) дилогию. В перв. романе описывается прибытие на Землю посланцев высокоразвитой цивилизации из системы Сириуса. В романе-продолжении земляне отправляются на корабле каллистян на их родную планету, где им предстоит познакомиться с совершенным коммунистическим общ-вом.

По мнению критики, одним из лучших романов М. является роман **«Гианэя»** (1963; 1965; 1971). Путешествуя по Солнечной системе на корабле-астероиде, земляне обнаруживают чужой звездолёт, с кот. на астероид десантируется девушка-инопланетянка Гианэя, а сам звездолёт сразу после этого взрывается. Оставшись одна в новом мире, Гианэя пытается почувствовать себя в нём своей. Книга заканчивалась психологически достоверным самоубийством героини: какой бы прекрасной ни была Земля, она не смогла заменить Гианэе родной дом. Позднее (1971) М. по просьбе читателей дописал ещё две части романа, в кот. Гианея чудесным образом возвращается к жизни, выходит замуж за гл. героя-землянина и рожает ему сына. Доработка кн. вызвала, однако, неоднозначную реакцию у читателей.

За «Гианэей» последовал фантастич. роман **«Спираль времени»** (1966), в кот. рассказывается о приключениях инопланетян в различных эпохах земной истории, их контакте с атлантами и людьми будущего. Хотя роман считается менее удачным, чем предыдущие произведения писателя, он представляет собой добротный образец приключ. науч. фантастики.

Нетипична для М. фантастико-приключ. повесть **«Кто он?»** (1971) — детектив, содержащий, в сущности, только одно фантастич. допущение: прибор, усиливающий гипнотическое воздействие человека на человека.

Посл. кн. М. — фантастич. повесть **«Сто одиннадцатый»** (Хроника Н-ских событий) (в сокращ. варианте 1976; 1979) — посвящ. традиционной для писателя теме контакта с инопланетным разумом. Хотя, в отличие от предыдущих книг, действие

на этот раз разворачивается на Земле 70-х гг. XX в.

Печ. в сб. **«В мире фантастики и приключений»**, **«Мир приключений»**, **«Незримый мост»**, **«Тайна всех тайн»**, **«Талисман»** и др.

Произведения М. переведены на английский, болгарский, венгерский, грузинский, китайский, корейский, монгольский, немецкий, польский, сербско-хорватский, словацкий, французский, чешский, японский яз.

Соч.: 220 дней на звездолете: Науч.-фантаст. Повесть. Л., 1955; Планетный гость: Фантаст. повесть (Сокр.) // Юность. 1957. № 9; Каллисто: Науч.-фантаст. роман / Предисл. изд-ва. Л., 1957 (Ташкент, 1958; Л., 1962; Л., 1989); Каллистяне: Науч.-фантаст. роман / Предисл. изд-ва. Л., 1960; Звездоплаватели: Науч.-фантаст. роман в 3-х кн. / Предисл. авт.; прим. изд-ва. Л., 1960; Встреча через века: Главы из романа (Сокр.) // Искатель. 1961. № 2; То же // Наука и техника. 1961. № 12, 1961. № 1, 2; Гость из бездны: Науч.-фантаст. роман. Л., 1962; Гианэя: Науч.-фантаст. Роман // Смена. 1963. № 11–23; Гианэя: Роман / Предисл. изд-ва. Л., 1965 (1971, 1989); Спираль времени: Фантаст. Повесть (Сокр.) // Нева. 1966. № 8; Спираль времени: Фантаст. роман в 2-х кн. / Прим. изд-ва. Л., 1966; Механический уборщик: Отр. из романа «Каллистяне» // Уральский следопыт. 1977. № 8; Сто одиннадцатый: (Хроника Н... ских событий): Фантаст. повесть. Л., 1979.

Лит.: Балабуха А., Бритиков А. Человек и его время: Жизнь и книги Георгия Мартынова // Мартынов Г. Гианэя. Л., 1989; Энц. фантастики: Кто есть кто / Под ред. Вл. Гакова. Минск, 1995.

МАРТЫ́НОВА Ольга Борисовна [26.2.1962, Дудинка] — поэт.

Выросла в Л-де. Окончила ЛГПИ им. А. Герцена (русский яз. и лит-ра). В 1980-е была в числе основателей лит. группы «Камера хранения». Участвовала в публ. чтениях группы в Ин-те физкультуры и спорта (1983) и в Доме актера (1988). Стихи печ. в самиздатском сб. «Камера хранения» (1985) и ж. «Сумерки». В 1989 вып. кн. **«Поступь январских садов»** (М.: Прометей, 1989; в составе конволютного изд. «Камера хранения»).

Занималась поэтич. переводами с английского (Т. Ганн) и языков народов СССР. Посещала переводч. семинар Э. Линецкой.

В ранних стихах опиралась на обэриутскую традицию, поэтику Н. Заболоцкого и М. Кузмина; испытала влияние Е. Шварц. В посл. годы тв-во М. развивается в диалоге с совр. европейской (прежде всего немецкой) поэзией, тяготеет к полифонии и свободным ритмам.

С 1991 живет в Германии (Франкфурт-на-Майне). Там вместе с мужем — О. Юрьевым — продолжила выпуск «Камеры хранения», теперь в кач-ве альм. (составлявшегося в Германии, но печ. и распространявшегося в России), среди авторов кот. писатели разных групп и поколений. В кач-ве приложения к альм. изданы кн. Д. Закса, О. М., Л. Аронзона, О. Григорьева, С. Вольфа, В. Губина, перв. кн. рассказов О. Юрьева. Посл. выпуск альм. вышел в 1997, в 2002 создан (при участии В. Шубинского) поэтич. сайт «Новая Камера хранения».

Печ. в российских и зарубежных изд.: все выпуски альм. «Камера хранения», альм. «Незамеченная земля», ж. «Аврора», «Континент», «Грани», «Волга», «Урал», «Двадцать два», газ. «Веч. Петербург», «Итоги» (М.), «Русская мысль» (Париж), «Панорама» (Лос-Анжелос), «Die Zeit» (Гамбург), «Sueddeutsche Zeitung» (Мюнхен) и др.

Выпустила сб. **«Сумасшедший кузнечик»** (1993) и **«Четыре времени ночи»** (1998).

Стихи М. переводились на английский, французский, итальянский и немецкий яз. Пишет прозу и эссе по-немецки. Книжные рец., лит.-критич. статьи и эссе М. публ. в немецкоязычных газ. Гамбурга, Цюриха, Франкфурта-на-Майне и др. Опубл. около 200 статей в периодике Германии, Швейцарии и Австрии, а также кн. избр. статей и рец. **«Wer schenkt was wem»** (Aachen, 2003).

В 2007 опубл. кн. **«Французская библиотека»** (М.: НЛО, 2007), в 2010 — роман **«Sogar Papageien überleben uns»** (Literaturverlag Droschl, Graz). В 2010 в серии «Русский Гуливер» вышло «исследование в стихах» **«О Введенском. О Чвирике и Чвирке»** (М.: Центр совр. лит-ры, 2010).

В 2000 стала лауреатом лит. премии Герберта Бурды для восточноевропейских лириков. В 2009 попала в long-list Русской премии. С романом «Sogar Papageien überleben uns» вошла в long-list немецкой книжной премии (Deutscher Buchpreis) и shortlist лит. премии Aspekte-Literaturpreis (обе — 2010), получила Малую премию им. А. фон Шамиссо в 2011, Премию им. Ингеборг Бахманн в 2012.

Соч.: Поступь январских садов: Кн. стихов // Камера хранения. М., 1989; Стихи // Аврора. 1990. № 3; Стихи // Континент. 1990. № 65; Стихи // Сумерки. 1991. № 11; Стихи // Незамеченная земля: Лит-худож. альм. СПб., 1991; Стихи // Камера хранения. СПб., 1991–97. № 2–6; В ожившем зеркале Горнона // Грани. 1992. № 163; Восход? Закат? // Грани. 1992. № 165; Сумасшедший кузнечик. СПб.–Франкфурт-на-Майне, 1993; Стихи // Волга. 1997. № 3/4; Четыре времени ночи. СПб.–Франкфурт-на-Майне, 1998; Стихи // Зеркало загадок. Берлин, 2000. № 9; Стихи // Урал. 2001. № 1; Wer schenkt was wem. Аахен, 2003; Французская биб-ка. М., 2007; In der Zugluft Europas. Гейдельберг, 2009; Sogar Papageien überleben uns. Грац, 2010; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010; О Введенском. О Чвирике и Чвирке. Иссл. в стихах. М., 2010; Zwischen den Tischen. Bernstein-Verlag, Gebr. Remmel, Bonn 2011; Von Tschwirik und Tschwirka. Gedichte. Literaturverlag Droschl, Graz 2012.

Лит.: Шубинский В. Но на каком языке? // Веч. Петербург. 1993. 23 сент.; Погожева Г. Где живет сумасшедший кузнечик // Русская мысль. 1994. 3–9 март., Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Нестеров А. Елена Шварц и Ольга Мартынова: Рим в четыре руки // Критич. масса. 2006. № 3; Шубинский В. Плавание к началу времен // Воздух. 2006. № 2; Бейлис В. Дверь в поэзию от-

крыта (о поэме О. Мартыновой «Введенский») // НЛО. 2007. № 85; Шубинский В. Два голоса // Октябрь. 2008. № 3; Бейлис В. По праву цеха (о стихах О. Мартыновой) // Звезда. 2008. № 7; Он же // Предисл. к исследованию в стихах О. Мартыновой «О Чвирике и Чвирке» // Мартынова О. О Введенском. О Чвирике и Чвирке. М., 2010.

МАРУ́ХИН Владимир Степанович [29.6.1952, Киргизия] — поэт.

Отец — участник Великой Отеч. войны, работал на предприятиях машиностроения, участвовал в строительстве Волжского автозавода в г. Тольятти и Сургутской ГРЭС. Мать — служащая. До 15-летнего возраста М. жил в г. Фрунзе, позднее, в пос. Каджи-Сай на южном берегу о. Иссык-Куль. Природа Тянь-Шаня, где прошло детство поэта, отражена в его тв-ве. Часть жизни прошла на Волге, в г. Тольятти. В детстве увлекался музыкой, рисованием. Мн. читал. Стихи начал пис. лет с 9–10. Произведения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Крылова, Кольцова, Никитина, Есенина и др. пробудили любовь к поэтич. тв-ву. «Слово о полку Игореве» определило окончат. выбор: кем быть. Тяга к поэзии Блока привела 17-летнего юношу в Л-д, где он показал свои стихи Вс. Рождественскому, кот. отметил дарование молодого человека. Через 3 года, после службы в армии, М. поселился в Л-де, где работал на Балтийском судостроительном з-де и учился в ЛГУ (в 1979 окончил фак-т журналистики). С 1977 по 1992 работал в партийных, сов. органах, органах внутренних дел на отв. должностях; после распада СССР ушел с гос. службы.

Поэтич. мастерству учился у А. Шевелева, по рекомендации кот. в мае 1989 участвовал во Всесоюзном совещании молодых литераторов в М., в том же году в Конференции молодых литераторов Северо-Запада. Член СП России с 1998. Публ. в ж. «Моск. вестник», «Медный Всадник», «Русское эхо», «Немига литературная», «Дон», «Огни Кузбасса», альм. «День русской поэзии».

В 1990 выходит перв. кн. стихов **«Ветка родословной»**, затем — **«Горькие соки»**, **«На распутье»**. Названия поэтич. книг свидетельствуют, что поэзия М. являет процесс духовного постижения бытия, обретения нац. сознания и отражает сложный процесс самопознания. Это поэтич. тв-во наследует «русский дух», под кот. понимаются выработанные на протяжении веков нац. особенности жизни. Если в перв. книгах поэту были интересны проявления нар. быта, знакомые образы природы, то по мере накопления поэтич. мастерства он подходит к осмыслению духовно-ист. основ — как бытия личности, так и всего русского народа: «Я потерял покой тогда, мальчишкой... / Пытаясь разобраться до конца, / Какой земли мы и какого рода? / Кто наши праотцы? Каких кровей?».

Чувствуя недостаточность личной духовной силы, М., тяготея к крупным поэтич. формам, опирается на творч. достояние предшествующих поколений, применяет в своих произведениях большие эпиграфы и цитаты из древнерусской лит-ры. Так, цитируя в поэме **«Затмение»** строки «Слова о полку Игореве», поэт использует их в кач-ве надежи несущей, незатухающей в ист. движении. Эта своеобразная поэтич. модуляция не кажется насильственной. Она естественна, т. к. тв-ву М., обобщающее символичному, диалогичному, местами торжественно патетическому, в целом присуще народно-поэтич. восприятие мира. Поэт чувствует и передает исконную мелодичность, своеобразную песенную ритмичность, владеет звукописью: «Враг все ближе, ближе, ближе, / За разбитым блиндажом, / А Степан лежал, недвижен, / С пулеметом и ножом». Поэт применяет излюбленный былинный прием — олицетворение сил природы: «Река змеей теряется в песках», «В долине Чуйской ночи — как грачи». Особое значение в тв-ве М. имеет традиционный образ Русской Земли — всемогущей, бескрайней, многоликой, многоголосной, к кот. он обращается и с благоговением, и с напоминанием: «И я иду по Игореву следу, / И вместе с ним я пью Донскую синь. / Слиянье русских сил дает Победу! / Так не оставь нас, Господи! Аминь».

Награжден медалью А. Суворова, член Ревизионной комиссии СП России, отв. секретарь лит.-худ. ж. «Родная Ладога».

Соч.: Ветка родословной: Стих. Л., 1990; Горькие соки: Стих. Поэма. СПб., 1995, На распутье: Стих. Поэма. СПб., 2005; [Стихи] // Я еще не вернулся с войны. 2008. № 5; [Стихи] // Сказание о подвиге. 2008. № 4.

Лит.: Ефимовская В. Потерявшему пути свои // Моск. вестник. 2009. № 3; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Ефимовская

МАРША́К Самуил Яковлевич [22.10(3.11).1887, Воронеж — 4.7.1964, М.] — поэт, переводчик, драматург.

Раннее детство и перв. школьные годы провел в г. Острогожске Воронежской губ., где отец работал техником на мыловаренном з-де. Отец

был изобретатель-самоучка, увлекался различными проектами (напр., искал в Воронежской губ. железную руду). Он воспитывал в детях уважение и интерес к труду, любил лит-ру, читал Гете в подлиннике, поощрял в детях стремление к знанию, тв-ву. М. сочинять стихи начал с 4 лет, к 11 напис. уже неск. поэм и перевел оду Горация.

При содействии изв. критика и искусствоведа В. Стасова 13-летним мальчиком М. приезжает в СПб., учится в гимназии, слушает Ф. Шаляпина, знакомится с М. Горьким, кот. приглашает жить у него в Крыму. В семье Пешковых М. прожил в Ялте более 2 лет. Впервые стихи опубл. в 1904 в ж. «Еврейская жизнь», затем печ. в «Сатириконе», газ. «Киевские вести», «Петроградский курьер» и др. Образование продолжил на фак-те искусств Киевского ун-та.

После смерти В. Стасова трудовая молодость была тяжелой, гонорары из газ. и ж. средств на жизнь не давали, приходилось подрабатывать уроками. Для завершения образования уезжает в Англию, там учится в политехникуме, с 1912 слушает лекции в Лондонском ун-те. Во время каникул пешком обошел Девоншир, жил в Южном Уэльсе в лесной школе, уходил с рыбаками в море, слушал народные песни. Начал работу над переводами английских народных баллад.

За неск. недель до Первой мировой войны вернулся на родину. Жил в Воронеже, работал над переводами, опубл. их в ж. «Русская мысль» и «Сев. записки». Работает в организациях, помогавших беженцам и переселенцам из фронтовой полосы, задумывается над вопросами детского воспитания и своей возможной роли в нем. В 1917 переезжает в Екатеринодар, заведует секцией детских домов и колоний обл. отдела народного образования. Участвует в организации в Екатеринодаре перв. сов. детского театра, пишет для него пьесы. В 1919 в Екатеринодаре издает перв. сб. стихов **«Сатиры и эпиграммы»** под псевд. Доктор Фрикен.

В 1923 возвращается в Пг., переводит с английского, руководит репертуарной частью ТЮЗа, пишет для него пьесы-сказки в стихах, участвует в работе ж. «Новый Робинзон», привлекая на его стр. Б. Житкова, Н. Тихонова, Б. Лавренева, В. Бианки и др. К. Чуковский вспоминал: «После первых же встреч всей душой прилепился к Маршаку, и в ленинградские белые ночи — это было в самом начале двадцатых годов — мы стали часто бродить по пустынному городу, не замечая пути, и зачитывали друг друга стихами Шевченко, Некрасова, Роберта Браунинга, Киплинга, Китса и жалели остальное человечество, что оно спит и не знает, какая в мире существует красота» (Я думал, чувствовал, я жил: Воспоминания о Маршаке).

Одну за другой выпускает детские книги, становящиеся широко известными: **«Детки в клетке»**, **«Пожар»**, **«Сказка о глупом мышонке»** (все — 1923), **«Багаж»** (1926), **«Почта»** (1927), **«Вот какой рассеянный»** (1930), **«Мистер Твистер»** (1933) и др. Уже в перв. книгах М. для детей проявились такие характерные черты его поэтики, как простота и точность, юмор и лаконизм, умение выделить главное, дать живой образ. М. подчеркивал, что по книгам детских писателей ребенок учится не только читать, но и говорить, и мыслить.

В 1934 на I съезде сов. писателей М. было поручено сделать д-д о детской лит-ре. С д-дом **«За большую детскую литературу»** М. выступил в 1936 на I Всесоюзном совещании по детской лит-ре в М., выступил против равнодушия и фальши в детской лит-ре, утверждая, что маленькая книжка для маленьких не должна быть книжкой ничтожной. Докладчик потребовал от писателей, пишущих для детей, осознания своей особо высокой ответственности, ибо от их книг зависит, каким будет человек 1950-х и даже 1970-х.

По мнению М., каждая детская книжка — своего рода спектакль, его игровой элемент заключен в неожиданности и меткости образов. За внешней беззаботностью всегда должны быть мысль и чувство — умная и добрая мысль, доброе, но не слащавое чувство. М. умел говорить о труде и людях труда доходчиво и увлекательно; целая вереница людей нужных профессий возникает в его кн. — плотники и садоводы, маляры и кузнецы, пожарный Кузьма и строители Днепрогэса. Важно и то, что рассказ о труде не становится бытописательством, реальность предстает овеянной романтикой, как это было еще в книге «Пожар». В книгах М. юный читатель находил конкретные картины современности — закладка новых городов, эпопея ледокола «Челюскин», перелеты через Северный полюс. Актуальным был замысел **«Рассказа о неизвестном герое»** — показать готовность молодежи к подвигу. Значительным вкладом в лит-ру для детей явилась **«Война с Днепром»**,— прославляя упорный труд, автор раскрывал его романтику. «Мистер Твистер» открыл М. как сатирика. С детства зная русские сказки, пословицы, поговорки, скороговорки, М. в своих лучших книгах пришел к использованию традиций фольклора.

Энергия и неутомимость были пост. чертами М., и он был рад догадке одного малыша, кот. произвел его фамилию от слова «марш». М. руководил «Новым Робинзоном», затем детским отделом при Госиздате. При его содействии был напис. «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Толстого, по его просьбе стал писать рассказы для детей М. Зощенко, он помог войти в лит-ру Евг. Чарушину, он ободрил Евг. Шварца и О. Берггольц, именно он ввел в детскую литру Д. Хармса и А. Введенского.

Через день после начала Великой Отеч. войны «Правда» опубл. стих. М. **«В поход!»**. Поэт участвовал в создании «Окон ТАСС», писал стих. подписи к плакатам, попутно доказывая, что и т. н. плакатные стихи могут достигать высокого худож. уровня. Стиль плакатов М. подготовили его детские стихи, вооружив автора ясностью, простотой, афористичностью образных строк. Их можно было видеть на стенах домов, на листовках, на броне танка, идущего в бой. Изо дня в день в печ. появлялись сатирич. стихи М., с рисунками Кукрыниксов они печ. в «Правде», военных газ. и ж. Всю страну обошел плакат М. и Кукрыниксов «Суворовцы-чапаевцы». М. одобряли самые строгие и самые разные авторитеты: «Когда плакат „Бьемся мы здорово" принесли Сталину, тот долго ходил вокруг стола, что-то напевал, доволен был и говорил: — Маршак — орел! Орел Маршак!» (Я думал, чувствовал, я жил). В 1942 вышли сатирич. книги **«Кукрыниксы и Маршак — партизанам»**, **«Урок истории»**, в 1944 — сб. стихов **«Почта воен-**

ная». Плодотворно работал М. и в жанре басни.

Перед войной М. показал в театре изв. русскую сказку **«Теремок»**, после войны работа в обл. драматургии становится более интенсивной. Учитывая театр. специфику, автор словно переводит народные сказки на язык театра. Так, стала популярна пьеса **«Двенадцать месяцев»**, напис. на основе чешской народной сказки. Сказка **«Кошкин дом»** — короткая комедия, в кот. высмеиваются жадность, чванство, мещанское скопидомство. Сказку **«Горя бояться — счастья не видать»** Театр им. Вахтангова поставил для взрослых.

В послевоен. годы М. как переводчик заново открыл сов. читателю сонеты Шекспира; затемненные громоздкой риторикой прежних переводов, они засверкали у М. удивительной ясностью, богатством мыслей и образов. Подарком читателю явился и Р. Бернс в переводе М. Англичане, знающие русский язык, читая Бернса в его переводе, по-новому ощутили величие шотландского поэта. Очутившись на родине Бернса впервые, М. поражал даже самих шотландцев прекрасным знанием окрестностей, говорил о них с такими подробностями, будто сам жил среди гор и равнин Шотландии.

Среди переведенных М. — поэты Грузии, Литвы, Латвии, Финляндии, Норвегии, Чехословакии, Монголии и др. стран и народов, стихи С. Нерис и Ш. Петефи, О. Туманяна и Леси Украинки, Ф. Богушевича и Л. Квитко, Д. Родари и Р. Киплинга. Часть переводов опубл. в СС и книгах **«Английские баллады и песни»** (1941), **«Избр. переводы»** (1978) и др. Книги самого М. перев. на десятки яз.

Среди кн. М. послевоен. лет — автобиогр. повесть **«В начале жизни»** (1961), сб. статей **«Воспитание словом»** (1961), сб. стихов **«Избр. лирика»** (1962), **«Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака»** (1960).

Член президиума правления СП, член редсовета «Детгиза», всегда перегруженный работой, он находил силы и время, чтобы помочь другим. Круг его общественных забот был огромен. Э. Хьюз пошутил однажды, что за день к М. приходит больше народа, чем на заседания английского парламента.

Адреса в Л-де: 1922–27 — Потемкинская ул., д. 10; 1927–38 — пр. Володарского, д. 21, кв. 11.

Соч.: СС: В 8 т. М., 1968–72; Двенадцать месяцев: Песня-сказка. М., 1968 и др. изд.; Детям. М., 1968 и др. изд.; Избр. лирика. М., 1975; Избр. переводы. М., 1978; Цирк. Л., 1981; Разговор с первым классом. М., 1986; Сказки, песни, загадки. М., 1987; СС: В 4 т. М., 1990; Горя бояться — счастья не видать. Мн., 1996; Сказки, песни, загадки. Стих. В начале жизни: Страницы воспоминаний. М., 1998; Вот какой рассеянный. М., 1999; Друзья-товарищи. М., 1999; Усатый-полосатый: Стихи, сказки, переводы. М., 2000; Детки в клетке. Тула-М., 2000; Разноцветная книга. М., 2001; Кто стучится в дверь ко мне? М., 2001; Шекспир В. Сонеты / Пер. с англ. С. Маршака. М., 2003; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010; и мн. др.

Лит.: Чуковский К. Маршак // Новый мир. 1963. № 11; Хьюз Э. Неск. слов о Маршаке // Новый мир. 1964. № 8; Смирнова В. С. Я. Маршак: Критико-биогр. очерк. М., 1965; Галанов Б. С. Я. Маршак: Жизнь и тв-во. М., 1965; Сарнов Б. Самуил Маршак. М., 1968; Из воспоминаний о С. Я. Маршаке. М., 1973; Жизнь и тв-во Маршака. М., 1975; Михайлов Н. Мастер: Записки о тв-ве С. Я. Маршака. М., 1979; Андроников И. А теперь об этом. М., 1985; Михайлов Н. В памяти навечно. М., 1986; Козловский Я. Уроки Маршака // Юность. 1987. № 11; Детская лит-ра. 1987. М., 1987; Капица П. Редактор Маршак // Звезда. 1988. № 1; Я думал, чувствовал, я жил: Воспоминания о Маршаке. М., 1988; Гаспаров Л. Маршак и время // Лит. учеба. 1994. № 6; Рассадин Ст. Вас вызывает Маршак // 24 часа. 1997. № 4, Гейзер М. Путешествие длиною в жизнь // Лехаим. 2005. № 7 (159); В Воронеже 2012 год объявлен Годом Маршака // Книжное обозр. 2012. № 4.

В. Шошин

МАТВЕ́ЕВ Герман Иванович [7.7.1904, Кизел — 6.12.1961, Л-д] — драматург, прозаик, сценарист.

В 1923–25 учился в Гос. ин-те театральных искусств (ГИТИС).

С 1926 жил в Л-де. Работал в Агитеатре в Л-де (1926–29) и в кинематографии (1930–32). По сценариям М. поставлен фильм **«Авария»** и кинокомедия **«Эстафета»**.

Перв. кн. М. — **«Частушка»** — вышла в 1929.

С 1932 М. выступил как драматург для взрослых, затем и для детей. В кукольном театре С. Образцова долгие годы шли его пьесы — **«Волшебная калоша»**, **«Два Потапыча»**, **«Пузан»**.

Как прозаик для детей М. начал печ. с 1939, когда вышла в свет его приключ. повесть о пограничниках **«Одна ночь»**.

После войны написал трилогию **«Тарантул»**: **«Зелёные цепочки»** (1945), **«Тайная схватка»** (1948) и **«Тарантул»** (1957). Трилогия рассказывает о приключениях подростков, участников героич. обороны Л-да во время Великой Отеч. войны.

В кон. 1940-х — нач. 50-х вышли две повести М. о юных мичуринцах — **«Новый сорт»** (1948) и **«Первая весна»** (1952). В это же вр. (1947–54) работал над изв. школьной повестью **«Семнадцатилетние»** (1954), позже над её продолжением — повестью **«Новый директор»** (1961).

В 1959 М. написал приключ. повесть — **«После бури»**, действие кот. происходит в Кизеле в кон. 1907, гл. герои — подростки из шахтёрских семей.

По мотивам повести «Зелёные цепочки» в 1970 снят одноименный кинофильм (студия «Ленфильм», реж. Г. Аронов), в 1982 продолжение — телефильм «Тарантул».

МАТВЕ́ЕВА Елена Александровна [31.3.1947, Л-д] — прозаик, детский писатель.

В 1976 окончила Лит. ин-т им. М. Горького, сотрудничала с ж. «Пионер».

Работает в жанре детективных повестей для подростков. Автор повестей и рассказов **«Черновой вариант»**, **«Асфодель — цветок смерти»**, **«Ведьмины круги»**, **«Полярная звезда»**, **«Прощай, Офелия»**, **«Сальтомортале на голову слона»**, **«Сказ о мастере потаенного судна»**, **«Фарфоровых дел мастер»** и др. Ряд произведений перев. на иностранные яз.

Член СП СССР с 1985 (позже СП СПб.).

Соч.: Черновой вариант. М., 1980; Фарфоровых дел мастер. М., 1986; Полярная звезда. М., 1989; Сказ о мастере потаённого судна. М., 1990; Ведьмины круги. М., 1990; Похищение «Незнакомки». М., 2000; Прощай, Офелия!. М., 2000.

Лит.: Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

МАТВЕ́ЕВА Новелла Николаевна [7.10.1934, г. Детское Село (Пушкин) Лен. обл.] — поэт, прозаик, бард.

Отец, Николай Николаевич М.-Бодрый,— географ, историк-краевед Дальнего Востока, действ. член Всесоюзного географич. об-ва, по мировоззрению — романтик (отсюда имена детей — Новелла и Роальд). Мать — М.-Орленева Надежда Тимофеевна — преподаватель лит-ры. Дед, Николай Петрович М.-Амурский,— писатель, автор «Истории города Владивостока», долгие годы жил в Японии. Двоюродный брат, Иван Венедиктович Елагин (наст. фамилия — Матвеев) — поэт русского зарубежья.

Большое влияние на формирование поэтич. души М. оказала вся семья, особенно мать. В доме звучали стихи русских классиков, стихи матери, классич. музыка, русский и цыганские песни в исп. матери. Перв. стихи М. соч. во время войны в Монинском госпитале, где лечилась от острого авитаминоза, повлиявшего на зрение. В детстве же начала пис. музыку к собств. стихам. Печ. начала с 1957 — пародия на песню «Пять минут» из знаменитой комедии Э. Рязанова «Карнавальная ночь». Вслед за нею последовали публ. стих. М. в газ. «Сов. Чукотка» и ж. «Енисей» (1958). С 1959 ее публ. стали появляться в центр. газ. и ж. В продвижении перв. больших подборок стихов помогали поэты И. Грудев и Д. Кугультинов, работники ЦК ВЛКСМ В. Бушин и Л. Карпинский. Впоследствии в судьбе М. принимали участие К. Чуковский, С. Маршак, М. Атабекян, В. Чивилихин, Н. Старшинов, Б. Слуцкий, Ю. Воронов.

С 1950 по 1957 работала в детдоме Щёлковского р-на Моск. обл. В 1962 оконч. Высшие лит. курсы при Лит. ин-те им. М. Горького (заочно).

Перв. сб. — **«Лирика»** — изд. в 1961, второй — **«Кораблик»** — в 1963. В 1961 принята в СП СССР. В 1960–70-х вышли кн. **«Душа вещей»** (1966), **«Солнечный зайчик»** (1966), **«Ласточкина школа»** (1973), **«Река»** (1978). В 1980-х — **«Закон песен»** (1983), **«Страна прибоя»** (1983), **«Кроличья деревня»** (1984), **«Избранное»** (1986), **«Хвала работе»** (1987). В посл. десятилетие — **«Нерасторжимый круг»** (1991), **«Мелодия для гитары»** (1998), **«Кассета снов»** (1998), **«Сонеты»** (1999), **«Караван»** (2000), **«Жасмин»** (2001).

С кон. 1950-х начала соч. песни на собств. стихи и исполнять их под собств. аккомпанемент на семиструнной гитаре. С 1972 соч. песни и на стихи мужа, поэта Ивана Киуру (1934–92). Дискография: «Песни» (Мелодия, 1966), «Стихи и песни» (Мелодия, 1966), «Дорога — мой дом» (Мелодия, 1982), «Музыка света» (в соавт. с И. Киуру; Мелодия, 1984), «Баллады» (в соавт. с И. Киуру; Мелодия, 1985), «Мой воронёнок» (в соавт. с И. Киуру; Мелодия, 1986), «Рыжая девочка» (в соавт. с И. Киуру; Мелодия, 1986), «Какой большой ветер» (ASP, 1997), «Девушка из харчевни» (ASP, 1997), «Новелла Матвеева» (Moroz Records, 1999), «Лучшие песни» (Моск. окна, 2000), «Отчаянная Мэри», «Трактир "Четвереньки"». Среди песен, особенно полюбившихся слушателям,— «Солнечный зайчик», «Цыгане», «Шарманщик» и др. В посл. годы опубл. стих. «Волны и скалы», «Множимый сводами вздох», «Ночные фиалки», «Открытие», «Рисунки для чайного сервиза», проникнутые тонким лиризмом и изяществом.

В 1984 в Центр. детском театре в М. была поставлена ее пьеса **«Предсказание Эгля»** — фантазия по мотивам произведений А. Грина, включающая 33 песни М. В 1996 вышла кн. воспоминаний **«Мяч, оставшийся в небе»**.

В. Казак: «Построенная на метафорах лирика Матвеевой обнажает то, что скрыто в контрастах неожиданных образов, в ассоциативном восприятии противостоящих друг другу сил, в чередовании статичного и динамичного видения мира. Парадоксальность точек зрения, бегство в юмор и иронию, привязанность к игре звучаний, напоминающая о поэзии М. Цветаевой,— вот лишь немногие из многообразных путей, кот. идет поэтесса, чтобы разглядеть за видимым сущее: "Ищу под видимостью — душу"». В поэзии М. преобладает лирико-романтич. начало. Она отражает высокие гуманистич. чувствования человека, его мечты и фантазии, окружающую красоту

мира природы. Пишет для детей. Занимается переводами (в посл. вр. сонетов Шекспира). Делает пародии, пишет эпиграммы. Выступает со ст. по вопросам лит-ры и искусства.

В 1998 — лауреат Пушкинской премии в обл. поэзии. В 2002 — лауреат Гос. премии РФ в обл. лит-ры и искусства.

Стихи М. перев. на различные яз.

Соч.: Лирика. М., 1961; Кораблик. М., 1963; Душа вещей. М., 1966; Солнечный зайчик. М., 1966; Ласточкина школа. М., 1973; Река. М., 1978; Закон песен. М., 1983; Страна прибоя. М., 1983; Кроличья деревня. М., 1984; Избр. М., 1986; Хвала работе. М., 1987; Нерасторжимый круг. М., 1991; Мелодия для гитары. М., 1998; Кассета снов. М., 1998; Сонеты. М., 1999; Караван. М., 2000; Жасмин. М., 2001; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Медынский Г. Песенная поэзия Новеллы Матвеевой // Юность. 1966. № 7; Приходько В. Душа и плоть поэзии // Дружба народов. 1967. № 2; Рунин Б. Далёкое и близкое // Новый мир. 1964. № 5; Русские сов. писатели. Поэты. Биобиблиогр. указ. Т. 13. М., 1990; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996.

МАТИЕ́ВСКИЙ Владимир Михайлович [21.1.1952, Л-д — 25.1.1985, Л-д, похоронен на Ковалевском кладб.] — поэт, переводчик.

По линии отца — из глухой белорусской деревни (отсюда и фамилия), со стороны матери — из Псковской обл. Отец — кадровый пролетарий, мать — работник «сферы обслуживания». Детство провел на Васильевском о-ве, на его глухих непервых линиях. С Васильевским о-вом напрямую — работая там с 1974 и до самой смерти — он будет связан и в свои «самые творческие годы», как говорил Розанов, весьма почитаемый М. Нередкие у М. василеостровские реалии — это действительно реалии, а не модные «аллюзии из Бродского», поэта, кот. наряду с Ю. Кузнецовым М. выделял из старших современников. В нач. 1960-х родители М. получают отд. квартиру и переезжают на просп. Металлистов. В стихах М. уже тогда оппозиция Васильевский — Охта почти столь же очевидна, как противостояние добра и зла: «И не мечтать мне о Флориде, / и зимовать на Охте мне». В этих строках Васильевский «остров сокровищ» назван Флоридой.

Учился в школе рабочей молодежи, ибо из девятого класса был изгнан «за хулиганское поведение». В школе друзьями М. стали будущие художники Ю. Киселев и А. Воронков и изв. фотохудожник А. Шишков. Отслужив два года срочной службы на Камчатке и Сахалине (1970–72) и проработав с год «по основной специальности» фрезеровщиком, «рабочий парень с проспекта Металлистов» поступает на работу в обменно-резервный фонд БАН СССР. Не было удивительным, что в одном отделе БАН одновременно работали три молодых человека, проявлявших интерес к русской поэзии, особенно к поэзии перв. трети XX в. Еще менее удивительно, что все трое не испытывали особого пиетета к учению Маркса-Ленина. Эти трое придумали создать «партию моржевиков», «гениальным секретарем» кот. был провозглашен один из них, поэт В. Моржевиков. Игра продолжалась — и вскоре (18.2.1975) ими был составлен **«Манифест иморжевизма»** (машинопись, частное собр.). В ернической форме в «Манифесте» сформулированы практически все осн. принципы того, что позже назовут постмодернизмом. По формально первому стих. М. **«Кельн»** (1974), напис. на пари, уже видно, что всему этому предшествовала серьезнейшая «подготовительная работа».

С осени 1975 М. стал посещать занятия ЛИТО при ДК им. Ленсовета. С. Давыдов моментально выделил М. среди прочих, и если с другими вел себя подчас довольно авторитарно, то с М. общался как с равным. Довольно поздний поэтич. старт и предчувствие, что времени судьбой будет отпущено слишком мало, провоцируют феноменально быстрый творч. рост М. Уже к 1977 М. — абсолютно сложившийся поэт. Стих его прекрасно технически оснащен и результирует достижения различных поэтич. школ перв. трети XX в., М. в изв. мере следует «теории литературного синтетизма» «ленинградского правого конструктивиста» С. Нельдихена, с кот. его роднит любовь к Гумилеву и Уитмену.

Наряду с как бы барочной изощренностью (это касается не только звукового и образного ряда, но и принципов композиции), поэзии М. присуще постоянно повышенное эмоциональное напряжение, доходящее порой до калейдоскопичности потока сознания (**«У меня в обиходе — парадные...»**). Ассоциативное, «металогическое» соединение строк и строф приводит иногда к ломке синтаксиса, кажущейся «невнятности» и вполне умышленному «косноязычию».

Особо следует сказать о ритмике стихов М. Такого широкого ритмич. диапазона нет, пожалуй, ни у одного совр. поэта. Однако отказ от жесткой «ритмической сетки» не вызывает ощущения нарочитого эксперимента. Напротив, поэтич. «мелодия» в стихах М. повинуется законам классич. музыки, а не механически ритмизированной «попсы», и переходы-перебои ритма естественны и органичны, как ослабление-учащение пульса или дыхания.

Неск. особняком стоит большое стих. **«Белое море»**, где М., как бы отвечая на упреки в излишней усложненности, демонстрирует, что без труда может писать «ясно и просто», без «метафизических отягощений», подтекста и интертекста, с меньшей долей ассонансов и каламбурных рифм (дань юношеского увлечения Хлебниковым, ранним Маяковским и Пастернаком). Однако в «Белом море» читателя ожидает подвох иного рода: это своего рода римейк гумилевского «Красного моря».

Открытые полит. инвективы у М. крайне редки (**«Никогда ни слова в осужденье»**). И если уж кому и «достается» в его стихах, то ему самому: «И стою, как Муму утопил, / и не знаю куда уходить» (**«Vademecum окончился вдруг...»**). Лирику М. — а прежде всего М. лирик — отличает

удивительная, естественная чистота, не имеющая ничего общего ни с либеральной фривольностью, ни с казенным пуританством.

Недолгая пора расцвета его поэтич. дарования пришлась на кон. 1970-х и нач. 80-х, времени «скромности, выставок на квартирах, фотокопий и карикатур» (**«Если хочешь, чтобы тебя выслушали...»**). И М. умер, не увидев ни одной своей строки, напеч. в повременных изд. «эпохи застоя». Не увидев, можно сказать, «вполне заслуженно»: абсолютная стилистич. несовместимость его поэзии и канонов соцреализма очевидна. Ясно себе это представляя, он никуда своих стихов не предлагал. Места для его стихов не нашлось ни в тогдашних «самиздате», «тамиздате», ни даже в альм. «Круг», изд. «Клубом-81», формальным членом кот. М. состоял.

С нач. 1980-х М. почти перестает писать оригинальные стихи, переключившись на переводы (в свое время он закончил Гос. курсы иностранных яз.) — «для себя», «в стол». Начав еще в 1970-е с перевода «Июльского утра» К. Хенсли (и сделав из простенького шлягера хорошее стих.), в 80-е он обратился к тв-ву Э. Паунда. И, пожалуй, только благодаря переводам М. видно, почему этот бывший «имажист» столь высоко ценится в мире англоязычной лит-ры.

Каждое лето М. отправлялся путешествовать. Памир, Ср. Азия, Закавказье, Волга, русский Север — далеко не полный перечень мест, где он побывал. В янв. 1986 на вечере, посвящ. годовщине со дня смерти М., В. Кривулин, говоря о его стихах, сказал, что «так будут писать только лет через двадцать».

Посмертный сб. стихов М. вышел в 1995 — **«Стихотворения»**.

Соч.: Стихотворения. СПб., 1995; [Стих.] // Поздние петербуржцы. СПб., 1995.

Лит.: Бобрецов В. Страсть и строгость // Сумерки. 1989. № 6; Топоров В. // Поздние петербуржцы. СПб., 1995; Зубова Л. Совр. русская поэзия в контексте истории языка М., 2000; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

В. Бобрецов

МАТРЁНИН Михаил Васильевич [21.6.1947, Белогорск, Крым] — поэт, журналист, фотохудожник, шахматный композитор.

Родители — сельскохозяйственные служащие. В Л-де живет с 1966. В 1971 окончил фак-т журналистики ЛГУ. В теч. более 30 лет работал в заводской многотиражной газ. «Ижорец». В посл. годы — сотрудник Управления по связям с общественностью ОАО «Ижорские з-ды». Рук. творч. объединения «Колпинская лира».

Стихи пишет со школьных лет. Тогда же увлекся шахматной композицией.

Во время учебы в ЛГУ посещал театр. кружок (театр-студию) И. Райхельгауза, заведовал лит. частью кружка. На публичном выступлении на факультетском лит. вечере получил перв. приз.

По окончании ЛГУ посещал ЛИТО при ДК им. М. Горького под рук. Гл. Семёнова. Испытал влияние поэзии раннего Н. Заболоцкого, О. Мандельштама, Б. Пастернака, хотя стихи начал пис. до знакомства с их тв-вом. Позже — Арс. Тарковского. Из ближайших современников выделяет поэзию А. Кушнера и З. Эзрохи.

Участвовал в конф. молодых литераторов Северо-Запада. Выпустил два машинописных сб. — **«Ледостав»** (1974) и **«Стихи»** (1979), кот. распространялись в самиздате. В теч. 20 лет (1972–91) ред. лит. страницу в газ. «Ижорец».

Печ. в колл. сб. «Первая встреча», «Молодые поэты Л-да», альм. «Молодой Л-д», «Петерб. литератор», «Колпица» и др. Переводил с польского «Крымские сонеты» Мицкевича, стихи Галчинского и Шимборской. Сост. и ред. перв. вышедшего в Колпино (пригород СПб.) неподцензурного поэтич. сб. **«Четверо»** (Колпино: ПКФ «Балкон», 1992).

В теч. 1993–98 совм. с А. Сушко изд. лит. альм. «Колпица». За пять лет выпущено 32 номера, в т. ч. тематических: Колпино — Крым, Колпино — Швеция, Колпино — Литва, Колпино — Сент-Питерсберг (США) и др. Об истории альм. и своем принципиальном разрыве с А. Сушко написал в ст. **«От "Колпицы" до Бродского»** (не опубл).

Один из наиболее актив. шахматных композиторов СПб., завоевал ряд медалей на первенствах города. Задачи опубл. в России, Великобритании, Нидерландах, Югославии, Болгарии, Венгрии, Германии, Франции и др. Всего свыше 500 задач, около ста отмечено наградами на конкурсах, в т. ч. международных.

В 1997 выпустил кн. **«Живое пространство»**, в кот. наряду со стихами включил шахматные задачи. «Замысел книги, объединяющей стихи и задачи, родился в 1966 г. В 1988 г. из публикации в журнале "64-Шахматное обозрение" я узнал, что такой сборник уже есть — у Набокова (V. Nabokov. Poems and Problems. New York — Toronto, 1970). Я решил не отказываться от своей идеи: подобное сочетание является достаточно редким, так что продолжателей и подражателей в любом случае будет мало. Творчество Набокова не оказало на меня влияния, поскольку я поздно с ним познакомился. Некоторые его стихи я очень люблю» (М.).

Начиная с 2002 выставляется как фотохудожник, в т. ч. на персональных выставках в биб-ке им. В. Маяковского, музее-квартире А. Блока, ДК «Ижорский», биб-ках Колпино.

Стихи включены в самиздатскую антол. «Острова» и двухтомник «Русские стихи. 1950–2000 гг.» (М.: Летний сад, 2010). Гл. темы стихов М. — природа и человек; мн. образы навеяны петерб. пригородами.

Член Союза журналистов с 1971, член Российского союза профессиональных литераторов с 1993, член творч. объединения художников СПб. «Талант» с 2010.

Соч.: Стихи // Молодой Л-д. Л., 1972, 1981, 1984, 1989; Стихи // Перв. встреча. Л., 1980; Стихи // Молодые поэты Л-да.

М., 1984; Стихи // Двадцать пятая верста от Петербурга: Альм. Колпино, 1998; Переводы «Крымских сонетов» А. Мицкевича // Звезда. 1998. № 12; Стихи // Петерб. литератор. 1999. № 3; 2003. № 7; 2004. № 8; 2005. № 9; 2006. № 10; Четверо: Сб. стихов (А. Карапетян, М. Матренин, А. Сушко, Л. Фадеева; ред.-сост. М. Матренин). Колпино, 1992; Живое пространство: Стихи и шахматные задачи. Колпино, 1997; Тв-во как дыхание (Эссе). Стихи // Крещатик. 2000. № 1 (7); [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

МАТРЁНИН Николай Васильевич [6.2.1950, Л-д] — фотожурналист, прозаик.

Родители — сельскохозяйственные служащие. Брат Михаила Матрёнина.

Окончил худож. школу № 190. Работал сторожем, плотником, оператором газовой котельной в крематории. Участвовал в работе театра-студии при ЛГУ под рук. И. Райхельгауза (до ее разгона в 1967). Познакомился с фотографами Гранди Пти- Борисами (Б. Кудряковым и Б. Смеловым). Занимался фотожурналистикой. В 1970-е выставлял фотоработы в квартире-салоне С. Сититова.

Публ. рассказы в ж. «Часы», «Ковчег» и «Черновик», в лит. сб. «Лепрозорий–23» (1976). В 2009 «Borey art center» выпустил кн. М. «СМС-стихи».

В июне 2010 в «Борей-Арт-центре» прошла фотовыставка работ, на кот. были представлены 24 постановочных натюрморта, исполненные в технике и мат-лах 1970-х. Если традиционный натюрморт включает в себя два и более предмета, отобранных по принципу взаимодействия, то у М. налицо попытка показать один предмет в его самодостаточности. По словам М., «это скорее портреты объектов обделенных вниманием».

Соч.: Любимец муз // Часы. 1977. № 8; A capella: Проза // Ковчег. 1979. № 4.

Лит.: Stefanovic B., Wertsman V. Free Voices in Russian Literature. NY., 1997; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

МАУРА (Петрова) Гелия Александровна [13.1.1931, Л-д] — поэт, прозаик, детский писатель.

Перв. кн. **«Левый валенок»** вышла в 1991. В 2001 выпустила в изд-ве «Copy-Park» кн. «Подарок», в 2006 — «Круглый год». Всего более 20 кн.

Е. Раевский: «Писать для детей всегда труднее, чем для взрослых; к сожалению, в писательских кругах стало мало авторов, кот. могут создавать достойные произведения для детей. Наше "темное" время предъявляет к детской литературе иные требования — без какой-либо идеологии и целей. Но у Гелии Мауры цель одна — сеять то самое честное, доброе и светлое, что необходимо в любые времена».

Ряд стихов переведён на английский и немецкий яз.

Член СП России. Один из основателей и сопредс. Лит. клуба «Зубрёнок».

Соч.: Левый валенок. Л, 1991; Подарок. СПб., 2001; Каменные звери. СПб., 2003; Круглый год СПб., 2006.

Лит.: Раевский Е. Подарок от Гелии Мауры // Русь. 2002. № 13 (15); Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник. СПб., 2013.

МАХМУ́ДОВА Вера Анатольевна [14.8.1946, Л-д] — поэт, искусствовед, детский писатель.

Автор неск. поэтич. сб. Пишет стихи для детей, а также стихи о петерб. художниках (напр., в ж. «Меценат и мир» опубл. **«Стихи»** (Художнику Любови Вячеславовне Пакулиной; № 37–40). Публ. в прилож. к ж «Невский альм.» — напр., 2006 № 3 (28) **«Маленькие исправления»**, **«Считалочка»**, **«Сестренки»**, **«Своими руками»**, **«Сколько весит слон?»** и др.

Член Российского Межрегионального СП.

Член Лит. клуба «Зубрёнок».

Соч.: Волшебный огород. СПб., 2005; Кот-велосипедист. СПб., 2011; Сами с усами. СПб., 2011.

Лит.: Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник. СПб., 2013.

МАХО́ТИН Сергей Анатольевич [12.5.1953, Сочи] — прозаик, поэт, журналист.

Мать — учитель русского яз. и литры. Детство своё М. называет безоб-

лачным. До 20 лет увлекался всем понемногу, не зная, кем стать. Служил в армии. Работал ассистентом звукореж. на Сочинском ТВ. Учился в Лен. ин-те киноинженеров (ушёл с первого курса). Окончил поэтич. отд. Лит. ин-та им. М. Горького в М. С 1973 живёт в Л-де.

В 1976 в ж. «Уральский следопыт» опубл. перв. стих. **«Садовник»**. С того вр. печ. в ж. «Костёр», «Пионер», «Искорка», «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Детская лит-ра», «Колобок» и др. Много лет посвятил детской журналистике. В 1980 стал корр. газ. «Ленинские искры», в 1982 перешёл работать в «Костёр» (зав. отделом поэзии).

В 1985 в двух центр. изд-вах — «Детская лит-ра» и «Малыш» — появились перв. книги детских стихов М.: **«Море в банке»** (Л., 1985) и **«Здравствуй, день!»** (М., 1985). По мнению критиков, М. сразу начал с высокого уровня мастерства. В его ранних стихах «слышится отдалённый отголосок мягкой квитковской интонации... часто звучащая нота добра и приятия жизни» (И. Токмакова): «У лесной тропинки / Мы к ручью присядем, / И по мокрой спинке / Мы волну погладим...». Пристально наблюдая детскую игру, М. «пишет о ней так же динамично, как в своё время написал Даниил Хармс» (И. Токмакова). Поэт отмечал, что испытывал профес. поддержку и влияние Н. Слепаковой, А. Крестинского, В. Берестова, В. Лейкина, М. Яснова. Привязанность к почве русской детской поэзии, её традициям декларирует М. открыто и просто: «Как это странно! / Я ведь / Сам первый раз / В ночном. / Может быть, чья-то память / В сердце живёт моём? / Может, мой пра-пра-прадед / Здесь сидел до утра, / Щурился, / Так же глядя / На огонёк костра. / Пас лошадей исправно, / Пёк картошку в золе, / Думал о том, / Как славно / Жить / На этой земле» (**«В ночном»**).

Следующие поэтич. сб. М. **«Старшая группа»** (М., 1988) и **«Собака считает до одного!»** (М., 1991) на фоне захлестнувшей в те годы лит-ру конъюнктурщины кажутся «несовременными», чуть наивными, ибо они «не суетливы, не сумбурны, не "клиповы"». «Они спокойны и радостны. В них мир не раздёргивается на составляющие, а собирается воедино» (И. Казюлькина).

Герои детских стихов М. живут в мире, где чётко проставлены нравств. ориентиры. Неслучайно в нач. 1990-х М.-поэт, глубоко чувствуя явную антипоэтичность времени, уступает место прозаику. Он пишет рассказы и сказки; пересказывает классиков зарубежной лит-ры, среди кот. М. Рид и Конан Дойл. Ключевой особенностью детской литры 1990-х М. назвал «её невостребованность при одновременном дефиците» (Мир петерб. детской книги). Поэтому он всегда страстно пропагандировал хорошую детскую лит-ру, зная, сколь велика её роль в жизни растущего человека. Уйдя из ред. «Костра», М. собирался возглавить новый петерб. ж. «Лицей» (кот. не вышел из-за финансовых трудностей), работал ред. детской радиопрограммы «Заячий о-в» в теч. шести лет, в самые трудные для детской лит-ры времена — на рубеже 1980–90-х — поддерживавшей и сохранявшей в детях любовь и интерес к чтению.

В 1990-е пробует себя в ист. прозе. Изд-во «Лицей» начало в те годы вып. серию рассказов о православных святых, обращенных к самому маленькому читателю. В этой серии у М. вышло две повести: **«Юноша стройный на белом коне»** (СПб., 1993) о святом великомученике Георгии Победоносце и **«Крест Андрея Первозванного»** (СПб., 1993). Вслед за этим М. обращается к героич. армянскому эпосу, пересказывает **«Сказания о сасунских богатырях»** (М., 1996). Комментируя свой замысел, М. рассказывал: «Я задумал эту работу ещё в то время, когда национальные распри в бывшем СССР приобрели зверский характер. В книге есть такой эпизод. Пращур сасунских богатырей Санасар едет в страну каджей (колдунов) за своей невестой. И на перепутье трёх дорог встречается с небесным ангелом, принявшим облик древнего старика. Естественно, Санасар выбирает самую опасную дорогу и лишь просит старика дать ему напутственный совет. "Вот что запомни! — сказал старик. — Встретится тебе на дороге зверь ли, камень или куст, со всеми здоровайся, как ты поздоровался со мной, всем кланяйся. В заколдованную страну едешь ты, не поздороваешься — пропадёшь!" Это напутствие и сегодня ... актуально. Уважай нравы и обычаи чужого народа, не лезь со своим уставом в чужой монастырь, иначе и самому пропасть недолго» (Мир петерб. детской книги).

Ист. проблематика столь глубоко и серьёзно завладела писательским сознанием, что М.-прозаик не расстаётся с ней, предлагая читателю возможность сегодня, на рубеже двух столетий задуматься о смысле, назначении и формах жизни. В самых разных фигурах из ист. прошлого человечества М. умеет рассмотреть те зёрна истины, что дают свои всходы в любые времена при любых обст-вах. Об этом романы М. **«Марфа окаянная»** (СПб., 1997) и **«Владигор и звезда Перуна»** (СПб., 1999); повесть **«Ярослав Мудрый»** (М., 2005); ист. роман **«Ушаков»** (М., 2007) — «история о русском флотоводце, не проигравшем ни одного сражения», как отмечается в аннотации к книге; ист. романы **«Бетховен»** (М., 2004), **«Иоганн Себастьян Бах»** (М., 2008) — «о гениальном композиторе, кот. своей музыкой "разговаривал с Богом"», **«Рембрандт»** (М., 2004) — рассказ «о сыне мельника, ставшем великим художником». Драма истории и человека в прозе М. передаётся посредством детского восприятия, что подтверждает укоренённость в сознании писателя ориентиров на детскую лит-ру.

Ценнейшее кач-во произведений М. в том, что серьёзность и дисгармония взрослой жизни в контексте

детского мироощущения обретают гармонич. координаты. Это оказывается возможным, потому что автор понимает, что такое юмор, как он украшает и обогащает нашу жизнь. Как, напр., в главе «Часы» из повести **«Дело о пяти минутах»** (М., 2002): «Часы были старые... На золоченом круге были выбиты цифры: 1913. ... Папа радовался и в кот. раз напоминал, что эти часы принадлежали его бабушке. Они пережили гражданскую войну, блокаду и многочисленные переезды с одной квартиры на другую. — Проникнитесь! — восклицал папа. Ветром истории веет от этих стрелок. Чувствуешь, Миха? Миша ветра не чувствовал, но бой часов ему нравился. Будь у них регулятор громкости, он прибавил бы ещё звука». В этой остросюжетной повести есть приключения, похищение, таинственное исчезновение, погони — всё, необходимое для настоящего детектива. В др. истории «из жизни» автор добавляет «немножко сказочности. Старенькая парикмахерша может слегка заколдовать девчоночьи косички, чтобы хулиган, дёргающий за них, перевоспитался (**«Заколдованные косички»**; М., 2000). Полярник Кузнецов избавляет город от опасного вируса ворчания (**«Вирус ворчания»**; СПб., 2006)». При этом сказочность у М. — открыто наивная, чем особо подчёркивается важность детства и его уроков. Прикосновение к худож. слову, по твёрдому убеждению М., должно быть прикосновением к искусству, тогда оно способно качественно изменить нашу жизнь. Как произошло, напр., с героем его рассказа **«Шестиклассник Серафим»** (Костёр. 2003. № 4), кот. после прочтения стих. Пушкина «Пророк» не просто узнал, кто такой «шестикрылый серафим» и что означает его собств. имя, но и то, что язык, оказывается, служит не только для общения и передачи информации, он может удивлять, радовать, завораживать, менять отношения с окружающими.

2000-е стали для М. интересным творч. периодом. Он активно участвует в обществ. жизни, в деятельности писательских сообществ, изд-в, встречается с читателями, много печ. в периодике. Выходят в свет его новые кн. стихов для детей: **«Вот так встреча!»** (М., 2002), **«В кого я такой?»** (М., 2003), **«Прогулки по лесу»** (М., 2007). Языковая чуткость, без кот. не может быть поэта, в тв-ве М. транспонирована в тональность детства, поэтому интонации его — будь то радостные, напористые или с затаённой грустинкой — это всегда интонации гармонии и радости жизни. Как-то раз на одном из выступлений поэта ребята спросили: «А какими мы будем в тридцатом веке?» И М. «удивился этой замечательной детской вере в то, что и в тридцатом веке мы будем живы и здоровы, а тогда, само собой разумеется, страшно интересно узнать про нас будущих. Подобные вопросы — радость для поэта, находчиво и весело ищущего свои «поэтические» ответы: «Когда-нибудь в тридцатом веке / Мы будем древними, как греки. / Нас в обязательном порядке / Всю четверть будут проходить, / И наши школьные тетрадки / Всех будут в трепет приводить»... Каждая новая книга М. — ... это чтение радости и чтение в радость: все эти тонкости многого стоят» (из воспоминаний М. Яснова).

Член Союза журналистов с 1982. В 1987 стал самым молодым членом СП СССР (позже СП СПб.). Лауреат премии им. С. Маршака. В 2008 за кн. **«Вирус ворчания»** получил в Копенгагене диплом им. Г. Х. Андерсена.

Соч.: Море в банке. Л., 1985; Здравствуй, день! М., 1985; Старшая группа. Л., 1988; Собака считает до одного. М., 1991; Юноша стройный на белом коне: Повествование о святом великомученике Георгии Победоносце. СПб., 1993; Крест Андрея Первозванного: Повесть. СПб., 1994; Сказания о сасунских богатырях. М., 1996; Марфа окаянная: Роман. СПб., 1997; Владигор и звезда Перуна: Роман. СПб., 1999; Заколдованные косички: Рассказы и сказки. М., 2000; Вот так встреча! М., 2002; Дело о пяти минутах: Детективная повесть. М., 2002; В кого я такой? М., 2003; Рембрандт: Ист. роман. М., 2004; Бетховен: Ист. роман. М., 2004; Ярослав Мудрый. М., 2005; Вирус ворчания: Повесть. СПб., 2006; Ушаков: Ист. роман. М., 2007; Прогулки по лесу. М., 2007; Иоганн Себастьян Бах: Ист. роман. М., 2008; Страшна Зброя (на украинском яз.) / Пер. И. Андрусяка. Киев, 2008; Глинка: Ист. роман. М., 2008; Прогулки по Москве. М., 2009.

Лит.: Абель И. Истории весёлые и грустные: Рец. // Сов. цирк. 1988. № 19; Токмакова И. Хорошо, когда надежды оправдываются // Детская лит-ра. 1989. № 12; Сергей Анатольевич Махотин // Мир петерб. детской книги: Творч. биографии. СПб., 2000; Путилова Е. От Перуна до «двоечника в законе»: Заметки о совр. детской лит-ре // Звезда. 2004. № 11; Шенкман В. Библия. Классика. Современность: урок 3. Рассказ С. Махотина «Шестиклассник Серафим» // Русская словесность. 2006. № 2; Порядина М. С чудесами или без? // Читаем вместе. 2007. № 5; Казюлькина И. Гармония звука и слова // Читаем вместе. 2007. № 6; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

Т. Рябова

МАХО́ТКИНА Лариса Николаевна [4.7.1946, Л-д] — поэт.

Из семьи инженеров. Работала лаборантом, чертежницей, курьером, сезонным рабочим, машинисткой, репортером Ленрадио; с 1981 — оператор газовой котельной ЛГПИ им. А. Герцена.

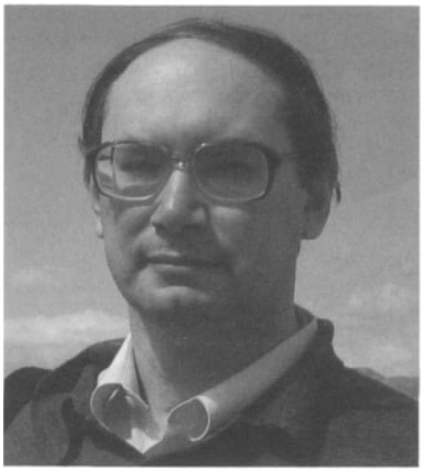
В 1984–88 вместе с А. Давыденковым, Н. Ланковской, Б. Григориным и А. Крыжановским входила в поэтич. группу «Среда», образованную в рамках ЛИТО «Нарвская застава». В составе группы неоднократно выступала с чтениями на разных площадках. В 1988 вместе с А. Давыденковым и О. Бешенковской основала лит. альманах «Топка», к участию в кот. были привлечены мн. авторы неподцензурной лит-ры 1970–80-х. Участвовала во всех четырех выпусках альм., опубл. в нем стихи (№ 2,

4), пьесу **«Кошмар в квартире напротив»** (№ 1) и повесть **«Апология Петрова»** (№ 3). Печ. в машинописных изд. «Поэтич. ревю» (М.) и «Синтагма» (Крым), в газ. «Смена» и «Сов. учитель», ж. «Аврора», «Октябрь», «Нева», альм. «Истоки» и сб. «Невские просторы». В 1993 М. выпустила сб. **«Стихи по кругу»** (изд-во «Ленар»). В наст. вр. стихи М. представлены на различных сайтах интернета.

Соч.: Стихи // Нева. 1986. № 6; Стихи по кругу. СПб., 1993; Стихи // Топка: Дайджест / Ред. А. Давыденков. СПб., 1997.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

МАШЁВСКИЙ Алексей Геннадьевич [8.3.1960, Л-д] — поэт, эссеист, критик.



Отец — Геннадий Николаевич — доктор наук, акад. Горной Академии, ученый в обл. флотации руд полезных ископаемых. Мать — Галина Ваганова — инженер. Учился в физико-матем. школе № 239, кот. сильно повлияла на становление интересов и стиль мышления М. Окончил. с отличием в 1983 фак-т электронной техники ЛЭТИ им. В. Ульянова (Ленина).

На протяжении 7 лет (до 1990) работал в лен. Физико-техническом ин-те АН СССР в лаборатории Ж. Алферова. Параллельно начал выступать с публ. стихов в печ. (первая в окт. 1983, ж. «Аврора» — стих. **«В ЦПКиО»**), стал членом лит. студии А. Кушнера при Доме ученых в Лесном. Большое значение для осознания лит. пути и развития творч. интересов сыграло знакомство и тесное общение с историком литры, прозаиком Л. Гинзбург, а также общность эстетич. принципов с молодыми поэтами этого круга, в частности — с Н. Кононовым и А. Пуриным. Этапной стала публ. в «Новом мире» (1987. № 12) цикла **«Стройка»**, большинство стих. кот. было напис. разностопным анапестом. С этого момента публ. стихи, эссе, рец., статьи по литературоведч. и философской тематике в ж. «Аврора», «Звезда», «Нева», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «P.S.», «Север», «Искусство Л-да», «Вопросы литры», «Речитатив», «Невский альбом», «Новое русское слово», «Зарубежные записки», альм. «Urbi», «Арион», «Тебе, Петербург», «Междуречье», «Флейта Евтерпы», колл. сб. «День поэзии — 1986», «Невские просторы», «Молодой Л-д», «Натуральное хозяйство» и др. (всего более 140 публ.).

В 1989 в изд-ве «Сов. писатель» вышла перв. книга стихов **«Летнее расписание»** (предисл. Г. Цуриковой), гл. объектом лирич. исследования в кот. стали бытовые, соц. условия существования человека в их сцеплении с волнующими душу экзистенциальными вопросами. Заметно стремление к циклизации, выбору подчеркнуто будничных сюжетов (стих. **«В институтской посудомойке»**, **«Гаражи»**, **«Глухонемые в метро»**, цикл **«Рабочий журнал»**).

В 1991 принят в члены СП СССР, член СП Российских писателей.

Начиная с 1989 вел лит. студию, кот. с 1994 работала при музее А. Ахматовой в Фонтанном доме (некот. из ее участников со временем превратились в самостоятельных интересных поэтов: Д. Датешидзе, В. Русаков, А. Куляхтин, В. Ямпольский, А. Вергелис, В. Ковалев, С. Николаев, В. Бауэр и др.). С 1990 работал лит. консультантом, затем ред. отдела прозы, поэзии и публицистики в ж. «Искусство Л-да» (позже переимен. в «Арс») вплоть до его закрытия. Параллельно (с 1991) начал преподавать лит-ру в Пед. колледже № 1 им. Н. Некрасова, с 1995 совмещая эту работу с должностью завуча школы № 268 Невского р-на СПб.

В 1993 выпустил кн. **«Две книги»**, включающую два поэтич. сб. **«Гость»** и **«Дни не для тебя»**. В рец. отмечалось: «...основное свойство стихов М., кот. я осторожно назову "аристократизмом", находится в очевидном противоречии с ювенильно-спортивным менталитетом нашего века». Кн. стала переходной от стихов, ориентированных на бытовую конкретику (**«Колыбельная»**, цикл **«В тени»**), к своеобразным бессюжетным поэмам (**«Саул»**), в древнем предании находящими соответствие переживаниям совр. человека. Одновременно поиски ритмич. выразительности привели к созданию ряда силлабометрических стих. (цикл **«Балтийские песенки»**).

Эти тенденции получили развитие в след. кн. стихов **«Признания»**. Центр. место в ней заняла поэма **«Тристан»**, любовная тематика кот. актуализировала образы старинной легенды, видя в них своеобразную «вечную форму» переживания предельного и невоплотимого чувства человека. Опытом своеобразного наложения сатиры и стилизации стал цикл **«Безблагодатные оды»**.

Отход от прежних творч. принципов наметился в след. сб., включавшим две поэтич. кн. — **«Сны о Яблочном городе & Свидетельства»**. Используемые стих. размеры делаются «строже», циклизация постепенно уступает место отдельным стих., связанным единым контекстом размышления о чужеродности души человека миру природных и соц. феноменов. Особое значение начинают приобретать культурные реминисценции, находящие отражение в стихах, посвящ. поездкам в различные страны (цикл о Нью-Йорке — **«Сны о яблочном городе»**). В рец. И. Роднянской говорится, что кн. «неотразимо значительна своей тягостной, ртутной насыщенностью болью — и рефлексией по поводу боли. Любовь, страна, чужбина — и надо всем смерть. И даже не "загадка зги загробной", от кот. так импульсивно отмахнулся молодой Пастернак,— загадка как раз может способствовать поэтическому воздухоплаванию,— а смерть по сю сторону существованья, лишенное загадочности "бытие-к-смерти"».

С 1980–90-х поддерживает творч. контакты не только со мн. литераторами (Е. Рейн, Д. Раскин, Е. Елагина, А. Танков, О. Николаева, А. Фролов, Т. Вольтская, О. Клишин, А. Макушинский, И. Меламед), но и худож-

никами, философами, культурологами. Большое влияние на развитие тематики и стилистики поэтич. соч. оказала живопись А. Заславского, И. Зисмана, В. Паршикова, многолетняя работа с архивом друга Д. Хармса и А. Введенского Я. Друскина и участие в перв. публикациях его философских эссе.

С дек. 1995 в СПбГУ читает для вольнослушателей многогодичный курс «Истории русской поэзии», рассчитанный на подробное прочтение и комментирование золотого фонда русской лирики. Выступает с лекциями в различных учебных заведениях города. С 2001 становится куратором сетевого лит.-худож. проекта «Folio verso» (http://www.folioverso.ru), ставящего задачей пропаганду худож. достижений совр. петерб. культуры.

В 2003 выпускает кн. стихов **«Вне времени»**. В рец. на нее утверждалось: «Поэзия — это то, что "вне времени", это сон-забвение, это смерть при жизни (но чего б стоила без нее жизнь стихотворца?). Опустошенный Орфей (вернувшийся без Эвридики, с "переболевшей" душой) поёт еще чище и сладостней». Осн. интенцию кн. раскрывает Е. Елагина: «...само название ..."Вне времени" — указывает на движение в давно выбранную поэтом сторону: от фальшивой, распадающейся, соблазняющей, но в конечном итоге обреченной на временность формы к подлинности неманифестируемого содержания, к выходу из времени, к существованию вне него».

Промежуточный итог тв-ва подводит вышедшее в 2005 избранное — **«Пространства и места»**. Оценивая кн., В. Куллэ замечал: «То, что М. не страшится патетики, не стыдится всерьез говорить о серьезных вещах (на том пошлейшем основании, что так теперь неуместно и не принято), и составляет сокровенную суть его поэтики. Эта внутренняя отвага представляется <...> наиболее драгоценной отличительной чертой поэта в нынешней разноголосице. Причем, что чрезвычайно важно, его позиция при этом принципиально антиромантична — это не кокетливое противостояние поэта и толпы, не постмодернистское противостояние поэта и толпы поэтов же, но нормальное героическое противостояние человека и рока». Н. Орелкина пишет: «Зрелое творчество — концептуально, впечатляет силой периодов, искусной фоникой, новаторством в образах, легкостью метафорического письма и глубиной философских обобщений. Постоянные синтаксические переносы несколько затрудняют рецепцию, но мысль, заключенная в форму классической русской просодии, запоминается».

В 2008 выходит прозаич. кн. **«В поисках реальности»**, в кот. сделана попытка анализа кризисного состояния совр. культуры, причин изменения ментальности человека XXI века и путей трансформации сегодняшней потребительской цивилизации. А. Вергелис писал: «Нет, перед нами не последовательное, параграф за параграфом изложенное учение, не поваренная книга житейской мудрости... Это коллекция мыслей и впечатлений, появлявшихся по самым разным поводам. Здесь представлены практически все жанры нехудожественной прозы: статьи, эссе, рецензии, дневниковые записи, философские миниатюры. Все тут держится на рефренах — главная мысль предстает то в одном, то в другом контексте. Это мысль о подлинности». По мнению А. Макушинского, «эта книга, среди прочего,— опыт сопротивления времени, эпохе подмен, периоду упадка. Что само по себе, помимо других достоинств, уже делает ее явлением значительнейшим».

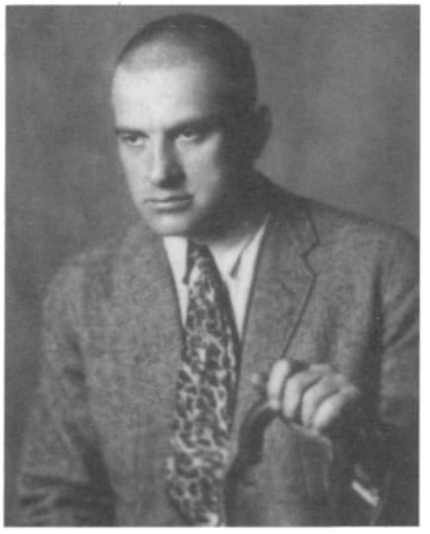
В 2010 выходит кн. новых стихов **«Древо желаний»**, фиксирующая переход М. к все более контекстному, взаимообусловленному восприятию худож. и жизненных впечатлений. Гл. ее тема — трагич. умирание, но не искусства, не слова, а способности людей это слово, это искусство воспринимать. Лейтмотивом всей лирич. системы становится невозможность встречи, невозможность разделения с другими счастья видения и понимания (цикл **«Эллада»**).

Соч.: Летнее расписание. Л., 1989; Две книги. СПб., 1993; Признания. СПб., 1997; Сны о Яблочном городе. Свидетельства. СПб., 2001; Вне времени. СПб., 2003; Пространства и места. СПб., 2005; В поисках реальности. СПб., 2008; Древо желаний. СПб., 2010.

Лит.: Роднянская И. Назад — к Орфею! // Новый мир. 1988. № 3; Роднянская И. Кн. полка Ирины Роднянской// Новый мир. 2001. № 6, 2009. № 12; Пурин А. [Четыре рец.] // Нева. 1994. № 1 (То же // Пурин А. Воспоминания о Евтерпе. СПб., 1996); Пурин А. Свет, питающийся светом // Правое дело. 2003. № 8; Елагина Е. Стереоскопич. зрение А. Машевского // Нева. 2004. № 6; Русаков В. Золотой улов // Новый мир. 2004. № 4; Куллэ В. Внутренняя отвага // Новый мир. 2006. № 6; Орелкина Н. Алексей М. Пространства и места // Знамя. 2006. № 6; Вергелис А. Из Катакомб // Знамя. 2009. № 8; Макушинский А. Принцип подлинности // Слово\Word. 2009. № 62.

А. Пурин

МАЯКО́ВСКИЙ Владимир Владимирович [7(19)7.1893, с. Багдади, Грузия — 14.4.1930, М.] — поэт.



Родился в семье лесничего Владимира Константиновича М. и Александры Алексеевны, урожд. Павленко. Учился в кутаисской гимназии, читал рев. листовки и брошюры, участвовал в демонстрациях учащихся во время перв. русской революции. После скоропостижной смерти отца (1906) вместе с матерью и двумя старшими сестрами переехал в М. Здесь, учеником 5-й гимназии, начинает выполнять отд. поручения подпольщиков и т.о. втягивается в рев. движение. В возрасте 14 лет вступает в РСДРП(б), трижды в 1908–09 подвергается арестам. В одиночке Бутырской тюрьмы читает классику, новейшую лит-ру, пишет стихи. Выйдя из заключения в нач. 1910, рев. деятельность не возобновляет, решив «делать социалистическое искусство». В 1911 поступает в Моск. учи-

лище живописи, ваяния и зодчества. В кон. 1912 вместе с Д. Бурлюком, В. Хлебниковым и А. Крученых подписывает манифест футуризма «Пощечина общественному вкусу» и публикует перв. стихи.

Футуризм в России возник как альтернатива символизму, мощному по обилию первоклассных талантов, но исчерпавшему себя поэтич. течению. В футуризме преобладала энергия отрицания; эстетика футуризма, при всей ее авангардной развинченности, включала в себя демократич. элементы, была направлена на то, чтобы вернуть слову его выразительную функцию, пробуждать и рождать в нем новые смыслы. Футуристы проявляли интерес к материальной культуре города. Урбанистич. мотивы звучали уже в перв. стихах М.

Он с самого начала хотел быть услышанным. Поэтому форсировал голос, хотел перекрыть «распирающий грохот революции». **«Пролог»** к трагедии **«Владимир Маяковский»** (постановка 1913 в петербургск. театре «Луна-парк») — манифест 20-летнего поэта-романтика, озабоченного судьбами униженных и оскорбленных. В нем же М. предсказал страшный финал собственной судьбы («...и тихим, целующим шпал колени, обнимет мне шею колесо паровоза»). Поставленная в СПб., трагедия провалилась, а некот. время спустя получила восторженную оценку Б. Пастернака. Поэзия «бесконечности» мира, открывшаяся Пастернаку в этом произведении, ведет в бесконечный тупик, из которого М. не видит выхода, его подавляет «чувство социальной катастрофичности» (Альфонсов В.). Трагедия «Владимир Маяковский» — крик бессилия одинокой души, заплутавшейся в «каменных аллеях» города. Об этом же в стих. **«Скрипка и немного нервно»** (1914): «Знаете что, скрипка? Мы ужасно похожи: я вот ору — а доказать ничего не умею».

Футуризм отвечал натуре, темпераменту М., его тяге к чрезвычайности, «устремленности к крайнему, предельному» (по Н. Бердяеву). С футуризмом его сближал дух протеста против буржуазного вкуса, принимавший форму разрешения: «Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана...» (**«А вы могли бы?»**, 1913). Программное произведение М. в это время — поэма **«Облако в штанах»** (1915). Крик «долой», четырехкратно прозвучавший в поэме,— характерный жест русского бунтаря, выражающий «саморожденную» (Пастернак), органическую для М. революционность, которая и привела юного поэта к футуристам, как подростком — к большевикам. Трагедия одиночества обострила чувство человеческого присутствия, близости к «уличным танцам», причастности к их судьбе. Поэма начата в Одессе, во время турне футуристов по городам России, сюжет ее — драма отвергнутой любви. Все порывы героя поэмы вдохновлены этой всесильной страстью, в т. ч. идея разрушения, переворота. Страданию героя нет исхода. Драма любви замыкается на нем. Трагедийность поэмы усиливается отсутствием эха, глухотой мира, человечества — всех, к кому обращен страстный монолог поэта. В «Облаке...», как и в стих. перв. года войны, видны отблески мирового пожара, «окровавленное бойней» небо. А любовный сюжет, чуть ли не до полной исчерпанности душевного ресурса, нашел продолжение в поэме **«Флейта-позвоночник»** (1915), осветившей начало др. многолетней и мучительной любовной драмы — М. и Л. Ю. Брик.

М. пришел в русскую лит-ру как трагич. поэт огромной мощи с неиссякаемым запасом новой выразительности, вобравшим в себя и элементы народной речевой стихии, и «корявый говор» улиц, и авторские неологизмы; новизна образной системы М.— в гибкости и ударной силе слова, в широчайшем диапазоне ассоциаций, в близости к городской атрибутике, в органичном соединении фантастики и быта, заоблачно-абстрактного и материального, в расширении ритмических структур стиха, в полной свободе лирич. высказывания.

«Война и мир» (1916) — поэма в защиту человека. Ее пространство заполняет трагедия войны, беззащитность людей в жестоком, корыстном, узурпирующем свободные чувства мире. Это опять трагедия одинокой души: «А я на земле один глашатай грядущих правд» — выкрикивает поэт, в который раз стараясь быть услышанным «средь воя и визга», стараясь донести свой «единственный человечий» голос до всех, имеющих уши. Картины кровавого ужаса, убойного человеческого месива — это и есть отрицание войны. Война в представлении М.,— убийство, и поэт задается вопросом о будущем Земли, человечества,— хватит ли у него разума и воли преодолеть злобу и ненависть и обратить свое могущество на пользу себе. Поэт отвечает на этот вопрос с надеждой на разум и созидательную энергию свободного человека. Это новый мотив в тв-ве М., возникший как будто в самый неподходящий момент милитаристского безумия. И местоимение «я» в посл. дооктябрьской поэме **«Человек»** (1917) представляет человечество. Поэма утверждает величие человека, герой ее — «Небывалое чудо двадцатого века!». Антропоцентризм М. целенаправлен, он хочет поставить человека на место Бога, представить его центром мирозданья. Но вселенная неуютна для человека, его удел — земная жизнь во всем своем несовершенстве, ибо в этой жизни, по крайней мере, есть одна безусловная ценность — любовь. Любовь-радость, любовь-каторга, любовь — самый великий дар человека. М. возвысил в человеке любовь как нетленное чувство и тем возвысил самого человека, способного взойти на костер ради любви.

Дорев. стихи и поэмы М. — худож. феномен редкой эстетич. новизны, открывший мир его души в предощущении планетарных катаклизмов. Приход поэта в революцию, ее приятие было естественным шагом человека, жаждавшего перемен. Он шел в революцию, отражая чаяния ее стихийных сил, и лозунги Октября 1917 отражали его романтич. упования на будущее переустройство жизни. Здесь и завязывается тот драматич. узел, кот. дает поводы к разноречивым оценкам поэзии М. советского периода. Здесь начинается раздвоение в его мировосприятии, в поэтич. отражении действительности. М. пишет **«Наш марш»** (1917), **«Левый марш»** (1918), он утверждает новую эстетику (**«Приказ по армии искусств»**, 1918), призывая «футуристов, барабанщиков и поэтов» воспеть революцию. И маршевая дробь барабана заглушает песню. Используя библейский сюжет, М. пишет революционную пьесу **«Мистерия-**

буфф» (1918), где мифич. «чистые» и «нечистые» обретают злободневные черты. «Агитпроп» поэта, который, как он впоследствии признавался, «в зубах навяз», по-настоящему развернулся в РОСТА, где М. вместе с неск. художниками выпускал «Окна сатиры» — рисовал плакаты и делал подписи к ним, опять-таки на злобу дня. Сутью и смыслом этой поистине титанич. работы было глубокое убеждение в сугубой пользе революции и сов. власти. «Агитпропом» стала, по сути, и поэма **«150 000 000»** (1919–20), хотя стилистика ее, восходя к фольклору, в соединении с плакатной символикой дает оригинальный сплав былины, раешника, ораторской речи и лозунга.

Однако в командорской поступи стиха М. наступали лирич. «сбои». Это прежде всего стих. **«Хорошее отношение к лошадям»** (1918), обнажающее лирич. природу его таланта, это поэма **«Люблю»** (1922), где чувство еще не лишено романтич. самоотверженности, хотя и настораживает непомерная гиперболизация («На мне ж с ума сошла анатомия. Сплошное сердце — гудит повсеместно»), наконец, поэма **«Про это»** (1923), в кот. претворилась трагедия любви, с неистовой силой прорвалось человеческое, личное — как в «Облаке в штанах», только на фоне более зрелого опыта. «Любовная лодка» попала в «бермудский треугольник» быта. Как ни «смирял» поэт интимное, личное во имя общего, социально разумного, «становясь на горло собственной песне»,— «тема» (любовь) «приказала» писать о ней. Она пришла изнутри, опровергла риторич. принцип «смирения», и «личные мотивы» — даром гения — были подняты на высоту всеобщности. М.-риторист, «в штыки» атаковавший лирику, уступил место М.-лирику. «Про это» — поэма о любви в момент ее кризисного состояния, о попранном чувстве, сжигающем одного человека и тяжким бременем давящем на всех, кто так же, как и он, натыкается на острые углы быта. Личный мотив поэмы — драма любви М. и Л. Брик.

В стихах «на злобу дня» поэт апеллирует к массам, убеждает, зовет, агитирует в соответствии с решениями партии и советской власти, но и безжалостно высмеивает аномалии нового быта. Человек гениальной одаренности, М. и здесь достигал поэтич. высот: **«Стихи о советском паспорте»** (1929) — блестяще выполненная газетно-эстрадная агитка, и будто специально для эстрады написаны чеканные строки 19-й главы поэмы **«Хорошо!»** (1927). Сатира М. тоже агитационна, но, в отличие от стихов декларативно-призывного характера, она злободневно конкретна, поэтически изобретательна. В ней М. ведет борьбу с уродливыми явлениями обществ. бытия, и сатира его получает полит. окраску. Объектом ее становится мещанство советского типа, бюрократизм, органы власти и управления, в конечном счете — тоталитарная система. Пьеса **«Баня»** (1929) — финал того процесса сопротивления, обличения, накопления критич. массы, который неизбежно вел М. к столкновению с этой системой. И самый чувствительный удар по ней в наиболее близком М. звене общей структуры — руководстве искусством, испытывавшем мощное идеологич. давление. М. уперся в каменную стену режима, лишавшего лит-ру и искусство воздуха и свободы, и — растерялся.

Такой итог не был неожиданным, хотя М. с огромным поэтич. темпераментом отстаивал идеалы революции в поэмах о В. Ленине (**«Владимир Ильич Ленин»**, 1924) и Октябре («Хорошо!», 1927). Образ революции в них уже не сопрягается с образами «мятежа», «бури», как в раннем тв-ве поэта, он очищен от налета стихийности, он идеализирован, как, несомненно, идеализирован и образ Ленина. В отношении к вождю революции сказались не только особая личная привязанность, потрясение, вызванное его смертью, но и эмоционально выраженное отношение большой массы народа к Ленину в момент прощания с ним. Образ Ленина для М., как и для некоторых др. крупнейших поэтов-современников, был воплощением человеч. и рев. идеала в широком понимании. Как поэт М. решает здесь сложнейшую эстетическую задачу: в биографическую канву — жизнь Ленина — вписать «капитализма портрет родовой». Он призывает на помощь всю ассоциативную изобретательность, чтобы дать поэтическую интерпретацию уроку политграмоты. И в большей части это ему удается. Особенно там, где в сюжет вплетается личная тема. В некот. же местах лиро-эпич. течение поэмы деформируется политич. оголенной хроникой. Но в памяти прочно оседают строки и строфы великолепной чеканки. А в картине прощания с Лениным, в чисто лирич. местах, он «выскакивает» (слово А. Луначарского) из тенет политпросветовской информатики и дает волю чувству,— и вот тут поэзия берет власть над политикой и идеологией. В сплаве хроникального эпоса, политики и лирики складывается жанровая разновидность лиро-эпич. поэмы, стилистика лиро-публиц. монолога, стилистика реквиема (3-я ч.).

«Программной вещью» М. считал поэму «Хорошо!», написанную к 10-летию Октября. Программу ограничивал формальными задачами — «изобретением приемов для обработки хроникального и агитационного материала» (**«Я сам»**). И еще один существенный нюанс: «иронический пафос в описании мелочей» (Там же) — с отсылкой к заключительной главе поэмы. В сер. 1920-х М. уже видел, как на деле искажаются идеи народовластия, утрачиваются идеалы, начертанные на знаменах Октября («Скольким идеалам / смерть на кухне и под одеялом!»). Этим прежде всего и вызвано обращение к истоку — к революции, к героическим и трагическим страницам ее истории. Там он ищет правду, с революцией сверяет путь. Еще в 1924 М. Осоргин заметил, что М. — «певец борьбы на поле вчерашней победы», что он «не поэт данной опричнины». Прозорливое замечание это вполне приложимо к поэме «Хорошо!». К нему можно добавить сказанное М.: «Никогда, никогда язык мой не трепала комплиментщины официальной болтовня». Оптимистический финал поэмы — характерное для поэта забегание вперед. Он не однажды и не очень удачно пытался обозначить идеал своего «города солнца» — это «коммуна во весь горизонт», которая не имела очертаний. Но представление о будущем как о некоем «сытом» рае вызывало протест М.: «Коммунары! Готовьте новый бунт в грядущей коммунистической сытости». В своих фантазиях о будущем он призывал к «революции духа». Поэтому пытался заглянуть вперед

на 50 лет («**Клоп**», 1928), в XXI в. («**Баня**», 1929), собирался показать иск-во через 500 лет. Его обуревало русское нетерпение. На этом фоне заключительная, 19-я глава поэмы «Хорошо!» представляется не просто забеганием вперед а слегка сниженной «ироническим пафосом» попыткой представить некий идеал хотя бы на бытовом уровне. «Иронический пафос» растворился в аккордном звучании, в стиховой энергии 19-й главы. Вопреки замыслу, это придало не только финалу, но и всей поэме праздничную, победительную тональность. Мажорная концовка с ее ударными, врезающимися в сознание строками воспринимается как здравица в честь сов. власти. Увы, той власти, с которой М. уже вступал в конфликт, но которой все-таки продолжал служить, не видя др. пути к достижению идеала.

К сер. 1920-х поэт разочаровывается в «итогах» революции, «ярчайшим днем» для него остается 25 окт. (7 нояб.). Он проговаривается, как ему осточертели заказные агитки. На эти настроения накладывается драматическая развязка его романа с Брик. «Пролетарские писатели» числят М. «попутчиком». Он по этому поводу горько острит: «Но кому я, к черту, попутчик! Ни души не шагает рядом» («**Город**», 1925). М. поставил задачу на полных правах ввести в поэзию «корявый говор миллионов, жаргон окраин». Когда он призывал «дать все права гражданства новому языку: выкрику — вместо напева, грохоту барабана — вместо колыбельной песни...» — то имел в виду прямое воздействие поэзии «на толпы революции» («**Как делать стихи?**», 1926). Свой «Левый марш» и «Двенадцать» А. Блока ставил в пример. Филол. часть задачи — обновление и обогащение поэзии за счет языка улицы — поэт распределил на всю жизнь и отчитался за нее перед потомками (поэма «**Во весь голос**», 1930). «Выкрик» и «грохот барабана» не заменили колыбельной песни, они вплелись в шумовую полифонию времени. И сколько бы ни настаивал М. на том, что «наши перья штык да зубья вил», и как бы ни убеждал, что «битвы революций посерьезнее „Полтавы" и любовь пограндиознее онегинской любви» («**Юбилейное**», 1924), все сравнительные эпитеты меркнут перед светом каждой единственной любви, каждого единственного создания гения.

Размышляя о «месте поэта в рабочем строю», М. неизбежно приходит к мыслям о собств. судьбе, о том, что невозможно упрятать ни в какие декларации, ни в какие лозунги вроде «Лет до ста расти нам без старости...» Появляются щемящие строки о душевной исчерпанности, незащищенности от «бурь... кипенья»: «Все меньше любится, все меньше дерзается...» и «...я уже сгнию, умерши под забором, рядом с десятком моих коллег» («**Разговор с фининспектором о поэзии**», 1926). Звуком дребезжащей струны отозвалось здесь блоковское: «Пускай я умру под забором, как пес...». В стих. «**Умер Александр Блок**» (1921) М. сожалел, что Блок так и «не выбрал», служить ли революции или «стенать над пожарищем» сожженной библиотеки. Итог: «дальше дороги не было». Он еще хранил в душе революционные идеалы, отодвигая их осуществление в «коммунистическое далеко» и завещая потомкам сберечь в памяти образ «агитатора, горлана, главаря». Но, пережив триумф революции, восславив ее вождя и народ, принесший великие жертвы во имя грядущей, справедливой и светлой жизни, поэт разочаровался в ее «итогах». Финал его жизни (самоубийство) стал трагедией разлада между реальностью и верой. Реальность поколебала веру. Впереди М. ждала трагедия ее полной потери. «Дальше дороги не было».

Соч.: ПСС: В 13 т. М., 1955–61; Соч.: В 2 т. М., 1987–88.

Лит.: Шкловский В. О Маяковском. М., 1940; Чуковский К. Воспоминания. М., 1948; Новое о Маяковском // ЛН. М., 1958. Т. 65; Паперный З. Поэтич. образ у Маяковского. М., 1961; Асеев Н. Статьи, очерки, воспоминания // Асеев Н. СС: В 5 т. М., 1964. Т. 5; Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М., 1968; Харджиев Н., Тренин В. Поэтич. культура Маяковского. М., 1970; Перцов В. Маяковский: Жизнь и тв-во. 3-е изд. М., 1976. Т. 1–3; Пицкель Ф. Маяковский: Худож. постижение мира. Эпос. Лирика. Творч. своеобразие. Эволюция метода и стиля. М., 1979; Метченко А. Маяковский: Очерк тв-ва // Метченко А. Избр.: В 2 т. М., 1982; Пастернак Б. Воздушные пути. М., 1982; Альфонсов В. Нам слово нужно для жизни: В поэтич. мире Маяковского. Л., 1984; Катанян В. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд. М., 1985; Чуковский Н. Лит. воспоминания. М., 1989; Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. М., 1990; Михайлов А. Мир Маяковского. М., 1990; Янгфельд Б. Любовь — это сердце всего // В. В. Маяковский, Л. Ю. Брик: Переписка 1915–30. М., 1991; Михайлов А. Точка пули в конце: Жизнь Маяковского. М., 1993; Цветаева М. Эпос и лирика совр. России: Владимир Маяковский и Борис Пастернак // Цветаева М. СС: В 5 т. М., 1994. Т. 5; Творчество Маяковского в нач. XXI в.: Новые задачи и пути иссл. / Редколл. А. Зименков, В. Терёхина, А. Ушаков (отв. ред.), А. Чагин. М., 2008; Янгфеддт Б. Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг / Пер. со швед. А. Лаврушки и Б. Янгфельдта. М., 2009; Млечин В. Из воспоминаний о встречах с В. В. Маяковским: «Как убивали Маяковского» // МК. 2011. 26 авг.

А. Михайлов

МЕДВЕ́ДЕВ Александр Васильевич [3.9.1957, г. Черняховск Калининградской обл.] — искусствовед, лит. критик, прозаик-публицист.

Из семьи крестьян. Отец родился в Орловской обл. в семье ветеринарного фельдшера. После войны семьи матери и отца переселились на пост. место жительства в г. Черняховск вновь образованной Калининградской обл. Детство М. прошло в Черняховске, в1972 семья переехала в Л-д, где М. завершил среднее образование. Тогда же увлёкся живописью и графикой. После службы в армии поступил в Лен. художе-

ственное училище им. В. Серова, кот. закончил в 1981. В дальнейшем до кон. 1990-х занимался изобр. искусством. В 1988 вступил в Союз художников (ЛОСХ), участвовал в городских, зональных, республиканских выставках.

В 1990-х деятельность в обл. изобр. искусства стала М. представляться не вполне отвечающей его внутренним потребностям. Появились новые идеи, кот. требовали иного воплощения. Среди них главное — неудовлетворённость совр. искусствоведением, в частности лексиконом: с одн. стороны, банальным («буйство красок», «заставляет задуматься» и т. п.), с др. — псевдонаучным («современное искусство — это матрица мэйнстрима социо-культурной коммуникации, алеаторного и симулятивного механизма...»). М. обратился к худож. и позднее к лит. критике. Заняться лит. тв-вом его подтолкнули художники, обладавшие писательским талантом, по его признанию, в первую очередь, В. Верещагин и К. Петров-Водкин. Ясность Пушкина, стилистич. крылатость Розанова, ирония О. Уайльда — те осн. принципы, по кот. М. определяет не только худож., но и качественную лит. работу. Выступая в кач-ве теоретика изобразительного искусства, он настаивает именно на его *изобразительном* характере, пост. подчёркивая мысль об опасности «неизобразительных», т. е. абстрактных или абстрактно-экспрессионистских направлений. Так родились в кон. 1990-х кн. **«Похищение Европы»** и ряд ст., опубл. в периодике и различных сб.

В обл. лит. критики М. ориентируется на тв-во писателей Серебряного века — Д. Мережковского, В. Розанова и др., сторонников «фигуративности» в анализе живописи. Подготовка к лекциям по теории композиции открыла для М. новые возможности для его искусствоведческих и литературоведческих изысканий.

В наст. вр. М. тесно сотрудничает с Новой академией изящных искусст (НАИИ) Тимура Новикова. Член СП России с 2003.

Соч.: Белый лебедь. Король Людвиг Баварский (в соавт. с Т. Новиковым). СПб., 2002; Художник как издатель // Тимур Новиков». СПб.-М., 2003; Похищение Европы. СПб., 2005; Аксиомы авангарда // Сев. Аврора. 2007. № 6; Солнечный глаз. СПб., 2008; Ангел и пилот над горизонтом // Сев. Аврора. 2009. № 9; Тв-во, исследования, опыт // Крылов А. Колористич. символизм древнерусской стенописи. СПб., 2011; Предрассветное слово // ЛГ. 2012. № 14.

Лит.: Матвеева А. Александр Медведев. Похищение Европы. Похищение разума // Новая русская кн. 2001. № 3–4, с. 79; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; также см. сайт «Запрещённое искусство»: http://artprotest.org/index.php?option=com_content&view=article&id=2655&chtoto=2011-10-13-05-22-53&catid=2&obvinitelirus&ordering2=2

Г. Муриков

МЕДВЕ́ДЕВ Николай Арсентьевич [28.12.1936, с. Каргалейка Пензенской обл.] — прозаик.

Был моряком, плавал на Балтийском флоте и в Арктике, заочно окончил Мореходное училище (1960).

Член СП России с 1994.

Автор сб. рассказов и повестей: **«В Москву — за справедливостью»** (Л., 1990), **«Отверженные»** (Л., 1991), **«Признан особо опасным»** (Роман; Л., 1991); **«Кривая в бездну»** (Л., 1991), **«В тюрьме сибирской дальней»** (Л., 1991), **«Узник ГУЛАГа»** (СПб., 1991), **«Уголовные»** (СПб., 1998), **«Особо опасные»** (СПб., 2000), **«Ассенизатор»** (СПб., 2005) и др.

Соч.: Избр.: Роман, рассказы. Л., 1991.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

МЕДВЕ́ДЕВ Павел Николаевич [23.12.1891(4.1.1892), СПб. — 17.7.1938, Л-д] — теоретик и историк лит-ры, лит. критик.

Родился в семье служащего Ген. штаба, личного почётн. гражданина Николая Васильевича М. В связи с переездом семьи в Бессарабию поступил во II Кишиневскую классич. гимназию, кот. окончил в 1909. С 1909 по 1914 — студент юридич. фак-та СПб. ун-та, одновременно посещал ряд курсов на историко-филологич. фак-те. С 1911 печ. в спб. газ. и ж. по вопросам лит-ры, искусства и философии.

С 1915 — на фронте Первой мировой войны. Автор цикла воен. репортажей из действующей армии (**«Под кровавой грозой»**) и ст. на лит.-

философские темы. В 1917 в армии вступил в партию эсеров, в 1918, из-за несогласия с политикой руководства, из партии вышел.

В 1917 избран в демократич. Городскую думу и стал посл. городским головой Витебска. После Октябрьского переворота занимался формированием в Витебске профессиональной гуманитарно-интеллектуальной среды, сотрудничал с Шагалом, Добужинским, Малевичем, Малько, выпускал городской ж. «Искусство», по его инициативе работала «Лит. студия». В 1918 организовал витебский Народный (Пролетарский) ун-т, в кот. читал курс русской лит-ры и обва XIX в., издавал «Записки Пролетарского ун-та», создал при ун-те «Об-во свободной эстетики» и семинар по социологии. По инициативе М. и С. Грузенберга возник проект создания в Витебске Ин-та гуманитарных наук и искусств, предс. оргкомитета кот. был избран М. В 1919 в лекторскую коллегию им приглашены философ М. Каган, филолог Л. Пумпянский. В руководимый М. подотдел искусств, где уже работал И. Соллертинский, приглашён В. Волошинов. С 1920 начал общение с переехавшим в Витебск М. Бахтиным. Возникло содружество единомышленников, названное Бахтиным творч. «кругом». В соответствии с программой Ин-та участники «Круга» работали над проблемами новой теории словесного худож. тв-ва. Несмотря на поддержку Луначарского, Ин-т создан не был, но круг едино-

мышленников сохранился и продолжил свою работу в Пг.

В 1922 М. возвратился в Пг., где в том же году вышла его перв. кн. (в обложке Ю. Анненкова) — **«Памяти Блока»**. Он приглашен в Петерб. Передвижной театр Гайдебурова и Скарской. Рук. репертуаром, ред. ж. «Записки Передвижного театра» — не только театрал., но лит.-худож. ж., отстаивающий преемственность петерб. культуры (закрыт цензурой в 1924).

В 1923 избран в Правление пг. отд. Всероссийского СП. Стал ведущ. критиком творч. объединения писателей-«попутчиков» «Содружество», в кот. входили Н. Баршев, Н. Браун, Вс. Рождественский, М. Козаков, Б. Лавренев, И. Оксенов, М. Фроман, А. Чапыгин, Д. Четвериков и др.

В 1925 избран науч. сотрудником ИРЛИ (ПД), где работал над кн. о творч. истории драм и поэм Блока, готовил к изд. его «Дневник» и «Записные книжки», считая необходимым сохранить и защитить культурное наследие Серебряного века. Выход этих кн. в 1928–30 стал значительным событием, а М. — признанным основоположником науч. подхода к тв-ву Блока.

В кон. 1920-х работал в отделе литры Госиздата, куда входило изд-во «Прибой», где, несмотря на арест Бахтина, опубл. его кн. «Проблемы тв-ва Достоевского». Подготовил к публ. роман в стихах Б. Пастернака «Спекторский», подвигнул А. Белого к написанию мемуаров «На рубеже двух столетий».

С 1928 — науч. сотрудник Ин-та истории лит-ры и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), где с В. Шишмарёвым организовал и возглавил секцию социологич. поэтики. Изд. **«Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику»** — итог многолетней работы (этому предшествовали непубл. рукописи — **«Методологические предпосылки истории лит-ры»** и **«Очерки по теории и психологии тв-ва»**, программы курсов лекций по теории лит-ры витебского периода, и ранние статьи 1910-х).

Если спор с формалистами М. вел на науч., а не на полит. основе, о чем свидетельствует, в частности, его отказ выступить на обличительном собрании против формалистов, то он сам, обвиненный в «кантианстве, формализме и других видах самого чёрного мракобесия» А. Фадеевым, в то время рук. РАПП, вынужден был радикально поменять свои академ. планы и методологию. Рукопись **«Социологическая поэтика. Т. 1. Тематика»** осталась невостребованной. Вышедшие позднее **«В лаборатории писателя»** (1933) и **«Формализм и формалисты»** (1934) — отличались от предыдущих публ.

Преподавал в ЛГУ (профессор с 1933), ЛГПИ, Академии искусствознания, Военно-полит. академии им. Толмачёва; читал доклады в ПД, Филармонии, Доме учёных и перед рабочей и солдатской аудиторией, считая просветительство обязанностью интеллигента. В 1937 подготовил к печ. перв. в стране учебник для вузов по русской лит-ре кон. XIX — нач. XX вв. и хрестоматию к нему. Приглашенный в 1936 в Саранск для чтения лекций в Пед. ин-те и избранный куратором этого вуза, он договорился о приёме на работу в ин-т ссыльного Бахтина.

13 марта 1938 в Л-де М. был арестован, конфискован его архив и ряд рукописей. Пущен в размол уже набранный в изд-ве учебник, всё опубликованное подлежало изъятию из биб-к. Письма в НКВД в защиту М. напис. проф. В. Десницкий, Н. Пиксанов, О. Цехновицер, писатели Вяч. Шишков и М. Зощенко. О посл. днях М. сохранилось свидетельство Н. Заболоцкого: «П. Н. Медведев не только сам не поддавался унынию, но и пытался по мере сил подбодрить других заключенных, кот. до отказа была набита камера». Расстрелян. Место захоронения неизв.

Соч.: Памяти А. А. Блока»: Сб. / Сост., предисл. и комм. П. Медведева. СПб., 1922; Пути и перепутья Сергея Есенина. Л., 1927 (в соавт. с Н. Клюевым); Драмы и поэмы А. Блока (Из истории их создания). Л., 1928; О дневниках А. Блока // Дневник Ал. Блока (1911–1913) / Под ред. П. Медведева. Л., 1928; Формальный метод в литературоведении (Критич. введение в социологич. поэтику). Л., 1928 (посл. переиздания: Medvedev P. 2007 [1928]. Formaali metodi kirjallisuustieteessä: Kriittinen johdatus sosiologiseen poetiikkaan, trans. and ed. Tapani Laine and Mika Lähteenmäki. Tampere: Vastapaino; Medvedev P. 2008 [1928]. La Méthode formelle en littérature, trans. and ed. Bénédicte Vauthier and Roger Comtet. Toulouse: Presses universitaires du Mirail); Предисл. // Записные книжки А. Блока / Ред. и примеч. П. Медведева. Л., 1930; В лаборатории писателя. Л., 1933; В лаборатории писателя: Сб. Л., 1971; Проблема жанра [Отрывок из кн. «Формальный метод...»] / Вст. заметка о П. Медведеве Н. Гельфанд // Из истории сов. эстетич. мысли, 1917–32. Сб. / Сост. Г. Белая. М., 1980; Воспоминания об Андрее Белом / Сост. и вст. ст. В. Пискунова. М., 1995; Воспоминания П. Н. Медведева о Н. А. Клюеве // Вестник русского христианского движения (Париж-Н.-Й.-М.). 1995. № 171; Николай Клюев и Павел Медведев: К истории диалога // Николай Клюев глазами современников. СПб., 2005; Формальный метод в литературоведении [Отрывок из кн.] // Эстетич. самосознание русской культуры: 20-е гг. XX в. Антол. / Сост. Г. Белая. М., 2003; Краткие программы курсов по истории русской лит-ры XX в., теории поэзии и прозы, теории худож. тв-ва (1919–20 гг.) на русском и английском яз. // Proceedings of the XII International Bakhtin conference. Jyvaskyla, Finland, 18–22 July, 2005; Статьи о Л. Н. Толстом // Звезда. 2010. № 11.

Лит.: Волошинов В. Марксизм и философия языка. Л., 1929–31; Ермилов В. За боевую творч. перестройку // На лит. посту. 1932. № 4; Фадеев А. Об одном споре всемирно-ист. значения. Заключительное слово на производственном совещании критиков РАПП 29 янв. 1932 г. // На лит. посту. 1932. № 5; Краснов-Левитин А. Лихие годы, 1925–41: Воспоминания. Париж, 1977; Белый А. Письма к П. Н. Медведеву / Предисл., публ. и прим. А. Лаврова // Взгляд. Критика. Полемика. Публикации. М., 1988; Лавров А. Мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого // Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989; Пастернак Б. Письма к П. Н. Медведеву // Пастернак Б. Собр. соч. Т. 5. Письма. М., 1992; Шатских А. Витебск. Жизнь искусства. 1917–22. М., 2001; Brandist, Craig. The Bakhtin Circle. Philosophy, Culture and Politics. London-Sterling, Virginia, 2002; Бахтин М. Беседы с В. Д. Дувакиным. М., 2002; Знаменитые универсанты. Т. II. СПб., 2003; Медведев Ю., Медведева Д. Круг М. М. Бахтина как «мыслительный коллектив» // Звезда. 2006. № 7; Тюпа В. В поисках бахтинского контекста («Записки Передвижного театра») // Дискурс. 2007. № 3–4; Захаров В. Проблема жанра в «школе» Бахтина // Русская лит-ра. 2007. № 3; Медведев Ю., Медведева Д. Труды и дни «Круга Бахтина» // Звезда. 2008. № 7; Васильев Н. Лингвистич. со-

держание книги П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте колл. тв-ва «бахтинского круга» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2 (42); Медведев Ю., Медведева Д. при участии D. Shepherd. Полифония Круга // Хронотоп и окрестности. Уфа, 2011.

МЕ́ЙЛАХ Борис Соломонович [26.6(9.7).1909, г. Лепень Витебской обл. —4.6.1987, Л-д, похоронен на Комаровском кладб.] — литературовед, текстолог.

Окончил школу в Туле. В 1928–30 учился на фак-те лит-ры и искусства МГУ (1931). В том же году зачислен в аспирантуру Ин-та новой русской лит-ры АН СССР (ныне ИРЛИ РАН), где в 1935 защитил канд. дис. по теме **«Лит.-критические взгляды А. С. Пушкина»**, кот. была опубл. в 1937 в виде отд. кн. (**«Пушкин и русский романтизм»**) и в 1938 отмечена перв. премией в конкурсе ЦК ВЛКСМ на лучшую работу среди молодых ученых. В 1939 начал работу над темой «Ленин и русская лит-ра», кот. вылилась в докт. дис. **«В. И. Ленин и лит. движение XIX — нач. XX вв.»** (1944, Ташкент). В 1947 по ее мат-лам опубл. монографию **«Ленин и проблемы русской лит-ры кон. XIX — нач. XX в.»**, за кот. в 1948 был удостоен Сталинской премии второй степ. Кн. выдержала мн. изд. (4-е изд. — 1970).

С 1936–38 — ст. науч. сотрудник ИРЛИ АН СССР, ученый секретарь Пушкинской комиссии. В 1938–49 — зав. Сектором новой русской лит-ры. Член КПСС с 1940. С 1941 — и.о. директора ИРЛИ. В 1942 эвакуирован в Ташкент, где встал во главе Ташкентского отд. Ин-та и одновременно руководил кафедрой русской лит-ры в Среднеазиатском гос. ун-те. После окончания войны вернулся в Л-д.

В 1949–61 — зав. Группой пушкиноведения, в 1961–74 —ст. науч. сотрудник Сектора пушкиноведения ИРЛИ, в 1974 — науч. консультант Сектора новой русской лит-ры. В 1963 — председатель Комиссии по взаимосвязям лит-ры, искусства и науки, организованной при ЛО СП РСФСР. С 1968 возглавлял Комиссию комплексного изучения худож. тв-ва при АН СССР.

Наряду с науч. работой занимался преподаванием. Еще аспирантом, в 1932, читал курс **«Введение в историю искусствоведения»** в Лен. консерватории. С 1936 начал работать в ЛГУ. В 1946 — проф. С 1955 по 1966 — проф. кафедры истории русской лит-ры ЛГУ.

Сфера науч. интересов охватывает русскую лит-ру XIX — нач. XX вв., эпоху А. Пушкина, психологию его тв-ва, изучаемую на мат-лах черновых рукописей поэта, вопросы эстетики, методологии и теории лит-ры: тв-во Пушкина (**«Пушкин и русский романтизм»**, 1937; **«Пушкин и его эпоха»**, 1958; **«Худож. мышление Пушкина как творч. процесс»**, 1962), поэтов-декабристов, Л. Толстого (**«Уход и смерть Льва Толстого»**, 1960, 1979), вопросы эстетики (**«Об эстетич. идеале и эстетич. оценке в худож. лит-ре»**, 1958), поэтики (**«О метафоре как элементе худож. мышления»**, 1948), психологии тв-ва и худож. восприятия (**«Процесс тв-ва и худож. восприятие. Комплексный подход: опыт, поиски, перспективы»**).

Неоднократно был организатором и руководителем всесоюзных пушкинских конф.; в 1974 выступил на заседании ОЛЯ АН СССР с планом создания «Пушкинской энц.», работал в Комиссии по комплексному изучению худож. тв-ва при Совете по истории мировой культуры АН СССР. Чл. ЛО ССП с 1947.

Участник и ред. изд.: «Временник Пушкинской комиссии». Т. 3 (Л., 1937); «Пушкин: Исследования и мат-лы». Т. 2, 4–6 (М.; Л., 1958–69); ПСС А. Пушкина в 16 т. (М.; Л., 1949); ПСС А. Пушкина в 10 т. Т. 4, 6 (М.; Л., 1949–50); «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» (М.; Л., 1966); «История русской поэзии». Т. 1 (Л., 1968) и др. Ред. трехтомного изд. «Соч. Пушкина в стихах» (БП. МС, 1940, 1949, 1954), собр. соч. поэтов-современников Пушкина: К. Н. Батюшкова (1941), В. К. Кюхельбекера (1952, 1959), поэтов-декабристов (1949, 1950) и проч. Составил четыре двухтомных сб. «Русские повести XIX в.», охватывающих период с 1820 по 1890 (1950–57), подготовил четырехтомное изд. «Русские писатели о лит. труде» (1954–56), как редактор и автор участвовал в колл. трудах АН СССР — «История русской лит-ры» (В 10 т. Т. 6. 1941–56), «История русской критики» (1958). Изд. неск. популярных кн. о Пушкине: **«А. С. Пушкин: Очерк жизни и тв-ва»** (1949), **«Жизнь Александра Пушкина»** (1974), **«Талисман»** (1975, 1984). Работы М. фундаментальны, однако несут на себе печать времени, идеологич. и партийных принципов эпохи.

Награжден медалями «За оборону Л-да» и «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.».

Архив: РГАЛИ, ф. 3128.

Соч.: Пушкин и русский романтизм. М.; Л., 1937; Ленин и проблемы русской лит-ры кон. XIX — нач. XX вв.: Иссл. и очерки. М., 1947 (4-е изд., доп. 1970); А. С. Пушкин: Очерк жизни и тв-ва. М.; Л., 1949; Пушкин и его эпоха. М., 1958; А. С. Пушкин: Семинарий. Л., 1959; Уход и смерть Льва Толстого. М.; Л., 1960; Худож. мышление Пушкина как творч. процесс. М.; Л., 1962; Талант писателя и процессы тв-ва. Л., 1969; На рубеже науки и искусства. Л., 1971; Тв-во А. С. Пушкина: Развитие худож. системы. М., 1984; Процесс тв-ва и худож. восприятие. Комплексный подход: опыт, поиски, перспективы. М., 1985.

Лит.: Измайлов Н. Борис Соломонович Мейлах // Русская лит-ра. 1969. № 4; БСЭ. М., 1969–78. Т. 16; Вацуро В. Борис Соломонович Мейлах // Пушкин: Иссл. и мат-лы. Л., 1991. Т. XIV; Список трудов Б. С. Мейлаха по пушкиноведению / Сост. Л. Тимофеева // Пушкин. Исследования и мат-лы. Л., 1991. Т. XIV.

МЕ́ЙЛАХ Михаил Борисович [20.1. 1944, Ташкент] — поэт, литературовед.

Родился в эвакуации. Сын литературоведа-пушкиниста Б. С. Мейлаха, автора ряда исследований по русской лит-ре XIX в. Окончил филологич. фак-т ЛГУ, канд. филол. наук, доктор философии (PhD).

В 1960-е бывал у А. Ахматовой, дом кот. в Комарово находился по соседству с дачей его родителей. В 1964 и 1965 навещал И. Бродского в ссылке. В 1970 защитил канд. дис. по теме **«Язык трубадуров»** и в 1975 опубл. монографию с тем же назв. Занялся изучением тв-ва обэриутов. Подготовил ряд изданий членов ОБЭРИУ, в т. ч. совм. с Вл. Эрлем первое собр. Хармса (Хармс Д. Собр. произведений / Совм. с Вл. Эрлем. Т. 1–4. Бремен: K–Presse, 1978–88), произведения Введенского (Введенский А. Поэтические и философские тексты // Часы. 1977. № 5, 1981. № 31; Введенский А. ПСС: В 2 т. / Совм. с Вл. Эрлем. Анн Арбор: Ардис, 1980, 1984; в Росси — М.: Гилея, 1993) и др.

Стихи М. печ. в ж. «Часы» и «Эхо», газ. «Русская мысль», позднее в антол. «У Голубой лагуны» и др. изд.

29 июня 1983 арестован по обвинению в распространении антисоветской лит-ры, осуждён на 7 лет лагерей (дело было выделено из следственных мат-лов ранее арестованного Г. Донского). Газ. «Русская мысль» опубл. письмо в его защиту за подписью группы изв. писателей-эмигрантов (В. Аксенов, Ю. Алешковский, И. Бродский, И. Ефимов, Л. Лосев и др.). М. отбывал срок в Пермской обл. Освобожден 7 февр. 1987 с началом «перестройки».

«Делу Мейлаха» была посвящ. ст. «Тихие диверсанты: Докум. очерк» (Звезда. 1985. № 3). Авторы ст. — Молотков Г., Орлов Л., последний из кот. был следователем КГБ, кот. вел дело М.

С нач. 1990-х М. жил преимущественно за границей: преподавал литру в различных ун-тах. Публ. стихи в ж. «Знамя», «Континент» и др.

В 1993 подготовил кн. **«Жизнеописания трубадуров»**, в 1994 — поэтич. сб. «Поэты группы "ОБЭРИУ"», в 1999 — кн. произведений Хармса «Дней катырб» (Хармс Д. Дней Катырб: Избр. стих. Поэмы. Драм. произведения. М.: Кайенна; Гилея, 1999). В 1996 стал стипендиатом Фулбрайта в Нью-Йорке.

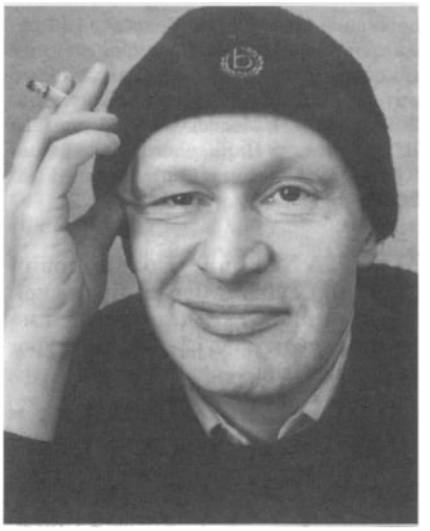
Сейчас живет в Париже, с 2000 — проф. русской лит-ры в Страсбургском ун-те. Сотрудничает в газ. «Русская мысль».

Выведен в качестве гл. героя в романе А. Наймана «Б. Б. и др.».

Соч.: О поэме Александра Введенского «Кругом возможно Бог» // Эхо. 1978. № 2; Стихи // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 2Б; Стихи // Русская мысль. 1985. 21 февр.; Стихи // Знамя. 1993. № 7; Жизнеописания трубадуров. М., 1993; Поэты группы «ОБЭРИУ»: Сб. стих. СПб., 1994; Из книги «Игра в аду» // Континент. 1996. № 60; April is the cruelest month: Поэма // Петрополь. 1996. № 6; Гибель Александра Введенского // Тыняновский сб. Вып. 10. Шестые, седьмые, восьмые Тыняновские чтения. М., 1998.

Лит.: Двенадцать лет заключения — за филологич. работу // Русская мысль. 1984. 10 мая; Лосев Л. Предисл. // Русская мысль. 1985. 21 февр.

Е. Ошарина



МЕ́ЙЛАХС Павел Александрович [26.12.1967, Л-д] — прозаик.

Родился в семье студентов мат.-мех. фак-та ЛГУ. Отец — изв. петерб. прозаик и публицист А. Мелихов. Детство М. прошло под Л-дом, в пос. Рощино, наделившем будущего прозаика запасом жестоких и поэтических воспоминаний, к кот. он в дальнейшем будет пост. обращаться. М. вслед за родителями поступил на мат.-мех. фак-т ЛГУ. По окончании учебы год жил в Израиле, работал по специальности — программистом. Напряженная и одинокая жизнь эмигранта стала еще одним из источников жизненного мат-ла. Вошел в литру с темой нового «потерянного поколения».

Перв. кн. **«Избранник»** (М., 2002), состоящая из четырех повестей, вызвала широкий отклик. Прежде всего обсуждали заглавную повесть, давшую назв. всему сб. В повести «Избранник» рассказывается о переживаниях молодого человека, страдающего от немотивированного ощущения собств. значимости, даже гениальности, ни в коей мере не совпадающего с его реальным жизненным положением, на кот. обречен в совр. мегаполисе человек. Наивно, но совершенно искренне герой М. однажды воскликнет: «Да, я жить не могу. И не хочу. Не гением я себе не нужен». Ю. Рахаева писала об этой кн.: «При том что это, без сомнения, литература высочайшего качества, радостно рекомендовать ее читателям мне не позволяет человеколюбие: пронзительно исповедальная проза, увы, невыносимо депрессивна. Видимо, дело в том, что автор вступил в активную жизнь на сломе эпох, оставшись в период взросления без малейших иллюзий, без уверенности в завтрашнем дне и не обретя ни спасительно наглости, ни уверенности в безнаказанности». Но обладающий огромным лит. опытом

В. Попов услышал в опубл. повестях голос поколения, кот. вступало в самостоятельную жизнь в постперестроечную эпоху: «Герою его не на что опереться, он не может поднять голову и на что-нибудь гордо посмотреть: его сразу же начинает мутить. Фальшь, натужность, корыстность всех мифов современности прочувствованы им с таким же отчаянием, с каким больной чувствует признаки отвратительной болезни. Поколение родителей (успевшее взойти на иллюзии демократии, прогресса) с ужасом смотрит на такого сына. И об отчаянной этой ситуации — его пронзительные, потрясающие повести и рассказы. <...> Думаю, что из всех нынешних писателей Павел Мейлахс наиболее точно изобразил поколение тридцатилетних-сорокалетних, оставленных без идеологии и культуры, страдающих от бессмысленности жизни (все это про тех, кто еще может страдать). Павел Мейлахс написал наиболее точный портрет поколения, и трагедия еще и в том, что поколение это не хочет видеть своего портрета, "упиваясь" совсем другим».

По прошествии времени критик А. Машевский уловил внутр. диалогичность тв-ва молодого прозаика по отношению к произведениям А. Мелихова — исследование симптомов крушения всех и всяческих идеалов, краха индивидуалистич. сознания.

Роман **«Пророк»** (М., 2006) стал серьезным шагом от тонкого психологизма к социально философскому гротеску и фантасмагории. Герой романа — глава совр. пророческой конторы «Мухомор», утоляющий жажду об-ва в грубых «героических» переживаниях, кот. бы не требовали серьезных жертв. «Одурение социально приемлемым образом — цель практически любой религии и философии»,— считает профессиональный пророк, в один и тот же день разговаривающий с мертвым братом, ввязывающийся в пьяную драку, снимающий проститутку, одновременно со всем этим обличающий гуманистич. культуру. Наиболее точно финал этого произведения прокомментировал В. Шпаков: «К финалу книги герой все же примиряется с рутинным измерением жизни, с его не героической, тривиальной подоплекой, с "кишками", кот. он готов полюбить даже больше, чем душу человека. Так что вспоминаются известные слова поэта: Простим угрюмство — разве это / Сокрытый двигатель его?"» (Знамя. 2008. № 3). После публикации «Пророка» о М. стали писать как о сформировавшейся творч. индивидуальности, как о прозаике, «будничный хлеб» героев кот. «боль, но, как правило, это боль за какую-то высокую поруганную мечту» (В. Пустовая). С. Костырко достаточно точно определил аудиторию М.: среднестатистич. читателю не нужен «такой усложненный и рискованный вариант самоидентификации», но предложенный М. тип чтения не утратит актуальности для тех, «для кого культура не набор модной интеллектуальной косметики, а единственная система ориентиров».

Соч.: Избранник. М., 2002; Пророк. М., 2006.

Лит.: Попов В. Два Павла // Знамя. 2001. № 7; Рахаева Ю. Исповедь героя нашего времени // Известия. 2002. 13 мая; Машевский А. Крах индивидуализма, или Конец великой новизны // Звезда. 2002. № 8; Костырко С. Отпавшие // Новый мир. 2002. № 8; Пустовая В. Пророки второй оси // Октябрь. 2007. № 10; Белянский М. Книга на полку // Нева. 2007. № 11; Шпаков В. Сокрытый двигатель // Знамя. 2008. № 3.

Н. Цветова

МЕ́КЛИНА Маргарита Маратовна [15.6.1972, Л-д] — прозаик, эссеист.

Отец — еврей, инженер; мать — русская, мед. работник. Получила муз.-педаг. образование в ЛПУ № 6 в Л-де (1987–91), специальность секретаря-машинистки в ПТУ № 2 при з-де «Электросила» (1991–92); поступила в ЛГПИ им. А. Герцена на спец. «русский язык как иностранный» и в Еврейский ун-т на спец. «иврит и семитские языки» (1992–94). Эмигрировала в США в 1994. Закончила Сан-Францисский гос. ун-т с дипломом «русский язык и литра». По приезду в США работала флаерщицей, клерком в Церкви Сайентологии и грузчицей, библиотекарем в юридическ. фирме, программистом в страховой компании, специалистом в службе технич. поддержки.

Начала заниматься лит. тв-вом в младшем школьном возрасте, посылала рассказы в ж. «Пионер», кот., несмотря на положит. отзывы, были отвергнуты. В послед. годы отказы приходили из ж. «Знамя», «Аврора» и мн. др.

Когда М. уже жила в США, друзья разослали ее тексты по российским редакциям, в результате ее рассказы появились в «Новом ж.» и ж. «Вавилон» **(Особняк, Дом** // Новый ж. 1996. № 7; **Птицы и рыбы** // Вавилон. 1997. № 5). Эти публ. во многом определили писательскую судьбу М., кот. и дальше предпочитала российские изд. эмигрантским. Затем напеч. ритмизованная проза о бомбисте-отшельнике **(Черные мельницы** // Митин ж. 1997. № 55) и экспериментальный рассказ о композиторе Сати и балете «Парад» **(Альбом Альфреда Лесли Сати** // Комментарии. 1999. № 17).

К кон. 1990-х относится заочное знакомство М. с петерб. поэтом Арк. Драгомощенко, из интенсивной электронной переписки с кот. впоследствии родилась кн. **«Год на право переписки»**, вышедшая под назв. **«РОР 3»** в амер. изд-ве С. Юрьенена (FrancTireur Publications, 2008). Драгомощенко заинтересовывает М. постмодернистскими практиками, интернет-возможностями и интернет-эстетикой, кот. сочетаются у М. с модернистскими установками. Тогда же формируется узнаваемый стиль М., в кот. гл. сюжетные события происходят на уровне письма. М. сознательно и последовательно строит свой мифопоэтич. мир, основанный на перпендикулярах к реальности и повышенном внимании к произведениям актуального искусства, вопросах лит. тв-ва и лит. метарефлексии, сплаве всевозможных экзотич. эзотерич. вероучений, связанных с текущей социокультурной ситуацией

и передовыми технологиями. Письмо М. — продолжение традиций интеллектуального андерграунда. По мнению Д. Бавильского, «рассказы Меклиной (на длинные произведения не способной: замес ее письма и без того кажется беспредельно густым, любая миниатюра — бесконечной, будто стихи language school) — извод питерской андерграундной эссеистики. Той, что долгое время группировалась вокруг "Митиного журнала", а сейчас популяризуется бореевской серией "Версия письма"...».

С кон. 1990-х тексты М. появляются на различных сайтах, где их замечают специализирующиеся на литре в Сети критики В. Курицын, М. Фрай, Е. Горный. В 2000-м рассказ **«Текст и гадалка»** о любовной связи между героиней-писательницей и обладающим восточным шармом торговцем картин вызывает дискуссию в интернете. В рассказе виден сплав «текста и жизни», своеобразная автобиогр. подоплека прозы М., в кот. гл. героем выступает лит. эксперимент. Именно «героическое неразличение реального и возможных миров» впоследствии было замечено комитетом Премии Андрея Белого. Однако в 2001 М. входит только в short-list. Вторично выдвинутая на премию в 2003, она получает ее за сб. рассказов **«Сражение при Петербурге»** (НЛО. 2003). Множество текстов в сб. «Сражение при Петербурге» исследует границу между вымышленным и настоящим, фикшн и нонфикшн. Примером тому служит рассказ **«Второе прочтение Борхеса»**, чей гл. герой объявил себя жертвой Холокоста, хотя ни в концлагере, ни на оккупированной территории никогда не был. М. не только показывает человека, настолько уверившего, что он пережил все ужасы войны, что эти ужасы становятся для него подлинными, но и берет прототипом для своего рассказа реальное лицо, кот. фальсифицировало мемуары. Интересно, как М. «подтверждает» достоверность персонажа: наряду с рассказом она помещает в сб. эссе **«Потайная лазейка: памяти детства»**, в кот. та же самая история рассказана языком не прозаика-сочинителя, а собирателя фактов и журналиста. Теме Холокоста посвящ. и повесть **«Образ отца»**, своеобразная теодицея, в кот. героиня сравнивает своего внешне равнодушного, отстраненного, не откликающегося на ее проблемы отца с Богом, не спасшего шесть миллионов евреев во время Второй мировой войны (Урал. 2008. № 4).

В произведениях М. критика нередко отмечает двоемирие, документальность сплетена с художественностью, жизнь зачастую неотличима от текста. К. Кобрин так характеризует стиль М.: «Отправляясь из Петербурга в Сан-Франциско, на тот конец света, М. прихватила с собой не только склонность к беловской ритмизированной прозе, набоковское каламбурное щегольство, но и фирменное питерское двоемирие, двусмысленное, размытое отношение так называемого "вымысла", "литературы" к так называемой "реальности", "жизни"». А. Уланов подчеркивает литературоцентричность прозы М.: «Героиня М. — человек пишущий. Очень пишущий. Текст не оставляет даже в моменты, когда, вроде бы, голова должна кружиться, а крыша — ехать» (Уланов А. Любовь по e-mail). Др. критики заострили внимание на достоинствах малой, фрагментарной, прозы. М. Давыдов отмечал, что «наиболее удачны у Меклиной короткие тексты, своего рода говорные, речевые притчи, будто рождающиеся помимо воли автора, прямо из описания ситуации, из монолога» (Давыдов Д. Монологи и маски.).

Интерес к эротизму и физическим проявлениям, обнаруживший себя в «Сражении при Петербурге», не исчезает и во вт. кн., напис. в соавт. с Л. Юсуповой, **«У любви четыре руки»** (М., 2007). Несмотря на оригинальную тематику центр. повести сб. **«Голубая Гвинея»**, противопоставляющей однополую любовь в Сан-Франциско табуированным культам в Новой Гвинее, М. остается преданной своему стилю, отличающемуся филигранной словесной выделкой и игрой слов.

М. занимается переводами (пер. стихов для антологии новозеландской поэзии «Земля морей» — НЛО, 2005; пер. эссе Г. Давенпорта и Э. Уайнбергера «Собака Перголези» — Митин ж., 2007 и «Бумажные тигры» — М., 2007) и журналистикой (инт. с писателями А. Барикко, В. Ихимаерой и У. Ле Гуин). Пишет для период. Изд. ЛГБТ — ст. о художнице-абстракционистке С. Секуле (**Посвящается Соне** // Pinx. 2008. № 18) — и рассуждает о правах нац. и секс. меньшинств и роли женщины в об-ве (Д. Бавильский).

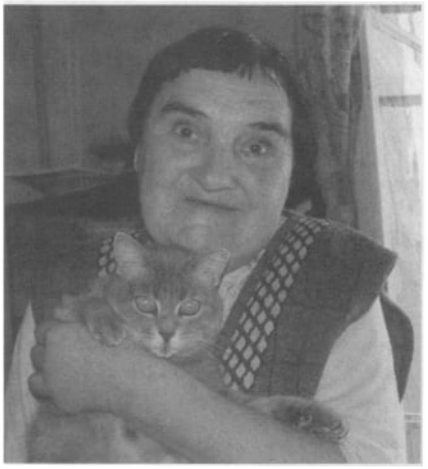
Лауреат интернац. премии «Вольный стрелок» (совм. с А. Драгомощенко, 2009) и «Русской Премии», учрежденной фондом Президента Б. Ельцина и вручаемой русскоязычным авторам, проживающим за пределами России. Ее проза, эссе, статьи и инт. переводились на итальянский и английский яз., статьи и эссе, напис. на английском, появлялись в американской, канадской, новозеландской периодике.

Соч.: Драгомощенко А., Меклина М. Весна на Большой Морской // Петербург. На Невском. 1999. № 5; Астральная охота // Spb.ru. 2000. № 1; Пластмассовый король, дама, поэт // Фрагменты королевства. М., 2002; Какой прошляпили шедевр! // Критич. масса. 2002. № 1; Леонид Цыпкин. Лето в Баден-Бадене // Красный. 2002. № 1; Гаучо по фамилии Герчуноф // Зеркало. 2003. № 21–22; Салман Рушди: Он потерял голову от любви // Красный. 2003. № 1; Красавица // Остров. 2003. № 3; Сражение при Петербурге: Рассказы и эссе. М., 2003; Европейский роман // Зеркало. 2004. № 24; A Maori Writer in Two Worlds // Gay & Lesbian Review Worldwide. 2003. № 1–2; This Magnificent Accident: Interview with Witi Ihimaera // The Contemporary Pacific. 2004. № 16 (2); У любви четыре руки: Рассказы (совм. с Л. Юсуповой). М., 2007; Смерть в воздухе // Новая Юность. 2007. № 4 (79); Заданные числа, неизвестные и свободные члены // Новый берег. 2007. № 18; Образ отца // Урал. 2008. № 4; Год на право переписки (в соавт. с А. Драгомощенко). М., 2011; А я посреди. М., 2011.

Лит.: Бавильский Д. Эйнштейн на пляже // Русский ж. 2001. 16 апр.; Бавильский Д. Госпожа из Сан-Франциско // Топос. 2003. 5 нояб.; Уланов А. Любовь по e-mail // Русский ж. 2003. 28 нояб.; Кобрин К. Маргарита Меклина: Сражение при Петербурге // Критич. масса. 2004. № 1; Давыдов Д. Монологи и маски // Новая лит. карта России <http://www.litkarta.ru/dossier/monologi-i-maski/dossier_5982/>; Урицкий А. Загадки Осокина и др. безнадежности // Знамя. 2004. № 1; Зеленина Г. Любовь (?) без границ // НЛО. 2008. № 91; Дейч Д. Физиология времени: Беседа с М. Меклиной // Букник. 2009. 24 февр.; Бавильский Д. Не о том, о чем нужно: Инт. с М. Меклиной // Частный корреспондент. 2010. 11 апр. Сайт премии Андрея Белого <belyprize.ru>

Д. Бавильский

МЕ́ЛЕХОВА Вера Тимофеевна (в замуж. Зайцева) [30.9.1936, хутор Безымянка Михайловского р-на Волгоградской обл. — 19.1.2014, СПб.] — поэт.



Родилась в рабочей семье. С 1955 жила в Волгограде, в 1960 приехала в Л-д, работала шкипером на барже. В 1962 поступила на филологич. фак-т ЛГУ, но ушла с 4-го курса по причине замужества. Была комендантом общежития, сменила неск. профессий, от продавца бакалеи до бухгалтера в жилконторе. Работала нянькой в яслях, замдиректора интерната, ст. лаборантом в НИИ «Аврора». Принимала участие в создании первых «Метеоров» на подводных крыльях.

Перв. публикация состоялась в 1957 в волгоградской газ. «Молодой ленинец». В СПб. напечаталась впервые в 1997 в сб. «Безумное чаепитие или сухарики Арвентура».

В 1998 вышла перв. кн. стихов **«Внучка Дона»**, в 2000 — сб. стихов **«Настёна»**. С этого вр. регулярно публиковалась в альм. «Молодой Петербург», «Приневье», «Материнское поле», «Гармония», «День поэзии», «Невский альм.»; в сб. стихов и критики «Красивые вещи» (2009). В 2011 принята в СП России (СПб. отд.).

Оставалась одним из верных друзей ЛИТО «Молодой Петербург» с момента его основания (1998). М. проявила себя яркой поэтессой. Выиграла неск. городских поэтич. конкурсов, заняла третье место на фестивале «Петербургские мосты» (2006), являлась обладателем первых мест на различных муниципальных фестивалях, победителем двух слэмов Григорьевской премии, лауреатом премии «Молодой Петербург» (2009).

В 2009 по семейным причинам М. ушла из дома и полтора года скиталась по ночлежкам, из всех вещей перевозя с собой лишь тиражи своих книг, пока наконец не получила комнату в СПб. Доме Ветеранов труда.

Стихи М. сюжетны, реалистичны. Она пишет о простой жизни простым языком, но делает это так зажигательно и ярко, что самые обыденные вещи становятся фактами лит-ры. «Её стихи безыскусны и чисты, в них нет выпячивания собственного я. Хотя казалось бы все её стихи про себя: личная жизнь, дети, возраст, наблюдения. Но в тоже время она видит себя как бы со стороны, ни приукрашивая и сохраняя объективность написанного» (И. Богданов).

Жаркий донской темперамент поэтессы соперничает с холодной финской рассудочностью. На этом стыке рождаются высокие в своей откровенной правдивости строки. Лирич. герой М. — заложник противоположных начал. Две бездны оспаривают его друг у друга, Небо и Земля претендуют на его душу. Но поэт только тогда остается поэтом, когда может устоять на этой тонкой грани, не предпочитая ни один из путей, ибо он проводник между высшими и низшими, пламенными и ледяными, светлыми и темными силами: «Я стою на мосту, / С двух сторон берега. / Манит свет в высоту, / Мраком тянет река».

В крепко сбитой, почти суровой лирике М. аккумулировался ее немалый жизненный опыт. Природное чувство ритма позволяет ей четко удерживать стопы, а звуковое оформление стиха представляется хорошо отлаженным и настроенным: «Смешав огонь и ливень пенный, / Пророк прокатывал металл...» — пишет она о грозе в степи, заканчивая стих. строками: «О, Боже, устояла б наша / Соломенная цитадель...»

Гл. сила поэзии М. — в искренности. Стихи создаются только тогда, когда поэт точно сформировал внутри себя то, о чем он хочет сказать. Под их обличительным ударом находится прежде всего сам автор: «Мы перед Богом будто под стеклом, / Не скрыть дурного даже в тьме кромешной... / Я тоже получила поделом, / Поверив в безнаказанность поспешно». У поэтессы нет попытки оправдания перед собой или другими. Наоборот, делая свой житейский опыт достоянием поэзии, автор принимает на себя весь удар от содеянного.

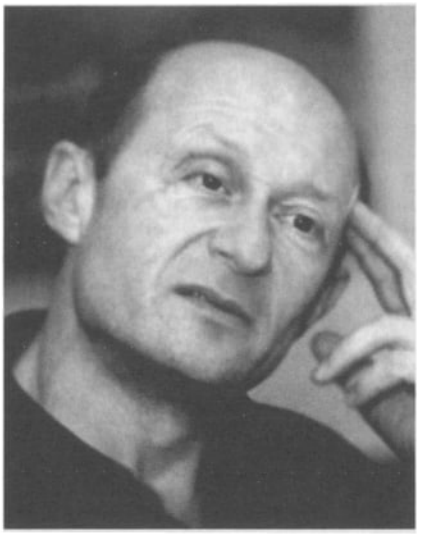
Г. Толмачева в конце 1990-х посвятила М. строки: «Но вслушайтесь в звучание строфы: / Метафора здесь есть и нежный образ. / Для музыки вовеки нет графы, / И в том числе такой графы, как возраст! / И Вера Тимофеевна стоит / Казачкой чернобровой перед вами, / И ограненный стих ее блестит / Печальными янтарными словами».

Соч.: Внучка Дона. СПб., 1998; Настёна. СПб., 2000; Третий мост. СПб., 2010.

Лит.: Ахматов А. Между Небом и Землей // Мелехова В. Внучка Дона. СПб., 1998; Ленин И. Стойкий оловянный третий мост // Молодой Петербург. 2010–2011. СПб., 2011.

А. Ахматов

МЕ́ЛИХОВ (наст. фамилия Мейлахс) Александр Мотельевич (Мотелевич) [29.7.1947, г. Россошь Воронежской обл.] — прозаик, публицист, лит. критик.



Отец — учитель истории и англ. языка, мать — учитель физики. В 1936 отец М. был обвинен в троцкизме, 5 лет отсидел в воркутинских лагерях, потом был выслан в Казахстан (дань памяти отца — роман **«Изгнание из ада»**, вошедший в дилогию **«Тень отца»**).

Среднюю школу М. пришлось окончить заочно неподалеку от места ссылки отца, в Кустанае (1964). В 1989 призер Всесибирской олимпиады по физике М. становится студентом математико-механич. фак-та ЛГУ. С 1969 М. — научн. сотрудник НИИ вычислительной мат-ки и процессов управления ЛГУ, автор более 60 научн. работ, в 1974 защищает канд. дис. на тему **«Стабилизация линейных управляемых систем при наличии неопределенности»**. В **«Автобиографии»** М. напишет: «Математику всегда любил, возвращался к ней после мерзопакостной литературы, будто в чистый дом после зала ожидания» (Писатели России. Автобиографии современников. М., 1998).

Первая повесть **«Весы для добра»** — рассказ о молодом ученом, физике и математике, кот. задумал найти весы, взвешивающие добро и зло, красоту и безобразие, смысл жизни и ее бессмыслицу — была закончена в 1977. Опубл. в ж. «Аврора» только в 1989 из-за неактуальности для сов. читателя исканий гл. героя. Поэтому перв. публ. стал рассказ **«Инцидент»** («Север», 1979; под подлинной фамилией). Это повествование о том, как ничего не случилось с неудачливым, одиноким молодым литератором, кот. на улице нечаянно остановила лихая компания, но, почти сразу же осознав ошибку, отпустила убогого, дав напутствие коленкой. Неслучившееся и становится поводом для мучительной рефлексии персонажа, исследуемой молодым прозаиком. Рассказ интересен и ценен тем, что в нем проявились осн. черты творч. индивидуальности начинающего прозаика: достаточно четко очерчивались контуры традиционного для М. бессобытийного сюжета; возник любимый, почти автобиогр. герой-повествователь, интеллигентская рефлексия кот. стала гл. предметом скрупулезного художественно-психологич. исследования; проявились неспешность повествовательной манеры и пристальное внимание к детали, фиксировавшейся в неповторимой метафоре.

Первый сб. М. **«Провинциал»**, несмотря на удачный журн. дебют писателя, увидел свет только в эпоху Горбачева (1986). ЛО изд-ва «Сов. писатель» включило в него под новым назв. (**«Аванпост прогресса»**) и **«Трактат о бане»**, из-за кот. издание сб. было приостановлено в 1982 Лен. обкомом КПСС.

Широкая известность пришла к М. после публ. **«Исповеди еврея»** (1994, журн. вар. **«Изгнание из Эдема»** // Новый мир. 1994. № 1). А. Житинский, автор предисл. к первому отд. изд. «Исповеди», объяснял ее необычайную популярность «бесстрашием» М., заглянувшего туда, куда «мы предпочитаем не смотреть», подразумевая, видимо, в первую очередь нац. проблему. Но сам М. уточняет: «проблема еврейства — только вход в проблему одиночества, отверженности от чего-то, что неизмеримо мощнее и долговечнее тебя». Совр. читателя в большей степени интересуют поднятые М. проблемы соц. психологии, психологии личности и назначения искусства, худож. тв-ва.

С «Изгнания из Эдема» М. становится «новомирским автором», пользуется пост. вниманием лит. критики, активно публикуется, демонстрируя особую приверженность к романным циклам и «дедуктивный», как скажет А. Кушнер, тип худож. мышления (т. е. способность создавать худож. тексты, отталкиваясь от концепции — Кушнер А. Поздравления // Зарубежные записки. Журнал русской лит-ры. Кн. 11. 2007. № 3).

Критики, безоглядно доверяя давнему признанию писателя в том, что, с его точки зрения, «четкая мысль и сильные чувство несовместимы и исключают друг друга», упорно игнорируют его лирич. дар, категорично относя к создателям совр. «интеллектуальной» прозы, ведущей родословную от Ф. Достоевского, Т. Манна и А. Камю. Сосредоточившись на многопроблемности, особого рода автобиографизме и совершенстве текстовых конструкций, созданных зрелым М., они предпочитают не замечать, что во всех нашумевших мелиховских романах текст держит «уровень энергетики «я» (А. Агеев), повествование представляет собой поток воспоминаний, размышлений героя-идеолога, романтика и мечтателя в юности, грезившего не только и не столько о путешествиях и приключениях, сколько о невероятной любви и исключительных по значимости открытиях. Но страдающий, ищущий, метущийся интеллектуал рано или поздно ради реального дела отказывался от иллюзий. Трагизм его дальнейшего существования определялся тем, что одновременно с этим отказом героя начинало настигать понимание, что спасителями человечества могут стать только «творцы фантомов», что «вся история человечества — история зарождения, борьбы и упадка коллективных фантомов. Причина наркомании, самоубийств, немотивированных преступлений, депрессии, всеобщей подавленности — в упадке коллективных иллюзий» (Мелихов А. **Прагматик лишает мир смысла** // Линия жизни. 2006. 11 март.). Рационалист-романтик М. любит повторять, что видит свою задачу в создании модели человеч. судьбы, суть кот. и есть пульсирование разных вариантов оппозиции, в кот. втягивается человек, живущий в эпоху крушения коллективных фантомов.

В худож. оценке этой эпохи М. свойственна точность, максимализм, даже некот. категоричность, проявляющаяся в неповторимой афористичности, в специфич. семантич. наполнении неизбежных для системно мыслящего интеллектуала ключевых слов — своеобразных констант худож. философии. Так, после горячих дискуссий, вызванных публикацией романа **«Нам целый мир чужбина»**, в публиц. словаре начала третьего тысячелетия появилось понятие «мастурбационной культуры» — культуры, желающей обслуживать только себя, заменившей нацеленность на постижение мира и человека «самовыражением, а деяние — переживанием» (Любовь к отеческим гробам // Новый мир. 2001. № 9).

Скрытой творч. декларацией можно считать избранный прозаиком псевдоним (Мелихов от «Мелихово») — указание на осознанную включенность в чеховскую традицию, кот. проявляется в произведениях М. на уровне отношения к герою и читателю. М. не рыдает в сострадании к своим героям-неудачникам, не сочувствует безоглядно обиженному или униженному народу или человеку только потому, что это народ или человек. М. не романтик, он аналитик, человек реалистич. рассудка, ожидающий, даже требующий от окружающих деяния. Но при всей доходящей до жесткости требовательности, при всем своем так часто декла-

рируемом рационализме М. не способен уничтожить своего героя за проявление сентиментальности.

С др. стороны, даже псевд. писателя амбивалентен: «Мейлах — это переиначенный *мелих*, а *мелих* — это *царь* по-древнееврейски» (**Глумление над собственным отчаяньем** // Вопросы лит-ры. 2000. № 5).

Значительный мат-л для размышлений над творч. и гражданским кредо писателя — его публицистика («ЛГ», «Новое время», «Известия», «Труд»), лит.-критические эссе и статьи, посвящ. не только писателям-современникам, но и мировой классике (Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Некрасову, Шолохову, Свифту, Байрону и др.). Гл. сюжет М. в публицистике — величие и падение сверхчеловека, торжество «проклятой свиньи жизни» над хрустальными утопиями, над гордыми одиночками-творцами, над мужской отвагой и женской преданностью. Но «смысл работы Мелихова именно в том и состоит, что он по своему обыкновению старается разглядеть в кромешной, казалось бы, трагедии и некое плодотворное начало, в крушении мечты — утопии — надежду на возникновение новой мечты» (Гордин Я. Биробиджан — Земля обетованная // Дружба народов. 2009. № 8).

Писатель ведет актив. обществ. работу. Является одним из инициаторов создания в СПб. об-ва «Круг» — организации волонтерской помощи самоубийцам. М. принимал актив. участие в разработке программы школьного курса «Мировая худож. культура» (премия «Серебряное перо» присуждена ему в 1999 «Учительской газ.» за публиц. статьи, посвящ. этой теме).

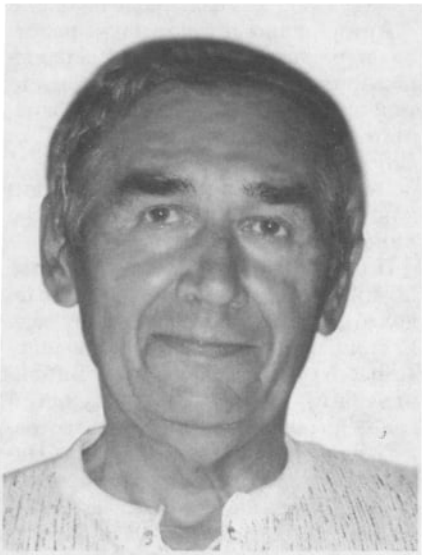
Еще одно направление деятельности писателя — радиожурналистика, где на докум. мат-ле М. продолжает исследование темы противостояния человеч. духа ужасающим обстоятельствам повседневности. Со значительной степенью уверенности можно говорить о том, что публицистика и актив. обществ. деятельность стали осн. способом собирания мат-ла для одного большого романа, кот. М. создает уже четверть века — романа о «пределах *работоспособности* ... рационалистического гуманизма» (А. Агеев).

Соч.: Провинциал. Л., 1986; Весы для добра. Л., 1989; Исповедь еврея. СПб., 1994; Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот. СПб., 1995; Роман с простатитом. СПб., 1997; Эрос и Танатос. СПб., 1998; Нам целый мир чужбина. СПб., 2003; Красный Сион. СПб.-М., 2005; Мудрецы и поэты. М., 2008; Интернационал дураков. М., 2009; Тень отца. М., 2011; Республика Корея: В поисках сказки. СПб., 2011; Дрейфующие кумиры. СПб., 2011; Броня из облака. СПб., 2012.

Лит.: Агеев А. Странствующий гуманист // Знамя. 1997. № 12; Новиков В. Мелихов Александр Мотелевич // Новиков В. Заскок. М., 1997; Немзер А. Отменно тонко и умно // Немзер А. Литературное сегодня. М., 1988; Иваницкая Е. Лишний человек нашего времени // Знамя. 2000. № 1; Сердюченко В. Русская проза на рубеже третьего тысячелетия // Вопр. литры. 2000. № 4; Елагина Е. Силы дарит страсть. Писатель Александр Мелихов — публицист // Зарубежные записки. Журнал русской лит-ры. Кн. 11. 2007. № 3; Семкин А. Посл. романтик эпохи постмодернизма // Звезда. 2010. № 3.

Н. Цветова

МЕЛЬГУНО́В Борис Владимирович [31.3.1939, Сталино (ныне Донецк), Украина — 6.10.2006, СПб.; похоронен на кладб. пос. Лебяжье Ломоносовского р-на Лен. обл.] — литературовед, некрасовед, историк журналистики, текстолог.



Отец — коренной ленинградец, работал директором автомобильного з-да. Мать — учительница-«естественница», обремененная семьей (трое сыновей и две дочери), посвятила себя детям, любила русскую лит-ру и часто наизусть читала им стихи.

В 1940 семья переехала в Горловку, где пережила немецко-фашистскую оккупацию. Детская память М. сохранила воспоминания: «Я помню страшное впечатление во время войны: в дом входят полицейские с собакой. Собака большая, выше меня ростом, я еще был маленький, испугался... Помню мать слегла и не ела, и отец уваривает ей молоко с сахаром, а мы, дети, смотрим... Мы голодные... А молоко ей. Отец понимал, что если матери конец, то и нам всем конец».

В 1956 окончил ср. школу в Горловке (свободно владел украинским яз.) и в 1957 поступил в Высшее военно-морское училище им. Ф. Дзержинского в Л-де, в кот. проучился два года, 1957–59, но заканчивать отказался и был направлен на военно-морскую службу в Таллинн, продолжавшуюся до окт. 1963.

В 1964, работая на воен. з-де электриком, поступил на заочное отд. филологич. фак-та Тартуского ун-та, где на отлично сдал экзамен Ю. Лотману. Однако из-за непременного условия обучения на эстонском яз. в 1965 перевелся на филологич. фак-т ЛГУ им. А. Жданова, кот. окончил заочно в 1971 по специальности «Русский язык и лит-ра». Дипломное соч. **«Повесть Ф. М. Достоевского “Дядюшкин сон” в сопоставлении с комедией И. С. Тургенева “Провинциалка”»**, выполненное под рук. проф. Н. И. Соколова, привлекло внимание оппонента докт. филол. наук В. Е. Ветловской, и высказанные в нем наблюдения и выводы были вскоре использованы в прим. к повести во втором томе академ. ПСС Достоевского. После переезда семьи из Таллинна в Ломоносов преподавал в веч. школах Лен. обл.: в Горбунках, Лебяжьем, Петродворце.

В 1975 был принят на работу в ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), где прошел путь от ст. научно-техн. сотрудника (лаборанта) до д.ф.н., зав. Некрасовской группой.

Печ. начал с 1977 в ж. «Аврора», «Октябрь», «Невский альм.», «Русь», «Север», «Филологич. науки», «Известия АН СССР», но преимущественно в «Русской лит-ре». Обл. его науч. интересов чрезвычайно широка: Некрасов и Панаев, Белинский и До-

стоевский, Тургенев и Островский, Шевченко и Мицкевич, Бенедиктов, Мамин-Сибиряк, Чуковский и даже воспоминания русских крестьян.

Под рук. д.ф.н. Ф. Я. Приймы написал и в 1980 защитил канд. дис. **«Национально-историч. проблематика в тв-ве Н. А. Некрасова»**. 4 мая 1992 защитил докт. дис. **«Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы»**, оппонентами на кот. выступили акад. Г. Фридлендер и д.ф.н. Е. Анненкова и Г. Краснов. Осн. науч. деятельность связана с изданием академ. ПСС и писем Некрасова в 15 т. 22-х кн. (Л., 1981 — СПб., 2000). М. не только участвовал в подгот. текстов и комм. к стихам, поэмам и прозе поэта, но с 1989 являлся членом редколл., а с 1997, в самые тяжелые годы, по сути возглавил изд., будучи зам. гл. ред. Во многом благодаря его подвижнич. деятельности изд. существенно пополнилось новыми текстами поэта и, по верному замечанию литературоведа В. Кошелева, стало памятником Б. В. Мельгунову.

Изд. ПСС Некрасова сопровождалось выходом в свет академ. «Некрасовских сб.», ставших его своеобразным филиалом, где М. принимал актив. участие не только как автор, но и как составитель, член редколл. и отв. ред. томов XIII и XIV, кот. вышел в свет в 2008 уже после его смерти.

В «лихие» 1990-е, в самое трудное и «антинекрасовское» время, когда печататься было негде, М. основал в Ярославле ист.-лит. сб. «Карабиха», сост. и членом редколл. первых пяти выпусков кот. он был. Сб. выходил на обществ. началах. В наст. вр. он стал осн. некрасоведческим периодич. изданием в стране и продолжается соратниками и учениками М.

Значительную лепту М. внес в дело сохранения Гос. лит.-мемориального музея-заповедника Некрасова «Карабиха» под Ярославлем как музея великого русского нац. поэта, а не историко-архитектурного музея дворянской усадьбы XVIII–XIX вв. После ухода перв. директора «Карабихи», выпускника филфака ЛГУ, фронтовика-орденоносца А. Тарасова, к руководству в нач. 1990-х пришли малокомпетентные люди с антинекрасовской рев. концепцией. В знак протеста М. вышел из Ученого совета «Карабихи». Усилиями СП России во главе с В. Ганичевым, Российского некрасовского комитета, Пушкинского Дома и ярославской интеллигенции, координируемыми М., перепрофилирование Музея было остановлено и команде реформаторов пришлось уйти.

В дек. 1999 М. вместе с рядом коллег обратился в Комитет по культуре Администрации СПб. с ходатайством об установлении мемориальной доски на фасаде дома № 36 по Литейному пр. (Музей-квартира Некрасова) А. Краевскому. Предложение было отвергнуто.

Состоял членом Ученых советов ИРЛИ (Пушкинский Дом), фак-та журналистики СПбГУ, Новгородского ун-та им. Я. Мудрого. С 1997 читал лекции по истории русской журналистики и критики, спецкурс **«Основы лит. источниковедения и архивного разыскания»**, рук. бакалаврскими и магистерскими выпускными квалифиц. работами в Ярославском пед. ун-те. В Новгородском ун-те читал курс истории русской журналистики.

Принимал участие в изд.: Д. Мамин-Сибиряк. СС: В 6 т. 1980–81 (комм. к т. 5 т. М.: Наука, 1981); К. Чуковский. СС: В 15 т. (сост., комм. к т. 8–10. М.: Терра, 2004–05); В. Бенедиктов. Стих. Л.: Сов. писатель, 1983 (подг. текста, сост и прим.); Русские писатели. 1800–1917. Биогр. словарь. М.: Сов. энц., 1989 (ряд статей, изд. продолжается).

Автор около двухсот науч. работ. Завершающим трудом М. стала выполненная под его ред. фундаментальная трехтомная «Летопись жизни и тв-ва Н. А. Некрасова» (СПб.: Наука, 2006–09).

Под рук. М. написали и защитили канд. и докт. дис. в Ярославле, в Великом Новгороде, в СПб.

Подводя итог своей деятельности, М. писал в М-ву 29 мая 2006 незадолго до своей кончины некрасоведу В. Некрасову: «В этом году завершаем работу над составлением “Библиографии” (1838–78), следующий год — на редактирование и подготовку к сдаче в издательство. <...> Начали в этом году работу над справочником “Некрасов и его окружение” — на это уйдет года три <...>. Слепну я, дорогой Владимир Филиппович, катастрофически и не знаю, дотяну ли все названные проекты». После смерти ученого названные проекты остались нереализованными. Не из-за того ли, что, как писал М. тому же адресату: «Грустно сознавать, что некрасоведение становится уделом и почти исключительно личной заботой нескольких чудаков».

Акад. Н. Скатов: «Борис Владимирович Мельгунов был редким, особого склада человеком. Он не принадлежал ни к “левым”, ни к “правым”. Он был сам по себе — органичный, предельно добросовестный, выдающийся русский ученый-некрасовед нашего времени».

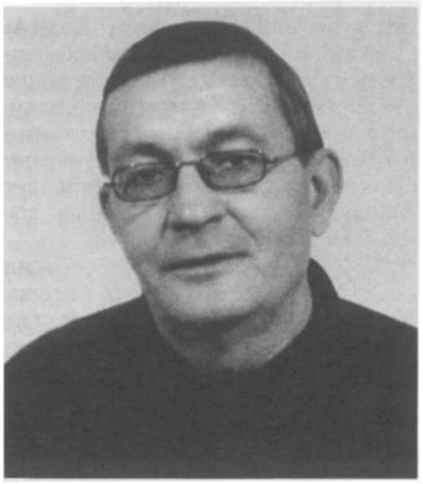
Соч.: Ораниенбаумские дни поэта // Аврора. 1977. № 12; Польша и поляки как нац.-ист. проблема у Некрасова // Przegland humanistyczny. 1979. № 1 (на польском яз.); Некрасов и крестьянская утопия // Русская лит-ра. 1980. № 1; «Герольд коммунизма бессмертных идей...» // Ясенский Б. Человек меняет кожу. Л., 1980; В. Г. Бенедиктов // Бенедиктов В. Стих. Петрозаводск, 1988; Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989; Швейцары в русской поэзии // Русь. 1992. № 1; Некрасов и Белинский в «Лит. газете» (хроника, гипотезы, находки). СПб., 1995; Что происходит в Карабихе // Витрина: Альм. М., 1996. № 5; Жуковский и наследники // Карабиха: Сб. / Сост. Б. Мельгунов. Ярославль, 1997; «Всему начало здесь...» (Некрасов и Ярославль). Ярославль, 1997; Легенда о портрете матери Н. А. Некрасова // Чудовский сб. В. Новгород, 2001; Шепелево — допетербургская воен. столица Петра Великого // Невский альм. 2003. № 3; Некрасов «на повороте к правде» // Русская лит-ра. 2004. № 3; Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг. // Некрасовский сб. Т. XIV. СПб., 2008; Из архива петерб. конторы «Современника» // Там же.

Лит.: Талашов Г. Некрасов-журналист // Лен. ун-т. 1990. № 31 (3257). 19 окт.; Холопов Б. Некрасов у ярославцев // Новый мир. 1998. № 3; Талашов Г. Академич. Некрасов // Невский наблюдатель. 2002. № 1 (7); Пайков Н. Светлой памяти Бориса Владимировича Мельгунова (1939–2006) // Карабиха: Сб. Вып. VI. Ярославль, 2009; Памяти Бориса Владимировича Мельгунова: Сб. мемориальных мат-лов / Под ред. Н. Пайкова и Г. Талашова. СПб., 2010 (в т. ч. обширная библиография М.).

Г. Талашов

МЕ́НЬШИКОВ Владимир Петрович [8.9.1953, д. Кеврола Пинежского р-на Архангельской обл.] — поэт, прозаик.

Родился в учительской семье. Детские годы провел в лесопунктах край-



него севера. В 1962 семья переезжает в г. Волхов Лен. обл. Затем следует служба в армии на Дальнем Востоке и учёба на историч. фак-те ЛГПИ (оконч. в 1978). В 1978–83 преподавал историю и обществоведение в школе рабочей молодёжи Волховского р-на, затем по 1991 — в местном доме культуры. С 1991 живёт и работает в Л-де.

Обратился к лит. тв-ву только в 25-летнем возрасте, начав с ЛИТО при районной газ. «Волховские огни», где появились в 1978 его перв. стихи. Путь в лит-ру был для М. весьма непростым: сказалась тяжёлая атмосфера «застойного» времени и особенности его личной судьбы. Впервые в центр. печ. стихи М. появились только через 10 лет (Уроки правды: Антол. М., 1988). Публ. в альм. «Поэзия» (М., 1988 и 1990); антол. «Поэзия. XX в.» (М., 1999); «Поэзия. XXI в.» (М., 2010) и др. Член СП России с 1993.

Считает себя своеобразным лит. анархистом: «А вообще-то я духовно люмпен, / Дороги мне Маркс, "металл" и секс. / "Ндравится", когда "Лед Зеплинг" влуплен, / оглушая в "кафе-дралке" всех». Однако это не мешает ему считать себя отчасти продолжателем некот. крестьянских и даже пролетарских теч. в русской поэзии, среди кот. Н. Клюев, С. Есенин, Н. Рубцов и др. М. часто называет себя патриотом-язычником и в шутку — «сварожичем», т. е. литератором со «своей рожей».

Среди совр. «новокрестьянских» поэтов очень распространена тенденция, обозначающая возврат к «православному» мировоззрению с присущими ей атрибутами покаяния, исповедальности, а порой и воинственно-религиозной наступательности. М. не таков: его склонность к неоязыческому, «медвежеватому» стилю, как в идейном, так и в чисто стилистич. отношении вызывает в критике зачастую неприятие и даже отпор. Особенно это относится к пристрастию поэта к словесным «народно-этимологическим» изысканиям наподобие «изъятого язычества», «энерго-яза», «техно-яза» и прочих русских «язов» и язвительств. Ирония поэта доходит до «звероисповедания», кот. посвящ. цикл его стихов **«Медвежьи песни»**: «Древнерусски верю / В подлинных богов. / Поклоняюсь Зверю / В близости стогов» (**«К Сварогу»**). В этом контексте следует понимать и его увлечение т. н. «пролетарской» поэзией. Она для М. не партийна (в стиле Жарова или Безыменского), а один из вариантов неоязычества.

Перипетии творч. судьбы поэта, о кот. М. писал так: «Пришёл на площадь, дал с трибуны звону, / Излаял пьяно брежневскую власть, / Топчу понуро сапогами зону / С одною мыслью: как бы не пропасть. / Зачуханным князьком в минуту сию / Окурки собираю на снегу. / Насилуют за вышками Россию, / А я здесь выживаю, как могу» (**«Зона»**) — привели его к мысли о том, чтобы предъявить «иск к тысячелетию». Разумеется, творч. иск. В стихах посл. 10 лет М. не раз повторяет мысль, что с 2000-го начался новый этап в его тв-ве. Он всё чаще обращается к прозе. В вышедшем однотомнике (2009) собраны его выступления, рассказы и публиц. очерки в этом жанре. Они имеют своеобразный двойственный характер, кот. связан с многосторонним: с одн. стороны — полуфантастическим, а с др. — откровенно автобиографическим, почти мемуарным строем повествования. Об этом лучше сказано в стихах: «Во мне, быть может, две души, / А, может, даже семь — в обойме? / Я — еретик, но я не пойман, / Скрываясь в ладожской глуши. / Могу я выстрелить душой, / Поскольку про обойму речи. / Душ, может, как в стволе картечи, / Разлёт, разнос у них большой...» (из цикла **«В начале тысячелетия»**).

В 1996 награждён юбилейной Есенинской медалью, в 2003 — медаль «К 300-летию основания СПб.». Лауреат общероссийских лит. премий им. Б. Корнилова (1997), им. А. Прокофьева (2002).

Соч.: Незащищённые. Волхов, 1991; Оккультная оккупация. Волхов, 1992; Стихи. СПб., 1998; ГОЭЛРО горла. СПб., 2003; Начало тысячелетия. СПб., 2006; СС: В 3 т. СПб., 2009.

Лит.: Исаев Е. Первые итоги // ЛГ. 1989. № 21; Коняев Н. Разрывая пути бездорожий // Лит. Россия. 1995. № 8; Брежнев А. Уцелевшие в огне // Лит. Россия. 1994. № 24; Шилова М. Когда звучат стихи // Вести. СПб., 2002. № 138; Бесперстов В. Энергомуза поэта // Морская газ. 2006. № 80.

Г. Муриков

МЕРЕЖКО́ВСКИЙ Дмитрий Сергеевич [2(14).8.1865, СПб. — 7.12.1941, Париж; похоронен на русском кладб. в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем] — ист. романист, поэт, драматург, переводчик, критик, один из основоположников русского символизма.

Прадед писателя, Федор Мережки, был войсковым старшиной на Украине в г. Глухове. Дед, Иван Федорович, при императоре Павле I служил в Измайловском полку, тогда же он, вероятно, изменил малороссийскую фамилию Мережки на Мережковский. Отец М., Сергей Иванович (1823–1908), имел гражданский ге-

неральский чин тайного советника и служил при императорах Николае I, Александре II и Александре III в канцелярии придворного ведомства. Через 9 месяцев после убийства Александра II вышел в отставку, а после смерти жены (20.3.1889) превратился в «ярого спирита-теософа» (З. Гиппиус). Мать М., Варвара Васильевна (урожд. Чеснокова),— дочь управляющего канцелярией петербургск. обер-полицмейстера. М. родился 7-м ребенком в семье в одном из дворцовых зданий на Елагином о-ве. У него было 5 старших братьев и 3 сестры.

До 16 лет вместе с семьей жил в казенном доме дворцового ведомства, первоначально (с 1784) принадлежавшего инженер-генералу Ф. Бауру, на углу Невы и Фонтанки напротив Летнего сада. На перв. этаже этого старинного дома (пятое и шестое окна на наб. Невы от угла Фонтанки) с кон. марта по кон. окт. 1924 жили две близкие подруги — актриса О. Глебова-Судейкина (б. жена художника С. Судейкина) и поэтесса А. Ахматова. Воспитывался М. в 3-й санкт-петербургской классической гимназии (1875–83; ныне ул. Гагаринская, д. 23). Примерно в 13 лет, подражая «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина, сочинил первое стих. Тогда же написал и перв. критич. ст. — классное сочинение «Слово о полку Игореве».

Перв. стихи напеч. в 15 лет в «Живописном обозрении» — **«Тучка»** (1880. № 40), **«Осенняя мелодия»** (1880. № 42) и **«Завещание»** (1881. № 19). Позднее публ. в «Сев. вестнике», «Русской мысли», «Наблюдателе» и т. д. Отец, поощрявший поэтич. опыты сына, старался знакомить его с лит. знаменитостями. В 1880 он приводит его на посл. квартиру Достоевского, где оробевший М. читает писателю свои юношеские стихи. «Слабо, плохо, никуда не годится,— сказал Достоевский,— чтобы хорошо писать,— страдать надо, страдать!» В это же время М. близко знакомится с поэтом С. Надсоном, а через него с А. Плещеевым, который помог М. опубликовать 4 стих. в «Отеч. записках» (1883. № 11; 1884. № 1). В 1883–88 М. учится на историко-филологическом фак-те Петербургского ун-та. В доме А. А. Давыдовой, издательницы ж. «Мир Божий», он встречается с И. Гончаровым, Я. Полонским, А. Майковым, а позднее — с сотрудниками «Северного вестника» В. Короленко, В. Гаршиным, Н. Михайловским, Г. Успенским. По совету последнего в поисках религиозного смысла жизни М. после окончания ун-та намеревался «уйти в народ» и стать сельским учителем.

Летом 1888 в Боржоми он знакомится со своей будущей женой З. Гиппиус. 8 янв. 1889 в Тифлисе (Тбилиси) в церкви Михаила Архангела М. и Гиппиус были обвенчаны. Этот семейный союз на всю жизнь для них стал одновременно союзом духовно-творческим, в кот. вклад каждого по отдельности подчас трудно определить.

В первом, еще подражательном сб. **«Стихотворения. 1883–87»** (1888) М. стоит **«На распутье»** (1883) в мучительных размышлениях над проблемой существования Бога, личного бессмертия, добра и зла, своего общественного призвания: «И устал я вечно сомневаться! / Я разгадки требую с тоской, / Чтоб чему бы ни было отдаться, / Но отдаться страстно, всей душой. / Эти думы — не мечты досуга, / Не созданье юношеских грез, / Это боль тяжелого недуга, / Роковой, мучительный вопрос». Втор. кн. стихов М. — **«Символы (Песни и поэмы)»** (1892), по оценке Брюсова, «замечательна разносторонностью своих тем. Пушкин и античная трагедия, Эдгар По и Бодлер, древний Рим и Франциск Ассизский. <...> То был первый дар Мережковского на алтарь <...> „вселенской культуры"». «В те времена „символизма" еще не существовало,— отмечал критик М. Лятцкий,— и название книжки казалось странным и даже диким». Позднее, говоря о своем увлечении символизмом, сам автор пояснял, что «под влиянием Достоевского, а также иностранной литературы, Бодлера и Эдгара По, начиналось <...> увлечение не декадентством, а символизмом (я и тогда уже понимал их различие)». «Символизм,— по словам М.,— делает сам стиль, само художественное вещество поэзии одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя». Однако наибольший успех в творчестве раннего М. имела поэма **«Вера»** (Русская мысль. 1890. Кн. 3–4), включенная в сб. «Символы». По этому поводу А. Скабичевский писал: «Нет возможности и сравнивать это произведение Мережковского со всеми предыдущими <...>. Картина увядания и смерти девушки производит потрясающее впечатление и представляет собою нечто давно уже небывалое в нашей литературе».

1889–91 оказались поворотными в жизни писателя. «Смерть матери, болезнь жены и некоторые другие тяжелые обстоятельства <...>,— писал М.,— были причиной того религиозного переворота, который я пережил». Детская вера во Всевышнего, в Творца, пройдя искус отрицания и сомнения, через университетское увлечение разнообразными позитивистскими концепциями стала вновь возвращаться к нему в виде мучительных опытов внутреннего познания. Познать Бога во многом значило для него уже не воспринимать его рассудком, а почувствовать сердцем и полюбить все сотворенное им, даже если оно лежит во зле и грехе (**«Сон»**, 1884; **«Эту заповедь в сердце своем напиши»**, 1894; и др.)

Третий сб. стихов М. **«Новые стихотворения. 1891–95»** (1896) был проникнут ожиданием «нового пророка», «дерзновением» (**«Дети ночи»**), стремлением полюбить жизнь в больших и малых проявлениях (**«Пчелы»**), полюбить жизнь как «вечную игру» (**«То, чем я был»**), измеряя ее «новой», «бесцельной красотой» (**«Голубое небо»**). «Смерть,— констатирует М.,— не убивает, а воскрешает истинную любовь. Тот, кто никогда не сомневался в полном уничтожении после смерти, никогда не любил, потому что любишь не мертвого, а только живого. <...> Способен ли человеческий дух,— спрашивает себя поэт,— на новый и, может быть, на самый великий из подвигов, способен ли он превратить этот беспредельный ужас перед смертью в беспредельную любовь к Богу» (**Записная книжка. 1891**). Именно поэтому его интересуют такие титаны дерзновения духа, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Иов (см. одноименные стих.). В четвертом поэтич. сб. М. **«Собр. стихов. 1883–1903»** (1904) новых стих. оказалось немного (**«Трубный глас»**, **«Детское сердце»**, **«Молитва о крыльях»** и др.). Если в третьем сб.

только теоретически декларировалось желание влюбиться в «демоническую» антиномичность бытия, то здесь мы уже видим попытку пристального вглядывания через собств. жизненный опыт в образцы этой таинственной двойственности («**Двойная бездна**»). В сб. прослеживается и поворот к соборному христианству («**О, если бы душа полна была любовью**», «**Трубный глас**» и др.). Посл. сб. «**Собрание стихов. 1883–1910**» (1910) был повторением сб. предыдущего, за исключением автобиогр. поэмы «**Старинные октавы**». К сер. 1900-х М. постепенно отходит от поэзии, сосредоточивая свой интерес на лит. критике и религиозно-философской публицистике.

Нач. 1890-х было связано с интенсивными переводами М. классиков античной лит-ры — Эсхила, Софокла, Еврипида, кот. публикует как в ж., так и в виде книг. Отд. изд. выходит перевод «Дафниса и Хлои» Лонга (1896; 2-е изд. 1904). Премьера трагедии Еврипида «Ипполит» в пер. М. состоялась 14 окт. 1902 на сцене Александрийского театра. На основе прочитанных в СПб. осенью 1892 двух лекций М. издает книгу ст. «**О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы**» (1893), ставшую по существу первым манифестом русского символизма. В ней шла речь не столько о лит-ре, сколько об отражении через лит-ру, искусство и культуру «нового идеализма», новых религиозно-мировоззренч. тенденций. Формулируя идейно-эстетич. принцип «нового искусства», М. выделяет в нем 3 глав. элемента: «мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности».

Однако широкую не только российскую, но и европейскую известность оригинально мыслящего художника М. приобрел после публикации в «Сев. вестнике» перв. романа «**Отверженный**» (1895; впоследствии «**Смерть богов. Юлиан Отступник**»). Роман о посл. драматич. периоде раннего христианства в лице трагич. фигуры императора Юлиана явился перв. частью трилогии «**Христос и Антихрист**» (1895–1905). Продолжение трилогии — романы «**Воскресшие боги. Леонардо да Винчи**» (1900) и «**Антихрист. Петр и Алексей**» (1904–05). Вслед за перв. трилогией он пишет трилогию «**Царство зверя**» уже на материале исключительно русской истории. В нее вошли драма «**Павел I**» (1908), романы «**Александр I**» (1911–12) и «**14 декабря**» (1918; первоначально «**Николай I. Декабристы**»).

В 1900–05 начинается история «главного» дела Мережковских: происходит формирование неохристианской концепции, создается знаменитое религиозное «троебратство» (М., З. Гиппиус, Д. Философов), задается программа последующей религиозно-общественной деятельности. Исследование «**Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, тв-во и религия**» (1900–02), написанное между вторым и третьим романом трилогии «Христос и Антихрист», явственно отразило вышеупомянутый поворот в религиозных исканиях М. — попытку преодоления демонич. дуализма Земли и Неба на путях по-новому понятого учения Христа о «равносвятости» духа и плоти, о том, что и сам дух не бесплотная святость, а «Святая Плоть». Конец века для М., как, впрочем, и для мн. др. символистов, являлся концом всемирной истории и началом нового апокалипсического, «сверхисторического пути», т. е. религии. Идея создания новой церкви, «нового религиозного сознания» Мережковских во мн. вытекала из параллельно ими разрабатываемой метафизики Любви, с которой неразрывно были связаны понятия Красоты и Свободы как пути развития историческ. христианства от язычества (царства Отца) через «бесплотную святость» одностороннего аскетизма (царство Сына) к единству «Святого Духа и Святой Плоти», к «Церкви Третьего Завета» как царству Св. Духа, «Богочеловека в Богочеловечестве». Постоянный поиск идеальной любви, соединяющей в себе духовное и физическое начало в процессе возрождения божественного, бессмертного плана человеческой личности, является главн. особенностью религиозной метафизики Мережковских. Низшие формы человеческой любви через «влюбленность», по их убеждению, должны преобразиться в формы возвышенные, существенно отличаясь от похоти и просто любви. В 1898–99 Мережковские сближаются с кружком С. Дягилева. В это же время в их кругу появляются В. Розанов, П. Перцов, П. Соловьева, немного позднее — Блок, Белый и Брюсов. В 1901 у Гиппиус возникает идея, тут же подхваченная М., создания Религиозно-философских собраний, своеобразной открытой «встречи», «знакомства» представителей церкви и интеллигенции. Собрания, на кот. председательствовал ректор Духовной академии в Петербурге епископ Сергий (Страгородский) (будущий Патриарх Московский и всея Руси), были разрешены и открыты 29 нояб. 1901. К этому времени Мережковские уже знакомятся со мн. священниками, лаврами, преподавателями Духовной академии, среди кот. наиболее близкие отношения завязываются с проф. В. Успенским и А. Карташевым, впоследствии автором известных богословских трудов и итоговой кн. «Воссоздание Св. Руси». В скором времени у Гиппиус зарождается, а затем и реализуется план издания своего лит.-богословского ж. «Новый путь», в кот., наряду с произведениями А. Блока, В. Розанова, А. Ремизова, Г. Чулкова, Ф. Сологуба, Б. Зайцева и мн. др., печатались отчеты Религиозно-философских собраний. Как сами собрания, просуществовавшие менее полутора лет (до 19 апр. 1903), так и ж., находившийся в руках Мережковских почти два года (дек. 1902–04), представляли собой интереснейшую страницу духовной жизни России нач. века. Они явились тем полигоном идей, на кот. испытывались острейшие проблемы жизни и бытия, были тем местом, где мыслящая интеллигенция страстно размышляла о своем настоящем и будущем. Вдохновленный идеей вселенского преображения России и ожиданием приближающегося «Второго Пришествия», М. в это время казался не только пламенным проповедником, но и порой наст. апокалипсическим пророком. Белый, вспоминая М. начала века, писал: «„Иль — мы, иль — никто!" — восклицал Мережковский, грозяся пожаром вселенной; ходил по Литейному, будто в кармане он держит флакон с эликсиром; глотни — и заплавятся души, тела» (Белый А. Начало века).

Однако уже ко втор. пол. 1905 настроение Мережковских меняется. Собрания запрещены, ж., в кот. они

вкладывали столько души и энергии, из-за безденежья, связанного с русско-японской войной (янв. 1904 — авг. 1905), вызвавшей падение подписки на все издания, фактически с окт. 1904 передан в руки других. Стихийный характер начавшейся революции не предвещал ничего хорошего, скорое ожидание чуда «второго воскресения, Второго Пришествия» также откладывалось. «Вы спрашиваете, как я живу! — сообщал М. в мае 1905 Л. Вилькиной.— Уныло. Можно ли жить иначе во время того, что теперь происходит в России? Это уже не революция, а что-то гораздо более страшное <...>. Тут какое-то стихийное разрушение всего, „из развалин, из пожарищ" — ничего не возникнет, кроме Грядущего Хама» (ЛН. М., 1937. № 27–28). Первые уроки «общественности» — первый «опыт свободы», по позднейшему определению Гиппиус,— связанные с попыткой освобождения человека от самодержавной власти, от «реакционной» Церкви, от погрязшей в «физическом и духовном рабстве» России, во время первого пролога русской революции 1905–07 давались М. трудно. Самодержавие не только устояло, но и стало усиливать борьбу с инакомыслием, а дарованные царским Манифестом 17 окт. «свободы» во мн. оказались призрачными надеждами. В сложившейся ситуации М. в кон. 1905 пишет резкий политич. документ — **«Воззвание к Церкви»**, в котором от лица религиозной общественности, «священников и мирян», открыто призывает всех истинных служителей Церкви к прямому бойкоту светской власти, царя и самодержавия (текст «Воззвания» см. в кн.: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., вст. ст. и комм. В. Кейдана. М., 1997).

Однако крамольное «Воззвание» никто из духовенства подписать не решился. По-настоящему первая попытка Мережковских внешнего соединения с религиозной общественностью и «истинными» служителями Церкви потерпела провал. Но они уже не могли идти рядом ни с самодержавием, ни со сторонниками «исторической» Церкви, ни с обезбоженной социал-демократией. Их собств. путь религиозного обновления жизни окончательно становился иным — от триумвирата и троек своей внутренней домашней церкви, куда входили Т. Гиппиус, Н. Гиппиус, А. Карташев, С. Ремизова, В. Кузнецов, Е. Иванов, А. Белый, А. Мейер и др., к широким массам «религиозной общественности».

Почувствовав на своей родине себя не у дел, Мережковские вновь обратили взор на Европу, где были свежие религиозные веяния, где можно было попытаться найти новых единомышленников, а также испытать триумвират на прочность метафизич. связи. Вот почему 25 февр. 1906 почти на два с половиной года они уезжают в Париж. Однако и здесь Мережковские не только не приобрели себе новых союзников, но стали терять и старых. Собрать вместе со своими единомышленниками «боевой» пропагандистский сб. «Меч» в 2 частях («Самодержавие и русская революция», «Анархия и теократия»), направленный против самодержавно-церковной реакции в России, они так и не смогли. Почти никто из их потенц. союзников (Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Эрн, Н. Лосский, А. Глинка (Волжский), В. Свенцицкий и др.) не захотел в них увидеть настоящих пророков и в силу этого не мог согласиться с сектантской «ересью Мережковских» (см.: Письма Н. Бердяева / Публ. В. Аллоя // Минувшее: Историч. альм. Вып. 9. М., 1992). Видимо, поэтому «троебратство» отказывается от первоначального замысла сб. и выпускает 2 напис. ими во Франции книги самостоятельно. В 1907 на французском яз. выходит сб. публиц. статей **«Le Tzar et la Revolutions»** (**«Царь и революция»**), а в 1908 и пьеса **«Маков цвет»**. С чувством неуверенности и одиночества 11 июля 1908 Мережковские возвращаются в СПб. Несмотря на довольно актив. внешнюю жизнь М. — участие в Религиозно-философском об-ве, редактирование лит. отдела «Русской мысли», издание в 1911–14 одного за другим в обеих столицах полных собр. своих соч. — круг «внутренней» церкви Мережковских почти не расширяется. Более того, и их гл. «трио» с весны 1912 начинает расшатываться. Отношение к войне 1914 еще больше отдаляет Философова от Мережковских (в 1916 на сцене Александрийского театра была поставлена (опубл. в 1917) антивоен. пьеса М. **«Романтики»**), а 1920 их окончательно разлучает.

Несмотря на огромный объем напис. (более 60 томов соч.), наиболее ценную часть творч. наследия М. представляют не романные трилогии, принесшие ему европейскую и мировую известность, не поэзия или драматургия, а лит.-психологич. и религиозно-философские исследования. Уже в ранних своих статьях он пишет о Лонге, Флобере, Руссо, Сервантесе, Кальдероне, Монтене, Марке Аврелии, Ибсене, Гончарове, Майкове, Пушкине и т. д. Многие из этих работ вошли в сб. «Вечные спутники» (1897). Позднее появляются знаменитые исследования «Толстой и Достоевский» (1900–02), **«Судьба Гоголя»** (1903), **«Гоголь и черт»** (1906), такие сб. лит.-философских статей, как **«Грядущий Хам»** (1906), **«Не мир, но меч»**, **«В тихом омуте»** (оба — 1908), **«Больная Россия»** (1910), **«Было и будет»** (1915), **«Зачем воскрес»** (1916), **«Невоенный дневник»** (1917). Им пишутся большие статьи о Достоевском — **«Пророк русской революции»** (1906), Серафиме Саровском — **«Последний святой»** (1907), Лермонтове — **«М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»** (1909). Интровертированность субъективно-критического метода М. со временем заходит так далеко, что изданные им брошюры **«Завет Белинского»** и **«Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев»** (1915), в которых автор пересматривал традиционные представления о русских писателях, вызывают решительный протест со стороны реалистич. крыла критики. Так, Б. Эйхенбаум, отвергая изживший себя рассудочный импрессионизм и «акробатические силлогизмы» М., писал о том, что М.-критик, «как исследователь русской литературы и как ее „тайновидец",— это то, что требует сейчас серьезного, принципиального отпора» (Северные записки. 1915. № 4). Специфика «субъективной» критики М., выступавшего против «холодной, бесстрастной исторической достоверности» критики «объективной», состояла в анализе лит.-ист. эпох и писателей не со стороны их синхронных оценок, а со стороны перспективы большого времени, той метаисторической перспективы, которая лежала

в основе его религиозно-метафизич. концепции.

Если Февральскую революцию Мережковские встретили с неподдельным энтузиазмом, то Октябрь 1917 ими был воспринят как приход «подлинной контрреволюции», «Красного Дьявола», «царства Антихриста». Все последующее время, вплоть до лета 1919, для Мережковских прошло в «пытке надеждой» на скорое падение власти большевиков. Однако когда последняя надежда угасла, они принимают окончательное решение бежать из «России-тюрьмы» за границу. С немалым трудом и унижением получив с помощью М. Горького «мандат» на чтение просветительных лекций о Египте в красноармейских частях, морозным вечером 24 дек. 1919 Мережковские вместе с Д. Философовым и В. Злобиным (секретарем Мережковских) на двух извозчичьих санях с тюками и чемоданами отправляются на Царскосельский вокзал, чтобы сесть в переполненный поезд, идущий на Гомель. Но до Гомеля поезд доехать не смог, и через трое суток пути Мережковские были вынуждены выйти из поезда в прифронтовом городке Жлобине. После недельного в нем пребывания, а затем двух суток пути на санях по снежной пустыне они нелегально перешли русско-польскую границу в р-не Бобруйска. Через 10 дней, проведенных в Бобруйске, они в воинском эшелоне отправляются в Минск, где М. читает несколько лекций об ужасах большевистской России, затем они приезжают в Вильно и, наконец, 3 марта — в Варшаву. Менее года они пребывают в Варшаве, а затем, разочаровавшись в Пилсудском и Б. Савинкове, уже без Философова, навсегда переезжают в Париж. В Париже Мережковские организуют лит.-философское общество «Зеленая лампа» (1927–39), сыгравшее заметную роль в интеллектуальной жизни «первой волны» эмиграции. На собраниях «Лампы» бывали И. Бунин, Б. Зайцев, Г. Федотов, Л. Шестов, Г. Адамович, В. Ходасевич, А. Ремизов, Н. Бердяев и мн. др. Интенсивность тв-ва М. в эмиграции не только не уменьшается, но становится все более напряженной. Он публ. здесь свои посл. историч. романы: **«Рождение богов. Тутанкамон на Крите»** (1924) и **«Мессия»** (1926–27). Вслед за этим М. отказывается от жанра худож.-историч. романа и переходит к своеобразным философско-религиозным и просветительско-ист. медитативным исследованиям, общей целью кот. являлось обнаружение с самых древних времен проблесков и следов религии будущего, религии «Третьего Завета». В этом ключе он создает монументальную всемирно-ист. трилогию **«Тайна трех: Египет и Вавилон»** (1923–25), **«Тайна Запада. Атлантида — Европа»** (1930) и огромный трактат **«Иисус Неизвестный»** (1932). Высоко оценивая 3-ю часть трилогии, Б. Зайцев писал: «„Иисус Неизвестный" волнует читающего, как волновал он писавшего <...>, читатель прочтет с увлечением своеобразнейшую книгу, написанную с некою исступленностью, острую, смелую — в центре которой величайшее Солнце мира» (Наше наследие. 1990. № 3).

В 1929 М. издает философскую биографию **«Наполеон»**. Наполеон в концепции М. — «человек из Атлантиды» и одновременно «апокалипсический Всадник», призванный известить мир о конце «Второго Завета». В 1930 М. совм. с Гиппиус, чтобы как-то поправить свое материальное положение, пишет киносценарий **«Борис Годунов»** (раннее название **«Дмитрий Самозванец»**). Осенью 1934 и в 1936 (апр.-дек.) Мережковские проживают в Италии. Здесь им удалось получить от итальянского правительства часть денег для работы над книгой о Данте. В Риме Мережковские встречаются с Вяч. Ивановым, И. Буниным, А. Амфитеатровым и др. русскими эмигрантами. К весне 1937 книга **«Данте»** была закончена (вперв. изд. в Болонье на итальянском яз. в 1938; на русском яз. в 2 т. в Брюсселе в 1939), и М. приступает к работе над одноименным киносценарием. Во время очередной поездки в Италию (июнь-окт. 1937) достать новую сумму денег на два задуманных проекта киносценариев «Жизнь Данте» и «Леонардо да Винчи» оказалось уже невозможным.

В посл. годы жизни М. приступает к составлению трех агиографич. трилогий, по-новому интерпретированных своеобразных «житий святых»: **«Павел и Августин»** (1936), **«Св. Франциск Ассизский»** (1938), **«Жанна д'Арк и Третье Царство Духа»** (1938). Эти произведения опубл. им под общим назв. **«Лица святых от Иисуса к нам»**. Уже после смерти писателя увидела свет в 1941–42 на французском яз. трилогия **«Реформаторы Церкви»**: **«Лютер»** (1937), **«Кальвин»** (1938), **«Паскаль»** (1939). И незадолго до смерти М. заканчивает свою посл. трилогию **«Испанские мистики»**: **«Жизнь св. Терезы Авильской»**, **«Жизнь св. Иоанна Креста»** (обе — 1939), **«Маленькая Тереза»** (1941). Неоконч. роман «Маленькая Тереза» был посвящ. глубоко чтимой Мережковскими в посл. годы их жизни католической святой, монахине-кармелитке Терезе Лизьеской (1873–97), канонизированной в 1925 и официально являющейся «заступницей и молитвенницей за землю Русскую». Крестный путь ее глубочайших падений, невыразимых мук и страданий, пройдя через которые она обрела истинную любовь не только к Христу, но и к Земле, являлся, по мнению Мережковских, и высочайшим духовным примером святости, и одновременно драгоценнейшим «религиозным опытом» совр. христианства, ведущим просветленные души к «Третьему Завету Трех», к «Соединению Церквей», к грядущей «Церкви Вселенской».

Летом 1941 М. выступил с радиоречью, в кот. сравнил Гитлера с Жанной д'Арк в его непримиримой борьбе с «Красным Дьяволом» коммунизма. На мн. французов, в т. ч. и на русских эмигрантов, эта речь произвела гнетущее впечатление и явилась, по словам Ю. Терапиано, «началом конца Мережковских». Но тот же Терапиано, пытаясь объяснить парадоксальность лит.-философских оценок и поведения М., в т. ч. и заигрывание с Пилсудским и Муссолини, в конечном итоге справедливо писал: «Он ощущал себя предтечей грядущего Царства Духа и его главным идеологом <...> Диктаторы, как Жанна д'Арк, должны были исполнять свою миссию, а Мережковский — давать директивы. Наивно? Конечно, наивно в плане истории, но в метафизическом плане, где пребывал Мережковский, „наивное" становится мудрым, а „абсурдное" — самым главным и важным» (Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа за полвека (1924–74): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк,

1987). Однако надежды, связанные с новоявленной Жанной д'Арк, были недолгими, не только в глазах Гиппиус, осознававшей это всегда, но и в глазах самого М. Гитлер в скором времени становится исчадием ада — «чертом», «клинически помешанным», «бесноватым», а его подельник Муссолини — «тупицей».

Посл. месяцы жизни М. проводит почти в полном одиночестве, в узком кругу близких себе людей, в мучительных размышлениях о будущем своей многострадальной России. Он пытается работать, но воссоздать лик великого праведника-народолюбца, преподобного Серафима Саровского, уже не успел. М. скоропостижно скончался утром в воскресенье 7 дек. 1941, сидя в своем любимом соломенном кресле у плохо разгоравшегося камина.

Религиозная метафизика М., какой бы фантастической она ни казалась сегодня, была органическим миром писателя. Символизм не как способ изображения жизни и бытия, а как ведущий метод интерпретации человека, космоса и истории, был характернейшей чертой как М., так и мн. др. писателей-современников. М. постоянно волновали вопросы онтологии бытия, двойственности и антиномичности, религиозной историософии и христианского символизма. Раскрытие по новозаветным словам «Неведомого Бога» (Деян 17, 22–23) являлось глав. пафосом всей его жизни. Страстный, неистовый поиск Бога Живого сопровождал М. до конца его дней. Воздавая гимн Творцу, еще в молодости, в своем программном стих. «Бог» (1892) он писал: «Пока живу — Тебе молюсь, / Тебя люблю, дышу Тобой, / Когда умру — с Тобой сольюсь, / Как звезды с утренней зарей; / Хочу, чтоб жизнь моя была / Тебе немолчная хвала, / Тебя за полночь и зарю, / За жизнь и смерть — благодарю!» Однако тв-во М., пронизанное идеей будущей вселенской религии, вольно или невольно включало в себя и «прелесть» сектантства, кружковщины, уклонение от ист. Церкви. С этим решительно не могли согласиться ни Бердяев, ни Карташев, ни Флоренский. Последний не принимал в Мережковских и попытку «насильно стяжать Духа Святого. В непременном желании уничтожить времена и сроки», из-за чего, по мнению философа, «они перестали видеть то, что есть у них перед глазами». И все же, несмотря ни на что, высоко оценивая творчество Мережковских в целом, Флоренский, как, впрочем, и Бердяев, и Розанов, объективно отметил, что «в основе „нового сознания" лежит истинная идея». Харизматичность личности М. проявилась и в его незаурядном ораторском даре, о чем говорили очень мн. его современники. «В писаниях Мережковского,— констатировал Г. Адамович,— исключительность его натуры отразилась туманно и бледно. Но иногда от некоторых слов его, от некоторых его замечаний или речей чуть ли не кружилась голова, и вовсе не потому, чтобы в них были блеск или остроумие, о нет, а оттого, что они будто действительно исходили из каких-то недоступных и неведомых другим сфер» (Адамович Г. Мережковский).

Еще в 1907 П. Струве, говоря о М., писал, что он «в плеяде новейших русских мыслителей <...> занимает одно из первых мест» (Русская мысль. 1907. № 2). К наст. искателям и мыслителям отнес писателя в 1921 Вяч. Иванов.

«Сколько одиноких лет,— можно повторить не утратившие своего значения слова Блока,— ждал Мережковский читателей, кот. не перетолковывали бы его по-своему, а болели бы одной с ним болезнью. Теперь только стали его слушать. Слава Богу, давно пора!».

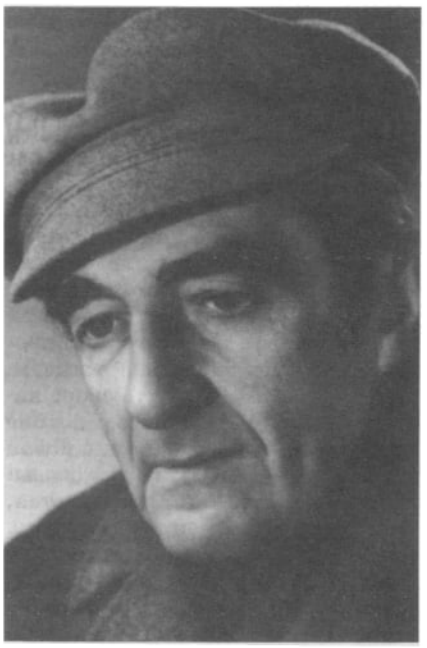
Соч.: ПСС: В 24 т. М., 1914; Маленькая Тереза: Роман. Ann Arbor: Эрмитаж, 1984; СС: В 4 т. М., 1990; Мережковский Д., Гиппиус З. Данте. Борис Годунов. Киносценарии. NY., 1991; В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991; Атлантида — Европа: Тайна Запада. М., 1992; Наполеон. М., 1993; Записная книжка. 1891 г. / Публ. М. Кореневой // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994; Жанна д'Арк. М., 1995; Испанские мистики. Томск, 1997; СС: В 4 т. Тайна Трех. М., 1999; Мессия. Рождение богов: Тутанкамон на Крите: Романы / Вст. ст. А. Лаврова. СПб., 2000; Л. Толстой и Достоевский: Жизнь и тв-во. М., 2000; Драматургия / Вст. ст. и прим. Е. Андрущенко. Томск, 2000; Собр. стих. / Вст. ст. А. Успенской. СПб., 2000; Было и будет: Дневник. 1910–14. Невоенный дневник 1914–16 / Предисл. и комм. Е. Домогацкой, Е. Певак, И. Анастасьевой. М., 2001; Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Комм. О. Коростелева и А. Николюкина; послесл. О. Коростелева. СПб., 2001; Реформаторы; Испанские мистики / Послесл. О. Коростелева. М., 2002; Тайна трех. Египет — Вавилон / Вст. ст. Е. Андрющенко. М., 2005; Вечные спутники: Портреты из всемирной лит-ры. СПб., 2007; «Революционное христовство». Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вст. ст., сост. и комм. Е. Гончаровой. СПб., 2009.

Лит.: Михайлов О. Пленник культуры: О Д. С. Мережковском и его романах // Мережковский Д. СС: В 4 т. Т. 1. М., 1990; Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991; Фриндлендер Г. Д. С. Мережковский и Генрик Ибсен: У истоков религиозно-философских идей Мережковского // Русская лит-ра. 1992. № 1; Соболев А. Мережковские в Париже (1906–08) // Лица: Биографич. альм. Вып. 1. М.; СПб., 1992; Андрущенко Е., Фризман Л. Критик, эстетик, художник // Мережковский Д. Эстетика и критика. М.; Харьков, 1994; Рудич В. Дм. Мережковский // История русской лит-ры XX в. Серебряный век. М., 1995; Федоров В. «Эолова арфа» России: Этапы жизни и религиозно-философского тв-ва Д. С. Мережковского // Вече. СПб., 1997. № 8; Николкжин А. Мережковский Д. С. // Лит. энц. русского зарубежья (1918–40). Т. 1: Писатели русского зарубежья. М., 1997; Дефье О. Мережковский: преодоление декаданса: Раздумья над романом о Леонардо да Винчи. М., 1999; Кумпан К. Мережковский-поэт... // Мережковский Д. Стих. и поэмы. СПб., 2000 (Новая БП); Сарычев Я. Религия Д. Мережковского: «Неохристианская» доктрина и ее худож. воплощение. Липецк, 2001; Быстров В. Идея обновления мира у русских символистов (Д. Мережковский и А. Белый) // Русская лит-ра. 2003. № 3–4; Потапова Г. Д. С. Мережковский «Записки А. О. Смирновой» // Pro memoria: Сб. ст. СПб., 2003; Минц З. Поэтика русского символизма. СПб., 2004; Успенская А. Еврипид в переводах И. Анненского и Д. Мережковского. Единство философского и художественного. М., 2007; Лавров А. Наполеон Неизвестный Д. С. Мережковского // Он же. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007; Зобнин Ю. Д. Мережковский: Жизнь и деяния. М., 2008; Быстров В. Д. Мережковский и З. Гиппиус. Петерб. биография. СПб., 2009; Багно В. Эксперименты Мережковского над вечным спутником (Жизнь есть сон, или Поклонение кресту) // На рубеже двух столетий: Сб. М., 2009; К истории парижского архива З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского. По мат-лам переписки В. А. Злобина с Б. И. Николаевским и М. С. Цетлиной / Вст. ст., подгот. текста и комм. М. Павло-

вой // Русская лит-ра. 2009. № 2; Холиков А. Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб., 2010; Холиков А. Осн. науч. работы о Д. С. Мережковском: Мат-лы к библиографии // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2011. Вып. 2 (24); Холиков А. Мережковсковедение: становление, развитие и совр. состояние // Библиография. 2011. № 4 [В прилож. к ст. приводится список публ. эпистолярного и связанного с ним наследия Д. Мережковского].

В. Федоров

МЕ́ТТЕР Израиль Моисеевич [6.10.1909, Харьков — 8.10.1996, СПб.] — прозаик, мемуарист, сценарист.



Родился в семье мелкого служащего, с 1918 владельца крошечной макаронной фабрики на пятерых рабочих, отчего М. впоследствии получил 5-ю категорию — «сын капиталиста». Окончил ивритскую гимназию Тарбут. Работал монтером. В 1926 поступил в Харьковский ин-т народного образования, на физико-математич. фак-т; в 1929, будучи исключен из ин-та по соцпроисхождению, уехал в Л-д, где жил старший брат, физик. Преподавал математику в веч. школах для взрослых. Недолгое время работал в Урало-Сибирском коммунистич. ун-те им. Ленина (в Свердловске) и в Лен. училище связи (1933–36).

Печ. начал в 1928. Перв. кн. — повесть **«Конец детства»**, рассказывающую о тусклом быте мещанской еврейской семьи накануне Перв. мировой войны,— опубл. в 1936. Напечатанная в 1940 повесть **«Разлука»** затрагивает вечные проблемы воспитания и самовоспитания. Рассказы М. публиковались в ж. «Лит. современник», «Резец», «Огонек».

С нач. Великой Отеч. войны М. становится фельетонистом Лен. радиокомитета, где работает до эвакуации в февр. 1942. В 1942 пьеса **«Наш корреспондент»**, напис. в соавт. с Л. Левиным, поставлена фронтовой группой моск. Театра им. М. Ермоловой, Театром им. Е. Вахтангова и др. В соавт. с Л. Левиным напис. пьесы **«Северное сияние»** (1943) и **«Новое время»** (1947).

В 1952 вышла повесть **«Товарищи»** (об учащихся моск. ремесленного училища). Одна из пост. тем в тв-ве М. — жизнь школьного учителя, его неиссякаемые проблемы: бытовые, социальные, нравственные. Они пристально рассматриваются во мн. повестях и рассказах (**«Директор»**, **«Встреча»**, **«Два дня»**, **«Свободная тема»** и др.). Героям, преданным нелегкому и неблагодарному учительскому делу, противостоят карьеристы и демагоги. Обстоятельность бытописания и психологич. достоверность позволяют автору воссоздать реальную житейскую атмосферу, что делает повествование увлекательным и при отсутствии острой интриги.

Это относится и к ряду повестей о людях, работающих в милиции, опубл. М. в 1960-е. Эти произведения нельзя отнести к популярному жанру детектива, они о повседневной работе сотрудников милиции — тем не менее читаются с живым интересом. Автор близко и в подробностях знает будничную, лишенную героич. ореола жизнь персонажей. Наибольший успех имела повесть **«Мухтар»** (1960), впервые опубл. в «Новом мире» А. Твардовского под назв. **«Мурат»**,— о розыскной собаке и ее деловитом и скромном проводнике. Судьба Мухтара поражает своим трагич. сходством с человеч. судьбой. Мухтар олицетворяет трагедию неблагодарности, предательства тех, кому он верно служил всю свою собачью жизнь. По повести в 1963 снят популярный фильм «Ко мне, Мухтар!» с Ю. Никулиным в гл. роли. По повестям **«Сухарь»** и **«Алексей Иванович»** снят фильм «Это случилось в милиции» (1962). По сценариям М. созданы кинофильмы **«Рядом с нами»** (в соавт. с Е. Катерли, 1957), **«Врача вызывали?»** (1976), **«Беда»** (1978).

Повестям и рассказам М. свойственна почти классич. лаконичность стиля, повышенная внимательность к тому, что называется трагизмом обыденности зачастую абсурдной сов. жизни, безмерная жалость к «униженным и оскорбленным». Потому центр. проблема его произведений — проблема неумолчной совести. М. отнюдь не списывает некрасивые поступки своих отрицательных героев на одно только влияние «среды» либо на тяжелое время. Он словно призывает никогда не забывать о совести, о сострадании, чести, достоинстве.

Особое место в тв-ве М. занимает во многом автобиографич. повесть **«Пятый угол»**, впервые полностью напеч. в 1989 в «Неве» (ранее называлась **«Катя»** и носила более камерный характер). Название повести многозначно: это и «пятая категория» (сын «частника»), по кот. его исключили из ин-та, и «пятый пункт» — национальность — в его анкете, и «пятый угол» — знаменитая страшная пытка в сталинских тюрьмах. Но гл. в повести — мучительная, жгучая страсть героя к Кате, женщине невероятного обаяния, красоты, таланта, заставившая его на долгие годы «ослепнуть и оглохнуть» от любви. Катя погибла в 1949-м, покончив с собой в тюрьме, куда попала по ложному доносу. Повесть получила итальянскую премию им. Гринцане Кавура (1992) по номинации «произведение иностранного автора» и «премию премий» 1993, присуждаемую лучшему произведению из числа получивших разнообразные итальянские премии.

М. принадлежат воспоминания об А. Ахматовой, М. Зощенко, А. Кроне, Ю. Германе, А. Твардовском, О. Берггольц, о суде над И. Бродским. Долгие годы М. работал над **«Поселковыми заметками»** — дневниковыми записями, рассказывающими о жизни поселка Сосново под СПб.

Соч.: Конец детства: Повесть. Л., 1936; Михаил Жаров. М., 1939; Разлука: Повесть. Л., 1940; Товарищи. М.; Л., 1953;

Учитель: Рассказы и повесть. Л., 1954; Первый урок: Повести и рассказы. Л., 1956; Обида: Повести и рассказы. Л., 1960 и 1962; По совести: Повести и рассказы. Л., 1965; Люди: Повести и рассказы. Л., 1968; Разные судьбы: Повести и рассказы. М., 1973; Пути житейские: Повести и рассказы. Л., 1974; Среди людей: Повести и рассказы. Л., 1979; Избр. СПб., 1999.

Лит.: Константинов Н. Первые вещи // Лит. Л-д. 1935. № 42. 14 сент.; Ольгина А. Конец детства // ЛГ. 1936. 10 апр.; Дымшиц А. Конец детства // Резец. 1936. № 11; Войтинская О. О героях в жизни и лит. героях // Известия. 1941. 25 февр.; Козаков М. Молодые рабочие // ЛГ. 1952. 24 мая; Асанов Н. Рассказы в «Новом мире» // ЛГ. 1952. 29 мая; Светов Ф. Личное дело Мурата // Известия. 1960. 28 июн.; Виноградов И. Об «уставных словах» и человечности // Новый мир. 1960. № 12; Виноградов И. Про собаку, кот. любила, чтобы с ней разговаривали уважительно // Октябрь. 1960. № 12; Мунблит Г. Моя милиция // ЛГ. 1960. 14 янв.; Лазарев Л. Доброта // ЛГ. 1961. 2 март.; Крон А. О собаке или человеке // Искусство кино. 1965. № 1; Щеглова Е. Оставаться собой // Нева. 1991. № 3.

Г. Цурикова, Е. Щеглова

МИЗГУ́ЛИН Дмитрий Александрович [10.9.1961, Мурманск] — поэт, прозаик, лит. критик, общ. деятель.

Отец — полярник, участник арктич. экспедиций, мать — врач. Родители были распределены в Мурманск по окончании вузов. Предки из крестьян. Самые распространенные профессии в роду — учителя, врачи, священники и военнослужащие.

М. окончил Лен. финансово-экономич. ин-т им. Н. Вознесенского в 1984 по специальности «финансы и кредит». Служил в армии в Закавказском воен. округе.

К лит. тв-ву обратился ещё в школьные годы, но серьёзно осознал, что это является важной сутью духовного мира человека уже в зрелом возрасте. Перв. публ. — стих. **«Гольфстрим»** (1980) в мурманской газ. «Комсомолец Заполярья», более серьёзными стали публикации стихов в лен. «Смене» (1981) и в ж. «Молодая гвардия» (1984).

Выбрал для себя карьеру экономиста, позже бизнесмена. С сер. 1990-х занимал должность руководителя Морского торгово-промышленного банка, затем ОАО «Инкасбанк». В это время живет и работает в СПб., потом становится президентом Ханты-Мансийского банка и в 2002 переезжает на север, по-прежнему сохраняя связь с СПб. Член Совета Ассоциации российских банков и ряда др. финансовых организаций. Для литератора карьера необычная. Но сам М. охотно ссылается на своего предшественника — коллегу как по банковскому, так и по лит. цеху — ныне полузабытого петерб. поэта В. Бенедиктова, кот. в свое время был директором Гос. заемного банка.

Не порывая связь с лит-рой М. одновременно обучается в Лит. ин-те им. М. Горького (семинар А. Межирова). Поступает туда по настоянию Н. Грудининой, в ЛИТО кот. занимался прежде.

В поэтич. тв-ве М. неразрывны две линии — лирическая и идеологическая, можно сказать, публицистическая. Себя М. определяет как поэта-государственника, кот., заботясь о спасении собств. души, печется о спасении всей России. Своим учителем он считает Ф. Тютчева, кот. немалую часть своей жизни отдал служению государству Российскому. Публицистика, обращенная к заботам сегодняшнего дня, заметна даже в стих., посвящ. ист. тематике: «Пока течёт спокойно время, / Живёт в угаре кутежей / Бездарное, тупое племя / Корыстолюбцев и ханжей» (**«Суворов»**). Позиция поэта-гражданина, восходящая к некрасовской традиции, пожалуй, наиболее близка худож. миру М.

Об особенностях поэтич. тв-ва М. интересно пишет один из его собратьев по перу, говоря, что он «поэт обнаженного смысла. Все выразительные средства он использует для какой-то одной, волнующей его в данный момент мысли, причем, чтобы стихи без особых метафор, звукописи, детализации и многих других вспомогательных средств не выглядели банально, как мне кажется, нужно затрачивать очень много сил» (А. Ахматов).

В опр. степени М. можно считать «советским» поэтом, хотя его первая кн. стихов **«Петербургская вьюга»** (1992) появилась уже после распада СССР. Дело в том, что понятие гражданственности, чести и морального долга для М. не утратили своего значения и в постсоветский период: «Не слушая друг друга, все кричат, / О правоте мечтая повсеместно/ Лишь нищие на паперти молчат / А им, поверьте, многое известно».

Значительную часть тв-ва М. занимает проза. Он написал немало рассказов, в кот. стремился осмыслить не только бытовые моменты жизни, но обращался к значительным социально-психологич. вопросам: «Мы все торопимся, все надеемся на лучшее, верим, что скоро наступит настоящая жизнь, вот-вот она начнется — с новым днем, с новой встречей, с новой любовью, а оказывается — всё не так. Оказывается, наши ожидания — это уже жизнь, и больше, и лучше уже ничего и не будет...» (**«Последние слова»**).

Публицистич. направленность — это и сила, и слабость тв-ва М., поскольку она неизбежно влечет за собой определенную суховатость стиля, некот. лит. «конспективность». Стремление выговорить всё и сразу неизбежно привело писателя к жанру литературоведческих исследований и критич. раздумий о самом методе лит-ры.

Взгляды М. в прямом изложении наиболее ясно отражены в кн. **«Зеркало минувшего»** (1997), кот. включает лит.-критич. заметки о тв-ве русских и зарубежных писателей и философов. В их числе Ф. Тютчев, А. Хомяков, Н. Лесков и Н. Бердяев. Говоря об этих авторах, М. как бы невольно примеряет их творч. позиции к своей собственной. В заметке о Н. Лескове (**«Два рассказа на**

один сюжет») он пишет: «Художественная правда выше правды жизненной, она обладает большей обобщающей силой и поэтому более приближает к истине, к истории».

М. обращается к вопросам веры. В его стихах, прозе и критике сильны мотивы богоискательства: «...дыханье свободы и Бога / на мгновенье тебя посетит».

В наст. время М. находится в расцвете своего тв-ва, охватывающего самые разнообразные жанры, и пока нельзя утверждать, что он склоняется к одному, строго опр. выбору, кроме безусловно заявленного: приверженности к лит. традиционности, стремления к отчетливо обозначенной гражданской позиции и православной духовности. Сам М. выразил свою позицию афористически, сказав, что у нас лит-ра — это «школа нравственности». Этим правилом он и руководствуется в своем тв-ве.

Произведения М. публикуются в ж. «Звезда», «Лит. Азербайджан», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Российский колокол», «Юность», еженедельниках «Лит. Россия», «ЛГ» и др. Книги М. переведены на французский, чешский и украинский яз.

Лауреат премий им. Д. Мамина-Сибиряка (2004), «Петрополь» (2005), премии ж. «Наш современник» (2006), «Традиция» (2007), премии им. Б. Корнилова (2008), им. А. Ахматовой ж. «Юность» (2011) и др. В 2011 награждён Орденом Дружбы.

На стихи М. напис. романсы композиторами Е. Кожуховской, Е. Казановским и др. Лауреат международного конкурса «Весна романса» (СПб.).

Член СП России, акад. Петровской АН и искусств, Российской Академии естеств. наук.

Занимается активной лит.-общ. деятельностью, является президентом лит. фонда «Дорога жизни», издателем одноименного альм. совр. прозы и поэзии, оказывает содействие изданию альм. «Молодой Петербург» и ж. «Второй Петербург».

Соч.: Петербургская вьюга: Сб. соч. СПб., 1992; Три встречи: Рассказы. СПб., 1993; Зимняя дорога: Сб. стих. СПб., 1995; В зеркале минувшего: Лит. заметки. СПб., 1997; Звезд васильковое поле: Стих. СПб., 2002; Скорбный слух: Стих. 2-е изд. СПб., 2002; О чем тревожилась душа: Стих. Очерк. СПб., 2003; Две реки: Книга стих. СПб., 2004; География души: Избр. стих. 1979–2004. М., 2005; Избр. соч. М., 2006; Движение души. Ханты-Мансийск, 2006; Духов день. Екатеринбург, 2006; Как будто жизнь ещё не начиналась: Стих. 2003–08 / Сост. и послесл. А. Романова. СПб., 2009.

Лит.: Соколов М. Свидетели живые // ЛГ. 1984. № 14. 4 апр.; Ахматов А. «Такие простые слова»: [О кн. Д. Мизгулина «Скорбный слух»] // Срез. СПб., 2001; Седых Г. «Я высказаться тороплюсь...» // Мизгулин Д. Две реки. М., 2004; Петров В. Стяжание слова и духа // Мизгулин Д. География души. М., 2005; Куняев С. Послесл. // Наш современник. 2006. № 9; К высоким небесам: Сб. статей о тв-ве Д. Мизгулина. Ханты-Мансийск, 2008.

Г. Муриков

МИ́ЛЬЧИК Исай Исаевич [28.4.1879, Астрахань — 20.9.1938, Л-д, расстрелян] — прозаик, мемуарист.

Родился в бедной многодетной семье. Сын николаевского кантониста. Образование низшее, самоучка. Пережил холерный бунт в Астрахани. Трудился с 11 лет — сначала мальчишкой крутил колесо динамо-машины в токарной мастерской, позже работал на нефтяных приисках в Баку, на судоремонтном з-де в Н. Новгороде, телефонной фабрике в Пг. Частые перемены работы были связаны с необходимостью скрываться от полиции: М. с юности занялся рев. деятельностью. Не раз сидел в тюрьмах — Астраханской, Нижегородской, Бакинской. В 1905 отбывал годичную ссылку в Оренбурге. Был членом РСДРП, затем партии социалистов-революционеров. С янв. 1917 — активный член Пг. городской думы от партии эсеров. Накануне октябрьского восстания пришел в Пг. совет к Троцкому, надеясь убедить большевиков не выступать. Сын М. в ст. о нем пишет: «В ответ Троцкий пригрозил распустить Думу. А когда начался переворот, вечером 25 октября он (М. — *Е. Щ.*) возглавил другую думскую группу, кот. направилась на крейсер „Аврора" и в Зимний дворец „в целях предотвращения кровопролития", однако через толпу матросов им пробиться не удалось». В 1919 арестован Петроградской ВЧК. После революции участвовал в создании Комитета обществ. безопасности, созданного для «охраны прав гражданина и человека» вне зависимости от его классовой принадлежности. В ВКП(б) вступил в 1924, участвовал в организации об-ва политкаторжан, распущенного в 1935.

Перед арестом работал на лен. з-де «Русский дизель» зам. директора. Мимо него, разумеется, не могло пройти то страшное, что творилось со страной в целом и с крестьянством в частности. Сын М. приводит записи из его следственного дела: «Мы считали, что коллективизация — это политика насилия над крестьянством, кот. неизбежно приведет страну к разорению и нищете»; «своей политикой большевики довели страну до абсолютного голода...».

В лит-ру сначала вошел как мемуарист. Написал кн. воспоминаний о событиях февр. 1917 в Пг. («**Рабочий февраль**», 1931), затем — о своем давнем знакомце Я. Свердлове («**Комсомолу о Якове Михайловиче Свердлове**», 1931). Значительный интерес представляет его обширная мемуарная кн. «**За Николаевским шлагбаумом**» (1933), где он описал и холерный бунт в Астрахани, пережитый им в детстве, и свое обучение в токарной мастерской. Перед читателем предстают кипящая жизнь революционеров Астрахани, Тифлиса, Баку, Армавира, работа Пг. организации РСДРП в годы Перв. мировой войны, деятельность социал-демократов в Н. Новгороде. Вошел в кн. и мат-л о бундовцах, об отд. представителях марксистской интеллигенции, с кот. автору довелось работать.

В нач. 1930-х приступил к работе над своей перв. худож. кн. — во многом автобиографич. повестью для детей «**Степкино детство**» (первоначальное назв. — «**Завтра — бунт!**»). В рабочей тетради записал: «Работа над этой книгой — мое душевное убежище». «Степкино детство» — увлекательная, умело и щедро написанная кн. о детстве мальчишек-бедняков на окраине многонациональной, пестрой, шумной Астрахани. В этой кн. М. полностью раскрепостил сидевшие в нем яркие, но тяжелые воспоминания — и о проклятом колесе, кот. они с напарником, таким же мальчишкой, крутили и крутили без конца в трижды проклятой ими то-

карной мастерской, и о том, как на речке Шайтанке злой будочник, городовой Ларивошка нещадно гнал их из воды, не разрешая купаться и грозя забрать в участок. И про то, как он же, Ларивошка, откровенно заискивал перед барчонком Юркой, вовсе не думая гнать его из той же самой речки.

Рукопись М. принес в Лендетиздат, решив узнать, не заинтересуется ли ею редакция. Работавшая там Л. Чуковская вспоминала автора: «Это был уже пожилой человек, с огромным жизненным опытом... Крупный, осанистый, плечистый человек, с уверенным, звучным голосом и уверенными движениями небольших, мозолистых, сильных рук». Но кн. не суждено было тогда встретиться с читателем. Рукопись ее сохранилась чудом — благодаря поистине подвигу его вдовы, сумевшей ее спасти и сберечь в воен. и блокадные годы. Незаконченная повесть увидела свет лишь в 1966, но, к сожалению, без предисл., которое написала для этого издания Л. Чуковская. Оно было снято из-за упоминания о гибели М. В письме директору изд-ва она написала: «Новым поколениям людей... необходима правда о том, как И. И. Мильчик, замечательный писатель и мой большой друг, <...> в пору сталинских зверств был загублен, убит — вместе с миллионами других неповинных людей...». Очерк Л. Чуковской не напеч. до сих пор.

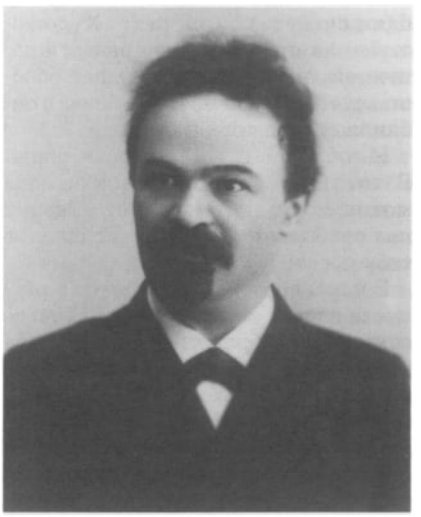
Соч.: Комсомолу о Я. М. Свердлове. М.; Л., 1931; Рабочий февраль. 1917 год в Петрограде. М.; Л., 1931; За Николаевским шлагбаумом: Воспоминания / Предисл. Б. Позерн. Л., 1933; Степкино детство. Л., 1966.

Лит.: Мильчик М. И. И. Мильчик // Лен. мартиролог. 1937–38. СПб., 2010. Т. 10; Чуковская Л. Процесс исключения. М., 1990.

Е. Щеглова

МИН Евгений Миронович (наст. фамилия Минчиковский) [1913, Иркутск —1983, Л-д] — прозаик, театровед, критик.

Автор новелл. Изв. его произведения в жанре лирико-философской миниатюры. Его перу принадлежат лит. сб. **«Обыкновенная муза»**, **«Пятое колесо»**, **«Сиреневая звезда»**, **«Ценный подарок»**, **«Шестое чувство»** и др.



Публ. в газ. «Рабочий и театр», «Лен. правда» и др.

Брат писателя Аркадия Мироновича Минчковского.

Соч.: Молодые москвичи. «Закон Ликурга» в Московском рабочем худож. театре // Рабочий и театр. 1935. № 9. Май; «Как закалялась сталь» (Спектакль Лит. театра) // Ленинградская правда. 1937. № 53. 6 март.; Другие времена: Юмор. рассказы, Л., 1978; Обыкновенная муза: Житейские истории и сказки для взрослых. Л., 1982; Ценный подарок: Житейские истории и сказки для взрослых, Л., 1988.

Лит.: Масанов И. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и обществ. деятелей: В 4 т. Т. 4. М., 1960.

МИ́НСКИЙ Николай (наст. имя Николай Максимович Виленкин) [15(27).1.1856, с. Глубокое Виленской губ. — 2.7.1937, Париж] — поэт, драматург, переводчик, публицист.

Родился в небогатой еврейской семье. В 1875 окончил с золотой медалью минскую гимназию. В том же году поступил на юридический фак-т СПб. ун-та; успешно завершив курс в 1879, получил степень канд. прав. Но карьера юриста не привлекала М. Печ. начал в 1876, опубликовав стихи в «Ж. русских романов и путешествий», в газ. «Новое время» (**«Сон славянина»**).

Характеризуя творч. судьбу М., Блок отмечал: «...стихи его захватывают несколько эпох, в них отразилось безвременье не только восьмидесятых и девяностых годов, но и годы русской революции, а душа поэта прошла как будто путь еще длинней и радостней — от "гражданских песен" до "песен любви", от Надсона до Вл. Соловьева» (Блок А. СС: В 8 т. Т. 5). Народнические мотивы, связанные более всего с поэзией Некрасова и Плещеева, нередки в ранней лирике М. (поэма **«На родине»**, стих. **«Наше горе»**, **«В деревне»**, **«На чужом пиру»** и др.), но прав был критик С. Андреевский, утверждая, что либерализм молодого поэта носил скорее общечеловеч. характер. Оценивая позднее свои перв. произведения, М. писал, что в них выразилась боль «сгорания... на костре любви — к народу, к человечеству...» (**«О себе»**, 1922). Довольно широкую известность обрела напеч. в подпольной газ. «Народная воля» драматич. поэма М. **«Последняя исповедь»** (1879), которая нашла отражение в картине И. Репина «Отказ от исповеди перед казнью» (1879–85). Поэма напис. в форме диалога между приговоренным к казни юношей-революционером и священником, пришедшим в каземат со словами прощения и утешения. Осужденный в ответ «кается» в том, что он горячо полюбил «бедных и голодных», что не считал добро «несбыточною сказкой», что «к врагам народным всю жизнь пылал священною враждой», что, «родившись меж рабами», хочет умереть свободным. Гневно обличая «Божьих слуг», кот. «с сильнейшими в союзе», он отказывается просить прощения у Всевышнего.

Тираж перв. сб. М. **«Стихотворения»** (1883) был почти полностью

уничтожен по требованию цензуры за «тенденциозное содержание» (кн. вышла лишь в 1887). Была запрещена к распространению и поэма **«Гефсиманская ночь»** (1884) (за искаженное изображение посл. дней жизни Христа).

В сер. 1880-х в мировоззрении поэта произошел перелом. В 1884 он опубл. в киевской газ. «Заря» ст. под названием **«Старинный спор»**, ставшую едва ли не первой декларацией русского модернизма. М. выступил поборником «вечного и чистого» искусства, творимого свободным от злобы дня художником. Эта ст. во многом предваряла идеи нарождавшегося в России символизма: культ эстетики, индивидуализма, «мысль об искусстве как преображении мира» (З. Минц). В эти годы в сознании М. пост. начинает складываться его философская доктрина «мэонизма» (от *греч.* «мэон» — «небытие»). В основе ее лежали мистич. идеи постижения тайны Бога, которая остается вечной загадкой, стремления к «невозможному», бесконечному миру. Тяготение личности к «несуществующему», запредельному обусловлена, по представлениям М., не только разочарованием в реальной жизни и земных идеалах, но и тем, что человек подспудно стремится преодолеть бытие во имя призрачного инобытия. Своеобразное поэтич. выражение эти идеи получили в стих. **«Как сон, пройдут дела и помыслы людей...»** (1887), кот., по мнению Блока, может быть поставлено наряду с лучшими стихами современников М. — Фофанова, Мережковского, З. Гиппиус: «ведь "жажда святынь, которых нет" — лозунг целой большой эпохи...». По словам Блока, эти стихи «полны глубокой и успокоенной грусти, полной разочарованности в земном и тоски по неземному». Новое миросозерцание М. нашло философское обоснование в кн. **«При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни»** (1890): «Пусть бесконечности нет, но стремление души вырваться из оков конечного — это стремление бесконечно». Это были, по позднейшему признанию М., поиски «храма над пустотой». То, что происходило в тв-ве поэта на рубеже 1880–90-х, он декларативно выразил в стих. **«Посвящение»**: «Я цепи старые свергаю, / Молитвы новые пою». В это время определилась позднейшая репутация М. как «отца русского декадентства». «...Для молодежи 90-х годов имя Минского, как и его сверстника и соратника Д. Мережковского, было бранным кличем,— вспоминал Брюсов. — Минский и Мережковский первые попытались сознательно усвоить русской поэзии те темы и те принципы, которые были отличительными чертами получившей в то время известность и распространение "новой поэзии"» (Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. М., 1990).

В 1890-е М. — автор и сотрудник ж. «Сев. вестник», где были напечатаны его поэмы **«Свет Правды»** (1892), **«Город смерти»** (1894). Поэмы В. Брюсов относил к лучшим произведениям М., отмечая оригинальность замысла, сжатость, стройность построения.

М., однако, не довольствовался отвлеченным философствованием и «чистым искусством». Его влекло к тому, что тогда называли «религиозной общественностью». В 1901 он выступил одним из инициаторов петерб. Религиозно-философских собраний (1901–03), призванных обсудить с духовенством важные религиозные вопросы. М. принял также близкое участие в ж. Мережковских «Новый Путь» (1903–04), связанном с Религиозно-философскими собраниями.

В 1905 в судьбе М. произошел «внезапный обрыв», когда им целиком завладели текущие события. Он пережил всплеск революционных настроений, мечтая об органичном «союзе интеллигенции и рабочих». Он сделался «бардом социал-демократии» (Ю. Айхенвальд), вновь обратившись к «гражданской» поэзии. Наибольшую известность получил его **«Гимн рабочих»** («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..»), кот. Блок назвал «безвкусной и трескучей рабочей Марсельезой». Сблизившись с социал-демократами, М. стал редактором-издателем большевистской газ. «Новая жизнь». Объясняя позднее этот эпизод своей биографии, он писал: «Союз между символизмом и революцией — явление внутренне необходимое. <...> Что касается меня, то союз между практическим и теоретическим идеализмом всегда казался мне неизбежным. Для меня не было и нет сомнения, что, для того чтобы русская личность очнулась от оцепенения, в которое ее повергла наша ненормальная государственность, ей одинаково необходим как внешний простор политической свободы, так и внутренний простор религиозной истины» (На общественные темы. СПб., 1909). В связи с запрещением газ. «Новая жизнь» М. в дек. 1905 был арестован, началось следствие. После месячного пребывания в тюрьме (в это время напис. цикл стихов **«В одиночном заключении»**) он был отпущен на свободу под залог. Суд не состоялся, поскольку М. вскоре уехал за границу.

Жил он в основном в Париже. В эмиграции им созданы пьесы **«Железный призрак»** (1909), **«Малый соблазн»** (1910), **«Хаос»** (1912). Две первые посвящ. теме власти вещей над человеком, в драме «Хаос» отразились события перв. русской революции. В 1907 в СПб. вышло 4-томное Полное собр. стихотворений М. Критики особо выделяли 4-й том, куда вошли произведения из сб. **«Новые песни»** (1901). Брюсов отметил, что в наиболее характерных стихах М. «мысль стоит на первом месте и оригинальность мысли часто искупает неоригинальность формы».

В Россию М. возвратился после амнистии в 1913, но прожил на родине недолго. В 1914 он снова оказался за границей. После событий 1917 проживал в Берлине, Лондоне, Париже.

Творч. деятельность М. была многообразной. Он писал стихи, поэмы, драмы (помимо указанных, пьеса **«Альма»** (1900) — мелодрама с декадентскими идеями и мотивами), публиц. и критич. статьи, философские трактаты (помимо указанных, **«Религия будущего»**, 1905), много переводил («Илиаду» Гомера, произведения Байрона, Шелли, Верлена, Флобера и др.). Худож. достижения М. в целом были достаточно скромными. Тем не менее Брюсов утверждал, что из стих. М. можно «образовать небольшой томик», который был бы желанным для всех, кому дорога поэзия.

Соч.: Полн. собр. стихотворений: В 4 т. СПб., 1907; Поэты 1880–1890-х. Л., 1972. (БП. БС).

Лит.: Брюсов В. Поэзия Н. Минского // Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. М., 1990; Блок А. Письма о поэзии (1. «Холодные слова») // Блок А. О лит-ре. М., 1980; Минц З. Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Биография и тво в русской культуре нач. XX в.: Блоковский сб. IX. Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 857. Тарту, 1989; Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994.

В. Быстров

МИ́НЦЛОВ Сергей Рудольфович [1(13)1.1870, Рязань — 18.12.1933, Рига] — прозаик, драматург, поэт.

«Семья Минцловых — древнего литовского корня (племени пруссов), и первое упоминание о них относится ко временам Грюнвальдской битвы, в кот. двое Минцловых легли за родину на поле чести. Род этот дал цепь талантливых лиц, преимущественно художников и писателей, и эту редкую черту сохранила и переселившаяся в 1830 г. в Россию ветвь» (**Автобиография**. 1902. РО ИРЛИ. Ф. 377; см. также: Родословная рода Минцловых // Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова. СПб., 1913). Дед М., Рудольф Иванович Минцлов (1811–83), в 1856–60 преподавал немецкий яз. будущему императору Александру III и его братьям; с 1847 до кончины работал в Императорской публичной биб-ке. Он был женат на французской поэтессе и переводчице Э. Гоппе, дочери изв. французского писателя, ученого и деятеля Великой французской революции Ж.-П. де Галле, состоявшего в переписке с императором Александром I. Отец М., Рудольф Рудольфович Минцлов (1845–1904), — видный публицист, служил на судебных должностях в Рязани, затем переехал в М., где был присяжным поверенным; с 1893 — в СПб. (секретарь Юридической комиссии Союза русских писателей).

С 1872 жил в М.; образование получил в реальном училище. «Сочинять начал рано, лет 8–9, и первое произведение было описание битвы комачей» («Автобиография»). После кончины матери (1885) отец по просьбе М. определил его в Нижегородский им. графа Аракчеева кадетский корпус, где кадет М. организовал лит. и театр. кружки. По окончании корпуса в 1888 М. поступил в Моск. Александровское воен. училище, где по успехам был зачислен в роту Его Величества; в 1890 был произведен в офицеры. Служил в 106-м пехотном полку в Вильне и Тифлисе; в 1892 подал в отставку и женился на своей дальней родственнице М. Пеньковой, впоследствии видной деятельнице тифлосурдопедагогики и детской писательнице. В 1892–95 учился в Нижегородском археологич. ин-те. С 1895 по 1900 жил в Одессе; с 1900 — в СПб.

Перв. выступление М. в печ. — 2 стих. в «Театральной газ.», помещенные в 1888 без его ведома товарищами по училищу; в том же году напеч. 1 стих. в «Русском обозрении». С февр. 1892 сотрудничал в газ. «Кавказ». С окт. 1892 — на службе в таможенном департаменте Министерства финансов; «с того же времени начал вести кочевую жизнь сперва по Кавказу, а затем вдоль всей западной границы от Балтийского до Черного моря» (Там же). В 1896 в «Живописном обозрении» были помещены стих. М. и 3 его рассказа; с этого времени лит-ра становится его осн. занятием. «Вследствие окончательного прекращения писания стихов» М. издал сб. «**Стихотворения. 1888–97**» (Одесса, 1897), встреченный неодобрительными отзывами критики, но довольно быстро распроданный; более к поэзии не возвращался. В 1898 М. сотрудничал в одесской газ. «Новороссийский телеграф» и пробовал силы в драматургии: его комедии «**Женихи**» (1898) и «**Женское дело**» (1899) были поставлены местными театрами, посл. комедия переделана из ранее запрещенной к постановке пьесы М. «**На границе**». Позднее к постановке запрещена была ист. драма М. «**Первый камень**» (СПб., 1902); напротив, другая ист. драма М. — «**Боярин Кучко**» (Варшава-СПб.-Витебск, 1901; СПб., 1904) была одобрена к постановке на сцене императорских театров.

В мае 1899 М. переехал в СПб., где обратился к детской лит-ре, став деятельным участником ж. «Всходы» и «Юный читатель». Ист. повести и романы М. («**Клад**», 1900; «**На заре века**», 1901; «**Беглецы**», 1901; «**В грозу**», 1903; «**В лесах Литвы**», 1905; «**Во тьме**», 1907; «**На крестах**», 1911; «**На заре XVII века**», 2-е изд. — СПб., 1912, и др.) сразу же приобрели известность и выдержали ряд переизд. Все произведения М. напис. с использованием докум. мат-ла и не содержат фактографич. погрешностей; действие их происходит, как правило, в XVI–XVIII вв. в Литве, на Украине, в Крыму или на Кавказе, столь знакомых самому М. Мастерски выписанные пейзаж и ист. фон, увлекательный сюжет, обращение к наиболее значимым эпизодам российской истории (борьба прибалтийских народов против германской экспансии, Смутное время, эпоха Петра I) обеспечили успех М. не только в юношеской аудитории. М. также постоянно сотрудничал в «Руси», «Молве», «Речи», «Мире», «Образовании», «Живописном обозрении», «Совр. слове», «Ист. вестнике» (зачастую под псевд. де Галле — девичья фамилия бабушки М.). Получив наследство, М. в 1901 совм. с женой основал приготовительное училище для девочек. Ряд педагогических новаций (в т. ч. один из первых в России опытов совм. обучения) привел к тому, что это учебное заведение стало пользоваться широкой известностью и спустя 3 года было преобразовано в 7-классное Рождественное коммерческое училище с программой мужских гимназий. С 1909 под влиянием обстоятельств личного характера М. несколько раз поступал на гражданскую службу: 1910–11 —

земским начальником в Уфимской губ.; 1911–12 — чиновником особых поручений при новгородском губернаторе; 1912–13 — ряд должностей в Полтавской губ. В 1914–15 по поручению Министерства земледелия М. совершил поездку в Урянхайский край (Далекий край: Путешествие по Урянхайской земле. Пг., 1915). С кон. 1916 по 1917 — редактор воен. газ. в Трапезунде, где во вверенной ему типографии опубликовал и переиздал ряд своих произведений. С 1918 — в эмиграции.

Страстный потомственный библиофил, М. с 1890 приступил к составлению собств. биб-ки, что стало гл. делом его жизни (Опись книгохранилища С. Р. Минцлова. СПб., 1905; Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова. СПб., 1913). Осн. разделом явилась Rossica, преимущественно в отношении мемуаров, путешествий, краеведения и вспомогательных ист. дисциплин; на основе своего собрания М. составил аннотированный «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России» (Вып. 1–5. Новгород, 1911–12; переизд.: Leipzig, 1973). Особо ценной в собрании М. была уникальная коллекция конфискованных изданий, начиная с 1816 каталог этого раздела был опубл. М. (Редчайшие книги, напеч. в России на русском яз. СПб., 1904. Тираж 100 экз.) Этот указатель был хронологически продолжен работой М. **«14 месяцев „свободы" печати: Заметки библиографа»** (Былое. 1907. № 3), где были даны сведения о конфискованных полицией изданиях 1905 — нач. 1907. В поисках книг для своего собрания с 1895 по 1913 М. совершил ряд специальных поездок в Смоленскую, Нижегородскую, Рязанскую, Орловскую и др. губ.; итоги разысканий М. были обобщены им в докладе **«О собственном книгохранилище и помещичьих библиотеках России»**, прочитанном им 25 янв. 1914 на заседании Русского библиологического общества при Императорской Академии наук; осн. положения этого д-да послужили сюжетной канвой для наиболее известной из мемуарных книг М. — **«За мертвыми душами»** (1921).

В кон. 1917 М. вернулся в Пг.; до сер. 1918 жил в своем имении Кемере под Выборгом на территории отделившейся Финляндии. После скитаний по эмигрантским центрам России (Сербия, Зап. Европа, Германия) с 1922 окончательно обосновался в Риге. В 1925 был вынужден расстаться со своей биб-кой, значительную часть кот. через посредничество одной из лейпцигских антикварных фирм приобрела Прусская гос. библиотека в Берлине; сведений о судьбе собрания после 1945 не имеется. В эмиграции М. занимался пед. деятельностью (директор русской гимназии г. Земун, затем Новый Сад); в дальнейшем жил исключительно лит. трудом, став одним из наиболее популярных русских авторов. Владелец изд-ва «Восток» (Рига, 1928–31). В жанре традиционной для него ист. прозы наряду с переизданиями М. выпустил в свет ряд новых произведений: **«Под шум дубов»** (Берлин, 1924); **«Гусарский монастырь»** (София, 1925); **«Закат»** (Берлин, 1926); **«Лесная быль»** (Рига, 1927); **«Орлиный взлет»** (Рига, 1931). М. обратился к жанру беллетризированных воспоминаний, используя в качве сюжетной канвы свои дневниковые записи. В 1910–20-х опубл. около 10 таких книг: **«Далекие дни. Воспоминания 1870–1880-х гг.»** (Берлин, 1925); **«У камелька. Моя молодость»** (Рига, [б. г.]); **«В таможенном мире»** (Трапезунд, 1917); «За мертвыми душами» (Берлин, 1925); **«Петербург в 1903–1910-х гг. Дневник»** (Рига, 1931); **«Дебри жизни. Дневник 1910–1915 гг. (Урал. Новгород. Малороссия)»** (Берлин, 1925); **«Секретное поручение (Путешествие в Урянхайский край)»** (Рига, 1928); **«Трапезундская эпопея. Дневник»** (Берлин, 1925). Совокупность мемуаров М. позволяет не только судить о жизни и личности автора, но и дает картину жизни столичной и провинциальной России, написанную необычайно сочными мазками с большой долей юмора; воспоминания М. содержат ценнейший краеведч. мат-л.

Значительный науч. интерес представляет составленный М. **«Синодик погибших частных книгохранилищ»** (Временник Об-ва друзей русской книги в Париже. Париж, 1925. Вып. 1), содержащий предварительный список утраченных в России в перв. четверти XX в. частных и ведомственных биб-к; несмотря на ряд отд. неточностей «Синодик» до сих пор является полезным указателем, зачастую имеющим характер первоисточника.

Соч.: Соч. СПб., 1913. Т. 1 (продолжено не было); Неведомое. Трапезунд, 1917; Прошлое: Очерки из жизни царской семьи. София, 1925; Сны земли. Берлин, 1925; Мистические вечера: Записки Об-ва любителей осенней непогоды. Рига, 1930; За мертвыми душами / Предисл. А. Блюма. М., 1991; Уфа. Дебри жизни. Дневник 1900–15 гг. / Предисл. М. Рахимкулова. Уфа, 1992.

Лит.: К. Л. [Лепилов К.] Ценное книгохранилище // Русский библиофил. 1911. № 6; Амов А. С. Р. Минцлов // Ист. вестник. 1913. № 10; Пильский П. Памяти одного книгохранилища // Временник Об-во друзей русской книги. Париж, 1925. [Вып. 1]; Пильский П. С. Р. Минцлов: Критико-биогр. очерк // Минцлов С. Мистические вечера. Рига, 1930; Блюм А., Мартынов И. С. Р. Минцлов и его библиофильская повесть // Альм. библиофила. М., 1975. Вып. 2; Губинчик С. Рукопись, найденная в саквояже. Рига, 1978; Давлетбаев Б. Башкирские страницы С. Р. Минцлова // Сохраним выцветшие строки. Уфа, 1988; Кулаева В. С. Р. Минцлов: Библиография // Библиография. 1992. № 5–6; Ласунский О. Библиофил на все времена (С. Р. Минцлов в моем собрании) // Книга: Иссл. и мат-лы. М., 1996. Сб. 73.

М. Лепехин

МИ́НЧЕНКО Алла Александровна [4.6.1938, Одесса] — поэт.

В Л-де живет с 1939. Пережила блокаду. Окончила биологич. фак-т ЛГУ, аспирантуру Агрофизич. ин-та. Работала микробиологом на очистных сооружениях.

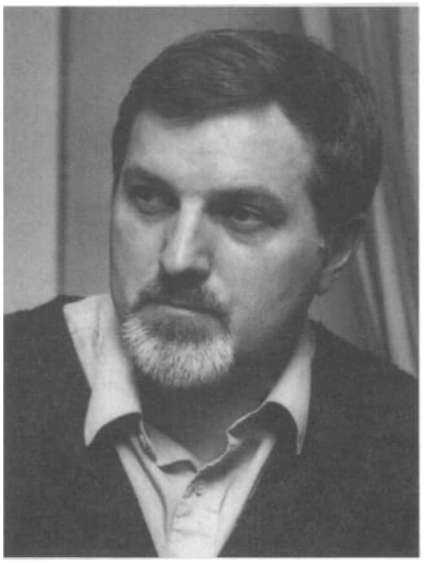
В 1970-е принадлежала к кругу поэтов «Сайгона». Е. Пудовкина вспоминает о М.: «...В Коломне жила и Алла Марченко, у нее в коммунальной квартире, в крошечной комнатке, собирались и поэты, и художники. <...> Алла была праздник-человек: солнечная, жизнерадостная. Художники рисовали ее и дарили свои картины (помню ее портрет работы Андрея Геннадиева)...». Жила на ул. Д. Писарева, позже на Канонерском о-ве. М. посвящ. стих. Ю. Вознесенской «Письмо поэтессе Алле М.», Е. Пудовкиной «Напрасно дергала я Музу за подол...» и др.

Участвовала в конф. молодых поэтов и прозаиков Северо-Запада (1973, 1974). Выступала в заводских клубах и биб-ках с чтением стихов. Стихи публ. в мест. газ., в «Смене», в ж. «Акт», в кн. «Из падения в полет». Упомянута в антологии К. Кузьминского «У Голубой лагуны» (Т. 5).

Соч.: Тихие троки: Сб. СПб., 1995.

Лит.: Сумерки «Сайгона» / Сост. и общ. ред. Ю. Валиевой. СПб., 2009.

МИРЗА́ЕВ Арсен Магомедович [28.6.1960, Л-д] — поэт, литературовед.



Отец, М. Магомед Насухович,— даргинец, геолог; мать, Елена Игоревна,— русская, инженер-экономист. Детство прошло в Воркуте и под Л-дом (пос. Комарово). В 1977 закончил воркутинскую среднюю школу, вместе с семьей вернулся в Л-д. Учился на радиотехнич. фак-те ЛЭИС им. М. Бонч-Бруевича (1977–78); на геологоразведочном фак-те ЛГИ им. Г. Плеханова (1981–85); на кафедре поэзии лен. Свободного ун-та (1989–91). Работал инженером Горного музея (1986–87), лит. консультантом в ЛО СП РСФСР (1990–91), лит. ред. в изд-вах «Сев. Звезда» (1996–97) и «Лимбус Пресс» (1998–2004), арт-директором клуба-кафе «Zoom» (2004–05), ред. ж. «Талион» (2006–09), ведущ. ред. в изд-ве «Вита Нова» (2010–11). С дек. 2005 — организатор лит. «Венских вечеров» в петерб. мини-отеле «Старая Вена» (в 1903–17 — знаменитый лит. ресторан «Вена»).

М. подготовил (сост., ред., вст. ст., комм.) и выпустил в свет в разл. изд-вах неск. десятков книг, в т. ч.: Д. Алигьери «Стихи о Каменной Даме», 1997; «Неизвестная Берберова», 1998; Е. Гуро «Небесные верблюжата», 2001; Г. Айги «Разговор на расстоянии», 2001; Г. Алексеев «Чудо обыденной речи...», 2002; альбом Н. Дронникова «Иосиф Бродский в Париже», 2003; «Велимир Хлебников. Венок поэту», 2005; «Петербургская поэтическая формация», 2008; Т. Чурилин «Стихи» (Мадрид), 2010; А. Введенский «Гость на коне», 2011; В. Ерофеев «Москва — Петушки», 2011; В. Маяковский «Крикогубый Заратустра», 2012; В. Шинкарев «Максим и Федор», 2012; Т. Чурилин «Стихотворения и поэмы» (В 2 т.), 2012.

Огромное значение для М. имело знакомство с тв-вом В. Хлебникова. С 1985 принимает участие в науч. конференциях, посвящ. Хлебникову и др. поэтам русского авангарда XX в. В одном из инт. М. отмечал: «Своими главными поэтическими учителями и внутренне близкими поэтами я считаю В. Хлебникова и А. Введенского... Могу назвать Д. Хармса, К. Вагинова, А. Кручёных, Е. Гуро, Т. Чурилина, Г. Оболдуева; из близких по духу современников... — Г. Алексеева, Г. Айги, В. Соснору, Д. Авалиани, Л. Аронзона, Ел. Шварц, Г. Сапгира, И. Бахтерева, И. Жданова, С. Красовицкого, Вс. Некрасова, И. Холина, А. Волохонского, А. Хвостенко, В. Кривулина, О. Охапкина, О. Григорьева, С. Стратановского, А. Кондратова, М. Еремина, В. Гаврильчика, Б. Констриктора, Б. Кудрякова, А. Макарова-Кроткова, С. Бирюкова, В. Аристова, О. Седакову, В. Кучерявкина, В. Земских, Д. Григорьева, И. Булатовского». Эксперименты М. со словом (палиндромы, тавтограммы, ракодрамоходы, палиндрозаумь, анаграммы и пр.) позволяют говорить о его интересе к лит-ре формальн. ограничений, комбинаторике как таковой и к деятельности петерб. поэтич. группы «и К°» (П. Байков, А. Горнон, П. Казарновский, В. Кислов). С моск. поэтом Г. Айги М. связывали почти 20 лет дружбы и тесного сотрудничества, одним из результатов кот. явилась кн.-альбом «Разговор на расстоянии» (СПб.: Лимбус Пресс, 2001), кот. М. ред. и составлял вместе с Айги.

В 1982–87 — староста ЛИТО ЛГИ (рук. М. Яснов). В 1983 — перв. поэтич. публ.: стих. «Дороги» (прежнее назв. «Тупик» было отвергнуто ред. газ.), включенное в подборку текстов участников ЛИТО ЛГИ («Горняцкая правда». № 9 (1846). 25 март.). В то же время — по инициативе Г. Гампер — подборка стих. была отправлена в ж. «Студенч. меридиан». В ред. к текстам М. отнеслись, в целом, положительно, но предложили поменять «пессимистическую интонацию» стихов на «более жизнеутверждающую». Стихи не были опубл. В дальнейшем не предпринимал попыток печ. в сов. СМИ. Новые публ. последовали лишь с приходом след. десятилетия.

В 1990 — подборки стих. в газ. «Лен. ун-т», ж. «Аврора», альм. «Петрополь». М. становится пост. автором газ. «Смена», «Морская газ.» (Кронштадт), «Литератор» и «Петерб. литератор», помещая в них не только стихи, но заметки, статьи, эссе. В 1990-х стих. появляются на страницах различных газ., ж. и альм. Донецка, Киева, Самары, Липецка, Чебоксар, Ташкента, М.; переводятся на английский, чешский, польский и чувашский яз.; в 2000–10-е — на французский, финский, итальянский, испанский, румынский, словацкий, хорватский.

В 1994 выходит перв. поэтич. сб. М. «Другое дыхание». По мнению

Л. Фоменко, «М. в небольшой книге удалось удачно представить стихи, разные по технике исполнения и интонации... автор не очень сетует на несостоятельность слова, напротив, называет его „Господом Словом“ по аналогии с Писанием. Он явно выискивает слова, свободные от шума, суеты, скандалов и протестов. Это его ключ к безмолвию. Удачно сопрягает автор образ молчания с образом смерти». Изданная в 1996 в М. небольшая по объему кн. «Помимо прочего» прошла практически незамеченной, если не считать отклика в «Независимой газ.». Одна рец. пришлась и на долю третьей кн. М. — «Стихи и песни Антона Компотова» (ее появление было отмечено в очерке В. Рекшана, опубл. в «Веч. Петербурге»). Иная участь была у кн. «Музыка разговора влюбленных глухонемых». Рец. на нее появились в СПб. («Смена», «Активист») и в М. («Библиоглобус»). В посл. отклике говорилось, что «стихи М. жестки и энергичны». Автор рец. сравнивал их с текстами Г. Алексеева и В. Бурича и писал, что эта книга, оформленная рисунками парижского художника Н. Дронникова, встраивается «в традицию русского художественного и поэтического авангарда» (Д. Давыдов). Отдельные рец. на книги М., выходившие в 2003–06 в Чебоксарах и Париже («Люди и звуки I», «Люди и звуки II», «Парижачьи стихи», «Изабелла», «Палиндромы», «13»), появлялись в петерб. и моск. изд. («Час ПИК», «Зинзивер», «Дети РА»). Иная ситуация сложилась с 11-й кн. М. — «Дерево Времени». Отклики на нее носили едва ли не взаимоисключающий характер, но отчасти и корреспондировали друг с другом. Если Д. Суховей писала, что «наследуя традициям первого русского авангарда, М. выходит в пространство наивного, чуть ли не примитивного письма», то по мнению Д. Давыдова, «М. — последовательный ученик авангардных (и неоавангардных) поэтов, Гуро, Хлебникова, Алексеева, однако в его творческой позиции нет фанатизма самоустранения из предметного мира, кот. характерен для некоторых учеников авангарда, это, так сказать, “неоавангард с человеческим лицом”, не эпатаж... но способ авторефлексии». Е. Степанов в рец. на эту кн. был крайне лаконичен: «М. — поэт трагический и говорящий — мужественно, но с улыбкой! — о главных вопросах бытия. О жизни и смерти. Ни о чем другом Поэт, собственно, и не должен говорить». Наиболее значительные работы, в кот. предпринята попытка анализа тв-ва М., принадлежат моск. филологу, стиховеду и поэту Ю. Орлицкому. В 1995, сравнивая поэтики М. и Г. Алексеева, он писал, что для «мирзаевской лирики характерна большая жесткость, трагичность мировосприятия; его верлибры, как правило, короче алексеевских, их графика служит не созданию сложной иерархии строфики, а скорее, визуализации; достаточно часто обращается он и к миниатюрным текстам». Спустя 13 лет, в своем послесл. к «Дереву Времени», Орлицкий уделил внимание игровому характеру текстов М. посл. лет. Он задается вопросом: «Как остаться поэтом, будучи литератором?». По его мнению, книга М. именно об этом, и она представляет собой вариант ответа на этот полуриторический вопрос. Одну из посл. кн. М., «По тембру молчания», Давыдов охарактеризовал так: «М. работает в широком диапазоне поставангардных практик — минимализме, графической поэзии, зауми, палиндроме, сериях-рядах, свободном стихе: именно последний наиболее характерен для М., здесь он наследует ряду поэтических голосов, от глубинно-интуитивного неоавангарда Геннадия Айги до структурно чётких языков классического русского верлибра Геннадия Алексеева и, отчасти, Вячеслава Куприянова». В рец. на эту кн. Д. Безносов назвал её «книгой дыхания, шепота, немоты и промалчивания». По его мнению, слова в ней «осваивают язык жестов, размахивают руками, улыбаются и печалятся. Мы наблюдаем за их пантомимой, завороженные вакуумной тишиной, проваливающейся в паузы между словами, строками, строфами, страницами. Так, поэт сначала признается: „учусь / говорить / в школе / немых“; а затем продолжает: „погружаюсь / в глухое / безмолвие — / не по гордыне / из смирения / перед / Господом Словом“».

Член Российского союза профессиональных литераторов, Союза российских писателей, Международной Федерации Русских Писателей (IFRW), 9-й секции СП СПб. и СП XXI в. Член редколл. лит.-худож. журналов «Зинзивер», и «Дети РА». Зам. гл. редактора ж. «Футурум АРТ». Ред.-сост. (совм. с Д. Григорьевым, В. Земских и С. Чубукиным) многотомной антологии соврем. петерб. поэзии «Собрание сочинений» (в 2010–13 гг. вышли 1, 2, 3 и 4 т.).

Персональный сайт: http://writer21.ru/mirzaev-a/

Лауреат Моск. фестивалей свободного стиха (1991, 1993), Международной Отметины им. Д. Бурлюка (2006), премии «Avanmart Parni» (Симбирск–Чебоксары, 2006), премии ж. «Зинзивер» (2010, 2011). Обладатель Ордена Победы Авангарда первой степ. (СПб., 2011). Президент и один из основателей «ВАЛИ» (Всемирной Ассоциации Любящих «Изабеллу») — Международного Президентского клуба.

Соч.: Другое дыхание. СПб., 1994; Помимо прочего. М., 1996; Стихи и песни Антона Компотова. СПб., 2000; Музыка разговора влюбленных глухонемых. Париж, 2001; Люди и звуки I. Париж, 2003; Люди и звуки II. Париж, 2003; Парижачьи стихи. Париж, 2003; Изабелла. Чебоксары, 2004; Палиндромы. Чебоксары, 2005; 13. Париж, 2006; Дерево Времени. СПб.-М., 2008; (Антикризисное). Париж, 2010; По тембру молчания. Мадрид, 2010; Стихитрость. Таганрог, 2011; Чу-ку-рюк! Мадрид, 2012; Питерский итинерарий. Чебоксары, 2012; Компотов А. [Мирзаев А.] // Карлов Г. Давайте дружить! (Для чтения взрослыми детям; стихи к рисункам Г. Карлова). СПб., 2012; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012; Само собой (Изборник № 3). СПб., 2013.

Лит.: Орлицкий Ю. Геннадий Алексеев и петерб. верлибр // НЛО. 1995. № 14; Фоменко Л. Обозначающие бездну... // Черновик. Н.-Й., 1996. № 11; Миронов Р. Поэтич. застройка по индивидуальным проектам // Книжное обозр. «Ex libris НГ». 1997. 17 апр.; Завьялов С. Натюрморт с атрибутами петерб. поэзии // НЛО. 1998. № 32; Рекшан В. Не хватило // Веч. Петербург. 2001. 2 февр.; Рекшан В. Все будет неплохо // Активист. 2001. № 6 (9). 15 июн.–15 июл.; Шпаков В. В компании с Буниным // Смена. 2001. 13 июн.; Давыдов Д. <Рец. на кн. «Музыка разговора влюбленных глухонемых»> // Библиоглобус. 2002. № 3 (24), март; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е: Лит. энц. М., 2003; Степанов Е. <Рец. на кн. «Люди и звуки

I» > // Дети Ра. 2004. № 2; Земских В. <Рец. на кн. «Изабелла»> // Зинзивер. 2005. № 3; Мезенцев А. Русские в Париже. Магия чисел // Час пик. 2006. № 28 (443). 19–25 июл.; Суховей Д. <Рец. на кн. «Дерево Времени»> // Воздух. 2008. № 4; Давыдов Д. Способ авторефлексии // Книжное обозр. 2008. № 48 (2214); Мезенцев А. <Рец. на кн. «Дерево Времени»> // Час пик. 2009. № 6 (572). 18–24февр.; Спасский С. <Рец. на кн. «Дерево Времени»> // Дети Ра. 2008. № 11 (49); Д. Д. [Данила Давыдов] <Рец. на кн. «По тембру молчания»> // Воздух. 2010. № 4 (10); Лица петерб. поэзии: 1950–90-е гг. СПб., 2011; Безносов Д. <Рец. на кн. «По тембру молчания»> // Книжное обозр. «Ex libris НГ». 2012. 2 февр.; Б. [Бирюков С.]. <Рец. на кн. «Чу-ку-рюк! Мадрид, 2012»> // Другое полушарие. 2012. № 18; Чернышев Д. <Рец. на кн. «Чу-ку-рюк! Мадрид, 2012»> // Воздух. 2012. № 1–2.

О. Соколова

МИРОЛЮБОВА Анастасия Юрьевна [31.10.1954, Карл-Маркс-Штадт, ГДР] — переводчик, литературовед.

По окончании школы № 67 с углубл. изучением испанского яз. в 1975 поступила на филологич. фак-т ЛГУ, кот. окончила в 1981. Работала гидом-переводчиком с испанским и итальянским яз. в ЛО ВАО «Интурист». С 1984 занималась преподаванием русского яз. как иностранного студентам и аспирантам из Латинской Америки. В 1994–95 закончила мастер-класс по культурологии и философии, после чего читала лекции по истории и теории культуры в СПбГГУ (Горном ун-те). С 2003 — доц. кафедры истории зарубежных лит-р СПбГУ. Читает общие курсы по истории зарубежных лит-р, а также спец. курсы по истории лит-р Испании и Латинской Америки, сравнительному стиховедению, прикладной компаративистике, теории и практике худож. перевода. Под рук. М. защищаются магистерские. дис. по теории и истории лит-ры. Разработала авторские программы для бакалавров и магистров по истории лит-ры и культуры Испании и Латинской Америки.

В 1987 защитила канд. дис. **«Стилевая специфика романа Сервантеса "Дон Кихот"»**. Науч. интересы М. — компаративистика, сопоставительная стилистика. Науч. библиография М. включает около 50 наим., в т. ч. вст. статья к Полному собр. стих. А. Мачадо (СПб.: Наука, 2007; «Лит. памятники»), вст. статья к сб. «Поэзия испанского барокко» (СПб.: Наука, 2006) и науч. комм. к комедиям Сервантеса (Мигель де Сервантес Сааведра. Восемь комедий и восемь интермедий. СПб: Наука, 2011).

С 1989 публикует переводы с исп., итал., франц. и англ. яз. поэзии, прозы и драматургии. Временной диапазон переводимых ею писателей охватывает и средние века, и совр. авторов, что свидетельствует о ее фундаментальной филологич. культуре. Участница изд. «Семь веков французской поэзии в русских переводах», «Поэзия испанского Возрождения», «Поэзия испанского Барокко», «Поэты Квебека», «Поэзия магов» и пр. Пьеса А. Жарри «Король Убю» в переводе М. была поставлена в театре «Et Cetera».

Соч.: Испанская поэзия барокко и пути ее перевода на русский язык (проблема интеркультурных соответствий) // Образование в России: Перспективы и реальность. СПб., 2002; Поэтич. образ в драмах Кальдерона // Там же; Образ Мадрида в романе Б. П. Гальдоса «Фортуната и Хасинта» // Мат-лы Междунар. филол. конф. СПб., 2003; Х. Ортега-и-Гассет. Этюды о любви / Науч. комм. СПб., 2003; Петербург Ф. М. Достоевского и Мадрид Бенито Переса Гальдоса // Sciences & Humanity. СПб., 2003; Образы-символы в поэтич. мире Антонио Мачадо (сад, дорога, море) // Мат-лы Междунар. филол. конф. СПб., 2003; Антонио Мачадо — человек, философ, поэт / Вст. ст. / Мачадо А. Полн. собр. стих. СПб., 2007; Искусство острого ума // Поэзия испанского барокко. СПб., 2006; Эвристич. потенциал барочной метафоры (на примере «Первого Одиночества» Луиса де Гонгоры) // Петерб. иберороманистика. СПб., 2008; Лирическое и драматическое в драмах Кальдерона // Худож. текст как целостная система. СПб., 2008; Мадрид Б. Переса Гальдоса и Петербург Ф. М. Достоевского: Пример типолог. Схождения // Культурный палимпсест: Сб. СПб., 2011; К вопросу о синестезии в поэзии испано-американского модернизма (картинность и театральность) // Границы лит-ры в гуманитарном пространстве: Сб. СПб., 2010; Мотивная структура испанской «комедии»: Ист. эволюция жанра // Мат-лы Междунар. филол. конф. СПб., 2010; Испанский барочный канон и его парафраза через три столетия // Лит. канон: Формирование и преодоление. СПб., 2012; Миг и вечность / Вст. ст. // А. М. Косс. Крылья времени. СПб., 2012.

Перев.: С исп. — Мануэль Мухика Лайнес. Рассказы // Книга песчинок. Л., 1989 (переизд. СПб., 2002); Федерико Гарсия Лорка. Стихотворения из сб. «Поэт в Нью-Йорке» // Строфы века. Антология мировой поэзии в русских переводах XX в. М., 1998 (переизд. СПб., 2004); Хулио Кортасар. Рассказы // Избр. СПб., 1999 (переизд. СПб., 2002; 2009); Мигель де Унамуно. История любви // Святой Мануэль Добрый, мученик. СПб., 2000; Адольфо Бьой Касарес. Великий Серафим // План побега. СПб., 2000; Хорхе Луис Борхес. Книга небес и ада. Короткие и необычайные истории. СПб., 2001 (переизд. СПб., 2008); Франсиско де Кеведо, Луис де Гонгора. Стих. // Поэзия испанского барокко. СПб., 2006; Леопольдо Лугонес. Стих. СПб., 2010; Лопе де Вега. Кабальеро из Ольмедо (перев. отрывка) // Коррида в испанской лит-ре. СПб., 2008; Густаво Адольфо Бекер. Христос над черепом. Поцелуй // Испанский готич. рассказ. СПб., 2008; Мигель де Сервантес Сааведра. Обитель Ревности, или Арденский лес. Лабиринт Любви. Путаница (в соавт.), Педро де Урдемалас (в соавт.) // Мигель де Сервантес Сааведра. Восемь комедий и восемь интермедий. СПб., 2011. С итал. — Гвидо Гвиницелли, Лоренцо Медичи. Сонеты // Западноевропейский сонет. Л., 1988; Джакомо Леопарди. Стих. // Новый ж. 1996. № 3; Карла Видири Варано. Бабочки дождя. СПб., 2002; Федерико Феллини — Тонино Гуэрра. И корабль плывет. СПб., 2002; Фантаст. словарь Тонино Гуэрры. СПб., 2004; Карло Лукарелли. Оборотень. СПб., 2006; Умберто Эко. Поиски совершенного языка в Европе. СПб., 2007; Умберто Эко.

Картонки Минервы. СПб., 2008; Массимо Монтанари. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб., 2009; Лучана Сальвуччи. Виртуальные стихи. СПб., 2011; Лучано Канфора. Демократия, или История одной идеологии. СПб., 2012; Алессандро Барикко. Мистер Гвин. СПб., 2012. С франц. — Поль Элюар, Раймон Кено. Рассказы // Сказки французских писателей. Л., 1988; Поэзия 15 века // Семь веков французской поэзии. СПб., 1999; Альфред Жарри. Убю-король. Убю-рогач. Убю-прикованный // Французский символизм. Драматургия и театр. СПб., 2000; Жан Жене. Ширмы. Служанки. СПб., 2001; Ален Роб-Грие. Ревность. СПб., 2001; Анри де Монтерлан. Магистр ордена Сантьяго. СПб., 2003; Стихи канадских поэтов. СПб., 2010. С англ. — Салман Рушди. Дети полуночи. СПб., 2006; Маргарет А. Сэлинджер. Над пропастью во сне: мой отец Дж. Д. Сэлинджер. СПб., 2006.

В. Андреев

МИРО́НОВ Александр Николаевич [28.2.1948, Л-д — 19.9.2010, СПб.] — поэт, эссеист.

Отец — выходец из крестьян Ярославской губ., во время войны — старшина-радист на флоте; мать — телефонистка, родом из Тамбовской губ. Стихи начал пис. в школе. Написанное в 15-летнем возрасте стих. **«Рожала жена каторжанина...»** уже свидетельствует о поэтич. даре М. В сент. 1964 в юношеском зале ГПБ познакомился с Вл. Эрлем, кот. ввел М. в круг поэтов Малой Садовой. С этого вр. — один из самых заметных представителей худож. богемы, посещавшей кафетерий на Малой Садовой (друзьям по Малой Садовой посвящ. стих. М. **«В этом городе на лобном месте...»**, 1975; см. также запись воспоминаний М. — **«Малая Садовая. 1960-е»**, 2009). Большое и во многом определяющее значение, по признанию самого М., для него имела многолетняя дружба с Вл. Эрлем, кот. сразу же стал собирателем, а потом на протяжении ряда лет и издателем произведений М. Осенью и зимой 1964 вместе с др. поэтами Малой Садовой выступал с чтением стихов в ЛГПИ и Мухинском училище, посещал ЛИТО при ДК им. Ленсовета, кот. рук. поэт С. Давыдов. В произведениях этого периода явственно проступают общие поэтам Малой Садовой той поры резкая экспрессионистичность стиля и экзистенциальность тематики (**«Люмпен-интеллигент»**, 1964; **«Всё время идёт дождь»**, 1964; **«Обесстрочила душу зима...»**, 1964; **«Перепёлка»** (**«Этот детский наплыв, эти хлебные дни...»**), 1965; **«За стенкой вбивают гвоздь...»**, 1965; **«Призыв болот...»**, 1965; за единственным исключением эти стих. не опубл.). Вместе с тем эти стихи, как и все последующее тв-во М. отличает редкое сочетание звуковой и смысловой гармонии (Звягин, Айзенберг). В нач. 1965 знакомится с Л. Аронзоном, чья личность и тв-во оказали на М. огромное влияние; в частности, воспринятое от Аронзона предпочтение ранней поэзии Н. Заболоцкого к дек. 1965 завершилось полным усвоением «Столбцов» по только что вышедшему тому в серии «БП». Именно с этого момента обретает собств. поэтику. Весной 1965 совершает с Вл. Эрлем поездку в М., где вместе с ним посещает А. Крученых и знакомится со смогистами.

Перв. публ. состоялась в 1965 в альм. «Fioretti», тогда же поместил неск. стих. в моск. альм. «Сфинксы», перепечатанном в ж. «Грани» (№ 59). Летом 1966 вместе с А. Прокофьевым, приятелем по Малой Садовой, снимается в телевизионном докум. фильме «Все мои сыновья» (реж. А. Стефанович, О. Гвасалия), где достаточно откровенно, хотя и не без иронии, излагает свои взгляды на лит-ру и жизнь.

Участник движения Хеленуктизм с момента его возникновения в 1966, идейным организатором и вдохновителем кот. был Эрль. М. пишет статьи и прозу, участвует в создании колл. Хеленуктических поэтич. и драматич. соч. Обэриутская основа поэтики М. обогащается Хеленуктизмом с присущим ему ироикомическим пафосом и сатирич. обличением (напр., стих. **«Приди ко мне отведать чаю с репой...»**, 1967), парадоксально сочетаясь со смысловой насыщенностью каждого элемента стиха. Ряд Хеленуктических текстов М. опубл. в «Книге Хеленуктизм» Вл. Эрля (СПб., 1993).

Работал библиотекарем в Научной биб-ке им. М. Горького ЛГУ, позже — контролером-приемщиком на автостоянке, а с сер. 1970-х — оператором газовой котельной. В 1970 Эрль составил перв. машинописный сб. М. «Εποχη»; следующий сб. **«Гностический цикл»** был подгот. Н. Николаевым в 1974. Во втор. сб. отражена в предельно концентрированном виде та богословская проблематика, кот. находилась в центре обсуждений на Малой Садовой с сер. 1960-х. Осенью 1974 пишет **«Гражданский цикл»**. С этого времени циклы — осн. форма организации М. своих произведений.

С сер. 1970-х у М. завязываются многолетние дружеские отношения с В. Кривулиным. В эти годы соч. М. (**«Темные строфы»**, 1977; **«Осень андрогина»**, 1978; и др.) становятся широко известны в неофиц. культуре благодаря публикациям в самиздатских и эмигрантских ж., сб. и антологиях («37», «Часы», «Обводный канал», «Сев. почта», «Лепта», «Острова», «Аполлонъ-77», «Эхо», «Гнозис», «Беседа»). В эти же годы создает ряд прозаич. и поэтич. стилизаций и переложений житийной лит-ры. Был членом «Клуба–81», где в 1983 состоялся его авторский вечер, вызвавший полемику в самиздатской печ. Перв. публикации в офиц. печати появились по инициативе Кривулина (сб. «Круг», 1985; ж. «Октябрь». 1991. № 4). В 1993 Вл. Эрль составил и издал сб. М. **«Метафизические радости»**, снабдив его неск. рисунками автора. С нач. 1990-х в тв-ве М. происходит серьезное изменение поэтики и тематики: его стихи насыщаются бытовизмами и конкретными реалиями, превращаются в повествования с разговорными интонациями (**«Кар-**

тинки с выставки», 1994). Однако в поэзии М. тенденция перехода к др. формам наметилась уже в сер. 1980-х: так, большая часть цикла **«Кинематограф»** (1986) напис. свободным стихом. В сер. 1990-х М. сближается с Е. Шварц, кот., высоко оценивая его тв-во, предприняла немалые усилия для издания его сб. 2002 и 2009.

С самого нач. творч. деятельности писал прозу, преимущественно эссеистику, кот. — за исключением повествования **«Pietà»** (1969) и фрагментов в «Гностическом цикле» — остается неизд.

Лауреат премии Андрея Белого (1981). Произведения М. переводились на английский, немецкий, итальянский и французский яз.

Соч.: Метафизические радости: Стих. 1964–82 гг. СПб., 1993 [апр. 1994]; Pietà // Антология Гнозиса. СПб., 1994. Т. 2; Избр.: Стих. и поэмы. 1964–2000. СПб., 2002; Без огня. М., 2009; Памяти Е. А. Шварц («В Новый год мне Лена подарила...») // НЛО. 2010. № 3 (103); «Автобиографич. записки» и др. проза / Публ. Н. Николаева и Вл. Эрля // НЛО. 2010. № 106; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Стефанович А., Гвасалия О. Все мои сыновья // ТВ — публицист. Сб. сценариев. М., 1971; Кузьминский К. У Голубой лагуны. Ньютонвилль, 1983. Т. 4А; Звягин Е. Неск. слов об Александре Миронове // Он же. Письмо лучшему другу. СПб., 1995; Айзенберг М. Взгляд на свободного художника. М., 1997; Савицкий С. Хеленукты в театре повседневности // НЛО. 1998. № 30; Кривулин В. Петерб. спиритуальная лирика вчера и сегодня (К истории неофиц. поэзии Л-да 60–80-х гг.) // История лен. неподцензурной лит-ры: 1950–80-е гг. Сб. СПб., 2000; Зубова Л. Совр. русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000; Берг М. Александр Миронов // Он же. Литературократия. М., 2000; Шубинский В. <Рец. на кн.: А. Миронов. Избр.> // Критич. масса. 2003. № 1; Он же. <Рец. на кн.: А. Миронов. Без огня> // Новый мир. 2010. № 6; Нестеров А. Герменевтика, метафизика и «другая критика» // НЛО. 2003. № 3 (61); Эрль Вл. Рисунки русских писателей. Вечно живое наследие: О Хеленуктах // НЛО. 2003. № 4 (62); Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е: Лит. энц. М., 2003; Черных Н. Концерт для гения первоначальной нищеты: О роли поэзии А. Миронова в формировании совр. поэзии и об основной идее неофиц. культуры. URL: www.nattch.narod.ru/nbmironov.html; Дарк О. Вальс Миронова. URL: **www.nattch.narod.ru/darkmironov.html**; Анпилов А. Сам-язык, супруг дремоты // Новая камера хранения. М., 2007; Саббатини М. Пафос юродства в лен. подполье // Toronto Slavic Quarterly: Academic Electronic Journal in Slavic Studies. № 28 (Spring 2009); Сумерки «Сайгона». СПб., 2009; Юрьев О. Два Миронова и наоборот <Рец. на кн.: А. Миронов. Без огня> // *URL:* www.openspace.ru/literature/events/details/14353/; Николаев Н. Воспоминания о поэзии Александра Миронова // НЛО. 2010. № 1 (101); Бабичева А. Мир «без-» <Рец. на кн.: А. Миронов. Без огня> // Знамя. 2010. № 6; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011. Сайт премии Андрея Белого <belyprize.ru>

Н. Николаев

МИ́РСКИЙ (Святополк-Мирский) Дмитрий Петрович [9.9.1890, с. Гневка Харьковского у.— 6.6.1939 (?), Магадан] — поэт, историк лит-ры.

По окончании 1-й Петерб. гимназии в 1908 поступил в СПб. ун-т на китайское отд. восточного фак-та, но курса не окончил. Был близок к околосимволистским лит. кругам.

В 1911 в СПб. изд. сб. «Стихотворения 1906–10». В том же году поступил вольноопределяющимся в 4-й гвардейский стрелковый полк. В 1912 произведен в офицеры. В 1913 вышел в запас.

В 1914 экстерном сдал гос. экзамен по ист.-филологич. фак-ту СПб. ун-та. Получил предложение остаться при ун-те, но был мобилизован и отправлен на фронт до лета 1916. В 1916–17 посещал подготовит. курсы Военной академии в Пг.

После революции уехал в Харьков, где в 1918 получил диплом Харьковского ун-та, затем в Крым, в 1919 был мобилизован в армию И. Деникина, в кот. находился на штабных должностях до нач. 1920.

С 1920 в эмиграции: до 1921 в Греции, затем до 1932 в Англии. Занимался лит-рой. С 1922 по 1932 был доц. слав. отд. Лондонского ун-та, преподавал в Королевском колледже и Школе слав. исследований. Писал критич. статьи в ж. «Criterion», «London Mercury», «Canterberay Review», «Nation» и др. Печатался в эмигрантских ж. «Совр. записки», «Звено», «Воля России». В 1928–29 участвовал в еженед. «Евразия» в качестве автора и гл. ред. В 1926–28 изд. три номера альм. «Версты». Сост. неск. поэтич. антологий, среди кот. «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (Париж, 1924). Вышли на англ. яз. его кн. «Совр. русская лит-ра. 1881–1925» («Contemporary Russian literature». London, 1926); «История русской литры с самых ранних времен и до смерти Достоевского (1881)» («A history of Russian literature». London, 1927; в 2 т.: New York, 1927–28); «Пушкин» («Pushkin». London, 1927).

В 1925–26 пережил, преимущественно под влиянием сов. худ. литры, идейный перелом и перемену полит. убеждений. В 1931 вступил в компартию Великобритании, написал кн. «Ленин» («Lenin». London, 1931); «Россия, социальная история» («Russia, a Social History». London, 1931).

Вернулся в СССР в 1932. В изд-ве иностр. рабочих в М. был ред, англ. отд. (с 1932 по 1933). После ухода из изд-ва занимался лит. работой.

Напечатал более 100 лит.-критич. ст. в «ЛГ», в ж. «Лит. учеба», «Лит. критика», «Звезда», альм. «Год XVI» и др., ряд вст. статей к разным изд., г.о. англ. писателей.

В 1934 в М. вышла его кн. «Интеллиджентсиа» о ситуации в совр. англ.

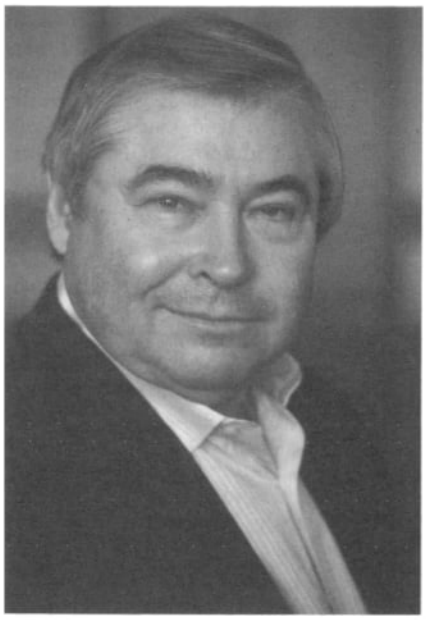
лит-ре, о «красных тридцатых» годах в Англии. Составил «Антологию новой английской поэзии» (Л., 1937). Соавт. рус.-англ. словаря (вышел без указания его имени). Написал статью «Реализм» для «Лит. энциклопедии» в 12 т. (Т. 9. М., 1935).

Член ССП с 1934.

В февр. 1936 был принят в ИРЛИ АН СССР на должность ученого специалиста в Западный отдел, затем переведен на должность ст. науч. сотрудника. Писал работу об англ. литре 1-й пол. и сер. XVII в. (от Шекспира до Мильтона).

В апр. 1937 был арестован. Погиб в одном из магаданских лагерей в 1939. По др. свидетельствам его видели живым в 1946 и 1952.

МИСО́НЖНИКОВ Борис Яковлевич (гл. псевд. Миронов Борис) [20.5.1950, Мурманск] — прозаик,



поэт, публицист, сценарист, филолог.

Предки из священников или военных. Отец — кадровый офицер военно-воздушных сил, участник Великой Отеч. войны, награжд. орденами и медалями, полковник. Мать — ветеран Великой Отеч. войны, работала на оборонных предприятиях, награжд. за доблестный труд в тылу. Родители были людьми верующими, православными, что повлияло на становление творч. индивидуальности М.

С 1980-х М. пользуется псевд., взятым в честь прадеда, человека незаурядного, ефрейтора лейб-гвардии е.и.в. Преображенского полка. Под этим псевд. опубл. мн. публиц. матлы, очерки, книги прозы и поэзии, киносценарии худож. фильмов «Солдаты-призраки» (1990) и «Свидание в театре пепла» (1999).С 1963 в Л-де. Учился в восьмилетней школе № 69 им. А. Пушкина (в здании б. Александровского лицея), в школе № 84 (оконч. в 1967). С 1968 по 1970 проходил срочную службу на архипелаге Новая Земля. Начав службу рядовым, закончил ее сержантом, командиром стрелкового отд. После службы поступил на фак-т журналистики ЛГУ (оконч. в 1976).По окончании ЛГУ работал корр. газ. «Смена», с 1979 — корр. и зав. отделом газ. «Веч. Л-д». В 1985 защитил канд. дис. **«Швейцарская газета *Нойе цюрхер цайтунг* как издание буржуазной качественной прессы»**. С 1989 работает на фак-те журналистики ЛГУ (СПбГУ). В 2001 защитил докт. дис. **«Соотношение содержательных и формальных структур печатного издания»**. Профессор.

Лит. тв-вом начал заниматься еще в школе. С 1965 участник ЛИТО при ред. газ. «Ленинские искры» (рук. В. М. Верховский). Перв. публ. — поэтич. монолог, посвящ. родному городу **«Не надо громких слов — молчанье порою больше говорит...»** (газ. «Ленинские искры», 1966).

Под псевд. Федор Ярцев опубл. стихи **«Солдаты-призраки»** в ж. «Новый мир» (1991. № 3). Под тем же псевд. опубл. кн. прозы **«Ясная луна освещает выпавший снег»** (1990) и сб. поэзии **«Освящение храма»** (1991). В стихах и прозе М. повествует о событиях из жизни «маленьких» (молодых и старых) людей, по разным причинам обделенных теплом и состраданием, человеч. участием. Он внимательно исследует человеч. взаимоотношения, переживания, тончайшие движения души, размышляя о людских утратах и обретениях. Смысл неторопливого, кажущегося бесхитростным повествования высок и трагичен, ибо цель, к кот. стремится художник — исследование природы человека. По М.-прозаику, человек во все времена приходил в этот мир «для хорошего и светлого» (**«Ясная луна освещает выпавший снег»**).

М.-поэт эту уверенность подтверждает — уникальной поэтич. парадигмой, естеств. центром кот. становится сложнейший по семантике и структуре худож. образ Храма, базирующийся на знаменитом обращении Апостола Павла: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас?».

Под собств. фамилией в 2003 изд. кн. стих. **«Форма боли»** как мужественный призыв зрелого, состоявшегося, сильного человека, способного остаться «один на один со своей судьбой» и своими ошибками, призыв к «сочувствию, пониманию и любви».

В 2009 опубл. повесть **«Утро из серебра (интродукция с холодным осенним дождем и первым снегом)»** в сб. петерб. ученых и писателей «Семиосфера: В лабиринте знаков и образов» (переизд. в амер. сетевом изд. «BRIG USA»).

Автор и науч. ред. более 170 филол. исследований, среди кот. получившая широкий отклик в профессионал. среде монография **«Феноменология текста»** (СПб., 2001), посвящ. «содержательным и формальным структурам печатного издания».

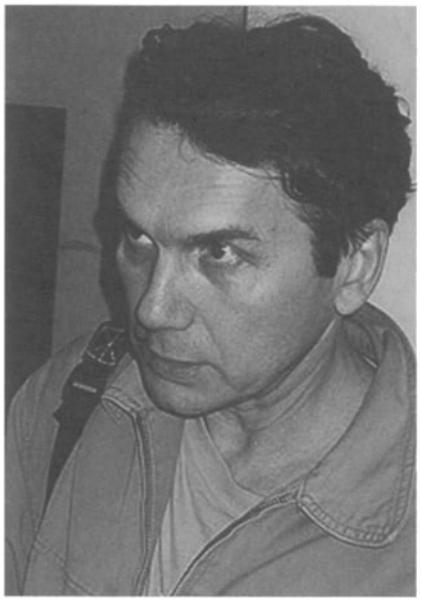
Награжден медалями «За воинскую доблесть» и «В память 300-летия СПб.», почетными грамотами Союза журналистов России, Мин-ва культуры и массовых коммуникаций РФ, Российского профсоюза работников культуры, Мин-ва образования и науки РФ. В 2011 награжден знаком отличия «За заслуги перед профессиональным сообществом» (Союз журналистов России).

Соч.: Ясная луна освещает выпавший снег. Рассказы. Л., 1990; Освящение храма. Стихи и проза. СПб., 1991; Феноменология текста. СПб., 2001; Форма боли: Кн. стихов. СПб., 2003.

Лит.: Ветошкина З. Иррац. концепты в поэтич. цикле Б. Я. Мисонжникова «Мой таинственный дагерротип» // Проблемы интерпретации худож. текста: Мат-лы Всероссийской научно-практ. конф. / Под ред. В. Зиньковской, У. Новиковой. Краснодар, 2010; Ветошкина З., Подзюбанов Е. Новое прочтение «петербургского текста» в поэтич. цикле Б. Я. Мисонжникова «Мой таинственный дагерротип» // Ветошкина З., Подзюбанов Е. Поэтич. цикл: Традиции и новаторство. Saarbruecken: Lap Lamber: Academic Publishing, 2012.

Н. Цветова

МИТЕНЁВ Константин Витальевич (псевд. Тенев) [18.5.1956, п. Большая Ижора Лен. обл.] — литератор, режиссер.



Окончил фак-т радиоэлектроники Политехнического ин-та (1982), учился на английском отд. филологич. фак-та ЛГУ (отчислен в 1986 «за общение с иностранцами»). Работал инженером, библиотекарем.

В 1980 вошел в группу поэтов «Ассоциация» (др. участники: А. Чаговец, О. Немцов, О. Семченко), участвовал в одноименном самиздатском сб. В 1985 стихи М. опубл. в групповом сб. «Звук и снег табличек». В 1980-е посещал «Клуб–81», публ. стихи в ж. «Часы» и «Митином ж.». Выпустил в собств. худож. оформлении самиздатские поэтич. сб. «Теплое утро», «Опля», «Катера патрулей», «Улет легких» (все — 1987), «Леталова дребезь» (1988), «За садом», «Анализ калариты» (1989). Напис. киносценарии **«Пятый вторник. Ольф»** (1986), **«Даун и Наполеон»**, **«Теплое утро»**, **«За тайной»**, **«Детская (по Кобо Абэ)»** (все — 1988), **«Серебряные сердцем»** (совм. с П. Кожевниковым; 1990).

В 1987–89 занимался в киношколе под рук. А. Сокурова. С 1987 — реж. «параллельного кино», в 1988 создал секцию «перпендикулярного кино», в 1988–91 входил в группу «некрореалистов» — «некроромантизм». Работал реж. Лен. студии докум. фильмов, его кинофильм **«Тупые губы»** (1989) был арестован дирекцией студии по идеолог. и эстетич. мотивам.

Автор кинодокум. романа **«Приключение дикого параллела в море другого кино»** (**«Дикий целлулоид»**; 1992), неизданной поэтич. кн. **«Порноинформация: Видеопоэзия»** (1993) и дигитального фильма-романа **«Битые файлы»** (1997).

Участник ряда кинофестивалей и выставок. Получил Медаль Толстого за поэтич. перформанс на русско-французских поэтич. встречах (СПб., 1994). С 1997 — медиа-художник, куратор электронной галереи «Бионэт».

Соч.: Стихи // Часы. 1985. № 53; Стихи // Митин ж. 1988. № 24; Дикий целлулоид: Главы из киноромана // Поэзия и критика. 1994. № 1; Битые файлы. СПб., 1997.

Лит.: 100 имен в совр. искусстве СПб. / Под общ. ред. Е. Коловской. СПб., 1997; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

МИХА́ЙЛОВ Александр Иванович (псевд. Алеко Селигеров) [4.6.1937, д. Тимохино Пеновского р-на Тверской обл. — 19.6.2009, СПб., похоронен в Тверской обл.] — литературовед, прозаик.

Из крестьянской семьи. Отец — начальник сельской почты. Детство М. прошло в д. Залозье. Сестра отца Ксения Михайловна М. в 1910-х служила горничной Императрицы Александры Федоровны. Ст. брат отца погиб в Первую мировую, отец, его мл. брат и племянник — погибли на Великой Отеч. войне. Из рода остался один М. Воспитывался матерью.

В 1961 после службы в армии М. поступил на русское отд. филологич. фак-та ЛГУ. Окончив его в 1966, работал учителем в Забайкалье. Вернувшись в Л-д, в 1968 поступил в аспирантуру ИРЛИ (рук. В. А. Ковалев). В 1971 был принят в Сектор сов. лит-ры. В 1974 защитил канд. дис. **«Поэзия Петра Орешина»**, в 1991 — докт. дис. **«Пути развития новокрестьянской поэзии»**. Ведущ. науч. сотрудник Отдела новейшей русской лит-ры.

Принимал участие в колл. трудах: «История русской сов. поэзии» (В 2 т. Л., 1983); ПСС Н. Гумилева (Т. 1–6. М., 1998–2004); «Русские писатели. XX век: Биобиблиогр. словарь» (В 2 т. М., 1998); «Михаил Зощенко: Мат-лы к творч. биографии» (Т. 2, 3. СПб., 2001, 2002); «Из истории лит. объединений Петрограда-Ленинграда 1910–30 гг.» (Кн. 1. СПб., 2002). Авт. вст. статьи в сб. стих. Н. Клюева «Сердце Единорога» (СПб., 1999). Ред. (совм. с В. Муромским) кн. «Николай Заболоцкий и его лит. окружение» (2003).

Еще в студенч. годы М. открыл «мир поэзии — более глубокий, сложный и желанный, чем была наша тогдашняя жизнь», стихи поэтов Серебряного века переписывал в биб-ках. «К советскому режиму, разорившему и закабалившему крестьянство, репрессировавшему религию и духовность, наложившему путы на свободное проявление творчества, искусства я был глубоко оппозиционен» (Русские страницы. 2006. № 1).

В то время, когда тв-во новокрестьянских поэтов было под запретом, именно работы М., посвящ. Н. Клюеву, С. Клычкову и писателям, входившим в окружение С. Есенина, реабилитировали в общественно-культурном сознании крупнейших представителей «крестьянской» темы, стерли весьма обширное белое пятно в литературоведении. М. «распознал в поэзии Клюева, Есенина, Орешина, Ширяевца новый виток национальной образной мысли» (Л. Киселева). В монографии **«Пути развития новокрестьянской поэзии»**

(Л., 1990) М. осмысляет новокрестьянскую поэзию как целостное явление. В эту группу М. включает широкий круг «русских поэтов — выходцев из крестьян, заявивших о себе в начале 1910-х гг.» (Клюев, Орешин, Есенин, Ширяевец, Ганин, Клычков и др.). Автор обращается и к истории крестьянской поэзии XIX в. и к фольклору, рассматривая их в единстве с философско-эстетич. исканиями нач. XX в., отмечает «органическое родство новокрестьянской поэзии с народно-песенной стихией», что позволило ей «отобразить глубинные черты национального бытия».

М. обладал редким даром целомудренного отношения к биографиям литераторов, тв-во кот. он исследовал. Он умел «касаться самых тайных и странных страниц, не оставляя на них прилипчивых следов, отыскивая соприродный тексту возвышенный и простой отзвук в собственной душе» (Л. Киселева).

М. — пост. участник Клюевских чтений в Вытегре, научн. конф. в Вологде, Томске и др. Председатель Клюевского об-ва «Песнослов» (после кончины его основателя Б. Кравченко в 1993).

Изучение трагич. судеб этих поэтов М. сочетал с исследованием лит-ры Серебряного века (работы о Ф. Сологубе, И. Северянине, М. Кузмине, Н. Гумилеве и др.). По словам коллеги М. по ИРЛИ В. Прокофьева, «в личности М. — интеллигента в первом поколении — совмещалось генетическое родство с землей, ностальгия по крестьянскому миру и приобретенная культура университета, строгое академическое образование. Крестьянский сын оказался одновременно эстетом. Отсюда его непреодолимая тяга к разным направлениям модернизма».

В 1993 вступил в организацию русских монархистов-легитимистов «Российский Имперский Союз-орден», посещал его заседания, участвовал в митингах и крестных ходах; в освоении монархической литры пользовался помощью Н. Брауна. В 1996 М. был избран членом Верховного Света РИСО. Однако в его тв-ве идеология монархизма не проявлена.

В 1998 М. вместе с И. Западаловым создал писательскую ассоциацию «Лит. собрание "Соратники"» и стал ее председателем, гл. редактором ее печ. органа — альм. «Рог Борея» (под его ред. вышло более 30 вып.). В новый писательский союз (один из четырех официальных СП в СПб.) вошли участники Гумилевского, Клюевского, Есенинского, Рубцовского об-в, ЛИТО «Дворянская лира», независимые писатели. Позиция альм. обозначена в пером номере (1998) в ред. вступлении (объединить «всех талантливых литераторов Петербурга, готовых порвать с клановостью, групповщиной, противоборством в своих рядах»), а также в манифесте **«Поэтическому Табору по Петербургу кочевать!»**, кот. был подписан М. с добавлением титула «Барон поэтического Табора». Отмежевываясь от «омертвелой скорлупы» обеих СПб. писат. организаций, кот. М. обозначил как «еврейскую» и «аборигенную», автор манифеста стремится собрать новые «орфеические голоса»; основанием для такого объединения должна послужить «верность не злободневности, не моде, а вечно живым темам... загадочным чарам и ознобу иного измерения нашей жизни, наших случайных встреч, обольщений и разлук — из чего высекаются... божественные искры поэзии». И в строках манифеста, и в названии и оформлении альманаха явно ощутима эстетика Серебряного века.

В 2006 М. вошел в редколл. лит. альманаха «Русские страницы» (гл. ред. — В. Чернышев), выходившего под грифом «Северного союза русских писателей».

Проза М. носит исповедальный, автобиографич. характер. Горькая память о родном крае запечатлена М. в проникновенном очерке **«Окрест Вселукской церкви (Мартирологический портрет края)»** (Мера. 1994. № 2).

В альм. «Рог Борея» (№ 2–12, 1999–2001) М. опубл. цикл **«Странник»** с подзаголовком **«Из романа "Легенда о Лилии"»**. Жанр произведения, носящего налет модернизма, определить сложно: в основе лежат воспоминания детства и юности, переданные в форме потока сознания и мысленных монологов, обращенных к возлюбленной, они чередуются с описаниями своих мистич. видений, снов, ощущений, местами текст переходит в мини-очерки о родных и близких М. Значительная часть уделена эротич. переживаниям автора, начиная с раннего детства. М. рассказывает о своих увлечениях и романах, при этом картины телесной близости сопровождаются детальным воспроизведением физиологич. подробностей. «Странник» лишен худож. вымысла и строго фактографичен; докум. характер придают подлинные имена персонажей и опубликованные в тексте фотографии, включая родственников М. и объект его любви — студентку Валюмку.

В очерке **«На юношеском берегу»** (с подзаголовком «Из книги "Моя Одиссея с Клевером"»)» (Русские страницы. 2006. № 1) М. рассказывает о друге детства — художнике-авангардисте эмигранте Валерии Клевере (Клеверове). М. автор рец. на книги А. Сушко, посвящ. Клеверу (**«О художнике из страны кривого зазеркалья»**, **«Трагедия страны глазами художника»**, **«Графика в грызне с тоталитаризмом»** — «Рог Борея». 2001. № 11 и 12; 2002. № 16).

«Сквозь звездную пыль (Саша Брусов)» (Русские страницы. 2006–12. № 2–7) — воспоминания М. о другом своем товарище, поэте А. Брусове, исполненные нежности и светлой любви к талантливому человеку, чья жизнь загублена одиночеством и водкой. По сути это размышления о судьбе русской лит-ры и русского человека. Очерк дает представление о жизни лит. богемы Л-да 1960–70-х. Мотив автора — «осветить хоть малой памятной свечкой их отгоревшие без ответного тепла и огонька души и строчки».

В мемуарном очерке **«А. И. Павловский в наших с ним пушкинодомских встречах»** (Мат-лы конф., посвящ. памяти А. И. Павловского. СПб., 2006) М. рассказывает об идеологич. противостоянии в Отделе сов. лит-ры ИРЛИ 1960–70-х, рисует портреты своих коллег, среди кот. как адепты марксистских догм, так и «внутренние эмигранты», к кот. М. относит Э. Шубина, И. Смирнова, А. Павловского.

М. — автор предисловия к сб. ст. Л. Дербиной «Крушина» (Вельск, 1994) и статей о ее тв-ве в ж. «Рог Борея»: **«Мемуарный роман о любви» (о кн. Л. Дербиной «Все вещало**

нам грозную драму... Воспоминания о Николае Рубцове») (2003. № 17) и **«О поэзии Л. Дербиной»** (2003. № 20) — последняя предваряет подборку ее стихов в том же номере ж. Взаимоотношения Н. Рубцова и Л. Дербиной М. рассматривает как «любовь-трагедию», выступает против «травли» поэтессы, в ее мемуарах видит «проникновенное раскрытие рубцовской поэзии», постижение «трагического смысла гибели поэта», несшего в себе «вектор к небытию». Стихи самой Дербиной М. определяет как «глубоко выстраданную и потому несущую на себе печать высокой пробы лирику» и находит в них «душу лирической героини, возродившуюся для вечных ценностей бытия». Эти публикации М. вызвали протесты в ряде печ. изданий — в них увидели «оскорбление памяти Н. Рубцова».

М. напис. предисловия к драме Г. Дюмонд «Поэт и Ева» (СПб., 2006), роману В. Чернышева «Боль и любовь» (СПб., 2012), сб. стихов В. Чернышева «Лирический дневник» (СПб., 2012) и др.

Стихи М. опубл. в альм. «Рог Борея», «Русские страницы». Это преимущественно ностальгич. стих. о детстве, юности, ускользающем счастье (**«Телефоны прошлых лет»**, **«Льдяшка-цветок»**, **«Одиночество переполненных улиц»**). Последние стих. М., написанные им уже в период болезни, незадолго до кончины, посвящены родному краю (**«Подъезжая к Пено»**, **«Школьные годы»**, **«Край на уроне (опись памяти)»**).

Соч.: Пути развития новокрестьянской поэзии. Л., 1990; История и судьба в зеркале сновидений (по снам Николая Клюева) // Мера. 1993. № 2; Вст. статья // Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999; В гранитных зрачках Петербурга. Неизвестное о Николае Клюеве в городе на Неве // Рог Борея. 2003. № 18; Александру Солженицыну — 85! // Рог Борея. 2004. № 22; «Я — мужик, но особой породы...» // Н. Клюев глазами современников / Сост. В. Гарнин. СПб., 2005.

Лит.: Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005; Киселева Л. Отлетел... «на безбольные, тихие воды...» (Памяти Александра Ивановича Михайлова) // сайт kluev.org.ua.

А. Любомудров

МИХА́ЙЛОВ Анатолий Григорьевич [14.7.1940, Л-д] — поэт, прозаик.

Родители служили в воен. разведке.

Окончил МАИ, по специальности не работал. Но работал в геофизич. партиях в Магаданской обл. В 1964 вместе с коллегами-геофизиками принял участие в самиздатском сб. прозы и стихов «Мимика», за что был изгнан из экспедиции. В 1974 в связи с пропагандой работ моск. художника-авангардиста А. Цюпы стал героем фельетона в «Магаданской правде», привлек внимание местного КГБ и был вынужден уехать в Л-д.

Работал банковским служащим, сторожем, грузчиком, книгоношей, кочегаром, продавцом изопродукции. В нач. 1970-х соч. музыку на стихи В. Корнилова, И. Бродского, Г. Горбовского, В. Шаламова, В. Лукьянова. В 1974–86 посещал ЛИТО при ДК Профтехобразования (рук. А. Ельянов) и ЛИТО Клуба железнодорожников (рук. И. Бутман). Писал прозу, для кот. характерны очерковая конкретность и достоверность, присутствие автобиогр. эпизодов. Был членом «Клуба–81», выступал с чтениями. Опубл. в ж. «Часы» рассказ **«Последний мастер»**, посвящ. В. Шаламову.

В нач. 1990-х на свои средства выпустил кн. прозы **«У нас в саду жулики»**, **«Записки из коридора»**, **«Мозги набекрень»** и **«Что остается»**. В 1992–97 совершил неск. деловых поездок в США; встречался с К. Кузьминским, читал лекции в Колумбийском ун-те. Опубл. 2 рассказа в ж. «Вестник» (Балтимор). Печ. в ж. «Звезда», «Октябрь», «Новом мире» и др.

Член СП (с 1992).

Играет на семиструнной гитаре. Перв. напис. им песня «Ни страны, ни погоста...» на стихи И. Бродского (1970). Любимый автор — В. Высоцкий.

Соч.: Последний мастер: Рассказ // Часы. 1988. № 72; Рассказы // Октябрь. 1988. № 2; Рассказы // Звезда. 1991. № 8; Рассказы // Вестник (Балтимор). № 8, № 39; Ложный сустав: Рассказы. Л., 1990; Что остается: Повесть, рассказы. Л., 1991; В тяжелую минуту жизни: Рассказы. М., 1991; Грустный вальс: Рассказы. СПб., 1992; Русская крепость. [СПб.], 1996; Мозги набекрень. [СПб.], 1996; Грустный вальс // Новый мир. 2010. № 4.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

МИХА́ЙЛОВ Виктор Николаевич [17.10.1941, г. Копейск Челябинской обл. — 7.5.1990, Л-д] — переводчик.

Родился в семье воен. врачей. В детстве вместе с родителями жил в различных городах СССР и Вост. Германии. Трудовую деятельность начал в 16 лет чернорабочим.

В Л-де жил с 1966. Тогда же поступил на испанское отд. филологич. фак-та ЛГУ (оконч. в 1971). В 1971–72 преподавал в средней школе г. Светогорска (Лен. обл.). С 1972 работал технич. переводчиком (с английского, французского и испанского яз.) в различных НИИ.

В 1970-е занимался в семинаре худож. перевода под рук. Э. Линецкой. Переводил поэзию, прозу, драматургию с испанского яз.

Перв. публ. — перевод стихов кубинского поэта Хесуса Кос Каусе (Смена. 1980. 30 апр.). Опубликованные в 1981 переводы стихов и прозы Мигеля де Унамуно, крупнейшего писателя и философа Испании XX в., показали М. как литератора, обладающего высокой филологич. культурой и наделенного незаурядным дарованием.

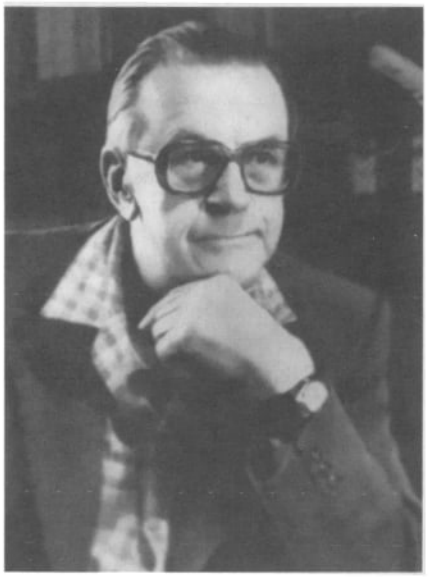
Чрезмерная требовательность к себе сказалась на том, что переводы М. появлялись в печ. сравнительно редко. Часть переводов, оставшихся в рукописи, была опубл. после смерти М.

Осн. перев.: Кеведо Ф. де. Избр. Л., 1980; Унамуно М. де. Избр.: В 2 т. Л., 1981; Мексиканские рассказы. Л., 1982; Из испанской поэзии XVII в. Л., 1983; Арльт Р. Злая игрушка. Л., 1984; Из каталонской поэзии. Л., 1984; Пардо Басан Э. Родовая усадьба Ульоа. Рассказы. Л., 1985; Валье-Инклан Р. дель. Избр. произв.: В 2 т. Л., 1986; Дорога на Сантьяго. Проза и стихи кубинских и лен. писателей. Л., 1986; Бессмертен подвиг ваш. М., 1986; Вовеки живые. Из испанской поэзии военных лет (1936–39). Л., 1987; Испанская новелла XIX в. Л., 1988; Поэзия испанского Возрождения. М., 1990; Хименес Х. Р. Вечные мгновения. СПб., 1994; Рассказы магов. СПб., 2002; Поэзия магов. СПб., 2003; Гарсиа Лорка Ф. Песня хочет стать светом. СПб., 2006; Поэзия испанского барокко. СПб., 2006; Мачадо А. Полн. собр. стихотворений. 1936. СПб., 2007 (ЛП); Чертов крест. Испанская мистич. проза XIX — нач. XX в. СПб., 2009;

Лугонес Л. Огненный дождь. Стихи и рассказы. СПб., 2010.

В. Андреев

МИХА́ЙЛОВ Игорь Леонидович [1(14).10.1913, СПб. — 9.9.1994, Красное Село, похоронен в СПб.] — поэт, переводчик, критик.



Родился в мед. семье: отец — фельдшер, мать (шведка по национальности) — медсестра. О. Юрков: «У него были родственники в Швеции, и по голубизне глаз его можно было принять за варяга, сподвижника Рюрика».

Вскоре после рождения сына семья переехала в Царское Село. Учился в «детскосельской трудовой школе-девятилетке» (б. Мариинской женской гимназии). Писать стихи начал в школьные годы, к чему располагал не только особый царскосельский воздух, но и обстановка в классе, где выпускался рукописный лит.-худ. журнал «Первые шаги». Подталкивал к творчеству и отец, большой любитель поэзии. После оконч. школы и года работы на оптико-механич. з-де М. поступил на филологич. фак-т ЛИФЛИ, кот. окончил в 1937. Некот. время преподавал в школе в Колпино.

Уже к институтским годам относятся перв. публикации стихов М. в ж. «Резец», «Юный пролетарий», в газ. «Смена», где он занимался в лит. группе под рук. И. Я. Бражнина. В 1935 в ж. «Новый мир» была принята его поэма «Братья Котельниковы», но началась борьба с «формализмом», и поэма, построенная на изысканных рифмах, не увидела свет. В 1939 в ж. «Октябрь» опубл. поэма «Матвеев курган», а в ж. «Звезда» — сванетская поэма «Восхождение на Тетнульд», напис. по «спец. заданию» Н. Тихонова. На склоне лет М. напишет в неопубл. поэме «Поэт-гражданин, или Кукиш в кармане»: «Всё было сверхблагополучно / в прологе жизненном моем... / Всё жаловался я, что скучным / и тесным стал мне отчий дом. / По паркам Детского Села / бродя, томился повсеместно, / что, видите ли, слишком пресной / и безмятежной жизнь была. / Меж тем меня от года к году / в журналах стали замечать / и три больших поэмы сходу — / из-под пера — пошли в печать...»

В 1939 М. призван в армию, но, т.к. имел высшее образование, был направлен в «школу одногодичников» в Калинин (Тверь), где в ускоренном порядке готовили «комсостав». Там сотрудничал в газ. воен. округа, написал поэму «Кочмас» (1940) по матлам истории полка, кот. не была опубл. из-за ареста. Поводом к аресту послужила запись в книге жалоб армейской столовой, перефразирующая изв. пушкинскую эпиграмму: «Полугорох, полусупец, / полуплевки, полупомои — / еще не рвёт, но я не скрою, / что скоро вырвет наконец». Друзья, бывшие свидетелями этого поступка, ожидали дисциплинарных мер, но вместо того к их компании приставили сексота-провокатора. И хотя ничего криминального «одногодичники» не говорили, операция, начавшись, должна была закончиться арестом. М. прошел Калининскую тюрьму, Лубянку и Бутырки и был осужден особым совещанием по 58-й ст. на 3 года ИТЛ. О тюремных снах М. вспоминал позднее в стихах: «Мне снилось Детское Село, / где наше детство расцвело, / где мы смешной плели узор / из первых ласк и первых ссор... / Кроватка сына, книжный шкаф, / на лампе желтый абажур... / Покой у прошлого украв, / за письменным столом сижу / и слышу сзади — за стеной — / и легкий шаг, и голос твой... / А за дверьми отец и мать, / и так светло об этом знать, / так ярко чувством жить одним — / что быт родной неколебим...»

По окончании следствия отправлен по этапу в лагерь на Север, в Коми. Отбывал срок в Печорском ИТЛ. Работал на строительстве жел. дороги Котлас — Воркута. «Мы идем с лопатами, с кирками / шествием теней / железнодорожными путями / к насыпи своей. / Крупный дождь сечет нам злобно спины, / бьют в лицо кусты, / а к подошвам липнут мокрой глины / скользкие пласты. / И в грязи болотной по колено, / пока ночь придет, / роем мы, и насыпь постепенно — / желтая — растет...» Довольно скоро М. попал в лазарет с дистрофией. По счастью, лагерный врач обнаружил у М. некот. мед. познания (от родителей) и взял в помощники: «Медицина спасла мне жизнь» (М.). В лагере М. так напрактиковался, что после освобождения (1943), когда был мобилизован на строительство з-да авиационной фанеры в с. Жешарт, продолжил врачебную деятельность. Тогда же познакомился с местным поэтом коми Серафимом Поповым, с кот. сохранил дружбу до конца жизни, переводил мн. его стихи. Воспоминания М. о лагере «Сквозь ненастье» см. в сб. «Распятые» (Вып. 4).

В 1946 М. удалось выехать из Жешарта в Таганрог, где после войны жили его жена и сын (родители погибли в блокаду Л-да). Работал учителем, инспектором РайОНО, лит-консультантом в газ. «Таганрогская правда», руководил ЛИТО. Много писал, печатался в газ., в альм. «Дон». В 1953 в Ростове вышла первая кн. М. — «Мир и труд».

В 1956 реабилитирован. Тогда же отправил в М. в комиссию по работе с обл. авторами рукопись стихов, в т. ч. лагерных. В нач. 1957-го в комиссии прошло ее обсуждение и было принято решение издать кн. («Всё, чем живём»). В кон. 1957 вернулся в Л-д., в 1960 принят в СП СССР.

В Л-де М. начал жизнь профессионального писателя: оставив работу в школе, руководил лит. кружками и объединениями («Нарвская застава», где одним из его учеников был Н. Рубцов, «Строитель», ЛИТО при ДК им. Ленсовета и др.). О. Юрков: «Впервые я познакомился с ним, зайдя в литобъединение при газете "Ленинградский рабочий", кот. заседало на Черной речке. Когда он появлялся в аудитории с внушительным портфелем в руках, низко раскланивался с присутствующими и

приступал к разговору о наших литературных делах, всех нас охватывало чувство глубокого почтения к этому большому — в первом смысле этого слова — человеку <...> Любимое его слово — неожиданность. Вот едва ли не главный критерий в его оценке произведения». Много писал, в т.ч. критич. статьи и целые циклы («Семь Марин Цветаевых», «Сестра таланта», «Поэзия и неожиданность», «В защиту рифмы» и др.), ездил в творч. командировки по стране, переводил стихи поэтов коми, Белоруссии, Татарстана, Ср. Азии и др. Некот. время работал в отделах поэзии ж. «Нева» (с Вс. Рождественским) и «Звезда».

«Для души» М. выполнил огромный труд: переписал в ГПБ все сборники стихов Н. Гумилева и М. Цветаевой и выпустил «самиздатом» машинописный двухтомник Гумилева (его видела и одобрила А. Ахматова) и однотомник Цветаевой.

С Ахматовой М. встречался в 1964 (см. воспоминания в сб. «Я всем прощение дарую...». М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006).

С 1934 состоял в переписке с И. Сельвинским, был составителем и автором примеч. к однотомнику Сельвинского в «Б-ке поэта» (1972), автором вст. ст. «Поэтический подвиг» к эпопее Сельвинского «Три богатыря», ему посвящено неск. стихотворений, в т.ч. неопубл. поэма «Илья Сельвинский в Коктебеле».

М. выпустил 13 кн. стих., 3 кн. переводов.

О. Юрков: «...его привязанность к Ленинграду была непререкаема. Он рассказывал, как агитировал его к переезду в Москву Борис Абрамович Слуцкий, не понимавший, как с таким большим поэтическим дарованием он "застрял" в Ленинграде, так как в столице он стал бы в один ряд с наиболее популярными современными поэтами. Игорь Леонидович, однако, не согласился...»

Архив передан в ГЛМ, ф. 239, инв. 9873; частично хранится в фондах Дома-музея И. Сельвинского в Симферополе (см.: И. Степанова. Коктебель: страница жизни и тв-ва И. Л. Сельвинского и И. Л. Михайлова: По мат-лам фондов Дома-музея И. Сельвинского в Симферополе). Автобиография М. хранится в краеведч. музее г. Пушкина.

Соч.: Мир и труд. М., 1953; Все, чем живем. Л., 1958; Возвращение. Л., 1961; Поздняя любовь. Л., 1966; Короткие волны. Л., 1968; Добрые семена. Л., 1969; Стук колёс. Л., 1974; Правый берег. Л., 1974; Командировка в прошлое. Л., 1980; Радостная слава. Л., 1983; Розовые облака. Л., 1985; Золотые имена. Л., 1986; Предгорья. Л., 1988; Сквозь ненастье // Распятые: Писатели — жертвы полит. репрессий. Вып. 4. / Авт.-сост. З. Дичаров. СПб., 1998.

Лит.: Писатели Л-да. Л., 1988; Шалыт А. 1) Наши выдающиеся земляки: Игорь Михайлов — поэт и узник // Царскосельская газ. 2002. 27 март. № 24 (9346); 2) Наши выдающиеся земляки: Игорь Михайлов — поэт и узник // Царскосельская газ. 2002. 30 март. № 25 (9347).

Л. Михайлов

МИХА́ЙЛОВ Юрий Леонидович [8.6.1933, Л-д — 5.9.1990, Л-д] — поэт.

Родился в семье слесаря-инструментальщика и фельдшера. В дальнейшем родители стали работать на Лен. паровозостроительном з-де им. Егорова, и семья переехала в Л-д.

Окончил ср. школу № 281 Ленинского р-на Л-да, а затем обучался на отд. журналистики филологич. факта ЛГУ. Учился на филфаке вместе с М. Красильниковым и Э. Кондратовым. 1 дек. 1952 вместе с ними устроил в университетской аудитории несанкционированное костюмированное выступление в пародийно-русофильском духе, в связи с чем все трое были исключены из ун-та сразу после статьи в «Комсомольской правде» под назв. «Трое с гусиными перьями» (Комсомольская правда. 1952. 11 дек.). После смерти Сталина восстановился в ЛГУ, закончил полный курс в 1957 по специальности «русский язык и лит-ра».

С 1958 работал в Лен. ин-те физической культуры им. П. Лесгафта ст. лаборантом. Одновременно активно занимался журналистской работой: был внештатным корр. газ. «Веч. Лен-д», Лен. радио, моск. ж-ла «Легкая атлетика». Работал в ж. «Костер».

С 1960 приступил к работе в ЛИТМО в редакции газ. «Кадры приборостроению"». Сначала был ее лит. сотрудником, с 1964 — отв. секретарем, с 1966 — редактором газ. Работу в ЛИТМО прекратил в сер. 1989, отработав в газ. 29 лет.

Учился на филологич. фак-те ЛГУ (отд. журналистики) вместе с М. Красильниковым и Э. Кондратовым. 1 дек. 1952 вместе с ними устроил в университетской аудитории несанкционированное костюмированное выступление в пародийно-русофильском духе, в связи с чем все трое были исключены из ун-та сразу после статьи в «Комсомольской правде» под назв. «Трое с гусиными перьями» (Комсомольская правда. 1952. 11 дек.). После смерти Сталина восстановился в ЛГУ и закончил его.

В 1950-е писал стихи в духе русского футуризма, некот. сочинил совм. с М. Красильниковым. Участвовал в выпуске самиздатских поэтич. альм. «Брынза» (осень 1952) и «Съедим брынзу!». Работал в ж. «Костер» и в многотиражке «Кадры приборостроения».

Умер от инфаркта. Личный архив погиб во время пожара незадолго до смерти.

В 2001 в СПб. вышел сб. стихов М. и М. Красильникова **«Творения»**, куда вошли стихи М. **«Блестят седины старика...»**, **«Замолкли гармони зовущие звуки...»**, **«О зачем, зачем, о боги...»**, **«Когда расцветут обещаний бутоны...»**, **«Ведь все проходит без возврата...»**, **«Лесник»** и др.

Соч.: Стихи // Аврора. 1991. № 10; Стихи // Старшие авторы филологич. школы. Творения. СПб., 2001 (совм. с М. Красильниковым); [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Кузьминский К. У Голубой лагуны. Т. 1. Ньютонвилль, 1980–86; Лосев Л. Памяти Юры Михайлова (Стихот-

ворение) // Аврора. 1991. № 10; Уфлянд В. Неофутурист с гусиным пером [о Ю. Михайлове] // Там же; Лосев Л. Тулупы мы // НЛО. 1995. № 14; Мат-лы о филологич. школе // Лит. обозрение. 1997. № 5; Уфлянд В. «Если Бог пошлет мне читателей...». СПб., 1999 (2000); Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

МИХА́ЙЛОВА Ирина Михайловна [26.6.1955, Л-д] — переводчик, лингвист, переводовед.

По окончании школы № 207 с углубл. изучением английского яз. в 1972 поступила на нидерландское отд. филологич. фак-та ЛГУ, кот. окончила в 1977. По окончании ЛГУ стала работать преподавателем нидерландского яз. и лит-ры на кафедре скандинавской филологии ЛГУ; в наст. вр. — проф. Читает лекции по истории нидерл. лит-ры, теоретич. грамматике, истории нидерл. яз., теории перевода, ведет спецкурсы по стилистике нидерл. яз., основам нидерл. стихосложения, худож. переводу. Член редколл. ряда сб. науч. статей. Под рук. М. защищаются магистерские и канд. дис. по теории перевода, теории нидерл. яз., истории нидерл. лит-ры. Пед. деятельность П. отмечена Почетной грамотой Минва высшего образования РФ (2009).

В 1987 защитила канд. дис. **«История сослагательного наклонения в нидерландском яз.»** (рук. проф. В. П. Берков), в 2008 — докт. дис. **«Язык нидерландской поэзии и проблемы поэтич. перевода»** (науч. конс. В. П. Берков). Науч. интересы М. — теория перевода, история нидерл. лит-ры, сопоставит. лингвистика. Список науч. трудов М. включает более 100 наим., в т. ч. учебник нидерл. яз. **«Goed zo!»** (в соавт. с Х. Боландом, СПб.; Амстердам, 1997–2004), широко используемый в отеч. университетской практике преподавания и удостоенный премии филол. фак-та (2005), монографию **«Язык нидерландской поэзии и проблемы поэтич. перевода»** (СПб., 2007), самоучитель по русскому яз. для носителей нидерл. яз. **«Russisch leer je zo»** (соавт. Л. Фенелл, М. Тенгберген, 11-е изд. 2011).

С 1992 публ. переводы произведений худож. и докум. прозы, поэзии и драматургии нидерландских и фламандских авторов XVI–XXI вв., как для взрослых, так и для детей. (Й. Хейзинга, С. Нотебоом, А. Ф. Т. ван дер Хейден, К. Верхейл, М. Нейхоф, Г. Гезелле, М. Бисхёвел, К. ван хэт Реве, Я. Волкерс и др.). При выборе текстов для перевода исходит из их эстетич. и этич. достоинств.

Залог творч. активности М. видит в следовании университетским традициям, воспринятым ею от ее науч. руководителей — М. И. Стеблин-Каменского и В. П. Беркова. Учителями по худож. переводу считает И. П. Стреблову, чьи семинары при СП (на основе немецкой лит-ры) посещала в 1982–88, и нидерл. писателя и слависта Кейса Верхейла, кот. детально анализировал выполненные М. переводы его романов. М. освоила принципы как отеч., так и нидерл. школы перевода, кот. и стремится синтезировать на практике.

М. ставит перед собой цель не только переводить нидерландских и фламандских авторов, но и приближать их к русскому читателю. В рамках культурной программы «Окно в Нидерланды» она совм. с К. Верхейлом и петерб. поэтом А. Пуриным с 1999 по 2006 ежегодно проводила «Нейхофовские чтения»: вечера новых переводов нидерландской и фламандской поэзии. Продолжением этой линии стал созданный по ее инициативе двухтомный учебник по истории нидерландскоязычной лит-ры «От Лиса Рейнарда до Сна богов» (2013).

В 2005 деятельность М. по переводу и популяризации нидерл. лит-ры в России отмечена премией Нидерландского лит. фонда «NLPV-vertalersprijs». В 2011 за вклад М. в укрепление российско-нидерл. культурных связей ей вручена премия Посольства РФ в Нидерландах RusPrix.

Член СП СПб., Об-ва нидерландской словесности (г. Лейден) и Гильдии мастеров перевода.

М. уделяет большое внимание подготовке следующего поколения переводчиков с нидерландского яз. на русский: с 1997 руководит семинарами по худож. переводу в Голландском ин-те в СПб. (совм. с С. А. Степановым), преподает на междунар. семинарах по худож. переводу, организуемых Нидерландским центром по худож. переводу при Утрехтском ун-те (Антверпен 2003, Утрехт 2006, Антверпен 2012), сопровождает молодых переводчиков по системе «ментората», разработанной указанным Центром. В 2007–11 вела курс перевода в Амстердамском ун-те и мастер-классы по худож. переводу в Утрехтском ин-те переводчиков.

Соч.: О каламбурах, ребусах и прочих головоломках в поэзии Х. Каувенара // Язык и культуры. Мат-лы конф. «Бельгия — Нидерланды — Россия». Вып. 2. М., 1999; Голландская лит-ра в русских переводах кон. XIX — нач. XX в. Луи Куперюс // Начало века. СПб., 2000; Over Nederlandstalige literatuur in Rusland // Neerlandica extra muros. XXXIX, 1 februari 2001; Нидерл. лит-ра по-русски: два века истории // Схелтьенс В. Библиография нидерл. лит-ры на русском яз. СПб., 2003; Naar Rusland via Berlijn. Over de Russische vertaling van «Allerzielen» // Taal en cultuur in vertaling. Antwerpen-Apeldoorn, 2004; О значении внетекстовой информации при восприятии стихотв. произведения // Скандинавская филология. Scandinavica. Вып. VII. СПб., 2004; Стихотворение Х. Марсмана «Воспоминание о Голландии» и его русские переводы // Вестник СПб. ун-та. Сер. 9. Вып. 2. 2006; Vondels Rijnstroom stroomt door Rusland // De taal van Peter de Grote. Leuven, 2006; Over de Russische vertaling van Nederlandse poëzie en het beeld van Nederland in Rusland // Met het oog op Nederland. Amsterdam, 2007; Denkend aan Holland in Rusland // De zwijgende kastelen op jouw heuvels. Nederland door Russische ogen. Amsterdam, 2007; Uit de geschiedenis van de Russische vertalingen van de Nederlandse literatuur // Internationale Neerlandistiek. 2009. Okt.; О трех переводах стихотворения М. Нейхофа

«Ребенок и я» // Скандинавская филология. Scandinavica. Вып. X. СПб., 2009; Uit liefde voor de kunst // Filter. Tijdschrift over vertalen/ Jaargang 18. Nr. 3. Sept., 2011; Из истории изучения русского яз. в Нидерландах // Скандинавская филология. Scandinavica. Вып. XII. СПб., 2012; Gorter in het Russisch // Between West and East / Festschrift for Wim Honselaar. Pegasus Oost-Europese Studies 20. Amsterdam, 2012; Überzetzungsprobleme am Beispiel niederländisch-russischer Lyrikübersetzungen // Russische Übersetzungswissenschaft an der Schwelle zum 21.Jahrhundert. Berlin, 2013.

Перев.: Й. Хейзинга. Об ист. жизненных идеалах и др. лекции. London, 1992; Й. Дриссен. Царь Петр и его голландские друзья. СПб., 1996 (в соавт. с Д. Ливервым); К. Верхейл. Вилла Бермонд. СПб., 1998; А. Ф. Т. ван дер Хейден. Битва за Синий мост. СПб., 1999; К. Верхейл. Танец вокруг мира. СПб., 2002; М. Мейстер. Козлиная песнь. СПб., 2002; Поэты о Репине (Брассинха, Ходейн, Йеллема, Копланд, Оостерхофф, Рави, Де Ваард и др.) Groningen, 2002; М. Нейхоф. Перо на бумаге. СПб., 2003 (в соавт. с А. Пуриным); С. Нотебоом. День поминовения. М.., 2004; М. Велтхейс. Лягушонок и чужестранец. М., 2005; Я. Х. Леополд. Стихи. СПб., 2005; Щ. Кейпер. Перочинный нож. СПб., 2006; Г. Гезелле. Если сердце слышит. СПб., 2006; Г. Ахтерберг. Ода Гааге. СПб., 2007; М. Бисхёвел. Морские рассказы. СПб., 2008; Л. Коойманс. Художник смерти. Анатомич. уроки Фредерика Рюйша. СПб., 2009 (перев., ред.); К. Верхейл. Соната «Буря». СПб., 2010; Леувен Й. ван. Пип! М., 2010; Вейр Х. де. Арктические плавания Виллема Баренца 1594–97 гг. М., 2011; Данциг Р. ван. Вспоминая Нуреева. След кометы. СПб., 2011; Хаген Х. и М. Всех любимей ты. М, 2011 (в соавт. с М. Ясновым).

А. Яковлева

МИХА́ЙЛОВА (по мужу Щёкотова) Татьяна Дмитриевна [2.5.1949] — поэт.

Окончила отд. журналистики филологич. фак-та ЛГУ. Преподавала английский яз. в детском саду.

Занималась в ЛИТО Гл. Семенова. Стихи печ. в ж. «Часы», были включены в «Антологию женской поэзии» (1980; изд. не заверш.) и антол. «Острова» (1982). Была членом «Клуба–81», участвовала в сб. «Круг».

Соч.: Стихи // Часы. 1977. № 10; Стихи // Острова: Антология лен. неофициальной поэзии. Л., 1982; Стихи // Круг: Лит.-худож. сб. Л., 1985.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

МИ́ХИН Николай Сергеевич [29.3. 1942, с. Юсово Раненбургского (Чаплыгинского) р-на Рязанской (с 1954 — Липецкой) обл.] — поэт, прозаик.

С 1954 проживает в СПб. В 1973 закончил историч. фак-т ЛГУ. На основе дипломной работы М. (1973) подготовил кн. **«Балтийское морское пароходство в период Великой Отеч. войны»** (науч. ред. В. Бурков, 2002).

Работал слесарем промкооперации, экскурсоводом, матросом дальнего плавания, зам. руководителя территориального отд. милиции. Посл. должность — инженер по охране труда в автопарке. Награждён восьмью медалями СССР и РФ: «Ветеран труда», «За безупречную службу», «Двадцать лет Победы над Германией», «Триста лет Российскому флоту» и др. Член Международной писательской ассоциации баталистов и маринистов, рук. секции перевода в «Многонациональном СПб.». Рук. ЛИТО «Путь на моря» им. Вс. Азарова. Гл. ред. альм.-ежегодника «Поэтич. фарватер». Член обществ. совета ООК «Аврора». Долгое время руководил дискуссионными поэтич. чтениями при Центре дополнительного образования Лен. обл. С 2006 по 2010 рук. лит. студией «Фарватер» при Гос. ун-те водных коммуникаций. Был ред. и сост. неск. колл. сб. стихов, в т. ч. «Антологии петерб. поэзии нач. XXI в.». Член ред. совета ж. «Невский альм.» и газ. «Петерб. кадетство». Сопредс. клуба юмористов СПб. Дипломант 4-го фестиваля юмора «Русский иронич. стих — 2011» в Кстове. Лауреат поэтич. конкурса «Светлые стихи — 2000» и обл. поэтич. конкурса «Душа России». Член-корр. Петровской АН и искусств (секретарь лит. секции ПАНИ). Член СП России с 2005.

Перв. публикация — в районной газ. Липецкой обл. (1959). В Л-де занимался в ЛИТО у Гл. Семёнова, С. Ботвинника, Н. Яворской, Вяч. Кузнецова. В тв-ве многогранен, работает и в лирике, и в прозе. Вяч. Кузнецов с учительской гордостью наз. его «многостаночником».

Стихи М. отличаются открытостью и непосредственностью. Положительные отзывы и рец. на них неоднократно появлялись в газ. «Сов. Балтика» (позднее — «Моряк Балтики»), «Знамя Ленина» (Липецкая обл.), «Ленинский путь» (Курская обл.), «Коммунист Заполярья» (Игарка), «Сов. Аджария», «Калининградская правда», в ж.-бюллетене Мин-ва морского флота СССР «Вымпел». Участвовал в колл. сб. «Подкова», публ. в газ. «Смена», «Веч. Л-д», «Морской газ.», ж. «Вокруг смеха», «Русский мир», «Аврора» и др. С. Ботвинник говорил о М.: «Одарённый и трудолюбивый профессиональный поэт, он умело продолжает поэтические традиции А. Твардовского и нашей петербургской школы. Николай имеет свой широкий круг читателей. Его читают все: мужчины и женщины, дети и старики, рабочие, крестьяне, военнослужащие, представители творческой интеллигенции. Эти стихи доставляют им радость».

Лирика М. иронична. В одной из ранних рец. отмечалось: «Иногда — мягко, с юмором, иногда — едко и зло он высмеивает отрицательные явления, кот. не изжиты ещё в нашем обществе». Выпустил сб. **«Магнитные бури»**, **«В нашем доме»** (1993), **«Седина в бороде»**, **«Азбука смутного времени»**, **«Манускриптум»** (1996), **«Усмешки и насмешки»** (2000), **«Козлиада»** (2002), **«Стихотерапия»**, **«Парадоксы Овна»** (2005), **«Всякая всячина»**. А. Соколовский признает, что добрый юмор, житейская ирония «больше всего автору удаются... он умеет находить нужные детали, создающие

такой настрой, любит обыгрывать слова и понятия, придавая им другое значение». Поэт-сатирик Л. Гаврилов: «... ещё жива стихотворная сатира... Читаю стихи и убеждаюсь в главном: автор добр, он лукаво посмеивается и над собой, и над происходящими в стране допослеперестроечными событиями, при этом некоторые строчки звучат сегодня, как звонкая оплеуха: "В законе вор, когда у вора / Защитник в ранге прокурора"».

Перв. кн. стихов «**Мили и вёрсты**» вышла в 1991 в изд. «Фарватер» (СПб.) под ред. В. Кузнецова. К наст. времени изд. около 40 поэтич. сб. и 6 кн. прозы. Положительные отзывы получил трёхтомник избр. произведений, куда вошли лирика, детские стихи и переводы (1 т. — «Два начала»); иронич. стихи, сатира, юмор, пародии (2 т. — «Магнитные бури»); худож. проза (3 т. — «Арминда»). В. Шошин в рец. «Приглашение к путешествию» был восхищен «необычностью видения мира» поэта, а в переводах М. увидел поэта-патриота, интернационалиста, чье письмо «не просто интересное чтение, для молодёжи это и школа жизни». Б. Орлов отмечал единство многообразия, кот. «выражается в любви к Родине (большой и малой), к природе, женщине, детям, животным, в доброте и в то же время в ненависти ко всему, что противостоит этой любви и доброте».

М. собрал сб. худож. прозы «**Тысячами нитей**», созданной на докум. основе и посвящ. трёхсотлетнему юбилею российского флота. «Без сомнения можно отметить, что история военного Ленинграда пополнилась ещё одной значительной работой, существенно дополняющей наше представление о тех далёких годах» (В. Афанасьев).

Отд. стих. М. положены на музыку (композ. Т. Михайлова, В. Завещевский, В. Стратуца, Е. Буркова, В. Иванов, И. Мелехин). Цикл стихов о городе, о войне переведён на армянский яз. (А. Геворгян). Стихи М. публ. в русскоязычных изд. США («Русские в Анталье») и Великобритании («Что есть истина»).

Соч.: Мили и вёрсты. СПб., 1991; Начало Земли. СПб., 1992; В нашем доме. СПб., 1993; Конец века. СПб., 1994; Сезон дождей. СПб., 1995; Седина в бороде. СПб., 1996; Азбука смутного времени. СПб., 1996; Венки на волне: Докум. очерки. СПб., 1996; Морячка. СПб., 1997; Бусы для Маши. СПб., 1997; Лукоморье. СПб., 1997; Славная дата. СПб., 1998; Память сердца. СПб., 1998; Дача Долгорукова, хроника 50-х: Рассказы. Хабаровск, 1998; Перемена судьбы. СПб., 1999; Икарушка. СПб., 2000; Здравствуйте, дяденьки и тётеньки: Рассказы о детях. СПб., 2000; Балтийское морское пароходство в период Великой Отеч. войны. СПб., 2002; Альма матер: Повесть и рассказы. СПб., 1992, 2000; Усмешки и насмешки. СПб., 2000; Продолжение Наумиады. СПб., 2000; На грани века. СПб., 2001; Избр. стих. СПб., 2002; Козлиада. СПб., 2002; Воробьиное блаженство. СПб., 2004; Икарушка в 21 в. СПб., 2004; Дети Дедала. СПб., 2005; Стихотерапия. СПб., 2005; Путь к горизонту. СПб., 2005; Качели. СПб., 2005; Парадоксы Овна. СПб., 2005; Причащение. СПб., 2007; Избр. соч.: В 3 т. СПб., 2007; Всякая всячина. СПб., 2008; Хорошие вы собаки. СПб., 2008; Морская диалектика. СПб., 2009; Путешествие из Петербурга в Италию и обратно. СПб., 2009; Швейцарская баллада. СПб., 2009; Дороги большие и малые. СПб., 2010; В новом веке. СПб., 2012.

Лит.: Львова Е. Лирич. голоса // Сов. Балтика. 1961. 8 июл.; Ботвинник С. Волне навстречу // Волне навстречу: Сб. Л., 1965; Спичка А. «Футболисты, лобзаться, виват!» // Смена. 1985. 5 окт.; Викулин Е. Творч. отчёт Н. Михина // Знамя Ленина. 1987. 8 июл.; Раков А. Предисл. к подборке стихов // Балтийский курьер. 1993. № 6, март; Круглов В. Морем грезил с детства // Морская газ. 1996. 18 июл.; Орлов Б. «Я, как кошка по мачтам лазаю...» // Флот. 1996. 18 июл.; Кузнецов В. Глубоки народные корни // Морская газ. 1997. 18 февр.; Муриков Г. Петерб. прорыв // Лит. Петербург. 1998. № 5; Он же. Диалектика рая и ада // Русский мир. 1999. № 12; Пантелеймонов Н. «Я сердцем всё вижу и слышу» // Русь. 2000. № 2; Гаврилов Л. Усмешки Н. Михина // Вестник ветерана. 2001. № 8; Соколовская А. «Как мы живём, потомки древних антов» // Время. 2002. 25 мая; Козловцева Р. «Я в гостях здесь, а будто бы дома» // Лебедянские вести. 2004. № 122; Лесник К. Новые книги М. Балашова и Н. Михина // На страже Родины. 2004. 26 авг.; Шорина М. Лечимся смехом // Народный лекарь. 2004. 19 мая; Егорова Е. В больнице // Целитель плюс. 2005. 5 окт.; Ковалёв В. О кн. Н. Михина «Магнитные бури» // Михин Н. Магнитные бури. СПб., 2007; Скворцов В. Книга, наполненная теплом и духовностью // Невский альм. 2007. № 3; Бондаренко А. В эпицентре «Магнитных бурь» Н. Михина // Невский альм. 2007. № 5; Слепак Э. Н. Михину — 65 // Невский край. 2007. № 9; Мальцева А. Чествование улыбчивого поэта // Лит. Петербург. 2007. № 63; Махнёв Н. Русской души немолкнущие струны // На страже Родины. 2007. 1 июн.; Бондаренко А. «Два начала» Н. Михина // Невский альм. 2007. № 3; Маковкин Л. Яркое слово большого таланта // Путь к горизонту. СПб., 2008; Аксёнова С. О стихах Н. Михина // Что есть истина. Лондон, 2009. № 018; Лестева Т. Критика критики // Аврора. 2010. № 3–4; Слепак Э. Коротко об авторе кн. // Михин Н. В новом веке. СПб., 2012.

Э. Слепак

МИХНОВЕ́Ц Надежда Геннадьевна [30.1.1956, г. Миасс Челябинской обл.] — историк русской лит-ры, педагог.

Родилась на Южном Урале. В истории ее семьи, о кот. она опубл. кн. «**Род, семья, человек в потоке времени**» (СПб., 2011), причудливо переплелись, пройдя мн. испытания российской жизни XIX–XX вв., старообрядческая линия кержаков (беспоповцев) и — православных, признававших официальную церковь, ветвь уральских казаков и — польского ответвления старинного рода Капорских. Любовь М. к русской лит-ре в детстве определил отец, Г. П. Медведев, в школьные годы поддержала учитель лит-ры — Г. И. Бронштейн.

В 1979 М. с отличием закончила фак-т русского яз. и лит-ры Магнитогорского гос. пед. ин-та, защитив дипломную работу по роману «Воскресение» Л. Толстого под рук. Е. Л. Лозовской. В 1979–80 работала учителем русского яз. и лит-ры в ср.

школе № 10 г. Миасса, с 1980 по 1984 — ассистент в МГПИ.

С кафедрой русской лит-ры ЛГПИ им. А. Герцена (РГПУ) М. связана с 1981: сначала как участник Герценовских чтений и стажёр, с 1984 как аспирант (науч. рук. проф. Я. С. Билинкис). В 1990 защитила канд. дис. на тему **«Взаимодействие повествовательных и драматических начал в тв-ве Л. Н. Толстого 1880-х гг. ("Смерть Ивана Ильича", "Власть тьмы", "Плоды просвещения", "Крейцерова соната")»**. Уважение и благодарность к учителю легли в основу работы М. над кн. **«Человек в потоке времени: Профессор Я. С. Билинкис»** (СПб., 2003) в кач-ве её автора-сост.

С 1989 М. начала преподавательскую деятельность и прошла путь от ассистента до доц. (с 1994) и проф. (с 2011) кафедры русской лит-ры РГПУ. На филологич. фак-те читает курсы **«Основы науки о лит-ре»**, **«История русской лит-ры второй пол. XIX в.»**, **«Историч. поэтика драмы»**, ведёт дисциплины по выбору **«Драма и театр»**, **«Русская классика в мире современного Петербурга»**, **«Прецедентные произведения и темы в диалогах культур и времен»** и др. Большое внимание уделяет работе со студентами.

В 2007 защитила докт. дис. на тему **«Прецедентные произведения и прецедентные темы, их место и роль в тв-ве Ф. М. Достоевского»**. Статьи М. посвящ. таким произведениям классика, как «Господин Прохарчин», «Двойник». «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья». Для словаря-справочника «Достоевский: Сочинения, письма, документы» (под ред. Г. Щенникова, Б. Тихомирова. СПб., 2008) ею написаны ст. **«Мечтатель»** и **«Кроткая»**. М. приняла участие в подготовке V тома нового академ. ПСС Достоевского. В своих посл. статьях рассматривает «дарвинский» дискурс в прозе Достоевского, Л. Толстого и Чехова.

Я. Билинкис в ряде работ уделял внимание вопросам соотношения драматического и эпического, взаимодействия драмы и театра, и М. продолжила занятия в этом направлении: в трёхтомном учебнике для вузов «История русской лит-ры XIX в.» (под ред Е. Анненковой, О. Евдокимовой. М., 2011) ей принадлежат не только главы **«Русская лит-ра XIX в. как метатекст (темы, сюжеты, герои)»** (в соавт. с Ю. Балакшиной), **«А. П. Чехов»**, но и — **«Драма и театр: тенденции развития»**, а в колл. монографии «Театр и лит-ра: на пересечении границ» (СПб., 2013) — большой раздел **«Русский театр в движении от Островского к Чехову»**. Интерес к истории русского драматич. театра стал импульсом для участия М. в кач-ве автора статей и члена редколл. энц. «А. Н. Островский» (под ред. И. Овчининой. Кострома, Шуя, 2012). В статьях М. об Александринском и Мариинском театрах ею сделан экскурс в репертуарную политику императорских театров XIX в., представляющий живое свидетельство не только отношения театрал. администрации к пьесам Островского, но и вкусов публики, обеспечивающей рейтинг произведений Островского, в СПб. отличный от М. Для этого энц. издания ею был впервые собран и описан мат-л по теме «Островский в Петербурге». М. — член коллектива, приступившего в 2013 к работе над первым ПСС и писем А. Островского.

Поэтике прозы и драмы Л. Толстого посвящ. не только канд. дис. М., но и работы, созданные позже. Статьи о неск. толстовских рассказах 1900-х были опубл. в энц. «Л. Н. Толстой» (под ред. Н. Бурнашевой. М., 2009). М. интересуют вопросы биографии Л. Толстого, она приняла участие в двух изданиях энц. «Лев Толстой и его современники» (под ред. Н. Бурнашевой. М., 2009, 2010), предложив более десяти статей (о В. Дале, Ф. Достоевском, Н. Чернышевском, Г. Успенском; Ч. Диккенсе, Д. К. Кенворти и др.), а в 2013 включилась в подготовку третьего изд., для кот. напис. статьи о малоизвестных современниках писателя. В 2013 вышла в свет подготовленная ею кн. ***«Софья Толстая*. Любовь и бунт. Дневник 1910 г.»**, в кот. предпринята попытка передать глубину и сложность драматич. событий яснополянской жизни лета и осени 1910-го благодаря сведению в *единый текст* неск. док-тов этого времени: с одн. стороны, дневников С. А. Толстой, с др. — дневниковых записей и писем Л. Толстого, писем В. Черткова, дневников Д. Маковицкого, В. Булгакова, воспоминаний сыновей Толстого, а также его дочерей Татьяны и Александры.

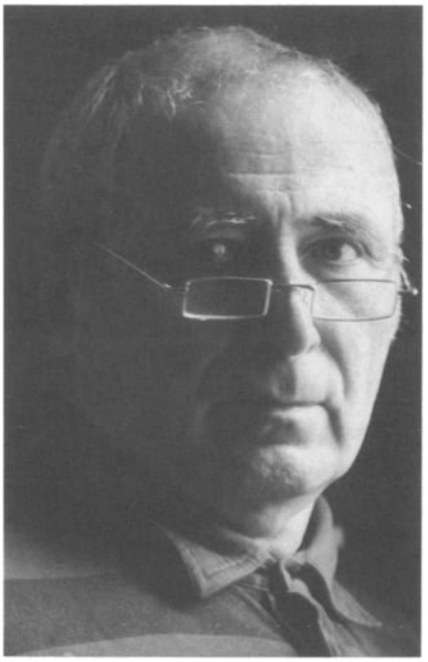
Автор более 100 работ, выступила соред. сб. науч. статей «Русская классика: Между архаикой и модерном» (СПб., 2002) и «Русская словесность: Проблемы эволюции и поэтики» (СПб., 2008), приняла актив. участие в популяризации русской классики, опубл. в изд-ве «Азбука» вст. статью и комм. к повести Достоевского «Записки из подполья», комм. к роману Толстого «Воскресение» и к его философским трудам «Исповедь» и «О жизни». С 1993 пост. участник различных междунар. симпозиумов и конференций.

Награждена Почётной грамотой Мин-ва образования и науки РФ (2006).

Соч.: «Кроткая»: муз. и лит. контекст // Достоевский: Мат-лы и иссл. Т. XIII. СПб., 1996; Диалогическое в «Крейцеровой сонате» Л. Н. Толстого // Яснополянский сб. 1998. Тула, 1999; Механизм смыслопорождения в «Кроткой»: к проблеме Автор — Читатель // Достоевский и мировая культура. Альм. № 13. СПб., 1999; Выражение авторской позиции в драматургии Л. Толстого («Плоды просвещения», «Живой труп») // Pro memoria. Памяти акад. Г. М. Фридлендера. СПб., 2003; «Аще забуду тебе, Иерусалиме...» Место и значение 136 псалма в семантической системе финала «Братьев Карамазовых» // Достоевский и мировая культура. Альм. № 19. СПб., 2004; «Двойник» в историколит. перспективе // Достоевский и мировая культура. Альм. № 20. СПб.; М., 2004; Варианты бытования сакрального текста как факторы его устойчивости и продуктивности в русской культуре // Филологические науки. 2006. № 6; Прецедентные произведения и прецедентные темы в диалогах культур и времен. Место и роль прецедентных явлений в тв-ве Ф. М. Достоевского. СПб., 2006; «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса как произведение-посредник и тип культуры // Евангельский текст в русской лит-ре XVIII–XX вв.: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. Вып. 5. Петрозаводск, 2008; «Дарвинский» дискурс в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore, a cura di Stefano Aloe. Napoli, 2012; Бесконечно близкие и бесконечно далёкие // Толстая С. Дневник 1910 г. СПб., 2013 (вступ. ст., комм., указатели); Театр и лит-ра: На пересечении границ. СПб., 2013 (в соавт.).

Е. Таборисская

МИ́ШИН Валерий Андреевич [14.1. 1939, Симферополь] — художник, поэт, прозаик.



Отец — школьный учитель, мать — домохозяйка. Сразу после войны семья, имевшая болгарские корни, была выслана из Крыма на Урал. В 1962 окончил Свердловское худож. училище, где его наставником был один из посл. футуристов П. Хожателев. В 1968 окончил живописный фак-т ЛВХПУ им. Мухиной (мастерская Г. Савинова). С 1956 по 1961 работал в ж. «Уральский следопыт», после окончания ЛВХПУ в Худож. мастерской при училище, затем в системе Худфонда. С 1960-х участвует в групповых выставках. С 1978 — член Союза художников.

Стихи и прозу пишет с нач. 1960-х. В 1965–70 посещал ЛИТО при газ. «Смена», в 1968–70 — ЛИТО Т. Гнедич в Царском Селе. С нач. 1960-х тесные дружеские отношения связывают М. с поэтами В. Кривулиным, Е. Пазухиным, С. Лёном, О. Охапкиным, С. Стратановским, А. Мироновым, Аллой Дин (Т. Буковской).

Повесть **«Герман-печатник»**, прототипом гл. героя кот. стал изв. многим художникам печатник Г. Пахаревский, ходила в самиздате, свою прозу М. читал в «Башне на болоте» у Славы Лёна в М., в лит. салонах М. и СПб., в ЛИТО, на конференции молодых писателей Северо-Запада (1967). Печ. в самиздатских ж. «37» (№ 5, 1976; псевд. В. Данин), «Лепрозорий–23» (1976; псевд. В. Буковский), «АКТ», «СЛОВОЛОВ», ЛИТЕРАЧЕ»; в лит. ж. в России и за рубежом: «Дирижабль», «XXI век» (2004, 2007), «Ленинград. 70-е в лицах и личностях» (СПб., 2000), газ. «На дне» (1998–2000), ж. «Реальность и субъект» (2001), «Арион» (2003–09), «Декабрь» (2003), «Июль» (2005), «Путь домой» (2002–07), «Новый ж.» (2005), «Дети Ра» (2004–10), «Крещатик» (2005–10), «Зинзивер» (2005–10), «Другие» (2006), «Черновик» (2006–10), «Воздух» (2007), «Квадрига Аполлона» (2009–10), «Saro» (Финляндия, 2007) и др., а также в сб. «По следам фестиваля верлибра» (2005–09), «Сумерки "Сайгона"» (2009) и др.

Стихи опубл. в антол. «Петерб. поэтич. формация» (2008), «Странности передвижений» (2007), «АКТуальная поэзия на Пушкинской, 10» (2009), «Наш выбор» (Мини-антология свободного стиха. Н.-Й., 2010), «Перекрестное опыление» (Антол. одного стихотворения. СПб., 2010).

Стиль своих рассказов М. называет «экстремальной прозой»; ему близка манера Вен. Ерофеева и С. Довлатова. Абсурд и остранение, в сочетании с острым взглядом художника, точное слово и осознанный минимализм — особенности творч. манеры М. По собств. признанию М., на формирование его поэтики оказали влияние А. Мишо, С. Мрожек, А. Платонов, Е. Замятин, Б. Пильняк, Ю. Олеша, ранний Пастернак и А. Кручёных. Стихам и прозе М. свойственно не линеарное движение повествования, а скорее кубистическое построение внутреннего пространства текста. Взгляд на объект с разных точек и множественные суждения о нем создают словесный объём, иную, новую реальность. «Принципиальный мотив вымороченности, незначимости бытия приобретает у М. трагические черты, но приводит к иронии и одновременной демонстрации стоического мироощущения»,— считает Д. Давыдов. Стихи М. «уникально современны»: «Нет, не остро <современны>. В целом они рассудительны, хотя временами шокируют точностью наблюдений. Свободный стих, крепкий и прочный»,— пишет о поэзии М. критик Д. Суховей. Один из характерных примеров поэзии М. — стих. **«На грани фола»**: «На грани фола — два монгола, / один кореец, / другой китаец, / один играл на скрипке соло, / но он как раз и был японец...».

Стихи переводились на немецкий и финский яз. М. — действительный член Академии Русского стиха, учрежденной И. Бродским. Соиздатель самиздатских ж. «АКТ», «Словослов», «Литераче». Лауреат премии за лучшую прозу ж. «Дети Ра» — за рассказ «Загородный дом» (2007).

Член Международной Федерации художников ЮНЕСКО. Работы хранятся во мн. музеях России и за рубежом, и в частных коллекциях. Член Международной Федерации русских писателей. Получил известность как график, художник книги, живописец, скульптор, инсталлятор. Совм. с женой — Т. Буковской — осуществил неск. инсталляционных проектов, осн. на сочетании поэтич. текста, графики и выставочных объектов.

Соч.: Что. Кто. Экстремальная проза. СПб., 2000; Герман-Печатник. Повесть и рассказы. СПб., 2001; Времена меняются...: Стихи. СПб., 2001; ТАК: Вторая кн. стих. СПб., 2003; Смотреть и слушать. СПб., 2004; MONTEНЬ: Сб. рассказов. СПб., 2004; АнтрАкт. СПб., 2006; Улитка ползёт по склону. СПб., 2007; Чердачное. СПб., 2008; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012.

Лит.: Кузнецов П. Ничто как возможность или человек-оркестр // Декоративное искусство. 2003. № 3–4; Давыдов Д. [Рец.: АнтрАкт] // Воздух. 2006. № 2; Орлицкий Ю. Хочется сказать хорошее // Абзац. 2008. № 3; Суховей Д. Тамара Буковская и Валерий Мишин. Заметки на полях // Абзац. Вып. 3. 2007; Голубкова А. [Рец.: Чердачное] // Воздух. 2008. № 2; Быков Д. КУ, или Новое поэтич. динамо: Предисл. к антологии «Петерб. поэтич. формация». СПб., 2008; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

А. Васькова

ММ Аник (наст. имя Рябчикова Анна Владимировна) [3.3.1990, Мариуполь] — поэт, лит. критик.

Отец — художник; мать — скульптор, дизайнер интерьера. До 1995-го семья М. живёт в Мариуполе, затем переезжает в Ростов-на-Дону. Там М.

посещает детскую театр. студию, муз. школу по классу фортепиано. В 2002 М. с матерью переезжает в СПб., где по завершении средней общеобразовательной школы с углубленным изучением химии поступает на филологич. фак-т СПбГУ (отд. русского яз. и лит-ры).

Обл. науч. интереса М. — моск. концептуальная школа, тв-во Л. Рубинштейна и арт-группы «Коллективные Действия». Летом 2012 защищает выпускную квалификационную работу на тему **«Эволюция творчества Л. С. Рубинштейна»**, заканчивает ун-т в степени магистра филологии. В период обучения публ. науч. статьи в студенч. сб.

В 2008 под влиянием концептуализма разрабатывает свой собств. жанр — «каляки». В нач. 2009 в альм. «Черновик», в ж. «Reflect / Куадусешщт» и «Стетоскоп» появляются перв. стих. подборки «каляк». В конце того же года выходит перв. авторский сб. **«Каляки»** (СПб., 2009).

В 2009 М. увлекается немецкой лит-рой, дополнительно посещает курс «Культура авангарда в немецкоговорящих странах». С сер. 2009 работает в жанре авангардной драмы, пишет пьесу **«Стол и стул»** (СПб., 2011), неск. небольших одноактных пьес. В 2009 и 2010 участвует в проекте «Театр on-line» в рамках международного конкурса молодых драматургов «Премьера.txt».

В 2010 дебютирует в кач-ве лит. критика в конкурсе «Студенческий Букер — 2010» с рец. на роман О. Зайнчковского «Счастье возможно: роман нашего времени». По результатам конкурса входит в число финалистов.

Перв. кн. М. «Каляки» включала стих. 2008–09, демонстрирующие попытку автора ритмически и графически оформить поток сознания, совместить в пространстве текста литру, изобразительное иск-во и игру. По словам М., «"Каляка" как жанр состоит в непосредственном родстве с ритмизованной прозой, однако этим определением она не ограничивается». Невозможность свести произведения М. к однозначной трактовке отмечал теоретик и историк лит-ры С. Кормилов, сравнивая метризованную прозу молодого автора со стилем А. Белого и С. Соколова. Рецензируя сб. «Каляки», литературовед так обозначил его жанровое разнообразие: в кн. «представлены и стих, преимущественно свободный, и обычная проза, и проза в необычной записи (визуальная), и метризованная».

В пьесе «Стол и стул» М. придерживается стилистики театра абсурда, заметно влияние драматургии Д. Хармса, привлекает внимание ритмич. организация текста, что позволяет рассматривать пьесу как иную форму «калячного искусства».

С нач. 2012 лит.-критич. статьи М. публ. в ж. «Нева» и «NewTone».

В наст. вр. М. — лит. ред. ж. «Адреса Петербурга».

Соч.: Каляки: Стих. СПб., 2009; Стол и стул. СПб., 2011.

Лит.: Кормилов С. Ритмическая, метризованная и рифмованная проза в романах Саши Соколова // Polilog. Studia Neofilologiczne. 2011. № 1.

А. Тмин

МНЁВА (урожд. Кауфман) Татьяна Ильинична [14.1.1958, Л-д] — поэт.

Как сообщает **«Автобиография»** (Лица петерб. поэзии: 1950–90-е. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. СПб., 2011), стихи М. начала пис. «лет в пять» — сочиняя своего рода пародии на «рифмованное назидательное занудство про жизнь то ли детишек, то ли зверюшек»: «чаще всего тем же хореем, но короткое [стихотворение], в котором идиотическое назидание, размазанное по всей бесконечной длине читаемого бабушкой текста, было доведено до абсурда — просто самой краткостью».

В детстве занималась в лит. клубе «Дерзание» лен. Дворца пионеров (1972–74), где была, несомненно, одной из самых ярких фигур. Позднее стала участником ЛИТО под рук. В. Сосноры (1973–80), ЛИТО В. Лейкина (1975–80) и студии худ. перевода В. Топорова (1982–87) — тех лит. объединений, где «господствовало бескомпромиссное отношение к стихам и к жизни»: «пророк (Соснора), герой сражающийся (Топоров), герой тихого противостояния (Лейкин)» — при всей своей разнице, они были схожи «в безоговорочной своей настоящести» (А. Иконников-Галицкий). Мотив поисков Учителя обнаруживается и в юношеских стихах М.: «Хочу, чтобы лепил меня хороший мастер, / Упрямый, злой, влюбленный в ремесло. / Чтоб был он не учитель, а создатель. / Я буду знать — хоть в этом повезло».

В 1974 и 1979 участвовала в конференциях молодых литераторов Северо-Запада. Перв. публ. состоялась в 1980 в газ. «Смена» (13 апр., № 86/16536), где по рекоменд. Н. Грудининой, рук. семинара на конференции, было напеч. стих. М. **«Уходя, уносите холод...»**.

Закончила Лен. финансово-экономич. ин-т по специальности «экономич. кибернетика» (1980). Работала программистом в НИИ автомобильного транспорта, оператором газовой котельной (1983–89), директором биб-ки в СПб. классич. гимназии № 610 (1996), ред. и корр. изд-ва «Фото ньюс» (2003–05).

Опубл. в самиздатском альм. «Топка» поэмы **«Конец эпохи»** (1988. № 1) и **«Пред грядущим парадом»** (1989. № 3). Вторая поэма дала назв. колл. машинописному сб. (1990–95). Стихи опубл. в альм. «Молодой Л-д» (1988, 1989), сб. «Сатирич. набор» (Л., 1991), ж. «Аквариус» (Новосибирск, 1993. № 1) и «Невский альбом» (1997. № 2), газ. «Обводный Times» (2007. № 1, 2), антол. «Время и Слово» (СПб., 2006), «23: ЛИТО Вячеслава Лейкина» (СПб., 2008), «Сумерки "Сайгона"» (СПб., 2009), «Аничков мост: Совр. поэты о Петербурге» (СПб., 2010); статьи в ж. «Пчела», электронной энц. «Благотворительность Петербурга» (СПб., 2007) и альм. «Неравнодушный Петербург» (СПб., 2009).

В 1988 вышел в свет стихотв. сб. М. **«Взгляд узнавания»** (СПб., 1988) — на средства от поэтич. чтений, устраиваемых участниками студии «Слово», «первого в Ленинграде хозрасчетного объединения поэтов, прозаиков, переводчиков», как сообщается на задней обложке. Этому событию 19 нояб. 1989 был посвящ. сюжет популярнейшей телепередачи А. Невзорова «600 секунд»: в Л-де вышла первая книга, изданная на средства автора,— «и, что совсем уж невероятно, это ...поэтич. сб.». Др. рецензенты также отмечали, что «этот полиграфический воробышек — первая ласточка новой издательской политики» (А. Григорьева).

М. опубл. кн. стихов **«Письма в черных конвертах»** (СПб., 1992), **«Поединок»** (Берн, 1993), **«Вдвоем с алфавитом»** (СПб., 1996), **«Фрагмент романса»** (2007).

По собств. словам М., ее «лит. активность (если не считать собственно писание стихов) с нач. 1980-х и по сию пору примерно равна нулю» («Автобиография»): она не входит ни в какие лит. объединения (за исключением СП СПб., что автоматически предполагает членство и в Союзе российских писателей), публикует стихи только в тех изданиях, которые значимы для нее «составом авторов или личностью составителя», не принимает участия в конкурсах (хотя в 2007–10 была членом жюри поэтич. конкурса «Заблудившийся трамвай», а в 2010 учредители I Международной Григорьевской поэтич. премии включили М. в число соискателей) и редко выступает с чтением, поскольку стихи для нее служат «не столько способом записать понятое или почувствованное и сообщить это читателю, сколько самим способом», инструментом понимания («Я именно так понимаю мир — воссоздавая его частями, деталями и элементами в своих стихах. И наблюдая потом, как эти части складываются в целое» — Автобиография).

М. — один из гл. героев книги А. Иконникова-Галицкого «Пропущенное поколение», посвящ. участникам лен. поэтич. андеграунда 1970–80-х, судьбой кот. стали «разъединённость и глухота, взаимная». Мемуарист размышляет о загадке «безвестности» стихов М., кот. «обладают всеми качествами для того, чтобы быть читаемыми и популярными», поскольку «они остроумны, в меру ироничны, часто — сюжетны, достаточно умны, но не перегружены этой умностью», в них «нет герметичности и раздражающего читателя авторского самолюбования»: это «большая и сильная поэзия, но это — доходчивая, понятная поэзия». Автор «Пропущенного поколения» причисляет М. к поэтич. школе, кот. он называет «школой лирико-иронического реализма», полагая ее последователями также С. Носова, В. Бобрецова, Н. Абельскую, Ю. Нешитова и себя. Эти поэты в кон. 1980-х создали ЛИТО «Слово», цель кот. заключалась «в организации платных поэтич. выступлений и в издании на вырученные деньги альманахов и сборников стихов», однако надежды на обществ. значимость поэзии в «годы хозрасчётного романтизма» вскоре угасли. «Звёздным часом» в творч. биографии М. Иконников-Галицкий считает эпоху кон. 1980-х, когда ее стихам были свойственны «социально-диссидентские мотивы» (впрочем, «если и не случайные, то во всяком случае вспомогательные»), а самым значительным произведением — поэму «Пред грядущим парадом» (1989), в которой автор «дает оценку распадающегося мира — и социального, и физического». По мнению критика, это «не столько поэма, сколько цикл стихов, проникнутых одной общей темой, одной общей идеей», и этой темой становится конец Света («личный, индивидуальный конец Света, называемый "смертью"», и всеобщий, то есть «изменение мироздания»), а идеей — размышления «о том, что остаётся после конца всего», «что остаётся от нас — после нас». Ирония, с которой автор в начале произведения «отвергает общественный оптимизм, да и саму ценность социально-значимых понятий: народ, родина и т. д.»,— ирония, в которой «нет цинизма», а «есть фантомная боль» («...и я, ощущая волнение / Ощущая и жалость, и стыд, и в желудке бурчание, / И туман в голове — я пойду тем не менее / Вместе с этим народом, с неверьем его и отчаяньем»),— к концу поэмы «перерождается в мощнейшее нравственное фортиссимо»: «И поэтому, даже если молчать, как мышь, / Даже если ждать знака лёжа, уткнувшись лицом в песок, / Всё равно окажется, что стоишь и кричишь, / И сотрясает мир твой слабенький голосок».

В рец. на сб. «Взгляд узнавания» В. Бобрецов отмечает, что имя М. к 1989 уже более 10 лет известно лен. любителям поэзии по выступлениям на поэтич. вечерах, и хотя критик В. Топоров гл. чертой стихов М. назвал гражданственность («то горькое и честное чувство, кот. Лермонтов в счастливый миг окрестил "странною любовью"»), основу сб. составили лирич. стихи. Этим стихам — «очень петербургско-ленинградским по регионально-культурному признаку» — присуще, как полагает рецензент, «некое волевое и жесткое начало»: принципиальная эмоциональная сдержанность поэзии М. порой граничит рассудочностью, кот. почти всегда скрашивается иронией («неслучайно среди своих любимых поэтов М. одним из первых называет Ходасевича»).

Критич. отзывы о стихах М. весьма немногочисленны; однако в связи с номинацией на Григорьевскую поэтич. премию прозвучали мнения о них некот. учредителей конкурса. Так, В. Топоров замечает, что если юношеские стихи М. «отличались рассудочностью в ущерб поэтичности», то четверть века спустя «поэтичность (минимальная и минималистическая)» в ее поэзии появилась, а рассудочность «переросла в резиньяцию»: стихи эти «были бы недурны, имейся в них хоть какое-нибудь движение (развитие), но они всякий раз заканчиваются в той же точке, в которой начались». А. Ахматов в числе осн. тем, кот. посвящ. стихи

М., называет «то, что находится по ту сторону нашего понимания», а одной из сильных сторон поэта считает способность «выдавать ...парадоксальные сентенции». Однако за склонность к самоповторам критик принял принципиальное свойство поэзии М.: книги ее стих. представляют собой не сборники отд. текстов, а именно книги с заданной структурой, где каждое стих. представляет собой описание состояния в некоторой точке бытия — и эти точки являются своего рода координатами пути, пройденного поэтич. мыслью.

На стихи из кн. «Взгляд узнавания» композитором С. Воронцовским напис. два романса: «Светает» и «Осенью».

Соч.: Взгляд узнавания: Стих. СПб., 1988; Письма в черных конвертах: Стих. СПб., 1992; Поединок: Стих. Берн, 1993; Вдвоем с алфавитом: Стих. СПб., 1996; Фрагмент романса: Стих. 2007, http://dodo.pdmi.ras.ru/~mnev/tatjana/from.html.

Лит.: Григорьева А. Новое слово // Лен. рабочий. 1988. 23 дек. № 51 (2768); Зимин Ф. [Бобрецов В.] Вначале было «Слово» // Смена. 1989. 6 янв. № 5 (19155); Иконников-Галицкий А. Пропущенное поколение. СПб., 2005; Иконников-Галицкий А. Поэзия как воздух / Время и Слово. СПб., 2006; Топоров В. Поэтический конкурс. Дневник члена жюри Григорьевской премии. Ч. 4-я // Прочтение <http://prochtenie.ru/index.php/docs/5820>; Ахматов А. Проза о поэзии // <http://community.livejournal.com/proza_o_poezii/63587.html>

С. Друговейко-Должанская

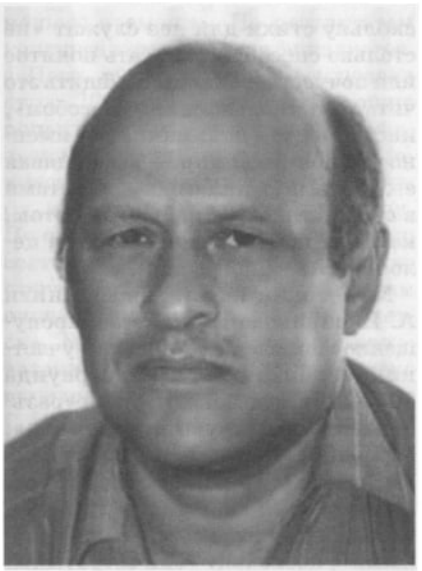
МОГИЛЁВ Леонид Иннокентьевич [8.10.1953, г. Иркутск] — прозаик, журналист.

Закончил Воронежский политехнич. ин-т (1976). Работал инженером на различных предприятиях Латвии и Эстонии.

В 1991 переехал в СПб. С этого вр. публиковался в периодич. печ., в ж. «Подъем», «Дон», в колл. сб. С 1993 работает журналистом. Был корр., ред., ген. директором издательского дома «Росстройтрест» (2003).

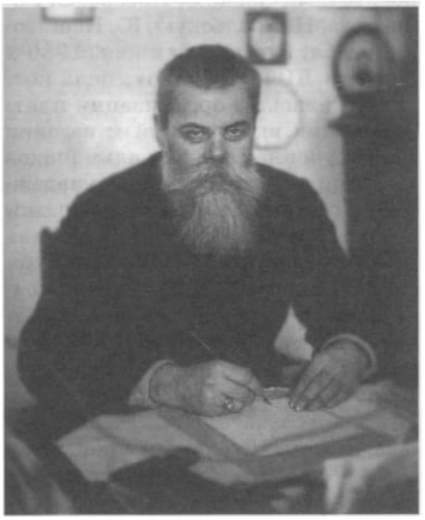
Член СП России с 2006.

Соч.: Был тот странный предутренний свет: Фантастика. Рига, 1990; Черный нал: Роман. СПб.-М., 1996; Хранитель порта: Роман. СПб., 1996; Тройное дно: Роман. СПб.-М., 1997; Век Зверева: Роман. М., 1999; Созвездие мертвеца: Роман. СПб., 1999; Клон: Роман. СПб., 2005.



Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

МОДЗАЛЕ́ВСКИЙ Борис Львович [20.4(2.5).1874, Тифлис — 3.4.1928, Л-д, похоронен на Смоленском православном кладб.] — литературовед, пушкинист, генеалог, библиограф, редактор.



Родился по месту службы отца. Отец, Лев Николаевич, выдающийся педагог, директор Тифлисской женской гимназии, бывший воспитателем сыновей вел. князя Михаила Николаевича, писатель, автор «Очерков истории воспитания и обучения». В 1884 семья переехала в СПб.

Среднее образование М. получил во 2-й СПб. гимназии. Поступил в СПб. ун-т на историко-филологич. фак-т, в сент. 1894 (после конфликта с руководством ист.-филол. фак-та) перевелся на юридич. фак-т, кот. окончил в 1898 с дипломом 1-й степ. Начал публ. ещё будучи студентом (с 1896).

После завершения учёбы поступил в распоряжение Канцелярии по учреждениям императрицы Марии; затем, будучи чиновником Гос. Канцелярии, был направлен в Архив Гос. совета. Весной следующего 1899 М. было предложено место мл. письмоводителя Канцелярии Конференции Императорской АН (ИАН). С этого вр. вся его последующая жизнь была связана с российской академ. науч. деятельностью.

При поступлении в Канцелярию Конференции М. первоначально был освобождён от занятий в Канцелярии, поскольку ИАН поручила ему организацию юбилейной Пушкинской выставки (1899) и заведывание ею. М. с энтузиазмом принялся собирать всё, что так или иначе было связано с именем Пушкина, с его окружением и потомками: письма, автографы, картины, фотографии и т. д. Работу М. выполнял под рук. акад. Л. Н. Майкова, чьим учеником впоследствии себя считал. После смерти Майкова (1900) некот. свои статьи М. подписывал псевд. «Л. Н. Майков», в частности в «Русском биографическом словаре». Другим своим учителем считал библиографа В. И. Саитова.

Выставка к юбилею Пушкина успешно прошла в мае 1899. М. изд. каталог и альбом выставки. Из её мат-лов впоследствии возникла идея «Дома Пушкина» (Пушкинского Дома).

Вместе с Ф. Витбергом в 1909 М. стал устроителем и распорядителем выставки, посвящ. И. Тургеневу. За организацию выставки был награждён золотой Пушкинской медалью Отд-я Русского яз. и словесности ИАН. В этом же году был одним из организаторов выставки АН, посвящ. А. Кольцову. В 1911 М. секретарь и член Комиссии по устройству юбилейной выставки, посвящ. М. Ломоносову в АХ «Ломоносов и Елизаветинское время». Позже М. принимал непосредственное участие в организации выставок ПД, посвящ. Ф. До-

стоевскому, Н. Некрасову, А. Григорьеву, «Пушкин и его современники», «40-е годы в русской лит-ре», «Книга Пушкина» (1921–24).

Огромный обществ. успех юбилейной Пушкинской выставки побудил Комиссию по постройке памятника Пушкину осуществить замысел организации единого хранилища рукописей, писем, книг, рисунков, портретов Пушкина при ИАН. С 1900 нач. подготовка создания «Дома Пушкина». АН поручает М. вести переговоры с наследниками поэта о приобретении пушкинской биб-ки. В сент. 1900 М. перевозит её из с. Ивановское Бронницкого у. Моск. губ. (усадьба Александра Александровича Пушкина, внука поэта) в СПб. в ИАН (формально биб-ка приобретена Академией лишь в 1906 после создания ПД). М. составил подробное описание биб-ки (опубл. в 1910).

В июне 1902 ИАН направляет М. в с. Тригорское Псковской губ. с целью изучения биб-ки Осиповых-Вульф (передана в ПД в 1914). Матлы этой науч. командировки вошли в перв. выпуск нового серийного акад. изд. «Пушкин и его современники: Мат-лы и иссл.». М. был инициатором и ред. этого изд., в составе кот. вышли 37 вып. (с 1903 по 1928). В 1902 назначен делопроизводителем академ. Комиссии по изданию соч. А. Пушкина, в 1925–28 состоял предс. этой Комиссии.

Будучи одним из основателей ПД, М. сформировал его осн. фонд. В кон. 1905 новое науч. учреждение начало своё существование. В 1906 правительством были выделены спец. средства для приобретения пушкинской биб-ки, 14 февр. 1907 императором Николаем II было утверждено «Положение о Пушкинском Доме». Проект положения был составлен М. при участии делопроизводителя Комиссии по постройке памятника Пушкину и чиновника особых поручений при ИАН В. Рышкова.

В последующ. годы М. совершил мн. науч. командировок ИАН, в т. ч. в 1908 в Париж для описания рукописей Пушкина, входящих в состав музея-квартиры коллекционера-пушкиниста А. Ф. Онегина, проживавшего во Франции. М. было составлено описание автографов Пушкина, заключён договор, согласно кот. коллекция после смерти владельца должна была перейти в собственность ИАН. Результаты командировки были освещ. в отчёте **«Описание рукописей Пушкина, находящихся в Музее А. Ф. Онегина в Париже»**. Коллекция Онегина прибыла в Л-д в 1927–28.

В сент. 1907 М. был приглашен изучить Архив Конференции АН XVIII–XIX вв. М. начал систематизацию и обобщение рукописных матлов академич. архива, в результате кот. выпустил **«Список членов Императорской Академии наук, 1725–1907»** (СПб., 1908). С 1909 состоял членом академ. «Комиссии Разряда изящной словесности» по изд. серии «Академическая биб-ка русских писателей». С 1912 по 1919 занял созданную для него должность зав. Архивом Конференции.

С 1918 М. член-корр. РАН по Отд-ю Русского яз. и словесности, инициаторы его выдвижения — акад. А. Шахматов и Н. Котляревский. С 1919, после того, как по постановлению Конференции РАН Пушкинский Дом стал штатным академич. учреждением, М. занял должность ст. учёного хранителя ПД. На период отсутствия Н. Котляревского с окт. 1922 по 1924 исполнял должность директора ПД.

При М. сотрудниками ПД было собрано около двух миллионов ед. хранения рукописей русских писателей, учёных и обществ. деятелей. М. лично собрал около 25 тыс. рукописей, из них более 400 автографов — пушкинские. Помимо этого был организатором и гл. ред. всех вып. «Трудов Пушкинского Дома», координатором науч. работы ПД.

В 1924 был арестован органами ОГПУ по ложному обвинению в присвоении гос. средств. Пять дней содержался в тюрьме Кресты, пока по настоянию науч. общественности не был отпущен на свободу.

Свои историко-литературоведч. работы М. помещал в «Русской старине», «Русском архиве», «Лит. вестнике», «Ист. вестнике», ж. «Былое», «Минувшие годы», «Известиях Отделения русского яз. и словесности», «Известиях ИАН» и др. Был сотрудником «Нового энц. словаря».

Среди его крупных работ **«И. Е. Великопольский»**, («Русская старина», 1903); **«Родословная разведки» Н. Н. Кашкина** (1912); **«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым»** (1914).

Наибольшее значение в науч. наследии М. имеют подготовленные им комментир. издания архивных матлов. Под ред. и с прим. М. вышли «Архив Раевских» (4 т., 1908–1912); «Архив декабриста С. Г. Волконского» (совм. с С. М. Волконским, т. 1, 1918; изд. не законч.); «Роман декабриста Каховского» (Л., 1926); «А. П. Керн», совм. с А. Сиверсом подготовил к публикации фундаментальное справочное изд. **«Алфавит декабристов»** (1925).

Им опубл. множество док-тов о русских писателях, письма И. Гончарова, И. Тургенева, Н. Некрасова, А. Островского, Ф. Достоевского, Л. Толстого, В. Короленко, А. Чехова, мат-лы о Гоголе, Салтыкове-Щедрине и др. М. участвовал в изд. «Остафьевского архива» П. Вяземского (1899–1906, тт. I–IV).

Гл. место в работе М. заняло изучение жизни и тв-ва Пушкина: **«Поездка в село Тригорское»** (1903), статьи о генеалогии Пушкина в СС поэта под ред. С. Венгерова, целенаправленные поиски и публикация лит. и ист. док-тов с комм. С этой целью им была составлена картотека personalia деятелей русской культуры XVIII–XX вв., кот. хранится в ПД (ок. 300 000 карточек).

Принимал участие в акад. изд. переписки Пушкина: «Письма Пушкина» (2 т. Л., 1926–1928); «Дневник Пушкина» (Пг., 1923); сб. «Пушкин» (Л., 1929). Его труды считаются непревзойдённой вершиной достижений отеч. пушкинистики, до сих пор являются эталонами ред. и комм. искусства. Изд. «Пушкин. Письма» (М.; Л., 1926–28. Т. 1–2; т. 3, 1935) было подгот. сыном М., отчасти по мат-лам отца.

М. принимал участие в изд. фундаментального «Русского биографического словаря» (1897–1918, свыше 300 ст. М.). Участвовал в изд. «Русские портреты XVIII и XIX ст.» (СПб.: Изд. вел. кн. Николая Михайловича, 1905–09. Т. I–V), был автором и составителем кн. «Московский некрополь» (СПб.: Изд. вел. кн. Николая Михайловича, 1907–08. Т. I–III; совм. с В. Саитовым). Напомним, вел. кн. Николай Михайлович был воспитанником Л. Н. Модзалевского. В 1924–26 М. совм. Ю. Оксманом и П. Сакулиным ред. историко-лит. альм. «Атеней» (кн. 1–3).

Всего М. опубл. 652 историко-биогр. и филол. работы.

Член-корр. АН СССР (1925).

С 1913 по 1928 М. жил в «Доме академиков» — наб. Лейтенанта Шмидта, д. 1.

Сын М. продолжил отцовское дело: Лев Борисович М. стал выдающимся сов. архивистом, пушкинистом и комментатором писем Пушкина.

Награжден Орденами св. Станислава 3-й и 2-й степ., Орденами св. Анны 3-й и 2-й степ., золотой медалью им. А. Пушкина, светло-бронзовой наградной медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых.

Архив: ИРЛИ, ф. 184.

Соч.: Русский биогр. словарь. СПб., Пг., 1897–1918; Пушкинская юбилейная выставка в императорской Академии наук в СПб. Май, 1899. Каталог. [СПб., 1899]; Пушкин и его современники: Мат-лы и иссл. СПб.-Пг.-Л., 1903–28. Вып. I–XXXVII; Русские портреты XVIII и XIX ст. СПб., 1905–09. Т. I–V; Моск. некрополь. СПб., 1907–08. Т. I–III; Описание рукописей Пушкина, находящихся в Музее А. Ф. Онегина в Париже. СПб., 1909; Биб-ка А. С. Пушкина: Библиогр. описание. СПб., 1910; Род и потомство Ломоносова. СПб., 1911; Архив декабриста С. Г. Волконского. Пг., 1918; Дневник Пушкина, 1833–35 / Под ред. и с объяснит. прим. Б. Модзалевского и со ст. П. Щеголева. М.; Пг., 1923; Пушкин. Очерк жизни и тв-ва, Л.; М., 1924 (совм. с Н. Измайловым и И. Кубасовым); Новые мат-лы о дуэли и смерти Пушкина. Пг., 1924 (совм. с Ю. Оксманом и М. Цявловским); Алфавит декабристов. Л., 1925 (совм. с А. Сиверсом); Пушкин под тайным надзором. 3 изд. Л., 1925; Роман декабриста Каховского. Л., 1926; Пушкин. Письма / Под ред. и с прим. Б. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. I; 1928. Т. II; 1935. Т. III; Пушкин: Сб. [Л.], 1929; Пушкины. Родословная роспись. Л., 1932 (совм. с М. Муравьевым); Пушкин. Воспоминания. Письма. Дневники. СПб., 1999; и мн. др.

Лит.: Модзалевский Борис Львович // Новый энц. словарь: В 48 т. (вышло 29 т.). СПб., Пг., 1911–16; Борис Львович Модзалевский. Биогр. даты. Список трудов / Сост. И. Кубасов. Л., 1924; Памяти Бориса Львовича Модзалевского. 1874–1928: Биогр. даты. Библиография трудов / Сост. Л. Модзалевский. М., 1928; Коплан Б. Краткий очерк науч. деятельности Б. Л. Модзалевского (К первой годовщине смерти) // Изв. АН СССР. Отд. гуманитарных наук. Л., 1929. № 4; КЛЭ: 9 т. М., 1967. Т. 4; Яковлев Н. Из воспоминаний о Пушкинском Доме // Звезда. 1969. № 8; Измайлов Н. Б. Л. Модзалевский // Русская лит-ра. 1974. № 3; Мурьянов М. Б. Л. Модзалевский (1874–1928) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33. № 3; Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. Семенова // Пушкинский Дом: Статьи. Док-ты. Библиография. Л., 1982; Борис Львович Модзалевский. Мат-лы к науч. биографии / Отв. ред. Т. Иванова Т. СПб., 2001; Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005.

МОДЗАЛЕ́ВСКИЙ Лев Борисович [27.7(9.8).1902, СПб. — 26.6.1948, под Л-дом, похоронен на Смоленском кладб.] — историк лит-ры, пушкинист, архивист.

Сын изв. историка лит-ры и генеалога Б. Л. Модзалевского, внук изв. педагога Л. Н. Модзалевского.

В 1925 окончил филологич. фак-т ЛГУ. С 1919 работал в различных книгохранилищах и архивах Л-да. С дек. 1925 — помощ. архивиста в Архиве РАН. С 1934 — ст. науч. сотрудник. Им были открыты и описаны считавшиеся утраченными бумаги акад. Г. Лангсдорфа и И. Редовского.

Параллельно со службой в академ. архиве по совмест. и договорам М. работал в ИРЛИ (ПД) АН. В 1941 на воен. вр. был уволен из Ин-та, оставаясь штатным сотрудником Архива АН. Участвовал в рытье окопов и тушении зажигательных бомб, в спасении науч. и культурных ценностей в учреждениях АН. В 1942 вместе с семьей был эвакуирован в Елабугу, где стал зав. кафедрой русской литры, вывезенного туда Воронежского ун-та.

В 1943–48 — ученый секретарь Музейной и Архивной комиссий АН СССР.

В мае 1944 вернулся в Л-д. В 1947 защитил докт. дис. на тему **«Ломоносов и его лит. отношения в Академии наук (1751–63)»**.

Наибольшее значение имеют труды М. по науч. описанию рукописей А. Пушкина и М. Ломоносова. Им составлены комм. к письмам Пушкина 1831–33 (т. 3, 1935), комм. в ПСС Пушкина (т. 6, 1938), комм. к письмам Ломоносова (т. 8, 1948). Подг. большую часть писем к Пушкину в академ. издании его соч.

26 июня 1948 погиб на полотне железной дороги, будучи сброшен с поезда Л-д–М. при невыясненных обст-вах.

Соч.: Рукописи Пушкина в собрании ГПБ в Л-де. Л., 1929; Разговоры Пушкина. М., 1929 (совм. с С. Гессеном); Биб-ка Пушкина. Новые мат-лы // ЛН. Т. 16–18. М., 1934; Тень Фон-Визина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. [Т.] 1. М.; Л., 1936; Рукописи Пушкина, хранящиеся в ПД. Науч. описание. М.; Л., 1937 (совм. с Б. Томашевским); Рукописи Ломоносова в АН СССР. Науч. описание. М.; Л., 1937; М. В. Ломоносов и его лит. отношения в АН: Из истории русской литры и просвещения сер. XVIII в. / Отв. ред. И. Тункина. СПб., 2011.

Лит.: Кулябко Е. Л. Б. Модзалевский. [Некролог] // Вестник АН СССР. 1948. № 12; Памяти Л. Б. Модзалевского (1902–48) // Бюллетени РО ИРЛИ. Т. 2. М.; Л., 1950; Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005.

МОИСЕ́ЕВА Ирина Сергеевна [23.4.1954, Л-д] — поэт, прозаик.

Отец — Сергей Платонович М., участник Великой Отеч. войны, служил на Лен. фронте с 1941 до окончания войны в морской пехоте, затем — слесарь на з-де «Большевик». Мать, Зинаида Петровна, урожд. Фадеева, участница Великой Отеч. войны, картограф. Ее семья оставалась в Л-де весь период блокады. Об этом времени М. напис. повесть **«Блокадные осколки»**.

В детстве, еще до школы, начала сочинять стихи. В 1971 поступила, а в 1973 окончила заочное отд. библиотечного техникума. В 1974 окон-

чила ТУ № 2. Дважды поступала в ЛГУ — на филологич. фак-т и на фак-т журналистики, и оба раза бросала вуз, ибо важны для М. были стихи, а не их интерпретация. В итоге, в 1980 М. поступила на заочное отд. Лит. ин-та им. М. Горького, кот. окончила в 1986.

С 1971 работала в биб-ке средней школы, в архиве проектного ин-та, в ГПБ им. М. Салтыкова-Щедрина, науч. мед. биб-ке, ЛИТО Лит. фонда СССР, Всесоюзном агентстве по охране авторских прав, Высшей партийной школе, ж. «Аврора», преподавателем в ПТУ, ст. преподавателем кафедры культурологи и русского яз. в Северо-Западной Академии гос. службы.

Перв. публикация в газ. «Социалистическая Якутия» (1980), переводы с якутского яз.

Посещала ЛИТО, кот. вели Ю. Логинов, Н. Королева, А. Кушнер, Д. Толстоба. Стихи М. переводились на эстонский яз. Член СП СССР с 1989 (позже СП России).

«Спокойно — широко / И коротко — украдкой / Стихи писать легко, / И радостно, и сладко», — так заявляла о себе М., дебютируя на страницах ж. «Аврора» в 1982. Как будто вторя этим словам, Кушнер в рец. на стихи М., писал: «В стихах Ирины Моисеевой есть лирическое дыхание, легкое дыхание, как сказал бы Бунин». И добавлял: «Между тем жизнь, которой живет героиня этих стихов, вовсе не легкая, не облегченная: она наполнена повседневными заботами, трудом, памятью о ближних, зависящих от нашей добросовестности. Вот почему и любовь в этих стихах — событие, которое не принимается на веру, а скорее проверяется испытанием на прочность и подлинность — и отвергается, если не выдерживает испытания правдой».

После раскола в ЛО СП М. оказывается в СПб. отд. СП России. «Вскоре после хмельной Беловежской пущи, в захолустном Волхове Моисеева издает первую маленькую книжку **«Стихи»**, как во время Гражданской войны — на плохой газетной бумаге, тиражом в пятьсот экземпляров. Славы не получилось», — напишет критик М. Коносов. А в задыхающихся строках «Мы загнаны в угол. / И теперь уже даже не важно кем» (**«Мы загнаны в угол...»**), — «легкое дыхание» распознать уже весьма затруднительно.

В. Топоров «в случае Моисеевой» окажется солидарен с Кушнером: «Стихи <М.> талантливы — и там, где они полемически заострены, и там, где иронически беспощадны, и там, где лирически взволнованны и приподняты. И, понятно, мои разногласия с поэтессой по многим мотивам не мешают мне высоко ценить ее лирику, в том числе и гражданскую». Стихи М. Топоров включит в антол. «Поздние петербуржцы», где она соседствует с такими признанными мэтрами, как Г. Горбовский или В. Соснора.

«Есть мастера поэзии, но есть еще магия поэзии, которую не подделать, которая не каждому мастеру и доступна. Такая магия для меня в стихах Ирины Моисеевой. От прелестной иронической грации, а то и игривости ее юных стихов до сарказма и трагической ноты этой книги. И название книги такое парадоксальное, блистательно точное: про свои кровные стихи — «Чужие стихи», — напишет критик А. Пикач в предисловии ко втор. кн. поэтессы **«Чужие стихи»**. Удивительно, но как бы избыв «хрипы» и «свисты», М. вновь обретает изначальное «легкое дыхание», не менее легкое, чем прежде, но несравнимо более глубокое: «Не только я пишу стихи, / Не только ты, любовь моя. / И широки и далеки / Родной поэзии края. / Там все легко, там все легки, / Дожди звенят, и льется свет. / Там нет непрошеной строки. / Там живы все. Там мертвых нет» («Чужие стихи»).

Лауреат Международной Григорьевской поэтич. премии (2010).

Премия «Нац. бестселлер» (2011, long list).

Соч.: Книга стихотворений. Волхов, 1992; Чужие стихи: 1993–2003.СПб., 2003; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Кушнер А. Врезка // Смена. 1984. 20 янв.; Топоров В. Предисл. // Поздние петербуржцы. СПб., 1995; Коносов М. «Эта жизнь перемешана с той...» // Лит. Петербург. 2001. № 6; Пикач А. Предисл. // Моисеева И. Чужие стихи. СПб., 2003; Комаров А. «Слово правды невнятно для слуха» // Лит. Петербург. 2003. № 48; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

О. Иванов-Петренко

МО́ЛЕВА Светлана Васильевна [7.11.1946, пос. Чихачево Бежаницкого р-на Псковской обл. — 8.2.2005, СПб.; похоронена в Пскове] — поэт.

Отец — партработник, мать — фельдшер. Родилась в небольшом поселке на Псковщине. По признанию поэтессы, деревня «на всю жизнь одарила меня любовью к лесным просторам, народным песням, пляскам и к стихам» (**Автобиография**. ОНЛ ИРЛИ). Родители знали и ценили русскую поэзию; с детства М. знала наизусть Пушкина, Некрасова, Есенина. Стихи начала пис. в 4-м классе

школы. Перв. публ. — в псковской газ. «Молодой ленинец» (1963. 10 авг.). После окончания школы в 1965 поступила на заочное отд. Лит. ин-та им. М. Горького в М. (оконч. в 1972), где познакомилась с Ю. Кузнецовым, Н. Рубцовым, А. Вампиловым. В 1965 переехала в Л-д, где первыми лит. наставниками М. стали поэты Гл. Семенов и И. Григорьев.

В 1967 в «Лениздате» вышла перв. кн. стихов **«Подснежники»**. Публ. в сб. «День поэзии», ж. «Нева», «Аврора». В марте 1975 приняла участие в 6 Всесоюзном совещании молодых литераторов; семинар Е. Долматовского рекомендовал М. в члены СП. В 1976 принята в СП и в том же году стала лауреатом Второго смотра тв-ва «Молодость. Мастерство. Современность». С 1967 по 1990 работала ред. «Лениздата». С 1988 жила и работала во Пскове, создала (вместе с мужем, писателем М. Устиновым) изд-во «Отчина», где вышло более 30 кн. В 2002 вернулась в СПб.

Стихи М. привлекают цельностью чувств, доверительной интонацией, чуть печальной или лукавой. Уже в перв. кн. «Подснежники» критики находили задушевность, живую непосредственность, «просветленность поэтического рисунка», точность деталей (Шестинский О. Девочка с берестяным лукошком // Москва. 1968. № 4). «Мир Светланы Молевой насыщен светом, открытым пространством, чувством свободы и воли» (В. Кречетов)

С самого нач. в поэзии М. заметны есенинские образы и интонации: «Край мой, край, / задумчивый и росный, / С коромыслом радуг за плечами. / В той глуши оранжевые сосны / В мягких лапах солнышко качают» (**«Край мой...»**, 1965). В 19-летнем возрасте М. напис. поэму **«Черный тополь»** (1966), посвящ. деду и отцу. Овеянные грустью расставания, картины деревенского лада, небогатого счастья, света сменяются образами «пустого поля, непаханного жнивья». Поэма о прощании с «неперспективными», обреченными на снос деревнями показалась издателям неактуальной для эпохи НТР и полностью была опубл. только в 2002.

В последующих кн. — **«Сто дней весны»** (1975), **«Ожидание встречи»** (1978) — поэт пристально вглядывается в человеч. сердце, голос ее звучит тепло и душевно. Личный опыт и народные понятия о жизни сплавлены в единстве совр. и фольклорных мотивов. В поэзии М. «богатство голосовых модуляций, оттенков выражаемых чувств: веселая бесшабашность ярмарки и тихие элегические ноты, ироничная, лукавая версия той же поэтич. темы, торжественная приподнятость — и снова тихое, просветленное... И это интонационное, негромкое родство с народной песней и речью куда громче декларативных признаний в любви к родной земле» (Пикач А. Счастливое эхо // Аврора. 1976. № 4). В 1970-е на слова М. созданы песни **«Гори ясно»**, **«Лель»**, вокальный цикл **«Берегите тепло»**.

Чистота и энергичность чувств, память о доме, всепроникающее ощущение родины наполняет четвертую кн. М. **«Белый берег»** (1986). Природа выступает в ней не как фон или пейзаж, но как «действующее лицо, участница и свидетельница жизни лирич. героини» (Николаева Д. [Рец.] // Лит. обозрение. 1987. № 4). «...Из всего женского она взяла себе лишь материнскую скорбь, сестринскую нежность, невестинскую чистоту» — это обусловлено историчностью ее сознания, «огромным историческим пространством, в котором живет ее душа» (В. Кречетов).

Ист. перемены, произошедшие в России в кон. XX ст., дали импульс к историко-философскому и религиозному осмыслению судеб родины. В кн. **«Забытые песни»** (2002) наряду со стихами прежних лет вошли произведения посл. десятилетия, в кот. лирич. просветленность сменяется интонациями плача, причитания, тихой скорби: «Эти северные лица — / Уходящее тепло... / На Руси легко молиться, / Только выжить тяжело» (**«В белой церкви отпевали...»**). Наступает «время молчать и ценить дорогие слова». Картины Руси обнищавшей и разоренной, исполненной горя и страдания открываются в стих. **«Эта церковь бедна и далече...»**, **«Черная осень»**. В то же время Русь в поэтич. мире М.— такое духовное пространство, где совмещаются ад и рай, безудерж бесовских сил — и веянье Божьей благодати (**«Две жизни у Господа я прожила...»**).

1990-е осмыслены М. как повторение народом ошибок начала века: та же податливость на соблазны «прав и свобод», кот. рано или поздно так же обернутся кровью и тюрьмами. «Чего же ты ждешь на пустующем поле — / Ничей, ниоткуда, с бумажкой советской...»,— с горечью и недоумением обращается поэт к современнику, забывшему уроки истории (**«Хрипели, кричали...»** // Скобари: Сб. произведений псковских писателей. Псков, 1995).

В 1990-х М. занимается изучением древнейшей истории русского народа, датировкой возникновения россов, расшифровкой надписи на древнем Перуджианском камне, при этом язык рассматривается как «ключ к тайнам нашей веры и нашей глубочайшей истории». М. задается вопросами: откуда явился русский народ, «что значит он для мира? В чем таится его могущество? Откуда истоки его величия, его жертвенности, его нестяжательности?» (В. Личутин). Результаты этих исследований опубл. в кн. **«Единородное слово»** (Псков, 2000).

Ред. деятельность была для М. не менее важным делом, чем поэзия. Она поддержала мн. петерб. и псковских поэтов чуткостью своего сердца, редким даром доброго отношения к людям.

В 2011 в изд-ве «Logos» вышел сб. избр. стих. и воспоминаний М. **«Дальний свет»**, в кот. наряду с ранее опубл. стих. включены произведения, извлеченные из авторского архива; корпус поэтич. текстов сопровождают воспоминания автора.

Соч.: Подснежники. Л., 1967; Сто дней весны. Л., 1975; Ожидание встречи. Л., 1978; Белый берег. Л., 1986; Жестокая дорога — поэзия: Памяти Игоря Григорьева // Псковская правда. 1996. 24 февр. № 38; Слово об ариях: Памятник русской письменности X–XI вв. до Р. Х. // Речь. Псков, 1996. Сб. 1; Единородное слово. Псков, 2000; Забытые песни. Псков, 2002; Дальний свет: Избр. стихи. Воспоминания. СПб., 2011; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Хренков Дм. [Рец.: Подснежники] // День поэзии 68. Л., 1968; Эвентов И. В нач. семидесятых. Л., 1973; Сергеева И. [Рец.: Сто дней весны] // Звезда. 1976. № 5; Дашко В. Учимся дома работать, жить // Крестьянка. 1983. № 3; Алексахин И. Мы жили в Палестине, или Три сенсации, кот. стараются замолчать // Экономич. газ. 1998. 15 апр.; Личутин В. Лавровый венец России // День

лит-ры. 2000. Июнь. № 11–12; То же в кн.: Молева С. Единородное слово. Псков, 2000; Псковская энц. Псков, 2003; Кречетов В. Большое яблоко России // Кречетов В. Яйцо Леды. СПб., 2003.

А. Любомудров

МО́ЛОТ Валерий Львович [20.9.1940, Л-д] — поэт, переводчик.

После неудачной попытки поступить на филологич. фак-т ЛГУ М. недолго учился в Политехническом инте, затем окончил веч. отд. филфака. Самостоятельно изучил неск. языков, включая польский и чешский.

С 1959 обратился к лит. тв-ву. Напис. статью о совр. американском кино, кот. вызвала резкую отповедь в газ. «Смена» (ст. Талунтиса «Колумб из Политехнического»). Писал стихи, в 1964 участвовал в сб. «Антология сов. патологии»; позже неск. стих. были включены К. Кузьминским в антологию «У Голубой лагуны». Кузьминский в антол. называет М. так: «Мой друг (в юности) и учитель (в вечности) Валерий Львович Молот...».

Некот. лит. переводы М. в 1960-е распространялись в самиздате («На берегу» Н. Шуба, «Тедди» Дж. Сэлинджера и др.), в 1970-е — публ. в ж. «Часы». «Дом свиданий» А. Роб-Грийе и романы С. Беккета (в 3 т.) в 1980 вышли отд. приложениями к ж. «Часы».

В окт. 1979 М. эмигрировал в США. Окончил юридич. школу. Занимается адвокатской практикой, ведет еженедельную колонку в газ. «Новое русское слово», консультирует слушателей по Нью-Йоркскому радио.

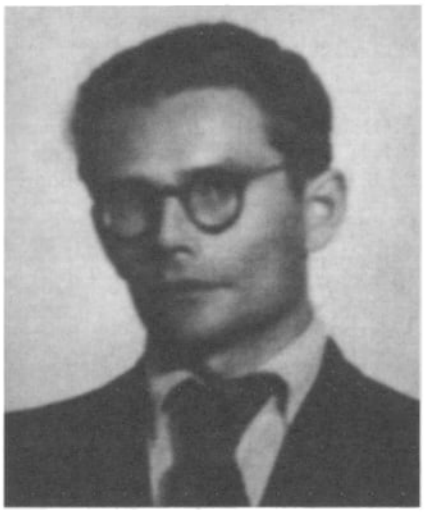
После 1988 неоднократно приезжал в СПб. В изд-ве «Борей-Арт» вышел сб. стих. М. «**Просто так**» (2007).

В 2009 М. вошел в short-list премии Андрея Белого в номинации «поэзия».

Соч.: Сны (Только четыре цвета: Главы из поэмы) // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86 Т. 5А; Беккет С. Трилогия (Моллой; Мэлон умирает; Безымянный) / Пер. В. Молот. Лит. прилож. к ж. «Часы»: В 3 т. Л., 1979; переизд. — СПб., 1994; СПб., 2000); Роб-Грийе А. Дом свиданий / Пер. В. Молот. Лит. прилож. к ж. «Часы». Л., 1980 (СПб., 1997; СПб., 2000); Так просто. СПб., 2007

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

МОНА́ХОВ Николай Николаевич [4.10.1919, Ораниенбаум Пг. губ. — 18.9.1972, Л-д, похоронен в пос. Мартышкино Лен. обл.] — литературовед, поэт, переводчик.



Отец — портовый рабочий в Ораниенбауме. Мать — из семьи дворцовых служащих, посвятила себя детям (четверо сыновей и дочь). Отец и три брата М. погибли во вр. Великой Отеч. войны. Мать и сестра выжили в 1941–43 на территории «Ораниенбаумского пятачка», разделившего судьбу блокадного Л-да.

В 1936 М. окончил ср. школу в Ораниенбауме, в том же году поступил на германское отд. филологич. фак-та ЛГУ. Через год перевелся на русское отд., кот. закончил в 1941. Дипломное соч., посвящ. тв-ву Ф. Достоевского, М. выполнил под рук. проф. А. Долинина, ставшего впоследствии и его рук. при написании канд. дис. (не защищена по не зависящем от М. причинам).

Во вр. войны М., выпускник филфака, служил матросом на флоте в Кронштадте, выполняя обязанности библиотекаря при штабе, т. к. из-за слабого зрения не мог принять участия в воен. действиях. Сотрудничал в газ. «Красный балтийский флот», куда посылал свои стихи. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.», «За оборону Л-да».

В Кронштадте М. познакомился с Г. А. Глаголевой (искусствоведом и художницей, ученицей проф. Н. Пунина), ставшей женой М. В 1948 у них родилась дочь Елена (впоследствии — сотрудник лит. музея ИРЛИ). Супруги бывали в квартире Пунина и А. Ахматовой в Фонтанном доме. Когда Пунина арестовали в 1949, М. и Глаголева подписали письмо в его защиту, отправленное на имя Сталина. Следствием такого поступка явилась приостановка защиты дис. М. о критике и публицисте сер. XIX в. П. Кудрявцеве (текст находится в РО ИРЛИ. Ф. 915). М. была проделана скрупулёзная текстологич. работа по атрибутированию принадлежащих Кудрявцеву критич. статей в «Отеч. записках» за 1830–50-е, считавшихся анонимными. Высокая оценка этой работы содержится в письме А. Долинина литературоведу Н. Бродскому от 29 янв. 1949: «Дорогой Николай Леонтьевич! Перед Вами мой аспирант Николай Николаевич Монахов, кот. пишет диссертацию (вскоре заканчивает) о Кудрявцеве. Он нагрёб много неизданного материала в Публичной библиотеке, открыл целый ряд критических статей Кудрявцева. Примите его со свойственным Вам добросердечием и помогите ему в блистательном завершении своей работы».

После войны М. преподавал русский яз. и лит-ру в Высших военно-морских полит. училищах им. А. Жданова и им. М. Фрунзе. В его архиве содержатся подробные разработки лекций и методич. занятий по истории русской лит-ры от средневековья до современности.

В 1961 М. поступил в ИРЛИ в Сектор новой русской лит-ры. Занимался ред.-изд. делами Ин-та в целом. Входил в редколл. «Некрасовского сб.» (Вып. 4–5. Л., 1967, 1973). Публ. статьи о В. Маяковском и о П. Кудрявцеве в ж. «Русская лит-ра». Позднее углубленно занимался твом Андрея Белого и др. символистов.

М. является автором стих. цикла **«Миражи»**, включающем философскую лирику, а также поэмы в духе футуристов **«Потерянный и возвращенный ад»** (РО ИРЛИ. Ф. 915).

Посл. 20 лет жизни занимался переводами стих. немецкого поэта Р. М. Рильке (опубл. посмертно отд. книгой). Некот. из них вошли в сб. изданий Рильке (в т. ч. серии «Лит. памятники», 1992), переиздавались. Один из переводов был положен на музыку Ю. Вайханским («Любовь как явиться к тебе смогла? / Как солнце пролилась, в цветах расцвела, / пришла, как молитва? — Послушай: / Счастье, сверкая, с неба сошло / и, крылья сложив, величаво вошло / в мою цветущую душу...»).

Петерб. художник Пётр Охта (П. Ф. Батраков) создал по мотивам переводов М. цикл графических и живописных композиций. Переводы получили высокую оценку: «...философская глубина его (Рильке) стихов открывается во всей полноте в переводах Николая Николаевича (Монахова). Интерес Рильке к России, её истории и литературе оказался тождественным интересу Монахова к германской филологии» (О. Яковлев).

М. оставил по себе прекрасную память среди коллег. В некрологе, написанном Ю. Стенником, говорится: «Человек огромной внутренней культуры, большой эрудиции, прекрасно знавший немецкий и французский языки, тонко чувствовавший поэзию и понимавший литературу, как могут её понимать немногие <...> Его переводы стихов Р. М. Рильке поражают глубиной, с какой ему удалось постигнуть духовное мироощущение немецкого поэта. Академик В. М. Жирмунский, познакомившись с переводами, квалифицировал отдельные из них как конгениальные оригиналу по силе и точности передачи поэтической мысли Рильке. Враг громких фраз и всякой внутренней пустоты, надевающей на себя личину значительности, чуждавшийся всегда суетной погони за скоротечным успехом, Николай Николаевич был предельно скромен. Его необычайная скромность и огромная требовательность к себе порой даже скрывали от окружающих истинную степень талантливости и значительности его личности» (РО ИРЛИ. Ф. 915).

Архив: РО ИРЛИ. Ф. 915.

Соч.: Концепция «свободного искусства» в эстетике раннего Маяковского // Русская лит-ра. 1965. № 3; Из истории русской эстетической мысли // Русская лит-ра. 1969. № 1; Из истории формирования русского реализма // Русская лит-ра. 1971. № 1; Райнер Мария Рильке. Избр. стихотворения разных лет в переводах с немецкого Н. Монахова. СПб., 1999.

Лит.: Лиферкус Р. С даром видения // Лен. магистрали. 1992. 11 март.; Монахова-Глаголева Е. «Что потеряли мы...» (Страницы жизни Галины Алексеевны Глаголевой) // Пунинские чтения. СПб., 2000; О. Я. [Олег Яковлев]. «И если чувствуешь: наружу рвется крик...» // Культура и искусство Петербурга. 2000. № 1.

Е. Монахова-Глаголева

МОРА́ВСКАЯ Мария Людвиговна [31.12.1889(12.1.1890), Варшава — 26.6.1947, Майами, США] — поэт.

Биогр. сведения о М. почти не сохранились. Перв. стихи М. появились в СПб. в нач. 1910-х (ж. «Гиперборей», «Заветы»). А. Ахматова, с чьими стихами нередко сравнивали поэзию М., признавала ее «товарищем по цеху» и с добрым чувством дарила ей свои перв. книги. Так же уважительно к тв-ву М. относились М. Волошин, В. Ходасевич, И. Северянин, Саша Черный и др. современники.

В стихах М. привлекала самостоятельность в выборе тем и в их исполнении. Весьма распространенная среди поэтов нач. XX в. тоска по экзотике у М. была связана с запахом бананов в петерб. лавках, с плакатами пароходных компаний, картинками на чайных упаковках и почтовыми марками Судана. Поэтесса мечтала о солнце и ветре, о дальних странствиях, переживала «жизненную несправедливость» обыденного существования. Для выражения этих чувств она находила свободный стих с неровными рифмами, немудреные фразы с вкраплением экзотич. слов. Действительность в стихах М. присутствовала лишь как декорация, как второстепенные подробности. Для М. движения собств. души были важнее самых великих событий, она отражала в стихах не то, что видела, а то, что ей подсказывало биение собств. сердца. И. Эренбург, одним из первых обративший внимание на поэзию М., писал в ст. «Новые поэтессы» (1913): «Моравская своими первыми стихами волнует нас как настоящий поэт, и мы ждем ее верных достижений».

К одной из перв. кн. М. **«На пристани»** (1914) В. Брюсов по просьбе Р. Иванова-Разумника напис. предисл., оставшееся не опубл. М. его не приняла, ответив Брюсову подробной мотивировкой. «Очень благодарю Вас за то,— писала она Брюсову,— что Вы написали о моих стихах, но в самом существенном я, к моему большому огорчению, не могу с Вами согласиться. Жизненная конкретность — это я страстнее всего люблю. Стремлюсь уйти не от действительности вообще, а лишь от окружающей меня вялой и блеклой действительности. Книги для меня только паллиатив иной, более насыщенной жизни. „Выдумывать" себе душу я считаю для поэта преступным. „События" ставлю, разумеется, выше моих мимолетных чувствований. Таким образом, Ваше мнение, что я — поэт узколичный, с моей точки зрения — обвинительный приговор для книжки, а потому мне с крайним сожалением приходится отказаться от Ва-

шего в общем чрезвычайно ценного для меня предисловия» (цит. по: Богомолов Н. // Брюсов В. Среди стихов. М., 1990). Тем не менее после выхода кн. Брюсов в ст. «Год русской поэзии» довольно высоко оценил книгу М.: «Подобно г-же Ахматовой г-жа Моравская — поэт резко субъективный, поэт не внешнего мира, а своей души... Сборник стихотворений г-жи Моравской — как бы интимный дневник, в котором отдельные поэмы и отдельные строки часто не имеют художественного значения, но необходимы, как части целого». В том же 1914 вышли и стихи для детей **«Апельсиновые корки»** (самая изв. книга М.), и сб. **«Стихи о войне»**. Поэтич. книги М. выходили и в 1915, и в 1916.

Стихи М. зачастую оставались образцами прозаич. рассказа. Впечатление прозаичности усугубляла и сама форма стиха, его ритм обыденной разговорной речи. Но, несмотря ни на что, трудно объяснимое обаяние всегда исходило от поэтич. строк М. «Стихи Моравской еще не поднялись к той грани, за которой начинается поэтическое творчество, но значение их в их человечности, в житейском содержании, в тех фактах, чувствах и настроениях, о которых они говорят читателю. Их можно причислить к категории „человеческих документов". Эти документы не поражают яркостью событий и психологической сложностью их, они очень ограничены узкими рамками одного сюжета, их отличительная черта — однообразие,— писал критик Д. Тальников о книге М. **«Золушка думает»** (1915).— Иногда Моравская доходит до причитаний каких-то, до унизительной откровенности. Этот мотив приниженности, с которой женщина смотрит в глаза мужчине, можно найти и в творчестве Анны Ахматовой» (Совр. мир. 1916. № 1). Выпустив за неполные 3 года 6 оригинальных сб. стихов, поэтесса умолкла. Созданное ею читалось, переиздавалось, лучшее неоднократно включалось в различные антол. наряду со стихами Ахматовой, Брюсова, Блока, Бальмонта, Гумилева, Мандельштама, Цветаевой. Это были поэтич. сб. «Цветы» (1915), «Сад поэтов» (1916), «Весенний салон поэтов» (1918), но ничего нового из-под пера М. читатели не получали. Посл. антологией со стихами М. стал вышедший в 1920 в Симферополе сб. избр. стих. поэтов «Страницы лирики», куда составители включили 3 произведения М.

Посл. книгой поэтессы стали переизданные в 1921 «Русским изд-вом» в Берлине ее «Апельсиновые корки». Книга была прислана для отзыва в ж. «Новая русская книга», в кот. написано о ней: «Одна из лучших книг для детей. Издана тщательно, с рисунками С. Чехонина» (Новая русская книга. 1922. № 2). Этот же сб., правда, существенно сокращенный, был еще раз напечатан при сов. власти. В 1928 его выпустил «Госиздат».

М., подобно мн. писателям, оказалась в эмиграции. В 1921 в Берлине начал выходить ж. «Русская книга», одной из осн. задач кот. было выяснение судеб русских писателей-эмигрантов. В первом же номере ж. сообщалось: «Мария Людвиговна Моравская принимает участие в нью-йоркском „Новом русском слове" и читает в Америке публичные лекции». А. Дроздов в те же дни писал в статье «Птица, которая бессмертна» (Русская книга. Берлин, 1921. № 2): «Ныне с отрадою отмечаю я воскресение книги здесь, за границею. Я с отрадой встречаю весть о том, что вот и Юшкевич выбрался из голодной Одессы, и Моравская объявилась где-то там, в Америке, и Чириков приехал в Константинополь в трюме какого-то транспорта». Затем о М. забыли, она исчезла с поэтич. горизонта.

Конец жизни М. провела в США. В 1946 она из американского г. Майами напис. Эренбургу, кот. помнила как молодого поэта, посвятившего ей в 1915 стих. «Слышишь, как воет волчиха...»: «Я, Мария Моравская, была поэтом в России, а теперь почти разучилась говорить по-русски. Пишу исключительно по-английски». К письму М. приложила свои «старые листочки»: «Пойми же, хоть жизнь стегает, / Хоть в горле ком, / Что мир шагает, шагает / Чрез Рубикон. / Блуждая, ища дорогу / Сквозь кровь и мрак. / Должны мы идти с ним в ногу / За шагом шаг» (РГАЛИ. Ф. 1204).

Через год М. не стало.

Соч.: Апельсиновые корки. СПб., 1914; На пристани. Пг., 1914; Стихи о войне. Пг., 1914; Золушка думает. Пг., 1915; Прекрасная Польша. Пг., 1915; Мои стихи. Ревель, 1916.

Лит.: Эренбург И. Новые поэтессы // Гелиос. Париж, 1913. № 2; Брюсов В. Год русской поэзии // Русская мысль. 1914. № 5–7; Брюсов В. Среди стихов. М., 1990.

В. Попов

МО́РЕВ (наст. фамилия Пономарев) Александр Сергеевич [3.1.1934, Л-д — 8.7.1979, Л-д, похоронен на Южном кладб.] — поэт, прозаик, художник.

Вся жизнь Александра прошла на Васильевском о-ве, где он узнал войну и блокаду, за время кот. потерял 12 родственников, на его глазах умерли мать, бабушка, младший брат. В дальнейшем воспитывался тётей Анастасией Ивановной Пономарёвой, т. к. вернувшийся с фронта отец завёл др. семью. С 1948 учился в средней худож. школе при Ин-те им. И. Репина. «Среди нас послевоенных, блокадных ребят класса,— вспоминает однокашник М. по СХШ М. Смирнов,— он был, пожалуй, наиболее талантливым человеком. Стремительно талантливым. И нисколечко не придающим никакого значения этому своему таланту...». Однако в 1953 М. исключён из СХШ с формулировкой в приказе «по состоянию здоровья», по сути — за увлечение «формализмом». В период обучения боготворил Рембрандта, Веласкеса, В. Серова, проявлял интерес и симпатии к импрессионистам, зарекомендовал

себя способным портретистом. О том, какого уровня художником он был к этому времени, можно судить по его ученической работе **«Портрет П. И. Чайковского»** (1951). После ухода из СХШ работал сторожем, художником в клубе им. Козицкого, маляром-художником на з-де спортивных изделий.

Рано начал пис. стихи, рано нашёл свой стиль, о чём свидетельствуют сохранившиеся ранние стих., напр., **«Хочу шалашик»** (1947), **«Россия»** (май 1949), **«Снег»** (1950). С сер. 1950-х посещал ЛИТО «Нарвская застава» при ДК им. Горького. Успешно выступив на Первом городском турнире поэтов 17 февр. 1960, стал широко изв. как один из самых смелых и оригинальных поэтов Л-да. Именно поэтому СП на неск. лет запретил молодому автору выступления с чтением стихов, их публикацию и даже посещение занятий ЛИТО. С этого момента стихи М. звучали только на неофиц. вечерах, распространялись в машинописных копиях. В самиздате вышли его кн. **«Пуля»** (Л., 1962; сост. автор) и **«Сборник стихотворений»** (Л., 1971; сост. А. Домашёв). Стихи М. этих сб. обладают мощным эмоциональным зарядом, контрастностью образов, широким тематич. диапазоном, богатым спектром изобразительных средств, интонационной и ритмич. свободой. В офиц. печати при жизни М. опубл. всего около десятка стих.

Талант художника помогал М. выжить. Как иллюстратор сотрудничал в ж. «Нева», рисовал для ж. «Аврора», «Костёр», «Искорка», оформлял книги. В 1966 изд-во «Сов. художник» заказало М. и выпустило тиражом 52 тыс. экз. комплект открыток с портретами поэтов Лен. фронта. Портрет Ахматовой из этой серии появляется на обложках ахматовских сб. до наст. вр. Исполненные М. портреты и городские зарисовки публ. и др. лен. издания, а портрет Шекспира попал даже на страницы ж. «Англия», однако без указания фамилии автора. Живопись М. демонстрировалась только на неофиц. выставках. В 1975 абстрактные коллажи **«Железная необходимость»** и **«Железное равновесие»**, показанные на выставке художников авангарда в ДК «Невский», подверглись уничижительной критике в газ. «Лен. правда».

11 окт. 1967, в приступе отчаяния, во дворе дома М. сжёг весь архив своих стихов. Часть стих., сохранившихся в копиях у друзей и почитателей, удалось разыскать и собрать одной из его поклонниц — В. Рольник. В 1977 из найденного и собранного был составлен самим М. машинописный сб. **«Листы с пепелища»**, разошедшийся по городу во мн. копиях.

В. Бетаки пишет о М.: «Известно, что "Войну и мир" не мог написать участник событий. Должно было полвека пройти. Говорят — это закон прозы. Но, видимо, случается такое и в поэзии... Ведь по горячим следам только почти одного Симонова и видно... А вот в шестидесятые появляются "военные" стихи Высоцкого, всем известные, и Морева, при жизни опубликовавшего всего восемь стихотворений в ленинградских "Днях поэзии". Так и не вышла у него книга стихов. Писал Морев мало. Он считал себя сначала художником и уж потом поэтом. А вот теперь, на расстоянии времени, оказывается точно наоборот... Морев пишет о войне без официальных и обязательных в СССР восторгов... Морев словно не слышал, "как положено о войне писать". Он, заставший войну восьмилетним ребёнком, психологически перевоплощается в солдата, без вранья и без никчёмной сентиментальности. Среди гладеньких военных ямбиков решетовых или орловых его поэзия — "идол металлический / среди фарфоровых игрушек", как сформулировал когда-то Гумилёв. Вот начало поэмы **"Месса"**: "Когда венок колючей проволоки опутывал / морщины траншей на лбу земли, / всё было как в среду, как вчера, как утром. / Струсил сержант, и мы за ним залегли. / Он был бледен, как свадьба без гостей. / Как тысяча чертей я был отважен, вшив и нищ, / но мы увидали в чёрном небе прожектора костей / и белый череп луны над трубами пепелищ". ...Это, может быть, одно из самых пронзительных стихотворений о войне в русской поэзии XX века. <...> Лирика Морева, напряжённая и часто парадоксальная, не гармонировала с притчеобразной и мелодической поэзией шестидесятых годов, а вот сегодня, уже в ином веке, она, по-моему, приходится ко двору куда естественнее, чем в те годы, когда писалась».

С нач. 1960-х писал прозу. За неск. лет (1966–71) ему удалось опубл. в ж. «Нева», «Урал», «Звезда», «Простор», «Неман» и сб. «Точка опоры» пять рассказов. Повесть **«Раненый и трус»** (др. назв. — **«У стен рая»**) и рассказ **«Для радости»** напеч. самиздатским ж. «Часы» (1976, 1978). Через мн. лет после гибели М. выяснилось, что в Париже 27 февр. 1970 русскоязычная газ. «Русские новости» перепеч. из ж. «Звезда» рассказ **«Русские бани»**.

Длительное время М. работал над романом **«Костёр и звёзды»**. Готовую рукопись неск. раз основательно переделывал, что видно по назв.: в одной редакции роман назывался **«Мастер диалога»**, в другой — **«Сними обувь свою»**. Роман был настолько важен автору, что он придумал отличный (как ему казалось) способ сделать его доступным для читателя: главы публиковать в качестве самостоятельных рассказов. И, наконец, одержимый идеей необходимости открытого диалога Мастера с властью, М. решает передать экз. законченного и переплетённого в мешковину романа в Смольный (где размещался обком КПСС). 26 янв. 1977 у входа в здание Смольного М. буквально снял обувь и с ботинками и романом в руках стал подниматься по лестнице — и был задержан. Его отправили в психиатрич. больницу (б. «кресты» на ул. Лебедева), где до сер. февраля он «проходил курс лечения», после кот. в нем стали проявляться депрессивные настроения.

Прозу М. высоко оценивали мн. писатели-современники. Но даже при положительных рец. Г. Гора, Г. Горышина, М. Слонимского на представленную в изд-во «Сов. писатель» рукопись сб. **«Рассказы»** ни повесть, ни сб. рассказов официально опубл. не были. Проза М., за исключением неск. произведений, не изд. до сих пор.

Доведённый до отчаяния (стихи не издаются, живопись не понята, проза отвергнута), не на ходя в себе сил для преодоления душевного кризиса, в ночь с 7 на 8 июля 1979 М. покончил с собой, бросившись в открытую двадцатичетырёхметровую вертикальную штольню, неизвестно для чего предназначенную, на пересечении Наличной ул. и Шкиперского протока, на родном Васильевском о-ве.

Посмертная выставка живописи и графики М. состоялась через полгода в ред. ж. «Аврора» (1980). Затем картины, коллажи и графика демонстрировались на выставках Тов-ва экспериментального изобразительного искусства в Ленэкспо «От неофициального искусства к перестройке» (1989) и Арт-центра «Пушкинская-10» в Центр. Манеже (2004, 2009).

Стихи стали публ. за рубежом, затем в России. В 1990 — при первой же возможности коммерческой публикации — друзья М. издали (вскладчину) его поэтич. сб. **«Листы с пепелища»**. Существовавшая тогда цензура (т. н. «горлит») выбросила из кн. три стих. — **«Гойя»**, **«Рыбий глаз»** и **«Ближе к ночи распяли его...»**.

Трагическая смерть М. отозвалась в сердцах поколения самыми разными откликами — стихами, прозой, живописью, кино. Посвящённые М. стихи, воспоминания и др. мат-лы собраны и опубл. А. Домашёвым в четырёх вып. самиздатского сб. «Венок другу» (1981; 1988; 1994; 2001 — не тиражирован). Ознакомившись с первым из них, поэт К. Кузьминский в антол. «У Голубой лагуны» писал: «Удивило меня другое — сколько неофициальных поэтов откликнулось на смерть Морева,— одного из них... И я о нём пишу, много. Вряд ли даже о Бродском так вздохнут. И это потому, что Мореву никто не завидовал. Завидовать там было нечему: трижды неофициальный — художник, поэт, прозаик... Но остался Морев в памяти многих... Морева я по-своему любил и одно время — даже очень. И судьба его — судьба большинства из нас. Он как зеркало. Вровень. А до Бродского судьбы надо ещё тянуться...».

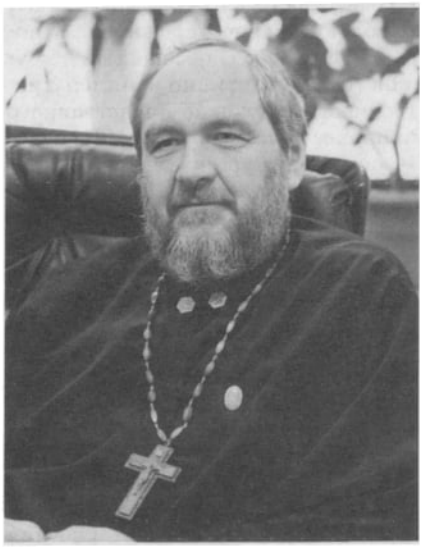
Удивительно, но М. предсказал свою гибель за много лет до неё: «Эта слава, в шторме погибшая,— я! / Это слово, в штольне затихшее,— я!».

Соч.: [Стихи] // Красное Знамя. Л., 1962. 4 янв.; [Стихи] // Красное Знамя. Л., 1962. 15 февр.; [Стихи] // Сборники. Л., 1961–62. № 1–6; [Стихи] // За сельскохозяйственные кадры. Л., 1965. 19 нояб.; [Стихи] // Молодой Л-д. Л., 1966; [Стихи] // День поэзии. Л., 1967, 1971, 1988; [Стихи] // Лепта. Л., 1975; [Стихи] // Часы. 1976. № 4, 1979. № 21; [Стихи] // Аврора. 1980. № 3; [Стихи] // Время и мы / Вст. ст. и публ. Э. Шнейдермана. Н.-Й.-Иерусалим-Париж, 1980. № 52; [Стихи] // Острова. Л., 1982; [Стихи] // У Голубой лагуны. Ньютонвилль, 1986. Т. 5А; [Стихи] // Грани. 1987. № 145; [Стихи] // Газаневщина. Иерусалим, 1974–89; [Стихи] // Балтиец. Л., 1989. 11 авг.; [Стихи] // Балтиец. Л., 1989. 18 окт.; Листы с пепелища: Стих. Л., 1990; [Стихи] // Антология русского верлибра. М., 1991; [Стихи] // Новая вкусная газ. СПб., 1991. 23–29 окт.; Рыбий глаз (65 стих., не вошедших в сб. «Листы с пепелища») / Сост. А. Домашёв. Л., 1994; [Стихи] // Строфы века. Мн.-М., 1995; [Стихи] // Интеллектуальный капитал. СПб., 1998. № 3 (15) , май; [Стихи] // Питербook Плюс. СПб., 1998. № 9; [Рассказы] // Коллекция: петерб. проза (лен. период). 1970-е. СПб., 2003; [Стихи] // АКТ. СПб., 2004. № 14, июн.-авг.; [Стихи] // Из падения в полёт. СПб., 2004; [Стихи] // Актуальная поэзия на Пушкинской-10. Киев, 2009; [Стихи] // Зинзивер. СПб., 2009. № 3–4 (15–16); [Рассказы] Острова/Islands. Н.-Й., 2010.

Лит.: Орлов В. Ах, что за прелесть эта литература! // ЛГ. 1971. № 33. 11 авг.; Минчковский А. «Точка опоры» молодых // Лен. правда. 1971. 5 нояб.; Звонцов В. Если тебе художник имя // Лен.правда. 1975. 16 окт.; Иванов Б. Некролог // Часы. 1979. № 20; Горбовский Г. Неоконченная беседа // Аврора. 1980. № 3; Гозиас С. Папа Карло // У Голубой лагуны. Ньютонвилль, 1986. Т. 5А; Кузьминский К. Об Александре Мореве // Там же; Stefanovic B., Wertsman V. Free Voices in Russian Literature 1950s — 1980s. NY, 1987; Бетаки В. Русская поэзия за 30 лет. 1956–86 // Оранж. Коннектикут, 1987; Шнейдерман Э. Пути легализации неофициальной поэзии в 1970-е гг. // Звезда. 1988. № 8; Домашёв А. Его имя было, как пароль // Балтиец. 1989. 11 авг.; Басин А. Газаневщина. Л.-Иерусалим, 1974–89; Андреева Е. Художники «Газа-невской культуры». Л., 1990; Горшков В. Эта слава, это слово // Телевидение и радио. 1990. 18 сент.; Голлербах Е. Волшебная флейта Александра Морева // Смена. 1990. 19 окт.; Першин П. Постскриптум к вопросу о «новой лит-ре» // Новая газ. 1990; Шнейдерман Э. Говорили только о стихах // Искусство Л-да. 1991. № 1; Холшевникова Е. «Это слово, в штольне погибшее,— я!» // Лен. правда. 1991. 30 мая; Бешенковская О. Построят ли предприниматели храм? // Литератор. 1991. № 29 (83), июль; Звягин Е. Нас вершина холма заставляет упасть на колени // Литератор. 1991. № 40 (94), окт.; Шнейдерман Э. Три поэта // Новая вкусная газ. 1991. 23–29 окт.; Горбовский Г. Остывшие следы. Л., 1991; Трофименков М. Мы умрём не в Париже // Смена. 1992. 1 февр.; Венок другу (Из стихов, посвящ. А. Мореву) // Колпица. 1996. Вып. 31; Тайгин Б. Из дневника // Пчела. 2001. № 32; Бетаки В. С неводом по берегу Леты // Звезда. 2004. № 11; Всеволодов Р. Дон-Кихот, покончивший с собой // Илья: Альм. М., 2007. Вып. 6; Шнейдерман Э. «Это слово, в штольне, затихшее,— я!» // Звезда. 2009. № 5; Домашёв А. Предисловие к бессмертию // Зинзивер. 2009. № 3–4 (15–16); Домашёв А. Это не о Пушкине, это о себе // Острова/Islands. Н.-Й., 2010.

А. Домашёв

МОРО́З Алексей Аркадьевич (псевд. Свящ. Родион, Николай Боголюбов) [3.1.1956, Л-д] — прозаик, публицист.



Родители — преподаватели англ. языка, мать — в школе, отец (ветеран войны) — в вузе. В 1977 окончил с отличием педагогический фак-т Лен. ин-та физич. культуры им. П. Лесгафта, поступил в аспирантуру по каф. истории физич. культуры. Призван в армию, после демобилизации восстановился в аспирантуре. С 1982 по 1985 работал преподавателем в ЛИАПе. В 1983 защитил диссертацию на степень кандидата пед. наук. В результате внутренних поисков и под влиянием матери пришел к вере и в 1981 был крещен в Спасо-Парголовской церкви протоиереем Василием Лесняком. В 1985 и 1986 делал попытки поступления в Лен. Духовную семинарию, но по распоряжению

уполномоченного по делам религии к учебе допущен не был (из-за наличия ученой степени).

В 1986 рукоположен в священники и до 1994 был настоятелем Смоленской церкви с. Марково. В 1990 закончил ЛДС, затем два курса заочного отд. ЛДА. Служил в различных приходах Новгородской обл. Женился, венчался, имеет трех детей. В 1994 был вынужден выйти за штат и в течение года работал зав. кафедрой «Православие и сектантство» СПб. негос. Ун-та Русской Общественной Мысли им. св. блг. кн. А. Невского. Выезжал с лекциями по религиозной тематике на Урал, в Сибирь, Карелию и др. С окт. 1995 по 2009 служил настоятелем Успенской церкви с. Марева Новгородской обл.

С детства имел тягу к лит. тв-ву. Школьником печатался в газ. «Пионерская правда», посещал лит. кружок. С 1988 активно занялся лит. творчеством духовно-нравственного направления, публ. в ж. «Москва», «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости», «Образ», «Роман-газета XXI век», «Лекарь», «Родная Ладога», в газ. «Лит. Россия», «День», «Русь Державная», «Лит. Иркутск», «Вера-Эском», «Православный Санкт-Петербург» и др.

В 1990 вышла перв. кн. М. (под псевд. «Священник Родион») **«Люди и демоны»**, выдержавшая впоследствии более десяти изд. Вслед за ней последовали кн., где излагался православный взгляд на сущность астрологии, феномена НЛО, экстрасенсов, масонства, лжеучения Порфирия Иванова, тайных обществ. Они приобрели широкую популярность среди верующих, переиздавались на Украине и в Белоруссии.

В 1998 принят в СП России. Автор более 50 книг и брошюр. Творч. интересы М. многообразны: антиоккультная, антисектантская лит-ра: **«Секта Муна»** (1996), **«Россия перед выбором (ложная и истинная духовность)»** (1998), **«Деструктивные тоталитарные секты в совр. России»** (в соавт. с А. Швечиковым, 2005), **«Тайные общества 21 века»** (2003, псевд. «Николай Боголюбов»); работы по православной педагогике и психологии: **«О семье и воспитании»**, **«Нас тоже вызывают на дуэль»**, **«Уроки добротолюбия»** (в соавт. с Т. Берсеневой, 2004); **«Самое главное»** (2011), **«Основы православной психологии»** (2012); публицистика о нравств. состоянии об-ва: **«Россия перед выбором»**; составление молитвослова **«Молитвы на всякую потребу»** и **«Нового православного богослужебного сборника»**, значительно облегчающего клиросное послушание; повести и рассказы **«Человеческие судьбы»** (1998), «Космические встречи» (1999) и др.

Кн. **«Исповедайтеся Господеви»** (2001) и **«Исповедую грех, батюшка»** (2005) представляют собой своеобразную энциклопедию греха, где описываются многообразные грехи совр. человека и указываются пути борьбы с ними. Они посвящ. вопросам исповеди, психологии кающихся, выбору духового отца и опасностям, подстерегающих совр. христианина. Злободневны книги М., написанные в соавт. с В. Цыганковым, — **«Как победить алкоголизм»** (2002) и **«Уроки трезвости»** (2006), где рассмотрены духовные, психические и физиологич. причины алкоголизма, указаны пути его преодоления. Кн. **«Образ русской школы»** (совм. с В. Безруковой) указывает возможные пути развития православной русской школы. В соавт. с Т. Берсеневой М. подготовил метод. пособие для школы **«Основы православной культуры»** (2013).

Автор неск. сборников прозы. В соавт. с Н. Коняевым выпустил кн. православных рассказов для детей **«Гуси-лебеди»** (1998).

В кн. **«Верой и молитвой: повесть. Записки священника»** (1996) собраны рассказы сельского священника о своем приходе: встречах, случаях, разговорах. В каждой ситуации автор стремится разглядеть действие Духа Божьего, извлечь нравств. урок. М. рисует характеры прихожан и клириков: впавшая в прелесть «Бабка Александра», мятущийся интеллигент («Энергия мысли»), грубоватый архиерей («И духови твоему»), оконфузившийся молодой батюшка («Кочан капусты»). Из жизни взят и сюжет рассказа «Чистка квартиры» — о жене-неофитке, которая под влиянием псевдостарицы-кликуши выбросила книги и технику, выгнала собаку и собиралась бросить мужа и продать квартиру.

Героем кн. **«Рассказы современного странника»** (2003) является простой человек, «раб Божий Вячеслав», кот. по благословению старца в течение семи лет странствует по просторам новой, демократич. России, от Печорского монастыря до Владивостока. Герой преодолевает испытания, лишения, опасности, встречает и тех, для кого человеческая жизнь в эпоху рыночных отношений не стоит ломаного гроша, и тех, кто дарит тепло и ласку.

Кн. **«И настави меня на путь вечен...»** (2004; 2006) имеет подзаголовок «Записки приходского священника» и носит автобиографич. характер. Автор обозначает свой путь к вере и к церкви, начавшийся в глухое атеистич. время, общее для целого поколения: семья педагогов, институт, аспирантура... Описаны встречи с людьми, духовные размышления, поездки по святым местам, беседы со старцами, боль и сомнения русского православного человека.

В 2009 М. перешел на службу в СПб. епархию, возглавил дневной стационар антинаркотич. православного епархиального центра «Воскресение». Разработал новую методику занятий с нарко- и алкозависимыми, по кот. до сих пор работают многие православные школы трезвения.

В 2010 в СПб. защитил степень гранд-доктора психологии в Международном Университете Фундаментального Обучения (Оксфордская образовательная сеть) и там же в 2011 получил звание проф. богословия. В 2012 избран председателем обществ. региональной организации «Собор православной интеллигенции». С 2011 является духовником СПб. отд. общественной организации «Народный собор», членом правления СП России (СПбО). Выступает на ТВ, возглавляет Православный лекторий СПб., где им прочитано более 60 лекций на различные темы. Пост. автор Интернет-агентства «Русская линия», автор многочисленных передач на «Православном радио СПб.».

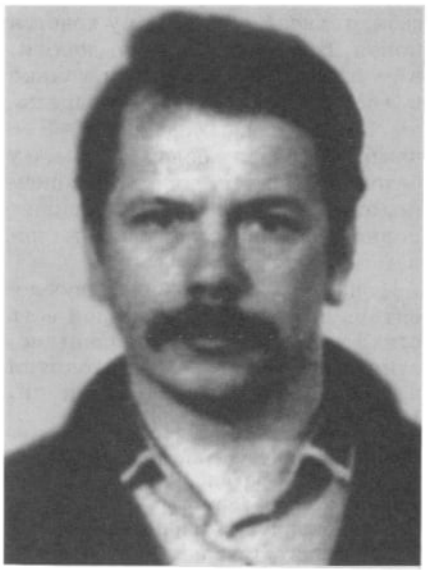
Лауреат Всероссийской лит. премии св. блг. кн. А. Невского (2004), награжден почетным знаком св. Татьяны «Наставник молодежи» (2005), дипломом Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, дипломом Междунар. парламента и Мира и Оксфордской образовательной сети с присвоением звания Лауреата междунар. конкурса «Гармо-

ническое развитие человека» (ЮНЕСКО) «за уникальные теоретико-методологические разработки в области духовно-нравственного возрождения и безопасности жизнедеятельности человека» и мн. др.

Соч.: см. www.sobor-spb.ru/members/moroz/moroz_main.htm; www.livelib.ru/author/258101.

А. Любомудров

МОРО́ЗОВ Владимир Ильич [30.5.1956, Л-д] — поэт, прозаик.



Родился в рабочей семье. До семи лет жил в д. Альфимово Торжокского р-на на родине матери у дедушки с бабушкой. В 1971 окончил школу № 513 Невского р-на Л-да. В 1974 — Лен. механич. техникум № 1 (специальность — прикладная мат-ка). После службы в армии работал инженером, помощ. мастера, грузчиком, сторожем, рук. творч. объединения и др.

Перв. публикация М. состоялась в многотиражной газ. «Красный ткач» (1977). В 1981 вышла подборка стих. в газ. «Смена». В 1980 — перв. выступление на радио. Участник двух конференций молодых писателей Северо-Запада. В 1991 закончил Лит. ин-т им. М. Горького в М. (семинар Н. Старшинова). В февр. 1999 принят в СП России. Лауреат православной премии им. бл. кн. Александра Невского за 2007 (кн. стихов «**Горький дым**»).

М. ведёт большую орг. работу в лит. мире СПб. Он ред.-сост. антол. «Точка отсчёта» и «Поэтич. форум» (2011). При его участии созданы ЛИТО «Правый берег», «Невская застава», «Ковчег», «Родники», «Гармония», «Турмалин». Основатель и бессменный рук. лит. клуба «Приневье» (основан в нояб. 1997), где выпущено неск. поэтич. серий — «Зелёная серия» («Великая провинция», «Отечество», «Дорога», «Юдоль земная», «Светлынь»), «Поэты России», «Биб-ка русской поэзии», «Поэтич. форум», серия «Лит. клуб "Приневье"». М. явился инициатором и организатором альм. «Душа на рифму не глядит», «Гармония», «Дорога», ж. поэзии «Окно» и др. Им выпущено и отред. более сотни кн. совр. поэтов.

Поэзию М. отличает понимание многозначности бытия, сиюминутного ощущения, умение воссоздания одномоментной картинки. Неслучайно в его стихах много парадоксов. У М. это не способ эпатировать читателя, но всегда попытка точнее выразить неуловимые смыслы, ощущения, видения, реальность и нереальность. При поверхностном чтении может показаться, что автор не дорабатывает строки, не стремится к точному высказыванию, но стоит вчитаться — и приходит понимание: поэт всегда порождает загадку, чаще всего не досказывая её, т. к. говорит с близкими и понимающими его людьми — с роднёй, с соотечественниками.

В колоритной поэзии М. заключено бесчисленное количество тем (вопреки его собств. мнению о себе как о крестьянском поэте). Но ещё больше в ней настроений, обогащающих общее впечатление. Таковы сб. «**Мерцание**» или «**Настроения**», «**Первозимье**» или «**Зимогорье**», да и любая из его кн. М. скорее импрессионист, нежели поэт соц. направленности. В его стихах нет открытой публицистики, но штрихами, отд. строчками боль за Россию прошивает большую часть созданных им пронзительных картин современности. Основа мироощущения М. — тоска «по какому-то лучшему свету», по дороге, кот. вела бы не к «куполам покосившейся веры», а к покаянию, к добру. «**Да что я без Родины стою...**», «**Я вырос здесь и здесь умру...**». С иронич. горечью поэт говорит: «Строили прекрасное большое, а видать, построили тюрьму...», «С Колымы опять на Колыму...», «Умирать — это тоже любовь, это было всегда на Руси...», «Если ты рождён в России русским, это для тебя всегда беда...», «Мы все по жизни — ваньки ивановы и дети нерасстрелянных отцов...», «Мы тихие дети, рождённые после Победы, но детские игры достались и нам про войну...»... Все эти стих. строки иллюстрируют публицистичность поморозовски.

В трёх кн. «**Мерцание**» (1996) собрано более 1000 стих., напис. М. в возрасте от 15 до 40 лет. Прежде у поэта не было возможности издаваться в книжном варианте, журн. и газ. публикации были единичны. М. многогранен и богат на блестящие строки, будь то лирика, философская или пейзажная, игровые или патриотич. стихи — а зачастую одно стих. можно причислить ко мн. направлениям. В поэзии М. поражают и запоминаются строки: «И считает мои года старый ворон — речное эхо», «И, одетый в январь, веселится Весёлый посёлок», «Я рос в глуши, где просыпались рано и жили по-газетному высоко», «Только ведь Россия — как дорога, остальное — Запад и Восток», «Бабушки сияние в окне», «И играет ребёнок, собой затмевая весь мир, небольшой коридор оставляя для окрика мамы», «Я в мир пришёл в единственной минуте, когда не мог он выжить без меня».

Поэтич. тв-ву М. свойственна самоирония. Она бывает доброй, трагической, даже пронзительной, часто очень острой и горькой. И возвышенной: «Я не певец старинного барокко, дворцов Кваренги или Монферрана». Продолжим иначе: «Эх, судьба, я сегодня скромен», «И стою я — питерский крестьянин», «И куда мне, умнику с пионерской школою», «Наверно, накинут нам цены на нашу вселенскую грусть», «В России сходят умные с ума, а дуракам от этого обидно», «Я устал от добра, а быть может, и это к добру», «В рояле я зимой хранил картошку». Ирония, незлобная или горькая, часто куражная насмешка над собой разлиты по мн. стихам М. Часто это умело вписанные в поле стиха фразеологизмы, неожиданные концовки или иные «выкрутасы», на грани улыбки и плача.

В тв-ве М. явно прослеживается высокий накал терзающих его душу страстей, резкая смена настроений, пламенность в обращениях к самому себе, к судьбе, к жизни. Мысли и чувства сталкиваются, создаётся панно из отд. фрагментов, кот. читатель сам должен соединить, прикладывая и свои поэтич. эмоции для создания цельной картины. Большое кол-во стих. М. посвящ. психологии игры (в т. ч. и с самим собой), психологии человека, кот. в заявленных обст-вах поступает и чувствует себя как непосредственный участник процесса — будь то ожидание выигрыша в казино или разговор в пивной.

Большинство стихов М. по форме лаконичны, у него много восьмистиший, построенных по простой схеме — «заявлено-подтверждено» или «заявлено-опровергнуто». Иногда это просто стихи-реплики, размышления вслух. Но иногда эта лапидарность спрессована, и тогда в каждой короткой строке — новая психологич. или бытовая подробность, резкие повороты смысла и настроения. И здесь поэт многообразен: есть резкие мазки и нежно-акварельно прописанные миниатюры, кот. сможешь воспринять только в определённом состоянии, желая тишины и ухода в иные (от привычной плоскости) восприятия.

Простая, но одновременно крайне сложная индивидуальность поэта М. — основа его поэтики. Истоки его поэтич. чувствования — и в детстве, проведённом в «патриархально-советской» деревне, и в полублатных романсах городских окраин. Мн. стихи М. положены на музыку и именно с нею становятся понятнее и звонче.

Город и деревня во мн. стих. М. имеют «равные права»: **«Городской и деревенский я»**, **«Снег белее вымытой вискозы»** (лексикон потомственного текстильщика), **«Кот в деревне городом не бредит»**, **«От ленинградского причала до Кинешмы куплю билет»**. Но всё это — стихи, напис. горожанином, тоскующим о деревне, о «дедовской доброй земле», где «осталось не детство — наверно, осталась душа». Воспоминаниям о детстве посвящ. мн. стихи М. **«Калиновка»** — неоконченное повествование о деревне с придуманным названием, рожденным не от того, что его деревня в Калининской, ныне Тверской, губернии находится, а от куста калинового или от Калинового моста. **«Предисловие к будущей поэме»** и **«Поэма без названия»** кажутся фрагментами одного большого произведения, т. к. в них множество перекличек. Отд. строками деревня детства вкрапливается в добрую треть тв-ва М., наполняя его добром и светом. Сам поэт признаётся, что деревня — им возвеличенная идиллия. Деревня детства — место, где ему хочется спрятаться («И ухожу, когда невмоготу, в тот мир иной, где я ещё расту»), и хотя сам он грустно посмеивается над собой: «Смешно искать на белом свете рай»,— но сам же повторяет как доброе заклинание: «Не выдумать сказок роднее».

Напряжённый внутр. монолог становится неустанной борьбой с самим собой, с воображаемым собеседником, с об-вом в целом. Поэзии М. свойственна яркая интонационная окраска, эмоциональные взрывы внутри стиха, сравнимые иногда с работой ударных или струнных инструментов в симфоническом оркестре. Контраст поэтич. гибкости, прозрачности языка и трагизма содержания усиливает впечатление от мн. стихов.

В стих. **«Ни с совестью, ни с Богом не в ладу»** чувствуется высокий градус боли мятущейся души, и интуитивно, в самую трудную для себя минуту, она просит: «Спасите нас, славянские кресты, Владимирская наша Божья мать». Другое обращение с просьбой о спасении: «Колокола над золотом полей, черёмуха у медленной воды — спасите нас молитвою своей» — здесь смешались чувства православного человека и глубинная память о языческих верованиях предков.

В стих. М. часто прослеживается образ дороги, поэт рисует себя, идущего сквозь темень сомнений, сквозь вьюжную хлёсткость ударов судьбы, сквозь «неверие в благодать», и всегда эта дорога — вперёд (**«Тишина. Тишина. Мне теперь от безверья невмочь»**, **«Икона Русь»**, **«Пушкинская осень»** и мн. др.). Поэт пишет о себе и так: «Мне с рожденья к небесам дорога, хорошо б, и в смерти к небесам». Или так: «Так и сгину, добрый и не очень, на своих дорогах в никуда». И так: «Наверно, выбрала стихия меня в свои поводыри, дорога — вот моя Россия». И еще так: «Поклоняюсь я русским дорогам». Признаётся, что «боль унять» может только дорога.

Текстологич. изыскания позволяют сказать, что состояние движения, изменяющейся жизни есть в большинстве стихов М. Но и состояние созерцания тоже подчёркивается движением — то летит птица, то идёт по тропинке к колодцу женщина с ведром, то в предутренней тишине слышно, как проходят мимо весело переговаривающиеся коровницы, то мальчик из детства выходит с дедом из леса. Лирич. герой М. бежит от себя, от своей тревоги, ему хочется покоя. В дороге, в поиске дороги, в блужданиях по дорогам только и успокаивается мятежное сердце поэта. Когда однажды он написал: «Я — как белое облако в белом тумане, а у белого облака нету дорог»,— конечно, это о том, что облако обладает полной свободой, и ему вольно полететь куда угодно.

М. написал и издал более двух десятков поэтич. кн. В каждой есть стих., кот. могут быть признаны поэтич. вершинами. М. находится в пост. творч. поиске и развитии. Пробует писать прозу.

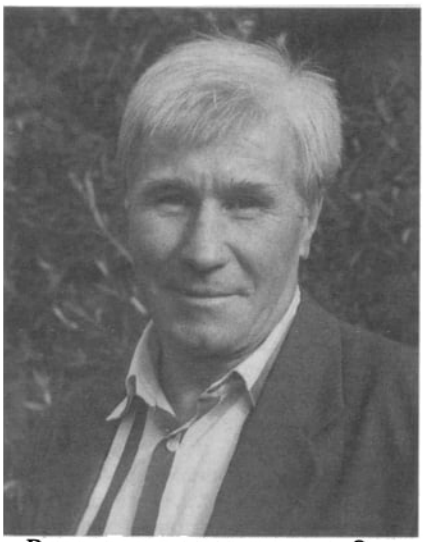
Соч.: Я вижу сны на русском языке. СПб., 1989; Мерцание: В 3 т. СПб., 1996; Избр. СПб., 1997; Зимогорье. СПб., 1998; Во цвете осени: Избр. лирика. СПб., 2000; Добрая книга: Стихи для детей. СПб., 2000; Настроения. СПб., 2000; Первозимье. СПб., 2002; Книжка без картинок: Стихи для детей. СПб., 2002; Свет потаенный: Рассказы и статьи. СПб., 2003; Поле. СПб., 2004; Лит. знакомцы. СПб., 2005; Избр. стих. СПб., 2006; Горький дым. СПб., 2007; Золотая долина. СПб., 2008; Страницы неизданных книг. СПб., 2009; Камышовая дудочка ветра. СПб., 2009; Вернуться живым в позабытый дом. СПб., 2010; Соловьиная свирель. СПб., 2010; Серебряная осень. Красная зима. СПб., 2011; Солнышко печали моей. СПб., 2011; Несказанное слово. СПб., 2011; Весёленькое дельце. СПб., 2011 (в соавт. с И. Талунтис, М. Борисовой); Прекрасное далёко: Стихи для детей. СПб., 2011 (в соавт. с И. Талунтис, М. Борисовой); Русский путь. СПб., 2011; Подари мне улыбку в Париже: Поэма-фантасмагория. СПб., 2011 (в соавт. с И. Талунтис); Русский путь-2 и Русский путь-3. СПб., 2012.

Лит.: Токажевская М. Заметки о лит-ре и не только // Невский альм. 2007. № 4; Киршин Д. Предисл. // Морозов В. Золотая долина. СПб., 2008; Грунтовский А.

О поэзии В. Морозова // Грунтовский А. Материк Россия. СПб., 2009; Токажевская М. «Вселенная безвестного поэта» // Невская застава: Альм. СПб., 2007; Бондаренко А. Мир поэта и Крестьянская муза // Морозов В. Солнышко печали моей. СПб., 2011; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

М. Борисова, М. Токажевская

МОРО́ЗОВ Геннадий Сергеевич [10.9.1941, г. Касимов Рязанской обл.] — поэт.



Родился в семье служащего. Окончил Касимовский индустриальный техникум (1961). По распределению был направлен в г. Киров, откуда переехал в Л-д, где работал в одном из НИИ. Вел ЛИТО при газ. «На страже Родины» (1972–75), заочно учился в Лит. ин-те им. М. Горького (1975–80). В 1977 стал членом СП СССР, работал ред. в Лениздате.

Перв. стих. **«За Окою, словно сабли, зазвенели ливни...»** напис. в 14 лет, перв. публ. — стих. **«Парни»** (газ. «Молот». Киров, 1963. 27 март.). Публ. в ж. «Москва», «Наш современник», «Огонек» (лауреат его премии 1977), «Молодая гвардия» (лауреат его премии 1985), «Нева», «Звезда», «Аврора», «Сибирские огни», в альм. «Поэзия», еженедельнике «Лит. Россия». Первый сб. стихов — **«Мещерский городец»** (М., 1974).

Этапы своего тв-ва определяет «от описательных и сюжетных стихов — к философскому осмыслению внутреннего мира человека, который наиболее полно раскрывается в „чистой лирике"» **(Творческая биография.** 2003. Машинопись).

Стих М.— традиционный, свое тво поэт соотносит с теми истоками, «где постоянно бьет чистейший и неиссякаемый словесный источник русского фольклора» (Творч. биография). Любимыми поэтами называет А. Блока, С. Есенина, Н. Рубцова, Ю. Кузнецова, кот. посвятил ряд стих. Ощутимо подспудное влияние Ф. Тютчева — в мотиве «скрытого томления» природы и «последнего катаклизма» («И нас поцелует чернобыльский дождь / в безмолвные губы») и С. Клычкова — в ощущении трагич. предзнаменования в природе: «С чего бы так низко к земле припадают / плакучие ветви берез?!».

Осн. тема поэзии М. — Россия в многогранности ее звучания. Здесь дают о себе знать и все еще не прошедшая память о войне в родном крае, где «каплет кровью земляника / на прах истлевших блиндажей» **(«Посветлело»)**, и голодное военное и послевоен. детство мальчишек, что «донашивали шапки / пропавших без вести отцов». Поэт пишет о том, как ему и его сверстникам, спешащим по крепчающему морозу в худой одежке домой, казалось, что «жидкая похлебка / вот-вот замерзнет в животе!» **(«Отзывчивость»)**. «Мы слабли к весне. Нас ветром качало, / как в поле полынном худую траву, / но зрела картошка и нас выручала. / И к нам, словно руки, тянула ботву» («Посветлело»). На смену тяжелому детству приходит в поэзии М. ранняя трудовая юность: «Мозолил руки мне топор. / А не туристская гитара» («Отзывчивость»).

Значительное место в поэзии М. занимает тема деревенской жизни. Поначалу поэт еще любуется слаженностью ее быта, где «с фундаментом каждого дома / Смоленое слито бревно» **(«Мещерский городец»)**. Однако этот ее крепкий лад все чаще начинает осознаваться лишь как прошлое родной деревни, как, напр., в стих. **«Старые бани»** (1975): «Забиты бани и забыты, / Тазы тускнеют и корыты, / рассохлись рубель, и вальки» («Отзывчивость»). Ее тема принимает откровенно ностальгич. звучание: «Гляжу я на старые стены — / Толкается сердце в ребро». В итоге поэт видит деревню непоправимо оскудевшей — с «прогнившими порогами», «щелястыми полами», «скрипящими косяками», «рассохшими сенцами» в избах, а на улице с «похиленными прялами».

В связи с этим активно звучит в поэзии М. мотив прошлого — от безотчетно импульсивных восклицаний («О старина! Души моей услада!») до заклинаний, обращенных к «заветному свету ушедших лет» побыть до «смертных дней» с поэтом, а также вернуть из «былой жизни» нечто в ней прежде не замеченное: «Ты в темном омуте души / яви мне то, что было скрыто». Завершаются обращения к прошлому утешительной перефразировкой известной поговорки: «То, что было, то не сплыло, / а таясь живет во мне».

Не проходит М. и мимо урбанистич. зоны, активно вытесняющей мир сельской России. Живописание городских наблюдений оборачивается чаще всего перечислением печальных примет и фактов. Цветы здесь «обреченные», поскольку поливаются всего лишь «водопроводным дождем» «ливневые лужи» высыхают скорее не от солнечных лучей, а от «дымных выхлопов машин», и с каждым годом все жестче «железо давит и бетон». Необходимость жить между деревенским простором и «бетонной клеткой» рождает в душе поэта конфликтное состояние раздвоенности.

И все же тема деревенской, «ромашковой» родины, в ее независимости от ист. невзгод занимает в поэзии М. гл. место: «Здесь детство плыло лодочкой. / Здесь юность началась /<...> И я стою растерянный, / Затерянный, / Ничей... / Овеянный, взлелеянный / Родиной моей!» («Мещерский городец»). Это «Оки и Волги голоса, / отроги зыбистых откосов. / И золотая полоса / Песчаных отмелей и плесов» («Посветлело»). Она включает в себя и понятие малой родины поэта — «соловьиный касимовский край», и опять же родное ему понятие всей России — как отечества: «Замер я, как перед строгим отцом, / перед российским простором» («Отзывчивость»).

В изображении родной природы на перв. план поэтом выдвигается ощущение слитности с нею своей души, кот. «норовит душа природы / оклик-

нуть голосом своим», «Мое сердце, как лето горячее» («Поле зовет»). Присущ стихам М. и момент «одомашнивания» природы, метафорич. восприятие ее на бытовом уровне: «До солнца почти поднимаем / Блестящие лица лопат!», «И коромысла грузно гнутся, / И небо булькает в ведре!» («Мещерский городец»). Воздействие природы на человека у М. всегда благотворно. Ее образ в его стихах телесно-ощутим. Поэт дает почувствовать, как приятно «прижаться щекой к ветерку», услышать, как «упруго и раскатисто... по камушкам бежит...» родник или «веселый, легкий плеск реки...». Присущая поэзии М. связанная с точностью наблюдения выразительность детали реализуется прежде всего в образах природы: «Светел день!.. Метель сквозит... / Солнце тонкое скользит», «И стеклянно звенит, / Как посуда, / Сквозь весенние нити / Капель...», «Вот листья летят мимо рук» («Мещерский городец»), «Прислушайтесь: шорохи снега / так схожи с шуршаньем травы!», «Белый пар отслоился от пашни» («Поле зовет»), «Из почки выпорхнул листок» («Отзывчивость»).

Стихи М. перелагались на музыку композиторами Б. Грабовским, В. Ивановым, М. Лебедевой, В. Панченко и др.

Соч.: Мещерский городец: Стихи. М., 1974; Я рос на просторе: Детские стихи. Л., 1983; Поле зовет: Стихи. М., 1984; Отзывчивость: Стихи. Л., 1985; Посветлело: Стихи. Л., 1987; Любви связующая нить: Стихи. Л., 1990; Красота неувядаемая: Стихи и проза. Касимов, 1991; Под сводом небесным: Стихи. М., 1994; И тайный звук в душе звучал: Стихи. СПб., 1998; СС: В 5 т. СПб., 2003; Золотое солнышко: Стихи для детей. Вологда, 2004; Молчание бора: Избр. лирика. Наб. Челны, 2005; Посвящения: Стихи. Вологда, 2006; Окский бережок: Избр. лирика. Рязань, 2011.

Лит.: Веселов В. Ответственность дебюта // Смена. 1974. 23 янв.; Михайлов И. Рязанские мотивы // Аврора. 1975. № 3; Покровский А. Душа леса // Лит. Россия. 1976. 16 июл.; Кутав Н. Зрелость чувств // Веч. Л-д. 1975. 26 окт.; Михайлов А. Что у кого есть // Москва. 1975. № 6; Сотников Н. Стихи есенинского края // Молодой Л-д. 1975. № 6; Захаров А. Подлинный стих — негромок // Звезда. 1986. № 10; Карлагин Н. О книге «Отзывчивость» // Сиб. огни. 1986. № 10; Максимов Н. Начальной жизни торжество // Нева. 1987. № 4; Герехин Л. О книге «Посветлело» // Лит. обозрение. 1988. № 1; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Михайлов

МОРО́ЗОВ Николай Александрович [25.6(7.7).1854, имение Борок Мологского у. (ныне Некоузского р-на) Ярославской губ.— 30.7.1946, там же] — поэт, прозаик, мемуарист, популяризатор науки, публицист.

Внебрачный сын уездного предводителя дворянства П. Щепочкина и его крепостной А. Морозовой, получившей вольную. По паспорту М. — мещанин г. Мологи. Под руководством отца — англомана-конституционалиста, с крайним пренебрежением относившегося к деятельности Александра II, М. получил систематическое домашнее образование, с юных лет увлекаясь естеств. науками. В 1868 был принят во 2-й класс 2-й Моск. гимназии, где обучался до 5-го класса, после чего в 1874 был исключен без права поступления в иное учебное заведение за основание «Об-ва гимназистов-естествоиспытателей», в чем был усмотрен «нигилизм».

В мае 1874 М. сблизился с моск. «чайковцами». С агитац. целями летом 1874 в одежде простолюдина М. прошел пешком около 300 верст по Курской и Воронежской губ.; осенью обошел Моск., Костромскую и Ярославскую губ., выдавая себя за кузнеца. После разгрома народнич. движения по решению оставшихся на свободе «чайковцев» в нояб. 1874 М. был отправлен в Женеву для издания народной газ. «Работник» (под ред. М. вышли 3 номера). В Женеве познакомился с П. Ткачевым, П. Лавровым, В. Фигнер, Г. Плехановым, вступил в местную секцию «Интернационала». 12 марта 1875 при возвращении в Россию был арестован и почти 3 года провел в Доме предварительного заключения. Приговоренный на «Процессе 193-х» в окт. 1877 к 18 месяцам заключения, М. был освобожден с учетом срока предварительного заключения и сразу же перешел на нелегальное положение.

Весной 1878 М. явился одним из деятельных участников «Земли и воли»; вошел в состав редколл. ж. «Земля и воля». Ввиду разногласий с В. Плехановым и Л. Тихомировым по принц. вопросам (они отвергали проповедуемый М. террор), М. был назначен ред. учрежденного специально для него «Листка "Земли и воли"» (с марта по июнь 1879 вышло 6 ном.). В авг. 1879 М. стал одним из учредителей «Народной воли», был назначен ред. газ. «Народная воля». Свои взгляды на партийную работу М. изложил в брошюре «**Террористическая борьба**» (Лондон, 1880; переизд.: Женева, 1900), встретившей осуждение большинства товарищей по партии; тем не менее, брошюра М. была отнесена правительством к программным документам «Народной воли» и в качестве улики фигурировала на всех крупных полит. процессах.

Для предотвращения внутрипартийных разногласий весной 1880 М. вместе со своей гражданской женой народоволкой О. Любатович был отправлен «Исполнительным Комитетом» в Швейцарию в кач-ве заграничного представителя «Народной воли». Для издаваемой М. Элпидиным в Женеве «Социально-революционной библиотеки» М. составлял коллективную «Историю соц. движения в России за 1873–1875 гг.», собрав для нее большое количество мемуаров. В дек. 1880 посетил в Лондоне К. Маркса, чтобы узнать, какие свои соч. тот считает первоочередными для издания на русском яз.

При переходе границы 23 янв. 1881 М. был арестован и доставлен в СПб.; в июле 1881 его перевели из Дома

предварительного заключения в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. На «Процессе 20-ти» 15 февр. 1882 М. был приговорен к бессрочным каторжным работам; немаловажную роль в определении тяжести наказания сыграла пресловутая брошюра «Террористическая борьба». Александр III смягчил приговор, заменив бессрочную каторгу пожизненным заключением, и М. был переведен в Алексеевский равелин, откуда 2 авг. 1884 был перемещен в новопостроенную тюрьму в Шлиссельбурге, где и пробыл до 28 окт. 1905, когда был досрочно освобожден по амнистии. Проведя около 25 лет в заключении (из них 18 — в одиночном), М. непрерывно занимался самообразованием и достиг выдающихся результатов. Получая в первые годы заключения только издания духовного содержания, М. попытался рассматривать их исключительно с естественнонауч. точки зрения. После того как узники получили возможность выписывать книги, а также пользоваться письменными принадлежностями, М. принялся за работу над задуманным еще в молодости трудом **«История человеческой культуры в естественнонаучном отношении»**. М. пришел к объяснению ряда явлений, находящихся на стыке науч. дисциплин. Так, одним из первых он разработал теорию о сложном строении атома, объяснения с позиций диалектического материализма явления изотопии и радиоактивности, тем самым теоретически обосновав ряд последующих открытий нач. XX в. и явившись одним из основателей совр. атомистики. Написанное М. в заключении составило 26 объемистых томов; опубл. незначительная часть.

Перв. выступление М. в печати — заметка **«Даниловское дело»** — опубл. в издававшемся Лавровым в Лондоне ж. «Вперед» (1875); в дальнейшем в этом изд. М. поместил еще ряд анонимных заметок (перечень их в автобиографии 1913).

Поэтич. вдохновение на М. снизошло внезапно в 1877 во время предварительного тюремного заключения — так появилось стих. **«Видение в темнице»**. «Записав его в тетрадку, оставил лежать до поры до времени. Мне было очень стыдно сказать кому-нибудь из товарищей по заточению или на свободе, что я тоже пишу стихи. Я привык смотреть на поэзию как на высший род литературы, доступный только избранным душам, на которых находит „вдохновение" <...> и вдруг я, ничем не замечательный человек,— предъявляю претензию на то же самое. Мне это казалось таким самомнением, с которым ничто сравниться не может» (**Повести моей жизни**. Т. 2). Тем не менее, сочиненное М. товарищам понравилось, и они начали побуждать его к продолжению стихотворчества, на что М. «для поднятия их духа» изъявил согласие; в том же году 7 стих. М. были напечатаны в сб. «Из-за решетки» (Женева, 1877). Чуть позже 8 стих. М. были опубл. в подпольном сб. стих. «Земли и воли» (1879), а в 1880 (на обложке — 1881) в Женеве увидел свет и составленный самим М. сб. **«Стихотворения Николая Морозова. 1875–1880»**, заботливо посвящ. им «русским революционерам-террористам». Поэтич. произведения М. 1870-х отличаются от созданных в то время в неволе аналогич. текстов др. народников лишь сравнительно большим кол-вом обращений и посвящений конкр. лицам, а также в ряде случаев — подчеркнуто автобиогр. характером. Неск. расширено и жанровое разнообразие — М. пробовал силы не только в распространенных в народнич. среде стихотворных ламентациях на тему «борьба — герой — неволя», но и в достаточно редких стихотворных сатирах по конкретному поводу. Во всем поэтич. наследии М. чувствуется сильная зависимость от Некрасова и — в неск. меньшей степени — от Лермонтова.

Выйдя в 1905 на волю и приступив к изданию своих трудов, М. сразу же оказался в фокусе обществ. внимания. «Кажется, не было вечера, на котором он не выступал бы в качестве участника» (Минцлов С. Петербург. Рига, 1931). Известности М. в немалой степени способствовали написанная В. Фигнер его биография, помещенная в I части «Галереи Шлиссельбургских узников» (1907), а также мемуары самого М. **«В начале жизни: Как из меня вышел революционер вместо ученого»** (1907) и **«Письма из Шлиссельбургской крепости»** (1910). По предложению Д. Менделеева за работу **«Периодическая система строения вещества: Теория образования химических элементов»** (1907) М. была присуждена степень докт. наук honoris causa. По приглашению П. Лесгафта в 1908 М. занял должность приват-доцента (в дальнейшем — проф.) по кафедре аналитич. химии естественного факта Высшей вольной школы. М. был избран почетным членом ряда ученых обществ и ун-тов. В 1908 М. женился на своей студентке К. Борисславской, бывшей моложе его на 25 лет. Смотря на популяризацию наук как на высшую обязанность ученого перед народом, М. с 1908 по 1916 объехал всю Россию с лекциями по естеств. наукам, пропагандируя также воздухоплавание и свои оригинальные воззрения на мировую хронологию и суть ист. процесса.

Феномен М. необычайно заинтересовал Л. Толстого. При личном знакомстве, состоявшемся 28 сент. 1908, М. сначала очаровал Толстого своими астрономич. познаниями, затем разочаровал непониманием толстовских идей. Весьма заинтересовал собой М. также И. Репина, в 1906 нарисовавшего его портрет и иллюстрировавшего своими рисунками сб. стихов М. **«Из стен неволи»** (1906).

Одной из первых опубл. на свободе работ М. был его опыт ревизионистского подхода к хронологии всемирной истории **«Откровения в грозе и буре»** (1907; репринт: 1991), где, произвольно толкуя встреченные в тексте Откровения Св. Иоанна Богослова отд. указания, якобы указывающие на конкретное расположение небесных светил, М. сделал вывод о принадлежности текста не Св. Иоанну Богослову, а Св. Иоанну Златоусту и, соответственно, отнесении его не к I, а к IV в. н.э. Подобное «открытие», принадлежащее почтенному ученому, с восторгом было встречено либеральной интеллигенцией и непониманием низшего духовенства; ряд богословов сразу же опроверг измышления М. (наиболее квалифицированный разбор см.: Аксаков Н. Беспредельность невежества и Апокалипсис. М., 1907), но в общем хоре восторженных похвал прессы их голоса не были услышаны. «Никто не осудит „Письма Морозова из Шлиссельбурга", но его „Гроза в буре" нелепа и претенциозна» (Розанов В. Уединенное...). Успех подвигнул М. к дальнейшим «исследо-

ваниям», продолжением «Откровений» явились книги **«В поисках философского камня»** (1909), **«На границе неведомого»** (1910) и **«Пророки: История возникновения библейских пророчеств»** (1914), а также **«Христос»** (Т. I–VII. 1924–32).

В 1910 М. опубл. итоговый сб. своих стих. **«Звездные песни»**, во мн. повторивший изд. 1907; тем не менее, за него М. был приговорен к годичному заключению в Двинской крепости. Там М., не пользуясь какими-либо дневниковыми записями или лит-рой, приступил к работе над мемуарами **«Повести моей жизни»** (1916–18), ставшими ценнейшим источником по истории народничества. В годы Первой мировой войны неоднократно ездил на фронт в качестве представителя Земского союза; результатом поездок явился сб. рассказов и «размышлений» **«На войне»** (1916). В это же время М. совершил ряд лекционных поездок по Сибири и Дальнему Востоку, где выступал также и на общественно-полит. темы, напр., **«Как прекратить вздорожание жизни?»** (1916).

В 1917 М. входил в Партию народной свободы (и даже участвовал в Моск. гос. совещании), однако после Октябрьского переворота М. первым из старшего поколения революционеров обратился к большевикам с предложением о сотрудничестве. В награду по указу Ленина в собственность М. было передано родовое имение Борок. В 1918 М. был назначен пожизненным директором Естественнонаучного ин-та им. П. Лесгафта (бывшей Высшей вольной школы, впоследствии Высших курсов Лесгафта, где М. трудился со времени выхода из Шлиссельбурга). Почти сразу же М. был введен в пантеон классиков советской поэзии: очередное издание «Звездных песен» (Т. 1–2. 1910–21) вобрало в себя все поэтич. наследие М.

Науч. наследие М. далеко не равноценно. Так, его ист. изыскания, основанные лишь на свойственном самому М. методе естественнонауч. гиперкритицизма и априорно отвергающие мн. события всемирной истории, совершенно не соответствуют по значимости его трудам по химии.

М. принимал актив. участие в популяризации авиации (**Среди облаков**. 1924).

Еще в молодости у М. возникло намерение напис. **«Естественную историю богов и духов»** — «по аналогии с современными зоологиями и ботаниками», но лишь в Шлиссельбурге М. «получил возможность накопить за неимением ничего лучшего запас историко-религиозных знаний». Замысел М. вполне удался. «Как бы там ни было, но то, что он создал свою систему отрицания древнего мира, гениально. Пусть сама система и невежественна, но сам факт ее создания, повторяю, гениален, если учесть то обстоятельство, что Морозов был посажен в крепость на двадцать пять лет, то есть лишен общения с миром, по существу, навсегда.— Ах, вы меня лишили мира? Хорошо же! Вашего мира не было!» (Олеша Ю. Ни дня без строчки: Из записных книжек. М., 1965).

В центре науч. интересов М. до конца жизни оставались «История человеческой культуры в естественнонаучном освещении» — такой подзаголовок носил итоговый труд М. **«Христос»**. Тезисно сформулированные в брошюре **«Христос или Рамзес?»** попытки применения математической теории вероятности к истор. прошлому (1924; репринт: 1990) методич. основы своих поисков М. счел необходимым проиллюстрировать на примере событий всего хода мировой истории, что вызвало сочувственное отношение властей, едва ли разбиравшихся в нюансах воззрений М., но видевшие в его опусах действенную антирелигиозную пропаганду. По устному сообщению Д. Лихачева, глав. покровителем М. в 1920-е был директор Госиздата И. Ионов, бывший шлиссельбуржец и поэт-графоман, причем большая часть тиража свежевышедших посл. томов отправлялась в макулатуру едва ли не сразу после показа М. После 1932 издание было прекращено; в 1997–98 «Христос» был репринтно переизд., а также началась публикация неизданных томов, над которыми М. работал едва ли не до конца жизни. В посл. четверти XX в. на основе трудов М. было создано учение о «новой хронологии» (М. Постников, А. Фоменко, А. Носовский), в условиях одичания постсоветского общества нашедшее значительное число приверженцев, преимущественно среди технич. интеллигенции.

В 1920–30-е М. был удостоен ряда правительственных наград и был избран почетным членом АН СССР по двум отделениям — химических и физико-матем. наук (1932). Его мемуары «Повести моей жизни» неоднократно переизд. После уничтожения в сер. 1930-х посл. живых реликтов народничества М. и В. Фигнер остались почти единственными представителями старшего поколения революционеров, не встретившего признания со стороны своих преемников. В отличие от Фигнер, М. восторженно превозносил сов. власть во всех ее проявлениях и ценил все знаки внимания, кот. не был обделяем. М. выступал с воспоминаниями о прошлом, причем гл. событием всей его жизни неизменно оказывалась происшедшая более полувека встреча с Марксом (Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969). На ежегодных демонстрациях М. с красным знаменем шел во главе колонны своего ин-та, являя собой зримое свидетельство неразрывной связи сов. власти с рев. традициями как русского «освободительного» движения, так и мирового марксизма в целом. Посл. годы жизни провел в Борке.

Соч.: Повести моей жизни: В 3 т. / Под ред. и с прим. С. Штрайха. М., 1947; То же: В 2 т. М., 1961. Стереотип. изд. 1962, 1965; Звездные песни. Ярославль, 1974; Поэты-демократы 1870–80-х. Л., 1968 (БП. БС. 2-е изд.); Вольная русская поэзия втор. пол. XIX в. Л., 1959. (БП. БС. 2-е изд.); История человеческой культуры в естественнонаучном освещении: Т. 1: Небесные вехи земной истории человечества; Т. 2: Силы земли и небес; Т. 3: Бог и слово; Т. 4: Во мгле минувшего при свете звезд; Т. 5: Руины и приведения; Т. 6: Из вековых глубин (В 2 ч.); Т. 7: Великая Ромея; Т. 8: Новый взгляд на историю русского государства; Т. 9: Азиатские христы. М., 2003; Т. 10: Миражи истор. пустыни между Тигром и Евфратом. Клинопись. М., 2002.

Лит.: Любатович О. Далекое и недавнее. М., 1930; Фигнер В. Запечатленный труд // ПСС: В 7 т. М., 1932 и отд. изд.: Т. 1–2. М., 1964; Морозова К. Николай Александрович Морозов. М.; Л., 1944; Лисов Р. Атомные теории в России второй пол. XIX в.: Автореферат канд. дис. М., 1954; Осьмаков Н. Поэзия рев. народничества. М., 1961; Поповский М. Побежденное время. М., 1975 (Пламенные революционеры); Житова Н. Общественно-

полит. и философские воззрения Н. А. Морозова: Автореферат канд. дис. М., 1978; Николай Александрович Морозов (1854–1946). М., 1981; Н. А. Морозов — ученый-энциклопедист: Сб. ст. АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. М., 1982; Твардовская В. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983; Васецкая А. Идеи социокосмизма в произведениях Н. А. Морозова: Автореферат канд. дис. М., 1987; Внучков Б. Узник Шлиссельбурга. Ярославль, 1988.

М. Лепехин

МОРО́ЗОВ Петр Осипович [1854–1920] — историк русской лит-ры, театровед.

Сын провинциального чиновника. Окончил СПб. ун-т, защитил магистерскую дис. **«Феофан Прокопович как писатель»** (1880). В 1912 был избран членом-корр. Академии наук. Достиг высших ступеней служебной лестницы — революция застала М. статс-секретарем Гос. совета.

Занимался историей русской литры XVIII в. и перв. пол. XIX в., обрабатывая мат-л в духе либерально-буржуазной науки, применяя культурно-ист. метод. Наиболее видное место занимают его работы по изучению А. Пушкина. Под ред. М. вышло шесть изд. соч. Пушкина. Помимо чисто текстологич. и коммент. работы М. как пушкинист известен статьями об отношении Пушкина к западным лит-рам.

Соч.: Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880; Пушкин в русской критике. СПб., 1887; Очерки из истории русской драмы XVII–XVIII ст. СПб., 1888; История русского театра до пол. XVIII ст. СПб., 1889; Минувший век. СПб., 1902; История драматич. лит-ры и театра. Т. I. СПб., 1903; Мимо войны: Дорожные заметки. Пг., 1915; История европейской сцены: Лекции. Вып. I. Пг., 1919.

Лит.: Венгеров С. Источники словаря русских писателей. Т. IV, Пг., 1917; Модзалевский Б. П. О. Морозов (некролог) // Дела и дни. Кн. I, Пг., 1920; Пиксанов Н. Пушкинская студия. Пг., 1922; Лит. энц.: В 11 т. / Под ред. В. Фриче, А. Луначарского. М., 1929–39.

МОСКВИНА́ Татьяна Владимировна [2.11.1958, Л-д] — журналист, театр. и кинокритик, публицист.

В 1982 окончила театроведч. фак-т ЛГИТМиК (мастерская Е. Калмановского). С 1986 по 2000 работала науч. сотрудником научно-исследовательского отд. ЛГИТМиК.

Публ. в научных сб. ЛГИТМиКа, в ж. «Искусство кино», «Сеанс», «Петерб. театральный ж.», «Театр», «Театр. жизнь», «Аврора», «Столица», «Искусство Л-да» и др., в газ. «Моск. новости», «Час Пик», «Русский телеграф» и др.

Ведущая телепрограмм «Артэкспресс», «Спешите видеть» (РТР-Петербург, 2000–03), «А смысл?» (СТО, СПб., 2004–05). Ведущая радиопрограмм «Русские сказки», «Главный вопрос», «Особое мнение» («Эхо Москвы» в СПб., 2000–04).

Автор кн. **«Похвала плохому шоколаду»** (СПб.: Лимбус-пресс, 2002), **«Смерть — это все мужчины»** (СПб.: Амфора, 2004). **«Люблю и ненавижу»** (СПб.: Амфора, 2005), **«Всем стоять»** (СПб.: Амфора, 2006), **«Энциклопедия русской жизни»** (СПб.: Амфора, 2007), **«Она что-то знала»** (СПб.: Амфора, 2007), **«Вред любви очевиден»** (СПб.: Лимбус-пресс, 2006), **«Ничего себе Россия»** (СПб.: Лимбус-пресс, 2008), **«Истории»** (совм. с С. Носовым) (СПб.: Лимбус-пресс, 2005), **«Женская тетрадь»**, **«Мужская тетрадь»**, **«Общая тетрадь»** (все — М.: Астрель, 2009), **«Страус — птица русская»** (М.: Астрель, 2010), **«Позор и чистота»** (М.: Астрель, 2010), **«В спорах о России: А. Н. Островский»** (СПб.: Лимбус-пресс, 2010).

Автор пьес **«Хорошая жизнь и прекрасная смерть господина Д.»** (Театр. 2003. № 3); **«Па-де-де»** (Совр. драматургия. 2004. июнь), **«Одна женщина»**, **«Рождение богов»** (см. Москвина Т., Носов С. Истории. СПб.: Лимбус-пресс, 2005).

С 1999 ведёт свою колонку в ежемесячном ж. «Pulse». С 2006 — зав. отелом культуры газ. «Аргументы недели». С 2008 — обозреватель «Радио России-Культура» — программа «Москвинские новости». Один из создателей объединения журналистов «Петербургская линия». Муж — изв. телеведущий С. Шолохов.

Член СП СПб. и Союза кинематографистов России.

Лауреат премии «Золотое перо СПб.» (2000, за статьи в периодических изд.; 2003, за радиопередачи).

МО́СОВА Светлана Витальевна [23.3.1953, Кишинев] — прозаик.

Закончила филологич. фак-т Кишинёвского гос. ун-та (1975). После окончания вуза до 1990 работала ред. Гостелерадио МССР. С 1992 живет в СПб. Член Союза российских писателей и СП СПб. (2007). Член Союза журналистов (1983).

В наст. время — ред. ГТРК «СПб.». В качестве автора сценария создала цикл телепередач «Это город Ленинград» (58 вып.). Как сценарист участвовала в создании докум. фильмов **«Забытая столица»** (2009), **«Из варяг в Ладогу»** (2011), **«Петербург. 1812 год»** (2012).

Как прозаик начала публ. с 1986 (ж. «Кодры», Кишинев). Впоследствии рассказы М. печ. в «ЛГ», лит. сб. и альм., в ж. «Подиум» (Вена),

«Русский мир» и др., звучали на радио «Россия». Среди прочего М. опубл. рассказы и повести: в ж. «Нева» — **«Колетт»** (1993. № 11); **«Тайна»** (1994. № 12); **«Майя, Вы женщина из плохого фильма!»** (1995. № 9); **«Записки из ридикюля»** [рассказы] (2000. № 3); **«Василеостровские мечтатели»** [повесть] (2007. № 9); в ж. «Звезда» — **[Цикл рассказов]** (2006. № 4); **«Один мужчина, одна женщина»** (2007. № 2); **«Просим до простору. Чужая беда»** (2008. № 3); **«Маленькая княгиня. Тридцать четвёртый сюжет»** (2009. № 2); **«Василеостровские мечтатели»** [цикл миниатюр] (2010. № 11); **[Рассказы]** (2011. № 8).

М. пишет в жанре новеллы, миниатюры, рассказа. Её проза не о любви: любовь — это лишь форма самовыражения души её героев. «Жизнь длиннее одной любви и короче смысла»,— говорит один из ее персонажей.

В. Токарева так писала о прозе М.: «Рассказы Светланы Мосовой существуют не столько содержанием, сколько интонацией. А интонация — это и есть талант. Интонация Мосовой — как туман над летним лугом, слова падают не впрямую, а именно как дождь. Форма — тот инструмент, кот. она работает. Женской прозе присущи изящество, изысканность и тоска по идеалу. Эти три качества и составляют талант Светланы Мосовой».

В 2007 в изд-ве «Геликон-плюс» вышла кн. прозы **«Дождь из кошек и собак»**. В неё вошли одноимённая повесть и три цикла рассказов — **«Свет мой, зеркальце! Скажи...»**, **«Один мужчина, одна женщина»**, **«Записки из ридикюля»**. Любимые герои автора — чудаки и мечтатели, живущие на стыке мечты и реальности, быта и бытия, времени и вечности.

Язык М. лапидарен и выразителен. В жанре короткой новеллы на малом пространстве текста она создаёт своеобразную картину мира. Однако по мере того как количество слов, выражающих предлагаемые ею смыслы, уменьшается, каждое из оставшихся слов начинает увеличивать свой вес и, если угодно, энергию проникновения в душу читателя — порой вплоть до того, что становится вдруг самоценным, самодостаточным. Тогда и случается чудо возникновения подлинной лит-ры — той самой, кот. можно читать с любого места и кот. ищет «духовной жаждою томимый» совр. читатель. В текстах М. подчас открывается та психологич. глубина, с кот., кажется, не всплыть — воздуха не хватит. И неважно, сколько у писателя кн., исключительно важно то, на какие глубины он погружал своего читателя, каких высот заставлял его касаться. В тв-ве М. есть эта божественная вертикаль, и это выгодно отличает ее от легиона «горизонтальных» прозаиков. В рассказах М., как в произведениях подлинного художника, наряду с широким многообразием жизненных ситуаций и образов присутствует то ребро жесткости, кот. так необходимо для того, чтобы со временем ее рассказы и новеллы на забылись читателем.

Соч.: Дождь из кошек и собак. СПб., 2007; Умора, кукла Баранова и 6 «Б». СПб., 2011; Тридцать четвёртый сюжет. СПб., 2012.

Лит.: Токарева В. Предисл. к рассказам С. Мосовой // Нева. 1993. № 11; Щеглова Е. <Обзор> // Континент. 2006. № 129; 2007. № 132, 134; Березнякова Л. Умора против... // Невское время. 2012. № 131.

Евг. Каминский

МОСТО́ВСКАЯ (урожд. Антонова) Наталия Николаевна [23.12.1929, Саратов — 4.12.2006, СПб.] — литературовед, библиограф.

Родилась в семье воен. врача; сестра, Г. Н. Антонова, также стала литературоведом, проф. Саратовского гос. ун-та.

Окончила русское отд. филологич. фак-та Саратовского гос. ун-та в 1951, работала преподавателем в Сарапульском пед. ин-те, с 1952 — в Тамбовском пед. ин-те. С 1954 — в аспирантуре ИРЛИ АН СССР. В 1958 поступила в Сектор библиографии и источниковедения ИРЛИ. Выйдя замуж, с 1963 публиковалась под фамилией М.

С 1956 до 1963 работала в Секторе библиографии и источниковедения, выступив в кач-ве составителя фундаментальных коллективных и индивидуальных библиографич. описаний: «История русской лит-ры XIX в.: Библиографический указатель» (М.; Л., 1962); «История русской лит-ры кон. XIX — нач. XX в.: Библиографич. указатель» (М.; Л., 1963; автор 17 общих и 49 персональных разделов); «Библиография литры о И. С. Тургеневе» 1918–67 (Л., 1970) и др.

С 1963 по 1974 работала в составе Тургеневской группы ИРЛИ, с 1974 — в составе Некрасовской группы. В 1973 защитила канд. дис. **«И. С. Тургенев в "Вестнике Европы". 1870–80-е гг.»**. Участвовала в текстологич. подготовке академ. ПСС Тургенева и Некрасова. Большая разыскательская и комментаторская работа, широкая осведомленность в обл. библиографии отражены в монографии М. **«Тургенев и русская журналистика 70-х гг. XIX в.»** (Л., 1983).

Введение в науч. оборот новых, ранее не изданных мат-лов — осн. направление работы М. Этому посвящены статьи и публикации в ж. «Русская лит-ра» и науч. изданиях: «Тургеневский сб.» (Вып. 2–5, 1966–69); «Тургенев и его современники» (1977). М. собирала мат-лы для «Летописи жизни и тв-ва И. С. Тургенева» за 1867–83 гг. (ею составлены три из пяти томов) и для «Летописи жизни и тв-ва Н. А. Некрасова», отличающиеся знанием эпохи и лит. быта. Редактор (совместно с Н. С. Никитной) сб. «И. С. Тургенев. Вопросы биографии и тв-ва» (1990). Помимо многочисленных писем ею подготовлен текст и варианты (а также комментарии) романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», а также ряд

других текстов. Участвовала в изд. «Некрасовский сб.» (Т. 6–7. 1978–80); «Достоевский: Мат-лы и иссл.» (Т. 4. 1980).

В 1999 защитила докт. дис. в форме науч. доклада **«И. С. Тургенев и Н. А. Некрасов: Проблема творческих взаимоотношений»**. С 1999 — вед. науч. сотр.

Понятие биографии для М. было сопряжено с лит. жанром, кот. питается субъективными переживаниями и мыслями писателя. Поэтому восприятие лиц и событий в автобиографич. прозе, в худож. системе литератора в целом были для М. важными фактами биографии и нашли отражение в ее публикациях.

Проблема творч. взаимоотношений русских писателей, обосновная в науч. трудах М., освещ. и при подготовке обширного эпистолярного наследия разных лиц. Помимо участия в академ. собраниях, М. подготовила тексты и написала комм. к изд. «Переписка И. С. Тургенева» (1987, в 2 т.). Под рук. М. в музее-заповеднике «Спасское-Лутовиново» велась работа по подготовке комм. издания писем В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу. Посл. трудом стала осуществленная совместно с Н. Г. Жекулиным публикация писем П. В. Анненкова к Тургеневу в серии «Лит. памятники» (П. В. Анненков. Письма к И. С. Тургеневу. В 2 кн. СПб., 2005). На основе этой переписки М. подготовила кн. **«П. В. Анненков и И. С. Тургенев. История одной творч. дружбы»** (Орел, 2007).

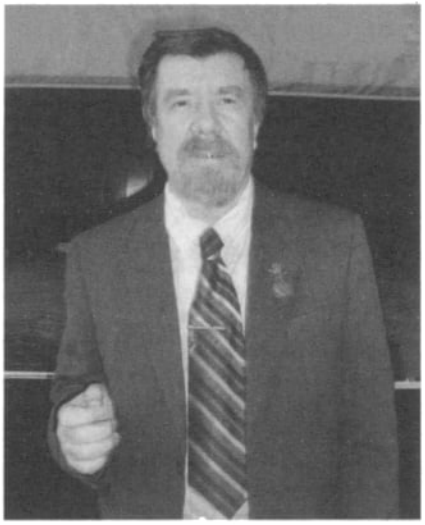
Присущие М. остроумие и живость изложения были востребованы творч. группами создателей науч.-попул. фильма «“Стихотворения в прозе” Тургенева» (1983) и «Памяти Ю. Вревской» (1989), в кот. М. выступила в кач-ве науч. консультанта.

Соч.: Проблема художника и действительности в повести Гоголя «Портрет» // Проблемы реализма русской лит-ры XIX в. М.; Л., 1961; Тургенев и А. М. Жемчужников // Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. Второй межвуз. Тургеневский сб. 1968. Т. 51; Тургенев в «Вестнике Европы». 1870–80-е гг.: Автореф. канд. дис. Л., 1974; Личность художника у Гоголя и Толстого («Портрет» и «Альберт») // Л. Н. Толстой и русская лит.-обществ. мысль. Л., 1979; Тургенев и русская журналистика 70-х гг. XIX в. Л., 1983; «Стихотворения в прозе» Тургенева и «Последние песни» Некрасова. Совр. прочтение Некрасова // Тезисы V Некрасовских чтений. Ярославль, 1990; Неизвестная статья А. П. Скафтымова о Некрасове // Русская лит-ра. 1991. № 2; Очерки о прозе Некрасова: Вопросы стиля. Псков, 1992; Храм в тв-ве Некрасова // Русская лит-ра. 1995. № 1; А. Н. Энгельгардт — русская писательница и переводчица // Русские писательницы и лит. процесс в кон. XVIII — перв. трети XX вв. Потсдам, 1995; И. С. Тургенев и Н. А. Некрасов: Проблема творч. взаимоотношений. Автореф. докт. дис. СПб., 1998; Некрасов и Жорж Санд // Некрасовский сб. Вып. 11–12. Л., 1998; «Прощальная повесть» Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», «Стихотворения в прозе» Тургенева, «Последние песни» Некрасова // Чудовский сб. Новгород, 2001; Достоевский в восприятии Тургенева и П. В. Анненкова // Спасский вестник. Тула, 2002. Вып. 9; П. В. Анненков и И. С. Тургенев. История одной творч. дружбы. Орел, 2007.

Лит.: Памяти Наталии Николаевны Мостовской // Русская лит-ра. 2007. № 2.

М. Степина

МО́ХОРЕВ Анатолий Леонович [31.1.1953, с. Ругозеро, Карелия] — поэт, прозаик.



В 7 лет с родителями уехал на целину (Казахстан), в первый класс пошёл в Сормовскую нач. школу, потом учился в средней школе Кустанайского р-на, после 8-го класса — в средней школе Урицкого р-на. С 1968 по 1972 учился в пед. училище г. Кустаная в Казахстане.

Стихи начал пис. в педучилище — сначала для детей, затем и для взрослых. Выпустил сб. стихов для детей: **«Настины стихи»**, **«Тучка по небу летела»**, **«Волшебный мир»**, **«Я рисую»**, **«В мире загадок»**, **«На дворе»**, а также сб. стихов **«Года летят»**, **«Дни мои мгновения»**, **«Виток времени»**, **«Только ты...»**, ряд буклетов со стих. о героях войны, о Н. Рубцове и др.

Неоднократный лауреат Фестиваля «Встречи на Елагином» в номинации «Поэзия», проводимого ж. «Невский альм.» и Всероссийского конкурса творч. работ «Мой Рубцов» в номинации «Стихи и проза» СПб. биб-ки им. Н. Рубцова, лауреат Международного поэтич. конкурса «Звезда полей» (2010 и 2011), победитель конкурса короткого рассказа (2011) ж. «Невский альм.».

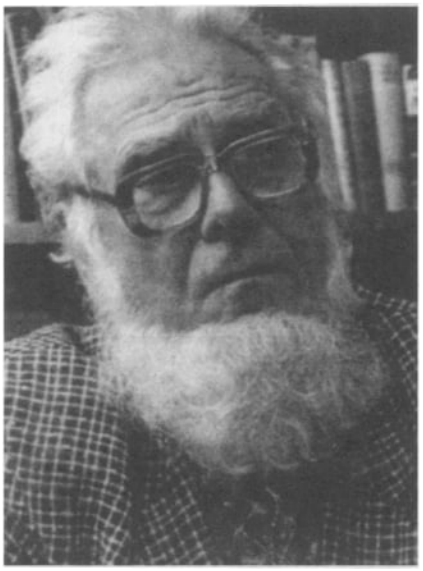
Печ. в газ. «Ладога», «ПРОрайон», «Невский исток», «Криминальный вестник», «Лит. Петербург», «Великолукская правда», в альм. «Звезда полей», «Встречи на Елагином», «Рог Борея», «Родники», «Посев», «Любимый приладожский край», «Антология совр. петерб. поэзии и прозы для детей», «Стихам все возрасты покорны», «Поют любовь вам ангелы-поэты», «Времена года. Осень 2009», «Лучшие читатели СПб. — 2010», «Российские поэты» (кн. 5, 2011), а также в ж. «Невский альм.», «Лит. MIX», «Балтийский щит», «Золотая строфа», «Зубрёнок» и др. Выступал со стихами в биб-ках и школах Л. и Лен. обл., в Минске, Гомеле, Белгороде, Кустанае и др.

Член Российского СП, проф., действ. член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Державина (СПб.). Член Международного Клуба учёных (СПб.) по науч. поэтике, член Русского лит. клуба.

МОЧАЛО́В Лев Всеволодович [24.5.1928, Л-д] — поэт, искусствовед, худож. критик.

Родился в семье архитектора. Окончил фак-т теории и истории искусств (1951) и аспирантуру (1954) Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина Академии художеств СССР.

Перв. поэтич. публ. — в газ. «Смена» (1 мая 1952). Перв. кн. стихов — **«Глядя в глаза»** (Л., 1957). М. начинал как поэт публиц. склада, тра-



диция Маяковского отчетливо прослеживалась в его ранних стихах. И не только в том, что классич. ритмы нередко ломались, приближаясь к живой речи, а на бумаге строки то и дело выстраивались «лесенкой». Поэту был близок пафос гражданственности, прямой разговор с читателем (отсюда и назв. перв. книги), не чуждавшийся порой и расхожих «лобовых» формул: «Любимая, разве надо немного нам? / Нам нужно с тобою больше всех!» Однако прямолинейная публицистичность уравновешивалась и «очеловечивалась» в стихах М. вниманием к повседневной жизни, к непарадным деталям быта. Стих. **«Зеркальный шкаф»** самим назв. вызвало в свое время нарекания критики: может ли «недавно купленный шкаф», пусть и решающий «уйму семейных проблем», быть предметом вдохновения? Обвиняя поэта в нарочитой приземленности, в сужении кругозора, чуть ли не в уступках мещанству, критики не хотели видеть, что в финале стих. «спит дочурка твоя и моя / под пестрою картой мира». Показательно стих. **«О любви, стихах и редакторе»**. «Видимо, нравилось, и он... пугался: / «Значит, что-то не так...» Можно ли точнее сказать, о тайном раздвоении, разъедающем души и сердца? Тогда же были написаны стих., увидевшие свет лишь годы спустя — такие, напр., как **«Для чего пьют»** («Чтоб не был мир уж так уверен в незыблемости своей»,— отвечал поэт на этот вечно актуальный для страны вопрос). Но и опубликованного было достаточно, чтобы поэзия М. была востребована, получила известность и признание в пору начавшейся «оттепели». Авторитет его среди пишущей молодежи был высок. «Пока мы, даже старшие из нас, лишь становились поэтами оттепели, он уже был им, единственный в Ленинграде, единственный в ленинградской печати»,— подчеркивал поэт В. Британишский в своих заметках «Студенческое поэтич. движение в Л-де в начале оттепели», размещенных в интернете. Пятитысячный тираж перв. книги М. разошелся, можно сказать, мгновенно. Многие повторяли в те годы задорные строки М. о «рыжем»: «В каждом классе непременно / рыжий должен быть, / чтоб его на переменах / можно было бить». За что? «Потому что подвернулся! / Потому что — рыж!». Проще говоря — за то, что выделяется. За то, что не такой, как все. Сама возможность публ. подобного стих. была знамением времени. Читателям импонировали живая, доверительная интонация стихов М., свежие, небанальные рифмы (выстукав — выставку, удочкам — утречком, азартной — а завтра,— это умение сближать с помощью рифмы «далековатые» слова М. сохранил и в дальнейшем), остроумная игра слов: «с достоинством несу я крест / для новогодней елки». А в строчках из того же **«Предновогоднего»**: «А дома — швабру мы возьмем / и весело за дело, / от ценностей вчерашних дом /освобождая смело», читатели видели определенный «подтекст» и радовались собств. проницательности.

Втор. кн. лирики М. **«Все еще в апреле»** появилась лишь через пять лет (в промежутке были книжки стихов для детей: **«Ну-ка!»** — 1959, **«Любопытный медвежонок»** — 1959, **«Дома, на улице, в мире»** — 1961), и она существенно отличалась от первой. Это был прежний, узнаваемый М., но броские публиц. формулировки в значительной мере уступили место философским раздумьям наедине с природой, «где ползет муравей на небо / по качающейся травинке», под сводами моск. соборов, где «пятнадцатого века солнце / несмело улыбалось мне» с древней фрески, у кроватки спящего ребенка («и, дыхание затая, / я слежу, как, раскинув руки, / ты летишь сквозь грозы и вьюги / в недоступные мне края»). Значительное место в сб. занимает раздел «Звезды всерьез»: то было время первых космических стартов, время больших «оттепельных» надежд, и это во многом определяло атмосферу кн. Резкую диссонансную ноту вносила в общий оптимист. настрой написанная редким в ту пору верлибром поэма **«Памяти Нины»** — отклик на трагич. уход из жизни близкого человека.

В последующих поэтич. сб. М. (**«Вселенная за окном»** — 1967, **«Незримое пламя»** — 1975, **«Все ушедшие поезда»** — 1987 и др.) преобладает, все более усложняясь, медитативная, философская лирика. Кн. **«Грань»** (1990) явилась одной из перв. поэтич. книг в СПб., выпущенных за счет автора, и вобрала в себя, наряду с новыми произведениями, ряд стихов, не входивших в прежние сб. Название «Грань» неслучайно: с годами все четче ощущается грань между молодым и зрелым, а потом и «поздним» М.

Не в гуле аудиторий и площадей, а в сокровенной тишине природы все чаще находит вдохновение поздний М. Но это уже не просто радостное слияние с миром вечных ценностей, а напряженный поиск истины. Безмолвное — не безмолвно: «Кар! — трижды ворон прокричал. / Петух — кукареку. / Не слишком верится речам... / Шум — то, что наверху! / Но все деревья и цветы / и все плоды земли / из тишины, из немоты — / спрессованной — взросли»,— пишет он в сб. **«Эмпиреи»** (1999). Сравнивая себя прежнего и нынешнего, констатирует: «Там царили глаголы. Здесь владычит эпитет. / Чует он запах апреля, бабочку видит. / Здесь деспотия веселой, пристальной лени, / злая свобода цепких, въедливых определений». «Лень» в данном случае, конечно, не следует понимать буквально. Просто пришло понимание, что этот мир не переделать, не улучшить сейчас же (а ведь не одному только М. казалось, что можно, вот-вот получится, стоит лишь втолковать согражданам несколько бесспорных истин, взять в руки швабру и весело освободить дом от «вчерашних ценностей»). Чаемое не сбылось, об

этом — жестко и саркастически: «Ложка меда — мимо рта, / с поворотцем повесть: / выехав из пункта “а”, в “б” не прибыл поезд. / С рельс сошел локомотив, — /, завернул за водкой, / населенье не смутив / памятью короткой». Многое надо переосмыслить, понять заново, жажда немедленного действия сменяется вдумчивым созерцанием. Сказанное, однако, не означает, что поэт остается глух к «вызовам века». Но «злоба дня» вписывается ныне в широкий историч. и экзистенциальный контекст: «В каждой сумочке — динамит / мнится... И — прозренье жестоко: / вновь история нас томит / темным зовом кровооттока. / Вроде, есть спасительный путь... / Но — свое норовит Расея!.. / В бездну надобно заглянуть! — / лишь тогда обрящет спасенье».

В еще более широком, общечеловеч. плане проблемы истины и заблуждения, «бездны» и спасения осмысливаются поэтом в цикле **«Голоса Гефсиманского сада»**, включающем монологи апостола Петра, Иуды, самого Христа, его матери, Марии Магдалины и даже «монолог» толпы, жаждущей распятия галилейского пророка. Это, как настаивает М., не «духовные» стихи, а философская лирика, привлекающая евангельские образы и сюжеты для постижения коренных основ человеческого бытия. Особо волнует М. судьба культуры и ее ценностей в совр. мире. «Цивилизация распинает культуру. Но культура — воскресает»,— пишет он в «комментарии автора» к поэме «Послесловие Магдалины» (в сб. «Эмпиреи»).

Особое место в ряду кн. поэта М. занимает малоформатный (и малотиражный — 130 экз.) сб. **«К портрету Н.»** (2002), целиком посвящ. памяти поэтессы и спутницы мн. лет жизни Нонны Слепаковой. Уже испытавший когда-то в молодости утрату близкого человека, поэт с остротой переживает новую потерю. Его кн. — не просто книга о любви (хотя и о ней, конечно), это, по существу, диалог двух поэтов. Диалог, не прекращающийся с уходом одного из собеседников: все в доме и в мире напоминает об ушедшей. «Присутствуешь отсутствием своим»,— с такими словами обращается к ней автор.

Наиболее полно поэтич. тв-во М. представлено в сб. **«Спираль: Стихотворения и поэмы»** (СПб., 2003) и **«Свидание с колодцем»** (Новые стихи. СПб., 2008).

М. — канд. искусствоведения (1955). Засл. деятель искусств РФ (2009). С 1975 — ст. научн. сотр. Русского музея. Автор монографий, книг о живописи и отд. художниках, вст. статей и комм. к альбомам (В. Загонек. Л., 1959; Г. Савинов. Л., 1961; В. Соколов. Л., 1962; Художник, картина, зритель. Л., 1963; М. Труфанов. Л., 1965; А. Ляндсберг. Л., 1965; А. Рылов. Л., 1966; Неповторимость таланта. Л., 1966; Пейзажи В. Пакулина. Л., 1971; Петров-Водкин. Л., 1971; В. Ермолаев. Л., 1973; Р. Френц. Л., 1973; Женский портрет в русском искусстве XII — нач. XX в. Л., 1974; Б. Шатохин. М., 1974; Г. Захаров. Л., 1975; Каталог выставки произведений одиннадцати художников. Л., 1976; В. Борисов-Мусатов. Л., 1976; Г. Егошин. М., 1976, СПб., 1994, и М., 2009; В. Тюленев. Л., 1979; П. Кузнецов. Л., 1979; Развитие жанров в сов. живописи. Л. , 1979; В. Тетерин. Л., 1982; Пространство мира и пространство картины. Л., 1983; Я. Крестовский. Л., 1983 и М., 1986; Р. Фрумак. Л., 1983; З. Аршакуни. М., 1984; А. Агабеков. Л., 1984; Б. Власов. Л., 1985; В. Рахина. М., 1986; Л. Ткаченко. М., 1986; Ю. Тризна. СПб, 1994; Н. Носкович. СПб., 1997; Ф. Мельников. СПб., 1998; С. Мельников. СПб., 1999; Е. Антипова и В. Тетерин. СПб., 1999; Б. Калаушин. СПб., 2001; А. Гостинцев. СПб., 2001; С. Гершов. СПб., 2003; И. Зисман. СПб., 2004; Круг Кондратьева. СПб., 2005; А. Борков. СПб., 2005; Н. Андронов и Н. Егоршина. СПб., 2006; В. Жуков. СПб., 2007; Три века русского натюрморта. М., 2012).

Соч.: Голубой лес: Стихи. Л., 1976; Летят огни: Стихи. Л., 1970; Кукушкины годы: Стихи. СПб., 1996; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Фоняков И. Для медленного чтения // Нева. 2000. № 6; Фоняков И. Шум ветвей, молчание корней // Фоняков И. Островитяне. СПб., 2005; Ганкина А. Л. В. Мочалов. «Виктор Тетерин» // Сов. живопись. 1986, № 8; Кунина И. Лев Мочалов. «Кукушкины годы» // Нева. 1996. № 10; Столович Л. Лев Мочалов и Нона Слепакова // Столович Л. Стихи и жизнь. Таллинн, 2003; Быков Дм. Лев Мочалов. «Спираль» // Новый мир. 2004. № 11; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

И. Фоняков

МСТИСЛА́ВСКИЙ Сергей Дмитриевич (наст. фамилия Масло́вский; клички и псевд. — Бахарь, Белозерский, Бирюк, Северный, С. Дмитриев, С. М., С. Д., С. М-ский, Сергей) [23.8(4.9).1876, М. — 22.4.1943, Иркутск, похоронен на Лисихинском кладб.) — революционер, прозаик.

Родился в дворянской семье генерал-майора Дмитрия Фёдоровича Масловского, историка и проф. Военной академии, основателя кафедры русской воен. истории. Труды старшего Масловского были отмечены премией СПб. АН.

Учился в 1-й Моск. частной гимназии Ф. Креймана, в гимназии при историко-филологич. ин-те в СПб., у частных преподавателей. Овладел пятью яз., увлекался историей и культурой Востока. Спортсмен-конник и фехтовальщик. Еще студентом бывал в науч. экспедициях, исследовавших малодоступные р-ны Ср. Азии (Туркестан, Памир), о чем тогда же рассказал в опубл. очерках. В 1896 участвовал в антропологич. экспедиции в Таджикистан. В 1895 поступил и в 1901 окончил СПб. ун-т, естественное отд. физико-математич. фак-та; сдавал гос. экзамены экстерном, т. к. был отчислен в 1899 за

участие в весенних студенч. беспорядках. По окончании поступил на службу в Академию Ген. штаба на должность библиотекаря. Впоследствии заведовал различными учебными учреждениями Академии: библ-кой, музеем, типографией, редакцией.

С 1904 — в партии эсеров. В 1905 — предс. Боевого рабочего союза, член ЦК Всероссийского офицерского союза после реорганизации Военного союза, редактор его печатных изд., в т. ч. газ. «Народная армия» (в 1906–08). Участвовал в подготовке вооружённого восстания в Пг. и Кронштадте. Был на моск. баррикадах в дек. 1905. В 1905–06 — боевой инструктор в рабочих дружинах СПб. Организовывал кружки в среде офицеров гвардии. Именно он и его люди казнили священника Гапона. Его **«Смерть Гапона»** была опубл. в библ-чке ж. «Огонек» (М., 1928). В 1907 был принят в масоны. Сыграл выдающуюся роль в оформлении ордена «Великий Восток народов России», являлся автором устава ВВНР, частично изд. под псевд. Евграф Сидоренко в виде «монографии» «Итальянские угольщики нач. XIX в» (некот. исследователи авторство «Итальянских угольщиков» приписывают Виктору Обнинскому). Находился в заключении в Петропавловской крепости (1910–11) по обвинению в принадлежности к течению «Автономистов», в попытке военного гос. переворота (в состав обвинения вошло и «умышление на жизнь государя») — через 11 мес. был освобождён за недостаточностью доказательств. С 1912 по авг. 1914 участвовал в редактир. ж. «Заветы», заведовал отделом внутриполитич. жизни, входил в редколл. Сотрудничал в «Дне», «Русских ведомостях», «Киевской мысли» и др. В 1915 — надворный советник, помощник ред. «Известий Николаевского воен. училища». Во время Перв. мировой войны — член комиссии по снабжению книгами русских военнопленных в Германии при Вольном экономич. об-ве.

В Февральскую революцию — в штабе восстания. Возглавлял военную комиссию при Петросовете, принявшемся за организацию банд-формирований для борьбы с законной монархической властью. В марте 1917 кооптирован в состав Исполкома Петросовета. Сотрудничал в эсеровских газ. «Дело народа», «Земля и воля», «Знамя труда», ж. «Наш путь». События Февр. революции опис. в кн. очерков **«Пять дней»**. Присягнул Временному правительству. Как комиссар Пг. Совета был командирован для ареста Николая II и его семьи. После ареста императора отказался от должности комиссара по содержанию под стражей членов императорской фамилии. При расколе партии эсеров вошёл в ЦК левых эсеров. Был членом сов. делегации на переговорах о мире в Брест-Литовске (Брестский мир). После убийства Мирбаха вышел из партии левых эсеров и вошёл в ЦК украинских боротьбистов. В мае 1919 перебрался в Киев, вошёл в редакции газ. «Борьба» и ж. «Зори». С того же года — член коллегии Киевского губпрофсовета, зав. библиотечным делом Наркомпроса, зав. редакцией отдела Всеиздата. Весной 1919 — предс. Всеукраинской лит. комиссии (комитета). После вхождения большинства членов боротьбистской партии в коммунистическую отошёл (июль 1920) от активной полит. жизни, в партию большевиков не вступил, перешёл на профсоюзную работу. Заведовал Киевским обл. отд. Всеукраинского бюро Российского телеграфного агентства (УРОСТА), был зам. зав. Агитпросветом Политотдела Юго-Западной железной дороги. С 1921 — беспартийный.

После Гражданской войны занимался лит. трудом. Псевд. «Мстиславский» взял от знатнейшей русской княжеской фамилии, и по воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, встречавшейся с М. в 1918, именовал себя «Рюриковичем по происхождению» и, усмехаясь, говорил: «Мы, Мстиславские, куда древнее и родовитее Романовых». Работал в изд-ве «БСЭ»: в 1925–30(31?) — помощник гл. ред. и зав. контрольной редакцией изд-ва, автор мн. статей БСЭ. Один из создателей радикального лит.-историософского движения «Скифы»; входил в группировку «Скифы». С сент. 1921 — товарищ председателя Моск. отд. Вольфилы, после высылки в 1922 в Берлин Н. Бердяева — её фактический рук. С 1929 — член Всероссийского ССП, работал на выборных должностях, участвовал в работе нац. комиссий при Союзе. Сотрудничал в ряде периодич. изд., в т. ч. в ж. «Вестник труда», «Октябрь». Один из создателей и с 1930 член ред. ж. «ЛОКАФ» (с 1933 — ж. «Знамя»). С 1931 — ред. изд-ва «Федерация». Переехав в М., читал лекции о рабочем движении в Центр. профшколе, Пед. ин-те им. Литкенса, преподавал в Высшем худож. ин-те им. В. Брюсова и на Высших гос. лит. курсах. Был рук. мастерской прозы в Лит. ин-те.

В центре творч. внимания М.-писателя — проблема участия героя-индивидуалиста, выходца из аристократического или буржуазного об-ва, в революции. В полубиографич. романе **«Крыша мира»** (1905) рассказывал о поездке студента с научно-антропологич. целью («охота за черепами») и его превращении в своеобразного революционера-бунтаря. Революционность героя носила индивидуалистич. характер. Роман обильно насыщен экзотикой, фантастикой, многочисленными приключениями и пр. Следующий роман **«На крови»** (1927; опубл. 1928) переработан затем в пьесу. Автобиографич. образ «товарища Михаила» — эсера — дан в двух планах: с одной стороны — аристократич. об-во, выходцем из кот. он является, с другой — рабочая среда, боевики, террористы. М. обосновывает эту двуликость героя «протеизмом», дающим ему психологич. возможность оставаться самим собой в любых условиях. В центре действия романа — светский быт, критика этого быта и портреты отд. террористов. В романе **«Союз тяжёлой кавалерии»** (1929) показал крупную буржуазию и царских приближённых, кот. попытались «похитить» Романовых и восстановить в России монархию. В романе **«Без себя»** (1930) отобразил ряд событий гражданской войны на Украине (Киев) в 1919, создал увлекательную фабулу, живо воссоздал события. В центре — фигура комсомольца Шурика, кот. во многом остается раздвоенным интеллигентом, не обладающим твёрдым «внутренним компасом». Кн. **«Чёрный Магома»** (1932) включ. два рассказа о старой уходящей Аварии и показывает процесс советизации аварского нагорья, ломки застарелой вражды аварцев высокогорья к «плоскости», к городу.

Свойственные раннему тв-ву М. экзотика, фантастика, авантюрность фабулы не имела места в рассказах об Аварии, в кот. своеобразие изображаемого края передано в рамках «соц. реализма» — через картины классовой борьбы двух лагерей — трудящегося населения Хунзаха во главе с партийным и сов. руководством, с одной стороны, и шейхами, муллами и крупными барановодами — с другой.

В речи на дискуссии Моск. отд. ВССП в 1931 М. призывал сов. писателей «не к писанию, а к творчеству жизни», заявляя: «Именно здесь — в воле к творчеству жизни — лежит для меня рубеж между старым интеллигентским и пролетарским писательством: художественно слабые произведения ударников зачастую бывают значительнее произведений высококвалифицированных литературных мастеров именно потому, что в них есть этот волей к творчеству жизни зажжённый пафос». Взывал к активному участию в практике соц. строительства, к освоению больших идей эпохи. Р. Подольный: «Да, наш герой (автор — герой романа) не просто романтик, а романтик революционный; чужая боль ранит его, чужое рабство ощущается как собственное, и беды родины, народа и мира переживает Сергей Дмитриевич Масловский остро и резко. Однако смысл жизни для него — в немедленном действии, в непримиримой борьбе, кот. обладает и собственной ценностью. Вот белые стихи, опубликованные уже тридцатишестилетним революционером: "На крови стоит мир, и жизнь есть борьба. И дорога перед тобою свободна только на полет копья,— если твоя рука сильна и глаз меток. Кто хочет жить? Бейтесь! Бейтесь — и, в награду, вы будете биться вечно. Ибо жизнь вечна!"».

Наибольшую популярность снискал его роман **«Грач, птица весенняя»** (1937, неоднократно переизд. вплоть до наст. вр.) — беллетризованная биография изв. революционера Н. Баумана (при перв. изд. вышло под назв. **«Бауман»**). Заслуживает внимания деталь: роман М. об истоках большевизма, но напис. беспартийным и в 1930-е — без единого упоминания о Сталине. В 1938 по решению ЦК ВКП(б) был назначен офиц. биографом В. Молотова, можно предположить, что именно это спасло его от репрессий. В 1938–40 руководил творч. кафедрой в Лит. ин-те.

Среди др. романов М. — **«Партионцы»** (1932) — о народовольцах, **«Накануне. 1917 год»** (1937–40) — история революции; **«Откровенные рассказы полковника Платова о знакомых и даже родственниках»** и др. Писал пьесы и киносценарии, рассказы и статьи, переводил поэму Низами. Оставил мемуары. Учитель В. Набокова — Айхенвальд — назвал М. «снобом революции», ее «спортсменом и эстетом», «в нее совершенно не верящим, забавляющимся игрою в свою и чужие головы».

Во время Великой Отеч. войны был эвакуирован в Сибирь, где продолжал лит. и науч. работу. Умер в эвакуации. Среди неопубл. романов остаются **«У старцев»**, **«Борьба за огонь»**, **«Записки моего внука»**.

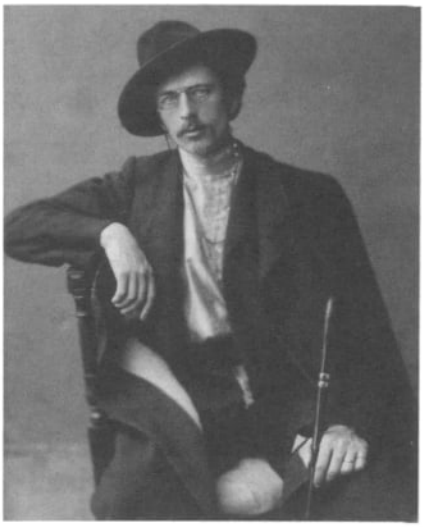
Соч.: Союз тяжёлой кавалерии. М.; Л., 1929; Без себя. М.; Л., 1930; Откровенные рассказы полковника Платова... М., 1935; Крыша мира: Роман. М., 1989.

Лит.: Лит. энц. М., 1934. Т 7; Шмаков А. Путь писателя // Звезда Востока. 1948. № 5; Русские сов. писатели-прозаики. Биобибл. указ. Т. 3. Л., 1964; БСЭ. М., 1969–78; Подольский Р. Предислов. // Мстиславский С. Крыша мира: Роман. М., 1989; Старцев В. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX ст. Харьков; М., 1997; Серков А. Русское масонство 1731–2000. Энц. словарь. М., 2001; Скуратовский В. Сергей Мстиславский: Памяти одного конкистадора // Столичные новости. 2002. № 25 (221). 9–15 июл.; Платонов О. Криминальная история масонства 1731–2004 гг. М., 2005.

МУЙЖЕЛЬ Виктор Васильевич [18(30)7.1880, д. Уза Псковской губ. — 3.2.1924, Пг.] — прозаик.

Мать, увлеченная народническими идеями, вышла замуж за конторщика своего имения. М. получил незаконченное среднее образование. Служил писцом, приказчиком, земским статистиком, делал рисунки для илл. изданий. Первое серьезное произведение (рассказ **«В непогоду»**) опубл. в 1904 в ж. «Мир Божий» по настоянию А. Куприна.

М. вписал свою страницу в худож. летопись русской деревни. Осн. тема



добротных бытописательских рассказов и повестей М. — народная жизнь. Судьба забитого нуждой крестьянина осмысливается в рассказах **«Аренда»** (1906), **«Бабья жизнь»** (1907), **«Старый Камора»**, **«Старухина земля»** (оба — 1909) и др. Для писателя, испытавшего влияние Л. Толстого, характерно представление о бессознательном, «роевом», крестьянском бытии, вера в мужицкую правду земли, кот. обновит мир. Причину крестьянских бед М. видит в отходе от исконно присущих русскому народу соборности и общинности.

Рассказы **«Кошмар»** (1906), **«Солдаты»** (1908) и др. связаны с событиями первой русской революции; они завершаются чаще всего трагич. финалами. Вера в обновление жизни сменяется разочарованием, острым осознанием разобщенности народа и интеллигенции (**«Осенью»**, **«Прохожий»**, **«Учительница»**).

В 1907 М. сблизился с М. Арцыбашевым и принял участие в нашумевших сб. «Жизнь» (1908) и «Смерть» (1910).

В самом крупном и известном 2-томном романе писателя **«Год»** (1911) дан точный анализ изменений деревенской жизни, вызванных столыпинскими реформами.

Будучи во время Первой мировой войны воен. корреспондентом газ. «Биржевые ведомости» в Польше и Галиции, М. напис. книгу очерков **«С железом в руках, с крестом в сердце»** (1915).

Октябрьскую революцию встретил сочувственно. В 1918–19 возглавлял

профессиональный Союз деятелей худож. лит-ры.

В 1919–20 в Пг. брошюрами выпускается серия дорев. рассказов М. и обширное издание его новеллистики. После революции М. писал мало. Много работал как редактор и пропагандист русской лит-ры. Сотрудничал в ж. «Пламя», выступал с лекциями по лит-ре, адаптировал пьесы для сельского театра. Победе новой идеологии посвящ. книги **«К новой жизни»**, **«Кухаркины дети»** (обе — 1924), пьеса **«Вешний ветер»** (1923).

«То общественное служение, кот. так прекрасна русская литература, тот нравственный долг перед народом, выполнение кот. русский писатель всегда считал своей священной обязанностью, имели в лице Виктора Васильевича стойкого своего последователя, своего верного рыцаря», — писал о М. один из самых авторитетных филологов 1920-х П. Медведев.

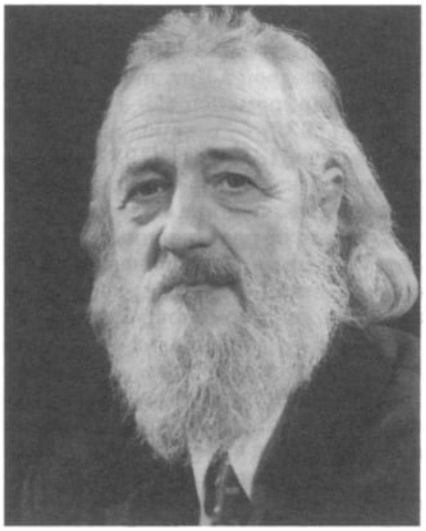
Соч.: СС: В 12 т. СПб., 1911–12; Опустошение. Пг., 1917; Рассказы. Пг., 1920; Возвращение: Посл. рассказы / Предисл. П. Медведева. М.; Л., 1926.

Лит.: Касторский С. В. В. Муйжель // История русской лит-ры. Т. 10. М., Л., 1954; Пиккиев И. Бытописатель русской деревни // На берегах Великой: Альм. Псков, 1958. Кн. 10; Пехтерев А. К теме народа в тв-ве В. В. Муйжеля эпохи первой русской революции // Русская лит-ра XX в.: Дооктябрьский период. Тула, 1974. Сб. 6.

Н. Казакова

МУРА́ТОВ Аскольд Борисович [11.9.1937, Л-д — 4.12.2005, СПб., похоронен на Никольском кладб. Александро-Невской Лавры] — литературовед, теоретик и историк лит-ры.

После ср. школы (1955) поступил на русское отд. филологич. фак-та ЛГУ (законч. в 1960). По окончании был рекомендован в аспирантуру при кафедре истории русской лит-ры (1960–63). К этому вр. был уже автором 6 опубл. науч. статей, среди кот. **«О "гейдельбергских арабесках" в "Дыме" И. С. Тургенева»** и **«О заглавии романа И. С. Тургенева "Дым"»**. Из этих и последующих иссл. выросла канд. дис. М. **«Роман И. С. Тургенева "Дым"»** (напис. в 1963, защищена в 1964 под рук. проф. Г. Бялого). Вошла впоследствии в состав кн. **«Тургенев после "Отцов и детей"»** (1972).



После успешной защиты дис. М. был принят на кафедру истории русской лит-ры. Зав. каф. проф. И. П. Еремин, ходатайствуя о зачислении М. в штат фак-та, характеризовал его как сформировавшегося науч. работника широкого профиля, как превосходного лектора, хорошо подготовленного для пед. работы в вузе по всем разделам истории русской лит-ры XIX в. С 1964 — асс., с 1970 — доц.

Начало иссл. деятельности М. связано в значительной мере с творч. интересами проф. Г. Бялого, продолжателем науч. традиций кот. он стал. В соавт. с Бялым напис. кн. **«Тургенев в Петербурге»** (1970), в кот. показано, как СПб. — столица Российской империи, центр общественно-лит. жизни, «возлюбленный город» — неизменно присутствовал в сознании Тургенева, где бы он ни жил и что бы ни писал.

Докт. дис. М. — **«Проблемы реализма в позднем тв-ве И. С. Тургенева: Повести и рассказы 1860–80-х гг.»** — защищена в 1984. Вскоре после защиты М. назначен и.о. зав. каф. истории русской лит-ры, приняв полномочия от Г. П. Макогоненко. Обязанности зав. каф. М. исполнял до посл. дней жизни. С 1984 — проф.

Мат-лы докт. дис. легли в основу монографий М. **«Повести и рассказы И. С. Тургенева 1867–71 гг.»** (1980) и **«Тургенев-новеллист (1870–80-е гг.)»** (1985). В них дан анализ повестей «Странная история», «Вешние воды», «Степной король Лир», «Бригадир», «Несчастная» и др., позволивший выявить проблемы, стоявшие перед писателем в этот период, объяснить особенности Тургенева как художника, раскрыть своеобразие поэтики его позднего тв-ва.

В работах М., посвящ. позднему Тургеневу, внимание исследователя, в перв. очередь, уделено полит. контексту тургеневской прозы, ее жанровой природе. М. занимает вопрос о «падении романного тв-ва» писателя в 1870–80-х. Так, в ст. **«Н. А. Добролюбов и разрыв И. С. Тургенева с журналом "Современник"»** (1989) М. возвращается к многократно привлекавшим внимание ученых причинам охлаждения (и отчасти вражды), возникшей между Тургеневым и ред. «Современника». Прослеживая динамику отношений Некрасова, Тургенева и Добролюбова, М. показывает, что острота их личных взаимоотношений возникла прежде всего на почве принц. расхождений в обществ. и полит. взглядах.

В монографии «Тургенев-новеллист» М. посвящает главу т. н. «таинственному циклу» («Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич», «Призраки»), где разрабатывает тему трансцендентного у Тургенева (в частности, мотива сновидения), показывая, что Тургенев одним из первых отеч. писателей начал развивать мистич. линию в русской лит-ре.

В сфере науч. внимания М., помимо Тургенева, была история всей русской лит-ры втор. пол. XIX — нач. XX вв., увиденная исследователем в аспекте российских обществ. проблем времени, о чем свидетельствуют, в частности, его обзорные аналит. статьи о лит. процессе этого периода, а также введение и обширная глава **«Проза 1880-х годов»** в 4-м томе академ. изд. «История русской лит-ры». Эта глава, наряду с прочим, явилась результатом интереса М. к второстепенным и третьестепенным писателям 1870–80-х гг., без кот., по убеждению исследователя, нельзя объективно представить историю русской лит-ры втор. пол. XIX в. М. вводит в обществ. и лит. контекст имена забытых и полузабытых писателей: Б. М. Маркевича, В. Г. Авсеенко, Л. А. Тихомирова, Ю. Н. Говорухи-Отрока, К. С. Баранцевича,

А. Н. Бежецкого и др. В изучении одних он продолжил исследования, начатые Бялым (И. В. Шпажинский и И. Соколов), других можно считать лит. «открытием» М. (М. Н. Альбов, Д. Л. Мордовцев). М. понимал, что без массы подобных фигур не могли возникнуть гении, вырывающиеся из единого лит. потока. Тем самым в историко-лит. работах М. раскрывался весь спектр лит. процесса опр. лет: тв-во писателей, признанных классиками (И. Тургенев, А. Островский, А. Чехов), тв-во менее изв. литераторов, история журналистики (ст. **«Из истории журнала "Северный вестник"»**), мемуары и письма (см. его публ. в «Лит. архиве», «Ежегоднике РО ПД») и др. М. останавливался и на фактах лит. быта, рассмотренных им в широком ист. контексте (**«И. С. Тургенев и жиздринские крестьяне»**, **«И. А. Гончаров в министерстве финансов»**, **«А. Ф. Кони в Пушкинском доме»**). Стремление М. понять суть худож. процессов конца века сказался в его ст. **«Парадокс Пушкина в русском культурном сознании втор. пол. XIX — нач. XX вв.»**. М. показывает, почему Пушкин продолжал оставаться центр. фигурой русской культуры, несмотря на то что с 1860-х он в качве актуального поэтич. явления из нее исчезает. М. видел в этом некий культурный парадокс и стремился понять его, представив в работах аналитич. обзор суждений о Пушкине, показательных для русского самосознания рубежа веков.

В науч. работах М. использовал различные подходы к предмету исследования, что обусловливало разнообразие типов его науч. сочинений. О чем бы М. ни писал — будь то обзорные монографич. труды или энц. статьи, он неизменно включал в них результаты своих архивных разысканий, что придавало его исслед. деятельности глубину и масштабность.

Особое место в науч. биографии М. занимает коммент. работа, сказавшаяся в подготовке ПСС Н. Некрасова и — особенно — Тургенева. Для последнего он перевел и прокомм. десятки писем Тургенева, ряд его поздних произведений. Комментарий М. к «Песне торжествующей любви» по существу явился основательным трудом, раскрывающим замысел, худож. смысл произведения, его роль в позднем тв-ве писателя.

Помимо исслед. работ и комм. деятельности М. написал вст. статьи к соч. Н. Гарина-Михайловского, А. Кони и др., подготовил первое за долгие годы собр. стихотворений К. Р. (вел. кн. Константина Константиновича), написал десятки статей в различные энц. и словари: «Российский гуманитарный энц. словарь», библиогр. словарь «Русские писатели. 1800–1917», энц. «Три века СПб.» и др.

М. подготовил изд. и переизд. работ «Вопросы поэтики» С. Балухатого, монографию А. Потебни «Теоретическая поэтика» (обе 1990). Особое внимание М. привлекали ученые-филологи, науч. идеи кот. остались во многом невостребованными совр. наукой. Заслугой М. явилось издание соч. оригинального исследователя Б. Энгельгардта «Избр. труды» (1995) и «Феноменология и теория словесности» (2005). М. понимал, что в науке важна творч. индивидуальность. Именно поэтому он часто занимался наследием ученых, кот. оказались вне опр. школы, системы, методологии. Работа М. **«Проблема символа в трудах В. В. Виноградова о языке худож. лит-ры»**, по замечанию Н. Демковой,— «блестящий анализ научного творчества выдающегося русского ученого». Подготовленные М. кн. снабжены его вст. статьями и содержательным комм.

Как зав. кафедрой М. принадлежала идея коренного пересмотра учебных программ, кот. бы строились на новой концепции филол. образования, органично включающей в себя три составляющие: историю лит-ры, теорию лит-ры, методологию литературоведения. Под рук. М. кафедрой был разработан многосеместровый курс теории лит-ры, позволяющий студентам и магистрантам ориентироваться в совр. филологич. пространстве. «Теоретический блок» включает в себя такие дисциплины, как риторика, герменевтика, композиция, стиховедение, компьютерное обеспечение и др. При актив. поддержке М. был создан успешно функционирующий ныне Кабинет фольклора и теории лит-ры.

С кругом поставленных теор. проблем был связан курс лекций М. по методологии литературоведения. М. следил за тем, чтобы на ежегодной Междунар. межвузовск. конференции филфака работали секции по всем разделам теории и истории русской лит-ры, обеспечивался квалифиц. обмен филологич. науч. достижениями.

Большое значение придавал М. связям кафедры с др. науч. учреждениями — как российскими (ИРЛИ (Пушкинский Дом), Ин-том истории искусств, Сыктывкарским, Петрозаводским и др. ун-тами), так и зарубежными (Гамбургским, Загребским, Цюрихским, Канзасским ун-тами и др.). М. являлся членом Ученых советов фак-та и ун-та, состоял в комиссии по присуждению университетской премии за лучший науч. труд. Был отв. ред. серии «Филология. Востоковедение. Журналистика» «Вестника СПбГУ».

Следуя традиции учителей, М. заботился о сохранении на кафедре ист. памяти. Заседания, посвящ. видным ее ученым (научные и мемориальные одновременно), проводились регулярно, предваряемые коротким вст. словом М. Такое «пятиминутное выступление,— вспоминает В. Маркович,— он, безусловно, готовил очень долго <...>, и было видно, сколько он прочитал для того, чтобы проговорить эти пять минут».

По своей природе М. был наст. университетским человеком (Homo Universitatis, как назвали его коллеги в посвященном ему сб. науч. работ). Он был педагогом, чей диапазон читаемых курсов был чрезвычайно широк (от истории русской лит-ры XIX в. до теории и методологии литературоведения, курса, кот. он вел долгие годы, и многочисленных спецкусов).

Деятельность М. нередко выходила за пределы кафедры и СПбГУ. Авторы мультимедийных проектов в обл. лит-ры приглашали ученого для записи аудиолекциий. Участвуя в проекте «Звуковая энциклопедия», М. записал аудиолекцию **«Пушкин в русском культурном сознании втор. пол. XIX–XX вв.»** (2001) (в то же году она вышла в печатном вар. под назв. **«Парадокс Пушкина в русском культурном сознании втор. пол. XIX — нач. XX в.»**). В 2002 в рамках проекта Петрозаводского ун-та «Поддержка и развитие кафедры русской лит-ры филол. фак-та», руководите-

лем кот. являлся М., был выпущен диск «Новое в совр. филол. науке», содержащий в т. ч. и его лекцию **«Методология совр. науки»**. В виде электронного ресурса был записан и д-д **«Изучение русской лит-ры в СПб. — Пг. — Лен. ун-те»**, кот. потребовал от М. изучения, обработки и осмысления громадного двухвекового матла (в печ. виде 3-й, испр. и доп. вар. вышел в 2002).

Под науч. рук. М. защищены 20 канд. и 3 докт. дис. В теч. ряда лет М. был председателем специализированного Ученого совета по защите канд. дис., состоял членом многочисленных советов, комитетов и редколлегий, входил в правление Петерб. лингвистич. об-ва.

Соч.: О «гейдельбергских арабесках» в «Дыме» И. С. Тургенева // Русская литра. 1959. № 4; О заглавии романа И. С. Тургенева «Дым» // Вестн. Лен. ун-та. № 2. Сер. истории яз. и лит-ры. Вып. 1. Л., 1962; И. С. Тургенев, Н. В. Шелгунов и Л. П. Блюммер: Об идейном смысле образа Потугина в романе И. С. Тургенева «Дым» // Вестн. Лен. ун-та. № 20. Сер. истории, яз. и лит-ры. Л., 1964. Вып. 4; Тургенев и жиздринские крестьяне (1877 г.) // Тургеневский сб.: Мат-лы к ПСС и писем И. С. Тургенева. М.; Л. 1966. Вып. 2; К истории борьбы вокруг романа И. С. Тургенева «Дым» // Учен. зап. Лен. ун-та. № 339. Сер. филол. наук. Вып. 72. Л., 1968; Тургенев в Петербурге. Л., 1970 (в соав. с Г. Бялым); Тургенев после «Отцов и детей» (1860-е гг.). Л., 1972; Роман Д. Л. Мордовцева «Знамения времени» // Учен. зап. Лен. ун-та. № 349. Сер. филол. наук. Вып. 74. Л., 1971; Повесть И. С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» // Studia Slavica Hungariae. XXI. Budapest, 1975; И. А. Гончаров в мин-ве финансов // И. А. Гончаров: Новые мат-лы о жизни и тв-ве. Ульяновск, 1976; О философских взглядах И. С. Тургенева // Zeszyty naukowe. Nauki Humanistyczne. 1977. Ser. A. Zesz. III. 1977; О теории образа А. А. Потебни // Изв. АН СССР. Отд. яз. и лит. Т. 36. Вып. 2. Л., 1977; Рассказ И. С. Тургенева «Странная история» // Studia Slavica Hungariae. XXIV. Budapest, 1978; Повести и рассказы И. С. Тургенева 1867–71 гг. Л., 1980; А. Ф. Кони и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Док-ты. Библиография. Л., 1982; Проза 1880-х гг. // История русской литры: В 4 т. Т. 4. Л., 1983; Поздние повести и рассказы И. С. Тургенева в русском лит. процессе втор. пол. XIX — нач. XX в. // Проблемы поэтики русского реализма XIX в.: Сб. ст. ученых Лен. и Будапештск. ун-тов. Л., 1984; Тургенев-новеллист (1870–80-е гг.). Л., 1985; Стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» // Анализ одного стихотворения: Сб. Л., 1985; Драматургия Тургенева // Тургенев И. Сцены и комедии: 1842–52. Л., 1986; «Светская комедия» И. С. Тургенева «Где тонко, там и рвется» // Анализ драм. произведения: Сб. Л., 1988; М. Н. Альбов: Тв-во писателя в русском лит. процессе втор. пол. XIX в. // Русская лит-ра. 1988. № 4; Н. А. Добролюбов и разрыв И. С. Тургенева с ж-лом «Современник» // В мире Добролюбова: Сб. М., 1889; Теоретич. поэтика А. А. Потебни // Потебня А. Теоретич. поэтика. М., 1990; Два рассказа А. П. Чехова о пессимизме // Русская новелла: Проблемы истории и теории: Сб. СПб., 1993; «Смысл человека есть он сам...» // Соловьев Вл. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стих. и поэма. Из «Трех разговоров». СПб., 1994; Великий князь Константин Константинович // К. Р. Времена года: Избр. СПб., 1994; Борис Михайлович Энгельгардт // Энгельгардт Б. Избр. труды. СПб., 1995; Тургенев и Островский // Ivan S. Turgenev: Leben, Werk und Wirking: Beitrage der Internationalen Fachkonferenz aus Anlass des 175. Geburtstages an der Otto-Friendrich-Universität Bamberg, 15–18. Sept. 1993. München, 1995; Тургенев и Чехов: «Завтрак у предводителя» и «Юбилей» // Концепция и смысл: Сб. в честь 60-летия проф. В. М. Марковича. СПб., 1996; Феноменологич. эстетика XX в. и теория словесности: Б. М. Энгельгардт. СПб., 1996; О сложности филологич. изучений // Разные грани единой науки. СПб., 1996; Поэзия В. С. Соловьева и ее автоинтерпретация // Автоинтерпретация: Сб. СПб., 1998; Изучение языка худож. лит-ры как метод. проблема: О трудах В. В. Виноградова 1920-х гг. СПб., 1999; Пушкин в русском культурном сознании втор. пол. XIX–XX вв. // Проект «Звуковая энциклопедия»: http://www.sonoteka.spb.ru, 2001; Парадокс Пушкина в русском культурном сознании втор. пол. XIX — нач. XX в. // Парадоксы русской лит-ры: Сб. СПб., 2001; О «подводном течении» и «психологическом подтексте» в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. Вып. 4. СПб., 2001; Изучение русской лит-ры в СПб.-Пг.-Лен. ун-те // Филологич. фак-т СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2002; И. П. Муратов и его «Образы Италии» // Firenze e San Pietroburgo: Due culture si confrontano e dialogano tra loro. Firenze, 2003; Проблема символа в трудах В. В. Виноградова о языке худож. лит-ры // Грани русистики: Филол. этюды: Сб., посвящ. 70-летию проф. В. В. Колесова. СПб., 2004; Из истории русской лит-ры и истории русской филол. науки (втор. пол. XIX — нач. XX в.): Статьи разных лет. СПб., 2004; А. Ф. Писемский (Из курса лекций по истории русской лит-ры втор. пол. XIX в.) // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 1. СПб., 2006.

Лит.: Бухаркин П. От редактора // Ars philologiae: Проф. А. Б. Муратову ко дню 60-летия / Под ред. П. Бухаркина. СПб., 1997; Муратов Аскольд Борисович // Профессора СПбГУ: Биобиблиогр. словарь. СПб., 2004; Прощаясь с А. Б. Муратовым // http://ruthenia.ru/document/537655.html; Кафедра истории русской лит-ры СПбГУ // Аскольд Муратов. Биография // http://www.livelib.ru/author/313721; Филологич. фак-т СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. СПб., 2008; Маркович В. Homo Universitatis // Homo Universitatis. Памяти А. Б. Муратова (1937–2005): Сб. СПб., 2009; Список науч. трудов А. Б. Муратова / Сост. С. Монахов // Там же.

Е. Душечкина

МУРА́ТОВА Ксения Дмитриевна [26(13).1.1904, г. Болхов Орловской губ. — 31.8.1998, г. Павловск, похоронена на Павловском кладб.] — литературовед, библиограф.

Родилась в семье служащих. В 1916 поступила в гимназию Болхова, затем училась в школе 2-й ступени в Брянске, куда переехала семья. Окончила школу в 1924.

Труд. путь начала рано. Еще продолжая учиться в ср. школе, пошла работать сначала на телефон. станцию Болхова (1919–20), позднее — в Центр. городск. биб-ку Брянска (1922–24).

В 1924 поступила, а в 1927 окончила лит. отд. Высших гос. курсов ГИИИ в Л-де, где ее учителями были Я. Гребенщиков, А. Фомин и С. Балухатый. Одновременно в 1924–29 училась на Высших курсах библиотековедения при ГПБ. Давала частные уроки. По окончании ин-та работала в биб-ках ДК им. М. Горького (1928–33) и Высших курсов профдвижения (1933–34). С 1927 вела библиотеч. и научно-библиогр. работу в биб-ках Л-да, в т. ч. в 1934–40 в филиале БАН — биб-ке ПД. Особое влияние на становление М.-библиографа оказал С. Балухатый, возглавлявший в 1930-е биб-ку ПД. Вслед за ним М. создавала уникальные библиотеч. каталоги; под его руководством комментировала собр. соч. А. Чехова; работала над указателем о М. Горьком. В 1933 изд. работу **«Периодика по лит-ре и искусству за годы революции. 1917–32 гг.»**, кот. уже в те годы стала библиограф. редкостью.

С июля 1940 переведена в Отдел новой русской лит-ры на должность мл. науч. сотр., уволена в авг. 1941 в связи с сокращением штата ИРЛИ на воен. время.

В 1941–48 работала в ГПБ ст. библиографом. 18 авг. 1941 она зачислена в ГПБ библиотекарем 1-го разряда ОФО; 28 нояб. переведена в КБО, где с 1 авг. 1942 переведена на должность гл. библиотекаря. В дек. 1942 на М. возложено руководство (совм. с Ю. Меженко) секцией истории кн. и библиогр. Кабинета библиотековедения. В авг. 1944 по ходатайству изд-ва «Худож. лит-ра» переведена на полставки в связи с подгот. собр. соч. А. Чехова. Во время блокады ею были подготовлены неск. хрестоматийных сб. и библиогр. о боевых подвигах русского народа, распространявшихся на фронте.

В янв. 1947 защитила в ЛГУ канд. дис. **«Из каприйского периода тв-ва М. Горького»**.

В марте 1948 уволилась из ГПБ «ввиду перехода в ИРЛИ» в Отдел новейшей лит-ры для срочного завершения работы над «Историей русской лит-ры» и «Историей русской критики». Вернувшись вновь в ПД, М. прошла здесь путь от мл. науч. сотр. до признанного ученого. В дек. 1949 присвоено учен. звание ст. науч. сотр. Работу в ИРЛИ в 1951–55 совмещала с преподаванием в ЛГБИ. В 1954–56 была в докторантуре ИРЛИ. В мае 1957 защитила докт. дис. **«М. Горький в борьбе за развитие сов. лит-ры»**, в июне избр. на должность зав. Сектором библиографии и источниковедения. В 1958 по мат-лам докт. дис. выпустила одноименную монографию, кот. Президиумом АН СССР удостоена премии им. В. Белинского. В 1960 М. присвоено учен. звание проф. по спец. «история русской лит-ры». Сделанное М. в обл. литературоведч. библиографии значительно и серьезно. Под ее рук. подготовлены и под ее ред. изд. фундамент. библиогр. указатели: **«История русской лит-ры XIX в.»** (М.; Л., 1962); **«История русской лит-ры кон. XIX — нач. XX в.»** (М.; Л., 1963, 1968); **«История русской лит-ры XIX — нач. XX в.: Библиогр. указ. Общая часть»** (СПб., 1993).

В 1963 в связи с реорганизацией Сектора библиографии и источниковедения в Кабинет библиографии М. была переведена в Сектор новой русской лит-ры в должности ст. науч. сотр. В 1970–78 рук. РО, где ею был реорганизован «Ежегодник РО» ПД: из архивно-библиогр. органа превращен в публикаторский — и усилено комплектование архив. фондов мат-лами писателей XX в. (А. Платонова, И. Соколова-Микитова, О. Форш и др.).

В 1978–82 — ст. науч. сотр. Отдела новой русской лит-ры, в 1982–93 — старш., а затем ведущ. науч. сотр.-консультант этого Отдела. Исслед. интересы М. были чрезвычайно широки: библиография, история лит-ры кон. XIX — нач. XX в., персональные библиографии писателей, историко-лит. исслед. и публ., посвящ. М. Горькому, Л. Андрееву, И. Бунину, В. Вересаеву, Б. Зайцеву, А. Луначарскому, А. Островскому и др. Как текстолог, комм., ред. М. участвовала в подгот. собр. соч. Г. Успенского, А. Островского, Л. Толстого, Н. Гоголя, А. Чехова, А. Кони. Автор ряда глав и ред. «Истории русской лит-ры» (В 10 т.) и «Истории русской лит-ры» (В 4 т.). На протяжении мн. лет член Ученого совета ИРЛИ, член редколл. ж. «Русская лит-ра» и ж. (позже — сб.) «Лит. наследство». Ред. множества науч. сб. и монографий, руководитель аспирантов и консультант докторантов, устроитель науч. конференций и участник междунар. симпозиумов и съездов славистов, автор глав о русской лит-ре нач. XX в. в учебниках для ср. и высш. школы.

М.— воспитатель целого поколения филологов и библиографов. В 1949–54 М. читала лекции по лит. библиографии в Лен. библиотеч. ин-те. Она один из авторов учебника «Библиография худож. лит-ры и литературоведения» (1971).

На юбилее в ИРЛИ в честь 90-летия М. акад. Д. Лихачев сказал: «Муратова превратила библиографию в науку».

Награждена медалями: «За оборону Л-да», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941–45 гг.».

Архив: ИРЛИ. Ф. 773; РНБ. Ф. 10/1 (1927, 1948); Ф. 10/2, оп. 2. 1947, д. 3.

Соч.: Периодика по лит-ре и искусству за годы революции. 1917–32. М.; Л., 1933; Максим Горький. Л., 1943; А. П. Чехов: Библиогр. 1904–44. Л., 1944; Мировое значение русской лит-ры и русского искусства: Указ. лит. / Под ред. М. Алексеева. Л., 1945 (в соавт.); Библиогр. указатель произведений А. Н. Толстого // Векслер И. А. Н. Толстой: Жизненный и творч. путь. М., 1948; Семинарий по Горькому. Л., 1956; М. Горький в борьбе за развитие сов. лит-ры. М.; Л., 1958; Новые книги о М. Горьком. (1955–57) // Русская лит-ра. 1958. № 1; А. В. Луначарский о лит-ре и искусстве: Библиогр. указ. 1902–63. Л., 1964; М. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка // Лит. наследство. М., 1965. Т. 72; Возникновение соц. реализма в русской лит-ре. М.; Л., 1966; М. Горький на Капри, 1911–13. Л., 1971; Библиография лит-ры об А. Н. Островском: 1847–1917 / Сост. К. Муратова. Л., 1974; М. Горький: Семинарий. М., 1981; История русской лит-ры: В 4 т. Т. 4. Литература кон. XIX — нач. XX в. (1881–1917). Л., 1988 (авт. глав: Введение; Максим Горький; Социалистический реализм; Леонид Андреев; Футуризм; Владимир Маяковский; Заключение); Алексеев А. Д. Лит-ра русского зарубежья: Книги 1917–1940. Мат-лы к библиографии / Отв. ред. К. Муратова. СПб., 1993; Публичная биб-ка в жизни

библиографа // Ист.-библиогр. иссл. 1993. Вып. 3.

Лит.: Гречнев В. Ксения Дмитриевна Муратова: К 70-летию со дня рождения // Русская лит-ра. 1974. № 1; Трифонов Н. Литературовед и библиограф // Кн. обозрение. 1979. 26 янв.; Писатели Орловского края: Биобиблиогр. слов. Орел, 1981; Овчаренко А., Баскаков В., Ершов Л. Ксения Дмитриевна Муратова: К 80-летию со дня рождения // Русская лит-ра. 1983. № 4; Ксения Дмитриевна Муратова: Библиогр. указатель: К 90-летию со дня рождения / Сост. Л. Мироненко, А. Морщихина. СПб., 1994; Лихачев Д., Скатов Н. Ксения Дмитриевна Муратова: [Некролог] // Русская лит-ра. 1998. № 4; Грачева А. Памяти Ксении Дмитриевны Муратовой: Некролог // Ежегодник РО ПД на 1995 год. СПб., 1999; Куприяновский П. Она превратила библиографию в науку: (100-летие К. Д. Муратовой) // Библиография. 2004. № 6.

О. Богданова

МУРАШО́ВА Екатерина Вадимовна [28(по некот. ист. 22).2.1962, Л-д] — психолог, прозаик, детский писатель.

Окончила биологический и психологический фак-ты ЛГУ.

Автор подростковых драматич. книг. Перв. публ. — повесть **«Талисман»** в сб. «Дружба» (1989). Автор произв. **«Талисман»** (1989), **«Обратно он не придет!»** (**«Полоса отчуждения»**) (1991), **«Барабашка — это я»** (1991), **«Изюмка»** (1992), **«Дверь, открытая всегда»** (2004), **«Класс коррекции»** (2004), **«Гвардия тревоги»** (2008), **«Одно чудо на всю жизнь»** (2010). Напис. трилогию **«Анжелика и Кай»** — **«Забывший имя Луны»** (2008), **«Земля королевы Мод»** (2008), **«Детдом»** (2008)

Выпустила кн. по детской психологии **«Ваш непонятный ребенок: Психол. проблемы ваших детей»** (2002), **«Дети „тюфяки" и дети „катастрофы": Гиподинамический и гипердинамический синдром»** (2003), **«Память — на пять!»** (2005).

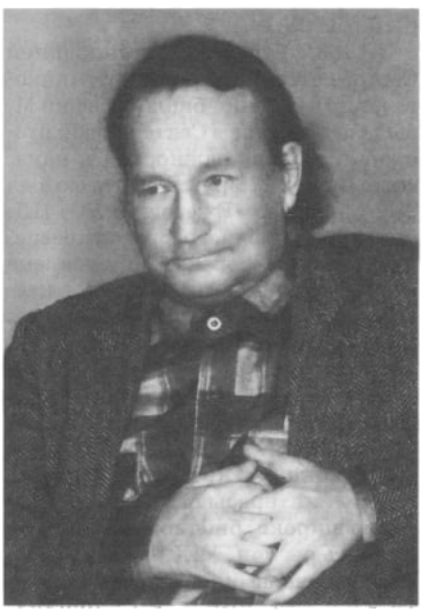
Член СП СПб. Награждена дважды нац. премией России по детской литре «Заветная мечта» — за повести «Класс коррекции» (2005) и «Гвардия тревоги» (2007). В 2010 включена в число номинантов Международной лит. премии Астрид Линдгрен.

В наст. вр. М. — практикующий детский психолог.

Соч.: Барабашка — это я. М., 1998; Fremde Gegend. Вена, 1995; Fremde Gegend. Берлин, 1998.

Лит.: Инт. с писателем Е. Мурашовой / Лит-ра для подростков от практикующего психолога // Искусство ТВ. 2010; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

МУ́РИКОВ Геннадий Геннадьевич [19.1.1958, г. Пудож Карельской АССР] — критик, публицист.



Из семьи врачей; по материнской линии из рода священнослужителей. Семья отца из раскольников, т. н. «тверских карел». Двоюродный дед — Виктор Розов, писатель и драматург.

Склонность к лит-ре проявилась уже в школьные годы, когда М. написал неск. юмористич. стих. и рассказов и уже тогда пост. публиковался в районной газ. «Новая жизнь» (г. Бологое Тверской обл.), где в то время жила семья. В 1975 закончил школу с золотой медалью и поступил в ЛГУ, филологич. фак-т которого (отделение русского яз. и лит-ры) окончил в 1980 с красным диплом. В студенч. годы вместе с сокурсниками издавал машинописный самиздатский ж., участвовал в организации «философского кружка». Получил «внушение» от соответствующих органов, после чего выпуск ж. прекратился.

По окончании ЛГУ два года работал учителем русского яз. и лит-ры в школе № 209. В 1982 перешел в ж. «Звезда» ред. отдела критики. В 1981 в «Звезде» появляется его перв. крупная работа **«Границы прозаич. миниатюры»**, посвящ. тв-ву Ю. Бондарева, В. Астафьева и др. авторов воен. прозы. Пожалуй, нет ни одного крупного писателя того времени, о кот. М. не писал бы в своих работах. Среди них Л. Леонов, В. Быков, С. Залыгин, П. Проскурин, А. Приставкин. Отклики на эти ст. были далеко неоднозначными. Известен разгромный отклик, напеч. от имени редакции «ЛГ» по поводу рец. М. на повесть Приставкина «Ночевала тучка золотая...».

В статьях 1980–90-х М. пост. размышляет о нравственно-философских проблемах текущей лит-ры. Когда в нач. 80-х на страницах центр. печ. в столкновении «демократов» и «консерваторов» шли острые дискуссии о том, что является нравственностью в лит-ре, М. утверждал, что речь прежде всего должна идти о русском народе, о сохранении его ист. ценностей, а не о противостоянии изживших себя идеологий. Во втор. пол. 1980-х он пост. участвует в дискуссиях по вопросам о лит. наследии. Острую полемику вызвали его новые освещения романа Е. Замятина «Мы» и С. Залыгина «После бури», ст. о тве Ю. Кузнецова **«Русский узел»** в ж. «Север».

В 1986 редактир. кн. Б. Бурсова «Судьба Пушкина» (Гос. Премия, 1987). С 1989 работал в ж. «Лен. панорама», был гл. редактором газ. «Лит. вестник» СПб. обл. писательской организации.

В годы перестройки одним из первых начал публ. мат-лы о тв-ве ранее находившихся под запретом писате-

лей и обществ. деятелей 1930–40-х, в т. ч. о С. Клычкове, П. Васильеве, Е. Замятине, о деятельности генерала А. Власова, изв. оппозиционера Г. Зиновьева, о Н. Бухарине, вызвавшие в то время широкий обществ. резонанс. Тогда же много споров вызвала трагич. кончина поэта и композитора И. Талькова — М. выступил с большой статьей по этому вопросу.

Член СП России (СССР) с 1990. В 1990-х М. рук. секцией критики в СПб. отд. СП России. В это время им опубл. многочисленные статьи о тв-ве петерб. писателей: А. Ахматова, Г. Дюмонд, Е. Кульбуш, И. Сабило и др.; его статьи о совр. писателях появлялись почти в каждом номере газ. «Лит. Петербург» в 1998–99.

В посл. время М. работает над изучением течения постмодернизма в совр. отеч. лит-ре. В центре его внимания писатели В. Пелевин, В. Ерофеев, В. Сорокин, Д. Быков, Э. Лимонов, произведениям кот. посвящ. его мн. работы. Активно участвуя в лит. дискуссиях в печ., М. не обходит вниманием и тв-во т. н. «неореалистов» — Р. Сенчина, З. Прилепина и др. Литературоведческие статьи и мат-лы по иссл. постмодернизма в отеч. лит-ре составили основу его двух книг: **«Падение Вавилонской башни»** (СПб., 2009 г.) и **«Оккультная заря России»** СПб., 2011).

В качестве историка-литературоведа и публициста пишет о тв-ве писателей Серебряного века — Д. и З. Мережковских, В. Розанова, А. Белого, Г. Чулкова, Вяч. Иванова, Н. Бердяева и др.

Посл. годы в лит.-критич. работах М. всё более явственно проявляется мысль о рассмотрении русской литры (в особенности лит-ры Серебряного века) как общего и целостного пути «богоискательства», что было неразрывно связано с общим кризисом устоявшихся представлений и взлётом русской философской мысли. Те же тенденции М. обнаруживает и в тв-ве лучших представителей совр. постмодернизма, составляющего своего рода параллель к лит-ре русского возрождения нач. XX в. Эти идеи пост. обсуждаются в печ. и вызывают полемику в совр. лит. критике.

Ст. **«Несостоявшаяся исповедь»** о тв-ве Г. Бакланова переведена на венгерский яз.

Перу М. принадлежит свыше 300 критич. и литературоведч. ст., опубл. в центр. печ. Автор ряда статей в энц. словаре «Лит. СПб. XX век» (В 2 т. СПб.: Филологич. фак-т СПбГУ, 2011).

Лауреат премии ж. «Лит. учёба» (2010); по итогам фестиваля «Русский стиль 2012» награжден дипломом «Автор — стильное перо».

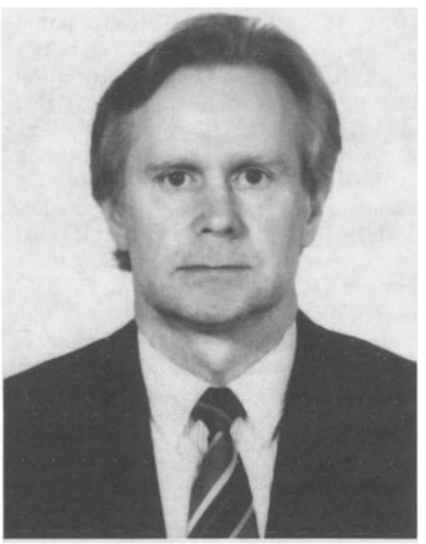
Как считает М., критика — это форма лит-ры, каждая критич. ст. — это законченное худож. произведение: «Критика не должна являться орудием "доносов и разносов". Она должна быть интересной и иметь своего, пусть подготовленного, но необходимого читателя».

Соч.: История и современность // Наш современник. 1983. № 8; Мнимые победы у мнимой жизни // Совр. драматургия. 1984. № 3; Человеч. фактор // Звезда. 1985. № 4; Вечная самоценность Пушкина // Лит. Россия. 1985. 1 нояб.; Дефицит личности // Поиски и традиции: Сб. Л., 1986; Память // Звезда. 1987. № 12; При свете совести // Север. 1988. № 9; Непримиримость и человечность // Звезда. 1988. № 9; Право быть собой // Север. 1988. № 12; Люди и маски // Звезда. 1989. № 5; Летописец души народной // Наш современник. 1989. № 7; Школа интердевочек // Лен. панорама. 1989. № 12; Уроки Солженицына // Лит. Россия. 1990. № 29, 20 июл.; Необходимо самоопределиться // Молю прощения: Сб. М., 1990; «... Без слез, без жизни, без любви» // Север. 1991. № 8; Русский мир // Лит. Петербург. 1999. № 12; Резервация // Лит. Россия. 2009. № 25. 26 июн.; О героях и героизме // Лит. Россия. 2009. № 36. 11 сент.; Клоунада // На русских просторах. 2009. № 5; Графомания как лит. принцип // Лит. Россия. 2009. № 31–32. 7 авг.; Кукольный дом // День лит-ры. 2009. № 159; Падение Вавилонской башни. СПб., 2009; О сопротивлении злу силою. Посл. проза Г. Садулаева: противостояние двух начал // Лит. Россия. 2010. № 8. 26 февр.; Зло из жизни не гони. Атональная поэзия // Лит. Россия. 2010. № 31, 30 июл.; Маркиз де Сад и Россия: Эссе // Аврора. 2010. № 5; Послушна ритмам бытия // Невский альм. 2011. № 2; Ломоносов и его время: Докум. повествование // Аврора. 2011. № 2; Сатира или трагедия // Лит. Россия. 2011. № 21. 27 мая; Есть ли будущее у лит-ры? // Аврора. 2011. № 4; Что значит слово «писатель»? // Лит. Россия. 2011. № 30. 29 июл.; Вадим Кожинов: за и против // На русских просторах. 2011. № 9; Сергей Довлатов: а ну-ка по-блатному // Лит. Россия. 2011. № 44–45. 4 нояб.; Достоевский и вопрос о конце света // Аврора. 2011. № 5; Оккультная заря России. СПб., 2011; «Что наша жизнь? — Игра» // ЛГ. 2012. № 16; Адольф Гитлер. Моя борьба; Исповедь сына своего века // На русских просторах: Ист.-лит. ж. 2013. Вып. 2 (14); Ключ от кладязя бездны. СПб., 2013.

Лит.: Владыкин В. Куда ведёт система опознавательных знаков // Лит. Россия. 2009. № 16, 24 апр.; Кучин С. Беглый взгляд // Лит. Россия. 2009. № 48. 4 дек.; Фёдоров В. Лит-ру формирует читатель // Аврора. 2011. № 4; Филимонов А. Лит. боги и кумиры // Аврора. 2011. № 4; Лестева Т. Другое мнение // Аврора. 2011. № 5; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011; Ионин Г. В поисках «нового человека» // На русских просторах. 2012. № 2 (11); Сергеева Г. Ещё раз о закате лит-ры // Там же; Кучин С. Куда ведёт заря восточная? // Там же.

А. Ахматов

МУ́РОМСКИЙ Вячеслав Петрович [14.2.1939, Торбеево Мордовской АССР] — литературовед.



Учился на русском отд. филологич. фак-та ЛГУ, по окончании кот. (1960) работал учителем средней школы г. Ангрена Ташкентской обл., ассистентом фак-та русского яз. и лит-ры Мелекесского пед. ин-та Ульяновской обл. В 1963–66 — аспирант кафедры истории сов. лит-ры ЛГУ. В 1967 там же защитил канд. дис. **«Проблема конфликта в совр. сов. драме: 1956–65»**. В теч. двух лет преподавал на кафедре русской лит-ры Днепропе-

тровского гос. ун-та им. 300-летия воссоединения Украины с Россией.

В 1969–91 — ассистент, ст. преподаватель, доц. кафедры истории сов. лит-ры ЛГУ. Читал лекционный курс по истории сов. лит-ры. Параллельно разработал курс истории русской критики сов. периода, вел его на разных отд. филфака. В 1988 защитил в Пушкинском Доме докт. дис. **«Русская сов. литературная критика: вопросы истории, теории, методологии»**. В 1989–91 — зав. кафедрой истории сов. лит-ры ЛГУ.

В 1991 перешел в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН на должность вед. науч. сотрудника. Занимался творческой, публикаторской, исследовательской, словарной и библиогр. работой. В 1999–2008 — зав. Отделом новейшей русской лит-ры ИРЛИ, в 2000–04 — зам. директора ИРЛИ по науке.

Обл. науч. интересов: русская литра, драматургия и лит. критика XX в. Опубл. более 100 науч. работ.

Принимал участие в колл. трудах: «Вопросы сов. лит-ры: Сб. статей» (Изд. ЛГУ, 1968); «М. Горький и проблемы русской лит-ры: Сб. науч. трудов» (Днепропетровск, 1969); «Сов. лит-ра: Традиции и новаторство»(Изд. ЛГУ, 1976. Вып. 1); «Жанрово-стилевые поиски сов. лит-ры 70-х гг.» (Изд. ЛГУ, 1981); «Нравственно-философские искания совр. сов. лит-ры» (Л., 1986); «Гуманитарные науки: Из опыта теоретич. интерпретации: Сб. науч. трудов» (СПб., 1993. Вып. 1; СПб., 1997. Вып. 2); «Лит. группа "Серапионовы братья": Истоки, поиски, традиции, международный контекст» (СПб., 1995): «Тв-во Михаила Булгакова: Иссл. Мат-лы. Библиография» (СПб., 1995. Кн. 3); «Михаил Зощенко: Мат-лы к творч. биографии» (СПб., 1997. Кн. 1); «Русские писатели XX в.: Биобиблиогр. словарь» (М., 1998. В 2 т.); «Русский лит. портрет и рецензия: Концепция и поэтика» (СПб., 2000); «Пушкинский Дом: Книга-альбом» (М., 2003); «Ежегодник РО ПД на 2002 г.» (СПб., 2006); «Труды Отделения историко-филологич. наук РАН: 2006» (М., 2007); «Лукницкий П. Труды и дни Николая Гумилева» (СПб., 2010) и др.

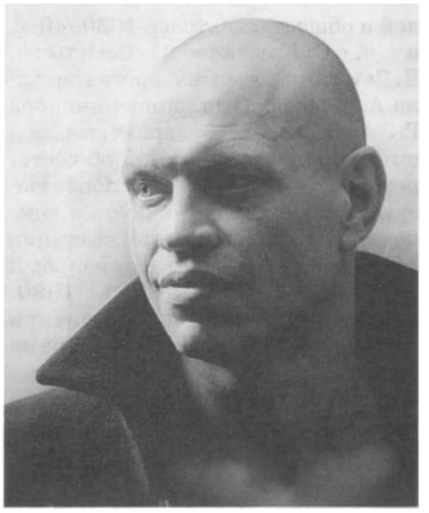
Отв. ред. и автор сб.: «Леонид Леонов и русская лит-ра XX в.: Мат-лы юбилейной науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Л. Леонова» (СПб., 2000, совм. с Т. Вахитовой); «Михаил Зощенко: Мат-лы к творч. биографии» (Кн. 2 — СПб., 2002, совм. с Н. Грозновой, кн. 3 — СПб., 2004); «Из истории лит. объединений Пг.-Л-да, 1910–30-х гг.: Иссл. и мат-лы. Кн. 1, 2» (СПб., 2002, 2004); «Николай Заболоцкий и его лит. окружение: Мат-лы юбилейной науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Н. Заболоцкого» (СПб., 2003, совм. с А. Михайловым); «Писатели русской традиционной школы второй пол. XX в. в контексте современности: Сб. статей» (Сургут, 2009, совм. с Ю. Дворяшиным). Один из науч. ред., сост. и авторов биобиблиогр. словаря «Русская лит-ра XX в. Прозаики, поэты, драматурги» (М., 2005. В 3 т.). Член редколлегии (с 1996) и председатель редколл. (с 2005) биобиблиографической серии «Русские писатели (сов. период)», издаваемой РНБ.

Автор отд. глав в учебном пособии для вузов «История русской сов. литры» (М., 1970, переизд. 1974, 1979, 1986). Сост., автор вст. ст. и комм. в кн.: Вампилов Александр. Пьесы. М., 2001 (переизд. 2002). Автор хрестоматии «Русская сов. лит. критика: 1956–83» (М., 1984, совм. с Л. Ершовым) и монографии **«Русская сов. лит. критика: Вопросы истории, теории, методологии»** (Л., 1985).

Публ. в ж. «Русская лит-ра», «Литра в школе», «Вестник ЛГУ», «Молодая гвардия», «Лит. обозрение», «Болгарская русистика», «Литературна мисъл» (Болгария), «Филологич. науки», «Невский наблюдатель», «Вестник Волгоградского гос. ун-та», альм. «XX век» (СПб.) и др.

МЯ́КИШЕВ Евгений Евгеньевич [14.4.1964, Л-д] — поэт.

В воспоминаниях М. с гордостью подчеркивает, что родился на Васильевском о-ве, в знаменитой клинике Отто. Мать его, Раиса Николаевна, умерла молодой; мальчика воспитывали отец Евгений Тимофеевич и бабушка Варвара Никифоровна. В 6 лет начал соч. стихи. В старших классах школы посещал лит. клуб «Дерзание». Позднее — ЛИТО О. Юрьева при Финансово-экономическом ин-те и ЛИТО В. Сосноры при ДК им. Цурюпы, поэтич. семинары в студии переводчиков при ЛДМ, кот. руководил В. Топоров.



Примерно к тому же времени — перв. пол. 1980-х — относится колл. самиздатский сб. «Семафор Дергулев», результат творч. игры, в кот. вместе с М. участвовали А. и В. Лушины, Г. Фадеев, В. Шубинский, А. Целовальников, Д. Железнов. Дружба с Лушиными оказалась плодотворной и в ином отношении: почти все песни существовавшей в 1986–88 рок-группы «Младшие братья», в кот. играли Виктор и Александр, и некот. композиции возникшей позже команды «Знаки препинания» (сейчас — «Препинаки») были напис. на стихи М.

В 1984 М. призвали в армию. Записи, кот. он вел во время службы, легли в основу неопубл. повести **«Армейский дневник»**.

Сам М. не помнит дату и место перв. публикации его произведений. Лучшие из ранних стих. — в т. ч. изрядная часть самиздатской кн. **«Технические условия»** — составили сб. **«Ловитва»** (СПб., 1992). Автор предисл. к «Ловитве» В. Альфонсов писал: «Стихи — предметные, чувственные, из плотного материала, то грубого, в рытвинах и буграх, а то вдруг отшлифованного с небрежным, как бы нечаянным изяществом. Эмоционально открытые, они кому-то дадут повод вспомнить Есенина, но структура образа в них — слитная, многослойная — тяготеет к другому, ассоциативному принципу, опять-таки отличаясь от классических образцов — Пастернака или Мандельштама». В юношеских стихах М. заметно влияние обэриутов: Н. Заболоцкого,

Д. Хармса, Н. Олейникова. Но, по словам Альфонсова, «следы ученичества не смущают: оно, за единичными исключениями, уже претворено в составе самостоятельной манеры». В «Ловитве» отчетливо видны отличительные признаки, свойственные и позднейшей поэзии М.: сочетание фривольных строк с метафизич. размышлениями, абсурда с реалистичностью, сарказма с лирикой, смешение и сталкивание разных лексич. слоев, соседство восходящих и нисходящих метафор и т. п.

Втор. сб. стихов, **«Взбирающийся лес»**, вышел в 1998. Опубл. в нем циклы **«Потерянный город»** и **«Скитальцы»**, стих. **«Взбирающийся лес»**, **«Футбол»**, **«Лопух»**, **«Настойка любви»** по праву относятся критиками к числу лучших произведений М.

Начиная с «Взбирающегося леса» М. включает во все свои сб. (за исключением «Колотуна») стихи, напис. совм. с моск. поэтом М. Болдуманом. Этим колл. сочинениям, как правило, присущи игровое начало, пародийность, провокативность, гротеск.

В третью кн. М., **«Коллекционер»** (СПб.: Красный матрос, 2004), вошел, согласно авторскому замыслу, ряд уже публиковавшихся стих., в т. ч. в новых ред. С этого момента прием сознательного самоповтора становится для М. обычным, хотя и используется очень избирательно. Помещая знакомое произведение в непривычный контекст, поэт подталкивает читателя к поиску неожиданных толкований.

Четвертой кн., **«Морская»** (СПб.: Красный матрос, 2007), дал назв. одноименный цикл любовной лирики. В сб. вошли и др. стихи М. разных лет и напис. вместе с Болдуманом шуточные посвящения друзьям. Здесь М. еще смелее, чем прежде, экспериментирует с различными языковыми пластами, не пренебрегая ни архаизмами, ни обсценной лексикой.

В 2008 М. в соавт. с Болдуманом и российско-немецкой поэтессой Л. Лом (наст. имя — Эвелина Ломакина) выпускает «альманах на троих» **«Кунштюк»**. В нем фрагменты дневниковой прозы Л. Лом чередуются со стихами, письмами и рисунками всех трех авторов. В 2008 М. и Болдуман выпустили CD **«Полнолуние»**, на кот. читают свои стихи.

В 2009 выходит **«Колотун»** — однотомное собр. изб. соч. М., составленное, в отличие от предыдущих книг, не самим поэтом. По словам сост., Ю. Беломлинской, «Колотун» — «совсем неположенное» М. по возрасту "Избранное"», «а правильнее — "Ценное"». Мат-л в «Колотуне» расположен не в хронологич. порядке, как чаще всего бывает в СС, но по темам. Заглавиями разделов служат обыгранные названия стих. М. либо цитаты из них: **«Из запасника, или Похороны-праздники»**, **«Тусовка, или Кизельгурное путешествие»**, **«Женщина-шея, или Больничная тетрадь»**, **«Тхло оваций, или Всегда голодный»**, **«Колотун»**, **«Простой матерьял, или Эскиз сказки»**. «Колотун» примечателен и предисл. В. Топорова, где критик предлагает оригинальную классификацию поэтов: в честь персонажей Т. С. Элиота он делит стихотворцев на «Суини-Пруфроков» и «Пруфроков-Суини», М. отнесен к несомненным «Суини-Пруфрокам» — «альфа-самцам» от поэзии.

В том же 2009 М. выпустил сб. с откровенно провокационным заглав. **«Огненный фак»**. Разделы в нем озаглавл. так же, как масти карточной колоды: «Черви» (произведения, условно относящиеся к любовной лирике), «Крести» (зарисовки повседневного бытия), «Бубны» (юмористические по большей части стих., напис. совм. с Болдуманом), «Пики» (стихи о мирских печалях). Вся кн. в целом и каждый раздел в частности снабжены предисл. Л. Лом.

Интересен тот факт, что большая часть книг М. (отчасти «Ловитва», «Взбирающийся лес», «Коллекционер», «Колотун») проиллюстрированы его собств. графикой, а иллюстратором «Огненного фака» стал Болдуман.

В лит. жизни СПб. М. всегда занимал особое место. Посещая в юности различные клубы, ЛИТО и семинары, формально состоя в более поздние времена в разных творч. объединениях (напр., в ЛИТО «Пиитер» и «боевой группе» «Петербург-Петушки»), он, по сути, никогда не был ни чьим учеником и не принадлежал ни к одному из поэтич. направлений. К 1990-м М. получил вполне заслуж. репутацию хулигана и скандалиста. В «Огненном факе» цитируется письмо в МВД РФ тогдашнего президента петерб. ПЕН-клуба В. Кривулина, взявшегося выручить М., попавшего в «невменяемом состоянии» в отделение милиции: «...поведение поэта Евгения Мякишева нельзя рассматривать вне контекста поведения Владимира Маяковского, Сергея Есенина и Владимира Высоцкого».

В 1993 М. принял участие в Днях российской поэзии в Берлине. Позже, несмотря на свою самодостаточность, стал актив. действующим лицом т. н. петерб. лит. процесса. В кон. 2000-х — нач. 2010-х М. часто выступает с чтением стихов, печ. во всевозможных альм., антологиях, бумажных и сетевых периодич. изд., приглашается на теле- и радиоэфиры. В те же годы М. уделяет много времени работе с наследием своего друга, поэта Г. Григорьева (1949–2007). В 2007 вышел посмертный сб. стихов Григорьева «Выдержка», составленный сыном поэта А. Григорьевым и М. Стараниями М. в 2009 появился аудиодиск «День "Зенита"» с одноименной григорьевской поэмой в исполнении В. Сухорукова и авторском и комм. М., написанным в соавт. с А. Григорьевым и А. Сусид.

Член 9-й секции СП СПб., лауреат учрежденной Ю. Алешковским премии «От Музы».

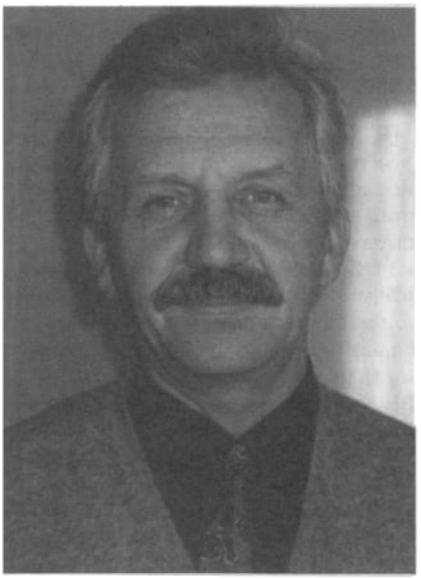
Соч.: Ловитва: Стих. 1982–90 гг. СПб., 1992; Взбирающийся лес: Стихи. СПб., 1998; Коллекционер: Волшебные стихи. СПб., 2004; Морская: Стихи. СПб., 2007; Кунштюк: Альм. на троих. СПб., 2008; Колотун: Стихи. СПб., М., 2009; Огненный фак: Стихи. СПб., 2009; Унисон. New Delhi, 2000; Время и Слово: Лит. студия Дворца пионеров. СПб., 2006; Петерб. поэтич. формация: Сб. СПб., 2008; Сумерки «Сайгона»: Сб. СПб., 2009; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012.

Лит.: Иконников-Галицкий А. «Я хотел бы верить, что я не дрогну...» // Иконников-Галицкий А. Пропущенное поколение. СПб., 2005; Беломлинская Ю. Евгений Мякишев // Беломлинская Ю. По книжному делу. СПб., М., 2008; Топоров В. The Real Thing. Предисл. к Мякишеву // Мякишев Е. Колотун. СПб., М., 2009; Бурлака А. Рок-энц.: Популярная музыка в Л-де-Петербурге. 1965–2005. В 3 т. СПб., Амфора, 2007. Т. 2; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиогра-

фии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

Н. Шахен

МЯСНИКОВ Александр Леонидович [12.3.1953, Л-д] — прозаик.



Закончил русское отд. филологич. фак-та ЛГУ. Перв. публ. состоялась в 1975. Сотрудничал в газ. «Лен. правда», «Сов. культура», «Веч. Л-д». Писал сценарии для научно-популярных фильмов («Ленфильм»). Работал ред. и гл. ред. в изд-вах.

Член СП России с 1997.

Соч.: Полдень на о-ве робинзонов: Повести и рассказы. Л., 1990; Полуночный о-в: Повести и рассказы. СПб., 1993; Интербург: Повести. М., 1996; Фуга на о-ве грез: Повести и рассказы. М., 1997; Москва: История города. СПб., 1997; Домашний зоопарк. М., 1998; Санкт-Петербург: История города. СПб., 1999; Принцип росомахи. М., 1999; Девятый постулат Жаркова: Повести и рассказы. М., 2000; Жизнь.ru, или В пространстве русского пейзажа: Сб. СПб., 2007; Весь Петербург: Путеводитель. СПб., 2010; Путеводитель по русской истории: Т. 2. СПб., 2011; Сто достопримечательностей Москвы. СПб., 2011.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

МЯТЕЛКО́В Олег Константинович [31.7.1931, г. Чкаловск Горьковской обл. — 3.9.2005, СПб.] — подводник, прозаик.

Закончил Чкаловскую школу № 4 с золотой медалью (первый золотой выпускник школы). Ныне МБОУ СОШ им. В. Клочкова. Поступил в Высшее военно-морское училище подводного плавания. Служил 30 лет на флоте, плавал на подводных лодках. Вышел в запас капитаном 2 ранга.

Перв. публ. состоялась в 1960. Сотрудничал с газ., был спец. корр. газ. «Красная Звезда». Публ. в газ., ж.. колл. сб. Писал преимущественно о жизни подводников (см. рассказы **«Мы подводники...»**, **«Тридцать две гайки»**, **«Академия подводных наук»**, **«...Плюс патентное бюро!»**, **«Нечто о героизме»**, **«Здравствуй, сынок!»**, **«Кентавр»**, **«ЧП на рассвете»**, **«Её сделали умелые руки...»**, **«Её сделали другие, но тоже умелые руки...»**, **«...Еще пол часа и всплытие»**, **«Ну как, механик, думаешь — получится?»**, **«...Ванина била дрожь»**, **«Углекислота»**, **«Семьсот двадцать третье...»**, **«Холодно»**, **«Их лодка не вышла на связь»**, **«Все готово...»**, **«Сколько у нас воздуха?»**, **«Курс — к родным берегам»** и др.)

М.: «"Периметр" государства — его граница. Как утверждают справочники, две трети границы нашей страны приходится на море. Две трети — "соленый периметр"... Где море — там флот. Ну, а где флот, там и люди — смелые, чистые люди высокого долга, беззаветно влюбленные в свое нелегкое дело. <Автору> посчастливилось пройти по всему, за исключением Каспия, "соленому периметру" державы. Десятки ситуаций, сотни знакомств, тысячи встреч с прекрасными людьми, одетыми во флотскую форму. За героями, с кот/ встретится читатель, всегда стоят живые и очень симпатичные автору прототипы...».

Автор кн. очерков и рассказов **«Всего дороже»** (Л., 1970), **«Соленый периметр»** (Л., 1980), **«Племянник капитана Врунгеля»** (Л., 1984).

Член СП России с 2000.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

Н

НАБО́КОВ Владимир Владимирович [10(22).4.1899, СПб. — 2.7.1977, Лозанна; похоронен на кладб. Клэренс в Монтрё, Швейцария] — прозаик, поэт, драматург, переводчик.

Из старинной дворянской семьи. Дед по отцу был министром юстиции при Александре III. Отец также правовед, один из лидеров (вместе с П. Милюковым) конституционно-демократич. партии, член Гос. думы. Бабушка по отцу происходила из древнего немецкого рода фон Корф (по имени одного из его предков-крестоносцев назван на Черном море о. Корф). Мать из старообрядческой семьи сибирского золотопромышленника и миллионщика В. Рукавишникова. С детства Н. воспитывался в обстановке культа всего английского, читать научился прежде по-английски, чем по-русски, домашнее имя было англизированным — Лоди. Начальное чтение — широкий выбор мировой классики из домашней библ-ки, а также журналы разных стран по энтомологии, ставшей на всю жизнь страстным хобби Н.; вскоре «алтарем, жизнью, безумием» становятся для юного Н. русские стихи. Получает хорошее домашнее образование, в числе его учителей М. Добужинский (уроки рисования). Под влиянием отца-спортсмена с увлечением занимается шахматами (в дальнейшем ставшими структурообразующим элементом его прозы), теннисом, боксом. В 1911 поступает в Тенишевское училище, куда приезжает на лимузине и где поражает всех своей талантливостью и отталкивает «юношеским снобизмом» и нежеланием «приобщиться к среде». Очень рано начинаются его «детские влюбленности», также составившие существенный элемент набоковских сюжетов: «Детские его любови предстают в его книгах ярче и отчетливее, чем взрослые» (Б. Носик).

Творчески определяется, прежде всего, как поэт. Одно из первых опубликованных в большой печати стих. **«Лунная греза»** (Вестник Европы. 1916. № 7) уже содержит зачатки существ. мотивов поэзии и прозы Н. — образ «прелестной девочки над розовой подушкой» и тема двоемирия, трансцендентного двойничества субъекта-художника и его героев: «Мы странники, мы сны, мы светом позабыты, / Мы чужды и тебе, о жизнь, в лучах луны». В том же 1916 выходит и перв. поэтич. сб. **«Стихи»**, посвящ. первой любви поэта («банальные любовные стихи», по его собств. позднейшему признанию). В этот период он выглядит веселым юношей, производящим впечатление своим «шармом» и «необыкновенной чувствительностью» (З. Шаховская).

В нояб. 1917, «пулеметного» года семья Набоковых спасается бегством в Крым, там Н.-старший становится министром юстиции местного правительства. Проживая в Ялте, в Ливадии, Н. знакомится с М. Волошиным, кот. посвящает его в метрические теории А. Белого. В 1919 Н. готовился вступить в армию Деникина (и «уже примерял сапоги»), но не успел: красные захватывают Крым, и семья Н. посл. рейсом переправляется в Турцию, откуда, не задерживаясь, через Грецию и Францию — в Англию. Тема бегства становится одной из «ключевых тем» поэзии и прозы Н., населенных «тенями его изгнаннического сна». В Англии по совету Г. Струве поступает в 1919 в Кембриджский ун-т, сначала специализируясь по энтомологии, затем переходит на словесность. Завершив осенью 1922 с отличием университетский курс, Н. переезжает в Берлин, где свое существование обеспечивает переводами статей для газ., составлением шахматных задач, уроками тенниса, французского и английского яз., а также публикациями рассказов, мелких скетчей и пьесок, выступает как актер, играет в футбольной команде голкипером.

Начиная с 1920 и включая весь период проживания в Европе, активно печ. в осн. эмигрантских изд. и прежде всего в основанной отцом газ. «Руль». В 1923 в Берлине выходят 2 сб. его стихов — **«Горний путь»** и **«Гроздь»**. В этот же период публ. ряд пьес, в т. ч. **«Смерть»**, гл. идея кот. (перенесение героя в потусторонний мир и странные взаимоотношения человека со своим вымыслом) обретает в дальнейшем актив. развитие в тв-ве Н. На протяжении 1920-х — в нач. 30-х знакомится с Сашей Черным, И. Буниным, М. Осоргиным, Б. Зайцевым, А. Куприным, В. Ходасевичем, только что приехавшим

в Берлин Е. Замятиным, назвавшим его «главным приобретением эмигрантской литературы». Печатается весь европейский эмигрантский период Н. под псевд. Сирин. По воспоминаниям современников, в 1920-е Н. выглядел «на диво стройным» молодым человеком «с неотразимо привлекательным тонким умным лицом», с характером, отмеченным «ненасытимой беспечной жизнерадостностью»; восхищенные женщины охотно называли его «английским принцем».

Как поэта Н. характеризует «необычайная зоркость взгляда, непривычность ракурса, внимание к деталям, а также исключительная верность однажды найденным образам, мыслям, метафорам, создающим в своем переходе из книги в книгу «удивительные миражи» (В. Федоров). Дает о себе знать в стихах Н. и сопряженность с прозой, их «запрятанность» в «прозаическую строку» (Б. Носик). Ориентирующаяся в осн. на классические традиции русского стиха поэзия Н. носит преимущественно повествовательно-изобразительный характер «поэтической „инвентаризации мира"» (В. Федоров). Со временем поэтич. поток в твве Н. уменьшается, но зато редеющие стихи обретают большую «кристальную чистоту и ясность».

Как прозаик Н. начинается с рассказов, являющихся как бы «личинками» будущих его «романов-бабочек» (Б. Носик), равно как и последние можно рассматривать всего лишь как части некоего единого набоковского метаромана. Первой такой частью является роман **«Машенька»**, вполне автобиографичный в изображении гл. героя — молодого русского эмигранта Ганина, решительно порывающего со своим доэмигрантским прошлым, переключающим все, что с ним связано, в сферу чистых воспоминаний. Тема воспоминания как средства вернуть прошлое становится отныне одним из структурообразующих начал в метаромане Н. Кон. 1920-х отмечен романом **«Защита Лужина»** (1929) и повестью **«Соглядатай»** (1930), в кот. тема воспитания, памяти о человеке становится проблемой бытия живущего воспоминаниями субъекта. Автобиографичен в значительной мере и роман **«Подвиг»** (1932), являющийся как бы развитием стих. **«Расстрел»** (1927, воображаемая картина возвращения на родину: «Россия, звезды, ночь расстрела, / и весь в черемухе овраг!»). Герой романа, молодой эмигрант из России, студент Кембриджа Эдельвейс такое возвращение в советскую Россию совершает и пропадает там бесследно. По словам З. Шаховской, обоими этими произведениями Н. как бы компенсировал «ностальгию подвига», порожденную в нем угрызениями совести за неучастие в Гражданской войне.

Что же касается ностальгии по самой России, то начиная с первых же дней Кембриджа дума о родине сопровождается в сознании Н. невероятно сложными, запутанными и противоречивыми чувствами, от отчаянных усилий сохранить ее в себе до полного осознания окончательной невозвратимости России, что, однако, открывает ему «золотые... копи ностальгии, которых ему хватило на всю жизнь» (В. Федоров). Действительно, «по мере того, как свидание с родиной становилось все более невозможным, мифическим, возвращение в отчий Геркуланум разрешалось метафорой» (И. Толстой), лит. приемом. Именно такой выход из реальной безвыходной ситуации сделал Н. писателем, исключительно сильным «своим ностальгическим знанием мира» (И. Толстой). Насколько сильна была ностальгия Н. по России, настолько же решительно не принимался им тоталитарный режим в СССР, о чем он не забывал повторять как от собств. имени, так и устами своих героев, большинство кот., как и он, являлись изгнанниками и беглецами из «ленинизированной России».

В 1950-е он продолжал высказываться о советском периоде в истории России как «эре кровопролития, концентрационных лагерей и заложничества», установленного Лениным «презренного и мерзостного террора», пыток и расстрелов (**«Другие берега»**). Только в. 1960-е это яростное эмоциональное неприятие уступает место более спокойному и трезвому предположению, что «под влиянием Запада, и особенно Америки, советское государство отомрет постепенно» (Б. Носик).

Болезненно-острым неприятием любых тоталитарных режимов проникнуто большинство произведений Н. Таковы рассказ **«Истребление тиранов»** (1936), романы **«Приглашение на казнь»** (1935–36) и **«Дар»** (1938), к которым позже добавится англоязычный роман **«Bend Sinister»** (1947). Во всех в них тоталитаризм раскрывается не только в своих коммунистических и фашистских чертах, но и в своей некой глобальной метафизической сущности, выходящей за пределы актуальной истории. В «Даре», представляющем собою соединение неск. романов, содержится роман-исследование о жизни и деятельности Н. Чернышевского как предшественника того бездуховного тоталитаризма, который утвердился в России при большевистском режиме, как прямого виновника того, что «утилитарность стала вытеснять из русской литературы прекрасное» и все в ней «сделалось таким плохоньким, корявым, серым» и переродилось, в конце концов, в «подведомственную советскую словесность» (Б. Носик).

Тем временем подлинный ист. тоталитаризм все более теснит Н., материальное и моральное существование которого в фашистской Германии (как и всех русских эмигрантов) становится невыносимым. В 1937 он переезжает с семьей (жена, сын) во Францию, из кот. с началом войны в 1940 уезжает в Америку, где его ожидало долголетнее преподавание словесности в разных учебных заведениях и превращение русского писателя В. Сирина в пишущего на английском яз., уже американского писателя В. Набокова.

К этому времени он уже общепризнанный художник, занимающий третье место среди русских писателей-эмигрантов (после И. Бунина и А. Ремизова), принятых европейским истеблишментом. «Огромный, зрелый, сложный современный писатель был передо мной <...> как Феникс, родился из огня и пепла революции и изгнания. Наше существование отныне получало смысл. Все мое поколение было оправдано» (Берберова Н. Курсив мой. М., 1995). Позже А. Солженицын высказывался о нем как о «писателе ослепительного литературного дарования», занимающем в развитии лит-ры XX в. «особое, высокое и несравнимое положение». Относительно своих ори-

ентации в предшествующей лит-ре сам Н. писал: «Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира» («Другие берега»). По-видимому, нельзя отрицать и влияние на Н. Ф. Сологуба, А. Блока, Пруста, Кафки и любимого им Джойса.

Вместе с тем тв-во Н., особенно проза, обнаруживает и черты существенного разрыва с опр. традициями русской классической лит-ры, в частности с ее нравственным пафосом, установкой на пробуждение «чувств добрых»: «...к писанью прозы и стихов не имеют никакого отношения добрые человеческие чувства, или турбины, или религия, или духовные запросы...», равно как не имеет значения, «прохвост ли автор или добродетельный человек» (Из писем Н. к З. Шаховской 1934, 1937). Не меньшим разрывом с традициями в создании худож. мира является и приоритет лит. приема над реалистической достоверностью изображаемого. Об этом автор часто напоминает читателю как едва ли не о самом гл. структурном элементе своего произведения: «Если бы я не был совершенно уверен в своей писательской силе, <...> вообще нечего было бы описывать, ибо, дорогой читатель, не случилось бы ничего» (начало романа **«Отчаяние»**, 1931). Погибающий в конце романа «Bend Sinister» герой оказывается на самом деле спасенным, поскольку вдруг осознает себя «в надежных руках» автора, изрекающего в данный момент свое творческое кредо: «Ничто земное не имеет реального смысла, бояться нечего, и смерть — это всего лишь вопрос стиля, простой литературный прием, разрешение музыкальной темы». Здесь приоритет «стиля», «приема», «игры», «пленительного обмана» исходит из осознания художником большего и глубиннейшего смысла за искусством (как «живописной правдой жизни» — **«Пушкин или...»**, 1937), чем за существующей действительностью. Понимая это, принципиально оправдывал Н. как «художника формы», раскрывающего «лабораторию своих чудес», В. Ходасевич в статье «О Сирине» (1937): эти «приемы» «строят мир произведения и сами оказываются его неустранимо важными персонажами».

Эта расколотость мира на явь и на вымысел предопределяет и этику Н. Явь — это, по Н., «услозный план земного быта», вымысел — созданный приемами стиля и игры иллюзорный мир, который становится, однако, «ярче и достоверней любой реальности». Существовать в мире яви — человеческая норма, «но человек, явью ограничивающийся, по Набокову, — ненормален, ущербен, ибо, лишенный мира вымысла, он оказывается пошляком. Для творч. личности стена (между явью и вымыслом. — *А. М.*) преодолима, для пошляка — нет» (И. Толстой). Только жизнь творч. личности, согласно набоковской этике, исполнена смысла, оправдана и полноценна. Вместе с тем это заглядывание смертного «за свои пределы» в «вымысле» осуществляется им вовсе не в снах или мистических состояниях, а тогда, поясняет Н., «когда бодрствование, в момент прочного веселия. <...> И хотя ничего не разглядеть сквозь туман, есть какое-то благостное ощущение, что смотришь в правильном направлении» (автобиографич. кн. **«Говори, память»**, 1966). В произведениях Н. и сам автор, и его герои иногда как бы озаряются неким моментом истинного бытия. Запечатлению «простых вещей», точнее мира, в его озаренности, в «особенном блеске» служит поэтика специфически набоковских утонченно-изощренных наблюдений-определений, принципиально исключающих какие-либо мотивы практического и утилитарного, что было сформулировано самим Н.: «Люби лишь то, что редкостно и мнимо, / что крадется окраинами сна...» (стихи из романа «Дар», записаны прозой). По собственному признанию, он уже мальчиком находил «в природе то сложное и „бесполезное", которого... позже искал в другом восхитительном обмане — в искусстве» («Другие берега»). Это же заставляло его часами проводить время за исследованием «трогательнейших органов» бабочки. Ему и от природы был дан дар исключительно чуткого и чувственного восприятия жизни, позволяющий и «слышать» «сахаристо-сырой запах мелкого, темного, самого мятого из цветов» — фиалки, и в васильках увидеть не просто синий, а «синеный» цвет, и улавливать разницу теней от апельсина и от сливы, как это делал уже в 6 лет герой его романа **«Пнин»** (1957).

Но более всего воплощенным проблеском истинного бытия, «потусторонней свежестью» (**«О Ходасевиче»**, 1939) выступает в тв-ве Н. воспоминание о детстве, всегда знаменующее у него «приближение к „другой" реальности, посильный выход из системы „земного времени", „чистое" восприятие мира, таящее в себе „загадочно-болезненное блаженство"», которое «сохранилось у Набокова на всю последующую жизнь» (В. Ерофеев). На основе этих переживаний создает Н. свою «философию детства» (Б. Носик) как утраченного рая. Утраченный рай детства соединяется у него с утраченным раем родины. И это получает в тв-ве Н. универсальный характер.

За 20 лет жизни в Америке Н. создаются уже на английском яз. (процесс перехода на который был мучительным до «агонии» и осознавался писателем как глубоко «личная трагедия») романы **«Истинная жизнь Себастьяна Найта»** (1941), «Другие берега» (1951 — английский вариант, 1954 — русский), «Пнин» (1957) и, наконец, принесшая ему мировую, отчасти скандальную, славу и материальное благополучие, сразу же ставшая бестселлером **«Лолита»** (1955). Книга названа по имени ее малолетней героини, таящей в себе аллюзию с древнеапокрифической Лилит (женщина-демон, оборотень). Такова и Лолита, 12-летняя американская школьница, оборачивающаяся подлинным «маленьким смертоносным демоном» для 40-летнего Гумберта (героя романа). Впрочем, задолго еще до него «малолетние героини бесконечно волновали воображение персонажей Набокова» (Б. Носик), как, несомненно, и самого автора. Однако история совращения несовершеннолетней, рассказанная в романе со всеми обстоятельствами «жестокой стороны демонического эротизма» (М. Эпштейн), выходит далеко за пределы обычного в подобном случае криминала. Прежде всего, ярко выявленная и вообще «плодотворная» для прозы Н. «преступная аберрация психики» сопряжена здесь с извечным стремлением Н.-художника преодолеть пошлую явь, выпрыгнуть за ее «решетку»

к проблеску истинного бытия. Устами своего героя Н. определяет эту цель: «Кто знает, может быть, истинная сущность моего „извращения" зависит не столько от прямого обаяния прозрачной, чистой, юной, волшебной красоты девочек, сколько от сознания пленительной неуязвимости положения, при котором бесконечные совершенства заполняют пробел между тем немногим, что дарится, и всем тем, что таится в дивных красках несбыточных бездн». Действительно, одному только Н. принадлежит в мировой лит-ре первенство в изображении «несравненной красоты девочки-ребенка».

Вместе с тем не менее сильно заявлена в романе и тема страдания, едва ли не христианского раскаяния, хотя сам Н., по утверждению Шаховской, с возрастом «все более становился агностиком и даже воинствующим антицерковником», с годами усиливалось его «отчуждение от верующих», ни в одной из его книг, за исключением некоторых ранних стихов, «мы не найдем имени Христа» (З. Шаховская). Столкновение заповеди художникам любить «лишь то, что редкостно и мнимо», с заповедью Христа приводит героя романа к гибели (равно как и героиню). Возвышается же над всеми этими перипетиями человеческих страстей, падений и заглядываний в «несбыточные бездны» одно — большой творческий выигрыш автора, поскольку «Лолита» — это не только «самый, может быть, мрачный, самый беспощадный» роман Н., но и самый исполненный пушкинской «светлой печали», «сострадательный», повернутый к «извечной теме мирового искусства — человеческому страданию» (Н. Анастасьев) его роман.

Исследователи находят в «Лолите» богатейший контекст мировой и особенно русской классич. лит-ры. По наблюдению Н. Берберовой, в романе содержится обозначенный ею как один из новооткрытых Н. приемов «растворенный эпиграф» (касающийся образа героини) в виде как бы пущенной «стрелы ассоциаций», «кот. мчит нас до цели — самого Эдгара По и его ребенка-жены» (имеется в виду стих. Э. По «Аннабель Ли», посвящ. его юной жене, кот. стала дочь его любовницы) (Набоков и его «Лолита» // Неизв. Берберова. СПб., 1998). К. Бланк находит в «Лолите» черты диалога с незавершенной драмой Пушкина «Русалка»: «Знакомство Гумберта с Лолитой начинается там, где остановилась пушкинская драма. Описание первой встречи Гумберта и Лолиты полно „водяных знаков"». Гумберт, продолжает автор, «в некотором роде является контаминацией двух героев пушкинской драмы — Князя и Мельника. Он псевдоотец Лолиты, но одновременно он же герой-любовник романа <...> Подобно пушкинскому Мельнику, он теряет рассудок из-за пропавшей дочери, подобно пушкинскому Князю, несет ответственность за судьбу женщины и девочки» (О «Лолите» Набокова // Набоковский вестник. СПб., 1998. Вып. 1).

Существенный и многозначный диалог «Лолиты» с классикой обнаруживается в сопоставлении Н. с Достоевским, чему посвящ. исследование Л. Целковой «Роман Владимира Набокова „Лолита" и „Исповедь Ставрогина" Достоевского». В определении самого кредо набоковского романа исследовательница ставит опр. знак равенства между обоими писателями: «...нарушение нравственности невозможно даже во имя ценнейшего для художника — во имя „чувства красоты". В этом гл. традиция духовного наследия русского классического романа — в невозможности нарушить закон нравственный» (Там же).

Вслед за «Лолитой» следуют романы **«Бледный огонь»** (1962), **«Ада»** (1969), **«Просвечивающие предметы»** (1972), **«Взгляни на арлекинов!»** (1974), в которых все более усложняются элементы игры, взаимоотражения предметов, героев и разновременных событий из жизни.

В 1960 Н. снова переселяется в Европу, облюбовав для пост. проживания курортное место Монтрё в Швейцарии на берегу Женевского оз., некогда еще в годы Кембриджа поразившее его своим «совершенно русским запахом здешней еловой глуши». Здесь в гостинице «Монтрё Палас» он проживает до конца своей жизни. Значительно уже приблизившись к России географически, он и теперь на вопрос корреспондента Би-би-си, намерен ли он вернуться на родину, ответил принципиально-жестко: «Я никогда не вернусь, по той причине, что вся та Россия, кот. нужна мне, всегда со мной: литература, язык и мое собственное русское детство. Я никогда не вернусь. Я никогда не сдамся. К тому же уродливая тень полицейского государства и не развеется еще при моей жизни. Не думаю, чтоб там знали мои произведения...». С этим убеждением Н. ушел из жизни.

«Что-то новое, блистательное и страшное вошло с ним в русскую литературу и в ней останется» (З. Шаховская).

Проживал в СПб.: 10.4.1899 — 1917 — ул. Большая Морская, д. 47. В наст. вр. в этом доме открыт Музей В. Набокова.

Соч.: СС: В 4 т. М., 1990. Т. 5: Лолита. Доп. М., 1992; Т. 6: Ада. Доп. Кишинев, 1995; СС американского периода: В 5 т. СПб., 1997–99; Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998; Лекции по русской лит-ре. М., 1998; СС русского периода: В 5 т. СПб., 1999; Набоков о Набокове и прочем: Инт., рец., эссе. М., 2002; Лаура и ее оригинал. М., 2009; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Адамович Г. Владимир Набоков // Адамович Г. Одиночество и свобода. СПб., 1993; Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991; Ерофеев В. Русская проза Набокова // Набоков В. СС. М., 1990. Т. 1; Брауде И. От Ходасевича до Набокова: Ностальгич. тема в поэзии первой русской эмиграции. Tenafly, 1990; Федоров В. О жизни и лит. судьбе Владимира Набокова // Набоков В. Стих. и поэмы. М., 1991; Анастасьев Н. Феномен Набокова. М., 1992; Толстой И. Предвоенный Набоков и его драматургия // Толстой И. Курсив эпохи. СПб., 1993; Носик Б. Мир и дар Набокова. М., 1995; Мулярчик А. Русская проза В. Набокова. М., 1997; Дмитриенко О. Восхождение к Набокову. СПб., 1998; Набоковский вестник. СПб., 1998–2001. Вып. 1–6; В. Набоков: Pro et contra: Личность и тво В. Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антол.: В 2 т. СПб., 1999; А. С. Пушкин и В. В. Набоков. СПб., 1999; Концептуализированная сфера «творчество» в худож. системе В. В. Набокова. Краснодар, 2000; Бонд Б. Владимир Набоков. Русские годы. СПб., 2001; Набоковский сб. Калининград, 2001; Поэтика Набокова // НЛО. 2002. № 1; Анастасьев Н. Владимир Набоков: Одинокий король. М., 2002; Мельников Н. «Творимая легенда» Владимира

Набокова // Русская словесность. 2003. № 1; Салиева Л. Риторика «Дара» Набокова. Реконструкция изобретения. М., 2005; Меерсон О. Набоков-апологет: Защита Лужина или защита Достоевского? // Достоевский и XX век: В 2 т. / Под ред. Т. Касаткиной. М., 2007. Т. 1; Livry A. Nabokov le Nietzschéen HERMANN. Paris, 2010 (фр.); Ливри А. Физиология Сверхчеловека. Введение в третье тысячелетие. СПб., 2011.

А. Михайлов

НАГРО́ДСКАЯ Евдокия Аполлоновна [1866, СПб. — 19.5.1930, Париж] — поэт, прозаик.

Дочь гражданской жены Н. А. Некрасова А. Я. Панаевой, сторонницы женской эмансипации, и секретаря ж. «Современник» А. Ф. Головачева. Получила хорошее образование в петерб. школе Страннолюбских и в петерб. частном пансионе М. Спешневой — М. Д. Дурново. Пробовала свои силы на сцене. В 1882 вышла замуж за князя Бек-Мелик-Тангиева, прапорщика Кавказской милиции (этой фамилией подпис. все ранние произведения). В янв. 1888, овдовев, с двумя детьми возвратилась в СПб., где поселилась с матерью. В это время состоялся ее лит. дебют — рассказ **«Рождественский подарок»**, появившийся в святочном номере (Звезда. 1889. Янв.). Однако ради заработка Н. вынуждена была заняться поденным лит. трудом: в 1890-е из-под ее пера выходят детективы с ловко закрученной интригой, печ. с продолжением из номера в номер в газ. «Свет»: **«Черное дело»** (1889. 21–30 июня), **«Мертвая петля»** (1889. 16 сент.–7 окт.), **«Петербургские тайны»** (1890. 14 июн.–10 июля) и «дамские» повести об одиночестве, непонимании, иллюзорности счастья на стр. толстых ж.: **«Потерянное счастье»** (Живописное обозрение. 1892. № 16), **«Розы»**, **«Под ивами»** (Север. 1892. № 19, 32). Свою тему в лит-ре Н. нашла лишь в романе **«Дочь дьявола»** (Совр. мир: еженедельное прилож. 1894. № 1–10), где создается образ загадочной и роковой женщины, оказывающейся в финале воплощенной добродетелью.

22 янв. 1896 Н. обвенчалась с В. Нагродским, служившим на Владикавказской железной дороге, а с 1911 преподававшим в петерб. Ин-те путей сообщения.

Ее дебют под новой фамилией после почти 10-летнего молчания — роман **«Гнев Диониса»** (СПб., 1910). Он принес писательнице широкую известность среди читающей публики, выдержав почти 10 изд., и скептич. отзывы критики. Концепции Ф. Ницше (человек-артист, аполлоническое и дионисийское начала), О. Вейнингера (проблема пола и характера) и Вяч. Иванова (русская трактовка дионисийства), травестированные в романе, появившемся как раз в год «кризиса символизма», — яркое свидетельство того, что философская проблематика и стилистика русского модернизма стала достоянием эпигонов и полубульварной лит-ры.

К. Чуковский, обозревая «верхи» и «низы» «текущей словесности» за 1911, определил место Н. в лит. иерархии: «...поклонники <...> г-жи Нагродской только презрительно фыркнут, прочитав творения Ремизова. И это не разница вкусов, это разница социальных положений» (Чуковский К. СС: В 6 т. Т. 6. М., 1969).

Ницшеанские мотивы и тема однополой любви получили продолжение в романе **«У бронзовой двери»** (1913), в центре кот. — фигура молодого музыканта, доводящего своего интимного друга до самоубийства. Скандал, разгоревшийся по поводу запрещения и конфискации тиража первого вып. в 1911, в кот. автор принимала самое актив. участие, явился одним из способов привлечь интерес публики. В серии романов 1910-х Н. ищет новые модные темы и ракурсы: в романе **«Борьба микробов»** (1913) это законы естеств. отбора, спроецированные на человеч. взаимоотношения, визионерская практика в мистич. романе **«Белая колоннада»** (1914) и спиритизм в **«Злых духах»** (1915). В сб. рассказов 1913, 1915, 1917 Н. продолжает заявленную в романе «Гнев Диониса» женскую тему: поиски женских путей самопознания и самовыражения, внимание к «странным» женским жизненным сценариям. Салон Н. — ее квартира на набережной Мойки, около Синего моста, — описан в повести М. Кузмина «Плавающие — путешествующие», в мемуарах «Петерб. зимы» Г. Иванова и в воспоминаниях Р. Ивнева. Н. являлась фактич. издателем ж. «Петерб. вечера», на страницах кот. появлялись и ее произведения.

В окт. 1918 Н. эмигрировала во Францию, где продолжала заниматься лит. трудом (романы **«Правда о семье моей жены»**, 1922; **«Записки Романа Васильевича»**, 1922). Лучшим, по мнению критики, считается трилогия **«Река времен»** (1924–26), где нашла отражение тема масонства как духовного самосовершенствования.

Однако и в эмигрантский период Г. Струве относит тв-во Н. к дамской, «более или менее бульварной» беллетристике, указывая, что ее романы выходили г. о. в Риге; вероятно, на них «был тайный спрос и в Советском Союзе». В Париже Н. и ее муж — члены масонских лож (см.: Берберова Н. Люди и ложи. Н.-Й., 1986), Н. занимается написанием труда по герметической философии.

Соч.: Гнев Диониса / Послесл. М. Михайловой. М., 1994; Гнев Диониса / Вст. ст. С. Савицкого. СПб., 1994.

Лит.: Dalfon M. A Russsian bestseller in the early twentieth centure: E. A. Nagrodskaya // Studies in Russian Literature. In Honor of Vsevolod Setchkarev. Columbus, 1986; Грачева А. Русское ницшеанство и женский роман нач. XX в. // Slavica Tamperensia II. Tampere, 1994; Чуковский К. Дневники. 1930–69. М., 1994; Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. М., 1996; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Русская лит-ра XX в.: Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиогр. Словарь / Под общ. ред. Н. Скатова. М., 2005.

О. Кузнецова

НАЗА́РОВ Роальд Викторович [29.12.1928, Л-д — 7.5.2001, СПб.] — драматург, прозаик, поэт, переводчик.

Отец — инженер-телефонщик; мать — историк-археолог. В годы Великой Отеч. войны в эвакуации (Нижний Ломов Пензенской обл.) Н. работал токарем на воен. з-де в инструментальном цехе; без отрыва от производства учился в веч. школе. В кон. 1945 семья вновь перебралась в Л-д. Летом 1947 Н. поступил на фак-т журналистики ЛГУ. Со студенч. лет Н. выступал в газ. «Смена», «Лен. правда», в газ. «Коммунар» г. Тулы. Окончил филологич. фак-т ЛГУ (1953). В 1953 проходил стажировку в Карловом ун-те в Праге. Преподавал в ЛГУ, зав. кафедрой русского яз. для иностранцев (1954–62). Был рабочим секретарем Правления Лен. писательской организации. С 1979 — гл. ред. ЛО изд-ва «Сов. писатель». Мн. годы занимался переводами с чешского яз. (в соавт. с С. Бабиным).

Творч. судьба Н. начинается с дневника, кот. он вел во время Великой Отеч. войны в подражание старшему приятелю и кот. впоследствии издан вместе с сохранившимися письмами его отца и тети. Война меняет сознание людей, вся жизнь для них с того момента делится на два отрезка — до и после войны. В своем тв-ве Н. пост. возвращается к теме войны. Большинство его книг адресовано молодежи, в них затрагивается проблема нравств. воспитания молодого поколения. В произведениях Н. раскрывается содержание мн. событий истории и культуры нашей страны.

С 1979 по 1986 в ж. «Звезда» выходят стихи Н. (**«Доброта, как улыбка, встречает меня...» Не потерять коня. Признание садовника. Пять строк презрения** // Звезда. 1979. № 1; **Не поле перейти. Первослово. Воспоминание о Дне Победы** // Звезда. 1985. № 12; **Зерно. Вечный вальс. «Не пишут родителям дети...» Ода гладиолусам** // Звезда. 1986. № 10), вошедшие впоследствии в сб. **«Бескорыстие»** (1987). В этих стих. автор осмысливает сложные явления нашей жизни, утверждает прямоту и бескорыстие в отношениях между людьми. Большой цикл стих. посвящен строителям БАМа.

В 1986 выходит сб. пьес Н. **«Звезды не гаснут»** (Л., 1986), кот. объединяет изв. по театр. постановкам пьесы **«Здравствуй, Крымов!»** (1968–71), **«Невский для прогулок»** (1974), **«Дочь»** (1969) и др. Они посвящ. жизни и труду молодежи. Пьесы **«Звезды не гаснут»** (1961), **«Комендантский час»** (1970), **«Русский летчик»** (1972) рассказывают о мужестве и героизме сов. людей в годы Великой Отеч. войны. Толчком к написанию пьесы «Звезды не гаснут», как утверждает Н. в «Песочных часах» (СПб., 2002), послужил факт гибели его дяди, Бориса Тимофеевича. Он погиб потому, что винтовок на всех не хватало, и в бою он мог защищаться только криком «ура!». Премьера спектакля по пьесе состоялась в 1961 на сцене Театра им. Гоголя (М.), но на перв. спектаклях реплик о нехватке оружия со сцены не произносилось. Пьеса **«Самая короткая ночь»** была написана в 1965 и вскоре после это была поставлена на сценах театров разных городов СССР (вперв. — в лен. Театре им. Ленсовета, потом в М., Челябинске, Львове и др.), за рубежом (Веймар, Лейпциг, Карл-Маркс-Штадте (ГДР); в Хельсинки (Финляндия) по пьесе был сделан телеспектакль; она была перев. на немецкий, финский яз.). Творч. акт создания этой пьесы, зарождение замысла, «обрушение» пьесы на автора описано в третьей части кн. «Песочные часы». Первонач. назв. — «Другая сказка». Вот как определяется суть, «соль» пьесы самим автором: «...любой человек, неважно кто: вы, я, этот Алексей Вересов — может в наше неспокойное время оказаться вдруг перед своей собств. «самой короткой ночью». Как он ее проживет? Что в нем раскроется, или, верней, что он раскроет в себе? Из чего, наконец, складывается готовность человека к исполнению своего долга перед Отечеством? Надо ведь знать, что у него на душе, что за душой, когда он откликается на «железное» слово «надо» и уходит из дому, быть может, на свой подвиг...». Гл. объектом критики была неопределенность профессии гл. героя; однако в одной из рец. было напис.: «Некоторые театры при постановке “Самой короткой ночи” стараются привязать Вересова к какой-то определенность профессии... Для искусства не столь важно, кто он... Важно показать все тонкости душевных переживаний, те внутренние “пружины”, кот. движут человеком в сложившейся ситуации» (цит. по: Песочные часы, 2002). Биография, характер героя складывался самостоятельно, «Алексей Вересов, плод фантазии, начинал существовать как бы реально, в настоящем живом мире» (Там же)

В последующих кн., куда вошли повести разных лет (**Дальний свет**. Л., 1981; **Пять коней**. Л., 1989; **Двое и другие**. Л., 1990) раскрывается осн. тема тв-ва Н. — становление актив. характера молодежи, затрагиваются проблемы нравственного «воспитания чувств», нравств. наполненности личности на протяжении всей жизни человека, преемственности поколений. В произведениях, основанных на докум. и автобиогр. Мат-ле, повествуется о трудном военном детстве, выборе жизненного пути и обретении наст. любви. Повести **«Вечер у Брагиных»** и **«Двое и другие»** объединены темой любви, взаимоотношений между людьми разных поколений, неразрывности личной жизни с жизнью об-ва. В любых обстоятельствах оставаться самим собой, делать выбор в судьбе, соизмеряясь со своей совестью, — вот о чем эти повести. Название одной из книг — «Пять коней» — прямо соотносится со словами японского писателя Кобо Абэ: «Пять коней держит в своей жизни человек: 4 дерзких — детство, отрочество, юность, зрелость — и одного

послушного... Только где опустит тот копыта?» (Там же).

Повесть **«Песочные часы»** (СПб., 1992 и СПб., 2002) стала по сути посл. худож. произведением Н. Целиком построенная на автобиогр. Мат-ле, эта кн. — своего рода итог, завершение его жизни и тв-ва. Отд. части публиковались и раньше (детская книжка **«Следы на граните»** (Л., 1975) имеет своей основой дневники воен. лет, в десятках театров ставили «Самую короткую ночь», как в журн. варианте, так и отд. книгой выходила повесть **«Отец»**). В 1992 в такой форме — цельной — и под общим назв., кн. вышла впервые, «объединив в одну временную цепочку и детские наблюдения лен. мальчишки и размышления зрелого мужчины, осознавшего свою роль старшего в роду, свое место в связи понятий «род — родина», «отец — Отечество» (Н.). В 2002 книга переизд. с полным сохранением авторского текста. В книге три части: она открывается **«Дневниками и письмами 1941–1942»**, продолжается повестью «Отец», третья часть наз. **«Другая сказка»**. Обращает на себя внимание назв.: «песочные часы — это такая вещица, кот. показывает, как время идет туда, а потом — обратно» (Н.), это идея времени, точного отрезка, утекающего песком. Идея времени связана и со второй частью книги, повестью «Отец». Размышления о том, каким был отец, поднимают тему отношения поколений, выбора судьбы. В третьей части — «Другая сказка»: что творится в голове, душе писателя, как он работает над произведением, над героем, как складывается жизнь произведения после его рождения — описывается творч. акт появления произведения.

В 1998 выходит кн. Н. **«Несекретные секреты: беседы о родной речи»** (СПб., 1998), посвящ. внучке Н. Тоне Назаровой. Идея взаимоотношений поколений и нравств. воспитания детей и молодежи проходит через все тв-во Н. Эта кн. содержит много интересной и полезной информации о жизни языка, отражающей глубокие перемены в нашей действительности. Здесь можно найти множество ист. ведений, полезные советы, рассказы о словах, числах и фразах, начиная с библейских изречений и заканчивая формированием совр. деловой речи.

Соч.: Чужое счастье: Пьеса. Л.; М., 1957; Случайные встречи: Пьеса. М., 1960; Вечер между вчера и завтра: Пьеса // Совр. драматургия, 1962. Вып. 31; Самая короткая ночь. Л.; М., 1965 и др. изд.; Все впереди (Здравствуй, Крымов!): Пьеса. М., 1968; Дочь: Пьеса. М., 1969; Комендантский час: Пьеса. М., 1969 (в соавт. с В. Савицким); Ритмы: Пьеса. М., 1970; Русский летчик: Пьеса. М., 1972; Невский для прогулок (Ветер от брата): Пьеса. М., 1974 (Пьесы лен. драматургов. Л., 1979); Следы на граните: Повести. Л., 1975; Рассказывайте сказки: Пьеса. М., 1977; Дождливое лето: Пьеса. М., 1979; Дальний свет: Повести. Л., 1981; Карусель: Пьеса. М., 1986; Звезды не гаснут: Пьесы разных лет. Л., 1986; Бескорыстие: Стихи. Л., 1987; Пять коней: Повести. Л., 1989; Двое и другие: Повести. Л., 1990; Несекретные секреты: Беседы о родной речи. СПб., 1998; Песочные часы: Повесть. СПб., 2002.

Лит.: Писатели Л-да: Биобиблиогр. справочник. 1934–81 / Сост. В. Бахтин, А. Лурье. Л., 1982; Назаров А. Вст. слово // Назаров Р. Песочные часы. СПб., 2002.

У. Палилова

НАЗА́РОВА Людмила Николаевна [29(16).7.1910, Пермь — 30.9.2005, СПб.] — историк русской литературы, библиограф, мемуарист.

Родилась в семье учителя: отец, Николай Степанович Н., окончил естественное отделение физико-математического фак-та Петербургского ун-та, был преподавателем Верхотурской женской гимназии (позднее — школы II ступени); дед — Степан Лазаревич Н., был управляющим каменноугольными копями. Мать, Вероника Андреевна Ветошкина, окончившая гимназию в Перми, уже будучи замужем, училась на Высших женских курсах в СПб., умерла рано, в сент. 1922, оставив четверых детей. В воспитании детей отцу помогали бабушка Афанасия Ивановна Ветошкина, эмигрировавшая впоследствии в Харбин, и тетки со стороны отца, о кот. Н. вспоминала с большой теплотой. В семье много читали, увлекались музыкой и пением, ставили домашние спектакли. Эта любовь сохранилась у Н. до конца жизни. Неслучайно она стала одной из поклонниц, а затем и другом выдающегося тенора Н. К. Печковского, выступив в кач-ве редактора его мемуаров и автора послесловия к ним (Печковский Н. К. Воспоминания оперного артиста. СПб., 1992).

Путь в большую науку не был для Н. простым. В 1926 она окончила школу II ступени в г. Кунгуре, в 1927-м поступила на химический фак-т Лен. политехнического ин-та, в 1930-м окончила Лен. химико-технологический ин-т. Работа по специальности не помешала ей 1935-м поступить экстерном на фак-т русского языка и лит-ры ЛГПИ им. А. Герцена, кот. она окончила в дек. 1940-го. Одновременно с обучением Н. работала в кач-ве экскурсовода и лектора по истории русской лит-ры в Пушкинском об-ве в Л-де, в Пушкинском заповеднике, в музее «Домик Лермонтова» в Пятигорске, была внештатным экскурсоводом Ин-та лит-ры (ныне ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН). Для Н. было характерно особое отношение к музейной работе: в течение мн. лет она поддерживала отношения с различн. музеями, активно способствуя увеличению коллекций, разработке экспозиций, развивая науч. связи. Во многом содействовала открытию в 1972-м музея И. С. Тургенева в Буживале (Франция).

Во вр. Великой Отеч. войны Н. пришлось испытать на себе все тяготы блокады: работать на оборонных работах, тушить зажигалки, голодать. Одновременно продолжала работать в ПД, кот. и в годы блокады не прекращал своей деятельности. Н. была награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отеч. войне» и «За оборону Л-да». В кон. 1942 Н. была эвакуирована в Пятигорск, где водила экскурсии по музею «Домик Лермонтова» и к месту дуэли поэта, в февр. 1943 была эвакуирована в Новосибирск, где работала в радиокомитете внештатным корр. «Последних известий», редактором передач для Сибирского воен. округа, принимала участие в лит. и детских передачах. Перв. печатные работы Н., посвящ. М. Ю. Лермонтову и Г. Р. Державину, появились в годы войны.

В кон. 1944 Н. вернулась в Л-д и поступила в аспирантуру ПД. Науч. рук. Н. — Б. В. Томашевский, привлекший ее к работе по подготовке СС Пушкина, Лермонтова, Белинского. В окт. 1948 Н. успешно защитила канд. дис. на тему **«Осн. этапы раз-**

вития поэмы в тв-ве А. С. Пушкина», приняла акт. участие в праздновании 150-летнего юбилея поэта в 1949, исполняла обязанности секретаря Отдела новой русской лит-ры, занималась пушкинской экспозицией в Лит. музее ПД, работала над составлением словника «Пушкинской энциклопедии». Начав с малого — экскурсий по памятным местам великих писателей и поэтов, Н. постепенно превратилась в настоящего академ. ученого — текстолога, комментатора, библиографа, историка лит-ры. Ее труды заняли достойное место в томах СС классиков, в коллективн. изданиях: «История русской лит-ры», «История русской критики», «Лит. наследство», «Лит. архив» и др. Работа с Б. В. Томашевским, Н. В. Измайловым, М. П. Алексеевым, В. А. Мануйловым и др., о каждом из кот. она оставила ценные воспоминания, дала возможность проявиться незаурядным кач-вам Н. — неутомимости исследовательского поиска, собранности, вдумчивости, тщательности и четкости в изложении мат-ла.

С нач. 1950-х Н., под рук. М. П. Алексеева и Н. В. Измайлова, начала деятельно участвовать в подготовке ПСС и писем И. С. Тургенева в 28 т. Ее перв. работой в этом направлении стала объемная публикация писем Тургенева к А. В. Топорову, входившему в ближний круг писателя (Лит. архив: Мат-лы по истории лит-ры и обществ. движения. М.; Л., 1953. Т. 4). Впоследствии Н. будет подготовлена к публикации не одна сотня писем Тургенева к разным корреспондентам для ПСС, десятки лит.-критич. статей и рецензий писателя, ряд худож. произведений. Она станет не только редактором некот. томов, но возглавит Группу по изданию ПСС Тургенева. Именно тогда проявилось еще одно ценное дарование Н. — организатора и руководителя, требовательного, активного, подававшего личный пример неутомимого трудолюбия и ответственности. За годы ее руководства Группой (1960–73) в свет было выпущено 28 т. ПСС и писем Тургенева (фактически 30), налажены тесные связи с тургеневедами страны и зарубежья.

Уже после выхода на пенсию (1973) Н. продолжала активно работать, откликаясь на все значительные события науч. и культурной жизни, публикуя мат-лы из личного архива. Так, увидели свет письма к Н. выдающегося писателя русского зарубежья Б. К. Зайцева, с кот. она переписывалась с нач. 60-х (**Письма Б. К. Зайцева к Л. Н. Назаровой (1961–1971)** / Публ., вст. заметка и прим. // Русская лит-ра. 1994. № 4. С. 151–177; 1995. № 1. С. 225–254). В 1979 была опубл. монография Н. **«Тургенев и русская литература конца XIX — начала XX в.»**, обобщившая науч. разыскания, посвящ. традициям тургеневской прозы в тв-ве Н. В. Успенского, А. И. Левитова, А. И. Эртеля, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Г. Короленко, А. П. Чехова, И. А. Бунина и др.

Еще со времен Пушкинского об-ва Н. увлеклась лит. краеведением и до конца своего творч. пути не оставляла занятий в этом направлении. В 1959 вышла в свет кн., выдержавшая впоследствии еще два изд. — **«Лит. памятные места Л-да. Очерки»**, где Н. принадлежали три основополагающих статьи: о Пушкине, Лермонтове и Тургеневе.

Вместе со своим другом и учителем В. А. Мануйловым Н. принимала акт. участие в составлении и редактировании «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981), для кот. ею были написаны десятки статей, до посл. дней Н. писала статьи (более 200) для готовящейся в ПД «Тургеневской энциклопедии».

Н. — автор около 300 печ. работ. В 2004 вышла ее книга **«Воспоминания о Пушкинском Доме»**, в кот. отражен путь отеч. науки более чем за 70 лет. Феноменальная память и редкое ощущение масштабности и значимости событий, свидетелем кот. она оказалась, позволили Н. создать труд, к кот. будут обращаться все, кому интересна история нашей филологии. Н. принадлежала к тому поколению людей, кот., выражаясь словами поэта, «времен не выбирали», они жили в них достойно, честно трудились, отдавали все силы делу, которому посвятили себя.

Соч.: Лермонтовский юбилей 1939 года // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6; <Письма А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву> / Подг. текстов и комм. // ЛН. М., 1952. Т. 58; Неосуществленный замысел К. Ф. Рылеева «Исторический словарь русских писателей» // ЛН. М., 1954. Т. 59; Библиография писем к К. Ф. Рылееву // Там же; С. Я. Надсон // История русской лит-ры. Л., 1956. Т. IX. Ч. I; К истории создания поэмы «Руслан и Людмила» Пушкина // Пушкин: Иссл. и мат-лы. М.; Л., 1956. Т. I; К вопросу об оценке лит.-критич. деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1953 гг.) // Вопросы изучения русской лит-ры XI–XX вв. М.; Л., 1958; Об одной эпиграмме Г. Р. Державина // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3; Тургенев — критик // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. I; И. С. Тургенев и Ю. П. Вревская // Русская лит-ра. 1958. № 3; Ю. П. Вревская (1841–1878). Плевен (Болгария). 1958. № 4; К истории тв-ва И. С. Тургенева 50–60-х гг.: I. И. С. Тургенев в работе над повестью «Постоялый двор»; II. Тургенев о Пушкине-драматурге // И. С. Тургенев: Статьи и мат-лы. Орел, 1960; И. С. Тургенев <о переводе> / Подбор текстов и прим.; Тургенев-переводчик / Подг. текстов и прим. // Русские писатели о переводе XVIII–XX вв. Л., 1960; Н. В. Гоголь <о переводе> / Подбор текстов и прим. // Там же; Русский роман первой четверти XIX в. От сентиментальной повести к роману <гл. 3, § 7–9> // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1962. Т. 1; Драматургия начала XIX в. <Русская лит-ра начала XIX в. 1801–1816> // История русской лит-ры: В 3 т. М., 1963. Т. 2; О романе «Два поколения» (Послесл.) // ЛН. М., 1964. Т. 73. Кн. 1; Тургенев и О. А. Тургенева // Тургеневский сб.: Мат-лы к ПСС и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1964. Вып. I; И. С. Тургенев в работе над «Старыми портретами» (Из творч. истории) // Роль и значение лит-ры XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966; Воспоминания Е. С. Иловайской (Сомовой) о Тургеневе // Тургеневский сб.: Мат-лы к ПСС и писем И. С. Тургенева. Л., 1968. Вып. IV; Библиография лит-ры о И. С. Тургеневе. 1918–1967 / Отв. ред., совм. с А. Д. Алексеевым; сост.: 1924–1925, 1930–1933, 1961. Л., 1970; А. И. Островский и И. С. Тургенев. Орел, 1973; Лит. музей Пушкинского Дома за 75 лет // Русская лит-ра. 1981. № 1; К истории замысла романа «Два поколения» (первоначальное заглавие романа) // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и тв-ва. Л., 1982; Тургенев и его современники: 1. Тургенев в 1846 г.; 2. Тургенев в воспоминаниях А. И. Скребицкого; 3. Новое письмо Ю. П. Вревской к Тургеневу // Там же; Тургенев и Пушкинский кружок в Петербурге // Русская лит-ра. 1982. № 3; Лермонтов в Петербурге. Л., 1984 (совм. с В. А. Мануйло-

вым); М. А. Щербатова и стихотворения Лермонтова, ей посвященные // Лермонтовский сб. Л., 1985; Тургенев и Е. В. Салиас де Турнемир в начале 60-х гг. // Теория и история лит-ры (К 100-летию со дня рождения академика А. И. Белецкого). Киев, 1985; О лит.-критич. деятельности Тургенева // Социально-философские концепции русских писателей-классиков и лит. процесс. Межвуз. сб. Ставрополь, 1989 <на титуле: 1988>; Из воспоминаний о Пушкинском об-ве в Л-де 1930-х гг. Памяти В. А. Мануйлова // Вестник СФК. К ассамблее Всесоюзного Пушкинского об-ва. 1991; Traditions lermontoviennes dans la prose de Tourguéniev // Cahiers I. Tourguéniev, P. Viardot, M. Malibran. 1991. № 15; Бывал и Лермонтов // Веч. Петербург. 1991. 14 февр.; Жизнь счастливого человека. К 90-летию со дня рождения В. А. Мануйлова // Царскосельская газ. 1993. 11 сент.; М. П. Алексеев — гл. редактор полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева // Россия. Запад. Восток: Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. СПб., 1996; и др. Полный список печ. работ Н.: Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004.

Лит.: Балыкова Л. Орловские воспоминания тургеневеда // Орловская правда. 2004. 21 окт.; Пушкинский Дом: Матлы к истории. СПб., 2005; Памяти Людмилы Николаевны Назаровой (Некролог) // Русская лит-ра. 2006. № 1.

Н. Генералова, В. Лукина

НА́ЙМАН Анатолий Генрихович [23.4.1936, Л-д] — поэт, прозаик, переводчик, эссеист.

Отец — инженер, Генрих Копелевич, исповедовал толстовское учение; мать — врач, Ася Давидовна Н.

Окончил ср. школу № 222 (Петришуле). «В четвертом классе сидели рядом десятилетние сопляки вроде меня и фронтовики лет восемнадцати, в гимнастерках и с медалью. Маменькины сынки, *гогочки*, не так давно родившиеся, — и уголовные рожи, сами уже вовсю производящие потомство. / Действительность — вся, а не только школьная — оказывалась мужской. <...> / Школьное обучение было раздельным, и с раннего утра до первых сумерек жизнь состояла из мальчиков, мальчиков, мальчиков, сотнями, в тысячах комбинаций мечущихся вокруг. <...> / Класса с 7-го начиналась пора совместных вечеров, взаимных — в разных видах — приглашений, пробных контактов» (**«Славный конец бесславных поколений»**. М., 2003).

«Детское чтение: Стивенсон, Вальтер Скотт, Марк Твен, Сетон-Томпсон, Брэм, "Робинзон Крузо", Гюго, Толстой, стихи, какие попадались» (**Автобиография** // Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. СПб., 2011).

Из воспоминаний Н.: «Кто кончил школу с медалью, тех в институт принимали без экзаменов. <...> У меня была серебряная медаль, и с ней я отправился на химический факультет Ленинградского университета. Почему на химический — потому что химию у нас в школе вела особенная учительница, фигура необычайно яркая, яркая внешне, и в поведении, и в том, что угадывалось о ее жизни вне школы. <...> В университете со мной расправились довольно примитивно...» («Славный конец бесславных поколений»). В ЛГУ не приняли. В 1953–58 учился в Лен. технологич. ин-те по специальности «инженер-химик». В 1956 участвовал в вып. институтской стенгаз. «Культура». Закончил Высшие сценарные курсы в М.

Осенью 1959 познакомился с А. Ахматовой, вместе с Д. Бобышевым, Е. Рейном и И. Бродским принадлежал к ее кругу, с кон. 1962 исполнял обязанности ее лит. секретаря. В 1964–65 вместе с А. Ахматовой перевел кн. «Избр. произведения» Дж. Леопарди (вышла в 1967).

Из кн. Н. **«Рассказы о Анне Ахматовой»**: «Она являла собой живой и в тогдашнем представлении безызъянный символ связи времен. Молодой человек по природе футурист, он недоволен устройством жизни, кот. застал, и желает во всяком случае отменить, упразднить неуютные, мешающие ему запреты и снисходительные разрешения. В том случае, если его поприщем оказалось искусство, он еще и предлагает взамен их новые, единственно правильные, по его мнению, и необходимые. Но, получая одобрение единомышленников, кот. в подавляющем большинстве сверстники, он интуитивно чувствует, что его позиция недостаточно основательна и непрочна, и ищет поддержки у "чужих", особенно у старших. Ему нужно, чтобы его позицию одобрил не только "текущий момент", но и "века". Так действует механизм преемственности».

Переводил поэзию народов СССР, классич. тамильскую лирику, песни трубадуров, старинные франц. сказки и романы в стихах. Как составитель и переводчик выпустил неск. книг в изд-ве «Наука». Как переводчик поэзии печ. с 1959. В СССР до 1989 печ. только его переводы.

С 1954 пишет стихи. До 1989 публ. в самиздате (сб. К. Кузьминского и Б. Тайгина «Антология сов. патологии», антол. «Острова» и др.) и за рубежом (в частности, в сб. «Памяти А. А. Ахматовой», выпущ. в 1974 в Париже). Был хорошо изв. в самиздате со сб. стихов **«Сентиментальный марш»**, поэмой **«Стихи по частному поводу»**, **«Сентябрьская поэма»** и др.

В 1970 напис. стихи к песням детского фильма «Удивительный мальчик» (реж. А. Орлов).

В 1989 выпустил в США перв. поэтич. кн. С этого же вр. печ. в отеч. изд. Выпустил неск. поэтич. кн.

В. Казак: «Поэзия Н. отражает его духовные переживания и отношения между людьми. Она далека от публицистики и политики, носит повествовательный и описательный характер, иногда диалогична, подчас близка к прозе (со многими переносами, также из одной строфы в другую). Но все внешние детали и события создают только фон для выражения внутренних переживаний: поисков защиты, уравновешенности, покоя и осознания этих возможностей в природе».

Ключевыми темами лирики Н. становятся темы времени и вечности,

тв-ва, жизни и смерти, памяти. Его стихи наполнены узнаваемыми предметами и бытовыми деталями, всегда имеют в своей основе вполне опр. действительность, посвящ. каким-либо событиям из жизни автора, отд. впечатлениям и мыслям, но при этом отличаются особым характером видения и изображения этой действительности. Образы как бы наслаиваются друг на друга, что порождает многочисленные дополн. ассоциации и смысловые переклички, способствуя углублению смысловой перспективы текста. Все предметы в поэтич. мире Н. оказываются тесно связаны и находятся в пост. диалоге. В этом мире способностью мыслить, говорить и действовать наделен не только человек, но и окружающие его предметы и явления. Оживают, видоизменяются до неузнаваемости, теряя привычные очертания и физич. свойства, не только природные стихии и предметы («Свет обращается, ставнями погнутый, к вещи по имени — отзывается лирой стул...» в стих. **«Флоренция»**), но и абстрактные понятия («за мной начало, не отставая, вилось по трассе» в стих. **«Рим»**). Особую роль играют слуховые и зрительные образы. Соединяясь, они помогают создать яркую, насыщенную красками картину действительности.

Большое значение в лирике Н. приобретает метонимия. Мир предстает разъятым на части, а каждый предмет, каждое свойство и понятие — самодостаточными. Сам поэт говорит об этом так: «Главное — щель! — чтобы имя от имени так не зависело; щель для расчистки плацдарма уличной краске» (стих. «Флоренция» из кн. **«Ритм руки»**). Ту же функцию выполняют и др. средства, позволяющие сосредоточить внимание на отд. слове: окказиональное словообразование и грамматические трансформации («я спросил — и отвечен смешком», «Йорк... соборен и зелен /... Нью-Йорк это нечто. И некто. Он целен, / дыряв и стоит на скипелости нект»), оживление внутренней формы слова («пройденные называются прошлыми» в стих. «Флоренция»), преобразование интертекстуальных включений («пещеры и чащи улиц и колоннады рощи» отсылают к О. Мандельштаму, «древний отрок — и юный старик» — к стих. А. Ахматовой и т. д., Тибр, уподобляемый державинской «реке времен», «всё, что видит ...в архивы сносит»), обновление архетипических метафор (так, напр., освежается традиционное сравнение поэта с птицей: «...я, как ворон на нырище и синица в гнезде»). Слово, освобождаясь от грамматич. и лексич. связей, приобретает особый вес и смысловую глубину, приближается к символу и встраивается в целостную живописную картину действительности.

Пишет рассказы, путевые очерки, автобиогр. прозу («Рассказы о Анне Ахматовой», 1986–87; путевые заметки об Англии **«Отравленное очарование»**, 1989), романы **«Поэзия и неправда»** (1994) и **«Любовный интерес»** (1999).

В 2006 напис. кн. **«Роман с „Самоваром“»** об истории создания и работе русского культурного центра в нью-йоркском ресторане «Русский самовар», создателями кот. наравне с предпринимателем Р. Капланом были И. Бродский и М. Барышников.

С кон. 1970-х живет в М.

Н. Елисеев так пишет о Н.: «У Анатолия Наймана замечательное писательское (а может, и не писательское, а мировоззренческое? философическое?) свойство, не то достоевское, не то христианское: ни на ком не ставить крест, ни из кого не делать кумира. Он всем верит — и никому не верит. В его мире любой способен на любое. Н. великолепно понимает и мне (читателю) передает это понимание: мир, нравственный, человеческий, метафизический, совсем не то, что мир грубоматериальный, физический. Это в физическом мире разжали руку, отпустили камень, он и полетел по вычисляемой траектории вниз. В человеческом мире траектории движения — невычисляемы. Человеческий мир на то и человеческий мир, что он — свободен и непредсказуем».

Член французского ПЕН-клуба (с 1989). Входит в обществ. совет ж. «Октябрь», где часто публ. стихи, прозу и критич. ст. Никогда не был членом СП. Вошел в short-list премии Букер-Smirnoff (2001, роман **«Сэр»**).

В 2011 награжден Царскосельской худож. премией — «За книгу рассказов о великой поэтессе XX века „и преданность русской поэзии“».

Соч.: Стихи // Памяти А. А. Ахматовой. Париж, 1974; Стихи на пальмовых листьях: Классич. тамильская лирика / Пер. А. Наймана. М., 1979; Стихи // Перекрестки. Филадельфия, 1980. № 4; Стихи // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 2Б; Стихи // Острова: Антология лен. неофиц. поэзии. Л., 1982; Стихи // Лит. обозрение. 1989. № 5; На каникулах: Путевые заметки // Русская мысль. 1989. 24 нояб., 1 дек., 15 дек.; Рассказы о Анне Ахматовой // Новый мир. 1989. № 1–3; Стихи // Звезда. 1989. № 6; 1991. № 9; 1993. № 5; 1995. № 4; 1997. № 12; Отравленное очарование: Путевые заметки // Русская мысль. 1989. 18 авг., 25 авг., 1 сент.; Рассказы о Анне Ахматовой: Из кн. «Конец первой пол. XX в.». М., 1989; М., 1999; Стихотворения / Послесл. И. Бродского. Тенафлай, 1989; Стихи // Континент. 1991. № 68, 1996. № 89; Стихи // Октябрь. 1992. № 2; 1993. № 1; 1996. № 1; 1997. № 1; 1998. № 1; 1999. № 2; 2000. № 1; Статуя командира и др. рассказы. Лондон, 1992; Облака в конце века: Стихи. Тенафлай, 1993; Три очерка // Звезда. 1994. № 1; Поэзия и неправда: Роман // Октябрь. 1994. № 1, 2; Русская поэма: Четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8; Славный конец бесславных поколений: Главы из книги // Октябрь. 1996. № 11; полностью — М.: Вагриус, 1998; Стихи // Арион. 1996. № 1; 1997. № 1; Б. Б. и др.: Роман // Новый мир. 1997. № 10; Стихи // Новый мир. 2000. № 4; Стихи // Самиздат века. М.; Мн., 1997; Стихи // Строфы века–2: Антология мировой поэзии в русских переводах XX в. М., 1998; Любовный интерес: Роман // Октябрь. 1999. № 1; Статуя командора: Рассказ // Октябрь. 1999. № 6; Неприятный человек // Октябрь. 1999. № 9; Славный конец бесславных поколений. М., 1999; Сэр // Октябрь. 2000. № 11–12; Любовный интерес: Романы. М., 2000; Ритм руки: Стих. М., 2000; Сэр. М., 2001; Львы и гимнасты. М., 2002; Б. Б. и др. М., 2002; Софья. М., 2002; Рассказы о Анне Ахматовой. М., 2002; Все и каждый. М., 2003; Славный конец бесславных поколений. М., 2003; Каблуков. М., 2005; О статуях и людях. М., 2006; Роман с «Самоваром». М., 2006; Экстерриториальность. М., 2006; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010.

Лит.: Мальцев Ю. Вольная русская лит-ра. Франкфурт-на-Майне, 1976; Russian Emigre Literature. Compliled by A. Urbanic / Oakland, 1993; Панн Л. Облака в конце жизни: Поэзия А. Наймана // Русская мысль. 1994. 21–27 июл.; Панн Л. Вечная встреча // Октябрь. 1995. № 4; Казак В. Лексикон русской лит-ры

XX в. М., 1996; Славникова О. Б. Б. и другие «нетки» // Урал. 1998. № 7; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

А. Вытушняк

НАЛИВА́ЙКО Николай Петрович [28.12.1945, Киев] — поэт.

Отец — Н. Пётр Николаевич — закончил в Л-де рабфак и перед самой войной ЛИИЖТ. В послевоен. время рук. КБ на Дарницком вагоноремонтном з-де. Мать — Полторак Янина Брониславовна — перед войной закончила ЛЭТИ. После войны работала инженером на киевском з-де «Арсенал».

Н. с 1953 по 1964 учился в ср. школе № 11 г. Киева. С 1964 по1969 учился в ЛИИЖТе. Будучи студентом, успешно занимался спортом (мастер спорта, 1970). Был серебряным призёром чемпионата СССР в эстафетном беге 4 × 400 м. Входил в состав сборной СССР и Л-да, выступая на дистанции 800 м. В 1973–75 служил в армии, затем работал тренером в ШВСМ при Ленгорспорткомитете. Результатом тренерской деятельности стали призёры чемпионатов СССР и Л-да, чемпион СССР М. Машин. Одновременно начал работать над дис. по педагогике. Перестроечные годы вынудили прекратить тренерскую работу и работу над дис., занялся предпринимательством.

Лит-рой увлекался со школьных лет, много читал. В доме была большая биб-ка. Писал стихи и рассказы, этому способствовали школьные учителя русской и украинской лит-ры. Школьные соч. Н. в стихах и прозе хранились в школе (на одной из встреч выпускников был сделан лит. «монтаж» на его стихи в исполнении нового поколения учеников).

Студентом не оставил занятий поэзией, приезжая на каникулы в Киев, привозил новые стихи. Печ. в местной малотиражке «Дарницкий вагоноремонтник», где и состоялась (1966) перв. публикация стихов. И в годы занятия спортом интерес Н. к лит-ре не исчезал. Много читал, писал стихи, рассказы. Посещал лекции по филологии и эстетике в ЛГУ. В 1974–75 участвовал в ЛИТО Выборгского р-на (рук. Б. Сергуненков). Выступал на ЛИТО с рассказами о спорте. В 1970–80 напис. большое количество лирич. стих. и стихов о спорте: переработанные, они составили основу его будущих кн. Немало дало общение Н. в 1986–87 с молодым тогда поэтом А. Любегиным, кот. рук. поэтич. кружком при ДК Ижорского з-да.

Стихи Н. не публ., подолгу работая над ними. Годы перестройки приостановили лит. деятельность. Однако поэзия пост. напоминала о себе. В 2009, отчасти под влиянием близких друзей, но г. о. от желания «высказаться» Н. вновь оказался в лит. среде: его познакомили с петерб. поэтом Н. Рачковым. Тот поддержал автора и направил в секцию поэзии СПбО СП России. Познакомился с Б. Орловым, С. Поликарповым, И. Сергеевой (она помогла Н. выпустить в 2010 перв. кн. — **«Девятая волна»**). Лит. окружение оказало влияние на Н., он стал писать раскованнее, точнее. Под ред. И. Сергеевой выпустил пять поэтич. сб. В годы, когда жанр поэмы не пользовался популярностью, Н. напис. поэму **«Воронёнок»** (вышла отд. кн. в 2010), в кот. речь шла о восстании Пугачёва. Н. предлагал задуматься о том, что могло сделать простого казака Пугачёва царём «зверей», царём кровавой жестокости и что так притягивало к нему людей и целые народы. В 2011 изд. кн. **«Бег»**, где среди лирич. произведений значительное место занимали стихи о спорте.

После выхода в 2011 кн. **«Жить в России»** А. Ильин писал: «Наливайко за короткий срок выпускает четвёртую книгу стихов. Для иного автора это могло обернуться неудачей: ведь зачастую поэты от нехватки тем начинают перепевать сами себя. Здесь — не так. От лирической "Девятой волны" — к поэме "Воронёнок", от реалистического сборника "Бег" — к объединившей все направления творчества автора и раскрывающей его жизненное кредо книге "Жить в России"».

В 2012 изд. сб. **«Любовь Серафимы»**, куда включены лирич. стихи и поэма. В перв. раздел «Я думал — зеркало не врёт» вошли стихи о людских судьбах: **«На Тимуровской улице»**, **«Пианистка»**, **«Руки»** **«Продолжатель»** (памяти отца), **«Зубочистки»**, **«Дэнис»**, **«Любовь Любви»**. Назвав второй раздел книги «Удивительное лето», автор подчеркнул необычность стоящих здесь в ряд стихов и впечатлений. Н. свойственны тонкие лирич. нюансы стиха. Природа для него — нечто живое, он шагает «по зарубкам природы»: «Утро восходит, заснеженный лес, / Нежит малиновым паром, / В чащу забралось под белый навес, / Заполыхало пожаром»; «Весна — природы нетерпенье, / Горят зеленые костры»; «Природа — сказка! Что-то начудила...». Природные образы наталкивают Н. на метафоры: «Весна в преддверии победы, / Готовит смотр и фейерверк, / На марше армия побегов. / И всё земное рвётся вверх / Под перезвон её капелей...», «Утро, платье синее / Подогнув немножко, / Блёстками росинок / Украшает ножки». Метафора Н. может развернуться в четверостишие, где тема природы соединяется с природой творчества: «Грёзами оброс я — / В злате паутин... / Образы, как гроздья / На ветвях рябин». Тема природы у Н. органично перетекает в тему любви. Он находит для неё особые сочетания слов и строк: «Завязи слов», «Сминаю прошлое, как воск», «Сколько теплится в памяти-призме / Всё не гаснущих радуг любви», «Ей не нужны наряды, вещи, / В шелках любви её душа», «Обогащая смыслом жизнь, / Букет любови наберу». Я. Драгич пишет: «...книга Наливайко "Любовь Серафимы" может удивить

своим названием, если не знать, что так названа и часть книги — поэма. <...> Он — сочетание лирика, философа и, если можно так сказать о поэте, — фантаста. Поэма для автора — самая главная часть книги, а Серафима — любимая героиня. Но она — не женщина, а образ. И все события, происходящие в поэме, увлекающие своей реальностью и ирреальностью, — тоже образ. Сюжет охватывает небольшой отрезок времени, но, в то же время, — вечность: от "Песни песней" до кипящей транспортом жизни улиц Петербурга сегодня и дальше — в бесконечность... А идея читается на первых же страницах: Любовь — Начало — Абсолют. В поэме упомянут, как будто мимоходом, однофамилец автора — Северин Наливайко, личность легендарная, его устами автор говорит: "Больна любовь моя. — Под гнётом / Исконная, покинутая Русь, / Её как будто проклял кто-то... / За что? Судить я не берусь". О любви героя к своей стране сказано в поэме так: "Кто б так любил свою страну?/ Любовь сия необъяснима..."».

В 2011 принят в СП России. Печ. в ж. «Изящная словесность», в альм. «Петерб. строфы», «Сев. цветы», «Дорога». Сост. антологии поэзии и прозы «Любимая стихия — спорт».

Соч.: Девятая волна. СПб., 2010; Воронёнок: Поэма. СПб., 2010; Бег. СПб., 2011; Жить в России... СПб., 2011; Любовь Серафимы. СПб., 2012.

Лит.: Ильин А. Жить в России — значит отображать правду жизни // Петерб. строфы. 2012; Драгич Я. Удивительная книга // Сфинкс. 2012. № 34.

НАППЕЛЬБА́УМ Ида Моисеевна [26.6.1900, Минск — 2.11.1992, СПб.; похоронена на Обуховском кладб.] — поэт.

Дочь фотографа. В 1913 семья перебралась в СПб. Училась в частной гимназии В. Хитрово (до 1919).

С 14 лет писала стихи. В 1920 поступила в Ин-т истории искусств (б. Зубовский), окончила три курса; вместе с сестрой Фредерикой начала посещать поэтич. студию «Звучащая раковина» при Доме искусств, кот. рук. Н. Гумилев. После ареста Гумилева носила ему передачи в тюрьму. В 1922 участвовала в поэтич. сб. студийцев «Звучащая раковина», по-

свящ. памяти Гумилева, в 1923 — в лит.-худож. сб. «Город» (издан отцом Н.).

В 1924 вступила в ЛО Всероссийского Союза поэтов, в 1925 — во Всероссийский СП.

В 1927 выпустила сб. стих. **«Мой дом»**.

С 1923 профессионально занималась фотографией, помогала в работе отцу. В 1925 получила малую золотую медаль на Международной фотовыставке в Париже. Была знакома со мн. деятелями лит-ры и искусства, кот. посещали дом ее отца (М. Кузмин, А. Ахматова, О. Берггольц, К. Федин, Ф. Сологуб, Вс. Рождественский, Н. Альтман, Г. Иванов, И. Одоевцева и др.). В нач. 1920-х в квартире Н. устраивались лит. понедельники, на кот. наряду с начинающими поэтами читали стихи А. Ахматова, Ф. Сологуб, Н. Клюев и др.

В 1925 вышла замуж за писателя М. Фромана (Формана, Фракмана); овдовела в 1940.

С 1935 работала в Гослитиздате, позднее — технич. секретарем ЛО СП.

9 янв. 1951 арестована и приговорена к 10 годам лагерей по ст. 58-10 и 11 УК как «участница антисов. группы из числа литераторов». Обвинялась в том, что до 1937 хранила портрет Н. Гумилева (портрет был написан Н. Шведе-Радловой незадолго до гибели поэта, в 1937 уничтожен М. Фроманом, кот. опасался ареста; 14 лет спустя об этом портрете было сообщено в доносе). Срок отбывала в Тайшете. В лагере напис. цикл стих. **«Тайшетский оазис»** и поэму **«Хранить вечно»**, кот. позже распространялись в самиздате.

В нояб. 1954 была освобождена и реабилитирована, вернулась в Л-д. Занималась худож. переводом (Жюль Верн, Андре Дотье, Стендаль). В 1969 вновь подвергалась допросам в КГБ — по делу Н. Брауна.

С 1980 Н. эпизодически публ. стихи и воспоминания в офиц. изд. — «Огонек», «Нева», «Аврора», «ЛГ». В 1982 в машинописном сб. «Гумилевские чтения» помещены ее стихи и фрагменты воспоминаний о Гумилеве.

В 1990 выпустила кн. стихов **«Отдаю долги»**. В 1991 в Берлине состоялась выставка ее фоторабот. В нач. 1990-х выступала на вечерах «Былое и думы», организованных СПб. Фондом культуры.

Посмертно вышел сб. стихов **«Я ухожу»** и кн. воспоминаний **«Угол отражения»**.

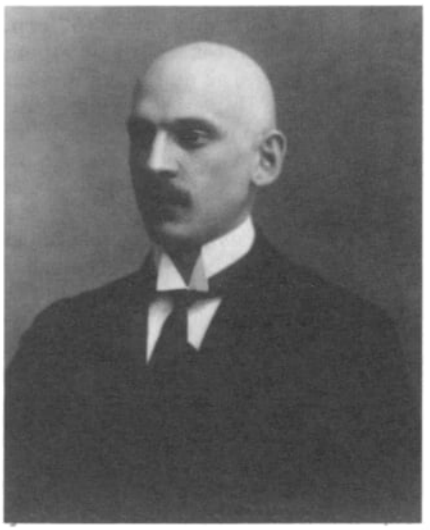
Соч.: Мой дом. Л., 1927; Стихи // День поэзии. Л., 1964; Мэтр (из кн. «Память») // Гумилевские чтения: Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 9. 1982; Ibidem. Sonderband 15. 1984; Фон к портрету Анны Ахматовой // Об Анне Ахматовой: Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма / Сост. М. Кралин. Л., 1990; Отдаю долги: Стихи / Предисл. В. Перца. Л., 1990; Я ухожу. СПб., 1993; Угол отражения: Короткие встречи долгой жизни / Предисл. В. Перца. СПб., 1995; Петербург–XXI в. СПб., 1999.

Лит.: Никольская Т. Ида Наппельбаум (К годовщине со дня смерти) // Новое русское слово. 1993. 29 окт.; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е гг. Лит. энц. М., 2003.

Е. Ошарина

НА́РБУТ Владимир Иванович [2 (14).4.1888, хутор Нарбутовка Глуховского у. Черниговской губ. — расстр. 14.4.1938, Магаданская обл.] — поэт, прозаик.

Брат изв. художника, графика и иллюстратора Г. И. Нарбута. Родился в семье малороссийского помещика. В 1906 окончил глуховскую классич. гимназию и в том же году поступил в СПб. ун-т. Здесь вместе с братом Н. становится актив. участником «Кружка молодых» — лит.-худож. объединения, организованного среди универсантов С. Городецким. В 1911 кружок изд. еженедельный иллюстр. «журнал литературы, искусства, науки и студенческой жизни» «Gaudeamus» (оба брата Нарбуты вошли в ред. ж.). Ж. ставил целью «служение вечным идеалам» и стремление к «чистому искусству».



Из-за «индифферентного отношения молодежи» к вопросам «чистого искусства» (так сообщала редакция) ж. просуществовал лишь несколько месяцев, но за это время редакторам удалось привлечь к сотрудничеству А. Блока, Вяч. Иванова, Н. Гумилева, А. Толстого, М. Волошина. Сотрудничество в «Кружке молодых» и в ж. «Gaudeamus» позволило Н. войти в круг молодых писателей-модернистов, готовивших в эти годы «бунт» против «старшего» поколения символистов: с 1910 Н. участвует в собраниях на «башне» Вяч. Иванова, в заседаниях «Академии стиха», а после конфликта Гумилева с Вяч. Ивановым и раскола «Академии» входит в гумилевский «Цех поэтов» (1911).

Раннее тв-во Н. во многом предвосхищает его акмеистические произведения. Так, В. Брюсов, оценивая перв. стих. сб. Н. («**Стихи. Кн. 1**», 1910), писал: «Нарбут выгодно отличается от многих других начинающих поэтов реализмом своих стихов. У него есть умение и желание смотреть на мир своими глазами, а не через чужую призму. Ряд метких наблюдений над жизнью русской природы рассыпан в его книге» (Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты, статьи, рец М., 1990). Тем не менее, тот же Брюсов справедливо отмечал в нарбутовской «описательности» ранних стих. как стилистическую, так и тематическую аморфность: «У г. Нарбута не чувствуется любви к стиху; стихами он выражается словно на чужом, нелюбимом языке. Кроме того, г. Нарбут с каким-то скучным безразличием относится ко всем темам своих стихов. Ему словно все равно, о чем ни писать: подметит что-нибудь в вечере — напишет о вечере; заметит особенность в наступлении бури — сложит строфы о буре» (Там же).

Подлинный, самостоятельный стиль Н., равно как и собств. «нарбутовский» тематич. репертуар, сложился к моменту выхода его втор. кн. стихов «**Аллилуйа**» (1912). Знаменательно, что появление этой кн. совпало во времени с рождением акмеизма: наряду со стихами Гумилева, собранными в кн. «Чужое небо», и стихами ахматовского «Вечера», произведения Н. явились примерами акмеистической изобразительной «вещности» в ее «бодлерианской» версии. Н. эстетизирует здесь «низменное», плотское начало бытия. «Показался бы простой кунсткамерой весь этот подбор сильного, земляного, кряжистого словаря, эти малороссийские словечки, неожиданные, иногда нелепые рифмы, грубоватые истории,— писал Н. Гумилев,— если бы не было стихотворения „Гадалка". В нем объяснение мечты поэта, зачарованной и покоренной обступившей ее материей: "Слезливая старуха у окна / Гнусавит мне, распластывая руку <...> Она напомнила степную Русь / (Ковыль да таборы), когда взглянула, / И земляное злое ведовство / Прозрачно было так, что я покорно / Без слез, без злобы — приняла его, / Как в осень пашня — вызревшие зерна". И в каждом стихотворении мы чувствуем различные проявления того же, земляного злого ведовства, стихийные и чарующие новой и подлинной пленительностью безобразия» (Гумилев Н. ПСС. Т. 7). Тематически баллады Н., собранные во втор. кн. его стихов, восходят к худож. миру малороссийского фольклора и этнографич. бытописательству в духе жанровых сценок (этнографич. очерки о Малороссии Н. публиковал в 1908). Многократно отмечалось влияние на Н. ранних «малороссийских» произведений Н. Гоголя. Натуралистичность произведений Н. оказывалась в строгом согласии с акмеистическим принципом «адамизма», т. е. «мудрой простоты» художника со «святой невинностью» первобытного человека, созерцающего мир (само назв. книги Н. связано с высказыванием С. Городецкого о том, что акмеисты — «новые Адамы», призванные «пропеть жизни и миру аллилуйа»). Но российская цензура не стала вникать в тонкости акмеистической доктрины, а обвинила Н. в кощунстве и порнографии. Большая часть тиража кн. была конфискована, а Н. счел за благо покинуть Россию. В 1912–13 Н. по следам Гумилева уезжает в Абиссинию и возвращается только после всеобщей амнистии 1913. В том же году Н. становится редактором-изд. либерального «Нового ж. для всех». Однако, не сумев разобраться в специфике издат. политики, вновь оказывается в эпицентре общественно-лит. скандала; в результате покидает столицу и уезжает в Глухов.

В 1913–15 выходят 2 кн. стихов Н. — «**Любовь и любовь**» и «**Вий**», продолжающие тематику и поэтич. традиции предыдущей кн. Вообще Н. остался до конца верен той версии акмеистического лиро-эпоса, которую он предложил в 1912. Даже его лирич. стихи, обращенные к сокровенному миру душевных переживаний лирич. героя, приобретают «вещную», грубую осязаемость образов из-за рискованных натуралистических метафор (ср., напр.: «Бездействие не беспокоит: / Не я ли, супостаты, прочь! — / Стремящийся сперматозоид / В мной возлелеянную ночь»).

В годы революции и Гражданской войны Н. оказался захваченным бурными событиями на юге России, сотрудничал с эсерами, большевиками, краткое время — с деникинцами (впоследствии это послужило формальным основанием для исключения Н. из партии и последующего ареста). Особый интерес представляет в этот период подвижническая издательско-просвет. деятельность Н. В 1918 в Воронеже он изд. ж. «Сирена», где публ. Блок, Замятин, Мандельштам, Ахматова. Затем Н. сотрудничал в ЮгРОСТА в Одессе, где акмеистич. принципы «вещной описательности», пропагандируемые Н.-поэтом, нашли отклик среди лит. молодежи. Н. сплотил вокруг себя целую плеяду писателей и поэтов (Багрицкий, Олеша, Катаев, Инбер и др.). Впрочем, стихи на рев. тематику самого Н. (сб. «**В огненных столбах**», 1920; «**Крас-**

ноармейские стихи», 1920; **«Стихи о войне»**, 1920; **«Советская земля»**, 1921) проигрывают на фоне произведений его талантливых учеников.

В 1922 Н. женился на С. Г. Суок (две ее сестры были замужем за Олешей и Багрицким) и уехал в М. в качве ответственного работника отдела печ. ЦК РКП(б). До 1928 Н. занимает видные должности в сов. издат. номенклатуре — возглавляет изд-во «Земля и фабрика», ред. популярные ж. «30 дней» и «Вокруг света». Однако его коснулись партийные «чистки», выявлявшие тогда коммунистов с сомнительным прошлым (прежде всего — времен революции и гражданской войны). В 1928 он был «разоблачен», снят с поста, подвергнут гонениям, исключен из партии. Завершающее 10-летие своей жизни Н. провел в сов. «опале». Подготовленные им к изд. кн. **«Казненный Серафим»** и **«Спираль»** так остались не опубл. при жизни автора. В посл. период тв-ва Н. был увлечен т. н. науч. поэзией (у истоков которой еще в дорев. эпоху стояли чтимые акмеистами В. Брюсов и французский поэт Р. Гиль).

В 1936 Н. был арестован по обвинению в контррев. деятельности. По всей видимости, погиб в одном из колымских лагерей. Реабилитирован посмертно.

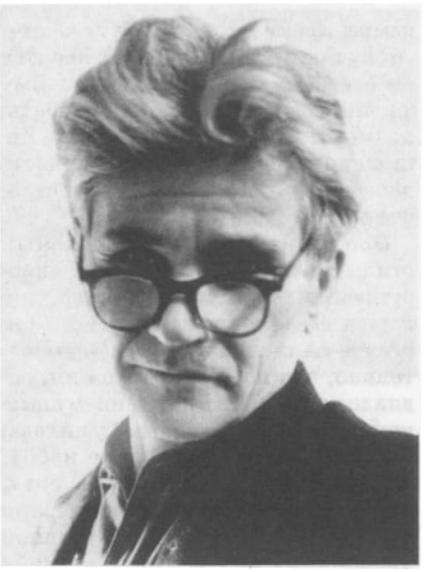
Соч.: Стихотворения / Вст. ст., сост. и прим. М. Бялосинской и Н. Панченко. М., 1990.

Лит.: Зенкевич М. Владимир Нарбут // День поэзии. М., 1967; Берловская Л. В. Нарбут в Одессе // Русская лит-ра. 1982. № 3; Чертков Л. Судьба Владимира Нарбута // Нарбут В. Избр. стихи. Париж, 1983; Бовин С., Семибратова Н. Судьбы поэтов Серебряного века. Биогр. очерки (Владимир Нарбут). М., 1993; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Русская лит-ра XX в.: Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиогр. Словарь / Под общ. ред. Н. Скатова. М., 2005.

Ю. Зобнин

НА́РИЦА Михаил Александрович [7.11.1909, д. Лопатино Себежского у. Витебской губ., ныне Псковской обл. — 7.2.1993, Резекне, Латвия] — прозаик.

Из крестьянской семьи. В 1925 — переезд в г. Себеж. Жил в детском доме. В 1928–34 — переезд в Л-д, поступление в Худож. техникум



(окончил его). Подача заявления о выходе из комсомола. Брак с Л. В. Горбачевой (р. 1912). Рождение сына. Работа школьным учителем, преподавателем Худож. техникума, чернорабочим.

В 1933–34 в теч. года Н. жил в Архангельске. Осенью 1935 поступил в лен. Академию художеств. 10 окт. 1935 арестован по ст. 58–10 УК, приговорен к 5 годам лагерей; срок отбывал в Ухто-Ижемском лагере Коми АССР (Ухтпечлаг). Жена Н., ребёнок и теща в 1937 были сосланы в Архангельскую обл. без указания срока высылки. После освобождения в 1940 поселился с семьей под Архангельском, работал в колхозе. В 1941 призван в армию, в 1943 демобилизован по состоянию здоровья.

В годы войны работал преподавателем в школе, затем в Архангельском пед. ин-те. В 1948 вместе с семьёй Н. переведен в Лугу. 15 сент. 1949 вновь арестован и после года заключения в Лен. следственном изоляторе МГБ отправлен этапом в бессрочную ссылку в Караганду. Семья Н. переезжает на место ссылки добровольно. В 1957 после реабилитации Н. с семьей вернулся в Л-д, восстановился на втором курсе скульптурного фак-та Академии художеств (Ин-т им. И. Репина), участвовал в худож. выставках.

В 1951–59 написал автобиогр. повесть **«Неспетая песня»** на мат-ле собств. впечатлений, начиная с детских лет и заканчивая 1941. В 1959–60 передал 9 экз. рукописи (67 стр. машинописного текста без интервалов) на Запад, где она была опубл. под псевд. М. Нарымов (псевд. придуман ред. ж. «Грани»). Это был один из первых в послесталинское время случаев передачи автором рукописи за рубеж для публ.

В сент. 1960 направил свою переработанную до романной формы рукопись Н. Хрущеву с резким сопроводительным письмом о существе сов. цензуры. Тогда же подал прошение в Верховный Совет СССР об освобождении от сов. гражданства и о разрешении выехать с семьей на Запад. В мае 1961 он был вызван на беседу о причинах желания покинуть СССР. Но рассмотрение дела было отложено из-за невозможности Н. оплатить высокий гербовый сбор для обращения с прошением — до его оплаты.

В 1961 на Западе роман Н. **«Неспетая песня»** был опубл. 13 окт. 1961 Н. был вновь арестован — по ст. 70 УК. На Западе НТС организовал кампанию в защиту писателя, однако это не повлияло на судьбу Н. Он был заключен в лен. спец. псих. больницу (Арсенальная ул., д. 9), где находился на принудительном излечении — «в связи с совершением общественно опасных действий» — вплоть до 1965, до отставки Хрущева. Тогда же был уволен с работы сын Н. Петр, сам Н. совершил попытку самоубийства. Этот период жизни Н. описал в небольшой повести **«Преступление и наказание»** (1971).

После повторного отказа в разрешении на эмиграцию в 1967 Н. переехал с семьей в Латвию (г. Елгава). В 1975 был арестован в четвертый раз по обвинению в «распространении порочащих сов. строй измышлений». Неск. месяцев провел на принудительном лечении в Рижской психиатрич. клинике, затем в Ин-те судебной психиатрии в М. и в рижском следственном изоляторе, после чего был выпущен на свободу «как переставший быть социально опасным» (по старости).

Встречался с А. Солженицыным и А. Сахаровым.

В 1991 Н. был реабилитирован на основании закона «О реабилитации жертв полит. репрессий». В посл. годы жизни Н. опубл. ряд статей в русскоязычных газ. Латвии.

«Значение творчества Н. — в отличие от произведений А. Солженицына, А. Амальрика или Л. Чуковской — заключается не в художественном отображении личной судьбы писателя», а в «непритязательном, опирающемся на фактический материал свидетельстве о трагической судьбе затравленного человека» (В. Казак).

Соч.: Неспетая песня // Грани. 1960. № 48, 1962. № 51; отд. изд.: Франкфурт-на-Майне: Посев, 1964; Преступление и наказание // Посев. 1971. № 8; Мое завещание // Альм. самиздата: Неподцензурная мысль в СССР. Амстердам, 1974. № 1; То же // Русская мысль. 1976. 24 июн.; После реабилитации (Сер. «Вольное слово». Вып. 43). Франкфурт-на-Майне, 1981; То же // Грани. 1993. № 168; То же // Звезда. 1997. № 11; Конец или начало? (Записки художника). Рассказы. Куда идти искусству? СПб., 1996.

Лит.: Мальцев Ю. Вольная русская лит-ра. 1955–75. Франкфурт-на-Майне, 1976; Евдокимов Р. Некролог // Грани. 1993. № 167; Памяти писателя М. Нарицы // Русская мысль. 1993. 5 март.; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996; Долинин В. М. Нарица и его «Неспетая песня» // Посев. 1999. № 12; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

Е. Ошарина

НАСИБУ́ЛИНА Лилия Абдрохмановна [8.5.1933, г. Енисейск Красноярского края] — поэт, переводчик, публицист.

Окончила Лен. ин-т механизации и электрификации сельского хоз-ва (1957) и ЛЭТИ им. Ленина (1961), инженер-электрик по автоматизации и электрификации кораблей и судов. Имеет науч. труды, правительственные награды.

Перв. публ. состоялась в 1966. Пишет стихи, песни, поэмы, очерки, рассказы. Тяготеет к военно-патриотич. тематике.

С 1993 по 1995 работала орг. секретарем СПбО СП России, была членом Правления СПбО Лит. фонда России. С 1994 — консультант по вопросам культуры в Межпарламентской ассамблее СНГ.

Член СП России с 1994. Член Междунар. ассоциации писателей-баталистов и маринистов.

Переводит с различных яз., в т. ч. с восточных.

Соч.: Аксайчане. Ростов-на-Дону, 1991; Если сердце не молчит. Ростов-на-Дону, 1993; Хочу с тобой поговорить: Очерки. Ростов-на-Дону, 1993; Вот такая жизнь. СПб., 1994; Крылатая Отчизна. СПб., 1995; Седые горы. СПб., 1996; Книга памяти 1941–45: Поэма. СПб., 1996; Тукай в Петербурге. СПб., 1998; Золотая луна. СПб., 1999; Голос неба. СПб., 2000; От Урала до Невы: Поэма. Челябинск, 2001; Полет орла. СПб., 2003; Сказание о Казани. СПб., 2005; Золотая жила. СПб., 2010.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

НАСУ́ЩЕНКО Владимир Егорович [1.11.1930, Л-д — 1.8.2002, СПб.; похоронен на Комаровском кладб.] — прозаик.

Из рабочей семьи. Отец оставил семью, когда В. было полтора года. Подростком пережил начало блокады, в 1942 с матерью эвакуирован в Алтайский край. В 1945 вернулся в Л-д, где, окончив железнодорожное училище, работал пом. машиниста паровоза. В 1956 поступил в Лен. мореходную школу, по окончании кот. плавал на судах загранплавания матросом. Писать начал в 30-летнем возрасте, об этом Н. вспоминает так: «Однажды в дальнем плавании мне в руки попал божественный Хемингуэй, и я заразился литературой: Лев Толстой, Чехов, Бунин, Достоевский. Стал потихоньку писать...» (**Автобиография**. ОНЛ ИРЛИ). Профессиональные навыки Н. приобретал в ЛИТО «Выборгская сторона» (рук. В. Бакинский и Вс. Азаров), участником кот. он был на протяжении 15 лет. В 1971 окончил Лит. ин-т им. М. Горького. С 1961 зарабатывал на жизнь, работая кочегаром в лен. котельных. Это давало ему некую свободу тв-ва: «темы были не проходные: нищета, страдание, жестокость нашего времени. <...> Я писал то, что видел, выкладывал свой горький опыт, писал правду, которая хуже всякой лжи. Слезы, грязь, пот, ублюдочную работу, бедный народ. Редакторы смотрели на меня, как на ненормального» (ЦГАЛИ Ф. 735. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 11)

Тематика перв. рассказов Н. — нищета и страдания народа, жестокость мира. «Я писал, что видел,— как жил мой бедный народ» (Автобиография). Тв-во находило дорогу к читателю с трудом, редакторы воспринимали писателя как «диссидента». В рец. 1976 А. Бартэн отказывался рекомендовать рассказы Н. к печ. на основании того, что «автор рисует жизненную действительность самыми мрачными красками... мир, окружающий человека, бессмысленен, равнодушен, жесток», а у героя нет «больших интересов, глубоких чувств, возвышающих идей». Критик советовал автору «отказаться от нигилистической тенденциозности, что ничего общего не имеет с большими и благородными задачами, стоящими перед советской литературой» (ЦГАЛИ Ф. 735. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 3–4). В противовес этому мнению Е. Кутузов отмечал: «...проза В. Насущенко сохранила свою первозданность, осталась незамутненной идеологизмами, митинговой тарабарщиной, осталась чистой и милосердной» (Там же. Л. 9.) Некот. произведения Н. (напр., рассказ «**Чужая собака**») ждали публ. около 20 лет. Н. никогда не шел на компромисс, следуя принципу: «Писать нужно голую правду, не достойно писателю поддаваться политической дрессировке».

Перв. рассказ «**Тяжелый маршрут**» напеч. (под заглав. «Дорогу уже не бомбили», данным ред.) в альм. «Молодой Л-д» за 1968. Рассказ «**Девушка с кошкой**», напеч. в ж. «Аврора»

(1979. № 8) при содействии гл. ред. Г. Горышина (ставшего впоследствии близким другом Н.), вызвал неприятие анонимного обозревателя «ЛГ».

В 1970–80-е рассказы Н. публ. в альм. «Молодой Л-д», «Точка опоры» (1973), ж. «Аврора», «Нева», «Звезда», «Новый мир». Перв. кн. **«Мартовский лед»** вышла в 1980. В 1982 принят в СП СССР (позже СП России). Лауреат Всесоюзного конкурса СП СССР и «Недели» на лучший рассказ 1983. В общей сложности опубл. около 100 произв.

«Писатель, скупо и нежно поведавший миру о своей единственной родине...», — так определяет суть тв-ва прозаика А. Скоков (Скоков А. «Ты у меня один...» О прозе Владимира Насущенко // Кн. лавка. 1995. Май). Герои большинства рассказов и повестей Н. — рыбаки, охотники, моряки, геологи, люди профессий, требующих самоотдачи и мужества. «Тяжелая ноша сделала их нескладными, грубоватыми от постоянного напряжения — но только возле таких людей можно спастись, согреться в холодной, неуютной жизни, которую Н. рисует бесстрашно, подробно и трагично» (В. Попов). Несмотря на внешнюю мрачность колорита, тепло и свет проистекают из любви автора к своим героям. Сострадание, способность Н. почувствовать чужую боль отмечено мн. критиками: «...талант Насущенко трогательный, в его прозе грубость жизни уживается с нежностью души» (ЦГАЛИ. Ф. 735. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 5).

Новеллистика Н. создавалась не без влияния произведений Э. Хемингуэя и Дж. Лондона с их темой мужества тихих и неприметных людей. В центре рассказов Н. оказывается событие, требующее от персонажа поступка, который высвечивает его характер. Типична ситуация преодоления: лишь напряжением всех сил герои добиваются цели, спасают чью-то жизнь, выживают сами. Нередко именно угроза возможной смерти заставляет их обратиться к реальностям жизни. Но если победа героя американской прозы обязательно означает для него перемену судьбы, то «победы героев Н. никак не связаны с приметами внешнего успеха — и победитель не столько „не получает ничего", сколько ничего не просит», — полагает В. Топоров, отмечающий и еще одну особенность: «Неразвитый строй мыслей и чувств большинства персонажей Н. подчеркивает, по закону контраста, их здоровую нравственную основу, определяющую необходимый выбор куда точней, чем любая рефлексия».

Энергичный ритм, резкие линии рисунка, исключительность, напряженность ситуации присущи прозе Н. Типичная для рассказов Н. композиция — неторопливая, нарочито затянутая экспозиция и внезапный порыв поступков и страстей. Произведения Н. отличает лаконичность изобразительных средств, ясность языка, который «пронзает нас деталями удивительно жизненными, точными, убедительными» (В. Попов), филигранная отделка текста. При всей внешней суровости в рассказах присутствует скрытая, но постоянно ощущаемая сердечность. Особенность авторской манеры Н. в том, что «любое его слово тесно слито с героем, идет от его психофизического состояния, его лексики и душевного опыта» (В. Кавторин).

Предваряя публ. рассказа **«Артемида»**, Горышин обращает внимание на поставленный в нем вопрос: «кто скажет нашим, еще несмышленым, внукам, что они — русские? При всеобщем вывихе шеи в сторону запада... Кто их научит любить Россию?» (ЦГАЛИ. Ф. 735. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 5).

Описания природы — фон для психологич. проработки характеров. Так, напр., суровый, чистый пейзаж в рассказе **«На холодной реке»** высвечивает образ героя — учителя, человека страдающего, но чистосердечного, несущего свой крест и отвергающего подачки жизни. «Почти в каждом рассказе действие стремится к некоей вспышке, откровению, когда... герой, а вслед за ним и читатель, осознает нечто важное» (Батурина Т.), при этом часто возникают символы внезапного психолог. прозрения героев, как «красная лошадь» в финале одноименной повести. Рисует глухие заброшенные места, безлюдье, бездорожье, как в рассказе **«Последняя Марфа»**, где звучит «щемящая боль горького счастья жить на этой земле» (Скоков А. «Ты у меня один...»).

В наследии Н. выделяются автобиогр. рассказы о детстве, напр., пронзительный рассказ о блокаде **«Если я не приду»**.

В посл. произведениях Н. ощутимы реалии совр. России: Н. пишет о тех, кто нуждается в защите: стариках, детях, простых людях. Автором движет стремление обрисовать живые и трогательные характеры совр. бедняков (**«Старуха и мизантроп»**, **«Невыкопанная полоска»**, **«Фреза Господня»**), преодолеть человеч. черствость, показать, чем все-таки держится «жизнь человека, щемяще-беззащитная, открытая мелким напастям и сокрушительным невзгодам» (А. Скоков). Гибельности прогресса для природы и для человеческой души посвящен рассказ **«Ничто не летало в лесу»**: кошка, прибитая мальчишками к забору, мертвые синицы в лесу после взрыва цеха, повесившийся от ужаса скотник — «события одного ряда» (Т. Батурина).

Особый пласт в тв-ве Н. составляют рассказы о любви (**«Петр и Лиза»**, **«На холодной реке»**) — их отличает целомудренный взгляд автора, рисующего чистые, естественные чувства.

Творч. кредо писателя стала убежденность: «нужно писать так, чтобы Господь прощал все грехи за правду» (Автобиография). Книги Н. останутся в русской лит-ре прежде всего благодаря их героям, «щедрости и силе их души, которая переплавляет пережитые ими беды в свет надежды, в добро и нежность, обращенные к другим» (Кавторин В.).

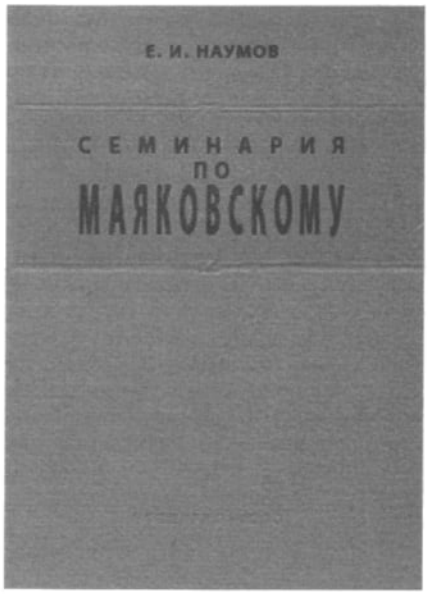
Архив: ЦГАЛИ. Ф. 735.

Соч.: Мартовский лед. Л., 1980; С утра до вечера. Л., 1984; Белый свет. Л., 1988; Дом на канале. М., 1989; Красная лошадь. СПб., 1998.

Лит.: Горышин Г. Вес слова // Веч. Л-д. 1980. 4 сент.; Ланда Е. В гуще жизни // Нева. 1980. № 9; Коносов М. Перекличка // Звезда. 1981. № 1; Холшевникова Е. Судьбы людские // Лен. правда. 1985.18 янв.; Чалмаев В. Тихие дерзания малой прозы // Лит. Россия. 1985. 22 февр.; Кавторин В. Люди терпеливого подвига // Нева. 1985. № 8; Попов В. Состав земли не знает грязи... // Нева. 1989. № 6; Топоров В. Тихий вызов // Лит. обозрение. 1989. № 10; Батурина Т. Красная лошадь // Лит. Петербург. 1999. № 7; Скоков А. След в след. Размышления о прозе В. Насущенко // Лит. Петербург. 2000. № 11; Батурина Т. Для медленного чтения // Батурина Т. Ратоборцы слова. СПб., 2008; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Любомудров

НАУ́МОВ Евгений Иванович [1(14). 3.1909, Смоленск — 7.10.1971, Л-д, похоронен на Комаровском кладб.] — литературовед, критик.



После окончания средней школы работал токарем на лен. з-де «Русский дизель». В 1930 вступил в КПСС. Окончил филологич. фак-т ЛГУ (1939). Печ. с 1940. Во время блокады — корр. газ. «Смена». Был эвакуирован в Среднюю Азию, где занимался партийно-организационной работой. Вернувшись в Л-д в 1944, поступил в аспирантуру ЛГУ (1945), в 1947 защитил канд. дис. **«Маяковский и лит. движение 1917–22 гг.»**. В 1955 — докт. дис. **«М. Горький и лит. движение советской эпохи (1917–36)»**. Вместе с А. Дементьевым и Л. Плоткиным — один из создателей кафедры истории сов. лит-ры ЛГУ, дважды был ее заведующим. С 1947 по 1971 читал в ЛГУ лекции по сов. лит-ре, вел семинар «Горький и сов. литература». На филфаке ЛГУ организовал ЛИТО, где обсуждались произведения начинающих авторов, в т. ч. И. Бродского, В. Сосноры и др. Работая в ЛГУ, в то же время в теч. 8 лет был гл. ред. ЛО изд-ва «Сов. писатель». По инициативе Н. при изд-ве было создано ЛИТО молодых прозаиков, кот. посещали В. Конецкий, Г. Горышин, А. Володин, В. Курочкин и др. В разное время объединением руководили М. Слонимский, В. Панова, К. Паустовский.

Областью науч. интересов Н. была практически вся сов. лит-ра, однако приоритетной оставалась поэзия. Пост. объектом его изучения было тв-во В. Маяковского и С. Есенина. Насыщенная интересным и значительным фактическим мат-лом монография **«Сергей Есенин: Личность, тв-во, эпоха»** (1969) сохраняет науч. значение. Н. стал вдохновителем учебника для 10-х классов **«Русская сов. лит-ра»** (1951), созданного в соавт. с А. Дементьевым и Л. Плоткиным и выдержавшего 22 изд. Учебник отражал те идеологич. концепции, кот. сложились в официальном сов. литературоведении 1950-х.

Осн. направления лит.-критич. деятельности Н. — защита принципов соцреализма, разоблачение буржуазного искусства, выявление ведущих черт сов. лит-ры. Лит.-критич. статьи, собранные в изданным посмертно сб. **«О спорном и бесспорном»** (1973), составляют значительную часть творч. наследия Н. Автор обращается к дискуссионным, по его мнению, вопросам истории сов. лит-ры, правильное решение кот. должно помочь в борьбе с теми буржуазными «советологами», кто стремится «мобилизовать все возможное и невозможное» ради идеологич. войны против страны социализма. В теоретич. аспекте важное значение Н. придавал взаимодействию художника и об-ва, подчеркивая необходимость овладения передовым мировоззрением для создания правдивой реалистич. картины жизни. Вершиной поэзии Маяковского, последовательной победой реализма считал поэму «Владимир Ильич Ленин». В ст. **«О времени и о себе»**, посвящ. сопоставлению эволюции В. Маяковского и Б. Пастернака, доказывает, что Маяковский сумел выразить свое время, а Пастернак с его раздвоенностью, рефлексией, недоверием к социализму «связан со вчерашним, а не с сегодняшним днем истории». Н. рассматривает 1920–30-е как единый период, считая при этом, что 30-е «были годами идейной консолидации советских писателей, это были годы их творческого воодушевления и больших художественных достижений». Обращаясь к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита», утверждает, что «отрешенность от конкретной социальной борьбы, заданное устранение от нее — одно из самых слабых мест романа», в кот. «советские писатели изображены жалкими, ничтожными приспособленцами». Согласно своему времени при анализе любого лит. явления Н. постоянно подчеркивает значение и важность марксистко-ленинского учения. Полемизируя с западными славистами, отстаивает ленинское представление о свободе тв-ва. Методы доказательств Н. нередко базируются на узаконенных эстетикой соцреализма категориях партийности и народности его времени.

Не только история сов. лит-ры, но и потребности живого лит. процесса определяли характер деятельности Н. При активной помощи Н. был издан лит.-худож. альм. «Молодой Л-д» (1965). На страницах лен. газ. и ж. часто появлялись его обзоры совр. лит-ры, рец. на поэтич. сб. Для лит.-критич. ст. Н. характерны идеологич. пафос и дискуссионная направленность. В посл. годы жизни возглавлял секцию критики и литературоведения при ЛО СП СССР. Среди учеников Н. — Ю. Андреев, В. Лавров, А. Нинов и др.

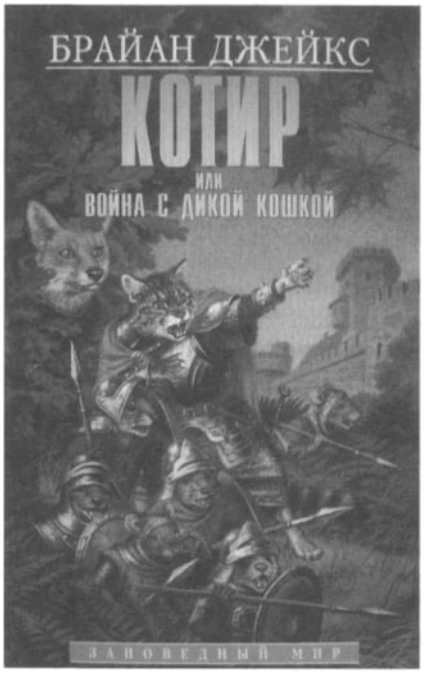
Соч.: Д. А. Фурманов: Критико-биогр. очерк. М.; Л., 1954; А. Серафимович. Д. Фурманов: Семинарий (совм. с Л. Гладковской). Л., 1957; Маяковский в первые годы сов. власти. М., 1955; В. В. Маяковский: Семинарий. Л., 1963; Горький в борьбе за идейность и мастерство сов. писателей. М., 1958; Сергей Есенин. Жизнь и тв-во. М.; Л., 1965; О традициях в молодой поэзии // Нева. 1965. № 3; У истоков сов. поэзии // Нева. 1969. № 5;О спорном и бесспорном. Л., 1973 (вст. ст. Ю. Андреева).

Лит.: Реформатская Н. Новые книги о Маяковском // Новый мир. 1950. № 8; Куприяновский С. Книга о Фурманове // Ивановский альм. 1951. Кн. 14; Касторский С. Две книги о Горьком // Звезда. 1959. № 6; Жегалов Н. Горький в борьбе за сов. лит-ру // Вопросы лит-ры. 1960. № 3; Монография о Есенине // Вопросы лит-ры. 1961. № 4; Банк Н. Поездка в Комарово // Нева. 1993. № 3.

А. Петров

НАЧИ́НКИН Георгий (Егор) Николаевич [18.11.1963, Л-д] — переводчик.

Отец — геолог, мать — реставратор, работала в Эрмитаже. Н. окончил фак-т иностранных яз. ЛГПИ им.



А. Герцена (1990). Владеет немецким, французским, английским, древнегреческим и латинским яз. Работал сантехником, лаборантом в НИИ, репетитором, переводчиком в кооперативе «Развитие». В 1980-е опубл. в «Митином ж.» переводы из Ф. Кафки и А. Зингера.

В эти же годы начал заниматься живописью. Участвовал в неск. групповых выставках, в 1990 провел первую персональную выставку в Биб-ке им. А. Блока (Невский пр., д. 20). В 1996 на Пушкинской–10 состоялась персональная фотовыставка.

Сотрудничал как переводчик с Высшей религиозно-философской школой. Перевел и подгот. к публ. ряд богословских трудов. В кон. 2000 закончил работу по составлению компьютерной программы для работы с полным текстом церковно-славянской Библии.

В посл. годы занимается переводом худож. прозы, в т. ч. НФ, приключ. лит-ры (Спрэг де Камп «Демон, который ошибался»; Грэхэм Митчелл «Пятое кольцо»; Майкл Гир, Кетлин о'Нил Гир «Люди Волка» и др.).

Переводы: Кафка Ф. Блумфельд, пожилой холостяк // Митин ж. 1986. № 9/10 (с нем.); Зингер А. Друг Кафки // Митин ж. 1986. № 11 (1986) (с англ.); Мейендорф И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. СПб., 1997 (с франц.); Ансельм Кентерберийский. Почему Бог стал человеком. СПб., 1999 (с лат.) и мн. др.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

НЕВЗГЛЯ́ДОВА Елена Всеволодовна [2.6.1939, Л-д] — филолог, эссеист, поэт.

Родилась в семье служащих. Отец, Н. Всеволод Гордеевич — физик, мать — Н. Ольга Константиновна, литератор, преподавала английский.

В 1962 окончила албанское отд. филологич. фак-та ЛГУ. По окончании ун-та работала в школе, в БАН СССР, на телевидении. В 1967 закончила аспирантуру ЛГУ. С дек. 1969 — мл. науч. сотр. Сектора поэтики и стилистики ИРЛИ (Пушкинский Дом), с 1972 — Сектора фольклора.

Обл. науч. интересов: поэтика, теория стихотв. речи. Участвовала в колл. трудах ИРЛИ: «Поэтика и стилистика русской лит-ры» (Л., 1971); «Русский фольклор». Т. 14 (Л., 1974). Защитила канд. дис. по теме: **«Мелодика русского лирического стиха»** (1974).

В 1976 поступила в ред. ж. «Аврора», где в отделе прозы проработала ред. 16 лет. «Работа в редакции, хотя и была мне интересной, не оставляла времени для научных занятий. Только уйдя из редакции в 1992 году, я вернулась к интересующим меня проблемам теории стиха. Чем отличается стихотворная речь от прозаической, с точки зрения языка? Многие читают стихи, как прозу, извлекая из текста логическое содержание и довольствуясь чисто ритмической прелестью стихотворной речи. При этом теряется тот собственно *стиховой смысл*, кот. и составляет цель усилий поэта. Он связан с интонацией. Своей главной работой я считаю интонационную теорию стиха» (**«Автобиография»**). По Н., стиховая интонация, образуемая конститутивной паузой в конце каждого стиха (строки), является единственным и достаточным признаком, отличающим стихотв. речь от прозаической. Стиховую паузу не знает прозаич. речь — эта пауза не синтаксическая, не эмотивная и не пауза хезитации, известные прозе, она асемантическая, по Н. — «музыкальная». Точно так же и стиховая интонация имеет свою специфику, кот. Н. определяет, как интонацию неадресованности. Метр, по Н., — категория абстрактная, интонация связана с семантикой.

Н. полагает, что лингвистич. механизм стихотв. речи определяется ее членением. Создаваемое паузой унифицированное звучание стихотв. речи уравнивает разноуровневые элементы текста и тем самым делает их (без всякого ранжира) пригодными для выражения смысла. Служебные слова, фонетика и грамматика становятся равноправными выразителями содержания. Длина строки, становясь длительностью звучания, а чередование ударений — интенсивностью, — как в устной речи, передают эмоции. Стих, т.о., получает возможность фиксировать на письме интонацию. Оттенки смысла, кот. в живом общении выражаются звуком голоса, непосредственно (а не описательно, как в прозе) возникают в письменном тексте. Ускользающая материя устной речи поймана стиховой конструкцией и остановлена. В этом, как считает Н., и состоит, с лингвистич. точки зр., специфика стихотв. речи.

Ст. Н. по теории стихотв. речи, были опубл. в ж. «Известия АН», «Русская лит-ра», «Russian Literature», «НЛО» и др., и составили кн. **«Звук и смысл»** (СПб., 1998), кот. в том же году получила петерб. лит. премию «Сев. Пальмира», и кн. **«О стихе»** (СПб.: Изд-во ж. «Звезда», 2005).

Н. печ. как критик и эссеист в ж. «Вопросы лит-ры», «Новый

мир», «Знамя», «Звезда» и др. Несмотря на то что книги Н. изд. в ненаучных изд-вах, статьи, их составляющие, опубл. в науч. журналах и сб. и являют собой часть совр. науч. лингвистич. знания. Стиховедч. работам Н. был посвящен раздел в отд. критики ж. «НЛО» (2006. № 5).

Эссеистика Н. отмечена премией ж. «Звезда»: эссе о Г. Адамовиче, **«Заметки читателя»**, статья о Л. Толстом и др. В жанре «заметок» Н. следует традиции «записных книжек» Г. Адамовича и «Записей» Л. Гинзбург.

С 1989 печ. стихи под псевд. Елена Ушакова. Стихотв. тв-во У. принадлежит петерб. поэтич. школе, в частности, школе А. Кушнера. Стихи опубл. в ж. «Синтаксис», «Знамя», «Новый мир», «Арион», «Звезда», «Нева» и др. В 1991 вышла кн. стихов Н. **«Ночное солнце»**, в 2000 — **«Метель»**, в 2005 — **«В потаенном регистре»**, в 2012 — **«Лиственная тень»**. Стихи переводились на французский, голландский, итальянский яз.

Член СП СПб. (с 1991).

Муж — поэт Александр Кушнер.

Соч.: Ночное солнце. СПб., 1991; Звук и смысл. СПб., 1998; Метель. СПб., 2000; О стихе. СПб., 2005; В потаенном регистре. СПб., 2005; Лиственная тень. СПб., 2012.

НЕДЗВЕ́ЦКАЯ Ольга Дмитриевна [14.10.1955, Л-д] — художник-график.

Выросла в семье физиков, выпускников ЛГУ, преподавателей высшей школы. Закончила среднюю худож. школу при Ин-те живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина. Поступила на графический фак-т инта и в 1982 закончила курс обучения по мастерской книжной графики под рук. Г. Епифанова. Дипломную работу выполнила по теме **«Оформление и иллюстрации к повести Н. В. Гоголя "Невский проспект"»**.

Как иллюстратор Н. начинала акварельными рисунками для ж. «Пионер» и «Костер», оформлением науч. и учебной лит-ры перовыми рисунками тушью, где самыми интересными стали иллюстрации к отрывкам из произведений классиков русской и зарубежной лит-ры в ряде хрестоматий. Среди них В. Комарова. «Шекспир и Монтень» (оформл.), А. Сенгепов, Е. Нёмысова. «Хантыйский язык» (оформл.), А. Михеева, Л. Варковицкая. «Лит-ра. Хрестоматия для 4 кл.» (илл., оформл., акв.); Н. Русина, К. Нартов, Л. Тодоров. «Лит-ра. Хрестоматия для 10 кл.» (илл., тушь, перо); С. Ашурова и др. «Русский язык. Учебник для 5 кл.» (илл., акв.).

Илл. Н. к произведениям худож. лит-ры, в основном для детей и юношества, отличаются традиционной реалистич. манерой и серьезным, обстоятельным и подробным характером. Как правило, они выполнены акварелью для детей младшего возраста и тушью для старшего. Ею проилл. кн. — А. Грин. «Алые паруса» (илл. — тушь, перо), Гарриет Бичер-Стоу. «Хижина дяди Тома» (илл. — тушь, перо, оформл. — акв.), Л. Шторк-Шива. «Мудрый муравей» (оформл., илл. — акв.), «Домашние животные» (илл., оформл. — цв. смешан. техника), Е. Шварц. «Сказка о потерянном времени» (илл. — тушь, перо); Е. Поселянин (илл. — тушь, перо), А. Родосский. «Глагол времен» и «Лики и лица» (обложки — тушь, перо, кисть), О. Першина «Под звёздным небом Рождества» (оформл., илл. — тушь, перо, цв. обл.), А. Чехов «Каштанка» (илл., оформл. — тушь, перо, цв. обл.), Б. Заходер. «Про всех на свете» (илл. к «Сказкам для людей» — тушь, перо), О. Першина «Мой кораблик золотой» (илл., оформл. — тушь, перо). Акварелью выполнены в нач. 2000-х илл. к повестям о животных Я. Грабовского и повести И. Пивоваровой «О чем думает моя голова». В 2006–07 художница работала над перовыми иллюстрациями тушью к историч. повести для юношества о Петре Великом «Саардамский плотник», написанной в 1 пол. XIX в. П. Фурманом. Посл. работа Н. — иллюстрирование сказок А. Пушкина, выполненных в неск. вариантах — рисунки пером и тушью, они же, раскрашенные цветным карандашом и сделанные в два цвета.

Кроме работы над илл. книг занималась станковой графикой. Ею выполнены серии архитектурных пейзажей СПб. в технике чернобелого и подцвеченного офорта и масляной пастели, а также большеформатные акварели с пейзажными видами Пушкиногорья и Суздаля.

Член Союза художников РФ.

Илл.: А. Грин. Алые паруса. М., 1999; Г. Бичер-Стоу. Хижина дяди Тома. СПб., 2001; Л. Шторк-Шива. Мудрый муравей. СПб., 2003; Домашние животные. М., 2003; Е. Шварц. Сказка о потерянном времени. М., 2003; А. Родосский. Глагол времен. СПб., 2004; А. Родосский. Лики и лица. СПб., 2006; О. Першина. Под звёздным небом Рождества. СПб., 2006; А. Чехов. Каштанка. М., 2007; Б. Заходер. Про всех на свете. М., 2008; О. Першина. Мой кораблик золотой. СПб., 2009.

О. Родосская

НЕДОБРОВÓ Николай Владимирович [1.9.1882, имение Раздольное Харьковской губ. — 3.12.1919, Ялта, похоронен на Аутском кладб. Ялты] — поэт, критик, литературовед.

Принадлежал к старинному дворянскому роду, отец — военный.

Детство провёл в имении матери в Курской губ. В кон. 1890-х семья переехала в Харьков, где Н. учился в Харьковской 3-й гимназии. В 1902 поступил на историко-филологич. фак-т Харьковского ун-та. Отучившись два курса, в 1903 перевелся на историко-филологич. фак-те СПб. ун-та, закончил обучение в 1906, одновременно с А. Блоком.

«Лебяжья канавка» (1904): «Белая ночь. В неподвижной воде Лебяжьей Канавки / Отразились деревья Летнего Сада. / Вода так неподвижна, что ее вовсе не видно... / Видно только, что вниз растут деревья; / Ясно видны каждый листок, каждая почка. / А дальше воздух, пустота, беспредельность... / И кажется, что дошел до края земли, / Кажется, что заглянул за землю».

В 1905–06 познакомился с художниками и критиками «Мира искусства», писал заметки о живописи, о выставках картин, стал сотрудничать с кадетской газ. «Речь», но сотрудником худож. отдела газ. не стал. В годы первой русской революции вступил в партию кадетов. В 1908–16 служил в канцелярии Гос. Думы.

Писать начал рано. Перв. лит. опыты относятся к сер. 1890-х, когда Н. редактировал студенч. ж. и печ. в нем свои стихи и рассказы. В 1902 безуспешно пытался опубл. неск. стихотворений в «Вестнике Европы».

В 1911 познакомился с Вяч. Ивановым, позднее фактически став его правой рукой в «Об-ве ревнителей худож. слова», в кот. часто выступал и как докладчик (в 1911, в частности, прочитал д-д **«Ритм, метр и их взаимоотношения»**, содержащий некот. положения, ставшие впоследствии аксиомой науки о стихе), выступал как оппонент. Осенью 1913 вошел, наряду с Н. Гумилевым и В. Чудовским, в совет Общества.

Ю. Сазонова-Слонимская писала о Н.: «Тонкость, узость линий была основным признаком внешнего очерка Николая Владимировича, нежность и блистание были основою его красок. Тонкость линий почти неестественная, в сочетании с прозрачностью красок, почти женственной, создавали общее впечатление хрупкости. "Перламутровый мальчик", звали его в интимном кругу в пору его студенчества. "Он фарфоровый", пугались друзья потом, когда видели узкий очерк застенчиво улыбавшегося Николая Владимировича среди реальных "трехмерных" фигур остальных собравшихся. Особенности внешнего облика отличали его сразу: его нельзя было пропустить, не заметить. Люди, видавшие его мельком где-нибудь в людном месте, с полной точностью вспоминали его через много лет. К этому добавлялось ощущение несовременности: "у него лицо Чаадаева", "он совсем из сороковых годов"... Он казался не связанным со своей эпохой, хоть и был в мысли своей, в духовной сути своей самым современным из современников, ибо современность отложилась в нем не одним только каким-либо случайно его задевшим событием, — а вся ее сущность отложилась в нем абстрактными кристаллафми, сложив замкнутый и слитный мир точных идей. Как ни был отличен от других и как ни казался подчас одиноким Николай Владимирович, он был человеком своей эпохи, быть может наиболее полно и наиболее самоотверженно ее воплотившим».

А. Белый в ст. «О ритмическом жесте» называл Н. «поэтом изящным и тонким».

В апр. 1913 Н. стал одним из инициаторов создания Общества поэтов («Физа»), в кот. вошли Ю. Верховский, А. Скалдин, А. Кондратьев, В. Пяст и др. «Это "Общество Поэтов", которое я "окрестил" "Физой" за прочтенную в первых собраниях ... поэму, кажется, Анрепа... — это Общество задавалось целью и проводило в жизнь начала упорядоченной свободы. Единственно, чего не потерпело бы оно на своих собраниях, — это поэтического хулиганства. И последнее как-то инстинктивно чуждалось "Физы"... В целях полного беспристрастия, "Физа" никогда не собиралась на частных квартирах, а всегда нанимала для собраний какой-нибудь небольшой зал ... Рефераты о поэзии всех направлений читались в стенах этого зала. Вход на собрание доступен был всем, и через то много новой публики притягивалось к поэтическим интересам» (Н.). Первое заседание (4.4.1913) было открыто чтением А. Блоком драмы «Роза и крест» (по приглашению Н.), тогда же был прочитан д-д самого Н. **«О связи некоторых явлений русского стихотворного ритма с дыханием»**. Здесь состоялся и д-д Н. **«Что такое русский эгофутуризм»** (27.11.1913), дискуссия об акмеизме (22.4.14).

Критическое отношение к собств. тв-ву явилось причиной позднего поэтич. дебюта Н. — первые подборки стихов поэта появились лишь в 1913 в «Русской мысли» и «Сев. записках». В своем тв-ве ориентировался как на классич. традицию (Ф. Тютчев, А. Пушкин), так и на современные — символизм и акмеизм.

Стихи и проза (повесть **«Душа в маске»**, ж. «Русская мысль», 1914) печ. в «Русской мысли», «Сев. записках», «Альманахе муз». Всего в печати было опубл. около 30 стих. «Ювелирное» отношение к форме стихов сочеталось у Н. с «символически осознаваемым внутренним опытом» (по автохарактеристике).

Выступал как критик и теоретик искусства (**«О соотношении начал: силлабического и тонического»** и мн. др.), публ. статьи о тв-ве Ф. Тютчева (**«О Тютчеве»**) и А. Фета. Рефераты и д-ды о совр. лит-ре и по теории стиха, прочитанные Н. на заседаниях различных кружков, вызывали неизменный интерес слушателей, о них вспоминали спустя годы. Единственная опубл. теоретич. работа Н. **«Ритм, метр и их взаимоотношение»** (Труды и дни. 1912. № 2).

Н. оставался вне направлений, поддерживал дружеские отношения с «младосимволистами», имел заслуженно высокую репутацию в кругу акмеистов. Умел притягивать к себе внимание, его суждения были чрезвычайно авторитетными, и многие идеи Н., хотя и не оформленные в статьи и книги, но в совокупности составляющие единую эстетич. систему, оказались впоследствии продуктивными для развития критико-филологич. мысли. По словам А. Ахматовой, «все наши формалисты так или иначе учились у Недоброво» (их знакомство состоялось в 1913). Статью Н. **«Анна Ахматова»** сама поэтесса считала провидческой, лучшей из всего, написанного о ее творчестве (они были соседями по Царскому Селу, Ахматовой он посвятил неск. стихотворений). Тв-во Н. оказало серьезное влияние на Ахматову. Даже светские манеры царскосель-

ского «лоска», что отмечал К. Чуковский в Ахматовой, — след влияния Н. на юную поэтессу. Н. Мандельштам вспоминает: «...его влияние здорово сказалось на некоторых жизненных установках Анны Андреевны... "Аничка всем хороша, — говорил он, — только вот этот жест", и А. А. показала мне этот жест: она ударила рукой по колену, а затем, изогнув кисть, молниеносно подняла руку ладонью вверх и сунула ее мне почти в нос. Жест приморской девчонки, хулиганки и озорницы». Невольно оброненным словом Н. во многом «делал» образ «русской Сафо», как создавал и свой собственный.

«Основным звеном, смыкавшим цепь идей Николая Владимировича, было понятие России... Он считал Россию вместилищем Духа, и с нею связаны были для него все вопросы земного существования человечества. Россия должна была открыть человеку его истинную жизнь, — в ней, в верном ее пути разрешение основных духовных вопросов. В его понятии Россия в данном периоде человеческой истории была осиянна тем венцом, какой сиял попеременно над христианским Римом первых веков, над Византией в лучшую ее пору и который венчает народ, являющийся в данную пору лучшим храмом земной Церкви. Этот венец определяется не только внешним могуществом: Англия и Франция, при всем их величии, никогда не были озарены венцом. Но внешнее величие является одним из сопутствующих ему знаков. Поэтому Россия в своих исторических путях всегда была связана с другими народами, являясь во всех своих начинаниях не замкнутой внутри себя, а выходящей за пределы личных своих нужд... В последнем акте каждой исторической драмы, имевшей значение для человечества, неизбежно являлась Россия, и ею решался исход события» (Ю. Сазонова-Слонимская).

При жизни Н. не успел выпустить ни одной кн. Посмертно опубл. трагедия в стихах **«Юдифь»** (ж. «Русская мысль». 1923).

Война оказалась роковым событием в судьбе Н. Зиму 1914–15 он был нездоров. В 1915 открылась чахотка, с этого вр. отошел от лит. дел. В 1916 уехал лечиться на Кавказ, получив отпуск на вр. болезни. Жил вместе с женой, Любовью Александровной Ольхиной, в Сочи, откуда перебрался сначала в дер. Красная Поляна Черноморской губ., затем в Ялту, где и скончался от чахотки (туберкулеза).

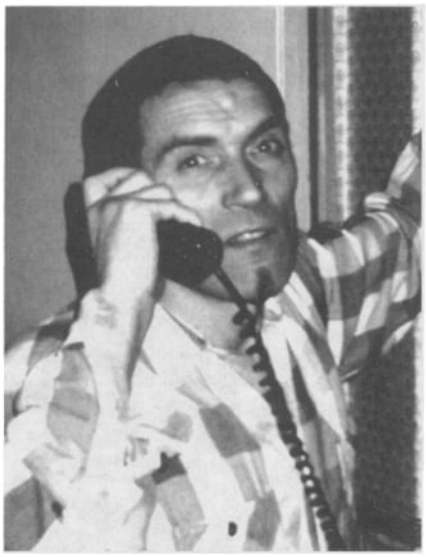
Стихотв. наследие Н. опубл. лишь в 1999.

Архив: РГАЛИ. Ф. 1811. Оп. 1. Ед. хр. 75.

Соч.: Милый голос / Сост., прим. и предисл. М. Кралина. Томск, 2001.

Лит.: Сазонова-Слонимская Ю. Николай Владимирович Недоброво. Опыт портрета // Русская мысль. София-Прага, 1923. № VI–VIII; Пяст В. Встречи, М., 1929; Сазонова-Слонимская Ю. Н. В. Недоброво // Новое русское слово. Н.-Й., 1954. 26 мая; Г. Струве, А. Ахматова и Н. Недоброво // Ахматова А. СС: В 4 т. Т. 3. Париж, 1981; Шумихин С. Мат-лы Н. В. Недоброво в ЦГАЛИ. // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992; Орлова Е. Николай Недоброво: судьба и поэзия // Вопросы лит-ры. 1998. № 1; Орлова Е. Лит. судьба Н. В. Недоброво. Томск; М., 2004.

НЕКЛЮДОВ Андрей Геннадьевич [30.7.1959, г. Череповец] — прозаик.



Семья часто переезжала с места на место (отец какое-то время был военным). Возможно, эти разъезды привили Н. тягу к путешествиям. Еще будучи школьником, он три летних месяца проработал рабочим-радиометристом в геологич. партии на Дальнем Востоке.

Эта же страсть к романтике привела его на геологический фак-т ЛГУ (1982). Позднее, будучи сотрудником Всероссийского научно-исследовательского ин-та (ВСЕГЕИ), Н. защитил канд. дис. (1995), побывал в экспедициях в Якутии, Вост. Сибири, Монголии, на Урале, Тянь-Шане, севере Европейской части России. Пост. вел путевые заметки, кот. послужили мат-лом для будущих худож. произведений. Герои произведений Н. путешественники, они обычно едут — то в Южную Корею в качестве контрабандистов (повесть **«Я — контрабандист»** — ж. «Нева». 1998. № 1–2), то на Южный Урал за золотом и убегая от собств. мучительных воспоминаний (повесть **«Золото для любимой»**, 2008). А если не едут непосредственно, то значит, только что приехали / переехали, временно вселились (повесть **«На Крюковом»**, рассказы **«Как я был Рычанчиком»**, **«Раб Семеныч»**, вышедшие в «Неве»). В дальних уголках страны они зачастую сталкиваются не только с экстремальными природными условиями, но и с суровыми нравами и непростыми судьбами тамошних обитателей (цикл рассказов **«В глубинах России»**). А то кого-то из них судьба и вовсе забрасывает на фантастич. о-в в океане, населенный растениями-мутантами, совращающими людей (рассказ **«Фитомания»** из кн. **«Нефритовые сны»**, 2004).

Публ. Н. начал с 1997: сотрудничал с ж. «Костер», «Нева», позднее — «Сев. Аврора», печ. в газ. «Мальчик и девочка», «ЛГ»; альм. С 1999 — член СП России.

В тв-ве Н. исследует в числе прочих проблемы нрав. становления подростков (рассказы **«Звезда по имени Алголь»**, **«Спасатель»** и др.), их мировосприятие (повесть **«Пленник папуасов»**, рассказы **«Как я провел лето»**, **«Живописцы»**). Н. — член Товарищества детских и юношеских писателей России. Рассказы для подростков отмечены на Международном конкурсе детской и юношеской худож. лит-ры им. А. Н. Толстого в 2006 (2-е место), и в 2007 (Почетный диплом). Пять рассказов Н. вошли в трехтомник совр. детской лит-ры (2007).

С 2002 Н. отчасти оставляет геологию, становится ред. в петерб. изд-

вах (Изд. Дом «Нева», «Институт соитологии», изд-во аудиокниг «Вира-М»), хотя и продолжает время от времени выезжать в «поле». Он обостренно воспринимает совр. состояние страны, жизнь людей на ее периферии, что отразилось в цикле рассказов **«В глубинах России»**, некот. из кот. вышли в ж. «Сев.Аврора» (2010), «Нева» (2011). Герои прозы Н. (школьники, студенты, геологи, коммерсанты) — люди нередко одержимые, целеустремленные или напротив — потерянные в совр. действительности, страдающие, ищущие свое место в жизни. Отд. место в тв-ве Н. занимает эротическая проза, построенная на тонких психологич. нюансах, обнажающая порой самые сокровенные, отчасти подсознательные человеческие желания.

Автор многочисленных вст. статей к кн., а также критич. статей и рец. (ж. «Гайд-парк», «Penthouse», «Сев. Аврора», газ. «Книж. витрина», «Время»).

В посл. время занимается в т. ч. и драматургией.

Соч.: Рассказы // Дружба: Альм. СПб., 1999; Нефритовые сны. СПб., 2004; Похождения красавца-мужчины, или Сага об О'Бухаре / Совм. с В. Сениным (под псевд. Валерий Сенин). СПб., 2004; Ограбление по-русски, или Удар «божественного молотка» / Совм. с В. Сениным (под псевд. Валерий Сенин). СПб., 2004; Нефритовые сны. Аудиокнига. СПб., 2006; Рассказы // Альм. детской и юношеской лит-ры. Т. I. Проза. М., 2007; Спасатель. Аудиокнига. СПб., 2007; Пленник папуасов. Аудиокнига. СПб., 2007; Я — контрабандист. Аудиокнига. СПб., 2008; Золото для любимой. Аудиокнига. СПб., 2008; Звезда по имени Алголь. М., 2012.

Лит.: Холшевникова Е. Просвещенные меценаты // СПб. ведомости. 1998. 25 февр.; Акулов А. Эротич. проза А. Неклюдова // Акулов А. Скважины. СПб., 2004; Куклин Л. Принимать или отвергать: Об эротич. прозе А. Неклюдова // Неклюдов А. Нефритовые сны. СПб., 2004; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

Е. Лукин

НЕКРА́СОВ Борис Владимирович [23.11.1920, Рязань — 1978] — поэт, прозаик, драматург.

Детские и отроческие годы прошли в Рязани, затем жил в Л-де. В 1937 окончил лен. ср. школу.

Участник боев на Карельском перешейке зимой 1939–40 и Великой Отеч. войны.

Перв. публикации — стихи, посвящ. защитникам Л-да, опубл. в годы войны в армейской газ. Осн. направленность тв-ва определилась впечатлениями его воен. юности и журналистской работы на дальних окраинах страны.

С 1948 в теч. 20 лет работал журналистом на Крайнем Севере, в Магадане.

Соч.: Факсимиле: Пьеса. Хабаровск, 1951; Ветер в лицо: Рассказы. Магадан, 1955; Встречь солнца: Повесть. Магадан, 1962; Горят костры: Стихи, поэма. Магадан, 1963; Просто металл: Роман. Магадан, 1968; Там, где рождается утро: Стихи для ст. дошкольников и мл. школьников. М., 1969; Памятники боевой славы в Л-де. Л., 1971; От костра до костра: Стихи и поэмы. Л., 1972; Пересекая океан: Стихи. Л., 1976.

Лит.: Демиденко Г. Тема и ее воплощение // На севере дальнем. 1955. № 3; Константинов А. Первая книга // Дальний Восток. 1956. № 2; Леваковская Е. На севере дальнем // ЛГ. 1956. 25 дек.; Шестакова Ю. О романтике ли... // Дальний Восток. 1961. № 6; Португалов В. Поэтич. раздумья // В мире книг. 1963. № 11; Писатели Л-да: Библиогр. указ. Л., 1964.

НЕКРА́СОВ Георгий Александрович [5(18).9.1913, СПб. — 13.11.1990, Л-д] — поэт.

Окончил Ин-т журналистики им. В. Воровского (1931).

Первые стихи опубл. в 1934.

Автор поэм **«Раймонда Дьен»** (1950), **«В чужом доме»** (1958) и др., сб. **«Утро твое»** (1957), **«Открытое сердце»** (1958), **«Заставские огни»** (1961), **«Шаги»** (1965), **«Стихотворения»** (1973).

Во вр. Великой Отеч. войны был корр. Член КПСС с 1942.

Архив: ЦГАЛИ СПб. Ф.604, 60 х ед. хр., 1930–90. Содержит рукописи стихотворения к сб. «За полярным кругом», «Лирические вариации», «За Невской заставой», «Вторая половина лета», «Здесь всё от любви»; рассказы «Незабываемая ночь», «Записная книжка», «Отец» и др.; воспоминания о поэте Б. Корнилове. Письма С. Баруздина, В. Гальбы, С. Гейченко, М. Лободина, Д. Молдавского, М. Найдича, В. Рождественского и др.

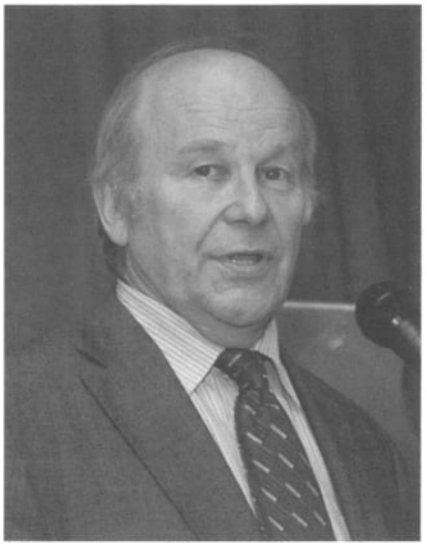
Соч.: Стихотворения. Л., 1973.

Лит.: Решетов А. О самом заветном // ЛГ. 1957. 10 сент.; Лукашевич Г. Слово поэта // Нева. 1959. № 10; Ильина М. Во славу рабочего дня // Лен. правда. 1959. 23 июл.; Фролов Н. Главное в жизни // Труд. 1962. 10 авг.; Сазонов М. Поэт труда // Нева. 1962. № 5; Г. Некрасову 50 лет // ЛГ. 1963. 24 сент.; Баруздин С. Не первая книга // Москва. 1966. № 1; Кауров Б. Шаги [Рец.] // Наш современник. 1966. № 9.

М. Смородинская

НЕКРА́СОВ Сергей Михайлович [4.9.1947, г. Пушкин] — историк, музейный работник, культуролог, сценарист.

Родился в пушкинском Царском Селе. «Царское Село вошло в историю отечественной культуры как Город муз. Блистательное созвездие имен русских поэтов — от Пушкина до Ахматовой — навсегда связано с Царским Селом. И дорога к Пушкину начиналась для меня именно здесь, в поэтичнейших царскосельских парках. Однажды, в канун дня рождения поэта, меня, совсем еще маленького, привели на литературный праздник, проходивший в Екатерининском парке. Среди густой зелени деревьев перед благоговейно притихшим сонмом слушателей стоял высокий красивый человек и читал пушкинские стихи. Разумеется, я не знал этих строк, не знал, кто их написал, не



знал, кто этот чтец, но был совершенно поражен и очарован волшебством звучавших строф. Так поэтическим потрясением в тот давний июньский день вошел в мою жизнь Александр Пушкин.

<...> Первое, что мне довелось узнать о Пушкине, — это то, что он учился в Царскосельском Лицее и провел в Царском Селе счастливейшее время своей жизни. Возможно, именно поэтому Лицей навсегда остался для меня особенным местом среди всех пушкинских мест России, а памятник поэту в Лицейском саду — лучшим из памятников А. С. Пушкину. Еще не читая "Евгения Онегина" и другие пушкинские творения, я навсегда запомнил строки, выбитые на пьедестале этого памятника: "В те дни, в таинственных долинах, / Весной, при кликах лебединых, / Близ вод, сиявших в тишине, / Являться муза стала мне". И это таинство рождения пушкинской поэзии именно здесь, в Царском Селе, навсегда наполнило особым смыслом и значением прекрасные царскосельские сады и парки, в кот. мне посчастливилось провести первые годы жизни; во многом сформировало интерес к истории и музейной работе».

Родился в семье военнослужащего. Окончил ЛГИТМиК. С 1967 работает в музеях Л-да. С янв. 1988 по наст. вр. — директор Всероссийского музея А. С. Пушкина. Сфера науч. интересов — музееведение, русская культура XVIII–XX вв., пушкиноведение, история русского зарубежья. В 1978 защитил дис. **«Масонство в России во втор. пол. XVIII в. и критика просветителями его религиозно-мистической идеологии»** на соискание ученой степени канд. ист. наук. В 2000 защитил дис. **«Пушкинские музеи в культуре России»** на соискание степени докт. культурологи (СПб. гос. ун-т культуры и искусства).

Автор многочисленных статей по проблемам музееведения, истории русской культуры и обществ. мысли XVIII — нач. XIX вв. Автор кн. **«Российская академия»** (1984), **«Апостол добра»** (1994), **«Близ вод, сиявших в тишине»** (1995), **«Брегов забвения оставя хладну сень»** (1997), **«Лицей после Лицея»** (1997), **«Пушкинские музеи России как явление культуры»** (1998), **«Музей поэта»** (1999), **«Три эпохи музея»** (2000), **«В зеркале одиннадцатой музы»** (2000), **«Пушкинские перекрестки Европы»** (2002), **«Под сенью дружных муз (Царское Село — город русской поэзии)»** (2007), **«Душа в заветной лире»** (2010) и др.

Под рук. и при непосредственном участии Н., члена Гос. комиссии по проведению 200-летия со дня рождения Пушкина, была разработана и реализована Программа подготовки музея к пушкинскому юбилею, разработана программа развития музея на 2001–11, ныне успешно реализованная (см.: **Осн. направления развития Всероссийского музея А. С. Пушкина (2001–11 гг.)** // Пушкинский музеум. Вып. 3. СПб, 2001). Н. руководил разработкой концепции и обеспечил практич. воплощение всех осн. экспозиций Всероссийского музея Пушкина: «А. С. Пушкин: Жизнь и тв-во», «Императорский Лицей: Наставники и питомцы», «Живем мы памятью Лицея» и др.

По инициативе и под рук. Н. к празднованию 300-летия СПб. был открыт Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени. Возрождение уникальной усадьбы Державина и создание музея стало результатом разносторонней науч. и творч. деятельности Н., кот. позволила превратить Дом-усадьбу Державина в один из подлинных музейно-культурных центров СПб., имеющих общероссийское значение. В монографии **«Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени»** изложены осн. принципы реконструкции державинской усадьбы и создания на ее основе музея. Данная тема последовательно излагалась во мн. публикациях Н. в период с 1990 по 2011.

Автор сценариев научно-популярных кино- и телефильмов, авторских программ, посвящ. Пушкину, его современникам и потомкам, Царскосельскому Лицею и его воспитанникам (член Союза кинематографистов России, 2001).

Выступал с науч. д-дами на конф. в ун-тах Белграда, Бонна, Парижа, на конференциях Междунар. Совета музеев (ИКОМ).

Н. ведет педагогич. работу; преподает в СПб. Аграрном ун-те и СПбГУКИ. Проф. Читает курсы «Введение в музееведение», «Лит. музей и его специфика», «Музеи мира», «Культура русского зарубежья», «История создания пушкинских музеев в России». Под рук. Н. защищены 4 канд. дис. В теч. последних лет Н. председатель ГЭК СПбГУ по спец. «Музейное дело и охрана памятников».

В теч. 20 лет в странах Европы и США, в частных собраниях потомков лицеистов Н. сумел обнаружить многочисленные рукописные и изобразительные мат-лы, свидетельствующие о жизни лицейского зарубежья. Они легли в основу книг **«Куда бы нас ни бросила судьбина»** (М., 2007), **«Лицейская лира: Лицей в тв-ве его воспитанников»** (СПб., 2007), а впоследствии были представлены в появившемся к 200-летию Императорского Царскосельского Лицея изд. **«Лицейская энциклопедия»** (В 2 т. СПб., 2010), отв. редактором, автором предисл. и ряда статей кот. стал Н. За разработку не изучавшейся до той поры темы лицейского зарубежья удостоен медали автора науч. открытия РАЕН. Благодаря инициативе и энергии Н. в фонды музея поступили мн. уникальные экспонаты из собрания потомков Пушкина и лицеистов.

Ввел в науч. оборот многочисленные неизв. мат-лы из архивов и частных собр. России и Европы. Обнаружил и впервые опубл. стихи лицейских поэтов 1820–70-х. Н. проведено комплексное исследование всех пушкинских музеев, кот. впервые в музееведении представлены как особый социокультурный, просветительский

и художественно-эстетич. феномен. Экспозиции пушкинских музеев были рассмотрены как особый «язык культуры» и специфич. вид худож. тв-ва, имеющий самостоятельную эстетич. ценность.

Инициатор проведения и худож. рук. Междунар. Лицейского фестиваля «Царскосельская Осень» и ежегодного Праздника русской поэзии XVIII в., ставших заметным явлением культурной жизни СПб. По его инициативе установлены мемориальная доска А. Ф. Смирдину и писателям пушкинского круга на Невском пр., д. 22, памятник Г. Державину на наб. Фонтанки, д. 118.

Член Международного Совета музеев (ИКОМ), президент СПб. отд. Об-ва «Россия — Франция», член Пушкинской комиссии РАН. Член Совета по гос. культурной политике при председателе Совета Федерации РФ. Председатель Экспертного совета по работе с соотечественниками, проживающими за рубежом Комитета по внешним связям Администрации СПб.

Заслуж. деятель искусств РФ (2005). Награжден Медалью Пушкина (1999), медалью «В память 300-летия СПб.» (2003), французским орденом Ordre des ARTS et des Lettres (за заслуги в обл. искусств и лит-ры, 2006). Удостоен почетного знака «За заслуги перед СПб.». Почетный гражданин г. Пушкина.

Соч.: Памятники истории культуры как фактор нравств. воспитания // Цивилизация и моральные ценности: Сб. М., 1982; Российская Академия. М., 1984; Дом Державина — вторая жизнь // Известия культуры России. 1990. № 8; Философско-этич. идеи масонства в России // Русская мысль в век Просвещения. М., 1991 (в соавт.); Лицея день заветный // Музеи России. 1992. № 1; Пистолеты из Амбуаза // Новый ж. 1993. № 1; И. В. Лопухин — автор «Духовного рыцаря» // Лопухин И. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь. М., 1994; Судьба Коловиона // «Распространивший первые лучи...»: Н. И. Новиков и русское масонство XVIII — начала XIX в.: Каталог выставки. СПб., 1994; La maison de G. R. Derjavine, un nouveau musée litteraire en Russie // Derjavine un poete russe dans l'Europe des Lumières. Paris, 1994; Апостол добра: Повествование о Новикове. М., 1994; Близ вод, сиявших в тишине. СПб., 1995; Альбом из Висбадена // Дом Остроухова в Трубниках. Вып. 1. М., 1995; Державин на Фонтанке // Мир музея. 1995. Авг.-сент.; Return of an Exile // Christie's International magazine. 1996. November; Die Russische Akademie // Europaische Sozietatsbewegung und demokratische Tradition. Band II. Tubingen, 1996; Catherine II et les francsmaçons russes // Catherine II et L'Europe. Paris, 1996; Лицей после Лицея. М., 1997; Брегов забвения оставя хладну сень... СПб., 1997; Музей А. С. Пушкина // Русский язык за рубежом: Сб. М., 1997; Пушкинский зал музея Лутон-Ху // Дом Остроухова в Трубниках. Вып. 3. М., 1997; Поэтич. традиция лицейских годовщин в культурном наследии лицеистов XIX–XX вв. // А. С. Пушкин в русской культуре Серебряного века: Сб. СПб., 1998; История одного приобретения // Звезда. 1998. № 1; Пушкинские музеи России как явление культуры. СПб., 1998; Музей поэта. СПб., 1999; Всероссийский музей А. С. Пушкина — вчера, сегодня, завтра // Арзамас. 1999. № 7; Творч. биография писателя как основа лит.-монографич. экспозиции // Пушкинский музеум. Вып. 1. СПб., 1999; Старейший в России. Всероссийский музей А. С. Пушкина. Страницы истории. 1879–1999 // Мир и музей. 1999. № 3–4 (в соавт. с Р. Иезуитовой); «Отечество нам Царское Село...»: К созданию мемориал. комплекса в г. Пушкине // Филологич. записки. Вып. 12. Воронеж, 1999; Всероссийский музей А. С. Пушкина: Страницы истории // Pushkin Review. 1999. № 2; А. С. Пушкин. Жизнь и лира (в соавт.). СПб., 1999; Н. И. Новиков и моск. мартинисты // Лонгинов М. Новиков и моск. мартинисты. СПб., 2000; Деятельность музейно-ист. комиссии при объединении лицейских воспитанников в канун пушкинского юбилея 1937 г. // Пушкин и русское зарубежье. М., 2000; La vie et l'oeuvre de Pouchkine dans l'interprétation muséologique // L'Universalité de Pouchkine. Paris, 2000; В зеркале одиннадцатой музы. СПб., 2000; Пушкинский приз // История СПб. 2001. № 2; Пушкинские перекрестки Европы. СПб., 2002; Три эпохи музея. СПб., 2004 (в соавт. с Р. Иезуитовой); Дом Державина как музейно-культурный центр // Державин и его время: Сб. Вып. 2. СПб., 2005; Философская ода XVIII в. в контексте лит. экспозиции // Г. Р. Державин и его время: Сб. Вып. 3. СПб., 2007; Проблемы экспозиц. воплощения биографии писателя в архитектурно-мемориал. пространстве // Державинские чтения. Вып. 2. СПб., 2007; Куда бы нас ни бросила судьбина... Воспитанники Императорского Лицея в эмиграции. М., 2006; Под сенью дружных муз: Царское Село — город русской поэзии. СПб., 2007; Лицейская лира: Лицей в тв-ве его воспитанников. СПб., 2007; «Душа в заветной лире...». СПб., 2010; Образы античности в системе лицейского воспитания // Афинская школа и Царскосельский Лицей: Сб. СПб., 2011; Музей русской словесности // Столицы и усадьбы. 2011. № 20, сент.-окт.; Да здравствует Лицей! // Наше наследие. 2012. № 101; «Спасительная сень». Иркутск, 2013; «Сохрани мой талисман». СПб., 2013.

Лит.: Кто есть кто в России: Биогр. интерактив. энц.

Р. Иезуитова

НЕ́ЛЬДИХЕН Сергей Евгеньевич [27.9.(9.10.)1891, Таганрог — 1942, в заключении] — поэт, журналист.

Н. — одна из наиболее загадочных фигур русской поэзии 1920–30-х. Стихи Н. до сих пор не собр. В мемуарах современников он присутствует обычно на периферии текста, как бы последним перед «и др.». В печ. кон. 1910–20-х фигурирует как Нельдихен, Нельдихен-Ауслендер, Нельдихен (Ауслендер) Ауслендер (Нельдихен) и как Нельдихин-Ауслендер (Чертков Л. Никольская Т.) и Нельдихин (Гусман Бор. Сто поэтов. Тверь, 1923). На опечатку Нльдихин (если это опечатка) поэт реагировал бурно: «Я — Не́льдихен; — по-русски пусть коверкают Нельди́хин!» («**Искренность**», 1923). Но вот что Н. писал три года спустя: «...даже у родственников, пожалуй, не сохранились их портреты, — / Особенно, если

у дедушки-дядюшки был на груди хотя бы сиротливый орденок царских времен / Печки лукаво проглотили немало воспоминаний о дядюшках-бабушках, / Чтобы в первые годы расплат соседи не разнесли подхихикивающий слух: — / "У Петра Львовича дедушка при орденах был; верно — царский сановник"» (**«Это уже история — семнадцатый год...»**, 1926). Вполне вероятно, что эти строки поэт соотносил с собственной биографией. И в таком случае согласимся с М. Эльзоном, предположившим, что Нельдихен — это псевдоним, принятый после октября 1917 из предосторожности. Почти со стопроцентной долей вероятности можно утверждать, что отец поэта — участник русско-турецкой войны 1877–78, бывший командир 161 пехотного Александропольского полка, полковник, вышедший в отставку «со старшинством» в чине генерал-майора (IV класс и потомственное дворянство) Евгений Альбертович Нельдихин. А двойная фамилия — не более чем выдумка поэта (Оношкович-Яцына А.). Впрочем, «Краткая еврейская энциклопедия» относит Н. к русским писателям еврейского происхождения: «С. Нельдихен-Ауслендер (1891–1942); плем. С. Ауслендера» (КЕЭ. Т. 7). Такое возможно лишь в том случае, если мать Н. — сестра Абрама Ауслендера, отца прозаика С. А. Ауслендера. Вероятно родство поэта и с Карлом Ауслендером, управляющим ростовским отделением парижской хлеботорговой фирмы «Луи Дрейфус и Ко».

Впрочем, пока не станут известны мат-лы двух следственных дел, заведенных на Н. в 1931 и в 1941, биография поэта во многом будет строиться на тех или иных догадках, предположениях и сведениях, почерпнутых из вторых рук или из стихов самого Н. Читая же последние не стоит забывать, что писал их «плут, фантазер и чудак» — так аттестовал Н. симпатизировавший ему Н. Чуковский.

Н. окончил историко-филологич. фак-т Харьковского ун-та и по др. сведениям — военное училище, участник Первой мировой войны, лейтенант (?) Балтийского флота После революции в Пг. в 1919 увидел свет перв. его поэтич. сб. **«Ось»**. Впрочем, «света» сб. скорее «не увидел». Кн. эта — большая библиограф. редкость. Не совсем понятно, то ли тираж был уничтожен, то ли печатание было приостановлено. Известное стих. Н. **«От старости скрипит земная ось...»** в этом сб. посвящ. Н. Гумилеву. Воспроизведенное во втором сб. **«Органное многоголосье»** (1922) без посвящения, оно было воспринято (и воспринимается досель) как едва ли не первая ласточка поэтической «ленинианы». Однако стих., славящее в 1919 Ленина и одновременно посвященное Гумилеву, — такое вообразить довольно трудно. Но если представить тогдашний Петроград с его холодом, голодом и разрухой — и Гумилева — исполненного злой (уход Ахматовой) энергии, в дохе, бритого наголо, с косыми глазами, то вряд ли возникнет нужда переадресовывать «калмыковатому» Ленину дифирамб «мэтру» «Цеха поэтов»: «Но человек из своего жилища / Давно устроил для себя кладбища / И к звукам разрушения привык; / И лишь один над пеплом у обрыва / Поднял глаза змеиного отлива, — / И это был озлобленный калмык». Объяснить отсутствие посвящения в 1922 крайне просто: после расстрела Гумилева его собств. стихи какое-то время еще печ., но стихов, посвящ. расстрелянному заговорщику, цензура определенно не пропустила бы.

По словам очевидца, Н. Гумилев так представлял публике Н.: «Все великие поэты мира, существовавшие до сих пор, были умнейшими людьми своего времени... Но ведь умные люди — это только меньшинство человечества, а большинство состоит из дураков. До сих пор дураки не имели своих поэтов, и никогда еще мир не был изображен в поэзии таким, каким он представляется дураку. Но вот свершилось чудо — явился Нельдихен — поэт-дурак. И создал поэзию, до него неведомую,— поэзию дураков» (Н. Чуковский). Нетрудно догадаться, что это была «домашняя заготовка», рекламный ход в духе футуризма. В. Пяст, говоря о Н., как бы добавлял: «Но вспомним, что Пушкин сказал про "Горе от ума" Чацкий — вовсе не умный человек; умен Грибоедов» (Пяст В. Поэзия в Петербурге // Москва. 1922. № 7).

Едва ли не первым (в любом случае до ОБЭРИУ) Н. стал писать «от первого лица» стихи, какие в XIX в. никто не дерзнул бы подписывать своей собственной фамилией, но непременно воспользовался бы услугами некоего «посредника», будь то «капитан Лебядкин», «Козьма Прутков» либо «граф Алексис Жасминов». Стихи были напис. как бы совершенно всерьез, что приводило читателя, не подготовленного еще Хармсом или — в прозе — Зощенко, в полное замешательство. Да и не только рядового читателя. Вл. Ходасевич уже в эмиграции вспоминал: «Несколько времени спустя должен был состояться публичный вечер "Цеха" с участием Нельдихена. Я послал Гумилеву письмо о своем выходе из "Цеха". Однако я сделал это *не только из-за Нельдихена*» (курсив наш. — *Ред.*).

В сб. «Органное многоголосье» (Маяковскому очень понравилось назв.) представляет интерес «поэмороман» Н. **«Праздник»** — «анархическая утопия» (Чертков Л., Никольская Т.). Начавший с традиционных рифмованных стихов («Ось»), в «Празднике» поэт находит «свою форму», которой останется верен и в дальнейшем. Это нерифмованный свободный стих, верлибр, восходящий к Уитмену, что засвидетельствовано таким авторитетом, как К. Чуковский. Однако нельдихенское «наполнение» этой «формы» вполне своеобразно. Уитменовская напыщенная торжественность с ориентацией на библейский слог у Н. постоянно снижается иронией. И сам «герой» к сер. 1920-х меняется. Это наивно-лукавый «рассчетчик», «мыслетворец» (так в пику «речетворцам» футуризма Н. именует себя), по примеру древних определяющий «природу вещей»: красоты — женской или пейзажной, ума и т. п. Порой стих. у Н. приобретает вид цепи афоризмов — на первый взгляд не слишком прочно связанных между собой, зачастую парадоксальных, как бы выворачивающих мир, освоенный обыденным сознанием, наизнанку. В этом смысле весьма показательно **«Электричество»** (1924). Его героя, любознательного «крутолобого» мальчика Володю, ночью подкрадывающегося к спящей матери и начинающего с садистическим наслаждением расчесывать ей волосы (чтобы в итоге заключить: «Как много электричества

в тебе!»), можно считать лит. предком многочисленных и весьма популярных в «эпоху застоя» анекдотов «про Вовочку». Как ни странно, но эту вполне откровенную «лениниану» цензура проморгала.

После гибели Гумилева и выезда за границу главных фигурантов 3-го «Цеха поэтов» Н. остался в своего рода «лит. одиночестве». Правда, в Москве, куда поэт переезжает в сер. 1920-х, выходят несколько его сб.: **«С девятнадцатой страницы»**, **«Основы лит. синтетизма»** (оба — 1929), **«Он пришел и сказал»**, **«Он пошел дальше»** (оба — 1930).

В нач. 1930-х Н. Оцуп в Париже писал: «Из поэтов, "вскормленных революцией", мы знали Тихонова. Знали Нельдихена. Куда исчез этот интереснейший Уот Уитмен в российском издании, которого Пяст считал гениальным, а Гумилев, любя, называл апостолом глупости?». Нетрудно догадаться, куда мог исчезнуть «российский Уот Уитмен». Лит. критики оказались бдительней цензуры. Книга Н. **«С девятнадцатой страницы»** была квалифицирована как «манифест классового врага» (Македонов А. Манифест классового врага в поэзии // На лит. посту. 1929. № 21–22). Впрочем, можно сказать, Н. шел на это едва ли не сознательно, демонстрируя уже в названии книги то, что восемнадцать страниц ее текста вырезаны цензурой, и, предваряя стихотворный раздел сборника перелицованной цитатой из весьма чтимого марксистской философией Декарта: «Non corgito, ergo sunt».

В первый раз Н. арестован в 1931 и получил «типовые» три года ссылки (Алма-Ата). В это время такой срок писатели (С. Марков, Л. Мартынов, В. Пяст и др.) получали обычно по ст. 58. п. 10 («Агитация и пропаганда»). Отбыв ссылку, Н. бедствует, хлеб насущный добывает журналистской поденщиной, живет то в Л-де (1934), то в провинции. О стихах Н., напис. после 1929, ничего не изв.. В годы «бериевской оттепели» Н. снова в М. В «Лит. обозрении» (1941. № 1) он печ. ст. **«Козьма Прутков»**, акцентируя читательское внимание на прутковском «Проекте о введении единомыслия в России». Эта публ. Н. становится последней. Вскоре после объявления войны он арестовывается повторно.

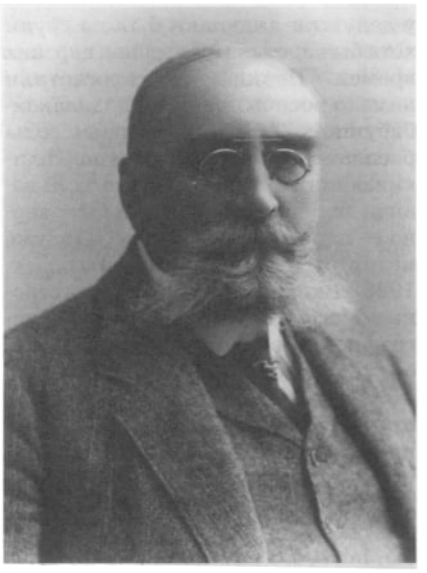
«Вряд ли попаду живым в рекомендованный учебник», — с не особо веселой иронией писал Н. в сер. 1920-х. Про «учебники» нет речи, но имя Н. «не попало» и в знаменитую «Антологии русской лирики от символизма до наших дней» И. Ежова и Е. Шамурина. В свое время К. Чуковский назвал А. Гастева и Н. преемниками традиций Уитмена на ниве отеч. поэзии, однако во всех многочисленных переизд. этой книги, репрессированных Гастева и Н. он заменил на Маяковского. Добавим к этому, что огромный «доходный» дом, где жил Н. перед отъездом в М. (Литейный, 15) снесен в 1980-х. В качестве «утешения» следует сказать, что в сер. 1990-х стих. Н. **«В моей гостиной на висящем блюде»** петерб. композитором А. Иовлевым было положено на муз., а судя по количеству упоминаний Н. в интернете, интерес к его тв-ву достаточно велик.

Соч.: Ось. Пг., 1919; Органное многоголосье. Пг., 1922; Праздник (Илья Радалёт): Поэмороман. [Таганрог], 1923–24; Основы лит. синтетизма. М., 1929; С девятнадцатой страницы. М., 1929; Веселые чертежники: Кн. для чтения.. М., 1930; Девять слов. М., 1930; Он пришел и сказал. М., 1930; Прогулка. М., 1930; Он пошел дальше. М., 1930.

Лит.: Чуковский К. У. Уитмен. М., 1923;. Ходасевич В. Гумилев и Блок // Ходасевич В. Колеблемый треножник. Избр. М., 1991; Оцуп Н. Современники. Париж, 1961; Чертков Л., Никольская Т. Стихи Сергея Нельдихена // NRL-Almanach. Salzburg, 1978; Чуковский Н. К. Лит. воспоминания. М., 1989; Бобрецов В. Сергей Нельдихен // Русская лит-ра. 1991. № 3; Оношкович-Яцына А. Дневник 1919–1927 // Минувшее. 1993. № 13; Дмитренко А. О воспоминаниях С. Е. Нельдихена // De visu. М., 1994. № 3/4; Филиппов Г. О позе, позиции и поэзии С. Нельдихена // Новый ж. 1995. № 2; Эльзон М. Похвала глупости, или Поэма о том, как поссорились Сергей Евгеньевич с Николаем Степановичем // Библиофил. М., 2001. № 1 (4); Эльзон М. Петроград в «незабываемом 1919-м»: Поэтич. свидетельство современника // Нева. 2001. № 5; Шубинский В. Апостол глупости // Талеон. СПб., 2009. № 5.

В. Бобрецов

НЕМИРО́ВИЧ-ДА́НЧЕНКО Василий Иванович [24.12.1844 (5.1. 1845), Тифлис — 8.9.1936, Прага] — поэт, прозаик, журналист.



Родился в семье потомка казаков, небогатого помещика Черниговской губ. Отец долго служил на Кавказе, принимал участие в воен. действиях, был комендантом Дербента. Мать армянка. В 1854 Н.-Д. был отдан родителями в Александровский кадетский корпус в М., где увлекся поэзией, начал пис. стихи. В 1863 Н.-Д. поступает в СПб. ун-т. В нач. 1870-х жил в ссылке в Архангельске.

В 1871 Н.-Д. обращается к Некрасову с просьбой о поддержке. В «Отеч. записках» (1871. № 11; 1872. № 2) опубл. стих. Н.-Д. под общим заглав. **«Песню павших»**. Лит. наследие Н.-Д. огромно (около 250 кн.). Салтыков-Щедрин говорил: «Немирович работает днем. Данченко — ночью». Книги о путешествиях писателя, география кот. необычайно широка (Русский Север, Урал, Волга, Кавказ, Европа, Америка, Африка). В 1875 Н.-Д. опубл. кн. **«Воспоминания и рассказы о поездке с богомольцами на Соловки»**.

В 1870-е опубл. очерки о русском Севере **«С океана. Очерки Севера»**, **«За северным полярным кругом»**. Впечатления о путешествии по Уралу в 1874 отразились в кн. **«Кама и Урал»** (отд. изд. 1890 и 1904). Н.-Д. считал, что, несмотря на появление «прекрасных сочинений об Урале г-на Мамина (Сибиряка), его записки, в свое время благосклонно принятые критиками и читателями, не устарели».

Впечатления о Валааме отразились в кн. **«Крестьянское царство»** (СПб.,

1882, 1889), она вошла позднее в сб. **«Наши монастыри. Очерки и рассказы»** (СПб., 1904), кн. **«Мужицкая обитель»** (СПб., 1911) — сокращ. вариант «Крестьянского царства» (переизд.: М., 1993). В кн. «Наши монастыри» вошли и очерки **«Святые горы. Очерки и впечатления»** (СПб., 1880). Волжским впечатлениям посвящ. **«У голубого моря. Люди и природа в низовьях Волги»**, **«Великая река. Картины из жизни и природы на Волге»** (СПб., 1902). В 1890-е Н.-Д. опубл. очерки, в основу кот. легли впечатления писателя от поездок на Кавказ (**«В гостях»**. СПб., 1880; **«Беспросветная глушь»**, **«Люди и природа Южного Кавказа»**. СПб., 1894) и др. Н.-Д. отличает пытливый интерес к жизни, действенное, не созерцательное отношение к ней. Путевые очерки насыщены жизненными реалиями, несут в себе разносторонний познавательный мат-л, излагаемый с достойной простотой и тактом.

Многообразие, неповторимость русской природы переданы в мастерских зарисовках пейзажей. Естественно и органично вводятся в очерки этнографич. и ист. сведения. Н.-Д. внимателен к локальной специфике, местным легендам и преданиям. На страницах очерков — портреты мн. людей, характеры и типы кот. сложились в результате сложного взаимодействия социальных, исторических, географических условий и не без влияния главных для данной местности профессий. Труд, его условия, отношения между тружениками и работодателями — в поле пристального внимания Н.-Д. В путевых очерках Н.-Д. предстает одаренным художником, наделенным знанием жизни, социальной зоркостью, он русский патриот и гуманист.

В историю русской журналистики Н.-Д. вошел как один из перв. профессиональных воен. корр. В 1876 он в числе русских добровольцев участвовал в борьбе за свободу Сербии, был ранен. В кач-ве воен. корр. Н.-Д. участвовал в русско-турецкой войне 1877–78. Он не только выполнял свои прямые обязанности, но и принимал активное участие в сражениях на Шипке, под Плевной и др., награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами и орденом Св. Анны с мечами. Воен. корреспонденции Н.-Д. перепеч. мировой прессой. Русско-турецкой войне посвящ. кн. Н.-Д.: **«Год войны. Дневник военного корреспондента. 1877–78»** (СПб., 1877–78. Т. 1–3). В 1884 в СПб. увидит свет кн. Н-Д. о генерале Скобелеве **«Скобелев. Личные воспоминания В. И. Немировича-Данченко»**.

В кач-ве воен. корр. газ. «Русское слово» Н.-Д. едет на Русско-японскую войну, участвует в боях и сражениях (Порт-Артур и др.). В 1904 в М. выходит его кн. **«На войну. От Петербурга до Порт-Артура. Из писем с дороги»**. Рукопись кн. **«Слепая война»** погибла при пожаре типографии А. Сытина. В корреспонденциях Н.-Д. война представлялась с ее героич. стороны — мужество и героизм русских солдат и офицеров, верность воинскому долгу, преданность России, вместе с тем Н.-Д. приоткрывал и теневые стороны, приводил отрицательные факты и явления. Горький, который следил за ходом воен. действий и читал материалы Н.-Д., в письме к Е. Пешковой (Старая Русса. 25 июля –7 авг. 1904) писал: «... Немирович патриотически врет, но порою сообщает такие штучки, что сразу видно — плохо у нас все, что только можно себе представить. И уход за ранеными, и обоз, и командование». Вскоре был отозван с фронта. В 1908–09 он живет в Италии. Н.-Д. был участником Первой мировой войны. Из-за революционных событий в России его кн. о Первой мировой войне не были изд. (**«Мировая война»**, **«За огненными завесами»**).

В 1890-е Н-Д. обращается к теме кавказской войны. Наиболее значительные романы **«Горные орлы»**, **«Горе забытой крепости»**, **«Разжалованный»**, **«Князь Селим»**. Эти романы, переиздающиеся в наши дни, отличает стремление писателя вникнуть во внутр. мир, понять психологию горцев, найти то, что отличает друг от друга многочисленные кавказские народы. Писатель уважительно относится к горцам, ценит их богатую народную культуру, обычаи и традиции. Русско-турецкой войне посвящ. романы **«Гроза»** (1878) и **«Плевна и Шипка»** (1881).

В кон. 1880–90-х Н.-Д. пишет романы **«Цари биржи»** (1886), **«Монах»** (1889), **«Волчья сыть»** (1897). Писатель любит цельных, сильных, мужественных людей, действенно относящихся к жизни, добродетельных, широких по натуре. Таких героев он находит в разных слоях об-ва. В кн. **«Незаметные герои»** выделяются рассказ **«Враги»** и повесть **«Большое сердце»**. Героиня повести — медсестра Васильева из далекой Перми. Ее чуткость, добросердечие, сострадательность, стоическая самоотдача в деле вызывают любовь раненых. В их глазах измученная непосильным трудом женщина превращается в «царицу в лохмотьях нищей», «сказочную царевну», «женщину большого сердца».

Романы **«Контрабандисты»** (1892), **«Великий старик»** 1898), **«Исповедь женщины»** (1889), **«Кулисы»** (1886) напис. на основе впечатлений Н-Д. от путешествий по Европе. «Контрабандисты» — роман о «скучающем русском по фамилии Семенов, из тех, кто, по словам автора, шатается по целому миру». История «великого старика» актера Карло Бреншани составляет содержание романа «Великий старик».

В 1922 Н-Д. получает разрешение на выезд за границу. Некот. время живет в Берлине, затем переезжает в Прагу. В Ревеле выходит мемуарная кн. **«На кладбищах»** (она должна была стать частью кн. **«Близкие дали»**), в ней автор рассказывает о своих встречах с Чеховым, М. Лорис-Меликовым и др. изв. людьми. Н.-Д. был почетным предс. Пражского и почетным членом Белградского союзов русских писателей и журналистов.

До революции произведения Н.-Д. активно изд., кн. его вызывали интерес у широкого круга русских читателей. Русская критика много писала о Н.-Д., но отношение к его произведениям было неоднозначным. Увлеченность жизнью в самых разных ее проявлениях, предельная активность позиции писателя, стремление рассказать читателю об ист. событиях, происходящих в России и в мире, оставались неизменными в его долгом творч. пути. 6 июня 1929 Прага отмечала День русской культуры, от имени русской культуры речь держал Н.-Д. Справедливо мн. писатели Русского зарубежья называли его своим старейшиной. Несмотря на то что Н.-Д. не делал больших худож. открытий, в русской лит-ре он остается писателем последователь-

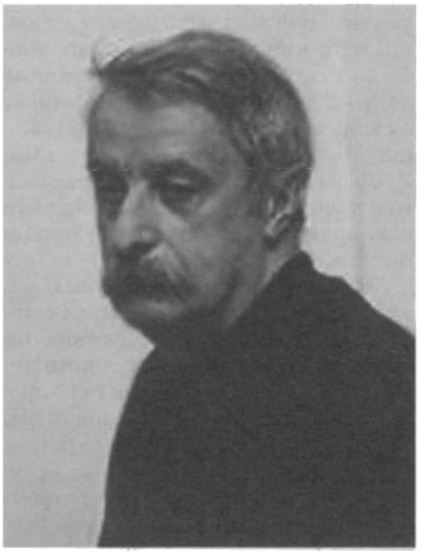
ной патриотической и гуманистической позиции.

Соч.: Избр. произв.: В 2 т. Нальчик, 1998; Святые горы: Очерки и впечатления / Послесл. Н. Зайцева; комм. В. Дедова. Донецк, 1990; Скобелев. Личные воспоминания В. И. Немировича-Данченко. М., 1993; Из воспоминаний Немировича-Данченко о Некрасове / Публ. С. Макашина // ЛН. Т. 49–50. М., 1946; Рыцарь на час (Из воспоминаний о Гумилеве) // Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990; СС: В 3 т. / Сост., вст. ст. Ю. Сенчурова. М., 1996; Мужская обитель. М., 1998.

Лит.: Вильчинский В. «Песни о павших» Немировича-Данченко // Некрасовский сб. Вып. 4. Л., 1967; Рабинович Я., Семенов В. Немирович-Данченко и его книга «Кама и Урал» // Учен. записки Пермского гос. ун-та. 1976. Вып. 348. Пермь, 1976; Сапронова Н. Василий Иванович Немирович-Данченко. Годы эмиграции // Вопросы истории славян. Вып. 11. Воронеж, 1996.

А. Филатова

НЕМТИ́НОВ Виктор Алексеевич [15.3.1947, Л-д] — поэт, издатель.



Получил среднее образование. Занимался муз. сочинительством. Работал ассистентом оператора на «Ленфильме», позже кинооператором и фотографом рок-группы «Аквариум».

В 1960-е входил в лит. круг Малой Садовой. В 1965–70 вместе с Вл. Эрлем, Д. Макриновым, Л. Ентиным и А. Мироновым составил лит. группу «Хеленукты». Писал под псевд. ВНЕ экспериментальные стихи, прозу и пьесы («драмагедии») абсурдистской направленности. Машинописные сб. Н. были выпущены под маркой изд-ва Вл. Эрля «Палата мер и весов». Позже К. Кузьминский опубл. произведения Н. в сб. «Лепрозорий–23», а Вл. Эрль поместил подборку прозы в «Митином ж.».

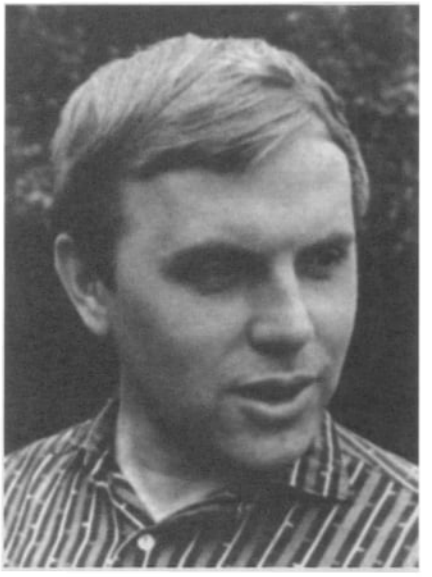
В кон. 1980-х основал кооперативное изд-во «Призма–15», затем изд-во «Новый город». В наст. время возглавляет «Изд-во Виктора Немтинова». Печатная продукция изд-ва различна — от плакатов до выпущенной к 200-летию А. Пушкина серии изданий различных произведений классика на иностр. яз. Однако наибольшее значение имеют осуществленные Н. издания серии «Поэтич. лестница», в кот. выходят сб. участников неофиц. культурного движения (В. Белков, Е. Вензель, Б. Лихтенфельд, А. Миронов, А. Шельвах, Вл. Эрль и др.). Худож. оформление книг нередко выполняет сам.

Соч.: Стихотворения // Транспонанс. 1983. № 17, 19; 1984. № 21, 22, 1985. № 27; Рассказы и повести / Публ. Вл. Эрля // Митин ж. 1987. № 13 (1987); Стихи // Острова; Стихи // Самиздат века. М., 1997; Стихи // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 4А; Эрль Вл. Хеленуктизм: Стихи, драмагедии, полемика. СПб., 1993.

Лит.: Савицкий С. Хеленукты в театре повседневности: Ленинград. Втор. пол. 60-х гг. // НЛО. 1998. № 30; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

НЕ́РЦЕВ Игорь Михайлович (наст. имя Шадров Евгений Михайлович) [20.7.1933, Орша — 4.3.1975, Л-д] — поэт, прозаик.

Отец — кадровый военный; мать — служащая. Детство Н. в довоен. и предвоен. годы прошло в местах, связанных со службой отца — шесть перв. лет на Дальнем Востоке в укрепрайоне Де-Кастри, затем в различных областях центр. России. С янв. 1945 жил в Л-де. В 1951 с золотой медалью окончил школу № 30 ВО, затем учился в ЛИТМО. Сохранился один из его рукописных ж., «Сак и Сафон» (1954), напис. в жанре иронич. стихотв. эпоса, пародировавшего расхожие идеологемы тех лет. Работая в фотолаборатории Академии художеств, познакомился с Л. Раковым, в то время директором Науч. биб-ки Академии художеств. Это знакомство с одним из создателей первого Музея обороны Л-да, подвергшемся репрессиям по «ленинградскому делу», переросло затем в дружбу и продолжалось до самой смерти последнего. Большая серия фотопортретов, сделанных Н. на протяжении этих лет, использована в монографии, посвящ. Л. Ракову (СПб, изд. Гос. Эрмитаж, 2007), с досадными искажениями имени автора фоторабот.



С 1959 работал на киностудии «Ленфильм» в группе комбинированных съемок. Закончил операторские курсы. В кач-ве ассистента оператора и и.о. оператора участвовал в создании более 20 худож. и докум. Фильмов («Человек-амфибия», «Балтийское небо», «Крепостная актриса», «Полосатый рейс», «Перед судом истории», «Парад Победы», «Завтрашние заботы», «Спящая красавица», «Поезд милосердия», «Семь нот в тишине», «Катерина Измайлова», «Король Лир» и др.).

Стихи начал пис. рано, но не спешил их обнародовать. Работа на студии с ее жесткими графиками и частыми киноэкспедициями занимала много сил и времени — на лит-ру, собств. тв-во оставались только ночные часы. «Сегодня не хватит времени, — из завтрашнего займу, из зрелости и из старости... Сгорю, изойду на нет...».

С кон. 1960-х до нач. 70-х посещал ЛИТО при ДК им. Ленсовета (рук. С. Давыдов). Участвовал в конф. молодых литераторов Северо-Запада. Перв. публикация поэтич. подборки состоялась в 1969 на страницах ж. «Аврора» (№ 4). К этому вр. относится и полученное Н. предложение от изд-ва «Детская лит-ра» напис. цикл стих. для детей. В результате напис. не только стихи, но и перв. повесть для детей — **«Большие весенние новости»**, рассказывающая о жизни и приключениях лен. мальчика Феди.

В 1971 уходит с «Ленфильма», чтобы заниматься только лит. трудом. Это давало бóльшую свободу и одновременно лишало твёрдого заработка. К этому времени уже была завершена работа над рукописью перв. сб. стих. Она получила высокую оценку В. Шефнера и была рекомендована к печ. Свой первый и единственный прижизненный сб. стихов **«Дневной свет»** Н. успел увидеть за два месяца до смерти.

В нач. 1970-х пишет втор. повесть для детей. **«Шуркина стратегия»**, рассказывающая о приключ. воен. игре в летнем лагере на берегу моря и вобравшая в себя воспоминания и впечатления детства, опубл. в ж. «Костёр» за 1973, в 1974 вышла отд. изд. В том же году изд-во заключило с Н. договор на книгу о командующем Лен. фронтом в годы Великой Отеч. войны маршале Л. Говорове. Поездка в М., работа в архивах, встреча с вдовой маршала и его сыном позволили собрать огромный мат-л для будущей книги, но смерть прервала работу.

В поэзии Н. четко прослеживаются две линии — лирическая и гражданственная. Во многих стих., в кот. автор размышляет над жизнью и собств. месте в ней, встречаем строки, поразному выражающие авторское кредо, но не меняющие его сути: «Когда я слышу поминутно: / "Эй ты, гордись самим собой!" — / Мне как-то очень неуютно / Возиться с собственной судьбой», «По всей земле, от сердца к сердцу, кратчайший — белый — чистый путь». Лирика Н. отражает большой диапазон человеч. эмоций и страстей. Поэтом используются разнообразные языковые средства и формы выражения — от тончайшей, муз. звукописи в зарисовке **«Загородный март»** до ликующего «И прежде, чем слышен — понят / ("Да!" прежде, чем "Обещай!")», или горьковатого привкуса в признании **«За всё заплачено сполна...»**. То, что было прожито, испытано, радостно встречено или мучительно пережито Евгением Шадровым переплавлялось Н. в строки, емкие по своей сути и сжатые до плотности формулы.

Одними из глубинных и важных для понимания сути человека характеристик для Н. являлись верность и надежность — своему дару и своему призванию, другому человеку и своему слову, в делах и человеч. отношениях: «Только то, чему ты верен / Оставляет некий след».

Во мн. произведениях Н., как в цикле **«Перед грозой»**, а также в стих. **«Возвращение»**, **«Купол родных слав»**, **«Провинция»**, **«Листок, найденный меж страниц летописи»**, прослеживается мотив ист. памяти. Более чем актуально сегодня звучат стихи Н. **«Двухтысячным годам»** и **«Блудные дети»**, а **«Новые дома в старом городе»** нашли свое место на сайте, посвящ. сохранению историко-культурной идентичности СПб. Тема города, играющая значительную роль в тв-ве Н., прослеживается от одного из ранних его стих., напис. в 1945 (**«Ленинграду»**: «Белые колонны Зимнего дворца // Длинный-длинный Невский, не видать конца...») до повести о маршале Говорове. Так же, как фотоработы Н., запечатлевшие Л-д, лица его рядовых жителей и изв. деятелей культуры (актриса А. Шуранова, пианистка М. Дранишникова и др.), стих. **«Год Международного туризма»**, **«Опять во сне Васильевский рисую...»**, **«Пустынно около колонн и колоколен...»** отражают личностное восприятие автором города, с кот. он был связан жизнью и судьбой.

Отд. место в тв-ве Н. занимают его «записи для себя». Они не являются дневниками в общепринятом смысле слова, цель и смысл их автор определил так: «Пока что записываю, чтоб только не мучили мысли». Эти записи велись с кон. 1950-х до нач. 70-х, они свидетельство того, что при любом режиме, правительстве, идеологии были люди, кот. жили с открытыми глазами. Точные и афористически краткие записи Е. Шадрова, кот. еще не стал И. Нерцевым, кажутся написанными сегодня: «Самый горестный вид разрушения святынь происходит от слишком энергичного поклонения», «Из одних и тех же букв сложены неразлучные: рабство и барство», или ироническое двустишие: «"Люди — это пластилин!" / — Мрачно думал властелин». В этих записях, говоря языком кино, ближние планы перебиваются дальними: «Из мечтателей не получаются обычные люди: только великие или жалкие», «Одних людей устраивает счастье по сумме очков, других — только целым куском», «Страшный суд существует — это будущее. Высшая мера наказания — забвение».

Соч.: Стихи // Аврора. 1970. № 2, 1973. № 6, 1976. № 2, 7, 1980. № 2; Дневной свет. Л., 1974 (1988); Большие весенние новости. Л., 1970; Шуркина стратегия. Л., 1974; Стихи // День поэзии. Л., 1971, 1973, 1976, 1981; Вихревые токи // Метроном Аптекарского о-ва. 2005. № 3, 4; Лабиринты души: Сб. СПб., 2007; Аврора. 2009. № 3.

Лит.: Гампер Г. «Внести свой квант в источник света» // Аврора. 1976. № 2; Тхоржевский С. Предисл. // Аврора. 1980. № 2; Вдовина Р. «Его короткая жизнь» // День поэзии. Л., 1981; Никольский Б. «Чему так не скоро поверят...» // Нева. 2003. № 7; Шадрова В. «Уходя, оставить свет...» // Метроном Аптекарского о-ва. 2005. № 2; Шадрова В. Звук и смысл // Там же. 2009. № 1.

В. Шадрова

НЕСТЕРЁНКО Александр Матвеевич [1947, Могилев — 24.10.2002, СПб.] — прозаик, журналист.

Родился в семье офицера сов. армии. В некрологе, помещенном в «Царскосельской газете» (26.10.2002), гл. ред. кот. был в посл. годы жизни Н., сообщалось: «Еще мальчиком в школьной тетрадке написал он свой первый рассказ, и с тех пор не выпускал из рук перо доброе, ироничное, жизнерадостное. После службы в армии Александр Матвеевич стал студентом факультета журналистики Ленинградского университета. Его любили однокурсники за талант, легкость характера, верность дружбе, неизменное в студенческой среде тех лет вольнолюбие...».

Н. оставил впечатляющий след среди лен. (спб.) журналистов и литераторов, меломанов и книголюбов. Хотя после армии он навсегда связал свою жизнь с Л-дом, его интересы к музыке, лит-ре, прессе распространялись на весь мир. Н. всегда можно было увидеть на рынках — у кн. развалов, на выставках, на встречах и концертах литераторов и музыкантов, отеч. и зарубежных. Он коллекционировал записи, пластинки, обменивался новинками и, главное, широко пропагандировал новую музыку, преимущественно различные направления отеч. и зарубежного рока. Мн. годы вел в газ. «Невская заря» (Всеволожск) рубрику «Муз. орбита» под псевд. Б. Битов. Там же актив. участвовал в работе ЛИТО «Ладога», руководимого Н. Солохиным. Его стараниями в газ. публ. начинающие в то время поэты и прозаики В. Нестеровский, В. Кречетов, Е. Шендрик, А. Рощин и др. В «Невской заре» Н. опубл. свои фантастич. новеллы, фельетоны и рец., часто выступая по различными псевд.

Рассказы и фельетоны публ. в различных ж. и альм. Вышедшая после смерти Н. кн. **«Утомленные вдохновением»** (СПб., 2004) имеет подзаголовок: «Ироничная проза». Это не обозначение жанра, но указание на одно из существенных качеств Н.-прозаика. Вся его проза, даже та, где события вымышлены, является автобиографической, в кот. есть место друзьям и знакомым и даже близким, в частности, жене. Имена героев Н. менял лишь слегка, хотя мог сделать так, чтобы герои были неузнаваемы. Однако прямая связь с реальной жизнью для Н. была важна, и он принципиально не рвал эту нить. «Узнаваемость» — его принцип.

Н. обыгрывал лит. ситуации, общие места русской лит-ры (в осн. русской) — и в этом смысле он вполне смыкается с постмодернистской эстетикой. Такие главы, как «Утомленные вдохновением», «Четвертый сон Веры Павловны», «Чужое лицо», «Великий писатель земли русской», «Вторая древнейшая», «Родина слонов», «Огни большого города» — яркое тому свидетельство. Под перо сатирика попадают самые различные фигуры. Вот начало главы «За правое дело»: «"Правое дело" — так называется последний роман известного россиянского писателя Бориса Ляпис-Трубецкого, вышедший недавно в нескольких издательствах Старого и Нового Света одновременно. Борис Ляпис-Трубецкой — не новичок в литературе. В свое время наделали немало шума такие его книги, как "Без роду, без племени", "Архипелаг Кулак", "Перекати-поле" и сборник публицистических эссе "Из-под одеяла (Просуществует ли мир до 19 июля 1999 года?)". Известные не только среди детей Арбата, но и детей "Сайгона" — петербургского кафе, где собирались лучшие люди того безнадежно скучного и безынициативного времени, работы эти были переведены впоследствии на многие языки, в т. ч. на русский, а позже экранизированы Голливудом». Для Н. не существует фигур неприкасаемых, каких бы позиций они ни держались. Не удивительно поэтому, что проза Н. насыщена такими фигурами (именами-символами), как Ванька Жуков, Полиграф Полиграфович, Федор Иоаннович, Железный Феликс, Карлсон и т. п.

Рассказы, вошедшие впоследствии в его посмертную кн. «Утомленные вдохновением», Н. печ. отд. главами в «Царскосельской газ.». Автор предисл. к кн., скрывшийся под инициалами А.К., писал: «Помнится, все время смеялись над чем-нибудь: над забавными опечатками, рекламными чудодейственными средствами. Как будто в самом воздухе находился вирус смеха... Творческое кредо Александра Матвеевича Нестеренко, да и сам он, как личность, мне видится в следующих строках его книги: "Приподнимай людей, если ты их любишь, а не опускайся с ними еще ниже"... И далее, где он говорит о поэте: "В поэзии Рубцова присутствовало то, что невозможно было выразить словами: сыновья любовь к Родине, очарование молодости, чистота и свет истинного таланта. Когда мне было плохо, я брал с полки томик Рубцова, открывал наугад... И уходила тоска, и становилось легко и спокойно на душе, и мир снова становился приветливым и открытым: "До конца, до тихого креста пусть душа останется чиста...". В одной из новелл на вопрос, какие ему снятся сны, герой отвечает: "Чаще всего — улочки средневекового города. На мне — черный камзол, черный плащ, в руках — меч... Потом оказывается, что это не меч, а гитара, и я стою с друзьями на сцене. Внизу, под сценой — море людей и море горящих свечей. Мы играем настоящий хард, я — пою... Песни очень мелодичные — когда я просыпаюсь, обрывки мелодий еще звучат в голове, но быстро исчезают. Я засыпаю снова, и снова оказываюсь на улочках средневекового города...". Таким романтиком Александр Матвеевич и предстает передо мной».

При жизни Н. наибольшей изв. пользовалась его повесть в новеллах **«Завтра не наступит никогда»** (ж. «Отеч. записки». Т. 1. СПб., 2001). Новеллы хотя и вполне самостоятельны, со своим сюжетом и с соблюдением законов жанра, в целом образуют емкую и красочную мозаику жизни об-ва кон. 1990-х. В новелле **«Односторонняя связь»** рассказывается о т. н. «новых русских» и об отношении к ним обнищавшего народа. **«Хороший, свежий Пушкин сегодня!»** — своеобразная сатира на об-во, в кот. царит безвкусица и пошлость. Однако более всего Н. уделяет внимания об-ву себе подобных — миру писателей и журналистов. Характерен в этом отношении объемный рассказ **«Человек с неприличной фамилией»**, где речь идет о писателе и журналисте, в кот. легко угадывается его прототип. Любопытно, что в этом рассказе видится и сам автор вплоть до точного указания на его должность и место работы, изменено лишь имя.

Н. создал своеобразную иронич. прозу, тяготеющую к фантастике и фельетону одновременно, что в действительности не так уж и просто.

Рецензируя кн. Н., Н. Солохин назв. его «последним русским фельетонистом». Н. «был до последнего часа своей жизни журналистом. Работая в "Невской заре", а затем редактором "Царскосельской газеты", он выше всего ставил жанр фельетона... В последние годы своей жизни Н. с горечью замечал: "Вымирает в газете фельетон. Ну посмотрите, что ставят сейчас под эту рубрику! Словно и не знают, что у фельетона должно быть собственное лицо, кот. никакой маской заменить нельзя. А теперь читаешь "фельетон", а из него слюнявая лесть так и прет. Или, что еще хуже, какие-то статистические сухари автор пережевывает. Хруста много, а жизни нет!». Другой особенностью тв-ва Н. Солохин называет его ненавязчивую вездесущность. Н. показывает и журналистскую, и писательскую, и семейную, и бытовую жизнь изнутри (**«Завтра едем в Пушкин»**, **«Настоящий мужчина, или Жизнь и необычайные приключения Федора Джоуля, гражданина и семьянина, рассказанные им самим»**, — или пишет фантастич. повесть («Завтра не наступит никогда»). И **«Страдания депутата Хапугиса»** изображает как «оптимистическую трагедию», «в полную меру представ перед нами чистым фельетонистом» (Всеволожские вести. 2004. 29 окт.).

Член Союза журналистов СПб., член СП СПб. и Лен. обл.

Соч.: Утомленные вдохновением: Ироничная проза. СПб., 2004.

Лит.: А.К. Вместо предисл. // Нестеренко А. Утомленные вдохновением. СПб., 2004; Солохин Н. Последний русский фельетонист // Всеволожские вести. 2004. 29 окт.

В. Кречетов

НЕСТЕРО́ВСКИЙ Владимир Мотелевич [19.2.1940, с. Сопич Червоного р-на Сумской обл., Украина — 25.9.2003, СПб.] — поэт.

Отец — партийный работник, мать — учитель. Окончил муз.-пед. училище, но музыкантом не стал. В 1958–63 учительствовал. В 1963–67 учился в Моск. пед. ин-те по специальности логопед-дефектолог. По окончании был направлен в Тулу. В 1967 приехал в Л-д. Работал в КБ, кочегаром, дворником, сторожем, в охране на фабрике.

Стихи пишет с 13 лет. Печ. в ж. «Шмель», «Простор» (Алма-Ата, 1962–63), «Нева», «Звезда», «Аврора» (Л-д, все — 1976); в альм. «День поэзии» (1976), «Круг» (1985, оба — Л-д), «Три гвоздя в копыто Пегаса» (СПб., 1993), Колпица, вып. 2 (1993), вып. 10 (1994, оба — Колпино), в самиздатских ж. «Часы» (1978), «Обводный канал» (1984, оба — Л-д), в антол. «У Голубой лагуны» и др.

Входил в «Клуб–81», с 1991 — член СП России.

Поэзия Н. отражает осн. обществ. позицию автора — отщепенство: «Исключительность Нестеровского уникальна своими постоянными исключениями: из пионеров, из комсомола, из „Клуба-81" <...> Да, наверное, и вся витальная действительность Нестеровского — это одно сплошное исключение из правил» (В. Лавров). В связи с этим даже по отношению к самому себе: «Мерцаю слабеньким наброском / И рву с собою — Нестеровским» (**«Снег»**), «Безроден буду, как Гаврош» (**«Черная распродажа»**), «Живу из прошлого отправлен, / А в настоящем не получен» (**«Грамота»**).

Нередко намеченной поэтич. фронде Н. следовал и в жизненном поведении, по поводу чего его собрат по перу отмечает: «Он был истинный поэт, поэт по нутру и сути <...> несмотря ни на что и особенно на свои — порой несуразные выхлопы» (Г. Горбовский). К таковым относится, в частности, случай с распусканием слуха о собственной смерти с последующей пьянкой в кругу собравшихся его помянуть друзей и приятелей. Связан с этим и отказ воспринимать мир в его устойчивости, равновесии и гармонии: «Не отрекаюсь от своих ошибок. / Пусть будет мир мой неустойчив, зыбок — / С простой зубной неистовою болью / И ранами, посыпанными солью» (**«Линия жизни»**).

Психологич. доминантой лирики Н. чаще всего выступают сарказм, язвительность, пароксизм (посл. посвящен большой цикл стих. 1994), выплескивающиеся даже во внешний мир: «саркастичные сосны», «Пьяный воздух крепчайшего яда / Затаен в горизонта улыбке» (**«Судак»**).

Мир поэзии Н. представляет собой изнанку парадного сов. официоза, прежде всего жизнь коммуналки, «сумятицу квартиры городской»: «О проклятая жизнь коммуналки,— / Ты — геенна, гестапо, тюрьма» (**«Коммуналка»**). Подвергаются атакам авторских пароксизмов даже лит. «святыни»: «Не люблю я старух обнаженных, / И купаться мне там не годится, / Где писателей сытые жены / Окунают свои ягодицы» (**«Коктебель»**).

Печать ущербности лежит и на героях Н., о чем свидетельствуют уже назв. стих. **«Монолог усталого человека»**, **«Богата наша дворник»** (**«Замызганный ватник в заплатках»**), **«Осенние люди»**, **«Осенняя женщина»**, **«Монолог бомжа»** (**«Опухшая рожа — мой паспорт»**), **«Безумная старуха»**, **«Самоубийцы»**, **«Наследницы социализма»**, к кот. поэт обращается едва ли не как к товаркам по несчастью: «Дорогие мои женщины — Оголтелые старухи» (**«Травинка грусти»**), как любит он, движимый подобным же чувством, обращаться и к другим: «Киваю алкашам дворовым» (**«Порча»**), «О мои коммунальные наци...» (**«Коммуналка»**). Отмечен вклад поэта в расширение круга героев советской эпохи: «В. Н. — и это его несомненное достоинство — вывел на арену поэзии многообразные типы современного дна, дал этому „немому" речь» (Новиков Ю. [Предисл. к стихам В. Н.] // Часы. 1978. № 14).

Немалое внимание уделяет поэт и героям историческим. «Он пишет

стихотворения с повторяющейся формулой: „Я с древнего неточный перевод",— что значит и наследование духовного опыта прошлого, и стремление прибавить к нему свой. Оттого так естественно и современно звучат стихотворения **„Сократ", „Платон", „Александр и Диоген"** (А. Урбан). «Свой» опыт в трактовке ист. героев у Н., однако, преобладает, что особенно заметно в стих. **«Панегирик Шарлотте Корде»** и **«Мария Стюарт»** («Я тоже гибну за свою Марию, / Неважно, что зовут ее иначе»), где оригинальный образ доминирует над исторической трактовкой: «С Мариной величественной казни / Мужчины любят женщин безголовых» (Михайловский замок. 2001).

При ритмич. традиционности стиха поэзия Н. обладает богатой системой словесно-образной выразительности, с преобладанием в ней образов эпатирующе-сниженного характера, что и понятно, поскольку разоблачение существующей действительности и вообще всяких ложных (и не ложных) ценностей составляет осн. цель творч. миссии поэта. Относится это к разным уровням человеч. жизни и бытия — к природе: «Донья бочки — закат и рассвет» (**«Лунная соната»**), к ее непостижимой бесконечности: «Вселенная кочан — но где же центр? / Где истины святая кочерыжка?» (**«Добраться до загадки бытия»**), к идеализируемому женскому телу: «Ах, что за тело, ах, что за нега? / Колодец счастья, блаженства база. / Гостеприимней унитаза» (**«Даная»**), к состоянию души: «Душа тревожная, как моль...» (**«Во мраке средневековья»**), «Под кроватью часовня тоски» (**«Под кроватью»**), к знаменательным состояниям человеческой жизни: «Я — стыд зачатья и рожденья / Дитя греха, сырых потемок» (**«Срывая покров»**), «С будущим покойником жила / Праздничная, беспечна, легкокрыла» (**«Юная вдова»**), к сакральному миру: «Глазеет зрачками нулей / Всевышнего зоркое ОКО» (**«Нуль»**); здесь, по замечанию другого поэта, «на читателя уставился взор небытия» и «эллинизм перебивается сарказмом» — Вознесенский А.), к науке: «Изучают черви дарвинизм, / Объяснивший сложный механизм. / Кольца тел — нанизанные лупы. / Вдоль и поперек читают трупы...» (**«Пароксизмы»**) и даже к самому тв-ву, к той же поэзии: «Умильные красавицы России, / Ваш барин и помещик и поэт / Глядел на вас, похабный рот разинув. / Кто он? — Некрасов и конечно Фет» (**«Похвала классикам»**).

Заметную роль в худож. системе Н. играют образы книжного характера, относящиеся к миру искусства («голубая весна Боттичелли», «желтые решетки» Брейля, «время на картине у Дали», «тупое перо» Баркова, «сладкий труд / Читать забытого Лескова»), а также реминисценции, заставляющие вспомнить то Ф. Вийона («И вот он прошлогодний снег»), то Шекспира — Блока («Это что же — пузыри земли / Или тьмы грядущей предсказанье?» — **«Смог»**), то В. Брюсова («Памятник, памятник, в фартуке белом, <...>Что ты в семнадцатом, каменный, делал?» — **«Памятник»**), то В. Маяковского («Капуста слов на бороде» — **«Рядом с Блоком»**).

В поэзии Н. богато представлены нередко взаимоисключающие один другого лексич. пласты: сугубо современный («Желаю я деноминации», «Стыдно нам получать по лендлизу», «Твой нахальный душевный стриптиз»), терминологический, с установкой на «качество» науч. и профессионально-технической лексики, преобразуемой, однако, с помощью тропа в неожиданный худож. образ («глупые гены», «самосознанье конденсата», «нежности лимит», «неподсудные монады», «Панель по синусоиде метет» (о дворнике), «то децибелы сердце копит»), интеллектуальный («ставшая абстракцией старуха», «Я — квипрокво, ошибка века», «Были други — теперь оппоненты», «Живу печальным антиподом»). По поводу кажущегося преобладания интеллектуального начала в поэзии Н. исследователь писал: «Первое впечатление — мысль будет царствовать безраздельно, и приближая нас к раззолоченному трону абстракций, и одновременно утверждая логику здорового рассудка...» Но тут же делалась и поправка на «человечность» этой интеллектуальности: «Только мысль его движется в глубину чувств, в глубину человеческой души» (А. Урбан).

В то же время здесь присутствует и лексика просторечная, словечки вполне вульгарного характера, заставляющие предполагать в лирич. субъекте (возможно, «игровом») некоего деклассированного интеллигента: «Качан головы отчекрыжил от тела», «Я признанье бабахнул», «Чтоб треху взять у бедной — у нее», «Души, что вечно сикось-накось». Хватает здесь места и блатному жаргону: «халява», «урки», «плановые» (потребившие соответствующий наркотик) и т. д.

Заметно пульсирует поэзия Н. неологизмами: «примазанники памяти», «грехопад», «Я сердцем алкоголю», «Есть одиночество — и есть двуночество», «Является вечерами / Подруга — ногиня твоя» (**«Стихи о ноге»**). Игра смыслов и слов также составляет ее существенную сторону: «Мой батюшка стоял на царстве — / Я, дщерь его, на царство лягу» (**«Русская Афина Паллада»**), «А что степенность? Это по-сте-пен-ность» (**«Линия жизни»**), «Добро сегодня — не творить добро», «Не дает мне покоя покой», «На весь народ одна извилина, / И потому народ един» (**«Единство народа»**). С мастерством пользуется он и таким элитным (на фоне совр. стихотворчества) поэтич. инструментом как звуковая символика («Посулами глаза замылены», «Ваши груди стерты в транспорте»), достигающей особенного эффекта в паронимии (звуковом сближении случайных слов с неожиданным прояснением в них нового смысла): «В дырявых гротах чердака», «Я зарифмую с деньгами свой день», «В своей алкогольной молельне». Особенно он ощутим в рифменных находках поэта: «Влюбиться — самоубийца», «Был поэт, да вышел — нужны афиши», «молодой — с бедой».

Значителен в поэзии Н. и эффект парадоксального развития мысли: «Спасибо вам, прекрасные дурнушки», «Я в жизни доверяю лишь врагу», «В тридцатом загнали в колхоз, / В повальное счастье втравили» (**«Бабка»**). «Бога нет, но как прекрасен он!», «Я стану кладбищем. / И тем спасусь!» (**«Разбитое зеркало»**). «Смеется покойник, доволен. / Он с этого света уволен...» («Пароксизмы»).

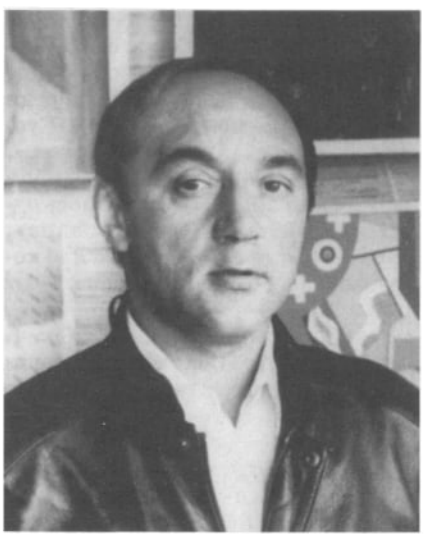
Соч.: Царица мысль. Л., 1989 (переизд. 2001); Азбука города. Л., 1990; Воспоминания о Сибири и др. стих. Три гвоздя в копыто Пегаса. СПб., 1993; Пароксизмы // Колпица. Вып. 10. Колпино, 1994; Травинка грусти. СПб., 1998; [Стихи] //

Русские стихи 1950–2000 годов: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012.

Лит.: Новиков Ю. [Предисл.] // Часы. 1978. № 14; Вознесенский А. Муки музы // ЛГ. 1976. 20 окт.; Урбан А. Предисл. // Нестеровский В. Царица мысль. Л., 1989; Михайлов А. О пароксизмах В. Нестеровского // Колпица. Вып. 10. 1994; Михайлов А. О поэтич. мироустройстве В. Нестеровского // Нестеровский В. Травинка грусти. СПб., 1998; Лавров В. Человек из Фриско // Там же; Ахматов А. Рыцарь поэзии // Ахматов А. Срез. СПб., 2001; Горбовский Г. Это был дивный, целеустремленный человек... // Ушел из жизни... Прилож. к ж. «Михайловский замок». СПб., 2003. № 5; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Кречетов В. О Нестеровском // Кречетов В. Яйцо Леды. СПб., 2003; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Михайлов

НЕЧÁЕВ (наст. фамилия — Бакинский) Вадим Викторович [25.6.1937, Л-д] — прозаик, искусствовед, публицист.



Сын прозаика и литературоведа В. С. Бакинского и проф. русской истории Е. И. Суворовой (фамилию Нечаев — по бабушке — офиц. принял в 25 лет). Пережил лен. блокаду. В блокадное лен. детство вместе с дедом, кот. тушил зажигалки, оказывался на крыше дома, тогда получил перв. урок жизненных ценностей и храбрости. В юности общался с М. Зощенко, кот. был другом семьи.

Лит-рой занимается с 17 лет. Перв. рассказ «**Два куска сахара**» написал в 20 лет. В основу рассказа легли собств. воспоминания о блокаде Л-да.

Окончил отд. журналистики филологич. фак-та ЛГУ. Работал на Дальнем Востоке журналистом, помощником гарпунера, рабочим в экспедициях. В эти годы издал 3 кн. прозы — «**Пат и Пилаган**: Повести и рассказы» (Л.: ЛО «Детская лит-ра», 1967), «**Вечер на краю света**: Повести и рассказы» (Л.: ЛО «Сов. писатель», 1969), «**Вижу землю**: Повести и рассказы» (Л.: ЛО «Детская лит-ра», 1971; 1975). В 1972 принят в члены СП.

В 1970-е участвовал в неофиц. лит. движении. В 1975–78 вместе с женой, физиком-теоретиком М. Недробовой, выпускал машинописный альм. «Архив» — единственный илл. самиздатский ж., посвящ. живописи художников-неконформистов и обсуждению философских вопросов, поставленных перед совр. искусством (вышло 5 номеров). Принимал актив. участие в самиздате, печ. в ж. «37» и «Часы», в сб. «Лепрозорий–23» (1976), «Галерея» (1981), «Поиски» (1978).

В 1975 вместе с М. Недробовой организовал домашний «Музей современной живописи», в кот. регулярно проводились выставки совр. художников, устраивались семинары и обсуждения, в дек. 1977 прошла конф. «Нравств. значение неофиц. культуры». Выступил на ней с одноименным д-дом. 15 нояб. — 15 дек. 1977 Музей провел выставку солидарности с Биеннале в Венеции и заявил о создании Комитета в защиту культуры. Сотрудничал с «Хроникой текущих событий», познакомился с А. Сахаровым. Был исключен из СП «за организацию, выпуск и распространение рукописного журнала "Архив", носящего чуждый социалистическому мировоззрению характер...».

В сент. 1978 по приглашению внука Л. Толстого и Мин-ва иностранных дел Франции выехал во Францию, поселился в Париже. В 1979 его очерки из кн. «**Левая коммуна**» опубл. в парижской газ. «Libération» и дважды переизд. отд. брошюрой.

Магистр искусств. В 1981 окончил аспирантуру славянского отд. Сорбонны. Организовал частную школу русского яз. и лит-ры для французских студентов.

С 1987 работал экспертом по русской живописи XX в. Написал более ста статей, посвящ. русским художникам, поэтам и правозащитникам; сотрудничал на радио «Свобода», «Солидарность» и «Интер Франс». Проза, публицистика, лит. критика Н. публ. в ж. «Эхо», «Континент», «Третья волна», «Время и мы», в газ. «Русская мысль» и др. Н. — корр. от «Русской мысли» на Каннском кинофестивале с 1981 по 1991.

Член французского ПЕН-клуба. С 1991 является президентом Междунар. Дягилевского фестиваля (под эгидой Мин-ва культуры Франции). Президент Междунар. ассоциации русских художников в Париже (с 1992). В 1991–95 участвовал в проведении «Дягилевских сезонов» в СПб., где был президентом с французской стороны. После 1994 и до 2000 устраивал сезоны «Славянской культуры» во Франции. Организовал «Русское Рождество в Монте-Карло» в 2000, посвящ. С. Дягилеву.

В 1987 вместе с Алленом Мальро (сын Андрэ Мальро) организовал «Международный ин-т Тарковского», созд. при поддержке вдовы Тарковского, его детей и друзей.

В 1990 впервые после эмиграции был в Л-де. С 1991 печ. в России. Представитель на Западе Фонда русской поэзии (создан в 1991), куда входили И. Бродский, В. Уфлянд, А. Кушнер и др. Н. передавал в Фонд свои российские гонорары.

6 янв. 1991 выступил на междунар. Рождественском телемарафоне в Мариинском театре «Возрождение Л-да», где вручил городу акварель вел. кн. Ольги Романовой, родной сестры Императора Николая II «Императрица Александра Фёдоровна с детьми». Тогда же поставил вопрос перед руководством города о переименовании Ленинграда в Санкт-Петербург. Эта история опис. в очерке Н. «**Как Ленинград стал Санкт-Петербургом**» (премия газ. «Русская мысль»).

В 2007 получил звание Почетного гражданина суверенной территории Параллелошара — Арт-центра «Пушкинская–10».

Автор кн. «**Одиноким сдается угол**» (1986, 1991), «**Красная гостиная**» (1993) и др.

Кн. «Пат и Пилаган» о дружбе мальчика-нивха и собаки-полуволка переизд. на осн. европейских яз., в 1978 во Франции была признана лучшей иностранной кн., в Германии считается детской классикой.

Соч.: Пат и Пилаган: Повести и рассказы. Л., 1967; Вечер на краю света: Повести и рассказы. Л., 1969; Вижу землю: Повести и рассказы. Л., 1971 (1975); Одиноким сдается угол: Повесть // Архив. 1976. № 3; То же // Часы. 1976. № 1; То же // Грани. 1978. № 108; Последний путь «куда-нибудь» // Время и мы. 1977. № 18; Нравственное значение неофициальной культуры // Грани. 1978. № 108; То же // Поиски. 1979. № 1; История Оскара Рабина // Континент. 1979. № 21; Голоса русских женщин (Обзор самиздатских журналов «Женщина и Россия» и «Мария» // Континент. 1980. № 26; Беседы с Зинаидой Шаховской // Русская мысль. 1981. 30 июл.; Портрет художника (эссе об О. Целкове) // Русская мысль. 1982. 22 апр.; Персональное дело: Отрывок из повести «Свет войны» // Континент. 1983. № 38; Двойной монолог: Отрывок из романа // Третья волна. 1984. № 17; Летний отпуск художника: Рассказ // Континент. 1980. № 24; То же // Третья волна. 1984. № 16; Двойной портрет: Роман // Стрелец. 1985. № 1–3; Фантом: Отрывок из романа «Побег на родину» // Континент. 1986. № 48; Одиноким сдается угол: Романы и повести. Париж–Н.-Й., 1986 (Л., 1991); Довлатов и лит. ситуация в Питере кон. 60-х и в 70-е годы // Сергей Довлатов: Тв-во, личность, судьба / Сост. А. Арьев. СПб., 1999; Как Ленинград стал Санкт-Петербургом: Очерк // Русская мысль. Париж, 2003. № 21; Между раем и адом: Эссе // Инейт — журнал о главном. М., 2007. № 14; Свобода — это кислород для тв-ва // Лит. европеец. Германия, 2008. № 125; Архив — история «Левой культуры» // Параллелошар. СПб., 2008. № 4; Ля Руш — успешная утопия, или Сто лет вместе // Параллелошар.СПб., 2010. № 6.

Лит.: Henri Louis Roche // Les dissidents russes. Nouvelle cité, 1981; Stefanovic B., Werstman V. Free Voices in Rusian Literature. 1950s — 1980s. A Bio-Bibliographical Guide. New York, 1987; Russian Emigre Literature/ A Bibliography of Titles Held by University of California. Complited by A. Urbanic. Oakland, 1993; Уфлянд В. «Если Бог пошлет мне читателей...» СПб., 1999; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Каракоз Э. Русская душа — парижские времена / Воспоминания и комм. В. Нечаева «И он выплыл...» Мюнхен, 2004.

НЕЧИПОРЕ́НКО Валерий Петрович [2.1.1947, г. Цвиккау, ГДР] — прозаик.

Закончил Ташкентский политехнич. ин-т. Работал на строительстве высоковольтных линий электропередач в Ср. Азии, Забайкалье, Костромской, Ивановской обл.

С 1977 корр. газ. «Правда Востока», позже — зав. отд. Работал в изд-ве «Ёш гвардия» (Ташкент).

Перв. публ. состоялась в 1976. Печ. в ж. «Искатель», «Костер», «Звезда Востока», «Терминатор», «Радио» и др.

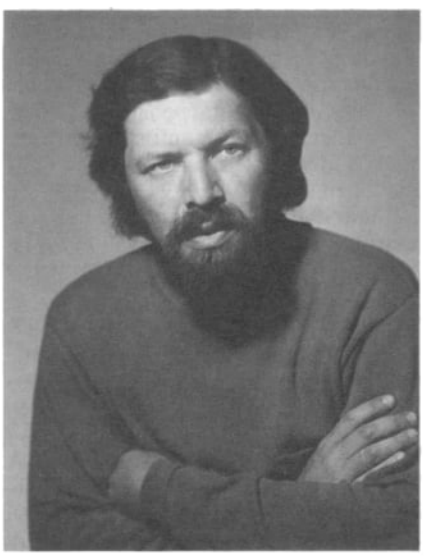
Участник Всесоюзного совещания молодых писателей в М. (1984). Член СП СССР (позже СП России) с 1984.

Перев. с узбекского яз.

Соч.: Случайный вариант: Повесть. Ташкент, 1984; Сухой парк: Повесть. Ташкент, 1986; Зимний отпуск: Повесть. Ташкент, 1987; Загадочный звонок: Повесть. Ташкент, 1990; Ловчий: Повесть. СПб., 1997; Агент чужой планеты: Повесть. СПб., 1997.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

НИЗО́ВСКИЙ Савелий Борисович [31.5.1946, Л-д — 2001, СПб.] — прозаик, детский писатель.



Отец — начальник строительной организации, мать — модистка. В 1968 окончил Электротехнический ин-т связи. Занимался науч. работой по специальности, служил в армии офицером. В 1973–89 работал учителем в школе, преподавателем физики в 1-м Мед. ин-те, инженером по свету в ДК, сторожем, рабочим сцены.

В 1968–70 — участник ЛИТО в ДК им. Цурюпы, в 1973–75 — член молодежного ЛИТО при Детгизе. С 1973 пишет сказки и небольшие детские пьесы. Испытал влияние обэриутов, особенно Д. Хармса. Его стилю присущи легкий ритм, точное, почти стиховое композиционное построение и полная свобода фантазии, вызывающая ассоциации с произведениями Л. Кэрролла.

Перв. значительная офиц. публ. состоялась в колл. сб. «Сказки без подсказки» (1983). С 1981 входил в «Клуб–81», участвовал в его мероприятиях. В 1986–87 вместе с Е. Зелинской и Ю. Галецким изд. единственный в самиздате детский альм. «ДиМ» («Девочкам и мальчикам»). Из-за участия в лит. андеграунде книги Н. неоднократно снимались с производства в лен. и моск. «Детгизе». В кон. 1980-х недолго был корр. лен. детской газ. «Ленинские искры».

В 1989 выпустил перв. кн. «**Как гром греметь разучился**», за кот. последовали др. Автор более 200 детских и 50 «взрослых» сказок, среди кот. — «**Трубочка**», «**Клотики-Куотики**», «**Пластилиновый человечек**», «**Случай в аэропорту**», «**Необыкновенные мысли**», «**Что случилось однажды**», «**Ветер**», «**Карасик-папа**», «**Красный огурец**», «**Сказка про короля-ябеду**», «**Усы**», «**Медведь-будильник**», «**Черепаха и Верочка**», «**Гусь лапчатый**», «**Как Боря Брючкин женился**», «**Счастье трех Завитушек**», «**Архитектура для Васьки Авоськина**» и мн. др.

В 1990–96 — издатель и гл. ред. первого в СССР независимого детского ж. «Топ-Шлеп» (арт-центр на Пушкинской, 10). В 1994–97 — гл. ред. петерб. корпункта «Культура — события и новости» на ТК «Российские ун-ты».

Лауреат Всесоюзного конкурса драматургии для детей и юношества (1990; за пьесу «**Театральный крокодил**») и премии Фонда русской поэзии «Золотой желудь» (1996; за кн. «**Конфеты со шпионами**»).

Соч.: Как гром греметь разучился. Л., 1989; На неведомых дорожках: Учебник-хрестоматия для детей 7–8 лет. М., 1995; Конфеты со шпионами. СПб., 1996; Синяя королева. М., 1998.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

НИКИ́ТИН Николай Елисеевич [11.9.1948, Л-д] — поэт, публицист.

Родители — рабочие. В нач. 1970-х Н. учился в Ин-те киноинженеров. Писал лирич. стихи, кот. распространялись в списках и были включены его другом Л. Волохонским в выпущенную им в сер. 1970-х поэтич. машинописную подборку, печ. в сб. «Голос» (1978) и ж. «Часы» (1979).

Входил в Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ) с момента его основания (1978). 4 авг. 1979 был арестован, 23 окт. 1979 осужден по ст. 190–1 УК на полтора года лагерей. Срок отбывал в лагерях Кемеровской обл. и Тувинской АССР. Две публиц. статьи Н., напис. в заключении, были переправлены на Запад и опубл. в левых французских газ.

В 1982–87 работал оператором газовой котельной, в те же годы окончил Мед. училище. В 1988–96 — сотрудник мед. кооператива «Мама». Занимается нетрадиц. медициной, разрабатывает новые методики.

В 1993 подборка ранних стихов Н. опубл. в ж. «Аврора».

Соч.: Стихи // Часы. 1979. № 18.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

НИКИ́ТИН Николай Николаевич [27.7(8.8).1895, СПб. — 26.3.1963, Л-д] — прозаик, драматург, очеркист.

Родился в СПб. в семье служащего. Окончил реальное училище. Обучался на юридич. и филологич. фак-тах Пг. ун-та. С 1918 по 1922 служил в Красной Армии. Начал службу добровольцем, выполнял обязанности культработника, лектора в воинских частях, затем был переведен в политуправление Петроградского укрепрайона.

Впервые выступил в печ. с рассказом **«Барышня из киоска»** в 1916. Публ. в периодич. изд. «Правда», «Красная газ.», «Красная нива», «Петроградская правда» и др. Ранние

рассказы Н. преимущественно посвящ. описанию различных эпизодов Гражданской войны.

С 1920 был участником творч. студии при Доме искусств в Пг. В 1921 вошел в состав лит. группы «Серапионовы братья», участником кот. оставался не более двух лет. По мнению исследователей, это были наиболее успешные годы в тв-ве Н. Произведения этого периода отмечены актив. поисками новых худож. форм: автор не ставит целью создания четкого фабульного ряда, уделяя особое внимание передаче психологич. переживаний героев, а также языковой игре, придающей особую музыкальность его худож. речи. Примером такой манеры выступает перв. повесть Н. **«Рвотный фронт»**, вышедшая в 1922. Н. обращается к жизни совр. ему провинциального городка времен рев. преобразований. Сюжет повести лишен четкой композиции, повествование прерывается пост. лирич. отступлениями, вставными эпизодами ирреального характера, а также фрагментами из радиосообщений и газ. статей. С точки зрения психологич. составляющей образов, поведенческие интенции персонажей как сугубо личностные, так и политико-соц. зачастую получают сексуально-физиологич. мотивировку, что определяет подчеркнутый натурализм изображения. «Рвотный фронт» снискал довольно критич. отзывы, на фоне кот. особо ценным для автора стала положительная оценка его произведения, данная литератором А. Воронским: «Большой дар у Никитина, и многое ему дано» (Красная новь. 1922. № 3).

Н. ищет себя в разных жанрах. В качестве пародии на семейный и авантюрный роман создается **«Подарок Фатьмы»**. Эксперименты худож. манеры проявляются в рассказе **«Дези»**, где прибегая к приему «остранения», автор «смотрит» на мир глазами животного.

По окончанию Гражданской войны активно пишет об обустройстве мирной жизни в стране. Быту сов. провинции посвящ. **«Обоянские повести»**; жизнь рабочей молодежи описана в романе **«Преступление Кирика Руденко»** (1927). Подобная тематика отличает сб. рассказов Н. **«Американское счастье»** (1922), **«Камни»** (1923), **«Ночной пожар»** (1924), **«Екатеринбургские рассказы»** (1927). Обращается к жанру очерка. Результатом становятся сб. **«С карандашом в руке»** (1926), **«Лирическая земля»** (1927) и др. В 1923 Н. свершает в кач-ве работника сов. торгового представительства путешествие по Зап. Европе, впечатления от кот. составили основу сб. **«Сейчас на Западе. Берлин — Рур — Лондон»** (1924).

Н. пробует себя в драматургич. тве. В 1924 выходит пьеса **«Корона и плащ»**, ставшая переработкой романа Г. Бергстеда «Праздник святого Йоргена». Позднее в 1931 пьеса поставлена под назв. «Святой» в БДТ им. М. Горького в Л-де. В 1927 в соавт. с А. Пиотровским, переработав трагедию Шекспира «Генрих IV», Н. создает пьесу «Сэр Джон Фальстаф», поставленную в лен. БДТ. Театр. судьбу тв-ва Н. продолжили пьеса о социалистич. строительстве **«Линия огня»** (1931); «комедия в событиях» «Конкурс хитрецов» (1933); пьеса об установлении сов. власти в Азербайджане **«Баку»** (др. назв. **«Апшеронская ночь»**), поставленная в 1937 в театрах Л-да и М.; пьеса о событиях Октябрьской революции **«Фирсовы»** (1957).

В послерев. годы Н. много путешествует, посещает объекты социалистич. строек в республиках СССР. В 1930-е начинает работу над романом об Узбекистане «Это началось в Коканде», опубл. в 1939 под назв. **«Это было в Коканде»**.

В годы Великой Отеч. войны Н. работает пост. корр. Совинформбюро, газ. «Комсомольская правда», «Гудок» и др. Пишет пропагандистские брошюры **«Кто такой немецкий оккупант»**, **«Как король Саксонский из-под Варшавы удирал»**, **«Как мы воевали с немцами»**, **«Миф о непобедимой Германии»** и др. Продолжает писать для сцены, выходит его театрализ. рассказ **«Как Чапаев дрался с немцами»**.

В 1950 Н. возвращается к теме Гражданской войны, пишет свой гл. роман **«Северная Аврора»**, в кот. описывает события северного противостояния. Роман вызвал широкий обществ. резонанс. За него в 1951 Н. был удостоен Сталинской премии 2-й степ. Позднее по мотивам романа Н. создает пьесу **«Северные зори»**, неоднократно поставленную во мн. театрах страны. Текст романа стал основой для создания оперы «Заря над Двиной» на муз. композитора Ю. Мейтуса, по сценарию Вс. Рождественского, поставленной в 1955 в Киеве.

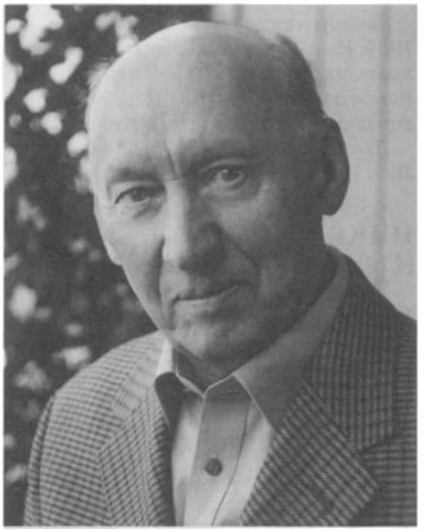
В целом по худож. видению зрелые произведения Н. существенно отличаются от его раннего тв-ва. Если перв. рассказы и повести автора тяготели к орнаментальности, сказовой манере, отличались пространными лирич. отступлениями, то последующие произведения являют собой пример типичного соцреалистического повествования, основанного на архивно-докум. изысканиях писателя.

В теч. своей творч. деятельности Н. актив. участвовал в лит. и обществ. жизни страны. Печ. статьи по вопросам лит-ры и искусства. Изд. свои воспоминания о М. Горьком, С. Есенине, А. Толстом и др. Неск. лет работал в редколл. ж. «Звезда», неоднократно избирался членом правления Лен. писательской организации, являлся депутатом Ленсовета, членом Лен. комитета защиты мира.

Соч.: Камни. Пг., 1922; Американское счастье. Пг., 1922; Рвотный форт. М.; Л., 1922; Бунт. М.; Пг., 1923; Сейчас на Западе, Берлин — Рур — Лондон. Л.; М., 1924; Вещи о войне. Л., 1924; Полет. Л., 1925; С карандашом в руке. М.; Л., 1926; Лирическая земля. Л., 1927; Могила Панбурлея. Харьков, 1927; Обоянские повести. Харьков, 1928; Преступление Кирика Руденко. Л., 1931; Собачий ящик. Л., 1928; Шпион. — Линия огня. — Наивный Вениамин. Л., 1932; Баку. Л.; М., 1937; Избранное: В 2 т. М., 1959; Поговорим о звездах: Повести. Л., 1966; Это было в Коканде. Ташкент, 1982; Северная Аврора. М., 1986; Воспоминания // Жизнь Есенина. М., 1988.

Лит.: Плоткин Л. Николай Никитин // Никитин Н. Поговорим о звездах. Л., 1959; Тихонов Н. Писатель и эпоха. М., 1974; Фрезинский Б. Судьба «серапионов»: К 75-летию Братства // Нева. 1996. № 11; Серапионовы братья: Манифесты, декларации, статьи, избр. проза, воспоминания. М., 1998; Русская лит-ра XX века: Прозаики, поэт, драматурги: Библиографич. словарь: В 3 т. / Под ред. Н. Скатова. М., 2005.

Е. Шлейникова



НИКИ́ТИНА Тамара Александровна [25.1.1929, Л-д — 14.10.2001, СПб.] — поэт.

Окончила Лит. ин-т им. М. Горького в М. (1963). Сотрудничала в газ. и ж-лах. Перв. публикация состоялась в 1948. Член СП СССР (позже СП России) с 1964.

Награждена почетной грамотой СП СССР (1979).

Соч.: Майский снег: Стихи. Л., 1963; Перекрестки: Стихи. Л., 1977; Середина лета: Стихи. Л., 1983; Звуки на камне: Стих. Л., 1986; Голубиная почта: Книга акростихов. СПб., 1994; Ключи домового: Стихи о Литве и переводы с литовского. СПб., 1995; Два коня: Стихи. СПб., 1997; Избр. лирика. 1947–98. СПб., 1998; Серебристая тетрадь для зимы: Кн. акростихов. СПб., 1999.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

НИКОЛА́ЕВ Геннадий Философович [11.6.1932, Сталинск, ныне Новокузнецк Кемеровской обл.] — прозаик, публицист.

Родители — служащие, работники РК ВЛКСМ. По окончании Томского политехнич. ин-та (физико-технич. фак-т, 1956) в теч. 10 лет работал в атомной промышленности, участвовал в проектировании ряда крупных объектов (Ин-та ядерной физики, Альфа-павильона, Ин-та неорганической химии сибирского отд. АН СССР, защитного оборудования), в ликвидации аварий. «Неоднократно попадал в зоны повышенной радиации и "газовок", бывал в критических ситуациях, спасали товарищи по работе» (автобиографич. справка).

Перв. публ. — повесть **«Плеть о двух концах»** в иркутском альм. «Ангара» (1968. № 5), эта же повесть под тем же назв. стала перв. книгой Н. (Иркутск, 1970).

В 1970–73 — ред. альм. «Сибирь» (б. «Ангара»). С 1971 член СП СССР — по рекоменд. В. Тендрякова, Д. Сергеева, В. Распутина, К Седых.

С 1973 — в Л-де. После окончания двухгодичных Высших лит. курсов при Лит. ин-те в М. работал в ж. «Звезда» — ст. ред. отдела прозы, зам. гл. ред. В 1988–92 — гл. редактор (первый в СССР случай избрания на эту должность открытым голосованием на собрании писателей). Как писатель и специалист-физик был участником ряда международных конгрессов: Первого (1990) и Второго (1993) антиядерных в Алма-Ате, «Сталинизм сегодня» (1990) в Зальцбурге (Австрия), Первого Сахаровского (1991) в М. С 1999 живет в Дортмунде (ФРГ), оставаясь гражданином РФ и печатаясь по преимуществу в России. На русском яз. издано 15 кн. Проза Н. переводилась на немецкий, французский, венгерский, болгарский, монгольский яз.

«Мастерской, глубокой, честной прозой» назвал перв. повесть Н. **«Плеть о двух концах»** (публ. под назв. **«Лешка»**) В. Тендряков. «Эта книга правдива до мучительности, до слез, до дрожи», — писал о ней же писатель и правозащитник А. Зиновьев в предисл. к французскому (в швейцарской Лозанне) изд., кот.

сам и организовал. Ныне, спустя десятилетия, повесть Н. воспринимается в контексте лит. явления, известного как «молодежная проза шестидесятых». Конфликт чистого юноши, комсомольского «идеалиста», воспитанного на высоких и красивых словах, с «грубой прозой» жизни, где встречаются, оказывается, и ложь, и цинизм, и наплевательское отношение к делу, был достаточно типичен для тех лет. В др. своем варианте этот конфликт присутствует в повести Н. **«Квартира»** (1980), героям кот. — молодым строителям, Сергею и Надюхе, счастливой семейной паре, ломает жизнь срочная необходимость собрать деньги на кооперативную квартиру.

Новый, значительный этап в тв-ве Н. наступил, когда он смог вплотную обратиться к собств. опыту инженера-физика, к миру, кот. он хорошо знал: «закрытых» науч. учреждений и предприятий, городов, кот. нет на карте. Ранее к этому материалу Н. прикасался в повести **«Большой Дрозд»** (Иркутск, 1973), имевшей трудную издательскую судьбу. Многократные переделки, «вычерки, изъятия глав и целых пластов, произведенные цензурой, омрачили радость выхода книги, а главное — снизили ее социальное значение», — свидетельствует автор. В новых ист. условиях оказалось возможным сказать больше и откровеннее. Сами заглавия говорят за себя: **«Город без названия»** (роман; Л., 1984), **«Заброшенный полигон»** (повесть; Л., 1988), **«Зона для гениев»** (роман, повесть, очерки; СПб., 1999). Писатель мастерски, со знанием дела воспроизводит специфическую атмосферу жизни героев, людей по определению незаурядных, талантливых, мыслящих. С одн. стороны — относительное материальное благополучие, работа, опьяняющая, как наркотик, причастностью к самым глубоким и страшным тайнам природы и общества. С другой — пост. надзор, явный и тайный, нравственные сомнения, стрессы, страх. В какой-то момент герой «Зоны для гениев» принимается тайком строить у себя на даче подземное убежище для себя и своей семьи на случай возможной катастрофы. Выход из тупика писатель видит в объединении усилий честных и ответственных людей в разных странах: «Наверняка там, "у них" тоже найдутся люди, все понимающие и стремящиеся к тому же. Найти их, объединиться, помогать друг другу...».

В произведениях Н, напис. уже в новом веке, строго реалистич. письмо начинает переплетаться с элементами фантастики. Таков роман **«Вещие сны тихого психа»**, номинант премии «Русский Букер» (2002, отд. изд. — СПб., 2004)., герой кот. — русский физик Бродягин, ныне пациент немецкой психиатрич. клиники. Врач (тоже эмигрант из России) обещает ему с помощью особого прибора стереть из памяти наиболее мучительные страницы. Однако в решающий момент Бродягин отказывается от «зачистки»: пережитое стало частью его личности, без этого груза он перестанет быть собой, свой крест необходимо нести до конца. В кн. **«Мой многоликий атом»** (СПб., 2009), наряду с повестью **«Хранилище»** и романом «Город без названия», вошли страницы воспоминаний под общ. назв. **«Через всю жизнь»**.

Острота, динамичность, сюжетная занимательность прозы Г. неоднократно привлекали внимание кинематографистов, работников ТВ и радио: «Плеть о двух концах» (телеспектакль; Иркутск, 1973), «Город без названия», «Квартира» (радиопьесы; Л., 1986 и 1988), «Поездка к сыну» — по рассказу **«По важному делу»** и **«Краники»** — по одноименному рассказу (короткометражные фильмы; Мосфильм, 1986) «Забота» — по рассказу **«Надежда и опора»** (телефильм; ЛенТВ, 1986), **«Трещина»**, **«Ночные каналы»**, **«Стон Амёбы»** (радиокомпозиции по одноименным произведениям; СПб., 1996) и др.

В разные годы Н. публ. очерки и статьи мемуарного и публиц. характера: о А. Вампилове, В. Тендрякове, сибирском энергетике Л. Небрате (в кн. «Зона для гениев»), ученом и писателе В. Френкеле (СПб., 2002) и др.

Член Русского ПЕН-клуба. Член редколл. ж. «Звезда».

Соч.: Три опоры: Рассказы и повесть. М., 1974; Лесная подстанция: Повесть и рассказы. М., 1978; Квартира: Рассказы, повесть. Л., 1980; Забота: Повести. Иркутск, 1983; По важному делу: Рассказы и повесть. М., 1984; Город без названия: Роман. Л., 1984; День милосердия: Рассказы и повести. Л., 1986; Три опоры. Лешка. Квартира. Л., 1987; Заброшенный полигон: Повести. Л., 1988; Зона для гениев: Роман, повесть, очерки. СПб., 1999; Absolve Te: Роман // День и ночь. 2004. № 11–12; Вещие сны тихого психа: Роман, повести. СПб., 2004; Стон Амёбы: Роман. СПб., 2005; Мой многоликий атом. СПб., 2009. Пыль: Повесть // Звезда. 2010. № 12; Зерна оптимизма на полях пессимизма: Ст. // Звезда. 2011. № 8.

Лит.: Тендряков В. После дебюта // Комсомольская правда. 1976. 27 окт.; Анджапаридзе Г. Большая жизнь и «малый» жанр // ЛГ. 1977. 21 дек.; Буханцов Н. Дела квартирные // ЛГ. 1979. 31 янв.; Житинский А. Беречь живую душу // Нева. 1981. № 6; Киреев Р. Возможны варианты // ЛГ. 1982. 3 февр.; Распутин В. Исповедимы пути твои... // Сибирь. 1984. № 1; Андреев Ю. Характер и конфликты // Правда. 1984. 4 апр.; Кавторин В. Испытание временем // Лит. обозрение. 1985. № 1; Leetz Antje. «Wir haben nicht unsere Ideale verraten. Wir sind nur kluger geworden!» // Buch Club 65, 1986; Урбан А. Проза Геннадия Николаева // Николаев Г. Три опоры. Лешка. Квартира. Л., 1987; Коробков Л. Не слова ради...; Новикова О., Новиков Вл. Единого слова ради (дискуссия о романе «Город без названия») // ЛГ. 2004. 15 авг.; Фоняков И. Кому что снится // Питербook. 2004. № 9.

И. Фоняков

НИКОЛА́ЕВ Николай Иванович [14.3.1947, г. Бердичев Житомирской обл., Украина] — прозаик, поэт.

Отец — офицер. С 1950 семья живет в Л-де. В 1960-е работал лаборантом-фотографом, библиотекарем, контролером-приемщиком на автостоянке.

Писал стихи и прозу, входил в круг литераторов Малой Садовой. Печ. в альм. «Fioretti» (1965) и «Часы» (1975). Ранние стихи Н. опубл. в антол. К. Кузьминского «У Голубой лагуны».

В 1975 окончил филологич. фак-т ЛГУ. С 1976 — сотрудник Научной биб-ки им. М. Горького ЛГУ (СПбГУ), в наст. время — зав. отделом редких книг и рукописей этой биб-ки.

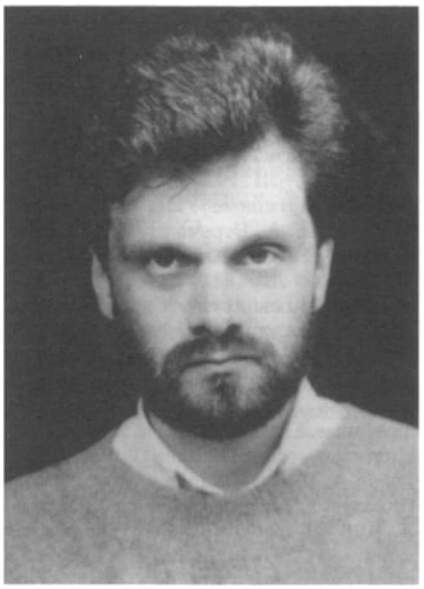
Занимается науч. работой в обл. русской и зарубежной филологии. Автор публ. в ж. «Вопросы лит-ры», «Философские науки», «Лит. обозрение», сб. «Труды по знаковым системам» и др.

Заслуж. работник культуры России.

Соч.: Стихи // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 4А.

Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

НИКОЛА́ЕВ Сергей Анатольевич [26.12.1957, Л-д] — поэт, прозаик.



Отец — столяр-краснодеревщик, закончил Лесотехнич. академию. Мать — инженер. Н. учился в Ин-те холодильной промышленности. Закончил Топографический техникум по специальности «Инженерная геодезия». Заочно закончил ЛГУ по специальности «Русский яз. и лит-ра», защитил диплом на тему **«Некоторые аспекты полемики акмеистов с символистами в 1910-х годах»** (рук. Б. Аверин). Работал топографом в Тресте геодезич. работ и инженерных изысканий, машинистом насосных станций на Парголовском машиностроительном з-де, слесарем-ремонтником в Военно-мед. музее, преподавателем русского яз. и лит-ры в Речном училище и Энергетическом техникуме, экскурсоводом в ГРМ, учителем французского яз. в средних школах, оператором газовой котельной на фабрике «Сев. мануфактура», методистом и преподавателем русского яз. в Консерватории, преподавателем общеобразовательного отд. в Муз. училище им. Н. Римского-Корсакова, ст. преподавателем кафедры русского яз. в ЛЭТИ, ст. преподавателем кафедры русского яз. и связи с общественностью в Гидрометеорологическом ун-те.

К лит-ре интерес у Н. пробудился еще в школе. Во 2-м классе он был ред. стенгазеты «Веселый Еж». Всегда отличался разнообразием увлечений. Занимался в кружке фортепиано в Клубе Табачной фабрики им. М. Урицкого, занимался шахматами, волейболом, легкой атлетикой, спорт. гимнастикой, фехтованием, прыжками в воду, самбо.

Стихи начал пис. в 1977. С этого же времени в теч. неск. лет в ЛИТО при газ. «Невская заря» (г. Всеволожск) под рук. Н. Солохина. В «Невской заре» появилась и перв. публ. стихов Н.

В 1994 выходит перв. кн. стихов Н. **«Мутанты»**, в 1996 вторая — **«Зомби Сената и Синода»**. Н. много печ. в газ. «Смена», «Невская заря», «Русь» и др., в ж. и сб. «Нева», «Молодой Л-д», «Ладога», «Васильевский о-в», «Молодой Петербург», «Рог Борея», «Русский мир», «Медвежьи песни», «День русской поэзии» и др. Его работа не остается незамеченной. Н. объявляет себя создателем «Акмеобериусимсюрметизма» — синтеза акмеизма, ОБЕРИУ, символизма, сюрреализма и метареализма. Критики отмечают в его тв-ве «анархофантастические ноты» и «фантасмагоричность» (Р. Миронов), «гротеск, злой шарж, натуралистически выписанные галлюцинации» (Г. Муриков). Н. — принципиальный и крайний авангардист в совр. петерб. поэзии. А. Ахматов называет его «волшебником Изумрудного Города»: «На сегодняшний день Сергей Николаев — лучший и самый интересный из всех известных мне поэтов авангардного направления. Его пещеры находятся на стадии постоянного углубления и расширения. Красота тропов, сталактитами свисающих со сводов его стихов, поистине завораживает. А сам поэт — король этого подземного царства...» (Питербook Плюс. 1999. № 6, июн.). К сказочным образам обращается для характеристики тв-ва Н. поэт А. Иванен: «Сергей Николаев в своем творчестве отражает хаос и многомерность совр. жизни, когда сатана и дьявол пытаются войти в храм господний... Поэт находится на ковре любви, летящем неизвестно куда...» (В кн.: Николаев С. **Вольный крест**. СПб., 1999). «Редко у какого поэта собирается столько героев на площади небольшого стихотворения. Каждое поэтическое произведение Николаева — это маленькая театральная постановка: иногда — веселая клоунада, иногда — лирическая драма, иногда — сатирический гротеск...» (Краснов Б. Всеволожские вести. 1997. 21 окт.). Стихи Н. рациональны и, бесспорно, всегда обусловлены творч. программой автора, его общей культурой, его петерб. обликом. «Особый, петербургский склад ума и души — или, как теперь принято говорить, менталитет — это одновременно и стержень, ось, вокруг которой вращается вселенная русской культуры. Так или иначе, он находит выражение в творчестве всех подлинно "петербургских" поэтов, но бывает, что автор сознательно ориентирует себя на духовный образ великого "города-призрака". Таков Сергей Николаев. Его поэзия фантасмагорична не только из-за особенностей авторского дарования, но и, так сказать, принципиально. В силу ясной и обдуманной творческой установки...» (Муриков Г. Лит. Петербург. 1998. № 5).

По поводу кн. Н. **«Царь в голове»** Е. Кульбуш писала: «Основная суть поэзии автора — сочетание несочетаемого: **"Саркофаг"** — наиболее зримое определение покоя, неподвижности и **"Карусель"** — предмет, определяющий легкомысленность и движение. Именно это сцепление разнозаряженных образов и создает тот энергетический разряд, который столь сильно воздействует на читателя... Истинных же высот поэзия Сергея Николаева достигает в тех случаях, когда противопоставления переходят во внутренний план и обращаются к внутреннему опыту поколения современников автора... Прекрасная Дама Классическая Поэзия осеняет своей улыбкой короля эпатажа и профоппозиционера... Именно в русском характере, в русской ментальности находит автор благодатную почву для своих поэтических исканий... Та самая русская противоречивость, нигилизм, творческое устремление ввысь и самоотречение на новом уровне осмысливается в поэзии С. Николаева... Итак, кто же он, где же он, есть ли он, этот самый "Царь в голове" поэзии Сергея

Николаева? Ответ — и есть и нет. Царь в голове поэта — сам поэт!.. Поэт, не страшась заглянуть за грань разума и абсурда, гармонии и хаоса, просит у царя в голове семь воль и получает от самого себя же во много раз больше возможностей и шансов творить, пробовать, создавать новую поэзию, новую эстетику, новый образный мир...» (В кн.: **Весь Сергей Николаев**. СПб., 2005).

Поиск содержания, поиск формы, стремление во что бы то ни стало быть непохожим — свойственно Н. Движение — его пост. качество. Но в этом есть и «за» и «против». «За» потому, что всегда что-то новое, «против» потому, что движение к этому новому идет от неудовлетворенности тем, что есть. Причем эта неудовлетворенность вполне обоснованна. И она присуща, конечно, не только самому поэту, но и его читателю, критику. И словно бы именно эта неудовлетворенность подталкивает Н. к поиску все новых форм диалога с миром: появляются «**Хоккототемы**» (1999), «**Хоккототемы — II. Западные славяне**» (2005), «**Хоккомедальоны — II. Восточные славяне**» (2005). Наконец, Н. переходит к сверхкоротким рассказам, объединенным в кн. «**Фасеты**» (2005). «Рассказы-фасеты Сергея Николаева цепляются друг за друга словно маленькие крылатые вагончики и грохочут по рельсам фантазии» (Г. Толмачева). «Вникая в короткие рассказы Сергея Николаева, невольно ловишь себя на том, что они, несмотря на широкий разброс во времени и пространстве, все вместе обретают некое "мистическое" единство... Сквозь "фасеточный" мир нельзя не усмотреть поразительную смелость художника, создающего широкую картину жизни — нечто целое, составленное из осколков. Удивляет в ней все: и странные, но цельные характеры, нарисованные размашисто и пестро, и невероятные сцепления невообразимых обстоятельств реальной жизни, превращающих ее в нечто виртуальное, мнимое... Вместе с тем, после прочтения фасет возникает ощущение, что ты побывал в особом мире, где все совершается в "единстве" всеобщей катастрофы. Именно это ощущение и заставляет посмотреть на рассказы Сергея Николаева как на нечто целое и значительное...» (Там же).

В 2005 Н. выпускает полное собрание своих сочинений на компакт-диске, включая туда написанные по случаю и специально для этого издания отзывы о своем тв-ве. Это итоговое изд. охватывает четверть века творч. работы Н. Но в целом тв-во поэта остается пока не вписанным в общую картину петербургской поэзии посл. четверти XX в. Эту работу предстоит еще проделать критике.

Соч.: Мутанты. СПб., 1994; Зомби Сената и Синода. СПб., 1996; Вольный Крест: Стих., эссе. СПб., 1999; Хоккототемы: Графика, трехстишия. СПб., 1999; Царь в голове: Стих., эссе. СПб., 2000; Хоккототемы — II. Западные славяне: Графика, трехстишия. СПб., 2005; Хоккомедальоны. Южные славяне: Графика, трехстишия. СПб., 2005; Хоккомедальоны — II. Вост. славяне: Графика, трехстишия. СПб., 2005; Искусство плыть на встречный ветер. СПб., 2005; Фасеты: Сверхкороткие рассказы. СПб., 2005; Эссе. СПб., 2005; Весь Сергей Николаев: Поэзия, проза, графика. СПб., 2005 (компьютерная версия); «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Краснов Б. Поэтич. театр Сергея Николаева // Всеволожские вести. 1997. 21 окт.; Муриков Г. Петерб. прорыв // Лит. Петербург. 1998. № 5; Греков Т. А книга с картинками упала на лапу Азора...// Неделя в Петербурге. 1999. № 10. 15 нояб.; Греков Т. День начинается бумажный... // Смена. 2000. 16 июн.; Солохин Н. Поэтич. ускорение // Всеволожские вести. 1999. № 50, 14 июл.; Кириллов Д. Очки золотых фантазии // Рог Борея. 2001. № 10.

В. Кречетов

НИКОЛА́ЕВ Сергей Иванович [12.10.1952, Л-д] — историк лит-ры.

В юности писал стихи и прозу. Неск. публ. Н. состоялось в ж. для детей «Костер» и «Искорка». Карикатуры Н. напеч. в ж. «Аврора» (1970. № 8). В 1974 Н. подготовил сб. прозы, выпущ. Вл. Эрлем под маркой изд-ва «Палата мер и весов». Печ. под псевд. С. Ник в альм. «Часы» (1975), «Лепрозорий–23» (1976).

После службы в армии (1971–73) в 1974–79 учился на филологич. факте ЛГУ на кафедре славянской филологии, специализируясь по польскому яз. и лит-ре.

В 1979 зачислен стажером-исследователем в Группу (затем Отдел) русской лит-ры XVIII в. ИРЛИ (ПД)

АН СССР. В 1982 защитил канд. дис. «**Польская поэзия в русских переводах втор. пол. XVII — перв. трети XVIII в.**» (науч. рук. А. М. Панченко).

В 1996 защитил докт. дис. «**Лит. культура Петровской эпохи**». С 2000 — вед. науч. сотрудник.

Осн. науч. работы Н. посвящ. широкому кругу проблем истории польско-русских лит. связей XVII — перв. трети XIX в. (восприятие в России тв-ва Я. Кохановского, С. Твардовского, А. Нарушевича, Ф. Карпинского, А. Мицкевича и др.) и истории русской лит-ры втор. пол. XVII — сер. XVIII в., как оригинальной (тв-во С. Полоцкого, Ф. Прокоповича, А. Кантемира, В. Тредиаковского, М. Ломоносова и др.), так и переводной. Ряд работ Н. посвящ. отд. лит. жанрам (эпитафия, школьная драма), книговедению (польская кн. XVII в.), фольклору (русские и польские пословицы), истории бытовой культуры (похоронный обряд), библиографии.

Принимал участие в межд. конф. в России и за рубежом (Польша, Италия, Германия, Голландия). Выступал с лекциями в ун-тах Италии и Польши.

С 2000 преподает историю польской лит-ры на филол. фак-те СПбГУ, читает спецкурсы по истории польско-русских лит. связей.

Член редколл. и автор статей в «Словаре русских писателей XVIII в.» (Вып. 1–3. Л., 1988; СПб., 1999, 2010); «Словарь книжников

и книжности Древней Руси» (Вып. 3. СПб., 1992–2004); «История русской переводной худож. лит-ры: Древняя Русь. XVIII в.» (Т. 1–2. СПб., 1995–96); «Очерки истории русской лит. критики» (Т. 1. СПб., 1999); член редколл. ж-лов «Русская лит-ра» и «Вестник СПб. ун-та» (сер. «Филология. Журналистика. Востоковедение») и др. периодич. изд.

Подготовил изд. «Памятники лит-ры Древней Руси. XVII в. Кн. 3» (М., 1994, совм. с А. М. Панченко), «Шедевры лит-ры XVIII в. Избр. Кн. первая» (М., 1997, совм. с Ю. Стенником), «Русская стихотв. эпитафия» (СПб., 1998, совм. с Т. Царьковой).

Член-корр. РАН (2008), гл. науч. сотрудник, зав. отделом (2009).

Соч.: Стихи // У Голубой лагуны / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 4А; Польская поэзия в русских переводах: Вт. пол. XVII — перв. треть XVIII в. Л., 1989; Лит. культура Петровской эпохи. СПб., 1996; Poezja a dyplomacja. Kartka z dziejów działalności translatorskiej Urzędu Poselskiego w Moskwie w XVII wieku. Warszawa, 2003; От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских лит. связей XVII — перв. трети XIX в. СПб., 2004; Александр Михайлович Панченко. 1937–2002. М., 2007; Od Kochanowskiego do Mickiewicza. Szkice z historii polsko-rosyjskich związków literackich XVII–XIX wieku / Tłum. J. Głażewski. Warszawa, 2007; Польско-русские лит. связи XVI–XVIII вв.: Библиогр. мат-лы. СПб., 2008; Polono-Rossica. Polsko-rosyjskie związki literackie w XVI–XVIII wieku. Materiały bibliograficzne. Kraków, 2009.

Лит.: Кто есть кто в русском литературоведении. М., 1992. Ч. 2; Okoń J. Nowe rosyjskie odkrycia ze staropolszczyzny // Ruch Literacki. 1993. № 3; Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян: Биобиблиогр. словарь. NY, 1993; Wichowa M. Gość z Petersburga // Kronika: Pismo Uniwersytetu Łódzkiego. 2003. № 1 (78); Долинин В., Иванов Б., Останин Б., Северюхин Д. Самиздат Ленинграда. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Пушкинский Дом: Мат-лы к истории: 1905–2005. СПб., 2005; Филологический фак-т СПбГУ: Мат-лы к истории фак-та. СПб., 2008; Алексеева Н., Кочеткова Н. Член-корр. РАН С. И. Николаев (К 60-летию со дня рождения) // Известия РАН. Серия лит-ры и яз. 2012. Т. 71. № 6; Litterarum fructus: Сб. ст. к 60-летию С. И. Николаева. СПб., 2012 (в т. ч. список печ. работ Н.).

НИКОЛА́ЕВ Юрий Андреевич [26.7.1920, Новгород — 3.3.2002, СПб.] — поэт.

Закончил историч. фак-т ЛГУ. Мн. годы работал журналистом в ЛО ТАСС. Член Союза журналистов.

Перв. публ. стихов состоялась в 1937. Как автор поэтич. произведений печ. во мн. центр. газ, в ж. «Звезда», «Север», «Наш современник», в альм. и колл. сб.

Член СП России с 1996.

Соч.: Торопитесь людей понимать: Стих. Л., 1990; Не плыть за луною: Стих. СПб., 1993; Крутая правда: Стих. СПб., 1995; Про любовь и нелюбовь. СПб., 1996; Вчера промчалась буря: Стих. СПб., 1997; Огонь и память: Стих. СПб., 1997; Алла и Робинзон. СПб., 1998; Глубина откровений. СПб., 1999; Шестьдесят ступеней в будущее. СПб., 2000.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

НИКО́ЛЬСКАЯ Анна Борисовна [1(13).12.1899, СПб. — 21.11.1977, Алма-Ата] — прозаик, переводчик.

Дочь Б. В. Никольского; крестница Г. В. Чичерина, в 1905 порвавшего отношения со своим отцом по полит. мотивам. После окончания в 1917 первой на курсе с золотой медалью Александровского ин-та (привилегированного учебного заведения для благородных девиц) поступила в Харьковский ун-т, в теч. года не имея сведений о родных. В нояб. 1918 приехала из Харькова в Пг., оформив перевод в Воронежский ун-т. После расстрела отца с авг. 1919 на попечении Н. остались тяжелобольная мать и младший брат Роман, впоследствии отрекшийся от семьи, ставший сотрудником ОГПУ и расстрелянный в 1937. Поездка в нач. 1921 в М. к Чичерину (в ходе кот. Н. познакомилась со Сталиным) реальной помощью не увенчалась. Чтобы выйти из категории лишенцев и заработать трудовой стаж, в на. 1920-х Н. работала на Волховстрое, где организовала общеобразовательные курсы для рабочих. Производственный стаж дал ей возможность поступить на фак-т общественных наук ЛГУ, откуда ее периодически исключали за происхождение; по окончании она была оставлена в аспирантуре Науч.-исследовательского ин-та сравнительного изучения лит-ры и языка Запада и Востока при ЛГУ, из кот. в 1930 была исключена как чуждый элемент.

Прекрасно владевшая французским, немецким и славянскими яз., Н. занималась переводами, среди них — «Принц Каффар» Ж. Дюамеля (Л., 1925), а также преподавала в ликбезе, партшколе и Ин-те истории искусств (науч. стаж — с 1924). Н. участвовала в ряде фольклорных и этнографических экспедиций Академии наук, читала в университете курсы палеографии и древнерусской лит-ры. Ученица В. Перетца и деятельная участница его семинара с 1922 Н. работала над монографическими «очерками по истории стиля в древнерусской литературе», которые, по ее замыслу, должны были состоять из 2 частей, посвященных соответственно изображению природы и внешности человека в древнерусских лит. памятниках. Работа заслужила похвалу А. Луначарского, ходатайствовавшего об ее изд. со своим предисл. С кон. 1920-х — науч. сотрудник Комиссии древне-украинской письменности при Всеукраинской Академии наук, что позволяло ей сохранять определенную независимость от идеологич. кампаний кон. 1920-х, сильно проредивших лен. академ. науку. В 1931 по рекомендации Н. Мара Н. была принята на должность старшего палеографа РО Библиотеки Академии наук СССР (куда она в 1919 передала архив отца;

ные в ГАРФ и РГИА); впоследствии в ее ведении также находился кабинет инкунабулов и хранение особо ценных фондов. Летом 1933 была арестована; сама Н. считает виновником происшедшего директора БАН И. Яковкина (друга семьи Н.), которому она препятствовала в санкционированном свыше расхищении неучтенных фондов (см. ее повесть **«Иннокентий Васильевич»** // Простор. 1987. № 9; републикация: Леонов В. Судьба библиотеки в России. СПб., 2000). После ареста Н. ее мать покончила с собой. Была присоединена к сфабрикованному органами ОГПУ в 1933–34 по так называемому «Делу славистов»; постановлением ОСО Коллегии ОГПУ от 2 апр. 1934 Н. была выслана в Алма-Ату.

В кон. 1920-х Н. познакомилась с учившемся в ЛГУ М. Ауэзовым, кот. встретил ее в Алма-Ате; благодаря ему в ссылке Н. актив. участвовала в работе СП Казахстана. Выучив казахский яз., Н. приступила к стихотв. переводу лироэпич. поэмы «Казы-Корпеш» и «Боян-Слу», казахского народного эпоса «Кыз-Жибек» и стихов одного из основоположников казахской лит-ры М. Утемисова; прозой переводила народные сказки. Н. много публ. в периодике Казахстана, но осн. местом ее работы был Казахский пед. ин-т, где она преподавала французский яз. и читала курсы древнерусской лит-ры и французской лингвистики.

В нояб. 1937 Н. была вновь арестована; решением ОСО от 10 дек. 1937 приговорена к 10-летнему заключению. До весны 1943 Н. находилась в лагере на севере Свердловской обл., откуда была актирована по инвалидности. На положении ссыльной Н. поселилась в Тастане (пригород Алма-Аты), где снимала угол в землянке. Последствиями заключения у Н. были туберкулез, бронхиальная астма, ревматизм, язва желудка; она мучилась непрерывными головными болями — последствием избиений в ходе следствия, когда от нее добивались показаний на В. Перетца. Зачастую не имея возможности работать за единственным столом в землянке, Н. была вынуждена заниматься переводами на земляном полу.

Благодаря Ауэзову Н. получила возможность зарабатывать лит. трудом. Среди переведенного Н. — «Походные песни» поэта-фронтовика Ж. Саина (Алма-Ата, 1944; совм. с А. Хазиным), его же «Песни юности» (Алма-Ата, 1946), «Стихи и песни» М. Утемисова (Алма-Ата, 1948; переизд.: Алма-Ата, 1957), «Избр. произведения» акына Н. Байганина (Алма-Ата, 1946), а также «Курулайсулу» И. Байзакова и ряд произведений казахских поэтов, неизменно включавшихся в антологии лучших переводов казахской лирики (Простор. Алма-Ата, 1957; То же. М., 1958; Антология казахской поэзии. М., 1958; Поэты Казахстана. Л., 1978 и др.).

Заслугой Н. в деле сближения русской и казахской лит-р является перевод 1-го тома романа М. Ауэзова «Абай» (1945; при участии Т. Муртазина), осуществленный под наблюдением автора; именно с этого, выполненного на полу в землянке, русского перевода Н., выдержавшего около двух десятков изданий, роман был в дальнейшем переведен более чем на 20 яз., войдя в сокровищницу мировой лит-ры. Перевод Н. был издан без упоминания ее имени на титульном листе. Подготовленный Н. в кон. 1940-х перевод 2-го тома был изд. Гослитиздатом без упоминания ее имени — «перевод с казахского под общей редакций Леонида Соболева». После жалобы Н. Симонову в 1949 была создана комиссия под рук. Евгенова, которая предпочла проигнорировать представленные бесправной ссыльной доказательства воровства, совершенного лицом, с сер. 1930-х отвечавшим в секретариате СП СССР за руководство казахской лит-рой. Авторство Н. было юридически подтверждено лишь в 1960-е, однако присвоенных Л. Соболевым гонораров она не получила (подробнее см.: Жовтис А. Послеслов.). По свидетельству М. Лозинского, «А. Б. Никольская проявила себя как зрелый мастер русского стиха и русской прозы и по праву должна быть причислена к разряду лучших наших переводчиков» (Там же). Также Н. знала узбекский яз.; по заказу СП СССР она подготовила **«Обзор детской узбекской лит-ры»** (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. № 2023).

В 1948 Н. принята в СП Казахстана; принимала участие в работе его Русской секции (Ю. Домбровский, И. Шухов, А. Жовтис, А. Хазин, Л. Варшавский и др.). Изменение официального статуса Н. привело к улучшению ее бытовых условий. В нач. 1950-х Н. соединила свою судьбу с жившим в Алма-Ате известным биохимиком Б. Ильиным-Какуевым. В 1956 Н. была реабилитирована по обоим делам «за недоказанностью обвинения», получив возможность преподавать в Алма-Атинском ун-те (до 1972). В 1950–60-е Н. много переводила казахских авторов (в т. ч. Т. Аханова, С. Муканова, Г. Мусрепова); опыт переводчика она обобщила в ст. **«Заботы простого дела»** (Простор. 1967. № 7). Как текстолог участвовала в подготовке СС казахского просветителя Ч. Валиханова (Т. 1–5. Алма-Ата, 1961–72).

В 1956 приступила к написанию своего гл. произведения — мемуарной повести **«Передай дальше»** (первонач. заглавие **«Так было»**) о созданном ею во время вторичного заключения самодеятельном лагерном театре. Сценическое действо было единственной возможностью заключенных обрести на некот. время духовное раскрепощение; многим это помогло выжить. Согласно условиям, поставленным лагерной администрацией, пьесы для театра Н. писала сама, причем они должны быть «без идеологического содержания» — в качестве исходного сюжетного матла Н. использовала сообщения из сов. газ., прошедших лагерную цензуру. Прочитанная в рукописи повесть Н. заслужила лестные отзывы К. Паустовского, Вс. Иванова, М. Слонимского, Н. Тихонова, однако отсутствие возможности опубл. ее в СССР (против изд. за рубежом Н. категорически возражала) побудило Н. в 1965 прекратить работу над ее окончательной отделкой. Рукопись повести была в 1972 передана Н. Жовтису, опубл. ее в эпоху т. н. гласности (Простор. 1986. № 10). Замолчанная в Казахстане мест. критикой, повесть Н. сразу же стала событием в лит. жизни СССР; о ней, как о замечательном произведении — в ряду тех, кот. «породили не только большие разговоры, но и своеобразный всплеск социальной активности» — упомянул в апр. 1987 в своем д-де на пленуме правления СП СССР его председатель В. Карпов. Благодаря тому, что в повести Н. герои были выведены под своими

собств. именами, некоторые люди узнали о судьбе своих родных.

«Все произведения Н. автобиографичны или основаны на фактическом материале, субъективно воспринятом и переосмысленном. В то же время — это не просто воспоминания, а как правило, сюжетно завершенные, стилистически отточенные и всегда эмоционально насыщенные картины живой жизни» (А. Жовтис). Излюбленным жанром Н. был рассказ; большинство их обращено в прошлое — то, в чем современники видели лишь анекдотический случай, в изложении Н. приобретает характер неизбежного сцепления событий во всех его странностях и несообразности (см., например, рассказ «Да будет воля моя!» об истории находки записок матери К. Рылеева в тайнике, находившемся в доме известного консервативного публициста Е. Богдановича). Проза Н. написана ясным и чистым языком; ее отличает исключительная точность в передаче деталей. Все написанное Н. отмечено высочайшим тактом, обусловленным стремлением автора объяснить, прежде всего — самой себе, действия описываемых ею лиц, в т. ч. и направленные против нее. Рассказ «Геленджик» об истории поиска лермонтовских мат-лов в местном краеведч. музее получил восторженную оценку И. Андроникова.

Несмотря на известность в лит. кругах Л-да и М., куда Н. почти ежегодно приезжала во время отпуска, ее проза издавалась лишь в Алма-Ате, где в ней видели одного из самых деятельных участников казахско-русского лит. сближения. Посмертно подготовленный к печ. в нач. 1980-х сб. **«Избранного»** Н. света не увидел, несмотря на ряд положит. рец. Полный текст повести, а также ряд впервые (за единичным исключением) публикуемых рассказов Н. составили однотомник с предисл. С. Юрского и послесл. А. Жовтиса, изданный в Алма-Ате в 1989. Этим изданием до наст. времени ограничиваются публикации творч. наследия Н., кот. без преувеличения можно отнести к лучшим образцам русской прозы послевоен. времени.

Соч.: Листки воспоминаний // Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1972; О ритме худож. прозы // Вопросы лит-ры. 1973. № 7; Неписаные истории. Алма-Ата, 1963; Пропавшие письма. Алма-Ата, 1968; 1976; Передай дальше! Рассказы, повесть / Сост., послесл. А. Жовтиса. Алма-Ата, 1989.

Лит.: Ровенский Н. Талант и провинциальность. Алма-Ата, 1967; Анов Н. Анна Борисовна Никольская // Простор. 1969. № 12; Устинов А. Точка опоры. Алма-Ата, 1982; Жовтис А. Передано людям // Простор. 1987. № 10; Иванова Н. Точка опоры: О прозе посл. лет. М., 1988; Жовтис А. Непридуманные анекдоты. М., 1995.

М. Лепехин

НИКО́ЛЬСКАЯ Татьяна Львовна [2.6.1945, Л-д] — прозаик, литературовед.

В 1969 окончила филологич. фак-т ЛГУ. Была замужем за литературоведом и поэтом Л. Чертковым. Писала рассказы. Участвовала в ежегодном семинаре «Гумилевские чтения», печ. в одноименном сб., в машинописном «Сб. манифестов режиссерского театра», ж. «Обводный канал», в зарубежных изд.

В 1967 состоялась перв. офиц. публ. — д-д о тв-ве К. Вагинова на студенч. научной конф. в Тарту. В том же году вместе с Л. Чертковым подготовила первую после 1931 публ. стихов Вагинова в лен. альм. «День поэзии». В дальнейшем посвятила тв-ву Вагинова ряд науч. трудов и участвовала в составлении сб. его произведений. Занимается изучением русско-грузинских лит. связей, историей и теорией поэтич. авангарда, забытыми лит. именами первой трети XX в. (С. Нельдихен, С. Парнок, Л. Добычин, И. Терентьев, Ю. Деген и др.). Напис. повесть **«Ленинград — Тбилиси»**, отрывок из кот. в 1989 был в США под псевд. Т. Николаева.

Автор около 250 литературоведч. и текстологич. работ, лит. рец., ряда ст. для «КЛЭ» (1967–72) и биогр. словаря «Русские писатели 1800–1917» (1989–94).

Печ. в ж. и сб. «Лит. Грузия», «Russian Literature», «Neue Russische literatur Almanach», «Ученые записки Тартусского ун-та», «Тыняновские чтения» и др.

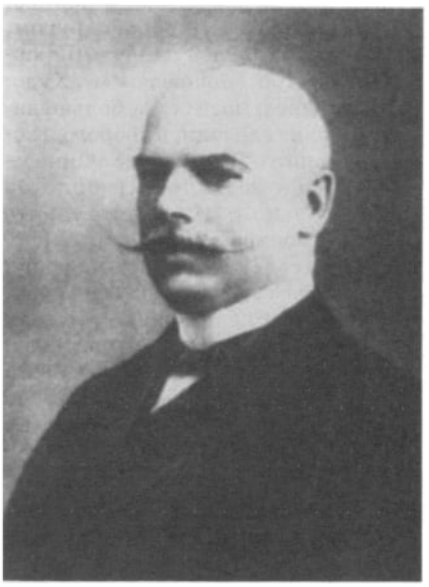
Лауреат Международной отметины Д. Бурлюка (1991; премия Академии Зауми, учрежденной С. Бирюковым) и лит. премии им. А. Крученых (1993; Херсон).

Соч.: С. Нельдихен // Neue Russische literatur Almanach. 1978. № 1 (совм. с Л. Чертковым); Тв-во С. Парнок // Neue Russische literatur Almanach. 1979–80. № 2–3; Фантастический кабачек // Лит. Грузия. 1980. № 11; Гумилев и грузинские символисты // Гумилевские чтения: Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 9. 1982; Ibidem. Sonderband 15. 1984; Экспрессионизм на русской сцене (Предварительные заметки) // Сб. манифестов эпохи режиссерского театра. Вып. 3. М., 1988; Терентьев И. СС / Сост. и комм. Т. Никольская. Болонья, 1988 (совм. с М. Марцадури); К вопросу о русском экспрессионизме // Тыняновский сб. Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990; К. Вагинов: Неопубликованное и малоизвестное // Звезда. 1992. № 2; От «Фантастического кабачка» до «Химериони»: Из истории культуры Независимой Грузинской Республики // Звезда. 1995. № 3; Марр Ю. Избранное: В 2 т. / Сост. и комм. Т. Никольская. М., 1995; Сто поэтесс серебряного века: Антология / Сост. и комм. Т. Никольская, совм. с М. Гаспаровым и О. Кушлиной. СПб., 1996; Последний обэриут (И. Бахтерев) // НЛО. 1997. № 26; Из воспоминаний об Андрее Николаевиче Егунове // Звезда. 1997. № 7; О рецепции тв-ва Е. Гуро в русской поэзии 1910-х — 1920-х гг. // Блоковский сб. XIV. Тарту, 1998; Вагинов К. ПСС в прозе / Сост. и комм. Т. Никольская, совм. с А. Вагиновой и В. Эрлем. СПб., 1999; Жизнь и поэзия Константина Вагинова // Звезда. 1999,. № 10; Круг Алексея Хвостенко // ИЛНЛ. СПб., 2000; Вагинов К. Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова / Сост. и комм. Т. Никольская совм. с Вл. Эрлем. М., 2000; «Фантастический город». Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М., 2000; Авангард и лкрестности.

СПб., 2002; Журнал грузинских фуиуристов «Мемарцхенеоба» // Вопросы литры. 2003. № 3; Журнал грузинских футуристов «Литература да схва» // Александр Введенский и русский авангард. СПб., 2004; Триумф и трагедия Григола Робакидзе // Звезда. 2004. № 9; Цаава Д. Сны в кожаном кресле / Пер. с груз. // Иверский телеграф. 2005. № 57; Грузинские футуристы в кино / Пер. с груз. // От слов к телу: Сб. М., 2010; Жила-была Белка // Улановская Б. Одинокое письмо. М., 2010; «Дай, дядя, дыню...» // Нулевой кенотаф. СПб., 2011; Робакидзе Г. Дни Толстого / Пер. с груз. // Россия и Запад: Сб. М., 2011.

Лит.: Крусанов А. Русский Тифлис // Петерб. книжный вестник. 2001. № 21; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003; Богомолов Н. [Рец.] // Вопросы лит-ры. 2003. № 5.

НИКО́ЛЬСКИЙ Борис Владимирович [3(15).10.1870, СПб. — 11.6.1919, Пг.] — поэт, переводчик, публицист.



Потомственный дворянин. Внук священника; сын проф. русской словесности СПб. Духовной академии и Александровского лицея В. В. Никольского (1837–83) — изв. пушкиниста, создателя Пушкинского музея в Александровском лицее, видного муз. критика, близкого М. Глинке и кружку М. Балакирева. Получив дома основательную подготовку в обл. истории русской словесности, а также хорошее знание латинского и французского яз., в 1881 Н. поступил в гимназию Историко-филологич. ин-та, откуда в 1884 перешел в Училище правоведения. Он «уже в 16 лет поражал своею начитанностью в обл. философии и словесности... превосходно знал иностранные языки — немецкий и французский, понимал итальянский и, классик по духу, так хорошо изучил латинский и греческий, что совершенно свободно говорил и писал по-латыни. <...> Памятью Б. В. обладал поразительною, <...> был необычайно веселого нрава и жизнерадостен, в большой степени ему был присущ юмор» (А. Самойлович). Посл. черта переросла в демонстративное свободомыслие, нетерпимое в закрытом привилегированном учебном заведении, готовившем высшую бюрократич. элиту России, и, несмотря на блестящие успехи (особенно в обл. римского права), Н. был вынужден в 1889, за полтора года до окончания полного курса Училища правоведения, перейти на юридич. фак-т СПб. ун-та, кот. окончил в 1893. В 1893–96 служил в страховом отд. хоз. департамента Министерства внутренних дел. За резкую критику на страницах «Нового времени» страховой политики правительства был вынужден подать в отставку под предлогом подготовки к науч. деятельности. Числился при Азиатском департаменте Министерства иностр. дел. В 1899–1903 преподавал в Александровской военно-юридической академии; с 1903 занимался юридич. деятельностью в качестве частного поверенного и присяжного стряпчего СПб. коммерч. суда.

К нач. XX в. Н. пользовался известностью как публицист, как поэт, как историк лит-ры и как один из лучших ораторов. Стихи Н. писал с юношеских лет; первая публ. (под инициалами Б. В. Н.) — в сб. «Стихотворения» (СПб., 1889). У Н. с юности была органич. потребность объединять вокруг себя немногочисленный кружок единомышленников, для кот. у него с 1893 устраивались «вторники»; ближайшими друзьями Н. были Г. Чичерин (будущий народный комиссар иностр. дел), А. Мейендорф (будущий товарищ председателя Гос. думы), И. Тхоржевский (будущий управляющий делами Совета министров), художник И. Билибин и историк театра Н. Дризен. Деятельный сотрудник «Нового времени» и «Историч. вестника», Н. пользовался безоговорочным уважением как в кругу «авторов Эртелева переулка», так и в ближайшем окружении А. Суворина. В 1897 он женился на дочери С. Шубинского, кот. посвятил **«Собрание стихотворений»** (1899). Отбор произведений в этот сб. был произведен Н., по-видимому, с расчетом на получение Пушкинской премии. Однако этого не произошло: рец. А. Голенищев-Кутузов решительно отклонил сб., заподозрив Н. в декадентстве. Самому же Н. декадентство (в трактовке кот. он вполне был солидарен со своим критиком) представлялось не меньшим злом, чем либерализм.

Н. принадлежал к числу крупнейших специалистов по истории римского права. После защиты магистерской дис. **«Система и текст XII таблиц»** (СПб., 1897) в качестве приват-доцента читал на юридическом фак-те Петербургского ун-та спецкурсы по отд. вопросам римского и гражданского (семейное и наследственное) права. В 1900 Н. был зачислен также приват-доцентом и на историко-филологический фак-т С.-Петербургского ун-та, где читал ряд спецкурсов о лирике Пушкина, Фета и о новейших течениях в русской поэзии.

Предмет особых забот Н. составляли «друзья чистой поэзии» из студенческой среды. В начале века «его гостеприимный кабинет на Екатерингофском проспекте по средам видел почти всю студенческую пишущую братию» (С. фон Штейн, Л. Семенов-Тян-Шанский, В. Поляков, А. Кондратьев и др.). В 1903 вышел в свет «Литературно-художественный сб.: Стихотворения студентов Императорского СПб. ун-та под ред. Б. В. Никольского с илл. студентов Императорской Академии художеств под ред. И. Е. Репина» (СПб., 1903). В нем приняло участие 34 поэта и 25 художников. В истории русской лит-ры сб. памятен как место лит. дебюта А. Блока, представившего Н. 12 своих стих., из которых Н. взял 3, подвергнув их, с согласия Блока, своей ред. правке.

По инициативе Н. в 1903 при СПб. ун-те был создан «Кружок изящной словесности», состоявший из студентов, тяготеющих к «академизму»,

т. е. отдалению от полит. движений в студенч. среде; отказ от политики в пользу эстетики был одной из доминантных идей Н. В 1906 по требованию либерально настроенного студенчества Н. был вынужден покинуть ун-т из-за своих правых взглядов и кружок распался.

«Добродушнейший из людей» (А. Самойлович), Н. был непримирим к своим идейным противникам и пользовался репутацией искусного ритора, будь то дружеская беседа или публичное выступление. «Отменный оратор, к тому же широкообразованный, умевший кстати приводить ссылки и цитаты из самых разнообразных источников, то из классиков, то из любого философа, то из Корана или французского поэта-модерниста, Б. В. говорил много и подолгу, всегда убежденно и убедительно; если с ним не соглашались, спорил, но никого не перебивал и всякого выслушивал» (А. Самойлович). «Это был изумительный собеседник, обладавший способностью в совершенстве подражать голосу и манерам кого угодно. Изображая в лицах людей умерших, он словно воскрешал их. По точности, с которой он представлял живых известных мне современников, я мог судить о сходстве в его передаче мертвых Майкова, Полонского, Страхова, Победоносцева и Вл. Соловьева» (Садовский Б. Записки // Встречи с прошлым. М., 1988. Вып. 6). Н. был знаком с А. Фетом, доверившим ему часть своего архива; Н. был редактором собр. его сочинений (1901).

В 1890-е Н. был секретарем Е. Богдановича, салон кот. служил излюбленным местом встреч высокопоставленных лиц правых взглядов. С 1901 Н. был деятельным участником «Русского собрания», в 1903 был избран членом его совета. Произнесенная им 31 дек. 1905 в Александрии **«Всеподданнейшая речь в Высочайшем присутствии при приеме депутатов Русского собрания»** (Харьков, 1906) обратила на него внимание императора Николая II, которому Н. адресовал призыв немедленно прекратить бесславную войну и исполнить свой долг по отношению к народу: «России грозит опасность не только иноплеменных нашествий и порабощений зарубежному лихоимству, но и внутреннее междоусобное распадение, а Вашему Царствующему Дому не только мятеж с его кровавым знаменем, но и великий раскол с народом»; речь Н. вплоть до 1916 неоднократно перепечатывалась в правых изд. В 1905 Н. был одним из основателей Союза русского народа, однако активного участия в его деятельности после 1912 не принимал.

Разочаровавшись в личности Николая II (из-за деятельности Гр. Распутина), к 1913 Н. почти полностью отошел от полит. деятельности, всецело посвятив себя работе над дис. и составлению свода переводов Катулла. С 1907 по 1912 Н. читал курсы истории русской словесности и римского права детям великого князя Константина Константиновича (К. Р.) — Олегу и Игорю; первому он привил такую любовь к Пушкину, что юный князь оставил по себе высокопрофессиональные исследования в области пушкинистики; о своем ученике, геройски погибшем в перв. месяцы войны, Н. оставил воспоминания (**Князь Олег**. Пг., 1915; **Его императорское высочество князь Олег Константинович** // Историч. вестник. 1914. № 11).

В 1907–17 Н. читал в Училище правоведения курсы римского права и русской лит-ры. В 1913–17 Н. исполнял должность ординарного профессора по кафедре римского права в Юрьевском ун-те. Докт. дис. **«К истории дарений между супругами»** (Юрьев, 1915) была отклонена юридическим фак-том СПб. ун-та из-за одиозности репутации Н.

Февральская революция поставила перед Н. вопрос о необходимости подведения итогов 47-летней жизни: он «от всего отстранился», заканчивает свод переводов Катулла и обширное исследование о Пушкине (судьба их неизвестна), а также итоговый сб. своих стихов (Пг., 1918. Машинопись, РНБ). С юности до 1918 Н. вел дневник, крайне нелицеприятный к большинству политич. деятелей (ГАРФ).

Преподавание в Юрьеве служит источником существования, а лекции Н. становятся заметным событием в интеллектуальной жизни города. Эвакуация Юрьевского ун-та в Воронеж лишила Н. и этого заработка, и он пытался продать свою огромную и тщательно подобранную биб-ку (около 60 000 томов) в какой-либо российский ун-т с тем, чтобы остаться при ней хранителем.

Октябрьский переворот Н. воспринял как закономерное следствие Февральской революции: «О событиях ничего не пишу: противно о них и думать-то. <...> Желаю Вам здоровья и душевного спокойствия. И то и другое не только дороже, но и ценнее всего, даже хлеба, сахара и сапог» (**Письмо от 10 дек. 1917 Б. А. Садовскому**). Н. не был склонен ни скрывать свои взгляды, ни становиться на путь индивидуальной борьбы с большевиками: «Мой принципиальный монархизм и патриотизм всем известны, и ни одна душа в мире не предполагает, чтобы я хоть на йоту в них поколебался и хоть йотою в них поступился. Я думаю даже, что теперь и самый исступленный большевик начинает признавать не только правизну, но и правоту моих убеждений» (ему же от 20 дек. 1917). «...С советским режимом я мирюсь откровенней, искренней и полнее, чем с каким бы то ни было другим, не говоря уже о Распутинско-Штюрмеровски-Протопоповском»... Худого лично мне и моей семье большевики ничего не сделали, а доброго и хорошего много. Враги у нас общие — эсеры, кадеты и до октябристов включительно. <...> Делать то, что они (т. е. большевики. — *М. Л.*) делают, я по совести не могу и не стану: сотрудником их я не был и не буду, но я не иду и не пойду против них: они исполнители воли Божией и правят Россией если не с Божьей милостью, то Божиим гневом и попущением» (Письмо ему же от 28 окт. 1918).

В 1918–19 занимал ряд второстепенных должностей в военно-инженерных учреждениях Пг. и Всеобуче. В июне 1919 живший вместе с семьей в совершенной нищете Н. был арестован. «Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались — дочь 18 лет и сын 17-ти» (Гиппиус З. Петербургский дневник. 1914–1919 // Гиппиус З. Живые лица. Тбилиси, 1991. Т. 1).

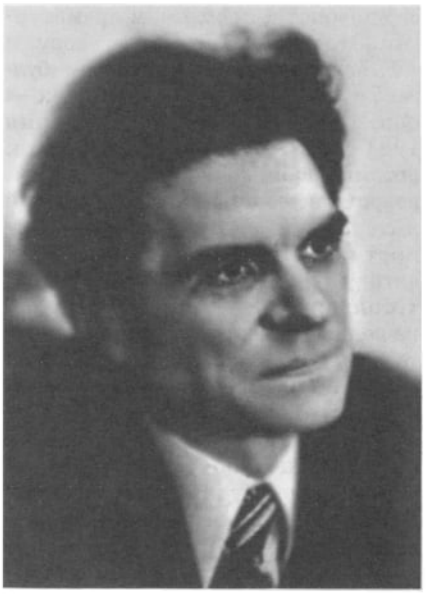
Соч.: Дневник // Красный архив. 1935. № 1.

Лит.: Б. В. Никольский [некролог] // Вестник лит-ры. 1919. № 6; Самойлович А. Пушкинист Б. В. Никольский (по

личным воспоминаниям) // Парфенон: Сб. первый. Пг., 1922; Союз русского народа. М.-Л. 1929; Беззубое В., Исаков С. Блок — участник студенч. сб. // Блоковский сб. Тарту. 1972. Вып. 2; Иванова Е. Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского // Александр Блок: Иссл. и мат-лы. Л., 1991. № 2; Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому: 1913–18 / Публ. С. Шумихина // Звенья: Ист. альм. М.; СПб., 1992. Вып. 2; Полит. партии России: Конец XIX — первая пол. XX в.: Энц. М., 1996; Шевцев А. Издательская деятельность русских несоциалистических партий нач. XX в. СПб., 1997; Правые партии: Док-ты и мат-лы. М., 1998. Т. 1; Грин Ц., Третьяк А. Б. В. Никольский (1870–1919): Судьба ученого, книжица на изломе истории // Публичная биб-ка: Люди, книги, жизнь: Сб. СПб., 1998; Иванова Е., Шумихин С. Русские писатели 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1999. Т. 4; Степанов А. Свята Русь: Большая энц. русского народа. Т. [31]. Русский патриотизм. М., 2003.

М. Лепехин

НИКО́ЛЬСКИЙ Борис Николаевич [9.9.1931, Л-д — 18.1.2011, СПб.] — прозаик, публицист.



Родился в семье воен. врача. Отец рано оставил семью, и мать, работавшая стенографисткой, одна воспитывала сыновей-близнецов. Во время войны семья была эвакуирована в Ср. Азию. В авг. 1944 вернулись в Л-д. В 1949 Н. окончил школу № 179 с золотой медалью и поступил в моск. Лит. ин-т им. М. Горького. После окончания — в 1954 был направлен на работу в молодежную газ. в г. Калинин (Тверь). В том же году в дек. был призван в армию, служил в Забайкальском воен. округе рядовым солдатом, сержантом. В кон. 1956 был уволен в запас и вернулся в Л-д.

Работал в ж. «Костер», затем в «Авроре». Избирался секретарем Лен. писательской организации. С дек. 1984 — гл. ред. ж. «Нева». Без редакторской поддержки Н. не увидели бы свет «Белые одежды» М. Дудинцева, нашумевший очерк Ф. Абрамова «Вокруг да около», некот. произведения В. Курочкина, Л. Чуковской, Б. Вахтина, Д. Гранина и др.

Перв. рассказ Н., напис. в школьные годы, напеч. газ. «Ленинские искры». Но началом профес. карьеры стала публ. в 1951 в ж. «Смена», хотя сам писатель всегда был склонен считать началом лит. работы 1962-й, когда в ж. «Юность» была напеч. **«Повесть о рядовом Смородине, сержанте Власенко и о себе»**. В 1963–64 вышли перв. книги — **«Полоса препятствий»** в изд-ве «Детская лит-ра» и **«Триста дней ожидания»** в «Молодой гвардии». Член СП СССР (СП СПб.).

В кон. 1960-х Н. начал работать над циклом небольших книжек для детей, посвящ. армии — **«Кто охраняет небо»**, **«Как прыгал с парашютом»**, **«Что умеют танкисты»**, **«Как живет аэродром»** и т. д. Впоследствии эти книжки выходили уже под одной обложкой под назв. **«Солдатская школа»** и **«Армейская азбука»**. Именно эти кн. вызвали огромную читательскую почту, видимо, потому, что Н. интересовала не столько «военная» сторона дела, сколько нравственные проблемы, возникающие в процессе становления личности молодого человека в армейских условиях. Хотя и жизненный материал не оставлял критиков равнодушными, напр., армейская газ. «Красная звезда» после выхода ранних произведений Н. отд. книгой, опубликовала ряд отрицательных рец., появление кот. было обусловлено обвинениями в намерении очернить сов. Армию (Н. в этой книге, в частности, касался практически запрещенной в то время темы армейской пенитетарной системы). В то же время критики всегда отмечали неповторимую, подкупающую массового читателя стилевую манеру Н. Прозаик С. Антонов, откликаясь на публ. сб. Н. **«Баллада о далеком гарнизоне»** (1968), писал: «Язык повестей поначалу кажется несколько суховатым. Но авторская манера не случайна: внешние эффекты и дешевые украшательства чужды истинной поэзии».

Во втор. пол.1970-х Н. открывает для себя новую проблематику — начинает пис. о жизни ученых-биологов (брат-близнец Н., Н. Н. Никольский, — биолог, академик Российской АН), затрагивая вопросы нравств. чистоты человека, посвятившего свой труд науке, о жизненных устремлениях поколения, кот. он сам принадлежал (**«Жду и надеюсь»**, 1976; **«Белые шары, черные шары»**, 1980; **«Формула памяти»**, 1982; **«Воскрешение из мертвых»**, 1990; кн. фантастики **«Бунт»**, 1987). Именно в этих произведениях, герои кот. психологически автобиографичны, наиболее ярко проявилась любовь Н. к родному Л-ду — чувство, врачующее его душу в самых трудных жизненных ситуациях. «Не поленитесь пешком пройтись через Кировский мост. Задержитесь на мосту на несколько минут. Осмотритесь. Поглядите на Петропавловскую крепость, на стрелку Васильевского острова, на Дворцовый мост, на набережные, на Неву. Постойте. Если при этом вы не обретете душевное равновесие, если душа ваша не преисполнится ощущением гармонии, величия и спокойствия, значит, вы — действительно безнадежный человек», — эти слова принадлежат повествователю из романа «Жду и надеюсь».

С 1980-х Н. изв. как публицист. Наиболее популярные его публиц. произведения: роман-исследование **«Кремлевские миражи»** (2001), посвящ. Б. Ельцину, и двухтомник **«Святая простота»** (2005), в кот. Н. рассказывает о своем хождении во власть (в 1989 Н. был избран народным депутатом СССР, до кон. 1991 работал в Верховном Совете СССР в кач-ве зам. председателя Комитета по вопросам гласности, принимал самое актив. участие в подготовке первого Закона о печати).

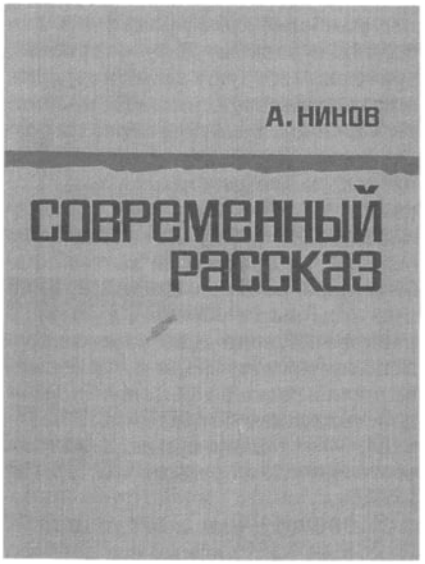
Награжден орденами «Знак почета» и «Дружбы народов».

Соч.: Дети до шестнадцати. Л., 1967; Как узнать человека: Повесть и рассказы. М., 1968; Мужское воспитание: Повести и рассказы. Л., 1970; Жду и надеюсь: Роман. Л., 1976; Полоса препятствий: Рассказы о солдате. Л., 1979; Баллада о далеком гарнизоне. Л., 1982; Белые шары, черные шары. Л., 1980; Был ли ты счастлив? Л., 1982; Саженцы сорок пятого года: Очерки и воспоминания. Л., 1985; Бунт: Книга фантастики. Л., 1987; Паром XX в.: Рассказы. Л., 1987; Воскрешение из мертвых: Роман. Повесть. Л., 1990; Кремлевские миражи: Роман-исследование. СПб., 2001; Святая простота: В 2 ч. СПб., 2005.

Лит.: Воеводин Е. Проза Бориса Никольского // Никольский Б. Был ли ты счастлив? Л., 1982; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

Н. Цветова

НИНО́В Александр Алексеевич [31.12.1931, Ташкент — 10.4.1998, Л-д] — критик, литературовед.



Родился в интеллигентной семье. Поступил в ЛГУ (1949), слушал лекции В. Проппа, Б. Томашевского, Д. Максимова, Г. Бялого и др. Специализировался по совр. лит-ре.

Будучи студентом 3 курса, опубл. первую науч. статью (ж. «Театр», 1952) — **«Повторяющиеся конфликты, однотипные образы»**, со смелым для того времени подходом и даже назв. Публикация была знаковой, т. к. обращена к театру, кот. Н. будет заниматься впоследствии.

В 1957 закончил очную аспирантуру ЛГУ, однако дальнейший путь в ун-те для него оказался закрыт: за год до того аспирант Н. организовал на филфаке громкое и сочувственное обсуждение романа В. Дудинцева «Не хлебом единым», выступил в защиту романа. Этого ему не забыли. Позднее Г. Макогоненко дважды попытался рекомендовать его на работу в ЛГУ, но напрасно. Статью Н. о романе Дудинцева также не удалось опубл.

После ун-та Н. обратился к лит. работе. Печ. статьи в моск. ж. «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Вопросы лит-ры», «Театр», «Север», в лен. ж. «Звезда» и «Нева», в «Лит. наследстве», в Горьковских и Брюсовских «Чтениях». Его замечают. В. Орлов приглашает его ст. редактором в «БП», где Н. прослужит около пяти лет. Очередная лит.-доносительская кампания, развернувшаяся вкруг него, заставила Н. подать заявление об уходе.

В этот период Н. меняется творчески. Критика начинает занимать в его жизни все меньшее место, уступая работам литературоведческим. Он создает монографии **«Вера Панова. Очерк тв-ва»** (1964); **«Совр. рассказ. Из наблюдений над русской сов. прозой»** (1969); **«М. Горький и И. Бунин. История отношений. Проблемы тв-ва»** (1973). Мат-л посл. монографии стал темой докт. дис. Н. Позднее он вернется к тв-ву Пановой: **«Вера Панова. Жизнь. Творчество. Современники»** (1987), примет активное участие в издании пятитомного СС Пановой и сборников, посвящ. писателю. В последующие годы много занимался спец. вопросами русской лит-ры и театра XIX и XX вв. (тв-во Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Брюсова, Бальмонта). Однако прессинг идеологии и цензуры и в обл. литературоведения был для него тяжел. Кн. **«Совр. рассказ»** готовилась сначала для изд-ва «Худож. лит-ра», но договор с автором был расторгнут, т. к. Н. говорил в т. ч. о рассказах Солженицына. После этого эпизода и докт. дис. Н. пролежала в ваке без утверждения более трех лет. Почти со скандалом проходила в «Неве» (1978) публикация докум. повествования Н. **«Так жили поэты»** о поэтах Серебряного века (В. Брюсов, К. Бальмонт). Из текста выбрасывалось имя В. Соловьева, придирались к именам Д. Мережковского, З. Гиппиус. При этом, надо сказать, Н. не был антисоветчиком, он до времени признавал над собой власть социалистич. доктрин и ряда положений марксисткой идеологии. Но, как и многие сов. интеллигенты, не мирился с методами их воплощения, мечтал о «социализме с человеческим лицом». В одном из выступлений он говорил: «Ценность литературы сегодня определяется количеством правды на единицу текста. Только и всего», — это было его кредо. Оно достаточно полно выражено в статье Н. **«Три условия критики»** в его кн. избр. статей **«Сквозь тридцать лет»** (1987).

В нач. 1970-х вновь вернулся на штатную работу: Б. Костелянцу и Г. Товстоногову удалось пригласить его в Лен. ин-т театра, музыки и кинематографии; в должности ученого секретаря ин-та он проработал около шести лет. Позже перешел вед. науч. сотрудником в отдел источниковедения, кот. впоследствии выделился в самостоятельный Ин-т искусствознания. Приход в Театральный ин-т творчески был для Н. возвращением к театру, фактически — определил его поворот к проблемам драматургии. Это привело его к Булгакову.

Н. явился мощным генератором «булгаковского движения» сер. 1980-х — нач. 1990-х: Булгаковские чтения 1984-го, 1986-го, 1988-го и 1990-го, организованные и проведенные им, возродили мощный международный интерес к тв-ву Булгакова, в частности, к Булгакову-драматургу, автору «Дней Турбинных», «Бега», «Мольера». Р. Джулиани, проф. кафедры славистики римского ун-та, позднее скажет: «Русская наука обязана ему. Русское булгаковедение — это его “изобретение”. Сам Булгаков ему обязан...». С начала 1980-х Н. неоднократно принимал участие в международных симпозиумах по тв-ву Булгакова, проходивших в Италии, Франции, Англии, читал лекции по русской лит-ре в университетах Рима, Милана, Турина.

Авторское и ред. участие в сб.: Русский театр и драматургия нач. XX в. Л, 1984; Русский театр и драматургия эпохи революции 1905–07 гг. Л, 1987; Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987; Бул-

гаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988; М. Булгаков. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3–4. Пьесы. М., 1989–90; М. Булгаков. Пьесы 1920-х гг. (Театральное наследие). Л., 1989, 1990 (2 изд.); М. Булгаков. Пьесы 1930-х гг. (Театральное наследие). СПб., 1992.

Обращение Н. к Булгакову не было случайным. Оно диктовалось не только интересом к конкр. автору, но всем ходом развития литературоведения и филологии его времени в целом. На опр. этапе развития театра с установкой на режиссерский волюнтаризм драма перестала восприниматься как лит-ра, и к кон. XX в. о драматургии уже писали крайне мало. Потому работа Н. как булгаковеда имела особый смысл и значение. Ему предстояло стать крупнейшим текстологом драмы. «У современных публикаторов драматургии Булгакова нет, к сожалению, обычной и самой главной опоры — *печатной авторской редакции произведения*, хотя бы единственной, по отношению к кот. можно было бы рассмотреть и проанализировать наличный рукописный материал. В работе над пьесами Булгаков руководствовался прежде всего театральными мотивами, то есть обстоятельствами их постановки на сцене, всегда очень тяжелыми. Этим и определяются многие особенности текста...» (Н.). Это было не только исследованием, но возрождением самого понятия *филология драмы*.

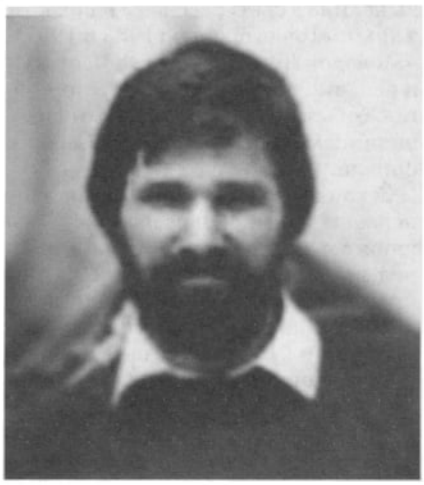
Как правило, у драматургов не остается следов всех их бесчисленных уступок на пути пьесы на сцену. Вместе с рядом сотрудников из Л-да и М. впервые занялся булгаковским драматургич. архивом. Издание в нач. 1990-х под рук. Н. (вст. статья, сост. и общ. ред.) двух томов «Театрального наследия» Булгакова — третий том остался в рукописи, задумывался еще четвертый — было своеобразным литературоведческим подвигом.

С 1980 по 1990 Н. возглавлял секцию критики и литературоведения ЛО СП. В нач. 1990-х создал уникальный ж. (и одноименное изд-во), посвоему, единственный в нашей лит. истории: «Всемирное слово» — российскую версию европейского «Lettre internazionale». «Новый журнал вошел в рыночную пору, не имея подписчиков, — писал Д. Гранин. — Журнал продолжал выходить. Каждый следующий номер доставался все труднее. На самом деле, наверно, "Всемирное слово" выходило в силу его любви к этому делу и любви немногих его сотрудников». Н. провел ж. почти через все трудные 1990-е — и ушел из жизни в прямом смысле «на посту» — за письменным столом после длинного делового и, верно, неприятного разговора, связанного с тем же ж. Среди неопубл. работ осталась кн. **«Толстой и драматургия его времени»**.

Соч.: Вера Панова: Очерк тв-ва. Л., 1964; Совр. рассказ. Л., 1969; М. Горький и И. Бунин. Л., 1973; Вера Панова: Жизнь. Тв-во. Современники. Л., 1987; Сквозь тридцать лет: Избр. ст. Л., 1987.

Лит.: К 75-летию со дня рождения А. А. Нинова // Звезда. 2006. № 10.

НОВАКО́ВСКИЙ Александр Евгеньевич [6.8.1958, Л-д] — поэт.



Родители — инженеры. После школы служил в армии в строительных войсках. В 1975–80 учился на фак-те русского яз. и лит-ры ЛГПИ им. А. Герцена.

В 1983 вместе с А. Гурьяновым, И. Савво и Д. Синочкиным выпустил самиздатский поэтич. сб. «Трилистник». В 1988 вместе с А. Гурьяновым и Д. Синочкиным основал и ред. малотиражный лит.-худож. ж. «Сумерки», публ. в нем свои стихи. «Александр Н. — одни из создателей и редакторов журнала "Сумерки", журнала, каждый номер которого сделан так монолитно, что можно говорить о нем как о едином тексте, о цельном художественном произведении. Редактор перестает выполнять роль "собирателя рукописей", а становится творцом, Автором. <...> "Сумерки" его создатели определяют как журнал традиционной петербургской культуры» (Е. Семенова).

В 1994 в СПб. вышла поэтич. кн. Н. **«Август. Прощанье с темой»**, в кот. вошли стих., напис. с 1978. Е. Семенова пишет в предисл. к кн. Н.: «Стихи петербургские не только топографически (далеко не везде мы непосредственно встречаемся с городом), они развивают мифологему города, осваивают ее уже в новом времени. Город призрачен и бесплотен, и мечущаяся сквозь него душа запечатлевает какие-то знаки: "дом Бенуа", "остатки витражей", "камин и лифт, царапины и тени", — но все это сливается в серую недобрую морось и растворяется в темноте. Ощущение зыбкости, ненадежности, непрочности пронизывает всю лирику Александра Новаковского, не только петербургские строки. Но главная тема — отнюдь не отрицание бытия. Сквозь покровы, туманы и призраки зданий и вещей, лиц и чувств герой А. Н. Вслушивается в пространство, ищет утерянный смысл, пытается прикоснуться к Вечности...».

В 1996 эмигрировал в Германию, живет в Ганновере. Работает в русской турист. фирме.

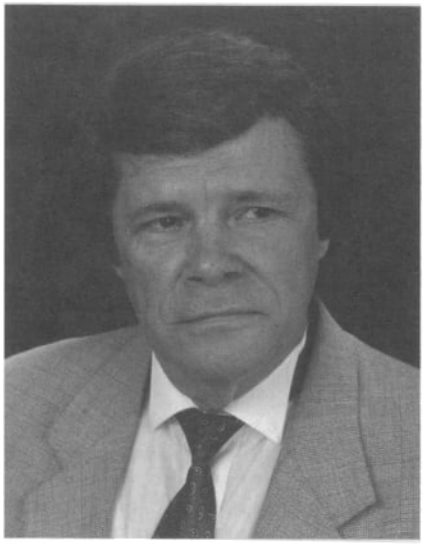
В 2000 изд. кн. Н. **«Стихи о словах»**.

Соч.: Стихи // Сумерки. 1988. № 1, 1989. № 6, 1995. № 16; О журнале «Сумерки» // Индекс: Альм. 1993. № 2; Август. Прощанье с темой: Стих. / Предисл. Е. Семеновой. СПб., 1994; Стихи о словах / Худож. оформ. В. Меркушева. СПб., 2000.

Лит.: Семенова Е. Предисл. // Август. Прощанье с темой. СПб., 1994; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

НО́ВИКОВ Александр Федорович [6.9.1941, Ярославская обл.] — прозаик, эссеист, переводчик.

Отец — русский, инженер, руководитель промышленных предприятий, мать — украинка, домохозяйка. Высшее образование получил в Лен. политехническом ин-те им. М. Калинина (1958–64). Работал в научно-иссл. ин-тах (1964–76), с 1976 преподавал общенаучные и специальные дисциплины в ЛИТМО, докт. технич. наук (1995), проф. Член СП России с 1995.



Детство и юность Н. прошли в Л-де, в центр. его районах — Литейная часть, Нева, Фонтанка, Пески. Несмотря на послевоен. нужду, проживание в коммуналках и проч., начало жизни писатель считает счастливым. Сам Н. высказывал слова глубокой признательности в адрес его школьных учителей, людей «самой высокой души и профессионального уровня». Н. неплохо давались предметы естественнонаучного плана, но и гуманитарных наук не чурался. В школе началось сочинительство стихов; несмотря на неприязнь в те годы ко всему немецкому, вызванную фашистской агрессией, молодой человек увлекся немецким яз., пробовал себя в стихотв. переводах из Гёте, Гейне и др. поэтов. В ин-те и сразу после его окончания занимался в лит. и драм. студиях, принимал участие в работе интернационального клуба при Доме ученых в Лесном. Основательно занимался самообразованием: лит-ра, литературоведение, искусство, иностранные яз. Подрабатывал в Кировском театре в качестве актера мимического ансамбля. Мн. путешествовал по России и Ср. Азии.

Самой перв. лит. публ. Н. (если не считать заметок и стихов в многотиражках) был рассказ **«Инженер Касогин»** в сб. «Точка опоры» за 1982. В следующем году увидела свет программная для Н. ст. **«Похвала дилетантам»**, опубл. в ж. «Клуб и худож. самодеятельность» (1983. № 7, апр.). В ней Н. горячо защищал право творч. самовыражения не только в пределах, но и вне обл. его профес. деятельности. С той поры лит. и инженерная стезя шли всегда рядом: наряду с научно-технич. продвижением Н. стремился к самосовершенствованию в обл. лит-ры. Однажды Н. пришел в ж. «Аврора» со своим трактатом о любви **«Голое королевство»**, в кот. «проповедовал любовь враждебным словом отрицанья». Эту вещь, до сих пор не опубл. в полном объеме, прочитал и поддержал В. Белов, а позднее — Г. Горышин. После этого в теч. неск. лет Н. занимался в студии рассказа при «Авроре», потом набирался опыта в «Мастерской» у Е. Кутузова при Доме писателя им. В. Маяковского на Шпалерной. В то время Н. принялся писать и переписывать свои повести и рассказы, предлагать их в столичные и провинциальные изд. — по большей части тщетно, отчего, по его собств. признанию, немало страдал. Но кое-что выходило в свет: рассказы и повести в альм. «Точка опоры» (1982 и 1987), «Молодой Л-д» (1983 и 1988), статьи и рец. в ж. «Нева», «Клуб», в петерб. газ. Участвовал в семинарах и совещаниях молодых писателей Северо-Запада.

К кон. 1980-х у автора собралась перв. кн. повестей и рассказов **«Кого любят и ждут»**, кот. попала в план изд-ва «Сов. писатель» на 1990, ее проиллюстрировали, набрали в типографии и уже вышел сигнальный экземпляр... Но грянула перестройка, и печатание отложили на полгода, затем на год, а потом и вовсе рассыпали набор. Мн. лет спустя, уже в преображённом виде, тогдашние и новые герои все-таки явились на свет в кн. повестей **«По собственной своей дороге»** (2002).

Лит. почерку писателя, что неоднократно отмечалось и наставниками, и товарищами по лит. цеху, свойственны скрупулезная выверенность текстов, внимание к точности выражения и присущая скорее поэтам приподнятость и метафоричность подачи обстоятельств и образов действующих лиц. Неслучайно в списке публикаций Н. имеется и кн. стихов **«Кленовое вино»** (1998). И еще — отмечаемая многими бесценная черта: внутренняя доброта писателя по отношению к своим героям и, вообще, к людям.

Мало помалу Н. подготовил лит. сценарии неск. научно-популярных фильмов для студии «Леннаучфильм». Потом стали получаться повести и рассказы о простых людях в совр. технологич. их окружении. По словам писателя, «постепенно пришло осознание того факта, что две части <его> натуры — рациональная и эмоциональная — суть не антимиры, это просто разные половины единого целого, как полушария мозга или глобуса...».

«В радостном предчувствии желанной гармонии» сложилась втор. кн. Н. **«Время наших часов»** (СПб., 1994). Рассуждения Н. о времени и об ощущении его перемежались новеллами, сюжетно так или иначе связанными со временем, с часами, с циферблатом. Эту книгу Н. представил в СП России и был принят в 1995. Н. говорит об этой книге так: «Могу сказать, что как литератор я в равной степени требователен и к себе, и к произведениям близких мне по духу сочинителей, и за эту практически первую книжку мне до сих пор не стыдно». О Н. писатель Ю. Лебедев пишет: «Человек высочайшей гуманитарной культуры и эрудиции, помимо писания прозы, он успешно работает как переводчик с нескольких европейских языков. Проникновение в тайны человеческой души сопрягается у него с мегамасштабным видением Времени в сверхчеловеческих измерениях — исторических, геологических, метафизических...».

Еще одно важное событие во внешней биографии Н. — пребывание в Китай для науч. и преподавательской деятельности (3 года — с перерывами). Писателя захватила экзотика Востока. И эмигрантский русский Харбин увлек его. Он познакомился и побеседовал с русскими старожилами Харбина, записал их рассказы о прошлом, проштудировал историю КВЖД — в результате сложилась кн. очерков **«Полоса отчуждения»** (в наиболее полном виде опубл. в ж. «Сев. Аврора» за 2006).

Со временем лит. инструментарий, определённо не без влияния естественно-научного, привёл писателя к поискам новых изобразит. средств в прозе. Промежуточным итогом стала новаторская по подаче мат-ла кн. **«Из первых уст»** (2005), где автор полностью устраняет себя из повествования как рассказчик и передаёт

линию развития сюжета своим персонажам, высказывающимся от себя поочерёдно.

В дальнейшем у Н. стал собираться и частично публ. сб. эссе о сути такой многозначной и загадочной субстанции, как свет. Эти эссе, как и прежние работы автора, выделяются ярким эмоциональным восприятием и художественностью подачи мат-ла, в т. ч. в монографии **«Цвет молекул, Время, Свет»**, где органично соединяются результаты науч. и лит.-худож. трудов автора.

Суть любви, суть человеч. отношений, суть времени, суть света — таков многогранный путь творч. самовыражения писателя и ученого Н. Терпение и многолетний добросовестный труд Н. находят признание и по достоинству оцениваются. По совокупности лит. и науч. достижений биогр. статьи о Н. включены в энц. «Лучшие люди России III — 2005»; «Marquis Who's Who in the World 2010, 2011», USA; «2000 Outstanding Intellectuals 2011», Cambridge, England. Н. имеет ряд правительственных наград РФ.

Соч.: Кого любят и ждут: Повести и рассказы. Л., 1990; Время наших часов: Разговоры и рассказы. Л., 1994; Кленовое вино: Стих. СПб., 1998; Цветная звезда: Повести. СПб., 1999; По собств. своей дороге: Повести. СПб., 2002; Стихи Петра, Принца Ольденбургского: Перевод с нем. СПб., 2002; Из первых уст: Повести и рассказы. СПб., 2005; Полоса отчуждения: Харбинские очерки // Сев. Аврора. СПб., 2006. № 3, 4; Дороги, художества, братия: Очерки и зарисовки. СПб., 2008; Суть времени. Суть света // Аврора. 2009. № 3; Цвет молекул. Время. Свет: Монография. СПб., 2010; Лауреаты Нобелевской премии по физике: биографии, лекции, выступления (перевод с англ.). Т. 1–3. СПб., 2005–10.

Лит.: Акимов В. Дело и долг поколения // Лен. панорама. Л., 1984; Кречетов В. Нарцисс: Заметки о книге А. Новикова // Лит. Петербург, 2004; Козлов К. Сердце рвется в бирюзовое небо: Размышления о новой кн. А. Новикова // Парадный подъезд. СПб., 2006. № 26; Лебедев (Серб) Ю. Заметки о прозе А. Новикова, в сб. «Метапроза» // Медвежьи песни. СПб., 2007. № 1 (16); Козлов К. Из первых уст: Инт. с А. Новиковым // Второй Петербург. 2009. № 2 (7); Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

К. Козлов

НОВИ́ЦКАЯ Галина Михайловна [8.5.1933, Л-д — 5.4.2000, СПб; похоронена на Северном кладб.] — поэт, прозаик, переводчик.

Родилась в Л-де, в дворянской семье. Род старинный, фамилия Новицких происходит из Польского королевства. Предок рода Илья Федорович Н. был полковником в войске Запорожском. За отличие и мужественные подвиги был пожалован по грамоте великих государей и великих князей Иоанном Алексеевичем и Петром Алексеевичем разными почестями и занесением рода Новицких в 6 часть родословной книги с поколенной росписью рода Новицких. Первым, кто написал кн. в роду, был сын Ильи — Григорий, это была кн. о Сибири «Сказание о народе остяцком» (1715). «В 1941 году 22 июня мы уехали на дачу под Порхов, на Псковщину. Билеты были взяты и решили дачу не отменять, думали, что война будет недолгой, а к школе детям надо отдохнуть. Но отдыхать пришлось в фашистских лагерях, куда нас отправили с Псковщины. Лагерь находился в Литве, и мы работали на плантациях кок-сагыза», — вспоминала Н. Она, её мама и брат Михаил вернулись в Л-д ко дню победы.

В 1956 Н. окончила радиотехнич. училище в Л-де. Работала монтажницей электровакуумных приборов на з-де «Светлана». В 1956–58 училась на экономическом фак-те ЛГУ, не закончила по семейным обст-вам. Работала внештатным корр. газ. «Смена». С 1960 проф. литератор. С 1967 по 1981 Н. жила в Калининграде (областном).

Стихи Н. начала пис. в четвёртом классе школы. Позже Н. занималась в ЛИТО при газ. «Смена», кот. вёл поэт Г. Гоппе. Перв. газ. публ. была в 1957. В автобиографии Н. писала: «Благословляли меня в литературу прекрасные люди и авторы замечательных книг: М. П. Бернович, Л. О. Равич, В. А. Рождественский, Э. Б. Межелайтис, Ю. М. Марцинкявичус, Е. Г. Полонская, Л. И. Борисов, С. С. Орлов, М. А. Дудин, М. А. Светлов, А. А. Урбан, и Ф. А. Абрамов». Перв. стих. Н. были опубл. в ж. «Костёр», «Искорка», «Пионер», «Звёздочка». Одно из первых опубл. стих. **«Ромашки»**: «Разметались белые ромашки / По лугам, среди высоких трав, / Словно кто-то разбросал бумажки, / Солнышки на них нарисовав» (Костёр. 1959. № 6).

Большая часть тв-ва Н. — стихи для детей, в кот. она создала неповторимую атмосферу красоты и хрупкости мира. Перв. кн. для детей **«Нарядная земля»** вышла в 1963. Вс. Рождественский в письме к Н. писал: «Читая Ваши детские стихи, я всегда и сам впадаю в детство... Если бы мне каким-то чудом стало шесть лет, я бы в полнейшем восторге слушал и повторял бы наизусть <...> **"Хлопушку"**, **"Боровик"**, **"Каплю"** и, разумеется, многое другое, в особенности коротко строчное. Но сейчас, чуть не вековым опытом умудренный, я любуюсь свежестью, непридуманностью и естественностью метафор, щедро рассыпанных... В каждом стихотворении всегда что-нибудь есть, сверкает, как капелька росы на цветке... Литература для детей для меня до сих пор загадка. Существует ли она вообще? (если не учитывать педагогическую дидактику в рифмах, от кот. Вас сам Бог спас)». Книжка-картинка **«Машенька»** (1966) имеет необычную историю создания. В лен. изд-ве «Детская лит-ра» был объявлен конкурс на подписи к картинкам детского художника — А. Пахомова. Конкурс выиграла Н., сочинившая подписи в стихах. Эта книга переведена на неск. европейских яз. В 1968 вышли **«Голубые проталинки»**, в рец. Д. Молдавский пишет: «...главным достоинством книги Галины Новиц-

кой я считаю весёлую образность стихов, её попытку опереться на поэтику фольклора. **"В ночное"**: "Упало солнце, краски меркнут, / Полынью тянет от полей. / И ночь летит навстречу ветру / В косматых гривах лошадей"».

Когда Н. спрашивали, почему она больше пишет для детей, чем для взрослых, поэтесса отвечала: «Детей жальче». «Вы настоящий детский поэт, воспитатель, педагог... Но не только детский... Вы нашли в лирике что-то новое, своё. Свой голос, свою форму. У Вас своя лаборатория стиха. Ведется свой оригинальный эксперимент. Ваши стихи во многом отличаются от стихов других поэтов...» — такую оценку тв-ву Н. дал литовский поэт Э. Межелайтис.

Итогом тв-ва для детей стала кн. **«В зоопарке шёл урок»** (1988). Г. Гоппе, обращаясь к читателю, в предисл. пишет: «...вдумайся в стихи, написанные Галиной Новицкой, и ты поверишь, что солнце способно выскочить тигрёнком, а заметив длинноухого, превратиться в солнечный зайчик, что сморчок сморщился от стужи, "так и кажется — чихнёт", а весенние слова распускаются вербной почкой. <...> когда поэт утверждает, что у берёзы болит надломленная ветка, он обманывает тебя? Нет и ещё тысячу раз нет! Одушевляя, очеловечивая, приближая природу к себе, поэт учит любит и беречь её, заботиться о ней...» .

Стихи Н. можно встретить на страницах дидактич. изд. для младших школьников. На стихи Н. напис. песни, напр., **«Хитрый бобёр»** (музыка Е. Зарицкой), **«Гномик»** (муз. М. Парцхаладзе).

Перв. кн. лирики для взрослых — **«Колючая красота»** — вышла в 1968. Литературовед А. Урбан так оценил тв-во Н.: «Галина Новицкая отдает себе отчёт в том, что она пишет. Она много хочет сказать читателю, точнее, может быть, вывести его из состояния бездумного равновесия, пробудить мысль, чувство прекрасного, чувство чести. При этом она не болтлива: не пытается заговорить словами, защекотать складно льющейся речью. Стихи Новицкой лаконичны, поэтическая мысль развивается чётко и последовательно, она сжимает пружину стиха, чтобы получить мгновенную и точную отдачу. Почти всегда уже есть зорко запримеченная тема, ясное и определённое к ней отношение, прямая обращенность к собеседнику. Всё это повторяю, немалые и довольно редкие сейчас достоинства. Её поэтический мир добр, распахнут, открыт. И это пробуждает на ответное добро, на хороший поступок. Порой её стихи трогательны, но не до сентиментальности. Иногда афористичны, но без лишнего рационализма. Всё это придаёт им особый лад и строй, составляет их поэтический характер — характер несомненно деятельный и активный».

Особое место в тв-ве Н. занимает тема Великой Отеч. войны, боль и страдания, перенесенные в детстве, нашли отражения в стихах: **«Расстрелянное детство»**, **«В Литве»**, **«Не пришло моё детство с войны»**, **«В девять лет»**, **«Следы войны»** и др.

Мн. стих. посвящ. Л-ду-Петербургу. **«Петербург»**: «Опутанный сетью каналов. / Как призрак туманный ты встал. / Рассвеченный, в праздничных залах / Себя ты не узнавал. / Издёрган ищейками злыми, / Порой не желающий жить. / Ты взятки давал золотыми, / Чтоб словом своим не платить, / Чтоб только разменной монетой / Оно не посмело ходить. / Ты слово доверил поэтам, / Но их не сумел сохранить!».

Большой цикл лирич. произведений (более 100) — стихи к знаменитым картинам выдающихся русских пейзажистов: Ф. Алексеева, В. Борисова-Мусатова, Ф. Васильева, В. Васнецова, М. Воробьева, И. Грабаря, Л. Каменева, К. Коровина, А. Куинджи, И. Левитана, М. Нестерова, А. Пластова, В. Поленова, А. Саврасова, В. Серова, В. Сурикова, И. Шишкина и других. Впервые цикл опубл. в книге «Петерб. встречи». В 2009 вышло моноиздание **«Русский пейзаж в поэтических образах и стихах Галины Новицкой. Альбом»** (СПб., 2009).

В тв-ве Н. есть опыт переводч. деятельности — перевод с литовского кн. стихов Э. Межелайтиса «Кантант — музыкант» (перевод получил высокую оценку самого Э. Межелайтиса и специалистов).

С 1969 член СП СССР, с 1992 член СП СПб.

Соч.: Нарядная земля. Л., 1963; Маленькие хозяева. Л., 1966; Машенька. Л., 1966; Голубые проталинки. Л., 1968; Колючая красота. Л., 1968; Улиткин домик. Л., 1969; Лужайкины сказки: Стихи, сказки. Калининград, 1973; Не спится в небе облакам. Калининград, 1975; Вежливый дождь. Л., 1980; Звонкий день. Л., 1982; Еще грибами пахнет лес. Л., 1985; В зоопарке шел урок. Л., 1988; Лесные гости. Л., 1993; Петерб. встречи: Стихи, проза. СПб., 2001; Русский пейзаж в поэтич. образах и стихах Г. Новицкой: Альбом. СПб., 2009; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Марцинкявичюс Ю. Стихи Галины Новицкой // Сов. Литва. 1963. 4 сент.; Алексахина И. Право на читателя // Лен. правда. 1968. 2 авг.; Бэлза С. Автобусом в прошлое // Неделя. 1968. 28 сент.; Молдавский Д. Голубые проталинки // Детская лит-ра. 1969. № 8; Молдавский Д. Рыжее солнце и ночь на коне // Веч. Л-д. 1969. 5 март.; Барто А. Доклад на III съезде сов. писателей 24.3.1970 // Лит. Россия 1970. 27 март.; Межелайтис Э. Сердце, любящее детей // Новицкая Г. Вежливый дождь. Л., 1980; Гоппе Г. Что могут стихи? // Новицкая Г. В зоопарке шёл урок. Л., 1988; Марго-Новицкая Е. Счастье быть рядом // Новицкая Г. Петерб. встречи. СПб., 2001; Детские писатели СПб.: Краткий биобиблиогр. справочник / Автор-сост. Н. Бутенко. СПб., 2013.

Е. Марголинская

НО́РДМАН-СЕ́ВЕРОВА Наталия Борисовна (псевд. Северова, наст. фамилия Нордман) [1863, Гельсингфорс, Финляндия — июн. 1914, Орселино близ Локарно, Швейцария] — прозаик, драматург, публицист.

Родилась в семье русского адмирала шведского происхождения и русской дворянки. Своим финляндским происхождением Н.-С. всегда гордилась и любила называть себя «свободной финляндкой». Получила хорошее домашнее образование, владела тремя иностранными яз., занималась музыкой, лепкой, рисованием, фотографией. Была крещена по лютеранскому обряду, но ее крестным отцом стал сам Александр II. Рассказ о детстве Н.-С. передан ею в кратком автобиогр. очерке **«Maman»** (1909), одном из лучших детских рассказов в русской лит-ре, кот. живо передает то воздействие, кот. может оказать на детскую душу лишение ребёнка материнской любви, обусловленное соц. обст-вами. Этот текст представляется ключом к той радикальности соц. протеста и отказа от мн. норм поведения, кот. определили ее жизненный путь.

В поисках независимости и полезной обществ. деятельности Н.-С. в 1884 отправляется на год в США, где работает на ферме. После возвращения из Америки Н.-С. играла на любительской сцене в М. В то время она жила у своей близкой подруги княгини М. Тенишевой «в атмосфере живописи и музыки», увлекалась «балетными танцами, Италией, фотографией, драматическим искусством, психофизиологией и политической экономией». В моск. театре «Парадиз» Н.-С. знакомится с молодым купцом Алексеевым — именно тогда он берет себе псевд. Станиславский и в 1898 становится основателем Моск. худож. театра. Реж. А. Федотов сулил Н.-С. «большую будущность комич. актрисы», о чем можно судить по ее кн. «Интимные страницы».

После того, как союз Е. Званцевой и И. Репина окончательно расстроился, Н.-С. вступила с художником в гражданский брак. В 1900 они вместе посетили Всемирную выставку в Париже, потом отправились в путешествие по Италии. Репин напис. неск. портретов Н.-С., среди них портрет на берегу Целльского озера «Н. Б. Нордман в тирольской шапочке» — самый любимый художником портрет жены. В 1905 они вновь путешествовали в Италию; по дороге, в Кракове, Репин пишет очередной портрет Н.-С.; их следующая поездка в Италию, на этот раз на международную выставку в Турине, а затем в Рим, состоялась в 1911. В теч. тех пятнадцати лет, когда Репин был близким свидетелем ее деятельности, он не переставал удивляться ее «жизненному пиру», ее оптимизму, богатству идей и мужеству. «Пенаты», их дом в Куоккале, почти десять лет исполнял миссию народного ун-та, предназначенного для самой разнообразной публики: здесь читались лекции на всевозможные темы: «Нет, ее не забудешь; чем дальше, тем больше люди будут знакомиться с ее незабвенными литературными трудами» (И. Репин).

По инициативе Н.-С. в Пенатах рождалась теория сыроедения, теория о питании травами, здесь раздался клич о раскрепощении прислуги, пропагандировалась взаимопомощь и словом, и делом — для улучшения форм совр. жизни. Напр., 30 июля 1912 Н.-С. прочла лекцию на тему: **«О волшебном сундуке и о том, что надо знать небогатым, толстым и богатым»**. Об этой лекции И. Ясинский в ст. «Новый огонь» (Биржевые ведомости. 1912. 1 авг.) писал: «В маленьком театре "Прометей", что в Куоккале, построенном в саду и украшенном бумажными флажками, фонариками цветами, собралось много народа. <...> С большим искусством читала г. Северова свою лекцию и развернула богатый запас начитанности в обширной вегетарианской литературе и еще больше опытности. Сено (знаю по опыту), само по себе употребляемое, как чай, представляет хороший здоровый напиток; но, — по словам лекторши, — сено обладает еще свойством возвращать людям молодость. И, в самом деле, глядя на пылающие румянцем щеки г-жи Северовой и на ее стройную фигуру, не верится, что этой молодой женщине пятьдесят лет. Между прочим, она советовала почаще прибегать к холодной и сырой пище — моркови, репе, свекле и пр., пользуясь для измельчения этих овощей особой мельничкой — миндальной дробилкой. <...> Многие думают, что вегетарианство — дорогая затея. Но г-жа Северова высчитала, что достаточно шести копеек на человека осенью, когда продукты дешевы, и не дороже десяти копеек в остальное время. Не надо только переедать, чем страдают все потребители убоины — и оттого так они малокровны, толсты или хилы, бледны, с мешками под глазами, с плохим пищеварением, с бессонницей, с холодными ногами и прочими болестями». По инициативе Н.-С. в Пенатах устраивались лекции и др. пропагандистов, публицистов, ученых, а после них — вегетарианский буфет.

Как прозаик Н.-С. дебютировала в 1900-м в ж. «Нива»: здесь опубл. её повесть **«Беглянка»**. Кн. автобиографична. Героиня повести также бежит в Америку, как когда-то, в 22 года, сбежала от родителей в Америку сама Н.-С. Критики недвусмысленно заявили об «умеренности литературного таланта госпожи Северовой». Пожалуй, только Репин не согласился с критиками, он пишет 9 акварелей для её рассказа «Беглянка». В 1901 вышло в свет отд. изд. этого рассказа под назв. **«Эта»**, а для третьего изд. (1912) Н.-С. придумала еще одно заглав. — **«К идеалам»**.

В 1904, когда Н.-С. напис. кн., **«Крест материнства»**, Репин сделал к роману илл. И впоследствии Репин иллюстрировал некот. из лит. текстов жены. В частности, его работой стало оформление обложки кн. Н.-С. **«Интимные страницы»** (1910). В посл. кн. особенно ярко прорисованы и личность самой Н.-С., и центр. значение вегетарианства в её жизненной программе. Сб. «Интимные страницы» представляет собой своеобразную смесь разных жанров — очерков и рассказов. Наряду с изв. рассказом «Maman», в него вошли живые описания в письмах двух посещений Л. Толстого — первого, более длительного, с 21 по 29 сент. 1907 (шесть писем к друзьям), и второго, более короткого, состоявшегося в дек. 1908. Эти очерки включают в себя множество наблюдений внимательной к мелочам Н.-С., здесь же переданы мн. разговоры Н.-С. с жителями Ясной Поляны.

Книги Н.-С., кот. знакомили читателя с предлагаемыми ею жизненными реформами, выходили скромным тиражом (**«Райские Заветы»** — по тому времени скромным тираж. в 1000 экз.) и сегодня представляют собой раритетные изд. Лишь **«Поваренная книга для голодающих»** (1911) вышла тираж. в 10 000 экз. и за два года была полностью распродана.

В очерке **«Наши фрейлины»**, опубл. весной 1912, Н.-С. выступила в защиту «фрейлин» — находившихся на службе у русских дворян гувернанток, нередко гораздо более образованных, чем их работодатели. Она опис. картины эксплуатирования их способностей и талантов и требовала для них сокращения рабочего дня до 8 часов. Она настаивала на обязанности хозяев называть фрейлин-гувернанток по имени и отчеству. В кн. о русских советах и руководствах к поведению со времен Екатерины II К. Келли пишет о Н.-С: «И все же ее краткое, но энергичное существование дало ей возможность познакомиться с самыми популярными идеологиями и дебатами того времени, от феминизма до защиты животных, от "проблемы прислуги" до стремления к гигиене и самосовершенствованию».

В 1914 тяжело больная Н.-С. уехала в Швейцарию, не желая обременять близких, даже Репина, и отказавшись от всех своих имущественных прав. Завещание Н.-С. было опубл. в «Вегетарианском вестнике». Принадлежавшая ей вилла «Пенаты» в Куоккале была завещана в пожизненное владение Репину, а после его смерти предназначалась для устройства «домика И. Е. Репина». Огромная коллекция Н.-С. — неск. сотен картин самых изв. русских и зарубежных живописцев и скульпторов представляли огромную ценность — были завещаны будущему музею Репина в М.

Умерла Н.-С. в одиночестве в больнице для бедных, в Орселино, близ Локарно, от туберкулеза. Много позже — 26 мая 1989 — на местном кладб. была установлена мемориальная плита с надписью: «Писательница и спутница жизни великого русского художника Ильи Репина». Последний посвятил ей патетич. некролог, опубл. в «Вегетарианском вестнике».

Портрет Н.-С. кисти Репина маслом (1911) находится в ГРМ.

Соч.: Интимные страницы. СПб., 1910; Поваренная книга для голодающих. СПб., 1911; К идеалам. СПб., 1912; Наши фрейлины. СПб., 1912; Крест материнства. Тайный дневник. СПб., 1914.

Лит.: Ясинский И. Новый огонь // Биржевые ведомости. 1912. 1 авг.; Некролог // Вегетарианские ведомости. 1914. Июн.

П. Петрова

НО́СОВ Сергей Анатольевич [19.2. 1957, Л-д] — прозаик, драматург.

Родился в семье инженеров. Окончил ЛИАП (1980) и заочное отд. Лит. ин-та им. М. Горького (1988). Работал инженером, сторожем, ред. в ж. «Костер» и на «Радио России». Начинал как поэт. В 1979–80 член ЛИТО Гл. Семенова. Член СП России с 1991. Участник поэтич. антол. «Поздние петербуржцы» (СПб., 1995).

Индивидуальный, неповторимый тон его поэзии (по словам В. Топорова, «у Н. свой голос, своя интонация в стихах — очень чистый и безошибочный питерский голос», «свой круг тем каждая из которых, сама по себе, достаточно традиционна, но вся совокупность их, весь расклад свидетельствуют о небанальности мировидения и мироощущения») впоследствии найдет отражение в его петерб. прозе. Стихия непонятных ощущений — доминирующий лейтмотив, проходящий через всю поэзию этого автора. Наверное, поэтому «стихи Н., пронизанные дыханием сегодняшнего дня, все же не слишком зависят от времени».

В перв. кн. **«Внизу, под звездами»** (1990) и **«Памятник Во Всем Виноватому»** (1994) Н. ироничен, причем в зоне авторской иронии оказываются не столько специфич. реалии постсов. действительности, сколько базовые принципы постиндустриальной либерально-гуманист. цивилизации, обнаруживающие всецело абсурдную природу. В ряде произведений речь идет о толерантности, принимающей парадоксальную форму торжества деструктивных, а порой и патологич. интересов всякого рода меньшинств над естеств. правами нормального большинства. Так, в рассказе **«Вне закона»** Н. изображает об-во, где гетеросексуальная любовь находится под строгим запретом, а рассказ **«Гуманистический идеал антропофагии»** построен в форме декларации прав людоедов-гуманистов (тема гуманистич. и цивилизованной антропофагии получит продолжение и развитие в романе Н. **«Член общества, или Голодное время»**). Среди произведений, носящих эксперимен. характер, особенно выделяется жанрово-стилевой оригинальностью **«Труба»** (подзаголовок — «Остатки романа»). Здесь автор-рассказчик излагает историю своей долгой работы над романом под назв. «Труба», оказавшимся неудачным, и пересказывает его содержание. Разумеется, пересказ носит сугубо игровой характер, осложняясь целым рядом вносимых в первоначальный вариант текста корректив, немотивированных отступлений, и своеобразной полемикой автора с гл. героем «Трубы» литератором Клементьевым.

Уже в кн. «Внизу, под звездами» проявляется основной принцип тв-ва Н.: вся лит. ткань сб. построена на соединении абсурда и реальности. Тема человеч. одиночества и тема неразрывной связи микромира сознания человека и макромира космоса соединяют отдельные, сюжетно никак не пересекающиеся, рассказы, записки и вариации. Люди живут, работают, любят, но все это оказывается пустотой, нулем в сравнении с небом и звездами. Человек у Н. затерян в бесконечном мировом пространстве вселенной. Он — маленькое одинокое существо, стоящее посреди мировой пустыне и не видящее цели собств. жизни. В рассказе **«У костра»** автор повествует именно о таком человеке. В безымянном герое, преподавателе физики, на перв. взгляд нет ничего особенного, способного вызвать негативное отноше-

ние читателя к персонажу. Но именно это *ничего* и является страшным. Перед читателем герой с «нулевой составляющей». Вся его жизнь — бесцельное механич. движение. Кольцевая композиция (в начале и в конце возникает образ костра) подчеркивает, что вся жизнь героя — бесконечный повтор одного дня, опис. в рассказе. И хотя ничего экстраординарного не происходит, у читателя остается ощущение пустоты и беспросветной мглы, т. к. «человек» оказывается лишенным настоящего, будущего и прошлого: «...восемь лет он выступал с одним и тем же докладом <...>. И тут же отмечал факт парадокса: он ловил себя на отсутствии мысли. Оставалось одно ощущение — неясное, смутное, знакомое любому человеку; обычно оно появлялось ВДРУГ, но он научился вызывать это: ощущение того, что все уже было».

Мотив неба, звезд рефреном проходит через все рассказы: **«Архитектурные излишества»**, **«День Любови»**, **«Комиссарова ночь»**, **«Лунное затмение»**, **«Головачевы»** и др. Конструируется некая пространственная параллель между миром земным и миром небесным. Жизнь протекает и на земле (в мире людей) и на небе (в мире звезд). Однако жизнь людей, представленная в рассказах как искусственно созданная реальность, противопоставлена жизни звезд — живой и бесконечно прекрасной: «Звезды, они не просто мерцали, а сияли, светились, они жили, и было их очень и очень много». Абсурдностью, иррациональностью окутан мир героев всех произведений Н., но только в перв. рассказе «Архитектурные излишества» нечто странное, существующее за гранью сознания, выходит на поверхность и поглощает человека. Герой текста, науч. сотрудник Дмитрий Константинович Черенков, соглашается подежурить ночью в «какой-то архитектурной организации» вместо своего знакомого Фролова. Когда же он приходит на пост, с ним начинают происходить необъяснимые вещи, в результате кот. он сам превращается в статую. Поместив героя в иррациональное пространство, Н. одновременно вводит читателя в мир интертекста, в кот. соединяются различные герои, мотивы и сюжеты мировой лит-ры. Образ пришедшего к Черенкову проверяющего, несомненно, соотносится с Мефистофелем и воплощает в себе мистическое, инфернальное начало. Он испытывает героя, желая забрать его душу: «...ты у меня, Фролов, последний остался. Я уже всех проверил. Теперь твоя очередь». Человек превращается в статую, белую, холодную, каменную, теряя самое важное — духовную основу, именно ее ищет и не находит у Черенкова «проверяющий». Произнеся слово *«мачта»* вместо загаданной проверяющим *«мечты»*, гл. герой растворился в «Великой пустоте». А значит, навсегда потерял ту нить, кот. связывала его когда-то в детстве с космосом и небом. Там, среди звезд, он умел находить и отличать «Гончих Псов от Волос Вероники» и «Алькор в созвездии Большой Медведицы», он «видел Персея и спасенную им Андромеду и гигантского Кита, плывущего вдоль кромки леса». В этом рассказе Н. играет с топосом ожившей статуи, несущей гибель, кот. возник еще во времена поздней античности и в косвенной форме присутствует в тв-ве Пушкина («Медный всадник», «Каменный гость», «Золотой петушок»), Л. Толстого (образ Элен в «Войне и мире»). В рассказе «Архитектурные излишества» этот топос представлен в двух худож. планах. Во-первых, ожившие статуи вводят героя в пограничный мир между сном и явью, а во-вторых, сам герой, потеряв возможность мечтать, становится живой статуей. Этот рассказ является структурообразующим стержнем всего сб., т. к. именно здесь дано объяснение духовной опустошенности героев всех остальных рассказов.

В сб. «Памятник Во Всем Виноватому» Н. продолжает развивать доминантную тему перв. кн. сб. Хаос, абсурд царят в этом мире. Кажется, что все герои сошли с ума, а вся жизнь — лишь иллюзорная, воображаемая картина, созданная каким-то безумным сознанием. Перед читателем предстает некое мозаичное полотно, сотканное из разрозненных кусочков — отд. коротких жизненных эпизодов. Читатель, все больше погружаясь в это странное метафизич. пространство, постеп. начинает терять ощущение реальности. Мир словно показал иную, скрытую, недоступную для постижения разумом бытийную сферу. И невозможно понять: абсурд ли поглотил действительность, или это и есть сама истинная, обнаженная действительность. Интересно, что для всех произведений Н. характерно отсутствие какой-либо «нормы»: есть только размытая граница между реальностью и зыбким миром хаотич. безумия. Так происходит в рассказе **«Гопо Мопо»**, где герои одновременно существуют в двух пространствах: в какой-то квартире, погруженной в темноту и в некой трансцендентной сфере, в кот. возможно общение с чем-то непознанным. Зыбкость этой грани наблюдается и в др. рассказах: в **«Экспертизе»** герой приходит к врачу, чтобы подтвердить свою вменяемость; в рассказе **«Вне закона»** показан мир «наоборот», в кот. происходит трансформация любовных отношений между мужчиной и женщиной; в рассказе **«Ответственный квартиросъемщик»** герой размышляет о «бюрократо-инобытийной сфере» и пытается понять, что скрывается за формальной записью в бумагах о прописке. Жизнь и смерть сходятся в едином трансцендентном мире: «Если это и абсурд, то не лежит ли на нем отсвет какого-то неуловимого смысла бюрократо-инобытийнойной сферы <...>. Эти места заточения наших имен, наших нищих теней, тем удручают еще, что в них различимы образы — образы чего-то существенного, то есть нас самих, в общем-то их и создавших».

Интересно композиционное построение сб. «Памятник Во Всем Виноватому». В нем органично сочетаются рассказы, стихи и пьеса **«Дон Педро»**. В худож. ткани этой кн. стихи (под общим назв. «Сушеные цитаты») играют роль некого фона, создающего атмосферу ирреального бытия. Здесь проявилась и еще одна из ярчайших особенностей мироощущения Н. — представление о действительности как о едином тексте, в кот. культура выступает неделимым организмом, влияющим на жизнь. Именно поэтому возможно создание стих., основанного на прямых цитатах и многочисленных отсылках к культурным рядам, кот. осознают цитату и перифраз как «новый» лит. мат-л. Как и др. произведения Н., кн. «Памятник Во Всем Виноватому» пропитана интертекстуальностью как

концептуальной основой целостности текста. Примером тому могут служить отсылки к чеховской «Палате № 6» в рассказах «Экспертиза», «Вне закона», «Гопо Мопо», к худож. миру гоголевских повестей, где фантастика и безумие заменяют реальность, к сатире и гротеску Салтыкова-Щедрина. В дальнейшем, основываясь на этом принципе, Н. создает романцитату — «Член общества, или Голодное время».

Роман **«Хозяйка истории»** (1999) относится, по определ. В. Топорова, к т. н. турбореализму, кот. представляет собой «реалистическое или как бы реалистическое письмо с одним-единственным фантастическим допущением» (Топоров В. Писатель завтрашней моды // Носов С. Хозяйка истории. СПб., 2000). Роман, осн. действие кот. происходит в позднесов. годы, построен в форме дневниковых записей прорицательницы Елены Ковалевой, обретающей свой уникальный дар ясновидения только в момент оргазма. Елена вынуждена существовать под неусыпным контролем спецслужб, кот. с ее помощью получают ценнейшую информацию. Однако гл. действующим лицом произведения оказывается не столько Ковалева, сколько ее второй супруг, самовлюбленный зануда М. Подпругин, выступающий в роли публикатора дневника ясновидящей и автора комментариев, объем кот. порой превышает сами записи.

Как и во всех последующих романах Н., перед читателем инвариантная ситуация, когда персонажи, являясь членами некоего сообщества (оно может быть профессиональным, культурно-просветительским, эзотерическим, фиктивным и т. д.), ощущают всецело случайный, абсурдно-нелепый характер собств. причастности к нему. Ситуация всякий раз последовательно универсализируется: обнаружив свою чужеродность одному коллективу, человек в худож. мире Н. не может слиться и ни с каким другим. Индивид в поэтич. мире Н. занят поисками собств. идентичности, но безуспешно: любая профес. деятельность, как и всякая форма существования оказывается неадекватной его индивидуальности, он всегда и везде ощущает себя лишним, посторонним и вынужден вести тягостную игру с окружающими и с самим собой. Дезориентация носит в совр. мире устойчивый и фатально-непреодолимый характер.

История жизни Олега Жильцова, гл. героя романа **«Член общества, или Голодное время»** (1999), начинается с рассказа о занятиях на платных курсах сверхбыстрого чтения, ненужность кот. была ему очевидна: «Спрашивается, зачем я ходил на эти идиотские курсы? Объяснить невозможно... Может, я хотел стать первоклассным корректором (Никогда не хотел.) Не знаю. Не знаю. Не могу объяснить». Этот зачин бросает свет на дальнейшие поступки героя, в значительной мере обусловленные жаждой самоидентификации, он пробует различные амплуа и роли, пытаясь обрести в окружающей действительности, становящейся все более хаотичной, хоть какое-то опр. место. В дальнейшем, по ходу развертывания сюжета Олегу предлагают пополнить ряды уличных торговцев, усопших (одному из приятелей наилучшим вариантом решения проблем героя представляется фиктивная смерть на манер толстовского Феди Протасова), членов Союза писателей (сам герой, совершенно лишенный муз. слуха, больше склоняется к Союзу композиторов) и т. д. Некот. иллюзия обретения героем своего места в жизни возникает вместе с членством в Об-ве библиофилов: он начинает заниматься щедро оплачиваемой журналист. деятельностью, наслаждается любовной связью с юной красавицей Юлией, новые друзья заботятся о его здоровье, в особенности же — о качественном и обильном питании. Однако вскоре обнаруживается, что новая работа Олега так же фиктивна (он писал заметки для несуществующей газ.), как и красота Юлии (на самом деле эта дама почти вдвое старше, чем представлялось герою, и обременена множеством физич. дефектов), а под вывеской Об-ва библиофилов скрываются антропофаги-гуманисты, кот. заботливо откармливали Олега для последующего употребления в пищу. Т.о. поиски идентичности парадоксально завершились обретением роли ритуальной жертвы, оказывающейся для героя столь же случайной, как и все прежние соц. роли.

Худож. мир романа «Член общества, или Голодное время» можно назвать частью единого петерб. текста не только потому, что действие романа разворачивается в СПб. и «образ этого города играет в архитектонике текста роль краеугольного камня, фундамента, незыблемого основания, на котором зиждутся сюжетные построения» (С. Белокурова, С. Друговейко), но и потому, что ключом к интерпретации этого произведения стала петерб. мифологема. Словами, вводящими читателя в мир петерб. текста, является фраза: «В этот день я сдал Достоевского». Читатель постеп. погружается в интертекстуальное пространство и поглощается им. Первые слова романа, двусмысленные по своей природе, ставят героя и читателя на зыбкую грань между реальностью и миром текста, где герой одновременно и оппозиционируется с худож. действительностью, и вливается в нее. Как пишет А. Скидан, герой «с ходу попадает в утробу русской литературы». Далее читатель узнает, что после ссоры с женой Аглаей (имя, отсылающее к роману Достоевского «Идиот») герой по фамилии Жильцов переселяется на Сенную, ставшую не только местом действия романа, худож. пространством, в кот. разворачивается сюжет, но и неким ирреальным, мифологич. миром, текстом в тексте. Попав в этот мир, Жильцов начинает жить по законам бесконечного пространства интертекста.

В романе **«Дайте мне обезьяну»** (2002) литератор Виктор Тетюрин, типичный для носовского тв-ва не нашедший себя и во всем сомневающийся герой, внезапно и совершенно случайно оказывается в команде пиарщиков, кот. ведут электоральную кампанию в одном из провинциальных городов России. Командой руководит изв. политтехнолог Косолапов, ранее проявивший себя в кач-ве богемного режиссера, мастера изысканных перформансов. Бесконечно далекий от политики Тетюрин неожиданно для себя увлекается написанием рекламно-тенденциозных текстов, воспевающих достоинства «своих» кандидатов и компрометирующих конкурентов. Пиарщики занимаются фабрикацией и внедрением в массовое сознание всякого рода мифологем, и постепенно эти симулякры начинают подменять собою эмпирич. реальность. Так, невзрачный канди-

дат Богатырев в ходе электоральной кампании обретает силу и уверенность, становясь похожим на величественный «богатырский» образ, смоделированный косолаповской командой. В конце концов и сам Тетюрин помимо воли оказывается одним из фигурантов творимого сюжета, он буквально раздваивается, зависая между действительностью и пропагандистскими фикциями: «Двойник Тетюрина, как Афродита из пены морской, стремительно возникал из пены и шелухи пиаровских креативов; он наливался кровью Тетюрина, обретал цвет лица и простоту мысли. Представительствуя за Тетюрина, он, фантом, все больше и больше принадлежал реальности. ...Тетюрин, затосковавший по самотождественности и все еще мнивший себя истинным Тетюриным, был реальности не интересен».

В 2003 Н. в соавт. с поэтом Г. Григорьевым выпустил кн. **«Доска, или Встречи на Сенной: Быль-поэма в двенадцати частях с комментариями и иллюстрациями»**, кот. можно с полным правом назв. «энциклопедией петербургской жизни». Сюжетом «были-поэмы» стала подлинная история о том, как оба автора в мае 1999, гуляя по Сенной, познакомились с бомжом Коляном, кот. сначала предложил им купить лосиные рога, а затем — найденную в подвале одного из близлежащих домов бронзовую мемориальную доску с именем Пушкина. «Многоголосым, пестрым карнавалом / толпа катила волны вал за валом, / бурлила, затопляя берега, / и тут мужик, который терся рядом, / нас оценив своим пытливым взглядом, / спросил: / — Орлы, вам не нужны рога? / (Такую фразу оторвешь с руками. / Я б не придумал про орлов с рогами.) / Есть тайна в нашем русском языке. / Прав был Тургенев: не язык, а чудо!». Трехстраничный комментарий к этому пассажу не только терпеливо разъясняет читателю, что здесь «фантасмагория начинается на уровне дискурса», не только настаивает на принципиальности совмещения высоких образов *карнавала* и *людского потока* с просторечным глаголом *тереться*, не только сообщает о роли «рогатых орлов» в играх совр. толкинистов и буддийской «Книге мертвых», не только напоминает о тех зафиксированных мемуаристами ист. эпизодах, во время кот. Тургеневу случалось произносить слова о «нашем гибком, чарующем, волшебном языке», но и развивает целый ряд ассоциаций, где лингвистич. идеи Р. Якобсона непостижимым образом уживаются с фактами существования на Сенной площади Обжорного ряда (в сер. XIX века) и установки на площади Манежной памятника Тургеневу (в 2001-м). Именно комментарий — энциклопедический и иронический одновременно — придает незатейливому, в сущности, бытовому сюжету поэмы эпич. многомерность и философскую глубину. Более того, комментарий Н. сочетает в себе и «герменевтическую» и «художественную» функцию: он может пониматься и как инструмент для понимания др. текста, и как самостоятельный — гиперлитературный — текст. Однако поэту Г. Григорьеву, комментатору Н. и художнику Н. Литвиновой (кот. по праву может считаться третьим автором этой кн.) удалось нечто большее: создать произведение, гл. персонажем кот. стал сам СПб. Ведь «в Петербурге все связано со всем. Затронь одно — отзовется другое. Вот и герой поэмы — современный бомж Николай — равно, как с друзьями по несчастью, связан с их предшественниками из Вяземской лавры и в той же степени — с Пушкиным. Место такое».

Роман **«Грачи улетели»** (2005) в критике был практически единодушно признан одним из самых ярких произведений совр. отеч. лит-ры. Однажды, еще при сов. власти, трое юных нетрезвых приятелей — Тепин, Щукин, Чибирев — вместе помочились в Неву с Дворцового моста. Много лет спустя, уже в начале следующего тысячелетия, Тепину, самому авантюрному из них, пришло в голову назвать эту хулиганскую акцию героич. перформансом, а свою веселую компанию объявить группой художников, основоположников актуального искусства. Разумеется, не все искусствоведы и культурологи согласились признать коллективное мочеиспускание произведением искусства. На страницах романа разворачивается дискуссия о природе и специфике эстетич. акта, но никаких надежных критериев, кот. позволяли бы отделить искусство от неискусства в эпоху, наступившую после «Черного квадрата», не обнаруживается. Даже Чибирев, самый трезвомыслящий из троицы, дослужившийся до директора средней школы, начинает подозревать себя в тайной причастности к худож. тв-ву: «А вдруг он взаправду художником был? Был да забыл. Или не понял». В романе изображен абсурдно-парадоксальный мир, где одни люди называют себя художниками, другие — жертвами тоталитарной государственности, третьи — берендеями, причем во всех случаях без особых на то оснований. Как всегда у Н., принадлежность индивида к любому месту, кругу, положению, сообществу, типологическому ряду обнаруживает случайный характер. Школьное директорство так же мало соответствует подлинной природе личности Чибирева, как мочеиспускательный перформанс или убийство юной подруги.

Дискурс Н. способен произвести на читателя обманчивое впечатление спонтанного «прямоговорения», между тем объективный анализ убеждает в том, что ни о какой безыскусной органичности нет речи, тексты писателя тщательно структурированы, в них продумано все до мельчайших деталей. В ряду лит. предшественников, оказавших существенное влияние на творч. манеру Н., необходимо выделить прежде всего К. Вагинова.

Широкую популярность приобрели пьесы Н. — прежде всего **«Дон Педро»** (1993) и **«Берендей»** (1994). Драм. произведения Н. отличаются зрелищностью, органично, как и проза писателя, совмещают изысканную простоту и философскую глубину.

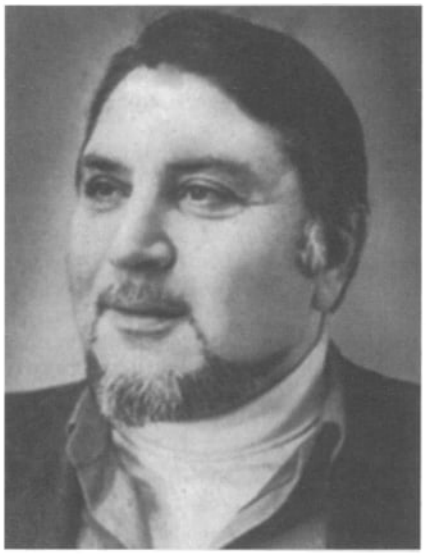
Соч.: Внизу, под звездами: Рассказы и повесть. Л., 1990; Памятник Во Всем Виноватому: Тексты для чтения. СПб., 1994; Хозяйка истории. СПб., 2000; Член общества, или Голодное время. СПб., 2000; Дайте мне обезьяну: Роман, рассказы, пьесы. М., 2001; Доска, или Встречи на Сенной: Быль-поэма с комм. (в соавт. с Г. Григорьевым). СПб., 2003; Пьесы: Дон-Педро. Путем Колумба // Драматург. 1995. № 6; Берендей // Ландскрона. СПб., 1996; Времени вагон // Ландскрона. СПб., 1997; За стеклом // Мастерская драматургов. СПб., 2003; Табу, актер! // Совр. драматургия. 2005. № 2; Грачи улетели. СПб., 2005; Тайная жизнь петерб. памятников. СПб., 2008.

Лит.: Топоров В. [Вст. ст. к подборке стихов Н.] / Поздние петербуржцы. СПб., 1995; Топоров В. Сергей Носов: еще один роман года // Смена. 1999. № 177–178; Топоров В. Писатель завтрашней моды / Носов С. Хозяйка истории. СПб., 2000; Урицкий А. Петерб. вариант // НГ. 2000. № 113; Славникова О. Экспансия. Опыт обозрения актуальной книж. серии // Новый мир. 2001. № 6; Грякалов А., Грякалов Н. Человек романа, или Спастись по-петербургски / Носов С. Член общества. СПб., 2000; Скидан А. «Версия письма» в новом формате // Петербург. На Невском. 2001. № 4; Ольшанский Д. В постели с Кассандрой // Сегодня. 2001. № 36; Скидан А. [Рец. на «Член общества, или Голодное время»] // Нов. рус. книга. 2001. № 1.; Козлов Е. Неомифологизм в петерб. прозе девяностых // Звезда. 2001. № 11; Лесин Е. Протрезвевшие // Кн. обозрение. 2001. № 49; Топоров В. Сергей Носов людей не ест / Топоров В. Похороны Гулливера в стране лилипутов. СПб., 2002; Белокурова С., Друговейко С. Город и герой: Уроки по роману С. Носова «Член общества, или Голодное время» // Образ Петербурга на уроках лит-ры: Учебно-метод. пособие. СПб., 2003; Друговейко-Должанская С. Энциклопедия петерб. жизни // СПб. ведомости. 2003. 24 окт.; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

А. Орлова

О

ОБОЛЁНЦЕВ Юрий Ефимович [1.4.1936, Л-д] — поэт, лит. критик, переводчик.



После окончания ср. школы поступил на работу на судостроительный з-д, потом плавал на судах Ленокеанрыбфлота. С 1957 снова работал на различных лен. з-дах, затем в кач-ве монтажника-оформителя принимал участие в создании экспозиций и выставок мн. музеев страны. Служил лит. консультантом в газ. «Лен. правда».

Как поэт формировался на Обводном канале в ЛИТО «Радуга» под рук. Е. Вечтомовой. Здесь преобладали люди немолодые, имеющие жизненный опыт «производственники». О. здесь признавался одним из первых — «ходил в талантах». Позже сам руководил ЛИТО «Радуга».

Перв. стихи напеч. в 1958. С тех пор пост. публ. в газ., ж-лах, альм., колл. сб, был участником радио- и телепередач. Подготовил неск. поэтич. циклов, композиций и спектаклей на радио.

Переводил стихи с языков народов СССР, а также с польского, болгарского, вьетнамского. Стихи О. перев. на языки народов СССР.

Член СП России с 1994.

В. Пайков: «Оболенцев не оканчивал ни филфак университета, ни Литературный институт — его ясная поэтическая речь, глубокое знание отечественной и зарубежной поэзии есть результат самообразования, а это — свидетельство ума и целеустремлённости, без чего, даже при наличии таланта, занять своё место в искусстве невозможно...».

Соч.: Январские скворцы: Кн. стихов. Л., 1977; Яблоня, посаженная мной: Стих. Л., 1982; Второе дыхание: Стихи (на груз. яз.). Тбилиси, 1985; Светлынь: Стих. СПб., 2000.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ОБРАЗЦО́В Александр Алексеевич [23.9.1944, г. Свободный Амурской обл.] — драматург, прозаик.

С 1961 живет в Л-де. Учился на географическом фак-те ЛГУ в 1961–64. Во время службы в армии (1964–67) начал писать стихи и прозу. После демобилизации работал на разных предприятиях Л-да, в т. ч. корр. газ.

Заочно окончил Лит. ин-т им. М. Горького (1980). Публ. рассказы в ж. «Нева», «Смена», «Аврора», «Грани» и др. Публ. в сб. прозы «Вкус», «Истоки», «Причастие». Сост. (вместе с В. Поповым) сб. петерб. рассказа «На невском сквозняке» (изд. «Петерб. писатель», 1998).

Пьесы О. опубл. в различных сб., в ж. «Театр. жизнь» (1986); «Совр. драматургия» (1990); «Драматург»; «Новый ж.» (Н.-Й). Участвовал в сост. кн. петерб. драматургии «Петерб. авторы конца тысячелетия» из серии «Ландскрона».

Театр. постановки осуществлены в театрах М., СПб., Тбилиси, Ташкента и др. городов (с 1980), в их числе **«Снега»** в «Современнике» (М., 1988); **«Москва — Петушки»** в театре «Маралам» (Цюрих, 1994); **«Звездный мальчик»** в Малом драматич. театре (СПб., 1995); **«На кабельных работах осенью 69 года»** в Белом театре (СПб., 1996); **«Три анекдота о любви»** в Русском Доме театра (М., 1998).

По пьесам О. поставлены радиоспектакли: радио «Свобода» (Мюнхен) — по пьесе **«Лали»** (1991), петерб. радио — пьесы **«Россия»** и **«Волшебный сад»** (1992), центр. радио «Останкино» — пьесы **«Время не ждет»** (1987), «Россия» (1992), **«Все кошки серы»** (1993), **«Пригород»** (1998). Пьеса «Россия» исполн. на Кельнском радио (Германия) в дек. 1997.

Написал сценарий худ. фильма **«Клара Милич»** для венгерского ТВ (1988). Писал сценарии для ТК РТВ и НТВ (с 1992), в т. ч. сценарии телепередач «Боярский двор» на ТК «Культура» (1998).

Пишет эссе (с 1988), публ. в газ. «Час пик», «Веч. Петербург», «Не-

вское время», «Моск. новости», «НГ» (М.).

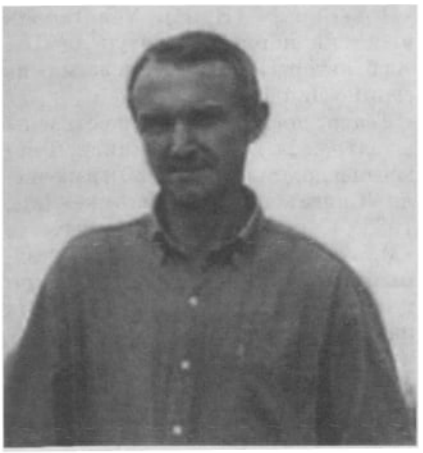
В 1986 вступил в Лен. профком драматургов. Член СП СССР (позже СП России) с 1988. Член творч. совета ж. «Драматург» (М.).

Перв. премия на ежегодном Всесоюзном конкурсе одноактных пьес (М., 1986, пьеса «Время не ждет»), перв. премия в ежегодном конкурсе радиопьес Центр. радио «Останкино» (М., 1992, пьеса «Россия»). Награжден медалью «20 лет победы в Великой Отеч. войне» (1965).

Соч.: Поющие люди: Кн. рассказов. Л., 1988; Ленин и Клеопатра: Пьесы и рассказы. СПб., 1992; Праздник души: Рассказы. СПб., 1996.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ОБУ́ХОВ Герман Викторович [11.11.1949, Челябинск] — прозаик, публицист.



Родился в семье будущего ученого Виктора Ивановича О., назван Германом в честь выдающегося немецкого физика Германа Гельмгольца. Отец, тогда еще начинающий инженер, был увлечен наукой, и биографии видных ученых являлись для него неким знаковым ориентиром. Мать, Дина Ивановна, урожд. Привалова, потомок изв. российских горнопромышленников, имела высшее технич. образование, однако не стремилась делать карьеру инженера или ученого. Она рано лишилась родителей (отца расстреляли в 1937 по доносу как «врага народа», мать скончалась от тяжелой болезни) и всю себя отдавала семье. Прожили на Урале недолго, когда отцу представилась возможность получить интересную преподавательскую работу в Грозненском нефтяном ин-те, переехали на Сев. Кавказ.

В Грозном О. пошел в первый класс средней школы, но проучился он там всего два года. В 1957 родители решили вернуться в Челябинск. Два года прожили в Челябинске, затем переехали в Минск, где отец получил лабораторию в АН БССР и возможность преподавать в Белорусском политехнич. ин-те. Там же через неск. лет защитил канд. дис., изд. немало науч. кн.

О. окончил школу в Минске (1966), в 1975 — радиотехнич. фак-т Электротехнического ин-та. Работал инженером по мед. оборудованию.

В кон. 1970-х О. увлекся историей и философией, начал писать стихи и рассказы, в т. ч. фантастические («**Вето на исповедь**»). Напис. под псевд. Антон Святогоров историко-публиц. кн. «**Погаснувший рассвет**» (1981), в кот., по его словам, «сделал попытку беспристрастно проанализировать как идеи создания коммунистического общества, так и развитие социалистического государства». 2 сент. 1981 за попытку передать свою книгу за границу для публ. был арестован и приговорен по статье 70 УК к 4 годам лагерей и двум годам ссылки. Лагерный срок отбывал в Пермских политлагерях, ссылку — в Хабаровском крае. Находясь в лагере, женился на гл. свидетеле по делу И. Акуловой.

В 1987 после освобождения приехал в Л-д. 19 марта 1988 эмигрировал по приглашению Международной амнистии в Лондон, затем поселился в США. Работал инженером в Йельском ун-те.

В 1994 вернулся в Россию, занимается бизнес-консалтингом. В 1998 выпустил в СПб. изд-ве «Акрополь» кн. «**Конфискованные письма**», в кот. вошли лирич. письма из лагеря к жене, рассказы и первая глава из кн. «Погаснувший рассвет». Автор кн. «**Времена флибустьеров**», неск. десятков публиц. ст., опубл. в газ. США и России.

В 2012 изд-во «Деан» выпустило кн. «**Украденная страна**». В ней автор попытался донести до читателя нелепую трагичность российской истории минувшего столетия, лаконично изложенную в жанре полит. сатиры. Большая часть кн., между тем, посвящ. событиям посл. двадцати лет и отражает мн. аспекты жизни российского об-ва этого периода. В кн. немало уникальных цифр и фактов, смешанных с диалогами, анекдотами и сатирич. пассажами. Автор в свойственной ему иронич. манере рассказывает о трагичной истории России последних ста лет, однако большая часть кн. посвящена и новой России, ее бюрократии и законам, нелепым и по-своему комичным. По словам Т. Венцлова, проф. славистики Йельского ун-та, «"Украденная страна" резко и прямо с литературным блеском описывает состояние России после крушения советской системы...».

Президент Международного благотворительного Фонда «Откроем мир детям» (учрежден в СПб. в февр. 2006). Исполнительный директор американской некоммерч. организации «Российско-Американский Совет Экономического Развития» (RACED). Председатель Оргкомитета Международного форума политзаключенных СССР (http://www.forum2012october.org).

Соч.: Вето на исповедь: Фантаст. рассказ // Нева. 1994. № 12; Самые посл. известия: Рассказ // Зазеркалье: Альм. СПб., 1996. № 3; Конфискованные письма // Звезда. 1995. № 6; Конфискованные письма. СПб., 1998; «Погаснувший рассвет» 15 лет спустя. СПб., 1999; Украденная страна: Худож.-публиц. изд. СПб., 2011.

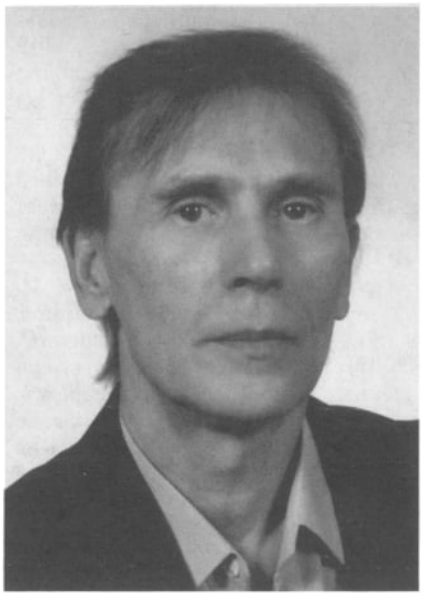
Лит.: Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ОВСИЕ́НКО Александр Матвеевич [9.9.1938, ст. Платнировская, Кубань] — журналист, прозаик, поэт.

Родом из кубанских казаков. Родители колхозники, вынужденные жить на полевом стане. В 1942 Кубань оказалась в немецкой оккупации, мальчик стал свидетелем фашистского разбоя. С 1944 начались сиротские мытарства О. по детским домам — закончились в РУ-30 подмосковной Коломны.

Лит-ру рано стал считать гл. делом жизни. С этой мечтой объездил весь Сов. Союз.

ОВСЯ́ННИКОВ Вячеслав Александрович [2.2.1947, д. Тартак Ново-Мышинского р-на Барановической обл.] — поэт, прозаик.



Окончил веч. школу, на фак-те журналистики ЛГУ учился заочно (оконч. в 1969), журналистом работал в Л-де, на Кубани, в Карелии.

Перв. публ. состоялась в 1964. Перв. рассказы были одобрены XIV конф. молодых литераторов Северо-Запада (1976).

Моск. изд-во «Современник» выпустило перв. книгу худож. прозы **«Материнский кров»** в 1982. Повесть **«Материнский кров»** отобразила жизнь земляков О. в годы войны. Кубань стала ведущей темой мн. произведений в прозе и в стихах.

К поэзии подошел в зрелые годы. Издал за свой счёт четыре поэтич. сб., пятый существует в электронном варианте.

В 1990 принят СП СССР (позже СП России).

В разные годы стихи публ. в сб. и альм. СПбО СП России, рассказы печ. в «Морской газ.», «Лит. Петербурге».

О.: «Как гражданин нынешней России твёрдо стою на патриотических позициях, в творчестве верен лучшим традициям великой русской литературы».

Соч.: Материнский кров: Проза. М., 1982; Рубежье возмездия: Стих. СПб., 1996; Светорусье: Стихи. СПб., 1999; Осенний взлёт: Избр. стихи. СПб., 2005; Искупленье Отчизны: Стихи. СПб., 2008; Земля любви: Стих. СПб., 2011.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

Отец — офицер танковых войск, участник войны 1941–45. Мать — медсестра, блокадница. В 1948 семья переехала в Л-д. После окончания средней школы поступил в Лен. высшее инженерно-морское училище им. С. Макарова (1965–71). Работал на спасательных судах Балтийского морского пароходства судовым электромехаником. Уволясь с флота, О. работал инженером, архивистом, механиком. Затем в теч. 20 лет служил в органах МВД (1978–98).

Любовь к лит-ре проявилась рано. В 9 лет прочитал «Слово о полку Игореве». Влияние этого произведения со временем сказалось на тв-ве О., определив отношение к слову, выбор поэтики. В школе начал пис. стихи. Увлечение поэзией продолжалось в годы учебы в морском училище и затем в плаваниях. Перв. публ. — в газ. «Моряк Балтики» (1976). Затем публ. в газ. «Красный треугольник», «Смена», «Лен. милиция».

В 1977 посылает стихи П. Антокольскому и получает доброжелательный отзыв. «Что-то в Вашем творчестве, — точнее же в ваших исканиях и в попытках выразить себя в слове и в ритме, — заинтриговало и заинтересовало меня. Безусловно, Вы человек одаренный, талантливый. Ваша изощренность в слове, чувство языка и чувство необжитых участков русской речи заслуживает одобрения» (из письма П. Антокольского от 12.2.1977. Личный архив О.). Положительно отозвался на присланные стихи и поэмы А. Межиров: «...некоторые строки “Океана” и др. иногда очень хороши, — свидетельство поэтического дарования» (из письма А. Межирова от 14.8.1977. Там же).

В 1978 О. стал посещать ЛИТО под рук. В. Сосноры. Был старостой. В поэзии утвердился свой стиль с ориентацией на традицию народного стиха. Соснора писал критику А. Македонову, кот. занимался поэзией «обэриутов»: «Вячеслав Александрович Овсянников — не обэриут. Но и судьба его и стихи — интереснейшее явление в современной русской городской поэзии, если хотите — народной по мышлению. Его стихи кажутся мне оригинальными и самостоятельными, хотя безусловно имеют в виду школу примитива». Оценил стихи и А. Кушнер и пытался помочь в публ. в ж. «Аврора»: «Ваши стихи говорят о том, что Вы человек способный и одаренный... Думаю, что Вам стоит писать стихи» (из письма А. Кушнера от 10.7.1979. Там же).

В кон. 1980-х решает попробовать себя в прозе, для кот. работа в милиции дает яркий и богатый мат-л. «На эту тему в советской литературе не было написано ничего настоящего, только дешевая беллетристика и детективщина. Никто не написал правду о милиции, изнутри, без прикрас, как она есть. Тема была запретной», — признавался О. В 1988 он напис. повесть **«Страдания сержанта Быкова»**, кот. при содействии Сосноры пытался напечатать в ж. «Нева», но повесть была отклонена как противоречащая узаконенной идеологии и эстетике.

В 1993 вышла кн. рассказов **«Одна ночь»**. Соснора так характеризует особенности прозы О.: «Автор — человек неординарный и не вписывается в литературную “милицейскую форму” в традиционном представлении. Он — не бытовой беллетрист, а скорее мифолог и писатель склада Андрея Белого. Милиция для него лишь среда, его герои живут более по литературным законам, нежели реальным. Милицейская тема для Вя-

чеслава Овсянникова — не удобное зеркало для "отображения действительности", а благоприятный материал для гротескного осмысления жизни. Хотя в интереснейших реальных деталях его прозы много правды, нельзя принимать весь этот страшный будничный быт за полностью достоверные копии. Это — сгустки абсурда, гротеска, метафор, которыми оперирует автор. Вячеслав Овсянников — новый голос в современной петербургской прозе. И этот голос своеобразен и чрезвычайно актуален». Действие рассказов О. происходит в СПб., на переломе двух эпох. Это особый Петербург, увиденный изнутри патрульного газика. Ночной, тревожный город. Возникает новый миф о Петербурге, о его апокалипсисе. Критикой была отмечена сила авторской образности: «Герою снится сон — его девушка, о которой он мечтает, которую любит, вдруг является перед ним как медведица с когтистыми лапами и оскаленной пастью. В этом сне как бы прорывается наша чудовищная жизнь, сегодняшняя, страшная, когда самое дорогое вдруг предстает в зверином обличье» (А. Скоков).

Кн. «**Человекопад**» (1995) продолжила тему «человека в погонах». В нее вошли и рассказы на морскую тематику. Повесть «**Пистолет**» своим трагич. накалом созвучна «Запискам сумасшедшего» Гоголя и «Красному цветку» Гаршина. Герой — человек с обостренной чувствительностью, «без кожи», с обнаженными нервами. Мучимый кошмарами, он одерживает над ними победу, выздоравливает и закапывает свой личный пистолет в землю, в глубокую яму, в могилу, как символ мирового зла, символ убийства. Произведением, обобщающим и завершающим тему милиции, стала повесть «**Загинайло**» (2006).

С 1998 у О. появляются новые темы. В кн. «**Дни с Л.**» (1998), «**Рак на блюде**» (2000), «**Лопающиеся пузырьки**» (2004) писатель обращается к жанрам лирич. и автобиогр. прозы. Повесть «**Рак на блюде**» из одноименной кн. — семейная хроника; об отце, матери, дедах, бабках, крестьянах, о Псковщине, о нравств. ценностях старших поколений, перенесших войны и блокаду. Повесть напис. с большой сердечностью к этим людям. «Дни с Л.», «Лопающиеся пузырьки» — проза импрессионистическая, глубоко интимная. Эти книги, по признанию автора, «о красоте мира, о радости видеть игру света и тени на стене дома и лопающиеся дождевые пузырьки в лужах на городском асфальте. О летучих мгновениях. Проза воздушная, вся сотканная из солнечных лучей и отблесков».

В 1999 принят в СП России. С 2007 является членом лит. об-ва «Северный Союз русских писателей». Пост. автор печ. органа этого об-ва — альм. «Русские страницы».

Произведения, напис. в 2007–10, свидетельствуют о новом периоде в тв-ве О. В рассказе «**Севрюгины**» (2007) стиль становится резко графическим, чему способствуют стремление высказаться как можно кратче, жестче, скупость и лаконичность изложения, даже аскетизм, использование предельно экспрессивных приемов. О. дает возможность читателю увидеть сокрытые смыслы за оболочкой слова: намеком, внушением, ассоциацией. Каждая фраза становится отдельной, самодостаточной картинкой. В худож. структуре такой прозы преобладают принципы разговорной речи, когда произносятся не все слова, но понимается всё, о чем не договорено и не упомянуто. Писательскую позицию и эстетич. принципы О. можно сравнить прозой Л. Добычина, в ней происходит замена традиционного в беллетристике фабульного построения сюжета монтажом. Худож. единицей текста становится не абзац, а фраза, микрокадр. В такой поэтике важна чистота звучания каждого атома образно-смысловой структуры, это первоэлементы искусства, его монады. Внимание обращается к микромиру, к ценности минуты, индивидуально-неповторимого. Радости и трагедии жизни, происходящие у кончиков пальцев, задевающие ресницы открытых на мир глаз равны космическим катаклизмам. Прозу О. отличает скрупулезная тщательность, филигранность отделки.

Лауреат премии ж. «Изящная словесность» (2007), премии Н. Гоголя в номинации «Нос» (2007).

Соч.: Одна ночь. СПб., 1993; Человекопад. СПб., 1995; Дни с Л. СПб., 1998; Стокрылая стая. СПб., 1998; Рак на блюде. СПб., 2000; Лопающиеся пузырьки. СПб., 2004; Загинайло. СПб., 2006; СС: Одна ночь. СПб., 2008; СС: Человекопад. Нальчик, 2008; Книга о Викторе Соснора // Сев. Аврора. СПб., 2010–13. № 13, 15, 16, 18.

Лит.: Соснора В. Предисл. // Овсянников В. Одна ночь. СПб., 1993; Скоков А. Время искуса // Санкт-Петербургский университет. 1999. № 5; Батурина Т. Лоскутный покров. СПб., 2008; Акулов А. Скважины. СПб., 2008; Алексеев В., Чернышев В. Послесл. // Овсянников В. СС: Одна ночь. СПб., 2008; Попов В. Горящий рукав. М., 2008; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Можайский

ОДО́ЕВЦЕВА Ирина Владимировна (наст. имя Ираида Густавовна Иванова, урожд. Гейнике) [23.11(5.12).1895, Рига — 18.10.1990, Л-д] — поэт, прозаик.

Родилась в семье состоятельного адвоката. Жила в Пг. в только что построенном (1917) доме «Бассейного кооперативного товарищества» (нынешний адрес ул. Некрасова, 58), в пяти минутах ходьбы от посл. квартиры Н. Гумилева на ул. Радищева (Преображенской, 5). Ученица и одна из «пассий» поэта. Это обстоятельство не следует забывать, в многотомной «ахматовиане» то и дело наталкиваясь на весьма нелестные суждения об О. со стороны как самой

Ахматовой, так и всех, «взявших ее сторону» после развода с Гумилевым (1918).

Первоначальный псевд. — Ираида (Рада) О. Член 3-го «Цеха поэтов» и Пг. союза поэтов. Перв. публ. в сб. «Дом искусств» (1921. № 2). Перв. поэтич. сб. **«Двор чудес»** (1922), где выделяются баллады (особенно — **«Баллада о толченом стекле»**, высоко оцененная А. Блоком и вызвавшая толки о том, что написана Гумилевым) и лирич. стихи, «в ахматовском духе» — очень «женские», исполненные как бы наивного кокетства и легкой иронии. Книга удостоилась своеобразной «рецензии» самого Л. Троцкого на стр. «Правды»: «Когда среди столь ныне многочисленных „нейтральных" книжечек и книжонок попадается „Двор чудес" Ирины Одоевцевой, то вы уже почти готовы примириться с неправдой этой модернизированной романтики саламандр, рыцарей, летучих мышей и умершей луны во имя двух-трех пьес, отражающих жестокий советский быт. Тут баллада об извозчике, которого насмерть загнал вместе с его лошадью комиссар Зон, рассказ о солдате, который продавал соль с толченым стеклом, и наконец баллада о том, почему испортился в Петрограде водопровод. Узор комнатный, такой, который должен очень нравиться кузену Жоржу и тете Ане. Но все же есть хоть махонькое отражение жизни, а не просто запоздавший отголосок давно пропетых перепевов, занесенных во все энциклопедические словари. И мы готовы на минуту присоединиться к кузену Жоржу: очень, очень милые стихи. Продолжайте, mademoiselle!» (Цит. по: Минувшее: Ист. альм. Париж, 1989. № 8).

И «mademoiselle» продолжала. В 1921 втор. браком (о первом, неудачном и «нелитературном» она предпочитала не вспоминать) О. выходит замуж за поэта Георгия Иванова. В июле 1922 «маленькая поэтесса с большим бантом» (своеобразный автопортрет в одном из тогдашних стих. О.) принимает латвийское гражданство и «репатриируется» в Ригу. В 1923 оказывается вместе с Г. Ивановым в Париже, едва ли предполагая, что там ей предстоит прожить 65 лет, прежде чем она снова увидит «Северную Венецию».

В 1920-е ее стихи время от времени печ. в эмигрантских изд. Однако г. о. О. пишет и издает в это время прозу. До войны выходят четыре романа О.: **«Наследие»**, **«Ангел смерти»**, **«Изольда»** и **«Зеркало»**. Они имели во Франции немалый успех. Но, как пишет Г. Струве, «персонажи Одоевцевой — по ту сторону добра и зла. Этим она отчасти напоминает Набокова, но при этом ей совершенно чужды сложные композиционные и стилистические задания последнего. Романы ее напоминают сценарии и, может быть, писались с расчетом на кинематограф». Отличается от них посл., написанный уже после войны, роман **«Оставь надежду навсегда»** (1954), действие кот. частично происходит в СССР в кон. 1930-х. Впрочем, эту попытку О. «написать роман „идеологический", в духе кестлеровской „Тьмы в полдень"», по общему мнению, не следует признавать чересчур удачной.

После войны О. снова напоминает о себе как о поэте. Выходят неск. сб. ее стих.: **«Контрапункт»** (1950), **«Десять лет»** (1961) и др., в кот. высокая поэтич. техника (уроки «Цеха поэтов») соединяется порой с неким ирреальным видением мира (**«Стихи, написанные во время болезни»**, 1952). После смерти Г. Иванова выходит замуж за русско-французского писателя Я. Горбова (ум. в 1982).

Наибольшую изв. и успех принесли О. ее воспоминания: **«На берегах Невы»** (1967) и **«На берегах Сены»** (1983), в послеперестроечное время неоднократно переизд. Обе книги, не говоря уже о худож. и ист. ценности, отличаются завидной доброжелательностью мемуаристки. Эти книги О. по праву занимают место рядом с воспоминаниями Н. Мандельштам и Н. Берберовой, волею судеб оказавшихся спутницами двух др. незаурядных русских поэтов XX в.

Событием не только лит. жизни оказалось возвращение О. на родину в 1987. С 1989 член СП СССР.

Соч.: Двор чудес. Пг., 1922; Ангел смерти. Париж, 1927; Зеркало. Париж, 1939; Контрапункт. Париж, 1950; Стихи, написанные во время болезни. Париж, 1952; Оставь надежду навсегда. Н.-Й., 1954; На берегах Невы. Вашингтон, 1967 (М., 1988 и др изд.); Златая цепь. Париж, 1975; Портрет в рифмованной раме. Париж, 1976; На берегах Сены. Париж, 1983; (М., 1989 и др. изд.); Избр. М, 1998; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010. Т. 1.

Лит.: Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. Париж: М., 1996; Арьев А. «В Петербурге мы сойдемся снова...» // Перечитывая заново: Сб. Л., 1989; Радашкевич А. Умерла Ирина Одоевцева // Лит. обозрение. 1990. № 1; Паламарчук П. Москва или Третий Рим? М., 1991; Боброва Э. Ирина Одоевцева — поэт, прозаик, мемуарист: Лит. портрет. М., 1995; Витковский Е. «Мне нравятся неправильности речи...» // Одоевцева И. Избр. М., 1998; Урин В. Костер памяти // Новый ж. 1999. № 214; Колоницкая А. «Все чисто для чистого взора...» / Беседы с И. Одоевцевой. М., 2001; Голлербах С. О встречах кратких и не только // Новый ж. 2001. № 223; Саакянц А. Только ли о М. Цветаевой? М., 2002; Которова А. Вновь на берегах Невы // Новый ж. 2003. № 233.

В. Бобрецов

ОДУЛО́К Тэки (наст. имя Спиридонов Николай Иванович) [22.5.1906, урочище Нелемное Верхне-Колымского улуса — 17.3.1938, Л-д, расстрелян] — очеркист, прозаик.

По национальности юкагир-одул, перв. из писателей-северян, ставший членом СП СССР. Ученик В. Тан-Богораза, участник этнографич. экспедиций на Чукотку и Колыму, перв. кандидат наук из представителей народов Крайнего Севера.

Родился на реке Ясачной, притоке Колымы. Отец — охотник из рода

Челнородие, т. е. «заячьих людей» (охотников на зайцев) Атыляхан Иполун. Был 11-м ребенком в совершенно нищей семье. Во время очередного голода Тэки отвезли в г. Среднеколымск, где он работал сначала у русских, потом у якутских купцов. По некот. сведениям, отец продал младшего сына русскому купцу. На работе чистил хлев, кормил собак, мял коровьи кожи на подошвы и собачьи шкуры на одежду. Никогда не мылся, не менял белья. Хозяева О., русские купцы, отдали мальчика в церковно-приходскую школу, поскольку все дети-одулы были крещены в православие. Священник хотел воспитать из него дьячка для местной церкви, чтобы в дальнейшем привлечь к православию др. представителей его племени.

О революции жители Чукотки узнали только в 1919. О происходившем тогда в его родном краю О. напис. в очерке **«На Крайнем Севере»**. В частности, он рассказал, как мн. из истинных владык края, русских купцов, превратились в ревкомовцев, а немало прежних помещиков стали учителями.

В 1924 поступил в совпартшколу в Якутске. Закончив ее в 1925, поехал на учебу в Л-д и поступил в Лен. ун-т на отд. этнографии. По заданию Комитета Севера при Президиуме ВЦИК в 1927 командирован на Колыму, где стал одним из организаторов Чукотского нац. округа. По окончании ун-та в 1931, по совету Тан-Богораза, поступил в аспирантуру Ин-та народов Севера, где в 1934 защитил дис. по теме **«Торговая эксплуатация юкагиров»**. Член СП СССР с 1934.

Считается основоположником юкагирской лит-ры, создателем перв. реалистич. кн. о жизни и быте охотников-юкагиров — **«Жизнь Имтеургина-старшего»** (1934), переведенной на английский, французский, чешский яз. Кн. написана в тесном содружестве с Лендетиздатом, рук. С. Маршаком. О том, что в Лен. ун-те учился перв. юкагир, ставший ученым-экономистом, Маршаку рассказала одна из сотрудниц ред. К тому времени О. был автором научно-популярной книжки «На Крайнем Севере». Это побудило Маршака обратиться к нему с предложением написать кн. для детей. Перв. опыты оказались неудачными. О. написал кн. стандартными, стертыми, безликими фразами. Тогда ред. предложила О. не писать, а рассказывать — и так, будто говорит он в присутствии своего героя — охотника Имтеургина. Кн. рождалась медленно — так же, как говорил и думал герой О. Благодаря бережному руководству редакции, в частности Л. Чуковской, работавшей с О., в кн. звучит живой, самобытный голос охотника-юкагира. Да и стиль ее ощутимо нерусский. Нельзя сказать, что в этом произведении попросту правдиво изображен охотник-оленевод — он в ней живет, вместе со своими оленями, шатрами-чумами, вечным, нескончаемым голодом. Чуковская позже писала о том, насколько ярко в кн. отображена жизнь первобытного народа, о кот. рассказывал ей Тэки: «Вот режут мясо: одним ударом отрезают стружку, подняв кусок чуть не к самому носу. Вот охотник убил оленя, лег на снег и, припав к ране ртом, пьет горячую кровь; он пьян от мороза, от крови; вот голодные женщины, ожидая мужей, ищут личинки под корой деревьев. Вот охотник кормит идола: вынул из-за пазухи сучок и мажет его жиром...». Из неск. страниц ее, написано Чуковской там же, «можно больше узнать о религиозных представлениях чукчей, об их быте, об их поверьях, о климате тундры, чем из иного специального очерка».

Кн. была задумана в двух частях. В перв., кот. увидела свет, нищий Имтеургин, обворованный купцом, вынужден пойти в батраки к негодяю Эрмечину, подло убившему его старшего сына. Втор. часть, оставшаяся ненаписанной, должна была повествовать о судьбе младшего сына Имтеургина, схожей с судьбой автора. «Жизнь Имтеургина-старшего» получила исключительно высокую оценку специалистов. По воспоминаниям Л. Сейфуллиной, М. Горький как-то сказал: «Я всю ночь не спал, зачитался. Хорошая книга „Жизнь Имтеургина-старшего". Очень интересная».

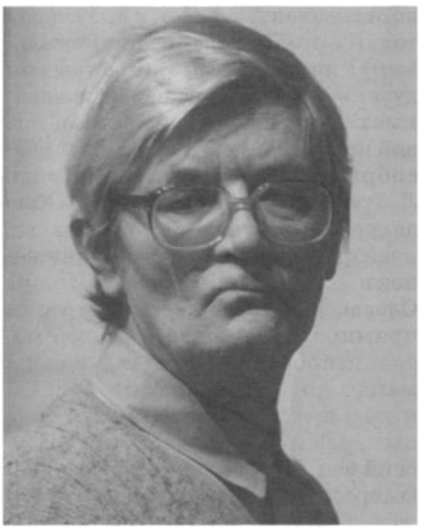
О. погиб в годы репрессий, будучи обвинен в шпионаже и терроризме.

Соч.: На Крайнем Севере. Л., 1933; Якутск, 1959; Жизнь Имтеургина-старшего. Л., 1934; Л., 1935 (Л., 1936); Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере. Якутск, 1976.

Лит.: Чуковская Л. Маршак-редактор // Чуковская Л. В лаборатории редактора. Л., 1963.

Е. Щеглова

ОЖИГА́НОВ Александр Федорович [2.10.1944, Одесса] — поэт.



Вскоре после рождения сына родители развелись, и мать — Валентина Петровна Уварова — вернулась с ребёнком в Молдавию. Рос в детдомах, где работала его мать, в различных посёлках Молдавии, затем на родине матери в Бендерах, где окончил школу. Учился на филологич. фак-те Кишиневского ун-та, затем на философском фак-те ЛГУ.

В кон. 1950-х — нач. 60-х посещал лит. кружок Р. Ольшевского при ред. кишиневской газ. «Молодёжь Молдавии». Работал кочегаром.

В 1967–78 жил в основном в Л-де, работал оператором в газовой котельной, принимал актив. участие в неофиц. лит. жизни. Выпустил самиздатские сб. стихов **«Стрекоза»** (1974) и **«Трещотка»** (1977). Стихи публ. в сб. «Живое зеркало» (1972, 1974) и «Лепта» (1975), ж. «Часы», «37», в антол. «Острова» (1982) и др., в т. ч. за границей.

В 1978–97 жил в Самаре (Куйбышев), публ. в вестнике совр. искусства «Цирк Олимп». С 1997 живет в М.

Перв. офиц. публ. — в 1992 в ж. «Волга».

Издал сб. стихов — «**Трещотка: Избр. стих.**» (2002), «**Ящеро-речь: Поэмы**» (2005). Ему принадлежат неск. критико-аналит. ст. о поэзии.

В. Кривулин в 1970-х писал: «Поэзия его рассчитана на читателя, который способен свободно ориентироваться в сложных ассоциативных ходах, улавливать прихотливые и изысканные литературные аллюзии. Судьба мировой культуры — главная тема стихов Ожиганова, и тема эта решается не на абстрактном материале, а исходя из нашего советского опыта — опыта культурной и духовной бездонности, изначальной заброшенности мыслящего человека в мир, построенный по законам лагерной зоны, и в язык, порожденный параноическим приблатненным сознанием. Странная поэтика стихов Ожиганова — несколько сюрреалистичная, глуховато-взрывчатая, обостренно-совестливая — коренится глубоко и в заветах русского Серебряного века и в традициях европейского неоромантизма».

Соч.: Стихи // Часы. 1976. № 3, 1977. № 7, 1978. № 16; Стихи // Голос. 1978. № 9; Стихи // 37. 1978. № 14; Стихи // Эхо. 1980. № 2; Стихи // Острова: Антология лен. неофиц. поэзии / Сост. А. Антипов, Ю. Колкер, С. Нестерова, Э. Шнейдерман. Л., 1982; У Голубой лагуны: Антология / Сост. К. Кузьминский. Ньютонвилль, 1980–86. Т. 3Б; Стихи // Волга. 1992. № 9/10, 1993. № 1, 6; Стихи // Самиздат века / Сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, В. Бахтин, Н. Ордынский. М.; Минск, 1997; Стихи // Строфы века: Антология русской поэзии / Сост. Е. Евтушенко. М., 1997; Трещотка: Избр. стихи 1960–70-х гг. М.; Тверь, 2002; Ящеро-речь: Поэмы. М.; Тверь, 2005.

Лит.: Stefanovic B., Werstman V. Free Voices in Russin Literature. 1950s — 80s. A Bio-Bibliographical Guide. New York, 1987; Кривулин В. Вст. ст. // Волга. 1992. № 9/10; Самиздат Л-да. 1950-е — 80-е. Лит. энц. М., 2003.

ÓКУНЬ Михаил Евсеевич [18.4.1951, Л-д] — поэт, прозаик, журналист, переводчик.

Родился в семье инженеров. В 1968 окончил среднюю школу и поступил на веч. отд. ЛИТМО. По окончании перв. курса призван в армию. После демобилизации перевелся в ЛЭТИ на радиотехнич. фак-т (окончил в 1976 по специальности «радиотехника»).

С 1976 по 1990 работал в НИИ и КБ на различных инженерных должностях. Имеет науч. ст. и изобретения. В 1990–91 работал лит. консультантом в ЛО СП СССР. С 1991 по 2002 — ред. в еженедельниках «Невские ведомости», «Невский глашатай», в изд-ве «Тритон», корр. ж. «Экономика и управление». Одновременно как ред. и сост. сотрудничал с изд-вами «Азбука» и «Продолжение жизни».

Перв. публ. — очерк «**Первый день**» в газ. «Смена» от 19.10.1967. Стихи выходили в альм. и колл. сб. «Молодой Л-д» (1983, 1984, 1989), «Молодые поэты Л-да» (1984), «Невские просторы» (1986), «Поэзия» (1987), «Истоки» (1989), «День поэзии» (1989), «Молодая гвардия — 88» (1989), в ж. «Смена», «Аврора», газ. «Веч. Л-д», «Моск. комсомолец», «Смена» и др.

Принимал участие в 17-й (1983) и 18-й (1987) конференциях мол. литераторов Северо-Запада. По рекомендации конф. в 1988 «Лениздат» выпустил перв. сб. стихов О. — «**Обращение к дереву**».

В кон. 1980-х — нач. 90-х вел ЛИТО «Арсенальная набережная» при з-де «Арсенал» и в Юсуповском дворце, входил в состав молодёжной редколл. при ЛО изд-ва «Сов. писатель» по подготовке поэтич. изданий молодых авторов.

В 1990 изд-во «Молодая гвардия» выпускает вт. кн. О. «**Негромкое тепло**» (в конволюте с кн. четырех др. авторов). В предисл. к кн. Н. Полякова пишет: «Стихи пронизаны тонким нервом. И этот нерв, туго натянутый, звучит, как струна при малейшем прикосновении».

Переводы О. с англ. яз. молодых американских поэтов, делегация кот. посетила Л-д в 1990, выходят в сб. «Манхэттен на Неве» (1990), переводы болгарских поэтов — в ж. «Нева» (1990).

В 1991 вступил в СП СССР, а в 1992 — в СП СПб. В 1992 избран в бюро секции поэзии, был ее секретарём.

В 1990-е печ. стихи и прозу в альм., сб. и ж. «Сельская молодежь», «Васильевский о-в» (1991), «Ключ» (1995), «URBI» (1995–97, 2000, 2002), «Петрополь» (1992, 2000), «Питербook плюс» и др. С 1992 становится пост. автором ж. «Звезда», с 1999 — ж. «Урал». Стихи О. в пер. на английский (пер. Дж. Кейтс) выходят в международном ж. поэзии «The Plum Review» (Вашингтон, Филадельфия, Лондон, Брюссель; 1992. № 4; 1994. № 7).

В 1993 выходят кн. стихов «**Интернат**» и сб. рассказов «**Татуировка. Ананас**» (два сб. коротких рассказов, соединенных под одной обложкой). В предисл. к сб. «Интернат» А. Пикач пишет: «Стихи О. не любят резкий режущий свет. Резкий звук. Он хочет вслушиваться в гармонию мира и души, не всегда их обнаруживает, но оболочка его стиха похожа на матовый свет, печаль прячется в самоё себя, в глубину текста...».

В 1998 выходит сб. стихов «**Ночной ларёк**». Рецензенты сходятся во мнении, что он становится этапным для поэта. П. Крусанов пишет: «Михаил О. — поэт мягкий и созерцательный, счастливо лишенный назойливой декларативности и докучного гражданского пафоса — в новой книге, словно персонаж Пу Сунлина из его "Лисьих чар", внезапно обернулся к читателю своей безжалостной, брутальной, "звериной" стороной. В его стихах появилась боль и страсть, достойная этого слова, — действительность ранит, и ранит жестоко, поэт перестал скрывать эту пропись и бросил действительности своего рода вызов: по-прежнему ничуть не обличая, он сознался, что знает всё или почти всё об уготованных капканах и волчьих ямах» (Питербook плюс. 1998. № 10). Ему вторит критик А. Алов: «Игра на "снижение" вполн-

не удается поэту, ибо наследуется здесь эстетика блоковского прожигания жизни ("Я пригвожден / К трактирной стойке...") — из петербуржцев Михаил О. делает это как никто лучше» (Питербook плюс. 1999. № 2). Сб. номинировался на премию «Сев. Пальмира» (1999) и в том же году вошел в short-list премии «Честь и свобода» СПб. Русского ПЕН-клуба.

Журналистские мат-лы О. на темы истории и культуры печ. в газ. «Час пик», «Невское время», «Лит. Россия», «Невские ведомости», «Невский глашатай», «Петерб. литератор» и др., в ж. «Искусство Л-да», «Экономика и управление», «Калейдоскоп». Некот. статьи пер. на английский и опубл. в российских англоязычных изд. Член Союза журналистов СПб. с 1995, Международного союза журналистов (IFJ) — с 2000.

В 2002 выпустил сб. стихов **«Слова на ветер»**. Е. Сатаева пишет: «"Душевность" вышла из моды, интерес к человеческой личности возбуждается лишь ее "конкретными" достижениями, и по этому поводу Михаил О. никаких иллюзий не питает: "Не спрашивай, как встарь: "Ты кто?" / Никто. Не числи человеком". Более того, он разрушает и последнюю иллюзию: "Да что объяснишь / На языке человечьем?!". После таких признаний название сборника уже начинает казаться оптимистичным. Ветер, он все-таки может и донести слова до чьего-то слуха...» (Питербook плюс. 2002. № 10).

В сб. **«Одна в постели: Петербургская эротич. проза»** (2001) входит 16 рассказов. В. Попов пишет в аннотации: «Увиденное Михаилом Окунем поражает своей точностью, пронзительностью. Галерея женских портретов бьет по мозгам. Те ужасы и запретные радости жизни, о кот. многие лишь слышали, проходят перед нами в этой книге. И портрет самого героя нарисован с небывалой для нашей литературы откровенностью: городской сорокалетний плейбой, ищущий приключений, а находящий трогательные картины настоящей жизни...». Критик П. Кириллов (К. Кобрин) называет О. «питерским Генри Миллером» (Питербook плюс. 2000. № 3).

Переехав в 2002 на жительство в Германию, О. продолжает активно печ. не только в российских, но и в русскоязычных зарубежных изд. Стихи, проза, мемуарные мат-лы выходят в ж. «Звезда», «Нева», «Волга», «Урал», «Крещатик», «АКТ — лит. самиздат», «Зинзивер», «Интерпоэзия» (США), «Literarus» (Финляндия), «7 + 7Я» (Берлин), «Партнер» (Дортмунд), «EDITA» (Гельзенкирхен), альм. «ВЕК — XXI», «Белый ворон», сб. «Совр. эротич. проза» (2004), «Эра Эроса» (2009), «Честь и радость» (2010), «Котэрра» (2011), антологиях «Петербургская поэтич. формация» (2008), «Тени Европы» (2009), «Земляки» (2009), «Антологии одного стихотворения» (Кн. 1, 2011; Кн. 2, 2012), «Собрание сочинений» (Т. 3, 2012) и др.

Представляя О. зарубежному читателю, О. Бешенковская пишет: «Я бы даже сказала, что он — антиромантик. Во всех своих пяти вышедших книжках. И при этом — поэт. Серьёзный поэт, честный, горький, своеобразный» (BW Новости. 2004. № 11).

В 2003 О. принимает участие в конкурсе ж. «ELLE» на лучший рассказ в честь 300-летия СПб. и становится одним из победителей. Рассказ **«Ураган Фомич»** входит в итоговый сб. «Мой Петербург» (2003).

Критик Евг. ИZ так отзывается о поэзии О.: «Это трезвая и спокойная поэзия, без малейшего пафоса, без пророческих поз и бреда богопознания (кажется, в психиатрии имеется такой диагноз). Михаил О. не нуждается во "всеевропейской известности", он не кричит о крайностях и не приделывает своему пегасу маргинальные рога. Этот поэт говорит о том, как ничего по сути не происходит, о том, что он не умер и что он один (не одинок, а один). Нет здесь никакой "молодости", кот. что-то там "бросала" кому-то "на кронштадтский лед". Здесь есть "Ведь невозможно жить без сердца, / А вот поди же ты — живу". Это и семантический, и чисто поэтический парадокс, когда вот так» (Лит.-филос. ж. «Топос». 30.6.2004.)

В 2007 в русско-немецком изд-ве «Edita Gelsen» (Гельзенкирхен) выходит сб. стихов О. **«Чужеродное тело»**. А. Кузнецова в отзыве о сб. пишет: «Михаил О. — поэт, остро переживающий бесследность — поэзии, жизни, отдельного человека, поэтического поколения: "Ведь не может птичья стая, / Воздух крыльями кромсая, / В небе свой оставить след"» (Знамя. 2007. № 6). Сб. входит в short-list Бунинской премии (2007). В том же году О. составляет для изда 7-й выпуск альм. «ВЕК — XXI», куда входят произведения 33 авторов из разных стран.

В 2008 выходит кн. рассказов и повестей О. **«Ураган Фомич»**. «Проза жесткая, пристальная, без особых приемов достигающая эффекта пронзительности» — отзывается на выход кн. А. Кузнецова (Знамя. 2008. № 10). Критик О. Рогов пишет: «Проза Михаила О. продолжает традиции питерских малых форм... Погруженность в быт, ироническая дистанция, такие понятные и в то же время абсурдные на поверку, поступки персонажей — все это формировало для читателя чуть подправленный по отношению к заоконной реальности некий привычный и родной универсум, в кот., несмотря на его дискомфортность, все же можно было жить, отгородившись от назойливого и бездарного официоза» (Волга. 2008. № 3/416). Книга номинируется на Русскую премию (2008), лит. премию «НОС» (2009), входит в long-list Бунинской премии (2008), удостаивается золотой медали 2-го Международного конкурса совр. лит-ры «Лучшая книга — 2010» (Берлин, 2011) в номинации «Малая проза».

В long-list Бунинской премии 2009 и 2010 вошли очерк **«Под стеклянным потолком»** (EDITA. 2009. № 1) и подборка ст. **«Финский залив»** (Literarus. 2009. № 4).

В 2011 выходит сб. стихов **«Средь химер»**. Рецензиями на сб. отзываются ж. «Знамя», «Зинзивер», «Дети РА», «Крещатик», «Literarus», «Лит. учеба». Э. Сокольский пишет: «Написанные в строгих классических традициях (автор не позволяет себе шатания размера, ритмического сбоя, приблизительных рифм), стихи эти неизменно живые; и даже строки, простые до тривиальности, подчиняются общему эмоциональному состоянию поэта, позволяющего себе намеренную опрощенность высказывания, тем самым предельно разрушая дистанцию "автор — лирический герой". У О. нет случайных — или, если сказать по-другому, "лишних" стихотворений"...» (Дети РА. 2012. № 1/87).

О. принимал участие во Второй Довлатовской Международной конф. (СПб., 1–3 сент. 2011). Его д-д вошел в итоговый сб. конф. «Сергей Довлатов: лицо, словесность, эпоха» (2012).

Оригинальные стихи О. на немецком яз. включаются в антологии совр. нем. поэзии.

Лауреат премии ж. «Урал» (2006) в номинации «Поэзия», дипломант 5-го Международного лит. волошинского конкурса (2007).

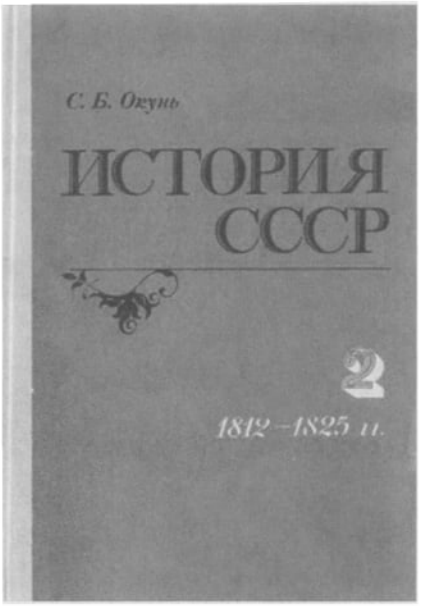
Соч.: Обращение к дереву: Стихи. Л., 1988; Негромкое тепло: Стихи / Предисл. Н. Поляковой. М., 1990; Татуировка. Ананас: Сб. рассказов. СПб., 1993; Интернат: Стихи / Предисл. А. Пикача. СПб., 1993; Ночной ларек: Стихи. СПб., 1998; Английский выучим играя: Стихи для детей на рус. и англ. яз., в соавт. СПб., 1999; Слова на ветер: Стихи. СПб., 2002; Чужеродное тело: Стихи. Гельзенкирхен, 2007; Ураган Фомич: Рассказы и повести / Предисл. В. Попова. Гельзенкирхен, 2008; Средь химер: Стихи. Гельзенкирхен, 2011; Стихи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012.

Лит.: Крусанов П. «Ночной ларек» в лит. салоне // Питерbook плюс. 1998. № 10; Алов А. Горечь реальности // Питерbook плюс. 1999. № 2; Звягин Е. Играем всерьез // Питерbook плюс. 1999. № 7; Сатаева Е. Слова на ветер // Питерbook плюс. 2002. № 10; Чупринин С. Новая Россия: мир лит-ры. М., 2003; Кузнецова А. Ни дня без книги // Знамя. 2007. № 6; 2008. № 10; 2011. № 5; Рогов О. Сны с открытыми глазами // Волга. 2008. № 3 (416); Чупринин С. Зарубежье: русская лит-ра сегодня. М., 2008; Леонтьев А. Мучительная музыка // Literarus. 2011. № 3; Шпаков В. Выйти из пике // Крещатик. 2011. № 54; Кутенков Б. Средь химер // Лит. учеба. 2011. № 5; Слепухин С. Михаил Окунь. «Средь химер» // Зинзивер. 2011. № 10 (30); Сокольский Э. Михаил Окунь. «Средь химер» // Дети РА. 2012. № 1 (87).

В. Шпаков

О́КУНЬ Семён Бенцианович [25.7.1908, Клинцы — 23.2.1972, Л-д, похоронен на Комаровском кладб.] — историк, исследователь лит-ры.

Сын зубного врача. В 1927 поступил на ист. отд. фак-та языка и материальной культуры ЛГУ. Перв. науч. работа, выполненная под рук. А. К. Дрезена, посвящ. истории рев. движения во флоте.



После окончания ЛГУ (1931) работал в ЛО Центр. ист. архива, опубл. ряд статей по истории рев. движения в России. В дальнейшем осн. областью его интересов стала история России XVIII–XIX вв.: внутр. политика, движение декабристов, история освоения Тихоокеанского региона.

В 1933 поступил в аспирантуру Ин-та народов Севера, с 1936 канд. ист. наук. С 1937 преподавал на истфаке ЛГУ (с 1940 — проф.). В 1940 защитил докт. дис. **«Российско-Американская компания»** (выпущ. отд. кн. — М.; Л., 1939).

В годы Великой Отеч. войны служил в ВМФ лектором политотдела штаба морской обороны Л-да, в 1942–44 был проф. Военно-полит. академии им. В. Ленина.

После войны возвратился к преподавательской работе на истфаке, где проработал до конца жизни. Читал общий курс истории СССР (кон. XVIII — перв. пол. XIX вв.). Курс лекций напеч. в 1948, переизд. после смерти автора. На основе лекций изд. два тома **«Очерков истории СССР»**. Яркие лекции О. привлекали не только студентов, но и др. слушателей.

Одним из авторов **«Истории Ленинградского ун-та»**, вышедшей к 150-летию вуза. В посл. годы работал над монографией, посвящ. полит. истории России в период правления Павла I.

Писал работы по проблемам историзма в лит. тв-ве — **«Историзм Ю. Н. Тынянова»** (1966), **«Историзм О. Д. Форш»** (1968).

Под руководством О. подготовлено более 50 канд. дис.

В 1995–97 в СПб. прошли три науч. конф. «Мартовские чтения памяти С. Б. Окуня в Михайловском замке».

Соч.: Восстание на крейсере «Память Азова» в 1906 г. // Красная летопись. 1930. № 6 (39); Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935; К истории продажи русских колоний в Америке // Ист. записки. 1938. Т. 2; Очерки истории СССР: Конец XVIII — перв. четв. XIX в. Л., 1956; Очерки истории СССР: Втор. четв. XIX в. Л., 1957; Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962; Историзм Ю. Н. Тынянова // Вопросы истории. 1966. № 8; Движение декабристов в сов. ист. лит-ре // Сов. историография классовой борьбы и рев. движения в России. Л., 1967; Существует ли «Тайна Фёдора Кузьмича»? // Вопросы истории. 1967. № 1; Историзм О. Д. Форш // Вопросы истории. 1968. № 3; Основание СПб. ун-та и начальный период его деятельности (1819–55) // История Лен. ун-та, 1819–1969. Л., 1969; Декабристы. М., 1972; История СССР: Лекции. Л., 1974–1978; Борьба за власть после дворцового переворота 1801 г. // Вопросы истории России XIX — нач. XX в. Л., 1983.

Лит.: Мавродин В., Сладкевич Н. Семен Бенцианович Окунь // Проблемы обществ. мысли и экономич. политика России XIX–XX вв. Л., 1972; Марголис Ю. Окунь Семен Бенцианович: Жизнь историка, рассказанная его книгами, документами и свидетельствами современников. СПб., 1993 (в т. ч. список трудов).

ОЛА́ВСКАЯ (дев. фамилия Новицкая) Лидия Иосифовна [5.4.1889, Орел — 16.5.1975, Л-д, похоронена на Южном кладб.] — библиотековед, библиограф, переводчик.

Отец, Иосиф Иосифович Новицкий, инженер-технолог, товарищ министра финансов, зав. Управлением неокладных сборов. Мать, Любовь Яковлевна Новицкая (в девичестве Киркор), домохозяйка.

Училась в гимназии княгини А. Оболенской, одной из лучших в стране, готовивших девочек к поступлению в высшие учебные заведения. В 1906 окончила гимназию с золотой медалью и поступила на кафедру истории средних веков историко-филологич. отд. Высших женских бестужевских курсов. Ее учите-

лями стали выдающиеся ученые И. М. Гревс и О. А. Добиаш-Рождественская. После окончания оставлена на Курсах для подготовки к преподавательской деятельности (что приравнивалось к нынешней аспирантуре).

В 1912–17 преподавала историю в одной из гимназий и в реальном училище. В 1917 поступила на службу в ГПБ, занимаясь г. о. организацией справочно-библиографич. службы. Являлась одним из самых знающих сотрудников биб-ки. Заслугой О. является предоставление читателям свободного доступа к справочным библиографич. пособиям и издание перв. сводных каталогов иностранной книги и периодики (1924–28).

В 1935 в административном порядке без предъявления обвинений О. была выслана в г. Чкалов. Перед самой войной получила разрешение вернуться в Л-д, но в связи с начавшейся блокадой вынуждена была остаться в Чкалове. Работала в школах города на разных должностях. Незадолго до окончания войны руководство ГПБ вызвало О. в Мелекес, где хранились наиболее ценные фонды биб-ки. Осенью 1945 занималась реэвакуацией фондов, вернулась вместе с ними в Л-д и возглавила группу и сектор иностранного комплектования. В 1950 в связи с волной арестов, прокатившихся по ГПБ, была уволена по надуманной причине и с трудом устроилась в Фундаментальную биб-ку Мед. педиатрич. ин-та в Л-де (1951–70).

Еще в 1920-х начала заниматься переводом, что давало не только дополнительный заработок, но и возможность реализовать себя, почувствовать востребованность. О. была знатоком иностранных языков и лит-р. Переводила мало, но с уверенностью можно назвать переложенный ею на русский яз. роман А. Дюма «Граф Монте-Кристо», известный всем, но выходившей без имени переводчика. Согласно каталогу РНБ (б. ГПБ) из почти ста имеющихся в биб-ке изданий, вышедших с 1931 до 2000, лишь в 15 указана фамилия О., хотя все переводы идентичны. Лишь дважды — в 1946 и 1955 — роман вышел в переводе Н. Галь и В. Топер, в остальных случаях мы читаем «Графа Монте-Кристо» именно в переводе О. Дело объясняется тем, что после высылки в 1935 имя переводчицы оказалось в цензурных списках. Но запретить публиковать роман Дюма даже в то время было невозможно. Тогда-то и появились спасительные для власти обезличенные сокращения «пер. с фр.». В кон. 1950-х — нач. 1960-х переводчик, историк и теоретик перевода Е. Эткинд пытался помочь О. восстановить ее имя на обложке романа. Однако оказалось, что дело требует обращения в суд, а у О. уже не хватало для этого сил. До сих пор «Граф Монте-Кристо» нередко выходит без указания фамилии переводчика. В ряде изд. рядом с фамилией О. стоит фамилия первого переводчика романа на русский яз. В. Строева (1845). Этот вариант предложила сама О. и сделала это прежде всего из этич. соображений, поскольку она действительно использовала пусть и несовершенный, грешащий нелепостями и ошибками, перевод своего предшественника.

Архив: РНБ, личное дело Л. И. Олавской; Архив Мед. педиатрич. ин-та, личное дело Л. И. Олавской.

Перев.: Дюма А. Граф Монте-Кристо. Л., 1931.

Лит.: Грин Ц. Олавская Лидия Иосифовна // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: Биогр. словарь. Т. 1. СПб., 1995; Анциферов Н. Из дум о былом. М., 1992; Российская биб-ка в годы войны, 1941–45. СПб., 2009; Вербловская М. Судьба четырех «бестужевок» // http://www.nlr.ru/nlr_history/liter/publ_hist/verblovskaja.pdf

П. Вахтина

ОЛЕ́ЙНИКОВ Николай Макарович [23.7(5.8).1898, ст. Каменская обл. Войска Донского (ныне — Ростовская обл.) — расстр. 24.11.1937, Л-д] — поэт, прозаик.

«Он был сыном богатого казака, державшего в станице кабак, и ненавидел своего отца... Все его взгляды, вкусы, пристрастия выросли в нем из ненависти к окружавшему его в детстве быту,— свидетельствует Н. Чуковский. — Родня его сочувствовала белым, а он стал яростным большевиком, вступил сначала в комсомол, потом в партию. Одностаничники избили его за это шомполами на площади,— однажды он снял рубаху и показал мне свою красную спину, покрытую жутким переплетением заживших рубцов» (Цит. по: Мы знали Евгения Шварца).

Окончив 4-классное Донецкое окружное училище и продолжив образование в Каменской учительской семинарии, О. стал красногвардейцем, дважды подвергся аресту белоказаками. Бежал. В нач. 1920 был включен в состав редколл. газ. «Красный казак». В 1921 поступил в пед. техникум Ростова, но вскоре переехал в г. Бахмут (ныне — Артемовск) и организовал там издание лит.-худож. ж. «Забой». На его страницах стали печ. Б. Горбатов, Е. Шварц и др. ставшие изв. литераторы. В 1925 О. был направлен на работу в газ. «Лен. правда». Н. Чуковский рассказывал: «Он показал мне официальную справку, с которой приехал в Пг. Справка эта, выданная его родным сельсоветом, гласила: „Сим удостоверяется, что гр. Олейников Николай Макарович действительно красивый". Дана для поступления в Академию художеств. Печать и подпись. Олейников вытребовал эту справку в сельсовете, уверив председателя, что в Академию художеств принимают только красивых» (Там же).

Страсть к розыгрышам, мистификациям помогла найти О. должное место в лит-ре. Он стал сотрудничать в ж. «Новый Робинзон». Его редакция вскоре была преобразована в Детский отдел Госиздата, где наряду с С. Маршаком О. занял одно из ве-

дущих мест. В это время он проявил себя как писатель, создавший новый жанр — публицистика для детей, где в увлекательной форме молодым читателям раскрывался широкий круг науч. и обществ.-ист. проблем. На страницах ж. «Еж» и «Чиж» воображением О. был создан яркий образ путешественника и изобретателя Макара Свирепого, от лица кот. писатель стал рассказывать о географии, физике, биологии (в детстве О. мечтал стать естествоиспытателем, увлекался математикой), о важнейших событиях истории. На основе публикаций в созданных им ж. в 1920–30-х О. выпустил неск. десятков книг для детей: озорное повествование **«Хитрые мастеровые»** (1929), головоломные **«Живые загадки»** (1928), иронич. портреты современников — **«Блошиный учитель»** (1930) **«Учитель географии»** (1932), доверительные рассказы о Гражданской войне — **«Боевые дни»** (1927), **«Танки и санки»** (1929) и мн. др. Совм. с Евг. Шварцем О. создал ряд киносценариев, по кот. были поставлены популярные тогда фильмы: **«Разбудите Леночку»** (1934), **«Леночка и виноград»** (1935), **«На отдыхе»** (1936), где играли Я. Жеймо, Б. Чирков, Н. Черкасов.

Если О.-прозаик стал изв. широкому читателю при жизни, то иная судьба сложилась у О.-поэта. Стихи он писал с детства, но напечатанными увидел лишь 3 стих.: **«Хвала изобретателям»**, **«Служение науке»**, **«Муха»** (30 дней. 1934. № 10). Одна из причин состояла в том, что стихи О. принципиально не предназначались для печ. Имевшие большой успех в кругу друзей и сотрудников руководимых им ж., на перв. взгляд они производили впечатление остроумных, но легковесных экспромтов «на случай» — на бытовые, даже альковные темы: **«Шурочке (на приобретение новых туфель)»**, **«Машинистке на приобретение пелеринки»**, **«На день рождения Груни»** и т. д. При более внимательном прочтении в таких стихах просматривалась явная антимещанская тема: прибегая к речевым штампам обывателя, О., несомненно, обличал его внутр. пустоту и пошлость (**«Классификация жен»**, **«Начальнику отдела»**). Отсюда каламбур Маршака: «Берегись Николая Олейникова, / Чей девиз никогда не жалей никого» (Чукоккала. М., 1979). И только в общем контексте стихового тв-ва О. раскрывается его подлинный смысл, в т. ч. и историко-литературный. Еще в 1933 Л. Гинзбург занесла в свой дневник: «Олейников продолжает традицию, в силу кот. юмористы подвержены мрачности или меланхолии (Свифт, Гоголь, Салтыков, Зощенко)». Что же касается поэтики, то в основе поэзии О. лежит пародия. Но не на конкретный адресат, а на т. н. «здравый смысл» во всех его проявлениях. Отсюда «маска пошлака, галантерейного человека». «Признаки этой системы: умышленный примитивизм, одноплановый синтаксис при многопланной семантике, гротескные несовпадения между лексической и стилистической окраской слова и его логическим содержанием» (Л. Гинзбург). О. провозгласили продолжателем традиций Козьмы Пруткова (он называл себя его внуком), И. Мятлева, поэтов «Искры» и «Сатирикона». Наиболее же близкий ему автор — капитан Лебядкин из романа Достоевского «Бесы», чьи стихи неожиданно обрели популярность в лит. среде 1920-х. «Ахматова говорит,— вспоминала Гинзбург,— что Олейников пишет, как капитан Лебядкин, который, впрочем, писал превосходные стихи». Неслучайно по мотивам его экспромта **«Жил на свете таракан...»** О. напис. один из своих шедевров стих. **«Таракан»**. С образом Лебядкина ассоциируется и стих. **«Перемена фамилии»**. Возникает как бы двойная пародия. Бытовое послание **«Генриху Левину по поводу влюбления его в Шурочку Любарскую»** завершается фрагментом **«Блоха мадам Петрова»**, где зачин «Страшно жить на этом свете...» переводит шутливость в серьезный и даже философский план, поскольку стихи оказываются пародией на стих. Н. Заболоцкого «Меркнут знаки Зодиака», посвящ. трагедии разума.

В литературоведении О. пост. относят к обэриутам: хотя в их объединение он не входил (мешала партийность), по духу тв-ва он был им близок. Несомненно его постоянное участие в кружке «чинарей», где поднимались серьезные философские проблемы. Понятно: О. изучал иностр. книги по высшей математике, готовил к печати свое исследование по теории чисел (см. начало обращения к О. Д. Хармса в 1935: «Кондуктор чисел, дружбы злой насмешник...»). Это нашло худож. воплощение в философской поэме **«Пучина страстей»** (1937), уже лишенной пародийной амбивалентности: «Как букварь читает школьник, / Так читаю я в лесу. / Вижу в листьях — треугольник, / Колесо ищу в глазу. / Вижу, вижу, как в идеи / Вещи все превращены...» О. доводит здесь обэриутский принцип, где слово равно предмету, до ясной классической наглядности: «То не ягоды, не клюквы / Предо мною встали в ряд — / Это символы и буквы / В виде желудей висят. / На кустах сидят сомненья / В виде галок и ворон, / В деревах — столпотворенье / Чисел, символов, имен». И вывод делает такой: «Перед бабочкой пучина / Неразгаданных страстей... / Геометрия — причина / Прорастания стеблей». Не бытие определяет сознание, а наоборот.

После ареста 3 июля 1937 О., еретика в клане большевиков, ждало одно — расстрел.

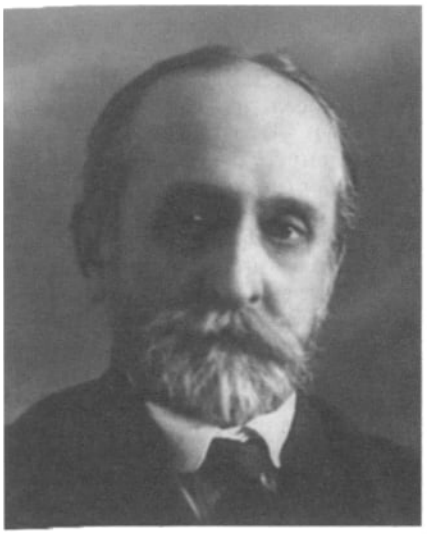
Соч.: Стихотворения. Bremen, 1975; Иронич. стихи. Н.-Й., 1982; Перемена фамилии. М., 1988; Пучина страстей: Стих. и поэмы. Л., 1991; Стихи // Ванна Архимеда: сб. Л., 1991; Стихи // Поэты группы «ОБЭРИУ». СПб., 1994 (БП. БС).

Лит.: Бахтерев И., Разумовский А. О Николае Олейникове // День поэзии. Л., 1964; Мы знали Евг. Шварца: Сб. Л.; М., 1966; Рахтанов И. «Еж» и «Чиж» // Рахтанов И. Рассказы по памяти. М., 1969; Герасимова А. ОБЭРИУ: Проблема смешного // Вопросы лит-ры. 1988. № 4; Гинзбург Л. Николай Олейников // Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л., 1989; Лунин Е. Дело Николая Олейникова // Аврора. 1991. № 7.

Г. Филиппов

ОЛЬДЕНБУ́РГ Сергей Фёдорович [14(26).9.1863, с. Бянкино, ныне Нерчинского р-на Читинской обл. — 28.2.1934, Л-д; похоронен на Литераторских мостках Волкова кладб.] — востоковед.

Происходил из старинного мекленбургского дворянского рода, представители кот. переселились в Россию при Петре I. Дед — Фёдор Фёдорович О., генерал от инфантерии. Отец — Фёдор Фёдорович О., полков-



ник лейб-гвардии Моск. полка, с 1856 служил в Забайкальском казачьем войске, командовал полком. В 1867 вышел в отставку в чине генерал-майора, уехал с семьёй за границу, был вольнослушателем Гейдельбергского ун-та. Поклонник идей Ж. Ж. Руссо. Умер в 1877. Мать — Надежда Фёдоровна, урожд. Берг, дочь офицера, выпускница, а затем преподавательница французского яз. Смольного ин-та. Брат — Фёдор Фёдорович (1862—1914) — педагог и общ. деятель. Детство провёл в Германии, Швейцарии, Франции, Польше. По воспоминаниям акад. Ф. Щербатского, «происходя из семьи высококультурной и очень зажиточной, С. Ф., тем не менее, с ранних лет был приучен к тяжёлому труду и скромной жизненной обстановке. Все свободные средства родителей были обращены на обучение детей, на дарование им наилучшего по тому времени образования».

Окончил первую Варшавскую гимназию с золотой медалью (1881), санскритско-персидский разряд факта восточных яз. СПб. ун-та (1885) — тема канд. работы **«Очерк фонетики и морфологии пракритского наречия Magadhi»**. Был оставлен при ун-те для приготовления к профессорскому званию. Магистр санскритской словесности (1895) — тема магистр. дис.: **«Буддийские легенды. Часть I. Bhadrakalpavadana Jatakamala»**; работа посвящ. санскритским джатакам — рассказам о перерождениях Будды, представляющим собой огромный свод сказочного фольклора.

Член возникшего в сер. 1880-х кружка («Братства»), объединившего молодых интеллектуалов, получавших образование в СПб. ун-те, среди кот. были В. Вернадский, Д. Шаховской, А. Корнилов, И. Гревс. В 1887–89 работал в библиотеках Парижа, Лондона и Кембриджа, г. о. над буддийскими рукописями.

С 1889 — приват-доцент фак-та восточных языков СПб. ун-та, преподал санскрит и на историко-филологич. фак-те. С 1 янв. 1897 — проф. В 1899 покинул ун-т в знак солидарности с уволенными оппозиционно настроенными преподавателями.

Осн. тематика науч. трудов — религия, поэзия и искусство, древности и история Индии, персидская и западные лит-ры, вопросы этнографии и истории востоковедения. В обл. сравнительной истории лит-ры исследовал г. о. влияние восточных лит-р на средневековую европейскую. Изучал трансформацию буддийских учений при их взаимодействии с народной средой. Считал, что «буддийские легенды при постоянном сравнении их с буддийскими догматами ясно покажут нам, как буддизм, попытавшись вступить в борьбу с брахманской церковностью и обрядностью, весьма быстро перешёл к тому, против чего он боролся, то есть создал церковь, кот. неминуемо связала его с обрядностью».

В 1897 основал международную серию «Bibliotheca buddhica. Собрание оригинальных и переводных буддийских текстов», выходившую до 1937 (1960). До своей кончины редактировал это изд., в рамках кот. вышло 30 т. в более сотни вып. В рамках серии были опубл. тексты, принадлежащие к традиции «северного буддизма», на санскрите, китайском, тибетском и монгольском яз. с введениями и науч. аппаратом преимущественно на английском, французском и немецком яз.

Из воспоминаний И. Хлопиной, жившей в нач. 1920-х в семье О.: «Мы были уверены, что он буддист. Буддисты Тибета почитали его за бодхисаттву, ездили к нему на поклонение привозили ему ароматические курительные свечи и голубые шали из шёлка-сырца, лёгкие как одуванчики и цеплявшиеся за пальцы; привозили ему рис, он ел его каждый день. Он покровительствовал буддийскому храму, что в Старой Деревне».

С 5(17) февр. 1900 — адъюнкт по лит-ре и истории азиатских народов Императорской АН, с 19 апр.(2 мая) 1903 — экстраординарный акад., с 1(14) нояб. 1908 — ординарный акад. В 1904–29 — непременный секретарь АН.

В 1909–10 и 1914–15 рук. археологич. экспедициями в Восточный Туркестан, в ходе кот. были найдены и опис. многочисленные памятники древней буддийской культуры. Предметы, нуждавшиеся в спасении и реставрации, были перевезены в СПб., где пополнили коллекции Эрмитажа и Азиатского музея (затем — Ин-та востоковедения). Был инициатором ряда науч. экспедиций в Центр. Азию и Тибет, являлся председателем этнографич. отд. Императорского Русского географич. об-ва, секретарём Восточного отд. Русского археологич. об-ва. С 1916 директор Азиатского музея.

Был членом Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). В 1912–14 — член Гос. совета по выборам от АН и ун-та, был одним из левых членов этой консервативной законодательной палаты. С 1915 — член Особого совещания по обороне государства.

В июле — авг. 1917 — министр народного просвещения Временного правительства. Под его рук. обсуждались проекты организации франко-русского ин-та с технич. уклоном и обучением на французском яз. и об образовании Украинской АН в Киеве.

Первоначально негативно воспринял приход к власти большевиков, но с 1918 начал сотрудничать с сов. властью. По мнению биографа Б. Кагановича, суть его позиции можно сформулировать так: «Лояльность к советской власти и участие в ряде ее экономических и культурных программ с сохранением автономии и внутренней независимости Академии». По словам А. Луначарского, О. оказался «одним из самых крепких и самых нужных звеньев между советской властью и крупнейшей мировой и нашей интеллигенцией и сыграл в этом отношении выдающуюся роль».

В сент. 1919 был арестован, спустя примерно три недели освобождён.

Е. Казанович записала в своём дневнике, что «у него после освобождения была походка человека, на двадцать лет состарившегося и разбитого».

Фактически руководя деятельностью АН до 1929, способствовал её сохранению, созданию условий для проведения науч. исследований, неоднократно добивался освобождения или облегчения участи арестованных учёных. Организатор юбилейных торжеств по случаю 200-летия АН (1925).

В 1920-е избран чл.-корр. Прусской АН, Геттингенской АН, почётным членом Королевского Азиатского об-ва Великобритании, Парижского Азиатского об-ва, почётным доктором Эбердинского ун-та в Глазго и Археологического ин-та Индии.

В 1928 отношения между сов. властью и АН стали ухудшаться. Начало т. н. «Академического дела» осенью 1929 было связано с обвинениями в адрес сотрудников АН в сокрытии важных док-тов полит. характера, в т. ч. акта об отречении Николая II, архивов ЦК партий кадетов и эсеров, что привело к смещению О. с поста секретаря АН.

В 1930–34 — директор Ин-та востоковедения АН СССР, созданного на базе Азиатского музея, Коллегии востоковедов, Ин-та буддийской культуры и Туркологического кабинета. Занимался изданием санскритских текстов.

По словам М. Горького, О. был масоном (Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX ст. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997). По некот. сведениям, О. поддерживал идеи арийства (Гурулев С. Еще раз о расизме, нацизме и их идеологе А. Розенберге // Вопросы истории. 2006. № 5).

В 1891 проживал в СПб. по адресу: ВО, 6-я линия, 17; в сов. время — наб. Лейтенанта Шмидта, д. 1/2 (на доме мемориальная доска).

Соч.: Конфуций. Его жизнь и философская деятельность. СПб., 1891 (изд. под псевд. К. М. Карягин; ЖЗЛ); Буддийские легенды. Часть I. Bhadrakalpavadana Jatakamala. СПб., 1894; О персидской прозаич. версии «Кн. Синдбада»: Из сб. статей учеников проф. В. Р. Розена. СПб., 1897; Буддийское искусство в Индии. СПб., 1901; Европа в сумерках на пожарище войны: Впечатления от поездки в Германию, Англию и Францию летом 1923 г. Пг., 1924; Культура Индии. М., 1991; Жизнь Будды, индийского Учителя Жизни: Пять лекций по буддизму М., 2010.

Лит.: Академик С. Ф. Ольденбург: К пятидесятилетию научно-общ. деятельности, Л., 1934; Записки ин-та востоковедения АН СССР. Т. 4, М.; Л., 1935; С. Ф. Ольденбург. Сб.. М., 1986; Андреев А. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992; Политич. деятели России 1917: Биографич. словарь. М., 1993; Каганович Б. Сергей Фёдорович Ольденбург: Опыт биографии. СПб., 2006.

ОНОШКО́ВИЧ-ЯЦЫ́НА Ада (Олимпиада) Ивановна [6.1.1896, СПб. — 18.10.1935, Л-д] — поэт, переводчик.

Родилась в семье литовца Ивана Феликсовича О.-Я. и польки Станиславы Иосифовны Висьмонт. Петерб. история семьи Оношковичей-Яцына начинается, по-видимому, в 1863, когда дед О.-Я. Феликс Иванович Оношкович-Яцына переехал из Литвы на службу в столицу. В честь его русской жены — Олимпиады Васильевны Орловой — и была окрещена их внучка, единственная дочь и второй ребенок из четырех детей И. Ф. Оношковича-Яцына. Отец О.-Я. вышел в отставку в чине действительного тайного советника, вел активную обществ. деятельность (был председателем Об-ва помощи пострадавшим в русско-японской войне солдатам и их семьям, председателем Народного об-ва трезвости в Стрельне, нач. канцелярии Александровского комитета раненых, членом Ученого комитета Министерства народного просвещения), в последний год жизни был гласным СПб. городской Думы.

В 1913 О.-Я. окончила гимназию Л. Таганцевой; после начала Первой мировой войны работала сестрой милосердия. События революции трагически отразились на судьбах близких. В 1917 ее старший брат Сергей эмигрировал в Париж, а в 1918 от тифа умер брат Николай; три года спустя, в 1921, мать и младший брат Иван покинули Пг., перебравшись в семейное поместье Деверцы в Литве. Сама О.-Я. поначалу намеревалась ехать вместе с ними, но, в конце концов, осталась в Пг.

Весной 1920 А. Волынский приглашает О.-Я. в лит. студии Дома Искусств: «Дарование у Вас несомненное: гибкость и легкость фразы, много тонкости, изящества и удивительно меткое попадание в далекую цель» (см.: Оношкович-Яцына А. Из дневника // Минувшее. Ист. альм. Вып. 13. М.; СПб., 1993. — Запись от 16 марта 1920). Такой отзыв известного критика окрылил О.-Я., и с этого дня она стала регулярно посещать открытые лекции и семинары Дома Искусств. О некоторых ее оригинальных стихах благосклонно отзывался Н. Гумилев, однако подлинное призвание О.-Я. обнаружилось во время занятий переводами в студии М. Лозинского. Лозинский (в дневнике О.-Я. он фигурирует под именами Maitre и Chere-folle («милая безумица»), Миш, Мишатский) оказал огромное влияние, как на творческое, так и на личностное становление О.-Я., ставшей в 1921 героиней любовного романа. И. Одоевцева вспоминала: «Ада [Оношкович]-Яцына была его любимейшей ученицей. Такой же "лучшей ученицей" Лозинского, как я Гумилева. Ада [Оношкович] не была красивой, ни даже хорошенькой. Но этого ни она, ни другие не замечали. В ней кипела такая бурная молодость, она была полна такой веселой силой и энергией, что никому и в голову не приходило заметить, красива она или нет. Ада [Оношкович], несмотря на дарование, не стала настоящим поэтом, не выступала на поэтических вечерах и нигде не печаталась» (Одоевцева И.

На берегах Невы. М., 2005). Между тем успехи О.-Я. в худож. переводе были сразу отмечены К. Чуковским, кот. уже в июне 1920 предложил юной «ученице Лозинского» самостоятельную работу во «Всемирной лит-ре». В это время у О.-Я.-переводчицы появляется «свой» автор — великий Р. Киплинг, чье балладное тв-во было мало известно русскому читателю (предшественницей О.-Я. была О. Чюмина, опубликовавшая в 1897–98 в ж. «Мир Божий» и «Вестник иностранной лит-ры» перв. русские стихотворн. переводы Киплинга — «Песню мертвых» и «Король и певец»; в 1899–1902 в русских периодич. изд. опубл. киплинговские пер. Е. Студенской). Среди др. работ О.-Я. в кач-ве переводчицы — пьеса «Амфитрион» Г. Клейста (вошла в 1 т. СС Клейста под ред. Н. Гумилева и В. Зоргенфрея, М.; Пг., 1923), роман «Лето» Р. Роллана (совм. с О. Подьячей, под ред. А. Смирнова, М.; Пг., 1923–24), роман «Золотой телец» Ф. де Миомандра (под ред. М. Лозинского, М.; Л., 1924), роман «Люсьен» Ж. Ромэна (под ред. М. Лозинского. Л., 1925), пьеса «Сганарель, или Мнимый рогоносец» Ж.-Б. Мольера (М., 1956). Помимо этого О.-Я. переводила Ж. Расина, В. Гюго, Дж. Байрона, С. Колриджа, Р. Тагора, Г. Гейне и др. Собственные стихи О.-Я. печатались в 1921 в альм. Цеха поэтов «Новый Гиперборей» и др.

Знаковым для творч. пути О.-Я. стал 1922, когда в Пг. тираж. в 3 000 экз. изд. «Избр. стихотворения» Киплинга в ее пер. Этот сб. открыл русскому читателю «Томлинсона», «Мэри Глостер», казарменные баллады — «Дэни Дивер», «Бил Окинс» и знаменитую «Пыль», посвященную англо-бурской войне 1900–02, («День-ночь-день-ночь — мы идем по Африке, / День-ночь-день-ночь — все по той же Африке. / Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог. / Нет сражений на войне»). С этого момента к О.-Я. приходит подлинная лит известность. В том же 1922 О.-Я. выходит из окружения Лозинского и становится женой Е. Шведе.

«Русский Киплинг» стал главным творч. достижением О.-Я. Все ее переводы были переизданы в сб., вышедшем в год смерти Киплинга (1936) в изд-ве «Худож. лит-ра» (под ред. В. Стенича). Здесь к ранее изданным переводам были добавлены 13 новых. Но до выхода кн. О.-Я. не дожила, и ее тексты для сб. редактировал (удачно) Г. Фиш, в результате чего «Мэри Глостер», «Пыль» и «Саперы» заметно изменились по сравнению с вариантом 1922, а сам Фиш был указан как соавтор.

В тв-ве О.-Я. особое место занимают детские стихи. В 1924 в изд-ве «Петроград» вышла детская сказка в стихах **«Игрушки в лес убежали»**, напис. О.-Я. совм. с Е. Малкиной, входившей в группу учеников Лозинского. В том же году в Гос. изд-ве выходит 20-страничная детская книжка **«Мышонок и луна»**, написанная О.-Я. в соавт. с близкой подругой, поэтессой и переводчицей М. Рыжкиной, писавшей под псевд. Памбэ. В 1925 кн. изд. во второй раз, а в 1928 в том же изд-ве выходит кн. О.-Я. для детей **«Шарманка»**.

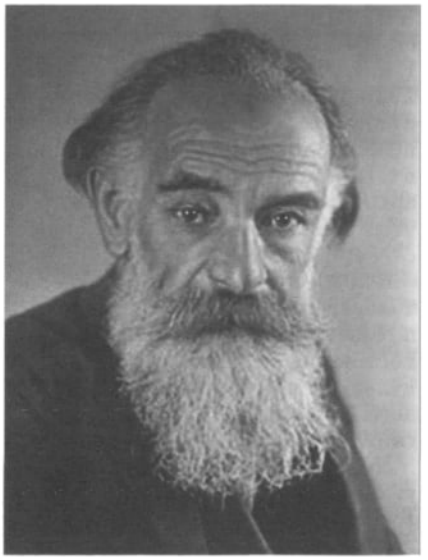
Гл. источником сведений о жизни О.-Я. является ее дневник — из 17 тетрадей сохранились только 11 с половиной, в целом же они охватывают события с 1912 по 1928. Дневник О.-Я. не был предназначен для публ. Он содержит в осн. личные, интимные переживания автора и отражает события общественно-полит. жизни лишь в той мере, в какой они непосредственно влияли на жизнь О.-Я., ее семьи, друзей и близких (так, напр., из событий ист. лета 1917 года наибольшего внимания удостоено мирное плавание по Волге). Тем не менее, эти опубликованные ныне дневниковые записи имеют большую историко-лит. ценность. О посл. годах жизни О.-Я. изв. мало. После ее смерти от тифа в 1935 Е. Шведе переслал копии стихов О.-Я. Горькому, рассчитывая на посмертную публ. В отзыве Горького говорилось: «Стихи Ады Шведе понравились мне своею простотой, искренностью, гармонией формы и содержания. Лично я хотел бы видеть их изданными, но опасаюсь, что редактора в ГИХЛе найдут их старомодными и недостаточно современными. Все же советую Вам послать рукопись в Москву, ГИХЛ, Николаю Никандровичу Накорякову». Рекомендованный в кач-ве редактора Накоряков был репрессирован в 1937, и идея издания стихов О.-Я. так и осталась невоплощенной.

Соч.: Шарманка: Стихи. М.; Л., 1928; Мышонок и луна. Стихи для детей / В соавт. с Памбэ. Л., 1925; Игрушки в лес убежали. Пг., 1924; А. И. Оношкович-Яцына. Дневник 1919–27 / Публ. Н. Телетовой // Минувшее. Ист. альм. [Вып.] 13. М., 1993.

Лит.: Витковский Е. Против энтропии. Статьи о лит-ре // URL: http://lib.ru/NEWPROZA/WITKOWSKIJ/s_entropia.txt.

Е. Ляшенко

ОРБЕ́ЛИ Иосиф (Овсеп) Абгарович [8(20).3.1887, Кутаиси, Грузия — 2.2.1961, Л-д, похоронен на Богословском кладб.] — востоковед, искусствовед, филолог, переводчик, археолог, общ. деятель.



Армянин по национальности. Происходит из армянского княжеского рода Орбели-Орбелянов, правителей Сюника и Бжни. Молодые годы провел в Тбилиси.

Г. Галечян: «Братья Орбели родились в интеллигентной семье. Отец, Абгар Иосифович, происходил из древнего княжеского рода Орбелянов, окончил юридический факультет Петербургского университета, был мировым судьей в Эривани, затем прокурором в Кутаиси. Он женился на княжне Варваре Моисеевне Аргутинской-Долгоруковой, женщине инициативной, энергичной, веселой, занимавшейся благотворительностью в детских приютах Тифлиса, дававшей уроки игры на фортепьяно.

С 1989 г. семья Орбели жила в Тифлисе. Абгар Иосифович был присяжным поверенным и занимался частной адвокатской практикой. Особое внимание в семье уделялось детям, заботе о развитии у сыновей широкого кругозора, их подготовке к научной деятельности в будущем».

Окончив курс историко-филологич. фак-та СПб. ун-та, продолжал учиться (до 1911) на восточном фак-те. Его учителями в ун-те были Н. Я. Марр, С. А. Жебелев, В. А. Жуковский, Я. И. Смирнов, С. Ф. Ольденбург. В студенч. годы интенсивно занимался научно-экспедиц. работой и окончил ун-т автором девяти науч. статей, опубл. в авторитетных изд.: «Известия Российской АН», «Записки восточного отделения Русского археологич. об-ва», «Ж. Министерства народного просвещения». Изучение истории материальной культуры Армении и соседних с ней стран О. считал важным для построения культуры на основе глубокого знания прошлого. В результате непосредственного изучения подлинных памятников материальной культуры (армянские монастыри и развалины церквей, древности Грузии и грузинские историко-худож. памятники, памятники мусульманского искусства) им были напис. ст. для Словаря Брокгауза и Эфрона: **«Армянское искусство»** (1911), **«Грузинское искусство»** (1913) и **«Мусульманское искусство»** (1916). Значимость архитектурных памятников старины, кроме их самоценности, О. видел в необходимости их сравнительного изучения для выявления общности их происхождения. Напр., он считал важным провести сравнение памятников Суздаля и киевского Софийского собора с древними храмами Армении, что, по его мнению, могло бы многое объяснить в истории древней русской архитектуры.

Со студенч. лет участвовал в археологич. изучении древней столицы Армении, средневекового г. Ани; был ближайшим сотрудником Марра в его археологич. экспедициях, в летние месяцы под его рук. участвовал в раскопках Ани. В 1911–12 предпринял экспедицию в Турецкую Армению, где сочетал сбор лингвистич. и фольклорно-этнографич. мат-лов с работами в обл. урартской археологии (продолженных летом 1916 раскопками на Ванской скале, в районе оз. Ван, Турция). Позднее многократно совершал науч. экспедиции в Армению (1929, 1936 и позднее). Археологич. и эпиграфич. изыскания О. в Ани и Ване, Ахтамаре, Хачене и Мармашене обогатили арменистику знанием первостепенной важности памятников, что послужило отправной точкой для дальнейших исследований арменистов — историков и археологов — по истории и культуре древней и средневековой Армении. По мат-лам раскопок О. напис. ст. **«Развалины Ани»**, **«Краткий путеводитель по Ани»**, **«Каталог анийского музея древностей»**, **«Колокол с анийскими орнаментальными мотивами»** и др. Тогда же создал Анийский музей, кот. после 1917 оказался на территории Турции. В 1912 избран членом СПб. Русского археологич. об-ва. В 1918 — Моск. археологич. об-ва.

В 1914–31 — приват-доцент, доцент (1914–18), проф. (1919–33; 1955–61) СПб. ун-та (позднее ЛГУ), зав. каф. армяно-грузинской филологии (1925–29), зав. каф. материал. культуры (1929–31) ЛГУ. Один из создателей Российской академии истории материал. культуры, где работал в 1919–31 (директор в 1937–39).

С 1920 работал в Гос. Эрмитаже, где создал отдел Востока — крупнейший центр сов. востоковедения. С 1934 — директор Эрмитажа. Отдал Эрмитажу более 30 лет. А. Гарегинян: «Крутой нрав Иосифа Орбели был известен далеко за пределами возглавляемого им Эрмитажа. К примеру, ему нужно было обладать особым мужеством и твердостью, чтобы дать отпор внезапно нагрянувшим комиссарам и предъявившим перечень экспонатов, предназначенных для изъятия — только он мог на требование комиссаров Внешторга ответить: "Только через мой труп. Вы можете расстрелять меня здесь, но пока я жив, ничего вынести вы не сможете". В годы сталинизма и Второй мировой войны благодаря его смелости и бескомпромиссности удалось спасти от расхищения шедевры мирового значения. Известен случай, когда он за неск. часов до прихода проверочной комиссии спрятал под полы пальто и вынес из музея "Мадонну Литту" Леонардо. А после проверки вернул картину обратно». Г. Галечян: «В разгар сталинских репрессий И. Орбели получил указание НКВД немедленно представить список сотрудников Эрмитажа, имевших дворянское происхождение. Орбели выполнил распоряжение. Первым в списке стояло его имя. Больше Эрмитаж не беспокоили».

Избран чл.-корр. АН СССР в 1924, действ. член — с 1935.

В нач. Великой Отеч. войны, оставаясь в перв. год блокады в Л-де (блокадная зима 1941–42), вёл большую работу по сохранению музейных ценностей. Широко изв. его самоотверженная деятельность по эвакуации музея в Свердловск и по сохранению невывезенных экспонатов. С 1942 по 1944 работал в Армении (в 1942–47 занимал должность перв. президента Армянской АН). Вернувшись в Л-д, в перв. послевоен. годы был занят г. о. восстановлением Эрмитажа. В 1946 выступал как свидетель на Нюрнбергском процессе, говорил о варварских разрушениях памятников культуры и искусства в Л-де. В 1951 неожиданно отстранен от рук. Эрмитажем (в числе др. причин — отказ присоединиться к кампании критики покойного акад. Марра).

В 1955–60 — декан восточного факта ЛГУ, зав. каф. истории Ближнего и Ср. Востока (1955–60). С 1956 до конца жизни — зав. ЛО Ин-та народов Азии АН СССР. Вёл большую пед. работу и создал школу сов. кавказоведов, для кот. характерно сочетание работы в обл. материал. культуры и филологии.

В 1939, когда отмечалось 1000-летие армянского героич. эпоса «Давид Сасунский», О. стал не только организатором науч. юбилейных мероприятий, но и отв. ред. и автором предисл. к армянскому изд. сводного текста эпоса, был автором обширного предисл. к русскому переводу «Давида Сасунского» (1939). Перевел **«Армянский героический эпос»** (1956; изд. на армянском и русском яз.), **«Басни средневековой Армении»** (1956), видя в них выражение ист. опыта народа, подлинной народной мудрости.

Под ред. О. вышли работы «Т. Шумовский. Три неизв. лоции Ахмада ибн Маджида арабского лоцмана Васко да Гамы в уникальной рукописи Ин-та востоковедения АН СССР / Предисл. Д. Ольдерогге» (М.; Л.:

Изд. АН СССР, 1957); «Н. Миклухо-Маклай Н. Описание таджикских и персидских рукописей Ин-та народов Азии. Вып. 2. Биографич. соч.» (М.: ИВЛ, 1961); «И. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV в.» (М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960).

Осн. исследования О. посв. кавказоведению, истории средневековой культуры Ближнего Востока; особенную ценность представляют его исследования по сасанидской и сельджукской культурам. Ряд работ О. посвящ. средневековой культуре, армянской эпиграфике, народному эпосу, курдскому яз., архитектуре Грузии и Армении.

Почетный проф. Тегеранского ун-та (1935), заслуж. деятель науки Армянской ССР (1938), действ. член Академии архитектуры СССР (1940), действ. член Инженерной академии СССР (1941), действ. член АН Армянской ССР (1943), почётный член Лондонского археологич. об-ва (1944), почетный член АН Ирана (1945), член-консультант Американского ин-та археологии и искусств.

Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного знамени, медалями, орденом Ирана «За научные заслуги» I степ.

Проживал в Л-де на наб. 9-го Января (ныне Дворцовая наб.), д. 32. Мемориальная гранитная доска: «В этом доме с 1948 по 1961 год жил выдающийся советский востоковед, академик Иосиф Абгарович Орбели» (1963; арх. В. Попов).

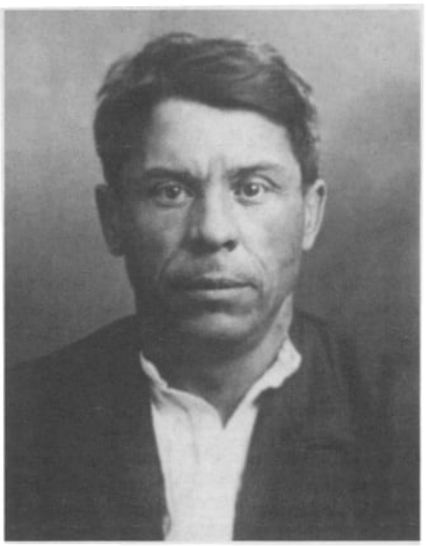
«При его эмоциональном темпераменте ему, вероятно, случалось иной раз вспылить, но никогда я не слышал, чтобы он кого-нибудь обидел. Мы знаем, какой прекрасный товарищ Иосиф Абгарович, и мы часто имели случаи убедиться в том, какой скромностью отличался этот в стольких отношениях выдающийся человек», — так говорил акад. Е. В. Тарле в очерке «Историк-патриот», опубл. в Ереване после смерти О.

В марте 2012 прошел премьерный показ докум. фильма А. Джазояна «Код Орбели», в кот. прослеживаются и осмысляются судьба и заслуги трех братьев-ученых, представителей знаменитой княжеской династии О.

Соч.: Развалины Ани: История. Совр. состояние. Раскопки. СПб., 1911; Археологич. экспедиция 1916 г. в Ван: Д-ды / Н. Марр, И. Орбели. Пг., 1922; Сасанидское искусство // Восток. 1924. Кн. 4; Сасанидский металл: Худож. предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935 (совм. с К. Тревер); Шатранг: Кн. о шахматах. Л., 1936 (совм. с К. Тревер); Армянский героич. эпос. Ереван, 1956; Басни средневековой Армении. М.; Л., 1956; Избр. труды. Ереван, 1963; Избр. труды. М.; Л., 1968; Фольклор и быт Мокса. М., 1982; Избр. труды: В 2 т. Курдско-русский словарь. Ереван, 2002.

Лит.: Юзбашян К. Академик И. А. Орбели. М., 1964 (М., 1986); Іван Іванович Мещанінов (1883–1967), Йосип Абгарович Орбелі (1887–1961): Бібліографічний покажчик праць з архітектурознавства та історії матеріальної культури / Упоряд. Ю. Мосенкіс, А. Пучков. Київ, 1995; Российский гуманитарный словарь. М.; СПб., 2002; Григорьян Н. Научная династия Орбели. М., 2002; Григорьян Н. Памяти братьев Орбели. М., 2008; Галечян Г. Феномен братьев Орбели // Голос Армении. 2011. 23 февр.

ОРЁШИН Пётр Васильевич [16(28).7.1887, Аткарск Саратовской губ. — 15.3.1938, Коммунарка] — поэт, прозаик.



Отец, Василий Егорович, вывезенный из деревни на 13-м году жизни, был отдан в мануфактурную лавку. Всю жизнь проработал приказчиком. Мать, Агафья Петровна, шила на продажу ситцевые рубашки, сидела дни и ночи за швейной машинкой. Пётр в восьмилетнем возрасте был отдан в начальную школу, окончил её с «первой наградой» и в возрасте 12 лет попал в городскую 4-классную школу. Этой школы, за недостатком средств, не окончил и через три года вынужден был оставить ее, хотя и сдал экз. за третий класс. В 16 лет поступил в школу бухгалтерии, но почувствовал себя не на месте. Рисовал. Работал в конторе. Подолгу жил у деда-крестьянина в с. Галахово Саратовской губ. (сбегал от отца, не желая становиться подручным в лавке). Увлекался чтением русской классики.

Стихи начал пис. в ранней юности. Перв. стих. опубл. в «Саратовском листке» и в «Саратовском вестнике» (1911). Систематич. лит. деятельность молодого поэта началась в 1913, когда он переехал в СПб. и начал публ. в столичных ж. В поисках заработка устроился на службу в контору железной дороги. При поддержке Иванова-Разумника (кот. вел лит.-критич. отдел в ж. «Заветы» и охотно печ. новокрестьянских поэтов) неск. стих. О. появились на стр. столичной прессы — в ж. «Вестник Европы» и «Заветы». Искал пути в лит. мир. Вошел в круг писателей-неонародников. В дорев. стихах часто разрабатывал тему «голодного, болезного села», «безысходного горя» трудового крестьянства, выражая неприязнь к кулаку. Социальные идеалы О. направлены к «крестьянскому раю», сильно народное начало, тяготение к сказке, былинно-песенным стилизациям. «Загуляли над лесом снега, / Задымила деревня морозом, / И несет снеговая пурга, / Заметая следы за обозом. // Поседел вороной меринок, / Растрепалась кудрявая грива. / Снежный путь бесконечно далек, / А в душе и темно и тоскливо <...>» («**С обозом**», 1914). В стихах О. этого периода ощутимо влияние, с одн. стороны, Некрасова, с др. — крестьянских поэтов-самоучек. Переживание тяжести крестьянского труда, надежда на лучшую долю, мотивы жизни-мачехи, красота родного крестьянского края — основополагающие черты его поэтич. мира. «В поле вихрится ветер-зимач, / за бураном — вечерние зори. / Санный скрип — недоплаканный плач, / дальний путь — безысходное горе...».

Весной 1916 призван в действующую армию: рядовым маршевой роты участвовал в боях на Западном фрон-

те Первой мировой войны, за храбрость удостоен двух Георгиевских крестов. Стихи, посвящ. войне («**Смертонос**», «**Проклятая война**», «**Отчего не рыдают камни?**», «**Завтра**» и др.), направлены против «алой бойни». Антивоенную лирику этих лет характеризуют растерянность, чувство обреченности, пацифистский гуманизм. После Февральской революции был связан с эсерами. В 1917 познакомился с С. Есениным, позднее — с Н. Клюевым, С. Клычковым, А. Ширяевцем.

Октябрьскую революцию встретил восторженно. После Октября 1917 был одним из организаторов крестьянских писателей при моск. Пролеткульте, принимал участие в работе газ. «Голос трудового крестьянства». В 1918 изд. две кн. стих. На перв. из них — «**Зарево**» — откликнулся рец. С. Есенин (ж. «Наш путь». 1918. № 2). Ёмко и образно он определил круг тем поэзии О., сравнив «Зарево» с озером, «где отражаются и месяц, и церковь, и хаты». Втор. кн. — «**Красная Русь**». Однако мир поэзии О. не был похож на поэтич. картины его собратьев по «крестьянской купнице» («новокрестьянских поэтов»): если у них почти неразличимы соц. мотивы, то О. с болью пишет о далеко не поэтич. сторонах жизни крестьянина. Он поэтизирует анархистское бунтарство («**Волчья жизнь**», «**Зверюга**» и др.), идеализирует стихийную «могучую» силу «русского мужика». Ведущими образами и мотивами этих сб. становятся переживания обездоленного крестьянина, обреченного на нужду и унижения, живущего надеждами и ожиданиями нового будущего, «вселенского пожара».

В 1917–21 события Гражданской войны («**На пашне**», «**Трудовая**» и отчасти поэма «**Крестный путь**») получили отражение в поэзии О., переданные с позиций трудового обездоленного крестьянства.

С 1919 по 1922 живет в Саратове, где, по словам Есенина, «пишет плохие коммунистические стихи и со всеми ругается». В Саратове выходят кн. стихов «**Дулейка**» (1919), «**Березка**» (1920), «**Набат**», «**Мы**», «**Голод**» (1921), «**Алый храм**» (1922), «**Радуга**», «**Ржаное солнце**» (1923), в кот. он публично отрекается от мотивов старого крестьянского мира и отдается во власть новых веяний («Будет врать о любви и о Боге, / и о многом, о многом другом. / Не вернут нас ни кони, ни дроги / в старорусский родительский дом!»). Но это «окончательное» отречение на поверку оказалось лишь кажущимся. Поэт не мог подавить в себе пронзительной лирич. ноты, в кот. воплотилась печаль расставания с историч. Россией («Соломенная Русь, куда ты? / Какую песню затянуть? / Как журавли, курлычут хаты, / поднявшись в неизвестный путь... / И что ж? Крестом, как прежде было, / никто себя не осенил. / Сама земля себя забыла / Под песню журавлиных крыл...»). С. Куняев: «В одной и той же строке слышится и радость, и отчаяние, и гнев, и удивление». Возражая противникам крестьянской поэзии, О. писал: «Не верно, сельские баяны, / певцы крестьянской стороны, / как будто родине багряной / мы стали больше не нужны!».

С 1922 живет в М., избирается членом правления Всероссийского СП. В теч. 1920-х одна за другой выходят кн. его стихов и прозы, кн. очерков и рассказов. В 1923 О. вместе с Есениным, Клычковым и Ганиным подвергается преследованию по т. н. «делу четырех поэтов», обвиненных в «антисемитизме». На обвинение О. ответил стих. «**Под клеветой**».

В 1923–28 разрабатывал лироэпич. жанр поэмы. Писал поэмы на ист. темы, проявил интерес к ист.-рев. событиям и их героям («**Окровавленный май**», «**Вера Засулич**», «**9-е января**», «**Чапаев**», поэмы «**Селькор Цыганок**», «**Деревенский учитель**», «**Милиционер Люкша**», «**Учитель Чиж**», «**Васька**» и др.), изображал царский произвол, борьбу самодержавия с рев. движением, распутинщину, империалистич. войну и стремился создать образ нового героя рев. эпохи. Но постепенно восторженное принятие новых перемен в жизни в реалистически-честных стихах О. оборачивается тревогой и разочарованием. С. Куняев: «Новая струя, исполненная печали и недобрых предчувствий от происходящих в жизни страны перемен, вливается в творчество Орешина в связи с гибелью Есенина. Орешин создает цикл стихотворений, посвященных погибшему другу ("**Сергей Есенин**", "**На карауле**", "**Ответ**", "**Соловей в отставке**"). Тогда же пишутся стихотворения "**Земля родная**" и "**Элегия**", кот. Орешин как бы заново прощается с иллюзиями "прогресса" в переделке старой жизни, кот. были у него в нач. 20-х. Эти стихотворения были посвящены А. Веселому и И. Касаткину, кот. суждено будет погибнуть в кон. 30-х, практически одновременно с оставшимися поэтами "новокрестьянской плеяды". В этих стихах жажда жизни органически сопряжена с печалью о кратковременности бытия, а любовь к родине окрашена в печальные тона: "Жизнь моя поблекнула в опале, / в жгучем ветре вечных голодух. / На крутом житейском перевале / Я устал и медленно потух. / Но до самой до последней пяди / и сейчас уверенно пойду, / новой жизни, новой песни ради, / на любую тяжкую беду..."».

В 1924 в М. издан сб. «Тв-во народов СССР», в кот. О. был не только сост., но и автором мн. переводов фольклорных произведений различных народов страны (переводил башкирский и тунгусский эпос, белорусских, еврейских и украинских поэтов).

Во втор. пол. 1920-х чаще обращается к прозе. Проза занимает в тв-ве О. значительно меньшее по сравнению с поэзией место («**Ничего не было**», 1926; «**Жизнь учит**», 1928; «**Злая жизнь**», 1931). В автобиогр. прозе воссоздает образы детства и юности. «Злая жизнь» рисует эпизоды из жизни подростка — выходца из полупролетарской среды — в условиях капитализма. Хроника «**Людишки**» [1927] посвящ. борьбе трудового крестьянства с белогвардейщиной и строительству новой сов. деревни.

В 1923–28 выпустил СС: В 4 т., состоящего из кн. «**Ржаное солнце**» (1923), «**Солнечная плаха**» (1925), «**Родник**» (1927), «**Откровенная лира**» (1928). Осн. содержание СС — мотивы любви к родной земле, поэтизация природы, сельского быта.

В 1934 О. был задержан на улице милицией, услышавшей из уст поэта выражение: «Такую сволочь, как товарища Кагановича, вместе с вами терпеть не могу, как негодяев». В 1935 была составлена докладная записка в партком СП СССР после скандала в Доме писателя, где О. заявил: «Советская власть не дает жить

порядочным людям. Сталин — сволочь, не может ценить порядочных работников». 28 окт. 1937 был арестован и 15 марта 1938 расстрелян по обвинению в террорист. деятельности вместе с др. крестьянским поэтом и другом Есенина Вас. Наседкиным. Место захоронения: Коммунарка. Реабилитирован посмертно.

В 1917–18 жил в Пг. на 7 Рождественской ул., д. 40.

Соч.: Стихотворения и поэмы. М., 1958; Повести и рассказы. М., 1960.

Лит.: Петросов К. Соломенная плаха поэта (О «крестьянской купнице» и судьбе Петра Орешина) // Филологич. науки. 1992. № 4; Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996. Российский гуманитарный словарь. М.; СПб., 2002.

ОРЛО́В Борис Александрович [7.3. 1955, д. Живетьево Брейтовского р-на Ярославской обл.] — поэт.

Родился в крестьянской семье. Отец — участник Великой Отеч. войны, работал бригадиром строительной и рыболовецкой артелей. Мать — зоотехник. Рано овдовев, осталась с двумя малолетними детьми. По признанию поэта, он «рос драчливым, / Колючим, как сорняк среди гвоздик» (**«Я рос и конопатым и драчливым...»**). По окончании Прозоровской ср. школы не получил золотой медали из-за удовлетворительной оценки по поведению в аттестате зрелости.

Стихи начал пис. рано, подражая классикам. «Мои любимые поэты — Лермонтов, Тютчев, Блок, Есенин, Артюр Рембо... Есть в них что-то космически бесприютное и бездомное» (Аврора. 1996. № 7). С 15-летнего возраста «поэзия начала занимать в жизни важное место, правда, свою судьбу с ней связывать не собирался, но жить без стихов уже не мог». Первое стих. **«Майский вечер»** опубл. в брейтовской районной газ. «Заря коммунизма» в мае 1972.

О. манило море, романтика подводников. В 1977 окончил Лен. высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Дзержинского. Служил на Сев. флоте на атомной подводной лодке (1977–83). Работал в газ. «На страже Заполярья» (1983–86), «Сов. моряк» (1986–90). Был нач. отдела Центр. военно-морского музея (1990–93). Гл. ред. «Морской газ.» (1993–2004). Рук. ЛИТО «Путь на моря» им. Вс. Азарова. Капитан 1-го ранга.

В курсантские годы О. не порывал с поэзией, посещал ЛИТО «Путь на моря», кот. рук. Вс. Азаров. Начиная с 1977 стихи О. публ. в ж. «Сов. воин», «Звезда», «Нева», «Юность», «Огонек», «Молодая гвардия», альм. «Океанские горизонты». В 1979 принимал участие в работе VII Всесоюзного совещания молодых писателей и запомнился тогда афористичным стих., кот. позднее открыл свой перв. сб. **«Гранитный Север»**, выпущенный Воен. изд-вом в 1983 (серия «Старт»): «Черная подлодка. / Черная вода. / Черная пилотка. / Красная звезда». В кн. вошли стихи о службе на подводной лодке, родном экипаже, экзотич. природе Кольского п-ва, романтике походов по Мировому океану, родной Ярославщине. Мотив верности земле и морю станет определяющим в поэзии О.

Перв. сб. поэта был доброжелательно встречен критикой. А. Воронцов обращал внимание на «свежесть образов, лаконизм, глубину и отчетливость мысли», стремление автора «подняться до высот философского обобщения своих жизненных впечатлений» (Сов. моряк. 1983. 29 мая). В. Мельник отмечал «стремление добраться до истоков патриотизма, стремление увидеть в типичной ситуации глубоко залегающее человеч. начало. Автор „Гранитного Севера" пытается выразить чувства, социальный опыт целого поколения» (Боевая вахта. 1983. 18 сент.). Этот опыт преломился в стих. **«1955 год»**: «Я родился, когда еще пепел войны не остыл. / Дети в роще играли немецкой простреленной каской. / В пол, как в колокол, бил скорбно старый костыль. / Инвалид шел в худой гимнастерке солдатской». Войне посвящ. стих. **«Доты»**, **«Высота»**, **«Солдат»** и др. Ст. Золотцев назвал О. «одним из наиболее одаренных дебютантов» десятилетия (Знамя. 1984. № 5).

В 1985 заочно окончил Лит. ин-т им. М. Горького. В том же году в Мурманском книж. изд-ве вышла втор. кн. стихов поэта **«Листва»**. Смысл назв. сб. выразили строки: «Опять швартуется весна / К прибрежным валунам, / Морзянкой жаркою она / В сердца стучится к нам. / Неделя ходу — / И рассвет, / И сопок синева, / И письма выпорхнут на свет, / Как первая листва» (**«В отсеках ветры не свистят...»**). Азаров, говоря о новаторстве О., отмечал, что его стихам присущ «глубокий поэтический подтекст. Орлов плодотворно развивает традиции своих предшественников — поэтов-маринистов (А. Лебедев, Н. Флеров, Д. Ковалев, А. Ойслендер)» (Звезда. 1986. № 2). Большинство стих., вошедших в «Листву», посвящ. морю, флотским будням (**«Полярная ночь»**, **«В конце похода»**, **«Заполярье»**, **«Обелиск»**). «Эти стихи суровы,— писал И. Озимов,— сдержанны, немногословны и в то же время значительны по мысли и содержанию. В них точно найдены детали, кот. открываются взгляду очевидца и потому особенно достоверны и дороги» (Сов. моряк. 1985. 9 июл.). Вторым сб. О. подтвердил свою приверженность жанру лирич. миниатюры.

Если в стихах о море пульсировала воен. жизнь североморского подплава, то в цикле «деревенских стих.» (**«Хлебозоры»**, **«Деревня»**, **«Поля»** и др.), посвящ. Ярославщине, русской природе, угадывается намерение автора «объединить в поэтическом творчестве воедино то, что живет в душе военного моряка <...> море и землю, боевой корабль и отчий дом, флотскую службу и любовь. Чувство пространства и времени, чувство вечной истории и быстротечности, необратимости человеческой жизни, чувство ответственности воина-па-

триота не только за то, как он исполняет служебный долг, но и за все, что происходит на земле» (Тыцких В. Флот и вся жизнь // Боевая вахта. 1985. 23 мая).

В 1986 в изд-ве «Современник» вышел третий сб. О. **«Море и поле»**, куда вошли более 100 стих. Кн. углубляла читательское представление об особом видении жизни автором — человеком долга, волею призвания находящегося в экстремальных условиях существования на атомной субмарине. Именно это видение мира из морской пучины наложило неповторимый отпечаток на весь строй мыслей и чувств поэта-моряка. «Отличительной чертой его творчества,— писал В. Панюшкин,— является немногословие, стремление к афористичности <...> военной краткости» (На страже Заполярья. 1987. 21 март.). «В обители стальной / Нет ни лесов, ни рек. / И тишина порой / Становится безликой. / Но пахнет по ночам / Реакторный отсек / И рощею грибной, / И спелой земляникой» (**«В конце похода»**).

Создававшийся в перестроечную пору сб. **«Прозрение»** (1993) обозначил, как заметил А. Коршунов, «крутой поворот и в тематике, и в изобразительных средствах <...> Б. Орлов начал свое восхождение к поэтической публицистике» (Знамя труда. Брянск, 1996. 1 мая): «Мы со времен царя Гороха / От правды прячемся в кусты. / Когда ломается эпоха, / Трещат и судьбы и хребты» (**«Во времена Голгоф»**). В 1995 О. написал свой гражданский манифест — стих. **«Я — офицер, нарушивший присягу...»**: «Я — офицер, нарушивший присягу... / Назад ни шагу и вперед ни шагу / Не сделал. Разворована страна. / А за развал на мне лежит вина. / Я — офицер, нарушивший присягу... / Безропотно служу чужому флагу, / Тому, который раньше презирал. / Чужому флагу служит генерал / И рядовой. / На всех лежит вина».

Закономерным было появление сб. верлибров **«Путь на Голгофу»** (1995). О. искал свои пути в овладении сложным жанром лирич. миниатюры: «Оттепели боятся / Не только снеговики. / Но и бронзовые бюсты. / Они плавятся...».

Важным рубежом в тв-ве О. явился сб. **«Диалог с Творцом»** (1996). Критика оценивала его как наиболее зрелую кн. поэта. Как заметил О. Шестинский, О. «запечатлел в ней трагедию России» (Новое кронштадтское время. 2001. № 15). «Главное достоинство книги,— отмечал А. Коршунов,— ее емкий, афористичный язык. И самую большую нагрузку, и смысловую, и поэтическую несет избранный им жанр лирической миниатюры, где нет ничего лишнего, и любая деталь, любая осмысленная строка работает на замысел автора» (Знамя труда. Брянск, 1996. 1 мая). А. Белый писал, что «Диалог с Творцом» — это кн. о России, «поэтическое эссе, в кот. сделана удачная попытка осмыслить и выразить в своеобразной форме те противоречия и антагонизмы, неустанные поиски духа и невосполнимые утраты, хронические горести и слабые утешения, кот. полнится через край неприглядная теперешняя жизнь» (На страже Родины. 1997. 15 апр.). Лирич. герой О., живущий горестями и радостями современников, кому присущ гос. инстинкт, клеймит тех, кто унизил народ: «Хитры современные гунны, / Духовных трагедий творцы. / Сперва ворвались на трибуны, / Потом заползли во дворцы». Он выносит нелицеприятный приговор эпохе: «Добродетели низложены, / Кто подлей, тот и умней. / Коммерсанты в куртках кожаных — / Комиссары наших дней».

В 1996 в петерб. изд-ве «Редактор» вышел сб. стихов О. **«Избр. лирика. 1971–95»**. В ней поэт подводил итоги, осмысляя пройденный путь. Говоря об эволюции поэта, И. Сергеева отмечала в послесл. к кн: «Сын своего времени, Борис Орлов не может позволить себе быть в стороне от ужасов нашего века. Лирика становится горше, стих жестче, скупее».

В стихах посл. лет О. не отходит от поэтич. публицистики (циклы, посвящ. Кавказской войне, трагедии Мологско-Шекснинского бассейна.) Он все больше задумывается над вопросами о значении веры для русского человека, своем предназначении, осмысляя путь в свете вечных, христианских ценностей. Лирика О. обретает новые кач-ва. Это подтвердили сб. **«Тень тернового венца»** и **«Надо мною лишь вечер и Бог»** (оба — 2000). Лирич. герой О. напрямую общается с Богом, прося у Него «силы и Веры». Для него вера — символ свободы: «С ладони птичку покормил — / И в храм вошел, согрет, / Иконы — окна в Божий мир, / Из них струится свет. / Когда в душе темным-темно, / Когда она болит — / Для исцеления дано / Свечение молитв». Лирич. герой О. зовет к покаянию, зовет молиться в храм во имя спасения России: «Неужели Россия исчезнет? / Мать-Россию толкают на смерть... / Перетерпим разор и болезни, / Но сиротства не перетерпеть». Критика заговорила об О. как о православном поэте, мыслящем в русле христианского миропонимания. «Орлов сжато и порой афористически рассуждает о жизни, смерти, Боге, любви и России (прошлой, настоящей, будущей). Преимущественно горечь и отсутствие иллюзий, время от времени смягченные оптимизмом и религиозной верой, звучат, когда О. обрушивается на нынешних политических лидеров, сетует о развале громадной страны и обращается, в надежде и ностальгии, к простому деревенскому счастью, красоте природы, утешению православной молитвой и русскими иконами, церковными звонами и крестами на куполах» (Гордон М. [Рец.] // Славянское и восточноевропейское обозр. 2004. Июль. Т. 83. № 3).

С 2006 — предс. правления СПбО СП России, гл. ред. газ. «Лит. Петербург». Акад. Петровской АН и искусств. Лауреат лит. премий «Золотой кортик» (1994), им. К. Симонова (1998), им. В. Пикуля (1999). Большая Лит. премия России (2011), Православная лит. премия им. св. Александра Невского (2012).

Соч.: Гранитный Север. М., 1983; Листва. Мурманск, 1985; Море и поле. М., 1986; Дыхание. М., 1990; Звезда над рубкой. М., 1991; Прозрение. СПб., 1993; Путь на Голгофу. СПб., 1995; Диалог с Творцом. СПб., 1996; Избр. лирика. СПб., 1996; Надо мною лишь вечер и Бог. СПб., 2000; Тень тернового венца. СПб., 2000; Я простился с собой, чтобы встретить себя: Юношеские стихи 1970–77. СПб., 2002; И с верой жить... СПб., 2005; Новые стихи. М., 2007; Осколки: Верлибры. СПб., 2007; Россия куполами колосится... СПб., 2009; Небесное царство. СПб.; 2011; Лучшая погода — непогода. М., 2011; Звездный свет. СПб., 2012.

Лит.: Кондрияненко В. В походах рожденные строки // Красн. звезда. 1983. 26 июн.; Черкасский Я. Лирика и долг //

Полярн. правда. 1983. 22 июл.; Матвеев В. Над головой — Полярная звезда... // Сов. воин. 1983. № 23; Золотцев Ст. Ради жизни на земле // Знамя. 1984. № 5; Флеров Н. Молодость флота // Мол. гвардия. 1984. № 5; Рожкова Е. Земля — дом поэта // Комсомолец Заполярья. 1987. 21 мая; Белый А. Кислорода много не бывает // На страже Родины. 1997. 15 апр.; Маслов В. Путь на Голгофу // Мурманский вестн. 1997. 21 мая; Сергеева И. На асфальте стихи не растут // Русская провинц. 1998. № 3; Юрков О. Я смутный век прожил // Невский. 2000. № 3; Шасная Л. У всего есть душа и лицо... // Рабочий край. Иваново, 2000. 4 нояб.; Пинчук А. Государство нуждается в каждом из нас // Красн. звезда. 2001. 3 март.; Коносов М. Преодоление мглы // Лит. Петербург. 2001. № 7; Шестинский О. Трагедия и свобода // Лит. Петербург. 2001. № 10; Ефимовская Е. Помощница молитвы // Всерусский собор. 2003. № 1; Трибуна мастера: Инт. // Тв-во юных. 2006. № 10 (27), нояб.; Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

В. Запевалов

ОРЛО́В Сергей Сергеевич [22.8.1921, с. Мегра Белозерского р-на Вологодской обл. — 7.10.1977, М.] — поэт.

Родился в семье сельских учителей. В 1936 переехал с матерью в Белозерск. Пробовал писать стихи уже в 5 классе, с 1937 печ. в районных газ. Стих. **«Тыква»** отмечено премией в 1938 на Всесоюзном конкурсе стих. школьников. Его похвалил и текст целиком привел в газ. «Правда» К. Чуковский.

В 1940 поступил на историко-филологич. фак-т Петрозаводского ун-та. С началом войны вступил в истребительный батальон народного ополчения Белозерска, составленного из студентов-добровольцев. Спустя два месяца его направили в Челябинское танковое училище. Перв. сб. стихов **«Фронт»** (вместе с С. Тельхановым) О. выпустил, будучи курсантом этого училища. «В 1942 прибыл на Волховский фронт, первый свой бой командир тяжелого танка КВ-1 Орлов принял у приладожской деревни Дусьево. В перерывах между сражениями он продолжал писать стихи и публиковал их в армейской газете "Ленинский путь"» (С. Баранов). В бою под Новгородом 17 февр. 1944 горел в танке; позднее шрамы от ожогов на лице прикрывал бородой. Награжден медалью «За оборону Л-да».

Поступил на филологич. фак-т ЛГУ. В Л-де познакомился с М. Дудиным, при содействии кот. в 1946 вышла в свет кн. стихов О. **«Третья скорость»** (скорость, на кот. танки шли в бой). Перешел в Лит. ин-т им. М. Горького в М-ве (закончил в 1954). Затем жил в Л-де, с 1958 входил в состав правления СП РСФСР, зав. отделом поэзии в ж. «Нева», член редколл. ж. «Аврора».

Большинство стих. О. напис. в лен. период. Вышли его сб. **«Поход продолжается»** (1948), **«Радуга в степи»** (1952), **«Городок»** (1953), **«Стихотворения»** (1954), **«Голос первой любви»** (1958), **«Стихотворения. 1938–56»** (1959), **«Одна любовь»** (1963), **«Колесо»** (1965), **«Созвездье»** (1965), **«Лирика»** (1966), **«Страница»** (1969), **«Верность»** (1973). Перед смертью О. составил кн. **«Костры»** (1978), состоящую из стихов, писавшихся им на протяжении всей его творч. жизни. До конца дней работал над составлением трехомного собр. собств. соч. (1979–80). В третий том вошла и проза О.: киносценарий **«Жаворонок»**, посвящ. подвигу танкистов, оказавшихся в плену на территории Германии (написан в соавт. с М. Дудиным), статьи о М. Лермонтове, В. Брюсове, Н. Тихонове, А. Суркове, А. Прокофьеве, Н. Ушакове, М. Дудине, Л. Мартынове, В. Субботине, М. Максимове, С. Викулове, Ю. Друниной и др., ранее входившие в сб. О. **«Свидетели живые»** (1974) и **«Наедине с тобою»** (1978).

Характерные черты худож. мировосприятия и стиля О. проявились уже в стих. **«Его зарыли в шар земной...»** (сб. «Третья скорость»), кот. вскоре стало широко известным, а позднее воспринималось как ключевое и программное в тв-ве поэта. С пронзительной проникновенностью О. говорит о том, что простой солдат, отдавший свою жизнь ради спасения жизни на всей земле, достоин быть положенным не просто в землю, а в земной шар, кот. отныне становится для него не могилой, а космическим мавзолеем: «Ему как мавзолей земля — / На миллион веков, / И млечные пути пылят / Вокруг него с боков. / На рыжих скатах тучи спят, / Метелицы метут. / Грома тяжелые гремят. / Ветра разбег берут. / Давным-давно окончен бой... / Руками всех друзей / Положен парень в шар земной, / Как будто в мавзолей...». Важная деталь: слова «руками всех друзей» означают, что к судьбе солдата, прижизненной и посмертной, причастны все его друзья и ровесники, все, прошедшие великую войну. И конечно, нельзя считать оговоркой слова, сказанные сразу после войны: «Давным-давно окончен бой...». Поэт вместе со своими сегодняшними и будущими читателями смотрит на недавно прошедшее как бы из глубины грядущего времени, в кот. память о подвиге простого солдата останется (в т. ч. и благодаря стих. О.) живой и неостывшей, сохраняющей тепло дружеских чувств. Поэт и на самого себя, молодого, смотрит как бы со стороны, эпически отстраненно, из наступившего будущего (см. стих. **«Мой лейтенант»** и др.).

У О. еще со школьных лет проявился поэтич. интерес к космосу, обострившийся в годы войны, кот. он приравнивал к новому сотворению мира. На всю послевоен. жизнь поэт смотрел глазами солдата-победителя, глубоко и с гордостью сознающего и чувствующего, что своим сегодняшним и грядущим бытием жизнь обязана ему и его товарищам, всем, прошедшим через фронт, погибшим и оставшимся в живых (**«Это было все-таки со мной...»**, **«Ровесникам»** и др.). Отсюда влюбленное и оптими-

стическое отношение О. к жизни после войны, хозяйско-гражданств. интерес ко всему происходящему в мире, особенно пристальное внимание ко всему хорошему, доброму в мирной жизни родины.

Обострившееся в годы войны, перед лицом смерти, чувство космич. значимости земной жизни прошло через все тв-во О. Он пишет цикл стихов **«Слово о Циолковском»**, стихи о сов. победителях космоса. В стихах о всем земном: о родной природе (начиная со стих. «Тыква», О. умел свежо воспринимать и изображать природу), о повседневных явлениях фронтовой и мирной жизни — поэт пост. чувствовал, что большое и малое, природное и сотворенное человеком есть частица вселенского: «Свет звезд идет к Земле годами... / Вот так же свет Земли, России / Вселенной принимать дано»; плотогоны «В глуши таежной на сплавной реке... / Сошлись у одинокого костра. / Уха в котле старательно клокочет, / И, руки на колени положив, / Перед явленьем необъятной ночи / Они примолкли, обо всем забыв»; над Землею «солнце круглое встает, / И круглый год жара, дожди, метели,— / Свершается стихий круговорот. / И в этом цель, а не дорога к цели». Излюбленными являются для О. многозначные и символич. образы костров — от земных до космических: от тех, вокруг кот. грелись на фронте танкисты, до «костров созвездий». В поэме **«Одна любовь»** — «И женщина, прекрасна и щедра, / Передо мной костром взлетела алым...». О. были близки писатели, кот. воспринимали землю как «земной шар», как единое целое: Маяковский, Брюсов, Сент-Экзюпери, Мартынов. Можно сказать, что космос, вселенная, звезды, небо, Млечный Путь были для О. знаками романтич. мечты, подобной «вечному хмелю», кот. «сушит в жилах кровь, как будто ветер. / С ним нелегко. С ним дальше цель. / Но без него и счастья нет на свете».

Идея сохранения памяти о безымянных героях прошла через все тв-во О. (в т. ч. в одном из посл. стих. — **«Где вязы кронами сплелись...»**, посвящ. Ю. Друниной). Воспоминания о войне будут пост. возникать и в лирич. поэме «Одна любовь»: «Протравлен солью, / Пылью пропылен, / На сапогах земли пудовой комья, / И звездной жаждой к миру опален, / Не тосковал годами ни о ком я». Здесь о внешне банальной истории интимных отношений семейного мужчины с замужней женщиной — своей перв. любовью — поэт сумел рассказать вдохновенно, с высокой страстью.

Поэт отдал времени право отмерять сердцу: где любовь — и где счастье **(«Я был бы не таким в минувшем веке»)**. Время своего поколения он измерял великой войной и войне позволил определить судьбу любви: «Пусть счастье наше личное война / Легко разбила, как стекло на части. / Но есть любовь — сильней войны она. / А кто сказал, что нет любви без / Счастья?..».

Стихи О. положены на музыку мн. композиторами, в частности, Г. Свиридов написал проникновенное хоровое соч. «Как песня родилась». В Белозерске установлен памятник поэту работы В. Астапова. Дом, где он жил во втор. пол. 1930-х, стал мемориальным музеем. В Белозерске и Вологде память о поэте-земляке увековечена в названиях улиц.

Соч.: Стихотворения. М., 1978; СС: В 3 т. / Предисл. Л. Лавлинского. М., 1979–80.

Лит.: Антокольский П. Стихи танкиста // Комсомольская правда. 1947. 10 окт.; Олеша Ю. Образ и содержание // Новый мир. 1952. № 12; Молдавский Д. О стихах Сергея Орлова // Звезда. 1959. № 5; Гура В. Из родников жизни. Архангельск, 1964; Эльяшевич А. Сергей Орлов // Эльяшевич А. Поэты, стихи, поэзия. Л., 1966; Друнина Ю. Только раз присягают солдаты // Новый мир. 1971. № 11; Левин Л. Гомер гвардейского полка...: О Сергее Орлове // День поэзии. М., 1978; Сергей Орлов: Воспоминания современников. Неопубликованное. Л., 1980; Дементьев В. Мой лейтенант: Книга о Сергее Орлове. М., 1981; Хренков Д. А был он лишь солдат...: Докум. повествование о жизни и тв-ве Сергея Орлова. М., 1981; Оботуров В. Костры на ветру: Поэзия С. Орлова. Архангельск, 1982; Урбан А. Поэзия поступка: Сергей Орлов // Урбан А. В настоящем времени. Л., 1984; Дементьев В. В огне ревущем: Сергей Орлов // Дементьев В. Исповедь земли. М., 1984; Панкеев И. Сергей Орлов: Судьба и тв-во. М., 1988; Иванов Ю. Доказать стихами: Сергей Орлов // Иванов Ю. Поэты фронтовой судьбы. М., 1998; Баранов С. Орлов Сергей Сергеевич // Выдающиеся Вологжане: Биогр. очерки. Вологда, 2005.

М. Пьяных

ОРЛО́ВА Наталья Александровна[1.4.1934, Харьков] — художник-график, акварелист, художник книги.

Родилась в семье морского офицера, выпускника лен. ВВМИУ им. Ф. Дзержинского, капитана 1 ранга. Рисовала с детства. В 1953–55 училась в Лен. городской худож. школе, в 1955–60 — в лен. филиале Полиграфического ин-та, где училась книжной графике и всем видам гравюры на графическом фак-те Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина. Дипломной работой, завершившей курс образования, стали оформление и илл. к сказке Х.-К. Андерсена «Дюймовочка», выполненные акварелью. В годы учебы вела изостудию Дома пионеров Куйбышевского р-на, а после окончания ин-та (1960) преподает в Городской худож. школе, являясь в наст. время ее старейшим и опытнейшим педагогом.

С 1975 член СХ РФ и пост. участник выставок. Работает преимущественно в технике классич. акварели в жанрах станковой графики — натюрморте и пейзаже, доводя работы до высокой степени худож. завершенности. Ее акварели и рисунки с использованием цветных карандашей, а также цветные литографии и пастели отличаются изысканной проработкой деталей и философским осмыслением натурных впечатлений.

Книжная графика О. связана преимущественно с детской кн. Перв. опыт иллюстрирования русской сказки «Курочка-ряба» О. предложила изд-ву «Художник РСФСР» в нач. 1960-х. Кн. была издана, и в дальнейшем художница всегда придерживалась этого правила — сначала выполняла работу по своему выбору, а затем предлагала готовые иллюстрации к изд. Именно так строились ее многолетние отношения с моск. изд-вом «Малыш», где в 1960–70-е вышли оформленные О. «Азбука» Л. Толстого и народные сказки — «Сивка-бурка», «Теремок», «Царевна-лягушка», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Окаменелое царство». Изобразительный язык выполненных акварелью иллюстраций к этим изд. — яркий, красочный, нарядный своей декоративной орнаментальностью, вниманием к деталям, привлекательной открытостью образов и общим наивно-жизнерадостным настроем близкий народному и детскому мировосприятию.

Теми же чертами отличается и целая серия выпущ. в 1970-е диафильмов по сказкам «Колобок», «Лисичка-сестричка и серый волк», «Лисичка со скалочкой», «Пошел козел на базар», «Двенадцать месяцев». Позднее, в 1990-е, кадры этих диафильмов были отпеч. в виде отд. книжек, изд. в альбомном формате с илл. во всю страницу и текстом в орнаментальной рамочке, что отражало специфику оформления диафильмов.

В 1989 О. оформила для изд-ва «Малыш» сказку Андерсена «Оле-Лукойе», акварельные иллюстрации к кот. отличались от прежних усложненной образностью, изысканным цветовым решением и тонкой графич. проработкой деталей. Эти новые черты, пришедшие из станковых работ художницы, отвечали поэтичности андерсеновских образов — сказка переизд. в 1993 в серии изд. для дошкольного возраста в рамках «Федеральной целевой программы книгоиздания России».

Илл.: Курочка-ряба. Л., 1962; Л. Толстой. Азбука. Л., 1963; Царевна-лягушка. Л., 1963; Лисичка со скалочкой. СПб., 1993; Х.-К. Андерсен. Оле-Лукойе. Л., 1989 (СПб., 1993).

О. Родосская

ОРЛО́ВСКАЯ Вера Дмитриевна [12.4.1957, с. Ново-Николаевка Мелитопольского р-на Запорожской обл.] — поэт, прозаик, переводчик.

В 1984 закончила Лит. ин-т им. М. Горького. Работала в биб-ке, журналистом, переводчиком.

Перв. публикация состоялась в 1990. Член СП России с 2009.

Соч.: Древо: Стихи и переводы. СПб., 1997; Свободные от любви: Новеллы. СПб., 2007; Нечаянный свет: Стихи. СПб., 2009; Темные силы электричества: Роман. СПб., 2010; Белый ветер: Стихи. СПб., 2011.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ОРНА́ТСКАЯ Тамара Ивановна [18.5.1935, ст. Песочная Сестрорецкого р-на Л-да] — литературовед, текстолог.

Родилась в семье инженера и учительницы. Внучка протоиерея Иоанна Орнатского, арестованного в 1936 и спустя год погибшего в лагере. Воспитывалась бабушкой, его вдовой Анной Семеновной Малкиной, племянницей св. прав. Иоанна Кронштадтского. В доме хранились памятные вещи кронштадтского пастыря и его рукописные дневники, кот. О. читала еще в детстве. В блокаду мать умерла от голода, О. эвакуировалась с отцом в Свердловск, затем до лета 1945 жила в Самарканде, где училась в школе. Вернувшись в Л-д, окончила школу (1953) и филологич. фак-т ЛГУ (1954–58).

С 1959 работала в ИРЛИ АН СССР в должности ст. науч. сотрудника Сектора фольклора, участница фольклорных экспедиций. С 1965 — науч. сотрудник Тургеневской группы. В1964–67 обучалась в заочной аспирантуре ЛГУ, в 1969 защитила канд. дис. **«Причитания в русской фольклорной традиции»** (науч. рук. В. Я. Пропп). С 1970 — науч. сотрудник Группы по изданию ПСС Ф. Достоевского. В 1991 перешла в группу по изданию ПСС И. Гончарова (с 1992 — вед. науч. сотр.). В 1991 в ЛГУ защитила докт. дис. **«Текстологические аспекты литературоведческих исследований (На мат-ле русской литры XIX в.»**.

Актив. участник академ. изданий ПСС И. Тургенева, Ф. Достоевского, И. Гончарова, А. Островского, А. Чехова. Автор более 200 науч. публ. и ст, в т. ч. в «Тургеневских сб.» (Вып. 2–5. Л., 1966–69); сб. «Достоевский: Мат-лы и иссл.» (Вып. 1, 3, 5–10. Л., 1974–92); «И. А. Гончаров: Иссл. и мат-лы» (М., 2000); «Лит. наследство. Т. 102. И. А. Гончаров» (М., 2000) и др. Выпустила кн. **«Библиография лит-ры о И. С. Тургеневе. 1918–67»** (Л., 1970); в соавторстве с И. Якубович составила трехтомную **«Летопись жизни и тв-ва Ф. М. Достоевского»** (СПб., 1993–99).

С 1990-х ведет работу по текстологич. подготовке академ. ПСС Гончарова, являясь членом редколл. этого изд. и отв. редактором неск. томов. Провела архивные разыскания в М. и СПб., обнаружила значительное число прежде не известных писем и др. текстов Гончарова.

В серии «Лит. памятники» подготовила изд. **«Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово»** (Л., 1989; 2-е изд. — 2013). Это перв. науч. публикация памятника русской мемуарной литературы — рассказов моск. дворянки Е. П. Яньковой (1768–1861), записанных ее внуком Д. Д. Благово (1827–97, в монашестве архимандрит Пимен). Кн. содержит развернутые сцены жизни старомосковской семьи, а также рассказы о временах, начиная с эпохи Петра Великого, с кот. был лично знаком прадед Яньковой, знаменитый историк В. Татищев.

Вместе с коллегой, литературоведом Л. Емельяновым, подг. издание **«"России верные сыны...": Отеч. война 1812 года в русской лит-ре первой пол. XIX в.»** (В 2 т. Л., 1988). В антологию вошли поэзия и проза русских писателей — участников Отеч. войны 1812-го (Ф. Глинки, К. Батюшкова, Д. Давыдова, Н. Дуровой, М. Орлова), а также их старших собратьев по перу (Г. Державина, Н. Карамзина, И. Крылова) и их наследников (А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Дельвига, Н. Языкова).

Труды О. как авторитетного текстолога русской лит-ры получили мировое признание. О. — участник мн. междунар. конференций (М., СПб., Ульяновск, Женева, Бамберг и др.), где выступала с д-дами, посвящ. тв-ву Гончарова и Достоевского. В 1998 провела два месяца в ун-те г. Бамберга, выступала с лекциями в Геттингене, Саарбрюкене и Бамберге.

Правнучатая племянница отца Иоанна Кронштадтского, потомок священномучеников Иоанна и Философа Орнатских, О. стала исследователем и публикатором наследия о. Иоанна Кронштадского. Академич. текстологич. подготовка помогает О. в изучении его текстов, разборе трудночитаемого почерка. Член редколл. и отв. ред. многотомного изд. «Дневников» о. Иоанна (в 2002–12 в моск. изд-ве «Отчий дом» вышло 6 т., издание продолжается), куда включаются изв. на сегодняшний день в оригиналах его личные дневники. В них раскрывается духовная жизнь, внутр. мир святого. Вместе с Ю. Балакшиной подготовила двухтомное изд. писем о. Иоанна (М., 2011).

Отв. редактор и составитель церковно-ист. альм. «Кронштадтский пастырь» (Вып. 1, 2002; вып. 2, 2010); т. о. она продолжила дело своего деда — протоиерея Иоанна Орнатского, редактора основанного в 1911 ж. «Кронштадтский пастырь». Одна из сост. кн. «Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев» (М., 2004; 2011). В книгу включены воспоминания, кот. позволяет достоверно воссоздать личность кронштадтского пастыря в атмосфере его времени, понять его влияние на эпоху и современников, от первых лиц государства до простонародья.

Участвовала в подготовке кн. «Протоиерей Иоанн Орнатский. Воспоминания о Кронштадтском пастыре» (М., 2008). Автор книги, протоиерей Иоанн Орантский (1870–1937), священник Леушинского подворья в СПб., настоятель храмов закрытого в 1922-м Иоанновского монастыря на Карповке, был ближайшим помощником, учеником и последователем о. Иоанна Кронштадского, присутствовал при его кончине. В книгу вошло составленное О. «Жизнеописание протоиерея Иоанна Орнатского».

Работы О. посвящены и брату о. Иоанна — священномученику Философу Орнатскому, последнему перед закрытием настоятелю кафедрального Казанского собора. Выступила с д-дом **«Труды священномученика протоиерея Философа Орнатского»** на конф. «Казанский собор — храм и памятник российской воинской славы» (СПб., 2011).

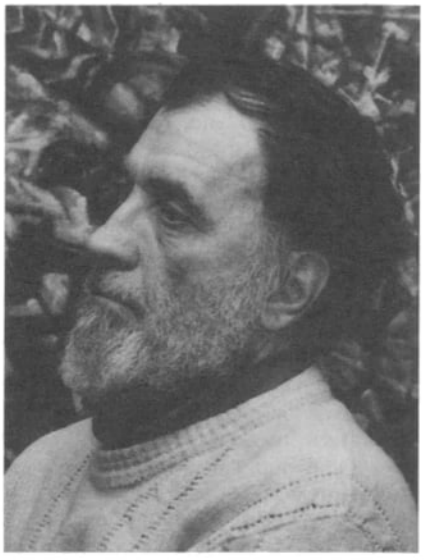
Обширные знания и замечательные человеческие кач-ва О. снискали ей авторитет и уважение среди литературоведов в России и за рубежом.

Соч.: Рассказы Е. П. Яньковой, записанные Д. Д. Благово // Рассказы бабушки... Л., 1989; Матушка Анна. Рассказ о любимой племяннице о. Иоанна Кронштадтского ее внучки // www.rspp.su/pravoslavie/texts/kronstadtsky/biography.html; Дневники св. Иоанна Кронштадтского: Каким был почерк святого? // www.nsad.ru, публ. 2013. 2 янв.

Лит.: Погосов А. Готовится Второй Том Дневников Святого Иоанна Кронштадтского // Церковный вестник. 2003. № 5; Беловолов Г., прот. 1) «Мы мало знаем о Батюшке Иоанне» // http://www.pravoslavie.ru/smi/36797.htm; 2) Почему Репин рисовал Иоанна Кронштадтского? // http://otets-gennadiy.livejournal.com/72200.html; 3) Внучка Иоанна Кронштадтского. О Любови Алексеевне Малкиной — внучатой племяннице о. Иоанна Кронштадтского // Мгарский колокол. 2009, март. № 74.

А. Любомудров

ОСТА́НИН Борис Владимирович [1.10.1946, пос. Баян-Обо, Монголия] — эссеист, лит. критик, переводчик, редактор.



Отец — воен. летчик, погиб в 1956; мать — домохозяйка. В детстве в связи со службой отца часто менял место жительства (Забайкалье, Польша, Казахстан, М., Харьков, Таганрог, Белоруссия). В 1961 оказался с отчимом и матерью в Л-де. Окончил с золотой медалью школу № 135, в 1964 поступил на математико-механический фак-т ЛГУ.

Осенью 1965 вместе с сокурсниками нач. выпускать факультетскую стенгазету «Плюс-минус бесконечность», кот. была запрещена по решению парткома за публ. статьи О. **«Не повторим ошибки отцов»** и стихов И. Бродского. По окончании ун-та работал в системе АН СССР (ЛО ИИЕТ) и в НИИКСИ. В 1972 по идей-

ным соображениям отказался от офиц. карьеры, почти 20 лет работал дворником, почтальоном, кочегаром угольной котельной, сторожем на лодочной стоянке, лифтером, оператором газовой котельной.

В 1970-е познакомился с Б. Ивановым, В. Кривулиным, Е. Шварц, В. Кушевым, А. Драгомощенко, с кот. долгие годы поддерживал дружеские отношения. Участвовал в лит. вечерах («Шимпозиумах») у Е. Шварц.

С 1976 — соредактор (совм. с Б. Ивановым) самиздатского ж. «Часы», в кот. печ. под многочисленными псевд. (П. Неслухов, И. Бонч, Е. Горчаков-Горбунов, А. Субботин, О. Владимиров, А. Фомин). Опубл. в «Часах» подборку афоризмов «Пунктиры», неск. критич. статей и рец., в т. ч. в соавт. с А. Кобаком, А. Драгомощенко, К. Козыревым, В. Антоновым. Вел в ж. отдел переводов, где в его переводах появились пьесы А. Камю, Ж. Жене, Ж.-П. Сартра, Э. Ионеско, «Тибетская книга мертвых» (совм. с В. Кучерявкиным), кн. К. Кастанеды и др.

В 1979 вместе с Б. Ивановым организовал 1-ю и 2-ю Конференции неофиц. культурного движения. Один из учредителей Лит. премии Андрея Белого, бессменный член ее жюри. Входил в число основателей «Клуба–81», но членом его не был (из тактических соображений было решено оставить одного из редакторов ж. «Часы» вне Клуба, чтобы исключить возможность торга органов КГБ — открытие Клуба в обмен на закрытие ж.). В 1985 вместе с А. Кобаком написал д-д **«Молния и радуга: пути культуры 60–80-х гг.»**, кот. был зачитан в «Клубе–81» на симпозиуме «Пути культуры 60–80-х гг.» и вызвал трехдневную дискуссию.

В 1986 один из организаторов творч. лаборатории «Поэтическая функция» при ЛО Сов. Фонда культуры, в деятельности кот. принимало участие свыше 70 членов и членов-корр. из Л-да, М., Свердловска, Саратова и др. городов. Под эгидой лаборатории были проведены три междисциплинарных конф. «Новые языки в искусстве» (в 1987 и 1989 — в Л-де, в 1988 — в М.), конф. «Независимая культура Л-да 1950–70-х гг.» (1989), 1-я Международная летняя школа «Язык — сознание — общество» (1989). По мат-лам конференций и школы подготовил неск. сб. «Новые языки в искусстве» (не изд.), часть мат-лов из них была в 1991 опубл. в редактируемом О. совм. с А. Горноном ж. «Лабиринт/Эксцентр». В 1987 «Поэтической функцией» была учреждена и неск. лет присуждалась лит. премия Э/Е для переводчиков. Краткая программа деятельности творч. лаборатории «Поэтическая функция», составленная в 1987 О., А. Драгомощенко и Г. Тульчинским, предусматривала организацию Музея экспериментального изобраз. искусства, выпуск ежеквартального ж. «Поэтич. функция: теория и практика новой поэзии», издание альм. «Архив совр. сов. лит-ры» и «Невский архив», воссоздание на кооперативных началах артистич. кафе «Бродячая собака», устройство Курсов совр. поэтики, организацию Института-музея В. Хлебникова. Некот. инициативы, впервые сформулированные в этой программе, получили развитие и реальное воплощение в 1990-е.

В 1989 руководил поэтич. секцией в Свободном ун-те (среди слушателей — Д. Голынко-Вольфсон, А. Мирзаев, Р. Миронов, А. Скидан и др.).

В 1990 — ред. изд-ва «Обертон», издавшего под маркой «Васильевский о-в» первую в СССР кн. С. Довлатова («Заповедник») и сб. Л. Аронзона («Стихотворения»). В 1991 под ред. О. вышла кн. «О жизни православных святых, иконах и праздниках» (изд-во Ин-та культуры).

В 1992–97 работал гл. ред. в «Издве Чернышева», где выпустил соч. С. Беккета, А. Роб-Грийе, К. Леонтьева, Г. Гурджиева, П. Успенского, К. Кастанеды, историко-церковную энц. «Святыни СПб.» В. Антонова и А. Кобака, биобиблиогр. словарь «Художники русской эмиграции» Д. Северюхина и О. Лейкинда и др.

На протяжении мн. лет редактировал переводы, ранее ходившие в самиздате, в изд-вах «Северо-Запад», «Азбука», «Амфора», «Симпозиум», в изд-ве Высшей религиозно-философской школы (соч. М. Хайдеггера, Э. Левинаса, С. Беккета, Т. Пинчона, Б. Виана, Ж. Перека, Р. Кено, М. Павича, С. Хусейна, А. Стриндберга, Я. Кавабаты и др., в соавт. с переводчиком В. Лапицким — соч. Дж. Барта, А. Картер, Ж. Батая, М. Бланшо, П. Клоссовского, П. Бетанкура, А. Володина и др.). В 2007 вернулся работать оператором в газовую котельную.

Автор двух кн. афоризмов **«Пунктиры»** (2000), **«Белые флаги»** (2004) и двух сб. лит.-критич. ст. **«Молния и радуга»** (2003, совм. с А. Кобаком), **«На бреющем полете»** (2009). Один из составителей лит. энц. «Самиздат Л-да: 1950-е — 80-е» (2003), составитель трех вып. альм. «Премия Андрея Белого» (2007 и 2011), организатор и редактор сайта премии Андрея Белого <belyprize.ru>.

Гл. лит. занятие О. (перевод и лит. критику оставил в 1980-е, многолетним редактированием заним. ради заработка) — эссеистика, афористика, записи в **«Дневник частного лица»**, в кот. он фиксирует «свои мысли, замыслы, словечки, впечатления от природы, выписки из прочитанных книг, полюбившиеся выражения, бытовые картинки и т. п.» (Б. Мартынов). Эти фрагментарные записи, кот. сам О. называет *пунктирами*, восходят к французским эссеистам (Паскаль, Ларошфуко), но более, пожалуй, к «опавшим листьям» А.-Ф. Амьеля и В. Розанова, к дневникам М. Пришвина и М. Чорана. В. Савчук видит в соч. О. 1970-х «предчувствие нашего времени, времени выхода на сцену лит-ры, получившей название non-fiction».

Что касается лит. критики, кот. О., по его словам, вел в 1980-е «по необходимости» (в ж. «Часы» из номера в номер пустовали разделы «Критика» и «Литературоведение»), то она интересна по меньшей мере в двух отношениях: своим жанровым и формальным разнообразием (пьесы, коллажи, доклады, письма, «эмблемный анализ», «гипертексты», совместное тв-во) и новаторским духом (почти все ст. посвящ. книгам и авторам, писать о кот. офиц. сов. литературоведы и критики избегали). Таковы сочинения о А. Введенском, Е. Шварц, Л. Богданове, Ю. Колкере, О. Бешенковской, С. Грофе, У. Эко, ж. «Беседа», «Транспонанс», «Предлог», прозорливая ст. о грядущей перестройке **«Молния и радуга»** и др. О. Серебряная пишет по поводу **«Перчатки с левой руки»** (диалог, напис. О. в соавт. с А. Драгомощенко): «Замечательный по остроумию текст, в кот. тонко пародируется рамка платоновского диалога, структуралистские разборки текстов и бытовые реалии 70-х. Меня

в связи с этим текстом поразила мощь гуманитарной образованности авторов. Удивительно, но профессиональные философы, кот. учили меня в университете в 90-е, никогда такой виртуозности в структуралистских операциях не достигали», а о рец. на ж. «Беседа»: «Удивительно было читать, что в 1986 году в "Часах" обсуждались книги М. Серра и П. Слотердайка. Слотердайк, впервые вышедший по-русски в 2001 г., я помню, наделал много шуму среди профессиональных философов в университете. Казался горячей новинкой. Опять андеграунд оказался впереди "специалистов". Или появившаяся в 1987 г. в "Часах" подробная рецензия на "Имя розы" Умберто Эко. Как-то даже непостижимо...».

Дипломант Анциферовской премии (2003), лауреат премии «Серебряная литера» (2004), лауреат Международной лит. премии Наджи Наамана (Ливан, 2012).

В 2012 по инициативе Б. Иванова и О. учрежден «СПб. культурный центр им. Андрея Белого».

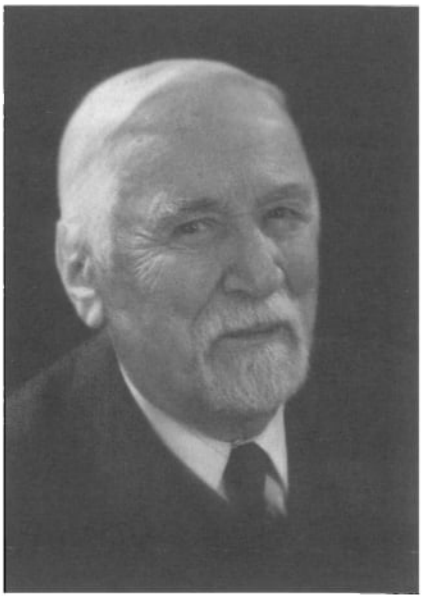
Соч.: Пунктиры. СПб., 2000; Молния и радуга: Лит.-критич. ст. 1980-х гг. СПб., 2003; Белые флаги. СПб., 2004: На бреющем полете. СПб., 2009; Театр в театре: Сб. пьес / Пер. с франц. и англ. яз. — А. Камю, Ж.-П. Сартр, Э. Ионеско, Д. Мамет. NY., 2011.

Лит.: Петрова А. Оредежские чтения // НЛО. 1998. № 29; Драгомощенко А. Прыжок короля // Петербург. На Невском. 1999. № 5; Савчук В. [Рец. на кн. «Пунктиры»] // Новая русская кн. 2000. № 3; Северюхин Д. Вечер в Летнем саду. СПб., 2000; Булкина И. [Рец. на кн. «Молния и радуга»] // НЛО. 2004. № 69; Елагина Е. Золушка и ее золотая зола // Нева. 2006. № 2; Серебряная О. Книги выходят, а разговоры о них не получаются // 812'Online. 2009. 15 дек.; Шпаков В. Повод для разговора // Питербook. 2010. 6 янв.; Уланов А. Текст повышенного внимания // Знамя. 2010. № 6.

С. О.

ОСТРО́ВСКАЯ Нина Аркадьевна [31.12.1923, Л-д — 27.5.2006, СПб.] — поэт, прозаик.

Родилась в семье служащих. Училась в 1-ой Образцовой школе (ныне гимназия № 2), закончила с «отличием». Уже в школьные годы писала стихи. В блокаду оставалась в Л-де, здесь же погиб ее ст. брат Юрий.



После школы окончила Горный ин-т (1950). Работала геологом-съемщиком. Была в экспедициях в Якутии, Саянах, на Урале, в Приморье, на Алтае. Много лет работала в Карелии и жила в Петрозаводске. Посл. годы работала в Северо-Западном геологическом управлении в Л-де.

Перв. стихи напеч. в «Пионерской правде» в 1936. Рассказы публ. в ж-лах и альм.

В послевоен. годы изд. сб. стихов **«Костры экспедиций»** (1955), **«Далекий маршрут»** (1961), **«Судьба»** (1987) и др.

Лауреат лит. молодежного конкурса РСВФСР, перв. премия (1940).

Жила с матерью до ее глубокой старости.

Соч.: Костры экспедиций: Стихи. Петрозаводск, 1955; Стихи. М., 1959; Далекий маршрут: Стихи. Петрозаводск, 1961; Судьба: Стихи. Л., 1987; Облепиха: Стихи: СПб., 1999; Когда-нибудь: Кн. лирики. СПб., 2002; Цветок на окне: Стихи. Поэма. СПб., 2005; «Поэзию любят красивые люди...» / Сост. А. Раков. СПб., 2013.

Лит.: Биобиблиогр. справочник СПбО СП России / Сост. А. Белинский. СПб., 2011.

ОТКУПЩИКО́В Юрий Владимирович [29.8.1924, Казань — 25.9.2010, Л-д, похоронен на кладб. в Ст. Петергофе] — лингвист, индоевропеист, филолог-классик, балтист.

Родители О. из Казани. Отец, Владимир Васильевич О., родом из бедной семьи, был самоучкой, начал работать после 4-х классов церковно-приходской школы в заводской конторке, впоследствии гл. бухгалтер на з-де. Посл. годы жил и работал в Рязани. В 1953 ему предлагали стать главбухом ЛГУ, но он отказался, сказав, что хорошо разбирается только в работе на промышленных предприятиях. Мать О., Софья Ивановна (в девич. Соснина), училась в Казани в одной гимназии с Л. Гинзбург, работала в отделе кадров на одном из предприятий в Казани.

К нач. Великой Отеч. войны закончил 9 классов казанской средней школы. В теч. недели учился на курсах трактористов, затем лето и осень работал трактористом и сельскохозяйственным рабочим на полях Татарии. В нояб.-дек. 1941 вместе с одноклассниками находился «на окопах», на строительстве противотанковых рвов по правому берегу Волги к югу от Казани. Программу 10-го класса осваивал только с февр. по май 1942-го. Одновременно работал во вторую смену столяром на мебельной фабрике, где изготавливал ящики для мин. Летом 1942 окончил курсы воен. шоферов, в сент. того же года ушел на фронт добровольцем, обманув врачей, отказывавшихся брать его на передовую из-за искалеченной перенесенным в раннем дет-

стве полиомиелитом ноги. Сражался в рядах морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота, участвовал в обороне блокированного фашистами Л-да, в составе десантной бригады освобождал Петергоф, прошел до конца всю войну, застав ее окончание под Таллинном. Награжден орденом Отеч. войны II степ., медалями «За оборону Л-да», «За победу над Германией в 1941–45 гг.», юбилейными медалями.

В 1945, вопреки ожиданиям школьных учителей, отмечавших у юноши блестящие математич. способности, стал студентом отд. русской истории Казанского ун-та. Зачисленный на отд. русской истории, по совету своего школьного учителя русского яз. и лит-ры, еще до начала занятий перевелся на отд. классической филологии, и в теч. первых трех лет обучения сдавал экзамены по двум отделениям.

Научную работу начал еще в студенч. годы. В 1946, будучи студентом 1 курса, за исследование **«Варяги и образование Киевского государства»** получил II Университетскую премию на конкурсе среди 80 студенч. работ (в основном дипломных соч.) всех фак-тов Казанского ун-та. Нужно было обладать смелостью, чтобы в атмосфере сер.-кон. 1940-х защищать норманнскую теорию, считавшуюся офиц. историографией вплоть до кон. 1980-х антинаучной (только недавнее фронтовое прошлое спасало молодого человека от неприятностей).

В университетские годы работал в составе четырех археологич. экспедиций, был науч. сотрудником Гос. музея г. Казани. Археологич. подготовка помогла О. при работе над монографией **«Догреческий субстрат»**, вышедшей позднее (1988). На кон. 1940-х приходится и перв. педагогич. опыт О.: работал в мужской гимназии Казани преподавателем латинского яз.

В студенч. годы перевел единственную не изд. в то время в переводе на русский яз. трагедию Еврипида «Просительницы». Анализу этой трагедии было посвящ. дипломное соч. студента О., кот. офиц. оппоненты предложили представить в качестве канд. дис. О. отказался от предложения защиты канд. степени и места в аспирантуре по археологии в Казанском филиале АН, но по приглашению акад. И. Толстого уехал сдавать экзамены в аспирантуру ЛГУ. Осенью 1950 стал аспирантом кафедры классич. филологии и продолжил науч. работу под рук. И. Толстого. В июне 1953, ранее окончания срока аспирантуры, успешно защитил канд. дис. **«Социально-политические идеи в тв-ве Еврипида»**. Тогда же начал преподавательскую деятельность на кафедре классической филологии ЛГУ: читал курсы лекций по истории античной лит-ры, вел занятия по латинскому и древнегреческому яз.

В 1956 был командирован на три года в Улан-Батор, где готовил для Монголии местные кадры преподавателей латинского яз. (с недельной нагрузкой в 54 часа). Плохое знание монгольскими студентами русского яз. побудило О. изучать монгольский яз. и наряду с русскими примерами использовать в преподавании латыни монгольские параллели.

Вернувшись в Л-д, продолжил работу на кафедре классич. филологии ЛГУ. Постепенно в круг его науч. интересов в качестве приоритетных направлений вошли следующие лингвистич. проблемы: сравнительная грамматика индоевропейских языков, принципы и методика этимологич. анализа, балто-славянские лексич. связи. Внезапное обращение исследователя древнегреческой драмы к узко лингвистич. проблематике не было случайностью — он с большим вниманием слушал лекции проф. И. Тронского, черпал в них вдохновение для будущих открытий и умел критически воспринять информацию, из каких бы авторитетных уст она ни исходила. Плодом науч. изысканий в обл. лингвистики стала вышедшая в свет в 1967 монография **«Из истории индоевропейского словообразования»** (Л., 1967; 2-е изд. — 2005), кот. была успешно защищена в качестве докт. дис. Осн. темы монографии — реинтерпретация закона Лахмана, место и роль сонантов в структуре индоевропейского корня, огласовка форм латинского и старославянского аориста, происхождение латинских итеративных глаголов, славянские образования с суффиксом -d, методика этимологич. исследования и др. Годом раньше была опубл. работа **«Карийские надписи Африки»**, представляющая собой интересную попытку интерпретации до сих пор не дешифрованных карийских текстов (этой же проблеме отведена глава и в более поздней монографии «Догреческий субстрат»). Монография **«Догреческий субстрат»** (Л., 1988), основанная на тщательном анализе словообразовательных моделей греческой топонимики и ономастики и отмеченная Университетской премией, посвящ. анализу следов догреческого субстрата и палеобалканских языков.

В 2005 вышло четвертое изд. научно-популярной кн. О. **«К истокам слова»**, кот. знакомит широкие круги читателей с проблемами этимологич. исследования (предыдущие изд. кн. — 1968, 1973, 1986). Ссылки на эту научно-популярную книгу можно встретить и в весьма солидных ученых трудах. Написанная простым и ясным языком, но не в ущерб сложности предмета, она посвящ. конкретным приемам и трудностям этимологич. анализа, с захватывающими примерами происхождения слов различных яз.

В науч. деятельности О. был скорее скептиком и принимался г. о. за конкретные проблемы, кот., по его мнению, могли быть решены методом строгой логич. аргументации на основе объективного анализа доступных исследователю языковых фактов — потому центр. место в его наследии занимает анализ конкретного этимологич. мат-ла (**«Из палеобалканской ономастики Сев. Причерноморья (*Пантикап и Пантикапей*)»**; **«О происхождении слов *рамень* и *раменье*»**; **«О происхождении слова *невеста*»**; **«Из балтийской демонологии [лит., лтш. *ragana* 'ведьма']»**). Три последние этимологии перепеч. в кн. **«Очерки по этимологии»** (СПб., 2001).

О международном признании науч. авторитета О. в лингвистике свидетельствуют публикации его работ в зарубежных изд., многочисленные рец. на его книги, в т. ч. в науч. ж. Франции, Германии, США.

Исключительное значение имеет исследование О. древней гидронимии бассейна Оки, ставшее итогом пятидесятилетней работы над принципами этимологич. анализа и яркой иллюстрацией их на труднейшем для этимологизации ономастическом

мат-ле (**Древняя гидронимия бассейна Оки** // Балто-славянские исследования XVI. Сб. науч. трудов. М., 2004). Важный вклад О. внес в разработку таких проблем, как происхождение индоевропейских рядов гуттуральных, история исчезновения -u основ в индоевропейских языках, балто-славянские яз. отношения, ономастика Сев. Причерноморья, индоевропейские существительные с -ē основой, семантический и словообразовательный аспекты этимологич. исследования и мн. др.

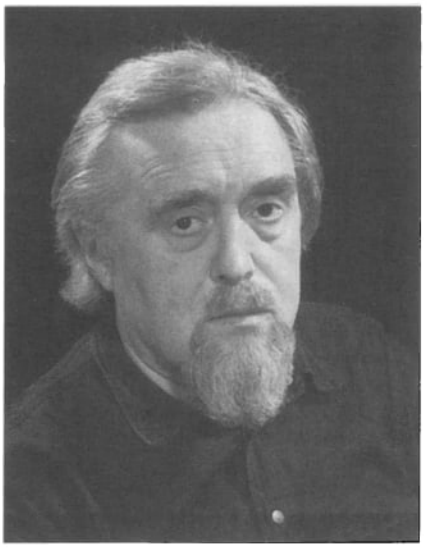
В теч. более 50 лет О. преподавал на филологич. фак-те ЛГУ (СПбГУ), с 1971 по 1992 — зав. кафедрой классич. филологии. Читал курс лекций по историч. грамматике латинского яз., спецкурсы по совр. проблемам этимологич. науки, догреческой ономастике, балто-славянским языковым отношениям.

Соч.: Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967 (2-е изд. — 2005); К истокам слова. М., 1968 (1973, 1986, 2005).; Догреческий субстрат. Из истоков европейской цивилизации. Л., 1988; Фестский диск. Проблемы дешифровки. СПб., 2000; Очерки по этимологии. СПб., 2001; Opera philologica minora (Античная лит-ра. Языкознание). М., 2001.

Лит.: Sabaliauskas A. Otkupšikovas Jurijus // Lietuviškoji tarybinė enciklopedija. T. 8. Vilnius, 1981; Sabaliauskas A. Lietuvių kalbos tyrinėjimo istorija. Vilnius, 1982; Sabaliauskas A. Jurijus Otkupščikovas // Mintis ir ženklas. Vilnius, 1983; Измерить годами трудно (к 60-летию Ю. В. Откупщикова) // Лен. ун-т. 1984. 7 сент.; Sabaliauskas A. Otkupšikovas Jurijus // Tarybų Lietuvos enciklopedija. T. 3. Vilnius, 1987; Palionis J., Sabaliauskas A. Rytų slavų kalbininkai lituanistikos baruose. Vilnius, 1990; Неустроева И. Юрий Владимирович Откупщиков. Указатель науч. публикаций. СПб., 1994; Зайцев А., Неустроева И. Ю. В. Откупщиков (к 75-летию со дня рождения) // Вестник СПбГУ. 1994. Вып. 3; Зайцев А. Юрий Владимирович Откупщиков (к 75-летию со дня рождения) // Linguistica et philologica. Сб. СПб., 1999; Sabaliauskas A. Otkupščikov Jurij // Lietuvių kalbos enciklopedija. Vilnius, 1999; Филимонов Е. Магия голоса // СПб. ун-т. 2004. № 20 (3678), 15 сент.; Откупщиков Юрий Владимирович // Профессора СПбГУ. СПб., 2004; Гидулянова Ю. К 80-летию проф. Юрия Владимировича Откупщикова // Ялик. 2005. № 62. Февр.; Рутман М. Если мать провожает с улыбкой... // СПб. ведомости. 2008. 8 мая; Sabaliauskas A. Otkupščikov Jurij // Lietuvių kalbos enciklopedija. Vilnius, 2008; Откупщиков Юрий Владимирович // Почетные проф. СПбГУ. СПб., 2009; Проф. Юрий Владимирович Откупщиков: К 85-летию со дня рождения. СПб., 2009; Andronovas A., Filimonovas J. Jurijus V. Otkupščikovas // Baltistica. XLVI (2), Vilnius, 2011.

С. Рубцова, Е. Филимонов

ОТРА́ДИН Михаил Васильевич [22.10.1941, с. Солотча Рязанской обл.] — историк лит-ры.



Родился по дороге в эвакуацию из Л-да на родину матери в д. Варламово Вологодской обл. Отец — кадровый офицер. Детство прошло на Васильевском о-ве в Л-де и в Варламово. Увлекался волейболом, баскетболом, др. видами спорта. В 1962 поступил на веч. отд. филологич. фак-та ЛГУ. Работал экспедитором, электромонтажником, рабочим садово-паркового хозяйства, экскурсоводом, проходил студенч. практику в ж. «Нева». После 3 курса переведен на дневное отд., был членом профбюро фак-та, ученик проф. Д. Е. Максимова. С 1966 (после окончания ЛГУ) работал в газ. фабрики «Красный треугольник», а также «Скороходовский рабочий». С 1972 зав. отд. лит-ры и искусства газ. «Смена», в обход запретов печатал воен. прозу Б. Вахтина, стихи О. Ахапкина.

В 1975 поступил в аспирантуру на каф. ист. русской лит-ры филол. факта ЛГУ, в 1978 защитил канд. дис. **«Тв-во Д. В. Григоровича 1850-х гг.»** (рук. проф. И. Г. Ямпольский). Тогда же начал читать курс **«История русской лит-ры XIX в. (втор. пол.)»**, с 1980-х — спецкурс **«Люди 40-х годов в жизни и в лит-ре»**, с 1990-х — спецкурсы **«"Лит. путешествие" в русской лит-ре XIX в.»**, **«Петербург в русской лит-ре XIX в.»**, с 2000-х — спецкурс **«Первые среди вторых (Панаев, Григорович, Писемский, Апухтин)»**, **«Книга И. Гончарова "Фрегат 'Паллада,' и традиции лит. путешествия»**, ведет спецсеминар **«И. А. Гончаров и лит-ра его времени»**. В 1997 защитил докт. дис. **«Проза И. А. Гончарова в лит. контексте»**. Проф.

В трудах О. раскрывается глубина и богатство лит. жизни 1840–70-х, её связи с европейской лит-рой того времени. В центре внимания О. — личность автора, драматич. коллизии лит. полемики, сложные мотивы человеч. отношений. В контексте русской лит-ры второй пол. XIX в. О. обнаруживает явления, зарождавшиеся в 1840–50-е: так, герой «физиологической» повести И. Панаева «Родственники», по наблюдениям О., предвосхищает тургеневского «Рудина» и др.

Петерб. тема становится одной из важнейших для О. — ред. и составителя сб. «Петербург в русской поэзии XVIII — первой трети XX вв.» (2002). Во вст. статье отмечается, что «мажорная нота» восторга в поэзии XVIII в. сменяется чувством привязанности к городу — произведению искусства в перв. трети XIX-ого (К. Батюшков, П. Вяземский), тема двойственности, противоречивости образа Петра I и Петербурга звучит в «Медном всаднике», развивается в спорах западников и славянофилов 1840–50-х, «город пышный, город бедный» вызывает одновременно чувство привязанности и отторжения, сатирич. тема развивается в стихах шестидесятников В. Курочкина, Д. Минаева, в кон. XIX-ого — начале XX-ого, словно подчиняясь законам гегелевской триады, поэзия возвращается к восторженно-любовному «архитектурному пейзажу», сходному с гравюрами XVIII в. (Георгий Иванов, А. Ахматова). Споря, в частности, с Эйхенбаумом, называвшим Петербург городом «без души», с теми, кто

считает Петербург явлением неорганичным для России, О. доказывает, что, напротив, «по сути своей и по судьбе» это «очень русский город».

В **«"Бесприданнице" А. Островского»** (2007) О. раскрывает психологич. глубину мотивов пьесы, переставляя традиционно расставленные акценты. Анализируя поведение героев в перв. действиях пьесы, исследователь обнаруживает «надрыв», «что-то жутковатое в лихорадочном желании» Паратова, Карандышева, Кнурова, Вожеватова побыстрее развеселиться, делая вывод о предопределенности финальной трагедии, в Карандышеве видит вторую после Ларисы трагич. фигуру пьесы, в Паратове — человека, «уставшего от роли "сокола"», в Ларисе — отсвет не женской, но «общечеловеческой любви», кот. вспыхивает в ней на минуту перед смертью.

Специалист по тв-ву Гончарова, О. исследует эволюцию писателя от ранних очерков, записок к романам. «Фрегат "Паллада"», по О., — путешествие не только в пространстве, но и во времени: от Англии до Японии представлены этапы развития цивилизации, в соответствии с теорией возрастной эволюции человека от детства к старости. Обозначив противостояние Запада и Востока раньше Киплинга, Гончаров не без иронии противопоставляет функциональность «специального», деятельного западного человека («Лондон запер лавки, сомнений нет: он очень печален») созерцательному, «добуржуазному» безделью русского барина, открытого для проявлений человечности. По наблюдениям О., во «Фрегате....» не только лирическое (собака в Японии «лает, как будто на иностранном языке»), но и эпическое существуют по «правде искусства», а не реального события, даже если это событие — подвиг, свидетелем кот. не раз бывал Гончаров. О.-исследователь признает за автором право на эту особую правду. Подобная позиция проявится и в работах О. о романах Гончарова, особенно о романе «Обломов», в кот. развита и тема «специальных людей», и тема действенного или созерцательного отношения к жизни. Гончаров — писатель, отражающий многообразие противоречий: «искусство и действительность у него не сливаются, но и не отрицают друг друга, вступая в сложные и разнообразные отношения». Штольц и литератор, кот. слушает историю Ильи Ильича, находятся в ист., линейном времени, а Обломов остался в «круговом», замкнутом. В связи с этим О. называет «готовность и потребность отдаться мечте, погрузиться в воображаемый мир — важнейшей чертой» Обломова, вот почему, с точки зрения О., настоящая «история любви Обломова — исключительное событие, аномалия, "болезнь"». Разработка теории линейного и цикличного времени, корни кот. обнаруживаются в античной философии, — одна из ключевых в работах О. Временная диада вбирает в себя и концепцию модальной «правды искусства» и «реальной» правды жизни: «главного героя можно понять до конца только тогда, когда нам раскроется смысл обоих типов существования, к кот. он оказался причастен, и взаимодействие этих смыслов в границах единой судьбы героя». О. утверждает, что «сюжет "Обломова" открыт в том смысле, что в итоге прослеженных сопоставлений у читателя нет твердого знания, какой из миров более "прав", более закономерен», в этом смысле роман предвосхищает открытия лит-ры уже XX в.

В монографии по мат-лам докт. дис. (1994) О. характеризует процесс романного тв-ва Гончарова, от раннего очерка «Иван Савич Поджабрин» до романов «Обломов» и «Обыкновенная история», исследует ист. и философские взгляды писателя на фоне совр. ему лит-ры и публицистики. О. считает «важнейшими особенностями» лит-ры «заметную "романизацию" литературы и взаимопроникновение поэзии и прозы», исследует понятия «тип» и «идеал», а также изменения в романном образе Петербурга. В монографии **«На пороге как бы двойного бытия...»** (2013) О. объединяет литераторов, проложивших дорогу великим, раскрывая философский смысл явления «первых среди вторых» в русской культуре, экзистенциальную глубину «двойного бытия» петерб. поэзии и прозы.

Автор цикла из 9 аудиолекций в рамках проекта «Золотой фонд русского мира» на тему «Русская лит-ра между золотым и серебряным веком» (2009). Начиная с 1980-х читает лекции в университетах Венгрии, Германии, Норвегии, Финляндии и др. С 1991 член группы по изданию ПСС и писем Гончарова в 20 т. при ИРЛИ РАН. Поддерживает связи с музеем Гончарова в Ульяновске, французским об-вом изучения Гончарова, с кафедрами славистики в г. Бамберг (ФРГ), Сайтама (Япония), Афины (штат Джорджия, США).

Награжден медаль «В память 300-летия СПб.», лауреат Университетской премии «За пед. мастерство» (2007), лит. премии СП России в честь 200-летнего юбилея Гончарова (2010).

Соч.: Сюжет в романах Д. В. Григоровича // Проблемы поэтики русского реализма. Л., 1984; Тв-во Ивана Панаева // Панаев И. Соч. Л., 1987; «Бесприданница» А. Н. Островского // Анализ драматического произведения. Л., 1988; Роман Вс. Крестовского «Петерб. трущобы» // Крестовский Вс. Петерб. трущобы. Л., 1990; Трудная работа объективирования (юмор в худож. системе романа «Обломов») // От Пушкина до Белого. Л., 1992; Проза И. А. Гончарова в лит. контексте. СПб., 1994; Петербург в зеркале поэзии // Петербург в русской поэзии XVIII — перв. трети XX в. СПб., 2002; Петербург в русском очерке // Три века СПб. Энц.: В 3 т. Т. 2. Кн. 5. СПб., 2006; «Бесприданница» А. Н. Островского. СПб., 2007; «Обломов» в зеркале времени // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. Л., 1991; «На пороге как бы двойного бытия...»: О тв-ве И. А. Гончарова и его современников. СПб., 2012.

Н. Беневоленская

ÓФИН Эмиль Михайлович [12.7.1911, Харьков — 16.1.1978, Л-д] — прозаик, детский писатель.

Отец работал наборщиком в типографии, мать — лаборанткой. В 1920 семья переехала в Пг. О. поступил в трудовую школу-девятилетку, затем в ПТУ. Работал слесарем по ремонту автомобилей, одновременно учился на заочном отд. Лен. автодорожного ин-та. Овладел профессией электрика, техника, автомеханика, регулировщика автомобильных двигателей.

В 1954 в сб. рассказов молодых авторов изд-ва «Сов. писатель» опубл. перв. рассказ О. **«Проезжий человек»**. Лит. учебу продолжил в ЛИТО начинающих писателей под рук. Л. Рахманова (посещал в теч. пяти лет).

Автор рассказов и повестей, герои кот. — шоферы, геологи, трактористы, воины — энтузиасты и романтики, готовые помочь человеку, попавшему в беду. Рассказы и очерки О. появлялись на страницах газ. и ж.: «Лен. правда», «Веч. Л-д», «Звезда», «Нева», «Огонек», «Сов. воин», «Работница», «Молодая гвардия» и др.

В 1954, с началом освоение целинных земель, отправился туда за своими новыми героями. Работал шофером, накапливал мат-л для будущей кн. Целинные впечатления воплотились в рассказах перв. кн. О. **«Мечтатели»**, выпущ. изд-вом «Сов. писатель» в 1955, и в повести **«Степные капитаны»** (1958), в кот. О. раскрывает любознательность своих героев, их страсть к приключениям, умение преодолевать трудности.

Впоследствии много пис. для детей и юношества — **«Русский Балтик»**, **«Держу в руках огонь»**, **«Рядовой Лесной республики»**, **«Форпост "Зоркий"»**, **«Оставляющие след»**, **«Формула ЧЧ»** (1966) и др. Рассказ **«Контрольная по химии»** опубл. в ж. «Искорка» (1966), **«Уравнение с тремя неизвестными»** в альм. «Мир приключений» (1959). Душа писателя отдана сов. труженикам, таким как механик Горшков из повести **«Фронт»**, шофер Василий Кузьмич из рассказа **«Водитель первого класса»**, щедрый на выдумку Петр Павлович из рассказа **«Дачник»** и др.

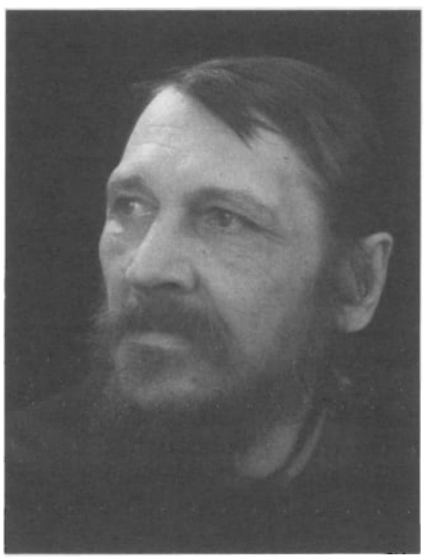
Многие из детских и юношеских рассказов О. перев. на языки союзных республик и стран народной демократии.

Соч.: Мечтатели. Л., 1955; Романтики. Л., 1956; Фронт. Л., 1958; Уравнение с тремя неизвестными // Мир приключений: Альм. Вып. 5. Л., 1959; Опасный участок. Л., 1959; Рядовой Лесной Республики. Л., 1961; Форпост «Зоркий». Л., 1962; В патрульном дозоре. М., 1964; Формула ЧЧ. Л., 1964 (1966); Контрольная по химии // Искорка. 1966. № 9; Теплый ключ. Л., 1967; Фронт. Л., 1971.

Лит.: Рахманов Л. Первая книга // Нева. 1956. № 2; Тхоржевский С. Первая книга // Звезда. 1956. № 5; Николаев Д. Воспитание чувств // ЛГ. 1957. 20 июн.

Г. Аршинов

ОХА́ПКИН Олег Александрович [12.10.1944, Л-д — 30.9.2008, СПб.] — поэт.



Из крестьян. Воспитывался в строго православной семье. Окончил 7-летнюю школу и ремесленное училище, где получил специальность маляра-альфрейщика. В юности пел в хоре Александро-Невской лавры, учился в муз. училище им. Мусоргского на вокальном отделении. Работал на новостройках Л-да, в геологической партии в Заполярье, библиотекарем ГПБ, осветителем и статистом в Малом оперном театре, зарабатывал на жизнь и др. случайными профессиями, в частности, был истопником. Упорно занимался самообразованием. В 1970-е входил в редколлегию религиозно-философского ж. «Община». 16 апр. 1976 организовал у себя дома первый в СССР Гумилевский симпозиум.

Стихи начал пис. с детства, однако, принадлежа к поэтам лен. андеграунда, печ. поначалу только в самиздатских ж. В июне 1965 произошла встреча с только что освободившимся из ссылки И. Бродским. Избежать подобной участи «тунеядствующего» поэта удалось лишь благодаря участию В. Пановой и ее мужа Д. Дара, способствовавшим его принятию в профком литераторов при СП (к тому же он становится личным секретарем обоих писателей). Перв. значительные публ. — за рубежом: альм. «Аполлонъ–77» и «Каталог Шемякина». В СССР — около десятка стих, в ж. «Нева», «Аврора», «Звезда» (1970-е) и подборка в альм. «Круг» (1985). Перв. кн. — **«Стихи»** (Париж, 1989), вторая — **«Пылающая купина»** (Париж, 1990). В янв. 1992 принят в члены СП.

Автор философско-медитативной и пейзажной (преимущественно городской) лирики. Хотя стихи О. «прелестны, просты, прозрачны. И — тяжелы, прекрасны, органного звучания» (В. Топоров), его худож. мир, по утверждению др. автора, характеризуется «противоречивостью и многоплановостью» (В. Казак. Лексикон русской лит-ры XX в.). С наибольшей определенностью в нем выступают две доминанты: «Помню, как взволновало это меня еще четверть века назад: два крыла и сегодня надежно поднимают с земли и держат в воздухе его поэзию — Россия и Бог» (А. Кушнер) По поводу поэмы **«Возвращение Одиссея»**, давшей назв. третьей кн. поэта (1994), исследователь писал: «Христианская идея переживается О. как идея, обнаруживаемая во все времена, в том числе и до рождества Христова. Книга названа по имени языческого героя принципиально, небо никогда не было пусто, и Одиссей создан по образу и подобию Божию. Этнографическая родина конечна, также как конечна здесь на земле конкретная человеческая жизнь. Всякое возвращение на нее столь же желанно, сколь и обманчиво <...> Ибо истинное возвращение — это возвращение к Богу.

Античный герой О. испытывается всеми мировыми пучинами, чтобы сказать то, что пристало сказать библейскому Ионе: „С нами Бог". И это не анахронизм, а полнота христианского миропонимания, как ее выражает в этой книге поэт» (А. Арьев). «В поэтической религиозности Охапкина отмечаются свойственная ей актуальность, связь с современностью, а также ее основополагающее влияние на все стороны человеческой жизни: О. всегда оценивает поступки людей исходя из принципов нравственного абсолюта, Божественного начала, которое и выражено совестью человека» (В. Казак).

Что касается изображения и разрешения конфликтных ситуаций (как историч., так и духовно-этич. характера), представленных в разных сюжетах кн. «Возвращение Одиссея», то исследователь обнаруживает: «Не Восток с Западом сошлись у поэта в непримиримой схватке, но Восток с Востоком же. Используя популярное сравнение Владимира Соловьева, можно сказать: Восток Христа борется у О. с Востоком Ксеркса. И сама русская история бессмысленна у поэта вне контекста библейских пророчеств. Над родными лугами, полями и весями горит у О. на все времена одна звезда — Вифлеема. Из чего не следует, конечно, что красота звездного неба ею одной и исчерпывается» (А. Арьев).

О. присуща способность путем погружения в мир собств. души сливаться с неким первозданным бытием, освобождающим, избавляющим поэта от «людской лжи» и «дневного кошмара» (**«Ночное дыхание»**, **«Глухие голоса»**, **«Когда поэт не помнит боль...»**). С этим сопряжено отчасти и столь близкое восприятие, ощущение космоса («Дремучий космос космы в город свесил»), а также нередкое переключение лирич. функции с субъекта на объект: «Мы шли по городу сквозь сон. / Фонтанка, помню, за плечами» / Нас фонари впотьмах сличали / И встречной лужи взгляд косой». Находит в них свое выражение и тютчевская тема невозможности высказать словом сокровенный мир души, тема благодатного молчания (**«Воплощение»**, **«Голубая луна»** и др.).

По поводу поэтич. влияний и традиций: «Олег переболел Пастернаком, переболел Заболоцким (не ранним, периода „Столбцов", а Заболоцким тридцатых годов), переболел Бродским, он повел две линии — державинскую и батюшковскую <...> и вышел туда, где ему стало легче дышать стихом. Туда, где только стихом и можно дышать» (В. Топоров). Помимо «громогласного строя державинской оды», «смягченного последующим сладкогласием элегий Батюшкова», отмечается также «древнейшая и мощная традиция православной храмовой службы. Церковные гимны, акафисты, псалмы — все это впитывалось юным поэтом вместе со сладким молоком его лирической кормилицы, с молоком русской классической поэзии» (А. Арьев). В итоге: «Стихи самиздатского <...> поэта Олега О. один из самых строгих неоклассицистических путей, каким идут некоторые из новых поэтов. На фоне разрушения стиха, распада музыки О. в первых своих опытах пытался вернуть русский стих к „доклассическому периоду": когда в моду лез самозванец-верлибр, О. хотел возродить силлабику!» (В. Бетаки).

Поэзии О. «свойственны повествовательность, раздумчивость» (В. Казак). С этим «замедленным» тоном гармонирует и обилие насыщающих ее архаизмов: «Всеблагодатен огнь Творца», «Нужна премногая любовь», «Встречь Духа Божьего возжег», «Всей плоти моея», «Последняя зане жизнебоязнь»; лексически: «сей», «тщась», «бысть», «емлю» и т. д.

Особенная новизна и свежесть стихов О. заключается «в том, что чем строже внешний их вид, тем более неожиданны образы: „Но есть надежда, что поэт / Распашет плоть свою, как почву, / И передаст ее, как почту, / Творцу, оставив свой скелет / Некошеной траве во славу, / Дождям и ветру на забаву, / Так и не вымолвив секрет" <...> Само сочетание слов „Творец" и „почта" — их несовместимость — огниво и кремень!» (В. Бетаки). По наблюдению исследователя, принцип контрастности играет в поэзии О. значительную роль. Это контраст между крайней количественной ограниченностью рифм («сверхскованная рама») и энергией метафор, под напором которой эта «рама», можно сказать, «взрывается», контраст между высоким стилем и жаргонной лексикой, контраст между образами Эллады и «болота», с помощью которых воссоздается поэтом облик Петербурга: «За надрывную муку орфических струн / Заклинаю тебя, фальконетов бурун: / Вознеси мою душу превыше коня, / Или призрачный всадник раздавит меня!» «Само понятие призрачности рядом с „раздавит" — контраст невыносимый! Но он и дает стереоскопическое восприятие стиха» (Там же). Подводя итог своим наблюдениям, автор обобщает: «Поэт контрастной мысли, совсем неклассической метафоры при классической музыке, Охапкин эту свою двойственность выразил в стихотворении „Сфинкс". Сфинкс — символ неразрешимой борьбы между двумя началами в каждом человеке <...> Контрастность во всем — вот облик этого поэта, сказавшего о себе так: „ Азиец, славянин, отчасти финн, варяг... /, Олег от имянин и от богатства — наг, / Так от природы гол, как все вокруг, увы, / По матушке сокол, по отчеству — с Невы"» (Там же).

Обладая столь богатыми, разнообразными средствами выражения, О. в интерпретациях образов мировой поэзии умеет достигать уровня их оригинала: «О, песнь моя! Завихренная роза! / Ты — выдох вся, и тут же долгий вздох. / Вся — воздух, трепет вся, простоволоса. / Тебя вдохнул в меня никто как Бог. / Дыши во мне, душа, о, Суламита! / Пьяни и преизлейся через край! / Вся плоть моя, вся жизнь тебе открыта, / Лишь этой розой надышаться дай! <...> Я — твой певец, хвала твоя, певец, / Хвала твоя, и эта аллилуйя / — Лишь ты сама во власти поцелуя, / И в нас поет незримый нам Творец» (**«Семь песен единой песни»**, 1973).

В 1995 получил Державинскую премию за развитие жанра русской оды.

Соч.: Стихи. Париж, 1989; Пылающая купина. Л., 1990; Возвращение Одиссея. СПб., 1994; Ночное дыхание. Глухие голоса. В мире непогода... и др. // Поздние петербуржцы. Поэтич. антол. СПб., 1995; Письма к К. Кузминскому // У Голубой лагуны: Антология новейшей русской поэзии: В 5 т. Ньютонвилль, 1983, Т. 2А; Моление о чаше. СПб., 2004; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010. Т. 2; Сти-

хи // Петербург. 20 лет: Юбил. выставка произведений петерб. художников 12–26 янв. 2013. СПб., 2012.

Лит.: Кузминский К. Олег Охапкин // У Голубой лагуны: В 5 т. Ньютонвилль, 1983. Т. 2А; Бетаки В. Гармония контрастов // Бетаки В. Русская поэзия за 30 лет. 1956–86. Antiquary, 1987; Кучерявкин В. [Предисл.] // Охапкин О. Пылающая купина. Л., 1990; Кушнер А. Незримый свет // Новый ж. Л., 1991. № 4; Строгановский С. Религиозные мотивы в совр. русской поэзии // Волга. 1993. № 6; Арьев А. Шагнув из темноты // Охапкин О. Возвращение Одиссея. СПб., 1994; Топоров В. [Очерк-эссе об Охапкине] // Поздние петербуржцы. СПб., 1995; Мартынов И. [Рец.] // Новый ж. Н.-Й., 1995. Кн. 201; Кривулин В. Скромное обаяние поэзии // Цирк «Олимп». 1996. № 3; Лица Петерб. поэзии: 1950–90-е гг. Автобиографии. Авторское чтение: Мат-лы к энц. / Сост. Ю. Валиева. СПб., 2011.

А. Михайлов

О́ЦУП Николай Авдеевич [23.10 (4.11).1894, СПб., Царское Село — 28.12.1958, Париж, похоронен на кладб. Сен-Женевьев де Буа] — поэт, литературовед, мемуарист.

Потомок испанских или португальских евреев, носивших фамилию Лопес или Лопец. Отец поэта, в молодости принявший православие, служил секретарем заводчика Шмидта в СПб. Трое двоюродных братьев О. — Александр, Иосиф и Петр — изв. фотографы. Разнобой с ударением в фамилии (Оцу́п и О́цуп) вызван тем, что в эмиграции, приняв французское подданство, поэт и фамилию свою стал произносить «на французский лад» — с акцентом на посл. слог.

О. учился в Царскосельской Николаевской гимназии, связанной в истории русской лит-ры в перв. очередь с двумя именами: ее директора И. Анненского и закончившего ее Н. Гумилева. Любопытно, что старшеклассник О. будет приглашен репетитором в семью Хмара-Барщевских, родственников Анненского, а позднее судьба сведет его и с Гумилевым.

Окончив гимназию в 1913 с золотой медалью, О. уезжает в Париж, где слушает в Коллеж де Франс лекции Анри Бергсона. В связи с объявлением войны он возвращается в СПб., где поступает на историко-филологич. фак-т СПб. ун-та. Начав пис. стихи в гимназич. годы, в 1916 О. уже «принят» у Мережковских. В 1918 он поступает на работу в изд-во «Всемирная лит-ра». Там он знакомится с Н. Гумилевым и вскоре становится членом 3-го «Цеха поэтов». Перв. поэтич. сб. О. **«Град»** увидит свет в год гибели Гумилева (1921). Печально, что и брата О. Павла постигнет та же участь. К. Чуковский в дневнике 19 янв. 1920 запишет: «Вчера утром звонит ко мне Ник. Оцуп: нельзя ли узнать у Горького, расстрелян ли Павел Авдеич (его брат). Я позвонил, подошла Марья Игнатьевна. — Да, да, К. И., он расстрелян...» (Чуковский К. Дневник. 1901–29. М., 1991). Два др. брата О. оставят свой след в русской литре, во всяком случае — в ее эмигрантской ветви. Это Александр и Георгий О., известные под псевд. — Сергей Горный (А. Авдеев) и Георгий Раевский.

Осенью 1922 эмигрирует в Германию, где развивает актив. изд. деятельность: переизд. три альм. «Цеха поэтов», выпускает новый, четвертый. Во Франции, куда он переезжает, выходит втор. поэтич. сб. О. **«В дыму»** (1926) и отдельно изд. поэма **«Встреча»** (1928). В 1930 в Германии выходит краткий обзор русской послерев. поэзии О. **«Die neue russische Dichtung»**.

В 1930–34 — гл. ред. парижских «Чисел», в программе кот. оппоненты усматривали как «эстетизм», так и нарочитую «аполитичность». Впрочем, О., как гл. ред. ж., открыто объявлял, что отказывается «философию Бергсона и романы Пруста обсуждать не иначе, как в смысле их пригодности для борьбы с коммунизмом» (Оцуп Н. Современники. Париж, 1961), к чему склонялись более воинственно настроенные литераторы как по одну, так и по др. сторону «железного занавеса». Во втор. пол. 1930-х начинает работу над **«Дневником в стихах»** и пишет роман **«Беатриче в аду»** (1939), посвящ. жизни русского Монпарнаса.

После объявления войны (1939) записался добровольцем во французскую армию. Был арестован в Италии, бежал из тюрьмы, снова арестован и заключен в конц. лагерь. После нового побега он до конца войны сражался в рядах итальянских партизан, был удостоен воинских наград.

В 1950 увидел свет **«Дневник в стихах»** О. С 1951, получив в Сорбонне докт. степень за работу о Гумилеве, О. преподает в высшей школе «Эколь Нормаль». В 1958 он пишет пьесу **«Три царя»**, а в 1961, уже после кончины поэта, выходит двухтомное собр. стих. О. **«Жизнь и смерть»** и двухтомник его литературоведческих работ.

Г. Струве очерк об О.-поэте заканчивал так: «Придет, пожалуй, время, когда Оцуп-лирик будет поставлен выше Георгия Иванова с его нигилистическим „эпатажем"». Сама по себе попытка сравнения с Г. Ивановым, на тот момент безусловно «поэтом № 1» эмиграции, для любого была бы почетной. Др. вопрос: имел ли подобный прогноз под собой реальную почву? Пожалуй, нет, ибо вызван был в первую очередь личной неприязнью Струве к Г. Иванову.

П. Бицилли писал в 1928 о сб. О. «В дыму»: «...стихи О. доставляют то большое удовольствие, что никакой „прием" из них не выпирает и что „формализму" здесь поживиться нечем». В финальном четверостишии сб. «расшифровывалось» его название: «Но, знаешь, я уверился в дыму / Страстей и бедствий, проходящих мимо, / Что мы не помогаем никому / Печалью, временами нестерпимой». Итак, установка на естественность поэтической речи (отсут-

ствие «приемов»), стоическое преодоление «дыма страстей». Добавим к этому сдержанность и сосредоточенность — превосходные человеч. качва, кот., по мнению ряда современников, в полной мере был наделен О., но кот., наверное, едва ли способствуют реализации собств. лирич. начала. В лирике О., строго выдержанной в акмеистич. традициях, нет откровенных провалов. Но, к сожалению, не так много и «парений». В связи с этим следует отметить и весьма сдержанные отзывы об О. К. Чуковского (Дневник. 1901–29. М., 1991) или в «Полях Елисейских» В. Яновского (СПб., 1993).

Своеобразным поэтич. «рекордом» следует признать «Дневник в стихах» О., «лирич. роман в форме не столько дневника, сколько испещренного бесчисленными отступлениями и размышлениями повествования» (Г. Струве), роман в стихах, более чем вдвое (16 000 строк) превышающий по объему «эталон жанра» — «Евгения Онегина». О., любитель и большой знаток тв-ва Данте, проводит своего лирич. героя через круги «земного Ада» XX столетия в сторону «Рая» — земной, но обладающей несомненной «трансцендентальной проекцией» любви.

В кач-ве литературоведа именно О. ввел в употребление словосочетание «Серебряный век» применительно к русскому культурному Ренессансу нач. XX столетия (ст. «„Серебряный век" русской поэзии», 1933). Впрочем, точности ради следует заметить, что термином «Серебряный век» пользовались и немецкие литературоведы XIX в. (применительно к послегетевской эпохе), и Вл. Соловьев, прилагая его к поэзии Фета, Тютчева и Полонского, а В. Розанов в «Мимолетном» (1915) без каких-либо оговорок использовал выражение «Серебряный век» уже в его нынешнем значении. Правда, «Мимолетное» было изд. только в наше вр.

Соч.: Океан времени: Стих. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях. СПб., 1993; [Стихи] // Русские стихи 1950–2000 гг.: Антол.: В 2 т. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010. Т. 1.

Лит.: Аллен Л. С душой и талантом...: Штрихи к портрету Н. Оцупа // Оцуп Н. Океан времени. СПб., 1993; Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. Париж; М., 1996; Яковлева Е. Аркадий Руманов и братья Оцупы // Зарубежная Россия 1917–39. Сб. ст. Кн. 2. СПб., 2003; Чиннов И. О «Числах» и «числовцах» // Письма запрещенных людей: Лит-ра и жизнь эмиграции. 1950–80-е гг. М., 2003; Оцуп Р. Оцупы — моя семья. СПб., 2004; Чуковский Н. К. О том, что видел. М., 2005; Флейшман Л. На заре «тамиздата» // Russian literature and west. Part 2. Stanford, 2008.

В. Бобрецов

Литературный Санкт-Петербург

XX век

Энциклопедический словарь
В 3 томах

Том 2

Технический редактор *Л. В. Васильева*
Художественное оформление *С. В. Лебединский*

Подписано в печать 18.11.2014 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная.
Усл. печ. л. 48. Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 1482.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28 Тел./факс: (812) 388-9000
e-mail: beresta@mail.wplus.net